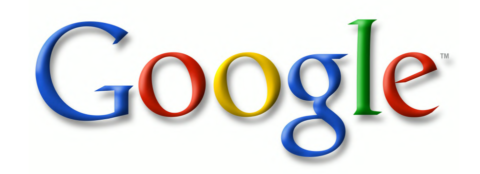
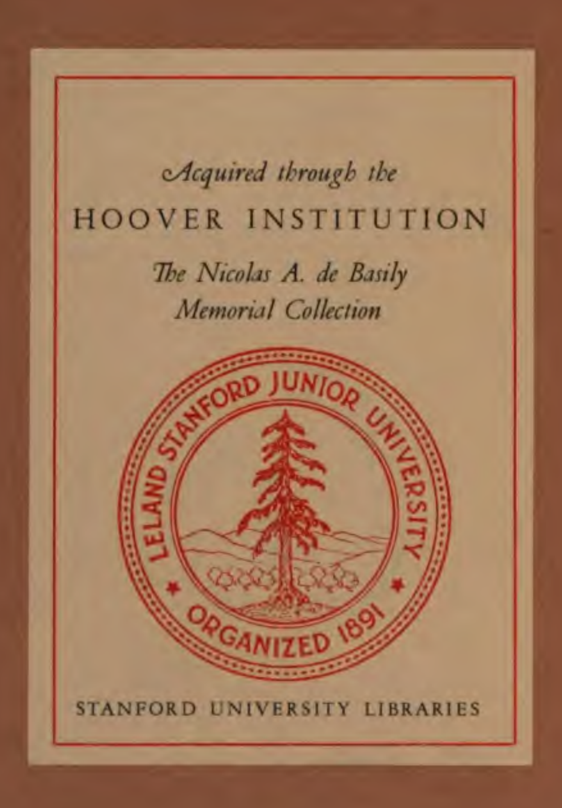

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ.

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ.

ТОМЪ XLI.

Эрданъ — Яйценошеніе.

Издатели: { Ф. А. Брокгаузъ (Лейпцигъ).
И. А. Ефронъ (С.-Петербургъ).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Акц. Общ. Брокгаузъ-Ефронъ, Прачешный пер., № 6.
1904.

„ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ“,

начатый проф. И. Е. Андреевскимъ,

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

К. К. Арсеньева

и заслуженнаго профессора

Ѳ. Ѳ. Петрушевскаго.

При участіи редакторовъ отдѣловъ:

С. А. Венгерова	отдѣлъ	исторіи литературы.
Проф. **А. И. Воейкова** . . .	„	географіи.
Проф. **Н. И. Карѣева** . . .	„	исторіи.
Проф. **Д. И. Менделѣева** . .	„	химико-техническій и фабрично-заводскій.
Э. Л. Радлова	„	философіи.
Проф. **Н. Ѳ. Соловьева**. . .	„	музыки.
А. И. Сомова	„	изящныхъ искусствъ.
Проф. **В. Т. Шевякова** . . .	„	біологическихъ наукъ.
Академика **И. И. Янжула** . .	„	политической экономіи и финансовъ.

Наиболѣе значительныя по объему оригин. статьи 81-го полутома

„Энциклопедическаго Словаря".

Эриванская губернія—кн. М.
Эригена (философъ) — проф. А. Бриллiантовъ.
Эрмитажъ Императорскій—А. С—въ.
Эскимосы—Л. Ш—гъ.
Эсте (ит. родъ)—Ив. Гр.
Эстетика—Е. Аничковъ.
Эстляндская губернія—Д. Р.
Эстонская литература и эстонскій языкъ и эсты—И. Егеверъ и М. Ел.
Эсхатологія—кн. С. Т.
Эсхилъ—проф. Ѳ. Зѣлинскій.
Этерификація—Н. Тутуринъ Δ.
Этика—С. Алексѣевъ.
Этиленъ (хим.) **и этилъ**—А. Горбовъ.
Этіолированіе растеній—проф. В. Палладинъ.
Этнографія—Л. Штернбергъ.
Этрурское искусство (съ табл.)—А. С—въ.
Эфирныя масла (съ табл.)—К. Дебу Δ.
Эфиръ (міровой)—проф. Д. Гольдгаммеръ.
Эфиръ сѣрный—К. Егоровъ Δ.
Эфиры простые и сложные — Д. Монастырскій Δ.
Эхіуровыя (съ табл.)—проф. В. Шевяковъ.
Эѳіопская литература—пр.-доц. Б. Тураевъ.
Ювеналъ—пр.-доц. А. Малеинъ.
Югурта—Д. К.
Южная Африка (съ картой)—проф. А. В.
Южно-африканская республика—В. Водовозовъ.
Южно русская литература—проф. Ив. Франко.
Юліанъ (императоръ)—Ив. Гревсъ.
Юлій Цезарь—пр.-доц. М. Ростовцевъ.
Юлій (папы)—Ив. Гревсъ.
Юморъ—А. Горнфельдъ.
Юмъ (философъ)—В. Карпнскій.
Юридическое и физическое лицо—В. Н.
Юрская система и періодъ (съ 2 табл.) — Н. Каракашъ.
Юстиніанъ (императоръ)—Ив. Гревсъ.
Я (въ философіи)—С. Алексѣевъ.
Я (въ психологіи)—проф. И. Ор.
Ядовитыя животныя—проф. В. Шимкевичъ.
Языкознаніе и языки — проф. И. Бодуэнъ де-Куртенэ.
Язычество (греко-римское)—проф. Ѳ. Зѣлинскій.

Въ Энциклопедическомъ Словарѣ употребляются, кромѣ мѣръ русскихъ, также и метрическія, французскія, которыя теперь приняты въ большей части европейскихъ государствъ. **Для перевода русскихъ мѣръ въ метрическія и обратно—метрическихъ въ русскія—къ «Энциклопедическому Словарю» приложены таблицы въ V-мъ томѣ, послѣ страницы 468, въ прибавленіи.**

Для перевода русскихъ мѣръ въ англійскія и обратно — англійскихъ въ русскія — см. томъ XX, ст. Мѣры, стр. 326 и 327.

ГЕНТСКІЙ АЛТАР Й СКЛАДЕНЬ

Губерта и Яна -Эйковъ.

Брокгауза и Ефрона, Энцикл. c. 198. Лит. В. Кадушина, С.П.Б.

Наружная рона. (Описаніе см. т. XI. стр. 196)

Э.

Эрданъ (Александръ-Андрэ-Жакобъ Erdan)—французскій литераторъ (1826—1878). Будучи непримиримымъ врагомъ клерикализма, онъ напечаталъ книгу: «La France mystique ou tableau des excentricités religieuses de ce temps» (Парижъ, 1855), за которую былъ обвиненъ въ оскорбленіи религіи и приговоренъ къ тюремному заключенію. Эта книга напечатана по реформированной или фонографической орѳографіи, ревностнымъ сторонникомъ которой являлся Э. Изъ другихъ его трудовъ главные: «Congrès linguistique; les révolutionnaires de l'ABC» (ib., 1854) и «Petites lettres d'un républicain rose» (ib., 1848).

Эрдеди (правильнѣе—Эрдедь, Thomas Erdoedy)—венгерскій магнатъ (1558—1624). Происходилъ изъ знатнаго рода, владѣвшаго обширными землями въ Венгріи и Славоніи; былъ сыномъ бана Далмаціи Петра Э. Послѣ смерти отца, въ 1584 г., былъ назначенъ баномъ Далмаціи, Хорватіи и Славоніи. Когда турки вторглись въ Крайну, Э. одержалъ надъ ними двѣ блестящія побѣды. Въ 1596 г. онъ сложилъ съ себя должность бана и занялся дипломатіей. Въ 1604 г. Рудольфъ II послалъ его въ Будапештъ для переговоровъ о мирѣ. Э. не достигъ цѣли, но съумѣлъ отклонить отъ союза съ Турціей князей Трансильваніи Сигизмунда Баторія и Стефана Боцкая. Когда эрцгерцогъ Матвѣй возсталъ противъ Рудольфа II, Э. перешелъ на сторону Матвѣя. Съ 1611 по 1615 г. онъ опять былъ баномъ Далмаціи. Ревностный католикъ, онъ во время своего намѣстничества преслѣдовалъ протестантовъ.

Эрдели—русскій дворянскій родъ, происходящій отъ выходца изъ Венгріи, вступившаго въ русскую службу въ 1755 г., *Павла Семеновича* Э. Родъ внесенъ во II ч. родословной книги Херсонской губерніи. Гербъ Высочайше утвержденъ въ 1893 г.

Эрдельи (Іоганнъ Erdelyi) — венгерскій писатель (1814—68). Въ 1844 г. издалъ собраніе своихъ стихотвореній, въ 1846—48 гг.—сборникъ народныхъ пѣсенъ и преданій, имѣвшій большое вліяніе на развитіе венгерской поэзіи. Составленные имъ сборники пословицъ и народныхъ сказокъ вышли въ 1851 и 1855 гг. Въ 1849 г. принужденъ былъ покинуть Пештъ послѣ Вилагосской катастрофы. Послѣ его смерти изданы его мелкія произведенія (1886) и этюды (1890).

Эрдельи (Михаилъ Erdelyi) — австрійскій ветеринарный врачъ (1782—1837). Съ 1818 г. состоялъ въ вѣнскомъ университетѣ профессоромъ анатоміи и физіологіи домашнихъ животныхъ. Напечаталъ: «Ueber die Drüsenkrankheit, den Rotz und Wurm des Pferdes» (Вѣна, 1813, 2-ое изд., 1834); «Grundlinien der Knochenlehre des Pferdes» (ib., 1819, 2-е изд., 1834); «Grundlinien der Eingeweidelehre der Haussäugethiere und besonders des Pferdes» (ib. 1819, 2-е изд., 1831); «Versuch einer Zoophysiologie des Pferdes und der übrigen Haussäugethiere» (1820, 2-е изд., 1830); «Grundlinien der Muskellehre des Pferdes» (ib., 1829; 2-е изд., 1839); «Beiträge zur Beurtheilung der äussern Umrisse, oder des sogenannten Exterieurs der Pferde, nebst Berücksichtigung der Racen desselben» (ib., 1831); «Anleitung zur Pflanzenkenntniss für den Landwirth, Thierarzt u. s. w.» (2 ч., ib., 1835).

Эрди (Іоганнъ Erdy)—венгерскій археологъ и нумизматъ (1796—1871). Его труды: «A szerb zsupànok, királyok és czarok penzei» (Офенъ, 1843); «Magyar-országi Crouy nemzetségnek története, nemzetségrende és okleveltara» (Пештъ, 1848); «Szent Istrán elso magyar király életirata» (ib., 1855).

Эрдль (Михаилъ-Пій Erdl, 1815—1848)—анатомъ и физіологъ; съ 1840 г. профессоръ въ Мюнхенѣ. Напечаталъ: «Die Entwickelung des Menschen und des Hühnchens im Ei» (Мюнхенъ, 1845—46); «Tafeln zur vergleichenden Anatomie des Schädels» (ib., 1841); «Leitfaden zur Kenntniss des Baues d. menschl. Leibes» (ib., 1843—1845) и др.

Эрдмансдёрферъ (Бернгардъ Erdmannsdörfer, род. въ 1833 г.)—нѣмецкій историкъ, проф. въ Берлинѣ, Грейфсвальдѣ, Бреславлѣ и Гейдельбергѣ. Главные его труды: «Herzog Karl Emanuel I von Savoyen und die deutsche Kaiserwahl von 1619» (Лпц., 1862); «Graf Georg Friedrich von Waldeck; ein preuss. Staatsmann im XVII Jahrh.» (Б., 1869); «Das Zeitalter der Novelle in Hellas» (ib., 1870); «Deutsche Geschichte vom westfäl. Frieden bis zum Regierungsantrift Friedrichs d. Gr. 1648—1740» (въ «Allgemeine Geschichte in Einzelndarstellungen» Онкена, ib., 1891, слѣд.).

Эрдмансдёрферъ (Максъ [Максимиліанъ Карловичъ]) — извѣстный капельмейстеръ, піанистъ и композиторъ. Род. въ 1848 г. въ Нюрнбергѣ; музыкальное образованіе получилъ въ лейпцигской консерваторіи. Былъ капельмейстеромъ въ Зондерсгаузенѣ. Дири-

жировалъ въ Москвѣ и въ С.-Петербургѣ симфоническими собраніями русскаго музыкальнаго общества. Написалъ: «Prinzessin Ilse», «Schneewittchen», «Traumkönig und sein Lieb», увертюры, пѣсни и фортепьянныя пьесы. Оркестровалъ «Bal costumé» А. Г. Рубинштейна. *Н. С.*

Эрдманъ (Axel-Joachim Erdmann)—выдающійся шведскій геологъ и минералогъ (1814—69). Окончивъ Ecole des mines въ Талунѣ, онъ тамъ читалъ минералогію и геологію (1850) и въ то же время химію въ Ecole militaire въ Марибергѣ (1852). Какъ начальникъ геологическаго бюро онъ лично руководилъ изслѣдованіями и опубликовалъ, начиная съ 1862 г. 30 листовъ замѣчательной геологической карты Швеціи. Ему принадлежатъ учебникъ минералогіи (Стокгольмъ, 2-е изд., 1860), геогностическое описаніе Тунаберга и Сэдерманланда (1849), описаніе городѣльческаго бассейна Даннемары (1856), о наблюденіяхъ надъ уровнемъ водъ и вѣтрами на шведскомъ побережьи (1857), о четвертичной системѣ въ Швеціи (1868); много другихъ его работъ помѣщено въ «Actes» и «Bulletins» академіи наукъ въ Стокгольмѣ, гдѣ онъ былъ избранъ членомъ въ 1846 г., а въ 1868 г. президентомъ.

Эрдманъ (Бенно Erdmann) — нѣмецкій философъ, родился въ 1851 г. Былъ профессоромъ въ Килѣ и Бреславлѣ, теперь въ Галле занимаетъ каѳедру философіи. Кромѣ «Axiome der Geometrie» (Лейпцигъ, 1877), трудовъ о философскомъ значеніи теорій Римана и Гельмгольца и «Logik» (1892), его труды посвящены философіи XVIII в., въ особенности Канту: «Martin Knutzen und seine Zeit» (Лпц., 1876); «Kants Kritizismus» (ib., 1877); «Nachträge zu Kants Kritik der r. V. aus Kants Nachlass» (Киль, 1881); «Reflexionen zur Kant's handschriftliche Aufzeichnungen» (ib., 1886).

Эрдманъ (Гуго Erdmann)—нѣмецкій химикъ, профессоръ неорганической химіи въ шарлоттенбургскомъ политехникумѣ (род. въ 1862 г.). Напечаталъ: «Anleitung zur Darstellung chemischer Präparate» (Франкф. на Майнѣ, 1891, 2-е изд., 1899); «Chemische Präparatenkunde» (1894); «Lehrbuch der anorganischen Chemie» (1898, 3-е изд., 1902).

Эрдманъ (Давидъ Erdmann, род. въ 1821 г.)—протестантскій богословъ, профессоръ въ Кенигсбергѣ и Бреславлѣ. Написалъ: «Lieben und Leiden der ersten Christen» (Берл., 1854); «Die Reformation und ihre Märtyrer in Italien» (ib., 1855); «Der Brief des Jakobus, erklärt» (ib., 1881); «Luther u. die Hohenzollern» (Бреславль, 1883, 2 изд., 1884); «Luther und seine Beziehungen zu Schlesien» (ib., 1887).

Эрдманъ (Іоганнъ-Фридрихъ Erdmann)—нѣмецкій терапевтъ (1778—1846); родомъ изъ Виттенберга. Здѣсь онъ съ 1795 г. сперва изучалъ богословіе, затѣмъ медицину; въ 1802 г. получилъ степень доктора медицины («Utrum aqua per electricitatem columnae a cel. Volta inventae in elementa sua dissolvatur?», Виттенб., 1802). Съ 1808 г. былъ профессоромъ патологіи и терапіи въ Виттенбергѣ. Въ 1810 г. онъ былъ приглашенъ въ Казань профессоромъ терапіи и клиники; Э. исправлялъ также должность гимназическаго врача и въ качествѣ школьнаго обозрѣвателя объѣхалъ губерніи: Саратовскую, Симбирскую, Астраханскую, Пермскую и Тобольскую. Въ 1817 г. онъ получилъ каѳедру терапіи и клиники въ Дерптѣ (Юрьевѣ), но въ 1822 г. онъ оставилъ Дерптъ и былъ назначенъ лейбъ-медикомъ саксонскаго короля. Казанскій университетъ избралъ его своимъ почетнымъ членомъ. Въ 1827 г. занялъ вновь въ Дерптѣ каѳедры физіологіи, семіотики и патологіи. Изъ его трудовъ назовемъ: «Annales scholae clinicae Dorpatensis annorum 1818—20» (Дерптъ, 1821); «Beiträge zur Kenntniss des Innern von Russland», I ч.: «Med. Topographie des Gouvernements und der Stadt Kasan» (Рига и Дерптъ, 1822); II часть: «Reise in's Inner Russlands» (Лпц., 1825). Еще любопытенъ его трудъ: «Schreibekunst in ihrer höchsten Vereinfachung», въ которомъ онъ предлагаетъ вмѣсто буквъ въ видахъ экономіи времени и мѣста точки и штрихи («Politechnische Zeitschrift», т. XXI).

Эрдманъ (Іоганнъ-Эдуардъ Erdmann) — нѣмецкій философъ (1805—92), родомъ изъ Лифляндіи. Былъ проф. въ Галле. Главный его трудъ: «Versuch einer wissenschaftlichen Darstellung der Geschichte der neuern Philosophie» (I т., Рига, 1834—36; II и III, Лпц., 1834—53). Сжатое изложеніе того же предмета Э. далъ во второмѣ томѣ превосходнаго сочиненія: «Grundriss der Geschichte der Philosophie» (Берл., 1865; 4 изд., 1895—96). Другія его соч.: «Vorlesungen über Glauben und Wissen» (Б., 1837); «Natur oder Schöpfung» (Лпц., 1840); «Leib und Seele» (Галле, 1837; 2 изд., 1849); «Grundriss der Psychologie» (Лпц., 1840; 5 изд., 1873); «Grundriss der Logik und Metaphysik» (Галле, 1841; 4 изд., 1864); «Philosophische Vorlesungen über den Staat» (Галле, 1851); «Vorlesungen über akademisches Leben und Studium» (Лпц., 1858); біографія Гегеля въ «Allgemeine Deutsche Biografie» (т. II, Лпц., 1880); «Psycholog. Briefe» (Лпц., 1851; 7 изд., 1896). Остроумные доклады, читанные имъ въ Берлинѣ и Галле передъ большой аудиторіей, собраны подъ названіемъ «Ernste Spiele» (Б., 1855; 4 изд., 1890). Ему же принадлежитъ «Darwin's Erklärung pathognomischer Erscheinungen» (Галле, 1871). Внѣ Германіи онъ особенно извѣстенъ своимъ изданіемъ философскихъ сочиненій Лейбница (Б., 1840).

Эрдманъ (Оскаръ Erdmann) — нѣмецкій филологъ, профессоръ германской филологіи въ бреславскомъ университетѣ (род. въ 1846 г.). Главные его труды: «Untersuchungen über die Syntax der Sprache Otfrid's» (Галле, 1874—76); «Ueber F. M. Klinger's dramatische Dichtungen» (Кенигсбергъ, 1877); «Grundzüge der deutschen Syntax nach ihrer geschichtlichen Entwicklung dargestellt» (Штутгартъ, 1886).

Эрдманъ (Отто-Линне Erdmann)—химикъ (1804—69). Съ 1827 г. былъ профессоромъ технической химіи въ Лейпцигѣ. Въ 1842 г. основалъ химическую лабораторію въ Лейпцигѣ, сдѣлавшейся образцомъ многихъ подобныхъ

учрежденій. Изъ его собственныхъ работъ лучшія—изслѣдованія никкеля (Лпц., 1821), индиго и нѣкоторыхъ другихъ красящихъ веществъ, свѣтильнаго газа а также произведенныя имъ вмѣстѣ съ Маршаномъ работы надъ атомнымъ вѣсомъ. Онъ написалъ: «Lehrbuch der Chemie» (Лейпцигъ, 1828; 4 изд., 1851); «Grundriss der Warenkunde» (Лейпц., 1833, 11 изд. 1885) и «Ueber das Studium der Chemie» (Лпц., 1861). Онъ также издавалъ «Journal für technische und ökonomische Chemie» (Лпц., 1828—33) и вмѣстѣ съ Швейгеръ-Зейделемъ и Маршаномъ а позже съ Вертеромъ издавалъ «Journal für praktische Chemie» (Лпц., 1834).

Эрдманъ (Ѳедоръ — собств. Францъ—Ивановичъ, 1795—1862) — оріенталистъ, родомъ изъ Мекленбурга; высшее образованіе получилъ въ ростокскомъ университетѣ. Въ 1817 г. былъ, по рекомендаціи Френа (см.), приглашенъ замѣстителемъ послѣдняго въ Казани, гдѣ занималъ каѳедру арабскаго и персидскаго языковъ до 1845 г.; читалъ также лекціи по нумизматикѣ и исторіи Персіи, а для студентовъ историко-филологическаго и юридическаго факультетовъ—лекціи по исторіи Греціи и Рима. Позже былъ директоромъ училищъ Новгородской губ. Напечаталъ въ повременныхъ изданіяхъ значительное число статей на русскомъ, нѣмецкомъ, латинскомъ и французскомъ языкахъ по вопросамъ лингвистическимъ (изданіе нѣкоторыхъ арабскихъ текстовъ; статья о «слѣдахъ азіатизма въ Словѣ о Полку Игоревѣ»), историко-литературнымъ (преимущественно о персидскихъ авторахъ), этнографическимъ (о казанскихъ татарахъ), нумизматическимъ и историческимъ; болѣе обширныя работы—«Nummi asiatici musei universitatis Caesareae literarum Casanensis» (Каз., 1834) и «Temudschin der Unerschütterliche» (Лпц., 1862). Дѣятельность Э. прошла въ наукѣ почти безслѣдно; не отличаясь природными дарованіями, онъ не обладалъ строгой филологической и исторической подготовкой. *В. Бартольдъ.*

Эрдманы — нѣсколько старинныхъ дворянскихъ родовъ польскаго происхожденія, записанныхъ въ VI род. кн. губ. Ковенской, Могилевской и Витебской. Есть еще нѣсколько дворянскихъ родовъ Э. болѣе поздняго происхожденія.

Эрдра (Erdre) — притокъ Луары; беретъ начало въ департ. Мэнъ и Луары, течетъ сначала параллельно съ Луарой къ ЮЗ, при С. Марсъ-ла-Жайль вступаетъ въ департаментъ Нижней Луары, послѣ впаденія въ нее Байона, который несетъ ей часть воды изъ пруда Віоро (Vioreau), поворачиваетъ къ ЮЮВ, принимаетъ каналъ Нантъ-Брестъ и, становясь широкой рѣкой, образуетъ озера Пленъ-де-ла-Пуппньеръ и Пленъ-де-Масеролъ, принимаетъ притокъ Жанъ (Gens) и впадаетъ въ Луару у Нанта, подъ именемъ Ривьеръ-де-Барбэнъ. Начиная отъ Норта она судоходна для судовъ въ 75—90 тоннъ; по ней главнымъ образомъ сплавляютъ дрова и хлѣбныя зерна. Длина 105 км.

Эрдъ (Томасъ Aird, 1802—1876)—шотландскій писатель. Его труды: «Religious characteristics» (1827); «The old bachelor in the old Scottish village» (1845, новое изданіе, 1857); «Poetical works» (Эдинбургъ, 5 изд., 1878).

Эребро (Örebro)—шведскій лэнъ въ области Свеа-Рике, 9118 кв. км., жит. около 200000. Главный городъ—Э., на рѣкѣ Сварто, недалеко отъ ея впаденія въ оз. Гьельмаръ. Старинный, нѣкогда сильно укрѣпленный королевскій замокъ; старинная церковь, гдѣ погребенъ Энгельбректъ (см.), которому въ 1865 г. поставлена въ городѣ бронзовая статуя; театръ, частный банкъ. Э.—главное складочное мѣсто для продуктовъ горно-заводской промышленности всей окружающей мѣстности; довольно развита и торговля, въ особенности по озерамъ Гьельмаръ и Меларъ. Жителей около 15000. Въ Э. 15 разъ происходило собраніе сеймовъ, наиболѣе достопримѣчательныя—въ 1540 г., когда Швеція была объявлена наслѣдственнымъ государствомъ, и въ 1810 г., когда Бернадоттъ былъ избранъ наслѣдникомъ шведскаго престола. Въ 1812 г. въ Э. былъ заключенъ миръ между Швеціей и Англіей.

Эребусъ (Erebus)—дѣйствующій вулканъ на антарктическомъ материкѣ Земли Викторіи; на $77^1/_2{}^\circ$ южн. шир. и 167° вост. долг. отъ Гринича. Онъ подымается на высоту 3770 метр., тогда какъ недалеко отъ него видимо потухшій Мунтъ-Терроръ подымается на 3317 метр. Оба вулкана были открыты въ 1841 г. капитаномъ сэромъ Джемсомъ Россомъ, пріѣхавшимъ съ двумя кораблями Э. и Терроръ, по которымъ и названы вулканы.

Эребусъ (Erebus)—бухта въ антарктическомъ Ледовитомъ океанѣ, въ юго-зап. направленіи отъ Нордефона, названа по имени судна Франклина, которое здѣсь зимовало въ 1845—46 г. Позже служило главной станціей для экспедиціи Франклина.

Эрезень—р. Уфимской губ.; см. Юрезень.

Эрекція — актъ, относящійся къ мужскому половому члену, при которомъ послѣдній отъ переполненія его кровью и возбужденія нѣкоторыхъ мышцъ, уплотняется и рѣзко увеличивается въ объемѣ. Главной причиной наплыва крови служитъ раздраженіе такъ наз. nervi erigentes, открытыхъ Экгартомъ и относящихся къ категоріи сосудо-расширяющихъ нервовъ. Центръ этихъ нервовъ лежитъ въ поясничной части спинного мозга и онъ можетъ приводиться въ дѣйствіе какъ рефлекторно, такъ и со стороны головного мозга чисто психически различными представленіями. *И. Т.*

Эремуръ (Eremurus) — родъ изъ сем. лилейныя (Liliaceae). Относящіеся къ нему виды имѣютъ высокій (часто около метра) безлистный стебель, выходящій изъ прикорневой розетки длинныхъ узкихъ листьевъ. Стебель оканчивается густой цвѣточной кистью съ большимъ числомъ бѣлыхъ или желтыхъ цвѣтковъ, состоящихъ изъ 6 сросшихся лишь у основанія лепестковъ. Пыльники имѣютъ сзади при основаніяхъ ямки, куда и входятъ для прикрѣпленія заостренныя верхушки узкихъ тычиночныхъ нитей. Трехгнѣздныя коробочки заключаютъ отъ 6 до 12 трехгран-

выхъ черноватыхъ] сѣмянъ. У нѣкоторыхъ видовъ Э. наблюдается интересное приспособленіе для перекрестнаго опыленія насѣкомыми. Расправленный въ началѣ цвѣтенія околоцвѣтникъ сейчасъ же послѣ созрѣванія и выхода пыльцы вянетъ, завертывается и представляетъ грязно-бурый комочекъ, на которомъ хорошо выдѣляются его сочные зеленые килевые отростки лепестковъ. Муха Sirphus pirastri, питающаяся зеленой листовой тлей, бросается на эти зеленыя вздутія, принимая ихъ за тлю, при чемъ вымазывается липкой пыльцей, которую и переноситъ на другіе цвѣтки. Родъ Э. содержитъ около 18 видовъ, обитающихъ въ Туркестанѣ, Персіи и Центральной Азіи. Наиболѣе распространенный и красивый изъ нихъ — Eremurus spectabilis, съ буровато-желтыми цвѣтами, встрѣчается и на Кавказѣ, а E. Tauricus—въ Крыму. *В. Дубянскій.*

Эренбергъ (Викторъ Ehrenberg)—нѣмецкій юристъ (род. въ 1851 г.). Его труды: «Commendation und Huldigung nach fränkischen Recht» (Веймаръ, 1877); «Beschränkte Haftigung des Schuldners nach See-und Handelsrecht» (Iена, 1880); «Die Rückversicherung» (Гамбургъ, 1885); «Versicherungsrecht» (Лпц., 1893); «Die deutsche Rechtsgeschichte und juristische Bildung» (ib., 1894).

Эренбергъ (Рихардъ Ehrenberg)—нѣмецкій финансистъ (род. въ 1857 г.). Извѣстенъ своими трудами по различнымъ вопросамъ торговли, особенно по исторіи торговли Гамбурга. Главнѣйшіе изъ нихъ: «Fondspekulation und Gesetzgebung» (1883); «Hamburger Handel u. Handelspolitik im XVI Jahrhundert» (Гамбургъ, 1885); «Die Anfänge des Hamburger Hafens» (ib., 1888); «Hamburg und Altona seit 300 Jahren» (1889); «Altona unter Schauenburg. Herrschaft» (1891—93); «Hamburgs Handel und Schiffahrt vor 200 Jahren» (1892); «Hamburg und England im Zeitalter der Königin Elisabeth» (1895); «Das Zeitalter der Fugger. Geldkapital und Creditverkehr im XVI Jahrhundert»] (Iена, 1896); «Der Handel. Seine wirtschaftliche Bedeutung, seine nationalen Pflichten und sein Verhältnis zum Staate» (ib., 1896); «Handelspolitik» (ib., 1899).

Эренбергъ (Franz Ehrenberg)—псевдонимъ нѣмецкаго писателя Георга-Карла Клаудіуса (1757—1815), автора многихъ дѣтскихъ книгъ и иныхъ произведеній: «Unterhaltungen», «Joseph Freeland», «Der Laubthaler», «Justus, Graf v. Ortenberg», «Geschichte Eduards v. Trimberg», «Eduard, der Zögling der Natur» и др.

Эренбергъ (Фридрихъ Ehrenberg)—нѣмецкій евангелическій богословъ (1776—1852). Его труды: «Weiblicher Sinn und weibliches Leben» (Берлинъ, 1809; 4-ое изд., 1861); «Reden an Gebildete aus dem weiblichen Geschlecht» (Эльберфельдъ, 1804; 5-ое изд., 1853); «Andachtsbuch für Gebildete des weiblichen Geschlechts» (Лпц., 1816; 7-е изд., 1856).

Эренбергъ (Христіанъ-Готфридъ Ehrenberg, 1795—1876)—нѣм. естествоиспытатель; учился въ Лейпцигѣ, получилъ степень доктора медицины въ Берлинѣ; съ 1820 по 1826 г. путешествовалъ по Египту; былъ проф. медицины въ берлинскомъ университетѣ; въ 1829 г. вмѣстѣ съ Густавомъ Розе сопутствовалъ Гумбольдту въ путешествіи его по Азіи до Алтая. Э. принадлежитъ рядъ важныхъ изслѣдованій въ области низшихъ животныхъ; его справедливо считаютъ творцомъ современной протистологіи. Въ сочиненіи своемъ «Das Leuchten des Meeres» (Берл., 1835) онъ объяснилъ свѣченіе моря присутствіемъ микроскопическихъ морскихъ животныхъ; присутствіемъ микроскопическихъ животныхъ онъ объяснилъ кровавые дожди въ сочиненіи «Passatstaub und Blutregen» (Лпц., 1849, 1871 и 1872). Другіе труды Э.: «Naturgeschichtliche Reisen durch Nordafrika und Westasien» (Б., 1828); «Symbolae physicae, seu icones et descriptiones mammalium (ib., 1828 — 33), avium (1828), insectorum» (ib., 1829—1834); затѣмъ «Symbolae physicae animalium evertebratorum sepositis insectis» (ib., 1829—1831); «Die Korallentiere des Roten Meeres» (ib., 1834); «Ueber die Natur und Bildung der Koralleninseln und Korallenbänke im Roten Meer» (ib., 1834); «Die Akalephen des Roten Meeres und der Organismus der Medusen der Ostsee» (ib., 1836); «Organisation, Systematik und geographisches Verhältnis der Infusionstierchen» (ib., 1830); «Zur Kenntnis der Organisation in der Richtung des kleinsten Raumes» (ib., 1832—34); «Zusätze zur Erkenntnis grosser Organisation im kleinen Raum» (ib., 1836) и «Die Infusionstierchen als vollkommene Organismen» (Лпц., 1838); «Die Bildung der europäischen, libyschen und arabischen Kreidefelsen und des Kreidemergels aus mikroskopischen Organismen» (Б. и Лпц., 1839); «Die fossilen Infusorien und die lebendige Dammerde» (Б., 1837); «Mikrogeologie» (Лпц., 1854, съ 40 табл.); «Ueber mächtige Gebirgsschichten aus mikroskopischen Bacillarien unter und bei der Stadt Mexiko» (ib., 1869); «Ueber die roten Erden als Speise der Guineaneger» (ib., 1868); «Ueber die wachsende Kenntnis des unsichtbaren Lebens als felsbildende Baciliarien in Kalifornien» (ib., 1870); Mikrogeologische Studien über das kleinste Leben der Meerestiefgründe aller Zonen» (ib., 1873). Ср. Hanstein, «C. G. Ehrenberg» (Боннъ, 1877).

Эренбрейтштейнъ (Ehrenbreitstein, Thalehrenbreitstein)—гор. въ прусской Рейнской провинціи, на правомъ берегу Рейна, противъ гор. Кобленца, у впаденія Мозеля въ Рейнъ, въ узкой долинѣ, у подножія крѣпости Э.; съ Кобленцомъ сообщается понтоннымъ мостомъ и мостомъ желѣзн. дороги. Учебное заведеніе для миссіонеровъ. Жителей 5303 (1900 г.). Минеральныя воды, извѣстныя уже въ XIV вѣкѣ. Винная и экспедиціонная торговля. Къ югу отъ Э. на Пфаффендорфской возвышенности стоитъ крѣпость Астерштейнъ, которая вмѣстѣ съ крѣпостью Э. составляетъ укрѣпленіе праваго берега Рейна, усиленное четырьмя выдвинутыми фортами. Въ XVII в. городъ назывался Мэленъ или Мюэленъ (Moelen, Müelen), затѣмъ Филиппсталь. Городъ Э. въ 636 г. былъ подаренъ французскимъ королемъ Дагобертомъ епископству

Триръ; императоръ Генрихъ II въ 1018 г. подтвердилъ этотъ актъ. Правильныя укрѣпленія были возведены въ 1672 г. При принцѣ Савойскомъ укрѣпленія были усилены (1734). Французы безуспѣшно осаждали крѣпость въ 1688 г. Съ 1759—62 г. они опять ее осаждали, въ 1795, 1796 и 97 гг. блокировали ее и, наконецъ, въ 1799 г. 27 января послѣ 10-мѣс. осады голодомъ принудили ее сдаться. Укрѣпленія были срыты. Въ 1802 г. городъ перешелъ къ князю фонъ-Нассау-Вейльбургъ, въ 1815 г.—къ Пруссіи. По Парижскому миру того же года Франція обязывалась уплатить 15 милл. франк. на возстановленіе крѣпости. Вмѣстѣ съ Астерштейномъ и Кобленцомъ Э. составляетъ одно изъ важнѣйшихъ укрѣпленій Германіи. На случай осады имѣются магазины, вмѣщающіе провизію для 8000 чел. на 10 л., водоемы, вмѣщающіе запасъ воды на 3 года, и колодцы, сообщающіеся съ рѣкой.

Эренгеймъ (баронъ Фридрихъ Ehrenheim) — шведскій госуд. дѣятель и ученый (1753—1828). Былъ посланникомъ въ Дрезденѣ и Копенгагенѣ, министромъ иностранныхъ дѣлъ (1797) и президентомъ канцеляріи (1801). Капризный Густавъ IV рѣдко слѣдовалъ его умнымъ совѣтамъ. Главные его труды: «Recueil de physique générale» (Стокг., 1822); «Fragments sur l'histoire de la météorologie» (Стокг., 1822); «Traité sur les changements de climat» (Стокг., 1824); «Bildningsgofvan, Philosophem» (поэма, Стокг., 1817).

Эренсвердъ (графъ Августъ Ehrensvärd) — шведскій генералъ (1710—72). Пріобрѣлъ извѣстность какъ строитель крѣпости Свеаборгъ и создатель гребного флота (1756 г.), хорошо приспособленнаго къ рифамъ, окружающимъ берегъ Финляндіи. Во время семилѣтней войны былъ главнокомандующимъ въ Помераніи. Былъ также поэтомъ, художникомъ, граверомъ.

Эренсвердъ (Карлъ-Августъ Ehrensvärd)—адмиралъ и художникъ (1745—1800), сынъ Августа Э. Въ 1789 г. начальствовалъ флотомъ въ началѣ войны съ русскими. Его намѣреніе не отступать послѣ сраженія при Свенскунде не было одобрено королемъ Густавомъ III, который самъ принялъ начальство надъ флотомъ. Послѣ смерти Густава III Э. былъ арестованъ въ качествѣ лица причастнаго къ убійству короля, но освобожденъ и поставленъ во главѣ всего морского вѣдомства. Совершивъ, въ 1780—82 гг., поѣздку на югъ Европы, онъ описалъ свое путешествіе и издалъ его съ многочисленными собственноручными гравюрами: «Resa till Italien» (Стокгольмъ, 1786, 2 изд., 1819). Въ сочиненіи «De fria Konsters philosophies» (Стокг., 1786) чувствуется большая любовь къ античному искусству. Атербомъ въ «Phosphoros» (1813) и затѣмъ въ «Svenska Siare och Skalder» далъ отличную характеристику Э. «Skrifter» Э. часто печатались (послѣдній разъ—Стокг., 1866). Два его альбома съ карикатурами на исторію Швеціи Ж. Г. Оксенштернъ считаетъ геніальнымъ произведеніемъ.

Эрентейлъ (Морицъ Ehrentheil)—венгерскій писатель (1825—1894). Напечаталъ: «Kleine deutsche Sprachlehre» (Будапештъ, 1865); «Jüdische Charakterbilder» (1866); «Jüdisches Familienbuch» (Будапештъ, 1888); «Der Geist des Talmud» (ib., 1888); «Rezeption und Orthodoxie» (ib., 1892).

Эренфейхтеръ (Фридрихъ-Августъ-Эдуардъ Ehrenfeuchter)—нѣмецкій богословъ (1814—1878), профессоръ въ геттингенскомъ унив. Главнѣйшіе его труды: «Theorie des christlichen Kultus» (Гамбургъ, 1840); «Geschichte des Katechismus (Геттингенъ, 1857); «Die praktische Theologie» (ib., 1859); «Christenthum und moderne Weltanschauung» (1876).

Эренфельсъ (Іосифъ-Михаилъ Ehrenfels) — австрійскій писатель по различнымъ отраслямъ сельскаго хозяйства (1767—1843). Особенно пріобрѣлъ извѣстность своими работами по скотоводству и пчеловодству. Его труды: «Erdmann Hülfreichs Unterricht für Bauersleute über die Krankheiten der Pferde, des Rindviehes, der Schafe und Schweine» (Лпц., 1790; новое изд., 1803); «Ueber die Krankheiten und Verletzungen der Frucht- und Gartenbäume» (Бреславль, 1795); «Die höhere Schafzucht» (Вѣна, 1808); «Ueber die Electoralschaf und die Electoralwolle» (Прага, 1822); «Die Bienenzucht nach Grundsätzen der Theorie und Erfahrung» (ib., 1829); «Geschichtliche Darstellung meiner neuen Schafcultur» (ib., 1831) и др.

Эренхима (аэренхима)—воздухоносная ткань у растеній; построена она изъ клѣточекъ, соединенныхъ между собою такъ, что между ними остаются крупныя заполненныя воздухомъ пустоты (крупные межклѣтники), на подобіе того, какъ остаются крупные просвѣты въ ажурныхъ желѣзныхъ постройкахъ, сдѣланныхъ изъ отдѣльныхъ желѣзныхъ полосъ. Построена Э. бываетъ либо изъ обыкновенныхъ паренхимныхъ клѣточекъ, либо изъ клѣтокъ звѣздчатой формы, соединенныхъ другъ съ другомъ своими отрогами. Встрѣчается такая воздухоносная ткань у водныхъ и болотныхъ растеній, и назначеніе ея двоякое. Прежде всего—это вмѣстилище запасовъ воздуха для потребностей газоваго обмѣна. У растеній, цѣликомъ погруженныхъ въ воду, условія газоваго обмѣна гораздо менѣе удобны, чѣмъ у наземныхъ растеній. Тогда какъ послѣднія окружены со всѣхъ сторонъ воздухомъ, водныя растенія въ лучшемъ случаѣ находятъ въ окружающей средѣ очень небольшіе его запасы; эти запасы поглощаются уже поверхностными клѣтками, а въ глубину толстыхъ органовъ уже не доходятъ. Обезпечить себѣ нормальный газовый обмѣнъ растеніе можетъ при этихъ условіяхъ двумя путями: либо увеличивая поверхность своихъ органовъ при соотвѣтствующемъ уменьшеніи ихъ массивности, либо собирая внутри своихъ тканей запасы воздуха. Оба эти способа и наблюдаются въ дѣйствительности. Съ одной стороны, у многихъ растеній подводные листья чрезвычайно сильно разсѣчены, какъ напр., у водяного лютика (Ranunculus aquatilis), Ouvirandra fenestralis и проч. Съ другой стороны, въ случаѣ массивности органовъ, они представляютъ изъ себя рыхлую, наполненную воздухомъ губчатую массу. Въ теченіе дня,

когда, благодаря процессу ассимиляціи, растеніе выдѣляетъ кислорода во много разъ больше, чѣмъ это необходимо для цѣлей дыханія, выдѣленный кислородъ и собирается про запасъ въ крупныхъ межклѣтникахъ Э. Въ солнечную погоду значительныя количества выдѣленнаго кислорода не помѣщаются въ межклѣтникахъ и выходятъ наружу сквозь различныя случайныя отверстія въ тканяхъ. Съ наступленіемъ ночи, когда процессъ ассимиляціи прекращается, запасенный кислородъ потребляется постепенно на дыханіе клѣтокъ, а взамѣнъ его въ воздухоносныя полости Э. выдѣляется клѣтками углекислота, чтобы въ свою очередь днемъ пойти на нужды ассимиляціи. Такъ днемъ и ночью продукты жизнедѣятельности растенія, благодаря присутствію Э., не растрачиваются понапрасну, а оставляются про запасъ, чтобы быть использованными въ слѣдующій періодъ дѣятельности. Что касается растеній болотныхъ, то въ особо невыгодныхъ условіяхъ въ смыслѣ дыханія находятся у нихъ корни. Подъ слоемъ воды, въ пропитанной водою почвѣ происходятъ разнаго рода процессы броженія и гніенія; кислородъ въ самыхъ верхнихъ слояхъ почвы уже нацѣло поглощенъ, дальше создаются уже условія анаэробной жизни, протекающей въ отсутствіи кислорода. Корни болотныхъ растеній не могли бы существовать при такихъ условіяхъ, не будь у нихъ въ распоряженіи запаса воздуха въ Э. Отличіе болотныхъ растеній и не вполнѣ погруженныхъ водныхъ растеній отъ вполнѣ погруженныхъ состоитъ въ томъ, что обновленіе газовъ внутри Э. происходитъ не только благодаря жизнедѣятельности тканей, а и при помощи диффузіи (и термодиффузіи); въ наземныхъ органахъ система межклѣтниковъ открывается наружу массой мельчайшихъ отверстій—устьицъ, сквозь которыя путемъ диффузіи и уравнивается по составу воздухъ межклѣтниковъ съ окружающимъ воздухомъ. Однако, при очень крупныхъ размѣрахъ растенія, такой путь обновленія воздуха въ Э. корней былъ бы недостаточно быстръ. Соотвѣтственно этому, напр., у мангровыхъ деревьевъ, растущихъ по морскимъ берегамъ съ илистымъ дномъ, нѣкоторыя развѣтвленія корней растутъ изъ ила вверхъ и выносятъ въ воздухъ, надъ поверхностью воды, свои верхушки, поверхность которыхъ пронизана многочисленными отверстіями. Такіе «дыхательные корни» имѣютъ цѣлью болѣе быстрое обновленіе воздуха въ Э. питающихъ корней, развѣтвленныхъ въ безкислородномъ илѣ морского дна. Второй задачей Э. является уменьшеніе удѣльнаго вѣса растенія. Тѣло растенія тяжелѣе воды; Э. играетъ для растенія роль плавательнаго пузыря; благодаря ея присутствію даже тонкіе, бѣдные механическими элементами органы держатся прямо въ водѣ, а не падаютъ въ безпорядкѣ на дно. Поддержаніе органовъ, главнымъ образомъ листьевъ, въ положеніи, благопріятномъ для жизненныхъ отправленій растенія, достигаемое у наземныхъ растеній дорогой цѣной образованія массы механическихъ элементовъ, достигается здѣсь у водяныхъ растеній просто переполненіемъ Э. воздухомъ. Особенно ясно выражена эта вторая задача Э. у плавающихъ листьевъ, гдѣ запросы дыханія могли бы быть удовлетворены и безъ помощи Э. Благодаря обилію межклѣтныхъ воздухоносныхъ ходовъ, листъ не только плаваетъ на поверхности воды, но и способенъ выдержать нѣкоторую тяжесть. Особенно славятся этимъ свойствомъ гигантскіе листья Victoria regia. Э., выполняющая роль плавательныхъ пузырей нерѣдко и образуетъ въ самомъ дѣлѣ на растеніи пузыревидныя вздутія. Такіе пузыри встрѣчаются какъ у цвѣтковыхъ растеній (Eichhornia crassipes, Trianea bogotensis), такъ и у высшихъ водорослей: Sargassum bacciferum, Fucus vesiculosus и другіе виды снабжены прекрасно развитыми плавательными пузырями. *В. Арн.*

Эренштейнъ (Эдуардъ - Филиппсонъ, онъ же и Бонові усъ Ehrenstein) — шведскій госуд. дѣятель и писатель (1628—1686). Былъ секретаремъ короля Карла-Густава, потомъ посланникомъ въ Англіи и Голландіи. Кромѣ своей автобіографіи оставилъ много трудовъ, изъ которыхъ главные: «Disputatio de forma substantiali» (Упсала, 1642); «Oratio in natales Christinæ reginæ» (Стокг., 1618); «In diem coronationis ejusdem» (Утрехтъ, 1650); «Epistola respondoria ad Polonicum legatum Christophorum Ptzimicki de oratione ad regem Sueciae habita» (Штеттинъ, 1655); «Declaratio qua Ordinum Generalium injuria, residento Apelbom illata vindicatur» (Амстерд., 1657).

Эресбургъ (Aeresburg)—старинный пограничный замокъ саксовъ на р. Димель (теперь г. Марсбергъ въ Вестфаліи). Въ 772 г. былъ взятъ Карломъ Вел. въ его походѣ противъ саксовъ. Саксы вскорѣ разрушили Э., но въ 775 г. Карлъ Вел. его вновь укрѣпилъ. Ср. Kentzler въ «Vorschungen zur deutschen Geschichte» (Геттингенъ, 1871, т. XI).

Эресосъ—греческій городокъ на западномъ берегу о-ва Лесбоса, въ гавани котораго Папаниколисъ 8 іюня 1821 г. при помощи брандера взорванъ на воздухъ турецкій фрегатъ съ 84 орудіями и 1100 чел. экипажа. Непосредственнымъ слѣдствіемъ этого событія было возвращеніе турецкаго флота въ Дарданеллы, благодаря чему о-въ Самосъ былъ спасенъ.

Эрестферъ — селеніе Эстляндской губ. (около 50 верстъ отъ Юрьева и Нейхаузена). Во время сѣверной войны, 29 декабря 1701 г., стоявшій у Э. шведскій отрядъ Шлиппенбаха атакованъ былъ русскими войсками фельдмаршала Шереметева и вынужденъ къ отступленію, потерявъ свою артиллерію, обозы и до 350 плѣнныхъ. Вскорѣ затѣмъ миргородскій полковникъ Даніилъ Апостолъ съ 3-мя казачьими полками снова разбилъ шведовъ близъ Э. и взялъ до 2 тыс. плѣнныхъ.

Эретрійская школа — см. Элидская школа.

Эретрія (Eretria)—одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ о-ва Евбеи, расположенъ на западномъ берегу на рѣкѣ Эврипѣ, въ 18 км. къ Ю отъ г. Халкисъ. Э. основанъ былъ минійцами; позже къ нимъ присоединились іонійцы. Очень рано городъ разбогатѣлъ и разросся благодаря своей морской торговлѣ.

Вмѣстѣ съ жителями г. Халкисъ эретрійцы основали много колоній въ Южной Италіи, Сициліи и на полуостровѣ Халкидикѣ. Споръ за преобладаніе на о-вѣ привелъ къ долголѣтней борьбѣ между эретрійцами и халкидянами, окончившейся побѣдой Халкиса. Въ первую персидскую войну Э. была разрушена (490 г.), и жители ея отведены въ Сузу и проданы въ рабство. Вскорѣ однако аѳиняне возстановили Э., оставшуюся до конца Римской имперіи вторымъ послѣ Халкиса городомъ о-ва Евбеи. Э.—родина философа Менедема (см.), основавшаго здѣсь свою школу. Въ средніе вѣка городъ исчезъ. Въ 1824 г. на мѣстѣ древней Э. основанъ былъ городокъ, куда переселена была часть жителей о-ва Псары, но вслѣдствіе господствовавшей здѣсь маляріи поселокъ опустѣлъ. Въ 1890—94 г. здѣсь американцами производились раскопки, и найденъ античный театръ.

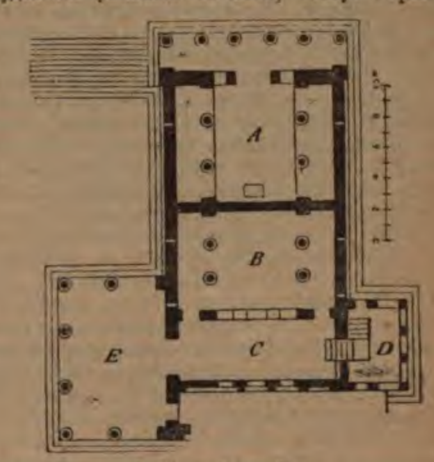
Эрехтей или *Эрихѳей* (Erechtheos)—мио. аттическій герой. По Гомеру, Э.—сынъ земли, воспитанный Аѳиною въ ея храмѣ. По позднѣйшему преданію, Э.—аттическій царь, который, въ борьбѣ съ ѳракійцемъ Евмолпомъ, вторгнувшимся въ Аттику, принесъ въ жертву богамъ, по совѣту оракула, свою дочь, послѣ чего побѣдилъ и убилъ Евмолпа; но его остальныя дочери покончили самоубійствомъ, и самъ онъ былъ убитъ Посейдономъ, отцомъ Евмолпа. На сохранившихся памятникахъ часто находится изображеніе передачи молодого Э. Геею (Землею) Аѳинѣ.—Ср. Flasch въ «Annali dell' Instituto» (1877).

Эрехтейонъ, т. е. храмъ Эрехтея — замѣчательное произведеніе древне-греческой

1. Видъ Эрехтейона съ сѣверо-западной стороны.

архитектуры, остатки котораго сохранились въ Аѳинахъ. То было одно изъ главныхъ святилищъ, красовавшееся на акропольской горѣ, къ сѣверу отъ Партенона. Оно занимало то самое мѣсто, гдѣ, по вѣрованію грековъ, произошелъ споръ между Аѳиною и Посейдономъ изъ-за обладанія Аттикою; въ немъ находились оливковое дерево, произращенное Аѳиною, и ключъ соленой воды, начавшій бить по манію Посейдона; въ немъ хранились другія святыни, чтимыя аѳинянами: деревянный истуканъ (ξόανον) Аѳины, будто бы упавшій съ неба, статуя Гермеса,

2. Планъ Эрехѳейона.

принесенная въ Аѳины Кекропсомъ, слѣдъ на скалѣ трезубца, которымъ Посейдонъ извлекъ изъ нея воду, свѣтильникъ Каллимаха, горѣвшій непрестанно, не смотря на то, что масло наливалось въ него только однажды въ году, остатки гроба Эрехтея и другихъ героевъ Аттики, трофеи, добытые на войнѣ, и т. п. Э. замѣнилъ собою находившійся на томъ же мѣстѣ болѣе древній храмъ, разрушенный персами при ихъ нашествіи; постройка новаго храма была начата при Периклѣ и продолжалась съ перерывами, вѣроятно, до 407 г. до Р. Хр. Такъ какъ онъ стоялъ на неровной почвѣ и былъ, собственно говоря, не однимъ храмомъ, а совокупностью нѣсколькихъ святилищъ, то его планъ представлялъ значительное отступленіе отъ обычнаго расположенія греческихъ храмовъ; онъ не имѣлъ снаружи окружной колоннады, но былъ украшенъ съ трехъ сторонъ отдѣльными портиками. Предъ входомъ въ восточную целлу (*A*), посвященную Аѳинѣ-Поліадѣ (градохранительницѣ), находился портикъ о шести стройныхъ колоннахъ, вытянутыхъ въ рядъ, безъ антовъ. Лицевая стѣна западной целлы

когда, благодаря процессу ассимиляціи, растеніе выдѣляетъ кислорода во много разъ больше, чѣмъ это необходимо для цѣлей дыханія, выдѣленный кислородъ и собирается про запасъ въ крупныхъ межклѣтникахъ Э. Въ солнечную погоду значительныя количества выдѣленнаго кислорода не помѣщаются въ межклѣтникахъ и выходятъ наружу сквозь различныя случайныя отверстія въ тканяхъ. Съ наступленіемъ ночи, когда процессъ ассимиляціи прекращается, запасенный кислородъ потребляется постепенно на дыханіе клѣтокъ, а взамѣнъ его въ воздухоносныя полости Э. выдѣляется клѣтками углекислота, чтобы въ свою очередь днемъ пойти на нужды ассимиляціи. Такъ днемъ и ночью продукты жизнедѣятельности растенія, благодаря присутствію Э., не растрачиваются понапрасну, а оставляются про запасъ, чтобы быть использованными въ слѣдующій періодъ дѣятельности. Что касается растеній болотныхъ, то въ особо невыгодныхъ условіяхъ въ смыслѣ дыханія находятся у нихъ корни. Подъ слоемъ воды, въ пропитанной водою почвѣ происходятъ разнаго рода процессы броженія и гніенія; кислородъ въ самыхъ верхнихъ слояхъ почвы уже нацѣло поглощенъ, дальше создаются уже условія анаэробной жизни, протекающей въ отсутствіи кислорода. Корни болотныхъ растеній не могли бы существовать при такихъ условіяхъ, не будь у нихъ въ распоряженіи запаса воздуха въ Э. Отличіе болотныхъ растеній и не вполнѣ погруженныхъ водныхъ растеній отъ вполнѣ погруженныхъ состоитъ въ томъ, что обновленіе газовъ внутри Э. происходитъ не только благодаря жизнедѣятельности тканей, а и при помощи диффузіи (и термодиффузіи); въ наземныхъ органахъ система межклѣтниковъ открывается наружу массой мельчайшихъ отверстій—устьицъ, сквозь которыя путемъ диффузіи и уравнивается по составу воздухъ межклѣтниковъ съ окружающимъ воздухомъ. Однако, при очень крупныхъ размѣрахъ растенія, такой путь обновленія воздуха въ Э. корней былъ бы недостаточно быстръ. Соотвѣтственно этому, напр., у мангровыхъ деревьевъ, растущихъ по морскимъ берегамъ съ илистымъ дномъ, нѣкоторыя развѣтвленія корней растутъ изъ ила вверхъ и выносятъ въ воздухъ, надъ поверхностью воды, свои верхушки, поверхность которыхъ пронизана многочисленными отверстіями. Такіе «дыхательные корни» имѣютъ цѣлью болѣе быстрое обновленіе воздуха въ Э. питающихъ корней, развѣтвленныхъ въ безкислородномъ илѣ морского дна. Второй задачей Э. является уменьшеніе удѣльнаго вѣса растенія. Тѣло растенія тяжелѣе воды; Э. играетъ для растенія роль плавательнаго пузыря; благодаря ея присутствію даже тонкіе, бѣдные механическими элементами органы держатся прямо въ водѣ, а не падаютъ въ безпорядкѣ на дно. Поддержаніе органовъ, главнымъ образомъ листьевъ, въ положеніи, благопріятномъ для жизненныхъ отправленій растенія, достигаемое у наземныхъ растеній дорогой цѣной образованія массы механическихъ элементовъ, достигается здѣсь у водяныхъ растеній просто переполненіемъ Э. воздухомъ. Особенно ясно выражена эта вторая задача Э. у плавающихъ листьевъ, гдѣ запросы дыханія могли бы быть удовлетворены и безъ помощи Э. Благодаря обилію межклѣтныхъ воздухоносныхъ ходовъ, листъ не только плаваетъ на поверхности воды, но и способенъ выдержать нѣкоторую тяжесть. Особенно славятся этимъ свойствомъ гигантскіе листья Victoria regia. Э., выполняющая роль плавательныхъ пузырей нерѣдко и образуетъ въ самомъ дѣлѣ на растеніи пузыревидныя вздутія. Такіе пузыри встрѣчаются какъ у цвѣтковыхъ растеній (Eichhornia crassipes, Trianea bogotensis), такъ и у высшихъ водорослей: Sargassum bacciferum, Fucus vesiculosus и другіе виды снабжены прекрасно развитыми плавательными пузырями. *В. Арц.*

Эренштейнъ (Эдуардъ - Филиппсонъ, онъ же и Бононіусъ Ehrenstein) — шведскій госуд. дѣятель и писатель (1628—1686). Былъ секретаремъ короля Карла-Густава, потомъ посланникомъ въ Англіи и Голландіи. Кромѣ своей автобіографіи оставилъ много трудовъ, изъ которыхъ главные: «Disputatio de forma substantiali» (Упсала, 1642); «Oratio in natales Christinæ reginæ» (Стокг., 1618); «In diem coronationis ejusdem» (Утрехтъ, 1650); «Epistola respondoria ad Polonicum legatum Christophorum Ptzimicki de oratione ad regem Sueciae habita» (Штеттинъ, 1655); «Declaratio qua Ordinum Generalium injuria, residente Apelbom illata vindicatur» (Амстерд., 1657).

Эресбургъ (Aeresburg)—старинный пограничный замокъ саксовъ на р. Димель (теперь г. Марсбергъ въ Вестфаліи). Въ 772 г. былъ взятъ Карломъ Вел. въ его походѣ противъ саксовъ. Саксы вскорѣ разрушили Э., но въ 775 г. Карлъ Вел. его вновь укрѣпилъ. Ср. Kentzler въ «Vorschungen zur deutschen Geschichte» (Геттингенъ, 1871, т. XI).

Эресосъ—греческій городокъ на западномъ берегу о-ва Лесбоса, въ гавани котораго Папаниколисъ 8 іюня 1821 г. при помощи брандера взорванъ на воздухъ турецкій фрегатъ съ 84 орудіями и 1100 чел. экипажа. Непосредственнымъ слѣдствіемъ этого событія было возвращеніе турецкаго флота въ Дарданеллы, благодаря чему о-въ Самосъ былъ спасенъ.

Эрестферъ — селеніе Эстляндской губ. (около 50 верстъ отъ Юрьева и Нейхаузена). Во время сѣверной войны, 29 декабря 1701 г., стоявшій у Э. шведскій отрядъ Шлиппенбаха атакованъ былъ русскими войсками фельдмаршала Шереметева и вынужденъ къ отступленію, потерявъ свою артиллерію, обозы и до 350 плѣнныхъ. Вскорѣ затѣмъ миргородскій полковникъ Даніилъ Апостолъ съ 3-мя казачьими полками снова разбилъ шведовъ близъ Э. и взялъ до 2 тыс. плѣнныхъ.

Эретрійская школа — см. Элидская школа.

Эретрія (Eretria)—одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ о-ва Евбеи, расположенъ на западномъ берегу на рѣкѣ Эврипѣ, въ 18 км. къ Ю отъ г. Халкисъ. Э. основанъ былъ минійцами; позже къ нимъ присоединились іонійцы. Очень рано городъ разбогатѣлъ и разросся благодаря своей морской торговлѣ,

Вмѣстѣ съ жителями г. Халкисъ эретрійцы основали много колоній въ Южной Италіи, Сициліи и на полуостровѣ Халкидикѣ. Споръ за преобладаніе на о-вѣ привелъ къ долголѣтней борьбѣ между эретрійцами и халкидянами, окончившейся побѣдой Халкиса. Въ первую персидскую войну Э. была разрушена (490 г.), и жители ея отведены въ Сузу и проданы въ рабство. Вскорѣ однако аѳиняне возстановили Э., оставшуюся до конца Римской имперіи вторымъ послѣ Халкиса городомъ о-ва Евбеи. Э.—родина философа Менедема (см.), основавшаго здѣсь свою школу. Въ средніе вѣка городъ исчезъ. Въ 1824 г. на мѣстѣ древней Э. основанъ былъ городокъ, куда переселена была часть жителей о-ва Псары, но вслѣдствіе господствовавшей здѣсь маляріи поселокъ опустѣлъ. Въ 1890—94 г. здѣсь американцами производились раскопки, и найденъ античный театръ.

Эрехтей или *Эрихѳей* (Erechtheos)—миѳ. аттическій герой. По Гомеру, Э.—сынъ земли, воспитанный Аѳиною въ ея храмѣ. По позднѣйшему преданію, Э.—аттическій царь, который, въ борьбѣ съ ѳракійцемъ Евмолпомъ, вторгнувшимся въ Аттику, принесъ въ жертву богамъ, по совѣту оракула, свою дочь, послѣ чего побѣдилъ и убилъ Евмолпа; но его остальныя дочери покончили самоубійствомъ, и самъ онъ былъ убитъ Посейдономъ, отцомъ Евмолпа. На сохранившихся памятникахъ часто находится изображеніе передачи молодого Э. Геею (Землею) Аѳинѣ.—Ср. Flasch въ «Annali dell' Instituto» (1877).

Эрехтейонъ, т. е. храмъ Эрехтея — замѣчательное произведеніе древне-греческой архитектуры, остатки котораго сохранились въ Аѳинахъ. То было одно изъ главныхъ святилищъ, красовавшееся на акропольской горѣ, къ сѣверу отъ Партенона. Оно занимало то самое мѣсто, гдѣ, по вѣрованію грековъ, произошелъ споръ между Аѳиною и Посейдономъ изъ-за обладанія Аттикою; въ немъ находились оливковое дерево, произращенное Аѳиною, и ключъ солевой воды, начавшій бить по манію Посейдона; въ немъ хранились другія святыни, чтимыя аѳинянами: деревянный истуканъ (ξόανον) Аѳины, будто бы упавшій съ неба, статуя Гермеса,

2. Планъ Эрехѳейона.

принесенная въ Аѳины Кекропсомъ, слѣдъ на скалѣ трезубца, которымъ Посейдонъ извлекъ изъ нея воду, свѣтильникъ Каллимаха, горѣвшій непрестанно, не смотря на то, что масло наливалось въ него только однажды въ году, остатки гроба Эрехтея и другихъ героевъ Аттики, трофеи, добытые на войнѣ, и т. п. Э. замѣнилъ собою находившійся на томъ же мѣстѣ болѣе древній храмъ, разрушенный персами при ихъ нашествіи; постройка новаго храма была начата при Periклѣ и продолжалась съ перерывами, вѣроятно, до 407 г. до Р. Хр. Такъ какъ онъ стоялъ на неровной почвѣ и былъ, собственно говоря, не однимъ храмомъ, а совокупностью нѣсколькихъ святилищъ, то его планъ представлялъ значительное отступленіе отъ обычнаго расположенія греческихъ храмовъ; онъ не имѣлъ снаружи окружной колоннады, но былъ украшенъ съ трехъ сторонъ отдѣльными портиками. Предъ входомъ въ восточную целлу (*A*), посвященную Аѳинѣ-Поліадѣ (градохранительницѣ), находился портикъ о шести стройныхъ колоннахъ, вытянутыхъ въ рядъ, безъ антовъ. Лицевая стѣна западной целлы

1. Видъ Эрехтейона съ сѣверо-западной стороны.

(*С, В*), посвященной тремъ древнимъ аттическимъ божествамъ земли, была съ наружной стороны ограничена двумя антами и расчленена четырьмя великолѣпными, также аттическими полуколоннами, въ пространствахъ между которыми были продѣланы четыре высокихъ окна. Къ этой целлѣ примыкали два портика, одинъ съ сѣверной стороны, другой—съ южной. Въ сѣверный портикъ выходила главная входная дверь целлы, роскошно обрамленная и осѣненная карнизомъ на консоляхъ. Южный портикъ, называвшійся Пандрозейономъ, по имени одной изъ дочерей Кекропса, Пандрозы, не имѣлъ фриза, и его архитравъ, состоявшій изъ трехъ горизонтальныхъ полосъ, подпирали не колонны, а шесть коръ или каріатидъ, помѣщенныхъ на высокомъ парапетѣ,—шесть фигуръ молодыхъ женщинъ, одѣтыхъ въ аѳинскій костюмъ (тунику, гемидиплоидій и пеплосъ) и несущихъ на головахъ корзины и лежащія на этихъ послѣднихъ квадратныя плиты. Здѣсь мы встрѣчаемъ первый въ исторіи искусства случай употребленія подобныхъ женскихъ фигуръ для поддержки балокъ — употребленія, перешедшаго изъ греческаго зодчества во всемірное. Пять каріатидъ Пандрозейона еще стоятъ на своихъ мѣстахъ; шестая увезена, вмѣстѣ съ частями архитрава и парапета, лордомъ Эльджиномъ въ Лондонъ и теперь хранится въ тамошнемъ Британскомъ музеѣ; въ Аѳинахъ она замѣнена теперь терракоттовою копіею. Въ позахъ этихъ здоровыхъ, стройныхъ фигуръ незамѣтно ни малѣйшаго принужденія; онѣ несутъ лежащую на ихъ головахъ тяжесть легко, что особенно выражается тѣмъ, что у нихъ только одна нога плотно упирается въ землю, а другая слегка согнута въ колѣнѣ и выдается впередъ. Одежда ниспадаетъ съ нихъ плавными, красивыми складками, напоминающими собою каннелюры; на ихъ правильныхъ, благородныхъ лицахъ рисуется строгое спокойствіе, какъ бы сознаніе важности ихъ служенія Аѳинѣ. Обломки фриза Э., сюжетомъ котораго былъ, очевидно, миѳъ объ Эрехѳеѣ и кекропидахъ, хранящіеся въ акропольскомъ музеѣ, свидѣтельствуютъ о томъ, что и прочія скульптурныя украшенія Э. были превосходны. Онъ отличался большою оживленностью и тонкостью отдѣлки, и его эффектность увеличивалась темнымъ фономъ элевзинскаго мрамора, на которомъ были укрѣплены фигуры, изваянныя изъ бѣлаго паросскаго мрамора. Въ архитектурномъ отношеніи всѣ части Э. должны были очаровывать зрителя чистою красотою своихъ формъ, гармоничностью пропорцій и тонкою обработкою деталей; ни одно изъ созданій древнегреческаго зодчества не было такъ свободно и живописно по расположенію, такъ граціозно и изящно, какъ это образцовое сооруженіе аттическо-іоническаго стиля. До XVII стол. Э. существовалъ еще въ довольно сохранномъ видѣ; но венеціанцы въ 1687 г., при осадѣ Аѳинъ, страшно изуродовали его. Въ настоящее время онъ, насколько было возможно, исправленъ при помощи принадлежавшихъ къ нему фрагментовъ, но все-таки представляетъ собою печальныя развалины; лучше другихъ его частей уцѣлѣлъ портикъ Пандрозы.—Ср. К. Bötticher, «Bericht über die Untersuchungen auf der Akropolis» (Б., 1862); Julius, «Ueber den Erechtheion» (Мюнхенъ, 1878); Fowler, «Erechtheion of Athen» (въ «Archeol. Instit. of America», т. I, Бостонъ, 1882); A. H. Springer, «Handbuch der Kunstgeschichte. I. Das Altertum» (въ переработкѣ А. Михаэлиса, Лпц., 1898).

Эрехъ — одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ Вавилоніи; въ Библіи упоминается въ числѣ городовъ Нимрода (Бытія X, 10); въ клинописныхъ текстахъ называется Урукъ и упоминается съ древнѣйшихъ временъ. Здѣсь царствовалъ Лугалзаггиси еще въ четвертомъ тысячелѣтіи до Р. Хр.; потомъ дошли до насъ строительныя надписи царей Э. Синъ-гашида, Синъ-гамиля, Биль-гуръ-ахи, носящихъ иногда титулъ «царей Урука и Амнану». Э. приходилось страдать отъ нашествія эламитянъ; напр. въ 2280 г. Кудуръ-Нахунди, царь Элама, разгромилъ его и увезъ идолъ — палладій мѣстной богини Наны (Истаръ—вечерняя звѣзда, дочь Ану, богиня чувственной любви). Войны съ Эламомъ имѣетъ въ виду и эпосъ Гильгамиша; послѣдній дѣйствуетъ въ Э.; семь стѣнъ его считались сооруженными героемъ. И въ покаянныхъ псалмахъ отразились нашествія эламитянъ на Э. Приходилось Э. страдать отъ войнъ и въ ассирійское время; такъ, въ 693 г. его разгромило ассирійское войско за переходъ на сторону халдея Нергалъ-Ушециба. Страбонъ и Плиній говорятъ о школѣ халдейскихъ мудрецовъ въ «Орхоэ» и о его пальмовыхъ рощахъ. Въ настоящее время мѣстность древняго Э. называется Варка. Она была бѣгло осмотрѣна Лофтусомъ въ 1857 г. Остатки стѣнъ окружаютъ пространство $1^1/_2$ часа въ окружности; внутри—холмы съ развалинами. Средній, самый большой (Буварья), заключаетъ въ себѣ остатки храма Наны (I-анна), реставрированнаго Урбау, царемъ Ура; другой (Вусвасъ)—дворецъ царя Сингашида. Кругомъ большое кладбище съ глиняными саркофагами, вѣроятно ново-вавилонскаго, персидскаго и парѳянскаго времени. Мѣстность унылая, пустынная и нездоровая, почему послѣ Лофтуса здѣсь не производилось археологическихъ изысканій.

Эржвилки — мст. Ковенской губ., Россіенскаго у., при р. Шолтонѣ, въ 35 в. отъ уѣзднаго гор. Жит. 1148.

Эрзерумъ или *Эрзирумъ*, *Арзерумъ*—гл. гор. вилайета того же имени въ Азіатской Турціи, обнимающаго значительную часть турецкой Арменіи. Городъ расположенъ недалеко отъ истоковъ Эвфрата (Кара-Су), на высотѣ 1965 метр., на юго-востокѣ Эрзерумской плоской возвышенности (такъ наз. Ова), которая, занимая пространство въ 30 км. длины и отъ 10 до 15 км. ширины, обрамляется на С горами Акъ-Баба-Дагъ, Кара-Кайяларъ и Думлю-Дагъ, а на Ю горами Эйерлю, Кара-кайя и Паландекенъ-Дагъ. Климатъ очень холодный и суровый; Э. часто называютъ малоазіатской Сибирью. Э. окруженъ двойною каменною городской стѣною и глубокими рвами; въ южной части его старинная цита-

дель (Ичъ-Калè), въ которой живетъ паша. За городскою стѣною предмѣстья, въ которыхъ и живетъ большая часть городского населенія. Улицы грязны; дома по большей части построены изъ камня и часто наполовину находятся ниже поверхности земли, съ маленькими окнами и плоскими, выложенными дерномъ крышами, на которыхъ нерѣдко пасется скотъ. Около 45 мечетей, изъ которыхъ самая большая—Улайяма-Джами съ тонкими и стройными минаретами. Много караванъ-сараевъ, таможня, нѣсколько христіанскихъ церквей; древній монастырь, построенный еще въ первые вѣка христіанства, турками обращенъ въ арсеналъ. Городъ служитъ мѣстомъ пребыванія армяно-грегоріанскаго архіепископа, православно-греческаго и армяно-католическаго епископовъ. Нѣсколько медрессе и другихъ мусульманскихъ школъ; военное училище. У армянъ грегоріанскаго вѣроисповѣданія очень хорошее среднеобразовательное учебное заведеніе, у другихъ исповѣданій — хорошія элементарныя училища. Благодаря своему положенію на главномъ торговомъ пути между Трапезундомъ и Тавризомъ, на такъ наз. старомъ, «генуэзскомъ пути», Э. сдѣлался главнымъ мѣстомъ для склада товаровъ и привала каравановъ и достигъ рѣдкаго на Востокѣ цвѣтущаго состоянія. Вслѣдствіе присоединенія части занимаемой армянами территоріи къ Россіи, въ 1829 и 1878 гг., а также вслѣдствіе проведенія жел.-дор. пути Поти (позднѣе Батумъ)-Тифлисъ-Баку, торговля Э. перенесла довольно чувствительные удары, но тѣмъ не менѣе этотъ городъ все еще занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду торговопромышленныхъ пунктовъ Арменіи. Торговое движеніе въ Э. (со включеніемъ транзита, составляющаго около $^{3}/_{4}$ общей суммы) достигаетъ до сихъ поръ въ среднемъ 30—35 милл. руб., изъ которыхъ болѣе половины приходится на вывозъ. Изъ предметовъ ввоза наибольшее значеніе имѣютъ хлѣбъ, мука и другіе жизненные припасы. Въ прежнія времена въ Э. была значительно развита металлическая промышленность; здѣшнія издѣлія изъ желѣза и стали (подковы, оружіе) и мѣди пользовались большою извѣстностью. Жителей въ Э. въ 1827 г. считалось до 150000 чел.; въ настоящее время ихъ не болѣе 60000, въ томъ числѣ около 30000 турокъ (или вообще мусульманъ), около 10000 армянъ грегоріанскаго исповѣданія, около 500 армянъ-католиковъ, около 400—500 армянъ-протестантовъ и около 700 грековъ; есть персы. Консулы русскій, англійскій и персидскій, вице-консулы французскій, итальянскій и австро-венгерскій. Э. соотвѣтствуетъ древне-армянскому гор. *Каринъ* (или Каринъ-Калаба), имя котораго греки передѣлали по-своему въ *Карано* (а арабы—въ Каликала). Византійскій императоръ Анастасій I (491—518 г.) укрѣпилъ его и далъ ему имя *Ѳеодосіополя*. Въ 502 г. городъ временно находился во власти персовъ, точно также и въ концѣ VI в., когда значительная часть его жителей была переселена въ Гамаданъ. Въ 647 г. его завоевали арабы, съ которыми изъ-за него неоднократно вступали въ борьбу греки, но вскорѣ послѣ 1000 г. онъ былъ послѣдними окончательно оставленъ. Въ 1047 г. лежавшій по сосѣдству древне-армянскій городъ Ардзнъ былъ разрушенъ персами, и жители его бѣжали въ Каринъ, который съ этого времени сталъ называться Ардзнъ-Румъ (а по-гречески Арзенъ), и уже изъ этого имени съ теченіемъ времени образовалось Эрзерумъ. Въ 1201 г. Эрзерумъ попалъ въ руки сельджуковъ, а въ 1247 г. достался монголамъ; въ 1472 г. онъ вмѣстѣ съ Великой Арменіей перешелъ подъ персидское владычество, а въ 1522 г. областью этой овладѣли турки. Вслѣдствіе побѣды русскихъ, подъ начальствомъ Паскевича, надъ турками въ Эрзерумской равнинѣ (въ іюлѣ 1829 г.) пашалыкъ Э., вмѣстѣ съ главнымъ городомъ, оплотомъ Турціи со стороны Россіи и Персіи, оказался во власти Россіи, но по Адріанопольскому миру (сент. 1829 г.) былъ возвращенъ султану. Въ 1877 г. Мухтаръ-паша, разбитый на Аладжинскихъ высотахъ, отступилъ за Саганлугскій хребетъ, преслѣдуемый отрядомъ ген. Геймана, который 23 октября снова нанесъ пораженіе туркамъ у Деве-Бойну. Послѣдніе быстро отступили къ Э.; попытка овладѣть крѣпостью посредствомъ нечаяннаго нападенія намъ не удалась. Отрядъ Геймана расположился на зимнихъ квартирахъ въ окрестностяхъ крѣпости. На основаніи заключеннаго въ 1878 г. мира Э. занятъ былъ въ февралѣ русскими войсками, но по Берлинскому трактату возвращенъ Турціи.

Эрзерумскій вилайетъ обнимаетъ значительную часть Турецкой Арменіи. 76720 кв. км.; 645700 жит.

Эрзинджанъ, иначе *Эрсинганъ* (по-армянски *Іесинга*)—городъ въ Эрзерумскомъ вилайетѣ Азіатской Турціи, въ 140 км. къ ЗЮЗ отъ Эрзерума, на правомъ берегу Кара-су или западнаго Эвфрата, на западномъ краю плодородной равнины (50 км. длины и 10 км. ширины), на высотѣ 1160 м. Неоднократно былъ разрушаемъ землетрясеніями. Жителей около 30000, преимущественно турокъ. 20 мечетей, 4 армянскія церкви; базары. Въ древности назывался Эриза или Эрезъ; здѣсь находился главный храмъ Анаита (Anahit). Эрзинджанская равнина вплоть до Кемака (или Гамаха) славится во всей Малой Азіи плодородіемъ и богатой культурой; среди непрерывныхъ садовъ ея около 100 селеній, съ 3000 домовъ.

Эри (Erie, произнос. *Ири*)—самое южное изъ большихъ сѣверо-американскихъ озеръ, расположено между 41°25′—42°55′ с. ш. и 78°52′—83°33′ з. д. отъ Гр. Берега его на С принадлежатъ Канадѣ, на З, В и Ю—штатамъ Мичиганъ, Охайо, Пенсильванія и Нью-Іоркъ. Озеро расположено на высотѣ 172 м. надъ ур. м., на 4 м. ниже, чѣмъ озеро Гуронъ, и 102 м. выше, чѣмъ озеро Онтаріо, съ которымъ оно соединяется Ніагарскимъ водопадомъ (см. XXI, 211). Площадь его занимаетъ 24491,94 кв. км. при наибольшой длинѣ 402 км. и ширинѣ съ 50 до 100 км. Въ Э. вносится много илу съ озера Гуронъ и съ его состоящихъ изъ мягкихъ горныхъ породъ бе-

реговъ, почему Э. самое мелкое изъ сѣверо-американскихъ озеръ; лишь въ рѣдкихъ мѣстахъ глубина превышаетъ 37 м.; наибольшія встрѣчающіяся глубины достигаютъ 76 м. Въ Э. изливаются лишь короткія рѣчки. Самыя крупныя изъ нихъ Грандъ-риверъ (195 км.) на С и Моми на З. Съ озеромъ Онтаріо озеро Э. соединяется чрезъ Велландскій каналъ. Съ р. Гудсонъ озеро соединяется каналомъ Э.; послѣдній начинается недалеко отъ г. Буффало и простирается на В до гг. Трой и Альбани на р. Гудсонѣ. Длина канала 585 км., ширина на днѣ 16 м., на поверхности 21,3 м., глубина 2 м.; каналъ сооруженъ въ 1817—25 гг., расширенъ и углубленъ въ 1836—42 гг.; каналъ снабженъ 72 шлюзами. По каналу ходятъ плоскодонныя барки 27,7 м. длины, 5,3 м. ширины, съ осадкой 1,3 м. и вмѣстимостью въ 240 тоннъ. Такъ какъ со времени сооруженія жел. дорогъ значеніе канала для грузового движенія между Атлантическимъ побережьемъ и приозерными штатами упало, то проектируется его углубить и сдѣлать доступнымъ для судовъ со вмѣстимостью въ 1000 тоннъ. Другіе каналы соединяютъ г. Кливлэндъ съ г. Портсмутъ на р. Охайо (каналъ Охайо), г. Толедо съ г. Цинциннати (Міами-каналъ); къ послѣднему примыкаетъ каналъ Вабашъ-Эри. Затѣмъ озеро Э. связано густой желѣзнодорожной сѣтью съ сосѣдними штатами, откуда чрезъ озеро перевозится уголь, лѣсъ, желѣзо, керосинъ, хлѣбъ и др. товары, направляясь къ р. Св. Лаврентія и Миссисипи. Съ декабря по мартъ гавани замерзаютъ. Осенью господствуютъ частыя бури. Теченія на озерѣ очень сильныя. Естественныхъ хорошихъ гаваней нѣтъ на озерѣ; всѣ гавани сооружены искусственно. Главнѣйшія — Буффало, Дэнкиркъ, Эри, Кливлэндъ, Сандуски и Толедо.

Эри (Erie, произнос. *Ири*) — городъ въ сѣв.-американскомъ штатѣ Пенсильваніи, на южномъ берегу озера Э.; 52733 жит. (1900). Желѣзодѣлательные заводы; производства каретное, кожевенное, обуви; торговля хлѣбомъ и рыбой. Обширная гавань прикрывается близлежащимъ островомъ Прескилемъ. Въ Э. привозится съ озера Мичиганъ желѣзная руда, изъ Канады—лѣсъ, а вывозится каменный уголь.

Эриванская губернія—въ центральной части южнаго Закавказья, между 41°7′ и 38°52′ сѣв. шир. и 60°56′ и 63°54′ вост. долготы, образуетъ неправильный, вытянутый съ СЗ на ЮВ параллелограммъ; граничитъ: на С съ Тифлисской и Елисаветпольской губ., на В съ Елисаветпольской губ., на З съ Карсской областью, на Ю съ Эрзерумскимъ вилайетомъ Азіатской Турціи и съ Адербейджанской провинціей Персіи. Длина государственной границы съ Персіей $246^1/_2$ в., съ Турціей—130 в.; общее протяженіе границъ Э. губ. $1052^1/_2$ вер. Э. губернія занимаетъ 24454,4 кв. вер. или 27830 кв. км. (по Стрѣльбицкому). Жителей 804757. 7 уѣздовъ: Новобаязетскій, Нахичеванскій, Александропольскій, Сурмалинскій, Эриванскій, Эчміадзинскій и Шаруро-Даралагезскій; самый большой изъ нихъ—Новобаязетскій, самый малый—Шаруро-Даралагезскій. Въ отношеніи рельефа Э. губ., занимающая южную часть Малаго Кавказа и восточную Арминскаго нагорья, представляетъ возвышенную покатую съ С на Ю страну, окаймленную и изрѣзанную хребтами и горными группами, раздѣляющими ее на рядъ волнистыхъ плато и высокихъ равнинъ, приподнятыхъ на высоту отъ 3 до $6^1/_2$ тыс. фут. надъ уровнемъ моря. Наиболѣе возвышенныя мѣстности лежатъ на С губерніи. Александропольская равнина, расположенная между Безобдальскими горами и Алагезомъ, не ниже 5000—6000 фт., а дно занимающей всю сѣв.-вост. часть губерніи Гокчинской котловины, приподнято даже до 6340 фт. надъ ур. моря. Южнѣе страна нѣсколько понижается по направленію къ Араксу, и равнины, лежащія по теченію этой рѣки, не выше 2 — 3000 фт. надъ ур. моря. Въ общемъ, 3,6% всей площади Э. губ. лежитъ на высотѣ отъ 1000 до 2000 фт., 16,8% на высотѣ отъ 2 до 4 т. фт., 29,8% на высотѣ отъ 4 до 6 т. фт., 38,8%—отъ 6 до 8 т. фт., 9,3% отъ 8 до 10 т. фт. и 2,2% выше 10 т. фт. надъ уровнемъ моря. Такимъ образомъ, болѣе 40% пространства губерніи расположено на высотѣ болѣе 6 тыс. фт. надъ ур. моря. Въ виду значительнаго поднятія страны, пересѣкающіе ее горные хребты не поражаютъ грандіозными размѣрами и нерѣдко склоны ихъ поднимаются сравнительно пологими скатами на высоту 11—12 тыс. фт., гдѣ въ защищенныхъ мѣстахъ снѣгъ сохраняется круглый годъ. Исключеніе въ этомъ отношеніи представляютъ лишь два уединенные горные массива—Алагезъ и Араратъ, поднимающіе свои крутыя вершины за предѣлы вѣчнаго снѣга. Самую сѣверную часть Э. губ. занимаетъ, какъ указано, Александропольское плато, расположенное между Безобдальскимъ хребтомъ, отдѣляющимъ его отъ Тифлисской губ. на С., и Алагезомъ и Памбакскими горами на Ю. Средняя высота обоихъ хребтовъ около $8^1/_2$ тыс. фт., отдѣльныя вершины достигаютъ 9900—10200 фт. Восточная часть нагорья между Безобдальскими и Памбакскими горами орошается верховьями р. Борчалы, составляющей правый притокъ р. Храма и носящей здѣсь названіе Памбакъ, а западная, простирающаяся до Алагеза, прорѣзывается верхнимъ теченіемъ Арпачая. Далѣе къ ЮЗ высится вулканическій массивъ Алагеза, который со всѣми своими отрогами и контрфорсами занимаетъ огромное пространство почти въ 2000 кв. в. и поднимается до 13436 фт. надъ ур. моря. Къ В отъ Алагеза между Памбакскими горами на С, хр. Агманганъ на В и 40° сѣв. шир. на Ю въ центральной части Э. губ. расположено Дарачичаго-Абаранское плато; оно нѣсколько ниже Александропольскаго, изрѣзано отрогами Памбакскихъ и Агманганскихъ горъ и орошается рѣчками: Абараномъ и Зангой, впадающими слѣва въ Араксъ. Сѣверная окраина этой части губ. приподнята на высоту $6^1/_2$ и 7 т. фт., южная, прилегающая къ г. Эривани, не выше $3^1/_2$—4 т. фт.; вершины горъ не достигаютъ $9^1/_2$ тыс. фт. Вся сѣверо-восточная часть Э. губ. занята обширной котловиной оз. Гокчи, окайм-

ленной со всѣхъ сторонъ высокими горами. Площадь котловины около 4200 кв. в., изъ коихъ 1200 кв. в. занято озеромъ (6340 фт. надъ ур. моря). Гокчинскую котловину съ СВ окаймляетъ хреб. Шахъ-дагъ или Гюнейскій, отдѣляющій ее отъ Елисаветпольской губ., въ сѣв. части этого хребта находится Семеновскій перевалъ (7124 фт.), черезъ который до постройки ж. дор. вела единственная дорога (отъ ст. Акстафа Закавк. ж. д.) на оз. Гокчу и въ Эривань. Къ южной оконечности его, достигающей наибольшей высоты (Гиналъ-дагъ 11057 фт.), примыкаетъ хреб. Гезаль-дара или Гокчинскій, окружающій Гокчинскую котловину съ Ю; многія вершины его превышаютъ 11000 фт. надъ ур. моря. Наконецъ, по западной окраинѣ котловины оз. Гокчи тянется Агманганскій хреб., состоящій изъ ряда потухшихъ вулкановъ, вершины коихъ, нерѣдко съ замѣтными кратерами, поднимаются почти до 12000 фт. Гокчинская котловина орошается нѣсколькими небольшими рѣчками, впадающими въ озеро и верховьями р. Занги (см.), которая, вытекая изъ Гокчи въ сѣв.-зап. углу озера, поворачиваетъ на ЮЗ и, пройдя мимо г. Эривани, впадаетъ въ Араксъ. Юго-восточная часть Э. губ. занята горной страной (Даралагезъ), образуемой многочисленными западными отрогами высокаго Зангезурскаго хребта, направляющагося отъ горъ Гезаль-дара, прямо на Ю къ Араксу и составляющаго границу Э. губ. съ губ. Елисаветпольской. Многія изъ вершинъ Зангезурскаго хребта поднимаются выше 10—11 т. фт., а нѣсколько достигаютъ почти 13 т. фт. надъ ур. моря (Капуджихъ 12855 фт.). Помянутая горная страна орошается р. восточн. Арпачаемъ, Нахичевань-чаемъ и Алинджичаемъ, текущими въ глубокихъ ущельяхъ и впадающими въ Араксъ. На южной окраинѣ Э. губ. по теченію р. Аракса расположены наиболѣе ровныя и низкія ($3^{1}/_{2}$ — 2 т. фт.) мѣстности губ., представляющія рядъ плоскихъ равнинъ, понижающихся съ З къ В. Наиболѣе значительное пространство, около $^{2}/_{3}$ т. кв. в., занимаетъ плодородная Эриванская равнина, расположенная въ юго-зап. части Э. губ. по обѣ стороны р. Аракса, отъ предгорій Алагеза на С до подошвы Агридагскихъ горъ, составляющихъ государственную границу съ Турціей на Ю. Крутой и скалистый Агридагскій хр., высотой отъ 9 до $10^{1}/_{2}$ т. фт., заканчивается на В, на меридіанѣ Эривани, имѣющимъ до 120 в. въ окружности массивомъ Араратской горной группы, состоящей изъ Большого Арарата (16915 фт.) и Малаго Арарата (12840 фт.), въ сѣдловинѣ между коими сходятся границы Россіи, Персіи и Турціи. Вершина Бол. Арарата покрыта вѣчнымъ снѣгомъ (снѣговая линія на сѣв. и зап. склонахъ спускается до 12806 фт., на вост. и южн. — до 12136 фт.), а въ ущельяхъ его лежатъ небольшіе ледники. Снѣга Арарата не даютъ начала ни одной рѣки, такъ какъ почти вся вода поглощается пористою вулканическою почвою. Въ геологическомъ отношеніи нагорья Э. губ. представляютъ страну, гдѣ нѣкогда вулканическая дѣятельность проявлялась съ большою интенсивностью; поверхность ихъ покрыта огромными толщами туфа, трахитовъ, базальтовъ, долеритовъ, лавъ и другихъ изверженныхъ породъ, а многія горныя вершины (Арараты, Алагезъ, вершины Агманганскаго хребта и проч.) представляютъ потухшіе вулканы. Воды Э. губ., за исключеніемъ лишь самой сѣв. части, гдѣ протекаютъ верховья Борчалы (Памбакъ) и Акстафы, вливающихъ свои воды въ Куру, принадлежатъ къ системѣ Аракса. Всѣ рѣки Э. губ., кромѣ Аракса, представляютъ въ сущности горные потоки, протекающіе въ глубокихъ ущельяхъ, быстро измѣняющіе количество воды въ зависимости отъ таянія снѣга или дождей, и имѣющіе значеніе лишь въ качествѣ источниковъ орошенія, безъ котораго земледѣліе въ большей части губ. невозможно. Главной рѣкой Э. губ. является Араксъ, протекающій въ южной пограничной съ Турціей и Персіей полосѣ. Араксъ протекаетъ по границѣ Э. губ. съ Карсской обл. 24,8 в., внутри губ. 141,6 в. и по границѣ ея съ Персіей 210 в., а всего на протяженіи 376,4 в. Среднее паденіе рѣки на версту колеблется отъ 1 до 30 фт., въ среднемъ $6^{1}/_{2}$ фт., ширина 15—60, мѣстами 100 саж., глубина 3—15 фт. Вода, почти всегда мутная, но здоровая, начинаетъ прибывать въ мартѣ, иногда въ февралѣ, при чемъ прибыль достигаетъ иногда 3 саж.; убыль начинается съ іюня; бродовъ въ губерніи 32, паромныхъ переправъ 5, мостовъ нѣтъ (2 желѣзныхъ строятся). Судоходство вслѣдствіе мелководья невозможно. Кромѣ Гокчи (см.) значительныхъ озеръ въ предѣлахъ Э. губерніи нѣтъ. Климатическія условія Э. губерніи весьма разнообразны въ зависимости отъ положенія мѣстности надъ уровнемъ моря; отличительными особенностями климата являются рѣзкія колебанія температуры по временамъ года и часамъ дня, сильныя жары лѣтомъ и морозы зимою и весьма небольшое количество выпадающихъ осадковъ. Ниже приводятся нѣкоторыя цифровыя данныя о климатѣ Э. губ., при чемъ нужно замѣтить, что станціи Александрополь и Ново-Баязетъ, будучи расположены на значительныхъ высотахъ, характеризуютъ климатъ нагорья и плато, а ст. Эривань, Эчміадзинъ и Аралыхъ климатъ приаракскихъ равнинъ, лежащихъ почти вдвое ниже нагорій.

	Выс. въ метр.	Январь.	Апрѣль.	Іюль.	Августъ.	Ноябрь.	Годъ.	Годовое кол. осад. въ мил.	Число дней съ осадк.
Новый Баязетъ . .	1946	— 5,3	4,5	17,4	17,7	2,3	6,0	474	105
Александрополь .	1524	— 10,9	5	18,4	18,8	1,7	5,4	381	95
Эривань	994	— 9	12,6	24,3	25	6,2	11,2	324	93
Эчміадзинъ . . .	865	»	»	»	»	»	»	267	»
Аралыхъ (подошва Арарата) . . .	839	— 6,4	12,7	26,1	26,3	4,6	11,6	158	58

Наиболѣе мягкимъ климатомъ отличается приаракская равнина. Весна здѣсь начинается въ концѣ февраля, въ мартѣ цвѣтутъ фруктовыя деревья, въ концѣ мая или въ первой половинѣ іюня убираютъ хлѣбъ и травы выгораютъ. Жары достигаютъ наибольшей силы въ іюлѣ и августѣ, при чемъ температура поднимается до 40° въ тѣни. Съ октября устанавливается осень, продолжающаяся до половины декабря, когда наступаетъ зима, продолжающаяся около 2 мѣсяцевъ. Выпавшій снѣгъ быстро таетъ, безснѣжные морозы достигаютъ иногда 20 и болѣе градусовъ (Эривань—26,7). Дожди идутъ главнымъ образомъ весною и зимою; мѣстами (Аралыхъ) количество осадковъ крайне невелико. Вѣтры (чаще всего сѣв. и зап.) часты. Въ виду сильныхъ жаровъ лѣтомъ, міазмовъ отъ орошенныхъ полей (рисъ), плохой воды и другихъ неблагопріятныхъ условій климатъ разсматриваемаго района вреденъ для здоровья населенія, болѣющаго часто лихорадкой и другими болѣзнями. Нагорная часть Э. губ. отличается значительно болѣе суровымъ климатомъ, мѣстами напоминающимъ климатъ сѣверной половины Европейской Россіи. Снѣга здѣсь выпадаютъ въ ноябрѣ и зима нерѣдко продолжается 6—7 мѣсяцевъ, при вьюгахъ и морозахъ, достигающихъ 30 и болѣе градусовъ (Ново-Баязетъ—32,3); лѣто короткое, прохладное, съ частыми дождями, градобитіями, а мѣстами и съ туманами. Оз. Гокча замерзаетъ по краямъ, а въ болѣе суровыя зимы и все, мѣсяца на два. Первые заморозки бываютъ въ августѣ или въ началѣ сентября, а послѣдніе—въ началѣ мая. Вслѣдствіе неблагопріятныхъ климатическихъ условій, хлѣба во многихъ мѣстностяхъ не вызрѣваютъ и жители вынуждены вести пастбищно-скотоводственное хозяйство. Лѣса въ Э. губ. занимаютъ небольшое пространство и сосредоточены почти исключительно по склонамъ и ущельямъ горъ. Общая лѣсная площадь, состоящая въ вѣдѣніи казеннаго управленія—159996 дес., изъ коихъ пригодно для произрастанія лѣса и занято имъ лишь 67761 дес., т. е. $2{,}8^0/_0$ всей площади губерніи. Частныхъ лѣсовъ въ Э. губ. не болѣе 5000 дес. Господствующія породы: дубъ, букъ, грабъ, ясень, кленъ, вязъ (карагачъ), можжевельникъ, береза, осина, груша, яблоня, лохъ, тополь, кизилъ, ольха. Лѣсной матеріалъ не высокаго качества и потому идетъ главнымъ образомъ на дрова и угли; дрова очень дороги и во многихъ безлѣсныхъ мѣстностяхъ замѣняются кизякомъ. Нагорныя равнины и невоздѣланныя мѣста по Араксу покрыты травянистой растительностью, слагающеюся преимущественно изъ представителей степной и солончаковой флоры; склоны горъ, давно оголенные отъ лѣсовъ, обыкновенно поросли рѣдкимъ кустарникомъ. Населеніе Э. губ. (429689 мжч., 375068 жнщ., по переписи 1897 г.) слагается изъ армянъ ($56^0/_0$), адербейджанскихъ татаръ ($37^1/_2{}^0/_0$), курдовъ ($5^1/_2{}^0/_0$) и русскихъ ($0{,}6^0/_0$); остальные $0{,}4^0/_0$ приходятся на айсоръ, грековъ, грузинъ, евреевъ и цыганъ. $55^0/_0$ армяно-грегоріане, $0{,}9^0/_0$ армяно-католики, $41^0/_0$ мусульмане ($36{,}7^0/_0$ шіиты, $4{,}3^0/_0$ сунниты), $1{,}7^0/_0$ іезиды (часть курдовъ), $0{,}5^0/_0$ православные, $0{,}4^0/_0$ сектанты и т. п. Армяне живутъ преимущественно въ сѣв.-зап. части губерніи, татары—въ юго-восточной, курды—въ юго-западной. Большинство населенія живетъ осѣдло; часть татаръ и въ особенности курдовъ ведетъ полукочевой образъ жизни. Главныя занятія населенія — земледѣліе и скотоводство. Земледѣліе распространено приблизительно до $6^1/_2$—7 тыс. фт. надъ ур. моря. Ниже 4—5 тыс. футовъ занятіе земледѣліемъ безъ искусственнаго орошенія невозможно. Мѣстами потребность въ орошеніи ощущается и значительно выше, напр. по берегамъ оз. Гокчи. Для орошенія служатъ рѣки, горные ручьи, родники, болота, подземныя оросительныя галлереи (каризы) и искусственныя водохранилища. Въ верхнемъ поясѣ земледѣлія, выше $4^1/_2$ тыс. фт., воздѣлываются сравнительно немногія хлѣбныя, бобовыя и масличныя растенія; въ слѣдующемъ поясѣ, отъ $4^1/_2$ до 3 тыс. фт., разводятся, кромѣ того, садовыя насажденія; ниже 3000 фт. появляются хлопокъ, рисъ, кунжутъ, клещевина и другія аналогичныя культуры, требующія высокой лѣтней температуры и продолжительнаго лѣта. Наиболѣе разнообразны культуры въ приаракской долинѣ и, въ особенности, въ нижней ея части (въ Нахичеванскомъ у.); въ наиболѣе возвышенныхъ мѣстностяхъ нагорья нерѣдко воздѣлывается лишь одинъ ячмень. Изъ полевыхъ растеній въ Э. губ. разводятся: пшеница, ячмень, рисъ, просо, полба, овесъ, рожь, гречиха, кукуруза, фасоль, горохъ, чечевица, картофель, хлопокъ, табакъ, ленъ, кунжутъ, клещевина, рыжикъ, сурѣпица, рѣпакъ, конопля, подсолнечникъ, лалеманція, марена, люцерна, эспарцетъ, донникъ, дикій овесъ и др. травы. Важнѣйшее значеніе имѣетъ культура пшеницы, ячменя, проса, риса и хлопка. Озимая пшеница разводится преимущественно на низменности, яровая—на плато, на неполивныхъ участкахъ. Въ 1900 г. пшеницей было засѣяно 166154 дес.; собрано около $17^1/_2$ милл. пудовъ. Ячмень высѣвается преимущественно на возвышенности, посѣвы его мѣстами идутъ почти до $7^1/_2$ тыс. футовъ; въ 1900 г. подъ ячменемъ состояло 58586 десятинъ, давшихъ 4 милл. пудовъ. Рисъ разводится въ наиболѣе теплыхъ мѣстностяхъ съ избыткомъ воды, главнымъ образомъ въ Эриванскомъ у. Въ 1900 г. подъ рисомъ было 8737 дес., давшихъ около $2^1/_2$ милл. пудовъ зерна. Просо высѣвается почти всюду въ небольшомъ количествѣ; урожай его въ среднемъ за 1894—98 гг. составилъ 118 т. пудовъ. Рожь, полба, гречиха, овесъ и кукуруза разводятся въ весьма небольшихъ размѣрахъ. Хлопчатникъ разводится въ наиболѣе теплыхъ мѣстностяхъ Сурмалинскаго, Эриванскаго, Эчміадзинскаго и Шаруро-Даралагезскаго уу.; въ 1900 г. подъ хлопчатникомъ состояло всего 15257 дес., давшихъ около 400000 пудовъ волокна. Масличныя растенія разводятся въ весьма небольшомъ количествѣ; клещевина обыкновенно высѣвается по краямъ хлопковыхъ плантацій для предохраненія ихъ отъ потравы скотомъ; количество сѣмянъ, собираемое въ губерніи, не превышаетъ 5—6 тыс. пудовъ. Кунжута собирается около 15000 пу-

довъ, табаку-махорки—около 10000 пуд. Техника земледѣлія первобытная, усовершенствованныя орудія и пріемы примѣняются лишь въ очень рѣдкихъ случаяхъ. Огородничество, не смотря на благопріятныя условія въ болѣе теплыхъ мѣстностяхъ, развито сравнительно слабо; мѣстами оно, однако, имѣетъ довольно важное значеніе. Разводятъ бобовыя растенія, дыни, арбузы, огурцы, лукъ, капусту и проч. Дыни, огурцы и лукъ играютъ немаловажную роль въ качествѣ пищевого продукта; нѣкоторые сорта дынь (дутма) пользуются широкой извѣстностью во всемъ Закавказьѣ. Въ 1900 г. въ Э. губ. насчитывалось 10298 дес. виноградниковъ и 2868 дес. подъ садами; большая часть виноградниковъ—въ Эриванскомъ и Эчміадзинскомъ уу. Урожай винограда составилъ въ томъ же году 2664587 пд.; около 50% идетъ на винодѣліе, до 30% въ пищу и около 20% на спиртокуреніе. Заводовъ винокуренныхъ въ 1900 г. было 498; выкурено 8821041 градусъ спирта. Плодоводство мѣстами, напримѣръ въ Шаруро-Даралагезскомъ и Нахичеванскомъ уу., имѣетъ довольно важное значеніе. Разводятся всѣ плоды умѣренной полосы, до персиковъ включительно; нѣкоторые сорта послѣднихъ, выращиваемые въ Эривани, Нахичевани и Ордубатѣ, считаются лучшими въ Закавказьѣ. Шелководство развито сравнительно слабо; въ 1901 г. добыто (главнымъ образомъ въ Нахичеванскомъ у.) 20000 сырыхъ коконовъ. Обширныя пространства пастбищъ, расположенныхъ на плато выше предѣла воздѣлыванія хлѣбовъ, а также въ низкихъ мѣстностяхъ, гдѣ отсутствіе орошенія не позволяетъ заниматься земледѣліемъ, благопріятствуютъ скотоводству, которое во многихъ мѣстностяхъ является главнѣйшимъ, а нерѣдко и единственнымъ источникомъ благосостоянія населенія. Курды и часть адербейджанскихъ татаръ, занимающихся скотоводствомъ, ведутъ кочевой образъ жизни, переходя вмѣстѣ со стадами, въ зависимости отъ времени года, съ лѣтнихъ пастбищъ на пастбища зимнія и обратно. Площадь пастбищъ, принадлежащихъ почти исключительно казнѣ и сдаваемыхъ въ пользованіе населенію, составляетъ 597000 дес.; изъ нихъ 325000 дес. приходится на лѣтнія пастбища, 272000 дес. — на зимнія. Съ зимнихъ пастбищъ (кишлагъ), расположенныхъ въ приараксихъ равнинахъ, скотоводы выступаютъ въ промежутокъ времени съ начала марта по начало мая. Полукочевое населеніе и часть осѣдлаго выступаютъ позже, послѣ окончанія весеннихъ полевыхъ работъ. Подвигаясь вверхъ и останавливаясь, иногда на довольно долгое время, на промежуточныхъ стоянкахъ (юдагъ), скотоводы приходятъ на лѣтнія пастбища (яйлагъ) въ маѣ или въ іюнѣ и помѣщаются здѣсь обыкновенно въ шатрахъ. Подъ вліяніемъ прохладнаго воздуха, сочныхъ питательныхъ травъ и ключевой воды скотъ быстро поправляется и даетъ больше молока, изъ котораго на яйлагахъ приготовляютъ сыръ, масло и другіе продукты. Спускаются съ яйлаговъ въ сентябрѣ. Осѣдлые жители возвращаются въ свои селенія; до поздней осени они держатъ скотъ на подножномъ корму на жнивьяхъ и въ лѣсахъ, затѣмъ крупный скотъ ставятъ на зиму въ стойла, а мелкій отправляютъ съ пастухами на зимнія пастбища. Курды, которые занимаются только овцеводствомъ, идутъ со скотомъ прямо въ кишлаги, гдѣ сами живутъ въ зимовникахъ, а скотъ держатъ на подножномъ корму. Такимъ образомъ, скотоводство въ Эриванской губерніи имѣетъ въ значительной степени первобытный характеръ. Въ предѣлахъ губерніи насчитывается (1900 г.) головъ скота: лошадей и муловъ 38720 (3,3%), рогатаго скота 434630 (37,6%), буйволовъ 44620 (3,8%), овецъ и козъ 605840 (52,4%), верблюдовъ 5610 (0,5%) и ословъ 27580 (2,4%). Фабрично-заводская промышленность развита въ Эриванской губ. слабо; кромѣ уже отмѣченнаго выше виноградоводочнаго, наиболѣе развиты производства шелкомотальное, спиртоочистительное, мукомольное, мѣдноплавильное, маслобойное, хлопкоочистительное, пивоваренное. Крупныхъ промышленныхъ предпріятій весьма немного. Въ 1900 г. насчитывалось 3469 промышленныхъ заведеній, съ суммою производства въ 1336640 руб., изъ коей болѣе 1 милл. приходится на мукомольное (409 тыс.), виноградоводочное (390 тыс.), шелкомотальное (117 т.) и спиртоочистительное (98 т.) производства. Ремесленная и въ особенности кустарная промышленность развита довольно значительно въ нѣкоторыхъ районахъ и, не смотря на мелкіе размѣры производства, имѣетъ довольно важное для населенія значеніе. Общій оборотъ этого рода промышленности исчисляется въ 309000 руб.; наиболѣе значительны отрасли ея — производства башмачное, портняжное, серебряное и ковровое. Кустарное ковровое производство развито преимущественно у кочевого и полукочевого населенія и тѣсно связано съ его занятіями и бытомъ. Сюда относится производство изъ шерсти курдами и частью татарами ковровъ, паласовъ, джиджимовъ (дорожки), веревокъ, грубой матеріи для шатровъ, мѣшковъ, переметныхъ сумокъ и другихъ предметовъ, необходимыхъ въ ихъ быту и изготовляемыхъ для продажи. Тканьемъ ковровъ и другихъ этого рода издѣлій занимаются исключительно женщины; весною и лѣтомъ онѣ заготовляютъ пряжу и красятъ, а осенью и зимою ткутъ. Сумма производства всѣхъ ковровыхъ издѣлій не превышаетъ 30000 руб. Рудныхъ богатствъ въ горахъ Э. губерніи довольно много, но разработка ихъ развита слабо; извѣстны мѣсторожденія мѣдныхъ, серебросвинцовыхъ, свинцовыхъ, желѣзныхъ и кобальтовыхъ рудъ, сѣры и каменной соли, но въ значительномъ количествѣ добывается только соль. Добыча каменной соли производится въ Сурмалинскомъ уѣздѣ у сел. Кульпъ, на правомъ берегу Аракса, и въ двухъ мѣстахъ въ окрестностяхъ сел. Сустъ Нахичеванскаго у. Въ 1901 г. въ Кульпинскомъ мѣсторожденіи, гдѣ добывается лучшая соль, добыто 1754500 пд., въ Нахичеванскомъ—82659 пд., въ Сустинскомъ—27125 пд. каменной соли. На Сицимаданскомъ мѣдноплавильномъ зав. Александропольскаго у. въ

1901 г. добыто руды 49650 пд., но добыча мѣди не производилась. Въ качествѣ строительнаго матеріала употребляется повсемѣстно встрѣчающійся туфъ. Рыболовство, въ небольшихъ размѣрахъ, на оз. Гокчѣ. Извозный промыселъ, при недавнемъ еще отсутствіи въ Э. губ. желѣзныхъ дорогъ, доставлялъ значительные заработки главнымъ образомъ русскимъ сектантамъ. Выручка населенія за извозъ простиралась въ 1900 г. до 450000 руб. Главнѣйшей магистралью сообщенія въ губерніи была, до постройки желѣзной дороги отъ Тифлиса до Эривани, шоссейная дорога отъ ст. Акстафа черезъ Семеновскій перевалъ мимо оз. Гокчи на Эривань. Нынѣ, съ постройкой желѣзной дороги, обслуживающей на протяженіи около 250 вер. всю западную и сѣверную окраину губерніи, движеніе по означенному пути значительно сократилось. Важное значеніе имѣетъ грунтовая дорога, соединяющая гор. Эривань съ Нахичеванью и далѣе съ пограничнымъ на Араксѣ сел. Джульфа, черезъ которую ведетъ обычный торговый путь изъ Закавказья въ Таврисъ и Тегеранъ. Торговыхъ заведеній насчитывалось въ 1899 г. 2789, изъ нихъ 2313 съ оборотомъ до 5000 руб. и 28 съ оборотомъ свыше 50000 р. Общая сумма оборотовъ—14035120 р. Такимъ образомъ торговля въ губерніи преобладаетъ мелкая. Торговый обмѣнъ Э. губ. съ Персіей производится почти исключительно черезъ Джульфу; изъ Персіи привозятся главнымъ образомъ фрукты, свѣжіе и сушенные, финики, изюмъ, миндаль, фисташки, кожи, хлопокъ, шерстяные ковры, въ Персію вывозятся ткани и посуда. Мужская и женская гимназіи и учительскій институтъ въ Эривани, женская прогимназія въ Александрополѣ, городскихъ училищъ 5, городскихъ начальныхъ общественныхъ 12, городское начальное казенное 1, сельскихъ казен. нормальн. 4, сельскихъ 12, мин. нар. просв. 18, начальныхъ 39 и частныхъ 8. Учащихся въ 1900 г. было 6983. При нѣкоторыхъ училищахъ ремесленныя и сельско-хозяйственныя отдѣленія. Территорія Э. губ. вошла въ составъ Россіи въ 1828 г., по Туркменчайскому трактату, въ видѣ ханствъ Эриванскаго и Нахичеванскаго, получившихъ первоначально названіе Армянской обл. Въ 1850 г. изъ Армянской обл., съ присоединеніемъ Александропольскаго уѣзда, была образована Э. губ. Съ 1872 г. губернія состоитъ изъ 7 уѣздовъ. Важнѣйшіе населенные пункты, кромѣ Эривани—Александрополь, Нахичевань, Ново-Баязетъ, Ордубатъ и Эчміадзинъ. *М.*

Эриванскій 13-й лейбъ-гренадерскій Его Величества **полкъ**—сформированъ въ 1796 г., подъ названіемъ 18-го егерскаго баталіона; названіе Э. получилъ въ 1827 г., а въ 1855 г. наименованъ лейбъ-гренадерскимъ Э. Его Величества полкомъ. Боевыя отличія: 1) Георгіевское полковое знамя за подвиги на Кавказѣ и въ Азіатской Турціи; 2) знаки на шапкахъ за отличіе въ Персидскую войну 1826—27 г.; 3) двѣ георгіевскія трубы и серебряная труба за Турецкую войну 1828—1829 гг.; 4) георгіевскій сигнальный рожокъ за отличіе при покореніи Зап. Кавказа въ 1864 г.; 5) петлицы на воротникахъ мундировъ штабъ-и оберъ-офицеровъ и нижнихъ чиновъ.

Эриванскія Объявленія—издаются въ г. Эривани, съ 1902 г., 3 раза въ недѣлю. Изд.-редакторъ Л. Я. Тигранеанцъ.

Эривань—губ. городъ Эриванской губ. въ центральной ея части, на правомъ берегу р. Занги, на выс. 3229 фут. надъ ур. моря, подъ 40°10′ с. ш. и 44°30′ в. д. отъ Гринича, въ котловинѣ, окруженной съ СЗ и СВ крутыми возвышенностями, а съ Ю и ЮЗ открытой къ обширной равнинѣ Аракса, за которой высится Араратъ. Подъ городомъ, съ садами, 9450 дес.; домовъ 3171. Территорія Э. орошается каналами, выведенными изъ рѣки Занги и рѣчки Кырхъ-Булахъ; качество воды неудовлетворительное. Климатическія условія Э. отличаются крайностями лѣтнихъ и зимнихъ температуръ и вообще не могутъ быть названы благопріятными. Средняя температура января —9°, февраля —2,8°, марта +5,0°, апрѣля +12,6°, мая +18,8°, іюня +21,4°, іюля +24,3°, августа +25°, сент. +20,6°, окт. +13,6°, ноября +6,2° и декабря —1,4°. Ср. темп. года +11,2°. Зимою морозы нерѣдко достигаютъ 20°, а иногда и 26,7°. Число дней съ осадками 93, годовое колич. осадковъ 324 мм.; наибольшее количество ихъ приходится на апрѣль, май, ноябрь и февраль. Въ августѣ и октябрѣ выпадаетъ 9 — 15 мм. Лѣтомъ, въ іюлѣ и августѣ, температура повышается до 40° въ тѣни. Невыносимыя жары нѣсколько ослабляются частыми сѣверо-восточными вѣтрами, дующими, въ теченіе всего теплаго времени, съ расположенныхъ къ сѣверу отъ гор. возвышенностей. Вѣтры эти, достигающіе наибольшей силы въ самое жаркое время года, поднимающіе тучи ѣдкой пыли и въ общемъ весьма непріятные, оказываютъ, однако, сравнительно благотворное вліяніе, нѣсколько очищая и вентилируя городъ. Лѣтнія жары, въ связи съ плохимъ санитарнымъ состояніемъ города, а равно обиліемъ мошекъ, комаровъ и другихъ насѣкомыхъ, дѣлаютъ пребываніе въ немъ лѣтомъ крайне тяжелымъ, въ виду чего болѣе состоятельное населеніе перебирается въ ближайше, расположенное значительно выше города сел. Канакиръ, а мѣстная администрація переселяется въ урочище Дарачичагъ, въ 57 в. сѣвернѣе Э. Въ садахъ, составляющихъ немалое подспорье городскому населенію, разводятся виноградъ, абрикосы, персики, сливы, айва, груши, яблоки, миндаль, грецкій орѣхъ, гранаты, винныя ягоды. Виноградныя лозы, а также винныя ягоды и гранаты приходится на зиму закрывать землей. Часть садовъ обыкновенно занята декоративными насажденіями, дающими также строевой лѣсъ и дрова (ива, тополь, ясень, вязъ). Довольно важное значеніе имѣетъ также для городскихъ жителей и огородничество. Несмотря на многочисленность садовъ, Э. мало привлекательна: множество улицъ и построекъ имѣютъ азіатскій характеръ и не отличаются благоустройствомъ. Крѣпость, въ южной части города, на крутомъ, обрывистомъ берегу Занги, съ сардарскимъ дворцомъ, мечетью и стариннымъ соборомъ; мечеть красивой отдѣлки, съ

дворомъ, осѣненнымъ вѣковыми вязами. Между городомъ и крѣпостью англійскій садъ, а противъ крѣпости, на правомъ берегу Занги, казенный Сардарскій садъ (прежде принадлежалъ сардарю). Въ армянской церкви Зоравäръ погребенъ, по преданію, апостолъ Ананія. Правосл. церквей 2, армянско-грегоріанскихъ —6, шіитскихъ мечетей — 7. Населеніе Э. (17345 мжч. и 11688 жнщ.) слагается изъ русскихъ—2%, армянъ—48% и адербейджанскихъ татаръ—49%; остальные—грузины, евреи и пр. Фабрично-заводская промышленность въ Э. развита слабо; преобладаютъ кустарно-ремесленные промыслы, обороты которыхъ достигаютъ 157300 руб. (1900 г.). Главныя заводскія производства—виноградоводочное, спиртоочистительное и пивоваренное. Въ городѣ (1899 г.) 458 торговыхъ заведеній, изъ коихъ 260 имѣютъ оборотъ (каждое) до 5000 руб., 149 —по 20000 руб., 34—по 50000 руб. и 15—свыше 50000 руб. Общая сумма оборотовъ всѣхъ этихъ заведеній исчисляется въ 5854400 руб. Мужская и женская гимназіи, учительскій институтъ, 7 городскихъ училищъ, 8 частныхъ учебныхъ заведеній. Э. лежитъ въ 352 вер. по желѣзной дорогѣ отъ гор. Тифлиса и въ 175 вер. по колесной дорогѣ отъ Джульфы, черезъ которую направляется главнѣйшій торговый обмѣнъ съ Персіей. Армяне приписываютъ Э. глубокую древность и относятъ основаніе ея ко временамъ Ноя, но первыя извѣстія объ этомъ городѣ встрѣчаются не ранѣе половины VII в. по Р. Хр. До 1441 г. Э. находилась подъ властью армянъ, послѣ чего почти на 4 столѣтія сдѣлалась предметомъ борьбы между персами и турками, которые попеременно овладѣвали ею. Въ 1582 г. турки построили надъ Зангою крѣпость, остатки коей существуютъ до сихъ поръ. Въ 1604 г. шахъ персидскій Аббасъ Великій окружилъ городъ новою стѣною. Въ 1804 г. кн. Циціановъ и въ 1808 г. гр. Гудовичъ пытались овладѣть Э., но безъ успѣха. Въ 1827 г. ген. Паскевичъ блокадой, продолжавшейся съ 25 сентября по 1 октября, принудилъ крѣпость къ сдачѣ; были взяты 49 орудій, 4 знамени и 4 тыс. плѣнныхъ сарбазовъ. За взятіе Э. Паскевичъ получилъ титулъ графа Эриванскаго.

Эриванскій уѣздъ лежитъ въ средне-южной части Эриванской губ. и граничитъ на ЮЗ съ Персіей. 2664 кв. вер. или 3032 кв. км. (по Стрѣльбицкому), Жит. 127072. Въ отношеніи рельефа Э. уѣздъ можетъ быть раздѣленъ на двѣ неравныхъ части: сѣв.-восточную бóльшую возвышенную и юго-западную меньшую низменную. Низменная часть уѣзда представляетъ равнинное пространство, расположенное по долинѣ р. Аракса, длиною около 70 в. и шириною отъ 8 до 13 вер. Низшая точка равнины на границѣ съ Шаруро-Даралагезскимъ у. лежитъ на высотѣ 2667 фт. н. ур. моря, высшая около гор. Эривани на высотѣ около 3200 фт. Вся площадь равнины прорѣзана сѣтью оросительныхъ каналовъ, выведенныхъ изъ лѣвыхъ притоковъ Аракса; густое населеніе сосредочено въ большихъ селеніяхъ съ обширными садами. Возвышенная часть Э. уѣзда представляетъ обширное вулканическое нагорье, прилегающее въ сѣв.-восточной части къ Агмаганскому хребту, состоящему изъ ряда потухшихъ вулкановъ (Агмаганъ 10173 фт., Ахъ-Дагъ 11711 фт.), ограничивающихъ Гокчинскую котловину съ ЮЗ и постепенно понижающееся къ ЮЗ по направленію къ Араксу и Эривани. Гористая часть уѣзда прорѣзана ущельями Гарни-чая, Веди-чая и другихъ небольшихъ рѣчекъ и ручьевъ, высыхающихъ лѣтомъ, а во время дождей и таянія снѣговъ превращающихся въ бурные потоки, направляющіеся къ Араксу. Весь Э. уѣздъ принадлежитъ къ бассейну Аракса, въ который слѣва впадаютъ три главныя рѣки уѣзда: Занга, протекающая на границѣ уѣзда или внутри его на протяженіи около 50 верстъ, Гарни-чай, длиною около 50 вер., Веди-чай—около 47 вер. Въ лѣтнее время послѣднія двѣ рѣки, а равно и всѣ маленькія рѣчки до Аракса не доходятъ, такъ какъ вода ихъ разбирается на орошеніе до послѣдней капли. Климатъ уѣзда весьма разнообразный; въ низменной части жаркій лѣтомъ и довольно холодный, съ морозами до 20°, зимою; въ возвышенной—умѣренный лѣтомъ и суровый, съ морозами и обильными снѣгами, зимою (см. Эриванская губ.). Высокая лѣтняя температура приараксқой низменности вызываетъ необходимость въ искусственномъ орошеніи, безъ котораго земледѣліе здѣсь невозможно, и благопріятствуетъ культурѣ риса, хлопчатника, клещевины, садовъ и т. п.; пшеница и ячмень поспѣваютъ въ началѣ іюня. Въ нагорной части хлѣба и травы произрастаютъ въ большинствѣ мѣстностей безъ орошенія и поспѣваютъ иногда не ранѣе конца августа или половины сентября. Населеніе Э. уѣзда (69588 мжч. и 57484 жнщ.), группирующееся въ 16 сельскихъ обществахъ и 205 селеніяхъ, состоитъ (безъ гор. Эривани) изъ 53½% адербейджанскихъ татаръ, 37% армянъ, 8% курдовъ, 1% айсоровъ и около 0,5% русскихъ. Около 62% мусульманъ (52½% шіиты), 37% арм.-грегоріанъ и около 1% православныхъ. Главныя занятія—земледѣліе съ садоводствомъ и скотоводство. Въ низменныхъ жаркихъ мѣстахъ культуры весьма разнообразны (пшеница, ячмень, рисъ, просо, горохъ, чечевица, хлопчатникъ, ленъ, кунжутъ, клещевина, конопля и проч.), въ возвышенныхъ ограничиваются нерѣдко только ячменемъ. Изъ травъ высѣвается люцерна. Техника земледѣлія въ первобытномъ состояніи. Въ 1900 г. въ Э. уѣздѣ собрано: пшеницы озимой и яровой 1918000 пд., ячменя около 200000 пд., риса 2100000 пд., картофеля 4600 пд., хлопка 70835 пд. Подъ виноградниками въ Э. уѣздѣ насчитывается 5448 дес. (½ всего количества въ Э. губ.), давшихъ 1118380 (1900) пд. винограда. Подъ плодовыми насажденіями (персики, абрикосы, сливы, яблоки, груши, винныя ягоды, гранаты и проч.) около 1320 дес. Мѣстами развито и огородничество, въ особенности разведеніе арбузовъ и дынь, служащихъ подспорьемъ въ пищѣ. Скотоводство развито преимущественно въ нагорной части уѣзда; на лѣтніе мѣсяцы скотъ перегоняется въ горы на лѣтнія пастбища, а на зиму спускается внизъ, гдѣ овцы и козы всю зиму остаются на под-

ножномъ корму. Въ 1900 г. въ Э. уѣздѣ насчитывалось головъ: лошадей и муловъ 7630, крупнаго рогатаго скота 59680, буйволовъ 3330, овецъ и козъ 52700, верблюдовъ 1630, ословъ 4150, а всего 129120, или 11% всего скота въ губерніи. Кожа, шерсть и волосъ частью сбываются на сторону, частью служатъ, въ особенности у кочевыхъ курдовъ, матеріаломъ для кустарныхъ издѣлій — тканей, ковровъ, мѣшковъ, кожаныхъ рѣшетъ, обуви и т. п. Ремесленниками являются преимущественно армяне. Фабрично-заводская промышленность въ общемъ мелкая и развита слабо, хотя и значительно больше, чѣмъ въ другихъ уѣздахъ Эриванской губерніи. Главныя производства—винеградно-водочное, пивоваренное, мукомольное, спиртоочистительное и рисоочистительное; большая часть крупныхъ промышленныхъ заведеній—въ городѣ Эривани. Всего въ Э. уѣздѣ съ губернскимъ городомъ 449 заведеній, съ суммой производства въ 493520 руб., что составляетъ 37% суммы производства по всей губерніи. Торговыхъ заведеній (въ 1899 г.) въ Э. уѣздѣ, безъ Эривани, 267, изъ коихъ 261 съ оборотомъ не свыше 5000 руб.

Эригена (Іоаннъ Скотъ) — философъ IX в., попытавшійся объединить въ своихъ воззрѣніяхъ результаты предшествовавшаго ему развитія спекулятивной мысли въ христіанствѣ на Востокѣ и Западѣ и создавшій неожиданно высокую по достоинствамъ для своего времени систему, предупреждающую выводы германской идеалистической философіи. Біографическія свѣдѣнія о немъ далеко неполны. На его кельтское происхожденіе, и именно изъ Ирландіи, кромѣ прямого свидѣтельства его современника, Пруденція труаскаго, указываютъ имена Scotus, Scotigena, вѣроятно также и Erigena (Scotia major, Erin —Ирландія; имя Erigena, впервые находимое въ такой формѣ у Сигиберта de Gembloux † 1112 и въ употребленіе введенное, повидимому, Тритеміемъ † 1516, произошло вѣроятно изъ первоначальнаго Eriugena, какъ пишется это имя въ древнѣйшихъ рукописяхъ перевода ареопагитскихъ твореній; часто встрѣчается еще форма Jerugena). Переселившись въ Галлію, Э. нашелъ пріютъ при дворѣ Карла Лысаго (не позже 847 г.) и пользовался особымъ расположеніемъ этого короля, бывшаго покровителемъ наукъ. Въ 851 г., уступая настоятельнымъ просьбамъ епископовъ Гинкмара реймсскаго и Пардула лаонскаго и желанію самого короля, Э. принялъ участіе въ возбужденномъ незадолго предъ тѣмъ Готтшалкомъ спорѣ о предопредѣленіи и написалъ въ опроверженіе Готтшалка сочиненіе: «De divina praedestinatione». Это сочиненіе, въ которомъ рѣшеніе спорнаго вопроса давалось съ отвлеченно-философской точки зрѣнія и допускались явныя натяжки въ истолкованіи нѣкоторыхъ мѣстъ въ твореніяхъ бл. Августина, вызвало цѣлую бурю со стороны франкскихъ богослововъ. Э. не только отвергъ двойное предопредѣленіе, однихъ къ добру, другихъ къ злу, исходя изъ мысли о простотѣ божественнаго существа и о чисто отрицательномъ значеніи зла, но призналъ, что и въ отношеніи къ добру о божественномъ предопредѣленіи и предвѣдѣніи говорится не въ собственномъ смыслѣ, такъ какъ Богъ выше времени и для Него нѣтъ ни прошедшаго, ни будущаго; единое истинное божественное предопредѣленіе состояло, по Э., въ созданіи человѣка съ свободною волею; злоупотребленіе человѣка свободою есть единственный источникъ зла; весь споръ возникъ вслѣдствіе недоразумѣнія обѣихъ спорившихъ сторонъ. Ученіе философа показалось ересью болѣе опасною, нежели ученіе самого Готтшалка, сдѣлалось предметомъ рѣзкихъ опроверженій (соч. Пруденція и соч. извѣстное съ именемъ Флора) и было осуждено на соборахъ въ Валансѣ (855) и Лангрѣ (859); папа Николай I выразилъ свое согласіе съ послѣднимъ соборомъ. Неизвѣстно, какое участіе принималъ Э. въ другомъ богословскомъ спорѣ своего времени—объ Евхаристіи. Насколько можно судить по нѣкоторымъ мѣстамъ въ его сохранившихся сочиненіяхъ, онъ былъ противникомъ ученія Пасхазія Радберта и долженъ былъ склоняться на сторону Ратрамна. Написалъ ли онъ объ этомъ предметѣ особое сочиненіе—трудно сказать; обычно полагаютъ, что книга объ Евхаристіи съ его именемъ, на которую въ XI в. ссылался Беренгаръ турскій и которая была тогда осуждена церковною властью, какъ еретическая, и сожжена рукою самого Беренгара, въ дѣйствительности принадлежала Ратрамну. Расположенія короля послѣ написанія сочиненія о предопредѣленіи Э. не лишился и, оставаясь при дворѣ, продолжалъ научныя занятія. Принесеннымъ еще изъ Ирландіи знаніемъ греческаго языка онъ воспользовался для изученія греческихъ церковныхъ писателей, будучи проникнутъ вообще самымъ высокимъ уваженіемъ къ мудрости грековъ. По порученію короля, имъ переведены были на латинскій языкъ произведенія, извѣстныя съ именемъ св. Діонисія Ареопагита, котораго тогда во Франціи отождествляли съ Діонисіемъ парижскимъ. Возможно, что это порученіе стояло въ нѣкоторой связи съ споромъ о предопредѣленіи, такъ какъ Гинкмаръ, напр., пытался ссылаться на авторитетъ Діонисія, пользуясь существовавшимъ уже, но крайне неудовлетворительнымъ переводомъ сенъ-денисскаго аббата Гильдуина. Въ 861 или 862 г., въ виду слуховъ о прежнемъ неправомысліи Э., папа Николай I потребовалъ сдѣланный имъ переводъ въ Римъ для разсмотрѣнія. Анастасій Библіотекарь выражалъ потомъ въ письмѣ къ Карлу Лысому (875) удивленіе по поводу успѣшнаго выполненія Эригеной этого дѣла. Для позднѣйшихъ западныхъ мистиковъ и схоластиковъ переводъ Э. получилъ значеніе какъ бы вульгаты и хотя далекъ былъ отъ совершенства, но не былъ вовсе вытѣсненъ изъ употребленія позднѣйшими лучшими переводами. Вслѣдъ затѣмъ, также по желанію короля, Э. перевелъ одно изъ сочиненій св. Максима Исповѣдника: «Ἄπορα εἰς Γρηγόριον» (объясненіе трудныхъ мѣстъ въ словахъ св. Григорія Богослова, у Э. «Ambigua» или «De ambiguis»). При изученіи произведеній греческихъ писателей сложились окончательно собственныя богослов-

ско-философскія воззрѣнія Э., нашедшія выраженіе въ главномъ трудѣ его «Περὶ φύσεως μερισμοῦ id est De divisione naturae libri V». Сочиненіе написано въ видѣ діалога учителя съ ученикомъ, посвящено Вульфаду и окончено, вѣроятно, не позже 866 г., когда Вульфадъ сдѣлался буржскимъ архіепископомъ. Послѣ того Э. были еще написаны: «Expositiones super ierarchiam caelestem S. Dionysii» (не позже, вѣроятно, 875 г.), «Homilia in prologum s. Evangelii secundum Joannem» и «Commentarius in s. Evangelium, sec. Joannem» (сохранились три отрывка). Писалъ Э., по обычаю своего времени, и стихи, хотя не былъ поэтомъ по призванію. Съ вѣроятностью могутъ быть еще присвоемы ему переводъ неоплатоническаго соч. «Prisciani philosophi solutiones eorum de quibus dubitavit Chosroes Persarum rex», «Commentarius in Marcianum Capellam», «Vita Boetii» (весьма краткая) и «Excerpta Macrobii de differentiis et societatibus graeci latinique verbi». О томъ, когда и гдѣ Э. окончилъ жизнь, достовѣрныхъ свѣдѣній не имѣется. Чтобы признать за Э. того ученаго пресвитера и монаха Іоанна, который, по Ассеру, приглашенъ былъ королемъ Альфредомъ изъ Галліи въ Англію (884—886), необходимо предположить, что хотя подъ конецъ жизни Э. сдѣлался монахомъ и пресвитеромъ. Вильгельмъ мальмсберійскій (XII в.) разсказываетъ, что, переселившись въ Англію, Э. былъ учителемъ въ мальмсберійскомъ аббатствѣ и чрезъ нѣсколько лѣтъ кончилъ жизнь отъ руки учениковъ, которые воспользовались для убіенія его орудіями письма (graphiis); за это онъ признанъ былъ мученикомъ и память о немъ хранитъ его гробница въ церкви и эпитафія. Къ отождествленію упоминаемаго Ассеромъ Іоанна съ Э. и къ сообщенію Вильгельма нужно, однако, относиться съ осторожностью, хотя и отвергать возможность этого отождествленія и видѣть у Вильгельма только недоразумѣнія и вымыслы, какъ дѣлаютъ нѣкоторые ученые, нѣтъ достаточныхъ основаній: вопросъ доселѣ остается открытымъ.—Происхожденіе системы Э. въ цѣломъ можетъ быть объясняемо изъ усвоенія и самостоятельнаго раскрытія имъ данныхъ богословской спекуляціи Востока, на основѣ принциповъ и воззрѣній западной августиновской спекуляціи. Изъ произведеній восточныхъ писателей особенное значеніе имѣли для него упомянутыя уже ареопагитскія творенія, нѣкоторыя сочиненія Максима Исповѣдника (кромѣ «Ambigua» Э. извѣстно было и самое обширное произведеніе Максима—отвѣты на вопросы Θалассія о трудныхъ мѣстахъ въ Св. Писаніи, у Э. назыв. Scholia) и трактатъ Григорія Нисскаго «Περὶ κατασκευῆς ἀνθρώπου» (у Э. «De imagine», объ образѣ Божіемъ въ человѣкѣ); соч. Оригена «Περὶ ἀρχῶν» онъ цитуетъ лишь въ переводѣ Руфина. Не меньшее значеніе для него имѣлъ и авторитетъ бл. Августина. Отъ него Э. заимствовалъ принципъ раціональнаго познанія, широкое примѣненіе котораго дѣлаетъ его философомъ, и психологическую точку зрѣнія — тотъ интересъ къ метафизикѣ внутренняго опыта, который роднитъ его систему съ философіей новаго времени. Что касается собственно философской литературы грековъ, то сколько-нибудь широкое непосредственное знакомство съ нею Э. не подтверждается прямыми данными. Платона и Аристотеля онъ знаетъ, повидимому, лишь по тѣмъ немногимъ произведеніямъ ихъ, какія существовали тогда въ латинскихъ переводахъ. Неоплатоническими элементами въ своей спекуляціи онъ обязанъ, вѣроятно, главнымъ образомъ церковнымъ писателямъ, особенно автору ареопагитикъ; переведенное имъ соч. Присціана имѣетъ болѣе естественно-научное, чѣмъ философское содержаніе. Не смотря на постоянное обращеніе въ своихъ трудахъ къ богословамъ, также къ Св. Писанію, самъ Э. является, однако, по общему характеру своей спекуляціи, философомъ въ собственномъ смыслѣ. Въ то время какъ для представителей позднѣйшей схоластики философія играла вообще роль «служанки богословія» и должна была лишь давать средства къ раціональному обоснованію и систематизаціи готоваго уже содержанія, опредѣляемаго авторитетомъ церкви, для Э. самая религія отождествляется съ философіей, какъ свободнымъ изслѣдованіемъ истины. Разумъ не долженъ бояться въ своей дѣятельности никакого авторитета, потому что онъ по природѣ выше и прежде всякаго авторитета и самъ даетъ силу всякому авторитету: авторитетъ долженъ быть разумнымъ чтобы имѣть обязательное значеніе для разума. Авторитетъ божественнаго откровенія (въ Св. Писаніи) признается Эригеной при предположеніи безусловной его разумности; откровеніе не должно стѣснять свободу разума, а напротивъ, должно возбуждать его къ самодѣятельности. Къ церковнымъ авторитетамъ Эригена относится съ уваженіемъ, не исключающимъ критики ихъ мнѣній. Знакомство одновременно и съ восточнымъ, и съ западнымъ богословіемъ дало ему возможность наглядно убѣдиться въ непримиримомъ разногласіи, по нѣкоторымъ пунктамъ, самихъ богослововъ, и онъ вынужденъ былъ поставить судьей надъ ними собственный разумъ. Не будучи схоластикомъ въ собственномъ смыслѣ, Э. не принадлежитъ и къ мистикамъ, хотя восточные авторитеты его— авторъ ареопагитикъ и Максимъ Испов.,—были мистическими писателями и самъ Э. переводомъ ареопагитикъ оказалъ важную услугу позднѣйшимъ западнымъ мистикамъ. Онъ не занимается методикой мистики и самъ выступаетъ въ качествѣ дискурсивно мыслящаго философа. По своему содержанію философія Э., какъ она излагается въ соч. «De div. nat.», представляетъ попытку соединить строгій монизмъ съ христіанскимъ теизмомъ. Основная идея «раздѣленія природы» заимствована, вмѣстѣ съ терминологіей, отъ Максима Испов., но получила у Э. особый смыслъ и самостоятельное развитіе. Все существующее подводится подъ одно понятіе «природы» и различаются 4 формы единой природы: 1) natura non creata creans — Божество, какъ непроисшедшая причина всего, во всемъ проявляющаяся, 2) n. creata creans—божественныя идеи, посредствующія между Богомъ и міромъ, 3) n. creata nec creans—міръ, какъ проявленіе бо-

жественныхъ идей и самого Бога, 4) n. non creata nec creans—Божество, какъ послѣдняя цѣль всего. Божество, поскольку оно проявляется во всемъ, строго говоря не должно бы быть выдѣляемо въ особый видъ бытія. Само по себѣ Оно выше всякихъ понятій и опредѣленій и ни одна изъ аристотелевскихъ категорій не приложима къ Нему въ собственномъ смыслѣ; все, что утверждается о Немъ, съ еще большимъ правомъ можетъ быть отрицаемо (катафатическое и апофатическое богословіе ареопагитскихъ твореній). Оно познается всегда только въ своихъ проявленіяхъ (теофаніяхъ). Лишь для того, чтобы мыслить и о Немъ какъ-нибудь, мыслящій умъ представляетъ и Его въ видѣ какъ бы особой формы или части природы. Идеи суть первый моментъ проявленія Божества и первоначальныя причины (causae primordiales) всѣхъ вещей. Онѣ отъ вѣчности происходятъ отъ Бога и существуютъ въ Логосѣ, который есть ихъ единство. Познаваемы и онѣ могутъ быть лишь поскольку открываются въ мірѣ. Міръ Э. признаетъ дальнѣйшимъ моментомъ проявленія самого Божества чрезъ посредство идей. «Ничто», изъ котораго сотворенъ, по христіанскому ученію, міръ, есть лишь превышающая всякое бытіе и небытіе «пресущественность» (superessentialitas) Божества. Какъ согласить съ божественною природою міра форму временнаго существованія его, которая имѣла начало и должна имѣть конецъ — это составляетъ неразрѣшимую проблему. Самое твореніе міра, появленіе его какъ временнаго или вмѣстѣ съ временемъ, было мгновеннымъ актомъ. Дни творенія въ повѣствованіи Моисея означаютъ только моменты созерцанія бытописателемъ различныхъ сторонъ метафизической конституціи міра. При этомъ матеріальный міръ всецѣло разрѣшается въ духовное бытіе, какъ учитъ и Григорій Нисскій; всякое тѣло есть не болѣе какъ комплексъ невещественныхъ акциденцій непостижимой самой въ себѣ сущности (concursus accidentium). Такимъ образомъ не только все происходитъ отъ Бога и существуетъ въ Богѣ, но и все есть Богъ (ipse omnium essentia est); твореніе есть какъ бы нисхожденіе (processio) въ тварь чрезъ посредство идей или проявленіе въ твари самого Бога. Единая всеобщая природа есть именно божественная природа. Эти совершенно пантеистическія, повидимому, положенія получаютъ, однако, у Э. теистическій характеръ благодаря тому, что, говоря о проявленіи во всемъ Божества, онъ представляетъ Божество по аналогіи съ человѣческимъ духомъ и видитъ въ мірѣ проявленіе именно мысли и воли абсолютнаго самосознательнаго Духа. Человѣкъ занимаетъ вообще въ системѣ Э. особое положеніе, трудно согласимое съ его монизмомъ, но въ то же время долженствующее разъяснить его монистическія утвержденія. Человѣкъ не есть только модусъ или проявленіе Абсолютнаго, но есть вмѣстѣ съ тѣмъ образъ Его. Подобно всему прочему, онъ есть мысль Божества (notio quaedam intellectualis in mente divina aeternaliter facta), но мысль, могущая мыслить себя, самосознательная и существующая, такъ сказать, не на ряду съ прочими мыслями, составляющими сущность конечнаго міра, а представляющая какъ бы синтезъ ихъ. Тождество бытія и мышленія, признаваемое по отношенію къ Божеству, должно имѣть полное значеніе и для человѣка, поскольку онъ есть образъ Бога: все доступное знанію человѣка, т. е. весь конечный міръ, должно по идеѣ разрѣшаться въ его мысль и заключаться въ духѣ человѣческомъ. И въ этомъ нѣтъ, по Эригенѣ, ничего удивительнаго, такъ какъ и по своимъ пространственнымъ опредѣленіямъ внѣшнія тѣла существуютъ въ духѣ и все матеріальное, какъ уже замѣчено, разрѣшается въ нематеріальные элементы. Э. приходитъ, такимъ образомъ, къ идеалистическому ученію о нахожденіи всего въ духѣ человѣческомъ; мгновенное твореніе міра было въ дѣйствительности твореніемъ человѣка. Обычное сознаніе противорѣчитъ, повидимому, указанному выводу, но лишь потому, что настоящее эмпирическое состояніе человѣка не есть нормальное, а есть состояніе паденія, какъ учитъ богословіе. Человѣческая природа, въ неотдѣлимый по времени отъ созданія ея моментъ, сразу во всѣхъ индивидуумахъ человѣческаго рода отпала отъ своего Творца и вслѣдствіе этого въ ней произошло внутреннее раздѣленіе, эмансипація низшей ея стороны, чувства (sensus), отъ высшей — интеллекта, какъ бы распаденіе первоначальнаго единства идеальнаго и реальнаго, переходъ духа въ инобытіе, во внѣшнюю природу. Образъ чувственнаго міра, даваемый чувствомъ, возсталъ предъ духомъ какъ нѣчто внѣшнее, какъ призракъ, неотразимо дѣйствующій на человѣка, хотя этотъ призракъ, какъ психическое явленіе, возникшее изъ собственныхъ нѣдръ его духа, совершенно реаленъ, и призрачность его состоитъ лишь въ томъ, что обычное, не философское сознаніе не умѣетъ разрѣшить его въ чисто духовное бытіе. Къ духовной природѣ человѣка присоединилось матеріальное тѣло, съ свойственной животнымъ организаціей; человѣкъ сдѣлался частью какъ бы выступившаго изъ него самого матеріальнаго міра. Актъ паденія, лежащій въ основѣ эмпирическаго состоянія человѣка и всего міра, самъ по себѣ абсолютно неразуменъ и не допускаетъ никакого раціональнаго обоснованія. Смыслъ жизни человѣчества и сущность мірового процесса заключаются въ возвращеніи (reditus) человѣческой природы, а въ ней и чрезъ нее—и всего сотвореннаго, въ идеальное состояніе; она должна объединиться сама въ себѣ и возсоединиться съ Творцомъ. Моменты этого возвращенія: смерть, воскресеніе тѣла, одухотвореніе всего матеріальнаго и низшаго (conversio in purum spiritum), возвращеніе въ идеи и въ самого Бога (deificatio). Впервые возстановлена человѣческая природа въ идеальное состояніе во Христѣ; чрезъ Него совершается возстановленіе ея во всѣхъ другихъ людяхъ. Воплощеніе Логоса было возсоединеніемъ идей или причинъ всего, существующихъ въ Немъ, съ своими дѣйствіями, т. е. съ конечнымъ міромъ, находящимся въ человѣкѣ; какъ космологія сводится нѣкоторымъ образомъ къ антропологіи,

такъ ученіе о возстановленіи міра и человѣка можетъ быть сведено къ христологіи. Исторія человѣчества и міровой процессъ завершатся всеобщимъ просвѣщеніемъ человѣчества свѣтомъ второго явленія Христа и одухотвореніемъ всего матеріальнаго. Но апокатастасисъ въ объективномъ смыслѣ не исключаетъ возможности будущаго наказанія злыхъ, чрезъ лишеніе ихъ возможности удовлетворять злымъ стремленіямъ своей воли. Такъ какъ все возвратится въ свою Первопричину и упокоится въ Ней и ничто не будетъ происходить отъ Нея такъ, какъ теперь происходитъ, то Она, разсматриваемая какъ цѣль всего, и называется природою не сотворенною и не творящею.—Ученіе Э., еще при жизни вызвавшее осужденіе церковной власти, не могло имѣть въ свое время успѣха на Западѣ, въ виду несогласія его съ традиціонными взглядами западной церкви и неумѣстныхъ съ западной точки зрѣнія симпатій философа къ грекамъ. Въ XII в., не смотря на раньше установившуюся за Э. репутацію неправомыслящаго по вопросамъ о предопредѣленіи и объ Евхаристіи, соч. его «De div. nat.» стало находить читателей между учеными и монахами; но когда, въ началѣ XIII в., парижскій магистръ Амальрихъ бенскій попытался съ каѳедры проводить идеи Э., другіе магистры университета и папа Иннокентій III (1204) признали его ученіе еретическимъ. Амальрихъ вынужденъ былъ отречься отъ своего ученія, но не смотря на это послѣ смерти († 1207) былъ преданъ анаѳемѣ на парижскомъ соборѣ 1210 г.; нѣкоторые послѣдователи его были даже сожжены; латеранскій соборъ 1215 г. подтвердилъ осужденіе амальриханства. Булла Гонорія III отъ 23 янв. 1225 г. потребовала немедленнаго уничтоженія всѣхъ экземпляровъ соч. «De div. nat.», гдѣ бы они ни находились. Э. съ своею системою обреченъ былъ чрезъ это на совершенное почти забвеніе въ теченіе долгаго времени. Имя его извѣстно было по переводу ареопагитикъ, но въ переводчикѣ, въ концѣ концовъ, стали видѣть иное лицо въ сравненіи съ авторомъ «Раздѣленія природы». Благодаря разнымъ случайностямъ, нѣсколько экземпляровъ сочиненія уцѣлѣло, однако, отъ суроваго приговора. Въ первый разъ «De div. nat.» напечатано было въ 1681 г. Гэлемъ (Th. Gale) въ Оксфордѣ и римскою церковью внесено въ индексъ запрещенныхъ книгъ въ 1685 г.; со временемъ это изданіе сдѣлалось рѣдкостью и было воспроизведено въ 1838 г. Шлютеромъ. «De praedest.», сохранившееся въ одной лишь рукописи, издалъ въ 1650 г. Mauguin. Переводъ ареоп. твореній былъ нѣсколько разъ напечатанъ еще въ XVI в. (1503, 1530, 1536, 1556). Новое изданіе всѣхъ извѣстныхъ произведеній Э. богословскаго характера далъ въ 1853 г. Floss. въ 122-мъ т. латинской патрологіи Миня (не принадлежатъ Э., или не составляютъ отрывковъ изъ особыхъ соч. его, помимо названныхъ раньше, напечатанныя здѣсь: «Expositiones seu Glossae in myst. theol.», «Expos. super ier. eccles.», «Liber de egressu et regressu animae ad Deum», вѣроятно и 4 отрывокъ «Comment. in Ev. sec. Joan.»). Стихотворенія издалъ, сверхъ того, Traube (въ «Monum. Germ. historica», «Poetae», III, 2, Берл., 1896). Переводъ соч. Присціана напечаталъ по неполной ркп. Dübner, въ прилож. къ изд. Эннеадъ Плотина (П., 1855), и въ цѣломъ видѣ Bywater (Б., 1886); часть коммент. на Капеллу изд. Hauréau, «Notices et extraits de mss. de la bibl. imp. et autres bibl.» (т. XX, 2, П, 1862); отрывки «Excerpta Macrobii» изд. Keil («Grammatici latini», V, Лпц., 1868); «Vita Boetii» напеч., напр., въ изд. Peiper'a «Philos. consolat.» (Лпц., 1871). «De div. nat.» перев. на нѣм. яз. Noack въ Kirchmann's «Philos. Biblioth.» (т. 40, Б.-Лпц., 1870—1874). Вниманіе изслѣдователей философъ IX в. привлекъ къ себѣ въ XIX в., послѣ появленія германскихъ идеалистическихъ системъ, сходство съ которыми усмотрѣли въ его философіи. Довольно обширная западная литература о немъ, принадлежащая главнымъ образомъ нѣмецкимъ авторамъ, представляетъ немалое разногласіе мнѣній о его значеніи и объ общемъ смыслѣ его воззрѣній. Нѣкоторыми католическими учеными Э. провозглашенъ былъ, не смотря на судъ о немъ римской церкви, «чудомъ исторіи», «геніемъ, который заключаетъ въ себѣ цѣлые міры и идеи котораго имѣютъ внутреннее сродство съ идеями самыхъ выдающихся философовъ и богослововъ всѣхъ временъ»; въ его системѣ увидѣли истинный философскій теизмъ и живую глубокую христіанскую вѣру (Staudenmaier, «J. S. E. und die Wissenschaft seiner Zeit», ч. I, Франкф. на Майнѣ, 1834; Schlüter, 1838; Huber, «J. S. E.», Мюнхенъ, 1861; Bach, «Die Dogmengesch. des Mittelalters», I, B., 1873). Въ противоположность такимъ отзывамъ представители ультрамонтанства и новосхоластической философіи въ католичествѣ пытались особенно выставить на видъ пантеизмъ Э., не желая иногда видѣть у него ничего оригинальнаго, а усматривая лишь простое возвращеніе къ нехристіанской философіи неоплатонизма (Hock, 1835; Möller, «J. S. E. u. seine Irrthümer», Майнцъ, 1844; боннскій анонимъ, 1845; частью Kaulich, «Das spec. System des J. S. E.», Прага, 1860, и «Geschichte der schol. Phil.», Прага, 1863; Stöckl, «Gesch. der schol. Phil.», I, Майнцъ, 1864, и «De J. S. E.», Мюнстеръ, 1867). Протестантскіе писатели, богословы и философы, не связанные въ своихъ сужденіяхъ, подобно католикамъ, внѣшнимъ авторитетомъ и сходясь вообще въ признаніи высокихъ достоинствъ спекуляціи Э., этого «Гегеля IX-го столѣтія, который многократно поразительнымъ образомъ соприкасается съ Гегелемъ столѣтія XIX-го и его предшественниками въ философіи» (Ноакъ), также частью разошлись между собою въ опредѣленіи истиннаго—теистическаго или пантеистическаго—смысла его ученія. Если нѣкоторые изъ нихъ болѣе или менѣе благопріятно отзываются о христіанскомъ смыслѣ его воззрѣній (Helfferich, «Die christl. Mystik», Гота, 1842; Ritter, «Gesch. d. Phil.», VII, Гамб., 1844; Hamberger, «Physica sacra», Штуттг., 1869; Meusel, «Doctrina J. S. E. cum christiana comparatur», Бауценъ, 1869), то въ большинствѣ случаевъ

теистическіе элементы въ его системѣ относятся ими лишь на счетъ его религіознаго чувства или христіанскаго сознанія и считаются внѣшними для самой системы (Neander, 1836; Kurtz, 1856; Christlieb, «Leben u. Lehre des J. S. E.», Гота, 1860—подъ вліяніемъ пониманія Э. Бауромъ, 1842; Noack, «J. S. E.», Лпц., 1876; F. Hoffmann, 1876; R. Hoffmann, 1877; Anders, 1877; Wotschke, «Fichte u. Erigena», Галле, 1896); можно встрѣтить и болѣе рѣзкія сужденія—объ отсутствіи у него религіозной вѣры (Buchwald, «Der Logosbegriff des J. S. E.», Лпц., 1884). Наиболѣе обстоятельныя изслѣдованія объ Э. въ зап. лит. принадлежатъ Губеру и Кристлибу; первымъ по времени въ XIX ст. было соч. Hjort, «J. S. E.» (Копенг., 1823). Помимо общихъ курсовъ, см. еще: Taillandier, «Scot Erigène et la phil. scolast.» (Страсб.-Пар., 1843); Capello, «Scot Erigena e le sue dottrine» (Туринъ, 1879); Gardner, «Studies in John the Scot Erigena» (Лонд., 1900); Dräseke, «J. S. E. und dessen Gewährsmänner in seinem Werke De div. nat.» (Лейпц., 1902); Татарскій, «Сущность и происх. филос. I. С. Э.» («Вѣра и Раз.», 1885, II, 2); Бриллiантовъ, «Вліяніе вост. богословія на зап. въ произв. I. С. Э.» (СПб., 1898; реценз. Серебреникова въ «Ж. М. Н. Пр.», 1898, окт., отвѣтъ на рец.: «Къ вопросу о филос. Э.», СПб., 1899).

А. Бриллiантовъ.

Эридана (Eridanos) — въ греческой миѳологіи названіе рѣки въ Европѣ, которая на дальнемъ сѣверѣ впадаетъ въ океанъ. Въ нее впадаетъ Фаэтонъ (Phaethon). Позднѣе она была отожествлена съ рѣкой По.

Эриданъ (Рѣка)—созвѣздіе южнаго неба, простирающееся узкой полосой (съ двумя изгибами) отъ 1^h 30^m прямого восхожденія и 60° южнаго склоненія до 5^h прям. восхожд. и 0° склоненія. Окружено созвѣздіями Кита, Феникса, Часовъ, Зайца, Тельца; принадлежитъ къ созвѣздіямъ Птолемея (см. Созвѣздія). Древніе толкователи отождествляли Э. то съ Океаномъ, омывающимъ всю землю, то съ рѣками По, Ниломъ или Евфратомъ; по миѳу—Фаэтонъ былъ низверженъ въ Э. Звѣздъ до 7-й величины въ созвѣздіи—293. Самая яркая (1-й величины) Ахернаръ, въ южной части созвѣздія. Интересны: двойная звѣзда 3-й величины θ Eridani (повидимому значительно потускнѣвшая со временъ Птолемея); двойная — ρ Eridani; тройная — o Eridani. Двѣ звѣзды γ и π Eridani замѣчательны спектрами III типа.

Эриду (греч. 'Ράτα у Птолемея) — одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ міра, самый южный изъ вавилонскихъ религіозныхъ центровъ, лежавшій нѣкогда у Персидскаго залива и устьевъ Тигра и Евфрата, а потому посвященный богу водной стихіи Эа. Имѣлъ своихъ патеси (см.), большею частью зависимыхъ отъ великихъ царей сѣвера. Развалины храмовыхъ сооруженій въ Э. обслѣдованы въ 1855 г. Тэйлоромъ. Обширная пятиугольная платформа, окруженная кирпичной стѣной и снабженная лѣстницей, имѣетъ посрединѣ развалины башни съ этажами. Мѣстность носитъ въ настоящее время арабское имя Абу-Шахрейнъ. Въ религіозныхъ сказаніяхъ вавилонянъ сохранилось преданіе объ Э., какъ о земномъ раѣ, гдѣ растетъ пальма, осѣняющая океанъ, и жилъ древній Адапа, первозданный сынъ Эа, приставленный имъ къ служенію въ его святилищѣ.

Эризифеи—см. Мучнистая роса.

Эрика (Erica)—см. Верескъ.

Эриксенъ (Андрей Эмиль Eriksen)—норвежскій писатель. Род. въ 1841 г. Его произведенія: «Om Träldom hos Scandinaverne» (1861); «Norsk Läsebog» (1868, много изданій); «Norges, Sveriges og Danmarks Historie» (1880); «Udvalg af norske og danske Forfattere» (1874—75); «Lärebog i Fädrelands-histrien» (1879); «Dansk og norsk Literaturhistorie» (1879); «Verdenshistorie» (1880) и др.

Эриксенъ (Виргиліусъ Ericksen, 1722—1772) — датскій живописецъ, ученикъ С. Валя въ Копенгагенѣ, въ 1757 г. прибылъ въ СПб., гдѣ вскорѣ составилъ себѣ въ высшемъ обществѣ извѣстность портретами, писанными масляною краскою, миніатюрными и пастельными. Получивъ въ 1762 г., по восшествіи имп. Екатерины II на престолъ, званіе придворнаго живописца, онъ изображалъ эту государыню въ разныхъ костюмахъ, позахъ и размѣрахъ множество разъ, и ея портреты его работы раскупались чрезвычайно быстро. Въ одномъ изъ писемъ своихъ къ Гримму Екатерина говоритъ, что она приказала скупить у Э. всѣ ея портреты, хотя бы ихъ было тридцать, и что гр. Орловъ, не смотря на всѣ свои старанія, не могъ добыть отъ него ея коннаго портрета. Кромѣ императрицы, Э. портретировалъ вел. князя Павла Петровича, гр. Панина, оберъ-гофмаршала гр. Сиверса, гр. Григ. Орлова, вице-канцлера кн. Голицына, бар. Фитингофа и его жену-красавицу, гр. Мюниха и его дочь, графиню Аврору Лестокъ и др. великосвѣтскихъ особъ. Ему были заказаны портреты знатныхъ дамъ, участвовавшихъ въ придворной карусели 1768 г., въ ихъ полныхъ нарядахъ; но онъ умеръ, не успѣвъ окончить эту работу. Изъ произведеній Э. въ настоящее время наиболѣе извѣстны: три портрета Екатерины II верхомъ на конѣ въ преображенскомъ мундирѣ (наход. въ петергофск. Англійскомъ дворцѣ, въ Романовской галлереѣ Зимняго дворца и въ московск. Оружейной палатѣ), ея же портретъ во весь ростъ (въ царскосельскомъ Александровск. дворцѣ), портретъ вел. кн. Павла Петровича въ генералъ-адмиральской формѣ (въ Мраморн. дворцѣ въ СПб.) и старухи-крестьянки 110 лѣтъ (въ петергофск. Англійск. дворцѣ) и пастельная картина: «Семейство приволжскаго крестьянина» (въ московскомъ публичномъ музеѣ).

Эриксонъ (Густавъ Erikson)—шведскій врачъ (1789—1865). Напеч.: «Om bränvinet och des missbruk» (Norrköpping, 1831); «Läkemedlens igenkännande och pröfning vid apoteksvisitationer» (Wexiö, 1838); «Anmärkningar rörande det medicinska studiet i Sverige» (Norrköpping, 1841); «Om kallt vattens dietetiska användande och den Priessnitz'ska

kurmetoden» (ib., 1842); «Idéer i allmän politik rörande statsstyrelse, representation och lagstiftning» (ib., 1844); «Om menniskan betraktad i sitt förhållande till Gud» (Oerebro, 1861).

Эриксонъ (Джонъ Ericsson) — шведо-американскій инженеръ и изобрѣтатель (1803—1889). 14 лѣтъ онъ принималъ участіе въ нивеллированіи канала де-Гэта, въ 17 лѣтъ онъ поступилъ въ отрядъ охотниковъ, который долженъ былъ составить топографію сѣвера Швеціи и Э. сдѣлалъ топографію болѣе 80 км. сѣв. Швеціи. Въ 1833 г. Э. изобрѣлъ первую калорическую машину, которая приводится въ движеніе согрѣтымъ воздухомъ. Будучи уже въ чинѣ лейтенанта, отправился въ Англію, чтобы примѣнить тамъ свое изобрѣтеніе (1826). Хотя онъ здѣсь почти никакого успѣха не имѣлъ, онъ все же рѣшилъ посвятить себя механикѣ и вскорѣ изобрѣлъ паровой насосъ и конденсаторъ. Въ 1839 г. онъ переселился въ Соедин. Штаты и съ тѣхъ поръ жилъ въ Нью-Іоркѣ. Здѣсь въ 1843 г. онъ построилъ военное судно Принцетонъ, первый паровикъ съ двигателемъ подъ водой, который вызвалъ цѣлый переворотъ въ дѣлѣ устройства военныхъ паровыхъ судовъ. Во время возникновенія американской гражданской войны Э. пріобрѣлъ извѣстность постройкой военнаго судна особаго устройства (мониторъ), которое онъ позже усовершенствовалъ, превративъ въ миноносецъ. Къ его позднѣйшимъ изобрѣтеніямъ принадлежитъ такъ наз. Соляровая машина (Solarmaschine), которая собираетъ на особомъ зеркалѣ солнечные лучи и служитъ непосредственнымъ источникомъ тепла. Связанныя съ этимъ изобрѣтеніемъ научныя изысканія онъ издалъ въ двухъ трудахъ: «Solar investigation» (Нью-Іоркъ, 1875) и «Contributions to the Centennial Exhibition» (Нью-Іоркъ, 1877). Біографію см. Church, «Life of John Ericsson» (Лондонъ, 2-е изд., 1893).

Эриксонъ (Іоганъ Erichsen или Eriksson) — датско-исландскій ученый (1728—87). Былъ директоромъ королевской библіотеки въ Копенгагенѣ, краткое обозрѣніе манускриптовъ которой онъ составилъ въ 1786 г. Написалъ (по-латыни) нѣсколько сочиненій о древнихъ жителяхъ Скандинавіи; издалъ и перевелъ «Speculum regale» (1768) и «Saga de Gunnlaug Ormstunga» (1775, съ примѣч. 1776).

Эриксъ (Eryx)—древнее названіе горы, расположенной на СВ Сициліи, въ 751 м. вышины, близъ Дрепанума, нынѣ извѣстной подъ названіемъ Monte-San-Guiliano. На горѣ былъ расположенъ городъ того же имени. Въ окрестностяхъ Э. жили элимы, смѣшанная народность изъ финикіянъ и грековъ. Основаніе города приписываютъ герою-эпониму Эриксу, который былъ побѣжденъ Геракломъ въ борьбѣ. Онъ былъ сынъ Афродиты и Бютаса, и построилъ на горѣ великолѣпный храмъ въ честь своей матери, которая съ тѣхъ поръ стала зваться Венерой Эрицинской. По словамъ Ѳукидида, нѣсколько троянцевъ послѣ взятія Иліона пристали къ Сициліи, приняли названіе элимовъ и основали Э., Эней, пришедшій въ Э: украсилъ храмъ Венеры множествомъ приношеній. Карѳагеняне идефицировали эту богиню съ финикійскимъ божествомъ Астартой. Этотъ храмъ Венеры былъ почитаемъ не только въ Сициліи, но и въ Италіи и Греціи. Онъ долго былъ полонъ рабынь, которыхъ сицилійцы и др. народы посвящали богинѣ. Въ 406 г. послѣ основанія Рима сиракузцы разбили карѳагенскій флотъ недалеко отъ Э. Въ 397 г. Э. городъ былъ взятъ карѳагенянами. Въ 278 г. Пирръ, царь эпирскій, отнялъ его у карѳагенянъ. Въ 241 г. консулъ Лютацій Катулъ побѣдилъ Амилькара и прогналъ его изъ Э. При Тиверіи разрушенный храмъ былъ возстановленъ. Неизвѣстно время его разрушенія. Теперь на мѣстѣ города имѣется замокъ. Тамъ нашли фундаментъ, сдѣланный изъ большихъ глыбъ и напоминающій пеласгійскіе памятники, съ нѣсколькими гранитными колоннами, которыя, какъ полагаютъ, принадлежатъ храму. На монетахъ города имѣются изображенія поклоненія Афродитѣ; одно изъ нихъ изображаетъ храмъ.

Эрриктъ, *Локъ-* (Loch Ericht, произносится Локъ-Эрриктъ или Ириктъ)—озеро въ Шотландіи, въ графствахъ Инвернисъ и Пертъ, лежитъ на высотѣ 331 метр. въ чрезвычайно дикой мѣстности Грэмпіанскихъ горъ, занимаетъ горную разсѣлину (24 км. длины, 1,5 км. ширины), идущую съ ЮЗ на СВ между Ben-Alder (1113 м.) и Ben-Udlaman, и течетъ къ Локъ-Рэнноку (Loch Rannoch). Оно богато рыбой (особенно лососи и форели).

Эрикъ — имя цѣлаго ряда шведскихъ королей. Не считая полулегендарныхъ королей, его носили: 1) *Э. Эмундссонъ*; сдѣлался королемъ Швеціи около 850 г., умеръ около 882 г. Все его царствованіе прошло въ борьбѣ съ Гаральдомъ норвежскимъ изъ-за Вермланда. 2) *Э. Сегерселль*, внукъ предыдущаго, умеръ въ 994 г. Сначала онъ царствовалъ вмѣстѣ съ своимъ братомъ Олофомъ, послѣ смерти послѣдняго — одинъ; успѣшно велъ борьбу съ Даніей, прогналъ короля Свена и одно время царствовалъ надъ обоими скандинавскими государствами. Принявъ крещеніе въ Даніи, онъ снова вернулся къ язычеству. 3) *Э. Орселль*—царствовалъ въ XI-мъ вѣкѣ. О немъ не имѣется почти никакихъ свѣдѣній. Лѣтописецъ Іоаннъ Магнусъ утверждаетъ, что Э. — одно лицо съ Стенкилемъ. 4) *Э. Святой, IX*. Онъ былъ избранъ въ короли въ 1150 г.; онъ отмѣченъ у историковъ какъ государь справедливый и благочестивый: извѣстна законодательная его дѣятельность. Въ 1157 г. онъ предпринялъ крестовый походъ въ Финляндію, гдѣ, въ качествѣ миссіонера, оставилъ епископа упсальскаго Генриха. 18 мая 1160 г. Э. палъ въ битвѣ съ датчанами. Вскорѣ послѣ его смерти стали распространяться слухи о его святости, о чудесахъ, совершавшихся на его могилѣ. Хотя римскою церковью Э. и не былъ канонизированъ, но сѣверные народы считали его святымъ. 5) *Э. Кнутссонъ* царствовалъ въ началѣ XIII стол., ум. въ 1216 г. Онъ первый изъ шведскихъ королей короновался. 6) *Э. Эриксcонъ XI* царствовалъ съ 1222 г. Внутреннія смуты заставили Э. бѣжать въ Данію, откуда

онъ возвратился въ 1234 г.; но и послѣ того правленіе находилось въ рукахъ двухъ выдающихся ярловъ—Ульфъ Фазе и Биргера Магнуссона. Ярлъ Биргеръ предпринялъ крестовый походъ въ Финляндію; въ его отсутствіе смуты въ Швеціи возобновились и окончились только въ 1248 г. Въ томъ же году состоялся первый церковный съѣздъ въ Скеннинге. Э. умеръ въ 1250 г. 7) *Э. Магнуссонъ XII* родился въ 1339 г. Въ 1344 г. избранъ въ наслѣдники престола. Въ 1355 г. братъ его Гаконъ назначенъ былъ отцомъ въ короли Норвегіи. Завидуя брату, Э. искалъ для себя шведской короны еще при жизни отца, Магнуса; между отцомъ и сыномъ началась междоусобная война; только въ 1356 г. Э. удалось добиться королевскаго титула. Посредникомъ въ борьбѣ Магнуса съ Э. выступилъ Альбрехтъ Мекленбургскій; ему и его сыновьямъ Э. отдалъ важныя крѣпости Сканёръ и Фальстербо, южный Галландъ и часть Сконе. Въ 1357 г. Э. нарушилъ заключенный съ отцомъ договоръ и вторгнулся во владѣнія послѣдняго. Оставленный своими иностранными союзниками—Альбрехтомъ и Голштиніей,—Магнусъ искалъ помощи противъ сына у Вальдемара Датскаго. Въ 1359 г. вновь заключенъ былъ миръ между Магнусомъ и Э. Послѣдній умеръ въ 1359 г. 8) *Э. Померанскій XIII*, сынъ герцога Вратислава Померанскаго и Маріи, племянницы Маргариты Датской, род. въ 1382 г. Въ 1388 г. онъ былъ избранъ соправителемъ и наслѣдникомъ Маргариты; въ 1396 г. провозглашенъ королемъ въ Даніи и Швеціи; въ 1397 г. коронованъ въ Кальмарѣ тремя сѣверными коронами. Въ 1400 г. Э. объявленъ совершеннолѣтнимъ. При жизни Маргариты онъ мало принималъ участія въ правленіи. Съ 1412 г. началось самостоятельное его царствованіе. Его цѣлью было возвратить Даніи Шлезвигъ, а затѣмъ уничтожить политическое и торговое значеніе ганзейцевъ на скандинавскомъ сѣверѣ. Поддержку онъ находилъ въ германскомъ императорѣ Сигизмундѣ; на Констанцскомъ соборѣ было постановлено, что Шлезвигъ долженъ быть уступленъ Э. въ ленное владѣніе. Тѣмъ не менѣе Э. пришлось начать изъ-за Шлезвига войну съ голштинскими графами. Э. оказывалъ рѣшительное предпочтеніе Даніи передъ Швеціей; Готландъ, стараніями его, отошелъ къ Даніи; въ войнѣ, которую онъ началъ съ Голштиніей и въ которой вскорѣ приняли участіе Ганзейскіе города, Швеція вынуждена была приносить значительныя жертвы. Война эта съ небольшими перерывами продолжалась до 1435 г. и нанесла сильный ударъ экономическому благосостоянію Швеціи. Э. потерялъ всякую популярность среди своихъ скандинавскихъ подданныхъ: ухудшалась монета, увеличивались налоги, которые теперь приходилось платить впервые деньгами. Никогда почти не являясь въ свои скандинавскія королевства, Э. назначалъ туда своихъ фохтовъ. Онъ покровительствовалъ церкви, но присвоилъ себѣ право замѣщать вакантныя каѳедры. Когда Э., не имѣвшій наслѣдниковъ, вздумалъ навязать шведамъ своего двоюроднаго брата, Богуслава Померанскаго, онъ встрѣтилъ рѣшительный отпоръ. Притѣсненія королевскихъ фохтовъ вызывали въ странѣ сильное броженіе. Совершивъ поѣздку въ Европу и Іерусалимъ и завязавъ дипломатическія сношенія съ Польшей, Бранденбургомъ и Прусскимъ орденомъ, Э. установилъ транзитную пошлину за проѣздъ черезъ Зундъ и привлекъ въ Балтійское море голландцевъ и англичанъ, чтобы ослабить преобладаніе здѣсь ганзейцевъ. Непосредственнымъ результатомъ датско-ганзейской войны было обостреніе въ отношеніяхъ восточной Ганзы къ западной, чѣмъ скандинавскіе короли впослѣдствіи прекрасно воспользовались. Въ сентябрѣ 1436 г. собранъ былъ конгрессъ въ Кальмарѣ, гдѣ кромѣ короля участвовали представители скандинавскихъ королевствъ, ганзейскихъ городовъ и нѣсколькихъ нѣмецкихъ княжествъ. Шведы рѣшительно потребовали отъ короля смягченія режима, назначенія на высшія должности природныхъ шведовъ и др. Э. сначала отказалъ, но сталъ уступчивѣе, замѣтивъ сближеніе между ганзейскими депутатами и рейхсратами Даніи и Швеціи. Въ 1438 г. шведы избрали въ короли Карла Кнутсона; унія распалась. Датское дворянство послѣдовало примѣру шведскаго: Э. былъ объявленъ низложеннымъ, на престолъ избранъ Христофоръ Баварскій. Въ 1441 г. Христофоръ занялъ и шведскій престолъ. Въ 1443 г. ганзейцы предложили свое посредничество къ примиренію Христофора и Э. Первый посредничество принялъ, второй—отвергъ его и апеллировалъ къ императору и папѣ, выставляя на видъ нарушеніе его подданными присяги. Вскорѣ противъ Э. вооружились прусскіе города (Данцигъ) и Любекъ. Карлъ Кнутсонъ рѣшился послѣ смерти Христофора (1448) возвратить Готландъ Швеціи. Висбю обратился въ настоящій разбойническій городъ; Э. засѣлъ въ немъ съ 505 пиратами и ожидалъ подкрѣпленія изъ Помераніи. Съ вступленіемъ на датскій престолъ Христіана I Э., понявъ безполезность сопротивленія, передалъ Готландъ датчанамъ, а самъ удалился въ Померанію, гдѣ умеръ въ 1459 г. Ср. von der Ropp, «Erik von Pommern»; Г. Форстенъ, «Борьба изъ-за господства на Балтійскомъ морѣ» (1884, гл. 1 и 2). 9) *Эрикъ XIV*—сынъ Густава I Вазы и Екатерины Саксенъ-Лауенбургской. Род. въ 1533 г. Рано лишившись матери, Э. немало терпѣлъ отъ мачихи, Маргариты Лейонгувудъ, желавшей обезпечить престолъ послѣ смерти Густава за своимъ сыномъ Іоанномъ. Густавъ Ваза также склонялся въ пользу второго сына. Это обстоятельство рано вызвало въ Э. чувства зависти и подозрительности. Недовѣріе отца къ Э. дошло до того, что за нимъ постоянно слѣдили королевскіе шпіоны. Воспитателемъ Э. былъ Діонисій Буррей, развившій въ Э. интересъ къ астрономіи и расположеніе къ кальвинизму. Э. получилъ прекрасное образованіе; онъ владѣлъ новыми языками, хорошо зналъ исторію и математику, писалъ со вкусомъ и талантомъ (сохранились его дневникъ и письма), интересовался логикою и риторикой. Мастеръ въ рыцарскихъ упражненіяхъ, онъ пѣлъ и игралъ, владѣлъ

кистью. Съ большою любовью отдавался Э. и военному дѣлу. Отрицательными его сторонами были жестокость, высокомѣріе и расточительность. За припадками изступленнаго гнѣва слѣдовали у него терзанія совѣсти, желаніе скрыться отъ взоровъ подданныхъ. Въ 1556 г. Э. получилъ въ ленъ Кальмаръ и Кронобергскую область съ Эландомъ. Дворъ его былъ съ этихъ поръ въ Кальмарѣ; здѣсь къ нему приблизился Георгъ Перссонъ (см.), сохранившій вліяніе на Э. до конца его царствованія. Въ 1558 г. Э. задумалъ жениться на Елизаветѣ Англійской; не смотря на категорическій ея отказъ, Э. все-таки осаждалъ ее своими любовными признаніями. Только смерть Густава помѣшала ему лично предстать передъ англійскою королевою. 29 сент. 1560 г. умеръ Густавъ Ваза и Э. XIV сдѣлался королемъ. Царствованіе Э. распадается на двѣ половины — до и послѣ 1564 г. Сначала оно было какъ бы продолженіемъ царствованія Густава I. Прежде всего Э. пытался опредѣлить свои отношенія къ братьямъ — Іоанну, Магнусу и Карлу, стоявшимъ во главѣ наслѣдственныхъ герцогствъ. Въ Арбогѣ въ 1561 г. были выработаны особыя постановленія (Арбогская конституція), которыми власть герцоговъ значительно урѣзывалась и братья короля ставились въ положеніе подданныхъ. Въ томъ же году, по случаю коронаціи, Э. впервые возвысилъ нѣсколькихъ представителей шведской аристократіи въ графы и бароны. Политическое значеніе эта мѣра едва ли имѣла; скорѣе Э. желалъ этимъ увеличить блескъ своего двора. Во внѣшней политикѣ Э. балтійско-ливонскій вопросъ игралъ важнѣйшую роль. Онъ началъ борьбу изъ-за Ливоніи и изъ-за господства надъ Балтикою, на которое претендовала Данія; эта борьба извѣстна подъ именемъ семилѣтней сѣверной войны. Въ 1561 г. Э. занялъ Ревель; тогда же начались военныя дѣйствія въ Эстляндіи. Герцогъ Іоаннъ, желая расширить свои владѣнія, вошелъ въ сношенія съ Польшей, въ 1562 г. женился на Екатеринѣ Ягеллонкѣ и за значительную денежную сумму, которую онъ ссудилъ Сигизмунду II Августу, получилъ отъ него въ залогъ семь укрѣпленныхъ мѣстъ въ Ливоніи. Эти укрѣпленные пункты мѣшали Э. въ дальнѣйшемъ движеніи его на югъ; въ поступкѣ брата онъ усмотрѣлъ измѣну. Когда Іоаннъ изъ Польши возвратился въ Або, Э. сталъ убѣждать его отказаться отъ полученныхъ имъ въ залогъ земель и потребовалъ отъ него рѣшительнаго отвѣта на вопросъ, сторонникомъ ли Швеціи или Польши желаетъ онъ быть. Въ виду уклончивыхъ отвѣтовъ Іоанна Э. призвалъ его къ отвѣту за государственную измѣну и назначилъ надъ нимъ судъ риксдага. Обвиненія, взведенныя на герцога, были сильно преувеличены, нѣкоторыя же и прямо вымышлены (напр. о намѣреніи герцога заключить договоръ съ Польшей и Даніей противъ Швеціи). 7 іюня риксдагъ произнесъ свой приговоръ надъ Іоанномъ, присудившій его къ лишенію жизни, имущества и наслѣдственныхъ правъ на шведскую корону. Іоаннъ, не признавая себя виновнымъ, рѣшился защищаться; началась междоусобная война. Іоаннъ заперся въ Або; королевскія войска, начавшія осаду этого города въ началѣ іюля, заняли его 12 августа; Іоаннъ былъ захваченъ и заключенъ въ Грипсгольмскій замокъ. Въ 1563 г. началась война Швеціи съ Даніей; главною причиною ея было утвержденіе шведовъ въ Эстляндіи и захватъ ими Ревеля, затѣмъ — притязанія Швеціи на Готландъ и старые счеты обоихъ королевствъ по вопросу о трехъ коронахъ. Э. принималъ лично участіе въ войнѣ, но не обнаружилъ ни геройства, ни талантовъ полководца. Прекрасный теоретикъ, онъ былъ несостоятеленъ на практикѣ; приказанія его нерѣдко противорѣчили одно другому; у генераловъ его связаны были руки. Частая смѣна главнокомандующихъ также вредно отзывалась на успѣхахъ сухопутной войны (на югѣ Швеціи и Норвегіи). На морѣ, гдѣ вмѣшательство короля было меньше, шведы одержали рядъ блестящихъ побѣдъ (см. Сѣверная семилѣтняя война). Война окончилась уже въ царствованіе Іоанна III, въ 1570 г. Подозрѣнія Э. коснулись и высшихъ представителей аристократіи. Перссонъ вызвалъ ненависть короля къ Нильсу Стуре; звѣзды открыли королю, что въ Стуре скрывается его главный врагъ. Его обвинили въ измѣнѣ; онъ былъ помилованъ отъ казни, но долженъ былъ снести рядъ публичныхъ униженій. Въ 1567 г. Перссонъ открылъ нити дворянскаго заговора противъ Э. Въ измѣнѣ обвинены были многіе выдающіеся дѣятели, въ томъ числѣ и графъ Сванте Стуре, отецъ Нильса. Нильсъ Стуре былъ заколотъ собственноручно королемъ, обнаружившимъ признаки умопомѣшательства. Въ припадкѣ дикаго гнѣва король на своихъ глазахъ велѣлъ убить и своего бывшаго воспитателя Буррея. Къ августу 1567 г. Э. стихъ; онъ искалъ примиренія съ родственниками казненныхъ; народъ долженъ былъ молитвами снискать заступничество неба. Осенью 1567 г. Э. велѣлъ схватить и казнить самого Перссона, но затѣмъ отмѣнилъ это рѣшеніе. Лѣтомъ того же года Э. женился на семнадцатилѣтней Каринъ Монсдоттеръ, солдатской дочери, бывшей уже раньше его любовницею. Всѣ сватовства его за границей не удались: послѣ отказа Елизаветы, онъ тщетно искалъ руки Маріи Стюартъ, принцессы Христины Гессенской и принцессы Ренаты Лотарингской. Въ концѣ «несчастнаго» 1567 года Э. снова впалъ въ сумашествіе, но на этотъ разъ тихое: онъ весь ушелъ въ idées fixes объ ожидающей его будущности. Вполнѣ, повидимому, выздоровѣвъ въ 1568 г., Э. вернулъ свою милость Перссону, велѣлъ въ іюлѣ торжественно короновать Каринъ, съ прежней строгостью и жестокостью сталъ относиться къ дворянамъ, грозилъ и братьямъ. Послѣдніе составили противъ него заговоръ. 29 сентября, всѣми оставленный, Э. сдѣлался плѣнникомъ Іоанна. Ненависть послѣдняго къ нему усугублялась слухомъ о намѣреніи Э. выдать его жену Екатерину московскому царю. Риксдагъ 1569 г. объявилъ Э. низложеннымъ и сдѣлалъ постановленіе о пожизненномъ его заключеніи. Боясь, какъ бы народъ не поднялся на защиту лю-

бимаго имъ короля, Іоаннъ перевозилъ Э. изъ одного замка въ другой: изъ Стокгольма въ Або, затѣмъ въ Кастельгольмъ, Грипсгольмъ, Вестеросъ и другіе. Подозрительный не менѣе Э., Іоаннъ замышлялъ планъ убійства Э. и заставилъ риксратъ произнести смертный приговоръ надъ Э. 26 февр. 1577 г. Э. умеръ, естественною ли смертью или отъ яда — вопросъ не рѣшенный. Находясь въ заключеніи, Э. усердно занимался литературой и исторіей; все написанное имъ собрано и издано въ «Handlingar för. Skandin. historia» (части 3 и 4). Взгляды историковъ на Э. XIV распадаются на двѣ категоріи. Одни—начиная съ Дройзена—признаютъ за Э. большой политическій и государственный талантъ: другіе (Hjärne) отрицаютъ въ немъ всякія способности. Ср. Г. Форстенъ, «Балтійскій вопросъ» (ч. I; тамъ же литература). *Г. Форстенъ.*

Эринна (Ἤριννα, Erinna) — знаменитая греческая поэтесса, родомъ съ одного изъ Спорадскихъ о-вовъ (Телоса, Теоса, Теноса, или Родоса). О времени жизни ея существуетъ значительное разногласіе. По одному, болѣе распространенному мнѣнію, она была современницей и подругой знаменитой Сапфо и жила около 600 г. до Р. Хр.; въ такомъ случаѣ ея эпитеты Λεσβία—Лесбосская и Μυτιληναία — Митиленская объясняются ея пребываніемъ у лесбосской подруги. По другому предположенію, она жила около 350 г. до Р. Хр. и была современницей Демосѳена. Нѣкоторые ученые предполагаютъ существованіе двухъ поэтессъ съ этимъ именемъ. Третье мнѣніе, основанное на извѣстіи, что Навкидъ сдѣлалъ ея статую, относитъ ея жизнь ко времени около 400 г. до Р. Хр. До настоящаго времени дошло всего только 5 несомнѣнно ей принадлежащихъ стиховъ изъ самаго знаменитаго ея произведенія — содержавшей 300 гекзаметровъ поэмы «Ἠλακάτη» (прялка). Сохранились еще съ ея именемъ 3 эпиграммы, которыя, однако, могли быть составлены не раньше IV ст. до Р. Хр. Отрывки изъ произведеній Э. напечатаны въ изданіи Bergk, «Poetae lyrici graeci» (4 изд., Лпц., 1882) и переведены на нѣм. яз. Фр. В. Рихтеромъ («Sappho und Erinna», Кведлинбургъ, 1833). См. Schneidewin, «Delectus poesis graecae elegiacae» (Геттинг., 1839). Кромѣ того ей приписывается еще лирическое стихотвореніе «Εἰς Ῥώμην» («Къ Риму») изъ 5 сапфическихъ строфъ, въ которомъ прославляется Римъ какъ повелитель міра; но это стихотвореніе сочинила не Эринна, а Мелинна, по всей вѣроятности – греческая поэтесса изъ Локръ Эпизифирскихъ въ Нижней Италіи, жившая во времена Пирра или первой пунической войны. Оно напечатано въ изданіи Бергка: «Anthologia lyrica». Ср. также Welcker, «Kleine Schriften» (II т., Боннъ, 1845).

Эринніи—см. Евмениды.

Эринсъ-бакштаги — снасти, идущія отъ нока-гафеля къ бортамъ судна; если они имѣютъ тали, то называются Э.-талями. См. Парусность, Паруса.

Эринъ (Erin)—древнее кельтическое названіе Ирландіи.

Эрисейра (Фернандъ де - Менецесъ, графъ Ericeira) — португальскій писатель (1614 — 1699). Написалъ по - португальски «Жизнь короля Іоанна I» (Лиссаб., 1677), «Исторію Танжера» (Лиссаб., 1732), которымъ онъ нѣсколько лѣтъ управлялъ, и «Historia de Portugal 1640—57» (Лиссаб., 1734). Его жизнеописаніе, составленное по-латыни Рейсомъ, находится въ началѣ его «Исторіи Португаліи». Братъ его Луи де-Менецесъ написалъ по-португальски: «Жизнь Скандерберга» (Лиссаб., 1688) и «Исторію Португаліи съ 1640 до 1668 г.» (Лиссаб., 1679 и 1698). Другой *Луи де-Менецесъ*, графъ д'Эрисейра, вице-король Португальской Индіи, написалъ «Estado présente de Asia, principalmente de la China, del anno de 1719», а также нѣсколько мемуаровъ объ Индіи.

Эрисейра (графъ Франсуа - Ксавье де-Менецесъ Ericeira)—португальскій писатель (1673—1743). Состоялъ въ перепискѣ съ наиболѣе выдающимися учеными его времени. Обладалъ богатой коллекціей книгъ, инструментовъ, машинъ. Въ мемуарахъ королевской академіи въ Лиссабонѣ напечатано множество его рѣчей, диссертацій, примѣчаній всякаго рода. Онъ написалъ эпическую поэму «Henriquieda» и много стихотвореній на случай. Неизданнымъ остался его переводъ «Art poétique» Буало.

Эрисманъ (Ѳедоръ Ѳедоровичъ)—извѣстный гигіенистъ. Родился въ 1842 г. въ Швейцаріи; первоначальное образованіе получилъ въ сельской школѣ. По окончаніи курса классической гимназіи въ Аарау, Э. въ 1861 г. поступилъ на медицинскій факультетъ цюрихскаго университета. Въ 1863 и 1864 гг. онъ слушалъ лекціи (Келликера, Бамбергера, Зейферта и др.) въ Вюрцбургѣ и Прагѣ. Въ 1865 г. сдалъ экзаменъ на доктора медицины въ Цюрихѣ и сдѣлался ассистентомъ окулиста профессора Горнера. Въ 1867 г. переселился въ Гейдельбергъ, гдѣ слушалъ лекціи Гельмгольца и Кирхгофа и занимался изученіемъ соціальныхъ наукъ. Въ 1868 г. Э. посѣтилъ Берлинъ для занятій у знаменитаго окулиста А. фонъ-Грэфе, а затѣмъ Вѣну и Прагу для усовершенствованія въ медицинскихъ наукахъ вообще. Въ 1869 г. Э. переселился въ Петербургъ, гдѣ сдалъ экзаменъ на доктора медицины въ военно-медицинской академіи и вначалѣ занимался частной практикой по глазнымъ болѣзнямъ. Въ это же время онъ изслѣдовалъ глаза учащихся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ и издалъ трудъ «О вліяніи школы на происхожденіе близорукости», въ которомъ явился піонеромъ русской школьной гигіены; затѣмъ онъ приступилъ къ изслѣдованію петербургскихъ подвальныхъ помѣщеній и ночлежныхъ квартиръ. Все болѣе увлекаясь санитарными вопросами, Э. совсѣмъ бросилъ практическую дѣятельность и въ 1872 г. отправился въ Цюрихъ для пріобрѣтенія надлежащей подготовки по естественнымъ наукамъ, а затѣмъ въ Мюнхенъ, гдѣ въ теченіе 2-хъ лѣтъ занимался въ физіологическомъ институтѣ профессора Фойта и въ гигіенической лабораторіи знаменитаго Петтенкофера. Въ это время, кромѣ

многихъ экспериментальныхъ работъ, Э. было написано «Руководство къ гигіенѣ» въ 3 т., «Общедоступная гигіена», переведенная на языки нѣмецкій, голландскій, шведскій, венгерскій и финскій, и цѣлый рядъ статей по школьной гигіенѣ. Въ 1877—78 гг. Э., по приглашенію главнаго военно-медицинскаго управленія, руководилъ дезинфекціонными работами на театрѣ военныхъ дѣйствій русской арміи за Дунаемъ. Въ 1879 г. онъ былъ приглашенъ московскимъ земствомъ для организаціи санитарныхъ изслѣдованій фабрикъ и заводовъ Московской губерніи. Эта работа производилась Э. совмѣстно съ врачами Погожевымъ и Дементьевымъ, по обширной программѣ, въ которую входили и антропометрическія изслѣдованія фабричныхъ рабочихъ; она продолжалась до 1885 г. Результаты изслѣдованія напечатаны въ 17 т., изъ которыхъ сдѣлана «сводка», вышедшая пока въ 2 т. Въ 1882 г., во вниманіе къ многочисленнымъ трудамъ Эрисмана, совѣтъ московскаго университета удостоилъ его степени доктора медицины «honoris causa» и избралъ его на вакантную каѳедру гигіены. Эрисманъ въ первый же годъ устроилъ гигіеническую лабораторію, куда привлекъ много молодыхъ врачей для занятій санитарными вопросами. Когда, въ концѣ 80-хъ и въ началѣ 90-хъ гг., клиники московскаго университета постепенно переходили въ свои новыя помѣщенія на Дѣвичьемъ полѣ, въ «Клиническомъ Городкѣ» былъ устроенъ, по планамъ Э., новый гигіеническій институтъ, который, по размѣрамъ и по обстановкѣ, можетъ конкуррировать съ лучшими подобными учрежденіями въ Западной Европѣ. Многочисленныя научныя работы, произведенныя подъ руководствомъ Э., появились отчасти отдѣльными диссертаціями, отчасти въ видѣ «Сборника работъ гигіенической лабораторіи Московскаго университета» (5 т.). Во время постройки новыхъ клиникъ и институтовъ Э. былъ непремѣннымъ и весьма дѣятельнымъ членомъ строительной коммиссіи. Въ 1891 г. къ гигіеническому институту московскаго университета была присоединена устроенная городомъ и содержащаяся на его средства санитарная станція для изслѣдованія пищевыхъ продуктовъ и другихъ предметовъ первой необходимости. Организація ея и завѣдываніе ею были поручены Э., подъ редакціей котораго вышли 4 объемистыхъ годичныхъ отчета этого учрежденія. По окончаніи санитарнаго изслѣдованія фабрикъ и заводовъ Московской губерніи, Э. еще нѣсколько лѣтъ оставался на службѣ московскаго земства въ качествѣ санитарнаго врача Московскаго и Богородскаго уѣздовъ. Съ его именемъ тѣсно связана организація земско-фабричной медицины и земско-санитарнаго надзора надъ промышленными заведеніями въ Московской губерніи. И по оставленіи земской службы Э. продолжалъ принимать дѣятельное участіе въ разрѣшеніи вопросовъ земской и городской медицины и санитаріи. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ Э. былъ предсѣдателемъ основаннаго при его участіи московскаго гигіеническаго общества. Въ 1896 г. онъ былъ вынужденъ оставить каѳедру въ московскомъ университетѣ. Поселившись въ Цюрихѣ, Э. продолжаетъ работать на поприщѣ научной и общественной гигіены. Въ концѣ 1897 г. ему было предложено редактировать основанную Kotelmann'омъ «Zeitschrift für Schulgesundheitspflege». Онъ состоитъ постояннымъ сотрудникомъ настоящаго «Энциклоп. Словаря». Заслуженной извѣстностью пользуется изданный имъ въ 1898 г. «Краткій курсъ гигіены», появившійся 2 изд. въ 1903 г. Съ 1898 г. по 1901 г. Э. состоялъ гласнымъ цюрихской городской думы и съ тѣхъ поръ принимаетъ дѣятельное участіе въ общественныхъ дѣлахъ, въ особенности по вопросамъ санитарнаго свойства. Въ 1900 г. онъ былъ избранъ членомъ инспекціи народныхъ школъ по Цюрихскому округу. Въ 1901 г. онъ избранъ членомъ цюрихской городской управы и съ тѣхъ поръ завѣдуетъ санитарной частью городского общественнаго управленія. Его новѣйшія работы касаются главнымъ образомъ изслѣдованій въ области школьной и общественной гигіены; имъ сдѣланы сообщенія по этимъ вопросамъ какъ на собраніяхъ нѣмецкихъ гигіенистовъ, такъ и на съѣздахъ нѣмецкихъ естествоиспытателей и врачей.

Печатные труды Э.: «Ueber Intoxicationsamblyopien» (диссерт., Цюрихъ, 1867); «Ueber Variola haemorrhagica» («Sitzungsberichte der K. Academie der Wissenschaften in Wien», 1869); «Вліяніе школъ на происхожденіе близорукости» (отд. отт. изъ «Архива суд. мед. и общ. гигіены» за 1870 г.); «Ein Beitrag zur Entwickelungsgeschichte der Myopie, gestützt auf die Untersuchung der Augen von 4358 Schülern und Schülerinnen» («Graefés Archiv für Ophthalmologie», XVII, 1871); «Настоящее состояніе въ санитарномъ отношеніи домовъ кн. Вяземскаго въ Петербургѣ» («Арх. суд. мед. и общ. гиг.», іюнь, 1871); «Подвальныя жилища въ Петербургѣ» («Арх. суд. мед. и общ. гигіены», сент. и дек., 1871); «Жилищная гигіена» («Педаг. Сборн.», изд. главн. упр. военно-учебн. завед. 1871 и 1872 гг.); «Руководство къ гигіенѣ» (въ 3-хъ т.; прил. къ «Сборн. соч. по суд. мед. и пр.» за 1872—1875 гг.); «Untersuchungen über die Verunreinigung der Luft durch Abtrittgruben und über die Wirksamkeit der gebräuchlichsten Desinfektionsmittel» («Zeitschr. für Biologie», XI, 1875; на русск. языкѣ въ «Сборн. соч. по судебн. медиц. и пр.», I, 1875); «Zur Physiologie der Wasserverdunstung von der Haut» («Zeitschr. f. Biologie», XI, 1875); «Untersuchungen über die Verunreinigung der Luft durch künstliche Beleuchtung und über die Verteilung der Kohlensäure in geschlossenen Räumen» («Zeitschr. f. Biologie», XII, 1876; на русск. языкѣ въ «Сборн. соч. по суд. медиц. и пр.», III, 1875); «Организація общественной гигіены въ Россіи» («Отеч. Записки», т. 226, 1876); «Профессіональная гигіена» (СПб., 1876); «Проектъ образцовой классной комнаты» («Труды коммиссіи педагогическаго музея военно-учебныхъ зав. по школьной гигіенѣ», 1876); Gesundheitslehre für Gebildete aller Stände» (Мюнхенъ, 1878, 1879; 3-е изд., 1885); «Общедоступная гигіена» (СПб., 1878); «Объ

единствѣ способовъ дѣйствій при санитарныхъ мѣропріятіяхъ» («Труды VI съѣзда естествоиспытателей и врачей въ С.-Петербургѣ», 1879); «Санитарное состояніе подвальныхъ жилищъ въ С.-Петербургѣ» («Изв. Спб. городской думы», 1879); «Die Desinfektionsarbeiten auf dem Kriegsschauplatze der europäischen Türkei während des russisch-türkischen Feldzuges 1877—78» (Мюнхенъ, 1879); «Дезинфекціонныя работы на театрѣ военныхъ дѣйствій въ Европейской Турціи, въ 1877—78 гг.» (въ «Сборн. соч. по суд. мед. и пр.», 1879—80 гг.); Санитарное изслѣдованіе фабричныхъ заведеній Клинскаго у.» («Сборн. стат. свѣдѣній по Москов. губ.», 1881); «Къ вопросу о санитарно-фабричномъ законодательствѣ» («Земство», 1881); «Die Hygiene der Schule» («Handbuch. d. Hygiene u. d. Gewerbekrankheiten. herausgeg. v. Pettenkofer u. Ziemssen», т. II, отд. 2, 1882); «Die Entfernung der Abfallstoffe» (тамъ же, т. II, отд. 1, 1882); «Основы и задачи современной гигіены» («Русская Мысль», 1882); «Санитарное изслѣдованіе фабричныхъ заведеній Московскаго уѣзда» (ч. I—V, изд. моск. губ. земства, 1882—1885); «Къ вопросу о качествѣ и количествѣ воды для водоснабженія городовъ» («Протоколы физико-мед. общ. при Моск. унив.», 1884); «Значеніе бактеріологіи для современной гигіены» («Труды II съѣзда общ. русск. врачей въ память Н. И. Пирогова», 1887); «Проектъ организаціи земско-фабричной медицины въ Московскомъ уѣздѣ» (Москва, 1887); «Курсъ гигіены» (Москва, 1887—88); «Записка о санитарныхъ мѣрахъ противъ распространенія заразныхъ болѣзней въ школахъ и черезъ школы» («Доклады моск. уѣздн. санит. совѣта губ. собранію», 1888; «Земскій Врачъ», 1888); «Отчеты по первому санитарному округу Московской губ.» («Доклады Моск. губ. санит. совѣта губ. собранію», 1888—1891); «Die Schulhygiene auf der Jubiläumsausstellung der Gesellschaft zur Beförderung der Arbeitsamkeit in Moskau» («Zeitschr. f. Schulgesundheitspfl.», I, 1888); (вмѣстѣ съ С. Ѳ. Бубновымъ) «Провѣрка системы отопленія и вентиляціи въ психіатрической клиникѣ Моск. университета» («Сборн. работъ гигіенической лабораторіи Моск. университета», вып. II, 1888); «Untersuchungen über die körperliche Entwickelung der Fabrikarbeiter in Zentralrussland» («Archiv für sociale Gesetzgebung u. Statistik», I. 1889); «Die Ernährungsverhältnisse der Arbeiterbevölkerung in Centralrussland» («Arch. f. Hygiene», IX. 1889); «Das Musterschulzimmer» («Internationale mediz.-wissenschaftl. Ausstellung in Berlin», 1890); «Краткая исторія вопроса о постройкѣ новыхъ клиникъ Моск. университета» («Новыя клиники и институты импер. Моск. университета на Дѣвичьемъ полѣ», Москва, 1890); (вмѣстѣ съ А. В. Погожевымъ) «Общая сводка по санитарнымъ изслѣдованіямъ фабричныхъ заведеній Московской губерніи за 1879—1885 гг.» («Сборн. стат. свѣдѣній по Московской губ.», 1890); «Значеніе аналитическихъ станцій для изслѣдованія пищевыхъ веществъ и другихъ предметовъ потребленія» («Первый годовой отчетъ Моск. гор. санит. станціи», 1892); «Zur Frage der Schattenbildung bei direkter und indirekter Beleuchtung der Schulzimmer» («Arbeiten d. VIII Congr. f. Hyg. und Demogr. Budap.», III, 1894); «Ueber das medizinische Studium der Frauen und die Thätigkeit der weiblichen Aerzte in Russland» (тамъ же, V, 1894); «О значеніи фотометрическихъ изслѣдованій и измѣреній пространственнаго угла для опредѣленія силы дневного освѣщенія классныхъ комнатъ» («Сборн. раб. гиг. лаб. Моск. универ.», вып. V, 1894); «Соображенія по вопросу о наилучшемъ устройствѣ классной мебели» («Сборн. постановленій и распоряженій по Московскому учебному округу», 1894); «Классные столы въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ» («Вѣстн. Воспитанія», 1896); «Nachtarbeit. II. Arbeit in gesundheitsgefährlichen Betrieben» («Protokoll des Internat. Kongresses für Arbeiterschutz in Zürich», 1897); «Два вопроса изъ области фабричной гигіены» («Новое Слово», 1897); «Къ вопросу объ алкоголизмѣ въ Россіи и о санитарномъ вредѣ спиртныхъ напитковъ вообще» («Общественно-санитарное Обозрѣніе», № 1, 1897); «Къ вопросу объ открытіи Московской санитарной станціи для публики» («Четвертый годовой отчетъ станціи», 1897); «Die künstliche Beleuchtung der Schulzimmer» («Zeitschr. f. Schulgesundheitspflege», X, 1897); «Die Bekanntmachung des Bundesrates vom 31 Juli 1897 betreffend die Einrichtung und den Betrieb der Buchdruckereien und Schriftgiessereien» («Archiv f. soziale Gesetzgebung u. Statistik», XI, 1897); «Вліяніе алкоголя на дѣтскій организмъ и борьба съ алкоголизмомъ среди молодежи» («Вѣстникъ Воспитанія», 1897); «Die Entwickelung der landschaftlichen Medizin und Gesundheitspflege in Russland» («Deutsche Vierteljahrsschr. f. öff. Gesundheitspfl.», XXIX, 1897); «Die Organisation der unentgeltlichen (poliklinischen) Krankenpflege in den grossen Städten Russlands» (тамъ же, XXX, 1898); «Къ вопросу о наилучшемъ распредѣленіи свѣта при искусственномъ освѣщеніи классныхъ комнатъ» (докл. гиг. секціи на II съѣздѣ русск. дѣятелей по техн. и проф. образованію, «Вѣстникъ общественной гигіены и пр.», XXXIII, 1898); «Краткій учебникъ по гигіенѣ» (Москва, 1898); «Zur Geschichte der Zündhölzchenfrage in der Schweiz und zur Beurteilung der neuen Gesetzesvorlage» («Arch. f. soc. Gesetzgebung u. Statistik», XII, 1898); «Руководство къ гигіенѣ. I. Воздухъ и климаты» («Библіотека Врача», 1898—99); «Gemeinsames Universitätsstudium für Männer und Frauen, oder besondere Frauenschulen?» («Die Frau», тетр. 9 и 10, 1899); «Die Luft» («Chemisch-technische Untersuchungsmethoden, herausgegeben von Lunge», I, Б., 1899); «Trink-und Brauchwasser» (тамъ же, I, 1899); «Die hygienische Beurteilung der verschiedenen Arten künstlicher Beleuchtung mit besonderer Berücksichtigung d. Lichtverteilung» («Deutsche Vierteljahrsschr. f. öff. Gesundheitspfl.», XXXII, 1900); «Школьно-гигіеническіе вопросы въ Германіи» («Вѣстникъ Воспитанія», 1900); «Сожиганіе и обезвреживаніе мусора» («Русскій архивъ патологіи, клинической меди-

гиены и бактеріологіи», 1900); «Die Litteratur über die Schularztfrage während der letzten 20 Jahre» («Jahrbuch der Schweizerischen Gesellschaft für Schulgesundheitspfl.», I, 1900); «Die Schularztfrage und die Lehrer» («Aarganer Schul-Blatt», № 4 и 5, 1900); «Ueber Gesundheitspflege in der Schule» (рѣчь, чит. на съѣздѣ учителей въ кант. Аарау, «Schweiz. Lehrerzeitung», № 38—40, 1900); «Фотометрическія изслѣдованія во время солнечнаго затменія лѣтомъ 1900 г.» («Медицинскій журналъ д-ра Окса», 1901, январь); «Der Alkohol und die Jugend» («Blätter für Volksgesundheitspflege», 5 и 6 тетр., 1900); «Die Gesundheitsverhältnisse der in Buchdruckereien beschäftigten Arbeiter» («Blätter für Volksgesundheitspflege», 14 тетр., 1901); «Die hygienischen Anforderungen an den Stundenplan» («Zeitschr. f. Schulgesundheitspfl.», XIV Jahrg., 1901); «Max von Pettenkofer. Ein Lebensbild» («Deutsche mediz. Wochenschr.», № 14—20, 1901); «Введеніе къ общедоступному руководству къ предупрежденію болѣзней и сохраненію здоровья» (СПб., 1902); «Ueber Tagesbeleuchtung der Schulzimmer» въ «Wiener mediz. Wochenschrift» (№ 12 и 13, 1901); «Die Verwendung des elektrischen Lichtes zur direkten und indirekten Beleuchtung der Schulzimmer» («Jahrbuch der Schweiz. Gesellschaft für Schulgesundheitspflege», I Jahrg., 1900); «Virchow als Hygieniker» («Deutsche mediz. Wochenschrift», № 41, 1901); «Die Brotsurrogate in Hungerszeiten und ihre Ausnutzung im menschlichen Verdauungskanal» («Zeitshrift f. Biologie», т. XLII, 1901); Die russischen Hungerbrote und ihre Ausnutzung durch den Menschen» («Zeitschr. f. diätetische u. physikalische Therapie», т. V, 1901—1902); «Was verstehen wir unter Kommunaler Sozialpolitik?» («Schweiz. Zentralblatt für Staats-u. Gemeindeverwaltung», 1902); «Die Organisation der unentgeltlichen ärztlichen Fürsroge mit Hilfe des Bundes in der Schweiz» («Schweiz. Blätter f. Wirthschafts- und Sozialpolitik» XI, Jahrg., 1903); «Der Ersatz des Bleiweisses im Malergewerbe» («Schweiz. Blätter f. Wirthschafts- u. Sozialpolitik», 1903). Въ настоящемъ Словарѣ помѣстилъ статьи Канализація, Кладбища, Нечистоты и ихъ вывозъ, Обувь, Одежда, Отопленіе, Освѣщеніе, Переутомленіе, Почва, Санитарныя лабораторіи, Смертность и др.

Эристика—искусство спорить, умѣнье опровергать доводы противника и защищать свои положенія, независимо отъ ихъ внутренней состоятельности. Въ составъ этого искусства входятъ два элемента: во-первыхъ, объективный, состоящій въ умѣньѣ пользоваться всѣми средствами, доставляемыми фактическимъ матеріаломъ и правилами логики для доказательства истинности извѣстнаго положенія; во-вторыхъ, субъективный или психологическій, состоящій въ умѣньѣ выбирать тѣ доводы, которые особенно сильно вліяютъ на душу слушателя и способны увлечь за собой аудиторію. Логика и главнымъ образомъ силлогистическое искусство — могущественное орудіе доказательства, а слѣдовательно, и убѣжденія. Логика становится орудіемъ Э., ежели ораторъ пользуется ею (или діалектикой) независимо отъ истинности положенія, стараясь выставить лишь одну сторону вопроса, умалчивая о другой, ему неблагопріятной. Субъективный элементъ Э. ближайшимъ образомъ опредѣляется умѣньемъ быстро схватывать душевный складъ противника и, сообразно съ нимъ, выбирать тѣ доводы, которые сильнѣе всего могутъ подѣйствовать на него. Э. въ совершенствѣ была развита въ древней Греціи, по преимуществу въ школахъ софистической и мегарской. Она не потеряла своего значенія и для современной жизни, находя примѣненіе вездѣ, гдѣ происходитъ не только теоретическое разсмотрѣніе вопросовъ, но и борьба противоположныхъ практическихъ тенденцій: въ парламентѣ, въ судебномъ процессѣ, въ простомъ спорѣ, полемикѣ и т. д. Въ Греціи Э. возникла изъ практическаго примѣненія ученій младшей софистической школы и вытекала изъ положенія, что нѣтъ объективной истины, а кажущееся комулибо таковою для него и является истиннымъ. Прототипомъ для софистической Э. послужили Зеноновскія діалектическія доказательства противъ движенія и множественности. Первое руководство по Э. принадлежало Протагору (до насъ не дошло). Современники софистовъ называли ихъ также эристами и опредѣляли Э. какъ искусство вызывать сомнѣніе по поводу всего и опровергать всякое положеніе. Софисты ради своего искусства заучивали даже наизусть разные ходячіе въ то время софизмы. Картину эристической дѣятельности древнихъ софистовъ мы находимъ у Платона, въ его «Эвтидемѣ», и у Аристотеля, въ сочиненіи «О софистическихъ доказательствахъ». Одинъ изъ обычныхъ пріемовъ Э. состоитъ въ обобщеніи, т. е. положеніе, истинное лишь въ ограниченной сферѣ, принимается въ безусловномъ значеніи. Мегарская школа, точно такъ же какъ и софистическая, постепенно выродилась въ Э., хотя софизмы этой школы, какъ напр. κωρ[illegible] Стильпона, все же обличаютъ нѣкоторый теоретическій интересъ. Шопенгауеръ занимался изученіемъ пріемовъ спора, и Фрауенштедтъ издалъ въ 1864 г. («Aus Arthur Schopenhauer's handschriftlichem Nachlass») весьма интересный отрывокъ его объ Э., переведенный на русскій языкъ кн. Д. Н. Цертелевымъ. Знаніе силлогистическихъ фигуръ и правилъ силлогистики—необходимое условіе для того, чтобы распутать ложныя умозаключенія софистовъ. Кто не умѣетъ, напр., найти ошибку въ силлогизмѣ: «У Кая двѣ ноги, у гуся двѣ ноги, слѣдовательно Кай—гусь», тотъ не имѣетъ никакихъ шансовъ устоять въ спорѣ, который ведется по пріемамъ Э. Всякое опроверженіе извѣстнаго положенія можетъ быть ведено или ad rem, или же ad hominem, т. е. ex concessis. Только первый путь, доказывающій несовмѣстимость извѣстнаго положенія съ предметомъ обсужденія, ведетъ къ полному опроверженію; второй путь допускаетъ примѣненіе различныхъ эристическихъ пріемовъ. Для знакомства съ эристикою полезно изучить въ логикѣ главу объ ошибкахъ въ умозаключеніяхъ.

Э. Р.

Эристовъ (князь Георгій Давидовичъ)—грузинскій драматургъ и журналистъ (1811—1864). Воспитывался въ Тифлисѣ и Москвѣ; служилъ при тифлисскомъ губернаторѣ и въ свитѣ кавказскаго намѣстника. Въ 1832 г. принялъ участіе въ заговорѣ, составленномъ съ цѣлью возвращенія Грузіи политической самостоятельности. Заговоръ былъ открытъ; Э. сосланъ въ Польшу, гдѣ изучилъ польскій языкъ и занялся переводомъ Мицкевича на грузинскій языкъ («Пилигримъ», «На могилѣ Потоцкаго», «Акерманское поле» и др.). Возвращенный на родину, Э. съ благодарностью вспоминалъ о Польшѣ, какъ о «новомъ отечествѣ». Въ Грузіи онъ обратилъ на себя вниманіе кн. Воронцова своими стихотвореніями и комедіями, которыя распространялись въ публикѣ въ рукописяхъ, за отсутствіемъ печатнаго грузинскаго органа. 2 января 1850 г. онъ поставилъ на сцену ком. «Раздѣлъ»: «играли грузинскіе актеры, играли на грузинскомъ языкѣ, играли пьесу, написанную грузиномъ». Этотъ день чествуется понынѣ, какъ начало грузинскаго театра. Э. былъ назначенъ директоромъ грузинской труппы, получавшей субсидію отъ правительства въ періодъ намѣстничества кн. Воронцова. Подъ его же покровительствомъ Э. сталъ издавать первый грузинскій литературный журналъ: «*Цискари*» (Заря), безъ отдѣловъ политическаго и критическаго. Здѣсь Э. помѣщалъ стихотворенія свои, кн. А. Чавчавадзе, Н. Бариташвили, повѣсти Марлинскаго, поученія архіереевъ, даже анекдоты. «*Цискари*» принесъ громадную пользу грузинскому обществу, ставъ, вмѣстѣ съ театромъ, общественной школой пробужденія и развитія. По драматическимъ произведеніямъ Э. («Раздѣлъ», «Тяжба») мы знакомимся съ умственнымъ состояніемъ грузинскаго общества, съ его суевѣріями и предразсудками, съ крестьянскимъ міромъ, городскимъ сословіемъ, помѣщиками. Помѣщичій бытъ, съ его лѣнью, прожиганіемъ жизни и сутяжничествомъ, всего ярче обрисованъ въ его комедіяхъ. Молодое поколѣніе, получившее образованіе въ русскихъ университетахъ, возбуждаетъ сочувствіе автора, но представляется ему поверхностнымъ, недостаточно знакомымъ съ обществомъ, которому желаетъ служить. Продажное судопроизводство стараго времени осмѣяно въ ком. «Контора». Автобіографическое значеніе имѣетъ художественно написанная драматич. поэма «Помѣшанная». Въ лирич. произведеніяхъ Э. преобладаетъ меланхолія. Э. извѣстенъ также какъ переводчикъ сценъ изъ ком. «Горе отъ ума», стихотв. изъ Пушкина, Лермонтова, Шиллера, В. Гюго, Петрарки, Беранже, Рюккерта и др. Онъ является отцомъ современнаго грузинскаго литературнаго языка, въ основу котораго онъ положилъ карталинскій говоръ. Нѣсколько стихотвореній Э. въ русскомъ переводѣ имѣется у Тхоржевскаго («Грузинскіе поэты»), на нѣмецкомъ языкѣ—у Арт. Лейста («Georg. Dichter»). Собраніе соч. Э. на грузинскомъ языкѣ, съ біографіей, напис. І. Меунаргіа, вышло въ Тифлисѣ. См. ст. А. Хаханова, «Первый грузинскій драматургъ — кн. Г. Д. Эристовъ» въ журн. «Кавказскій Вѣстникъ» (1900 г., кн. 11). Сынъ Э., князь Давидъ Георгіевичъ (1852—90), прозванный *наслѣдственнымъ поэтомъ*, работалъ для грузинской сцены въ качествѣ переводчика и передѣлывателя французскихъ пьесъ, въ 1882—84 гг. редактировалъ газету «Кавказъ», въ 1886—87 гг. велъ въ грузинской газетѣ «Иверія» обзоръ иностранной жизни. *А. Хахановъ.*

Эристовъ (князь Димитрій Алексѣевичъ, 1797 — 1858) — писатель; окончилъ курсъ въ царскосельскомъ лицеѣ; служилъ во II отдѣленіи Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, потомъ былъ флота ген.-аудиторомъ. Принималъ дѣятельное участіе въ «Энциклопедическомъ Лексиконѣ» Плюшара, по отдѣлу исторіи вообще и исторіи искусствъ и художествъ, равно и въ первыхъ томахъ «Военно-Энциклопедическаго лексикона». Въ 1842 г. Э. издалъ «Словарь историческій о святыхъ, прославленныхъ въ Россійской церкви, и о нѣкоторыхъ подвижникахъ благочестія, мѣстно чтимыхъ» (СПб., удостоенъ Демидовской преміи). Помѣщалъ въ журналахъ статьи разнаго, большею частью историческаго, содержанія.

Эристовъ (князь Рафаилъ Давидовичъ, —грузинскій поэтъ, драматургъ и этнографъ (1824—1901). Выступивъ на литературное поприще въ ту эпоху, когда въ грузинской поэзіи господствовало анакреонтическое направленіе, Э. посвятилъ первую половину своей поэтической дѣятельности воспѣванію вина, любви и женщинъ. Канунъ освободительныхъ реформъ Александра II, возбудившій сочувствіе къ обездоленнымъ классамъ въ грузинской молодежи, вызвалъ новое литературное вѣяніе, къ которому примкнулъ и Э. Въ 1857 г. появилось его стихотвореніе: «Просьба матери предъ участковымъ засѣдателемъ», впервые затрогивавшее печальныя послѣдствія крѣпостного права въ сферѣ семейнаго быта. Въ концѣ 70-хъ годовъ Э. окончательно сталъ народнымъ пѣвцомъ. Извѣстность его зиждется въ особенности на тѣхъ стихотвореніяхъ, которыя посвящены крестьянскому быту. Лирическія его пьесы составляютъ какъ бы разрозненныя части эпопеи, воспроизводящей всѣ стороны народнаго быта («Жатва у Тиніи», «Стоны крестьянина», «Горе Тиндала», «Больная семья», «Жалобы Беруа», «Богъ всемогущъ», «Бѣднякъ», «Будемъ плакать»! и друг.). Въ нихъ воспроизводятся стихійныя бѣдствія, политическія тревоги, религіозныя нужды, семейныя заботы, рѣдкія минуты счастья въ жизни грузинскаго народа. Эпопея эта согрѣта искреннимъ участіемъ гуманнаго аристократа, съумѣвшаго заглянуть въ тоскливое сердце народа. Поворотнымъ моментомъ въ творчествѣ Э. является художественное стихотвореніе «Родина Хевсура», исполненное привязанности къ свободной жизни среди могучихъ орловъ и горныхъ водопадовъ. Пѣсня: «Нѣтъ, не отдамъ и за древо безсмертія скалу я крутую! Нѣтъ, не отдамъ и за рай чужеземный отчизну святую» стала національной. Поэма «Аспиндская битва» воспѣваетъ грузинскаго царя Ираклія II въ борьбѣ его съ мусульманскими полчищами. Нѣсколько пьесъ Э. понынѣ имѣютъ успѣхъ на

грузинской сценѣ («Шутка съ дядюшкой», «Адвокаты», «У парикмахера», «Вертящіеся столы» и др.). Онъ переводилъ басни Крылова, стихотворенія Пушкина, Лермонтова, Тютчева и др. Менѣе извѣстны его повѣсти и разсказы. Онъ посѣтилъ самые отдаленные и заброшенные уголки Кавказа и результатомъ его путешествій явились цѣнныя этнографическія работы: «О Тушино-Пшаво-Хевсурскомъ округѣ», «Письма изъ Имеретіи», «Путешествіе по Мингреліи», «Очерки Сванетіи» и друг. Изученіе говоровъ грузинскаго языка и его древнихъ памятниковъ доставило ему матеріалъ для грузино-русско-латинскаго словаря трехъ царствъ природы и для редактированнаго имъ грузинскаго словаря С. С. Орбеліани, писателя XVIII в. Собраніе стихотвореній князя Р. Э. вышло въ Тифлисѣ (1893). На рус. языкъ переводили его И. Ф. Тхоржевскій («Грузинскіе поэты въ образцахъ»), кн. С. В. Амиранджиби, А. И. Канчели; на нѣмецкій яз.—Артуръ Лейстъ («Georgische Dichter»). См. ст. А. Хаханова въ «Русской Мысли», 1898 г. *А. Хахановъ.*

Эристовы — старѣйшій княжескій грузинскій родъ, получившій свое наименованіе отъ начальниковъ округовъ—*эриставовъ* (т. е. предводителей народа), которые, пользуясь смутами Грузіи, обратили званіе свое въ потомственное и были удѣльными князьями, а нѣкоторые сдѣлались и независимыми владѣтелями (напр. эриставы Мингрельскій, Абхазскій, Гурійскій, Сванетскій и Ахалцыхскій). Нынѣ существуютъ три фамиліи князей Э.: 1) *Э.-Имеретинскіе*—младшая вѣтвь бывшаго царскаго имеретинскаго дома, имѣвшая удѣльное княжество до 1774 г.; 2) *Э.-Арагвскіе* и 3) *Э.-Ксанскіе*. Послѣднія двѣ вѣтви принадлежатъ къ древнѣйшимъ родамъ Грузіи. Одинъ изъ предковъ ихъ, эриставъ *Торникій*, служилъ со славою въ византійскихъ войскахъ въ X в. и основалъ на Аѳонской горѣ обитель Иверскую-Аѳонскую, гдѣ принялъ иночествои скончался около 1028 г. Въ 1560 г. грузинскій царь Симіонъ I раздѣлилъ весь ихъ огромный округъ на два: Ксанскую область передалъ младшему брату, отъ котораго и происходятъ князья *Э.-Ксанскіе*, а старшему, *Іасону*—Арагвскую область, объявивъ его эриставомъ арагвскимъ. Отъ внука Іасона, *Нуксара*, пошли князья *Э.-Арагвскіе*. Изъ числа князей *Э.-Ксанскихъ*, бывшихъ удѣльными князьями до присоединенія Грузіи къ Россіи, Эмубаръ и его племянникъ Шалва были замучены въ Персіи въ 1611 г. за исповѣданіе христіанской вѣры. Въ XIX в. четверо Э. пали, сражаясь въ рядахъ русскихъ войскъ: одинъ убитъ въ 1806 г. подъ Баку вмѣстѣ съ знаменитымъ Циціановымъ, другой—при усмиреніи въ Грузіи мятежа, третій—подъ Лейпцигомъ въ 1813 г., четвертый—въ Закаталахъ лезгинами въ 1850 г. О поэтахъ и драматургахъ Георгіи Давидовичѣ и Давидѣ Георгіевичѣ см. выше. Изъ князей *Э.-Арагвскихъ—Отаръ* (*Онуфрій*) и *Давидъ Георгіевичи* и *Іосифъ Нуксаровичъ* выѣхали въ Россію съ царями Вахтангомъ и Бакаромъ въ 1724 г. О внукѣ перваго *Дмитріи Алексѣевичѣ* и о поэтѣ *Рафаилѣ Э.* см. выше. Родъ князей Э. записанъ въ V ч. род. кн. губ. Тифлисской, Кутаисской, С.-Петербургской, Полтавской и Екатеринославской. *В. Р—въ.*

Эритема — означаетъ пятнистую или сплошную красноту кожи и видимыхъ слизистыхъ оболочекъ, которая отличается своей короткой продолжительностью, почему носитъ также названіе «летучей». Э. обусловливается расширеніемъ (гиперэміей) кожныхъ сосудовъ, что ставится въ зависимость отъ утомленія (пареза) сосудосуживающихъ нервовъ или отъ раздраженія сосудорасширяющихъ нервовъ. Цвѣтъ Э. колеблется между свѣтло-розовымъ и насыщеннымъ темно-краснымъ; онъ исчезаетъ подъ давленіемъ пальца, но тотчасъ по прекращеніи давленія появляется вновь. Э. можетъ появляться на любомъ мѣстѣ поверхности тѣла, обыкновенно ограничивается опредѣленными участками, но иногда можетъ занимать почти всю кожу. Такая универсальная Э. наблюдается, напримѣръ, весьма часто у новорожденныхъ дѣтей въ первые дни послѣ рожденія. Къ Э. относится также та летучая краснота, которая появляется у людей подъ вліяніемъ чувства стыда или гнѣва, обыкновенно на щекахъ, но также на боковыхъ частяхъ шеи, на лбу и ушахъ, у иныхъ еще на верхней части груди и спины. Э. можетъ развиться подъ вліяніемъ всякаго рода раздраженій какъ механическихъ (ударъ, треніе), такъ и химическихъ (горчичники, іодная настойка, потъ, слюна, носовая слизь и т. д.) и термическихъ (жаръ, холодъ). Съ устраненіемъ причины краснота исчезаетъ сама собою, но если раздраженіе дѣйствуетъ повторно болѣе или менѣе долгое время на одномъ и томъ же мѣстѣ, то остается болѣе или менѣе сильная пигментація. Такъ напр., мы находимъ пигментированную полосу у женщинъ на томъ мѣстѣ, гдѣ завязываются юбки или на мѣстѣ чулочныхъ подвязокъ. Иногда Э. появляется послѣ внутренняго употребленія лѣкарствъ (белладонна, копайскій бальзамъ, хининъ, іодистый калій и др.); она обнаруживается въ видѣ пунктированной красноты или пятенъ, обыкновенно на туловищѣ и конечностяхъ, сопровождаясь при своемъ появленіи сильнымъ жженіемъ и зудомъ, иногда повышеніемъ температуры. У лицъ, обладающихъ нетерпимостью (такъ наз. идіосинкразія) къ данному лѣкарству, Э. появляется уже послѣ введенія въ организмъ минимальнаго количества лѣкарственнаго вещества. *В. О.*

Эритрейское море—древнее названіе Краснаго моря.

Эритрея (итал. Eritrea)—итал. колонія на западномъ берегу Краснаго моря; занимаетъ береговую полосу отъ 18°2′ сѣв. шир. до 12°30′ сѣв. шир. съ прибрежными островами Массова, Даглакъ и Гавакиль и съ городами Керенъ, Аилетъ и Гура на сѣв. абессинскомъ нагорьѣ. Пространство Э.—247000 кв. км.; жит. 329516, въ томъ числѣ 2014 европейцевъ. Главные города: Массова, Асмара (центръ администраціи) и Керенъ. Части Э., лежащія на нагорьѣ, отличаются хорошимъ климатомъ: здѣсь санаторія итальянскихъ войскъ Э. Береговая полоса имѣетъ степной

характеръ со скудной растительностью. Максимальная температура 44,5°, минимальная 18,5° Ц. (въ Массовѣ). Осадковъ за годъ у Керена 747 мм., у Массовы 222 мм., у Ассаба 61 мм.; наибольшее количество осадковъ у Керена въ августѣ, въ остальной Э.—въ декабрѣ. Ввозъ въ Э. доходитъ до 7 милл. лиръ (главнымъ образомъ бумажныя ткани, дурра, скотъ, лѣсъ), вывозъ составляетъ 1,3 милл. лиръ (особенно перламутръ, животные продукты, драгоцѣнные металлы). Обороты транзитной торговли въ Абессинію и Суданъ— 1,3 и 1,4 милл. лиръ. Съ 1899 г. ввозъ продуктовъ Абессиніи не обложенъ пошлиною. Экономическій центръ страны—Массова, откуда строится стратегическая желѣзная дорога на Асмару. За 1882—96 гг. Италія издержала на Э. 304 милл. лиръ; въ 1900 г. на колонію издержано было, сверхъ доходовъ ея, 7,6 милл. лиръ. Таможенные доходы Э. въ 1899 г. достигли 587650 лиръ. Войско Э. состоитъ изъ 187 офицеровъ, 1021 итальянца и 5313 туземцевъ. 5 іюля 1882 г. Италія объявила своей колоніею побережье залива Ассабъ. Въ 1885 г., послѣ убійства путешественника Біанки, колонія получила нынѣшніе предѣлы ея по побережью. Въ началѣ 1887 г. изъ-за безпорядковъ въ Э. итальянцы временно ограничились одной Массовою. Въ 1889 г. владѣнія расширены были присоединеніемъ части абессинскаго нагорья. Объ отношеніяхъ къ Абессиніи въ 1889—1896 гг. см. Уччіалійскій договоръ (XXXV, 124). Ср. «Eritrea. I nostri errori» (Туринъ, 1898); Melli, «La colonia Eritrea dalle sue origini fino al 1° marzo 1899» (Парма, 1899); ежегодный сборникъ «Possessi e Protettorati in Africa».

Эритрина (Erythrina L.)—родовое названіе растеній изъ сем. мотыльковыхъ (Papilionaceæ). Это—деревья, кустарники или полукустарники; вѣтви у нихъ толстыя, часто шиповидныя. Листья о 3 листкахъ, прилистники весьма мелкіе. Цвѣтки крупные, большею частью яркокрасные, собранные въ пазушныя или верхушечныя кисти. Чашечка быть можетъ колокольчатая, кососрѣзанная, притупленная или двугубая (верхняя губа цѣльнокрайняя), двураздѣльная или быть можетъ 5-лопастная. Флагъ крупный, удлиненный, прямо стоячій или приподнимающійся, почти сидячій или длинноноготковый; крылья короткія, иногда очень маленькія, а иногда ихъ совсѣмъ нѣтъ; лодочка или короче, или длиннѣе крыльевъ, состоящая изъ двухъ сросшихся или свободныхъ лепестковъ. Завязь многосѣменная съ плодоножкою, столбикъ щетинистый, согнутый, съ небольшимъ рыльцемъ. Бобъ на ножкѣ линейный, часто согнутый и съуженный къ обоимъ концамъ, вскрывающійся двумя створками. Всѣхъ видовъ Э. насчитывается до 30, дико растущихъ въ тропическихъ и подтропическихъ странахъ обоихъ полушарій. Нѣкоторые виды разводятся, напр. E. indica Lam. разводится на перечныхъ и кофейныхъ плантаціяхъ, какъ защитное и отѣняющее дерево. E. crista Galli L.— обычное декоративное растеніе нашихъ цвѣтниковъ. Молодые листья и бутоны нѣкоторыхъ видовъ употребляются какъ овощи. E. Corallodendron L. доставляетъ мягкую древесину («коралловое дерево» или «Arbol madre» въ Мексикѣ). *С. Ростовцевъ.*

Эритринъ — кобальтовые цвѣты (XV, 483).

Эритринъ (хим.) — орселиново-эритритовый эѳиръ (см. Эритритъ).

Эритритъ (хим.) — бутантетролъ — $C_4H_6(OH)_4$=(HO)H_2C.*C*H(OH).*C*H(OH).CH_2(OH), четырехатомный предѣльный спиртъ, содержащій два асимметричныхъ атома углерода (напечатаны курсивомъ), а потому возможный, подобно винной кисл. (VI, 424 и ср. Стереоизомерія, XXXI, 612), въ четырехъ видоизмѣненіяхъ: двухъ оптически дѣятельныхъ (право- и лѣвовращающихъ), одномъ—рацемическомъ и одномъ—мезотипа; всѣ четыре извѣстны. *Правый*—d. Э. (ср. Гидраты углерода) полученъ Г. Бертраномъ; исходнымъ веществомъ является мезо Э. (см. ниже), который окисляютъ въ эритрулозу, культивируя въ его 4% водномъ растворѣ сорбозебактерію: (HO)H_2C.CH(OH).CH(OH).CH_2(OH)+O″=H_2O+ +(HO)H_2C.CO.CH(OH).CH_2(OH) (эритрулоза); кетоноспиртъ возстановляютъ затѣмъ въ слабо кислой средѣ амальгамой натрія; изъ сиропа, остающагося послѣ удаленія неорганическихъ солей, выдѣляютъ регенерированный мезо Э. кристаллизаціей съ помощью готоваго кристаллика, а d. Э. очищаютъ переходя черезъ трудно растворимый дибензацеталь— $C_4H_6O_4(C_7H_6)_2$. Изъ воды, въ которой онъ очень хорошо растворимъ, d. Э. кристаллизуется, имѣя плоскости гексагональной призмы и простого ромбоэдра, безъ признаковъ гемиэдріи (Вырубовъ); онъ плавится при 88—89° Ц.; $[\alpha]_D = -4°46'$; трудно растворимъ въ кипящемъ спиртѣ; при нагрѣваніи на водяной банѣ съ тройнымъ по вѣсу количествомъ HNO_3 (d—1,2) до сиропообразной консистенціи даетъ правую (обыкновенную) винную кислоту (Бертранъ и Макэнъ), чѣмъ объясняется и названіе Э., какъ праваго (ср. Гидраты углерода, VIII, 643, прим.). Описаны многія производныя этого Э. *Лѣвый* l. Э. полученъ Макэномъ изъ l. ксилозы (см. Гидраты углерода, VIII, 643, и Глюкозы, l. c., 924) методомъ Воля, для чего ксилозу дѣйствіемъ концентрированнаго спиртового раствора гидроксиламина (см.) переводятъ въ ксилозоксимъ: $C_5H_{10}O_5$+(HO)H_2N=H_2O+$C_5H_{11}O_5N$, —нагрѣваніемъ съ уксуснымъ ангидридомъ и уксуснонатріевой солью его ацетилируютъ и, отнимая воду, превращаютъ въ l. ацетилксилонитрилъ (ср. Изонитрозосоединенія), а затѣмъ, отщепляя отъ послѣдняго элементы HCN и омыляя, получаютъ l. эритрозу (алдегидъ l. Э.), которую и возстановляютъ амальгамой натрія въ слабо кисломъ растворѣ въ l. Э. Физическія свойства послѣдняго повторяютъ буквально свойства d. Э. (Вырубовъ, Макэнъ); вращеніе равно по величинѣ, но противоположнаго знака (правое). При окисленіи азотной кисл. (условія выше) l. Э. образуетъ лѣвую винную кислоту (Бертранъ и Макэнъ). *Рацемическій* Э. полученъ впервые Гринеромъ, путемъ довольно сложныхъ превращеній, а именно: дивинилъ (см. винилэтиленъ, Углеводороды ацетилено-

вые, XXXIV, 450), синтезированный, между прочимъ, Бертело изъ ацетилена и этилена, превращаютъ сначала осторожнымъ дѣйствіемъ брома въ малопостоянный дибромидъ, дающій выше 100° два стереоизомера:

$$\begin{array}{l} CH:CH_2 \rightarrow \\ | \\ CH:CH_2 \rightarrow \end{array} \left\{ \begin{array}{l} HC.CH_2Br \\ HC.CH_2Br \\ \quad H.C.CH_2Br \\ BrH_2C.C.H \end{array} \right.$$

изъ которыхъ одинъ $BrH_2C.CH:CH.CH_2Br$, жидкій при обыкновенной температурѣ, кипящій при 70° (20 мм.) и образующійся въ незначительномъ количествѣ, даетъ при окисленіи слабымъ растворомъ марганцевокаліевой соли на холоду дибромгидринъ мезо Э. $BrH_2C.CH(OH).CH(OH).CH_2Br$, плавящійся при 135°; а второй — $\begin{array}{c} CH.CH_2Br \\ \| \\ BrH_2C.CH \end{array}$, кристаллическій, плавящійся при 53°—54°, кип. при 92°—93° (15 мм.), являющійся главнымъ продуктомъ превращенія, образуетъ при окисленіи $KMnO_4$ дибромгидринъ рацемичнаго Э. $\begin{array}{l} (HO)HC.CH_2Br \\ \quad | \\ BrH_2C.CH(OH) \end{array}$, плавящійся при 83°; отъ послѣдняго къ Э. переходятъ черезъ двуокись бутадіэна: $\overbrace{CH_2.CH}^{O}.\underbrace{CH.CH_2}_{O}$ (пл. + 4° Ц.), дѣйствуя на нее при 100° Ц. водой: $C_4H_6O_2 + 2H_2O = C_4H_6(OH)_4$ (Гринеръ). Тотъ же Э. можетъ быть полученъ простымъ сливаніемъ эквимолекулярныхъ растворовъ d. и l. Э. (Бертранъ и Макэнъ). Рацемическій Э. плавится при 72° Ц.; онъ необыкновенно легко растворимъ въ водѣ; на воздухѣ расплывается; кристаллизуется въ тѣхъ же формахъ, что и d. и l. Э. (Вырубовъ); обладаетъ сильно выраженнымъ сладкимъ вкусомъ; оптически недѣятеленъ; въ спиртѣ растворяется легче мезо Э. Описанъ рядъ его производныхъ (Гринеръ, Бертранъ и Макэнъ). *Мезо* Э., давно извѣстный Э. (онъ же эритроглюцинъ, фицитъ, анти Э.) находится въ свободномъ состояніи въ водорасляхъ: Protococcus Vulgaris (Лами) и Trentepohlia Jolithus (М. Бамбергеръ и А. Ландзидль), откуда и можетъ быть извлеченъ эѳиромъ, а въ видѣ орселиново-эритритоваго эѳ., такъ наз. эритрина, во многихъ лишаяхъ и водоросляхъ, каковы, напр., Rocella Tinctoria, Rocella fuciformis и особенно Rocella Montagnëi, откуда онъ можетъ быть добытъ омыленіемъ съ помощью ѣдкой щелочи или известковаго молока (Стенгоузъ, Штрекеръ, Шункъ, Лами, Вагнеръ, Гессе, Гофманнъ, Де-Люннь):

$$\underset{\text{Эритринъ.}}{C_4H_6 \left\{ \begin{array}{l} (OH)_2 \\ (O.C_8H_7O_3)_2 \end{array} \right.} + 2H_2O = \underset{\text{Э.}}{C_4H_6(OH)_4} + 2\,\underset{\text{Орселлиновая кисл. (см. Леканоровая кислота, XVII, 509).}}{\begin{array}{l} HO \\ HO \end{array} > C_6H_2 < \begin{array}{l} CO_2H \\ CH_3 \end{array}}$$

Кристаллизуется изъ концентрированныхъ горячихъ водныхъ растворовъ при прибавленіи (1/5 по объему) спирта очень легко въ призмахъ квадратной системы; плав. при 126° Ц. (Либерманнъ) и перегоняется безъ разложенія при 330° (Либерманнъ); легко растворимъ въ водѣ, труднѣе въ спиртѣ и совсѣмъ нерастворимъ въ эѳирѣ; сладокъ, оптически недѣятеленъ. При окисленіи азотной кисл. даетъ первоначально эритрозу — $(HO)H_2C.CH(OH).CH(OH).COH$, а окончательно мезовинную кисл. (см. Винная кисл. l. с, Пржибытекъ). При нагрѣваніи съ концентрированнымъ HJ мезо Э. превращается во вторичный іодистый бутилъ $H_3C.CHJ.CH_2.CH_3$ (Де-Люннь); описаны многочисленныя производныя мезо Э., изъ которыхъ можно отмѣтить дихлоргидринъ $ClH_2C.CH(OH).CH(OH).CH_2Cl$, образующійся при нагрѣваніи Э. съ крѣпкой водной HCl, плав. при 125° (Пржибытекъ), и ангидридъ — $\underbrace{CH_2.CH}_{O}.\underbrace{CH.CH_2}_{O}$ получающійся изъ предыдущаго при дѣйствіи KOH и представляющій жидкость, кип. при 138°, обладающую довольно сильнымъ запахомъ и всѣми реакціями органическихъ окисей (см. Окиси); легко полимеризуется (Пржибытекъ). При нагрѣваніи съ муравьиной кисл. мезо Э. образуетъ, между прочимъ, дивинилъ (см. выше; Генингеръ), а съ P_2S_5 — тіофенъ (см. Пааль и Тафель). *А. И. Горбовъ.*

Эритромелалгія — названіе нервной болѣзни, характеризующейся невралгическими болями въ периферическихъ частяхъ конечностей, при чемъ приступы невралгіи сопровождаются краснотою и припуханіемъ ихъ. Наблюдается рѣдко. Болѣзнь эта, принадлежащая, повидимому, къ сосудодвигательнымъ неврозамъ, весьма упорна и плохо поддается врачебному вмѣшательству, но сама по себѣ не опасна и не ведетъ къ какимъ-либо существеннымъ для организма осложненіямъ; иногда же она составляетъ не самостоятельное заболѣваніе, а лишь симптомъ другого болѣзненнаго процесса въ центральной нервной системѣ или периферическихъ нервахъ. *И. Р.*

Эритрофиллъ — красный пигментъ растеній. Точнаго значенія этотъ терминъ не имѣетъ, такъ какъ имъ называютъ и красный пигментъ хроматофоровъ водорослей (см. Фикохромъ), красный пигментъ клѣточнаго сока (антоціанъ) и т. д. *Н. Г.*

Эритрофлеинъ — дѣйствующее химическое начало изъ коры erythrophleum guinense; дѣйствуетъ на сердце задерживающимъ образомъ, подобно мускарину, благодаря возбужденію нервнаго сердечно-задерживающаго аппарата. *И. Т.*

Эритъ (Erith, произносится йритъ) — гор. въ графствѣ Кэнтъ, въ Англіи, въ 25 км. къ В отъ Лондона, на правомъ берегу р. Темзы, у подошвы поросшаго лѣсомъ холма. Около 15000 жит.; много дачныхъ домовъ и виллъ лондонскихъ купцовъ; церковь съ памятниками XV ст.; кирпичный заводъ, производство искусственнаго удобренія.

Эрихсенъ (Джонъ Эрикъ Erichsen) — англійскій хирургъ (род. въ 1818 г.). Въ 1850 г. былъ назначенъ профессоромъ хирургической клиники въ University College въ Лондонѣ. Напечаталъ: «Science and art of surgery» (9-е изд., Лонд., 1891); «Pathology and treatment

of asphyxia» (Эдинбургъ, 1845); «Railvay injuries of the nervous system» (Лондонъ, 1866); «Hospitalism, and the causes of death after operations and surgical injuries» (ib., 1874).

Эрихсонъ (Wilhelm-Ferdinand Erichson)—выдающійся нѣмецкій энтомологъ (1809—1849); въ 1828—1832 гг. изучалъ медицину въ Берлинѣ, въ 1832 г. докторъ медицины, въ 1837 г. докторъ философіи. Сначала Э. работалъ надъ энтомологическими коллекціями берлинскаго университета, а въ 1843 г. назначенъ хранителемъ этихъ коллекцій. Одновременно съ 1838 г. Э. читалъ лекціи по энтомологіи и гельминтологіи при университетѣ въ качествѣ приватъ-доцента, въ 1842 г. назначенъ экстраординарнымъ профессоромъ. Многочисленныя научныя работы Э. касаются морфологіи и систематики насѣкомыхъ и преимущественно жуковъ, а также энтомологической библіографіи и номенклатуры. Изъ нихъ назовемъ лишь слѣдующія: «Genera Dyticorum» (докт. диссертація. Берлинъ. 1832); «Uebersicht der Histeroides» («Klug Jhbüch. Ins. Kunde», 1834); «Die Käfer der Mark Brandenburg» (1 т., Берлинъ, 1837—39); «Genera et species Staphylinorum etc.» (2 т., Берлинъ. 1839—40); «Zur systematischen Kenntnis der Insectenlarven» («Wiegm. Arch.», 1841); «Beitrag zur Fauna von Vandiemensland. mit bes. Berücksicht. d. geogr. Verbr. d. Insecten» (тамъ же, 1842); «Conspectus insectorum coleopterorum quae in Republica Peruana observata sunt» («Wiegm. Arch.», 1847); «Naturgeschichte der Insecten Deutschlands. 1-te Abth. Coleoptera» (т. III, Берлинъ, 1848); «Insecten (Hymenoptera, Diptera, Neuroptera) in Middendorf's Reise in Sibirien» (СПб., 1851). Э. обработалъ бабочекъ и жуковъ, собранныхъ во время кругосвѣтнаго путешествія Мейена («Acta Ac. Leop. Carol.», 1834).

Н. Н. А.

Эрихтинія (Erichtina)—одна изъ стадій постэмбріональнаго развитія нѣкоторыхъ десятиногихъ раковъ изъ семейства Sergestidae, принадлежащаго къ подотряду длиннохвостыхъ (Macrura). Эта стадія, извѣстная главнымъ образомъ для рода Lucifer, соотвѣтствуетъ поздней стадіи Protozoëa другихъ Decapoda и была описана первоначально въ качествѣ самостоятельнаго животнаго подъ именемъ Erichtina demissa. Принадлежность ея къ циклу развитія Lucifer доказана изслѣдованіями Brooks. У Э. можно различить переднюю болѣе широкую часть тѣла, прикрытую спиннымъ щитомъ, на которомъ спереди находится шиповидный отростокъ (rostrum), а на заднемъ концѣ по бокамъ по 1 подобному же отростку, и заднюю узкую цилиндрическую часть тѣла, заключающую задніе сегменты груди и брюшка. Кромѣ непарнаго глаза существуютъ уже зачатки сложныхъ глазъ. Изъ конечностей на передней части тѣла находятся 2 пары усиковъ, верхнія челюсти, 2 пары нижнихъ челюстей и 2 пары челюстныхъ ножекъ. Задній отдѣлъ тѣла еще не имѣетъ конечностей и заключаетъ 8 сегментовъ, изъ которыхъ 4 переднихъ представляютъ изъ себя сегменты грудныхъ ходильныхъ ножекъ; сегментъ 5-хъ ходильныхъ ножекъ остается у Lucifer недоразвитымъ. Изъ брюшныхъ сегментовъ дифференцированы 4 переднихъ, а самый задній конецъ тѣла является еще не расчлененнымъ. На концѣ брюшка находится нѣсколько щетинокъ. Вслѣдъ за дифференцировкой всѣхъ сегментовъ брюшка и появленіемъ зачатковъ 3-ей пары челюстныхъ и 4 паръ ходильныхъ ножекъ Э. переходитъ въ стадію Zoëa.—Ср. Brooks, «Lucifer, a study in Morphology», въ «Philosoph. Trans. Roy. Soc. London» (т. 173, 1882).

М. Р.-К.

Эрихъ (Отто)—псевдонимъ извѣстнаго нѣмецкаго беллетриста Гартлебена (Otto Erich Hartleben). Род. въ 1864 г.; еще студентомъ выступилъ на литературное поприще съ «Studententagebuch» (1886). Послѣ драмы «Angele» (1891) и блестящей пародіи на Ибсена «Der Frosch» (1899), добился сценическаго успѣха комедіей «Hanna Jagert» (1893). За нею послѣдовали ком. «Die Erziehung zur Ehe» и «Die Geschichte vom abgerissenen Knopf». Дальнѣйшія драматическія произведенія Э.: «Ein Ehrenwort» (1892); «Die sittliche Forderung» (1897); «Abschied vom Regiment» (1898); «Ein wahrhaft guter Mensch» (1899); «Der Rosenmontag» (1900) и рядъ юмористическихъ разсказовъ поставили автора въ первый рядъ молодыхъ реалистовъ. Его превосходный языкъ нашелъ наиболѣе яркое выраженіе въ стихахъ («Meine Verse», 1895). Въ «Ein Goethebrevier» онъ явился тонкимъ критикомъ.

Эрицо (Себастіанъ Erizzo)—итальянскій археологъ (1525—1585). Напечаталъ: «Trattato dell'istrumento e via inventrice degli Antichi» (Венеція, 1554); «Discorso dei governi civili a messer Girolamo Veniero» (ib., 1555); «Discorso sopra le medaglie degli Antichi, con la dichiarazione delle consulari et delle medaglie degli imperatori romani» (ib., 1559); «Esposizione nelle tre canzone di messer Francesco Petrarca chiamate le tre sorelle nuovamente mandate in luce da Lodovico Dolce» (ib., 1561).

Эріодендронъ (Eriodendron DC.-Ceiba Gärtn.)—родъ растеній изъ сем. Bombacaceae, соединяемаго иногда съ сем. мальвовыхъ. Высокія деревья съ пальчатыми листьями, состоящими изъ 5—7 цѣльнокрайнихъ листочковъ. Цвѣты большею частью значительной величины. Внѣшней чашечки нѣтъ, чашечка неправильно 3—5 лопастная. Лепестковъ 5. Тычинокъ нѣтъ, срощенныхъ до середины въ трубку, пыльники одногнѣздные (въ группѣ Campylanthera) или дву-или четырехгнѣздные. Завязь 5-гнѣздная, плодъ кожистая коробочка. Сѣмена окружены обильными волосками. Волоски эти вслѣдствіе ихъ ломкости не идутъ на пряжу, но употребляются для набивки подушекъ и т. п. Сюда относятся 9 видовъ, изъ нихъ 8 свойственны тропической и Южной Америкѣ, 1 (Eriodendron anfractuosum DC.-Ceiba pentandra [L.] Gärtn., хлопчатное дерево, silk-cotton-tree англичанъ, fromager французовъ) растетъ въ Мексикѣ, на Антильскихъ островахъ, въ Гвіанѣ, въ Африкѣ, въ Индіи и въ Малайскомъ архипелагѣ. *В. Тр.*

Эріокаулоновыя (Eriocaulaceæ) — названіе одного тропическаго семейства од-

нодольныхъ растеній, имѣющаго такое сильное сходство въ строеніи соцвѣтій съ сем. Compositae (сложноцвѣтныя), что его называютъ «сложноцвѣтныя между однодольными». Головки цвѣтовъ у Э. вполнѣ аналогичны корзинкамъ сложноцвѣтныхъ. Ихъ мелкіе цвѣтки тѣсно скучены на расширенномъ концѣ цвѣтоножки, т. е. на цвѣтоложѣ, и окружены, какъ у сложноцвѣтныхъ, обверткой изъ верхушечныхъ чешуевидныхъ листьевъ. Число цвѣтковъ очень велико, отъ 200 въ мелкой головкѣ до нѣсколькихъ тысячъ въ крупной, а такъ какъ у нѣкоторыхъ видовъ головки сидятъ не одиночно, а цѣлыми зонтиками, до 100 головокъ въ каждомъ, то на цѣломъ экземплярѣ помѣщается до 100000 и болѣе цвѣтковъ, не смотря на небольшіе размѣры этихъ растеній. Цвѣтки однополые, съ двойнымъ околоцвѣтникомъ; лепестковъ 3, рѣже 2, тычинокъ столько же, или вдвое больше. Мужскіе цвѣтки съ сросшимся отчасти околоцвѣтникомъ и недоразвившимся гинецеемъ. У женскихъ—части околоцвѣтника свободны. Въ головкѣ цвѣтки размѣщаются безъ всякаго порядка. Большинство Э.—травы, хотя есть и полукустарники. Стебли чаще въ видѣ корневищъ съ простыми узкими листьями и безлистными цвѣтоносными побѣгами; у немногихъ видовъ имѣются облиственные стебли. Листья Э. считаются филлодіями, т. е. расширенными черешками безъ пластинокъ. Сем. Э. имѣетъ около 335 видовъ, большинство которыхъ растетъ въ Бразиліи, гдѣ одинъ родъ Repalánthus содержитъ около 190 видовъ, и въ Индіи, въ которой особенно распространенъ родъ Eriocáulon.

В. Дубянскій.

Эркель (Францъ Erkel)—народный венгерскій композиторъ (род. въ 1810 г.), директоръ національной оперы въ Пештѣ. Написалъ оперы «Hunyady Lászlò» (1844) и «Brankovics Gyorgy» (1874), поставленныя въ Пештѣ съ большимъ успѣхомъ. Широкою популярностью пользовался его сборникъ венгерскихъ мелодій. *Н. С.*

Эркетеневскій улусъ—см. Еркетеневскій (XI, 672).

Эркслебенъ (Johann-Christian-Polycarp Erxleben)—нѣм. естествоиспытатель (1744—1777); изучалъ медицину и естественныя науки въ Геттингенѣ, съ 1771 г. проф. физики тамъ же. Э. напечаталъ, между прочимъ: «Physikalische Bibliothek» (Геттингенъ, 1774—79); «Anfangsgründe der Naturgeschichte» (Геттингенъ, 1768, 4-е изд. 1791); «Betrachtungen über den Unterricht in der Naturgeschichte auf Akademien» (Геттинг., 1773); «Systema regni animalis per classes, ordines, genera, species etc. Class. I. Mammalia» (Лпц., 1777); «Physikalisch-chemische Abhandlungen» (1776).

Эркулео (Marzio Erculeo) — итальянскій композиторъ и писатель по теоріи музыки (1623—1706). Напечаталъ: «Il Canto ecclesiastico» (Модена, 1686); «Primi Elementi di musica» (ib., 1689); «Cantus omnes ecclesiastici ad hebdomadae maioris missas, passionem, etc.» (1688).

Эркумъ или *аббагамба* — см. Птицы-носороги.

Эркъ (Лудвигъ-Христіанъ Erk) — одинъ изъ основателей знаменитаго церковнаго хора (Domchor) въ Берлинѣ, издатель сборниковъ для хорового пѣнія, какъ церковнаго, такъ и свѣтскаго: «Drei und vierstimmige Gesänge für Schule und Haus» (Боннъ, 1830); «Methodischer Leitfaden für den Gesang Unterricht in Volksschulen» (1334); «Liederkranz» (1839); «Kindergartchen» (1843); «Die deutschen Votkslieder» (1838—41) и пр. *Н. С.*

Эрлангенскій университетъ — см. Эрлангенъ.

Эрлангенъ (Erlangen)—городъ въ Баваріи, въ округѣ Средней Франконіи, при впаденіи Нижняго Швабаха въ р. Регницъ и на Людвиговомъ каналѣ. Состоитъ изъ Стараго и Новаго города, соединенныхъ въ 1822 г. Новый городъ, заселенный въ 1686 г. изгнанными изъ Франціи гугенотами, назывался прежде Христіанъ-Эрлангеномъ. Жителей 22953 (1900). *Университетъ эрлангенскій* основанъ герцогомъ Фридрихомъ Бранденбургъ-Байрейтскимъ въ 1742 г. въ Байрейтѣ, а въ 1743 г. переведенъ въ Э. Средства университета, первоначально очень ограниченныя, постепенно расширялись; много для университета было сдѣлано маркграфомъ Александромъ; университетъ, вслѣдствіе этого, носитъ имя *Фридрихъ-Александровскаго.* Съ 1889 г. университетъ помѣщается во вновь сооруженномъ для него зданіи. Въ бывшемъ маркграфскомъ дворцѣ находится университетская библіотека (180 тыс. томовъ, 1700 рукописей, коллекція рисунковъ голландскихъ и нѣмецкихъ великихъ мастеровъ — Дюрера и др.). Въ особыхъ зданіяхъ помѣщаются анатомическій, зоолого-зоотомическій, физическій и фармакологическій институты и химическая лабораторія. Другія вспомогательныя учрежденія университета: госпиталь, хирургическая, офтальмологическая и акушерская клиники, патолого-анатомическій и физіологическій институты, минералогическій кабинетъ, ботаническій садъ. Въ 1901 г. студентовъ 977, слушателей 17, учащихъ 60. Передъ университетомъ памятникъ основателя университета маркграфа Фридриха. Гимназія, реальное училище, женская гимназія. Крупныя перчаточныя фабрики, производства хлопчатобумажное, прядильное, картонажное, щеточное, зеркальное, табачное, выдѣлка гребней, медицинскихъ приборовъ, издѣлій изъ слоновой кости; 15 пивоваренныхъ заводовъ, экспортирующихъ ежегодно 160 тыс. гкл. пива. Э. въ X в. принадлежалъ епископству Вюрцбургскому, въ 1017 г. перешелъ къ епископству Бамбергскому, въ 1361 г.—къ Чехіи. Въ 1400 г. Э. завладѣли бургграфы Нюрнбергскіе; въ 1541 г. городъ перешелъ во владѣніе маркграфовъ Байрейтскихъ; въ 1791 г. вмѣстѣ съ Байрейтомъ пріобрѣтенъ Пруссіей; въ 1810 г. Наполеонъ I отдалъ Э. Баваріи. Ср. Lammers, «Geschichte der Stadt Erlangen» (1843); Stein und L. Müller, «Die Geschichte von Erlangen in Wort und Bild» (1898); Fester, «Beiträge zur Geschichte der Universität Erlangen» (1901).

Эрлангеръ (Raphael Slidell Freiherr von Erlanger)—нѣм. зоологъ (1865 — 1897),

изучалъ медицину въ Боннѣ и съ 1887 г. въ Гейдельбергѣ, гдѣ въ скоромъ времени вполнѣ предался изученію зоологіи; въ 1891 г. получилъ степень доктора философіи, съ 1893 г. читалъ лекціи въ качествѣ приватъ-доцента, въ 1897 г. назначенъ экстраординарнымъ профессоромъ зоологіи. Научныя изслѣдованія касались преимущественно эмбріональнаго развитія моллюсковъ, тончайшаго строенія протоплазмы, цитологіи и сперматогоніи. Главнѣйшіе труды: «Zur Entwickelung der Paludina vivipara» (2 ч., «Morph. Jahrb.», 1891); «Beiträge zur Entwickelungsgeschichte der Gastropoden» («Mitth. Zool. Stat. Neapel», 1892); «Zur Embryologie eines Tardigraden (Macrobiotus macronyx)» («Morph. Jahrb.», 1894); «Zur Kenntnis des feineren Baues des Regenwurmhodens und der Hodenzellen» («Arch. micr. Anat.», 1896); «Ueber die Befruchtung und ersten Theilungen des Eies von Ascaris megalocephala etc.» («Biol. C.-Bl.», 1887); «Beiträge zur Kenntnis der Structur des Protoplasmas, der Karyokinetischen Spindel und des Centrosoms» («Arch. micr. Anat.», 1897). *Н. Н. А.*

Эрлау (мадьярск. Eger, нѣмецк. Erlau, чешск.-словацк. Jager, средневѣковое латинское Agria)—городъ въ Венгріи, въ Гевешскомъ комитатѣ, на рѣкѣ того же имени, на высотѣ 155 м. Прежде былъ крѣпостью. Состоитъ изъ собственнаго города и четырехъ форштадтовъ. Около 25000 жит., преимущественно мадьяръ католическаго исповѣданія (нѣмцевъ около 300, словаковъ около 150, евреевъ около 2500). Большой соборъ въ итальянскомъ стилѣ, въ формѣ латинскаго креста, съ куполомъ въ 38 м. высоты и двумя башнями (56 м. высоты); красивый минаретъ (35 м. высоты), развалины мечети, архіепископскій дворецъ съ весьма цѣнною библіотекою (болѣе 45000 томовъ), лицей съ обсерваторіей въ 56 м. высотою. Двѣ водолѣчебницы (Bischofsbad и Raitzenbad), съ теплыми (31° Ц.) минеральными источниками, воды которыхъ цѣлебно дѣйствуютъ противъ желудочныхъ и кожныхъ страданій. Еженедѣльно большіе базары. Виноградарство—главное занятіе жителей: эрлауское вино пользуется значительнымъ спросомъ за границею. Памятникъ защитнику Э. противъ турокъ — Добó. Своимъ значеніемъ городъ Э. обязанъ существованію въ немъ очень древняго, какъ думаютъ, еще св. Стефаномъ I въ 1009 г. основаннаго епископства, которое въ прежнія времена славилось своимъ богатствомъ и было обязано давать средства для воспитанія и содержанія четвертаго сына короля. Разрушенный въ 1241 г. монголами, Э. въ 1261 г. былъ заново отстроенъ и укрѣпленъ. Въ 1552 г. Стефанъ Добо защищалъ съ 10 сентября по 12 октября городъ противъ турецкаго войска (150000 чел.) и, при геройской помощи женщинъ, отбилъ 13 штурмовъ. Въ 1596 г. Э. былъ завоеванъ султаномъ Магометомъ III, и только въ 1687 г. окончательно освободился отъ турецкой власти. Въ 1649 г. 24 апрѣля, въ присутствіи 63 священниковъ православной русской мукачевской епархіи, здѣсь была подписана «унія», по которой русскій клиръ въ Венгріи, признавая папу главою церкви, сохранялъ за собою право по собственному усмотрѣнію избирать себѣ епископа и сохранять неприкосновенными обряды восточной церкви.

Эрлафъ (Erlaf, также Erlaph) — правый притокъ Дуная въ Нижней Австріи, своимъ главнымъ истокомъ беретъ начало у Целлерайна, на сѣверной границѣ Штиріи, протекаетъ черезъ Эрлафское озеро. Длина теченія 67 км.; впадаетъ въ Дунай, недалеко отъ того мѣста, гдѣ послѣ завоеванія римлянами Норика была римская стоянка Arlape съ частію дунайскаго флота.

Эрленмейеръ (Адольфъ-Альбрехтъ Erlenmeyer) — нѣмецкій врачъ-психіатръ (1822—1877). Его главный трудъ: «Wie sind Seelenstörungen in ihrem Beginne zu behandeln?», премированный «германскимъ обществомъ психіатріи и судебной психологіи», выдержалъ 5 изданій (1-ое въ 1860 г. въ Нейвидѣ) и былъ переведенъ на 7 иностранныхъ языковъ. Изъ другихъ его трудовъ слѣдуетъ указать: «Die Gehirnatrophie der Erwachsenen» (ib., 1852; еще 2 изданія); «Uebersicht der öffentlichen und privaten Irren-und Idioten-Anstalten aller europäischen Staaten» (ib., 1863); «Die subcutanen Injectionen der Arzneimittel» (3-е изд., ib., 1866); «Die Embolie der Hirnarterien» (2-е изд., ib., 1867); «Die freie Behandlung der Gemüthskranken und Irren in «detachirten Colonieen» (ib., 1869); «Die luëtischen Psychosen in diagnostischer und prognostischer Beziehung» (ib., 1876; 2-е изд., ib., 1877).

Эрлеръ (Іосифъ Erler)—нѣмецкій писатель. Род. въ 1857 г. Написалъ: «Mein Land Tirol» (1877); «Des Kaisers Geigenmacher in Tirol» (1878); «Des Kaisers Ehrenkranz» (1880); «Des Prinzen Meisterschuss» (1880); «Vom Bodensee zum Vorarlberg» (1882); «Das Kind der Dorfhexe» (1882); «Aus der Mappe eines Kriminalkommissars» (1889—90); «Die letzte Zuflucht» (1882); «Diese Weiber» (1891) и др.

Эрлихъ (Генрихъ Ehrlich)—нѣмецкій писатель. Род. въ 1822 г. Былъ однимъ изъ популярнѣйшихъ берлинскихъ музыкальныхъ критиковъ. Отдѣльно вышли два его романа— «Abenteuer eines Emporkömmlings» (1858) и «Kunst und Handwerk» (1862), а равно «Lieder und Frauen» (1869); «Novellen a. d. Musikantenleben» (1885); «Lebenskunst und Kunstleben» (1886); «Aus allen Tonarten» (1888); «Dreissig Jahre Künstlerleben» (1893).

Эрманъ (Adolf Erman)—нѣмецкій египтологъ, сынъ Георга-Адольфа Э. (см. ниже). Род. въ 1854 г. Послѣ смерти Лепсіуса (1884) занялъ въ Берлинѣ каѳедру египтологіи и назначенъ директоромъ египетскаго отдѣленія королевскихъ музеевъ. Въ исторіи науки Э. принадлежитъ одно изъ наиболѣе видныхъ мѣстъ: изъ его аудиторіи вышла цѣлая школа крупныхъ ученыхъ, отличительной чертой которыхъ является строгая научность, осторожность въ выводахъ, грамматическая точность. Берлинскій египетскій музей переживаетъ подъ управленіемъ Э. славную эпоху и едва ли не занялъ первое мѣсто въ Европѣ. Главная заслуга Э. въ исторіи египтологіи—науч-

ная разработка грамматики и исторіи языка, а также классификація археологическаго матеріала по эпохамъ и строгое проведеніе хронологическаго принципа во всѣ отрасли науки. Главнѣйшіе труды: «Aegypten und ägypt. Leben im Alterthum» (1895); «Aegyptische Grammatik» (2 изданіе, 1903); «Aegyptische Chrestomatie. Die Sprache d. Papyrus Westcar» (1889); «Die Flexion des äg. Verbums» (1900); «Märchen d. Papyrus Westcar» (1890); «Gespräch eines Lebensmüden mit seiner Seele» (1896). Э. стоитъ во главѣ колоссальнаго предпріятія германской науки: «Thesaurus linguae Aegyptiacae».

Эрманъ (Георгъ-Адольфъ Erman, 1806—1877)—физикъ. Совершилъ въ 1828—30 гг. путешествіе вокругъ свѣта для того, чтобы сдѣлать наблюденія надъ земнымъ магнетизмомъ подъ различными долготами и широтами. На основаніи его наблюденій Гауссъ составилъ свою теорію земного магнетизма. Съ 1834 г. Э. былъ профессоромъ физики въ Берлинѣ. Напечаталъ: «Reise um die Erde durch Nordasien und die beiden Oceane» (1833—48). Для естественноисторическаго изученія Россіи важенъ издававшійся имъ «Archiv für wissenschaftliche Kunde von Russland» (I—XXV, B., 1841—67). Имъ же, на средства British Association въ Лондонѣ и германскаго адмиралтейства, произведены были дополнительныя наблюденія и вычисленія для повѣрки теоріи Гаусса; они изданы имъ, совмѣстно съ Петерсеномъ, «Die Grundlagen der Gaussischen Theorie und die Erscheinungen des Erdmagnetismus im J. 1829» (B., 1874).

Эрманъ (Даніэль Ehrmann) — нѣмецкій писатель (1817—1882), еврейскій раввинъ въ различныхъ чешскихъ городахъ. Кромѣ нѣсколькихъ богословскихъ и историческихъ соч. по еврейству, написалъ разсказы: «Ein jüdischer Lehrer», «Aus Palästina u. Babylon» (1880); «Die Tante» (1881).

Эрманъ (Jean Hermant) — французскій писатель (1650—1725). Много изданій имѣли его компиляціи: «Histoire des Conciles» (1695); «Histoire de l'établissement des ordres religieux» (1697), «Histoire des ordres militaires de l'Eglise et des ordres de chevalerie» (1698), «Histoire des hérésies» (1717).

Эрманъ (Jean-Pierre Erman, 1735 — 1814) — историкъ. Главнымъ его историческимъ трудомъ считаются неутратившіе и до сихъ поръ своего значенія «Mémoires pour servir à l'histoire des réfugiés» (9 тт., Берл., 1782—1799), которые онъ издалъ вмѣстѣ съ Рекламомъ. Ср. Catel, «Jean-Pierre Erman» (Берл., 1884) и «Denkschrift» Буттмана въ «Abhandlungen der Königl. Preuss. Akademie der Wissenschaften» (1818).

Эрманъ (Іоганнъ-Христіанъ Ehrmann)— нѣмецкій врачъ и сатирикъ (1749 — 1827). Главныя медицинскія его работы: «Psychologische Fragmente zur Makrobiotik» (1794); «Rhapsodien in Bezug auf technische Heilkunde» (Франкф., 1805); «Ueber den Kuhpockenschwindel» (1802). Въ послѣднемъ сочиненіи онъ выступаетъ противникомъ предохранительной прививки оспы. Большее значеніе имѣютъ его сатирическія произведенія, рисующія тогдашнее положеніе врачебнаго сословія: «Geheime Instruction für Wundärzte bei Leichen, Leichenöffnungen, Sterbfällen etc.» (1799; напечатано также въ «Beiträge zur ärztlichen Culturgeschichte» Штриккера, Франкфуртъ, 1865). Ему же принадлежатъ «Briefe über die Galanterien von Frankfurt a. Main» (Лпц., 1791, 1798).

Эрманъ (Карлъ-Генрихъ Ehrmann) — французскій врачъ (1792—1878). Въ 1826 г. назначенъ ординарнымъ профессоромъ по анатоміи въ страсбургскомъ университетѣ, а затѣмъ и по хирургіи. Съ 1837 г. онъ сталъ читать также патологическую анатомію. Напечаталъ: «Essai sur le bec-de-lièvre» (Страсбургъ, 1812); «Laryngotomie, pratiquée avec succus dans un cas de polype de larynx» (ib., 1844); «Observations d'anat. pathologique» (ib., 1847); «Histoire des polypes du larynx» (ib., 1850); «Description de deux foetus monstres» (ib., 1852); «Nouveau recueil de mémoires d'anatomie pathologique» (ib., 1862).

Эрманъ (Мартынъ Ehrmann) — австрійскій фармакологъ и химикъ (1795 — †). Въ 1824 г. онъ получилъ каѳедру фармакологіи въ вѣнскомъ университетѣ, а въ 1836 г. сдѣлался профессоромъ въ ольмюцскомъ университетѣ. Напечаталъ: «Die Stöchiometrie auf eine leichtfassliche Weise ohne Beihilfe algebraischer Berechnungen erläutert»» (Вѣна, 1828); «Handbuch der pharmaceutischen Chemie» (Вѣна, 1826—28; 2-ое изд., ib., 1832—33, подъ заглавіемъ: «Lehrbuch der Pharmacie»); «Tabellen zur pharmac. Chemie» (ib., 1829; 3-е изд., 1855); «Systematische Zusammenstellung der in die neue Pharmacopöe aufgenommenen Mercabilia» (Вѣна, 1857) и др.

Эрманъ (Павелъ Erman, 1764—1851)— физикъ, сынъ историка Жана-Пьера Э. († 1814), съ 1810 г. былъ профессоромъ физики въ Берлинѣ и членомъ прусской академіи. Обзоръ его научныхъ работъ (по электричеству, магнетизму, гидрологіи и оптикѣ) далъ Du Bois-Reymond въ «Abhandlungen der Königl. Akademie der Wissenschaften zu Berlin» (1853).

Эрманъ (Теофилъ-Фридрихъ Ehrmann) —нѣмецкій географъ (1762 — 1811). Издалъ цѣлый рядъ сборниковъ путешествій, отчасти переведенныхъ съ англійскаго, французскаго и голландскаго языковъ: «Geschichte der merkwürdigsten Reisen, welche seit dem 12 Jahrhundert zu Wasser und zu Lande unternommen worden sind» (13 т., 1791—1795); «Neueste Länder-und Völkerkunde, ein geographisches Lesebuch für alle Stände» (11 т., 1806—11).

Эрмитажъ, *Императорскій*, — художественно-историческій музей въ СПб., находящійся въ вѣдомствѣ министерства двора и въ близкой связи съ Зимнимъ дворцомъ. Начало этому музею, занимающему теперь по своему богатству одно изъ первыхъ мѣстъ среди подобныхъ учрежденій во всемъ мірѣ, было положено императрицею Екатериною II. Нуждаясь въ отдыхѣ, она задумала устроить для себя уютный уголокъ, въ которомъ могла бы проводить часы досуга въ тѣсномъ кругу

людей умныхъ, талантливыхъ, извѣстныхъ своею образованностью. Общество такихъ лицъ, по приглашеніямъ императрицы, собиралось сперва въ залахъ Зимняго дворца, но потомъ, нѣсколько позже 1765 г., для этихъ собраній выстроено было подлѣ дворца французскимъ архитекторомъ Валленномъ-де-ла-Моттомъ особое, выходящее фасадомъ на Неву, зданіе, названное «Эрмитажемъ» (въ настоящее время «Эрмитажный Павильонъ», сохранившій снаружи свой первоначальный видъ, но внутри совершенно передѣланный въ 1852 г. А. Штакеншнейдеромъ). Являясь сюда, Екатерина становилась не болѣе какъ радушною хозяйкою, обходительною женщиною, очаровывавшею приглашенныхъ на ея вечера не высотою сана, а личными качествами. Здѣсь, отложивъ въ сторону требованія придворнаго этикета *), бесѣдовала она съ Гриммомъ, Орловымъ, Дидро, Потемкинымъ, Гаррисомъ, Завадовскимъ, кн. де-Линемъ, Безбородкомъ, Сегюромъ, Кобенцлемъ и др. Здѣсь слушала она комедіи Фонвизина и стихотворенія Державина, или развлекалась игрою въ карты, смотрѣла на сценическія представленія, разыгрываемыя любителями, на танцы и другія забавы. Здѣсь составляла она библіотеку лучшихъ сочиненій и собирала всякаго рода художественныя произведенія, пріобрѣтая ихъ чрезъ посредство своихъ довѣренныхъ почти при каждой продажѣ болѣе или менѣе цѣнныхъ коллекцій. Мало-по-малу въ эрмитажѣ накопилась такая масса картинъ, гравюръ, камеевъ, медалей, мраморовъ, артистической бронзы и мебели, что его помѣщеніе сдѣлалось тѣснымъ. Для его расширенія было выстроено профессоромъ архитектуры Ю. Фельтеномъ въ 1773—75 гг., вдоль Невы, рядомъ съ первоначальнымъ эрмитажнымъ зданіемъ, новое, болѣе обширное, соединенное съ нимъ посредствомъ коридора на аркѣ, перекинутой чрезъ переулокъ. Зданіе это, извѣстное теперь подъ названіемъ «Стараго Э.», подверглось въ 1858—59 гг. внутренней передѣлкѣ (произведенной Штакеншнейдеромъ), но наружный его фасадъ остался безъ существенныхъ измѣненій. Нижній этажъ со времени императора Николая I служилъ помѣщеніемъ государственнаго совѣта и комитета министровъ и только въ 1886 г. присоединенъ снова къ Э., для устройства новоучрежденнаго отдѣленія прикладныхъ искусствъ Среднихъ Вѣковъ и эпохи Возрожденія. Въ двухъ верхнихъ этажахъ со временъ Екатерины II и до 1850-хъ гг. главнымъ образомъ сосредоточивались эрмитажныя коллекціи. Средній этажъ, роскошно отдѣланный въ 50-хъ годахъ для резиденціи въ Бозѣ почившаго цесаревича Николая Александровича, называется теперь 7-ою запасною половиною Зимняго дворца и служитъ для остановки иностранныхъ коронованныхъ особъ и принцевъ при посѣщеніи ими С.-Петербурга.

Почти вслѣдъ за возведеніемъ этого зданія, Екатерина увеличила эрмитажъ выстроенною итальянцемъ Дж. Кваренги (въ 1780—87 гг.) галлереею, представляющею собою точное подобіе Рафаэлевскихъ ложъ Ватиканскаго дворца въ Римѣ. Копія эта была сдѣлана по заказу императрицы, прямо съ оригинала, подъ руководствомъ Хр. Унтербергера, одного изъ лучшихъ учениковъ Р. Менгса. Наконецъ, въ 1785 г. Екатерина прибавила къ Э. изящный небольшой театръ, соединяющійся съ нимъ залою-фойе, висящею на аркѣ, смѣло переброшенной чрезъ Зимнюю канавку у истока ея изъ Невы. Это зданіе, возведенное также Кваренги, заняло мѣсто разобраннаго для того дворца Петра Великаго.—Къ концу жизни своей основательницы Э. уже былъ до такой степени богатъ художественными сокровищами, что могъ соперничать со многими европейскими музеями. Послѣ кончины Екатерины II происходившія въ Э. вечернія собранія прекратились. При двухъ слѣдующихъ государяхъ помѣщеніе Э. оставалось прежнее, хотя, вслѣдствіе значительныхъ пріобрѣтеній имп. Александра I, залы переполнились картинами и другими рѣдкостями, расположенными крайне тѣсно, безъ всякой системы, въ невыгодныхъ условіяхъ освѣщенія и разстоянія. Счастливую мысль устранить эти недостки и превратить «Пустынное убѣжище» въ настоящій, вполнѣ благоустроенный музей возымѣлъ императоръ Николай I. Не довольствуясь многими весьма важными пріобрѣтеніями предметовъ для Э., онъ задумалъ надѣлить его новымъ, просторнымъ и роскошнымъ помѣщеніемъ. Съ этою цѣлью, въ 1839 г., былъ приглашенъ въ СПб. знаменитый тогда мюнхенскій архитекторъ Л. фонъ-Кленце. По его проекту и подъ его наблюденіемъ было построено въ 1840—49 гг. нынѣшнее зданіе Э., примыкающее двумя своими концами къ

*) На эрмитажныхъ собраніяхъ русскіе были обязаны разговаривать между собою не иначе, какъ по-русски; при приходѣ императрицы или при ея обращеніи къ кому-либо изъ гостей запрещалось вставать; относительно того, какъ надлежало вести себя, были установлены правила, несоблюденіе которыхъ влекло за собою штрафъ. Эти правила, написанныя самою Екатериною, были вывѣшены при входѣ въ эрмитажъ. Она предлагала своимъ гостямъ: „1) оставить всѣ чины внѣ дверей, равномѣрно и шляпы, а наипаче шпаги; 2) мѣстничество и спѣсь или тому что-либо подобное, когда бы то ни случилось, оставить у дверей; 3) быть веселымъ, однакожъ ничего не портить, не ломать и ничего не грызть; 4) садиться, стоять, ходить, какъ заблагоразсудится, не смотря ни на кого; 5) говорить умѣренно и негромко, дабы у прочихъ тамъ находящихся уши и головы не заболѣли; 6) спорить безъ сердца и безъ горячности; 7) не вздыхать и не зѣвать, и никому скуки или тягости не наносить; 9) кушать сладко и вкусно, а пить съ умѣренностью, дабы всякій всегда могъ найдти свои ноги для выходу у дверей; 10) сору изъ избы не выносить, а что войдетъ въ одно ухо, то бы вышло въ другое прежде, нежели выступить изъ дверей„. За этими пунктами слѣдовали предостереженія: „Если кто противу вышеписаннаго проступится, то по доказательству двухъ свидѣтелей, за всякое преступленіе долженъ выпить стаканъ холодной воды, не исключая того и дамъ, и прочесть страницу Тилемахиды (Третьяковскаго). А кто противу трехъ статей въ одинъ вечеръ проступится, тотъ повиненъ выучить шесть строкъ Тилемахиды наизусть. А если кто противъ десятой статьи проступится, того болѣе не впускать“. При входѣ въ залу собраній висѣла другая таблица съ надписью, составленною также самою императрицею:

«Asseyez vous si vous voulez, et cela
Où il vous plaira,
Sans qu'on vous le repète cent fois».
«Извольте сѣсть гдѣ хотите,
Не ожидая повторенія:
Церемоній хозяйка здѣшняя ненавидитъ и въ досаду принимаетъ;
А всякій въ своемъ домѣ воленъ».

Екатерининскому и сообщающееся съ нимъ на одной сторонѣ залою Рембрандта и англійской живописи, съ другой — галлереею Рафаэлевскихъ ложъ. Оно сооружено въ древне-греческомъ стилѣ и отдѣлано внутри съ чрезвычайною роскошью. Пока продолжались его возведеніе и отдѣлка, императоръ постоянно наблюдалъ за ходомъ работъ, лично распоряжался установкою по заламъ громадныхъ вазъ, канделябровъ и столовъ, изготовленныхъ изъ дорогихъ каменныхъ породъ на сибирскихъ казенныхъ заводахъ и въ петергофской гранильной фабрикѣ, давалъ указанія относительно размѣщенія коллекцій, перенесенныхъ изъ прежняго Э., изъ академіи художествъ, изъ музеевъ академіи наукъ и изъ разныхъ императорскихъ дворцовъ. Египетскія и ассирійскія древности, предметы, найденные при археологическихъ раскопкахъ въ Крыму и вообще на югѣ Россіи, греческія расписныя вазы, произведенія античной и новѣйшей скульптуры, библіотека, коллекціи гравюръ и оригинальныхъ рисунковъ и часть картинной галлереи были распредѣлены по заламъ нижняго этажа, весь же верхній этажъ, за исключеніемъ двухъ залъ, въ которыхъ помѣщено нумизматическое собраніе, и одной, уставленной витринами съ рѣзными камнями, былъ отведенъ подъ остальную, главную часть картинной галлереи. Изъ множества произведеній живописи, пріобрѣтенныхъ Екатериною II и слѣдовавшими за нею государями, въ эту галлерею, по выбору особой коммиссіи спеціалистовъ, нѣсколько измѣненному самимъ императоромъ, поступили лишь картины, признанныя первоклассными и вообще интересными для исторіи живописи; прочія были распредѣлены по петербургскимъ и загороднымъ императорскимъ дворцамъ, отчасти убраны въ кладовыя или проданы съ аукціона. Къ Э. была присоединена одна изъ двухъ длинныхъ галлерей, тянущихся по бокамъ сада, устроеннаго еще при Екатеринѣ и висящаго на сводахъ, подъ открытымъ небомъ, позади первоначальнаго эрмитажнаго зданія; въ этой галлереѣ, возведенной при Александрѣ I архитекторомъ Кваренги на мѣстѣ существовавшаго предъ тѣмъ отлогаго схода изъ верхняго этажа зданія, были помѣщены «Кабинетъ Петра Великаго» (собраніе вещей, принадлежавшихъ этому государю или относящихся къ его исторіи), переведенный въ Э. изъ академіи наукъ, и собраніе драгоцѣнныхъ и рѣдкихъ вещей, принадлежавшихъ особамъ императорской фамиліи. Въ другой галлереѣ, служившей во времена основательницы эрмитажа проходомъ туда изъ Зимняго дворца, были развѣшены портреты августѣйшаго дома Романовыхъ. Къ началу 1852 г. устройство новаго музея было окончено. Торжественное его открытіе въ присутствіи всей царской фамиліи происходило 5 февраля этого года. Общее управленіе Э. было возложено на обергофмаршала Высочайшаго двора, а ближайшее завѣдываніе коллекціями ввѣрено двумъ начальникамъ отдѣленій. Въ первое отдѣленіе вошли библіотека, рукописи, гравюры, медали, монеты, рѣзные камни, расписныя вазы, античныя скульптуры и прочія древности; во второе — картины, оригинальные рисунки, произведенія новѣйшей скульптуры, собраніе драгоцѣнностей и кабинетъ Петра Великаго. Каждому начальнику отдѣленія было придано по нѣскольку помощниковъ. Такъ какъ Э. продолжалъ считаться частью Зимняго дворца, и въ немъ нерѣдко можно было встрѣтить кого-либо изъ членовъ царской фамиліи или самого Государя, то доступъ сюда публики былъ обставленъ нѣкоторыми затрудненіями: чтобы попасть въ эрмитажъ, надо было запастись входнымъ билетомъ, добытымъ изъ придворной конторы, и явиться въ вицмундирѣ или во фракѣ, при шляпѣ и перчаткахъ; не соблюдать эту парадность въ костюмѣ дозволялось только художникамъ, получившимъ разрѣшеніе копировать эрмитажныя картины. Таково было положеніе Э., когда не стало имп. Николая I. Съ восшествія на престолъ Александра II начался новый періодъ исторіи этого музея. Прежде всего было предпринято (въ 1855 г.) составленіе полнаго инвентаря его коллекцій, которыя до того времени были записаны только отчасти въ отдѣльныхъ, сбивчивыхъ реестрахъ. Затѣмъ было приступлено къ изданію общаго каталога всѣхъ эрмитажныхъ сокровищъ; но первый томъ этого труда, принадлежащій перу Ф. Жиля и бар. С. Кёне, едва успѣлъ появиться въ свѣтъ (на франц. языкѣ въ 1860 г. и на русскомъ въ 1861 г.), какъ оказался непригоднымъ, такъ какъ въ 1861 г. произошло значительное измѣненіе въ составѣ и размѣщеніи эрмитажныхъ собраній, вызванное покупкою многочисленныхъ древностей изъ коллекціи маркиза Кампаны, въ Римѣ. Дабы нашлось мѣсто для нихъ и для прибавленныхъ къ нимъ античныхъ скульптуръ, хранившихся предъ тѣмъ въ Таврическомъ дворцѣ, было испрошено Высочайшее соизволеніе на передачу всѣхъ эрмитажныхъ книгъ, не относящихся къ искусству, а также рукописей, въ Имп. Публичную библіотеку и сдѣлана перестановка многихъ предметовъ изъ однѣхъ залъ въ другія. Въ 1863 г. были утверждены для Э. новые штаты: онъ остался подъ вѣдѣніемъ обергофмаршала, но получилъ особаго директора, въ лицѣ котораго объединилось управленіе всѣми частями музея, и вмѣсто прежнихъ двухъ отдѣленій распался на пять, съ учрежденіемъ по каждому изъ нихъ должности хранителя. Новая администрація Э. сильно двинула впередъ дѣло составленія и изданія его каталоговъ. Для точнаго опредѣленія заключавшихся въ картинной галлереѣ произведеній, изъ которыхъ многія приписывались тѣмъ или другимъ мастерамъ ошибочно, былъ приглашенъ европейски-извѣстный знатокъ живописи, директоръ берлинскаго музея Г.-Ф. Вагенъ. Дважды посѣтивъ съ этою цѣлью С.-Петербургъ, въ 1861 и 1862 гг., Вагенъ, послѣ внимательнаго разсмотрѣнія эрмитажныхъ картинъ, перемѣнилъ кое-что въ ихъ развѣскѣ, удалилъ изъ галлереи произведенія, недостойныя, по его мнѣнію, красоваться въ ней, сообщилъ важныя указанія на счетъ пріуроченія картинъ къ ихъ дѣйствительнымъ твор-

цамъ и вообще своими совѣтами много содѣйствовалъ составленію каталога, изданнаго на русскомъ и на французскомъ языкахъ въ 1863 г. Второе изданіе его, исправленное и дополненное болѣе подробнымъ описаніемъ картинъ и свѣдѣніями объ ихъ происхожденіи, появилось въ свѣтъ, также на двухъ языкахъ, въ 1867—1872 гг., и съ того времени до 1889 г. было нѣсколько разъ перепечатываемо безъ всякихъ перемѣнъ. Одновременно съ изготовленіемъ каталога картинъ шло составленіе каталоговъ и прочихъ предметовъ: въ 1864 г. были изданы каталоги древней скульптуры и керченскихъ древностей, въ 1867 г.—указатель выставленной части собранія оригинальныхъ рисунковъ, въ 1869 г.—подробный каталогъ расписныхъ греческихъ вазъ (на нѣм. языкѣ, въ 2 том.), въ 1872—каталогъ античныхъ бронзъ и терракотты. По смерти своего перваго директора, С. А. Гедеонова, Э. вышелъ изъ подчиненія обергофмаршалу, и новый директоръ, А. А. Васильчиковъ, получилъ право обращаться прямо къ министру двора. Покупки, сдѣланныя для Э. въ царствованіе Александра II, были важны по своему достоинству, но, за исключеніемъ вышеупомянутой коллекціи Кампана, состояли изъ отдѣльныхъ или нѣсколькихъ предметовъ. Самымъ важнымъ фактомъ въ жизни Э. при этомъ государѣ была отмѣна всякихъ формальностей, раньше требовавшихся отъ посѣтителей: съ 1866 г. двери Э. широко растворились для всѣхъ и каждаго; чтобы попасть въ него, стало не нужнымъ ни испрашивать заранѣе входный билетъ, ни облекаться во фракъ — достаточно быть одѣтымъ опрятно, хотя бы и въ простонародный костюмъ. Благодаря этому Э. получилъ характеръ публичнаго музея, началъ привлекать въ себя толпы посѣтителей и сдѣлался источникомъ развитія художественно-историческихъ познаній и эстетическаго вкуса во всѣхъ слояхъ общества. Годы царствованія имп. Александра III были особенно счастливыми для Э. Въ 1884 г. туда поступила извѣстная въ археологическомъ мірѣ коллекція древне-греческихъ терракоттовыхъ статуэтокъ, пріобрѣтенная Государемъ отъ тайн. сов. Сабурова, составившаго ее въ бытность свою россійскимъ посланникомъ въ Аѳинахъ; къ ней чрезъ нѣсколько лѣтъ прибавилось другое подобное собраніе, меньшее по числу нумеровъ, но столь же любопытное, купленное отъ наслѣдницы гр. Блудова, послѣ чего Э., по богатству такими памятниками древности, сравнялся съ главнѣйшими иностранными музеями. Въ томъ же 1884 г. состоялось Высочайшее повелѣніе передать въ Э. изъ Царскосельскаго арсенала все интересное съ артистической или съ исторической точки зрѣнія оружіе и прочія художественныя вещи, которыя, вмѣстѣ съ купленнымъ тогда же отъ г. Базилевскаго, въ Парижѣ, кабинетомъ замѣчательныхъ старинныхъ произведеній прикладного искусства, образовали въ Э. новое «Отдѣленіе Среднихъ Вѣковъ и эпохи Возрожденія». Въ 1886 г. Государю было угодно пріобрѣсти цѣликомъ и пожаловать Э. обширный музей кн. С. М. Голицына, собранный его предками и бывшій одною изъ достопримѣчательностей Москвы, чрезъ что всѣ отдѣленія Э. получили болѣе или менѣе значительныя приращенія, а его библіотека пополнилась многими рѣдкими книгами. Сверхъ указанныхъ пріобрѣтеній, въ Э. поступило немало и менѣе крупныхъ, состоящихъ изъ единичныхъ или изъ нѣсколькихъ предметовъ; особенно увеличилась картинная галлерея, какъ отъ покупки по случаю произведеній такихъ мастеровъ, которые до тѣхъ поръ были въ ней или совсѣмъ не представлены, или представлены не вполнѣ удовлетворительно, такъ и вслѣдствіе полученнаго администраціею Э. разрѣшенія взять обратно въ его галлерею тѣ изъ забракованныхъ при имп. Николаѣ I и размѣщенныхъ по загороднымъ дворцамъ картины, которыя достойны красоваться въ ней или полезны для ея полноты. Въ 1886 г. былъ утвержденъ новый штатъ Э., увеличившій размѣръ суммы, ежегодно отпускаемой на его содержаніе, повысившій оклады жалованія служащихъ и давшій чрезъ то возможность на должности хранителей и ихъ помощниковъ привлекать людей, хорошо подготовленныхъ къ отправленію этихъ должностей и готовыхъ посвятить себя трудамъ по Э., не отвлекаясь отъ нихъ другими занятіями. Вновь назначенные хранители немедленно приступили, каждый по своему отдѣленію, къ точнѣйшему изученію имѣющихся въ Э. произведеній искусства, къ розыску касающихся до нихъ архивныхъ и литературныхъ данныхъ и къ составленію новыхъ подробныхъ каталоговъ, отвѣчающихъ современнымъ требованіямъ науки. Нѣкоторые изъ этихъ каталоговъ (картинной галлереи, въ 3 частяхъ, древней скульптуры, египетскихъ и ассирійскихъ древностей, отдѣленія Среднихъ Вѣковъ и эпохи Возрожденія, Кабинета Петра Великаго и галлереи драгоцѣнностей) уже изданы, другіе приготовляются къ печати. Цвѣтущее состояніе, въ которое пришелъ Э. благодаря вниманію къ нему императора Александра III, продолжается понынѣ. Важнѣйшими фактами въ жизни этого музея за послѣдніе годы были: присоединеніе къ его сокровищамъ богатой коллекціи офортовъ Рембрандта, оставленной ему въ наслѣдство сенаторомъ Д. А. Ровинскимъ; пожалованіе Государемъ Императоромъ для нумизматическаго отдѣленія громаднаго клада монетъ, найденнаго въ Кіево-Печорской лаврѣ; передача изъ картинной галлереи Э. въ новоучрежденный Русскій музей всѣхъ произведеній отечественной живописи—передача, не только не причинившая ущерба достоинству Э., такъ какъ эта живопись была представлена въ немъ очень неполно и нехарактеристично, но и принесшая пользу, давъ возможность расположить оставшіяся въ Э. картины иностранныхъ школъ болѣе систематично и дополнить ихъ собраніе тѣмъ, что, по недостатку мѣста, было спрятано въ залахъ, недоступныхъ для публики. Въ настоящее время Э. состоитъ изъ слѣдующихъ пяти отдѣленій. I. *Отдѣленіе картинъ, гравюръ и оригинальныхъ рисунковъ.* Всѣхъ картинъ, выставленныхъ въ Э., насчитывается 1837. Онѣ представляютъ собою образцы живописи всѣхъ главныхъ школъ (итальянск., испанск., нѣмецк.,

фламандск., голландск., французск. и англійск.), относящіяся, по времени своего исполненія, не позже чѣмъ къ началу XIX стол. Эрмитажная галлерея очень бѣдна картинами англійской и старо-нидерландской школъ; по итальянской школѣ почти совершенно отсутствуютъ работы живописцевъ начальной поры Возрожденія, но довольно много отличныхъ произведеній цвѣтущей эпохи и большое количество картинъ времени отцвѣтанія. Испанская живопись представлена въ Э. такъ прекрасно, какъ нигдѣ, кромѣ мадридскаго музея дель-Прадо. Въ отношеніи количества и качества произведеній французской школы, нашъ музей уступаетъ только одному парижскому Лувру. Гордиться предъ всѣми другими музеями въ мірѣ Э. можетъ необычайно богатымъ собраніемъ картинъ фламандской и голландской школъ — многочисленными и великолѣпными произведеніями Рубенса, ванъ-Дейка, Снейдерса, Тенирса, Рембрандта и его учениковъ, Воувермана, Рейсдаля и вообще образцами работъ почти всѣхъ болѣе или менѣе извѣстныхъ нидерландскихъ мастеровъ. Кабинетъ оригинальныхъ рисунковъ, составляющій часть перваго отдѣленія Э., содержитъ въ себѣ свыше 12000 нумеровъ, среди которыхъ преобладаютъ рисунки французскихъ живописцевъ; особенно любопытны жанровыя сцены, народные типы и карикатуры Калло, числомъ 1067, и 132 портрета знатныхъ людей временъ королей Франциска I, Генриха II и Карла IX, рисованные Дюмутье и его учениками. Эрмитажная коллекція гравюръ можетъ считаться одною изъ самыхъ значительныхъ въ Европѣ: она состоитъ болѣе чѣмъ изъ 200000 листовъ, между которыми есть много очень рѣдкихъ работъ такъ назыв. peintres-graveurs, любопытныхъ портретовъ историческихъ лицъ и блестящихъ оттисковъ съ досокъ, гравированныхъ знаменитыми мастерами различнымъ способомъ гравированія. II. *Отдѣленіе классическихъ древностей.* Въ его составъ входятъ: а) небольшое, но весьма поучительное собраніе памятниковъ египетскаго и ассирійскаго искусства (происходящее главнымъ образомъ изъ коллекцій гр. Кастильоне и турецкаго посланника Халиля-Бея); б) греко-римскія мраморныя статуи, бюсты, рельефы, саркофаги, вазы и канделябры; в) греческіе расписные сосуды въ огромномъ количествѣ, античныя бронзовыя и серебряныя издѣлія, терракоттовыя статуэтки и др. предметы; г) единственное въ своемъ родѣ собраніе древностей Босфора Киммерійскаго и греческихъ поселеній, нѣкогда существовавшихъ въ Крыму, на Таманскомъ полуо-вѣ и на югѣ Россіи; д) скиѳскія и сибирскія древности, и е) богатая коллекція рѣзныхъ камней (камеевъ и интальевъ), въ основаніе котораго легла пріобрѣтенная Екатериною II знаменитая коллекція герцога Орлеанскаго. III. *Нумизматическое отдѣленіе* содержитъ въ себѣ громадное число (около 300000 нумеровъ) монетъ всѣхъ временъ и народовъ и медалей, выбитыхъ какъ въ Россіи, такъ и въ другихъ странахъ въ память разныхъ событій или въ честь знаменитыхъ и многозаслуженныхъ лицъ. IV. *Отдѣленіе Среднихъ Вѣковъ и эпохи Возрожденія* заключаетъ въ себѣ большое собраніе старинныхъ оружія, конскихъ уборовъ и вообще воинскихъ доспѣховъ, артистическихъ издѣлій изъ дерева, кости и металловъ, ковровъ и тканей, майоликъ, эмалей, расписныхъ стеколъ, венеціанскаго стекла и прочихъ замѣчательныхъ произведеній прикладного искусства. V. *Кабинетъ Петра Великаго и галлерея драгоцѣнностей.* Въ первомъ хранятся различныя вещи, принадлежавшія преобразователю Россіи: его костюмы, мебель, машины, инструменты и т. под., собранные имъ «раритеты», нѣкоторыя изъ его собственноручныхъ работъ, чучела лошади, бывшей подъ нимъ во время Полтавской битвы, и двухъ его любимыхъ собакъ, портреты его сподвижниковъ, а также предметы, имѣющіе отношеніе къ нему и къ исторіи его царствованія. Въ галлереѣ драгоцѣнностей собраны ювелирныя издѣлія и другіе предметы роскоши, принадлежавшіе особамъ императорской фамиліи: осыпанныя драгоцѣнными каменьями табакерки, карманные часы съ цѣпочками, набалдачники тростей и зонтиковъ, перстни, шпаги, ларцы и пр., золотые и серебряные кубки и блюда, вѣера и т. п. Тутъ же находится интересное собраніе миніатюрныхъ портретовъ и копій съ знаменитыхъ картинъ и нѣсколько весьма тонкихъ мозаичныхъ работъ. Интересъ къ Э. постоянно возрастаетъ какъ въ Россіи, такъ и въ чужихъ краяхъ. Сокровища, наполняющія его залы, привлекаютъ все большее и большее число посѣтителей. За послѣднее пятилѣтіе оно повысилось съ 82000 до 136000 человѣкъ въ годъ. Въ этотъ счетъ не включены воспитанники и воспитанницы учебныхъ заведеній, по временамъ посѣщающіе Э. группами, въ сопровожденіи своихъ воспитателей и наставниковъ. *А. С—въ.*

Эрмитажъ (Ermitage или Hermitage)— прославленное французское вино, получаемое изъ виноградниковъ, разведенныхъ на склонахъ Ронской долины, въ коммунѣ Тэнъ (департаментъ Дрома). Виноградники доходятъ до 160 метровъ высоты надъ Роной и занимаютъ площадь въ 140 гектаровъ; почва подъ ними либо гранитная, либо аллювіальная, образованная изъ пудинговъ съ примѣсью извести и проч. Наилучшими участками, доставляющими это превосходное вино, красное и бѣлое, считаются: Greffieux, Méal, Bessard, Beaume, Rocoules, Murets, Diognières, Hermite, Pierrelle, Colombier и Varogne. Среднее производство вина всѣхъ виноградниковъ Э. принимается въ 2500 гектолитр., при чемъ гектолитръ краснаго вина, пускаемаго въ продажу спустя нѣсколько лѣтъ (въ бутылкахъ—чрезъ 4 или 5 лѣтъ), оцѣнивается въ 200—400 франк. Для выдѣлки *красныхъ* винъ идутъ слѣдующіе сорта винограда: Petite Syrah—лучшія вина, Grosse Syrah (Mondeuse) —обыкновенныя вина, и мн. др. Для *бѣлыхъ* винъ идутъ: Roussanne, Marsanne, Clairette и др. Происхожденіе названія Э. относится къ 1225 г., когда здѣсь былъ устроенъ Гаспаромъ де-Штеримбергомъ скитъ (по-французски—ermitage). *В. Таировъ.* Δ.

Эрмитъ (Charles Hermite) — извѣстный французскій математикъ, род. въ 1822 г. въ Дьезѣ, въ части Лотарингіи, уступленной Германіи послѣ войны 1870 г. Умеръ въ 1901 г. Воспитывался сначала въ нансійскомъ коллежѣ, а потомъ въ лицеѣ Генриха IV въ Парижѣ. Поступилъ въ политехническую школу въ 1842 году, гдѣ своими математическими способностями обратилъ на себя вниманіе профессора Каталана, а затѣмъ Ліувиля. Еще будучи въ школѣ, разработалъ доказательство невозможности рѣшенія общаго уравненія 5-й степени алгебраическимъ путемъ въ радикалахъ. Мемуаръ о томъ же предметѣ Абеля, написанный въ 1824 году, былъ напечатанъ на нѣмецкомъ языкѣ, а потому въ 1842 году былъ неизвѣстенъ во Франціи. Послѣ окончанія курса въ политехн. школѣ Э. написалъ работу о раздѣленіи аргументовъ ультраэллиптическихъ функцій и, по совѣту Ліувиля, послалъ ее въ видѣ письма къ Якоби, который хотя и замѣтилъ, что многое уже найдено имъ самимъ раньше, нашелъ содержаніе письма столь важнымъ и существеннымъ, что передалъ выдержку изъ письма для напечатанія въ журналѣ Крелля. Оно напечатано въ 23-мъ томѣ и теперь находится во II т. «Jacobis gesammelte Werke» вмѣстѣ съ отвѣтомъ на него Якоби. Войдя въ сношенія съ Якоби и другими знаменитыми математиками Германіи и съ англійскими математиками Келэ и Сильвестеромъ и ознакомившись съ работами Римана и Вейерштрасса по теоріи аналитическихъ функцій вообще и по теоріи функцій эллиптическихъ и абелевыхъ, Э. сталъ работать въ областяхъ этихъ теорій и работы эти часто приводили его къ работамъ въ другихъ областяхъ математики. Въ 1844 г. онъ представилъ парижской академіи мемуаръ: «Sur la théorie des transcendantes à différentielles algébriques» («Comptes rendus», т. XVIII, «Journal des mathématiques p. Liouville», 1-я сер., т. IX), въ которомъ заключаются основные принципы теоріи функцій обратныхъ абелевымъ интеграламъ, указана ихъ періодичность, дана теорія эллиптическихъ функцій и выводятся модулярныя уравненія. Дальнѣйшія работы, число которыхъ значительно (191 сочин. и мемуаровъ), относятся къ весьма разнообразнымъ предметамъ чистой и прикладной математики. Имѣются работы по общей теоріи функцій по рѣшенію алгебраическихъ и трансцендентныхъ уравненій, по теоріи рядовъ, опредѣленныхъ интеграловъ, по теоріямъ спеціальныхъ видовъ функціи, по теоріи эллиптическихъ функцій, по теоріи функцій тета отъ нѣсколькихъ аргументовъ, по теоріи чиселъ, по теоріи алгебраическихъ формъ и по механикѣ, напр., о движеніи сферическаго маятника и вращеніи твердаго тѣла вокругъ неподвижной точки, по вопросамъ объ упругой линіи. Полный списокъ всѣхъ работъ Э. можно найти въ журналѣ «Mathesis», издаваемомъ Mansion'омъ и Neuberg'омъ. Въ томѣ I третьей серіи за 1901 г. въ прибавленіи («Supplément») на стр. 1—47 находится біографія и списокъ трудовъ Э. Здѣсь же мы имѣемъ только возможность упомянуть о нѣкоторыхъ изъ нихъ. Замѣчательно ясно и просто изложена его «Cours d'analyse de l'Ecole Polytechnique», 1 часть котораго издана въ Парижѣ въ 1873 г.; приходится сожалѣть, что дальнѣйшія части курса имѣются только въ литографированномъ видѣ. По теоріи эллиптическихъ функцій слѣдуетъ указать на небольшую «Note sur les fonctions elliptiques», помѣщенную въ прибавленіи къ изданію 1862 г. курса дифференціальнаго и интегральнаго исчисленія Лакруа; она переведена на нѣмецкій языкъ и издана подъ заглавіемъ: «Uebersicht der Theorie der elliptischen Functionen von C. Hermite, uebersetzt von L. Natani» (Берлинъ, 1863). Далѣе укажемъ на сочиненіе: «Sur quelques applications des fonctions elliptiques, par. Ch. Hermite» (Парижъ, 1885). Самымъ капитальнымъ трудомъ Э. нѣкоторые французскіе математики считаютъ статьи въ «Comptes rendus», въ томахъ XLVI, LXI: «Sur la résolution de l'équation du cinquième degré», гдѣ оказывается возможнымъ получить и выразить рѣшеніе общаго уравненія 5 степени въ эллиптическихъ функціяхъ. Еще слѣдуетъ указать на статью «Sur la fonction exponentielle» въ томѣ LXXVII «Comptes rendus» (эта статья была издана еще и отдѣльною брошюрою). Въ ней доказано, что основаніе натуральныхъ логариѳмовъ есть число несоизмѣримое. Учебная дѣятельность Э. была весьма плодотворна. По свидѣтельству учениковъ его, нынѣ прославившихся математиковъ, никто такъ, какъ онъ, не могъ столь изящно и понятно излагать самыя трудныя теоріи. Началась эта дѣятельность съ 1848 г., когда онъ былъ назначенъ репетиторомъ и экзаменаторомъ при пріемѣ политехнической школы. Въ 1856 г. онъ былъ избранъ въ члены парижской академіи. Въ 1862 г. онъ получилъ званіе Maître des conférences въ l'Ecole normale supérieure, въ 1869 г. получилъ каѳедру по высшей алгебрѣ въ Сорбоннѣ послѣ Дюгамеля. Въ 1870 г. онъ оставилъ преподаваніе въ политехнической школѣ, вполнѣ посвятивъ свое время преподаванію въ Сорбоннѣ. Въ 1892 г. праздновался торжественно его 70-лѣтній юбилей. *Д. Б.*

Эрмишъ (Hub. Ermisch) — саксонскій историкъ и юристъ (род. въ 1850 г.). Напечаталъ: «Chronik d. Regino» (1872); «Schlesische Verhältniss zu Polen» (1873); «Urkundenbuch von Chemnitz und ihr. Klöster» (Лейпцигъ, 1879); «Studien zur Geschichte der sächsisch-böhmischen Beziehungen» (1881); «Urkundenbuch der Stadt Freiberg in Sachsen» (3 т., Лпц., 1883—92); «Sachsisches Bergrecht des Mittelalters» (ib., 1887); «Das Freiberger Stadtrecht» (ib., 1889); «Urkunden d. Markgrafen von Meissem u. Landgrafen von Türingen, 1381—1395, 1396—1406» (ib., 1899—1902).

Эрмій (Ермій)—христіанскій апологетъ. Изъ заглавія его сочиненія: «Осмѣяніе языческихъ философовъ» (Διασυρμὸς τῶν ἔξω φιλοσόφων) видно, что Э. назывался философомъ и писалъ о предметѣ, хорошо ему извѣстномъ и нѣкогда ему близкомъ. Сочиненіе это, судя по внутреннимъ признакамъ, написано около 200 г. по Р. Хр. Обращавшіеся въ христіан-

ство язычники, хорошо знакомые съ языческой философіей, относились къ ней или съ нѣкоторымъ уваженіемъ, въ виду лучшихъ ея воззрѣній (напр. св. Іустинъ), или съ безусловнымъ осужденіемъ (напр. Татіанъ). Э. примыкаетъ ко второй категоріи христіанскихъ писателей. Онъ убѣжденъ, что языческая мудрость философовъ не только не можетъ идти ни въ какое сравненіе съ мудростью христіанскою, полученною отъ Самого Бога, но и не заключаетъ въ себѣ ничего истиннаго. Осмѣяніе философскихъ системъ всѣхъ направленій занимаетъ весь его небольшой трудъ, не оставляя мѣста для изложенія христіанскихъ истинъ и защиты христіанъ. Э. показываетъ, что языческіе философы, не смотря на ихъ многочисленность и присутствіе среди нихъ крупныхъ мыслителей, не выработали истиннаго представленія даже о человѣкѣ и тѣмъ болѣе не могли придти къ соглашенію относительно основного начала, отъ котораго произошелъ весь міръ. Сочиненіе Э. издано было въ первый разъ Зейлеромъ, съ его латинскимъ переводомъ, въ Базелѣ (1553); Вортъ издалъ его, съ примѣчаніями, въ Оксфордѣ (1700); Маранъ помѣстилъ сочиненіе Э. въ своемъ изданіи сочиненій св. Іустина (перепечатано въ VI томѣ «Cursus completus patrologiae» Миня, греческая серія); новѣйшее изданіе—Отто въ IX т. «Corpus apologetarum» (Іена, 1872). См. прот. П. Преображенскій, «Сочиненія древнихъ христіанскихъ апологетовъ» (СПб., 1895; переводъ апологіи Э. на русскій языкъ и предварительныя свѣдѣнія); А. Сергіевскій, «Отношеніе апологетовъ восточной церкви II вѣка къ языческой философіи» («Вѣра и Разумъ», 1886, т. II, ч. II); И. П. Реверсовъ, «Защитники христіанства» (СПб., 1899).

Эрмудъ — сѣверо-африканское арабское названіе птенцовъ обыкновеннаго страуса, означающее по-русски—«буроватый».

Эрнебъ (Lepus aethiopicus)—эѳіопскій заяцъ. По окраскѣ мѣха похожъ на зайца-русака, но значительно меньшихъ размѣровъ и отличается кромѣ того очень длинными ушами, какъ и всѣ африканскіе зайцы. Водится на восточномъ побережьѣ Африки.

Эрнести (Генрихъ-Фридрихъ-Теодоръ-Людвигъ Ernesti)—нѣмецкій богословъ (1814—1880). Главнѣйшіе его труды: «Ursprung der Sünde nach Paulinischen Lehrgehalt» (1862) и «Ethik des Apostels Paulus» (3-е изд., 1880).

Эрнести (Іоганнъ-Августъ Ernesti)—нѣмецкій писатель (1707 — 1781), профессоръ классической филологіи и теологіи въ лейпцигскомъ университетѣ. Обработалъ много образцовыхъ изданій классиковъ (Ксенофонта, Аристофана, Гомера, Полибія, Светонія, Тацита, Цицерона и др.). Прозванный «нѣмецкимъ Цицерономъ» за свой латинскій языкъ, Э. написалъ: «Clavis Ciceroniana» (6 изд., 1831); «Initia doctrinae solidioris» (1736); «Opuscula varii argumenti» (1794); «Opuscula oratoria» (1762); «Opusculorum oratoriorum novum volumen» (1791). Изъ богословскихъ его сочиненій выдаются: «Anti-Muratorius» (1755); «Opuscula theologica» (1773 и 1792); «Opuscula philologo-critica» (1762); «Institutio interpretis Novi Testamenti» (1809).

Эрнестинская линія—старшая герцогская линія саксонскаго (веттинскаго) дома, ведущая начало отъ Эрнста, старшаго сына курфюрста Фридриха Кроткаго (см. Саксонія, XXVIII, 95). Въ настоящее время состоитъ изъ домовъ великогерцогскаго саксенъ-веймарскаго и герцогскаго саксенъ-готскаго; послѣдній распадается на вѣтви Саксенъ-Мейнингенъ, Саксенъ-Кобургъ-Гота и Саксенъ-Альтенбургъ. См. Burkhardt, «Stammtafeln der Ernestinischen Linie d. Hauses Sachsen» (1885).

Эрнстъ-Августъ — курфюрстъ Ганноверскій, 4-й сынъ герц. Георга Брауншвейгъ-Люнебургскаго. Род. въ 1629 г. Былъ предназначенъ къ духовной карьерѣ и состоялъ коадъюторомъ въ Магдебургѣ, потомъ княземъ-епископомъ оснабрюкскимъ. Послѣ отказа его брата Георга-Вильгельма отъ руки уже обрученной съ нимъ пфальцграфини Софіи, дочери Фридриха V Пфальцскаго и Елизаветы Стюартъ (дочери короля англійскаго Іакова I), Э.-А. женился на этой умной и талантливой женщинѣ, съ которой онъ уже давно велъ оживленную переписку. Въ 1665 г. онъ примкнулъ къ договору, имѣвшему въ виду защиту Голландіи, но въ 1671 г. обязался передъ Франціей, за 5000 талеровъ въ мѣсяцъ, соблюдать строжайшій нейтралитетъ, насколько это не нарушало его обязанностей по отношенію къ императору и имперіи. Въ 1673 и 1674 гг. Э.-А. сражался противъ Людовика XIV, какъ вѣрный вассалъ императора. Въ декабрѣ 1674 г. онъ заключилъ въ Гаагѣ оборонительный союзъ съ императоромъ, Испаніей и Генеральными Штатами, срокомъ на 10 лѣтъ. Генеральные Штаты обѣщали ему при заключеніи мира хлопотать о превращеніи епископства Оснабрюкъ въ наслѣдственное княжество. Въ 1675 г. Э.-А. перешелъ Рейнъ съ 3000 наемниками, которые, въ соединеніи съ герцогомъ Лотарингскимъ, разбили 11 авг. маршала Креки; затѣмъ Э.-А. и братъ его Георгъ-Вильгельмъ взяли городъ Триръ, но должны были вернуться, чтобы защищать свои владѣнія противъ шведовъ. Въ 1679 г. Э.-А. наслѣдовалъ отъ своего брата Іоанна-Фридриха княжество Каленбергъ, въ качествѣ герцога Брауншвейгъ-Каленбергъ-Ганноверскаго. Съ 1680 г. главной цѣлью его стремленій было пріобрѣтеніе курфюршескаго достоинства и установленіе нераздѣльности его владѣній. Какъ отцу, ему было тяжело обездолить младшихъ сыновей, но ради интересовъ государства онъ пожертвовалъ семейнымъ миромъ. Съ согласія своего старшаго брата онъ ввелъ единонаслѣдіе въ своемъ домѣ, что было утверждено императоромъ въ 1683 г. Вольфенбюттельскіе агнаты отказали ему въ согласіи, младшіе сыновья громко протестовали; въ 1690 г. одинъ изъ нихъ, Максимиліанъ-Вильгельмъ, поддержанный Брауншвейгомъ, вступилъ въ ожесточенную борьбу съ отцомъ, но долженъ былъ отказаться отъ всякихъ правъ на наслѣдованіе престола. Въ 1683 г., въ силу договора съ императоромъ, Э.-А. поставилъ подъ его знамена десятитысячное войско, которымъ командовалъ его наслѣд-

никъ; оно съ отличіемъ сражалось противъ турокъ. Когда въ 1688 г. французскія войска вторглись въ Германію, Э.-А. заключилъ противъ нихъ союзъ съ курфюрстами Саксонскимъ и Бранденбургскимъ и ландграфомъ Гессенъ-Кассельскимъ, защитилъ Франкфуртъ отъ внезапнаго нападенія и заставилъ маршала Буффле прекратить обстрѣливаніе Кобленца. Когда Вильгельмъ III воцарился въ Англіи, жена Э.-А., Софія, поспѣшила примкнуть къ нему, а онъ въ свою очередь неоднократно признавалъ ея права на англійскій престолъ. Предложенія перемѣнить вѣру и въ качествѣ католика добыть для своихъ сыновей епископскія каѳедры Э.-А. рѣшительно отклонилъ, но настойчиво сталъ стремиться къ курфюршескому достоинству. Католическіе курфюрсты, княжеская коллегія и особенно Брауншвейгскіе агнаты противились этому стремленію; Саксонія и Бранденбургъ были недовольны захватомъ Лауэнбурга; даже въ Вѣнѣ ганноверскіе послы не находили поддержки, хотя непрестанно напоминали о готовности Ганновера ко всякимъ жертвамъ на пользу императора. Тогда Э.-А. сталъ грозить послѣднему, что онъ перейдетъ къ нейтралитету въ отношеніи къ Франціи; къ тому же онъ сталъ побуждать и курфюрста Саксонскаго; заготовленъ былъ даже проектъ такого нейтралитета. Подъ вліяніемъ этой угрозы императоръ, въ 1692 г., создалъ для Вельфскаго дома девятое курфюршество и обѣщалъ исхлопотать согласіе на то имперіи, за что Э.-А. съ братомъ обязались тотчасъ послать въ Венгрію 6000 солдатъ и два года содержать ихъ тамъ на свой счетъ, а по окончаніи войны съ турками выставить такое же войско противъ Франціи. Въ случаѣ бездѣтной смерти испанскаго короля, Э.-А. обязался поддержать наслѣдственное право императора на испанскую корону посылкой отряда въ 1000 чел.; при выборѣ императора Вельфскій домъ обязался подавать свой курфюршескій голосъ за старшаго сына Леопольда I-го. Борьба изъ-за курфюршества раздѣлила имперію на два лагеря, при чемъ особенно яростно боролся противъ Ганновера Брауншвейгъ-Вольфенбюттель, но его протесты были безуспѣшны: Э.-А. удалось войти въ соглашеніе съ Саксоніей, Бранденбургомъ, Баваріей и Майнцемъ. 17 окт. 1692 г., въ Регенсбургѣ, курфюрсты большинствомъ голосовъ рѣшили признать за Ганноверомъ званіе курфюршества, но, въ виду интригъ мелкихъ нѣмецкихъ государствъ и вражды Франціи, этотъ титулъ окончательно былъ утвержденъ за Ганноверомъ только въ 1710 г. Во внутреннемъ управленіи Э.-А. сдѣлалъ много полезнаго, пользуясь услугами даровитыхъ министровъ, Платена и Грота, и совѣтами геніальнаго Лейбница, своего историографа: онъ заботился о строгомъ исполненіи законовъ, о поднятіи просвѣщенія и о болѣе правильной раскладкѣ и взиманіи налоговъ. Терпимый къ иновѣрцамъ, Э.-А. стоялъ за мысль о возсоединеніи католицизма и протестантизма, о чемъ усердно хлопоталъ Лейбницъ. Онъ умеръ въ 1698 г.

Эрнстъ-Августъ — король ганноверскій (1837—1851), 5-ый сынъ англійскаго короля Георга III. Род. въ 1771 г.; въ 1793—95 г. участвовалъ въ нидерландскихъ походахъ; въ въ 1799 г. съ титуломъ герцога Кумберланда вошелъ въ палату лордовъ. Въ 1813 г. участвовалъ въ кульмскомъ сраженіи. Въ 1815 г. вступилъ въ бракъ съ Фридерикою Мекленбургъ-Стрелицкою, сестрой прусской королевы Луизы. При берлинскомъ дворѣ Э.-Августъ сильно пристрастился съ прусской военной выправкѣ. Въ палатѣ лордовъ онъ стоялъ на сторонѣ торіевъ и былъ противникомъ эмансипаціи католиковъ. Въ 1837 г., когда велико-британскій престолъ перешелъ къ женской линіи, Э.-Августъ получилъ, по салическому закону, Ганноверъ. Находя, что строй страны не соотвѣтствуетъ его убѣжденіямъ, онъ въ іюнѣ 1837 г., безъ всякаго законнаго основанія, отмѣнилъ конституцію и съ желѣзною послѣдовательностью преслѣдовалъ всякую оппозицію. Въ 1840 г. введенъ былъ новый государственный порядокъ. Въ 1843 г. Э. Августъ посѣтилъ Англію, гдѣ присягнулъ, какъ подданный, королевѣ Викторіи и принялъ участіе въ засѣданіяхъ палаты лордовъ. Мартовскія событія 1848 г. заставили Э.-Августа внести нѣкоторыя либеральныя перемѣны въ конституцію. Когда началась реакція, онъ противился объединенію Германіи и хотя и вступилъ въ такъ называемый союзъ трехъ королей, но скоро изъ него вышелъ (см. Ганноверъ, VIII, 89—90). Ему поставленъ памятникъ въ Ганноверѣ. Наслѣдовалъ ему его сынъ Георгъ V. Ср. Malortie, «König Ernst August» (Ганноверъ, 1861); Wilkinson, «Reminiscences of the court and times of King Ernest of Hanover» (I—II, Лондонъ, 1886).

Эрнстъ-Людвигъ — великій герцогъ Гессенскій и Рейнскій, братъ Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны, единственный сынъ великаго герцога Людовика IV отъ брака его съ англ. принцессою Алисою. Род. въ 1868 г., въ Дармштадтѣ, посѣщалъ университеты въ Гиссенѣ и Лейпцигѣ, потомъ служилъ въ прусской гвардіи. Въ 1892 г. наслѣдовалъ престолъ. Въ 1894 г. женился на принцессѣ Викторіи Мелитѣ, второй дочери герцога Альфреда Саксенъ-Кобургъ-Готскаго и великой княгини Маріи Александровны, герцогини Саксенъ-Кобургъ-Готской. Его единственная дочь Елизавета, род. въ 1895 г., умерла отъ зараженія тифомъ въ Скерневицахъ, 3 ноября 1903 г.

Эрнстъ—курфюрстъ Саксонскій, старшій сынъ курфюрста Фридриха II Кроткаго (1441—1486). 14-ти лѣтъ отъ роду вмѣстѣ съ братомъ своимъ Альбрехтомъ былъ похищенъ, но спасся (см. XXVIII, 95; XXXVI, 789). Въ 1464 г. наслѣдовалъ отцу въ курфюршескомъ достоинствѣ. Земли, полученныя отъ отца обоими братьями, не были еще раздѣлены, и Э. управлялъ и Мейсеномъ, и Тюрингіей. Благодаря положенію своихъ владѣній между Австріей, Чехіей и Польшей, Э. являлся естественнымъ посредникомъ между этими государствами и пользовался всякимъ случаемъ для увеличенія своихъ земель; онъ подчинилъ своей власти Кведлинбургъ, Эрфуртъ и Гальберштадтъ. Послѣ смерти своего дяди ландграфа Тюрингенскаго Вильгельма III Э. присоединилъ къ

своимъ владѣніямъ его земли. Это вызвало неудовольствіе его брата Альбрехта, и споръ кончился раздѣломъ Саксоніи между обоими братьями. Э. получилъ Тюрингію и сталъ основателемъ Эрнестинской линіи; Альбрехтъ получилъ Мейсенъ и основалъ Альбертинскую линію. Эрнсту наслѣдовалъ сынъ его Фридрихъ III Мудрый.

Эрнстъ I *Благочестивый* — герцогъ Саксенъ-Готскій и Альтенбургскій. Род. въ 1601 г.; рано лишился отца (1605); отличное воспитаніе получилъ благодаря заботамъ своей матери, Доротеи-Маріи Ангальтъ-Кётенской. Тридцатилѣтняя война увлекла его и его братьевъ; въ качествѣ полковника въ войскѣ Густава-Адольфа, онъ однимъ изъ первыхъ овладѣлъ переправой черезъ Лехъ, участвовалъ въ битвахъ подъ Нюрнбергомъ, Лютценомъ и Нёрдлингеномъ, но затѣмъ, чтобы положить конецъ бѣдствіямъ войны, приступилъ къ миру въ Прагѣ въ 1635 г. Въ 1640 г., при раздѣлѣ отцовскаго наслѣдства, Э. I получилъ Готу; потомъ къ его владѣніямъ были присоединены Саксенъ-Эйзенахъ и Альтенбургъ-Кобургское наслѣдство. Это дало Э. I возможность примѣнить свой организаторскій талантъ, не смотря на помѣхи отъ все еще продолжавшейся войны. Прежде всего его тяготилъ ужасающій упадокъ нравственности и религіозности, какъ слѣдствіе одичалости народа отъ войны: человѣкъ искренно благочестивый, добросовѣстный и постоянный, лично въ высшей степени непритязательный, для общаго блага готовый на всякую жертву, онъ и отъ другихъ требовалъ готовности жертвовать всѣмъ для народа и государства. Были основаны новыя школы, отстроены церкви; при сравнительной бѣдности государства трудъ учителей и духовныхъ оплачивался хорошо, для привлеченія лучшихъ силъ; строгими законами стѣснены были проявленія безнравственности и мотовства; упрощена судебная процедура, сутяжничество ограничено рядомъ мудрыхъ постановленій; невѣжество и суевѣріе, особенно среди бѣднаго сельскаго люда, Э. устранилъ установленіемъ всеобщаго обязательнаго посѣщенія школы, введеніемъ усовершенствованныхъ методовъ преподаванія и изданіемъ дешевыхъ и хорошихъ учебниковъ. Съ такой же заботливостью онъ работалъ надъ поднятіемъ благосостоянія народа, страшно разореннаго въ долгіе годы войны. Для разумнаго и полезнаго для государства дѣла у него всегда находились средства; онъ могъ даже уменьшить налоги, между тѣмъ какъ въ другихъ странахъ Германіи казна часто была пуста и народъ жилъ въ нищетѣ. Мудрость Э. I Благочестиваго указала ему пути къ усовершенствованію такихъ сторонъ народной жизни, о которыхъ мало кто думалъ въ то время: онъ замѣнилъ барщину наслѣдственнымъ оброкомъ, устроилъ земскую милицію; при финансовой поддержкѣ государства много земель было раздѣлано подъ пашню. Городъ Гота былъ обстроенъ красивыми зданіями, населеніе его увеличилось; здѣсь были собраны многочисленныя научныя и художественныя коллекціи всякаго рода, основана прекрасная гимназія и разныя общеполезныя учрежденія. Изъ 18 дѣтей Э. его пережили 7 сыновей и 2 дочери. Онъ умеръ въ 1674 г. См. Gelbke, «Historisch-aktenmässige Darstellung des Lebens Ernsts des Frommen» (Гота, 1810); A. Beck, «Ernst der Fromme» (Веймаръ, 1865).

Эрнстъ II (Ernst Ludvig) — герцогъ Саксенъ-Готскій и Альтенбургскій (1745—1804), второй сынъ герцога Фридриха III. Получилъ воспитаніе въ французскомъ духѣ и находился подъ сильнымъ вліяніемъ идей просвѣтительной литературы. Когда онъ вступилъ на престолъ въ 1772 г., его герцогство было обременено долгами, и народъ страдалъ отъ тяжести налоговъ. Э. значительно сократилъ расходы на дворъ, ограничилъ роскошь, улучшилъ правосудіе, много заботился о благотворительныхъ учрежденіяхъ, основывалъ новыя учебныя заведенія и т. п. Когда англійское правительство стало нанимать у нѣмецкихъ князей солдатъ для войны съ американцами, Э. наотрѣзъ отказался вступить въ подобный торгъ. Онъ очень интересовался успѣхами астрономіи и физики и основалъ около Готы обсерваторію, получившую большую извѣстность благодаря астроному Цаху. Вообще Э. покровительствовалъ ученымъ и художникамъ и оставилъ значительное собраніе сокровищъ литературы и искусства. Заинтересовавшись дѣятельностью масоновъ, онъ вступилъ въ ихъ орденъ, а затѣмъ въ орденъ иллюминатовъ, но не нашелъ желаннаго успокоенія. Когда вспыхнула французская революція, Э. сначала отнесся къ ней съ большимъ сочувствіемъ, но дальнѣйшія событія скоро отвратили его отъ Франціи. Ср. Beck, «Ernst II, als Pfleger und Beschützer der Wissenschaft und Kunst» (Гота, 1855).

Эрнстъ III — герцогъ Саксенъ-Кобургскій, позднѣе Эрнстъ I Саксенъ-Кобургъ-Готскій (1784—1844). Въ 1805 г. примкнулъ къ русской арміи, дѣйствовавшей противъ Наполеона; въ 1806 г. принималъ участіе въ сраженіи при Ауэрштедтѣ и привелъ остатки прусской арміи въ Кенигсбергъ. Въ декабрѣ того же года умеръ его отецъ, и Э. хотѣлъ вступить въ управленіе своими владѣніями, но Наполеонъ только по ходатайству Александра I послѣ Тильзитскаго мира вернулъ ихъ Э. Хотя Э. присоединился къ Рейнскому союзу, но Наполеонъ всегда относился къ нему подозрительно. Герцогство въ это время было страшно разорено какъ отъ войнъ, такъ и отъ управленія министра фонъ-Кречмана. Послѣ пораженія Наполеона при Лейпцигѣ Э. сталъ на сторону союзниковъ. Онъ командовалъ однимъ изъ корпусовъ союзной арміи и принудилъ къ сдачѣ Майнцъ. Дѣятельное участіе онъ принималъ и въ кампаніи 1815 года. На Вѣнскомъ конгрессѣ онъ отстаивалъ сохраненіе Саксоніи за ея королемъ и получилъ на лѣвомъ берегу Рейна княжество Лихтенбергъ, съ 25 тыс. жителей. Въ 1834 г. онъ продалъ эту область Пруссіи за 2 милл. талеровъ и купилъ нѣсколько округовъ, необходимыхъ для округленія его герцогства. Онъ ввелъ конституцію (въ 1821 г.), принялъ рядъ мѣръ для поднятія народнаго хозяйства, улучшилъ судопроизводство, заботился о народномъ образованіи. Въ 1825 г. прекратя-

лась Саксенъ-Готская династія, и по договору 1826 г. Э. присоединилъ къ своимъ владѣніямъ Готу. Съ этихъ поръ онъ сталъ называться Э. I, герцогомъ Саксенъ-Кобургъ-Готскимъ (до 1852 г. оба герцогства были соединены только личной уніей). И въ Готѣ, гдѣ существовали средневѣковые земскіе чины, Э. предпринялъ рядъ преобразованій, уничтожавшихъ остатки дореволюціонныхъ порядковъ: уничтожилъ патримоніальную юстицію, отмѣнилъ стѣсненія торговли и промышленности и т. д.

Эрнстъ II—герцогъ Саксенъ-Кобургъ-Готскій, старшій сынъ предыдущаго (1818—1893). Получилъ прекрасное образованіе, завершенное въ боннскомъ университетѣ. Служилъ въ арміи королевства Саксонскаго. На престолъ вступилъ въ 1844 г. и старался управлять въ духѣ либерализма. Въ 1848 г. онъ сдѣлалъ своимъ подданнымъ своевременныя уступки и этимъ предохранилъ свое герцогство отъ революціи. Въ 1849 году октроировалъ демократическую конституцію. Принялъ участіе въ войнѣ съ Даніей и участвовалъ въ сраженіи при Эккернферде. Примкнувъ къ «союзу трехъ королей», содѣйствовалъ объединительнымъ стремленіямъ Пруссіи. Послѣ окончательнаго торжества реакціи, въ 1852 г., онъ замѣнилъ конституцію 1849 г. другою, менѣе либеральною, при чемъ личная унія между Кобургомъ и Готой была обращена въ реальную. Реакція въ его владѣніяхъ не принимала рѣзкаго характера; онъ продолжалъ дѣйствовать въ духѣ умѣреннаго либерализма. Въ 1859 г. онъ старался увлечь Пруссію въ войну съ Франціей. Въ 60-хъ годахъ онъ ожидалъ объединенія Германіи отъ Австріи, такъ какъ въ Бисмаркѣ видѣлъ тогда воплощеніе феодальной реакціи. Игралъ дѣятельную роль въ Франкфуртскомъ съѣздѣ князей. Послѣ смерти Фридриха VII Датскаго онъ стоялъ за отторженіе Шлезвига и Голштиніи отъ Даніи и за кандидатуру герцога Августенбургскаго. Въ этомъ смыслѣ онъ хлопоталъ передъ Наполеономъ III, съ которымъ издавна былъ въ хорошихъ отношеніяхъ. Постепенно, однако, Э. пришелъ къ убѣжденію, что будущее принадлежитъ Пруссіи, и во время кризиса 1866 г. сталъ на ея сторону. Въ 1867 г. онъ вступилъ въ вновь возникшій Сѣверо-германскій союзъ. Въ 1870—71 гг. сопровождалъ Вильгельма I во Францію. Э. былъ извѣстенъ также какъ композиторъ; онъ написалъ оперы: «Zaïre», «Casilda», «Santa Chiara», «Diana von Solanges» и другія музыкальныя произведенія. Въ 1862 г. онъ предпринялъ путешествіе въ Египетъ и Абессинію, результаты котораго были опубликованы въ великолѣпномъ изданіи: «Reise des Herzogs Ernst von Sachsen-Koburg-Gotha nach Aegypten etc.» (Лпц., 1864). Его мемуары: «Aus meinem Leben und meiner Zeit» вышли въ свѣтъ въ Берлинѣ, въ 1887—89 гг. Такъ какъ онъ былъ бездѣтенъ, то ему наслѣдовалъ его племянникъ Альфредъ, герцогъ Эдинбургскій, сынъ королевы Викторіи. См. Ohorn, «Herzog Ernst II, ein Lebensbild» (Лпц., 1894).

Эрнстъ, герцогъ Саксенъ-Альтенбургскій, старшій сынъ герцога Георга; род. въ 1826 г., въ 1853 г. наслѣдовалъ престолъ, въ 1862 г. заключилъ военную конвенцію съ Пруссіею, въ 1866 г. присоединился къ союзу съ нею. Участвовалъ въ войнѣ 1870 г. Его біографію написалъ Volger (Альтенбургъ, 1895).

Эрнстъ — имя двухъ герцоговъ Швабскихъ: 1) *Э. I* участвовалъ въ возстаніи противъ императора Генриха II, былъ приговоренъ къ смерти, но помилованъ, послѣ чего сталъ ревностнымъ сторонникомъ императора. Пріобрѣлъ Швабію въ 1012 г., умеръ въ 1015 г. — 2) *Э. II*, герцогъ Швабскій съ 1015 по 1030 г., сынъ предыдущаго и пасынокъ императора Конрада, съ которымъ мать Э., Гизела, вступила во второй бракъ. Неоднократно возставалъ противъ вотчима, и въ 1030 г., за отказъ помочь ему въ войнѣ съ Вернеромъ Тургаускимъ, былъ лишенъ герцогства, послѣ чего жилъ въ замкѣ Фалькенштейнъ въ Шварцвальдѣ разбоями и грабежами. Его вѣрность другу (Вернеру Тургаускому) прославлена въ народныхъ преданіяхъ; судьба его и нѣкоторыхъ другихъ князей-неудачниковъ получила сказочный обликъ въ средневѣковой народной книгѣ «Герцогъ Эрнстъ». Уландъ изобразилъ его судьбу въ трагедіи «Ernst, Herzog von Schwaben».

Эрнстъ (Адольфъ Ernst)—нѣмецкій инженеръ, профессоръ въ штуттгартскомъ высшемъ техническомъ училищѣ по подъемнымъ машинамъ (род. въ 1845 г.). Напечаталъ: «Ausrückbare Kupplungen für Wellen und Räderwerke. Theoretische Grundlage und vergleich. Beurteilung ausgeführter Konstruktionen» (Берл., 1890); «Die Hebezeuge» (2-е изд., Берл., 1895; 3-е изд., 3 т., 1899); J. Watt und die Grundlage des modernen Dampfmaschinenbaues» (1897); «Eingriffsverhältnisse d. Schneckengetriebe» (1901).

Эрнстъ (Гейнрихъ-Вильгельмъ Ernst)—знаменитый скрипачъ (1814—1868), ученикъ вѣнской консерваторіи. Пробывъ довольно долго въ Парижѣ, Э. изучилъ манеру игры французскихъ скрипачей, въ особенности Беріо. Съ 1838 по 1844 г. Э. концертировалъ съ большимъ успѣхомъ, между прочимъ и въ Россіи. Игра Э. отличалась блестящей техникой и пѣвучестью. Изъ множества его сочиненій для скрипки въ особенности популярны скрипичные концерты, «Венеціанскій Карнавалъ» и фантазія «Отелло». *Н. С.*

Эрнуфъ (баронъ Альфредъ-Огюстъ Ernouf)—французскій писатель (1817—89). Написалъ: «Nouvelles études sur la révolution française» (1852—54); «Histoire de Waltrade, de Lothaire II et de leurs descendants» (1859); «Deux inventeurs célèbres: Philippe de Girard, Jacquard» (1867); «Le général Kléber» (1867); «L'art des jardins» (1868); «Les oiseaux chanteurs des bois et des plaines» (1872); «Les Français en Prusse 1807 et 1808» (1872); «Denis Papin, sa vie et son oeuvre» (1874); «Souvenirs d'un officier polonais» (1877); «Histoire de Maret, duc de Bassano» (1878); «Pierre Latour du Moulin, inventeur du tonnage à vapeur» (1878).

Эрнъ (Erne) — рѣка и два озера въ ирландской провинціи Ульстеръ. Рѣка Э. вытекаетъ изъ лежащаго въ графствѣ Лонгфордскомъ на высотѣ 65 м. озера Гауна (Loch Gowna), идетъ сначала на С и проходитъ чрезъ оз. Ough съ его изрѣзанными берегами, затѣмъ сворачиваетъ на СЗ и, пройдя въ общемъ около 116 км., впадаетъ въ Донегальскій заливъ. Водопадъ у Бэлишэннона служитъ препятствіемъ для судоходства. Въ графствѣ Фермэнэгскомъ рѣка Э. образуетъ два озера Э. Верхнее озеро Э. (Loch Erne Uppig)—въ 373 кв. км. величиною, при глубинѣ до 68 м., соединяется съ озеромъ Нэгъ (Loch Neag) Ульстерскимъ каналомъ. Нижнее оз. Э. занимаетъ площадь въ 113 кв. км. Оба озера богаты красивыми ландшафтами, въ особенности Нижнее оз. Э. и его 400 о-вовъ. Больше всего посѣщается изъ нихъ о-въ Devenish, съ развалинами аббатства и церкви.

Эро—департ. во Франціи, см. Геро.

Эрозія (медиц.) — поверхностныя изъязвленія слизистой оболочки, обусловливаемыя большею частью дегенеративно-воспалительными процессами.

Эрозія и *эрозіонные процессы*—терминъ, употребляемый въ геологіи для обозначенія процессовъ размыванія (ср. XXVI, 175).

Эроли (маркизъ Жанъ Eroli)—итальянскій писатель (род. въ 1813 г.). Его многочисленныя работы относятся къ области всеобщей исторіи, археологіи и исторіи церкви. Главнѣйшія изъ нихъ: «Il sacco de' Borboni in Narni» (1848), «Notize del celebre Ponte di Augusto» (Римъ, 1839); «Erasmo Gattamelata da Narni, suoi monumenti e sua famiglia» (Римъ, 1876); «Monografia della Madonna imperiale di Narni» (Нарни, 1884); «Oggetti antichi savati in Terni dal 1880 al 1885» (Римъ, 1886); «Prose e versi» (1880—89).

Эросъ—малая планета (см. ст. Астероиды), открытая 14 августа 1898 г. Виттомъ въ Берлинѣ (на обсерваторіи общества Уранія) при помощи фотографіи. Впослѣдствіи оказалось, что Э. былъ сфотографированъ до 20 разъ въ 1893—96 гг. при фотографическомъ обзорѣ неба, произведенномъ въ Гарвардской обсерваторіи. По своей орбитѣ Э. занимаетъ совершенно исключительное положеніе среди другихъ малыхъ планетъ. Перигелій его лежитъ между орбитами Марса и Земли. Поэтому планета можетъ приближаться къ землѣ гораздо болѣе, чѣмъ всякое другое свѣтило. Параллаксъ Э. въ самыхъ благопріятныхъ случаяхъ достигаетъ 1'. Это даетъ превосходное средство для опредѣленія параллакса солнца, какъ непосредственно «тригонометрическимъ» методомъ, такъ и (что еще важнѣе) вычисленіемъ возмущеній, производимыхъ землей въ движеніи Э. и слѣдовательно опредѣленіемъ точной величины массы земли (см. Параллаксъ). Яркость Э. въ зависимости отъ разстоянія измѣняется отъ 7-ой до 14-ой звѣздной величины. Сопоставленіе элементовъ орбиты Э. см. Астероиды. Въ ряду другихъ малыхъ планетъ Э. предварительно обозначенъ былъ буквами DQ, и затѣмъ получилъ № 433 (см. Астероиды). Международная коммиссія въ Парижѣ (августъ 1900) выработала планъ наблюденій Э. во время противостоянія его въ ноябрѣ 1900 г. для опредѣленія параллакса солнца. Въ работѣ этой приняли участіе до 50 обсерваторій. Общая обработка наблюденій поручена Миллошевичу (въ Римѣ). Въ февралѣ 1901 г. многими астрономами были подмѣчены весьма быстрыя колебанія въ яркости Э. Періодъ ихъ равнялся $2^h 28^m$, амплитуда измѣненій достигала $1^1/_2$ звѣздныхъ величинъ. Черезъ нѣсколько времени эти колебанія яркости затихли. Андрэ формулировалъ гипотезу о томъ, что Э. состоитъ изъ двухъ астероидовъ, обращающихся на весьма близкомъ разстояніи одинъ отъ другого и поочередно затмѣвающихъ другъ друга. По другой гипотезѣ Э. имѣетъ фигуру весьма неправильной формы и обращенъ къ землѣ то широкимъ, то узкимъ сѣченіемъ. Подробнѣе объ Э. см. статью Астероиды.

Эротоманія — любовное помѣшательство—одинъ изъ видовъ такъ наз. первичнаго сумасшествія или паранойи (см. XXII, 773). См. также Мономанія (XIX, 782).

Эротъ (Ἔρως=лат. Amor — Амуръ) — у древнихъ грековъ богъ любви, понимавшійся какъ особое мировое божество и какъ безотлучный спутникъ и помощникъ Афродиты. Какъ міровое божество, соединяющее боговъ въ брачныя пары, Э. считался порожденіемъ Хаоса (темной ночи) и свѣтлаго дня или Неба и Земли. Отцомъ его называли также Урана, Хроноса, Орфея и др. Въ позднѣйшемъ преданіи, Э. обыкновенно называется сыномъ Афродиты и Арея. Онъ господствуетъ какъ надъ внѣшнею природою, такъ и надъ нравственнымъ міромъ людей и боговъ, управляя ихъ сердцемъ и волею. По отношенію къ явленіямъ природы онъ является благодѣтельнымъ богомъ весны, оплодотворяющимъ землю и вызывающимъ къ бытію новую жизнь. Его представляли красивымъ мальчикомъ, съ крыльями, въ болѣе древнее время—съ цвѣткомъ и лирой, позднѣе съ стрѣлами любви или пылающимъ факеломъ. Художественное развитіе типъ Э. получилъ подъ рѣзцомъ ваятелей младшей аттической школы—Скопаса, Праксителя и Лизиппа. Скопасу принадлежала статуя Э., находившаяся въ Мегарахъ; Пракситель изваялъ Э. для Парія (городъ въ Мизіи при Геллеспонтѣ) и—шедевръ греческой скульптуры—для Ѳеспій, гдѣ находилась также статуя Э. работы Лизиппа. Культъ Э. существовалъ въ Паріи и главнымъ образомъ въ Ѳеспіяхъ, гдѣ первоначально грубый камень служилъ изображеніемъ бога. Въ Ѳеспіяхъ черезъ каждые четыре года устраивалось въ честь Э. празднество—*Эротидіи*,—сопровождавшееся гимнастическими и музыкальными состязаніями. Кромѣ того Э., какъ богъ любви и дружбы, соединявшей юношей и мужчинъ, пользовался почитаніемъ въ гимназіяхъ, гдѣ статуи Э. ставились рядомъ съ изображеніями Гермеса и Геракла. Спартанцы и критяне обыкновенно передъ битвою приносили Э. жертву; лучшій ѳиванскій (такъ наз. *священный*) отрядъ имѣлъ въ Э. своего покровителя и вдохновителя; самійцы посвятили Э. гимназій и праздновали въ честь его

свои элевтеріи. Взаимная любовь юности нашла себѣ символическое изображеніе въ группѣ *Эрота* и *Антэрота*, находившейся въ элейскомъ гимназіи: рельефъ съ этою группою изображалъ Э. и Антэрота, оспаривающими пальму побѣды другъ у друга. Э. служилъ однимъ изъ любимыхъ сюжетовъ для философовъ, поэтовъ и художниковъ, являясь для нихъ вѣчно-живымъ образомъ какъ серьезной міроуправляющей силы, такъ и личнаго сердечнаго чувства, порабощающаго боговъ и людей. Позднѣйшему времени принадлежитъ возникновеніе группы Э. и Психеи (т. е. Любви и плѣненной ею Души) и развившейся изъ этого представленія извѣстной народной сказки. *Н. О.*

Эроэ (Антуанъ Heroet, по прозванію la Maison-Neuve)—французскій поэтъ (умеръ въ 1568 г.), епископъ диньскій. Извѣстенъ поэмой «La parfaicte amie» (1542).

Эрпели — одно изъ большихъ селеній Дагестанской области, въ 12 верстахъ отъ г. Темиръ-Ханъ-Шуры. Населено кумыками. Въ прежнее время Э. составляло особое владѣніе и управлялось собственными правителями — карачи-беками, происходившими по преданію отъ древнихъ государей, бывшихъ въ Дагестанѣ до арабовъ. Находясь близъ Тарковскаго владѣнія, Э. во всемъ раздѣляло его судьбу. Въ 1604 г. оно было взято Бутурлинымъ; въ 1725 г., во время персидскаго похода Петра Великаго, было разорено Кропоткинымъ. Э. вновь появляется на сцену во время кавказской войны, во время которой отличалось особою враждебностью къ русскимъ; въ 1823 г. было разорено генераломъ Краббе, въ 1831 г. взято штурмомъ; въ 1844—1845 гг. жители его были переселены по военнымъ соображеніямъ на новое мѣсто. Съ покореніемъ Дагестана въ 1859 г. эрпелинцы опять вернулись на старое пепелище. 3537 дымовъ, свыше 16500 жит. *П. Г.*

Эрпели-тауелъ—гора въ Темиръ-Ханъ-Шуринскомъ окр. Дагестанской обл.; возвышается подъ 42°46′ с.ш. и 46°55′ в. д., принадлежитъ хребту, который тянется вдоль прав. берега Сулака. Выс. 6702 фут. Съ сѣв. склона ея вытекаетъ р. Шура-озень, на которой стоитъ обл. гор. Темиръ ханъ-шура.

Эрпеніусъ (Ѳома Erpenius или van Erpe)—голландскій арабистъ (1584—1624), проф. восточныхъ языковъ въ лейденскомъ унив. Извѣстенъ своими работами по арабской грамматикѣ и литературѣ, а также переводами Св. Писанія на арабскій языкъ. Напечаталъ: «Grammatica arabica» (Лейденъ, 1613); «Proverbiorum arabicorum centuriae duae» (ib., 1614; 2-е изд. 1623); «Locmani sapientis fabulae» (ib., 1615); «Pauli Apostoli ad Romanos epistola. Arabice» (ib., 1615); «Novum D. N. Jesu Christi Testamentum. Arabice» (ib., 1616); «Orationes tres» (ib., 1621); «Pentateuchus Mosis. Arabice» (ib., 1622); «Grammatica ebraea generalis» (ib., 1621).

Эрполодія—см. Эллипсоидъ (вращеніе тѣла по инерціи).

Эрранте (Винченцо Errante, род. въ 1813 г.)—итальянскій государственный дѣятель и писатель. Уроженецъ Палермо, Э. принималъ дѣятельное участіе въ политическомъ движеніи Сициліи, вслѣдствіе чего долго жилъ въ изгнаніи. Позже былъ сенаторомъ. Его соч.: «Tragedie e liriche» (Римъ, 1874); трагедіи «La San Felice», «Solimano il Grande» (ib., 1877); поэмы «L'ideale» и «La libertà» (ib., 1878) и «Storia dell' impero Osmano da Osmano alla pace di Carlowitz» (ib., 1882, слѣд.).

Эрратическіе валуны—см. Валуны (V, 442).

Эррера (de Herrera)—два испанск. художника: 1) *Франсиско де-Э. Старшій* (el Viejo) — живописецъ, род. въ Севильѣ ок. 1576 г., учился сначала у Л. Фернандеза, а потомъ у Фр. Пачеко, первый бросилъ робкую манеру исполненія, отличавшую тогдашнихъ испанскихъ живописцевъ, и сталъ работать въ новомъ, широкомъ натуралистическомъ стилѣ, перешедшемъ отъ него къ Веласкезу. Суровость и необузданность характера Э., бывшія причиною того, что наконецъ разбѣжались отъ него всѣ его ученики и даже члены семейства, отражались отчасти и въ его произведеніяхъ; тѣмъ не менѣе онъ владѣлъ правильнымъ рисункомъ, прекрасно изображалъ нагое тѣло, отлично группировалъ фигуры, умѣлъ придавать головамъ выразительность и своимъ мастерствомъ свѣтотѣни положилъ начало развитію этого элемента живописи въ севильской школѣ. Кромѣ живописи, Э. занимался гравированіемъ на мѣди и медальернымъ искусствомъ. Будучи заподозрѣнъ—справедливо ли, или ошибочно—въ выдѣлкѣ фальшивыхъ монетъ, онъ укрылся въ іезуитскомъ монастырѣ св. Герменегильда, гдѣ оставался до тѣхъ поръ, пока король Филиппъ IV, проѣздомъ чрезъ Севилью, въ 1624 г., не помиловалъ его. Съ 1650 г. Э. трудился въ Мадридѣ, гдѣ и ум. въ 1656 г. Замѣчательнѣйшія изъ его произведеній—«Израильтяне, собирающіе манну въ пустынѣ» (наход. въ гал. де-ла-Тринидадъ, въ Мадридѣ)· «Св. Герменегильдъ во славѣ» (въ Севильск. муз.), «Страшный Судъ» (въ црк. С.-Бернардо, въ Севильѣ) и «Св. Василій Великій, диктующій откровенія, получаемыя имъ отъ Святого Духа» (въ Луврск. муз. въ Парижѣ). 2) *Франсиско де-Э. Младшій* (el Mozo)—сынъ предыдущаго, живописецъ и архитекторъ, род. въ Севильѣ въ 1622 г., ум. въ Мадридѣ въ 1865 г. Онъ учился у своего отца, но вслѣдствіе его строгости и придирчивости былъ принужденъ уйти отъ него и отправился въ Римъ, гдѣ подвергся вліянію маньеристовъ и, вмѣсто того, чтобы изучать антики и великихъ мастеровъ, занялся архитектурою и перспективою, а по части живописи старался усвоить себѣ всего болѣе пріятный колоритъ и съ особенною любовью писалъ цвѣты, плоды и рыбъ, за которыя получилъ среди итальянцевъ прозвище lo Spagnuolo degli pesci. По смерти своего отца онъ возвратился въ Севилью. Члены новооснованной тамъ академіи живописи избрали его въ ея вторые президенты, но онъ не хотѣлъ засѣдать въ ней ниже Мурильо, сдѣланнаго первымъ президентомъ, и переселился въ Мадридъ. Здѣсь были имъ исполнены, между прочимъ, картина: «Апоѳеоза св. Гер-

менегильда», для главнаго алтаря церкви монастыря босоногихъ кармелитовъ, и фресковая живопись на потолкѣ хора црк. С.-Фелипе-эль-Реаль. Эти двѣ работы доставили ему громкую извѣстность среди мадридцевъ и обратили на него вниманіе королевскаго двора. Филиппъ IV поручилъ ему украсить живописью плафонъ въ капеллѣ Нуэстра-Сеньора-де-Amora (Взятіе Богородицы на небо) и за это лучшее изъ всѣхъ его произведеній пожаловалъ ему титулъ придворнаго живописца. Продолжая пользоваться благоволеніемъ короля, Э. въ 1681 году былъ сдѣланъ главнымъ руководителемъ работъ по постройкѣ мадридскаго Алькасара, увеселительныхъ дворцовъ Пардо, Кампо и Буэнъ-Ретиро, получивъ при этомъ званіе придворнаго квартирьера. Въ Имп. Эрмитажѣ имѣется одинъ изъ рѣдкихъ образцовъ станковой живописи этого художника—картина: «Явленіе Богородицы доминиканскому монаху, пишущему образъ св. Доминика».

Эррера (Лео-Авраамъ Errera)—бельгійскій ботаникъ. Род. въ 1858 г.; съ 1890 г.—проф. брюссельскаго универс. Въ 1903 г. назначенъ директоромъ ботаническаго института въ Брюсселѣ. Его трудъ: «Existe-t-il une force vitale» вышелъ въ 1902 г. шестымъ изданіемъ (Брюссель). Вмѣстѣ съ Laurent'омъ онъ въ 1897 г. напечаталъ: «Planches de Physiologie végétale». Ему же принадлежитъ интересный трудъ по еврейскому вопросу: «Les Juifs Russes. Extermination ou émancipation?» (Брюссель, 1893; 2-е изд. 1903).

Эррера (Фернандо de-Herrera)—одинъ изъ наиболѣе замѣчательныхъ испанскихъ лириковъ (1534—97), основатель такъ назыв. «Севильской школы». Его прозвали божественнымъ («El divino»). Былъ священникомъ; зналъ прекрасно латинскій, греческій и еврейскій языки. Наибольшую славу доставили ему его канцоны и оды, изъ которыхъ самыя выдающіяся: «A la perdida del rey Don Sebastian», «A Don Juan de Austria» и «A la victoria de Lepanto». Лопе-де-Вега считалъ его поэтическій слогъ образцовымъ; Сервантесъ написалъ въ честь его сонетъ; другъ его Франческо Бачеко, живописецъ, издалъ послѣ его смерти нѣкоторыя его произведенія, съ предисловіемъ Ріоха. До насъ не дошли ни его большія поэмы, ни его «Versos Castillanos». Оконченная имъ въ 1590 г. «Исторія Испаніи» вѣроятно затерялась, какъ и неизданные его «Эклоги». Изъ лирическихъ его произведеній, среди которыхъ отличаются нѣжностью и красотой элегіи, до насъ дошелъ только сборникъ, напечатанный самимъ авторомъ въ 1619 г.; но въ немъ заключается далеко не все, написанное имъ.

Эррико (Сципіоне Errico)—итальянскій писатель (1592—1670), авторъ комедіи «Le rivolte di Parnasso» (1626; осмѣяны современные ему поэты, особенно Марини), пасторали «L'Armonia di Amore», «Deidamia» (1644—1650), «La Guerra di Froja» (1640); «La Babilonia distrutta» (1624—1626—1653—1681), «Poesie liriche» (1646), «De Tribus scriptoribus Historiae Concilii Tridentini» (1656).

Эрро (Juan-Bautista Erro y Aspiroz)—испанскій ученый первой половины XIX в. Написалъ: «Alfabeto de la lengua primitiva de España y explicacion de sus más antiguos monumentos, inscripciones y medallas» (Мадридъ, 1806) и «El mundo primitivo ó exámen filosófico de la antigüedad y cultura de la nación vascongada» (ib., 1815), гдѣ старался доказать, что языкъ басковъ есть именно тотъ, на которомъ говорили первобытные люди. Оба эти труда изданы въ англійскомъ переводѣ подъ заглавіемъ: «Alphabet of primitive language» (Бостонъ, 1829).

Эрсанъ (Луи Hersent, 1777—1860)—французскій живописецъ, ученикъ Ж.-Б. Реньо, въ началѣ держался направленія Л. Давида и Жироде и бралъ темы для своихъ картинъ изъ греческой миѳологіи, но вскорѣ сдѣлался болѣе самостоятельнымъ и сталъ изображать частью историческо-бытовые, частью идиллистическіе и романтическіе сюжеты, а впослѣдствіи занялся преимущественно портретною живописью, которая доставила ему значительную, но непродолжительную извѣстность. Съ 1822 г. онъ былъ членомъ института и съ 1824 г. въ продолженіе многихъ лѣтъ профессоромъ парижскаго училища изящныхъ искусствъ. Картины Э. отличаются ясностью и оживленностью композиціи, правдивостью экспрессіи и прекраснымъ рисункомъ, но страдаютъ холодностью колорита и сухостью кисти. Важнѣйшія изъ нихъ: «Ахиллъ отдаетъ Бризеиду посланцамъ Агамемнона» (1804). «Атала отравляется на рукахъ у Шактаса (1806), «Фенелонъ приводитъ къ крестьянину корову, отнятую у него непріятелемъ» (1810), «Дафнисъ вынимаетъ занозу изъ ноги Хлои» (1817) и «Людовикъ XVI, раздающій деньги бѣднякамъ во время голода, свирѣпствовавшаго во Франціи въ 1788 г.» (1817; наход. въ Версальскомъ историческомъ муз.).

Эрсанъ (Маркъ-Антуанъ Hersan)—французскій писатель (1652—1724), гуманистъ и учитель Роллена. Писалъ превосходные латинскіе стихи, напечатанные въ «Selecta carmina», Gaullyer (1727). Другіе его труды: «Oraison funèbre du chancelier le Tellier» (1688, лат.); «Pensées édifiantes sur la mort» (1722); «Le Cantique de Moïse expliqué selon la rhétorique» (напеч. въ «Traité des études» Роллена, который написалъ также «Eloge d'Hersan»).

Эрсанъ (аббатъ Шарль Hersent)—французскій писатель, ум. послѣ 1640 г. Кромѣ ряда произведеній, направленныхъ противъ ораторіанъ и янсенистовъ, онъ написалъ небольшую книжку: «Optatus Gallus de cavendo schismate» (1640), въ которой излагалъ опасности отдѣленія отъ Рима, задуманнаго кардиналомъ Ришелье; книжка обратила на себя общее вниманіе и была приговорена къ сожженію.

Эрсилья (Alonso de Ercilla)—испанскій писатель, авторъ поэмы «Araucana» (1533—1595). Былъ пажемъ наслѣднаго принца, впослѣдствіи Филиппа II, и сопровождалъ его въ путешествіяхъ по Европѣ; позже участвовалъ въ экспедиціи противъ возставшихъ туземцевъ въ Чили. Жизнь его изобиловала разными

приключеніями: «я брался то за мечъ, то за перо», — говоритъ онъ самъ про себя. Въ 1580 г. онъ горько жалуется на неблагодарность короля и невниманіе его къ нему, лишенному всякихъ средствъ къ жизни. Умеръ въ большой бѣдности. «Araucana» — длинная героическая поэма въ 37 пѣсняхъ — исторія въ стихахъ войны въ Чили, переложенный въ октавы дневникъ экспедиціи, въ которой участвовалъ авторъ. Въ изображеніи сраженій и въ разсказѣ о нравахъ несчастныхъ индѣйцевъ талантъ Э. поднялся на большую высоту. Арауканскіе вожди являются у него такими симпатичными, что читатель относится съ бо́льшимъ сочувствіемъ къ нимъ, чѣмъ къ испанскимъ завоевателямъ. Э. обогатилъ испанскій языкъ новыми словами, часто пользуясь для того итальянскимъ языкомъ.

Эрскинъ (Erskine): 1) *Сэнтъ-Винсентъ Э.*, англійскій путешественникъ. Въ 1868 г. впервые изслѣдовалъ среднее теченіе р. Лимпопо, въ 1871—72 гг. совершилъ съ политическою цѣлью поѣздку къ негритянскому королю Умзилѣ въ Газалэндѣ. Собиралъ географическія данныя и во время слѣдующихъ своихъ поѣздокъ въ Газалэндъ въ 1873—74 и 1874—75 гг. Его труды напечатаны въ «Journal» (1868, 1875) и «Proceedings» (1875, 78) королевскаго географическаго общества.—2) *Өома Бьюкэнъ* (Buchan), съ 1806 г. *лордъ Э.*, англійскій адвокатъ; прославился своей защитою Пэна (XXV, 929), за которую лишился мѣста генеральнаго солиситора. Часто и съ большимъ успѣхомъ выступалъ защитникомъ въ процессахъ печати. Какъ членъ парламента, Э. находился въ оппозиціи Питту. Въ 1806 г. онъ сталъ лордомъ-канцлеромъ, но не оправдалъ надеждъ, возлагавшихся на его краснорѣчіе: политическія его рѣчи гораздо ниже судебныхъ. Имъ составлена брошюра о непорядкахъ въ арміи («Abuses in the Army», анонимно, 1772); 48 изданій выдержала его брошюра объ участіи Англіи въ коалиціонныхъ войнахъ: «View of the causes and consequences of the present war» (1797). Въ 1812 г. онъ издалъ политическій романъ «Armata». Онъ умеръ въ 1823 г. Его «Collected Speeches» изд. въ 1847 г. съ біографіею, написанной лордомъ Брумомъ. Выборку изъ нихъ издалъ Walford (1870).

Эрслевъ (Thomas Hansen Erslev, 1803—1870) — датскій библіографъ. Главною его заслугою считается изданіе словаря писателей: «Almindeligt Forfatter-Lexicon for Kongeriget Danmark med tilhörende Bilande fra 1814—40» (Копенгагенъ, 1841—1853; продолженіе до 1853 г., ib., 1854—1868), который служитъ какъ бы продолженіемъ словаря Nyerup-Kraft'a, «Litteratur-Lexicon for Danmark, Norge og Island» (ib., 1820).

Эрслевъ (Христіанъ Erslev, род. въ 1852 г.) — датскій историкъ, профессоръ исторіи въ Копенгагенѣ. Главные труды его: «Konge og Lensmand i det XVI de Aarhundrede» (Копенгагенъ, 1879); «Dronning Margrete og Kalmarunionens Grundläggelse» (1882); «Aktstykker og Oplysninger til Rigsraadets og Ständermodernes Historie i Christian IV's Tid» (I—II, 1883—90).

Эрстедъ (Oersted): 1) *Гансъ-Христіанъ Э.* (1777—1851)—датскій натуралистъ, съ 1806 г. профессоръ физики въ Копенгагенѣ. Э. открылъ электромагнетизмъ и опубликовалъ это открытіе въ «Experimenta circa effectum conflictus electrici in acum magneticam» (Копенгагенъ, 1820). Въ 1824 г. онъ основалъ общество для распространенія естествознанія и въ 1829 г. сталъ директоромъ политехнической школы въ Копенгагенѣ. Онъ напечаталъ: «Naturlärens mechaniske Deel» (1844, 3 изд., 1859; нѣм. перев., 1851), «Aanden i Naturen» (1849—50; по-нѣм. подъ заглавіемъ: «Der Geist in der Natur», 6 изд., 1874), «To Capitler af det Skjönnes Naturlärc» (1845) и др. Онъ оставилъ и собраніе стихотвореній. Полное собраніе его сочиненій вышло въ Копенгагенѣ въ 1850—51 гг. Ему въ Копенгагенѣ поставленъ бронзовый памятникъ 1876).—2) *Андерсъ Сандэ* Э. (1778 — 1860) — датскій юристъ, братъ предыдущаго. Съ 1842 по 1848 г. былъ министромъ юстиціи, уволенъ во время мартовскихъ безпорядковъ 1848 г., потомъ избранъ въ парламентъ; съ 1853 по 1854 г. былъ первымъ министромъ, при чемъ пытался провести правовое единство государства. Много сдѣлалъ для упорядоченія юстиціи въ Даніи. Главные труды его: «Handbog over den danske og norske Lovkyndighed» (1822—35); «Eunomia (1815—22). Онъ оставилъ записки о своей жизни: «Af mit Livs og min Tids Historie» (1851—52).—3) *Андерсъ Сандэ* Э. (1816 — 1873), сынъ предыдущаго, натуралистъ, съ 1862 г. профессоръ въ Копенгагенѣ, въ 1845 — 48 гг. совершилъ путешествіе въ Центральную Америку. Онъ написалъ: «Chênes de l'Amérique tropicale» (1868); «L'Amèrique centrale» (1863) и др.

Эрталь (Karl-Friedrich-Joseph баронъ von Erthal) — нѣмецкій церковный дѣятель (1719—1802). Въ 1774 г. былъ избранъ архіепископомъ майнцскимъ и княземъ-епископомъ вормсскимъ. Въ противоположность либеральному направленію своего предшественника, Э. строго придерживался внѣшнихъ формъ благочестія и покровительствовалъ іезуитамъ, но впослѣдствіи сталъ склоняться къ проведенію умѣренныхъ реформъ. Онъ примкнулъ къ эмсской пунктуаціи (см.) и мечталъ о коренномъ преобразованіи католической церкви. Когда началась война съ Франціей въ 1792 г., Э. бѣжалъ изъ Майнца. Въ 1793 г., въ періодъ короткаго торжества союзниковъ надъ французами, онъ вернулся, но въ 1794 г. покинулъ Майнцъ навсегда и послѣдніе годы жизни провелъ въ Ашаффенбургѣ. По Люневильскому трактату онъ лишился владѣній на лѣвомъ берегу Рейна.

Эрталь (Franz-Ludwig баронъ von Erthal)—младшій братъ предыдущаго (1730—1795), князь-епископъ вюрцбургскій и бамбергскій. Сочувствуя идеямъ «просвѣщенія», онъ предпринялъ нѣкоторыя преобразованія въ духѣ просвѣщеннаго абсолютизма. Написалъ: «Ueber den Geist der Zeit und die Pflichten des Christen» (Вюрцбургъ, 1793); «Reden an das Landvolk» (Бамбергъ, 1797). Ср. Bernhard, «Franz-Ludwig vod Erthal»

(Тюбингенъ, 1852); Leitschuh, «Franz-Ludwig von Erthal, ein Charakterbild» (Бамбергъ); Hübsch, «Die Reformen auf dem Gebiet der Volksschule im ehemaligen Hochstift Bamberg unter den Fürstbischofen Ad. F. von Seinsheim und Erthal» (Бамбергъ, 1891).

Эртель (Абраамъ Oertel или Oertell, по-латыни Ortelius) — фламандскій географъ († 1598). Въ 1570 г. напечаталъ въ Антверпенѣ «Theatrum orbis terrarum», явившійся одною изъ первыхъ работъ этого рода. Современники называли Э. Птоломеемъ XVI в. Другіе труды Э.: «Thesaurus geographicus» (Антверпенъ, 1596); «Itinerarium per nonnullas Galliae belgicae partes» (ib., 1584); «Theatri orbis terrarum Parergon» (ib., 1595); «Aurei saeculi imago» (ib., 1598).

Эртель (Александръ Ивановичъ)—талантливый писатель. Род. въ 1855 г. въ Задонскомъ уѣздѣ, Воронежской губ., въ одномъ изъ помѣщичьихъ имѣній, которыми управлялъ его отецъ, обрусѣвшій нѣмецъ. Воспитаніе Э. получилъ дома; съ малыхъ лѣтъ изучилъ, преимущественно практически, сельское хозяйство и, нерѣдко исполняя порученія отца, близко соприкасался съ крестьянскимъ міромъ. 18-лѣтнимъ юношей получилъ самостоятельную должность въ экономіи крупнаго тамбовскаго землевладѣльца, гдѣ прослужилъ около 6 лѣтъ, послѣ чего перебрался въ Петербургъ. Здѣсь онъ продолжалъ свое самообразованіе и завѣдывалъ одной частной библіотекой. Послѣ годового пребыванія въ столицѣ Э. заболѣлъ и вернулся въ родную семью. Въ 1883—1884 гг. онъ снова появился въ Петербургѣ, но за принадлежность къ политическимъ кружкамъ былъ арестованъ и административнымъ порядкомъ высланъ въ Тверь, гдѣ прожилъ до 1889 г., послѣ чего вернулся въ Воронежскую губернію, взявъ тамъ въ аренду небольшое имѣніе. Во время голодовки 1892 г. онъ энергично помогалъ бѣдствующему населенію и вообще практически старался осуществлять многія идеи Льва Толстого. Съ 1896 г. занялъ должность управляющаго въ одномъ тамбовскомъ имѣніи. На литературное поприще Э. выступилъ въ 1879 г., обративъ на себя вниманіе критики и публики очеркомъ: «Два помѣщика». Затѣмъ послѣдовалъ длинный рядъ очерковъ и разсказовъ, подъ заглавіемъ «Записки степняка», въ «Вѣстникѣ Европы» (1880—1882), «Русскомъ Богатствѣ» (1881, «Земецъ»), «Дѣлѣ» (1879—1882) и другихъ изданіяхъ. Въ «Русской Мысли» напечатанъ большой романъ Э.: «Гарденины, ихъ дворня, приверженцы и враги» (1889 и отдѣльн. изд.—1890) и повѣсти: «Двѣ пары» (1887; отд. изд. М., 1894), «Минеральныя воды» (1886), «Смѣна» (1891 и отд. изд. 1894), «Духовидцы» (1893), «Въ сумеркахъ» (1898). Другія его произведенія напечатаны въ «Вѣстникѣ Европы» («Волховская барышня», «Пятихины дѣти», «Ночь подъ Рождество» и др.), «Дѣлѣ» («Крокодилъ», «Послѣднія времена», «Иностранецъ Липатка»), «Отеч. Запискахъ» («Миніатюры»), «Сѣверномъ Вѣстникѣ» («Карьера Струкова»). Имъ написаны также драматическія сцены «Бабій бунтъ» (1884). Во всѣхъ своихъ произведеніяхъ Э. является убѣжденнымъ народникомъ, выше всего ставящимъ въ крестьянствѣ цѣльность его устоевъ, своего рода культуру, которая, въ противоположность дворянской и бюрократической, избавлена отъ разложенія. Въ интеллигенціи онъ подмѣчаетъ и бичуетъ эгоистическое міросозерцаніе, узкій, бездушный матеріализмъ. Съ особымъ вниманіемъ Э. разсматриваетъ отношенія къ мужику представителей интеллигенціи, начиная отъ крупныхъ банковскихъ чиновниковъ и кончая помѣщиками съ высшимъ образованіемъ. Тщательная вырисовка деталей въ картинахъ быта и въ изображеніи внутренняго міра простого народа и образованнаго класса составляетъ одну изъ отличительныхъ чертъ симпатичнаго таланта Э., безспорно тенденціознаго, но столь же безспорно-художественнаго. *П. Быковъ.*

Эртель (Георгъ Oertel))—нѣмецкій писатель, род. въ 1856 г. Написалъ: «Die litterarischen Strömungen der neuesten Zeit» (1887); «Zum Lichte» (1889); «Späte Heimkehr» (1890); «Der Müller von Buschdorf» (1888); «Liedergrüsse» (1888); «Aus der Jugendzeit» (1891); «Lustige Geschichten aus meinem Soldatenleben» (1892) и др.

Эртель (Евхарій-Фердинандъ-Христіанъ Oertel)—нѣм. писатель (1765—1850). Былъ преподавателемъ въ Ансбахѣ. Извѣстенъ, какъ ревностный послѣдователь гидротерапіи, много сдѣлавшій для распространенія этого метода лѣченія. Вмѣстѣ съ Кольбомъ и Кирхмайромъ онъ основалъ гидротерапевтическое общество и школу водолѣченія. Напечаталъ также много работъ по гидротерапіи, именно: «De aqua frigidae usu Celsiano, diss. philol.-med., in qua praecipuos A. Corn. Celsi locos de aqua frigida illustrare conatur» (Мюнхенъ, 1826); «Die indische Cholera einzig und allein durch kaltes Wasser vertilgbar» (Нюрнбергъ, 1831); «Die allerneusten Wassercuren. Eine Heilschrift für Jedermann» (ib., 1829—32); «Peter Bernhard, ein Capuziner, alter weltberühmter Eiswasserdoctor» (Лпц. и Наумбургъ, 1834); «Vincenz Priessnitz oder Aufruf an alle Staatsregierungen Deutschlands zur Einrichtung von Wasserheilanstalten» (ib., 1834); «Anweisung zum heilsamen Wassergebrauche für Menschen und Vieh in den gangbarsten Krankheiten» (Нюрнбергъ, 1834; 2 изд., 1835); «Geschichte der Wasserheilkunde» (Лпц., 1835); «Die Freuden und Leiden der Wasserheilkunde» (Нюрнб., 1838).

Эртель (Фил.-Фридр.-Вильгельмъ Oertel, въ литер. извѣстный подъ псевдонимомъ W. O. von Horn) — нѣм. писатель (1798—1867). Сынъ пастора и впослѣдствіи самъ пасторъ, онъ выросъ подъ вліяніемъ красотъ Рейна, къ окрестностямъ котораго пріурочено дѣйствіе его разсказовъ изъ народной жизни. Первые изъ нихъ появились подъ псевдонимомъ F. W. Lips. Его сочиненія: «Gesammelte Erzählungen» (1850—1863); «Friedel» (1851); «Hand in Hand» (1852); «Auch ein Menschenleben» (1857); «Des alten Schmiedejakobs Geschichten» (1853—54); «Rheinische Dorfgeschichten» (1854); «Aus der Maje» (1879—81); «Franz Kerndörfer» (1881) и др.

Эртель (Христіанъ-Готтфридъ Oertel) — нѣмецкій историкъ и юристъ (род. въ 1778 г.). Главный его трудъ — «Reichstags-Diarium», составленный въ хронологическомъ и систематическомъ порядкѣ сборникъ постановленій рейхстага въ Регенсбургѣ за 1745—1777 гг. Ему же принадлежатъ: «Vollständiges und zuverlässiges Verzeichniss der Kaiser, Kurfursten, Fürsten und Stände des hl. römischen Reiches» (Регенсбургъ, 1760); «Verzeichniss aller Gesandschaften auf den Reichstagen von 1662—1760» (ib., 1762); «Repertorium der gesammten Evangelischen Religionsbeschwerden, welche beim hochpreisslichen corpore evangelicorum von 1720 bis 1770 angebracht worden sind» (ib., 1778); «Sammlung der neuesten Merkwürdigkeiten, welche in das deutsche sowohl allgemeine als besondere Staatsrecht einschlagen» (ib., 1775—76).

Эртинъ-кортъ—гора въ Грозненскомъ окр. Терской обл., на правой стор. р. Хулхулау подъ 43°4′ с. ш. и 46°2′ в. д. Высота 3800 фт.

Эртманнъ (Павелъ-Эрнстъ-Вильгельмъ Oertmann) — нѣмецкій юристъ, профессоръ римскаго и германскаго гражданскаго права въ эрлангенскомъ унив. (род. въ 1865 г.). Его труды: «Fiducia im römischen Privatrecht» (Б., 1890); «Die Volkswirthschaftslehre d. Corpus juris civilis» (ib., 1891); «Der Vergleich im Gem. Civilrecht» (1895); «Volksrecht und Gesetzrecht» (Дрезд., 1898); «Die volkswirthschafltiche Bedeutung des Bürgerl. Gesetzbuches» (Франкфуртъ на Майнѣ, 1899); «Kommentar zu den Schuldverhältnissen des bürgerlichen Gesetzbuches» (Б., 1899); «Schadenersatzanspruch des obligatorisch Berechtigten» (Берл., 1900).

Эруковая кислота (хим.) —

$$\begin{array}{l} C_8H_{17} - C - H \\ \qquad\quad \| \\ H \;\; - C - C_{11}H_{22}\,.\,CO_2H = C_{22}H_{42}O_2 \end{array}$$

— непредѣльная кислота изъ ряда акриловой. Впервые была выдѣлена Дарби въ 1849 г. изъ жирнаго масла горчичныхъ сѣмянъ, гдѣ она находится въ видѣ глицерида. Кромѣ того, Э. кислота содержится въ рѣпномъ маслѣ изъ Brassica napus (Вебскій) и въ маслѣ виноградныхъ зеренъ (Фитцъ). Для полученія кислоты масло обмыливаютъ окисью свинца и экстрагируютъ эѳиромъ загустѣвшую массу. Очищенную эруковосвинцовую соль разлагаютъ соляной кислотой. Перекристаллизованная изъ спирта Э. кислота образуетъ длинныя, тонкія иглы съ темп. плавл. 33—34° (Отто). Она кипитъ при 179° въ пустотѣ катоднаго свѣта и при 264° при 15 мм. (Крафтъ и Вейландтъ). Уд. вѣсъ $D_4^{55} = 0,8602$, частичное лучепреломленіе $M\alpha = 105,00$ (Эйкманъ). Теплота горѣнія 3291,7 кал. при пост. объемѣ и 3297,2 кал. при пост. давленіи; теплота образованія 219,8 кал., считая $C = 94$ и $H_2 = 69$ (Штоманъ и Лангбейнъ). Какъ соединеніе, содержащее одну этиленную связь, Э. кислота непосредственно присоединяетъ два атома брома, образуя дибромбегеновую кислоту, $C_{22}H_{42}Br_2O_2$; нагрѣваніе съ іодистымъ водородомъ и фосфоромъ до 200—210° переводитъ ее въ соотвѣтствующую предѣльную кислоту—бегеновую, $C_{22}H_{44}O_2$ (Гольдшмидтъ); хамелеонъ въ щелочномъ растворѣ окисляетъ ее въ диоксибегеновую кислоту съ темп. плав. 133° (Урванцовъ); такъ же дѣйствуетъ реактивъ Каро (Альбицкій). Трудный вопросъ о положеніи двойной связи въ частицѣ Э. кислоты выясненъ работами лабораторіи Либермана и сводится къ вопросу о строеніи бегенолевой кислоты, съ которой Э. кислота связана простыми переходами. Какъ сказано, Э. кислота, присоединяя бромъ по мѣсту двойной связи, образуетъ дибромбегеновую кислоту. Дѣйствуя на эту послѣднюю спиртовымъ ѣдкимъ кали сперва на холоду, потомъ при нагрѣваніи до 140—150°, можно послѣдовательно отнять отъ нея двѣ частицы бромистаго водорода и перейти къ кислотѣ пропаргиловаго ряда—бегенолевой. Работы Гольта и Баруха установили, что въ бегенолевой кислотѣ тройная связь находится между 13-мъ и 14-мъ углеродомъ, считая отъ карбоксила; на томъ же, слѣдовательно, мѣстѣ должна находиться и двойная связь Э. кислоты, т. е. формула строенія ея будетъ $C_8H_{17} - CH = CH - C_{11}H_{22}\,.\,CO_2H$. Къ такому же заключенію приводятъ и нѣкоторыя реакціи окисленія Э. кислоты, сопровождающіяся разрывомъ ея частицы по мѣсту двойной связи, напримѣръ, при дѣйствіи азотной кислоты (Филети). Однако, при сплавленіи Э. кислоты съ ѣдкимъ кали наблюдается образованіе уксусной (C_2) и арахиновой (C_{20}) кислотъ (Фитцъ), т. е. двойная связь оказывается какъ бы между вторымъ и третьимъ углеродомъ. По всей вѣроятности это нужно отнести на счетъ изомеризующаго дѣйствія самого ѣдкаго кали. Однихъ структурныхъ воззрѣній оказывается, впрочемъ, недостаточно для уясненія взаимныхъ переходовъ между Э. кислотой и другой изомерной ей кислотой того же акриловаго ряда — брассидиновой, имѣющей то же самое строеніе. Переходъ Э. кислоты въ брассидиновую съ температурой плавленія 65—66° совершается при дѣйствіи азотистой кислоты, а также при продолжительномъ нагрѣваніи въ трубкѣ до 200° съ кислой сѣрнистонатріевой солью и сѣрнистой кислотой (М., К. и А. Зайцевы). Согласно воззрѣніямъ Іоганна Вислиценуса *), такого рода изомерія объясняется возможностью существованія двухъ конфигурацій для кислоты $C_8H_{17}\,.\,CH = CH\,.\,C_{11}H_{22}\,.\,CO_2H$, а именно:

$$\text{(I)}\quad \begin{array}{l} \qquad C_8H_{17} - C - H \\ \qquad\qquad\quad\;\, \| \\ H \;\; - C - C_{11}H_{22}\,.\,CO_2H \end{array} \quad \text{и}$$

$$\text{(II)}\quad \begin{array}{r} C_8H_{17} - C - H \\ \| \;\;\;\; \\ CO_2H\,.\,C_{11}H_{22} - C - H \end{array}$$

(I), *аксіальносимметрическую* конфигурацію Вислиценусъ приписываетъ Э. кислотѣ, а (II), *плансимметрическую* — брассидиновой. Дѣйствительно, какъ показалъ Гольтъ въ лабораторіи Либермана, присоединяя два атома, напримѣръ, галоида къ Э. кислотѣ, отнимая затѣмъ частицу галоидоводорода и замѣщая оставшійся галоидъ водородомъ, можно осу-

*) Johannes Wislicenus, «Ueber die räumliche Anordnung der Atome in organischen Molekulen», „Abhandl. d. K. S. Gesellsch. d. Wiss.", 2 изд., стр. 47.

ществить взаимный переходъ обѣихъ кислотъ другъ въ друга. Пользуясь стереохимическими представленіями, эти непонятные на первый взглядъ переходы объясняются такъ: присоединеніе двухъ атомовъ галоида (X) къ обѣимъ кислотамъ по мѣсту двойной связи даетъ продукты

(I, 1)
$$\begin{array}{rcl} & X & \\ & | & \\ C_8H_{17} - & C & - H \\ & | & \\ H - & C & - C_{11}H_{22} . CO_2H \\ & | & \\ & X & \end{array}$$
и

(II, 1)
$$\begin{array}{rcl} & X & \\ & | & \\ C_8H_{17} - & C & - H \\ & | & \\ CO_2H . C_{11}H_{22} - & C & - H \\ & | & \\ & X & \end{array}$$

Съ уничтоженіемъ двойной связи углеродные атомы обѣихъ системъ получаютъ возможность вращаться и занимать положенія, наиболѣе выгодныя при послѣдующей реакціи отнятія галоидоводорода. Въ данномъ случаѣ это будутъ:

(I, 2)
$$\begin{array}{rcl} & X & \\ & | & \\ C_8H_{17} - & C & - H \\ & | & \\ CO_2H . C_{11}H_{22} - & C & - X \\ & | & \\ & H & \end{array}$$
и

(II, 2)
$$\begin{array}{rcl} & X & \\ & | & \\ C_9H_{17} - & C & - H \\ & | & \\ H - & C & - X \\ & | & \\ & C_{11}H_{22} . CO_2H & \end{array}$$

Замѣтимъ тутъ же, что конфигурація (I, 2) допускаетъ болѣе легкое отнятіе элементовъ галоидоводорода, такъ какъ въ ней оба атома водорода расположены противъ атомовъ галоида. Такимъ свойствомъ какъ разъ отличаются галоидопродукты, происходящіе изъ Э. кислоты, чѣмъ и подтверждается данная ей Вислиценусомъ аксіальносимметрическая конфигурація. Отщепленіе одной частицы галоидоводорода отъ (I, 2) и (II, 2) снова приводитъ къ образованію непредѣльныхъ кислотъ слѣдующихъ возможныхъ формъ:

(I, 3)
$$\begin{array}{rcl} C_8H_{17} - & C & - H \\ & \| & \\ CO_2H . C_{11}H_{22} - & C & - X \end{array}$$

или

$$\begin{array}{rcl} C_8H_{17} - & C & - X \\ & \| & \\ CO_2H . C_{11}H_{22} - & C & - H \end{array}$$
и

(II, 3)
$$\begin{array}{rcl} C_8H_{17} - & C & - X \\ & \| & \\ H - & C & - C_{11}H_{22} . CO_2H. \end{array}$$

Наконецъ, замѣщая здѣсь галоидъ водородомъ, имѣемъ:

(I, 4)
$$\begin{array}{rcl} C_8H_{17} - & C & - H \\ & \| & \\ CO_2H . C_{11}H_{22} - & C & - H \end{array}$$
и

(II, 4)
$$\begin{array}{rcl} C_8H_{17} - & C & - H \\ & \| & \\ H - & C & - C_{11}H_{22} . CO_2H. \end{array}$$

Такимъ образомъ, послѣ ряда реакцій мы приходимъ отъ конфигураціи (I) къ (I, 4) и отъ (II) къ (II, 4), отъ аксіальносимметрической къ плансимметрической и обратно. При этомъ нѣтъ надобности допускать интрамолекулярныхъ перегруппировокъ. Хотя приложимость схемъ Вислиценуса не исчерпывается приведенными примѣрами, однако, есть факты, для объясненія которыхъ и стереохимическая гипотеза оказывается недостаточной. Таково, напримѣръ, образованіе диоксибегеновой кислоты съ темп. плавл. 99—100° при дѣйствіи ѣдкаго кали на хлороксибегеновую кислоту, полученную изъ Э. присоединеніемъ $HClO$ (Альбицкій). Эта же диоксикислота получается изъ брассидиновой при окисленіи ея хамелеономъ, а продуктъ, отвѣчающій Э. кислотѣ, имѣетъ темп. плавл. 133°. Изъ приведеннаго примѣра ясно, что не всегда можно по конфигураціи исходнаго вещества судить о конфигураціи полученнаго продукта. Въ подобныхъ случаяхъ, по Альбицкому, имѣютъ значеніе и условія реакціи, напримѣръ кислая или щелочная среда. Кромѣ пространственнаго изомера — брассидиновой кислоты—для Э. кислоты извѣстенъ еще второй структурный изомеръ изо-Э. кислота, получаемая (вмѣстѣ съ Э.) при отнятіи іодистаго водорода отъ продукта его присоединенія къ обыкновенной Э. или къ брассидиновой кислотѣ, при чемъ это отнятіе совершается въ иномъ направленіи, чѣмъ присоединеніе, сопровождаясь, слѣдовательно, перемѣщеніемъ двойной связи. Александровъ и Н. Зайцевъ придаютъ ей строеніе $CH_3 - (CH_2)_{17} - CH_2 - CH = CH - COOH$. Какъ сами изомерныя кислоты, такъ и ихъ производныя, въ особенности диоксикислоты, характерно отличаются другъ отъ друга по температурѣ плавленія:

	Температуры плавленія.	
	Самихъ кислотъ.	Отвѣчающихъ имъ оксикислотъ.
Э. кисл.	33,5°	133°
Изо-Э. кисл.	55°	88°
Брассидиновая кисл.	65°	99,5°

Изъ прозводныхъ Э. кислоты извѣстны ея эѳиры, соли, галоидопроизводныя и ангидридъ. Диэруцинъ (въ рѣпномъ маслѣ) $C_{47}H_{88}O_5$, темп. плавл. 47°, шелковистые кристаллы; триэруцинъ, $C_{69}H_{128}O_6$, образуется при нагрѣваніи диэруцина съ Э. кисл. до 300°, кристаллы съ темп. плавл. 31°; этиловый эѳиръ, $C_{22}H_{41}O_2 . C_2H_5$, жидкость, кипящая выше 360°; Э. ангидридъ $(C_{22}H_{41}O)_2O$, получается нагрѣваніемъ Э. кислоты съ уксуснымъ ангидридомъ въ запаянной трубкѣ въ теченіе 6 часовъ, темп. плавл. 47—50°. Соли: $Pb(C_{22}H_{41}O_2)_2$ плохо растворима въ холодномъ эѳирѣ, хорошо—въ горячемъ, употребляется для извлеченія Э. кислоты изъ природныхъ продуктовъ. Кромѣ того извѣстны соли Na, Ba и Ag.

Д. Монастырскій. Δ.

Эруптивныя горныя породы— см. Горныя породы (IX, 294).

Эрфуртскій конгрессъ—такъ называется съѣздъ государей и министровъ, состоявшійся, по желанію Наполеона I, въ гор. Эрфуртѣ съ $^{27}/_{15}$ сентября по $^{14}/_{2}$ октября 1808 г. Александръ I и Наполеонъ I еще во время тильзитскаго свиданія условились на счетъ съѣзда въ слѣдующемъ году для обсужденія восточныхъ дѣлъ, судьбы Пруссіи, мира съ Англіею и вооруженій Австріи. Для увеличенія блеска конгресса Наполеонъ послалъ въ Эрфуртъ баталіонъ гренадеровъ императорской гвардіи и три армейскихъ полка. Лучшія части дворцоваго убранства были отправлены туда же, а парижскимъ артистамъ, съ Тальма̀ во главѣ, приказано было участвовать въ Эрфуртѣ въ театральныхъ представленіяхъ. Имп. Александръ I съ графомъ Румянцевымъ прибылъ въ Веймаръ $^{25}/_{13}$ сентября; $^{27}/_{15}$ сентября Наполеонъ выѣхалъ ему на встрѣчу и оба императора вмѣстѣ въѣхали въ Эрфуртъ. Въ торжествахъ, происходившихъ въ Эрфуртѣ, участвовали еще вел. кн. Константинъ Павловичъ, принцъ Вильгельмъ Прусскій, короли саксонскій, баварскій. вюртембергскій и вестфальскій. Австрійскій императоръ, который не былъ приглашенъ на Э. конгрессъ, въ письмѣ оправдывалъ передъ Наполеономъ свои вооруженія, на что Наполеонъ отвѣчалъ сдержанно, но не безъ угрозъ; представитель Австріи не былъ допущенъ къ участію въ совѣщаніяхъ конгресса. Результатомъ совѣщаній было подтвержденіе тильзитскаго соглашенія. За отказъ отъ вмѣшательства Россіи въ западныя дѣла Наполеонъ соглашался на присоединеніе къ Россіи Финляндіи и дунайскихъ княжествъ. Празднества происходили, кромѣ Эрфурта, и въ Веймарѣ, гдѣ Наполеону были представлены Гёте и Виландъ, и на полѣ іенскаго сраженія. гдѣ вел. герцогъ веймарскій чествовалъ Наполеона. По возвращеніи императоровъ въ Эрфуртъ состоялось соглашеніе объ освобожденіи Пруссіи отъ оккупаціи и объ уменьшеніи контрибуціи. Шли конфиденціальные разговоры о возможности новаго брака Наполеона, причемъ въ невѣсты намѣчалась одна изъ русскихъ великихъ княженъ. Соглашеніе имп. Александра съ Наполеономъ подписано было 12 октября нов. ст.; установлена была, между прочимъ, общность дѣйствій въ случаѣ войны съ Австріей. 14 октября императоры разстались. См. Н. К. Шильдеръ, «Императоръ Александръ I»; Vandal, «Napoléon et Alexandre I»; С. Татищевъ, Alexandre I et Napoléon» (П., 1891).

Эрфуртъ (Erfurt) — городъ въ прусской провинціи Саксоніи, на рѣкѣ Герѣ, въ предгорьяхъ Тюрингенскаго лѣса (200 м. надъ ур. моря). Жителей 85268 (1900). За 20 лѣтъ, съ 1880 по 1900 г., населеніе увеличилось на 32 тыс. человѣкъ. До 1873 г. Э. былъ крѣпостью; нѣкоторыя части укрѣпленій (цитадель Петерсбергъ и др.) сохранились. Много старинныхъ зданій, особенно изъ эпохи Возрожденія; центральная часть города имѣетъ средневѣковой характеръ. Памятникъ Лютеру, работы Ф. Шапера; обелискъ въ память майнцскаго курфюрста Фридриха-Карла, памятники войнъ 1866 и 1870—1871 гг. Протестантская готическая Predigerkirche (1228) съ художественнымъ рѣзнымъ алтаремъ Вольгемута (1460—1470). Католическій соборъ (XIII в.), съ великолѣпнымъ готическимъ хоромъ (1349—1372) и мозаиковой Мадонной. Церковь св. Севера (XIV в.), съ тремя башнями. Древнѣйшая церковь въ Э. — Schottenkirche (базилика XII в.). Изъ многочисленныхъ бывшихъ монастырей сохранилось зданіе августинскаго монастыря (теперь сиротскій домъ), въ которомъ 17 іюня 1505 г. Лютеръ поступилъ въ монахи. Въ монастырской церкви въ 1850 г. засѣдалъ такъ называемый эрфуртскій парламентъ. Ратуша, сооруженная въ 1869—75 гг., украшена стѣнной живописью изъ эрфуртской исторіи, изъ жизни Лютера и изъ сказаній о Фаустѣ и Тангейзерѣ. Два замѣчательныхъ старинныхъ дома: «Zum breiten Heerd» и «Die Hohe Lilie». Въ зданіи присутственныхъ мѣстъ (бывшемъ дворцѣ майнцскаго штатгальтера) Наполеонъ въ 1808 г. принималъ германскихъ государей. Великолѣпное готическое зданіе бывшаго университета—теперь реальное училище. Королевская библіотека съ цѣннымъ Амплоніанскимъ собраніемъ рукописей (съ IX в.; ср. Schum, «Beschreibendes Verzeichniss der Amplonianischen Handschriftensammlung», Б., 1887); архивы при ратушѣ и соборѣ. Музеи городскихъ древностей, тюрингенскихъ древностей и художественно-промышленный. Производство дамскаго готоваго платья (22 фирмы) и обуви (25 фабрикъ съ 1500 рабоч.), 4 чугуннолитейныхъ завода, 7 ткацкихъ фабрикъ, 10 пивоваренныхъ зав., мукомольныя и крупорушныя мельницы, производство мебели, ламлъ, музыкальныхъ инструментовъ, мыла, позумента, картонажей, макаронъ, сигаръ и др. Королевскій оружейный заводъ (2600 рабочихъ), желѣзнодорожныя мастерскія (550 рабочихъ). Э. славится своимъ садоводствомъ, огородничествомъ и торговлей сѣменами. Эрфуртская цвѣтная капуста, спаржа и салаты сбываются на всѣхъ европейскихъ рынкахъ; въ лѣтніе мѣсяцы еженедѣльно вывозится около 60 тоннъ цвѣтной капусты. *Исторія.* Э. (въ древности Ergesford)—очень древнее, вѣроятно славянское поселеніе, уже съ VIII в. служившее мѣстомъ мѣновой торговли между славянскими и франкскими племенами. Имѣются указанія, что въ 741 г. св. Бонифацій основалъ здѣсь епископство; но вскорѣ Э. подпалъ подъ власть майнцскихъ архіепископовъ. Въ 805 г. Карлъ Вел. назначилъ Э. складочнымъ мѣстомъ для товаровъ славянскихъ народностей. Императоръ Генрихъ I въ 936 г. созвалъ здѣсь сеймъ, на которомъ его сынъ Оттонъ былъ избранъ ему преемникомъ. Не смотря на притязанія Майнца, основанныя на старинныхъ документахъ и дареніи импер. Оттона I, городъ съумѣлъ отстоять до нѣкоторой степени свою независимость. До XIII в. бургграфъ Э. назначался архіепископомъ майнцскимъ; но постепенно, по мѣрѣ того какъ городъ богатѣлъ, сдѣлавшись торговымъ центромъ для всей Тюрингіи, онъ становился все болѣе независимымъ и съ 1255 г. сталъ управляться совѣтомъ изъ 14 избираемыхъ именитыхъ гражданъ. Въ XII

—XIII вв. Э. приходилось отстаивать свою самостоятельность отъ тюрингенскихъ ландграфовъ и герцоговъ саксонскихъ, подъ власть которыхъ онъ подпадалъ на короткіе промежутки времени. Въ 1181 г. здѣсь происходилъ сеймъ, на которомъ Генрихъ Левъ Саксонскій покорился императору Фридриху I. Въ 1289 г. Рудольфъ Габсбургскій созвалъ сеймъ въ Э. для обсужденія мѣръ къ прекращенію кулачнаго права въ Тюрингіи. Высшаго расцвѣта городъ достигъ въ концѣ XIV и въ началѣ XV вв. Въ 1392 г. здѣсь былъ учрежденъ университетъ, ставшій однимъ изъ центровъ нѣмецкаго гуманизма. Въ XV в. въ немъ числилось 850 студентовъ. Въ концѣ XV в. саксонскій курфюрстъ сталъ все болѣе и болѣе притѣснять городъ и въ 1483 г. заставилъ городской совѣтъ заключить съ нимъ договоръ о судебномъ верховенствѣ курфюрста и объ уплатѣ ему ежегодной дани въ 1500 гульденовъ. Въ первой половинѣ XVII в. курфюрстъ майнцскій сталъ добиваться возстановленія своихъ правъ на Э. Въ 1664 г. курфюрсту Іоганну-Филиппу Майнцскому удалось завладѣть Э.; саксонскій курфюрстъ отказался отъ своего судебнаго верховенства. Э. управлялся майнцскимъ намѣстникомъ до 1803 г., когда перешелъ къ Пруссіи. Послѣ іенскаго пораженія Э. былъ занятъ французами, во власти которыхъ оставался до 1814 г. Въ 1808 г. (съ 27 сент. по 14 окт.) здѣсь состоялось свиданіе между Наполеономъ I и имп. Александромъ I и съѣздъ германскихъ государей (см. выше). По постановленію Вѣнскаго конгресса Э. оставленъ за Пруссіей. Въ 1816 г. упраздненъ эрфуртскій унив. Въ 1850 г. (съ 20 марта по 29 апрѣля) здѣсь засѣдалъ такъ наз. эрфуртскій парламентъ—собраніе представителей Пруссіи, Саксоніи и Ганновера, съ цѣлью выработки конституціи для союза этихъ трехъ государствъ. Ср. v. Tettau, «E. in seiner Vergangenheit und Gegenwart» (2-е изд., 1880); Lambert, «Die ältere Geschichte und Verfassung der Stadt Erfurt» (1868); Beyer, «Urkundenbuch der Stadt Erfurt» (1890—97); его же, «Geschichte der Stadt Erfurt bis 1664» (1893); его же, «Geschichte der St. Erfurt» (1900—1901); Kruspe, «Die Sagen d. St. Erfurt» (1878). Объ эрфуртскомъ университетѣ см. «Akten der Erfurter Universität» (1881—99, въ 8 томѣ изд. «Geschichtsquellen der Provinz Sachsen und angrenzender Gebiete») и Kampschulte, «Die Universität Erfurt in ihrem Verhältniss zur Reformation» (Триръ, 1858—60).

Эрцгерцогъ (Erzherzog, латинск. archidux, франц. archiduc)—титулъ австрійскихъ принцевъ, по преданію основанный на объявленномъ въ 1156 г. Фридрихомъ I Барбароссою уравненіи ихъ въ правахъ съ курфюрстами, носившими названіе эрцфюрстовъ (Erzfürsten). Общепризнаннымъ сталъ этотъ титулъ лишь съ 1453 г.

Эрценъ (баронъ Георгъ von Oertzen)—нѣмецкій писатель. Род. въ 1829 г. Состоялъ на военной, придворной и дипломатической службѣ. Написалъ: «Gedichte» (1854); драмы—«Heimgebrachtes» (1866), «Vom Vaterlande» (1866), «In Sonnenschein und Wind» (1868), «Aus den Kämpfen des Lebens», «Alte Bilder und junge Blätter» (1869), «Unter dem Reichspanier» (1871). Другія соч. его: «Selbstgespräche», «Satiren und Glossen eines Weltmannes» (1874), «Liebeslieder aur jungen Tagen», «Erlebnisse und Studien in der Gegenwart», «Stimmen des Lebens», «Reime eines Verschollenen», «Deutsche Träume, deutsche Siege», «Schrullen», «Adam kontra Eva», «Epigramme u. Epiloge in Prosa», «Pera bei Poetenlicht», «Lieder und Leute», «Aus den Herbergen des Lebens», «Aus Lyrikers Chronik», «Kaiser Wilhelm. Kaiser Friedrich», «Randstriche u. Nesselreime», «Sommerfahrt eines Junggebliebenen», «Lieder im Wiederhall», «Schwarz» auf weiss», «Auf Schwarzwaldwegen».

Эрцохъ—гора на границѣ Баталпашинскаго отд. Кубанской обл. и Кутаисской губ. Возвышается въ истокахъ р. Аксаута, выс. 12830 фт. Вершина покрыта вѣчными снѣгами.

Эрчи, или *Эрчень* (Ercsi, Ercsény) — гор. въ Стольнобѣлградскомъ (Stuhlweissenburg, мадьярск. Fejér) комитатѣ Венгріи, на прав. берегу Дуная. Жит. около 6000, преимущественно мадьяры католическаго исповѣданія (около 100 нѣмцевъ и 250 сербовъ). Производство спирта и растительнаго масла.

Эршъ (Іоганнъ-Самуилъ Ersch, 1766—1828)—извѣстный нѣмецкій библіографъ, профессоръ географіи и статистики въ Галле. Первые его труды: «Repertorium über die allgemeinen deutschen Journale und andere periodische Sammlungen für Erdbeschreibung, Geschichte und die damit verwandten Wissenschaften» (I—III, Лемго, 1790—92); «Allgemeines Repertorium der Litteratur» (I—VIII, Іена и Веймаръ, 1793—1809); «La France littéraire» (I—III, Гамбургъ, 1797—98; IV—V, 1802—1806); «Handbuch der deutschen Litteratur seit der Mitte des XVIII Jahrh. bis auf die neueste Zeit» (Лпц., 1812—1814; 2 изд., 1822—1840). Совмѣстно съ Груберомъ Э. началъ издавать знаменитую «Allgemeine Encyclopädie der Wissenschaften und Künste», которую онъ довелъ до 21-ой части 1-ой секціи. Э. является отцомъ новѣйшей нѣмецкой библіографіи. Полнота, точность, стройность системы — существенныя черты его библіографическихъ трудовъ, которые можно считать образцовыми.

Эры геологическія—наиболѣе крупныя дѣленія, принимаемыя геологами въ прошедшей исторіи земли. Соотвѣтствующія данной Э. геологическія отложенія отличаютъ наименованіемъ *группы*. Въ настоящее время общеприняты 4 эры и группы: 1) архейская или эозойская, отъ которой иногда отдѣляютъ еще особую альгонскую группу; 2) палеозойская; 3) мезозойская, и 4) самая новая, кайнозойская, къ которой причисляется и переживаемый нами періодъ. Эры и группы въ свою очередь подраздѣляются на системы и періоды (см. XXX, 100) и характеризуются главнымъ образомъ свойственной имъ флорой и фауной. Изъ отложеній архейской группы извѣстны лишь немногіе проблематическіе остатки низшихъ морскихъ организмовъ. Въ палеозойскую эру морская фауна безпозво-

ночныхъ достигаетъ высокой степени развитія и значительнаго разнообразія. Изъ позвоночныхъ обилуютъ панцырныя рыбы съ наружнымъ скелетомъ, а въ концѣ эры появляются и многочисленныя наземныя позвоночныя — земноводныя и пресмыкающіяся. Растительность въ началѣ выражена по преимуществу морскими водорослями, но скоро и на материкахъ развивается роскошная растительность, состоящая по преимуществу изъ древовидныхъ папоротниковъ, плауновъ, а также цикадовыхъ и хвойныхъ. Въ мезозойскую эру появляются первыя млекопитающія и птицы, но характеризуется органическій міръ этой эры громаднымъ развитіемъ аммоней изъ головоногихъ моллюсковъ, земноводныхъ и пресмыкающихся позвоночныхъ. Изъ растеній къ цикадовымъ и хвойнымъ присоединяются и въ концѣ эры получаютъ преобладаніе лиственныя деревья. Въ кайнозойскую эру флора и фауна постепенно приближаются къ современной и появляется на землѣ человѣкъ. Какъ выяснилось съ развитіемъ геологическихъ знаній, дѣленіе протекшихъ періодовъ жизни земли на 4 эры въ значительной мѣрѣ произвольно и искусственно. Притомъ и промежутки времени, соотвѣтствующіе отдѣльнымъ эрамъ, крайне неравномѣрны. Продолжительность архейской эры во много разъ превышаетъ продолжительность всѣхъ послѣдующихъ эръ въ ихъ совокупности; палеозойская—много продолжительнѣе мезозойской, а кайнозойская, по сравненію съ предшествующими, является настолько кратковременной, что представляетъ какъ бы одну страничку въ толстомъ томѣ исторіи земли.

Эры (Eure) *департаментъ*— въ сѣверной Франціи; составился изъ вост. части Нормандіи, изъ частей областей Першъ и Вексенъ и изъ областей Ушъ и Румуа. Площадь 6037 кв. км. Жителей 331184 (1900); въ 1896 г. ихъ было 340652 (убыль къ 1900 г.—2,34%). Поверхность представляетъ плодородную равнину, пересѣченную кое-гдѣ грядами холмовъ (194 м. высоты); въ сѣв.-вост. части выдаются крутые лѣсистые и живописные берега Сены. Всѣ рѣки (Э., Андель, Эпть и Нилль) впадаютъ въ Сену. Въ долинѣ послѣдней попадаются пески и каменистыя пространства; въ общемъ плодородный суглинокъ покрываетъ подпочву изъ известняка, мѣла и туфовъ. Пахатныя земли занимаютъ 63,2% всей поверхности, лѣса 19%, луга и пастбища 6,7%, сады 5,4%. Въ 1897 г. было снято 1486130 гкл. пшеницы и 164251 гкл. ржи. Садоводство ведется въ крупныхъ размѣрахъ (въ 1897 г. собрано 53,3 милл. кгр. яблокъ для производства сидра; послѣдняго среднимъ числомъ за десятилѣтіе 1888—97 г. приготовлялось ежегодно 1,05 милл. гкл.). Воздѣлываются пенька, ленъ, бобовыя растенія и свекловица. Виноградарство (около 7000 гкл. вина). Значительное скотоводство: лошадей 47411, крупнаго рогатаго скота 149030 головъ, овецъ 293764. Пчеловодство. Много лѣсной дичи и рыбы. Добываются желѣзная руда, строительный камень и гончарныя глины. Изъ минеральныхъ источниковъ наиболѣе извѣстенъ Вьё-Коншъ. Обрабатывающая промышленность въ цвѣтущемъ состояніи. Чугуннолитейные и мѣдно-литейные заводы (послѣдніе перерабатываютъ привозныя мѣдныя руды); производство листового желѣза, жести, гвоздей, булавокъ, шерстяныхъ и хлопчатобумажныхъ тканей; кожевенные, красильные, бѣлильные и гончарные заводы. Оживленное торговое движеніе по желѣзнодорожнымъ и водянымъ путямъ сообщенія, соединяющимъ дпт. съ Парижемъ, Руаномъ и Гавромъ (жел.-дор. линій 670,9 км., судоходныхъ путей 121 км., шоссейныхъ дорогъ 468,4 км.). Округовъ пять (Лез'Андели, Бернэ, Эврэ, Лувье и Понъ-Одемеръ). Главн. городъ — Эврэ. Ср. Joanne, «Géographie du département de l'Eure» (П., 1881).

Эры-и-Луары (Eure-et-Loire) *департаментъ*—въ сѣв. Франціи, по р. Э. и Луарѣ; занимаетъ части старинныхъ областей Орлеанэ, Мэнъ и Иль-де-Франсъ. Площадь 5938 кв. км.; жит. 272624 (съ 1896 г. убыль 1,77%). Западная и сѣверо-западная части дпт. представляютъ волнообразную холмистую страну, изрѣзанную долинами, ручьями и прудами, восточная часть представляетъ однообразную, небогатую водой, но довольно плодородную равнину. Сѣверная часть орошается несудоходной здѣсь р. Эрой съ Вегромъ, Блэзомъ и Авромъ, южная часть—Луарой, съ рр. Кони и Озаннъ. Почва частью состоитъ изъ суглинка, частью представляетъ пески и усѣянныя галькой и булыжникомъ обнаженныя пространства. Пахатныя земли занимаютъ 82% всей поверхности, лѣса 10,4%, луга и пастбища 3,4%, виноградники 0,2%. Въ 1897 г. снято было 1883500 гкл. пшеницы, 154200 гкл. ржи, 536000 гкл. ячменя, 3439000 гкл. овса; воздѣлываются также картофель, пенька, ленъ, свекловица, рѣпа и ворсильныя шишки. Садоводство (яблокъ для сидра собирается около 10 милл. кгр. ежегодно). Значительное скотоводство (овецъ 551159, крупнаго рог. скота 105758 гол., лошадей 42194); пчеловодство (около 200 тыс. кгр. меда). Добываются желѣзная руда, строительный камень, гончарная и фаянсовая глина. Обрабатывающая промышленность незначительна: писчебумажные заводы и мукомольныя мельницы. Значительная торговля лошадьми (першероны), убойнымъ скотомъ, птицей и мукой; главный рынокъ—Парижъ. Желѣзнодорожныхъ линій (1897)—582,6 км., шоссейныхъ дорогъ—377,2 км. Округовъ четыре (Шартръ, Шатоденъ, Дре и Ножанъ-ле-Ротру). Главный городъ—Шартръ.

Эсадъ-Эфенди (Мухаммедъ)—турецкій историкъ нач. XIX в.; написалъ панегирикъ султану Махмуду II, восхваляющій уничтоженіе янычаръ. Это сочиненіе («Основаніе побѣды») считалось въ Турціи образцовымъ; на самомъ дѣлѣ оно полно сильнѣйшихъ преувеличеній (Махмудъ сравнивается съ Александромъ Великимъ и т. п.). Выдержка въ французскомъ перев. въ «L'Univers: Turquie» (Пар., 1853).

Эсаулъ—см. Есаулъ (XI, 682—683).

Эсаульскій хребетъ Эриванской губ.—см. Илійскій хребетъ (XII, 922).

Эсбьергъ (Esbjerg)—приморскій портъ въ Даніи, при Нѣмецкомъ морѣ, насупротивъ о-ва Фанэ. Оживленныя сношенія съ восточ-

ными берегами Англіи при помощи пароходныхъ рейсовъ. Жит. около 4500; значительно развитая промышленность, рыбная ловля; важный торговый пунктъ по вывозу скота, жира, масла, сыра и яицъ. Въ гавань Э. приходятъ приблизительно 450 кораблей, вмѣстимостью около 150000 тоннъ, и около 2000 рыбачьихъ судовъ, вмѣстимостью около 19000 тоннъ.

Эсекъ, или вѣрнѣе *Осѣкъ* (славянск. Osjek, мадьярск. Eszék, нѣмецк. Esseg, латинск. Essekinum)—главный городъ Вировицкаго комитата въ Венгріи, на правомъ берегу р. Дравы. Крѣпость на лѣв. берегу Дравы. Около 20000 чел., преимущественно католическаго исповѣданія (около 11000 нѣмцевъ, ок. 8000 сербовъ и хорватъ; около 2000 чел. православнаго исповѣданія и около 1500 чел. іудейскаго). Изготовленіе шелковыхъ тканей, 8 большихъ паровыхъ и 33 водяныхъ мельницы, стеклянный заводъ, паровая лѣсопильня. Значительная транзитная торговля хлѣбомъ, мукой, лѣсомъ, овощами, плодами, медомъ, сливовымъ вареньемъ, водкой (сливовицей), спиртомъ, свиньями и другимъ скотомъ, сырыми шкурами, виномъ и льномъ. Въ прилегающемъ почти къ городу мѣстечкѣ Ретфалю (Rétfalu) замокъ графовъ Пеячевичей, къ роду которыхъ принадлежитъ нынѣшній банъ Хорватскій. — Э. стоитъ на мѣстѣ древне-, римскаго города Мурсіи, который, какъ полагаютъ, былъ основанъ имп. Августомъ въ 8 г. послѣ Р. Хр. и, какъ узловой пунктъ важныхъ торговыхъ путей, быстро достигъ значительнаго развитія и сталъ главнымъ городомъ Нижней Панноніи. Адріанъ окружилъ его крѣпкою стѣной и поставилъ въ число римскихъ колоній. Въ 335 г. здѣсь было учреждено епископство. Около этого же времени Мурсія сдѣлалась главной стоянкой истровскаго (дунайскаго) флота. Въ VI в. въ этой мѣстности поселились славяне. Когда въ 1091 г. Славонія вошла въ составъ Венгерскаго королевства, то рядомъ съ Мурсіей, пришедшей въ полный упадокъ и считавшейся простою деревней, былъ построенъ укрѣпленный замокъ Осѣкъ. Въ 1526 г. Э. завладѣли турки, которые въ 1560 г. построили черезъ тянувшееся на пространствѣ 8 км. болото укрѣпленный мостъ, употребивъ для того болѣе 20000 христіанскихъ рабовъ. Николай Зринскій разрушилъ этотъ мостъ въ 1664 г., но турки вскорѣ его возстановили. Въ 1690 г. Э. снова перешелъ во власть Австріи. Во время венгерской революціи Э., послѣ продолжавшейся нѣсколько недѣль блокады, былъ 23 февр. 1849 г. взятъ имперскимъ генераломъ барономъ Требесбергомъ. До настоящаго времени при раскопкахъ и другихъ земляныхъ работахъ въ почвѣ Э. попадаются остатки римскихъ древностей.

Эсиха—гор. въ Испаніи: см. Эдсиха.

Эскадра—часть военнаго флота, состоящая изъ опредѣленнаго числа военныхъ судовъ разнаго типа (броненосцевъ, крейсеровъ, минныхъ судовъ, военныхъ транспортовъ и др.), имѣющая какое нибудь общее назначеніе военнаго или мирнаго характера и поставленная подъ начальствомъ одного начальника (обыкновенно не ниже чина контръ-адмирала). При начальникѣ Э. состоитъ штабъ Э. Соединеніе нѣсколько Э. образуетъ флотъ.

Эскадронъ—тактическая и административная единица въ кавалеріи. Впервые Э. появились въ эпоху Карла V; сначала они строились въ 17 шеренгъ, затѣмъ число шеренгъ было уменьшено до 6 (въ эпоху религіозныхъ войнъ во Франціи), 5 (при Генрихѣ IV), 3-хъ (при Густавѣ-Адольфѣ) и, наконецъ, до 2-хъ (при Фридрихѣ Великомъ). Первоначально Э. дѣлились на различное число ротъ и состояли изъ нѣсколькихъ сотенъ коней; практика указала, однако, что большой численный составъ Э. затрудняетъ управленіе имъ въ бою, уменьшаетъ быстроту движенія при аттакѣ и, увеличивая длину фронта, ослабляетъ поворотливость; поэтому нынѣ Э. вездѣ состоитъ изъ 120—150 коней. Въ Россіи численность Э. принята въ 128 коней; Э. дѣлится на 2 полуэскадрона и 4 взвода, по 16 рядовъ въ каждомъ. Маршевые эскадроны, отправляемые въ военное время на укомплектованіе дѣйствующихъ полковъ изъ запасныхъ кавалерійскихъ частей, имѣютъ по 160 коней, т. е. по 20 рядовъ во взводѣ. Э. соединяются въ полки, отъ 4 до 6 въ каждомъ. Въ Россіи въ кирасирскихъ полкахъ по 4 Э., во всѣхъ остальныхъ—по 6-ти; кромѣ того имѣются отдѣльные дивизіоны, въ составѣ 2 Э. каждый. Въ казачьихъ и милиціонныхъ войскахъ эскадрону соотвѣтствуетъ сотня. *А. С. Л.*

Эскалада — подъемъ на вертикальную преграду съ цѣлью ея преодолѣнія во время штурма. Наиболѣе трудноисполнима Э. каменныхъ стѣнъ крѣпостныхъ рвовъ при атакѣ открытою силой или нечаянномъ нападеніи на крѣпость. Въ этомъ случаѣ, за отсутствіемъ удобовосходимыхъ обваловъ въ крѣпостномъ валу, атакующіе принуждены пользоваться довольно сложными приспособленіями—штурмовыми лѣстницами (см.) и штурмовыми мостами (см.), при помощи которыхъ и взбираются на брустверъ оборонительной ограды. Однимъ изъ блестящихъ примѣровъ атаки крѣпости открытою силой, съ эскаладированіемъ ея преградъ, служитъ взятіе Суворовымъ Измаила въ 1790 г. *С. А. Ц.*

Эскаланте (Хуанъ-Антоніо Escalante, 1630—70) — испанскій историческій живописецъ, ученикъ Фр. Ризи въ Мадридѣ, совершенствовался изученіемъ и копированіемъ въ тамошнемъ королевскомъ музеѣ картинъ знаменитыхъ мастеровъ, преимущественно Тинторетто, которому и подражалъ впослѣдствіи, будучи слабѣе его во всѣхъ отношеніяхъ. Рисунокъ Э. часто маперенъ, а колоритъ условенъ. Тѣмъ не менѣе онъ пользовался большимъ почетомъ у своихъ современниковъ. Наиболѣе извѣстныя изъ сохранившихся произведеній этого художника — «Св. Семейство» (въ мадридскомъ музеѣ дель-Прадо), «Младенцы Христосъ и Іоаннъ Креститель» (тамъ же), «Безсѣменное Зачатіе» (въ будапештскомъ музеѣ), «Св. Іосифъ съ Младенцемъ-Христомъ на рукахъ» (въ Императорскомъ Эрмитажѣ, въ СПб.) и двѣ картины библейскаго содержанія въ мадридскомъ музеѣ де-ла-Тринидадъ.

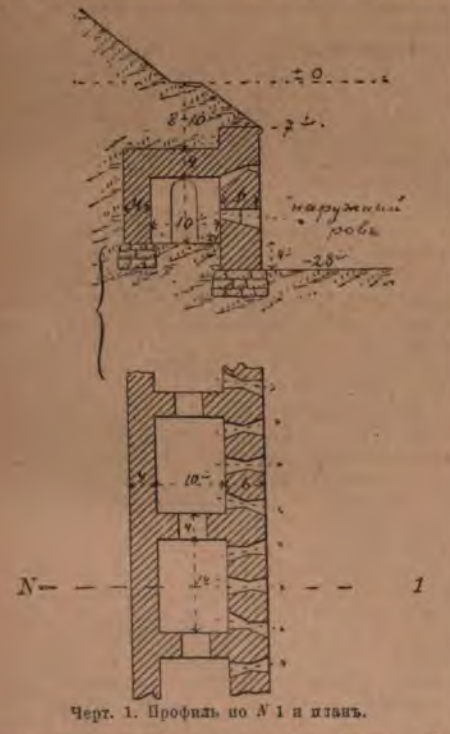
Эскалона (Rocco Escalona) — итальянскій публицистъ и врачъ (род. въ 1837 г.). Напечаталъ: «Protosofia» (Неаполь, 1863); «Antroposofia» (ib., 1864); «Filosofia della storia della filosofia» (1868); «Il papato: Primato e temporale» (ib., 1860); «Su di un Nuovo Diritto fra lo Stato e la Chiesa» (ib., 1861); «Sulla Fallibilità del Papa» (ib., 1861); «Garibaldi, rivoluzione delle Due Sicilie» (ib., 1861); «Storia di un parto laborioso» (ib., 1875); «Studii di clinica» (Кампобассо, 1875).

Эскальдасъ (Ecsaldas) — во французскомъ дпт. Восточныхъ Пиренеевъ, близъ испанской границы, теплые сѣрные источники (17—42° Ц.). Въ 10000 чч. воды 0,33 сѣрнистаго натрія. Недурное устройство.

Эскамбія (Escambia-River) — береговая р. въ сѣв.-амер. штатѣ Флорида, возникаетъ изъ соединенія рр. Пиджонъ-Крикъ (въ штатѣ Алабама) и Конекью-Риверъ и впадаетъ въ Мексиканскій заливъ. Заливообразное устье Э. образуетъ превосходную гавань Пенказолу.

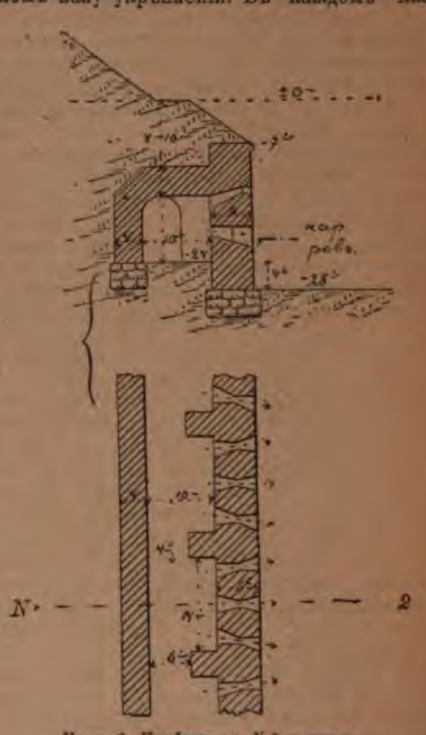
Эскарповыя галлереи — оборонительные казематы, расположенные за каменнымъ эскарпомъ (см. Ровъ) наружнаго рва долговременнаго укрѣпленія, съ цѣлью доставить этому рву фронтальную или фланговую ружейную оборону.

I. *До изобрѣтенія фугасныхъ бомбъ* Э. галлереи устраивались въ видѣ ряда сводчатыхъ

Черт. 1. Профиль по № 1 и планъ.

кирпичныхъ казематовъ съ опорными стѣнами, перпендикулярными къ плоскости эскарпа (черт. 1, профиль и планъ), или въ видѣ параллельнаго эскарпу сводчатаго корридора съ примыкающими къ нему сводами, опирающимися на контръ-форсы лицевой стѣны (черт. 2, профиль и планъ). Въ обоихъ случаяхъ каменный эскарпъ не подверженъ давленію сводовъ, благодаря чему попадающіе въ него непріятельскіе снаряды, даже при полномъ разрушеніи лицевой стѣны, не въ состояніи произвести обвала или бреши въ земляномъ валу укрѣпленія. Въ каждомъ казематѣ Э. галлереи помѣщали 3—4 стрѣлковъ, для которыхъ выдѣлывалось соотвѣтствующее число бойницъ, а для отвода дыма подъ шелыгами сводовъ устраивались отдушины. Сообщеніе съ Э. галлереями совершалось по особымъ подземнымъ галлереямъ—*потернамъ*,

Черт. 2. Профиль по № 2 и планъ.

Черт. 3. Профиль кирпичной контръ-эскарповой галлереи.

соединявшимъ ихъ съ внутренностью укрѣпленія. Отъ мѣста до мѣста въ опорныхъ стѣнахъ потерны и Э. галлерей оставляли вертикальные пазы для закладыванія въ нихъ шандорныхъ брусьевъ, при помощи которыхъ можно было быстро прерывать сообщеніе въ случаѣ надобности. Подобно Э. и для той же

цѣли устраивались галлереи и въ контръ-эскарпѣ наружнаго рва; существенная между ними разница заключалась лишь въ томъ, что не подверженная артиллерійскому огню лицевая стѣна контръ-Э. галлереи служила обыкновенно и опорною для перекрывающаго галлерею свода (черт. 3). Сообщеніе съ контръ-Э. галлереями производилось открыто по дну рва, или закрыто по особой казематированной галлереѣ, при чемъ послѣдняя проходила подъ землею, или возвышалась надъ уровнемъ дна рва и приспособлялась къ фланговой ружейной оборонѣ.

II. *Послѣ изобрѣтенія фугасныхъ бомбъ* (въ 80-хъ гг. прошлаго стол.) пришлось отказаться отъ Э. галлерей тамъ, гдѣ онѣ подвержены перекиднымъ выстрѣламъ съ поля; контръ-Э. же галлереи устраиваются довольно часто и теперь, особенно съ тѣхъ поръ, какъ фланкирующіе орудійные казематы стали переносить за контръ-эскарпъ. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ контръ-Э. галлереи служатъ средствомъ сообщенія фланкирующихъ построекъ между собою и вмѣстѣ съ тѣмъ даютъ экономію въ дорого стоящей бетонной кладкѣ контръ-эскарпа. Подобно другимъ каменнымъ фортификаціоннымъ сооруженіямъ Э. и контръ-Э. галлереи устраиваются нынѣ исключительно изъ бетона (черт. 4). *С. А. Ц.*

Черт. 4. Профиль бетонной контръ-эскарповой галлереи.

Эсквайръ (англ. Esquire, обыкн. сокращенно Esq.)—почетный титулъ, происходящій отъ англо-норманскаго слова escuier, франц. écuyer, лат. scutifer, т. е. «щитоносецъ». Первоначально титулъ этотъ носили въ Англіи всѣ тѣ, которые, не будучи пэрами или рыцарями, пользовались правомъ имѣть свой гербъ, т. е. весь обширный классъ англійскаго дворянства—джентри. Лица низшихъ классовъ могли получать этотъ титулъ только посредствомъ королевскихъ грамотъ. Титулъ передавался потомству. Теперь въ Англіи титулъ Э. даютъ: 1) всѣ государственныя должности, начиная отъ мирового судьи, 2) степень доктора и 3) званіе барристера (повѣреннаго при высшихъ судахъ). Изъ вѣжливости титулъ Э. дается всѣмъ лицамъ образованнымъ и принадлежащимъ къ хорошему обществу. Титулъ Э. становится излишнимъ для лицъ, обладающихъ какимъ-либо другимъ титуломъ. Сокращенная форма *Сквайръ* обозначаетъ: 1) въ Англіи—помѣщика, 2) въ Сѣверной Америкѣ—мирового судью.

Эсквилинскій холмъ (Mons Esquilinus) или *Эсквиліи*—послѣ Палатина древнѣйшій римскій поселокъ, въ сторону котораго развивался Палатинскій Римъ (Roma Quadrata). Эсквиліи (отъ ex+colere—*загородная часть, пригородъ*) представляли собою плато, оканчивавшееся въ западной части двумя языками—Циспіемъ (46 м.) и Оппіемъ (49), изъ которыхъ послѣдній примыкалъ къ Веліи, отдѣлявшей Палатинъ отъ Эсквилина. Оппій, Циспій и древній участокъ Оппія—Фагуталъ входили въ составъ доисторическаго *Семихолмія* (Septimontium), развившагося изъ Квадратнаго Рима: воспоминаніе объ этомъ семихолмномъ городѣ сохранилось лишь въ праздникѣ Семихолмія, въ которомъ принимали участіе общины, пріурочивавшіяся къ семи древнѣйшимъ холмамъ (montes), въ томъ числѣ и три названныя эсквилинскія общины. Позднѣе изъ семихолмнаго города выросъ городъ четырехъ кварталовъ, когда къ семи упомянутымъ холмамъ примкнули общины Целійскаго холма, Виминала и Квиринала. Дѣленіе на четыре квартала, изъ которыхъ одинъ назывался Эсквилинскимъ, сохранялось въ продолженіе всего республиканскаго періода, до расширенія города при Суллѣ и введенія новаго дѣленія Рима на 14 кварталовъ при Августѣ. Вмѣсто древнѣйшаго укрѣпленія, которымъ были обнесены четыре квартала, приблизительно въ IV вѣкѣ до Р. Хр. была сооружена такъ называемая Сервіева стѣна, восточная линія которой расширила предѣлы Э. квартала, отодвинувъ ихъ дальше къ востоку. Со стороны Эсквилинскаго холма стѣна прерывалась такъ назыв. Эсквилинскими воротами, на мѣстѣ которыхъ впослѣдствіи была сооружена тріумфальная арка Галліена. При Августѣ Э. холмъ былъ раздѣленъ на три квартала (regiones); Циспій отошелъ къ IV-ой regio, Оппій съ Колоссеемъ—къ III-ей, Эсквилинское поле — къ V-ой. Открытія послѣднихъ лѣтъ показываютъ, что еще до сооруженія Сервіевой стѣны между нею и стѣною четырехъ древнихъ regiones находился старинный некрополь съ могилами и колодцемъ, на глубинѣ 4—5 метр., въ туфовой почвѣ; въ томъ же слоѣ обнаружены и слѣды древнѣйшихъ эсквилинскихъ поселеній. Надъ этимъ рядомъ древнѣйшихъ могилъ, на глубинѣ 1—2 метр., лежалъ второй слой каменныхъ урнъ и саркофаговъ (особенно много ихъ встрѣчалось тотчасъ же за чертой Сервіевой стѣны). Наконецъ найденъ третій, позднѣйшій типъ усыпальницъ—оштукатуренные и украшенные живописью склепы. Очевидно, на мѣстѣ заселеннаго впослѣдствіи квартала здѣсь первоначально находилось кладбище, при чемъ въ колодцѣ слѣдуетъ видѣть могилы бѣднѣйшаго люда и рабовъ. На мрачныхъ Эсквиліяхъ (atrae Esquiliae — Горацій) находились также мѣсто казни, роща богини смерти и похоронъ—Либитины—и кварталъ похоронныхъ дѣлъ мастеровъ (libitinarii). Августъ призналъ близость эсквилинскаго кладбища въ санитарномъ отношеніи неудобною для ближайшихъ населенныхъ частей города; оно было засыпано и застроено, и въ глав-

ной части освободившагося такимъ образомъ пространства были разведены сады Мецената. Въ предѣлахъ Эсквилинскихъ кварталовъ находились, между прочимъ, *Аргилетъ* (улица сапожниковъ), *Субура* (одна изъ оживленнѣйшихъ по торговлѣ улицъ), *Рыбная площадь* и *Площадь лакомствъ* (Forum Cuppedinis), соединенныя позднѣе въ одно зданіе подъ именемъ *Macellum* (*бойня*). Благодаря сравнительно высокому мѣстоположенію восточной части Рима, здѣсь сосредоточивалась система римскихъ водопроводовъ. Главныя зданія Эсквилина: храмъ Юноны Люцины на Цисціи, храмъ богини земли (въ Каринахъ, на западномъ склонѣ Оппія), портикъ Ливіи, сооруженный на мѣстѣ завѣщаннаго Августу и разрушеннаго имъ дома богача Ведія Полліона, бани Тита и Траяна, императорскій монетный дворъ, храмъ Изиды, лагерный амфитеатръ. Изъ знаменитыхъ римлянъ на Эсквилинѣ жили: Цезарь, Проперцій, Виргилій, Плиній Младшій. Ср. Richter, «Topographie der Stadt Rom» (Мюнхенъ, 1901). *Н. О.*

Эскеракъ-де-Лотюръ (графъ Станиславъ Escayrac de Lauture, 1830—1868)—путешественникъ по Африкѣ. Въ 1847—50 гг. посѣтилъ Мадагаскаръ, Коморенскіе о-ва, Занзибаръ, Варварійскія владѣнія, Египетъ и Суданъ. Въ 1856 г. хедивъ египетскій назначилъ его начальникомъ широко задуманной международной экспедиціи для изслѣдованія истоковъ Нила; но экспедиція распалась еще не выходя изъ Египта. Стоя во главѣ научной миссіи, Э. въ 1860 г. сопровождалъ французскія войска въ Пекинъ, попалъ въ плѣнъ и получилъ свободу лишь въ 1861 г. Помимо многочисленныхъ статей въ журналахъ, онъ напечаталъ: «Notice sur Kordofan» (1851); «Le Désert et le Soudan» (1853); «Mémoire sur le ragle ou hallucination du désert» (1855); «Mémoires sur le Soudan» (1855); «Mémoires sur la Chine» (1864) и др.

Эски (по-турецки «старый»)—часто встрѣчающаяся въ географическихъ названіяхъ приставка въ мѣстахъ, которыя подвластны теперь или были прежде подвластны туркамъ, въ особенности на Балканскомъ полуостровѣ. Таковы *Э.-Баба* — городъ въ Румеліи, на большой дорогѣ изъ Цареграда въ Адріанополь, *Э.-Загра*, *Э.-Стамбулъ*, *Э.-Крымъ* и др. Имя *Э.-Гиссаръ* («старое укрѣпленіе») носятъ: 1) селеніе въ малоазіатскомъ вилайетѣ Аидинъ, расположенное на сѣверо-восточномъ склонѣ Бага-Дага, на мѣстѣ древне-финикійскаго города Лаодикеи и прославившееся находящимися по близости обширными развалинами; 2) городъ въ томъ же вилайетѣ, лежащій къ В отъ Менделійскаго залива, на мѣстѣ древней Стратоникіи (въ Каріи), отъ которой и теперь еще уцѣлѣли развалины.

Эски-Арнаутларъ—мст. въ сѣв. Болгаріи, на дорогѣ изъ Шумлы въ Варну. 5 мая 1829 г. стоявшіе тутъ три русскіе, весьма слабаго состава полка, съ 12 орудіями, были атакованы превосходными силами великаго визиря, но успѣшно отразили атаку; когда же на помощь русскимъ пришли еще 2 егерскихъ полка съ 4 орудіями, то турки окончательно отступили.

Эски-Джумая, иначе *Э.-Джумна*, *Э.-Джума* — городъ въ Болгаріи, на сѣверномъ склонѣ Балкана. Жит. болѣе 10000; христіанъ среди нихъ лишь около $^1/_3$. На большой, обнесенной стѣною городской базарной площади (Панаиръ) въ маѣ мѣсяцѣ устраивается ярмарка, важная для восточной Болгаріи, на которую пріѣзжаютъ изъ Константинополя, Бруссы и Трапезунта болгары, турки, греки, испанскіе евреи, даже персы и кавказцы.

Эски-Загра—см. Ески-Загра.

Эски-Крымъ—татарское названіе заштатнаго города Стараго Крыма, Таврической губ., Ѳеодоссійскаго у.: см. Крымъ Старый (XVI, 878).

Эски-Сарай—татарская дер. Таврической губ., Симферопольскаго у., въ 12 вер. отъ губ. гор., по дорогѣ въ Алушту, на рѣкѣ Салгирѣ. Развалины, называемыя Э.-С. (старый дворецъ)—по мнѣнію Кеппена остатки монетнаго двора, находившагося до 1784 г. въ этихъ мѣстахъ и затѣмъ перенесеннаго въ Ѳеодосію.

Эски-Стамбулъ, также *Эски-Истамболъ* —гор. и гавань въ Турціи, въ малоазіатскомъ вилайетѣ Джезаири - Бахри - Сефидъ, на берегу Эгейскаго моря, напротивъ о-ва Тенедоса, съ развалинами древней Александріи (Троада), получившей по своему основателю имя Антигоніи, но уже при Лисимахѣ переименованной въ Александрію, въ честь Александра Македонскаго; позднѣе сюда была выведена римская колонія. Турки неоднократно производили здѣсь грабежи для украшенія Константинополя.

Эскизы архитектуры и художественной промышленности — ежемѣсячный журналъ; выходилъ въ СПб. съ 1875 по 1878 г. Издатель Василій Васильевъ, редакторъ Николай Набоковъ.

Эскилаче (донъ - Франциско, принцъ Борха Eskilache) — испанскій поэтъ (ум. въ 1658 г.). Происходилъ изъ аррагонской королевской семьи и былъ правнукомъ папы Александра VI. Онъ отличался и какъ воинъ, и какъ дипломатъ; долго занималъ постъ вице-короля Перу. Написалъ нѣсколько томовъ стихотвореній. Изъ лирическихъ его произведеній лучшими считаются романсы, которыхъ до 300; многіе изъ нихъ превосходны. Прекрасны также и его веселые сонеты, нѣжные и граціозные мадригалы, остроумныя эпиграммы. Слабѣе элегіи и большая поэма «Napoles Recuperata» («Отвоеванный Неаполь»).

Эскильстуна или, вѣрнѣе, *Эшильстуна* (Eskilstuna)—гор. въ Швеціи, въ Сэдерманландскомъ округѣ, на канализованной въ этомъ мѣстѣ р. Эскильстуна-о, между озерами Пельмаръ и Меларъ. Населеніе (ок. 12000 чел.) за послѣднія 30 лѣтъ удвоилось, благодаря возрастающему развитію промышленности. Королевскій оружейный заводъ, механическія мастерскія, фабрики стальныхъ и дамаскированныхъ издѣлій (такъ назыв. «эскильстунская работа») и проч. Производство всѣхъ заводовъ и фабрикъ Э. въ 90-хъ годахъ XIX ст. оцѣ-

вялось приблизительно въ 3500000 кронъ. Сообщеніе съ Стокгольмомъ пароходными рейсами. Гор. Э. былъ извѣстенъ уже въ XII ст.; въ 1654 г. въ немъ были основаны первыя фабрики королемъ Карломъ X. Своимъ именемъ Э. обязана св. Эскилю, выходцу изъ Англіи, который былъ апостоломъ Сэдерманланда, здѣсь принялъ мученическую кончину и здѣсь же погребенъ.

Эскильстуна-о или, вѣрнѣе, *Эшильстуна-о* (Eskilstuna-å) — рѣка въ Швеціи, называемая также Гиндевадскимъ потокомъ, беретъ начало въ оз. Гьельмаръ и впадаетъ въ оз. Меларъ. Рѣка судоходна; отъ Торсгелла канализирована въ 1860 г.

Эскимосская собака—см. Ѣздовыя собаки.

Эскимосы (европейское искаженіе индѣйскаго слова eskimatsic или askimeg, означающаго: «употребляющіе сырое мясо»; сами Э. называютъ себя просто innuit, т. е. люди) —типичнѣйшее арктическое племя, разбросанное на огромной территоріи по всему полярному побережью материка Сѣверной Америки отъ Лабрадора до Аляски. Самый сѣверный пунктъ ихъ распространенія—возлѣ форта Конджера въ Гренландіи, подъ 81°44′ с. шир., самый южный — у Гамильтона (55° с. ш.) на Лабрадорѣ. Ихъ дѣлятъ на 1) *гренландскихъ*, изъ которыхъ одни, живущіе подъ датскимъ управленіемъ, значительно цивилизовались; наоборотъ, гренландцы крайняго сѣвера, нынѣ почти вымершіе, самое первобытное по своей культурѣ племя Э.; 2) *лабрадорскихъ*, наиболѣе цивилизованныхъ; 3) *центральныхъ*, занимающихъ морское побережье отъ Гудзонова залива до о-ва Бартера; 4) *западныхъ*, простирающихся отъ этого послѣдняго до Берингова пролива, и 5) *азіатскихъ*, (намолло или ю-ите). Послѣдніе, судя по заброшеннымъ становищамъ, изслѣдованнымъ Врангелемъ и Норденшильдомъ, нѣкогда занимали все побережье Чукотской территоріи; въ настоящее время встрѣчаются лишь отдѣльными становищами на берегахъ и о-вахъ Берингова моря. Къ западнымъ Э. причисляютъ и *алеутовъ*, родственныхъ Э. по языку, но нѣсколько отличныхъ отъ нихъ по типу (короткоголовы) и нѣкоторымъ особенностямъ въ нравахъ и обычаяхъ; большинство изъ нихъ значительно обрусѣло.

Всѣ эти племена, не смотря на свою разбросанность по огромной территоріи и полное отсутствіе сообщенія между болѣе или менѣе отдаленными пунктами, обнаруживаютъ поразительную общность не только въ языкѣ и культурѣ, но и въ соматическихъ особенностяхъ. Въ этнологическомъ отношеніи Э. представляютъ величайшій интересъ. Происхожденіе ихъ и расовое положеніе по отношенію къ другимъ народамъ составляетъ предметъ живѣйшаго, не разрѣшеннаго еще спора. Приближаясь въ лингвистическомъ отношеніи къ народамъ американскимъ, по культурѣ—къ азіатскимъ гиперборейцамъ, по чертамъ лица—къ монголамъ, они по строенію черепа, рѣзко длинному и высокому, рѣшительно отличаются какъ отъ азіатскихъ монголовъ, исключительно короткоголовыхъ, такъ и отъ всѣхъ почти американскихъ племенъ, принадлежащихъ скорѣе къ средне- и короткоголовымъ типамъ. Единственныя изъ племенъ американскаго материка, съ которыми по строенію черепа Э. болѣе всего сближаются — такіе же окраинные народы Южн. Америки: огнеземельцы, тегуельчи, ботокуды. Доисторическая археологія бросаетъ свѣтъ на этотъ поразительный фактъ. Черепа неолитическаго періода обнаруживаютъ присутствіе обоихъ типовъ, какъ длинно-, такъ и короткоголоваго, между тѣмъ какъ ископаемые остатки наиболѣе древняго, палеолитическаго періода, найденные въ Южной Бразиліи и Аргентинѣ, обнаруживаютъ только одинъ типъ—длинноголовый; иначе говоря, первобытнымъ населеніемъ всего Американскаго континента была раса длинноголовая. Отсюда явствуетъ, что Э.—остатки древнѣйшаго, самаго первобытнаго поселенія Америки. Одни, какъ Топинаръ, представитель полигенистовъ, полагаютъ, что вторгшаяся черезъ Беринговъ проливъ въ неолитическій періодъ раса короткоголовыхъ азіатовъ оттѣснила болѣе стойкую часть длинноголовыхъ на окраины сѣв. и южн. части Америк. материка, образовавъ съ остальными расу среднеголовыхъ; другіе, какъ моногенистъ Кинъ (Keane), думаютъ, что длинноголовая раса еще въ палеолитическій періодъ пришла въ Америку изъ Европы черезъ Гренландію и впослѣдствіи была вытѣснена монголами, явившимися черезъ Беринговъ проливъ. Оба мнѣнія сходятся на томъ, что Э.—древнѣйшее населеніе Америки. Вирховъ, Энгель, Латеръ и др. полагаютъ, что форма черепа Э. могла явиться результатомъ образа жизни, именно исключительнаго употребленія мясной пищи въ сыромъ видѣ; оно требуетъ напряженія жевательныхъ мышцъ. Ростъ Э. — ниже средняго (1,62 м.), въ частности у лабрадорскихъ и гренландскихъ Э. = 1,58, а въ Южн. Аляскѣ=1,66 м. Кожа темная, буровато-желтая, волосы интенсивно черные, толстые, гладкіе и прямые; растительность на лицѣ скудная. Носъ, особенно у мужчинъ, рѣзко сплющенный. Глаза блестящіе, черные, съ характерно узкимъ разрѣзомъ и типичной монгольской складкой. Лицо широкое, что обусловливается выдающимися скуловыми костями. Губы большія и толстыя. Весь ансамбль лица—*монгольскій*. Монгольскія черты замѣтны и въ пропорціяхъ строенія тѣла. Въ сравненіи съ низкимъ ростомъ, голова большая, туловище длинное, конечности коротки. Форма черепа типично длинноголовая, особенно у менѣе смѣшанныхъ, гренландскихъ и центральныхъ Э.: у центр. Э. 70—72, у гренландскихъ—76,8, но въ Аляскѣ —79. «Черепа высокіе, необычайно длинные и узкіе, съ ладьевидной формой черепной крышки» (Вирховъ о лабрадорскихъ Э.). Образъ жизни самыхъ даже наиболѣе отдаленныхъ другъ отъ друга племенъ болѣе или менѣе тождественъ, подъ вліяніемъ общихъ арктическихъ условій ихъ территоріи. Растительный міръ скуденъ и едва доставляетъ нѣсколько сортовъ мховъ, корней и ягодъ, служащихъ скорѣе приправой, чѣмъ настоящими пищевыми продуктами. Важную роль играетъ олень,

охота за которымъ возможна только въ короткіе лѣтніе мѣсяцы; онъ снабжаетъ Э. цѣнными теплыми шкурами для одежды, дающими ему возможность съ успѣхомъ бороться съ арктическими стужами. Истиннымъ кормильцемъ эскимосовъ является море, съ его несмѣтными стаями тюленей, моржей, китообразныхъ, столь же несмѣтными массами рыбы, главнымъ образомъ лососевыхъ, которыя со вскрытіемъ рѣкъ устремляются въ море. Морскія млекопитающія, особенно тюлени, удовлетворяютъ почти всѣмъ потребностямъ Э. Мясо ихъ—основной пищевой продуктъ, шкуры идутъ на одежды, жиръ отчасти въ пищу, отчасти на отопленіе и освѣщеніе; даже кишки, пузырь и желудокъ утилизируются какъ матеріалъ для непромокаемой одежды, а кости въ мѣстахъ, гдѣ мало сплавного лѣса, идутъ на постройки и всевозможныя издѣлія. Въ связи съ этими условіями существованія поселенія Э. расположены исключительно на морскомъ побережьѣ; вглубь страны Э. никогда не удаляются далѣе нѣсколькихъ десятковъ верстъ. Кочеванія Э. связаны съ миграціей животныхъ, служащихъ главнымъ источникомъ ихъ существованія, и носятъ болѣе или менѣе правильный характеръ. Культура Э. при всей ея внѣшней примитивности (орудія изъ кости и камня), сближающей ее съ культурой человѣка неолитическаго періода, при данныхъ условіяхъ среды и борьбы за существованіе представляетъ образецъ приспособляемости и изобрѣтательности. Западные Э., при отсутствіи лѣса и костей, умудряются строить куполообразныя жилища изъ снѣжныхъ глыбъ, при чемъ даже дверь и нары для сидѣнья и спанья дѣлаются изъ того же матеріала. Вмѣсто оконъ—глыбы льда; вмѣсто костра на очагѣ—каменная лампа съ ворванью и фитилемъ изъ мха. Стѣны обвѣшаны шкурами, ими же прикрыты нары, и въ такихъ жилищахъ такъ тепло, что обитатели часто сидятъ въ нихъ голыми. Въ другихъ мѣстахъ стѣны дома складываются изъ камней, остовъ крыши—изъ китовыхъ реберъ и шестовъ, обвѣшанныхъ шкурами; окна—изъ прозрачныхъ кишекъ и пузырей морскихъ животныхъ. Восточные Э. строятъ землянки, подземная часть которыхъ составлена изъ костей или деревянныхъ шестовъ, крытыхъ шкурами, землей и дерномъ. Кромѣ жилищъ обыкновенныхъ, чаще всего для одной семьи, рѣже для 2-хъ или 3-хъ, строятъ иногда огромные дома для собраній и празднествъ цѣлаго селенія. Лѣтнія жилища—коническіе шалаши, крытые шкурами. Туземное оружіе—не считая огнестрѣльнаго, сравнительно недавно и не вездѣ введеннаго,—состоитъ изъ сложнаго лука, такъ наз. американскаго типа, въ средней части дугообразно выгнутаго; стрѣлъ съ наконечниками костяными или каменными, рѣже желѣзными, оправленными мѣдью; метательной дощечки съ длинными стрѣлами; копій и, наконецъ, гарпуновъ на длинныхъ древкахъ съ подвижными наконечниками, прикрѣпленными къ ремню и отдѣляющимися отъ древка послѣ вонзанія въ тѣло животнаго; къ ремню привязаны поплавки изъ пузырей или надутыхъ воздухомъ цѣльныхъ шкуръ тюленей, служащіе указателями мѣстонахожденія раненаго животнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ не дающіе ему погружаться на дно. Отдѣлка оружія, не смотря на несовершенство орудій обработки, самая тщательная не только въ смыслѣ цѣлесообразности, но и изящества. Ножи, топоры и другія орудія каменныя и костяныя—такой же совершенной отдѣлки. Посуда — каменная, костяная (напр. изъ позвонковъ кита), глиняная, ручной работы. Важную роль играетъ каменная лампа — неглубокій сосудъ, въ родѣ плоской тарелки, съ продольнымъ выступомъ по серединѣ для фитиля, наполняемый ворванью; она служитъ какъ для освѣщенія, такъ и для отопленія и варки пищи. Средства передвиженія: на сушѣ—легкія санки, запряженныя собаками, на морѣ — крытыя шкурами лодки; тѣ и другія—верхъ изобрѣтательности и цѣлесообразности. Санки состоятъ изъ двухъ продольныхъ брусковъ-полозьевъ, деревянныхъ или костяныхъ, связанныхъ ремнями такъ, что санямъ можно придавать любую ширину, съ поперечниками поверхъ нихъ, на которыхъ укладывается грузъ. Спереди они выгнуты дугообразно для раздвиганія снѣга; сзади, въ видѣ высокой спинки, укрѣплены оленьи рога вмѣстѣ съ челюстью, служащіе ручкой для подниманія саней и мѣстомъ прикрѣпленія ремня отъ груза. Лодки двухъ типовъ: одна — узкая съ плоскимъ дномъ, состоящая изъ легкаго переплета деревяннаго или костяного, сплошь обтянутаго твердой шкурой моржа (за исключеніемъ тѣснаго круглаго отверстія для сѣдока, наглухо задѣлываемаго), крайне упругая, совершенно непроницаемая для воды даже въ перевернутомъ видѣ, управляемая двулопастнымъ весломъ: это—*каякъ*, мужская охотничья лодка для преслѣдованія морскихъ звѣрей; у западныхъ Э. она дѣлается и двухъ- и трехъ-мѣстная (байдара). Другая—*уміакъ*—такъ наз. женская лодка, тоже обшитая по дну и бортамъ шкурами, но широкая и открытая, для перевозки грузовъ при кочевкахъ. Лыжи Э.—небольшіе эллиптическіе деревянные обручи съ ременнымъ переплетомъ. Одежда мужчинъ и женщинъ очень сходна. Она состоитъ изъ мѣховыхъ широкихъ штановъ, плотно входящихъ въ сапоги и завязываемыхъ такъ, чтобы не пропускать воды, мѣховой рубашки безъ ворота, но съ капюшономъ, и шапки. У женщинъ штаны и сапоги иногда составляютъ одно цѣлое; на спинѣ мѣшокъ для ношенія дѣтей. Одежда, особенно у женщинъ, украшается крашенными кожаными вышивками, утиными шейками, лисьимъ и бѣличьимъ мѣхомъ и т. д. Матеріаломъ для одежды служатъ преимущественно шкуры оленей, затѣмъ тюленей, собакъ, полярныхъ лисицъ и птицъ. Характерна верхняя непромокаемая одежда изъ кишекъ и пузырей млекопитающихъ, изготовляемая съ большимъ вкусомъ и изяществомъ, точно такъ же какъ и одежды изъ птичьихъ шкурокъ. Распространена у Э. татуировка лица и рукъ, особенно у женщинъ. Красящимъ веществомъ служитъ сажа. Характерны носовыя украшенія изъ колецъ, стержней пера, бусъ, осколковъ раковинъ; подобные предметы вставляются также въ разрѣзы подъ нижней губой, иногда въ цѣлый рядъ, заполняемый пуговицами изъ раковинъ

и напоминающій второй рядъ зубовъ.—Пищу Э. предпочитаютъ вареную, но охотно ѣдятъ и сырое мясо, особенно въ замороженномъ видѣ. Любимыя кушанья—оленье мясо, кровь, содержимое желудка оленя, головы рыбъ и т. п. Въ обиходѣ Э. играютъ роль и культурные продукты—оружіе, мука, спиртъ, посуда, получаемые либо отъ цивилизованныхъ сосѣдей, либо отъ экипажей китобойныхъ судовъ въ обмѣнъ на мѣха или за личныя услуги. Правительство Соед. Штатовъ въ Аляскѣ въ послѣдніе годы пыталось поднять благосостояніе Э. введеніемъ оленеводства, которое издавна существовало на крайнемъ сѣверѣ Азіи, но совершенно неизвѣстно въ Америкѣ. *Соціальный строй* Э. покоится на семейно-родовомъ началѣ. Семья — группа, живущая въ одномъ домѣ—группа односельчанъ: вотъ три слѣдующихъ другъ за другомъ составныхъ элемента соціальнаго строя, въ основѣ которыхъ лежатъ родовыя узы. Крупныхъ племенныхъ организацій нѣтъ. По большей части въ селеніи 1—2 дома. Селенія въ 10—12 домовъ, съ населеніемъ душъ въ 150—большая рѣдкость. Родовыя нормы носятъ черты матернитета. Мужъ, по общему правилу, переходитъ въ домъ жены. Послѣ смерти жены мужъ возвращается въ домъ своихъ родителей, а дѣти остаются въ домѣ жены; но если дѣти уже взрослые, отецъ остается съ ними. Родство по женской линіи—самое близкое и важное. Браки заключаются чаще всего въ дѣтскомъ возрастѣ; во всякомъ случаѣ требуется согласіе отца или братьевъ жены. Брачные обряды сопровождаются имитаціей похищенія. Полигамія встрѣчается рѣдко, только въ тѣхъ случаяхъ, когда семья устраивается самостоятельно отъ родителей жены. Дозволяется уступать жену на время или обмѣниваться женами въ знакъ дружбы. Во время предвесеннихъ празднествъ обмѣнъ женами даже обязателенъ. Женщина, подъ охраной материнскаго рода, въ значительной степени гарантирована отъ грубаго обращенія со стороны мужа. Отношеніе къ дѣтямъ очень гуманное. Дѣтоубійство практикуется рѣдко. Мужъ и жена обладаютъ раздѣльнымъ имуществомъ. Наслѣдуетъ послѣ отца старшій сынъ, живущій съ родителями. Элементъ политической власти совершенно отсутствуетъ. Нѣкоторымъ авторитетомъ пользуются такъ назыв. *pimain*'ы, т. е. лица, все отлично знающія, рѣшающія вопросы о кочеваніи, иногда распредѣляющія между поселеніемъ зимняго стойбища тѣ или другіе роды охоты: но ихъ авторитетъ не носитъ обязательнаго характера. Родовая месть часто сводится къ единоборству двухъ представителей враждующихъ родовъ. У центральныхъ Э. существуетъ обычай опрашивать сородичей общественно-вреднаго лица, согласны ли они на его умерщвленіе, и при согласіи ихъ опрашивающій безнаказанно убиваетъ его. Очень характерны взгляды Э. на собственность и обычаи охотничьяго права, часто цитируемые въ трактатахъ о первобытномъ правѣ. *Религія* Э. въ общихъ чертахъ обычно анимистическая. Какъ и у нашихъ инородцевъ, міръ, по воззрѣнію Э., управляется цѣлымъ рядомъ антропоморфныхъ существъ, *хозяевъ* (см. Хозяинъ), такъ назыв. inua, являющихся владыками большихъ и малыхъ областей природы, включая и области духовныя, какъ сила, искусство, та или другая способность. Индивидуальные предметы также имѣютъ хозяевъ: душа — inua человѣческаго тѣла. Съ этими воззрѣніями тѣсно связанъ культъ животныхъ и тотемизмъ. Для борьбы со злыми духами, причиняющими болѣзни, существуютъ такъ назыв. *angakok*—шаманы, дѣйствующіе помощью своихъ духовъ-помощниковъ (tôrnak), имѣющихъ въ свою очередь хозяина (*tornarsuk*). Миѳологія Э. необычайно богата и оригинальна. Празднества обнаруживаютъ черты сложныхъ миѳологическихъ концепцій. Особенно интересенъ предвесенній праздникъ, въ лицахъ представляющій борьбу зимы съ весной, сопровождающійся очень сложными церемоніями и заканчивающійся временнымъ обмѣномъ женами по указанію двухъ замаскированныхъ лицъ. Маски въ празднествахъ играютъ большую роль. Языкъ эскимосовъ характеризуется *полисинтетизмомъ*, т. е. сліяніемъ цѣлыхъ предложеній въ одно цѣльное слово; *сингуляризмомъ*, т. е. существованіемъ особыхъ названій для различенія одного и того же предмета по виду, полу, возрасту, употребленію, напр. для ловли каждаго вида рыбъ, для всевозможныхъ формъ льда и т. п.; далѣе, двойственнымъ числомъ, отсутствіемъ родовъ, неупотребленіемъ согласныхъ *б*, *д*, *ф*, *г*, *л*, *р*, *ц* въ началѣ словъ, измѣненіемъ рѣчи съ помощью жестовъ, легкихъ придыханій и т. п. Діалектическія различія настолько незначительны, что гренландцы и обитатели Аляски, по словамъ Якобсона, легко могутъ объясняться другъ съ другомъ. Э. принадлежатъ къ числу очень даровитыхъ народовъ, свидѣтельствомъ чему служитъ ихъ замѣчательная матеріальная культура, столь хорошо приспособленная къ суровымъ условіямъ ихъ существованія и въ своемъ родѣ совершенная. Они отличные рисовальщики и рѣзчики по кости. Ихъ рѣзьба по кости, отъ нихъ распространившаяся и на сѣверо-восточную Азію, по реализму и художественности, славится какъ исключительное явленіе среди первобытныхъ народовъ и лишь немного уступаетъ знаменитымъ издѣліямъ Мадленской эпохи. Ихъ богатый фолклоръ обнаруживаетъ пылкое воображеніе и большую силу творчества. Они любятъ сказки, пѣніе, пляски, общительны, жизнерадостны, проявляютъ веселость и юморъ не смотря на мрачныя условія существованія. Въ Гренландіи и на Лабрадорѣ большинство Э. грамотны на родномъ языкѣ, обученные миссіонерами. Много книгъ издано на эскимосскомь языкѣ, преимущественно въ Даніи. Есть небольшія типографіи и въ Гренландіи. Съ 1861 г. издается на эскимосскомъ языкѣ литературный журналъ съ иллюстраціями подъ назв.: «Atuagagldliutit nalinginarmik tusaruminásossumik univkat» («Кое-что для чтенія, отчеты обо всемъ интересномъ»). Какъ ремесленники и какъ рабочіе на фабрикахъ Э. пріобрѣли репутацію искусныхъ и понятливыхъ работниковъ. Численность Э.—свыше 40000 душъ

Литература. Rink, «The eskimo Tribes, Medelel om Groenland» (т. XI); другія работы того же автора перечислены у Bahnson, «Ethnographien» (I, 223, Копенгагенъ, 1894); Boas, «The central Eskimo» («6-th Ann. Rep. Bur. Ethn.», Вашингтонъ, 1888); E. Petitot, «Monogr. Esquim. Tchiglet du Mackenzie» (П., 1876); F. Hansen, «Eskimo life» (Л., 1894); Dix Bolles, «Eskimo collect.» («Rep. U. S. Nation. Mus. for 1887»); Peary, «Northward over the Great Ice» (Нью-Іоркъ, 1898); A. H. Keane, «Ethnology» (Кембриджъ, 1901); путешествія Норденшильда, Врангеля, Нансена, Parry, Lyons, Franklin, Collinson, M'Clure, Graah, Kane и др. Словари и грамматики Фабриціуса, Вашингтона, Клейншмидта, Янсена, Ринка. *Л. Ш.*

Эскироль (Esquirol)—знаменитый французскій психіатръ (1772—1840), изучалъ медицину въ Парижѣ и Монпелье, и сдѣлавшись ученикомъ Пинеля, основателя научной психіатріи, посвятилъ себя разработкѣ душевныхъ болѣзней. Въ 1800 г. онъ открылъ въ Парижѣ первую частную лѣчебницу для душевно-больныхъ, а въ 1817 г. первую клинику, въ которой читалъ лекціи для врачей, пріѣзжавшихъ къ нему изъ разныхъ странъ. Съ 1825 г. до смерти состоялъ директоромъ заведенія Шарентонъ (около Парижа), гдѣ ему въ 1862 г. воздвигнутъ памятникъ. Главное его сочиненіе (Парижъ, 1838)—было переведено почти на всѣ европейскіе языки. Кромѣ того ему принадлежатъ нѣсколько монографій объ обманахъ чувствъ, о мономаніяхъ, объ устройствѣ заведеній для умалишенныхъ. Онъ много содѣйствовалъ улучшенію быта душевно-больныхъ, болѣе гуманному обращенію съ ними въ заведеніяхъ и устраненію жестокихъ способовъ усмиренія ихъ, крайне распространенныхъ въ тѣ времена.

П. Розенбахъ.

Эскиросъ (Анри Альфонсъ Esquiros)—извѣстный французскій писатель (1814—1876). Выступилъ съ сборникомъ стихотвореній: «Les Hirondelles» (1834), за которымъ послѣдовали романы: «Le Magicien» (1837) и «Charlotte Corday» (1840) и стихотворенія «Chants d'un prisonnier» (1841) — впечатлѣнія тюремнаго заключенія, которому Э. былъ подвергнутъ за книгу: «Evangile du peuple». Былъ членомъ законодательнаго собранія 1849 г.; изгнанъ послѣ декабрьскаго переворота и жилъ въ Англіи до амнистіи 1869 г., послѣ чего былъ проведенъ радикалами въ члены законодательнаго корпуса. Временное правительство 1870 г. послало его умиротворить безпорядки въ Марсели. Избранный тамъ депутатомъ національнаго собранія, онъ занялъ мѣсто на крайней лѣвой. Въ 1875 г. избранъ пожизненнымъ сенаторомъ. Написалъ еще: «Les Vierges martyres, folles et sages» (1841—1842—1843); «Histoire des Montagnards» (1847); «Histoire des Amants célèbres» (1848); «Fleur du Peuple» (1848); «La Vie future» (1850); «Histoire des Martyrs de la Liberté» (1851); «Les Fastes populaires» (1851—1853).

Эскишеръ или *Эски-шеръ* — городъ въ Азіатской Турціи, въ Ходавендикьярскомъ вилайетѣ, на р. Пурсакѣ. Около 13000 жит., почти исключительно мусульманъ. Теплыя купанья, могилы нѣсколькихъ мусульманскихъ святыхъ. Э., носившій въ древности имя Дорилея (Dorylaeum, во Фригіи), во времена византійскихъ императоровъ былъ важною крѣпостью, служившею охраной противъ Османовъ. Въ 1097 г. крестоносцы подъ предводительствомъ Готфрида Бульонскаго одержали здѣсь побѣду надъ турками. Въ 25—30 км. къ В отъ Э. находятся богатыя залежи морской пѣнки (такъ назыв. Эскишерскія залежи), разработкою которыхъ и выдѣлкою пѣнковыхъ трубокъ и мундштуковъ занимается значительная часть населенія Э.; годовая добыча пѣнки цѣнится приблизительно въ 30000000 піастровъ.

Эскобаръ-и-Мендоза (Antonio Escobar y Mendoza)—знаменитый испанскій іезуитъ (1589—1669). Поступилъ въ орденъ 15-ти лѣтъ и скоро обратилъ на себя вниманіе строгостью жизни, познаніями и краснорѣчіемъ. Въ теченіе 50-ти слишкомъ лѣтъ ежедневно говорилъ проповѣди. Написалъ свыше 40 томовъ in folio. Многія изъ его сочиненій выдержали массу изданій и были переведены на разные языки. Въ своихъ трудахъ Э. старался обосновать іезуитскую казуистическую мораль, при чемъ не стѣснялся искажать мѣста изъ Св. Писанія и изъ отцовъ церкви. Онъ первый откровенно высказалъ и развилъ мысль, что чистота намѣреній оправдываетъ дѣйствія, порицаемыя моралью и законами. На него съ особенной энергіей обрушился Паскаль въ своихъ знаменитыхъ «Провинціальныхъ письмахъ». Даже папы принуждены были осудить нѣкоторыя положенія Э., и іезуиты оффиціально отказались отъ поддержки его взглядовъ, тогда какъ раньше онъ игралъ роль главнаго теоретика ихъ морали. Ученіе Э. подверглось безпощаднымъ насмѣшкамъ со стороны Мольера, Буало и Лафонтена. Изъ его имени было даже образовано слово escobarderie, обозначающее, по объясненію словаря французской академіи, лицемѣріе, при помощи котораго человѣкъ разрѣшаетъ затруднительные вопросы совѣсти въ смыслѣ благопріятномъ для своихъ выгодъ. Э. принадлежатъ двѣ стихотворныя поэмы: «San Ignacio» (Вальядолидъ, 1613) и «Historia de la Virgen madre de Dios» (ib., 1618), переизданная подъ заглавіемъ «Nueva Jerusalem Maria» (ib., 1625). Гораздо болѣе замѣчательны его богословскія сочиненія «Examen y practica de confesores y penitentes» (1647, 39 изданій); «In VI caput Johannis» (Вальядолидъ, 1624); «Summula casuum conscientiae» (Пампелуна, 1626); «Ad Evangelia sanctorum commentarii panegyricis moralibus illustrati» (Ліонъ, 1642—48); «Sermones vespertinales» (Ліонъ, 1652); «Universa theologiae moralis problemata» (Ліонъ, 1652—1663).

Эскоикисъ (Don Juan Escoiquiz)—испанскій политическій дѣятель (1762—1820). Былъ воспитателемъ принца Астурійскаго (будущаго Фердинанда VII). Въ 1808 г. побудилъ Фердинанда начать возстаніе противъ отца. Преклоняясь предъ Наполеономъ I, Э. посовѣтовалъ Фердинанду поѣхать въ Байонну и участвовалъ въ переговорахъ, окон-

чившихся отреченіемъ Фердинанда отъ престола. Въ концѣ 1813 г., когда Испанія почти освободилась отъ власти Наполеона, Э. велъ съ нимъ переговоры о возвращеніи Фердинанда въ Мадридъ. По возвращеніи въ Испанію онъ впалъ въ немилость у Фердинанда и хотя былъ на время возвращенъ ко двору, кончилъ жизнь въ ссылкѣ въ Андалузіи. Написалъ брошюру: «Idea sencilla de los razones que motivaron el viage del rey Fernando VII a Bayona» (Мадридъ, 1814), въ которой оправдывалъ поведеніе Фердинанда въ Байоннѣ, а также эпическую поэму «Mexico conquistada» (Мадридъ, 1798) и мемуары (П., 1823). Ср. St. Amand, «Notice sur le séjour de son exc. D. Juan Escoiquiz à Bourges» (Буржъ, 1814).

Эскосура (Леонъ-Игнасіо de Escosura)—современный испанскій живописецъ-жанристъ, родомъ изъ Овіедо, ученикъ Жерома въ Парижѣ и Фед. Мадрасо въ Мадридѣ, поселившись въ Парижѣ, изображаетъ сцены, происходящія въ закрытыхъ помѣщеніяхъ и въ садахъ съ фигурами въ нарядныхъ костюмахъ XVII и XVIII столѣтій, нерѣдко представлящими историческія лица. Картины его вообще неодинаково хороши по исполненію, но блестящи и гармоничны по краскамъ. Наиболѣе удачныя между ними—«Филиппъ IV и Рубенсъ посѣщаютъ Веласкеза» (1867), «Лукреція Борджіа въ Венеціи» (1869), «Во времена Людовика XV» (1870), «Карлъ V въ мастерской Тиціана», «Отреченіе короля отъ престола», «Рожденіе наслѣдницы», «Изумрудная діадема», «Непріятельское знамя», «Пріемъ посланника», «Нежданный визитъ» и «Битва на улицѣ Риволи, въ Парижѣ, во время революціи».

Эскосура (донъ Патрисіо de la Escosura, 1807—1878)—исп. писатель и государственный дѣятель. Какъ членъ политическаго клуба, долженъ былъ въ 1824 г. бѣжать въ Парижъ. Въ 1826 г. Э. вернулся въ Мадридъ, вступилъ въ артиллерійскій корпусъ и въ 1829 г. сталъ офицеромъ. Заподозрѣнный въ 1834 г. въ карлизмѣ, онъ былъ сосланъ въ Ольверу, гдѣ закончилъ свой историческій романъ «Ni rey, ni roque» (1835). Позже онъ сталъ адъютантомъ и секретаремъ генерала Кордовы и въ Пампелунѣ написалъ эпическое стихотвореніе: «El bulto vestido de negro capuz». Когда Кордова сложилъ свое командованіе, Э. также оставилъ службу. Въ 1837 г. онъ поставилъ на сцену нѣсколько пьесъ, изъ которыхъ лучшая—«Bárbara Blomberg». Когда въ сентябрѣ 1840 г. Эспартеро захватилъ власть въ свои руки, Э., ставъ во главѣ воспитанниковъ инженернаго училища въ Гвадалахарѣ, гдѣ онъ былъ начальникомъ провинціи, защищалъ интересы регентши и долженъ былъ бѣжать во Францію. Въ Парижѣ онъ почти одинъ написалъ испанскій текстъ къ роскошному изданію: «La España artística y monumental» (I—III, 1842—49), былъ редакторомъ «Revista enciclopedica», написалъ руководство къ миѳологіи, введенное позже въ испанскихъ университетахъ, и началъ эпическую поэму «Hernan Cortes en Cholura». Вернувшись въ 1843 г. въ Мадридъ, онъ былъ помощникомъ статсъ-секретаря въ министерствѣ Нарваэса. Изъ позднѣйшихъ его драмъ имѣла успѣхъ «Las mocedades de Hernan Cortes», представляющая, какъ и всѣ драмы Э., скорѣе рядъ картинъ, чѣмъ связное дѣйствіе. Изъ историческихъ романовъ его болѣе извѣстенъ «El patriarca del valle» (Мадридъ, 1846). Въ 1856 г. онъ былъ министромъ внутреннихъ дѣлъ въ кабинетѣ Эспартеро, съ 1872 по 1874 г. — посломъ въ Берлинѣ. Э. написалъ нѣсколько историческихъ трудовъ, въ томъ числѣ —«Historia constitucional de Inglaterra» (Мадридъ, 1859).

Эскудо (Escudo)—названіе прежней монетной единицы въ Испаніи, Португаліи и испанской Америкѣ: 1) *золотой* Э., по испанскимъ законамъ 1864—70 гг., имѣлъ 0,7548 грамм. чистаго вѣса и могъ быть приравненъ рублю; чеканились мѣстами монеты въ 10, 4 и 2 Э. 2) *Серебряный* Э. въ Испаніи, приблизительно той же стоимости, содержалъ 11,6820 грамм. чистаго вѣса. 3) Э. по испанскимъ законамъ 1848—55 гг. былъ серебряной монетою въ 11,8310 грамм. чистаго вѣса. Въ XVIII в. вѣсъ серебрянаго испанскаго Э. былъ немного больше. 4) *Португальскій* Э. въ 1722—1835 гг. былъ золотой монетою въ 3,5859 граммовъ вѣсомъ при пробѣвъ $916^2/_3$ тысячныхъ (прибл. 4 — $4^1/_2$ рубл.). 5) *Американскій* Э., золотой, чеканится въ Боливіи (вѣсъ 2,5 грамм.), Колумбіи (съ 1857 г.=10 франкамъ), въ Чили (=2 пезо или $^1/_5$ кондора). Содержаніе чистаго золота въ этой монетѣ 900 тысячныхъ.

Эскулапова змѣя (Coluber aesculapii)—одинъ изъ южно-европейскихъ видовъ обширнаго рода лазающихъ ужей (Coluber, см. Ужи). Послѣдній родъ отличается удлиненной головой, ясными боковыми ребрушками на брюшныхъ щиткахъ, неотграниченнымъ отъ тѣла хвостомъ, достигающимъ $^1/_5$—$^1/_6$ длины всего тѣла, невыдающимся верхнимъ вѣкомъ, формою и расположеніемъ переднихъ головныхъ и глазныхъ щитковъ, отсутствіемъ бороздчатыхъ зубовъ и одинаковою длиною верхнечелюстныхъ зубовъ, расположенныхъ въ числѣ отъ 12 до 22 безъ большихъ промежутковъ. Лазающіе ужи распространены въ Сѣв. и Средн. Америкѣ, въ южной и умѣренной Европѣ и въ Азіи. Родину Э., являющейся болѣе извѣстнымъ видомъ этого рода, составляютъ южно-европ. страны, прилегающія къ Средиземному и Черному морямъ вплоть до Каспійскаго моря. Предполагаютъ, что изъ Италіи Э. была занесена на сѣверъ римлянами. Въ настоящее время Э. довольно обыкновенна въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Германіи по Рейну (возлѣ Шлангенбада и Эмса), въ Тюрингенѣ и въ Гарцѣ. Существуетъ мнѣніе, что древніе римляне именно этотъ видъ ужей держали иногда въ храмахъ, посвященныхъ Эскулапу. Э. достигаетъ 1,5 метр. длины. Спина желтовато-бураго цвѣта съ бѣловатыми крапинками, низъ тѣла—сѣровато-бѣлый; сзади головы по бокамъ по одному желтоватому пятну. Э., какъ и ея сородичи, съ замѣчательнымъ искусствомъ взлѣзаетъ по стволамъ деревьевъ, пользуясь неровностями и трещинами коры, любитъ обвиваться вокругъ вѣтвей и грѣться на солнцѣ на верхушкахъ кустовъ. Держится обыкновенно въ неровныхъ, каме-

нистыхъ мѣстностяхъ, поросшихъ кустарниками. Питается почти исключительно мышами. Легко переноситъ неволю и привыкаетъ къ человѣку. Свои яйца, числомъ около пяти, откладываетъ во второй половинѣ лѣта въ землю или мохъ. Развитіе яицъ происходитъ очень медленно и длится нѣсколько недѣль послѣ кладки. *Ю. В.*

Эскулапъ или, правильнѣе, *Эскулапій* (Aesculapius, изъ греческаго Ἀσκληπιός)—натурализовавшійся у древн. римлянъ греческій богъ врачебнаго искусства, которое, вмѣстѣ съ его божественнымъ представителемъ, проникло въ Римъ въ началѣ III-го вѣка до Р. Хр. Когда въ 293 г. до Р. Хр. тяжелая моровая язва посѣтила Римъ, обратились за указаніемъ къ Сивиллинымъ книгамъ, которыя дали знать, что эпидемія прекратится, если перевезутъ въ Римъ бога Эскулапія изъ его Эпидаврскаго святилища. Послѣ однодневнаго молебствія снарядили въ Эпидавръ посольство за священною змѣею бога, которая, по преданію, добровольно послѣдовала за римлянами на ихъ корабль и, по прибытіи въ Римъ, выбрала для своего жилища Тибрскій островъ; этотъ островъ такъ и остался посвященнымъ богу, въ воспоминаніе о чемъ при устройствѣ набережной берегамъ острова была дана форма плывущаго корабля, украшеннаго спереди статуею Э. Въ 291 г. здѣсь состоялось освященіе храма въ честь Э.; этотъ храмъ и состоявшія при немъ службы напоминали собою типичные греческіе Асклепіеи. Какъ и въ Эпидаврѣ, въ тибрскомъ храмѣ Э. практиковался способъ лѣченія больныхъ посредствомъ инкубаціи, во время которой они получали во снѣ необходимые совѣты; выздоровѣвшіе посвящали богу обѣтные дары и благодарственныя надписи. Вмѣстѣ съ Э. въ надписяхъ упоминается весьма часто богиня, родственная съ нимъ по культу—Гигіея или Салюсъ (Здоровье). Другой храмъ Э. находился въ Анціи (въ Лаціумѣ), гдѣ, по преданію, змѣя Эскулапа, при возвращеніи въ Римъ снаряженнаго въ 293 г. посольства, высадилась на берегъ и три дня обвивалась вокругъ высокой пальмы въ рощѣ Аполлона.—Культъ Э. былъ греческій; жрецы при храмѣ бога были изъ грековъ; какъ и греческому Асклепію, римскому Э. были посвящены изъ животныхъ змѣя, собака и пѣтухъ. Въ лицѣ Э. греческое врачебное искусство было оффиціально принято государствомъ, хотя римляне, вообще смотрѣвшіе на медицину съ отвращеніемъ, негостепріимно относились къ поселявшимся въ Римѣ греческимъ врачамъ. Позднѣе, медицина сдѣлалась спеціальностью грековъ, среди которыхъ бывало всегда множество шарлатановъ. Суевѣріе и страданія приводили людей къ Э.; культъ этого бога принадлежалъ къ числу самыхъ популярныхъ и стойкихъ. Ср. Preller, «Römische Mythologie» (Б., 1881—1883, II-й т., стр. 240 и слѣд.); Wissowa, «Religion und Kultus der Römer» (Мюнхенъ, 1902).

Эскулинъ—глюкозидъ (природный эѳиръ глюкозы) состава $C_{15}H_{16}O_9 + 1^1/_2H_2O$. Получается изъ корки дикаго каштана (Aesculus Hyppocastanus). Корка этого дерева превращается въ порошокъ, смачивается амміакомъ, потомъ обрабатывается большимъ количествомъ амміака, жидкость послѣ прибавки къ ней глинозема выпариваютъ до консистенціи тѣста, высушиваютъ, превращаютъ въ порошокъ и обрабатываютъ 95° спиртомъ. Э. кристаллизуется изъ спирта при охлажденіи. Или же высушиваютъ водный экстрактъ корокъ дикаго каштана на водяной банѣ, и, превративъ массу въ порошокъ, извлекаютъ Э. крѣпкимъ спиртомъ. Для очищенія Э. выдерживаютъ въ теченіе 24 часовъ въ смѣси воды съ $^1/_2$ объема эѳира. Э. кристаллизуется въ призматическихъ кристаллахъ бѣлаго цвѣта, часто соединенныхъ въ пучки. Э. обладаетъ горькимъ вкусомъ и слабо кислой реакціей; мало растворимъ въ холодной водѣ и легко въ горячей. Разбавленные (1 : 1500) водные растворы Э. въ проходящемъ свѣтѣ безцвѣтны, а въ отраженномъ—синяго цвѣта. Э. плавится при 160°, теряетъ кристаллизаціонную воду и не кристаллизуется вновь при охлажденіи. При болѣе высокой температурѣ разлагается. При кипяченіи съ слабой сѣрной или соляной кислотами Э. разлагается на глюкозу и эскулетинъ. Та же реакція происходитъ подъ вліяніемъ эмульсина.

А. Кремлевъ. Δ.

Эскулубръ-ле-Бэнъ (Escouloubre-les-Bains)—во французскомъ департаментѣ Одъ. 5 сѣрныхъ источниковъ (32—60° Ц., 0,12—0,27 сѣрнистаго натрія въ 10000 чч. воды). Сезонъ съ іюля по октябрь.

Эскуріалъ (El Escorial) — знаменитый дворецъ-монастырь въ Испаніи, въ 52 км. на СЗ отъ Мадрида, на южномъ склонѣ Гуадаррамы, около деревни Э. Во время битвы при Сенъ-Кантенѣ, 10 августа 1557 г., Филиппъ II, находившійся въ это время въ Камбрэ, далъ обѣтъ въ случаѣ побѣды построить монастырь, который превзойдетъ своимъ великолѣпіемъ всѣ существующіе монастыри. Въ 1563 г. начались работы подъ руководствомъ архитектора Хуана Толедо. Докончилъ работы въ 1584 г. Хуанъ Геррера. Внутренней отдѣлкой были заняты лучшіе художники Испаніи и Италіи. Преемники Филиппа II продолжали украшать зданіе. Испанцы называли Э. восьмымъ чудомъ свѣта. Монастырь былъ основанъ въ честь св. Лаврентія, такъ какъ 10 августа празднуется его память. Планъ его имѣетъ видъ рѣшетки, въ память мученій св. Лаврентія. Э. — прямоугольникъ въ 200 м. длины и 156 метровъ ширины. Выстроенъ онъ изъ большихъ плитъ гранита; въ постройкѣ преобладаютъ прямыя линіи. Общее впечатлѣніе получается величественное, но въ высшей степени однообразное и холодное, что вполнѣ гармонируетъ какъ съ скалистой, обнаженной равниной, на которой стоитъ Э., такъ и съ духомъ его творца — Филиппа II. Главный фасадъ Э. обращенъ на востокъ и имѣетъ три портала, изъ которыхъ средній украшенъ статуей св. Лаврентія. Церковь построена по образцу собора св. Петра въ Римѣ и увѣнчана куполомъ, поднимающимся на 95 м. Фасадъ ея украшенъ 6 статуями іудейскимъ царей, при чемъ Давиду и Соломону приданы черты лица Карла V и

Филиппа II. Внутри фрески и картины Джіордано и другихъ художниковъ. Замѣчательна статуя Христа изъ бѣлаго мрамора, работы Бенвенуто Челлини. Впрочемъ, въ глазахъ испанцевъ главное значеніе Э. заключалось не въ художественныхъ сокровищахъ, а въ множествѣ реликвій, хранящихся въ церкви. Подъ церковью помѣщается усыпальница испанскихъ королей и королевъ, въ которой 26 гробницъ, начиная съ Карла V. Рядомъ усыпальница инфантовъ и бездѣтныхъ королевъ; здѣсь похороненъ и Донъ Хуанъ Австрійскій. Дворецъ, служившій резиденціей Филиппу II, не обращаетъ на себя особаго вниманія. Замѣчательны большая лѣстница, ведущая къ іеронимитскому монастырю и украшенная фресками Джіордано, и библіотека, украшенная фресками Кардуччи и Пеллегрино. Библіотека содержитъ до 130000 томовъ и 4000 манускриптовъ, среди которыхъ много очень древнихъ, въ высшей степени рѣдкихъ и драгоцѣнныхъ рукописей, большею частью арабскихъ. Каталогъ библіотеки издалъ Casiri, подъ заглавіемъ: «Bibliotheca arabico-hispanica» (Мадридъ, 1760—1770). На южной сторонѣ Э. паркъ—съ новымъ дворцомъ (Casa del Principe). Въ настоящее время въ Э. живетъ только нѣсколько монаховъ и сторожей. Въ сосѣднемъ зданіи (прежнемъ женскомъ монастырѣ) помѣщается лѣсная школа. Ср. F. de Los Santos, «Descripcion breve del monasterio de S. Lorenzo el real del Escorial» (Мадридъ, 1657); Rotondo, «Historia del monasterio de San Lorenzo» (Мадр., 1856—61); A. de Los Rios, «Historia de la villa y córte de Madrid» (Мадр., 1860).

Эсла (Esla)—правый притокъ р. Дуэро въ испанскихъ провинціяхъ Леонъ и Замора. Э. беретъ начало на южномъ склонѣ Кантабрійскихъ горъ, у Пико де-Вентаніелла, принимаетъ значительные притоки съ лѣвой стороны Цеа, а съ правой—Орбиго и наконецъ, пройдя около 250 км., впадаетъ въ Дуэро ниже Заморы.

Эслава (донъ Мигуель-Гиларіонъ Eslava)—испанскій композиторъ (1807—†). Оперы Э.: «Il solitario», «La Tregua di Ptolemaide» и «Pietro el Crudele» были поставлены во многихъ городахъ Испаніи. Онъ написалъ около 150 церковныхъ сочиненій: мессъ, псалмовъ, гимновъ, ламентацій, мотетовъ и пр. Издалъ собраніе лучшихъ органныхъ сочиненій разныхъ авторовъ, подъ заглавіемъ «Museo organico espanol»; здѣсь встрѣчаются и его произведенія. Его «Metodo de solfeo» (1846) имѣла огромное распространеніе въ Испаніи.

Эсмархъ (Карлъ Esmarch, 1824—1887)—нѣмецкій юристъ, профессоръ римскаго права въ Краковѣ, потомъ въ Прагѣ. Изъ научныхъ работъ его болѣе извѣстны: «Römische Rechtsgeschichte» (2 изд., Кассель, 1877—80), «Grundsätze des Pandektenrechts» (Вѣна, 1859—60), «Vacuae possessionis traditio» (Прага, 1872) и «Pandekten-Exegeticum» (1875). Подъ псевдонимомъ *Карлъ фонъ-Альсенъ* Э. напечаталъ нѣсколько эпическихъ поэмъ: «Der Sieg bei Bornhöved» (Киль, 1847); «Der Hort der Dichtung» (Лпц., 1853), «Aus alten und neuen Tagen» (Б., 1860), «Knud Laward» (Гамбургъ, 1865) и нѣсколько стихотворныхъ переводовъ съ шведскаго и древне-скандинавскаго.

Эсмархъ (Фридрихъ-Августъ Esmarch)—выдающійся хирургъ, родомъ изъ Шлезвига, род. въ 1823 г., медицинское образованіе получилъ въ кильскомъ и геттингенскомъ университетѣ, въ 1846 г. сдѣлался ассистентомъ Лангенбека въ Килѣ. Въ шлезвигъ-гольштинскую войну 1848—49 г. состоялъ помощникомъ хирурга Штромейера. Въ 1854 г. онъ сдѣлался преемникомъ Штромейера въ хирургической клиникѣ въ Килѣ; въ 1857 г. Э. былъ назначенъ директоромъ и профессоромъ при кильскомъ госпиталѣ. Въ шлезвигъ-гольштинскую войну 1864 г. онъ работалъ въ лазаретахъ Фленсбурга, Зундевитта и Киля. Въ 1866 г. онъ поступилъ на прусскую службу, принявъ на себя управленіе хирургической частью въ берлинскихъ лазаретахъ. Въ войну 1870 г. онъ былъ назначенъ главнымъ врачемъ и хирургомъ-консультантомъ дѣйствующей арміи и работалъ въ Килѣ, Гамбургѣ и Берлинѣ. Э. принадлежатъ крупныя заслуги въ дѣлѣ усовершенствованія постановки лазаретнаго дѣла и въ разработкѣ военно-полевой хирургіи. Въ области оперативной хирургіи онъ усовершенствовалъ методы обезкровливанія сосудовъ наложеніемъ особыхъ бинтовъ (Эсм. бинты) и производство операцій съ наименьшей потерей крови. Э. много способствовалъ распространенію въ Германіи самаритянскихъ школъ для ухода за больными и ранеными. Главнѣйшіе труды Э.: «Ueb. Resektionen nach Schusswunden» (Киль, 1851); «Beiträge zur praktischen Chirurgie» (1853—60); «Ueber chronische Gelenkentzündungen» (2-е изд., 1867); «Verbandplatz und Feldlazarett» (2-е изд., 1871); «Der erste Verband auf dem Schlachtfelde» (1869; 3-е изд., 1899, переведено на всѣ европ. языки); «Ueber den Kampf d. Humanität gegen die Schrecken des Krieges» (1869; 2-е изд., 1899); «Ueber Vorbereitung von Reservelazaretten» (Б., 1870); «Ueber Gelenkneurosen» (Киль, 1872); «Die Krankheiten des Mastdarmes und Afters» (2-е изд., 1887); «Ueber Künstliche Blutleere bei Operationen» (1873); «Handbuch der Kriegschirurgischen Technik» (5-е изд., 1901); «Die erste Hilfe bei plötzlichen Unglücksfällen» (17-е изд., 1901; переведено на 23 языка); «Hygienisches Taschenbuch für Medizinal- u. Verwaltangsbeamte, Aerzte, Techniker und Schulmänner» (2-е изд., 1898, русск. переводъ 1899).

Эсменаръ (Жозефъ-Альфонсъ Esménard)—французскій поэтъ (1770—1811). Эмигрировалъ послѣ 10 авг. 1792 г.; возвратился въ Парижъ въ 1797 г.; писалъ въ «Quotidienne», опять бѣжалъ; при Наполеонѣ сдѣлался театральнымъ цензоромъ. За обширную дидактическую поэму «La Navigation» (1805), заключающую нѣсколько хорошихъ описаній, но въ общемъ вялую и безжизненную, онъ былъ избранъ въ члены франц. акад. Написалъ еще пьесы «Trajan» (1807) и «Cortez» (1809) и «Couronne poétique de Napoléon» (1807).

Эсменъ (A. Esmein)—выдающійся современный франц. историкъ-юристъ, солидный

ученый и вліятельный профессоръ, одинъ изъ главныхъ иниціаторовъ новѣйшаго оживленія историческаго принципа въ области изслѣдованія правовыхъ явленій. Не смотря на то, что французская наука можетъ уже въ первой половинѣ XIX в. выдвинуть имя такого замѣчательнаго историка права, какъ Шарль Жиро (см. спеціальную работу о немъ Esmein: «Notice sur la vie et les œuvres juridiques de Ch. Giraud», въ журналѣ «Nouv. revue historique de dr. Fr. et étr.» за 1883 г.), тѣмъ не менѣе въ ея ученой юридической литературѣ утвердилось надолго преобладаніе узко догматическаго направленія на почвѣ преимущественно разработки доктринъ сложившагося римскаго права; рядомъ съ этимъ въ ней господствовало чисто практическое изученіе уголовнаго, гражданскаго, торговаго, финансоваго законодательства. Интересъ къ эволюціонному изслѣдованію развитія правовыхъ нормъ и институтовъ, въ частности — къ исторіи государственныхъ учрежденій и трансформаціямъ публичнаго права, сталъ замѣтно подниматься во французской юридической наукѣ лишь въ послѣднія десятилѣтія XIX в. Произошло такое плодотворное измѣненіе подъ непосредственнымъ вліяніемъ расцвѣта исторической науки вообще, особенно подъ воздѣйствіемъ трудовъ Фюстель де Куланжа (см.). Э. родился въ 1848 г. и прошелъ курсъ парижской Ecole de droit. Преподавалъ съ большимъ успѣхомъ различныя отрасли юридической науки сначала въ Дуэ (1875—79), потомъ въ Парижѣ (1880—89). Въ 1889 г. была создана въ юридическихъ факультетахъ особая каѳедра исторіи французскаго права и современнаго государственнаго права Франціи, которую Э. и занялъ въ Парижѣ; до настоящаго времени онъ ведетъ здѣсь авторитетное преподаваніе этого предмета, углубляя познанія будущихъ юристовъ-практиковъ, подготовляя и ученыхъ историковъ права. Кромѣ того, съ 1886 г. онъ читаетъ курсъ исторіи каноническаго права въ Ecole pratique des hautes études. Главныя его сочиненія: «Histoire de la procédure criminelle en France et spécialement de la procédure inquisitoriale depuis le XIII s. jusqu'à nos jours» (П., 1882); «Etudes sur les contrats dans le très-ancien droit fr.» (П., 1883); «Mélanges d'histoire de droit et de critique» (П., 1886); «Le mariage en droit canonique» (П., 1891); «Cours élémentaire de l'histoire du droit français» (1892, 5 изданій); «Eléments du droit constitutionnel français et comparé» (1896; 3 изданія, есть два русскихъ перевода). Помѣстилъ рядъ интересныхъ статей по существеннымъ вопросамъ своей спеціальности въ различныхъ научныхъ журналахъ, напримѣръ въ «Journal des savants», «Bibliothèque de l'école des hautes études», особенно же въ «Nouvelle revue historique de droit français et étranger», однимъ изъ редакторовъ которой онъ состоитъ (см. перечисленіе этихъ болѣе мелкихъ работъ въ «Grande Encyclopédie» подъ именемъ Э.). *Ив. Гр.*

Эсмеральда (Esmeralda, испан. «смарагдъ»)—круговой танецъ въ $^2/_4$ такта, состоящій изъ галопа и польки. По одноименному женскому персонажу въ романѣ Виктора Гюго «Notre Dame de Paris» названо нѣсколько оперъ.

Эсна, также *Сна* (Esneh) — городъ въ Верхнемъ Египтѣ, на лѣв. берегу Нила, между Кена и Ассуаномъ, въ 45 км. къ Ю отъ развалинъ древнихъ Ѳивъ. Жит. около 10000 (нѣкогда до 30000). Мѣстопребываніе коптскаго епископа и католической миссіи. Дарфурскіе и сенаарскіе караваны поддерживаютъ здѣсь оживленную торговлю, въ особенности верблюдами-дромадерами (которыхъ разводятъ живущіе въ сосѣдней пустынѣ по Красному морю абабдехи), затѣмъ тонкими голубыми хлопчатобумажными тканями, шалями и гончарными товарами; здѣсь же происходитъ обмѣнъ издѣлій изъ гумми, страусовыхъ перьевъ и слоновой кости на европейскіе товары. Городъ стоитъ на развалинахъ древняго города Латополя (Latopolis). По-египетски этотъ городъ назывался Enyt или Sné; жители его, по словамъ Страбона, поклонялись Аѳинѣ (т. е. Гаторъ) и рыбѣ Latus. Ея храмъ, въ своемъ нынѣшнемъ видѣ уцѣлѣвшій отъ временъ Птоломеевъ и римскихъ императоровъ, но по первоначальному своему положенію принадлежащій, безъ сомнѣнія, гораздо болѣе древнему времени, долго былъ заброшенъ и засоренъ наносами; теперь его преддверіе (портикъ) откопано и стало доступнымъ со стороны улицы по лѣстницѣ въ 32 ступени. Его крыша поддерживается 24 могучими колоннами съ хорошо сохранившимися капителями, расположенными въ четыре ряда. Изъ изображеній и надписей, покрывающихъ его стѣны, заслуживаетъ вниманія надпись императора Деція, послѣдняя датированная изъ всѣхъ до настоящаго времени открытыхъ гіероглифическихъ надписей.

Эсотерическое ученіе (отъ греч. ἔσω—внутри)—ученіе, предназначенное исключительно для посвященныхъ, въ противоположность ученію *экзотерическому*, назначаемому для непосвященныхъ, т. е. для большой публики. По преданію, пиѳагорейцы дѣлили свое ученіе на Э. и экзотерическое. Аристотель называлъ тѣ изъ своихъ сочиненій, которыя имъ предназначались преимущественно не для учениковъ, а для публики, экзотерическими (οἱ ἐξωτερικοὶ λόγοι); отсюда неоплатоники неправильно дѣлали выводъ, что остальныя сочиненія его—Э. (слово ἐσωτερικός у Аристотеля не встрѣчается) и составляли какъ бы тайну для непосвященныхъ.

Эспадронъ—тупая сабля или палашъ; употребляется вмѣсто настоящаго оружія при обученіи фехтованію.

Эспань (Jean d'Espagne, 1591—1659)—французскій протестантскій богословъ. Уроженецъ Дофинэ, Э. покинулъ свою церковь въ Оранжѣ и получилъ пасторство въ Голландіи, затѣмъ въ Англіи. Многочисленныя его сочиненія отличаются свободнымъ критическимъ духомъ и представляютъ протестъ противъ безконечныхъ новшествъ въ религіозныхъ дѣлахъ. Они пользовались большой популярностью, неоднократно переиздавались и были переведены на англійскій и нѣмецкій

языка. Главныя изъ нихъ: «Les Erreurs populaires» (1639); «La Manducation du corps de Christ considerée en ses principes» (1640); «Essay des merveilles de Dieu en l'harmonie des temps, des générations et des plus illustres éyénements etc.» (1657—1668) и др.

Эспаррагера (Esparraguera) — гор. и курортъ въ Барселонской провинціи Испаніи, на правомъ берегу впадающей въ Льобрегатъ рѣчки Нойи, на высотѣ 185 м., на юго-восточномъ склонѣ горъ Монсеррата. Жит. около 5000. Теплыя (29°Ц.) сѣрнистыя воды Агвасъ де-ла-Пуда, которыми пользуются и для внутренняго употребленія, и для ваннъ; вода разсылается въ большомъ количествѣ.

Эспартеро (Don Balmodero Espartero, герцогъ de la Vittoria, 1792—1879)—исп. государственный дѣятель, сынъ ремесленника въ Ла-Манчѣ. Былъ военнымъ инженеромъ. Принималъ, въ 20-хъ годахъ, участіе въ экспедиціи противъ инсургентовъ въ Южной Америкѣ. Въ 1833 г. сталъ въ число сторонниковъ молодой королевы Изабеллы. Во время войны съ карлистами былъ начальникомъ провинціи Бискайи, но не достигъ рѣшающихъ успѣховъ. Въ маѣ 1836 г., временно командуя арміею, спасъ Мадридъ отъ покушенія карлистовъ, за что назначенъ главнокомандующимъ на сѣверѣ, вицекоролемъ Наварры и генералъ-капитаномъ баскскихъ провинцій. 24 дек. 1836 г. онъ взялъ штурмомъ окопы карлистовъ у Льючаны и тѣмъ избавилъ Бильбао отъ осады; за это дѣло Э. получилъ титулъ графа Льючана. 27 апр. 1838 г. онъ близъ Бургоса уничтожилъ банды карлистскаго генерала Негри и въ іюнѣ того же года нанесъ карлистскому генералу Гергé, у Пеньясеррады, рѣшительное пораженіе. Возведенный въ 1839 г. въ гранды перваго класса и получивъ титулъ герцога де-ла-Витторія, Э. (31 авг. 1839 г.) добился сдачи Марото, послѣ чего донъ Карлосъ бѣжалъ во Францію. Избранный въ 1837 г. въ учредительное собраніе кортесовъ, Э. примкнулъ къ партіи экзальтадосовъ (см.). Въ 1840 г. онъ возмутился противъ реакціоннаго правленія королевы-регентши Христины и принудилъ ее назначить его министромъ-президентомъ съ неограниченными полномочіями. 18 мая 1841 г. Э. былъ кортесами избранъ въ регенты Испаніи. Онъ подавилъ вспышки республиканизма въ Валенсіи и Барселонѣ, справился съ возстаніемъ О'Доннеля въ Пампелунѣ и военнымъ мятежомъ 7 окт. въ Мадридѣ, разогналъ инсургентовъ въ баскскихъ провинціяхъ и 30 ноября съ тріумфомъ вступилъ въ Мадридъ. Тѣснымъ соглашеніемъ съ Англіею Э. вызвалъ неудовольствіе во Франціи. Въ маѣ 1843 г. союзъ прогрессистовъ и республиканцевъ съ партіею королевы Христины заставилъ его согласиться на общую амнистію. Вернувшіеся въ Испанію враги Э. вызвали возстанія въ Каталоніи, Андалузіи, Арагоніи и Галиціи; во главѣ недовольныхъ сталъ Нарваэсъ, личный врагъ Э., вступившій 22 іюля 1843 г. въ Мадридъ. Э. бѣжалъ въ Кадиксъ. Возстановленный въ правахъ въ 1848 г., Э. вернулся въ Испанію, но изъ-за несогласій со дворомъ жилъ частнымъ человѣкомъ, пока въ 1854 г. не началось прогрессистское движеніе, заставившее королеву искать опору въ Э. Назначенный 19 іюля 1854 г. министромъ-президентомъ, Э. старался объединить подъ своимъ предводительствомъ различныя либеральныя фракціи. Не успѣвъ въ этомъ, онъ 14 іюля 1856 г. сложилъ свою должность и съ тѣхъ поръ уже не возвращался къ власти, хотя послѣ изгнанія въ 1868 г. королевы Изабеллы неоднократно шла рѣчь объ избраніи его королемъ испанскимъ. Ср. Florez, «Espartero, historia de su vida militar y politica» (1843—45); Mariano, «La regencia de Baldomero Espartero» (1870).

Эспарто—см. Ковыль.

Эспарцетъ (Onobrychis Gaertn.)—родовое названіе растеній изъ сем. мотыльковыхъ (Papilionaceae). Извѣстно до 80 видовъ, дико растущихъ въ средней и южной Европѣ, въ сѣв. Африкѣ и въ западной Азіи. Это—травы, полукустарники или мелкіе кустарники, усаженные обильными шипами. Листья непарноперистые, съ прилистниками. Главный черешокъ иногда превращается въ шипъ. Цвѣтки пурпурные, розовые, бѣловатые или желтоватые, собранные въ пазушныя кисти или въ колосья. Чашечка колокольчатая, о пяти зубчикахъ, изъ которыхъ нижній короче остальныхъ. Флагъ обратно яйцевидный или обратно сердцевидный, съ узкимъ основаніемъ, почти сидячій; крылья короткія, лодочка съ тупою или косо притупленною верхушкою, одинаковой длины съ флагомъ или длиннѣе его. Тычинки двубратственныя, верхняя тычинка свободная до основанія. Пестикъ съ короткою плодоножкою; завязь о 1 или 2 сѣмяпочкахъ; столбикъ прямой или согнутый, съ небольшимъ рыльцемъ. Бобъ сплющенный, полушаровидный, рѣже свернутый улиткою, кожистый, морщинистый, не вскрывающійся, о 1—2 сѣменахъ. Изъ всѣхъ видовъ наиболѣе обыкновеннымъ является O. viciaefolia Scop. (иначе O. sativa Lam.), дико растущій по полямъ, холмамъ, лугамъ. Эта многолѣтняя трава (до 60 стм. высоты), голая или прижатопушистая, а иногда даже мохнатопушистая, съ простыми или вѣтвистыми приподнимающимися стеблями. Перистые листья о 13—25 овальныхъ, продолговатыхъ или почти линейныхъ листкахъ. Розоватые цвѣтки собраны въ пазушныя кисти, которыя во много разъ длиннѣе листьевъ. Зубцы чашечки вдвое длиннѣе ея трубочки; флагъ равенъ лодочкѣ, короче или длиннѣе ея; крылья длиннѣе трубочки чашечки, но короче ея зубцовъ. Бобъ полукруглый, прижатопушистый, морщинистый, по килю и морщинкамъ быть можетъ зубчато-шиповатый, съ шипами не длиннѣе его ширины. Этотъ видъ образуетъ много разновидностей, принимаемыхъ нѣкоторыми авторами за самостоятельные виды. Таковы: O. montana DC., отличающійся укороченными и простертыми стеблями, овальными или овально-продолговатыми листками, густыми кистями и крупными цвѣтками (растетъ на Кавказѣ). O. inermis Stev., отличающійся почти линейными листками, длинными, густыми кистями, ячеисто-морщинистыми бобами, больш. частью съ цѣльнымъ килемъ (въ Крыму, Кубанской обл.). O. vulgaris Gaud. (O. confirta

DC.), съ продолговато-линейными листками, довольно густыми кистями и бобами, съ плотною оболочкою и короткими шипами, которые короче половины ширины киля (повсюду). O. arenaria DC. походитъ на предыдущій, но верхніе листья линейные, цвѣтки мелкіе (до 9 мм.), а шипы на бобахъ длинные (=ширинѣ киля). O. tomentosa отличается отъ предыдущаго сѣровато шершистыми бобами. O. gracilis Bess., отличающійся линейными листками, мелкими (до 7 мм.) цвѣтками и еще тѣмъ. что флагъ длиннѣе лодочки, а бобы мелкіе, съ зазубринками (въ юго-вост. Россіи) и др. Ср. Шмальгаузенъ, «Флора Россіи» (т. I, стр. 259). O. viciaefolia разводится какъ кормовая трава. *С. Р.*

Эспарцетъ въ сельскохоз. отношеніи—см. Кормовыя травы (XVI, 287).

Эсперанто (Esperanto)—одинъ изъ многочисленныхъ всемірныхъ языковъ (см. VII, 393—397), придуманный докторомъ М. Заменгофомъ въ Варшавѣ.

Эсперсонъ (Пьеръ Espersou)—итальянскій юристъ (род. въ 1833 г.), проф. международнаго права въ Павіи. Главнѣйшіе его труды: «I rapporti giuridici tra i belligeranti e i neutrali» (Туринъ, 1865); «La questione anglo-americana dell'Alabama discussa secondo i principii del Diritto internazionale» (Флоренція, 1869); «Diritto cambiario internazionale» (ib., 1870); «Le Gouvernement de la défense nationale a-t-il le droit de conclure la paix avec la Prusse au nom de la France» (ib., 1870); «La Russia e il Trattato di Parigi del 1856» (ib., 1871); «Diritto diplomatico e giurisdizione marittima» (т. I, Римъ, 1872; т. II, Миланъ, 1874—77); «L'Angleterre et les capitulations dans l'île de Chypre, au point de vue du Droit international» (Гентъ, 1879); «Il secondo Congresso giuridico italiano e il Diritto privato internazionale» (Римъ, 1880); «Le Droit international privé dans la législation italienne» (Парижъ, 1880—85); «Certezza del Diritto Internazionale, sua influenca nella legislazione» (Павія, 1882); «La legge sulla naturalizzazione in Italia» (Римъ, 1886); «Condizione giuridica delle straniero in Italia» (Миланъ, 1889).

Эсперъ (Eugen-Johann-Christoph Esper)—нѣмецкій естествоиспытатель (1742—1810), въ 1782 г. назначенъ экстраординарнымъ и въ 1799 г. ординарнымъ профессоромъ естествознанія въ Эрлангенѣ, а съ 1805 г. завѣдывалъ естественно-историческимъ кабинетомъ этого города. Научные труды Э. касаются преимущественно низшихъ морскихъ животныхъ и систематики чешуекрылыхъ насѣкомыхъ. Онъ напечаталъ между прочимъ: «Die (europäischen) Schmetterlinge in Abbildungen n. d. Natur etc.» (Эрлангенъ, 1777—1794, 7 том., съ прибл. 500 раскр. табл.); «Naturgeschichte im Auszuge des Linnéischen Systems» (Нюрнбергъ, 1784); «Magazin der neuesten ausländischen Insecten» (Эрлангенъ, 1794).

Эспилльи (Жанъ-Жозефъ Expilly)—французскій писатель (1719—1793), авторъ книгъ: «La Cosmographie» (1749); «La Polychorographie» (1755); «La Topographie de l'univers» (1757—1758); «Le Géographe manuel» (1757); «Description historique et géographique des rayaumes d'Angleterre, d'Écosse et d'Irlande» (1759); «Dictionnaire historique, géographique et politique des Gaules et de la France» (1762—1770).

Эспинасъ (Альфредъ-Викторъ Espinas, род. въ 1844 г.)—французскій философъ, профессоръ въ Бордо, одинъ изъ распространителей эволюціонной теоріи во Франціи. Напечаталъ: «Histoire des doctrines économiques» (1891); «La philosophie expérimentale en Italie» и мн. др. Нѣкоторыя сочиненія Э. переведены на русскій языкъ.

Эспинасъ (Жюли-Жанна-Элеонора l'Espinasse, 1732—1776)—внѣбрачная дочь графини Альбонъ. Была компаньонкою маркизы Дю-Деффанъ (см.), ея родственницы. Обѣ женщины сначала жили въ добромъ согласіи, но оно было нарушено тѣмъ поклоненіемъ, которое всѣ, въ томъ числѣ и д'Аламберъ, стали воздавать m-lle л'Э. Маркиза въ 1764 г. отдалила ее отъ себя, но король назначилъ ей пенсію, она вошла въ высшій свѣтъ и самые блестящіе представители вѣка Просвѣщенія посѣщали ея салонъ. Ея «Lettres» (I—II, 1809; 2-ое изд. съ введеніемъ Ж. Жанена 1847 г.; нов. изд. Isambert, 1877), «Nouvelles Lettres» (1820) и «Lettres inédites» свидѣтельствуютъ о глубинѣ ея чувствъ и романтической мечтательности.

Эспинасъ (Эспри-Шарль-Мари Espinasse, 1815—1859)—французскій генералъ. Служилъ въ Алжирѣ; въ 1845 г. отличился во время похода противъ кабиловъ. По приказанію принца-президента Людовика-Наполеона 2 декабря 1851 г. разогналъ національное собраніе и участвовалъ въ подавленіи попытокъ къ возстанію. Произведенный за это въ бригадные генералы и назначенный адъютантомъ Людовика-Наполеона, онъ при началѣ восточной войны въ августѣ 1854 г. начальствовалъ неудачной экспедиціей въ Добруджу. Такъ какъ общественное мнѣніе считало его виновникомъ неудачи, онъ былъ отозванъ во Францію, но въ 1855 г. былъ командированъ въ Крымъ, отличился въ битвѣ при Черной и участвовалъ въ штурмѣ Малахова кургана. Послѣ покушенія Орсини (14 янв. 1858 г.) Наполеонъ III поручилъ Э. портфель министра внутреннихъ дѣлъ, съ которымъ тогда же было соединено и вновь учрежденное министерство общественной безопасности. Въ этой должности Э. сталъ проводить систему терроризаціи, созданную такъ называемымъ закономъ о безопасности, съ такою драконовской строгостью, что вскорѣ вызвалъ всеобщее неудовольствіе и уже 15 іюня долженъ былъ оставить министерство, съ возведеніемъ въ сенаторы. Когда началась итальянская война 1859 г., Э. получилъ въ командованіе первый армейскій корпусъ и 4 іюня палъ въ бою при Маджентѣ.

Эспинель (Висенте Espinel)—извѣстный испанскій лирикъ (ум. въ 1634 г.). Обстоятельства его жизни неизвѣстны; говорятъ, что онъ дожилъ до глубокой старости и послѣдніе годы провелъ въ лишеніяхъ и бѣдности. Онъ изобрѣлъ стихотворный размѣръ, извѣстный подъ названіемъ «Decimas» и «Espinellas». Стихотворенія его, написанныя въ

національномъ духѣ, лучше всѣхъ имъ написанныхъ въ излюбленномъ имъ итальянскомъ стилѣ. Въ 1591 г. появились его «Diversas Rimas», гдѣ особенно удачны «Quezas de la dicha pasada» («Сожалѣнія о прошедшемъ счастіи») и «Buscar occasion de celos» («Поиски за предлогами ревности»). Сатиры Э. написаны торжественнымъ и серьезнымъ тономъ; эклоги его оригинальны. Писалъ онъ и народные романсы. Ему же принадлежатъ хорошій переводъ «De arte poetica» Горація и романъ «Marcos de Obregon» (1618), имѣющій, повидимому, автобіографическій характеръ, много разъ изданный и читаемый до сихъ поръ въ Испаніи. Э. приписываютъ прибавку пятой струны къ гитарѣ, этому національному инструменту испанцевъ.

Эспино (Ромуальдъ Альварецъ Espino, род. въ 1839 г.)—испанскій писатель, профессоръ философіи въ Кадиксѣ. Главный его трудъ: «Ensayo historico-critico del teatro español».

Эспиноза-*да-Лосъ-Монтеросъ*— мѣстечко въ Испаніи, на р. Труэва, извѣстно по происходившему близъ него 11 ноября 1808 г. сраженію, въ которомъ испанцы были разбиты французскими корпусами Виктора и Лефевра.

Эспиноса (Хасинто-Херонимо de Espinosa, 1600—80)—испанскій историческій живописецъ, ученикъ сперва своего отца, *Херонима-Родригеза* Э., а потомъ, вѣроятно, Фр. Рибальты въ Валенсіи, усовершенствовался въ Италіи чрезъ изученіе работъ болонскихъ мастеровъ и А. ванъ-Дейка и усвоилъ себѣ сильный пріемъ исполненія и теплый колоритъ. Фигуры въ его картинахъ отличаются благородствомъ выраженія и граціозностью движенія. Онъ прекрасно писалъ также портреты. Главныя его произведенія: «Христосъ въ темницѣ» (большая картина въ монастырѣ св. Ѳеклы, въ Валенсіи), «Кончина св. Людовика Бельтрама» (въ валенсійск. музеѣ), «Св. Марія Магдалина», «Истязаніе Спасителя» и «Св. Іоаннъ Креститель съ агнцемъ» (въ мадридскомъ муз. дель-Прадо). Въ Имп. Эрмитажѣ ему приписывается картина «Бѣгство во Египетъ».

Эспинъ (Якобъ-Маркъ d'Espine)—швейцарскій врачъ (1806—1860). Извѣстенъ своими работами по медицинской статистикѣ. Главнѣйшія изъ нихъ: «Annuaire de la mortalité genévoise en 1844 et 1845» (Женева, 1846); «Essai analytique et critique de statistique mortuaire et comparée» (П., 1859); «Esquisse geographique des invasions du choléra en Europe» (Женева, 1857); «Etude sur la variole, la vaccine et les revaccinations» (Невшатель, 1859).

Эспирито-Санто (Espirito Santo, т. е. «Святой Духъ»)—прибрежный штатъ Бразиліи между 18 и 21° ю. ш., отъ рѣки Мукури на С до рѣки Парагибы на Ю и отъ моря до горъ Айморесъ. 44839 кв. км., 135997 жит. Поверхность мѣстами поднимается до 2100 метр. надъ моремъ; берегъ на югѣ крутой, сѣвернѣе низменный; устья рѣкъ заграждены барами. Климатъ тропическій, умѣряемый морскими вѣтрами, горами и лѣсами; почва очень плодородна, въ особенности для сахарнаго тростника. Обширныя мѣстности заселены лишь дикарями, особенно ботокудами. Прибрежныя мѣстности производятъ сахаръ, хлопокъ, рисъ, маніокъ и особенно кофе. Часть жителей живетъ рыболовствомъ, преимущественно на морѣ. Грамотна $^1/_9$ часть населенія. Главный городъ штата—*Носса Сеньора да Викторія*. Берегъ Э.-Санто открытъ португальцемъ Васко-Фернандесъ Кутиньо 23-го мая 1535 г., въ Духовъ день (отсюда названіе штата).

Эспириту-Санто о-въ—см. Святого Духа о-въ.

Эспланада — мѣстность внутри и внѣ крѣпости, въ извѣстныхъ границахъ подчиняющаяся нѣкоторымъ ограниченіямъ въ интересахъ крѣпостной обороны. Согласно вырабатываемымъ, для каждой крѣпости особо, *эспланаднымъ правиламъ*, эта мѣстность дѣлится на нѣсколько (три или четыре) *эспланадныхъ районовъ*. Первый (I) эспланадный районъ заключаетъ въ себѣ ближайшія окрестности города и предмѣстій между чертою самого города (внутренняя граница) и особо указываемыми внѣшними границами. Границы второго (II) и третьяго (III) районовъ Э. подробно указываются въ описаніяхъ границъ, прилагаемыхъ къ приказамъ объ учрежденіи Э. Внѣшнія границы всего эспланаднаго района въ совокупности обыкновенно не распространяются далѣе семи верстъ отъ линіи фортовъ. Застройка или иное измѣненіе какимъ бы то ни было способомъ мѣстностей, находящихся въ чертѣ Э. крѣпостей, подчиняются нижеслѣдующимъ ограниченіямъ: *въ чертѣ города* постройки всякаго рода производятся, руководствуясь особо утвержденнымъ *планомъ застройки* этого города и его предмѣстій. Планъ этотъ не можетъ быть видоизмѣняемъ безъ вѣдома высшаго военнаго начальства. *Въ первомъ* (I) *районѣ Э.* разрѣшается постройка всякаго рода зданій, церквей, фабрикъ и заводовъ, но не иначе какъ по утвержденному плану застройки этой мѣстности относительно ширины и направленія улицъ. Равнымъ образомъ разрѣшается на тѣхъ же основаніяхъ разведеніе садовъ, парковъ, проведеніе всякихъ дорогъ, устройство дамбъ, канавъ и т. п.

А. *Внутри второго* (II) *района не дозволяется вовсе:* 1) возведеніе каменныхъ всякаго рода построекъ или частей ихъ, за исключеніемъ случаевъ, указанныхъ ниже въ отдѣлѣ Б. 2) Возведеніе деревянныхъ жилыхъ построекъ во всемъ второмъ районѣ, за исключеніемъ обозначенныхъ пространствъ. Границы этихъ пространствъ описываются въ особыхъ прилагаемыхъ къ каждому плану крѣпости вѣдомостяхъ. 3) Разведеніе парковъ, садовъ, школъ деревьевъ и лѣсовъ во всемъ второмъ (II) районѣ, за исключеніемъ вышеупомянутыхъ пространствъ.

Б. *Дозволяется, но не иначе какъ съ особаго разрѣшенія:* 1) возведеніе деревянныхъ жилыхъ одноэтажныхъ построекъ и частей ихъ на каменныхъ цоколяхъ, но не выше одного фута надъ поверхностью земли, на обозначенныхъ пространствахъ. 2) Разведеніе на тѣхъ же пространствахъ, какъ выше, парковъ, садовъ, школъ деревьевъ. 3) Возведеніе

ванъ, осужденъ и послѣ долгихъ колебаній королевы казненъ 25 февр. 1601 г. Въ трагической смерти Э. сыграла роль сама его натура: горячая, вспыльчивая и легкомысленная. Отличаясь безграничной отвагой и храбростью, онъ былъ лишенъ качествъ, необходимыхъ для политическаго вождя: самообладанія и осмотрительности.

Эссексъ (Робертъ Devereux графъ Essex) — англ. политическій дѣятель (1591—1646), сынъ предыдущаго. Парламентскимъ актомъ 1604 г. онъ былъ возстановленъ во всѣхъ правахъ. Поступивъ въ армію, принималъ участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ въ Пфальцѣ и въ Испаніи. Въ палатѣ лордовъ онъ принадлежалъ къ оппозиціи, протестовалъ противъ произвольныхъ мѣръ Іакова I и Карла I и отстаивалъ привилегіи парламента. Зная его лояльность, Карлъ I послѣ возстанія шотландцевъ пытался привлечь его на свою сторону и назначилъ командовать арміей, посланной противъ шотландцевъ. Тѣмъ не менѣе Э., вмѣстѣ съ другими 11 пэрами, подписалъ въ 1640 г. петицію о созывѣ парламента, а послѣ окончательнаго разрыва между королемъ и парламентомъ сталъ на сторону послѣдняго. Въ 1642 г. онъ былъ назначенъ главнокомандующимъ парламентской арміей и вслѣдъ затѣмъ одержалъ блестящую побѣду надъ роялистами при Эджгиллѣ. Надѣясь на примиреніе между обѣими партіями, онъ избѣгалъ, однако, рѣшительныхъ дѣйствій; вдобавокъ онъ не пользовался достаточнымъ авторитетомъ среди парламентскихъ генераловъ. Поэтому за первой побѣдой послѣдовалъ рядъ неудачъ. Въ силу парламентскаго акта 1645 г., запрещавшаго членамъ парламента занимать какія-нибудь должности въ арміи, онъ сложилъ съ себя команду.

Эссексъ (Джемсъ Essex, 1723—84)—англійскій архитекторъ, отличный знатокъ и одинъ изъ первыхъ возродителей готическаго стиля, составилъ себѣ извѣстность 1757 рисунками къ сочиненію Бентэма «Описаніе собора въ Эли», реставраціею капеллы королевскаго коллегія въ Кембриджѣ, одной изъ капеллъ собора въ Эли и башни при капеллѣ винчестерскаго коллегія. Имъ сочинены въ итальянскомъ стилѣ проекты Шайръ-Галля въ Кембриджѣ (1774) и Гейдгалля (1782), а также изданы: «Замѣчанія о древности кирпичныхъ и каменныхъ построекъ въ Англіи», «Разсужденіе о Линкольнскомъ соборѣ», «Изслѣдованіе о древнихъ круглыхъ храмахъ преимущественно кембриджскихъ» и нѣсколько другихъ полезныхъ въ свое время сочиненій по части архитектуры.

Эссенвейнъ (Аугустъ-Оттмаръ Essenwein, 1831—92)—нѣмецкій архитекторъ и археологъ, получилъ образованіе въ политехническомъ училищѣ въ Карлсруэ, въ берлинской строительной академіи и въ мастерской Ферстеля въ Вѣнѣ. Еще въ бытность свою въ Карлсруэ неоднократно дѣлалъ поѣздки по Германіи и потомъ путешествовалъ въ другія страны, изучая при этомъ старинные памятники искусства и заводя знакомство съ выдающимися знатоками и историками архитектуры. Въ 1856—64 гг. служилъ въ Вѣнѣ инженеромъ и начальникомъ бюро въ управленіи австрійскихъ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ, въ 1864 и 1865 гг. былъ главнымъ городскимъ архитекторомъ въ Грацѣ и съ 1866 г. почти до конца своей жизни директоромъ германскаго музея въ Нюрнбергѣ, благодаря ему приведеннаго въ это время въ строгій порядокъ, обогатившагося многими коллекціями и расширившагося пристройками. Подъ руководствомъ и по его проектамъ Э. были расписаны внутри церкви С.-Марія-инъ-Капитоліо, въ Кельнѣ, и особенно мастерски брауншвейгскій соборъ. Важнѣйшія сочиненія Э.: «Norddeutschlands Backsteinbau in Mittelalter» (1855—56); «Mittelalterische Kunstdenkmäler in Krakau» (Нюрнбергъ, 1869); «Quellen zur Geschichte der Feuerwaffen», «Kunst- und culturgeschichtliche Denkmäler des Germanischen Museums» (Нюрнбергъ, 1877) и «Die Wandgemälde im Dom zu Braunschweig» (Брауншв., 1881). Въ Брокгаузовскомъ изданіи «Bilder-atlas» (Лпц., 1877) Э. составленъ весь архитектурный отдѣлъ.

Эссентуки—см. Ессентуки (XI, 685).

Эссенціи фруктовыя и ликерныя.—Подъ этимъ названіемъ въ техникѣ извѣстны различнаго рода смѣси изъ сложныхъ эѳировъ (см.), подражающія запаху разнообразныхъ фруктовъ, цвѣтовъ и растеній и примѣняемыя въ кондитерскомъ, ликерномъ и парфюмерномъ (отчасти) производствахъ. Иногда къ сложнымъ эѳирамъ прибавляются спиртныя вытяжки изъ настоящихъ фруктъ, натуральныя эѳирныя масла и т. п. Техническіе способы полученія сложныхъ эѳировъ не отличаются почти ничѣмъ отъ способовъ научныхъ, лабораторныхъ. Всего чаще примѣняется непосредственная перегонка спирта съ органической кислотой въ присутствіи крѣпкой сѣрной кислоты. Меньшее количество эѳировъ приготовляется дѣйствіемъ соотвѣтствующихъ сѣрно-винной кислоты и натровой или каліевой соли органической кислоты. Еще рѣже сѣрную кислоту замѣняютъ соляной. Для наичаще употребляемыхъ фруктовыхъ эссенцій употребляются иногда и спеціальные способы приготовленія, въ которыхъ обыкновенно изъ какихъ-либо доступныхъ матеріаловъ сначала получается органическая кислота, а затѣмъ она уже реагируетъ съ имѣющимся въ реакціи спиртомъ. Наичаще примѣняемымъ и наиболѣе доступнымъ является *уксусно-этиловый*, или, какъ его обыкновенно называютъ, прямо *уксусный* эѳиръ $CH_3COOC_2H_5$. Его заводскимъ путемъ готовятъ слѣдующимъ образомъ: въ большой мѣдный, луженый, снабженный механической мѣшалкой кубъ помѣщаютъ 300 кгр. предварительно сплавленнаго, измельченнаго и просѣяннаго уксусно-кислаго натра и затѣмъ черезъ особую приводную трубку подливаютъ охлажденную смѣсь изъ 340 кгр. крѣпкой сѣрной кислоты и 270 кгр. виннаго 95% спирта. Всю массу оставляютъ на сутки стоять безъ нагрѣванія, но при тщательномъ размѣшиваніи, а затѣмъ, не прекращая работы мѣшалки, приступаютъ къ перегонкѣ, для чего кубъ обыкновенно нагрѣвается прямо на го-

ломъ огнѣ печи, въ которую онъ вмазанъ. Отгонъ состоитъ изъ уксуснаго эѳира въ смѣси со спиртомъ, уксусной и сѣрнистой кислотами. Такой сырой эѳиръ перегоняется еще разъ надъ жженой магнезіей и густымъ известковымъ молокомъ и такимъ образомъ освобождается совершенно отъ кислыхъ примѣсей. Отъ спирта онъ отдѣляется промываніемъ возможно насыщеннымъ воднымъ растворомъ хлористаго кальція, а затѣмъ сушится сплавленнымъ хлористымъ кальціемъ и вторично перегоняется. Иногда вмѣсто уксусно-кислаго натра въ реакцію пускаютъ уксусно-кислый свинецъ, беря на 16 в. ч. его 4,5 ч. спирта и 6 ч. сѣрной кислоты. Уксусный эѳиръ, полученный этимъ способомъ, отличается нѣсколько по запаху и содержитъ, повидимому, нѣкоторое количество ацетона. Уксусный эѳиръ обладаетъ особымъ специфическимъ запахомъ и въ большихъ количествахъ идетъ для различныхъ техническихъ потребностей. Изъ другихъ уксусныхъ эѳировъ самое большое примѣненіе находитъ эѳиръ *уксусно-амиловый*. Приготовляется онъ или способомъ, совершенно аналогичнымъ выше описанному (на 2 ч. уксуснокислаго калія 1 ч. амиловаго спирта и 1 ч. крѣпкой сѣрной кислоты), или нагрѣваніемъ въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ до 100° смѣси изъ 1 ч. уксусной кислоты, 1 ч. амиловаго спирта и $^1/_2$ ч. сѣрной кислоты. Охлажденную смѣсь затѣмъ выливаютъ въ большое количество воды, всплывшій эѳиръ отдѣляютъ, промываютъ, сушатъ и ректифицируютъ. Запахъ описываемаго эѳира не то ананасный, не то грушевый. Чисто ананаснымъ запахомъ обладаетъ другой, также сильно въ кондитерскомъ дѣлѣ примѣняемый эѳиръ, а именно *масляно-этиловый*, или, какъ его въ торговлѣ называютъ, прямо *масляный* ($C_4H_9COOC_2H_5$). Эѳиръ этотъ готовятъ или прямо изъ масляной кислоты, смѣшивая 4 ч. масляной кислоты, 4 ч. спирта и 2 ч. сѣрной кислоты и снимая пипеткой быстро на холоду образующійся и всплывающій наверхъ масляный эѳиръ или изъ щелочныхъ солей масляной кислоты (масл. мыла), подвергая быстрой перегонкѣ смѣсь изъ 5 ч. мыла, предварительно растворенняго въ 2,5 ч. 90° спирта, и 2 ч. 90° спирта и 5 ч. англійской, дымящейся сѣрной кислоты. При только что описанномъ способѣ полученія масляное мыло приготовляется обыкновенно обмыливаніемъ щелочью испорченнаго, прогорклаго коровьяго масла, а такъ какъ таковое содержитъ кромѣ масляной цѣльный рядъ еще другихъ летучихъ кислотъ и всѣ онѣ даютъ мыло, а затѣмъ и этеризуются, то такимъ образомъ получаемый «масляный» эѳиръ представляетъ собою весьма сложную смѣсь эѳировъ цѣлаго ряда кислотъ. На запахъ, однако, это обстоятельство особаго вліянія не оказываетъ и масляный эѳиръ, какъ изъ масляной кислоты, такъ и изъ масляного мыла употребляются въ кондитерскомъ дѣлѣ безразлично. Кромѣ масляно-этиловаго, зачастую употребляется весьма съ нимъ по запаху сходный (но отчасти напоминающій и яблочный) *масляно-амиловый эѳиръ*, получаемый совершенно подобно предыдущему и также при употребленіи масляного мыла представляющій собою довольно сложную смѣсь. Не малое примѣненіе имѣютъ и изъ дешевыхъ матеріаловъ получаются муравьиные эѳиры. ***Муравьино-этиловый эѳиръ*** (употребляется для приготовленія ромовой эссенціи) готовится такъ: въ мѣдный, выложенный свинцомъ кубъ помѣщаютъ смѣсь изъ 2,25 ч. крахмальной муки и 7,25 ч. мелко измельченной перекиси марганца съ содержаніемъ MnO_2 не менѣе 85% и постепенно подливаютъ охлажденную смѣсь изъ 7 ч. H_2SO_4 и 5 ч. спирта въ 70°. Кубъ затѣмъ нагрѣваютъ при помощи паровой ванны до тѣхъ поръ, пока не начнется реакція, что узнаютъ по начавшейся перегонкѣ. Нагрѣваніе тогда прекращаютъ и реакція протекаетъ до конца самостоятельно. Въ началѣ при этомъ отгоняется почти чистый спиртъ, а какъ только дистиллятъ начинаетъ пріобрѣтать сильный запахъ рома, пріемникъ перемѣняютъ. Отогнанный въ первую порцію спиртъ затѣмъ снова пускается въ реакцію; для этой же цѣли можетъ служить и муравьиная кислота, которую въ концѣ гонки можно отогнать изъ куба, подвергнувъ его нагрѣванію. Муравьиный эѳиръ очищаютъ промываніемъ и ректификаціей надъ жженой магнезіей. Кромѣ описаннаго способа, муравьиный эѳиръ на фабрикахъ, приготовляющихъ фруктовыя Э., готовятъ и иначе, а именно: въ объемистомъ кубѣ, снабженномъ обратно поставленнымъ холодильникомъ, нагрѣваютъ смѣсь изъ 4 частей безводнаго глицерина, одной части крист. щавелевой кислоты и одной части 90—95° спирта. Щавелевая кислота при этомъ распадается на кислоты угольную и муравьиную и воду, а глицеринъ въ реакцію не входитъ и служитъ только для болѣе равномѣрнаго нагрѣванія щавелевой кислоты. Нагрѣваніе ведутъ до прекращенія выдѣленія пузырьковъ углекислаго газа, а затѣмъ въ кубъ прибавляютъ еще столько же, какъ прежде, щавелевой кислоты и спирта и снова его нагрѣваютъ. Операцію повторяютъ до тѣхъ поръ, пока вѣсъ прибавленной щавелевой кислоты будетъ равняться вѣсу взятаго первоначально глицерина. Затѣмъ обратно поставленный холодильникъ замѣняютъ холодильникомъ прямымъ и образовавшійся муравьино-этиловый эѳиръ отгоняютъ. Сгущенный въ кубѣ глицеринъ снова можетъ быть употребленъ въ дѣло. Изъ эѳировъ болѣе сложныхъ кислотъ упомянемъ: *валеріаново-амиловый эѳиръ*, *эѳиры кислотъ капроновой и каприловой*, *энантовой и пеларгоновой*. Всѣ эти эѳиры получаются обыкновенными способами, кромѣ двухъ послѣднихъ, для которыхъ существуютъ способы нѣсколько особые.

Энантовый эѳиръ получаютъ иногда фракціонировкой винограднаго спирта, въ которомъ эѳиръ этотъ всегда содержится, а иногда и обычными путями изъ энантовой кислоты, образующейся весьма легко при окисленіи касторовaго масла азотной кислотой. Винные дрожжи, подвергнутые перегонкѣ, даютъ всегда около 4—5% сырого виннаго спирта съ большимъ, сравнительно, содержаніемъ энантоваго эѳира. Высокая температура кипѣнія его (225—230°) позволяетъ отдѣлить его отъ спирта фрак-

ціонировкой. *Пеларгоновый эѳиръ* всегда содержится въ сивушномъ маслѣ и можетъ быть подобно энантовому полученъ при перегонкѣ спиртовыхъ дрожжей въ количествѣ 100 кил. съ 150 кил. воды и 1 кил. H_2SO_4. Можно получить его также обработкой рутнаго масла слабой азотной кислотой. И тотъ и другой продуктъ въ продажѣ болѣе извѣстны подъ названіемъ *коньячной эссенціи*. Изъ эѳировъ кислотъ непредѣльныхъ небольшое примѣненіе имѣютъ только эѳиры *олеиновой кислоты*, приготовляемые обыкновеннымъ образомъ изъ кислоты и спирта въ присутствіи сѣрной кислоты. Гораздо большее значеніе имѣютъ нѣкоторые эѳиры многоосновныхъ кислотъ, а именно щавелевой, янтарной и лимонной. *Щавелево-этиловый эѳиръ* получается легко при перегонкѣ 4 ч. щавелеваго калія съ 5 ч. сѣрной кислоты и 4 ч. спирта въ 90°; примѣняется только въ кондитерскомъ и парфюмерномъ дѣлѣ, а въ ликерномъ примѣненію его препятствуетъ весьма легкая разлагаемость. Вообще эѳиръ этотъ, весьма трудно омыляясь чистой водой, легко разлагается даже безъ нагрѣванія водой, содержащей небольшое количество кислоты и спирта. *Янтарно-этиловый эѳиръ* получается многочасовымъ нагрѣваніемъ на масляной банѣ съ обратно поставленнымъ холодильникомъ смѣси изъ 10 ч. янтарной кисл., 10 ч. спирта и 5 ч. сѣрной кислоты. Кромѣ своеобразнаго запаха онъ отличается еще и пикантнымъ, нѣсколько жгучимъ и кисловатымъ вкусомъ. *Лимонно-этиловый эѳиръ* получается такъ: съ прямо поставленнымъ холодильникомъ нагрѣваютъ 10 ч. крист. лимонной кислоты съ 110 ч. спирта и 50 ч. сѣрной кислоты до тѣхъ поръ, пока не отгонится около $^1/_3$ взятаго спирта; тогда не перегнавшійся остатокъ разбавляютъ водой, отдѣляютъ выдѣлившійся лимонный эѳиръ и промываютъ его. Перегоняется онъ безъ разложенія только подъ уменьшеннымъ давленіемъ, а потому въ продажу онъ часто поступаетъ не ректифицированный. Запахъ лимоннаго эѳира не особенно пріятный, напоминающій деревянное масло, но онъ входитъ въ составъ нѣкоторыхъ фруктовыхъ Э. Изъ эѳировъ ароматическихъ кислотъ особенно часто употребляется *бензойно-этиловый эѳиръ* (въ торговлѣ прямо бензойный эѳиръ), получаемый продолжительнымъ, но не сильнымъ нагрѣваніемъ 4 ч. бензойной кисл., 8 ч. 95° или крѣпче спирта и 2 ч. соляной кисл. Бальзамическій запахъ эѳира дѣлаетъ его особенно пригоднымъ въ ликерномъ дѣлѣ. Еще большее значеніе имѣетъ, пожалуй, *салицилово-метиловый эѳиръ*, получаемый перегонкой салициловой кислоты и метиловаго спирта въ присутствіи H_2SO_4 и почти вытѣснившій изъ парфюмеріи и ликернаго дѣла масло gaultheria procumbens. Кромѣ эѳировъ органическихъ кислотъ въ составъ фруктовыхъ Э. входитъ также одинъ изъ эѳировъ неорганической, а именно азотистой кислоты. *Азотисто-этиловый эѳиръ* приготовляется разнообразнѣйшими способами (дѣйствіемъ дымящейся азотной кислоты на смѣсь воды и спирта, дѣйствіемъ окисловъ азота, выдѣляющихся изъ азотной кислоты при прибавленіи къ ней крахмала на ту же смѣсь спирта и воды и т. д.), но наиболѣе чистый и лучше сохраняемый онъ получается по способамъ Фельдгауса или Гросурди. По этому способу смѣшиваютъ 25 ч. KNO_2, 17,5 ч. 85° спирта и 12 ч. H_2SO_4 и черезъ двое сутокъ при осторожномъ нагрѣваніи отгоняютъ образовавшійся эѳиръ. Въ виду своей низкой температуры кипѣнія въ техникѣ азотистый эѳиръ въ чистомъ видѣ обыкновенно не примѣняется, а сохраняется и употребляется въ смѣси съ большимъ количествомъ спирта, въ видѣ препарата, извѣстнаго подъ названіемъ «Spiritus nitro-aethereus». Этотъ препаратъ приготовляютъ и сразу дѣйствуя на винный спиртъ удѣльнаго вѣса 0,810—0,815 концентрированной дымящейся азотной кислотой и отгоняя съ песчаной бани около $^8/_{10}$ по объему жидкости. Взболтанный съ жженой магнезіей, отфильтрованный и еще разъ перегнанный дистиллятъ удѣльнаго вѣса 0,840—0,845 представляетъ собою Sp. n. aeth. Всѣ описанные, а также и нѣкоторые нами не упомянутые эѳиры, рѣдко когда примѣняются въ чистомъ видѣ; продаваемыя «ананасныя», «яблочныя» и т. д., и т. д. Э. всегда представляютъ смѣсь нѣсколькихъ эѳировъ, а иногда и другихъ пахучихъ или вкусовыхъ веществъ. Существуетъ масса рецептовъ подобныхъ эссенцій, но мы ограничимся приведеніемъ въ нижеслѣдущей табличкѣ только прописей Клечинскаго, классическихъ въ своемъ родѣ, хотя и не всегда удовлетворительныхъ. Они были первыми, лѣтъ 25 назадъ опубликованными рецептами фруктовыхъ эссенцій и послужили исходнымъ пунктомъ для всѣхъ послѣдующихъ прописей.

Сложныя Э., составленныя изъ нѣсколькихъ эѳировъ, приготовляютъ не только тщательно перемѣшивая между собой эти составныя части, а зачастую подвергая такую смѣсь перегонкѣ. Если при этомъ въ составъ Э. не входитъ никакой свободной кислоты, то перегонку ведутъ, обыкновенно, надъ жженой магнезіей. Наиболѣе дешевыя фруктовыя и ликерныя Э. приготовляются по приведеннымъ нами рецептамъ только изъ веществъ, искусственно получаемыхъ, для болѣе дорогихъ Э. прибѣгаютъ къ примѣси фруктовыхъ соковъ, экстрактовъ и сироповъ. Поступаютъ, напр., такъ: апельсиновую Э., приготовленную по прописи (но безъ прибавки померанцеваго масла) разбавляютъ въ пять-шесть разъ виннымъ спиртомъ и затѣмъ настаиваютъ эту смѣсь на апельсинной цедрѣ, поддерживая все время настаиванія температуру близкой къ кипѣнію спирта. Къ такому экстракту прибавляютъ затѣмъ сока изъ апельсиновъ, съ которыхъ была снята цедра, смѣсь процѣживаютъ и «апельсинная Э. высшаго сорта» готова. Прибавляютъ иногда къ «фруктовымъ Э.» и отдѣльно приготовленные спиртовые или спирто-сахарные экстракты фруктовъ и пряностей, готовятъ эти экстракты иногда не прямо изъ фруктовъ, кореньевъ и т. п., а изъ предварительно полученныхъ изъ нихъ эѳирныхъ маселъ. Въ особенности сложнымъ составомъ отличаются ликерныя Э. Вотъ, напр., рецептъ Э. вермутоваго ликера: этеризуютъ въ продолженіе сутокъ на водяной банѣ 200 к.

	Яблочная.	Абрикосовая.	Банановая.	Ежевиковая.	Вишневая.	Крыжовниковая.	Виноградная.	Лимонная.	Дынная.	Апельсинная.	Персиковая.	Грушевая.	Ананасная.	Сливовая.	Малиновая.	Черешневая.	Смородиновая.	Земляничная.
Сивушное масло	—	20	—	—	—	—	—	—	—	—	20	—	—	—	—	—	—	—
Альдегидъ	20	—	10	—	—	10	20	20	20	20	20	—	10	50	10	—	10	—
Хлороформъ	10	10	10	—	—	—	20	10	—	20	—	—	10	—	—	—	—	—
Глицеринъ	40	40	30	—	30	—	100	50	30	100	30	100	30	80	40	—	—	20
Спиртн. раств. бензойной кисл.	—	—	—	20	10	10	—	—	—	—	—	—	—	—	—	20	10	—
» » щавелевой »	100	—	—	10	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	10	—	—
» » янтарной »	—	—	—	—	—	10	30	10	—	—	—	—	—	—	10	—	10	—
» » винной »	—	10	—	—	—	50	50	100	—	100	—	—	—	—	50	—	50	—
» » энантовой »	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Уксусный эѳиръ	10	—	—	100	50	50	—	100	—	50	50	50	—	50	50	100	50	—
Бензойный эѳиръ	—	—	—	50	50	10	—	—	—	10	—	—	—	—	10	50	10	10
Масляный эѳиръ	—	100	50	—	—	—	—	—	40	10	50	—	50	20	10	—	—	50
Муравьиный эѳиръ	—	—	—	—	—	—	20	—	10	10	50	—	—	10	10	—	—	10
Азотистый эѳиръ	10	—	—	—	—	—	—	10	—	—	—	—	—	—	10	—	—	10
Энантовый эѳиръ	—	—	—	—	—	10	100	—	—	—	—	—	—	—	10	—	10	—
Валеріановый эѳиръ	—	50	—	—	—	—	—	—	50	—	50	—	—	—	—	—	—	—
Уксусно-амил. эѳиръ	—	—	—	—	—	—	—	—	—	10	—	100	—	—	10	—	—	30
Масляно-амил. эѳиръ	—	10	100	—	—	—	—	—	—	—	—	—	100	—	10	—	—	20
Валеріаново-амил. эѳиръ	100	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Салициловый эѳиръ	—	—	—	—	—	—	10	—	—	10	—	—	—	—	10	—	—	10
Лимонное масло	—	—	—	—	—	—	—	100	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Померанцевое масло	—	—	—	—	—	—	—	—	—	100	—	—	—	—	—	—	—	—
Масло косточекъ персиковыхъ	—	10	—	20	10	—	—	—	—	—	50	—	—	40	—	20	—	—

95° спирта и 150 к. воды съ 200 к. полынной травы, 25 к. корня горечавки, 12 к. дягиля, 6 к. тысячелистника, 12 к. мелиссы, 6 к. перечной мяты, 3 к. сѣмени аниса, 3 к. сѣмени укропа, 2 к. сѣмени коріандра, 1 к. гвоздики и 1 к. корицы, даютъ въ продолженіе недѣли отстояться, фильтруютъ и подкрашиваютъ какой-либо зеленой растительной краской. Э. для шартреза приготовляется перегонкой надъ жженой магнезіей смѣси изъ 5 к. апельсиноваго масла, 5 к. лимоннаго, 3 к. померанцеваго масла (изъ цвѣтовъ), 2 к. мятнаго масла, 2 к. коричнаго масла, 2 к. гвоздичнаго масла, 2 к. дягильнаго масла, 1 к. розоваго масла, ½ к. кардамоноваго масла, ½ к. полыннаго масла, ½ к. масла ромашки, ½ к. масла мускатнаго орѣха, 3 к. ананасной Э. (по выше привед. прописи), 2 к. спиртовой настойки изъ фіалокъ и фіалковаго корня, 1 к. спиртовой настойки изъ изюма, 1 к. уксуснаго эѳира и 0,3 к. мускусной настойки. Какъ эти примѣры показываютъ, сложность состава фруктовыхъ и ликерныхъ Э. можетъ быть весьма велика и въ концѣ концовъ могутъ быть Э. вовсе не заключающія въ своемъ составѣ сложныхъ эѳировъ. Э. въ настоящее время называютъ напр. иногда просто очень крѣпкіе духи, которые для обыкновеннаго употребленія приходится разбавлять спиртомъ; уксусной Э. называютъ просто крѣпкій водный растворъ уксусной кислоты, служащій для приготовленія столоваго уксуса и т. д. Затѣмъ въ виду того, что essences по-французски равнозначуще huiles essentielles и что этимъ именемъ французы называютъ эѳирныя масла, у насъ Э. зачастую называютъ также чистыя эѳирныя масла и «лимонная Э.» можетъ поэтому обозначать по-просту лимонное масло, спиртовой растворъ лимоннаго масла и, наконецъ, смѣсь лимоннаго масла и другихъ ингредіентовъ (въ томъ числѣ и сложныхъ эѳировъ), служащую для приготовленія лимонада, лимонной карамели, какихъ-либо ликеровъ и т. д. Всѣ фруктовыя и ликерныя Э. передъ употребленіемъ должны быть болѣе или менѣе продолжительное время выдержаны. Сохраняютъ ихъ всегда въ совершенно до-верху наполненной стеклянной посудѣ и въ темномъ мѣстѣ.

К. Дебу. Δ.

Эссенъ (Essen) — городъ въ прусской Рейнской провинціи, въ рейнско-вестфальскомъ каменноугольномъ районѣ. Жителей въ 1901 г. 182100; за послѣднія 20 лѣтъ населеніе города утроилось и Эссенъ сдѣлался однимъ изъ крупныхъ центровъ германской каменноугольной и металлургической промышленности. Въ Эссенскомъ округѣ 36 каменноугольныхъ предпріятій, въ которыхъ въ 1900 г. были заняты 43170 раб. и добыто 12,8 милл. тоннъ угля. Знаменитые металлургическіе и орудійные заводы Круппа (27462 рабочихъ), желѣзопрокатные, котельные, машиностроительные заводы, производство принадлежностей для электрическаго освѣщенія и печей; сѣдельное и кирпичное производства; лѣсопильные заводы. Католическій соборъ X в., съ хорошо сохранившеюся живописью XII—XIV вв. и семисвѣщникомъ 998 г.; ратуша въ готическомъ стилѣ; памятники имп. Вильгельма I, Бисмарка и Альфреда Круппа. Фирмой Круппа устроено нѣсколько образцовыхъ благотворительныхъ

учрежденій и учрежденъ спеціальный фондъ (500 тыс. марокъ) для благотворительныхъ цѣлей. Въ IX в. здѣсь былъ основанъ женскій бенедиктинскій монастырь. Въ 1003 г. настоятельница монастыря Гагона, сестра императора Генриха I, окружила возникшее вокругъ монастыря селеніе стѣнами и положила основаніе городу. Монастырь въ 1275 г. получилъ имперскія права и настоятельница его засѣдала въ рейнскомъ сеймѣ прелатовъ. Сюзеренное право надъ Э. сначала принадлежало графамъ Маркъ, потомъ (1495) герцогамъ Юлихъ-Клеве-Бергскимъ, а съ 1609 г. Бранденбургу. Въ 1801 г. монастырское владѣніе Э. было секуляризовано; въ 1803 г. оно было отдано Пруссіи (165 кв. км. и 14 тыс. жит.). Въ 1807 г. Э. присоединенъ былъ къ герцогству Бергъ; въ 1814 г. возвращенъ Пруссіи. Ср. Funcke, «Geschichte des Fürstentums und der Stadt Essen» (1851); «Beiträge zur Gesch. von Stadt und Stift Essen» (1881 и сл.).

Эссенъ—пресѣкшійся графскій родъ, происходившій изъ Голландіи; родоначальникомъ собственно русскаго рода Э. былъ с.-петербургскій военный генералъ-губернаторъ, членъ государственнаго совѣта, генералъ отъ-инфантеріи *Петръ Кирилловичъ Э.* (1772—1844), возведенный въ 1833 г. въ графское достоинство Россійской Имперіи. Въ 1835 г. Высочайше повелѣно графу Якову Ивановичу Стенбокъ-Ферморъ, женатому на единственной дочери Петра Кирилловича, Александрѣ, принять фамилію тестя и именоваться *Эссенъ-Стенбокъ-Ферморъ*. Гербъ внесенъ въ XI ч. Общаго Гербовника. Существуетъ нѣсколько дворянскихъ родовъ Э., происходящихъ отъ древнихъ лифляндскихъ дворянъ, и другихъ, болѣе поздняго происхожденія. *В. Р—въ.*

Эсслингенъ (Esslingen)—городъ въ королевствѣ Вюртембергскомъ, на правомъ берегу р. Неккаръ. 27197 жит. Церкви XI и XV столѣтій; старинные замки. 80 фабрикъ; приготовленіе галантерейныхъ и металлическихъ издѣлій, постройка локомотивовъ и машинъ, значительное пивовареніе. Э. основанъ въ VIII в., сталъ въ 1209 г. вольнымъ имперскимъ городомъ, въ 1802 г. присоединенъ къ Вюртембергу. Исторію его написалъ урожевецъ Э. Пфаффъ († 1866), которому въ Э. поставленъ памятникъ. Близъ Э. въ 1796 г. произошло столкновеніе французскихъ войскъ, подъ начальствомъ Моро, съ австрійцами.

Эсслинг(ен)ъ (Essling, Esslingen) — деревня въ Нижней Австріи, близъ Вѣны, на лѣвомъ берегу Дуная. Близъ нея произошла 21 и 22 мая 1809 г., битва между французами и австрійцами, за которую маршалъ Массенà получилъ титулъ *герцога Эсслингскаго*. Ср. Асперпъ (II, 302).

Эссъ (Іоганнъ-Генрихъ Ess), въ монашествѣ *Леандръ*—католическій богословъ (1772—1822) бенедектинскій монахъ, профессоръ въ Марбургѣ. Его переводъ Новаго Завѣта былъ въ 1821 г. запрещенъ папою, какъ несогласный съ Вульгатою. Защищалъ въ нѣсколькихъ сочиненіяхъ право міранъ знакомиться съ Св. Писаніемъ.

Эстакада—подводное свайное загражденіе (см. Загражденія) рѣкъ и морскихъ проходовъ, устраиваемое съ цѣлью преградить путь непріятельскимъ судамъ во время войны. Состоя изъ многочисленныхъ вбитыхъ въ дно свай, Э. сильно стѣсняютъ живое сѣченіе фарватера и потому примѣняются только при

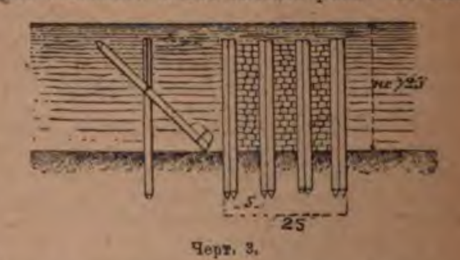
Черт. 1.

слабыхъ теченіяхъ и при глубинѣ не превосходящей 4 саженъ. Въ зависимости отъ свойствъ заграждаемаго воднаго прохода и имѣющихся въ распоряженіи рабочихъ средствъ, матеріаловъ и времени, ихъ устройство можетъ быть весьма разнообразнымъ. Чаще всего Э. со-

Черт. 2.

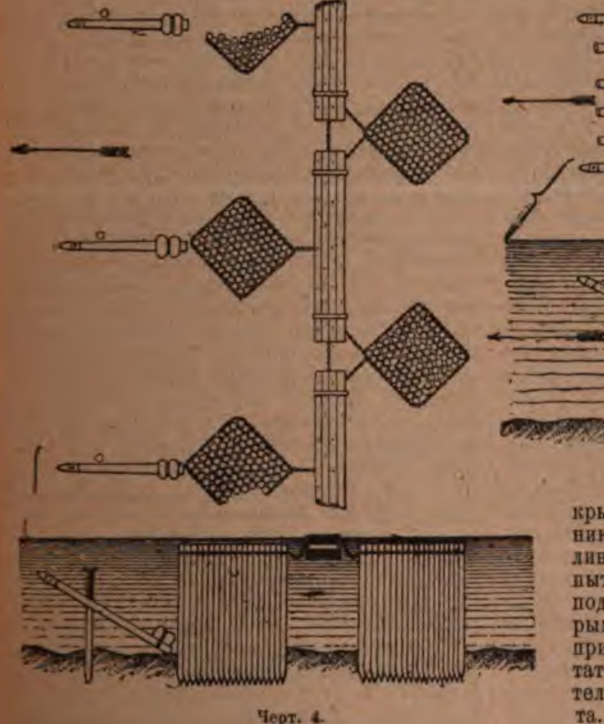
стоятъ: I. Изъ ряда забитыхъ поперекъ воднаго прохода и срѣзанныхъ до горизонта воды свай, верхніе концы которыхъ связаны между собою насадками (черт. 1), плавающими бревнами (черт. 2), или цѣпями. Такой типъ свайнаго загражденія можетъ быть примѣненъ и при быстромъ теченіи, такъ какъ мало стѣсняетъ живое сѣченіе рѣки. II. Изъ

Черт. 3.

нѣсколькихъ рядовъ парныхъ свай съ промежутками, заполненными крупными камнями (черт. 3). Разстояніе между рядами 5 фт. Общая толщина загражденія 25 фт. Сверху сваи скрѣплены канатами или цѣпями. Спереди — привязанныя къ отдѣльнымъ сваямъ наклонныя заостренныя бревна, имѣющія назначеніемъ предохранять загражденіе отъ непосредственныхъ ударовъ непріятельскихъ судовъ. Къ нижней части наклонной сваи

привязанъ грузъ, удерживающій ее въ этомъ положеніи. Разстояніе между наклонными бревнами дѣлается не болѣе ширины непріятельскаго судна. III. Изъ свайныхъ кустовъ, расположенныхъ въ шахматномъ порядкѣ съ прочными бонами (см. Бонъ) между ними (черт. 4). Такія загражденія были устроены въ войну 1861—65 гг. южанами при оборонѣ Мобильской бухты и вполнѣ оправдали возлагавшіяся на нихъ надежды. Командовавшій эскадрой сѣверянъ адмиралъ Фаррагутъ въ своихъ донесеніяхъ называлъ

Черт. 4.

подобныя загражденія *«неодолимыми для флота»*. IV. Изъ наклонныхъ бревенъ, соединенныхъ между собою по четыре и образующихъ родъ плотика (черт. 5), одинъ конецъ котораго опущенъ на дно съ помощью груза, а другой поддерживается бочками. Разстояніе между плотиками $2^1/_2$ фута; они соединяются цѣпями или веревками и упираются въ два ряда свай. Эти загражденія впервые были примѣнены на Tombigbee-River, близъ Owen-Bluff, въ 110 миляхъ выше Мобиля. Происхожденіе ихъ слѣдующее: американскія рѣки во время половодья вырываютъ съ корнями громадныя деревья, растущія по берегамъ, и увлекаютъ ихъ съ собою. Корни намокаютъ, опускаются на дно и запутываются тамъ, а верхушки остановившихся деревьевъ представляютъ очень опасныя для судоходства препятствія, называемыя Sawiers. При загражденіи рѣки Tombigbee одинъ американскій инженеръ предложилъ устроить такія Sawiers искусственно. Съ этою цѣлью были взяты бревна длиною отъ 40 до 50 футъ, сообразно глубинѣ рѣки, и соединены между собою по четыре въ разстояніи 30 дюймовъ одно отъ другого. Каждыя четыре бревна образовали плотикъ и соединялись съ сосѣдними плотиками цѣпями. Для укладки плотики сплавляли по рѣкѣ къ тому мѣсту, гдѣ должно было быть устроено загражденіе; здѣсь наполняли камнемъ или кирпичемъ ящики, устроенные у нижняго конца плотиковъ, а къ верхнимъ концамъ прикрѣпляли по три боченка. Верхніе концы бревенъ находились на пять футъ ниже уровня воды и были по-

Черт. 5.

крыты острыми желѣзными наконечниками. Всего было устроено четыре линіи такихъ загражденій. Боевому испытанію загражденія у Owen-Bluff не подверглись, но затрудненія, съ которыми пришлось бороться послѣ войны при снятіи ихъ, даютъ основаніе считать это загражденіе очень дѣйствительнымъ препятствіемъ движенію флота. Э. только тогда вполнѣ преграждаютъ путь непріятельской эскадрѣ, когда находятся подъ защитой дѣйствительнаго артиллерійскаго огня съ берега. Въ противномъ случаѣ преодолѣніе ихъ сводится къ выполненію ряда техническихъ работъ по расчисткѣ фарватера, т. е. лишь къ нѣкоторому замедленію хода наступательной операціи противника, что конечно не соотвѣтствуетъ той огромной затратѣ труда и времени, съ которой неизбѣжно связано возведеніе подобнаго рода преградъ. *С. А. Ц.*

Эстампъ (франц. estampe)—отпечатокъ на бумагѣ (изрѣдка на пергаментѣ или на какой-либо ткани) изображенія, гравированнаго на мѣди какимъ бы то ни было способомъ—рѣзцомъ, сухою иглою, офортомъ, акватинтою и пр., а также оттискъ гравюры на стали, на камнѣ или на деревѣ.

Эстандартъ-юнкеръ—въ регулярной кавалеріи званіе, присвоенное нижнимъ чинамъ, выполнившимъ всѣ условія производства въ офицеры и ожидающимъ производства на вакансіи. Въ 1903 г. званіе Э.-юнкера упразднено.

Эстафета (франц. estafette) — конная почта, посылка нарочныхъ гонцовъ, особенно верховыхъ. Въ большинствѣ государствъ она въ настоящее время отмѣнена. Въ Россіи и Австро-Венгріи до сихъ поръ черезъ Э. могутъ доставляться телеграммы въ мѣста, гдѣ нѣтъ телеграфныхъ станцій. Въ Россіи при подачѣ телеграммъ, назначенныхъ для доставленія въ сторону отъ адреснаго телеграфнаго учрежденія съ нарочнымъ или по Э., взимается съ отправителей плата по 10 коп. съ версты (но не менѣе 50 к. за каждую телеграмму).

Эсте (Este)—главн. гор. въ округѣ того же имени въ Италіи, въ провинціи Падуя, на канализованной р. Фрассине, у подошвы юго-западнаго отрога Эвганеевъ (Monte Murale). Жит. около 10000. Зубчатыя городскія стѣны XV стол.; построенная въ 1334 г. Убертино Каррарой «Рокка» (замокъ); въ церкви Санта Марія делле Граціе Мадонна прекрасной работы Чима да Конельяно (1509). Шелководство, производство поярковыхъ шляпъ, фарфоровыхъ и фаянсовыхъ издѣлій, селитры, точильныхъ брусковъ; оживленная торговля; археологическій музей. Э.—древняя Ateste, упоминаемая Плиніемъ и Тацитомъ. Была разрушена Аттилой; въ XII ст. отошла къ Падуѣ, а въ 1405 г. вмѣстѣ съ нею—къ республикѣ Венеціанской, въ составѣ которой и оставалась до самаго ея упраздненія въ 1797 г. Э.—родина извѣстной фамиліи Эсте (см.).

Эсте (d'Este)—одна изъ древнѣйшихъ княжескихъ фамилій Италіи, отразившая въ себѣ характерныя особенности итальянской цивилизаціи и итальянскаго «принципата». Судьбы рода д'Э.—это страница не одной итальянской, но и европейской исторіи; подробное знакомство съ ними даетъ пониманіе многихъ явленій, которыя создали ихъ самихъ, и такихъ, въ созданіи которыхъ они участвовали. — Фамильныя преданія Э. ведутъ происхожденіе рода отъ каролингскихъ намѣстниковъ въ Сѣверной Италіи. Очень рано они пріобрѣли титулъ маркграфовъ (маркизовъ). Впослѣдствіи, во времена величія фамиліи, придворные поэты сочинили имъ генеалогіи, которыя называли ихъ потомками самого Карла Вел. и даже троянскихъ царей. Мало по малу они пріобрѣли сеньеріальныя права на слѣдующіе сѣв.-итальянскіе города и территоріи (преимуществ. въ Веронской области): *Эсте* (отсюда ихъ имя, и это—древнѣйшее зерно ихъ могущества), Ровиго, Монтаньяну, Казале-Маджоре и Понтремоли. *Оберто I* († 972) и его сынъ *Оберто II* († ок. 1015) претендовали на обладаніе тосканскимъ маркграфствомъ, какъ «патримоніальною» должностью и землею. Они боролись съ германскими государями, заступаясь за ихъ противниковъ, Беренгара и Ардуина иврейскихъ. *Аццо*, сынъ Оберто II († 1029), и братъ его *Гуго*, упорно продолжавшіе ту же борьбу, попали въ плѣнъ къ императору Генриху II; освободившись, они пытались вытѣснить его изъ Италіи, выставляя кандидатуру короля французскаго Роберта на итальянскій престолъ. Дальнѣйшіе ихъ потомки въ своей итальянской политикѣ поддерживали папъ. Сынъ Гуго, *Аццо II* († 1097), энергично помогалъ Григорію VII и Матильдѣ тосканской противъ Генриха IV и присутствовалъ при знаменитой сценѣ въ Каноссѣ (1077). Такіе прецеденты надолго окрасили фамилію д'Э. въ гвельфскіе цвѣта. Аццо II женился на Кунигундѣ, сестрѣ одного изъ вліятельныхъ германскихъ князей, Вельфа III. Ихъ сыновья, *Вельфъ IV* и *Фулько I*, стали родоначальниками двухъ вѣтвей фамиліи Э.—*германской* (Вельфъ получилъ герцогство баварское) и *итальянской*. Особенно важна исторія послѣдней.

I. *Э. итальянской линіи, какъ представители ранняго абсолютизма въ Италіи и Европѣ.* Одинъ изъ потомковъ Фулько, *Аццо VII* (1205—1254), захватилъ Феррару, которая уже раньше попадала въ руки его предшественниковъ, но во время его малолѣтства была отнята мѣстною могущественною знатною фамиліею Салингуерра. Населеніе города признало Аццо своимъ государемъ. Вмѣстѣ съ гвельфскими городами Сѣв. Италіи, онъ воевалъ противъ Эццелино да Романо (см.), ревностнаго гибеллина и вѣрнаго союзника Фридриха II Гогенштауфена. Побѣда Аццо при Кассано положило предѣлъ блестящей карьерѣ Эццелино.—*Обиццо II* (1240—1293), вѣрный гвельфской партіи, сражался за Карла Анжу (неап.) противъ Манфреда Гогенштауфена. Въ 1276 г. Рудольфъ I Габсб. призналъ его маркизомъ Э. и владыкою Феррары. Граждане Модены (1288—1289) и Реджіо (1290) объявили его своимъ господиномъ. Съ этихъ поръ Феррара сдѣлалась центромъ владѣній дома д'Э. на три вѣка слишкомъ; Модена и Реджіо почти незыблемо связывались съ нею въ одно княжество. Только ненадолго раздоры между сыновьями Аццо VII—Аццо VIII (†1308), Франческо († 1312) и Альдобрандино († ок. 1312) — поколебали ихъ владычество въ трехъ названныхъ городахъ, и въ Феррарѣ сѣлъ-было Робертъ неаполитанскій, какъ папскій вассалъ (и папа, и императоръ, претендовали оба на суверенитетъ надъ этимъ городомъ). Сыновьямъ Альдобрандино II—Ринальдо, Обиццо III и Никола I—удалось вновь возвратить себѣ Феррару. Сыновья Обиццо III, при помощи императора Карла IV люкс., то при содѣйствіи, то при противодѣйствіи Висконти миланскихъ и Гонцага мантуанскихъ, утвердились опять въ Моденѣ, Реджіо и другихъ, болѣе мелкихъ сосѣднихъ городахъ. Княжество феррарское съ этихъ поръ было сколочено прочно, и для рода д'Э. наступилъ блестящій вѣкъ расцвѣта. —Фамилія д'Э. является одною изъ рано сложившихся «династій» въ исторіи мѣстныхъ «княжествъ» Италіи; она же оказалась одною изъ наиболѣе цѣпкихъ въ обладаніи и охранѣ пріобрѣтеннаго «самовластія». Развитіе «принципата» въ сѣверно-итальянскихъ городахъ, преимущественно въ XIV и XV вв., имѣло глубокое общеисторическое значеніе. Эта оригинальная форма госуд. устройства стала какъ бы первообразомъ въ Европѣ абсолютной монархіи. По происхожденію своему итал. «деспотіи» напоминаютъ и древне-греческія тиранніи, и римскій принципатъ. Онѣ возни-

кали путемъ рѣзко-внезапнаго или медленно подготовлявшагося переворота; вожди-узурпаторы, захватывая правленіе, опирались на популярность въ средѣ низшихъ классовъ населенія, неспособныхъ къ самоуправленію и утѣсненныхъ аристократіею, и поддерживали свое могущество преданною имъ военною силою, пользуясь неорганизованностью другихъ элементовъ общества, а иногда и помощью извнѣ. Разложеніе феодализма не могло смѣниться республиканскою демократіею, въ виду своекорыстія богатой буржуазіи—съ одной стороны, бѣдности, темноты и политической неподготовленности массы — съ другой. «Личность», въ даровитѣйшихъ членахъ интеллигентнаго и обезпеченнаго меньшинства, оказывалась сильнѣе разложившихся (феодальныя группы) или еще недозрѣлыхъ (коммуны) «ассоціацій». И вотъ, падавшіе феодальные міры уступили мѣсто маленькимъ деспотіямъ различныхъ наименованій (княжествамъ, герцогствамъ, маркизатамъ). Можно установить шесть главныхъ типовъ подобныхъ монарховъ, въ зависимости отъ особенностей ихъ происхожденія. Это были, *во-первыхъ*, представители крупныхъ фамилій изъ среды муниципальнаго гражданства или территоріальнаго рыцарства, пріобрѣтавшіе мало по малу матеріальную силу и политическій авторитетъ и основывавшіе свою власть на постепенно слагавшейся традиціи, съ теченіемъ времени образуя династію. *Второй* видъ составляли члены знати, получившіе достоинство намѣстниковъ (викаріевъ) императора и строившіе неограниченную власть на законномъ фундаментѣ имперскихъ правъ на Ломбардію. *Третій* видъ—захватъ единовластія при помощи насильственной монархизаціи высшихъ военныхъ (capitano) или судебныхъ (podestà) званій, съ порабощеніемъ гражданства, которымъ эти сановники были призваны управлять въ предѣлахъ опредѣленной компетенціи. *Четвертымъ* типомъ мѣстныхъ владыкъ были «кондотьеры» (см.), т. е. начальники вольнонаемныхъ вооруженныхъ отрядовъ, овладѣвшіе властью въ городѣ, призвавшемъ ихъ на помощь, посредствомъ военнаго переворота. *Пятую* категорію образуютъ папскіе «непоты», пріобрѣтавшіе себѣ княжества подъ покровительствомъ и при содѣйствіи римскаго престола. Наконецъ, *шестымъ* видомъ итальянскихъ монарховъ переходной эпохи были «принцепсы изъ буржуазіи», фактически присвоивавшіе себѣ самодержавіе надъ городомъ-республикою въ силу своего финансоваго могущества и политической ловкости, формально не нарушая демократическихъ учрежденій. Лучшимъ примѣромъ послѣднихъ являются старшіе флорентійскіе Медичи (Козимо и Лоренцо); пятые превосходно воплощаются въ Чезаре Борджіа (см.), четвертые—въ миланскихъ Сфорца, третьи—въ мантуанскихъ Гонцага, вторые—въ миланскихъ Висконти и веронскихъ Ла-Скала, наконецъ первые — въ феррарскихъ д'Эсте. При всемъ многоразличіи происхожденія, принципатъ вездѣ представлялъ нѣкоторыя общія черты и прежде всего окрашивался безусловнымъ и неограниченнымъ личнымъ произволомъ правителя, фактическимъ осуществленіемъ того положенія, о которомъ только мечталъ Фридрихъ Барбаросса, когда говорилъ, что быть государемъ, значитъ дѣлать безнаказанно все, что угодно («omnia impune facere — hoc est regem esse»). Правовое основаніе итальянскій абсолютизмъ-тираннія находилъ въ принципахъ римскаго права, оживавшаго повсюду въ Европѣ. Формально оно и не умирало никогда. Средневѣковая Священная Римская имперія провозглашала древнюю римскую монархическую идею: «что благоугодно государю, то имѣетъ силу закона» («quod principi placuit, legis habet vigorem»). Новый итальянскій принципатъ принужденъ былъ отказаться отъ притязанія на право власти Божіею милостію; но онъ съ готовностью принималъ вторую часть только что приведенной римской конституціонной формулы, производившую монархическій абсолютизмъ отъ народной воли («...utpote cum... populus ei [principi]... omne suum imperium et potestatem conferat»). Еще болѣе по душѣ ему было прикрывать свой произволъ понятіемъ «princeps legibus solutus, supra legibus constitutus», которое развивалось юрисконсультами послѣ-константиновской эпохи (т. е. идеею, что государь творитъ законъ, но самъ не связывается имъ). Въ устройствѣ сицилійско-неаполитанской монархіи у тиранновъ передъ глазами былъ реальный образецъ административной системы, являвшейся разумно выработаннымъ орудіемъ неограниченной верховной власти. Въ маленькихъ территоріальныхъ деспотіяхъ Сѣверной Италіи раскрывались въ зародышѣ тѣ же черты, которыя впослѣдствіи характеризовали крупныя абсолютныя монархіи: кромѣ самодержавія властителя, стремленіе къ централизаціи и бюрократизму въ управленіи, расширенію территоріи, дѣятельной военной и дипломатической политикѣ, блескъ, пышность и расточительность придворнаго быта, забота объ установленіи постоянныхъ доходовъ (налоги), жестокій фискализмъ, правительственная опека надъ народнымъ хозяйствомъ. Маккіавелли даетъ яркій, но идеализированный образъ итальянскаго «князя», восхваляя его правительственное искусство, высокое развитіе индивидуальнаго сознанія (личной доблести—«virtù»), покровительство просвѣщенію. Послѣднее (дѣйствительно крупное) свойство часто вызывалось грубо-эгоистическимъ стремленіемъ къ славѣ; къ тому же «виртуозность» князей часто принимала форму отталкивающаго разврата и феноменальной жестокости. Правительственное ихъ искусство нерѣдко вырождалось въ безчеловѣчный терроръ и безумное насиліе. Они возвеличили «идею государства», но легко отожествляли его съ своею личностью. Это — крупныя, иногда колоссальныя фигуры, но въ нихъ нѣтъ разумной мѣры, равновѣсія умственныхъ, нравственныхъ и политическихъ элементовъ личности и дѣятельности. Поэтому и работа ихъ оказалась непрочною: они не подготовили въ Италіи элементовъ національнаго государства, а напротивъ, погубили ея силу и ея культуру въ своихъ раздорахъ и насиліяхъ и

предали ее въ руки иноземцевъ (въ XVI и XVII вв.). Различныя поколѣнія рода *д'Эсте* превосходно воплощаютъ и свѣтлыя, и тѣневыя стороны итальянскаго принципата (ср. Тираннія, XXXIII, 226). Любопытные портреты ихъ цѣлою галлереею тянутся черезъ шесть вѣковъ. См. объ итальянскомъ принципатѣ—П. Н. Ардашевъ, «Абсолютная монархія на Западѣ» (СПб., 1902) съ указаніемъ литературы (стр. 178—189). Общую характеристику культуры княжества д'Э. и главныхъ прославившихъ его дѣятелей науки, литературы и искусства см. Феррара.—Время расцвѣта, могущества и блеска въ исторіи династіи Э. открывается съ правленія *Николо III* (1393—1441). Въ XIV в. Э., вслѣдствіе разлада съ папами, покинули гвельфскій лагерь и примкнули къ группѣ гибеллинскихъ князей. Николо сближался съ выгодными союзниками (напр. съ Джанъ Галеаццо Висконти), укрѣплялъ Феррару, заботился объ улучшеніи земледѣлія на своей территоріи, пользовался удобнымъ экономическимъ положеніемъ Феррары между Венеціей, Миланомъ, Флоренціей, Сіеною, Пизою, чтобы развить торговлю, сдѣлать свое «царство» самою цвѣтущею страною въ Италіи. Онъ понималъ свою задачу элементарно и грубо, но умѣлъ осуществлять ее съ большимъ практическимъ смысломъ. Онъ же съ особою горячностью принялся насаждать у себя науки и покровительствовать искусствамъ, хотя больше въ силу инстинкта и подражанія, чѣмъ по истинной склонности и вкусу. Отчасти онъ подчинялся традиціи, которую фамилія Э. залагала уже въ XIII в. и которая укрѣплена была въ XIV в. *Николо II* (1361 — 1388). Послѣдній велъ дружбу съ Петраркой; преемникъ его *Альбертъ* (1388—1393) дѣйствовалъ въ томъ же направленіи. Николо III расширилъ феррарскій университетъ (1402), основанный его отцомъ (Альбертомъ), и собралъ около него выдающіяся ученыя силы. Онъ много путешествовалъ, былъ даже въ Іерусалимѣ, изучая памятники и собирая художественные предметы, украшалъ Феррару церквами и дворцами, приглашалъ къ себѣ художниковъ (Дж. делла-Куерча началъ здѣсь свою дѣятельность статуей Мадонны для феррарскаго собора, 1408). Имъ же введена необыкновенная пышность въ жизни двора, обнаруживавшаяся съ особеннымъ блескомъ въ общественныхъ празднествахъ, которыми Феррара стала знаменита на весь міръ. Извѣстна кровавая расправа его съ женою Паризиною и сыномъ Гуго, которыхъ онъ только заподозрилъ въ преступной связи: онъ приказалъ отрубить обоимъ головы и сдѣлалъ распоряженіе о преданіи такой же казни всѣхъ женщинъ Феррары, виновныхъ въ прелюбодѣяніи. Послѣ его смерти правили одинъ за другимъ три его побочныхъ сына (у династовъ Италіи не очень различалось въ отношеніи къ праву наслѣдованія законное рожденіе отъ незаконнаго). *Ліонелло* (1407—1450) оставилъ по себѣ поэтическій образъ, подобный благороднѣйшимъ итальянскимъ средневѣковымъ князьямъ. Онъ былъ обученъ военному ремеслу знаменитымъ кондотьеромъ Браччо ди-Монтоне, получилъ прекрасное научно-литературное образованіе подъ руководствомъ знаменитаго гуманиста Гуарино да-Верона и выросъ юношей мужественнымъ и нѣжнымъ въ одно и то же время. Онъ отказался отъ агрессивной политики и всецѣло предался культу музъ. Его собственные сонеты и канцоны очень цѣнились современниками. Онъ дѣятельно продолжалъ собирать драгоцѣнные памятники искусства и привлекать къ себѣ художниковъ всякаго рода (больше всего живописцевъ, итальянскихъ и фламандскихъ). Это—привлекательнѣйшая фигура въ фамиліи Э.; она не нашла повторенія въ слѣдующихъ поколѣніяхъ, можетъ быть, потому, что мягкость характера и пассивное отношеніе къ политическимъ интересамъ и военному дѣлу должны были подорвать могущество правительственной власти дома д'Э. Слѣдующій братъ, *Борсо* (1413 — 1471), продолжалъ въ широкихъ размѣрахъ меценатствовать, создавая изъ своей столицы крупнѣйшій центръ культурнаго движенія и сосредоточивая около себя цѣлый міръ ученыхъ, писателей и артистовъ. При немъ устроена была въ Феррарѣ первая типографія (Андреа Галло). Самъ онъ не обладалъ талантами и душевною тонкостью своего предшественника, предпочиталъ политику литературѣ и велъ ее съ энергіею и успѣхомъ, пользуясь покровительствомъ обѣихъ міровыхъ властей, которымъ умѣлъ попеременно оказывать услуги: отъ императора Фридриха III онъ получилъ титулъ «герцога Модены и Реджіо» (1452), а папа Пій II пожаловалъ его «герцогомъ Феррары» (1471), надъ которою Борсо согласился признавать (номинально) сюзеренитетъ апостольскаго престола. Внѣшній блескъ феррарскаго двора достигъ апогея при немъ и при его преемникѣ, какъ и матеріальное благоденствіе высшаго общества и разнообразныя наслажденія цивилизованнаго быта. Борсо сдѣлался почти законодателемъ свѣтскихъ обычаевъ. Казалось, богатства притекали въ страну широкою рѣкою; какъ будто богатѣло и населеніе. Не смотря на политическія затѣи, роскошь жизни и сооруженія, Борсо оставилъ, умирая, въ своей казнѣ 500000 дукатовъ и единственную въ мірѣ коллекцію драгоцѣнностей. Увѣренный въ своей славѣ и величіи, Борсо допустилъ «благодарное населеніе» поставить въ Феррарѣ памятникъ ему при его жизни. Подданные дѣйствительно были довольны его мирнымъ правленіемъ, не смотря на требовательность правительства. *Эрколе I* (1433 — 1505), третій братъ, является типомъ князя ранняго возрожденія—одновременно жестокаго и утонченнаго. Ему пришлось вести войну съ папою Сикстомъ IV и Венеціею (1482); онъ удачно справился съ опасностью, искусно заключивъ союзъ съ Фердинандомъ неап., Людовико Моро миланскимъ и Флоренціею. Послѣ заключенія мира (1484) его герцогство достигло высшаго экономическаго процвѣтанія, о которомъ онъ очень заботился, стремясь дать отдыхъ подданнымъ отъ войнъ и высокихъ налоговъ. Въ покровительствѣ наукамъ и искусствамъ, въ поддержаніи блеска и пышности двора ему оставалось лишь

идти дальше по выработаннымъ шаблонамъ: создавать новое онъ былъ бы не въ состоянiи, не обладая выдающимися дарованiями и вкусами. Въ политикѣ и въ просвѣтительной дѣятельности онъ съумѣлъ найти себѣ выдающагося совѣтника въ лицѣ поэта Боярдо. Коллекцiи его и богатства больше напоминали сокровищницу средневѣковаго сеньера, чѣмъ изящныя собранiя художественныхъ памятниковъ медичейскаго дворца. — Эрколе былъ многосемеенъ, и всѣ дѣти его оказались такъ или иначе замѣчательными. Одинъ изъ нихъ, кардиналъ *Ипполитъ I* (1479 — 1520), умный, талантливый, энергичный, отличался жестокостью, замѣтною даже среди свирѣпствъ другихъ членовъ его фамилiи. Особенно были прославлены и превознесены дочери Эрколе — *Беатриче* и *Изабелла*. Послѣдняя (род. 1474 г.) олицетворяла собою лучшiя стороны итальянской культуры вѣка. Сильная оригинальнымъ умомъ, благородная характеромъ, она сосредоточивала въ себѣ все возвышенное и прекрасное, чѣмъ богата была эпоха ренессанса. Чистая, мягкая, любвеобильная душа ея какъ бы отталкивала отъ себя все порочное, мрачное и злое, чернившее многихъ замѣчательныхъ героевъ Возрожденiя. Такою рисуетъ ее преданiе, можетъ быть въ идеализированномъ преувеличенiи. Во всякомъ случаѣ она отличалась добродѣтелью среди порочныхъ родичей. Превосходно образованная, тонкая цѣнительница всѣхъ духовныхъ благъ, она была рѣдкою по безкорыстiю покровительницею наукъ и искусствъ. Она вышла замужъ за Джованни Франческо Гонцага (1490) и сыграла крупную роль въ исторiи мантуанской цивилизацiи. — Сестра ея *Беатриче* (р. 1473), отданная за Людовико Моро миланскаго (1491), также весьма даровитая, болѣе выдавалась практическимъ разсудкомъ и твердою волею; она любила политику и имѣла большое влiянiе на мужа († 1497). *Альфонсо I* (1486 — 1535), сынъ и преемникъ Эрколе I, женатый изъ политическихъ расчетовъ (1517) на знаменитой Лукрецiи Борджiа, суровый и мстительный, воспѣтый Арiосто, показалъ въ очень трудныхъ обстоятельствахъ выдающiяся способности полководца и государств. человѣка. Поддерживая обычную вражду съ Венецiей, онъ присоединился къ камбрейской лигѣ и принесъ большую пользу союзникамъ своимъ военнымъ искусствомъ. Составленная изъ разнородныхъ элементовъ коалицiя распалась: особенно рѣзкiй разрывъ произошелъ между папою Юлiемъ II и Альфонсо, и папа объявилъ его лишеннымъ правъ на Феррару. Дальнѣйшее разложенiе союза привело Альфонсо къ потерѣ Модены и Реджiо. Преемникъ Юлiя, Левъ X, пытался на самомъ дѣлѣ вытѣснить Альфонсо изъ Феррары (1519); но Климентъ VII принужденъ былъ вновь признать его права на герцогство, послѣ того какъ понесъ, въ 1527 г., жестокое пораженiе отъ императора Карла V, который оказалъ помощь Альфонсо и вновь утвердилъ его также въ Моденѣ и Реджiо. Политическiя затрудненiя не мѣшали Альфонсо поддерживать установившiйся блескъ культурнаго развитiя Феррары и заказывать для украшенiя своихъ дворцовъ картины Микеланджело и Тицiану. *Эрколе II* (1508 — 1559), сынъ предыдущаго, началъ править какъ союзникъ Карла V, но послѣ его отреченiя примкнулъ къ коалицiи папы Пiя IV и короля французскаго Генриха II противъ Испанiи (1556). Впрочемъ, войну онъ велъ вяло, отличаясь вообще миролюбiемъ, и въ 1558 г. заключилъ миръ съ врагами. Союзъ съ Францiей Эрколе закрѣпилъ бракомъ съ Ренатою (Renée de France), дочерью короля Людовика XII, знаменитою своимъ покровительствомъ реформацiонному движенiю и внесшею на короткое время въ Феррару увлеченiе религiозною оппозицiею противъ церкви. Въ правленiе Эрколе II искусство просiяло въ Феррарѣ послѣднимъ блескомъ: прiѣзжали или работали для герцога знаменитые живописцы и скульпторы (Тицiанъ, Джулiо Романо, Пеллегрино, Сансовино и др.); расцвѣтало производство художественныхъ ковровъ и обоевъ; устраивались послѣднiя, гремѣвшiя на всю Италiю празднества (прiемъ папы Павла III въ 1543 г.). Эрколе далъ тщательное воспитанiе своимъ талантливымъ дочерямъ, Лукрецiи и Элеонорѣ. Еще болѣе, чѣмъ онъ самъ, прилагалъ усилiя къ поддержанiю литературнаго и художественнаго движенiя младшiй братъ его *Ипполитъ* (впослѣдствiи кардиналъ), второй изъ Э., носившихъ это имя, извѣстный строитель виллы д'Э. въ Тиволи (см. ниже). Уже въ правленiе Эрколе II чувствовались признаки начинавшагося упадка политическаго могущества и культурнаго блеска Феррары. Сынъ Эрколе II, *Альфонсо II* (1533—97), провелъ юность во Францiи, увлекался мечтами о рыцарскихъ подвигахъ и былъ склоненъ къ широкимъ предпрiятiямъ, но для выполненiя ихъ суетливая и тревожная, мало стойкая натура его не давала никакихъ данныхъ. Онъ пытался защищать венгровъ противъ турокъ (1566), помышлялъ занять польскiй престолъ (1574), но ничего ему не удавалось. Огромные расходы на войны и дипломатiю и на открытую роскошную жизнь (охоты и турниры) подорвали сравнительно сносное экономическое состоянiе народа. Альфонсо интересовался всѣмъ таинственнымъ, по традицiи продолжалъ поддерживать писателей (Тассо, Гуарини), заставляя ихъ, впрочемъ, служить ему и въ политич. дѣлахъ и не всегда уважая ихъ духовную свободу (преслѣдованiе Тассо). «Большiя искусства» онъ запустилъ, но увлекался «малыми» (майоликой, гравированiемъ, производствомъ предметовъ украшенiя и т. д.), особенно любилъ археологiю (дружба съ Лигорiо). Альфонсо II умеръ бездѣтнымъ. Вслѣдъ за его смертью начинаются бѣдствiя. *Чезаре* (1562—1628), побочный внукъ Альфонсо I, пытавшiйся утвердиться во всѣхъ наслѣдственныхъ земляхъ фамилiи д'Э., встрѣтилъ сопротивленiе со стороны папы Климента VIII, который отнялъ у него Феррару и присоединилъ ее къ папскимъ владѣнiямъ. Въ «имперскихъ феодахъ»—Моденѣ и Реджiо—ему удалось удержаться; но онъ правилъ тамъ безъ всякаго блеска, въ качествѣ второстепеннаго державца. Его преемники *Альфонсо III* († 1629), *Франческо I* († 1658), *Альфонсо IV* († 1662) и *Франческо II*

(† 1694)—также не обнаружили никакихъ талантовъ. *Ринальдо* († 1737), младшій сынъ Франческо I, бракомъ съ Шарлоттою брауншвейгъ-ганноверскою породнился съ другою (нѣмецкою) вѣтвью рода д'Э. Во время борьбы за австрійское наслѣдство его сынъ и преемникъ *Франческо III* († 1780) сражался за Францію въ Неаполѣ и Піемонтѣ, а Модена была въ это время захвачена имперскими войсками. Сынъ и наслѣдникъ его *Эрколе-Ринальдо* принужденъ былъ бѣжать въ Венецію, найдя пріютъ въ центрѣ прежнихъ враговъ династіи (1796). По Кампоформійскому миру (1797) Модена и Реджіо присоединены были къ Цизальпійской республикѣ, а Эрколе-Ринальдо въ обмѣнъ получилъ (по Люневильскому миру, 1801) земли въ Германіи (Брейсгау и Ортенау), которыя, впрочемъ, его преемникъ по женской линіи потерялъ (Пресбургскій миръ, 1805). Онъ умеръ бездѣтнымъ (1803), и такимъ образомъ пресѣклась итальянская линія рода д'Э.

Литература. Общая характеристика д'Э. у J. Burckhardt, «Die Cultur der Renaissance in Italien» (8 изд., 1 т.). Спеціальныя сочиненія: Litta, «Famiglie celebri italiane» (3-й т.); Frizzi, «Memorie per la storia di Ferrara» (2 изд., Феррара, 1847—48); L. Benvenuti, «Bibliografia Atestina» (Болонья, 1881); A. Ciscato, «Storia d'Este dalle origini al 1889» (Эсте, 1890); Muntz, «Hist. de l'art pendant la renaissance»; G. Campori e A. Solerti, «Luigi, Lucrezia e Leonora d'Este» (Тур., 1888).

II. *Э. германской линіи* или Вельфы младшей линіи были потомками Вельфа IV, сына Аццо II Э. (см. выше), которому удалось пріобрѣсти баварское герцогство (въ началѣ XII в.). Фамилія эта сыграла видную роль въ событіяхъ германской исторіи (см. Вельфы). Впослѣдствіи отъ нея произошли династіи брауншвейгская и ганноверская, а также, стало быть, нынѣ правящій въ Англіи королевскій домъ. Въ Англіи спеціально приняли имя д'Э. дѣти отъ морганатическаго брака (1793) герц. Авг.-Фридр. Суссекса (шестого сына короля Георга III) и Августы Муррей (дочери гр. Дэнмора). Старшій изъ нихъ, *Августъ-Фридрихъ* (род. 1794), заявилъ притязаніе на признаніе его законнымъ сыномъ и принцемъ королевскаго дома. Если бы требованіе его оказалось удовлетвореннымъ, онъ послѣ принцессы (потомъ королевы) Викторіи и ганноверскаго короля былъ бы ближайшимъ кандидатомъ на британскій престолъ; но вопросъ рѣшенъ былъ противъ него, и онъ умеръ бездѣтнымъ въ 1848 г.

III. Третья вѣтвь фам. Э. — *австрійская*. *Марія-Беатриче-Ричарда*, единственная дочь Эрколе-Ринальдо, послѣдняго герц. Э. изъ итальянской линіи, вступила въ бракъ (1771) съ эрцгерцогомъ австрійскимъ *Фердинандомъ*, братомъ имп. Іосифа II. Она добилась-было возвращенія отцу его правъ на наслѣдье, но, какъ указано выше, несчастныя войны Габсбурговъ съ революціонною Франціею отразились заключительнымъ ударомъ на судьбахъ послѣдняго изъ итальянскихъ Э. (Кампоформійскій миръ лишилъ его навсегда родовыхъ владѣній). Въ 1815 году, по постановленію Вѣнскаго конгресса, сынъ Фердинанда и Маріи-Беатриче д'Э., эрцгерцогъ *Францъ* (род. 1779), пріобрѣлъ герцогства Модену, Реджіо и Мирандолу, съ присвоеніемъ ему фамильнаго имени д'Э. (Франческо IV). Въ 1829 г., послѣ смерти матери, онъ унаслѣдовалъ еще герцогство Массу и княжество Каррару (Марія-Беатриче владѣла ими въ силу правъ своей матери, Маріи-Терезы Чибо). Старшій сынъ его *Францъ* (Франческо V) наслѣдовалъ отцу (1846) въ его итальянскихъ земляхъ, но въ 1859 г. долженъ былъ окончательно отказаться отъ своего герцогства, уступая процессу объединенія Италіи. Онъ умеръ бездѣтнымъ въ 1875 г. Съ нимъ, собственно, прекратилась и австрійская линія д'Э. Въ силу различныхъ комбинацій наслѣдственныхъ правъ въ австрійскомъ габсбургскомъ домѣ титулъ «герцога д'Э.», чисто номинальный, достался эрцгерцогу Францу-Фердинанду (род. 1863), племяннику императора Франца-Іосифа и нынѣшнему наслѣднику австрійскаго престола. *Ив. Гр.*

Эсте (villa d'Este)—вилла, знаменитая въ прежнія времена по своему великолѣпію, теперь сильно пострадавшая отъ запустѣнія, загородная резиденція (дворецъ съ садомъ), построенная для кардинала Ипполита II д'Э. (сына Альфонсо I), по планамъ архитектора и археолога Пирро Лигоріо, въ 1549 г. въ Тиволи (см.) около Рима. Оставаясь въ собственности итальянской линіи фамиліи д'Э. въ теченіе дальнѣйшихъ вѣковъ, она отражала на себѣ благополучіе и славу, а также несчастья и упадокъ рода. При жизни основателя вилла много разъ являлась сценою пышныхъ празднествъ и увеселеній, которыя устраивались магнатомъ-хозяиномъ для блестящей толпы знатныхъ гостей, собиравшихся со всей Европы. При жизни его племянника, кардинала Луиджи д'Э. вилла еще расширялась и отдѣлывалась: въ 1584 г. въ ней работало 50 турокъ-невольниковъ. Но въ XVIII в. она была заброшена, и разореніе понемногу стало захватывать со всѣхъ сторонъ обширный palazzo и украшенія сада. Послѣ прекращенія итальянской линіи дома д'Э. вилла перешла къ австрійской и нынѣ составляетъ собственность наслѣднаго принца, эрцгерцога Франца-Фердинанда. Въ послѣднее время она долго служила лѣтнимъ мѣстопребываніемъ кардинала Гогенлоэ, который началъ заботиться о ея сохраненіи. Вилла представляетъ замѣчательный образецъ княжескаго увеселительнаго жилища въ эпоху расцвѣтшаго ренессанса. Роскошное обиталище расположено въ мѣстности, чарующей своеобразною красотою ландшафта. Дворецъ стоитъ среди обширной эспланады, раскинувшейся по высокому берегу Теверone (древн. Аніо), почти рядомъ съ «каскателлами», и занимающей вершину холма, съ одной стороны круто спускающагося къ рѣкѣ, съ другой господствующаго надъ «campagna» до самаго Рима и моря. Главное зданіе образуетъ большой четырехъэтажный продолговатый четыреугольникъ съ двухъярусною лоджею по главному фасаду и двойною парадною лѣстницею, спускающеюся въ садъ. Внутреннее убранство дворца въ зна-

чительной части исчезло: сохранились лишь въ нѣсколькихъ залахъ довольно испорченныя фрески Фед. Цуккаро, Муціано и др. (сюжеты ихъ заимствованы изъ исторіи Тиволи). Чудный видъ, развертывающійся съ верхняго балкона, даетъ наглядное понятіе о томъ, что въ живописной природѣ особенно цѣнилъ вкусъ интеллигентовъ временъ Возрожденія. Самое интересное въ виллѣ являетъ собою садъ, даже въ настоящемъ его состояніи, когда онъ рисуется «смѣшеніемъ жизни и умиранія, дряхлѣющей старости и вѣчной юности». Разбитый по довольно крутому, но разнообразно волнистому склону, спускаясь террасообразно къ рѣкѣ, онъ давалъ возможность архитектору широко воспользоваться могучими средствами украшенія и переработки природы искусствомъ. Примѣръ его обнаруживаетъ блестящее мастерство, съ которымъ возрожденіе умѣло создавать изъ садовъ гармоническое художественное цѣлое, оригинально привлекающее эстетическое чувство, не смотря на извѣстную искусственную условность формъ и пріемовъ орнаментаціи, нѣкоторую чопорность маньеризма и перенагруженную пестроту барокка. Отъ самаго дворца широкая прямая аллея (120 метровъ) идетъ внизъ нѣсколькими уступами. Она обсажена роскошными (теперь многовѣковыми) кипарисами; мраморныя лѣстницы смягчаютъ обрывистыя спуски. Аллея впадаетъ въ большой кругъ, который назыв. «Rometta» (малый Римъ); онъ полонъ остатковъ нѣкогда богатѣйшаго архитектурнаго и скульптурнаго убранства. Боковыя дорожки приводятъ къ таинственнымъ гротамъ, густо засаженнымъ урочищамъ и изумительнымъ воднымъ сооруженіямъ. Необыкновенно красивъ, напримѣръ, холмъ, прозывавшійся Геликономъ, осѣненный гигантскими платанами, спрятанный въ заросляхъ лавровъ. Богатая растительность присоединяется къ живописному пейзажу, чтобы составить картину рѣдкой притягивающей силы. Здѣсь вѣчно зеленые дубы, зонтичныя пиніи, стройные кипарисы, кудрявыя оливы особенно согласно звучатъ тѣмъ тихимъ глубокимъ аккордомъ, которымъ такъ чаруютъ окрестности Рима. Но что особенно восхищаетъ въ саду виллы д'Э.— это поразительные эффекты воды, которую доставилъ въ неистощимомъ изобиліи бурлящій по сосѣдству Тевероне. Вода положительно наполняетъ садъ, придавая какъ бы возобновляющуюся жизнь замершему старцу. Она сбрасывается со скалы каскадами (самый большой изъ нихъ—fonte del Ovato—Микеланджело называлъ царемъ фонтановъ), взлетаетъ на воздухъ шумными взрывами струй, дремлетъ въ бассейнахъ, тихо журчитъ ручейками, прыгаетъ фонтанчиками, разноситъ свѣжесть и влагу, оглашаетъ воздухъ поэтическимъ рокотомъ. Все вмѣстѣ образуетъ и въ нынѣшнемъ состояніи сказочное зрѣлище, яркую иллюстрацію исчезнувшаго блестящаго вѣка. Легко чудятся намъ на фонѣ этой превосходной декораціи собранія принцевъ и кардиналовъ, возникаютъ въ воображеніи сцены изъ Декамерона и поэмы Аріосто, представляются передъ глазами картины Веронезе, наглядно переживается итальянское возрожденіе. Ср. E. Muntz, «Hist. de l'art en Italie pendant la renaissance» (въ разныхъ мѣстахъ трехъ томовъ, см. по указателю). *Ив. Гр.*

Эстебанесъ-Кальдеронъ, — см. Кальдеронъ.

Эстезіологія — отдѣлъ анатоміи, изучающій органы чувствъ, какъ неврологія— изучаетъ нервную систему, ангіологія—сосудистую систему, спланхнологія—прочіе внутренніе органы, міологія—мускулатуру, синдесмологія—связки и остеологія—скелетъ.

Эстезіометръ—инструментъ для опредѣленія одного изъ видовъ кожной чувствительности, а именно чувства мѣста, т. е. способности точно локализировать прикосновеніе къ кожѣ. Способность эта при нѣкоторыхъ нервныхъ болѣзняхъ нарушается независимо отъ другихъ видовъ кожной чувствительности, почему и требуетъ спеціальнаго изслѣдованія.

Эстелья (Estella) — гор. въ испанской провинціи Наварра, въ 41 км. къ ЮЗ отъ Пампелуны, на лѣвомъ берегу впадающей въ Эбро р. Эги. Около 7000 жит. Э.—древнеримскій городъ; онъ господствуетъ надъ нѣсколькими дефиле и во время карлистскихъ войнъ игралъ важную роль: съ 1872 по 1876 г. былъ главною квартирою Дона-Карлоса, приверженцы котораго называли его «священнымъ городомъ». Генералъ Примо де-Ривера принудилъ этотъ крѣпкій опорный пунктъ карлистовъ къ сдачѣ и такимъ образомъ положилъ конецъ возстанію въ сѣверной Испаніи.

Эстепа (Estepa) — гор. въ Севильской провинціи Испаніи, на лѣвомъ притокѣ Хениля (Genil). Мавританская цитадель; жит. 10—12000. Э. стоитъ на мѣстѣ древней Астапы; у Плинія называется Остипой. Въ 1236 г. кастильянцы отняли городъ Э. у мавровъ.

Эстерботтнія (Österbotten), подраздѣляющаяся на сѣв. и южн. — занимаетъ склонъ Финляндіи къ Ботническому заливу. Это одна изъ бывшихъ 9 историческихъ областей страны (см. Финляндія, XXXVI, 5 и 6), носившая названіе графства. Къ этой области, простирающейся на 705 км. съ С на Ю и имѣющей отъ 170 до 320 км. въ ширину, относятся самыя обширныя и частью очень плодородныя равнины Финляндіи; болѣе гористый характеръ Э. принимаетъ лишь вдали отъ береговъ, хотя отдѣльные холмы и скалы разбросаны и въ другихъ частяхъ ея. Населеніе сосредоточено преимущественно близъ морского берега. Ближе къ берегу населеніе преимущественно шведское, дальше—финское (тавастская вѣтвь). Административнымъ центромъ Э. одно время былъ замокъ Корсгольмъ, близъ нынѣшняго Николайстада (Ваза), существовавшій еще въ XIV в. *Н. К. Н.*

Эстёпона (Estepona)—гор. въ Испаніи, въ провинціи Малага, въ 32 км. отъ Гибралтара, на берегу Средиземнаго моря. Жителей 11—12000 чел.

Эстергази-Галанта (Eszterházy-Galantha)—могущественный и богатый родъ венгерскихъ магнатовъ; по преданію ведетъ начало отъ Аттилы; по документальнымъ дан-

(† 1694)—также не обнаружили никакихъ талантовъ. *Ринальдо* († 1737), младшій сынъ Франческо I, бракомъ съ Шарлоттою брауншвейгъ-ганноверскою породнился съ другою (нѣмецкою) вѣтвью рода д'Э. Во время борьбы за австрійское наслѣдство его сынъ и преемникъ *Франческо III* († 1780) сражался за Францію въ Неаполѣ и Піемонтѣ, а Модена была въ это время захвачена имперскими войсками. Сынъ и наслѣдникъ его *Эрколе-Ринальдо* принужденъ былъ бѣжать въ Венецію, найдя пріютъ въ центрѣ прежнихъ враговъ династіи (1796). По Кампоформійскому миру (1797) Модена и Реджіо присоединены были къ Цизальпійской республикѣ, а Эрколе-Ринальдо въ обмѣнъ получилъ (по Люневильскому миру, 1801) земли въ Германіи (Брейсгау и Ортенау), которыя, впрочемъ, его преемникъ по женской линіи потерялъ (Пресбургскій миръ, 1805). Онъ умеръ бездѣтнымъ (1803), и такимъ образомъ пресѣклась итальянская линія рода д'Э.

Литература. Общая характеристика д'Э. у J. Burckhardt, «Die Cultur der Renaissance in Italien» (8 изд., 1 т.). Спеціальныя сочиненія: Litta, «Famiglie celebri italiane» (3-й т.); Frizzi, «Memorie per la storia di Ferrara» (2 изд., Феррара, 1847—48); L. Benvenuti, «Bibliografia Atestina» (Болонья, 1881); A. Ciscato, «Storia d'Este dalle origini al 1889» (Эсте, 1890); Muntz, «Hist. de l'art pendant la renaissance»; G. Campori e A. Solerti, «Luigi, Lucrezia e Leonora d'Este» (Тур., 1888).

II. *Э. германской линіи* или Вельфы младшей линіи были потомками Вельфа IV, сына Аццо II Э. (см. выше), которому удалось пріобрѣсти баварское герцогство (въ началѣ XII в.). Фамилія эта сыграла видную роль въ событіяхъ германской исторіи (см. Вельфы). Впослѣдствіи отъ нея произошли династіи брауншвейгская и ганноверская, а также, стало быть, нынѣ правящій въ Англіи королевскій домъ. Въ Англіи спеціально приняли имя д'Э. дѣти отъ морганатическаго брака (1793) герц. Авг.-Фридр. Суссекса (шестого сына короля Георга III) и Августы Муррей (дочери гр. Дэнмора). Старшій изъ нихъ, *Августъ-Фридрихъ* (род. 1794), заявилъ притязаніе на признаніе его законнымъ сыномъ и принцемъ королевскаго дома. Если бы требованіе его оказалось удовлетвореннымъ, онъ послѣ принцессы (потомъ королевы) Викторіи и ганноверскаго короля былъ бы ближайшимъ кандидатомъ на британскій престолъ; но вопросъ рѣшенъ былъ противъ него, и онъ умеръ бездѣтнымъ въ 1848 г.

III. Третья вѣтвь фам. Э. — *австрійская*. *Марія-Беатриче-Ричарда*, единственная дочь Эрколе-Ринальдо, послѣдняго герц. Э. изъ итальянской линіи, вступила въ бракъ (1771) съ эрцгерцогомъ австрійскимъ *Фердинандомъ*, братомъ имп. Іосифа II. Она добилась-было возвращенія отцу его правъ на наслѣдье, но, какъ указано выше, несчастныя войны Габсбурговъ съ революціонною Франціею отразились заключительнымъ ударомъ на судьбахъ послѣдняго изъ итальянскихъ Э. (Кампоформійскій миръ лишилъ его навсегда родовыхъ владѣній). Въ 1815 году, по постановленію Вѣнскаго конгресса, сынъ Фердинанда и Маріи-Беатриче д'Э., эрцгерцогъ *Францъ* (род. 1779), пріобрѣлъ герцогства Модену, Реджіо и Мирандолу, съ присвоеніемъ ему фамильнаго имени д'Э. (Франческо IV). Въ 1829 г., послѣ смерти матери, онъ унаслѣдовалъ еще герцогство Массу и княжество Каррару (Марія-Беатриче владѣла ими въ силу правъ своей матери, Маріи-Терезы Чибо). Старшій сынъ его *Францъ* (Франческо V) наслѣдовалъ отцу (1846) въ его итальянскихъ земляхъ, но въ 1859 г. долженъ былъ окончательно отказаться отъ своего герцогства, уступая процессу объединенія Италіи. Онъ умеръ бездѣтнымъ въ 1875 г. Съ нимъ, собственно, прекратилась и австрійская линія д'Э. Въ силу различныхъ комбинацій наслѣдственныхъ правъ въ австрійскомъ габсбургскомъ домѣ титулъ «герцога д'Э.», чисто номинальный, достался эрцгерцогу Францу-Фердинанду (род. 1863), племяннику императора Франца-Іосифа и нынѣшнему наслѣднику австрійскаго престола. *Ив. Гр.*

Эсте (villa d'Este)—вилла, знаменитая въ прежнія времена по своему великолѣпію, теперь сильно пострадавшая отъ запустѣнія, загородная резиденція (дворецъ съ садомъ), построенная для кардинала Ипполита II д'Э. (сына Альфонсо I), по планамъ архитектора и археолога Пирро Лигоріо, въ 1549 г. въ Тиволи (см.) около Рима. Оставаясь въ собственности итальянской линіи фамиліи д'Э. въ теченіе дальнѣйшихъ вѣковъ, она отражала на себѣ благополучіе и славу, а также несчастья и упадокъ рода. При жизни основателя вилла много разъ являлась сценою пышныхъ празднествъ и увеселеній, которыя устраивались магнатомъ-хозяиномъ для блестящей толпы знатныхъ гостей, собиравшихся со всей Европы. При жизни его племянника, кардинала Луиджи д'Э. вилла еще расширялась и отдѣлывалась: въ 1584 г. въ ней работало 50 турокъ-невольниковъ. Но въ XVIII в. она была заброшена, и разореніе понемногу стало захватывать со всѣхъ сторонъ обширный palazzo и украшенія сада. Послѣ прекращенія итальянской линіи дома д'Э. вилла перешла къ австрійской и нынѣ составляетъ собственность наслѣднаго принца, эрцгерцога Франца-Фердинанда. Въ послѣднее время она долго служила лѣтнимъ мѣстопребываніемъ кардинала Гогенлоэ, который началъ заботиться о ея сохраненіи. Вилла представляетъ замѣчательный образецъ княжескаго увеселительнаго жилища въ эпоху расцвѣтшаго ренессанса. Роскошное обиталище расположено въ мѣстности, чарующей своеобразною красотою ландшафта. Дворецъ стоитъ среди обширной эспланады, раскинувшейся по высокому берегу Тевероне (древн. Аніо), почти рядомъ съ «каскателлами», и занимающей вершину холма, съ одной стороны круто спускающагося къ рѣкѣ, съ другой господствующаго надъ «campagna» до самаго Рима и моря. Главное зданіе образуетъ большой четырехъэтажный продолговатый четыреугольникъ съ двухъярусною лоджею по главному фасаду и двойною парадною лѣстницею, спускающеюся въ садъ. Внутреннее убранство дворца въ зна-

1828 г. сдѣлался приватъ-доцентомъ по анатоміи въ Мюнхенѣ, а въ 1831 г. назначенъ профессоромъ въ Ландсгутѣ. Напечаталъ: «Lehre vom Kreislaufe des Blutes» (Нюрнб., 1828); «Di gubernaculo sic dicto Hunteriano» (Мюнхенъ, 1828); «Anatomische Steinstiche» (ib., 1827 — 30; новое переработанное Эрдлемъ изданіе, подъ названіемъ: «Oesterreicher's anatomischer Atlas», ib., 1845); «Neue Darstellung von der Ortsveränderung der Hoden» (Лпц., 1830).

Эстетика—составляетъ особую отрасль философіи, занимающуюся красотой и искусствомъ. Самый терминъ Э. происходитъ отъ греческ. αἰσθητικός, что значитъ чувственный, и въ такомъ смыслѣ встрѣчается еще у самого основателя науки о прекрасномъ, Канта, въ «Критикѣ чистаго разума». Современное спеціальное значеніе онъ впервые получилъ въ книгѣ Баумгартена «Aesthetica» (1750). Въ логикѣ Вольфа кромѣ познанія разумомъ, стремящимся къ истинѣ, предполагалось еще одно смутное чувственное познаніе (verworrene Vorstellung). Это особое познаніе, подъ названіемъ cognitio sensitiva, и изслѣдовалъ въ своей книгѣ Баумгартенъ, находя, что совершенство, достигаемое этимъ познаніемъ, есть *красота* (Perfectio cognitionis sensitivae... est pulchritudo). Э., наука о чувственномъ познаніи, превратилась, такимъ образомъ, въ науку о красотѣ. Когда Кантъ, въ «Критикѣ силы сужденія», старался опредѣлить воспріятіе прекраснаго, ему оставалось только, слѣдуя терминологіи Баумгартена, назвать его эстетическимъ. Ставъ наукой о красивомъ, Э. сама собою оказалась одновременно и наукой объ искусствѣ. Изящныя искусства (les beaux arts, die schönen Künste, artes pulchre cogitandi) понимались неизмѣнно какъ дѣятельность, направленная на созданіе красиваго; отсюда Э. являлась *наукой, изслѣдующей красоту, какъ воспринимаемую нами изъ природы, такъ и нами самими создаваемую средствами искусства.* За послѣднее время, однако, объемъ Э. значительно измѣнился и теперь такое опредѣленіе стало уже не только неточнымъ, но и прямо невѣрнымъ. Прежде всего искони рядомъ съ красотой въ нашу науку вводились такіе термины, какъ *возвышенный*, *трагическій*, *комическій*, признаваемые моментами или видоизмѣненіями красоты (другіе термины, какъ прелестный, нѣжный, граціозный, только промелькнули и не возымѣли никакого вліянія). Но, спрашивается, какъ быть съ уродливымъ? Входитъ ли въ Э. ученіе о воспріятіи уродливаго или вообще некрасиваго? Сужденіе о немъ сродно сужденію о красивомъ, и нельзя, вмѣстѣ съ Розенкранцемъ, говорить, будто воспріятіе всего некрасиваго, какъ противоположнаго красивому, есть отрицаніе всякаго эстетическаго сужденія. Вѣдь то, что въ однихъ культурно-историческихъ условіяхъ признается красивымъ, въ другихъ считается верхомъ уродства. Еще Викторъ Гюго, большой охотникъ до китайщины, относилъ ее къ области некрасиваго (le grotesque); мы же теперь вмѣстѣ съ самими китайцами научились восхищаться ихъ искусствомъ. Сообразно съ этимъ можно было бы сказать, что Э.—наука о красивомъ и уродливомъ, о трагическомъ и комическомъ, какъ это и предлагаетъ Башъ, вслѣдъ за Гроосомъ, въ своемъ монументальномъ трудѣ по Э. Канта. Но самъ Гроосъ предполагалъ нѣчто иное. Дѣло не только въ томъ, чтобы ввести въ Э. и уродливое: дѣло въ томъ, чтобы центръ интереса перенести съ оцѣнки явленій на то состояніе сознанія, которое производитъ эстетическую оцѣнку, но заключается вовсе не въ ней одной. Гроосъ предлагаетъ считать Э. не наукой объ одной оцѣнкѣ, какова бы она ни была, а наукой объ эстетическомъ сознаніи, выражающемся либо въ воспріятіи природы или произведеній искусства, либо въ художественномъ творчествѣ. На этомъ опредѣленіи и можно остановиться, во избѣганіе тавтологіи замѣнивъ лишь при характеристикѣ воспріятія слово *эстетическій* либо словомъ *чувственный* и вернувшись, такимъ образомъ, къ первоначальному значенію термина Э., либо, что несравненно точнѣе, словомъ художественный. Э., скажемъ мы тогда, есть *наука о художественномъ воспріятіи и художественной дѣятельности.* Право на такое опредѣленіе даетъ намъ то, что именно художественное творчество привело къ возникновенію въ насъ особаго эстетическаго сознанія, которое мы отнюдь не должны разсматривать какъ нѣчто врожденное человѣческой природѣ или какъ первоначальную способность души.

I. *Первые шаги художественнаго самосознанія.* Въ наиболѣе культурныхъ странахъ—въ Англіи, въ Бельгіи, въ Западной Германіи, въ Сѣверной Франціи—огромное количество населенія почти совершенно лишено всякихъ эстетическихъ впечатлѣній. Квартира въ фабричной казармѣ, платье купленное готовымъ и расчитанное лишь на дешевизну при его производствѣ, полное отсутствіе пѣсенъ, кромѣ кое-какихъ воспоминаній изъ music-hall или кафешантана, фельетонный романъ въ двухкопѣечной газетѣ—все это, вовсе не питаетъ художественнаго сознанія. Прибавьте еще къ этому и окрестности, заваленныя складами и отбросами угля, такъ что отъ пейзажа не осталось и помину. Немного выше рабочаго стоитъ, въ этомъ отношеніи, и средній обыватель; его также окружаютъ уродливыя созданія машиннаго производства; на музеи, концерты, истинно-художественныя зрѣлища, даже на чтеніе, хотя бы лучшихъ произведеній текущей беллетристики, у него очень мало времени. Въ эпоху когда эстетическое знаніе достигло высокой степени, когда постоянной и систематической разработкѣ и популяризаціи подвергается теорія искусства, огромной массѣ населенія оно совершенно чуждо. Она знаетъ о немъ, но не видитъ и не слышитъ его. Все искусство сосредоточилось въ рукахъ кучки людей—профессіональныхъ артистовъ и ихъ досужихъ почитателей. Какъ разъ обратное замѣчаемъ мы у народовъ первобытныхъ и среди современныхъ дикарей. И тѣхъ, и другихъ можно было бы безъ особаго преувеличенія назвать врожденными артистами. «Ни одна жизненная

потребность — пишетъ Бюхеръ, — не вызываетъ у нихъ (у дикарей) такой массы утомительнаго труда, какъ потребность украшенія: прическа волосъ, раскрашиваніе тѣла, татуировка, изготовленіе безчисленнаго множества мелочей, которыми они убираютъ члены своего тѣла. Орнаменты орудій первобытныхъ народовъ удивительно богаты содержаніемъ, хотя въ то же время необыкновенно трудны». Рядомъ съ этимъ сколько знаетъ дикарь и пѣсенъ! «Австралійцу,—разсказываетъ Грей,—пѣсня то же, что понюхъ табаку. Разсердитъ его что-либо, онъ поетъ, счастливъ онъ—поетъ, голоденъ—поетъ, пьянъ—поетъ еще больше». Что почти всѣ работы и теперь сопровождаются у дикарей и всегда сопровождались у всѣхъ народовъ земного шара пѣснями, объ этомъ недавно собралъ много свѣдѣній Бюхеръ. Ратцель, Ахелисъ и главнымъ образомъ Гроссе и Гроосъ показали также, какую роль играютъ въ первобытной жизни танцы. Кто изслѣдовалъ внимательно ремесла и обыденную жизнь среднихъ вѣковъ (напр. Вильямъ Моррисъ, Рескинъ), тотъ приходилъ къ такому же выводу: загнанный и запуганный крестьянинъ и рабочій «стараго режима» не только больше, чѣмъ современный, веселился на своихъ безчисленныхъ праздникахъ, но наслаждался широкимъ размахомъ своего искусства, произведенія котораго высоко цѣнимъ и мы, его отдаленные потомки. Если этого первобытнаго человѣка-эстета мы бы спросили, однако, что онъ думаетъ о красотѣ, легко могло бы случиться, что онъ вовсе не понялъ бы насъ, какъ не понялъ бы самаго термина *художникъ*, которымъ мы опредѣляемъ его дѣятельность. *Эстетическому сознанію предшествуютъ вѣка интенсивной художественной дѣятельности*. Что оно есть не болѣе, какъ результатъ сложной эволюціи—видно особенно ясно изъ того, какъ поздно становится понятенъ этотъ казалось бы столь первоначальный терминъ: «красота природы». Бизе въ цѣломъ рядѣ очерковъ показалъ, что, напримѣръ, древніе греки, которыхъ мы со времени Винкельмана привыкли считать народомъ, высоко одареннымъ въ эстетическомъ отношеніи, о красотѣ природы ничего не знали до Еврипида. Даже въ римскую эпоху это понятіе становится доступнымъ сознанію лишь очень поздно, ко временамъ Авзонія и Фортуната. Въ средніе вѣка оно вновь исчезаетъ, чтобы вспыхнуть лишь у кое-какихъ избранныхъ натуръ, какъ у Петрарки, на рубежѣ Возрожденія. Еще въ XVIII в. мы нерѣдко наталкиваемся на полное непониманіе красоты пейзажа, хотя уже почти столѣтіемъ раньше пейзажъ занялъ почетное мѣсто въ живописи. Правда, мы часто сходимся съ первобытнымъ человѣкомъ въ оцѣнкѣ отдѣльныхъ красотъ природы. Дикарь любитъ цвѣты не менѣе нашего; средневѣковые трубадуры и труверы неизмѣнно останавливались въ восхищеніи передъ весеннимъ ландшафтомъ. Однако, какъ это показалъ Грантъ-Алленъ («Mind», 1880), дикарь любитъ цвѣты лишь для того, чтобы украсить ими свое тѣло; средневѣковый человѣкъ и современныя крестьянки, русскія и сербки, идутъ весною «по цвѣточки» лишь для плетенія вѣнковъ.—Первымъ проблескомъ эстетическаго самосознанія можно назвать такую попытку дознаться, что считается *красивымъ*, какую мы находимъ въ «Гиппіи» Платона. Здѣсь еще не дается никакого другого опредѣленія красиваго, кромѣ простого замѣчанія, что оно пріятно для слуха и зрѣнія (τὸ δι' ἀκοῆς τε καὶ ὄψεως ἡδύ). Эта попытка стала возможна лишь тогда, когда Акрополь и Пареенонъ были полны множествомъ созданій самаго совершеннаго зодчества, когда стѣны ихъ уже были покрыты фресками, когда прозвучали стихи Гомера и Софокла—словомъ, въ золотой вѣкъ античнаго искусства. Надо было еще, чтобы Сократъ привычнымъ, безучастнымъ взоромъ смотрѣлъ на все это искусство, среди котораго онъ жилъ, чтобы и къ нему онъ отнесся съ тѣмъ безстрашнымъ анализомъ, который такъ испугалъ его согражданъ и довелъ его до чаши съ ядомъ. Только Сократъ и его ученики достигли того, что какъ бы становились выше жизни и выше искусства и начинали, какъ это разсказываетъ про Сократа Ксенофонтъ, сравнивать понятіе «красивый» съ другими понятіями, повидимому сродными. Не только для толпы аеинянъ такіе вопросы еще были непонятны: они были чужды и самимъ художникамъ, творцамъ всего этого искусства. Тотъ же Ксенофонтовскій Сократъ разсказываетъ, что обошелъ всѣхъ художниковъ, спрашивая ихъ объ искусствѣ; они сообщали ему много подробностей, но никто не сказалъ ему, что такое искусство. Тутъ, въ этихъ замѣчаніяхъ Ксенофонтовскаго Сократа и нужно видѣть точку отправленія эстетики. Основаніе ея было положено Платономъ и Аристотелемъ, съ которыхъ и надо начинать обозрѣніе эстетическихъ ученій. Такое положеніе ихъ въ нашей наукѣ едва ли измѣнится даже тогда, когда оріенталисты облегчатъ намъ знакомство со взглядами на красоту и искусство мудрецовъ древней Индіи, а можетъ быть и Китая. Красота представлялась Платону результатомъ воспріятія чувствами (αἰσθήσεσιν); оттого она вызываетъ *удовольствіе* и даже стремленіе, любовь. Въ то же время, однако, красота понимается и *интеллектуально*, а особая высшая красота оказывается даже доступной только одному разуму. Кромѣ того красота почти вовсе не отдѣлима отъ добра, справедливости, истины. Ученіе Платона о красотѣ заключается главнымъ образомъ въ діалогахъ «Федръ» и «Филебъ». Въ «Федрѣ» оно связано съ теоріей любви и съ представленіемъ о горнемъ сверхнебесномъ мірѣ, мѣстѣ пребыванія безтѣлесныхъ душъ и чистыхъ идей. Въ «Филебѣ» красота разсматривается какъ источникъ *чистаго удовольствія*, противополагаемаго смѣшанному, сопряженному съ страданіемъ. Сверхнебесный міръ, это—міръ истинно существующаго, вѣчный и совершенный прототипъ здѣшняго міра. Этотъ міръ и есть собственно міръ красоты, какъ и истины, справедливости и добра. Красота здѣшняя есть лишь отраженіе той божественной красоты. Когда падшая, т. е. воплощенная въ тѣло душа видитъ земную красоту, въ ней возникаетъ

воспоминаніе (ἀνάμνησις) о раньше пережитомъ въ горнемъ отечествѣ. И тогда она охвачена безуміемъ (μανία); ее влечетъ къ красивому, ее воспламеняетъ любовь, но любовь эта различна сообразно способностямъ души. Чаще всего это лишь любовь къ *земной красотѣ* (τῆδε κάλλος), т. е. къ производящимъ удовольствіе чистымъ тонамъ, краскамъ, запахамъ и правильнымъ линіямъ и фигурамъ. Но дѣйствительно возлюбившій красоту (φιλόκαλος) становится истиннымъ ея любовникомъ (ἐραστής), и его любовь стремится уже къ самой *божественной красотѣ* (ἀληθοῦς), о которой душа его была способна сохранить ясное воспоминаніе. Эта красота доставляетъ удовольствіе лишь *отношеніемъ между явленіями*, а не самыми явленіями. Она сказывается въ архитектурѣ и музыкѣ, въ симметріи и мѣрѣ. Вмѣстѣ съ Пиѳагоромъ полагая сущность явленій въ числовыхъ отношеніяхъ, Платонъ ставилъ ихъ въ самомъ центрѣ своей системы. Мѣра и симметрія принадлежатъ одинаково и къ здѣшнему, и къ горнему міру; ими оба міра собственно и связаны. Оттого, воспринимая мѣру и симметрію, человѣкъ «вспоминаетъ» уже красоту «безформеннаго, безкрасочнаго, неосязаемаго» міра, куда душа проникаетъ лишь ведомая разумомъ. Но въ мѣрѣ и симметріи коренится и сама добродѣтель; въ нихъ заключается также и истина, и мы можемъ назвать ихъ, вмѣстѣ съ красотой и истиной, основнымъ благомъ. Теорія красоты отношеній проведена, такимъ образомъ, совершенно стройно, и это особенно отчетливо выступаетъ рядомъ съ сбивчивостью тѣлесной красоты (τῆδε κάλλος). Какимъ образомъ міръ «безформенный и безкрасочный» можетъ быть прототипомъ чистыхъ красокъ и правильныхъ линій — это представить себѣ весьма трудно. Правильныя, т. е. отвлеченно-геометрическія линіи и чистые цвѣта также не могутъ считаться производящими чувственное впечатлѣніе; въ нихъ, во всякомъ случаѣ, заключается значительная доля интеллектуальности. Эта высшая красота мало интересовала Платона. По своей неопредѣленности она не отразилась и на разсужденіяхъ Аристотеля, въ своей «Поэтикѣ» все вниманіе сосредоточившаго именно на ученіи о красотѣ отношеній. Онъ далъ ей болѣе формальный характеръ и этимъ отдѣлилъ ее отъ добра и истины, съ которыми она такъ тѣсно слита у Платона. Ученіе о красотѣ въ мѣрѣ и симметріи по самому существу своему давало полную возможность формальной разработки. У Аристотеля оно приняло впервые *объективно-формальное* обличье теоріи *единства въ разнообразіи*, которое впослѣдствіи встрѣчается и у Цицерона, и у Горація, и у блаженнаго Августина. Эту мысль Аристотель высказалъ, требуя, чтобы произведеніе прекраснаго было такъ составлено, что если уничтожить часть, то нарушится и цѣлое; цѣлостность же или единство есть основное свойство всего красиваго. Напротивъ, *субъективно-формальный* характеръ далъ Аристотель платоновской Э., установивъ, что красивое можетъ быть только опредѣленныхъ размѣровъ. Несоразмѣрно большое не можетъ быть предметомъ непосредственнаго воспріятія. Соображенія Аристотеля, развивающія мысли Платона, даютъ намъ также возможность выйти изъ отвлеченнаго ученія Платона о красотѣ и въ *теоріи искусства*. Если мѣра и симметрія, эти первоосновы красоты въ системѣ Платона, воспринимаются изъ архитектуры и музыки, то уже этимъ искусство вводится въ сферу красиваго. Любовное безуміе, вызываемое красивымъ, также опредѣляется Платономъ какъ наиболѣе свойственное поэтамъ; его не надо бояться именно потому, что въ немъ коренится вдохновеніе. Уваженіе къ искусству сказывается и въ той самой X-й главѣ «Политики», гдѣ предписывается почти полное изгнаніе артистовъ изъ государства. Если появится драматическій поэтъ, то, по словамъ Платона, пусть глава его будетъ украшена лавровымъ вѣнкомъ, но, воздавъ ему почести, пусть граждане предложатъ ему удалиться. Платонъ совершенно отрицаетъ красоту трагедіи и комедіи, какъ не только не доставляющихъ чистаго удовольствія, но даже заставляющихъ проливать слезы. Поэтамъ онъ отводитъ лишь шестое мѣсто. Не только правитель народа, но даже врачъ и прорицатель поставлены выше поэта. Въ сущности теорію искусства Э. Платона не обнимаетъ вовсе. Объясняется это тѣмъ опредѣленіемъ Платона, по которому искусство есть лишь *подражаніе подражанію*, т. е. отстоитъ еще дальше отъ сверх-небеснаго міра, истинно существующаго, чѣмъ наша бренная жизнь. Столяръ, дѣлая ложе, подражаетъ истинному ложу или идеѣ ложа — а художникъ подражаетъ этому, подражающему идеѣ ложа предмету. Художникъ воспроизводитъ лишь *видимость*, тѣнь дѣйствительно существующаго для этого міра ложа. И вотъ оттого-то онъ и изгоняется изъ государства: вѣдь «заблужденіе противно богамъ и людямъ» — а что же, какъ не заблужденіе, эта видимость предметовъ, это «подражаніе подражанію»? По той же причинѣ граждане должны удалять драматурговъ, гораздо болѣе ревниво оберегая отъ нихъ государство, чѣмъ, напр., отъ лирика. Послѣдній, въ своемъ любовномъ безуміи, говоритъ отъ себя и тѣмъ несомнѣнно менѣе грѣшитъ противъ истины, чѣмъ драматургъ, умѣющій говорить сразу отъ лица нѣсколькихъ людей. Именно за эту способность введенія въ заблужденіе и должно драматурга постигнуть изгнаніе. Облагородилъ и, такъ сказать, защитилъ искусство только Аристотель, также признававшій, что искусство есть *подражаніе* (μίμησις), но за то поставившій рядомъ съ подражаніемъ тому, что есть, еще подражаніе тому, что должно быть (οἷα εἶναι δεῖ). Равнымъ образомъ Аристотель, всетаки отдавая предпочтеніе эпосу, какъ-бы примирилъ Э. Платона съ трагедіей и комедіей. Конечно, трагедія заставляетъ насъ проливать слезы, а комедія, хотя и радуетъ жестокой насмѣшкой надъ тѣмъ, кто намъ враждебенъ, но доставляетъ также не чистое удовольствіе; однако, страсти *видимыя* или изображаемыя на сценѣ — вовсе не то же самое, что настоящія. Трагедія «посредствомъ страха и состраданія производитъ катарсисъ этихъ страстей». Это изреченіе Аристотеля

вызвало безчисленное множество толкованій. Въ трагедіи страсти производятъ какое-то особое впечатлѣніе. Каково оно—это и объясняетъ слово *катарсисъ*. Барнайсъ показалъ, что оно встрѣчается и въ «Реторикѣ» и обозначаетъ чисто медицинское очищеніе. *Трагедія посредствомъ страха и состраданія производитъ, стало быть, очищеніе или освобожденіе отъ этихъ страстей.* Что дѣло, какъ показалъ Лессингъ, идетъ объ освобожденіи именно отъ страха и состраданія — это совершенно очевидно; нельзя согласиться съ толкованіемъ, по которому трагедія изображаетъ очищенныя страсти или очищаетъ вообще отъ всякихъ страстей. Въ настоящее время принято считать, что Аристотель бросилъ это выраженіе, еще не вполнѣ продумавъ его значеніе, и стремился, вводя его, либо указать на то, что фиктивное (подражающее) возбужденіе страстей, противоположное настоящему, даетъ наслажденіе (очищая душу отъ страха и состраданія), либо какъ можно сильнѣе оттѣнить возможную полезность трагедіи съ точки зрѣнія государственной безопасности. Первое мнѣніе встрѣчается, напр., въ «Поэтикѣ» Шерера, второе принадлежитъ Бергеру. Какъ бы то ни было, Аристотель прежде всего старался расширить Э. Платона, заставивъ ее обнять и искусство. Оправдывая трагедію, это произведеніе «сладчайшей рѣчи», онъ, какъ формалистъ, ополчался также и за права красоты. Итакъ, часть Э. Платона—ученіе о красотѣ отношеній—была развита съ формальной точки зрѣнія Аристотелемъ и легла въ основу эстетическаго *формализма*. Развиваясь въ этомъ направленіи, ей пришлось разстаться съ родственными правдой и добромъ. Это повторяется каждый разъ, когда въ Э. торжествуетъ формальная точка зрѣнія—и каждый разъ естественно возникаетъ вопросъ, не столкнется ли Э. съ этикой и религіей. Чтобы избѣжать этого и въ то же время не объявлять войны ни этикѣ, ни религіи, остается только подчинить Э. требованіямъ морали или религіи. Введя представленіе о катарсисѣ, Аристотель отчасти и вступилъ на этотъ путь. Гораздо дальше пошелъ Горацій, когда объявилъ, что въ поэзіи omne tulit punctum qui miscuit utile dulci. Такое наиболѣе простое разрѣшеніе вопроса и имѣло огромный успѣхъ въ теченіе долгихъ вѣковъ. Его слышимъ мы иногда и теперь. Однако, у Платона было и еще одно ученіе красоты, которое было уже невозможно формализировать. Красота тоновъ, линій, звуковъ, красокъ есть *отраженіе или подражаніе идей*, т. е. того міра, гдѣ красота слита съ добромъ и истиной. Эту теорію Платона развили неоплатоники, и среди нихъ прежде всего Плотинъ. Такимъ образомъ было положено основаніе эстетическому *идеализму*. Чтобы развиться, ему надо было пройти черезъ перемолъ восточнаго мистицизма. Александрія и начало христіанской эры были для того самой подходящей обстановкой. Идеалистическія построенія были облегчены Плотину тѣмъ, что дуализмъ, лежащій въ основѣ ученія Платона, явилась возможность замѣнить мистическимъ монизмомъ. Сверхнебесный міръ идей, т. е. вѣчнаго существованія, и міръ явленій, т. е. существованія бреннаго, міръ духа и міръ матеріи составляютъ у Плотина уже нѣчто единое. Матерія есть лишь сгущеніе, паденіе, затемнѣніе духа. На подобной общей основѣ и развита Э. Плотина въ шестой книгѣ первой Эннеады. Красота, какъ и у Платона, принадлежитъ вѣчному міру, гдѣ она сопряжена съ истиной и добромъ; но чувственный глазъ воспринимаетъ эту красоту лишь въ матеріальномъ чувственномъ проявленіи. Его красота и есть та другая, низшая земная красота, выражающаяся въ цвѣтахъ, звукахъ и равномѣрности. Матерія, эта самая низшая стадія существующаго, сама по себѣ безформенна и уродлива, и только по мѣрѣ приближенія къ духу она получаетъ порядокъ (симметрію). Черезъ посредство огня, который прекрасенъ самъ по себѣ, она получаетъ также и свѣтъ, и цвѣта, а при помощи гармоніи одухотворяется звукомъ. Все это, попадая въ сознаніе человѣка черезъ посредство матеріальнаго воспріятія, тѣмъ самымъ возвышаетъ его къ духовному. Поднимаясь выше, человѣкъ пріобщается и къ духовнымъ сущностямъ, черезъ посредство добродѣтели достигая сверхнебесной красоты. При подобныхъ эстетическихъ теоріяхъ искусство хотя и считается подражаніемъ, но стоитъ уже не ниже природы, а выше ея. Это составляетъ особенность и позднѣйшихъ идеалистическихъ системъ. Искусство, подражая, не только воспроизводитъ, *какъ должно быть*, согласно мысли Аристотеля: оно еще *одухотворяетъ* матерію, поднимая ее до красоты, т. е. до небеснаго. Само по себѣ искусство не можетъ быть, такимъ образомъ, противополагаемо добродѣтели. Стоитъ только подвергнуть искусство нравственно-аллегорическому толкованію, чтобы оно стало послушнымъ орудіемъ въ рукахъ какъ моралиста, такъ и теолога. Подобное толкованіе мы и находимъ въ средніе вѣка, когда платонизмъ сдѣлалъ изъ самого Виргилія провозвѣстника христіанства. Рядомъ съ этимъ идеализмъ въ Э. ведетъ, у Филострата, къ образованію понятія *фантазіи*, вмѣсто подражанія. Художникъ оказывается творящимъ, по выраженію Цицерона, сообразно «speciei menti insidenti», т. е. сообразно идеѣ. Идеалистическая Э. выдвигаетъ и другія представленія, родственныя красотѣ. Лонгинъ въ III в. впервые вводитъ понятіе о *возвышенномъ*, понимаемомъ, правда, еще въ чисто нравственномъ смыслѣ.

II. *Средніе вѣка, Возрожденіе и періодъ классицизма.* «Съ третьяго вѣка по восемнадцатый, — по словамъ Циммермана,—въ исторіи философіи искусства и красоты нѣтъ ничего кромѣ огромнаго пробѣла». Въ наше время такое мнѣніе уже невозможно; современные историки эстетики, Бозенкитъ и Нойтъ, отводятъ несравненно больше мѣста этимъ долгимъ періодамъ, не перестававшимъ давать множество совершеннѣйшихъ созданій искусства. Правда, независимаго осмысленія эстетическаго сознанія, когда сама философія была только ancilla theologiae, было бы трудно ждать; но у отцовъ церкви, у Авгу-

стина и у Скота Эригены мы все-таки находимъ отдѣльныя замѣчанія о красотѣ, а въ XIII в. Ѳома Аквинскій посвящаетъ ей особый трактатъ. Въ эпоху Возрожденія интересъ къ вопросамъ Э. выражается въ цѣломъ рядѣ «Поэтикъ» и «Защитъ поэзіи». Такъ, за Дантовскимъ «De vulgare eloquio» въ XV и XVI вв. слѣдуетъ длинная вереница подобныхъ произведеній, принадлежащихъ либо гуманистамъ, какъ Триссино и Фичино, либо поэтамъ, какъ Торквато Тассо, Лопе де-Вега и Филиппъ Сидней. Важное значеніе для Э. имѣютъ и трактаты Альбрехта Дюрера, Леона Батисты Альберти и Леонардо да-Винчи. Разрабатывая вопросы художественной техники, всѣ они одновременно иллюстрируютъ и эстетическое сознаніе своего времени. Съ XVII в., когда Декартъ положилъ основаніе современной независимой философіи, явилась возможность обновленія Э. и какъ части общаго міросозерцанія. Хотя самъ Декартъ и не отозвался на вопросы красоты и искусства, вліяніе его системы сказывается какъ на самомъ искусствѣ, такъ и на его осмысленіи. Попытки возсозданія Э. Декарта были сдѣланы аббатомъ Валле, въ его книгѣ о Ѳомѣ Аквинскомъ, и Кранцемъ, въ его Э. Декарта. Весьма возможно, что со временемъ всѣ семь вѣковъ, отдѣляющихъ нарожденіе Э., какъ науки, отъ первыхъ шаговъ въ художественномъ творчествѣ новыхъ народовъ, также окажутся способствовавшими возникновенію Э. усиліями отмеченной мысли, вторившей порывамъ искусства. Покамѣсть приходится, однако, для всего этого времени ограничиться лишь немногими замѣчаніями. Наиболѣе характерную черту средневѣковой эстетики составляетъ своеобразное развитіе Платоновскихъ воззрѣній. Въ философіи Эригены міръ плоти, какъ созданіе Творца, самъ по себѣ представляется прекраснымъ, и только порочный человѣкъ, отдаляясь отъ мыслей о Богѣ и не видя больше божественности вселенной, какъ бы дѣлаетъ ее уродливой. При такомъ чисто субъективномъ пониманіи созерцанія все дѣло сводится къ тому, какъ мы воспринимаемъ явленія. Мы должны усматривать въ нихъ божественность и этимъ сами создавать красоту; высшая красота—это уже красота небесная, доступная только при полномъ разрывѣ съ плотью и сліяніи съ Богомъ. За вещественной внѣшностью созданія скрывается для непросвѣщеннаго глаза его духовная сущность. Сходно съ этимъ и также аллегорически понимаетъ красоту и Ѳома Аквинскій, въ своемъ «Opusculum de Pulchro». Красота для него — возсіяніе формы (resplendentia formae) либо надъ пропорціональностью частей, либо надъ разнообразными силами и дѣйствіями. Выраженіе: «resplendentia formae» въ высшей степени характерно для эстетическаго сознанія какъ среднихъ вѣковъ, такъ и ранняго Возрожденія; въ немъ коренится главное пріобрѣтеніе и самаго искусства, и художественной мысли, достигнутое за время отъ XII до XIV вѣка. Какъ образы самой природы подъ свѣтлымъ небомъ Прованса, этой колыбели средневѣковаго искусства, такъ и традиціонно и безсознательно возникшія у трубадуровъ, труверовъ и миннезингеровъ роды и виды поэзіи начинаютъ пониматься символически, а иногда и прямо впадаютъ въ аллегорію. Идеалы доблести, куртуазіи и выспренной любви къ дамѣ, составляющіе главное содержаніе и лирической поэзіи, и такъ назыв. chansons de geste, а позднѣе— и рыцарскихъ романовъ, постепенно все углубляются и возносятся выше и выше, понимаемые и какъ идеалы христіанскихъ добродѣтелей, и какъ высшій типъ человѣчности, честности и благородства. Самая любовь сливается съ поэзіей и становится какимъ-то восторженнымъ чувствомъ, не только платоническимъ, но ведущимъ къ высшему нравственному совершенству. Оттого, рядомъ съ чисто схоластическими ухищреніями, въ психологіи любви поэзія развивается въ сторону *скрытаго смысла* (символизма—сказали бы теперь). Данте, разъясняя планъ своей «Божественной комедіи», въ письмѣ къ Канъ Гранде всего сильнѣе выразилъ своеобразную особенность этой новой Платоновской Э. «Произведеніе это,—пишетъ Данте,— не просто; оно скорѣе можетъ быть названо *содержащимъ нѣсколько смысловъ»* — и иллюстрируетъ свою мысль толкованіемъ библейскаго разсказа объ исходѣ евреевъ изъ Египта. «Если,—говоритъ онъ,—мы обратимъ вниманіе только на букву разсказа, въ немъ не окажется иного смысла, какъ выходъ дѣтей Израиля изъ Египта во времена Моисея; если же мы встанемъ на аллегорическую точку зрѣнія, мы увидимъ и Искупленіе насъ во Христѣ, въ моральномъ же отношеніи здѣсь окажется и переходъ души отъ печали и скорби грѣха въ состояніе блаженства». Всѣ эти различныя значенія поэтическихъ образовъ имѣлъ въ виду Данте при созданіи своей «Божественной комедіи». Отсюда множество толкованій ея, которыя тянутся отъ Боккачьо до нашихъ дней. Ведя художественный замыселъ къ иносказанію и одновременно внушая такое же иносказательное пониманіе и при воспріятіи искусства и поэзіи, платоническая точка зрѣнія, однако, не исключаетъ того, что мы привыкли звать *реализмомъ*. Прежде всего вѣдь сама природа вся проникнута божественнымъ смысломъ и поэтому имѣетъ высокую цѣнность. Пониманіе красоты природы было далеко еще отъ своего эстетическаго осмысленія во времена трубадуровъ и даже Данте, но, напр., у Франциска Ассизскаго мы уже находимъ его въ полномъ блескѣ. Рядомъ съ этимъ сознательнымъ реализмомъ, основаннымъ на мысляхъ, схожихъ съ приведенными воззрѣніями Скота Эригены, черезъ всѣ средніе вѣка и черезъ эпоху ранняго Возрожденія тянется еще другой, наивный реализмъ, самостоятельно возникшій въ народной поэзіи и непоколебленный ученіемъ, основаннымъ на платонизмѣ. Средневѣковый поэтъ изображалъ даже героевъ античныхъ разсказовъ—Александра Македонскаго и др.—въ той обстановкѣ, которую видѣлъ вокругъ себя; даже разрабатывая самые сказочные сюжеты, онъ любовно описывалъ подробности своего быта. Равнымъ об-

разомъ и художникъ ранняго Возрожденія одѣвалъ всѣхъ святыхъ и всѣхъ библейскихъ героевъ въ современные ему костюмы. Въ этомъ отношеніи, можетъ быть, всего характернѣе эта наивная двухспальная кровать въ домѣ Іосифа и Богоматери, нисколько не оскорблявшая религіозное сознаніе Луки Кранаха. Оттого, не смотря на свою стилизацію, такъ вѣрны и точны пейзажи старыхъ итальянскихъ мастеровъ, которыхъ въ этомъ отношеніи великій знатокъ пейзажа, Рескинъ, даже ставилъ въ примѣръ венеціанцамъ. У Альбрехта Дюрера мы находимъ такія слова: «семь мудрецовъ въ Греціи учили, что мѣра лучше всего во всѣхъ вещахъ (и физическихъ и нравственныхъ); но красота зависитъ отъ многихъ обстоятельствъ, и художникъ прежде всего *не долженъ отступать отъ природы*, потому что искусство стоитъ твердо на данныхъ природы... Мы находимъ въ природѣ красоту далеко превосходящую наше пониманіе и никто изъ насъ не можетъ вмѣстить ее цѣликомъ въ свои произведенія». Этимъ замѣчаніемъ Дюреръ далеко превосходитъ Рафаэля, признававшагося, что придумывалъ красоту своихъ мадоннъ. Мистически - символическое пониманіе, углублявшее искусство, поскольку оно вело къ аллегоризму, представляло, однако, большую опасность для художественнаго совершенства. Иносказаніе должно было оторваться отъ своей реалистической основы и привести къ манерности. Это теченіе мы видимъ во времена появленія «Романа о Розѣ» и во всемъ французскомъ искусствѣ XIV, XV и даже XVI вв. Но у этого аллегоризма, который сказывается и въ позднихъ образцахъ религіозной драмы (Моралитэ), съ древнимъ платонизмомъ уже покончены всѣ счеты. Его теперь вновь замѣняетъ разсудочный принципъ Горація о соединеніи пріятнаго съ полезнымъ. Оттого аллегоризмъ развивается заодно съ притворнымъ морализированіемъ разныхъ «евфуизмовъ» и «гонгоризмовъ», съ ученымъ нагроможденіемъ миѳологическихъ образовъ и вообще со всей этой осложненностью искусства, любезной гуманистамъ-книгочеямъ поздняго Возрожденія, эпохи влюбленнаго въ могучія формы Микеланжело, красочной живописи венеціанцевъ и пышной архитектуры, идущей уже въ сторону упадочнаго «барокко». Только геній Сервантеса, Шекспира и Раблэ съумѣлъ преодолѣть всю эту дѣланность и условность, естественное послѣдствіе подражательности одновременно и антику, и раннему Возрожденію. Они вновь вдохнули въ свое искусство и вдумчивость, и глубину—но теперь это уже вдумчивость современныхъ тревожныхъ исканій. Сервантесъ, говорившій, что обязанность поэта самые невѣроятные эпизоды дѣлать правдоподобными, и Шекспиръ, въ «Зимней сказкѣ» восхищавшійся совершенствомъ подражанія природѣ, вернулись къ реализму, а Раблэ, по самому замыслу своей причудливой книги даже избѣгавшій правдоподобія, сдѣлалъ ее тѣмъ не менѣе цѣлой эпопеей современности. Совершенно своеобразное возвращеніе къ принципу *подражанія природѣ*, при чемъ въ центрѣ эстетическихъ интересовъ всецѣло стоитъ «Поэтика» Аристотеля, представляетъ изъ себя эпоха *раціонализма* или эпоха Декарта. Эстетическія воззрѣнія этой поры, во Франціи протянувшейся до самаго конца XVIII в., выражены въ «Поэтикѣ» Буало», въ «Traité du Beau» Круза, въ «Réflexions critiques sur la Poésie et la Peinture» аббата дю-Бо (1719) и въ книгѣ аббата Баттё: «Les Beaux Arts réduits à un même principe» (1746). Вліяніе картезіанства на Э. этого времени старался представить Кранцъ. Искусство, въ которомъ, по мнѣнію французовъ XVII вѣка, выражается только красивое, представлялось изысканнымъ занятіемъ «порядочнаго человѣка» (honnête homme), образованнаго, но не педанта, а свѣтскаго. «Порядочный человѣкъ» наслаждается имъ, потому что оно *остроумно* или доставляетъ *пріятность*, но онъ требуетъ, чтобы искусство удовлетворяло и его *вкусу*, воспитанному на созданіяхъ греко-римскаго искусства. То, что удовлетворяетъ вкусу, и есть красивое. Самый вкусъ, однако, долженъ руководствоваться *здравымъ смысломъ* (raison); отсюда положеніе Буало: «rien n'est beau que le vrai», которое раньше него выражалъ и Пьеръ Николь (принадлежавшій къ Поръ-Роялю), говоря: «pulchritudinis fontem in veritate esse». Принципъ *правды*, хотя онъ и опирается на Аристотелевское подражаніе, отнюдь не есть, такимъ образомъ, принципъ реализма, какъ было въ средніе вѣка. Дѣло теперь не въ воспроизведеніи жизни такою какъ она есть: это могло бы оскорбить вкусъ «порядочнаго человѣка». Дѣло въ *правдоподобіи*, т. е. именно въ удовлетвореніи *здраваго смысла*. Все, что противно здравому смыслу, не можетъ быть терпимо, не можетъ быть и красиво. Этотъ принципъ правдоподобія всего яснѣе выступаетъ въ теоріи тогдашней драмы. Необходимость соблюденія трехъ единствъ Корнель и Буало отстаивали прежде всего потому, что перенесеніе дѣйствія изъ одной страны въ другую и изображеніе въ теченіе какихъ-нибудь двухъ часовъ цѣлой человѣческой жизни противно, своимъ неправдоподобіемъ, здравому смыслу. Требованіе здраваго смысла приводитъ и къ подчиненію искусства морали: иначе оно было бы безразсудно и нетерпимо въ обществѣ порядочныхъ людей. Если трагедія, сообразно Корнелевскому пониманію Аристотелевскаго катарсиса, либо ужасаетъ, либо вызываетъ состраданіе, изображая очищенныя, т. е. возвышенныя страсти героя, то комедія имѣетъ своимъ прямымъ назначеніемъ исправленіе человѣческихъ недостатковъ и слабостей. Вотъ почему не только развитіе дѣйствія должно быть подчинено *поэтической справедливости*, но самый замыселъ дѣйствующихъ лицъ долженъ быть основанъ на моральномъ принципѣ. Дѣйствующія лица должны быть *характерны*. Индивидуализація отнюдь не должна мѣшать одной какой-либо характерной чертѣ развиться настолько, чтобы она управляла всѣми рѣчами и поступками. Позднѣе, когда появилась мѣщанская траге-

дія, принципы *поэтической справедливости* упрочились еще сильнѣе. Они теперь основаны не на требованіяхъ разсудочной морали, а на *чувствѣ*. Мы подошли ко времени вліянія Руссо, имя котораго обыкновенно не упоминается въ обзорахъ эстетическихъ ученій, но который своей страстностью поколебалъ стройность раціоналистической Э. Тотъ же Руссо способствовалъ и восторженному отношенію къ красотѣ природы. Воспроизведенія ея, а не только подражанія, впервые потребовалъ Дидро въ своемъ «Essai sur la peinture». Первые признаки нарожденія новой Э. среди англійскихъ и нѣмецкихъ мыслителей во Франціи отразились на Энциклопедіи, куда нѣмецкія и англійскія мысли проникли, однако, лишь украдкой.

III. *Кантъ и Шиллеръ.* Въ промежутокъ времени съ 1750 до 1790 г., т. е. между появленіемъ Э. Баумгартена и выходомъ въ свѣтъ «Критики силы сужденія» Канта, вопросы красоты и искусства подвергаются самому оживленному обсужденію, преимущественно въ Англіи и въ Германіи. Въ этой послѣдней странѣ они привлекаютъ къ себѣ всеобщее вниманіе. Въ критикѣ мы послѣдовательно видимъ Винкельмана, Лессинга, Гердера и молодого Гёте, потомъ братьевъ Шлегелей, Вакенродера, Жанъ Поль Рихтера. Въ поэзіи періодъ Бури и Натиска смѣняется нарожденіемъ романтизма съ одной стороны и неоклассицизма Гёте и Шиллера—съ другой. Характернѣйшей чертой этого золотого вѣка нѣмецкой образованности является, можетъ быть, взаимодѣйствіе между исканіями самаго искусства и подчасъ перегоняющей ихъ усиленной работой художественнаго самосознанія. Въ области чистой Э., какъ науки, появляется въ это время цѣлый рядъ изслѣдованій. Въ Германіи главнѣйшія изъ нихъ принадлежатъ Баумгартену, Эбергарду, Зульцеру и Мендельсону, а въ Англіи—Бёрку, Юму и Шэфтсбери (этотъ послѣдній, увлеченный мыслями Платона, стоитъ, впрочемъ, особнякомъ). Въ этомъ своемъ предъ-кантовскомъ фазисѣ Э. дѣлаетъ новыя пріобрѣтенія. Чтобы понять ихъ, надо установить различіе между англійской и нѣмецкой точками зрѣнія. Англичане сосредоточиваютъ все свое вниманіе на *удовольствіи*, получаемомъ отъ красиваго нашими собственными чувствами; въ Германіи выдвигается вышедшая изъ логики Вольфа и оптимизма Лейбница теорія *совершенства* самыхъ явленій, *познаваемыхъ* особымъ чувственнымъ познаніемъ. Юмъ, напр., говоритъ, что «красивое и уродливое въ гораздо большей степени, чѣмъ сладкое и горькое, вовсе не свойства предметовъ»; мы можемъ лишь предположить существованіе въ природѣ «такихъ свойственныхъ предметамъ качествъ, которыя направлены къ тому, чтобы вызывать эти чувства». Такое пониманіе красоты рѣзко отличается отъ «perfectio cognitionis sensitivae» Баумгартена. Съ одной стороны мы имѣемъ ученіе *сенсуалистическое*, съ другой—*раціоналистическое*. Между этими двумя крайними положеніями занимаетъ мѣсто система Канта. Еще раньше Лессингъ, котораго справедливо называютъ предтечей Канта въ Э., старался въ своемъ «Лаокоонѣ» отмежевать красоту одновременно и отъ удовольствія, и отъ совершеннаго. Необходимость занять среднее положеніе между этими двумя точками зрѣнія вызывается тѣмъ, что обѣ онѣ ведутъ къ преувеличеніямъ. Раціоналистическая точка зрѣнія Баумгартена естественно порождала сомнѣніе въ томъ, какое же существуетъ различіе между эстетическимъ совершенствомъ и добромъ, какъ въ практическомъ, такъ и въ моральномъ смыслѣ. Сенсуалистическое пониманіе съ своей стороны вело удовольствіе отъ красиваго въ сторону удовольствія вообще полезнаго. Эти трудности хорошо чувствовали оба лучшихъ представителя обоихъ воззрѣній, Баумгартенъ и Бёркъ. Баумгартену удалось до извѣстной степени отмежевать совершенное-красивое отъ совершеннаго-добраго утвержденіемъ, что первое заключается лишь въ *формѣ*. Бёркъ, съ своей стороны, отдѣлилъ чувство красоты отъ чувственности. Въ своемъ «Очеркѣ о возвышенномъ и красивомъ» онъ противополагаетъ впечатлѣнія страха и ужаса отъ высокаго впечатлѣніямъ душевнаго спокойствія отъ красиваго; высокое внушаетъ *страсти*, красивое —*любовь*. Бёркъ иллюстрируетъ свою мысль на примѣрѣ человѣческой красоты: вѣдь именно она вызываетъ любовь—то особое чувство, которое такъ отдѣляетъ влеченія человѣка отъ влеченій животнаго. Къ той же категоріи необходимыхъ разграниченій относятся и замѣчанія Юма *о вкусѣ*. Исходя изъ того, что «о вкусахъ не спорятъ», онъ все-таки долженъ былъ признать, что и въ самыхъ предметахъ есть нѣчто, что дѣлаетъ ихъ красивыми. Здѣсь можно видѣть зародышъ примиренія сенсуалистической и раціоналистической точекъ зрѣнія, поскольку первая ведетъ къ чистому субъективизму, а вторая, наоборотъ, къ объективизму.

Таковы тѣ проблемы, которыя долженъ былъ разрѣшить и осмыслить Кантъ. Ему предстоялъ выборъ между субъективизмомъ и объективизмомъ, между сенсуализмомъ и раціонализмомъ (чувствомъ красоты или ея познаніемъ); ему надо было установить, что же такое вкусъ, и объяснить, почему красивое не есть полезное и въ то же время не есть доброе въ моральномъ смыслѣ.—Изложеніе Кантовской Э. не можетъ быть предпринято отдѣльно отъ его общей философіи. Дѣйствительно, «Критика чистаго разума» открыла тотъ апріорный законъ, который разсудокъ нашъ предписываетъ природѣ. «Критика практическаго разума» открыла законъ нашего поведенія; она сказала: человѣкъ долженъ быть свободенъ, иначе онъ руководился бы въ своихъ поступкахъ не разумомъ и не былъ бы за нихъ отвѣтственъ, т. е. поведеніе его было бы совершенно аморально. Нравственный поступокъ—результатъ нравственнаго сознанія—имѣетъ причину въ *долженствованіи*. Такимъ образомъ уму Канта представились два совершенно различныхъ міра: міръ необходимости и міръ долженствованія. Когда Кантъ уже приступилъ къ «Критикѣ силы сужденія», ему надо было найти такой трансцендентальный принципъ, по которому міръ необхо-

димости представился бы тѣмъ же самымъ міромъ, что и міръ свободы. У насъ есть въ смутномъ состояніи способность именно такъ судить о мірѣ, потому что на дѣлѣ мы признаемъ одновременно и причинность, и мораль. Эта способность и есть *способность сужденія*. Она относится отчасти къ міру познанія, т. е. природы, отчасти къ міру желанія, т. е. долженствованія. Когда мы чего-нибудь хотимъ, т. е. ждемъ или получаемъ *удовольствіе*, мы съ одной стороны, очевидно, нѣчто познали, а съ другой стороны въ насъ проявляется и сознаніе того, что велитъ намъ долгъ. Если желаніе не противорѣчитъ долгу, удовольствіе оказывается полнымъ, и въ то же время вмѣсто разногласія двухъ міровъ получается ихъ согласіе. Антиномія необходимости и долженствованія оказывается на дѣлѣ разрѣшенной. Получаемое при этомъ удовольствіе и есть *сужденіе*. Какъ вызывающее удовольствіе, сужденіе относится къ чувству, хотя, какъ имѣющее непосредственное отношеніе къ разсудку, оно не можетъ считаться исключительно чувствомъ. «Критика силы сужденія» стремится раскрыть, какой апріорный законъ управляетъ этимъ сужденіемъ чувства. Законъ этотъ Кантъ называетъ *цѣлесообразностью*. И это законъ нашей силы сужденія, потому что она *не опредѣляетъ* міръ, какъ цѣлесообразный, подводя его подъ какой-либо законъ разсудка (что у Канта и значитъ опредѣлять), а напротивъ, воспріявъ этотъ законъ изъ опыта, чрезъ посредство чувства, обращаетъ его на самое себя и становится *рефлектирующей*.—Такъ обстоитъ дѣло, если мы испытываемъ удовольствіе, получивъ при этомъ и *пользу*. Мы говоримъ себѣ тогда: очевидно міръ необходимости и долженствованія—то же самое; я захотѣлъ, получилъ пользу и удовольствіе и при этомъ поступилъ согласно долгу; міръ цѣлесообразенъ, онъ не случаенъ; онъ направленъ къ какой-то цѣли, достигаемой и долженствованіемъ, и необходимостью одновременно. По терминологіи Канта, такое сужденіе будетъ *телеологическимъ*. Но вотъ удовольствіе состоялось, а пользы я для себя никакой не жду. Возможенъ ли подобный случай? Да, конечно; именно онъ и имѣетъ мѣсто при воспріятіи красиваго. Рядомъ съ телеологической способностью сужденія мы обладаемъ такою же *рефлектирующею эстетическою способностью сужденія*. Какой же законъ открываетъ эту область нашего сознанія? Отвѣтъ на этотъ вопросъ и будетъ одновременно отвѣтомъ на то, *что такое красота*. Дойдя до этого момента разсужденій, Кантъ приступаетъ къ аналитикѣ, чтобы потомъ перейти къ дедукціи и діалектикѣ. Если мы спросимъ себя, еще не сдѣлавъ ни шагу впередъ, что такое красота, намъ придется отвѣтить: красивое есть то, что вызываетъ эстетическую рефлектирующую способность сужденія, производя при этомъ удовольствіе безполезное, или безцѣльное, или *незаинтересованное* (это все одно и то же). Если же красивое, какъ красивое, безцѣльно и незаинтересовано, то, очевидно, сужденіе произошло *непосредственно*, т. е. не по отношенію къ чему-либо еще постороннему, а само собою. Удовольствіе доставила намъ не сущность явленія, потому что тогда удовольствіе не могло бы быть незаинтересовано. Напримѣръ, дерево понравилось намъ не потому, что это ель или яблоня, одною своею *формою*; мы восприняли и яблоню, и ель не какъ цѣлесообразные предметы, поскольку ель и яблоня полезны и нужны, какъ таковыя; объ этомъ мы даже не думали, когда получали удовольствіе. И вотъ теперь мы и подошли къ знаменитому опредѣленію, которое Кантъ даетъ красотѣ: *красивое есть то, что непосредственно одною своею формою вызываетъ въ насъ незаинтересованное наслажденіе*.—Къ этому опредѣленію Канта подвела, какъ мы видѣли, самая система его философіи. Въ немъ нетрудно, однако, узнать предшествовавшую Канту работу Э. Аналитика эстетической способности сужденія не могла не войти въ разборъ чувства красоты и помимо того, какое мѣсто ей принадлежитъ во всей системѣ. Э. Канта занимаетъ среднее положеніе между Бёркомъ и Баумгартеномъ. Кантъ старался съ одной стороны отмежевать то, что *нравится*, отъ того, что доставляетъ *удовольствіе*, а съ другой черезъ свой крайній *формализмъ* онъ очистилъ красивое отъ представленія о *совершенствѣ*. Эта часть Кантовской эстетики должна считаться самой сильной. Мы имѣемъ впервые дѣло съ яснымъ установленіемъ предѣловъ, въ которыхъ заключается эстетическое сужденіе. Нельзя этого сказать о другой основной мысли Канта, также взятой изъ прежней эстетики, которой и не предстояло получить дальнѣйшаго развитія. По системѣ Канта эстетическое сужденіе есть *сужденіе вкуса*, играющаго ту же роль, какую для разума играетъ категорическій императивъ. Понятно, что при подобномъ представленіи о вкусѣ эстетическое сужденіе оказалось какимъ-то застывшимъ, неизмѣннымъ и общеобязательнымъ. Отсюда упорное стремленіе Канта доказать, что сужденіе о красотѣ одинаково и *объективно*, и *субъективно*. Гартманнъ справедливо замѣчаетъ, что ни одна мысль не доставила Канту столько труда и ни одна не осталась столь спорной. Вкусъ еще болѣе субъективенъ, чѣмъ понятіе о красотѣ. Представленіе о неоспоримости велѣній вкуса особенно ярко обнаружило свою несостоятельность, когда рѣчь зашла объ искусствѣ. Тутъ пришлось допустить, что, стремясь къ созданію красиваго, художникъ—*геній*, какъ выражается Кантъ,—не только руководится вкусомъ, но создаетъ новый вкусъ. Иначе думать было невозможно въ самый разгаръ споровъ о новомъ романтическомъ искусствѣ, когда въ лицѣ Шиллера и Гёте это искусство уже побѣдило и почти стало въ свою очередь классическимъ. Понятно, какъ трудно было отстаивать общеобязательность вкуса. Изъ этого затрудненія Кантъ вышелъ только замѣчаніемъ, что вкусъ какъ бы накладываетъ узду на порывистое новаторство генія. Таковы соображенія, по которымъ къ приведенному выше опредѣленію Кантъ прибавляетъ еще слова: *необходимо и у всѣхъ*. *Красивое*, стало быть, *есть то, что необхо-*

димо и у всѣхъ одной своей формой вызываетъ незаинтересованное наслажденіе.—Если теперь мы вновь вернемся къ мѣсту, занимаемому Э. въ системѣ Канта рядомъ съ телеологіей, какъ ученіемъ о цѣлесообразности, то окажется, что красота есть какъ бы особая цѣль природы, открываемая нашей способностью сужденія. Дѣйствительно, получая эстетическое удовольствіе, мы также получаемъ удовлетвореніе и не можемъ тогда сокрушаться о безцѣльности міра. Кантъ и призналъ красоту особой цѣлесообразностью, не имѣющей никакого отношенія къ какой-либо другой, посторонней цѣли. Отсюда глубокое и въ то же время парадоксальное опредѣленіе красоты, какъ *безцѣльной цѣлесообразности*. Эта послѣдняя мысль Канта позволяетъ намъ установить отношеніе его Э. и къ воззрѣніямъ древности. Если позволительно гармоническую цѣлесообразность понимать, какъ «совершенство», то окажется, что «единство въ разнообразіи» Аристотеля составляетъ понятіе, опредѣляющее собою наше трансцендентальное представленіе о мірѣ вообще. Совершенство Кантъ прямо и разсматриваетъ какъ единство въ разнообразіи. Эстетическая система Канта приняла въ себя, такимъ образомъ, Аристотелевское опредѣленіе красоты, придавъ ему только еще болѣе формальный характеръ. Душа человѣка, встревоженная разногласіемъ необходимости и долженствованія — что случается каждый разъ какъ не удовлетворено законное, справедливое желаніе, — можетъ найти утѣшеніе въ красотѣ, гдѣ все-таки заключается источникъ наслажденія, которымъ природа какъ бы улыбается страдальцу. Съ этой мысли начинаетъ Шиллеръ свои «Письма объ эстетическомъ воспитаніи», гдѣ Э. Канта получила такое чреватое послѣдствіями развитіе. — Эстетика Канта не создала въ сущности еще никакой теоріи искусства: она вся цѣликомъ сосредоточилась на опредѣленіи эстетическаго сужденія. И это понятно: Кантъ самъ говоритъ, что вкусъ, этотъ основной органъ сужденія, не можетъ вовсе руководить никакимъ дѣломъ (opus), что, по Канту, составляетъ сущность искусства въ противоположность дѣйствію (effectus) природы. Теорія искусства, входящая въ дедуктивную часть его Э., является, какъ справедливо замѣтилъ Башъ, посторонней надстройкой на его системѣ (см. ниже). Канту было трудно подойти къ вопросамъ искусства еще и вслѣдствіе его строгаго формализма, относящаго категорію красиваго только къ одной внѣшности, безъ всякаго отношенія къ сущности. Чтобы быть послѣдовательнымъ, Кантъ вводитъ даже особое понятіе: чистая или *свободная красота*, обнимающее собственно только краски цвѣтовъ, арабески, декоративныя украшенія, рѣзьбу и т. п. Логически слѣдуя за Кантомъ, это и есть собственно красота, какъ цѣлесообразность безъ цѣли. Въ сужденіи обо всемъ остальномъ — въ томъ числѣ о всемъ искусствѣ цѣликомъ и даже о декоративномъ, поскольку оно изображаетъ и украшаетъ цѣлесообразные предметы—мы имѣемъ въ виду «не чистое сужденіе вкуса», а «основанное на понятіи» о внутренней цѣли. Все это входитъ, стало быть, въ *условную или привходящую* (adhærens) *красоту*. Ясное дѣло, какъ трудно было при такихъ взглядахъ подойти къ разбору *подражанія* или *воспроизведенія*, составляющихъ, по Аристотелю, сущность художественной дѣятельности. Строго кантіанскую теорію искусства создалъ уже Шиллеръ, до того проникшійся кантіанствомъ, что возникшая у него теорія искусства оказалась именно тѣмъ, до чего не дошелъ Кантъ, на этомъ пунктѣ свернувшій совершенно въ сторону. Мысли Шиллера объ искусствѣ постепенно вылились въ рядѣ популярныхъ журнальныхъ статей. Таковы, главнымъ образомъ, «Письма объ эстетическомъ воспитаніи» («Horen», 1792) и «О сентиментальномъ и наивномъ» («Horen», 1795 и 1796), но стройность системы Шиллера такова, что изложеніе ея не требуетъ соблюденія хронологіи. Какъ авторъ «Разбойниковъ» и «Коварства и любви», Шиллеръ привыкъ смотрѣть на искусство какъ на нѣчто служащее вопросамъ жизни. И вотъ, положеніе Э. Канта, что міръ красоты, этой безцѣльной цѣлесообразности, какъ бы разрѣшаетъ антиномію суроваго міра необходимости и свѣтлаго міра долженствованія и свободы, остановило на себѣ особенно властно вниманіе Шиллера. Искусство, какъ служеніе красотѣ,—говоритъ онъ въ свою очередь,—есть одновременно и служеніе человѣчеству. Этимъ примирялась и жившая въ душѣ самого Шиллера антиномія между все громче звучавшей въ немъ музыкой «сладчайшей рѣчи» его поэзіи и общественно-политическими влеченіями временъ его республиканизма и протеста. Такова исходная точка его «Писемъ объ эстетическомъ воспитаніи». На почвѣ искусства осуществляются благородныя стремленія человѣка. Здѣсь человѣкъ съ одной стороны свободенъ отъ гнета міра «необходимости», а съ другой, *воспроизводя* его, вовсе не разстается съ нимъ. Здѣсь человѣкъ творитъ, скорбя душой (въ элегіи) или возмущаясь и позоря (въ сатирѣ). Онъ свободно проявляетъ себя. Подъ вліяніемъ Гёте, этого величаво спокойнаго возсоздателя природы, Шиллеръ думаетъ—хотя самъ онъ, какъ художникъ, и не понимаетъ еще этого, — что, подобно самой природѣ, можно почти не творя, не дѣлая, создавать (effectus Канта) прекрасное, стремящееся къ безсознательно разумной, т. е. нравственной «прекрасной душѣ». Въ первомъ случаѣ мы получимъ *сентиментальное*, во второмъ—*наивное* искусство. Современная поэзія, съ ея теоріей *поэтической справедливости*, которой неизмѣнно слѣдовалъ и самъ Шиллеръ, сентиментальна. Поэзія грековъ съ ея *теоріей судьбы* и поэзія кудесника, постигшаго тайны природы, Гёте—наивна. Въ какомъ, однако, отношеніи находится разрѣшающій міровые вопросы художникъ къ самой дѣйствительности? Дѣйствительно ли онъ вліяетъ на нее? Съ этимъ вопросомъ не вполнѣ справился Шиллеръ. Какъ кантіанецъ, онъ остался на субъективной точкѣ зрѣнія и спросилъ себя о другомъ: что происходитъ въ самомъ художникѣ, когда онъ поднялся на высоту разрѣшенія неразрѣшимаго? И онъ

отвѣтилъ: художникъ *играетъ* въ процессѣ творчества, какъ игралъ древній грекъ въ свои государственныя и эстетическія игры; «сурова жизнь, но весело искусство». Только въ *игрѣ*, думалось Шиллеру, человѣкъ дѣйствительно самъ, дѣйствительно проявляется цѣликомъ. Тутъ онъ свободенъ отъ необходимости и находится подъ единственной и освобожденной властью разума; «какъ бы на самомъ дѣлѣ» подражая природѣ, онъ играетъ и создаетъ прекрасное, одновременно и доброе, и красивое, играетъ и наслаждается только формами. Почти то же говорилъ уже Кантъ. Шиллеръ думаетъ, что въ искусствѣ вполнѣ возможно созерцать явленія безъ всякаго отношенія къ «основанной на понятіи» цѣли, потому что художникъ имѣетъ дѣло только съ *видимостью*. Это выраженіе, введенное Шиллеромъ, получило огромное распространеніе въ нашей наукѣ и занимаетъ въ ней въ настоящее время центральное мѣсто. *Реальность вещей есть созданіе ихъ самихъ*,— говоритъ Шиллеръ; *видимость вещей—это созданіе человѣка*». Эти слова ясно показываютъ, что представленіе о видимости, замѣнившей кантовскую форму, возникло изъ теоріи искусства. Какъ мы увидимъ дальше, изъ созерцанія видимости въ искусствѣ и вырабатывается вообще эстетическое созерцаніе.

IV. *Англійскіе позитивисты и нѣмецкіе психологи.* Уже въ перепискѣ Шиллера съ его другомъ Кернеромъ заходитъ рѣчь о возможности разработать Кантовскую Э. и съ объективной точки зрѣнія. Самъ Шиллеръ этого плана не исполнилъ. Положилъ основаніе подобному изученію красоты и искусства основатель современной нѣмецкой психологіи, Гербартъ, а черезъ полстолѣтія Гербертъ Спенсеръ, во всѣхъ иныхъ отношеніяхъ стоящій отъ Канта за тридевять земель. Въ «Основаніяхъ психологіи», насколько они касаются эволюціи эстетическаго сознанія, Спенсеръ руководится другими соображеніями, чѣмъ при построеніи плана своего огромнаго труда. Въ центрѣ системы Спенсера стоитъ принципъ пользы, принципъ утилитарный. Переживаніе наиболѣе приспособленнаго, какъ естественный результатъ «борьбы за существованіе» — вотъ основной законъ эволюціи, причина всѣхъ дифференціацій и интеграцій. Э. въ эту систему не входитъ. Красивое и полезное противопоставлены у Спенсера еще рѣзче, чѣмъ у Канта. Если Дарвинъ видѣлъ зачатокъ Э. еще у животныхъ, напр. у птицъ, когда самцы въ періоды скрещиванія привлекаютъ самокъ яркостью своихъ перьевъ и звонкостью голосовъ, красоту которыхъ признаемъ и мы, люди, на высотѣ нашей цивилизаціи, то для Спенсера эта мысль Дарвина проходитъ совершенно незамѣченной. Онъ стоитъ на діаметрально противоположной точкѣ зрѣнія; его Э. не имѣетъ ничего общаго съ принципомъ утилитаризма. «*Красиво то, что было полезно и перестало имъ быть*». Этотъ парадоксъ выраженъ Спенсеромъ въ его «Очеркахъ», въ статьѣ, толкующей о морскихъ раковинахъ. Составляющія эстетическую прелесть раковинъ неровности на ихъ поверхности когда-то имѣли значеніе органовъ движенія. Теперь онѣ перестали исполнять это свое назначеніе и стали элементомъ красоты. Это наблюденіе въ области біологіи стало для Спенсера исходнымъ пунктомъ. Не то же ли самое происходитъ и съ человѣкомъ?— спрашиваетъ себя Спенсеръ. Когда-то охотиться, ѣздить верхомъ, удить рыбу было полезнымъ занятіемъ; теперь все это стало забавой, спортомъ. Первобытнымъ оружіемъ мы украшаемъ комнаты; мы предпочитаемъ парусную яхту болѣе совершенному пароходу. Въ жизни искусства въ Англіи того времени были теченія, несомнѣнно отразившіяся на этомъ взглядѣ Спенсера. Маколей въ своихъ «Очеркахъ» утверждаетъ, будто поэзія возможна лишь среди наивно первобытныхъ народовъ. Увлеченіе Диккенсомъ и Теккереемъ, полное забвеніе Вортсворта и Шелли, глубокій антиэстетизмъ домашней обстановки Англіи въ 60-хъ годахъ—все это какъ будто вторило Маколею. По ту сторону пролива въ то же время Тэнъ современной формой поэзіи признавалъ дѣловой романъ Бальзака, до сихъ поръ въ глазахъ англичанъ составляющій не предметъ искусства, а лишь игру воображенія (fiction). Искусство и красота — позади; впереди — дѣла, наука, политика. Тотъ, кому нужна красота, черпаетъ ее изъ давно минувшаго, гдѣ все кажется ему прекраснымъ. Въ эту пору дѣловой горячки и научныхъ увлеченій такъ думали и сами эстеты: Китсъ, Рёскинъ, а за ними Россетти, Вильямъ Моррисъ, отчасти Карлейль. Китсъ оплакивалъ «розовые кусты» старой веселой Англіи: Рёскинъ ненавидѣлъ желѣзныя дороги и машинное производство; Россетти весь ушелъ въ поклоненіе до-рафаэлевской живописи; Моррисъ искалъ вдохновеній въ поэзіи и искусствѣ временъ королевы Анны. Эстетизмъ и полезность стали, такимъ образомъ, непримиримыми противниками; Спенсеръ только облекъ въ біологическій законъ временныя теченія артистической жизни Англіи. И вотъ тутъ-то *теорія игры* Шиллера и принципъ *безцѣльной цѣлесообразности*, доставляющей удовольствіе, оказались какъ нельзя болѣе кстати. Искусство — игра, безполезное разряженіе свободныхъ силъ, какъ и у дѣтей идущее на *подражаніе полезному.* Къ игрѣ способны только животныя, стоящія на высокой стадіи органическаго развитія; у низшихъ едва хватаетъ жизненной энергіи, чтобы прокормить себя. Въ надъ-органическомъ развитіи игра интегрируется въ особую отрасль дѣятельности; она становится искусствомъ, подражающимъ нѣкогда полезному. И это именно—разряженіе силъ, избавленіе отъ страданія, полученнаго отъ накопленія энергіи. Вотъ пляшетъ передъ нами балерина или конькобѣжецъ выдѣлываетъ на льду замысловатыя фигуры. Мы восклицаемъ: «какъ граціозно!» Но что такое сама *грація*, какъ не *достиженіе максимума движенія при минимумѣ напряженія*? Въ ней пріятно разряжается накопленная энергія, и организмъ приходитъ въ равновѣсіе. Этой теоріи *искусства-игры* вторили и соціологи, сдѣлавшіе впервые не разъ подтвердившееся наблюденіе, что первобытная пѣсня есть одновременно и пляска, и игра. Поэзія и му-

зыка, какъ вокальная, такъ и инструментальная—не болѣе, какъ результатъ дифференціаціи и интеграціи нѣкогда слитнаго цѣлаго. Такого рода взгляды на искусство подводятъ насъ къ эстетическимъ построеніямъ англійскихъ и нѣмецкихъ психологовъ. Перенеся наши предположенія объ игрѣ, какъ о пріятномъ разряженіи силъ, изъ области творчества въ область воспріятія, мы неминуемо должны признать, что и *«на эстетическое созерцаніе надо смотрѣть, какъ на игру»*. Въ полномъ соотвѣтствіи съ вышеприведенной теоріей граціи оказывается положеніе, по которому наши *органы чувствъ «съ наибольшимъ удовольствіемъ воспринимаютъ возбужденія средней интенсивности»*. Это—основное пріобрѣтеніе такого изслѣдованія, которое, сохраняя цѣликомъ установленные Кантомъ предѣлы эстетическаго сознанія, изучаетъ ихъ съ чисто объективной точки зрѣнія. Первый шагъ въ этомъ отношеніи былъ сдѣланъ Гербартомъ, когда онъ сказалъ, что «сущность (das Sein) существуетъ сама по себѣ, безъ отношенія къ субъекту, а видимость (der Sehein) существуетъ только для субъекта». При такой постановкѣ вопроса интересъ былъ перенесенъ на «разсмотрѣніе всей суммы несомнѣнно и необходимо нравящихся отношеній», какъ выразился Циммерманъ въ концѣ своей исторіи Э. Эту объективно-кантіанскую Э., къ которой принадлежатъ въ Германіи Цейзингъ, Фехнеръ, Циммерманъ, Зибекъ, Кестлинъ, а также Гельмгольцъ, Вундтъ и Штумпфъ, въ Англіи—Грантъ-Алленъ, Маршаль, Джемсъ Сёлли, можно было бы назвать еще либо *гедонистической*, какъ исходящей изъ того положенія, что красивое доставляетъ удовольствіе, либо *формально-сенсуалистической*, потому что, разрабатывая именно формализмъ Канта, она стремится опредѣлить *чувственное наслажденіе отъ эстетическихъ формъ*. Какъ и въ древности, изъ чувствъ при этомъ имѣются въ виду лишь *зрѣніе* и *слухъ*, какъ не причиняющія сами по себѣ страданія и, будучи переутомлены, быстро отдыхающія при замѣнѣ объекта ихъ примѣненія. Основная проблема Э. свелась, такимъ образомъ, *къ изученію того, что доставляетъ удовольствіе зрѣнію и слуху*. Методовъ тутъ можетъ быть два, и оба они примѣнялись въ изслѣдованіяхъ подобнаго рода, взаимно помогая другъ другу. Дѣло идетъ съ одной стороны объ изученіи *физіологіи зрѣнія и слуха* и условіяхъ ихъ работы, что стало вполнѣ доступно и опыту со времени появленія экспериментальней психологіи; съ другой стороны, взявъ рядъ произведеній искусствъ, мы можемъ наблюденіемъ надъ ними придти къ опредѣленію того, какъ отражаются они на зрѣніи и слухѣ. Въ области органовъ слуха дѣло идетъ *о ритмѣ*, *о гармоніи* и *мелодіи*, въ области органовъ зрѣнія—*о краскахъ*, *пространствахъ* и *протяженіяхъ*. Еще въ эпоху Возрожденія Микеланджело убѣждалъ своего ученика Марко да Сіена придерживаться въ картинахъ пирамидальной формы и извивающейся линіи. Этотъ совѣтъ припомнилъ англійскій художникъ Гогартъ въ своихъ «Analyses of beauty» (Лондонъ, 1763). По его мнѣнію, все дѣло именно въ волнообразной линіи. Современные психологи въ свою очередь считаютъ, что удовольствіе зрѣніе получаетъ, когда слѣдитъ за горизонтальной линіей, если ея изгибы не представляютъ собою рѣзкихъ и утомляющихъ зрѣніе зигзаговъ, а глазъ нашъ ровно скользитъ по дугѣ. Среди подобныхъ изысканій наибольшее значеніе имѣетъ такъ назыв. *золотое сѣченіе*. Удовольствіе доставляетъ намъ такое пересѣченіе вертикальной линіей, когда верхняя кратчайшая линія (a) относится къ нижней длиннѣйшей (b), какъ эта послѣдняя къ цѣлому $\left(\frac{a}{b}=\frac{b}{a+b}\right)$. Фехнеръ доказалъ, что и прямоугольникъ нравится намъ тогда, когда онъ построенъ по принципамъ золотого сѣченія. Однако, по наблюденіямъ Вундта, «вертикальныя линіи мы постоянно считаемъ бо́льшими, чѣмъ равныя горизонтальныя». Прямоугольникъ, у котораго основаніе короче боковъ, намъ долженъ казаться ромбомъ и тогда остается подъ сомнѣніемъ, не нравится ли намъ фехнеровскій прямоугольникъ только вслѣдствіе ошибки глаза. Важное наблюденіе сообщаетъ также Гартманнъ, указавшій на то, что нашему глазу вообще легче и привычнѣе слѣдить по вертикальной линіи, чѣмъ по горизонтальной. Этотъ законъ объясняетъ наглядно и просто стремленіе всѣхъ архитектуръ къ высотѣ зданій. Фехнеръ пришелъ также къ тому выводу, что горизонтальную линію всего красивѣе пересѣкаетъ вертикальная какъ разъ по серединѣ. Это вводитъ насъ уже въ *симметрію*; если «золотое сѣченіе» можно считать особенностью *пропорціональности*, то мы и имѣемъ здѣсь основныя условія прекраснаго въ протяженіи и отчасти въ пространствѣ. Э. красокъ и ихъ сочетаній особенно подробно изслѣдовалъ Грантъ-Алленъ. По его мнѣнію, одна краска, чтобы вызвать въ насъ удовольствіе, должна такъ слѣдовать за другой, чтобы глазъ получалъ возможность отдохнуть; при смѣнѣ краснаго желтымъ мы получаемъ именно такой эффектъ. Въ сущности его можно было бы назвать *ритмическимъ*, потому что при напряженіи отъ краснаго мы имѣемъ отдохновеніе отъ желтаго, а затѣмъ при новомъ усиліи, даваемомъ продолжительностью этого цвѣта, вновь получаемъ отдохновеніе, положимъ, на голубомъ или зеленомъ. Если тотъ же принципъ оказался, такимъ образомъ, имѣющимъ значеніе и при слуховомъ, и при зрительномъ воспріятіи, то еще болѣе усилится эта аналогія при смѣшеніи цвѣтовъ, т. е. воспріятіи нѣсколькихъ красокъ сразу. Удовольствіе тутъ зависитъ отъ *гармоніи* совершенно такъ же, какъ и при сочетаніи звуковъ. Всѣ подобныя наблюденія и изысканія относятся, однако, скорѣе къ *чувственно-пріятному*, чѣмъ къ красивому. Естественно возникаетъ вопросъ не только о томъ, все ли чувственно пріятное одновременно красиво, но даже всегда ли красивое одновременно и чувственно пріятно. Наглядный примѣръ, отрицающій это послѣднее положеніе, привелъ Гроосъ. Фишеръ въ своей Э. назвалъ бурый цвѣтъ земли некрасивымъ въ смыслѣ чувственно не-

пріятнаго, но можемъ ли мы назвать его такимъ, когда стоимъ передъ картиной Миллэ? Всѣ подобныя попытки опредѣленія красоты имѣютъ, поэтому, скорѣе лишь косвенное отношеніе къ Э. Онѣ важны для психологіи чувствъ и лишь черезъ эту столь существенную для Э. область знанія и могутъ отразиться на ея выводахъ. Важнѣе подобное изученіе отдѣльныхъ произведеній искусствъ. Для полученія выводовъ о томъ, что такое объективно-красивое, нужно было бы не только проработать всѣ созданія искусства прошлаго и настоящаго, но и еще, что уже невозможно — и будущаго. Тѣмъ не менѣе попытки опредѣлить красоту той или иной художественной школы, того или иного композитора, художника или архитектора несомнѣнно могутъ дать отвлеченно-точныя опредѣленія для эволюціи красиваго. Гедонистическая Э. при изученіи исключительно простыхъ и первоначальныхъ элементовъ эстетическаго воспріятія еще не такъ явно представляется близорукой, какъ когда ея адепты переходятъ отъ чистой формы къ содержанію. Тутъ остается лишь сказать, съ Грантъ-Алленомъ и Маршалемъ, что красота въ поэзіи, напр., есть *аперцепція пріятнаго*. Поэтическое произведеніе оказывается нравящимся намъ потому, что оно вызываетъ воображаемое пріятное состояніе чувствъ. Такъ какъ любовь,—говорятъ эстетики этого направленія,—есть величайшее наслажденіе человѣческой жизни, она и составляетъ такую широко распространенную тему поэзіи. Жизнь приходитъ въ поэзію вовсе не такою, какая она есть, а какою хотѣлось бы, чтобы она была. Что подобные взгляды не только не соотвѣтствуютъ тому, что мы знаемъ объ искусствѣ, а представляютъ его извращеніе, возвеличиваютъ самое низменное и жалкое искусство—это бросается въ глаза. Дѣйствительно, именно на судьбѣ самого искусства всего нагляднѣе можно показать несостоятельность гедонизма. Стремленіе къ доставленію удовольствія — это паденіе искусства, его полное духовное обнищаніе и часто смерть. Развиваясь въ этомъ направленіи, искусство всегда утрачиваетъ и правдивость, и жизненность. Оно льститъ ничтожнымъ вкусамъ, предпочитаетъ банальное и поверхностное глубокому и рѣдкому, пускаетъ въ ходъ мишурныя прикрасы. Въ этомъ отношеніи характерно замѣчаніе Кёстлина: «мы чувствуемъ себя хорошо только *въ простомъ*. Мы съ внутреннимъ удовольствіемъ и спокойно смотримъ или слушаемъ лишь простое». Простота есть, конечно, высшая степень законченности, какъ ясность—вѣнецъ мудрости. Но не отрицаетъ ли такая теорія всѣ тревожныя исканія искусства, весь тотъ восторгъ внутренняго проникновеннаго напряженія, которое всегда обновляло и обновляетъ искусство? Нѣтъ, искусство не должно и не можетъ стремиться только доставлять удовольствіе; во всѣхъ своихъ высшихъ проявленіяхъ оно требуетъ и усилія, и утомленія, и страданія, и состраданія. Музыка симфоній выше опереточныхъ мелодіекъ, запоминаемыхъ съ перваго же раза на всю жизнь. «Божественная комедія» Данте совершеннѣе, чѣмъ великосвѣтскіе романы, изображающіе пріятно раздражающую воображеніе роскошь. Неприложимость гедонистической точки зрѣнія къ искусству дѣлается особенно очевидной, когда мы подходимъ къ *трагическому* и *комическому*. Тогда становится одновременно ясно и то, какъ безсильна раскрыть тайны художественнаго творчества и вообще художественнаго наслажденія всякая эстетическая теорія, увлекшаяся въ сторону формализма. Одинъ изъ адептовъ ея, Альтъ, пишетъ: «Необходимо сознаться. что если бы музыка ничего не въ состояніи была произвести, кромѣ звуковыхъ арабесковъ, которые совершенно лишены духовнаго содержанія, она стояла бы на самой низкой степени искусства». Формализмъ можетъ кое-что освѣтить изъ элементовъ эстетическаго сознанія, но самого его онъ не затрагиваетъ почти вовсе.

V. *Современная Э.* Психологическія изслѣдованія вопросовъ красоты, получившія широкое распространеніе лишь во второй половинѣ истекшаго вѣка имѣютъ полное право на названіе *современной* Э. Такъ какъ Э. развивается по слѣдамъ самаго искусства, а во второй половинѣ XIX в. преобладало искусство реалистическое, то намъ предстоитъ разсмотрѣть эстетическія воззрѣнія, создавшіяся на данныхъ реалистическаго искусства. Въ первыхъ годахъ истекшаго столѣтія, послѣ выхода въ свѣтъ «Вильгельма Мейстера» Гёте, Шлегель объявилъ романъ самой современной формой поэтическаго творчества; во все послѣдующее время романъ и развивается какъ основной видъ поэзіи, и забывается та точка зрѣнія XVI, XVII и XVIII вв., по которой романъ стоитъ совершенно отдѣльно, какъ бы у притолки храма искусства. Иными аргументами то же положеніе, что и Шлегель, высказалъ полустолѣтіемъ позже Тэнъ. Съ этого времени его можно считать вполнѣ упрочившимся. Сначала особое развитіе получаетъ историческій романъ, или романъ съ любовной или фантастической завязкой; къ срединѣ вѣка романъ стремится охватить всю жизнь, во всѣхъ ея самыхъ серьезныхъ проявленіяхъ. Въ этомъ отношеніи наиболѣе характерна «Человѣческая комедія» Бальзака. Въ романѣ цѣнится всего болѣе его *каждодневность*. Аристотелевское положеніе о *подражаніи*, забытое въ эстетикѣ, какъ наукѣ, болѣе чѣмъ когда-либо примѣняется въ искусствѣ. На первыхъ порахъ это подражаніе природѣ переходитъ въ теорію искусства, какъ *характерно-красивое*, нѣсколько разъ опредѣлявшееся еще Гёте, вслѣдъ за Гиртомъ, помѣстившимъ объ этомъ статью въ «Horen» (1797). Воспроизведеніе характернаго и типичнаго, какъ способъ подражанія природѣ, возвращаетъ насъ къ раціоналистическимъ воззрѣніямъ на искусство вѣка классицизма, съ типичными фигурами его комедій. Связь реалистическихъ пріемовъ творчества XIX в. съ реализмомъ стараго, до-романтическаго искусства обнаруживается особенно наглядно на почвѣ комизма. Историкъ современной живописи,

Мутеръ, показалъ совершенно ясно, какое значеніе имѣла карикатура для развитія *жанра*, становящагося въ центрѣ художественныхъ интересовъ и постепенно вытѣсняющаго библейскіе и историческіе сюжеты. Тотъ же путь распространенія реалистическихъ вкусовъ можно прослѣдить и въ литературѣ. Провозвѣстники реализма, или, какъ онъ скоро назвалъ себя, *натурализма*—Диккенсъ, Теккерей, Гоголь, писатели-комики, въ началѣ своей дѣятельности и не ставившіе себѣ иныхъ задачъ. Равнымъ образомъ близки съ персонажами старой комедіи и типы Бальзака—его скупецъ, любящій отецъ, озлобленная старая дѣва, ненасытный сластолюбецъ. Когда въ своемъ «De l'idéal dans l'art» (1866), вошедшемъ въ «Философію искусства», Тэнъ доказываетъ, что проведеніе *преобладающей черты* составляетъ основную задачу художественнаго воспроизведенія, онъ также ищетъ наиболѣе подходящихъ примѣровъ у Мольера и Бальзака. Типичное и характерное составляютъ, однако, лишь переходную ступень въ теоріи искусства XIX в.; они представляютъ собою лишь ту лазейку, черезъ которую проникаетъ каждодневное, простое, взятое прямо изъ жизни. Красота характернаго, преобладающая черта, комизмъ—все это скоро забывается, и на Бальзака, Диккенса, Гоголя въ 60-хъ годахъ смотрятъ уже именно какъ на создателей натурализма, самымъ кореннымъ образомъ отмежевывая ихъ отъ старыхъ комиковъ XVII и XVIII вв., которыхъ впрочемъ также начинаютъ цѣнить, какъ провозвѣстниковъ *воспроизведенія дѣйствительности*. Такое увлеченіе каждодневнымъ безъ отношенія къ тому, черезъ какую категорію эстетическихъ подраздѣленій оно проходитъ въ искусство, совершенно понятно въ вѣкъ науки и дѣловой горячки. Э. каждодневнаго естественно становится единственной Э. этой анти-художественной поры позитивизма и политической экономіи. «Брюхо Санхо-Пансы разорвало поясъ Венеры»,—говорилъ Флоберъ. Позднѣе своимъ «Экспериментальнымъ романомъ» Зола старается создать новую теорію искусства, отвѣчающую научнымъ увлеченіямъ времени. Съ одной стороны эта теорія стремится удовлетворить чисто познавательнымъ потребностямъ; искусство оказывается лишь особымъ способомъ научнаго изысканія. Съ другой стороны, именно въ силу того, что искусство ставитъ себѣ задачи познанія, эта теорія уже вовсе не руководится соображеніями о томъ, что красиво и что некрасиво; оно широко раскрываетъ двери искусства и завѣдомо уродливому, жалкому, низкому, ничтожному, горестному, даже порочному и извращенному, такъ какъ все это одинаково важно для опытовъ надъ природой человѣка. Безъ всякихъ оговорокъ о моментахъ или видоизмѣненіяхъ красоты она говоритъ: «искусство—уголокъ природы, разсмотрѣнный темпераментомъ художника». Если Гёте увѣрялъ, будто въ искусствѣ намъ часто нравится то, что противно въ жизни, то Зола, увлеченный познаваніемъ и по своему опоэтизировавшій его, вовсе не задумывается надъ тѣмъ, должны ли вообще нравиться воспроизводимые имъ образы. Иногда окончательно забытымъ оказывается и характерное, и типичное. Мы слышимъ о немъ во второй половинѣ истекшаго столѣтія все рѣже и рѣже. Въ «Тридцати годахъ Парижа» А. Додэ, разсказывая намъ, какъ возникали въ его воображеніи герои его романовъ, представляетъ художественный образъ скорѣе *индивидуальнымъ* и сознательно *индивидуализируемымъ*. Основнымъ принципомъ теоріи искусства становится теперь даже не подражаніе, а *правда*; правда, часто горькая, вовсе не претендующая на то, чтобы нравиться — вотъ всепоглощающій законъ, который управляетъ теперь эстетической дѣятельностью, не позволяющею себѣ болѣе никакого выбора. «Каждый атомъ существующаго содержитъ въ себѣ элементы красоты» — говоритъ Флоберъ. Это замѣчаніе Флобера служитъ звеномъ, соединяющимъ представленное только что теченіе въ художественной литературѣ съ параллельно развивающимися теченіями въ живописи. Свѣтъ и краска пріобрѣтаютъ все большее значеніе. Когда Энгръ говорилъ: «я открою школу рисованія и буду выпускать живописцевъ», подобный взглядъ отзывался еще классицизмомъ Давида. «Картина должна быть праздникомъ для глаза»—вотъ чего добивался поэтъ красокъ Делакруа, и за нимъ на поиски за свѣтомъ и красками устремились цѣлыя поколѣнія художниковъ. То же самое дѣлаетъ и Тернеръ, поставленный Рёскинымъ въ центрѣ «Современныхъ Художниковъ». И свѣтъ, и краски живописи XIX столѣтія, по совѣту того же Рёскина, должны избѣгать театральной дѣланности величайшихъ колористовъ Возрожденія, венеціанцевъ. Рёскинъ указываетъ на до-рафаэлевскій пейзажъ, потому что онъ болѣе искрененъ. Свѣта и красокъ долженъ добиваться живописецъ подъ открытымъ небомъ, передъ безчисленными переливами почти неуловимыхъ оттѣнковъ природы. Природа становится главнымъ учителемъ живописи. Она одновременно и вождѣленная, недостижимая утопія, и безконечный источникъ знанія. Природа непогрѣшима и свята, ея культъ—истинный культъ красоты. Такъ говорятъ французскіе «pleine-air'исты», такъ наз. школа художниковъ Фонтенбло. Мы далеко ушли отъ Гёте, объяснявшаго Эккерману, какъ художникъ приступаетъ къ изображенію дерева, какъ онъ избираетъ точку зрѣнія и освѣщеніе, какъ онъ ищетъ въ деревѣ требуемой красоты. Невозможно стало и отношеніе къ природѣ англичанъ XVIII в., думавшихъ, что восторгаться ландшафтомъ—значитъ найти такой уголъ зрѣнія, съ котораго природа кажется картинкой, такъ что хочется вставить ее въ рамку. Такое отношеніе представляется теперь профанаціей и святотатствомъ. Природа прекрасна вся цѣликомъ, безъ исключенія и безъ оговорокъ. Научиться смотрѣть долженъ художникъ, а не выбирать и комбинировать. Смотрѣть и воспринимать, понять и воспроизвести учитъ и Рёскинъ, постигшій природу и изучавшій ее и какъ естествоиспытатель. Вліяніе Рёскина все усили-

вается. Чтобы воспитать въ себѣ святой восторгъ передъ природой, не надо также, какъ это дѣлали классики, непремѣнно устремляться подъ небо Италіи, не надо, какъ романтики, искать живописнаго либо на Востокѣ, либо въ гористыхъ, причудливо пересѣченныхъ мѣстностяхъ Европы. Напротивъ, тотъ же Рёскинъ, вслѣдъ за Дидро, утверждаетъ, что свою привычную природу, какова бы она ни была, всегда полнѣе и лучше воспроизведетъ художникъ. Рядомъ съ красотой шотландскихъ лоховъ Вордсвортъ обращаетъ вниманіе на менѣе живописную «страну озеръ» родного острова. Миллэ пишетъ воздѣланную и всю изрѣзанную пашнями Францію; у насъ березовый лѣсокъ съ золотыми, падающими осенью листьями, наши лѣсныя дали увлекаютъ еще колеблющихся Клевера и Шишкиня, и, наконецъ, Левитанъ даетъ намъ совершенный и спокойный русскій ландшафтъ. Но не надо думать, что непремѣнно природа должна руководить художникомъ. Для современнаго человѣка, нахлынувшаго въ города, природа—только часть дѣйствительности. Онъ чуть ли не еще болѣе привыкъ къ свѣту газа и электричества, чѣмъ къ солнечному и лунному блеску. Природой онъ наслаждается чаще всего за столиками кофейни въ загородномъ паркѣ, гдѣ солнечные лучи пятнами падаютъ на столы и одежды. И эту природу изображаетъ Монэ, а за нимъ цѣлая школа; Дегазъ схватываетъ и фантастическій свѣтъ театральной рампы, неестественный цвѣтъ лица намалеванныхъ красавицъ. Въ своемъ влеченіи къ правдѣ живопись хочетъ дать намъ даже эффектъ мимолетно брошеннаго взора и рѣдкаго освѣщенія. Это—дѣло «импрессіонизма». Учитель искусства уже не одна природа; истинный учитель—дѣйствительность, въ ней неисчерпаемый безконечный запасъ настроеній и впечатлѣній, уроки ея не знаютъ предѣла и наставленій у нея хватитъ навсегда. Если теперь мы попробуемъ формулировать всѣ эти пріобрѣтенія искусства въ XIX в., мы не найдемъ болѣе яснаго и полнаго опредѣленія, какъ тѣ два основныхъ вывода, къ которымъ пришелъ молодой Чернышевскій въ своихъ «Отношеніяхъ искусства къ дѣйствительности». Съ одной стороны, *содержаніе искусства не исчерпывается красотою и ея такъ называемыми моментами*, а охватываетъ *все интересное въ жизни*; съ другой стороны, *красота искусства въ эстетическомъ отношеніи ниже красоты дѣйствительности*. Первое изъ этихъ двухъ положеній французскіе натуралисты выразили бы, правда, нѣсколько иначе. Вмѣстѣ съ Зола, они сказали бы: «безразличіе къ сюжету—вотъ основа реализма». Но это различіе не такъ существенно: замѣчательно то, что еще въ серединѣ 50-хъ годовъ была найдена молодымъ критикомъ формула эстетическаго ученія, которому предстояло рости и крѣпнуть цѣлое полстолѣтіе. Заслуга Чернышевскаго заключается именно въ томъ, что онъ рѣшился противопоставить Э., создаваемую современнымъ ему направленіемъ искусства (тогда даже чуть намѣчавшимся), школьной Э., разсуждавшей отвлеченно. Въ свое время небольшая книжка Чернышевскаго, вызвавшая со всѣхъ сторонъ горячія возраженія (см. между проч. брошюру К. К. Случевскаго), не могла быть понята во всемъ своемъ значеніи. Противоположеніе искусства дѣйствительности было истолковано черезъ призму Добролюбовской критики, судившей о жизни на основаніи текущей художественной литературы и въ этомъ полагавшей главное значеніе поэзіи. Слова Чернышевскаго, поэтому, долго считались лишь проповѣдью служебнаго положенія искусства по отношенію къ жизни. Другое его положеніе также толковалось лишь какъ отрицаніе Э., а вовсе не какъ моментъ ея обновленія. Книжка Чернышевскаго и прошла почти незамѣтно, какъ бы одиноко и преждевременно упала на неблагодарную почву русскаго художественнаго самосознанія. Вовсе не освѣщенною осталась и та философская почва, которая питала мысль Чернышевскаго. Только Владиміръ Соловьевъ указалъ на то, кого надо признать вдохновителемъ эстетическихъ воззрѣній молодого тогда критика. Эстетика Чернышевскаго—эстетика Фейербаха. Если бы провозвѣстникъ современнаго реализма развилъ мысли, вскользь брошенныя имъ объ античной скульптурѣ, онъ вѣроятно сказалъ бы въ принципѣ почти то же что его русскій поклонникъ *). Фейербахъ, считавшій міръ боговъ воспроизведеніемъ желательнаго для человѣчества, смотрѣлъ, вмѣстѣ съ Винкельманомъ, на статуи боговъ, какъ на реальное изображеніе окружавшей древняго грека дѣйствительности. Что же могло при подобномъ взглядѣ на религію представлять собою искусство, какъ не подражаніе? Чернышевскій явился, такимъ образомъ, теоретикомъ реализма еще задолго до его полнаго расцвѣта въ искусствѣ.—Истинное значеніе «Отношеній искусства къ дѣйствительности» обнаруживается съ полной очевидностью при сравненіи высказанныхъ здѣсь положеній съ стройной и своеобразной эстетической системой, созданной Гюйо въ 80-хъ годахъ, причемъ философъ этотъ можетъ быть никогда и не слыхалъ имени Чернышевскаго и уже навѣрно не зналъ ничего о его диссертаціи по Э. Обѣ книги Гюйо, «Задачи современной Э.» и «Искусство съ соціологической точки зрѣнія», возникли изъ ближайшаго знакомства съ современнымъ искусствомъ, къ концу 80-хъ годовъ уже развернувшимся съ полной силой. Гюйо силится осмыслить это искусство. Онъ считаетъ его глубоко современнымъ по тому стремленію къ правдѣ, которое такъ законно въ вѣкъ преобладанія точныхъ наукъ. И у Гюйо мы находимъ категорически выраженными обѣ центральныя мысли Чернышевскаго. Гюйо говоритъ: «надо понять, насколько жизнь полнѣе и шире искусства, чтобы стараться вложить побольше жизни въ художественныя произведенія»; онъ настаиваетъ на томъ, что *чувство дѣйствительности* вовсе не можетъ быть противополагаемо красотѣ, а напротивъ, если художникъ безсиленъ

*) Высказываемыя здѣсь соображенія о значеніи диссертаціи Чернышевскаго для Э., какъ науки, сложились у автора настоящей статьи подъ вліяніемъ бесѣды съ А. Н. Пыпинымъ.

вложить жизнь въ свое созданіе, то въ этомъ сказывается скорѣе его слабость. Какъ древнегреческій скульпторъ, художникъ ждетъ, не оживится ли, не заговоритъ ли изваянная имъ фигура. Съ другой стороны Гюйо считаетъ не только законнымъ, но и необходимымъ вторженіе въ сферу искусства *некрасиваго.* Онъ, правда, оговаривается, что надо избѣгать *тривіальнаго*, но введеніе некрасиваго — не неизбѣжное зло, не пріемъ, къ которому иногда приходится прибѣгать, какъ это предполагалось раньше, а естественный выводъ изъ всей эстетической системы. Э. Гюйо возникла въ самой тѣсной зависимости отъ его этики. Обоснованіе ея вытекаетъ изъ попытки найти принципъ этики, разставшись съ утилитаризмомъ и не признавая въ то же время ни нравственной санкціи, ни нравственнаго обязательства. Въ поискахъ за новымъ принципомъ, могущимъ лечь въ основу добра, Гюйо остановился на представленіи о *«жизни самой интенсивной и экстенсивной»* — и ему стало ясно, что никакого другого принципа нѣтъ и не надо. Жизнь — вотъ основная и единственная цѣнность бытія; ею все управляется, къ ней все стремится. Если жизнь мы разсмотримъ съ точки зрѣнія *синергіи*, когда дѣло идетъ о насъ самихъ, и *симпатіи*, когда мы разумѣемъ общество, мы получимъ требуемый принципъ. Организмъ можно было бы обозначать множественнымъ числомъ: онъ представляетъ собою сложную систему органовъ, дѣйствующихъ порознь, пока особымъ усиліемъ они не будутъ приведены въ гармонію. Въ насъ самихъ уже содержится, такимъ образомъ, зачатокъ общества. Чувство общественности или симпатія есть развитая далѣе во внѣ синергія нашей духовной сущности. И чѣмъ сильнѣе жизнь, чѣмъ она интенсивнѣе, тѣмъ болѣе возбуждается эта синергія, распространяющаяся во внѣ, превращающаяся и въ симпатію и тѣмъ дѣлающая жизнь экспансивной. Интенсивность и экспансивность жизни заключается именно въ возбужденіи синергіи и симпатіи. Изъ этой интенсивности и экспансивности жизни сама собою вытекаетъ мораль, сущность которой состоитъ въ альтруизмѣ, основанномъ на симпатіи. Въ ней же коренится и эстетическое сознаніе. «Всякое ощущеніе вызываетъ увеличеніе нашихъ нервныхъ силъ». Ощущеніе, какъ зрительное, такъ и слуховое, само по себѣ уже дѣлаетъ нашу жизнь интенсивнѣе; вслѣдствіе сложности нашего организма ощущеніе особенно пріятное, передаваясь въ нашемъ тѣлѣ и какъ бы расширяясь въ немъ, вызываетъ въ насъ особую внутреннюю солидарность. Эта солидарность, по мнѣнію Гюйо, и есть чувство красоты. «Пріятное,—говоритъ Гюйо,—становится красивымъ по мѣрѣ того, какъ оно захватываетъ въ нашемъ существѣ больше солидарности и общительности между отдѣльными его частями и между элементами нашего сознанія». *«Красивое, это—пріятное болѣе сложное и болѣе сознательное, болѣе интеллектуальное и волевое».* Вся первая часть «Очерка современной Э.» направлена на доказательство этого положенія и, что для насъ особенно важно, достигается оно, по выраженію Гюйо, *«расширеніемъ границъ Э. и увеличеніемъ области красиваго».* Отсюда та строгая критика, которой подвергаетъ Гюйо Канто-Спенсеровскія воззрѣнія на прекрасное. Для насъ особенно интересны мысли Гюйо о полезномъ. Вполнѣ допуская антиномію полезнаго и красиваго, Гюйо замѣчаетъ, однако, что если красивое можетъ вовсе не быть полезнымъ, тѣмъ не менѣе въ самой пользѣ могутъ заключаться элементы красоты. Когда дѣло идетъ о полезныхъ предметахъ, о всѣхъ этихъ созданіяхъ нашего анти-артистическаго вѣка, мы не можемъ не признать, что въ процессѣ приложенія ихъ, въ самомъ дѣйствіи ихъ, они вызываютъ удовольствіе, которое нельзя не назвать эстетическимъ. Несущійся вдали змѣйкой поѣздъ желѣзной дороги, огромный и быстрый трансатлантическій пароходъ въ открытомъ морѣ—оба вполнѣ справедливо считаются красивыми. Оттого не надо увлекаться *теоріей игры*; этимъ мы можетъ быть даже унижаемъ искусство. Элементы красиваго въ полезномъ красивы именно тѣмъ, что они вызываютъ чувство жизни. Искусство, создавая прекрасное, внушаетъ жизнь уже тѣмъ самымъ, что оно подражаетъ и воспроизводитъ. Оно вызываетъ въ насъ цѣлый сонмъ образовъ и расширяетъ наше сознаніе, дѣлая его болѣе экспансивнымъ въ смыслѣ симпатіи со всѣмъ этимъ *«гражданствомъ искусства»*, съ которымъ мы невольно сживаемся. Проникшись созданіями художниковъ, человѣкъ живетъ какъ бы цѣлымъ обществомъ. *«Высшая задача искусства*, — говоритъ Гюйо, — *произвести эстетическую эмоцію общественнаго характера».* Изъ этого положенія логически вытекаетъ во-первыхъ, что образы искусства, какъ къ этому и пришелъ реализмъ, должны быть живы. т. е. индивидуальны, а не только характерны и типичны; во-вторыхъ, что некрасивое не можетъ и не должно быть избѣгаемо въ искусствѣ. «Прогрессъ искусства отчасти опредѣляется симпатичнымъ интересомъ, направленнымъ на горестныя стороны жизни, на всѣ низшія существа, на все мелочное и уродливое. Это одно изъ расширеній эстетическаго обобществленія. Въ этомъ отношеніи искусство развивается вмѣстѣ съ наукой, для которой нѣтъ ничего слишкомъ ничтожнаго и малаго и которая охватываетъ всеуравнивающими своими законами всю природу». Создавъ и теорію искусства, и Э. на данныхъ реалистическаго искусства и стремясь придать имъ тотъ обобществленный характеръ, который такъ соотвѣтствуетъ стремленіямъ вѣка, Гюйо *расширилъ и Э., и искусство, выводя ихъ*, совершенно такъ же, какъ этого добивался Чернышевскій, *за предѣлы установленной красоты.* И Чернышевскій, и Гюйо, однако, не представляли себѣ Э. иначе, какѣ науку о прекрасномъ. Не представлялъ себѣ ея иначе и Флоберъ, видѣвшій элементы красоты въ каждомъ атомѣ бытія. Первоначальное пониманіе Э. все еще тяготѣетъ надъ ними. Они не рѣшились еще формулировать такое ея пониманіе, которое сдѣлало бы ненужнымъ всякое расширеніе и разъ навсегда покончило бы и съ вопросомъ объ уродливомъ. Гюйо идетъ ощупью въ

сторону современнаго пониманія Э., когда онъ заговариваетъ о низшей долѣ красоты, заключающейся въ полезномъ.. Мы подступили теперь къ тому моменту въ развитіи нашей науки, когда ставится вопросъ объ *эстетическомъ сознаніи независимо отъ вопроса о красотѣ*. Въ высшей степени характерный въ этомъ отношеніи примѣръ, наглядно показывающій необходимость именно такой постановки вопроса, мы находимъ въ «Очеркѣ современной Э.». Гюйо приводитъ здѣсь разсказъ Грантъ-Аллена о томъ, что жившій на берегу моря крестьянинъ, когда ему хвалили красивый видъ, ежедневно разстилающійся передъ нимъ, соглашался съ этимъ мнѣніемъ, но неизмѣнно оборачивался при этомъ спиною къ морю и лицомъ къ полю капусты, казавшемуся ему дѣйствительно прекраснымъ. Гюйо беретъ сторону этого крестьянина и готовъ согласиться, что и въ полѣ капусты есть красота. Правильнѣе было бы сказать, что поле капусты представляло бо́льшую *эстетическую цѣнность* въ глазахъ крестьянина, чѣмъ море, совершенно не заводя рѣчи о красотѣ. Какъ было указано выше, впервые на подобную точку зрѣнія всталъ Гроосъ, въ «Введеніи къ Э.», въ самомъ началѣ 90-ыхъ годовъ. «Злосчастное понятіе прекраснаго растягивали во всѣ стороны, какъ если бы оно было изъ резины, единственно по той причинѣ, что считали необходимымъ обнять имъ все, что производитъ эстетическое дѣйствіе. Прекрасное должно было превратиться въ нѣчто прямо противоположное, разбиваться на части и вновь собираться, пока наконецъ оно не было растянуто до степени схемы, которая уже почти ни на что не была годна». Теперь пора уже прямо сказать, что *«хотя все прекрасное относится къ области эстетическаго, но не все эстетическое прекрасно»*. Гроосу принадлежитъ и та мысль, что въ этомъ вопросѣ *«современное искусство практически давно опередило Э.»*. При всей важности опредѣленія Грооса, оно не составляетъ какъ бы начала новой эры въ развитіи Э. Въ существѣ дѣла, мы вовсе не такъ далеко отошли отъ Кантовской «Критики силы сужденія», какъ это могло бы показаться съ перваго взгляда. Мысли Канта останутся для насъ основными даже тогда, когда мы разстанемся съ формально-сенсуалистической Э., за предѣлы которой насъ выводитъ ученіе о трагическомъ и комическомъ.

VI. *Художественное воспріятіе.* «Критика силы сужденія» — этотъ краеугольный камень нашей науки, какъ мы видѣли, отводитъ эстетическому сознанію промежуточное мѣсто между познаніемъ и желаніемъ. Къ тому же приводитъ и наблюденіе надъ ролью *вниманія* въ процессѣ художественнаго воспріятія. Что *созерцаніе*, эта первооснова художественнаго воспріятія, тѣсно связана съ напряженіемъ вниманія — это само собою очевидно. Какое же мѣсто занимаетъ вниманіе въ нашемъ сознаніи? Въ обыденной жизни въ насъ постоянно происходитъ борьба между произвольнымъ и непроизвольнымъ вниманіемъ и въ минуты бездѣйствія или отдыха мы всецѣло находимся во власти послѣдняго. Всякая работа, всякое занятіе и, вообще, всякое движеніе къ чему-либо желательному сопряжено, наоборотъ, съ произвольнымъ вниманіемъ. Оно находится въ услуженіи у нашей воли; черезъ его посредство воля заставляетъ насъ познавать объектъ своего приложенія. Если достиженіе желанія не требуетъ никакихъ особыхъ усилій познанія (какъ напримѣръ въ ѣдѣ, одѣваньѣ и т. п.), вниманіе быстро освобождается и желаемое достигается машинально, т. е. безсознательно. Если же желательное можетъ быть достигнуто лишь съ трудомъ (напр. при рѣшеніи математической задачи), вниманіе достигаетъ высшаго напряженія; пока не совершено требуемое, мы цѣликомъ поглощены познаваніемъ. Произвольное вниманіе тогда окончательно вытѣсняетъ непроизвольное; происходитъ то, что на языкѣ психологовъ называется *съуженіемъ поля сознанія*. Отсюда ясно, что вниманіе занимаетъ передаточное положеніе между желаніемъ и познаніемъ. То же самое можно показать и въ обратномъ порядкѣ: самое желаніе невозможно безъ познанія. Непроизвольное вниманіе сообщаетъ познанію о какой-либо вещи, и если она не вызываетъ рефлективнаго движенія (какъ когда мы отгоняемъ муху), происходитъ переходъ отъ непроизвольнаго вниманія въ произвольное и одновременно съ этимъ составляется рѣшеніе нашей воли о данномъ предметѣ. При художественномъ воспріятіи наше вниманіе сознательно и произвольно; оно должно быть также въ значительной степени и напряженнымъ. Однако, вызванное напряженіемъ воли вниманіе немедленно освобождается отъ ея гнета и никакое желаніе въ насъ не возникаетъ. Съ другой стороны, сопряженное съ вниманіемъ познаніе вовсе не настолько интенсивно, чтобы заставить насъ проникнуть въ глубь вещей. Чернышевскій очень мѣтко сравнилъ наше состояніе при художественномъ созерцаніи съ положеніемъ человѣка, въ былые годы ожидавшаго на станціи, пока перепрягутъ лошадей. Если въ такомъ положеніи не возьметъ нетерпѣніе, то невольно на досугѣ станешь осматриваться кругомъ, при чемъ взглядъ будетъ безучастно спокойнымъ. При созерцаніи, стало быть, ни наша воля, ни познаніе разсудкомъ не приложимы иначе, какъ въ самой зачаточной формѣ; въ насъ наступаетъ затишье чистаго воспріятія. Это — какъ бы мертвая точка между познаніемъ явленій и приложеніемъ къ нимъ воли. Въ такомъ состояніи находимся мы при созерцаніи художественнаго произведенія. Вѣдь мы не стремимся вмѣшаться въ развитіе драмы, въ насъ не возникаетъ любовь къ изображенію красивой женщины. Такое созерцаніе возможно и по отношенію къ полезному предмету, при чемъ вызвать его можетъ именно сознаніе блага, которое оно приноситъ, какъ на это указывалъ Гюйо. Такъ же точно созерцать можемъ мы, напр., и математическую теорему или философское построеніе, вызывая ихъ въ памяти. Это будетъ чистѣйшій видъ *внутренняго созерцанія*. Первенствующее значеніе искусства съ особенною ясностью обнаруживается тогда, когда мы стоимъ пе-

редъ природой. Искусство научило насъ направлять вниманіе на созданія природы, не преслѣдуя при этомъ какой-либо иной цѣли, кромѣ самаго созерцанія. Что именно искусство воспитываетъ наше вниманіе въ этомъ отношеніи—т. е. въ отношеніи *«безцѣльной цѣлесообразности»*, скажемъ мы вслѣдъ за Кантомъ,—это доказывается тѣмъ, что при воспріятіи мы прежде всего обращаемъ вниманіе на явленія знакомыя намъ изъ произведеній искусства: на синеву дали, если мы поклонники Шишкина, на интимную сцену жизни, если мы любимъ жанръ и т. п. Съ другой стороны косвенно подтверждаетъ эту мысль и особая чуткость и внимательность къ явленіямъ жизни, отличающая всякаго художника и поэта. Для полученія *художественнаго воспріятія* одного направленія эстетическаго вниманія, однако, еще мало. Мы подошли теперь къ роли другой нашей духовной способности, которая обыкновенно только одна и кладется въ основу эстетическаго сознанія. *Вниманіе* находится въ самомъ тѣсномъ взаимодѣйствіи съ *воображеніемъ*. Работу воображенія въ этомъ отношеніи представилъ совершенно ясно Гроосъ. «Сначала,—пишетъ Гроосъ,—площадь моего сознанія подобна огромной картинѣ, освѣщенной лишь равномѣрнымъ, но слабымъ свѣтомъ луны; все передъ моими глазами, но я ничего не могу разобрать. Затѣмъ присоединяется дѣятельность воображенія, которую можно уподобить болѣе ограниченному, но за то и болѣе интенсивному источнику свѣта; то мѣсто картины, на которомъ я сосредоточиваю вниманіе, я вижу ясно и отчетливо, но окружающія части погружаются въ еще большій мракъ». Воображеніе какъ бы дѣлаетъ выборъ изъ хаоса общаго впечатлѣнія. Самый характеръ воображенія не у всѣхъ людей одинаковъ. Одни обладаютъ красочнымъ воображеніемъ, другіе склонны къ воображенію чистыхъ формъ, у третьихъ, наконецъ, болѣе развито слуховое воображеніе. Эти индивидуальныя особенности въ свою очередь вліяютъ на указанное Гроосомъ особое освѣщеніе воспринимаемаго. Въ зависимости отъ нихъ мѣняется и самый результатъ художественнаго воспріятія: онъ отнюдь не представляетъ собою самой природы. Природа остается далекою и непознанною; въ насъ отражается только *видимость*, этотъ внутренній образъ природы. Къ положенію видимости и стремится эстетическое воспріятіе. «Эстетическая видимость,—говоритъ Гроосъ,—есть продуктъ воображенія, которое изъ внѣшняго предмета выдѣляетъ для насъ внутренній образъ, удерживаемый ею лишь благодаря тому, что она односторонне сосредоточивается на извѣстной части чувственнаго впечатлѣнія». Термины *видимость* и *образность* для насъ особенно важны. Введеніемъ ихъ открывается возможность освѣтить еще двѣ различныя особенности художественнаго воспріятія. Шиллеровскій терминъ *видимость* оттѣняетъ то обстоятельство, что дѣло идетъ здѣсь не о чистыхъ формахъ, какъ думалъ Кантъ: мы воспринимаемъ не однѣ комбинаціи линій и красокъ, а напротивъ, запечатлѣваемъ въ своемъ сознаніи видимость или образъ предмета, этимъ самымъ получаемъ и понятіе о его сущности. Эстетическое воспріятіе есть, такимъ образомъ, чувственное воспріятіе формъ; вмѣстѣ съ тѣмъ оно вторгается и въ область понятій или познанія, не претендуя, однако, на полное ознакомленіе съ сущностью, составляющее предметъ науки. Мы опять-таки, даже расширивъ формализмъ Канта, остаемся, стало быть, на почвѣ его построеній, констатируя, что художественное воспріятіе находится на перепутьѣ между чувствомъ и познаніемъ, подобно тому, какъ оно занимаетъ и промежуточное мѣсто между познаніемъ и желаніемъ. Другое существенное слѣдствіе, вытекающее изъ принятія нами термина *видимость*, заключается въ томъ, что эстетическое воспріятіе болѣе, чѣмъ какое-либо другое, должно представиться намъ не пассивнымъ, а напротивъ, самымъ кореннымъ образомъ творческимъ. Это еще разъ даетъ намъ право отождествлять слова эстетическій и художественный. То обстоятельство, что результатъ воспріятія въ данномъ случаѣ есть образъ или видимость, т. е. нѣчто новое, иное, нѣчто, чего въ природѣ нѣтъ, нѣчто, на чемъ отразились наши, намъ однимъ свойственныя особенности воображенія, ясно указываетъ на извѣстную работу или внутреннюю дѣятельность, безъ которой эстетическое воспріятіе немыслимо. *Воспринимать природу, значитъ уже совершать актъ художественнаго творчества*; это значитъ уже до извѣстной степени стать художникомъ. Въ сущности художникъ отличается отъ человѣка способнаго къ созерцанію только тѣмъ, что возникшій въ немъ образъ онъ умѣетъ воспроизвести красками, рѣзцомъ или словомъ. Также творчески воспринимаемъ мы и созданія искусства, хотя, казалось бы, въ нихъ эстетическая видимость уже совершенно наглядно и ясно всею силой художественнаго выраженія приготовлена для нашего воспріятія. И здѣсь, при воспріятіи картины или при чтеніи книги, мы также можемъ уловить опять таки лишь *внутренній образъ*, опредѣляемый вторженіемъ своеобразнаго, присущаго намъ воображенія. Такая особенность воспринимания произведеній искусствъ обнаруживается съ полной ясностью, когда дѣло идетъ о какомъ-либо старинномъ произведеніи; здѣсь вкладываніе въ него нашего «я» не можетъ подлежать сомнѣнію. Творческій характеръ художественнаго воспріятія составляетъ его основной признакъ. Этимъ отличается оно отъ воспріятія вообще. Гроосъ говоритъ, что различіе между обоими воспріятіями—лишь въ интенсивности. Что интенсивность несравненно больше при художественномъ воспріятіи—это несомнѣнно, и мы увидимъ дальше, что большей интенсивностью объясняется не одна черта эстетическаго сознанія. Но дѣло не въ одной только интенсивности. Созерцаніе, лежащее въ основѣ воспріятія, сознательно въ смыслѣ произвольнаго и индивидуальнаго, каждому человѣку по своему свойственнаго напряженія вниманія; другими словами, оно имѣетъ творческій характеръ — и въ этомъ внутреннемъ творчествѣ заключается то, что Кантъ называлъ *цѣлесообразностью*. Безцѣльное во

всѣхъ другихъ отношеніяхъ, художественное созерцаніе все-таки преслѣдуетъ сознательно или безсознательно извѣстную цѣль, которая неминуемо должна отложиться на характерѣ самаго воспріятія. Съ точки зрѣнія формально сенсуалистической Э. цѣль эта—*удовольствіе*, доставляемое красотою. Такъ думалъ Кантъ, такъ думали и продолжаютъ думать и его послѣдователи. Человѣкъ, промедлившій на своемъ жизненномъ пути ради художественнаго впечатлѣнія, оказывается вознагражденнымъ. Онъ даже можетъ славословить мірозданію за эту особенную его цѣлесообразность—красоту-утѣшительницу. Гораздо сложнѣе представляется дѣло, разъ что мы признали эстетическое сознаніе обнимающимъ и красивое, и некрасивое. Если при открытіи эстетической цѣлесообразности мы все-таки захотимъ остаться на точкѣ зрѣнія формально-сенсуалистической, намъ надо будетъ неминуемо открыть наслажденіе, доставляемое эстетической видимостью вообще. На такую точку зрѣнія и всталъ Гроосъ; онъ призналъ, что и безобразное «игрой внутренняго подражанія» становится эстетически пріятнымъ; что же касается до красиваго, то въ немъ Гроосъ видитъ, вмѣстѣ съ психологами, чувственно-пріятное, сохраняющее это свойство и въ эстетической видимости. Однако, какъ ему возразилъ вполнѣ основательно Липпсъ, удовольствіе отъ «игры внутренняго подражанія» и есть удовольствіе отъ этой игры, и доставляетъ ли удовольствіе самый внутренній образъ—при такой постановкѣ вопроса остается невыясненнымъ. Важно дознаться того, въ чемъ состоитъ наслажденіе отъ внутренняго образа или, точнѣе, отъ объекта эстетическаго воспріятія, независимо отъ вопроса объ «игрѣ». На этотъ вопросъ Гроосъ никакого отвѣта намъ не даетъ; не даетъ на него отвѣта и установленная Кантомъ *цѣлесообразность безъ цѣли*, разъ мы расширили «формально-сенсуалистическую» Э. Безсиліе этой Э. обнаружится еще полнѣе, если обратиться къ такъ назыв. *формамъ красоты*: трагическому и комическому. Возвращаясь къ Гроосу, слѣдуетъ замѣтить, что переходъ чувственно-пріятнаго въ красивое эстетической видимости далеко еще нельзя признать доказаннымъ; можно даже заподозрить вообще всѣ выводы объективной Э. Вѣдь самое введеніе термина *видимость* въ вышеуказанномъ смыслѣ заставляетъ насъ, перефразируя приведенныя слова Гербарта, признать, что «если сущность и существуетъ сама по себѣ, безъ отношенія къ субъекту, то видимость существуетъ лишь для субъекта; не будь субъекта, она тотчасъ же исчезла бы». Э., какъ наука о видимости, ни въ какомъ случаѣ не можетъ упускать изъ вида воспринимающаго или создающаго субъекта. Съ точки зрѣнія субъекта мы только и можемъ разбираться въ вопросѣ о томъ, что такое красота и безобразіе; это—свойства только въ насъ возникающей видимости. Различіе красиваго и некрасиваго въ эстетическомъ воспріятіи и творчествѣ можетъ быть всего правильнѣе было бы искать, вмѣстѣ съ Кантомъ, въ *сужденіи вкуса*, не пытаясь, однако, придавать ему нѣчто большее, чѣмъ чисто субъективное значеніе. Вкусъ несомнѣнно складывается исторически, и наша наука должна отвести мѣсто разсмотрѣнію его развитія рядомъ съ исторіей искусствъ. Но сужденіе вкуса, опредѣляющаго, что красиво и что некрасиво, всегда останется лишь чѣмъ-то подчиненнымъ и второстепеннымъ въ эстетическомъ сознаніи. Основная эстетическая цѣнность въ самыхъ высшихъ проявленіяхъ художественной дѣятельности и художественнаго воспріятія всегда была и всегда будетъ независима отъ вкуса. Истинное пониманіе ея всегда тѣмъ болѣе облегчается, чѣмъ болѣе уже побѣжденной и превзойденной оказывается узкая гедонистическая точка зрѣнія, неизбѣжная въ формально-сенсуалистической эстетикѣ.

VII. *О трагическомъ и комическомъ*. Еще отъ древности нашей наукѣ было завѣщано представленіе о *возвышенномъ*. Лонгинъ видѣлъ въ немъ источникъ удивленія и преклоненія. По мѣрѣ того, какъ въ поэтикахъ разрабатывался вопросъ о *трагическомъ*, при чемъ большое значеніе придавалось величію героя, возвышенное стало, однако, сближаться съ трагическимъ и вмѣстѣ съ нимъ получило толкованіе ужаснаго, внушающаго страхъ и уваженіе. Въ такомъ смыслѣ понималъ возвышенное и Бёркъ. Напротивъ, Кантъ, вводя возвышенное въ свою Э., отчасти вернулъ ему его первоначальное значеніе подъ названіемъ *математически-высокаго*, вызывающаго удивленіе передъ особенно большимъ. Лишь рядомъ съ этимъ скорѣе интеллектуальнымъ представленіемъ говоритъ Кантъ и о *динамически-возвышенномъ*, основанномъ на силѣ. Эта послѣдняя разновидность возвышеннаго также внушаетъ страхъ, но страхъ скорѣе воображаемый, такъ какъ испытывающій его находится въ безопасности. Приведенные два типа толкованій возвышеннаго ложатся въ основу всѣхъ послѣдующихъ. Мы имѣемъ въ нихъ дѣло то съ смѣшеніемъ обоихъ типовъ представленій, то съ различеніемъ ихъ болѣе или менѣе въ духѣ Канта. Чисто возвышеннымъ считается обыкновенно спокойное море, пустыня, небесный сводъ, а возвышенное, сливающееся съ трагическимъ, представляютъ собою въ природѣ—дикія нависшія скалы и бушующее море, въ людскихъ дѣлахъ—могучія страсти. Иногда трагическое, представляющее собою изображеніе гибели героя, называютъ, какъ Куно Фишеръ, паденіемъ возвышеннаго. Наиболѣе распространенное и едва ли не болѣе правильное мнѣніе въ спокойно возвышенномъ видитъ не что иное, какъ нѣкоторую особенность красоты природы, и сливаетъ воедино возвышенное и трагическое, какъ одинаково наводящее ужасъ. Прямую противоположность *ужасному* представляетъ собою *смѣшное*, въ эстетикахъ подводимое подъ рубрики *комическаго* и *юмористическаго*. Комическое также получило у англичанъ сенсуалистическое опредѣленіе. Гоббзъ видѣлъ въ немъ выраженіе гордаго превосходства, заставляющаго сильнаго смѣяться надъ слабымъ. Толкованію Гоббза можно противопоставить Канта, хотя и считавшаго смѣхъ

явленіемъ чисто физіологическимъ, но источникъ его видѣвшаго въ интеллектуальной игрѣ остроумія, умѣющей неожиданно превратить серьезную мысль въ ничто. Въ этихъ двухъ различныхъ объясненіяхъ мы вновь имѣемъ два типа, около которыхъ вращаются всѣ послѣдующіе. — Въ вопросѣ о трагическомъ и комическомъ центральный интересъ заключается въ томъ, какъ объяснить ихъ присутствіе въ искусствѣ съ формально-сенсуалистической точки зрѣнія. Какую эстетическую цѣнность могутъ имѣть эти такъ назыв. моменты красоты, несомнѣнно такъ близко соприкасающіеся съ безобразнымъ? Сами по себѣ и трагическіе, и комическіе образы могутъ, конечно, быть прекрасны. Прекрасна трагедія своей «сладчайшей рѣчью», какъ говорилъ Аристотель. Прекрасна она и всей своей обстановкой, особенно, когда живописны и время, и мѣсто дѣйствія—но намъ нужно найти эстетическую цѣнность самаго трагическаго элемента. Мы должны доискаться красоты или вообще удовольствія отъ сцены ослѣпленія въ Софокловскомъ «Эдипѣ», отъ Шекспировскаго «Ричарда III». Поэтому изслѣдованіе сопутствующихъ эстетическихъ элементовъ трагедіи, какое предпринимаетъ проф. Гейнцель по отношенію къ средневѣковой религіозной драмѣ, насъ мало подвигаетъ впередъ. Еще труднѣе справиться съ Э. комизма. Какъ найти красивое въ карикатурѣ? Если, вмѣстѣ съ Гроосомъ, сказать, что удовольствіе получается отъ «игры внутреннимъ образомъ», какъ и въ уродливомъ, то это не отвѣтъ, потому что намъ опять таки надо дознаться, каково удовольствіе даже не отъ самихъ трагическихъ и комическихъ образовъ, а спеціально отъ трагизма и комизма этихъ образовъ. Трагизмъ и комизмъ нельзя выбросить изъ искусства и Э., какъ это долгое время дѣлали съ безобразнымъ. Всѣ важнѣйшіе и величайшіе моменты въ исторіи искусствъ и особенно поэзіи отличаются именно развитіемъ комизма и трагизма; въ этомъ даже и состоитъ ихъ величіе. Въ періодъ высшаго блеска античной поэзіи появляются трагедіи Эсхила, Софокла и Еврипида, появляется Аристофанъ. Величайшія созданія среднихъ вѣковъ—«Пѣснь о Роландѣ» и «Нибелунги»—мрачно трагичны, а имъ сопутствуетъ пестрая толпа fabliaux. У Данте и Боккачьо мы опять имѣемъ расцвѣтъ трагизма и комизма. У испанскихъ драматурговъ, у Сервантеса, у Шекспира и Марло трагическіе и комическіе элементы даже сплетаются вмѣстѣ. Достаточно назвать, далѣе, Гетевскаго «Фауста», трагизмъ Флобера и Зола, трагическій юморъ Мопассана, Гауптмана и Ибсена. И сама природа, какъ источникъ эстетическаго наслажденія, привлекла вниманіе человѣчества прежде всего трагической красотой горныхъ стремнинъ и водопадовъ, грома и молніи. Трагическіе и комическіе элементы можно было бы указать и въ величайшихъ созданіяхъ музыки. Дѣло именно въ томъ, что трагизмъ и комизмъ не укладываются и не могутъ уложиться въ рамки формально-сенсуалистической Э. Шереръ въ своей «Поэтикѣ», строго настаивая на теоріи игры, вводитъ смѣхъ, какъ одинъ изъ основныхъ элементовъ художественнаго творчества. Конечно, смѣхъ—этотъ взрывъ накопившейся жизненной энергіи, какъ его толкуетъ Спенсеръ — очень легко привести въ гармонію съ игрой; но смѣхъ — еще не комизмъ, какъ поводъ и слѣдствіе еще не составляютъ самаго явленія. Въ объясненіи трагизма тѣ, кто стоитъ на исключительно формально-сенсуалистической точкѣ зрѣнія, ссылаются обыкновенно на *катарсисъ* Аристотеля, въ томъ пониманіи, какое ему придалъ Бернайсъ. Они говорятъ, что удовольствіе трагедіи именно въ очищеніи или облегченіи (Entladung). Таково мнѣніе Шерера, Фрейтага, Фолькельта. Но облегченіе—вѣдь только слѣдствіе, а вовсе не причина наслажденія трагическимъ. Чаще всего, поэтому, писатели разбираемаго направленія либо вовсе не касаются этихъ формъ красоты, либо, какъ Кестлинъ, ссылаются на *поэтическую справедливость*, говорятъ, что трагедія навѣваетъ гармонію «удовлетвореніемъ мстящей справедливости и водвореніемъ мира и счастья». Поэтическая справедливость, однако, выводитъ насъ за предѣлы Э., въ какую-то суровую мораль. Попытку строго эстетическаго обоснованія трагическаго и комическаго находимъ мы только у Липпса. Подобно Гюйо, Липпсъ смотритъ на эстетическое удовольствіе, какъ на распространеніе или расширеніе духовной жизни человѣка черезъ симпатію, и согласно установленной въ современной Э. замѣнѣ понятія *красота* понятіемъ *эстетическій* видитъ дѣйствіе симпатіи во всѣхъ сферахъ художественаго воспріятія: симпатія заставляетъ насъ слѣдить съ удовольствіемъ за изогнутой линіей, симпатія возбуждается и трагическимъ, и комическимъ. Это послѣднее объясняется тѣмъ, что, по основному закону нашей психики, всякое эмоціональное возбужденіе, если оно прервано, развивается далѣе съ увеличенной силой. Такой перерывъ и видитъ Липпсъ въ трагической или комической катастрофѣ. Подъ ея вліяніемъ усиливается въ насъ симпатія къ герою, каковъ бы онъ ни былъ. Эта теорія, однако, самымъ введеніемъ симпатіи также уже выводитъ насъ за предѣлы формально-сенсуалистической Э. въ строгомъ смыслѣ.—Нѣсколько поодаль отъ лежащихъ въ основаніи формально - сенсуалистической Э. воззрѣній Канта стоитъ и его собственное ученіе объ эстетической цѣнности трагическаго и комическаго. Здѣсь мы касаемся того отсутствія полной стройности въ Э. Канта, которое такъ мѣтко охарактеризовалъ его недавній критикъ Башъ и ради котораго еще Гартманнъ признавалъ Канта основателемъ одновременно и формальнаго, и идеалистическаго направленія въ нашей наукѣ. Ученіе Канта о смѣшномъ и комическомъ заключается въ примѣчаніи къ «Дедукціи эстетической способности сужденія», при чемъ и смѣшное, и комическое признаются разновидностями пріятнаго, а не красиваго. Иначе обстоитъ дѣло относительно возвышеннаго, изучаемаго въ «Аналитикѣ эстечической способности сужденія» и входящаго, стало быть, въ общую систему Э. Однако, Кантъ самымъ старательнымъ об-

разомъ отдѣлилъ красивое отъ возвышеннаго и не призналъ даже за послѣднимъ наименованіе формы красоты, что вошло въ употребленіе уже послѣ Канта. Возвышенное, во-первыхъ, вовсе не вызываетъ удовольствіе, а напротивъ — страданіе; оно подавляетъ насъ, а тутъ нѣтъ мѣста удовольствію. Во-вторыхъ, если красота мыслится какъ нѣчто доставляемое природой, то возвышенное основано исключительно на идеѣ разсудка, въ свою очередь возникшей изъ сравненія чего-то огромнаго и могучаго съ нашимъ ничтожествомъ. Если Кантъ все-таки ввелъ возвышенное въ свою Э., то лишь въ силу морально-идеалистическихъ, а отнюдь не строго эстетическихъ соображеній. Онъ призналъ, что разумъ нашъ, заставляющій мыслить созерцаемое какъ нѣчто цѣлое и подчиненное ему, далъ намъ возможность возвыситься надъ страхомъ и подавленностью отъ чувственнаго воспріятія, «возбуждая въ насъ чувство нашего сверхчувственнаго назначенія», и вотъ это-то чувство возвращаетъ насъ къ удовольствію, которое и должно занять мѣсто рядомъ съ эстетическимъ. Сообразно съ такимъ разсужденіемъ, по мнѣнію Канта, все страшное какъ бы «бросаетъ вызовъ нашимъ силамъ» и даетъ намъ радость борьбы и проявленія храбрости. Это пониманіе возвышеннаго по отношенію къ трагическому было развито Шиллеромъ и, заставивъ его на время разстаться съ теоріей поэтической справедливости, дало ему возможность формулировать одну изъ наиболѣе благородныхъ теорій трагизма. Смыслъ трагедіи для Шиллера заключается въ изображеніи духовнаго величія героя, противопоставляющаго гордо и смѣло свою грудь всѣмъ опасностямъ и превратностямъ счастья и жизни (см. его «Замѣчанія по эстетическимъ вопросамъ», «О возвышенномъ», «О патетическомъ»). Что тутъ Шиллеръ также откровенно покидаетъ эстетическій формализмъ—это очевидно. Удовольствіе трагическаго здѣсь уже прямо удовольствіе идейно-моральное. При разсмотрѣніи трагическаго и комическаго совершенно ясно обнаружилась, такимъ образомъ, невозможность оставаться исключительно на формальной точкѣ зрѣнія. Но раньше чѣмъ перейти къ другой завѣщанной древностью эстетической теоріи, необходимо оглянуться назадъ. Основное различіе формальной и идеалистической Э. сводится къ тому, что первая стремится выдѣлить эстетическое сознаніе въ особую отрасль, ограничивъ ея предѣлы, а другая увлекаетъ его въ сторону слiянія съ познаніемъ, нравственностью и даже вѣрой. При возникновеніи нашей науки, какъ особой части философіи, Кантъ, какъ критицистъ, установилъ данныя для окончательнаго обоснованія Э. обработкой эстетическаго формализма. Формальная точка зрѣнія есть основная въ нашей наукѣ. Безъ нея она немыслима, какъ таковая. Только ею и можетъ быть выдѣлено эстетическое сознаніе изъ той сложной массы чувствъ, мыслей и поступковъ, которая называется жизнью. Оттого и самое расширеніе Э. за предѣлы красоты было необходимо провести на почвѣ эстетическаго формализма. Однако, выдѣленіе это тѣмъ самымъ неминуемо должно было оказаться чисто искусственнымъ. Мы опредѣлили до сихъ поръ лишь то, чѣмъ отличается сфера художества отъ сферы жизни: въ дальнѣйшемъ намъ придется отвѣтить на вопросъ о томъ, чѣмъ оно съ жизнью связано—и только тогда мы подойдемъ къ самому искусству. Выдѣлить изъ жизни удалось только художественное воспріятіе, и то далеко не цѣликомъ. Обособившись отъ жизни, можно созерцать искусство и природу и наслаждаться этимъ, но ни творить, ни окончательно осмыслить искусство, уйдя отъ самой жизни, немыслимо. Отторгнутость отъ жизни художника всегда только кажущаяся; въ процессѣ творчества онъ весь въ жизни и съ жизнью.

VIII. *Идеалистическая эстетика.* Въ 1800 г. вышла «Калигона» Гердера, набросившаяся въ страстной полемикѣ на Канта. Гердеръ требовалъ, чтобы вопросы Э. были разрѣшаемы не иначе, какъ съ полнымъ признаніемъ «неразрывности истины, добра и красоты», и называлъ вліяніе «Критики силы сужденія» «воцареніемъ нескончаемыхъ хитросплетеній, слѣпыхъ взглядовъ, фантазій, схематизма, пустого буквоѣдства и пресловутыхъ трансцендентальныхъ идей и построеній». Однако, та плеяда блестящихъ нѣмецкихъ философовъ, которымъ предстояло осуществить попытку возвращенія къ «неразрывности истины, добра и красоты» и вліяніе которыхъ было непоколебимо, господствовало цѣлыхъ 50 лѣтъ, послѣ выхода «Калигоны», въ одинъ голосъ называетъ Канта своимъ учителемъ. Гартманнъ совершенно правильно замѣчаетъ, что Кантъ, основатель формальной Э., можетъ съ одинаковымъ правомъ быть названъ и основателемъ Э. идеалистической. Элементы идеализма содержатся въ тѣхъ главахъ «Критики силы сужденія», гдѣ Кантъ говоритъ *о геніи*. Геній, по мнѣнію Канта — творецъ не однихъ чарующихъ образовъ: онъ создаетъ еще *эстетическія идеи*, и въ этомъ его основное значеніе. Эстетическая идея у Канта, это—«нѣчто соотвѣтствующее идеѣ разума» и, въ то же время, «то представленіе воображенія, которое даетъ поводъ много думать, хотя никакое понятіе не можетъ быть вполнѣ адэкватнымъ ему, и, слѣдовательно, никакой языкъ не въ состояніи выразить его во всей полнотѣ и совершенно понятно». Равнымъ образомъ и воображеніе, главная сила генія, хотя и получаетъ матеріалъ отъ природы, но «перерабатываетъ его для чего-то совершенно другого, что стоитъ уже выше природы». Идеалистическое толкованіе легко могли вызвать и «Письма объ эстетическомъ воспитаніи» Шиллера, по которымъ искусство должно разрѣшить антиномію необходимости и долженствованія или—выражаясь уже языкомъ идеализма, а не критицизма,—истины и добра. Когда, отчасти подъ вліяніемъ Винкельмана, возбудившаго вновь интересъ къ Платону, Шеллингъ—этотъ истинный основатель идеализма въ Э.,—въ своей блестящей рѣчи: «Бруно» (1802), провозгласилъ впервые идеалистическое пониманіе искусства, онъ

только какъ-бы констатировалъ осуществленіе самимъ духомъ—этимъ субъектомъ-объектомъ всего сущаго,—того, что Шиллеръ представилъ лишь какъ желательное въ жизни. Такъ вновь всталъ передъ человѣчествомъ образъ Платоновскаго міра истиннаго существованія, гдѣ обрѣтаются въ полномъ согласіи истина, добро и красота. Искусство важно намъ какъ стремленіе къ этому горнему міру, и чѣмъ выше искусство, тѣмъ ближе оно къ нему приближается. Нашъ бренный, преходящій міръ познанія—лишь сколокъ съ міра идей. Настоящее явленіе есть идея его. Но только черезъ явленіе восходитъ умъ человѣческій до идеи. Художникъ какъ бы освобождаетъ идею изъ тѣхъ формъ, въ которыя она облечена въ природѣ, и воспроизводитъ ее въ томъ видѣ, въ какомъ она должна была бы представиться. Художественные образы, поэтому — *идеи въ совершеннѣйшей объективаціи*. Этимъ идеи могутъ быть дѣйствительно познаны и одновременно образы становятся прекрасными. Такимъ воззрѣніямъ на художество вторило въ то время въ Германіи и искусство, въ лицѣ романтиковъ. Другой идеалистъ того времени, Фихте, стоялъ близко ко всему этому кружку Шлегелей, Вакенродера, Новалиса и Тика. Для увлеченныхъ мистицизмомъ романтиковъ былъ чуждъ культъ формы, въ которомъ воспитывали себя Шиллеръ и Гёте; съ другой стороны искусство имъ казалось все болѣе и болѣе проникновеннымъ и таинственнымъ. Если «Вильгельмъ Мейстеръ» прошелъ школу искусства, чтобы вернуться къ жизни и оцѣнить ее, то романтики, напротивъ, стремились къ искусству, какъ къ отрѣшенію отъ трезвенности и низменности жизни, ожидая отъ искусства высшихъ откровеній. Вотъ эти-то откровенія и обѣщала имъ идеалистическая Э. Шеллинга и Фихте.—Въ позднѣйшее время Гартманнъ различаетъ школу *абстрактнаго идеализма* и школу *идеализма конкретнаго*. Къ первой онъ относитъ, вслѣдъ за Шеллингомъ, Шопенгауера, Сольгера, Краузе, Вейссе и Лотце, ко второй—Гегеля, Тарнгофа, Шлейермахера и болѣе позднихъ гегельянцевъ, Фишера, Карьера, Шеллера. Отвлеченный идеализмъ стоитъ ближе къ Платону; для него міръ идей есть міръ отвлеченнаго знанія. Шопенгауеръ нѣсколько разъ настойчиво заявляетъ, что «идею» онъ понимаетъ въ строго-платоновскомъ духѣ. Подобно Канту, и Шопенгауеровская Э. художественное воспріятіе и художественное творчество прежде всего отмежевываетъ отъ полезности, хотя, отбросивъ формализмъ, она уже не стоитъ болѣе на точкѣ зрѣнія безцѣльной цѣлесообразности. То, что Кантъ называлъ «вещью въ себѣ», Шопенгауеръ назвалъ *представленіемъ*. Этимъ онъ присоединился къ Кантовскому пессимизму познанія. Но міръ, какъ представленіе, есть одновременно и міръ, какъ *воля*. Воля, это—стремленіе жить, общее движеніе всего сущаго, которое уноситъ и насъ, нами владѣетъ и надъ нами властвуетъ. Мы заняты нашими дѣлами и всей нашей дѣятельностью, т. е. проявленіемъ черезъ насъ воли. Только отрѣшившись отъ воли, впадаемъ мы въ то состояніе, которое Чернышевскій называетъ «ожиданіемъ на станціи», и тогда мы уже становимся способны къ болѣе глубокому познанію представленія. Вмѣсто обыденнаго познанія, служащаго черезъ насъ волѣ, наступаетъ состояніе *чистаго познанія*, уже не заинтересованнаго и не стремящагося ни къ какой полезности. Вотъ на это-то чистое познаніе способенъ только *геній*—философъ или художникъ. Отрѣшившійся отъ воли геній силится проникнуть въ міръ идей: если онъ философъ, онъ стремится къ чистымъ идеямъ, а если онъ художникъ — умѣетъ овладѣть ими въ формахъ. Художественное воспріятіе есть, такимъ образомъ, особое познаніе *идеи въ формѣ*, наиболѣе ей соотвѣтствующей и *наиболѣе совершенно объектированной* въ художественномъ произведеніи или въ прекрасныхъ явленіяхъ природы. Совершенно тождественно съ этимъ понимаетъ художественное сознаніе и Гегель. И для него воспріятіе художника есть проникновеніе до идеи черезъ формы, а искусство есть облеченіе идеи въ соотвѣтствующую ей форму. При этомъ сходствѣ сказывается, однако, и различіе между абстрактной точкой зрѣнія Шопенгауера и конкретной Гегеля. Идея у Гегеля — не только созданіе нашего разума; она—нѣчто конкретное. Міръ идей и міръ земной слились и пришли во взаимодѣйствіе. Оба они оказались фазисами одного и того же великаго развитія. Основа всѣхъ основъ, абсолютный субъектъ-объектъ — это Духъ, но Духъ этотъ, хотя онъ и вѣченъ, самъ не зналъ о своемъ существованіи и только черезъ матерію, находясь въ вѣчномъ движеніи, стремится къ познанію самого себя, т. е. къ самосознанію. Достигаетъ этого Духъ не въ чистой матеріи, гдѣ онъ еще чуть сказывается, и не въ растеніяхъ, и не въ животныхъ, гдѣ онъ уже начинаетъ побѣждать своего непокорнаго раба—матерію. Только въ насъ, въ людяхъ, достигаетъ Духъ сознанія, и мы, какъ его органъ, познаемъ его черезъ идею. Идея у Гегеля, такимъ образомъ, уже не то ясное представленіе, которое такъ убаюкиваетъ воображеніе у Платона: идея здѣсь съ одной стороны «осуществленіе Духа» и потому она сама субъектъ-объектъ. «Все существующее, — говоритъ Гегель, — только въ томъ смыслѣ истинно, что оно есть существованіе идеи; идея есть единственное истинно существующее». Поскольку идея возникаетъ въ насъ, она либо идея логическая, либо эстетическая. Логическая идея, доступная философу, познающему чистаго Духа въ себѣ, уже отрѣшена отъ формы, въ которую она была заключена. Но идея сама по себѣ вѣдь конкретна, потому что она внѣ насъ сама по себѣ существуетъ не иначе, какъ въ формахъ, и соотвѣтствіе ея съ формой есть красота, появляющаяся въ искусствѣ, этомъ чувственномъ познаніи или познаніи въ формѣ, доступномъ лишь генію художника. Эстетическая идея есть, такимъ образомъ, *идея въ соотвѣтственной формѣ*. Искусство есть одновременно и познаніе эстетической идеи, т. е. красоты, и созданіе ея. «Красота искусства,— говоритъ Гегель, — это не логическая идея,

т. е. абсолютная мысль, развивающаяся въ чистомъ элементѣ мышленія, и не природная идея; она принадлежитъ къ области Духа, но не сопряжена ни съ опытомъ, ни съ дѣяніями конечнаго Духа. Царство изящныхъ искусствъ—это царство абсолютнаго Духа». Одна изъ особенностей идеалистической Э., какъ это отчасти видно уже изъ этого краткаго очерка сущности гегелевскаго взгляда, заключается въ томъ, что именно идеалисты впервые стали на эволюціонную точку зрѣнія въ эстетическихъ изысканіяхъ. Искусство у нихъ уже не разсматривается статически, какъ нѣчто данное. Напротивъ, мы входимъ въ такой періодъ человѣческаго мышленія, когда съ раціоналистической статикой сведены всѣ счеты и въ полную силу входитъ завѣщанная Монтескье идея развитія. Ей отдали дань въ области пониманія искусства братья Шлегели и г-жа Сталь, Шатобріанъ и Кольриджъ. Философы-идеалисты цѣликомъ отдавались ей. Шеллингъ въ 1802—1805 гг. въ Іенѣ и Вюрцбургѣ читалъ лекціи по «Философіи искусствъ», напечатанныя только послѣ его смерти. Гегель также создалъ свою Э. лишь въ формѣ лекцій, увидѣвшихъ свѣтъ, въ незаконченномъ видѣ, лишь послѣ его смерти. Лекціи Гегеля уже построены строго исторически; ту же попытку всемірной исторіи искусствъ, какъ законченнаго эстетическаго ученія, повторилъ гораздо позднѣе и гегельянецъ Карріеръ. И это вполнѣ понятно. Историческая или, вѣрнѣе, эволюціонная точка зрѣнія коренится у Гегеля въ самомъ существѣ его ученія о Духѣ. Духъ вѣчно находится въ движеніи; онъ проходитъ множество фазисовъ «опыта и поступковъ». Вотъ среди этихъ-то фазисовъ и появляется, въ самой тѣсной связи съ развитіемъ искусствъ, ученіе о *формахъ или моментахъ красоты*, составляющихъ основу всего эстетическаго эволюціонизма. *Трагическое* и *комическое*, *возвышенное* и *юмористическое*—это въ буквальномъ смыслѣ моменты красоты, т. е. тѣ стадіи, черезъ которыя проходитъ воплощеніе Духа или идеи въ формы. Одна изъ стадій, это—красота, т. е. полное соотвѣтствіе идеи и формы (или формы и содержанія, какъ говорили позднѣе). Но возможно и не полное соотвѣтствіе, и это еще не есть уродливое, какъ это можно было бы предположить. Уродливое, для Гегеля — вовсе не эстетическое представленіе; уродливое—это все матеріальное, низкое, реальное, то, гдѣ вовсе нѣтъ идеи и потому нѣтъ и эстетической цѣнности, основанной на идеѣ. Если идеалистическая Э. представлялась иногда — напримѣръ Чернышевскому, знавшему въ подлинникѣ повидимому одного только Фишера,—изгоняющею все повседневное и реальное ради красоты, то это не болѣе, какъ недоразумѣніе. Повседневное и реальное идеалисты презирали и называли пошлымъ ради него самого. Самое выраженіе: «идея красоты», которое имъ часто приписывается, только одинъ разъ промелькнуло у Вейссе, стремившагося примирить абстрактный идеализмъ Шеллинга съ конкретнымъ идеализмомъ Гегеля. Это понятіе вводитъ и Рёскинъ, также идеалистъ, но не послѣдовательный, слишкомъ увлеченный формами и практическимъ примѣненіемъ красоты, чтобы мыслить отвлеченно. Итакъ, красота, какъ соотвѣтствіе формы и идеи, только измѣняется, когда нарушено это соотвѣтствіе. Если преобладаетъ идея, еще не нашедшая себѣ выраженія, тогда появляется возвышенное; если преобладаетъ форма, тогда мы имѣемъ дѣло съ юмористическимъ. Моментамъ красоты у Гегеля соотвѣтствуютъ моменты развитія искусствъ. Древняя Индія и Египетъ—это періодъ архитектуры, т. е. возвышеннаго, потому что идея (Духъ) не нашла себѣ формы и не достигла самосознанія. Идею только символически изображаетъ величіе построекъ. Непосредственно вслѣдъ за архитектурой слѣдуетъ періодъ пластики и пластической поэзіи; это—древняя Греція, съ ея антропоморфизированными богами. Тутъ Духъ сопряженъ съ формой и внѣ ея и не мыслится. Это и есть періодъ красоты, когда Духъ еще не сталъ выше природы, потому что онъ и въ самой религіи представляетъ собою олицетвореніе природы. Этому Духу соотвѣтствовала совершенная пластическая форма въ скульптурѣ, изображающей боговъ. Когда настало время христіанства, и Духъ поднялся на неизмѣримую высь, гармонія была опять нарушена; искусство могло только отчасти вмѣстить его. Романтическая поэзія и живопись, отказавшаяся отъ пластики періода скульптуры, стремится къ этому горнему Духу, одухотворяя самую форму. Красота недостижима; мы опять въ мірѣ возвышеннаго. Красота представляется, слѣдов., такимъ періодомъ въ эволюціи Духа, которую онъ неминуемо долженъ былъ превзойти. Иначе съ идеалистической точки зрѣнія и не можетъ представиться дѣло. Представленіе объ особой эстетической «цѣлесообразности безъ цѣли» для нея невозможно; на почвѣ чистаго идеализма уже давно могло бы состояться «расширеніе» Э. за предѣлы красоты. Случилось, однако, скорѣе обратное; напр., у Фишера, Э. котораго въ серединѣ истекшаго столѣтія считалась классической, замѣчается скорѣе скрытое стремленіе формализировать мысли Гегеля. Циммерманъ, самъ откровенный формалистъ, справедливо замѣчаетъ, что Фишеръ въ своей «Метафизикѣ красоты» какъ бы тяготится своимъ гегельянствомъ; для него красота гораздо важнѣе въ произведеніяхъ искусствъ, чѣмъ идея, но въ сущности онъ все время думаетъ о чувственномъ, а вовсе не интеллектуальномъ наслажденіи красотою. Фишеръ, стоя, такъ сказать, на рубежѣ двухъ эстетическихъ воззрѣній, оттого такъ отчетливо и формулировалъ простую, но часто забываемую мысль, что «чѣмъ большее вниманіе обращается на *форму*, тѣмъ большее значеніе пріобрѣтаетъ *содержаніе*; великая форма возможна только при великомъ содержаніи, законченность формы при ничтожномъ содержаніи граничитъ съ не имѣющимъ вовсе никакого значенія».—Мы до сихъ поръ все время разсматривали сближеніе эстетической цѣнности съ истиной, т. е. съ познавательной цѣнностью. Художникъ представлялся намъ какимъ-то проникновеннымъ мудрецомъ, достигающимъ, вмѣстѣ съ фи-

лософомъ, глубочайшаго знанія. На почвѣ идеалистической теоріи *трагедіи*, занимающей у Шопенгауера чуть не центральное мѣсто и широко развитой какъ Гегелемъ, такъ и всей плеядой гегельянскихъ критиковъ и историковъ литературы, мы подходимъ къ сближенію Э. и этики. Уже при разборѣ трагическаго съ формально-сенсуалистической точки зрѣнія мы видѣли, что въ объясненіи этой формы красоты существенно важную роль играетъ старинная теорія *поэтической справедливости*. Именно идеалистическая Э. и заставила совершенно забыть возвышенное толкованіе трагизма Канта и Шиллера и вновь окружила ореоломъ — на этотъ разъ ореоломъ философскаго глубокомыслія,—поэтическую справедливость, въ сущности не только не объясняющую эстетику трагизма, но доводящую трагизмъ до полнаго абсурда. Шопенгауеръ стоитъ совершенно въ сторонѣ отъ фальшиваго пути, на который всталъ эстетическій идеализмъ въ погонѣ за Гердеровской «неразрывностью истины, добра и красоты». Толкуя трагизмъ все-таки съ моральной точки зрѣнія, Шопенгауеръ видѣлъ въ немъ не справедливость, а, наоборотъ, «безпредѣльное страданіе, вопль человѣчества, тріумфъ зла, царство случая и безнадежное паденіе справедливаго и невиннаго». Трагедія казалась Шопенгауеру такимъ видомъ проникновеннаго образнаго познанія, который обнаруживаетъ несогласіе необходимости и долженствованія. Шопенгауеру казалось, что трагическое искусство—высшій моральный приговоръ мірозданію; познавъ его, человѣку остается лишь совершенно отрѣшиться отъ власти воли, привязывающей его къ жизни, чтобы признать, вмѣстѣ съ самимъ Шопенгауеромъ, что жизнь есть зло. На діаметрально противоположной точкѣ зрѣнія стоялъ Гегель. Циглеръ недавно совершенно вѣрно замѣтилъ, что Гегель не только не различалъ необходимость и долженствованіе, но даже представлялъ ихъ себѣ совершенно тождественными. Считая трагедію высочайшимъ видомъ поэтическаго творчества, обнаруживающимъ законы мірозданія первостепенной важности, Гегель въ оцѣнкѣ трагическаго самымъ кореннымъ образомъ расходился съ Шопенгауеромъ. Если Шопенгауеръ имѣлъ въ виду преимущественно Шекспира, то для Гегеля величайшая трагедія—«Антигона» Софокла. Въ этомъ произведеніи изображено «безнадежное паденіе справедливаго и невиннаго»—и тѣмъ не менѣе Гегель видитъ здѣсь «вѣчную справедливость, которая, какъ абсолютная сила судьбы, возстановляетъ главенство нравственной субстанціи, пошатнувшееся отъ столкновенія отдѣльныхъ, ставшихъ самостоятельными нравственныхъ силъ». Въ подобномъ взглядѣ, правда, нельзя еще видѣть приложеніе поэтической справедливости. Гегель имѣетъ въ виду нѣчто болѣе глубокое. И Клеонъ, и Антигона кажутся ему правыми и оба они наказаны: Антигона—въ самой себѣ, а Клеонъ—въ сынѣ. Гегель подчеркиваетъ въ Антигонѣ лишь столкновеніе двухъ одинаково значущихъ моральныхъ законовъ: семейнаго въ Антигонѣ и государственнаго въ Клеонѣ. Но эта твердая увѣренность въ главенствѣ единой нравственной субстанціи, сливающейся съ судьбой, т. е. съ необходимостью, самымъ своимъ нѣсколько идиллическимъ оптимизмомъ, все-таки разрушаетъ весь смыслъ трагизма и даетъ поводъ объяснять его въ духѣ теоріи поэтической справедливости. Самое уродливое развитіе этой теоріи мы видимъ именно у гегельянствовавшихъ критиковъ: Ульрици, Ротшера и даже Гервинуса. Усилія этихъ критиковъ были преимущественно направлены на толкованіе трагедій Шекспира, при чемъ вина была найдена даже за беззащитной Дездемоной, и этимъ на нѣкоторое время было запутано истинное пониманіе шекспировскихъ произведеній. Теорія поэтической справедливости распространилась и вообще на теорію драмы. Морализирующее направленіе въ теоріи драмы, постепенно вырождаясь, какъ это часто бываетъ, привело и къ прямо безнравственнымъ требованіямъ отъ драматурга. Такъ, Фрейтагъ настаиваетъ на томъ, чтобы драматическій писатель давалъ удовлетвореніе зрителю, изображая ему жизнь такою, какъ хотѣлось бы самому зрителю. Это уже требованіе насилія надъ правдой и потворства общественнымъ предразсудкамъ. Разрушила теорію поэтической справедливости только новѣйшая драма, главнымъ образомъ подъ вліяніемъ Ибсена, теорія котораго возвращается къ Канту и Шиллеру, какъ кантіанцу. Вліяніе идеалистической Э. далеко пережило вліяніе самаго идеализма. Оно долго сказывалось и не въ одной драмѣ. По мѣрѣ того, какъ устои идеализма въ осмысленіи художественнаго творчества забывались, укрѣплялся тотъ взглядъ, по которому произведеніе искусства изображаетъ идею въ образѣ; послѣднее воззрѣніе легло въ основу того, что можно было бы назвать *эстетическимъ раціонализмомъ*. Такое направленіе сказывается, напр., въ «Философіи искусства» Тэна. Тэнъ представляетъ себѣ художественное творчество въ видѣ чисто интеллектуальнаго подбора человѣческихъ свойствъ и столь же интеллектуально понимаетъ и художественное воспріятіе. Отсюда предпочтеніе живому индивиду холоднаго типа, вызвавшее справедливые упреки Зола. Эстетическій раціонализмъ, сказывающійся и въ нашей теоріи «обобщенія въ образѣ», не вылился, однако, въ болѣе или менѣе законченную эстетическую теорію.

Идеалистическая Э., такимъ образомъ, сразу восполнила пробѣлы формально-сенсуалистической Э. Не только объясненными оказались такъ наз. моменты красоты, но ясно и просто представилась и сущность эстетической *цѣлесообразности безъ цѣли*. Ее надо видѣть либо въ *чистомъ познаніи*, либо въ высшемъ *нравственномъ удовлетвореніи*. Однако, тутъ сказывается и опасность идеалистической точки зрѣнія въ Э. Дѣйствительно, если художникъ, и болѣе всѣхъ другихъ поэтъ, былъ поднятъ до философа, и искусство оказалось какъ бы въ услуженіи у философіи, то форма, этотъ центръ всѣхъ стремленій, всей внутренней работы художника, безъ которой съ

точки зрѣнія эстетическаго формализма не можетъ быть и рѣчи о красотѣ, теперь оказалась какой-то тяготѣющей надъ художникомъ обузой. Краски, линіи, освѣщеніе—все это только средства, которыя надо превозмочь, превзойти, которыми надо достигнуть того, чего нѣтъ въ природѣ, т. е. *идеи предмета*. Здѣсь сказывается слабость исключительно идеалистическаго воззрѣнія на искусство. Оно легко можетъ повести къ самой анти-артистической разсудочности, не понимающей влюбленности въ форму и не замѣчающей, что одухотворенность, напр., Гвидо Рени въ сущности есть очень часто отрицаніе искусства. Ставъ на точку зрѣнія эстетическаго идеализма, мы должны теперь спросить себя, какимъ образомъ достигается *чистое познаніе* черезъ посредство образа, что значитъ особое *образное мышленіе* и образное разрѣшеніе нравственныхъ задачъ?

IX. *Эмоціональныя эстетическія теоріи.* Что произведенія искусства вызываютъ извѣстныя эмоціональныя состоянія — радость, грусть, восторгъ и проч., — это несомнѣнно, особенно если дѣло идетъ о музыкѣ и поэзіи. Всѣмъ памятенъ разсказъ Паоло Римини въ «Аду» Данте, о томъ, какое неотвратимое любовное влеченіе было для него и для Франчески слѣдствіемъ чтенія романа о Ланцелотѣ. Подобное вліяніе поэзіи и отмѣчалось часто: юристы неоднократно констатировали пагубное дѣйствіе криминальныхъ романовъ, педагоги не безъ основанія слѣдятъ за чтеніемъ своихъ воспитанниковъ. Аристотелевская Поэтика положила начало признанію, что трагедія вызываетъ ужасъ и состраданіе. Но Э. касалась лишь отрицательно подобнаго значенія искусства: она считала его антиэстетическимъ. Искусство—прежде всего фикція, образъ: оно отнюдь не должно оказывать непосредственнаго воздѣйствія. Самъ Аристотель именно для того и ввелъ понятіе о катарсисѣ, чтобы оттѣнить различіе истинныхъ и изображаемыхъ страстей. Во Франціи Жуффруа, Сюлли-Прюдомъ, Гюйо обратили вниманіе на эти общеизвѣстные факты и привлекли ихъ къ эстетическому осмысленію. Особое значеніе было приписано при этомъ *симпатіи*. Въ ней увидѣли основаніе эстетическаго наслажденія. Гюйо долженъ быть признанъ основателемъ эмоціональной теоріи въ Э., получающей все большее значеніе въ развитіи нашей науки. Черезъ Гюйо эмоціональная точка зрѣнія самымъ тѣснымъ образомъ связана съ временной теоріей Э. *Симпатія*, какъ основа эстетическаго сознанія, привела Гюйо къ формулировкѣ такого чисто реалистическаго требованія отъ искусства, которое, хотя и высказывалось критиками, никогда не было объяснено какъ необходимый выводъ изъ какого-нибудь основного эстетическаго принципа. «Назначеніе искусства,—говоритъ Гюйо,—вызывать симпатическія эмоціи; вслѣдствіе этого оно должно изображать не объекты чистыхъ ощущеній или мыслей при помощи какихъ-нибудь условныхъ знаковъ, а предметы, могущіе возбудить сочувствіе, *живыя* существа, съ которыми мы могли бы войти въ общеніе... Первое условіе для возникновенія симпатіи къ какой-либо личности заключается въ томъ, чтобы она представлялась живой». Тутъ въ эстетическій законъ вводится такое условіе художественнаго воспріятія, которое прямо требуетъ возможно близкаго къ дѣйствительности воспроизведенія. Знаменитое опредѣленіе Л. Толстого относится именно къ этому направленію въ нашей наукѣ. Это опредѣленіе почти слово въ слово повторяетъ и гельсингфорскій проф. Ирьо Хирнъ: «Произведеніе искусства,—пишетъ онъ,—представляетъ изъ себя одно изъ наиболѣе дѣйствительныхъ средствъ общенія индивида съ ему подобными, при помощи котораго онъ можетъ привести въ испытываемое имъ состояніе эмоціональнаго возбужденія все большіе и большіе круги симпатизирующихъ». Теорія симпатіи оказывается гораздо болѣе подходящей для пониманія психологіи эстетическаго сознанія, чѣмъ ранѣе выдвигаемыя психологами простыя чувства. Чувства—говорятъ Липпсъ и Гроосъ,—даютъ намъ лишь самыя бѣдныя и жалкія эстетическія впечатлѣнія; напротивъ, перенеся интересъ на эмоціи, мы получимъ представленіе о *сочувственномъ или симпатическомъ переживаніи* (das Miterleben), которое съ одной стороны объясняетъ болѣе сложныя и совершенныя эстетическія наслажденія, а съ другой вполнѣ гармонируетъ съ теоріей творческаго воспріятія видимости. Сущность художественнаго наслажденія заключается во *внутреннемъ подражаніи*; вызвать это внутреннее подражаніе и есть задача, которую ставитъ себѣ художникъ. Въ искусствѣ не такъ важны, поэтому, прямыя воспріятія, какъ воспроизводящіе и ассоціативные факторы.—При такой постановкѣ вопроса не только разъ навсегда превзойденнымъ оказывается старый Кантовскій формализмъ, съ его теоріей чистой формы или свободной красоты, но интересъ нашъ заходитъ и за предѣлы, поставленные представленіемъ о цѣлесообразности безъ цѣли. Чтобы исчерпать все огромное богатство эстетическаго сознанія, эмоціональная теорія старается дознаться не того, *что* воспринимается, а *какъ* воспринимается и воспроизводится. Отсюда ясно, насколько эмоціональная Э. близка къ Э. идеалистической. Воспринявшіе точку зрѣнія Гюйо—Липпсъ, Гроосъ, Хирнъ,—правда, еще какъ-будто не чувствуютъ, насколько они отдалились отъ Э. формально-сенсуалистической. Они еще называютъ искусство *игрою* внутренняго подражанія и основную цѣль его видятъ въ удовольствіи, доставляющемъ отдохновеніе отъ жизненной страды. Цѣлесообразность безъ цѣли для нихъ имѣетъ еще строго Кантовское значеніе, безъ введенія въ нее идеалистической теоріи генія. Однако, самъ Гюйо, основатель этого направленія, стоитъ уже одною ногою въ чистѣйшемъ гегельянствѣ. Идеалистическій характеръ носятъ особенно тѣ главы его «Искусства съ соціологической точки зрѣнія», въ которыхъ онъ разбираетъ современныхъ поэтовъ. Чѣмъ болѣе противополагаетъ себя эмоціонализмъ раціонализму, тѣмъ болѣе онъ оттѣняетъ живое и важное въ идеализмѣ. Пшибышевскій въ короткой, но мѣткой статьѣ

объ искусствѣ говоритъ, что оно должно идти «дорогой души», а не «дорогой мозга», какъ этого хотѣлъ Тэнъ. Онъ очевидно разумѣетъ здѣсь то же, что выразилъ Гюйо, когда писалъ: «Преимущество искусства заключается именно въ томъ, что оно ничего не показываетъ и не доказываетъ и тѣмъ не менѣе вводитъ въ наше сознаніе нѣчто неотвратимое». Роль въ искусствѣ *внушенія* или *суггестивизма*, впервые указанная въ книгахъ Бергсона и Суріо, въ настоящее время можетъ считаться уже общепризнанною. Рибо отводитъ ей мѣсто въ своей «Психологіи чувствъ», да и вообще на каждомъ шагу попадаются ссылки на эту особенность художественнаго воспріятія. Нормальное внушеніе всегда бываетъ лишь косвеннымъ—и вотъ, примѣрами подобнаго внушенія и изобилуетъ поэзія. Съ тѣхъ поръ, какъ психологія разработала факты подъ-сознательной психической жизни, объяснилось многое въ сокровенныхъ и давно испытанныхъ пріемахъ искусства. Внушеніемъ объясняется сочувствіе невѣрующаго въ сверхъестественное зрителя такой сценѣ, какъ появленіе тѣни отца Гамлета или явленіе царевича Дмитрія Борису Годунову въ драмѣ Алексѣя Толстого. Внушеніемъ и его особенной силой объясняется и значеніе стихотворной и вообще ритмической рѣчи. Эмоціональная Э. обнаружила, такимъ образомъ, ту силу искусства, которая и прежде чувствовалась и превозносилась, но объясненія которой не могли дать напр. какія-нибудь наблюденія надъ чувственно-пріятнымъ, при всей ихъ точности. Эту силу поэзіи мѣтко и зло охарактеризовалъ Ницше, когда онъ назвалъ поклонниковъ поэзіи «дураками ритма». Ритмъ именно одурачиваетъ насъ; онъ заставляетъ насъ испытывать ненужныя намъ эмоціи и вѣрить въ то, что мы отрицаемъ всею силой нашей убѣжденности. Такая власть искусства заставляетъ въ высшей степени серьезно отнеститъ къ тому, что же оно внушаетъ. Тутъ естественно и возникаетъ вопросъ о томъ, дурачатъ ли насъ только для потѣхи эти кудесники ритма—художники, или же они—мудрецы и наставники. Ницше, разочаровавшійся въ Вагнерѣ и Шопенгауерѣ, отвѣтилъ на это презрительнымъ замѣчаніемъ, что художникъ владѣетъ только средствами выраженія и заимствуетъ мысли «у насъ, знающихъ», т. е. у философовъ. На самомъ дѣлѣ, однако, художникъ въ сферѣ отвлеченнаго мышленія можетъ, такъ сказать, превзойти самого себя. Не имѣемъ ли мы здѣсь дѣло съ безсознательной, по Фихте, проникновенностью генія-художника, заставлявшей Шопенгауера приписывать ему чистое познаніе, а Гегеля—ставить поэта чуть-ли не выше философа? Теорія *суггестивизма* какъ будто бросаетъ лучъ свѣта на эту загадку, заданную впервые Шеллингомъ и позже столько разъ повторенную очень часто даже ради простой реторики. Можетъ быть эту таинственную познавательную способность генія лучше всего опредѣлилъ Кантъ, когда охарактеризовалъ эстетическую идею какъ «такое представленіе воображенія, которое даетъ поводъ много думать, хотя никакое понятіе не можетъ быть ему вполнѣ адекватнымъ, и, слѣдовательно, никакой языкъ не въ состояніи его выразить во всей полнотѣ и совершенно ясно». Художникъ, мысля смутно или, вѣрнѣе, полубезсознательно предчувствуя, куда ведетъ его извѣстная мысль, хотя бы онъ либо не хотѣлъ, либо не могъ прослѣдить ее до конца, именно путемъ особенныхъ способовъ художественнаго внушенія и суггестивизма какъ бы пускаетъ ее въ оборотъ. Современный символизмъ даетъ ему въ руки сильное оружіе, вмѣстѣ съ ритмомъ способное возбудить наши эмоціональныя силы настолько, что и мы какъ бы превзойдемъ себя.—Разсмотрѣніе эмоціональнаго значенія искусства помогло намъ отвѣтить на вопросъ о томъ, что такое «мышленіе образомъ» и «познаніе въ образѣ», о которыхъ говоритъ идеалистическая Э. начала XX-го вѣка. Образъ или художественная видимость оказались имѣющими идейно-эмоціональное значеніе. Это и есть та «resplendentia formae», о которой говорилъ еще Ѳома Аквинскій и которую художественно осуществилъ Данте. Теперь мы естественно пришли какъ бы къ синтезу идеалистической и формальной точекъ зрѣнія. Этотъ долго не дававшійся нашей наукѣ синтезъ и есть ея главнѣйшее современное пріобрѣтеніе. Первымъ его праздновалъ Ницше въ своей книгѣ о происхожденіи трагедіи. Слѣдуетъ замѣтить еще, что интенсивное созерцаніе возможно либо при *сильномъ возбужденіи*, либо при *напряженномъ спокойствіи*. Рядомъ съ трагическимъ и комическимъ существуетъ еще особое напряженное состояніе покоя, именно этимъ покоемъ способствующее извѣстному эмоціональному волненію. Такую психическую дѣятельность мы называемъ обыкновенно *чистымъ созерцаніемъ красоты*.

X. *Художественное творчество*. Стоя, какъ это теперь считается необходимымъ, на психологической точкѣ зрѣнія, мы должны были бы опредѣлить то неуловимое душевное состояніе, которое зовется *вдохновеніемъ*. Для этого намъ пришлось бы разсмотрѣть порознь отношеніе художника къ различнымъ искусствамъ; а это въ свою очередь привело бы насъ къ вопросу о *системѣ искусствъ*, т. е. о томъ, чѣмъ представляется современное художественное творчество, взятое въ цѣломъ. Слабую попытку рѣшенія первой задачи мы находимъ въ Э. Гартманна, а второй—въ сочиненіи Авта. Но ни то, ни другое въ сущности еще неосуществимо; можно только указать на главнѣйшіе этапы, черезъ которые прошло художественное творчество въ своемъ эволюціонномъ развитіи. Первобытное искусство распадается на два большіе отдѣла: съ одной стороны пѣсня-пляска—зародышъ музыки, поэзіи, танцевъ и мимики; съ другой стороны татуировка и прочее убранство своего тѣла, своего жилища и предметовъ употребленія—зародышъ архитектуры, зодчества и живописи. Еще недавно первый отдѣлъ искусствъ толковался какъ искомая *игра*, основаніе художества, а второй представлялся лишь отвѣчающимъ потребности къ *украшенію*, поддерживаемой стремленіемъ къ

знакамъ отличія общественнаго или полового характера. Цѣлый рядъ послѣдующихъ работъ въ этой области—Гроссе, Стольпе, Рида, Грооса, Бюхера, Хирна, а также автора настоящей статьи (о весеннихъ пѣсняхъ европейскихъ народовъ),—показалъ воочію, что игры тутъ почти не доискаться. Социологи высказывали не разъ удивленіе, какимъ образомъ игра можетъ быть основою искусства, безъ того чтобы народы, съ увлеченіемъ отдающіеся художествамъ, не стали страдать несогласуемой съ борьбой за существованіе разслабленностью и такимъ образомъ не исчезли вмѣстѣ со своимъ искусствомъ. Принимая это возраженіе, Гроссе указалъ на *соціальное* значеніе искусства-игры, какъ источника солидарности между членами общины или племени. Это какъ бы первая брешь въ теорію игры; за нею послѣдовали и другія. Гроосъ, когда-то болѣе другихъ увлеченный теоріей игры, показалъ, что самыя игры—*упражненіе*, а вовсе не разряженіе свободныхъ силъ. Если пѣсня-пляска воспроизводитъ работу, охоту, рыбную ловлю, войну или любовныя исканія, то она этимъ скорѣе *пріучаетъ*, чѣмъ *подражаетъ*. Еще гораздо дальше пошелъ Бюхнеръ, показавъ, что пѣсня-пляска выработалась изъ работы, была *рабочей* пѣсней и у работы заимствовала даже свой *ритмъ*. Столь же непосредственно возникшей, какъ и рабочая пѣсня, оказалась и *пѣсня-заклинаніе*, т. е. магическая пѣсня, напр. шаманская при исцѣленіи болѣзней или обрядовая передъ началомъ охоты, войны, рыбной ловли, сельскохозяйственныхъ работъ. Первобытная пѣсня-пляска есть, такимъ образомъ, необходимый, инстинктивно найденный способъ *ритмическаго возбужденія* и *заклинанія*, т. е. воздѣйствія какъ на человѣка, такъ и на самую природу. По словамъ Ницше, «ничего болѣе полезнаго, чѣмъ ритмъ, не могло быть для первобытнаго человѣка», потому что «безъ ритма человѣкъ былъ ничто, а съ ритмомъ онъ становился почти богомъ». Такое пониманіе первобытной музыки и поэзіи подтверждаютъ и работы Стольпе и Рида, показавшія, что *магическое* значеніе имѣютъ и первобытныя украшенія, также стремящіяся увеличить силы и уберечь отъ опасностей. Вестермаркъ показалъ въ своей «Исторіи брака», что одежда первоначально имѣла въ виду не что иное, какъ *возбужденіе* любовной страсти. Что воинское убранство преслѣдуетъ цѣли возбужденія страха въ однихъ, ярости и отваги у другихъ—это бросается въ глаза при посѣщеніи любого этнографическаго музея. Ирьо Хирнъ, прекрасно сгруппировавшій подобные факты, говоритъ, что основная дилемма при изученіи эволюціи искусства сводится теперь къ тому, что на первыхъ ступеняхъ своего развитія художественное творчество отвѣчаетъ исключительно жизненнымъ цѣлямъ, т. е. вполнѣ цѣлесообразно съ точки зрѣнія первобытнаго міровоззрѣнія, а позднѣе оно становится какою-то особой цѣлью въ себѣ или безцѣльной цѣлесообразностью. Эта дилемма не можетъ быть разрѣшена умозрительно; на нее надо смотрѣть, какъ на законъ эволюціи художественной дѣятельности человѣка, соотвѣтствующій афоризму Спенсера, что полезное переходитъ въ красивое или, какъ скажемъ мы, полезное, утрачивая свою цѣлесообразность, пріобрѣтаетъ новую особую цѣлесообразность безъ цѣли, т. е. эстетическую цѣнность. Черезъ нѣчто подобное несомнѣнно прошло искусство. Вначалѣ оно—homo additus naturae въ самомъ широкомъ смыслѣ, т. е. распространеніе человѣческаго *я* на *не-я* ради удовлетворенія опредѣленныхъ потребностей. Первобытнаго художественнаго искусства, поэтому, нельзя отдѣлить отъ искусства вообще. Какъ мѣтко выразился недавно проф. Мечниковъ, оно *создаетъ новыя формы*. Позже эти новыя формы, болѣе ненужныя, тѣмъ не менѣе продолжаютъ существовать, воспитывая въ человѣкѣ особую, совершенно новую потребность—*наслажденіе видимостью и расширеніе сознанія при помощи эмоціонально-интеллектуальнаго возбужденія*. Когда же и при какихъ условіяхъ происходитъ этотъ перебой въ искусствѣ? Въ своей книгѣ о весеннихъ пѣсняхъ авторъ настоящей статьи старался показать, что это совершается на почвѣ *праздниковъ*. Въ праздничномъ обиходѣ, какъ въ фокусѣ, сосредоточивается цѣликомъ все первобытное искусство. Тутъ мѣсто и пѣснѣ-пляскѣ, и убранству, тутъ кромѣ пѣсни-заклинанія такимъ же сакральнымъ дѣйствомъ становятся всѣ остальныя формы поэтическаго творчества; всѣ онѣ *воспроизводятъ*, подражаютъ, совершаютъ не самое дѣйствіе, а лишь его подобіе. Военная, любовная, рабочая, охотничья или иная пѣсня-пляска—все это становится уже не дѣйствіемъ, а дѣйствомъ. Съ этимъ первымъ переходомъ изъ дѣйствія въ дѣйство сопряженъ цѣлый рядъ въ высшей степени важныхъ моментовъ. Прежде всего въ праздничномъ экстазѣ впервые возникаетъ *художественная видимость*. На празднествѣ происходитъ дифференціація между исполнителями и публикой (напр. въ древней Греціи отдѣленіе хора отъ зрителей самымъ устройствомъ театра); зритель пріобщается къ эмоціональному возбужденію лишь черезъ посредство изображаемаго и это изображаемое требуетъ развитія и распространенія. Зрителю надо объяснить, воспроизвести, разсказать (напр. на праздникѣ въ Ронсевальскомъ монастырѣ—подвиги Роланда, людямъ, шедшимъ поклониться Іакову Компостельскому). Лирико-эпическій замыселъ становится чисто эпическимъ. Развитіе художественной видимости объясняется и культомъ *праздниковъ*; первобытный человѣкъ вообще менѣе занятъ и празднуетъ ежедневно, какъ это часто отмѣчаютъ путешественники. Художественное творчество стремится всецѣло захватить вниманіе. Чѣмъ болѣе превращается празднество изъ обрядоваго акта, непосредственно отвѣчающаго жизненнымъ потребностямъ, въ ритуалъ культа, только по традиціи сохраняющій обрядовое дѣйство, тѣмъ болѣе усиливается значеніе именно видимости, именно воспроизведенія. На почвѣ празднества совершается и другой существенно важный моментъ: *выдѣленіе художника, актера, пѣвца, поэта*. Оно слѣдуетъ непосредственно за дифференціацией зрителей и хора, а можетъ быть

даже и предшествуетъ ей. Происходитъ подборъ наиболѣе способныхъ. На это указываютъ тѣ призы за художественное творчество, о которыхъ мы слышимъ и на Олимпійскихъ играхъ, и на состязаніяхъ тенцонами между средневѣковыми поэтами. Появленіе художника, актера-поэта, есть послѣдній этапъ выдѣленія видимости и созданія особой художественной потребности. Для праздничнаго человѣка художественная выразительность становится уже единственной цѣлью жизни. Какъ средневѣковые поэты, онъ живетъ отъ праздника до праздника и къ нему готовитъ новыя произведенія, ищущія болѣе сильнаго выраженія видимости. Пока искусство развивается на почвѣ праздниковъ, оно находится еще въ тѣсномъ *взаимодѣйствіи съ религіей* и такимъ образомъ не составляетъ цѣли въ себѣ. Только отдѣлившись отъ религіи, оно становится самодовлѣющимъ. Разрывъ искусства съ религіей сопряженъ, однако, съ тяжкимъ кризисомъ его. Въ этомъ отношеніи книга Толстого: «Что такое искусство» отправляется отъ совершенно правильной постановки вопроса. Оторвавшись отъ религіознаго сознанія, художественная дѣятельность долго и тревожно мятется, пока не обрѣтаетъ вновь того утраченнаго ею смысла, который дѣлалъ ее родственнымъ религіи. Смыслъ этотъ коренится въ эмоціонально-идеалистическомъ значеніи воспріятія и созданія видимости. Кризисъ оторванности отъ религіи искусство переживаетъ опять-таки на почвѣ того же культа праздниковъ. Религіозное сознаніе обыкновенно переростаетъ свой древній ритуалъ, не соотвѣтствующій болѣе его содержанію. Празднества спускаются на уровень *переживанія* и смыслъ ихъ почти вовсе забывается. Еще рѣзче совершается это самозабвеніе прадзнества, когда новыя формы религіознаго сознанія не возникаютъ органически изъ старыхъ, а приходятъ со стороны, путемъ распространенія чужеземнаго ученія. Тогда—какъ это случилось въ первые вѣка христіанства, а черезъ 1500 лѣтъ и въ пуританскій періодъ англійской исторіи,—старыя празднества подвергаются гоненіямъ; искусство должно найти себѣ новое осмысленіе, либо совсѣмъ самостоятельно, либо въ связи съ новыми вѣрованіями. Дифференціація искусства и религіи можетъ быть впервые имѣла мѣсто въ древней Греціи, когда Аристотель объяснилъ значеніе трагедіи помимо ея отношенія къ культу Діониса, а Платонъ изгонялъ ее изъ своей республики, основанной на восточномъ идеализмѣ, а не на олимпійскихъ вѣрованіяхъ. Средневѣковое искусство уже не имѣло ничего общаго съ религіей; поэтъ уже сталъ *скоморохомъ*, истинно праздничнымъ человѣкомъ, не только ненужнымъ—кромѣ тѣхъ случаевъ, когда церковь вздумаетъ имъ воспользоваться,—но и прямо вреднымъ. Тутъ особенно настоятельно праздничному человѣку надо было осмыслить самого себя. Надо было осмыслить искусство и свѣтскому люду, влюбленному въ зрѣлища. Искусство и тутъ не стало игрою; художникъ смутно чувствовалъ, что, если его дѣло превратится въ игру, ему нѣтъ уваженія въ настоящемъ и развитія въ будущемъ. Не безцѣльнымъ должно было остаться искусство, а пріобрѣсти утраченную цѣлесообразность. Игра также выдѣлилась изъ забытаго ритуала и переживала, идя прямо къ исчезновенію, какъ, напр., какія-нибудь похороны Костромы, когда-то полныя смысла, а теперь ставшія дѣтской забавой. Искусство не осталось также однимъ только наслажденіемъ видимостью, упоеніемъ выхода изъ жизни въ золотой міръ красоты. Эта безцѣльная цѣлесообразность не спасла бы искусства. Даже искусство-утѣшеніе, искусство, приводящее въ сильнѣйшее эмоціональное возбужденіе и тѣмъ самымъ дающее, какъ реакцію, душевное спокойствіе, не могло бы расти и крѣпнуть, захватывая все шире и глубже. Такое утѣшеніе даетъ народная пѣсня, а развѣ не вымерла она почти безслѣдно на Западѣ, не вымираетъ быстро у насъ? Какое значеніе имѣетъ для искусства стремленіе художниковъ какъ-нибудь вновь приблизиться къ завѣтному божественному своему назначенію—это видно на судьбѣ средневѣковой лирической поэзіи. Пока она признавала себя лишь «веселой наукой», она вырождалась въ нѣмецкомъ мейстерзангѣ и въ тулузскихъ «jeux floraux»; поскольку она создала идеалъ куртуазіи и любви, она была предтечей Петрарки и Данте. Позже, въ Возрожденіе и въ классическую пору, поэты также продолжаютъ стремиться къ самосознанію, отвѣчая «Защитами поэзіи» на нападки то католичества, то пуританства, но долго не идутъ дальше Горацієвскаго *соединенія пріятнаго съ полезнымъ*. Вновь подходитъ къ Дантовскому пониманію развѣ одинъ Мильтонъ, и своимъ «Потеряннымъ Раемъ», и своей «Ареопагитикой». Эта борьба искусства за свое самоопредѣленіе, за истинное пониманіе выражается и трагически въ судьбѣ Тассо, Камоэнса, Роберта Грина, молодого Шиллера. Художникамъ не сразу, а только упорной и трудной работой поэтическаго проникновенія удается провести въ жизнь созданную ихъ смутнымъ предвидѣніемъ свою собственную цѣлесообразность безъ цѣли. Эстетическое воспитаніе человѣчества стоило множества усилій и не можетъ считаться достигнутымъ и до сихъ поръ. Вполнѣ оно, конечно, и не закончится никогда, пока будутъ нарождаться геніи-создатели новыхъ «эстетическихъ идей». Гюйо совершенно справедливо назвалъ генія создателемъ общественной среды. Ничего не можетъ быть неправильнѣе, какъ считать его лишь ея выразителемъ. Выражаетъ среду лишь упадочный художникъ, бьющій на вкусъ публики, доставляющій ей удовольствіе и въ этомъ ненастоящемъ искусствѣ видящій свое назначеніе. Истинный геній всегда творитъ новую эстетическую цѣнность, новое возбужденіе смутнаго мышленія. Шекспиръ, конечно, зналъ, что тѣ 'prentices, которые будутъ шумѣть въ партерѣ, и та разодѣтая знать, которая развалится на сценѣ, будутъ только хохотать надъ сценами безумія Гамлета; но это не мѣшало ему углублять своего любимаго героя, работать не для людей своего времени. Вдохновеніе истиннаго генія есть всегда

прозрѣніе, чистое познаніе. Такой же кризисъ пережили, а въ значительной степени переживаютъ еще и до сихъ поръ архитектура, живопись и скульптура. Если не принимать въ соображеніе движенія иконоборства, лишь временнаго и скоро пережитаго, трепетное исканіе самосознанія началось въ этой сферѣ искусства лишь значительно позднѣе. Христіанство повело къ уничтоженію многихъ памятниковъ стараго языческаго мастерства, къ гибели многихъ храмовъ и множества созданій скульптуры; тѣмъ не менѣе оно не только не внесло разложенія въ жизнь художества, но очень рано вдохнуло въ него новую жизнь. Новая вѣра потребовала новаго искусства. Съ IV в. по Р. Хр., когда возникла Святая Софія, начинается одно изъ самыхъ блестящихъ тысячелѣтій архитектуры, идущее до построенія храма святого Петра въ Римѣ. Символическая живопись и символическое зодчество развиваются съ новой силой, первая на Востокѣ, второе на Западѣ, украшая и храмы, и частные дома. Когда на рубежѣ Возрожденія художники вновь заглядываются на созданія греческаго зодчества и идутъ на выучку къ его неизвѣстнымъ и долго остававшимся забытыми творцамъ, искусство, въ своемъ новомъ экстатическомъ увлеченіи, становится еще совершеннѣе. Въ Донателло, Джіотто и Фра-Анжелико, Перуджино, Фра Филиппо Липпи и Боттичелли оно достигаетъ того же проникновеннаго самосознанія, какое празднуетъ поэзія въ лицѣ Данте. Послѣ того какъ Гёте заставилъ понять прелесть и совершенство готики, Вакенродеръ и Тикъ останавливаются въ восторженномъ преклоненіи передъ Альбрехтомъ Дюреромъ и Лукой Кранахомъ, а старыхъ мастеровъ Италіи еще полнѣе оцѣняютъ и краснорѣчивѣе прославляютъ Рёскинъ и члены пре-рафаэлитскаго братства. Съ другой стороны, уже въ эпоху Возрожденія начинается утрата цѣлостнаго самосознанія и долгія, часто неумѣлыя исканія новаго смысла искусства. Они проявляются то въ раздумьѣ художника-ученаго Леонардо да-Винчи, то въ увлеченномъ мощностью формъ Микеланжело, то въ законченности Рафаэля, то въ восторгѣ красокъ у венеціанцевъ, то въ своеобразномъ реализмѣ фламандцевъ, то въ вдумчивости Рембрандта, то въ импрессіонизмѣ Веласкеса и Риберы. Рисунокъ и краска съ одной стороны, содержаніе, понимаемое уже чуть-ли не какъ басня у какого-нибудь Грёза—съ другой: вотъ какъ представляется дилемма цѣлесообразности и безцѣльности въ живописи. Въ XIX в. широкая публика склонна смотрѣть на живопись и на скульптуру именно какъ на способъ выраженія извѣстнаго содержанія, занимательнаго и интереснаго; художники, напротивъ, воспитываютъ публику въ оцѣнкѣ создаваемыхъ ими формъ видимости. Осуществляя синтезъ цѣлесообразности и безцѣльности, они стремятся для самихъ себя осмыслить прежде всего свои средства, т. е. краски и рисунокъ. Какъ реалисты, все болѣе отдаляясь отъ ученія Давида и Энгра о законченности рисунка и продолжая дѣло Делакруа, они всѣ силы свои сосредоточиваютъ на освѣщеніи и краскахъ, почерпаемыхъ ихъ воображеніемъ въ природѣ. Самосознаніе безцѣльной цѣлесообразности художественной видимости проявляется въ принципахъ: «пейзажъ —это состояніе души» и «сущность художества въ настроеніи», сопутствующихъ образованію эмоціональной Э. Что въ концѣ истекшаго вѣка роковой кризисъ утратившаго свой завѣтный смыслъ искусства оказывается пережитымъ и новый смыслъ довольно ясно сознается самими художниками — это выразилось особенно характерно въ томъ неожиданномъ направленіи, какое приняло зодчество въ Роденѣ и молодомъ Бегасѣ. Среди указанныхъ перипетій художественнаго творчества въ немъ произошелъ и происходитъ еще одинъ важный процессъ, послѣдствія и эволюціонный смыслъ котораго еще не поддаются опредѣленію. Процессъ этотъ — дифференціація и интеграція искусствъ — долженъ вызвать ихъ совершенно новую классификацію. При возникновеніи нашей науки передъ ней стояли уже вполнѣ самостоятельныя искусства: читаемая поэзія, живопись на полотнѣ, а не фрески, связанныя съ строеніемъ, инструментальная музыка и пѣніе, даже въ оперѣ независимое отъ текста, чистое, не принимающее красокъ зодчество, архитектура, не заботящаяся вовсе объ убранствѣ, танцы, считающіе для себя унизительной мимику, цѣликомъ отданную спеціальному и только комическому миму. При характеристикѣ художественнаго воспріятія со времени Лессинговскаго «Лаокоона», ополчившагося на «ut pictura poesis» Горація, обращалось вниманіе на средства выраженія, соотвѣтствующія каждому искусству порознь. Еще недавно Гроосъ и Фолькельтъ отозвались отрицательно о раскрашиваніи статуй, хотя и античная, и средневѣковая (деревянная) скульптура не обходились безъ красокъ. Этому вторятъ какъ будто и все усиливающіяся требованія техники, дѣлающія спеціализацію художниковъ повидимому неизбѣжной. Однако, уже Новалису мерещилась хорошо знакомая артисту-монаху золотой поры византійскаго искусства и понятная только первобытному художнику прелесть сочетанія искусствъ. Во второй половинѣ XIX в. мы совершенно неожиданно видимъ вновь появленіе поэта-музыканта, въ лицѣ Вагнера, и присутствуемъ въ театрѣ при замѣнѣ условной бутафоріи истиннымъ художествомъ въ декораціяхъ и въ убранствѣ; работая вмѣстѣ, В. Моррисъ и Бёрнъ Джонсъ сочетаютъ, чего не было уже столько вѣковъ, декоративность и живопись. Моррисъ смотритъ на живопись и скульптуру, какъ архитекторъ; живопись для него—не самостоятельный способъ воспроизведенія, а лишь особая отдѣлка, при чемъ, напр., на крашенныхъ стеклахъ и криска, и рисунокъ должны зависѣть не только отъ матеріала и формы вмѣщающей рисунокъ, но и еще отъ практическаго *назначенія* украшаемаго предмета (окна, двери) и самаго зданія. Вновь возникаетъ интересъ къ *низшимъ* прикладнымъ искусствамъ (lesser arts). Сочетанія музыки и поэзіи, краски и чистой формы, поэзіи и живописи — все это

еще не измѣняетъ установленнаго осмысленія эстетической цѣлесообразности безъ цѣли; но затѣмъ искусство вновь становится украшеніемъ жилища и предметовъ употребленія. Моррисъ начинаетъ задумываться и объ эстетизмѣ носильнаго платья, и даже о возрожденіи поваренного искусства, чтобы и его изъ ремесла превратить въ своего рода художественное творчество. Вызывая изъ забвенія Э. каждодневности, ежечасную праздничность, основанную на убранствѣ, Моррисъ мечталъ и *о праздничности самого труда*, свойственной отдаленнымъ и, казалось, на вѣки исчезнувшимъ временамъ. Когда-нибудь обладатель орудій производства долженъ вновь захотѣть взяться за тотъ трудъ, къ которому онъ теперь принуждаетъ тѣхъ, кто не обладаетъ ничѣмъ кромѣ своихъ рукъ. Рядомъ съ нимъ въ томъ же восхищеніи долженъ начать работать, увлеченный эстетикой работы, и теперешній подневольный рабочій. Такъ сочетался у Морриса фурьеризмъ съ художественными исканіями. Спорнымъ остается вопросъ, возможно ли такое благодѣтельное вторженіе художества въ давнюю распрю производства и обладанія?—Рядомъ съ *вдохновеніемъ*—психическимъ основаніемъ художества,—существуетъ инстинктичное *побужденіе къ творчеству* (Kunsttrieb, art-impulse). Сила его непреоборима. Путешественники замѣтили, что первобытный человѣкъ, совершенно неспособный къ работѣ по принужденію даже когда она составляетъ его благо, до изнеможенія готовъ трудиться, когда это праздничный трудъ художества. Психологически это совершенно то же явленіе, какъ и усидчивость современнаго художника, очень часто не имѣющая ничего общаго съ достиженіемъ какого-либо блага. Художникъ творитъ несомнѣнно прежде всего для себя; чѣмъ дальше моментъ выдѣленія поэта-художника-актера отъ народнаго пѣвца-артиста, тѣмъ болѣе *индивидуализируется* художникъ. Что его работа доставляетъ ему самому одно изъ высшихъ наслажденій, какое знаетъ человѣчество—это теперь установленная истина. Это наслажденіе—не простое удовольствіе напряженія здоровыхъ силъ; вѣдь напряженіе художника можетъ быть сопряжено съ болѣзненными явленіями, помимо простого переутомленія. Наслажденіе можетъ быть сопряжено и съ страданіемъ. На этомъ положеніи построена переоцѣнка жизненныхъ цѣнностей, покончившая съ гедонизмомъ и утилитаризмомъ. Если *основной цѣнностью* мы признаемъ, вмѣстѣ съ Гюйо и Ницше, этими союзниками-антиподами, самую *жизнь*, воздавая этимъ честь и Чернышевскому, мы, кажется, получимъ разгадку. Искусство есть высшее возбужденіе жизненной энергіи; эстетическое воспріятіе есть высшее возбужденіе духовныхъ силъ, при напряженномъ волненіи или напряженномъ спокойствіи. Психологія его не можетъ быть тождественной съ психологіей творчества. Не даетъ ли это намъ право формулировать сущность художественнаго творчества въ слѣдующихъ выраженіяхъ: *художественное творчество есть дѣятельность, вызываемая присущей теперь лишь немногимъ, но нѣкогда болѣе распространенной, инстинктивной потребностью выразить возникшую при сильнѣйшемъ умственно-эмоціональномъ возбужденіи внутреннюю видимость, съ тѣмъ, чтобы она въ свою очередь произвела то же или сходное впечатлѣніе и на другихъ людей*. При этомъ находящійся въ состояніи творчества человѣкъ такъ же, какъ и воспринимающій его созданіе, испытываетъ сильнѣйшее *наслажденіе* отъ этого возбужденія или, что то же, *расширеніе своихъ духовныхъ силъ и способностей*. Это наслажденіе и есть искомая *цѣлесообразность безъ цѣли*, примиряющая съ жизненной страдой и способствующая лучшему развитію жизни въ будущемъ.

Литература. Gayley и Scot, «A Guide to the Literature of Aesthetics» (1891); R. Zimmermann, «Geschichte der Aesth.» (B., 1858); Schasler, «Kritische Geschichte der Aesth.» (1872); W. Knight, «The Philosophy of the Beautiful» (Л., 1891); B. Bosanquet, «A History of Aesth.» (Л., 1892); E. v. Hartmann, «Die deutsche Aesth. seit Kant.» (Лпц.). Остальныя сочиненія указаны сообразно отдѣламъ очерка. Переведенныя по-русски въ подлинникахъ не указаны. I. О первоб. иск. см. въ отд. X. Платонъ, «Сочин.» (перев. проф. Карпова, СПб., 1863); Аристотель, «Объ искусствѣ поэзіи» (пер. Аппельрода, М., 1893); E. Müller, «Gesch. der Theorie d. Kunst bei den Alten» (1834); A. Ruge, «Die Platonische Aesth.» (1832); Bernays, «Zwei Abhandlungen über die Aristotelische Theorie des Dramas« (1857 и 1880); Berger, въ «A.'s Pœtik uebers. v. Gomperz» (Лпц., 1897); A. Biese, «Die Entwickelung des Naturgefühls bei den Griechen und Römern» (Киль, 1882—84); Longinus (англ. перев., съ предислов. Ланга, Лонд., 1890). II. Abbé P. Vallet, «L'Idée du Beau dans la philosophie de St. Thomas d'Aquin» (П., 1883); Paten, «Renaissance, Studies in Art a. Poetry» (Л., 1877; см. также «I trecentesti», серія изд. во Флоренціи, 1890). О Рёскинѣ и Моррисѣ см. отд. X. Leon Battista Alberti, «De pictura», «De re eedificatoria» и Leonardo da Vinci, «Trattato della Pittura», оба въ «Quellenschriften», изд. Edelburg (B., 1877, т. XI); Philip Sidney, «Defense of Poesy» (въ «Cassel's Libr.»); Ѳ. Д. Батюшковъ, «Гомеровскій вопросъ» («Сборникъ въ честь И. Помяловскаго», СПб.); Wölflin, «Renaissance und Barock» (1888); Кранцъ, «Эстетика Декарта» (СПб., 1903, фр. изд., 1882). III. H. v. Stein, «Die Entstehung der neueren Aesth.» (1886); Lotze, «Geschichte der Aesth. in Deutschland» (1868); Baumgarten, «Aesthetica» (Франкфуртъ на Одерѣ, 1750 — 1758); Eberhard, «Theorie der sch. Wissenschaft» (1786); его же, «Handbuch der Aesth.» (1803 — 1805); Sulzer, «Theorie der sch. Künste» (1771); Mendelssohn, «Sämmtl. Werke» (I); H. Home, «Elements of criticism» (1762); E. Burke, «Essay on the sublime a. beautiful» (1756, нов. изд., Л., 1889); Hume, «Of the standart of taste» («Essays», 1757); Shaftesbury, «Characteristics» (5 изд., 1732); И. Кантъ, «Критика Чистаго Разума» (перев. Н. Соколова, СПб., 1898); Шиллеръ, «Соч.», изд. подъ ред. С. Венгерова; тамъ же предисловіе Э. Рад-

лова (СПб., 1901); Cohen, «Kant's Begründung der Aesth.» (Марбургъ, 1889); Basch, «L'esthétique de Kant» (П., 1899); его же, «L'esthétique de Schiller» (П., 1901); Zimmermann, «Versuch einer Schillerschen Aesth.» (1889); Bode, «Göthe's Aesth.» (1900); сюда относится послѣдователь Шиллера W. v. Humboldt, «Aesth. Versuche» («Sämmtl. W.», IV). IV. Herbart, «Lehrbuch zur Einleitung in die Philosophie» (1813 и слѣд.); Oersted, «Naturlehre des Schönen» (пер. съ датскаго, Гамбургъ, 1852); Zeising, «Neue Proportionslehre des menschl. Körpers» (1852); его же, «Aesthetische Forschungen» (1855); Zimmermann, «Allgemeine Aesthetik als Formwissenschaft» (1865); Köstlin, «Aesthetik» (1869); Siebeck, «Das Wesen der ästh. Anschauung» (1875); Lazarus, «Das Leben der Seele» (3 изд., 1883); Lotze, «Microcosmus» (1876); Fechner, «Vorschule der Aesthet.» (1876); Helmholtz, «Die Lehre von der Tonempfindungen» (1863); Вундтъ, «Психологія»; Stumpf, «Tonpsychologie» (2 т., 1890); Гербертъ Спенсеръ, «Основаніе психологіи» и особенно «Научные, политическіе и философскіе опыты» (СПб., 1866); James Sully, «Sensations a. Intuition» (1874; см. также его статью «Aesthetics» въ «Encycl. Brit.»); Grant Allen, «Physiological Aesth.» (1877); его же, «The Colour sense» (1879); Henry R. Marschal, «Pain, Pleasure a. Aesth.» (1894); его же, «Aesth. Principles» (1895); сюда же относится цѣлый рядъ самостоятельныхъ русскихъ изслѣдованій: Ю. Ф. В., «Золотое дѣленіе» (М., 1876); Оболенскій, «Физіологическое объясненіе нѣкоторыхъ элементовъ красоты» (СПб., 1878); Вилямовичъ, «Психо-физіологическія основанія эстетики» (СПб., 1879); А. Смирновъ, «Эстетика, какъ наука о прекрасномъ въ природѣ и искусствѣ» (Казань, 1894—1900); Саккетти, «Изъ области эстетики и музыки» (СПб., 1896); его же, «Задачи эстетики» («Вѣстникъ Европы», 1894, февраль); Сыркинъ, «Пластическія искусства» (СПб., 1900). V и VI. Тэнъ, «Чтенія объ искусствѣ» (пер. Н. Чудинова, 4-е изд., СПб., 1896); Zola, «Le roman expérimental» (1822) и о его худ. теоріи Е. Аничковъ, «Э. Зола» («Міръ Божій», 1903); Flaubert, «Correspondence»; Чернышевскій, «Эстетическія отношенія искусства къ дѣйствительности» (СПб., 1856, «Эстетика и поэзія», 1895); Гюйо, «Задачи современной Э. и искусство съ соціологической точки зрѣнія» (изъ «Знанія», 1900—1901); Гроосъ, «Введеніе въ Э.» (Кіевъ-Харьковъ, 1899); его же, «Der æsth. Genuss» (Гиссенъ, 1902); Lipps, «Aesth. Einfühlung» («Ztschr. f. Psych u. Phys. d. Sinnesorg.», XXII). VII. Фолькельтъ, «Э. трагизма» (1897; пер. съ нѣм. въ «Педагогическомъ Сборн.», 1899); Бергсонъ, «Смѣхъ въ жизни и на сценѣ» (пер. съ французскаго, СПб., 1900); Е. Аничковъ, «Э. трагизма» («Научное Обозрѣніе», 1902, декабрь); Jean-Paul Richter, «Vorschule der Aesth.» (1803); Hecker, «Die Phys. und Psych. des Lachens und Komischen» (Б., 1873); Bahnsen, «Das Tragische als Weltgesetz und das Komische als aesth. Gestalt des Metaphysischen» (Лауенбургъ, 1877); Lazarus, «Das Leben der Seele» (см.

отд. IV); Michaels, «Le monde du comiqu
du rire» (1886); Duboc, «Die Tragik
Standp. des Optimismus» (1886); K. Fis
«Ueber den Witz» (1888); Müller, «Das
sen des Humors» (1896); Backhaus,
Wesen des Humors» (1894); Heinzel,
schreib. des geistl. Schauspiels im d. M
alter»; Lipps, «Der Streit über die Trag
u. Komik und Humor» («Beiträge z. Aes
Гамбургъ, 1896—1898); Ziegler, «Zur M
physik des Tragischen» (1902); Шерер
отд. X; Robert Vischer, «Ueber das opti
Forgmefühl» (1873). VIII. Schelling, «We
(III, V и VII томы); Шопенгауеръ, «
какъ воля и представленіе» (пер. Айхен
да, М., 1900—01); Гегель «Курсъ Э. или
уки изящнаго» (изд. 2, 1869, пер. съ нѣм.)
отн. идеал. Э. и романтизма см. Гаймъ,
мантическая школа»; Solger, «Erwin,
Gespräche über das Schöne» (Б., 1815)
же, «Vorlesungen über Aesth.» (Лпц., 1
Krause, «Abriss der Aesth.» (1837); его
«Vorlesungen über Aesth.» (1882); Weisse,
tem der Aesth. als Wissenschaft von der
des Schönen» (1830 и 1872); Лотце, см.
IV; Tarnhoff, «Aesth.» (Берл., 1827); Schl
macher, «Vorlesungen über Aesth.» (1
Th. Vischer, «Aesth. oder Wissenschaft
Schönen» (1846 — 1851); его же, «Ae
(1882); Rosenkranz, «Aesth. des Hässlic
(1853); Каррьеръ, «Искусство въ связ
культурно-историческимъ развитіемъ» (
нѣм. изд., 1859, 4-ое, 1885; рус. пер., Мо
1890—1895); V. Cousin, «Le beau, le vra
le bien» (1820 и слѣд.); Фолькельтъ, «Со
менные вопросы Э.» (СПб., 1899; остал
соч. того же автора см. русское пред.); о
гельянской критикѣ, преимущественно I
спировской, см. у Н. Стороженки, «Статьи
слѣд.» (М., 1902). IX. Jouffroy, «Cours d'Es
(1875); Véron, «L'esth.» (1878); Sully P
homme, «De l'expression dans les beaux a
(1889); Гюйо и Гроосъ см. отд. V и VI; Ли
см. отд. VII и его же, «Raumæsth. und
metrisch-optische Täuschungen» (1897, «Sc
ten der Ges. f. ps. Vorsch.», II); H. Berg
«Essai sur les données immédiates de la
science» (1889); Souriau, «La suggestion
l'art» (1893); Рибо, «Психологія чувст
Ницше, «Происхожденіе трагедіи» (2-е
1903); «Веселая наука» (рус. пер., Мос
1901); Ziesing, «Die Aesth. k Nietzsc
(1902); Левъ Толстой, «Что такое искусс
(Москва, 1899; см. рец. Ѳ. Батюшк
въ «Вопросахъ Философіи и Психологіи
Н. Михайловскаго въ «Русскомъ Богатст
X); Hartmann, «Aesth. Werke» (IV т.);
«System der Künste» (1889); Scherer, «Poe
(Б., 1888); Grosse, «Die Anfänge der Ku
(1894); Groos, «Die Spiele der Tiere» и «
Spiele des Menschen» (1899); Бюхеръ, «
бота и Ритмъ» (рус. пер. съ 1-го изд., С
1899; 2-ое нѣм. знач. расш. изд., 1899)
Аничковъ, «Весенняя обрядовая пѣсня
Западѣ и у славянъ» (СПб., 1903, изд. акд.
укъ, I ч.; II ч. печатается тамъ же); St
«Utvecklingsföreteelser i naturfolkens
mentik» (1890—1891); его же, «Ueber
Tätowirung» («Abh. des Museum zu Dresd

1899); Read, «On the origine and sacred character of certain Ornaments of the S. E. Pacific» («Journal of the Antrop. Inst.», XXI); Y. Hirn, «The origins of art» (Л., 1900); Рёскинъ, «Лекціи объ искусствѣ» (1870; пер. П. Кагана, М., 1900), его же, «Современные художники» (М., 1901); о немъ см. Milsand, «R.» (П., 1869); Сизеранъ, «Англ. эст.» (рус. пер., СПб.) и особенно «R.'s art teaching» (1892); В. Моррисъ, «Лекціи объ искусствѣ» (пер. съ пред. Е. Дегена, СПб., 1903, «Знаніе»); Е. Дегенъ, «Всенародное искусство» («Міръ Божій», 1904). *Е. Аничковъ.*

Эстляндская губернія (*Эстляндія*)—самая сѣверная изъ трехъ губерній Прибалтійскаго края, тянется полосою съ В къ З вдоль южн. берега Финскаго зал. и заканчивается архипелагомъ о-вовъ. Крайнія точки Э. губ.: на З—м. Дагерортъ (Калапинна) на о-вѣ Даго (20°2′ в. д.), на В—р. Нарова (близъ гор. Нарвы, 28°12′ в. д.), на С—скалистый м. Стенскеръ на берегу Финскаго зал. (59°49 с. ш.), на Ю—о-въ Керксаръ у Перновскаго зал. (58°19′ с. ш.). На З материковая часть Э. губ. граничитъ Балтійскимъ моремъ (297 вер.), на С—Финскимъ зал. (469), на В—р. Наровою, которою отдѣляется отъ С.-Петербргской губ. (75), на Ю—оз. Чудскимъ или Пейпусомъ и Лифляндской губ. (371 в.); болѣе $^2/_3$ пограничной линіи приходится на долю водныхъ (не считая о-вовъ) и ок. $^1/_3$—сухопутныхъ границъ. Морской берегъ въ предѣлахъ Э. губ. изрѣзанъ рядомъ заливовъ и бухтъ и богатъ полуостровами, на З и СЗ—окруженъ о-вами. Изъ *заливовъ и бухтъ* болѣе значительные: въ Балтійскомъ морѣ—Вердерская бухта, Матуальвикъ, Гапсальскій зал. (съ гор. Гапсалемъ); въ Финскомъ зал.—бухта Рогервикъ (съ г. Балтійскимъ Портомъ) глубока, помѣстительна и рѣдко замерзаетъ; Ревельская (гор. Ревель)—обширна, хорошо защищена, часто остается всю зиму свободноюото льда; Паппенвикъ (съ гав. Гарра), Монкевикъ (съ прист. Ерро), Каспервикъ, зал. Кунда (гав. Портъ-Кунда) и Нарвскій, послѣдній только западн. своей частью (до устья Наровы) принадлежитъ Э. губ. О-вовъ вдоль материковой части губ. около 80, изъ нихъ Даго (Дагденъ) въ 843,7 кв. в. (отдѣляется отъ о-ва Эзеля, Лифляндской губ., пролив. Зееландомъ, до 6 в. шир.), Вормсъ—82,4 (отъ о-ва Даго отдѣленъ пролив. Харризундомъ, до 11 в. шир.), Кассаръ—20,7, Бол. Роге—12,4, Мал. Роге—12,2, Норгенъ—11,0 кв. в., затѣмъ 5 о-вовъ площадью болѣе 2 кв. в. каждый, 5—не менѣе 1 кв. в., остальные же—менѣе 1 кв. в. каждый. *Площадь* Э. губ. заключаетъ въ себѣ 17791,7 кв. в. (20246,7 кв. км.) или 1853183 дес.; изъ нихъ 16290,5 кв. в. составляютъ материковую часть, 1032,7—о-ва и 468,5 кв. в. подъ водами причисленной къ губ. части оз. Чудскаго. *Уѣздовъ* 4: Гарріенскій или Ревельскій (5043,3 кв. в., въ томъ числѣ подъ о-вами 53,4), Вирляндскій или Везенбергскій (5629 кв. в.), Іервенскій или Вейсенштейнскій (2522,9 кв. в.) и Викскій или Гапсальскій (4128 кв. в., изъ нихъ 979,3 подъ о-вами). *Поверхность* материковой части Э. губ. представляетъ собою плоскую возвышенность, сливающуюся на Ю съ возвышенностями сосѣдней Лифляндской губ. и параллельными уступами спускающуюся на З и С къ морю, образуя вдоль берега такъ наз. «глинтъ», а къ В—къ оз. Чудскому и р. Наровѣ. Водораздѣлъ бассейновъ Финскаго зал. съ одной, Чудскаго оз. и Рижскаго зал.—съ другой стороны, проходитъ по срединѣ губ.; узелъ его находится на Пантиферской террасѣ въ приходахъ Клейнъ-Маріенъ и Симонисъ (400 фт., отдѣльные же холмы—гора Лукаваго или Эббафермягти—достигаютъ 479 фт.); отсюда на З отходитъ вѣтвь, образующая еще двѣ терассы—въ С.-Іоганнискомъ (240—300 фт.) и въ Раппельскомъ и Іерденскомъ приходахъ (240—250 фт.). Къ В Пантиферская терраса понижается и переходитъ въ низменность; на ЮВ она соединяется съ Лифляндскими возвышенностями, а на ЮЗ, въ южн. части Гапсальскаго у. уступами спускается къ морю. Сѣв.-зап. и средняя части Гапсальскаго у. низменны и болотисты. Внутренняя часть Э. губ., благодаря углубленіямъ, образованнымъ руслами рѣкъ, большею частью болотиста и покрыта лѣсами; углубленія эти окаймлены холмами, достигающими мѣстами 350 фт. (Пюхтица у мѣст. Иллукъ и у с. Руйля). Самыя высокія точки Э. губ. находятся на Ю. близъ лифляндской границы—около сел. Салль въ С.-Симонискомъ приходѣ—гора Эммомягти (Мать-гора)—544 фт. и въ томъ же приходѣ овчарня Келлаферъ—514 фт. надъ ур. м. Острова Э. губ. большею частью низменны и плоски; исключеніе составляютъ западн. часть острова Даго (до 200 фт. выс.), Вормсъ и нѣкоторые мелкіе о-ва, отчасти покрытые скалистыми холмами. *Геологическое строеніе.* Основаніе Э. губ. состоитъ сплошь изъ горизонтальныхъ известковыхъ плитъ. Этотъ известнякъ вмѣстѣ съ другими каменными слоями, находящимися подъ нимъ (рыхлый зеленоватый глиняный песчаникъ, смолистый глиняный сланецъ, унгулитскій песчаникъ, синяя глина), принадлежатъ къ силурійской формаціи. Скалистое основаніе неравномѣрно прикрыто слоемъ гранта, глины и песка, принадлежащимъ къ дилювіуму или къ ледяному періоду. Мѣстами горизонтальная поверхность плитъ выступаетъ наружу, мѣстами же грантовыя и щебняковыя массы, покрывая ихъ, образуютъ насыпи и дамбы отъ 30 до 70 фт. высотою. Эти дамбы тянутся по материковой части губ., образуя между собою болотистыя низины, среди которыхъ часто возвышаются щебенковые холмы (Saar, т. е. островъ). На С губ., вдоль морского берега, тянутся дюны, состоящія изъ грубаго, желтоватаго, рѣдко бѣлаго песка; подобныя же дюны встрѣчаются и въ среднихъ частяхъ губ. Валуны, состоящіе изъ финляндскаго гранита, неравномѣрно разсѣяны по всей территоріи. Въ низменностяхъ, около береговъ рѣкъ, слоится синеватая глина (3—6 фт. толщиною); она рѣдко встрѣчается въ чистомъ видѣ и большею частью смѣшана съ грантомъ. Морскіе берега Э. подъ вліяніемъ волнъ постепенно разрушаются; въ связи съ этимъ разрушеніемъ находится образованіе морского ила (цѣлебныя грязи у гор. Гапсаля). Изъ полез-

ныхъ ископаемыхъ въ Э. губ. добываются: известнякъ (на о-вѣ Даго), песчаникъ (въ различныхъ мѣстахъ), цементъ (въ им. Кунда, Везенбергскаго у.), мраморъ (въ им. Вассалемъ, Ревельскаго у.), *торфъ*—разрабатывается во многихъ мѣстностяхъ, особенно въ средней полосѣ материковой части; всего торфяниковъ въ Э. губ. около 100, изъ нихъ два большіе—въ Гапсальскомъ у. (до 100 кв. в.) и въ Везенбергскомъ (300 кв. в.). Добыча торфа существуетъ изстари; онъ идетъ исключительно для мѣстнаго потребленія (на топливо). *Почва* преобладаетъ глинистая и торфяная, мѣстами же залегаетъ «черноземъ» (смѣсь разрушившихся растительныхъ остатковъ съ глиной и пескомъ), принадлежащій къ числу плодородныхъ. *Воды.* Кромѣ моря и его частей, прилагаемыхъ къ Э. губ., о которыхъ сказано выше, въ предѣлахъ губерніи расположено до 200 озеръ и она орошается множествомъ рѣкъ. Изъ озеръ одно Чудское (Пейпусъ) занимаетъ обширную площадь, часть его, причисленная къ Э. губ., равняется 468,5 кв. в.; остальныя озера все небольшія, изъ нихъ болѣе значительное Оберъ-зее, близъ г. Ревеля (5,5 кв. в.), 7 оз. имѣютъ площадь отъ 1 до 3 кв. в. каждое; общая же площадь всѣхъ озеръ губ., исключая Чудского, равна 17,2 кв. в. Большинство озеръ расположено въ сѣверной части губерніи среди болотъ и берега ихъ постепенно заболачиваются. Изъ рѣкъ, какъ судоходная, имѣетъ значеніе только одна *Нарова* (длина 68 в.), истокъ Чудского озера, текущая по восточной границѣ губерніи; остальныя рр. имѣютъ лишь мѣстное значеніе, какъ источникъ орошенія и для доставленія питьевой воды. Наиболѣе значительныя по длинѣ рр.: Казаргенская Рѣка, на ЮЗ, близъ Лифляндской границы, впадаетъ въ Балтійское море (94 в.), Кегельск
или Фальская (80 в.), Ягговальская (73 в.
Бригитовка (70 в.)—всѣ притоки Финска
залива; остальныя рр. губерніи имѣютъ м
нѣе чѣмъ по 65 в. въ длину. Пересѣк
«глинтъ», рр. текущія на С образуютъ водопад
и пороги; изъ нихъ болѣе значительны
Нарвскій или Іоала, близъ г. Нарвы, на
Наровѣ (выс. 20 фт.), Ягговальскій (23 фт.
Кегельскій, близъ замка Фалля (20 фт.
Климатъ Э. губ. болѣе морской, не толь
чѣмъ внутреннихъ, но даже и другихъ дву
прибалтійскихъ губ., такъ какъ вся Э. гу
находится недалеко отъ моря. Особенно мо
ской климатъ имѣютъ западное побережье
о-въ Даго, куда прямо доходятъ вѣтры съ н
замерзающей и зимой средней части Балті
скаго моря. Вслѣдствіе этихъ причинъ средн
температура года, а особенно осени и зим
выше въ Э. губ., чѣмъ въ мѣстностяхъ по
тою же широтою, но лежащихъ далѣе о
моря, а весна и лѣто, особенно мѣсяцы
апрѣля по іюль въ Э. губ. холоднѣе. Сосѣ
ство моря имѣетъ вліяніе на осадки въ том
смыслѣ, что ихъ сравнительно болѣе осен
и сравнительно менѣе съ мая по іюль, чѣ
въ сосѣднихъ губерніяхъ къ Ю и В отъ
губ. Благодаря густой дождемѣрной сѣти Ли
ляндскаго экономическаго общества, въ ко
рую входятъ губ. Лифляндская и Э., это раз
чіе видно ясно. Болота въ Э. губ. несомнѣ
понижаютъ температуру лѣтнихъ мѣсяцев
увеличиваютъ опасность ночныхъ морозов

Средніе температуры:

	Январь.	Апрѣль.	Іюль.	Октябрь.	Г[illegible]
Ревель	—6,0	1,8	17,0	5,9	[illegible]
Балт. портъ	—5,1	1,8	16,2	6,0	[illegible]
Везенбергъ	—6,2	2,1	16,8	4,6	[illegible]

Количество осадковъ въ миллиметрахъ:

	Май.	Іюнь.	Іюль.	Августъ.	Сентябрь.	Октябрь.	Годъ.
Нарвскій маякъ	47	40	69	72	55	44	484
Ревель	42	41	51	70	55	54	489
Пакерортскій маякъ	39	40	57	70	61	56	465
Везенбергъ	54	42	75	79	63	54	526
Вейсенштейнъ	53	42	74	75	57	56	570

Число дней:

	Съ осадками.	Со снѣгомъ
Ревель	156	56
Везенбергъ	145	57
Вейсенштейнъ	156	65

(Везенбергъ и Вейсенштейнъ—болѣе материковыя станціи Э. губ.). *Населеніе.* Первая перепись населенія Э. губ. произведена въ концѣ 1881 г., тогда въ ней оказалось 376337 душъ обоего пола; по переписи въ началѣ 1897 г. — 413724; за 15 лѣтъ населеніе возрасло на 37387 душъ, что составляетъ 0,7% фактическаго прироста населенія въ годъ. Городское населеніе въ 1881 г. состояло изъ 59814 душъ, въ 1897 г.—76315; оно возрасло на 16501 чел. или почти по 2%, тогда какъ сельское населеніе увеличилось на 20886 чел. или по 0,4% въ годъ. По даннымъ 1897 г. на 1 кв. в. въ Э. губ. приходится 23,3 жителя. Въ сосѣднихъ съ Э. губерніяхъ на 1 кв. в. приходится въ С.-Петербургской—53,7, въ Лифляндск
—32,5 жителей; такая громадная разница пр
исходитъ отъ присутствія въ послѣднихъ кру
ныхъ городовъ—С.-Петербурга и Риги. Ес
исключить изъ расчета вышеупомянутые г
рода, кромѣ того—Кронштадтъ въ С.-Пете
бургской, Юрьевъ въ Лифляндской и Р
вель въ Э. губ., то различіе сильно сгл
дится и получится на 1 кв. в. въ Э. губ.-
19,7, въ Лифляндской — 24,3, въ С.-Пете
бургской—16,6 жителей. Изъ уѣздовъ Э. гу
гуще всего населенъ Ревельскій (Гаррі
скій)—31,4 жит. на 1 кв. вер., что происх
дитъ отъ нахожденія въ немъ самаго кру
наго въ губерніи городского центра—Реве
(64578 жит.); за исключеніемъ его изъ ра
чета густота населенія въ означенномъ уѣз
понизится до 18,4 жителей и онъ прибл
зится въ этомъ отношеніи къ остальным
довольно равномѣрно заселеннымъ уѣзда
губерніи. О-ва, причисленные къ губерні

частью совершенно незаселены; на о-вѣ Даго —до 14 тыс. душъ (около 16 жит. на 1 кв. в.), на Вормсѣ—2100 чел. (25 жит. на 1 кв. в.). Городовъ въ Э. губ. 5: Ревель (64,5 тыс. жит.), Везенбергъ (5,5 тыс.), Гапсаль (3 тыс.), Вейсенштейнъ (2,5 тыс.) и безъуѣздный Балтійскій Портъ (менѣе 1 тыс. жит.). Мѣстечекъ 3, изъ нихъ значительное Кренгольмъ (близъ г. Нарвы, Везенбергскаго уѣзда), съ громадной мануфактурой и 8 тыс. жит. Населенныхъ пункктовъ свыше 15000—почти все отдѣльно стоящія усадьбы, мызы и фольварки; селеній, состоящихъ изъ многочисленныхъ дворовъ, въ Эстляндской губерніи почти нѣтъ. Въ окрестностяхъ Ревеля и близъ Усть-Наровы за послѣдніе годы возникли крупные дачные поселки и курорты—Екатериненталь, Гунгербургъ, Мерюкюль и др., не имѣющіе постояннаго населенія и оживляющіеся только лѣтомъ. За неимѣніемъ разработанныхъ данныхъ по переписи 1897 г. составъ населенія опредѣляется по даннымъ переписи 1881 г. протестанты составляютъ 94,3% всего населенія, православные—4,9, іудеи—0,4, рим.-катол.—0,3, лица др. исповѣданій—0,1%. Протестанты почти всѣ лютеране; англиканъ было всего 158 чел., реформатовъ—128, друг. сектъ —по нѣскольку человѣкъ. Православное населеніе на половину (около 9000) живетъ въ г. Ревелѣ, до 7000 въ восточной части Везенбергскаго уѣзда, по берегамъ Чудского озера и до 2000—въ Кренгольмѣ; раскольниковъ было 204 чел., почти всѣ—по берегу Чудского озера. По родному языку населеніе распредѣляется такъ: эстонцы 87,6%, нѣмцы—5,8, русскіе—4,6, шведы—1,4, евреи—0,4, говорящіе на другихъ нарѣчіяхъ — 0,2%. Эстонцы (аборигены края) составляли 56% городского и 94% сельскаго населенія; 71% нѣмцевъ живетъ въ городахъ, гдѣ они составляютъ 26% всего населенія; русскіе—въ Ревелѣ и въ вост. части губерніи; шведы главнымъ образомъ (80%) живутъ въ Гапсальскомъ у., составляя почти цѣликомъ населеніе о-вовъ Вормса и друг. На 100 жнщ. приходится въ Э. губ. 96 мжч., въ городахъ—108, въ уѣздахъ—94, въ г. Ревелѣ — 110. Распредѣленія населенія по сословіямъ и занятіямъ перепись 1881 г. не даетъ. Выселеніе изъ Э. губ. замѣтно за послѣднее время; безземельные эсты массами переселяются въ ближайшія великорусскія губерніи—С.-Петербургскую, Псковскую, Новгородскую и Тверскую; цифровыхъ данныхъ объ этомъ движеніи не имѣется. Къ концу 1902 г. по административнымъ даннымъ въ Э. губ. было 440694 жит. (217095 мжч. и 223599 жнщ.) изъ нихъ въ городахъ—80607, въ г. Ревелѣ—68045. *Землевладѣніе.* Въ Э. губ., какъ и въ др. Прибалтійскаго края, среди частновладѣльческихъ имѣній много маіоратныхъ или фидеикомиссныхъ владѣній, почти совершенно недопускающихъ продажу земель; существовавшее нѣкогда ограниченіе, въ силу котораго покупщиками дворянскихъ имѣній могли быть одни мѣстные дворяне, хотя формально и отмѣнено, но, въ силу традицій, довольно крѣпко держится, и число землевладѣльцевъ не-дворянъ незначительно. Крестьянское землевладѣніе образовалось въ Э. губ. согласно закону 1863 г., которымъ былъ открытъ доступъ къ пріобрѣтенію крестьянами (въ нѣкоторыхъ случаяхъ—и лицами другихъ сословій) въ собственность отведенныхъ въ ихъ пользованіе усадебъ (крестьянскій дворъ съ принадлежащими къ нему угодьями) въ дворянскихъ и друг. имѣніяхъ. Съ 1863 г. крестьянское землевладѣніе стало быстро расти путемъ покупокъ при содѣйствіи кредитныхъ учрежденій. Общій характеръ крестьянскаго владѣнія—подворный. Въ 1887 г. въ Эстляндской губ. было учтено земли: частныхъ владѣльцевъ—925539 дес., (въ томъ числѣ 875100 дес. или 95%—дворянской), крестьянъ — 682465, казны — 3448, церкви—18979, городовъ — 11574, различн. учрежденій - 3036, всего 1645041 дес. Среднее дворянское владѣніе равно 1768 дес., среднее крестьянское — 38 дес. Покупали крестьяне свои земли отъ 49 (въ 1877 г.) до 70 (1883 г.) и 75 (1887 г.) руб. за 1 дес. Къ 1 янв. 1902 г. въ Э. губ. было заложено въ ипотечныхъ учрежденіяхъ 9031 имѣніе, въ 1398312 десят.; долгу на нихъ числилось 18579491 руб. или 13 р. 29 к. на 1 дес. Несмотря на значительность заложенной площади (около 85%), задолженность невелика, при сравненіи съ продажными и арендными цѣнами на землю. За исключеніемъ 1 имѣнія въ 7643 дес., заложеннаго въ дворянскомъ, и 10 имѣній въ 1252 дес.—въ крестьянскомъ банкѣ, всѣ остальныя земли находятся въ залогѣ Э. дворянскаго земельнаго кредитнаго общества. *Земледѣліе.* Изъ 1645041 дес. учтенной въ 1887 г. земли было: пахатной—300895, подъ усадьбами, огородами и садами—11808, сѣнокосной—454282 (изъ нихъ заливной—10983), пастбищной—300835, лѣсной—326506 (изъ нихъ лѣса строевого—76846, дровяного—193630, того и друг. вмѣстѣ — 1092, зарослей—54938), остальной удобной — 6315, неудобной 244400 дес. Часть болотъ эксплуатируется какъ покосъ, моховыя же болота (Hochmoore, по-эстонски Rabba), въ которыхъ слой мха достигаетъ 20 фт., непроходимы, иногда даже и зимою, такъ какъ не замерзаютъ. Частновладѣльческія или «мызныя» земли (Hofsland) болѣе обезпечены лѣсами, чѣмъ крестьянскія (Bauerland): въ первыхъ лѣса составляютъ 32% (90% общей площади лѣсовъ губерніи), а на крестьянскихъ земляхъ — около 4% владѣнія и около 8% всѣхъ лѣсовъ; остальные 2% лѣсной площади принадлежатъ казнѣ и другимъ владѣльцамъ. Половина лѣсовъ (51%) находится въ Везенбергскомъ у.; всего менѣе (12%) ихъ въ Вейсенштейнскомъ у. Въ послѣднее время лѣсное хозяйство повсюду въ губ. ведется правильно. *Аренда* земли развита: въ 1887 г. было сдано частными владѣльцами (исключительно крестьянамъ) 5303 участка въ 206735 дес. *Культура* высокая; плуговая распашка и усовершенствованныя орудія употребляются повсюду. Сѣвооборотъ многопольный. Въ 1902 г. было засѣяно: озимою пшеницею—2069 дес., рожью —59091, яровою пшеницею—583, овсомъ—39183, ячменемъ — 41002, картофелемъ —

40078, стручковыми растеніями — 4138 и льномъ—2870 дес. Э. губ. выдѣляется среди всѣхъ губерній Россіи размѣрами культуры картофеля. Изъ травъ сѣютъ главнымъ образомъ клеверъ и вику (въ чистомъ видѣ и съ овсомъ). *Урожай* (среднiй за 10 лѣтъ, 1891—1902): ржи — с. 6, озимой пшеницы — с. 6,2, овса—с. 5,5, ячменя—с. 5,3, картофеля—с. 4,0. Болѣе совершенная обработка и удобреніе мызныхъ земель вліяютъ на повышеніе (приблизительно на 10%) урожайности на нихъ сравнительно съ землями крестьянскими. *Сборъ* въ годъ средняго урожая: ржи около 430 тыс. четвертей, пшеницы—20 тыс. четв., овса—375 тыс. четв., ячменя—315 т. четв., картофеля—3480 тыс. четв. Хлѣбъ и картофель идутъ исключительно на мѣстное потребленіе и на переработку на мѣстныхъ винокуренныхъ заводахъ. Мельницъ, перемалывающихъ весь мѣстный хлѣбъ, въ 1902 г. въ Э. губ. было 1566, изъ нихъ вѣтряныхъ—1274 (въ Гапсальскомъ у. 745), водяныхъ—256, паровыхъ — 35, электрическая—1 (въ г. Ревелѣ). *Скотоводство* развито; въ 1902 г. было лошадей—72793, рогатаго ск.—195110 головъ, овецъ простыхъ—156482, тонкорунныхъ—40599, свиней—79730; около 80% всего количества скота—у крестьянъ. Первое мѣсто по скотоводству занимаетъ Ревельскій у. Изъ продуктовъ скотоводства сбываются: мясо («ливонское»), масло и сыръ—главнымъ образомъ въ Петербургъ, Ревель, Нарву, Юрьевъ (Дерптъ) и частью за границу (въ Англію и Данію). Выдѣлка мѣстныхъ кожъ въ с. Сыренцѣ, Везенбергскаго у. (на 50 тыс. руб. въ годъ). Въ имѣніи Ундель (Везенбергскаго у.)—куроводство, дающее до 6000 руб. въ годъ. Садоводствомъ и огородничествомъ занимаются на мызахъ и въ пригородныхъ мѣстностяхъ, но садоводство, вслѣдствіе климатическихъ условій, развито слабо. Хотя сельское хозяйство и составляетъ основу и главное занятіе населенія Э. губ., но, благодаря выгодному ея географическому положенію, и *промысловая жизнь* въ ней развита. Кромѣ разработки минеральныхъ богатствъ (торфа и строительныхъ матеріаловъ), почти все приморское (не-городское) населеніе занято *рыболовствомъ*. Въ морѣ ловятся главнымъ образомъ кильки (составляющія важную статью отпускной торговли г. Ревеля), салаки, лососи, наваги, камбалы и др. Право рыбной ловли у морскихъ береговъ принадлежитъ почти исключительно частнымъ владѣльцамъ, которые обыкновенно сдаютъ ловли жителямъ приморскихъ деревень за невысокую арендную плату. Городское населеніе Ревеля въ значительной степени занято нагрузкою и разгрузкою судовъ. *Отхожіе промыслы* не развиты. *Ремесла* распространены въ городахъ; въ уѣздахъ же ими занимаются въ свободное время, особенно зимою, исключительно для нуждъ мѣстнаго населенія. Въ 1902 г. ремесленниковъ въ Э. губерніи было 16966, изъ нихъ въ городахъ—10272 (въ Ревелѣ—9322). Болѣе всего производящихъ одежду (портныхъ, сапожниковъ и др.) — около 3000, затѣмъ кузнецовъ, плотниковъ и др. *Фабрикъ и заводовъ* въ 1902 г. въ Э. губ. было 564, съ 16926 рабоч. и производствомъ на 40655471 руб. По стоимости производства болѣе значительныя:

Производства.	Число фабрикъ и заводовъ.	Число рабочихъ.	Сумма производства въ тыс. руб.
Бумагопрядильное и ткацкое	2	6855	14250
Вагоностроительное	1	2550	5376
Винокуреніе	178	902	4888
Мукомольное (товарное)	21	159	4469
Фанерныхъ издѣлій	1	1200	1800
Мѣдно и чугунолитейное	3	655	1503
Химическое	1	300	1000
Писчебумажное	1	195	1000
Суконное	1	654	839
Спиртоочистительное	1	40	650
Соленіе килекъ	13	247	645
Целлюлозное	2	143	585
Лѣсопильное	66	356	576
Электрическій заводъ	1	160	480

Сумма производства остальныхъ видовъ промышленности не превышаетъ 310 тыс. руб. каждое. Наиболѣе крупныя фабрично-заводскія мѣстности—г. Ревель, съ 97 фабриками и заводами, 7422 рабоч. и производствомъ на 20700 тыс. руб., затѣмъ уѣзды Везенбергскій, съ 152 фабр. и заводами, 7198 рабоч. и производствомъ на 14304 тыс. руб. (Кренгольмская мануфактура съ 5705 рабоч. и производ. на 12250 тыс. руб., основ. въ 1857 г. и 61 винокуренн. зав.) и Ревельскій—110 фбр. и зав., съ 789 рабоч. на 2717 тыс. руб. (главнымъ образомъ винокуреніе); въ Гапсальскомъ уѣздѣ, на островѣ Даго—суконная фабрика. Винокуренные зав. всѣ паровые; спиртъ курится главнымъ образомъ изъ картофеля; въ 1902 г. выкурено 184371132°. *Торговля.* Приморское положеніе Э. губ. способствуетъ развитію въ ней торговли, особенно внѣшней. Въ 1902 г. выдано было 7131 свидѣтельство на право торговли и промысловъ. По многочисленности и разнообразію торговыхъ заведеній первое мѣсто занимаетъ г. Ревель. Внутреннюю торговлю много оживляютъ ярмарки, которыхъ во всей губерніи въ 1902 г. было 70 — 16 въ городахъ и 54 въ селеніяхъ. Оборотъ ярмарокъ (исключая 4 въ г. Ревелѣ, о которѣхъ свѣдѣній нѣтъ) равнялся 710 тыс. руб. Во внутреннія губерніи изъ Э. губ. вывозится много спирту: въ 1900 г. —167 милл. градусовъ, въ 1901 г.—200 милл., въ 1902 г.—174 милл. *Внѣшняя торговля* сосредоточена главнымъ образомъ *въ г. Ревелѣ*, имѣющемъ обширный, защищенный и ненадолго замерзающій, а иногда и вовсе не замерзающій рейдъ. Въ среднемъ навигація прекращается на 2 мѣсяца, а въ послѣдніе годы, благодаря ледоколамъ, почти совершенно не прерывается. Другія гавани — Балтійскій Портъ (рѣдко замерзающій), Гапсаль, Кертель (на островѣ Даго), Кунда (Везенбергскаго у.) и Вердеръ (Гапсальскаго у.). Усть-Нарова, расположенная въ предѣлахъ Э. губ., обслуживаетъ г. Нарву (С.-Петерб. губ.). Высшей

напряженности торговля г. Ревеля достигаетъ зимою, когда замерзаетъ Петербургскій рейдъ. Въ 1902 г. въ Ревель привезено изъ-за границы товаровъ на 45327293 руб., при чемъ взыскано пошлины 16885804 руб., вывезено— на 21754613 руб. Всего значительнѣе привозъ изъ Германіи (на 21 милл. руб.), Англіи (19 милл. руб.), Даніи (4 милл. руб.); вывозъ — въ Англію (на 8 милл. руб.), Данію (7 милл. руб.), Францію (свыше 2 милл. руб.), Германію (около 2 милл. руб.), Голландію (1,5 милл. руб.); остальныя страны какъ по привозу, такъ и вывозу не превышаютъ 1 милл. р. каждая. Въ 1902 г. въ Ревельскій портъ прибыло 2203 суд. въ 563091 тоннъ, ушло 2197 суд. въ 559210 тоннъ; изъ ушедшихъ судовъ было 1009 паровыхъ и 1188 парусныхъ, 1793 подъ русскимъ и 404 подъ иностраннымъ флагомъ (болѣе всего нѣмецкихъ, англійскихъ и датскихъ). Средняя вмѣстимость русскихъ судовъ равна 153 тоннамъ, иностранныхъ (большею частью пароходовъ)— 703 тоннамъ (англійскихъ — 929 тоннамъ). По размѣрамъ иностраннаго судоходства Ревель занимаетъ 8-е мѣсто среди портовыхъ городовъ Россіи. *Кредитныя учрежденія*, за исключеніемъ 3 ссудо-сберегательныхъ кассъ, всѣ сосредоточены въ Ревелѣ: отдѣленіе государств. банка, 2 обществен. и 2 частн. банка, 2 банкирскія конторы и Э. дворянское зем. кредитное общ. Ссудо-сберегательныхъ кассъ 4. *Средства сообщенія*. Желѣзная дорога пересѣкаетъ Э. губ. отъ гор. Нарвы до Балтійскаго Порта, на протяженіи 242 вер.; кромѣ того отъ ст. Тапсъ идетъ дорога на Ригу, а отъ Ревеля—на Мейзекюль (Лифляндской губ.), съ вѣткой къ г. Вейсенштейну; длина всѣхъ жел. дор. въ предѣлахъ Э. губ. 398 вер. Жел.-дор. станцій 32; грузовъ съ нихъ отправлено (въ 1901 г.) 21120 тыс. пд., получено—27348 тыс. пд.; 70% всего грузового движенія падаетъ на ст. Ревель; на ст. Везенбергъ — 2801 тыс. пд. *Почтово-телеграфныхъ* конторъ (1902 г.) 7, почтовая контора—1, почтово-телеграфныхъ отд.—8, почтовыхъ—5. *Телефонъ* — въ Ревелѣ и Кренгольмѣ. *Постройки* (1902 г.). Въ городахъ, за исключеніемъ церквей, 11222 зданія, изъ нихъ каменныхъ—2078, полу-каменныхъ—289, деревянныхъ—6895; въ г. Ревелѣ 74% всѣхъ зданій. Въ уѣздахъ около 46000 построекъ, въ томъ числѣ 89% деревянныхъ. Богослужебныхъ зданій 237: каменныхъ—147, деревянныхъ—90. Храмовъ православныхъ—67, протестантскихъ—156, баптистскихъ—10, римско-католическихъ—2, синагоги—2. Въ г. Ревелѣ и въ Кренгольмѣ постоянныя пожарныя команды, кромѣ того въ Ревелѣ вольное пожарное общ.; въ остальныхъ городахъ и во многихъ селеніяхъ дѣйствуютъ 20 вольныхъ пожарныхъ обществъ, хорошо снабженныхъ огнегасительными инструментами. 5 страховыхъ обществъ, губернское взаимное страхованіе (для крестьянскихъ построекъ) и 53 сельскихъ общества взаимнаго вспоможенія при пожарныхъ случаяхъ. *Медицина* (1902 г.): больницъ 18, изъ нихъ въ городахъ 7, на 356 кроватей (въ Ревелѣ 4, на 303 кровати), въ уѣздахъ 11, на 310 кроватей; изъ послѣднихъ 1 больница въ Кренгольмѣ на 240 кроватей. Врачей 80 (въ Ревелѣ — 47), дантистовъ—9, фельдшеровъ—23, повивальныхъ бабокъ—43; изъ врачебнаго персонала 49 состоятъ на государственной службѣ, остальные вольно-практикующіе. Больныхъ зарегистрировано 70397, въ томъ числѣ 4633 пользовались въ больницахъ. Ветеринарныхъ врачей 10, фельдшеровъ 5. Аптекъ 40, изъ нихъ 12 въ городахъ (въ Ревелѣ 8). *Призрѣніе*. Кромѣ богадѣльни Приказа общ. призрѣнія въ Ревелѣ на 210 человѣкъ (65 мжч. и 145 жнщ.), много частныхъ благотворительныхъ обществъ и учрежденій; изъ нихъ нѣкоторыя въ Ревелѣ существуютъ съ древнихъ временъ: (касса Шварценгейптеровъ—съ 1400 г., объ Іогановской богадѣльнѣ упоминается въ 1237 г.). Кромѣ небольшихъ попечительствъ, существующихъ при каждомъ лютеранскомъ приходѣ, 69 благотворительныхъ учрежденій (43 въ Ревелѣ); большинство ихъ существовало на основаніи древнихъ грамотъ и только въ послѣднее время получили уставы. Дѣла свои эти учрежденія ведутъ широко. Нищенства въ Э. губ. почти не существуетъ. *Народное образованіе*. Къ концу 1902 г. въ Э. губ. правительственныхъ и частныхъ *учебныхъ заведеній* было 664, съ 28464 учащимися (15846 мальч. и 12618 дѣв.). Среднихъ учебн. завед. 4 (всѣ въ Ревелѣ): гимназій мужск. 2, съ 703 уч., женская 1, съ 313 уч., 1 реал. учил., съ 354 уч. Спеціальныхъ учебн. завед. 4: мореходные классы въ Балтійскомъ Портѣ и дер. Каспервикѣ (71 уч.), жел.-дор. технич. учил. (265 мальч. и 50 дѣв.) и школа для слѣпыхъ (8 мальч. и 6 дѣв.); оба послѣднія въ Ревелѣ. Общеобразовательныхъ учил., кромѣ поименованныхъ, 656, съ 26694 учащ. (14445 мальч. и 12249 дѣв.), изъ нихъ въ Ревелѣ 60, съ 4794 учащ., въ друг. городахъ 24, съ 1610 учащ., и въ уѣздахъ 572, съ 20290 учащ.; собственно первоначальныхъ (народныхъ) школъ 576, съ 21095 учащ. (11608 мальч. и 9487 дѣв.), изъ нихъ въ Ревелѣ 6 шк., съ 555 учащ., въ друг. городахъ 4, съ 322 учащ., и въ уѣздахъ 566, съ 20218 учащ.; изъ послѣднихъ 504 сельскія шк., съ 18815 учен. *Грамотность* развита; по даннымъ переписи 1881 г. въ Э. губ. безграмотныхъ было 6,1% (8,1 среди мужч. и 4,2 ср. женщ.); менѣе всего безграмотныхъ было среди нѣмцевъ — 0,9%, затѣмъ среди эстовъ—4,3%, болѣе всего среди русскихъ— 32,3%. Среди принятыхъ на службу новобранцевъ безграмотные составляли: въ 1900 г.— 6,8%, въ 1901 г. — 1,3%, въ 1902 г. — 6,0%. *Обществъ ученыхъ и художественныхъ* 15; изъ нихъ самое значительное—«Э. литерат. общ.» въ Ревелѣ (492 члена), при немъ «Э. музей» съ богатымъ собраніемъ древностей, монетъ, медалей, картинъ, скульптуръ и предметовъ по этнографіи и естественно-историческихъ. *Періодическихъ изданій* 11 (въ Ревелѣ 10 и въ гор. Везенбергѣ 1), ежедневныхъ 3, еженедѣльныхъ 6, ежемѣсячныхъ 1. На русскомъ яз. 2, на нѣмецкомъ 3, на эстонскомъ 6. Мѣстъ торговли книгами и библіотекъ для чтенія 72 (въ Ревелѣ 29, въ друг. городахъ 15, въ селеніяхъ 28). Типографій 19, литографій 4, типо-литографій 2, всего 25, изъ

нихъ 18 — въ Ревелѣ. *Окладные сборы.* Къ началу 1902 г. въ недоимкѣ состояло 36183 руб.; въ теченіе года подлежало къ поступленію: государственнаго поземельн. налога—53347 р., налога на город. недвиж.—78000 р., госуд. квартирн. налога — 23385 р., выкупн. плат. съ бывш. госуд. крестьянъ—5451 р. и по вѣдомству мин. землед. и госуд. имущ.—8674 р., всего 168866 р.; въ дѣйствительности поступило 181479 руб.; за нѣкоторыми начисленіями и исключеніями къ началу 1903 г. по окладнымъ сборамъ на Э. губ. оставалось въ недоимкѣ 25816 руб. *Городскіе доходы и расходы* (1902 г.). По 5 городамъ Э. губ. доходовъ поступило 613125 р. (изъ нихъ по гор. Ревелю — 540306 р.); главнѣйшія статьи доходовъ: экстренные (отъ казны, земскіе сборы, доходы отъ капиталовъ и др.)—31%, косвенные налоги — 19%, съ городск. имущ. и оброчн. статей — 20%, сборы съ частныхъ недвиж. имущ.—14%, съ промышленниковъ — 11%. Общая сумма расходовъ всѣхъ городовъ—606743 руб. (изъ нихъ гор. Ревеля—542642 р.); главнѣйшіе расходы: по городскому управленію—26% (въ томъ числѣ почти половина на содержаніе полиціи), благоустройство—16%, квартирная повинность—12%, благотворит. и друг. обществ. учрежденія—23%, уплата долговъ (по городамъ Ревелю и Гапсалю)—11%. *Акцизные сборы* въ 1902 г. дали 1350164 руб., изъ нихъ собственно съ вина и спирта—1161000 р. Заводовъ подлежащихъ акцизу 211 (винокуренныхъ—178), мѣстъ продажи питей и табаку—2316 (табачныхъ лавокъ—1861). *Натуральныя повинности*, за исключеніемъ воинской (въ 1902 г. принято въ войска 962 человѣка), отбываются по особымъ положеніямъ и правиламъ; какъ назначеніе, такъ и распредѣленіе этихъ повинностей предоставлено дворянству и совершается подъ непосредственнымъ его контролемъ. *Исторія.* Балтійское побережье въ древности было заселено чудскими племенами, находившимися въ нѣкоторой зависимости отъ Новгорода, Пскова и другихъ городовъ сѣверной Руси. Названіе Э., или, правильнѣе, Остляндія впервые встрѣчается послѣ завоеванія края датчанами въ 1080 г. Въ 1347 г. датскій король Вольдемаръ III уступилъ Э. за 19000 марокъ Ливонскому ордену, во власти котораго она находилась до 1561 г., когда эстляндское дворянство, вмѣстѣ съ городами, отпало отъ ордена и перешло въ шведское подданство. Къ Россіи Э. присоединена въ 1710 г.; тогда же образована была Ревельская губ. Нынѣшнее свое подраздѣленіе на уѣзды (въ началѣ названные дистриктами) Э. губ. получила въ 1745 г. Остатки древнихъ сооруженій сохранились въ Э. губ. во многихъ мѣстностяхъ; кромѣ старинныхъ храмовъ и друг. зданій въ городахъ, а также разбросанныхъ по странѣ развалинъ замковъ, встрѣчается масса городищъ и кургановъ; при раскопкахъ находятъ много предметовъ какъ историческихъ, такъ и доисторическихъ эпохъ.

Болѣе подробныя свѣдѣнія по исторіи края, объ особенностяхъ землевладѣнія и мѣстнаго управленія см. Прибалтійскій край
и Прибалтійское гражданское право (X
110—117, 117—124).

Литература. «Географ.-статист. сло
Росс. Имперіи», П. Семенова (т. V, СПб.,
Paul Jordan, «Ergebnisse d. ehstländ. V
zählung» (Рев., 1883—84); его же, «Die
sultate d. ehstländ. Volkszählung» (Ре
1886); его же, «Сборн. свѣдѣній по геогр
и статистикѣ Э. губ.», съ приложеніем
«О городищахъ» (Рев., 1889); карта ге
штаба, сост. Бурзи (1863); Русвурмъ, «Ш
на берегахъ Э.» (Рев., 1885); д-ръ К. Рат
«Очеркъ орографическихъ и гидрогра
условій въ Лифляндіи, Э. и Курляндіи» (
1852); д-ръ А. Гукъ, «Изслѣдованіе сел
условій въ Эстл., Лифляндіи и Курлян
(Лпц., 1845); д-ръ Гревингъ, «Геогра
карта Остзейскихъ провинцій» (1878); «
нѣйшія данныя позем. стат.», изд. це
статист. комитета мин. внутр. дѣлъ,
XLIX, «Э. губ.», (СПб., 1896); «Ста
сборн. мин. путей сообщ.» (вып. 72, С
1903). Д.

Эстляндскій 8-й пѣхотный **полк**
сформированъ въ 1811 г. изъ частей ре
скаго гарнизоннаго полка (старшинство
1711 г.), перновскаго и нарвскаго гарн
ныхъ баталіоновъ; въ 1833 г., съ присо
неннымъ 4 егерскимъ полкомъ, переим
ванъ въ егерскій полкъ, а въ 1856 г.—с
въ пѣхотный. Боевыя отличія: 1) георгіев
знамя за турецкую войну 1877—78 гг.
походъ за военное отличіе въ сраженіяхъ
Лейпцигѣ 4 октября 1813 г.

**Эстляндскія Губернскія Вѣ-
мости**—издаются и редактируются съ 18
въ Ревелѣ при эстляндскомъ губернск
правленіи, еженедѣльно. Ред. А. Кикаі

Esto mihi (лат. «будь мнѣ [скалою
ры»])—въ католической церкви обознач
7-го воскресенья передъ Пасхою по на
мессы этого дня (Псаломъ LXXXI 3).

Эстонская литература. — Кр
мадьяръ и собственно финновъ, изъ в
финно-угорскихъ народовъ только эсто
имѣютъ собственную литературу, возник
въ срединѣ XVI ст. Въ 1553 г. была н
чатана въ гор. Любекѣ первая книга н
тонскомъ языкѣ: «Малый Катихизисъ Л
ра», въ переводѣ Франца Витте. Какъ
книга, такъ и сочиненія польскаго іез
Вельтера (1591 г.) исчезли безслѣдно; д
нѣйшимъ крупнымъ литературнымъ памя
комъ эстонскаго яз. являются 39 пропов
Г. Мюллера, написанныхъ съ 1600 по 16
и впервые изданныхъ въ 1891 г. Литера
I періода, до конца XVII ст., почти искл
тельно религіозная. Народъ, изнуренный
ствомъ, войнами, опустошеніями, поваль
болѣзнями, искалъ утѣшенія только въ ре
гіи, извиняя какъ плохой языкъ, такъ и
толковое правописаніе книгъ. Самые вы
щіеся писатели этого періода: Г. Сталь (
ок. 1600, ум. 1657), издавшій въ 1632—3
«Hand- und Hauszbuch für das Fürstenth
Ehsten» (молитвы, гимны въ прозѣ, воск
ныя евангельскія и апостольскія чтенія),
1641—49 г. сборникъ проповѣдей; въ 1656 г.
«Hand- u. Hauszb.» былъ изданъ въ исправ

омъ видѣ, при чемъ варварская проза гимновъ была передѣлана въ столь же варварскіе стихи. Далѣе идутъ: современникъ Сталя І. Россиній (Rossihnius, ум. ок. 1645 г.), издавшій «Лютеранскій Катихизисъ и воскресныя евангельскія и апостольскія чтенія» (1632 г.; новое изд., Юрьевъ, 1898); Адріанъ Виргиній (1663—1706), переводчикъ Новаго Завѣта на южное нарѣчіе (1686 г.); авторы свадебныхъ пѣсенъ Р. Брокманъ, І. Мелленбекъ и др. (пѣсни изд. въ «Verh. d. Gel. Estn. Ges.», 1896). Для изученія тогдашнихъ вѣрованій и суевѣрій эстонцевъ важны: І. Гутслафъ, «Kurzer Bericht und Unterricht von der Falsch-heilig genandten Bäche in Liefflland Wöhhanda» (1644) и І. Форселій (Forselius): «Der einfältigen Ehsten abergl. Gebräuche» (Ревель, 1685; новое изданіе, СПб., 1854). Грамматика съ приложеніемъ словарей составили Г. Сталь (1637), І. Гутслафъ (1648) и Гезекенъ (Gõseken, 1660). Во *II періодъ*, длящемся до конца XVIII в., возникаютъ зародыши свѣтской литературы. Языкъ произведеній становится удовлетворительнымъ. Отцомъ новаго направленія былъ Б. Г. Форселій (родился около 1660 г., утонулъ въ 1689 г.), основавшій, безъ средствъ, безъ связей, большое число народныхъ школъ и первую эстонскую учительскую семинарію (1684—88). Подъ его вліяніемъ І. Горнунгъ (Hornung, род. около 1660, умеръ 1715) составилъ первую удовлетворительную грамматику (1693) и установилъ, прекраснымъ переводомъ богослужебныхъ книгъ (1694—95) и въ особенности Новаго Завѣта на сѣверное нарѣчіе (1715), новое правописаніе, господствовавшее до средины XIX в. Его примѣру послѣдовалъ составитель грамматики и переводчикъ Ветхаго Завѣта А. Гелле (Helle, ум. въ 1748 г.). Полная библія, въ переводѣ Горнунга и Гелле, вышла въ свѣтъ въ 1739 г.—Другіе духовные писатели XVIII в.: І. X. Генкель, И. Г. Шпелль, Г. А. Эрkслебенъ, А. Г. Люкке, Ф. В. Эбергардъ, Б. Щибальскій, П. Г. ф.-Фрей и съ 1729 г. гернгутеры: А. Раудьягъ, родомъ эстонецъ, Я. Маррашъ, І. К. Нейманъ, І. Хр. Квандтъ, І. Г. Ферстеръ, М. Тооци. Рядъ свѣтскихъ писателей открываетъ эстонецъ Käsu Hans (Гансъ Кясу или Кесъ, ум. послѣ 1734 г.) стихотвореніемъ, въ свое время любимымъ, хотя въ поэтическомъ отношеніи не важнымъ: «Плачъ по поводу разрушенія Дерпта» (1706); за нимъ слѣдуютъ авторы повѣстей и разсказовъ А. Гелле (1740), І. М. Генъ (1788), О. Р. Гольцъ (1817), Г. Аврелій, В. Ф. Вильманъ (1746—1819), І. В. Л. Луце (1756—1842), основатель перваго общества для изученія эстонскаго языка въ Аренсбургѣ, Эйзенъ («Учебникъ садоводства», 1770), А. В. Гупель («Грамматика», 1780; «Краткія наставленія», 1766; первое періодич. изд. медицин. сод. «Врачъ», 1771). Въ *III періодъ*, до средины XIX в., даровитый эстонецъ О. В. Мазингъ (1763 — 1832), отлично владѣвшій языкомъ, принимается за созданіе сколько-нибудь достойной этого названія литературы для только-что освобожденныхъ отъ крѣпостной зависимости эстонцевъ (въ Эстляндіи въ 1804 г., въ Лифляндіи въ 1819 г.). Въ 1818 г. онъ издаетъ прекрасныя «Воскресныя Чтенія», долго служившія любимымъ чтеніемъ народа; съ 1821 г. по 1825 г. выходитъ его «Крестьянскій Еженедѣльникъ», первое періодическое изданіе общаго содержанія, если не считать малоизвѣстнаго «Дерптскаго Крестьянскаго Еженедѣльника» Ольдекопа и Рота (1806 г.); въ 1820 г. является его переводъ «Лифляндскаго Крестьянскаго Уложенія». Кромѣ того имъ написано большое количество брошюръ и статей разнаго содержанія. Мазингъ заслоняетъ собою всѣхъ остальныхъ писателей этого періода, изъ которыхъ выдаются еще авторъ повѣстей (1838, 1839) графъ Н. Мантейфель (род. въ 1768 г.) и слишкомъ рано умершій эстонецъ А. Я. Петерсонъ (1801—1822). Возбужденію интереса къ эстонскимъ языку и литературѣ очень много содѣйствовали издававшіеся І. Г. Розенплянтеромъ съ 1813—1832 гг. (20 вып.) «Beiträge zur genaueren Kentniss der ehstnischen Sprache». Въ *IV періодъ*, до 80-хъ гг. XIX в., литература Э. окончательно переходитъ въ руки эстонцевъ свободныхъ профессій. Писатели нѣмецкаго происхожденія продолжаютъ разрабатывать только духовную литературу, не создавая и въ этой области ничего выдающагося. Возникаютъ разные виды художественной литературы: романъ и повѣсть, эпосъ, лирика, драма. Въ 1843 г. Э. Аренсъ (Ahrens, 1803—1863) создаетъ новое правописаніе, основанное на научномъ изученіи звуковъ и словъ эстонскаго языка, и употребляемое понынѣ. Лекторъ эстонскаго языка при дерптскомъ университетѣ, Ф. Р. Фельманъ (Fählmann, 1798 — 1850), основываетъ въ 1839 г. при университетѣ ученое эстонское общество, оказавшее большія услуги въ дѣлѣ изученія эстонскаго языка и литературы, и публикуетъ въ изданіяхъ этого общества высоко-художественныя народныя сказанія, изъ которыхъ въ особенности «Койтъ и Эмарикъ» («Утренняя и вечерняя заря») 1844 г. обратило вниманіе ученыхъ сферъ на эстонскую народную поэзію. Внезапная смерть помѣшала Фельману издать сказанія о героѣ народнаго эпоса «Калеви-поэгѣ (сынѣ Калева), но собранные имъ матеріалы перешли къ верроскому врачу Фридриху Рейнгольду Крейцвальду (1803—1882), который и самъ имѣлъ богатый запасъ извѣстныхъ съ дѣтства и собранныхъ впослѣдствіи изъ устъ народа отрывковъ эпоса. По порученію ученаго эстон. общ., Крейцвальдъ сгруппировалъ всѣ эти матеріалы, и въ 1862 г. издалъ «Калевипоэгъ, эстонское народное сказаніе», въ 20 пѣсняхъ (19034 четырехстопныхъ хореическихъ стиховъ—обычный размѣръ Э. народныхъ пѣсенъ). Изъ большого числа другихъ произведеній Крейцвальда — повѣстей, стихотвореній, драматическихъ произведеній, популярно-научныхъ и медицинскихъ статей, — главныя: «Сказки эстонскаго народа» (1866) и поэма «Лембитъ», изданная послѣ смерти автора. Въ то же время Іоганнъ-Вольдемаръ Янзенъ (1819—1890) создаетъ Э. публицистику и журналистику, издавая съ 1857 по 1864 гг. газету «Pärnu Postimees» («Перновскій Почталіонъ»), а съ 1864—1880 гг. «Eesti Posti-

40078, стручковыми растеніями — 4138 и льномъ—2870 дес. Э. губ. выдѣляется среди всѣхъ губерній Россіи размѣрами культуры картофеля. Изъ травъ сѣютъ главнымъ образомъ клеверъ и вику (въ чистомъ видѣ и съ овсомъ). *Урожай* (средній за 10 лѣтъ, 1891—1902): ржи — с. 6, озимой пшеницы — с. 6,2, овса—с. 5,5, ячменя—с. 5,3, картофеля—с. 4,0. Болѣе совершенная обработка и удобреніе мызныхъ земель вліяютъ на повышеніе (приблизительно на 10%) урожайности на нихъ сравнительно съ землями крестьянскими. *Сборъ* въ годъ средняго урожая: ржи около 430 тыс. четвертей, пшеницы—20 тыс. четв., овса—375 тыс. четв., ячменя—315 т. четв., картофеля—3480 тыс. четв. Хлѣбъ и картофель идутъ исключительно на мѣстное потребленіе и на переработку на мѣстныхъ винокуренныхъ заводахъ. Мельницъ, перемалывающихъ весь мѣстный хлѣбъ, въ 1902 г. въ Э. губ. было 1566, изъ нихъ вѣтряныхъ—1274 (въ Гапсальскомъ у. 745), водяныхъ—256, паровыхъ — 35, электрическая—1 (въ г. Ревелѣ). *Скотоводство* развито; въ 1902 г. было лошадей—72793, рогатаго ск.—195110 головъ, овецъ простыхъ—156482, тонкорунныхъ—40599, свиней—79730; около 80% всего количества скота—у крестьянъ. Первое мѣсто по скотоводству занимаетъ Ревельскій у. Изъ продуктовъ скотоводства сбываются: мясо («ливонское»), масло и сыръ—главнымъ образомъ въ Петербургъ, Ревель, Нарву, Юрьевъ (Дерптъ) и частью за границу (въ Англію и Данію). Выдѣлка мѣстныхъ кожъ въ с. Сыренцѣ, Везенбергскаго у. (на 50 тыс. руб. въ годъ). Въ имѣніи Ундель (Везенбергскаго у.)—куроводство, дающее до 6000 руб. въ годъ. Садоводствомъ и огородничествомъ занимаются на мызахъ и въ пригородныхъ мѣстностяхъ, но садоводство, вслѣдствіе климатическихъ условій, развито слабо. Хотя сельское хозяйство и составляетъ основу и главное занятіе населенія Э. губ., но, благодаря выгодному ея географическому положенію, и *промысловая жизнь* въ ней развита. Кромѣ разработки минеральныхъ богатствъ (торфа и строительныхъ матеріаловъ), почти все приморское (не-городское) населеніе занято *рыболовствомъ*. Въ морѣ ловятся главнымъ образомъ кильки (составляющія важную статью отпускной торговли г. Ревеля), салаки, лососи, наваги, камбалы и др. Право рыбной ловли у морскихъ береговъ принадлежитъ почти исключительно частнымъ владѣльцамъ, которые обыкновенно сдаютъ ловли жителямъ приморскихъ деревень за невысокую арендную плату. Городское населеніе Ревеля въ значительной степени занято нагрузкою и разгрузкою судовъ. *Отхожіе промыслы* не развиты. *Ремесла* распространены въ городахъ; въ уѣздахъ же ими занимаются въ свободное время, особенно зимою, исключительно для нуждъ мѣстнаго населенія. Въ 1902 г. ремесленниковъ въ Э. губерніи было 16966, изъ нихъ въ городахъ—10272 (въ Ревелѣ—9322). Болѣе всего производящихъ одежду (портныхъ, сапожниковъ и др.) — около 3000, затѣмъ кузнецовъ, плотниковъ и др. *Фабрикъ и заводовъ* въ 1902 г. въ Э. губ. было 564, съ 16926 рабоч. и производствомъ на 40655471 руб. По стоимости производства болѣе значительныя:

Производства.	Число фабрикъ и заводовъ.	Число рабочихъ.	Сумма производства въ тыс. руб.
Бумагопрядильное и ткацкое.	2	6855	14250
Вагоностроительное . .	1	2550	5376
Винокуреніе	178	902	4888
Мукомольное (товарное)	21	159	4469
Фанерныхъ издѣлій . .	1	1200	1800
Мѣдно и чугунно-литейное	3	655	1503
Химическое	1	300	1000
Писчебумажное	1	195	1000
Суконное	1	654	839
Спиртоочистительное .	1	40	650
Соленіе килекъ	13	247	646
Целлюлозное	2	143	585
Лѣсопильное.	66	356	576
Электрическій заводъ .	1	160	480

Сумма производства остальныхъ видовъ промышленности не превышаетъ 310 тыс. руб. каждое. Наиболѣе крупныя фабрично-заводскія мѣстности—г. Ревель, съ 97 фабриками и заводами, 7422 рабоч. и производствомъ на 20700 тыс. руб., затѣмъ уѣзды Везенбергскій, съ 152 фабр. и заводами, 7198 рабоч. и производствомъ на 14304 тыс. руб. (Кренгольмская мануфактура съ 5705 рабоч. и производ. на 12250 тыс. руб., основ. въ 1857 г. и 61 винокуренн. зав.) и Ревельскій—110 фбр. и зав., съ 789 рабоч. на 2717 тыс. руб. (главнымъ образомъ винокуреніе); въ Гапсальскомъ уѣздѣ, на островѣ Даго—суконная фабрика. Винокуренные зав. всѣ паровые; спиртъ курится главнымъ образомъ изъ картофеля; въ 1902 г. выкурено 184371132°. *Торговля.* Приморское положеніе Э. губ. способствуетъ развитію въ ней торговли, особенно внѣшней. Въ 1902 г. выдано было 7131 свидѣтельство на право торговли и промысловъ. По многочисленности и разнообразію торговыхъ заведеній первое мѣсто занимаетъ г. Ревель. Внутреннюю торговлю много оживляютъ ярмарки, которыхъ во всей губерніи въ 1902 г. было 70 — 16 въ городахъ и 54 въ селеніяхъ. Оборотъ ярмарокъ (исключая 4 въ г. Ревелѣ, о которыхъ свѣдѣній нѣтъ) равнялся 710 тыс. руб. Во внутреннія губерніи изъ Э. губ. вывозится много спирту: въ 1900 г. —167 милл. градусовъ, въ 1901 г.—200 милл., въ 1902 г.—174 милл. *Внѣшняя торговля* сосредоточена главнымъ образомъ *въ г. Ревелѣ*, имѣющемъ обширный, защищенный и ненадолго замерзающій, а иногда и вовсе не замерзающій рейдъ. Въ среднемъ навигація прекращается на 2 мѣсяца, а въ послѣдніе годы, благодаря ледоколамъ, почти совершенно не прерывается. Другія гавани — Балтійскій Портъ (рѣдко замерзающій), Гапсаль, Кертель (на островѣ Даго), Кунда (Везенбергскаго у.) и Вердеръ (Гапсальскаго у.). Усть-Нарова, расположенная въ предѣлахъ Э. губ., обслуживаетъ г. Нарву (С.-Петерб. губ.). Высшей

напряженности торговля г. Ревеля достигаетъ зимою, когда замерзаетъ Петербургскій рейдъ. Въ 1902 г. въ Ревель привезено изъ-за границы товаровъ на 45327293 руб., при чемъ взыскано пошлины 16885804 руб., вывезено—на 21754613 руб. Всего значительнѣе привозъ изъ Германіи (на 21 милл. руб.), Англіи (19 милл. руб.), Даніи (4 милл. руб.); вывозъ — въ Англію (на 8 милл. руб.), Данію (7 милл. руб.), Францію (свыше 2 милл. руб.), Германію (около 2 милл. руб.), Голландію (1,5 милл. руб.); остальныя страны какъ по привозу, такъ и вывозу не превышаютъ 1 милл. р. каждая. Въ 1902 г. въ Ревельскій портъ прибыло 2203 суд. въ 563091 тоннъ, ушло 2197 суд. въ 559210 тоннъ; изъ ушедшихъ судовъ было 1009 паровыхъ и 1188 парусныхъ, 1793 подъ русскимъ и 404 подъ иностраннымъ флагомъ (болѣе всего нѣмецкихъ, англійскихъ и датскихъ). Средняя вмѣстимость русскихъ судовъ равна 153 тоннамъ, иностранныхъ (большею частью пароходовъ)—703 тоннамъ (англійскихъ — 929 тоннамъ). По размѣрамъ иностраннаго судоходства Ревель занимаетъ 8-е мѣсто среди портовыхъ городовъ Россіи. *Кредитныя учрежденія*, за исключеніемъ 3 ссудо-сберегательныхъ кассъ, всѣ сосредоточены въ Ревелѣ: отдѣленіе государств. банка, 2 обществен. и 2 частн. банка, 2 банкирскія конторы и Э. дворянское зем. кредитное общ. Ссудо-сберегательныхъ кассъ 4. *Средства сообщенія*. Желѣзная дорога пересѣкаетъ Э. губ. отъ гор. Нарвы до Балтійскаго Порта, на протяженіи 242 вер.; кромѣ того отъ ст. Тапсъ идетъ дорога на Ригу, а отъ Ревеля—на Мейзекюль (Лифляндской губ.), съ вѣткой къ г. Вейсенштейну; длина всѣхъ жел. дор. въ предѣлахъ Э. губ. 398 вер. Жел.-дор. станцій 32; грузовъ съ нихъ отправлено (въ 1901 г.) 21120 тыс. пд., получено—27348 тыс. пд.; 70% всего грузового движенія падаетъ на ст. Ревель; на ст. Везенбергъ — 2801 тыс. пд. *Почтово-телеграфныхъ* конторъ (1902 г.) 7, почтовая контора—1, почтово-телеграфныхъ отд.—8, почтовыхъ—5. *Телефонъ* — въ Ревелѣ и Кренгольмѣ. *Постройки* (1902 г.). Въ городахъ, за исключеніемъ церквей, 11222 зданія, изъ нихъ каменныхъ—2078, полу-каменныхъ—289, деревянныхъ—6895; въ г. Ревелѣ 74% всѣхъ зданій. Въ уѣздахъ около 46000 построекъ, въ томъ числѣ 89% деревянныхъ. Богослужебныхъ зданій 237: каменныхъ—147, деревянныхъ—90. Храмовъ православныхъ—67, протестантскихъ—156, баптистскихъ—10, римско-католическихъ—2, синагоги—2. Въ г. Ревелѣ и въ Кренгольмѣ постоянныя пожарныя команды, кромѣ того въ Ревелѣ вольное пожарное общ.; въ остальныхъ городахъ и во многихъ селеніяхъ дѣйствуютъ 20 вольныхъ пожарныхъ обществъ, хорошо снабженныхъ огнетушительными инструментами. 5 страховыхъ обществъ, губернское взаимное страхованіе (для крестьянскихъ построекъ) и 53 сельскихъ общества взаимнаго вспоможенія при пожарныхъ случаяхъ. *Медицина* (1902 г.): больницъ 18, изъ нихъ въ городахъ 7, на 356 кроватей (въ Ревелѣ 4, на 303 кровати), въ уѣздахъ 11, на 310 кроватей; изъ послѣднихъ 1 больница въ Кренгольмѣ на 240 кроватей. Врачей 80 (въ Ревелѣ — 47), дантистовъ—9, фельдшеровъ—23, повивальныхъ бабокъ—43; изъ врачебнаго персонала 49 состоятъ на государственной службѣ, остальные вольно-практикующіе. Больныхъ зарегистрировано 70397, въ томъ числѣ 4633 пользовались въ больницахъ. Ветеринарныхъ врачей 10, фельдшеровъ 5. Аптекъ 40, изъ нихъ 12 въ городахъ (въ Ревелѣ 8). *Призрѣніе*. Кромѣ богадѣльни Приказа общ. призрѣнія въ Ревелѣ на 210 человѣкъ (65 мжч. и 145 жнщ.), много частныхъ благотворительныхъ обществъ и учрежденій; изъ нихъ нѣкоторыя въ Ревелѣ существуютъ съ древнихъ временъ: (касса Шварценгейптеровъ—съ 1400 г., объ Іогановской богадѣльнѣ упоминается въ 1237 г.). Кромѣ небольшихъ попечительствъ, существующихъ при каждомъ лютеранскомъ приходѣ, 69 благотворительныхъ учрежденій (43 въ Ревелѣ); большинство ихъ существовало на основаніи древнихъ грамотъ и только въ послѣднее время получили уставы. Дѣла свои эти учрежденія ведутъ широко. Нищенства въ Э. губ. почти не существуетъ. *Народное образованіе*. Къ концу 1902 г. въ Э. губ. правительственныхъ и частныхъ *учебныхъ заведеній* было 664, съ 28464 учащимися (15846 мальч. и 12618 дѣв.). Среднихъ учебн. завед. 4 (всѣ въ Ревелѣ): гимназій мужск. 2, съ 703 уч., женская 1, съ 313 уч., 1 реал. учил., съ 354 уч. Спеціальныхъ учебн. завед. 4: мореходные классы въ Балтійскомъ Портѣ и дер. Касперсвикѣ (71 уч.), жел.-дор. технич. учил. (265 мальч. и 50 дѣв.) и школа для слѣпыхъ (8 мальч. и 6 дѣв.); оба послѣднія въ Ревелѣ. Общеобразовательныхъ учил., кромѣ поименованныхъ, 656, съ 26694 учащ. (14445 мальч. и 12249 дѣв.), изъ нихъ въ Ревелѣ 60, съ 4794 учащ., въ друг. городахъ 24, съ 1610 учащ., и въ уѣздахъ 572, съ 20290 учащ.; собственно первоначальныхъ (народныхъ) школъ 576, съ 21095 учащ. (11608 мальч. и 9487 дѣв.), изъ нихъ въ Ревелѣ 6 шк., съ 555 учащ., въ друг. городахъ 4, съ 322 учащ., и въ уѣздахъ 566, съ 20218 учащ.; изъ послѣднихъ 504 сельскія шк., съ 18815 учен. *Грамотность* развита; по даннымъ переписи 1881 г. въ Э. губ. безграмотныхъ было 6,1% (8,1 среди мужч. и 4,2 ср. женщ.); менѣе всего безграмотныхъ было среди нѣмцевъ — 0,9%, затѣмъ среди эстовъ—4,3%, болѣе всего среди русскихъ—32,3%. Среди принятыхъ на службу новобранцевъ безграмотные составляли: въ 1900 г.—6,8%, въ 1901 г. — 1,3%, въ 1902 г. — 6,0%. *Обществъ ученыхъ и художественныхъ* 15; изъ нихъ самое значительное—«Э. литерат. общ.» въ Ревелѣ (492 члена), при немъ «Э. музей» съ богатымъ собраніемъ древностей, монетъ, медалей, картинъ, скульптуръ и предметовъ по этнографіи и естественно-историческихъ. *Періодическихъ изданій* 11 (въ Ревелѣ 10 и въ гор. Везенбергѣ 1), ежедневныхъ 3, еженедѣльныхъ 6, ежемѣсячныхъ 1. На русскомъ яз. 2, на нѣмецкомъ 3, на эстонскомъ 6. Мѣстъ торговли книгами и библіотекъ для чтенія 72 (въ Ревелѣ 29, въ друг. городахъ 15, въ селеніяхъ 28). Типографій 19, литографій 4, типо-литографій 2, всего 25, изъ

нихъ 18 — въ Ревелѣ. *Окладные сборы.* Къ началу 1902 г. въ недоимкѣ состояло 36183 руб.; въ теченіе года подлежало къ поступленію: государственнаго поземельн. налога—53347 р., налога на город. недвиж.—78000 р., госуд. квартирн. налога — 23385 р., выкупн. плат. съ бывш. госуд. крестьянъ—5451 р. и по вѣдомству мин. землед. и госуд. имущ.—8674 р., всего 168866 р.; въ дѣйствительности поступило 181479 руб.; за нѣкоторыми начисленіями и исключеніями къ началу 1903 г. по окладнымъ сборамъ на Э. губ. оставалось въ недоимкѣ 25816 руб. *Городскіе доходы и расходы* (1902 г.). По 5 городамъ Э. губ. доходовъ поступило 613125 р. (изъ нихъ по гор. Ревелю — 540306 р.); главнѣйшія статьи доходовъ: экстренные (отъ казны, земскіе сборы, доходы отъ капиталовъ и др.)—31%, косвенные налоги — 19%, съ городск. имущ. и оброчн. статей — 20%, сборы съ частныхъ недвиж. имущ.—14%, съ промышленниковъ — 11%. Общая сумма расходовъ всѣхъ городовъ—606743 руб. (изъ нихъ гор. Ревеля—542642 р.); главнѣйшіе расходы: по городскому управленію—26% (въ томъ числѣ почти половина на содержаніе полиціи), благоустройство—16%, квартирная повинность—12%, благотворит. и друг. обществ. учрежденія—23%, уплата долговъ (по городамъ Ревелю и Гапсалю)—11%. *Акцизные сборы* въ 1902 г. дали 1350164 руб., изъ нихъ собственно съ вина и спирта—1161000 р. Заводовъ подлежащихъ акцизу 211 (винокуренныхъ—178), мѣстъ продажи питей и табаку—2316 (табачныхъ лавокъ—1861). *Натуральныя повинности*, за исключеніемъ воинской (въ 1902 г. принято въ войска 962 человѣка), отбываются по особымъ положеніямъ и правиламъ; какъ назначеніе, такъ и распредѣленіе этихъ повинностей предоставлено дворянству и совершается подъ непосредственнымъ его контролемъ. *Исторія.* Балтійское побережье въ древности было заселено чудскими племенами, находившимися въ нѣкоторой зависимости отъ Новгорода, Пскова и другихъ городовъ сѣверной Руси. Названіе Э., или, правильнѣе, Остляндія впервые встрѣчается послѣ завоеванія края датчанами въ 1080 г. Въ 1347 г. датскій король Вольдемаръ III уступилъ Э. за 19000 марокъ Ливонскому ордену, во власти котораго она находилась до 1561 г., когда эстляндское дворянство, вмѣстѣ съ городами, отпало отъ ордена и перешло въ шведское подданство. Къ Россіи Э. присоединена въ 1710 г.; тогда же образована была Ревельская губ. Нынѣшнее свое подраздѣленіе на уѣзды (въ началѣ названные дистриктами) Э. губ. получила въ 1745 г. Остатки древнихъ сооруженій сохранились въ Э. губ. во многихъ мѣстностяхъ; кромѣ старинныхъ храмовъ и друг. зданій въ городахъ, а также разбросанныхъ по странѣ развалинъ замковъ, встрѣчается масса городищъ и кургановъ; при раскопкахъ находятъ много предметовъ какъ историческихъ, такъ и доисторическихъ эпохъ.

Болѣе подробныя свѣдѣнія по исторіи края, объ особенностяхъ землевладѣнія и мѣстнаго управленія см. Прибалтійскій край и Прибалтійское гражданское право (XXV, 110—117, 117—124).

Литература. «Географ.-статист. словарь Росс. Имперіи», П. Семенова (т. V, СПб., 1885) Paul Jordan, «Ergebnisse d. ehstländ. Volkszählung» (Рев., 1883—84); его же, «Die Resultate d. ehstländ. Volkszählung» (Ревель, 1886); его же, «Сборн. свѣдѣній по географіи и статистикѣ Э. губ.», съ приложеніемъ ст. «О городищахъ» (Рев., 1889); карта генер. штаба, сост. Бурзи (1863); Русвурмъ, «Шведы на берегахъ Э.» (Рев., 1885); д-ръ К. Ратлефъ, «Очеркъ орографическихъ и гидрографич. условій въ Лифляндіи, Э. и Курляндіи» (Рев., 1852); д-ръ А. Гукъ, «Изслѣдованіе сел.-хоз. условій въ Эстл., Лифляндіи и Курляндіи» (Лпц., 1845); д-ръ Гревингъ, «Географич. карта Остзейскихъ провинцій» (1878); «Главнѣйшія данныя позем. стат.», изд. центр. статист. комитета мин. внутр. дѣлъ, вып. XLIX, «Э. губ.», (СПб., 1896); «Статист. сборн. мин. путей сообщ.» (вып. 72, СПб., 1903). *Д. Р.*

Эстляндскій 8-й пѣхотный **полкъ**—сформированъ въ 1811 г. изъ частей ревельскаго гарнизоннаго полка (старшинство съ 1711 г.), перновскаго и нарвскаго гарнизонныхъ баталіоновъ; въ 1833 г., съ присоединеннымъ 4 егерскимъ полкомъ, переименованъ въ егерскій полкъ, а въ 1856 г.—снова въ пѣхотный. Боевыя отличія: 1) георгіевское знамя за турецкую войну 1877—78 гг. и 2) походъ за военное отличіе въ сраженіяхъ при Лейпцигѣ 4 октября 1813 г.

Эстляндскія Губернскія Вѣдомости—издаются и редактируются съ 1853 г. въ Ревелѣ при эстляндскомъ губернскомъ правленіи, еженедѣльно. Ред. А. Кикаіонъ.

Esto mihi (лат. «будь мнѣ [скалою опоры»])—въ католической церкви обозначеніе 7-го воскресенья передъ Пасхою по началу мессы этого дня (Псаломъ LXXXI 3).

Эстонская литература. — Кромѣ мадьяръ и собственно финновъ, изъ всѣхъ финно-угорскихъ народовъ только эстонцы имѣютъ собственную литературу, возникшую въ срединѣ XVI ст. Въ 1553 г. была напечатана въ гор. Любекѣ первая книга на эстонскомъ языкѣ: «Малый Катихизисъ Лютера», въ переводѣ Франца Витте. Какъ эта книга, такъ и сочиненія польскаго іезуита Вельтера (1591 г.) исчезли безслѣдно; древнѣйшимъ крупнымъ литературнымъ памятникомъ эстонскаго яз. являются 39 проповѣдей Г. Мюллера, написанныхъ съ 1600 по 1606 г. и впервые изданныхъ въ 1891 г. Литература *I періода*, до конца XVII ст., почти исключительно религіозная. Народъ, изнуренный рабствомъ, войнами, опустошеніями, повальными болѣзнями, искалъ утѣшенія только въ религіи, извиняя какъ плохой языкъ, такъ и безтолковое правописаніе книгъ. Самые выдающіеся писатели этого періода: Г. Сталь (род. ок. 1600, ум. 1657), издавшій въ 1632—38 гг. «Hand- und Hauszbuch für das Fürstenthumb Ehsten» (молитвы, гимны въ прозѣ, воскресныя евангельскія и апостольскія чтенія), а въ 1641—49 г. сборникъ проповѣдей; въ 1656 г. его «Hand- u. Hauszb.» былъ изданъ въ исправлен-

вила; на ЮЗ она достигаетъ наибольшей высоты и вся изрѣзана ущельями, на С же спускается покато и по серединѣ ея возвышается вершина Malhão da Serra, достигающая 1993 м. высоты. Отсюда получаютъ свои воды Мондего, Альва и Зезере; отсюда же получаетъ Лиссабонъ свой ледъ. Недалеко отъ главной вершины лежатъ четыре глубокія и прозрачныя альпійскія озера, изъ которыхъ оз. Lagôa oscura имѣетъ 2,5 км. въ окружности, а Lagôa redonda даетъ начало р. Альва.

Эстремадура (Estremadura) — названіе мѣстности, составлявшей нѣкогда отдѣльную провинцію Испаніи, а въ 1833 г. раздѣленной на двѣ провинціи, Бадахозъ и Катсересъ. Она образуетъ западное продолженіе Новокастильской горной страны. На С горы Сьерра де-Гредосъ и Сьерра де-Гата, по южнымъ склонамъ которыхъ тянутся хлѣбныя поля и лѣса дубовые и каштановые. Лежащее у р. Тахо плато Верхней Э. (Estremadura alta) покрыто дубовыми лѣсами, которые перемежаются съ степными пространствами. Западная, равнинная и песчаная часть Э., между Тахо и Гвадіаной, образуетъ плоскую возвышенность, съ нѣсколькими невысокими хребтами. Къ Ю отъ Гвадіаны возвышается горная страна Нижней Э. (Estremadura baja, около 600 м. въ серединѣ), постепенно повышающаяся къ Ю, по направленію къ горамъ Сьерра Морена. Она по большей части лишена деревьевъ, слабо орошена, по берегамъ рѣкъ нездорова, но мѣстами имѣетъ и плодородную почву, годную для разведенія пшеницы. Во времена римскаго и мавританскаго владычества Э. была житницей Испаніи. Послѣ изгнанія мавровъ и вслѣдствіе страшной чумы 1348 г., а также и по другимъ причинамъ (эмиграція въ Америку), страна обезлюдѣла и обѣднѣла. Главная отрасль скотоводства, благодаря обилію дубовыхъ лѣсовъ — разведеніе свиней, доставляющихъ знаменитые окорока и колбасы. Въ горахъ разводится много козъ и муловъ. Развито въ значительной степени и пчеловодство. Горы Э. богаты металлами, строительнымъ камнемъ и минеральными источниками, но доставлявшее прежде значительные доходы горное дѣло находится теперь въ полномъ упадкѣ. Промышленность развита слабо; внѣшняя торговля ограничивается чуть ли не однимъ только обмѣномъ контрабанды съ Португаліей; водные пути Тахо и Гвадіаны въ предѣлахъ Э. оказываются совершенно безполезными. Обитатели Э., или такъ наз. Эстременьи (Estremeños), какъ и новокастильцы, представляютъ смѣшанное племя; отличаются отъ сосѣдей важностью и молчаливостью. Простой народъ грубоватъ, неповоротливъ, но добродушенъ, честенъ, безкорыстенъ, гостепріименъ и храбръ. Кортесъ и Пизарро были Эстременьи.

Эстремадура (Estremadura) — провинція въ Португальскомъ королевствѣ, примыкающая къ Атлантическому океану. 17800 кв. км; жит. около 1000000. Рѣка Тахо, протекая въ юго-западномъ направленіи, дѣлитъ провинцію на двѣ почти равной величины части, изъ которыхъ южную пересѣкаетъ р. Садонъ (Sadão, Sado). Э. въ большей своей части гориста. Къ С отъ Тахо тянется высокая Серра да Эстрелья, съ крутыми, безплодными известковыми горами и разсылаетъ по странѣ въ разныя стороны свои боковыя вѣтви и отроги. Къ З отъ устья Тахо возвышается группа гранитныхъ горъ Серра де Синтра (488 м. высоты), заканчивающаяся мысомъ Кабо да Рока, самою западной оконечностью Европейскаго материка. Къ Ю отъ Тахо лежатъ тощія, прерываемыя болотами и лишь отчасти затронутыя обработкой степи, а также известковыя горы Серра да Аррабида, поднимающіяся до 500 м. высоты на сѣверномъ краю Сетувальской бухты и оканчивающіяся мысомъ Кабо Эспичель (Cabo Espichel). Превосходный климатъ, но очень частыя землетрясенія. За исключеніемъ окрестностей Лиссабона и широкой долины на правомъ берегу Тахо, Э. скудно населена и лишь на половину обрабатывается, богата лежащими безъ пользы рудоносными жилами, цѣнными каменными породами (мраморъ), минеральными источниками (въ общемъ 16 курортовъ), солеварнями. Обширные хвойные лѣса. Большая часть провинціи безводна и едва населена. Исключеніе составляетъ только полуостровъ Сетубаль и горы Серра да Аррабида, съ апельсинными садами и виноградниками. Пшеница, маисъ, виноградъ, маслина даютъ здѣсь хорошіе урожаи. Разводятся больше всего лошади, ослы и свиньи, затѣмъ мулы и козы; овецъ держатъ сравнительно мало. Значительно развито также пчеловодство. Промышленнымъ центромъ провинціи служитъ Лиссабонъ, торговымъ — Сетубаль. Въ Э. самыя лучшія большія дороги въ Португаліи и больше всего желѣзно-дорожныхъ путей. Жители Э. считаются самыми образованными, а женщины — самыми красивыми во всемъ королевствѣ.

Эстремозъ (Estremoz)—гор. въ Португаліи, въ провинціи Алемтехо, въ 50 км. къ СВ отъ Эворы, на высотѣ 461 м. Жит. 8000—9000. Вывозная торговля съ Франціей и Испаніей, куда вывозятъ преимущественно знаменитую шерсть. Выламывается бѣлый, черный и зеленый мраморъ. По всей Португаліи расходятся изготовляемые здѣсь глиняные кувшины. Городъ окруженъ полуразвалившимися крѣпостными сооруженіями съ двумя фортами. Около 9 км. къ СЗ Санта Викторіа до Амеиксіалъ, гдѣ въ 1663 г. португальскій генералъ Фридрихъ Шомбергъ одержалъ блестящую побѣду надъ испанцами, обезпечившую независимость Португаліи подъ управленіемъ Браганцскаго дома.

Эструпъ (Jakob Brönnum Scavenius Estrup, род. въ 1825 г.)—датскій госуд. дѣятель. Политическую дѣятельность началъ въ 1854 г. въ фолькетингѣ; въ 1864 г. занялъ мѣсто въ ландстингѣ и, какъ глава партіи землевладѣльцевъ, принялъ горячее участіе въ пересмотрѣ конституціи (1866 г.). Съ 6 ноября (нов. ст.) 1865 г. по 18 сентября (нов. ст.) 1869 г. былъ министромъ внутреннихъ дѣлъ; заботился о развитіи желѣзнодорожнаго дѣла, о принятіи шоссейныхъ дорогъ въ вѣдѣніе государства и о коммунальномъ законодательствѣ. Съ 1875 г. былъ президентомъ совѣта

и министромъ финансовъ. Въ борьбѣ съ большинствомъ фолькетинга онъ выказалъ много энергіи. Въ 1894 г. вышелъ въ отставку.

Эсты — коренные обитатели Прибалтійскаго края и прибрежныхъ острововъ—Эзеля, Моона и др., принадлежатъ къ западной группѣ финно-угорскаго племени (см. XXXVI, 9). Извѣстны въ лѣтописяхъ подъ именемъ «чуди», но это же имя примѣняется и къ другимъ финскимъ племенамъ. Сами себя называютъ Tallo poeg — сынъ земли; у латышей извѣстны подъ названіемъ «igganni», т. е. «изгнанники», что указываетъ, вѣроятно, на оттѣсненіе ихъ (въ началѣ XIII в.) на сѣверъ; у русскихъ извѣстны подъ именемъ чухонъ, чухонцевъ; въ Псковской губ. Э., бывшіе издавна подъ русскимъ вліяніемъ, получили названіе setud или setukesed (=кляча) — «полувѣрцевъ». Площадь, заселенная Э.= около 38500 кв. км., съ населеніемъ около 950000 душъ, въ томъ числѣ въ Лифляндской губ. (перепись 1881 г.) 482613, въ Эстляндской (переп. 1881 г.) 329687, въ Псковской (переп. 1897 г.) 25458, въ С.-Петербургской (1897 г.) 64116, въ Витебской 906. По вѣроисповѣданію Э. бо̀льшею частью лютеране, въ Псковской губ.—православные, въ Витебской —католики.—Прародиной угро-финской семьи считаютъ центральную Азію, откуда въ доисторическія времена совершилась миграція черезъ сѣверо-востокъ Европы въ занимаемыя нынѣ угро-финнами области. Раздѣленіе на отдѣльныя племена можно отнести къ VII вѣку, такъ какъ уже съ этого времени археологическія раскопки даютъ указанія на обособленность финновъ, эстовъ, ливовъ и куровъ. Прибалтійскія находки указываютъ на знакомство съ металлами (желѣзные топоры, ножи, бронзовыя нагрудныя украшенія). Образъ жизни Э. того времени кочевой, охотничій, но уже съ зачатками земледѣлія. Нѣкогда Э. занимали всю Лифляндскую и Курляндскую губ., на что указываютъ названія мѣстностей съ окончаніемъ на küll (деревня) и jerw (озеро), но уже въ историческое время были оттѣснены латышами и славянами въ занимаемые нынѣ предѣлы; еще въ 1111 и 1178 г. новгородская лѣтопись упоминаетъ объ «Очелѣ» (Adselle, на сѣв.-зап. отъ Маріенбурга), какъ о странѣ, занятой Э. Съ этого времени Э. подвергались постояннымъ нападеніямъ скандинавскихъ князей, славянъ и, наконецъ, нѣмцевъ (меченосцевъ), которые, съ помощью Даніи, покорили Э. и обратили ихъ въ христіанство около 1227 г. Эта борьба была тѣмъ болѣе упорна, что, чуждые института рабства, Э. всѣми силами отстаивали свою исконную свободу. Послѣ нѣмцевъ Э. подпали подъ власть сначала Польши, затѣмъ Швеціи, а въ 1710 г. были окончательно присоединены къ Россіи. Со времени освобожденія отъ крѣпостной зависимости культурная жизнь Э. начала быстро развиваться. Въ *антропологическомъ* отношеніи Э. значительно отличаются отъ другихъ угро-финновъ. Черепъ Э. мезоцефальный (тогда какъ лопари—брахицефалы, а чуваши—долихоцефалы); очень рѣзко выдающіяся въ сторону скуловыя кости, длинный узкій носъ, съ четырехугольными надбровными дугами. Женскій черепъ имѣетъ характерныя отличія: онъ значительно меньшаго объема и относительно своей длины шире. Э. роста выше средняго (нерѣдко 170 стм.), крѣпкаго, коренастаго тѣлосложенія. Женщины имѣютъ характерныя особенности какъ въ строеніи таза, такъ и въ общей массивности тѣлосложенія, отличаясь здоровьемъ и силою. Цвѣтъ кожи бѣлый, волосы чаще всего свѣтло-русые, нерѣдко и свѣтлокоричневые; глаза свѣтлые, сѣровато-голубого цвѣта. Волосъ ни женщины, ни мужчины не стригутъ, а носятъ подъ платкомъ или подъ головнымъ уборомъ распущенными по плечамъ. Бороду и усы Э. брѣютъ. Одежда мужчинъ состоитъ изъ полотняной рубашки, застегиваемой на шеѣ металлическими, большею частью серебряными пряжками (этотъ обычай начинаетъ исчезать и остался по преимуществу у островитянъ и у полувѣрцевъ Псковской губ.), чулокъ, высокихъ сапогъ, короткихъ штановъ, обыкновенно чернаго цвѣта, жилета и сѣрой или зеленой куртки, въ родѣ пиджака; на шеѣ повязывается платокъ, часто шелковый; на головѣ войлочная шляпа съ широкими полями, зимой—шляпа изъ лисьяго мѣха и овечья шуба безъ покрышки. Женскій костюмъ — длинная холщевая рубашка, застегиваемая на груди пряжками, полосатыя темныя юбки, синій лифъ и кисейный вышитый фартукъ. Женскій головной уборъ довольно разнообразенъ. Живутъ Э. въ очень простыхъ бревенчатыхъ, большею частью курныхъ избахъ, но за послѣднее время и въ этомъ отношеніи замѣчается большой прогрессъ. Съ 80-хъ годовъ замѣчается стремленіе покупать въ собственность земли и развитіе мызнаго хозяйства. Пища главнымъ образомъ растительная; особенно любимы у Э. капуста и рѣпа, которую они разводили еще въ доисторическія времена. Лакомствомъ служитъ свиное мясо. Отличительныя черты характера Э.—упрямство и злопамятность, не смотря на терпѣливость и общую душевную мягкость; выведенный изъ себя, Э. становится жестокимъ и мстительнымъ. Э. рѣшителенъ, смѣлъ, находчивъ въ опасности, очень честенъ, но не чуждъ лѣни и безпечности. На женщину Э. смотритъ исключительно какъ на работницу, не заботясь особенно объ ея нравственномъ поведеніи. Нравы довольно свободны. Число незаконнорожденыхъ доходитъ до 6 процентовъ. Разводы крайне рѣдки. Обряды и пережитки старины все болѣе и болѣе забываются. Бо̀льшую стойкость обнаруживаютъ обряды свадебные и похоронные, особенно у сѣверныхъ Э. и у Э. псковскихъ. Такъ напр., по ихъ мнѣнію человѣкъ не долженъ умирать на постели, вслѣдствіе чего умирающаго кладутъ на соломенную подстилку (pikka õllile panuema—лежать на длинной соломѣ), на которой онъ и остается до смерти; весь уходъ за нимъ въ это время состоитъ въ томъ, что его стараются по возможности больше накормить. Гробъ съ покойникомъ ставятъ на телѣгу, на которую усаживаются всѣ близкіе и скорой рысью ѣдутъ на мѣсто погребенія. Въ полной силѣ еще и донынѣ во многихъ мѣстахъ вѣра во всевозможныхъ добрыхъ и нечистыхъ духовъ и свя-

занное съ нею колдовство (см. Э. миѳологія). См. библіографію по антропологіи и археологіи эстовъ статью Вейнберга въ «Русск. Антропол. журналѣ» (1901, № 3); Richter, «Geschichte der Ostseeprovinzen» (1857); Ригтихъ, «Матеріалы для этнографіи Россіи» («Прибалтійскій край», 1873); Alquist, «Culturwörter der Finnen»; Wiedemann, «Aus dem inneren und ausseren Leben des Esten» (1876); Schröder, «Die Hochzeitsgebrauche der Esten» (B., 1888); Mikkola, «Berührungen zwischen den Westfinnen u. d. Slaven» (Гельсингф., 1894); Майковъ, «Культурная жизнь зап. финновъ по даннымъ языка» (по Alquist'у); Трусманъ, «Введеніе христіанства въ Лифл.» (1884); его же, «Чудско-литовскій элементъ въ Новгород. пятинахъ» (Ревель, 1898); Благовѣщенскій, «Остр. Эзель и его обитатели» («Сбор. Археологичекаго Инст.», 1881); В. Миллеръ, «Сист. опис. Дашковск. Музея» (тамъ же отчасти указана библіографія). Много цѣннаго въ «Sitzungsberichte u. Verhandlungen der Gelehrten Estn. Gesellschaft.» *М. Е.*

Эстэнъ (Шарль-Гекторъ графъ d'Estaing)—французскій морякъ. Род. въ 1729 г. Сначала состоялъ въ военной службѣ, потомъ поступилъ во флотъ. Въ 1759 г., командуя двумя кораблями, взялъ въ Персидскомъ заливѣ Бендеръ-Абассъ и три англійскіе корабля; въ 1760 г. пошелъ къ Суматрѣ, взялъ форты Наталь, Таппаноли, Мальборо и много англійскихъ торговыхъ судовъ, но при возвращеніи на родину былъ взять въ плѣнъ и привезенъ въ Англію. Миръ 1763 г. возвратилъ ему свободу. Въ 1778 г. онъ получилъ команду надъ эскадрой въ 16 кораблей, которую Людовикъ XVI послалъ на помощь американцамъ. Его дѣйствіямъ помѣшалъ сначала страшный ураганъ, раскидавшій въ разныя стороны всю его эскадру. Въ іюнѣ 1779 г. онъ взялъ Санъ-Винченте, въ іюлѣ—Гренаду и разбилъ адмирала Байрона. Предпринятый имъ штурмъ Саванны не имѣлъ успѣха. Въ 1780 г. онъ былъ отозванъ во Францію. Въ 1787 г. въ собраніи нотаблей Э. возставалъ противъ мѣропріятій правительства. Въ 1789 г., командуя національной гвардіей въ Версали, онъ старался предотвратить безпорядки. 5 октября онъ получилъ отъ Людовика XVI приказъ въ крайнемъ случаѣ употребить оружіе противъ толпы, двигавшейся изъ Парижа въ Версаль, но не воспользовался этимъ правомъ. Позже онъ умолялъ Марію-Антуанету держаться строго конституціоннаго пути и довѣриться Лафайету. При преобразованіи флота въ 1792 г. онъ отклонилъ адмиральскій титулъ, какъ незаслуженный имъ, но, по требованію національнаго собранія, принялъ его. Во время процесса королевы онъ тщетно старался помочь ей. Въ 1794 г. онъ былъ призванъ въ революціонный трибуналъ, гдѣ напомнилъ о своихъ заслугахъ и говорилъ, что англичане много дали бы его соотечественникамъ за его голову; тѣмъ не менѣе онъ былъ осужденъ и гильотинированъ.

Эсхатологія—ученіе о послѣднихъ вещахъ, о конечной судьбѣ міра и человѣка—искони занимала религіозную мысль. Представленія о загробномъ существованіи — томленіяхъ въ подземномъ царствѣ мертвыхъ, мученіяхъ, странствованіяхъ въ призрачномъ мірѣ или упокоеніи и блаженствѣ въ странѣ боговъ и героевъ — распространены повсемѣстно и имѣютъ, повидимому, глубокіе психологическіе корни. По мѣрѣ проникновенія религіи нравственными идеями, появляются и представленія о загробномъ судѣ и возмездіи, хотя религія стремится обезпечить вѣрующему загробное блаженство помимо его нравственныхъ заслугъ—посредствомъ заклинаній или иныхъ религіозныхъ средствъ, какъ мы видимъ это у египтянъ, а впослѣдствіи у грековъ или у гностиковъ. Наряду съ вопросомъ о судьбѣ единичной человѣческой личности можетъ возникнуть вопросъ и о конечной судьбѣ всего человѣчества и всего міра—о «кончинѣ міра», напр. у древнихъ германцевъ (сумерки боговъ), или въ парсизмѣ (хотя трудно опредѣлить время возникновенія его эсхатологіи), или, наконецъ, у евреевъ, мусульманъ и въ христіанствѣ. У ветхозавѣтныхъ евреевъ индивидуальная Э., т. е. совокупность представленій о загробномъ существованіи отдѣльной личности, вытѣсняется изъ области собственно религіознаго интереса, который сосредоточивается на Э. національной или универсальной, т. е. на представленіяхъ о конечной судьбѣ Израиля, народа Божія, а слѣдовательно, и дѣла Божія на землѣ. Въ народныхъ вѣрованіяхъ такимъ концомъ естественно являлось возвеличеніе Израиля и его національнаго царства, какъ царства самого Ягве, Бога Израиля, и Его Помазанника или Сына—народа Израиля, олицетворяемаго въ царѣ, пророкахъ, вождяхъ, священникахъ. Пророки вложили въ представленіе о царствѣ Божіемъ высшее духовное содержаніе. Это царство не можетъ имѣть исключительно-національное значеніе: его осуществленіе — конечная реализація святой воли Божіей на землѣ—имѣетъ универсальное значеніе для всего міра, для всѣхъ народовъ. Оно опредѣляется прежде всего *отрицательно*, какъ судъ и осужденіе, обличеніе и ниспроверженіе всѣхъ безбожныхъ языческихъ царствъ и вмѣстѣ съ тѣмъ всей человѣческой неправды и беззаконія. Этотъ судъ, по своей универсальности, касается не однихъ язычниковъ, враговъ Израиля: онъ начинается съ дома Израиля, и, съ этой точки зрѣнія, всѣ историческія катастрофы, постигающія народъ Божій, представляются знаменіями суда Божія, который оправдывается самою вѣрою Израиля, является божественно-необходимымъ. Съ другой стороны конечная реализація царства опредѣляется *положительно*, какъ *спасеніе* и *жизнь*, какъ обновленіе, касающееся духовной природы человѣка и самой внѣшней природы. Во время плѣненія вавилонскаго и послѣ него Э. евреевъ получаетъ особенно глубокое и богатое развитіе, вмѣстѣ съ *мессіаническими чаяніями*. Со II в. въ апокалиптической литературѣ съ нею соединяются вѣрованія и представленія о личномъ безсмертіи и загробномъ возмездіи. Различные памятники этого періода отличаются разнообразіемъ представленій; можно

говорить объ апокалиптическихъ *преданіяхъ*, а не объ апокалиптическомъ преданіи. Одни памятники говорятъ о личномъ Мессіи, о воскресеніи мертвыхъ, о пророкѣ послѣднихъ временъ; другіе объ этомъ умалчиваютъ. Тѣмъ не менѣе постепенно, вплоть до христіанскихъ временъ (и впослѣдствіи), вырабатывается опредѣленный комплексъ апокалиптическихъ представленій, которыя вошли и въ христіанскую Э. Изучая систематически, начиная со II в. до Р. Хр., представленія евреевъ о «послѣднихъ вещахъ», можно принять въ общемъ слѣдующую схему: 1) скорби и казни, бѣдствія и знаменія послѣднихъ временъ, видимое торжество язычниковъ, нечестивыхъ и беззаконныхъ, крайнее напряженіе зла и неправды, предшествующее «концу» (безусловно общая черта всѣхъ апокалипсисовъ); 2) въ широкихъ кругахъ распространенное ожиданіе пророка, предтечи великаго «дня Господня», Иліи (Малахія; Втор. 18, 15; Мѳ. 16, 14, Іоан. 6, 14); 3) появленіе самого Мессіи (не во всѣхъ памятникахъ), послѣдняя борьба вражьихъ силъ противъ царства Божія и побѣда надъ ними десницей Мессіи или самаго Бога; во главѣ вражьихъ силъ помѣщается иногда богопротивный царь (впослѣдствіи—антихристъ) или самъ Веліаръ; 4) судъ и спасеніе, обновленіе Іерусалима, чудесное собраніе разсѣянныхъ сыновъ Израиля и начало благодатнаго царства въ Палестинѣ, которое имѣетъ продлиться 1000 (иногда 400) лѣтъ,—такъ называемый *хиліазмъ* (см.); передъ началомъ этого «тысячелѣтняго царства» праведные имѣютъ воскреснуть, дабы принять участіе въ его блаженствѣ (въ нѣкоторыхъ апокалипсисахъ Мессія умираетъ, при чемъ разыгрывается послѣдній эпизодъ борьбы Бога съ вражьей силой); 5) за концомъ исторіи, по совершеніи временъ, нѣкоторые говорятъ о концѣ міра—обновленіи вселенной. «Послѣдняя труба» возвѣщаетъ общее воскресеніе и общій судъ, за которыми слѣдуетъ вѣчное блаженство праведныхъ и вѣчная мука осужденныхъ. Иные представляли себѣ самую вѣчность по аналогіи времени и мечтали о всемірномъ іудейскомъ царствѣ, съ столицей въ Іерусалимѣ. Другіе мыслили грядущее царство славы какъ полное обновленіе неба и земли, какъ реализацію божественнаго порядка, упраздненіе зла и смерти, которому предшествуетъ огненное крещеніе вселенной. Съ этимъ связывается представленіе о *двойномъ воскресеніи*: первое воскресеніе праведныхъ, при началѣ тысячелѣтняго царства—седьмого тысячелѣтія, седьмого космическаго дня, субботы Господней, которою кончается *исторія*; второй судъ и второе *общее* воскресеніе—конецъ, цѣль *космическаго* процесса.

Изученіе *христіанскаго* апокалипсиса показываетъ, какимъ образомъ эти представленія еврейской апокалиптики были усвоены и переработаны церковью перваго вѣка. «Евангеліе царствія» непосредственно примыкаетъ къ проповѣди Іоанна Крестителя, въ которомъ видѣли Илію, предтечу дня Господня. «Покайтесь, ибо приблизилось царство небесное» —такъ училъ Іоаннъ, такъ учили и апостолы при жизни Іисуса. И въ той, и въ другой проповѣди царство Божіе, какъ *совершенное* осуществленіе воли Божіей на землѣ («яко на небеси»), сознается прежде всего какъ *судъ*, но вмѣстѣ и какъ спасеніе. Оно приблизилось, пришло, хотя и безъ видимой катастрофы; оно уже среди людей, въ лицѣ Іисуса, который сознаетъ себя единороднымъ Сыномъ Божіимъ, помазаннымъ Духомъ, и именуется «Сыномъ человѣческимъ» (какъ у Даніила или въ книгѣ Еноха), т. е. Мессіей, Христомъ. Мессія вмѣщаетъ въ себѣ царство, является его средоточіемъ, носителемъ, сѣятелемъ. Въ немъ осуществляется Новый Завѣтъ — внутреннее, совершенное соединеніе божескаго съ человѣческимъ, залогомъ котораго служитъ то единственное въ исторіи интимное, непосредственное соединеніе личнаго самосознанія съ Богосознаніемъ, какое мы находимъ у Іисуса Христа и только у Него. Внутренняя духовная сторона царства Божія въ человѣчествѣ находитъ здѣсь свое полное осуществленіе: въ этомъ смыслѣ царство Божіе *пришло*, хотя и не явилось еще въ полнотѣ своей славы. Іисусъ Христосъ есть «судъ міру сему» — тому міру, который «не позналъ» и не принялъ Его; и вмѣстѣ Онъ «спасеніе» и «жизнь» для тѣхъ, кто «познаетъ», принимаетъ Его и «творитъ волю Отца», въ Немъ открывающуюся, т. е. становится «сыномъ царства». Это внутреннее соединеніе съ Богомъ во Христѣ, это духовное созиданіе царства Божія не упраздняетъ, однако, вѣры въ окончательную реализацію этого царства, его «явленія» или пришествія «въ силѣ и славѣ». Послѣднее слово Іисуса къ синедріону, слово, за которое Онъ былъ осужденъ на смерть, было торжественнымъ засвидѣтельствованіемъ этой вѣры: «Я есмь (сынъ Благословеннаго) и вы увидите Сына Человѣческаго, сидящаго одесную силы и грядущаго съ облаками небесными» (Марк. 14, 62). Сознавая Себя средоточіемъ «царства», Іисусъ не могъ не ощущать его непосредственной *близости* (Марк. 13, 21, сл.), хотя срокъ наступленія его Онъ признавалъ извѣстнымъ одному Отцу (ib., ср. Дѣян., 1, 7); но сознаніе непосредственной близости царства, или «мессіаническое самосознаніе» Христа имѣло для Него практическимъ послѣдствіемъ сознанную необходимость страданія и смерти —для искупленія многихъ, для спасенія ихъ отъ суда и отверженія, связаннаго съ немедленнымъ наступленіемъ того царства, изъ котораго они, по внутреннему своему отношенію къ нему, сами себя исключаютъ. Заповѣдь Отца —въ томъ, чтобы не судить, а спасти міръ. Не явленіе во славѣ среди легіоновъ ангеловъ, а крестная смерть — вотъ путь къ внутренней побѣдѣ надъ міромъ и человѣкомъ. И тѣмъ не менѣе эта крестная смерть тоже не упраздняетъ Э. царства: она влагаетъ въ нее лишь новый смыслъ. Первое поколѣніе христіанъ всецѣло проникнуто мыслью о близости царства: не успѣете обойти городовъ Израиля, какъ придетъ Сынъ Человѣческій (Мѳ. 10, 23); не прейдетъ родъ сей (поколѣніе, γενεά) какъ все это будетъ (Марк. 13, 30); любимый

ученикъ Христовъ не умретъ до пришествія царства. Паденіе Іерусалима есть знаменіе скораго пришествія (Марка 13, 24; Луки 21, 27), и если во время осады и штурма Іерусалима іудеи ежеминутно ждали славнаго и чудеснаго явленія Мессіи, то и среди христіанъ перваго вѣка эти ожиданія сказываются съ неменьшею силою, являясь утѣшеніемъ въ скорби и гоненіяхъ и вмѣстѣ выраженіемъ живой вѣры въ непосредственную близость Христа. Послѣднія времена приблизились (Іак. 5, 8; 1 Петр. 4, 7; 1 Іоан. 2, 18), Господь пріидетъ *скоро* (Откр. 22, 9 и сл.); спасеніе ближе, чѣмъ при началѣ проповѣди, ночь проходитъ и наступаетъ разсвѣтъ (Рим. 13, 11, 12). Воскресенье Христа, какъ первая побѣда надъ смертью, служило ручательствомъ окончательной побѣды, общаго воскресенія, освобожденія всей твари отъ рабства тлѣнію; «явленія Духа» служатъ залогомъ конечнаго торжества Духа, одухотворенія вселенной. «Чаяніе будущаго и воскресеніе мертвыхъ»— такъ резюмируетъ ап. Павелъ свое исповѣданіе и вѣроученіе (Дѣян. 23, 6). Въ рамки традиціонной Э. (антихристъ, собраніе Израиля, судъ, воскресеніе, царствованіе Мессіи, рай и т. д.) апостолъ влагаетъ основную христіанскую мысль: въ воскресеніи и славномъ осуществленіи царства совершается конечное соединеніе Бога съ человѣкомъ, а черезъ него и со всей природой, которая вся преображается, освобождается отъ тлѣнія; Богъ будетъ все во всемъ (1 Кор. 15). Съ конца I в. зарождаются недоумѣнія, о которыхъ свидѣтельствуютъ памятники послѣ-апостольскаго вѣка, напр. посланіе Климента и позднѣйшія писанія Новаго Завѣта, какъ посланіе къ Евреямъ или второе посл. Петра. Первые христіане и апостолы умерли, не дождавшись «спасенія»; Іерусалимъ разрушенъ; языческій Римъ продолжаетъ царствовать—и это вызываетъ сомнѣнія. Являются насмѣшники, которые спрашиваютъ, гдѣ же обѣтованія о пришествіи Христа? Съ тѣхъ поръ, какъ почили отцы, все остается по прежнему, какъ было отъ начала творенія. Въ отвѣтъ этимъ насмѣшкамъ второе посланіе Петра указываетъ, что какъ нѣкогда прежній міръ погибъ отъ потопа, такъ нынѣшнее небо и земля блюдутся огню, сохраняемые на день суда и погибели нечестивыхъ. Одно надо знать — что «у Господа одинъ день какъ тысяча лѣтъ и тысяча лѣтъ, какъ одинъ день» (Пс. 90, 4),—почему отсрочка въ исполненіи обѣтованія должна объясняться не медлительностью, а долготерпѣніемъ (гл. 3). Этотъ текстъ, въ связи съ преданіемъ о хиліазмѣ, вызвалъ многочисленныя толкованія; между прочимъ онъ вызвалъ ожиданіе кончины міра около 1000 г., а затѣмъ въ XIV в., такъ какъ «тысячелѣтнее царство» стали считать наступившимъ со временъ Константина. Э., въ цѣломъ, является едва ли не однимъ изъ первыхъ догматовъ христіанства; первый вѣкъ былъ эпохою ея расцвѣта. Послѣдующіе вѣка жили преданіями ранней христіанской и отчасти іудейской Э., при чемъ съ теченіемъ времени отпадали нѣкоторыя старинныя преданія (напримѣръ чувственное представленіе о хиліазмѣ, которое играло значительную роль въ іудейской апокалиптикѣ и было заимствовано христіанами первыхъ вѣковъ: см., напримѣръ, фрагм. Папія). Изъ позднѣйшихъ придатковъ отмѣтимъ представленіе о мытарствахъ, нѣкогда игравшее важную роль у гностиковъ, но усвоенное и православными. Э. западной церкви обогатилась ученіемъ о чистилищѣ. Средневѣковая догматика схоластически разработала всѣ частные вопросы о «послѣднихъ вещахъ»; въ «Summa Theologiae» Ѳомы Аквинскаго можно найти подробныя свѣдѣнія о различныхъ отдѣлахъ загробнаго міра, о мѣстопребываніи праотцевъ, дѣтей, умершихъ до крещенія, о лонѣ Авраама, о судьбѣ души послѣ смерти, объ огнѣ чистилища, о воскресеніи тѣлъ и т. д. Художественное выраженіе этихъ воззрѣній мы находимъ въ «Божественной Комедіи» Данта, а у насъ—въ апокрифической литературѣ о раѣ и адѣ, хожденіяхъ по мукамъ и проч., которая тянется въ теченіе долгихъ вѣковъ и начатки которой слѣдуетъ искать въ раннихъ апокрифическихъ апокалипсисахъ. Современная мысль относится къ Э. индифферентно или отрицательно; тѣ изъ проповѣдниковъ христіанства, которые стремятся приспособить его къ требованіямъ современной мысли, дабы открыть ему широкій доступъ въ кругъ интеллигенціи, нерѣдко совершенно искренно силятся представить Э. какъ случайный придатокъ христіанства, какъ временный и преходящій моментъ, какъ нѣчто привнесенное въ него извнѣ тою исторической средою, въ которой оно возникло. Уже для греческой интеллигенціи Э. апостола Павла служила соблазномъ, какъ мы видимъ это по впечатлѣнію, произведенному его рѣчью передъ ареопагомъ: «когда же они услыхали о воскресеніи мертвыхъ, они стали насмѣхаться, а другіе сказали: объ этомъ послушаемъ тебя въ другое время» (Дѣян. 17, 32, ср. 24, 25). Тѣмъ не менѣе и теперь всякій добросовѣстный историкъ, научно изучающій исторію христіанства, вынужденъ признать, что христіанство, какъ таковое, т. е. какъ вѣра въ *Христа, Мессію* Іисуса, необходимо отъ начала было связано съ Э., составлявшей не случайный придатокъ, а существенный элементъ евангелія царства. Не отказываясь отъ самого себя, христіанство не можетъ отказаться отъ вѣры въ Богочеловѣчество и въ царство Божіе, въ конечную, совершенную побѣду, реализацію Бога на землѣ, — отъ вѣрованія, выраженнаго апостоломъ въ 1 Кор. 15, 13, слѣд. Отдѣльные образы христіанской Э. можно объяснять исторически, но основная идея ея, засвидѣтельствованная жизнью и смертью *Христа* Іисуса и всѣмъ Новымъ Завѣтомъ, начиная съ молитвы Господней, представляетъ и до сихъ поръ жизненный вопросъ христіанства — вѣры «во Единаго Бога Отца Вседержителя». Есть ли міровой процессъ безначальный, безконечный, безцѣльный и безсмысленный, чисто стихійный процессъ, или же онъ имѣетъ разумную конечную цѣль, абсолютный (т. е. на религіозномъ языкѣ божественный) конецъ? Существуетъ ли такая цѣль или абсолютное благо (т. е. Богъ) и

осуществимо ли это благо *«во всемъ»* (царство небесное—Богъ все во всемъ), или же природа представляетъ *вѣчную* границу для его осуществленія и само оно является лишь субъективнымъ, призрачнымъ идеаломъ? У христіанства возможенъ на это лишь одинъ отвѣтъ. *Кн. С. Т.*

Эсхилъ (Aeschylos)—отецъ европейской трагедіи, род. въ 525 г., ум. въ 456 г. до Р. Хр. Его родиной былъ аттическій городъ Елевсинъ, славный своими старинными таинствами, учрежденными, по преданію, самой богиней Деметрой. Въ этихъ таинствахъ, подъ прозрачнымъ символомъ возрожденія погруженнаго въ землю зерна, проводились глубокомысленныя идеи о предстоящемъ воскресеніи похороненнаго въ землѣ человѣка, о его загробной жизни, о наградѣ добрымъ и карѣ для злыхъ. Они дали направленіе уму молодого Э., заставляя его вдумываться въ смыслъ жизни, въ отношеніе человѣческой воли къ божеству и къ року, въ причины и условія нравственнаго паденія и нравственнаго оправданія. Зависимость Э. отъ культа елевсинской Деме́тры не ускользнула отъ его современниковъ: Аристофанъ въ своихъ «Лягушкахъ» (подъ этимъ заглавіемъ скрывается драматизованное состязаніе между Э. и Еврипидомъ, кончающееся побѣдой перваго) влагаетъ ему въ уста слѣдующую молитву: «Деметра, воспитавшая мою душу, дай мнѣ оказаться достойнымъ твоихъ таинствъ». Но если направленіе Эсхилова творчества и было обусловлено его рожденіемъ въ Елевсинѣ, то своей ареной онъ былъ обязанъ Аѳинамъ; благодаря имъ, онъ сдѣлался не пѣвцомъ литургическихъ гимновъ и кантатъ, а трагическимъ поэтомъ. Въ Аѳинахъ уже съ давнихъ поръ существовалъ культъ Діониса, бога не столько вина, сколько того особеннаго «вакхическаго» экстаза, съ которымъ греки впервые познакомились при посредствѣ вина и который поразилъ ихъ впечатлительный и вдумчивый умъ, какъ второе (послѣ сна) и еще болѣе явное доказательство обособленности человѣческой души и ея способности къ выступленію, къ «изступленію» (греч. ek-stasis) изъ рамокъ индивидуальной, тѣлесной жизни. Вотъ почему на праздествахъ Діониса исполнялись съ древнихъ поръ экстатическія поэмы, такъ назыв. диѳирамбы, поэмы видѣній и приподнятыхъ чувствъ; ихъ технической особенностью была самостоятельная роль корифея, который въ лирическую пѣснь хора вставлялъ пассажи эпическаго характера и размѣра, такъ что лирика чередовалась съ эпикой, аффекты—съ видѣніями, между тѣмъ какъ въ силу общаго экстатическаго настроенія всѣ исполняющіе чувствовали свои души перенесенными въ другія тѣла и говорили и дѣйствовали какъ герои тѣхъ видѣній, которыя занимали ихъ воображеніе въ данную минуту. Таковъ зародышъ трагедіи; его развитіе до Э. состояло: 1) въ введеніи обособленнаго отъ хора актера, который являлся то въ одной, то въ другой роли и вступалъ въ бесѣду съ корифеемъ, вслѣдствіе чего могъ возникнуть драматическій діалогъ, на ряду съ эпическими партіями корифея въ первоначальномъ диѳирамбѣ (его введеніе приписывалось Ѳеспису, поэту эпохи Писистрата, котораго поэтому и считали родоначальникомъ трагедіи), и 2) въ пріобщеніи къ этой примитивной, чисто аттической драмѣ введенной изъ Пелопоннеса такъ назыв. «сатирической драмы»; это былъ тотъ же диѳирамбъ, въ которомъ, однако, хоръ состоялъ изъ козлоподобныхъ лѣсныхъ демоновъ, такъ назыв. сатировъ, а актеръ выступалъ въ роли ихъ отца, пѣстуна младенца-Діониса, Силена. Это была, такимъ образомъ, настоящая «пѣснь козловъ», tragôdia (отъ tragos «козелъ» и ôdê «пѣсня»); лишь со временемъ слово tragôdia (лат. tragœdia, трагедія) было перенесено съ этой сатирической драмы на исполнявшуюся на той же сценѣ серьезную трагедію. Эпоха юности Э. была временемъ ожесточенной борьбы между этой пелопоннесской трагедіей и исконно аттическимъ диѳирамбомъ: главой аттическаго направленія былъ непосредственный предшественникъ Эсхила, аѳинянинъ Фринихъ, главой пелопоннесскаго — Пратинъ изъ Фліунта въ Пелопоннесѣ. Эсхилъ былъ еще отрокомъ, когда произошло событіе, долженствовавшее, какъ казалось, доставить перевѣсъ пелопоннесскому направленію, но поведшее, совершенно неожиданно, къ торжеству аттическаго. Этимъ событіемъ было изгнаніе Писистратидовъ въ 510 г. Состоялось оно подъ давленіемъ Дельфовъ и благодаря вмѣшательству Спарты, но побѣдители слишкомъ круто воспользовались плодами своей побѣды и вызвали этимъ реакцію, результатомъ которой было изгнаніе спартанцевъ изъ Аѳинъ и реформы Клисѳена. Въ связи съ этими реформами находилась несомнѣнно и состоявшаяся въ 508 г. замѣна странствующихъ хоровъ на праздествахъ Діониса хорами гражданъ (см. Хоръ). Съ этого же времени приблизительно начинается и поэтическая дѣятельность Э.: по свидѣтельству его біографовъ, онъ еще въ молодости сталъ писать трагедіи.

Первый юношескій періодъ его творчества продолжался до 484 г., когда онъ одержалъ свою первую побѣду; намъ трагедіи этого періода не сохранены; повидимому, это было временемъ медленной выработки Э. своего собственнаго трагическаго стиля. Въ этомъ отношеніи заслуживаютъ вниманія три момента: 1) введеніе второго актера въ придачу къ тому первому, который былъ введенъ еще Ѳесписомъ. Отсюда не слѣдуетъ, что Э. былъ изобрѣтателемъ трагическаго діалога (возможнаго и при одномъ актерѣ, такъ какъ его собесѣдникомъ могъ быть корифей), но несомнѣнно, что это нововведеніе должно было способствовать развитію дѣйствія, такъ какъ только оно дало возможность вывести одновременно на сцену двухъ персонажей изъ представляемой фабулы. Впрочемъ, это развитіе совершалось очень медленно: въ самыхъ раннихъ изъ сохранившихся трагедій Э., принадлежащихъ слѣдующему періоду, роль второго актера довольно незначительна и цѣлый рядъ сценъ можетъ быть сыгранъ при участіи одного; 2) примиреніе аттическаго элемента съ пелопоннесскимъ (дорическимъ). Враждовавшія другъ

ученикъ Христовъ не умреть до пришествія царства. Паденіе Іерусалима есть знаменіе скораго пришествія (Марка 13, 24; Луки 21, 27), и если во время осады и штурма Іерусалима іудеи ежеминутно ждали славнаго и чудеснаго явленія Мессіи, то и среди христіанъ перваго вѣка эти ожиданія сказываются съ неменьшею силою, являясь утѣшеніемъ въ скорби и гоненіяхъ и вмѣстѣ выраженіемъ живой вѣры въ непосредственную близость Христа. Послѣднія времена приблизились (Іак. 5, 8; 1 Петр. 4, 7; 1 Іоан. 2, 18), Господь пріидеть *скоро* (Откр. 22, 9 и сл.); спасеніе ближе, чѣмъ при началѣ проповѣди, ночь проходитъ и наступаетъ разсвѣтъ (Рим. 13, 11, 12). Воскресенье Христа, какъ первая побѣда надъ смертью, служило ручательствомъ окончательной побѣды, общаго воскресенія, освобожденія всей твари отъ рабства тлѣнію; «явленія Духа» служатъ залогомъ конечнаго торжества Духа, одухотворенія вселенной. «Чаяніе будущаго и воскресеніе мертвыхъ»— такъ резюмируетъ ап. Павелъ свое исповѣданіе и вѣроученіе (Дѣян. 23, 6). Въ рамки традиціонной Э. (антихристъ, собраніе Израиля, судъ, воскресеніе, царствованіе Мессіи, рай и т. д.) апостолъ влагаетъ основную христіанскую мысль: въ воскресеніи и славномъ осуществленіи царства совершается конечное соединеніе Бога съ человѣкомъ, а черезъ него и со всей природой, которая вся преображается, освобождается отъ тлѣнія; Богъ будетъ все во всемъ (1 Кор. 15). Съ конца I в. зарождаются недоумѣнія, о которыхъ свидѣтельствуютъ памятники послѣ-апостольскаго вѣка, напр. посланіе Климента и позднѣйшія писанія Новаго Завѣта, какъ посланіе къ Евреямъ или второе посл. Петра. Первые христіане и апостолы умерли, не дождавшись «спасенія»; Іерусалимъ разрушенъ; языческій Римъ продолжаетъ царствовать—и это вызываетъ сомнѣнія. Являются насмѣшники, которые спрашиваютъ, гдѣ же обѣтованія о пришествіи Христа? Съ тѣхъ поръ, какъ почили отцы, все остается по прежнему, какъ было отъ начала творенія. Въ отвѣтъ этимъ насмѣшкамъ второе посланіе Петра указываетъ, что какъ нѣкогда прежній міръ погибъ отъ потопа, такъ нынѣшнее небо и земля блюдутся огню, сохраняемые на день суда и погибели нечестивыхъ. Одно надо знать — что «у Господа одинъ день какъ тысяча лѣтъ и тысяча лѣтъ, какъ одинъ день» (Пс. 90, 4),—почему отсрочка въ исполненіи обѣтованія должна объясняться не медлительностью, а долготерпѣніемъ (гл. 3). Этотъ текстъ, въ связи съ преданіемъ о хиліазмѣ, вызвалъ многочисленныя толкованія; между прочимъ онъ вызвалъ ожиданіе кончины міра около 1000 г., а затѣмъ въ XIV в., такъ какъ «тысячелѣтнее царство» стали считать наступившимъ со временъ Константина. Э., въ цѣломъ, является едва ли не однимъ изъ первыхъ догматовъ христіанства; первый вѣкъ былъ эпохою ея расцвѣта. Послѣдующіе вѣка жили преданіями ранней христіанской и отчасти іудейской Э., при чемъ съ теченіемъ времени отпадали нѣкоторыя старинныя преданія (напримѣръ чувственное представленіе о хиліазмѣ, которое играло значительную роль въ іудейской апокалиптикѣ и было заимствовано христіанами первыхъ вѣковъ: см., напримѣръ, фрагм. Папія). Изъ позднѣйшихъ придатковъ отмѣтимъ представленіе о мытарствахъ, нѣкогда игравшее важную роль у гностиковъ, но усвоенное и православными. Э. западной церкви обогатилась ученіемъ о чистилищѣ. Средневѣковая догматика схоластически разработала всѣ частные вопросы о «послѣднихъ вещахъ»; въ «Summa Theologiae» Ѳомы Аквинскаго можно найти подробныя свѣдѣнія о различныхъ отдѣлахъ загробнаго міра, о мѣстопребываніи праотцевъ, дѣтей, умершихъ до крещенія, о лонѣ Авраама, о судьбѣ души послѣ смерти, объ огнѣ чистилища, о воскресеніи тѣлъ и т. д. Художественное выраженіе этихъ воззрѣній мы находимъ въ «Божественной Комедіи» Данта, а у насъ—въ апокрифической литературѣ о раѣ и адѣ, хожденіяхъ по мукамъ и проч., которая тянется въ теченіе долгихъ вѣковъ и начатки которой слѣдуетъ искать въ раннихъ апокрифическихъ апокалипсисахъ. Современная мысль относится къ Э. индифферентно или отрицательно; тѣ изъ проповѣдниковъ христіанства, которые стремятся приспособить его къ требованіямъ современной мысли, дабы открыть ему широкій доступъ въ кругъ интеллигенціи, нерѣдко совершенно искренно силятся представить Э. какъ случайный придатокъ христіанства, какъ временный и преходящій моментъ, какъ нѣчто привнесенное въ него извнѣ тою исторической средою, въ которой оно возникло. Уже для греческой интеллигенціи Э. апостола Павла служила соблазномъ, какъ мы видимъ это по впечатлѣнію, произведенному его рѣчью передъ ареопагомъ: «когда же они услыхали о воскресеніи мертвыхъ, они стали насмѣхаться, а другіе сказали: объ этомъ послушаемъ тебя въ другое время» (Дѣян. 17, 32, ср. 24, 25). Тѣмъ не менѣе и теперь всякій добросовѣстный историкъ, научно изучающій исторію христіанства, вынужденъ признать, что христіанство, какъ таковое, т. е. какъ вѣра въ *Христа*, *Мессію* Іисуса, необходимо отъ начала было связано съ Э., составлявшей не случайный придатокъ, а существенный элементъ евангелія царства. Не отказываясь отъ самого себя, христіанство не можетъ отказаться отъ вѣры въ Богочеловѣчество и въ царство Божіе, въ конечную, совершенную побѣду, реализацію Бога на землѣ, — отъ вѣрованія, выраженнаго апостоломъ въ 1 Кор. 15, 13, слѣд. Отдѣльные образы христіанской Э. можно объяснять исторически, но основная идея ея, засвидѣтельствованная жизнью и смертью *Христа* Іисуса и всѣмъ Новымъ Завѣтомъ, начиная съ молитвы Господней, представляетъ и до сихъ поръ жизненный вопросъ христіанства — вѣры «во Единаго Бога Отца Вседержителя». Есть ли міровой процессъ безначальный, безконечный, безцѣльный и безсмысленный, чисто стихійный процессъ, или же онъ имѣетъ разумную конечную цѣль, абсолютный (т. е. на религіозномъ языкѣ божественный) конецъ? Существуетъ ли такая цѣль или абсолютное благо (т. е. Богъ) и

слѣдують тоже длинныя такъ назыв. стихомиѳіи, при которыхъ собесѣдники чередуются, произнося по одному стиху: не допускается ни нарушеніе этого порядка, ни вообще начало или конецъ рѣчи въ срединѣ стиха. Дѣйствіе развито очень слабо: въ «Персахъ» такъ могутъ быть названы только мистическіе обряды, посредствомъ которыхъ царица Атосса вызываетъ изъ преисподней тѣнь своего умершаго супруга, въ «Просительницахъ»—сравнительно оживленная сцена, въ которой посланецъ сыновей Египта пытается силой заставить Данаидъ послѣдовать за нимъ. Индивидуальныхъ характеристикъ еще нѣтъ. Атосса—просто царица-мать, Данай—просто отецъ-изгнанникъ, Дарій и Пелазгъ—цари. Интересъ приковывается особенно хорическими пѣснями, которыя и по содержанію, и по отдѣлкѣ занимаютъ первое мѣсто; особенно хороши въ «Персахъ»—траурная пѣснь по погибшимъ воинамъ, въ «Просительницахъ»—благодарственная пѣснь Данаидъ за оказанное имъ гостепріимство, обѣ исполненныя высокой гуманности и благородства. Обѣ пьесы были частями трилогій, но только «Просительницы» были объединены со слѣдующими пьесами единствомъ фабулы. Въ нихъ разсказывалось, какъ Египтіады пошли на Аргосъ войной, какъ послѣ гибели Пелазга Данай былъ избранъ царемъ и, ставя царскія чувства выше отеческихъ, согласился выдать дочерей за ненавистныхъ Египтіадовъ, но велѣлъ имъ въ брачную ночь умертвить своихъ супруговъ (2-я пьеса, «Строители теремовъ»). Всѣ дочери исполнили приказаніе отца, кромѣ одной Гипермнестры; Данай наряжаетъ судъ надъ ослушницей, но ее оправдываютъ послѣ того, какъ сама Афродита, защищая обвиняемую, въ пространной рѣчи (она сохранилась) заявила о святости правъ любви (третья пьеса, «Данаиды). — Въ жизни поэта этотъ періодъ былъ не менѣе бурнымъ, чѣмъ предыдущій. Достаточно сказать, что это былъ во внѣшней политикѣ Аѳинъ періодъ саламинской и платейской битвъ (Э. принималъ участіе въ обѣихъ) и основанія аттической державы, а во внутренней—періодъ возвышенія ареопага, руководившаго аѳинской политикой въ тревожное время нашествія враговъ. Э. былъ знатнаго происхожденія; болѣе чѣмъ вѣроятно, что онъ и самъ былъ членомъ этой аристократической коллегіи; понятно, что тогдашняя политика Аѳинъ пользовалась его полнымъ сочувствіемъ. Въ то же время и его слава какъ поэта стала распространяться повсюду; она проникла и въ западный центръ греческаго міра. Сиракузы, которыя незадолго до того и въ одно время съ Аѳинами столь же героически выдержали нападеніе гораздо болѣе могущественнаго врага — карѳагенянъ. Ихъ мудрый и дѣятельный царь Гіеронъ въ 476 г. основалъ у подножія Этны одноименный съ горой городъ и пригласилъ Эсхила принять участіе въ праздникѣ, данномъ по этому случаю; для него Э. написалъ (потерянную нынѣ) трагедію подъ заглавіемъ «Этнеянки». Послѣ 472 г. Э. вторично былъ въ Сиракузахъ, чтобы тамъ поставить своихъ «Персовъ»: пережи-

тыя тревоги карѳагенскаго нашествія с
лали эту пьесу и тамъ вполнѣ понятною
умѣстною.

Второе путешествіе въ Сицилію заверша
второй періодъ дѣятельности Э.; по свое
возвращеніи въ Аѳины онъ засталъ уже з
лымъ и самостоятельнымъ человѣка, въ ко
ромъ до тѣхъ поръ видѣлъ лишь своего у
ника—Софокла. Въ 468 г. оба поэта выс
пили одновременно на аѳинской сценѣ.
фоклъ, бывшій на 30 л. моложе своего учит
и соперника, ставилъ своего «Триптолем
Э.—неизвѣстную намъ трилогію. Трагедія
фокла привела зрителей въ восторгъ; все
судьи долго не рѣшались подать свой гол
противъ всеэллинской славы Э. Архон
руководившій представленіемъ, предлож
славному въ тѣ времена полководцу Кимон
его товарищамъ рѣшить споръ; побѣда б
присуждена Софоклу. Съ этихъ поръ оба
совмѣстно владѣютъ аѳинской сценой; что
отношенія другъ къ другу не испортил
видно изъ нѣкоторыхъ намековъ въ назв
ныхъ уже «Лягушкахъ» Аристофана. Усп
«Триптолема» былъ отчасти послѣдствіе
того, что Софоклъ увеличилъ число сво
актеровъ до трехъ; понятно, насколько
этого должна была выиграть оживленно
діалога и дѣйствія. Э. поспѣшилъ восполь
ваться этой идеей своего молодого сопер
ка; въ 467 г. онъ поставилъ свою ѳиванск
трилогію, изъ которой сохранилась тол
послѣдняя трагедія, «*Семь вождей*»,
участіи уже трехъ актеровъ. Но и въ д
гомъ отношеніи эта трилогія — точнѣе
воря, трагедія, такъ какъ только о
мы и можемъ судить—была прогресс
въ сравненіи съ трагедіями второго періо
впервые мы вмѣсто типической характе
стики встрѣчаемъ индивидуальную, и прит
очень смѣлую и могучую. Герой трагеді
Этеоклъ, одинъ изъ обоихъ отверженныхъ
новей Эдипа. Онъ изгналъ изъ Ѳивъ сво
брата Полиника; тотъ набралъ рать и союз
ковъ (это и есть семь вождей) и съ ихъ
мощью хочетъ насильственно покорить св
родину. Проклятіе отца начинаетъ сбыват
Этеоклъ это сознаетъ; но онъ слишкомъ см
и гордъ, чтобы отступить. Будучи вооб
дѣятельнымъ и умнымъ царемъ, онъ мрач
отвергаетъ помощь боговъ, къ которымъ об
щаются испуганныя жены и дочери его п
данныхъ; вмѣсто того, чтобы принять м
предосторожности, онъ дерзновенно вы
ваетъ рокъ, передъ которымъ трепещ
остальные, самолично выступаетъ прот
брата и гибнетъ въ поединкѣ вмѣстѣ
нимъ.—Величавый замыселъ Э. поправи
аѳинянамъ; ему была присуждена поб
Въ техникѣ также наблюдается прогрес
трагедія начинается съ пролога, предшеств
щаго вступленію хора, партіи послѣдняго з
чительно сокращены и на ихъ счетъ уве
ченъ объемъ діалога.—Около того же в
мени была, повидимому, поставлена и т
логія «Прометей», изъ которой намъ сох
нена лишь вторая (по мнѣнію Вестфаля—п
вая) трагедія: «*Прикованный Прометей*». П
зорливый титанъ, зная, что Зевсъ только

человѣкѣ можетъ найти спасителя отъ угрожающей его царству гибели, хочетъ поднять человѣческій родъ и для этого даритъ ему эѳирный огонь, похищая его съ небесныхъ высотъ; Зевсъ, видя въ этомъ похищеніи нарушеніе всемірнаго договора и не зная рѣшеній рока, въ наказаніе приковываетъ его къ скаламъ Кавказа; Прометей выноситъ всѣ муки и не выдаетъ преждевременно своей тайны, зная, что со временемъ Зевсъ оцѣнитъ его услугу. Это—единственная божественная трагедія, которая намъ сохранена изъ древности: по грандіозности своей концепціи она превосходитъ всѣ прочія трагедіи нашего поэта и сильно заинтересовала мыслителей и поэтовъ новой Европы. Не все, однако, въ ней намъ ясно—главнымъ образомъ потому, что ея продолженіе, «Освобожденный Прометей», содержавшее рѣшеніе загадокъ, до насъ не дошло. Послѣдней трилогіей Э., о которой мы знаемъ (458 г.), была его «*Орестея*»—къ счастью сохранившаяся цѣликомъ, въ составѣ своихъ трехъ трагедій: «Агамемнона», «Хоэфоръ» (=приносительницъ возліяній) и «Евменидъ». Содержаніе этой трилогіи—судьба рода Атридовъ, въ лицѣ его самыхъ славныхъ представителей, Агамемнона и его сына Ореста. Передъ Троянскимъ походомъ Агамемнонъ приноситъ въ жертву своему честолюбію свою дочь Ифигенію; онъ достигаетъ своей цѣли и возвращается на родину побѣдителемъ, но здѣсь падаетъ отъ руки своей жены Клитемнестры, дѣйствующей подъ вліяніемъ жажды мести за смерть дочери и преступной любви къ родственнику своего мужа, Эгисту. Малолѣтній сынъ Агамемнона, Орестъ, не былъ свидѣтелемъ этой расправы: онъ воспитывался вдали отъ родины. Когда онъ выросъ, онъ обратился къ Аполлону съ вопросомъ, что ему дѣлать; тотъ приказываетъ ему помнить прежде всего о долгѣ мести. Повинуясь этому приказанію, онъ убиваетъ мать, но этимъ навлекаетъ на себя гнѣвъ Евменидъ, которыя отнынѣ не даютъ ему покоя. Онъ ищетъ убѣжища въ Дельфахъ, въ храмѣ Аполлона; тотъ обѣщаетъ ему не покидать его и велитъ обратиться къ суду Аѳины. Преслѣдуемый Евменидами, Орестъ бѣжитъ въ Аѳины: сама богиня учреждаетъ судъ—позднѣйшій Ареопагъ, который оправдываетъ Ореста; умилостивленіемъ оскорбленныхъ Евменидъ кончается трилогія.—По своему драматизму трагедіи этой трилогіи—самыя совершенныя изъ всѣхъ произведеній нашего поэта; по своему глубокомыслію онѣ соперничаютъ съ «Прометеемъ», но имѣютъ передъ нимъ то преимущество, что на аренѣ—не божественная, а человѣческая среда. Божества участвуютъ въ нихъ лишь какъ представители нравственныхъ принциповъ. Евмениды—это принципъ возмездія, «старыя божества», какъ ихъ называетъ самъ поэтъ; имъ противоставляются «молодыя божества», Аполлонъ и Аѳина, представители принципа оправданія и прощенія, но не при одинаковыхъ условіяхъ. Аполлонъ—принципъ оправданія божьей милостью, согласно дельфійской морали; отсылая Ореста отъ Аполлона къ Аѳинѣ и Ареопагу, поэтъ хотѣлъ выдвинуть на счетъ дельфійской морали мораль аѳинскую, велящую человѣку искать себѣ оправданія въ сужденіи лучшихъ изъ равныхъ ему. Трилогія и особенно ея послѣдняя трагедія не лишены и нѣкоторой политической тенденціи: возвеличивая Ареопагъ, какъ нравственный устой аѳинской гражданственности, поэтъ несомнѣнно имѣлъ въ виду защитить эту симпатичную ему коллегію отъ нападеній, которымъ она подвергалась въ послѣднее время со стороны вождей демократической партіи, вѣрныхъ исполнителей Ѳемистокловыхъ идей—Эфіальта и Перикла. Очень возможно, что именно эти нападенія и отравили Э. его пребываніе въ Аѳинахъ; самъ Аристофанъ свидѣтельствуетъ, что Э. «не ладилъ съ аѳинянами» въ послѣднее время своей жизни. Намъ разсказываютъ даже, что Э. подвергся обвиненію въ нечестіи — а именно въ томъ, что онъ въ одной изъ своихъ трагедій вывелъ наружу таинства елевсинской Деметры. Какъ бы то ни было, Э. вскорѣ послѣ своей «Орестеи» покинулъ Аѳины, въ третій разъ отправился въ Сицилію и въ 456 г. умеръ въ сицилійскомъ городѣ Гелѣ. Отъ него осталось около 90 трагедій (включая сатирическія драмы), заглавія которыхъ намъ, за немногими исключеніями, извѣстны; отъ многихъ сохранились также болѣе или менѣе значительные отрывки. Героями трилогій были Ахиллъ, Аянтъ, Одиссей, Мемнонъ, Ніобея, Адрастъ, Персей; къ кругу сказаній о Діонисѣ принадлежали трилогіи о Ликургѣ и Пенѳеѣ, противникахъ его культа, страшно наказанныхъ за свою строптивость. Вскорѣ послѣ смерти поэта состоялось постановленіе, которымъ всѣ его пьесы были допущены къ трагическимъ состязаніямъ наравнѣ съ новыми пьесами другихъ поэтовъ. Этимъ путемъ его слава и вліяніе были обезпечены на много поколѣній, а также обезпечена сохранность его пьесъ. Въ александрійскую эпоху онѣ были извѣстны всѣ безъ большихъ пробѣловъ и всѣ читались и изслѣдовались; лишь въ римскій періодъ (во II в. по Р. Хр.) была сдѣлана выборка тѣхъ семи пьесъ, которыя дошли до насъ. Въ византійскую эпоху три изъ нихъ (именно: «Персы», «Прометей» и «Семь вождей») были выбраны для школьнаго чтенія; онѣ сохранились въ болѣе значительномъ числѣ списковъ, между тѣмъ какъ сохраненіе остальныхъ четырехъ слѣдуетъ, повидимому, приписать счастливой случайности.

Э. былъ создателемъ греческой, а стало быть и всемірной трагедіи. При чтеніи и разборѣ его пьесъ прежде всего бросается въ глаза значительность совершившейся въ нихъ эволюціи трагедіи, какъ поэтическаго типа. Хотя трагедіи перваго, подготовительнаго періода не сохранены, а сохранившіяся обнимаютъ собой промежутокъ всего въ 14 лѣтъ (472—458), тѣмъ не менѣе разница между первой и послѣдней изъ нихъ («Персами» и трагедіями «Орестеи») гораздо сильнѣе, чѣмъ у Софокла—между «Антигоной» и «Эдипомъ въ Колонѣ», или у Еврипида—между «Алкестидой» и «Ифигеніей Авлидской», отдѣленныхъ 35-лѣтнимъ промежуткомъ. «Персы» и «Просительницы» — это скорѣе кантаты, чѣмъ драмы; въ нихъ еще нѣтъ харак-

слѣдуютъ тоже длинныя такъ назыв. стихомиѳіи, при которыхъ собесѣдники чередуются, произнося по одному стиху: не допускается ни нарушеніе этого порядка, ни вообще начало или конецъ рѣчи въ срединѣ стиха. Дѣйствіе развито очень слабо: въ «Персахъ» такъ могутъ быть названы только мистическіе обряды, посредствомъ которыхъ царица Атосса вызываетъ изъ преисподней тѣнь своего умершаго супруга, въ «Просительницахъ»—сравнительно оживленная сцена, въ которой посланецъ сыновей Египта пытается силой заставить Данаидъ послѣдовать за нимъ. Индивидуальныхъ характеристикъ еще нѣтъ. Атосса—просто царица-мать, Данай—просто отецъ-изгнанникъ, Дарій и Пелазгъ—цари. Интересъ приковывается особенно хорическими пѣснями, которыя и по содержанію, и по отдѣлкѣ занимаютъ первое мѣсто; особенно хороши въ «Персахъ»—траурная пѣснь по погибшимъ воинамъ, въ «Просительницахъ»—благодарственная пѣснь Данаидъ за оказанное имъ гостепріимство, обѣ исполненныя высокой гуманности и благородства. Обѣ пьесы были частями трилогій, но только «Просительницы» были объединены со слѣдующими пьесами единствомъ фабулы. Въ нихъ разсказывалось, какъ Египтіады пошли на Аргосъ войной, какъ послѣ гибели Пелазга Данай былъ избранъ царемъ и, ставя царскія чувства выше отеческихъ, согласился выдать дочерей за ненавистныхъ Египтіадовъ, но велѣлъ имъ въ брачную ночь умертвить своихъ супруговъ (2-я пьеса, «Строители теремовъ»). Всѣ дочери исполнили приказаніе отца, кромѣ одной Гипермнестры; Данай наряжаетъ судъ надъ ослушницей, но ее оправдываютъ послѣ того, какъ сама Афродита, защищая обвиняемую, въ пространной рѣчи (она сохранилась) заявила о святости правъ любви (третья пьеса, «Данаиды). — Въ жизни поэта этотъ періодъ былъ не менѣе бурнымъ, чѣмъ предыдущій. Достаточно сказать, что это былъ во внѣшней политикѣ Аѳинъ періодъ саламинской и платейской битвъ (Э. принималъ участіе въ обѣихъ) и основанія аттической державы, а во внутренней—періодъ возвышенія ареопага, руководившаго аѳинской политикой въ тревожное время нашествія враговъ. Э. былъ знатнаго происхожденія; болѣе чѣмъ вѣроятно, что онъ и самъ былъ членомъ этой аристократической коллегіи; понятно, что тогдашняя политика Аѳинъ пользовалась его полнымъ сочувствіемъ. Въ то же время и его слава какъ поэта стала распространяться повсюду; она проникла и въ западный центръ греческаго міра. Сиракузы, которыя незадолго до того и въ одно время съ Аѳинами столь же героически выдержали нападеніе гораздо болѣе могущественнаго врага — карѳагенянъ. Ихъ мудрый и дѣятельный царь Гіеронъ въ 476 г. основалъ у подножія Этны одноименный съ горой городъ и пригласилъ Эсхила принять участіе въ праздникѣ, данномъ по этому случаю; для него Э. написалъ (потерянную нынѣ) трагедію подъ заглавіемъ «Этнеянки». Послѣ 472 г. Э. вторично былъ въ Сиракузахъ, чтобы тамъ поставить своихъ «Персовъ»: пережитыя тревоги карѳагенскаго нашествія сдѣлали эту пьесу и тамъ вполнѣ понятною и умѣстною.

Второе путешествіе въ Сицилію завершаетъ второй періодъ дѣятельности Э.; по своемъ возвращеніи въ Аѳины онъ засталъ уже зрѣлымъ и самостоятельнымъ человѣка, въ которомъ до тѣхъ поръ видѣлъ лишь своего ученика—Софокла. Въ 468 г. оба поэта выступили одновременно на аѳинской сценѣ. Софоклъ, бывшій на 30 л. моложе своего учителя и соперника, ставилъ своего «Триптолема», Э.—неизвѣстную намъ трилогію. Трагедія Софокла привела зрителей въ восторгъ; все же судьи долго не рѣшались подать свой голосъ противъ всеэллинской славы Э. Архонтъ, руководившій представленіемъ, предложилъ славному въ тѣ времена полководцу Кимону и его товарищамъ рѣшить споръ; побѣда была присуждена Софоклу. Съ этихъ поръ оба они совмѣстно владѣютъ аѳинской сценой; что ихъ отношенія другъ къ другу не испортились, видно изъ нѣкоторыхъ намековъ въ названныхъ уже «Лягушкахъ» Аристофана. Успѣхъ «Триптолема» былъ отчасти послѣдствіемъ того, что Софоклъ увеличилъ число своихъ актеровъ до трехъ; понятно, насколько отъ этого должна была выиграть оживленность діалога и дѣйствія. Э. поспѣшилъ воспользоваться этой идеей своего молодого соперника; въ 467 г. онъ поставилъ свою ѳиванскую трилогію, изъ которой сохранилась только послѣдняя трагедія, *«Семь вождей»*, при участіи уже трехъ актеровъ. Но и въ другомъ отношеніи эта трилогія — точнѣе говоря, трагедія, такъ какъ только о ней мы и можемъ судить—была прогрессомъ въ сравненіи съ трагедіями второго періода: впервые мы вмѣсто типической характеристики встрѣчаемъ индивидуальную, и притомъ очень смѣлую и могучую. Герой трагедіи—Этеоклъ, одинъ изъ обоихъ отверженныхъ сыновей Эдипа. Онъ изгналъ изъ Ѳивъ своего брата Полиника; тотъ набралъ рать и союзниковъ (это и есть семь вождей) и съ ихъ помощью хочетъ насильственно покорить свою родину. Проклятіе отца начинаетъ сбываться. Этеоклъ это сознаетъ; но онъ слишкомъ смѣлъ и гордъ, чтобы отступить. Будучи вообще дѣятельнымъ и умнымъ царемъ, онъ мрачно отвергаетъ помощь боговъ, къ которымъ обращаются испуганныя жены и дочери его подданныхъ; вмѣсто того, чтобы принять мѣры предосторожности, онъ дерзновенно вызываетъ рокъ, передъ которымъ трепещутъ остальные, самолично выступаетъ противъ брата и гибнетъ въ поединкѣ вмѣстѣ съ нимъ.—Величавый замыселъ Э. понравился аѳинянамъ; ему была присуждена побѣда. Въ техникѣ также наблюдается прогрессъ: трагедія начинается съ пролога, предшествующаго вступленію хора, партіи послѣдняго значительно сокращены и на ихъ счетъ увеличенъ объемъ діалога.—Около того же времени была, повидимому, поставлена и трилогія «Прометей», изъ которой намъ сохранена лишь вторая (по мнѣнію Вестфаля—первая) трагедія: *«Прикованный Прометей»*. Прозорливый титанъ, зная, что Зевсъ только въ

человѣкѣ можетъ найти спасителя отъ угрожающей его царству гибели, хочетъ поднять человѣческій родъ и для этого даритъ ему эѳирный огонь, похищая его съ небесныхъ высотъ; Зевсъ, видя въ этомъ похищеніи нарушеніе всемірнаго договора и не зная рѣшеній рока, въ наказаніе приковываетъ его къ скаламъ Кавказа; Прометей выноситъ всѣ муки и не выдаетъ преждевременно своей тайны, зная, что со временемъ Зевсъ оцѣнитъ его услугу. Это—единственная божественная трагедія, которая намъ сохранена изъ древности: по грандіозности своей концепціи она превосходитъ всѣ прочія трагедіи нашего поэта и сильно заинтересовала мыслителей и поэтовъ новой Европы. Не все, однако, въ ней намъ ясно—главнымъ образомъ потому, что ея продолженіе, «Освобожденный Прометей», содержавшее рѣшеніе загадокъ, до насъ не дошло. Послѣдней трилогіей Э., о которой мы знаемъ (458 г.), была его «*Орестея*»—къ счастью сохранившаяся цѣликомъ, въ составѣ своихъ трехъ трагедій: «Агамемнона», «Хоэфоръ» (=приносительницъ возліяній) и «Евменидъ». Содержаніе этой трилогіи—судьба рода Атридовъ, въ лицѣ его самыхъ славныхъ представителей, Агамемнона и его сына Ореста. Передъ Троянскимъ походомъ Агамемнонъ приноситъ въ жертву своему честолюбію свою дочь Ифигенію; онъ достигаетъ своей цѣли и возвращается на родину побѣдителемъ, но здѣсь падаетъ отъ руки своей жены Клитемнестры, дѣйствующей подъ вліяніемъ жажды мести за смерть дочери и преступной любви къ родственнику своего мужа, Эгисту. Малолѣтній сынъ Агамемнона, Орестъ, не былъ свидѣтелемъ этой расправы: онъ воспитывался вдали отъ родины. Когда онъ выросъ, онъ обратился къ Аполлону съ вопросомъ, что ему дѣлать; тотъ приказываетъ ему помнить прежде всего о долгѣ мести. Повинуясь этому приказанію, онъ убиваетъ мать, но этимъ навлекаетъ на себя гнѣвъ Евменидъ, которыя отнынѣ не даютъ ему покоя. Онъ ищетъ убѣжища въ Дельфахъ, въ храмѣ Аполлона; тотъ обѣщаетъ ему не покидать его и велитъ обратиться къ суду Аѳины. Преслѣдуемый Евменидами, Орестъ бѣжитъ въ Аѳины: сама богиня учреждаетъ судъ—позднѣйшій Ареопагъ, который оправдываетъ Ореста; умилостивленіемъ оскорбленныхъ Евменидъ кончается трилогія.—По своему драматизму трагедіи этой трилогіи—самыя совершенныя изъ всѣхъ произведеній нашего поэта; по своему глубокомыслію онѣ соперничаютъ съ «Прометеемъ», но имѣютъ передъ нимъ то преимущество, что на аренѣ—не божественная, а человѣческая среда. Божества участвуютъ въ нихъ лишь какъ представители нравственныхъ принциповъ. Евмениды—это принципъ возмездія, «старыя божества», какъ ихъ называетъ самъ поэтъ; имъ противоставляются «молодыя божества», Аполлонъ и Аѳина, представители принципа оправданія и прощенія, но не при одинаковыхъ условіяхъ. Аполлонъ—принципъ оправданія божьей милостью, согласно дельфійской морали; отсылая Ореста отъ Аполлона къ Аѳинѣ и Ареопагу, поэтъ хотѣлъ выдвинуть на счетъ дельфійской морали мораль аѳинскую, велящую человѣку искать себѣ оправданія въ сужденіи лучшихъ изъ равныхъ ему. Трилогія и особенно ея послѣдняя трагедія не лишены и нѣкоторой политической тенденціи: возвеличивая Ареопагъ, какъ нравственный устой аѳинской гражданственности, поэтъ несомнѣнно имѣлъ въ виду защитить эту симпатичную ему коллегію отъ нападеній, которымъ она подвергалась въ послѣднее время со стороны вождей демократической партіи, вѣрныхъ исполнителей Ѳемистокловыхъ идей—Эфіальта и Перикла. Очень возможно, что именно эти нападенія и отравили Э. его пребываніе въ Аѳинахъ; самъ Аристофанъ свидѣтельствуетъ, что Э. «не ладилъ съ аѳинянами» въ послѣднее время своей жизни. Намъ разсказываютъ даже, что Э. подвергся обвиненію въ нечестіи — а именно въ томъ, что онъ въ одной изъ своихъ трагедій вывелъ наружу таинства елевсинской Деметры. Какъ бы то ни было, Э. вскорѣ послѣ своей «Орестеи» покинулъ Аѳины, въ третій разъ отправился въ Сицилію и въ 456 г. умеръ въ сицилійскомъ городѣ Гелѣ. Отъ него осталось около 90 трагедій (включая сатирическія драмы), заглавія которыхъ намъ, за немногими исключеніями, извѣстны; отъ многихъ сохранились также болѣе или менѣе значительные отрывки. Героями трилогій были Ахиллъ, Аянтъ, Одиссей, Мемнонъ, Ніобея, Адрастъ, Персей; къ кругу сказаній о Діонисѣ принадлежали трилогіи о Ликургѣ и Пенѳеѣ, противникахъ его культа, страшно наказанныхъ за свою строптивость. Вскорѣ послѣ смерти поэта состоялось постановленіе, которымъ всѣ его пьесы были допущены къ трагическимъ состязаніямъ наравнѣ съ новыми пьесами другихъ поэтовъ. Этимъ путемъ его слава и вліяніе были обезпечены на много поколѣній, а также обезпечена сохранность его пьесъ. Въ александрійскую эпоху онѣ были извѣстны всѣ безъ большихъ пробѣловъ и всѣ читались и изслѣдовались; лишь въ римскій періодъ (во II в. по Р. Хр.) была сдѣлана выборка тѣхъ семи пьесъ, которыя дошли до насъ. Въ византійскую эпоху три изъ нихъ (именно: «Персы», «Прометей» и «Семь вождей») были выбраны для школьнаго чтенія; онѣ сохранились въ болѣе значительномъ числѣ списковъ, между тѣмъ какъ сохраненіе остальныхъ четырехъ слѣдуетъ, повидимому, приписать счастливой случайности.

Э. былъ создателемъ греческой, а стало быть и всемірной трагедіи. При чтеніи и разборѣ его пьесъ прежде всего бросается въ глаза значительность совершившейся въ нихъ эволюціи трагедіи, какъ поэтическаго типа. Хотя трагедіи перваго, подготовительнаго періода не сохранены, а сохранившіяся обнимаютъ собой промежутокъ всего въ 14 лѣтъ (472—458), тѣмъ не менѣе разница между первой и послѣдней изъ нихъ («Персами» и трагедіями «Орестеи») гораздо сильнѣе, чѣмъ у Софокла—между «Антигоной» и «Эдипомъ въ Колонѣ», или у Еврипида—между «Алкестидой» и «Ифигеніей Авлидской», отдѣленныхъ 35-лѣтнимъ промежуткомъ. «Персы» и «Просительницы» — это скорѣе кантаты, чѣмъ драмы; въ нихъ еще нѣтъ харак-

Эсѳирь—см. Есѳирь.

Эта (Ойта—Οἴτη, Oeta)—въ древней Греціи такъ называлась центральная группа въ горной цѣпи, которая служила продолженіемъ прибрежной Локрійской возвышенности и тянулась въ направленіи съ В къ З внутрь материка, параллельно Ѳессалійскому Ѳерису, съ которымъ она соединялась въ горномъ узлѣ Тимфрестѣ. Восточный отрогъ Э. при Малійскомъ заливѣ—Каллидромъ — отдѣлялъ Малиду отъ Локриды: узкій проходъ, соединявшій обѣ области, былъ извѣстенъ подъ именемъ *Ѳермопилъ*. На Э., по преданію, кончилъ жизнь самосожженіемъ на кострѣ Гераклъ; здѣсь же находился извѣстный городъ Трахинъ, къ которому пріурочивается упомянутое сказаніе о Гераклѣ. По имени горы называлось мѣстное племя—этейцы и страна—Этея. *Н. О.*

Эталонъ.—Эталонами называютъ образцы мѣръ, содержащіе возможно точно опредѣленное число единицъ той мѣры, образцомъ которой долженъ служить Э. Измѣреніе большинства принятыхъ въ наукѣ и техникѣ величинъ можетъ быть, какъ извѣстно, сведено къ измѣренію длинъ, массъ и промежутковъ времени. Для этихъ основныхъ величинъ первоначально были избраны идеальныя единицы: для единицы длины—одна десятимилліонная часть четверти парижскаго земного меридіана (метръ) и одна сотая доля его (см.); для единицы массы—масса одного кубическаго сантиметра чистой воды при температурѣ наибольшей плотности ея (граммъ) и тысяча такихъ единицъ (килограммъ); для единицы промежутковъ времени—одна секунда или 86400-ая часть среднихъ солнечныхъ сутокъ. По мѣрѣ усовершенствованія методовъ измѣренія все болѣе и болѣе вкоренялось убѣжденіе, что вышеприведенныя идеальныя единицы не могутъ считаться опредѣленными, такъ какъ всякій изслѣдователь, который пожелаетъ воспроизвести эти единицы на основаніи ихъ опредѣленій, получитъ величину единицъ, отличную отъ прежнихъ, и болѣе или менѣе отличающуюся отъ идеальныхъ, въ зависимости отъ умѣнія изслѣдователя и отъ точности измѣрительныхъ пріемовъ и приборовъ, которыми онъ располагаетъ. Въ виду этого международный конгрессъ, собравшійся въ Парижѣ въ 1875 г., постановилъ принять въ качествѣ единицъ длины и массы нѣкоторыя произвольныя единицы, а именно: 1) въ качествѣ единицы длины—метра—прототипъ метра, хранящійся въ Парижѣ (XX, 321) и чрезвычайно близкій къ идеальному метру, 2) и въ качествѣ единицы массы—прототипъ килограмма, хранящійся тоже въ Парижѣ (XX, 321) и чрезвычайно близкій по величинѣ къ идеальному килограмму. Образцы длинъ и массъ, точно свѣренные съ прототипами, имѣются во всѣхъ государствахъ, и являются *нормальными эталонами*; объ устройствѣ ихъ см. XX, 321—3. Съ нормальными Э. сравниваются всѣ остальные Э., примѣняемые для точныхъ измѣреній; это сравненіе даетъ возможность узнать точную величину Э. въ единицахъ прототипа. Э. для промежутковъ времени не существуетъ; единица времени все еще является идеальной, но точность, съ которой она можетъ быть опредѣлена, болѣе чѣмъ достаточна при настоящемъ положеніи науки, и величина единицы всегда очень просто можетъ быть проконтролирована сравнительно несложными астрономическими наблюденіями; всякіе хорошіе астрономическіе часы можно считать за Э. времени. Большинство остальныхъ единицъ, принятыхъ въ наукѣ и техникѣ, могутъ быть приведены къ основнымъ единицамъ длины, массы и времени. Такъ напр. за электростатическую единицу количества электричества принимаютъ такое его количество, которое дѣйствуя въ пустотѣ на равное ему количество, расположенное отъ него на разстояніи *единицы длины*, отталкиваетъ его съ силою, равною единицѣ силы; за единицу силы принимаютъ силу, которая, дѣйствуя на *единицу массы*, сообщаетъ ей равномѣрно-ускоренное движеніе съ единицей ускоренія; за единицу ускоренія принимаютъ такое ускореніе движенія тѣла, когда скорость тѣла въ *единицу времени* увеличивается на единицу скорости; наконецъ, за единицу скорости принимаютъ скорость движенія тѣла, проходящаго *единицу длины* въ *единицу времени*. Такимъ образомъ измѣреніе большинства физическихъ величинъ могло бы быть произведено при пользованіи исключительно мѣрами длины, массы и времени. Но въ большинствѣ случаевъ методы такого абсолютнаго измѣренія величинъ чрезвычайно сложны и, если желательно достиженіе значительной точности, требуютъ особыхъ приборовъ, особой обстановки и чрезвычайной тщательности въ работѣ. Между тѣмъ методы *сравненія* двухъ однородныхъ величинъ обыкновенно значительно проще, не требуютъ столь сложной обстановки и въ общемъ обладаютъ значительно большей точностью, чѣмъ измѣренія абсолютныя. Такъ напр., абсолютное измѣреніе электрическаго сопротивленія, путемъ приведенія его къ измѣренію длинъ, массъ и времени, чрезвычайно сложно, между тѣмъ какъ сравненіе сопротивленій представляетъ относительно простую задачу, которую легко выполнить даже съ значительною точностью. Въ виду этого въ наукѣ стремятся, гдѣ возможно, замѣнить абсолютное измѣреніе величинъ сравненіемъ ихъ съ однородными, величина которыхъ разъ навсегда была точно опредѣлена въ абсолютной мѣрѣ. Для этой цѣли создаютъ Э. тѣхъ величинъ, абсолютное измѣреніе которыхъ представляетъ затрудненія. Такъ напр., въ электрическихъ измѣреніяхъ (XL, 370) создаютъ эталоны разности потенціаловъ (нормальные элементы, XVIII, 15), сопротивленія, емкости (конденсаторы съ извѣстной емкостью), самоиндукціи (катушки съ точно опредѣленной самоиндукціей), и т. д. Эти Э. разъ навсегда измѣряются съ большою точностью въ абсолютной мѣрѣ; копируя ихъ, создаютъ другіе Э., а сравнивая съ ними однородныя подлежащія измѣренію величины, опредѣляютъ и послѣднія въ абсолютной мѣрѣ. Такъ какъ съ большою точностью можно сравнивать лишь однородныя величины приблизительно одного и того же порядка величины, то стараются, обыкновенно, имѣть эталоны

одной и той же физической величины различныхъ порядковъ. Обыкновенно эталоны, когда это возможно, стараются построить такъ, чтобы въ нихъ заключалось простое кратное число единицъ или простое подраздѣленіе единицы характеризуемой эталономъ величины; такъ напр., Э. сопротивленія, единицей котораго является 1 омъ, бываютъ въ 0,01, 0,1, 1, 100, милліонъ омовъ. Не всегда это возможно; такъ напр., Э. разности потенціаловъ—нормальные элементы — даютъ обыкновенно разность потенціаловъ, не находящуюся въ какомъ-либо простомъ отношеніи къ единицѣ разности потенціаловъ—вольту, но все же совершенно точно опредѣленную. Еще болѣе важную роль играютъ Э. при измѣреніи тѣхъ физическихъ величинъ, которыя не удалось привести къ основнымъ мѣрамъ длины, массы и времени. Примѣромъ такой величины является сила свѣта, за единицу которой принимаютъ силу свѣта произвольно выбраннаго, но точно установленнаго источника свѣта (см. Фотометрія, XXXVI, 426). Абсолютнаго измѣренія такихъ Э. существовать не можетъ, и единственной гарантіей опредѣленности такого Э. является точное изготовленіе его по опредѣленнымъ, разъ навсегда установленнымъ предписаніямъ, и примѣненіе его въ разъ навсегда точно опредѣленныхъ условіяхъ. Наиболѣе важнымъ свойствомъ всякаго Э. является его возможная *неизмѣняемость* отъ времени и окружающихъ условій. Поэтому при конструкціи Э. ихъ стараются построить изъ матеріаловъ, по возможности мало подвергающихся изнашиванію, стараются придать имъ формы, гарантирующія наибольшую сохранность ихъ и наименьшее вліяніе на нихъ окружающихъ условій. Кромѣ того, если вліяніе внѣшнихъ условій (напр. температуры) неизбѣжно, то старательно изучаютъ это вліяніе, такъ чтобы извѣстно было, какой абсолютной величиной обладаетъ данный Э. при всякой возможной комбинаціи внѣшнихъ условій. При пользованіи Э. необходимо точно знать характеръ этихъ вліяній и стараться поставить Э. въ такія условія, чтобы это вліяніе было либо по возможности незначительнымъ, либо было точно опредѣленнымъ. Абсолютное измѣреніе Э. и сравненіе ихъ другъ съ другомъ представляетъ столь сложную задачу, что она иногда не по силамъ не только отдѣльнымъ наблюдателямъ, но и прекрасно обставленнымъ лабораторіямъ. Въ виду этого всѣ работы этого рода стараются въ послѣднее время сосредоточить въ особыхъ правительственныхъ, специально къ тому приспособленныхъ учрежденіяхъ. Первымъ такимъ учрежденіемъ явилось Bureau des Poids et Mesures въ Севрѣ близъ Парижа; въ Германіи аналогичнымъ учрежденіемъ является Physikalisch - Technische Reichsanstalt въ Шарлоттенбургѣ близъ Берлина, въ Россіи—Главная палата мѣръ и вѣсовъ въ СПб.

А. Г.

Этампъ (Etampes)—городъ во французскомъ департаментѣ Сены-и-Уазы, въ 50 км. къ Ю отъ Парижа. Жителей 9000. Старинныя церкви С.-Базиль (XII в.), Нотръ-Дамъ (XII в.) и С.-Мартенъ. Башня Гинетъ, типа Donjon XII в.—остатокъ замка, въ которомъ Филиппъ-Августъ держалъ въ заключеніи свою жену Ингеборгу. Производство красокъ, лаку, ликеровъ; известковые, гипсовые и кирпичные заводы. Въ XIV в. гор. Э. былъ возведенъ въ графство. Францискъ I возвелъ въ 1536 г. графство Э. въ герцогство и подарилъ его своей возлюбленной Аннѣ Писселё при выходѣ ея замужъ за Жана де Броссъ. Послѣ смерти Франциска I герцогство Э. досталось Діанѣ де Пуатье; въ 1562 г. Карлъ IX вернулъ Э. Жану де Броссъ, а послѣ его смерти (1565) Э. былъ возвращенъ французской коронѣ. Генрихъ IV въ 1598 г. подарилъ Э. своей возлюбленной Габріэллѣ д'Эстре́. Отъ нея Э. наслѣдовалъ ея сынъ герцогъ Цезарь Вандомъ. Его потомство владѣло Э. до 1712 г., когда герцогство вновь сдѣлалось владѣніемъ французской короны.

Этампъ (Anne de Pisseleu, duchesse d'Étampes)—фаворитка Франциска I (1508—около 1576 г.). Она была фрейлиной матери Франциска I, Луизы Савойской, когда король ее впервые увидѣлъ, вернувшись изъ плѣна въ Испаніи. Чтобы создать ей болѣе удобное положеніе при дворѣ, Францискъ выдалъ ее замужъ за Жана де Броссъ, которому далъ титулъ герцога д'Э. Отличаясь большимъ умомъ, выдающейся красотой и рѣдкой для женщины образованностью, она имѣла на короля большое вліяніе до самой его смерти. Королева Элеонора была въ полномъ пренебреженіи; Э. занимала первенствующее положеніе при дворѣ. Францискъ часто совѣтовался съ ней даже о государственныхъ дѣлахъ, чѣмъ она пользовалась для того, чтобы обезпечить хорошими мѣстами своихъ родственниковъ. Въ концѣ царствованія Франциска она враждовала съ Діаной де Пуатье, фавориткой наслѣдника престола. Боясь за свою судьбу въ случаѣ смерти короля, она вступила въ тайныя сношенія съ Карломъ V, чтобы заранѣе обезпечить себѣ пріютъ въ его владѣніяхъ, и даже открывала ему планы Франциска I. Дѣйствительно, послѣ смерти отца Генрихъ II удалилъ ее изъ Парижа, отобравъ предварительно для Діаны де Пуатье брилліанты, подаренные ей Францискомъ. Э. дожила до глубокой старости. Еще при Франциске она покровительствовала приверженцамъ реформаціи. Во время религіозныхъ войнъ она брала подъ свое покровительство гугенотовъ.

Этаноламинъ или *оксиэтиламинъ* (Aminoäthylalkohol, Aetoxylamin) — относится къ аминамъ гликолей неполнаго замѣщенія или гидраминамъ. Получается при дѣйствіи амміака на хлоргидринъ этиленгликоля CH_2ClCH_2OH, при чемъ получаются еще діэтаноламинъ $(C_2H_5O)_2NH$ и NH_4Cl (Wurtz). Э. получается еще при дѣйствіи концентрированнаго амміака на окись этилена C_2H_4O, при чемъ вмѣстѣ съ Э. образуется $(C_2H_5O)_2NH$ и третичный аминъ $(C_2H_5O)_3N$—тріэтаноламинъ. Въ этомъ случаѣ смѣсь выпариваютъ на водяной занѣ, нейтрализуютъ соляной кислотой и обрабатываютъ безводнымъ спиртомъ. Хлористоводородная соль третичнаго основанія остается нерастворимой, а въ спиртовый филь-

Эсѳирь—см. Есѳирь.

Эта (Ойта—Οἴτη, Oeta)—въ древней Греціи такъ называлась центральная группа въ горной цѣпи, которая служила продолженіемъ прибрежной Локрійской возвышенности и тянулась въ направленіи съ В къ З внутрь материка, параллельно Ѳессалійскому Ѳѳрису, съ которымъ она соединялась въ горномъ узлѣ Тимфрестѣ. Восточный отрогъ Э. при Малійскомъ заливѣ—Каллидромъ — отдѣлялъ Малиду отъ Локриды: узкій проходъ, соединявшій обѣ области, былъ извѣстенъ подъ именемъ *Ѳермопилъ*. На Э., по преданію, кончилъ жизнь самосожженіемъ на кострѣ Гераклъ; здѣсь же находился извѣстный городъ Трахинъ, къ которому пріурочивается упомянутое сказаніе о Гераклѣ. По имени горы называлось мѣстное племя—этейцы и страна—Этея. *Н. О.*

Эталонъ.—Эталонами называютъ образцы мѣръ, содержащіе возможно точно опредѣленное число единицъ той мѣры, образцомъ которой долженъ служить Э. Измѣреніе большинства принятыхъ въ наукѣ и техникѣ величинъ можетъ быть, какъ извѣстно, сведено къ измѣренію длинъ, массъ и промежутковъ времени. Для этихъ основныхъ величинъ первоначально были избраны идеальныя единицы: для единицы длины—одна десятимилліонная часть четверти парижскаго земного меридіана (метръ) и одна сотая доля его (см.); для единицы массы—масса одного кубическаго сантиметра чистой воды при температурѣ наибольшей плотности ея (граммъ) и тысяча такихъ единицъ (килограммъ); для единицы промежутковъ времени—одна секунда или 86400-ая часть среднихъ солнечныхъ сутокъ. По мѣрѣ усовершенствованія методовъ измѣренія все болѣе и болѣе вкоренялось убѣжденіе, что вышеприведенныя идеальныя единицы не могутъ считаться опредѣленными, такъ какъ всякій изслѣдователь, который пожелаетъ воспроизвести эти единицы на основаніи ихъ опредѣленій, получитъ величину единицъ, отличную отъ прежнихъ, и болѣе или менѣе отличающуюся отъ идеальныхъ, въ зависимости отъ умѣнія изслѣдователя и отъ точности измѣрительныхъ пріемовъ и приборовъ, которыми онъ располагаетъ. Въ виду этого международный конгрессъ, собравшійся въ Парижѣ въ 1875 г., постановилъ принять въ качествѣ единицъ длины и массы нѣкоторыя произвольныя единицы, а именно: 1) въ качествѣ единицы длины—метра—прототипъ метра, хранящійся въ Парижѣ (XX, 321) и чрезвычайно близкій къ идеальному метру, 2) и въ качествѣ единицы массы—прототипъ килограмма, хранящійся тоже въ Парижѣ (XX, 321) и чрезвычайно близкій по величинѣ къ идеальному килограмму. Образцы длинъ и массъ, точно свѣренные съ прототипами, имѣются во всѣхъ государствахъ, и являются *нормальными эталонами*; объ устройствѣ ихъ см. XX, 321—3. Съ нормальными Э. сравниваются всѣ остальные Э., примѣняемые для точныхъ измѣреній; это сравненіе даетъ возможность узнать точную величину Э. въ единицахъ прототипа. Э. для промежутковъ времени не существуетъ; единица времени все еще является идеальной, но точность, съ которой она можетъ быть опредѣлена, болѣе чѣмъ достаточна при настоящемъ положеніи науки, и величина единицы всегда очень просто можетъ быть проконтролирована сравнительно несложными астрономическими наблюденіями; всякіе хорошіе астрономическіе часы можно считать за Э. времени. Большинство остальныхъ единицъ, принятыхъ въ наукѣ и техникѣ, могутъ быть приведены къ основнымъ единицамъ длины, массы и времени. Такъ напр. за электростатическую единицу количества электричества принимаютъ такое его количество, которое дѣйствуя въ пустотѣ на равное ему количество, расположенное отъ него на разстояніи *единицы длины*, отталкиваетъ его съ силою, равною единицѣ силы; за единицу силы принимаютъ силу, которая, дѣйствуя на *единицу массы*, сообщаетъ ей равномѣрно-ускоренное движеніе съ единицей ускоренія; за единицу ускоренія принимаютъ такое ускореніе движенія тѣла, когда скорость тѣла въ *единицу времени* увеличивается на единицу скорости; наконецъ, за единицу скорости принимаютъ скорость движенія тѣла, проходящаго *единицу длины* въ *единицу времени*. Такимъ образомъ измѣреніе большинства физическихъ величинъ могло бы быть произведено при пользованіи исключительно мѣрами длины, массы и времени. Но въ большинствѣ случаевъ методы такого абсолютнаго измѣренія величинъ чрезвычайно сложны и, если желательно достиженіе значительной точности, требуютъ особыхъ приборовъ, особой обстановки и чрезвычайной тщательности въ работѣ. Между тѣмъ методы *сравненія* двухъ однородныхъ величинъ обыкновенно значительно проще, не требуютъ столь сложной обстановки и въ общемъ обладаютъ значительно большей точностью, чѣмъ измѣренія абсолютныя. Такъ напр., абсолютное измѣреніе электрическаго сопротивленія, путемъ приведенія его къ измѣренію длинъ, массъ и времени, чрезвычайно сложно, между тѣмъ какъ сравненіе сопротивленій представляетъ относительно простую задачу, которую легко выполнить даже съ значительною точностью. Въ виду этого въ наукѣ стремятся, гдѣ возможно, замѣнить абсолютное измѣреніе величинъ сравненіемъ ихъ съ однородными, величина которыхъ разъ навсегда была точно опредѣлена въ абсолютной мѣрѣ. Для этой цѣли создаютъ Э. тѣхъ величинъ, абсолютное измѣреніе которыхъ представляетъ затрудненія. Такъ напр., въ электрическихъ измѣреніяхъ (XL, 370) создаютъ эталоны разности потенціаловъ (нормальные элементы, XVIII, 15), сопротивленія, емкости (конденсаторы съ извѣстной емкостью), самоиндукціи (катушки съ точно опредѣленной самоиндукціей), и т. д. Эти Э. разъ навсегда измѣряются съ большою точностью въ абсолютной мѣрѣ; копируя ихъ, создаютъ другіе Э., а сравнивая съ ними однородныя подлежащія измѣренію величины, опредѣляютъ и послѣднія въ абсолютной мѣрѣ. Такъ какъ съ большою точностью можно сравнивать лишь однородныя величины приблизительно одного и того же порядка величины, то стараются, обыкновенно, имѣть эталоны

одной и той же физической величины различныхъ порядковъ. Обыкновенно эталоны, когда это возможно, стараются построить такъ, чтобы въ нихъ заключалось простое кратное число единицъ или простое подраздѣленіе единицы характеризуемой эталономъ величины; такъ напр., Э. сопротивленія, единицей котораго является 1 омъ, бываютъ въ 0,01, 0,1, 1, 100, милліонъ омовъ. Не всегда это возможно; такъ напр., Э. разности потенціаловъ—нормальные элементы—даютъ обыкновенно разность потенціаловъ, не находящуюся въ какомъ-либо простомъ отношеніи къ единицѣ разности потенціаловъ—вольту, но все же совершенно точно опредѣленную. Еще болѣе важную роль играютъ Э. при измѣреніи тѣхъ физическихъ величинъ, которыя не удалось привести къ основнымъ мѣрамъ длины, массы и времени. Примѣромъ такой величины является сила свѣта, за единицу которой принимаютъ силу свѣта произвольно выбраннаго, но точно установленнаго источника свѣта (см. Фотометрія, XXXVI, 426). Абсолютнаго измѣренія такихъ Э. существовать не можетъ, и единственной гарантіей опредѣленности такого Э. является точное изготовленіе его по опредѣленнымъ, разъ навсегда установленнымъ предписаніямъ, и примѣненіе его въ разъ навсегда точно опредѣленныхъ условіяхъ. Наиболѣе важнымъ свойствомъ всякаго Э. является его возможная *неизмѣняемость* отъ времени и окружающихъ условій. Поэтому при конструкціи Э. ихъ стараются построить изъ матеріаловъ, по возможности мало подвергающихся изнашиванію, стараются придать имъ формы, гарантирующія наибольшую сохранность ихъ и наименьшее вліяніе на нихъ окружающихъ условій. Кромѣ того, если вліяніе внѣшнихъ условій (напр. температуры) неизбѣжно, то старательно изучаютъ это вліяніе, такъ чтобы извѣстно было, какой абсолютной величиной обладаетъ данный Э. при всякой возможной комбинаціи внѣшнихъ условій. При пользованіи Э. необходимо точно знать характеръ этихъ вліяній и стараться поставить Э. въ такія условія, чтобы это вліяніе было либо по возможности незначительнымъ, либо было точно опредѣленнымъ. Абсолютное измѣреніе Э. и сравненіе ихъ другъ съ другомъ представляетъ столь сложную задачу, что она иногда не по силамъ не только отдѣльнымъ наблюдателямъ, но и прекрасно обставленнымъ лабораторіямъ. Въ виду этого всѣ работы этого рода стараются въ послѣднее время сосредоточить въ особыхъ правительственныхъ, спеціально къ тому приспособленныхъ учрежденіяхъ. Первымъ такимъ учрежденіемъ явилось Bureau des Poids et Mesures въ Севрѣ близъ Парижа; въ Германіи аналогичнымъ учрежденіемъ является Physikalisch - Technische Reichsanstalt въ Шарлоттенбургѣ близъ Берлина, въ Россіи—главная палата мѣръ и вѣсовъ въ СПб.

А. Г.

Этампъ (Etampes)—городъ во французскомъ департаментѣ Сены-и-Уазы, въ 50 км. къ Ю отъ Парижа. Жителей 9000. Старинныя церкви С.-Базиль (XII в.), Нотръ-Дамъ (XII в.) и С.-Мартенъ. Башня Гинетъ, типа Donjon XII в.—остатокъ замка, въ которомъ Филиппъ-Августъ держалъ въ заключеніи свою жену Ингеборгу. Производство красокъ, лаку, ликеровъ; известковые, гипсовые и кирпичные заводы. Въ XIV в. гор. Э. былъ возведенъ въ графство. Францискъ I возвелъ въ 1536 г. графство Э. въ герцогство и подарилъ его своей возлюбленной Аннѣ Писселё при выходѣ ея замужъ за Жана де Броссъ. Послѣ смерти Франциска I герцогство Э. досталось Діанѣ де Пуатье; въ 1562 г. Карлъ IX вернулъ Э. Жану де Броссъ, а послѣ его смерти (1565) Э. былъ возвращенъ французской коронѣ. Генрихъ IV въ 1598 г. подарилъ Э. своей возлюбленной Габріэллѣ д'Эстре́. Отъ нея Э. наслѣдовалъ ея сынъ герцогъ Цезарь Вандомъ. Его потомство владѣло Э. до 1712 г., когда герцогство вновь сдѣлалось владѣніемъ французской короны.

Этампъ (Anne de Pisseleu, duchesse d'Étampes)—фаворитка Франциска I (1508—около 1576 г.). Она была фрейлиной матери Франциска I, Луизы Савойской, когда король ее впервые увидѣлъ, вернувшись изъ плѣна въ Испаніи. Чтобы создать ей болѣе удобное положеніе при дворѣ, Францискъ выдалъ ее замужъ за Жана де Броссъ, которому далъ титулъ герцога д'Э. Отличаясь большимъ умомъ, выдающейся красотой и рѣдкой для женщины образованностью, она имѣла на короля большое вліяніе до самой его смерти. Королева Элеонора была въ полномъ пренебреженіи; Э. занимала первенствующее положеніе при дворѣ. Францискъ часто совѣтовался съ ней даже о государственныхъ дѣлахъ, чѣмъ она пользовалась для того, чтобы обезпечить хорошими мѣстами своихъ родственниковъ. Въ концѣ царствованія Франциска она враждовала съ Діаной де Пуатье, фавориткой наслѣдника престола. Боясь за свою судьбу въ случаѣ смерти короля, она вступила въ тайныя сношенія съ Карломъ V, чтобы заранѣе обезпечить себѣ пріютъ въ его владѣніяхъ, и даже открывала ему планы Франциска I. Дѣйствительно, послѣ смерти отца Генрихъ II удалилъ ее изъ Парижа, отобравъ предварительно для Діаны де Пуатье бриллiанты, подаренные ей Францискомъ. Э. дожила до глубокой старости. Еще при Францискѣ она покровительствовала приверженцамъ реформаціи. Во время религіозныхъ войнъ она брала подъ свое покровительство гугенотовъ.

Этаноламинъ или *оксиэтиламинъ* (Aminoäthylalkohol, Aetoxylamin)—относится къ аминамъ гликолей неполнаго замѣщенія или гидраминамъ. Получается при дѣйствіи аммiака на хлоргидринъ этиленгликоля CH_2ClCH_2OH, при чемъ получаются еще діэтаноламинъ $(C_2H_5O)_2NH$ и NH_4Cl (Wurtz). Э. получается еще при дѣйствіи концентрированнаго аммiака на окись этилена C_2H_4O, при чемъ вмѣстѣ съ Э. образуется $(C_2H_5O)_2NH$ и третичный аминъ $(C_2H_5O)_3N$—тріэтаноламинъ. Въ этомъ случаѣ смѣсь выпариваютъ на водяной банѣ, нейтрализуютъ соляной кислотой и обрабатываютъ безводнымъ спиртомъ. Хлористоводородная соль третичнаго основанія остается нерастворимой, а въ спиртовый филь-

тратъ прибавляютъ $PtCl_4$ и небольшое количество эѳира. Сначала осаждается двойная соль вторичнаго основанія въ видѣ ромбическихъ призмъ, при большемъ же прибавленіи эѳира—соль первичнаго основанія, т. е. Э. въ видѣ листочковъ (Wurtz). Кромѣ того Э. получается при нагрѣваніи (200—220°) въ продолженіе трехъ часовъ 10 гр. бромэтилфалимида $C_8H_4O_2.N.CH_2CH_2Br$ съ 14 кб. стм. сѣрной кислоты и 28 кб. стм. воды (Gabriel). Азотнокислая соль Э. образуется при выпариваніи виниламина съ азотной кислотой (Gabriel) или же при продолжительномъ нагрѣваніи бромистаго бромэтиламина $CH_2Br.CH_2.NH_2.HBr$ съ азотнокислымъ серебромъ. *А. Кремлевъ.* Δ.

Этанъ—углеводородъ предѣльнаго ряда C_2H_6; встрѣчается въ природѣ, въ выдѣленіяхъ изъ почвы нефтеносныхъ мѣстностей. Искусственно полученъ въ первый разъ Кольбе и Франкландомъ въ 1848 г. при дѣйствіи металлическаго калія на пропіоннитрилъ, ими же въ слѣдующемъ 1849 году въ большихъ количествахъ при электролизѣ уксуснокаліевой соли и дѣйствіемъ цинка и воды на іодистый этилъ. Въ настоящее время Э. получается посредствомъ всѣхъ вообще реакцій, которыя примѣняются для полученія предѣльныхъ углеводородовъ, т. е. 1) возстановленіемъ галоидопроизводныхъ этиловаго спирта, для чего употребляютъ водородъ in statu nascendi, іодистый водородъ, амальгаму натрія, цинкъ и мѣдноцинковую пару въ присутствіи воды или спирта.

$$CH_3CH_2J+HJ=CH_3CH_3+{}^1/_2$$
$$CH_3CH_2J+H_2=C_2H_6+HJ.$$

2) Дѣйствіемъ воды на цинкъ этилъ.

$$(C_2H_5)Zn+H_2O=C_2H_6+Zn(HO)_2.$$

3) дѣйствіемъ цинка или натрія на галоидгидринъ метиловаго спирта, $2CH_3J+2Na = CH_3CH_3 + 2NaJ$. При нагрѣваніи до 150° въ запаянныхъ трубкахъ или по А. Волкову и Б. Меншуткину дѣйствіемъ цинковой пыли при слабомъ нагрѣваніи. 4) Элеткролизъ солей уксусной кисл. 5) Присоединеніемъ водорода къ непредѣльнымъ углеводородамъ, именно ацетилену и этилену при нагрѣваніи до 500° или при обыкновенной температурѣ при контактномъ дѣйствіи платиновой черни $C_2H_2+2H_2=C_2H_6$, $C_2H_4+H_2=C_2H_6$. Подробный разборъ реакцій см. XXII, 781, Параффины.

Э. газъ, легко обращающійся въ жидкость, его критическія данныя по Ольшевскому слѣдующія:

	Крит. давл.
+ 35° . .	50,2 атмосф.
+ 29° . . .	46,7 »
23°,5 . . .	40,4 »
0 . . .	23,8 »
— 93 . . .	1. Температура кипѣнія жидкаго Э. Онъ остается жидкимъ.
— 151 . . .	

Мало растворимъ въ водѣ при обыкновенномъ давленіи, при болѣе высокихъ давленіяхъ и сильномъ охлажденіи растворимость возрастаетъ; по опытамъ Villard'а при этихъ условіяхъ Э. образуетъ съ водой кристаллическое соединеніе, упругость диссоціаціи котораго при 0° равна 6 атмосферамъ, при 12°—18 атм., при + 12° этотъ кристаллогидратъ разлагается. Производныя Э. см. далѣе Этиламинъ, Этилъ іодистый, бромистый и т. д. *Н. Тутуринъ.*

Этапно-пересыльная часть главнаго штаба—состоитъ въ завѣдываніи особаго генерала, который въ то же время занимаетъ должность главнаго инспектора по пересылкѣ арестантовъ и подчиняется непосредственно начальнику главнаго тюремнаго управленія; здѣсь сосредоточены дѣла о препровожденіи нештатныхъ командъ, о пересылкѣ военныхъ арестантовъ и о службѣ конвойныхъ командъ (прик. по воен. вѣд. 1903 г., № 133). *А. С. Л.*

Этапный комендантъ—см. Комендантъ этапный (XV, 826).

Этапный участокъ. — Въ военное время дороги, по которымъ происходитъ передвиженіе войскъ и военныхъ грузовъ, переходятъ въ завѣдываніе особаго начальника этаповъ арміи (см. Полевое управленіе войскъ, XXIV, 264); каждая дорога составляетъ отдѣльный Э. участокъ, для завѣдыванія коимъ назначается особый начальникъ; большія дороги дѣлятся на нѣсколько Э. участковъ. *А. С. Л.*

Этапныя отдѣленія—учреждены въ составѣ управленій военныхъ сообщеній окружныхъ штабовъ для завѣдыванія препровожденіемъ нештатныхъ командъ, Э. пересыльною частью и для подготовки устройства въ военное время этапной и транспортной части (Св. Воен. Пост. 1869 г., кн. II, прилож. къ ст. 81). *А. С. Л.*

Этапъ—пунктъ для ночлега и дневокъ войсковыхъ командъ и партій арестантовъ во время передвиженій ихъ по грунтовымъ дорогамъ. Э. учреждены по тѣмъ путямъ, по которымъ производится пересылка арестантовъ пѣше-этапнымъ порядкомъ; разстояніе между Э.—отъ 15 до 25 верстъ. Съ развитіемъ сѣти желѣзныхъ дорогъ примѣненіе пѣше-этапнаго порядка пересылки арестантовъ постепенно сокращается, а вмѣстѣ съ тѣмъ закрываются и Э.; такъ, съ постройкой Сибирской желѣзной дороги упразднены Э. по главному Сибирскому тракту, а затѣмъ ежегодно упраздняется около 50 Э. въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ проводятся новыя желѣзныя дороги. На каждомъ Э. устраивается или нанимается отдѣльное зданіе съ особыми помѣщеніями для арестантовъ (мужчинъ и женщинъ) и для конвоя. Расходы по устройству и содержанію этапн. зданій на главныхъ путяхъ пересылки арестантовъ относятся на средства государственнаго казначейства; на внутреннихъ дорогахъ до соединенія ихъ съ ссыльно-этапными путями, устройство и содержаніе или наемъ этапн. зданій отнесены къ мѣстнымъ повинностямъ губерній и областей. Наблюденіе за исправнымъ содержаніемъ этапн. зданій лежитъ на обязанности начальниковъ конвойныхъ командъ, а гдѣ ихъ нѣтъ—уѣздныхъ воинскихъ начальниковъ (см. Сводъ Закон., т. XIV, изд. 1890 г., Уст. о содерж. подъ стражею и Уст. о ссыльныхъ; Отчеты Главн. Тюремн. Управленія). Въ *военное*

время Э. учреждаются на тѣхъ дорогахъ, по которымъ происходитъ передвиженіе войсковыхъ частей, командъ и транспортовъ; на грунтовыхъ дорогахъ Э. учреждаются въ разстояніи не болѣе 25 верстъ одинъ отъ другого, на желѣзнодорожныхъ и водяныхъ путяхъ— въ мѣстахъ посадокъ и высадокъ, а на желѣзныхъ дорогахъ, кромѣ того, на узловыхъ станціяхъ и въ мѣстахъ расположенія продовольственныхъ пунктовъ, съ такимъ расчетомъ, чтобы передвигающіяся по желѣзной дорогѣ войска получали горячую пищу не менѣе одного раза въ сутки. Въ томъ пунктѣ, гдѣ начинается собственно военное движеніе, учреждается *начальный* этапъ; въ конечномъ пунктѣ дороги, не далѣе 25 верстъ отъ штаба арміи, корпуса или отряда, обслуживаемыхъ дорогою, устраивается *головной* Э., который переносится впередъ по мѣрѣ наступленія арміи; въ болѣе важныхъ пунктахъ учреждаются *сборные* Э., гдѣ назначаются войсковымъ частямъ и командамъ дневки, производится повѣрка и распредѣленіе командъ и транспортовъ, а также формированіе командъ изъ отдѣльно слѣдующихъ людей; всѣ остальные Э. считаются *промежуточными*. На каждомъ Э. организуется особое этапное управленіе, съ этапн. комендантомъ, который чрезъ начальника этапнаго участка подчиняется начальнику Э. арміи и пользуется правами уѣзднаго воинскаго начальника. Въ занятой арміею непріятельской территоріи этапному коменданту до учрежденія временнаго гражданскаго управленія подчиняются также администрація и полиція. На каждомъ Э. отводятся квартиры для проходящихъ войсковыхъ командъ и отдѣльно слѣдующихъ чиновъ, указываются мѣста для биваковъ, расположенія транспортовъ и водопоя, заготовляются запасы продовольствія и фуража, устраиваются продовольственные пункты съ кухнями и пекарнями, а также пріемные покои для больныхъ, учреждаются почтовыя станціи для перевозки корреспонденціи и курьеровъ и наряжаются подводы для слѣдующихъ въ армію и обратно (см. Положеніе объ Э. въ военное время, приложеніе № 9 къ ст. 577 Полож. о полевомъ управленіи войскъ, прик. по воен. вѣд., 1890, № 62). *А. С. Л.*

Этвёшъ (баронъ Іосифъ Eötvös, 1813—1871)—мадьярскій писатель и венгерскій государственный дѣятель. Его комедіи «Kritikusok» («Критики») и «Házasulók» («Жаждущіе брака») и трагедія «Boszú» («Месть») имѣли большой успѣхъ. Сочиненіе его: «Vélemény a fogházjavitás ügyében» («Размышленія о тюремной реформѣ», Пештъ, 1842; нѣмецк. перев. подъ заглав.: «Gutachten über Gefängnisreform», ib., 1842), вызвало цѣлую литературу по данному вопросу и послужило исходной точкой для реформъ въ этой области. Романъ Э. «Karthausi» («Картезіанецъ», ib., 1842; нѣм. перев.: «Der Kartäuser», 8-е изд., B., 1890) выдержалъ нѣсколько изданій и считается однимъ изъ лучшихъ произведеній мадьярской литературы. Оживленіе, наступившее въ мадьярской журналистикѣ съ появленіемъ Кошута, захватило и Э.; въ открытомъ письмѣ противъ Сеченьи: «Kelet népe és a Pesti Hirlap» (Пештъ, 1841) онъ превзошелъ даже самого Кошута ясностью и силой діалектики. Когда впослѣдствіи (1844) либералы раздѣлились на двѣ партіи—муниципалистовъ и централистовъ, Э. оказался однимъ изъ самыхъ краснорѣчивыхъ лидеровъ послѣдней партіи. Около этого же времени появились въ печати его романы: «A falu jeguzöje» («Деревенскій нотаріусъ», ib., 1845; нѣм. перев. «Der Dorfnotar», 3-е изд., ib., 1872), въ которомъ рисуется современная комитатская жизнь, и «Mágyararszág 1514-ben» («Венгрія въ 1514 г.», ib., 1847; нѣм. перев. «Der Bauernkrieg in Ungarn», ib., 1850), въ которомъ мастерски изображается крестьянское возстаніе въ 1514 г. Сдѣлавшись послѣ мартовской революціи 1848 г. министромъ исповѣданій, Э. оказался на высотѣ требованій своего поста, но не въ соотвѣтствіи съ бурными условіями того неспокойнаго времени. Послѣ распаденія министерства Баттіани онъ покинулъ родную страну и переселился въ Мюнхенъ, гдѣ оставался до 1851-го года. Самымъ важнымъ произведеніемъ его за это время было: «Вліяніе господствующихъ идей XIX стол. на государство» (по-мадьярски, B., 1851; нѣм. перев. «Der Einfluss der herrschenden Ideen des XIX Jahrh. auf den Staat», Лпц., 1854).. На нѣмецкомъ языкѣ появилось его «Gleichberechtigung der Nationalitäten in Oesterreich» (2-е изд., B., 1851). Большое вниманіе обратило на себя его анонимное сочиненіе: «Garantien der Macht und Einheit Oesterreichs» (Лпц., 1859). Вернувшись въ Венгрію, Э. сдѣлался вторымъ президентомъ венгерской академіи и стяжалъ большую славу своими академическими торжественными рѣчами, которыя вышли отдѣльнымъ сборникомъ подъ загл. «Mágyar irók és államférfiak» («Мадьярскіе писатели и государственные люди», 1868). На кратковременномъ рейхстагѣ 1861 г. Э. былъ представителемъ города Офена. Съ этого времени онъ посвятилъ себя опять преимущественно политикѣ и основалъ въ 1865 г. журналъ «Politikai Hetilap» («Политическій Еженедѣльникъ»). Когда Венгрія, въ 1867 г., получила снова свое собственное, отвѣтственное передъ венгерскимъ парламентомъ министерство, Э. занялъ постъ министра вѣроисповѣданій и народнаго образованія и проявилъ оживленную и плодотворную дѣятельность. Онъ ввелъ обязательное начальное обученіе и сдѣлалъ народную школу независимой отъ вѣроисповѣдныхъ вопросовъ. По всѣмъ политическимъ вопросамъ Э. занималъ выдающееся положеніе, какъ въ министерствѣ, такъ и въ рейхстагѣ, гдѣ онъ считался однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ ораторовъ. Памятникъ ему, въ видѣ бронзовой статуи, открытъ въ 1879 г. въ Будапештѣ, на площади, носящей его имя. Сынъ Э. *Роландъ* Э. (род. въ 1848 г.) былъ профессоромъ физики въ будапештскомъ университетѣ и президентомъ венгерской академіи.

Этвёшъ (Карлъ Eötvös, род. въ 1842 г.)—венгерскій государственный дѣятель и публицистъ. Былъ профессоромъ философіи въ протестантской юридической академіи въ Папѣ (Pápa), но потомъ выступилъ на арену поли-

тической дѣятельности, примкнулъ въ парламентѣ къ партіи Деака и писалъ статьи политическаго содержанія для «Pesti Napló», служившаго органомъ Деака. Послѣ соединенія деакистовъ съ партіей лѣваго центра, находившейся подъ руководствомъ Коломана Тисы, Э. отдалился отъ политики и удалился въ частную жизнь. Въ 1878 г. онъ снова появляется въ парламентѣ, на этотъ разъ въ качествѣ члена партіи независимыхъ, которая вела борьбу противъ примирительной политики Деака. Онъ поселился въ Будапештѣ, сдѣлался адвокатомъ и пріобрѣлъ извѣстность какъ защитникъ въ Тиса-Эсларовскомъ дѣлѣ объ убійствѣ. По смерти Ираньи (въ 1892 г.) Э. былъ избранъ въ президенты «партіи 1848 г. и независимости». Рядомъ со статьями политическаго содержанія онъ пишетъ фельетоны и беллетристическія произведенія.

Этексъ (Etex) — два французскихъ художника. 1) *Антуанъ Э.* (1808—88), скульпторъ, живописецъ, граверъ, читатель публичныхъ лекцій по части искусства и художественный критикъ; первыя познанія въ рисованіи и лѣпкѣ получилъ отъ своего отца, а потомъ учился спульптурѣ у Дюпати и-Прадье, живописи у Энгра и архитектурѣ у Дюбана. Въ 1828 г., за скульптурное произведеніе «Гіацинтъ, убитый Аполлономъ», получилъ второстепенную медаль и денежный пенсіонъ, давшій ему возможность работать въ теченіе двухъ лѣтъ въ Италіи и посѣтить Алжиръ, Корсику, Испанію, Германію и Англію. Въ 1833 г. выставилъ въ парижскомъ салонѣ колоссальную группу своей работы «Проклятіе Каина», произведшую сильное впечатлѣніе на публику и доставившую ему первоклассную медаль и заказъ двухъ группъ для тріумфальныхъ воротъ Звѣды въ Парижѣ: «Сопротивленіе французовъ союзникамъ въ 1814 г.» и «Миръ 1815 г.», которыя вскорѣ послѣ того и были имъ исполнены. Одновременно съ этими группами и вслѣдъ за ними Э. произвелъ рядъ монументальныхъ статуй и идеальныхъ фигуръ, уступающихъ, однако, въ достоинствѣ слѣдовавшимъ затѣмъ его надгробному памятнику Жерикò и памятнику Вобана съ превосходными аллегорическими фигурами Науки и Войны, въ Соборѣ инвалидовъ. Изъ прочихъ скульптурныхъ произведеній Э., явившихся большею частью послѣ вышеупомянутыхъ, въ особенности достойны вниманія статуи Леды, Олимпіи, композитора Россини (наход. въ театрѣ Парижской оперы) и Бланки Кастильской, группа «Геро и Леандръ» (въ каенскомъ музеѣ), «Карлъ Великій» и «Св. Бенедиктъ» (въ Люксанбургскомъ музеѣ), «Св. Августинъ» (въ црк. Магдалины, въ Парижѣ), статуя генерала Лекурба (въ Лонсѣ-ле-Сонье), «Св. Людовикъ» (на Barrière du Trône, въ Парижѣ), «Франдискъ I» (въ Коньякѣ), группа «Геркулесъ и Антей», статуя «Сусанны», монументъ Энгра въ Монтобанѣ съ мастерскимъ рельефомъ «Апоөеоза Гомера» и, наконецъ, портретные бюсты многихъ французскихъ знаменитостей— Тьера, Луи-Блана, Одилона-Баррò, Прудона, Шатобріана, Эж. Делакруà, Ал. Дюмà, Альфредà де-Виньи, Кавеньяка и др. По части живописи Э. произвелъ также немало замѣчательныхъ вещей, хотя и уступающихъ его скульптурамъ. Таковы его картины: «Мученіе св. Стефана», «Іосифъ, разсказывающій свои сны братьямъ» (1844), «Поучающій Христосъ», «Ромео и Джульетта», «Бѣгство въ Египетъ», «Фаустъ и Маргарита» и рядъ сценъ изъ жизни патріарха Іакова. Дѣятельность Э., какъ архитектора, ограничивалась сочиненіемъ проектовъ, напр. для зданія парижской Новой Оперы (1861), купаленъ въ Булонскомъ лѣсу и въ Венсеннѣ (1863), церкви Семи Таинствъ (1864) и постройкою надгробныхъ памятниковъ. Наконецъ, Э. уважался какъ писатель, издалъ нѣсколько дѣльныхъ сочиненій по искусству, каковы «Опытъ объ изящномъ» (1851), «Элементарный курсъ рисованія» (1853) и біографія Прадьè и Анри Шеффера (1859), и помѣщалъ свои статьи въ художественныхъ и политическихъ журналахъ. 2) *Луи-Жюль Э.* (1810—89), братъ предыдущаго, живописецъ, былъ ученикомъ Энгра и впервые явился предъ публикой въ парижскомъ салонѣ 1833 г. съ портретами, за которые получилъ второстепенную медаль. Послѣ того былъ посланъ французскимъ правительствомъ въ Дрезденъ съ порученіемъ написать копію Сикстинской Мадонны для Аженской црк. Исполнивъ это порученіе, сдѣлалъ поѣздку въ Италію, и по своемъ возвращеніи въ Парижъ писалъ, кромѣ портретовъ, историческія и жанровыя картины, за которыя нѣкоторое время пользовался значительною извѣстностью. Наиболѣе удачныя изъ нихъ—«Первое впечатлѣніе моря», «Монахъ и философъ», «Почтовая карета на морскомъ берегу въ бурную погоду», «Воскрешеніе сына наинской вдовы», «Ласкарисъ, по завоеваніи Константинополя турками, перевозитъ сокровища искусства и литературы въ Италію», «Семейство рыбаковъ во время кораблекрушенія», «Весталка передъ потухшимъ жертвенникомъ своей богини» (1868), «Св. Геновефа» и «Діана на охотѣ».

Этельбертъ (Ethelbert, также Aethelberth, род. около 550 г., ум. въ 616 г.)—король кентскій. Вступилъ на престолъ въ 560 г., женился на Бертѣ, дочери франкскаго короля Хариберта, которая, будучи христіанкой, содѣйствовала учрежденію христіанской церкви въ Кентербери и установленію христіанскаго богослуженія въ церкви св. Мартина. Когда апостолъ англосаксонскій Августинъ по волѣ папы Григорія Вел. прибылъ, въ 597 г., въ Кентъ, то Э. дружелюбно принялъ его, крестился самъ и сдѣлалъ очень много для распространенія христіанства. Отъ Э. ведутъ свое начало древнѣйшіе англо-саксонскіе законы.

Этельвульфъ (Ethelwulf или Athelwulf) — англо-саксонскій король (839—858); наслѣдовалъ отъ своего отца Эгберта престолъ Вессекса. Воевалъ противъ датчанъ и нанесъ имъ большое пораженіе при Оклеѣ въ Суррeѣ въ 851 г. Въ 855 г. онъ совершилъ путешествіе въ Римъ и послѣ того установилъ у себя въ Англіи сборъ «лепты св. Петра».

Этелькуюмъ — губа въ Приморской обл., въ Беринговомъ прол., на сѣв. берегу

Зал. Св. Креста, рядомъ съ губой Эгвекинотъ (см.), дл. до 5 миль, глуб. въ устьѣ 15—20 саж., грунтъ илъ.

Этельредъ I (Ethelred или Aethelred)—англо-саксонскій король (866—871), старшій братъ и предшественникъ Альфреда, какъ короля надъ Вессексомъ и Кентомъ; велъ непрерывную войну съ датчанами, которые твердой ногой стояли въ восточной Англіи и грозили подчинить себѣ все королевство; умеръ вскорѣ послѣ одержанной надъ ними побѣды.

Эдельредъ II *Неразумный* — король англійскій (978—1016). Подъ слабымъ его правленіемъ страна много страдала отъ набѣговъ викинговъ, отъ которыхъ онъ старался защититься уплатою такъ наз. датскихъ денегъ. Предпринятое имъ поголовное избіеніе всѣхъ жившихъ въ Вессексѣ датчанъ (13 ноября 1002 г.) вызвало кровавую месть датчанъ. Въ 1013 г. король датскій Свендъ завоевалъ царство Э., и онъ принужденъ былъ въ слѣдующемъ году бѣжать въ Нормандію. Призванный обратно вскорѣ послѣ смерти Свенда, Э. умеръ во время войны противъ его преемника Канута.

Этельстанъ (Ethelstan или Aethelstan)—король англо-саксонскій (925—940), сынъ Эдуарда Старшаго, внукъ Альфреда. Свою наслѣдственную власть надъ Вессексомъ и Кентомъ онъ распространилъ на Нортумбрію и Корнваллисъ и въ 937 г. успѣшно разстроилъ опасный для него союзъ шотландцевъ, датчанъ и недовольныхъ бриттовъ. Въ мирные годы онъ выказалъ себя мудрымъ законодателемъ и ревнителемъ народнаго образованія.

Этельфледа (Ethelfleda или Aethelfleda)—дочь Альфреда Великаго и сестра Эдуарда Старшаго, супруга графа Этельреда Мерсійскаго; способствовала Эдуарду въ дѣлѣ подавленія валлисцевъ и датчанъ, основывала новые города и востановляла опустошенные и разрушенные. Послѣ ея смерти въ 919 г. братъ ея Эдуардъ присоединилъ Мерсію къ Англіи.

Этеоклъ (Ἐτεοκλῆς)—сынъ Эдипа и Іокасты. Послѣ удаленія Эдипа изъ Ѳивъ и смерти матери, раздѣлилъ вмѣстѣ съ братомъ Полиникомъ царскую власть въ Ѳивахъ. Вслѣдствіе возникшихъ между ними ссоръ, Полиникъ оставилъ Ѳивы и обратился къ Адрасту Аргосскому, который собралъ ополченіе противъ Э., организовавъ такъ назыв. походъ *Семи противъ Ѳивъ*. Когда въ сраженіи многіе герои были уже убиты, Э. и Полиникъ рѣшили окончить дѣло единоборствомъ, съ яростью бросились другъ на друга и оба пали мертвые. Смерть ихъ была новымъ ударомъ, который судьба нанесла дому Лабдакидовъ.

Н. О.

Этериновая теорія (хим., см. XXVI, 76 и XXXVII, 266).—Тенаръ (вмѣстѣ съ Буллэ отцомъ), изучая сложные эѳиры (см.), образованные взаимодѣйствіемъ спиртовъ (см.) съ кислородными кислотами, нашелъ, что подъ вліяніемъ щелочей они даютъ соль кислоты и спиртъ; отсюда онъ обратно заключилъ, что сложные эѳиры представляютъ соединенія кислотъ (таковыми назывались тогда современные «ангидриды кислотъ»; ср. XXXVII, 223) со спиртами и счелъ ихъ настоящими солями, въ которыхъ спиртъ играетъ роль основанія. Взглядъ этотъ былъ общепринятъ, когда Дюма (вмѣстѣ съ Буллэ сыномъ) показалъ въ необыкновенно тщательной работѣ («Mémoire sur les Ethers composés, par MM. J. Dumas et P. Boullay fils», «Ann. chim. phys.» [2], *37*, 1828, 15), въ которой были даны не только количественный составъ нѣкоторыхъ сложныхъ эѳировъ, но и опредѣлены удѣльные вѣса ихъ пара и изучено количественно распаденіе подъ вліяніемъ щелочей, что указанныя тѣла содержатъ больше углерода, чѣмъ требовала теорія Тенара, и что это обстоятельство объясняется, если принять, что при образованіи эѳира спиртъ (обыкновенный) превращается въ «сѣрный» эѳиръ, теряетъ воду, каковая обратно фиксируется при омыленіи эѳира. «Наиболѣе непосредственнымъ результатомъ нашего изслѣдованія,—говоритъ Дюма (l. c., 41), является взглядъ на сѣрный эѳиръ, какъ на основаніе, способное образовывать соли (base salifiable), а на спиртъ, какъ на гидратъ (см.) эѳира. Тогда ихъ составъ можетъ быть выраженъ такъ: 1 об. пара эѳира = 2 об. двууглеродистаго водорода (hydrog. bi-carboné = этилену, см.) + 1 об. водяного пара, а 1 об. пара спирта = $^1/_2$ об. пара эѳира + $^1/_2$ об. водяного пара» *)... «и въ сложныхъ эѳирахъ паръ кислоты **) замѣщаетъ водяной паръ объемъ за объемъ». «Но есть и другой болѣе общій способъ разсматривать составъ этихъ тѣлъ. Онъ состоитъ въ надѣленіи самаго двууглеродистаго водорода щелочными свойствами, что позволяетъ обнять съ одной точки зрѣнія самыя разнообразныя соединенія подобнаго рода», и затѣмъ Дюма, руководствуясь реакціей амміака со щавелевымъ эѳиромъ ***), приходитъ къ заключенію, что «двууглеродистый водородъ имѣетъ ту же насыщаемость, что и амміакъ», что этиленъ двуатоменъ, говоря современнымъ языкомъ, и въ таблицѣ (l. c., 49; ср. XXVI, 76) показываетъ полный параллелизмъ формулъ соединеній амміака (съ галоидоводородными, кислородными кислотами и т. д.) съ формулами соединеній этилена съ галоидоводородными кислотами (хлористый, бромистый и іодистый этилъ), съ кислородными кислотами (эѳиры азотисто-, уксусно-, бензойно-, щавелевокислые) и т. д. Впервые въ органической химіи рядъ разнообразныхъ тѣлъ (Дюма къ соединеніямъ этилена причислилъ тростниковый и виноградный сахары, эталь [см.], а вмѣстѣ съ нимъ и жиры, винный спиртъ и т. д.) оказался объединеннымъ по составу въ стройной системѣ, а потому не удивительно, что статья Дюма обратила на себя большое вниманіе современниковъ (ср. «Briefwechsel zwischen J. Berzelius u. F. Wöhler», 1901, стр. 210—

*) Это было раньше указано Gay-Lussac'омъ въ 1808 г. (ср. XXXVII, 261).

**) Ея „ангидрида“ по нашему.

***) Онъ думалъ, что она идетъ по уравненію

$$C_2O_3.H_2O.2C_2H_4 + NH_3 + H_2O =$$
$$= C_2O_3.H_2O(NH_3, C_2H_4) + H_2O.C_2H_4$$

(эѳиръ кислой амміачной соли щавелевой кисл. + спиртъ; атомные вѣса современные).

Вторичные спирты.

	Предѣлы	Начальн. скорости.
Спиртъ изопропиловый, диэтилкарбинолъ	60,52	26,53
$CH^3CH^2\underset{OH}{CH}CH^3$ этилметилкарбинолъ	59.28	22,59
$\genfrac{}{}{0pt}{}{CH^3}{CH^3}>CH\underset{OH}{CH}CH^3$ изопропилметилкарбинолъ	59,31	18,95
$C^2H^5\underset{OH}{CH}C^2H^5$ диэтилкарбинолъ	58,66	16,93
$CH^3(CH^2)^5\underset{OH}{CH}CH^3$ гексилметилкарбинолъ	62,03	21,19
$CH^2=CH.\underset{OH}{CH}.C^2H^5$ этилвинилкарбинолъ	52,25	14,85
$(CH^2=CH.CH^2)^2CHOH$ диаллилкарбинолъ	50,12	10,31

Третичные спирты.

$(CH^3)^3\equiv C.OH$ триметилкарбинолъ	6,59	1,43
$\genfrac{}{}{0pt}{}{C^2H^5}{(CH^3)^2}>COH$ этилдиметилкарбинолъ	2,53	0,81
$\genfrac{}{}{0pt}{}{(C^2H^5)^2}{CH^3}>COH$ диэтилметилкарбинолъ	3,78	1,04

Фенолы.

Фенолъ	8,65	1,45
Паракрезолъ	9,56	1,75
Тимолъ	9,46	0,52
α-Нафтолъ	6,16	—

Спирты многоатомные.

Первичные	$\underset{OH}{CH^2}\underset{OH}{C^2H^2}$ гликоль	53,86	42,93
	$\underset{OH}{CH^2}CH^2\underset{OH}{CH^2}$ триметиленгликоль (пропандіолъ 1.3).	60,07	49,29
Первично-вторичные	$CH^3\underset{OH}{CH}\underset{OH}{CH^2}$ пропиленгликоль (пропандіолъ 1.2).	50,83	36,43
Вторичные	$CH^3\underset{OH}{CH}\underset{OH}{CH}CH^3$ бутандіолъ 2.3.	32,79	17,79
Третичные	Пинаконъ.	5,85	2,58
	Резорсинъ	7,08	—

Изъ приведенной таблицы видно, во-первыхъ, что начальными скоростями Э. различные спирты болѣе рѣзко отличаются другъ отъ друга, чѣмъ предѣлами Э. 2) Предѣльные спирты имѣютъ наивысшій предѣлъ Э. и наибольшую скорость. 3) Число углеродныхъ атомовъ въ спиртѣ мало вліяетъ на предѣлъ и скорость Э.,—такъ, нормальные предѣльные спирты, если не считать метиловаго, имѣютъ одинаковыя скорости, предѣлы съ возрастаніемъ числа атомовъ углерода увеличиваются, но очень мало. 4) Наибольшее значеніе имѣетъ положеніе гидроксила: первичные спирты имѣютъ наивысшій предѣлъ и наибольшую скорость, третичные наименьшую. Тѣ же соотношенія замѣчаются и при дѣйствіи различныхъ кислотъ на какой-либо спиртъ. Н. А. Меншуткинъ для сравненія кислотъ между собою пользовался ихъ дѣйствіемъ на изобутиловый спиртъ при тѣхъ же условіяхъ, какъ и при изученіи Э. спиртовъ. Слѣдующая таблица подтверждаетъ сказанное:

Первичныя кислоты.	Предѣлы.	Скорость.
Муравьиная	64,69	61,23
Уксусная	67,38	44,36
Пропіоновая.	68,70	41,18
Масляная	69,52	33,25
Каприловая	69,81	33,08
Вторичныя кислоты.		
Изомасляная	69,41	29,03
Метилэтилъ-уксусная	73,73	21,50

Третичныя кислоты.	Предѣлы.	Скорость.
Триметилъ-уксусная	72,65	8,28
Диметилэтилъ-уксусная . . .	74	3,45
Бензойная	72,56	8,62
Паратолуиловая	76,52	6,64
Куминовая	75,91	6,24

Опыты Н. А. Меншуткина даютъ возможность, пользуясь реакціей образованія сложныхъ эѳировъ, устанавливать изомерію спиртовъ и кислотъ, изучая ихъ скорость и предѣлъ. Таковы результаты, полученные при изученіи непосредственнаго дѣйствія спиртовъ и кислотъ другъ на друга. Между другими способами полученія сложныхъ эѳировъ есть одинъ, которымъ часто пользуются и который даетъ много данныхъ по изомеріи кислотъ, это именно дѣйствіе кислотъ на спирты въ присутствіи сильныхъ неорганическихъ кислотъ, особенно соляной, при чемъ предѣлъ и скорость значительно повышаются. Для объясненія контактнаго вліянія хлористоводородной кислоты предлагалось много теорій. Бертело предполагаютъ, что HCl играетъ просто дегидратирующую роль; Фелингъ,—что спирты съ ней реагируютъ, образуя хлоргидрины спиртовъ, Фридель—образованіе хлорангидридовъ кислотъ (оба маловѣроятныя предположенія), Анри—образованіе промежуточныхъ соединеній, первыхъ ортоэѳировъ кислотъ,

$$RC\begin{matrix} /OR' \\ -OH \\ \backslash OH \end{matrix}$$

которыя или, прямо выдѣляя воду, даютъ сложные эѳиры или реагируя сначала съ HCl, даютъ хлоргидрины этого эѳира,

$$RC\begin{matrix} /OR' \\ -OH \\ \backslash Cl, \end{matrix}$$

которые, выдѣляя HCl, даютъ эѳиръ. По господствующей въ данное время теоріи электролитической диссоціаціи, реакція ускоряется благодаря присутствію свободныхъ водородныхъ іоновъ, которые способствуютъ болѣе легкому выдѣленію воды при образованіи сложнаго эѳира, что отчасти находитъ подтвержденіе и въ томъ, что скорость Э. при обыкновенныхъ условіяхъ, въ отсутствіи HCl, находится въ прямомъ соотношеніи съ электролитической диссоціаціей кислотъ, константы $\left(C_1/C_2\right)$ ихъ одинаковы. Каково бы ни было объясненіе дѣйствія HCl на Э., такъ какъ реакція и въ этихъ условіяхъ ограничена предѣломъ, то является возможность изучить благодаря большой скорости реакціи, допускающей работать при обыкновенной температурѣ, массу кислотъ, которыя при высокихъ температурахъ не могутъ изслѣдоваться вслѣдствіе разложенія. Изученіе спиртовъ и кислотъ жирнаго ряда при этихъ условіяхъ ничего новаго не даетъ, и реакція благодаря высокому предѣлу примѣняется для полученія сложныхъ эѳировъ, изученіе же Э. ароматическихъ кислотъ при контактномъ дѣйствіе HCl имѣло большое значеніе, что было выяснено особенно работами Виктора Мейра и его учениковъ. Викторъ Мейръ, работая надъ этерифрикаціей кислотъ ароматическаго ряда, нашелъ, что нѣкоторыя изъ нихъ даютъ только очень малыя количества эѳира при дѣйствіи газообразной ClH на ихъ растворъ въ метиловомъ спиртѣ, въ то время какъ другія въ тѣхъ же условіяхъ даютъ болѣе 90% эѳира. Такъ, растворъ бензойной кислоты въ метиловомъ спиртѣ при 0°, подвергаясь дѣйствію газообразнаго хлористаго водорода, даетъ къ концу 12 часовъ 92% бензойно-метиловаго эѳира, между тѣмъ мезитиленъ-крабоновая, трихлорбензойная и трибромбензойная 1.2.4.6 кислоты въ тѣхъ же условіяхъ совсѣмъ почти не даютъ эѳира. Victor Meyer изучилъ большое количество кислотъ ароматическаго ряда и замѣтилъ, что на Э. имѣютъ сильное вліяніе группы, находящіяся въ ортоположеніи, что каждый разъ, какъ водородъ при углеродѣ, находящемся въ ортоположеніи относительно карбоксила, замѣщался какими-нибудь остатками, какъ напр., CH^3, Rr, Cl, NO^2 и проч., образованія метиловыхъ эѳировъ въ вышеуказанныхъ условіяхъ не происходило. Это правило, данное Victor'омъ Meyer'омъ, примѣнимо и къ другимъ ядрамъ, кромѣ бензольнаго; такъ, хлорнафтиловая кислота 1.2

Cl

CO^2H

не даетъ эѳира, въ то время какъ кислота 1.3

Cl

CO^2H

даетъ 90% эѳира, и кислоты антраценкарбоновыя и хлорантраценкарбоновыя

CH

C

CO^2H

также не даютъ эѳира въ этихъ условіяхъ. На ходъ Э. имѣетъ громадное вліяніе то какія группы находятся въ ортоположеніи такъ, диортокислоты, въ которыхъ замѣстителями служатъ Cl, Rr, J, CO^2H, O^2, не даютъ эѳира ни на холоду, ни при нагрѣваніи, если же стоятъ въ ортоположеніи HO, CH^3 и другіе углеводородные остатки, то при кипяченіи образуются эѳиры. Такъ, кислоты: тимоловая

$$C^6H^2CO^2H\,.\,OH\,.\,C^3H^3CH^3 \quad 1.2.3.6$$

фенилъ-салициловая

$$C^6H^3CO^2HC^6H^5OH \quad 1.2.6$$

нафтолъ-карбоновая

$$C^{10}H^6CO^2H\,.\,OH \quad 1.2$$

при 0° не даютъ эѳира, при кипяченіи же къ концу 12 час. даютъ 20% эѳира. Правилу Victor'a Meyer'a удовлетворяютъ вполнѣ боль-

шинство многоосновыхъ ароматическихъ кислотъ. Такъ, кислота меллитовая

CO^2H
CO^2H CO^2H
CO^2H CO^2H
CO^2H

не даетъ эѳира при дѣйствіи газообразнаго хлористаго водорода на метиловый спиртъ, а кислота пиромеллитовая

CO^2H
CO^2H
CO^2H
CO^2H

даетъ 90% эѳира, при чемъ алкогольный остатокъ вступаетъ въ соединеніе съ четырьмя карбоксилами; кислота пренитовая

CO^2H
CO^2H CO^2H
CO^2H

даетъ двухзамѣщенный эѳиръ; кислота мелофановая

CO^2H
CO^2H
CO^2H CO^2H

трехзамѣщенный, такъ же какъ и кислоты: тримезиновая

CO^2H CO^2H
CO^2H

триметилтовая

CO^2H
CO^2H
CO^2H

тогда какъ кислота гемимеллитовая даетъ только

CO^2H
CO^2H
CO^2H

двузамѣщенный эѳиръ.

Изъ приведенныхъ примѣровъ видно, что въ многоосновныхъ ароматическихъ кислотахъ карбоксилы, находящіеся въ орто-положеніи, какъ бы утрачиваютъ совсѣмъ или отчасти способность непосредственно вступать въ реакцію со спиртами. Сколько-нибудь удовлетворительнаго объясненія этого факта не найдено. В. Мейеръ предполагалъ, что группы, находящіяся въ орто-положеніи, пространственно препятствуютъ ходу реакціи, чему противорѣчитъ то, что серебряныя соли диортокислотъ съ іодгидринами спиртовъ, какъ и всѣ кислоты, даютъ сложные эѳиры соотвѣтствующихъ спиртовъ. Наблюденныя при Э. соотношенія между строеніемъ реагирующихъ соединеній съ одной стороны, предѣлами и скоростями реакцій—съ другой, повторяются и при другихъ реакціяхъ подобнаго характера, какъ напр. при образованіи аминовъ, простыхъ эѳировъ и пр. *Н. Тутуринъ.*

Этерно (Auguste Eternod)—швейцарскій гистологъ и эмбріологъ, род. въ 1854 г., изучалъ медицину и естественныя науки въ Лозаннѣ, Лейпцигѣ, Базелѣ, Парижѣ и Женевѣ, гдѣ въ 1879 г. получилъ степень доктора и мѣсто ассистента по патологической анатоміи; съ 1881 г. читалъ курсъ гистологіи и стоматологіи, въ 1882 г.—экстраординарный, въ 1887 г.—ординарный профессоръ нормальной гистологіи, эмбріологіи и стоматологіи при женевскомъ университетѣ. Ученые труды Э. касаются преимущественно нормальной и патологической гистологіи, патологической анатоміи, эмбріологіи и физіологіи человѣка. Онъ напечаталъ между прочимъ: «Recherches sur les affections chroniques des ganglions trachéo-bronchiques et les suites de ces affections» (докт. дисс., Женева и Парижъ, 1879); «Des illusions optiques dans les observations du microscope» («Revue etc.», 1884); «Sur un cas de régénération de la rate etc. chez le renard» («Revue etc.», 1885); «La cellule en général, au point de vue morphologique, physico-chimique et physiologique» («Journ. de micrographie du Dr. Pelletan», 1886); «Contribution à l'étude de la variolo-vaccine» («Revue méd. Suisse rom.», 1892); «Premiers stades de la circulation sanguinaire de l'oeuf et de l'embryon humain» («Verh. schweiz. naturf. Ges.», 1898); «De la distribution des efforts mécaniques dans l'appareil masticateur» («C.-R. XIII congr. de méd. Paris», 1900); «L'anse veineuse vitelline des Primates (Hommes et Quadrumanes)» («C.-R. de l'Assoc. d. anat.», IV session, Монпелье, 1902). *Н. Н. А.*

Этика. I. *Предметъ этики и ея основныя направленія.* II. *Историческій очеркъ этическихъ ученій.* III. *Этика какъ философская дисциплина.*

I. *Этика* (отъ греч. ἦθος—нравъ) или мораль (отъ лат. mos—нравъ) въ узкомъ смыслѣ слова значитъ ученіе о нравственномъ. Такъ какъ всѣ стимулы, опредѣляющіе нравственныя проявленія человѣка, выводятся изъ тѣхъ или иныхъ общихъ причинъ, то этика является ученіемъ объ основныхъ принципахъ нравственности. Поскольку эти принципы открываются въ самомъ человѣческомъ духѣ, этическое изслѣдованіе имѣетъ характеръ психологической дисциплины. Съ этой точки зрѣнія мораль сводится къ ученію о такъ называемыхъ *добродѣтеляхъ, о совѣсти* или *сознаніи долга*. Поскольку же моральное опредѣляется тѣми или иными положеніями, имѣющими характеръ правилъ, съ которыми должны сообразоваться человѣческія дѣйствія, Э. превращается въ нормативную науку о законахъ или нормахъ человѣческаго поведенія. Область Э. этимъ не ограничивается. Стремленіе раціонально обосновать человѣческую мораль и вывести ее изъ какого-либо единаго

Третичныя кислоты.	Пре-дѣлы.	Ско-рость.
Триметилъ-уксусная	72,65	8,28
Диметилэтилъ-уксусная	74	3,45
Бензойная	72,56	8,62
Паратолуиловая	76,52	6,64
Куминовая	75,91	6,24

Опыты Н. А. Меншуткина даютъ возможность, пользуясь реакціей образованія сложныхъ эѳировъ, устанавливать изомерію спиртовъ и кислотъ, изучая ихъ скорость и предѣлъ. Таковы результаты, полученные при изученіи непосредственнаго дѣйствія спиртовъ и кислотъ другъ на друга. Между другими способами полученія сложныхъ эѳировъ есть одинъ, которымъ часто пользуются и который даетъ много данныхъ по изомеріи кислотъ, это именно дѣйствіе кислотъ на спирты въ присутствіи сильныхъ неорганическихъ кислотъ, особенно соляной, при чемъ предѣлъ и скорость значительно повышаются. Для объясненія контактнаго вліянія хлористоводородной кислоты предлагалось много теорій. Бертело предполагаютъ, что HCl играетъ просто дегидратирующую роль; Фелингъ,—что спирты съ ней реагируютъ, образуя хлоргидрины спиртовъ, Фридель—образованіе хлорангидридовъ кислотъ (оба маловѣроятныя предположенія), Аври—образованіе промежуточныхъ соединеній, первыхъ ортоэѳировъ кислотъ,

$$RC\begin{cases}OR'\\OH\\OH\end{cases}$$

которыя или, прямо выдѣляя воду, даютъ сложные эѳиры или реагируя сначала съ HCl, даютъ хлоргидрины этого эѳира,

$$RC\begin{cases}OR'\\OH\\Cl,\end{cases}$$

которые, выдѣляя HCl, даютъ эѳиръ. По господствующей въ данное время теоріи электролитической диссоціаціи, реакція ускоряется благодаря присутствію свободныхъ водородныхъ іоновъ, которые способствуютъ болѣе легкому выдѣленію воды при образованіи сложнаго эѳира, что отчасти находитъ подтвержденіе и въ томъ, что скорость Э. при обыкновенныхъ условіяхъ, въ отсутствіи HCl, находится въ прямомъ соотношеніи съ электролитической диссоціаціей кислотъ, константы (C_1/C_2) ихъ одинаковы. Каково бы ни было объясненіе дѣйствія HCl на Э., такъ какъ реакція и въ этихъ условіяхъ ограничена предѣломъ, то является возможность изучить благодаря большой скорости реакціи, допускающей работать при обыкновенной температурѣ, массу кислотъ, которыя при высокихъ температурахъ не могутъ изслѣдоваться вслѣдствіе разложенія. Изученіе спиртовъ и кислотъ жирнаго ряда при этихъ условіяхъ ничего новаго не даетъ, и реакція благодаря высокому предѣлу примѣняется для полученія сложныхъ эѳировъ, изученіе же Э. ароматическихъ кислотъ при контактномъ дѣйствіи HCl имѣло большое значеніе, что было выяснено особенно работами Виктора Мейра и его учениковъ. Викторъ Мейръ, работая надъ этерифрикаціей кислотъ ароматическаго ряда, нашелъ, что нѣкоторыя изъ нихъ даютъ только очень малыя количества эѳира при дѣйствіи газообразной ClH на ихъ растворъ въ метиловомъ спиртѣ, въ то время какъ другія въ тѣхъ же условіяхъ даютъ болѣе 90% эѳира. Такъ, растворъ бензойной кислоты въ метиловомъ спиртѣ при 0°, подвергаясь дѣйствію газообразнаго хлористаго водорода, даетъ къ концу 12 часовъ 92% бензойно-метиловаго эѳира, между тѣмъ мезитиленъ-крабоновая, трихлорбензойная и трибромбензойная 1.2.4.6 кислоты въ тѣхъ же условіяхъ совсѣмъ почти не даютъ эѳира. Victor Meyer изучилъ большое количество кислотъ ароматическаго ряда и замѣтилъ, что на Э. имѣютъ сильное вліяніе группы, находящіяся въ ортоположеніи, что каждый разъ, какъ водородъ при углеродѣ, находящемся въ ортоположеніи относительно карбоксила, замѣщался какими-нибудь остатками, какъ напр., CH^3, Br, Cl, NO^2 и проч., образованія метиловыхъ эѳировъ въ вышеуказанныхъ условіяхъ не происходило. Это правило, данное Victor'омъ Meyer'омъ, примѣнимо и къ другимъ ядрамъ, кромѣ бензольнаго; такъ, хлорнафтиловая кислота 1.2

Cl
CO^2H

не даетъ эѳира, въ то время какъ кислота 1.3

Cl
CO^2H

даетъ 90% эѳира, и кислоты антраценкарбоновыя и хлорантраценкарбоновыя

CH
C
CO^2H

также не даютъ эѳира въ этихъ условіяхъ. На ходъ Э. имѣетъ громадное вліяніе то какія группы находятся въ ортоположеніи; такъ, диортокислоты, въ которыхъ замѣстителями служатъ Cl, Br, J, CO^2H, O^2, не даютъ эѳира ни на холоду, ни при нагрѣваніи, если же стоятъ въ ортоположеніи HO, CH^3 и другіе углеводородные остатки, то при кипяченіи образуются эѳиры. Такъ, кислоты: тимоловая

$C^6H^2CO^2H.OH.C^3H^3CH^3$ 1.2.3.6

фенилъ-салициловая

$C^6H^3CO^2HC^6H^5OH$ 1.2.6

нафтолъ-карбоновая

$C^{10}H^6CO^2H.OH$ 1.2

при 0° не даютъ эѳира, при кипяченіи же къ концу 12 час. даютъ 20% эѳира. Правилу Victor'a Meyer'a удовлетворяютъ вполнѣ боль-

мораль ихъ принимала характеръ тривіальнаго благонравія, какъ напр. въ извѣстной аллегоріи Продика: «Геркулесъ на распутьѣ». Борцомъ противъ этой безпринципности явился *Сократъ*. Какъ въ области теоретическаго познанія, такъ и въ области морали, значеніе Сократа заключается не столько въ содержаніи и систематизаціи высказанныхъ имъ идей, сколько въ томъ методѣ, которымъ онѣ вырабатывались. Методъ этотъ состоялъ въ восхожденіи отъ частнаго къ общему. Сократъ обладалъ искусствомъ образовывать въ умахъ своихъ собесѣдниковъ общія понятія. Для морали это значило создавать болѣе общія моральныя цѣнности. Въ противоположность софистамъ, размѣнявшимъ объективныя нормы нравственности на мелкую монету условныхъ потребностей и личнаго произвола, Сократъ воспитывалъ у своихъ современниковъ убѣжденіе въ существованіи безусловнаго моральнаго блага. Нравственную дѣятельность Сократъ разсматривалъ съ точки зрѣнія цѣлесообразности. Мы дѣйствуемъ правильно, когда наши дѣйствія достигаютъ поставленной цѣли. Изъ этого слѣдуетъ, что для правильнаго дѣйствія необходимо *знать* соотношеніе между цѣлями и средствами ихъ достиженія. Кромѣ того, всѣ наши дѣйствія только тогда являются нравственно цѣнными, когда мы имѣемъ правильное позпаніе о благѣ. Отсюда вытекаетъ, что всѣ хорошіе поступки обусловливаются *знаніемъ* или *мудростью*—и наоборотъ, знающій благо, по мнѣнію Сократа, неизбѣжно къ нему стремится и его достигаетъ. Зло можетъ происходить только отъ невѣдѣнія блага и пути къ нему. Это установленіе неразрывной связи между знаніемъ добра и добрыми поступками приводитъ Сократа къ отождествленію мудрости съ добродѣтелью, разумности—съ добромъ, отождествленію весьма характерному для всей греческой философіи и проводимому въ томъ или иномъ смыслѣ во всей исторіи Э. до нашихъ дней. Признавая существованіе безусловныхъ моральныхъ принциповъ, Сократъ не далъ, однако, яснаго и опредѣленнаго содержанія этихъ принциповъ. Всѣ виды моральнаго блага, бывшіе предметомъ разсмотрѣнія Сократа, тяготѣютъ, главнымъ образомъ, къ двумъ конечнымъ инстанціямъ: пользѣ и законамъ. Вообще философія Сократа вращалась, повидимому, преимущественно въ области житейскихъ и политическихъ интересовъ, не дающей почвы для обоснованія чего-либо безусловнаго. Въ этомъ отношеніи Цицеронъ былъ правъ, говоря, что Сократъ свелъ философію съ неба на землю. Однако, реализмъ Сократа имѣлъ весьма условное значеніе: если онъ, въ противоположность своимъ предшественникамъ, начинавшимъ свою философію съ астрономическихъ теорій, занялся дѣлами земли и обратилъ все свое вниманіе на человѣческую дѣятельность и человѣческія отношенія, то было бы ошибочно думать, что въ нихъ онъ не находилъ ничего болѣе высокаго и цѣннаго, чѣмъ польза и положительное право. Весьма важнымъ для всей морали Сократа является его различеніе *законовъ писанныхъ* или законовъ государства и *законовъ неписанныхъ или божественныхъ*. Въ этихъ-то послѣднихъ и слѣдуетъ видѣть центръ тяжести его философіи; въ нихъ же находитъ объясненіе его личная жизнь, совершенно не соотвѣтствовавшая принципамъ утилитарной морали. Подъ божественными законами Сократъ разумѣлъ прежде всего тѣ универсальныя требованія морали, которыя присущи всѣмъ людямъ безъ исключенія и нарушеніе которыхъ неизбѣжно влечетъ за собою возмездіе. Существованіе такихъ законовъ (богопочитаніе, повиновеніе родителямъ) служило для Сократа указаніемъ на то, что человѣческому сознанію присуща какая-то высшая и всеобщая разумность, велѣніямъ которой человѣкъ безусловно обязанъ повиноваться. Въ сущности и писанные законы государства являются отраженіемъ этихъ безусловныхъ божественныхъ законовъ, почему и должны быть исполняемы независимо отъ того, насколько они справедливы. Такимъ образомъ и въ сферѣ эмпирическаго и условнаго Сократъ умѣлъ найти непреложныя указанія на нѣчто безусловное. Въ результатѣ Э. Сократа несомнѣнно имѣла *религіозный* характеръ. Онъ былъ убѣжденъ въ существованіи Бога, какъ міровōго разума, и въ воздѣйствіи Бога на все живущее. Мало этого: Сократъ не только былъ убѣжденъ въ существованіи Бога: онъ ясно сознавалъ въ самомъ себѣ голосъ Божественнаго разума и повиновался ему съ безусловною увѣренностью и спокойствіемъ. Это сознаніе и составляло сущность философскаго и въ то же время моральнаго паѳоса Сократа; оно же сдѣлало неизбѣжной величественную смерть его. Основоположенія Сократа получили у его учениковъ дальнѣйшее развитіе въ двухъ направленіяхъ: у Платона—въ духѣ крайняго идеализма, у Антисфена и Аристиппа—въ духѣ реализма. *Платонъ* цѣликомъ воспринялъ и детально разработалъ основное положеніе Сократа о тожествѣ знанія и добродѣтели. Въ воззрѣніяхъ Платона на понятіе блага можно отмѣтить нѣсколько переходныхъ стадій. Реалистическое пониманіе блага, присущее въ значительной степени Сократу, не осталось чуждымъ и Платону. Въ этомъ отношеніи особенно рѣзко выдѣляется діалогъ «Протагоръ», гдѣ въ уста Сократа Платонъ вкладываетъ гедоническую теорію блага, основанную на понятіи удовольствія. Насколько, однако, рѣзко противорѣчитъ этотъ взглядъ остальнымъ воззрѣніямъ Платона и всему духу его философіи, можно видѣть изъ того, что объясненіе самаго факта его существованія въ твореніяхъ Платона всегда представляло для историковъ древней философіи большое затрудненіе. Нѣкоторые, какъ напр. Штейнгартъ и Шлейермахеръ, объясняли этотъ пунктъ ироніей Сократа, издѣвающагося надъ знаменитымъ софистомъ. Целлеръ утверждалъ, что Сократъ высказывалъ здѣсь гедоническія положенія хотя и серьезно, но не въ качествѣ своихъ дѣйствительныхъ убѣжденій, а лишь гипотетически, опираясь для цѣлей аргументаціи на мнѣніе толпы (τῶν πολλῶν). Штрюмпель дѣлаетъ от-

и безусловнаго принципа приводитъ этическое изслѣдованіе къ установленію и опредѣленію самыхъ общихъ этическихъ категорій, обозначаемыхъ обыкновенно терминами: *«высшее благо»*, *«добро»*, *«долженствующее быть»*. Такъ какъ категоріи эти ставятся въ то же время конечными цѣлями человѣческаго или даже міровового развитія, то Э. получаетъ при этомъ характеръ ученія о *конечныхъ цѣляхъ*. Наряду съ изслѣдованіемъ положительныхъ моральныхъ цѣнностей, въ содержаніе этическихъ системъ входитъ обыкновенно опредѣленіе отрицательныхъ принциповъ морали, объединяемыхъ въ общемъ понятіи *зла*. Находясь въ неразрывной связи съ основными гносеологическими и обще-философскими проблемами и восходя въ своемъ изслѣдованіи къ самымъ высшимъ философскимъ обобщеніямъ, Э. входитъ въ составъ человѣческаго знанія, какъ одна изъ философскихъ дисциплинъ.—Всѣ этическія построенія, по содержанію избранныхъ принциповъ, сводятся къ нѣсколькимъ основнымъ типамъ или направленіямъ. Такіе типы могутъ быть установлены съ различныхъ точекъ зрѣнія. Этическія системы называются *автономными*, если онѣ выводятъ нравственный законъ изъ природы самого нравственно-дѣйствующаго субъекта, при чемъ этотъ законъ обладаетъ одною лишь внутреннею санкціею и вполнѣ свободенъ отъ какого-либо внѣшняго авторитета. Въ противоположность этому *гетерономной* моралью признается та, въ которой нравственныя нормы оказываются по отношенію къ дѣйствующему субъекту чисто внѣшними установленіями, обоснованными на какомъ-либо внѣшнемъ авторитетѣ (напр. законы государства или заповѣди религіи). Признаніе нравственныхъ нормъ прирожденными человѣческому сознанію или вытекающими изъ первичныхъ и независимыхъ отъ опыта свойствъ человѣческой природы характеризуетъ такъ называемую *апріорную* Э. Ей противополагается *эмпирическая* Э., утверждающая, что всѣ формы и проявленія нравственности возникаютъ путемъ эволюціи, на почвѣ пережитаго опыта. Столь же основнымъ является различіе между системами *индивидуализма*, полагающаго моральныя цѣнности въ отдѣльныхъ индивидуумахъ, и *универсализма*, ставящаго цѣлью моральнаго поведенія ту или иную общественную организацію или міровое цѣлое. Съ психологической точки зрѣнія можетъ быть различаема мораль рефлексіи или *разсудочности* и мораль *чувства*.

II. О возникновеніи Э., какъ системы нравственныхъ нормъ, нельзя говорить въ томъ же смыслѣ, въ какомъ говорятъ о возникновеніи наукъ или философіи вообще. Э. не создается путемъ теоретическаго интереса къ той или иной области дѣйствительности, какъ большинство наукъ, она обусловливается самымъ *фактомъ* общественной жизни. Мораль не возникаетъ въ человѣческомъ обществѣ въ опредѣленный моментъ времени, но присуща ему, въ той или иной формѣ, на всѣхъ стадіяхъ его развитія. Вездѣ и во всѣ времена воля человѣка, живущаго въ обществѣ себѣ подобныхъ, связывалась нравственными нормами самаго разнообразнаго содержанія, имѣющими видъ обычаевъ, религіозныхъ или государственныхъ установленій. Въ этомъ смыслѣ мораль предшествуетъ познанію и часто является даже могущественнымъ стимуломъ его развитія: по преимуществу въ области морали зарождается философская мысль. Моральное, сознаваемое сначала какъ безотчетно-должное, требуетъ съ теченіемъ времени своего обоснованія, какъ необходимаго для достиженія открывающихся разуму цѣлей. При этомъ моральная телеологія неизбѣжно приводитъ къ философской онтологіи: «должное» выясняется при помощи философскаго познанія «сущаго». Не смотря на этотъ пріоритетъ морали въ развитіи общественнаго и индивидуальнаго человѣческаго сознанія, первыя исторически извѣстныя попытки *научной* этики возникаютъ сравнительно поздно, уже на почвѣ вполнѣ ясно обозначившейся философской космологіи. Если мораль, какъ житейскую мудрость общественныхъ законодателей, слѣдуетъ признать существовавшей въ самой глубокой древности, то мораль, какъ философскую теорію, можно констатировать только послѣ Сократа. Было бы, однако, несправедливо совсѣмъ отрицать существованіе философской этики у философовъ до-Сократовскаго періода. Она несомнѣнно существовала у пиѳагорейцевъ, у Гераклита и Демокрита, если не въ видѣ законченной системы, то какъ рядъ обобщеній, находящихся въ логической связи съ ихъ метафизическими воззрѣніями. У нихъ же мы впервые находимъ тѣ общіе этическіе принципы, которые были положены въ основаніе теорій позднѣйшихъ моралистовъ. *Пиѳагорейцы*, въ согласіи со своей метафизикой чиселъ, ставили такими принципами *гармонію*, *порядокъ* и *мѣру*. На нихъ основывали они какъ физическое, такъ и моральное устройство вселенной. Соотвѣтственно этому зло признавалось отсутствіемъ мѣры, пороки — нарушеніемъ душевной симметріи. *Гераклита* слѣдуетъ признать родоначальникомъ этическаго универсализма. По справедливому мнѣнію Лассаля, вся этика Гераклита выражается въ одной формулѣ: «преданность всеобщему». Быть нравственнымъ — значитъ, для Гераклита, быть причастнымъ единому вселенскому разуму. Нравственно-должное заключается въ исполненіи общаго закона. Все индивидуальное, оторванное отъ всеобщаго, обречено на гибель и разложеніе. Въ воззрѣніяхъ *Демокрита* обнаруживается сродство матеріализма съ эвдаймонизмомъ. Высшимъ благомъ, по мнѣнію Демокрита, является счастье. Но истинное и прочное счастье дается только духовными радостями. Это мнѣніе даетъ основаніе видѣть въ Демокритѣ провозвѣстника позднѣйшаго эпикурейства. Дѣятельность софистовъ дала отрицательные результаты для развитія Э. Выставляя своимъ девизомъ условность и субъективизмъ въ сферѣ познанія и практики, софисты отвергли основные этическіе принципы безусловно-должнаго или цѣннаго и превратили нравственное въ пригодное или желательное для тѣхъ или иныхъ условныхъ цѣлей. Въ лучшемъ случаѣ

мораль ихъ принимала характеръ тривіальнаго благонравія, какъ напр. въ извѣстной аллегоріи Продика: «Геркулесъ на распутьѣ». Борцомъ противъ этой безпринципности явился *Сократъ*. Какъ въ области теоретическаго познанія, такъ и въ области морали, значеніе Сократа заключается не столько въ содержаніи и систематизаціи высказанныхъ имъ идей, сколько въ томъ методѣ, которымъ онѣ вырабатывались. Методъ этотъ состоялъ въ восхожденіи отъ частнаго къ общему. Сократъ обладалъ искусствомъ образовывать въ умахъ своихъ собесѣдниковъ общія понятія. Для морали это значило создавать болѣе общія моральныя цѣнности. Въ противоположность софистамъ, размѣнявшимъ объективныя нормы нравственности на мелкую монету условныхъ потребностей и личнаго произвола, Сократъ воспитывалъ у своихъ современниковъ убѣжденіе въ существованіи безусловнаго моральнаго блага. Нравственную дѣятельность Сократъ разсматривалъ съ точки зрѣнія цѣлесообразности. Мы дѣйствуемъ правильно, когда наши дѣйствія достигаютъ поставленной цѣли. Изъ этого слѣдуетъ, что для правильнаго дѣйствія необходимо *знать* соотношеніе между цѣлями и средствами ихъ достиженія. Кромѣ того, всѣ наши дѣйствія только тогда являются нравственно цѣнными, когда мы имѣемъ правильное познаніе о благѣ. Отсюда вытекаетъ, что всѣ хорошіе поступки обусловливаются *знаніемъ* или *мудростью*—и наоборотъ, знающій благо, по мнѣнію Сократа, неизбѣжно къ нему стремится и его достигаетъ. Зло можетъ происходить только отъ невѣдѣнія блага и пути къ нему. Это установленіе неразрывной связи между знаніемъ добра и добрыми поступками приводитъ Сократа къ отождествленію мудрости съ добродѣтелью, разумности—съ добромъ, отождествленію весьма характерному для всей греческой философіи и проводимому въ томъ или иномъ смыслѣ во всей исторіи Э. до нашихъ дней. Признавая существованіе безусловныхъ моральныхъ принциповъ, Сократъ не далъ, однако, яснаго и опредѣленнаго содержанія этихъ принциповъ. Всѣ виды моральнаго блага, бывшіе предметомъ разсмотрѣнія Сократа, тяготѣютъ, главнымъ образомъ, къ двумъ конечнымъ инстанціямъ: пользѣ и законамъ. Вообще философія Сократа вращалась, повидимому, преимущественно въ области житейскихъ и политическихъ интересовъ, не дающей почвы для обоснованія чего-либо безусловнаго. Въ этомъ отношеніи Цицеронъ былъ правъ, говоря, что Сократъ свелъ философію съ неба на землю. Однако, реализмъ Сократа имѣлъ весьма условное значеніе: если онъ, въ противоположность своимъ предшественникамъ, начинавшимъ свою философію съ астрономическихъ теорій, занялся дѣлами земли и обратилъ все свое вниманіе на человѣческую дѣятельность и человѣческія отношенія, то было бы ошибочно думать, что въ нихъ онъ не находилъ ничего болѣе высокаго и цѣннаго, чѣмъ польза и положительное право. Весьма важнымъ для всей морали Сократа является его различеніе *законовъ писанныхъ* или законовъ государства и *законовъ неписанныхъ* или *божественныхъ*. Въ этихъ-то послѣднихъ и слѣдуетъ видѣть центръ тяжести его философіи; въ нихъ же находитъ объясненіе его личная жизнь, совершенно не соотвѣтствовавшая принципамъ утилитарной морали. Подъ божественными законами Сократъ разумѣлъ прежде всего тѣ универсальныя требованія морали, которыя присущи всѣмъ людямъ безъ исключенія и нарушеніе которыхъ неизбѣжно влечетъ за собою возмездіе. Существованіе такихъ законовъ (богопочитаніе, повиновеніе родителямъ) служило для Сократа указаніемъ на то, что человѣческому сознанію присуща какая-то высшая и всеобщая разумность, велѣніямъ которой человѣкъ безусловно обязанъ повиноваться. Въ сущности и писанные законы государства являются отраженіемъ этихъ безусловныхъ божественныхъ законовъ, почему и должны быть исполняемы независимо отъ того, насколько они справедливы. Такимъ образомъ и въ сферѣ эмпирическаго и условнаго Сократъ умѣлъ найти непреложныя указанія на нѣчто безусловное. Въ результатѣ Э. Сократа несомнѣнно имѣла *религіозный* характеръ. Онъ былъ убѣжденъ въ существованіи Бога, какъ мірового разума, и въ воздѣйствіи Бога на все живущее. Мало этого: Сократъ не только былъ убѣжденъ въ существованіи Бога: онъ ясно сознавалъ въ самомъ себѣ голосъ Божественнаго разума и повиновался ему съ безусловною увѣренностью и спокойствіемъ. Это сознаніе и составляло сущность философскаго и въ то же время моральнаго паѳоса Сократа; оно же сдѣлало неизбѣжной величественную смерть его. Основоположенія Сократа получили у его учениковъ дальнѣйшее развитіе въ двухъ направленіяхъ: у Платона—въ духѣ крайняго идеализма, у Антисфена и Аристиппа—въ духѣ реализма. *Платонъ* цѣликомъ воспринялъ и детально разработалъ основное положеніе Сократа о тожествѣ знанія и добродѣтели. Въ воззрѣніяхъ Платона на понятіе блага можно отмѣтить нѣсколько переходныхъ стадій. Реалистическое пониманіе блага, присущее въ значительной степени Сократу, не осталось чуждымъ и Платону. Въ этомъ отношеніи особенно рѣзко выдѣляется діалогъ «Протагоръ», гдѣ въ уста Сократа Платонъ вкладываетъ гедоническую теорію блага, основанную на понятіи удовольствія. Насколько, однако, рѣзко противорѣчитъ этотъ взглядъ остальнымъ воззрѣніямъ Платона и всему духу его философіи, можно видѣть изъ того, что объясненіе самаго факта его существованія въ твореніяхъ Платона всегда представляло для историковъ древней философіи большое затрудненіе. Нѣкоторые, какъ напр. Штейнгартъ и Шлейермахеръ, объясняли этотъ пунктъ ироніей Сократа, издѣвающагося надъ знаменитымъ софистомъ. Целлеръ утверждалъ, что Сократъ высказывалъ здѣсь гедоническія положенія хотя и серьезно, но не въ качествѣ своихъ дѣйствительныхъ убѣжденій, а лишь гипотетически, опираясь для цѣлей аргументаціи на мнѣніе толпы (τῶν πολλῶν). Штрюмпель дѣлаетъ от-

римской почвѣ. Но и въ лучшихъ своихъ проявленіяхъ эпикурейство не пошло далѣе личнаго душевнаго благоустройства. Въ общественной жизни эпикурейцы руководились девизомъ «проживи незамѣтно» (λάθε βιώσας), возводя такимъ образомъ въ принципъ себялюбивое обособленіе и равнодушіе къ общественнымъ интересамъ. Виндельбандъ совершенно правильно отмѣчаетъ, что это эгоистическое удаленіе въ частную жизнь сдѣлало эпикуреизмъ *реальной философіей всемірной римской монархіи*, ибо самой твердой основой деспотизма была та страсть къ наслажденію, въ силу которой каждый, среди общей путаницы, старался спасти въ тишинѣ своей частной жизни возможно больше личнаго довольства. Совершенно иную роль сыгралъ въ языческомъ мірѣ стоицизмъ. Его аскетическій характеръ имѣлъ нравственно-воспитательное значеніе и подготовлялъ къ воспріятію высшихъ этическихъ нормъ, требующихъ для осуществленія своихъ идеаловъ личнаго самоотреченія. Для стоическаго мудреца, освобожденнаго отъ всѣхъ личныхъ потребностей и стремленій, открывались гораздо болѣе широкіе моральные горизонты. Стоицизмъ, по самой сущности своихъ принциповъ, долженъ былъ имѣть восходящее направленіе. И та высота, которой онъ достигъ въ своемъ развитіи, обнаружилась на той же римской почвѣ. Если греческіе стоики за свой замкнутый, нетерпимый ригоризмъ по достоинству могли быть названы «фарисеями язычества», то римскіе стоики, дошедшіе, въ лицѣ Эпиктета, Сенеки и Марка Аврелія, до яснаго пониманія всеобщаго братства людей, составляющихъ элементы единаго божественнаго цѣлаго, до проповѣди любви къ ближнему, могли быть названы христіанами въ язычествѣ. Насколько, однако, эти принципы христіанской морали въ стоической Э. были затеряны въ отвлеченной разсудочности и потому безжизненны—показываетъ отношеніе Марка Аврелія къ христіанамъ, въ которыхъ онъ не призналъ своихъ «братьевъ».

Въ лицѣ *Аристотеля* общественное моральное самосознаніе Греціи имѣло своего наиболѣе характернаго представителя и систематизатора. Признавая методомъ практической морали избраніе середины между крайностями, Аристотель вполнѣ осуществилъ это правило въ построеніи своей теоретической Э. Благо, какъ чисто идеальная трансцендентная цѣль, было чуждо эмпирическому складу его ума. Съ другой стороны, удовольствіе, лишенное всякаго идейнаго содержанія, было слишкомъ низменно и неразумно для его раціоналистическаго міровоззрѣнія. Избранный Аристотелемъ руководящій этическій принципъ—*блаженство*—былъ именно золотой серединой между этическимъ идеализмомъ Платона и конкретностью эвдаймонизма. Сущностью этого блаженства является, по Аристотелю, не какое-нибудь неподвижное душевное содержаніе, но дѣятельность, и именно дѣятельность того, что является въ человѣческой душѣ самымъ важнымъ, т. е. разума. Въ этой же дѣятельности разума, подчиняющаго себѣ всѣ остальныя душевныя функціи, заключается высшая добродѣтель. Поскольку въ разумѣ заключена способность къ раскрытію чисто идейнаго моральнаго содержанія, онъ обладаетъ высшими добродѣтелями, называемыми *діанотическими*. Но этихъ добродѣтелей мало для моральнаго поведенія; необходимо еще, чтобы человѣкъ подчинялъ всѣ остальныя свои стремленія велѣніямъ разума. Въ этомъ подчиненіи, зависящемъ отъ волевой дѣятельности, заключаются по Аристотелю *этическія* добродѣтели. Въ понятіе этическихъ добродѣтелей Аристотель вноситъ весьма существенное дополненіе къ крайнему этическому интеллектуализму своихъ предшественниковъ. Въ соотвѣтствіи съ основными принципами его Э., политика Аристотеля носитъ такой же характеръ умѣренности. Въ противоположность крайнему универсализму Платона, Аристотель допускаетъ въ своемъ идеальномъ государствѣ частную собственность, свободный бракъ, вообще индивидуальную семью. Изъ возможныхъ государственныхъ формъ наилучшими онъ считаетъ аристократію, т. е. господство *лучшихъ*, и монархію, т. е. господство *лучшаго*. Эта послѣдняя заслуживала бы предпочтенія, если бы были какія-либо гарантіи въ томъ, что правитель будетъ дѣйствительно соотвѣтствовать понятію лучшаго. Тираннія является наиболѣе гнусной формой правленія. Цѣлью государства должно быть воспитаніе высшей формы общественнаго и индивидуальнаго существованія. Незаконченность политическаго трактата Аристотеля не даетъ возможности обсуждать его какъ цѣлое, а равно оставляетъ не вполнѣ яснымъ его идеалъ совершеннѣйшаго государства и человѣка. Въ общемъ этическія воззрѣнія Аристотеля являются болѣе стройными въ отдѣльныхъ частяхъ, чѣмъ въ цѣломъ, и гораздо болѣе обоснованными въ деталяхъ, чѣмъ въ основныхъ принципахъ.—Переходную ступень отъ Э. язычества къ Э. христіанства представляетъ александрійская школа *Филона*, сочетавшая греческую философію съ іудействомъ. Важнѣйшими принципами ея являются противоположеніе матеріальнаго и духовнаго міра, какъ зла и добра, аскетизмъ и мистическое соединеніе съ Богомъ. Вообще рѣзкій моральный дуализмъ чувственнаго и сверхчувственнаго составляетъ характерную черту всего переходнаго періода и съ одинаковою настойчивостью подчеркивается также въ позднѣйшихъ ученіяхъ новопиѳагорейцевъ и неоплатониковъ. *Христіанство* полагаетъ въ исторію Э. новую эру. Если разсматривать *отдѣльныя* положенія христіанской морали, то мы не найдемъ въ нихъ какихъ-либо совершенно новыхъ, ранѣе не обозначавшихся моральныхъ принциповъ. Основныя заповѣди христіанства — любовь къ Богу и къ ближнему — высказывались уже въ той или иной формѣ, съ большимъ или меньшимъ сознаніемъ ихъ значенія, высшими моральными ученіями философіи и религій Востока. Тонкій и наблюдательный умъ могъ придти къ этимъ заповѣдямъ путемъ глубокаго изученія общественной жизни, основанной на взаимномъ сочувствіи, стремленіи къ высшему и въ томъ или иномъ смыслѣ божественному.

Но христіанство, бывшее дѣломъ не одного только тонкаго и наблюдательнаго ума, но гораздо болѣе могущественнаго историческаго фактора, явилось совершенно новымъ этическимъ ученіемъ и новою моральною силою. Новизна христіанства, поразившая древній міръ, пробудившая въ немъ энтузіазмъ безпримѣрной любви и столь же безпримѣрной злобы, заключалась не въ отдѣльныхъ его принципахъ, но въ ихъ общей связи и соотношеніи, а главное—въ ихъ жизненной искренности и силѣ. То, что въ древней ветхозавѣтной морали высказывалось «между прочимъ», какъ побочная мысль, вызывая уваженіе своей недосягаемой возвышенностью и не вызывая никакого сочувствія по своей безжизненности, —въ христіанствѣ дѣлается краеугольнымъ камнемъ всей морали, входитъ въ кровь и плоть человѣческихъ поступковъ, вдохновляетъ и объединяетъ массы. Этотъ краеугольный камень христіанской морали — *любовь къ Богу и ближнему*, не похожая на ту, которою жило человѣчество до христіанства. Это не любовь мужа и жены, родителей и дѣтей, брата и сестры, вообще не та любовь, которая непринужденно диктуется природными инстинктами человѣка, но любовь высшая, обусловленная яснымъ сознаніемъ братства всѣхъ людей, какъ дѣтей единаго Бога, любовь, воспитываемая признаніемъ собственнаго ничтожества предъ Богомъ и остальнымъ міромъ, словомъ, любовь, вытекающая изъ совершенно новаго взгляда на міръ, какъ на единое цѣлое, имѣющее безконечно бо̀льшую цѣнность, чѣмъ ничтожное человѣческое «я». Соотвѣтственно этому основному принципу христіанской морали измѣняется понятіе о человѣческой добродѣтели, преображается весь нравственный кодексъ. Отнынѣ вся добродѣтель заключается въ одной только этой всепоглощающей любви. Разумность, столь высоко цѣнимая греческой Э., отходитъ на второй планъ. Въ любви указывается новый источникъ живой безошибочной разумности, передъ которой все бытіе становится прозрачнымъ, доступнымъ и понятнымъ. Все внѣшнее, формальное, связанное буквой закона теряетъ свою цѣнность и замѣняется однимъ только требованіемъ искренней любви и смиренія. Все то, что съ точки зрѣнія прежнихъ принциповъ морали оказывалось ненужнымъ, презрѣннымъ или слабымъ, оказывается въ христіанствѣ высокимъ и чреватымъ будущей мощью. Алчущіе, жаждущіе, плачущіе, кроткіе, избиваемые и презираемые возводятся на нравственный пьедесталъ, поскольку ихъ приниженный обликъ обусловленъ стремленіемъ къ правдѣ и страданіемъ за эту правду. Столь же коренное измѣненіе мы видимъ въ идеалахъ христіанства. Не земная жизнь, съ тѣми или иными благами, ставится цѣлью человѣческаго существованія, но безконечно болѣе высокій и отдаленный идеалъ Царства Божія, царства безконечной блаженной жизни, наступающаго послѣ всеобщей жатвы добра, когда всѣ плевелы будутъ отобраны отъ пшеницы, т. е. все доброе будетъ всецѣло очищено отъ злого. Съ точки зрѣнія этого идеала всѣ установленныя жизнью цѣнности переоцѣниваются и получаютъ совершенно другое значеніе. Страданіе, бѣдность, физическая слабость въ этомъ мірѣ становятся залогомъ блаженства и духовной силы въ Царствѣ Божеімъ. Наоборотъ, счастье, богатство и сила являются препятствіемъ къ достиженію вѣчной жизни, въ которой первые міра сего дѣлаются послѣдними. Наконецъ, столь же коренное различіе между христіанствомъ и всѣми прежними этическими воззрѣніями коренится въ идеѣ величайшаго моральнаго подвига, состоящаго въ пожертвованіи всѣмъ личнымъ и самою жизнью за высшую правду. Распятіе есть символъ высшаго призванія христіанина на землѣ. Христіанская мораль цѣликомъ опредѣляется религіознымъ міросозерцаніемъ и вытекаетъ изъ него, какъ неизбѣжное слѣдствіе. Христіанская этика и соотвѣтствующее ей религіозное міросозерцаніе, изложенное въ книгахъ Св. Писанія, представляютъ одно органическое цѣлое. Основаніемъ этого цѣлаго является идея свободнаго отпаденія человѣка отъ жизни въ Богѣ и возможности вторичнаго пріобщенія человѣка къ божественной жизни черезъ посредство Іисуса Христа. Вся этика христіанства есть ничто иное, какъ указаніе пути возвращенія къ Богу. Путь этотъ состоитъ въ подготовленіи себя и своихъ ближнихъ къ иной жизни въ Царствѣ Божіемъ. Такъ какъ основой этой жизни является абсолютная гармонія съ волею Бога и съ тѣмъ высшимъ міропорядкомъ, въ который предстоитъ перейти человѣку, то и подготовленіе къ этому переходу ни въ чемъ иномъ и не можетъ состоять, какъ въ подчиненіи своей воли принципамъ божественнаго міропорядка. Эти принципы — Богъ и тѣ индивидуальныя существа, которыя входятъ въ божественное цѣлое. Отсюда, какъ прямое слѣдствіе, вытекаетъ христіанское служеніе Богу и ближнимъ. Но такъ какъ божественный міропорядокъ представляетъ изъ себя идеальную гармонію, то онъ не можетъ быть основанъ на чисто внѣшнемъ, насильственномъ соотношеніи частей, а, какъ всякое идеальное цѣлое, требуетъ *свободнаго* единенія объединяемыхъ. Такое единеніе можетъ обусловливаться не какимъ-нибудь *внѣшнимъ* закономъ, но исключительно *внутренней* природой существъ, внутреннимъ ихъ влеченіемъ къ Богу и другъ къ другу,—а такое влеченіе и есть *любовь*. Лишь тамъ можетъ быть полная гармонія интересовъ, гдѣ всѣ внутреннія перемѣны каждаго суще[illegible] даютъ мгновенный и вѣрный отзвукъ во вс[illegible] остальныхъ. Любовь есть нравственный [illegible] конъ христіанства именно потому, что она [illegible] то же время космическій законъ для хри[illegible] анскаго космоса совершеннѣйшихъ сущест[illegible] Любовь только и можетъ дать реальное и [illegible] поколебимое единство той Христовой церк[illegible] которую врата адовы не одолѣютъ во вѣ[illegible] Весьма понятно, поэтому, что именно любо[illegible] будилъ въ сердцахъ людей Тотъ, Кто про[illegible] дѣлъ созданіе изъ этихъ людей единаго [illegible] вѣчнаго Царства благодати. Христіанск[illegible] мораль зиждется не на *пониманіи*, а на то[illegible] что глубже, первичнѣе и проще всякаго [illegible] ниманія: на влеченіи людей къ высшему

римской почвѣ. Но и въ лучшихъ своихъ проявленіяхъ эпикурейство не пошло далѣе личнаго душевнаго благоустройства. Въ общественной жизни эпикурейцы руководились девизомъ «проживи незамѣтно» (λάθε βιώσας), возводя такимъ образомъ въ принципъ себялюбивое обособленіе и равнодушіе къ общественнымъ интересамъ. Виндельбандъ совершенно правильно отмѣчаетъ, что это эгоистическое удаленіе въ частную жизнь сдѣлало эпикуреизмъ *реальной философіей всемірной римской монархіи*, ибо самой твердой основой деспотизма была та страсть къ наслажденію, въ силу которой каждый, среди общей путаницы, старался спасти въ тишинѣ своей частной жизни возможно больше личнаго довольства. Совершенно иную роль сыгралъ въ языческомъ мірѣ стоицизмъ. Его аскетическій характеръ имѣлъ нравственно - воспитательное значеніе и подготовлялъ къ воспріятію высшихъ этическихъ нормъ, требующихъ для осуществленія своихъ идеаловъ личнаго самоотреченія. Для стоическаго мудреца, освобожденнаго отъ всѣхъ личныхъ потребностей и стремленій, открывались гораздо болѣе широкіе моральные горизонты. Стоицизмъ, по самой сущности своихъ принциповъ, долженъ былъ имѣть восходящее направленіе. И та высота, которой онъ достигъ въ своемъ развитіи, обнаружилась на той же римской почвѣ. Если греческіе стоики за свой замкнутый, нетерпимый ригоризмъ по достоинству могли быть названы «фарисеями язычества», то римскіе стоики, дошедшіе, въ лицѣ Эпиктета, Сенеки и Марка Аврелія, до яснаго пониманія всеобщаго братства людей, составляющихъ элементы единаго божественнаго цѣлаго, до проповѣди любви къ ближнему, могли быть названы христіанами въ язычествѣ. Насколько, однако, эти принципы христіанской морали въ стоической Э. были затеряны въ отвлеченной разсудочности и потому безжизненны—показываетъ отношеніе Марка Аврелія къ христіанамъ, въ которыхъ онъ не узналъ своихъ «братьевъ».

Въ лицѣ *Аристотеля* общественное моральное самосознаніе Греціи имѣло своего наиболѣе характернаго представителя и систематизатора. Признавая методомъ практической морали избраніе середины между крайностями, Аристотель вполнѣ осуществилъ это правило въ построеніи своей теоретической Э. Благо, какъ чисто идеальная трансцендентная цѣль, было чуждо эмпирическому складу его ума. Съ другой стороны, удовольствіе, лишенное всякаго идейнаго содержанія, было слишкомъ низменно и неразумно для его раціоналистическаго міровоззрѣнія. Избранный Аристотелемъ руководящій этическій принципъ—*блаженство*—былъ именно золотой серединой между этическимъ идеализмомъ Платона и конкретностью эвдаймонизма. Сущностью этого блаженства является, по Аристотелю, не какое-нибудь неподвижное душевное содержаніе, но дѣятельность, и именно дѣятельность того, что является въ человѣческой душѣ самымъ важнымъ, т. е. разума. Въ этой же дѣятельности разума, подчиняющаго себѣ всѣ остальныя душевныя функціи, заключается высшая добродѣтель. Поскольку въ разумѣ заключена способность къ раскрытію чисто идейнаго моральнаго содержанія, онъ обладаетъ высшими добродѣтелями, называемыми *діанотическими*. Но этихъ добродѣтелей мало для моральнаго поведенія; необходимо еще, чтобы человѣкъ подчинялъ всѣ остальныя свои стремленія велѣніямъ разума. Въ этомъ подчиненіи, зависящемъ отъ волевой дѣятельности, заключаются по Аристотелю *этическія* добродѣтели. Въ понятіе этическихъ добродѣтелей Аристотель вноситъ весьма существенное дополненіе къ крайнему этическому интеллектуализму своихъ предшественниковъ. Въ соотвѣтствіи съ основными принципами его Э., политика Аристотеля носитъ такой же характеръ умѣренности. Въ противоположность крайнему универсализму Платона, Аристотель допускаетъ въ своемъ идеальномъ государствѣ частную собственность, свободный бракъ, вообще индивидуальную семью. Изъ возможныхъ государственныхъ формъ наилучшими онъ считаетъ аристократію, т. е. господство *лучшихъ*, и монархію, т. е. господство *лучшаго*. Эта послѣдняя заслуживала бы предпочтенія, если бы были какія-либо гарантіи въ томъ, что правитель будетъ дѣйствительно соотвѣтствовать понятію лучшаго. Тираннія является наиболѣе гнусной формой правленія. Цѣлью государства должно быть воспитаніе высшей формы общественнаго и индивидуальнаго существованія. Незаконченность политическаго трактата Аристотеля не даетъ возможности обсуждать его какъ цѣлое, а равно оставляетъ не вполнѣ яснымъ его идеалъ совершеннѣйшаго государства и человѣка. Въ общемъ этическія воззрѣнія Аристотеля являются болѣе стройными въ отдѣльныхъ частяхъ, чѣмъ въ цѣломъ, и гораздо болѣе обоснованными въ деталяхъ, чѣмъ въ основныхъ принципахъ.—Переходную ступень отъ Э. язычества къ Э. христіанства представляетъ александрійская школа *Филона*, сочетавшая греческую философію съ іудействомъ. Важнѣйшими принципами ея являются противоположеніе матеріальнаго и духовнаго міра, какъ зла и добра, аскетизмъ и мистическое соединеніе съ Богомъ. Вообще рѣзкій моральный дуализмъ чувственнаго и сверхчувственнаго составляетъ характерную черту всего переходнаго періода и съ одинаковою настойчивостью подчеркивается также въ позднѣйшихъ ученіяхъ новопиѳагорейцевъ и неоплатониковъ. *Христіанство* полагаетъ въ исторію Э. новую эру. Если разсматривать *отдѣльныя* положенія христіанской морали, то мы не найдемъ въ нихъ какихъ-либо совершенно новыхъ, ранѣе не обозначавшихся моральныхъ принциповъ. Основныя заповѣди христіанства — любовь къ Богу и къ ближнему — высказывались уже въ той или иной формѣ, съ большимъ или меньшимъ сознаніемъ ихъ значенія, высшими моральными ученіями философіи и религій Востока. Тонкій и наблюдательный умъ могъ придти къ этимъ заповѣдямъ путемъ глубокаго изученія общественной жизни, основанной на взаимномъ сочувствіи, стремленіи къ высшему и въ томъ или иномъ смыслѣ божественному.

Павла, который «былъ вынужденъ къ познанію и обладанію истиной великимъ насиліемъ Христа». Изъ того, что Богъ устрашаетъ и наказываетъ, слѣдуетъ, что и государство, и церковь должны карать и насильственно обращать еретиковъ. Идея высшаго блага совпадаетъ у Августина съ понятіемъ града Божія (Civitas Dei), какъ высшей божественной міровой организаціи, имѣющей провиденціальное осуществленіе въ мірѣ. Вообще вся Э. Августина проникнута крайнимъ *супранатурализмомъ*. Человѣкъ является у него лишь матеріаломъ нравственнаго совершенствованія, истиннымъ источникомъ котораго можно признать только Бога, а необходимымъ посредникомъ—церковь; получаемая свыше благодать становится эквивалентомъ добродѣтели.—Въ лицѣ Абеляра въ религіозныя воззрѣнія средневѣковья врывается сильная струя этическаго натурализма. Еще рѣзче, чѣмъ Пелагій, Абеляръ подчеркиваетъ естественную способность человѣка къ нравственному совершенствованію. Искупленіе Христа понимается имъ психологически: представленіе страданій Христа обусловливаетъ перемѣну въ нравственномъ сознаніи человѣка. Э. Абеляра можно опредѣлить какъ Э. настроенія; лишь внутренніе стимулы дѣйствій имѣютъ у него нравственную цѣну. Этотъ принципъ *интенціонализма* ставитъ Абеляра въ рѣзкую противоположность къ церковному благочестію, основанному на внѣшности. Вообще Абеляръ во многомъ является предтечей Лютера, появившимся, однако, слишкомъ рано и потому непонятымъ.—Схоластическая Э. не содержитъ въ себѣ какихъ-либо новыхъ принциповъ, а представляетъ систематизацію и сложное переплетеніе предыдущихъ ученій. Примѣняясь къ жизни и стремясь разрѣшить съ точки зрѣнія христіанства множество частныхъ вопросовъ общественной жизни, схоластика порождаетъ обширную литературу особой казуистической Э., разрабатываемой въ такъ называемыхъ «summæ» (наиболѣе извѣстныя: Astesana, Rosella, Angelica). Какъ въ области теоретической философіи вся средневѣковая схоластика представляетъ непрестанное колебаніе между различными противоположными принципами, такъ и въ схоластической Э. мы встрѣчаемся съ нѣсколькими противоположными направленіями, то рѣзко сталкивающимися, то соединяющимися въ примирительныя концепціи. Такими направленіями являются этическій интеллектуализмъ и универсализмъ Ѳомы Аквинскаго, приспособляющаго Аристотелеву и стоическую Э. къ христіанству, и противоположный ему волюнтаризмъ и индивидуализмъ Дунса Скота. По мнѣнію послѣдняго, Богъ хочетъ блага не потому, что онъ признаетъ его таковымъ, а совершенно обратно: то, чего хочетъ Богъ, должно быть признаваемо благомъ. Не менѣе основнымъ является противоположеніе этическаго *супранатурализма*, связаннаго съ клерикализмомъ, и *натурализма*, приводящаго къ принципу свободной отъ церковнаго авторитета совѣсти. Примиреніе этихъ направленій порождаетъ специфическое понятіе схоластики—Synderesis, имѣющее значеніе присущаго падшему человѣку остатка добра. Совѣсть, какъ отдѣльное проявленіе Synderesis, сохраняя свою субъективность, подпадаетъ въ то же время подъ власть объективнаго религіознаго закона. У нѣмецкаго мистика Мейстера Экгарта Synderesis обозначаетъ ту имѣющуюся въ человѣкѣ искру божества, которая дѣлаетъ возможнымъ приближеніе къ Богу. Этотъ философъ, возродившій на нѣмецкой почвѣ неоплатонизмъ, также является однимъ изъ провозвѣстниковъ реформаціи. По его мнѣнію, «не дѣла дѣлаютъ насъ святыми, но святость освящаетъ наши дѣла». Не смотря на свой мистицизмъ, Экгартъ настаиваетъ на необходимости *активнаго* проявленія святости. То высшее, чего достигаетъ человѣкъ въ мистическомъ созерцаніи, должно быть проведено въ жизнь черезъ любовь и дѣйствія. Мистицизмъ Экгарта принимаетъ поэтическій и эстетическій характеръ у его ученика, религіознаго мечтателя Генриха Сузо. Таулеръ и авторъ «Нѣмецкой теологіи» переносятъ центръ тяжести мистицизма на отреченіе отъ своей индивидуальности. Сущность грѣха заключается въ утвержденіи своего «я», въ своеволіи; поэтому нравственное очищеніе основывается на сознаніи своей духовной нищеты и скромности. То же перенесеніе религіозности въ глубину человѣческаго духа проводится авторомъ знаменитаго «Подражанія Христу», призывающаго главнымъ образомъ подражать любви и страданіямъ Христа: «in cruce salus et vita, in cruce summa virtutis, in cruce perfectio sanctitatis». Вообще мистическое настроеніе, охватившее Германію въ XIII и XIV вѣкахъ, не смотря на монашескій характеръ своей религіозности явилось рѣзкимъ протестомъ противъ средневѣковаго клерикализма, съ его внѣшнею моральностью, потерявшею всякое жизненное значеніе и исказившею до неузнаваемости основные принципы христіанства. Къ этому же возстановленію истиннаго первоначальнаго христіанства сводилось этическое стремленіе Лютера и порожденной имъ реформаціи. Мораль *іезуитизма* представляетъ возвратъ къ средневѣковой католической морали, съ ея основнымъ принципомъ единой церкви, какъ замѣстительницы индивидуальной совѣсти и высшаго нравственнаго авторитета. Такая замѣна внутренняго нравственнаго самоопредѣленія внѣшнимъ послушаніемъ ясно обнаруживается въ іезуитской теоріи *пробабилизма*, согласно которой всякое сомнѣніе въ нравственныхъ вопросахъ должно быть разрѣшаемо духовникомъ или вообще авторитетомъ церкви. Весьма важное значеніе получаетъ въ теоріи и практикѣ іезуитовъ телеологическій и въ то же время психологическій принципъ цѣли и намѣренія: «media honestantur a fine» (цѣль оправдываетъ средства). Въ сущности мы встрѣчаемся здѣсь съ нѣсколько видоизмѣненнымъ *интенціонализмомъ* Абеляра и реформаціи. Разница только въ томъ, что съ точки зрѣнія Абеляра и представителей реформаціи поступки и побужденія, имѣя обоюдную моральную цѣнность, должны были согласоваться другъ съ другомъ, въ іезуитизмѣ же поступки раз-

смотрѣвались какъ безразличныя въ моральномъ отношеніи «media», могущія получать существенно различныя значенія исключительно въ зависимости отъ той цѣли, къ которой они ведутъ.—Если начало новой философіи характеризуется освобожденіемъ отъ подчиненія теологіи, то и новая Э. возникаетъ впервые на почвѣ естественнаго разума, признавшаго себя независимымъ отъ требованій религіозности. Родоначальникомъ этой новой Э. слѣдуетъ признать Шаррона, который въ сочиненіи своемъ «De la sagesse», вышедшемъ въ 1610 г., высказываетъ мысли, удивительно напоминающія новѣйшихъ моралистовъ отъ Канта и до нашихъ дней. «Нравственность есть первое, религія же второе, ибо религія есть нѣчто заученное, извнѣ намъ приходящее, усвоенное изъ ученія и откровенія и не могущее, поэтому, создать нравственность. Она скорѣе есть порожденіе этой послѣдней, ибо нравственность первична, стало быть старѣе и естественнѣе, и ставить ее послѣ религіи—значитъ извращать всякій порядокъ». Дальнѣйшее развитіе теорія естественной нравственности получаетъ въ Англіи въ изслѣдованіяхъ Бакона и Гоббса. Являясь отчасти возстановителемъ стоическаго принципа естественнаго закона (lex naturalis), Баконъ придаетъ ему соціально-психологическій оттѣнокъ. Гоббсъ выводитъ всю нравственность изъ эгоизма, т. е. изъ естественнаго стремленія людей къ обособленности и отчужденности: «война всѣхъ противъ всѣхъ» — вотъ тотъ первоначальный этическій фактъ, изъ котораго развивается съ неизбѣжною послѣдовательностью положительное право и нравственность. Человѣкъ дѣлается общественнымъ животнымъ по необходимости. Только страхъ людей другъ передъ другомъ принуждаетъ ихъ отказываться отъ природной склонности къ насилію и порабощенію и устанавливать нормы общежитія. *Кембриджская* школа (Кэдвортъ, Моръ), соединяя религіозность съ полнымъ свободомысліемъ, развиваетъ, главнымъ образомъ въ антагонизмѣ съ Гоббсомъ, теорію апріорной морали, отчасти предвосхищающую Э. Канта. Еще болѣе рѣзкимъ протестомъ противъ теоріи Гоббса является мораль Кумберленда, отстаивающаго общественность человѣка какъ первичное свойство его природы. Въ Э. Локка соединяется религіозное и эмпирическое обоснованіе морали. Мы познаемъ Божественный законъ изъ Откровенія и въ то же время путемъ опыта приходимъ къ познанію естественнаго закона. Въ «Reasonableness of Christianity» обстоятельно разсматривается взаимоотношеніе этихъ двухъ источниковъ нравственнаго. Естественный законъ совпадаетъ съ божественнымъ и его подтверждаетъ. То, что дается въ откровеніи сразу, достигается черезъ естественный опытъ длиннымъ и окольнымъ путемъ. Стимуломъ естественнаго развитія нравственности является стремленіе къ счастью. Богатая глубокими мыслями оптимистическая Э. Шэфтсбери, съ ея центральнымъ принципомъ *гармоніи*, во многихъ отношеніяхъ примиряетъ эгоизмъ и альтруизмъ; вмѣстѣ съ тѣмъ его мораль еще болѣе теряетъ интеллектуалистическій характеръ, получая свое обоснованіе въ сферѣ ирраціональнаго, а именно въ *чувствахъ* и *стремленіяхъ*. Въ природѣ нравственнаго есть нѣчто субстанціальное и непосредственно данное, *интуитивное*, обусловливающее гармонію между соціальными и эгоистическими побужденіями. Въ самыхъ вещахъ заключается регулирующій принципъ, какое-то внутреннее тяготѣніе или таинственная сила природы, которая и побуждаетъ добровольно или недобровольно способствовать благу рода, наказываетъ и мучитъ того, кто этого не дѣлаетъ. То смущеніе сознанія, которое проявляется, напримѣръ, въ чувствѣ стыда, можетъ происходить только отъ дѣянія по существу постыднаго, а не отъ вредныхъ его послѣдствій. Величайшая опасность въ мірѣ,—точно такъ же какъ и общественное мнѣніе—не въ состояніи вызвать это смущеніе, пока въ этомъ не приметъ участіе наше собственное чувство. Вообще въ человѣкѣ заложены въ общемъ, добрыя начала, которыя являются зломъ только въ силу своего негармоническаго развитія. Душевное здоровье, какъ и тѣлесное, основано исключительно на равномѣрномъ сочетаніи элементарныхъ функцій. Гармонія души ведетъ, въ то же время, къ счастью. «Такимъ образомъ» — заключаетъ Шэфтсбери свое изслѣдованіе о добродѣтели,— «для каждаго добродѣтель является добромъ, а порокъ зломъ». *Интуитивизмъ* (теорія непосредственнаго нравственнаго созерцанія) Шэфтсбери получаетъ свое дальнѣйшее развитіе въ *Шотландской* школѣ, главнымъ образомъ у Гутчесона и Рида. Основнымъ положеніемъ этого направленія является непосредственная очевидность нравственнаго, не выводимая ни изъ какихъ соображеній разума. Подобно тому, какъ намъ непосредственно ясно высшее достоинство эстетическихъ или интеллектуальныхъ наслажденій сравнительно, напр., съ наслажденіями вкуса, точно также отличаемъ мы непосредственно нравственно доброе отъ всѣхъ прочихъ воспріятій. Къ Шэфтсбери примыкаютъ также Юмъ и Адамъ Смитъ, обосновывающіе нравственность на психологической основѣ симпатіи. Съ чрезвычайнымъ остроуміемъ выводитъ Смитъ изъ симпатіи такое на первый взглядъ чуждое ей явленіе нравственной жизни, какъ голосъ совѣсти. Мы судимъ о нашемъ собственномъ поведеніи, ставя себя въ положеніе другого и оцѣнивая себя съ точки зрѣнія этого другого. Этотъ воображаемый другой или, какъ выражается Смитъ, «безпристрастный зритель внутри насъ», чувства котораго мы переживаемъ, и есть голосъ нашей совѣсти. — На континентѣ Э. значительно уступаетъ по оригинальности и богатству идей этикѣ, возникшей на англійской почвѣ. Картезіанство всецѣло тяготѣетъ еще къ теологической Э. средневѣковья. Весьма характеренъ въ этомъ отношеніи схоластическій споръ Фенелона и Боссюэ о безкорыстной любви къ Богу. Сущность спора, освобожденная отъ богословскаго элемента, сводится къ той, не лишенной и современнаго интереса дилеммѣ: является

Павла, который «былъ вынужденъ къ познанію и обладанію истиной великимъ насиліемъ Христа». Изъ того, что Богъ устрашаетъ и наказываетъ, слѣдуетъ, что и государство, и церковь должны карать и насильственно обращать еретиковъ. Идея высшаго блага совпадаетъ у Августина съ понятіемъ града Божія (Civitas Dei), какъ высшей божественной міровой организаціи, имѣющей провиденціальное осуществленіе въ мірѣ. Вообще вся Э. Августина проникнута крайнимъ *супранатурализмомъ*. Человѣкъ является у него лишь матеріаломъ нравственнаго совершенствованія, истиннымъ источникомъ котораго можно признать только Бога, а необходимымъ посредникомъ—церковь; получаемая свыше благодать становится эквивалентомъ добродѣтели.—Въ лицѣ Абеляра въ религіозныя воззрѣнія средневѣковья врывается сильная струя этическаго натурализма. Еще рѣзче, чѣмъ Пелагій, Абеляръ подчеркиваетъ естественную способность человѣка къ нравственному совершенствованію. Искупленіе Христа понимается имъ психологически: представленіе страданій Христа обусловливаетъ перемѣну въ нравственномъ сознаніи человѣка. Э. Абеляра можно опредѣлить какъ Э. настроенія; лишь внутренніе стимулы дѣйствій имѣютъ у него нравственную цѣну. Этотъ принципъ *интенціонализма* ставитъ Абеляра въ рѣзкую противоположность къ церковному благочестію, основанному на внѣшности. Вообще Абеляръ во многомъ является предтечей Лютера, появившимся, однако, слишкомъ рано и потому непонятымъ.—Схоластическая Э. не содержитъ въ себѣ какихъ-либо новыхъ принциповъ, а представляетъ систематизацію и сложное переплетеніе предыдущихъ ученій. Примѣняясь къ жизни и стремясь разрѣшить съ точки зрѣнія христіанства множество частныхъ вопросовъ общественной жизни, схоластика порождаетъ обширную литературу особой казуистической Э., разрабатываемой въ такъ называемыхъ «summæ» (наиболѣе извѣстныя: Astesana, Rosella, Angelica). Какъ въ области теоретической философіи вся средневѣковая схоластика представляетъ непрестанное колебаніе между различными противоположными принципами, такъ и въ схоластической Э. мы встрѣчаемся съ нѣсколькими противоположными направленіями, то рѣзко сталкивающимися, то соединяющимися въ примирительныя концепціи. Такими направленіями являются этическій интеллектуализмъ и универсализмъ Ѳомы Аквинскаго, приспособляющаго Аристотелеву и стоическую Э. къ христіанству, и противоположный ему волюнтаризмъ и индивидуализмъ Дунса Скота. По мнѣнію послѣдняго, Богъ хочетъ блага не потому, что онъ признаетъ его таковымъ, а совершенно обратно: то, чего хочетъ Богъ, должно быть признаваемо благомъ. Не менѣе основнымъ является противоположеніе этическаго *супранатурализма*, связаннаго съ клерикализмомъ, и *натурализма*, приводящаго къ принципу свободной отъ церковнаго авторитета совѣсти. Примиреніе этихъ направленій порождаетъ специфическое понятіе схоластики—Synderesis, имѣющее значеніе присущаго падшему человѣку остатка добра. Совѣсть, какъ отдѣльное проявленіе Synderesis, сохраняя свою субъективность, подпадаетъ въ то же время подъ власть объективнаго религіознаго закона. У нѣмецкаго мистика Мейстера Экгарта Synderesis обозначаетъ ту имѣющуюся въ человѣкѣ искру божества, которая дѣлаетъ возможнымъ приближеніе къ Богу. Этотъ философъ, возродившій на нѣмецкой почвѣ неоплатонизмъ, также является однимъ изъ провозвѣстниковъ реформаціи. По его мнѣнію, «не дѣла дѣлаютъ насъ святыми, но святость освящаетъ наши дѣла». Не смотря на свой мистицизмъ, Экгартъ настаиваетъ на необходимости *активнаго* проявленія святости. То высшее, чего достигаетъ человѣкъ въ мистическомъ созерцаніи, должно быть проведено въ жизнь черезъ любовь и дѣйствія. Мистицизмъ Экгарта принимаетъ поэтическій и эстетическій характеръ у его ученика, религіознаго мечтателя Генриха Сузо. Ѳаулеръ и авторъ «Нѣмецкой теологіи» переносятъ центръ тяжести мистицизма на отреченіе отъ своей индивидуальности. Сущность грѣха заключается въ утвержденіи своего «я», въ своеволіи; поэтому нравственное очищеніе основывается на сознаніи своей духовной нищеты и скромности. То же перенесеніе религіозности въ глубину человѣческаго духа проводится авторомъ знаменитаго «Подражанія Христу», призывающаго главнымъ образомъ подражать любви и страданіямъ Христа: «in cruce salus et vita, in cruce summa virtutis, in cruce perfectio sanctitatis». Вообще мистическое настроеніе, охватившее Германію въ XIII и XIV вѣкахъ, не смотря на монашескій характеръ своей религіозности явилось рѣзкимъ протестомъ противъ средневѣковаго клерикализма, съ его внѣшнею моральностью, потерявшею всякое жизненное значеніе и исказившею до неузнаваемости основные принципы христіанства. Къ этому же возстановленію истиннаго первоначальнаго христіанства сводилось этическое стремленіе Лютера и порожденной имъ реформаціи. Мораль *іезуитизма* представляетъ возвратъ къ средневѣковой католической морали, съ ея основнымъ принципомъ единой церкви, какъ замѣстительницы индивидуальной совѣсти и высшаго нравственнаго авторитета. Такая замѣна внутренняго нравственнаго самоопредѣленія внѣшнимъ послушаніемъ ясно обнаруживается въ іезуитской теоріи *пробабилизма*, согласно которой всякое сомнѣніе въ нравственныхъ вопросахъ должно быть разрѣшаемо духовникомъ или вообще авторитетомъ церкви. Весьма важное значеніе получаетъ въ теоріи и практикѣ іезуитовъ телеологическій и въ то же время психологическій принципъ цѣли и намѣренія: «media honestantur a fine» (цѣль оправдываетъ средства). Въ сущности мы встрѣчаемся здѣсь съ нѣсколько видоизмѣненнымъ *интенціонализмомъ* Абеляра и реформаціи. Разница только въ томъ, что съ точки зрѣнія Абеляра и представителей реформаціи поступки и побужденія, имѣя обоюдную моральную цѣнность, должны были согласоваться другъ съ другомъ, въ іезуитизмѣ же поступки раз-

за, выставляемая Миллемъ какъ конечная цѣль нравственнаго поведенія, есть въ сущности не что иное, какъ праведенное къ объективной нормѣ и универсально понятое удовольствіе и благосостояніе всѣхъ людей. Правда, эта абстрактность и чрезвычайная общность понятія пользы превращаетъ ее зачастую уже въ нѣчто чуждое эвдаймонизму; но въ этомъ обнаруживается лишь неустойчивость самаго принципа. Наиболѣе послѣдовательнымъ проведеніемъ эвдаймонистической точки зрѣнія отличается утилитаризмъ Бентама, представляющій своего рода *ариеметику человѣческаго счастья и несчастья*. Съ этой послѣдовательностью связана его неполнота, не дающая мѣста въ системѣ высшимъ нравственнымъ проявленіямъ, связаннымъ съ неокупаемымъ никакимъ счастіемъ страданіемъ. Эта неполнота отчасти сглаживается Дж. С. Миллемъ, выводящимъ нравственное безкорыстіе изъ эвдаймонистическаго принципа при помощи психологическаго понятія ассоціаціи. Эволюціонная мораль Спенсера является во многихъ отношеніяхъ примиреніемъ противоположныхъ направленій моральнаго эмпиризма и апріоризма на той же эвдаймонистической почвѣ. Въ основѣ нравственнаго лежитъ у него стремленіе къ счастью и отсутствіе страданій. Путемъ сложнаго эволюціоннаго процесса изъ этого первоначальнаго стимула развиваются разнообразные моральные инстинкты. Главной задачей Спенсера, какъ и утилитаристовъ, было показать, какимъ образомъ эгоизмъ превращается въ альтруизмъ. Утилитаристы хотѣли обосновать это превращеніе въ индивидуальномъ сознаніи; Спенсеръ съ гораздо большимъ успѣхомъ разрѣшилъ задачу, ставъ на біологическую эволюціонную точку зрѣнія. Такимъ образомъ при помощи наслѣдственности объясняется существованіе въ человѣческомъ сознаніи всѣхъ тѣхъ нравственныхъ стимуловъ, которые не могутъ быть выведены изъ личнаго стремленія къ счастью. Эвдаймонистическій принципъ переносится съ индивида на родъ. То поведеніе нравственно, которое ведетъ къ благу рода. Это же поведеніе, въ общемъ и цѣломъ, совпадаетъ съ личнымъ благополучіемъ отдѣльныхъ людей. Совѣсть и вообще всѣ такъ назыв. прирожденные и интуитивные нравственные принципы обладаютъ только индивидуальной апріорностью; дѣйствительное ихъ основаніе—въ родовомъ опытѣ. Не лишена интереса попытка Сэджвика въ его «Methods of Ethics» обосновать утилитаризмъ чисто логически при помощи отвлеченія понятій счастья и пользы отъ ихъ альтруистической или эгоистической почвы. При этомъ антагонизмъ между «я» и «ты» совершенно уничтожается, такъ какъ счастье того и другого является абстрактно равноцѣннымъ. Отчасти примыкаетъ къ Спенсеру, по своему чисто біологическому обоснованію, Э. Гюйо. Общность исходной точки зрѣнія не уничтожаетъ, однако, полную оригинальность и самобытность морали Гюйо. Основнымъ понятіемъ ея является *«жизнь»*. Правильное развертываніе жизненныхъ силъ лежитъ въ основѣ всякаго нравственнаго поведенія. Удовольствіе только сопровождаетъ жизненныя проявленія, но не составляетъ ихъ истинной цѣли и причины. Напротивъ, первичной причиной всякаго поведенія является всегда избытокъ жизненной энергіи, конечная же цѣль состоитъ въ освобожденіи этой энергіи, въ созданіи все новыхъ и новыхъ формъ жизненности. Изъ этого общаго принципа выводятся какъ эгоистическая, такъ и альтруистическая нравственность. Эгоизмъ—это естественное самосохраненіе и самоутвержденіе всякой индивидуальной жизни. Сущность жизни заключается, однако, не только въ самоутвержденіи, но также и даже главнымъ образомъ въ расширеніи и распространеніи. Эта *экспансивность жизни* и составляетъ сущность того, что Гюйо остроумно и мѣтко называетъ *нравственнымъ плодородіемъ* (fécondité morale). Нужно, чтобы жизнь индивидуальная расходовалась для другихъ и въ случаѣ нужды отдавала бы себя. Жизнь экспансивна для другихъ, потому что она плодородна, а плодородна она именно потому, что она — жизнь. Это плодородіе жизни обнаруживается не только физически, но также въ области интеллекта, чувствованія и воли. Индивидуальность человѣческая недостаточна для обнаруженія ея собственнаго жизненнаго богатства. Мы имѣемъ болѣе слезъ, чѣмъ намъ необходимо для нашихъ собственныхъ страданій, больше радостей, чѣмъ сколько ихъ нужно для нашего собственнаго счастья. Необходимо идти къ другимъ и умножать самихъ себя посредствомъ общенія мыслей и чувствъ. Вообще нравственность и безкорыстіе—цвѣтъ человѣческой жизни. Жизненность — а соотвѣтственно этому и нравственность — выражается въ энергіи и разнообразіи жизненныхъ проявленій, бьющихъ черезъ край индивидуальнаго существованія. Изъ принципа жизненности Гюйо выводитъ еще третье, весьма важное требованіе морали: внутреннюю согласованность или *гармонію* жизненныхъ проявленій. Внутреннее противорѣчіе не соотвѣтствуетъ принципу жизненной экономіи, въ которой вся энергія должна имѣть свое обнаруженіе отнюдь не пропадая во внутреннихъ столкновеніяхъ. Поэтому нравственность есть въ то же врем *единство* существа, безнравственность — *раздвоеніе*. Весьма интересно у Гюйо обоснованіе *безкорыстной жертвы*, какъ высшаго проявленія жизненной мощи. Жизненность, какъ внутренняя энергія, выражается не въ одной только продолжительности человѣческой жизни. Интенсивность нѣкоторыхъ наслажденій можетъ оказаться цѣннѣе всей продолжительности жизни. Существуютъ кратковременныя дѣйствія, включающія въ себѣ гораздо болѣе жизненной энергіи, чѣмъ долгое человѣческое существованіе. Поэтому можно иной разъ, не будучи неразумнымъ, принести въ жертву всю цѣлость существованія за одинъ изъ его моментовъ, какъ можно иногда предпочесть одинъ стихъ цѣлой поэмѣ. Такимъ моментомъ именно и является нравственный подвигъ самоотверженія. Въ немъ концентрируется вся жизненная цѣнность индивидуальной личности, а потому вполнѣ естественно, что ради

этой цѣнности отдается вся жизнь, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда отказъ отъ моральнаго подвига низводитъ жизнь на степень ничтожнаго прозябанія. Э. Гюйо близко стоитъ къ такъ наз. *«независимой морали»*, главнымъ представителемъ которой былъ Вашеро. Эта мораль стремилась создать ученіе о правахъ, независимое ни отъ какой метафизики или религіи. Конечная цѣль и благо выводятся изъ природы человѣка, понимаемой психологически. Цѣль всякаго существа состоитъ въ развитіи его *природы*. Природа, цѣль, благо —эти три понятія вытекаютъ одно изъ другого логически: благо опредѣляется цѣлью, а цѣль природой. Такимъ образомъ все сводится къ познанію человѣка.—Э. Гюйо есть послѣднее и наилучше сказанное слово моральнаго натурализма; остается только удивляться, что его глубоко продуманное и стройное этическое міросозерцаніе совершенно скрылось съ философскаго горизонта за хаотическими, хотя болѣе [красивыми афоризмами Ницше. Ницшеанство—не что иное, какъ проповѣдь жизни во имя жизни. Жизненная мощь, свобода жизненныхъ проявленій и ихъ внутренняя гармонія составляютъ основные принципы какъ Э. Гюйо, такъ и Ницше. Выдающееся значеніе Ницше въ исторіи новѣйшей Э., раздѣляемое имъ съ Достоевскимъ, состоитъ въ необычайной смѣлости его моральнаго скепсиса *). Вся новая Э., не смотря на чрезвычайное разнообразіе ея принциповъ, тяготѣла все-таки къ христіанскому міросозерцанію, съ его альтруистическимъ и универсалистическимъ кодексомъ. Задачей почти всѣхъ моралистовъ было во что-бы то ни стало вывести изъ своихъ основоположеній требованіе любви къ ближнему и личнаго самоотреченія. Въ сущности это требованіе было апріорной, хотя и не всегда сознаваемой, предпосылкой почти всѣхъ этическихъ системъ. Ставъ на точку зрѣнія радикальнаго сомнѣнія, Ницше отринулъ это требованіе общепринятой Э., какъ совершенно недоказанный моральный предразсудокъ. Подобно Декарту, усомнившемуся во всѣхъ признанныхъ до него очевидныхъ истинахъ, и Ницше захотѣлъ начать съ самаго начала въ области Э. Независимо отъ цѣнности его положительныхъ этическихъ воззрѣній, въ его моральномъ скепсисѣ нельзя не признать оздоровляющій моментъ въ исторіи этическихъ ученій. Послѣ Ницше нельзя уже отдѣлываться психологическими теоріями, показывающими, *какъ* изъ эгоизма или изъ другихъ внутреннихъ стимуловъ *возникаютъ* справедливость, сочувствіе, любовь къ ближнему, самопожертвованіе и другіе теоретически общепринятые принципы, а *необходимо оправдать ихъ по существу*, дать раціональное обоснованіе ихъ обязательности и преимущества передъ противоположными имъ человѣческими стремленіями. Самъ Ницше разрѣшилъ поставленную имъ моральную проблему въ духѣ ниспроверженія традиціонной морали. Во имя чего совершилъ Ницше это ниспроверженіе—остается, въ сущности, загадкой. Идеалъ сверхъ-человѣка не опредѣленъ имъ столь ясными чертами, чтобы противорѣчіе его принципамъ христіанской морали представлялось вполнѣ очевиднымъ. Если сверхъчеловѣкъ есть идеалъ жизненной мощи, полноты и гармоніи, то этотъ идеалъ не можетъ исключать ничего жизненнаго, богатаго духовною силой. Не видѣть этой силы въ христіанской любви и самоотреченіи можно только изъ неистребимаго желанія сдѣлать переоцѣнку всѣхъ моральныхъ цѣнностей и во что-бы то ни стало перемѣстить моральные полюсы одинъ на мѣсто другого. Въ этомъ отношеніи Гюйо, опиравшійся, по существу, на тотъ же принципъ, остается вполнѣ свободенъ отъ суетной оригинальности своего единомышленника. Впрочемъ, Э. Ницше не остается вѣрной даже своей враждѣ къ христіанству. Достаточно вспомнить его полный силы и красоты гимнъ погибающимъ («я люблю тѣхъ, кто не умѣетъ жить, не погибая: ибо гибель ихъ есть переходъ къ высшему»—«я учу васъ созидающей смерти, которая становится напоминаніемъ и обѣтомъ»), чтобы признать извѣстную долю справедливости въ данной ему однимъ изъ новѣйшихъ писателей характеристикѣ «тайнаго ученика Христа». Э. Ницше есть мораль неопредѣленнаго грядущаго и, какъ такая, можетъ быть поставлена въ нѣкоторое родство со всякимъ моральнымъ ученіемъ, отвергающимъ зло настоящаго ради высшаго идеала будущаго. Вся слабость Э. Ницше — въ неясности идеала. Съ нѣкоторымъ вѣроятіемъ этотъ идеалъ можетъ быть, однако, конструированъ изъ симпатій и антипатій Ницше въ сферѣ настоящаго. Скорѣе всего это идеалъ свободной красоты, какъ внутренняго единства богато одаренной индивидуальности. Ницше чуждъ всякимъ универсалистическимъ тенденціямъ. Для него индивидуумъ есть нѣчто самодовлѣющее, самоцѣнное. Индивидуумъ долженъ быть свободенъ отъ всякаго подчиненія чему-либо для него внѣшнему. Вотъ это именно требованіе и ставитъ мораль Ницше въ рѣзкій антагонизмъ со всякой религіозной моралью. Вражда съ Богомъ есть, быть можетъ, самый искренній и страстный призывъ, лежащій въ глубинѣ всѣхъ этическихъ взглядовъ Ницше. Интересную противоположность Ницше представляетъ индивидуализмъ Лютославскаго, развитый имъ въ сочиненіи «Seelenmacht» и довольно необычно соединяющійся съ ярко выраженными альтруистическими тенденціями. Своеобразное соединеніе эволюціонной и утилитарной морали представляетъ и Э. Гефдинга, стремящаяся освободиться отъ всякой связи съ метафизическими и религіозными проблемами. Въ сущности Гефдингъ возвращается къ эвдаймонистическому обоснованію Э. Ея основнымъ принципомъ онъ ставитъ благополучіе (Wohlfart), настаивая, однако, на отличіи этого принципа отъ всеобщаго счастья и пользы утилитаристовъ. Подъ благополучіемъ слѣдуетъ разумѣть все то, что служитъ удовлетворенію человѣческой природы въ ея цѣломъ. Благополучіе обо-

*) Конечно, близость Ницше и Достоевскаго относится къ одному только пункту ихъ міровоззрѣній, имѣвшихъ въ цѣломъ діаметрально противоположное развитіе.

значаетъ именно состояніе цѣльности. Мгновенныя чувства страданія и удовольствія не даютъ критерія для оцѣнки цѣльнаго состоянія. Благополучіе, какъ индивидуальное, такъ и общественное, не есть также нѣчто стойкое и неподвижное: оно измѣняется вмѣстѣ съ развитіемъ и состоитъ въ дѣятельности. Понимая благополучіе какъ измѣнчивый и развивающійся идеалъ, Гефдингъ устраняетъ изъ своего эвдаймонизма возможность гедонической сытости и косности. Напротивъ, всякое данное нравственное равновѣсіе можетъ быть нарушено во имя высшей формы благополучія, которая можетъ быть куплена даже цѣною страданія. Не смотря на условность основного принципа, Э. Гефдинга представляетъ весьма цѣнное изслѣдованіе, анализирующее всѣ важнѣйшіе вопросы общественной и индивидуальной жизни и дающее если не всегда глубокое, то во всякомъ случаѣ ясное и психологически тонкое разрѣшеніе. Самой значительной по ширинѣ плана и глубинѣ анализа является среди новѣйшихъ системъ Э. Паульсена («System der Ethik»). Въ этомъ капитальномъ трудѣ приведены къ гармоничному единству всѣ важнѣйшія черты новѣйшей Э. Паульсенъ называетъ свое этическое міровоззрѣніе *телеологическимъ энергетизмомъ*. Подъ телеологіей въ Э. Паульсенъ разумѣетъ точку зрѣнія, оцѣнивающую поступки какъ дурные или хорошіе на основаніи тѣхъ результатовъ или цѣлей, къ которымъ они тяготѣютъ по самой своей природѣ. Эту точку зрѣнія Паульсенъ противополагаетъ формально-интуитивистической, оцѣнивающей дѣйствія безотносительно къ ихъ результатамъ, на основаніи чисто формальнаго требованія чистоты нравственнаго побужденія. Съ чрезвычайною ясностью показываетъ Паульсенъ полную недостаточность такой формальной Э., не имѣющей для оцѣнки дѣйствій никакой точки опоры. Несомнѣнно, говоритъ Паульсенъ, что актъ благожелательства получаетъ положительную моральную оцѣнку именно потому, что онъ направленъ къ опредѣленному факту, а именно ко благу нашего ближняго. Напротивъ, если наши дѣйствія клонятся къ результатамъ, въ томъ или иномъ смыслѣ гибельнымъ для жизни, то они именно въ силу этого обстоятельства получаютъ другую оцѣнку. Итакъ, только реальное значеніе нашихъ поступковъ для нашей собственной жизни и для нашихъ окружающихъ является той почвой, на которой могутъ создаваться моральныя цѣнности. Однако, если такимъ путемъ опредѣляются общія нормы нравственности, то изъ этого еще не слѣдуетъ, что каждый отдѣльный поступокъ оцѣнивается исключительно по его результатамъ. Каждое дѣяніе, относясь къ тому или иному моральному типу, можетъ имѣть въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ различное индивидуальное значеніе. Кража для себя и кража ради спасенія своего ближняго получаютъ различную оцѣнку въ зависимости отъ внутренняго стимула дѣянія. Вообще Паульсенъ различаетъ въ поступкахъ, а въ зависимости отъ того — и въ ихъ оцѣнкѣ, двѣ стороны: *субъективную* и *объективную*. Поступки, имѣющіе объективно отрицательныя послѣдствія, являются всегда *дурными*; но если они совершены, кромѣ того, съ желаніемъ этихъ послѣдствій, они характеризуются какъ *злые*. Хорошими поступками Паульсенъ называетъ тѣ, которые направлены къ жизненному благу какъ субъективно, такъ и объективно. Этическій энергетизмъ Паульсена состоитъ въ пониманіи блага, какъ извѣстнаго объективнаго содержаніія бытія и жизнедѣятельности. Здѣсь Паульсенъ противополагаетъ свою точку зрѣнія гедонизму, признающему высшимъ благомъ удовольствіе. Моральное благо есть всегда опредѣленное жизненное содержаніе, къ которому удовольствіе или неудовольствіе присоединяется какъ вторичное и съ моральной точки зрѣнія несущественное обстоятельство. Вообще несогласно съ психологіей утверждать, что нормальная дѣятельность человѣка опредѣляется стремленіемъ къ удовольствію или избавленію отъ страданій. Человѣкъ прежде всего стремится къ осуществленію тѣхъ дѣйствій, которыя соотвѣтствуютъ его природѣ. Онъ ѣстъ не ради удовольствія ѣды, а для поддержанія своего существованія. Вообще всякая жизненная сила и потребность стремится осуществить то или иное жизненное содержаніе, не спрашивая, къ чему приведетъ это стремленіе—къ удовольствію или страданію. Если нормальныя функціи жизни превращаются иногда въ средства достиженія наслажденія, то сама природа жестоко наказываетъ за такое извращеніе ея дѣйствительныхъ цѣлей. Итакъ, только жизнь съ ея объективными отношеніями, съ ея разнообразнымъ матеріальнымъ и идейнымъ содержаніемъ есть то, что можетъ быть названо благомъ. Благо жизни состоитъ именно въ ея полнотѣ и свободномъ раскрытіи всѣхъ функцій. Однако, идеалъ моральнаго блага имѣетъ различное содержаніе въ зависимости отъ тѣхъ жизненныхъ формъ, къ которымъ онъ относится: надо различать благо индивидуума, благо націи, государства, человѣчества. Благо человѣчества есть высшая идея эмпирической Э. Ей подчинены частные виды блага индивидуумовъ и народовъ, но подчинены не какъ безразличныя средства, а какъ органическія части. Но и на этой идеѣ жизненной полноты и внутренняго совершенства общечеловѣческой жизни не можетъ остановиться человѣческая Э. За этимъ эмпирически опредѣленнымъ моральнымъ горизонтомъ намѣчаются болѣе отдаленныя, но вмѣстѣ съ тѣмъ и болѣе высокія моральныя цѣли. Человѣчество есть лишь одно звено всемірной жизни: оно тяготѣетъ къ высшему моральному благу, которому имя Богъ. Только въ религіи Э. получаетъ свое завершеніе. Впрочемъ, та религіозность, которая должна быть связана съ истиннымъ этическимъ настроеніемъ, опредѣляется Паульсеномъ чрезвычайно широко. Религіозность — говоритъ онъ, примыкая къ Шлейермахеру, — есть чувство благоговѣнія передъ Безконечнымъ, а также увѣренность въ томъ, что основой и конечною цѣлью міра является абсолютное благо. Представленіе и понятіе, въ которыя облекаются эти чувства, являются второстепеннымъ и преходящимъ

содержаніемъ религіозности. Однимъ изъ блестящихъ пунктовъ Э. Паульсена является разъясненіе іезуитскаго принципа: «цѣль оправдываетъ средства». Этотъ принципъ ложенъ, если подъ цѣлью разумѣютъ не высшее моральное благо, а ту или иную частную цѣль. Его ошибочность состоитъ также и въ томъ внутреннемъ противорѣчіи, которое онъ обыкновенно получаетъ на практикѣ. Дѣло въ томъ, что ничто въ жизни, а въ особенности въ человѣческихъ отношеніяхъ, не является только средствомъ, но всегда оказывается въ той или иной мѣрѣ и цѣлью. Поэтому, напр., убійство человѣка ради спасенія своихъ ближнихъ непозволительно, такъ какъ этимъ дѣйствіемъ осуществляется, между прочимъ, безнравственная цѣль, а именно гибель человѣка, которая лишь софистически подводилась подъ понятіе средства. При правильномъ пониманіи этого положенія никогда не можетъ быть, чтобы средство, которое само по себѣ дурно, служило для высшей моральной цѣли. Высшее моральное благо достижимо только хорошими средствами—и если подъ цѣлью разумѣть именно это благо, то іезуитская формума получаетъ значеніе безспорной истины. Конечно, іезуитская практика была далека отъ такого пониманія по существу вѣрнаго принципа. Въ сферѣ соціальныхъ вопросовъ Паульсенъ обнаруживаетъ примирительную тенденцію. И здѣсь онъ оцѣниваетъ возможныя рѣшенія съ точки зрѣнія общей цѣлесообразности. Скорѣе относясь отрицательно къ соціалъ-демократическому движенію, онъ признаетъ правильность поставленнаго имъ требованія болѣе справедливаго распредѣленія жизненныхъ цѣнностей. Однако, такое распредѣленіе не требуетъ тѣхъ коренныхъ реформъ, которыя постулируются соціалъ-демократіей. Проведеніе въ жизнь соціалъ-демократической программы представило бы, по мнѣнію Паульсена, чрезвычайныя затрудненія и могло бы оказаться крайне гибельнымъ историческимъ экспериментомъ, имѣющимъ своимъ результатомъ крушеніе тѣхъ самыхъ идеаловъ, къ которымъ стремится соціалдемократическая партія (развитіе культуры и индивидуальная свобода). Вообще соціальный вопросъ не есть только вопросъ политики и государственной жизни, но главнымъ образомъ вопросъ морали, частной хозяйственной жизни и индивидуальныхъ отношеній. Универсальныхъ средствъ для его разрѣшенія нѣтъ. Онъ долженъ быть разрѣшаемъ въ каждомъ частномъ хозяйствѣ. Каждый работодатель долженъ сознавать свои обязанности по отношенію къ своему рабочему или слугѣ. Идея справедливости и ея общественной цѣлесообразности должна быть внутренно усвоена всѣмъ общественнымъ организмомъ—а это достигается, во всякомъ случаѣ, не путемъ однѣхъ только внѣшнихъ реформъ.

Не смотря на то, что интересъ къ философіи обнаруживался въ русскомъ обществѣ главнымъ образомъ въ связи съ практическими вопросами общественной жизни, русская философская мысль небогата самобытными и глубокими этическими построеніями. Такія литературныя теченія, какъ западничество, славянофильство, соціологическій субъективизмъ хотя и были близки области Э. и даже входили въ эту область, не создали, однако, цѣльныхъ этическихъ міросозерцаній, а ограничились разработкой тѣхъ или иныхъ отдѣльныхъ проблемъ. Изъ попытокъ систематическаго обоснованія Э. прежде всего слѣдуетъ отмѣтить въ русской литературѣ изслѣдованіе Дебольскаго: «О высшемъ благѣ». Подъ высшимъ благомъ понимается здѣсь конечная цѣль человѣческой дѣятельности, долженствующая объединять всѣ частныя блага или цѣли въ одну гармоническую систему. Такой конечной цѣлью не можетъ быть ни какое-нибудь субъективное состояніе, ни человѣческая индивидуальность, а только нѣкоторое верховное недѣлимое. Въ самосохраненіи этого недѣлимаго зиждется самосохраненіе и наибольшее счастіе подчиненныхъ недѣлимыхъ, т. е. людей. Такимъ верховнымъ недѣлимымъ Дебольскій признаетъ *народность*, т. е. всесторонній и сознательный общественный союзъ. Народность не есть ни порода, ни языкъ, ни государство, но тотъ духъ, который ихъ скрѣпляетъ и оживляетъ.—Этическія воззрѣнія Л. Толстого, завладѣвшія вниманіемъ всего общества, не содержатъ по существу какихъ нибудь новыхъ этическихъ принциповъ. Ихъ чрезвычайное вліяніе на интеллигентное общество Россіи и другихъ государствъ обусловливается главнымъ образомъ художественнымъ талантомъ великаго писателя, а также той безыскусственной простотой и прямотой, съ которой они высказываются. Въ общемъ Э. Толстого есть попытка возстановленія евангельской морали, нѣсколько аналогичная той, которая была предпринята еще Лютеромъ. Чрезвычайная сила моральнаго настроенія Толстого обусловливается не только его содержаніемъ, но также мастерскимъ изображеніемъ его психологическаго развитія. Почти во всѣхъ своихъ позднѣйшихъ произведеніяхъ Толстой не только излагаетъ свои моральныя убѣжденія, но стремится также воочію *показать* ихъ возникновеніе въ человѣческомъ сознаніи. Переходъ отъ мрака къ нравственному просвѣтленію, уразумѣніе евангельскихъ заповѣдей во всей ихъ простотѣ описывается всегда Толстымъ съ чрезвычайною искренностью и привлекательной правдивостью. Но, обосновывая свою мораль на евангельскихъ принципахъ любви къ ближнему и непротивленія злу, Л. Толстой въ то же время въ понятіи высшаго блага разрываетъ съ христіанствомъ. Конечною цѣлью морали Толстого является устроеніе царства Божія здѣсь на землѣ. Вообще подъ царствомъ Божіимъ разумѣется общественное устройство людей, основанное исключительно на доброжелательствѣ и любви. Въ этомъ пунктѣ этическіе идеалы Толстого приближаются къ идеаламъ эвдаймоническаго утилитаризма и эволюціонизма. Впрочемъ, реалистическое завершеніе Э. Толстого существенно отличается отъ типичныхъ формъ позитивной Э. различною оцѣнкой человѣческой культуры, съ ея техникой и государственностью. Въ этой области Толстой видитъ едва ли не главное проявленіе зла.

значаетъ именно состоянiе цѣльности. Мгновенныя чувства страданiя и удовольствiя не даютъ критерiя для оцѣнки цѣльнаго состоянiя. Благополучiе, какъ индивидуальное, такъ и общественное, не есть также нѣчто стойкое и неподвижное: оно измѣняется вмѣстѣ съ развитiемъ и состоитъ въ дѣятельности. Понимая благополучiе какъ измѣнчивый и развивающiйся идеалъ, Гефдингъ устраняетъ изъ своего эвдаймонизма возможность гедонической сытости и косности. Напротивъ, всякое данное нравственное равновѣсiе можетъ быть нарушено во имя высшей формы благополучiя, которая можетъ быть куплена даже цѣною страданiя. Не смотря на условность основного принципа, Э. Гефдинга представляетъ весьма цѣнное изслѣдованiе, анализирующее всѣ важнѣйшiе вопросы общественной и индивидуальной жизни и дающее если не всегда глубокое, то во всякомъ случаѣ ясное и психологически тонкое разрѣшенiе. Самой значительной по ширинѣ плана и глубинѣ анализа является среди новѣйшихъ системъ Э. Паульсена («System der Ethik»). Въ этомъ капитальномъ трудѣ приведены къ гармоничному единству всѣ важнѣйшiя черты новѣйшей Э. Паульсенъ называетъ свое этическое мiровоззрѣнiе *телеологическимъ энергетизмомъ*. Подъ телеологiей въ Э. Паульсенъ разумѣетъ точку зрѣнiя, оцѣнивающую поступки какъ дурные или хорошiе на основанiи тѣхъ результатовъ или цѣлей, къ которымъ они тяготѣютъ по самой своей природѣ. Эту точку зрѣнiя Паульсенъ противополагаетъ формально-интуитивистической, оцѣнивающей дѣйствiя безотносительно къ ихъ результатамъ, на основанiи чисто формальнаго требованiя чистоты нравственнаго побужденiя. Съ чрезвычайною ясностью показываетъ Паульсенъ полную недостаточность такой формальной Э., не имѣющей для оцѣнки дѣйствiй никакой точки опоры. Несомнѣнно, говоритъ Паульсенъ, что актъ благожелательства получаетъ положительную моральную оцѣнку именно потому, что онъ направленъ къ опредѣленному факту, а именно ко благу нашего ближняго. Напротивъ, если наши дѣйствiя клонятся къ результатамъ, въ томъ или иномъ смыслѣ гибельнымъ для жизни, то они именно въ силу этого обстоятельства получаютъ другую оцѣнку. Итакъ, только реальное значенiе нашихъ поступковъ для нашей собственной жизни и для нашихъ окружающихъ является той почвой, на которой могутъ создаваться моральныя цѣнности. Однако, если такимъ путемъ опредѣляются общiя нормы нравственности, то изъ этого еще не слѣдуетъ, что каждый отдѣльный поступокъ оцѣнивается исключительно по его результатамъ. Каждое дѣянiе, относясь къ тому или иному моральному типу, можетъ имѣть въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ различное индивидуальное значенiе. Кража для себя и кража ради спасенiя своего ближняго получаютъ различную оцѣнку въ зависимости отъ внутренняго стимула дѣянiя. Вообще Паульсенъ различаетъ въ поступкахъ, а въ зависимости отъ того — и въ ихъ оцѣнкѣ, двѣ стороны: *субъективную* и *объективную*. Поступки, имѣющiе объективно отрицательныя послѣдствiя, являются всегда *дурными*; но если они совершены, кромѣ того, съ желанiемъ этихъ послѣдствiй, они характеризуются какъ *злые*. Хорошими поступками Паульсенъ называетъ тѣ, которые направлены къ жизненному благу какъ субъективно, такъ и объективно. Этическiй энергетизмъ Паульсена состоитъ въ пониманiи блага, какъ извѣстнаго объективнаго содержанiiя бытiя и жизнедѣятельности. Здѣсь Паульсенъ противополагаетъ свою точку зрѣнiя гедонизму, признающему высшимъ благомъ удовольствiе. Моральное благо есть всегда опредѣленное жизненное содержанiе, къ которому удовольствiе или неудовольствiе присоединяется какъ вторичное и съ моральной точки зрѣнiя несущественное обстоятельство. Вообще несогласно съ психологiей утверждать, что нормальная дѣятельность человѣка опредѣляется стремленiемъ къ удовольствiю или избавленiю отъ страданiй. Человѣкъ прежде всего стремится къ осуществленiю тѣхъ дѣйствiй, которыя соотвѣтствуютъ его природѣ. Онъ ѣстъ не ради удовольствiя ѣды, а для поддержанiя своего существованiя. Вообще всякая жизненная сила и потребность стремится осуществить то или иное жизненное содержанiе, не спрашивая, къ чему приведетъ это стремленiе—къ удовольствiю или страданiю. Если нормальныя функцiи жизни превращаются иногда въ средства достиженiя наслажденiя, то сама природа жестоко наказываетъ за такое извращенiе ея дѣйствительныхъ цѣлей. Итакъ, только жизнь съ ея объективными отношенiями, съ ея разнообразнымъ матерiальнымъ и идейнымъ содержанiемъ есть то, что можетъ быть названо благомъ. Благо жизни состоитъ именно въ ея полнотѣ и свободномъ раскрытiи всѣхъ функцiй. Однако, идеалъ моральнаго блага имѣетъ различное содержанiе въ зависимости отъ тѣхъ жизненныхъ формъ, къ которымъ онъ относится: надо различать благо индивидуума, благо нацiи, государства, человѣчества. Благо человѣчества есть высшая идея эмпирической Э. Ей подчинены частные виды блага индивидуумовъ и народовъ, но подчинены не какъ безразличныя средства, а какъ органическiя части. Но и на этой идеѣ жизненной полноты и внутренняго совершенства общечеловѣческой жизни не можетъ остановиться человѣческая Э. За этимъ эмпирически опредѣленнымъ моральнымъ горизонтомъ намѣчаются болѣе отдаленныя, но вмѣстѣ съ тѣмъ и болѣе высокiя моральныя цѣли. Человѣчество есть лишь одно звено всемiрной жизни: она тяготѣетъ къ высшему моральному благу, которому имя Богъ. Только въ религiи Э. получаетъ свое завершенiе. Впрочемъ, та религiозность, которая должна быть связана съ истиннымъ этическимъ настроенiемъ, опредѣляется Паульсеномъ чрезвычайно широко. Религiозность — говоритъ онъ, примыкая къ Шлейермахеру. — есть чувство благоговѣнiя передъ Безконечнымъ, а также увѣренность въ томъ, что основой и конечною цѣлью мiра является абсолютное благо. Представленiе и понятiе, въ которыя облекаются эти чувства, являются второстепенными и преходящимъ

ментовъ создаетъ иллюзію свободы. Рѣшеніе вопроса не измѣняется отъ того часто приводимаго соображенія, что воля, какъ одинъ изъ элементовъ внутренняго бытія, тоже участвуетъ въ опредѣленіи событія и творитъ его отчасти отъ себя. Дѣло не въ томъ, участвуетъ ли воля или другое какое-либо состояніе сознанія, а въ томъ, свободны ли они сами въ этомъ своемъ участіи, хоть до нѣкоторой степени, отъ предыдущихъ причинъ. Если не свободны, то ихъ участіе можно уподобить лишь роли передаточнаго колеса въ машинѣ, которое, получая свой импульсъ цѣликомъ отъ другихъ частей, по существу ничего отъ себя не привноситъ. Въ послѣднее время нерѣдко высказывается мнѣніе, что вопросъ о свободѣ воли — на половину чисто словесное недоразумѣніе; достаточно точно установить, что слѣдуетъ разумѣть подъ свободной или несвободной волей, чтобы вопросъ рѣшился самъ собою. Не отрицая важности ясной постановки вопроса, необходимо, однако, признать, что и самое рѣшеніе ясно поставленнаго вопроса представляетъ большія трудности и является чрезвычайно спорнымъ. Вся спорность его зависитъ отъ неопредѣленности понятія причины. Если причинами могутъ быть *только отдѣльные феномены* внѣшняго и внутренняго (духовнаго) міра, всецѣло опредѣляемые другъ другомъ, то не только свободы воли нѣтъ, но и вся эволюція міра отъ вѣка предопредѣлена. Другое рѣшеніе получаетъ вопросъ, если истинной причиной признать лишь субстанціальную основу вещей, представляющую въ каждомъ индивидуальномъ случаѣ нѣчто самобытное, лишь *отчасти* опредѣляющееся другимъ. Если въ основѣ человѣческаго сознанія есть такое субстанціальное начало, то именно оно и можетъ быть названо свободнымъ, поскольку оно въ каждый данный моментъ участвуетъ въ рѣшеніяхъ и поступкахъ, *не обусловливаясь всецѣло* своими предыдущими актами, а только *сообразуясь* съ ними. При такомъ пониманіи человѣческаго сознанія каждый данный его моментъ есть нѣчто ничѣмъ постороннимъ необусловленное, но начинающее причинное воздѣйствіе *изъ себя*. Въ этомъ случаѣ, однако, правильнѣе говорить не про свободу воли, которая есть всегда производный актъ, а про свободу человѣческаго существа или субстанціальнаго единства сознанія, представляющаго нѣчто непроизводное, а, напротивъ, производящее. Эта дилемма субстанціальнаго единства сознанія или его феноменальной, по существу пассивной множественности, еще *не рѣшена въ современной философіи*, а вмѣстѣ съ нею не рѣшены вопросы о сущности причинной связи и о свободѣ воли. Являясь чрезвычайно важнымъ вопросомъ теоретической Э., проблема свободы воли къ счастью имѣетъ весьма ничтожное практическое значеніе. Происходитъ это въ силу той счастливой непослѣдовательности, что всѣ детерминисты въ дѣйствительности поступаютъ все-таки такъ, какъ если бы они были индетерминистами, т. е. съ сознаніемъ своей свободной воли. Второй основной проблемой Э., имѣющей какъ теоретическій, такъ и въ особенности практическій интересъ, является вопросъ о *высшемъ моральномъ благѣ*. Въ сущности отъ этого вопроса зависитъ все построеніе Э. Всѣ этическія категоріи опредѣляются въ своемъ содержаніи именно въ зависимости отъ понятія высшаго блага, т. е. конечной цѣли моральнаго поведенія. И въ этомъ вопросѣ Э. находится въ самой тѣсной связи съ общефилософскимъ міросозерцаніемъ. Пренебреженіе этою связью есть одна изъ самыхъ роковыхъ и непростительныхъ ошибокъ новѣйшей Э. «Независимый» моралистъ, намѣревающійся опредѣлить конечную цѣль моральнаго поведенія безъ философскаго познанія дѣйствительности, подобенъ путешественнику, собирающемуся въ далекіе края безъ знанія географіи. Со времени Канта очень часто повторяется мнѣніе, что «бытіе» и «долженствованіе» являются совершенно чуждыми другъ другу категоріями, что должное никогда не можетъ быть опредѣлено изъ сущаго и потому познаніе должнаго независимо отъ познанія сущаго. Это мнѣніе является лишь весьма условной истиной. Дѣйствительно, изъ знанія сущаго не опредѣляется должное, какъ изъ знанія географіи не опредѣляется цѣль путешествія; но для опредѣленія должнаго необходимо знать сущее и возможное. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь должнымъ можетъ быть лишь то, что возможно, а о возможномъ мы судимъ лишь по знанію дѣйствительнаго. Ставить эту зависимость обратной и пробавляться Кантовскимъ парадоксомъ: «ты долженъ, стало быть ты можешь»—едва ли допустимо въ современной Э. Впрочемъ, и приверженцы Канта, кажется, никогда не забываютъ, прежде чѣмъ говорить о морально должномъ, навести справку о его возможности. Только поэтому, думается, они не заставятъ слѣпого стеречь чужое имущество или калѣку быть бравымъ солдатомъ. Такимъ образомъ Э. необходимо нуждается въ нѣкоторомъ общефилософскомъ базисѣ и обоснованіи. *Это обоснованіе не можетъ заключаться ни въ чемъ другомъ, какъ въ раскрытіи наиболѣе широкихъ моральныхъ перспективъ*: избрать ту или иную изъ возможныхъ цѣлей — уже не дѣло философской мысли. Въ этомъ пунктѣ между возможнымъ и должнымъ дѣйствительно существуетъ непроходимая съ логической точки зрѣнія пропасть. Высшая категорія должнаго и безусловно желательнаго хотя и создается необходимо на почвѣ познанія возможнаго, но создается уже не актомъ познанія или мышленія, а актомъ воли, вообще актомъ *ирраціональнаго* самоопредѣленія человѣческаго сознанія. Никакіе логическіе аргументы не могутъ принудить человѣка стремиться къ тому, чего онъ не хочетъ. И если логическіе аргументы имѣютъ силу въ области нравственности, то лишь постольку, поскольку ими уясняется истинный и конечный результатъ того или иного способа дѣйствій. Кто вполнѣ уже оріентировался во всѣхъ моральныхъ альтернативахъ и избралъ себѣ опредѣленный путь, тотъ дѣлается глухъ къ аргументамъ разума и можетъ поколебаться только

Чтобы достигнуть прочнаго счастья, человѣчеству нужно отказаться отъ ложныхъ и безнравственныхъ условій современной культурности, съ ея неравенствомъ въ распредѣленіи физическаго труда, съ ея милитаризмомъ и всяческими видами насилія и принужденія. Для нравственной и счастливой жизни человѣчеству нужно опроститься, т. е. перейти къ болѣе скромнымъ и несложнымъ условіямъ общественной жизни. Государство должно превратиться въ общество мирно настроенныхъ людей безъ всякой іерархіи, правительственныхъ учрежденій и сословныхъ различій. Въ критикѣ современнаго общественнаго устройства моральный паѳосъ Толстого достигаетъ наибольшей силы. Никто со времени Руссо не обнаруживалъ съ такой ясностью и прямодушіемъ тотъ конфликтъ, который существуетъ между основными, всѣми признаваемыми требованіями морали и тѣмъ порядкомъ вещей, который связанъ съ развитіемъ культуры. Толстой категорически ставитъ современному моральному сознанію дилемму: или отказаться отъ основныхъ принциповъ морали, до сихъ поръ признаваемыхъ истинными, или признать весь общественный строй въ основныхъ его чертахъ безнравственнымъ. Отвергнуть эту дилемму можно только доказавъ, что конфликтъ между этими основными принципами и установившимися формами общественныхъ отношеній—не такой коренной, что зло, неизбѣжно связанное съ современной культурой, не есть абсолютное зло, но имѣетъ въ себѣ нѣкоторую моральную необходимость и во всякомъ случаѣ получаетъ нравственное оправданіе, какъ единственно возможный переходъ къ высшимъ стадіямъ добра. Такое разрѣшеніе вопроса дается отчасти въ Э. Вл. Соловьева, представляющей весьма своеобразное и во всякомъ случаѣ глубокое разрѣшеніе этическихъ вопросовъ съ точки зрѣнія евангельской морали. Основою нравственности Соловьевъ признаетъ три чувства: *стыдъ, жалость* и *благоговѣніе*. Этими чувствами исчерпываются возможныя нравственныя отношенія человѣка къ тому, что ниже его, что равно ему и что выше его—отношенія, состоящія въ господствѣ надъ низшею матеріальною природою, въ солидарности съ живыми существами и въ подчиненіи сверхчеловѣческому началу. Всѣ человѣческія добродѣтели представляютъ лишь видоизмѣненіе этихъ трехъ основъ. Историческою цѣлью нравственнаго усовершенствованія является царство Божіе, которое составляется изъ людей, перестающихъ быть *только* людьми и входящихъ въ новый высшій планъ существованія, гдѣ ихъ человѣческія задачи становятся средствами и орудіями другой, окончательной цѣли. Дѣйствительное осуществленіе этого идеала не можетъ быть достигнуто однимъ человѣчествомъ, но необходимо предполагаетъ привхожденіе высшаго безусловнаго добра, въ лицѣ Богочеловѣка, Іисуса Христа. Дѣйствительное основаніе совершеннаго нравственнаго порядка есть *универсальность* Духа Христова, способнаго все обнять и переродить. Для этого перерожденія необходимо также, чтобы человѣчество добровольно приняло въ себя этотъ духъ и пожелало духовно переродиться. Въ обширной заключительной части «Оправданія добра» Соловьевъ обращается къ весьма трудной задачѣ примиренія современныхъ условій культурной жизни съ основными принципами добра. Эту часть можно было бы съ полнымъ основаніемъ назвать «оправданіемъ относительнаго зла», поскольку нѣкоторыя его формы исторически неизбѣжны и служатъ въ концѣ концовъ, цѣлямъ добра. Здѣсь доказывается, что для нравственнаго сознанія необходимо активно и притомъ физически противодѣйствовать проявленіямъ злой воли, угрожающей жизни и нравственному достоинству ближнихъ, что право, какъ опредѣленный минимумъ нравственности и устраненіе извѣстной доли зла, требуетъ для своей объективной реализаціи принудительныхъ мѣръ. Эти воззрѣнія развиты въ прямомъ антагонизмѣ съ ученіемъ Толстого. Въ изслѣдованіи всѣхъ этихъ вопросовъ Соловьевъ обнаруживаетъ удивительную силу и ясность анализа, расчленяя чрезвычайно сложныя по своей нравственной природѣ явленія общественной жизни на ихъ этическіе элементы. Чрезвычайно блестящей является у него этическая оцѣнка войны. Вся неясность и запутанность этого вопроса въ сознаніи большинства людей зависитъ, по мнѣнію Соловьева, отъ безпорядочнаго смѣшенія трехъ точекъ зрѣнія: общенравственной, исторической и личнонравственной. Съ первой точки зрѣнія война есть несомнѣнное зло и аномалія. Съ исторической точки зрѣнія война есть относительное зло, а иногда и наименьшее зло, т. е. относительное благо. Въ исторіи война была прямымъ средствомъ для внѣшняго и косвеннымъ средствомъ для внутренняго объединенія человѣчества; разумъ запрещаетъ бросать это орудіе пока оно нужно, хотя совѣсть обязываетъ стараться, чтобы оно перестало быть нужнымъ. Съ личнонравственной точки зрѣнія совершенно ложно отожествленіе военной службы съ личнымъ убійствомъ.

III. Непосредственная связь Э. съ философіей опредѣляется постановкой самыхъ основныхъ этическихъ проблемъ. Первой такой проблемой является вопросъ о свободѣ воли, представляющій какъ бы пограничную черту между метафизикой и Э. Сущность этого вопроса сводится къ тому, существуетъ ли полное причинное предопредѣленіе каждаго состоянія или дѣйствія человѣка предыдущими внутренними и внѣшними условіями. Если такая предопредѣленность существуетъ, то каждое состояніе сознанія и каждый актъ человѣка всецѣло зависятъ отъ предыдущихъ, и свободной воли нѣтъ. Воля не можетъ быть названа свободной, если она въ каждый данный моментъ всецѣло обусловлена предыдущимъ и можетъ остановиться только на одномъ предопредѣленномъ рѣшеніи. Человѣческое сознаніе и обусловленные имъ поступки развиваются тогда съ необходимостью, присущею ходу сложной машины, и лишь незнаніе этого хода и внутренняго сцѣпленія эле-

ментовъ создаетъ иллюзію свободы. Рѣшеніе вопроса не измѣняется отъ того часто приводимаго соображенія, что воля, какъ одинъ изъ элементовъ внутренняго бытія, тоже участвуетъ въ опредѣленіи событія и творитъ его отчасти отъ себя. Дѣло не въ томъ, участвуетъ ли воля или другое какое-либо состояніе сознанія, а въ томъ, свободны ли они сами въ этомъ своемъ участіи, хоть до нѣкоторой степени, отъ предыдущихъ причинъ. Если не свободны, то ихъ участіе можно уподобить лишь роли передаточнаго колеса въ машинѣ, которое, получая свой импульсъ цѣликомъ отъ другихъ частей, по существу ничего отъ себя не привноситъ. Въ послѣднее время нерѣдко высказывается мнѣніе, что вопросъ о свободѣ воли — на половину чисто словесное недоразумѣніе; достаточно точно установить, что слѣдуетъ разумѣть подъ свободной или несвободной волей, чтобы вопросъ рѣшился самъ собою. Не отрицая важности ясной постановки вопроса, необходимо, однако, признать, что и самое рѣшеніе ясно поставленнаго вопроса представляетъ большія трудности и является чрезвычайно спорнымъ. Вся спорность его зависитъ отъ неопредѣленности понятія причины. Если причинами могутъ быть *только отдѣльные феномены* внѣшняго и внутренняго (духовнаго) міра, всецѣло опредѣляемые другъ другомъ, то не только свободы воли нѣтъ, но и вся эволюція міра отъ вѣка предопредѣлена. Другое рѣшеніе получаетъ вопросъ, если истинной причиной признать лишь субстанціальную основу вещей, представляющую въ каждомъ индивидуальномъ случаѣ нѣчто самобытное, лишь *отчасти* опредѣляющееся другимъ. Если въ основѣ человѣческаго сознанія есть такое субстанціальное начало, то именно оно и можетъ быть названо свободнымъ, поскольку оно въ каждый данный моментъ участвуетъ въ рѣшеніяхъ и поступкахъ, *не обусловливаясь всецѣло* своими предыдущими актами, а только *сообразуясь* съ ними. При такомъ пониманіи человѣческаго сознанія каждый данный его моментъ есть нѣчто ничѣмъ постороннимъ необусловленное, но начинающее причинное воздѣйствіе *изъ себя*. Въ этомъ случаѣ, однако, правильнѣе говорить не про свободу воли, которая есть всегда производный актъ, а про свободу человѣческаго существа или субстанціальнаго единства сознанія, представляющаго нѣчто непроизводное, а, напротивъ, производящее. Эта дилемма субстанціальнаго единства сознанія или его феноменальной, по существу пассивной множественности, еще *не рѣшена въ современной философіи*, а вмѣстѣ съ нею не рѣшены вопросы о сущности причинной связи и о свободѣ воли. Являясь чрезвычайно важнымъ вопросомъ теоретической Э., проблема свободы воли къ счастью имѣетъ весьма ничтожное практическое значеніе. Происходитъ это въ силу той счастливой непослѣдовательности, что всѣ детерминисты въ дѣйствительности поступаютъ все-таки такъ, какъ если бы они были индетерминистами, т. е. съ сознаніемъ своей свободной воли. Второй основной проблемой Э., имѣющей какъ теоретическій, такъ и въ особенности практическій интересъ, является вопросъ о *высшемъ моральномъ благѣ*. Въ сущности отъ этого вопроса зависитъ все построеніе Э. Всѣ этическія категоріи опредѣляются въ своемъ содержаніи именно въ зависимости отъ понятія высшаго блага, т. е. конечной цѣли моральнаго поведенія. И въ этомъ вопросѣ Э. находится въ самой тѣсной связи съ общефилософскимъ міросозерцаніемъ. Пренебреженіе этою связью есть одна изъ самыхъ роковыхъ и непростительныхъ ошибокъ новѣйшей Э. «Независимый» моралистъ, намѣревающійся опредѣлить конечную цѣль моральнаго поведенія безъ философскаго познанія дѣйствительности, подобенъ путешественнику, собирающемуся въ далекіе края безъ знанія географіи. Со времени Канта очень часто повторяется мнѣніе, что «бытіе» и «долженствованіе» являются совершенно чуждыми другъ другу категоріями, что должное никогда не можетъ быть опредѣлено изъ сущаго и потому познаніе должнаго независимо отъ познанія сущаго. Это мнѣніе является лишь весьма условной истиной. Дѣйствительно, изъ знанія сущаго не опредѣляется должное, какъ изъ знанія географіи не опредѣляется цѣль путешествія; но для опредѣленія должнаго необходимо знать сущее и возможное. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь должнымъ можетъ быть лишь то, что возможно, а о возможномъ мы судимъ лишь по знанію дѣйствительнаго. Ставить эту зависимость обратной и пробавляться Кантовскимъ парадоксомъ: «ты долженъ, стало быть ты можешь»—едва ли допустимо въ современной Э. Впрочемъ, и приверженцы Канта, кажется, никогда не забываютъ, прежде чѣмъ говорить о морально должномъ, навести справку о его возможности. Только поэтому, думается, они не заставятъ слѣпого стеречь чужое имущество или калѣку быть бравымъ солдатомъ. Такимъ образомъ Э. необходимо нуждается въ нѣкоторомъ общефилософскомъ базисѣ и обоснованіи. *Это обоснованіе не можетъ заключаться ни въ чемъ другомъ, какъ въ раскрытіи наиболѣе широкихъ моральныхъ перспективъ*: избрать ту или иную изъ возможныхъ цѣлей — уже не дѣло философской мысли. Въ этомъ пунктѣ между возможнымъ и должнымъ дѣйствительно существуетъ непроходимая съ логической точки зрѣнія пропасть. Высшая категорія должнаго и безусловно желательнаго хотя и создается необходимо на почвѣ познанія возможнаго, но создается уже не актомъ познанія или мышленія, а актомъ воли, вообще актомъ *ирраціональнаго* самоопредѣленія человѣческаго сознанія. Никакіе логическіе аргументы не могутъ принудить человѣка стремиться къ тому, чего онъ не хочетъ. И если логическіе аргументы имѣютъ силу въ области нравственности, то лишь постольку, поскольку ими уясняется истинный и конечный результатъ того или иного способа дѣйствій. Кто вполнѣ уже оріентировался во всѣхъ моральныхъ альтернативахъ и избралъ себѣ опредѣленный путь, тотъ дѣлается глухъ къ аргументамъ разума и можетъ поколебаться атолько

подъ вліяніемъ вновь возникшихъ *чувствъ* и *стремленій*. Этическое изслѣдованіе о высшемъ благѣ открывается вопросомъ о томъ, гдѣ вообще слѣдуетъ искать это благо: во внутренней ли жизни сознанія (удовольствіе или повиновеніе голосу совѣсти), въ объективномъ ли содержаніи жизни вообще или, наоборотъ, въ небытіи. На послѣднее рѣшеніе не слѣдуетъ смотрѣть, какъ на одну только теоретическую возможность: небытіе есть единственно возможная цѣль для всякаго радикальнаго философскаго пессимизма. Если міръ есть трагическій конфликтъ разрозненныхъ силъ, исключающій возможность какого-нибудь положительнаго блага, то наибольшимъ благомъ для такого дурно устроеннаго міра должно быть его небытіе. Такою этикою небытія является, въ сущности, Э. Шопенгауера. Всѣ остальныя философскія міровоззрѣнія, оптимистическія или такъ или иначе примиряющіяся съ жизнью, ищутъ высшаго блага въ самой жизни. При этомъ возможно двоякое рѣшеніе вопроса. Прежде всего высшимъ благомъ можетъ быть признаваемо то или иное жизненное содержаніе исключительно по его значенію въ сознаніи дѣйствующаго субъекта. Къ такому типу этическаго *субъективизма* принадлежатъ всѣ виды эвдаймонизма. Къ нему же относится Э. формальнаго долга или Э. совѣсти, по которой высшимъ моральнымъ благомъ признается не удовольствіе, а удовлетвореніе голоса совѣсти или требованія долга, т. е. также извѣстное субъективное состояніе сознанія. И Кантовская Э., не смотря на весь ея антагонизмъ къ эвдаймонизму, является по существу родственной въ этомъ отношеніи своему главному противнику. Правда, это родство простирается только на исходный пунктъ Кантовской морали, перешедшей затѣмъ къ объективному принципу всеобщности нравственнаго долга, къ положенію о безусловномъ достоинствѣ человѣческой личности и даже къ трансцендентному идеалу вѣчной и блаженной жизни. Субъективизмъ является въ современной Э. уже отживающимъ типомъ. Его несостоятельность обнаруживается яснѣе всего въ самыхъ системахъ субъективизма, безсильныхъ удержаться въ предѣлахъ избраннаго принципа и переходящихъ въ концѣ концовъ къ объективнымъ моральнымъ цѣнностямъ. Въ самомъ дѣлѣ, ставить высшимъ благомъ счастье или внутреннее удовлетвореніе—значитъ гнаться за неуловимымъ призракомъ. Счастье какъ отдѣльныхъ индивидуумовъ, такъ и общественныхъ организацій постоянно мѣняется съ развитіемъ, съ накопленіемъ опыта и подъ вліяніемъ другихъ условій. Кто раньше стремился къ физическимъ радостямъ жизни, тотъ по прошествіи нѣкотораго времени ищетъ возвышеннаго страданія, тяжелаго подвига или самопожертвованія и въ нихъ видитъ свое счастье. Относить всѣ эти виды самоудовлетворенія на счетъ одного и того же субъективнаго принципа счастья совершенно невозможно. Очевидно, что разъ счастье есть благо абсолютно измѣнчивое по условіямъ своего возникновенія и къ тому же неотличимое иногда отъ своей противоположности—страданія, то въ немъ мы имѣемъ дѣло не съ путеводной звѣздой моральнаго странствованія, а съ блуждающимъ огонькомъ. Только въ объективномъ содержаніи данной или предполагаемой дѣйствительности можно найти что-либо опредѣленное и стойкое, могущее стать конечной цѣлью или высшимъ благомъ. Въ области *объективной* Э. могутъ быть намѣчаемы различныя цѣли, въ зависимости отъ ширины философскаго горизонта и отъ различнаго истолкованія открывающихся перспективъ. Идеалы позитивной или эмпирической этики не идутъ дальше построенія типа нормальной индивидуальной или общественной человѣческой организаціи. Раскрытіе всѣхъ способностей индивидуума или общественнаго сознанія—вотъ та по справедливости достойная цѣль, къ которой стремится позитивная Э. Ея конечная формула—расцвѣтъ жизненныхъ силъ, расцвѣтъ наиболѣе полный и гармоничный. Этой формулой одновременно устраняется, какъ зло, все то въ человѣческой природѣ, что является задержкой и служитъ внутреннимъ противорѣчіемъ человѣческой организаціи. Эволюціонная Э. и Э. Гюйо являются типичными представителями такой позитивной Э. жизни. Однако, идеалъ позитивной Э. остается самою стойкою конечною цѣлью человѣческаго поведенія лишь до той поры, пока философскіе горизонты не простираются далѣе эмпирически даннаго бытія. Коль скоро идетъ рѣчь объ иныхъ формахъ жизни, по отношенію къ которымъ человѣчество представляетъ не болѣе какъ одну изъ переходныхъ стадій, въ Э. возникаютъ совершенно новыя и, быть можетъ, болѣе коренные вопросы. Идеалъ высшаго блага, оставаясь объективнымъ, получаетъ при этомъ *трансцендентный* или метафизическій характеръ. Трансцендентное высшее благо можетъ пониматься какъ высшая форма индивидуальнаго или общественнаго бытія. Необходимо, однако, имѣть въ виду, что осуществленіе позитивнаго идеала нельзя разсматривать какъ подготовленіе этой высшей формы. Напротивъ, быть можетъ совершенный типъ человѣка, какъ онъ опредѣляется условіями земной жизни и анатомической организаціи, есть еще большее уклоненіе въ сторону отъ той высшей формы, отъ которой человѣкъ долженъ перейти. Вообще путь, при посредствѣ котораго достигается высшее благо, всецѣло зависитъ отъ того, какъ оно понимается въ своемъ содержаніи. Разсматривая этотъ вопросъ съ логической и исторической точекъ зрѣнія, слѣдуетъ признать, что трансцендентная Э. тяготѣетъ къ двумъ моральнымъ полюсамъ. *Индивидуалистическая* Э. утверждаетъ возможность безконечнаго и безграничнаго развитія каждой *индивидуальности* независимо отъ другихъ, при чемъ въ этомъ самобытномъ ростѣ индивидуумовъ и заключается ихъ высшее благо. Ближайшимъ образомъ оно опредѣляется какъ непрерывно растущая мощь безконечно усложняющейся и внутренно свободной духовной организаціи. Свобода и независимость—самое дорогое для этого типа воззрѣній. На этомъ пути стоитъ Ницше.

Это міровоззрѣніе имѣетъ свѣтлый и радужный характеръ, поскольку теоретическая мысль не противопоставляетъ ему вторую альтернативу, состоящую въ признаніи высшаго всеобъединяющаго разума или Бога, по отношенію къ которому каждая міровая индивидуальность должна находиться въ подчиненномъ положеніи, служа общеміровымъ цѣлямъ, устанавливаемымъ самимъ Богомъ. По отношенію къ этой перспективѣ, поскольку она признается теоретически, индивидуализмъ принимаетъ характеръ мрачнаго упорства и самоутвержденія индивидуальной абсолютности. Его высшимъ благомъ является *отреченіе* отъ воли Бога, не смотря ни на какія внѣшнія пораженія и неудачи. Быть Богомъ, хотя бы и побѣжденнымъ—вотъ девизъ этого *сатаническаго* индивидуализма. Въ философіи нѣтъ чистыхъ представителей этого міровоззрѣнія; однако, оно имѣетъ весьма яркое художественное выраженіе въ твореніяхъ Байрона и его послѣдователей. Противоположная индивидуализму *религіозная* Э. признаетъ высшимъ благомъ высшую форму бытія, подчиненную божественному міропорядку. Въ христіанствѣ эта форма выражается въ понятіи *Царства Божія*. Въ понятіи Царства Божія мыслится совершенное и гармоничное общеніе высшихъ духовныхъ существъ другъ съ другомъ, съ Богомъ и съ цѣлымъ міромъ. Въ немъ, какъ и во всѣхъ объективныхъ идеалахъ, мыслится наибольшая полнота жизненныхъ проявленій, но только подъ непремѣннымъ условіемъ подчиненія ея сверхъиндивидуальнымъ цѣлямъ. Христіанскій идеалъ вовсе не исключаетъ полной внутренней свободы; напротивъ, имъ предполагается только *свободное* присоединеніе къ Божественной волѣ. Точно также идеалъ Царства Божія не предполагаетъ полнаго исчезновенія индивидуальности, поскольку подъ индивидуальностью не разумѣется абсолютная самостоятельность и независимость отъ всего другого. Царство Божіе понимается какъ общеніе индивидуумовъ и ничто не мѣшаетъпредполагать, что каждая индивидуальная своеобразность получитъ должную функцію и значеніе въ этой совершеннѣйшей формѣ общенія. Конкретная неуловимость этого идеала не мѣшаетъ ему быть путеводной звѣздой историческаго процесса. Ведущій къ нему путь, одинаково указываемый и религіей, и философской мыслью, состоитъ въ утвержденіи яснаго сознанія общей *солидарности и общаго единства въ Богѣ*. Въ возвышеніи этого сознанія на степень активной любви и заключается весь нравственный подвигъ человѣчества. Всѣ остальныя эмпирическія цѣли (культура, наука, опредѣленныя формы общественной жизни) получаютъ при этомъ лишь условную цѣнность вспомогательныхъ средствъ къ уясненію и достиженію высшаго идеала. Въ царствѣ Божіемъ не нужны ни техники, ни ученые, ни политики, ни все то, что «отъ міра сего», поскольку все это необходимо лишь для слабой человѣческой природы и организаціи; высшая организація дана будетъ силою Высшаго.

Изъ многочисленной *литературы* по Э. особенно выдаются: по исторіи Э.—Th. Ziegler, «Geschichte der Ethik» (I, «Die Ethik der Griechen und Römer»; II, «Die christliche Ethik»); Jodl, «Geschichte der Ethik in der neueren Philosophie» (рус. пер. подъ ред. Вл. Соловьева: Іодль, «Исторія Э. въ новой философіи»); Sidgwick, «Outlines of the History of Ethics»; изъ новѣйшихъ системныхъ сочиненій: F. Paulsen, «System der Ethik» (1903); E. v. Hartmann, «Das sittliche Bewusstsein» (1886); H. Höffding, «Ethik» (1901; рус. пер. подъ ред. Оболенскаго, Гефдингъ, «Этика», 1898); W. Wundt, «Ethik» (1891); Th. Lipps, «Die Ethischen Grundfragen»; M. Guyau, «Esquisse d'une morale sans obligation ni sanction»; Вл. Соловьевъ, «Оправданіе добра».

С. Алексѣевъ.

Этиламинъ, или *амино-этанъ* $CH_3—CH_2—NH_2$—относится къ первичнымъ аминамъ. Въ небольшихъ количествахъ Э. образуется при нагрѣваніи хлористаго меркураммонія въ струѣ хлористаго этила, при дѣйствіи амміака на алкоголятъ натрія или при сплавленіи послѣдняго съ хлористымъ аммоніемъ. Э. образуется также при перегонкѣ баріевой соли сѣрновинной кислоты съ сѣрнокислымъ аммоніемъ, при возстановленіи нитроэтана и нитродибромэтилена. Въ небольшихъ количествахъ находится въ продажномъ триметиламинѣ, получающемся изъ свекловичной барды. Э. по способу Вюрца получается при дѣйствіи ѣдкаго кали на изоціановый эѳиръ: $C_2H_5.N:CO+2KHO=C_2H_5NH_2+K_2CO_3$ (изоціановый же эѳиръ получается при перегонкѣ калійной соли сѣрновинной кислоты съ ціановокислымъ кали $KO.SO_2.O.C_2H_5+KCNO=$ $=C_2H_5.N:CO+K_2SO_4$). По способу Гофмана Э. получается при дѣйствіи галоидгидриновъ этиловаго спирта на водный или спиртовый растворъ амміака. Напр., $C_2H_5J+NH_3=$ $=C_2H_5NH_2.HJ$. Реакція между бромистымъ этиломъ и воднымъ растворомъ амміака происходитъ очень медленно и только черезъ 8—10 дней получается смѣсь бромистоводородной соли Э. съ бромистымъ аммоніемъ. Реакція идетъ лучше при нагрѣваніи до 110° алкогольнаго раствора амміака и бромистаго этила, взятаго въ избыткѣ. Смѣсь помѣщается въ длинную запаянную трубку, которая наполовину опускается въ водяную баню. Черезъ 24 часа получается обильный осадокъ бромистоводородной соли: Изъ хлористаго этила: нагрѣваютъ въ продолженіе одного часа въ дигесторѣ вмѣстимостью около 5 литровъ—500 кб. стм. хлористаго этила (побочный продуктъ при изготовленіи хлорала) съ тройнымъ количествомъ по вѣсу алкоголя 95°, насыщеннаго амміакомъ при 0°. Продуктъ реакціи фильтруютъ и перегоняютъ на водяной банѣ. Оканчиваютъ выпариваніе въ открытомъ сосудѣ. При охлажденіи остатокъ представляетъ кристаллическую волокнистую массу хлористоводородныхъ солей основаній, содержащую небольшое количество амміака. Обрабатываютъ массу концентрированнымъ растворомъ ѣдкаго натра, при чемъ свободныя основанія получаются въ видѣ легкаго слоя. Такъ какъ при этой реакціи получается смѣсь изъ первичныхъ, вторичныхъ и третичныхъ аминовъ,

то для раздѣленія Э. пользуются щавелевоэтиловымъ эѳиромъ. Къ водному концентрированному раствору смѣси аминовъ медленно прибавляютъ, при охлажденіи во льду, такое количество щавелевоэтиловаго эѳира, чтобы основанія были въ небольшомъ избыткѣ. Щавелевоэтиловый эѳиръ съ Э. образуетъ діэтилоксамидъ, который представляетъ изъ себя твердое кристаллическое вещество, и спиртъ:

$$2C_2H_5.NH_2+\begin{matrix}CO.OC_2H_5\\ |\\ CO.OC_2H_5\end{matrix}+2CH_3.CH_2.OH.$$

Діэтиламинъ, вторичное основаніе, образуетъ эѳиръ діэтилоксаминовой кислоты (жидкость), а третичный аминъ вовсе не дѣйствуетъ на щавелевоэтиловый эѳиръ. Діэтилоксамидъ отжимаютъ и перегоняютъ съ ѣдкимъ кали, при чемъ получается чистый Э.:

$$\begin{matrix}CO-NH(C_2H_5)\\ |\\ CO-NH(C_2H_5)\end{matrix}+2KHO=2C_2H_5.NH_2+K_2C_2O_4.$$

Изъ нитроэтана Э. получается слѣдующимъ образомъ: нитроэтанъ въ колбѣ смѣшиваютъ съ желѣзными опилками и прибавляютъ нѣсколько капель воды. Для начала реакціи необходимо нагрѣть колбу, но лишь только реакція началась, колбу охлаждаютъ, чтобы помѣшать слишкомъ бурному теченію реакціи. Способъ даетъ хорошіе выходы Э. Тафель предлагаетъ получать Э. при дѣйствіи фенилгидразина на уксусный алдегидъ: $CH_3.CHO+H_2N.NH.C_6H_5=CH_3.CH(N.NH.C_6H_5)+H_2O$, при возстановленіи полученнаго гидразона амальгамой натрія и уксусной кислотой получается Э.: $CH_3.CH(N.NH.C_6H_5)+4H=CH_3CH_2NH_2+C_6H_5NH_2$. Э. представляетъ подвижную, совершенно прозрачную жидкость, кипящую при 18,7°, удѣльный вѣсъ при 8° = 0,6964. Плотность пара при 27° равна 1,5940. Э. обладаетъ сильнымъ аммiачнымъ запахомъ и въ парахъ летучихъ кислотъ образуетъ облако. Смѣшивается съ водою во всѣхъ пропорціяхъ съ выдѣленіемъ тепла и даетъ сильно щелочный растворъ (на лакмусъ и фенолфталеинъ); водный растворъ мало проченъ и кипяченіемъ Э. можно совершенно удалить изъ раствора. Нейтрализуетъ кислоты съ такой же энергіей, какъ и аммiакъ: при соединеніи Э. съ сѣрной кислотой ($2Э.+H_2SO_4$) выдѣляется 28,35 калорій, для аммiака же 28,15 калорій (Thomsen). Будучи зажженъ, Э. горитъ желтымъ пламенемъ. Э. вытѣсняетъ аммiакъ изъ аммiачныхъ солей, если дѣйствуютъ большимъ избыткомъ Э. и смѣсь выпариваютъ досуха. Реакціи водныхъ растворовъ Э. вообще сходны съ реакціями аммiака, т. е. могутъ осаждать изъ солей металловъ гидраты окисей, образовать двойныя соли или соединенія, подобныя аммiачнометаллическимъ. Э. растворяетъ гидратъ глинозема, водная окись мѣди менѣе растворима въ Э., чѣмъ въ аммiакѣ. Двухлористое олово, обработанное аммiакомъ, даетъ осадокъ, съ трудомъ растворимый въ избыткѣ реактива, между тѣмъ какъ осадокъ, образованный Э., легко растворимъ въ избыткѣ Э. Даетъ осадокъ съ фосфорномолибденовой кислотой. Съ хлоромъ, бромомъ и іодомъ даетъ хлористыя, бромистыя и іодистыя производныя. Азотистая кислота разлагаетъ Э. на азотистоэтиловый эѳиръ и азотъ:

$$C_2H_5NH_2+N_2O_3=C_2H_5NO_2+H_2O+N_2.$$

Соли Э. сходны съ соотвѣтствующими аммiачными солями (1 атомъ водорода замѣщенъ этиловой группой C_2H_5). Онѣ растворимы въ абсолютномъ алкоголѣ, чѣмъ пользуются для отдѣленія солей Э. отъ аммiачныхъ. Для этого ихъ переводятъ въ хлористыя или сѣрнокислыя соли и обрабатываютъ спиртомъ, который не растворяетъ хлористыхъ или сѣрнокислыхъ аммiачныхъ солей.

А. Кремлевъ. Δ.

Этилацетиленъ $CH\equiv C-CH_2.CH_3$—относится къ однозамѣщеннымъ ацетиленамъ. Получается изъ этилметилкетона, который при дѣйствіи пятихлористаго фосфора даетъ хлорэтилметилкетонъ: $CH_3.CO.C_2H_5+PCl_5=CH_3.CCl_2.C_2H_5+POCl_3$, послѣдній же при дѣйствіи твердаго ѣдкаго кали образуетъ Э.: $CH_3.CCl_2.C_2H_5+2KHO=CH\equiv C.C_2H_5+2KCl+2H_2O$. Кромѣ того Э. получается при дѣйствіи спиртового раствора ѣдкаго кали на $C_2H_5.CBr=CH_2$. Температура кипѣнія Э. 18°. Э. въ аммiачномъ растворѣ азотносеребряной соли образуетъ бѣлый осадокъ, а въ аммiачномъ растворѣ полухлористой мѣди—желтый. Съ бромомъ даетъ четырехбромистое соединеніе $C_4H_6Br_4$. При нагрѣваніи до 170° съ алкогольнымъ растворомъ ѣдкаго кали Э. переходитъ въ изомерный съ нимъ диметилацетиленъ $CH_3.C\equiv C-CH_3$. При пропусканіи Э. въ растворъ сулемы образуется соединеніе $2C_4H_6.3HgO.3HgCl_2$ въ видѣ осадка, легко растворимаго въ соляной кислотѣ, при чемъ разлагается на $HgCl_2$ и метилэтилкетонъ (Кучеровъ).

А. Кремлевъ. Δ.

Этилендіаминъ или *діаминоэтанъ* $H_2N-CH_2-CH_2-NH_2$—относится къ аминамъ гликолей. Получается при возстановленіи ціана (нитрила щавелевой кислоты) оловомъ и соляной кислотой: $NC.CN+4H_2=H_2N.CH_2.CH_2.NH_2$. Бромистоводородная соль Э. получается при нагрѣваніи хлористаго или бромистаго этилена со спиртовымъ растворомъ аммiака: $C_2H_4Br_2+2NH_3=C_2H_4(NH_2)_2.2HBr$. Изъ этой соли Э. выдѣляется ѣдкой щелочью и очищается перегонкой, при чемъ получается гидратъ Э. $C_2H_4(NH_2)_2H_2O$. Получается также при нагрѣваніи въ запаянной трубкѣ до 115°—120° въ продолженіи 5 часовъ 42 гр. хлористаго этилена съ 510 кб. стм. воднаго раствора аммiака. Потомъ содержимое трубки выпариваютъ до начинающейся кристаллизаціи и осаждаютъ тройнымъ объемомъ абсолютнаго алкоголя. Полученная хлористоводородная соль Э. промывается алкоголемъ и разлагается посредствомъ перегонки съ порошкомъ ѣдкаго кали. Э. представляетъ жидкость съ слабымъ аммiачнымъ запахомъ, удѣльнаго вѣса 0,970 при 15°. При охлажденіи превращается въ кристаллическую массу, плавящуюся при +10°. При перегонкѣ съ безводнымъ ѣдкимъ баритомъ не теряетъ воды, но теряетъ ее при перегонкѣ съ натріемъ или при повторномъ нагрѣваніи въ трубкѣ до 100° съ твердымъ ѣдкимъ кали. Въ водѣ легко растворяется, изъ воднаго раствора эфиромъ не осаждается. Съ

привести и фактъ образованія Э., какъ найдено мною, **) при освобожденіи группы CH_2, между тѣмъ какъ формула $\left\{\begin{matrix}CH_3\\CH\end{matrix}\right.$ требовала бы невѣроятнаго допущенія, что изъ двухъ тождественныхъ, какъ по составу, такъ и по условіямъ, группъ CH_2—одна отнимаетъ отъ другой половину содержащагося въ ней водорода... Если же формула Э.$=\left\{\begin{matrix}CH_2\\CH_2\end{matrix}\right.$ ... и тотъ или другой атомъ углерода теряетъ два водородныхъ атома, то нѣтъ никакого химическаго основанія считать, чтобы образующаяся непредѣльная молекула была бы различной, какъ думаетъ Кекуле (въ его выше цитированной работѣ, А. Г.); въ то же время не видно,... почему нельзя допустить и третьяго случая, когда тотъ и другой углеродный атомъ потеряютъ по одному атому водорода. Если же принять, что въ одномъ случаѣ выдѣляется H_2 отъ одного атома C, а въ другомъ отъ обоихъ, то... удерживая для Э. формулу $\left\{\begin{matrix}CH_2\\CH_2\end{matrix}\right.$, мы придемъ къ двумъ дѣйствительно химически различнымъ группамъ и къ двумъ изомернымъ ацетиленамъ и двумъ двуобромленнымъ

$$Э.:\ \overset{I}{\left\{\begin{matrix}CH_2{}^{***)}\\C\end{matrix}\right.}\quad \overset{II}{\left\{\begin{matrix}CH\\CH\end{matrix}\right.}\quad \overset{1}{\left\{\begin{matrix}CH_2\\CBr_2\end{matrix}\right.}\quad \overset{2}{\left\{\begin{matrix}CHBr\\CHBr\end{matrix}\right.}$$

ацетилены двуобромленные Э.

При формулѣ Э. $\left\{\begin{matrix}CH_3\\CH\end{matrix}\right.$ ... мы имѣемъ тѣ же двѣ формулы для ацетилена, а для двуобромленнаго Э. двѣ формулы:

$$\overset{1}{\left\{\begin{matrix}CH_2Br\\CBr\end{matrix}\right.}\qquad \overset{2}{\left\{\begin{matrix}CHBr_2\\CH\end{matrix}\right.}$$

Отсюда видно, что, слѣдуя принципамъ химической структуры, мы въ обоихъ случаяхъ приходимъ къ аналогичнымъ результатамъ, и хотя формула Э. Кекуле болѣе вѣроятна, за то заключенія Кольбе кажутся болѣе обоснованными», и въ примѣчаніи: «Трудно понять почему Эрленмейеръ («Z. f. Ch.», 1863, 21) склоняется къ допущенію, что при потерѣ водорода выдѣляющаяся пара водородныхъ атомовъ уходитъ каждый разъ отъ двухъ различныхъ атомовъ углерода. Это представленіе предполагаетъ неравноцѣнность всѣхъ, или, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ атомовъ водорода въ Э.; до сихъ поръ, кажется, нѣтъ твердаго основанія для такого предположенія». Не останавливаясь на взглядахъ, высказанныхъ въ цитируемой статьѣ Бутлеровымъ на строеніе гомологовъ Э., приведемъ для поясненія предыдущаго нѣкоторыя выдержки изъ его «Введенія къ полному изученію органической химіи», вышедшаго (1 изд.) въ 1864 г. Тутъ, приведя (стр. 161) обѣ данныя выше формулы ацетилена, т. е. $\left\{\begin{matrix}CH\\CH\end{matrix}\right.$ и $\left\{\begin{matrix}CH_2\\C\end{matrix}\right.$, онъ замѣчаетъ: «Уже и для Э. a priori кажется возможнымъ существованіе изомеровъ, отличающихся ... тѣмъ только, что углеродные паи соединены въ нихъ между собою не 2-мя, а 4-мя единицами сродства (т. е. 2-мя парами сродства, А. Г.) и что, слѣдовательно, сродства свободнаго въ нихъ не осталось. Для Э., однако, нѣтъ фактовъ, подкрѣпляющихъ такое предположеніе, между тѣмъ какъ ацетиленъ является, смотря по способу его приготовленія, то обладающимъ способностью легко соединяться только съ двумя паями, то съ 4-мя паями брома (Berthelot, Reboul) *). Поэтому можно предположить съ нѣкоторою вѣроятностью, что существуютъ и ацетилены, обладающіе не 4-мя, а только 2-мя единицами свободнаго сродства, такіе, слѣдовательно, гдѣ два пая угля соединены между собою 4-мя единицами сродства (имѣется въ виду формула $H_2:C:C:$, А. Г)», а на стр. 165 онъ пишетъ: «Углеводороды C_nH_{2n-4}, вмѣстѣ съ углеводородами еще далѣе ихъ стоящими отъ предѣла ... лишены способности соединяться прямо съ такимъ количествомъ паевъ, какое нужно для дополненія ихъ до предѣльнаго типа $C_n H_{2n+2}$. Обстоятельство это заставляетъ предполагать съ нѣкоторою вѣроятностью, что въ тѣлахъ этихъ ... углеродные паи соединены другъ съ другомъ количествомъ единицъ сродства большимъ, чѣмъ въ предѣльныхъ углеводородахъ» **). Такимъ образомъ, какъ видно, Бутлеровъ занялъ среднее положеніе между Кекуле и Кольбе. Вопросъ о томъ, какому воззрѣнію должно быть отдано предпочтеніе, долгое время оставался не рѣшеннымъ; всю относящуюся сюда литературу нѣтъ возможности передать; достаточно отмѣтить слѣдующія статьи. Въ 1866 г. (въ апрѣлѣ) Л. Мейеръ, въ статьѣ «Ueber einige Zersetzungen des Chloräthyls» («Ann. Ch. Pharm.», *139*, 282) пишетъ (стр. 284): «Допущеніе ненасыщенныхъ сродствъ кажется находитъ мало сочувствія среди химиковъ. Въ большинствѣ случаевъ ему предпочитаютъ принятіе многократныхъ связей между атомами C.... Однако, соединенія, въ которыхъ мы съ большою достовѣрностью можемъ допустить таковыя связи, такъ называемыя ароматическія соединенія, по большей части очень постоянны и трудно разлагаются; а когда мы ихъ разлагаемъ, то остается неразрушенной группа изъ 6-ти атомовъ C, связанныхъ многократными связями. Кажется потому, что такой родъ связи крѣпче, чѣмъ обыкновенный, когда на связь тратится по 1-му сродству каждымъ атомомъ» ***). Затѣмъ

**) Бутлеровъ („Ann. Chem. Pharm.“, CXI. 242) нашелъ, что при отнятіи іода отъ іодистаго метилена металлами образуется Э.: $2CH_2J_2-2J_2=C_2H_4$.

***) Формулу $\begin{matrix}CH_2\\\|\\C\end{matrix}$ въ настоящее время для ацетилена пропагандируетъ Нефъ (см. литературу въ концѣ статьи).

*) Повидимому факты, на которые ссылается Бутлеровъ, оказались ошибочными.

**) Ср. выше (стр. 166) мнѣніе Эрленмейера объ атомности группы C_2 и Горбовъ, „Журн. Русск. Химич. Общ.“, XXVIII, 217 (1896) о вѣроятной предѣльности неорганическихъ соединеній съ многократными связями многоатомныхъ паевъ.

***) Въ настоящее время, когда общепринята формула Э. съ двойной связью, затронутый Л. Мейеромъ вопросъ рѣшается какъ будто на двое: съ одной стороны для бензола принимается формула Кекуле (см. Углеводороды ароматическіе), предполагающая въ его молекулѣ присутствіе трехъ двойныхъ связей, и, какъ на фактъ, указывается на инертность бензола и свя-

Л. Мейеръ ссылается на NO (окись азота), CO (окись углерода), Hg (молекулу ртути), какъ на такія тѣла, въ которыхъ неизбѣжно признать свободныя сродства (и притомъ какъ четныя, такъ и нечетныя) и думаетъ, что строеніе Э. можетъ быть передано формулами:—$H_2C—CH_2$— или $CH_3.CH''$». Въ томъ же 1866 г. Эрленмейеръ на съѣздѣ естествоиспытателей въ Гейдельбергѣ (цитирую по статьѣ W. v. Schneider, «Studien über die Constitution des Diamylens», «Ann. Ch. Pharm.», *157* 185 [1871]) выступилъ энергично въ пользу формулы $H_2C:CH_2$. Главными мотивами противъ формулы Кольбе для Эрленмейера являлись: 1) полученіе Э., при отнятіи хлора, изъ хлористаго Э., и хлористаго этилидена, идущее очень легко для хлористаго Э. и, наоборотъ, трудно для хлористаго этилидена, что Эрленмейеръ считалъ доказательствомъ перегруппировки группы $H_3C.CH''$ въ $H_2C:CH_2$ и 2) неспособность Э. реагировать съ іодистымъ метиломъ, между тѣмъ какъ по формулѣ $H_3C.CH''$ Э. долженъ былъ бы являться полнымъ аналогомъ амміака (см. Этериновая теорія); отсюда Эрленмейеръ выводилъ, что Э. долженъ быть «насыщеннымъ» соединеніемъ, что и выражается формулой $H_2C:CH_2$. Въ своемъ учебникѣ «Lehrb. der org. Chemie», вышедшемъ въ 1867 г., онъ считаетъ уже эту формулу (см. стр. 424) единственной возможной. Минуя статьи Бутлерова («Ann. Ch. Ph.», *144*, 9). Бутлерова и Осокина («Ann. Ch. Ph.», *145*, 257), остановлюсь только на статьяхъ: Бутлерова, «О химическомъ строеніи нѣкоторыхъ непредѣльныхъ углеводородовъ» («Журн. Рус. Хим. Общ.», II, 187 [1870] и Вл. Криваксина, «Къ вопросу о строеніи эфилена» («Журн. Рус. Хим. Общ.», III, 196 [1871]). Въ первой авторъ, указавъ, что «понятія о химическомъ строеніи непредѣльныхъ органическихъ веществъ и даже простѣйшихъ изъ нихъ, углеводородовъ, остаются шаткими», разбираетъ предположенія, принимавшіяся за основу сужденій о химическомъ строеніи непредѣльныхъ веществъ, а именно: 1) допущеніе свободныхъ сродствъ у извѣстныхъ паевъ углерода не только по двѣ, но также и по одной единицѣ; 2) принятіе у пая углерода свободными только двухъ единицъ сродства или же многократныхъ связей и замкнутыхъ группировокъ для всякаго числа углеродныхъ паевъ, начиная съ трехъ *); 3) признаніе, что непредѣльность обусловливается присутствіемъ паевъ углерода только въ двуатомномъ состояніи и, наконецъ, 4) отрицаніе свободныхъ сродствъ (за исключеніемъ окиси углерода) и допущеніе паевъ углерода, связанныхъ вдвойнѣ или втройнѣ и замкнутыхъ группировокъ, начиная только съ шести атомовъ углерода; и находитъ, что «третье изъ приведенныхъ предположеній опровергается фактами, напр. существованіемъ бутилена $\left\{\begin{matrix}C(CH_3)_2\\CH_2\end{matrix}\right.$, въ строеніи котораго едва ли можно сомнѣваться. Нѣтъ, въ то же время, ни одного достовѣрнаго факта, доказывающаго необходимость допустить 1-ое или 2-е предположеніе (см. предыдущее примѣчаніе). 4-ое предположеніе (ведущее къ формулѣ Э. $H_2C:CH_2$, А. Г.) напротивъ, является покамѣсть достаточнымъ для объясненія всѣхъ хорошо обслѣдованныхъ случаевъ изомеріи; достовѣрныхъ фактовъ, противорѣчащихъ ему, нѣтъ, и случалось, что данныя, казавшіяся съ ними несогласными, объяснялись въ его пользу при болѣе точномъ изслѣдованіи. Такимъ образомъ приходится признать это послѣднее (4-ое) предположеніе наиболѣе соотвѣтствующимъ современному состоянію фактическихъ знаній» и т. д. Неудивительно, потому, что когда Криваксинъ въ цитированной выше статьѣ сообщилъ, что при окисленіи монохлоргидрина гликола имъ получена монохлороуксусная кислота:

$$\begin{matrix}CH_2Cl\\|\\CH_2(OH)\end{matrix} + O_2 = + \begin{matrix}CH_2Cl\\|\\CO(OH)\end{matrix} + H_2O,$$

то это было принято всѣми за окончательное и прямое доказательство симметричнаго строенія гликола *), а, слѣдовательно, и симметричной формулы Э., т. е. $H_2C:CH_2$ (ср. «Lehrb. d. org. Ch.» von V. Meyer и P. Jacobson, 1-й т., 429, 545 и 547 [1893]); и дѣйствительно, съ тѣхъ поръ эта «предѣльная» формула (ср. Замѣщеніе, l. c.) перваго члена перваго «непредѣльнаго» ряда углеводородовъ только одна и считается истинной формулой строенія Э. Въ виду важности предмета не лишнее указать на тѣ соображенія, кромѣ перечисленныхъ выше, которыя въ настоящее время могутъ вызывать сомнѣніе въ ея справедливости. Какъ видно, наиболѣе существенно вліяли на установленіе общепринятаго строенія Э. и его гомологовъ: образованіе изобутилена изъ триметилкарбинола, и образованіе монохлороуксусной кислоты изъ монохлоргобидрина. Что касается перваго обстоятельства, то важно отмѣтить, что по Кольбе триметилкарбинолъ не долженъ былъ окисляться **) и что окисляемость его находится

заключая съ тѣмъ его стойкость; а съ другой — легкая разрушаемость непредѣльныхъ жирныхъ соединеній часто „объясняется" присутствіемъ двойныхъ и тройныхъ связей, повышающихъ, какъ предполагается, реакціонную способность тѣхъ молекулъ, въ которыхъ таковыя связи находятся. Кажется, что указываемое внутреннее противорѣчіе не только объясненій, но и формулъ, является слѣдствіемъ убѣжденія (ясно оно не формулировано) современныхъ химиковъ въ томъ, что далеко не всѣ „химическія" свойства соединенія находятъ выраженіе въ его структурной формулѣ; ихъ предшественники были глубоко убѣждены, что „конституція" опредѣляетъ всѣ химическія свойства тѣла.

*) Теперь мы признаемъ возможность такихъ замкнутыхъ группировокъ; см. Циклобутанъ, Циклопентанъ и Циклопропанъ (XXXVIII, 159—173).

*) Полученіе изъ гликола, при его окисленіи, гліоксилевой кисл. (см.) и гліоксаля (см.) не можетъ считаться доказательствомъ „симметріи" его строенія съ тѣхъ поръ, какъ Бетингеръ („Berl. Ber.", 1784 [1878]) нашелъ первую между продуктами окисленія уксуснаго алдегида, а Дебусъ („Ann. Ch. Ph.", *102*, 20) получилъ второй при окисленіи виннаго спирта, и Любавинъ („Журн. Рус. Физ.-Хим. Общ." (1), 251 [1875] и (1), 495 [1881]) при окисленіи сырого уксуснаго алдегида и паралдегида (см.).

**) „Если замѣстить метиломъ оба водородныхъ атома въ радикалѣ этиловаго спирта (см. Замѣщеніе, XII, 219), то получится триметилкарбоноксидгидратъ: $HO.(C_2H_3)_3C_2O$ (см. Триметилкарбинолъ), вещество, которое, правда, имѣетъ эмпирическій составъ спиртовъ и изомерно съ бутиловымъ спиртомъ, $HO.C_8H_9O$ = $HO\cdot\left.\begin{matrix}C_6H_7\\H_2\end{matrix}\right\}C_2O$, но которое еще менѣе можетъ быть

привести и фактъ образованія Э., какъ найдено мною, **) при освобожденіи группы CH_2, между тѣмъ какъ формула $\left\{\begin{matrix}CH_3\\CH\end{matrix}\right.$ требовала бы невѣроятнаго допущенія, что изъ двухъ тождественныхъ, какъ по составу, такъ и по условіямъ, группъ CH_2—одна отнимаетъ отъ другой половину содержащагося въ ней водорода... Если же формула Э.$=\left\{\begin{matrix}CH_2\\CH_2\end{matrix}\right.$ ... и тотъ или другой атомъ углерода теряетъ два водородныхъ атома, то нѣтъ никакого химическаго основанія считать, чтобы образующаяся непредѣльная молекула была бы различной, какъ думаетъ Кекуле (въ его выше цитированной работѣ, А. Г.); въ то же время не видно,... почему нельзя допустить и третьяго случая, когда тотъ и другой углеродный атомъ потеряютъ по одному атому водорода. Если же принять, что въ одномъ случаѣ выдѣляется H_2 отъ одного атома С, а въ другомъ отъ обоихъ, то... удерживая для Э. формулу $\left\{\begin{matrix}CH_2\\CH_2\end{matrix}\right.$, мы придемъ къ двумъ дѣйствительно химически различнымъ группамъ и къ двумъ изомернымъ ацетиленамъ и двумъ двубромленнымъ

$$\text{Э.:}\quad \overset{\text{I}}{\left\{\begin{matrix}CH_2{}^{***)}\\C\end{matrix}\right.}\quad \overset{\text{II}}{\left\{\begin{matrix}CH\\CH\end{matrix}\right.}\qquad \overset{1}{\left\{\begin{matrix}CH_2\\CBr_2\end{matrix}\right.}\quad \overset{2}{\left\{\begin{matrix}CHBr\\CHBr\end{matrix}\right.}$$

ацетилены двубромленные Э.

При формулѣ Э. $\left\{\begin{matrix}CH_3\\CH\end{matrix}\right.$ ... мы имѣемъ тѣ же двѣ формулы для ацетилена, а для двубромленнаго Э. двѣ формулы:

$$\overset{1}{\left\{\begin{matrix}CH_2Br\\CBr\end{matrix}\right.}\qquad\qquad \overset{2}{\left\{\begin{matrix}CHBr_2\\CH\end{matrix}\right.}$$

Отсюда видно, что, слѣдуя принципамъ химической структуры, мы въ обоихъ случаяхъ приходимъ къ аналогичнымъ результатамъ, и хотя формула Э. Кекуле болѣе вѣроятна, за то заключенія Кольбе кажутся болѣе обоснованными», и въ примѣчаніи: «Трудно понять почему Эрленмейеръ («Z. f. Ch.», 1863, 21) склоняется къ допущенію, что при потерѣ водорода выдѣляющаяся пара водородныхъ атомовъ уходитъ каждый разъ отъ двухъ различныхъ атомовъ углерода. Это представленіе предполагаетъ неравноцѣнность всѣхъ, или, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ атомовъ водорода въ Э.; до сихъ поръ, кажется, нѣтъ твердаго основанія для такого предположенія». Не останавливаясь на взглядахъ, высказанныхъ въ цитируемой статьѣ Бутлеровымъ на строеніе гомологовъ Э., приведемъ для поясненія предыдущаго нѣкоторыя выдержки изъ его «Введенія къ полному изученію органической химіи», вышедшаго (1 изд.) въ 1864 г. Тутъ, приведя (стр. 161) обѣ данныя выше формулы ацетилена, т. е. $\left\{\begin{matrix}CH\\CH\end{matrix}\right.$ и $\left\{\begin{matrix}CH_2\\C\end{matrix}\right.$, онъ замѣчаетъ: «Уже и для Э. a priori кажется возможнымъ существованіе изомеровъ, отличающихся ... тѣмъ только, что углеродные паи соединены въ нихъ между собою не 2-мя, а 4-мя единицами сродства (т. е. 2-мя парами сродства, А. Г.) и что, слѣдовательно, сродства свободнаго въ нихъ не осталось. Для Э., однако, нѣтъ фактовъ, подкрѣпляющихъ такое предположеніе, между тѣмъ какъ ацетиленъ является, смотря по способу его приготовленія, то обладающимъ способностью легко соединяться только съ двумя паями, то съ 4-мя паями брома (Berthelot, Reboul) *). Поэтому можно предположить съ нѣкоторою вѣроятностью, что существуютъ и ацетилены, обладающіе не 4-мя, а только 2-мя единицами свободнаго сродства, такіе, слѣдовательно, гдѣ два пая угля соединены между собою 4-мя единицами сродства (имѣется въ виду формула $H_2:C:C:$, А. Г)», а на стр. 165 онъ пишетъ: «Углеводороды C_nH_{2n-1}, вмѣстѣ съ углеводородами еще далѣе ихъ стоящими отъ предѣла ... лишены способности соединяться прямо съ такимъ количествомъ паевъ, какое нужно для дополненія ихъ до предѣльнаго типа $C_n H_{2n+2}$. Обстоятельство это заставляетъ предполагать съ нѣкоторою вѣроятностью, что въ тѣлахъ этихъ ... углеродные паи соединены другъ съ другомъ количествомъ единицъ сродства бо̀льшимъ, чѣмъ въ предѣльныхъ углеводородахъ» **). Такимъ образомъ, какъ видно, Бутлеровъ занялъ среднее положеніе между Кекуле и Кольбе. Вопросъ о томъ, какому воззрѣнію должно быть отдано предпочтеніе, долгое время оставался не рѣшеннымъ; всю относящуюся сюда литературу нѣтъ возможности передать; достаточно отмѣтить слѣдующія статьи. Въ 1866 г. (въ апрѣлѣ) Л. Мейеръ, въ статьѣ «Ueber einige Zersetzungen des Chloräthyls» («Ann. Ch. Pharm.», *139*, 282) пишетъ (стр. 284): «Допущеніе ненасыщенныхъ сродствъ кажется находитъ мало сочувствія среди химиковъ. Въ большинствѣ случаевъ ему предпочитаютъ принятіе многократныхъ связей между атомами С.... Однако, соединенія, въ которыхъ мы съ большою достовѣрностью можемъ допустить таковыя связи, такъ называемыя ароматическія соединенія, по большей части очень постоянны и трудно разлагаются; а когда мы ихъ разлагаемъ, то остается неразрушенной группа изъ 6-ти атомовъ С, связанныхъ многократными связями. Кажется потому, что такой родъ связи крѣпче, чѣмъ обыкновенный, когда на связь тратится по 1-му сродству каждымъ атомомъ» ***). Затѣмъ

**) Бутлеровъ („Ann. Chem. Pharm.", CXI, 242) нашелъ, что при отнятіи іода отъ іодистаго метилена металлами образуется Э.: $2CH_2J_2-2J_2=C_2H_4$.

***) Формулу $\begin{matrix}CH_2\\\|\\C\end{matrix}$ въ настоящее время для ацетилена пропагандируетъ Нефъ (см. литературу въ концѣ статьи).

*) Повидимому факты, на которые ссылается Бутлеровъ, оказались ошибочными.

**) Ср. выше (стр. 166) мнѣніе Эрленмейера объ атомности группы C_2 и Горбовъ, „Журн. Русск. Химич. Общ.", XXVIII, 217 (1896) о вѣроятной предѣльности неорганическихъ соединеній съ многократными связями многоатомныхъ паевъ.

***) Въ настоящее время, когда общепринята формула Э. съ двойной связью, затронутый Л. Мейеромъ вопросъ рѣшается какъ будто на двое: съ одной стороны для бензола принимается формула Кекуле (см. Углеводороды ароматическіе), предполагающая въ его молекулѣ присутствіе трехъ двойныхъ связей, и, какъ на фактъ, указывается на инертность бензола и свя-

эти составныя части... Такъ какъ представленіе, согласно которому спиртъ и эфиръ состоятъ изъ маслороднаго газа и воды (см. Эфириновая теорія), даетъ правильное понятіе о процентномъ составѣ обоихъ тѣлъ, то естественно, что оно первое выдвинулось впередъ, и что до сихъ поръ ему слѣдуютъ почти всѣ представители французской школы. Но такъ какъ съ другой стороны мы имѣемъ основанія считать большое число органическихъ тѣлъ окислами сложныхъ радикаловъ..., то не послѣдовательно смотрѣть на эфиръ, какъ на соединеніе маслороднаго газа съ водою. Если неоспоримо, что винная, уксусная и муравьиная кислоты представляютъ соединенія сложныхъ радикаловъ съ кислородомъ, то столь же правильно считать и эфиръ аналогично образованнымъ». Приведя затѣмъ результаты работъ Дюма и Буллэ сына (см. Этериновая теорія), Берцеліусъ продолжаетъ (l. c., 190): «Такъ какъ опытами выяснено, что у маслороднаго газа совершенно отсутствуютъ основныя (щелочныя) свойства*), и показано, что онъ не соединяется ни съ водной сѣрной кислотой..., ни съ хлористымъ, ни съ бромистымъ водородомъ, то теорія, построенная на основныхъ свойствахъ маслороднаго газа является непріемлемой. А тогда представляется вопросъ, какъ должно разсматривать составъ эфира, который подобенъ основаніямъ (ср. Этериновая теорія)? Казалось, что нѣтъ ничего естественнѣе и проще, какъ допустить, что его составъ находится въ томъ же отношеніи къ составу неорганическихъ основаній, въ какомъ составъ органическихъ кислотъ стоитъ къ составу неорганическихъ, т. е. допустить, что онъ представляетъ окись радикала, сложеннаго изъ углерода и водорода, и что формула этой окиси можетъ быть передана выраженіемъ $C_4H_{10}+O$..., гдѣ на 2 атома радикала приходится 1 атомъ кислорода. Хотя эта окись не обладаетъ щелочной реакціей, она тѣмъ не менѣе обладаетъ способностью давать съ кислородными кислотами среднія и кислыя соединенія, обмѣнивать кислородъ на галоиды при взаимодѣйствіи съ галоидоводородными кислотами совершенно подобно неорганической окиси... Сопоставимъ развитый взглядъ на составъ эфировъ со взглядомъ франц. школы. Послѣдняя предполагаетъ, что эфиръ представляетъ соединеніе углеводорода и воды $= C_4H_8+H_2O$; обозначимъ C_4H_8 черезъ X *). По моему взгляду эфиръ есть $C_4H_{10}+O$; обозначимъ C_4H_{10} черезъ Ae; тогда:

Сѣрный эфиръ	$X+H_2O$	AeO
Щавелевый эфиръ	$XC_2O_3+H_2O$	$AeO.C_2O_3$
Кислый щавелевый эфиръ . . .	$X.2C_2O_3+2H_2O$	$AeO.C_2O_3+H_2O.C_2O_3$
Уксусный эфиръ	$X\overline{A}+H_2O$	$AeO\overline{A}$
Солянокислый эфиръ	$X+2HCl$	$AeCl_2$ **)

Это сравненіе показываетъ, что послѣдній взглядъ вполнѣ согласенъ съ тѣмъ отношеніемъ, котораго можно ждать отъ неорганической окиси, первый же выставляетъ аналогію съ соединеніями амміака... Но именно то обстоятельство, что приходится при этомъ считать углеводородъ гипотетическимъ носителемъ щелочности, дѣлаетъ это сравненіе слабымъ. Въ то время, какъ еще не удалось изолировать окиселъ $(NH_4)_2O$, въ эфирѣ мы какъ разъ имѣемъ такое тѣло, а потому то, что для солей аммонія (см.) остается пока наиболѣе вѣроятнымъ способомъ представленія, то для соединеній эфира является самою дѣйствительностью. Ниже мы будемъ разсматривать эфиръ какъ окись, и... будемъ называть содержащійся въ немъ радикалъ, согласно предложенію Либиха, этиломъ (отъ αἰθήρ—эфиръ и ὕλη—матерія); эфиръ, слѣдовательно, будетъ называться окисью Э.». Въ поясненіе предыдущаго необходимо добавить, что Берцеліусъ отрицалъ основныя свойства этилена, основываясь на наблюденіяхъ Либиха, по которому («Ann. d. Pharm.», IX, 8 [1834]) этиленъ, освобожденный съ помощью крѣпкой сѣрной кислоты отъ сопровождающихъ его обыкновенно паровъ спирта и эфира, не поглощается далѣе сѣрной кислотою. Какъ показалъ впослѣдствіи Бертело, а за нимъ и цѣлый рядъ другихъ изслѣдователей, наблюденіе Либиха было ошибочно, а потому и исходная точка отправленія Берцеліуса въ настоящее время не можетъ быть принята. Тѣмъ не менѣе всѣ наши современныя формулы органическихъ соединеній содержатъ гипотетическія группы, вполнѣ подобныя Э. Берцеліусу. Причина этого заключается въ томъ, что, согласно Жерару, мы продолжаемъ считать большинство химическихъ реакцій за реакціи двойного обмѣна, состоящаго въ перемѣщеніи «остатковъ», входящихъ въ составъ молекулъ реагирующихъ тѣлъ; а такъ какъ, кромѣ того, подъ вліяніемъ того же Жерара (см. Химическихъ типовъ теорію), мы считаемъ типичными только тѣ реакціи, которыя сопровождаются обмѣномъ одноатомныхъ остатковъ, т. е. остатковъ, соединенныхъ въ нашихъ формулахъ съ одноатомными (одноэквивалентными)

*) Объ относящихся сюда опытахъ Либиха см. ниже, равнымъ образомъ см. письма Либиха къ Берцеліусу („Berzelius u. Liebig. Ihre Briefe von 1831—1845 ...", 1893) отъ 26 ноября 1833 г. (l. c., 74) и 25 марта 1834 г. (l. c., 104). Въ послѣднемъ, сообщая объ опытахъ Реньо, получившаго при дѣйствіи щелочи на хлористый этиленъ — хлористый винилъ: $C_2H_4Cl_2+KOH=C_2H_3Cl+KCl+H_2O$, Либихъ пишетъ: „это доказываетъ, что въ маслѣ маслороднаго газа (т. е. въ $C_2H_4Cl_2$) заключается хлоръ въ двухъ видахъ, а потому представленіе Дюма, по которому это масло... есть C_4H_8+4Cl, совершенно (complètement) ложно". Письмо писано по-нѣмецки.

*) Теперь мы должны бы были написать вмѣсто C_4H_8 — $2C_2H_4$; формулы — $X.2C_2O_3+2H_2O$ и $X+2HCl$ — четырехобъемныя (см. Унитарная система, XXXIV, 813).

**) Въ формулахъ текста Берцеліусъ обозначаетъ число атомовъ кислорода точками (см. Формулы химическія, XXXVI, 296) и употребляетъ вмѣсто H_2 и C_2 перечеркнутые знаки этихъ элементовъ (см. Пай, XXII, 594, и Унитарная система, l. c.). Изъ приведенныхъ формулъ $AeO.C_2O_3+H_2O.C_2O_3$ и $AeCl_2$ — четырехобъемны, остальныя — двухобъемны; солянокислый эфиръ есть хлористый этилъ.

въ противорѣчіи съ толкованіемъ окисленія другихъ первичныхъ и вторичныхъ спиртовъ, даннымъ Кольбе (см. Замѣщеніе) и Эрленмейеромъ («Ann. Ch. Ph.», *139*, 219 (1866]), по которымъ окисленію подвергается водородъ углероднаго атома, соединеннаго съ гидроксиломъ; къ этому надо добавить, что съ тѣхъ поръ, какъ Е. Е. Вагнеръ («Къ реакціи окисленія предѣльныхъ углеродистыхъ соединеній», стр. 19) показалъ, что изобутиленъ, окисляясь какъ въ кислой, такъ и въ щелочной средѣ, даетъ изобутиленгликолъ, очевидно, что должны быть такія условія, въ которыхъ триметилкарбинолъ будетъ давать окисляясь (и притомъ сравнительно легко) или изомасляный алдегидъ, или изомасляную кислоту и продукты ея окисленія, т. е. «третичный» спиртъ не будетъ отличаться въ этомъ отношеніи отъ «первичнаго»—изобутиловаго спирта. Что же касается опытовъ Криваксина, то ближайшее изученіе его статьи показываетъ, что она полна недоразумѣній; не говоря уже о томъ, что полученіи монохлороуксусной кислоты мыслимо и при не симметричномъ строеніи монохлорогидрина, потому что въ условіяхъ опыта допустимо распаденіе послѣдняго на HCl и алдегидъ — $CH_3.COH$, которые, окисляясь далѣе, дадутъ уксусную кислоту и хлоръ, а, слѣдовательно, и монохлороуксусную кислоту, почему методъ, выбранный для рѣшенія вопроса, долженъ быть признанъ неудачнымъ; но, даже оставляя въ сторонѣ это обстоятельство, оказывается, что ему самой монохлороуксусной кислоты выдѣлить не удалось, а онъ ограничился опредѣленіемъ количества кристаллизаціонной воды въ баріевой соли, анализомъ ея (содержавшей по его признанію хлористый барій) на барій, качественной пробой на содержаніе въ соли хлора и анализомъ серебряной соли на серебро. Въ первомъ случаѣ имъ получено число 6,67% воды, что онъ считаетъ подходящимъ къ формулѣ монохлороуксуснаго барія $Ba(C_2H_2ClCO_2)_2 + H_2O$, требуюшей 5,26% воды, между тѣмъ какъ оно лучше подходитъ къ содержанію воды въ уксуснокисломъ баріи—$Ba(C_2H_3O_2)_2 + H_2O$, имѣющемъ 6,59% воды. Во второмъ, въ трехъ опредѣленіяхъ имъ получены для содержанія барія цифры: 45,79%, 45,35% и 45,80%, между тѣмъ какъ формула $Ba(C_2H_2ClO_2)_2$ требуетъ 42,28% барія; оказывается, однако, что 1) онъ высчиталъ изъ своихъ данныхъ невѣрныя числа и правильныя цифры будутъ: 45,23%, 44,79% и 44,96%, и 2) что онѣ очень хорошо подходятъ къ формулѣ уксуснокислаго барія $Ba(C_2H_3O_2)_2 + 3H_2O$, требующей—44,33% барія, а у Криваксина какъ разъ имѣлись подъ руками двѣ баріевыхъ соли. Наконецъ, только анализъ серебряной соли далъ ему % содержанія серебра, близкій къ формулѣ монохлороуксуснаго серебра; но свойства соли, ея легкая возстановляемость съ выдѣленіемъ металлическаго серебра, не подходятъ къ описанію монохлороуксуснаго серебра. Такимъ образомъ основанія, на которыхъ построена теорія, сомнительны и строеніе Э. должно быть въ настоящее время пересмотрѣно вновь; въ связи съ этимъ не удивительно, что цѣлый рядъ «аномальныхъ» реакцій, наблюдаемыхъ для галоидозамѣщенныхъ производныхъ Э., оказывается нормальнымъ при допущеніи асимметричнаго строенія Э. (ср. Горбовъ «Журн. Рус. Физ.-Хим. Общ.», *27*, 213 [1895]), содержащаго двуатомный углеродъ. Въ заключеніе замѣчу, что вопросъ о возможности принятія двуатомнаго углерода и о строеніи Э. и его гомологовъ разрабатывался въ послѣднее время Нефомъ въ цѣломъ рядѣ статей, а именно: «Liebig's Ann.», *270*, 267—334; *280*, 291—342; *287*, 265—359; *298*, 202—373; *308*, 329—332; *309*, 126—188; *310*, 316—334; *318*, 1—57 и 137—229.

А. И. Горбовъ.

причислено къ спиртамъ, чѣмъ диметилгидрокарбоноксидгидратъ (изопропиловый спиртъ), потому что въ силу состава оно (должно быть) лишено характерной способности окисленіемъ превращаться въ алдегидъ и отвѣчающую ему кислоту" (Kolbe, „Lehrb. d. org. Ch.", 1-й т., 569 [1854]).

Этиленъ-мочевина $C_2H_4(NH_2.CO.NH_2)_2$. Этиленъ-мочевина извѣстна въ видѣ иголъ, темп. плавл. 192°. Легко растворима въ кипящей водѣ, слабо растворима въ холодной водѣ; въ кипящемъ абсолютномъ спиртѣ растворяется слабо, въ эѳирѣ — нерастворима. Получается Э.-мочевина изъ солянокислаго Э.-диамина и ціанистаго серебра. Э.-мочевина растворяется въ кислотахъ, не вступая съ послѣдними въ соединеніе. Вступаетъ въ соединеніе съ газообразнымъ HCl. Это соединеніе въ водѣ растворимо. При дѣйствіи на слабые растворы Э.-мочевины кислыхъ растворовъ $HgNO_3$ выпадаетъ бѣлый хлопковидный осадокъ. Извѣстны хлороплатинаты и хлораураты Э.-мочевины. $(C_4H_{10}N_4O_2HCl)_2PtCl_4$—кристаллы темно-оранжеваго цвѣта, довольно хорошо растворимые въ холодной водѣ и трудно — въ спиртѣ. Хлорауратъ формулы — $C_4H_{10}N_4O_2HCl . AuCl_3$.

Н. Сумъ. Δ.

Этилиденъ — несуществующій углеводородъ, метилъ - метиленъ, изомеръ этилена—$CH . CH_3$. Э., какъ производное метилена CH_2, доказывалъ бы случаями своего образованія двуатомность углерода и необходимость принятія двуатомнаго углерода въ соединеніяхъ съ двойною связью. Равнымъ образомъ не существуютъ и продукты двойного замѣщенія метилена R — C — R. Доказательство несуществованія Э. дано было Эльтековымъ, который дѣйствовалъ при высокой температурѣ мѣдью на тіоалдегидъ—CH_3 CHS, для отнятія сѣры. При этомъ реакція всегда шла въ сторону образованія псевдобутилена, а не Э.: $2CH_3 . CHS + 4Cu = CH_3 . CH : CH . CH_3 + 2Cu_2S$.

Н. Сумъ. Δ.

Этилъ (хим.) — гипотетическій радикалъ (см.), введеніемъ котораго химія обязана главнымъ образомъ Берцеліусу и Либиху. Изложивъ въ своемъ учебникѣ («Lehrb. d. Ch.», 3-е изд., 8-й т., 1839) данныя, устанавливающія для «сѣрнаго» эфира формулу $C_4H_{10}O$ (ат. вѣса современные; формула совпадаетъ съ формулой текста), Берцеліусъ прибавляетъ (l. c., 188): «мнѣнія расходятся относительно того, какъ связаны между собою

эти составныя части... Такъ какъ представленіе, согласно которому спиртъ и эфиръ состоятъ изъ маслороднаго газа и воды (см. Этериновая теорія), даетъ правильное понятіе о процентномъ составѣ обоихъ тѣлъ, то естественно, что оно первое выдвинулось впередъ, и что до сихъ поръ ему слѣдуютъ почти всѣ представители французской школы. Но такъ какъ съ другой стороны мы имѣемъ основанія считать большое число органическихъ тѣлъ окислами сложныхъ радикаловъ..., то не послѣдовательно смотрѣть на эѳиръ, какъ на соединеніе маслороднаго газа съ водою. Если неоспоримо, что винная, уксусная и муравьиная кислоты представляютъ соединенія сложныхъ радикаловъ съ кислородомъ, то столь же правильно считать и эѳиръ аналогично образованнымъ». Приведя затѣмъ результаты работъ Дюма и Буллэ сына (см. Этериновая теорія), Берцеліусъ продолжаетъ (l. c., 190): «Такъ какъ опытами выяснено, что у маслороднаго газа совершенно отсутствуютъ основныя (щелочныя) свойства *), и показано, что онъ не соединяется ни съ водной сѣрной кислотой..., ни съ хлористымъ, ни съ бромистымъ водородомъ, то теорія, построенная на основныхъ свойствахъ маслороднаго газа является непріемлемой. А тогда представляется вопросъ, какъ должно разсматривать составъ эфира, который подобенъ основаніямъ (ср. Этериновая теорія)? Казалось, что нѣтъ ничего естественнѣе и проще, какъ допустить, что его составъ находится въ томъ же отношеніи къ составу неорганическихъ основаній, въ какомъ составъ органическихъ кислотъ стоитъ къ составу неорганическихъ, т. е. допустить, что онъ представляетъ окись радикала, сложеннаго изъ углерода и водорода, и что формула этой окиси можетъ быть передана выраженіемъ $C_4H_{10} + O$..., гдѣ на 2 атома радикала приходится 1 атомъ кислорода. Хотя эта окись не обладаетъ щелочной реакціей, она тѣмъ не менѣе обладаетъ способностью давать съ кислородными кислотами среднія и кислыя соединенія, обмѣнивать кислородъ на галоиды при взаимодѣйствіи съ галоидоводородными кислотами совершенно подобно неорганической окиси... Сопоставимъ развитый взглядъ на составъ эфировъ со взглядомъ франц. школы. Послѣдняя предполагаетъ, что эфиръ представляетъ соединеніе углеводорода и воды $= C_4H_8 + H_2O$; обозначимъ C_4H_8 черезъ X *). По моему взгляду эѳиръ есть $C_4H_{10} + O$; обозначимъ C_4H_{10} черезъ Ae; тогда:

Сѣрный эѳиръ	$X + H_2O$	AeO
Щавелевый эѳиръ	$XC_2O_3 + H_2O$	$AeO . C_2O_3$
Кислый щавелевый эѳиръ . . .	$X . 2C_2O_3 + 2H_2O$	$AeO . C_2O_3 + H_2O . C_2O_3$
Уксусный эѳиръ	$X\overline{A} + H_2O$	$AeO\overline{A}$
Солянокислый эѳиръ	$X + 2HCl$	$AeCl_2$ **)

Это сравненіе показываетъ, что послѣдній взглядъ вполнѣ согласенъ съ тѣмъ отношеніемъ, котораго можно ждать отъ неорганической окиси, первый же выставляетъ аналогію съ соединеніями амміака... Но именно то обстоятельство, что приходится при этомъ считать углеводородъ гипотетическимъ носителемъ щелочности, дѣлаетъ это сравненіе слабымъ. Въ то время, какъ еще не удалось изолировать окиселъ $(NH_4)_2O$, въ эѳирѣ мы какъ разъ имѣемъ такое тѣло, а потому то, что для солей аммонія (см.) остается пока наиболѣе вѣроятнымъ способомъ представленія, то для соединеній эфира является самою дѣйствительностью. Ниже мы будемъ разсматривать эфиръ какъ окись, и... будемъ называть содержащійся въ немъ радикалъ, согласно предложенію Либиха, этиломъ (отъ αἰθήρ— эфиръ и ὕλη—матерія); эфиръ, слѣдовательно, будетъ называться окисью Э.». Въ поясненіе предыдущаго необходимо добавить, что Берцеліусъ отрицалъ основныя свойства этилена, основываясь на наблюденіяхъ Либиха, по которому («Ann. d. Pharm.», IX, 8 [1834]) этиленъ, освобожденный съ помощью крѣпкой сѣрной кислоты отъ сопровождающихъ его обыкновенно паровъ спирта и эфира, не поглощается далѣе сѣрной кислотою. Какъ показалъ впослѣдствіи Бертело, а за нимъ и цѣлый рядъ другихъ изслѣдователей, наблюденіе Либиха было ошибочно, а потому и исходная точка отправленія Берцеліуса въ настоящее время не можетъ быть принята. Тѣмъ не менѣе всѣ наши современныя формулы органическихъ соединеній содержатъ гипотетическія группы, вполнѣ подобныя Э. Берцеліусу. Причина этого заключается въ томъ, что, согласно Жерару, мы продолжаемъ считать большинство химическихъ реакцій за реакціи двойного обмѣна, состоящаго въ перемѣщеніи «остатковъ», входящихъ въ составъ молекулъ реагирующихъ тѣлъ; а такъ какъ, кромѣ того, подъ вліяніемъ того же Жерара (см. Химическихъ типовъ теорію), мы считаемъ типичными только тѣ реакціи, которыя сопровождаются обмѣномъ одноатомныхъ остатковъ, т. е. остатковъ, соединенныхъ въ нашихъ формулахъ съ одноатомными (одноэквивалентными)

*) Объ относящихся сюда опытахъ Либиха см. ниже, равнымъ образомъ см. письма Либиха къ Берцеліусу („Berzelius u. Liebig. Ihre Briefe von 1831—1845 etc.", 1893) отъ 26 ноября 1833 г. (l. c., 74) и 25 марта 1835 г. (l. c., 104). Въ послѣднемъ, сообщая объ опытахъ Реньо, получившаго при дѣйствіи щелочи на хлористый этиленъ—хлористый винилъ: $C_2H_4Cl_2 + KOH = C_2H_3Cl + KCl + H_2O$, Либихъ пишетъ: „это доказываетъ, что въ маслѣ маслороднаго газа (т. е. въ $C_2H_4Cl_2$) заключается хлоръ въ двухъ видахъ, а потому представленіе Дюма, по которому это масло .. есть C_4H_8+4Cl, совершенно (complètement) ложно". Письмо писано по-нѣмецки.

*) Теперь мы должны бы были написать вмѣсто C_4H_8 — $2C_2H_4$; формулы—$X. 2C_2O_3 + 2H_2O$ и $X + 2HCl$— четырехобъемныя (см. Унитарная система, XXXIV, 813).

**) Въ формулахъ текста Берцеліусъ обозначаетъ число атомовъ кислорода точками (см. Формулы химическія, XXXVI, 296) и употребляетъ вмѣсто H_2 и C_2 перечеркнутые знаки этихъ элементовъ (см. Пай, XXII, 594, и Унитарная система, l. c.). Изъ приведенныхъ формулъ $AeO . C_2O_3 + H_2O . C_2O_3$ и $AeCl_2$ — четырехобъемны, остальныя — двухобъемны; солянокислый эфиръ есть хлористый этилъ.

Этилъ-уретанъ, $C_2H_5O.CO.NH_2$.—Э.-уретанъ—этиловый эѳиръ карбаминовой кислоты, твердое тѣло, темп. плавл. 44°, темп. кип. 180°. При дѣйствіи воды разлагается на углекислоту, аммiакъ и этиловый спиртъ. При дѣйствіи аммiака или замѣщенныхъ аммонiевъ даетъ мочевину. Впервые Э.-уретанъ былъ полученъ въ 1833 г. Дюма дѣйствіемъ аммiака на хлороугольный эфиръ. Кромѣ этого, онъ можетъ еще получаться при дѣйствіи этиловаго спирта на ціановую кисл.: $CNHO + C_2H_5(OH) = C_2H_5O.CO.NH_2$. Э.-уретанъ способенъ давать продукты конденсаціи съ алдегидами, при чемъ кислородъ алдегида замѣщается двумя частицами (остатками) уретана, съ выдѣленіемъ воды. Общій типъ подобныхъ продуктовъ уплотненія: для Э.-уретана слѣдующій: $R.CH.(NH.CO.OC_2H_5)_2$.

Н. Сумъ. Δ.

Этимологія—грамм. терминъ (отъ греч. ἔτυμος—истинный, вѣрный и λογία—ученіе, наука), имѣющій два значенія. Въ терминологіи школьной грамматики Э. называютъ отдѣлъ грамматики, вмѣщающій въ себѣ главныя фонетическія правила и ученіе о словообразованіи (главнымъ образомъ о флексіи: склоненіи и спряженіи). Въ этомъ смыслѣ Э. противополагается ученію о предложеніи (простомъ и сложномъ) и его членахъ, называемому обыкновенно *синтаксисомъ*. Въ научномъ языкознаніи подъ именемъ Э. разумѣется правильное, согласное съ требованіями науки опредѣленіе происхожденія слова и его родственныхъ отношеній къ другимъ словамъ того же самаго или другихъ языковъ. Для краткости нерѣдко Э. называютъ прямо происхожденіе слова, указывая, напр., что Э. его темна или, наоборотъ, вполнѣ ясна и т. д. Научный характеръ эта послѣдняя Э. пріобрѣла лишь недавно, съ успѣхами сравнительнаго языкознанія и главнымъ образомъ фонетики, позволившими сближать между собою формы, на видъ ничего общаго между собою не имѣющія. Такъ, только послѣ того какъ сравнительная фонетика выработала ученіе о такъ назыв. носовыхъ сонантахъ, явилась возможность возводить отрицательные префиксы греч. ἀ- и герман. *un-* къ одному общему источнику *n*, или n слогообразующему. Особыя заслуги по разработкѣ Э. индоевропейскихъ языковъ стяжалъ себѣ Поттъ (см.), авторъ знаменитаго труда: «Etymologische Forschungen auf dem Gebiete der Indogermanischen Sprachen mit besonderem Bezug auf die Lautumwandlung im Sanskrit, Griechischen, Lateinischen, Litauischen und Gotischen» (Лемго, 1833—36; второе изданіе, цѣликомъ переработанное и весьма расширенное, вышло въ Детмольдѣ, въ 1859—76 гг.). Въ этомъ трудѣ этимологизація, основывавшаяся прежде на бросающемся въ глаза внѣшнемъ сходствѣ (иногда лишь случайномъ), впервые была поставлена на твердую почву фонетическихъ законовъ и пріобрѣла желательную точность, чуждую произвола. Другимъ замѣчательнымъ ученымъ, много сдѣлавшимъ для индоевропейской этимологіи, былъ А. Фикъ (см.), авторъ сравнительно-этимологическаго словаря индоевропейскихъ языковъ: «Vergleichendes Wörterbuch der indogerm. Sprachen» (1874—76), выдержавшаго уже 4 изданія, и множества отдѣльныхъ этимологическихъ статей въ разныхъ лингвистическихъ журналахъ.

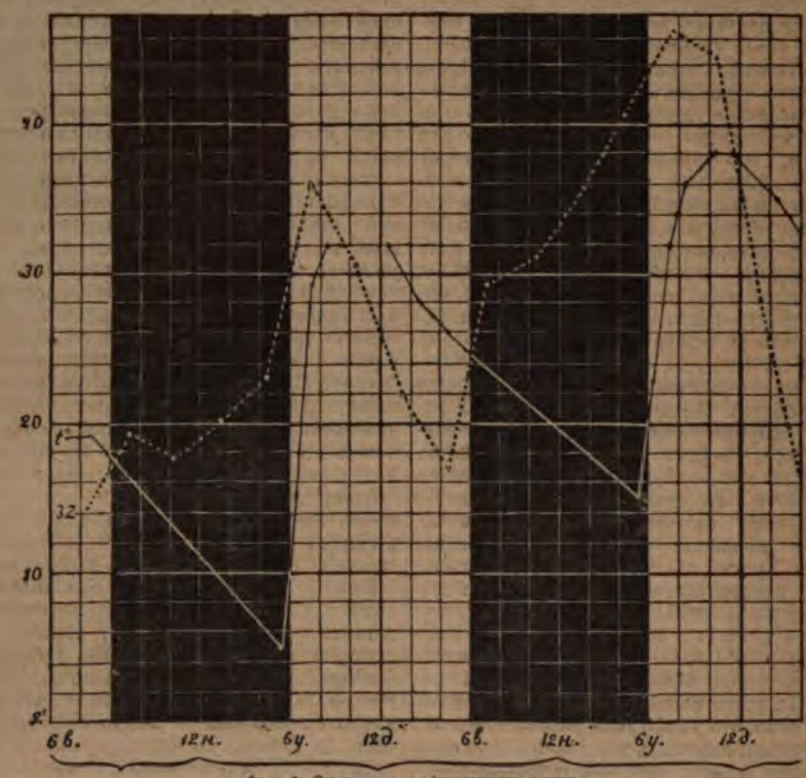
Этимологія народная, или *народное словопроизводство* (грамм.).—Подъ этимъ терминомъ разумѣется одинъ изъ психическихъ процессовъ языка, близко родственный такъ называемой морфологической ассимиляціи (см.) и состоящій въ сближеніи такихъ словъ, которыя первично были совершенно чужды другъ къ другу. Подъ вліяніемъ такого сближенія измѣняется или внѣшняя форма слова, или его значеніе. Въ первомъ случаѣ мы имѣемъ двѣ разновидности: А) слово измѣняется по образцу одного или нѣсколькихъ похожихъ словъ, хотя бы и не имѣющихъ съ нимъ ничего общаго ни по происхожденію, ни по значенію (по терминологіи польскаго ученаго Я. Карловича, занимавшагося народной Э., такъ назыв. *ассонація*, т. е. чисто внѣшнее приспособленіе одного слова другому въ звуковомъ отношеніи). Особенно часто этотъ видъ народной Э. замѣчается у иностранныхъ словъ, непонятныхъ по своему значенію и непривычныхъ по формѣ. Такъ, иностранное слово *адмиралтейство* передѣлывается простолюдиномъ въ *ад-мир-атечество* (какъ бы: *адъ + миръ + отечество*); иностранное слово *рекрутъ* измѣняется въ *нéкрутъ* (какъ бы *не+крутъ*, ср. аналогичныя природныя слова: *нéучъ*, *нéтель*, *нéслухъ* и т. д.); имя города *Лиссабона* въ устахъ простолюдина превращается въ *Лисадонъ* (какъ бы лиса+Донъ); греч. слово ἀσβέστης даетъ въ концѣ концовъ *известь* (по типу сложныхъ словъ съ предлогомъ *из-*); имя *Экзакустодіанъ* передѣлывается народомъ въ *изъ-за-куста дьяволъ*, фамилія генерала *Бреверпъ де-ла-Гарди*—въ *бревно для гвардіи*, названіе помѣщичьей усадьбы *Бельвю*—въ *бѣльмо* и т. д. Вторая разновидность: Б) слово измѣняется по образцу другого слова, похожаго по звукамъ и близкаго по значенію (по терминологіи Карловича—*аррадикація*, т. е. приспособленіе къ группѣ словъ съ извѣстнымъ опредѣленнымъ корнемъ [radix], имѣющимъ опредѣленное значеніе). Такой передѣлкѣ также особенно часто подвергаются иностранныя слова. Напр., англ. *пиджакъ* превращается у насъ въ *спинжакъ* (носится на *спинѣ*), фр. *бульваръ*—въ *гульбаръ* (ибо на немъ происходитъ *гульба*), фр. *палисадникъ*—въ *полусадникъ*, *полусадъ* (не *садъ*, а что-то въ родѣ сада). У нѣмцевъ Бисмарка въ шутку называли Baisse-mark (понижатель курса марокъ), а Jesuiter (іезуиты) превращаются въ Jesuwider (противники Христа) и т. д. Случай, когда измѣняется не само слово, а только его значеніе, въ замѣнъ котораго заимствуется значеніе слова, похожаго по звукамъ, Карловичъ называетъ *адъидеаціей*. Здѣсь мы имѣемъ пріуроченіе слова къ чуждой ему первично *идеѣ*, значенію, навязанному ему отъ другого слова, похожаго на первое лишь внѣшнимъ образомъ. Такъ, франц. слово *колики* (colique) мы сближаемъ со словомъ *колоть*. Въ XVII вѣкѣ утверждалось, что Мартынъ Лютеръ названъ такъ потому, что проповѣдывалъ *лютую* ересь. Въ 1812 г. имена

іодистый Э., пропущенный черезъ трубку, нагрѣтую до температуры краснаго каленія, разлагается на водородъ, этиленъ, іодистый этиленъ и свободный іодъ. Хромовая кислота окисляетъ іодистый Э., при чемъ образуется свободный іодъ и уксусная кислота. Замѣчательно для іодистаго Э. отношеніе къ ртути, такъ какъ реакція здѣсь зависитъ отъ свѣтовыхъ условій—на прямомъ свѣту реакція идетъ слѣдующимъ образомъ: $2C_2H_5J + Hg = HgJ_2 + C_2H_4 + C_2H_6$. На разсѣянномъ же свѣту образуется соединеніе такого состава C_2H_5HgJ. Для іодистаго Э. является въ высшей степени характернымъ его отношеніе ко многимъ, преимущественно тяжелымъ металламъ. Многіе металлы соединяются съ іодистымъ этиломъ на холоду или на прямомъ солнечномъ свѣту. Реакціи эти происходятъ болѣе или менѣе легко. При этомъ металлъ соединяется частью съ іодомъ, частью съ радикаломъ. Очень часто образовавшіяся металлоорганическія соединенія присоединяютъ къ себѣ іодъ или неразложившійся еще іодистый Э. и образуютъ новыя, болѣе сложныя соединенія. *Н. Сум.* Δ.

Этилъ хлористый $CH_3 . CH_2Cl$.—Хлористый Э. представляетъ жидкость, темпер. кип. 12,5°, D_0=0,9214. Въ водѣ слабо растворимъ. Въ спиртѣ растворяется во всѣхъ отношеніяхъ. Легко загорается. Зажженный, горитъ зеленоватымъ пламенемъ, съ выдѣленіемъ HCl. Извѣстны слѣдующіе способы образованія хлористаго Э.: 1) при дѣйствіи HCl на этиловый спиртъ, по уравненію: $C_2H_5OH + HCl = C_2H_5Cl + H_2O$; 2) при дѣйствіи хлора на этанъ; 3) при дѣйствіи PCl_5 на калійную соль этило-сѣрной кислоты; 4) при дѣйствіи PCl_5 на этиловый спиртъ, по уравненію: $PCl_5 + C_2H_5OH = C_2H_5Cl + POCl_3 + HCl$; 5) при дѣйствіи HCl на уксусно-этиловый эѳиръ, по уравненію: $C_2H_3O . O . C_2H_5 + HCl = C_2H_5Cl + C_2H_4O_2$; 6) разложеніе хлоръ-муравьино-этиловаго эѳира, въ присутствіи хлористаго алюминія: $CClO_2C_2H_5 = C_2H_5Cl + CO_2$; 7) при дѣйствіи на этиловый спиртъ хлористой сѣры, а также многихъ хлористыхъ металловъ, напр., $SbCl_3$, $SnCl_2$, $FeCl_3$, $BiCl_3$, $AlCl_3$ и др. На практикѣ, въ лабораторіяхъ, хлористый Э. получаютъ однимъ изъ слѣдующихъ двухъ способовъ. Насыщаютъ, при охлажденіи, газообразнымъ HCl растворъ 1 ч. $ZnCl_2$ въ 2 ч. 95° этиловаго спирта. По насыщеніи, смѣсь нагрѣваютъ. Выдѣлившійся слой C_2H_5Cl отдѣляютъ отъ остальной массы, промываютъ водою и крѣпкой сѣрной кислотой и, послѣ высушиванія зерненымъ хлористымъ кальціемъ, перегоняютъ. Или же нагрѣваютъ смѣсь 1 ч. этиловаго спирта съ 2 ч. хлористо-водородной кислоты. Образовавшійся хлористый Э. обрабатываютъ такъ же, какъ въ предыдущемъ случаѣ. Хлористый этилъ служитъ растворителемъ для многихъ веществъ: растворяетъ сѣру, фосфоръ, резину, многія тяжелыя масла и т. д. При дѣйствіи на хлористый Э. сѣрнаго ангидрида, образуются слѣдующія соединенія: $C_2H_5.O.SO_2.Cl$; $CH_2.Cl.CH_2.SO_2.OH$; $CH_2(OH)CH_2.SO_2.Cl$(!). Сѣрная кислота разлагаетъ хлористый Э., если реакція идетъ при нагрѣваніи. Хлористый Э. при обыкновенныхъ условіяхъ не осаждаетъ металловъ изъ растворовъ солей серебра и ртути, но та же реакція протекаетъ весьма легко въ запаянныхъ трубкахъ, при темпер. 100°. При дѣйствіи NH_3 на хлористый Э. образуется хлоръ-гидратъ этиламина. Спиртовое ѣдкое кали, въ запаянныхъ трубкахъ, дѣйствуетъ на хлористый Э. подобно алкоголятамъ, при чемъ въ результатѣ реакціи является образованіе этиловаго эѳира. Хлористый Э. служитъ исходнымъ веществомъ для полученія меркаптановъ. При дѣйствіи хлористаго Э. на сѣрнистый калій въ спиртовомъ растворѣ, образуется этилмеркаптанъ $C_2H_5Cl + KHS = C_2H_5HS + KCl$. При пропускaніи паровъ хлористаго Э. надъ раскаленной известью, при температурѣ краснаго каленія, онъ разлагается съ образованіемъ уксусной кислоты, метана и водорода. При дѣйствіи ѣдкаго натра на хлористый Э. образуется натровая соль уксусной кислоты: $C_2H_5Cl + 2NaOH = C_2H_3NaO_2 + NaCl + H_4$. Реакція можетъ пойти и дальше: $C_2H_3NaO_2 + NaOH = Na_2CO_3 + CH_4$. Хлористый Э., нагрѣтый въ запаянной трубкѣ съ водою до 100°, переходитъ въ этиловый спиртъ. При дѣйствіи хлора на хлористый Э., на яркомъ солнечномъ свѣту, образуются высшіе продукты охлоренія этана. Для хлористаго Э. извѣстны бромо- и хлоро- производныя, въ которыхъ галоидъ замѣщаетъ водородные атомы въ углеводородной цѣпи. Извѣстно соединеніе C_2H_5Cl съ сѣрнистымъ водородомъ такого состава: $C_2H_5Cl . 2H_2S . 23H_2O$. Такъ какъ галоидныя производныя предѣльныхъ углеводородовъ способны обмѣнивать свои галоидные атомы на другіе галоидные атомы, при чемъ всегда болѣе энергичный галоидъ вытѣсняетъ менѣе энергичный, то отъ хлористаго Э., нагрѣваніемъ его съ іодистымъ натріемъ въ спиртовомъ растворѣ, можно перейти къ іодистому Э. То же можетъ быть достигнуто нагрѣваніемъ хлористаго Э. съ іодистымъ каліемъ, съ сухимъ іодистымъ кальціемъ или съ дымящей іодистоводородной кислотой. Хлористый Э. употребляется въ медицинѣ въ качествѣ анэстезирующаго вещества. Кромѣ этого, его употребляютъ внутрь при катарральныхъ заболѣваніяхъ. Вслѣдствіе своей летучести, хлористый Э. употребляется на половину въ смѣси со спиртомъ. *Н. Сум.* Δ.

Этилъ-метилъ-ацетиленъ $C_2H_5 . C \vdots C . CH_3$.—Э.-метилъ-ацетиленъ представляетъ жидкость, темп. кип. 55,5° — 56°. Извѣстны слѣдующіе способы полученія Э.-метилъ-ацетилена: нагрѣваютъ пропилъ-ацетиленъ, дихлоръ- пропилъ - метилъ-кетонъ $C_3H_7CCl_2CH_3$ или дихлоръ- діэтилъ- кетонъ $C_2H_5CCl_2C_2H_5$ съ спиртовымъ ѣдкимъ кали до 170°. Э.-метилъ-ацетиленъ не возстановляетъ аммiачныхъ растворовъ серебра и закиси мѣди. При окисленіи хромовой кислотой въ запаянной трубкѣ даетъ пропіоновую и уксусную кислоты. При обработкѣ слабой сѣрной кислотой переходитъ въ метилъ-пропилъ-кетонъ. Нагрѣваніемъ съ металлическимъ натріемъ до 100° превращается въ пропилъ-ацетиленъ $C_3H_7 . C \vdots CH$. *Н. Сум.* Δ.

Выросшія въ темнотѣ растенія отличаются отъ нормальныхъ растеній не только скоростью роста, но и всѣмъ своимъ внѣшнимъ видомъ, а также анатомическимъ строеніемъ, и называются этіолированными. Листья этіолированныхъ растеній желтаго (крайне рѣдко почти бѣлаго), стебли же всегда бѣлаго цвѣта. Форма этіолированныхъ растеній очень разнообразна. Растенія, не дающія въ темнотѣ стеблей, образуютъ въ темнотѣ листья значительно длиннѣе, чѣмъ на свѣтѣ. Примѣромъ могутъ служить молодые ростки пшеницы или ржи. Если растенія въ темнотѣ образуютъ стебли, то въ этомъ случаѣ междоузлія ихъ почти всегда значительно длиннѣе, чѣмъ на свѣтѣ. Листья же такихъ растеній въ темнотѣ не развиваются и остаются въ зачаточномъ состояніи. Примѣромъ такихъ растеній могутъ служить

Фиг. 1. Суточная періодичность роста.

Фиг. 2. Прорастаніе фасоли. *A*—въ темнотѣ, *B*—на свѣтѣ.

горохъ, бобы, фасоль. На 2-ой фигурѣ видна рѣзкая разница между фасолью, выросшею на свѣтѣ (*B*) и фасолью, выросшею въ темнотѣ *A*). Многія нормально безстебельныя растенія съ листьями, расположенными на землѣ въ видѣ розетки, какъ напр. маргаритка, въ темнотѣ даютъ хорошо развитые стебли съ сидящими на нихъ по спирали листьями. Растенія съ недоразвитыми листьями также сильно измѣняютъ свою форму въ темнотѣ. Такъ, Phyllocactus, дающій при нормальныхъ условіяхъ плоскіе листовидные побѣги, въ темнотѣ вытягивается въ узкій совершенно круглый стержень. Не только зеленыя растенія, питаніе которыхъ зависитъ отъ свѣта, измѣняютъ свою форму въ темнотѣ, но также и лишенныя хлорофилла низшія растенія, какъ напримѣръ, грибы. Pilobolus въ темнотѣ даетъ очень длинные спороносцы съ неразвитыми спорами. Если полное отсутствіе свѣта превращаетъ нормальныя растенія въ этіолированныя, то при развитіи въ слабомъ освѣщеніи получаются формы, переходныя отъ нормальныхъ къ этіолированнымъ. Нѣкоторыя особенности внѣшняго вида нормальныхъ растеній, входящія даже въ число систематическихъ признаковъ, объясняются временнымъ недостаткомъ свѣта. Напримѣръ, листья Campanula rotundifolia двоякаго рода. Нижніе прикорневые листья имѣютъ почковидныя листовыя пластинки, сидящія на длинныхъ черешкахъ. Эти листья образуются при недостаткѣ свѣта въ тѣни окружающихъ растеній. Напротивъ, хорошо освѣщаемый стебель покрытъ сильно вытянутыми листьями. Если же такое растеніе помѣстить на очень слабомъ свѣтѣ, то вмѣсто длинныхъ листьевъ боковыя почки, находящіяся въ верхнихъ частяхъ стебля, начинаютъ образовывать почковидные листья, при нормальныхъ условіяхъ образующіеся только при основаніи стебля. По анатомическому строенію этіолированныя растенія сильно отличаются отъ нормальныхъ. Въ темнотѣ преобладаетъ развитіе паренхимныхъ клѣтокъ съ тонкими оболочками. Кожица образуется со слабо развитою кутикулой. Величина и число сосудистыхъ пучковъ уменьшаются. Не только при полномъ отсутствіи свѣта, но даже при недостаткѣ его получаются растенія съ анатомическимъ строеніемъ, напоминающимъ строеніе этіолированныхъ растеній. Напримѣръ, на 3-ей фигурѣ видна разница какъ въ толщинѣ, такъ и въ строеніи листьевъ земляники, выросшихъ на яркомъ солнечномъ свѣтѣ и въ тѣни. Полеганіе хлѣбовъ, приписывавшееся ранѣе агрономами недостатку кремнія въ почвѣ, въ дѣйствительности является слѣдствіемъ недостатка свѣта отъ излишней густоты посѣва. Стебли полегшаго хлѣба длинны и тонки. Ихъ анатомическое строеніе имѣетъ всѣ особенности строенія этіолированныхъ стеблей (фиг. 4). Въ нормальныхъ стебляхъ мы видимъ мелкія клѣтки съ толстыми оболочками, въ полегшихъ же стебляхъ, такъ же какъ и въ стебляхъ, выросшихъ при недостаткѣ свѣта, клѣтки очень крупны, съ тонкими оболочками. Понятно, что такіе стебли не въ состояніи выдержать тяжести колоса. Этіолированныя растенія отличаются отъ нормальныхъ также и по своему химическому составу. Такъ, этіолированныя растенія бѣднѣе золой, чѣмъ зеленыя. Напримѣръ, въ 1000 вѣсовыхъ частяхъ сухого вещества растеній (гороха) находилось:

	Всей золы	K_2O	Na_2O	CaO	MgO	Fe_2O_3	P_2O_5	SO_3
Зеленыхъ	127,7	48,5	1,1	32,1	10,2	0,9	16,7	16,4
Этіолированныхъ . .	101,1	44,9	1,4	12,4	6,7	2,1	20,5	13,1

Фиг. 3. Поперечный разрѣзъ черезъ листья земляники. *C* — выросшій на солнечн. свѣтѣ, *T* — выросшій въ тѣни.

Этіолированныя растенія гораздо богаче водой, чѣмъ зеленыя. По содержанію углеводовъ и бѣлковыхъ веществъ листья этіолированныхъ растеній распадаются на двѣ группы. Листья однихъ растеній (пшеница) содержатъ въ себѣ мало бѣлковыхъ веществъ и довольно много углеводовъ. Листья же другихъ растеній (бобы очень богаты бѣлковыми веществами, но совсѣмъ не содержатъ углеводовъ (за исключеніемъ ничтожнаго количества крахмала въ устьичныхъ клѣткахъ. Такъ, изъ 100 частей свѣжаго вещества на долю бѣлковъ приходится:

Въ зеленыхъ	листьяхъ	пшеницы .	1,99
» этіолиров.	»	» . .	1,28
» зеленыхъ	»	бобовъ .	4 95
» этіолиров.	»	» . .	8,38

Не всѣ лучи солнечнаго спектра одинаково необходимы для полученія нормальныхъ растеній. Наиболѣе необходимы лучи второй половины спектра, т. е. синіе и фіолетовые лучи. Лучи первой половины спектра, имѣющіе такое важное значеніе для питанія зеленыхъ растеній, значительно менѣе нужны для правильнаго роста. Изъ нихъ желтые лучи на ростъ не оказываютъ никакого вліянія. Относительно причинъ, вызывающихъ особенности въ формѣ этіолированныхъ растеній, высказываются различныя мнѣнія. Несомнѣнно, что та или иная фо ма этіолированнаго растенія является результатомъ дѣйствія нѣсколькихъ причинъ, при чемъ у одного растенія можетъ преобладать одна причина, у другого—другая. Принимая во вниманіе, что этіолированныя растенія въ темнотѣ испаряютъ значительно менѣе воды, чѣмъ зеленыя на солнечномъ свѣтѣ, и что ослабленное испареніе даже въ отсутствіи свѣта сильно вліяетъ на форму и строеніе растеній, необходимо прин ть, что слабое

испареніе одна изъ главныхъ причинъ, отъ которыхъ зависитъ форма этіолированныхъ растеній. Въ отсутствіи свѣта прекращается также цѣлый рядъ синтетическихъ процессовъ, для которыхъ свѣтъ необходимъ. Такъ, прекращается процессъ усвоенія углерода и образованія углеводовъ. Синтетическую, или, говоря шире, химическую дѣятельность свѣта въ зрастеніяхъ нельзя сводить только на образованіе углеводовъ. Въ то время какъ для образованія углеводовъ необходимы главнымъ образомъ красные лучи спектра, лежащіе между фраунгоферовыми линіями *B* и *C*, для правильнаго роста и правильной формы растеній необходимы лучи второй половины спектра. Эти лучи поглощаются растеніями очень энергично. Такъ, въ весенній солнечный день при интенсивности синефіолетовыхъ лучей дневного свѣта въ 0,666, въ тѣни пихты эта интенсивность равнялась только 0,021. Надо полагать, что эти лучи расходуются не только на испареніе, или приготовленіе углеводовъ. По всѣмъ вѣроятіямъ они вызываютъ въ растеніяхъ еще какія-либо важныя химическія реакціи, отражающіяся на и ъ ростѣ и внѣшнемъ видѣ. Э. растеній, имѣющее важное теоретическое значеніе, примѣняется также и на практикѣ, именно въ огородничествѣ. Употребляемая въ пищу спаржа не что иное, какъ этіолированные стебли съ зачаточными листьями на вершинѣ. Обрзающіеся на свѣтѣ стебли зеленаго цвѣта и содержатъ много древесины. Для полученія сочныхъ этіолированныхъ стеблей надъ корневищемъ спаржи насыпается толстый слой земли, въ которомъ въ отсутствіи свѣта и получаются такіе стебли. Чтобы получить вполнѣ бѣлый кочанъ цвѣтной капусты, прекращаютъ къ нему доступъ свѣта, связывая надъ нимъ въ пучекъ окружающіе его зеленые листья. Въ кочнахъ обыкновенной капусты наружные листья зеленаго цвѣта, внутренніе же, лишенные свѣта, бѣлаго цвѣта. Вообще отбѣлка овощей (полученіе этіолированныхъ растеній) практикуется въ огородничествѣ въ довольно широкихъ размѣрахъ.

В. Палладинъ.

Этіоновая кислота— $OHSO_2OCH_2CH_2(HSO_3)$—относится къ спиртосульфокислотамъ. Образуется вмѣстѣ съ изэтіоновой кислотой при дѣйствіи сѣрнаго ангидрида на абсолютный алкоголь или эфиръ, а также при соединеніи карбилъсульфата

$$\begin{matrix} CH_2—OSO_2 \\ | \\ CH_2 — SO_2 \end{matrix} > O$$

съ водой. Получается этіоновая кислота изъ хлорангидрида ея $Cl.SO_2O.C_2H_4(HSO_3)$ при дѣйствіи на него воды (хлорангидридъ же Э. кислоты получается при насыщеніи хлористаго сульфоксила $SO_2(OH)Cl$ — этиленомъ C_2H_4). Свободная Э. кислота неизвѣстна, такъ какъ быстро распадается на сѣрную и изэтіоновую кислоты. Соли постояннѣе самой кислоты; онѣ кристаллизуются плохо и разлагаются при кипяченіи. $Na_2C_2H_4S_2O_7+H_2O$, $K_2C_2H_4S_2O_7+{}^1/_2H_2O$, $BaC_2H_4S_2O_7$—послѣдняя соль растворима въ 20 частяхъ воды; изъ водныхъ растворовъ она выпадаетъ при прибавленіи небольшого количества спирта, въ чемъ заключается ея отличіе отъ баріевой соли изэтіоновой кислоты. *А. Кремлевъ. Δ.*

Фиг. 4. Поперечные разрѣзы черезъ стебля ржи. *А* — полегшій стебель, *В*—нормальный.

Этлингенъ (Ettlingen) — гор. въ вел. герц. Баденскомъ, въ 7 км. южнѣе Карлсруэ, при входѣ въ долину рѣки Альбъ (прит. Рейна). 8040 жит. (2099 лютеранъ, 70 евреевъ). Княжескій замокъ, построенный въ 1728—1733 гг. Разведеніе табаку, дрожжей, овощей; винодѣліе; 3 бумажныя фабрики, хлопчатобумажная фабрика (1200 рабочихъ, 30000 веретенъ), красильня, бѣлильня, фабрики аппретурная, пергаментная, бархатная, заводъ искусственныхъ удобреній, два уксусныхъ завода. Въ древнія времена (788) Э. упоминается

подъ именемъ Эдинингомъ (Ediningom). Оттонъ I утвердилъ патронатъ надъ Э. за монастыремъ Вейсенбургъ. Въ 1227 г. Э. перешелъ къ Бадену, маркграфы котораго временно уступали свои права монастырю Лихтенталь. Въ концѣ XVII в., во время войны съ французами, Э. былъ разрушенъ, но потомъ снова выстроенъ. Во время войны за испанское наслѣдство отъ Э. до Рейна была протянута такъ назыв. Этлингенская линія укрѣпленій. При Э. 9 и 10 іюля 1796 г. Моро былъ побѣжденъ эрцгерцогомъ Карломъ. Ср. Schwarz, «Geschichte der Stadt E.» (Карлсруэ, 1900).

Этмоидальная кость—см. Рѣшетчатая кость.

Этмоидальная область или *носо-Э. область*—часть первичнаго черепа (см.) позвоночныхъ, образованная сростаніемъ переднихъ частей черепныхъ трабекулъ (см. Черепъ). Въ этой области развивается потомъ Э. кость (или рѣшетчатая кость), а по бокамъ ея носовыя капсулы.

Этмоидальныя раковины—(ethmoturbinalia) — придатки этмоидальной или рѣшетчатой кости млекопитающихъ, служащіе для увеличенія поверхности обонятельной полости. Э. раковины сидятъ на внутренней поверхности наружной пластинки рѣшетчатой кости и направлены къ средней ея пластинкѣ, образующей носовую перегородку. Онѣ подпираютъ обонятельные валики и завитки ихъ располагаются обыкновенно параллельно небу. Отличаютъ такія раковины, коихъ завитки, вслѣдствіе большого протяженія базальной части раковины, лежатъ ближе къ срединной части (endoturbinalia), и такія, которыхъ завитки, вслѣдствіе меньшаго развитія базальной части, лежатъ болѣе кнаружи (ectoturbinalia). Число первыхъ варьируетъ около пяти (сумчатыя, насѣкомоядныя), возростая иногда до 8 (копытныя) или уменьшаясь до 2 (приматы). Также варьируютъ и endoturbinalia. Иногда у близко стоящихъ формъ Э. раковины то развиты (эхидна), то редуцированы (утконосъ). Наиболѣе слабо онѣ развиты у приматовъ и водныхъ млекопитающихъ, какъ китообразныя и ластоногія.

В. М. Ш.

Этмоидъ (ethmoideum)—кость, развивающаяся въ этмоидальной области. Въ отличіе отъ парныхъ костей, развивающихся въ той же области и называемыхъ praefrontalia, s. ethmoidea lateralia эту кость называютъ среднимъ Э. (ethmoidale medium s. mesoethmoideum). Послѣднія несутъ у низшихъ позвоночныхъ отверстія для обонятельнаго нерва. Всѣ три кости развиваются у костистыхъ рыбъ. Кость, развивающаяся въ Э. области у безхвостыхъ амфибій (sphenoethmoideum, os en ceinture Кювье),—представляетъ не Э., выраженный между амфибіями только у Gymnophiona, а слитыя orbitosphenoidea. Э. отсутствуетъ у рептилій, а у птицъ онъ образуетъ межглазничную перегородку и, вѣроятно, слитъ съ praefrontalia. Вопреки прежнему мнѣнію, послѣднія не участвуютъ въ образованіи рѣшетчатой (см.) кости млекопитающихъ, образованной однимъ Э. Praefrontalia у млекопитающихъ, повидимому, вовсе не залагаются.

В. М. Ш.

Этмоцефалія—см. Циклоцефалія.

Этна (Aetna, итал. Etna и Mongibello)—самый высокій вулканъ въ Европѣ, поднимается террасообразно въ видѣ изолированнаго конуса на равнинѣ Катаніи въ сѣверо-восточной части Сициліи. Высота 3274 м. Окружность въ подошвѣ 130 км. Съ южной и западной стороны отдѣляется отъ сосѣдней равнины глубокими долинами рр. Алькантара и Симето. На высотѣ 3000 м. находится плато Пьяно дель Лаго—3 км. въ діаметрѣ; надъ этимъ плато высится еще на 300 м. конусообразная вершина Э. На южной сторонѣ Пьяно дель Лаго находится построенный на средства англичанъ изслѣдователемъ Э. Джемелларо въ 1811 г. такъ назыв. «англійскій домъ» (Каза Инглезе, на выс. 2942 м.), служащій пріютомъ для восходящихъ на Э. Здѣсь же устроена астрономическая обсерваторія. Съ восточной стороны Пьяно дель Лаго тянется внизъ къ морскому берегу глубокое ущелье Валь дель Бове, окаймляемое съ боковъ горами Серра дель Сольфиціо и Серра делле Конкацце. Ущелье это имѣло огромное значеніе для изученія геологическаго строенія Э. Надъ верхнимъ краемъ долины находится такъ назыв. Философская башня, въ которой по преданію жилъ Эмпедоклъ. На Э. восходятъ обыкновенно изъ Николози (на южномъ склонѣ, 700 м. выс.). Переночевавъ въ Каза Инглезе, поднимаются по лишенному всякой растительности, засыпанному пепломъ, верхнему конусу до краевъ центральнаго кратера; послѣдній имѣетъ около 1 км. въ діаметрѣ и до 400 м. глубины. Видъ съ вершины Э. на Сицилію, часть Калабріи, Липарскіе о-ва и Средиземное море восхитительный. Изъ центральнаго кратера изверженія очень рѣдки; обыкновенно потоки лавы, не достигая самой вершины, прорываются наружу на склонахъ; здѣсь разбросаны свыше 200 конусообразныхъ кратеровъ; въ центральномъ же кратерѣ усилившаяся подземная дѣятельность обнаруживается болѣе густыми столбами дыма и дождемъ пепла. Отъ боковыхъ кратеровъ тянутся въ видѣ холмистыхъ полосъ остывшіе лавовые потоки. Въ верхней и средней частяхъ Э. очень мало источниковъ; вся атмосферная вода просачивается внизъ; начиная съ 400 м. бьетъ много источниковъ. Въ растительномъ отношеніи склоны Э. распадаются на три пояса. Первый regione coltivata—культурная область поднимается до 1100—1300 м. Внизу до 500 м. произрастаетъ роскошная сицилійская растительность: рощи финиковой пальмы, фиговыхъ деревъ, оливокъ, апельсинъ, гранатовыхъ и лавровыхъ деревьевъ. Выше до 1300 м. чередуются виноградники съ каштановыми лѣсами и хлѣбными полями. Второй поясъ (regione boscosa) (1300—2200 м.) образуютъ дубовые, буковые, березовые и лиственничные лѣса. Здѣсь также появляется характерный кустарникъ Gonocytisus aetnensis, родъ дрока съ золотистыми цвѣтами. Третій поясъ (regione deserta) покрытъ скудной кустарниковой и травянистой растительностью (до 3000 м. выс.). Настоя-

щая альпійская флора отсутствуетъ за недостаткомъ воды; характерными являются колючій кустарникъ Berberis aetnensis, Senecio и Anthemis aetnensis. Въ ущельяхъ этой полосы сохраняется и въ теченіе лѣта много льда и снѣга. Вывозъ отсюда льда и снѣга составляетъ особый мѣстный промыселъ. До Р. Хр. извѣстны 11 изверженій Э., изъ коихъ наиболѣе замѣчательны 477 и 121 гг. Послѣ Р. Хр. слѣдуетъ отмѣтить изверженія: 1160, 1169, 1329, 1536, 1537, 1669, 1693, 1763, 1787, 1792, 1802, 1805, 1809, 1811—12, 1819, 1832, 1838, 1842, 1852, 1865, 1874, 1879, 1886 (18 мая по 8 іюня), 1892 (іюль и августъ), 1899 (19 іюля) гг. Въ общемъ сравнительно съ изверженіями Везувія изверженія Э. сильнѣе въ 20 разъ. Среди извѣстныхъ изверженій Э. самое значительное было въ 1669 г. 11 марта 1669 г. образовалась огромная трещина выше м. Николози и изъ скопившихся шлаковъ и пепла выросла гора Монти Росси. Потокъ лавы въ 4300 м. ширины спустился на Ю, къ городу Катанія, залилъ западную часть города и засыпалъ гавань. Въ теченіе $3^1/_2$ мѣсяцевъ были залиты и уничтожены лавой 12 селеній. Оставшаяся застывшая полоса лавы занимаетъ 50 кв. км., образуя пластъ мощности въ 15 м. Въ настоящее время по склонамъ Э. разбросано около 65 селеній съ населеніемъ въ 300 т. чел. Въ 1895—96 г. кругомъ подошвы Э. проведена желѣзная дорога. Изслѣдованіемъ Э. занимались Джемелларо въ 1811 г., Феррара («Descrizione del Etna», 1818); Смитъ, («Memoir descriptive of the resources, inhabitants and hydrography of Sicily», Л., 1824). Самымъ значительнымъ трудомъ объ Э. является «Atlas des Aetna» (1848—59) Сарторіуса Ф. Вальтерсгаузена; послѣ его смерти появилось «Der Aetna, nach den Manuskripten des Verstorbenen herausgegeben und vollendet von A. v. Lasaulx» (Лпц., 1880). См. также Grassi, «Relazione storica ed osservazioni sulla erucione etnea del 1865» (Катанія, 1865); Silvestri, «I fenomeni vulcanici presentati dell' Etna nel 1863—66» (1866); Strobl, «Flora des Aetna» (въ «Oesterr. botan. Zeitschrift», 1886—87); Rodwell, «The Etna, a history of the mountain and its eruptions» (1878); Chaix, «Carta volcanologica et topografica dell' Etna» (1892).

Этнографическіе музеи—см. Музеи (т. XX, 112 и сл.) и Этнографія.

Этнографическое Обозрѣніе — періодическое изданіе этнографическаго отдѣла Императорскаго общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи при московскомъ университетѣ. Издается съ 1889 г. по четыре книги въ годъ, въ неопредѣленные сроки, сначала подъ редакціей Д. Н. Анучина и Н. А. Янчука, въ послѣднее время В. Ѳ. Миллера и Н. А. Янчука. Посвящено преимущественно фольклору и первобытнымъ учрежденіямъ. Въ теченіе ряда лѣтъ въ немъ помѣщались статьи Вс. Миллера, Кирпичникова, Г. Потанина, Ник. Харузина, Довнаръ-Запольскаго, Ядринцева, Крымскаго, Янчука и мн. др. Хорошій отдѣлъ рецензій; богатая текущая библіографія русскихъ работъ.

Этнографія (отъ греч. ἔθνος—народъ и γράφειν—писать)—наука, занимающаяся изученіемъ *культуры* (см.) народовъ, не входящихъ кругъ вѣдѣнія исторіи и до-исторической археологіи, т. е. главнымъ образомъ народовъ первобытныхъ и тѣхъ слоевъ культурныхъ народовъ, которые наиболѣе сохранили черты первобытнаго строя. Нѣкоторые (какъ Бастіанъ, Рони, Кайндль и др.) желали бы сдѣлать изъ нея науку о культурѣ и цивилизаціи *всѣхъ* народовъ, синтезъ всѣхъ наукъ о человѣкѣ. Такая наука вполнѣ возможна и необходима (на роль ея больше всего претендуетъ соціологія), но, при нынѣшней спеціализаціи наукъ, Э. вынуждена ограничиваться указанными нами предѣлами, иначе ей пришлось бы принять на себя задачи цѣлаго ряда уже сложившихся наукъ, какъ исторія, психологія, статистика, юриспруденція, сравнительное языкознаніе и т. д., что совершенно невозможно при нынѣшнемъ ростѣ чисто спеціальныхъ задачъ Э., въ свою очередь требующихъ самостоятельной дифференціаціи въ особыя дисциплины. Другіе не хотятъ признавать Э., по крайней мѣрѣ формально, самостоятельной наукой, считая ее составной частью единой науки антропологіи. Такъ относятся къ ней многіе въ Англіи (напр. Тайлоръ), послѣдователи Вайца въ Германіи, у насъ проф. Петри, Крживицкій, во Франціи школа Брока́. Такое отношеніе въ свое время не было лишено основанія: антропологія, раньше Э. выступившая на путь науки и поставившая своей основной цѣлью изученіе человѣка *съ естественно-исторической* точки зрѣнія, находила, что изученіе образа жизни нравовъ и обычаевъ людей, въ особенности первобытныхъ, какъ наиболѣе близко стоящихъ къ природѣ, въ такой же мѣрѣ входитъ въ кругъ ея задачъ, въ какой изученіе образа жизни животныхъ входитъ въ кругъ задачъ зоологіи. На этомъ же основаніи она ввела въ кругъ своего вѣдѣнія не только ископаемаго человѣка, но и его культуру, доисторическую археологію. Отсюда въ первыхъ трактатахъ по антропологіи, какъ у Причарда, а также у нѣкоторыхъ позднѣйшихъ писателей—Вайца, Топинара, Тайлора и др.,—за соматической антропологіей и ученіемъ о расахъ слѣдуетъ отдѣлъ чисто этнографическій. До поры до времени это было допустимо, но съ разростаніемъ матеріала каждаго отдѣла антропологіи такое смѣшеніе становится невозможнымъ. Совершенно правильно, поэтому, бывшее нѣмецкое этнологическое общество, занимавшееся антропологіей въ указанномъ выше смыслѣ, предпочло измѣнить свое названіе на другое: Gesellschaft für Anthropologie, Urgeschichte u Ethnologie («Общество антропологіи, доисторич. археологіи и этнологіи»), подчеркнувъ, такимъ образомъ самостоятельность каждой доктрины. Наконецъ, третьи, вполнѣ сознающіе право Э. на самостоятельное существованіе, не могутъ примириться съ ея *историческимъ* названіемъ (въ первый разъ оно встрѣчается въ этнографическомъ альбомѣ, изданномъ въ Нюрнбергѣ въ 1791 г.), считая его почему-то не совсѣмъ научнымъ, и замѣняютъ его терминомъ — *этнологія*. При этомъ одни

ограничиваются одной только перемѣной названія; другіе влагаютъ въ него особое значеніе, сознательно отдѣляя этнологію отъ этнографіи, за которой перестаютъ признавать право на званіе науки. Англійскій ученый Кинъ, напримѣръ, говоритъ, что «Э.—скорѣе литература, чѣмъ наука: она чисто *описательнымъ* образомъ трактуетъ о характерѣ, обычаяхъ и прочихъ чертахъ быта разныхъ народовъ, безъ отношенія къ ихъ возможнымъ физическимъ отношеніямъ и сродствамъ», прибавляя, что «таково по крайней мѣрѣ обычное употребленіе этого термина у англійскихъ писателей». Даже солидная Британская энциклопедія, въ статьѣ, принадлежащей Э. Реклю, опредѣляетъ различіе между этнологіей и Э. тѣмъ, что «Э. охватываетъ описательныя детали жизни человѣческихъ аггрегатовъ, а этнологія занимается раціональнымъ изложеніемъ (exposition) этихъ деталей... Э. имѣетъ дѣло съ отдѣльными племенами, а этнологія сводитъ различные факты къ одному общему началу». Американцы, по примѣру, вѣроятно, Спенсера, различаютъ просто этнологію и описательную этнологію, французы—Э. и описательную Э. и т. д. Нѣмцы начали германизировать терминъ, создавъ терминъ: Völkerkunde (Пешель, Ратцель, Шурцъ и др.), а въ самое послѣднее время—Menschenkunde, Völkerwissenschaft, Volkskunde (Э. отдѣльныхъ народовъ) и т. д. Получился хаосъ названій, вызвавшій хаосъ въ самомъ пониманіи предмета науки. Профессоръ Э. въ Лейпцигѣ, Вейле, договорился до того, что предметомъ этнологіи служитъ духовная культура, а Э.—матеріальная. Хаосъ увеличивается еще тѣмъ, что многіе въ Англіи и Германіи понимаютъ этнологію какъ ученіе о расовыхъ соотношеніяхъ народовъ (отрасль физической антропологіи), а съ другой стороны трактаты по Э. именуются также исторіями культуры (Клеммъ, Шурцъ, Тайлоръ); Летурно излагаетъ эту науку подъ именемъ соціологіи. Въ основѣ всего этого хаоса лежитъ простое недоразумѣніе, тѣсно связанное съ исторіей Э. Прежде всего смущало людей науки этимологія слова Э. (*описаніе* народовъ), могущее внушить представленіе о ней, какъ о простомъ скопленіи различныхъ описаній, ничѣмъ не связанныхъ между собой, да вдобавокъ недостаточно критически собранныхъ. Такъ оно въ дѣйствительности и было въ то время, когда наука переживала свой начальный періодъ. Но само по себѣ слово «описаніе» не опорочиваетъ научности этнографическаго матеріала. Всякая наука занимается изученіемъ тѣхъ или другихъ «описаній»: описаніе есть констатированіе наблюдаемыхъ фактовъ, безъ котораго невозможна никакая наука. Важно только, чтобы наблюдаемое констатировалось критически, научно. Въ Э., какъ и во всякой другой наукѣ, возможны «описанія» ненаучныя; дѣло ученыхъ — отбрасывать одни и использовать другія описанія. Выдѣлять факты этнографіи въ особую науку, отдѣльную отъ ихъ изученія, такъ же неразумно, какъ выдѣлять законы химіи въ особую науку, предоставляя химіи только констатировать отдѣльные случаи химическихъ реакцій. Нѣтъ надобности, слѣдовательно, создавать рядомъ съ Э. этнологію, какъ нѣтъ надобности классификацію расъ выдѣлять въ особую науку отъ соматической антропологіи. Такіе термины, какъ «русская этнографія», совершенно неправильны, какъ неправиленъ терминъ Ф. Мюллера: «общая этнографія». Э. — одна, хотя существуютъ этнографическія описанія Россіи, Германіи и т. д., русскіе этнографы, нѣмецкіе и т. д.—Изъ нашего опредѣленія этнографіи выясняется отношеніе ея какъ къ ближайшимъ ей отраслямъ знанія, такъ и къ гуманитарнымъ наукамъ вообще. *Антропологія* въ которую этнографія раньше входила какъ основная отрасль, обособляется въ естественно-историческую дисциплину, изучающую всесторонне человѣка, какъ особый видъ homo sapiens, изслѣдуя его анатомическое строеніе, физическія сходства и различія, біологическія свойства (приспособляемость, акклиматизація, размноженіе, патологія, географическое распространеніе и т. д.), классифицируя отдѣльныя группы его по тѣмъ или инымъ прочнымъ признакамъ—расамъ, районамъ распространенія, языку и т. д. Отъ нея Э. беретъ, какъ готовые выводы, классификаціи расъ и этническихъ группъ и вообще все то, что характеризуетъ человѣка въ біологическомъ и антропо-географическомъ отношеніяхъ. Отъ *доисторической археологіи* или пальэтнологіи, нынѣ выдѣлившейся въ особую науку отъ антропологіи и занимающейся спеціально ископаемымъ человѣкомъ, доисторическими расами и остатками ихъ культуры, Э. беретъ какъ готовое все то, что необходимо для возстановленія эволюціи культуры въ доисторическій періодъ. *Исторія*, съ другой стороны, даетъ Э. матеріалъ для сравненія первобытной культуры съ высшими ея ступенями у народовъ государственно-организованныхъ, обладающихъ письменностью и сдѣлавшихъ крупные шаги въ дѣлѣ покоренія силъ природы. Отъ *соціологіи* Э. отграничивается тѣмъ, что, занимаясь главнымъ образомъ низшими формами человѣческихъ обществъ, она предоставляетъ соціологіи изучать статику и динамику человѣческихъ обществъ на самыхъ высшихъ и сложныхъ ступеняхъ развитія. Съ строго-философской точки зрѣнія такія разграниченія являются неточными, но они неизбѣжно вызываются современной спеціализаціей знанія. Въ силу обширности своего предмета Э. тѣсно связана съ цѣлымъ рядомъ другихъ наукъ, какъ физіологія, психологія, статистика, исторія религій, искусства, сравнительное языкознаніе, юриспруденція и т. д.; но такова въ настоящее время судьба всѣхъ наукъ, въ особенности гуманитарныхъ.

Исторія Э. началась съ собиранія фактовъ. Даже первобытные народы крайне охотно подмѣчаютъ своеобразныя особенности окружающихъ ихъ племенъ, интересуются преданіями о происхожденіи того или другого племени, пытаются такъ или иначе создавать этническія классификаціи и собранныя такимъ образомъ знанія передать для назиданія будущимъ поколѣніямъ. Но эти знанія ограничиваются крайне узкимъ кругомъ пе-

большой группы сосѣднихъ племенъ и неизбѣжно отличаются крайней фантастичностью. Великія культуры древности, объединявшія цѣлые континенты и сближавшія множество самыхъ различныхъ народностей, накопили много свѣдѣній этнографическаго характера. Лѣтописи Китая заключаютъ въ себѣ много данныхъ о кочевникахъ Средней Азіи, о вымершей расѣ бѣлокурыхъ, объ инородцахъ Пріамурскаго края. Историки греко-римскаго міра оставили намъ, на ряду съ фантастическими, много цѣнныхъ свѣдѣній о народахъ европейскихъ, Передней Азіи и Сѣв. Африки. Достаточно назвать Геродота, описавшаго скиѳовъ, этнографическія особенности Египта и т. д., Цезаря и Тацита, описавшихъ намъ германцевъ, Плинія, Діодора, Страбона. Греко-римская литература, впрочемъ, важна для Э. не одними свѣдѣніями о «варварахъ», которыхъ вдобавокъ нерѣдко описывали по нелѣпымъ слухамъ и непровѣреннымъ сообщеніямъ невѣжественныхъ людей; крайне цѣнна она и данными о самомъ греко-романскомъ мірѣ, представляющемъ неисчерпаемый источникъ для пониманія первобытной религіи и строя. Даже фантастическія свѣдѣнія, сообщаемыя древними—какъ разсказы Геродота о неврахъ, обладающихъ способностью обращаться въ волковъ, гиперборейцахъ, не знающихъ смерти отъ старости и т. п.,—крайне цѣнны для Э.: они ярко рисуютъ міровоззрѣніе какъ писателя, такъ и описываемаго народа. Подобныя «фантазіи» дѣйствительно составляли и составляютъ теперь предметъ вѣры у массы первобытныхъ народовъ. Этими данными въ цѣляхъ Э. только сравнительно недавно начали пользоваться; достаточно указать труды Фрэзера, Моргана, Ланга, чтобы оцѣнить все ихъ значеніе. Въ такой же мѣрѣ важны памятники письменности индусской и персидской, расшифрованные іероглифы Египта и клиническія письмена Ассиро - Вавилоніи. Арабскіе историки дополняютъ наши свѣдѣнія о кочевникахъ Средней Азіи и освѣщаютъ бытъ поволжскихъ племенъ въ IX — X стол. Начало среднихъ вѣковъ, если не считать хроникъ и варварскихъ кодексовъ, ничего не прибавило къ расширенію нашихъ этнографическихъ свѣдѣній, особенно о народахъ внѣ-европейскаго міра. Появленіе на историческую арену монголовъ, неожиданно раскрывшее передъ европейцами новый, страшный и странный міръ Востока, вызвало большой интересъ и стремленіе къ ознакомленію съ нимъ. Съ цѣлями то коммерческими, то военными, то религіозными (желаніе обратить въ христіанство монгольскій міръ) во 2-й полов. XIII в. двинулись на Востокъ экспедиціи, прославившія имена Марко Поло, Плано Карпини и Рубруквиса. Сочиненіе перваго изъ нихъ, пробывшаго 20 лѣтъ въ ордѣ, объѣздившаго, по порученію великаго хана, Китай и Индію и описавшаго все видѣнное имъ, и до сихъ поръ не утратило своего интереса, сохранивъ значеніе первоисточника для многихъ вопросовъ Средней Азіи. Эру въ исторіи Э. составила эпоха великихъ географическихъ открытій (см. География). Открытія Колумба, Магеллана, Васко-де-Гама, почти одновременно ознакомившія европейцевъ съ самыми различными типами культуры, начиная съ дикихъ краснокожихъ и древнихъ американскихъ культурныхъ народовъ Мексики и Перу и кончая культурами Индіи, Китая и Японіи, раскрыли такую картину разнообразія человѣчества, которая, помимо своего общаго воспитательнаго значенія, должна была вызвать особый интересъ къ этнографическимъ наблюденіямъ. Съ того времени, между прочимъ, началось то собираніе раритетовъ, которое привело къ кабинетамъ рѣдкостей, превратившихся, въ концѣ концовъ, въ научныя учрежденія — этнографическіе музеи. Главными собирателями этнографическаго матеріала въ тѣ вѣка явились католическіе миссіонеры: вслѣдъ за первыми европейскими піонерами они забирались въ самыя отдаленныя страны, въ глубь Китая и дебри Сѣверной Америки, и, осѣвъ среди чуждыхъ народовъ, изучали ихъ языкъ, составляли грамматики, переводили священныя книги, записывали свои наблюденія надъ бытомъ окружающихъ народовъ. Они первые познакомили европейцевъ съ Китаемъ и Японіей, первые описали бытъ краснокожихъ и чудеса Перу и Мексики. Среди нихъ были люди, какъ Лафито, которые прозрѣвали научныя проблемы Э. Въ XVIII в. начинаются уже настоящія научныя экспедиціи, особенно со 2-й половины, ознаменованной путешествіями Кука въ Тихій океанъ, Брюса въ Сѣверную Америку, Лаперуза вокругъ свѣта и славными русскими академическими экспедиціями для изслѣдованія Сибири и Европейской Россіи. Въ XIX в. ростъ этнографическаго завоеванія шелъ въ уровень съ общимъ гигантскимъ прогрессомъ во всѣхъ областяхъ науки и техники. Введеніе пароходства и жел. дор., въ особенности прорытіе Суэцкаго канала, столь сблизившее Азію и Австралію съ Европой, тѣсно связанный съ этимъ ростъ колоній съ метрополіями, ростъ образованности въ самыхъ колоніяхъ, образованіе англо-индійской имперіи, быстрый ростъ колонизаціи Африки, особенно въ концѣ столѣтія, колоссальный ростъ промышленности—все это неотвратимо направляло многихъ образованныхъ людей во внѣевропейскія страны и привело къ массѣ наблюденій, увеличивавшихся не только количественно, но и качественно. Въ собираніи этнографическаго матеріала стали принимать участіе не одни любители, но и ученые спеціалисты, видѣвшіе въ этомъ не предметъ любопытства, а глубокій научный интересъ. Этотъ переворотъ начался уже въ XVIII в. За два вѣка передъ эпохой просвѣтительной философіи требовались еще буллы папы, признававшія дикаря человѣкомъ. Въ XVIII в. въ этомъ никто не сомнѣвался: «дикарь» сталъ критеріемъ и исходнымъ пунктомъ культуры, основой философіи исторіи. Въ XVI и XVII вв. народы чуждые культуры и въ особенности первобытные были еще простыми раритетами, говорившими одному чувству любопытства. Въ началѣ XVIII вѣка іезуитъ Лафито, изучавшій краснокожихъ въ Канадѣ, въ своей книгѣ: «Обычаи дикарей Америки въ сравненіи съ обычаями древнихъ временъ» (одно на-

званіе которой обнаруживаетъ философское отношеніе къ предмету за) являетъ уже, что обычаи дикарей—ключъ къ пониманію обычаевъ классической древности; онъ реабилитируетъ истинную природу «дикарей», отвергая всѣ взводившіяся на нихъ клеветы, утверждая, на основаніи долгихъ наблюденій, что «они обладаютъ умомъ, живымъ воображеніемъ и чудной памятью; у всѣхъ слѣды древней религіи, форма правленія; справедливости у нихъ больше, чѣмъ у нашего народа». Идеализація первобытнаго человѣка, столь характерная для философіи XVIII в., свидѣтельствуетъ о введеніи людей низшей культуры въ кругъ единаго, развивающагося по одинаковымъ законамъ человѣчества. Вмѣстѣ съ тѣмъ XVIII в. далъ намъ примѣры мыслителей (Вольтеръ, Гердеръ), которые, нисколько не идеализируя дикарей, именно въ разнообразіи степеней культуры видѣли основу для философіи развитія человѣчества и тождества его природы. Въ своихъ «Идеяхъ о развитіи человѣчества» Гердеръ говоритъ: «болѣе дикихъ народовъ, чѣмъ новозеландцы или огнеземельцы не было въ Европѣ, и тѣмъ не менѣе эти негуманные народы имѣютъ гуманность, разумъ, языкъ. Если готтентотъ погребаетъ свое живое дитя, эскимосъ сокращаетъ дни своего престарѣлаго отца, то это—слѣдствія печальной нужды, которыя нисколько не противорѣчатъ первоначальному чувству гуманности. Гораздо большіе ужасы происходятъ въ нашей собственной средѣ, подъ вліяніемъ ложно направленнаго разума и распущеннаго сластолюбія». Еще знаменательнѣе слова Шиллера въ его рѣчи: «Was heisst u. zu welchem Ende studirt man Universalgeschichte?». «Открытія нашихъ европейскихъ моряковъ въ отдаленныхъ странахъ—говоритъ онъ,—рисуютъ намъ племена, расположенныя вокругъ насъ на самыхъ разнообразныхъ ступеняхъ культуры, какъ дѣти различнаго возраста вокругъ взрослаго, напоминаютъ ему своимъ примѣромъ, чѣмъ онъ самъ раньше былъ и откуда онъ вышелъ... И какъ ни печально представленіе, которое намъ эти народы даютъ о нашемъ дѣтствѣ, тѣмъ не менѣе это не первая ступень, на которой мы ихъ видимъ. Человѣкъ началъ еще болѣе низко (verächtlicher)». Въ этихъ простыхъ словахъ—вся философія Э. Такія воззрѣнія, впервые освѣтившія горизонтъ, сами по себѣ, однако, не могли дать ни метода, ни критерія для выясненія самаго процесса развитія культуры и его двигателей. Они легко давали поводъ къ произвольнымъ и тенденціознымъ обобщеніямъ, въ примѣненіи къ тѣмъ или другимъ историко-политическимъ теоріямъ. Достаточно указать на грандіозные споры объ «естественномъ человѣкѣ», игравшіе такую большую роль въ общественной философіи XVIII в., споры, исходившіе изъ совершенно произвольнаго предположенія, что «естественный» человѣкъ существуетъ, при чемъ каждый вкладывалъ въ него желательное ему содержаніе. Для правильнаго развитія Э. требовалось освобожденіе отъ какихъ бы то ни было апріорныхъ, тенденціозныхъ взглядовъ, требовался *методъ*, который гарантировалъ бы правильное изученіе фактовъ. Первымъ толчкомъ къ этому послужило введеніе изученія человѣка въ кругъ естествознанія. Уже Линней вводитъ человѣка въ лѣстницу зоологіи, какъ видъ homo sapiens, классифицируя людей по естественнымъ признакамъ на расы. Тому же пути слѣдуетъ Бюффонъ. Вмѣстѣ съ трудами Блуменбаха (1775 г.) это становится основой новой самостоятельной науки—антропологіи, изучающей человѣка какъ недѣлимое и какъ видъ, по методамъ зоологіи. Благодаря союзу антропологіи съ Э., этнографическіе матеріалы стали разрабатываться естественно-историческимъ методомъ; на ряду съ соматическими особенностями человѣка антропологъ изучалъ нравы, обычаи, вѣрованія первобытныхъ народовъ съ такой же объективностью, съ какой зоологъ изучаетъ, наряду со строеніемъ тѣла, и нравы животныхъ. Правда, Э. много и теряла отъ этого, потому что для антрополога физическая природа человѣка стояла на главномъ планѣ; но на первыхъ порахъ огромный выигрышъ получился уже отъ одного примѣненія естественно-историческаго метода къ этнографическимъ явленіямъ. Двѣ другія отрасли знанія совершенно различнаго характера оказали свое вліяніе на развитіе этнографіи: фольклоръ (см.) и пальэтнологія или доисторическая археологія (см. Доисторическій человѣкъ). Первая, созданная трудами братьевъ Гриммъ, изучаетъ преданія, народный эпосъ, суевѣрія и т. д. европейскаго населенія и соединяетъ, такъ сказать, послѣднія звенья развитія съ самыми ранними, констатируя, что и нынѣшніе европейскіе народы на своемъ пути развитія прошли черезъ тѣ же ступени, что и современные первобытные народы. Вторая, открывшая ископаемаго человѣка и его орудія въ слояхъ геологическаго періода, нашла предшественника современнаго дикаря и раскрыла огромный пройденный съ тѣхъ поръ путь постепеннаго развитія. Великую услугу Э. оказали и успѣхи сравнительнаго языкознанія — новой науки, основанной Боппомъ въ началѣ XIX в., науки, которая не только раскрыла Э. лингвистическое сродство множества самыхъ различныхъ племенъ и народовъ и этимъ дала основаніе для раціональной этнической классификаціи, но пролила свѣтъ на темнѣйшіе вопросы древнѣйшихъ миграцій народовъ и ихъ культурныхъ пріобрѣтеній. Поворотный пунктъ въ исторіи развитія Э. составляетъ появленіе философіи *позитивизма* и новой, ею основанной науки *соціологіи*, оплодотворенныхъ впослѣдствіи великими обобщеніями дарвинизма и порожденнаго имъ ученія объ эволюціи. Позитивизмъ далъ Э. свой методъ, требовавшій, чтобы въ Э., какъ и въ естественныхъ наукахъ, изслѣдователь исходилъ прежде всего изъ точныхъ наблюденій, изъ фактовъ, которые необходимо точно констатировать безъ всякаго тенденціознаго отношенія къ нимъ, и потомъ сопоставлять во времени и пространствѣ, находя порядокъ сосуществованія и развитія, группируя явленія такимъ образомъ, чтобы ихъ можно было объединить по крайней мѣрѣ общими гипотезами. Опредѣленіемъ философіи,

какъ science des généralités, позитивизмъ, болѣе какой-либо другой науки, далъ Э. основу ея системы, способъ трактованія предмета и раціональную конструкцію, усвоенную ею въ настоящее время (см. ниже); благодаря ему изъ описанія народовъ Э. стала системой обобщенныхъ явленій культуры и законовъ ея развитія. Первые опыты соціологіи, сдѣланные уже ея основателемъ, были вмѣстѣ и опытами Э., потому что въ явленіяхъ этнографическихъ всего легче было оріентироваться, и они, какъ простѣйшія, должны были послужить исходнымъ пунктомъ для универсальной науки объ обществѣ. Наконецъ, ученіе объ эволюціи (см.) дало Э. свою великую обобщающую идею *развитія*. Плоды этихъ умственныхъ теченій не замедлили сказаться, отразившись, какъ въ фокусѣ, въ замѣчательныхъ трудахъ, ознаменовавшихъ самый блестящій періодъ Э. Въ 1859 г. является «Антропологія естественныхъ народовъ» Вайца—настоящая энциклопедія Э., снабженная введеніемъ, въ которомъ авторъ трактуетъ Э. какъ опытную науку, которая «должна вести свои изслѣдованія тѣми же путями, какими слѣдуетъ изслѣдованіе всѣхъ прочихъ областей природы». Въ 1860 г. является трудъ А. Бастіана: «Der Mensch in der Geschichte», столь же богатый идеями, сколько и фактами, не смотря на темноту изложенія, заключавшій въ себѣ, въ зародышѣ всѣ тѣ руководящія идеи, которыя легли въ основаніе Э. въ Германіи и начавшій собою длинную серію цѣнныхъ трудовъ во всѣхъ отрасляхъ Э. Въ 1865 г. является трудъ Тайлора: «Researches into the early history of Mankind», въ которомъ онъ примѣнилъ съ величайшей ясностью и опредѣленностью методъ эволюціи въ самыхъ различныхъ областяхъ Э. Въ 1870 г. является его же «Первобытная культура», въ которой онъ излагаетъ свое ученіе объ анимизмѣ (см. Сравнительное изученіе религій) и теорію переживаній, столь же важную для Э., какъ ученіе объ атавизмѣ и рудиментахъ—въ біологіи. Въ этотъ же періодъ въ Англіи вышли имѣвшія огромный успѣхъ работы Леббока (см. ниже, библіографію). Въ 1868 г. является трудъ Л. Моргана: «Systems of consanguinity and affinity in the human family» («Система родства и свойства въ семьѣ человѣческой»), за которымъ въ 1877 г. послѣдовало «Первобытное общество»—труды, которые столь же замѣчательны по великому перевороту, произведенному ими въ исторіи семьи, брака и первобытныхъ учрежденій, сколько и по строгой выдержкѣ сравнительнаго метода, приложеннаго къ изученію сотенъ народовъ всѣхъ временъ и частей свѣта и предвосхитившаго, въ области родственныхъ названій, ученіе о переживаніяхъ Тайлора. Въ 1860-хъ гг. явились труды Макъ-Леннана, автора новыхъ дисциплинъ объ экзогаміи и тотемизмѣ. Въ 1870-хъ гг. начинаютъ выходить «Основанія соціологіи» Спенсера, большая часть которыхъ посвящена эволюціи первобытныхъ вѣрованій, общественнаго строя и обычаевъ. Въ то же время предпринимается имъ грандіозный трудъ классификаціи этнографическаго матеріала въ монументальной «Описательной соціологіи». Эти труды не только положили основаніе научной Э., но внесли жизнь и въ родственныя области права, исторіи, психологія и т. д. Особенно богатые результаты дали они въ областя философіи религіи и первобытнаго права, которыя въ значительной мѣрѣ въ послѣднія десятилѣтія дифференцировались въ самостоятельныя научныя дисциплины. Научный полетъ Э. далъ сильный толчекъ развитію науки еще въ другомъ отношеніи. Огромный матеріалъ, собранный тысячами наблюдателей въ самыхъ различныхъ частяхъ свѣта, былъ въ значительной степени тормазомъ для правильнаго развитія науки. Большая часть матеріала была собрана случайными людьми, путешественниками, которые, не зная языка наблюдаемыхъ народовъ, не будучи подготовлены къ восприятію явленій чуждаго быта, не стѣснялись констатировать, какъ достовѣрные факты, свои мимолетныя, непровѣренныя впечатлѣнія, часто записывали по наслышкѣ факты небывалые, и даже достовѣрныя наблюденія настолько перемѣшивали съ произвольными утвержденіями, что весь такой матеріалъ чаще всего могъ только вводить въ заблужденіе изслѣдователя. Болѣе компетентными наблюдателями являлись миссіонеры, какъ люди по самому характеру своей профессіи обыкновенно сжившіеся съ изучаемыми ими племенами и чаще всего основательно изучившіе и туземные языки. Многіе изъ нихъ оказали цѣнныя услуги Э. и въ особенности первобытной лингвистикѣ. Но и ихъ наблюденія чаще всего опорочивались ненаучнымъ отношеніемъ къ фактамъ, особенно религіознаго характера, которые либо разсматривались сквозь очки догмы, либо съ пренебреженіемъ. Надъ всѣмъ этимъ матеріаломъ тяготѣлъ общій дефектъ отрывочности, несистематичности. Многія стороны быта, менѣе рѣзко бросавшіяся въ глаза, но часто чрезвычайно важныя—напр. предметы матеріальной культуры,—нерѣдко совершенно не констатировались. Необходимо было вновь подвергнуть научному наблюденію и дополненію старый матеріалъ и поспѣшить съ изученіемъ быстро исчезающихъ съ лица земли представителей не обслѣдованныхъ еще народностей,—на этотъ разъ людьми подготовленными и ясно сознающими всю важность изучаемаго. Этой коллективной работѣ сотенъ людей среди сотенъ первобытныхъ народовъ, разсѣянныхъ по всему лицу земного шара—работѣ, изъ которой начинаетъ создаваться научная Э.,—была посвящена бо́льшая часть трудовъ этнографовъ послѣднихъ десятилѣтій. Идеальнымъ типомъ научнаго собирателя, по счастливой случайности соединившаго въ своемъ лицѣ и мыслителя-философа, способнаго на крупныя обобщенія, является Ад. Бастіанъ, который съ конца 50-хъ гг. неутомимо, на протяженіи почти полувѣка, объѣзжалъ цѣлыя части свѣта, собирая матеріалы для науки и для перваго въ мірѣ музея Э. Въ Германіи выработался типъ такого ученаго-собирателя: достаточно упомянуть имя профессора фонъ-Штейнена, съ точностью естествоиспытателя изучившаго открытыя имъ самыя первобытныя народно-

сти Бразиліи. Массу отличныхъ научныхъ наблюдателей доставляетъ Англія; огромныя колоніи ея во всѣхъ частяхъ свѣта дѣятельно изучаются цѣлой плеядой образованныхъ чиновниковъ, военныхъ и миссіонеровъ, дѣйствующихъ подъ руководствомъ лондонскаго антропологическаго института. Цѣлый рядъ дѣятелей выдвинула Голландія, въ колоніяхъ которой идетъ интенсивная этнографическая работа. Она имѣетъ своего Бастіана—Вилькина. Въ Америкѣ немало такихъ ученыхъ какъ Банкрофтъ, подъ руководствомъ котораго шло коллективное изученіе сѣв.-американскихъ индѣйцевъ. Примѣромъ коллективной, даже государственной организаціи этнографическихъ изслѣдованій могутъ служить Сѣв.-Америк. Штаты, гдѣ на щедрыя ассигнованія государства (до 15 милл. фн. стерл. въ годъ) содержится Bureau of Ethnology, систематически изучающее сѣв.-американскихъ индѣйцевъ и выпустившее до 20 огромныхъ томовъ, заключающихъ въ себѣ цѣнные матеріалы по всѣмъ отраслямъ Э. Сотрудниками его были, между прочимъ, Морганъ, Powell, двадцать лѣтъ работавшій надъ классификаціей сѣв.-амер. языковъ, Holmes Боазъ. Аналогичныхъ учрежденій въ Америкѣ много: они группируются главнымъ образомъ вокругъ музеевъ (см. ниже) и академій. Въ Европѣ большую роль въ этомъ направленіи играютъ ученыя общества. Первое изъ нихъ было основано въ Парижѣ въ 1839 г. (Société d'Ethnologie); за нимъ послѣдовало въ 1859 г. парижское антропологическое общество, основанное Брока. Въ Англіи въ 1844 г. образовался отдѣлъ этнологіи при «Aborigenes Protection Society», преобразованный въ 1861 г. въ самостоятельное общество подъ тѣмъ же названіемъ, при сотрудничествѣ Дарвина, Гексли, Леббока, Тайлора. Изъ него возникъ антропологическій институтъ Великобританіи и Ирландіи. Аналогичное общество существуетъ въ Голландіи. Первое американское этнографическое общество основано въ 1844 г. Въ Германіи первое общество этого рода возникло въ 1865 г., въ видѣ особой секціи антропологическихъ конгрессовъ, преобразовавшейся въ Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte, съ филіаціями во всей Германіи; имъ долго руководилъ Вирховъ. Въ настоящее время множество аналогичныхъ обществъ образовалось во всѣхъ болѣе или менѣе крупныхъ центрахъ. — Огромную роль въ дѣлѣ развитія Э. въ послѣднія 3—4 десятилѣтія стали играть *этнографическіе музеи*, важность которыхъ стала выясняться по мѣрѣ улучшенія научныхъ методовъ нашей науки. Разъ въ основаніи Э. должны лежать несомнѣнные, научно-дѣйствительные факты, подлежащіе сравненію и сопоставленію, то въ цѣлыхъ огромныхъ областяхъ, какъ матеріальная культура, первобытное искусство, культъ и т. д., не можетъ быть болѣе достовѣрныхъ свидѣтельствъ, чѣмъ этнографическіе объекты, находящіеся передъ глазами наблюдателя и часто безъ всякихъ объясненій говорящіе за себя. Музеи въ настоящее время—не только предметъ любознательности для публики, но настоящія лабораторіи, гдѣ изслѣдователь удобно можетъ изучать и сравнивать объекты обще-человѣческой культуры, сконцентрированные въ одномъ мѣстѣ и систематизированные по географическимъ раойнамъ и въ порядкѣ эволюціи. Музеи не ограничиваются храненіемъ и систематизаціей объектовъ: они проявляютъ дѣятельную инициативу и въ собираніи недостающихъ предметовъ, устраиваютъ экспедиціи къ неизученнымъ еще народностямъ и группируютъ вокругъ себя дѣятелей, научно обрабатывающихъ коллекціи и двигающихъ впередъ науку. Уже начиная съ эпохи великихъ открытій этнографическіе объекты, въ числѣ другихъ раритетовъ, собирались въ кабинетахъ рѣдкостей (у насъ, съ XVIII в.—въ кунстъ-камерѣ); но эти собранія не имѣли никакого научнаго характера. Идея основанія самостоятельныхъ этнографическихъ музеевъ была высказана впервые французомъ Jomard въ 1843 г., но нашла откликъ только спустя два десятка лѣтъ въ лицѣ Бастіана, которому Германія и весь ученый міръ обязаны лучшимъ по полнотѣ и систематизаціи матеріала берлинскимъ Museum f. Völkerkunde, руководимымъ до настоящаго времени его основателемъ и цѣлымъ рядомъ извѣстныхъ ученыхъ, какъ Штейненъ, Грюнведель, Мюллеръ, Лушанъ и т. д. Примѣру Берлина вскорѣ послѣдовали и многіе другіе умственные центры въ Германіи: лучшіе музеи послѣ берлинскаго — лейпцигскій (руководимый Обстомъ и Вейле), гамбургскій, мюнхенскій, бременскій. Очень хороши музеи въ Лейденѣ и Будапештѣ, недурной—въ Вѣнѣ. Лондонскіе музеи богаты, но мало систематичны. Превосходны національные музеи въ Швеціи, гдѣ они обставлены даже съ крайней роскошью. Въ Стокгольмѣ, напр., въ Nordiska Museum, основанномъ въ 1872 г. и славящемся образцовыми коллекціями полярныхъ народовъ, служительскій персоналъ подобранъ изъ представителей различныхъ этнографическихъ группъ, одѣтыхъ въ свои мѣстные костюмы. Особенно процвѣтаютъ этнографическіе музеи въ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ государство, муниципалитеты и частныя лица соперничаютъ другъ съ другомъ въ колоссальныхъ пожертвованіяхъ на эти учрежденія. Огромныя коллекціи собраны въ Національномъ музеѣ, одномъ изъ отдѣловъ бюро этнологіи, гдѣ онѣ распредѣляются по народностямъ и эволюціи отдѣльныхъ сторонъ культуры. За нимъ слѣдуетъ American Museum of Natural history, основанный въ 1869 г., на постройку котораго затрачено пока 6 милліоновъ, хотя возведена только $^{1}/_{6}$ часть его. При музеѣ громадная аудиторія; имъ предпринимаются систематическія экспедиціи, издается цѣлый рядъ періодическихъ изданій. Во главѣ этнографическаго отдѣла стоитъ Боазъ. Третій замѣчательный музей въ Америкѣ—Field columbian Museum, возникшій въ Чикаго всего 10 лѣтъ тому назадъ, но уже ставшій въ первомъ ряду среди лучшихъ учрежденій этого рода. Росту музеевъ Э. обязана болѣе равномѣрнымъ развитіемъ всѣхъ своихъ отраслей. До появленія музеевъ успѣшнѣе другихъ

развивались отдѣлы духовной и соціальной культуры (семья, бракъ, религія, учрежденія и т. п.). Благодаря музеямъ стали возможны серьезные труды въ тѣхъ областяхъ, гдѣ необходимо изученіе матеріальныхъ объектовъ (матеріальная культура, первобытное искусство, культъ и т. д.). Работа эта началась очень недавно. Если судить по трудамъ, напрям., Ратцеля объ африканскихъ лукахъ, Андре (Этнографическія параллели), Шурца, Якобсона и др. по сравнительной культурѣ Полинезіи и Сѣв.-Западной Америки, этой работѣ предстоитъ блестящее будущее.

На ростъ Э. имѣло вліяніе также учрежденіе самостоятельныхъ каѳедръ этой науки. Въ Европѣ ихъ еще сравнительно немного. Въ Германіи, столь много сдѣлавшей для Э., хорошо обставленъ въ этомъ отношеніи только Берлинъ, гдѣ имѣются цѣлыхъ четыре каѳедры; въ Лейпцигѣ—одна съ 1901 г. и еще одна въ Бреславлѣ; въ другихъ центрахъ новыя каѳедры только проектируются, но нештатныхъ доцентуръ много. Спеціальныхъ школъ по Э. въ Европѣ не существуетъ, если не считать парижской антропологической школы, имѣющей хорошій составъ учащихъ особенно по антропологіи и археологіи, но крайне бѣдной средствами. Въ Америкѣ Э. преподается въ 33 университетахъ въ связи съ родственными отраслями, не всегда одинаково близкими, напр. соціологіей, философіей, психологіей, даже съ гео- и зоологіей, подъ именемъ антропологіи, но самостоятельныхъ каѳедръ почти нѣтъ. Зато при 5 университетахъ существуютъ спеціальные факультеты антропологіи; изъ нихъ самый замѣчательный—при колумбійскомъ въ Нью-Іоркѣ. Въ Россіи самостоятельной каѳедры Э. не существуетъ; преподаваніе ея, связанное съ каѳедрой географіи, всегда находится въ зависимости отъ случайныхъ обстоятельствъ наличности приватнаго спеціалиста или пристрастія къ Э. представителя другой каѳедры. Изъ русскихъ университетскихъ представителей Э. заслуженной извѣстностью пользуются проф. Анучинъ, больше всѣхъ поработавшій для Э. въ Россіи, и нынѣ покойный проф. казанскаго университета Смирновъ.

Историческій обзоръ развитія Э. въ Россіи см. XXVII, 139–152, и XXVIII, 791–800. За послѣдніе годы слѣдуетъ особенно отмѣтить образцовыя работы по Э., языку и фольклору чукчей В. Богораза и такія же у юкагировъ В. И. Іохельсона, работы Сѣрошевскаго и другихъ о якутахъ, лингвистическія работы о якутскомъ языкѣ Пекарскаго и Ястрембскаго, Хангалова и Кроля среди бурятъ, по Э. и языку гиляковъ—Л. Штернберга. Вновь основаны музеи въ Читѣ (А. К. Кузнецовымъ), въ постѣ Александровскомъ на о вѣ Сахалинѣ, въ Петербургѣ—особый этнографическій отдѣлъ при музеѣ Александра III, съ Д. А. Клеменцомъ во главѣ. Новое учрежденіе съ этнографическими задачами возникло въ 1903 г. въ лицѣ Русскаго комитета для изученія Средней и Восточной Азіи въ историческомъ, археологическомъ, лингвистическомъ и этнографическомъ отношеніяхъ, представляющаго центральный органъ Международнаго союза съ тѣми же цѣлями. Новое изданіе по Э. возникло въ 1900 г. въ видѣ «Матеріаловъ музея Э. и антропологіи при академіи наукъ». Матеріалы, собранные русскими этнографами, громадны, но они далеко не использованы не только иностранными, но и русскими учеными. Эти матеріалы далеко не равноцѣнены. Такія работы, какъ Кастрена, В. В. Радлова, Шренка, Миддендорфа, Смирнова, и нѣкоторыхъ новѣйшихъ изслѣдователей —рѣдки. Изъ первобытныхъ народ ностей (не считая большинства тюркскихъ и кавказскихъ) изучены въ лингвистическомъ отношеніи далеко не всѣ и не всѣ одинаково полно (остяки, чукчи, юкагиры, коряки, камчадалы, гиляки, якуты, отчасти айны): остаются еще многочисленные діалекты тунгусскихъ племенъ, идіомы самоѣдовъ, айновъ, енисейскихъ остяковъ и др. Въ сязив съ этимъ слабо изучены и другія стороны быта, особенно шаманство, даже у такихъ многочисленныхъ народовъ, какъ буряты и тунгусы. Многіе народы должны заново быть изучены, а изученіе другихъ дополнено и переработано. Монографій объ отдѣльныхъ народностяхъ очень мало. Крайне скудна русская литература трудами по общимъ вопросамъ Э. Такія работы, какъ монографія Д. Н. Анучина, «Лукъ и стрѣлы» или начатая монографія В. Михайловскаго, «Шаманство», являются исключеніями. Общихъ трактатовъ по Э. всего имѣется два—«Антропологія» покойнаго проф. петербургскаго университета Петри, въ которомъ собственно Э. отведено сравнительно мало мѣста, и хорошо задуманный курсъ лекцій «Этнографіи» Ник. Харузина, но не окончательно приготовленный авторомъ къ печати и появившійся уже послѣ его смерти, и потому страдающій большими пробѣлами и неравномѣрной разработкой отдѣльныхъ частей. Въ послѣднее время переводная литература обогатилась капитальными трудами Ратцеля, Липперта, Шурца, Гельвальда, Мортилье, Тайлора (нов. изд.) и мн. др.

Основные вопросы Э. *Содержаніе и система.* Большинство ученыхъ со времени Причарда склонно было соединять этнографію съ антропологіей; поэтому общіе трактаты начинались съ соматологіи и классификаціи расъ, а собственно этнографическія данныя излагались въ послѣдней части, въ порядкѣ расово-географическомъ. И по выдѣленіи Э. изъ антропологіи, классификація матеріала продолжала производиться по группамъ, въ основѣ которыхъ лежали антропологическіе признаки (соматическіе, географическіе, лингвистическіе). Такъ, популярная «Всеобщая Э.» Фридриха Мюллера приняла этнологическую классификацію по формѣ волосъ и лингвистическимъ признакамъ. Въ послѣднее время предпочитаютъ территоріально-лингвистическую классификацію и, если возможно, соединяютъ ее съ соматической. Школа экономическаго матеріализма склоняется къ классификаціи матеріала по хозяйственнымъ формамъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ объектомъ классификаціи принимается народность. Такое трактованіе Э. начинаетъ считаться совершенно не научнымъ. Класси-

фикація *народовъ*—дѣло не Э., а антропологіи или ея отрасли, антропо-географіи, а систематическое описаніе народовъ въ этнографическомъ отношеніи, какъ-бы народы ни классифицировались—только матеріалъ для науки, но не наука. Э.—наука о первобытной культурѣ; ея основная цѣль—изученіе процесса развитія этнографическихъ явленій. Для обобщенія этихъ явленій, для открытія законовъ ихъ развитія и многосложности причинъ, ихъ обусловливающихъ, необходимо одновременное сопоставленіе этнографическихъ явленій не по отдѣльнымъ территоріямъ, не по соматическимъ или лингвистическимъ группамъ, а на *всемъ* протяженіи матеріала и географически и исторически. Цѣпь развитія можетъ начинаться въ до-историческомъ періодѣ, а послѣдовательныя звенья приходится отыскивать въ самыхъ различныхъ мѣстахъ и у самыхъ различныхъ народовъ. Извлекая матеріалы, т. е. этнографическіе факты, изъ монографій или частичныхъ сообщеній объ отдѣльныхъ народностяхъ, въ обработкѣ этого матеріала, въ расположеніи его сообразно съ порядкомъ развитія, въ изученіи сопутствующихъ условій того или другого явленія этнографъ орудуетъ *всѣмъ* матеріаломъ, а не матеріаломъ одной только территоріи или народности. Объектомъ этнографіи являются, такимъ образомъ, этнографическія явленія, цѣлью—классификація ихъ по однородности, типу развитія, географическому распространенію, сопутствующимъ явленіямъ (климатъ, природа страны, раса, общественный строй и т. д.), и въ результатѣ—законы эволюціи той или другой стороны культуры. Послѣ того, какъ эта обще-научная работа сдѣлана можно предпринять то, съ чего начинали старые этнографы: распредѣленіе этнографическаго матеріала по территоріально-лингвистическимъ группамъ всего земного шара, но примѣняя къ каждому району или группѣ общіе законы, добытые при изученіи *всѣхъ* явленій. Это можно назвать культурной географіей или, еще правильнѣе, спеціальной частію этнографіи.

Методы наблюденія и обобщенія. Такъ какъ объектомъ Э. являются этнографическія явленія, то прежде всего важно, чтобы каждое явленіе точно и полно было констатировано. Во многихъ отношеніяхъ наблюденіе такихъ явленій гораздо труднѣе и сложнѣе, чѣмъ наблюденіе явленій естественно-историческихъ. Наблюдатель-этнографъ долженъ быть основательно подготовленъ къ своему дѣлу: жизнь чуждаго по культурѣ и умственному складу народа недостаточно наблюдать—необходимо въ ней отыскивать то, что можетъ оставаться скрытымъ отъ непосвященнаго. По общему правилу, наблюдатель долженъ знать языкъ изучаемаго народа; безъ этого либо останутся передъ нимъ совершенно скрытыми самыя интересныя стороны жизни—духовный складъ, религіозныя воззрѣнія и т. д., либо представятся въ неправильномъ освѣщеніи. Но изученіе языка первобытнаго народа—не только вспомогательное средство для этнографа. Языкъ и продукты духовнаго творчества—лучшій источникъ для изученія не только психики народа, но и его культурнаго и этническаго сродства съ другими народами. Большинство наблюдателей вынуждено, однако, прибѣгать къ помощи посредниковъ - переводчиковъ; въ такомъ случаѣ необходимъ строгій выборъ лицъ и тщательная перекрестная провѣрка добытыхъ свѣдѣній. При наблюденіи отдѣльныхъ объектовъ или фактовъ не слѣдуетъ пренебрегать никакими деталями, какъ бы незначительными они ни казались; особенно необходимо констатировать туземное названіе каждаго предмета и его главныхъ частей: первобытный человѣкъ часто самъ уже живетъ переживаніями и не въ состояніи отдавать себѣ и другимъ отчетъ въ своихъ идеяхъ о назначеніи того или другого объекта, а туземное его названіе часто можетъ раскрыть смыслъ или эволюцію явленія. Особенно это важно при изученіи памятниковъ искусства и религіи. Въ орнаментѣ, напр., туземное названіе той или другой части часто даетъ ключъ къ уразумѣнію того реальнаго предмета, который былъ стилизированъ въ данной подробности. Туземное названіе части непонятнаго предмета культа нерѣдко раскрываетъ его истинный генезисъ. Раскрытію смысла явленія или объекта помогаетъ также собираніе наибольшаго числа дубликатовъ, будь это версіи легенды, сказки, или орнамента, одежды и т. д.; сопоставленіе разновидностей часто единственный ключъ къ уясненію эволюціи явленій. Гдѣ только возможно, документальное констатированіе (фотографированіе, фонограммы, записываніе словами разсказчика, собираніе подлинныхъ объектовъ) является необходимымъ условіемъ. Обработка наблюденій должна быть по возможности монографическая, т. е. лично собранные матеріалы должны быть соединены и сопоставлены критически съ матеріалами, собранными о томъ же народѣ другими лицами. Изъ такихъ отдѣльныхъ монографій или, за неимѣніемъ ихъ, частичныхъ описаній или собраній матеріальныхъ объектовъ, послѣ критической провѣрки въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ степени ихъ достовѣрности, этнографъ-философъ черпаетъ матеріалъ для своихъ обобщеній, классифицируя явленія по ихъ однородности и изучая ихъ сравнительнымъ методомъ. Этнографическія явленія распадаются прежде всего на слѣдующіе большіе отдѣлы: I. Матеріальная культура (Пища. Способы добыванія пищи и порождаемыя ими формы хозяйства. Прирученіе животныхъ. Орудія. Утварь. Оружіе. Средства сообщенія. Жилище. Одежда и украшенія). II. Соціальный строй (Бракъ и семья. Общественные союзы. Формы организаціи и элементы власти. Столкновенія и общеніе союзовъ. Первобытное право). III. Духовная культура (языкъ, религія, нравственность, искусство, поэзія, письмо). Въ свою очередь каждый отдѣлъ и подъ-отдѣлъ подраздѣляются на цѣлый рядъ меньшихъ, пока не получается, если можно такъ выразиться, недѣлимое, съ котораго и начинается собственно научная классификація. Каждое такое недѣлимое для этнографа есть видъ, который онъ изу-

чаетъ, какъ изучаетъ виды естествоиспытатель. «Дѣло Э., говоритъ Тайлоръ, классифицировать отдѣльныя явленія такъ, чтобы выдѣлить ихъ распредѣленіе въ географическомъ и историческомъ отношеніяхъ и ихъ взаимныя отношенія. Для этнографа лукъ и стрѣлы— видъ, обычай уродованія черепа—видъ, десятичный счетъ — видъ и т. д. Географическое распредѣленіе этихъ явленій и ихъ передача изъ одного района въ другой должны изучаться, какъ натуралистъ изучаетъ географію ботаническихъ и зоологическихъ видовъ. Точно также какъ нѣкоторыя растенія и животныя свойственны исключительно только извѣстнымъ странамъ, нѣкоторыя орудія, какъ напр. бумерангъ въ Австраліи, тѣ или другіе обычаи, миѳы, виды искусства и т. д. оказываются спеціально свойственными той или другой территоріи. И наоборотъ, какъ отдаленныя территоріи часто производятъ растенія и животныхъ, очень близкихъ между собою, такъ же точно отдаленные другъ отъ друга народы имѣютъ сходные предметы культуры и учрежденія». Изучая географическое распространеніе этнографическихъ видовъ, этнографъ, какъ и натуралистъ, отыскиваетъ причины распространенности или изолированности явленій въ тождественности или различіи условій, ихъ породившихъ. Далѣе, исходя изъ гипотезы (выведенной изъ сравненія этнографическихъ явленій), что психическая природа тождественна и законы разума одинаковы у всѣхъ людей и во всѣ времена, что человѣкъ въ своей дѣятельности всегда идетъ отъ простѣйшаго къ болѣе сложному, ученый въ каждомъ видѣ и родѣ этнографическихъ явленій (луки, стрѣлы, ножи, жилища, орнаментъ, семья, культъ животныхъ и т. д.) располагаетъ явленія въ восходящемъ порядкѣ, отъ простѣйшихъ къ болѣе сложнымъ. Какъ натуралистъ ищетъ генезисъ современнаго вида въ вымершихъ формахъ палеонтологіи и прослѣживаетъ всѣ стадіи его развитія, такъ и этнографъ старается проводить каждое явленіе отъ самой ранней его формы (гдѣ это возможно—отъ древнѣйшаго доисторическаго періода) до высшей его стадіи на современныхъ ступеняхъ культуры. Въ результатѣ такой систематизаціи этнографъ, какъ и біологъ, открываетъ въ ростѣ явленій общій законъ эволюціи (см.). Какъ въ біологіи эволюція сталкивается съ *атавизмами* и *рудиментами*, возвратомъ или остаткомъ пройденныхъ ступеней развитія, такъ и въ Э. мы наталкиваемся на *переживанія* — явленія, нѣкогда вызывавшіяся самой жизнью и имѣвшія смыслъ и значеніе, а затѣмъ совершенно ихъ утратившія, но на пути къ полному исчезновенію еще продолжающія существовать, какъ явленія безсмысленныя или искусственно осмысленныя. Тлинкитъ, который прорѣзываетъ себѣ губу и вставляетъ въ нее колышекъ, дѣлаетъ крайне важное для него дѣло, совершенно сообразующееся съ его религіознымъ міровоззрѣніемъ: онъ заключаетъ *завѣтъ крови* со своимъ тотемомъ. Но сережка въ проколотомъ ухѣ европейца—безсмысленный рудиментъ, въ такой же мѣрѣ, какъ безцѣленъ хвостовой отростокъ у человѣка. Какъ ни печальны подобные рудименты для роста культуры, но для этнографа они чрезвычайно цѣнны, служа неотразимымъ свидѣтельствомъ пережитой стадіи эволюціи, доказывая, что и самые цивилизованные народы прошли черезъ тѣ же фазы развитія, на которыхъ нынѣ стоятъ первобытные народы.—Въ опредѣленіи «простѣйшаго», въ отысканіи промежуточныхъ звеньевъ этнографъ встрѣчаетъ гораздо больше трудностей, чѣмъ натуралистъ. Соціальныя явленія гораздо сложнѣе; взаимодѣйствіе между самыми различными отраслями матеріальной и духовной культуры настолько сильно и сложно, что всякій разъ приходится рѣшать задачу со множествомъ неизвѣстныхъ. Въ первомъ же отдѣлѣ Э.—о пищѣ—мы встрѣчаемся, напр., съ видомъ «каннибализма», относительно котораго такой мыслитель, какъ Контъ, готовъ былъ допустить, что это чуть ли не исходный пунктъ человѣческой культуры. Между тѣмъ употребленіе человѣческаго мяса вызывается отнюдь не голодомъ, а религіозно-политическіе мотивами, и так. образомъ не является фактомъ первичнаго характера. Среди кухонныхъ остатковъ ископаемаго человѣка вовсе не находятъ человѣческихъ костей. Мы уже не говоримъ о болѣе сложныхъ вопросахъ, какъ напримѣръ, вопросъ о матернитетѣ и патернитетѣ, анимизмѣ и магіи и т. п., относительно пріоритета которыхъ еще не всѣ ученые согласны. Въ виду сложности этнографическихъ явленій Тайлоромъ и Спенсеромъ былъ выдвинутъ особый методъ — сопоставительно-статистическій. Составляются таблицы, въ которыя каждое племя заносится въ графу съ цѣлымъ рядомъ явленій, характеризующихъ главнѣйшія черты его соціальнаго быта (окружающая природа, форма хозяйства, типъ орудій, формы семьи, вѣрованія, политическій строй, степень общенія и т. д.). Чѣмъ детальнѣе рубрики, тѣмъ правильнѣе и неожиданно-интереснѣе могутъ быть выводы. Затѣмъ, желая выяснить природу какого-нибудь явленія, смотрятъ, какими сопутствующими явленіями оно въ таблицахъ чаще всего сопровождается. Здѣсь этнографъ дѣлаетъ то же, что дѣлаетъ физикъ при своихъ наблюденіяхъ, выдѣляя случайныя сопутствующія явленія отъ необходимыхъ. Этимъ методомъ еще слишкомъ мало пользуются: очень часто въ серьезныхъ трактатахъ, даже у такихъ писателей, какъ Спенсеръ, Зиберъ, мы видимъ сгруппированными вмѣстѣ, какъ факты общаго порядка, явленія, взятыя у народовъ, стоящихъ на совершенно различныхъ стадіяхъ. Сплошь и рядомъ, напр. въ ученіяхъ, о коллективной собственности, примѣры изъ жизни первобытныхъ народовъ поставлены рядомъ съ примѣрами изъ жизни народовъ, у которыхъ этотъ институтъ—нововведеніе, результатъ деспотической организаціи общественной власти.— Далѣе, для правильной оцѣнки этнографическихъ явленій необходимо помнить, что самое понятіе эволюціи въ Э. далеко не тождественно съ такимъ же понятіемъ въ біологіи. Творецъ этнографическихъ явленій—не организмъ только, дѣйствующій въ опредѣленной средѣ, но *человѣкъ*, существо съ необычайно сложной и гибкой психикой, существо съ интеллектомъ,

творящимъ идеи и концепціи, и даже въ своихъ стихійно-консервативныхъ проявленіяхъ стремящееся всегда вносить что-нибудь новое, видоизмѣненное. Въ чисто біологическомъ процессѣ если тотъ или другой органъ, напр., перестаетъ быть полезнымъ для организма, онъ постепенно либо совершенно исчезаетъ, либо остается въ видѣ рудимента, въ общей экономіи организма не играющаго никакой роли: въ Э. сплошь и рядомъ то или другое явленіе, потерявшее свой raison d'être въ своемъ первоначальномъ значеніи, можетъ продолжать эволюціонировать очень долго и успѣшно въ совершенно новомъ направленіи, перемѣстившись въ другой разрядъ или категорію явленій, иногда высшаго, иногда низшаго порядка, по внѣшнимъ своимъ признакамъ потерявъ всякую связь съ своимъ первоначальнымъ прототипомъ. Каменный топоръ, нѣкогда служившій орудіемъ, становится впослѣдствіи предметомъ культа и магіи. Тотемъ, изображавшійся на тѣлѣ, одеждѣ, стѣнахъ жилища, какъ охранительное средство противъ злого духа, постепенно, вслѣдствіе привычки къ постоянному изображенію одного и того же предмета, въ концѣ концовъ стилизируется и превращается въ орнаментъ, который удовлетворяетъ уже не религіознымъ, а эстетическимъ потребностямъ, и въ свою очередь начинаетъ самостоятельно эволюціонировать, какъ область искусства. Ту же эволюцію переживаютъ и другія формы религіознаго художества. Мухоморъ и табакъ, первоначально служившіе средствами для шамановъ приводить себя въ экстазъ, превратились во вкусовыя вещества матеріальной культуры... Священное животное, первоначально содержавшееся въ клѣткѣ какъ благодѣтельное охранительное божество, превращается въ домашнее животное, слугу человѣка. Физическій образъ тѣни или матеріальнаго двойника человѣка превращается въ идею души, безплотной, безсмертной, духовной... Грубый объектъ превращается въ образъ, образъ—въ символъ, символъ—въ идею, идея—въ философію. Улавливать въ каждомъ отдѣльномъ явленіи и въ цѣлыхъ категоріяхъ ихъ, въ маломъ и крупномъ, грубомъ и идеальномъ, всѣ тайны эволюціи и сводить каждое къ его первоначальному генезису — такова сложная задача Э. Въ виду сложности этногр. явленій, въ Э. болѣе, чѣмъ въ какой-либо другой наукѣ, опасна узкая спеціализація, приводящая къ роковымъ ошибкамъ. Нельзя понимать матеріальной культуры безъ глубокаго знанія духовной, и обѣихъ вмѣстѣ—безъ знаній гео-біологическихъ и при незнакомствѣ съ другими гуманитарными науками. Поэтому такъ много ошибокъ надѣлано юристами, бравшимися за первобытное право, философами и антропологами, изслѣдовавшими «психологію народовъ», художниками, писавшими о первобытномъ искусствѣ, этнографами узкой спеціальности даже въ избранной ими сферѣ. До сихъ поръ, напр., юристы, выводящіе уголовное право изъ института мести, совершенно игнорируютъ его связь съ религіозными идеями родового быта; узкій спеціалистъ по матеріальной культурѣ или историкъ искусства видитъ генезисъ украшеній исключительно въ эстетическихъ потребностяхъ. Подобная односторонность—источникъ ошибокъ тѣхъ новѣйшихъ направленій въ Э., которыя ищутъ причины психическихъ различій расъ то въ однѣхъ соматическихъ особенностяхъ, то исключительно въ условіяхъ физической среды. Другая особенность Э. при примѣненіи естественно-историческаго метода заключается въ томъ, что въ каждомъ данномъ случаѣ изслѣдователю приходится рѣшать вопросъ о наличности или отсутствіи заимствованій. Въ болѣе простыхъ случаяхъ (напримѣръ, заимствованіе нѣкоторыхъ орудій, обрядовъ, легендъ и т. д. первобытными народами отъ европейцевъ) сравнительно легко оріентироваться; но есть случаи очень сложные, разъясненіе которыхъ можетъ привести къ рѣшенію важныхъ проблемъ. Ратцель, напр., изучая африканскіе луки, нашелъ чрезвычайное сходство между лукомъ негровъ Кассаи и меланезійскимъ, особенно ново-зеландскимъ, при чемъ типъ этого лука принадлежитъ къ типу самому первобытному, на остальномъ континентѣ совершенно исчезнувшему. Вопросъ о заимствованіи въ данномъ случаѣ является проблемой уже расоваго сродства цѣлыхъ частей свѣта. Недавно нѣсколько ученыхъ (Якобсенъ, Шурцъ) пытались на основаніи дѣйствительно поразительно сходныхъ чертъ культуры у сѣв.-зап. американцевъ и полинезійцевъ установить единство происхожденія или фактъ заимствованія. Такіе же вопросы возбуждаются при констатированіи такихъ объектовъ, которые распространены у самыхъ различныхъ и отдаленныхъ другъ отъ друга народовъ, напр. метательной дощечки въ Австраліи, Нов. Гвинеѣ, Микронезіи, Меланезіи, въ Бразиліи, Лабрадорѣ, Мексикѣ, Перу, у древнихъ грековъ, римлянъ, скандинавовъ. Рѣшеніе такихъ вопросовъ требуетъ величайшей осторожности и представляетъ трудности, неизвѣстныя натуралисту. Трудность метода усугубляется еще часто недостовѣрностью и недостаточностью матеріала, значительная часть котораго подлежитъ провѣркѣ и вторичному собиранію.

Не смотря на всѣ трудности метода, на всѣ несовершенства матеріала, при всей своей юности, Э. успѣла уже сдѣлать очень многое. Она не только разобралась въ громадномъ матеріалѣ и привела его въ порядокъ, но въ каждой области своего вѣдѣнія намѣтила общіе этапы эволюціи и во многихъ случаяхъ раскрыла механизмъ самаго процесса ея и его причины. Она объединила цѣпью развитія человѣка ископаемаго съ человѣкомъ цивилизаціи, отъ каменнаго топора палеолитика до паровой машины, отъ шалаша и землянки до чудесъ архитектуры современности, отъ анимизма дикаря до міровыхъ религій, отъ примитивнаго тотема до современныхъ гигантскихъ государствен. организмовъ. Она освѣтила темныя стороны исторіи, права и искусства, нашла базисъ общественной психологіи и морали, создала твердую опору для идеи человѣчества. Раскрывъ въ самыхъ отдаленныхъ другъ отъ друга частяхъ свѣта, при

условіяхъ, не допускающихъ заимствованія, типы культуры не только аналогичные, но поражающіе сходствомъ тончайшихъ деталей (напр. въ терминахъ родства, религіозныхъ церемоніяхъ и т. п.), она въ результатѣ своихъ изысканій приходитъ къ выводу, чте природа человѣка въ основныхъ ея двигателяхъ, разумѣ и психикѣ, живетъ одними и тѣми же законами, что всѣ различія въ культурѣ—только различія въ степени, что прогрессъ—законъ человѣческихъ обществъ, и причины различій въ застоѣ однихъ и высокомъ ростѣ другихъ—не въ этническихъ или расовыхъ различіяхъ, а въ случайныхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, съ устраненіемъ которыхъ задержанный ростъ снова начинается съ той же силой,—выводъ величайшей важности какъ для соціальной науки, такъ и для соціальнаго прогресса и братства народовъ.

Библіографія. Важнѣйшія *общія* сочиненія, въ хронологическомъ порядкѣ: J. C. Prichard, «Researches into the physical history of man» (4 т., 4-е изд., 1841—1851; въ теченіе первыхъ десятилѣтій XIX в. служило главнымъ руководствомъ по Э.); Klemm, «Allgemeine Culturgeschichte der Menscheit» (10 т., 1843—52); Т. Вайцъ, «Anthropologie d. Naturvölker» (4 т.. 1859—64; продолжено [5 и 6 т.] Герландомъ, 1867—71, имъ же переработанъ 1-й т.; капитальный трудъ, съ богатой библіографіей); Ад. Бастіанъ, «Der Mensch in der Geschichte» (3 т., 1860); его же позднѣйшіе труды: — «Rechtsverhältnisse der verschiedenen Völkern» (1872); «Ethnologische Forschungen» (2 т., 1872—73); «Der Völkergedanke» (1881); «Allgemeine Grundzüge d. Ethnologie» (1888); «Vorgeschichte der Ethnologie» большая часть трудовъ Бастіана по формѣ изложенія весьма неудобочитаема); Тайлоръ, «Researches into the early history of Mankind» (1865, рус. перев.: «Доисторическій бытъ человѣчества и пр.»), «Primitive culture etc.» (1871, рус. пер.: «Первобытная культура», два изданія), «Anthropology» (1881, рус. пер.); Лёббокъ, «Prehistoric times, etc.» (1865, рус. пер.), «The origin of civilisation etc.» (1870, рус. пер.); Пешель, «Völkerkunde» (1875; 3 изд.; рус. пер.); Спенсеръ, «Основанія соціологіи» (нач. 1876); его же, «Описательная соціологія» (8 т.); Gerland, «Anthropolog. Beiträge» (1875); Фр. Мюллеръ, «Allgemeine Ethnographie» (1873; 2-е изд., 1879); Ратцель, «Völkerkunde» (1885; 2-е изд:, 1894; рус. пер.); Липпертъ, «Kulturgeschichte der Menscheit etc.» (1886—1887; 2 рус. пер., 1897, 1902); Гельвальдъ, «Kulturgeschichte in ihrer nat. Entwickelung» (1883 и сл. изд.; рус. пер.); Летурно, «Sociologie d'aprés l'ethnographie»; Петри, «Антропологія» (СПб., 1890); Шурцъ, «Urgeschichte der Kultur» (1900); его же, «Völkerkunde» (1903); Kaindl, «Volkskunde» (1903); Н. Харузинъ, «Этнографія« (4 вып., 1901—1904). По *исторіи* Э.: A. Bastian, «Vorgeschichte d. Ethnologie»; Achellis, «Moderne Völkerkunde, deren Entwickelung und Aufgaben» (1896; рус. пер.); Weule, «Völkerkunde etc. im XX Jahrhundert» (1902). Литературу по *отдѣльнымъ отраслямъ* Э. см. соотвѣтствующія слова, напр. Сравнительное изученіе религіи, Фольклоръ, Тотемизмъ, Семья и родъ, Теорія родового быта, Обычное право и т. п. *Нѣкоторыя отдѣльныя* работы, интересныя въ методологическомъ отношеніи: André, «Ethnographische Parallelen etc.»; Gildebrand, «Recht und Sitte auf den verschiedenen wirthschaftlichen Kulturstufen» (1896); Grosse, «Die Anfänge der Kunst» (1894, рус. пер.); Ратцель, «Die afrikanischen Bögen etc.» («Abh. d. Sächs. Ges. d. Wiss. zu Leipzig», 1893); Hehn, «Kulturpflanzen und Hausthiere» (1877); Шурцъ, «D. Augenornament und verwandte Problemen» (тамъ же, т. IV, 1895); М. И. Кулишеръ, «Очерки сравнительной Э. и культуры» (1887); Д. Анучинъ, «Лукъ и стрѣлы».

Интересна попытка этнографич. обработки исторіи въ нѣкоторыхъ отдѣлахъ изданія «Weltgeschichte» Гельмольта (рус. пер.). Литературу по *отдѣльнымъ частямъ свѣта и народамъ* см. у Вайца, Спенсера, Мюллера, Пешеля, въ особыхъ сборникахъ, въ Словарѣ — подъ соотвѣтствующими словами. *Текущая библіографія* въ спеціальныхъ изданіяхъ по Э.; лучшая — въ «Archiv. f. Anthropologie», у насъ въ «Этнографическомъ Обозрѣніи». *Этнографическіе атласы*: Бергауза, Шафарика, Фукса, Чернинга, Вайца, Герланда. *Программы* для собиранія этногр. свѣдѣній: ст. Бастіана, «Begriffe der Ethnologie» въ Neumayer's «Anleitung zu wissenschaf. Beobachtungen» (т. II, изд. 2-е, 1888); Richthofen, «Führer f. Reisen etc.» (1885, 1901); A. Keller, «Queries in Ethnography» (Л., 1903). Русскія: Географич. общества, общ. люб. естеств. и пр.; «Программа для собиранія матеріаловъ по шаманству», Г. Н. Потанина. *Матеріалы о музеяхъ* см. лит. къ сл. Музеи и журн. «The Museum». Спеціально объ американскихъ музеяхъ: монографія A. B. Meyer, «Ueber die Museen des Ostens der Ver. Staaten» (2 т., 1900—1); о постановкѣ преподаванія Э. въ Америкѣ Curdy, «The teaching of Anthropology in the United States» («Science, N. S.», т. XV, 1902). Неисчерпаемый и крайне цѣнный матеріалъ по всѣмъ отдѣламъ и вопросамъ Э. въ періодическихъ изданіяхъ, трудахъ ученыхъ обществъ, музеевъ, академій. Изъ германскихъ изданій главные: «Archiv f. Anthropologie» (съ богатѣйшей библіографіей); «Internationales Archiv f. Ethnographie» (въ Лейденѣ); «Zeitschrift f. Anthr., Urgeschichte und Ethnologie»; «Centralblatt f. Anthrop. etc.» (съ богатой библіографіей); въ Австріи — изданія вѣнскаго антропологическаго общества; въ Англіи — солидный «Journal of the Anthropolog. Institute of Great Britain and Ireland.; журн. «Folklore»; въ Америкѣ—на первомъ планѣ богатѣйшія изданія Смиссоніановскаго института, далѣе American Museum'a, Peabody Museum'a, журналъ «American Anthropologist» и многочисленныя изданія разныхъ обществъ и учрежденій. *Русскую библіографію* см. у Пыпина, «Русская Э.», у Межова; въ ст. Д. Н. Анучина, «Россія въ этнографическомъ отношеніи» (Словарь т. XXVII).

Л. Штернбергъ.

Этнологія—см. Этнографія.

Этоксикофеинъ (Aethoxycaffein) $C_8H_9N_4O_2(OC_2H_5)$—получается при кипяченіи бром.- или хлоркофеина съ алкогольнымъ растворомъ ѣдкаго кали. При сильномъ охлажденіи выдѣляется въ видѣ безцвѣтныхъ иглъ, трудно растворимыхъ въ холодномъ спиртѣ или эѳирѣ и въ горячей водѣ и легко растворимыхъ въ горячемъ спиртѣ. Э. растворимъ также въ слабой соляной кислотѣ, откуда ѣдкою щелочью снова осаждается. Плавится при 140° и перегоняется безъ разложенія. При нагрѣваніи съ соляной кислотой разлагается на хлористый этилъ и гидрокофеинъ $C_8H_9(OH)N_4O_2$. Э. образуетъ съ бензойнокислымъ и салициловымъ натромъ легко растворимыя двойныя соединенія.

Кремлевъ Δ.

Этолійскій союзъ — см. Этолія.

Этолія (Αἰτωλία)—въ древности область средней Греціи, граничившая на З съ Акарнаніей по р. Ахелою, на В съ Локридою и Доридою (по линіи, параллельной теченію р. Эвена и къ В отъ этой рѣки), на сѣверѣ съ областью Долоповъ и Амфилоховъ и раздѣлявшаяся Панэтолійскимъ хребтомъ на двѣ части: *сѣверную*, дикую и некультурную, населенную варварскими племенами, и *южную*—плодородную и политически сильную, такъ называемую *Древнюю Э.* Жителями послѣдней (эолійцами) была заселена Пелопоннесская область Элида, занятая, по преданію, этолійцемъ Оксиломъ, которому доряне, при переселеніи въ Пелопоннесъ, передали предводительство. На югѣ Древней Э. находились два упоминаемые въ миѳахъ города Плевронъ и Калидонъ, территорія которыхъ составляла особую область Эолиду и изъ которыхъ послѣдній въ эпоху пелопоннесской войны до 392 г. находился во владѣніи пелопоннесскихъ ахейцевъ. Покрытая лѣсомъ горная цѣпь *Аракинѳъ* отдѣляетъ прибрежную низменную равнину отъ внутренней, весьма плодородной (μεγα πεδίον), съ главнымъ городомъ Ѳермомъ при Трихонійскомъ озерѣ. Сѣверная часть страны (такъ называемая *Пріобрѣтенная* Э.) была населена иллирійскими племенами—аподотами, эвританами, офіонами, каллійцами, агрейцами, амфилохійцами (послѣдніе въ разныя времена считались принадлежащими то къ Эпиру, то къ Акарнаніи). Уже въ V в. до Р. Хр. три этол. племени—аподоты, офіоны и эвританы—были сплочены въ союзъ, первыя же свѣдѣнія объ общемъ *Этолійскомъ союзѣ* (κοινὸν τῶν Αἰτωλῶν) восходятъ къ 322 г. до Р. Хр. Позднѣе къ союзу примкнули локры, еще позднѣе—дельфійцы, дорійцы и часть Акарнаніи (266 г.); въ 245 г. къ нему присоединились на нѣкоторое время беотійцы, около 229 г.—южные города Ѳессаліи; кромѣ того къ нему принадлежали нѣкоторые пелопоннесскіе города и даже мѣстности за предѣлами греческаго материка. Такимъ образомъ союзъ, бывшій первоначально племеннымъ, разросся до размѣровъ крупнаго политическаго организма, поглотивъ Дельфійскую амфиктіонію. Періодъ наивысшаго территоріальнаго и политическаго развитія союза относится ко времени войны между спартанскимъ царемъ Клеоменомъ и ахейскимъ союзомъ. Послѣ битвы при Селласіи, подъ македонскою гегемоніею былъ основанъ новый эллинскій союзъ, что ослабило значеніе Э. союза; акарнанцы, фокейцы, беотійцы и ѳессалійцы отпали отъ него. По смерти Антигона Дозона (221 г.) этоляне задумали вернуть себѣ утраченное вліяніе и прежде всего завоевать Мессенію, которая была намѣрена примкнуть къ эллинскому союзу. Мессеняне обратились къ ахейцамъ; возгорѣлась война между этолянами и ахейцами, окончившаяся, послѣ страшнаго разгрома греческихъ областей, въ 217 г., Навпактскимъ миромъ, по которому воюющія стороны должны были удержать за собою имѣвшіяся у нихъ въ моментъ заключенія мира владѣнія. Вскорѣ Филиппъ V (220—179) началъ войну съ римлянами, къ которымъ въ качествѣ союзниковъ присоединились этоляне, спартанцы, мессенійцы, элейцы и аѳиняне. Главную тяжесть войны должны были нести этоляне. Вынужденные крайнимъ истощеніемъ, они въ 205 г. заключили отдѣльный миръ съ Филиппомъ и вошли въ эллинскій союзъ, къ которому вскорѣ примкнулъ и Римъ. Въ 200 г. началась вторая римско-македонская война, во время которой этоляне сражались на сторонѣ римлянъ: при ихъ участіи была одержана побѣда римлянъ надъ македонянами при Киноскефалахъ (въ 197 г. до Р. Хр.). За это въ 196 г. они получили Локриду, Фокиду, Амбракію и Ойніады; но такъ какъ притязанія ихъ были черезмѣрны, то римляне заключили союзъ съ ахейцами, этоляне же, соединившись съ Антіохомъ, въ 191 г. были разбиты при Ѳермопилахъ. Послѣ окончательной побѣды римлянъ надъ Антіохомъ, въ 189 г., этоляне были вынуждены просить мира, который былъ данъ имъ подъ условіемъ уплаты 500 талантовъ контрибуціи и признанія верховной власти римскаго народа. Этимъ былъ нанесенъ окончательный ударъ существованію этол. союза.—Организація его была слѣдующая. Во главѣ союза стоялъ союзный предводитель или стратегъ, созывавшій войско по постановленію союзнаго собранія, имѣвшій главное начальство во время войны и руководившій засѣданіями совѣта и собранія. Другими видными должностными лицами были *гиппархъ* (начальникъ конницы), *секретарь*, *казначей*: всѣ они избирались народнымъ собраніемъ немедленно послѣ осенняго равноденствія. Союзный *совѣтъ*, состоявшій изъ представителей отдѣльныхъ городовъ, разсматривалъ важныя текущія дѣла, подготовлявшіяся для союзнаго собранія, и велъ переговоры съ иностранными государствами. Народныя *собранія* созывались обязательно разъ въ годъ (въ Ѳермѣ) для избранія должностныхъ лицъ, а по мѣрѣ необходимости—въ любомъ союзномъ городѣ. Рѣшенію собранія подлежали вопросы о войнѣ и мирѣ, о заключеніи договоровъ, о податяхъ, о введеніи новыхъ и отмѣнѣ старыхъ законовъ. — Ср. Brandstäter, «Die Geschichte des aetolischen Landes, Volkes und Bundes» (Берл., 1844); Freeman, «History of fe-

deral Government» (Л., 1893, I т.); Bücher, «Quaestionum amphictyonicarumspecimen. De gente aetolica Amphictyoniae participe» (Б., 1870, дисс.); Dubois, «Les ligues étolienne et achéenne» (П., 1864); Wilcken, статья «Aetolier» въ I т. Pauly-Wissowa, «Real-Encyclopädie der klassischen Altertumswissenschaft».

Н. О.

Этологія—терминъ, предложенный Миллемъ въ его логикѣ (книга VI, глава 5), для научной области, долженствующей заняться образованіемъ характера въ зависимости отъ физическихъ и моральныхъ условій. Психологія есть наука опытная, Э.—наука дедуктивная; первая изслѣдуетъ общіе законы духа, вторая слѣдитъ за сложной комбинаціей законовъ, слѣдов., есть болѣе конкретная наука. Э. находится въ такомъ же положеніи къ психологіи, въ какомъ физика—къ механикѣ. Основные принципы Э. суть axiomata media, ибо занимаютъ среднее положеніе между эмпирическими законами и высшими обобщеніями. Ожиданія Милля до настоящаго времени не оправдались; много собрано матеріала по характерологіи народовъ и индивидовъ, по дедуктивной науки о характерѣ до сихъ поръ нѣтъ и повидимому еще долго не будетъ.

Этре́—см. Эстре́.

Этрета (Etretat)—м. во франц. дит. Нижней Сены, у канала Ламаншъ; морскія купанья, съ сильною волною и песчаною, круто спускающеюся plage; заведеніе теплыхъ морскихъ ваннъ.

Этрополь, по-турецки *Атраболу*—гор. въ Болгаріи, въ Софійскомъ округѣ, на дорогѣ черезъ Э.-Балканъ, расположенъ на рѣкѣ Мал. Искеръ, на высотѣ 550 м., на сѣверномъ склонѣ Этропольскаго Балкана; жит. около 5000. Осенью 1877 г. позиція у этого города занята была однимъ изъ передовыхъ отрядовъ (4 батальона, 3 орудія) турецкой арміи Мегмета-али, расположенной на Арабконакскомъ перевалѣ. Для атаки позиціи у Э. назначено было нами $12^1/_4$ батальоновъ, 12 эскадроновъ и сотенъ съ 30 орудіями, подъ общимъ начальствомъ ген. Дандевиля. Угрожаемый атакою съ фронта и обходомъ съ праваго фланга, турецкій отрядъ, послѣ незначительной перестрѣлки, отступилъ 12 окт. къ Арабконаку, послѣ чего Э. былъ занятъ нашими войсками.

Этрурія (Etruria, Tuscia, Tyrsenia, Tyrrhenia).—Подъ Э. обыкновенно подразумѣваютъ сѣверо-западную область древней Италіи, граничившую на С съ Лигуріею, Галліею и землею Венетовъ, на В съ Умбріею по рѣкѣ Тибру, на ЮЗ съ Лаціумомъ; западную границу ея составляло названное по имени жителей страны—тирреновъ — Тирренское или Тусское море. Въ древнѣйшій періодъ исторіи Апеннинскаго полуострова, когда этруски господствовали, на сушѣ и на морѣ, надъ населеніемъ Верхней и Средней Италіи, въ предѣлы Э. входили также земли на С до Альповъ и на Ю до Кампаніи (включительно). Собственно Э. была изрѣзана отрогами Апеннинскаго хребта, раздѣлявшими область на плодородныя долины. При значительномъ плодородіи область изобиловала минеральными богатствами. Развитію торговли и промышленности и вообще культурно-экономическому процвѣтанію страны способствовала близость моря и удобныя гавани. Этруски, давшіе имя области, съумѣли воспользоваться ея физическими и географическими преимуществами и, при своей способности къ культурному развитію, создали цѣлую эпоху въ ранней исторіи Италіи. Вопросъ о происхожденіи этрусковъ (такъ называемый *Этрусскій вопросъ*), возбужденный и не рѣшенный въ древности, создалъ въ новѣйшей историко-филологической наукѣ цѣлую литературу. Археологія, поддерживаемая литературными свидѣтельствами древности, освѣтила нѣкоторыя спорныя положенія, но опредѣленнаго и полнаго рѣшенія вопроса мы еще не имѣемъ. Въ настоящее время большинство ученыхъ склонны признавать этрусковъ народомъ, пришедшимъ около 1000 г. до Р. Хр. въ Италію изъ Малой Азіи (Лидіи) моремъ; этапными пунктами въ этомъ переселеніи служили острова Эгейскаго моря Имбросъ, Лемносъ и Самоѳракія, а также полуостровъ Халкидика, гдѣ въ историческое время жило племя тирреновъ пелазговъ. Этрусскій языкъ признается не принадлежащимъ къ семьѣ индо-европейскихъ языковъ; характеръ его остается до сихъ поръ неразгаданнымъ. Прибывъ въ Италію, вѣроятно съ западнаго ея берега, этруски вытѣснили населявшихъ первоначально сѣверную часть полуострова умбровъ и, утвердившись на новой родинѣ, достигли съ теченіемъ времени высокой степени культурнаго и политическаго развитія. На то, что этруски заняли земли, принадлежавшія италійцамъ, указываютъ между прочимъ италійскія географическія названія въ мѣстностяхъ, которыя впослѣдствіи были населены этрусками: такъ, два этрусскихъ города Hatria и Spina, при устьѣ По, рѣка Umbro и городъ Camers въ Э. носятъ италійскія названія, удержанныя этрусками; жившіе въ Фалеріяхъ фалиски являются остаткомъ латинскаго населенія Э. Древнѣйшее племенное названіе этрусковъ, въ формѣ Турша или Туруша, упоминается уже въ египетскихъ памятникахъ царствованія Рамзеса II. Греки придали этому имени форму Тиррены (Τυρσηνοί, Τυρρηνοί), а въ латинскомъ языкѣ корень Turs далъ образованія Turscus и съ добавочнымъ слогомъ E- и съ перестановкой—E-trus-cus, откуда слово Etruria. Сами этруски называли себя *Разенами* (свободные). Теорія о малоазіатскомъ происхожденіи этрусковъ поддерживается Курціусомъ, фонъ-Дуномъ, Паули, Мильхгеферомъ, Бриціо, проф. Модестовымъ и др., отчасти Декке. По Нибуру, Отфр. Мюллеру, Гельбигу, Гзеллю, Марта этруски происходятъ отъ альпійскихъ ретовъ и пришли съ С; по Швеглеру, Корссену они—племя индогерманскаго происхожденія, родственное италійцамъ. Не смотря на то, что намъ извѣстно болѣе 7000 этрусскихъ надписей, не установлено еще родства этрусскаго языка съ какою-либо семьею языковъ. Швеглеръ, Корссенъ, Бугге, Латтесъ и нѣкоторые другіе считаютъ его индоевропейскимъ; Паули, Конве, (Conway),

Декке (отчасти), Бринтонъ, Торпъ, Томсенъ отрицаютъ этотъ взглядъ. Въ послѣднее время интересное мнѣніе предложилъ датскій ученый Томсенъ, сдѣлавшій попытку сблизить этрусскій языкъ съ кавказскими (очеркъ исторіи этрусскаго вопроса обстоятельно изложенъ въ книгѣ профессора Модестова: «Введеніе въ римскую исторію. Часть II. Этруски и Мессапы». СПб., 1904). — Подобно остальнымъ италійцамъ, этруски жили городами, объединенными въ союзы: такъ въ римскую эпоху въ собственно этрусскій союзъ входили 12 городскихъ общинъ: Тарквиніи (близъ нынѣшняго Corneto), Вольци, Ветулонія (по-этр. Vatl), Волатерры (по-этр. Velathra), Вольсинія (этр. Velsuna), Арреціи, Клузій (резиденція Порсенны), Цере (Агилла), съ усыпальницею Тарквиніевъ (Tarchnas), Кортона, Перузій, Популонія (по-этр. Pupluna; вмѣсто Популоніи первоначально въ союзѣ участвовали Веи), Рузеллы. Остальные города находились въ зависимости отъ этихъ двѣнадцати общинъ: такъ напр., Фалеріи зависѣли отъ Вей, Капена—отъ Фалерій. Собранія союза были очередныя (они назначались ежегодно весною) и чрезвычайныя и происходили при храмѣ богини Вольтумны. На этихъ собраніяхъ рѣшались общія дѣла союза (главнымъ образомъ вопросы о войнѣ и мирѣ), совершались общія религіозныя празднества; въ дни собраній устраивались игры и состязанія. Кромѣ упомянутаго союза были еще другіе (изъ 12-ти же городовъ), въ долинѣ рѣки По и въ Кампаніи. Господствующій въ этрусскихъ городахъ образъ правленія былъ первоначально царскій, позднѣе аристократическій, съ временными олигархами — лукумонами (этр. lauchme—лат. princeps). Въ VIII и VII в. политическое могущество этрусковъ распространялось на Лаціумъ и Кампанію; Римъ не разъ переходилъ во власть завоевателей—лукумоновъ. Историческіе отголоски этихъ событій можно видѣть въ сказаніяхъ о правленіи въ Римѣ рода Тарквиніевъ, о Целесѣ Вибеннѣ и Мастарнѣ; съ послѣднимъ Нибуръ отожествляетъ царя Сервія Туллія (ср. Gardhausen, «Mastarna oder Servius Tullius», Лпц., 1882). Тоже подтверждается и топографическими данными: существованіемъ этрусскаго некрополя на Эсквилинѣ и Тусскаго квартала (vicus Tuscus) въ Римѣ и другихъ городахъ Лаціума. Съ паденіемъ города Тарквиній (въ концѣ VI-го вѣка) этрусское владычество въ Лаціумѣ прекратилось, а черезъ столѣтіе политически окрѣпшій Римъ нанесъ Э. ударъ взятіемъ Вей (города столь же сильнаго, какъ и Римъ) и нѣсколько позднѣе Вольсиній. Послѣ пораженія, нанесеннаго римлянамъ галлами (387 г. до Р. Хр.), этруски снова взялись за оружіе, но окончательная побѣда въ этой войнѣ осталась за римлянами, которые въ результатѣ присоединили къ ager Romanus всю южную Э., учредивъ 4 трибы—Стеллатинскую, Трометинскую, Сабатинскую и Арискую, а нѣсколько позже основали колоніи Сутрій (383 г.) и Непетъ (373). Рядъ мелкихъ войнъ римлянъ съ этрусками наполняетъ IV столѣтіе до Р. Хр. Тѣснимые римлянами и галлами, они не могли удержать своей самостоятельности и къ 280 г. окончательно перешли на положеніе подвластныхъ Риму союзниковъ, настолько подчинившись римскому вліянію, что даже побѣды Ганнибала не побудили ихъ возстать противъ римскаго владычества. Богатыя археологическія сокровища, добытыя при раскопкахъ этрусскихъ некрополей и городовъ, даютъ намъ яркую и достаточно полную картину этрусской культуры, которая получаетъ еще болѣе опредѣленные контуры при сопоставленіи ея съ литературными свидѣтельствами древности. Нельзя сказать, чтобы во всемъ эта культура была оригинальна и самостоятельна: факты языка, письменности, религіи и искусства свидѣтельствуютъ о томъ, что этруски заимствовали многое у грековъ и италійцевъ. Въ то же время неоспоримо, что они передали сами весьма многое италійцамъ и въ частности Риму, который состоялъ съ ними въ наиболѣе тѣсной связи. Такъ, заимствовавъ у грековъ ихъ алфавитъ, художественныя формы и пріемы въ области живописи, керамики и отчасти архитектуры (храмовой), ихъ боговъ Лето (Летунъ), Аполлона (Аплу), Аида (Аита) и др., а у италійцевъ (resp. римлянъ) ихъ боговъ Нептуна (Нетунсъ), Минерву (Менрва), Сильвана (Сельвансъ), Марса (Масъ, Марисъ), Луну (Лушнеи), Юнону (Уни), Януса (Ани), Вулкана (Вельхансъ) и др., быть можетъ формальный характеръ религіи, а также многочисленныя италійскія слова и понятія, они въ свою очередь передали италійцамъ греческій алфавитъ, а римлянамъ—весьма многое въ области религіозной, общественной, военной и частной жизни. Къ наиболѣе характернымъ сторонамъ этрусской національной культуры относится ихъ зодчество, перенесенное изъ Малой Азіи на новую родину этрусковъ. Какъ показываютъ развалины древнихъ поселеній Э., этруски имѣли обычай обносить свои города, которые обыкновенно строились на крутыхъ возвышенностяхъ, стѣнами изъ полигональныхъ туфовыхъ глыбъ и параллелепипедовъ съ косыми углами; лишь позднѣе практиковалась кладка перемѣнными рядами, изъ прямоугольныхъ камней. Такими (такъ наз. пелазгическими) стѣнами были окружены города Цере съ гаванью Пиргами, Тарквиніи, Коза, Ветулонія, Вольци, Сатурнія, Рузеллы, Волатерры, Популонія и др. Вмѣстѣ съ тѣмъ былъ перенесенъ изъ Малой Азіи и сводъ, который примѣнялся этрусками при сооруженіи воротъ и каналовъ (см. Этрусское искусство). О восточномъ происхожденіи этрусковъ свидѣтельствуютъ также ихъ религіозныя и гражданскія, общественныя и частныя учрежденія, въ томъ числѣ тѣсно связанная съ религіозною и гражданскою жизнью этрусковъ *дивинація*—искусство угадыванія воли боговъ, называвшееся у римлянъ *этрусскимъ знаніемъ* (disciplina Etrusca), и прежде всего искусство гаданія по внутренностямъ животныхъ (haruspicina). Несомнѣнно самобытными явленіями этрусской культуры слѣдуетъ признать ихъ музыку (флейты и трубы), фасоны одежды и обуви, аттрибуты высшей власти. У этрусковъ римляне заимствовали 12 ликторовъ, кресло изъ слоно-

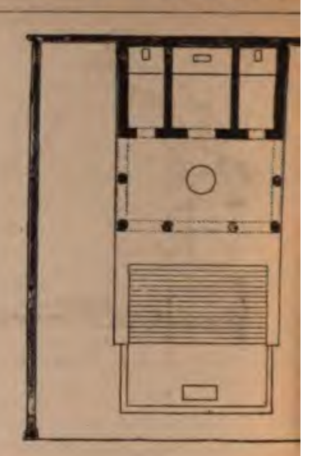
вой кости, пурпуровую и окаймленную пурпуромъ тогу, какъ и вообще покрой тоги, вышитую пальмовыми вѣтвями тунику, башмаки съ загнутыми вверхъ носками. Этрусская религія носила мрачный и жестокій характеръ и признавала полную, рабскую зависимость человѣка и человѣческаго общества отъ боговъ. Всѣ акты человѣческой жизни были обставлены—какъ у римлянъ—опредѣленными обрядами (церемоніями—слово, которое римляне производили отъ названія этрусскаго города Цере). Чтобы расположить къ себѣ боговъ, этруски старались быть исполнительными въ отправленіи своихъ религіозныхъ обязанностей; вмѣстѣ съ тѣмъ они умѣли управлять этою волею посредствомъ молитвъ и обрядовъ. Они вѣрили въ возмездіе послѣ смерти и посмертную жизнь обставляли всевозможными представленіями ужаса. Къ числу національныхъ этрусскихъ божествъ относятся Туранъ (богиня любви), Тумусъ (=Гермесъ), Сеѳлансъ (богъ огня), Фуфлунсъ (богъ вина), Ларанъ (богъ войны), Ѳесанъ (богиня зари), Вольтумна, Норція, Лары и боги смерти—Калу, Кульсу, Лейонъ и др. Религіозное ученіе этрусковъ было изложено въ священныхъ книгахъ, составленіе которыхъ приписывалось Тагету (отсюда и названіе книгъ—libri Tagetici). Римляне, сдѣлавшіе переводы этихъ книгъ, различали книги о грозовыхъ явленіяхъ, о гаданіяхъ по внутренностямъ животныхъ, о знаменіяхъ и о разныхъ обрядахъ. Относительно общественной жизни этрусковъ извѣстно, что у нихъ существовалъ классъ свободныхъ (раснесъ, откуда національное названіе этрусскаго народа—Разены), крѣпостныхъ (этера) и вольноотпущенниковъ (лаутни). Этрусскія женщины пользовались вообще почетнымъ положеніемъ и свободою; судя по могильнымъ фрескамъ, онѣ имѣли право участвовать въ пирахъ, сидя рядомъ съ мужчинами; имена у этрусковъ давались не по отцу, а по матери. Благодаря матеріальной обезпеченности жителей, которая была слѣдствіемъ какъ физическихъ богатствъ страны, такъ и живой торгово-промышленной дѣятельности, этрусскіе города жили привольною, пышною жизнью, даже при римскомъ владычествѣ: этруски любили пиршества, праздники; отъ нихъ римляне заимствовали многія формы внѣшняго блеска и развлеченій, начиная съ фасона башмака и кончая чиномъ тріумфальныхъ процессій. Главными продуктами страны были хлѣбъ (просо), ленъ, лошади, быки, свиньи, воскъ, медъ, мѣдь, желѣзо, серебро, камень для построекъ, глина, вино (фалернское); къ предметамъ вывоза относились оружіе, ювелирныя и металлическія издѣлія, ткани, глиняная посуда (красная—изъ Арреція, матово-черная—изъ Клузія). Торговля была исконнымъ занятіемъ этрусковъ, которые, занимаясь издавна пиратствомъ, имѣли также недурной флотъ, служившій мирнымъ цѣлямъ. О богатствѣ матеріальной культуры этрусковъ свидѣтельствуетъ убранство многочисленныхъ могилъ въ этрусскихъ некрополяхъ, напр. близъ Черветри (Цере) или Корнето (Тарквинія). Кромѣ упомянутыхъ выше городовъ, этрускамъ принадлежали: въ Верхней Италіи—Мельпумъ, Фельсина (Бононія), Мантуя, Спина, Атрія, Равенна, отошедшія позднѣе къ кельтамъ, Лука, Луна, Пизы и Фезулы, отошедшія къ лигурійцамъ; въ сѣверной Э.—Сена; въ средней и южной Э.—Сатурнія, Кѳза, Суана, Кортона, Перузія, Визенцій, Ферентинъ, Полимарцій, Блера, Сутрій, Непете, Капена. Кромѣ того, этрусскіе города (числомъ 12) были въ Кампаніи, напр., Вольтурнъ, Урина, Суррентъ; къ числу этрусскихъ названій въ Кампаніи слѣдуетъ отнести также имена рѣки Кланія и Стеллатской области. Съ III в. по Р. Хр. названіе Э. вытѣсняется именемъ сначала Тусціи и затѣмъ Тосканы. Названіе Э. съ титуломъ королевства было возстановлено 10 окт. 1890 г. первымъ консуломъ Бонапартомъ, отдавшимъ Э. наслѣдному принцу Людовику Пармскому. Послѣ его смерти (1803) вдова его Луиза, инфанта испанская, вступила въ управленіе Э. въ качествѣ опекунши своего сына Карла-Людовика, но въ 1807 г. должна была, вслѣдствіе соглашенія Франціи съ Испаніей, сложить свою власть, и Э. сдѣлана французской провинціей (10 мая 1808 г.). Въ 1809 г. сестра Наполеона Элиза Баччіоки была назначена штатгальтершей въ Э. съ титуломъ великой герцогини Тосканской. Въ 1814 г. Э. возвращена была вел. герцогу Фердинанду III (см.).

Литература объ этрускахъ приведена въ названномъ выше сочиненіи проф. Модестова; кромѣ того см. Hellwald, «Kulturgeschichte» (т. II, 1896, съ статьею объ этрускахъ, написанною Deecke; имѣется русск. перев., СПб., 1899); Ed. Meyer, «Geschichte des Abendlandes» (т. II, Штутгартъ, 1893); Jung, «Grundriss der Geographie von Italien und dem Orbis Romanus» (Мюнхенъ, 1897); Iw. Müller, «Handbuch der klassischen Altertumswissenschaft» (III т., 3 отд., I половина).

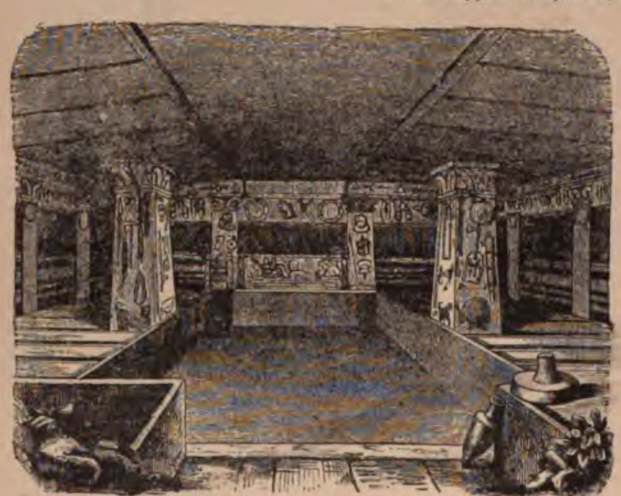
Н. Обнорскій.

Этрурское или **Этрусское искусство**.—Въ исторіи искусства древнихъ народовъ видное мѣсто занимаютъ этрурцы или этруски (туски, тиррены)—племя, обитавшее въ нынѣшней Тосканѣ, распространившееся оттуда на Сѣверъ Италіи въ бассейнъ рѣки По и на Ю до греческихъ колоній и бывшее, повидимому, смѣсью прежняго населенія страны, умбрійцевъ, съ выходцами изъ Малой Азіи, изъ Лидіи. Ко времени основанія Рима этруски уже обладали довольно высокою культурою и значительно развитымъ искусствомъ, сложившимся, въ духѣ мрачныхъ воззрѣній и суровыхъ нравовъ этого племени, изъ мѣстныхъ элементовъ и изъ многочисленныхъ заимствованій отъ финикіянъ и грековъ, съ которыми у него существовали постоянныя сношенія. Этруски явились первыми наставниками римлянъ въ искусствѣ и удовлетворяли всѣ ихъ художественныя потребности до тѣхъ поръ, пока Римъ, покоривъ себѣ Грецію, не познакомился ближайшимъ образомъ съ ея болѣе совершенными произведеніями Греціи, и толпа ея художниковъ не устремилась въ него. Въ Э. искусствѣ особенно сильно отразились грече-

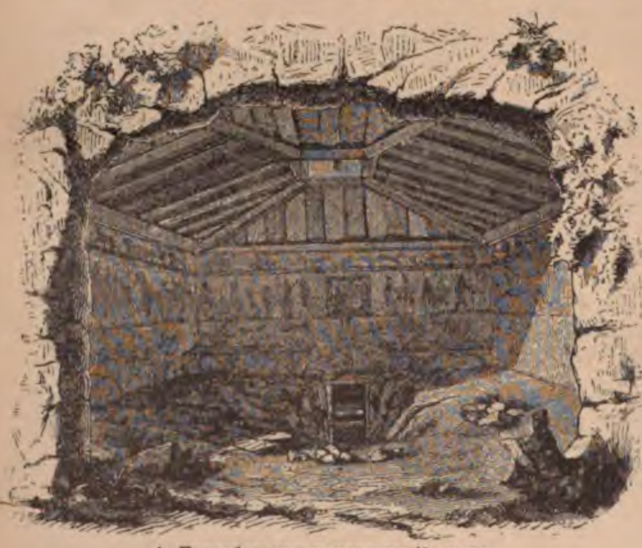
1 и 2. Этрускій храмъ (видъ и планъ).

3. Погребальная камера въ Черветри.

9. Этрусское ручное зеркало, укр
гравировкою (въ Берл. муз

4. Погребальная камера въ Корнето.

6. Сарк

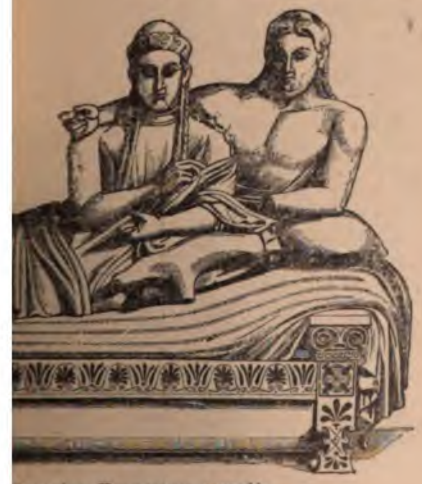

12. Ворота въ Вольтеррѣ.

5. Колонна изъ Кукумеллы въ Вульчи.

11. Ваза висскаго пего (во Флорент. муз.).

7. Урна въ видѣ дома, изъ Кьюзи (во Флор. муз.).

10. Этрусская подставка свѣтильника (нъ Флорент. муз).

Цере (въ Луврскомъ музеѣ).

8. Стѣнная живопись изъ одной усыпальницы въ Цере (въ Луврскомъ музеѣ).

скія черты, но оно имѣло и много собственныхъ характерныхъ особенностей—разрабатывало нѣкоторыя представленія, совершенно чуждыя грекамъ, искажало греческія формы тамъ, гдѣ пыталось ихъ усвоить, невольно лишало стиль идеальности, замѣняя ее сухою и грубою реалистичностью, и оставалось въ пеленкахъ архаизма въ то время, когда греческое искусство уже окончательно освободилось отъ нихъ. Вообще Э. искусство было направлено къ удовлетворенію не столько эстетическаго чувства, сколько практическихъ, утилитарныхъ цѣлей.

Памятниковъ Э. *архитектуры* сохранилось немного. Въ стѣнахъ древнихъ этрурскихъ городовъ мы находимъ всѣ роды циклопической и полигональной кладки. Лучшіе образцы правильной полигональной кладки безъ употребленія цемента представляютъ городскія стѣны Коссы и Пренесте (Палестрины). Неправильное наслоеніе отесанныхъ камней встрѣчается въ стѣнахъ Фезулъ (Фьезоле), Перузіи (Перуджіи), Волатерръ (Вольтерры), Кортоны и Ветулоніи. Правильную кладку, отличающуюся въ Этруріи тѣмъ, что камни четырехугольной призматической формы обращены кнаружи попеременно длинными прямоугольными и короткими квадратными сторонами, мы видимъ въ Фалеріяхъ и въ Ардеѣ, а также въ древнѣйшихъ частяхъ стѣнъ Рима. До недавняго времени въ особенную заслугу этрускамъ ставили то, что они первые въ Европѣ стали выводить своды изъ клинообразно отесанныхъ камней; ихъ считали даже изобрѣтателями такого свода, но теперь дознано, что онъ уже давно былъ извѣстенъ на Востокѣ и въ Греціи. Какъ бы то ни было, этруски, кромѣ фальшиваго свода, т. е. образуемаго выступами верхнихъ камней правильной горизонтальной кладки надъ нижними камнями, какъ напр. въ воротахъ Арпино, въ римскомъ Carcer Mamertinum и въ камерѣ надъ цистерною въ Тускулумѣ, устраивали очень искусно и настоящіе своды; объ этомъ свидѣтельствуетъ громадная Cloaca Maxima въ Римѣ, одни изъ воротъ въ городскихъ стѣнахъ Перуджіи и тріумфальная арка съ тремя изваяніями головъ на начальныхъ камняхъ и на замковомъ камнѣ ея свода, въ Вольтеррѣ. Объ этрускихъ храмахъ мы можемъ составить себѣ понятіе единственно по ихъ описанію у Витрувія; отъ нихъ не дошло до насъ ничего, кромѣ слѣдовъ основаній и скудныхъ обломковъ (въ Алатри, Чивита-Кастеланѣ, Фалеріяхъ и Марцаботто): то обстоятельство, что въ ихъ конструкцію входило много дерева, равно какъ и быстрое исчезновеніе самихъ этрусковъ съ исторической сцены, помѣшали этимъ памятникамъ ихъ зодчества сохраниться хоть сколько-нибудь. Вообще этрурскій храмъ существенно отличался отъ греческаго, не смотря на то, что заимствовалъ отъ него свои главныя черты. На его высокое основаніе вела лѣстница, устроенная только съ одной, лицевой стороны. Самый храмъ представлялъ въ планѣ четырехугольникъ, переднюю часть котораго занималъ широкій и глубокій портикъ съ фронтономъ, поддерживаемымъ четырьмя колоннами, имѣвшій иногда въ своей глубинѣ еще двѣ или нѣсколько колоннъ. Каждый изъ трехъ промежутковъ между колоннами фасада велъ ко входной двери въ одну изъ трехъ целлъ, на которыя раздѣлялся храмъ. Каждая целла была посвящена одному божеству, а нерѣдко и тремъ божествамъ заразъ. Средній интервалъ между колоннами и средняя целла обыкновенно были шире остальныхъ. Задняя стѣна и боковыя стѣны зданія были глухія, но лицевая колоннада часто продолжалась и по его бокамъ. Такъ какъ вся верхняя часть храма строилась по большей части изъ дерева и потому не нуждалась въ особенно солидной поддержкѣ, то колонны были тонки и стройны. Своимъ стилемъ онѣ напоминали греческія дорическія колонны, но формы ихъ капителей и базъ были тощи и лишены гармоничной соразмѣрности. Кромѣ такихъ колоннъ, употреблялись столбы и колонны, смахивающія на іоническія и коринѳскія, но плохо обработанныя. Антаблементъ первоначально не заключалъ въ себѣ собственно фриза. Надъ сильно выступающимъ впередъ карнизомъ поднималась двускатная крыша, болѣе крутая, чѣмъ у греческихъ храмовъ; образуемый ею фронтонъ былъ высокъ и грузенъ. Впослѣдствіи, подъ вліяніемъ греческихъ образцовъ, явились: на антаблементѣ триглифный фризъ, имѣвшій, однако, лишь декоративное значеніе, надъ вершиною и надъ нижними концами фронтона терракоттовыя или бронзовыя украшенія (акротеріи), а на его тимпанѣ такіе же статуи и рельефы. Знаменитѣйшимъ храмомъ этрурскаго стиля былъ храмъ Юпитера на Капитолійскомъ холмѣ въ Римѣ, заложенный, приблизительно, въ 509 г. до Р. Хр. Кромѣ этого святилища, существовало въ Римѣ нѣсколько другихъ храмовъ этрурскаго типа. По свидѣтельству Витрувія, этруски, наряду съ храмами четырехугольнаго плана, строили также и круглые; едва-ли впадешь въ ошибку, если представишь себѣ храмы этого рода похожими въ маломъ видѣ и въ общихъ чертахъ на римскій Пантеонъ, т. е. зданіями цилиндрической формы съ приставленнымъ спереди портикомъ. Самая многочисленная категорія уцѣлѣвшихъ произведеній этрурскаго зодчества — погребальные памятники. Ни одинъ народъ въ древнемъ мірѣ, кромѣ египтянъ, не заботился столь внимательно объ устройствѣ мѣстъ вѣчнаго успокоенія для умершихъ, какъ этруски. Ихъ кладбища, занимающія обширныя пространства, отмѣчаютъ собою главные пункты этрурской осѣдлости. Наиболѣе простыя изъ усыпальницъ, встрѣчаемыхъ въ этихъ некрополяхъ, можно причислить къ разряду кургановъ, обычныхъ у первобытныхъ народовъ. Устроенныя нерѣдко въ очень большомъ размѣрѣ, онѣ состояли изъ круглаго, правильно сложеннаго изъ камня основанія и изъ поднимающейся надъ нимъ громадной земляной насыпи въ видѣ конуса, который иногда замѣнялся нѣсколькими конусами или коническими башнями; внутри такого памятника находилась погребальная камера, крытая ложнымъ или настоящимъ сводомъ. Этотъ типъ

усыпальницъ, возникшій, безъ сомнѣнія, въ самой Италіи, удержался въ ней до послѣднихъ временъ римской имперіи. Къ числу грандіознѣйшихъ памятниковъ подобнаго рода принадлежитъ, такъ назыв. «Кукумелла», близъ Вульчи. По описаніямъ древнихъ авторовъ, гробница Порсены состояла изъ пяти башенъ на четырехугольномъ подножіи, причемъ четыре изъ нихъ находились на его углахъ, а пятая въ срединѣ. Позднѣйшій образецъ такого устройства представляетъ собою такъ назыв. «Гробница Гораціевъ и Куріаціевъ» въ Альбано, въ окрестностяхъ Рима. Есть также надгробные памятники въ видѣ четырехугольныхъ мавзолеевъ, сложенныхъ изъ плитъ, съ пирамидальнымъ каменнымъ же верхомъ, отдѣленнымъ отъ низа широкою полосою валовъ и желобовъ, каковы, напр., находящіеся въ Орвіето. Третій типъ этрурскихъ усыпальницъ, пещеры, вырубленныя въ скалѣ, представляютъ собою, очевидно, заимствованіе съ Востока, изъ Лидіи. Онѣ устраивались тамъ, гдѣ это было возможно, и нерѣдко украшались гладкимъ фасадомъ, средину котораго занимала дверь, по большей части фальшивая, и который оканчивался вверху горизонтальною полосою валовъ и желобовъ, подобною только-что упомянутой. Внутренность этрурскихъ усыпальницъ — еще любопытнѣе ихъ наружности. Вѣра въ загробное существованіе человѣка побуждала устраивать ихъ по образцу жилыхъ покоевъ. Умершихъ, или ихъ саркофаги, или же урны съ ихъ пепломъ, помѣщали на скамьяхъ у стѣнъ или въ нишахъ въ родѣ альковоwъ, при чемъ для того, чтобы отошедшіе на тотъ свѣтъ не испытывали нужды ни въ чемъ необходимомъ, ихъ окружали въ изобиліи различною домашнею утварью. Двери, настоящія или фальшивыя, были обрамлены наличниками, имѣвшими вверху выступы въ ту и другую стороны, вправо и влѣво (характеристично-этрурскій мотивъ). Въ одной изъ усыпальницъ въ Черветри высѣчены въ скалѣ сѣдалища красивой формы. Отдѣлка потолка въ погребальныхъ камерахъ подражала деревяннымъ крышамъ этрурскихъ домовъ; когда того требовала величина камеры, его подпирали столбами, какъ напр., въ Черветри, или колоннами, какъ напр. въ Бомарцо, при чемъ вырубались на немъ подобія балокъ и прочихъ подробностей конструкціи деревянныхъ потолковъ. Нерѣдко встрѣчаются также потолки съ настоящими кассетами. Одна изъ усыпальницъ въ Корнето даетъ наглядное понятіе о внутреннемъ видѣ описаннаго Витрувіемъ этрурскаго атрія въ жилыхъ домахъ, съ его отверстіемъ для свѣта въ срединѣ потолка, еще не подпертаго, какъ у римлянъ, колоннами; о наружности же такихъ домовъ можно составить себѣ представленіе по одной терракоттовой урнѣ въ видѣ дома, хранящейся во флорентійскомъ музеѣ. Другая урна того же музея доказываетъ, что у этрусковъ существовали также дома съ фронтономъ и безъ отверстія въ крышѣ, получавшіе освѣщеніе чрезъ широкія окна въ боковыхъ стѣнахъ или чрезъ открытыя галлереи.

Въ дѣлѣ *скульптуры* этруски находились подъ греческимъ, а именно іоническимъ вліяніемъ, не двигаясь впередъ за границы архаизма. Главнымъ матеріаломъ для ваянія была у нихъ глина. Терракоттовыя статуя Юпитера въ его капитолійскомъ храмѣ, въ Римѣ, квадрига, стоявшая на конькѣ фротона этого зданія, и другія его скульптурныя украшенія были исполнены этрурскимъ мастеромъ, Волканіемъ (Вулькомъ) изъ Вейевъ. Эти произведенія исчезли безслѣдно. Крупныя терракоттовыя фигуры сохранились для насъ главнымъ образомъ на крышкахъ саркофаговъ. Замѣчательнѣйшія изъ скульптуръ этого рода происходятъ изъ Черветри и хранятся одна въ Луврскомъ музеѣ, въ Парижѣ, а другая въ британскомъ музеѣ, въ Лондонѣ. Онѣ изображаютъ по четѣ супруговъ, полусидящихъ на ложѣ, моделированы сухо, архаически, неправильно въ отношеніи пропорцій, но очень жизненно. Въ этихъ и подобныхъ имъ группахъ, равно какъ и въ отдѣльныхъ статуяхъ, не трудно подмѣтить основныя черты древне-греческаго стиля, но также и стремленіе вѣрно и просто передавать дѣйствительность. Этруски славились искусствомъ литья изъ бронзы, но о немъ даютъ намъ нѣкоторое понятіе не столько его образцы, дошедшіе до насъ, сколько указанія письменныхъ источниковъ. Донынѣ остается нерѣшеннымъ вопросъ относительно знаменитой бронзовой «Волчицы, кормящей своею грудью младенцевъ Ромула и Рема» (находится въ палаццо деи-Консерватори, въ Римѣ). Въ этомъ изваяніи, какъ извѣстно, фигуры братьевъ близнецовъ прибавлены въ XVI столѣтіи итальянскимъ художникомъ Гульельмо делла-Портою, что же касается до самой волчицы, то она возбуждала много споровъ: одни признавали ее этрурскимъ произведеніемъ, другіе чисто-греческимъ, а нѣкоторые приписывали ее даже христіанскимъ Среднимъ вѣкамъ. Всего вѣроятнѣе, что она изваяна грекомъ-іонійцемъ въ Средней Италіи, для Рима, лѣтъ за 500 до Р. Хр. Изъ каменныхъ произведеній этрурской скульптуры достойны вниманія преимущественно известняковыя надгробныя стелы, сверху закругленныя, украшенныя рельефами, встрѣчающіяся поодиночкѣ въ Тосканѣ и находимыя въ большомъ количествѣ близъ Болоньи. Тосканскія стелы, хранящіяся напр. въ палаццо Буонарроти, во Флоренціи, представляютъ изображенія отдѣльныхъ фигуръ сильныхъ, приземистыхъ воиновъ съ длинными волосами на головѣ, съ широкими бедрами, въ строго-профильномъ положеніи. Стелы изъ Чертозы, близъ Болоньи, которыя можно изучить лучше всего въ музеѣ этого города, украшены низко-рельефными, обрамленными волнистою лентою изображеніями воинскихъ игръ, сраженій, сценъ выступленія въ походъ и прощанія; въ этихъ рельефахъ отражаются всѣ фазы развитія греческихъ формъ вплоть до персидскихъ войнъ, но въ исполненіи скорѣе ремесленномъ, чѣмъ художественномъ.

Еще поучительнѣе статуй и рельефовъ — произведенія этрурской *живописи*, пережившія много десятковъ вѣковъ въ тиши и потемкахъ погребальныхъ камеръ. Этруски лю-

были украшать посмертные пріюты своихъ близкихъ стѣнными картинами и изображали въ нихъ сцены вседневной жизни, охоты, пиршествъ, похоронныхъ обрядовъ, предполагаемаго загробнаго существованія съ участіемъ крылатыхъ божествъ смерти, свѣтлыхъ и мрачныхъ, а въ позднѣйшую пору также сюжеты, почерпнутые изъ греческой миѳологіи. Большинство такихъ картинъ находится въ усыпальницахъ Корнето, Кьюзи, Черветри, Вульчи и Орвіето; въ другихъ некрополяхъ стѣнная живопись встрѣчается только въ единичныхъ случаяхъ. Въ техническомъ отношеніи, это—контурные рисунки, исполненные на сырой извести, иллюминированные настоящимъ фресковымъ способомъ и лишь кое-гдѣ нѣсколько подправленные темперою. Фонъ стѣнъ былъ обыкновенно бѣлый или желтоватый; краски, въ которыхъ изображеніе выдѣлялось на этомъ фонѣ, были сперва очень немногочисленны—темнокоричневая, красная и желтая; потомъ къ нимъ прибавились синяя, сѣрая, бѣлая, различные оттѣнки красной и, позднѣе, зеленая. Подъ конецъ этруски научились получать переходные тона посредствомъ смѣшенія основныхъ красокъ. Художественное достоинство этихъ фресокъ не одинаково: нѣкоторыя исполнены робко, съ принужденными и условными положеніями фигуръ и съ неумѣлою укладкою драпировокъ; другія—гораздо смѣлѣе и совершенно подходятъ по стилю къ греческой вазовой живописи. Группировка фигуръ — довольно простая и по большей части ограничивается расположеніемъ ихъ въ одинъ рядъ и нерѣдко въ отдѣленіи ихъ другъ отъ друга деревьями или виноградными лозами. Поразительна раскраска фигуръ, до того произвольная и противоестественная, что можно подумать, будто люди и звѣри выкрашены такъ изъ шалости; напр. въ одномъ погребальномъ гротѣ въ Вейяхъ, у лошади голова черная, грива желтая, спина красная, а ноги оранжевыя и черныя. Но, быть можетъ, цвѣта красокъ въ подобныхъ случаяхъ имѣли какое-либо неразгаданное нами символическое значеніе.

Въ заключеніе обзора памятниковъ Э. искусства необходимо остановиться ненадолго на произведеніяхъ *художественной промышленности.* Благодаря обычаю этрусковъ помѣщать въ погребальныхъ камерахъ всякаго рода предметы домашняго обихода, такихъ произведеній дошло до насъ огромное количество. Многія изъ нихъ—финикійскаго, многія греческаго происхожденія. Послѣднее имѣютъ въ особенности глиняныя вазы разныхъ формъ. Большинствомъ сохранившихся греческихъ глиняныхъ сосудовъ мы обязаны именно этрурскимъ усыпальницамъ. Однако, въ Этруріи развилась и собственная, мѣстная керамика, процвѣтавшая наряду съ греческой до конца IV вѣка. Особый родъ спеціально этрурскихъ керамическихъ издѣлій составляютъ такъ назыв. вазы «bucchero nero», цвѣтущій періодъ которыхъ падаетъ на VI и V вѣка. Глина, изъ которой онѣ сдѣланы—совершенно черная; онѣ сплошь покрыты рельефами, имѣющими вначалѣ восточный характеръ, потомъ постепенно эллинизирующимися, но остающимися въ границахъ архаизма. Въ V вѣкѣ эти вазы фабриковались главнымъ образомъ въ Кьюзи. По всей поверхности такого сосуда разбросаны—обыкновенно безъ всякой взаимной связи—фигуры людей и животныхъ, головы и маски, розетки и кольца. Во многихъ случаяхъ прототипами издѣлій этого рода служили металлическіе сосуды Востока. Какъ на разновидность вазъ «bucchero nero», можно указать на полендрарскія вазы, изготовленныя изъ красной глины, но покрытыя чернымъ лакомъ и украшенныя цвѣтными рельефами. Производство ихъ сосредоточивалось въ Вульчи (Полендрарѣ). Само собою разумѣется, что этруски старались подражать расписнымъ греческимъ вазамъ, которыя привозились къ нимъ во множествѣ. Эти подражанія, относящіяся впрочемъ, лишь къ самому послѣднему времени вазовой живописи, нерѣдко такъ удачны, что отличить ихъ отъ греческихъ произведеній можно только по присутствію въ ихъ рисункахъ этрурскихъ фигуръ, напр., крылатаго бога съ молотомъ въ рукахъ, и по этрурскимъ надписямъ. Кромѣ керамическихъ издѣлій, усыпальницы этрусковъ доставили археологическимъ музеямъ массу изящныхъ металлическихъ вещей—серебряныхъ кубковъ и чашъ, золотыхъ и серебряныхъ женскихъ уборовъ, бронзовыхъ зеркалъ на фигурной ножкѣ или съ фигурною ручкой, украшенныхъ на задней сторонѣ гравированными очерками различныхъ сценъ, бронзовыхъ ларцовъ (цистъ) съ гравированными или рельефно-выбитыми на нихъ изображеніями, подставокъ подъ свѣтильники, треножниковъ, висячихъ лампъ и т. д. Одни изъ этихъ предметовъ сработаны довольно грубо, робкою или небрежною рукою, безъ большого художественнаго чутья; другіе, напротивъ того, отличаются тщательностью отдѣлки и свидѣтельствуютъ о вкусѣ своихъ исполнителей. Во всѣхъ выказывается, однако, любовь этрусковъ къ красивымъ формамъ, которыя они заимствуютъ у грековъ и перерабатываютъ болѣе или менѣе удачно въ своемъ національномъ духѣ.—Ср. J. Martha, «L'Art etrusque» (Парижъ, 1889); Dennis, «The cities and cimeteries of Etruria» (Лондонъ, 1870, 2 тома); L. Canina, «Etruria maritima» (Римъ, 1846—51); J. Durm, «Die Baukunst der Etrusker und Römer» (Дармштадтъ, 1885); H. Brunn, «I rilievi delle urne etrusche» (Римъ, 1870); Ed. Gerhardt, «Etruskische und Kampanische Uasenbilder» (Берлинъ, 1843); его же, «Etruskische Spiegel» (Берлинъ, 1843—97 и слѣд.); G. Koerte, «I rilievi delle urne etrusche» (Берлинъ, 1890) и пр. *А. С—въ.*

Этти (Уильямъ Etty, 1787—1849)—англійскій живописецъ, будучи юношей, въ теченіе семи лѣтъ находился въ ученьѣ у одного типографщика на своей родинѣ, въ Іоркѣ, но, побуждаемый охотою сдѣлаться художникомъ, отправился въ 1807 г. въ Лондонъ, сталъ посѣщать классы тамошней академіи и чрезъ нѣкоторое время поступилъ въ ученики къ знаменитому Лауренсу, въ мастерской котораго пробылъ, однако, всего около года. Покинувъ ее, онъ развивался самостоятельно,

fränkische Jungfrauenheer» (1846); «Die Lieder der Edda von den Nibelungen» (1837); «Beowulf» (1840); «Gudrunlieder» (1841); «Handbuch der deutschen Litteratur» (1847); «Theophilus, der Faust des Mittelalters» (1849); «Altnordisches Lesebuch» (1861); «Herbstabend u. Winternächte» (1865—67); «Altnordischer Sagenschatz» (1870).

Этуаль или *Летуаль* (Пьеръ de L'Estoile или Lestoile)—французскій писатель (1546—1611), составитель точнаго, мелочного и подробнаго «Journal des choses advenues durant le règne de Henri III» (1621) и «Mémoires pour servir à l'histoire de France depuis 1574 iusqu'en 1611» (1719; нов. изд. подъ загл. «Journal inédit du règne de Henri IV», 1862).

Этцель (Etzel) — легендарный король гунновъ, женатый вторымъ бракомъ на Кримгильдѣ, героинѣ поэмы о Нибелунгахъ. Онъ же подъ именемъ *Атли* выступаетъ въ Эддѣ и Вельсунга-сагѣ. Ср. Нибелунги. Рядъ чертъ въ легендарной біографіи Э. доказываетъ, что основою ея являются историческія преданія объ Аттилѣ (см.).

Этцталь (Oetzthal, т. е. долина р. Этца—Oetz) — альпійская долина въ Тиролѣ, послѣ Циллерталя самая большая изъ боковыхъ долинъ р. Инна; достигаетъ 60 км. длины, орошается р. Этцемъ, которая выше Гайминга впадаетъ въ Иннъ; отличается замѣчательно красивыми ландшафтами, широкими глетчерами, многочисленными водопадами. Со времени открытія Арльбергской жел. дор. долина сдѣлалась вполнѣ доступной для путешественниковъ (со станцій Э. и Ропценъ). Уступы долины Этцъ, Умгаузенъ, Ленгенфельдъ и Зёльденъ слѣдуютъ одинъ за другимъ въ направленіи съ С на Ю, пока у Цвифельштейна долина не развѣтвляется на двѣ, получившія свои названія отъ двухъ деревень: Фендъ (1892) и Гургль (1910 м.), представляющія собою самые высоколежащіе пункты съ постояннымъ населеніемъ въ Европѣ. Нижняя часть долины Э. очень плодородна; особенно хорошо здѣсь родится ленъ, затѣмъ маисъ и пшеница; дальше вверхъ скотоводство является чуть не исключительнымъ источникомъ средствъ къ существованію для жителей, число которыхъ достигаетъ 6000—7000 чел. *Этцтальскіе Альпы*, представляющіе самый мощный горный хребетъ Среднихъ Альповъ въ Тиролѣ, ограничиваются Инномъ, Зиллемъ, Бреннеромъ, Эйзакомъ, Эчемъ и Решеншейдекомъ. Они занимаютъ около 4130 кв. км., изъ которыхъ болѣе 550 кв. км. покрыто ледниками. Главныя ихъ группы—Этцтальская (въ тѣсномъ значеніи слова), Штубейская и Сарнтальская. См. von Sonklar, «Die Oetzthaler Gebirgsgruppe» (Гота, 1860); Barth und Pfaundler, «Die Stubaier Gebirgsgruppe» (Инсбрукъ, 1865); Petersen, «Aus den Oetzthaler Alpen» (Мюнхенъ, 1877); Zwickh, «Führer durch die Oetzthaler Alpen» (Гера, 1884); Gwercher, «Das Oetzthal in Tirol» (Иннсбрукъ, 1886).

Этьеннъ (Estienne, лат. Stephanus)—извѣстная семья французскихъ типографщиковъ, происходившая изъ древняго дворянскаго провансальскаго рода. Изъ Этьенновъ наибольшею извѣстностью пользуются слѣдующія лица: *Анри* (род. около 1460 г., умеръ въ 1520 г.). Имъ издано около 120 сочиненій (изъ которыхъ одно по-французски)—почти исключительно по философіи, математикѣ и астрономіи. Нѣкоторыя изданія его отличаются роскошью. *Робертъ I-ый*, сынъ предыдущаго (1503—1559). Получилъ превосходное образованіе, усвоивъ вполнѣ оба древнихъ языка. Уже съ 19-лѣтняго возраста сталъ заниматься дѣломъ отца, сосредоточивъ свое вниманіе главнымъ образомъ на изданіи Новаго Завѣта и Библіи, тщательно провѣренномъ на основаніи сопоставленія текстовъ греческихъ и латинскихъ. Въ 1523 г. его вотчимомъ Колиномъ былъ изданъ Новый Завѣтъ, провѣренный и исправленный по латинскимъ рукописямъ. Это изданіе, въ которомъ принималъ большое участіе Робертъ Э., возбудило негодованіе теологовъ Сорбонны, находившихъ неумѣстнымъ, что свѣтскій человѣкъ берется исправлять текстъ Св. Писанія. Ихъ ненависть еще болѣе возрастала по мѣрѣ того, какъ Робертъ Э. сталъ выпускать изъ своей собственной типографіи изданія Библіи и Новаго Завѣта, критически провѣренныя; но ему покровительствовалъ король Францискъ I, который въ 1539 г. назначилъ его типографомъ латинскихъ и еврейскихъ текстовъ, а въ слѣдующемъ году—и греческихъ. Робертъ Э. первый началъ издавать книги на греческомъ языкѣ буквами, гравированными Гарамономъ (Garamond) по приказу короля (такъ наз. typi regii). За время съ 1527 г. до 1560 г. Робертомъ Э. выпущено 11 изданій Библіи на разныхъ языкахъ и 12 изданій Новаго Завѣта. Это объясняется его сочувствіемъ идеямъ реформы, страстнымъ приверженцемъ которой онъ сдѣлался къ концу жизни, быть можетъ подъ вліяніемъ борьбы съ Сорбонной. Служа дѣлу реформаціи путемъ распространенія Св. Писанія въ публикѣ, Робертъ Э. въ то же время оказалъ огромную услугу гуманизму, издавая критически провѣренные тексты греческихъ и латинскихъ писателей, особенно еще неизданныхъ. Имъ были изданы, напр., Діонисій Галикарнасскій, Діонъ Кассій, Юстинъ, съ дополненіями, варіантами и комментаріями. Заслуга Роберта Э. представляется еще болѣе значительной, если принять во вниманіе, что онъ продавалъ свои великолѣпныя и тщательно исполненныя въ типографскомъ отношеніи изданія по чрезвычайно низкой для того времени цѣнѣ. Онъ издалъ также превосходный словарь латинскаго языка «Thesaurus linguae latinae», легшій въ основу всѣхъ послѣдующихъ словарей и выдержавшій въ короткое время три изданія (1531 — 1532, 1536 и 1543). Этимъ трудомъ Робертъ Э. воспользовался при составленіи другого словаря—«Dictionnaire français-latin» (1539—40 и 1549). Заботясь объ облегченіи доступа къ образованію, Робертъ Э. издалъ немало сочиненій по грамматикѣ, педагогическихъ, небольшихъ словарей и составилъ «Traicté de grammaire française» (1557). Смерть короля Франциска имѣла печальныя для Роберта Э. послѣдствія. Онъ напечаталъ рѣчь, произнесенную епископомъ du Chastel

идеи философовъ, которыхъ Э. изучалъ и которыми онъ увлекался нѣкоторое время — Мальбранша, Лейбница и Вольфа; съ другой стороны—естествознаніе и матеріалистическое теченіе мысли, правомѣрность котораго Э. признаетъ. Эти противорѣчивыя направленія Э. старается примирить, признавая относительную ихъ истинность, руководствуясь съ одной стороны Св. Писаніемъ, съ другой—сочиненіями Якова Беме и Сведенборга и Каббалой. Основная идея Э. — жизнь всего міра, одушевленіе всѣхъ предметовъ. Духовныя силы проникаютъ вселенную; въ человѣкѣ онѣ отражаются въ «sensus communis», который является органомъ пониманія всего духовнаго въ мірѣ. Истинное пониманіе вселенной можетъ имѣть только тотъ, кто умѣетъ соединить въ одно цѣлое ученіе Св. Писанія, показанія природы и собственный разумъ. Жизнь и движеніе имѣютъ первенство передъ мышленіемъ и бытіемъ. Мистицизмъ Э. имѣетъ еще и спеціальную окраску—алхимическую и магическую. Возникновеніе вселенной изъ Божества Э. понимаетъ въ смыслѣ эманаціоннаго процесса и указываетъ 10 ступеней его. Всякое возникновеніе жизни въ матеріи происходитъ благодаря свѣту, который проникаетъ въ нее. Матерія есть чистая возможность. Изъ приведеннаго видно, что Э. не представляетъ большой оригинальности въ философскомъ отношеніи и что мѣсто его не столько въ исторія философіи, сколько въ исторіи оккультизма. Его можно сравнить, по занимаемому въ исторіи человѣческой мысли положенію, съ Робертомъ Флуддомъ. См. К. A. Auberlen, «Die Theosophie Fr. Ch. Oettingers nach ihren Grundzügen» (1847). *Э. Р.*

Эттингеръ (Эдуардъ-Марія Oettinger)—нѣмецкій писатель (1808—1872). Еще юношей вступивъ въ ряды вѣнскихъ журналистовъ, онъ въ 1829 г. основалъ сатирическій журналъ «Eulenspiegel», который пришлось закрыть изъ-за пререканій съ цензурой. Основанный Э. въ Мюнхенѣ журналъ «Das schwarze Gespenst» былъ запрещенъ за оскорбленіе короля, а редакторъ высланъ изъ Баваріи; такимъ же образомъ кончилась попытка возобновить въ Берлинѣ «Eulenspiegel»; его замѣнила газета «Berliner Figaro», продержавшаяся съ 1831 по 1835; затѣмъ въ Гамбургѣ былъ основанъ «Argus», имѣвшій большой успѣхъ. Позже Э. редактировалъ рядъ періодическихъ изданій, между прочимъ лейпцигскій «Charivari», и занимался библіографическими и біографическими работами, изъ коихъ выдаются «Moniteur des dates» (1866 и сл.) и «Bibliographie biographique universelle» (1854 и сл.). Онъ писалъ также стихотворенія, разсказы, романы («Das schwarze Gespenst, «Das weisse Gespenst», «Liebesblicke», «Das Buch der Liebe», «Fashionable Dummheiten»), драмы: «Der Regenschirm», «Der Journalist», «Die Getäuschten» и др.

Эттингсгаузенъ (Андреасъ Ettingshausen)—математикъ и физикъ (1796—1878); занимался въ Вѣнѣ, одновременно съ посѣщеніемъ университета, военными науками. Въ 1822 г. онъ былъ назначенъ профессоромъ высшей математики, позже физики, въ вѣнскомъ университетѣ. Его работы: «Die combinatorische Analysis» (В., 1826) и «Vorlesungen über die höhere Mathematik» (В., 1827) обратили тогда вниманіе ученаго міра. Съ 1826 по 1832 г. онъ вмѣстѣ съ А. Баумгартнеромъ издавалъ: «Zeitschrift für Physik und Mathematik» (Вѣна). Въ 1837 г. демонстрировалъ въ Прагѣ имъ конструированную и носящую его имя магнитоэлектрическую машину. Съ 1844 г. Э. большое участіе принималъ въ учрежденіи академіи наукъ (1846), которой онъ былъ первымъ секретаремъ. Въ 1848 г., при реорганизаціи инженерной академіи въ высшую военную школу, онъ принялъ въ этой академіи каѳедру высшей математики, физики и механики. Въ 1852 г. его пригласили въ вѣнскій политехникумъ на каѳедру высшихъ инженерныхъ наукъ, а въ 1853 г. онъ былъ назначенъ директоромъ физическаго института въ Вѣнѣ. Его учебники: «Anfangsgründe der Physik» (4-е изд., В., 1860), «Die Principien der heutigen Physik» (В., 1857).

Эттингсгаузенъ (Constantin Freiherr von Ettingshausen)—фитопалеонтологъ (1826—1877). Въ 1851 г. появилась первая палеонтологическая работа Э. «Beiträge zur Flora der Vorwelt». Большинство его работъ помѣщены въ изданіяхъ вѣнской академіи наукъ, членомъ - корреспондентомъ которой онъ былъ съ 1853 г. Въ 1854 г. Э. былъ назначенъ профессоромъ физики, зоологіи, минералогіи и ботаники въ военной медико-хирургической академіи въ Вѣнѣ, въ 1871 г. перешелъ профессоромъ ботаники и фитопалеонтологіи въ Грацъ. Большинство его работъ касается флоры третичнаго періода. Э. обратилъ особое вниманіе на изученіе нерваціи листьевъ современныхъ растеній для сравненія ея съ таковою ископаемыхъ листьевъ. Относительно третичной флоры Европы держался того мнѣнія, что она имѣетъ новоголландскій и тропическій характеръ, тогда какъ большинство ученыхъ (Шенкъ, Сапорта) отрицали въ ней новоголландскій характеръ. Воззрѣнія свои Э. въ послѣдній разъ изложилъ въ трудѣ «Zur Theorie der Entwicklung der jetztigen Floren der Erde aus der Tertiärflora» (Вѣна, 1894). Важны также произведенныя вмѣстѣ съ Кражаномъ изслѣдованія надъ атавизмомъ растеній; въ этихъ работахъ Э. обратилъ вниманіе на полиморфизмъ листвы и указалъ на значеніе его для рѣшенія филогенетическихъ вопросовъ («Beiträge zur Erforschung der atavistischen Formen an lebenden Pflanzen und ihrer Beziehungen zu den Arten ihrer Gattung», I—III Вѣна, 1888—1889; «Untersuchungen über Ontogenie und Phylogenie der Pflanzen auf palaeontologischer Grundlage», Вѣна, 1890). Біографія и списокъ многочисленныхъ работъ Э. помѣщены Ф. Крассеромъ въ «Oesterreich. botan. Zeitschrift» (XLVII, 1897). *В. Тр.*

Эттмюллеръ (Людвигъ Ettmüller)—нѣмецкій писатель (1802—1877), авторъ трудовъ по исторіи нѣмецкой литературы: «Deutsche Stammkönige» (1844); «Das verhängnisvolle Zahnweh, oder Karl der Grosse u. der Heilige Goar» (1852); «Karl der Grosse und das

немного изданій, но они отличаются тщательностью; занимался также поэзіей. *Францискъ II*, братъ предыдущихъ (род. 1535), основалъ въ Женевѣ типографію (1562) и выпустилъ много роскошныхъ изданій, украшенныхъ гравюрами на деревѣ. Сыновья его продолжали его дѣло. *Поль Э.* (1566—1627), старшій сынъ Анри II, продолжалъ издательскую дѣятельность въ духѣ отца. Обвиненный въ участіи въ заговорѣ, онъ былъ заключенъ въ тюрьму, затѣмъ изгнанъ изъ Женевы, а его имущество было конфисковано. Онъ могъ возвратиться въ Женеву лишь въ 1619 г., но все увеличивавшаяся бѣдность побудила его продать его дѣло. *Робертъ III* (ок. 1560—1630), старшій сынъ Роберта II, авторъ многихъ поэмъ на греческомъ, латинскомъ и французскомъ языкахъ, перевелъ на франц. яз. двѣ 1-хъ книги «Риторики» Аристотеля (1624). Продолжалъ отцовское дѣло. *Антуанъ* (1592—1674), старшій сынъ Поля, вернулся въ католицизмъ. У него хранились буквы, отлитыя по рисунку Гарамона («typi regii»), и онъ напечаталъ при помощи ихъ много прекрасныхъ изданій. Послѣ пятидесятилѣтняго издательства онъ совершенно почти раззорился, долженъ былъ прекратить дѣло и умеръ въ больницѣ.

Литература: Renouard, «Annales des Estienne» (Парижъ, 1837—38, 2 изд., 1843); Firmin Didot, «Observations littéraires et typographiques sur Henri Estienne» (1826); Gaulieur, «Études sur la typographie genevoise» (Женева, 1855); Ambroise Firmin Didot, «Les Estienne» («Nouvelle Biographie générale», 1856); Mich. Maittaire, «Stephanorum historia» (Л., 1709); A. Bernard, «Les Estienne et les types grecs de François I» (П., 1856); Feugère, «Essai sur la vie et les ouvrages de Henri Estienne» (П., 1853); Grautoff, «Heinricus Stephanus» (Глогау, 1862); Clément, «Henri Estienne et son oeuvre français» (П., 1899); W. Meyer, «Henricus Stefanus, über die «regii typi» graeci» (Б., 1902); Grapelet, «Robert E. imprimeur royal» (П., 1839); Dupont, «Histoire de l'imprimerie» (П., 1854, 2 т.). *Н. Г—е.*

Этьеннъ (Шарль-Гильомъ Etienne)—французскій драматургъ и публицистъ (1778—1845). Выступилъ съ комедіей «Le Rêve» (1799), имѣвшей успѣхъ, равно какъ «La Jeune femme colère» (1804) и «Brueys et Palaprat» (1807). Замѣченный императоромъ, которому понравились его пьески на случай, Э. былъ назначенъ цензоромъ и въ 1811 г. избранъ членомъ франц. академіи. Около этого времени произошелъ скандалъ съ его комедіей «Deux Gendres», имѣвшей громадный успѣхъ: автора обвинили въ плагіатѣ, но его заимствованія изъ старой пьесы оказались несущественными. Комедія «L'Intrigante» (1814), въ которой видѣли намеки на Наполеона, лишила его мѣста, которое было возвращено ему во время Ста дней, но не надолго: реставрація исключила его даже изъ академіи. Онъ перешелъ въ оппозицію, особенно нападая на цензуру, и сдѣлался редакторомъ «Constitutionnel» и «Minerve française», гдѣ появились его остроумныя «Lettres sur Paris», сильно повліявшія на общественное мнѣніе. Возвращенный академіи въ 1829 г., онъ произнесъ рѣчь противъ романтизма. Избранный депутатомъ, онъ протестовалъ противъ іюльскихъ ордоннансовъ. Въ 1839 г. онъ сдѣланъ пэромъ. Кромѣ множества комедій и оперъ Э. написалъ интересную «Histoire du Théâtre Français» (1802, 4 тома); «Vie de Molé» (1803), важную для исторіи его времени; «Correspondance pour servir à l'histoire de l'établissement du gouvernement représentatif en France» (1820). «Oeuvres d'Etienne» изданы въ 1846 г., въ 4 томахъ. Ср. Sainte-Beuve, «Causeries du lundi» (т. VI); A. de Vigny, «Discours de réception à l'Académie»; Thiessé, «M. Etienne, essai biographique» (1853). *А. Г—дъ.*

Этюдъ (esercizio, exercice)—музыкальное упражненіе, написанное съ цѣлью развить технику играющаго или поющаго. Э. существуютъ для пѣнія (вокализы) и для всѣхъ инструментовъ и заключаются въ томъ, что извѣстная техническая фигура повторяется на разныхъ ступеняхъ гаммы и въ разныхъ ладахъ. Э. придается музыкальное содержаніе и форма. Пишутся Э. ходообразно или въ колѣнномъ складѣ. Въ эпоху преобладанія полифоніи писались Э. для развитія полифонической техники: инвенціи, токкаты. Для фортепіано Э. писали Клементи, Крамеръ, Мошелесъ, Калькбреннеръ. Есть Э. (преимущественно въ области фортепіанной), въ которыхъ, кромѣ технической цѣли, преслѣдуются цѣли художественныя. Подобные Э. являются не только въ домашнемъ обиходѣ, но и на концертной эстрадѣ, какъ наприм. Э. Шопена, Шумана (симфоническіе Э.), Тальберга, Мошелеса, Листа и пр. Формы ихъ шире (пѣснь, рондо, варіація и пр.). Есть еще Э., предназначенные не для развитія техники, а для развитія мелодической фразировки, напр. Э. cis-moll Шопена, Э. Стефана Геллера. *Н. С.*

Этюпъ—нѣм. кол. С.-Петербургской губ., Царскосельскаго у., въ 6 в. отъ уѣздн. г.; прилегаетъ къ Павловскому парку. Дачное мѣсто. Э. заселенъ былъ выходцами изъ Германіи въ 1810 г.

Эурэпээнсельке (Aeyräpäänselkä) — гряда горъ, отдѣляющаяся отъ Сальпаусселькэ южнѣе оз. Саймы и простирающаяся на ЮВ по перешейку между Финскимъ зал. и Ладожскимъ оз.

Эуфонъ — музыкальный инструментъ, изобрѣтенный въ 1790 г. Хладни. Въ 1800 г. Хладни усовершенствовалъ этотъ инструментъ, приспособивъ къ нему клавіатуру, и назвалъ его клавицилиндромъ (см. Хладни, XXXVII, 314). См. L. A. Zellner, «Vorträge über Akustik» (стр. 350 и 374). *Н. Г.*

Эфа (Echis arenicola)—змѣя; см. Гадюки.

Эфармонія растенія—см. Экологическая географія растеній.

Эфебы (Ἔφηβοι)—въ древней Греціи юноши, достигшіе ἥβη, т. е. совершеннолѣтія, которое у аѳинянъ начиналось съ 18-лѣтняго возраста, и составлявшіе особый общественный классъ учащейся молодежи въ возрастѣ отъ 18 до 20 лѣтъ. Исторія *эфебіи* и система воспитанія Э. начинается со второй половины

V в. до Р. Хр. Программа обученія, въ которую первоначально входило одно военное искусство, въ эллинистическую эпоху расширилась, приблизивъ систему обученія Э. къ типу университетскаго (въ смыслѣ того времени) образованія. Въ началѣ каждаго гражданскаго года всѣ граждане, достигшіе въ предыдущемъ году совершеннолѣтія, становились *эфебами*; имена ихъ вырѣзывались первоначально на деревянныхъ доскахъ, а во времена Аристотеля — на бронзовыхъ стелахъ, которыя выставлялись передъ булевтеріемъ. Число Э., вносившихся ежегодно въ списки, точно неизвѣстно: съ вѣроятностью можно сказать, что ихъ было въ среднемъ около тысячи. Такъ какъ аѳиняне несли военную службу до 60 лѣтъ, то, для провѣрки наличности милиціи, каждая стела съ именами эфебовъ стояли 42 года, т. е. до тѣхъ поръ, пока призывъ даннаго года не достигалъ срока увольненія въ окончательный отпускъ; слѣдовательно, одновременно такихъ стелъ было 42. По занесеніи Э. въ списки ихъ водили въ храмы, а затѣмъ распредѣляли по гарнизонамъ въ Мунихіи и Акте. Въ первый годъ эфебіи Э. приносили въ храмѣ Аглавры, въ присутствіи членовъ своихъ демовъ, клятву, обязуясь не позорить священнаго оружія, быть стойкими въ битвѣ, сражаться за своихъ боговъ и свой очагъ, возвеличить отечество, повиноваться приказаніямъ магистратовъ, подчиняться законамъ, бороться противъ ихъ нарушителей, и чтить боговъ своихъ предковъ. Въ свидѣтели клятвы призывались между прочимъ Аглавра (дочь Кекропа), Зевсъ, Ѳалло (богиня *расцвѣта*), Авксо (богиня *роста*). Послѣ этого начинались занятія, къ которымъ были призваны Э., а именно прохожденіе военнаго искусства и предметовъ общаго образованія подъ руководствомъ назначенныхъ государствомъ преподавателей. Для прохожденія военнаго искусства Э. имѣли двухъ преподавателей гимнастики и сверхъ того отдѣльныхъ преподавателей для усовершенствованія въ стрѣльбѣ изъ лука, метаніи дротика, употребленіи оружія, управленіи катапультой и т. д. Лекціи по предметамъ общаго образованія (по Плутарху = γράμματα съ философіей, геометрія, реторика и музыка) читались въ Діогеновской гимназіи (Διογένειον). По истеченіи года, Э. получали въ народномъ собраніи, устраивавшемся въ театрѣ, по щиту и копью, послѣ чего проходили школу полевой и гарнизонной службы, въ качествѣ гарнизонныхъ солдатъ, или блюстителей порядка въ общественныхъ мѣстахъ. Въ качествѣ гарнизонныхъ солдатъ они назывались также *перипоиами*. Наблюденіе за нравственнымъ воспитаніемъ Э. и внѣшнимъ устройствомъ ихъ жизни имѣлъ *космётъ*, подъ начальствомъ котораго состояло 10 *софронистовъ*, по одному отъ филы. Выборъ косметовъ и софронистовъ производился въ народномъ собраніи изъ числа лицъ свыше 40-лѣтняго возраста, избранныхъ предварительно по филамъ. Каждый Э. получалъ отъ государства по 4 обола въ день, которые отдавались въ распоряженіе софронистовъ и расходовались на столъ; столовались же Э. по филамъ. Жили Э.—за исключеніемъ тѣхъ, которые несли службу въ городѣ,—въ сосѣднихъ домахъ и крѣпостяхъ, но въ промежуткахъ между служебными занятіями они могли бывать гдѣ угодно и проводили время по своему усмотрѣнію. Внутри эфебіи существовали отдѣльныя группы и корпораціи Э.; кромѣ того Э. соединялись въ парные союзы, при чемъ каждый Э. имѣлъ своего «друга» или «брата». Вообще ассоціація Э. напоминаетъ собою до извѣстной степени общества американскихъ или англійскихъ студентовъ. Какъ цвѣтъ гражданскаго населенія, Э. обязательно участвовали въ религіозныхъ процессіяхъ и празднествахъ, позднѣе—при встрѣчѣ римскихъ пословъ; они присутствовали въ полномъ вооруженіи въ народныхъ собраніяхъ, въ качествѣ наблюдателей за порядкомъ. Одежду эфебовъ составляли шляпа съ полями и хламида. Внѣ службы эфебы вели шумную, полную удовольствій жизнь; одни проводили время за игрою въ кости или у флейтистокъ, другіе посѣщали гимназіи, служившія съ IV-го вѣка мѣстами собранія блестящаго аѳинскаго общества. Вообще изъ Э. состояла такъ назыв. золотая молодежь аѳинянскихъ щеголей. Ср. Dittenberger, «De ephebis Atticis» (Геттингенъ, 1865); Dumont, «Essai sur l'ephébie attique» (П., 1872); Латышевъ, «Очеркъ греческихъ древностей» (ч. I, СПб., 1897, стр. 272—274). *Н. О.*

Эфедра—см. Хвойникъ.

Эфелиды—см. Веснушки (VI, 109).

Эфемериды (греч. Ἐφημερίς—дневникъ)—у древнихъ грековъ такъ назывались ежедневные отчеты о дѣятельности царя или важнаго сановника, полководца. Э. представляли оффиціальную хронику событій, связанныхъ съ именемъ извѣстнаго лица. Особенной извѣстностью пользуются Э. Александра Македонскаго, широкая военная дѣятельность котораго давала обширный матеріалъ для ежедневнаго протоколированія, а послѣднее являлось цѣннымъ историческимъ источникомъ для историографовъ и біографовъ великаго полководца. Данныя Э. были широко использованы Арріаномъ и Плутархомъ, которые, по мнѣнію изслѣдователей, включали въ свой разсказъ прямо отрывки изъ Э. Эллинистическія монархіи восприняли обычай вести Э., который привился тѣмъ болѣе, что имѣлъ свои корни и въ восточныхъ монархіяхъ, особенно въ Египтѣ. Здѣсь обычай вести Э. распространился въ широкихъ слояхъ администраціи и въ эпоху римскаго владычества сдѣлался всеобщимъ. Мѣстные территоріальные начальники — стратеги и номархи — ведутъ Э. такъ же, какъ и префектъ Египта, а затѣмъ и самъ императоръ. Судебное разбирательство протоколировалось въ Э. рядомъ съ присутствіемъ на оффиціальномъ богослуженіи по случаю дня рожденія императора и т. п. Дѣятельность каждаго агента администраціи подлежала, такимъ образомъ, самому мелочному контролю. Э., которыя здѣсь получили названіе «памятныхъ книгъ» (ὑπομνηματισμοί), играли въ жизни древняго Египта очень крупную роль. Такъ какъ въ нихъ должны были быть занесены всѣ моменты

немного изданій, но они отличаются тщательностью; занимался также поэзіей. *Францискъ II*, братъ предыдущихъ (род. 1535), основалъ въ Женевѣ типографію (1562) и выпустилъ много роскошныхъ изданій, украшенныхъ гравюрами на деревѣ. Сыновья его продолжали его дѣло. *Поль Э.* (1566—1627), старшій сынъ Анри II, продолжалъ издательскую дѣятельность въ духѣ отца. Обвиненный въ участіи въ заговорѣ, онъ былъ заключенъ въ тюрьму, затѣмъ изгнанъ изъ Женевы, а его имущество было конфисковано. Онъ могъ возвратиться въ Женеву лишь въ 1619 г., но все увеличивавшаяся бѣдность побудила его продать его дѣло. *Робертъ III* (ок. 1560—1630), старшій сынъ Роберта II, авторъ многихъ поэмъ на греческомъ, латинскомъ и французскомъ языкахъ, перевелъ на франц. яз. двѣ 1-хъ книги «Риторики» Аристотеля (1624). Продолжалъ отцовское дѣло. *Антуанъ* (1592—1674), старшій сынъ Поля, вернулся въ католицизмъ. У него хранились буквы, отлитыя по рисунку Гарамона («typi regii»), и онъ напечаталъ при помощи ихъ много прекрасныхъ изданій. Послѣ пятидесятилѣтняго издательства онъ совершенно почти раззорился, долженъ былъ прекратить дѣло и умеръ въ больницѣ.

Литература: Renouard, «Annales des Estienne» (Парижъ, 1837—38, 2 изд., 1843); Firmin Didot, «Observations littéraires et typographiques sur Henri Estienne» (1826); Gaulieur, «Études sur la typographie genevoise» (Женева, 1855); Ambroise Firmin Didot, «Les Estienne» («Nouvelle Biographie générale», 1856); Mich. Maittaire, «Stephanorum historia» (Л., 1709); A. Bernard, «Les Estienne et les types grecs de François I» (П., 1856); Feugère, «Essai sur la vie et les ouvrages de Henri Estienne» (П., 1853); Grautoff, «Heinricus Stephanus» (Глогау, 1862); Clément, «Henri Estienne et son oeuvre français» (П., 1899); W. Meyer, «Henricus Stefanus, über die «regii typi» graeci» (В., 1902); Grapelet, «Robert E. imprimeur royal» (П., 1839); Dupont, «Histoire de l'imprimerie» (П., 1854, 2 т.). *Н. Г—е.*

Этьеннъ (Шарль-Гильомъ Etienne)—французскій драматургъ и публицистъ (1778—1845). Выступилъ съ комедіей «Le Rêve» (1799), имѣвшей успѣхъ, равно какъ «La Jeune femme colère» (1804) и «Brueys et Palaprat» (1807). Замѣченный императоромъ, которому понравились его пьески на случай, Э. былъ назначенъ цензоромъ и въ 1811 г. избранъ членомъ франц. академіи. Около этого времени произошелъ скандалъ съ его комедіей «Deux Gendres», имѣвшей громадный успѣхъ: автора обвинили въ плагіатѣ, но его заимствованія изъ старой пьесы оказались несущественными. Комедія «L'Intrigante» (1814), въ которой видѣли намеки на Наполеона, лишила его мѣста, которое было возвращено ему во время Ста дней, но не надолго: реставрація исключила его даже изъ академіи. Онъ перешелъ въ оппозицію, особенно нападая на цензуру, и сдѣлался редакторомъ «Constitutionnel» и «Minerve française», гдѣ появились его остроумныя «Lettres sur Paris», сильно повліявшія на общественное мнѣніе. Возвращенный академіи въ 1829 г., онъ произнесъ рѣчь противъ романтизма. Избранный депутатомъ, онъ протестовалъ противъ іюльскихъ ордоннансовъ. Въ 1839 г. онъ сдѣланъ пэромъ. Кромѣ множества комедій и оперъ Э. написалъ интересную «Histoire du Théâtre-Français» (1802, 4 тома); «Vie de Molé» (1803), важную для исторіи его времени «Correspondance pour servir à l'histoire de l'établissement du gouvernement représentatif en France» (1820). «Oeuvres d'Etienne» изданы въ 1846 г., въ 4 томахъ. Ср. Sainte-Beuve, «Causeries du lundi» (т. VI); A. de Vigny, «Discours de réception à l'Académie»; Thiessé, «M. Etienne, essai biographique» (1853). *А. Г—дъ.*

Этюдъ (esercizio, exercice)—музыкальное упражненіе, написанное съ цѣлью развить технику играющаго или поющаго. Э. существуютъ для пѣнія (вокализы) и для всѣхъ инструментовъ и заключаются въ томъ, что извѣстная техническая фигура повторяется на разныхъ ступеняхъ гаммы и въ разныхъ ладахъ. Э. придается музыкальное содержаніе и форма. Пишутся Э. ходообразно или въ колѣнномъ складѣ. Въ эпоху преобладанія полифоніи писались Э. для развитія полифонической техники: инвенціи, токкаты. Для фортепіано Э. писали Клементи, Крамеръ, Мошелесъ, Калькбреннеръ. Есть Э. (преимущественно въ области фортепіанной), въ которыхъ, кромѣ технической цѣли, преслѣдуются цѣли художественныя. Подобные Э. являются не только въ домашнемъ обиходѣ, но и на концертной эстрадѣ, какъ наприм. Э. Шопена, Шумана (симфоническіе Э.), Тальберга, Мошелеса, Листа и пр. Формы ихъ шире (пѣснь, рондо, варіація и пр.). Есть еще Э., предназначенные не для развитія техники, а для развитія мелодической фразировки, напр. Э. cis-moll Шопена, Э. Стефана Геллера. *Н. С.*

Этюпъ—нѣм. кол. С.-Петербургской губ., Царскосельскаго у., въ 6 в. отъ уѣздн. г.; прилегаетъ къ Павловскому парку. Дачное мѣсто. Э. заселенъ былъ выходцами изъ Германіи въ 1810 г.

Эурэпээнселькэ (Aeyräpäänselkä) — гряда горъ, отдѣляющаяся отъ Сальпаусселькэ южнѣе оз. Саймы и простирающаяся на ЮВ по перешейку между Финскимъ зал. и Ладожскимъ оз.

Эуфонъ — музыкальный инструментъ, изобрѣтенный въ 1790 г. Хладни. Въ 1800 г. Хладни усовершенствовалъ этотъ инструментъ, приспособивъ къ нему клавіатуру, и назвалъ его клавицилиндромъ (см. Хладни, XXXVII, 314). См. L. A. Zellner, «Vorträge über Akustik» (стр. 350 и 374). *Н. Г.*

Эфа (Echis arenicola)—змѣя; см. Гадюки.

Эфармонія растенія—см. Экологическая географія растеній.

Эфебы (Ἔφηβοι)—въ древней Греціи юноши, достигшіе ἥβη, т. е. совершеннолѣтія, которое у аѳинянъ начиналось съ 18-лѣтняго возраста, и составлявшіе особый общественный классъ учащейся молодежи въ возрастѣ отъ 18 до 20 лѣтъ. Исторія *эфебіи* и система воспитанія Э. начинается со второй половины

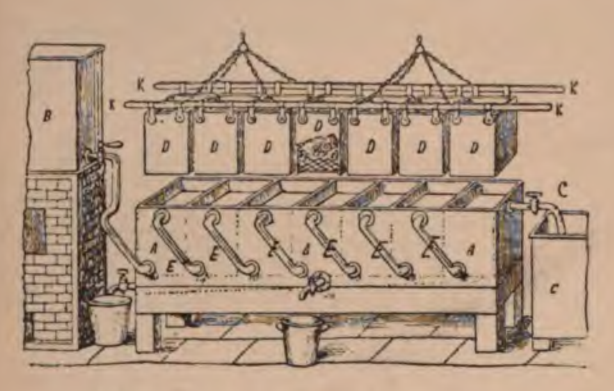
1. Скребокъ для ли-мэновъ (écuelle).

2. Кубъ для огневой гонки.

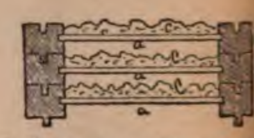
3. Кубъ Суберайна.

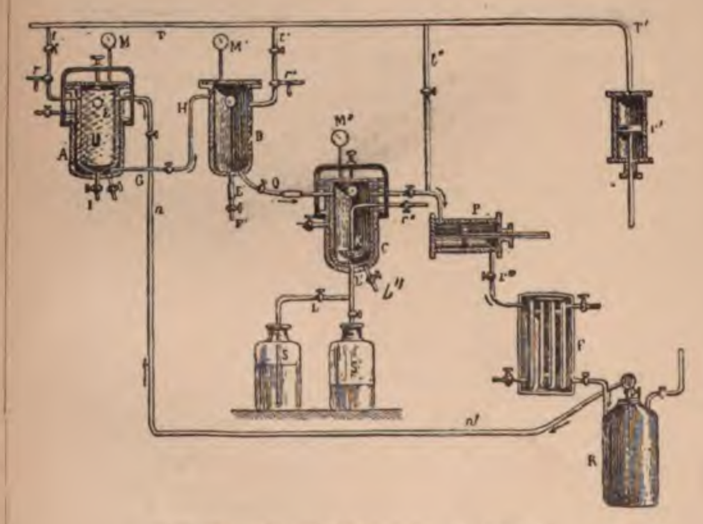

9-а. Ванны для методической мацераціи.

8. Аппаратъ для перегонки маселъ по... нымъ давленіемъ.

10. Рамки для поглощенія эф... ныхъ маселъ жирами.

9-b. Экстракціонный аппаратъ Л. Нодена.

13. Колбочка для фракціонированной перегонки

14. Пр... сона ... ванія

ченіе лѣта. Къ числу Э. растеній принадлежатъ еще Cardamine hirsuta (сердечникъ пушистый), Veronica hederifolia (вероника плющелистная) и друг. Однако, изъ цвѣтковыхъ растеній къ группѣ Э. растеній принадлежатъ сравнительно очень немногія; большинство ихъ успѣваетъ принести сѣмена такъ поздно, что новое поколѣніе развивается уже въ слѣдующемъ вегетаціонномъ періодѣ (однолѣтнія растенія). Напротивъ, у низшихъ споровыхъ циклъ развитія настолько коротокъ, что успѣваетъ повториться нѣсколько разъ въ лѣто, и поэтому ихъ надо причислить тоже къ Э. растеніямъ.

Эфенди (турецкая передѣлка новогреческаго слова αὐθέντης, т. е. «начальникъ»)—почетный титулъ, соотвѣтствующій русскому «господинъ»; дается въ Турціи всѣмъ чиновникамъ, ученымъ, поэтамъ и вообще образованнымъ людямъ. Спеціальными титулами являются *рейсъ-Э.*—прежнее названіе турецкаго министра иностранныхъ дѣлъ; *хакимъ-Э.*—первый лейбъ-медикъ султана; *имамъ-Э.*—мулла въ сералѣ. Титулъ Э. можетъ прибавляться къ болѣе высокимъ титуламъ, напр. *паша-Э.*, *бей-Э.*, *ханымъ-Э.* Оно примѣняется и въ смыслѣ «принцъ» при именахъ лицъ султанскаго дома.

Эфесъ—см. Ефесъ.

Эфеты (греч. ἐφέται «уполномоченные»)—названіе членовъ древне-аѳинскаго суда, избиравшихся въ числѣ 51, изъ среды знатнѣйшихъ дворянскихъ родовъ. Они засѣдали подъ предсѣдательствомъ архонта-царя въ пяти особыхъ судилищахъ, разсматривая дѣла объ убійствахъ, отравленіяхъ и поджогахъ. Солоновскія реформы (см. Солонъ) лишили Э. ихъ значенія.

Эфиппій (Ephippium) или *сѣдлышко*—представляетъ наружную оболочку зимнихъ яицъ нѣкоторыхъ водяныхъ блохъ (Daphnidae), принадлежащихъ къ вѣтвистоусымъ (Cladocera) листоногимъ (Phyllopoda) ракообразнымъ (см. это слово, а также Вѣтвистоусыя). Э. образуется въ видѣ утолщеній стѣнокъ раковины въ области зародышевой камеры во время появленія въ яичникахъ зимнихъ яицъ; эти утолщенія бурѣютъ и впослѣдствіи, т. е. при переходѣ яицъ изъ яичниковъ въ зародышевую камеру, отдѣляются отъ раковины и образуютъ охранную оболочку для перезимовывающихъ яицъ. *В. Ш.*

Эфира (Ephyra)—стадія развитія нѣкоторыхъ сцифомедузъ, представляющая изъ себя молодую медузу звѣздчатой формы (см. Сцифомедузы, т. XXXII, стр. 195, табл. I, фиг. 21—23).

Эфирныя масла.—Подъ общимъ названіемъ Э. маселъ собираютъ большое количество веществъ, имѣющихъ, въ сущности, общаго только то, что они всѣ образуются въ растеніяхъ и обладаютъ запахомъ, да и то это послѣднее качество надо принять съ оговоркой. Нѣкоторыя Э. масла не находятся въ готовомъ видѣ въ растеніяхъ, а образуются при извѣстнаго рода броженіи, которое предшествуетъ выдѣленію масла. Названіе Э. маселъ было дано этимъ веществамъ въ то время, когда химія находилась въ младенчествѣ и этимъ названіемъ хотѣли показать, что вещества эти, съ одной стороны, сходны съ жирными маслами—жирны на ощупь, плаваютъ на водѣ (теперь и въ этомъ отношеніи есть исключенія) и даютъ на бумагѣ и тканяхъ просвѣчивающее пятно—а съ другой стороны они, какъ эфиръ, летучи; въ этомъ видѣли ихъ главное и почти единственное отличіе отъ жирныхъ маселъ: пятно на бумагѣ отъ этихъ послѣднихъ не пропадаетъ даже при нагрѣваніи, а пятно отъ Э. маселъ исчезаетъ безъ слѣда черезъ нѣкоторое время на холоду и еще скорѣе при нагрѣваніи. Въ дѣйствительности же Э. масла, кромѣ внѣшняго вида, ничего общаго съ жирными не имѣютъ и, въ то время какъ всѣ сорта жирныхъ маселъ обладаютъ аналогичнымъ химическимъ составомъ, масла Э. въ отношеніи состава представляютъ большое разнообразіе. Каждое Э. масло при этомъ не является опредѣленнымъ химическимъ соединеніемъ, а представляетъ смѣсь, подчасъ очень сложную. Въ отношеніи физическихъ свойствъ Э. масла также представляютъ большое разнообразіе: это въ большинствѣ случаевъ, правда, жидкости, но удѣльный вѣсъ ихъ колеблется отъ 0,8 до 1,2; одни изъ нихъ обладаютъ оптической дѣятельностью, другіе нѣтъ; окраска, вкусъ, запахъ—все это мѣняется въ сильной степени. Въ виду разнообразія физическихъ и химическихъ свойствъ научно опредѣлить, что такое Э. масла—нѣтъ возможности, но на практикѣ подъ этимъ именемъ подразумѣваютъ вещества, образующіяся въ растеніяхъ, обладающія запахомъ, по внѣшнему виду напоминающія жирныя масла, но обязательно перегоняющіяся безъ разложенія или сами по себѣ, или съ водянымъ паромъ. Какъ и изъ какихъ веществъ образуются Э. масла въ растеніяхъ—вопросъ пока еще открытый. Очевидно только, что они находятся въ тѣсной связи съ веществами дубильными и смолами, и являются побочными продуктами при химическихъ процессахъ, происходящихъ въ растеніяхъ; всѣ эти продукты не принимаютъ дальнѣйшаго участія въ обмѣнѣ веществъ и въ этомъ смыслѣ являются какъ бы отбросами. Въ особенности тѣсно связаны масла со смолами, и есть основаніе думать, что эти послѣднія образуются непосредственно на счетъ окисленія первыхъ. Но если способъ образованія Э. маселъ и смолъ остается для насъ неяснымъ, то значеніе ихъ въ жизни растенія можетъ быть угадано съ большою долею вѣроятія. Запахъ цвѣтовъ, зависящій отъ содержащихся въ нихъ Э. маселъ, наравнѣ съ ихъ цвѣтомъ служитъ для приманки насѣкомыхъ, этихъ необходимыхъ пособниковъ перекрестнаго опыленія; далѣе, Э. масла, улетучиваясь и насыщая своими парами воздухъ, непосредственно окружающій растеніе, уменьшаютъ его теплопрозрачность и тѣмъ предохраняютъ растеніе отъ рѣзкихъ колебаній температуры какъ въ одну, такъ и въ другую сторону. У многихъ растеній, кромѣ того, Э. масла съ растворенными въ нихъ смолами вытекаютъ изъ пораненныхъ мѣстъ и прикрываютъ раны отъ внѣшнихъ вліяній какъ бы пластыремъ, подъ которымъ быстрѣе и лучше происходитъ заживленіе. Э. масла встрѣчаются

далеко не во всѣхъ растеніяхъ, и многія семейства и цѣлые классы растеній ихъ не вырабатываютъ. Между тайнобрачными Э. масло добывается изъ корневища одного только вида Aspidium Felix Mas, принадлежащаго къ семейству Polipodiaceae, класса папоротниковыхъ. Всѣ остальныя растенія, содержащія эѳирныя масла, относятся къ явнобрачнымъ. Что касается количественнаго содержанія Э. маселъ въ растеніяхъ, то оно сильно варьируетъ и измѣняется отъ 20% до нѣсколькихъ сотыхъ процента. Высокое содержаніе масла встрѣчается, однако, очень рѣдко. Содержаніе маселъ наиболѣе тонкаго и пріятнаго запаха рѣдко превосходитъ 1%, а часто даже (напр. въ жасминѣ, акаціи, геліотропѣ, фіалкѣ и т. д.) составляетъ менѣе 0,01%. Въ какихъ органахъ растенія происходитъ образованіе Э. маселъ съ увѣренностью сказать нельзя, встрѣчаются же они во всѣхъ органахъ безъ исключенія и притомъ въ нѣкоторыхъ растеніяхъ распредѣлены по всѣмъ имъ, а въ нѣкоторыхъ сосредоточены только въ одномъ или нѣсколькихъ. Въ количественномъ отношеніи обыкновенно Э. масла бываютъ распредѣлены неравномѣрно и въ каждомъ растеніи одинъ какой-либо органъ служитъ главнымъ ихъ складомъ: всего чаще это бываютъ цвѣты и листья. Въ какихъ бы органахъ масло ни находилось, оно встрѣчается или въ видѣ шаровыхъ капель, лежащихъ въ клѣточкахъ отдѣльно, не смѣшиваясь съ остальнымъ ихъ содержимымъ, или, наоборотъ, растворено въ этомъ содержимомъ; еще чаще масла, въ связи со смолами, а иногда и дубильными веществами, наполняютъ особыя влагалища—отдѣльныя клѣточки или межклѣточныя пространства. Для отличія Э. маселъ отъ другихъ веществъ, находящихся въ клѣткахъ растеній, и для опредѣленія ихъ мѣстонахожденія въ растительныхъ тканяхъ пользуются летучестью Э. маселъ, отношеніемъ ихъ къ различнымъ растворителямъ и микрохимическимъ реакціямъ. 1) Всѣ Э. масла отличаются летучестью. Поэтому они исчезаютъ изъ клѣтокъ безслѣдно, если прокипятить съ водою разрѣзы растеній или помѣстить ихъ минутъ на 10 въ сушильный шкапъ, нагрѣтый до 130°; жирныя масла въ этихъ условіяхъ остаются совершенно безъ измѣненія. 2) Э. масла, растворяясь наравнѣ съ жирными въ эфирѣ и сѣроуглеродѣ въ отличіе отъ этихъ послѣднихъ, растворяются также за весьма немногими исключеніями въ абсолютномъ спиртѣ и уксусной кислотѣ. 3) Тинктура алкатъ, разбавленная водой, окрашиваетъ капельки Э. масла (а также и жирныя масла и смолы) въ красный цвѣтъ, а 1% растворъ осміевой кислоты придаетъ всѣмъ этимъ, а также дубильнымъ веществамъ бурую или черную окраску. 4) Въ послѣднее время предложена еще одна реакція на Э. масла—дѣйствіе паровъ соляной кислоты. Разрѣзы высушенныхъ частей растенія опускаютъ на 1—2 минуты въ смѣсь, состоящую изъ 1 части уксуснокислаго натра, 2 ч. вольфрамовокислаго натра и 10 ч. воды; дубильныя вещества, если они находились въ клѣткахъ совмѣстно съ Э. маслами, при этомъ осаждаются и окрашиваются въ желто-бурый цвѣтъ. Затѣмъ разрѣзы тщательно промываютъ водою и подвергаютъ дѣйствію паровъ соляной кислоты; Э. масла почти мгновенно выступаютъ тогда въ видѣ шариковъ золотисто-желтаго цвѣта, иногда съ зеленоватымъ оттѣнкомъ; реакція эта непродолжительна, по прошествіи 4—5 минутъ шаровидныя капли исчезаютъ. Масло, выдѣленное изъ различныхъ органовъ одного и того же растенія, часто обладаетъ неодинаковыми свойствами и сильно разнится въ запахѣ. Примѣромъ можетъ служить померанцевое дерево, изъ цвѣтовъ котораго добывается масло, извѣстное подъ названіемъ Neroli, изъ оболочекъ спѣлыхъ плодовъ—масло orange amère и, наконецъ, изъ листьевъ и неспѣлыхъ плодовъ—petit-grain. Сорта эти вырабатываются всегда отдѣльно и расцѣнка ихъ на рынкѣ сильно разнится. Въ другихъ растеніяхъ разница между маслами, вырабатываемыми отдѣльными органами, не такъ значительна, но во всякомъ случаѣ почти всегда имѣется. Большинство эфирныхъ маселъ при обыкновенной температурѣ представляютъ жидкости, но нѣкоторыя изъ нихъ застываютъ уже при температурѣ немногимъ ниже комнатной, другія при 0° или нѣсколько ниже и очень немногія не застываютъ вовсе при температурахъ обыкновенныхъ лабораторныхъ пробъ съ различными охладительными смѣсями. Застываніе при этомъ не бываетъ полнымъ, такъ какъ въ твердое состояніе обыкновенно переходитъ не все масло, а только одна или нѣсколько составныхъ его частей. Весьма часто это бываетъ просто выпаденіе твердой составной части масла, при обыкновенной температурѣ растворенной въ жидкой. Твердую, выпадающую при охлажденіи часть масла называютъ, независимо отъ ея природы, *стеароптеномъ*, а жидкую — *элеоптеномъ*. Удѣльный вѣсъ Э. маселъ, за небольшими исключеніями, колеблется между 0,8—0,98, но существуютъ масла и тяжелѣе воды; удѣльный вѣсъ ихъ, однако, никогда не превосходитъ 1,2. Всѣ безъ исключенія Э. масла летучи, особенно, при нагрѣваніи (см. выше). Температура кипѣнія Э. маселъ, какъ веществъ, не представляющихъ опредѣленныхъ химическихъ соединеній, для каждаго масла колеблется въ достаточно широкихъ предѣлахъ, но, вообще, всѣ масла гонятся отъ 140° до 260° Ц. Далеко не всѣ они, даже скорѣе меньшая ихъ часть, перегоняются безъ разложенія подъ обыкновеннымъ давленіемъ, но всѣ они обладаютъ способностью перегоняться сами по себѣ подъ уменьшеннымъ давленіемъ или съ водянымъ паромъ. Въ водѣ Э. масла почти не растворяются, но образуютъ съ ней эмульсію и послѣдніе слѣды масла, эмульсированнаго въ водѣ, очень трудно отстаиваются. Прекрасно растворяются всѣ Э. масла въ эфирѣ, хлороформѣ, сѣрнистомъ углеродѣ, ацетонѣ, легкихъ погонахъ нефти, хлористомъ метилѣ, жирахъ и жирныхъ маслахъ. Изъ химическихъ свойствъ Э. маселъ для техники ихъ полученія наиболѣе интереснымъ является отношеніе ихъ къ воздуху и водѣ. Всѣ Э. масла обладаютъ способностью поглощать кислородъ изъ воздуха, при чемъ нѣкоторыя

масла поглощаютъ кислородъ очень медленно и въ небольшихъ количествахъ, другія быстро и въ количествахъ очень значительныхъ. Большинство маселъ при окисленіи измѣняетъ свой запахъ и именно, за немногими исключеніями, ухудшаютъ его. Вода сама по себѣ и на холоду обыкновенно не оказываетъ никакого дѣйствія на Э. масла, но есть и исключенія: лавандовое масло, напр., при долгомъ стояніи съ водой измѣняетъ свой запахъ, такъ какъ нѣкоторыя изъ составныхъ его частей даютъ съ водою химическія соединенія. Горячая вода и водяные пары всегда ухудшаютъ качества масла, въ особенности его запахъ и тѣмъ сильнѣе, чѣмъ при высшей температурѣ происходитъ ихъ соприкосновеніе. Отчасти вода при этомъ только помогаетъ окисляющему дѣйствію воздуха, а отчасти дѣйствуетъ и самостоятельно, омыляя содержащіеся въ Э. маслахъ сложные эфиры.

Способы полученія Э. маселъ. Всѣ способы полученія или, вѣрнѣе сказать, выдѣленія Э. маселъ можно разбить на три категоріи: способы *выжиманія*, способы *перегонки* и способы *растворенія*. Раньше, чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію этихъ способовъ, слѣдуетъ остановиться на тѣхъ предварительныхъ операціяхъ, которыми матеріалъ подготовляется къ выдѣленію изъ него Э. масла, какимъ бы способомъ оно ни производилось. Матеріалъ для полученія Э. маселъ составляютъ сѣмена, корневища, корни, стебли, кора, древесина, листья, цвѣты, плоды и, наконецъ, смолы. Нѣкоторыя изъ этихъ частей растенія могутъ сохраняться неопредѣленно долгое время безъ порчи Э. масла (древесина, кора, многіе корни и т. д.), другія, будучи предварительно осторожно высушены, сохраняются безъ вреда въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ (напр. листья), третьи, наконецъ, не выносятъ вовсе храненія и должны поступать на фабрику Э. маселъ тотчасъ по сборѣ; таковы—цвѣты. Многіе изъ цвѣтовъ не выносятъ даже хотя сколько-либо продолжительной перевозки съ плантанціи на заводъ, и аппараты для добыванія изъ нихъ масла должны быть установлены въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ плантаціей. Иногда, впрочемъ, обстоятельства складываются такъ, что является настоятельная необходимость сохранять цвѣты болѣе или менѣе долгое время, перевозить ихъ на далекое разстояніе и т. д. Тогда для сохранія ихъ или солятъ въ плотно закупоренныхъ бочкахъ, или помѣщаютъ въ герметическіе сосуды, изъ которыхъ воздухъ выкачивается и замѣняется парами эфира или другого легко летучаго растворителя. Что касается другого матеріала, то возможность его сохраненія зависитъ главнымъ образомъ отъ того, гдѣ и какъ въ немъ помѣщается масло, насколько легко оно окисляется и насколько оно летуче. Понятно, что если масло содержится въ клѣткахъ, стѣнки которыхъ не пропускаютъ воздуха, само оно трудно окисляется и мало летуче, то такой матеріалъ безъ вреда можно высушивать и сохранять. Высушиваніе матеріала должно производиться съ осторожностью, медленно и при возможно низкой температурѣ. Высушенный матеріалъ, если это цѣлыя растенія, стебли и т. д., можетъ быть сложенъ въ кучи, а сухіе листья, сѣмена, измельченную древесину, корни и т. д. лучше сохранять въ плотно закупоренныхъ ящикахъ и бочкахъ. Очень часто матеріалъ передъ обработкой измельчаютъ, что дѣлается для того, чтобы облегчить доступъ къ маслу водѣ, водяному пару или экстрагирующимъ веществамъ. *Сѣмена* измельчаются на гладкихъ валкахъ, совершенно такихъ же, какіе употребляются для первоначальнаго измельченія сѣмянъ при маслобойномъ производствѣ (см.). Травянистыя растенія рѣжутъ на обыкновенныхъ соломорѣзкахъ или напоминающихъ ихъ машинахъ съ гильотинообразно движущимся ножемъ. Болѣе твердые корни, а также матеріалъ короткій, который не захватывается соломорѣзкой, съ успѣхомъ можетъ быть измельчаемъ ручной сѣчкой, состоящей изъ трехъ ножей, прикрѣпленныхъ вертикально къ общей доскѣ съ ручкой изъ желѣзной трубки. *Твердый матеріалъ—древесина* и *кора* измельчаются на стружки дискомъ съ гребенчатыми ножами, приводимымъ въ быстрое вращеніе. Для превращенія въ муку какимъ-либо изъ описанныхъ способовъ предварительно измельченнаго и высушеннаго матеріала служатъ различнаго устройства мельницы; изъ нихъ весьма пригодными являются шаровыя мельницы (Kugelmühle), мельницы съ вертикальными рифленными шайбами и такъ называемая Богардусова мельница. Нѣкоторыя сѣмена, кромѣ Э. масла, содержатъ также масло жирное; оно должно быть прессованіемъ выдѣлено ранѣе, чѣмъ приступить къ добыванію Э. масла. Все выдѣленіе жирнаго масла ведется какъ всегда въ маслобойномъ производствѣ, только прессованіе производится холодное, такъ какъ при нагрѣваніи Э. масло могло бы улетучиться. Мы говорили уже, что въ нѣкоторыхъ растеніяхъ Э. масло не находится въ готовомъ видѣ, а образуется при извѣстнаго рода броженіи. Объ этомъ процессѣ и подготовкѣ подобнаго матеріала для полученія Э. масла см. Масла горькоминдальное и горчичное.

Полученіе эфирныхъ маселъ способомъ выжиманія. Способъ этотъ примѣняется только къ матеріалу, содержащему большое количество Э. масла, заключеннаго въ значительной величины влагалищахъ, окруженныхъ не слишкомъ твердыми, деревянистыми оболочками. Въ настоящее время способомъ выжиманія получаютъ масло почти исключительно изъ корокъ лимоновъ, померанцевъ, апельсиновъ и бергамотовъ. Вмѣстѣ съ Э. масломъ при этомъ, конечно, выдавливаются и всѣ другія содержащіяся въ растительныхъ тканяхъ жидкости, слизи и растворенныя въ нихъ вещества. Масло получается тѣсно смѣшанное со всѣми этими примѣсями и довольно трудно отъ нихъ отстаивается. Это составляетъ, конечно, его недостатокъ, но за то, съ другой стороны, оно всегда обладаетъ болѣе тонкимъ запахомъ, чѣмъ полученное перегонкой или другимъ какимъ-либо способомъ, требующимъ нагрѣванія. Въ простѣйшемъ видѣ разсматриваемый

способъ состоитъ въ выжиманіи корокъ упомянутыхъ фруктовъ руками надъ губкой, впитывающей въ себя масло. Губку время отъ времени выжимаютъ въ сосудъ, служащій для собиранія и отстаиванія масла. Слѣдующей ступенью способа является употребленіе особаго скребка, называемаго во Франціи, гдѣ онъ почти исключительно и примѣняется, «l'écuelle». Скребокъ этотъ (см. табл. фиг. 1) состоитъ изъ оловянной тарелки *A* діаметромъ въ 20 стм.; посрединѣ ея имѣется круглое въ 2 стм. діаметромъ отверстіе и къ нему съ выпуклой стороны тарелки припаяна трубка *C* съ донышкомъ. Тарелка *A* усажена 150 бронзовыми шипами, расположенными пятью концентрическими рядами. Рабочій въ лѣвую руку беретъ скребокъ, въ правую—лимонъ или апельсинъ и третъ его о зубцы скребка, все время поворачивая не тронутыми еще мѣстами. Зубья скребка разрываютъ клѣтки, содержащія масло, и оно подъ давленіемъ руки рабочаго вытекаетъ вмѣстѣ съ сокомъ и собирается въ трубкѣ *C*, которую, по мѣрѣ надобности, опоражниваютъ въ какой-либо сосудъ, отнимая во время переливанія задвижку *B*. Вполнѣ понятно, что описанными способами нѣтъ возможности вполнѣ выдѣлить масло; гораздо болѣе совершенно оно отжимается механическими прессами. Пресса для этого употребляются точно такого же устройства, какъ и въ маслобойномъ производствѣ (см.).

Способъ полученія Э. маселъ перегонкой основанъ на способности ихъ перегоняться съ водянымъ паромъ. Различаютъ три способа полученія Э. маселъ перегонкой: перегонку съ водой, перегонку съ водянымъ паромъ и перегонку съ водой подъ уменьшеннымъ давленіемъ. a) При перегонкѣ съ водою матеріалъ и вода помѣщаются и нагрѣваются въ одномъ и томъ же кубѣ. Наиболѣе давно употреблявшейся формой этого способа является огневая перегонка. Фиг. 2 представляетъ простѣйшій приборъ для такой гонки, употребляющійся и понынѣ на югѣ Франціи. *A*—кубъ, наполненный водою и душистыми растеніями, прикрытый сверху шлемомъ *B* съ хоботомъ (отводной трубкой) *C*, проводящимъ пары изъ куба *A* въ холодильникъ *D*, гдѣ они сгущаются въ жидкость, стекающую въ пріемникъ *E*. Кубъ нагрѣвается на голомъ огнѣ *H*. Если душистыя растенія помѣщать въ кубъ прямо на дно, то легко происходитъ ихъ пригораніе. Для избѣжанія пригоранія въ кубѣ устраиваютъ или второе сѣтчатое дно, препятствующее матеріалу для гонки опускаться на настоящее дно куба, или матеріалъ помѣщаютъ въ особыя металлическія корзины, подвѣшиваемыя внутри куба. Однако, и здѣсь не устраняется вполнѣ возможность пригоранія; для устраненія всякой возможности пригоранія замѣняютъ нагрѣваніе на голомъ огнѣ нагрѣваніемъ на водяной или, чаще, паровой банѣ. Для этого нижнюю часть куба окружаютъ металлической, снаружи обложенной деревомъ рубашкой и пропускаютъ въ нее перегрѣтый паръ. Поступаютъ и иначе: кубъ снаружи окружаютъ плохими проводниками тепла, а внутри устраиваютъ закрытый змѣевикъ, черезъ который пропускаютъ опять таки перегрѣтый паръ. Оба способа требуютъ для своего примѣненія отдѣльнаго паровика, а разъ таковой имѣется, то нѣтъ и причины оставаться при водномъ способѣ, а слѣдуетъ переходить къ чисто паровому. b) При паровомъ способѣ матеріалъ сухой, смоченный или даже вмѣстѣ съ значительнымъ количествомъ воды помѣщается въ кубъ, а затѣмъ сквозь него пропускаютъ токъ пара, получаемаго всего лучше въ отдѣльномъ паровикѣ. Паръ при этомъ можетъ быть употребленъ какъ обыкновенный, такъ и подъ давленіемъ (перегрѣтый). При паровой гонкѣ устройство аппарата должно быть таково, чтобы паръ сгустившійся до той части хобота, которая наклонена къ холодильнику, никоимъ образомъ не могъ попасть обратно въ кубъ, паровой котелъ или другое приспособленіе, служащее для полученія нужнаго для паровой гонки пара. Изъ аппаратовъ, удовлетворяющихъ этимъ условіямъ и въ то же время не имѣющихъ отдѣльнаго паровика, мы упомянемъ о кубѣ Субейрана въ его наиболѣе простомъ видѣ. Въ самомъ простѣйшемъ своемъ видѣ онъ изображенъ на фиг. 3; вмѣсто упоминавшейся выше корзины для помѣщенія матеріала въ огневыхъ кубахъ здѣсь имѣется цилиндрическій сосудъ *B*, вставленный въ кубъ для воды *A* и прикрытый шлемомъ *C*. Кубъ *A* нагрѣвается на огнѣ, паръ, въ немъ образовавшійся, трубкой *P* проводится въ *B* подъ ситчатое дно *G*, на которомъ помѣщается обработываемый матеріалъ. Пары воды и эфирнаго масла черезъ шлемъ *C* и не изображенный на фигурѣ хоботъ поступаютъ въ холодильникъ, а та часть, которая успѣла сгуститься, не дойдя до хобота, стекаетъ внизъ и собирается на днѣ сосуда *B*, откуда можетъ вслѣдствіе нагрѣванія снова испаряться. Ни матеріалъ для гонки, ни извлеченныя изъ него водою разнообразныя вещества здѣсь въ нормальныхъ условіяхъ пригорать не могутъ; но стоитъ только произойти нѣкоторому охлажденію куба, какъ собравшаяся на днѣ *B* вода съ мелкими растительными частицами и извлеченными веществами будетъ по трубкѣ *P* перетянута въ *A*, гдѣ и встрѣтитъ всѣ условія для пригоранія. Какими бы достоинствами въ отношеніи дешевизны, компактности и т. д. ни обладали кубы соединенные въ одно съ парообразователями имъ надо предпочитать аппараты съ отдѣльнымъ отъ куба паровикомъ. Вынувъ изъ аппарата Субейрана (фиг. 3) внутренній кубъ *B* закрывъ котелъ *A* герметически крышкой и оставивъ соединяющую ихъ трубку *p*, мы получимъ приборъ для настоящей паровой гонки Э. маселъ. Такой аппаратъ изображенъ на фиг. 4. Здѣсь имѣется кубъ *A* со вторымъ ситчатымъ дномъ *a* и шлемомъ съ хоботомъ *b*, холодильникъ *B* и пріемникъ *C*, но сверхъ того еще отдѣльный парообразователь *D*. Паръ изъ *D* проводится трубкой *d* внизъ куба *A*, подъ второе дно и здѣсь, по возможности, равномѣрно распредѣляется по всему горизонтальному разрѣзу куба. Матеріалъ закладывается въ кубъ сухой или заливается водою, какъ и при

огневой гонкѣ. Паръ для гонки можно употреблять какъ обыкновенный, текучій (100°), такъ и подъ давленіемъ. Паръ подъ давленіемъ (не свыше 2 атмосферъ) примѣнять выгоднѣе; онъ значительно суше и, обладая значительной силой расширенія, легко пронизываетъ всю толщу матеріала и быстро достигаетъ холодильника. Изъ многочисленныхъ системъ перегонныхъ для Э. маселъ кубовъ, отличающихся другъ отъ друга подробностями устройства, имѣющими каждое свои преимущества и свои недостатки, мы опишемъ только кубъ, принятый на заводѣ Шиммеля и К° въ Лейпцигѣ и изображенный на фиг. 5, 6 и 7. Кубъ этотъ имѣетъ форму усѣченнаго конуса, сдѣланъ изъ котельнаго желѣза и вышина его значительно больше діаметра. Для помѣщенія, напр., 100 пд. матеріала онъ дѣлается при высотѣ въ 3,1 м., діаметромъ внизу 1,6 м., а наверху — 1,2 м. Чтобы избѣжать при такой большой высотѣ куба конденсаціи проходящихъ черезъ него паровъ, онъ, во-первыхъ, обшивается снаружи какимъ-либо дурнымъ проводникомъ тепла, а во-вторыхъ, поддерживается въ нагрѣтомъ нѣсколько выше 100° состояніи пропусканіемъ во все время работы пара подъ извѣстнымъ давленіемъ черезъ особый свернутый около самыхъ стѣнокъ куба закрытый змѣевикъ *d*. На разстояніи 0,2 м. отъ нѣсколько выпуклаго дна куба помѣщается второе рѣшетчатое дно *a*, и на него черезъ горло *b*, снявъ шлемъ *q* съ хоботомъ *l*, кладутъ обработываемый матеріалъ, наполняя кубъ почти до самаго верха. Наполнивъ кубъ матеріаломъ и закрывъ шлемомъ, прежде всего начинаютъ черезъ кранъ *e* пропускать въ змѣевикъ *d* паръ и только тогда, когда весь кубъ достаточно прогрѣется, впускаютъ въ него текучій рабочій паръ черезъ находящуюся подъ ситчатымъ дномъ *a* спирально-свернутую трубку *c* съ большимъ числомъ мелкихъ отверстій. Не смотря на всѣ предосторожности, нѣтъ никакой возможносы, совершенно избѣжать сгущенія въ кубѣ водти которая стекаетъ внизъ и собирается на днѣ. Для новаго испаренія ея отсюда служитъ горизонтальная закрытая спираль *f*. Въ нее время отъ времени черезъ кранъ *z* пропускають перегрѣтый паръ и собравшаяся вода снова испаряется. Текучій паръ изъ *c* проходитъ всю толщу заложеннаго въ кубъ матеріала и вмѣстѣ съ парами эфирнаго масла черезъ шлемъ и хоботъ поступаетъ въ холодильникъ *B*. Вода и масло изъ холодильника черезъ отогнутый конецъ его *m* стекаютъ въ воронку *n*, а изъ нея въ рядъ флорентинскихъ склянокъ I, II и III. Изъ послѣдняго пріемника (III) отстоявшаяся вода вытекаетъ въ большую прямоугольную ванну *C*, помѣщенную сзади склянокъ и обозначенную на фиг. 5 пунктиромъ. Когда воды этой наберется достаточное количество, она для окончательнаго выдѣленія растворенпаго и эмульсированнаго масла черезъ трубки *s* и *t* (на фиг. 6 *g*) спускается въ небольшой кубъ *D*, гдѣ и нагрѣвается до кипѣнія пропусканіемъ перегрѣтаго пара черезъ спираль *h*. Перегоняющіеся пары черезъ хоботъ *i* попадаютъ въ холодильникъ B_1 (фиг. 6 и 7), помѣщенный за холодильникомъ *B* и не показанный на фиг. 5, сгущаются въ немъ и черезъ ту же воронку *n* поступаютъ снова въ пріемники I, II и III. Все масло перегоняется съ первыми порціями воды и когда изъ куба *D* начинаетъ гнаться чистая вода, перегонку прекращаютъ, оставшуюся въ кубѣ воду выпускаютъ черезъ кранъ *o* и снова черезъ *s* и *t* кубъ наполняютъ успѣвшей собраться въ *C* водою, содержащей масло. Такъ продолжаютъ до окончательнаго использованія заложеннаго въ большой кубъ *A* матеріала. Опоражниваютъ кубъ *A* черезъ лазъ *E*. Этотъ перегонный аппаратъ, удовлетворяя теоретически всѣмъ требованіямъ раціональной гонки масла, и на практикѣ показалъ себя съ очень хорошей стороны. На заводѣ Шиммеля подобнаго рода кубы строятся колоссальныхъ размѣровъ до 60000 литровъ вмѣстимостью. c) Чтобы понизить еще болѣе температуру перегонки для Э. маселъ, особенно къ нагрѣванію чувствительныхъ, прибѣгаютъ къ перегонкѣ ихъ съ водянымъ паромъ при уменьшенномъ давленіи. Герметически соединивъ кубъ *D* (фиг. 8) съ холодильникомъ *K* и пріемнымъ резервуаромъ *C*, помощью воздушнаго насоса *E* выкачаемъ изъ всего прибора часть воздуха; давленіе въ немъ уменьшится и вода въ кубѣ *D* будетъ кипѣть не при 100°, а ниже и еще нѣсколько ниже будетъ происходить перегонка съ водою Э. масла. Для ректификаціи Э. маселъ перегонка подъ уменьшеннымъ давленіемъ примѣнялась довольно давно, но для полученія маселъ изъ растеній ее впервые примѣнили всего въ 1890 г. и она, не смотря на всѣ свои выгоды, по многимъ разнообразнымъ причинамъ техническаго свойства плохо входитъ въ заводскую практику. Не описывая никакого для этой цѣли предложеннаго аппарата въ отдѣльности укажемъ въ общихъ чертахъ особенности, устройства частей перегонныхъ для уменьшеннаго давленія кубовъ. Лучшая форма самаго куба шаровая или яйцеобразная. Всѣ соединенія (куба со шлемомъ и съ холодильникомъ, холодильника съ пріемникомъ и т. д.) должны быть совершенно герметическія и не должны пропускать воздуха. Весь аппаратъ долженъ быть достаточно солиднымъ, чтобы вынести, когда изъ него выкачанъ воздухъ, наружное атмосферное давленіе. Нагрѣваться кубъ можетъ на голомъ огнѣ, но предпочтительнѣе паровой рубашкой или внутреннимъ, закрытымъ паровымъ змѣевикомъ. Холодильникъ долженъ быть очень энергичный; часто, кромѣ поверхностнаго охлажденія, примѣняется еще иньектированіе воды прямо въ сгущаемые пары. Пріемникъ долженъ быть достаточно большой, чтобы въ немъ помѣстились вся вода и масло отъ перегонки, или онъ долженъ обладать особыми приспособленіями для раздѣленія воды отъ масла и выпуска воды безъ остановки гонки и повышенія давленія въ перегонномъ аппаратѣ. Воздушный насосъ можетъ быть какой угодно системы, какъ механическій поршневой, такъ и пароструйный. Насосъ слѣдуетъ соединять съ

способъ состоитъ въ выжиманіи корокъ упомянутыхъ фруктовъ руками надъ губкой, впитывающей въ себя масло. Губку время отъ времени выжимаютъ въ сосудъ, служащій для собиранія и отстаиванія масла. Слѣдующей ступенью способа является употребленіе особаго скребка, называемаго во Франціи, гдѣ онъ почти исключительно и примѣняется, «l'écuelle». Скребокъ этотъ (см. табл. фиг. 1) состоитъ изъ оловянной тарелки *A* діаметромъ въ 20 стм.; посрединѣ ея имѣется круглое въ 2 стм. діаметромъ отверстіе и къ нему съ выпуклой стороны тарелки припаяна трубка *C* съ донышкомъ. Тарелка *A* усажена 150 бронзовыми шипами, расположенными пятью концентрическими рядами. Рабочій въ лѣвую руку беретъ скребокъ, въ правую—лимонъ или апельсинъ и третъ его о зубцы скребка, все время поворачивая не тронутыми еще мѣстами. Зубья скребка разрываютъ клѣтки, содержащія масло, и оно подъ давленіемъ руки рабочаго вытекаетъ вмѣстѣ съ сокомъ и собирается въ трубкѣ *C*, которую, по мѣрѣ надобности, опоражниваютъ въ какой-либо сосудъ, отнимая во время переливанія задвижку *B*. Вполнѣ понятно, что описанными способами нѣтъ возможности вполнѣ выдѣлить масло; гораздо болѣе совершенно оно отжимается механическими прессами. Пресса для этого употребляются точно такого же устройства, какъ и въ маслобойномъ производствѣ (см.).

Способъ полученія Э. маселъ перегонкой основанъ на способности ихъ перегоняться съ водянымъ паромъ. Различаютъ три способа полученія Э. маселъ перегонкой: перегонку съ водой, перегонку съ водянымъ паромъ и перегонку съ водой подъ уменьшеннымъ давленіемъ. a) При перегонкѣ съ водою матеріалъ и вода помѣщаются и нагрѣваются въ одномъ и томъ же кубѣ. Наиболѣе давно употреблявшейся формой этого способа является огневая перегонка. Фиг. 2 представляетъ простѣйшій приборъ для такой гонки, употребляющійся и понынѣ на югѣ Франціи. *A*—кубъ, наполненный водою и душистыми растеніями, прикрытый сверху шлемомъ *B* съ хоботомъ (отводной трубкой) *C*, проводящимъ пары изъ куба *A* въ холодильникъ *D*, гдѣ они сгущаются въ жидкость, стекающую въ пріемникъ *E*. Кубъ нагрѣвается на голомъ огнѣ *H*. Если душистыя растенія помѣщать въ кубъ прямо на дно, то легко происходитъ ихъ пригораніе. Для избѣжанія пригоранія въ кубѣ устраиваютъ или второе сѣтчатое дно, препятствующее матеріалу для гонки опускаться на настоящее дно куба, или матеріалъ помѣщаютъ въ особыя металлическія корзины, подвѣшиваемыя внутри куба. Однако, и здѣсь не устраняется вполнѣ возможность пригоранія; для устраненія всякой возможности пригоранія замѣняютъ нагрѣваніе на голомъ огнѣ нагрѣваніемъ на водяной или, чаще, паровой банѣ. Для этого нижнюю часть куба окружаютъ металлической, снаружи обложенной деревомъ рубашкой и пропускаютъ въ нее перегрѣтый паръ. Поступаютъ и иначе: кубъ снаружи окружаютъ плохими проводниками тепла, а внутри устраиваютъ закрытый змѣевикъ, черезъ который пропускаютъ опять таки перегрѣтый паръ. Оба способа требуютъ для своего примѣненія отдѣльнаго паровика, а разъ таковой имѣется, то нѣтъ и причины оставаться при водномъ способѣ, а слѣдуетъ переходить къ чисто паровому. b) При паровомъ способѣ матеріалъ сухой, смоченный или даже вмѣстѣ съ значительнымъ количествомъ воды помѣщается въ кубъ, а затѣмъ сквозь него пропускаютъ токъ пара, получаемаго всего лучше въ отдѣльномъ паровикѣ. Паръ при этомъ можетъ быть употребленъ какъ обыкновенный, такъ и подъ давленіемъ (перегрѣтый). При паровой гонкѣ устройство аппарата должно быть таково, чтобы паръ сгустившійся до той части хобота, которая наклонена къ холодильнику, никоимъ образомъ не могъ попасть обратно въ кубъ, паровой котелъ или другое приспособленіе, служащее для полученія нужнаго для паровой гонки пара. Изъ аппаратовъ, удовлетворяющихъ этимъ условіямъ и въ то же время не имѣющихъ отдѣльнаго паровика, мы упомянемъ о кубѣ Субейрана въ его наиболѣе простомъ видѣ. Въ самомъ простѣйшемъ своемъ видѣ онъ изображенъ на фиг. 3; вмѣсто упоминавшейся выше корзины для помѣщенія матеріала въ огневыхъ кубахъ здѣсь имѣется цилиндрическій сосудъ *B*, вставленный въ кубъ для воды *A* и прикрытый шлемомъ *C*. Кубъ *A* нагрѣвается на огнѣ, паръ, въ немъ образовавшійся, трубкой *P* проводится въ *B* подъ ситчатое дно *G*, на которомъ помѣщается обработываемый матеріалъ. Пары воды и эфирнаго масла черезъ шлемъ *C* и не изображенный на фигурѣ хоботъ поступаютъ въ холодильникъ, а та часть, которая успѣла сгуститься, не дойдя до хобота, стекаетъ внизъ и собирается на днѣ сосуда *B*, откуда можетъ вслѣдствіе нагрѣванія снова испаряться. Ни матеріалъ для гонки, ни извлеченныя изъ него водою разнообразныя вещества здѣсь въ нормальныхъ условіяхъ пригорать не могутъ; но стоитъ только произойти нѣкоторому охлажденію куба, какъ собравшаяся на днѣ *B* вода съ мелкими растительными частицами и извлеченными веществами будетъ по трубкѣ *P* перетянута въ *A*, гдѣ и встрѣтитъ всѣ условія для пригоранія. Какими бы достоинствами въ отношеніи дешевизны, компактности и т. д. ни обладали кубы, соединенные въ одно съ парообразователями, имъ надо предпочитать аппараты съ отдѣльнымъ отъ куба паровикомъ. Вынувъ изъ аппарата Субейрана (фиг. 3) внутренній кубъ *B*, закрывъ котелъ *A* герметически крышкой и оставивъ соединяющую ихъ трубку *p*, мы получимъ приборъ для настоящей паровой гонки Э. маселъ. Такой аппаратъ изображенъ на фиг. 4. Здѣсь имѣется кубъ *A* со вторымъ ситчатымъ дномъ *a* и шлемомъ съ хоботомъ *b*, холодильникъ *B* и пріемникъ *C*, но сверхъ того, еще отдѣльный парообразователь *D*. Паръ изъ *D* проводится трубкой *d* внизъ куба *A*, подъ второе дно и здѣсь, по возможности, равномѣрно распредѣляется по всему горизонтальному разрѣзу куба. Матеріалъ закладывается въ кубъ сухой или заливается водою, какъ и при

посредствомъ насоса P, сильно разрѣжающаго воздухъ и перекачивающаго пары растворителя изъ куба черезъ холодильникъ F въ резервуаръ R. Если растворитель достаточно летучъ (какъ это обыкновенно и бываетъ), то операція эта производится при обыкновенной температурѣ, поддерживаемой циркуляціей воды между двойными стѣнками куба; въ случаѣ нужды, вода пускается болѣе или менѣе нагрѣтая. Въ кубѣ, послѣ отгона, остается Э. масло, которое можетъ быть, по желанію, выпущено черезъ кранъ L'' или сейчасъ же подвергнуться очисткѣ и переводу въ спиртовый экстрактъ, въ какомъ видѣ такого рода извлеченныя Э. масла весьма часто и даже по преимуществу сохраняются. Для этого, оставляя вакуумъ въ кубѣ и разобщивъ кубъ отъ холодильника, открываютъ кранъ L и набираютъ въ кубъ изъ S 96% спирта. Спирту этому даютъ время растворить находящееся въ кубѣ Э. масло, ускоряя растворенiе взбалтыванiемъ, получаемымъ отъ впусканія маленькими количествами воздуха черезъ r'' K. Спиртовый растворъ затѣмъ спускаютъ въ сосудъ S', охлаждаютъ до 10° и отфильтровываютъ, получая чистый алкогольный экстрактъ Э. масла. Остатки растворителя, задержанные матеріаломъ въ дигесторѣ, выдѣляютъ, пропуская въ рубашку его паръ и сгущая улетучивающійся растворитель въ отдѣльномъ, не показанномъ на фигурѣ холодильникѣ. Описанный способъ при всей своей сложности имѣетъ несомнѣнное преимущество въ томъ обстоятельствѣ, что при немъ Э. масло не подвергается вовсе нагрѣванію. Способъ этотъ къ остальнымъ способамъ экстрагированія стоитъ такъ, какъ полученіе Э. масла перегонкой подъ уменьшеннымъ давленіемъ къ перегонкѣ при обыкновенномъ давленіи. Какъ бы ни производилось извлеченіе, Э. масло никогда не извлекается одно, а вмѣстѣ съ нимъ въ растворъ переходятъ и различныя смолистыя, жирныя, красящія и др. жидкія и твердыя вещества, содержащіяся въ растеніяхъ. Это, въ связи съ тѣмъ, что способъ экстрагированія обыкновенно примѣняется только для выдѣленія Э. маселъ, заключающихся въ растеніяхъ въ минимальныхъ количествахъ, приводитъ къ тому, что выдѣленное такимъ образомъ вещество содержитъ больше примѣсей, чѣмъ самого Э. масла, и представляется въ видѣ полужидкаго, а иногда совсѣмъ твердаго воскообразнаго тѣла. Зачастую въ продажу пускается такое неочищенное вещество подъ названіемъ «пахучаго воска», представляющее растворъ Э. масла въ различныхъ экстрактивныхъ веществахъ. Нерѣдко, не выдѣляя чистаго Э. масла и не пуская въ продажу первоначальнаго вещества, его обрабатываютъ спиртомъ и, переведя Э. масло (а также и нѣкоторыя другія вещества) въ спиртовый растворъ, продаютъ въ видѣ экстрактовъ.

b) *Настаиванiе или мацерація*. Способъ этотъ состоитъ, какъ мы уже говорили, въ извлеченіи Э. масла изъ растенія, раствореніемъ его въ жирахъ или жирныхъ маслахъ. Твердыми жирами извлеченіе можетъ быть производимо только при нагрѣваніи, а жирными маслами одинаково какъ на холоду, такъ и при нагрѣваніи. Настаиваніе составляетъ одинъ изъ древнѣйшихъ способовъ выдѣленія изъ цвѣтовъ ароматовъ и до сихъ поръ въ большомъ ходу на югѣ Франціи. Суть способа состоитъ въ томъ, что въ мѣдный луженый или жестяной цилиндрическій сосудъ наливаютъ оливковое масло или расплавленный жиръ и въ первомъ случаѣ на холоду или нагрѣвая на водяной банѣ, а во второмъ случаѣ только при нагрѣваніи опускаютъ въ него въ мѣшкахъ ароматическій матеріалъ. Продержавъ извѣстное время въ жиру, мѣшки вынимаютъ, замѣняютъ свѣжими и т. д. Очень важно для полученія продукта хорошаго качества имѣть хорошо очищенный жиръ и масло. Масло употребляется только оливковое, не старое и вполнѣ нейтральной реакціи. Жиръ употребляется говяжій (воловій) и свиной и притомъ какъ каждый отдѣльно, такъ и въ смѣси одинъ съ другимъ. Сало при очисткѣ сплавляютъ, отцѣживаютъ, отдѣляютъ отъ воды и окончательно сушатъ стираніемъ съ 5% прокаленной глауберовой соли. Для предотвращенія прогорканія, къ салу прибавляютъ кромѣ того различныхъ консервирующихъ веществъ. Наичаще жиръ стапливаютъ съ бензойной смолой (на 1 кгр. жира отъ 3 до 20 гр. смолы), толуанскимъ бальзамомъ и борной или салициловой кислотами 5 гр. на 1 кгр. жира). Во Франціи прибавленіемъ различныхъ веществъ къ жиру даже злоупотребляютъ и подъ видомъ приданія прочности попросту фальсифицируютъ извлекаемое Э. масло. Способность жировъ портиться заставила давно уже искать способовъ замѣнить ихъ другими подходящими веществами, и таковыми оказались: параффинъ, вазелинъ и вазелиновое масло. Однако, отзывы объ этихъ веществахъ имѣются самые противоположные, и вопросъ о значеніи этихъ веществъ при приготовленіи «помадъ» долженъ считаться открытымъ.

При настаиваніи на холоду во Франціи употребляются почти исключительно большіе, аршина полтора вышиною и до аршина съ четвертью въ діаметрѣ мѣдныя луженыя ведра, въ которыя наливаютъ оливковое масло и затѣмъ опускаютъ въ мѣшкахъ изъ рѣдкаго холста цвѣты. Масло тщательно время отъ времени перемѣшиваютъ и мѣшокъ съ матеріаломъ вынимаютъ, смотря по природѣ обрабатываемаго матеріала, черезъ 4—5 час., а иногда и черезъ сутки. Затѣмъ въ это же масло погружаютъ мѣшокъ со свѣжей порціей матеріала и т. д., повторяя операцію, смотря по тому, какой крѣпости желаютъ получить продуктъ, отъ 10 до 30 разъ и болѣе. Вынутые мѣшки съ цвѣтами, пропитанными оливковымъ масломъ, поступаютъ подъ сильные пресса и выдавленное масло возвращается въ чанъ для настаиванія. Нѣкоторые заводчики предпочитаютъ не употреблять мѣшковъ и въ масло опускаютъ прямо отсортированные цвѣты. По окончаніи настаиванія ихъ вылавливаютъ дуршлакомъ или шумовкой на сито, даютъ маслу возможно полно стечь, а затѣмъ уже цвѣты отжимаютъ въ тигельныхъ пресссахъ, но отжатое масло, какъ со-

пріемникомъ и черезъ него выкачивать воздухъ изъ всего прибора. Но можно употреблять насосъ не только выкачивающій, но и нагнетающій. Такой насосъ ставится между кубомъ и холодильникомъ; онъ работаетъ все время гонки, вытягивая изъ куба пары воды и масла и нагнетая ихъ въ холодильникъ. Такая установка имѣетъ то преимущество, что холодильникъ при ней не соединяется герметически съ пріемникомъ, и этимъ послѣднимъ можетъ служить обыкновенная флорентинская склянка.

Полученіе Э. маселъ способомъ растворенія. Способъ этотъ состоитъ въ выдѣленіи Э. маселъ изъ растеній путемъ растворенія ихъ въ какомъ либо веществѣ. Въ зависимости отъ природы растворителя различаютъ: a) *экстрагированіе*—раствореніе въ жидкостяхъ, низко кипящихъ и, слѣдовательно, легко затѣмъ отъ Э. маселъ отгоняемыхъ; b) *настаиваніе* или *мацерація*—раствореніе въ жирахъ и въ жирныхъ маслахъ; c) *поглощеніе* — то же, что и настаиваніе, но растворители здѣсь не обрабатываютъ непосредственно растительнаго матеріала, а только улавливаютъ, поглощаютъ выдѣляющіеся изъ него пары Э. масла. Настаиваніе и поглощеніе сами по себѣ не даютъ Э. масла и для того, чтобы выдѣлить его изъ раствора въ жирахъ, эти послѣдніе должны быть экстрагированы какою-либо легко летучею жидкостью и она затѣмъ отъ извлеченнаго Э. масла отогнана. Однако, такое извлеченіе дѣлается рѣдко, обыкновенно же фабриканты Э. маселъ продаютъ прямо насыщенные запахомъ Э. масла жиры («помады») парфюмерамъ, а эти послѣдніе изъ нихъ приготовляютъ спиртовые экстракты, прямо идущіе въ составъ духовъ. При этомъ, слѣдовательно, Э. масло въ чистомъ видѣ не выдѣляется вовсе. a) Растворителями при экстрагированіи могутъ служить сѣрнистый углеродъ, спиртъ, эфиръ, хлороформъ, ацетонъ, хлористые метилъ и этилъ, легкіе погоны нефти и т. д., и производится эта операція точно такимъ же образомъ и въ тѣхъ же аппаратахъ, что и экстрагированіе жирныхъ маселъ (см. Маслоэкстракціонное производство). Нѣкоторое отличіе представляетъ только экстрагированіе подъ давленіемъ и въ вакуумѣ. Экстрагированіемъ подъ давленіемъ предполагается достичь механическаго вытѣсненія масла растворителемъ изъ его вмѣстилищъ, но такое предположеніе не выдерживаетъ никакой критики. Увеличивать давленіе, подъ которымъ производится извлеченіе, нужно только по необходимости при употребленіи такихъ легко кипящихъ растворителей, какъ хлористые метилъ и этилъ. Для хлористаго метила C. Vincent предложилъ приборъ, состоящій изъ дигестора или экстрактора, въ который помѣщаютъ цвѣты, резервуара съ хлористымъ метиломъ, закрытаго сосуда, въ который поступаетъ хлористый метилъ съ растворенным въ немъ масломъ и въ которомъ это послѣднее отъ него отдѣляется, и воздушнаго нагнетательнаго и выкачивающаго насоса, который выкачиваетъ воздухъ надъ хлористымъ метиломъ, когда его надо отогнать отъ масла и сгущаетъ пары его въ охлажденномъ змѣевикѣ-холодильникѣ, откуда растворитель возвращается въ резервуаръ. Этотъ же аппаратъ пригоденъ и для работы съ хлористымъ этиломъ, но имѣя въ виду значительно высшую температуру его кипѣнія (+12°), можно съ нимъ работать и въ обыкновенныхъ экстракторахъ, охлаждая резервуаръ и экстракторъ до темп. +2° или +3°. Экстрагированіе въ вакуумѣ примѣняется для выдѣленія маселъ очень нѣжныхъ, не выдерживающихъ совершенно нагрѣванія. Употребляемый для этого аппаратъ Лорана Нодена схематически изображенъ (на фиг. 9 *b*). Онъ состоитъ изъ: 1) экстрактора A (вмѣсто одного экстрактора можетъ быть цѣлый рядъ ихъ, для систематическаго выщелачиванія), 2) сосуда B, служащаго для отстаиванія механически увлеченныхъ растворителемъ мелкихъ частей растеній, 3) куба C, въ которомъ производится отдѣленіе извлеченнаго масла отъ растворителя, 4) высасывающаго и нагнетающаго насоса P, служащаго для a) разрѣженія пространства въ кубѣ C и сгущенія паровъ растворителя въ холодильникѣ F и b) удаленія изъ всѣхъ частей прибора въ экономическихъ цѣляхъ послѣднихъ слѣдовъ растворителя въ тотъ же холодильникъ F; 5) холодильника F, охлаждаемаго, однако, не водою, а какими либо искусственными сильными холодильными средствами и 6) резервуара R для растворителя. A, B, C и холодильникъ F могутъ быть герметически закрываемы. Труба TT' съ патрубками t' соединяетъ отдѣльныя части аппарата и помощью ея и насоса P' изъ всякой части прибора можетъ быть выкачанъ воздухъ. Короткія трубки r около A, B и C соединены съ газометромъ, наполненнымъ воздухомъ съ парами растворителя, выкачанными изъ прибора, и служатъ для поднятія давленія въ приборѣ до нормальнаго по окончаніи отдѣльныхъ операцій извлеченія. Для опредѣленія степени разрѣженія воздуха на A, B и C установлены манометры M, а для наблюденія за высотой жидкости имѣются водомѣрныя стекла. Экстракторъ A и кубъ C окружены двойной оболочкой, въ которую, по желанію, можно впускать или паръ, или холодную воду. Работа производится слѣдующимъ образомъ. B экстракторъ, въ корзинѣ E, помѣщаютъ матеріалъ, плотно его закрываютъ и, разобщивъ съ сосудомъ B, сообщаютъ краномъ t съ насосомъ P, а краномъ и трубкой nn' съ резервуаромъ R. Насосомъ изъ экстрактора вытягиваютъ воздухъ и въ него сейчасъ же вслѣдствіе этого подымается изъ R растворитель. Закрывъ кранъ, оставляютъ растворитель на 15 минутъ на матеріалѣ въ дигесторѣ. Затѣмъ выкачиваютъ воздухъ изъ сосуда B и черезъ трубку GH перетягиваютъ растворитель изъ A въ B. Вмѣстѣ съ растворителемъ въ B переходитъ и вода, выдѣлившаяся изъ обработываемаго матеріала и мелкія частицы послѣдняго. Въ B впускаютъ черезъ r' воздухъ, даютъ водѣ и примѣсямъ опуститься на дно и сливаютъ ихъ черезъ $E'F'$. Затѣмъ образуютъ вакуумъ въ кубѣ C и черезъ трубку Q спускаютъ въ него жидкость изъ B. Отсюда растворитель удаляютъ

ненie способа поглощенія, извѣстное подъ названіемъ *пневматическаго* способа. Тутъ уже не происходитъ вовсе соприкосновенія между обрабатываемымъ матеріаломъ и жиромъ, такъ какъ они располагаются на различныхъ, чередующихся полкахъ въ закрытомъ шкафѣ. Переносъ Э. масла отъ матеріала къ жиру производится исключительно при помощи тока воздуха, искусственно циркулирующаго между полками. Существуетъ немало видоизмѣненій пневматическаго способа, въ которыхъ жиръ замѣняется масломъ, а воздухъ—угольной кислотой или азотомъ. Сколько-нибудь значительнаго распространенія, однако, пока еще пневматическій способъ не получилъ и находится все еще въ положеніи способа испытуемаго.

Очищеніе и сохраненіе Э. маселъ. Способы очищенія Э. масла нѣсколько отличаются, смотря по тому, какъ оно было получено. Э. масло при способѣ перегонки получается всегда въ смѣси съ водой и разнообразными слизистыми смолистыми и другими перегоняющимися веществами, содержащимися во всякомъ растительномъ матеріалѣ. Часть этихъ веществъ растворена въ маслѣ, а часть только примѣшана къ нему, но многія и изъ этихъ, не растворившихся во время гонки въ маслѣ веществъ, затѣмъ мало-по-малу въ немъ растворяются, почему надо стараться быстро отдѣлить ихъ отъ масла. Прежде всего маслу даютъ отстояться, по возможности, въ холодномъ мѣстѣ или даже при искусственномъ охлажденіи; эмульсированная вода при этомъ опустится внизъ, а на границѣ ея и масла соберутся другія, примѣшавшіяся во время гонки вещества въ видѣ болѣе или менѣе темныхъ хлопьевъ. Насколько возможно, воду отдѣляютъ въ флорентинской склянкѣ, затѣмъ кончаютъ раздѣленіе на раздѣлительныхъ воронкахъ и, наконецъ, отфильтровываютъ отъ вышеуказанныхъ примѣсей. Если примѣсей этихъ много и границы между масломъ и водой за ними не видно, то приходится, какъ это ни неудобно, продѣлывать эти двѣ операціи въ обратномъ порядкѣ, т. е. сначала отфильтровывать, а затѣмъ окончательно отдѣлять отъ воды. Фильтруется масло обыкновенно при не очень большихъ количествахъ черезъ бумагу, а при большихъ количествахъ — черезъ вату, различнаго устройства сложные фильтры и т. д. Для ускоренія нерѣдко примѣняется фильтрованіе подъ пониженнымъ давленіемъ; этотъ способъ особенно удобенъ, когда приходится отфильтровывать масло не вполнѣ отдѣленнымъ отъ воды. Отфильтрованное и отдѣленное отъ воды масло затѣмъ приходится очищать отъ растворенныхъ въ немъ примѣсей. Для этого служитъ повторная гонка Э. масла или такъ наз. ректификація. Обыкновенно часть постороннихъ, примѣшанныхъ къ маслу и образовавшихся насчетъ распада бѣлка и другихъ процессовъ въ растительномъ матеріалѣ веществъ кипитъ значительно ниже Э. масла, а другая часть, преимущественно вещества, получившіяся отъ окисленія (осмоленія) самаго масла—выше. При ректификаціи, поэтому, отбрасываютъ или наиболѣе легко летучую фракцію или не доводятъ гонки до конца, оставляя въ кубѣ не перегнанными смолистыя вещества, или производятъ и то, и другое. При этомъ никакихъ объективныхъ указаній дать нельзя и приходится довольствоваться обоняніемъ, отбирая и отбрасывая фракціи съ непріятнымъ запахомъ. Иногда нельзя бываетъ ограничиваться однократной перегонкой масла, а приходится повторять ее два-три раза и вести ректификацію со всѣми особенностями фракціонированной перегонки, стараясь, насколько возможно, уменьшить величину отбрасываемыхъ фракцій. Ректификація производится перегонкой съ водянымъ паромъ подъ обыкновеннымъ или уменьшеннымъ давленіемъ. Если для первоначальной выгонки масла раціонально примѣнять способъ гонки подъ уменьшеннымъ давленіемъ, то для ректификаціи это является еще болѣе желательнымъ, въ особенности въ виду того, что большинство Э. маселъ можно гнать при этомъ безъ водянаго пара. При перегонкѣ съ водянымъ паромъ масло растворяетъ нѣкоторое количество воды, выдѣлить которую нельзя иначе, какъ какими либо воду отнимающими веществами, а примѣненіе ихъ далеко не всегда возможно и многія изъ нихъ химически дѣйствуютъ на масло. При перегонкѣ влажнаго масла подъ уменьшенныхъ давленіемъ вся вода перегоняется съ первой очень незначительной фракціей масла, отобравъ которую отдѣльно, мы будемъ имѣть остальное масло совершенно сухимъ. Сухое масло, какъ несомнѣнно это доказано, гораздо прочнѣе въ храненіи. Небольшіе размѣры ректификаціонныхъ кубовъ въ сравненіи съ приборами для первоначальнаго полученія масла, позволяютъ прибѣгать здѣсь къ перегонкѣ подъ уменьшеннымъ давленіемъ съ большимъ удобствомъ и легкостью. Ректификаціей завершается очищеніе масла, полученнаго перегонкой. Иногда, если ректифицировалось масло не подъ уменьшеннымъ давленіемъ, его еще сушатъ, хотя большинство маселъ въ продажѣ содержатъ воду. Сушить масло можно только плавленной глауберовой солью и ни въ коемъ случаѣ ни хлористымъ кальціемъ, ни известью, какъ это иногда практикуется такъ какъ эти вещества, несомнѣнно, дѣйствуютъ на нѣкоторыя составныя части Э. маселъ и способствуютъ быстрому ихъ осмоленію. Свѣже-ректифицированное масло, однако, рѣдко сейчасъ же идетъ въ продажу, а обыкновенно фабриканты даютъ ему нѣкоторое время выстояться и притомъ въ бутыляхъ, закрытыхъ только отъ доступа пыли, но не воздуха. Э. масла, полученныя прессованіемъ, очищаются только отстаиваніемъ и фильтрованіемъ. Э. масло, полученное экстрагированіемъ, какъ мы уже видѣли, содержитъ особенно много примѣсей —жидкихъ и твердыхъ веществъ, извлеченныхъ изъ растеній вмѣстѣ съ масломъ, такъ что примѣси эти, при маломъ выходѣ масла, придаютъ ему твердый, воскообразный видъ. Кромѣ того, послѣдніе слѣды растворителя очень трудно выдѣляются изъ масла. При небольшихъ количествахъ масла ихъ заставляютъ улетучиваться, растирая и разминая пос-

держащее примѣсь постороннихъ веществъ, собираютъ и пускаютъ въ дальнѣйшее настаиванiе отдѣльно, получая благовонныя или «античныя» масла второго сорта. Если же масло изъ подъ пресса возвращаютъ обратно въ общiе настойные чаны, то ранѣе ему даютъ совершенно отстояться, сливаютъ съ воды и фильтруютъ. Кромѣ простыхъ чановъ существуютъ приборы болѣе совершенные, гдѣ вымачиванiе совершается методически. Фиг. 9 представляетъ одинъ изъ подобныхъ приборовъ. Это большой металлическiй (преимущественно мѣдный луженый) ящикъ, раздѣленный на 7 равныхъ отдѣленiй или ваннъ. Ящикъ этотъ наполняется масломъ, которое поступаетъ изъ резервуара *B* въ первое отдѣленiе, наполняетъ его и затѣмъ черезъ боковую трубку *E* поступаетъ во второе отдѣленiе, изъ него точно также въ третье и т. д. до послѣдняго, а изъ него черезъ кранъ *C* поступаетъ въ резервуаръ *c*. Цвѣты помѣщаются въ семи проволочныхъ корзинахъ *D*, петлями подвѣшенныхъ на двухъ полосахъ *K*; полосы эти вмѣстѣ съ корзинами посредствомъ цѣпей и блоковъ могутъ быть опущены или подняты, при чемъ всѣ корзины съ цвѣтами сразу погружаются въ ванны или изъ нихъ вынимаются. Первая корзина справа содержитъ свѣжiе цвѣты, послѣдняя налѣво—вполнѣ извлеченные масломъ. Каждыя 10 минутъ, а иногда и полчаса (смотря по матерiалу) всѣ корзины вынимаются изъ ящика, крайняя лѣвая опоражнивается и помѣщается со свѣжими цвѣтами на мѣсто крайней правой, а эта послѣдняя, какъ и всѣ остальныя корзины, передвигается на одно мѣсто влѣво. Затѣмъ корзины снова опускаются въ ванны и т. д. Въ то же время, но въ противоположномъ направленiи происходитъ передвиженiе масла изъ резервуара *B* до прiемника *C* черезъ всѣ 7 отдѣленiй. Такимъ образомъ, каждая корзина съ матерiаломъ проходитъ поочередно справа налѣво всѣ 7 ваннъ и въ каждой слѣдующей встрѣчается съ масломъ, менѣе насыщеннымъ Э. масломъ, чѣмъ въ предыдущей. Болѣе правильное и полное использованiе душистаго матерiала, чѣмъ при обыкновенной мацерацiи, при этомъ очевидно. Гораздо чаще, чѣмъ на холоду, мацерацiя производится при нагрѣванiи, при чемъ можно употреблять не только оливковое или другое жидкое масло, но и твердый жиръ. Можно даже сказать, что по преимуществу для мацерацiи при нагрѣванiи таковой и употребляется, а жидкое масло примѣняется только въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ Э. масло не выдерживаетъ вовсе нагрѣванiя и мацерацiя поневолѣ должна производиться на холоду, т. е. въ условiяхъ, исключающихъ употребленiе жира. Настаиванiе при нагрѣванiи отличается отъ описаннаго выше только тѣмъ, что чаны помѣщаются въ водяныя или паровыя бани и на нихъ нагрѣваются. Ванна для систематическаго настаиванiя (фиг. 9) одинаково примѣнима и здѣсь, но тогда ее окружаютъ кожухомъ, по которому пропускаютъ паръ, а резервуаръ *B* подогрѣваютъ настолько, чтобы жиръ былъ въ расплавленномъ видѣ и могъ стекать въ ванну. Какъ бы ни производилась мацерацiя, матерiалъ въ чанахъ всегда долженъ быть старательно размѣшиваемъ. Для этого употребляютъ или мѣшалки ручныя, или механическiя. Вмѣсто прессовъ для отдѣленiя цвѣтовъ отъ жира въ послѣднее время все чаще употребляются центрофуги. с) Въ тѣхъ случаяхъ, когда извлеченiе желаютъ производить жиромъ, а не масломъ, и на холоду, или когда обрабатываются цвѣты, не имѣющiе запаса Э. масла, а тотчасъ, по мѣрѣ образованiя, его испаряющiе и когда, слѣдовательно, масло надо добывать изъ цвѣтовъ, пока они живы (погруженiе въ растворитель убиваетъ ихъ), вмѣсто способа настаиванiя примѣняется способъ поглощенiя. Способъ этотъ всего чаще примѣняется въ слѣдующемъ видѣ. Стеклянныя, достаточно толстыя пластинки *a* (фиг. 10), длиною 97 стм., а шириною 65 стм. (размѣры, наичаще употребляющiеся), укрѣпляются въ деревянныхъ рамкахъ *b* на глубинѣ 8 мм. Рамки имѣютъ по длинѣ выступы и выемки и могутъ быть сложены другъ на друга, образуя какъ бы одинъ шкафъ со стеклянными полками. На пластины *a* наносится тонкiй (5 мм.) слой жира, а на него накладывается слой цвѣтовъ *C* не толще 7 стм. Э. масло, испаряясь изъ цвѣтовъ и не имѣя выхода наружу, задерживается, поглощается жиромъ. Хотя цвѣты и лежатъ прямо на жиру, но они имъ не закрываются, доступъ воздуха сквозь щели всегда имѣется и поэтому цвѣты остаются, смотря по ихъ природѣ, болѣе или менѣе долгое время живыми. Время, на которое цвѣты оставляются на рамкахъ, различно и зависитъ отъ летучести Э. масла и живучести цвѣтовъ. Перемѣняютъ цвѣты на новые тогда, когда они перестанутъ пахнуть, а это случается, смотря по цвѣтамъ, черезъ 1—48 и даже болѣе часовъ. Обыкновенно впрочемъ мѣняютъ цвѣты разъ въ день, утромъ, такъ какъ именно въ это время происходитъ сборъ цвѣтовъ, а ихъ слѣдуетъ укладывать для поглощенiя возможно быстро послѣ срѣзанiя. Замѣна цвѣтовъ свѣжими производится, пока на 1 кгр. жира не придется 3 — 5 кгр. и больше цвѣтовъ, и операцiя эта занимаетъ отъ 1 до 3 мѣсяцевъ. Послѣ окончанiя поглощенiя жиръ съ пластинокъ соскабливается и получается ароматическая «французская простая» помада, изъ которой Э. масло можно перевести въ спиртовый растворъ для изготовленiя духовъ. Способъ поглощенiя можно вести не только съ твердымъ жиромъ, но и съ масломъ. Въ этомъ случаѣ стеклянныя пластинки замѣняются крупной проволочной сѣткой, на которую кладется кусокъ грубаго холста, вымоченнаго въ оливковомъ маслѣ. По окончанiи настаиванiя холстъ съ рамокъ снимается и масло изъ него отжимается на гидравлическомъ прессѣ. При описанномъ способѣ поглощенiя часть душистаго матерiала приходитъ въ непосредственное соприкосновенiе съ жиромъ и изъ него происходитъ извлеченiе не одного Э. масла, а также нѣкоторыхъ другихъ (напр., красящихъ) веществъ; часть жира, кромѣ того, снимается вмѣстѣ съ цвѣтами при ихъ замѣнѣ и т. д. Пиверъ и Аскинсонъ предложили видоизмѣ-

Laurus Camphora и Cinnamonum Camphora, но сверхъ того встрѣчается въ цѣломъ рядѣ другихъ маселъ. Рѣже встрѣчаются карвонъ, пулегонъ, фенхонъ, туйонъ и ментонъ.

Фенолы и ихъ эфиры. Соединенія эти часто встрѣчаются въ Э. маслахъ и имѣютъ большое значеніе, обладая въ большинствѣ случаевъ цѣннымъ запахомъ. Наибольшимъ распространеніемъ отличается тимолъ; затѣмъ идутъ: карвакролъ, хавиколъ, анетолъ и сафролъ.

Кислоты, какъ жирныя, такъ и ароматическія, встрѣчаются въ маслахъ въ видѣ сложныхъ эфировъ и, если иногда могутъ быть открыты въ свободномъ состояніи, то образованіемъ своимъ обязаны распаденію этихъ эфировъ. *Лактоны* попадаются въ маслахъ, но, за малыми исключеніями, плохо изучены. Изъ окисей въ маслахъ встрѣчается только одна—*цинеолъ*, но за то она содержится въ громадномъ количествѣ разнообразнѣйшихъ маселъ. Соединенія, содержащія *азотъ* и *сѣру*, имѣются въ тѣхъ маслахъ, которыя получаются перегонкой изъ частей растенія, богатыхъ бѣлковыми веществами. Амміакъ, триметиламинъ, ціанистый и сѣрнистый водородъ при этомъ чаще всего улетаютъ вовсе, рѣже растворяются и остаются въ водѣ и очень рѣдко переходятъ въ масло. Горькоминдальное масло содержитъ нитрилъ муравьиной кислоты; настурціевое масло почти исключительно состоитъ изъ нитрила фенилуксусной кислоты, а масло жирухи (Nasturc. off.)—изъ нитрила фенилпропіоновой кислоты. Сѣрнистыя соединенія въ небольшихъ количествахъ встрѣчаются въ маслахъ нерѣдко; сѣрнистый винилъ составляетъ главную составную часть масла Allii ursini, а сѣрнистый аллилъ — чесночнаго. Наконецъ, изородановый аллилъ — составляетъ главную составную часть различныхъ сортовъ горчичнаго масла.

Техническій анализъ эфирныхъ маселъ. Задача техническаго анализа Э. маселъ открытіе ихъ фальсификаціи и опредѣленіе, гдѣ это возможно, сравнительнаго достоинства того или другого образца. Грубую фальсификацію, въ родѣ прибавленія спирта, скипидара, жирныхъ маселъ открыть не трудно; значительно труднѣе открыть частичное выдѣленіе изъ масла какой-либо цѣнной составной его части или прибавку того же масла, но болѣе низкаго достоинства. Не смотря на развитіе химіи вообще и химіи терпеновъ въ частности, все же и теперь зачастую при изслѣдованіи какого либо эфирнаго масла и опредѣленіи его достоинствъ приходится прежде всего и больше всего полагаться на изслѣдованіе масла на запахъ и вкусъ, а зачастую и ограничиваться этими субъективными и требующими большого навыка и опытности опредѣленіями. Далѣе, для всякаго масла опредѣляютъ его физическія постоянныя и, наконецъ, во многихъ маслахъ прибѣгаютъ къ количественному опредѣленію наиболѣе важной составной его части. Для кассіеваго и лемонграссоваго маселъ, напр., опредѣляютъ количество заключающагося въ нихъ алдегида, для гвоздичнаго и тиміановаго—фенола, лавандоваго и бергамотнаго—эфировъ и т. д. Изъ физическихъ постоянныхъ для Э. маселъ обыкновенно опредѣляютъ: удѣльный вѣсъ, оптическую дѣятельность, показатель преломленія, температуру замерзанія, температуру кипѣнія и, наконецъ, растворимость въ спиртѣ различной крѣпости. Удѣльный вѣсъ при большихъ количествахъ опредѣляется всего быстрѣе помощью гидростатическихъ вѣсовъ, а при малыхъ — способомъ флакона, стараясь при этомъ опытъ вести между 15°—20°, при которыхъ получены всѣ имѣющіяся въ литературѣ данныя. Особая точность въ температурѣ не нужна, такъ какъ предѣлы естественнаго колебанія удѣльнаго вѣса каждаго отдѣльнаго масла значительны. Оптическая дѣятельность является однимъ изъ очень, для различныхъ маселъ, характерныхъ признаковъ. Опредѣленіе производится помощью какого угодно поляризаціоннаго аппарата; обыкновенно принято давать числа для трубки длиною въ 100 мм. и натріеваго свѣта (D). Температура опыта должна быть комнатная, но измѣненія ея на три-четыре градуса значенія, вообще говоря, не имѣютъ; только лимонное и померанцевое масла сильно измѣняютъ уголъ вращенія при незначительномъ даже измѣненіи температуры, и для нихъ слѣдуетъ вести опредѣленіе при + 20°. Опредѣленіе показателя переломленія, къ сожалѣнію, примѣняется рѣдко, а оно въ нѣкоторыхъ случаяхъ можетъ дать очень полезныя указанія. Для нѣкоторыхъ маселъ, въ особенности анисоваго, бадьяноваго, фенхелеваго и рутоваго хорошее указаніе для натуральности и качества масла даетъ температура ихъ застыванія. Для этого всего удобнѣе пользоваться приборомъ Бекмана для опредѣленія молекулярнаго вѣса пониженіемъ температуры замерзанія въ его измѣненномъ для спеціально цѣли лабораторіей Шиммеля видѣ. Такъ какъ эфирныя масла представляютъ изъ себя смѣси, то температура кипѣнія ихъ лежитъ въ весьма широкихъ предѣлахъ. Если говорятъ, что темп. кипѣнія какого-либо масла 160°—250°, то это показываетъ, что масло начинаетъ перегоняться при 160° и кончаетъ при 250°. Для опредѣленія температуры кипѣнія употребляются обыкновенныя круглодонныя колбочки съ боковой, припаянной трубкой. Относительно фракціонированной перегонки маселъ, какъ средствѣ открытія фальсификаціи, будетъ сказано ниже. Растворимости маселъ въ различнаго рода веществахъ прежде придавали значеніе большее, чѣмъ оно того заслуживаетъ. Въ виду требованій фармакопей приходится и теперь опредѣлять растворимость маселъ въ винномъ спиртѣ различной крѣпости. Пробы на растворимость производятся въ градуированныхъ цилиндрахъ со стеклянными пробками. Дѣленія ихъ должны быть на $^1/_{10}$ куб. стм. Въ такой цилиндръ помѣщаютъ $^1/_2$—1 куб. стм. испытуемаго масла и затѣмъ прибавляютъ понемногу желаемой крѣпости спирта, послѣ каждой прибавки сильно цилиндрикъ встряхивая. Прибавляютъ спирта, пока не получится прозрачный растворъ. Начинаютъ съ 70%-наго спирта, затѣмъ пробуютъ 80% и, наконецъ, 90%. Изложеннымъ

кообразный ароматическій продуктъ въ ступкѣ при нагрѣваніи до 30°—50°, при большихъ количествахъ Аскинсонъ совѣтуетъ прибѣгать къ помощи углекислоты. Восковидное масло помѣщаютъ въ колбочку, нагрѣваютъ на водяной банѣ до того, чтобы оно только-только растаяло и затѣмъ пропускаютъ черезъ него токъ углекислоты, увлекающей легко летучій растворитель. На этомъ возможно полномъ выдѣленіи растворителя обыкновенно и оканчивается вся очистка Э. масла, полученнаго экстрагированіемъ. Въ продажу оно тогда поступаетъ въ видѣ твердыхъ пахучихъ воскообразныхъ веществъ, носящихъ названіе «essences concrètes» или пахучаго воска. Иногда стараются очистить эти вещества настолько, чтобы они нацѣло растворялись въ спиртѣ. Для этого обработываютъ масло спиртомъ, а затѣмъ выдѣляютъ его обратно водою. Операція эта, однако, всегда сопряжена съ нѣкоторой потерей пахучаго вещества. Масло, полученное мацераціей и поглощеніемъ, обыкновенно не выдѣляется изъ раствора въ жирѣ, а поступаетъ въ продажу въ видѣ благовонныхъ помадъ и античныхъ маселъ, и изъ нихъ уже затѣмъ парфюмеры готовятъ спиртовые экстракты. Задача фабриканта Э. маселъ очистить эти помады и масла отъ случайнаго сора и воды, что достигается перетапливаніемъ, фильтрованіемъ и отстаиваніемъ. Если же желаютъ изъ помады выдѣлить чистое масло, то его извлекаютъ легко летучимъ растворителемъ, т. е. поступаютъ такъ, какъ бы это былъ душистый матеріалъ, предназначенный для экстрагированія. Сохраняются Э. масла съ соблюденіемъ извѣстныхъ мѣръ предосторожности, которыя всѣ сводятся къ защитѣ масла отъ свѣта и воздуха.

Химическій составъ Э. маселъ. Въ составъ Э. маселъ входятъ слѣдующіе классы химическихъ соединеній:

Углеводороды. *Жирные.* Изъ жирнаго ряда въ Э. маслахъ содержатся нерѣдко предѣльные и этиленовые углеводороды высокаго атомнаго вѣса. Они составляютъ въ нѣкоторыхъ маслахъ (розовомъ и ромашковомъ) стеароптенъ, выпадающій изъ раствора уже при обыкновенной температурѣ. Въ другихъ маслахъ они содержатся въ меньшихъ количествахъ и потому остаются въ растворѣ часто даже при охлажденіи. Запахомъ не обладаютъ и являются въ маслахъ лишнимъ балластомъ. *Ароматическіе.* Изъ ароматическихъ углеводородовъ въ Э. маслахъ встрѣчаются стиролъ и цимолъ. *Терпены* изъ всѣхъ углеводородовъ всего чаще содержатся въ Э. маслахъ. Замѣчательно, что содержаніе терпеновъ въ Э. маслахъ тѣмъ выше, чѣмъ растенія, изъ которыхъ они получены, находились въ болѣе молодомъ, не развитомъ состояніи. Терпены заключаются въ Э. маслахъ во фракціяхъ, кипящихъ отъ 150° до 180°; они могутъ быть отдѣлены отъ другихъ составныхъ частей дробной перегонкой. Изъ терпеновъ наичаще въ маслахъ встрѣчаются лимоненъ и пиненъ; рѣже камфенъ, сильвестренъ, фелландренъ и терпиненъ. Кромѣ собственно терпеновъ частичной формулы $C_{10}H_{16}$, въ Э. маслахъ, во фракціяхъ ихъ, кипящихъ 250°—280°, встрѣчаются сесквитерпенъ, состава $C_{15}H_{24}$ и изъ нихъ чаще другихъ кадиненъ и каріофиленъ.

Алкоголи. *Жирнаго ряда* предѣльные алкоголи въ Э. маслахъ содержатся только въ видѣ сложныхъ эфировъ и, какъ таковые, иногда бываютъ однѣми изъ важнѣйшихъ составныхъ частей, придавая маслу тотъ или другой запахъ. Всего чаще встрѣчаются эфиры метиловаго спирта. Изъ другихъ до сихъ поръ извѣстны эфиры этиловаго, изобутиловаго, изоамиловаго, нормальнаго гексиловаго, метилэтилпропиловаго и, наконецъ, нормальнаго октиловаго спиртовъ. Гораздо большее значеніе имѣютъ три спирта терпеновыхъ съ открытыми цѣпями: цитронелолъ, линалолъ и геранiолъ. Спирты эти входятъ въ составъ различныхъ Э. маселъ и сами по себѣ, и въ видѣ сложныхъ эфировъ, представляя въ томъ и другомъ случаѣ очень важную составную часть, такъ какъ являются носителями запаха. Изъ *ароматическихъ* спиртовъ въ Э. маслахъ встрѣчаются въ видѣ эфировъ спирты бензиловый, коричный и фенилпропиловый. Изъ *непредѣльныхъ* спиртовъ съ замкнутымъ, но не ароматическимъ строеніемъ въ Э. маслахъ очень часто встрѣчаются и составляютъ, какъ сами по себѣ, такъ и въ видѣ сложныхъ эѳировъ, существенную составную часть борнеолъ и терпинеолъ; рѣже ментолъ. Существуютъ и встрѣчаются въ Э. маслахъ спирты, отвѣчающіе *сесквитерпенамъ*, но они плохо еще изучены. Большинство изъ нихъ твердыя соединенія съ темп. плавленія отъ 85° до 135°, кипящія при 250° и выше.

Алдегиды. *Предѣльные жирные алдегиды* изрѣдка сопровождаютъ Э. масла, какъ нежелательная примѣсь; въ виду низкой температуры ихъ кипѣнія, они легко отдѣляются. За то очень важною составною частью Э. маселъ являются *непредѣльные алдегиды:* цитраль и цитронелаль, отвѣчающіе вышеупомянутымъ терпеновымъ спиртамъ, геранiолу и др. Изъ алдегидовъ *ароматическихъ*, какъ цѣнныя составныя части маселъ, встрѣчаются: алдегиды *бензойный*, *салициловый*, *анисовый*, *куминовый*, *коричный* и нѣк. др. Какъ нежелательная примѣсь, сопровождающая иногда Э. масла, является *фурфуролъ*.

Кетоны. Изъ *жирныхъ предѣльныхъ* кетоновъ *ацетонъ* встрѣчается въ небольшихъ количествахъ во всѣхъ маслахъ, получаемыхъ изъ листьевъ разнообразнѣйшихъ растеній. *Метиламилкетонъ* содержится въ гвоздичномъ маслѣ и придаетъ его запаху извѣстный характерный оттѣнокъ. *Метилнонилкетонъ* является главной составной частью рутоваго масла. Однако, всего чаще въ маслахъ изъ жирныхъ кетоновъ попадается *непредѣльный* кетонъ—метилгептенонъ $C_8H_{14}O$. Изъ *ароматическихъ кетоновъ* въ сколько-нибудь значительномъ количествѣ встрѣчается въ анисовомъ и фенхелевомъ маслахъ анисовый кетонъ. За то важную роль въ маслахъ играютъ обладающіе въ большинствѣ случаевъ тонкимъ и ароматическимъ запахомъ терпенные кетоны. Изъ нихъ наиболѣе распространеннымъ надо признать—*камфору*. Она составляетъ главную часть маселъ, получаемыхъ изъ растеній

ляется по формулѣ: $\frac{a \times A}{S-(a \times 0{,}042)}$, гдѣ a—число куб. стм. *нормальнаго* раствора KHO, пошедшихъ на омыленіе ацетилированнаго масла, S—вѣсъ (въ грамм.) омылявшагося количества ацетилированнаго масла, а A частичный вѣсъ опредѣляемаго спирта, *дѣленный на десять*, т. е. 15,4 для $C_{10}H_{18}O$ и 15,6 для $C_{10}H_{20}O$. Опредѣленіе въ маслѣ спирта и сложныхъ эфировъ принадлежитъ къ наичаще теперь употребляемымъ методамъ изслѣдованія эфирныхъ маселъ; не такъ легко опредѣляется содержаніе алдегидовъ и кетоновъ. Наилучше выработанъ способъ для коричнаго алдегида. Основанъ онъ на образованіи этимъ алдегидомъ растворимаго въ водѣ соединенія съ сѣрнистой щелочью. Производится это опредѣленіе всего удобнѣе, какъ выработано въ лабораторіи Шиммеля, слѣдующимъ образомъ. Въ колбочку формы, изображенной на фиг. 12, емкостью въ 100 куб. стм. съ горлышкомъ 13 стм. длины и 8 мм. внутр. діаметра, раздѣленнымъ на десятыя доли куб. стм., помѣщаютъ точно отмѣренные 10 куб. стм. изслѣдуемаго масла и равный объемъ 30%-наго раствора кислаго сѣрнистокислаго натрія и, послѣ взбалтыванія, нагрѣваютъ на водяной банѣ. Все время нагрѣванія понемногу подливаютъ свѣжаго раствора сѣрнистокислой щелочи; приливъ такое его количество, чтобы вся жидкость заняла $^3/_4$ колбы, нагрѣваніе усиливаютъ и продолжаютъ его до тѣхъ поръ, пока все сначала образовавшееся твердое соединеніе не перейдетъ въ растворъ и не уничтожится запахъ коричнаго алдегида. Все время продолженія опыта колбочку сильно встряхиваютъ. Послѣ остыванія въ колбочку добавляютъ раствора щелочи настолько, чтобы всплывшее масло собралось въ горлышко и нижняя поверхность слоя его совпала съ нулемъ дѣленій, нанесенныхъ на стеклѣ. Процентное (по объему) содержаніе алдегида въ маслѣ выразится черезъ $100-10a$, гдѣ a—количество нерастворившагося масла въ куб. стм. Описываемый способъ даетъ прекрасные результаты, по крайней мѣрѣ, для маселъ съ высокимъ содержаніемъ алдегида, какъ напр., кассіевое масло. Подобнымъ же способомъ опредѣляютъ содержаніе цитраля въ нѣкоторыхъ маслахъ, напр., лемонграсовомъ. Для лимоннаго масла, однако, способъ этотъ не примѣнимъ; содержаніе цитраля въ немъ слишкомъ низко и, къ тому же, онъ сопровождается цитронелалемъ, дающимъ нерастворимое соединеніе съ сѣрнистокислой щелочью. Соединеніе это плаваетъ какъ разъ на границѣ слоевъ воднаго и масляного и препятствуетъ точному отсчитыванію куб. стм., занятыхъ масломъ. Для ряда маселъ—горько-миндальнаго, куминоваго, рутоваго и нѣкоторыхъ другихъ, для опредѣленія содержащихся въ нихъ алдегидовъ и кетоновъ (въ первомъ—бензойнаго алдегида, во второмъ—куминоваго, въ третьемъ—метилгептенона) употребляется способъ Бенедикта и Штрахе, состоящій въ томъ, что масло обработываютъ отвѣшеннымъ количествомъ фенилгидразина, отфильтровываютъ и промываютъ образовавшійся гидразонъ, а въ фильтратѣ и соединенныхъ съ нимъ промывныхъ водахъ окисляютъ не прореагировавшій фенилгидразинъ кипящимъ фелинговымъ растворомъ. При этомъ весь азотъ фенилгидразина выдѣляется въ газообразномъ видѣ, собирается и измѣряется. Отсюда узнаютъ количество вошедшаго въ реакцію фенилгидразина, а слѣдовательно, и количество алдегида или кетона во взятой навѣскѣ масла. Въ нѣкоторыхъ маслахъ (напр. мятномъ) для опредѣленія кетона его возстановляютъ предварительно въ спиртъ и затѣмъ ацетилированіемъ и омыленіемъ опредѣляютъ количество этого послѣдняго. Наконецъ, для многихъ маселъ не выработано пока еще никакихъ способовъ опредѣленія содержанія въ нихъ карбонильныхъ соединеній. Фенолы въ Э. маслахъ опредѣляются количественно весьма съ внѣшней стороны похожимъ на описанный для коричнаго алдегида способомъ. Основанъ онъ на растворимости фенола въ водныхъ растворахъ щелочей. Изслѣдуемое масло взбалтывается съ избыткомъ 5%-го раствора ѣдкой щелочи и затѣмъ измѣряется количество нерастворившагося масла. Опытъ удобно производить въ изображенной на фиг. 12 колбочкѣ. Цѣлый рядъ Э. маселъ содержитъ, какъ важную составную часть, метиловые или этиловые эфиры феноловъ. Для этихъ маселъ характерно опредѣленіе такъ назыв. *метиловаго числа*. Метиловымъ числомъ называютъ вѣсъ въ миллиграммахъ, приходящійся на группу CH_3 въ 1 граммѣ масла. Опредѣленіе метиловаго числа всего лучше производится по Бенедикту и Грюсснеру слѣдующимъ образомъ: 0,2—0,3 гр. изучаемаго масла нагрѣваютъ съ HJ (уд. вѣсъ 1,70) и отгоняющійся при этомъ іодистый метилъ поглощаютъ спиртовымъ растворомъ ляписа. Вычисленіе всегда производится на метиловый эфиръ, хотя бы въ дѣйствительности въ маслѣ содержался этиловый или какой-либо другой. Нѣкоторое указаніе на природу и качество масла даетъ также число Гюбля или іодное число, показывающее, какое количество миллиграммовъ іода присоединяется въ опредѣленныхъ условіяхъ къ одному грамму масла. Рядомъ съ выше разобранными нами способами количественнаго опредѣленія въ маслахъ извѣстныхъ ихъ составныхъ частей (спиртовъ, эфировъ и т. д.) выработаны методы и для качественнаго открытія, а иногда и количественнаго опредѣленія въ маслахъ извѣстныхъ наичаще употребляемыхъ примѣсей, въ томъ числѣ и наиболѣе дешевыхъ и годныхъ для цѣлей фальсификаціи Э. маселъ. ***Винный спиртъ***. Всего проще открывать его прибавку, сильно взбалтывая опредѣленный объемъ масла съ опредѣленнымъ же объемомъ воды въ градуированномъ цилиндрикѣ съ пробкой. Уменьшеніе объема масла покажетъ, что часть его растворилась въ водѣ, а такъ какъ всѣ Э. масла растворимы въ водѣ трудно, то, слѣдовательно, къ маслу былъ прибавленъ спиртъ. Вмѣсто воды, по показаніямъ нѣкоторыхъ изслѣдователей, лучше употреблять глицеринъ. *Керосинъ и нефтяныя масла*. Примѣсь ихъ прежде всего значительно понижаетъ растворимость Э. маселъ въ спиртѣ

исчерпываются всѣ физическія данныя, получаемыя для каждаго изслѣдуемаго масла. Должно прибавить, что они имѣютъ значеніе только для свѣжаго или хорошо сохраненнаго масла. Масло темнаго цвѣта или, вообще, когда является сомнѣніе въ правильномъ его сохраненіи и есть поводъ думать, что оно осмолилось, ранѣе опредѣленій должно быть заново перегнано съ водянымъ паромъ или подъ уменьшеннымъ давленіемъ. Количество и характеръ не перегнавшагося остатка въ то же время, какъ это видно будетъ изъ дальнѣйшаго, дадутъ нѣкоторыя указанія на натуральность масла. Раціональное химическое испытаніе на чистоту и качество возможно только для маселъ, полный составъ которыхъ или, по крайней мѣрѣ, важнѣйшія составныя части хорошо изучены. Общихъ методовъ изслѣдованія, какія, напр., существуютъ для жирныхъ маселъ, тутъ быть не можетъ въ силу все того же разнообразія состава, и всѣ прежде при недостаточномъ знакомствѣ съ эфирными маслами предлагавшіеся общіе химическіе способы изслѣдованія (проба Моменэ съ сѣрной кислотой, проба съ іодомъ, разнообразнѣйшія цвѣтовыя реакціи) ровно никакого, какъ теперь доказано съ несомнѣнностью, значенія не имѣютъ. Нѣкоторыя изъ этого рода пробъ (число Гюбеля и метиловое число), однако, всетаки въ нѣкоторыхъ случаяхъ, въ связи со всѣми другими данными, могутъ дать указаніе на чистоту и составъ масла. Болѣе раціональны и все болѣе входить въ практику методы количественнаго опредѣленія отдѣльныхъ составныхъ частей масла. Нѣкоторыя масла всегда содержатъ небольшія количества свободныхъ кислотъ; для опредѣленія ихъ навѣска масла взбалтывается на холоду съ небольшимъ количествомъ полунормальнаго воднаго раствора ѣдкаго кали. Избытокъ щелочи титруется полунормальнымъ же растворомъ сѣрной кислоты. Количество KHO (въ миллиграммахъ), употребленнаго на нейтрализацію кислотъ въ 1 гр. масла, называется ***коэффиціентомъ кислотности*** масла. Для опредѣленія количества заключающихся въ маслѣ сложныхъ эфировъ, если таковые имѣются, масло омыляютъ. Количество (въ миллиграмм.) KHO, пошедшаго на омыленіе 1 гр. масла, называется ***коэффиціентомъ омыленія.*** Омыленіе всего лучше производить слѣдующимъ образомъ: въ колбѣ изъ каліеваго стекла объемомъ въ 100 кубическихъ сантиметровъ отвѣшиваютъ съ точностью до 0,01 гр. около 2 гр. испытуемаго масла и прибавляютъ 10 кубическихъ сантиметровъ (при очень высокомъ содержаніи эфировъ — 20 кубич. стм.) полунормальнаго спиртового раствора ѣдкаго кали. Колбу закрываютъ хорошей корковой пробкой съ укрѣпленной въ ней длинной (до 1 метра длиной) тонкостѣнной стеклянной трубкой, замѣняющей холодильникъ, и нагрѣваютъ на паровой банѣ въ продолженіе отъ получаса до часа. Затѣмъ, по остываніи, въ колбу доливаютъ около 50 куб. стм. воды, прибавляютъ фенолфталеина и титруютъ избытокъ щелочи полунормальнымъ растворомъ H_2SO_4. Коэффиціентъ омыленія высчитывается по формулѣ: $\frac{28a}{b}$, гдѣ a—число куб. стм. полунормальнаго раствора KHO, пошедшаго на омыленіе, и b навѣски масла. Расчетъ количества эфира ведется всегда на уксусный эфиръ спирта, содержащагося въ маслѣ главнымъ образомъ и производится по формулѣ $\frac{A \times \text{коэфф. омылен.}}{56}$, гдѣ A частичный вѣсъ уксуснаго эфира (для спирта $C_{10}H_{18}O$ — $A=196$, а для спирта $C_{10}H_{20}O$ — $A=198$). Если масло, кромѣ эфира, содержитъ еще какой-либо алдегидъ, то часть щелочи при нагрѣваніи идетъ на разложеніе этого алдегида и коэфф. омыленія будетъ выше дѣйствительнаго. При сравнительныхъ опредѣленіяхъ это обстоятельство, однако, значенія не имѣетъ. Для количественнаго опредѣленія содержащагося въ маслѣ того или другого спирта въ свободномъ состояніи примѣняется метода ацетилированія. Масло нагрѣваютъ съ избыткомъ уксуснаго ангидрида, переводятъ весь спиртъ въ уксусный эфиръ и затѣмъ омыляютъ опредѣленную навѣску такого ацетилированнаго масла. Способъ этотъ, однако, не всегда и не со всѣми спиртами даетъ хорошіе результаты. Борнеолъ, геранiолъ и ментолъ при нагрѣваніи съ уксуснымъ ангидридомъ нацѣло переходятъ въ эфиры, линалолъ же и терпинеолъ отчасти при этомъ распадаются съ образованіемъ углеводородовъ. Для полученія для нихъ сравнимыхъ результатовъ слѣдуетъ всегда нагрѣвать масло, содержащее линалолъ 2 часа, а содержащее терпинеолъ—45 минутъ, и въ обоихъ случаяхъ брать объемъ уксуснаго ангидрида равный объему взятаго масла. Для обоихъ спиртовъ въ этихъ условіяхъ перейдетъ въ эфиръ около 85% всего ихъ истиннаго количества. Присутствіе въ маслѣ алдегидовъ также не остается безъ вліянія на результатъ; цитронелалъ при нагрѣваніи съ ангидридомъ нацѣло переходитъ въ эфиръ изопулегона, а цитраль даетъ нѣкоторое количество какого-то омыляющагося, но ближе не изученнаго продукта. Ацетилированіе лучше всего производить въ небольшихъ колбочкахъ (фиг. 11), снабженныхъ пришлифованными тонкостѣнными холодильными трубками. Въ такую колбочку помѣщаютъ 10—20 куб. стм. изслѣдуемаго масла, равный объемъ уксуснаго ангидрида и 1—2 гр. плавленнаго уксуснокислаго натрія. Смѣсь въ продолженіе 1—2 час. подвергается нагрѣванію до кипѣнія. Затѣмъ, по охлажденіи прибавляютъ въ колбу немного воды и снова въ продолженіе $^1/_4$—$^1/_2$ часа нагрѣваютъ, но уже на водяной банѣ, для полнаго разложенія непрореагировавшаго ангидрида; затѣмъ масло отдѣляется отъ водяного слоя и промывается слабымъ растворомъ соды и водою до нейтральной реакціи. Промытое масло сушится плавленной глауберовой солью и около 2 гр. его омыляется, какъ указано выше, при опредѣленіи коэффиціента омыленія. По приведенному тамъ же вычисленію получается коэффиціентъ омыленія ацетилированнаго масла. Количество спирта, заключающагося въ натуральномъ, не ацетилированномъ маслѣ вычис-

женный Э. Гиршсономъ. Э. Гиршсонъ беретъ 10 куб. стм. масла и перегоняетъ его съ водянымъ паромъ, собирая отгоны въ цилиндрики емкостью въ 10 куб. стм. съ дѣленіями на 0,1. Въ каждомъ такомъ цилиндрикѣ (перегонка ведется до тѣхъ поръ, пока количество масла въ цилиндрикѣ не станетъ меньше 0,1 куб. стм.), затѣмъ отсчитывается количество масла и воды и отношенія между ними являются характерными какъ для различнаго рода маселъ, такъ и для различныхъ сортовъ одного и того же масла. Для удобнѣйшаго производства водныхъ перегонокъ такихъ небольшихъ количествъ масла, какъ 10 куб. стм., г. Гиршсонъ сконструировалъ приборъ, изображенный на фиг. 14 *E* — стеклянная коническая колбочка, служащая парообразователемъ; ея горлышко заткнуто пробкой, въ которой укрѣплена пробирка *A* съ двумя припаянными трубками *B* (діам. 3 мм.) и *C* (діам. 4 мм.). Трубка *B* приводитъ въ пробирку *A* съ налитымъ въ нее испытуемымъ масломъ паръ изъ колбы *E*, а трубка *C* соединяется съ холодильникомъ. Діаметръ пробирки *A* — 2,75 стм. и длина 25 стм., а для сильно пѣнящихся маселъ (полыннаго, кассіеваго) — 30 и 35 стм. Перегонку слѣдуетъ вести съ такой скоростью, чтобы въ минуту набиралось перегона около 2 куб. стм. Кромѣ отношеній въ перегонахъ масла къ водѣ, г. Гиршсонъ изслѣдуетъ еще каждый перегонъ на растворимость въ спиртѣ и испытываетъ на цвѣтныя реакціи. Нѣтъ сомнѣнія, что способъ Гиршсона можетъ оказать услуги при изслѣдованіи маселъ, но температурныя данныя обыкновенной фракціонированной перегонки, несомнѣнно, дадутъ больше указаній, чѣмъ относительныя количества вмѣстѣ перегоняющихся воды и масла. Разведеніе душистыхъ растеній и добываніе изъ нихъ эфирныхъ маселъ являются въ нѣкоторыхъ странахъ очень значительными отраслями сельскаго хозяйства и промышленности, доставляющими населенію немаловажный доходъ. Однимъ изъ выдающихся центровъ производства благовонныхъ веществъ является юго-восточная Франція, гдѣ, благодаря теплому климату, произрастаютъ самыя нѣжныя душистыя растенія. О размѣрахъ производства этой области можно судить по слѣдующимъ цифровымъ даннымъ. Въ департаментѣ Приморскихъ Альповъ имѣется свыше 40 фабрикъ, производящихъ благовонныхъ продуктовъ на сумму до $4^1/_2$ милл. руб. въ годъ: здѣсь ежегодно перерабатывается 155 тыс. пуд. померанцевыхъ цвѣтовъ, 122 тыс. пуд. розъ, 12 тыс. пуд. жасмина, 9 тыс. пуд. фіалокъ и т. д. Общая цѣнность вырабатываемыхъ во всей Франціи благовонныхъ продуктовъ достигаетъ 28 милл. рублей. Во многихъ другихъ европейскихъ странахъ производство Э. маселъ составляетъ также болѣе или менѣе обильный источникъ дохода. Въ Италіи, напримѣръ, душистыя растенія разводятся въ окрестностяхъ Санъ-Ремо на пространствѣ 300 десятинъ, близъ Генуи собираютъ ежегодно до 2440 пуд. фіалокъ, а изъ Мессины вывозится Э. маселъ, главнымъ образомъ померанцеваго, бергамотнаго и т. п., на сумму болѣе 2 милл. рублей. Болгарія спеціально занимается производствомъ розоваго масла, котораго тамъ, по среднему выводу за 20 лѣтъ, добывается около 135 пуд. въ годъ, стоимостью почти въ 1 милл. рублей. Англія вывозитъ одного мятнаго масла, за покрытіемъ собственной потребности, до 400 пуд. въ годъ. Въ Германіи (Тюрингіи и Саксоніи) производствомъ Э. маселъ занимается до 25 фабрикъ, изъ которыхъ фабрика Шиммеля и К° (Лейпцигъ), напр., дѣлаетъ милліонные обороты, имѣя свои собственныя плантаціи душистыхъ растеній (въ томъ числѣ до 50 дес. розъ) и, сверхъ того, обрабатывая матеріалы, доставляемые ей спеціальными агентами изъ тропическихъ странъ. Въ Россіи, однако, производство Э. маселъ стоитъ на низкой степени развитія, въ то время какъ потребленіе ихъ развито въ достаточной уже степени. Съ 1887 по 1896 г. въ среднемъ, напр., въ Россію ввозится по 3450 пуд. Э. маселъ, на сумму 417000 руб. Но кромѣ Э. маселъ въ сыромъ видѣ, значительное количество ихъ ввозится въ видѣ продуктовъ дальнѣйшей технической переработки. Присоединяя къ Э. масламъ косметики, оказывается, что въ 1896 г., напр., всего этихъ продуктовъ было ввезено въ Россію на сумму въ $1^1/_2$ милл. рублей. Интересно отмѣтить, что между прочимъ мы ввозимъ изъ Германіи анисовое масло, которое тамъ гонятъ изъ аниса, вывозимаго отъ насъ изъ Воронежской губ. Между тѣмъ нѣтъ сомнѣнія, что при обширности территоріи и разнообразіи климатическихъ и почвенныхъ условій Россіи мы могли бы культивировать сами не только всѣ душистыя растенія, произрастающія въ Европѣ, и получать изъ нихъ Э. масла, но завести и культуру такихъ растеній (напр., сумбульнаго корня), которыя въ Западной Европѣ расти не могутъ. Громадные сѣверные хвойные лѣса, дешевизна топлива и рабочихъ рукъ у насъ таковы, что скипидаръ самыхъ высшихъ сортовъ и хвойныя масла мы могли бы вывозить въ Западную Европу, гдѣ спросъ на нихъ великъ. То же надо сказать объ анисовомъ маслѣ, получаемомъ въ Германіи, какъ мы уже говорили, изъ русскаго аниса. Культурой розы и полученіемъ розоваго масла также слѣдовало бы заняться, въ особенности въ Закавказьѣ. Словомъ, производству Э. маселъ въ Россіи принадлежитъ блестящая будущность. Описаніе отдѣльныхъ Э. маселъ см. подъ ихъ названіями.

Литература. Классическими и единственными дѣйствительно дѣльными и заслуживающими полнаго довѣрія книгами по Э. масламъ являются: Bornemann, «Die Flockigen Oele des Pflanzenreiches» (1881); Gildemeister und Hoffmann, «Die Aetherischen Oele» (1899) и Parry, «Chemistry of essential Oils» (1899). Остальную литературу см. К. Дебу, «Э. масла» («Библ. Промышл. Знаній», вып. 14-й).

К. Дебу. Δ.

Эфиросѣрныя кислоты (хим.).— Какъ двухосновная кислота, сѣрная кислота можетъ образовать два ряда сложныхъ эфировъ: $R.O.SO_2.OH$ и $R.O.SO_2.O.R'$ (R и R —спиртовые остатки). Эфиры, составъ и строе-

нія которыхъ отвѣчаютъ первой изъ приведенныхъ формулъ, называются Э. кислотами (см. Эфиры сложные). Образованіе Э. кислотъ происходитъ очень легко при непосредственномъ дѣйствіи крѣпкой сѣрной кислоты на первичные спирты, наприм.: $C_2H_5.OH + OH.SO_2.OH = C_2H_5.O.SO_2.OH + H_2O$. Выдѣляющаяся во время реакціи вода дѣлаетъ реакцію обратимой, ограниченной предѣломъ (см. Этерификація). Для увеличенія выхода нужно брать избытокъ крѣпкой сѣрной кислоты, отъ которой потомъ легко освободиться, такъ какъ соли Э. кислотъ, въ противоположность многимъ солямъ сѣрной кислоты, легко растворимы въ водѣ. Прореагировавшую смѣсь послѣ нагрѣванія на водяной банѣ выливаютъ тонкой струей въ большое количество холодной воды и нейтрализуютъ углебаріевой солью, при чемъ вся сѣрная кислота осаждается въ видѣ $BaSO_4$, а образовавшаяся соль Э. кислоты остается въ растворѣ. Свободную кислоту можно выдѣлить изъ баріевой соли разложеніемъ ея точно отмѣреннымъ количествомъ сѣрной кислоты. Кригеру впервые удалось получить Э. кислоту вторичнаго спирта, этилпропилкарбинола въ видѣ нестойкой соли состава $Ba(C_6H_{13}O_4S)_2$, кристаллизующейся въ иголочкахъ. Вообще же эти соединенія извѣстны лишь для первичныхъ спиртовъ. Другой путь ихъ полученія состоитъ въ осторожномъ дѣйствіи спиртовъ на хлорсульфоновую кислоту, напримѣръ: $C_2H_5.OH + Cl.SO_2.OH = C_2H_5.O.SO_2.OH + HCl$. Э. кислоты представляютъ собою густыя сиропообразныя жидкости, легко растворимыя въ водѣ и медленно разлагаемыя ею на холоду. При кипяченіи онѣ быстро разлагаются. Соли Э. кислотъ хорошо кристаллизуются и въ большинствѣ случаевъ легко растворимы въ водѣ. Въ крѣпкихъ растворахъ онѣ разлагаются при продолжительномъ кипяченіи на сѣрнокислыя соли, спиртъ и сѣрную кислоту. Слабые растворы при этомъ не измѣняются. Водный остатокъ Э. кислотъ легко замѣщается хлоромъ при дѣйствіи на ихъ соли пятихлористаго фосфора, при чемъ образуются эфиры соотвѣтствующихъ хлорсульфоновыхъ кислотъ, наприм.: $C_2H_5.O.SO_2.Cl$. Соли Э. кислотъ прежде находили себѣ большое примѣненіе въ лабораторной практикѣ, являясь суррогатами галоидныхъ алкиловъ. Онѣ употреблялись—а частью и теперь употребляются—для введенія углеводородныхъ остатковъ, преимущественно метила и этила, въ частицы самыхъ разнообразныхъ соединеній: тіоспиртовъ, нитриловъ, сложныхъ эфировъ и мног. др. Изъ свободныхъ кислотъ громадное значеніе имѣетъ этилсѣрная кислота, являющаяся промежуточнымъ продуктомъ при полученіи обыкновеннаго эфира (см. Этиловый эфиръ и Эфиры простые). *Д. Монастырскій.*

Эфиръ. Содержаніе:

1) Э. до эпохи Декарта; 2) Э. картезіанцевъ; 3) Э. Гёйгенса, Ньютона и позднѣйшаго времени; 4) свойства Э., какъ вида матеріи, согласно современнымъ воззрѣніямъ; 5) плотность Э.; 6) Э. и тяготѣніе; 7) Э. и молекулы обычныхъ тѣлъ; 8) инерція Э.; 9) участіе Э. въ движеніи обычныхъ тѣлъ; 10) противорѣчія въ опытахъ этого рода и ихъ объясненія.

1) *Э. до эпохи Декарта.* Э. (франц. éther; нѣм. Aether; англ. aether и ether, отъ греч. слова αἰθήρ) въ разное время имѣлъ самыя разнообразныя значенія. У древнихъ философовъ Э. чаще всего фигурировалъ въ качествѣ одной изъ такъ называемыхъ стихій или элементовъ. Такъ, уже въ священныхъ книгахъ Веды «Э. безграничный» является однимъ изъ 5 элементовъ, изъ которыхъ слагается все матеріальное. Для пиѳагорейцевъ эфиръ — одна изъ составныхъ частей воздуха, воды, души: послѣдняя — отрывокъ Э. Позже Э. получилъ смыслъ чего-то то матеріальнаго, то нематеріальнаго, являющагося причиной движенія. Анаксагоръ, наприм., по указанію Аристотеля, называлъ Э. *силу*, дѣйствующую въ высшихъ областяхъ міра. Самъ Аристотель считаетъ Э. нѣкоторымъ божественнымъ безсмертнымъ тѣломъ, которое получило свое имя вслѣдствіе своего вѣчнаго движенія (ἀεί — всегда, θέω — бѣгу). Судя по апокрифическому сочиненію Аристотеля «De Mundo», александрійская школа такъ понимала Аристотеля: «сущность неба и звѣздъ мы называемъ эфиромъ..., великое, вѣчное круговое движеніе; это—стихія, чистая и божественная». Точно также и у стоиковъ Э. является одной изъ стихій, «высшимъ огнемъ». Болѣе опредѣленныя представленія имѣетъ Лукрецій, для котораго Э. есть матерія, но болѣе тонкая, чѣмъ другіе ея виды, матерія атомистическаго строенія; непрерывное теченіе Э. является причиной движенія небесныхъ тѣлъ; тотъ же, повидимому, Э., но уже на этотъ разъ безъ имени (nominis expers), входитъ, по Лукрецію, въ составъ души, въ качествѣ одного изъ матеріальныхъ элементовъ, но болѣе тонкаго и болѣе подвижного, чѣмъ воздухъ. Съ эпохи Возрожденія Э. и ему подобныя *невѣсомыя* тѣла начали фигурировать въ физическихъ и иныхъ теоріяхъ. Веронецъ Фрокасторо (1483 — 1553) видитъ въ дѣйствіи невѣсомыхъ причину электрическихъ, магнитныхъ и физіологическихъ явленій; у Джордано Бруно общая матерія всего есть Э., все обнимающій и все проникающій; какъ часть въ сложномъ, онъ называется воздухомъ, а въ организованныхъ с[illegible] ществахъ—жизненнымъ духомъ и т. п. Ос[illegible] ватель теоріи магнитизма Вилліамъ Гильбер[illegible] (1600) видитъ изъ наэлектризованныхъ т[illegible] истеченія нѣкотораго вещества, а тепл[illegible] приписываетъ дѣйствію тончайшей жидко[illegible] или тонкому матеріальному Э., хотя свѣ[illegible] распространяется у Гильберта моментальн[illegible] въ чемъ Гильбертъ видитъ, между прочим[illegible] доказательство существованія въ природѣ п[illegible] стоты. У Кеплера (1604) нигдѣ не употр[illegible] бляется слово эфиръ, но на первой же стр[illegible] ницѣ своего сочиненія по оптикѣ онъ утвер[illegible] даетъ, что всѣ явленія природы долж[illegible] быть отнесены къ ихъ исходной точкѣ—к[illegible] свѣтовому началу. Точно также движені[illegible] планетъ Кеплеръ приписывалъ особому но[illegible] сителю силы, кружащемуся въ міровомъ про[illegible] странствѣ на подобіе рѣки или вихря, хот[illegible] этотъ носитель силы самъ приводится въ дви[illegible] женіе солнцемъ и не является матеріал[illegible] ной субстанціей. Галилей (1638) въ своем[illegible] ученіи о сцѣпленіи объясняетъ силы сцѣпл[illegible]

женный Э. Гиршсономъ. Э. Гиршсонъ беретъ 10 куб. стм. масла и перегоняетъ его съ водянымъ паромъ, собирая отгоны въ цилиндрики емкостью въ 10 куб. стм. съ дѣленіями на 0,1. Въ каждомъ такомъ цилиндрикѣ (перегонка ведется до тѣхъ поръ, пока количество масла въ цилиндрикѣ не станетъ меньше 0,1 куб. стм.), затѣмъ отсчитывается количество масла и воды и отношенія между ними являются характерными какъ для различнаго рода маселъ, такъ и для различныхъ сортовъ одного и того же масла. Для удобнѣйшаго производства водныхъ перегонокъ такихъ небольшихъ количествъ масла, какъ 10 куб. стм., г. Гиршсонъ конструировалъ приборъ, изображенный на фиг. 14 *E* — стеклянная коническая колбочка, служащая парообразователемъ; ея горлышко заткнуто пробкой, въ которой укрѣплена пробирка *A* съ двумя припаянными трубками *B* (діам. 3 мм.) и *C* (діам. 4 мм.). Трубка *B* приводитъ въ пробирку *A* съ налитымъ въ нее испытуемымъ масломъ паръ изъ колбы *E*, а трубка *C* соединяется съ холодильникомъ. Діаметръ пробирки *A* — 2,75 стм. и длина 25 стм., а для сильно пѣнящихся маселъ (полыннаго, кассіеваго) — 30 и 35 стм. Перегонку слѣдуетъ вести съ такой скоростью, чтобы въ минуту набиралось перегона около 2 куб. стм. Кромѣ отношеній въ перегонахъ масла къ водѣ, г. Гиршсонъ изслѣдуетъ еще каждый перегонъ на растворимость въ спиртѣ и испытываетъ на цвѣтныя реакціи. Нѣтъ сомнѣнія, что способъ Гиршсона можетъ оказать услуги при изслѣдованіи маселъ, но температурныя данныя обыкновенной фракціонированной перегонки, несомнѣнно, дадутъ больше указаній, чѣмъ относительныя количества вмѣстѣ перегоняющихся воды и масла. Разведеніе душистыхъ растеній и добываніе изъ нихъ эфирныхъ маселъ являются въ нѣкоторыхъ странахъ очень значительными отраслями сельскаго хозяйства и промышленности, доставляющими населенію немаловажный доходъ. Однимъ изъ выдающихся центровъ производства благовонныхъ веществъ является юго-восточная Франція, гдѣ, благодаря теплому климату, произрастаютъ самыя нѣжныя душистыя растенія. О размѣрахъ производства этой области можно судить по слѣдующимъ цифровымъ даннымъ. Въ департаментѣ Приморскихъ Альповъ имѣется свыше 40 фабрикъ, производящихъ благовонныхъ продуктовъ на сумму до $4^1/_2$ милл. руб. въ годъ: здѣсь ежегодно перерабатывается 155 тыс. пуд. померанцевыхъ цвѣтовъ, 122 тыс. пуд. розъ, 12 тыс. пуд. жасмина, 9 тыс. пуд. фіалокъ и т. д. Общая цѣнность вырабатываемыхъ во всей Франціи благовонныхъ продуктовъ достигаетъ 28 милл. рублей. Во многихъ другихъ европейскихъ странахъ производство Э. маселъ составляетъ также болѣе или менѣе обильный источникъ дохода. Въ Италіи, напримѣръ, душистыя растенія разводятся въ окрестностяхъ Санъ-Ремо на пространствѣ 300 десятинъ, близъ Генуи собираютъ ежегодно до 2440 пуд. фіалокъ, а изъ Мессины вывозится Э. маселъ, главнымъ образомъ померанцеваго, бергамотнаго и т. п., на сумму болѣе 2 милл. рублей. Болгарія спеціально занимается производствомъ розоваго масла, котораго тамъ, по среднему выводу за 20 лѣтъ, добывается около 135 пуд. въ годъ, стоимостью почти въ 1 милл. рублей. Англія вывозитъ одного мятнаго масла, за покрытіемъ собственной потребности, до 400 пуд. въ годъ. Въ Германіи (Тюрингіи и Саксоніи) производствомъ Э. маселъ занимается до 25 фабрикъ, изъ которыхъ фабрика Шиммеля и К° (Лейпцигъ), напр., дѣлаетъ милліонные обороты, имѣя свои собственныя плантаціи душистыхъ растеній (въ томъ числѣ до 50 дес. розъ) и, сверхъ того, обрабатывая матеріалы, доставляемые ей спеціальными агентами изъ тропическихъ странъ. Въ Россіи, однако, производство Э. маселъ стоитъ на низкой степени развитія, въ то время какъ потребленіе ихъ развито въ достаточной уже степени. Съ 1887 по 1896 г. въ среднемъ, напр., въ Россію ввозится по 3450 пуд. Э. маселъ, на сумму 417000 руб. Но кромѣ Э. маселъ въ сыромъ видѣ, значительное количество ихъ ввозится въ видѣ продуктовъ дальнѣйшей технической переработки. Присоединяя къ Э. масламъ косметики, оказывается, что въ 1896 г., напр., всего этихъ продуктовъ было ввезено въ Россію на сумму въ $1^1/_2$ милл. рублей. Интересно отмѣтить, что между прочимъ мы ввозимъ изъ Германіи анисовое масло, которое тамъ гонятъ изъ аниса, вывозимаго отъ насъ изъ Воронежской губ. Между тѣмъ нѣтъ сомнѣнія, что при обширности территоріи и разнообразіи климатическихъ и почвенныхъ условій Россіи мы могли бы культивировать сами не только всѣ душистыя растенія, произрастающія въ Европѣ, и получать изъ нихъ Э. масла, но завести и культуру такихъ растеній (напр., сумбульнаго корня), которыя въ Западной Европѣ расти не могутъ. Громадные сѣверные хвойные лѣса, дешевизна топлива и рабочихъ рукъ у насъ таковы, что скипидаръ самыхъ высшихъ сортовъ и хвойныя масла мы могли бы вывозить въ Западную Европу, гдѣ спросъ на нихъ великъ. То же надо сказать объ анисовомъ маслѣ, получаемомъ въ Германіи, какъ мы уже говорили, изъ русскаго аниса. Культурой розы и полученіемъ розоваго масла также слѣдовало бы заняться, въ особенности въ Закавказьѣ. Словомъ, производству Э. маселъ въ Россіи принадлежитъ блестящая будущность. Описаніе отдѣльныхъ Э. маселъ см. подъ ихъ названіями.

Литература. Классическими и единственными дѣйствительно дѣльными и заслуживающими полнаго довѣрія книгами по Э. масламъ являются: Bornemann, «Die Flockigen Oele des Pflanzenreiches» (1881); Gildemeister und Hoffmann, «Die Aetherischen Oele» (1899) и Parry, «Chemistry of essential Oils» (1899). Остальную литературу см. К. Дебу, «Э. масла» («Библ. Промышл. Знаній», вып. 14-й).

К. Дебу. Δ.

Эфиросѣрныя кислоты (хим.). — Какъ двухосновная кислота, сѣрная кислота можетъ образовать два ряда сложныхъ эфировъ: $R.O.SO_2.OH$ и $R.O.SO_2.O.R'$ (R и R' — спиртовые остатки). Эфиры, составъ и строе-

ніе которыхъ отвѣчаютъ первой изъ приведенныхъ формулъ, называются Э. кислотами (см. Эфиры сложные). Образованіе Э. кислотъ происходитъ очень легко при непосредственномъ дѣйствіи крѣпкой сѣрной кислоты на первичные спирты, наприм.: $C_2H_5.OH + OH.SO_2.OH = C_2H_5.O.SO_2.OH + H_2O$. Выдѣляющаяся во время реакціи вода дѣлаетъ реакцію обратимой, ограниченной предѣломъ (см. Этерификація). Для увеличенія выхода нужно брать избытокъ крѣпкой сѣрной кислоты, отъ которой потомъ легко освободиться, такъ какъ соли Э. кислотъ, въ противоположность многимъ солямъ сѣрной кислоты, легко растворимы въ водѣ. Прореагировавшую смѣсь послѣ нагрѣванія на водяной банѣ выливаютъ тонкой струей въ большое количество холодной воды и нейтрализуютъ углебаріевой солью, при чемъ вся сѣрная кислота осаждается въ видѣ $BaSO_4$, а образовавшаяся соль Э. кислоты остается въ растворѣ. Свободную кислоту можно выдѣлить изъ баріевой соли разложеніемъ ея точно отмѣреннымъ количествомъ сѣрной кислоты. Кригеру впервые удалось получить Э. кислоту вторичнаго спирта, этилпропилкарбинола въ видѣ нестойкой соли состава $Ba(C_6H_{13}O_4S)_2$, кристаллизующейся въ иголочкахъ. Вообще же эти соединенія извѣстны лишь для первичныхъ спиртовъ. Другой путь ихъ полученія состоитъ въ осторожномъ дѣйствіи спиртовъ на хлорсульфоновую кислоту, напримѣръ: $C_2H_5.OH + Cl.SO_2.OH = C_2H_5.O.SO_2.OH + HCl$. Э. кислоты представляютъ собою густыя сиропообразныя жидкости, легко растворимыя въ водѣ и медленно разлагаемыя ею на холоду. При кипяченіи онѣ быстро разлагаются. Соли Э. кислотъ хорошо кристаллизуются и въ большинствѣ случаевъ легко растворимы въ водѣ. Въ крѣпкихъ растворахъ онѣ разлагаются при продолжительномъ кипяченіи на сѣрнокислыя соли, спиртъ и сѣрную кислоту. Слабые растворы при этомъ не измѣняются. Водный остатокъ Э. кислотъ легко замѣщается хлоромъ при дѣйствіи на ихъ соли пятихлористаго фосфора, при чемъ образуются эфиры соотвѣтствующихъ хлорсульфоновыхъ кислотъ, наприм.: $C_2H_5.O.SO_2.Cl$. Соли Э. кислотъ прежде находили себѣ большое примѣненіе въ лабораторной практикѣ, являясь суррогатами галоидныхъ алкиловъ. Онѣ употреблялись—а частью и теперь употребляются—для введенія углеводородныхъ остатковъ, преимущественно метила и этила, въ частицы самыхъ разнообразныхъ соединеній: тіоспиртовъ, нитриловъ, сложныхъ эфировъ и мног. др. Изъ свободныхъ кислотъ громадное значеніе имѣетъ этилсѣрная кислота, являющаяся промежуточнымъ продуктомъ при полученіи обыкновеннаго эфира (см. Этиловый эфиръ и Эфиры простые). *Д. Монастырскій.*

Эфиръ. Содержаніе:

1) Э. до эпохи Декарта; 2) Э. картезіанцевъ; 3) Э. Гёйгенса, Ньютона и позднѣйшаго времени; 4) свойства Э., какъ вида матеріи, согласно современнымъ воззрѣніямъ; 5) плотность Э.; 6) Э. и тяготѣніе; 7) Э. и молекулы обычныхъ тѣлъ; 8) инерція Э.; 9) участіе Э. въ движеніи обычныхъ тѣлъ; 10) противорѣчія въ опытахъ этого рода и ихъ объясненія.

1) *Э. до эпохи Декарта.* Э. (франц. éther; нѣм. Aether; англ. aether и ether, отъ греч. слова αἰθήρ) въ разное время имѣлъ самыя разнообразныя значенія. У древнихъ философовъ Э. чаще всего фигурировалъ въ качествѣ одной изъ такъ называемыхъ стихій или элементовъ. Такъ, уже въ священныхъ книгахъ Веды «Э. безграничный» является однимъ изъ 5 элементовъ, изъ которыхъ слагается все матеріальное. Для пиѳагорейцевъ эфиръ — одна изъ составныхъ частей воздуха, воды, души: послѣдняя — отрывокъ Э. Позже Э. получилъ смыслъ чего-то то матеріальнаго, то нематеріальнаго, являющагося причиной движенія. Анаксагоръ, наприм., по указанію Аристотеля, называлъ Э. силу, дѣйствующую въ высшихъ областяхъ міра. Самъ Аристотель считаетъ Э. нѣкоторымъ божественнымъ безсмертнымъ тѣломъ, которое получило свое имя вслѣдствіе своего вѣчнаго движенія (ἀεί — всегда, θέω — бѣгу). Судя по апокрифическому сочиненію Аристотеля «De Mundo», александрійская школа такъ понимала Аристотеля: «сущность неба и звѣздъ мы называемъ эфиромъ..., великое, вѣчное круговое движеніе; это—стихія, чистая и божественная». Точно также и у стоиковъ Э. является одной изъ стихій, «вышнимъ огнемъ». Болѣе опредѣленныя представленія имѣетъ Лукрецій, для котораго Э. есть матерія, но болѣе тонкая, чѣмъ другіе ея виды, матерія атомистическаго строенія; непрерывное теченіе Э. является причиной движенія небесныхъ тѣлъ; тотъ же, повидимому, Э., но уже на этотъ разъ безъ имени (nominis expers), входитъ, по Лукрецію, въ составъ души, въ качествѣ одного изъ матеріальныхъ элементовъ, но болѣе тонкаго и болѣе подвижного, чѣмъ воздухъ. Съ эпохи Возрожденія Э. и ему подобныя ***невѣсомыя*** тѣла начали фигурировать въ физическихъ и иныхъ теоріяхъ. Веронецъ Фрокасторо (1483 — 1553) видитъ въ дѣйствіи невѣсомыхъ причину электрическихъ, магнитныхъ и физіологическихъ явленій; у Джордано Бруно общая матерія всего есть Э., все обнимающій и все проникающій; какъ часть въ сложномъ, онъ называется воздухомъ, а въ организованныхъ существахъ—жизненнымъ духомъ и т. п. Основатель теоріи магнитизма Вилліамъ Гильбертъ (1600) видитъ изъ наэлектризованныхъ тѣлъ истеченія нѣкотораго вещества, а теплоту приписываетъ дѣйствію тончайшей жидкости или тонкому матеріальному Э., хотя свѣтъ распространяется у Гильберта моментально, въ чемъ Гильбертъ видитъ, между прочимъ, доказательство существованія въ природѣ пустоты. У Кеплера (1604) нигдѣ не употребляется слово эфиръ, но на первой же страницѣ своего сочиненія по оптикѣ онъ утверждаетъ, что всѣ явленія природы должны быть отнесены къ ихъ исходной точкѣ—къ свѣтовому началу. Точно также движеніе планетъ Кеплеръ приписывалъ особому носителю силы, кружащемуся въ міровомъ пространствѣ на подобіе рѣки или вихря, хотя этотъ носитель силы самъ приводится въ движеніе солнцемъ и не является матеріальной субстанціей. Галилей (1638) въ своемъ ученіи о сцѣпленіи объясняетъ силы сцѣпле-

вѣка, подтверждавшихъ эту теорію на каждомъ шагу и давшихъ ей высокую степень совершенства, доказали, что явленія свѣта, электричества и магнитизма суть разнообразныя проявленія нѣкоторыхъ механическихъ состояній и движеній одной и той же всепроникающей среды, Э., и что свѣтъ есть электромагнитное явленіе. Несомнѣнно также, что молекулы тѣлъ вносятъ нѣкоторыя измѣненія въ свойства Э., но что тѣмъ не менѣе во многихъ явленіяхъ намъ достаточно разсматривать не сложную систему изъ Э. и молекулъ, а просто нѣкоторую однородную среду, какъ бы Э., но съ измѣненными физическими свойствами. Въ область гипотезъ мы вступаемъ, когда желаемъ разобраться въ связи между молекулами и Э., и *опытъ* намъ показалъ, что эта связь не проста и не непосредственна. Связующимъ звеномъ между Э. и молекулами является нѣчто третье, своеобразныя крайне мелкія частички, получившія названіе электроновъ. Такимъ образомъ приходится различать, вообще говоря: свободный Э. міровыхъ пространствъ или нашихъ сосудовъ съ «пустотой»; Э. между молекулами тѣлъ и наконецъ какъ бы *фиктивный* Э., ту однородную среду, которую мы подставляемъ вмѣсто Э. и молекулъ во многихъ теоретическихъ изслѣдованіяхъ, напр., касающихся всей оптики одноцвѣтнаго луча и др. Очевидно, свойства свободнаго Э. наиболѣе просты; дѣйствительно мы не имѣемъ въ немъ цѣлаго ряда явленій, наблюдаемыхъ въ обычной матеріи: въ такомъ Э. нѣтъ процессовъ тепло- и электропроводности, нѣтъ волнъ звука, не наблюдается явленій свѣторазсѣянія и свѣтопоглощенія и т. п. Такимъ образомъ относительно Э. намъ надо гораздо меньше знать, чѣмъ относительно обычной матеріи; но за то Э. гораздо труднѣе доступенъ изученію. Всѣ попытки созданія опредѣленныхъ механическихъ представленій, объясняющихъ явленія электричества, магнитизма и свѣта, въ сущности сводились къ наложенію на Э. опредѣленныхъ физическихъ свойствъ, скопированныхъ со свойствъ обычной матеріи, т. е. уподобленію Э. нѣкоторому физическому тѣлу, намъ болѣе или менѣе знакомому. Между тѣмъ было бы естественно ожидать, что свойства Э. объяснятъ намъ свойства нашихъ обычныхъ тѣлъ; что Э. нѣчто болѣе совершенное, а главное болѣе простое. Всѣ многочисленныя попытки этого рода дали одинъ несомнѣнный результатъ: Э. не есть однородное упругое твердое тѣло нашей механики. Вмѣстѣ съ тѣмъ изъ всѣхъ изслѣдованій этого рода наиболѣе замѣчательны изслѣдованія В. Томсона (лордъ Кельвинъ). Онъ показалъ, что механически возможна среда, распространяющая лишь поперечныя волны, подобно твердому тѣлу, но существенно отъ него отличающаяся по своимъ свойствамъ. Именно такой средой будетъ несжимаемая жидкость безъ вязкости, въ которой распредѣлены очень мелкіе вихри (см.); послѣдніе по гидродинамическимъ свойствамъ вихрей всѣ должны быть въ формѣ замкнутыхъ кривыхъ линій. Такая среда обладаетъ замѣчательнымъ свойствомъ: всякая часть среды съ такими вихрями не оказываетъ сопротивленія измѣненію своей формы, среда не имѣетъ крѣпости (rigidity), но за то эта часть сопротивляется вращенію около любой оси, подобно тому, какъ это дѣлаетъ ящикъ, въ которомъ находится много волчковъ (гиростатовъ), вращающихся около разныхъ осей. Подобная среда, если и является, быть можетъ, лишь механически возможной моделью Э., замѣчательна въ томъ отношеніи, что въ ней всѣ упругія свойства среды будутъ кажущимся явленіемъ, обусловленнымъ движеніемъ. При отрицаніи дѣйствія на разстояніи естественно всѣ *силы* считать лишь кажущимся явленіемъ и стало быть слѣдствіемъ движенія. Съ этой точки зрѣнія то, что мы называемъ потенціальной энергіей, является на самомъ дѣлѣ энергіей кинетической, энергіей движенія, только иногда мы не знаемъ ни этого движенія, ни той матеріи, которая движется (скрытыя движенія и скрытыя массы). Въ частности, напр., въ газахъ мы уже знаемъ, что ихъ упругость есть проявленіе поступательнаго движенія молекулъ; правда, при такъ назыв. столкновеніяхъ молекулъ намъ приходится еще говорить объ упругихъ силахъ молекулъ, но это пока лишь грубая схема, и мы увидимъ ниже, какъ можно обойтись вовсе безъ этой упругости. Конечно, и въ капельныхъ жидкостяхъ, и въ твердыхъ тѣлахъ по существу дѣла происходитъ то же, что и въ газахъ, только мы не въ состояніи здѣсь выполнить нужный для опредѣленія давленій счетъ, который уже сдѣланъ для газовъ. Томсоновскій Э. принадлежитъ къ числу подобныхъ же средъ съ кажущейся упругостью. Далѣе, то обстоятельство, что Э. является по отношенію къ явленіямъ свѣта, электричества и магнитизма какъ бы твердымъ тѣломъ (quasi-rigid), не представляетъ какихъ-либо особыхъ затрудненій для объясненія движенія небесныхъ тѣлъ черезъ Э. безъ всякихъ замѣтныхъ астрономическихъ возмущеній даже въ томъ случаѣ, если мы будемъ представлять себѣ, что эти тѣла движутся черезъ Э., какъ неводъ въ водѣ, т. е. не увлекая его съ собой. Дѣло въ томъ, что одно и то же тѣло представляется намъ то твердымъ, то жидкимъ, въ зависимости отъ того, въ какомъ отношеніи находится дѣйствіе тяжести на тѣло къ силамъ такъ назыв. сцѣпленія (т. е. упругости) и, кромѣ того, въ зависимости отъ времени, въ теченіе котораго мы воздѣйствуемъ на тѣло (Стоксъ, Stokes, 1845). Какъ и въ другихъ областяхъ физики, здѣсь нѣтъ рѣзкихъ перегородокъ между свойствами тѣлъ твердыхъ и жидкихъ, различіе вездѣ количественное, а не качественное. Поэтому при одной и той же температурѣ, одно и то же тѣло—твердое на землѣ, окажется жидкимъ на солнцѣ, а вязкая жидкость на землѣ будетъ несомнѣннымъ твердымъ тѣломъ на Палладѣ. Съ другой стороны, какъ извѣстно изъ опытовъ Спринга (Spring) и др., такія несомнѣнныя твердыя тѣла, какъ свинецъ, золото и др. металлы, *текутъ*, какъ жидкости, подъ достаточно большимъ давленіемъ. Въ опытѣ В. Томсона черезъ пластинку сапожнаго вара въ водѣ всплывали пробки, двигаясь снизу вверхъ; а пули тонули въ варѣ.

Э. въ явленіяхъ природы, получили широкое распространеніе. Уже Ф. М. Гримальди (1665) объясняетъ свѣтовыя явленія, какъ колебательное состояніе нѣкоторой упругой жидкости и видитъ въ магнитныхъ явленіяхъ доказательство существованія особой міровой среды. Позже картезіанецъ Сорэнъ (Saurin, 1709) прямо утверждаетъ, что нельзя сомнѣваться въ томъ, что давленію нѣкоторой жидкости «невообразимой тонкости» слѣдуетъ приписать и паденіе тяжелыхъ тѣлъ, потому что «по тысячѣ другихъ причинъ» извѣстно, что земля плаваетъ въ такой жидкости. Соотвѣтственно этому и Э. Гейгенса есть тончайшее, въ высшей степени подвижное, разлитое во всей вселенной вещество, существованіе котораго доказывается распространеніемъ свѣта и въ безвоздушномъ пространствѣ (см. Свѣтъ). Волны въ Э., подобныя волнамъ звука въ воздухѣ, и производятъ явленія свѣта; эти волны продольны. Существованіе Э. или аналогичной ему среды признавалъ и самъ основатель теоріи истеченія Ньютонъ, и притомъ даже въ самой своей теоріи свѣта. Такъ, для объясненія простого отраженія и преломленія летящихъ частицъ на границѣ двухъ разнородныхъ средъ Ньютону нужны были періодически повторяющіеся «приступы наилучшаго отраженія и наилучшаго преломленія»; эту то періодичность Ньютонъ и объясняетъ вліяніемъ волнъ, возбужденныхъ въ Э. летящими частицами (1672). Въ концѣ 3-й книги «Principia» Ньютонъ ясно высказывается «о нѣкоторомъ тончайшемъ газѣ, проникающемъ во всѣ твердыя тѣла и содержащемся въ нихъ. Силой и дѣятельностью этого газа частицы тѣлъ взаимно притягиваются на малѣйшихъ разстояніяхъ и, соприкоснувшись, слипаются. Его же силой электрическія тѣла дѣйствуютъ на бо́льшихъ разстояніяхъ, притягивая и отталкивая сосѣднія частицы; и свѣтъ испускается, отражается, преломляется, изгибается и нагрѣваетъ тѣла; всѣ чувства возбуждаются и члены животныхъ движутся по произволу колебаніями этого же газа и эти вибраціи распространяются отъ внѣшнихъ органовъ чувствъ путемъ твердыхъ нервныхъ нитей до головного мозга и отсюда передаются до самыхъ мыщцъ». Въ знаменитомъ второмъ письмѣ къ Бентли Ньютонъ рѣзко возражаетъ противъ возможности дѣйствія на разстояніи черезъ пустоту, называя такое дѣйствіе большимъ абсурдомъ. Впрочемъ тотъ агентъ, которымъ обусловливается такое дѣйствіе, могъ бы быть по Ньютону и нематеріальнымъ. Ученики и послѣдователи Ньютона отказались, какъ извѣстно, отъ Э. какъ среды, замѣняющей своимъ дѣйствіемъ дѣйствіе на разстояніи; съ другой стороны блестящій успѣхъ теоріи всеміpнаго тяготѣнія побудилъ ученыхъ копировать съ нея теоріи иныхъ явленій. Такимъ образомъ до середины XIX в. въ физикѣ было и особое свѣтовое вещество, и теплородъ, и электрическія, и магнитныя жидкости, одаренныя притягательными и отталкивательными силами. Съ другой стороны приверженцы теоріи волненія допускали цѣлый рядъ своеобразныхъ Э. Такъ, въ началѣ XIX вѣка знаменитый Юнгъ писалъ: «кромѣ формъ матеріи, извѣстныхъ подъ именемъ твердыхъ, жидкихъ и газообразныхъ тѣлъ, есть еще полуматеріальныя формы, производящія явленія электричества и магнитизма, а также Э. Еще выше стоятъ причины тяготѣнія и непосредственные дѣятели притяженій всякаго рода, представляющіе собою явленія, повидимому, еще болѣе удаленныя отъ того, что мы соединяемъ съ понятіемъ матеріальнаго тѣла; и во всѣхъ этихъ формахъ бытія каждая, болѣе тонкая и нематеріальная, повидимому, свободно проникаетъ въ грубѣйшія». Такое обиліе Э. вызвало въ концѣ концовъ *боязнь* Э., какъ выражается Максвелль, и заставляло самыхъ выдающихся естествоиспытателей долго не мириться и съ однимъ Э. — свѣтовымъ, пока прямой опытъ не опровергъ окончательно Ньютонову теорію свѣта. Съ этого времени существованіе Э., какъ нѣкотораго носителя энергіи тамъ, гдѣ мы не имѣемъ матеріи въ обычныхъ намъ видахъ, стало доказаннымъ и Э.ересталъ быть гипотезой. Тѣмъ не менѣе и до нашего времени встрѣчаются возраженія противъ существованія Э. Еще въ 1884 г. сэръ В. Томсонъ на своихъ лекціяхъ въ Балтиморѣ считалъ нужнымъ настойчиво убѣждать своихъ слушателей въ томъ, что Э.—реальность, какъ реальны матерія и ея движеніе, что Э. не гипотеза, не мистификація. Однако, въ 1900 г. на конгрессѣ физиковъ въ Парижѣ Пуанкаре (H. Poincaré) ставилъ вопросъ, существуетъ ли Э. на самомъ дѣлѣ. Для Пуанкаре допущеніе Э. вытекаетъ изъ допущенія нашей механики, что состояніе всякой системы зависитъ лишь отъ ея состоянія, непосредственно предшествовавшаго данному, а не отъ того, въ какомъ была система когда то ранѣе, или, говоря математически, Э. нуженъ потому, что въ нашей механикѣ мы пользуемся дифференціальными уравненіями, а не уравненіями съ конечными разностями (см.). Для появившейся въ 80-хъ годахъ XIX вѣка школы «энергетиковъ» (Гельмъ, Helm; Оствальдъ, Ostwald) Э. тоже не существуетъ, потому что для нихъ нѣтъ и *матеріи*, а есть только *энергія, имѣющая стремленіе* переходить съ мѣста на мѣсто и могущая двигаться въ абсолютно пустомъ пространствѣ. Но если основные законы движенія нашей механики и могутъ подлежать пересмотру, если въ этомъ смыслѣ наша механика и можетъ эволюціонировать, то, отрицая существованіе матеріи или становясь на точку зрѣнія Пуанкаре, мы въ сущности покидаемъ почву физики и механики вообще и вступаемъ въ область *метафизики*. И кто сомнѣвается въ существованіи матеріи или Э., долженъ показать, что новая метамеханика также способна предсказывать явленія, какъ это дѣлала до сихъ поръ наша обыкновенная механика. А пока это не сдѣлано, споръ о существованіи Э. или молекулъ является почти схоластическимъ споромъ средневѣковья.

4) *Свойства Э., какъ вида матеріи, согласно современнымъ воззрѣніямъ*. Созданіе электромагнитной теоріи свѣта Фарадеемъ и Максвеллемъ и обширный рядъ теоретическихъ и опытныхъ изслѣдованій въ теченіе полу-

и магнитизмѣ идеи Фарадея и Максвелла, дѣлаетъ мало вѣроятнымъ, чтобы вообще въ природѣ существовало дѣйствіе на разстояніи. Правда, дѣлались неоднократно подсчеты того, какова могла бы быть скорость распространенія тяготѣнія, чтобы не вызывать у небесныхъ тѣлъ движеній, которыя не наблюдаются. Всѣ такого рода подсчеты (напр. Лапласа) приводили постоянно къ числамъ во много милліоновъ разъ большимъ скорости свѣта. Однако, всѣ эти вычисленія основаны на допущеніи, что *движеніе небесныхъ тѣлъ на тяготѣніе не вліяетъ*. Между тѣмъ, если тяготѣніе производится извѣстными состояніями Э., то эти состоянія очевидно будутъ измѣняться въ зависимости отъ движенія видимыхъ тѣлъ, а въ такомъ случаѣ мы не получимъ никакого противорѣчія съ астрономическими наблюденіями и при скорости распространенія тяготѣнія, не отличающейся отъ скорости свѣтовыхъ и электромагнитныхъ волнъ (H. A. Lorentz, 1900). И дѣйствительно, Лорентцу удалось представить всемірное тяготѣніе, какъ результатъ (кажущихся) электрическихъ притяженій и отталкиваній электроновъ, допуская лишь, что взаимодѣйствіе двухъ одноименныхъ количествъ электричества при прочихъ равныхъ условіяхъ слегка отлично численно (и конечно противоположно) отъ взаимодѣйствія двухъ такихъ же количествъ разноименныхъ. Тогда тяготѣніе, какъ и электрическія притяженія и отталкиванія, оказывается кажущимся явленіемъ, распространяющимся со скоростью свѣта. Но и въ этомъ случаѣ трудно сказать, вѣсомъ ли Э. Съ одной стороны, такъ какъ въ Э. нѣтъ электроновъ, можно бы было думать, что онъ невѣсомъ; съ другой стороны, быть можетъ электроны—эти частички, въ сотни разъ меньшія атомовъ водорода,—есть не что иное какъ измѣненныя въ чемъ либо молекулы Э. Тогда между послѣдними и электронами, т. е. и молекулами обычныхъ тѣлъ возможно кажущееся взаимодѣйствіе, если не тожественное, то аналогичное взаимодѣйствію между тѣлами, подчиненными всемірному тяготѣнію; тогда Э. можетъ оказаться какъ бы вѣсомымъ, онъ будетъ притягиваемъ обычными тѣлами. В. Томсонъ полагалъ болѣе вѣроятнымъ, что Э. вѣсомъ, и считалъ onus probandi лежащимъ на тѣхъ, кто утверждаетъ, что Э. не подчиненъ тяготѣнію. Повидимому, мнѣніе Томсона оказывается вѣрнымъ, особенно въ связи съ тѣми соображеніями, съ которыми мы встрѣтимся ниже, и которыя совсѣмъ независимы отъ вышеприведенныхъ.

7) *Э. и молекулы обычныхъ тѣлъ.* Обычная матерія, какъ извѣстно, состоитъ изъ *молекулъ*, являющихся въ свою очередь группами *атомовъ*. Послѣдніе оказываются чѣмъ-то неизмѣннымъ, неуничтожимымъ. Реальное существованіе молекулъ и атомовъ, т. е. неоднородность въ строеніи матеріи, главнымъ образомъ доказывается явленіями лучеиспусканія (благодаря спектральному анализу [см.]), и химическими. Извѣстно, кромѣ того, что атомы и молекулы находятся въ движеніи, что между ними есть такъ наз. силы *сцѣпленія*. Съ точки зрѣнія отсутствія дѣйствія на разстояніи и эти силы должны быть кажущимися, т. е. нѣкоторымъ дѣйствіемъ среды, раздѣляющей атомы и молекулы; возможно, что въ концѣ концовъ эти силы окажутся тожественными съ силами всемірнаго тяготѣнія, какъ это полагаетъ В. Томсонъ. Какъ бы то ни было, разъ есть Э., было бы ненужнымъ усложненіемъ разсматривать атомы и молекулы, какъ что-то, отъ Э. совсѣмъ отличное; наоборотъ, естественнѣе всего считать атомы и молекулы просто нѣкоторыми областями того же Э., но обладающими, благодаря особымъ условіямъ, и особыми свойствами. Въ этомъ направленіи, чисто картезіанскаго характера, дѣлались самыя разнообразныя предположенія. Предполагалось напр., что атомы и молекулы суть мѣста сгущенія Э., или что они—мѣста, гдѣ твердый Э. расплавился (Helm, 1881) и т. п. Но изъ всѣхъ подобныхъ гипотезъ наибольшее значеніе снова имѣетъ гипотеза В. Томсона, сводящая различіе между атомомъ и Э. только къ различію въ движеніи. По Томсону (1867) атомъ есть вихрь совершенной жидкости, т. е. атомъ обычной матеріи то же, что и атомъ или молекула Э., но болѣе крупный, болѣе сложной структуры. По свойству вихревого движенія совершенной жидкости такой вихрь всегда состоитъ изъ однѣхъ и тѣхъ же точекъ жидкости, и напряженіе вихря (произведеніе угловой скорости на площадь поперечнаго сѣченія) есть величина неизмѣнная, что бы съ вихремъ ни происходило. Такой, разъ существующій, вихрь неуничтожимъ и механически недѣлимъ, т. е. какъ разъ обладаетъ свойствами атома матеріи. Вихри эти могутъ имѣть поступательное движеніе какъ цѣлое, могутъ дрожать, и т. п.; они, наконецъ, обладаютъ кажущейся упругостью, благодаря наличности въ вихряхъ вращательнаго движенія. Все это дало поводъ сдѣлать попытку разработать кинетическую теорію газовъ, принимая молекулы газа за такіе вихри. Это сдѣлалъ Дж. Дж. Томсонъ (J. J. Thomson, 1888) и, насколько позволили математическія трудности, показалъ, что при приближеніи двухъ колецъ вихрей другъ къ другу или къ неподвижной стѣнкѣ они будутъ отталкиваться подобно упругимъ тѣламъ; что стѣнка будетъ испытывать давленіе, выражающееся какъ разъ такъ, какъ нужно въ кинетической теоріи газовъ, т. е. ведущее къ закону Маріотта и Гэй-Люссака, и т. д. Съ точки зрѣнія этой вихревой теоріи матеріи одноатомный газъ состоитъ изъ простыхъ (одиночныхъ) вихрей; различіе газовъ можетъ состоять въ формѣ, какую имѣетъ ось вихря; газъ двухъ-атомный будетъ состоять изъ паръ вихрей, переплетенныхъ одинъ съ другимъ или просто держащихся одинъ близъ другого и т. д. Теорія показываетъ далѣе, что напр. газъ, состоящій изъ паръ вихрей, можетъ дать устойчивую комбинацію или съ двумя газами одновихревыми (одноатомными) или же съ газомъ двухвихревымъ, такъ что получатся четыре вихря вмѣстѣ и т. д., но устойчивы лишь комбинаціи до шести вихрей вмѣстѣ. Такимъ образомъ комбинаціи одинаковыхъ вихрей даютъ молекулу простыхъ тѣлъ въ газовомъ состояніи, комбинаціи разныхъ вихрей—молекулы сложныхъ химическихъ соединеній, в

двигаясь сверху внизъ со скоростью нѣсколькихъ дюймовъ въ годъ. Между тѣмъ этотъ варъ и другія ему подобныя тѣла (смолы) вообще могутъ звучать какъ стекло, давать изломъ какъ настоящее твердое тѣло и т. п. Обратно, такая несомнѣнная жидкость, какъ вода, въ которую прибавлено всего 5 граммовъ твердаго желатина на литръ, обнаруживаетъ ясно измѣримую *крѣпость* даже для медленно протекающихъ процессовъ (Ѳ. Н. Шведовъ, 1900). Эта крѣпость въ два трилліона разъ менѣе крѣпости стали; для достаточно быстрыхъ процессовъ и въ чистой водѣ окажется крѣпость, какъ она окажется и въ газахъ. Во всѣхъ этихъ тѣлахъ поперечныя волны вполнѣ возможны, но ихъ скорость будетъ чрезвычайно мала, благодаря слишкомъ большой плотности тѣлъ. Поэтому всякая жидкость съ самыми ничтожными признаками крѣпости могла бы распространять поперечныя волны съ такой большой скоростью, какъ скорость свѣта, если бы только плотность этой жидкости была достаточно мала. Отсюда ясно, что Э. нужна только достаточно малая плотность и онъ въ разныхъ явленіяхъ будетъ вести себя различно: подобно твердому тѣлу для процессовъ, протекающихъ со скоростью свѣта, и подобно жидкости для скоростей въ тысячи разъ меньшихъ. Э. Томсона является тѣломъ въ мельчайшихъ частяхъ не однороднымъ, при чемъ неоднородность эта обусловлена только движеніемъ. Благодаря ей, мы должны назвать строеніе этого Э. *молекулярнымъ*. Правда, такое строеніе можетъ повлечь за собой требованіе, чтобы у чистаго Э. были явленія свѣторазсѣянія и иныя, наблюдаемыя въ обычныхъ тѣлахъ, напр. явленія теплоты, Э. долженъ бы имѣть температуру и т. д. Это очень тонкіе вопросы, которыхъ опытное рѣшеніе наступитъ вѣроятно не скоро. Но слѣдуетъ замѣтить, что въ послѣднее время уже появился цѣлый рядъ теоретическихъ изслѣдованій (напр. Планкъ, Planck, 1900), въ которыхъ законы термодинамики распространяются и на лучи свѣта, идущіе въ чистомъ Э. Явилась необходимость говорить о температурѣ луча въ Э., откуда уже одинъ шагъ и до температуры Э. Съ другой стороны мы не имѣемъ никакихъ опытныхъ указаній на полное отсутствіе дисперсіи и свѣтопоглощенія въ Э. Въ самомъ дѣлѣ, куда исчезаетъ энергія, посылаемая, напр., солнцемъ по всѣмъ направленіямъ, энергія, изъ которой лишь ничтожная часть попадаетъ на обычныя тѣла? Наконецъ, если въ Э. и есть дисперсія, она могла бы сказаться, можетъ быть, лишь на волнахъ, размѣры которыхъ очень малы, т. е. на волнахъ ультрафіолетовыхъ и еще болѣе короткихъ. Только молекулярное строеніе занимающей насъ среды не можетъ дѣлать изъ нея газъ съ *обычными свойствами*, потому что тогда въ явленіяхъ теплоты сказалось бы существованіе такого газа (Максвелль).

5) *Плотность Э.* Какими бы свойствами ни обладалъ Э., какія бы движенія въ немъ ни происходили, несомнѣнно свѣтъ есть явленіе кинетическаго характера и согласно электромагнитной теоріи свѣта въ свѣтовомъ лучѣ энергія на половину кинетическая, на половину потенціальная. Поэтому полная энергія свѣтового луча равна его двойной кинетической энергіи. Яркость луча есть средняя величина энергіи единицы объема среды, распространяющей свѣтъ, за промежутокъ времени, очень большой сравнительно съ періодомъ свѣтовой волны, и эта яркость $e=\frac{i}{V}$, гдѣ i количество энергіи, приносимое лучами въ секунду на квадратный сантиметръ, нормальный лучу, а V скорость свѣта. Если K есть средняя кинетическая энергія кубическаго сантиметра, то $e=2K$ и $K=\frac{1}{2}\frac{i}{V}$. Но каково бы ни было движеніе въ свѣтовомъ лучѣ, какой бы механическій смыслъ ни имѣли величины, называемыя нами электрическими и магнитными силами и т. п., всегда кинетическая энергія единицы объема, котораго длина по направленію луча достаточно мала, есть $\frac{1}{2}\rho v^2$, гдѣ v одинаковая для всѣхъ точекъ объема скорость движенія, а ρ плотность среды. Если далѣе A есть максимальное значеніе скорости за періодъ колебанія, то средняя кинетическая энергія кубическаго сантиметра будетъ $K=\frac{1}{4}\rho A^2$ и потому $\rho=\frac{2i}{VA^2}$ или же, если положить $\frac{V}{A}=n$, то $\rho=\frac{2i}{V^3}n^2$. По изслѣдованіямъ Ланглея (Langley, 1884) каждый квадратный сантиметръ земли получалъ бы отъ солнца въ минуту 3 малыхъ калоріи тепла, если бы не было атмосферы, что даетъ $i=21\,.\,10^5$ эрговъ, такъ что будетъ $\rho=1\cdot 6\,.\,10^{-25}n^2$. Величина n намъ неизвѣстна, но о порядкѣ величины этой мы можемъ судить; совершенно невѣроятно напр., чтобы A было *больше* скорости свѣта; Томсонъ считаетъ n никакъ не менѣе 50. Въ такомъ случаѣ плотность Э. окажется *болѣе чѣмъ* $4\,.\,10^{-22}$. Аналогичный приведенному счетъ выполненъ былъ В. Томсономъ (1854) для Э., какъ упругаго твердаго тѣла и далъ $\rho>10^{-22}$; число того же порядка мы получаемъ и на основаніи электромагнитной теоріи свѣта. Остатки нашего воздуха даже на разстояніи всего одного земного радіуса отъ поверхности земли имѣли бы (при неподвижной землѣ) плотность 10^{-345} (В. Томсонъ).

6) *Э. и тяготѣніе.* Обычная матерія подчинена закону всемірнаго тяготѣнія. Подчиненъ ли тому же закону и Э., или онъ невѣсомъ? Разсматривая Э., какъ одинъ изъ видовъ матеріи въ обычномъ смыслѣ этого слова, мы не можемъ дать опредѣленнаго отвѣта на этотъ вопросъ уже потому, что мы не знаемъ происхожденія тяготѣнія и даже не знаемъ, требуетъ ли оно времени для своего распространенія. Только, если тяжесть есть дѣйствіе на разстояніи, она должна распространяться мгновенно; конечность «скорости тяготѣнія» доказала бы, что тяготѣніе есть кажущееся взаимодѣйствіе тѣлъ подобно тому, какъ это имѣетъ мѣсто по отношенію къ явленіямъ электричества и магнитизма. Тотъ успѣхъ, какой дали въ ученіи объ электричествѣ

поръ лишь на движенія обычныхъ тѣлъ; вопросъ о приложимости этого закона къ необычной матеріи—Э.—не можетъ быть рѣшенъ a priori. Поэтому, если бы оказались факты, которые непримиримы съ подвижностью Э., пришлось бы замѣнить 3-й законъ движенія болѣе общимъ, который переходилъ бы въ обычный 3-й законъ, когда мы имѣемъ дѣло лишь съ обычной матеріей. Дѣйствительно, опытъ даетъ нѣсколько, очень правда тонкихъ оптическихъ явленій, которыя могутъ навести на мысль о неподвижности Э.

9) *Участіе Э. въ движеніи обычныхъ тѣлъ.* Если мы отвлечемся сначала отъ явленій *оптическихъ* (электромагнитныхъ волнъ), то свойства Э. проявляются въ явленіяхъ электричества и магнитизма, статическихъ и стаціонарныхъ. Когда мы имѣемъ на землѣ искусственно созданное движеніе наэлектризованныхъ тѣлъ, магнитовъ, электрическихъ токовъ и т. п., мы, не участвуя сами въ этомъ движеніи, наблюдаемъ рядъ электромагнитныхъ явленій (напр. магнитное дѣйствіе движущихся наэлектризованныхъ тѣлъ—опытъ Роланда [Rowland, 1876]—индукцію токовъ и т. д.), но по нимъ не можемъ заключить объ участіи Э. въ этомъ движеніи. Можно бы было думать, что это участіе скажется, когда и наблюдатель участвуетъ въ движеніи, или когда движутся тѣла въ нейтральномъ состояніи. Въ послѣднемъ случаѣ движеніе Э. могло бы проявиться появленіемъ токовъ или электрическихъ зарядовъ и т. д. Къ числу опытовъ этого рода принадлежитъ напр. опытъ Фарадея съ падающей проволочной катушкой въ которой паденіе не вызывало индуктивнаго тока; опытъ де Кудра (Des Coudres, 1889), гдѣ индуктивное дѣйствіе одной катушки на другую компенсировалось при помощи третьей катушки и компенсація эта не разстраивалась, каково бы ни было положеніе катушекъ относительно направленія движенія земли; опытъ Рёнтгена (Röntgen), гдѣ заряженный конденсаторъ, не смотря на участіе въ движеніи земли, *не* показывалъ магнитнаго дѣйствія; опытъ Гильберта (Gilbert, 1901), гдѣ проволочная катушка быстро вращалась около своей оси, но *не* давала при этомъ электрическаго тока; опытъ П. Н. Лебедева (1903), гдѣ двѣ длинныхъ параллельныхъ разнородныхъ проволоки, спаянныя на одномъ концѣ, *не* обнаружили электрическаго тока, какое бы положеніе проволоки ни занимали по отношенію къ направленію движенія земли и мн. др. Всѣ опыты такимъ образомъ дали отрицательный результатъ, что, однако, по существу дѣла, независимо отъ всякой теоріи, не говорятъ ни за, ни противъ участія Э. въ движеніи обычныхъ тѣлъ. Иначе стоитъ дѣло по отношенію къ явленіямъ оптическимъ, такъ или иначе связаннымъ съ участіемъ Э. въ движеніи. Эти явленія можно раздѣлить на двѣ группы:

I группа: все участвующее въ явленіи (источники свѣта, приборы, среды, наблюдатель) имѣетъ одну и ту же скорость движенія.

II группа: все участвующее въ явленіи имѣетъ *не* одну и ту же скорость; эта группа въ свою очередь распадается на двѣ:

II a: источникъ свѣта и наблюдатель съ приборами имѣютъ одну общую скорость; среда (или среды) между ними имѣютъ иную скорость движенія.

II b: источникъ свѣта имѣетъ свое движеніе; все остальное имѣетъ иное движеніе.

Къ I группѣ относятся всѣ опыты, когда источники свѣта, среды, приборы и наблюдатель покоятся относительно движущейся въ пространствѣ земли. Главнѣйшіе изъ опытовъ этого рода: α) опытъ Максвелля (1868): освѣщенный крестъ нитей зрительной трубы спектроскопа посылалъ лучи черезъ призмы; лучи затѣмъ отражались отъ зеркала и возвращались назадъ, давая въ зрительной трубѣ отраженное отъ зеркала изображеніе креста нитей. Это изображеніе *не* измѣняло своего положенія относительно настоящаго креста нитей, каково бы ни было положеніе призмъ (и идущаго чрезъ нихъ луча) относительно направленія движенія земли. β) Опытъ Кеттелера (Ketteler, 1872), гдѣ двѣ части одного луча проходили каждый вдоль своей трубы съ водой; трубы были слегка наклонны одна къ другой и лучи въ нихъ шли на встрѣчу другъ другу. Въ концѣ пути оба луча интерферировали, но интерференціонная картина не мѣнялась отъ движенія земли. γ) Опытъ его же и независимо Маскара (Mascart, 1874) надъ внутреннимъ отраженіемъ и двойнымъ преломленіемъ въ исландскомъ шпатѣ; вліянія движенія земли нѣтъ. δ) Опытъ Маскара надъ вращеніемъ плоскости поляризаціи въ кварцѣ; опытъ повторенъ лордомъ Рейли (Rayleigh, 1902) съ большими средствами. Уголъ вращенія плоскости поляризаціи въ кварцѣ и иныхъ средахъ доходилъ до 5500°. Ни при какомъ положеніи направленія луча относительно движенія земли измѣненія угла вращенія не было. ε) Опытъ Майкельсона (Michelson, 1881), повторенный имъ позже вмѣстѣ съ Морли (M. a. Morley, 1887), явившійся осуществленіемъ идеи Максвелля. Лучъ свѣта, встрѣчая наклонную къ себѣ подъ угломъ 45° стеклянную пластинку A, даетъ два взаимно-перпендикулярныхъ луча, отраженный и преломленный. Первый направляется пусть нормально движенію земли, второй—параллельно. Каждый изъ лучей (при помощи многократнаго отраженія) проходитъ путь въ 11 метровъ, затѣмъ отражается отъ зеркалъ B', B, возвращается назадъ по первоначальному направленію и у пластинки A первый преломляется, второй отражается, такъ что оба получаютъ одно направленіе и интерферируютъ. Если ω есть общая скорость движенія точекъ A и B съ землей *относительно* эфира воздуха, въ которомъ идутъ волны свѣта, то время, нужное лучу для прохода пути $AB=d$, будетъ $\frac{d}{V+\omega}$ (V — скорость свѣта), а пути BA будетъ $\frac{d}{V-\omega}$, такъ что все время, нужное для прохода взадъ и впередъ пути $2d$ будетъ $\frac{2d}{V}\cdot\frac{V^2}{V^2-\omega^2}$, что при маломъ ω сравнительно

опытъ показываетъ, что въ газовомъ состоянiи дѣйствительно нѣтъ тѣлъ съ числомъ атомовъ, бо̀льшимъ шести (съ шестью—вольфрамъ). Такимъ образомъ, согласно этой теорiи Э. и обычная матерiя разнятся лишь характеромъ движенiя въ отдѣльныхъ частяхъ, но движутся при этомъ части одной и той же совершенной жидкости, т. е. нѣкотораго сплошного тѣла неизмѣнной всюду плотности, обладающаго *двумя* лишь свойствами: совершенной *подвижностью* и *инерцiей*. Но инерцiя есть таинственное свойство обычной матерiи, измѣряемое величиной *массы*, хотя мы не знаемъ, что такое эта масса и инерцiя и въ какой связи онѣ стоятъ съ элементарными понятiями пространства и времени, потому что въ опытахъ съ обычной матерiей масса одного и того же тѣла остается неизмѣнной. Поэтому, имѣя дѣло не съ обычной матерiей, естественно ставить вопросъ, имѣетъ ли она инерцiю и даже искать въ свойствахъ этой необычной матерiи объясненiе инерцiи. Для совершенной жидкости инерцiя не необходима; всѣ гидродинамическiя уравненiя для такой жидкости останутся въ силѣ, если мы примемъ въ нихъ плотность жидкости ρ равной нулю; такъ какъ на такую жидкость никакихъ внѣшнихъ относительно нея силъ не можетъ быть (ибо нѣтъ ничего, кромѣ этой жидкости), то принятiе плотности равной нулю сведется къ тому, что будетъ нулемъ и такъ наз. гидродинамическое давленiе p. Но въ уравненiяхъ вмѣсто послѣдняго будетъ фигурировать неопредѣленная величина $P = \frac{p}{\rho}$, которая можетъ быть конечной и будетъ замѣнять собой гидродинамическое давленiе обычныхъ жидкостей. Въ такомъ случаѣ инерцiя тѣлъ будетъ кажущимся явленiемъ, масса атомовъ и молекулъ будетъ имѣть кинематическiй характеръ и притомъ самая величина массы можетъ оказаться перемѣнной въ зависимости отъ разнаго рода условiй. Примѣръ этого мы видимъ на движущихся наэлектризованныхъ тѣлахъ, на движущихся въ жидкости твердыхъ тѣлахъ, гдѣ движенiе создаетъ у тѣлъ появленiе кажущейся массы, обусловленной движенiемъ и, вообще говоря, даже зависящей отъ направленiя движенiя.

8) *Инерцiя* Э. Если Э. есть лишь видъ обычной матерiи, конечно онъ обладаетъ инерцiей. Въ этомъ предположенiи и вычислялась выше плотность Э., но быть можетъ инерцiя обычныхъ тѣлъ какъ разъ обусловлена извѣстными движенiями въ Э. Тогда нѣтъ надобности принимать существованiе инерцiи у Э. Какъ ни труденъ вопросъ такого рода, электромагнитная теорiя свѣта намѣчаетъ пути къ его рѣшенiю. Эта теорiя въ формѣ, данной ей Максвелломъ, Гертцемъ и Гельмгольтцемъ, приложима не только къ обычнымъ тѣламъ, но, и даже по преимуществу, къ Э.; при этомъ теорiя приложима какъ къ случаю покоя тѣлъ и Э., такъ и къ случаю ихъ движенiя съ произвольными скоростями. Когда мы имѣемъ въ Э. электромагнитные процессы, то, вообще говоря, въ Э. возникаютъ такого рода механическiя давленiя, что они должны привести отдѣльныя точки среды въ движенiе. Силы эти сводятся къ однимъ давленiямъ на погруженныя въ Э. тѣла и, значитъ, оставляютъ Э. въ покоѣ лишь въ случаѣ неподвижныхъ наэлектризованныхъ тѣлъ или магнитовъ, постоянныхъ электрическихъ токовъ, установившихся электромагнитныхъ волнъ и т. д. Вообще же, при произвольныхъ процессахъ, въ Э. должны возникнуть движенiя съ опредѣленными скоростями и послѣдней работой Гельмгольтца (1894) была именно задача объ изысканiи этихъ скоростей въ несжимаемомъ Э., *не обладающемъ инерцiею*. В. Винъ (W. Wien, 1898) примѣнилъ эти уравненiя Гельмгольтца къ частнымъ случаямъ. Такъ напр., если мы имѣемъ близко другъ къ другу два равныхъ и противоположныхъ количества электричества и они оба растутъ пропорцiонально времени, то въ несжимаемомъ Э. безъ массы движенiе должно возникнуть, но оно оказывается механически невозможнымъ. Стало быть одно изъ сдѣланныхъ допущенiй невѣрно: или Э. сжимаемъ, или онъ имѣетъ инерцiю, или же, наконецъ, онъ вовсе неподвиженъ. Подбирая соотвѣтственные электромагнитные процессы, возможно изслѣдовать каждое изъ этихъ предположенiй въ отдѣльности. Затрудненiе является лишь въ томъ, чтобы выбранный случай былъ одновременно и рѣшающимъ вопросъ, и не представлялъ бы черезъ-чуръ большихъ математическихъ трудностей, потому что существуетъ немало процессовъ легко подсчитываемыхъ, но не рѣшающихъ вопроса, и обратно. Такъ напр., если количество электричества e въ видѣ матерiальной точки движется прямолинейно и равномѣрно, то Э. безъ инерцiи останется въ покоѣ; въ Э. же съ инерцiею возникнутъ вихри въ формѣ круглыхъ колецъ, охватывающихъ направленiе движенiя электрическаго заряда. Наибольшая скорость вращенiя получается при скоростяхъ, близкихъ къ скорости свѣта, т. е., напр., при движенiи электроновъ. При этомъ скорости вращенiя будутъ неправдоподобно велики, если плотность Э. слишкомъ мала, напр., 10^{-22}. Это согласно съ прежнимъ результатомъ, что плотность Э. должна быть больше, чѣмъ 4.10^{-22}. Допущенiе неподвижности Э. въ томъ смыслѣ, что ни движенiе обычныхъ тѣлъ, ни механическiя давленiя не приводятъ Э. въ движенiе, заманчиво своей простотой. Правда, тогда мы встрѣчаемся съ нарушенiемъ 3-го закона движенiя Ньютона. Дѣйствительно, свѣтовыя волны оказываютъ, какъ извѣстно, давленiе на встрѣчаемыя ими поверхности и это давленiе не зависитъ отъ направленiя движенiя волны; поэтому волна, лучеиспускаемая или отражаемая, давитъ такъ же, какъ и волна падающая. Если теперь представить себѣ пластинку, одна сторона которой, напр., зачернена, а другая зеркальна, то такая нагрѣтая пластинка будетъ лучеиспускать черной стороной гораздо сильнѣе, чѣмъ зеркальной, а потому на черную сторону свѣтовое давленiе будетъ больше и пластинка придетъ въ движенiе *сама собой*, благодаря одной внутренней своей энергiи, что съ точки зрѣнiя обычной механики невозможно. Однако, 3-й законъ механики оправдывался до сихъ

коръ лишь на движенiи обычныхъ тѣлъ; вопросъ о приложимости этого закона къ необычной матерiи—Э.—не можетъ быть рѣшенъ a priori. Поэтому, если бы оказались факты, которые непримиримы съ подвижностью Э., пришлось бы замѣнить 3-й законъ движенiя болѣе общимъ, который переходилъ бы въ обычный 3-й законъ, когда мы имѣемъ дѣло лишь съ обычной матерiей. Дѣйствительно, опытъ даетъ нѣсколько, очень правда тонкихъ оптическихъ явленiй, которыя могутъ навести на мысль о неподвижности Э.

9) *Участiе Э. въ движенiи обычныхъ тѣлъ.* Если мы отвлечемся сначала отъ явленiй *оптическихъ* (электромагнитныхъ волнъ), то свойства Э. проявляются въ явленiяхъ электричества и магнитизма, статическихъ и стацiонарныхъ. Когда мы имѣемъ на землѣ искусственно созданное движенiе наэлектризованныхъ тѣлъ, магнитовъ, электрическихъ токовъ и т. п., мы, не участвуя сами въ этомъ движенiи, наблюдаемъ рядъ электромагнитныхъ явленiй (напр. магнитное дѣйствiе движущихся наэлектризованныхъ тѣлъ—опытъ Роланда [Rowland, 1876]—индукцiю токовъ и т. д.), но по нимъ не можемъ заключить объ участiи Э. въ этомъ движенiи. Можно бы было думать, что это участiе скажется, когда и наблюдатель участвуетъ въ движенiи, или когда движутся тѣла въ нейтральномъ состоянiи. Въ послѣднемъ случаѣ движенiе Э. могло бы проявиться появленiемъ токовъ или электрическихъ зарядовъ и т. д. Къ числу опытовъ этого рода принадлежитъ напр. опытъ Фарадея съ падающей проволочной катушкой въ которой паденiе не вызывало индуктивнаго тока; опытъ де Кудра (Des Coudres, 1889), гдѣ индуктивное дѣйствiе одной катушки на другую компенсировалось при помощи третьей катушки и компенсацiя эта не разстраивалась, каково бы ни было положенiе катушекъ относительно направленiя движенiи земли; опытъ Рёнтгена (Röntgen), гдѣ заряженный конденсаторъ, не смотря на участiе въ движенiи земли, *не* показывалъ магнитнаго дѣйствiя; опытъ Гильберта (Gilbert, 1901), гдѣ проволочная катушка быстро вращалась около своей оси, но *не* давала при этомъ электрическаго тока; опытъ П. Н. Лебедева (1903), гдѣ двѣ длинныхъ параллельныхъ разнородныхъ проволоки, спаянныя на одномъ концѣ, *не* обнаружили электрическаго тока, какое бы положенiе проволоки ни занимали по отношенiю къ направленiю движенiя земли и мн. др. Всѣ опыты такимъ образомъ дали отрицательный результатъ, что, однако, по существу дѣла, независимо отъ всякой теорiи, не говоритъ ни за, ни противъ участiя Э. въ движенiи обычныхъ тѣлъ. Иначе стоитъ дѣло по отношенiю къ явленiямъ оптическимъ, такъ или иначе связаннымъ съ участiемъ Э. въ движенiи. Эти явленiя можно раздѣлить на двѣ группы:

I группа: все участвующее въ явленiи (источники свѣта, приборы, среды, наблюдатель) имѣетъ одну и ту же скорость движенiя.

II группа: все участвующее въ явленiи имѣетъ *не* одну и ту же скорость; эта группа въ свою очередь распадается на двѣ:

II a: источникъ свѣта и наблюдатель съ приборами имѣютъ одну общую скорость; среда (или среды) между ними имѣютъ иную скорость движенiя.

II b: источникъ свѣта имѣетъ свое движенiе; все остальное имѣетъ иное движенiе.

Къ I группѣ относятся всѣ опыты, когда источники свѣта, среды, приборы и наблюдатель покоятся относительно движущейся въ пространствѣ земли. Главнѣйшiе изъ опытовъ этого рода: α) опытъ Максвелля (1868): освѣщенный крестъ нитей зрительной трубы спектроскопа посылалъ лучи черезъ призмы; лучи затѣмъ отражались отъ зеркала и возвращались назадъ, давая въ зрительной трубѣ отраженное отъ зеркала изображенiе креста нитей. Это изображенiе *не* измѣняло своего положенiя относительно настоящаго креста нитей, каково бы ни было положенiе призмъ (и идущаго чрезъ нихъ луча) относительно направленiя движенiя земли. β) Опытъ Кеттелера (Ketteler, 1872), гдѣ двѣ части одного луча проходили каждый вдоль своей трубы съ водой; трубы были слегка наклонны одна къ другой и лучи въ нихъ шли на встрѣчу другъ другу. Въ концѣ пути оба луча интерферировали, но интерференцiонная картина не мѣнялась отъ движенiя земли. γ) Опытъ его же и независимо Маскара (Mascart, 1874) надъ внутреннимъ отраженiемъ и двойнымъ преломленiемъ въ исландскомъ шпатѣ; влiянiя движенiя земли нѣтъ. δ) Опытъ Маскара надъ вращенiемъ плоскости поляризацiи въ кварцѣ; опытъ повторенъ лордомъ Рейли (Rayleigh, 1902) съ большими средствами. Уголъ вращенiя плоскости поляризацiи въ кварцѣ и иныхъ средахъ доходилъ до 5500°. Ни при какомъ положенiи направленiя луча относительно движенiя земли измѣненiя угла вращенiя не было. ε) Опытъ Майкельсона (Michelson, 1881), повторенный имъ позже вмѣстѣ съ Морли (M. a. Morley, 1887), явившiйся осуществленiемъ идеи Максвелля. Лучъ свѣта, встрѣчая наклонную къ себѣ подъ угломъ 45° стеклянную пластинку A, даетъ два взаимно-перпендикулярныхъ луча, отраженный и преломленный. Первый направляется пусть нормально движенiю земли, второй—параллельно. Каждый изъ лучей (при помощи многократнаго отраженiя) проходитъ путь въ 11 метровъ, затѣмъ отражается отъ зеркалъ B', B, возвращается назадъ по первоначальному направленiю и у пластинки A первый преломляется, второй отражается, такъ что оба получаютъ одно направленiе и интерферируютъ. Если ω есть общая скорость движенiя точекъ A и B съ землей *относительно* эфира воздуха, въ которомъ идутъ волны свѣта, то время, нужное лучу для прохода пути $AB=d$, будетъ $\frac{d}{V+\omega}$ (V — скорость свѣта), а пути BA будетъ $\frac{d}{V-\omega}$, такъ что все время, нужное для прохода взадъ и впередъ пути $2d$ будетъ $\frac{2d}{V}\cdot\frac{V^2}{V^2-\omega^2}$, что при маломъ ω сравнительно

вленныя движеніемъ вращенія *почему то* компенсируются. Какъ справедливо замѣтилъ Лорентцъ (1897), допущеніе измѣненія размѣровъ тѣлъ при движеніи для объясненія опыта (ε) при неподвижности Э. неизбѣжно. Поэтому если мы, составляя уравненія электромагнитной теоріи свѣта въ предположеніи неподвижности эфира, a priori подберемъ ихъ такъ, чтобы движеніемъ земли явленія интерференціи свѣта не нарушались, т. е. чтобы опытъ (ε) имѣлъ свое объясненіе (E. Cohn, 1901), мы въ замаскированномъ видѣ введемъ въ теорію предположеніе объ измѣненіи размѣровъ тѣлъ при движеніи. Такимъ образомъ теоріи, основанныя на неподвижности Э., въ ихъ современномъ видѣ, эту неподвижность убѣдительно не доказываютъ; неподвижность Э. къ тому же дѣлаетъ эту среду весьма странной, съ чрезвычайно неопредѣленными свойствами, при которыхъ даже и само распространеніе свѣта съ конечной скоростью представляется не совсѣмъ понятнымъ (В. Винъ, 1898). Но Стоксова теорія аберраціи основана на *трехъ* произвольныхъ допущеніяхъ: несжимаемость Э., измѣненіе направленія нормали волны въ движущихся средахъ и отсутствіе силъ между землей и эфиромъ. Если же мы предположимъ, что Э. сжимаемъ и сверхъ того подчиненъ земному тяготѣнію, въ немъ возможно такое невихревое движеніе, чтобы скольженіе Э. по земной поверхности было совершенно ничтожно. Тогда Стоксова теорія оказывается приложимой (Планкъ и Лорентцъ, 1899), а противорѣчіе въ опытахъ (ε) и (λ) находитъ свое объясненіе въ разницѣ массъ земли и молекулъ. Въ такомъ случаѣ уравненія электромагнитной теоріи свѣта для движущихся средъ въ формѣ, данной этимъ уравненіямъ Максвеллемъ, Гертцемъ, Гельмгольтцемъ, находятъ себѣ полное примѣненіе (Лорентцъ, 1899). Но явленія аберраціи могутъ состоять и не въ измѣненіи направленія нормали волны вслѣдствіе движенія въ средѣ, а въ уклоненіи напримѣръ луча отъ направленія нормали, какъ это и имѣетъ мѣсто въ теоріи Кона. Поэтому мыслимо такое измѣненіе уравненій Максвелля, Гертца, Гельмгольтца, чтобы для объясненія аберраціи не понадобилось соблюденія условія о невихревомъ движеніи Э. Тогда Э. могъ бы быть и несжимаемымъ, и не имѣть скольженія по землѣ. Наконецъ, возможно и еще одно предположеніе. Именно въ механикѣ нерѣдко разсматривается движеніе жидкости около твердаго тѣла, когда прилегающій къ послѣднему слой жидкости вслѣдствіе силъ *сцѣпленія* или прилипанія остается неподвижнымъ относительно тѣла. Если мы представимъ себѣ, что благодаря подобнымъ силамъ и молекулы тѣлъ, и земля имѣютъ неизмѣнно съ ними связанныя оболочки Э., то движеніе земли съ такой оболочкой внутри остального несжимаемаго Э. вызоветъ въ послѣднемъ какъ разъ невихревыя теченія, нужныя въ Стоксовой теоріи аберраціи. Тогда снова уравненія Максвелля, Гертца, Гельмгольтца будутъ пригодны для объясненія всѣхъ интересующихъ насъ оптическихъ явленій; а противорѣчіе между опытами (ε) и (λ) будетъ обусловлено тѣмъ, что въ опытахъ съ движеніемъ тѣлъ *по* землѣ свѣтъ проходитъ *между* молекулярными оболочками, тогда какъ въ опытахъ, гдѣ играетъ роль движеніе самой земли, мы имѣемъ свѣтъ, идущій *внутри* оболочки Э. Френелевскій «коэффиціентъ увлеченія» Э. можетъ быть тогда полученъ при помощи соотвѣтственно подобранной теоріи дисперсіи, какъ это и сдѣлано уже напримѣръ Рейффомъ (Reiff, 1893). Такъ какъ, далѣе, весьма вѣроятно, что силы сцѣпленія суть не что иное какъ силы тяготѣнія, проявляющіяся *иначе*, лишь благодаря неоднородности строенія тѣлъ (молекулярность, В. Томсонъ), то очевидно и предположеніе объ эфирныхъ оболочкахъ сводится къ подчиненію Э. дѣйствію тяготѣнія. Такимъ образомъ подвижность Э. требуетъ, повидимому, во всякомъ случаѣ подчиненія его всемірному тяготѣнію, независимо отъ того, сжимаемъ ли Э., или же нѣтъ. *Д. Гольдгаммеръ.*

Эфиръ—общее и мѣстное анестетическое средство. Открытіе анестетическихъ свойствъ Э. принадлежитъ американскому зубному врачу Карлу Мортону, впервые испытавшему эфирный наркозъ въ 1846 г. Возможность оперативнаго вмѣшательства при полномъ отсутствіи болевыхъ ощущеній и сознанія естественно должна была необычайно расширить область хирургическаго лѣченія, поэтому открытіе Мортона справедливо считается крупной эпохой въ лѣтописяхъ врачебнаго дѣла. Наблюдая у людей обычную картину общаго наркоза, вызываемаго вдыханіями паровъ Э., мы замѣчаемъ два періода дѣйствія его: періодъ возбужденія и періодъ наркоза или сна. Въ первомъ періодѣ наблюдаются безсознательныя энергичныя движенія конечностей и туловища, нерѣдко принимающія характеръ сопротивленія окружающему врачебному персоналу, крикъ, пѣніе, чрезмѣрную болтливость, безсвязную рѣчь, далѣе—учащеніе пульса и дыханія, покраснѣніе лица, увеличенное отдѣленіе пота и увеличенное слюноотдѣленіе. Періодъ возбужденія продолжается, въ зависимости отъ индивидуальности субъекта, приблизительно отъ 5—15 минутъ и постепенно переходитъ въ состояніе наркоза, при которомъ мы замѣчаемъ, что у наркотизованнаго сознанія нѣтъ, видимыя движенія ограничиваются только дыхательными размахами грудной клѣтки, пульсъ нормальной частоты, кожа лица принимаетъ свою обычную окраску; органы чувствъ парализованы, на различныя болевыя раздраженія со стороны организма не получается никакого отвѣта; можно разрѣзать мягкія части, перепиливать кости и наркотизованный субъектъ ничего не сознаетъ и не испытываетъ чувства боли. По внѣшнему виду явленія, наблюдаемыя при эфирн. наркозѣ у людей и у животныхъ, ничѣмъ не отличаются отъ обычной картины нормальнаго сна, но при болѣе подробномъ изслѣдованіи между сномъ и наркозомъ легко замѣтить существенное отличіе. Въ первомъ случаѣ организмъ находится въ безсознательномъ состояніи, но органы чувствъ не парализованы: громкій крикъ, дотрогива-

ніе или толчки воспринимаются центральною нервною системою и вызываютъ, въ зависимости отъ силы раздраженія, полное пробужденіе или различныя безсознательныя (рефлекторныя) движенія; при эфирномъ же снѣ вся центральная нервная система, слѣдовательно, головной и спинной мозгъ, совершенно парализованы и на различнаго рода раздраженія организмъ не отвѣчаетъ ни произвольными, ни безсознательными движеніями. Наблюдая неподвижность организма во время наркоза, можно бы сдѣлать предположеніе, что Э. парализуетъ периферическій нервно-мышечный аппаратъ; однако, сокращенія, появляющіяся въ мышцахъ при раздраженіи электрическимъ токомъ непосредственно самыхъ мышцъ или двигательныхъ нервовъ, несомнѣнно доказываютъ, что периферическій двигательный приборъ вполнѣ сохраняетъ свои нормальныя функціи и что неподвижность организма зависитъ исключительно отъ паралича центральной нервной системы, въ которой перестаютъ зарождаться импульсы какъ для волевыхъ, такъ и для рефлекторныхъ мышечныхъ движеній. Дѣйствіе эфира зависитъ отъ непосредственнаго вліянія его химическихъ свойствъ на самые нервные центры, помимо какихъ-либо измѣненій въ крови; его наркотическое дѣйствіе проявляется въ равной мѣрѣ и у обезкровленныхъ животныхъ, у которыхъ выпущенная кровь замѣняется физіологическимъ растворомъ поваренной соли. По прекращеніи вдыханія паровъ Э. наркозъ довольно быстро проходитъ: наступаетъ пробужденіе, сознаніе возстанавливается, органы чувствъ пріобрѣтаютъ свою утерянную возбудимость, быстро возстановляется произвольное движеніе, остается только въ теченіе нѣкотораго времени чувство незначительнаго недомоганія или общей разбитости. Э. находитъ довольно широкое примѣненіе также въ качествѣ мѣстнаго анестетическаго средства при производствѣ небольшихъ операцій (вскрытіе нарыва, удаленіе инородныхъ тѣлъ и т. д.) Благодаря низкой точкѣ кипѣнія (35—36° Ц.) Э., быстро испаряясь, поглощаетъ значительное количество тепла и этимъ пониженіемъ температуры тканей обусловливается почти полная потеря чувствительности. Нерѣдко Э. пользуются также въ различныхъ случаяхъ для притупленія болевой чувствительности при чрезмѣрной раздражительности слизистой оболочки желудочно-кишечнаго канала, обыкновенно назначая его въ видѣ гофманскихъ капель (1 ч. Э. и 2 чч. спирта) противъ тошноты, рвоты, желудочныхъ болей. Кромѣ примѣненія Э. общимъ или мѣстнымъ анестетическимъ средствомъ медицина пользуется возбуждающимъ дѣйствіемъ малыхъ дозъ его на сердце и дыханіе (съ этою цѣлью всего чаще пользуются подкожными впрыскиваніями Э.—1—2—3 грамма подъ кожу въ тяжелыхъ острыхъ заболѣваніяхъ, при обморочномъ состояніи, при упадкѣ сердечной дѣятельности послѣ обильныхъ кровопотерь, въ случаяхъ отравленій и т. п.). Э. обладаетъ, однако, также и неблагопріятными свойствами. Значительное увеличеніе отдѣленія слюны и накопленіе слизи въ дыхательныхъ путяхъ могутъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, вызвать затрудненіе дыханія. Періодъ первоначальнаго возбужденія слишкомъ продолжителенъ, что также представляетъ извѣстныя неудобства; пары Э. сильно раздражаютъ легочную ткань, вызывая въ нѣкоторыхъ случаяхъ разлитое катарральное воспаленіе, которое можетъ быть причиною даже смертельнаго исхода. Воспламеняемость паровъ эфира также можетъ быть отнесена къ его невыгоднымъ свойствамъ, особенно въ такихъ случаяхъ, когда для оперативнаго пособія необходимо прибѣгнуть къ прижиганію раскаленнымъ маталломъ (гальванокаустика, прижиганіе пакеленовскимъ наконечникомъ). Сравнительно съ хлороформомъ эфиръ имѣетъ преимущество въ томъ отношеніи, что даже при длительномъ наркозѣ не вызываетъ рѣзкаго пониженія сердечной дѣятельности. Изъ препаратовъ и соединеній эфира, кромѣ гофманскихъ капель находятъ сравнительно рѣдкое примѣненіе уксуснокислый, валеріановый, азотнокислый и хлористый эфиръ, но безъ достаточныхъ разработанныхъ показаній для ихъ раціональнаго врачебнаго употребленія. *Д. Каменскій.*

Эфиръ сѣрный или *этиловый.*—Одноатомные спирты, теряя воду, способны давать производныя двухъ родовъ: 1) углеводороды, 2) окиси углеводородныхъ радикаловъ; къ числу послѣднихъ принадлежитъ и обыкновенный или такъ называемый сѣрный *эфиръ*, который, какъ окись этила $(C_2H_5)_2O$, отвѣчаетъ этилену—углеводороду, производимому изъ обыкновеннаго спирта:

$$C_2H_6O - H_2O = C_2H_4$$
$$2C_2H_6O - H_2O = (C_2H_5)_2O.$$

Этотъ Э. играетъ большую роль въ лабораторной и заводской техникѣ, благодаря своей способности растворять многія тѣла весьма различнаго химическаго характера, сопровождаемой кромѣ того летучестью. Примѣненіе Э. къ фабрикаціи взрывчатыхъ веществъ опредѣлило мѣсто его въ промышленности и вызвало крупное производство этого продукта, въ виду чего изложеніе свойствъ его представляетъ двойной интересъ: обще-научный и практическій. Э. (окись этила) при обыкновенной температурѣ есть очень легкая, подвижная и летучая жидкость, прозрачная, съ пріятнымъ запахомъ, если продуктъ чистъ; химически чистый Э. почти не встрѣчается въ продажѣ, такъ какъ трудно отдѣляется отъ послѣднихъ слѣдовъ влаги; такой чистый Э. кипитъ при 34,9° Ц. и не замерзаетъ даже при охлажденіи до —100° Ц.; его уд. вѣсъ около 0,719 при 15° Ц., но есть фабрики, которыя, приготовляя чистый продуктъ перегонкой его надъ металлическимъ натріемъ, давали Э. уд. вѣсъ 0,717; Э., перегнанный надъ хлористымъ кальціемъ, имѣетъ уд. вѣсъ 0,720, а, оставаясь на воздухѣ, быстро поглощаетъ влагу и пріобрѣтаетъ уд. вѣсъ въ 0,721—0,722. Измѣненіе уд. вѣса Э. съ температурой хорошо выражается формулой:

$$S_t = 0,736\ [1 - 00,0154 . t]$$

По этой формулѣ $S_{15^\circ} = 0,719$, а $S_0 = 0,736$, что удовлетворительно согласуется съ опытомъ. Большая упругость паровъ Э. (напримѣръ, при

100° Ц. она превосходитъ $6^1/_2$ атмосферъ) и сравнительно малая теплоёмкость его (около 0,53) и теплота испаренія (90,5) были причиной того, что Э. предлагали въ замѣнъ воды для паровыхъ машинъ, какъ жидкость, требующую менѣе топлива для исполненія той же механической работы, какую исполняютъ водяные пары, но его летучесть (потери) и огнеопасность, въ связи со значительной стоимостію, послужили главнымъ препятствіемъ къ осуществленію этого предложенія. Измѣненіе упругости паровъ Э. съ температурой было изучено Реньо и въ послѣднее время Рамзаемъ, и числа обоихъ изслѣдователей достаточно близки между собою. По Реньо въ миллиметрахъ ртутнаго столба

— 20°	68,90
0°	184,39
+ 20°	432,78
+ 40°	907,04
+ 60°	1725,01
+ 80°	3022,79
+100°	4953,30
+120°	7719,20

Температура абсолютнаго кипѣнія (критическая температура) Э. равна 194° и давленіе, ей отвѣчающее, есть 36 At, т. е. 27360 мм. ртути; понятно, что такая температура легко достижима, если бы это понадобилось, даже въ большомъ видѣ, для цѣлей техники. Способность Э. быстро испаряться служитъ для полученія низкихъ температуръ: такъ, въ смѣси съ твердой углекислотой достигается температура —77°. Э.—одинъ изъ лучшихъ растворителей не только многихъ органическихъ веществъ, богатыхъ углеродомъ (жиры, резина), но и неорганическихъ (галоидныя соли, въ родѣ сулемы, хлористаго желѣза, хлорнаго золота; іодъ, а также бромъ, фосфоръ, сѣра и др.); со спиртомъ онъ смѣшивается во всѣхъ пропорціяхъ, воду растворяетъ въ количествѣ 2,7 гр. на 100 гр. Э. при 10°—20° Ц.; въ водѣ онъ растворимъ болѣе, чѣмъ вода въ немъ, а именно 100 частей воды растворяютъ 9,6 ч. Э. при 10° Ц. и 7,5 при 20° Ц.; такимъ образомъ при смѣшеніи Э. съ водою имѣется два слоя, каждый изъ которыхъ есть насыщенный растворъ одной изъ жидкостей въ другой. Въ этомъ случаѣ (т. е. при *двухъ* слояхъ насыщенныхъ растворовъ) по Д. П. Коновалову упругость пара обоихъ слоевъ одинакова и равна 431 мм. ртути при 19,8°. Выше было указано, что по элементарному составу Э. отличается отъ спирта элементами воды, а такъ какъ, кромѣ того, онъ и получается дѣйствіемъ сѣрной кислоты на спиртъ, то прежде объясняли образованіе Э. прямымъ обезвоживающимъ дѣйствіемъ реагентовъ (H_2SO_4, HCl, и др.) и Э. разсматривался какъ ангидридъ спирта, промежуточный между гидратомъ (C_2H_6O) и полнымъ ангидридомъ (C_2H_4), согласно чему, напримѣръ, Дюма представлялъ Э. и спиртъ какъ водныя соединенія

$$2C_2H_4 . H_2O \text{ и } C_2H_4 . H_2O.$$

Такъ какъ такіе взгляды плохо согласовались съ фактомъ полученія огромныхъ количествъ Э. при сравнительно незначительномъ расходѣ кислоты, то прибѣгли къ объясненію на основѣ понятія о каталитическомъ дѣйствіи (Митчерлихъ, Берцеліусъ); нынѣ принимаемое объясненіе реакціи образованія Э. принадлежитъ Вильямсону, оно вытекаетъ изъ слѣдующихъ соображеній: 1) обезвоживающее дѣйствіе сѣрной кислоты не можетъ имѣть мѣста уже потому, что при реакціи образованія Э. (изъ спирта и сѣрной кислоты при 140° Ц.) этотъ послѣдній отгоняется *вмѣстѣ съ водой* и одно и то же количество кислоты производитъ столько Э. и воды, что эта послѣдняя могла бы уничтожить всякое обезвоживающее дѣйствіе кислоты, если бы реакція зависѣла отъ этого послѣдняго свойства; 2) опытъ показываетъ (опытъ Reynoso), что при 200° Ц. въ закрытомъ сосудѣ можно превратить въ Э. большое количество спирта дѣйствіемъ *незначительнаго* количества *разведенной* соляной кислоты, тогда какъ при 100° даже съ избыткомъ HCl Э. не получается, а образуется только хлористый этилъ.

Изъ сопоставленія всѣхъ обстоятельствъ реакціи образованія Э. Вильямсонъ пришелъ къ заключенію, что она совершается въ двухъ фазахъ: сначала изъ спирта и сѣрной кислоты образуется этилосѣрная кислота

$$C_2H_5HO + SO_2(HO)_2 = SO_2(HO)(C_2H_5O) + H_2O,$$

а затѣмъ эта послѣдняя со второй частицей спирта образуетъ Э. и сѣрную кислоту, которая такимъ образомъ какъ бы не измѣняется при реакціи

$$SO_2\begin{cases}HO\\C_2H_5O\end{cases} + C_2H_6O = (C_2H_5)_2O + SO_2(HO)_2.$$

Эта теорія подтверждается тѣмъ, что обѣ эти *фазы* производства Э.—обѣ реакціи могутъ быть воспроизведены отдѣльно, т. е. независимо одна отъ другой. По этой схемѣ опыты Reynoso объясняются аналогично: сначала образуется хлористое производное

$$HCl + C_2H_5(HO) + Aq = C_2H_5Cl + H_2O + Aq,$$

а затѣмъ со второй частицей спирта—Э.

$$C_2H_5Cl + C_2H_5(HO) + Aq = (C_2H_5)_2O + HCl.Aq.$$

Но такъ какъ въ зависимости отъ температуры можетъ идти и обратная реакція, т. е.

$$C_2H_5Cl + H_2O = C_2H_5(HO) + HCl,$$

то очевидно, что весь вопросъ производства Э. сводится къ выбору опредѣленныхъ условій реакціи и въ особенности температуры. Въ поясненіе этого можно указать, что, напр., при 170°—200° и при избыткѣ сѣрной кислоты Э. почти не образуется, потому что тогда весь почти спиртъ сразу перейдетъ въ этилосѣрную кислоту и такъ какъ за отсутствіемъ спирта Э. не можетъ образоваться и температура высока, то происходитъ сухая перегонка этилосѣрной кислоты съ образованіемъ этилена

$$SO_4HC_2H_5 = H_2SO_4 + C_2H_4.$$

Образованіе Э. дѣйствіемъ хлористыхъ металловъ на спиртъ также сводится къ той же схемѣ: а именно хлористый металлъ разлагается въ прикосновеніи съ алкоголемъ и даетъ (хотя бы и въ небольшомъ количествѣ) водную окись металла и хлоропродуктъ спирта, послѣній же, дѣйствуя въ свою очередь на спиртъ, даетъ Э. и соляную кислоту, которая и переводитъ вновь окись металла въ хлористое соединеніе, замыкая, такъ сказать, цѣпь реакцій. Кромѣ хлористыхъ, сѣрнокислыя соли также способны давать Э. въ

аналогичныхъ условіяхъ, но не всѣ металлы съ одинаковою легкостью даютъ эту реакцію; такъ, хлористые марганецъ, кобальтъ, никкель, кадмій, желѣзо, цинкъ даютъ Э. гораздо болѣе, чѣмъ хлористые же ртуть и мѣдь; изъ сѣрнокислыхъ солей—уранъ даетъ много Э., а другіе металлы (Zn, Fe, Cd...) гораздо менѣе. Сѣрнокислый глиноземъ при 200° Ц. почти вполнѣ превращаетъ алкоголь въ Э. безъ образованія газовъ (C_2H_4), при 240° газы выдѣляются непрерывно. Реакція образованія Э., установившая его строеніе, какъ этиловаго спирта, въ которомъ водородъ воднаго остатка замѣщенъ этиломъ, была указана Вильямсономъ

$$C_2H_5J+C_2H_5NaO=C_2H_5OC_2H_5+NaJ,$$

т. е. дѣйствіе іодистаго этила на этилатъ натрія; извѣстна и обратная реакція: Э. при дѣйствіи HJ (Э. насыщаютъ HJ при 0°) даетъ воду и іодистый этилъ

$$(C_2H_5)_2O+2HJ=H_2O+2C_2H_5J.$$

Замѣчательна способность Э. давать кристаллическія соединенія (частица на частицу) со слѣдующими солями: $SbCl_3$, $SbBr_3$, $BiBr_3$, $HgBr_2$, $AlBr_3$, $TiCl_4$, $SnCl_4$, $SnBr_4$, $VdOCl_3$; также 2 частицы Э. на частицу соли: $SbBr_3$, BCl_3 и три частицы соли на двѣ частицы Э., напр., $3PCl_5.2(C_2H_5)_2O$; сюда же надо отнести и кристаллическое соединеніе Э. и воды $C_4H_{10}O.2H_2O$, образующееся при охлажденіи до —35,5° Ц. Замѣчательна еще реакція обратная образованію Э.: при 160° съ водою и небольшимъ количествомъ сѣрной кислоты Э. даетъ спиртъ, вѣроятно переходя тоже черезъ сульфо-винную кислоту

$$(C_2H_5)_2O+2H_2SO_4=H_2O+2C_2H_5HSO_4,$$

которая разлагается водою на спиртъ и сѣрную кислоту; послѣдняя вновь дѣйствуетъ на Э. и такимъ образомъ идетъ непрерывное разложеніе Э., аналогичное непрерывному его образованію при температурахъ болѣе низкихъ. Изъ продуктовъ замѣщенія слѣдуетъ отмѣтить хлоропроизводныя Э.; при прямомъ дѣйствіи хлора на охлажденный Э., въ разсѣянномъ свѣтѣ, получаются моно- и двухлоръ-эфиръ; первый изъ нихъ одинаковъ съ продуктомъ дѣйствія соляной кислоты на спиртовый растворъ альдегида (Вюрцъ и Фраполи) $C_2H_4ClO.C_2H_5$; онъ представляетъ жидкость, кипящую при 97°—98° Ц., которая можетъ быть разсматриваема какъ этилированный хлоръ-гидринъ гликоля $CH_2CH<^{HO}_{HO}$, который такъ же способенъ къ реакціямъ съ усложненіемъ частицы (уплотненіемъ), какъ и обыкновенный этиленъ-гликоль. Такъ дѣйствіемъ воды на монохлоръ-эфиръ получается соляная кислота и рядъ продуктовъ, изъ которыхъ извѣстнѣйшіе суть $C_2H_4\left\{^{OC_2H_5}_{HO}\right.$ (жидкость кипитъ 50°) и

$$\begin{array}{l} C_2H_4<OC_2H_5 \\ \quad\ >O \\ C_2H_4<OC_2H_5 \end{array} \quad \text{(кипитъ 80—84°).}$$

Двухлоръ-эфиръ $CH_2Cl.CH_2Cl.OC_2H_5$. Представляетъ безцвѣтную жидкость съ запахомъ соляной кислоты, кипящую 140°—145°, уд. вѣса 1,174. Дѣйствіемъ воды она даетъ: $CH_2Cl.CH\left\{^{OC_2H_5}_{HO}\right.$ (кипитъ 95—96°) и продуктъ уплотненія

$$\begin{array}{l} CH_2ClCH-OC_2H_5 \\ \qquad\quad >O \\ CH_2ClCH-O.C_2H_5 \end{array} \quad \text{(кипитъ 165°).}$$

Трихлоръ-эфиръ (кипитъ 167—168°) получается дѣйствіемъ пятихлористаго фосфора на двухлорацеталь $CHCl_2CH<^{OC_2H_5}_{OC_2H_5}+PCl_5=$ $=CHCl_2.CHCl.OC_2H_5+PCl_3O+C_2H_5Cl$.

Тетрахлоръ-эфиръ (кипитъ 189,7°) можетъ быть полученъ изъ алкоголята хлорала тоже дѣйствіемъ пятихлористаго фосфора

$$CCl_3CH<^{HO}_{OC_2H_5}+PCl_5=$$
$$=PCl_3O+HCl+CCl^3CHCl.OC_2H_5.$$

Вода разлагаетъ его на хлоралъ, спиртъ и соляную кислоту.

Пентахлоръ-эфиръ $C_2Cl_5OC_2H_5$. Жидкость уд. вѣса 1,645, безвѣтная, густая, представляющая окончательный продуктъ дѣйствія хлора на Э., въ отсутствіи свѣта закипаетъ 119—210°; не перегоняется безъ разложенія.

Перхлоръ-эфиръ $C_4Cl_{10}O$. Твердое тѣло, плавится при 69°, кристаллизуется въ чешуйкахъ; получается при дѣйствіи сухого хлора на безводный Э., при послѣдовательномъ дѣйствіи прямого и разсѣяннаго свѣта; въ этихъ условіяхъ онъ сопровождается шестихлористымъ углеродомъ, какъ продуктомъ разложенія: $C_4Cl_{10}O=C_2Cl_6+CCl_3COCl$. Э. былъ извѣстенъ уже въ XIII стол. (Raimund Lullius); имъ занимался Валеріусъ Кордусъ, по работамъ котораго составлено было въ XVI стол. описаніе Э. Геснеромъ подъ именемъ Oleum vitrioli dulce. Э. былъ извѣстенъ еще Парацельсу, а въ 1730 г. Фробеніусъ работалъ надъ его изслѣдованіемъ, тѣмъ не менѣе только въ 1800 г., благодаря Розе, стало извѣстно, что въ составъ Э. не входитъ сѣра, какъ это до него предполагали. Въ настоящее время Э. готовится какъ въ большихъ количествахъ (на заводахъ), такъ и въ малыхъ (въ лабораторіяхъ) однимъ и тѣмъ же способомъ Вильямсона. Въ лабораторіяхъ нагрѣваютъ до 140° смѣсь изъ пяти частей алкоголя (90%) и 9 крѣпкой сѣрной кислоты; поддерживая по возможности эту температуру, приливаютъ дальнѣйшее количество спирта непрерывной струей, наблюдая, чтобы термометръ не падалъ ниже 130° и не поднимался выше 140°. Въ дистиллатѣ получается сырой Э.—смѣсь изъ Э., спирта и воды, который затѣмъ подвергается ректификаціи. Реакція ведется въ чугунной или стеклянной ретортѣ съ холодильникомъ. Полученная смѣсь при ректификаціи дѣлится на порціи, кипящія при 35°, 35°—80° и 80°—100°. Первая есть Э., вторая—смѣсь спирта съ Э. (идущая въ ректификацію съ новой порціей сырого Э.) и третья—слабый спиртъ, который идетъ въ отдѣльную переработку для извлеченія алкоголя. По достиженіи температуры 100° перегонка сырого Э. прекращается.

Заводское приготовленіе эфира. Для приготовленія Э. поступаетъ такъ назыв. *сырой* спиртъ винокуренныхъ заводовъ, идущій непосредственно съ перегонныхъ аппаратовъ, слѣдовательно, со всѣми примѣсями, образующими сивушное масло, какъ то пропиловый, бутиловый и амиловый спирты уксусно-

кислый Э., ацетъ-алдегидъ и т. д. По общимъ пріемамъ составляется для всѣхъ бочекъ *средняя проба*, которая и испытывается химически (на сивушное масло, на кислотность и др.) и на содержаніе чистаго спирта металлическимъ спиртомѣромъ при темп. $12^4/_9$°Р. Затѣмъ опредѣляютъ общее число *градусовъ* принятаго спирта (по количеству въ ведрахъ, по крѣпости опредѣленной выше и по температурѣ), пользуясь таблицами, прилагаемыми къ спиртомѣру; при этомъ спиртъ перекачиваютъ черезъ особые мѣрники—баки (желѣзные чаще всего) на 40—60 ведеръ, хорошо вывѣренные и снабженные шкалой съ дѣленіями въ $^1/_{10}$ ведра, нанесенными на стеклѣ (лучше врѣзывать такое стекло въ самыя стѣнки бака). Принятый спиртъ долженъ содержать менѣе $^3/_4$% сивушныхъ маселъ, количество которыхъ опредѣляется по одному изъ способовъ Кучерова, Саваля и Резе; количество этихъ примѣсей вліяетъ на расходъ кислоты (реакція съ сивушнымъ масломъ) и щелочи (нейтрализація SO_2, являющейся при предыдущей реакціи), служитъ причиной образованія смолъ, при реакціи, а потому принято брать возможно-крѣпкій спиртъ не ниже 90° по Траллесу. Черезъ мѣрники спиртъ попадаетъ въ особые баки изъ листового желѣза, назначаемые для храненія спирта (емкостью напр. въ 2000 ведеръ и болѣе), расположенные на высокихъ постаментахъ, дающихъ возможность осматривать дно (на случай течи); баки эти также снабжены стеклами и шкалами для учета спирта и помѣщаются въ отдѣльномъ зданіи. Число и емкость ихъ таковы, чтобы можно было сразу запасаться спиртомъ на продолжительный срокъ при полномъ ходѣ завода. Изъ этого запаса спиртъ насосомъ, по мѣрѣ надобности, подается на заводъ для переработки; здѣсь онъ принимается въ одинъ общій для всего завода бакъ, имѣющій емкость, равную суточному расходу спирта *), и отсюда уже направляется въ такъ назыв. *распредѣлители*, откуда идетъ въ этерефикаторы. Каждому прибору, производящему Э. (этерификатору), отвѣчаетъ свой распредѣлитель, представляющій собою бакъ, уровень спирта въ которомъ видѣнъ постоянно по положенію стрѣлки на шкалѣ, отвѣчающей каждому такому распредѣлителю. Шкала со стрѣлкою находится у самаго этерификатора, такъ же какъ и кранъ, регулирующій притокъ спирта. Величина распредѣлителя бываетъ около 150 ведеръ ёмкости, а число ихъ зависитъ отъ размѣровъ производства. При 4-хъ распредѣлителяхъ (а слѣдовательно, и этерификаторахъ) заводъ имѣетъ уже солидные размѣры, перерабатывая около 700 ведеръ спирта и получая около 300 пудовъ Э. ежедневно.

Этерификаторъ. Приборы, въ которыхъ происходитъ реакція образованія Э., могутъ быть либо въ видѣ реторты, либо имѣть форму въ родѣ вертикальнаго закрытаго котла и тогда носятъ названіе *этерификаторовъ*. Они бываютъ различныхъ типовъ какъ по матеріалу (мѣдь, желѣзо, опаянное свинцомъ), такъ и по величинѣ. Желѣзный этерификаторъ имѣетъ внутри одну или двѣ, что лучше, свинцовыхъ оболочки на случай порчи одной изъ нихъ (внутренней) во время реакціи; толщина свинца 9—10 мм. (ординарная оболочка) или 5 мм. (двойная оболочка). Этерификаторъ нагрѣвается паромъ, идущимъ по змѣевику, положенному на днѣ или проведенному винтообразно по внутренней поверхности стѣнокъ этерификатора; паръ глухой, т. е. не выходящій въ реагирующую массу, а уже въ видѣ воды выбрасываемый изъ другого конца змѣевика черезъ конденсаціонный горшокъ. Общая длина змѣевика 50 м. при размѣрахъ этерификатора (внутреннихъ) d=1,8 м. h=1,77 м. Какъ паровая труба, такъ и всѣ ниже описанныя проходятъ черезъ крышку этерификатора, которая для легкости дѣлается мѣдною (не опаяна свинцомъ). Спиртъ вводится двумя трубами на дно этерификатора; термометръ (пружинный) помѣщается въ глухой трубкѣ, наполненной масломъ; поплавокъ (стержень его) движется также въ глухой (стеклянной) трубкѣ. Трубки, ведущія спиртъ, снабжены воздушными кранами (для выпуска спиртовыхъ паровъ, если они накопятся) и гидравлическимъ запоромъ, мѣшающимъ перебросу смѣси въ распредѣлители. Для наблюденія за притокомъ спирта устроены стеклянные фонари, сидящіе на самой трубкѣ, ведущей спиртъ, въ которыхъ видно, съ какою скоростью идетъ спиртовая струя; эти фонари служатъ для регулированія притока въ зависимости отъ обстоятельствъ хода аппарата; весь этерификаторъ устанавливается на чугунныхъ кольцахъ, такъ что его выпуклое дно легко доступно для осмотра. Пары образовавшагося Э. отводятся особой трубкой въ такъ наз. *нейтрализаторъ*, гдѣ они промываются щелочью, о чемъ сказано ниже; теперь же опишемъ веденіе дѣла при пускѣ въ ходъ этерификатора. Сначала вливаютъ сѣрную кислоту уд. вѣса 1,834, затѣмъ по трубамъ пускаютъ почти равный объемъ 90 градуснаго спирта, такъ что на 5 ч. спирта по вѣсу придется 9 ч. купороснаго масла и будетъ заполнено около $^2/_3$ объема этерификатора; по мѣрѣ приливанія спирта смѣсь нагрѣвается вслѣдствіе образованія этилосѣрной кислоты и доходитъ до температуры въ 70°; когда весь спиртъ влитъ, начинаютъ нагрѣваніе смѣси, пропуская паръ въ $2^1/_2$—3 атмосферы по змѣевику и доводятъ темпер. до 125° Ц.; начинаетъ отгоняться Э. и тогда вновь пускаютъ спиртъ такъ, чтобы объемъ смѣси въ этерификаторѣ не измѣнялся, съ этого момента устанавливается непрерывный ходъ этерификатора. Температура должна оставаться въ предѣлахъ 125—135°, струя Э. должна имѣть плотность 0,790 — 0,800 (но ближе къ 0,800) и тогда ходъ работы считается нормальнымъ; то и другое регулируется притокомъ спирта и количествомъ пара. По мѣрѣ хода этерификатора смѣсь, его наполняющая, медленно, но непрерывно мѣняетъ свой составъ: она дѣлается болѣе и болѣе темною, выдѣляетъ слой смолы на поверхности (который удаляютъ отъ времени до

---

*) Таково устройство одного изъ дѣйствующихъ въ Россіи заводовъ.

времени) и начинаетъ работать хуже, т. е. реакція образованія Э. идетъ неправильно; тогда этерификаторъ останавливаютъ, опорожняютъ и наполняютъ новой смѣсью; кромѣ того, приходится добавлять періодически купоросснаго масла, безъ остановки хода этерификатора (около 25 пуд. въ мѣсяцъ), такъ какъ оно разрушается побочными реакціями и уносится съ парами Э. механически. Отсюда видно, что реакція образованія Э. совершается въ условіяхъ болѣе сложныхъ, чѣмъ это выражается основнымъ уравненіемъ, и потому не только въ смѣси этерификатора, но и въ самомъ сыромъ Э. являются примѣси въ родѣ алдегида, виниловаго спирта, перекиси водорода и др. Изъ этерификатора пары Э. попадаютъ, какъ сказано, въ нейтрализаторъ (нѣкоторые заводы не ставятъ этого прибора)—цилиндръ (мѣдный d=0,70 м., h=0,96 м.), снабженный тарелками (числомъ пять), по которымъ течетъ растворъ щелочи; пары Э., на каждой тарелкѣ, попадаютъ подъ колпакъ, зубчатые края котораго погружены въ жидкость, пройдя которую пары попадаютъ подъ колпакъ второй тарелки и т. д. Такимъ пріемомъ удаляются всѣ примѣси кислаго характера (расходъ ѣдкаго натра около 0,15 фунта на пудъ чистаго Э.); важно при этомъ удалить газообразную SO_2, увлекающую въ противномъ случаѣ пары Э. *). Если нейтрализаторъ отсутствуетъ, то прибавляютъ извести въ ректификаторъ или въ сборный бакъ въ видѣ известковаго молока. Изъ нейтрализатора пары идутъ въ мѣдный холодильникъ (при отсутствіи нейтрализатора холодильникъ свинцовый), гдѣ и сгущаются въ жидкость, стекающую затѣмъ въ сборный бакъ. Передъ этимъ послѣднимъ струя Э. протекаетъ черезъ *эпруветку*—родъ фонаря—стеклянный закрытый сосудъ съ краномъ, чтобы брать пробы для опредѣленія уд. вѣса, температуры и реакціи текущаго продукта. Въ эпруветкѣ же происходитъ раздѣленіе продукта на два слоя: верхній (эфиръ) и нижній (растворъ спирта и Э. въ водѣ), которые и отводятся разными трубами въ отдѣльные баки. Этимъ и оканчиваются операціи по приготовленію *сырого Э.* Составъ полученнаго продукта обыкновенно слѣдующій: Э. 55% (по объему), спирта 30%, воды и другихъ примѣсей 15%; въ сборномъ бакѣ онъ находится въ видѣ двухъ слоевъ, изъ которыхъ верхній есть эфирный растворъ спирта, воды и сивушныхъ маселъ, а нижній—водный растворъ солей (натровыхъ), спирта и Э. Такого Э. (сырого) получается отъ 125% до 150% по объему отъ взятаго спирта. Очищеніе его, т. е. раздѣленіе эфира отъ спирта и примѣсей производится дробной перегонкой на аппаратѣ Саваля, составляющей процессъ *ректификаціи*. Аппаратъ этотъ въ существенныхъ чертахъ одинаковъ съ тѣмъ, какой употребляется для спирта или бензина (изъ нефти) и состоитъ изъ колонны, дефлегматора и холодильника. Особенность эфирнаго производства заключается только въ томъ, что комбинируютъ двѣ колонны: одну для эфира (ректификаторъ), а другую для остающейся (послѣ отгонки Э.) жидкости, изъ которой отгоняется спиртъ (рекюператоръ); различаются эти колонны только размѣрами и относительнымъ положеніемъ, такъ какъ рекюператоръ ставится ниже ректификатора, чтобы стекающая изъ послѣдняго (по отгонкѣ Э.) жидкость могла быть самотёкомъ направлена въ первый. Выше былъ указанъ выходъ эфира уд. вѣса 0,723—0,725: одинъ пудъ получается изъ 222° спирта и въ лучшемъ случаѣ изъ 218° (теоретическій выходъ около пуда изъ 209°); спиртъ съ рекюператора получается въ 92°—93°. Остающаяся вода съ растворенными солями не утилизируется, а отводится особой трубой. На пудъ чистаго продукта расходуется 9—10 килограммовъ пара, что отвѣчаетъ расходу $1^1/_4$ пд. каменнаго угля, считая тутъ не только расходъ на нагрѣваніе смѣси и ректификацію, но и перекачку и электрическое освѣщеніе завода.

*) По той же причинѣ не слѣдуетъ брать соду вмѣсто ѣдкаго натра.

Контрольныя реакціи и свойства получаемаго Э. должны быть слѣдующія: безцвѣтность, отсутствіе остатка при выпариваніи досуха (налётъ допускается), нейтральная реакція, удѣльный вѣсъ, указанный выше, отсутствіе спирта, алдегида, воды, перекиси водорода, озона *) и виниловаго спирта (CHCHHO) —гомолога аллильнаго спирта.

Реакція.—100 кб. стм. Э. выпариваютъ на водяной банѣ до 10 кб. стм.; прибавляютъ воды и лакмусоваго раствора.

Спиртъ.—Въ градуированномъ сосудѣ взбалтываютъ 100 кб. стм. Э. съ 50 кб. стм. воды; объемъ воды не долженъ увеличиваться болѣе, чѣмъ на 5 кб стм. (реакція на іодоформъ, или съ уксуснокислымъ розанилиномъ).

Алдегидъ—Нейслеровымъ реактивомъ или твердымъ ѣдкимъ кали.

Вода—удаляется амальгамой Al или металлическимъ Na; открывается встряхиваніемъ съ CS_2.

Перекись водорода.—Іодистый калій съ крахмаломъ и нѣсколькими каплями раствора $FeSO_4$ (синій цвѣтъ).

Озонъ (и перекись водорода).—1 ч. сѣрнокислаго бруцина растворяется въ 100 ч. купоросснаго масла; къ 5 кб. стм. такого раствора приливается (на поверхность) 1 кб. стм. Э. —красное окрашиваніе укажетъ на озонъ и H_2O_2.

Виниловый спиртъ.—Смѣшиваютъ 1 объемъ насыщеннаго раствора сулемы и 4,5 объема насыщеннаго же раствора $NaHCO_3$, фильтруютъ и къ прозрачному раствору приливаютъ Э.—осадокъ образуется черезъ 10—15 минутъ.

К. Н. Егоровъ. Δ.

Эфиры простые (хим.).—Простыми Э. называются соединенія спиртовъ между собою, происходящія путемъ выдѣленія воды за счетъ водныхъ остатковъ двухъ участвующихъ въ реакціи частицъ спирта, которыя могутъ быть одинаковы или различны, напр.: $2C_2H_5.OH = (C_2H_5)_2O + H_2O$, $CH_3.OH + C_2H_5.OH = CH_3.O.C_2H_5$. Въ первомъ случаѣ Э. называются простыми въ тѣсномъ смыс-

*) Озону приписываютъ свойство давать съ Э. перекись этила, дающую взрывы; другіе опасность взрыва видятъ въ присутствіи виниловаго спирта.

лѣ слова, во второмъ—смѣшанными. Составъ предѣльныхъ эфировъ выражается тою же общею формулою, какъ и для спиртовъ, напримѣръ: $C_n H_{2n+2}O$), но въ спиртахъ кислородный атомъ входитъ въ составъ гидроксила, т. е. связанъ лишь съ однимъ углеводороднымъ остаткомъ, а въ эфирахъ — съ двумя. Вилліамсонъ (1848 г.) такъ формулировалъ эти отношенія: «алкоголь представляетъ собою воду, въ которой половина водорода замѣщена углеводородомъ, а эфиръ — воду. въ которой оба атома водорода замѣщены углеводородомъ: $\begin{matrix}H\\ \;\;O,\\ H\end{matrix}$ $\begin{matrix}C_2H_5\\ \;\;O,\\ H\end{matrix}$ $\begin{matrix}C_2H_5\\ \;\;O.\\ C_2H_5\end{matrix}$» Основаніемъ для принятаго строенія Э. служитъ открытая Вилліамсономъ реакція ихъ полученія при дѣйствіи алкоголятовъ на іодистые алкилы. Тогда какъ одноатомные спирты при образованіи Э. должны участвовать всегда въ количествѣ двухъ частицъ и могутъ образовать лишь одно соединеніе, спирты многоатомные представляютъ гораздо большее число возможныхъ комбинацій и формъ. Здѣсь, во-первыхъ, въ реакціи образованія Э. можетъ принимать участіе или одинъ водный остатокъ многоатомнаго спирта, или же нѣсколько; далѣе, выдѣленіе воды можетъ происходить или изъ одной частицы спирта, или изъ двухъ, или изъ нѣсколькихъ. Таковы, напр., гликоли, для которыхъ, кромѣ моно-Э. и ди-Э. (напр., $CH_2(OH).CH_2.O.C_2H_5$ и $C_2H_5.O.CH_2.CH_2.O.C_2H_5$) существуютъ еще внутренніе Э., такъ назыв. окиси этиленныхъ углеводородовъ (см. Окислы, XXI, 812), и полиэтиленовые спирты. Еще больше комбинацій возможно для спиртовъ высшей атомности и для соединеній двойственной функціи, напр. для спиртокислотъ (см.). Въ общемъ, не смотря на все разнообразіе формъ, какъ способы образованія Э., такъ и свойства, имъ присущія, являются повтореніемъ того, что извѣстно для Э. одноатомныхъ предѣльныхъ спиртовъ, существующихъ въ большомъ числѣ представителей и наиболѣе хорошо изслѣдованныхъ. Номенклатура сводится къ обозначенію ихъ спиртовыхъ остатковъ соотвѣтствующими прилагательными съ прибавленіемъ слова «Э.»), наприм.: $(C_2H_5)_2O$—этиловый Э., $CH_3.O.C_2H_5$—метилъ-этиловый Э., $\begin{matrix}CH_2-CH_2\\ |\quad\quad|\\ O\quad\quad O\\ |\quad\quad|\\ CH_2-CH_2\end{matrix}$ — диэтиленовый Э. и т. д. Среди Э. одного и того же ряда возможны многочисленные случаи изомеріи и метамеріи (см. Изомерія), при чемъ вліяніе строенія очень характерно отражается на ихъ физическихъ свойствахъ (см. ниже). Изъ способовъ полученія простыхъ Э. первой по времени и наиболѣе важной по практическимъ примѣненіямъ реакціей является дѣйствіе сѣрной кислоты на спирты. Этимъ путемъ еще въ XVI в. былъ полученъ этиловый Э. (см.), но теоретическое объясненіе происходящаго здѣсь процесса, надъ которымъ трудилось немало выдающихся ученыхъ, было дано лишь въ 1848 г. Вилліамсономъ. Въ маломъ видѣ эта реакція воспроизводится слѣдующимъ образомъ: въ колбу, соединенную съ холодильникомъ, помѣщаютъ смѣсь сѣрной кислоты и спирта, температуру которой измѣряютъ опущеннымъ въ нее термометромъ. Нагрѣвъ смѣсь до 140—150° или немного ниже, приливаютъ къ ней по каплямъ чистый спиртъ, при чемъ образующійся Э. отгоняется. Перегонъ взбалтываютъ съ известковымъ водой молокомъ, сушатъ надъ хлористымъ кальціемъ и перегоняютъ. Способъ этотъ далеко не общій (см. ниже). По Вилліамсону реакція протекаетъ въ двѣ фазы: сперва образуется эфиросѣрная кислота взятаго спирта и выдѣляется вода: 1) $C_2H_5.OH+$ $+OH.SO_2.OH=C_2H_5.O.SO_2.OH+H_2O$. Затѣмъ, при дальнѣйшемъ дѣйствіи спирта и нагрѣваніи, образуется простой Э., а сѣрная кислота регенерируется: 2) $C_2H_5.O.SO_2.OH+$ $+C_2H_5.OH=(C_2H_5)_2O+OH.SO_2.OH$. Доказательствомъ такого именно хода реакціи служитъ, по Вилліамсону, образованіе смѣшаннаго Э., если, приготовивъ эфиросѣрную кислоту какого-нибудь одного спирта, во вторую фазу реакціи ввести другой спиртъ: $C_2H_5.O.SO_2.OH+C_5H_{11}.OH$(изо) $=$ $=C_2H_5.O.C_5H_{11}+OH.SO_2.OH$. Въ концѣ реакціи, когда мѣсто этилсѣрной кислоты заступаетъ изоамилсѣрная, образуется простой изоамиловый Э. Важное значеніе, по даннымъ Петера, имѣетъ крѣпость сѣрной кислоты. Лучше всего брать кислоту удѣльнаго вѣса 1,78, такъ какъ болѣе крѣпкая дѣйствуетъ какъ водуотнимающее средство, образуя этиленные углеводороды. Этимъ объясняется разногласіе между Вилліамсономъ съ одной стороны и Гутри, Нортономъ и Прескоттомъ—съ другой. Послѣдніе авторы утверждали даже, что невозможно получить при помощи сѣрной кислоты Э. спиртовъ, содержащихъ болѣе C_3 въ частицѣ (Вилліамсонъ получилъ, какъ сказано, смѣшанный Э. спирта C_5). По теоріи процессъ этерификаціи посредствомъ сѣрной кислоты долженъ быть непрерывенъ. На дѣлѣ, однако, онъ довольно скоро останавливается вслѣдствіе происходящихъ здѣс[illegible] побочныхъ реакцій, главнымъ образомъ рас[illegible]кисленія сѣрной кислоты до сѣрнистаг[illegible] газа. Прюнье предложилъ нѣсколько ино[illegible] толкованіе реакціи. По его схемѣ образов[illegible]ніе простого Э. происходитъ вслѣдствіе взаим[illegible]дѣйствія со спиртомъ полнаго Э. сѣрной ки[illegible]лоты, съ одной стороны, и Э. сульфоновы[illegible]ъ кислотъ—съ другой. Послѣдніе, по Прюн[illegible]е, являются промежуточными продуктами ре[illegible]кціи и образуютъ съ избыточнымъ спирто[illegible]ъ простой эфиръ, отчасти распадаясь съ вы[illegible]дѣленіемъ сѣрнистаго газа. Это обстоятельс[illegible], въ связи съ обмыливаніемъ эфиросѣр[illegible] кислоты выдѣляющейся водой, остана[illegible]ваетъ весь процессъ по истеченіи изв[illegible]стнаго времени. Прюнье не удалось выдѣ[illegible]ть изъ реакціонной смѣси какихъ-либо опредѣленныхъ сульфокислотъ, вслѣдствіе чего его схема не отличается доказательностью. Н[illegible] полагаетъ, что при нагрѣваніи смѣси сѣрно[illegible] кислоты и спирта образующіеся сложные Э.-

сѣрной кислоты диссоціирують на $CH_3.CH<$ (этилиденъ) и H_2SO_4, благодаря чему при температурѣ 140—170° здѣсь могутъ происходить слѣдующія три реакціи: 1) образованіе Э. черезъ присоединеніе избыточнаго спирта къ этилидену, 2) образованіе этилена изъ этилидена путемъ перегруппировки и 3) образованіе алдегида, сѣрнистаго газа и воды при дѣйствіи сѣрной кислоты на этилиденъ: $CH_3.CH<+O.SO_2OH_2=CH_3.CH:O+SO_2+H_2O$. Выдѣляющійся алдегидъ сейчасъ же обугливается H_2SO_4. Первая реакція преобладаетъ при болѣе низкой температурѣ (130—140°) и при избыткѣ спирта, послѣднія двѣ—выше 160° и въ присутствіи большого количества сѣрной кислоты. Описанный способъ полученія простыхъ Э. обыкновенно примѣняется лишь къ первичнымъ спиртамъ нормальнаго строенія. Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ, главнымъ образомъ при третичныхъ спиртахъ, реакція преимущественно направляется въ сторону образованія непредѣльныхъ углеводородовъ, особенно при употребленіи слишкомъ крѣпкой сѣрной кислоты и въ слишкомъ большой концентраціи. Однако, соблюдая эти условія, можно получить Э. и третичныхъ спиртовъ (Мамонтовъ). Вмѣсто легко раскисляющейся сѣрной кислоты Крафтъ предложилъ брать ароматическія сульфокислоты, какъ болѣе стойкія и менѣе удерживающія воду вещества. Способъ оперированія такой же, какъ и съ сѣрной кислотой: къ расплавленной и нагрѣтой до 135—145° сульфокислотѣ понемногу приливаютъ спиртъ, при чемъ образующійся эфиръ отгоняется. Реакція протекаетъ, какъ и тамъ, въ двѣ фазы: сперва образуется сложный Э. сульфокислоты, который съ избыткомъ спирта даетъ простой Э. и обратно кислоту: 1) $C_6H_5.SO_2.OH+C_2H_5.OH=$ $=C_6H_5.SO_2.O.C_2H_5+H_2O$, 2) $C_6H_5.SO_2.O.C_2H_5+$ $+C_2H_5.OH=(C_2H_5)_2O+C_6H_5.SO_2OH$. Это одинъ изъ лучшихъ способовъ полученія Э. Большое значеніе имѣетъ слѣдующая реакція Вилліамсона, являющаяся основаніемъ для принятаго строенія Э.—дѣйствіе галоидныхъ алкиловъ на алкоголяты, напр.: $C_2H_5J+CH_3.ONa=$ $=C_2H_5.O.CH_3+NaJ$. Способъ примѣнимъ тоже главнымъ образомъ къ первичнымъ предѣльнымъ спиртамъ, такъ какъ при вторичныхъ и особенно при третичныхъ спиртахъ замѣчается наступленіе побочныхъ реакцій (образованіе этиленныхъ углеводородовъ). Во всякомъ случаѣ для полученія Э. изъ спиртовъ съ высокимъ молекулярнымъ вѣсомъ этотъ путь самый удобный. Липпертъ рекомендуетъ брать высшіе первичные и вторичные спирты исключительно въ видѣ алкоголятовъ; изъ галоидныхъ алкиловъ іодюры (первичные) берутся лишь для первыхъ членовъ ряда; съ увеличеніемъ молекулярнаго вѣса ихъ слѣдуетъ замѣнять бромюрами. Вообще, умѣряя дѣйствіе основаній и беря болѣе прочные галоидные алкилы, напр. хлорюры, можно этимъ путемъ получить Э. даже третичныхъ спиртовъ. Въ заключеніе остается упомянуть о многочисленныхъ случаяхъ образованія Э. при дегидратаціи спиртовъ подъ вліяніемъ высокой температуры и различныхъ химическихъ реагентовъ. Такъ при 7—8-часовомъ нагрѣваніи этиловаго спирта въ запаянной трубкѣ до 240° Рейнозо наблюдалъ образованіе Э. въ присутствіи галоидоводородныхъ кислотъ, сѣрной кислоты, нѣкоторыхъ галоидныхъ и сѣрнокислыхъ металловъ. Галоидоводородъ играетъ здѣсь, вѣроятно, такую же роль, какъ и сѣрная кислота въ процессѣ Вилліамсона, т. е. образующійся въ первую фазу реакціи галоидный алкилъ реагируетъ съ избыткомъ спирта по равенству: C_2H_5Cl+ $+C_2H_5.OH=(C_2H_5)_2O+HCl$. Для объясненія дѣйствія среднихъ солей Рейнозо принимаетъ, что при температурѣ реакціи онѣ отчасти распадаются съ выдѣленіемъ свободныхъ кислотъ. Такого рода дегидратація свойственна лишь первичнымъ спиртамъ: вторичные и третичные даютъ этиленные углеводороды и воду (Волковъ). Простые Э. представляютъ собою безцвѣтныя, легкоподвижныя жидкости, кипящія ниже соотвѣтствующихъ спиртовъ, съ пріятнымъ «эфирнымъ» запахомъ, почти нерастворимыя въ водѣ, смѣшивающіяся со спиртомъ. Высшіе Э. тверды, а первый членъ ряда—метиловый Э.—газъ при обыкновенной температурѣ. Физическія свойства Э. изучены очень подробно. Въ приводимыхъ ниже таблицахъ (Dobriner, «Lieb. Ann.», *243*, 1 [1888]) приведены темп. кипѣнія, уд. вѣса и уд. объемы простыхъ Э., отвѣчающихъ предѣльнымъ одноатомнымъ спиртамъ нормальнаго строенія. Названія радикаловъ, входящихъ въ составъ Э., напечатаны сверху и слѣва.

I. *Температуры кипѣнія простыхъ и смѣшанныхъ эфировъ.*

	Метилъ.	Этилъ.	Пропилъ.	Бутилъ.	Гептилъ.	Октилъ.
Метилъ .	—23,6	10,8	38,9	70,3	149,8	173,0
Этилъ. .	—	34,9	63,6	91,4	166,6	189,2
Пропилъ.	—	—	90,7	117,1	187,6	207,0
Бутилъ .	—	—	—	140,9	205,7	225,7
Гептилъ .	—	—	—	—	261,9	278,8
Октилъ .	—	—	—	—	—	291,7

Изъ таблицы I видно, что температура кипѣнія метамерныхъ Э. понижается по мѣрѣ уменьшенія разницы въ содержаніи углерода обоими остатками и дѣлается наименьшей у Э. съ одинаковыми радикалами. Точно такія же отношенія существуютъ между удѣльными вѣсами метамеровъ: наибольшимъ уд. вѣсомъ обладаютъ наиболѣе высоко кипящіе Э., наименьшимъ — низко кипящіе, какъ видно изъ таблицы II.

II. *Уд. вѣса простыхъ и смѣшанныхъ Э. при 0°*

	Этилъ.	Пропилъ.	Бутилъ.	Гептилъ.	Октилъ.
Метилъ .	0,7252	0,7471	0,7635	0,7953	0,8014
Этилъ . .	0,7365	0,7545	0,7680	0,7949	0,8008
Пропилъ	—	0,7633	0,7773	0,7987	0,8039
Бутилъ . .	—	—	0,7865	0,8023	0,8069
Гептилъ .	—	—	—	0,8152	0,8182
Октилъ .	—	—	—	—	0,8203

Въ таблицѣ III приведены удѣльные объемы Э. при температурѣ кипѣнія, подчиняющіеся тѣмъ же правильностямъ, какъ и уд. вѣса, но въ обратномъ смыслѣ:

III. *Удѣльные объемы простыхъ и смѣшанныхъ Э. при темп. кипѣнія.*

	Этилъ.	Пропилъ.	Бутилъ.	Гептилъ.	Октилъ.
Метилъ .	84,0	105,1	127,2	194,6	219,8
Этилъ. .	106,1	127,8	150,1	220,8	246,7
Пропилъ.	—	150,9	174,4	245,6	272,4
Бутилъ .	—	—	197,3	271,3	295,7
Гептилъ .	—	—	—	352,7	376,8
Октилъ .	—	—	—	—	403,6

Простые Э., въ отличіе отъ сложныхъ, характеризуются своею значительною стойкостью по отношенію къ реакціямъ гидратаціи. Вода, растворы щелочей и кислотъ при обыкновенной температурѣ не переводятъ ихъ обратно въ спирты. Для этого приходится прибѣгать къ дѣйствію галоидоводородныхъ кислотъ, главнымъ образомъ къ сухому іодистому водороду. Съ послѣднимъ, какъ показалъ Сильва, реакція идетъ уже при температурѣ 0°—4°, сопровождаясь распаденіемъ простого Э. на іодюръ спирта менѣе богатаго углеродомъ и на спиртъ съ бо́льшимъ содержаніемъ углерода, наприм.: $CH_3.O.C_2H_5 + HJ = CH_3J + C_2H_5.OH$. Подробныя изслѣдованія Липперта вполнѣ подтвердили и распространили правило Сильвы, которое получило такую формулировку: 1) «При расщепленіи смѣшаннаго Э. галоидоводородомъ на спиртъ и галоидный алкилъ, галоидъ соединяется съ меньшимъ изъ двухъ радикаловъ. 2) При двухъ-и трехатомныхъ Э. (наприм., ацеталь, ортомуравьиный Э.) расщепленіе происходитъ такимъ образомъ, что галоидъ всегда соединяется съ одноатомнымъ радикаломъ». Для реакціи іодистаго водорода съ Э., заключающими изомерные радикалы, Липпертъ установилъ слѣдующія правильности: «при дѣйствіи іодистаго водорода на смѣшанный Э., радикалы котораго изомерны другъ другу, галоидъ соединяется съ радикаломъ, происходящимъ отъ нормальнаго углеводорода. Если оба радикала происходятъ отъ того же самаго углеводорода, то галоидъ, насколько простираются сдѣланныя до настоящаго времени наблюденія, отходитъ къ радикалу первичнаго строенія». Существуютъ, однако, исключенія изъ этого правила: самъ Липпертъ получилъ въ качествѣ продуктовъ распаденія пропилизопропиловаго Э. іодистый изопропилъ (вмѣсто іодистаго пропила). Такъ же Э. третичныхъ спиртовъ образуютъ при распадѣ исключительно третичные іодюры (Мамонтовъ). Гидратація нѣкоторыхъ Э. происходитъ при нагрѣваніи ихъ въ трубкѣ при 170° съ 2% сѣрной кислотой (Эльтековъ). Въ Э. сильно развита способность къ металептическому замѣщенію водорода хлоромъ. Реакція протекаетъ настолько энергично, что первоначально ее приходится вести въ темнотѣ и при охлажденіи. Порядокъ замѣщенія весьма своеобразенъ: наприм., при хлорированіи обыкновеннаго Э. первымъ продуктомъ является монохлоро-Э. строенія $CH_3.CHCl.O.C_2H_5$; второй, третій и четвертый атомы хлора замѣщаютъ водородъ метильной группы въ томъ же углеводородномъ остаткѣ, гдѣ и первый, образуя тетрахлоро-Э. $CCl_3.CHCl.O.C_2H_5$; наконецъ, пятый атомъ хлора замѣщаетъ послѣдній водородъ тамъ же. Дѣйствіе галоида на вторую этильную группу начинается лишь при работѣ на прямомъ солнечномъ свѣтѣ и въ концѣ концовъ приводитъ къ продукту полнаго замѣщенія—перхлоро-Э., $CCl_3.O.CCl_3$. Въ послѣднее время обращено вниманіе на способность Э. давать разнообразные продукты присоединенія. Раньше такого рода продукты относились къ категоріи такъ называемыхъ молекулярныхъ соединеній, но теперь, съ возникновеніемъ «оксоніевой теоріи», ихъ считаютъ производными четырехатомнаго кислорода (Байеръ и Виллигеръ). Таково, наприм., соединеніе метиловаго Э. съ хлористымъ водородомъ, описанное еще Фриделемъ, $\frac{CH_3}{CH_3}>O<\frac{H}{Cl}$, кипящее съ разложеніемъ при —2°, соединенія съ комплексными минеральными кислотами и мн. друг. Приводимъ свойства нѣкоторыхъ отдѣльныхъ представителей простыхъ Э. *Метиловый Э.*, $(CH_3)_2O$, получается при нагрѣваніи до 140° смѣси 2 ч. крѣпкой сѣрной кислоты и 1,3 ч. метиловаго спирта. Выдѣляющійся газъ поглощаютъ крѣпкой сѣрной кислотой, которая растворяетъ около 600 объемовъ его. При выливаніи по каплямъ такого раствора въ воду получается равномѣрная струя метиловаго Э. Темп. кип.—23,65°. *Хлорометиловый Э.*, $CH_2Cl.O.CH_3$, темп. кип. 59,5°, разлагается водой на HCl, метиловый спиртъ и триоксиметиленъ. *Этиловый Э.*—см. отдѣльную статью. Свойства среднихъ членовъ предѣльнаго ряда даны въ таблицахъ. *Цетиловый Э.* $(C_{16}H_{33})_2O$, листочки съ темп. плавл. 55°, темп. кип. 300°. *Этилъ-цетиловый Э.*, $C_{16}H_{33}.O.C_2H_5$, листочки съ темп. плавл. 20°. *Аллиловый Э.*, $(C_3H_5)_2O$, темп. кип. 94,3°. Изъ полныхъ простыхъ Э. гликолей извѣстенъ *диэтиленовый Э.*,

$$\begin{array}{l} CH_2.O.CH_2 \\ | \qquad\quad | \\ CH_2.O.CH_2 \end{array}$$

, темп. плавл. +9°, темп. кип. 102°. Смѣшивается съ водою. *Д. Монастырскій.*

Эфиры сложные (хим.) — представляютъ собою сочетанія спиртовъ съ кислотами, происходящія путемъ выдѣленія воды за счетъ водныхъ остатковъ этихъ соединеній. Названія *) ихъ составляются изъ названій кислотнаго и спиртового остатка съ прибавленіемъ слова «Э.», напримѣръ уксусноэтиловый Э., азотистоамиловый Э. и т. п. Съ увеличеніемъ атомности спиртовъ и основности кислотъ число возможныхъ формъ Э. значительно возрастаетъ. Среди нихъ нужно различать: 1) *полные* и *неполные Э.* и 2) *средніе Э.* и *эфирокислоты*—въ зависимости отъ того,

*) Въ нѣмецкой химической литературѣ сложные Э. весьма цѣлесообразно названы, по предложенію Гмелина, особымъ терминомъ „Ester“, въ отличіе отъ „Aether“, простыхъ Э. По-русски такой разницы въ названіяхъ, къ сожалѣнію, нѣтъ.

всѣ или не всѣ гидроксилы многоатомнаго спирта или многоосновной кислоты обмѣняли свой водородъ на соотвѣтствующій остатокъ. Среди неполныхъ Э. различаютъ еще первые, вторые и т. д.—по числу заключающихся въ нихъ кислотныхъ остатковъ, напримѣръ $CH_2(OH).CH_2.O(CH_3.CO)$—первый уксусный Э. этиленгликоля. Названія эѳирокислотъ составляются изъ названій спиртового остатка и взятой кислоты, наприм. $OH.SO_2.O.C_2H_5$—этилсѣрная кислота. Сложные Э. органическихъ кислотъ принадлежатъ къ числу соединеній чрезвычайно широко распространенныхъ въ природѣ. Они входятъ въ составъ такъ называемыхъ эѳирныхъ маслъ, вырабатываемыхъ растеніями, различныхъ сортовъ воска, спермацета, различныхъ жировъ и жирныхъ маслъ. Многіе изъ нихъ, обладая пріятнымъ фруктовымъ запахомъ, находятъ себѣ примѣненіе въ парфюмеріи и потому приготовляются искусственно. Таковы, напр., уксусноизоамиловый Э., $CH_3.CO.O.C_5H_{11}$ (запахъ груши), масляноэтиловый Э. $C_3H_7.CO.O.C_2H_5$ (запахъ ананаса), изовалерьяновоизоамиловый Э., $C_4H_9.CO.O.C_5H_{11}$ (запахъ яблока) и мн. друг. Наконецъ, отдѣльные представители сложныхъ Э., равно какъ природныя ихъ смѣси (наприм. различныя масла), употребляются въ медицинѣ и фармаціи, а азотные Э. глицерина и клѣтчатки—въ минномъ и артиллерійскомъ дѣлѣ. Относящіяся сюда подробности приведены въ отдѣльныхъ статьяхъ Словаря, см.: Эѳирныя масла, Воскъ, Спермацетъ, Жиры (хим.). Простѣйшій способъ полученія сложныхъ Э. состоитъ въ непосредственномъ дѣйствіи кислотъ на спирты, напр.: $CH_3.COOH + C_2H_5.OH \rightleftarrows CH_3.CO.O.C_2H_5 + H_2O$; $NO_2.OH + C_2H_5.OH \rightleftarrows NO_2.O.C_2H_5 + H_2O$. Подробности, касающіяся физико-химической стороны этой обратимой реакціи, см. въ статьѣ Этерификація. Чтобы увеличить выходъ Э., одно изъ дѣйствующихъ веществъ берутъ въ значительномъ избыткѣ противъ другого, а чтобы повысить скорость реакціи, прибѣгаютъ къ катализаторамъ—сухому хлористому водороду или крѣпкой сѣрной кислотѣ. Послѣдній пріемъ имѣетъ мѣсто при полученіи этимъ способомъ Э. органическихъ кислотъ. Выборъ катализатора обыкновенно опредѣляется свойствами Э., который желаютъ приготовить. Для полученія летучихъ Э. смѣсь органической кислоты (или ея соли), спирта и сѣрной кислоты перегоняютъ, при чемъ образующійся Э. собирается въ перегонѣ. Его промываютъ водой, растворомъ соды, сушатъ и фракціонируютъ. По Марковникову въ данномъ случаѣ мы имѣемъ повтореніе разобраннаго Вилліамсономъ процесса образованія простыхъ Э., т. е. въ первую фазу реакціи сѣрная кислота и спиртъ образуютъ воду и эѳиросѣрную кислоту, которая далѣе вступаетъ во взаимодѣйствіе съ присутствующей органической кислотой, образуя воду и сложный Э., наприм.: 1) $OH.SO_2.OH + C_2H_5.OH = OH.SO_2.O.C_2H_5 + H_2O$; 2) $OH.SO_2.O.C_2H_5 + CH_3.COOH = CH_3.CO.O.C_2H_5 + OH.SO_2.OH$. Для полученія нелетучихъ Э. въ качествѣ катализатора употребляютъ хлористый водородъ, который пропускаютъ въ смѣсь кислоты и спирта. По Э. Фишеру нѣтъ надобности продолжать эту операцію до насыщенія: въ большинствѣ случаевъ достаточно ввести нѣсколько (около 3-хъ) процентовъ хлористаго водорода. Оставивъ приготовленную такимъ образомъ смѣсь на сутки въ тепломъ мѣстѣ, ее выливаютъ въ воду и обычными пріемами отдѣляютъ образовавшійся Э. Къ чему сводится въ данномъ случаѣ дѣйствіе хлористаго водорода—до сихъ поръ представляетъ открытый вопросъ. Фелингъ, Фридель, Энгельгардтъ и Лачиновъ, Анри допускали здѣсь образованіе различныхъ промежуточныхъ продуктовъ въ родѣ хлорюровъ, хлорангидридовъ, орто-Э. Но всѣ эти предположенія не имѣютъ достаточныхъ экспериментальныхъ основаній: либо гипотетическіе промежуточные продукты не образуются въ условіяхъ опыта, либо они вовсе неизвѣстны. Другіе авторы сводятъ вліяніе минеральныхъ кислотъ вообще къ каталитическому дѣйствію ихъ водородныхъ іоновъ, которые, въ силу существующихъ условій равновѣсія между ними и гидроксильными іонами, способствуютъ образованію недиссоціированныхъ молекулъ воды, отъ чего существенно зависитъ ходъ процесса этерификаціи. Очевидно, такое же дѣйствіе должны оказывать и сами органическія кислоты, участвующія въ реакціи (аутокатализъ), но въ значительно меньшей степени, такъ какъ онѣ чрезвычайно мало диссоціированы, особенно въ спиртовыхъ растворахъ. Другой способъ полученія Э. органическихъ кислотъ состоитъ въ дѣйствіи ихъ ангидридовъ на спирты въ запаянной трубкѣ при 100°. Если дѣйствуетъ одна частица ангидрида на двѣ частицы спирта, реакція выражается равенствомъ: $(CH_3.CO)_2O + 2OH.C_2H_5 = 2CH_3.CO.O.C_2H_5 + H_2O$. Выдѣленіе воды дѣлаетъ реакцію обратимой. Если же брать оба вещества въ эквимолекулярныхъ количествахъ, реакція полная: $(CH)_3.CO_2O + OH.C_2H_5 = CH_3.CO.O.C_2H_5 + CH_3.COOH$. На практикѣ берутъ избытокъ ангидрида и, послѣ нагрѣванія со спиртомъ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, выливаютъ смѣсь въ холодную воду и отдѣляютъ всплывающій слой Э. Подобнымъ же образомъ, т. е. безъ образованія воды, идетъ реакція при дѣйствіи хлорангидридовъ кислотъ на спирты (Жераръ), наприм.: $CH_3.COCl + OH.C_2H_5 = CH_3.CO.O.C_2H_5 + HCl$. Взаимодѣйствіе происходитъ уже при обыкновенной температурѣ съ выдѣленіемъ значительнаго количества тепла (+19,3К. для вышеприведеннаго равенства). Видоизмѣненіе этой реакціи, извѣстное подъ названіемъ метода Баумана-Шоттена, особено часто употребляется для полученія сложныхъ Э. ароматическихъ кислотъ, въ частности для бензоилированія многоатомныхъ спиртовъ и углеводовъ. Взбалтывая смѣсь спирта, хлористаго бензоила и раствора ѣдкой щелочи до исчезновенія запаха хлорангидрида, можно получить продукты полнаго замѣщенія всѣхъ водныхъ остатковъ бензоиломъ. Принятое для сложныхъ Э. строеніе вытекаетъ изъ реакціи ихъ образованія при дѣйствіи серебряныхъ

солей кислотъ на іодюры (Вюрцъ), наприм.: $C_2H_5J + CH_3.COOAg = C_2H_5.O.CO.CH_3 + AgJ$. Реакцію ведутъ въ запаянной трубкѣ, при нагрѣваніи. Это одинъ изъ наиболѣе общихъ способовъ. Малоупотребительное видоизмѣненіе его состоитъ въ томъ, что вмѣсто серебряной соли берутъ щелочную, а спиртъ замѣняютъ такою же солью соотвѣтствующей эфиросѣрной кислоты (Пелузъ). Смѣсь солей подвергаютъ сухой перегонкѣ: $CH_3.COONa + NaO.SO_2.O.C_2H_5 = CH_3.CO.O.C_2H_5 + Na_2SO_4$. Эта реакція, какъ и предыдущая, позволяетъ получать легко разлагаемые водою Э. Описанные способы примѣнимы какъ для полученія Э. органическихъ кислотъ, такъ и для неорганическихъ. Нужно, однако, замѣтить, что природа и строеніе дѣйствующихъ веществъ существеннымъ образомъ вліяютъ на ходъ отдѣльныхъ реакцій, дѣлая ихъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ совершенно непримѣнимыми. Это особенно рѣзко сказывается въ инертности диортозамѣщенныхъ ароматическихъ кислотъ по отношенію къ спиртамъ въ присутствіи хлористаго водорода, тогда какъ тѣ же самыя кислоты легко образуютъ Э. при взаимодѣйствіи ихъ серебряныхъ солей съ іодюрами (см. Этерификація). *Свойства.* Сложные Э. низшихъ и среднихъ рядовъ представляютъ собою прозрачныя, безцвѣтныя жидкости, кипящія безъ разложенія. Почти всѣ они (особенно въ рядахъ органическихъ кислотъ) обладаютъ пріятнымъ запахомъ, зачастую сходнымъ съ ароматомъ цвѣтовъ и фруктовъ. Низшіе члены очень мало растворимы въ водѣ, всѣ легко растворяются въ спиртѣ и Э. Высшіе Э. являются твердыми, кристаллическими веществами. Эфирокислоты, въ противоположность среднимъ Э., обыкновенно не имѣютъ запаха, гораздо менѣе прочны (не перегоняются безъ разложенія, скорѣе обмыливаются) и, какъ всѣ соединенія, заключающія гидроксильныя группы, способны растворяться въ водѣ. Физическія свойства сложныхъ Э. прекрасно изслѣдованы. Ниже приведены въ таблицахъ температуры кипѣнія и удѣльные вѣса Э. жирныхъ кислотъ нормальнаго строенія, взятые изъ работы Гартенмейстера. Таблицы составлены такъ, что въ нихъ данныя, относящіяся къ метамернымъ Э., расположены по діагоналямъ, идущимъ слѣва и снизу направо и вверхъ.

I. Температуры кипѣнія при 760 мм.

Кислоты. \ Спирты.	Метил.	Этил.	Пропил.	Бутил.	Амил.	Гексил.	Гептил.	Октил.
Муравьин.	32,5	55,0	81,0	106,9	130,4	153,6	176,7	198,1
Уксусн.	57,3	77,5	101,8	124,5	147,6	169,2	191,3	210,0
Пропіон.	79,5	98,8	122,6	145,4	—	—	208,0	226,4
Маслян.	102,3	120,9	143,2	165,7	184,8	205,1	225,2	242,2
Валеріан.	127,3	144,7	167,5	185,8	203,7	223,8	243,6	260,2
Капрон.	149,6	166,6	185,5	204,3	—	—	259,4	275,2
Гептил.	172,1	181,1	206,4	225,1	—	—	274,6	290,4
Октил.	192,9	205,8	224,7	240,5	—	—	289,8	305,9

II. Удѣльные вѣса при 0°.

Кислоты. \ Спирты	Метил.	Этил.	Пропил.	Бутил.	Амил.	Гексил.	Гептил.	Октил.
Муравьин.	1,0009	0,9445	0,9250	0,9108	0,9018	0,8977	0,8937	0,8929
Уксусн.	0,9643	0,9253	0,9093	0,9016	0,8945	0,8902	0,8891	0,8847
Пропіон.	0,9403	0,9114	0,9023	0,8953	—	—	0,8846	0,8833
Маслян.	0,9194	0,9004	0,8929	0,8878	0,8832	0,8825	0,8827	0,8794
Валеріан.	0,9097	0,8939	0,8888	0,8847	0,8812	0,8797	0,8786	0,8784
Капрон.	0,9039	0,8888	0,8844	0,8824	—	—	0,8769	0,8748
Гептил.	0,8981	0,8861	0,8824	0,8807	—	—	0,8761	0,8757
Октил.	0,8942	0,8842	0,8805	0,8797	—	—	0,8754	0,8755

Здѣсь, какъ и при простыхъ Э., вліяніе метамеріи сказывается въ томъ, что въ ряду метамеровъ температура кипѣнія понижается съ приближеніемъ кислороднаго атома къ серединѣ цѣпи. Исключеніемъ является пропіоновопропиловый Э., кипящій при 122,6°, тогда какъ масляноэтиловый кипитъ при 120,9°. Параллельно измѣненію температуръ кипѣнія измѣняются и удѣльные вѣса; среди метамеровъ наибольшей плотностью обладаютъ наиболѣе высоко кипящіе Э. Изъ *химическихъ свойствъ* сложныхъ Э. наиболѣе характерна для нихъ способность къ обмыливанію, т. е. къ обратному присоединенію элементовъ воды съ образованіемъ спирта и кислоты, наприм.: $CH_3.CO.O.C_2H_5 + H_2O = CH_3.COOH + C_2H_5.OH$. Чистая вода, хотя бы взятая въ большомъ избыткѣ, обмыливаетъ Э. сравнительно очень медленно, особенно низшіе. Скорость реакціи значительно повышается, если къ водѣ прибавить сильной минеральной кислоты (HCl, H_2SO_4) или щелочи. Здѣсь, слѣдовательно, прибавка кислоты дѣйствуетъ въ направленіи, какъ разъ обратномъ

тому, какое было указано выше, при разсмотрѣніи реакцій образованія Э. Омыливаніе Э. было чрезвычайно полно изслѣдовано съ точки зрѣнія закона дѣйствующихъ массъ и теоріи электролитической диссоціаціи. Въ этомъ направленіи работали: Вардеръ, Вантъ-Гоффъ Рейхеръ, Оствальдъ, Аррепіусъ, Шпоръ и др. Дѣйствіе разведенныхъ щелочей на Э. протекаетъ согласно равенству: $CH_3.CO.O.C_2H_5 + NaOH = CH_3.CO.ONa + C_2H_5.OH$ и представляетъ собою необратимую двумолекулярную реакцію, скорость которой опредѣляется по количеству x превращеннаго вещества во время t при концентраціяхъ Э. и щелочи, равныхъ a и b, слѣдующимъ уравненіемъ:

$$\frac{dx}{dt} = k(a-x)(b-x),$$

откуда, при условіи, что $x=0$, когда $t=0$,

$$k = \frac{1}{(a-b)t}\ ln\ \frac{(a-x)b}{(b-x)a}.$$

Если Э. и щелочь взяты въ эквивалентныхъ количествахъ ($a=b$), вышеприведенное уравненіе скорости представляется въ видѣ

$$\frac{dx}{dt} = k(a-x)^2,$$

откуда, при томъ же условіи,

$$k = \frac{x}{t(a-x)a}.$$

Множитель k представляетъ собою константу, зависящую, при прочихъ равныхъ условіяхъ, отъ химической природы дѣйствующихъ веществъ. Изслѣдованія Рейхера и, въ особенности, Оствальда показали, что величина k почти одинакова для сильныхъ основаній. Такъ Рейхеръ, омыливая уксусноэтиловый Э. различными основаніями при 9,4°, получилъ для k слѣдующія значенія:

	k
$NaOH$	2,307
KOH	2,298
$Ca(OH)_2$	2,285
$Sr(OH)_2$	2,204
$Ba(OH)_2$	2,144
NH_4OH	0,011

Оствальдъ, дополнивъ данныя Рейхера, указалъ на существованіе тѣснаго параллелизма между этими динамическими константами и константами электропроводности, сопоставивъ ихъ въ слѣдующей таблицѣ:

	Константы:	
	Динамическія:	Электрическія:
KOH	161	161
$NaOH$	162	149
$LiOH$	165	142
$Tl(OH)_2$	158	156
NH_4OH	3,0	4,8
$(CH_3)NH_2$	19	20,2
$(C_2H_5)NH_2$	19	20,5
$(C_3H_7)NH_2$	18,6	18,4
Iso $(C_4H_9)NH_2$	14,4	15,2
$(C_5H_{11})NH_2$	18,5	18,6
$(C_3H_5)NH_2$	4,0	6,9
$(CH_3)_2NH$	22	23,5
$(C_2H_5)_2NH$	26	28,3
$(CH_3)_3N$	7,3	9,7
$(C_2H_5)_3N$	22	20,2
пиперидинъ	27	27
$(C_2H_5)_4N.OH$	131	128

Въ той же работѣ Оствальдъ указываетъ на непостоянство «постоянной» k при омыливаніи слабыми основаніями, напр. аммiакомъ, для котораго получаются слѣдующія цифры:

t	k	
0	—	—
60	1,64	1,76
160	1,17	1,21
240	1,04	1,01
420	0,817	0,845
1470	0,484	0,501

Какъ показали опыты Арреніуса, такое уменьшеніе константы скорости зависитъ отъ образованія соли во время реакціи (въ данномъ случаѣ уксусноаммоніевой). То же самое, очевидно, имѣетъ мѣсто и при омыливаніи сильными основаніями, напр., ѣдкимъ натромъ, но здѣсь вліяніе образующейся натріевой соли на величину константы ничтожны. Всѣ эти факты получаютъ прекрасное объясненіе съ точки зрѣнія теоріи электролитической диссоціаціи, если представить себѣ омыливаніе, наприм., уксусноэтиловаго Э. ѣдкимъ натромъ, какъ реакцію гидроксильныхъ іоновъ щелочи: $CH_3.CO.O.C_2H_5 + \overline{OH} + \overset{+}{Na} = CH_3.\overline{CO}.O = \overset{+}{Na} + C_2H_5.OH$. Тогда становится понятнымъ, почему положительная часть сильныхъ основаній (металлъ) не оказываетъ вліянія на скорость реакціи, и почему существуетъ параллелизмъ между динамическими и электрическими коэффиціентами сродства. Дѣло въ томъ, что величина константы электропроводности зависитъ отъ степени диссоціаціи даннаго основанія, т. е. отъ количества гидроксильныхъ іоновъ въ растворѣ. Такимъ образомъ у сильныхъ основаній, которые приблизительно одинаково диссоціированы, число гидроксильныхъ іоновъ въ растворѣ должно быть одинаково, а слѣдовательно одинакова должна быть и скорость производимаго ими омыливанія. Сообразно съ только что сказаннымъ, вышеприведенное уравненіе скорости для двумолекульныхъ реакцій приметъ видъ

$$\frac{dx}{dt} = k'\alpha(a-x)(b-x),$$

гдѣ α степень диссоціаціи основанія. Изъ теоріи электролитической диссоціаціи слѣдуетъ, что величина α можетъ измѣняться отъ присутствія въ растворѣ другихъ электролитовъ съ одноименными іонами. Въ данномъ случаѣ такими электролитами будутъ среднія соли, образующіяся при омыливаніи, у которыхъ катіоны общіе со щелочами. Если основаніе такъ же диссоціировано, какъ его соль, то при данной концентраціи ихъ смѣси степень диссоціаціи основанія не зависитъ отъ количества соли въ растворѣ. Въ этомъ случаѣ послѣднее уравненіе опять приметъ первоначальный видъ, такъ какъ $k'\alpha$ за все время опыта будетъ оставаться постояннымъ, равнымъ k. Иное дѣло, если основаніе диссоціировано слабо, а соль его сильно, како-

вы, наприм., растворы амміака и аммоніевыхъ солей. Тогда, въ силу существующаго соотношенія между диссоціированной и недиссоціированной частью электролита, $c'c'' = kc$ (c' и c'' концентраціи іоновъ, c концентрація недиссоціированной части, k константа электропроводности), образованіе большого числа іоновъ NH'_4 должно сильно понижать и безъ того слабую диссоціацію амміака: произведеніе $k'\alpha$ должно съ теченіемъ времени уменьшаться, какъ это и есть на самомъ дѣлѣ. Подобно щелочамъ, обмыливаніе Э. производится и разведенными минеральными кислотами. Изслѣдованія Оствальда показали, что и здѣсь дѣло сводится къ дѣйствію водородныхъ іоновъ минеральной кислоты, числу которыхъ (въ первомъ приближеніи) пропорціональна константа скорости этой реакціи. Если, однако, сравнивать цифры, полученныя при обмыливаніи различныхъ Э. основаніями и кислотами, между ними замѣчается нѣкоторая разница, заставляющая предполагать, что гидроксильные іоны щелочи и водородные іоны кислоты дѣйствуютъ на частицу Э. различнымъ образомъ. При обмыливаніи основаніями Э. различныхъ спиртовъ величины константъ измѣняются приблизительно въ томъ же смыслѣ, какъ и при этерификаціи этихъ спиртовъ, тогда какъ при обмыливаніи кислотами этого не замѣчается. Если же, наоборотъ, взять Э. разныхъ кислотъ и одного спирта, замѣчаются обратныя отношенія, т. е. вліяніе природы кислоты довольно рѣзко сказывается при обмыливаніи кислотами и гораздо меньше при обмыливаніи основаніями (Рейхеръ, Де-Гемптинъ, Левенгерцъ). Эти данныя заставляютъ предполагать, что при обмыливаніи щелочью дѣйствіе гидроксильныхъ іоновъ направляется между спиртовымъ радикаломъ и кислородомъ, т. е. возникаетъ связь между спиртовымъ радикаломъ и гидроксиломъ, а отрицательный зарядъ гидроксила переносится на кислотный аніонъ, напримѣръ:

$$CH_3.CO.O \,\vdots\, C_2H_5 + \overset{-}{O}H = CH_3.\overset{-}{CO}.O + C_2H_5.OH.$$

При обмыливаніи кислотами дѣйствіе водородныхъ іоновъ направлено между кислотнымъ радикаломъ и кислородомъ, при чемъ положительный зарядъ переносится на кислотный остатокъ, наприм.: $CH_3.CO \,\vdots\, O.C_2H_5 + \overset{+}{H} = CH_3.\overset{+}{CO} + C_2H_5.OH$. Гипотетическій кислотный остатокъ съ водою вновь образуетъ водородный іонъ: $CH_3.\overset{+}{CO} + H_2O = CH_3.COOH + \overset{+}{H}$. Сложные Э., подобно простымъ, нацѣло распадаются при дѣйствіи на нихъ галоидоводородныхъ кислотъ, при чемъ образуется свободная кислота и галоидный алкилъ, наприм.: $CH_3.CO.O.C_2H_5 + HJ = CH_3.COOH + C_2H_5J$. Такое распаденіе совершается тѣмъ легче, чѣмъ больше молекулярный вѣсъ галоидоводорода: энергичнѣе всего дѣйствуетъ іодистый водородъ (Запперъ). Крѣпкіе водные растворы амміака медленно растворяютъ сложные Э., которые при этомъ распадаются съ образованіемъ амидовъ кислотъ, напр.: $CH_3.CO.O.C_2H_5 + NH_3 = CH_3.CO.NH_2 + C_2H_5.OH$ (Дюма). Заключая карбонильный кислородъ, сложные Э. способны къ образованію сложныхъ комплексовъ при взаимодѣйствіи съ металлоорганическими соединеніями цинка (Зайцевъ и Вагнеръ) и магнія (Гриньяръ, Массонъ), которые при разложеніи водою даютъ спирты. Особенно легко и удобно идетъ реакція съ магній-органическими соединеніями. Э. муравьиной кислоты примѣняются для полученія вторичныхъ спиртовъ, прочіе Э. съ магній-органическими соединеніями даютъ третичные спирты, напр: $CH_3.CO.O.C_2H_5 + 2CH_3.MgJ =$

$$= CH_3.C\left\langle\begin{matrix}OMgJ\\CH_3\\CH_3\end{matrix}\right. + C_2H_5.OMgJ;$$

$$CH_3.C\left\langle\begin{matrix}OMgJ\\CH_3\\CH_3\end{matrix}\right. + H_2O =$$

$$= CH_3.C\left\langle\begin{matrix}OH\\CH_3\\CH_3\end{matrix}\right. + MgJOH.$$

Въ химической практикѣ сложные Э. имѣютъ большое значеніе для характеристики спиртовъ и кислотъ. Будучи соединеніями въ большинствѣ случаевъ летучими и сравнительно легко получаемыми, они даютъ возможность опредѣлять основность кислотъ по числу вошедшихъ спиртовыхъ остатковъ, равно какъ атомность спиртовъ по числу кислотныхъ остатковъ. Ниже приведены свойства главнѣйшихъ представителей сложныхъ Э. неорганическихъ кислотъ. Э. *галоидоводородныхъ кислотъ* являются въ то же время галоидозамѣщенными углеводородами, гдѣ они и описаны (см. Хлоропарафины, Хлороолефины). По своимъ свойствамъ эти вещества находятъ себѣ обширное примѣненіе въ химической практикѣ. Э. *кислородныхъ кислотъ хлора* извѣстны хлорноватистые и хлорные. Легко разлагающіяся, взрывчатыя жидкости. *Хлорноватистометиловый Э.*, $CH_3.O.Cl$, темп. кип. 12° при 726 мм. *Хлорноэтиловый Э.* $C_2H_5.O.ClO_3$, темп. кип. 74°. *Э. азотистой кислоты*, изомерные съ нитропроизводными углеводородовъ, получаются вмѣстѣ съ ними при дѣйствіи іодистыхъ алкиловъ на азотистосеребряную соль (В. Мейеръ). Для полученія азотистыхъ Э. въ чистомъ видѣ разведенный водный растворъ азотистонатріевой соли смѣшиваютъ съ небольшимъ избыткомъ спирта и разлагаютъ сѣрной кислотой на холоду. При перегонкѣ азотистыхъ Э. глицерина съ одно- или двухатомными спиртами также получаются азотистые Э. этихъ послѣднихъ, напримѣръ: $2C_3H_5(O.NO)_3 + 3C_2H_4(OH)_2 = 3C_2H_4(O.NO)_2 + 2C_3H_5(OH)_3$. Жидкости съ пріятнымъ запахомъ, кипящія значительно ниже изомерныхъ съ ними нитросоединеній. *Метиловый Э.*, $CH_3.O.NO$, темп. кип. — 12°; *этиловый* $C_2H_5.O.NO$, темп. кип. 17°. *Э. азотной кислоты* получаются при дѣйствіи крѣпкой азотной кислоты на спирты въ присутствіи мочевины, которая разрушаетъ образующуюся во время реакціи азотистую кислоту: $CO(NH_2)_2 + 2HNO_2 = 3H_2O + CO_2 + 2N_2$. Безъ этой предосторожности получаются, главнымъ обра-

зомъ, азотистые Э. — пріятно пахнущія жидкости, кипящія выше соотвѣтствующихъ азотистыхъ Э. Зажженныя, горятъ бѣлымъ пламенемъ, нагрѣтыя выше температуры кипѣнія сильно взрываютъ. При возстановленіи цинкомъ и соляной кислотой даютъ гидроксиламинъ: $C_2H_5.O.NO_2+3H_2=C_2H_5.OH+$ $+OH.NH_2+H_2O$. *Метиловый Э.*, $CH_3.O.NO_2$, темп. кип. 65°, уд. вѣсъ 1,2322 при 5°; *этиловый*, $C_2H_5.O.NO_2$, темп. кип. 87°, уд. вѣсъ 1,1322 при 0°. Изъ азотныхъ Э. многоатомныхъ спиртовъ громадное примѣненіе имѣетъ *нитроглицеринъ* (см.). Изъ Э. многоосновныхъ неорганическихъ кислотъ важное значеніе имѣютъ *Э. сѣрной кислоты*, особенно сѣрноэфирныя кислоты (см.). Средніе Э. получаются при нагрѣваніи этихъ послѣднихъ, наприм.: $2OH.SO_2.O.CH_3=SO_2(O.CH_3)_2+OH.SO_2.OH$, или по общему способу—при дѣйствіи галоидныхъ алкиловъ на сѣрносеребряную соль.—Густыя, нерастворимыя въ водѣ жидкости, съ запахомъ перечной мяты. *Метиловый Э.*, $(CH_3.O)_2SO_2$, темп. кип. 188°, уд. вѣсъ при 15° 1,3334. *Этиловый*, $(C_2H_5.O)_2SO_2$, темп. кип. 208°, уд. вѣсъ при 19° 1,1837. При сильномъ охлажденіи застываетъ въ кристаллы, плавящіеся при—24,5°. Физическія свойства низшихъ и среднихъ Э. органическихъ кислотъ жирнаго ряда и предѣльныхъ одноатомныхъ спиртовъ даны въ приведенныхъ выше таблицахъ. Свойства различныхъ высшихъ Э., входящихъ въ составъ воска, жировъ, маселъ и т. п., см. въ соотвѣтствующихъ статьяхъ Словаря.

Д. Монастырскій. Δ.

Эфіальтъ (Ἐφιάλτης): 1) сынъ Эвридема, меліецъ, измѣннически указавшій персамъ обходъ въ Ѳермопильскомъ ущельѣ, вслѣдствіе чего Леонидъ со своими спартанцами погибъ, окруженный съ двухъ сторонъ непріятелемъ; 2) сынъ Симонида, аѳинянинъ, сторонникъ и сотрудникъ Перикла въ проведеніи демократическихъ реформъ. Для окончательнаго утвержденія демократическаго режима Периклъ и Эфіальтъ парализовали господство ареопага, de facto управлявшаго государствомъ въ теченіе 17 лѣтъ (479 — 462), отнявъ у него законодательную и въ значительной степени судебную власть. Въ вѣдѣніи ареопага остались только уголовные процессы (объ убійствахъ, поджогахъ, нечестіи), остальныя же функціи государственной власти были распредѣлены между совѣтомъпятисотъ, народнымъ собраніемъ и судомъ геліастовъ; 3) аѳинскій полководецъ, противникъ Македоніи, дѣйствовавшій въ интересахъ персидской партіи. Послѣ взятія Ѳивъ Александръ Великій потребовалъ изгнанія его; Э. переправился въ Азію и поступилъ на службу къ персидскому царю. При осадѣ Галикарнаса Александромъ Э., начальствовавшій отрядомъ греческихъ наемниковъ, былъ убитъ.

Н. О.

Эфоніонъ — мѣдный духовой инструментъ съ вентилями. По формѣ и звуку схожъ съ баритономъ, т. е. теноръ-тубой, только у Э. трубка тоньше и вообще форма стройнѣе. Звуковой объемъ какъ у баритона. Примѣняется въ духовомъ военномъ оркестрѣ, исполняя средній голосъ или подкрѣпляя басъ. Годится также для соло въ объемѣ тенора. Э. бываетъ въ слѣдующихъ строяхъ: *C*, *B*, *A*. Партіи пишутся преимущественно въ басовомъ ключѣ, а иногда въ скрипичномъ.

Н. С.

Эфоратъ—см. Эфоры.

Эфоръ—греч. историкъ—см. Ефоръ.

Эфоры (греч. ἔφοροι, отъ предлога ἐπί и глагола ὁράω = «надзиратели») — правительственная коллегія въ древней Спартѣ. Появленіе эфората большинство ученыхъ относитъ къ VIII вѣку, ко времени царя Ѳеопомпа, согласно съ показаніями нѣсколькихъ древнихъ писателей (Платона, Аристотеля, Плутарха). Другая древняя традиція объ учрежденіи эфоровъ Ликургомъ недостовѣрна, въ виду сомнѣній въ самомъ существованіи Ликурга (см.). Необходимость въ созданіи новой должности была, вѣроятно, слѣдствіемъ продолжительнаго отсутствія царей, особенно во время борьбы съ Мессеніей. Таково объясненіе Плутарха, которое онъ влагаетъ въ уста царю Клеомену (въ біографіи Клеомена). Затѣмъ новая должность вызывалась и усложненіемъ государственныхъ функцій и увеличеніемъ количества дѣлъ. Эфоратъ былъ учрежденъ первоначально, вѣроятно, для гражданскаго суда и для полицейскаго надзора. Сначала Э. назначались, повидимому, царями, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ Плутархъ (въ біографіяхъ Клеомена и Ликурга); позднѣе они стали избираться народомъ. Въ такъ называемой ретрѣ Ликурга упоминанія объ эфоратѣ еще нѣтъ; это значитъ, что во время ея составленія эфоратъ еще не достигъ большого значенія въ системѣ спартанскихъ учрежденій. Когда въ Спартѣ поднялась борьба между царями и народомъ, значеніе эфоровъ увеличилось. Они являлись представителями народа и въ этомъ качествѣ приносили впослѣдствіи присягу въ томъ, что если цари будутъ соблюдать законы, то Э. будутъ охранять ихъ права. Когда былъ установленъ этотъ договоръ, Э. несомнѣнно были уже выборными. Избирались они въ числѣ пяти (можетъ быть по числу комъ), на одинъ годъ, народнымъ собраніемъ, изъ числа всѣхъ полноправныхъ спартіатовъ, безъ различія состоятельности, въ возрастѣ не менѣе тридцати лѣтъ. Способъ избранія эфоровъ неизвѣстенъ: Аристотель называетъ его «дѣтскимъ», но не описываетъ. Одинъ изъ Э. былъ эпонимомъ, т. е. его именемъ обозначался годъ. Прослѣдить послѣдовательно развитіе эфората невозможно, вслѣдствіе недостатка данныхъ въ источникахъ. Особая роль въ развитіи эфората приписывается эфорамъ Астеропу и Хилону, но время ихъ дѣятельности и ея значеніе въ исторіи эфората установить опредѣленно мы не можемъ, и мнѣніе по этому предмету нѣкоторыхъ новыхъ историковъ (напр. Дункера) не опирается на факты. Можно указать лишь на исходный пунктъ и конечный результатъ развитія эфората и выяснить причины его. Уже въ концѣ V вѣка Э. стали безусловно первыми по значенію въ Спартѣ должностными лицами. Это сказывалось внѣшнимъ образомъ въ томъ,

что при входѣ эфоровъ цари должны были вставать, тогда какъ Э. не были обязаны къ тому при входѣ царей. Затѣмъ, Э. получили право временно устранять царей отъ власти: каждый девятый годъ Э. наблюдали, ночью, небо, и если замѣчали на немъ падающую звѣзду, то могли устранить царей отъ власти, пока не приходилъ оракулъ изъ Дельфъ или изъ Олимпіи съ требованіемъ возвратить царю власть. Они могли обвинять царей, арестовать ихъ, требовать ихъ наказанія, отзывать ихъ отъ войска, вмѣшиваться въ разрѣшеніе вопроса о правѣ наслѣдованія престола и о законности рожденія царей (см. Демаратъ, X, 356). Часть Э. (двое) сопровождала царя въ походѣ и наблюдала за его дѣйствіями. Хотя военное командованіе оставалось въ рукахъ царя, но если онъ не слушалъ въ походѣ совѣтовъ Э. и вслѣдствіе этого терпѣлъ неудачу, то по возвращеніи изъ похода Э. привлекали его къ суду (судили герусія и Э.). По отношенію къ другимъ должностнымъ лицамъ и къ народу Э. имѣли еще большія права: они налагали штрафы, могли требовать отъ магистратовъ отчета даже среди года и отстранять ихъ отъ должности, принимали отъ нихъ отчетъ по истеченіи срока, заключали въ тюрьму, вчинали уголовное преслѣдованіе. Періэковъ и илотовъ Э. могли даже казнить безъ судебнаго разбирательства. Они судили безапелляціонно во всѣхъ гражданскихъ дѣлахъ. Повидимому, очень рано къ Э. перешелъ надзоръ за воспитаніемъ дѣтей спартіатовъ и за соблюденіемъ всѣми спартіатами установленнаго для нихъ порядка жизни, что давало возможность постоянно вмѣшиваться во всѣ мелочи повседневной жизни каждаго гражданина (цензура нравовъ). Они избирали руководителей дѣтскихъ «стадъ», слѣдили, чтобы вредныя со спартанской точки зрѣнія иностранныя вліянія и новшества не проникали въ Спарту, и поэтому особенно наблюдали надъ иностранцами, которыхъ могли высылать изъ предѣловъ государства. Они руководили общественными играми. Въ періодъ полнаго развитія эфората, Э. взяли въ свои руки внѣшнія сношенія: они принимали пословъ, давали имъ инструкціи, вырабатывали условія мира. Они созывали народное собраніе и герусію, собирали голоса, принимали иностранныхъ пословъ, производили военные наборы, вѣдали финансы. Такимъ образомъ они получили характеръ не только контрольной, но вообще высшей правительственной коллегіи. Наконецъ, они имѣли и нѣкоторыя религіозныя, жреческія функціи: они производили гаданіе по звѣздамъ, приносили жертвы. Главною причиной такого роста эфората было повсемѣстное въ Греціи ослабленіе царской власти. Въ Спартѣ двойственность царской власти создавала необходимость въ учрежденіи, которое дѣйствовало бы въ случаяхъ столкновеній царей другъ съ другомъ, парализовавшихъ ихъ дѣятельность. Собирать при каждомъ столкновеніи народное собраніе было невозможно; избираемые народнымъ собраніемъ Э. являлись въ такихъ случаяхъ представителями спартіатской общины. Спартіатская община «равныхъ» (ὅμοιοι), организовавшаяся въ VIII, VII и VI вв. демократически, не была склонна передавать власть, въ случаѣ столкновеній между царями, герусіи, какъ учрежденію, на которое община не могла оказывать вліянія. Э. стали представителями интересовъ общины «равныхъ», и въ этомъ была ихъ сила: опираясь на поддержку общины, эфоры могли узурпировать все новыя и новыя права, а народное собраніе, избиравшее Э. на короткій срокъ, должно было считать захватъ Э. царскихъ правъ выгоднымъ для себя. Расширеніе правъ Э. происходило посредствомъ накопленія прецедентовъ. Такимъ образомъ въ усиленіи эфората на счетъ царской власти въ первый періодъ можно видѣть своеобразное выраженіе демократическаго движенія среди военно организованной и пріученной къ военной дисциплинѣ общины «равныхъ». Этимъ военнымъ характеромъ спартіатской общины, привычной къ повиновенію и авторитету, объясняется то, что отнятыя у царей права доставались не народному собранію, а магистратурѣ Э. Какъ органъ спартіатской общины, эфоратъ отражалъ на себѣ ея судьбы. Уже въ V вѣкѣ стало сказываться разложеніе этой общины «равныхъ» и образованіе среди нея значительныхъ экономическихъ неравенствъ, достигшее полнаго развитія въ IV в. и приведшее въ III в. къ олигархіи богачей. Изъ того, что мы знаемъ о дѣятельности Э. въ эту эпоху, ясно, что эфоратъ былъ тогда уже органомъ всесильной олигархіи. Если даже въ Э. и попадали люди бѣдные, то олигархія, при помощи подкупа, дѣлала ихъ своимъ орудіемъ. Поэтому-то Э. и противились попыткамъ реформы, исходившимъ отъ царей Агиса III и Клеомена III. Они произвели жестокую расправу надъ Агисомъ, его матерью и бабкой. По той же причинѣ въ политической программѣ реформаторовъ на первомъ мѣстѣ стояло уничтоженіе эфората, какъ самостоятельнаго фактора: начиная реформу, Агисъ смѣнилъ прежнихъ Э. и самъ назначилъ новыхъ; Клеоменъ III-й прямо уничтожилъ эфоратъ, перебивъ Э., и велѣлъ унести съ площади кресла Э. Когда дѣло Клеомена кончилось крушеніемъ, эфоратъ былъ возстановленъ Антигономъ, и Э. стали единственными правителями Спарты. Они противились нѣсколько времени возстановленію царской власти, а затѣмъ они же назначали царей. Возстановленный эфоратъ существовалъ и во времена римскаго владычества, но, повидимому, дѣлилъ власть съ новой коллегіей патрономовъ, одинъ изъ которыхъ и сталъ эпонимомъ. Литературу см. Спарта. *Д. К.*

Эфраимъ или *Ефремъ* (Іоан. XI, 54) — гор. близъ пустыни Іерихонской, въ колѣнѣ Ефремовомъ, на сѣверной границѣ колѣна Веніаминова. Сюда Іисусъ Христосъ удалился по воскрешеніи Лазаря отъ враждебныхъ къ нему іудеевъ, рѣшившихъ въ совѣтѣ убить Его (Іоан. XI, 54). Небольшой городъ этотъ, по Флавію, находился недалеко отъ Веѳиля, къ сѣверу отъ Іерусалима. Робинсонъ полагаетъ, что на его мѣстѣ стоитъ нынѣшній Тайибехъ — небольшое селеніе, въ 4-хъ или

5-ти миляхъ къ сѣв.-востоку отъ Веѳиля и въ 16 миляхъ отъ Іерусалима. Мнѣніе это не противорѣчитъ ни евангельскому сказанію объ Э., ни указанію Флавія, ни мнѣнію Евсевія и Іеронима о положеніи Э. Офра, Афра, Ефронъ, Э., Ефремъ—различныя формы и видоизмѣненія одного и того же имени. Не нужно смѣшивать этого Э. съ Офрою или Э., отечественнымъ городомъ Гедеона, въ колѣнѣ Манассіиномъ, который доселѣ еще не найденъ.

Effectiv — терминъ вексельнаго права, означающій въ дословномъ переводѣ *въ натурѣ*. Формулою этою пользуются въ векселяхъ, выданныхъ за границею на такія страны, въ которыхъ существуетъ бумажно-денежное обращеніе. См. Барацъ, «Курсъ вексельнаго права» (стр. 391—393).

Эффіа (Antoine Coëffier, marquis d'Effiat) — французскій политическій дѣятель (1581—1632). Происходилъ изъ знатнаго рода и получилъ громадное наслѣдство отъ своего дяди Мартена Рюзе де-Болье, имя котораго онъ присоединилъ къ своему родовому. Въ началѣ царствованія Людовика XIII ему было поручено завѣдываніе горнымъ дѣломъ. Онъ скоро обратилъ на себя вниманіе Ришелье, какъ искусный администраторъ. Въ 1624 г. онъ былъ посланъ въ Англію, чтобы устроить бракъ принцессы Генріетты съ Карломъ I. Послѣ этого онъ былъ назначенъ суперинтендентомъ финансовъ и ввелъ преобразованія, нѣсколько упорядочившія сборъ налоговъ. Участвовалъ въ осадѣ Ла-Рошели, командовалъ арміей въ Піемонтѣ, былъ губернаторомъ Бурбоннэ, Оверни и Анжу. Получивъ титулъ маршала, посланъ былъ главнокомандующимъ въ Эльзасъ, но во время похода на Триръ умеръ. Его сочиненія: «L'état des affaires de finances» (1626); «Lettres du marquis d'Effiat sur les finances»; «Les heureux progrès des armées de Louis XIII en Piémont» (1632); «Mémoires concernant les dernières guerres d'Italie» (1632) и др.

Эхалія (Οἰχαλία): 1) городъ въ древней Мессеніи, на границѣ съ Аркадіей; 2) городъ въ Эретрійской области на о-вѣ Эвбеѣ; 3) городъ въ Ѳессаліи, на Пенеѣ. Ѳессалійская Э., согласно поэтическому преданію, была мѣстопребываніемъ царя Эврита, славнаго стрѣлка, убитаго въ состязаніи Аполлономъ. У Эврита была дочь Іола, которую отецъ обѣщалъ отдать замужъ за того, кто побѣдитъ его сыновей въ стрѣльбѣ изъ лука. Въ числѣ искателей руки Іолы явился и Гераклъ, но такъ какъ въ обѣщанной наградѣ ему было отказано, то онъ обложилъ осадой Э., убилъ Эврита съ его сыновьями и взялъ Іолу какъ плѣнницу. *Н. О.*

Эхеверія (Echeveria, иначе Cotyledon) —родовое названіе растеній изъ сем. толстянковыхъ (Crassulaceae). Извѣстно до 90 видовъ, дико растущихъ въ Африкѣ и въ Зап. и Южн. Европѣ, въ умѣренномъ климатѣ Азіи, въ Мексикѣ и въ Южн. Америкѣ. Это—травы или полукустарники, весьма разнообразнаго облика; листья мясистые, очень толстые, поперемѣнные или супротивные, сидячіе или черешковые, иногда собранные розеткою. Цвѣтки собраны въ метельчатыя соцвѣтія. Чашечка о 5 (рѣже 6) свободныхъ, или почти свободныхъ чашелистикахъ. Вѣнчикъ о 5 (рѣже 6) сросшихся въ трубочку лепесткахъ. Тычинокъ 10 (рѣже 5), приросшихъ нитями къ трубочкѣ вѣнчика. Плодъ—многосѣмянная коробочка. Родъ раздѣляется на 4 секціи: 1) Eucotyledon (чашелистики почти свободные, много короче вѣнчика, трубочка вѣнчика въ видѣ кружки или цилиндра); 2) Umbilicus (чашечка одинаковой длины съ трубочкою вѣнчика или немного короче; трубочка вѣнчика цилиндрическая или шаровидная); 3) Pistorinia (трубочка вѣнчика ворончатая, чашечка много короче трубочки вѣнчика); 4) Echeveria (чашелистики почти свободные, часто такой же длины, какъ вѣнчикъ, большею частью очень широкіе; лопасти вѣнчика широкія, часто много длиннѣе трубочки, трубочка вѣнчика пятигранная или кружковидная). Многіе виды Э. разводятся какъ декоративныя растенія (для ковровъ, бордюровъ и т. п.), таковы, напр., E. lingaefolia, E. glauca, E. retusa, E. caespitosa и др. (родомъ большинство изъ Мексики). C. Umbilicus L. употребляется противъ эпилепсіи. *С. Р.*

Эхидна (Ἔχιδνα) — въ греч. миѳологіи дочь Тартара и Гэи (по др. Хризаора и Каллирои или Форкиса и Кето), полудѣва-полузмѣя, жестокое, кровожадное чудовище, жившее въ пещерѣ и уничтожавшее смертныхъ. Отъ Тифона Э. была матерью многоголоваго (двухголоваго) пса Орѳра, Кербера, Лернейской гидры, Химеры, Скиллы, Сфинкса и Немейскаго льва. Убита была Э. Аргусомъ Паноптомъ во время сна.

Эхидна (Echidna) — принадлежитъ къ однопроходнымъ (Monotremata) или яйцероднымъ (Ovipara) млекопитающимъ и составляетъ особое семейство Echidnidae. Тѣло на спинѣ и бокахъ покрыто иглами; на остальныхъ мѣстахъ кожи волосы; хвостъ короткій, толстый; клювъ тонкій, удлиненный, съ ротовымъ отверстіемъ на концѣ въ видѣ узкой щели, языкъ вытяжной, длинный, червеобразный; зубныхъ пластинокъ нѣтъ, но языкъ и мягкое нёбо усажены роговыми шипами. Ноздри на концѣ клюва. Большія полушарія съ извилинами. Различаютъ два рода: Echidna и Proechidna; отличаются между собою числомъ спинныхъ и поясничныхъ позвонковъ, которыхъ у Proechidna больше. Относящіеся сюда виды живутъ въ Нов. Гвинеѣ, Австраліи и Тасманіи; ведутъ ночной образъ жизни; предпочитаютъ скалистыя мѣстности и горы; роютъ въ землѣ норы, направляя клювъ перпендикулярно къ поверхности; питаются муравьями, термитами и др. насѣкомыми. При приближеніи опасности свертываются шаромъ на подобіе ежа. E. hystrix и aculeata и др. и Proechidna bruijnii. На груди у Э. два углубленія—млечныхъ кармана, на днѣ которыхъ открываются млечныя железы. Э. сноситъ одно яйцо съ пергаментной скорлупой и ко времени яйцекладки образуется у нея въ видѣ складки кожи сумка (marsupium), прикрывающая млечные карманы и служащая для вынашиванія дѣтенышей, а потомъ сглаживающаяся. Температура сумки во время яйценошенія повышается и кожа ея переполняется кровью. Молоко выбрасывается изъ же-

лезъ дѣйствіемъ произвольной мускулатуры. Самцы имѣютъ такъ же хорошо развитыя и, вѣроятно, функціонирующія млечныя железы, какъ и самки. *В. М. Ш.*

Эхинарія (Echinaria) — родъ изъ сем. Gramineae (злаки), содержащій только одинъ видъ—E. capitata, распространенный въ Средиземноморскихъ странахъ, въ Крыму и Закавказьѣ. Сильно укороченное соцвѣтіе имѣетъ видъ шаровидной головки изъ 2—3 цвѣтковыхъ колосковъ съ недоразвитыми верхними цвѣтками. Цвѣточныя чешуи раздѣлены вверху на нѣсколько растопыренныхъ зубцовъ. *В. Дубянскій.*

Эхиниды (Echinidæ) — семейство правильныхъ морскихъ ежей (Echinoidea Regulares) типа иглокожихъ или Echinodermata (см. соотвѣтств. слова). Представители ихъ встрѣчаются въ европейскихъ моряхъ. *В. Ш.*

Эхиноботрій (Echineibothrium)—родъ семейства Tetraphyllidæ класса ленточныхъ червей или Cestodes, подтипа плоскихъ червей или Platodes (см. эти слова, а также Глисты). Э. паразитируетъ въ кишечникѣ скатовъ и интересенъ въ біологическомъ отношеніи, такъ какъ членики, входящіе въ составъ тѣла червя, могутъ, по отдѣленіи своемъ отъ червя, не только долгое время жить въ кишечникѣ хозяина, но и значительно выростать. *В. Ш.*

Эхинокактусъ (Echinocactus Lk. et Otto)—родовое названіе растеній изъ сем. кактусовъ (Cactaceae). Это—громадный родъ, насчитывающій до 200 видовъ, дико растущихъ на ЮЗ Сѣв.-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, въ Мексикѣ, Чили и до Бразиліи. Тѣло у этихъ кактусовъ шарообразное или коническое, рѣже коротко-цилиндрическое, покрытое снаружи цѣльными или прерванными ребрами, отчего поверхность тѣла кажется бугорчатою или бородавчатою. Пятна (ареолы), подушечки войлочныя и иглистыя. Цвѣтки появляются на верхушкѣ стебля по-одиночкѣ или группами; они возникаютъ на пятнахъ. Цвѣтокъ правильный, небольшой или довольно крупный. Наружные листки околоцвѣтника отличаются часто отъ внутреннихъ покраскою и консистенціею. Тычинки скрыты въ трубочкѣ околоцвѣтника, къ которой онѣ прикрѣплены. Самыя нижнія тычинки часто сростаются въ трубочку. Завязь не погруженная въ тѣло растенія, со многими сѣмяпочками; завязь и трубочка околоцвѣтника снаружи бываютъ усажены чешуйками и иглами. Плодъ довольно сухой, иногда съ увядшимъ околоцвѣтникомъ на верхушкѣ. Сѣмена яйцевидныя, бугорчатыя и морщинистыя. Этотъ громадный родъ распадается на слѣдующіе ряды: 1) тѣло покрыто бородавочками, расположенными по спирали, I р. Theloidei (сюда принадлежатъ, напр., E. disciformis, brevihamatus, tulensis и др.). 2) У остальныхъ видовъ тѣло покрыто цѣльными или прерывчатыми ребрами, но не бородавками; у однихъ изъ нихъ иглы сильно загнутыя, у другихъ иглы прямыя или слегка загнутыя; къ первымъ принадлежатъ II р. Uncinati (самыя крупныя иглы широкія, бороздчатыя, постепенно загнутыя: напр., у E. lexensis, cornigerus, Lecontei, cylindraceus и др., или самыя крупныя иглы не расширенныя, гранистыя или гладкія, сразу загнутыя; напр. у E. longihamatus, setispinus, hamatus и др.); ко вторымъ принадлежатъ такіе виды, у которыхъ верхушка тѣла либо волосистая (III р. Cephaloidei, напр. E. horizontalis, equitans, ingens, oxypterus, pilosus и др.), либо не волосистая; у однихъ изъ нихъ ребра надрѣзаны продольными бороздками на бугорки (IV р. Hybogoni, напр. E. Centiterius, gibbosus и др.), у другихъ ребра цѣльныя: острогранистыя, либо взаимно не сливающіяся (V р. Asteroidei, напр. E. myriostigma, ornatus и др.), либо сливающіяся боками въ листовидныя крылья (VI р. Stenogoni, напр. E. multicostus, platycantus, gladiatus и др.); или ребра округлыя (VII р. Microgoni E. Williamsii, denudatus, concinnus, Ottonis, pumillus и др.). *С. Р.*

Эхинококковая болѣзнь (*Э. опухоль, гидатидная опухоль*) — обусловливается прониканіемъ въ организмъ человѣка (также обезьяны, овцы, свиньи, рогатаго скота) молодыхъ зародышей (финны) ленточной глисты, Tænia echinococcus, которая встрѣчается у собаки (также у волка, лисицы, шакала). Зараженіе происходитъ большею частью вслѣдствіе близкаго соприкосновенія съ собаками (цѣлованіе) и, можетъ быть, также черезъ воду или пищевыя средства (салатъ, плоды), загрязненныя изверженіями собакъ. Яйца упомянутаго лентеца, попадая въ желудочно-кишечный каналъ, освобождаются отъ своихъ оболочекъ вслѣдствіе дѣйствія пищеварительныхъ соковъ, и освободившійся зародышъ своими крючечками внѣдряется въ кровеносные сосуды и токомъ крови заносится въ различные органы, гдѣ осѣдаетъ и развивается въ эхинококка. Чаще всего онъ поселяется въ печени, приблизительно въ 47% всѣхъ случаевъ (по статистикѣ Фре[illegible]); далѣе слѣдуютъ: легкія—12%, почки—10%, черепная полость—9%, малый тазъ—4,5%, селезенка, кости, женскія половыя части—3,5%, груди, глаза—2%, спинной мозгъ—1,5%, мужскіе половые органы, мочевой пузырь—1%; по Нейссеру, частота эхинококка въ мышцахъ составляетъ 4—6%. Э. болѣзнь особенно распространена въ Исландіи, гдѣ чуть ли не шестая часть населенія страдаетъ этой болѣзнью, далѣе въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Австраліи, изъ германскихъ провинцій преимущественно въ Силезіи, Франконіи, Мекленбургѣ, Помераніи; имѣются также сообщенія изъ средней полосы Россіи; отдѣльные случаи попадаются повсемѣстно. Излюбленнымъ мѣстомъ Э. болѣзни является, какъ мы уже упоминали, печень. Здѣсь болѣзнь проявляется въ двухъ формахъ, которыя соотвѣтствуютъ, вѣроятно, двумъ разновидностямъ ленточной глисты, а именно въ видѣ одногнѣзднаго и многогнѣзднаго эхинококка. Первый, болѣе частый, образуетъ постепенно растущій пузырь, который съ теченіемъ времени можетъ достигнуть размѣровъ головы взрослаго человѣка. На внутреннемъ, такъ назыв. зародышевомъ слоѣ пузыря развиваются плодные пузыри, въ которыхъ

образуются головки (сколексы), снабженныя 4 присосками и вѣнчикомъ изъ крючьевъ; нѣкоторые изъ нихъ превращаются въ такъ назыв. дочерніе пузыри, которые могутъ отдѣлиться потомъ отъ стѣнки и свободно плавать въ наполняющей пузырь жидкости; они въ свою очередь могутъ производить внучатные пузыри и т. д. Въ противоположность внутреннему (эндогенному) размноженію одногнѣзднаго эхинококка, многогнѣздный эхинококкъ, который встрѣчается гораздо рѣже, растетъ путемъ наружнаго (экзогеннаго) образованія пузырей, которые развиваются преимущественно внутри желчныхъ путей, кровеносныхъ и лимфатическихъ сосудовъ. Фирордтъ приводитъ слѣдующую таблицу частоты случаевъ многогнѣзднаго эхинококка: Баварія 39, Швейцарія 21, Вюртембергъ и Гогенцоллернъ 21, Австрія 7, Россія 4, Пруссія 1, Баденъ 1, Соединенные Штаты 1; такимъ образомъ, распространеніе его, повидимому, связано съ опредѣленными географическими мѣстностями. Симптомы Э. болѣзни весьма разнообразны въ зависимости отъ того, въ какомъ органѣ поселяется паразитъ, быстро или медленно онъ растетъ и въ какомъ направленіи, на какіе сосѣдніе органы оказываетъ давленіе и т. д. Процессъ обыкновенно протекаетъ безлихорадочно, если не наступаетъ нагноеніе эхинококковаго пузыря, что случается вслѣдствіе вторичнаго зараженія, часто послѣ травмы. На теченіе болѣзни оказываетъ также вліяніе вскрытіе пузыря, которое, напр., при эхинококкѣ печени, можетъ послѣдовать наружу черезъ брюшную стѣнку, въ желудокъ, кишки, мочевые пути, въ полость плевры, брюшины, сердечной сорочки и даже въ самое сердце; въ послѣднихъ двухъ случаяхъ наступаетъ обыкновенно моментальная смерть. Нерѣдко Э. болѣзнь протекаетъ годами скрыто, а то и всю жизнь можетъ не вызывать никакихъ симптомовъ и случайно открывается при вскрытіи; или же болѣзнь сопровождается столь неясными явленіями, что распознаваніе невозможно или становится возможнымъ случайно, вслѣдствіе прободенія опухоли наружу. Изливающаяся при этомъ жидкость отличается большимъ содержаніемъ поваренной соли, отсутствіемъ бѣлка, небольшимъ количествомъ янтарной кислоты и инозита; но вполнѣ доказательнымъ является только нахожденіе крючьевъ или сколексовъ эхинококка. Что касается лѣченія, то, если болѣзнь распознана и констатированъ прогрессирующій и вредный для здоровья характеръ процесса, необходимо прибѣгнуть къ оперативному вмѣшательству, при условіи, конечно, если локализація опухоли допускаетъ таковое. Эхинококки печени, глазницы, даже мозга были уже неоднократно оперированы съ успѣхомъ. Описаны нѣсколько случаевъ излѣченія эхинококка печени путемъ электропунктуры. Датскій врачъ Іонассенъ, практикующій въ Исландіи, вызываетъ посредствомъ прижиганій ограниченное воспаленіе брюшныхъ покрововъ и срощеніе съ ними стѣнки опухоли, послѣ чего вскрываетъ опухоль дальнѣйшими прижиганіями или помощью ножа; методъ этотъ крайне болѣзненный и кропотливый. Въ общемъ всѣ методы, кромѣ оперативнаго, какъ ненадежные или рискованные, въ настоящее время уже мало примѣняются. Внутреннихъ лѣчебныхъ средствъ противъ Э. болѣзни мы не имѣемъ. Профилактика должна состоять въ соблюденіи опрятности въ кухнѣ и въ домѣ. Собаки должны быть удалены изъ кухни и не должны получать пищи въ посудѣ, которой пользуемся сами; не слѣдуетъ давать собакамъ облизывать себя, не слѣдуетъ цѣловать ихъ или спать съ ними. Пища собакъ должна состоять изъ вареныхъ продуктовъ, но никогда изъ отбросовъ убойныхъ животныхъ.

В. О—ій.

Эхинококкъ (Taenia echinococcus) — видъ рода Taenia, семейства солитеровъ или Taeniadae, класса ленточныхъ червей или Cestodes, подтипа плоскихъ червей или Platodes (см. эти слова, а также Глисты, VIII 872, табл. I, фиг. 4, 22 и 23).

Эхинорнихи—единственное семейство класса колючеголовыхъ червей или скребней (Acanthocephali). Въ семействѣ Э. различаютъ всего одинъ родъ Эхинорнихъ, паразитирующій во взросломъ состояніи въ кишечникѣ позвоночныхъ животныхъ, а въ личиночномъ состояніи—въ безпозвоночныхъ животныхъ (см. Глисты, VIII, 880—881, табл. II, фиг. 8).

Эхинъ—см. Древне-греческое искусство (XI, 128).

Эхіонъ (Echion) — въ греч. миѳологіи одинъ изъ «спартовъ», т. е. героевъ, выросшихъ изъ драконовыхъ зубовъ, посѣянныхъ Кадмомъ; супругъ Агавы, дочери Кадма, и отецъ Пенѳея, растерзаннаго вакханками за непочтительность къ богу Діонису.

Эхіуровыя или *Эхіуриды* (Echiuridea)—группа весьма своеобразныхъ морскихъ червей, которую въ очень недавнее время разсматривали подъ названіемъ щетинконосныхъ червей или Chaetifera какъ отрядъ класса звѣздчатыхъ червей или Gephyrei. Новѣйшія изслѣдованія внутренней организаціи, а главное исторіи развитія этихъ животныхъ показали, что ихъ нельзя соединять съ отрядомъ безщетинковыхъ червей или Achaeta въ классъ звѣздчатыхъ червей. Послѣднихъ (см. XXXVIII, 524—530) выдѣляютъ теперь какъ самостоятельный классъ подтипа червеобразныхъ или Vermidea, тогда какъ Э. разсматриваютъ какъ отрядъ класса кольчатыхъ червей (см.) или Annulata, причисляемыхъ къ типу червей (см). или Vermes.

Тѣло Э. продолговато-цилиндрическое, червеобразное или мѣшковидное и снабжено на переднемъ концѣ болѣе или менѣе длиннымъ мускулистымъ придаткомъ—хоботкомъ (фиг. 1—3 *R*), весьма подвижнымъ, но который не можетъ быть втягиваемъ внутрь тѣла. При основаніи хоботка на брюшной сторонѣ находится ротовое отверстіе (фиг. 2—3 *o*), такъ что хоботокъ Э. отнюдь не соотвѣтствуетъ образованію, носящему то же названіе у звѣздчатыхъ червей, а соотвѣтствуетъ преоральной лопасти кольчатыхъ червей. Брюшная сторона хоботка представляется желобковатой (фиг. 1 и 3 *R*) и выстлана мерцатель-

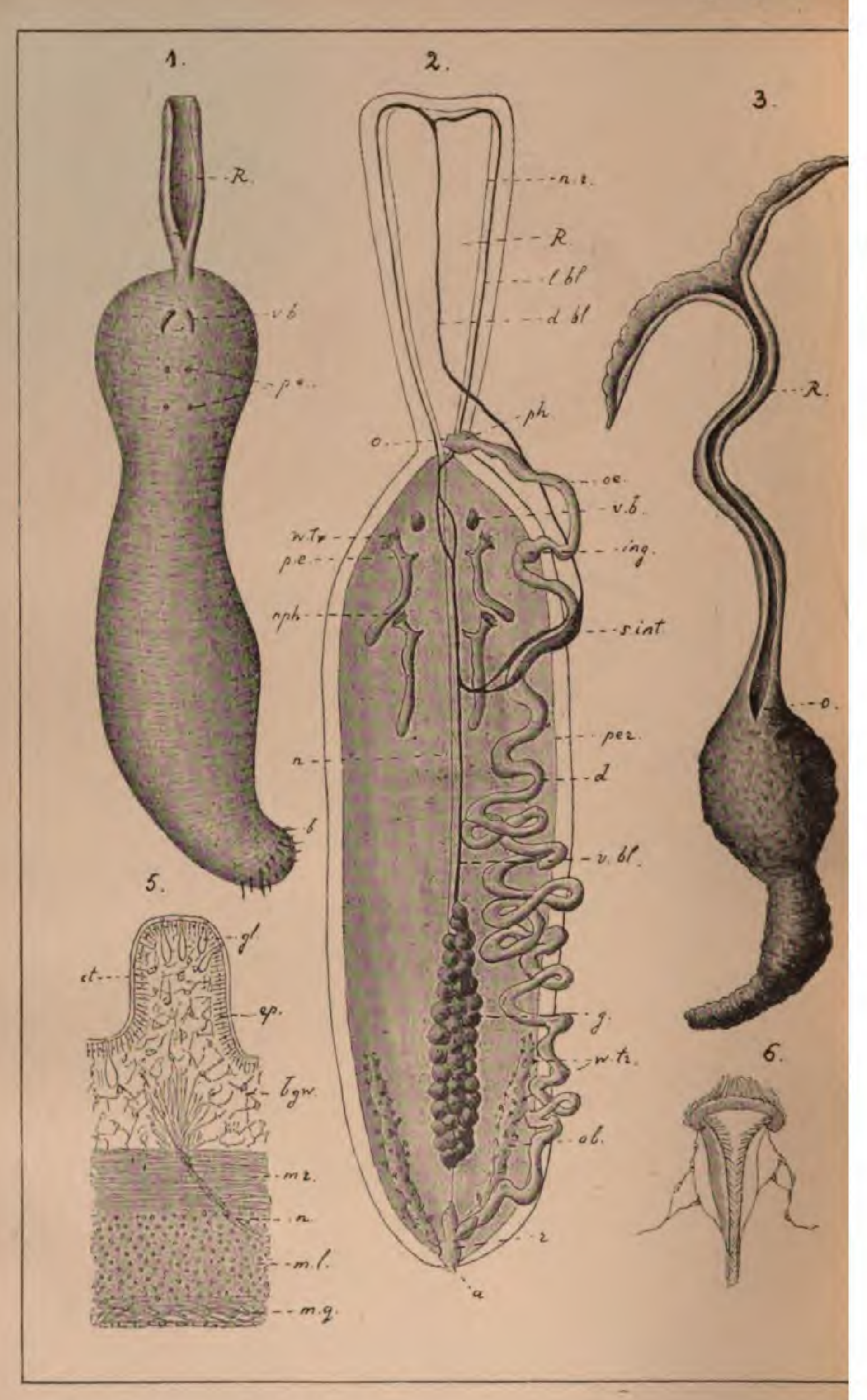
ными волосками, движенiемъ которыхъ приносится пища къ ротовому отверстiю. Форма хоботка довольно разнообразна: такъ, у Echiurus (фиг. 1—2 *R*) хоботокъ короткiй, лопастевидный и трехугольный, тогда какъ у Bonellia—очень длинный и раздвоенный на концѣ на двѣ лопасти (фиг. 3 *R*). На нѣкоторомъ разстоянiи отъ ротового отверстiя, по бокамъ средней брюшной линiи, помѣщаются двѣ загнутыя крючкомъ щетинки (фиг. 1—2 *vb*) и кромѣ того у нѣкоторыхъ родовъ (Echiurus) на заднемъ концѣ тѣла—еще два неполныхъ кольцевыхъ ряда щетинокъ (фиг. 1 *b*). такъ называемыхъ заднепроходныхъ или анальныхъ щетинокъ. Наружная кольчатость или вовсе отсутствуетъ или является едва замѣтной, тогда какъ въ эмбрiональномъ состоянiи она довольно отчетлива. *Покровы* тѣла (фиг. 5 и 8) состоятъ изъ тонкой стекловидной кутикулы (*ct*) и цилиндрическаго эпидермиса (*ep.*), подъ которымъ залегаетъ довольно значительной толщины слой соединительной ткани (*bgw.*). Цилиндрическiя клѣтки эпидермиса у многихъ Э. бываютъ окрашены диффузно въ различный цвѣтъ, обусловливающiй общую окраску тѣла Э. Среди опорныхъ цилиндрическихъ клѣтокъ (фиг. 5 *ep.*) сообщающихся при помощи ножки съ соединительной тканью (фиг. 5 *bgw.*), различаютъ многочисленныя одноклѣточныя грушевидныя железы (*g*), располагающiяся обыкновенно въ кожѣ кучками, которыя выдаются на поверхности тѣла въ видѣ бородавокъ или сосочковъ и у нѣкоторыхъ Э. бываетъ распредѣлены правильными поперечными рядами (фиг. 1—3). Мускулатура въ видѣ такъ наз. кожно-мускульнаго мѣшка (фиг. 5 и 8) состоитъ изъ трехъ слоевъ мышцъ: наружно-кольцевого (фиг. 5 *m. r.*), средняго—продольнаго (*m. l.*) и внутренняго-косого (*m. q.*); послѣднiй состоитъ изъ мускульныхъ волоконъ, идущихъ косо отъ брюшной линiи и спереди къ спинной линiи и назадъ, частью перекрещиваясь между собою по обѣимъ среднимъ линiямъ. За мышечнымъ слоемъ слѣдуетъ эндотелiй (фиг. 2, 5 и 8 *per*), состоящiй изъ плоскихъ клѣтокъ мезодермальнаго происхожденiя, выстилающiй обширную полость тѣла, не подѣленную перегородками на сегменты или отдѣлы. Покровы хоботка на спинной сторонѣ ничѣмъ не отличаются отъ покрововъ тѣла, тогда какъ на брюшной сторонѣ они покрыты весьма тонкой кутикулой и эпидермисъ состоитъ изъ мерцательнаго эпителiя. Полость тѣла не простирается въ хоботокъ; онъ заполненъ соединительной тканью, въ которой проходятъ тяжи продольныхъ, поперечныхъ и спинно-брюшныхъ мышцъ. Щетинки Э. (фиг. 1 и 8 *v. b*) окружены, точно такъ же какъ и у прочихъ кольчатыхъ червей, при основанiи своемъ каждая особымъ кожнымъ чехломъ, къ которому прикрѣпляются мускулы (фиг. 8), выдвигающiе щетинки наружу и втягивающiе ихъ внутрь, а также производящiе разнообразныя движенiя щетинокъ. Щетинка нѣсколько искривлена на подобiе крючка, расширена у основанiя и заострена къ концу, торчащему изъ тѣла наружу. Подлѣ каждой большой брюшной щетинки скрыты въ кожѣ маленькiя запасныя, которыя находятся на различныхъ стадiяхъ развитiя и постепенно, одна за другой, выступаютъ наружу въ замѣнъ выпадающей главной щетинки. Щетинки образуются въ особомъ эпителiальномъ мѣшкѣ, сидящемъ въ глубинѣ чехла главной щетинки. *Кишечникъ* (фиг. 2) значительно длиннѣе самаго тѣла и, помѣщаясь въ полости тѣла, образуетъ нѣсколько петлеобразныхъ заворотовъ; онъ прикрѣпляется при помощи многочисленныхъ уздечекъ къ внутренней поверхности полости тѣла. Въ кишечникѣ различаютъ три отдѣла: переднюю, среднюю и заднюю кишку съ различными подотдѣлами. Ротовое отверстiе (фиг. 2 и 3 *o*) ведетъ въ короткую, нѣсколько расширенную глотку (фиг. 2 *ph*), продолжающуюся въ длинный пищеводъ (*oe*), снабженный на концѣ небольшимъ расширенiемъ—зобомъ (*ing*). За этой передней кишкою слѣдуетъ средняя кишка (*d*), образующая нѣсколько петлеобразныхъ заворотовъ и направляющаяся къ заднему концу тѣла; вдоль всей средней кишки (фиг. 7 *d*) тянется небольшой каналъ—сифонъ (*sph*), прилегающiй къ ней съ брюшной стороны и сообщающiйся съ нею на переднемъ и заднемъ концѣ. Въ заднемъ концѣ тѣла средняя кишка переходитъ въ заднюю прямую кишку (фиг. 2 *r.*), открывающуюся наружу порошицей (*a*) на заднемъ концѣ тѣла. Въ прямую кишку открываются два длинныхъ, перепончатыхъ мѣшка, такъ назыв. анальные мѣшки (фиг. 2 *ab*), усаженные по своей поверхности большимъ количествомъ мерцательныхъ воронокъ (*w. tr*); эти послѣднiя или непосредственно сидятъ на стѣнкѣ мѣшковъ или же прикрѣпляются къ нимъ при помощи ножекъ или развѣтвленныхъ стебельковъ; въ послѣднемъ случаѣ получаются древовидныя группы мерцательныхъ воронокъ. Эти воронки (фиг. 6) съ одной стороны открываются въ полость тѣла, а съ другой при помощи узкаго канала—въ полость анальныхъ мѣшковъ. Послѣднiе на своей внутренней поверхности состоятъ изъ слоя клѣтокъ, заключающихъ выдѣлительныя тѣльца; по мѣрѣ разрушенiя эти клѣтки замѣщаются маленькими желтыми клѣтками, находящимися въ сосѣдствѣ съ ними; мерцательные волоски не особенно многочисленны. Анальные мѣшки выполняютъ такимъ образомъ экскреторную или выдѣлительную функцiю, при чемъ мерцательныя воронки заглатываютъ находящiеся въ полости тѣла послѣднiе продукты обмѣна веществъ. Кромѣ того анальные мѣшки могутъ чрезъ анальное отверстiе заглатывать воду, которая, будучи богата кислородомъ, служитъ для дыханiя и такимъ образомъ эти мѣшки могутъ имѣть важное значенiе и для дыханiя, а потому и называются нѣкоторыми учеными анальными жабрами. *Нервная система* состоитъ изъ цилиндрическаго брюшного нервнаго шнурка (фиг. 2 *n*) и широкаго окологлоточнаго кольца (*n. r*), на которомъ совершенно незамѣтно утолщенiй, соотвѣтствующихъ надглоточному или головному узлу или ганглiю. Нервный снурокъ или стволъ тянется вдоль всего тѣла на внутренней поверхности брюшной стѣнки и также не имѣетъ ганглiозныхъ утолщенiй; онъ состоитъ по всей своей длинѣ изъ волокнистаго вещества, къ которому

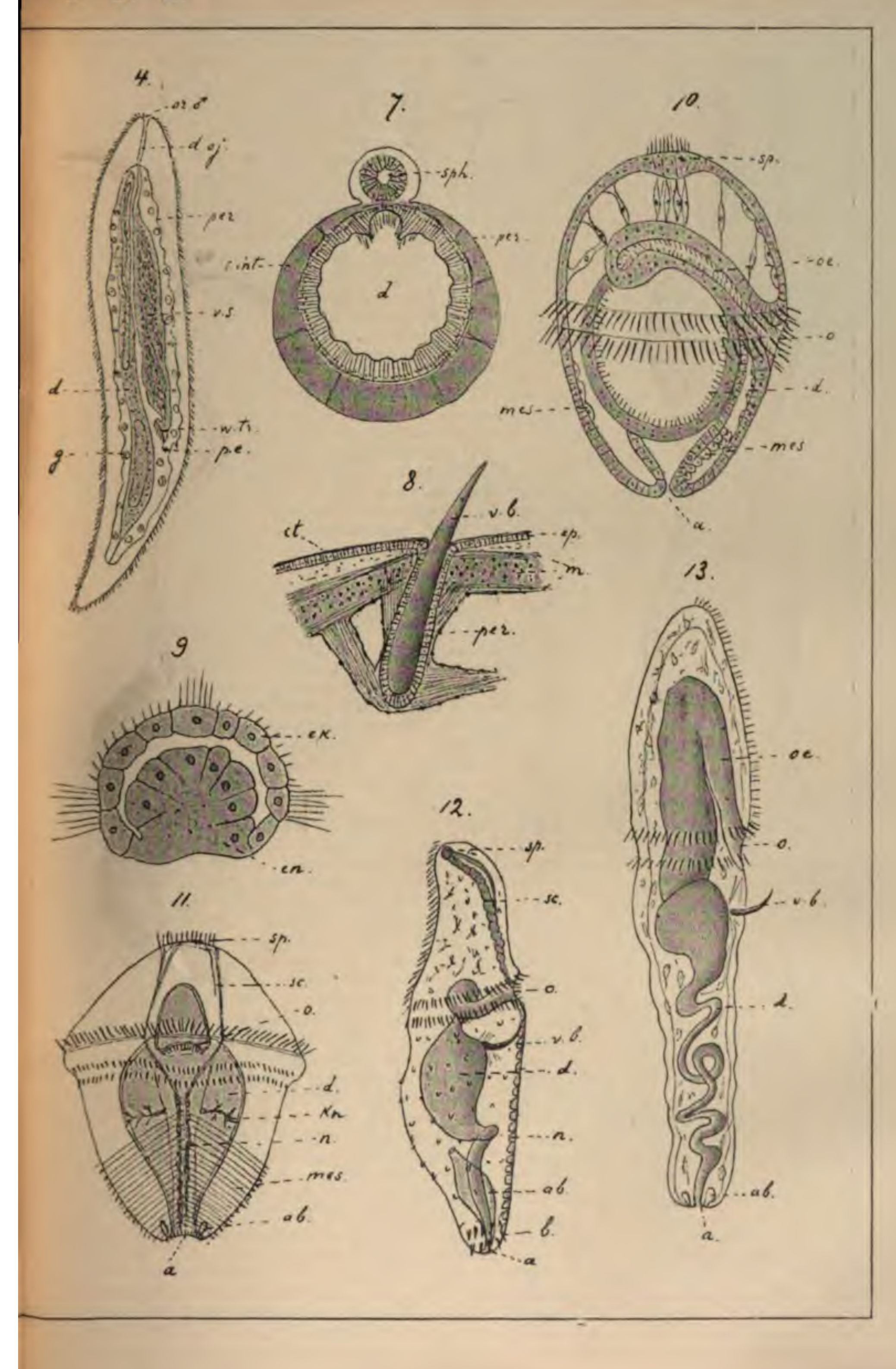
Къ табл. ЭХІУРОВЫЕ.

Значеніе буквъ:

a—порошица.
a. b.—анальные мѣшки.
b—щетинки (анальныя).
b. gw—соединительная ткань.
ct—кутикула.
d—кишечникъ.
d. bl—спинной кровеносный сосудъ.
d. ej.—сѣмяизвергательный каналъ.
ek—эктодерма.
en—ентодерма.
ep—эпидермисъ.
g—половые органы (гонады).
gl—железы.
ing—зобъ.
Kn—головныя почки (протонефридіи).
l. bl—боковой кровеносный сосудъ.
m—мышцы.
m. l.—продольныя мышцы.
m. q.—косыя мышцы.
m. r.—кольцевыя мышцы.
mes—мезодерма.
n—нервный стволъ.
n. r—нервное кольцо.
nph—сегментальные органы (метанефридіи).
p. e—отверстіе сегментальныхъ органовъ.
per -перитонеальный слой.
ph—глотка.
R—хоботокъ.
r—прямая кишка.
o—ротъ.
oe—пищеводъ.
or. ♂—отверстіе мужск. полов. орган.
sc—нервное кольцо.
sp—теменная пластинка.
s. int—спинной сосудъ (сердце).
v. b.—брюшныя щетинки.
v. bl—брюшной кровеносный сосудъ.
v. s.—сѣмянной мѣшокъ.
w. tr—мерцательная воронка.

Фиг. 1. Echiurus Palasii съ броюшной стороны.
Фиг. 2. Echiurus. Полусхематическое изображеніе вскрытаго животнаго.
Фиг. 3. Bonellia viridis съ брюшной стороны. Самка.
Фиг. 4. Bonellia viridis съ брюшной стороны. Самецъ.
Фиг. 5. Echiurus. Поперечный разрѣзъ чрезъ кусокъ кожи.
Фиг. 6. Echiurus Pallasii. Мерцательная воронка выдѣлительныхъ органовъ.
Фиг. 7. Echiurus. Поперечный разрѣзъ чрезъ кишечникъ въ области обхватывающаго его спинного сосуда (сердца).
Фиг. 8. Echiurus. Поперечный разрѣзъ чрезъ кожу въ мѣстѣ прикрѣпленія щетинки.
Фиг. 9. Thalassema mellita. Стадія гаструлы.
Фиг. 10. Thalassema mellita. Трохофорная личинка (начальная стадія).
Фиг. 11. Echiurus. Трохофорная личинка (позднѣйшая стадія).
Фиг. 12. Echiurus. Личинка (начало превращенія).
Фиг. 13. Thalassema mellita. Личинка (позднѣйшая стадія).

1.
2.
3.
5.
6.
R.
v.b
p.e.
b
n.r.
l.bl
d.bl
ph.
o.
oe.
v.b.
ing.
s.int.
w.tr
p.e.
nph.
n
per.
d
v.bl.
g.
w.t₂
ob.
r
a
gl
ct
ep.
bgw.
mr.
n.
m.l.
m.q.

4.
7.
10.
8.
13.
9
12.
11.
sph.
per.
d
sp.
oe.
o
mes
a.
v.b.
ep.
m.
ct.
ek.
en.
sc.
n.
ab.
b.
Kn

съ двухъ сторонъ примыкаютъ по ряду ганглiозныхъ клѣтокъ; внутри нервнаго шнурка идетъ продольный каналъ, продолжающiйся въ оба колѣна окологлоточнаго кольца. Отъ брюшного нервнаго ствола отходятъ боковые нервы, направляющiеся въ кожно-мускульный мѣшокъ и, идя параллельно кольцевымъ мышцамъ, соединяются на спинной сторонѣ тѣла съ соотвѣтствующими нервами другой стороны: такимъ образомъ получается рядъ нервныхъ колецъ, образующихъ периферическую нервную систему и посылающихъ многочисленныя вѣтви къ сосочкамъ кожи. Въ заднемъ концѣ тѣла нервный стволъ заканчивается у порошицы, а въ переднемъ—вблизи ротового отверстія распадается на два ствола, которые тянутся вдоль боковыхъ краевъ хоботка и на переднемъ концѣ послѣдняго соединяются поперечной дугой, образуя длинное окологлоточное кольцо; гистологическое строеніе послѣдняго такое же, какъ и нервнаго ствола. *Органовъ чувствъ* нѣтъ, если не считать собранныхъ въ правильно расположенные сосочки группы грушевидныхъ железистыхъ клѣтокъ, къ которымъ подходятъ нервныя окончанія. Въ силу послѣдняго обстоятельства этимъ сосочкамъ, помимо железистой функціи, приписываютъ еще значеніе органовъ чувствъ, а именно органовъ осязанія. *Органы кровообращенія.* Центральнымъ органомъ кровеносной системы въ настоящее время считаютъ полость или синусъ (фиг. 2 и 7 *s. int*), помѣщающуюся въ переднемъ отдѣлѣ средней кишки и окружающую послѣднюю со спинной стороны и съ боковъ вплоть до брюшного сифона, который остается свободнымъ. Этотъ синусъ наполненъ кровью и сократимъ; къ переднему концу онъ переходитъ въ спинной кровеносный сосудъ (фиг. 2 *d. bl*), отдѣляющiйся отъ кишечника и располагающiйся въ полости тѣла. Направляясь въ хоботокъ, онъ доходитъ до его передняго конца и развѣтвляется на два боковыхъ сосуда (фиг. 2 l. bl.), направляющiеся по бокамъ хоботка назадъ. Вблизи окологлоточнаго нервнаго кольца боковые сосуды хоботка соединяются на брюшной сторонѣ тѣла въ одинъ брюшной кровеносный сосудъ, тянущiйся надъ брюшнымъ нервнымъ шнуркомъ вплоть до задняго конца тѣла. Въ переднемъ концѣ тѣла отъ брюшного кровеноснаго сосуда отходитъ сосудъ, развѣтвляющiйся вскорѣ на два сосуда, которые направляются къ спинной сторонѣ и впадаютъ въ синусъ, омывающiй передній отдѣлъ средней кишки со спинной стороны. Такимъ образомъ кровеносная система представляется замкнутой и, повидимому, не сообщается непосредственно съ полостью тѣла. Въ кровеносной системѣ встрѣчаются амебоидные лейкоциты, тогда какъ въ полости тѣла, помимо такихъ лейкоцитовъ, еще безъядерныя красныя тѣльца, похожія на красные кровяные шарики млекопитающихъ и содержащія гемоглобинъ. *Выдѣлительная система* представлена двоякими органами: 1) вышеописанными анальными мѣшками (фиг. 2 *a. b*), густо усаженными выдѣлительными, мерцательными воронками и 2) такъ называемыми сегментальными органами (фиг. 2 *nph*), устроенными, какъ и у прочихъ кольчатыхъ червей, по типу метанефридій. Эти послѣдніе встрѣчаются въ видѣ одной (Bonellia), двухъ (Echiurus) или трехъ паръ (Thalassema) длинныхъ, тонкостѣнныхъ мѣшковъ, прикрѣпленныхъ въ полости тѣла при помощи мезентерій или уздечекъ, вблизи брюшныхъ щетинокъ. Они открываются въ полость тѣла широкими мерцательными (фиг. 2 *w. tr*) воронками, а наружу небольшими отверстіями (фиг. 1, 2 и 4 *p. e*), лежащими вблизи воронокъ. Эти органы, помимо выдѣлительной функціи, служатъ еще для выведенія наружу половыхъ продуктовъ. *Половые органы.* Э. раздѣльнополы и ихъ половые органы помѣщаются въ задней части полости тѣла въ видѣ непарнаго утолщенія (фиг. 2 и 4 *g*) перитонеальнаго слоя (*per*). Ихъ можно также разсматривать какъ парныя утолщенія, слившіяся въ одну массу, прилегающую къ брюшному кровеносному сосуду. Половые продукты, т. е. сперматозоиды или яйца, созрѣвая, отдѣляются отъ прочихъ клѣтокъ половой железы и попадаютъ въ полость тѣла. Они заглатываются большими мерцательными воронками сегментальныхъ органовъ и поступаютъ въ слѣпые мѣшки, гдѣ оставаясь болѣе или менѣе продолжительное время, созрѣваютъ окончательно и затѣмъ уже выводятся наружу. У нѣкоторыхъ Э. наблюдается рѣзкій половой диморфизмъ (фиг. 3 и 4), который у рода Bonellia соединенъ еще съ паразитизмомъ самцовъ внутри самокъ. Самки (фиг. 3) имѣютъ зеленаго цвѣта мѣшковидное тѣло отъ 5—8 стм. длины, снабженное на переднемъ концѣ длиннымъ, (20—30 стм.) и развѣтвленнымъ на концѣ хоботкомъ. По своей внутренней организаціи они въ общемъ напоминаютъ другихъ Э. и отличаются лишь тѣмъ, что вмѣсто парныхъ сегментальныхъ органовъ имѣютъ одинъ большой непарный длинный мѣшокъ, такъ называемую матку, открывающiйся большой мерцательной воронкой въ полость тѣла и небольшимъ отверстіемъ наружу; выводной каналъ этого органа нѣсколько расширенъ и образуетъ такъ называемую камеру самцовъ, отдѣленную складками отъ мѣшковидной матки, въ которой заглоченныя изъ полости тѣла воронкой яйца продѣлываютъ первыя стадіи развитія. Самцы Bonellia (фиг. 4) были открыты въ относительно недавнее время покойнымъ академикомъ А. О. Ковалевскимъ и достигаютъ всего 1—2 мм. длины. Они имѣютъ ланцетовидное, съуженное кзади тѣло, сплошь покрытое мерцательными рѣсничками, такъ что болѣе всего напоминаютъ рѣсничныхъ червей (см.) Ведя паразитическій образъ жизни, ихъ внутренняя организація является регрессированной: они не имѣютъ ни ротового, ни анальнаго отверстія, хотя кишечникъ и сохранился (фиг. 4 *d*); нервная система (кольцо и стволъ) сильно укорочена и не доходитъ до задняго конца тѣла. Значительную часть полости тѣла занимаютъ половые органы (*g*), состоящіе изъ большого мѣшка, продолговатаго, такъ назыв. сѣмянного мѣшка (*v. s*), происшедшаго слiяніемъ одной пары сегментальныхъ органовъ. Этотъ сѣмянной мѣшокъ снабженъ на своемъ

заднемъ концѣ мерцательной воронкой (*w. tr.*), а на переднемъ—продолжается въ узкій выводной каналъ, или сѣмяизвергательный каналъ (*d. ej*), который проходитъ через окологлоточное нервное кольцо и открывается наружу на переднемъ концѣ тѣла (*or.* ♂). Половые продукты, т. е. сперматозоиды развиваются въ полости тѣла изъ отдѣляющихся клѣтокъ перитонеальнаго слоя, который на подобіе мѣшка окружаетъ кишечникъ и сѣмянной мѣшокъ; затѣмъ они заглатываются мерцательной воронкой и выводятся наружу чрезъ половое отверстіе, помѣщающееся на переднемъ концѣ тѣла. Развитіе самцовъ до личиночной стадіи соотвѣтствуетъ вполнѣ развитію самокъ (см. ниже). Личинка самцовъ не имѣетъ ни ротового, ни анальнаго отверстія и сплошь одѣта рѣсничнымъ покровомъ. Въ эту стадію развитія личинки самцовъ прикрѣпляются (у нѣкоторыхъ имѣется пара щетинокъ) къ хоботку самокъ, а затѣмъ чрезъ ротовое отверстіе заползаютъ въ кишечникъ и паразитируютъ тамъ подчасъ въ количествѣ 2—20 экземпляровъ. Ко времени наступленія половой зрѣлости они выходятъ чрезъ ротовое отверстіе самки вновь наружу и заползаютъ чрезъ выводное отверстіе въ сегментальный органъ (матку) и поселяются въ камерѣ самцовъ, гдѣ они оплодотворяютъ выходящія изъ матки наружу зрѣлыя яйца.

Эмбріональное развитіе. Оплодотворенныя яйца претерпѣваютъ полное равномѣрное или неравномѣрное дробленіе, результатомъ котораго является бластула, изъ которой образуется гаструла эмболическимъ (Bonellia) или эпиболическимъ (Thalassema) путемъ (фиг. 9) или же способомъ, представляющимъ нѣчто среднее между этими двумя способами гаструляціи (эмболія, но безъ внутренней полости). Эти различные способы образованія гаструлы находятся въ зависимости отъ количества питательнаго желтка въ дробящемся яйцѣ. Гаструла превращается въ свободно-плавающую личинку (фиг. 10—11), очень похожую на трохофору (см.) прочихъ кольчатыхъ червей: рѣсничный покровъ, покрывавшій равномѣрно все тѣло личинки, сосредоточивается въ видѣ пучка или султана рѣсничекъ на переднемъ концѣ тѣла и экваторіальнаго вѣнчика рѣсничекъ, помѣщающагося надъ бластопоромъ. Кишечникъ (средняя кишка) образуется изъ энтодермальнаго гастроцеля, а впячиваніемъ эктодермы на мѣстѣ бластопора образуется передняя кишка съ ротовымъ отверстіемъ (фиг. 9—10 *o*), лежащимъ сбоку тѣла. Въ шаровидной личинкѣ различаютъ теперь два отдѣла: преоральный, лежащій впереди экваторіальнаго вѣнчика рѣсничекъ и посторальный отдѣлъ. На апикальномъ (т. е. противоположномъ султану рѣсничекъ концѣ) полюсѣ впячиваніемъ эктодермы образуется анальное отверстіе (фиг. 10 *a*) и задняя кишка, которая срастается съ средней кишкою, дѣлающей при дальнѣйшемъ ростѣ петлеобразные завороты. Экваторіальный вѣнчикъ рѣсничекъ дифференцируется на два вѣнчика, изъ коихъ одинъ—преоральный располагается впереди ротового отверстія, а другой, посторальный—позади (фиг. 10) послѣдняго. Мезодермальныя клѣтки обособляются въ стадіи гаструлы у бластопора и отдѣлившись отъ экто-энтодермы, заползаютъ въ бластоцель; въ описываемую стадію мезодерма представляется въ посторальномъ отдѣлѣ личинки въ видѣ двухъ рядовъ клѣтокъ (фиг. 10—11 *mes*), расположенныхъ на брюшной сторонѣ по обѣ стороны кишечника (мезодермическія полоски), а въ преоральномъ отдѣлѣ—въ видѣ отдѣльныхъ мезенхиматическихъ мышечныхъ клѣтокъ (фиг. 10), дающихъ впослѣдствіи мускулатуру хоботка. Изъ переднихъ клѣтокъ мезодермическихъ полосокъ развиваются протонефридіи или головныя почки (фиг. 11 *kn*), тогда какъ прочія идутъ на образованіе первичныхъ сегментовъ, возникающихъ такимъ же путемъ, какъ у всѣхъ прочихъ кольчатыхъ червей. Въ связи съ внутренними мезодермическими перегородками образуются и наружныя кольца (фиг. 11), отдѣленныя другъ отъ друга вѣнчиками рѣсничекъ. Такая сегментація является, однако, преходящей: вскорѣ вѣнчики рѣсничекъ, равно какъ и перегородки между отдѣльными полостями сегментовъ редуцируются и изъ 15 заложенныхъ первичныхъ сегментовъ остается только кожно-мускульный и кишечно-мускульный листки мезодермы. Головныя почки исчезаютъ и вмѣсто нихъ возникаютъ изъ мезодермы сегментальные органы. Анальные мѣшки (фиг. 11—12 *a. b*) образуются въ кожно-мускульномъ листкѣ мезодермы на заднемъ концѣ личинки и впослѣдствіи сообщаются съ заднею кишкою, тогда какъ на ихъ наружной поверхности появляются мерцательныя воронки. Нервная система (фиг. 11 *n*) закладывается въ личиночномъ состояніи на брюшной сторонѣ по обѣ стороны тянущагося отъ ротового отверстія вплоть до порошицы мерцательнаго желобка; она дифференцируется изъ эктодермы въ видѣ утолщеній (фиг. 12 *n*), на которыхъ въ равныхъ другъ отъ друга разстояніяхъ появляются узелки, соединяющіеся по-сегментно въ бóльшія группы клѣтокъ—брюшные гангліи. Такимъ образомъ возникаютъ два боковыхъ ствола, къ которымъ присоединяется еще третій—средній; такая метамерно заложенная нервная система даетъ впослѣдствіи при соединеніи стволовъ брюшной нервный шнурокъ, лишенный совершенно ганглiозныхъ утолщеній. Отъ шнурка отходятъ на переднемъ концѣ тѣла два нервныхъ ствола—окологлоточная коммисура (фиг. 12 *sc*), соединяющіеся съ надглоточнымъ гангліемъ, который въ личиночной стадіи дифференцируется въ видѣ темянной пластинки (фиг. 10—12 *sp*), закладываемой подъ султаномъ рѣсничекъ. По закладкѣ главнѣйшихъ органовъ, личинка постепенно превращается во взрослую форму (фиг. 12—13), при чемъ преоральный отдѣлъ постепенно вытягивается въ длину, съуживается и превращается въ хоботокъ, а посторальный отдѣлъ сильно вытягивается въ длину и превращается въ туловище; этому росту слѣдуетъ и кишечникъ, который образуетъ нѣсколько петлеобразныхъ заворотовъ. Личинка покидаетъ пелагическій образъ жизни и, утрачивая рѣснички, падаетъ

на дно и зарывается въ песокъ или морской илъ.

Э. встрѣчаются исключительно въ моряхъ и живутъ зарывшись въ пескѣ или въ расщелинахъ скалъ. Благодаря сокращенiю кожно-мускульнаго мѣшка, они совершаютъ какъ бы перистальтическiя движенiя, которыя обусловливаютъ передвиженiе жидкости, наполняющей полость тѣла. Результатомъ этихъ сокращенiй являются характерныя червеобразныя движенiя, свойственныя высшимъ, т. е. кольчатымъ червямъ. Хоботокъ не можетъ быть втягиваемъ внутрь тѣла; онъ очень сократимъ и при его помощи Э. прорываютъ себѣ ходы въ морскомъ пескѣ или илу. Также подвижны и щетинки, играющiя нѣкоторую роль при передвиженiи. Э. питаются мелкими животными, разыскивая себѣ пищу хоботкомъ, при помощи котораго они и захватываютъ ее. Дыханiе совершается всею поверхностью кожи, а также и при помощи анальныхъ или жаберныхъ мѣшковъ, набирающихъ воду чрезъ анальное отверстiе. Функцiя кровеносной системы еще не вполнѣ выяснена; весьма вѣроятно, что синусъ, окружающiй переднюю кишку, является центральнымъ пропульзаторнымъ органомъ, который можетъ быть сравненъ съ сердцемъ. Выдѣленiе совершается, главнымъ образомъ, анальными мѣшками, тогда какъ сегментальные органы служатъ преимущественно для выведенiя половыхъ продуктовъ, которые внутри ихъ созрѣваютъ окончательно и оплодотворяются. Къ Э. причисляютъ нѣсколько родовъ, изъ которыхъ наиболѣе обыкновенными являются: Echiurus 10—15 стм. длины, встрѣчающiйся въ пескѣ у береговъ Западной Европы и Америки. Thalassema, достигающая 20—25 стм. и попадающаяся въ расщелинахъ скалъ всѣхъ морей. Bonellia, интересная въ бiологическомъ отношенiи и Sternaspis, составляющiй какъ бы промежуточную форму между Э. и многощетинковыми кольчатыми червями.

Литература. A. Kowalevsky, «Sur le mâle de la Bonellia» («Trav. d. la Soc. des sc. nat. de Kiev» и «Zeitschr. f. wiss. Zool.», т. XXII, 1871); его же, «Mittheilungen über die Entwicklung von Thalassema» («Zeitschr. f. wissensch. Zool.», т. XXII, 1872); J. Spengel, «Beiträge zur Kenntniss der Gephyreen (Echiuriden)» I, «Mittheil. a. d. zoolog. Station zu Neapel», 1879; II, «Zeitschr. f. wiss. Zool.», т. XXXIV, 1880); R. Greef, «Die Echiuren (Gephyrea armata)» («Nova Acta Acad. Leopold. Carol. D. Akad. d. Naturf.», т. XLI, 1888); B. Hatschek, «Ueber Entwicklungsgeschichte von Echiurus und die systematische Stellung der Echiuridae (Gephyraei chaetiferi)» («Arb. d. zool. Stat. Triest», т. III, 1880); C. Ph. Sluiter, «Ueber einen indischen Sternaspis und seine Verwandschaft zu den Echiuren». («Naturkundig Tijdschrift v. Nederl. Indie», XLI, 1882); Fr. Vejdovsky, «Untersuchungen über die Anatomie, Physiologie und Entwickelung von Sternaspis» («Denkschr. d. Kais. Akad. d. Wiss. Wien», natl.-naturw. Cl. т. XLIII, 1882); H. Conn, «Life history of Thalassema» («Stud. from Biol. Labor. John Hopkins Univ.», т. III, 1886); M. Rietsch, «Etudes sur les Gephyriens armés ou Echiuriens» («Recueil zoolog. suisse», (III, 1886); Y. Delage et E. Herouard, «Traité de zoologie concrète. V. Les Vermidiens» (П., 1897).

В. Шевяковъ.

Эхо ('Ηχώ)—въ греч. миѳологiи нимфа, олицетворенiе эха, отдающагося въ горахъ и ущельяхъ. По одному изъ разсказовъ, нимфу Э. полюбилъ Панъ, но такъ какъ она предпочла ему Сатира, то Панъ оскорбленный отказомъ, вооружилъ противъ нея пастуховъ, которые растерзали нимфу, разсѣявъ члены ея тѣла по всему свѣту. По другому сказанiю, она полюбила прекраснаго Наркисса (Нарцисса), который остался къ ней равнодушенъ; отъ страданiй неудовлетворенной любви она высохла настолько, что отъ нея остался одинъ голосъ. Существовало еще сказанiе о томъ, какъ Э., въ то время когда ревнивая Гера разыскивала своего невѣрнаго супруга среди нимфъ, занимала богиню долгими разговорами, за что Гера наконецъ лишила нимфу членораздѣльной рѣчи, оставивъ ей лишь способность издавать прерывистые звуки.

Н. О.

Эхо (физ.). — Если звуковыя волны, вызванныя нашимъ собственнымъ голосомъ или другимъ какимъ-либо источникомъ звука, при своемъ распространенiи встрѣчаютъ препятствiе (стѣну, отвѣсную скалу, лѣсъ), то онѣ отражаются и могутъ достигнуть снова уха наблюдателя иногда значительно позже, чѣмъ при непосредственномъ своемъ распространенiи. Такой повторный звукъ, обусловленный отраженiемъ звуковыхъ, волнъ и называется Э. Такъ какъ скорость распространенiя звука въ одну секунду равна примѣрно (въ зависимости отъ температуры) 333 м., то понятно, что если отражающая звукъ стѣна находится отъ насъ на такомъ именно разстоянiи 333 м., то мы услышимъ повторенiе вызваннаго нами звука (слова или цѣлой фразы) черезъ двѣ секунды. Отсюда понятно вмѣстѣ съ тѣмъ, что можно воспользоваться Э. и для самаго опредѣленiя скорости звука, для чего необходимо измѣрить разстоянiе и соотвѣтствующiй промежутокъ времени. Такой способъ опредѣленiя скорости звука былъ примѣненъ на самомъ дѣлѣ (см. «Журн. Рус. Физ.-Хим. Общ.», 1895, Н. Гезехусъ). Прекрасное Э., чрезвычайно отчетливо и громко повторяющее произносимыя слова, получается между прочимъ въ длинномъ гротѣ, находящемся въ гатчинскомъ дворцовомъ саду. Обычное явленiе Э. представляетъ среди швейцарскихъ и другихъ горъ. Нерѣдки и многократныя Э., вызываемыя нѣсколькими послѣдовательными отраженiями звуковыхъ волнъ. Такъ, въ Потсдамѣ, близъ Берлина, въ одной изъ залъ дворца Сансуси, громкое однократное хлопанье въ ладоши производитъ впечатлѣнiе продолжительнаго залпа ружейной пальбы. Особенно замѣчательно Э. во дворцѣ Симонетта подлѣ Милана; выстрѣлъ, произведенный изъ окна главнаго зданiя, повторяется до 50 разъ, вслѣдствiе отраженiя звука отъ различныхъ пристроекъ дворца. Частный случай Э. составляетъ сосредоточенiе звука посред-

ствомъ отраженія его отъ вогнутыхъ кривыхъ поверхностей. Такъ, если источникъ звука помѣщенъ въ одномъ изъ двухъ фокусовъ эллипсоидальнаго свода, то звуковыя волны собираются въ другомъ его фокусѣ. Такимъ образомъ объясняется напр. знаменитое *ухо Діониса* въ Сиракузахъ—гротъ или углубленіе въ стѣнѣ, изъ котораго каждое слово, произнесенное заключенными въ немъ, могло быть услышано въ нѣкоторомъ удаленномъ отъ него мѣстѣ. Подобнымъ акустическимъ свойствомъ обладала одна церковь въ Сициліи, гдѣ въ извѣстномъ мѣстѣ можно было слышать произносимыя шопотомъ слова въ исповѣдальнѣ. Извѣстны также въ этомъ отношеніи храмъ мормоновъ у Соленаго озера въ Америкѣ и гроты въ монастырскомъ паркѣ Олива около Данцига. *Н. Гезехусъ.*

Эхо въ *музыкѣ*—подражаніе эхо въ природѣ: повтореніе исполнителемъ музыкальной фразы pianissimo, какъ будто она слышится издалека. Эффектъ этотъ примѣняется пѣвцами (преимущественно съ закрытымъ ртомъ), инструментальными исполнителями, оркестромъ; въ послѣднемъ случаѣ часть оркестра помѣщается въ отдаленіи отъ главнаго оркестра, дающаго музыкальную фразу громко, послѣ чего малый оркестръ повторяетъ ее тихо. *Н. С.*

Эхо—газета политическая, общественная и литературная, выходившая въ С.-Петербургѣ въ 1882—1885 гг. Въ 1881 г. газета носила названіе «Э. газетъ». Послѣдняя раньше выходила подъ названіемъ «Современность» (см. XXX, 582).

Эхо газетъ—см. Эхо.

Эхреску—горный хребетъ, находящійся въ Баталпашинскомъ отд. Кубанской обл., тянется по лѣв. стор. р. Бол. Зеленчука, впадающаго въ Кубань, и составляетъ продолженіе хребта Абишира-Ахуба. Въ самой южн. части выс. его доходитъ до 10500 фт., а къ СВ постепенно понижается.

Эхтермейеръ (Эрнстъ-Теодоръ Echtermeyer, 1805 — 1844) — нѣм. писатель. Главный его трудъ—«Quellen des Shakespeare» (Б., 1831; въ сотрудничествѣ съ Л. Геншелемъ и К. Зимрокомъ).

Эхтэвэн - іоки—р. въ Финляндіи, см. Эссе.

Эцзинъ-голъ—одна изъ значительнѣйшихъ рѣкъ Центральной Азіи, стекающая съ Нань-шаня на С, въ Гобійскую пустыню, гдѣ она и изливается въ сол. озеро Гашіунъ-норъ. Вершина Э.-гола имѣетъ два истока. Оба протекаютъ по широкой долинѣ, залегающей между передовой (сѣверной) цѣпью Нань-шаня и центральной, въ направленіяхъ одно другому противоположныхъ: зап. истокъ—р. Хый-хо (Грязная р.) или Бардунъ течетъ въ вост.-юго-вост., вост.—р. Бабо-хо въ зап.-сѣв. зап. Сливаются оба истока у м-ря Да бабо (Та-сы), послѣ чего подъ именемъ Хэй-хо (Черной р.) рѣка круто поворачиваетъ къ С, прорываетъ передовую цѣпь Нань-шаня и широкимъ потокомъ устремляется къ С, разбиваясь по пути на множество рукавовъ. Сѣвернѣе г. Гань-чжофу р. Хэй-хо поворачиваетъ на СЗ и въ этомъ направленіи течетъ до г. Гао-тая, къ З отъ котораго принимаетъ сначала сѣв.-сѣв-зап., а засимъ, ниже устья р. Тао-лай-хэ, сѣв. направленіе. Только ниже устья этого крупнѣйшаго изъ притоковъ р. Хэй-хо мѣняетъ свое названіе на монгольское Э.-голъ. Оба эти названія сравнительно недавнія, и монгольское не восходитъ далѣе эпохи Чингисъ-хана; въ древности же рѣка эта носила названіе Цянъ-чу-шуй, позднѣе Чжанъ-ѣ-шуй, въ низовьяхъ—Жо-шуй. Э.-голъ съ притоками орошаетъ три культурныхъ округа у подошвы Нань-шаня:- Гань-чжоуаоскій Готай'скій и Су-чжоу'скій.

Г. Е. Грумъ-Гржимайло.

Эцидій (Aecidium)—весенняя стадія развитія ржавчинниковъ, представляющая собой особый видъ *хламидоспоръ* (см.). Э. развиваются обыкновенно группами продолговатой или округлой формы, большею частью на нижней сторонѣ листьевъ или на вѣтвяхъ и стебляхъ. Скопленіе ихъ вызываетъ нерѣдко утолщеніе тканей и различныя искривленія пораженныхъ органовъ, обусловливаемыхъ сильнымъ приливомъ питательныхъ веществъ вслѣдствіе мѣстнаго раздраженія отъ развитія грибницы; такія утолщенія можно видѣть на листьяхъ барбариса, крушины, яблонь, грушъ, рябины, крапивы, пораженныхъ различными эцидіями. Э. состоятъ изъ скопленія четковидно расположенныхъ оранжевыхъ хламидоспоръ, большею частью щетинистыхъ, выходящихъ изъ тканей пораженнаго растенія. У типичныхъ *эцидіевъ*, какіе встрѣчаются у видовъ Uromyces и Puccinia, напр., наружные ряды хламидоспоръ теряютъ способность прорастать, обезцвѣчиваются и, спаиваясь между собой, превращаются въ псевдопаренхиматическую оболочку, принимающую видъ чашечки съ широко раскрытыми краями, конусообразнаго отростка или полушаровиднаго вмѣстилища съ отверстіемъ у вершины. У другихъ ржавчинныхъ, какъ напр., у видовъ Phragmidium, наружные ряды хламидоспоръ превращаются въ булавовидные, удлиненные придатки—*парафизы*. Наконецъ у видовъ Melampsora кучки хламидоспоръ выходятъ черезъ прорванную эпидерму питающаго растенія, не будучи окружены особой оболочкой или парафизами. Два послѣдніе типа эцидіевъ извѣстны подъ названіемъ Caeoma. Э. развиваются по большей части весной или въ началѣ лѣта на питающихъ растеніяхъ. *Ячевскій.*

Эцидіоспора — особый типъ *хламидоспоръ* (см.), образующійся въ *эцидіяхъ* (см.). Э. имѣютъ шаровидную или многогранную форму; оболочка ихъ довольно толстая, безцвѣтная, большею частью щетинистая, рѣже гладкая; содержимое богато оранжевыми каплями масла. Э. прорастаютъ немедленно послѣ отшнуровыванія и даютъ одинъ или нѣсколько ростковъ, которые проникаютъ черезъ устьица питающаго растенія въ ткани его и развиваютъ тамъ грибницу; изъ этой грибницы получаются уже не эцидія, а другія стадіи развитія ржавчинныхъ, т. е. уредоспоры и телейтоспоры или однѣ только телейтоспоры.

Эцитоны (Eciton)—муравьи изъ рода Eciton, который относится къ подсемейству Dorylides въ семействѣ Formicidae (см. Му-

равьи). Э. представляютъ изъ себя странствующихъ муравьевъ, живущихъ въ Южной Америкѣ (преимущественно Бразиліи), Центральной и южной части Сѣверной Америки (Мексикѣ, Флоридѣ, Техасѣ). Хорошо извѣстны почти исключительно рабочіе, тогда какъ самцы Э. описывались какъ видъ другого рода Labidus; только изслѣдованія послѣднихъ лѣтъ показали, что виды Labidus представляютъ изъ себя самцовъ Eciton; самки Э., за исключеніемъ 2 видовъ, еще неизвѣстны. Рабочіе отличаются продолговатымъ брюшкомъ, длинными ногами и отсутствіемъ крыльевъ; такъ назыв. стебелекъ (передняя часть брюшка) состоитъ изъ 2 частей или вздутій, представляющихъ изъ себя 2 первые сегмента брюшка; глазъ большей частію нѣтъ или они развиты очень слабо. Верхнія челюсти (mandibulae) могутъ достигать чрезвычайно большихъ размѣровъ, равняясь иногда по длинѣ тѣлу муравья; онѣ обыкновенно загнуты крючкообразно на концѣ. Челюстныя щупальца 2-члениковыя, губныя—3-члениковыя; усики 12-члениковыя. Рабочіе одного и того же вида чрезвычайно сильно варьируютъ въ размѣрахъ тѣла и въ величинѣ головы и верхнихъ челюстей. Длина рабочихъ у нѣкоторыхъ видовъ доходитъ до 13—15 мм., большинство же видовъ меньшихъ размѣровъ. Э. не строятъ настоящихъ гнѣздъ, а встрѣчаются колоніями, состоящими изъ нѣсколькихъ тысячъ индивидуумовъ подъ камнями, въ гнилыхъ стволахъ и т. п., являющихся ихъ временными убѣжищами; иногда они образуютъ плотные рои величиной съ кулакъ. Замѣчательны странствованія, которыя они предпринимаютъ цѣлыми полчищами, при чемъ они всегда идутъ въ опредѣленномъ порядкѣ, характерномъ для отдѣльныхъ видовъ; если этотъ порядокъ искусственно разстроить, то они очень быстро его возстановляютъ. При встрѣчѣ съ какимъ-нибудь препятствіемъ Э. нападаютъ съ ожесточеніемъ на него. Во время странствованій они нападаютъ на различныхъ животныхъ: на другихъ муравьевъ, отыскивая ихъ иногда подъ землей и продѣлывая для этой цѣли галлереи въ землѣ глубиной до $^1/_4$ метра; на различныхъ насѣкомыхъ и ихъ личинокъ, пауковъ, мокрицъ и т. п. Нападаютъ они также на осиныя гнѣзда, находящіяся на низкихъ кустарникахъ, разгрызаютъ на части все гнѣздо и поѣдаютъ личинокъ, куколокъ и самихъ осъ. Иногда часть рабочихъ во время шествій несетъ своихъ личинокъ и куколокъ между ногами, поддерживая ихъ также верхними челюстями. Назначеніе рабочихъ съ большими головами, такъ назыв. солдатъ, не выяснено, но, повидимому, они не служатъ для защиты колоній. При встрѣчѣ съ человѣкомъ Э. часто наползаютъ на шею и жалятъ. Въ сообществѣ съ Э., подобно тому какъ и съ другими муравьями, живетъ много различныхъ насѣкомыхъ и паукообразныхъ, такъ назыв. мирмекофиловъ (см. Мирмекофилія). Среди нихъ въ особенности замѣчательны нѣкоторыя мухи изъ сем. Phoridae, какъ Ecitomyia (въ сообществѣ съ E. caecum и E. schmidtii), среди жуковъ Ecitonetes subopterus (и E. caecum) и друг. Наиболѣе извѣстные виды Э.: E. caecum, hamatum, schmidtii, erraticum, carolinense и друг. Ср. W. Müller, «Beobachtungen von Wanderameisen», въ «Kosmos» (т. XVIII, 1886); Forel, «Ueb. nordamerikanische Ameisen», въ «Verh. deutsch. Naturf. u. Aerzte» (1900); Emery, «Nuovi studi sul genere Eciton», въ «Mem. R. Acc. Scient. Instit. Bologna», сер. V, т. VIII, 1900). *М. Р.-К.*

Эццелино (IV) да Романо — знаменитый полководецъ и владѣтельный князь Сѣверной Италіи XIII в., самый ранній представитель подготовлявшагося на полуостровѣ принципата. Родъ его велъ свое происхожденіе отъ нѣмецкаго рыцаря, въ 1036 г. прибывшаго въ Италію съ императоромъ Конрадомъ II. Послѣдній пожаловалъ ему замокъ Романо на горѣ близъ Падуи, съ землями около него. Отсюда получили начало владѣльческія права его потомковъ и самое ихъ фамильное имя. Сынъ его Эццелино I, внукъ Альберико и правнукъ Э. II значительно расширили родовую территорію. Э. III (около 1150—1235 г.) одно время управлялъ Виченцой, какъ уполномоченный имперіи, съ титуломъ подесты; дни свои онъ окончилъ въ монастырѣ (почему и прозывается Ezz. il monaco). Сынъ его, *Эццелино IV*, отмѣтилъ исторію своего рода громкою, но мрачною славою. Вся жизнь его прошла въ военныхъ походахъ и смѣлыхъ политическихъ предпріятіяхъ, осуществлявшихся также силою оружія и кроваваго террора. Онъ энергично и послѣдовательно поддерживалъ гибеллинскій принципъ, являясь вѣрнымъ и твердымъ сотрудникомъ имп. Фридриха II, намѣстникомъ его во время отсутствія, соратникомъ и совѣтникомъ въ совмѣстной борьбѣ противъ гвельфовъ Ломбардіи и въ дѣлѣ политическаго подчиненія Италіи. Нанесенными имъ ударами была замѣтно расшатана лига ломбардскихъ городовъ; его иниціативою укрѣплены верховныя права императора надъ многими городами и мѣстностями Сѣверной Италіи. Воинскими успѣхами Э. подготовлена была рѣшительная побѣда Фридриха надъ гвельфами при Кортенуова (1237 г.). Благодарный императоръ выдалъ за Э. свою побочную дочь Сельваджу (1238 г.). Вмѣстѣ съ Энціо (см.) Э. продолжалъ, въ большинствѣ случаевъ съ успѣхомъ, бороться противъ городовъ, стоявшихъ на сторонѣ папы (1239—1245 г.). Позже Э. продолжалъ то же дѣло одинъ. Въ 1247 г. онъ осадилъ Парму, но испыталъ (1248) серьезную неудачу (при Витторіи). Смерть Фридриха II (1250) оставила Э. главою имперской партіи въ Италіи. Конрадъ IV утвердилъ Э. въ званіи главнаго викарія императорскаго престола. Преемникъ Конрада, Манфредъ, не пожелалъ соединять своей судьбы съ судьбою человѣка, который пріобрѣлъ повсюду репутацію изверга: онъ избралъ главнокомандующимъ имперскими военными силами въ Ломбардіи маркиза Паллавичино (1259 г.). Связь Э. съ гибеллинскимъ дѣломъ порвалась именно въ тотъ моментъ, когда крушеніе Гогенштауфеновъ должно было создать для имперской политики въ Италіи

опасный кризисъ. Вторая черта всего поприща Эццелино неутомимая работа надъ образованіемъ сильнаго и сплоченнаго территоріальнаго княжества, гдѣ бы онъ могъ свободно развернуть свое властолюбіе въ формахъ ничѣмъ необуздываемаго деспотизма. Въ сущности самая защита гибеллинской идеи была съ его стороны эгоистическимъ расчетомъ на помощь имперіи. Опираясь на небольшое, но крѣпкое владѣніе предковъ и на собственное выдающееся военное искусство, пользуясь безъ разбора всякими средствами, начиная съ бурнаго натиска или ловкаго коварства и кончая неслыханными кровавыми насиліями, Э. съумѣлъ завладѣть и упрочить за собою на всю жизнь солидный комплексъ земель: Верона, Бассано, Беллуно, Тренто, Тревизо, Эсте, Фельтре, Падуя признали мало по малу его своимъ господиномъ. Его владѣнія въ концѣ концовъ простирались отъ границъ Милана до Адріатики и отъ Альпъ до Феррары. Онъ чуть не захватилъ Мантую (1256 г.), пошелъ на завоеваніе самого Милана (вмѣшавшись въ его внутреннія распри), но въ сраженіи при Кассано былъ раненъ и попалъ въ руки непріятеля (16 сентября 1259 г.). Не желая терпѣть плѣна, ожидая, можетъ быть, позорной для него расправы со стороны ожесточенныхъ враговъ, Э. самъ отказался отъ пищи, сорвалъ перевязки, наложенныя на его раны, и такъ покончилъ съ собою (27 сентября), оставаясь до послѣдней минуты полнымъ несокрушимой энергіи. «Царство» Э. послѣ его смерти распалось на части, при чемъ Верона, Бассано и Виченца возвратили себѣ городскую вольность.—Братъ Э., Альберико, былъ предательски схваченъ милиціею Вероны, Виченцы, Падуи и Мантуи, подвергнутъ пыткѣ и замученъ вмѣстѣ со всею семьею. Фигура Э. знаменуетъ собою тревожное, еще насильственное столкновеніе впервые проснувшейся въ личности потребности къ расширенію сферы своей инициативы и самостоятельности и пробудившейся въ ней жажды господства надъ міромъ—съ инстинктами ея еще дикой природы, легко превращающей человѣка въ звѣря, разъ онъ освобождается отъ подчиненія группѣ и самъ становится господиномъ многихъ другихъ людей. «До тѣхъ поръ въ средніе вѣка — говоритъ Буркгартъ — завоеванія или узурпаціи мотивировались въ большинствѣ случаевъ ссылкою, хотя бы фиктивною, на реальное или фантастическое право, наслѣдственное либо иное, или санкціонировались правомъ войны съ невѣрными, еретиками, отлученными отъ церкви. Здѣсь мы видимъ въ первый разъ въ исторіи основаніе трона при помощи массовыхъ убійствъ и безконечныхъ ужасовъ, присутствуемъ при первомъ фактѣ сознательнаго, обдуманнаго приложенія (можетъ быть, безъ теоретическихъ предпосылокъ) понятія о допустимости всякихъ средствъ для достиженія опредѣленно поставленной личной цѣли. Никто изъ позднѣйшихъ тирановъ не сравнялся съ Э. по колоссальности совершенныхъ преступленій, даже Чезаре Борджіа. Опасный примѣръ былъ данъ, и паденіе Э. не оказалось ни возстановленіемъ справедливости для народовъ, ни предостереженіемъ для будущихъ насильниковъ». — Въ самомъ дѣлѣ злодѣйства Э., сдѣлавшіяся мало по малу для него дѣяніями каждаго дня, превосходятъ всякую вѣроятность; даже если снять съ ихъ описаній краски преувеличенія, все-таки останется картина, внушающая ужасъ и отвращеніе. Такъ напр., когда Э. взялъ Фріолу, у всѣхъ жителей, безъ различія пола и возраста, были выколоты глаза, отрѣзаны носы и отрублены ноги, и затѣмъ они были выброшены на произволъ стихій. Другой разъ онъ заперъ въ замкѣ и уморилъ голодомъ цѣлую соперничавшую съ нимъ княжескую семью. Въ одной Падуѣ онъ устроилъ восемь тюремъ, въ каждой изъ которыхъ могло быть посажено по нѣскольку сотъ человѣкъ. Помимо тѣхъ ужасающихъ пытокъ, которыя тамъ практиковались, смрадныя помѣщенія уже сами по себѣ причиняли заключеннымъ невыносимыя муки. Какъ бы усердно ни работали палачи Э. для очищенія этихъ тюремъ, онѣ всегда переполнялись новыми жертвами его жестокости. Нѣкоторые историки даже считаютъ Э. одержимымъ помѣшательствомъ человѣконенавистничества и кровавою маніею убійствъ. Это врядъ ли вѣрно: звѣрства Э. не похожи на порывы безумной страсти, то поднимающейся, то утоляющейся. Они были постоянною, спокойно и разсчетливо примѣнявшеюся системою, дикимъ, но разсудочно избраннымъ орудіемъ власти, имѣвшимъ цѣлью истребить тѣхъ враговъ, которые были подъ руками, и запугать остальныхъ, чтобы подавить сопротивленіе. Въ имп. Фридрихѣ II мы видимъ прообразъ просвѣщеннаго автократа новаго времени, въ Э.—свирѣпаго, легендарнаго тирана далекой старины. Народное творчество начало работать надъ образомъ Э. тотчасъ же послѣ исчезновенія его съ исторической сцены, слагая изъ него героя именно демоническихъ сказаній (см. «Cento novelle antiche», изд. 1525 г. № 31, 84). О немъ появилась цѣлая литература, начиная съ лѣтописныхъ разсказовъ очевидцевъ и современниковъ (см. Scardeonius, «De urbis Patav. antiquis» въ «Thesaurus Grawii», VI, III, стр. 259) и кончая полумифической трагедіею, гдѣ онъ является центральнымъ дѣйствующимъ лицомъ (Alberto Mussato, «Eccerinis»). Живя въ эпоху еще пылкой или слѣпой во многихъ вѣры, когда авторитетъ церкви сковывалъ еще страхомъ большинство людей, Э. отличался нечестіемъ, доходившимъ до кощунства; это заставило папу Александра IV и духовенство проповѣдывать противъ него крестовый походъ (1255) и побудило вѣрующихъ совершить подвиги покаянія (самобичеванія) для искупленія страны отъ его грѣховъ противъ Бога и церкви (1260). Рядомъ съ этимъ онъ былъ глубоко суевѣренъ и склоненъ къ мистицизму. Онъ вѣрилъ въ астрологію и возилъ за собою цѣлый штатъ предсказателей.

Литература. Кромѣ общихъ сочиненій по исторіи ранняго ренессанса (Буркгардта, Симондса и др.), см. Verci, «Storia degli Ezzelini» (Вен., 1844); C. Perino, «E. da Romano» (Вен., 1864); C. Cantù, «E. IV da Romano»

(Мил., 1879); Brentari, «E. da Romano nella poesia e nella mente del popolo» (Верона, 1889); Gittermann, «E. von Romano» (Штуттг., 1890); Mittis, «Storia d'E. IV da Romano» (1896).

Ив. Гр.

Эчеверрія (Esteban Echeverria, 1809—1851)—извѣстный поэтъ испанской Америки, подражатель Ламартина и Байрона. Напеч.: «Elvira ó la novia del Plata» (1830); «Consuelos» (1834); «Rimas» (1837); Cautiva» (1837); «Guitarra» (1842). Въ стихотвореніяхъ его встрѣчаются превосходныя описанія жизни въ аргентинскихъ пампасахъ. Изгнанный во время террористическаго управленія диктатора Розаса (II, 38), Э. написалъ «La insurreccion del Sud» (Монтевидео, 1849).

Эчегарай (Хозе de Echegaray)—одинъ изъ наиболѣе извѣстныхъ испанскихъ современныхъ драматурговъ. Родился въ 1832 г. Инженеръ по профессіи, онъ преподавалъ математику въ институтѣ путей сообщенія въ Мадридѣ; затѣмъ онъ посвятилъ себя изученію политической экономіи и литературы. Во время революціи онъ былъ однимъ изъ самыхъ горячихъ сторонниковъ ея; три раза занималъ постъ министра, въ послѣдній разъ въ 1874 г. Позже, устранясь отъ общественной жизни и политическихъ партій, онъ сталъ писать для театра. Многія изъ его пьесъ имѣли необыкновенно громкій успѣхъ. Въ области современнаго испанскаго театра Э. былъ настоящимъ революціонеромъ. Талантъ его неровный, но въ общемъ его недостатки покрываются его темпераментомъ мечтателя и идеалиста. Богатая фантазія роднитъ его съ Викторомъ Гюго. Апогей сценической славы Э. пріобрѣлъ своимъ «El gran Galeoto» («Великій Галеотъ»), затѣмъ «Vida alegre y muerte triste», «Lo sublime en lo vulgar» и «Un critico incipiente». Большой успѣхъ имѣли также его драмы: «O locura o santidad» («Безуміе или святость?) и «En el seno de la muerte» («На лонѣ смерти»).

Эчміадзинскій уѣздъ—Эриванской губ., въ зап. части ея; граничитъ на ЮЗ съ Карсской областью (р. Арпачай). 3390 кв. вер. или 3858 кв. км. (по Стрѣльбицкому). Жит. 124643. Въ отношеніи рельефа Э. у. можетъ быть раздѣленъ на двѣ части, сѣверную, большую, возвышенную, и южную меньшую, низменную. Возвышенный районъ Э. у., занимающій весь сѣверъ и сѣверо-востокъ его, представляетъ часть обширнаго Эриванскаго нагорья, высотою около 5—$6^1/_2$ тыс. фт., на которомъ, на границѣ съ Александропольскимъ у. возвышается вулканическій покрытый на вершинѣ пятнами снѣга массивъ Алагеза (высотою 13436 фт. надъ уровн. моря), покрывающій своими отрогами около третьей части площади у. Къ В и ЮВ отъ Алагеза плато (Абаранъ) прорѣзано кряжами горъ, изъ коихъ нѣкоторыя (Карніарыхъ 8575) поднимаются выше 8 тыс. фут. Плато почти безлѣсно, маловодно, покрыто вулканическими породами (лавой, трахитами и т. п.) и постепенно понижается по направленію къ Ю и ЮЗ. Низменная часть Э. у. расположена на высотѣ около 3 тыс. фут. надъ уровн. моря, широкой полосой по лѣвому берегу Аракса и въ низовьяхъ впадающихъ въ него рѣчекъ, и представляетъ, по своей природѣ, обычный типъ приараксихъ равнинъ (см. Эриванская губ.). Въ гидрологическомъ отношеніи Э. у. принадлежитъ къ басс. Аракса и орошается его лѣвыми притоками. На З, на границѣ съ Карсской областью въ глубокомъ ущельѣ протекаетъ Арпачай, не играющій въ орошеніи у. почти никакой роли; то же можно сказать о р. Зангѣ, составляющей вост. границу у. (съ Эриванскимъ у.). Наибольшее значеніе въ этомъ отношеніи имѣетъ небольшая рѣчка Карасу, вытекающая изъ снѣговъ Алагеза, съ притокомъ Абаранъ (Кацахъ, Карпинка), протекающимъ съ С на Ю на протяженіи около 62 вер. по Э. у. и доставляющимъ своей системой орошеніе множеству селеній, а также и Араксъ, водой изъ коего пользуется много селеній равнинной части Э. у. Климатъ нагорной части у. отличается суровостью, продолжительной морозной и снѣжной зимой и прохладнымъ влажнымъ съ частыми градобитіями лѣтомъ, далеко не вездѣ позволяющимъ заниматься хлѣбопашествомъ; въ болѣе возвышенныхъ мѣстностяхъ населеніе засѣваетъ только яровую пшеницу или даже ячмень. Въ переходной полосѣ, по склонамъ возвышенностей, отъ $3^1/_2$ до $4^1/_2$ тыс. фут., къ этимъ культурамъ прибавляются фруктовые сады, озимая пшеница и огороды. Въ низменной части Э. у. климатъ отличается наибольшей умѣренностью; лѣто здѣсь сухое и очень жаркое, дающее возможность разводить здѣсь весьма разнообразныя, требующія много тепла растенія, каковы: хлопчатникъ, рисъ, кунжутъ, клещевина и проч. Культура безъ искусственнаго орошенія здѣсь совершенно невозможна. Зима въ низменной полосѣ у. продолжается недолго, но морозы и здѣсь достигаютъ иногда 20°. Населеніе Э. у. (65608 мжч. и 59035 жнщ.) состоитъ изъ армянъ (63,7%), адербейджанскихъ татаръ (30%), курдовъ (6,1%) и айсоръ (0,2%). По вѣроисповѣданію—63,7% арм.-григор., 35,6% магометанъ (30% шіитовъ) и 0,62% іезидовъ; остальные—православные. Главнѣйшимъ занятіемъ мѣстнаго населенія, живущаго въ 212 селеніяхъ, является земледѣліе, съ которымъ почти вездѣ связано скотоводство. Техника земледѣлія находится повсемѣстно въ первобытномъ состояніи. Важнѣйшія полевыя растенія въ низменной части уѣзда: озимая пшеница, ячмень, кунжутъ, ленъ, хлопчатникъ, клещевина, рисъ, табакъ, люцерна. Въ 1900 г. въ Э. у. было собрано пудовъ: пшеницы — 4786780, ячменя — 480000, риса — 855000, картофеля — 56260, хлопка — 39000. Въ низменномъ и отчасти въ предгорномъ районахъ важное значеніе имѣетъ садоводство и въ особенности виноградарство. Разводятся яблоки, груши, виноградъ, персики, абрикосы, шелковица, сливы, орѣхи, миндаль, винныя ягоды, гранаты и т. п. Виноградъ идетъ въ пищу и на приготовленіе вина, а также перекуривается въ спиртъ. Подъ виноградниками въ Э. у. 3000 дес., подъ плодовыми садами—около 500 дес. Изъ огородныхъ овощей разводятся стручковый перецъ, лукъ, чеснокъ, бобы, горохъ, свекла, морковь, бадриджаны (solanum melanogena) и проч. Культура на- бах

чахъ огурцовъ, арбузовъ и въ особенности дынь (дутма) играетъ мѣстами также немалую роль. Часть абрикосовъ, персиковъ и пшатъ (Eleagnus hortensis) сушится и вывозится для продажи въ Александропольскій у. Эриванской губ. и въ Карсскую область, гдѣ садовъ совсѣмъ почти нѣтъ. Скотоводство составляетъ главный источникъ благосостоянія для всѣхъ курдовъ и для жителей нѣкоторыхъ татарскихъ селеній; остальная часть населенія, не имѣя выпасовъ для скота и лишенная возможности перекочевывать съ нимъ на лѣтнія пастбища, вынуждена заниматься скотоводствомъ въ ограниченныхъ размѣрахъ. Въ 1900 г. въ Э. у. насчитывалось лошадей и муловъ 3190, рогатаго скота 41930 гол., овецъ и козъ 93190, буйволовъ 13740, верблюдовъ 1780, ословъ 5360, а всего 159190 головъ или 13,8% всего скота въ Эриванской губ. Фабрично-заводская и кустарная промышленность развита въ Э. у. сравнительно слабо. Фабрично-заводскихъ заведеній, преимущественно мелкихъ, насчитывалось въ 1900 г. 681, съ суммой производства въ 158900 р.; главнѣйшія производства — виноградоводочное, мукомольное, маслобойное, хлопкоочистительное Кустарная промышленность сосредоточивается почти исключительно на обработкѣ шерсти, развитой у курдовъ и отчасти у татаръ. Изъ шерсти дѣлаютъ ковры, паласы, ткани, веревки и т. п.; часть ковровъ вывозится за предѣлы уѣзда. Въ небольшихъ размѣрахъ населеніе кое-гдѣ занимается мыловареніемъ, плетеніемъ циновокъ изъ камыша, извозомъ. Торговыхъ заведеній въ 1899 г. было 276; преобладаетъ торговля мелкая. Государственная поземельная подать по Э. у. составляетъ 120240 р., земскій сборъ 81946 р. Административный центръ — сел. Вагаршапатъ (3422 жит.), въ $18^1/_2$ вер. къ зап. отъ г. Эривани. *М.*

Эчміадзинъ — знаменитый армяно-григоріанскій монастырь, мѣстопребываніе патріарха или католикоса всѣхъ армянъ, близъ сел. Вагаршапатъ, въ 18 вер. къ западу отъ г. Эривани, въ Эчміадзинскомъ у. Эриванской губ., на равнинѣ высотою 2837 фут. надъ ур. моря. М-рь состоитъ изъ трехъ частей, лежащихъ въ полуверстѣ одна отъ другой и окруженныхъ оградой, садами и жильями для монаховъ. Главная и древнѣйшая часть монастыря окружена стѣною (окружностью около 2 вер.), съ башнями и бойницами. Внутри стѣны нѣсколько дворовъ, на главномъ изъ коихъ, окруженномъ кельями, находится храмъ Шогакатъ или собственно Э., караванъ-сарай, хозяйственныя и патріаршія постройки, базаръ, свѣчной заводъ. Въ Э. имѣютъ мѣстопребываніе католикосъ и синодъ. Духовная академія, училище, библіотека съ замѣчательными рукописями, въ томъ числѣ армянскимъ евангеліемъ, писаннымъ въ X в. Соборъ Шогакатъ основанъ въ 303 г. по Р. Хр. св. Григоріемъ, просвѣтителемъ армянъ, на мѣстѣ, гдѣ ему явился въ видѣніи Спаситель (Э.—по-армянски *сошелъ единородный*). Черезъ 80 лѣтъ по основаніи храмъ былъ разрушенъ персами, но въ 483 г. былъ снова возобновленъ и съ тѣхъ поръ стѣны храма, не смотря на частыя опустошенія обители персами и турками, сохранились и понынѣ. Церковь имѣетъ видъ креста и построена изъ краснаго порфира; длина ея 50, шир. 48, выш. 35 арш. Въ ризницѣ монастыря хранится много священныхъ предметовъ: копье, которымъ, по преданію, былъ прободенъ бокъ Спасителя, рука св. Григорія, части мощей многихъ апостоловъ и угодниковъ, часть животворящаго креста и проч. Въ полуверстѣ отъ Э. церкви св. Рипсиміи и св. Гаяны, на мѣстахъ, гдѣ эти мученицы пострадали за вѣру. Въ 1827 г. ген. Красовскій, разбивъ армію Аббасъ Мирзы при сел. Аштаракѣ, двинулся къ осажденному персами Э. (гдѣ былъ нашъ гарнизонъ) и послѣ 10 часовъ боя пробился къ нему. Непріятель снялъ осаду и отступилъ къ Эривани. *М.*

Эчъ или *Адижэ* (лат. Athesis, итал. Adige) — самая большая послѣ По рѣка въ Италіи, вытекаетъ изъ Решенскаго озера, расположеннаго (1494 м. выс. надъ ур. м.) на Решеншейдекѣ (Коль-де-Реска) въ Тиролѣ, течетъ на югъ по долинѣ Верхній Винчгау до г. Глурнсъ, отсюда поворачиваетъ на ЮВ и В, протекая здѣсь чрезъ Нижній Винчгау до Мерана, гдѣ принимаетъ притокъ Пассеръ. Отъ Мерана (319 м. высоты) рѣка снова поворачиваетъ на Ю о ЮВ до впаденія р. Эйзака, откуда Э. принимаетъ круто южное и юго-западное направленіе. Начиная отъ гор. Бранзолля, Э. становится судоходной. Здѣсь рѣка течетъ по широкой плодородной Эчской долинѣ (Эчландъ) и, принимаетъ притоки Авизіо и Ноче. Минуя Тріентъ, рѣка ниже Роверето попадаетъ въ тѣснины Славини ди Санъ-Марко (образовались въ 883 г. отъ горнаго обвала). У Боргетто Э. переступаетъ итальянскую границу и пройдя ущелье Кіуза ди Верона, вступаетъ въ Ломбардскую равнину рѣкой въ 120 м. ширины. Здѣсь Э. скоро принимаетъ восточное направленіе и течетъ паралельно р. По, соединяясь часто съ нею рукавами и каналами. При впаденіи въ Адріатическое море, у Порто Фоссоне рѣка имѣетъ ширину въ 680 м. Устье Э. является составной частью дельты р. По. Длина теченія 415 км. (въ Тиролѣ 220). Бассейнъ—13896 кв. км. Судоходна на протяженіи 297 м. (отъ Бранзолля). Отъ устья притока Пассеръ до Сакко рѣка регулирована. Э. подвержена наводненіямъ, неоднократно производившимъ большія опустошенія (особенно извѣстны опустошенія 1721 и 1774 гг.). Рѣка вслѣдствіе сильныхъ наводненій и землетрясеній нѣсколько разъ мѣняла свое направленіе въ устьѣ (старое русло называлось у римлянъ Flumen Vetus). Въ 888 г. вслѣдствіе землетрясенія образовался рукавъ Адижето, отдѣляющійся отъ рѣки у Бадія, текущій чрезъ Ровиго и впадающій между устьями По и Э. Въ XV в. рѣка проложила себѣ дорогу къ Тартаро, но въ 1838 г. рукавъ этотъ закрылся. Ср. Nicolis, «Sugli antichi corsi del fiume Adige» (Верона, 1898).

Эшвейлеръ (Eschweiler) — городъ въ рейнской пров. Пруссіи, въ 13 км. къ сѣв.-вост. отъ Аахена, по обѣимъ сторонамъ рѣки Инды. 21903 жит. (11158 мжч., 10745 жнщ.); 1130 лютеранъ, 127 евреевъ; остальные — ка-

толики. Производство желѣзныхъ и жестяныхъ издѣлій, цинка, машинъ паровыхъ котловъ, швейныхъ иголокъ, мыла, кожи, черепицъ, огнеупорнаго кирпича; пивовареніе; большія каменноугольныя копи. Ср. Koch, «Geschichte der Stadt E.» (Франкф. на Майнѣ, 1890).

Эшевены (Echevins, scabini) — должностныя лица въ средневѣковой Франціи, преимущественно въ городахъ. Чаще всего эшевенами называются члены городскихъ совѣтовъ въ нѣкоторыхъ областяхъ Франціи, преимущественно въ старой территоріи франкской оккупаціи и сосѣднихъ земляхъ. Такъ, названіе эшевеновъ для членовъ городскихъ совѣтовъ мы встрѣчаемъ въ Артуа, Фландріи, Амьенскомъ округѣ, Понтье. Въ Нормандіи, гдѣ господствовала система такъ назыв. «руанскихъ установленій» (Etablissements de Rouen), съ сложной системою совѣтовъ, эшевенами назывались члены одной изъ коллегій. Послѣ 1321 г. Э. въ Руанѣ исчезли, но вновь появились въ 1389 г. въ другомъ видѣ. Раньше ихъ было 12, теперь ихъ стало 6; они избирались на три года горожанами и составляли ядро городского совѣта. Коллегія эшевеновъ могла быть и пожизненной (напр. въ Лиллѣ послѣ реформы 1235 г.). Э., прежніе скабины, созданные реформою Карла Великаго (см. Скабины), были судебными засѣдателями. Въ эпоху феодализаціи они были поглощены сеньеріальнымъ режимомъ и сдѣлались всюду, гдѣ существовали, засѣдателями при вотчинномъ судѣ сеньера. Коммунальная революція въ большинствѣ случаевъ стерла этотъ институтъ, а названіемъ эшевеновъ воспользовались для созданія городского совѣта, которому и были переданы судебныя функціи. Э., о которыхъ говорилось выше, не имѣютъ по большей части ничего общаго съ сеньеріальными должностными лицами. Извѣстна и другая коллегія эшевеновъ, которая часто существовала рядомъ съ городскимъ совѣтомъ коммуны, но носила совершенно иной характеръ. Эти Э.—чисто судебная коллегія; никакихъ административныхъ функцій, какъ у совѣтовъ, у нихъ не имѣлось. Они сохраняли за собою старые сеньеріальные титулы, выбирались сеньеромъ и вели судебное разбирательство подъ предсѣдательствомъ должностного лица, назначеннаго сеньеромъ. Эти Э. представляютъ любопытный пережитокъ стараго порядка. Они выбираются изъ числа горожанъ, т. е. членовъ коммуны, и судятъ горожанъ, т. е. людей не подчиненныхъ сеньеру, а между тѣмъ назначаются сеньеромъ. Это не вотчинный судъ, но это и не судъ коммунальный. Извѣстія о немъ появляются не раньше XIII в. и очень скудны. Повидимому, назначеніе сеньерами—простая фикція, которая совершенно не мѣшаетъ эшевенамъ дѣлать свое свободное дѣло. Функціи ихъ не вездѣ одинаковы. Благодаря сеньеріальной этикеткѣ, враги коммунъ относились къ нимъ снисходительно: судъ эшевеновъ, сеньеріальный по имени, вольный по существу, часто переживалъ гибель коммунъ и становился на мѣсто уничтоженныхъ коммунальныхъ органовъ. Имя эшевеновъ сохранилось и позднѣе, но институтъ не перешелъ въ новое время. См. A. Luchaire, «Les communes françaises à l'époque des Capétiens directs» (1890); P. Viollet, «Les communes françaises au moyen âge» (1900); А. К. Дживелеговъ, «Средневѣковые города» (1902).

А. Дживелеговъ.

Эшелонъ—отдѣльная часть двигающейся колонны или войсковой части. При походныхъ движеніяхъ мирнаго времени, а также при перевозкахъ по жел. дор. каждая войсковая часть дѣлится на Э., выступающіе одинъ послѣ другого черезъ день или занимающіе, каждый, отдѣльный поѣздъ. *Эшелонированіе* — распредѣленіе въ глубину войскъ и тыловыхъ учрежденій въ походѣ и при расположеніи на мѣстѣ.

Эшенбахъ (Христіанъ Эренфридъ Eschenbach) — нѣм. врачъ (1712—1788). Въ 1742 г. назначенъ проф. хирургіи въ ростокскомъ университетѣ. Напеч.: «Anfangsgründe der Chirurgie» (Ростокъ, 1745); «Medicina legalis» (ib., 1746, 1775); «De suppuratione» (ib., 1744); «Commentatio vulnerum» (ib., 1748); «Anatomische Beschreibung des menschlichen Körpers» (ib., 1750); «Chirurgie» (1754); «Novae pathologiae delineatio» (1755); «Observata quaedam anatomico-chirurgico-medico variora» (1753—69).

Эшенбургъ (Іоганнъ-Іоахимъ Eschenburg)—нѣмецкій историкъ литературы (1743—1820). Былъ профессоромъ въ Брауншвейгѣ и здѣсь подружился съ Лессингомъ (ср. переписку Э. съ Лессингомъ въ Гампелевскомъ изданіи соч. Лессинга, т. XX). Въ свое время весьма распространены были его учебники: «Entwurf einer Theorie und Litteratur der Schönen Wissenschaften» (Б., 1783; 5 изд. 1836), съ хрестоматіей — «Beispielsammlung zur Theorie und Litteratur der schönen Wissenschaften» (1788—95); «Lehrbuch der Wissenschaftkunde» (1792, 7-е изд. 1825), «Handbuch der klassischen Litteratur» (1783, 8-е изд. 1837). Э. одинъ изъ первыхъ обратился къ изученію памятниковъ средневѣковой нѣмецкой поэзіи; результатомъ его работъ въ этой области явились «Denkmäler altdeutscher Dichtkunst» (Бременъ, 1799) и изданіе Edelstein» Бонера. Ему обязана нѣмецкая литература первымъ полнымъ переводомъ Шекспира (Цюрихъ, 1775—82). Онъ же познакомилъ Германію съ лучшими произведеніями англійской литературы по эстетикѣ.

Эшенмайеръ (Карлъ-Адольфъ Eschenmayer) — нѣмецкій философъ (1768—1852), профес. философіи и медицины въ Тюбингенѣ. Сначала находился подъ вліяніемъ идей Канта и въ особенности Шеллинга, потомъ болѣе и болѣе отдалялся отъ философіи и впалъ въ мистицизмъ; послѣднія его произведенія носятъ оккультистическій характеръ въ большей степени, чѣмъ философскій. Къ первому періоду его дѣятельности относятся: «Sätze aus der Naturmetaphysik, auf chemische und medicinische Gegenstände angewandt» (1797); «Versuch, die Gesetze magnetischer Erscheinungen aus Sätzen der Naturmetaphysik zu entwickeln» (1798); «Die Philosophie in ihrem Uebergang zur Nichtphilosophie» (1803);

«Versuch die scheinbare Magie des Thierischen Magnetismus aus physiologischen und psychologischen Gesetzen zu erklären» (1816); «Psychologie» (1817); «System d. Moralphilosophie»; «Religionsphilosophie» (1818—1824). Ко второму періоду относятся: «Grundriss der Naturphilosophie» (1832); «Die Hegelsche Religionsphilosophie verglichen mit dem christlichen Princip» (1834); «Grundzüge der christlichen Philosophie» и др.

Эшерихъ (E. Escherich)—нѣмецкая писательница. Род. въ 1856 г. Ея культурно-историческіе разсказы собраны въ «Runkelstein» (1881); «Saga» (1884); «Isaria» (1886); «Aus Münchens vergangenen Tagen» (1891); «Fürstenminne» (1891); «Was sich die Frauentürme erzählen» (1892); «Des Masskrugs Lebensgeschichte» (1893) и др.

Эшерни (Франсуа-Луи графъ Escherny)—швейцарскій писатель (1733—1815), восторженный поклонникъ Ж.-Ж. Руссо; провелъ бо̀льшую часть жизни во Франціи. 30 лѣтъ онъ занимался работой объ эгоизмѣ, но не напечаталъ ея. Въ началѣ революціи онъ явился ея горячимъ сторонникомъ, но во время господства террора покинулъ Францію, куда возвратился только послѣ 9-го термидора. Оставилъ большое количество произведеній, болѣе остроумныхъ, нежели глубокихъ, богатыхъ парадоксами и противорѣчіями. Защитникъ равенства, противникъ деспотизма, онъ тѣмъ не менѣе стоялъ за привилегіи происхожденія, за порабощеніе черныхъ. Наиболѣе интересны его «Mélanges de littérature, d'histoire de morale et de philosophie» (1814). Изъ другихъ его произведеній болѣе извѣстны: «Les lacunes de la philosophie» (Амстердамъ, 1783); «Correspondance d'un habitant de Paris avec ses amis de Suisse et d'Angleterre» (П., 1791); «Tableau historique de la Révolution jusqu'à la fin de l'assemblée constituante» (П., 1815); «De l'égalité, ou Principes généraux sur les institutions civiles, politiques et réligieuses» (1795).

Эшеръ (Іоганнъ-Генрихъ-Альфредъ Escher, 1819—82)—швейцарскій государств. дѣятель. Какъ членъ цюрихскаго національнаго совѣта, содѣйствовалъ постройкѣ цюрихскаго политехникума и умѣло велъ переговоры съ иностранными государствами по поводу разныхъ пограничныхъ споровъ; способствовалъ миролюбивому окончанію конфликта Австріи съ Тессинскимъ кантономъ, а также конфликтовъ невшательскаго и савойскаго. Не смотря на противодѣйствіе союзнаго совѣта, провелъ въ Швейцаріи систему частнаго желѣзнодорожнаго строительства и настоялъ на окончаніи С.-Готардскаго туннеля. Ему поставленъ памятникъ въ Цюрихѣ. Ср. «Das Alfred-Escher-Denkmal» (Цюрихъ, 1890).

Эшеръ-фонъ-деръ-Линтъ (Escher von der Linth): 1) *Іоганнъ Конрадъ* (1767—1823), швейцарскій дѣятель, членъ большого совѣта Гельветической республики; издавалъ (1798—1801) журналъ «Schweizerischer Republikaner», главный источникъ по швейцарской исторіи даннаго времени. Съ 1803 по 1822 г. съ успѣхомъ трудился надъ канализаціею рѣки Линтъ; позже руководилъ работами по регулированію теченія рр. Глаттъ и Рейна. На берегахъ р. Линтъ ему поставленъ памятникъ. Оставилъ рядъ сочиненій по геогнозіи. Ср. Hottinger, «Hans Konrad Escher» (Цюрихъ, 1852). 2) *Арнольдъ* (1807—1872), сынъ предыдущаго, геологъ, проф. въ Цюрихѣ; изслѣдовалъ Альпы, Алжиръ, Атласское нагорье, Сахару. Установилъ, что Сахара стала пустынею только въ послѣтретичный періодъ и создалъ теорію о вліяніи вѣтровъ съ Сахары на уменьшеніе количества ледниковъ. Вмѣстѣ съ Штудеромъ издалъ большую «Carte géologique de la Suisse» (1853, 2 изд., 1867). Ср. Heer, «Arnold Escher, Lebensbild eines Naturforschers» (Цюрихъ, 1873).

Эшикье—расположеніе войскъ въ шахматномъ порядкѣ; примѣняется при отступленіи подъ сильнымъ натискомъ непріятеля, когда попеременно одна половина отходитъ назадъ, а другая прикрываетъ наступленіе: маневръ сложный и рискованный, такъ какъ войска легко могутъ придти въ безпорядокъ.

Эшинитъ — минералъ ромбической системы, очень сложнаго химическаго состава, именно изъ группы титаново-кислыхъ солей, содержащихъ кромѣ того соединенія Ce, Nb, Zr, Th и т. д. Химическій составъ этого очень интереснаго минерала до сихъ поръ мало изученъ. Встрѣчается у насъ на Уралѣ, въ Ильменскихъ горахъ и въ Норвегіи.

Эшкаконъ—гора въ Нальчикскомъ окр. Терской обл.; возвышается между истоками Подкумка и р. Эшкакона подъ 43°45′ с. ш. и 42°20′ в. д.; выс. ок. 7000 фт.

Эшли (Вильямъ-Дж. Ashley)—англійскій историкъ-экономистъ (род. въ 1860 г.); былъ профессоромъ въ Торонто (Канада), потомъ въ Колумбіи (Соединенные Штаты), а теперь занимаетъ каѳедру во вновь основанномъ факультетѣ торговли бирмингамскаго университета. Изъ сочиненій Э. наибольшей популярностью пользуется «Introduction to english economic history and theory» (1894), переведенное на французскій, нѣмецкій и русскій языки (на послѣдній — подъ редакціей проф. Д. М. Петрушевскаго, подъ заглавіемъ: «Экономическая исторія Англіи»). Это весьма полезный популярный очеркъ англійской хозяйственной исторіи съ XI по XVI в., написанный живо и ясно, но не самостоятельный трудъ. Выводы книги Э. частью были ненадежны уже при самомъ появленіи книги, частью опровергнуты дальнѣйшими работами (напр. его карта огораживаній эпохи Тюдоровъ, стр. 587 русск. перев.). Въ 1900 г. Э. издалъ собраніе своихъ журнальныхъ статей («Survey historic and economic»), въ числѣ которыхъ есть хорошіе этюды, напримѣръ, «Tory origin of the free-trade», и полезные критико-литературные обзоры. Изъ нихъ обращаетъ на себя вниманіе обзоръ литературы по средневѣковымъ городамъ; обзоръ литературы по аграрному строю въ средніе вѣка слабѣе; въ немъ Э. безуспѣшно полемизируетъ съ Виноградовымъ и Мэтландомъ, пытаясь отстоять противъ нихъ свои взгляды на аграрную исторію Англіи XI—XIII в. *А. Дж.*

Эшмуназаръ—имя двухъ сидонскихъ царей, время правленія которыхъ пока не поддается точному опредѣленію и одними относится къ персидской эпохѣ, другими—къ эллинистической. *Э. I*, вѣроятно основатель династіи, извѣстенъ только изъ надписей послѣдующихъ царей Табнита и Бодастарта. *Э. II*—внукъ предыдущаго, сынъ Табнита. Прекрасный антропоидный базальтовый саркофагъ его найденъ въ 1855 г. въ получасовомъ разстояніи отъ нынѣшней Сайды, въ мѣстности Мурареть-Аблунъ. Саркофагъ этотъ египетскаго издѣлія и попалъ въ Финикію такимъ же путемъ, какъ и саркофагъ Табнита (см.). На крышкѣ его—интересная финикійская надпись, одинъ изъ наиболѣе важныхъ памятниковъ финикійской письменности. Она составлена отъ его имени его матерью Эм-ашторетъ, которая была правительницей за его малолѣтствомъ. Онъ царствовалъ 14 лѣтъ и умеръ «мальчикомъ немногихъ лѣтъ», т. е. вступилъ на престолъ еще младенцемъ, будучи «сыномъ вдовы», т. е. родившись послѣ смерти отца. Въ его царствованіе были воздвигнуты храмы Астартѣ, Эшмуну, Ваалу Сидона и Астартѣ-шемъ-Баалъ. За исправность въ платежѣ подати «владыка царей» (можетъ быть персидскій царь, а можетъ быть Александръ Великій или кто-либо изъ діадоховъ) пожаловалъ Сидону Дору и Яффу—«великолѣнныя хлѣбныя земли, лежащія въ Саронскихъ поляхъ». Остальная часть надписи изрекаетъ заклятіе на тѣхъ, кто дерзнетъ открыть гробницу. Часть эта интересна въ религіозномъ отношеніи (между прочимъ угроза, что святотатецъ не найдетъ себѣ упокоенія у тѣней—«Рефаимъ»: то же слово, что и въ Библіи). Упоминаніе Скилака о принадлежности Доры сидонянамъ даетъ опору тѣмъ, которые относятъ династію къ персидскому времени. Герцогу де-Люинъ удалось саркофагъ пріобрѣсти для Лувра; слѣпки съ него имѣются во многихъ музеяхъ, между прочимъ въ Имп. публичной библіотекѣ — съ части надписи. Литература весьма обширна. См. «Corpus Inscriptionum Semiticarum» и Lidzbarski, «Handbuch d. nordsemitischen Epigraphik». О гробницѣ—Hamdy Bey et Theodore Reinach, «Une nécropole royale à Sidon» (П., 1892).

Эшмунъ — финикійскій богъ, отожествленный съ Асклепіемъ. У Филона библскаго Э.—сынъ Садика отъ Титаниды, старшій изъ 7 кавировъ, а потому «восьмой». Дамаскій приводитъ другую этимологію его имени отъ семит. «эш»—огонь, и считаетъ его богомъ жизненной теплоты, врачеванія. У Дамаскія разсказанъ миѳъ о любви къ нему Астронои—Астарты; убѣгая отъ ея преслѣдованія, онъ изувѣчилъ себя, но богиня вернула его къ жизни. Нѣкоторые отожествляютъ Э. съ упоминаемымъ у Аѳинея (IX, 392) спутникомъ Геракла, Іолаемъ, вернувшимъ къ жизни убитаго Тифономъ героя. Вѣроятно Э. былъ юнымъ богомъ животворной, весенней солнечной теплоты. Чтился въ Тирѣ (упоминается въ договорѣ Ассархаддона съ Вааломъ, царемъ Тира), Беритѣ (на монетахъ этого города изображается вмѣстѣ съ 7 кавирами), Карѳагенѣ (храмъ его стоялъ на самомъ высокомъ пунктѣ) и особенно въ Сидонѣ, гдѣ едва ли не былъ главнымъ божествомъ. Особенно чтила его здѣсь династія Эшмуназаровъ. По имени его называлась въ греческое время мѣстная рѣка Асклепіемъ; это вѣроятно нынѣшняя Наръ-эль-Аулэ, въ 150 м. къ югу отъ которой недавно найдены развалины храма, воздвигнутаго въ честь Э. Бодастартомъ, внукомъ Эшмуназара I. У Филона Э., вмѣстѣ съ кавирами, выступаетъ и богомъ дѣеписанія.

Эшрихтъ (Daniel-Frederic Eschricht)—датскій зоологъ и физіологъ (1798—1863); по окончаніи университета съ 1822—25 г. занимался врачебной практикой на о-вѣ Борнгольмъ, затѣмъ отправился за границу для изученія сравнительной анатоміи и физіологіи; вернувшись на родину Э. въ 1829 г. назначенъ лекторомъ, а въ 1836 г. ординарнымъ профессоромъ при университетѣ въ Копенгагенѣ. Научныя изслѣдованія Э. касаются внутренняго строенія безпозвоночныхъ (въ особенности оболочниковъ) и анатоміи и физіологіи позвоночныхъ животныхъ, при чемъ Э. особенное вниманіе обратилъ на изученіе біологіи, анатоміи и систематики китовыхъ. Э. напечаталъ между прочимъ: «De organis, quae respirationi et nutritioni foetus Mammalium inserviunt» (Копенг., 1837); «Ueber die arteriösen u. venösen Wundernetze an der Leber des Thunfisches etc.» (вмѣстѣ съ Іог. Мюллеромъ, В., 1836); «Anatomiske Undersögelser over Clione borealis» (К., 1838); «Cirroteuthis Mülleri, eine neue Gattung der Cephalopoden bildend» («Nov. Acta Ac. Leop.», 1838); «Ueber die Untersuchung der nordischen Walfische» («Frorieps N. Not.», 1841—43); «Anatomisk physiologiske Undersögelser over Salperne» (Копенг., 1841); «Zoologisch-anatomisch-physiologische Untersuchungen üb. d. nordischen Wallthiere» (1-й т., Лпц., 1849). *Н. Н. А.*

Эшструтъ (Матильда von Eschstruth)—нѣмецкая писательница (род. въ 1839 г.). Напечатала романы: «Meines Lebens Roman», «Im Kampf» «Zwei reiche Frauen» «Inmitten der Bewegung», «Menschen von heute», «Zur rechten Zeit», «Die Nichten der Hauptmännin von Weilar». Всѣ ея произведенія вышли подъ псевдонимомъ «von Eschen».

Эшструтъ (Натали von Eschstruth, по мужу von Knobelsdorff-Brenkenhoff)—нѣмецкая писательница (род. въ 1860 г.), популярная и плодовитая поставщица семейныхъ романовъ и разсказовъ для иллюстрированныхъ изданій. Изъ произведеній ея, собранныхъ въ «Illustrierte Romane und Novellen» (3 серіи) лучшимъ считается «Gänseliesel» (1886). Отдѣльно вышли: «Pirmasenz, oder: Karl Augusts Brautfahrt» (1881); «Der kleine Rittmeister» (1882); «Die Ordre des Grafen v. Guise» (1884); «Wolfsburg» (1885); «Katz und Maus» (1886); «Gänseliesel» (1886); «Potpourri» (1887); «Der Irrgeist des Schlosses» (1887); «Humoresken» (1887); «Polnisch» (1887); «Wegekraut» (1887); «Die Erlkönigin, Zauberwasser» (1888); «Hasard» (1888); «Wan-

delbilder» (1888); «Verbotene Früchte u. a. Erzählungen» (1889); «Hoflust» (1889); «Sternschnuppen» (1890); «Zauberwasser» (1890); «Im Schellenhemd» (1891); «Der Mühlenprinz» (1891); «In Ungnade» (1891); «Komödie» (1892); «Scherben» (1893); «Ungleich» (1893); «Die Haidehexe und andere Novellen» (1894); «Von Gottes Gnaden» (1894); «Johannisfeuer» (1895) и др.

Эшшольція (Eschscholtzia Cham.)—родовое названіе растеній изъ сем. маковыхъ (Papaveraceæ). Извѣстно до 10 видовъ, дико растущихъ въ Калифорніи, изъ нихъ E. californica часто культивируется какъ декоративное растеніе. Виды Э.—травы однолѣтнія или двулѣтнія, съ тонкоразсѣченными листьями и съ желтыми, оранжевожелтыми или бѣлыми цвѣтками, сидящими на длинной ножкѣ. Цвѣтокъ правильный, чашечка изъ 2 опадающихъ листковъ, вѣнчикъ о 4 лепесткахъ, тычинокъ много; пестикъ одинъ съ линейною завязью и 2—6 нитевидными столбиками. Плодъ коробочка; сѣмена безъ придатка.

С. Ростовцевъ.

Эшшольцъ (Іоганнъ-Фридрихъ фонъ Eschscholtz)—выдающійся русскій естествоиспытатель и путешественникъ (1793—1831), изучалъ медицину въ Дерптѣ, а затѣмъ по приглашенію О. фонъ Коцебу въ качествѣ врача принялъ участіе въ кругосвѣтномъ плаваніи. Во время этого путешествія (1815—1818) Э. вмѣстѣ съ Шамиссо собиралъ коллекціи и производилъ научныя наблюденія. Вернувшись изъ плаванія, Э. занялся обработкой собранныхъ матеріаловъ, и вскорѣ (1819) былъ назначенъ экстраординарнымъ профессоромъ анатоміи въ Дерптѣ; въ 1823 г. вновь сопровождалъ Коцебу въ его 3-емъ кругосвѣтномъ плаваніи, при чемъ собралъ богатыя коллекціи, послужившія основою для ряда выдающихся трудовъ по систематикѣ и анатоміи животныхъ. Собранные во время плаваній матеріалы по растительному и животному царству Э. переданы въ коллекціи дерптскаго университета и московскаго общества испытателей природы. Въ честь Э. названъ родъ растеній, Eschschlotzia Cham., изъ отряда Papaveraceæ, затѣмъ заливъ на сѣв.-зап. берегу Сѣверной Америки («Eschscholtzbai») и группа острововъ въ Тихомъ океанѣ, открытыхъ Коцебу въ 1825 г. Ученыя работы Э. касаются преимущественно систематики и морфологіи безпозвоночныхъ животныхъ и природы Коралловыхъ острововъ. Онъ написалъ между прочимъ: «Ideen zur Aneinanderreihung der rückgratigen Thiere, auf vergleichende Anatomie gegründet» (Дерптъ, 1819); «Beschreibung des innern Skelets einiger Insecten (Gryllotalpa)» (тамъ же, 1820); «Entomographien» (1-й вып., Б., 1823); «Species insectorum novæ descriptæ (Carabicini)» (М., 1823); «Dissertatio de coleopterorum genere Passalus» («Mém. Soc. I. Nat. Moscou», 1829); «Zoologischer Atlas, enthaltend Abbildungen und Beschreibungen neuer Thierarten, während des Flottcapitains von Kotzebue zweiter Reise um die Welt etc. in den Jahren 1823—26 beobachtet» (5 вып. съ 25 раскр. табл., Б., 1829—33; 5-й вып. изд. Ратке); «System der Acalephen. Eine ausführliche Beschreibung aller medusenartigen Strahlthiere» (съ 16-ю табл., Б., 1829); «Ueberischt der zoologischen Ausbeute» (въ Kortzebue, «Reise um die Welt i. d. Jahren 1823, 24, 25 u. 26», Веймаръ, 1830, приложеніе); «Beschreibung der Auchinia, einer neuen Gattung der Mollusken» (СПб., 1835). *Н. Н. А.*

Эзіетъ—суданское названіе гиппопотама, см. Бегемотъ.

Эюбиды—см. Эйюбиды.

Эюбъ-бенъ-Шади-бенъ-Merванъ—курдъ, отецъ султана Саладина, родоначальникъ *династіи Эюбидовъ*; ум. въ 1173 г., вскорѣ послѣ того, какъ сынъ его (въ 1171 г.) захватилъ престолъ прежней династіи Фатимидовъ. Ср. Египетъ (исторія).

Эюбъ-ханъ — авганскій принцъ, младшій сынъ эмира Ширъ-Али; отцомъ своимъ назначенъ былъ губернаторомъ Герата; послѣ смерти отца и низложенія брата Якуба англичанами, которыхъ онъ страстно ненавидѣлъ, сдѣлалъ попытку изгнать англичанъ изъ Авганистана. Въ іюлѣ 1880 г. онъ разбилъ англійскаго генерала Берроу у Нушкъ-и-Накуда, но 1 сент. разбитъ былъ Робертсомъ у Баба-Вали и принужденъ былъ отступить въ Гератъ. Въ 1881 г. онъ вновь сдѣлалъ попытку завоевать Авганистанъ; занялъ Кандагаръ, но былъ побѣжденъ (22 сент.), вслѣдствіе измѣны эмира Абдуррахмана. Когда послѣдній захватилъ Гератъ, Э. бѣжалъ въ Персію, гдѣ былъ арестованъ. Въ августѣ 1888 г. онъ бѣжалъ, но вновь былъ захваченъ и заключенъ въ Пенджабѣ.

Эя (Αἶα, Aea, собств. «Страна»)—миѳическая страна по ту сторону великаго сѣверо-восточнаго моря, гдѣ царствовалъ Эетъ и куда совершали свою экспедицію за золотымъ руномъ Аргонавты. Тамъ, на краю Океана, у эѳіоповъ хранятся въ золотой комнатѣ лучи Гелія, который отсюда начинаетъ свое путешествіе по небу. Позднѣе, когда греки познакомились съ отдаленнымъ побережьемъ Чернаго моря, Э. была перенесена въ Колхиду. На берегахъ р. Фазида находился городъ Э., заключавшій въ себѣ чертогъ Медеи, святилище Язона и другія достопримѣчательности.

Эѳалидъ (Αἰθαλίδης)—въ греч. миѳологіи сынъ Гермеса и Эвполемеи, герольдъ Аргонавтовъ, обладавшій удивительной памятью. Ему было дано право поочередно жить въ подземномъ царствѣ и на землѣ. По смерти Э. душа его, послѣ нѣкотораго періода странствованій вселилась, по сообщенію Діогена Лаэртскаго, въ тѣло Пиѳагора, сохранивъ воспоминаніе о всѣхъ своихъ странствованіяхъ. *Н. О.*

Эѳіопія (Αἰθιοπία)—неопредѣленный терминъ древней греческой географіи, означающій «страну людей съ пылающими (можетъ быть обожженными) лицами», лежащую гдѣ-то къ югу, гдѣ кульминируетъ богъ солнца, гдѣ люди живутъ въ обществѣ боговъ, благочестивы, блаженны и долговѣчны. Ихъ царь, сынъ Зари Мемнонъ, водилъ ихъ подъ Трою. Э. искали и въ Африкѣ (за Египтомъ), и въ Азіи. Расширеніе географическаго кругозора повлекло болѣе точную локализацію. Геро-

дотъ говоритъ о двухъ эѳіопскихъ народностяхъ въ арміи Ксеркса (VII, 70): восточной—азіатской и зап.—африканской. Онъ же знаетъ «Э. надъ Египтомъ», и границей послѣдняго считаетъ о-въ Филэ, такъ какъ сіэнскій камень у него уже λίθος Αἰθιοπικός. Такимъ образ. греч. Э. стала соотвѣтствовать египетскому и библейскому «Кушъ», и 70 толковниковъ передали это послѣднее понятіе словомъ Αἰθιοπία. У Юбы (Плин. VI, 177) Э. начинается только съ Мероэ (см.). Впрочемъ эти представленія не были всеобщими и не изгнали окончательно прежней неопредѣленности: даже Эфоръ говоритъ, что эѳіопы—одна изъ 4-хъ человѣческихъ расъ, населяющая югъ (востокъ — инды, западъ — кельты, сѣверъ—скиѳы); еще въ средніе вѣка терминъ продолжалъ быть блуждающимъ и неопредѣленнымъ. Только болѣе дѣятельныя сношенія новаго времени расчленили его; теперь онъ прилагается къ Абессинской имперіи, которая сдѣлала его своимъ оффиціальнымъ именемъ, заимствовавъ его изъ греческой Библіи. Область къ югу отъ Египта по среднему теченію Нила, благодаря главнымъ образомъ арабскимъ географамъ, получила имя Нубіи. См. Абессинія, Нубія, Мероэ, Напата.

Эѳіопская литература—литература Абессиніи, написанная на языкѣ геезъ и современныхъ амхарскомъ, тиграйскомъ и др. діалектахъ. По содержанію примыкаетъ къ другимъ литературамъ христіанскаго Востока и имѣетъ большею частью богословскій и историческій характеръ; есть, впрочемъ, и произведенія изъ области науки. Матеріалъ, которымъ мы располагаемъ для знакомства съ Э. литературой, почти весь относится ко времени послѣ XIII в. и хранится въ рукописныхъ собраніяхъ Европы, Іерусалима и монастыряхъ Абессиніи; изданіе его и изученіе идетъ успѣшно и быстро. Рукописей отъ болѣе древняго времени у насъ нѣтъ; полагаютъ, что онѣ погибли во время погромовъ VII—XII и XVI вв., представляющихъ пробѣлъ и въ политической исторіи страны. Между тѣмъ не можетъ быть сомнѣнія, что уже періодъ Аксумскаго царства имѣлъ свою письменность. До насъ дошли туземныя надписи на савейскомъ языкѣ отъ времени до Р. Хр., затѣмъ греческія надписи (Monum. Adulitanum и Аксумская bilinguis) царей, потомъ царскія савейскія надписи IV в., наконецъ большія царскія надписи на языкѣ геезъ еще языческаго времени, но начертанныя уже наканунѣ принятія христіанства, въ V в. Содержаніе ихъ—походы, разсказанные съ обстоятельностью, достойной лучшихъ историческихъ памятниковъ семитовъ. Шрифтъ ихъ, уже вокализованный, былъ результатомъ реформы по древнѣйшимъ образцамъ (что указываетъ на существованіе архивовъ), не безъ вліянія греческаго христіанскаго элемента. Торжество послѣдняго должно было начать новую эпоху, въ Э. литературѣ, уже въ виду необходимости перевода Св. Писанія. Этотъ переводъ былъ сдѣланъ дѣйствительно уже въ аксумское время съ греческаго (семидесяти), съ привлеченіемъ для Ветхаго Завѣта и еврейскаго текста (сирійской редакціи Лукіана), что вполнѣ согласно съ историческими данными о связи Абессиніи съ Аравіей и вообще Азіей и съ преданіями эѳіопской церкви о девяти преподобныхъ, явившихся для просвѣщенія Э. между прочимъ изъ Сиріи. Церковная терминологія также отчасти указываетъ на Сирію. Впослѣдствіи эѳіопскій переводъ Библіи подвергался ревизіямъ: Новый Завѣтъ—на основаніи египетско-арабскаго перевода, Ветхій—можетъ быть на основаніи сиро-ексапларнаго; наконецъ появляется смѣшанная редакція, можетъ быть предназначенная для ученыхъ, избирающая лучшія чтенія изъ обоихъ изводовъ и свѣряющая ихъ съ еврейскимъ рукописнымъ текстомъ. Въ библіотекахъ имѣются рукописи всѣхъ трехъ переводовъ. Въ Библіи эѳіопы насчитываютъ «81 книгу», включая сюда книгу «Синодосъ» (кормчая) и Апостольскія Постановленія Климента Александрійскаго. Они не различаютъ апокрифовъ (книги Эноха, Юбилеевъ, Адама, Вознесеніе Исаіи, Пастырь Ермы и др.) отъ каноническихъ; нѣкоторые изъ первыхъ переведены уже въ это древнѣйшее время (напр., Пастырь Ермы) и дошли до насъ въ полномъ видѣ только въ эѳіопскомъ переводѣ. Книги Маккавеевъ переведены только съ латинской вульгаты уже въ XVII в.; то, что раньше ходило подъ этимъ именемъ — апокрифъ. Возможно, что въ это же время переведены нѣкоторыя свято-отеческія творенія, составляющія сборникъ подъ именемъ «Керлосъ», такъ какъ въ немъ главное мѣсто отведено Кириллу Александрійскому. Богослужебныя книги едва ли появились уже въ эту эпоху: какъ и въ Египтѣ, богослужебнымъ языкомъ вѣроятно долго былъ греческій. Впослѣдствіи мы находимъ въ Абессиніи богатую литургическую поэзію и большое количество ритуальныхъ книгъ, частью переведенныхъ, но большею частью туземнаго происхожденія. Послѣднія возводились большей частью къ святому VI в., *Іареду* сладкопѣвцу, который считался изобрѣтателемъ церковнаго пѣнія и творцомъ множества пѣснопѣній и молитвословій, возникавшихъ въ разныя, гораздо болѣе позднія времена.

Возстановленіе могущества и единства государства со времени водворенія такъ называемой Соломоновой династіи (1268 г.), упроченіе церковнаго строя и связей съ александрійскимъ престоломъ, а также основаніе (еще въ XII в.) подворья въ Іерусалимѣ вызвало къ жизни новую эпоху въ исторіи Э. литературы, часто называемую временемъ второго расцвѣта. Опять начинаютъ усиленно переводить, но на этотъ разъ съ арабскаго, языка египетскихъ христіанъ, на геезъ, уже переставшій быть живымъ, разговорнымъ языкомъ. Въ XIV в. оставилъ по себѣ память, какъ «переводчикъ книгъ», митрополитъ *Салама*. Возможно, что къ нему восходитъ первая ревизія древняго перевода Св. Писанія, а также введеніе копто-православнаго часослова и переводъ требника. Несомнѣнно онъ перевелъ аскетическія творенія, приписываемыя Филоксену Маб-

delbilder» (1888); «Verbotene Früchte u. a. Erzählungen» (1889); «Hoflust» (1889); «Sternschnuppen» (1890); «Zauberwasser» (1890); «Im Schellenhemd» (1891); «Der Mühlenprinz» (1891); «In Ungnade» (1891); «Komödie» (1892); «Scherben» (1893); «Ungleich» (1893); «Die Haidehexe und andere Novellen» (1894); «Von Gottes Gnaden» (1894); «Johannisfeuer» (1895) и др.

Эшшольція (Eschscholtzia Cham.)—родовое названіе растеній изъ сем. маковыхъ (Papaveraceae). Извѣстно до 10 видовъ, дико растущихъ въ Калифорніи, изъ нихъ E. californica часто культивируется какъ декоративное растеніе. Виды Э.—травы однолѣтнія или двулѣтнія, съ тонкоразсѣченными листьями и съ желтыми, оранжевожелтыми или бѣлыми цвѣтками, сидящими на длинной ножкѣ. Цвѣтокъ правильный, чашечка изъ 2 опадающихъ листковъ, вѣнчикъ о 4 лепесткахъ, тычинокъ много; пестикъ одинъ съ линейною завязью и 2—6 нитевидными столбиками. Плодъ коробочка; сѣмена безъ придатка.
С. Ростовцевъ.

Эшшольцъ (Іоганнъ-Фридрихъ фонъ Eschscholtz)—выдающійся русскій естествоиспытатель и путешественникъ (1793—1831), изучалъ медицину въ Дерптѣ, а затѣмъ по приглашенію О. фонъ Коцебу въ качествѣ врача принялъ участіе въ кругосвѣтномъ плаваніи. Во время этого путешествія (1815—1818) Э. вмѣстѣ съ Шамиссо собиралъ коллекціи и производилъ научныя наблюденія. Вернувшись изъ плаванія, Э. занялся обработкой собранныхъ матеріаловъ, и вскорѣ (1819) былъ назначенъ экстраординарнымъ профессоромъ анатоміи въ Дерптѣ; въ 1823 г. вновь сопровождалъ Коцебу въ его 3-емъ кругосвѣтномъ плаваніи, при чемъ собралъ богатыя коллекціи, послужившія основою для ряда выдающихся трудовъ по систематикѣ и анатоміи животныхъ. Собранные во время плаваній матеріалы по растительному и животному царству Э. переданы въ коллекціи дерптскаго университета и московскаго общества испытателей природы. Въ честь Э. названъ родъ растеній, Eschscholtzia Cham., изъ отряда Papaveraceae, затѣмъ заливъ на сѣв.-зап. берегу Сѣверной Америки («Eschscholtzbai») и группа острововъ въ Тихомъ океанѣ, открытыхъ Коцебу въ 1825 г. Ученыя работы Э. касаются преимущественно систематики и морфологіи безпозвоночныхъ животныхъ и природы Коралловыхъ острововъ. Онъ написалъ между прочимъ: «Ideen zur Aneinanderreihung der rückgratigen Thiere, auf vergleichende Anatomie gegründet» (Дерптъ, 1819); «Beschreibung des innern Skelets einiger Insecten (Gryllotalpa)» (тамъ же, 1820); «Entomographien» (1-й вып., Б., 1823); «Species insectorum novae descriptae (Carabicini)» (М., 1823); «Dissertatio de coleopterorum genere Passalus» («Mém. Soc. I. Nat. Moscou», 1829); «Zoologischer Atlas, enthaltend Abbildungen und Beschreibungen neuer Thierarten, während des Flottcapitains von Kotzebue zweiter Reise um die Welt etc. in den Jahren 1823—26 beobachtet» (5 вып. съ 25 раскр. табл., Б., 1829—33; 5-й вып. изд. Ратке); «System der Acalephen. Eine ausführliche Beschreibung aller medusenartigen Strahlthiere» (съ 16-ю табл., Б., 1829); «Ueberischt der zoologischen Ausbeute» (въ Kortzebue, «Reise um die Welt i. d. Jahren 1823, 24, 25 u. 26», Веймаръ, 1830, приложеніе); «Beschreibung der Anchinia, einer neuen Gattung der Mollusken» (СПб., 1835). *Н. Н. А.*

Эѳліетъ—суданское названіе гиппопотама, см. Бегемотъ.

Эюбиды—см. Эйюбиды.

Эюбъ-бенъ-Шади-бенъ-Мерванъ—курдъ, отецъ султана Саладина, родоначальникъ *династіи Эюбидовъ*; ум. въ 1173 г., вскорѣ послѣ того, какъ сынъ его (въ 1171 г.) захватилъ престолъ прежней династіи Фатимидовъ. Ср. Египетъ (исторія).

Эюбъ-ханъ — авганскій принцъ, младшій сынъ эмира Ширъ-Али; отцомъ своимъ назначенъ былъ губернаторомъ Герата; послѣ смерти отца и низложенія брата Якуба англичанами, которыхъ онъ страстно ненавидѣлъ, сдѣлалъ попытку изгнать англичанъ изъ Авганистана. Въ іюлѣ 1880 г. онъ разбилъ англійскаго генерала Берроу у Нушкъ-и-Накуда, но 1 сент. разбитъ былъ Робертсомъ у Баба-Вали и принужденъ былъ отступить въ Гератъ. Въ 1881 г. онъ вновь сдѣлалъ попытку завоевать Авганистанъ; занялъ Кандагаръ, но былъ побѣжденъ (22 сент.), вслѣдствіе измѣны эмира Абдуррахмана. Когда послѣдній захватилъ Гератъ, Э. бѣжалъ въ Персію, гдѣ былъ арестованъ. Въ августѣ 1888 г. онъ бѣжалъ, но вновь былъ захваченъ и заключенъ въ Пенджабѣ.

Эя (Αἶα, Aea, собств. «Страна»)—миѳическая страна по ту сторону великаго сѣверо-восточнаго моря, гдѣ царствовалъ Эетъ и куда совершали свою экспедицію за золотымъ руномъ Аргонавты. Тамъ, на краю Океана, у эѳіоповъ хранятся въ золотой комнатѣ лучи Гелія, который отсюда начинаетъ свое путешествіе по небу. Позднѣе, когда греки познакомились съ отдаленнымъ побережьемъ Чернаго моря, Э. была перенесена въ Колхиду. На берегахъ р. Фазида находился городъ Э., заключавшій въ себѣ чертогъ Медеи, святилище Язона и другія достопримѣчательности.

Эѳалидъ (Αἰθαλίδης)—въ греч. миѳологіи сынъ Гермеса и Эвполемеи, герольдъ Аргонавтовъ, обладавшій удивительной памятью. Ему было дано право поочередно жить въ подземномъ царствѣ и на землѣ. По смерти Э. душа его, послѣ нѣкотораго періода странствованій вселилась, по сообщенію Діогена Лаэртскаго, въ тѣло Пиѳагора, сохранивъ воспоминаніе о всѣхъ своихъ странствованіяхъ. *Н. О.*

Эѳіопія (Αἰθιοπία)—неопредѣленный терминъ древней греческой географіи, означающій «страну людей съ пылающими (можетъ быть обожженными) лицами», лежащую гдѣ-то къ югу, гдѣ кульминируетъ богъ солнца, гдѣ люди живутъ въ обществѣ боговъ, благочестивы, блаженны и долговѣчны. Ихъ царь, сынъ Зари Мемнонъ, водилъ ихъ подъ Трою. Э. искали и въ Африкѣ (за Египтомъ), и въ Азіи. Расширеніе географическаго кругозора повлекло болѣе точную локализацію. Геро-

ови стихами, въ которыхъ риөма идетъ чрезъ всю строфу (какъ и вообще въ Э. стихахъ). Царь Наодъ написалъ еще во время своихъ путешествій 14 гимновъ на различные праздники. Эти гимны принадлежатъ уже къ типу такъ назыв. *«кене»*—стихотворныхъ импровизацій, въ которыхъ особенно цѣнилась догматическая витіеватость и символизмъ, доходящій до невразумительности. Такихъ виршей дошло до насъ довольно много; нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ авторами царей (напр. *Такла-Хаймонота I*), другія — регентовъ хоровъ, вельможъ и т. д. Неизвѣстно, къ какому времени относится туземный часословъ, весь почти написанный стихами и состоящій, кромѣ чтеній изъ Библіи, исключительно изъ гимновъ; нельзя ничего пока сказать и относительно его авторовъ и употребленія, при существованіи другого, переводнаго. Гимнологія вообще была развита въ Абессиніи; до насъ дошло много другихъ анонимныхъ произведеній этого рода, а также цѣлые сборники. Особеннымъ распространеніемъ пользуется составленный въ 1440 г. *Георгіемъ Армяниномъ* «Органонъ восхваленія» въ честь Богоматери — огромное собраніе распредѣленныхъ по днямъ витіеватыхъ величаній. Подобный же характеръ имѣютъ сборники въ честь Іисуса Христа. Нѣсколько лучше такъ назыв. «Врата Свѣта» — похвалы Богоматери, приписываемыя Іареду, но составленныя въ дополненіе къ заимствованнымъ изъ коптской церкви өеотокіямъ. При царѣ Сарца-Денгелѣ (1564—1594), по его повелѣнію, были собраны различныя пѣснопѣнія на весь церковный годъ и снабжены нотами аввами Герой и Хабла-Селлясэ. Ко времени того же царя относится переводческая дѣятельность дабралибаносскаго архимандрита *Аввакума*, родомъ араба изъ Іемена, бывшаго сначала купцомъ и по религіи мусульманиномъ, но потомъ переселившагося въ Абессинію, крестившагося и сдѣлавшагося монахомъ. Онъ перевелъ сказаніе о Варлаамѣ и Іосафѣ, различныя толкованія на Св. Писаніе (между прочимъ св. Іоанна Златоуста), хронографію Абу-Шакира. Въ связи съ послѣдней находится романъ объ Александрѣ Вел., который и на Э. почвѣ нашелъ развитіе: царь въ ней надѣленъ чертами христіанскаго святого, разрушителя идоловъ и пророка о Христѣ (другія легенды, общія всему Востоку, также получили подъ перомъ Э. писателей своеобразныя черты, напр. путешествіе Герасима въ страну блаженныхъ, стоящее въ связи съ романомъ Александра). Современникъ Аввакума, дабралибаносскій монахъ *Саликъ*, также иностранецъ, перевелъ на Э. языкъ богословскую энциклопедію монаха Никона (Πανδέκτης), подъ именемъ «Книги Хави». Къ этому же времени относится и переводъ номоканона Ибн-аль-Ассаля, подъ именемъ *«Судъ царей»*. Переводъ сдѣланъ также иностранцемъ — діакономъ Петромъ; книга получила значеніе гражданскаго и церковнаго уложенія Э. царства.

Борьба съ воинствующимъ исламомъ, особенно обострившаяся въ XVI в. (нашествіе Граня), а затѣмъ римская пропаганда XVI и XVII в. вызвали къ жизни полемическую литературу, возбудили потребность въ новыхъ догматическихъ компендіяхъ и расшевелили богословскую мысль въ разныхъ направленіяхъ. Уже архимандритъ Аввакумъ составилъ компиляцію изъ Корана, философовъ и псевдо-Климента для обличенія ислама; ту же цѣль преслѣдуетъ трактатъ «Врата вѣры». Противъ папизма, въ защиту родной вѣры главнымъ образомъ отъ обвиненія въ іудействѣ, царь-богословъ *Клавдій* (1540—59) написалъ интересное посланіе, а другой царь (Сисинній?) получилъ отъ эөіоп. богослововъ ѣдкій трактатъ: «Прибѣжище души» противъ діофизитства и разоренія субботы со стороны «необрѣзанныхъ и единокровныхъ Пилату» (т. е. римлянъ). Полемическую цѣль имѣетъ въ виду, повидимому, и трактатъ «Богословіе», разбирающій ученіе о св. Троицѣ и о природѣ Іисуса Христа и предназначенный служить «пристанищемъ для немощныхъ». Арсеналомъ для полемическихъ цѣлей должна была сдѣлаться переведенная около этого времени вельможей Маба-Сіономъ монофизитская богословская summa «Вѣра Отцевъ», состоящая изъ обширныхъ извлеченій (большею частью апокрифическихъ) изъ свято-отеческихъ твореній, посланій патріарховъ и аскетическихъ книгъ. Но этотъ тяжелый сборникъ могъ служить только для богослововъ; для мірянъ необходимы были краткія символическія книги, написанныя на народномъ языкѣ и соотвѣтствующія латинскимъ (а впослѣдствіи и протестантскимъ) катехизисамъ (одинъ изъ нихъ хранится въ берлинской королевской библіотекѣ; онъ составленъ по западнымъ отцамъ — Амвросію, Іерониму, Августину, и постановленіямъ флорентійскаго и тридентскаго соборовъ, но съ ссылками на эөіопскія книги). Таковы явились многочисленныя въ настоящее время амхарскія краткія изложенія монофизитской доктрины: «Столпы таинствъ», «Слово вѣры», «Толкованіе тріѵпостасности Божества». Затѣмъ появляются переводы на амхарскій языкъ древнихъ богословскихъ произведеній и отчасти гимновъ (напр. стихотворной священной исторіи, подъ заглавіемъ «Премудрый премудрыхъ»). Столкновеніе съ западными ученіями повліяло также на духовную жизнь страны, расшевеливъ мысль. Въ XVII и XVIII в. особенно обострились споры монофизитскихъ толковъ; утомленіе отъ догматическихъ раздоровъ толкнуло нѣкоторыхъ образованныхъ богослововъ на путь раціонализма и свободомыслія. До насъ дошло два трактата XVII в., озаглавленныхъ «Изслѣдованіе»; одинъ представляетъ исповѣдь и автобіографію аксумскаго начетчика *Зара-Якоба*, пришедшаго—во время гоненій франковъ, а потомъ туземцевъ,—къ естественной религіи разума, во многомъ напоминающей западно-европейскій деизмъ. Отвергнувъ откровенныя религіи, онъ остановился на вѣрѣ въ личнаго Бога Творца и Промыслителя, въ безсмертіе души и воздаяніе за гробомъ, въ необходимость молитвы и добродѣтельной жизни, согласно законамъ природы. Онъ отвергалъ

бугскому, и житія различныхъ египетскихъ святыхъ. Одновременно съ нимъ работали въ этомъ направленіи и другіе дѣятели, обогатившіе Э. письменность мартирологами, отдѣльными житіями, апокрифическими сказаніями о хожденіяхъ апостоловъ, можетъ быть и нѣкоторыми переводными историческими трудами (напримѣръ, «исторіей Іудеевъ» Іосифа, сына Горіона, такъ называемый Іосиппонъ). Появляются и оригинальныя произведенія, вызванныя самой жизнью. Развитіе монашества выдвинуло туземныхъ святыхъ и дало толчекъ туземной *агіографіи*; уже отъ XIV—XV вв. до насъ дошли житія подвижниковъ Габра-Манфасъ Кеддуса (крайне легендарное), Ливанія, Такла-Хайманота, Самуила Вальдебскаго, царя Лалибалы и др. Потребности въ туземной богословско-догматической энциклопедіи удовлетворилъ тяжелый и теперь забытый трудъ нѣкоего *Георгія* изъ Саглы амхарской: «*Книга таинствъ*», написанная въ 1424 г. и занимающаяся главнымъ образомъ обличеніемъ 29 «ересей». Наконецъ, новая династія нашла освященіе своихъ правъ въ легендарно-апокалиптической литературѣ. Такъ, книга *Кебра Нагастъ* («Слава царей») утилизируетъ въ пользу династіи давно ходившую въ южной Аравіи и Абессиніи легенду о Соломонѣ, Савской царицѣ, ихъ сынѣ Меneликѣ и Ковчегѣ завѣта, похищенномъ послѣднимъ для Аксума; здѣсь же легенда о союзѣ двухъ міровыхъ императоровъ—Э. и римскаго, раздѣлившихъ между собою вселенную. Сюда примыкаютъ апокалиптическія книги: «Толкованія Іисуса» (эсхатологическій романъ о благочестивомъ царѣ Ѳеодорѣ, имѣющемъ собрать оставшихся вѣрными предъ пришествіемъ антихриста), «Видѣніе Шенути» (въ церкви, выстроенной Шенути сходятся римскій императоръ и Э. царь Ѳеодоръ для устроенія вѣры) и возникшая нѣсколько вѣковъ спустя «Богатство царей» (вздорная сказка о династическомъ переворотѣ, съ прибавленіемъ легенды о царскомъ мѵрѣ). Къ числу книгъ апокалиптическо-каббалистическаго характера относятся писанія автора XV в. *Бахайла-Микаэля* или Зосимы: «Книги таинъ неба и земли», толкованіе на Апокалипсисъ, трактатъ о Божествѣ, и о «рожденіи Еноха». Подвиги царя Амда-Сіона противъ мусульманъ (1332) нашли себѣ выраженіе въ повѣствованіи, имѣющемъ форму хроники, но не брезгающемъ и элементами сказки и героической пѣсни. Церковныя реформы *царя Зара-Якоба* (1414—68) имѣли вліяніе и на литературу. Самъ онъ былъ авторомъ «Книги Свѣта» (Мацхафа-Берханъ), въ которой изложилъ свои мѣры къ поднятію церковнаго благочинія и нравовъ народа. Это замѣчательное произведеніе царя-богослова имѣетъ высокій интересъ для знакомства съ культурнымъ состояніемъ Эѳіопіи въ XV вѣкѣ. Дополненіемъ къ нему служатъ: «Соблюденіе тайны»—трактатъ ритуальнаго характера о св. причащеніи, «Книга Существа»—объ елеосвященіи. Кромѣ того Зара-Якобу приписывается книга «Господь воцарися» — сборникъ богослужебныхъ стихотворныхъ пѣснопѣній для утрени на цѣлый годъ, и недошедшія до насъ «Посланіе о вочеловѣченіи» и «Отреченіе отъ сатаны», направленныя противъ суевѣрій. Введеніе имъ ежемѣсячныхъ праздниковъ въ честь Божіей Матери и святыхъ создало потребность въ книгахъ повѣствовательнаго характера для чтенія за богослуженіемъ. Съ этихъ поръ усиленно переводятся, списываются и распространяются различные сборники «чудесъ» («Таамръ»). Самъ Зара-Якобъ принималъ участіе въ переводѣ и распространеніи полной редакціи извѣстнаго на Востокѣ и, кажется, проникшаго еще раньше въ Э. литературу сборника «Чудесъ Маріи», приписываемаго толедскому епископу VI в. Ильдефонсу; онъ же написалъ или перевелъ «Книгу Рождества»—сборникъ чудесъ, для чтенія въ дни ежемѣсячнаго празднованія Рождества Христова. Такого же характера дѣятельность *Іоанна, епископа Аксумскаго* (XV в.), автора поученія на Благовѣщеніе и на праздники архангела Михаила съ повѣствованіями о чудесахъ его. Подъ его именемъ извѣстно житіе одного изъ девяти преподобныхъ—Исаака Гарима; житіе другого изъ нихъ, Пантелеймона, написанное тоже какимъ-то епископомъ Аксума, вѣроятно болѣе древняго происхожденія. Вообще и въ эту эпоху туземная агіографія процвѣтала; въ многочисленныхъ монастыряхъ дѣятельно велись записи о жизни и чудесахъ подвижниковъ. Въ нашемъ распоряженіи довольно много пространныхъ житій абессинскихъ святыхъ; многія изъ нихъ не лишены литературныхъ достоинствъ (Евстаѳія, Бацалота-Микаэля, Филиппа, Аарона, Іоны и многихъ другихъ). Сдѣланный около того же времени полный переводъ копто-арабскаго синаксаря Михаила малиго-атрибскаго далъ схему и для краткихъ житій туземныхъ святыхъ, которыя явились къ нему дополненіями. Аскетическая повѣствовательная литература обогатилась также въ это время переводомъ извѣстныхъ на всемъ христіанскомъ Востокѣ Ἀποφθέγματα γερόντων («Достопамятныя сказанія о св. отцахъ») и «Луга духовнаго» Іоанна Мосха, а нѣсколько позднѣе—«Старца духовнаго», приписываемаго Іоанну Савѣ. Сюда же можно отнести сказаніе о видѣніи Навіуда, монаха ликопольскаго, относительно хорошихъ и дурныхъ монаховъ. Процвѣтала въ это время и туземная религіозная поэзія. Примѣръ Зара-Якоба нашелъ подражателей: въ Эѳіопіи, какъ и въ Византіи и у насъ, цари любили выступать пѣснописцами; церковная лирика находила любителей среди всѣхъ классовъ населенія и была дѣломъ національнымъ. Царь *Наодъ* (1494—1508) написалъ длинный гимнъ въ честь Богоматери, такъ назыв. «Образъ» (Мальке), въ которомъ величанія обращены къ различнымъ частямъ тѣла; эти абессинскіе акаѳисты потомъ сдѣлались весьма распространенной формой богослужебныхъ пѣснопѣній и были составлены въ честь многихъ праздниковъ и святыхъ (напримѣръ, въ честь Такла-Хайманота архимандритомъ *Іоанномъ*, въ половинѣ XVI вѣка; онъ же былъ авторомъ особаго подражанія Псалтирю въ честь Іисуса Христа). Написаны

они стихами, въ которыхъ риѳма идетъ чрезъ всю строфу (какъ и вообще въ Э. стихахъ). Царь Наодъ написалъ еще во время своихъ путешествій 14 гимновъ на различные праздники. Эти гимны принадлежатъ уже къ типу такъ назыв. *«кене»*—стихотворныхъ импровизацій, въ которыхъ особенно цѣнилась догматическая витіеватость и символизмъ, доходящій до невразумительности. Такихъ виршей дошло до насъ довольно много; нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ авторами царей (напр. *Такла-Хайманота I*), другія — регентовъ хоровъ, вельможъ и т. д. Неизвѣстно, къ какому времени относится туземный часословъ, весь почти написанный стихами и состоящій, кромѣ чтеній изъ Библіи, исключительно изъ гимновъ; нельзя ничего пока сказать и относительно его авторовъ и употребленія, при существованіи другого, переводнаго. Гимнологія вообще была развита въ Абессиніи; до насъ дошло много другихъ анонимныхъ произведеній этого рода, а также цѣлые сборники. Особеннымъ распространеніемъ пользуется составленный въ 1440 г. *Георгіемъ Армяниномъ* «Органонъ восхваленія» въ честь Богоматери — огромное собраніе распредѣленныхъ по днямъ витіеватыхъ величаній. Подобный же характеръ имѣютъ сборники въ честь Іисуса Христа. Нѣсколько лучше такъ назыв. «Врата Свѣта» — похвалы Богоматери, приписываемыя Іареду, но составленныя въ дополненіе къ заимствованнымъ изъ коптской церкви ѳеотокіямъ. При царѣ Сарца-Денгелѣ (1564—1594), по его повелѣнію, были собраны различныя пѣснопѣнія на весь церковный годъ и снабжены нотами аввами Герой и Хабла-Селлясэ. Ко времени того же царя относится переводческая дѣятельность дабралибаносскаго архимандрита *Аввакума*, родомъ араба изъ Іемена, бывшаго сначала купцомъ и по религіи мусульманиномъ, но потомъ переселившагося въ Абессинію, крестившагося и сдѣлавшагося монахомъ. Онъ перевелъ сказаніе о Варлаамѣ и Іосафѣ, различныя толкованія на Св. Писаніе (между прочимъ св. Іоанна Златоуста), хронографію Абу-Шакира. Въ связи съ послѣдней находится романъ объ Александрѣ Вел., который и на Э. почвѣ нашелъ развитіе: царь въ ней надѣленъ чертами христіанскаго святого, разрушителя идоловъ и пророка о Христѣ (другія легенды, общія всему Востоку, также получили подъ перомъ Э. писателей своеобразныя черты, напр. путешествіе Герасима въ страну блаженныхъ, стоящее въ связи съ романомъ Александра). Современникъ Аввакума, дабралибаносскій монахъ *Саликъ*, также иностранецъ, перевелъ на Э. языкъ богословскую энциклопедію монаха Никона (Πανδέκτης), подъ именемъ «Книги Хави». Къ этому же времени относится и переводъ номоканона Ибн-аль-Ассаля, подъ именемъ *«Судъ царей»*. Переводъ сдѣланъ также иностранцемъ — діакономъ Петромъ; книга получила значеніе гражданскаго и церковнаго уложенія Э. царства.

Борьба съ воинствующимъ исламомъ, особенно обострившаяся въ XVI в. (нашествіе Граня), а затѣмъ римская пропаганда XVI и XVII в. вызвали къ жизни полемическую литературу, возбудили потребность въ новыхъ догматическихъ компендіяхъ и расшевелили богословскую мысль въ разныхъ направленіяхъ. Уже архимандритъ Аввакумъ составилъ компиляцію изъ Корана, философовъ и псевдо-Климента для обличенія ислама; ту же цѣль преслѣдуетъ трактатъ «Врата вѣры». Противъ папизма, въ защиту родной вѣры главнымъ образомъ отъ обвиненія въ іудействѣ, царь-богословъ *Клавдій* (1540—59) написалъ интересное посланіе, а другой царь (Сисинній?) получилъ отъ эѳіоп. богослововъ ѣдкій трактатъ: «Прибѣжище души» противъ діофизитства и разоренія субботы со стороны «необрѣзанныхъ и единокровныхъ Пилату» (т. е. римлянъ). Полемическую цѣль имѣетъ въ виду, повидимому, и трактатъ «Богословіе», разбирающій ученіе о св. Троицѣ и о природѣ Іисуса Христа и предназначенный служить «пристанищемъ для немощныхъ». Арсеналомъ для полемическихъ цѣлей должна была сдѣлаться переведенная около этого времени вельможей Маба-Сіономъ монофизитская богословская summa «Вѣра Отцевъ», состоящая изъ обширныхъ извлеченій (большею частью апокрифическихъ) изъ свято-отеческихъ твореній, посланій патріарховъ и аскетическихъ книгъ. Но этотъ тяжелый сборникъ могъ служить только для богослововъ; для мірянъ необходимы были краткія символическія книги, написанныя на народномъ языкѣ и соотвѣтствующія латинскимъ (а впослѣдствіи и протестантскимъ) катехизисамъ (одинъ изъ нихъ хранится въ берлинской королевской библіотекѣ; онъ составленъ по западнымъ отцамъ — Амвросію, Іерониму, Августину, и постановленіямъ флорентійскаго и тридентскаго соборовъ, но съ ссылками на эѳіопскія книги). Такими явились многочисленныя въ настоящее время амхарскія краткія изложенія монофизитской доктрины: «Столпы таинствъ», «Слово вѣры», «Толкованіе тріѵпостасности Божества». Затѣмъ появляются переводы на амхарскій языкъ древнихъ богословскихъ произведеній и отчасти гимновъ (напр. стихотворной священной исторіи, подъ заглавіемъ «Премудрый премудрыхъ»). Столкновеніе съ западными ученіями повліяло также на духовную жизнь страны, расшевеливъ мысль. Въ XVII и XVIII в. особенно обострились споры монофизитскихъ толковъ; утомленіе отъ догматическихъ раздоровъ толкнуло нѣкоторыхъ образованныхъ богослововъ на путь раціонализма и свободомыслія. До насъ дошло два трактата XVII в., озаглавленныхъ «Изслѣдованіе»; одинъ представляетъ исповѣдь и автобіографію аксумскаго начетчика *Зара-Якоба*, пришедшаго—во время гоненій франковъ, а потомъ туземцевъ,—къ естественной религіи разума, во многомъ напоминающей западно-европейскій деизмъ. Отвергнувъ откровенныя религіи, онъ остановился на вѣрѣ въ личнаго Бога Творца и Промыслителя, въ безсмертіе души и воздаяніе за гробомъ, въ необходимость молитвы и добродѣтельной жизни, согласно законамъ природы. Онъ отвергалъ

агіологическихъ источниковъ исторіи Эѳіопіи» (СПб., 1902; тамъ указана и остальная литература). *Исторіографія*: Basset, «Etude sur l'histoire de'Ethiopie» (изданіе и переводъ «Аксумской хроники», П., 1881); Perruchon, «Les chroniques de Zara-Jaqob.» (П., 1893); Dillmann, «Zur Regierung d. Königs Zara-Jaqob.» (пересказъ «Книги свѣта», Б., 1884); Conzelman, «Chronique de Galawdewos» (П., 1895); Pereira, «Chronica de Susenoys»; Dillmann, «Die Kriegstaten des Königs Amda-Sion» (Б., 1884); Littmann, «The Chronicle of the King Theodore» (1902). *Юридическіе тексты*. Книга «Судъ Царей» издана Guidi, съ переводомъ, «Fetha-Nagast, legislazione dei re» (Римъ, 1896). *Образцы документовъ*: Conti Rossini, «Evangelo d'oro di Dabra Libanos» (см. замѣтку Тураева въ «Зап. Вост. Отд.», т. XIV). *Отреченныя молитвы*. Тураевъ, «Эѳіопскія orationes falsae и exorcismi» («Recueil de travaux pour M. Daniel Chwolson»). Изъ прочей обширной литературы изданій текстовъ, переводовъ и т. п. см. еще Тураевъ, «Богатство царей» (СПб., 1901); «Абессинскіе свободные мыслители XVII в.» («Журн. Мин. Нар. Просв.», 1903, 12); Littmann, «Specimens of popular Litterature of Modern Abyssinia» («Journ. of Americ. Orient. Society», XXIII); Guidi, «Uno Squarcio di storia ecclesiastica di Ab.» (Римъ, 1900). Въ настоящее время предпринято (подъ ред. Guidi) полное изданіе эѳіопскихъ текстовъ въ собраніи «Corpus Scriptorum Orientalium», а также въ коллекціи Graffin et Nau, «Patrologia orientalis». *Б. Тураевъ.*

Эѳіопская область — одна изъ зоогеографическихъ (см.) областей, которая обнимаетъ большую часть Африки, а именно: къ Ю отъ сѣверной границы полосы тропическихъ дождей. Уоллесомъ она раздѣляется на: 1) Восточно-, 2) Западно- и 3) Южно-Африканскія подобласти и 4) Мадагаскаръ. Послѣдній, кромѣ отсутствія большинства характерныхъ для Африки формъ, имѣетъ совершенно исключительныхъ представителей: 6 родовъ лемуровъ; руконожка или Chiromys, близкая къ лемурамъ и оригинальная форма насѣкомоядныхъ, составляющая сем. Centetidae, сородичи котораго встрѣчаются только въ Антильской подобласти; хищники р. Cryptoprocta; 4 рода сем. Viverridae,—все это формы, встрѣчающіяся только на Мадагаскарѣ. Кромѣ упомянутыхъ формъ, для Африки характерны также еще антропоморфныя: горилла и шимпанзе, Colobus и другія узконосыя обезьяны; лемуры, а также многочисленные хищники изъ р. Felis, Hyaena, Potamogale; кроты съ ирризирующимъ покровомъ—Chrysochloris, гиппопотамы, носороги, слоны, жирафы; особыя формы кабановъ: Potamochoerus, Phacochoerus, напоминающія азіатскую бабируссу; безрогое жвачное Hyaemoschus, родственное азіатскому Tragulus; многочисленныя антилопы, полосатыя лошади (зебра, квагга), муравьеѣды съ зубами—Orycteropus. Изъ птицъ Irrisoridae, Serpentariidae или секретари, убивающіе змѣй, двупалый страусъ и другія. Особенно характерны для Мадагаскарской подобласти ископаемыя гигантскія птицы сем. Aepyornidae и дронты или додо (сем. Dididae: Didus ineptus и Pezophaps solitarius), которыхъ засталъ еще Васко-де-Гама на Маскаренскихъ островахъ и которыя сближаются съ голубиными. Изъ Reptilia характерны нѣкоторыя змѣи и ящерицы и изъ Amphibia — Dactylethridae; изъ рыбъ—Mormyridae и Gymnarchidae, обладающія псевдо-электрическими органами, а также ганоидный родъ Polypterus — живутъ исключительно въ Африкѣ. Но также важенъ и отрицательный характеръ Э. области: отсутствіе настоящихъ быковъ, свиней, оленей, фазановъ, куръ и другихъ представителей арктической фауны. Современная Африка населена формами, многія изъ которыхъ были весьма характерны для Европы въ эпоху міоцена (слоны, носороги, жирафы, антилопы, львы, гіены, обезьяны), и весьма вѣроятно, что въ это время Африка стояла въ связи съ Европой, но Мадагаскаръ успѣлъ уже отдѣлиться отъ материка, сдѣлался островомъ, почему тамъ и сохранилась фауна, которая въ Европѣ и Африкѣ имѣла мѣсто лишь въ эпоху эоцена и которая характеризуется преобладаніемъ насѣкомоядныхъ. Для объясненія сходства Э. фауны съ южно-азіатской (индійская область) нѣтъ надобности въ допущеніи нѣкогда существовавшей связи этихъ материковъ при помощи гипотетической Лемуріи, погрузившейся на дно Индійскаго океана. Сходство это вполнѣ удовлетворительно объясняется, если допустить одновременную миграцію фауны изъ сѣверныхъ частей Евразіи въ южную Азію и въ Африку подъ вліяніемъ наступленія ледниковыхъ періодовъ. Выйдя изъ одного источника, фауна Индійской и Э. областей, естественно, сохранила общія черты, выразившіяся въ параллелизмѣ формъ, а параллелизмъ этотъ весьма значителенъ. Въ обѣихъ областяхъ встрѣчаются: антропоморфныя (индійскій орангъ) и узконосыя обезьяны, лемуры, виверры, носороги, слоны, панголинъ (Manis) и др. Тѣмъ же допущеніемъ можетъ быть объясненъ нѣкоторый, хотя гораздо болѣе отдаленный параллелизмъ формъ между Э. и неотропической областями. *В. М. Ш.*

Эѳіопская церковь — церковь въ Абессинскомъ царствѣ (см. Христіанство въ Абессиніи). Автокефальностью не пользуется, а составляетъ епархію коптскаго патріархата, откуда и посылается для управленія ею митрополитъ («папасъ» или «абуна»—«отецъ нашъ»), большею частью изъ коптскихъ монаховъ. Иногда кромѣ него посылаются и другіе епископы, также копты. Будучи иностранцемъ и не зная языка страны, митрополитъ только пользуется почетомъ и рукополагаетъ; фактическое управленіе находится въ рукахъ «эчегге» — архимандрита дабралибаносской братіи. Кромѣ того въ Аксумѣ и Лалибалѣ мѣстные духовные главы (набръ-эдъ и мамхеръ-манбаръ) пользуются и духовной, и свѣтской властью. Большимъ вліяніемъ на церковныя дѣла пользуется царь, какъ помазанникъ и защитникъ церкви, къ тому же всегда получающій богословское образованіе. Какъ часть коптской церкви, Э. исповѣдуетъ

монофизитство, распавшееся на нѣсколько толковъ, съ различными оттѣнками, болѣе или менѣе близкими къ православiю. Наиболѣе умѣренны и близки къ вселенскому ученiю—дабралибаносскiе монахи; они говорятъ о трехъ рожденiяхъ Спасителя. Крайнiе—монахи ордена св. Евстаѳiя,—склоняются къ ученiю, что человѣчество во Христѣ поглощено Божествомъ и что при вознесенiи Онъ совлекъ съ себя плоть; они доходятъ до докетизма. Это ученiе или «вѣра нюка» наиболѣе распространено въ Тигрэ и поддерживается коптскимъ духовенствомъ. Оффицiально символическими книгами считаются «Синодосъ», нѣчто въ родѣ кормчей, сборникъ апостольскихъ и соборныхъ постановленiй и различныхъ богословскихъ монофизитскихъ трактатовъ, и «Вѣра отцевъ» — сводъ большею частью подложныхъ свидѣтельствъ въ пользу монофизитства, якобы отъ апостоловъ до патрiарха Христодула (1050—78). Это — монофизитская богословская summa. Для учебныхъ цѣлей существуютъ краткiе катехизисы на народномъ (амхарскомъ) языкѣ (такъ называем. «Слово вѣры», «Столпы таинствъ» и т. п.). Богослужебныя книги частью заимствованы у коптовъ, частью — туземнаго или иного происхожденiя. У эѳiоповъ 14 литургiй, нѣсколько часослововъ и весьма богатая церковная поэзiя, наполняющая цѣлые сборники (гимнологiи, антифонарiи, собранiя записанныхъ экспромптовъ «кене» и т. п.). Ежедневныя службы тѣ же, что у коптовъ и у насъ; тѣ же (въ теорiи) и семь таинствъ, совершаемыхъ по коптскому чину. Изъ праздниковъ, общихъ съ коптами, особенно чтится Воздвиженiе Креста, въ ночь на которое совершается (въ столицѣ—въ присутствiи царя и властей) крестный ходъ за городъ, зажженiе тамъ костра и освященiе новыхъ плодовъ. Въ ночь на Богоявленiе бываетъ крестный ходъ на воду и великое водоосвященiе. Обряды Страстной седмицы и Пасхи близки къ коптскимъ. Календарь—коптскiй, туземны лишь названiя мѣсяцевъ, а также дни памяти многочисленныхъ нацiональныхъ святыхъ. Посты по времени, продолжительности и строгости тожественны съ коптскими и близки къ православнымъ. Необычайное обилiе праздниковъ особенно характерно для Э. церкви: со времени царя Зара-Якоба 33 праздника въ честь Богородицы, ежемѣсячныя празднованiя Рождества Христова, Страстей, архангеловъ, апостоловъ и т. п.; еженедѣльно празднуется не одинъ день, какъ вездѣ, а два—суббота и воскресенье. Почитанiе субботы, вмѣстѣ съ обрѣзанiемъ, аксумскимъ ковчегомъ и династической легендой, не говоритъ за первоначальное iудействованiе; оно введено только Зара-Якобомъ (XV в.) послѣ продолжительныхъ смутъ, поднятыхъ послѣдователями подвижника XIV в. Евстаѳiя, проповѣдавшаго равноправность двухъ завѣтовъ и основавшаго особую отъ прежней монашескую конгрегацiю съ рѣзко выраженнымъ монофизитскимъ буквоѣдствомъ и фанатизмомъ. Монастырей великое множество; они называются «горами» (dabr) или пустынями (gadam). Къ дабралибаносскому братству Текле-Хайманота принадлежатъ, кромѣ главнаго въ Шоа, еще монастыри на о-вахъ оз. Цана, Бизкуталъ и Вальдебехiе въ лѣсистой области къ С отъ оз. Цана. Центръ евстаѳiанъ—Дабра-Марьямъ въ Тигрэ; кромѣ него Бизанъ на итальянской территорiи и многiя обители Годжама. Знамениты также древнѣйшiе монастыри—Дабра Дамо въ Тигрэ, основанный старѣйшимъ изъ 9 преподобныхъ старцевъ За-Микаэлемъ, и св. Стефана на оз. Хайкѣ. Въ монастыряхъ часто живутъ вмѣстѣ и монахи, и монахини; есть и спецiально женскiе монастыри; особенно много основала ихъ Валатта-Петросъ во время гоненiй отъ латинствующихъ въ XVII в. Устройство храмовъ приближается къ коптскому и нашему. Отъ древности дошло нѣсколько каменныхъ церквей обычнаго типа, съ алтаремъ на В (Аксумскiй Сiонскiй соборъ, монолитныя церкви въ Лалибалѣ); въ настоящее время строятъ большею частью деревянныя круглыя церкви, съ алтаремъ посрединѣ; иконы—довольно грубаго туземнаго письма; въ настоящее время проникаетъ европейское влiянiе. Характерна для Э. церкви видная роль нерукоположеннаго элемента. Духовенство служащее не управляетъ; благочинные (ликаканаты—архипресвитеры) —лица духовнаго званiя, но не имѣющiя священнаго сана. При церквахъ состоятъ многочисленныя корпорацiи начетчиковъ «дабтара», не имѣющихъ священнаго сана, но завѣдующихъ религiознымъ обученiемъ, перепиской книгъ и церковнымъ пѣнiемъ; изъ ихъ среды выходятъ творцы-импровизаторы витiеватыхъ стихотворныхъ пѣснопѣнiй, въ которыхъ догматическая, запутанная до непонятности символика считается достоинствомъ. Старшiй изъ дабтара—«алака»—нѣчто въ родѣ регента хора и даже настоятеля церкви и управителя многочисленныхъ и богатыхъ ея поземельныхъ владѣнiй, независимыхъ отъ свѣтской юрисдикцiи. Причты служащаго духовенства многочисленны; иногда при одной церкви состоятъ нѣсколько десятковъ священниковъ и дiаконовъ; послѣдними бываютъ иногда мальчики. Священники должны быть женаты первымъ бракомъ. Можно сказать, что церковный бракъ въ Абессинiи удержался только для духовенства и царей; безусловная нерасторжимость его привела къ тому, что мiряне большею частью довольствуются гражданскимъ сожитiемъ, переходящимъ иногда въ полигамiю. Церковь борется противъ этого отлученiемъ отъ причастiя; послѣдствiемъ является, что къ таинству приступаютъ почти только старики и дѣти. Другое печальное явленiе въ церковной жизни Эѳiопiи—суевѣрiя. Вѣра въ гаданiя по звѣздамъ, по Псалтири, въ магическiя молитвы, заговоры и заклинанiя, въ чудодѣйственную силу амулетовъ и безсмысленныхъ сочетанiй звуковъ, выдаваемыхъ за имена Божiи, распространена среди всѣхъ классовъ населенiя; сами дабтара эксплуатируютъ ее, занимаясь торговлей рукописями ложныхъ молитвъ и заклинанiй.—Вообще, при извѣстной высотѣ внѣшняго благочестiя и преданности церкви, въ Абессинiи мало замѣтно стремленiя къ

проведенію въ жизнь нравственныхъ христіанскихъ началъ и къ духовному росту; исправное хожденіе въ церковь, ежедневное чтеніе Псалтири, соблюденіе многочисленныхъ праздниковъ и постовъ признается достаточнымъ для исполненія долга христіанина. Высшимъ подвигомъ считается паломничество въ Іерусалимъ, гдѣ еще съ XII в. существуетъ у гроба Господня абессинскій монастырь, имѣющій важное значеніе для культуры Эѳіопіи и для ея сношеній съ христіанскимъ міромъ. Подобное подворье есть въ Каирѣ, въ кварталѣ Хара-Завила, а съ XV в.—и въ Римѣ (св. Стефана въ Ватиканѣ). Послѣднее основано для принявшихъ унію съ Римомъ и служило цѣлямъ пропаганды, бывшей особенно интенсивной и успѣшной въ XVI—XVII вв., когда открытія португальцевъ и ихъ помощь Абессиніи въ борьбѣ съ исламомъ сдѣлали сношенія съ зап. Европой оживленными. Папа Павелъ III поставилъ въ Эѳіопію патріархомъ Вермудеца; Юлій III посылалъ туда іезуитовъ и патріарха Баррето; при царѣ Сисинніи (1607—32) дѣло дошло до оффиціальнаго обращенія государства въ папизмъ (патріархъ Альфонсъ), но недовольство большинства народа заставило царя Василида (1632—67) изгнать «франковъ». Въ настоящее время католическія миссіи дѣйствуютъ на С—въ Итальянской Эритреѣ, и на Ю—въ Харрарѣ, главнымъ образомъ среди галласовъ; внутри имперіи они запрещены. Съ 1830 г. въ Абессиніи пробуютъ искать успѣха протестанты различныхъ толковъ (сначала базельская миссія, теперь главнымъ образомъ шведы на С); правительство терпитъ ихъ до тѣхъ поръ, пока они имѣютъ дѣло съ фаллаша и язычниками; народъ не чувствуетъ къ нимъ влеченія и едва ли даже считаетъ ихъ полноправными христіанами. См. Болотовъ, «Нѣсколько страницъ изъ церковной исторіи Эѳіопіи» («Христ. Чтеніе», 1888); Пр. Порфирій, «Востокъ Христ. Абессинія». («Труды Кіев. Дух. Акад.», 1866—69); Булатовичъ, «Отъ Энтото до р. Баро» (СПб., 1897); Тураевъ, «Часословъ Э. церкви» («Записки Имп. Акад. Наукъ», 1897); «Абессинскій монастырь въ Іерусалимѣ» («Сообщенія Палест. Общ.», 1903); Долганевъ, «Страна Эѳіоповъ» (СПб., 1896).

Б. Тураевъ.

Эѳіопскій языкъ—вѣтвь южно-семитическихъ языковъ; до сихъ поръ употребляется въ Абессиніи въ качествѣ богослужебнаго и отчасти литературнаго языка. Названіе получилъ отъ оффиціальнаго имени абессинскаго царства; другое имя—*геезъ*, т. е. «языкъ свободныхъ». Происходитъ, вѣроятно, отъ близкаго къ савейскому южно-арабскаго діалекта Махры и Сокоторы; въ Африку занесенъ древними поселенцами, при чемъ въ Тигрэ—діалектъ, отличный отъ проникшаго въ южныя области. Былъ разговорнымъ и литературнымъ въ древнемъ Аксумскомъ царствѣ. Съ перенесеніемъ политич. центра въ Амхару и Шоа, въ качествѣ оффиціальнаго языка выступаетъ амхарское нарѣчіе, происходящее отъ діалекта, отличнаго отъ Э. языка и подвергшагося сильному вліянію хамитской среды; въ самомъ Тигрэ Э. языкъ геезъ перестаетъ быть разговорнымъ, уступая мѣсто нарѣчіямъ тигрѐ и тигринья; во всемъ государствѣ онъ остается литературнымъ и богослужебнымъ языкомъ. Съ XVII в. амхарскій языкъ получаетъ право гражданства въ литературѣ. Въ настоящее время древній геезъ изучается въ школахъ; знаніемъ его обладаютъ только церковники и наиболѣе образованные изъ мірянъ. Звуки, фонетика, корни, формы и весь строй Э. языка имѣютъ строго семитическій характеръ; заимствованные элементы крайне незначительны; это—имена туземныхъ растеній, животныхъ (хамитскаго происхожденія) и нѣкоторые церковные термины (греч. и сир.). Нѣкоторые усматриваютъ вліяніе греческаго синтаксаса и стиля, но Диллманнъ доказываетъ, что удивительная гибкость, разнообразіе строенія предложеній, замѣчательная способность сочетать и подчинять предложенія могутъ быть объяснены и изъ семитическихъ основъ и только свидѣтельствуютъ о силѣ духовныхъ и мыслительныхъ дарованій народа.—Изъ семитическихъ языковъ Э. ближе всего къ арабскому (въ словообразованіи и образованіи формъ), но обнаруживаетъ и существенныя различія: въ немъ другое словоупотребленіе, другія частицы, нѣтъ того богатства гласныхъ, нѣтъ члена, формъ меньше и вообще въ образованіи формъ замѣчается извѣстная экономія. Все это доказываетъ, что Э. языкъ очень рано отдѣлился отъ арабскаго, когда послѣдній еще не отлился въ свою классическую форму; оба языка затѣмъ пошли по самостоятельнымъ путямъ развитія.—Исторію Э. языка прослѣдить нѣтъ возможности, такъ какъ почти всѣ дошедшіе памятники написаны уже въ то время, когда онъ былъ мертвымъ (съ XIII вѣка); отъ Аксумскаго времени (V в. по Р. Хр.) до насъ дошло нѣсколько надписей; все остальное не сохранило ничего. Замѣчается общее явленіе въ исторіи семитическихъ языковъ — смѣшеніе гортанныхъ и отчасти шипящихъ.—Изученіе Э. языка въ Европѣ началось съ XVI в., послѣ проникновенія въ Абессинію португальцевъ. На научную почву оно было поставлено Людольфомъ («Grammatica Aethiopica», 1661—1702; «Lexicon Aeth.-Latinum», 1679, Франкфуртъ на Майнѣ); послѣ долгаго перерыва его возродилъ, при новыхъ научныхъ средствахъ, Диллманнъ, труды котораго: «Grammatik der Aethiop. Sprache» (1857; второе изд. 1899, подъ ред. проф. Бецольда); «Lexicon linguae Aethiopicae» (Лпц., 1865) и «Chrestomatia Aeth.» (1856) служатъ настольными и въ настоящее время. Въ качествѣ краткаго учебника употребляется «Aethiop. Grammatik» Преторіуса, составляющая VII выпускъ серіи «Porta linguarum orientalium».

Ю.

Ю—тридцать вторая буква русской азбуки, имѣющая двоякое, а иногда, пожалуй, и троякое звуковое значеніе. Въ началѣ словъ, затѣмъ въ серединѣ и въ концѣ слова, послѣ гласныхъ, а также въ немногихъ сложныхъ съ предлогами словахъ и послѣ конечнаго согласнаго предлога (напр. *юноша*, *коющій*, *пою*, *объюродивѣть* и т. д.), она означаетъ слогъ, состоящій изъ согласнаго *j* + гласной *у* (*ју̀нъша*, *па̀jу̀* и т. д.); вообще же послѣ согласныхъ указываетъ на мягкость этихъ согласныхъ, попутно съ обозначеніемъ самаго гласнаго *у* (*нюхать*=*н'у̀хът'*, *полюсъ*=*по̀л'ус*, *варю*=*вар'у̀* и т. д.). Кромѣ того, въ немногихъ иностранныхъ словахъ для лицъ, знакомыхъ съ произношеніемъ этихъ языковъ, буква *Ю* можетъ означать французское *u* или нѣмецкое *ü* (*меню*=франц. menu, *Мюллеръ*=нѣм. Müller и т. п.). Какъ буква, знакъ ю несомнѣнно восходитъ къ іотированному церковно-славянскому двойному знаку оу (=греч. ου), въ которомъ для сокращенія выпущена вторая буква у. Такимъ образомъ *Ю* вполнѣ аналогично другимъ «іотированнымъ» буквамъ древней церковнославянской азбуки, означающимъ или слоги изъ согласнаго *j* + тотъ или другой гласный (въ родѣ ꙗ, ѥ и т. д.), или эти же гласные, стоящіе послѣ мягкихъ согласныхъ. Рукописи не сохранили намъ такого прототипа теперешняго *Ю*, который такъ же относился бы къ знаку оу, какъ ꙗ или ѥ относятся къ а, є. Цифрового значенія въ церковно-славянской азбукѣ данная буква, какъ и всѣ новые знаки, не заимствованные изъ греческой азбуки (въ томъ числѣ всѣ «іотированныя» буквы»), не имѣла. *С. Б—чъ.*

Юань—названіе династіи, основанной въ Китаѣ монгольскимъ императоромъ Хубилаемъ (см. Китай, Монголія, Хубилай).

Юань-чао-ми-ши—такъ озаглавлено по-китайски сочиненіе неизвѣстнаго автора, монгола по происхожденію, о возникновеніи монгольскаго государства и о дѣятельности Чингисъ-хана. Сочиненіе это дошло до насъ въ китайской передачѣ; въ переводѣ это значитъ: «Секретная (фамильная) исторія династіи Ю. (монгольской)»; она была окончена въ 1240 г., слѣдовательно, принадлежитъ къ числу древнѣйшихъ сочиненій о монголахъ; въ высшей степени важна и по своему содержанію. Единственная монголо-китайская рукопись ея была получена арх. Палладіемъ Каѳаровымъ въ 1872 г. изъ дворцовой Пекинской библіотеки и въ настоящее время хранится въ библіотекѣ Имп. спб. университета, куда была пожертвована проф. А. М. Позднѣевымъ. Въ рукописи помѣщены три параллельные текста: 1-й—монгольскій, представленный китайскими іероглифами; 2-й—подстрочный переводъ на китайскій языкъ монгольскихъ словъ; 3-й—надлежащій переводъ на китайскій языкъ монгольскаго текста. Китайскій переводъ переведенъ арх. Палладіемъ на русскій языкъ, помѣщенъ въ «Трудахъ членовъ россійской духовной миссіи въ Пекинѣ» (4-й т., СПб., 1866) и снабженъ обстоятельными примѣчаніями. О значеніи этого сочиненія см. статью А. М. Позднѣева: «О древнемъ китайско-монгольскомъ историческомъ памятникѣ Ю.-чао-ми-ши» (въ «Извѣстіяхъ Имп. Рус. Археологическаго Общ.», т. X, СПб., 1884). *Н. В.*

Юань-ши—оффиціальная исторія Юаньской династіи въ Китаѣ. По установившемуся обыкновенію исторія династіи пишется смѣнившею ее династіею. Исторія Юаней была составлена при Минской династіи менѣе чѣмъ въ годъ и состоитъ изъ 210 цзюаней. Отъ такой поспѣшности эта исторія исполнена ошибокъ, пропусковъ и противорѣчій. Она дѣлится на два отдѣла: *бэнь-цзи* (погодная хроника императоровъ) и *ль-чжуань* (біографіи государственныхъ дѣятелей). При императорѣ Цянь-лунѣ былъ учрежденъ историческій комитетъ для исправленія исторій трехъ династіи Ляо, Цзинь и Юань, но онъ въ сущности только испортилъ текстъ Ю.-ши, и сами китайцы пользуются первоначальною редакціею. Есть сокращенная Ю.-ши: Юань-ши-лэй-бянь. См. «Труды членовъ россійской духовной миссіи въ Пекинѣ» (т. IV, стр. 10—11). *Н. В.*

Юба (Juba) — царь Нумидіи и Гетуліи, сынъ Гіемпсала II и, быть можетъ, внукъ умерщвленнаго Югуртою Гіемпсала I. Будучи первоначально сторонникомъ Маріанцевъ во время борьбы римлянъ съ Югуртою, Гіемпсалъ II впослѣдствіи заискивалъ передъ оптиматами въ томъ расчетѣ, что пока держится республиканская партія Нумидійскому царству будетъ обезпечена самостоятельность, и наоборотъ, съ водвореніемъ въ Римѣ монархіи Нумидія отойдетъ къ римлянамъ. Той же политики придерживался и Ю.; онъ

уже въ 64 г. до Р. Хр. столкнулся впервые съ Цезаремъ въ Римѣ, куда послалъ его отецъ съ тѣмъ, чтобы охранить Нумидію отъ послѣдствій аграрнаго закона, предложеннаго трибуномъ П. Сервиліемъ Рулломъ, котораго поддерживалъ Цезарь. Благодаря поддержкѣ Помпея и рѣчи Цицерона, а также нумидійскому золоту, законъ не былъ принятъ и опасность была устранена. Въ 62 г. Цезарь, будучи преторомъ, заступился на судѣ за знатнаго нумидійца Масинту, котораго обвинялъ Юба, и даже нанесъ послѣднему оскорбленіе дѣйствіемъ. Послѣ этого Ю. дѣйствовалъ какъ рѣшительный противникъ Цезаря и по открытіи междоусобной войны 49 г. держалъ сторону Помпея, а по смерти послѣдняго — его партіи. Когда сторонникъ Цезаря Куріонъ высадился въ Африкѣ для борьбы съ помпеянцами, Ю. хитростью заманилъ его на опасную позицію близъ Утики и разбилъ его войско, при чемъ погибъ и самъ Куріонъ. Въ 47 г., послѣ высадки Цезаря въ Африкѣ, Ю. потребовалъ себѣ главнаго начальствованія въ войнѣ съ диктаторомъ—которое, однако, досталось зятю Помпея Сципіону,—и обѣщалъ помогать римлянамъ только подъ тѣмъ условіемъ, если ему будетъ уступлена часть римскихъ владѣній въ Африкѣ. Онъ старался обезпечить за собою побѣду, оставляя Цезарю опустошенную и лишенную продовольствія страну; но населеніе, раздраженное жестокостями Ю., переходило на сторону Цезаря, который къ тому же запальчивости африканца противопоставлялъ обдуманную систему дѣйствій. При Руспинѣ Цезарь подвергся нападенію со стороны Лабіена и былъ вынужденъ укрѣпиться въ городѣ, къ которому вскорѣ подошелъ съ многочисленнымъ войскомъ и Ю.; но какъ разъ въ это время Публій Ситтій, начальникъ вольныхъ мавританскихъ отрядовъ, объявилъ себя приверженцемъ Цезаря и вторгся въ юго-зап. часть Нумидіи. Ю. отступилъ, но въ 46 г. снова соединился съ Сципіономъ при Тапсѣ, гдѣ войско Цезаря одержало надъ помпеянцами полную побѣду. Еще при началѣ войны Ю. соорудилъ въ столицѣ Нумидіи, Замѣ, костеръ, на которомъ рѣшилъ, въ случаѣ пораженія, сжечь себя со своими женами, дѣтьми и сокровищами и отъ котораго долженъ былъ бы сгорѣть и весь городъ; но когда послѣ битвы при Тапсѣ онъ достигъ Замы, горожане отказали ему въ пріемѣ, послѣ чего онъ удалился съ римляниномъ Петреемъ въ одну изъ своихъ виллъ, гдѣ и кончилъ жизнь самоубійствомъ. Со смертью Ю. Нумидія перестала существовать какъ самостоятельное царство и была обращена въ римскую провинцію, первымъ намѣстникомъ которой былъ историкъ Саллюстій. При Ю., благодаря постояннымъ сношеніямъ съ Римомъ, Нумидія въ значительной степени подчинилась вліянію греко-римской культуры, объ усвоеніи которой заботились сами нумидійскіе цари. *Н. О.*

Юба II (Juba)—сынъ нумидійскаго царя Ю. I, послѣ битвы при Тапсѣ былъ взятъ Цезаремъ въ Римъ, гдѣ ему было дано прекрасное воспитаніе и образованіе. Позднѣе онъ женился на Клеопатрѣ Селенѣ (дочери Антонія и Клеопатры) и получилъ отъ Октавіана въ даръ часть отцовскихъ владѣній. Ю. отличался выдающеюся эрудиціею и былъ однимъ изъ полигисторовъ того времени: онъ писалъ (на греч. языкѣ) по исторіи и древностямъ (сюда относились его сочиненія по исторіи Рима, Ливіи, Аравіи, Ассиріи; главное изъ нихъ — *Подобія*, гдѣ онъ сравнивалъ римскіе обычаи съ обычаями другихъ народовъ), по исторіи искусства (о живописи, о театрѣ), грамматикѣ. Отрывки его сочиненій собраны у Müller'a, «Fragmenta historicorum græcorum» (т. III, 465—484). Аѳиняне поставили въ честь Ю. статую его въ гимназіи Птолемея. *Н. О.*

Юбея (Jubaea H. B. K.)—родъ растеній изъ сем. пальмъ подсем. Ceroxylinæ. Единственный представитель J. spectabilis H. B. K.—высокая пальма съ перистыми листьями, произрастающая въ Чили между 31 и 35° ю. шир. Въ южной Европѣ выдерживаетъ культуру въ грунту.

Юби (Juby)—мысъ на В Сахары, къ Ю отъ Марокко, подъ 27°56′ с. ш. и 15°15′ в. д. Къ Ю отъ этой точки, Дональдъ Мекензи основалъ въ 1878 г. торговое агентство подъ именемъ Портъ-Викторія; въ 1895 г. пунктъ этотъ проданъ Марокко.

Юбилеевъ книга или *Малое Бытіе*—апокрифическая книга. Въ полномъ видѣ сдѣлалась извѣстною западнымъ ученымъ въ сороковыхъ годахъ XIX ст. До этого времени ее знали только по тѣмъ короткимъ отрывкамъ, которые приведены изъ нея въ сочиненіяхъ св. Епифанія и блаж. Іеронима, а въ болѣе позднее время — въ хронографахъ Георгія Синкелла, Георгія Кедрина и другихъ византійскихъ историковъ; отрывки эти такъ кратки и не характерны, что по нимъ нельзя было составить болѣе или менѣе ясное представленіе о цѣлой книгѣ. Честь открытія полнаго текста названнаго апокрифа принадлежитъ миссіонеру доктору Крапфу, который во время своего путешествія по Абессиніи узналъ о существованіи эѳіопскаго текста книги Ю.; списокъ съ этого текста онъ впослѣдствіи передалъ въ тюбингенскую университетскую библіотеку. Рукопись Крапфа настолько переполнена ошибками, что проф. Диллманъ, извѣстный своими изданіями памятниковъ священной эѳіопской письменности, долго не рѣшался напечатать эѳіопскій подлинникъ книги Ю., не смотря на высокое историческое значеніе, какое онъ приписываетъ этому апокрифу. Вслѣдствіе неисправности эѳіопскаго текста, книга Ю. представляла для Диллмана непреодолимыя трудности и при переводѣ ея на нѣмецкій языкъ (переводъ этотъ помѣщенъ въ журналѣ «Jahrbücher der Biblischen Wissenschaft», 1849 и 1850—1851); ему приходилось возстановлять утраченный смыслъ текста или на основаніи библейскихъ книгъ, или по связи рѣчи, или же вообще по подсказу здраваго смысла; при всемъ томъ онъ принужденъ былъ оставить нѣкоторыя мѣста апокрифа совсѣмъ безъ перевода. Болѣе тщательное изученіе эѳіопскаго текста книги

Ю. дало впослѣдствіи Диллъману возможность издать и подлинный текстъ апокрифа подъ назв. «Kufâlê, vel liber Jubilaeorum aethiopice» (Киль и Л., 1859). Для ученыхъ открылась возможность основательно заняться изслѣдованіемъ вопросовъ о древности и происхожденіи книги Ю. Впрочемъ еще ранѣе трудовъ Диллъмана ученый еврей Трейенфель («Literaturbl. des Orients», Лпц., 1846) далъ общую характеристику книги Ю. на основаніи тѣхъ отрывковъ, которые сохранились изъ нея у св. Епифанія, блаж. Іеронима, Синкелла, Кедрина и др. Книгой Ю. занимались главнымъ образомъ ученые евреи: Іеллинекъ («Bet ha-Midrasch», Лпц., 1855), Бееръ («Das Buch d. Jubiläen und sein Verhältniss zu den Midraschim», Лпц., 1856) и Франкель («Monatsschr. für Gesch. und Wissenschaft des Jüdenthums», Лпц., 1856). Кромѣ нихъ изучали ее также Крюгеръ («Zeitschr. der Deutsch. Morgenl. Gesellsch.», т. XII) и Лангенъ («Das Judenthum in Palästina zur Zeit Christi», Фрейб., 1866). Книга Ю. является довольно свободнымъ пересказомъ библейскихъ повѣствованій, содержащихся въ книгѣ Бытія и отчасти въ книгѣ Исходъ. Авторъ книги Ю. беретъ собственно одинъ моментъ изъ жизни Моисея, именно восхожденіе его на гору Синай и сорокадневное пребываніе тамъ; здѣсь-то на Синаѣ «ангелъ лица», по повелѣнію Божію, обращается къ Моисею съ повѣствованіемъ о событіяхъ отъ сотворенія міра до прибытія евреевъ къ Синайской горѣ. Моисей только слушаетъ богооткровенную рѣчь ангела и записываетъ его разсказъ въ книгу. Такимъ образомъ съ внѣшней стороны книга Ю. отличается отъ книги Бытія тѣмъ, что въ первой разсказъ ведется отъ лица ангела, а въ послѣдней личность повѣствователя остается неуказанною. Помимо этого, авторъ книги Ю. старается изложить библейскія событія въ строго послѣдовательномъ порядкѣ и указать точно годъ совершенія ихъ отъ сотворенія міра. Онъ полагаетъ періодъ времени отъ сотворенія міра или отъ Адама до вступленія евреевъ въ землю обѣтованную ровно въ 50 юбилеевъ считая при этомъ въ каждомъ юбилеѣ, вопреки Моисееву закону, не 50, а только 49 лѣтъ, т. е. ровно семь седьминъ; по этимъ-то юбилеямъ, седьминамъ и годамъ седьминъ онъ и распредѣляетъ всѣ описываемыя въ его книгѣ событія. Хронологія книги Ю. представляетъ значительныя уклоненія какъ отъ еврейскаго, такъ и отъ греческаго и самаритянскаго текстовъ Пятикнижія. Этихъ уклоненій больше всего въ исчисленіи времени событій патріархальнаго періода до Авраама, т. е. тамъ, гдѣ и еврейскій, и греческій, и самаританскій тексты больше всего разнятся между собою. Порядку изложенія апокрифа соотвѣтствуетъ надписаніе его — «Книга Ю.» или «Книга седьминъ». Какъ глубока древность этого надписанія и современно ли оно появленію самой книги—сказать трудно; Диллъманъ считаетъ возможнымъ признать его подлиннымъ и первоначальнымъ. Въ первый разъ оно встрѣчается у св. Епифанія, отъ котораго дошло до насъ и первое свидѣтельство о книгѣ Ю. Въ эѳіопскомъ подлинникѣ это надписаніе апокрифа нѣсколько измѣнено: тамъ онъ называется «книгою» или «словами дѣленія дней». Дальнѣйшею задачею автора было передать въ обработанномъ сообразно съ собственными его воззрѣніями видѣ библейскія повѣствованія, содержащіяся въ книгѣ Бытія и въ началѣ книги Исходъ, и дополнить ихъ нѣкоторыми новыми подробностями на основаніи всего того, что ему было извѣстно изъ толкованій современныхъ ему книжниковъ и изъ народныхъ сказаній и что подсказывало ему собственное соображеніе. Такъ какъ предметомъ содержанія своего апокрифа авторъ избралъ тѣ же самыя повѣствованія, которыя содержатся и въ каноничеcкой книгѣ Бытія, то отсюда произошло другое надписаніе апокрифа—«Малое Бытіе». Въ первый разъ это названіе (ἡ λεπτογένεσις, ἡ λεπτὴ γένεσις, μικρογένεσις), какъ и первое («Книга Ю.»), встрѣчается у св. Епифанія. Кромѣ указанныхъ названій, въ хронографахъ Георгія Синкелла (VIII в.) и Георгія Кедрина (XI в.) книгѣ Ю. усвояется еще наименованіе—«Апокалипсисъ Моисея»; но ни по формѣ, ни по содержанію книга Ю. не напоминаетъ апокалипсиса. За еврейское происхожденіе книги Ю. говоритъ ея близкое сходство не только съ сохранившимися до нашего времени таргумами, но и съ талмудомъ. Съ христіанскими воззрѣніями она не имѣетъ рѣшительно ничего общаго. Вопросъ можетъ быть только въ томъ, не принадлежалъ ли авторъ книги Ю. къ одной изъ тѣхъ еврейскихъ сектъ, которыя образовались предъ пришествіемъ Христа. Іеллинекъ приписывалъ книгѣ ессейское происхожденіе и находилъ въ ней стремленіе ослабить то вліяніе, какое имѣли фарисеи на еврейскій календарь своими опредѣленіями праздничныхъ временъ. По мнѣнію Беера, книга Ю. появилась въ средѣ самарянъ или скорѣе ихъ потомковъ, которые жили въ Египтѣ и были извѣстны здѣсь подъ именемъ досиѳеянъ. Въ подтвержденіе своего мнѣнія Бееръ указываетъ на то, будто въ книгѣ Ю. празднику Пятидесятницы, какъ дню откровенія на Синаѣ Моисеева закона, придается бо́льшее значеніе, чѣмъ Пасхѣ, а это, по его взгляду, согласно съ воззрѣніями самарянъ, у которыхъ праздникъ Пасхи не имѣлъ того высокаго значенія, какое придавалось ему въ Палестинѣ. По мнѣнію проф.-прот. А. Смирнова, авторомъ книги Ю. вѣроятно былъ іудей, нѣкоторыя воззрѣнія котораго сильно проникнуты духомъ фарисейства. Можно предположить, что книга Ю., носящая на себѣ явные слѣды фарисейскаго направленія, появилась первоначально на еврейскомъ языкѣ. Это предположеніе подтверждается тѣмъ, что бл. Іеронимъ, насколько можно судить по сохранившимся у него ссылкамъ на книгу Ю., несомнѣнно имѣлъ подъ руками еврейскій текстъ ея. Когда книга Ю. была переведена на греческій языкъ—неизвѣстно. Эѳіопскій текстъ книги Ю., безъ сомнѣнія представляетъ собою переводъ съ греческаго текста, въ существованіи котораго никакъ нельзя сомнѣваться, такъ какъ имъ пользовались

уже въ 64 г. до Р. Хр. столкнулся впервые съ Цезаремъ въ Римѣ, куда послалъ его отецъ съ тѣмъ, чтобы охранить Нумидію отъ послѣдствій аграрнаго закона, предложеннаго трибуномъ П. Сервиліемъ Рулломъ, котораго поддерживалъ Цезарь. Благодаря поддержкѣ Помпея и рѣчи Цицерона, а также нумидійскому золоту, законъ не былъ принятъ и опасность была устранена. Въ 62 г. Цезарь, будучи преторомъ, заступился на судѣ за знатнаго нумидійца Масинту, котораго обвинялъ Юба, и даже нанесъ послѣднему оскорбленіе дѣйствіемъ. Послѣ этого Ю. дѣйствовалъ какъ рѣшительный противникъ Цезаря и по открытіи междоусобной войны 49 г. держалъ сторону Помпея, а по смерти послѣдняго — его партіи. Когда сторонникъ Цезаря Куріонъ высадился въ Африкѣ для борьбы съ помпеянцами, Ю. хитростью заманилъ его на опасную позицію близъ Утики и разбилъ его войско, при чемъ погибъ и самъ Куріонъ. Въ 47 г., послѣ высадки Цезаря въ Африкѣ, Ю. потребовалъ себѣ главнаго начальствованія въ войнѣ съ диктаторомъ,—которое, однако, досталось зятю Помпея Сципіону,—и обѣщалъ помогать римлянамъ только подъ тѣмъ условіемъ, если ему будетъ уступлена часть римскихъ владѣній въ Африкѣ. Онъ старался обезпечить за собою побѣду, оставляя Цезарю опустошенную и лишенную продовольствія страну; но населеніе, раздраженное жестокостями Ю., переходило на сторону Цезаря, который къ тому же запальчивости африканца противопоставлялъ обдуманную систему дѣйствій. При Руспинѣ Цезарь подвергся нападенію со стороны Лабіена и былъ вынужденъ укрѣпиться въ городѣ, къ которому вскорѣ подошелъ съ многочисленнымъ войскомъ и Ю.; но какъ разъ въ это время Публій Ситтій, начальникъ вольныхъ мавританскихъ отрядовъ, объявилъ себя приверженцемъ Цезаря и вторгся въ юго-зап. часть Нумидіи. Ю. отступилъ, но въ 46 г. снова соединился съ Сципіономъ при Тапсѣ, гдѣ войско Цезаря одержало надъ помпеянцами полную побѣду. Еще при началѣ войны Ю. соорудилъ въ столицѣ Нумидіи, Замѣ, костеръ, на которомъ рѣшилъ, въ случаѣ пораженія, сжечь себя со своими женами, дѣтьми и сокровищами и отъ котораго долженъ былъ бы сгорѣть и весь городъ; но когда послѣ битвы при Тапсѣ онъ достигъ Замы, горожане отказали ему въ пріемѣ, послѣ чего онъ удалился съ римляниномъ Петреемъ въ одну изъ своихъ виллъ, гдѣ и кончилъ жизнь самоубійствомъ. Со смертью Ю. Нумидія перестала существовать какъ самостоятельное царство и была обращена въ римскую провинцію, первымъ намѣстникомъ которой былъ историкъ Саллюстій. При Ю., благодаря постояннымъ сношеніямъ съ Римомъ, Нумидія въ значительной степени подчинилась вліянію греко-римской культуры, объ усвоеніи которой заботились сами нумидійскіе цари. *Н. О.*

Юба II (Juba)—сынъ нумидійскаго царя Ю. I, послѣ битвы при Тапсѣ былъ взятъ Цезаремъ въ Римъ, гдѣ ему было дано прекрасное воспитаніе и образованіе. Позднѣе онъ женился на Клеопатрѣ Селенѣ (дочери Антонія и Клеопатры) и получилъ отъ Октавіана въ даръ часть отцовскихъ владѣній. Ю. отличался выдающеюся эрудиціею и былъ однимъ изъ полигисторовъ того времени: онъ писалъ (на греч. языкѣ) по исторіи и древностямъ (сюда относились его сочиненія по исторіи Рима, Ливіи, Аравіи, Ассиріи; главное изъ нихъ — *Подобія*, гдѣ онъ сравнивалъ римскіе обычаи съ обычаями другихъ народовъ), по исторіи искусства (о живописи, о театрѣ), грамматикѣ. Отрывки его сочиненій собраны у Müller'a, «Fragmenta historicorum græcorum» (т. III, 465—484). Аѳиняне поставили въ честь Ю. статую его въ гимназіи Птолемея. *Н. О.*

Юбея (Jubaea H. B. K.)—родъ растеній изъ сем. пальмъ подсем. Ceroxylinæ. Единственный представитель J. spectabilis H. B. K.—высокая пальма съ перистыми листьями, произрастающая въ Чили между 31 и 35° ю. шир. Въ южной Европѣ выдерживаетъ культуру въ грунту.

Юби (Juby)—мысъ на В Сахары, къ Ю отъ Марокко, подъ 27°56′ с. ш. и 15°15′ в. д. Къ Ю отъ этой точки, Дональдъ Мекензи основалъ въ 1878 г. торговое агентство подъ именемъ Портъ-Викторія; въ 1895 г. пунктъ этотъ проданъ Марокко.

Юбилеевъ книга или *Малое Бытіе*—апокрифическая книга. Въ полномъ видѣ сдѣлалась извѣстною западнымъ ученымъ въ сороковыхъ годахъ XIX ст. До этого времени ее знали только по тѣмъ короткимъ отрывкамъ, которые приведены изъ нея въ сочиненіяхъ св. Епифанія и блаж. Іеронима, а въ болѣе позднее время — въ хронографахъ Георгія Синкелла, Георгія Кедрина и другихъ византійскихъ историковъ; отрывки эти такъ кратки и не характерны, что по нимъ нельзя было составить болѣе или менѣе ясное представленіе о цѣлой книгѣ. Честь открытія полнаго текста названнаго апокрифа принадлежитъ миссіонеру доктору Крапфу, который во время своего путешествія по Абессиніи узналъ о существованіи эѳіопскаго текста книги Ю.; списокъ съ этого текста онъ впослѣдствіи передалъ въ тюбингенскую университетскую библіотеку. Рукопись Крапфа настолько переполнена ошибками, что проф. Диллъманъ, извѣстный своими изданіями памятниковъ священной эѳіопской письменности, долго не рѣшался напечатать эѳіопскій подлинникъ книги Ю., не смотря на высокое историческое значеніе, какое онъ приписываетъ этому апокрифу. Вслѣдствіе неисправности эѳіопскаго текста, книга Ю. представляла для Диллъмана непреодолимыя трудности и при переводѣ ея на нѣмецкій языкъ (переводъ этотъ помѣщенъ въ журналѣ «Jahrbücher der Biblischen Wissenschaft», 1849 и 1850—1851); ему приходилось возстановлять утраченный смыслъ текста или на основаніи библейскихъ книгъ, или по связи рѣчи, или же вообще по подсказу здраваго смысла; при всемъ томъ онъ принужденъ былъ оставить нѣкоторыя мѣста апокрифа совсѣмъ безъ перевода. Болѣе тщательное изученіе эѳіопскаго текста книги

ный годъ, потому что дома левитовъ отдавались имъ въ родовое владѣніе вмѣсто поземельной собственности. Въ силу того, что всѣ евреи — рабы Іеговы и между собою всѣ братья, еврей не долженъ быть у еврея же рабомъ въ собственномъ смыслѣ. Богатый еврей не долженъ пользоваться обнищаніемъ другого еврея, чтобы поработить его, а напротивъ, долженъ пріютить его у себя и помочь ему въ нуждѣ, давъ въ займы потребное безъ «лихвы», безъ процентовъ. Въ случаѣ же покупки въ рабы еврея, уже подпавшаго чрезъ обнищаніе рабству, купившій не долженъ отягчать его «работою рабскою», а долженъ имѣть его у себя въ качествѣ наемника до юбилейнаго года, въ который рабъ можетъ отойти отъ своего хозяина, самъ и съ дѣтьми, безъ выкупа. Вѣчными рабами у евреевъ могутъ быть только иноплеменники, которыми можно владѣть и передавать дѣтямъ, какъ наслѣдственную собственность. Если еврей попадетъ въ рабство къ иноплеменнику, поселившемуся среди евреевъ и разбогатѣвшему, то за нимъ остается право выкупа во всякое время; при этомъ плата за выкупъ должна опредѣляться по числу остающихся до юбилейнаго года служебныхъ лѣтъ и по обыкновенной платѣ за годовую наемническую работу. Если же на этихъ условіяхъ не будетъ выкупленъ еврей изъ рабства отъ иноплеменника, то въ Ю. во всякомъ случаѣ онъ, съ дѣтьми своими, имѣетъ право уйти отъ господина своего и сдѣлаться свободнымъ, какъ рабъ только Іеговы. Значеніе и цѣль празднованія Ю.—тѣ же, какія выражаются и въ празднованіи субботняго года, только они въ празднованіи Ю. достигаютъ высшаго своего развитія и выраженія. Юбилейный годъ былъ прообразомъ того «лѣта Господняго благопріятнаго», когда Мессія, помазанный Духомъ Господнимъ, явится «благовѣствовать нищимъ, исцѣлять сокрушенныхъ сердцемъ, проповѣдывать плѣннымъ освобожденіе и узникамъ открытіе темницы» (Ис. LXI, 1—2; ср. Лк. IV, 17—22). См. Ѳ. Елеонскій, «Происхожденіе Ю.» («Христіанское чтеніе», 1885, ч. I); Д. П. Аѳанасьевъ, «Учебное руководство по предмету Свящ. Писанія. Книги законоположительныя Свящ. Писанія Ветхаго Завѣта» (изд. 3, Ставрополь, 1888); прот. М. Херасковъ, «Руководство къ послѣдовательному чтенію Пятокнижія Моисеева» (изд. 5, Владиміръ, 1896).

Юбилей (юбилейный годъ) *въ римско-католической церкви.* — У древнихъ римлянъ чрезъ каждыя сто лѣтъ совершались особаго рода «столѣтнія игры» (ludi sæculares). Въ эти праздники совершались молитвы богамъ-покровителямъ о процвѣтаніи имперіи и всего римскаго народа и въ продолженіе трехъ дней и ночей, при громкихъ звукахъ музыкальныхъ инструментовъ, давались различныя представленія въ храмахъ и публичныхъ мѣстахъ. Этотъ древній римскій обычай, какъ и многіе другіе, поддержанъ былъ и римскими папами, не упускавшими случаевъ обращенія язычниковъ въ христіанство и утвержденія послѣдняго чрезъ сохраненіе и освященіе народныхъ обычаевъ, и потому въ свою очередь установили празднованіе столѣтняго или юбилейнаго «отпустного» года. Первый случай такого празднованія, исторически засвидѣтельствованный, относится къ 1300 г. По разсказамъ современниковъ, въ послѣдніе дни 1299-го года стало стекаться въ Римъ необычайное количество богомольцевъ не только изъ провинцій Италіи, но и изъ другихъ странъ Западной Европы, въ особенности изъ Франціи. Когда о причинахъ этого явленія спрашивали богомольцевъ, они ссылались на дошедшее до нихъ отъ отцовъ и дѣдовъ преданіе, будто-бы тотъ, кто посѣщаетъ Римъ и поклоняется святымъ мощамъ первоверховныхъ апостоловъ при наступленіи сотаго года каждаго вѣка, получаетъ полную индульгенцію. Папа Бонифацій VIII предписалъ произвести по этому поводу разслѣдованіе въ архивныхъ документахъ, но никакого подтвержденія народной молвы найдено не было. Между тѣмъ нашлось нѣсколько столѣтнихъ старцевъ, которые съ увѣренностью утверждали, что при наступленіи минувшаго вѣка ихъ отцы были въ Римѣ и дѣйствительно пользовались всѣми благами священнаго обычая. Подъ вліяніемъ этихъ обстоятельствъ, папа Бонифацій рѣшилъ дать утверждаемому народной молвой обычаю твердую каноническую постановку. 23-го февраля 1300 г. появилась папская булла «Antiquorum habet», которая и положила начало римскимъ Ю. Въ этомъ краткомъ документѣ Бонифацій ничего не говоритъ ни о происхожденіи обычая, ни о какихъ-либо особенныхъ побужденіяхъ, которыя объясняли бы появленіе папскаго распоряженія: высказывается лишь мысль, что первоверховнымъ апостоламъ частыми благоговѣйными посѣщеніями ихъ базиликъ оказывается особенно высокое почитаніе, при чемъ и для духовной жизни самихъ вѣрующихъ такія посѣщенія сопровождаются весьма благотворными послѣдствіями. Въ виду этого папа опредѣляетъ, чтобы въ наступившемъ 1300-мъ г., а также и на будущее время въ каждомъ сотомъ году, посѣщающіе базилики св. апп. Петра и Павла съ истиннымъ покаяніемъ и исповѣдью получали полную индульгенцію. Обитателямъ Рима булла предписываетъ совершать посѣщенія базиликъ въ продолженіе тридцати дней, а пришельцамъ изъ провинцій или изъ другихъ странъ—въ продолженіе пятнадцати дней, при чемъ дни эти могутъ слѣдовать и непрерывно, и съ промежутками, лишь бы въ каждый изъ нихъ богомолецъ посѣтилъ по крайней мѣрѣ по одному разу обѣ базилики. Выполнившій это условіе въ теченіе юбилейнаго года получаетъ индульгенцію. Въ средѣ вѣрующихъ Западной Европы булла Бонифація встрѣтила весьма сочувственный пріемъ и богомольцы, явившіеся въ Римъ по ея призыву, считались сотнями тысячъ. Блестящій успѣхъ перваго опыта возбудилъ желаніе повторить его въ возможно-скорѣйшемъ времени. Ускоренія Ю. особенно желало населеніе города Рима, на долю котораго преимущественно выпадали не только духовныя блага Ю., но и его обильныя матеріальныя выгоды, такъ какъ сотни

древніе церковные писатели, сохранившіе въ своихъ сочиненіяхъ отрывки изъ книги Ю. Относительно времени написанія книги Ю. можно быть увѣреннымъ только въ томъ, что она появилась никакъ не ранѣе 160-го г. до Р. Хр. и никакъ не позднѣе 70-го г. послѣ Р. Хр. Что при написаніи ея іерусалимскій храмъ еще существовалъ, объ этомъ авторъ косвенно свидѣтельствуетъ почти въ каждой главѣ своего произведенія: говоря постоянно объ обрядовыхъ установленіяхъ Моисеева закона, онъ считаетъ жертвенный культъ и вообще весь богослужебный строй, тѣсно связанный съ существованіемъ іерусалимскаго храма, настолько прочнымъ и устойчивымъ, что даже не останавливается на мысли о возможности хотя бы временнаго прекращенія его. Какое положеніе въ письменности у евреевъ занимала книга Ю. и какимъ авторитетомъ она пользовалась у нихъ, особенно въ первое время послѣ своего появленія — объ этомъ ничего нельзя сказать. Извѣстно только, что евреи заимствовали изъ нея нѣкоторыя легенды, нашедшія впослѣдствіи доступъ въ талмудическія писанія, въ восполненномъ и разукрашенномъ видѣ. Съ XII в. совсѣмъ исчезаютъ свидѣтельства о книгѣ Ю.; самый греческій текстъ ея затерялся. Книга Ю. восполняетъ скудный рядъ тѣхъ памятниковъ, которые знакомятъ насъ съ воззрѣніями іудейства около христіанской эры, или по крайней мѣрѣ той его части, которая стояла на сторонѣ строгихъ приверженцевъ закона Моисеева, не всегда вѣрно понятаго, и отличалась крайнимъ пристрастіемъ къ обрядовой сторонѣ религіи. Книга Ю. является выдающимся памятникомъ еще и въ другомъ отношеніи: она даетъ возможность воспроизвести ту обрядовую практику, какая существовала у евреевъ во времена, близкія ко Христу. Въ этомъ отношеніи этотъ апокрифъ является памятникомъ едва ли не единственнымъ не только въ апокрифической, но и въ канонической и неканонической іудейской письменности. Особенною подробностью отличаются въ книгѣ Ю. описанія разнаго рода жертвъ, указанныхъ закономъ. Обряды, наблюдавшіеся при жертвахъ, въ существенныхъ чертахъ описаны въ законодательныхъ книгахъ Моисея; съ теченіемъ времени они усложнились и получили большую опредѣленность въ подробностяхъ и частностяхъ. Съ ними-то и знакомитъ насъ книга Ю. Тамъ не только подробно описывается способъ совершенія той или другой жертвы, не только указываются вещества, дозволенныя для нея, но и перечисляются породы деревьевъ, которыя употреблялись для сожженія жертвы. Книга Ю. можетъ имѣть нѣкоторое значеніе и для исторіи толкованія священныхъ книгъ Ветхаго Завѣта. Если богословская наука изучаетъ таргумы на ветхозавѣтныя писанія и истолковательные труды Филона, то подобнаго же вниманія заслуживаетъ и книга Ю., которая съ полнымъ правомъ можетъ быть названа іудейскимъ таргумомъ на книгу Бытія и на начало книги Исходъ. См. прот. А. Смирновъ, «Книга Юбилеевъ или Малое Бытіе» (Казань, 1895; здѣсь же переводъ «Книги Ю.» на русск. яз.).

Юбилей — древне-еврейскій праздникъ. По библейскому повѣствованію, законъ объ Ю. *) данъ израильтянамъ Богомъ на горѣ Синаѣ (Лев. XXV, 1) въ то время, когда этотъ народъ только приготовлялся еще начать свою самостоятельную жизнь. По этому закону, изложенному въ книгѣ Левитъ (XXV, 8—55), 50-ое лѣто должно быть особенно освящаемо, какъ «годъ оставленія», или юбилея. Начало Ю. должно возвѣщать въ 10 день тишри, въ день очищенія, звукомъ трубы во всей землѣ. Въ этотъ годъ должно совершиться возстановленіе почему-либо утраченныхъ правъ каждаго еврея на наслѣдство въ недвижимой земельной родовой собственности, а также возстановленіе гражданскихъ личныхъ правъ, принадлежащихъ свободному члену рода. Въ этотъ же годъ, какъ и въ субботній, долженъ быть данъ покой землѣ, и самоуродившіеся плоды ея должно считать посвященными Богу. Опасенія относительно средствъ пропитанія въ седьмой неработный годъ предупреждаются обѣтованіемъ о сугубомъ урожаѣ въ шестое лѣто, особенно предъ седьмымъ субботнимъ годомъ и предъ юбилейнымъ (послѣ седьмого субботняго года); урожая одного лѣта должно хватить на три года. Такъ какъ земля обѣтованія есть собственность Іеговы, а евреи —только временные поселенцы на ней, то не можетъ быть продажи и покупки участковъ земли въ вѣчную частную собственность. Владѣніе землею должно быть родовое, общинное; даже временная запродажа частнымъ родовымъ владѣльцемъ своего участка другому частному лицу можетъ быть допущена только въ крайнемъ случаѣ обнищанія. Выкупать могъ или ближайшій родственникъ обнищавшаго продавца, или самъ продавшій; выкупная плата должна равняться продажной цѣнѣ, за вычетомъ соотвѣтственно числу лѣтъ, въ которыя покупщикъ пользовался землею **). Если не будетъ выкупа, то купившій землю владѣетъ ею до Ю., а въ Ю. земля эта переходитъ къ своему родовому владѣльцу безъ выкупа. Право выкупа домовъ въ городахъ, огражденныхъ стѣнами, имѣло дѣйствіе лишь въ теченіе одного года. Только по отношенію къ левитскимъ домамъ, хотя бы и въ огражденныхъ городахъ, существовало право всегдашняго выкупа и возврата въ юбилей-

*) Названіе „юбилей“, общепринятое у насъ, служитъ передачей не библейскаго собственно, а латинскаго слова jubilaeus, заключающаго въ себѣ мысль о радостномъ восклицаніи. Ветхозавѣтное названіе Ю.—*йовелъ*; это слово происходитъ отъ *йовалъ—утекъ, ушелъ*. У LXX-ти: ἐνιαυτός ἀφέσεως— „лѣто оставленія“, *освобожденія, годъ свободы* (Лев. XXV, 10—12; ср. Іез. XLVI, 17). Впрочемъ евр. слово *йовелъ* многіе объясняютъ, по буквальному его значенію (отъ *йовелъ —труба, трубный звукъ*, Исх. XIX, 13), какъ „*годъ звука*“, именно трубнаго звука, которымъ возвѣщалось начало 50-го года, время свободы рабамъ (Лев. XXV, 9—10).

**) Напр. продана земля за пять лѣтъ до Ю. за 20 р. Плодовыхъ доходныхъ годовъ для покупателя будетъ только четыре, потому что субботній предъюбилейный годъ, какъ недоходный, нужно отбросить. Значитъ, цѣна земли за каждый годъ равняется 5 рублямъ. Если продавшій эту землю захочетъ выкупить свою родовую землю за три года до Ю., то онъ долженъ заплатить выкупныхъ 10 рублей. Итакъ, покупалось только число жатвъ, а самая земля собственно не продавалась и не покупалась.

(«Труды Кіевской Дух. Академіи», 1899, октябрь); «Исторія христіанской церкви въ XIX в.» (т. I, СПб., 1900); «Церковный Вѣстникъ», 1900, № 1; В. А. Соколовъ, «Поѣздка въ Римъ на Пасху юбилейнаго года» (Свято-Троицкая Сергіева лавра, 1902).

Ювара (Филиппо Juvara) — итальянскій архитекторъ, род. въ 1685 г. въ Мессинѣ, ум. въ 1735 г. въ Мадридѣ. Будучи юношей, попалъ въ Римъ и, прельстившись его памятниками зодчества, рѣшился посвятить себя архитектурѣ и изучалъ ее подъ руководствомъ Фонтаны. Вначалѣ онъ работалъ для кардинала Оттобони, потомъ выстроилъ въ Мессинѣ дворецъ для герцога савойскаго Виктора-Амедея II и вслѣдъ за нимъ отправился въ Туринъ, гдѣ соорудилъ западное крыло палаццо-Мадама, дворецъ герцога Аостскаго, палаццо-Бираго, церковь въ Супергѣ, близъ этого города, замѣчательную благородною простотою и стильностью, и охотничій замокъ ла-Венеріа. Въ 1724 г. Ю. былъ приглашенъ въ Португалію. Здѣсь составилъ онъ проекты патріаршей церкви и дворца Айуда въ Лиссабонѣ, послѣ чего возвратился въ Италію и построилъ куполы церкви Сантъ-Андреа въ Мантуѣ и комскаго собора и фасадъ базилики св. Амвросія въ Миланѣ. Послѣднею его работою былъ проектъ новаго королевскаго дворца въ Мадридѣ.

Ювелирное дѣло—см. Гранильное мастерство (IX, 556), Драгоцѣнные камни (XI, 91), Золотыхъ дѣлъ мастерство (XII, 661), Серебряныхъ дѣлъ мастерство (XXIX, 692) и Филигранъ (XXXV, 745).

Ювеналія (Juvenali-a) — сценическія игры, учрежденныя Нерономъ въ 60 г. до Р. Хр. по случаю достиженія имъ зрѣлаго возраста. Это были своего рода любительскіе спектакли, устраивавшіеся не въ общественномъ циркѣ, а въ частныхъ домахъ или садахъ и происходившіе передъ немногочисленной публикой. Неронъ самъ выступалъ въ этихъ спектакляхъ, вмѣстѣ съ знатнѣйшими римлянами различныхъ возрастовъ, безъ масокъ, участвуя въ исполненіи греческихъ и римскихъ пьесъ и мимовъ, какъ солистъ и хористъ. При позднѣйшихъ императорахъ подъ именемъ Ю. были извѣстны игры, дававшіяся въ началѣ года на Палаціи и состоявшія изъ ристаній на колесницахъ или сраженій со звѣрями.

Н. О.

Ювеналій — первый патріархъ Іерусалима. Сталъ епископомъ въ 421—422 гг. Ему удалось добиться высшаго іерархическаго положенія, въ которомъ іерусалимскимъ епископамъ было отказано Никейскимъ соборомъ, признавшимъ за ними лишь «преимущество чести» на вселенскихъ соборахъ, но подчинившимъ ихъ въ обычныхъ дѣлахъ митрополиту Кесаріи Палестинской. Благопріятствовало, Ювеналію, повидимому, вліятельное положеніе, которое онъ занялъ на Ефесскомъ соборѣ 431 г.; но сначала его притязаніямъ воспротивился Кириллъ Александрійскій, не желавшій создавать въ лицѣ іерусалимскаго патріарха опаснаго соперника епископамъ Александріи. Вскорѣ онъ смягчился, опасаясь перехода Ю. на сторону еретиковъ. Тогда противъ Ю. возстали другіе восточные епископы; поднятъ былъ даже вопросъ о низложеніи Ю. По дѣлу Евтихія (см.) былъ созванъ въ Ефесѣ, въ 449 г., новый соборъ, вождемъ котораго явился Ю. Благодаря своимъ услугамъ на этомъ соборѣ, Ю. добился отъ имп. Ѳеодосія II рескриптовъ въ пользу своихъ претензій: онъ сдѣлался патріархомъ и на соборѣ засѣдалъ выше антіохійскаго патріарха Домна. Когда Ѳеодосій II умеръ, Маркіанъ и Пульхерія высказались за православныхъ и собрали новый соборъ въ Халкидонѣ. Этотъ соборъ осудилъ Діоскора и монофизитовъ. Ю., въ Ефесѣ державшій сторону Діоскора, увидѣлъ себя въ положеніи обвиняемаго: не смотря на его немедленный разрывъ съ Діоскоромъ, его исключили изъ засѣданій собора и предлагали осудить, но онъ принесъ повинную. Настоятельныя просьбы епископовъ Палестины и боязнь вызвать новый расколъ привели къ его помилованію; онъ былъ одимъ изъ тѣхъ, которые редактировали халкидонское вѣроопредѣленіе и написали посланіе папѣ Льву. Затѣмъ онъ вступилъ въ соглашеніе съ антіохійскимъ патріархомъ Максимомъ, предоставивъ ему власть надъ всею Финикіей и Аравіей, послѣ чего соборъ призналъ Ю. патріархомъ іерусалимскимъ, стоящимъ во главѣ трехъ палестинскихъ провинцій. Перемѣна фронта въ Халкидонѣ вовлекла Ю. въ непримиримую вражду съ монофизитскими монахами Палестины, противопоставившими ему антипатріарха въ лицѣ Ѳеодосія. Ю. былъ вынужденъ покинуть Іерусалимъ и бѣжалъ въ Константинополь. Военному начальнику Палестины было приказано изгнать Ѳеодосія; Ю. возвратился въ Іерусалимъ, гдѣ созвалъ соборъ епископовъ всѣхъ провинцій Палестины для утвержденія халкидонскихъ опредѣленій. Это доставило ему признаніе со стороны папы Льва. Умеръ Ю. въ 458 г. См. Couret, «La Palestine sous les empereurs grecs» (1869); Vailhé, «L'érection du patriarcat de Jérusalem 451» («Revue de l'Orient», IV, 1899).

П. Гидуляновъ.

Ювеналій — миссіонеръ, іеромонахъ; служилъ прежде въ военной службѣ. Онъ былъ одинъ изъ восьми духовныхъ лицъ, отправившихся въ 1793 г., подъ начальствомъ архимандрита Іосафата, для проповѣди слова Божія сѣверо-американскимъ народамъ, поступившимъ въ подданство Россіи. Прибывъ въ 1794 г. въ Кадьякъ, Ю., вмѣстѣ съ іеромонахомъ Макаріемъ, въ два мѣсяца, объѣхалъ весь островъ и окрестилъ всѣхъ его жителей. Въ 1795 г. Ю. отправился въ Нученъ, гдѣ обратилъ въ христіанскую вѣру болѣе 400 душъ чугачъ, а въ 1796 г.—на Аляску, къ озеру Илямнѣ или Шелехову, и тамъ кончилъ свое служеніе, вмѣстѣ съ жизнью. Тамошніе почетные люди, по убѣжденію Ю., отдали ему своихъ дѣтей для обученія въ Кадьякѣ. Іеромонахи Ю. и Макарій окрестили болѣе 5000 американцевъ.

Ювеналій (Воейковъ, 1729—1807)—игуменъ, изъ дворянъ; учился въ сухопутномъ кадетскомъ корпусѣ, но черезъ годъ по окончаніи курса поступилъ въ монашество. На-

тысячъ богомольцевъ оставляли въ Римѣ милліоны дукатовъ. Свои желанія римское населеніе выразило въ нѣсколькихъ петиціяхъ, посланныхъ папѣ Клименту VI, пребывавшему въ то время въ Авиньонѣ. Результатомъ петицій была новая папская булла («Unigenitus Dei filius»), изданная въ 1343 г., въ которой Климентъ сокращаетъ срокъ Ю. со ста лѣтъ на пятьдесятъ и потому 1350-й г. провозглашаетъ юбилейнымъ. Въ оправданіе произведеннаго сокращенія папа указываетъ на то, что по закону Моисееву юбилейнымъ признается именно пятидесятый годъ, и пятидесятому числу вообще въ Писаніи дается особое освященіе, напр. ниспосланіемъ въ пятидесятый день Святаго Духа на апостоловъ. Онъ ссылается, далѣе, на просьбы римскаго населенія и на свое собственное желаніе, чтобы возможно большее число людей могли воспользоваться духовными милостями, соединенными съ Ю., тогда какъ, при краткости человѣческой жизни, весьма немногіе могутъ достигнуть слѣдующаго столѣтія. Такимъ образомъ установленный Бонифаціемъ столѣтній срокъ не былъ выдержанъ ни разу; но и новый, на половину сокращенный срокъ, оказался не болѣе прочнымъ. Въ 1389-мъ г. папа Урбанъ VI, снова ссылаясь на краткость человѣческой жизни, призналъ и пятидесятилѣтній срокъ слишкомъ продолжительнымъ и предписалъ праздновать Ю. чрезъ каждые тридцать три года, въ воспоминаніе лѣтъ земной жизни Христа Спасителя. Въ 1470 г. послѣдовало новое сокращеніе юбилейнаго срока съ тридцати трехъ лѣтъ на двадцать пять, предписанное папою Павломъ II въ буллѣ «Ineffabilis providentia». Въ качествѣ основаній для принимаемой мѣры папа, по примѣру своихъ предшественниковъ, указывалъ на краткость человѣческой жизни, на умноженіе пороковъ и бѣдствій въ современномъ обществѣ и на желаніе сдѣлать возможно большее число людей участниками юбилейныхъ милостей. Слѣдующимъ юбилейнымъ годомъ назначался 1475-й. Съ той поры юбилейный срокъ уже болѣе не подвергался измѣненію и по спеціальнымъ призывамъ римскихъ первосвященниковъ празднованіе неуклонно объявлялось и совершалось чрезъ каждыя двадцать пять лѣтъ. Только въ послѣднее время вмѣсто пяти Ю. было отпраздновано лишь два, въ 1825-мъ и 1900 гг., при папахъ Львѣ XII и Львѣ XIII; въ остальные же юбилейные годы, а именно въ 1800, 1850 и 1875-мъ, папство переживало такія тяжкія времена, что ему было не до празднованій. Всѣхъ юбилейныхъ годовъ было до сихъ поръ двадцать одинъ. О наступленіи юбилейнаго торжества католическій міръ оповѣщается болѣе чѣмъ за полгода, а именно въ праздникъ Вознесенія Господня, предшествующаго юбилейному торжеству года. Въ этотъ день во время литургіи въ храмѣ св. апост. Петра, послѣ чтенія евангелія, провозглашается издаваемая на этотъ случай папская булла, копіи съ которой потомъ прибиваются къ дверямъ четырехъ главнѣйшихъ римскихъ храмовъ. Начало юбилейнаго года считается съ вечерни наканунѣ праздника Рождества Христова предшествующаго года, а окончаніе — въ ту же рождественскую вечерню года юбилейнаго. Условіемъ полученія индульгенціи поставлялось, между прочимъ, молитвенное посѣщеніе римскихъ базиликъ. По первоначальному опредѣленію Бонифація VIII, для такихъ посѣщеній указывались лишь базилики св. ап. Петра и св. ап. Павла, но въ четырнадцатомъ столѣтіи, буллами Климента VI и Григорія XI, къ двумъ первымъ базиликамъ присоединены были S.-Giovanni in Laterano и S.-Maria Maggiore. Въ 1500 г., при папѣ Александрѣ VI, установленъ особый богослужебный обрядъ открытія юбилейнаго года. Наканунѣ праздника Рождества Христова папа торжественною процессіей приближается къ «porta santa», т. е. къ одной изъ входныхъ дверей храма св. Петра, задѣланной наглухо каменною кладкой. Послѣ установленныхъ молитвъ и пѣснопѣній, папа возглашаетъ: «aperite mihi portas justitiae» и т. д. (Псал. CXVII, 19) и троекратно ударяетъ въ дверь серебрянымъ вызолоченнымъ молоткомъ. Послѣ этого заграждающая дверь каменная кладка разбирается и папа со всею сопровождающею его процессіей входитъ внутрь храма. Церемонія эта, совершаемая у храма св. Петра самимъ папою, въ то же время исполняется и въ остальныхъ трехъ римскихъ базиликахъ, посѣщеніе которыхъ предписывается правилами Ю., при чемъ замѣстителями папы въ обрядѣ являются назначенные для того кардиналы. Подобная же церемонія совершается и при окончаніи юбилейнаго года, когда папа, или замѣщающій его кардиналъ, кладетъ первый камень и «святая дверь» снова задѣлывается, оставаясь въ такомъ видѣ до слѣдующаго Ю. Что же означаетъ юбилейный годъ въ римско-католическомъ смыслѣ? Кардиналъ Вайземанъ даетъ слѣдующее объясненіе: «Это годъ, въ который св. престолъ дѣлаетъ все возможное для того, чтобы Римъ сдѣлать въ религіозномъ отношеніи привлекательнымъ и единственнымъ въ своемъ родѣ. Театры закрываются, общественныя удовольствія пріостанавливаются; даже частныя увеселенія вводятся въ границы порядка, принятаго во время постовъ. Но все, что можетъ посодѣйствовать грѣшнику къ исправленію или благочестивому преуспѣянію, чтобы укрѣпить его вѣру и усилить его благочестіе—все это предлагается щедро и обильно. Каѳедры бываютъ заняты самыми краснорѣчивыми проповѣдниками, которые пробуждаютъ совѣсть или поучаютъ невѣжественныхъ; исповѣдальни постоянно заняты священниками, говорящими на всѣхъ языкахъ. Благочестивыя общества или братства принимаютъ, угощаютъ и ведутъ прибывающія однѣ за другими партіи паломниковъ отъ святилища къ святилищу. Алтари осаждаются искренно кающимися причастниками, при чемъ раздаются индульгенціи,—однако, при такихъ условіяхъ, которыя отнюдь не легки». Это лишь показная сторона Ю., за которой скрывается и другая—чисто экономическая, такъ какъ наплывъ паломниковъ всегда сильно поправляетъ папскіе финансы. См. А. И. Булгаковъ, «Римско-католическіе юбилейные годы»

торымъ подвергается бѣднякъ-кліентъ на пиру у богача-патрона. Ю. хочетъ пробудить въ паразитѣ чувство стыда и гордости и для этого въ самыхъ рѣзкихъ контрастахъ противопоставляетъ то, что имѣетъ за столомъ самъ богачъ и что велитъ онъ подавать бѣдному прихлебателю. Изъ 6-й сатиры можно заключить, что Ю. былъ страстнымъ ненавистникомъ женщинъ и врагомъ брака и основательно изучилъ слабости и пороки современныхъ ему дамъ. Эта сатира, самая большая по объему (661 ст.), есть одинъ изъ наиболѣе жесткихъ плодовъ генія поэта, какъ по своему крайне суровому тону, такъ и по наготѣ изображенія. 7-я сатира посвящена уясненію бѣдственнаго положенія лицъ, живущихъ умственнымъ трудомъ: писателей, адвокатовъ, учителей. Въ 8-й сатирѣ разбирается вопросъ, въ чемъ состоитъ истинное благородство. Поэтъ доказываетъ здѣсь, что одно знатное происхожденіе безъ личныхъ нравственныхъ качествъ еще ничего не значитъ, и что лучше имѣть отцомъ Ѳерсита и походить на Ахилла, чѣмъ быть сыномъ Ахилла и походить на Ѳерсита (этой сатирѣ подражалъ Кантемиръ). Въ 9-й сатирѣ содержатся иронически наивныя жалобы мужчины, промышляющаго педерастіей, на то, какъ трудно зарабатывать себѣ хлѣбъ этимъ занятіемъ. Тема 10-й сатиры—близорукость всѣхъ человѣческихъ желаній; людямъ собственно нужно одно, чтобы былъ здравый умъ въ здравомъ тѣлѣ (знаменитое orandum est, ut sit mens sana in corpore sano). Въ 11-й сатирѣ Ю. приглашаетъ въ праздникъ Мегалезій на обѣдъ своего друга Понтика и распространяется по этому поводу о простотѣ старинныхъ нравовъ и о современной поэту расточительности. Въ 12-й сатирѣ (самой слабой) Ю. преслѣдуетъ весьма распространенный въ Римѣ того времени типъ искателей наслѣдства (heredipeta). Въ 13-й сатирѣ поэтъ, утѣшая друга своею Кальвина, лишившагося значительной суммы денегъ, изображаетъ тѣ угрызенія совѣсти, которыми должно терзаться обманувшее Кальвина лицо. 14-я сатира состоитъ изъ двухъ слабо соединенныхъ между собою частей: 1) объ огромномъ вліяніи на дѣтей образа жизни ихъ родителей и 2) объ алчности, какъ одномъ изъ главнѣйшихъ пороковъ. Въ 15-й сатирѣ, по поводу случая каннибальства въ Египтѣ, Ю. распространяется объ извращенности тамошнихъ религіозныхъ вѣрованій. Наконецъ, послѣдняя, 16-я сатира представляетъ собою отрывокъ въ 60 стиховъ, въ которомъ говорится о мнимомъ превосходствѣ военнаго сословія надъ другими. Незаконченность этой сатиры служитъ вѣрнымъ доказательствомъ того, что произведенія Ю. не подвергались переработкѣ послѣ его смерти. Для общей характеристики Ю. особенно важна его первая сатира. Поэтъ неоднократно повторяетъ, что при видѣ сильной развращенности своего времени онъ не можетъ не писать сатиры, и что если природа отказала ему въ поэтическомъ геніи, то стихи будетъ ему диктовать негодованіе (знаменитое si natura negat, facit indignatio versum). И въ концѣ этой пламенной рѣчи, къ крайнему удивленію, мы читаемъ слѣдующее заявленіе: «Попробую, что позволительно у насъ говорить хоть о тѣхъ, чей прахъ уже зарытъ на Фламиніевой или на Латинской дорогѣ». Такимъ образомъ читатель предупрежденъ, что смѣлость сатирика не пойдетъ дальше принесенія въ жертву умершихъ. И, насколько мы можемъ судить, Ю. остался вѣренъ этому положенію: кромѣ мертвыхъ, онъ называетъ только такихъ лицъ, которыя ему не могутъ повредить—именно осужденныхъ и людей низкаго званія. Странной должна показаться такая предосторожность у поэта, о которомъ слишкомъ часто думали прежде, будто онъ совѣтовался только со своимъ мужествомъ; но такая воздержность понятна въ тѣ ужасныя времена, и поэту простительно было обезопасить себя противъ жестокихъ фантазій государей и неизбѣжной мстительности сильныхъ людей; вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдуетъ сознаться и въ томъ, что Ю. вовсе не имѣлъ того характера, который ему обыкновенно приписываютъ, и что сатиры его не отличаются геройствомъ. Если сатира Ю. касается только прошлаго, то и негодованіе поэта не есть современная скорбь и внезапный гнѣвъ, возбужденный зрѣлищемъ общественнаго упадка: Ю. передаетъ только свои воспоминанія, далеко не съ такою живостью, какую они имѣли бы въ современномъ имъ разсказѣ. Отсюда частая потребность разукрасить свой разсказъ, придать ему искусственнымъ образомъ художественный колоритъ. Тутъ на помощь Ю. поэту является Ю. риторъ, который не даромъ долго занимался декламаціей. Благодаря этимъ привычкамъ декламатора, въ сатирахъ часто замѣчается преувеличеніе и паѳосъ, внѣшнимъ выраженіемъ чего служитъ масса исполненныхъ негодованія и изумленія вопросовъ, возгласы, остроумныя изреченія—особенности рѣчи, которыя подчасъ дѣлаютъ стиль Ю. запутаннымъ и темнымъ. Затѣмъ припомнимъ, что Ю. началъ писать сатиры уже перешагнувъ за средину своей жизни, испытавъ много разнаго рода разочарованій. Такой человѣкъ легко склоненъ все разсматривать въ мрачномъ свѣтѣ, быть пессимистомъ. Знаменитая сатира противъ пороковъ женщинъ очевидно вылилась у человѣка, немало пострадавшаго отъ слабаго и прекраснаго пола. Точно также въ 3-й и 7-ой сатирахъ проглядываетъ обликъ молодого провинціала, который съ самыми радужными надеждами стремился въ столицу, мечтая найти тамъ скорую славу и сопряженное съ нею богатство, но грезы эти скоро разлетѣлись въ пухъ и прахъ. Пессимизмомъ Ювенала объясняютъ еще одну сторону его произведеній: онъ охотно копается въ грязи, и въ галлереѣ его образовъ есть много такихъ картинъ, которыя должны быть завѣшены для обыкновеннаго читателя. Сказанное со сихъ поръ относится къ отрицательнымъ сторонамъ поэзіи Ю. Переходя къ ея достоинствамъ, отмѣтимъ прежде всего, что риторъ не заглушилъ въ Ю. моралиста и гражданина. Сатиры его исполнены патріотическихъ чувствъ. Это былъ человѣкъ дѣйствительно нравственный и съ возвышенно идеальнымъ взглядомъ

писалъ поколѣнную роспись многихъ русскихъ дворянскихъ родовъ.

Ювеналій (Медвѣдскій)—духовный писатель; первый написалъ на русскомъ языкѣ «Систему христіанскаго богословія» (М., 1806), а также «Акаѳистъ св. Алексѣю», «Риторику» (М., 1804) и др.

Ювеналій (въ мірѣ Иванъ Андреевичъ *Половцевъ*, 1826—1904) — духовный писатель. Происходилъ изъ дворянскаго рода Половцевыхъ; образованіе получилъ въ Михайловской артиллерійской академіи. Въ 1847 г., удалился въ Оптину пустынь; въ 1855 г. принялъ монашество. Былъ членомъ іерусалимской миссіи, настоятелемъ Глинской пустыни, намѣстникомъ Александро-Невской, затѣмъ Кіево-Печерской лавры. Возведенный въ 1892 г. въ санъ епископа балахнинскаго (викарія нижегородской епархіи), Ю. былъ затѣмъ епископомъ курскимъ, съ 1898 г.—архіепископомъ литовскимъ. При нареченіи во епископа Ю. произнесъ рѣчь (напеч. въ «Церковныхъ Вѣдомостяхъ», 1892, № 44, стр. 1522—1524), въ которой говорилъ о значеніи монашества и его вліяніи на религіозно-нравственную жизнь народа. Главные труды его: «Жизнь и творенія св. Петра Дамаскина», «Жизнеописаніе настоятеля Козельской Введенской Оптиной пустыни архимандрита Моисея», «Монашеская жизнь по изреченіямъ о ней святыхъ отцовъ подвижниковъ». См. «Высокопреосвященный Ю., архіепископъ литовскій и виленскій» («Церковныя Вѣдомости», 1904, № 16); «Ю., архіепископъ литовскій» («Церковный Вѣстникъ», 1904, № 17).

Ювеналъ (Децимъ Юній Juvenalis)—римскій сатирическій поэтъ. Родился въ г. Аквинѣ (въ юго-вост. части Лація) въ первые годы правленія Нерона (около 55—56 г. по Р. Хр.). Судя по литературной дѣятельности Ю., можно предполагать, что онъ получилъ весьма тщательное образованіе, а это, въ свою очередь, позволяетъ заключать о достаточности его семьи. Послѣднее находитъ себѣ подтвержденіе въ древней біографіи поэта, по словамъ которой Ю. былъ сыномъ или воспитанникомъ богатаго вольноотпущенника. Онъ долго («до средины жизни», т. е. до 40—50 лѣтъ) упражнялся практически въ краснорѣчіи, но не по нуждѣ, а для собственнаго удовольствія; былъ нѣкоторое время военнымъ трибуномъ, имѣлъ у себя на родинѣ санъ главнаго жреца обоготвореннаго императора Веспасіана, а также занималъ видную должность въ мѣстномъ городскомъ самоуправленіи. По весьма спутаннымъ и сбивчивымъ извѣстіямъ древняго жизнеописанія поэта, можно предполагать, что онъ впалъ въ немилость у одного изъ императоровъ и подвергся даже изгнанію, или, вѣрнѣе, нежелательному для него удаленію изъ предѣловъ Италіи на какой-нибудь пограничный постъ. Свои сатиры Ю. началъ писать или публиковать только при имп. Траянѣ, послѣ 100 г. по Р. Хр. 16 сатиръ поэта раздѣляются на 5 книгъ (1—5; 6; 7—9; 10—12; 13—16). Хронологія выхода въ свѣтъ каждой книги довольно запутана; приблизительно ее можно опредѣлить такъ: I книга вышла между 100—115 гг., II между 116—117 гг., III между 118—120 гг., IV между 121—127 гг., V послѣ 128 г. и во всякомъ случаѣ до 131—32 гг. На эту послѣднюю дату приходится вѣроятно и смерть Ю. По своему достоинству сатиры Ю. рѣзко раздѣляются на двѣ группы, изъ которыхъ вторая, начиная примѣрно съ 10-й сатиры, стоитъ, въ цѣломъ, гораздо ниже первой. Вотъ что говоритъ по этому поводу одинъ изъ лучшихъ знатоковъ Ю., Отто Янъ: «Первыя сатиры написаны при самыхъ живыхъ впечатлѣніяхъ отъ пережитой эпохи ужасовъ, полны ожесточенныхъ и рѣзкихъ нападокъ противъ выдающихся и первенствующихъ лицъ и даютъ яркую картину ближайшаго прошлаго. Въ послѣднихъ сатирахъ этотъ огонь угасаетъ все больше и больше. Ярко вспыхнувшая ярость даетъ мѣсто ворчливому благодушію; живое отношеніе къ вещамъ и лицамъ отступаетъ предъ общими мѣстами; все болѣе и болѣе проявляется склонность къ извѣстнымъ философскимъ положеніямъ, морализированію и вообще къ широкому, расплывчатому изложенію; мощно бьющій, даже пѣнящійся и бушующій горный ручей превращается въ широкую и все спокойнѣе текущую рѣку». Эта рѣзкая разница въ достоинствѣ сатиръ дала поводъ одному изъ германскихъ ученыхъ, О. Риббеку (XXVI, 675), объявить, въ надѣлавшей въ свое время большого шуму книгѣ: «Der echte und unechte J.» (Лпц., 1859) чуть не половину сатиръ Ю. произведеніями позднѣйшаго декламатора. Несмотря на въ высшей степени остроумную аргументацію Риббека, его гипотеза въ настоящее время совершенно оставлена. Въ первой сатирѣ Ю. обосновываетъ свое выступленіе въ качествѣ обличителя пороковъ современнаго ему общества и излагаетъ свой образъ мыслей по поводу этихъ пороковъ: эта сатира является какъ бы программой для всѣхъ другихъ. Поэтъ недоволенъ господствующимъ въ его время въ литературѣ пристрастіемъ къ скучнымъ и холоднымъ миѳологическимъ сюжетамъ и обращаетъ вниманіе читателей на представляющую богатый матеріалъ для наблюденій картину римскаго общества, очерчивая бѣглыми, но мѣткими штрихами разнаго рода уродливые типы, какъ напр. мужчины, выходящаго замужъ подобно женщинѣ, грабителя-намѣстника, супруга-сводника собственной жены и т. д. Во 2-й сатирѣ выставлены развратные лицемѣры (qui Curios simulant et Bacchanalia vivunt). Какъ жилось среди подобныхъ развращенныхъ и извращенныхъ личностей и какъ вообще дышалось въ тогдашнемъ Римѣ, показываетъ 3-я сатира, принадлежащая къ числу самыхъ удачныхъ по своей живой обрисовкѣ крайне тягостныхъ условій существованія въ столицѣ для бѣднаго и честнаго человѣка (этой сатирѣ подражалъ, между прочимъ, Буало въ сатирахъ I и VI). Въ 4-й сатирѣ съ злой ироніей изображено засѣданіе государственнаго совѣта во время Домиціана; гдѣ обсуждается вопросъ, какъ поступить съ огромной рыбой, поднесенной рыбакомъ въ даръ императору. Въ 5-й сатирѣ поэтъ въ яркихъ краскахъ рисуетъ тѣ униженія, ко-

торымъ подвергается бѣднякъ-кліентъ на пиру у богача-патрона. Ю. хочетъ пробудить въ паразитѣ чувство стыда и гордости и для этого въ самыхъ рѣзкихъ контрастахъ противопоставляетъ то, что имѣетъ за столомъ самъ богачъ и что велитъ онъ подавать бѣдному прихлебателю. Изъ 6-й сатиры можно заключить, что Ю. былъ страстнымъ ненавистникомъ женщинъ и врагомъ брака и основательно изучилъ слабости и пороки современныхъ ему дамъ. Эта сатира, самая большая по объему (661 ст.), есть одинъ изъ наиболѣе жесткихъ плодовъ генія поэта, какъ по своему крайне суровому тону, такъ и по наготѣ изображенія. 7-я сатира посвящена уясненію бѣдственнаго положенія лицъ, живущихъ умственнымъ трудомъ: писателей, адвокатовъ, учителей. Въ 8-й сатирѣ разбирается вопросъ, въ чемъ состоитъ истинное благородство. Поэтъ доказываетъ здѣсь, что одно знатное происхожденіе безъ личныхъ нравственныхъ качествъ еще ничего не значитъ, и что лучше имѣть отцомъ Ѳерсита и походить на Ахилла, чѣмъ быть сыномъ Ахилла и походить на Ѳерсита (этой сатирѣ подражалъ Кантемиръ). Въ 9-й сатирѣ содержатся иронически наивныя жалобы мужчины, промышляющаго педерастіей, на то, какъ трудно зарабатывать себѣ хлѣбъ этимъ занятіемъ. Тема 10-й сатиры—близорукость всѣхъ человѣческихъ желаній; людямъ собственно нужно одно, чтобы былъ здравый умъ въ здравомъ тѣлѣ (знаменитое orandum est, ut sit mens sana in corpore sano). Въ 11-й сатирѣ Ю. приглашаетъ въ праздникъ Мегалезій на обѣдъ своего друга Понтика и распространяется по этому поводу о простотѣ старинныхъ нравовъ и о современной поэту расточительности. Въ 12-й сатирѣ (самой слабой) Ю. преслѣдуетъ весьма распространенный въ Римѣ того времени типъ искателей наслѣдства (heredipeta). Въ 13-й сатирѣ поэтъ, утѣшая друга своего Кальвина, лишившагося значительной суммы денегъ, изображаетъ тѣ угрызенія совѣсти, которыми должно терзаться обманувшее Кальвина лицо. 14-я сатира состоитъ изъ двухъ слабо соединенныхъ между собою частей: 1) объ огромномъ вліяніи на дѣтей образа жизни ихъ родителей и 2) объ алчности, какъ одномъ изъ главнѣйшихъ пороковъ. Въ 15-й сатирѣ, по поводу случая каннибальства въ Египтѣ, Ю. распространяется объ извращенности тамошнихъ религіозныхъ вѣрованій. Наконецъ, послѣдняя, 16-я сатира представляетъ собою отрывокъ въ 60 стиховъ, въ которомъ говорится о мнимомъ превосходствѣ военнаго сословія надъ другими. Незаконченность этой сатиры служитъ вѣрнымъ доказательствомъ того, что произведенія Ю. не подвергались переработкѣ послѣ его смерти. Для общей характеристики Ю. особенно важна его первая сатира. Поэтъ неоднократно повторяетъ, что при видѣ сильной развращенности своего времени онъ не можетъ не писать сатиры, и что если природа отказала ему въ поэтическомъ геніи, то стихи будетъ ему диктовать негодованіе (знаменитое si natura negat, facit indignatio versum). И въ концѣ этой пламенной рѣчи, къ крайнему удивленію, мы читаемъ слѣдующее заявленіе: «Попробую, что позволительно у насъ говорить хоть о тѣхъ, чей прахъ уже зарытъ на Фламиніевой или на Латинской дорогѣ». Такимъ образомъ читатель предупрежденъ, что смѣлость сатирика не пойдетъ дальше принесенія въ жертву умершихъ. И, насколько мы можемъ судить, Ю. остался вѣренъ этому положенію: кромѣ мертвыхъ, онъ называетъ только такихъ лицъ, которыя ему не могутъ повредить—именно осужденныхъ и людей низкаго званія. Странной должна показаться такая предосторожность у поэта, о которомъ слишкомъ часто думали прежде, будто онъ совѣтовался только со своимъ мужествомъ; но такая воздержность понятна въ тѣ ужасныя времена, и поэту простительно было обезопасить себя противъ жестокихъ фантазій государей и неизбѣжной мстительности сильныхъ людей; вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдуетъ сознаться и въ томъ, что Ю. вовсе не имѣлъ того характера, который ему обыкновенно приписываютъ, и что сатиры его не отличаются геройствомъ. Если сатира Ю. касается только прошлаго, то и негодованіе поэта не есть современная скорбь и внезапный гнѣвъ, возбужденный зрѣлищемъ общественнаго упадка: Ю. передаетъ только свои воспоминанія, далеко не съ такою живостью, какую они имѣли бы въ современномъ имъ разсказѣ. Отсюда частая потребность разукрасить свой разсказъ, придать ему искусственнымъ образомъ художественный колоритъ. Тутъ на помощь Ю. поэту является Ю. риторъ, который не даромъ долго занимался декламаціей. Благодаря этимъ привычкамъ декламатора, въ сатирахъ часто замѣчается преувеличеніе и паѳосъ, внѣшнимъ выраженіемъ чего служитъ масса исполненныхъ негодованія и изумленія вопросовъ, возгласы, остроумныя изреченія—особенности рѣчи, которыя подчасъ дѣлаютъ стиль Ю. запутаннымъ и темнымъ. Затѣмъ припомнимъ, что Ю. началъ писать сатиры уже перешагнувъ за средину своей жизни, испытавъ много разнаго рода разочарованій. Такой человѣкъ легко склоненъ все разсматривать въ мрачномъ свѣтѣ, быть пессимистомъ. Знаменитая сатира противъ пороковъ женщинъ очевидно вылилась у человѣка, немало пострадавшаго отъ слабаго и прекраснаго пола. Точно также въ 3-й и 7-ой сатирахъ проглядываетъ обликъ молодого провинціала, который съ самыми радужными надеждами стремился въ столицу, мечтая найти тамъ скорую славу и сопряженное съ нею богатство, но грезы эти скоро разлетѣлись въ пухъ и прахъ. Пессимизмомъ Ювенала объясняютъ еще одну сторону его произведеній: онъ охотно копается въ грязи, и въ галлереѣ его образовъ есть много такихъ картинъ, которыя должны быть завѣшены для обыкновеннаго читателя. Сказанное со сихъ поръ относится къ отрицательнымъ сторонамъ поэзіи Ю. Переходя къ ея достоинствамъ, отмѣтимъ прежде всего, что риторъ не заглушилъ въ Ю. моралиста и гражданина. Сатиры его исполнены патріотическихъ чувствъ. Это былъ человѣкъ дѣйствительно нравственный и съ возвышенно идеальнымъ взглядомъ

на жизнь. Онъ искренно стремился помочь своимъ согражданамъ, и если иногда преувеличивалъ ихъ пороки, то только радѣя объ ихъ пользѣ. О другой положительной сторонѣ поэзiи Ю. одинъ изъ нашихъ ученыхъ (гр. А. В. Олсуфьевъ) отзывается такъ: «въ сатирахъ Ю., этого реалиста древняго мiра, какъ въ фотографической камерѣ отпечатлѣлась вся окружавшая его римская жизнь, изображенная имъ въ цѣломъ рядѣ законченныхъ до мельчайшихъ подробностей бытовыхъ картинъ, прямо съ натуры схваченныхъ портретовъ, психологическихъ, тонко разработанныхъ очерковъ отдѣльныхъ типовъ и характеровъ, реалистически вѣрныхъ снимковъ со всей окружающей его среды, отъ дворца кесаря до лачуги въ Субурѣ, отъ уборной знатной матроны до клѣти въ лупанарѣ, отъ пышной прiемной чванливаго адвоката до дымной школы бѣдняка грамматика; Ю. собралъ все это разнообразiе силою своего таланта въ одно художественное цѣлое, въ которомъ, какъ въ зеркалѣ, отражается весь древнiй мiръ, насколько онъ былъ виденъ поэту». Ю. важенъ для изученiя частнаго, семейнаго, внутренняго быта древнихъ, о которомъ до насъ дошли, вообще, самыя скудныя свѣдѣнiя. Его сатиры ревностно читались не только въ древности, но и въ средніе вѣка, когда нравился его возвышенный и вдохновенный тонъ; многiе называли его тогда ethicus, а одинъ поэтъ писалъ, что Ювеналу вѣрятъ болѣе, чѣмъ пророкамъ (magis credunt Juvenali, quam doctrinae prophetali). Существуетъ масса древнихъ толкованiй къ поэту (такъ назыв. схолiй), начиная отъ IV-го столѣтiя и кончая поздними временами средневѣковья. Главная рукопись Ю.—IX в. — хранится въ библiотекѣ медицинской школы въ Монпелье, почему называется Montepessulanus, а также чаще, Pithoeanus, по имени одного изъ прежнихъ владѣльцевъ ея, Пьера Питу (см. XXIII, 746). Лучшiя изданiя — Бюхелера (Берл., 1893) и Фридлэндера (Лпц., 1895); много объяснительнаго матерiала даютъ также англiйскiе труды Mayor'a (1883 и 1886 гг.) и Lewis'a (съ прозаич. переводомъ, 1882). Русскiе переводы: Фета (М., 1885; ср. книгу гр. А. В. Олсуфьева: «Ювеналъ въ переводѣ Фета», СПб., 1886) и Адольфа (М., 1887); 3, 7 и 8 сатиры переведены прозою Н. М. Благовѣщенскимъ (въ «Журн. Мин. Нар. Просв.», 1884, кн. 4; 1885, кн. 1; 1886, кн. 2). Изданiе трехъ первыхъ сатиръ, съ комментарiями, Д. И. Нагуевскаго (Казань, 1882; ср. его же книгу «Римская сатира и Ю.», Митава, 1879). *А. М—нъ.*

Ювенкъ (Гаiй Веттiй Аквилинъ Juvencus) — древнехристiанскiй писатель. Происходилъ изъ знатнаго рода и былъ священникомъ въ Испанiи. Съ его именемъ сохранилось написанное при Константинѣ Великомъ (около 330 г.) стихотворное переложенiе евангелiя («Historia evangelica» или «Evangeliorum libri IV»). Соображенiя, которыми Ю. руководился при составленiи своего труда, онъ разъясняетъ въ прологѣ, гдѣ говоритъ, что если въ мiрѣ нѣтъ ничего вѣчнаго, то наиболѣе долго сохраняется въ немъ воспоминанiе о выдающихся поступкахъ людей и объ ихъ добродѣтеляхъ. Глашатаями ихъ славы являются поэты, какъ напр. Гомеръ и Виргилiй, которые и сами такимъ образомъ прiобрѣтаютъ себѣ продолжительную и громкую извѣстность. А если достигли славы языческiе поэты, допускавшiе въ своихъ произведенiяхъ разнаго рода ложь, то вѣчная хвала должна достаться въ удѣлъ такому произведенiю, содержанiемъ котораго служатъ истинные и достовѣрные факты изъ земной жизни Спасителя. Въ выборѣ матерiала Ю. примыкаетъ ближе всего къ первому евангелiю, заимствуя нѣкоторыя данныя изъ третьяго и четвертаго. Въ изложенiи Ю. подражаетъ преимущественно Виргилiю, затѣмъ Лукрецiю и Стацiю; ему извѣстны также Овидiй, Луканъ и Горацiй. Нѣкоторыя мѣста и выраженiя евангелiя, кажущiяся Ю. слишкомъ рѣзкими, онъ старается смягчить и сгладить. Таковы тѣ эпизоды, гдѣ Спаситель гнѣвается; слова Маров объ ея умершемъ братѣ Лазарѣ: «уже смердитъ» у Ю. передаются такъ: «Мнѣ кажется, что его тѣло, лишенное движенiя, начинаетъ сообщать разлагающимся членамъ непрiятный запахъ». Слогъ Ю. отличается поразительною простотою и ясностью и этимъ выгодно отличается отъ позднѣйшей напыщенности и искусственности христiанской поэзiи и прозы. Въ техникѣ стиха Ю. не удалось избѣжать значительныхъ просодическихъ ошибокъ. Въ общемъ поэма Ю., не блеща особыми художественными достоинствами, занимаетъ одно изъ видныхъ мѣстъ въ древне-христiанской литературѣ. Дѣленiе поэмы на 4 почти равныя книги — чисто внѣшнее и сдѣлано, вѣроятно, послѣ написанiя всего произведенiя, въ подражанiе дѣленiю евангелiя. По свидѣтельству блаж. Iеронима, Ю. написалъ еще нѣсколько произведенiй, относящихся къ чину таинствъ, но они не дошли до насъ и, вѣроятно, погибли весьма рано. Лучшая рукопись Ю. находится въ Кембриджѣ и относится къ VII в. Изданiя: F. Arevalus (Римъ, 1792); C. Marold (Лпц., 1886); J. Huemer (въ «Corp. script. eccles. latin.», т. XXIV, Вѣна, 1891). См. A. R. Gebser, «De J. vita et scriptis» (Iена, 1827); J. T. Hatfield, «Study of J.» (Боннъ, 1890); Boissier, «La fin du paganisme» (русск. пер., М., 1892, стр. 261). *А. М—нъ.*

Ювента или *Ювентасъ* (Juventas) — у древнихъ римлянъ богиня *юности*, имѣвшая свое небольшое святилище (aedicula) въ предѣлахъ храма Юпитера Капитолiйскаго. По достиженiи совершеннолѣтiя каждый юноша, приносившiй жертву Юпитеру, долженъ былъ уплатить монету въ кассу богини Ю., какъ покровительницы novorum togatorum, т. е. юношей, только что надѣвшихъ тогу. Ей же въ началѣ каждаго года приносили жертву за юношей. Подъ именемъ Ю. была извѣстна также греческая богиня *Геба*, культъ которой былъ перенесенъ въ Римъ въ концѣ III-го вѣка до Р. Хр.: въ честь этой Ю. былъ сооруженъ въ Римѣ храмъ, освященный въ 191 г. до Р. Хр. *Н. О.*

Ювенцiи (Juventii) — древне-римскiй родъ, происходившiй изъ Тускула и переселившiйся въ Римъ приблизительно въ первой

liothecae ophtalmicae specimen primum» (Гамбургъ, 1783); «Opuscula bina medico-litteraria» (Лпц. и Дессау, 1785); «Repertorium über das gesammte Medicinalwesen in den Braunschweig-Lüneburg'schen Kurlanden» (Ганноверъ, 1790); «Wie können billige Preise der Apothekerwaaren, besonders der zubereiteten Arzneien, erhalten und gesichert werden?» (1795); «Ist es nothwendig und ist es möglich, beide Theile der Heilkunst, die Medicin und die Chirurgie, sowohl in ihrer Erlernung als ausübung wieder zu vereinigen» (Эрфуртъ, 1799); «Ἱπποκράτους περὶ ὄψιος: Hippocratis de visu libellus» (Гельмштедтъ, 1792).

Юглеръ (Лоренцъ Jügler)—нѣмецкій натуралистъ (1692—1764). Его труды: «Geschichte und Zustände der Deutschen in Amerika» (Лпц., 1756); «Metallurgische Reise durch einen Theil von Neu England» (Галле, 1756); «Erste Urkunden der Geschichte der Amerikas» (2 т., 1757); «Thesaurus geographicus» (1758); «Flora Americana» (2 т., 1763—64).

Юглонъ или *нуцинъ* — представляетъ производное гидрокси-α-нафтахинона. Хотя соки его окрашены, но тѣмъ не менѣе онъ не представляетъ пигмента въ собственномъ смыслѣ этого слова. Окисленіемъ Ю. переводится въ дигидрооксинафтохинонъ, который уже представляетъ фіолетовый пигментъ, дающій съ солями глинозема фіолетовые оттѣнки, а съ солями желѣза темносиніе.

Юговичи (братья) герои сербскаго народнаго эпоса. См. Югъ-Богданъ.

Юговичъ (Slavoljub Jugović) — хорватскій писатель; въ 1850 г. напечаталъ въ Загребѣ «Razljaganja o sadašnosti i budučnosti Slavena» («Размышленіе о современномъ положеніи и будущности славянъ»).

Юго-восточныя желѣзныя дороги, общимъ протяженіемъ 3244 в. — состоятъ во владѣніи акціонернаго общества и составились путемъ сліянія (въ 1893 г.) частныхъ жел. дорогъ Грязе-Царицынской и Козлово-Воронежско-Ростовской и казенныхъ Орловско-Грязской и Ливенской; послѣднія переданы обществу Ю.-вост. жел. дор. въ аренду на срокъ по соглашенію министровъ путей сообщенія и финансовъ и госуд. контролера, но правительство имѣетъ право изъять ихъ изъ ареднаго владѣнія не иначе, какъ при одновременномъ выкупѣ прочихъ дорогъ общества. Тогда же обществу предоставлено было сооруженіе магистральной линіи Балашовъ-Харьковъ (600 в.), съ вѣтвями. Съ 1 февраля 1896 г. обществу Ю.-вост. жел. дор. переданы были въ аренду участки казенной Донецкой дор. Звѣрево-Дебальцево-Попасная-Лисичанскъ и Дебальцево-Хапенетовка, съ примыкающею къ этимъ участкамъ Луганскою вѣтвью. Вскорѣ, однако, общество усиленно стало ходатайствовать объ освобожденіи его отъ невыгодной аренды казенныхъ дорогъ; съ 1 января 1897 г. изъята изъ аренды общества узкоколейная Ливенская жел. дор., переданная правительствомъ общ. Московско-Кіево-Воронежской жел. дор., а въ 1902 г. оно освобождено также отъ аренды Донецкихъ участковъ. Объ основной линіи общества, Грязе-Царицынской, см. т. X, стр. 826. Что касается Козлово-Воронежско-Ростовской линіи, то концессія на первое ея отдѣленіе (Козловъ-Воронежъ) выдана была 12 августа 1866 г. безъ особыхъ изслѣдованій и безъ всякой конкурренціи, по ходатайству воронежскаго земства. «Дорога эта, замѣчаетъ А. А. Головачевъ («Исторія желѣзнодорожнаго дѣла въ Россіи», стр. 71), представляетъ первый примѣръ спекулятивнаго предпріятія со стороны государственно-общественнаго учрежденія, и притомъ совершенно вопреки земскому положенію и вообще существу подобныхъ учрежденій». Къ моменту слiянія съ Грязе-Царицынской жел. дор. акціи Козлово-Воронежско-Ростовской жел. дор. находились въ рукахъ французскихъ банкировъ.

Образованіе общества Ю.-вост. жел. дор. явилось результатомъ новаго направленія русской желѣзно-дорожной политики въ началѣ 90-хъ гг., подъ вліяніемъ С. Ю. Витте. Неся огромные убытки по гарантіи многихъ бездоходныхъ частныхъ дорогъ и не усматривая, съ другой стороны, основаній ждать особыхъ выгодъ отъ казенной эксплуатаціи, правительство остановилось на мысли использовать въ интересахъ расширенія сѣти и увеличенія доходности ея тѣ изъ существующихъ желѣзно-дорожныхъ обществъ, которыя съумѣли поставить находившіяся во владѣніи ихъ дороги на должную высоту. Эти ожиданія не оправдались: рядъ неурожаевъ, общій экономическій кризисъ, чрезмѣрное расширеніе строительныхъ операцій, больше расчитанныхъ на приливъ новыхъ средствъ изъ казны, чѣмъ на будущіе доходы отъ сооружаемыхъ линій,—все это привело къ оскудѣнію нѣкогда благонадежныхъ обществъ. Въ послѣднее время правительство вынуждено ежегодно приплачивать значительныя суммы (по гарантіи) на покрытіе обязательныхъ платежей общества Ю.-вост. жел. дор.

Результаты эксплуатаціи за 1902 г.

а) Данныя о движеніи:

	Число перевез. пассаж. и пуд. (въ тысячахъ).	Среднiй пробѣгъ пассаж. и пуда (въ верстахъ).	Средняя выручка съ пас.- и пудоверсты (въ коп.).
Пассажировъ	4298	127	0,84
Багажа и друг. перевозокъ большой скор. (пд.)	3464	411	0,059
Грузовъ малой скорости (пд.)	388928	261	0,0227

b) Валовой доходъ . . 33158000 р.
Расходъ . . . . . . 21975900 »
Чистый доходъ . . . 11182100 »

Этого чистаго дохода не хватало на покрытіе обязательныхъ платежей по процентамъ (на облигаціонные займы) и по арендѣ Орловско-Грязской линіи, составившихъ въ общемъ сумму 12272000 руб.

къ ССЗ до впаденія въ нее р. Малаго Ю., откуда бѣжитъ къ СЗ и вливается въ одну изъ лѣвыхъ—Юганскую протоку р. Оби съ лѣвой стороны, ниже сел. Подгородно-Юганскаго. Длина рѣки до 500 вер., шир. отъ 100 до 150 с. въ низовьяхъ, глубина на фарватерѣ до 4 саж. 2) *Малый Ю.*, прав. притокъ Большого Ю., вытекаетъ съ сѣв. части Васюганскаго болота и течетъ въ сѣв.-зап. направленіи. Длина до 300 в., шир. отъ 20 до 100 саж., глубина до 3 арш. Обѣ рѣки могутъ быть сплавными, а Большой Ю. отъ устья Малаго Ю. судоходенъ для судовъ средней емкости. Страна, орошаемая этими рѣками, лѣсиста, болотиста, но не населена. Обѣ рѣки рыбны, имѣютъ извилистое и довольно тихое теченіе. Кромѣ Малаго Ю. въ Большой Ю. еще вливается съ правой стороны значительная рѣка Иркусъ-Яга.

Юганъ—рыболовная организація на сѣверѣ Россіи, заключающаяся въ томъ, что хозяинъ-предприниматель заранѣе покупаетъ, за условленную сумму, половину будущаго улова рыбы, съ тѣмъ, чтобы другая половина улова была продана ему же, но только по вѣсу, по заранѣе же установленной цѣнѣ.— См. И. Воропаевъ, «Отъ рѣки Оби до Сѣвернаго океана» («Природа и Охота», 1900, I).

Югеръ (jugerum)—у древнихъ римлянъ мѣра поверхности, служившая для измѣренія поля и составлявшая собственно площадь, которую можно вспахать въ день парою (uno iugo) воловъ, при чемъ подъ словомъ iugerum подразумѣвается тоже, что подъ словомъ iugum (ярмо, запряжка). Первоначально длина борозды, которую волъ можетъ пройти въ одинъ разъ не утомляясь, называлась actus; это понятіе перешло и на площадь, которая у римлянъ вмѣщала 120 кв. фт. поверхности. Для запашки такого квадратнаго actus требовалось полдня; мѣру же поверхности поля, для запашки котораго потребовался бы день, составлялъ Ю., равнявшійся двумъ actus и представлявшій собою прямоугольную площадь въ 240 фт. длины и 120 фт. ширины (=28800 кв. римскихъ футовъ= 2518,2 кв. метра=около 554 кв. саж.). Кромѣ actus, въ употребленіи была еще дробная часть Ю.—скрупулъ или кв. децемпеда (=10×10 фт.) и clima (60×60 фт.=$^1/_4$ actus). Кратными обозначеніями Ю. служили heredium (семейный надѣлъ), составлявшій 2 Ю.; centuria=100 heredia; saltus=центуріи. Вообще изъ римскихъ мѣръ поверхности только одинъ Ю. представлялъ собою удлиненный прямоугольникъ, остальныя же мѣры были квадратныя, при чемъ наименьшую дробную часть Ю. составлялъ скрупулъ (Scripulum)=100 кв. фт., т. е. $^1/_{288}$ часть Ю.

Н. О.

Югландовыя (Juglandaceae)—семейство двудольныхъ растеній, порядка Juglandiflorae. Это—высокія деревья съ твердою древесиною. Листья у нихъ большею частью крупные, непарноперистые, голые или волосистые, о 3—15 парахъ цѣльнокрайнихъ или зубчатыхъ листковъ. Цвѣтки однополые. Мужскіе цвѣтки собраны въ длинныя сережки, появляющіяся либо (у Pterocarya, Juglans) на прошлогоднихъ побѣгахъ изъ пазухи отмершихъ листьевъ, либо (у Carya, Engelhardtia, Platycarya) на побѣгахъ этого года по-одиночкѣ или (у Juglans, Pterocarya) по 2 или по 2—4 (у Engelhardtia). Женскіе цвѣтки собраны въ колосья, появляющіеся либо на верхушкѣ (у Juglans, Carya, Pterocarya), или по бокамъ (у Engelhardtia) побѣговъ этого года. Мужской цвѣтокъ имѣетъ два прицвѣтника, околоцвѣтникъ изъ 4 (у Pterocarya), 2—6 (у Juglans), 2—3 (у Calya) листковъ (у Platycarya околоцвѣтника нѣтъ) и 3—40 тычинокъ, свободныхъ или сросшихся основаніемъ своихъ нитей. Женскій цвѣтокъ сидитъ въ пазухѣ кроющаго листа и имѣетъ два прицвѣтника; у Juglans кроющій листъ сростается съ завязью до половины, прицвѣтники же сростаются цѣликомъ; околоцвѣтникъ о 4 листкахъ; при плодахъ всѣ эти части отмираютъ; у Pterocarya кроющій листъ и прицвѣтники во время цвѣтенія почти обособленные, позже кроющій листъ отмираетъ, а прицвѣтники разростаются въ крылья, околоцвѣтникъ о 4 листкахъ; у Engelhardtia кроющій листъ и прицвѣтники прирастаютъ до половины къ завязи и взаимно сростаются въ трехлопастную плюску, околоцвѣтникъ о 4 листкахъ; у Carya кроющій листъ и прицвѣтники прирастаютъ къ завязи до верхушки, околоцвѣтникъ состоитъ лишь изъ одного листка; позже всѣ эти части отмираютъ; у Platycarya кроющій листъ свободный, прицвѣтники приросли къ завязи и позже превращаются въ крылья; околоцвѣтника нѣтъ. Пестикъ одинъ, состоящій изъ 2—3—4 плодолистиковъ; завязь нижняя одногнѣздная, односѣмянная, но позже со стѣнки завязи отходятъ перегородки, дѣлящія впрочемъ не вполнѣ завязь на 2—4 гнѣзда. Плодъ—костянка, съ мясистымъ, иногда очень тонкимъ внѣплодникомъ (epicarpium) и твердымъ какъ дерево или кость внутреплодникомъ (endocarpium); внѣплодникъ разрывается неправильно (у Juglans regia) или правильно (у Carya) на 4 лопасти. Сѣмя о 2—4 лопастяхъ, безъ бѣлка, но съ крупнымъ зародышемъ, содержащимъ двѣ мясистыя сѣмядоли. Всѣхъ видовъ насчитывается около 30, при 6 родахъ: Platycarya, Engelhardtia, Pterocarya, Oreomunnea, Juglans и Carya. Большинство видовъ растутъ въ умѣренномъ климатѣ сѣвернаго полушарія, нѣкоторые виды на горахъ Явы и Боливіи. Нѣкоторые виды—полезныя деревья, напр. Engelhardtia spicata (въ Гималаяхъ) доставляетъ превосходную древесину, Carya porcina доставляетъ весьма цѣнную древесину «Hickory»; Juglans regia—извѣстный грецкій или волошскій орѣхъ, доставляетъ древесину («орѣховое дерево») и съѣдобные плоды, J. nigra, J. cinerea—также доставляетъ плоды. Плоды этихъ видовъ, а также Carya alba, sulcata, olivaeformis идутъ на добываніе масла. Кора Carya alba употребляется для окрашиванія въ желтый цвѣтъ, кора C. tomentosa—въ зеленый, а кора Juglans regia, nigra и cinerea въ желтобурый.

С. Ростовцевъ.

Юглеръ (Іоганнъ-Генрихъ Jugler)—нѣмецкій врачъ (1758—1812). Напечаталъ: «Bib-

лели же м. Песчанаго и Сухого Носа вновь расширяется отъ 2 до 3 м. миль и направляется къ В. Отъ о-ва Сторожевого и въ параллели мм. Каменнаго на Вайгачѣ и Наѣздника на материкѣ направляется къ С и затѣмъ въ параллели м. Яросоль, на материкѣ Азіи соединяется съ Карскимъ моремъ, имѣя ширину до 6 м. миль. Длина прол. до 25 миль. По изслѣдованію Вилькицкаго, глубина прол. по его срединѣ отъ 7 до 12 с., но есть мѣста отъ 17 до 22 с. Въ параллели м. Сухого Носа и сел. Никольскаго, глуб. отъ $5^1/_2$ до 12 с. У о-ва Сторожевого отъ 6 до 11 саж., на вост. и южн. сторонахъ этого о-ва и при устьѣ р. Великой имѣются песчаныя кошки. Въ прол. существуетъ два теченія изъ Сѣвернаго океана въ Карское море и обратное. Между мм. Гребень и Дьяконова расположена бухта Варнека. Въ прол. впадаютъ 2 рр. Бол. Ая или Великая и Мал. Ая или Никольская. При впаденіи р. Никольской находится посел. или становище Никольское или Хабарово, состоящее изъ нѣсколькихъ избъ, амбаровъ и маленькой церкви. Сюда пріѣзжаютъ весной самоѣды и пустозерцы для тюленьяго промысла, продолжающагося до 24 іюня, а по вскрытіи рѣкъ промышляютъ также и рыбу, въ серединѣ же лѣта и птицу. Для морскихъ промысловъ выѣзжаютъ на карбазахъ въ открытое море. Здѣсь лѣтомъ бываетъ ярмарка, на которую съѣзжаются самоѣды и торговцы съ Печоры. Ю. шаръ освобождается отъ льда не ранѣе іюля мѣсяца, а иногда и позже. По окончаніи промысловъ, въ концѣ августа, становище пустѣетъ и въ немъ остаются одни караульщики. Пробовали устроить скитъ, но присланные сюда монахи въ первый же годъ перемерли отъ цынги и болѣзней, хотя караульщики самоѣды проживаютъ здѣсь круглый годъ безъ вреда для своего здоровья. Служба въ здѣшней церкви совершается только лѣтомъ присылаемымъ сюда на это время священникомъ или іеромонахомъ. Въ проливѣ нѣсколько островов, изъ нихъ главные Сторожевой и Соколій. Берега пролива обрывисты, въ большинствѣ утесисты и скалисты; древесной растительности по берегамъ пролива нѣтъ, есть скудная трава, сланка, мхи и ягели. Голландцы назвали этотъ проливъ Нассаускимъ; впослѣдствіи онъ назывался Вайгачскимъ; нынѣ за нимъ установилось названіе Ю. шара. Впервые прошли Ю. шаръ въ 1580 г. голландцы Пэтъ и Джакмонъ. Русскіе, начиная съ XVII стол., пользовались имъ какъ путемъ въ Мангазею. Болѣе точное обслѣдованіе Ю. шара произведено въ 1893 и 1898 гг. экспедиціями Добротворскаго и Вилькицкаго. *Н. Л.*

Юго-Славяне, или *южные славяне* — общее обозначеніе для болгаръ, сербовъ, хорватовъ и словинцевъ; чаще, однако, болгары исключаются изъ этого понятія. Терминъ «Юго-Славяне» получилъ распространеніе съ того времени, какъ австрійское правительство наложило различныя ограниченія и запрещенія на «Иллиризмъ» (см. XII, 927).

Юго-Славянская Академія (Jugoslavenska Akademija Znanosti i umjetnosti), называемая также и «Загребской академіей», по мѣсту своего нахожденія въ г. Загребѣ, и «Хорватской академіей», по племени или государству—основана въ 1867 г. хорватами, подъ покровительствомъ католическаго епископа Штросмайера (см.). Ю.-слав. акдемія привлекаетъ къ себѣ всѣ лучшія ученыя силы хорватовъ и другихъ южныхъ славянъ, служа средоточіемъ дѣятельности хорватскихъ ученыхъ на поприщѣ литературы и науки. Ея члены и другіе ученые, печатающіе свои труды въ ея изданіяхъ, обращаютъ вниманіе на прошедшее славянскихъ народовъ и земель, и на настоящее ихъ положеніе, на чистыя науки и на прикладныя знанія, но прежде и больше всего ихъ интересуютъ судьбы южнаго славянства, точнѣе — сербско-хорватскаго племени. Въ этомъ отношеніи лучшимъ представителемъ тенденціи Ю.-слав. акд. былъ ея долговременный предсѣдатель, теперь уже покойный каноникъ Рачкій (XXVI, 392). «Извѣстія» Ю.-слав. акд. выходятъ съ перваго же года ея существованія («Rad jugoslavenske Akademije Znanosti i umietnosti»); другія ея изданія—«Monumenta spectantia historiam Slavorum meridionalium» (1867—1876); «Starine» (1869 — 1876), «Stari pisci hervatski» и пр. *Ир. П.*

Югра (Угра)—названіе страны, нѣкогда занимавшей сѣв. часть Европейской Россіи и Западной Сибири вдоль побережья Сѣв. Ледовитаго океана, а также и обитавшаго въ ней финскаго племени, которое нынѣ совершенно исчезло. Границы Югры разными учеными опредѣляются весьма различно. Бушенъ, согласно новгородскимъ лѣтописямъ, полагаетъ, что Ю. простиралась на С по побережью Ледовитаго океана отъ пролива Югорскаго Шара до устьевъ р. Таза, а къ Ю до верховьевъ рр. Лозвы и Вишеры. Ю. дала свое названіе многимъ урочищамъ, проливу и проч.; югорскій гербъ вошелъ въ государственный гербъ Россійской имперіи.

Югурта (Jugurtha) — царь нумидійскій, незаконный сынъ Мастанабала (брата нумидійскаго царя Миципсы), внукъ Масиниссы. Воспитывался при дворѣ Миципсы, наравнѣ съ царскими дѣтьми. Энергичный и храбрый, онъ особенно отличался въ охотѣ на львовъ. Нумидійцы очень любили его. Миципса послалъ Ю. въ Испанію во главѣ нумидійскаго отряда, отправленнаго на помощь римлянамъ, осаждавшимъ Нуманцію. Здѣсь Ю. подружился со многими вліятельными римлянами, въ томъ числѣ съ Сципіономъ Эмильяномъ. Миципса усыновилъ Ю. и назначилъ его наслѣдникомъ вмѣстѣ съ двумя своими сыновьями, Адгербаломъ и Гіемпсаломъ, съ которыми онъ долженъ былъ править сообща. Вскорѣ послѣ смерти Миципсы (118 г. до Р. Хр.) совмѣстное управленіе сонаслѣдниковъ оказалось неудобнымъ, и они рѣшили произвести раздѣлъ; но прежде, чѣмъ раздѣлъ былъ оконченъ, подданные Ю. убили Гіемпсала, который былъ энергичнѣе Адгербала и раздражилъ Ю. своимъ высокомѣріемъ и явной враждебностью. Это убійство привело къ смутамъ въ Нумидіи; Ю. сталъ стремиться къ подчиненію себѣ всей страны. Адгербалъ

Расходы по отдѣламъ:

I. Правленіе общества, контроль сборовъ и общіе расходы	2588000 р.
II. Управленіе дорогою, врачебная и матеріальная части	864000 »
III. Надзоръ за путемъ и зданіями, содержаніе и ремонтъ ихъ	4779000 »
IV. Движеніе, телеграфъ и телефоны	4142000 »
V. Тяга поѣздовъ, содержаніе и ремонтъ подвижного состава	7843000 »
VI. Особые обязательные расходы	718000 »
VII. Чрезвычайные расходы	?
VIII. По финансов. оборотамъ	172000 »
IX. Таксировка служебныхъ перевозокъ	870000 »

Стоимость дорогъ общества на 1 января 1903 г. опредѣлена въ 305 милл. руб., а вмѣстѣ съ Орловско-Грязской—въ 344 милл. р. *М. Т.*

Юго-Западная Африка *Германская* — обширный, очень мало населенный протекторатъ Германской имперіи, граничитъ на С португальской колоніей Ангола, на В и Ю британскими владѣніями, на З Атлантическимъ океаномъ. Гл. г. Виндхукъ (Windhoek). См. Южная Африка.

Юго-Западная недѣля—еженедѣльный подцензурный иллюстрированный литературно-художественный журналъ; издается въ Кіевѣ съ 1903 г. Издатель-редакторъ Ив. Исид. Высоцкій. Въ 1904 г. пріостановленъ на 8 мѣс.

Юго-Западныя желѣзныя дороги (казенныя), общимъ протяженіемъ 7168 вер. (къ 1 января 1903 г.). — Общество Ю.-Зап. жел. дор. образовалось въ 1878 г. путемъ слиянія дорогъ Кіево-Брестской, Бресто-Граевской и Одесской. Въ 1888 г. обществу Ю.-Зап. жел. дор. разрѣшено было сооруженіе Уманскихъ вѣтвей, а въ 1889 г.—Новоселицкихъ. Мысль о соединеніи Одессы съ Кіевомъ и съ сѣтью австрійскихъ жел. дор. возникла еще въ серединѣ 50-хъ годовъ, но крайне тяжелыя условія, предлагавшіяся правительству различными иностранными предпринимателями, отодвинули осуществленіе этого плана на долгіе годы. Правительство рѣшилось приступить къ сооруженію наиболѣе необходимыхъ участковъ собственнымъ распоряженіемъ; впослѣдствіи оно передало эти участки во владѣніе частныхъ обществъ, которыми сооружены были остальные участки; изъ нихъ Одесская жел. дор. находилась во владѣніи Русскаго общества пароходства и торговли. Съ 1 января 1894 г. Ю.-Зап. жел. дор. перешли въ казну, при чемъ списано со счетовъ около $106^1/_2$ милл. р. долговъ по гарантіи.

Результаты эксплуатаціи за 1902 г.

a) Данныя о движеніи:

	Число перевез. пассаж. и пуд. (въ тысячахъ).	Средній пробѣгъ пассаж. и пуда (въ верстахъ).	Средняя выручка съ пас.- и пудоверсты (въ коп.)
Пассажировъ	8472	120	0,93
Багажа и другихъ перевозокъ большой скор. (пд.)	6966	334	0,07
Грузовъ малой скор. (пд.)	800973	250	0,02

b) Валовой доходъ	60430000 р.
Расходъ	32215000 »
Чистый доходъ	28215000 »

Расходы по отдѣламъ:

I. Доля расходовъ по содержанію управленія жел. дорогъ, содержаніе коммерческой службы, службы сборовъ и общіе расходы мѣстнаго управленія	2384000 р.
II. Управленіе дорогами, врач. и матер. службы	1433000 »
III. Надзоръ за путями и зданіями, содержаніе и ремонтъ ихъ	7444000 »
IV. Движеніе, телеграфы и телефоны	6371000 »
V. Тяга поѣздовъ, содержаніе и ремонтъ подвижного состава	12217000 »
VI. Особые обязательные расходы	146000 »
VII. Чрезвычайные расходы	895000 »
VIII. По финансовымъ оборотамъ	56000 »
IX. Таксировка служеб. перевозокъ	1269000 »

Стоимость Ю.-Зап. жел. дор. на 1 января 1903 г. опредѣлена въ 421 милл. р. (безъ подвижного состава, поставленнаго на дороги за время казенной эксплуатаціи). *М. Т.*

Юго-Камскій желѣзодѣлательный **заводъ**—Пермской губ. и уѣзда, въ 54 в. отъ г. Перми, въ 10 в. отъ р. Камы (пристань зав.). Основанъ въ 1746 г. Рабочихъ ок. 800, производство (1899 г.): болванокъ и кусковъ—406536 пд., полосового и сортового желѣза—313995 пд. При Ю.-Камскомъ зав. вспомогательный зав. Варваринскій. Лѣсная зав. дача въ 33 тыс. дес. Въ селеніи 4341 жит.; церковь, больница, лавки, базары.

Югорскій хребетъ—древнее названіе сѣв. части Уральскаго хребта, происходившее отъ названія нѣкогда жившаго тамъ народа югры или угры.

Югорскій шаръ — проливъ въ Сѣв. Ледовитомъ океанѣ, отдѣляетъ о-въ Вайгачъ отъ материковой части Архангельской губ. Съ юго-зап. конца проливъ ограничивается входными мысами: м. Гребень на о-вѣ Вайгачѣ и Бѣлымъ со стороны материка. Отсюда проливъ тянется къ СВ, имѣя ширину въ $5^1/_2$ морск. миль; затѣмъ въ параллели мысовъ Дьяконова и Створнаго на о-вѣ Вайгачѣ прол. суживается отъ 2 до $1^1/_2$ м. миль, въ парал-

честнымъ; ему досталось веденіе нумидійской войны. Метеллъ собралъ новое войско и сдѣлалъ въ широкихъ размѣрахъ всѣ необходимыя приготовленія. Въ Нумидіи ему пришлось прежде всего заняться перевоспитаніемъ тамошней римской арміи, сильно деморализованной всѣмъ предыдущимъ. Ю. попытался завести переговоры и съ Метелломъ, но послѣдній, не отклоняя переговоровъ, старался склонить пословъ Югурты выдать царя Риму, живымъ или мертвымъ. Метеллъ вторгся въ Нумидію, занялъ городъ Вагу, оставилъ тамъ гарнизонъ и велѣлъ заготовлять припасы. Онъ двигался въ Нумидіи очень осторожно, широко примѣняя развѣдочную службу, чтобы не быть захваченнымъ врасплохъ хитрымъ нумидійцемъ, который могъ извлекать выгоды изъ прекраснаго знакомства съ мѣстностью. Большую услугу при этомъ Метеллу оказывалъ легатъ Г. Марій (XVIII, 630—631), начальствовавшій конницей. Югурта, замѣтивъ, что Метеллъ ведетъ съ нимъ двойную игру, попытался захватить врасплохъ римское войско, но въ битвѣ при рѣкѣ Муѳулѣ римляне одержали верхъ, хотя находились въ очень опасномъ положеніи. Двигаться далѣе внутрь страны Метеллъ, однако, не рѣшился и отступилъ, опустошая богатѣйшія части Нумидіи и избивая всѣхъ захваченныхъ совершеннолѣтнихъ нумидянъ. Римляне сдѣлали нападеніе на хорошо укрѣпленную Заму. Югурта неожиданно вторгся въ плохо охраняемый римскій лагерь и перебилъ большую часть римлянъ, оставленныхъ въ немъ, но долженъ быть отступить, когда подошло римское войско. Метеллъ снялъ осаду Замы, въ виду приближенія зимы, и ушелъ въ римскую провинцію, оставивъ гарнизоны въ передавшихся ему нумидійскихъ городахъ. Убѣдясь, что онъ не можетъ въ открытомъ полѣ побѣдить римлянъ, Ю. снова сдѣлалъ попытку войти въ переговоры съ римскимъ военачальникомъ: онъ выплатилъ римлянамъ большую сумму денегъ, выдалъ всѣхъ слоновъ, часть лошадей и перебѣжчиковъ, но затѣмъ, когда онъ долженъ былъ самъ отдаться Метеллу, не рѣшился на это и возобновилъ войну. Жители Ваги, занятой римскимъ гарнизономъ, измѣннически перебили римлянъ, но жестоко поплатились за это, когда Метеллъ снова овладѣлъ городомъ. Вскорѣ Ю. открылъ измѣнническія сношенія съ римлянами одного изъ самыхъ близкихъ къ нему лицъ, Бомилькара, котораго Метеллъ подговаривалъ выдать ему Югурту живымъ или мертвымъ; Бомилькаръ былъ казненъ. Метеллъ еще разъ разбилъ Югурту, который укрылся въ городѣ Ѳалѣ. Метеллъ, позаботившись о снабженіи арміи водой, такъ какъ дорога къ Ѳалѣ шла безводной мѣстностью, двинулся противъ этого города. Югурта ночью тайно бѣжалъ съ дѣтьми изъ Ѳалы, которая и была взята Метелломъ. Затѣмъ Ю. бѣжалъ черезъ пустыни къ гетуламъ (VIII, 605) и сталъ возбуждать къ войнѣ съ Римомъ мавританскаго царя Бокха, своего тестя. Вмѣшательство Мавританіи могло затянуть войну до безконечности; занятіе римлянами Нумидіи не было прочнымъ, пока Югурта былъ живъ и могъ тревожить римлянъ нападеніями изъ Мавританіи. Передача Нумидіи при жизни Югурты другому нумидійскому принцу также не могла привести къ успокоенію Нумидіи, въ виду испытанной горячей любви нумидійцевъ къ Югуртѣ. Приходилось расчитывать болѣе на дипломатію. Югурта и Бокхъ двинулись къ Циртѣ, около которой расположился Метеллъ. Послѣдній завязалъ переговоры съ Бокхомъ, желая отвлечь его отъ союза съ Югуртой. Метеллу, однако, не удалось окончить войну; онъ узналъ, что Нумидія назначена, по постановленію народа, провинціей Марію, избранному консуломъ на 107-ый годъ. Тѣмъ не менѣе Метеллъ принялъ прозваніе «Нумидійскаго». Марій прежде всего потребовалъ пополненія войска, снабдилъ армію всѣмъ необходимымъ и предпринялъ движеніе въ глубь Нумидіи, къ городу Капсѣ, расположенному среди пустынной и безводной мѣстности, неожиданно для нумидійцевъ подошелъ къ нему, захватилъ его и сжегъ, взрослыхъ жителей перебилъ, остальныхъ продалъ. Онъ взялъ еще нѣсколько городовъ, въ томъ числѣ считавшійся неприступнымъ замокъ на границѣ Нумидіи и Мавританіи, гдѣ хранились сокровища Югурты. Въ это время въ лагерь Марія прибылъ съ конницей квесторъ Л. Корнелій Сулла (XXXII, 35). Бокхъ, которому Югурта обѣщалъ за помощь противъ римлянъ треть Нумидіи, наконецъ рѣшился на войну съ Римомъ. Соединенное нумидо-мавританское войско внезапно напало ночью на римлянъ, возвращавшихся на зимнія квартиры. Римляне съ большими потерями выпутались изъ тяжелаго положенія, укрывшись на сосѣдніе холмы; затѣмъ Марію удалось также неожиданно напасть на нумидійцевъ и обратить ихъ въ бѣгство. Нумидійцы еще разъ были разбиты Маріемъ около Цирты. Когда Марій вступилъ въ послѣднюю, къ нему явились послы отъ Бокха, который рѣшился пожертвовать Югуртой и расчитывалъ на крупныя уступки со стороны римлянъ, готовыхъ на жертвы, чтобы только покончить безконечную войну. Послы Бокха отправились въ Римъ; въ Африкѣ веденіе переговоровъ съ Бокхомъ досталось Суллѣ. Суллѣ удалось уговорить Бокха выдать Югурту, за что ему были обѣщаны союзъ съ Римомъ и уступка части Нумидіи. Марій отвелъ плѣннаго Югурту въ Римъ и заставилъ его пройти, въ царской одеждѣ, въ тріумфальной процессіи; затѣмъ онъ былъ казненъ въ подземной тюрьмѣ на Капитоліи (104 г. до Р. Хр.). Значительно урѣзанная въ границахъ, вслѣдствіе уступки части ея Бокху, Нумидія была отдана Гаудѣ, внуку Масиниссы. Такъ окончилась Югуртинская война. Она раскрыла вопіющія беззаконія, до которыхъ доходила развращенная правящая аристократія, и дала демагогамъ сильное оружіе противъ знати. Ср. C. Sallusti Crispi, «Bellum Jugurthinum»; G. Meinel, «Zur Chronologie des Jugurthinischen Krieges» (Аугсбургъ, 1883). *Д. К.*

Югъ—р. Вологодской губ., образуетъ вмѣстѣ съ р. Сухоною такъ называемую Малую Сѣверную Двину, называемую Большою послѣ впаденія въ нее Вычегды. Ю. беретъ начало

отправилъ въ Римъ посольство съ изложеніемъ дѣла. Между двоюродными братьями началась война. Разбитый Югуртой, Адгербалъ бѣжалъ въ римскую провинцію Африку, а оттуда направился въ Римъ. Это вынудило и Ю. къ отправленію посольства къ сенату, которое онъ снабдилъ большими средствами для подкупа вліятельныхъ римлянъ; Ю. рано понялъ, что въ тогдашнемъ Римѣ господствуетъ продажность. Сенатъ постановилъ, чтобы Нумидія была раздѣлена между обоими претендентами, что вполнѣ совпадало съ интересами Рима. Для производства раздѣла въ Африку была отправлена коммиссія изъ десяти сенаторовъ, которая присудила Адгербалу—восточную, Ю.—западную часть Нумидіи. Черезъ четыре года Ю. началъ снова войну съ двоюроднымъ братомъ. Адгербалъ былъ разбитъ и осажденъ въ Циртѣ. По жалобѣ Адгербала, изъ Рима вновь прибыли послы, которые потребовали отъ Ю. прекращенія войны и возвращенія къ порядку, установленному сенатомъ. Ю. заявилъ посламъ, что римляне нехорошо поступаютъ, препятствуя ему воспользоваться тѣмъ, на что онъ имѣетъ право и обѣщалъ отправить въ Римъ пословъ, чтобы объяснить свое поведеніе. По удаленіи пословъ Югуртъ продолжалъ тѣснить Цирту, и Адгербалъ, въ крайности, обратился письменно въ Римъ. Въ сенатѣ голоса тѣхъ, которые требовали отправки противъ Югурта войска за ослушаніе, были заглушены голосами расположенныхъ къ Югурту сенаторовъ. Опять въ Африку было отправлено посольство отъ сената, изъ пожилыхъ нобилей, съ М. Эмиліемъ Скавромъ во главѣ. По требованію пословъ Ю. явился къ нимъ въ римскую провинцію, но они не могли ничего добиться отъ него. Адгербалъ оказался вынужденнымъ сдаться. Ю. убилъ его и перебилъ всѣхъ совершеннолѣтнихъ вооруженныхъ людей, захваченныхъ въ Циртѣ—нумидійцевъ и италиковъ, безъ разбора. Нумидія, видимо, одобряла его дѣйствія; онъ сталъ повелителемъ и кумиромъ всей страны. Даже послѣ такого грубаго издѣвательства надъ Римомъ, подкупленные Ю. сенаторы пытались дѣйствовать въ его пользу. Лишь вмѣшательство избраннаго народнымъ трибуномъ на 111-ый годъ Меммія привело къ тому, что сенатъ объявилъ Нумидію римской провинціей. Отправленное Ю. въ Римъ посольство, съ сыномъ царя во главѣ, не было принято сенатомъ: посламъ было приказано въ теченіе 10 дней покинуть Италію, если они не явились съ безусловной покорностью Нумидіи и самого Ю. Началась война въ Нумидіи. Во главѣ отправленной въ Африку арміи былъ поставленъ консулъ Люцій Кальпурній Бестія, человѣкъ энергичный и способный, но ненасытно корыстолюбивый. При немъ въ числѣ другихъ представителей высшей знати былъ Маркъ Эмилій Скавръ. Консулъ удачно началъ войну и взялъ нѣсколько городовъ, но Югурта скоро вошелъ въ тайное соглашеніе съ римскимъ военачальникомъ. Югуртѣ былъ обѣщанъ миръ, если онъ подчинится и выдастъ 30 слоновъ, извѣстное количество лошадей, скота и денегъ. Ю. принялъ эти условія. Кальпурній отправился въ Римъ, гдѣ извѣстія о событіяхъ въ Африкѣ и о сомнительной роли представителей знати вызвали большое волненіе и сильную партійную борьбу. Противъ знати сильно говорилъ Меммій; по его предложенію въ Африку былъ посланъ преторъ Люцій Кассій, чтобы пригласить Югурту въ Римъ, гарантировавъ ему безопасность: показанія Югурты должны были уличить тѣхъ, кто торговалъ государственными выгодами. Пока въ Римѣ шла эта агитація, оставленные въ Нумидіи военачальники спѣшили въ свою очередь нажиться: одни за деньги возвратили царю выданныхъ имъ по условію слоновъ, другіе продавали ему перебѣжчиковъ, третьи расхищали выданное Югуртой. Ю. принялъ приглашеніе явиться въ Римъ, надѣясь добиться тамъ выгоднаго для себя урегулированія положенія Нумидіи: ему хотѣлось сохранить нераздѣльно всю страну въ своихъ рукахъ, но для Рима болѣе выгоднымъ являлось другое рѣшеніе нумидійскаго вопроса, а именно—новый раздѣлъ Нумидіи. Претендентомъ на власть въ ней былъ Массива, внукъ Массиниссы (сынъ Гулуссы), который и прибылъ въ Римъ, чтобы отстаивать свои интересы. Когда въ собраніи народа отъ Ю. потребовали указанія виновныхъ въ подкупѣ, трибунъ Бебій, очевидно подкупленный знатью, запретилъ царю давать показаніе. По наущенію Югурты, Массива былъ убитъ въ самомъ Римѣ; но Ю. долженъ былъ, по приказанію сената, покинуть Италію, при чемъ онъ будто бы сказалъ: «о продажный городъ, онъ вскорѣ погибнетъ, какъ только найдетъ покупщика» («Urbem venalem et mature perituram, si emptorem invenerit»). Веденіе возобновленной войны досталось консулу Спурію Постумію Альбину (110 г. до Р. Хр.). Альбинъ расчитывалъ окончить войну до избирательныхъ комицій, на которыхъ онъ долженъ былъ присутствовать; но Ю. всячески затягивалъ войну, и Альбинъ долженъ былъ уѣхать въ Римъ, ничего не сдѣлавъ, и оставилъ во главѣ войска своего брата Авла Постумія. Ю. захватилъ послѣдняго ночью врасплохъ и ворвался въ римскій лагерь. Римляне бѣжали на сосѣдній холмъ и должны были капитулировать: Ю. отпустилъ ихъ, проведя подъ ярмомъ, подъ условіемъ, чтобы Альбинъ заключилъ съ нимъ миръ и въ десятидневный срокъ очистилъ Нумидію. Въ Римѣ этотъ договоръ былъ отвергнутъ и рѣшено продолжать войну. Противъ знати снова поднялась буря. Народный трибунъ К. Мамилій Лиметанъ внесъ предложеніе о производствѣ слѣдствія надъ тѣми, по совѣту которыхъ Ю. пренебрегъ постановленіями сената, а также надъ тѣми, кто былъ подкупленъ имъ и кто выдалъ ему слоновъ и перебѣжчиковъ. Въ число трехъ членовъ слѣдственной коммиссіи съумѣлъ попасть М. Эмилій Скавръ, самъ находившійся подъ сильнымъ подозрѣніемъ. Среди осужденныхъ находились К. Гальба, Л. Бестія, К. Каконъ, Сп. Альбинъ и Л. Опимій. Однимъ изъ консуловъ на 109 г. былъ избранъ Кв. Цецилій Метеллъ, аристократъ, но слывшій неподкупно

является самою обширною изъ частныхъ библіотекъ Россіи, занимаетъ въ Красноярскѣ особый домъ и заключаетъ въ себѣ болѣе 80000 названій. Она чрезвычайно богата рѣдкими изданіями, полными собраніями всѣхъ рус. журналовъ, а также старинными документами и гравюрами. На средства Ю. изданъ рядъ научныхъ трудовъ Титова, Кулешова, Лопарева, «Рус. книги» Венгерова, фототип. воспроизведенія Радзивиловскаго Нестора и др. Имъ самимъ составлены «Матеріалы для исторіи города Чухломы и рода Костромичей Іюдиныхъ» (2 т., Красноярскъ, 1902; подготовлено 8 т.). Ср. Н. Бакай, «Замѣчательное книгохранилище» (М., 1896).

Юдихеръ (Sõren Poulsen Judichær, 1599—1668) — датскій грамматикъ, пасторъ. Подъ вліяніемъ Опица онъ произвелъ реформу датской метрики, положивъ въ основаніе стиха количество не только ударяемыхъ слоговъ, но и неударяемыхъ. Его соч.: «Synopsis prosodiæ danicæ eller en Kort Extract af Rimkunsten» (1650), «Prosodia danica eller danske Rimkunst (1671), автобіографія на латинскомъ языкѣ и нѣсколько псалмовъ.

Юдиѳь—см. Іудиѳь.

Юдиѳь или *Юдита*—вторая жена Болеслава Храбраго, дочь Гейзы и сестра Стефана, королей венгерскихъ. Польскіе лѣтописцы прославляютъ королеву Ю. за доброту, благодаря которой она сдѣлалась любимицей народа. Она была матерью Безпрема, который получилъ въ удѣлъ закарпатскія земли по р. Вагу. Позднѣе Ю. выѣхала на родину въ Венгрію; годъ ея смерти неизвѣстенъ.

Юдиѳь (Judith)—вторая жена императора Людовика Благочестиваго, дочь баварскаго графа Вельфа; вышла замужъ въ 819 г., въ 823 г. родила сына Карла (Лысаго). Желая обезпечить своему сыну участіе въ наслѣдованіи земель Германской имперіи, которыя уже въ 817 г. были раздѣлены между старшими сыновьями Людовика, Ю. содѣйствовала возникновенію междоусобной войны, которая завершилась Верденскимъ договоромъ 843 г. Ум. въ 843 г. въ Турѣ.

Юдома — р. Якутской обл., Колымскаго окр., беретъ начало съ сѣв.-зап. склоновъ Станового хребта, на границѣ Приморской обл.; въ верховьяхъ течетъ на ЮЮЗ, затѣмъ поворачиваетъ къ ЮЗ и СЗ, въ этомъ мѣстѣ пересѣкается дорогою въ Охотскъ при урочище Юдомской крестъ. Далѣе рѣка направляется къ ЮЗ и отчасти къ Ю, затѣмъ къ З и ЮЗ, а отъ рч. Быкъ, въ своихъ низовьяхъ къ ЮЮЗ и впадаетъ въ р. Маю съ правой стороны. Длина рѣки до 600 вер., шир. при устьѣ 200 с., лѣтомъ глубина до 4 фт., весною же и лѣтомъ во время продолжительнаго ненастья сильно вздувается, затопляя свою долину. Теченіе рѣки извилистое и быстрое; берега ея утесисты, много подводныхъ камней, пороговъ и мелей, затрудняющихъ плаваніе. Рѣка сплавна, а отъ устья притока ея Акачена доступна для небольшихъ судовъ. Въ Ю. впадаютъ справа—Сарендикатъ, Быкъ, Етавна и Акаченъ, слѣва Дерби и Лады. Въ 1894 г. былъ предпринятъ опытъ сплава чая и другихъ товаровъ, привезенныхъ къ Охотскому порту отъ Юдомскокрестовскаго урочища по рѣкѣ, но трудность сплава не оправдала надеждъ и сплавъ съ тѣхъ поръ болѣе не производился. Урочище Юдомской крестъ—бывшая станція Якутско-Охотскаго тракта, теперь совсѣмъ запустѣло и никакого постояннаго населенія здѣсь нѣтъ. *Н. Л.*

Юдхиштхира (санскр. Yudhishthira отъ yudh—бой, битва и sthira—твердый, сильный, стойкій: сильный, стойкій въ бою) — одинъ изъ героевъ Магабхараты, старшій изъ пяти царевичей Пандава, якобы сынъ Дхармы, бога справедливости. Изъ пяти братьевъ Пандава онъ наиболѣе любимъ индусами, изображающими его спокойнымъ, безпристрастнымъ, строго-правдивымъ и справедливымъ правителемъ, но не воителемъ. Его исторія подробно разсказывается въ Магабхаратѣ. Ю. считается основателемъ индійскаго лѣтосчисленія. *С. Б—чъ.*

Южаковъ (Сергѣй Николаевичъ)—выдающійся современный публицистъ, род. въ 1849 г. въ семьѣ генерала-отъ-кавалеріи, учился на историко-филологическомъ факультетѣ новороссійскаго университета, который по болѣзни оставилъ до окончанія курса; на литературное поприще выступилъ въ 1868 г. въ «Одесскомъ Вѣстникѣ»; съ 1872 г. сотрудничалъ въ «Знаніи», въ 1876—1879 гг. былъ товарищемъ редактора «Одесскаго Вѣстника»; съ 1879 до 1882 г. находился въ ссылкѣ въ Сибири, откуда посылалъ статьи въ «Русскія Вѣдомости» и «Отеч. Записки»; въ 1882—1884 гг. постоянный сотрудникъ «Отеч. Записокъ»; тогда же помѣщалъ статьи въ «Дѣлѣ», «Вѣстникѣ Европы» и «Одесск. Листкѣ»; въ 1884—85 гг. сотрудничалъ въ «Русской Мысли»; въ 1885—89 гг. былъ членомъ редакціи «Сѣверн. Вѣстника», въ 1893—98 гг. членомъ редакціи «Русскаго Богатства», въ которомъ понынѣ ведетъ отдѣлъ иностранной политики. Съ 1898 г. Ю. состоитъ главнымъ редакторомъ «Большой Энциклопедіи». Отдѣльно изданы слѣд. сочиненія Ю.: «Соціологическіе этюды» (т. I, 1891; т. II, 1896); «Добровольцъ Петербургъ» (1894); «Англо-русская распря» (1885); «Афганистанъ» (1885); «М. М. Сперанскій» (1891); «Ж.-Ж. Руссо» (1893); «Любовь и счастье въ произведеніяхъ Пушкина» (Одесса, 1895); «Статистическое описаніе крестьянскаго хозяйства Ямбургскаго уѣзда» (1886). Основы своего широко-гуманнаго міросозерцанія Ю. изложилъ въ «Соціологическихъ этюдахъ». Примыкая къ субъективной школѣ соціологіи, которую онъ считаетъ специфически «русскою соціологическою школою», Ю. указываетъ, что въ соціальномъ процессѣ, наряду съ біологическими факторами, дѣйствуютъ и факторы этическіе, которые, съ успѣхомъ цивилизаціи, берутъ перевѣсъ надъ первыми и подчиняютъ ихъ себѣ. «Соціальный прогрессъ,—говоритъ Ю.,—представляется процессомъ уравновѣшенія внутреннихъ и внѣшнихъ отношеній жизни и среды»: въ этомъ прогрессѣ жизнь, приспособляясь къ средѣ, въ свою очередь приспособляетъ среду къ своимъ потребностямъ, создавая особую среду—«соціальную культуру». Благодаря этому новому фактору борьба

а существованіе перестаетъ быть всерѣшающимъ факторомъ и проявляется тенденція къ совершенному искорененію этой борьбы, которая человѣкомъ сколько-нибудь развитымъ признается явленіемъ безнравственнымъ. Борьба между людьми смѣняется борьбою людей. объединенныхъ солидарностью, съ природою, что ведетъ къ тенденціи «уравновѣсить размноженіе населенія умноженіемъ средствъ».

Южанинъ—ежедневная справочная газета, кромѣ послѣпраздничныхъ дней, издавалась въ Николаевѣ съ 1884 по 1901 г. Ранѣе издавалась подъ названіемъ «Николаевскій листокъ» (см. XXI, 108). Въ 1890 г. была пріостановлена на 8 мѣс. Издатель-редакторъ сначала М. В. Рюминъ, затѣмъ С. П. Юрицинъ. Въ 1901 г. переименована въ «Южн. Россію» (см.).

Южинъ—театральный псевдонимъ князя Александра Ивановича Сумбатова (см. XXXII, 62).

Южковъ Рогъ—см. Юшковъ Рогъ.

Южная Австралія—одна изъ британскихъ колоній въ Австраліи, занимаетъ среднюю часть материка между Тиморскимъ моремъ и заливомъ Карпентарія на С и Индійскимъ океаномъ на Ю; на З граничитъ Западной Австраліей, на В—Кинслэндомъ, Новымъ Южнымъ Валлисомъ и Викторіей. Ю. Австралія раздѣляется на собственно Ю. Австралію (до 26 южной параллели), Александрalендъ въ центрѣ и Сѣверную территорію и обнимаетъ 2341611 кв. км. (собственно Ю. Австралія 985720 кв. км.) Въ южной части имѣются двѣ глубоко врѣзывающіяся въ материкъ бухты: Спенсера и Св. Викентія; между ними полуостровъ Іоркъ; насупротивъ ихъ островъ Кенгуру, а нѣсколько южнѣе Энкоунтская бухта, въ которую впадаетъ р. Муррей. Отъ мыса Джервисъ тянется на СЗ горная цѣпь Лофти, а за ней хребетъ Флиндерсъ (969 м.). За исключеніемъ юго-восточной части, орошаемой рѣкой Муррей, страна страдаетъ отъ недостатка воды и атмосферныхъ осадковъ. Многочисленныя озера (Эйръ, Торренсъ, Гэрднеръ, Фромъ) имѣютъ характеръ соленыхъ болотъ. Въ 1901 г. въ Ю. Австраліи считалось 362604 жит. (въ 1891 г.—320431), въ томъ числѣ 3888 туземцевъ и 2567 китайцевъ, остальные—англичане и нѣмцы. Иммиграція была сильна въ 1855—66 гг.; въ настоящее время эмиграція и иммиграція почти уравновѣшиваютъ другъ друга (въ 1901 г. вселилось 34616, выселилось 36212 чел.). Промыслы: добывается мѣдь (въ 1901 г. на сумму 468,6 тыс. фн. ст.), золото и серебро. Каменнаго угля нѣтъ. Овцеводство (въ 1902 г.—5 милл. овецъ). Воздѣланной земли (1901 г.) 3,1 милл. акровъ, въ томъ числѣ подъ пшеницей 1,7 милл., подъ виноградниками 20 тыс. акровъ (2 милл. галлоновъ вина въ 1901—2 г.) Металлургическіе заводы, производство сельскохозяйственныхъ орудій, мельницы. Главный торговый центръ—Аделаида. Вывозъ въ 1901 г. равнялся 8 мил. фунт. стерл. (шерсть, пшеница, мука, мѣдь), ввозъ—7,4 милл. фунт. стерл. (мануфактурные товары, уголь, желѣзо). Желѣзныхъ дорогъ 3027 км. (1901). Ю. Австралія стала колонизироваться англичанами въ 1830-хъ гг. Въ 1834 г. парламентскимъ актомъ Ю. Австралія сдѣлана британской провинціей. Конституція колоніи выработана въ 1856 г. Колонія управляется губернаторомъ съ шестью отвѣтственными министрами. Законодательная власть принадлежитъ совѣту изъ 18 членовъ, выбираемыхъ на 9 лѣтъ ($^1/_3$ выходитъ каждые три года), и собранію изъ 42 членовъ, выбираемыхъ на три года. Съ 1894 г. женщины пользуются избирательнымъ голосомъ (всѣхъ выборщиковъ въ 1901 г. было 146459). Съ 1900 г. Ю. Австралія—членъ обще-австралійскаго союза; въ Commonwealth of Australia Ю. Австралія посылаетъ 7 депутатовъ. Государственные доходы въ 1902 г.—2,668 мил. фунт. стерл., расходы—2,651 мил. фунт. стерл. Государственный долгъ—27,27 милл. фунт. стерл. Столица—г. Аделаида.

Южная Америка. Географія и статистика.—Съ 1890 г., т. е. съ выхода въ свѣтъ ст. Америка въ I т. Словаря, въ южн. части этого материка произошли большія измѣненія. Самое важное—отдѣленіе отъ Колумбіи штата Панама, образовавшаго особую Панамскую республику (1903). Теперь Колумбія находится вся въ предѣлахъ Ю. Америки, а прежде она включала часть Средней Америки. Въ составъ республики Экуадоръ входятъ о-ва Галапагосъ, составляющіе въ физическомъ отношеніи не часть Ю. Америки, а самостоятельную группу океаническихъ о-вовъ. Они не включены въ помѣщенную далѣе статистическую таблицу. Также не помѣщенъ и принадлежащій республикѣ Чили о-въ Пасхи въ Тихомъ океанѣ. Другіе, болѣе близкіе къ материку о-ва включены, хотя нѣкоторые изъ нихъ—океаническіе *) (напр. группа Хуанъ-Фернандесъ, принадл. Чили, о-въ Норонья—Бразиліи и т. д.), но эти о-ва очень невелики. Крупные и многочисленные о-ва у зап. и южн. берега Ю. Америки отъ 42° ю. ш. до $55^1/_2$° ю. ш.—материковые, всѣ принадлежатъ Чили, кромѣ вост. половины Огненной Земли и о-ва Штатовъ (States Island), принадлежащихъ Аргентинѣ. Съ 1890 г. совершилось отдѣленіе Панамы отъ Колумбіи, рѣшены споры между Чили и Аргентиной, Франціей и Бразиліей, Великобританіей и Венецуэлой. Спорной между Бразиліей и Боливіей остается такъ назыв. территорія Акре, въ рѣчной области Мадейры, главнаго праваго притока Амазонки.

		Пространство. Тыс. кв. км.	Число жителей. Тыс.	Столица.	Число жителей. Тыс.
Колумбія **)	Республики	1248	3593	Богота́	120
Венецуэла	Республики	1027	2445	Каракасъ	72
Бразилія	Республики	8337	14334	Ріо-Жанейро	523

*) О значеніи слова Океаническіе о-ва см. Острова.

**) Безъ штата Панама, нынѣ образовавшаго республику Панаму.

а существованіе перестаетъ быть всерѣшающимъ факторомъ и проявляется тенденція къ совершенному искорененію этой борьбы, которая человѣкомъ сколько-нибудь развитымъ признается явленіемъ безнравственнымъ. Борьба между людьми смѣняется борьбою людей, объединенныхъ солидарностью, съ природою, что ведетъ къ тенденціи «уравновѣсить размноженіе населенія умноженіемъ средствъ».

Южанинъ—ежедневная справочная газета, кромѣ послѣпраздничныхъ дней, издавалась въ Николаевѣ съ 1884 по 1901 г. Ранѣе издавалась подъ названіемъ «Николаевскій листокъ» (см. XXI, 108). Въ 1890 г. была пріостановлена на 8 мѣс. Издатель-редакторъ сначала М. В. Рюминъ, затѣмъ С. П. Юрицинъ. Въ 1901 г. переименована въ «Южн. Россію» (см.).

Южинъ—театральный псевдонимъ князя Александра Ивановича Сумбатова (см. XXXII, 62).

Южковъ Рогъ—см. Юшковъ Рогъ.

Южная Австралія—одна изъ британскихъ колоній въ Австраліи, занимаетъ среднюю часть материка между Тиморскимъ моремъ и заливомъ Карпентарія на С и Индійскимъ океаномъ на Ю; на З граничитъ Западной Австраліей, на В—Квинслэндомъ, Новымъ Южнымъ Валлисомъ и Викторіей. Ю. Австралія раздѣляется на собственно Ю. Австралію (до 26 южной параллели), Александрalендъ въ центрѣ и Сѣверную территорію и обнимаетъ 2341611 кв. км. (собственно Ю. Австралія 985720 кв. км.) Въ южной части имѣются двѣ глубоко врѣзывающіяся въ материкъ бухты: Спенсера и Св. Викентія; между ними полуостровъ Іоркъ; насупротивъ ихъ островъ Кенгуру, а нѣсколько южнѣе Энкоунтская бухта, въ которую впадаетъ р. Муррей. Отъ мыса Джервисъ тянется на СЗ горная цѣпь Лофти, а за ней хребетъ Флиндерсъ (969 м.). За исключеніемъ юго-восточной части, орошаемой рѣкой Муррей, страна страдаетъ отъ недостатка воды и атмосферныхъ осадковъ. Многочисленныя озера (Эйръ, Торренсъ, Гэрднеръ, Фромъ) имѣютъ характеръ соленыхъ болотъ. Въ 1901 г. въ Ю. Австраліи считалось 362604 жит. (въ 1891 г.—320431), въ томъ числѣ 3888 туземцевъ и 2567 китайцевъ, остальные—англичане и нѣмцы. Иммиграція была сильна въ 1855—66 гг.; въ настоящее время эмиграція и иммиграція почти уравновѣшиваютъ другъ друга (въ 1901 г. вселилось 34616, выселилось 36212 чел.). Промыслы: добывается мѣдь (въ 1901 г. на сумму 468,6 тыс. фн. ст.), золото и серебро. Каменнаго угля нѣтъ. Овцеводство (въ 1902 г.—5 милл. овецъ). Воздѣланной земли (1901 г.) 3,1 милл. акровъ, въ томъ числѣ подъ пшеницей 1,7 милл., подъ виноградниками 20 тыс. акровъ (2 милл. галлоновъ вина въ 1901—2 г.) Металлургическіе заводы, производство сельскохозяйственныхъ орудій, мельницы. Главный торговый центръ—Аделаида. Вывозъ въ 1901 г. равнялся 8 мил. фунт. стерл. (шерсть, пшеница, мука, мѣдь), ввозъ—7,4 милл. фунт. стерл. (мануфактурные товары, уголь, желѣзо). Желѣзныхъ дорогъ 3027 км. (1901). Ю. Австралія стала колонизироваться англичанами въ 1830-хъ гг. Въ 1834 г. парламентскимъ актомъ Ю. Австралія сдѣлана британской провинціей. Конституція колоніи выработана въ 1856 г. Колонія управляется губернаторомъ съ шестью отвѣтственными министрами. Законодательная власть принадлежитъ совѣту изъ 18 членовъ, выбираемыхъ на 9 лѣтъ (1/3 выходитъ каждые три года), и собранію изъ 42 членовъ, выбираемыхъ на три года. Съ 1894 г. женщины пользуются избирательнымъ голосомъ (всѣхъ выборщиковъ въ 1901 г. было 146459). Съ 1900 г. Ю. Австралія—членъ обще-австралійскаго союза; въ Commonwealth of Australia Ю. Австралія посылаетъ 7 депутатовъ. Государственные доходы въ 1902 г.—2,668 мил. фунт. стерл., расходы—2,651 мил. фунт. стерл. Государственный долгъ—27,27 милл. фунт. стерл. Столица—г. Аделаида.

Южная Америка. Географія и статистика.—Съ 1890 г., т. е. съ выхода въ свѣтъ ст. Америка въ I т. Словаря, въ южн. части этого материка произошли большія измѣненія. Самое важное—отдѣленіе отъ Колумбіи штата Панама, образовавшаго особую Панамскую республику (1903). Теперь Колумбія находится вся въ предѣлахъ Ю. Америки, а прежде она включала часть Средней Америки. Въ составъ республики Экуадоръ входятъ о-ва Галапагосъ, составляющіе въ физическомъ отношеніи не часть Ю. Америки, а самостоятельную группу океаническихъ о-вовъ. Они не включены въ помѣщенную далѣе статистическую таблицу. Также не помѣщенъ и принадлежащій республикѣ Чили о-въ Пасхи въ Тихомъ океанѣ. Другіе, болѣе близкіе къ материку о-ва включены, хотя нѣкоторые изъ нихъ — океаническіе *) (напр. группа Хуанъ-Фернандесъ, принадл. Чили, о-въ Норонья—Бразиліи и т. д.), но эти о-ва очень невелики. Крупные и многочисленные о-ва у зап. и южн. берега Ю. Америки отъ 42° ю. ш. до $55^1/_2$° ю. ш.—материковые, всѣ принадлежатъ Чили, кромѣ вост. половины Огненной Земли и о-ва Штатовъ (States Island), принадлежащихъ Аргентинѣ. Съ 1890 г. совершилось отдѣленіе Панамы отъ Колумбіи, рѣшены споры между Чили и Аргентиной, Франціей и Бразиліей, Великобританіей и Венецуэлой. Спорной между Бразиліей и Боливіей остается такъ назыв. территорія Акре, въ рѣчной области Мадейры, главнаго праваго притока Амазонки.

		Пространство. Тыс. кв. км.	Число жителей. Тыс.	Столица.	Число жителей. Тыс.
Колумбія. **)	Республики.	1248	3593	Богота́	120
Венецуэла		1027	2445	Каракасъ	72
Бразилія		8337	14334	Ріо-Жанейро	523

*) О значеніи слова Океаническіе о-ва см. Острова.
**) Безъ штата Панама, нынѣ образовавшаго республику Панаму.

		Пространство. Тыс.кв.км.	Число жителей. Тыс.	Столица.	Число жителей. Тыс.
Ургвай	Республики.	187	978	Монтевидео	250
Парагвай		253	636	Асунціонъ	52
Аргентина (Лаплата)		2886	4926	Буэносъ-Айресъ	880
Чили		797	3062	Сантъ-Яго	297
Перу		1770	4560	Лима	113
Боливія		1658	1853	Ла Пасъ	57
Экуадоръ		300	1204	Квито	80
Гвіаны Британская	Европ. владѣнія.	95	246	Джорджтоунъ	—
Гвіаны Нидерландская		129	82	Парамарибо	—
Гвіаны Французская		79	30	Кайенна	—

	Доходъ.	Долгъ.	Ввозъ.	Вывозъ.	Желѣзныя дороги.	Телеграфы.
	Тысячи рублей.				Килом.	
Колумбія *)	3759	28948	14311	24904	605	13840
Венецуэла	9506	98310	16445	28650	852	5679
Бразилія	128305	677008	138351	286942	14030	21158
Уругвай	33936	258665	49763	73193	1944	1867
Парагвай	2196	59139	4664	7781	230	780
Аргентина	155692	909305	206078	355974	17200	45078
Чили	94346	220950	96674	135693	4370	17581
Перу	15768	40000	43280	36860	12224	4209
Боливія	7493	11778	12021	24335	1055	4565
Экуадоръ	13419	11290	14443	18106	96	1838
Гвіаны Британская	5320	9920	14150	18340	153	900
Гвіаны Французская	**)	—	4701	3375	—	—
Гвіаны Нидерландская	1856	—	5661	4292	—	—
Итого	—	—	—	—	52779	117495

Движеніе населенія.

	Браки.	Рожденія.	Смертность.
Венецуэла	4012	80819	46410
Уругвай	4480	32756	13557
Аргентина	28167	172857	77252
Чили	13503	106785	8627[illegible]
Нидерланд. Гвіана.	322	2350	1600

По другимъ странамъ нѣтъ свѣдѣній. См. Іонинъ, «По Ю. Америкѣ» (3 т., СПб., 1893—95). *А. В.*

Южная Африка. Географія и статистика ***).—Ю. Африка не составляетъ общепризнанной географической единицы (какъ напр. Ю. Америка); она понимается, главнымъ образомъ, какъ часть Британской имперіи въ Ю. Африкѣ съ пограничными ей владѣніями Португаліи въ Восточной Африкѣ (колонія Мозамбикъ) и Германской Юго-Западной Африкой. Мозамбикъ—береговая полоса владѣній Великобританіи, соединенная съ ними жел. дор. и въ политическомъ отношеніи вполнѣ подчиненная Великобританіи. Германскія владѣнія обширны, но пустынны; среди нихъ находится владѣніе Великобританіи — Китовая бухта (Walfish bay). Границы Ю. Африки: на В, Ю и З—океанъ, на С—португальская колонія Ангола, государство Конго и Германская Восточная Африка. Въ зап. части сѣв. граница около 18° южн. шир., въ средней и вост. отъ 12° до 9° южн. шир. *Поверхность, горы.* Единственныя равнины Ю. Африки и то небольшія на вост. берегу, особенно у устья Замбези. Преобладающая форма поверхности—нагорья. Болѣе высокія изъ нихъ (выше 1000 м. надъ ур. моря и на большихъ пространствахъ близко къ 2000): 1) Карро или Карроу, занимающая большую часть Капской колоніи, Оранжевую колонію и Южный Трансвааль. На вост. краѣ ея поднимаются довольно высокія Драконовы горы (Drakensberge) съ вершиной 3400 м., самой высокой въ Ю. Африкѣ. 2) Въ земляхъ Дамара и Нама въ Германской Юго-Западной Африкѣ. 3) На сѣверѣ—это часть нагорья, занимающаго почти все пространство между 9—15° южн. шир. отъ Атлантическаго океана до оз. Ньяссы. 4) Сравнительно не обширная возвышенность между рр. Замбезе и Лимпопо на востокѣ (17—21° южн. шир.) имѣетъ скорѣе харак-

*) Со штатомъ Панама.

**) Бюджетъ Франц. Гвіаны входитъ въ составъ бюджета Франціи.

***) Когда шла буква Т., Трансвааль назывался „Южно-Африканской республикой"; въ 1902 г. онъ присоединенъ къ владѣніямъ Великобританіи и сталъ называться „Колоніей Трансвааль". Это побудило редакцію помѣстить настоящую статью, въ которую рядомъ со свѣдѣніями о Трансваалѣ входятъ новыя свѣдѣнія о другихъ частяхъ Ю. Африки и общая характеристика страны. *Ред.*

теръ горъ, чѣмъ нагорій. Болѣе низкія нагорья отъ 500 до 1000 м. отдѣляютъ эти высокія области. Особенно большое пространство занимаютъ менѣе высокія нагорья въ Калахари и къ сѣв. оттуда, гдѣ оз. Нгами и нѣсколько неглубокихъ соленыхъ озеръ, и затѣмъ до водопада Викторія на среднемъ теченіи Замбезе. Съ сѣв. на югъ эти невысокія нагорья всего обширнѣе между 22—24° вост. долг., простираясь отъ 28—17° южн. шир. и съ зап. на вост. между 18—20° южн. шир., простираясь отъ 19—30° вост. долг. Въ Капской колоніи мѣстность поднимается довольно круто близъ южн. берега. Эти возвышенности съ моря имѣютъ видъ горъ, но это уступъ нагорья Малаго Карро, нѣсколько выше 1000 м. далѣе на сѣв. второй уступъ къ нагорьямъ Большой Карро, Ньювефельдъ и Роггенфельдтъ. Таково же устройство поверхности Оранжевой республики и Южнаго Трансвааля, кромѣ вост. частей, пограничныхъ съ Наталемъ. Голландское слово фельдъ (Veldt) собственно значитъ поле, но примѣняется къ довольно высокимъ, суровымъ нагорьямъ, какъ скандинавское field и сербское полье. Эти нагорья далеко не ровны; на нихъ замѣтны плоскія, такъ наз. Столовыя горы, изъ которыхъ особенно извѣстна Столовая гора у Капштадта, затѣмъ болѣе острыя главы или копья. Многія изъ нихъ стали извѣстны во время войны 1899—1902 г., служа превосходными позиціями для буровъ. Замѣчательны болѣе или менѣе круглыя углубленія отъ 2 до 15 км. въ поперечникѣ, окаймленныя столовыми горами. Здѣсь болѣе плодородная почва, защита отъ вѣтра, рѣки или рѣчки и, слѣдовательно, мѣста, удобныя для поселенія. Самыя большія возвышенности Капской колоніи Компасовая гора (2738 м.), часть Снѣжныхъ горъ. Здѣсь слѣды вулканической дѣятельности тріасовой эпохи. Отъ зап. берега Капской колоніи уступы идутъ не такъ правильно, какъ отъ южн. но и здѣсь равнинъ нѣтъ, и мѣстность поднимается довольно быстро, такъ что можно различить 2 уступа. Второй въ Кедровыхъ горахъ близъ р. Олифантъ поднимается до 1931 м., но большая часть нагорья гораздо ниже, такъ болѣе значительныя поселенія де-Ааръ 1274, Колесбергъ 1340 м. Средняя высота нагорья Оранжевой колоніи 1400 м. (гл. гор. Блумфонтейнъ, 1377 м.), а Южн. Трансвааля (Гоогефельдъ, т. е. высокое поле) 1500 м., съ отдѣльной вершиной 1911 м. близъ Гейдельберга. На сѣверномъ краѣ Гоогефельда поднимаются Магалійскія горы до 2000 м. На сѣверѣ Трансвааля — нагорье гораздо менѣе высокое 800 — 1000 м., съ отдѣльными возвышенностями, еще далѣе на сѣв. страна очень изрѣзанная со многими отдѣльными горами, не достигающими 2000 м. На В, на границѣ Оранжевой колоніи, Южн. Трансвааля и Наталя находится самая большая возвышенность Ю. Африки Драконовы горы съ вершиной Сурсъ (Mont aux Sources), 3400 м.) на границѣ Наталя и Басутоланди. Въ самой высокой части восточн. горъ даже перевалы достигаютъ почти 2000 м. и эта мѣстность обойдена желѣзными дорогами. На западѣ эти горы мало размыты и постепенно переходятъ въ нагорья, на вост. болѣе размыты, здѣсь на склонѣ къ Индійскому океану дожди обильнѣе. водъ больше и размываніе водами играетъ большую роль. Отъ вост. берега поднимаются три терассы въ Сѣверномъ Наталѣ, высота 200, 800 и 1100 м. Далѣе на сѣв. въ Португальскомъ Мозамбикѣ уже обозначается береговая равнина, но не широкая, далѣе на зап. идутъ горы, въ вершинѣ Маухъ, доходящія до 2659 м. Далѣе на сѣв. Мозамбика высоты вообще меньше, это скорѣе холмистая страна, чѣмъ нагорье, и лишь въ отдѣльной группѣ Намулійскихъ горъ, близъ оз. Ширва, есть вершина 2280 м. Мѣстность между Трансвааломъ (р. Лимпопо) и р. Замбезе, или Матабеле- и Машоналандъ (Южная Родезія) сѣв. часть нагорья, около 1200 — 1300 м. высоты, порода по большей части гранитъ, надъ нагорьемъ поднимаются отдѣльныя горныя группы до 1700 м. Южная часть ниже, она принадлежитъ къ области болѣе низкихъ нагорій, раздѣляющихъ южную и сѣв. болѣе высокія нагорья. Въ Сѣверной Родезіи, т. е. главнымъ образомъ въ области верхней и средней Замбезе, мѣстность имѣетъ вообще характеръ нагорья, но гораздо болѣе изрытаго водами, чѣмъ далѣе на югъ, — здѣсь дожди обильнѣе и водъ больше. Есть и горныя группы, изъ которыхъ одна, между р. Ширэ, притокомъ Замбезе, и оз. Ширва до 2400 м. Къ сѣв. отъ Капской колоніи въ землѣ Бечуана находится область Калахари, принадлежащая къ менѣе высокимъ нагорьямъ. Здѣсь довольно обширное пространство безъ стока къ морю, самое низкое мѣсто (Зоутпанъ) 740 м., а оз. Нгами, принимающее большую часть водъ, 890 м. Мѣстность вообще ровная, солончаки, камышевыя болота и сухія рѣчныя ложа доходятъ до 17° южн. шир. Въ Германской Юго-Зап. Африкѣ мѣстность поднимается отъ побережья и далѣе на вост. спускается къ степи Калахари. Мѣстность имѣетъ по большей части характеръ нагорья, но мѣстами, особенно около тропика, настоящія горы до 2300 м. И къ югу отсюда, до 27° высоты значительны, и не только есть горы до 2000 м., но и нагорья поднимаются до 1300 м. *Геологія*. Древнѣйшая формація соотвѣтствуетъ архейской въ Европѣ и занимаетъ большое пространство въ Трансваалѣ, откуда отрогъ тянется къ среднему теченію Оранжевой рѣки, въ сѣв. части Капской колоніи. Другой отъ вост. Трансвааля близъ берега Индійскаго океана, чрезъ Наталь къ Кафраріи, т. е. самой вост. части Капской колоніи. По большей части гнейсы и граниты. Палеозойская (силурійская и девонская до каменноугольной), *капская* формація занимаетъ большую часть Капской колоніи, а также встрѣчается въ Намаландѣ и Дамараландѣ (частяхъ Германской Юго-Зап. Африки). Затѣмъ въ вост. части южн. Трансвааля и оттуда къ югу вдоль Индійскаго океана, состоитъ изъ песчаниковъ, сланцевъ и известняковъ большею частью морского происхожденія. Формація Карро отъ верхней каменноугольной до верхняго тріаса, состоитъ изъ сланцевъ, песчаниковъ и діабазовъ. Очень отличается отъ

европейскихъ системъ того же возраста. По всѣмъ вѣроятіямъ не морского происхожденія. Встрѣчается не только на нагорьѣ Карро, но и на вост. и сѣв. Капской колоніи, Оранжевой колоніи, юго-вост. Трансваалѣ и большей части Наталя. Нѣкоторые геологи предполагаютъ, по сходству пластовъ Карро съ образованіями того же возраста въ Индіи (Гондвана) и Австраліи, что прежде Ю. Африка была связана съ Индіей и Австраліей. Въ Калахари на значительныхъ пространствахъ встрѣчаются пески и солончаки новѣйшаго образованія. *Климатъ.* Хотя значительная часть Ю. Африки въ тропическомъ поясѣ, но жаркихъ мѣстностей немного, а именно только на прибрежьѣ Мозамбика и оттуда внутрь страны по теченію рр. Замбезе и Лимпопо и ихъ притокамъ до оз. Ньясса. Въ остальной части тропической полосы Ю. Африки климатъ гораздо прохладнѣе вслѣдствіе высоты надъ ур. моря, а на западѣ и вслѣдствіе сосѣдства холоднаго моря (океанъ здѣсь охлаждается Бенгульскимъ теченіемъ). У вост. берега обратно идетъ теплое теченіе (Мозамбикское), такъ что внѣ тропиковъ, на берегахъ Наталя климатъ еще довольно теплый. Въ южную зиму высокое давленіе на материкѣ, а въ средней и вост. части страны господствуютъ зап. и сѣв.-зап. вѣтры, приносящіе ясную, сухую погоду. На крайнемъ сѣв.-вост. въ Мозамбикѣ дуетъ юго-вост. пассатъ. Зима—дождливое время зап. Ю. Африки, но дожди сколько-нибудь обильны лишь на полуостровѣ у Капштадта, и оттуда на вост. до Портъ Елизабетъ. Чѣмъ далѣе на сѣв., тѣмъ слабѣе дожди, и побережье Германской Юго-Зап. Африки—одна изъ наименѣе дождливыхъ странъ земного шара (мѣстами менѣе 70 мм. въ годъ, почти все количество зимой). Довольно скудные зимніе дожди падаютъ и на Карро и въ горной странѣ на границѣ Капской и Оранжевой колоніи и Наталя. Лѣтомъ область высокаго давленія на морѣ къ югу отъ Ю. Африки и вообще преобладаютъ юго-вост. вѣтры, внутри страны область низкаго давленія. Юго-вост. вѣтры приносятъ дожди, обильные въ Мозамбикѣ, по среднему Замбезе, у большихъ озеръ и въ Наталѣ, менѣе обильные въ Трансваалѣ, Оранжевой колоніи, еще меньше далѣе на зап. Внутри Германской Юго-Зап. Африки, не смотря на близость моря, дожди идутъ лѣтомъ при вост. вѣтрахъ съ материка, у берега же совсѣмъ нѣтъ дождя, такъ же какъ и далѣе на югъ до Капштадта. Въ Калахари очень слабые лѣтніе дожди, зимой ихъ не бываетъ. На вост. берегу въ Беирѣ выпадаетъ 2030 мм. (это наибольшее количество, измѣренное въ Ю. Африкѣ), къ югу значительно меньше, напр., въ Дурбанѣ (берегъ) 1036, въ Овингтонѣ (горы) 849, оба въ Наталѣ. Въ Истъ-Лондонѣ 648, въ Портъ Елизабетъ 525. На полуостровѣ у Капштадта количества очень различны, всего болѣе на склонахъ къ Индійскому океану до 1650 мм., а на зап. части мм. 600—700. На нагорьѣ Оранжевой республики и Южнаго Трансвааля 550—760, Кимберлеѣ 519, Карро 200—400, Калахари около 100, столько же въ Маломъ Намаландѣ, въ портѣ Ноллотъ, на зап. берегу 81 мм., Китовой бухтѣ 7 мм. Не смотря на бездождіе, воздухъ на этомъ берегу очень влаженъ и холоденъ для широты, напр., у тропика, въ Китовой бухтѣ средняя годовая 16,6. Внутри страны, не смотря на высоту, теплѣе, въ Рехоботѣ (1450 м. надъ ур. моря) годъ 18,2. Далѣе на югъ, въ Капштадтѣ, температура умѣренная, годъ 16,3, январь 20,6, іюль 12,3, суточныя колебанія также не велики. Какъ годовыя, такъ особенно суточныя колебанія очень велики внутри Капской колоніи, въ Оранжевой и Южномъ Трансваалѣ. Такъ въ Колесбергѣ (1340 м.), январь 23,6, іюль 7,2, въ Блумфонтейнѣ январь 22,6, іюль 7,6. Суточныя колебанія очень велики на нагорьяхъ, среднія 14°—16°, въ иные дни до 30°, т. е. рано утромъ морозъ, а днемъ сильнымъ жаръ. Крайнія температуры въ средней за годъ въ Колесбергѣ—8 и 40,2, а въ Капштадтѣ 4,3 и 32,9, т. е. колебанія 48° внутри и всего 28,6 на берегу. Въ Наталѣ Дурбанъ годъ 20,2, январь 23,4, іюль 16,9, въ Питермарицбургѣ внутри Наталя (640 м.), годъ 17,5. Въ Преторіи, не смотря на высоту 19,2. Сѣв. Трансвааль гораздо теплѣе южнаго, наблюденій нѣтъ. Въ южной Родезіи Салисбёри (1540 м.) годъ 18,6. Гораздо теплѣе въ Мозамбикѣ: Рикатль близъ Лоренцо Маркеца годъ 22,8 въ Беирѣ годъ 24,2. Климатъ Капской и сосѣднихъ съ нею колоній (кромѣ Наталя) издавна считался очень здоровымъ. Англичанъ врачи нерѣдко посылали въ Капштадтъ. Позже, передъ войной посылали въ Блумфонтейнъ. Чистый воздухъ, обиліе солнца особенно полезны для больныхъ. Неудобна и часто вредна пыль въ теченіе сухого зимняго полугодія внутри Ю. Африки. *Рѣки и озера.* Сѣв.-вост. часть Ю. Африки имѣетъ большія рѣки и проточныя озера, такъ какъ дождя выпадаетъ достаточно. Южнѣе тропика дождя на вост. все еще достаточно, но горы такъ близко подступаютъ къ берегу, что существуютъ лишь горные потоки. Въ остальной части Ю. Африки дождя выпадаетъ такъ мало, что рѣки незначительны. Въ Индійскій океанъ впадаютъ: Замбезе (см.), 4-я рѣка Африки, она судоходна въ нижнемъ теченіи отъ Тете. Выше цѣлый рядъ пороговъ и водопадовъ, особенно огромный Викторія (паденіе 119 м.), прерываетъ судоходство. Оно возобновляется выше. Запасъ водяныхъ силъ на Замбезе и его притокахъ очень великъ. Лимпопо (см.), впадающій въ море въ бухтѣ Делагоа, судоходенъ въ нижнемъ теченіи. Въ Атлантическій океанъ впадаютъ Оранжевая (см.) рѣка, съ большимъ лѣвымъ притокомъ Ваалемъ и Кунене; первая въ нижнемъ теченіи служитъ южной границей Германской Юго-Зап. Африки, вторая сѣв. Обѣ не судоходны. Озера расположены двумя группами: 1) на крайнемъ сѣв. между 9°—15° южн. шир. проточныя озера, принадлежащія къ группѣ среднеафриканскихъ (Танганайка, Ньясса, Бангвеоло) и 2) къ югу отъ средняго теченія Замбезе, къ сѣв. и югу отъ 20° южн. широты на менѣе высокомъ нагорьѣ группа небольшихъ, очень мелкихъ соленыхъ озеръ; иныя изъ нихъ пересыхаютъ (Нгами и т. д.). Въ

нихъ впадаютъ длинныя, но не богатыя водою рѣки. Слѣд., первая группа озеръ—результатъ сравнительно влажнаго климата, вторая—сухого. Въ остальныхъ частяхъ Ю. Африки озеръ нѣтъ. *Растительность* въ виду обширности страны очень разнообразна; самая бѣдная въ Германской Юго-Зап. Африкѣ—настоящая растительность пустынь, самая богатая тропическая въ Мозамбикѣ и по большимъ озерамъ, но и тамъ не столь роскошная, какъ въ рѣчной области Конго и на зап. берегу между устьями Конго и Нигера. Различаютъ 7 областей растительности. I. Вѣчнозеленыхъ кустарниковъ близъ Капштадта, т. е. область сухого лѣта и сравнительно обильныхъ зимнихъ дождей. Главнымъ образомъ кустарники 7—9 м. высоты, листва голубовато-зеленая, видовъ очень много, весной богатство цвѣтовъ. Особенно много вересковыхъ (Ericaceae) 784, изъ нихъ 455 у Капштадта и лишь 6 у Портъ Елизабетъ. Затѣмъ много протеевыхъ (Proteaceae). II. Къ вост. отъ Капской области, на узкой полосѣ берега и горныхъ склонахъ между Портъ Елизабетъ и Истъ-Лондонъ, гдѣ достаточно дождя лѣтомъ и зимой, полоса вѣчнозеленыхъ лѣсовъ, особенно характеренъ родъ Podocarpus. Недавно приняты мѣры для охраны этихъ лѣсовъ, единственныхъ въ Капской колоніи. III. Въ Наталѣ растительность имѣетъ тропическій характеръ, также и далѣе на С въ Португальской Вост. Африкѣ и на озерахъ, но нигдѣ нѣтъ очень роскошной, какъ на Конго. Благодаря разности высотъ, флора очень разнообразна, много саваннъ, т. е. пространствъ, покрытыхъ высокими травами, съ отдѣльными деревьями. Саванны чередуются съ необширными лѣсами. Къ Ю отъ оз. Ньясса на высотахъ 300 до 1300 м. флора особенно разнообразна: встрѣчаются 5 видовъ пальмъ, между прочимъ гвинейская маслина (Elaeis guineensis), дикая финиковая и т. д. IV. Карро. Степная флора съ большимъ числомъ луковичныхъ растеній, красиво цвѣтущихъ весной, затѣмъ много мелкаго кустарника разнаго рода, особенно колючихъ, напр. Acacia horrida. V. Область болѣе высокихъ нагорій (Hoogeveldt), особенно въ Южн. Трансваалѣ. Довольно сходная съ Карро по общему характеру, но болѣе богатая видами. Кустарники преобладаютъ. VI. Западное прибрежье. Характерныя растенія пустынь, напр. молочаи (Euphorbiaceae) и особенно вельвитчія (Welwitschia mirabilis), канделябровое алоэ. VII. Болѣе богатая область кустарниковъ, растущихъ на болѣе низкомъ нагорьѣ Калахари. Животныя. Въ XVIII в. Ю.-Африка была очень богата млекопитающими, какъ травоядными (слонъ, носорогъ, бегемотъ, антилопы разнаго рода), такъ и плотоядными (левъ, леопардъ, гіены, шакалы) и обезьянами; здѣсь же родина страуса. Нѣкоторые истреблены здѣсь, всѣ уменьшились въ числѣ, кромѣ страуса, котораго разводятъ искусственно. Предполагаютъ устроить парки-звѣринцы, гдѣ бы сохранялись туземныя животныя. Изъ антилопъ замѣчательны гну (Connochaetes gnu), оленебыкъ (Oreas comma), оба очень крупные вида и небольшіе красивые прыгуны (Gazella euchora). Очень крупное животное буйволъ (Bubalus caffer), сходный съ индійскимъ, но не прирученный. Птицы очень разнообразны, и нѣкоторыя отличаются красивой окраской, напр. лори. Очень полезенъ секретарь (Gypogeramus serpentarius), поѣдающій змѣй, ящерицъ, саранчу и т. д. Онъ защищенъ закономъ отъ истребленія. Особенно много водяныхъ птицъ въ болотахъ на р. Широ. Вообще фауна Ю. Африки отличается эндемизмомъ, т. е. много видовъ не встрѣчается въ другихъ странахъ, но эндемизмъ фауны менѣе значителенъ, чѣмъ флоры. Крокодиловъ еще много въ Ю. Африкѣ. Они водятся даже въ Тугелѣ, притокѣ Оранжевой рѣки, и особенно въ Лимпопо. Очень распространены термитовыя постройки (термиты—насѣкомыя, близкія къ муравьямъ, они очень вредны для человѣка, гнѣздясь въ деревянныхъ постройкахъ, портя сады и огороды). Термитовыя постройки иногда огромныхъ размѣровъ. Очень большое значеніе имѣетъ муха цеце (Glossina morsitans); ея всего болѣе по среднему и нижнему Лимпопо, по берегу она доходитъ съ С до 28° южн. шир. Въ Капской и Оранжевой колоніяхъ и Южномъ Трансваалѣ ея нѣтъ. Цеце жалитъ особенно рогатый скотъ и лошадей, и гдѣ ея много, разводить этихъ животныхъ нельзя. Болѣе сѣверная часть Ю. Африки (Мозамбикъ и Британская Центральная Африка, сѣверныя части Родезіи и Германской Юго-Зап. Африки) имѣютъ фауну нѣсколько отличную отъ фауны остальной части. Здѣсь много желтыхъ обезьянъ, бабуиновъ, есть слонъ и носорогъ, но слонъ гораздо рѣже, чѣмъ въ государствѣ Конго. Главное отличіе сѣверной области — отсутствіе многихъ животныхъ, характерныхъ для Ю. Африки, особенно кваги, газели, муравьѣда и особенно страуса.

Туземныя племена принадлежатъ къ двумъ отдѣламъ: темнымъ—неграмъ, Банту, занимающимъ бо̀льшую часть области, и свѣтлокожимъ, Кой-коинъ, прежде занимавшимъ значительную часть Ю. Африки, а теперь небольшія пространства Германской Юго-Зап. Африки и Калахари. Кой-коинъ имѣютъ кожу довольно свѣтлую, желто-буроватую. Различаютъ между ними два племени: готтентотовъ (IX, 435) и бушменовъ (V, 131). Изъ Банту или А-Банту особенно замѣчательны такъ называемые *кафры* (см. XIV, 801). Между кафрами и бушменами живутъ бечуаны, у оз. Бангвеоло—макололы, по среднему Замбезе — марутсе-мабунда, къ югу отъ нихъ—матабели. Послѣдніе три народа, менѣе воинственные, чѣмъ зулу, имѣютъ государственную организацію. Въ сѣв. части Германской Юго-Зап. Африки живутъ овагхеро и дамара—племена Банту, смѣшанныя съ готтентотами.

Европейскіе колонисты.—Начиная съ половины XVII ст. въ зап. части Капской колоніи стали селиться голландцы, съ примѣсью нѣмцевъ и французовъ-кальвинистовъ. Они говорятъ на такъ наз. африкандерскомъ нарѣчіи голландскаго языка и называютъ себя африкандерами, но другіе называютъ ихъ бурами (boer, тоже что нѣм. Bauer, то есть земледѣлецъ, крестьянинъ). Они составляютъ

европейскихъ системъ того же возраста. По всѣмъ вѣроятіямъ не морского происхожденія. Встрѣчается не только на нагорьѣ Карро, но и на вост. и сѣв. Капской колоніи, Оранжевой колоніи, юго-вост. Трансваалѣ и большей части Наталя. Нѣкоторые геологи предполагають, по сходству пластовъ Карро съ образованіями того же возраста въ Индіи (Гондвана) и Австраліи, что прежде Ю. Африка была связана съ Индіей и Австраліей. Въ Калахари на значительныхъ пространствахъ встрѣчаются пески и солончаки новѣйшаго образованія. *Климатъ.* Хотя значительная часть Ю. Африки въ тропическомъ поясѣ, но жаркихъ мѣстностей немного, а именно только на прибрежьѣ Мозамбика и оттуда внутрь страны по теченію рр. Замбезе и Лимпопо и ихъ притокамъ до оз. Ньясса. Въ остальной части тропической полосы Ю. Африки климатъ гораздо прохладнѣе вслѣдствіе высоты надъ ур. моря, а на западѣ и вслѣдствіе сосѣдства холоднаго моря (океанъ здѣсь охлаждается Бенгульскимъ теченіемъ). У вост. берега обратно идетъ теплое теченіе (Мозамбикское), такъ что внѣ тропиковъ, на берегахъ Наталя климатъ еще довольно теплый. Въ южную зиму высокое давленіе на материкѣ, а въ средней и вост. части страны господствують зап. и сѣв.-зап. вѣтры, приносящіе ясную, сухую погоду. На крайнемъ сѣв.-вост. въ Мозамбикѣ дуетъ юго-вост. пассатъ. Зима—дождливое время зап. Ю. Африки, но дожди сколько-нибудь обильны лишь на полуостровѣ у Капштадта, и оттуда на вост. до Портъ Елизабетъ. Чѣмъ далѣе на сѣв., тѣмъ слабѣе дожди, и побережье Германской Юго-Зап. Африки—одна изъ наименѣе дождливыхъ странъ земного шара (мѣстами менѣе 70 мм. въ годъ, почти все количество зимой). Довольно скудные зимніе дожди падаютъ и на Карро и въ горной странѣ на границѣ Капской и Оранжевой колоніи и Наталя. Лѣтомъ область высокаго давленія на морѣ къ югу отъ Ю. Африки и вообще преобладаютъ юго-вост. вѣтры, внутри страны область низкаго давленія. Юго-вост. вѣтры приносятъ дожди, обильные въ Мозамбикѣ, по среднему Замбезе, у большихъ озеръ и въ Наталѣ, менѣе обильные въ Трансваалѣ, Оранжевой колоніи, еще меньше далѣе на зап. Внутри Германской Юго-Зап. Африки, не смотря на близость моря, дожди идутъ лѣтомъ при вост. вѣтрахъ съ материка, у берега же совсѣмъ нѣтъ дождя, такъ же какъ и далѣе на югъ до Капштадта. Въ Калахари очень слабые лѣтніе дожди, зимой ихъ не бываетъ. На вост. берегу въ Беирѣ выпадаетъ 2030 мм. (это наибольшее количество, измѣренное въ Ю. Африкѣ), къ югу значительно меньше, напр., въ Дурбанѣ (берегъ) 1036, въ Овингтонѣ (горы) 849, оба въ Наталѣ. Въ Истъ-Лондонѣ 648, въ Портъ Елизабетъ 525. На полуостровѣ у Капштадта количества очень различны, всего болѣе на склонахъ къ Индійскому океану до 1650 мм., а на зап. части мм. 600—700. На нагорьѣ Оранжевой республики и Южнаго Трансвааля 550—760, Кимберлеѣ 519, Карро 200—400, Калахари около 100, столько же въ Маломъ Намаландѣ, въ портѣ Ноллотъ, на зап. берегу 81 мм., Китовой бухтѣ 7 мм. Не смотря на бездождіе, воздухъ на этомъ берегу очень влаженъ и холоденъ для широты, напр., у тропика, въ Китовой бухтѣ средняя годовая 16,6. Внутри страны, не смотря на высоту, теплѣе, въ Рехоботѣ (1450 м. надъ ур. моря) годъ 18,2. Далѣе на югъ, въ Капштадтѣ, температура умѣренная, годъ 16,3, январь 20,6, іюль 12,3, суточныя колебанія также не велики. Какъ годовыя, такъ особенно суточныя колебанія очень велики внутри Капской колоніи, въ Оранжевой и Южномъ Трансваалѣ. Такъ въ Колесбергѣ (1340 м.), январь 23,6, іюль 7,2, въ Блумфонтейнѣ январь 22,6, іюль 7,6. Суточныя колебанія очень велики на нагорьяхъ, среднія 14°—16°, въ иные дни до 30°, т. е. рано утромъ морозъ, а днемъ сильнымъ жаръ. Крайнія температуры въ средней за годъ въ Колесбергѣ—8 и 40,2, а въ Капштадтѣ 4,3 и 32,9, т. е. колебанія 48° внутри и всего 28,6 на берегу. Въ Наталѣ Дурбанъ годъ 20,2, январь 23,4, іюль 16,9, въ Питермарицбургѣ внутри Наталя (640 м.), годъ 17,5. Въ Преторіи, не смотря на высоту 19,2. Сѣв. Трансвааль гораздо теплѣе южнаго, наблюденій нѣтъ. Въ южной Родезіи Салисбэри (1540 м.) годъ 18,6. Гораздо теплѣе въ Мозамбикѣ: Рикатль близъ Лоренцо Маркеца годъ 22,8 въ Беирѣ годъ 24,2. Климатъ Капской и сосѣднихъ съ нею колоній (кромѣ Наталя) издавна считался очень здоровымъ. Англичанъ врачи нерѣдко посылали въ Капштадтъ. Позже, передъ войной посылали въ Блумфонтейнъ. Чистый воздухъ, обиліе солнца особенно полезны для больныхъ. Неудобна и часто вредна пыль въ теченіе сухого зимняго полугодія внутри Ю. Африки. *Рѣки и озера.* Сѣв.-вост. часть Ю. Африки имѣетъ большія рѣки и проточныя озера, такъ какъ дождя выпадаетъ достаточно. Южнѣе тропика дождя на вост. все еще достаточно, но горы такъ близко подступаютъ къ берегу, что существуютъ лишь горные потоки. Въ остальной части Ю. Африки дождя выпадаетъ такъ мало, что рѣки незначительны. Въ Индійскій океанъ впадаютъ: Замбезе (см.), 4-я рѣка Африки, она судоходна въ нижнемъ теченіи отъ Тете. Выше цѣлый рядъ пороговъ и водопадовъ, особенно огромный Викторія (паденіе 119 м.), прерываетъ судоходство. Оно возобновляется выше. Запасъ водяныхъ силъ на Замбезе и его притокахъ очень великъ. Лимпопо (см.), впадающій въ море въ бухтѣ Делагоа, судоходенъ въ нижнемъ теченіи. Въ Атлантическій океанъ впадаютъ Оранжевая (см.) рѣка, съ большимъ лѣвымъ притокомъ Ваалемъ и Кунене; первая въ нижнемъ теченіи служитъ южной границей Германской Юго-Зап. Африки, вторая сѣв. Обѣ не судоходны. Озера расположены двумя группами: 1) на крайнемъ сѣв. между 9°—15° южн. шир. проточныя озера, принадлежащія къ группѣ среднеафриканскихъ (Танганайка, Ньясса, Бангвеоло) и 2) къ югу отъ средняго теченія Замбезе, къ сѣв. и югу отъ 20° южн. широты на менѣе высокомъ нагорьѣ группа небольшихъ, очень мелкихъ соленыхъ озеръ; иныя изъ нихъ пересыхаютъ (Нгами и т. д.). Въ

Преобладаніе туземцевъ гораздо больше, чѣмъ въ колоніяхъ Капской, Оранжевой и Трансваалѣ. Число кафровъ увеличилось особенно вслѣдствіе присоединенія земли Зулу. Гл. гор. Питермарицбургъ (внутри страны)—25 тыс. жит., Дурбанъ (портъ)—40 тыс. жит. *Родезія.* Число туземныхъ жителей извѣстно лишь приблизительно. Южн. Родезія дѣлится на землю Матабелей (Matabeleland), съ 148 тыс. туземцевъ и 8835 бѣлыхъ жителей, и Машоналандъ (Mashonaland), съ 302 тыс. туземцевъ и 3310 бѣлыхъ. Въ Сѣв. Родезіи бѣлыхъ 130, всѣ—подданные Великобританіи. Города Салисбери и Булувайо. *Земля Базуто.* Населеніе извѣстно лишь приблизительно; европейцевъ 578, имъ запрещено покупать землю. *Британская Центральная Африка.* 400 бѣлыхъ, 250 индусовъ. Число туземцевъ вычислено, принимая 3 жит. на хижину. Гл. г. Зомба, очень незначительный; въ г. Блэнтайрѣ 100 бѣлыхъ и 6 тыс. туземцевъ. *Германская Юго-Зап. Африка.* Число туземцевъ извѣстно лишь приблизительно; бѣлыхъ (1902 г.) 4674, они живутъ въ главн. городѣ и портовыхъ городахъ (очень небольшихъ) и внутри страны, на миссіонерскихъ станціяхъ и плантаціяхъ. Гл. г. Виндхукъ (Windhoek), портовые города—Сандвичъ, Ангра-Пеквена и Свакопмундъ. *Мозамбикъ.* Гл. г. Мозамбикъ, важнѣйшіе портовые города—*Лоренцо-Маркецъ*, быстро развивающійся, такъ какъ отсюда идетъ желѣзная дорога въ Южн. Трансвааль (число жителей точно неизвѣстно), и *Беира*, откуда идетъ желѣзная дорога въ сѣв. Трансвааль. *Способы сообщенія.* Судоходство по рѣкамъ и озерамъ только на В Южн. Африки; желѣзныхъ дорогъ мало, на большихъ пространствахъ совсѣмъ нѣтъ. Характерный для Ю. Африки способъ передвиженія людей и товаровъ—фуры, запряженныя 4 и болѣе (иногда до 12) парами воловъ. Этотъ способъ господствуетъ въ Капской и Оранжевой колоніяхъ, Наталѣ, Южн. Трансваалѣ, Родезіи и Германской Юго-Зап. Африкѣ. На воловьихъ фурахъ *буры* совершали свои передвиженія (trekken) на огромныхъ разстояніяхъ, по степямъ, безъ дорогъ. Гораздо труднѣе передвиженія въ сѣв. части Ю. Африки, гдѣ рогатый скотъ и лошади истребляются мухой цеце. Здѣсь, за исключеніемъ судоходства по немногимъ рѣкамъ, приходится нанимать людей для переноски товаровъ.

Торговля, бюджеты, сельское хозяйство и т. д. (тыс. фунтовъ стерлинговъ) 1901 — 1902 г.

	Ввозъ.	Вывозъ.	Доходы.	Расходы.	Долги.
Капская колонія	20672	10173	8578	10161	31393
Родезія	1443	(*)	469	759	—
Наталь	9556	4140	2971	2481	10754
Базуто	(*)	167	104	65	—
Оранжевая колонія	1070	17	500	500	(*)
Трансвааль	13068	(*)	4500	3000	(*)

Капская колонія 1901—1902 г. (тысячи фунтовъ стерлинговъ).

	Доходы.
Таможни	2710
Гербовыя	423
Желѣзныя дороги	4107
Почта и телеграфъ	815
Всего { Обыкновенные	9050
Всего { Чрезвычайные	2235
Всего	11286

	Расходы.
Долгъ	1514
Медицина	450
Народное образованіе	290
Судъ и полиція	849
Желѣзныя дороги	3227
Почта и телеграфъ	669
Всего { Обыкновенные	8618
Всего { Чрезвычайные	3333
Всего	11951

Судоходство 1902 г.

	Пришли. Число.	Пришли. Тыс. тоннъ.	Отправилось. Число.	Отправилось. Тыс. тоннъ.
Пароходовъ	2843	10810	2420	10516
Парусныхъ судовъ	647	626	643	632
Итого	3130	11436	3063	11148

*) Нѣтъ свѣдѣній.

Желѣзныя дороги къ концу 1902 г.: казенныхъ—3730 км., частныхъ — 531, итого 4261 километръ.

Телеграфы въ 1902 г.: длина линій 12285 км. проводовъ 40279 км. Число телеграммъ—4439 тыс.

Почта въ 1902 г. Отправлено въ Великобританію 5378 тыс. писемъ и 3802 тыс. журналовъ.

Торговля (тыс. фунт. стерлинговъ).

	Ввозъ.	Вывозъ.
Великобританія	20739	15485
Германія	1338	206
Австралія	2012	2
Соединенные Штаты	2935	4
Аргентина	1259	—
Всего	31299	15833

Главныя статьи вывоза:

Золото	5915
Алмазы	5427
Шерсть	1930
Страусовыя перья	895

Вслѣдствіе войны въ началѣ года торговля была въ ненормальномъ состояніи: опустошеніе Оранжевой республики, Трансвааля и части Капской колоніи уменьшило вывозъ, а ввозъ увеличился вслѣдствіе потреб-

преобладающее бѣлое населеніе въ зап. части Капской колоніи, въ Оранжевой колоніи, бо́льшей части Трансвааля и сѣв.-зап. части Наталя. Англичане, поселившіеся позже, составляютъ преобладающее бѣлое населеніе въ вост. части Капской колоніи, бо́льшей части Наталя, алмазномъ округѣ Грикалендъ и Іоганнесбургѣ съ окрестностями — въ Трансваалѣ. Въ другихъ частяхъ британскихъ владѣній, въ германскихъ и португальскихъ бѣлыхъ очень мало. Другіе колонисты: небольшое число малайцевъ въ Капской колоніи, ввезенныхъ давно, и индусы (тамилы) въ Наталѣ, ввезенные какъ работники на плантаціяхъ. Нѣкоторые индусы работаютъ на золотыхъ промыслахъ Трансвааля (Іоганнесбургъ). Въ февралѣ 1904 г. въ парламентѣ Великобританіи прошелъ законъ, разрѣшающій ввозъ китайскихъ рабочихъ (кули) въ Трансвааль по пятилѣтнимъ контрактамъ, почти на положеніи рабовъ (строгія наказанія за отлучку и оставленіе работы и т. д.).

Административное устройство. *Владѣнія Великобританіи.* Капская колонія и Наталь относятся къ колоніямъ съ полнымъ самоуправленіемъ, какъ напримѣръ Ньюфаундлендъ и Новая Зеландія. Назначаемые короной губернаторы имѣютъ власть конституціонныхъ монарховъ. Такое же самоуправленіе обѣщано новымъ колоніямъ Оранжевой (бывшей Оранжевой республикѣ) и Трансваалю (бывшей Южноафриканской республикѣ) по мирному договору 1902 г., по которому жители республики признали власть Великобританія; но время, когда будетъ введено самоуправленіе, не оговорено. Теперь эти колоніи находятся подъ главенствомъ лорда верховнаго коммиссара (Lord High Commissioner) въ Капштадтѣ, который вмѣстѣ съ тѣмъ стоитъ во главѣ управленія всѣми британскими владѣніями къ сѣв. отъ Капской колоніи и Наталя, до Родезіи включительно. Въ колоніи назначены вице-губернаторы (Lieutenant-Governors). При нихъ совѣщательные совѣты изъ чиновниковъ и мѣстныхъ жителей, по назначенію правительства. *Германская Юго-Зап. Африка* составляетъ собственно протекторатъ. Прибрежье находится въ управленіи общества «Deutsche Kolonialgesellschaft für Südafrika»; многія мѣстности внутри страны почти независимы.

Пространство и населеніе.

	Кв. км., тыс.	Жит., тыс.
Капская колонія	757	2502 *)
Земля Базуто	31	264
Родезія	1562	1450
Британ. Центр. Африка .	110	901
Наталь	91	925
Колоніи Оранжевая. . .	131	200
Колоніи Трансвааль. . .	289	1000
Всего въ Британскихъ колоніяхъ и владѣніяхъ въ Южной Африкѣ:	2971	7242
Германскія владѣнія въ Юго-Зап. Африкѣ . . .	831	205
Португальскія владѣнія Мозамбикъ	769	3120
Всего въ Южной Африкѣ.	4571	10567

*) Предполагаемое населеніе въ 1901 году.

Свѣдѣнія по Капской колоніи по переписи 1891 г.

	Тыс. квадр. килом.	Тысячъ жителей, мжч.	жнщ.
Собственно Капская колонія	496	486	471
Земля Грика Западная .	39	49	34
Земля Грика Восточная.	20	73	79
Земля Тембу . . .	11	87	93
Транскей.	6	72	82
Китовая бухта *) .	1	—	
Земля Бечуана .	173	72	
» Пондо . . .	10	150	
Всего	757	1750	

Распредѣленіе по племенамъ (безъ земель Бечуана и Пондо), въ тыс.: бѣлыхъ—382, готтентотовъ—527, негровъ—841, малайцевъ — 14, метисовъ и др.—251. Протестантовъ—732, католиковъ—17, евреевъ—3, мусульманъ—15, разныхъ сектъ—1, язычниковъ—758 тыс. Населеніе важнѣйшихъ городовъ: Капштадтъ—51, Кимберлей — 29, Портъ Елизабетъ—23 тыс. Движеніе населенія (средн. за 1898 и 1899): браковъ—8612; рожденій: бѣлыхъ — 15153, другихъ—38320; смертность: бѣлыхъ — 6813, другихъ—32117. Населеніе Оранжевой колоніи и Трансвааля показано по переписи 1896 г. Оно несомнѣнно и значительно съ тѣхъ поръ уменьшилось, такъ какъ война 1899—1902 гг. была очень опустошительна: въ Оранжевой республикѣ и большей части Трансвааля почти всѣ фермы были сожжены, значительная часть бѣлаго населенія умерла отъ ранъ, голода и болѣзней. Въ Оранжевой кол. въ 1890 г. было 77 тыс. бѣлыхъ (41 тыс. мужч., 37 тыс. женщ.) и 130 тыс. туземцевъ (68 тыс. мужч., 62 тыс. женщ.); главн. гор. Блумфонтейнъ. Въ Трансваалѣ въ 1898 г. бѣлыхъ числилось 245 тыс. (въ томъ числѣ мужчинъ 138 тыс.), туземцевъ 749 тыс., всего 1094 тыс. Гл. г. Преторія (10 тыс. жит.). Въ Іоганнесбургѣ и окрестностяхъ 102 тыс. (79 тыс. мужч.), въ томъ числѣ 51 тыс. бѣлыхъ, 43 тыс. кафровъ; бѣлое населеніе, очень пестрое, рѣзко отличается отъ населенія остальной части Трансвааля; преобладаютъ англичане, затѣмъ идутъ американцы, нѣмцы, французы и т. д. Остальные города Трансвааля незначительны. *Наталь.* Въ срединѣ 1890-хъ годовъ къ Наталю присоединена земля Зулу (Zululand), а по мирному трактату 1902 г.—небольшая часть Трансвааля. Населеніе быстро увеличивается.

	1879 г.	1898 г.
	Тысячи.	
Бѣлыхъ	23	54
Индусовъ.	17	61
Кафровъ	320	787
Всего . .	360	902

*) Среди Германской Юго-Зап. Африки.

ликобританіей. Въ *Трансвааль* существовалъ такой же законъ по воинской повинности; передъ войной считали 29 тыс. человѣкъ, годныхъ для службы. Съ 1902 г. въ Оранжевой респ. и Трансваалѣ имѣются только британскія войска. Въ *Родезіи* имѣется конная полиція. Въ *Британской Центральной Африкѣ*, кромѣ конной полиціи, 315 сикховъ изъ Индіи и 1070 туземныхъ солдатъ, при унтеръ-офицерахъ сикхахъ и офицерахъ-англичанахъ. Въ *Германской Юго-Западной Африкѣ* около 1000 человѣкъ войска, $^2/_3$ изъ нихъ европейцы. Въ *Мозамбикѣ* войскъ 4888 чел., въ томъ числѣ 3246 туземцевъ.

Литература. Голубъ, «Семь лѣтъ въ Ю. Африкѣ»; Ливингстонъ, «Путешествіе по внутренней Африкѣ»; Стэнли, «Въ дебряхъ Африки»; Реклю, «Земля и люди» (изд. Ильина, т. XIII: «Ю. Африка»); «Cape of Good Hope» (Statistical Register, Капштадтъ, ежегодникъ); Aubert, «L'Afrique du Sud» (Пар., 1899); Fritsch, «Die Eingeborenen Sudafricas» (Бресл., 1892); Theal, «Sud-Africa» (Л., 1899); Johnstone, «British Centr. Africa» (Л., 1897); K. Dove, «Klima v. Südafrika» (Б., 1900); «Natal Almanach» (ежегодникъ); Bryce, «Impressions of S. Africa»; Bent, «Ruined cities of Mashonaland» (Л., 1893); «Staats-Almanak der Zuid Afr. Republiek voor 1899» (послѣдній изъ ежегодниковъ Южно-Африканской республики); Aubert, «Le Transvaal el l'Angleterre» (П., 1899); Leclerq, «A travers l'Afrique centrale» (П., 1900). См. Капская колонія, Мозамбикъ, Наталь, Оранжевая республика, Родезія.

Южная Георгія—островъ въ Южномъ океанѣ, къ В отъ м. Горнъ, подъ 54°51 южной широты, открытый въ 1675 г. Ларошемъ; въ 1695 г. его посѣтилъ Дюкло Гюйо, въ 1774 г. Кукъ. Климатъ морской, подъ-южнополярный, средняя годовая температура 1,4° Ц., высшая t°+17,8°, самая низшая — 12,3°. Осадковъ 1070 мм. (снѣгу). На берегу встрѣчаются до 13 породъ цвѣтковыхъ растеній, выше. въ центрѣ острова лишь мхи и лишаи. Возвышенности покрыты ледниками и снѣгомъ. Длина о-ва 160 км., ширина 15—22 км.

Южная Голландія — провинція въ нидерландскомъ королевствѣ: см. Нидерландія (XXI, 15).

Южная Каролина — см. Каролина Южная (XIV, 574).

Южная Кельтма—лѣв. прит. Камы, Пермской губ., Чердынскаго у.; беретъ начало изъ болота на границѣ Вологодской губ. Дл. 132 в., изъ нихъ на протяженіи 128 в., отъ соединенія съ упраздненнымъ въ 1838 г. Сѣв. Екатерининскимъ каналомъ (служившимъ соединеніемъ бассейновъ Камы и Печоры), сплавная. Шир. до 20 с.; берега холмисты и лѣсисты. Въ 1901 г. по Ю. Кельтмѣ влено 50 плотовъ вѣсомъ въ 400000 пуд.

Южная Мылва—см. Мылва (XX, 262).

Южная Пруссія—прежняя провинція королевства Пруссіи, образованная послѣ второго раздѣла Польши (1793 г.) изъ нѣсколькихъ польскихъ воеводствъ (Познань, Гнѣзно, Калишъ и др.) и заключавшая 60570 кв. км., съ 1335600 жит.; въ 1795 г., послѣ третьяго раздѣла, къ ней была присоединена еще часть Польши съ Варшавой. По Тильзитскому міру 1807 г. изъ Ю. Пруссіи образовано было Варшавское вел. герцогство, послѣ уничтоженія котораго въ 1815 г. за Пруссіей осталась только Познань, а остальная часть провинціи присоединена къ Россіи.

Южная Россія — политическая, экономическая и литературная газета, изд. съ 1901 г. въ Николаевѣ ежедневно кромѣ послѣпраздныхъ дней. Ред.-издатель С. П. Юрицынъ. Раньше выходила подъ назв. «Южанинъ» (см.).

Южная Рыба—небольшое созвѣздіе между $21^h\ 30^m$ и 23^h прямого восхожденія и 25° и 35° южнаго склоненія. Окружено созвѣздіями Водолея, Козерога, Журавля. Принадлежитъ къ созвѣздіямъ Птолемея. Съ этимъ созвѣздіемъ связано много легендъ. Нѣкоторые толкователи сопоставляли его съ богомъ Дагономъ, также съ Оанномъ халдеевъ. Все это вызвано тѣмъ, что въ созвѣздіи находится яркая звѣзда Фомальгаутъ (1-ой величины), послужившая темой для самыхъ разнообразныхъ соображеній. Данте называлъ Фомальгаутъ, Ахернаръ (въ созвѣздіи Эридана) Канопусъ (созвѣздіе Корабля)—факелами міра. Богуславскій видѣлъ въ Фомальгаутѣ центръ вселенной. Въ созвѣздіи находятся еще 3 звѣзды 3-й величины и до 30 звѣздъ видимыхъ невооруженнымъ глазомъ.

Южно-Африканская республика—такъ называлась по май 1902 г. нынѣшняя британская колонія Трансвааль. *Географія и статистика*—см. Южная Африка.

Исторія. Территорія, на которой впослѣдствіи находилась Ю.-Африканская республика, была заселена первоначально бушменами, бечуанами, гриками, матабелами, кафрами, зулусами и др. племенами бушмено-готтентотской расы, находившимися въ состояніи постоянной взаимной войны. Съ 1835 г. тутъ начали появляться европейскія поселенія. Голландскіе буры, недовольные англійскимъ управленіемъ Капской колоніи, и въ особенности освобожденіемъ рабовъ, произведеннымъ англичанами, начали выселяться сперва въ Наталь, а оттуда, черезъ Драконовы горы, на территорію Ю.-Африканской республики, какъ нѣсколько раньше они же выселялись на территорію Оранжевой республики. Въ 40-хъ годахъ переселенческое движеніе стало особенно сильнымъ, и къ 1850 г. на территоріи Ю.-Африканской республики находились 4 отдѣльныхъ государства: республики Подчефстроомъ, Цоутпанесбергъ, Утрехтъ и Лиденбургъ. Въ 1849 г., по иниціативѣ вождя буровъ, Андрея Преторія, представители трехъ республикъ съѣхались на конгрессъ, на которомъ рѣшили объединить ихъ въ одно государство и выработали 33 пункта соглашенія, легшіе въ основу конституціи. Въ 1852 г. объединеніе стало совершившимся фактомъ; новая республика приняла имя Трансваали (находящейся за рѣкой Вааль). Въ томъ же году она была признана Англіей, которая, утомленная безполезной борьбой съ Оранжевой республикой, не желала осложнить ее борьбой съ Трансваалемъ. Трансвааль, не смотря

ностей англійской арміи: оружіе, обмундированіе, съѣстные припасы, лошади, мулы. Поэтому ниже показаны цифры за нормальные годы до войны. Средняя за 1897—99 гг. (въ тыс. фунт. стерлинговъ)

	Ввозъ.	Вывозъ.
Всего	15435	20400
Въ томъ числѣ торговля съ Великобританіей	11465	21879
Съ Британскими владѣніями	1126	128
Съ другими странами	4117	295

Главныя статьи вывоза 1898 и 1899 гг.

Овечья шерсть	1976
Пухъ ангорскихъ козъ	713
Страусовыя перья	795
Кожи	478
Мѣдная руда	354
Алмазы	4351
Золото	14565

Главныя статьи ввоза за 1899 г.: ткани и готовая одежда 3941, съѣстные припасы и напитки 3705 тыс. фунт. стерл.

Трансвааль (свѣдѣнія за 1898 г.). *Школы.* 11552 дѣтей въ общественныхъ школахъ; расходъ 140 тыс. фунт. стерл. Были и частныя школы, главнымъ образомъ у иностранцевъ. *Доходы* въ 1898 г. 3983 тыс. фн. стерл., въ томъ числѣ ввозныя пошлины 1067, желѣзная дорога 669, золотые промыслы 626, взрывчатыя вещества 223, гербовыя пошлины 285, почта и телеграфъ 206. *Долгъ* 31 декабря 1898 г.—2660 тыс. фунт. стерл. *Сельское хозяйство.* Скотоводство рѣшительно преобладало; подъ посѣвами было всего 5000 акровъ; хлѣба недостаетъ для собственнаго потребленія. Фермъ было 12245. Количество скота неизвѣстно; вѣроятно оно уменьшилось болѣе чѣмъ на $^{9}/_{10}$ во время войны. *Горная промышленность. Каменнаго угля* добыто въ 1896 г. 1437 тыс. тоннъ, въ 1898 г. 1908 тыс. тоннъ, на 668 тыс. фунт. стерл. Главное богатство—*золото.* Добыто (въ тыс. фунт. стерл.):

Съ 1884 г. по 1893 г.	17493
1894 »	7667
1895 »	8570
1896 »	8603
1897 »	11476
1898 »	16044
Итого	69845

Изъ золота, полученнаго въ 1898 г., 15141 тыс. фунт. стерл. добыто изъ рудниковъ Витватерсфанда (близъ Іоганнесбурга); количество золота, обнаруженнаго развѣдками, огромно (стоимостью до 650 милл. фунт. стерл.); до войны Витватерсфандъ значительно превосходилъ, по добычѣ, всѣ другіе золотоносные округи земли. Въ 1898 г. 86 золотопромышленныхъ компаній имѣли 88627 рабочихъ, въ томъ числѣ 9476 бѣлыхъ. Всего было 218 золотопромышленныхъ компаній, съ капиталомъ въ 63 милл. фунт. стерл.; изъ нихъ 30 давали дивидендъ. *Торговля* (въ тыс. фунт. стерл.). Въ 1897 г. ввозъ, обложенный пошлиной, 13564, въ 1898 г.—10633, въ томъ числѣ 1159 изъ Капской колоніи, 1203—Наталя, 537 — Мозамбика, 920 — Оранжевой республики, 6332—изъ Европы. Вывозъ—почти исключительно золото.

Германская Юго.-Зап. Африка (тысячи германскихъ марокъ). Доходы колоніи—2171, приплата имперіи—6260, итого 8341. Ввозъ—10075, вывозъ—1241, въ томъ числѣ гуано—850, скотъ—120. Ввозъ значительно превосходитъ вывозъ, такъ какъ большая часть товаровъ ввозится для потребностей администраціи и войска и оплачивается Германской имперіей. Земледѣліе очень незначительно; оно требуетъ искусственнаго орошенія. Въ послѣдніе годы компанія Юго.-Зап. Африки устроила нѣсколько запрудъ для этой цѣли. Разводятся виноградная лоза и европейскія плодовыя деревья. Гораздо обширнѣе скотоводство. Дамары держатъ большія стада рогатаго скота. Нѣмцы стали заниматься овцеводствомъ. Количество скота неизвѣстно. Большія залежи мѣдныхъ рудъ, пока не разрабатываемыхъ. Есть золото, но также не добывается.

Мозамбикъ (въ тысячахъ мильрейсъ).

Ввозъ	5000
Вывозъ	2120
Транзитъ	7981
Доходъ	3095
Расходъ	3128
Телеграфъ, дл. линій км.	2977

Ввозъ, главнымъ образомъ—хлопчатобумажныя ткани, желѣзо, вина и водки; вывозъ—каучукъ, руды, воскъ и слоновая кость. Золото найдено въ 60-хъ годахъ; въ 90-хъ годахъ составилось нѣсколько компаній въ Лондонѣ для разработки золотыхъ промысловъ, но затѣмъ она была оставлена.

Военныя силы. Въ *Британскихъ владѣніяхъ* войска до 1896 г. было очень мало, центральное правительство содержало только небольшой гарнизонъ въ Капштадтѣ. Въ 1896—99 гг. военныя силы были увеличены, а къ концу войны (1902) было болѣе 200 тыс. Въ 1903 г. было 29500 британскихъ войскъ въ Ю. Африкѣ, большая часть въ кол. Оранжевой и Трансваалѣ. *Капская колонія* имѣетъ свои войска: 364 офицера и 1072 унтеръ-офицеровъ и 5517 солдатъ, съ 10 орудіями. Полиція состоитъ изъ 4290 европейцевъ и 346 туземцевъ. На случай войны съ цвѣтными имѣется съ 1898 г. корпусъ волонтеровъ, насчитывавшій до 7000 чел. Кромѣ того всякій гражданинъ отъ 18 до 50-лѣтняго возраста можетъ быть призванъ къ оружію для защиты страны. Въ странахъ, населенныхъ туземцами, полиція имѣетъ характеръ военной силы. *Наталь* содержитъ конную милицію, въ томъ числѣ 659 европейцевъ, кромѣ того 1551 волонтеровъ. *Оранжевая колонія.* Во время существованія республики всѣ мужчины отъ 16 до 60 лѣтъ были обязаны исполнять воинскую повинность по требованію полевыхъ корнетовъ. Въ 1899 г. было 22 тыс. лицъ, годныхъ для военной службы; почти всѣ приняли участіе въ войнѣ съ Ве-

третейскимъ судьей былъ заранѣе назначенъ президентъ Оранжевой республики (что могло по большей части быть выгоднымъ для Ю.-Африканской республики). Размѣръ взысканія съ Ю.-Африканской республики за время съ 1877 по 1881 гг. былъ пониженъ до 250000 фн. стерл. и разсроченъ на 25 лѣтъ. Англія, вполнѣ признавая самостоятельность Ю.-Африк. республики, даже при Гладстонѣ очень ревниво охраняла свое право контроля надъ международными сношеніями республики и безусловно препятствовала всѣмъ попыткамъ къ расширенію ея территоріи, дѣлаемымъ посредствомъ соглашеній съ мелкими дикими царьками. Однако, въ 1884 г. буры основали въ странѣ зулусовъ новую республику «Nieuwe Republik»», которая была въ 1886 г. признана Англіей; въ 1887 г. Ю.-Африканская республика присоединила ее къ себѣ (съ согласія бѣлыхъ жителей), и это не вызвало протеста Англіи. Въ 1890 г. была пересмотрѣна конституція; позднѣе она пересматривалась въ отдѣльныхъ частяхъ нѣсколько разъ. Къ этому времени въ Ю.-Африканской республикѣ было два слоя населенія, рѣзко отличавшихся другъ отъ друга и противоположныхъ по своимъ интересамъ: старые поселенцы, собственно буры, по большей части скотоводы или земледѣльцы, и новые переселенцы, по большей части англичане, жители городовъ или фабричныхъ и горныхъ поселковъ, занимавшіеся торговлей, финансовыми операціями, ремеслами, фабричнымъ производствомъ, горнымъ дѣломъ. Кромѣ золота началась добыча алмазовъ, желѣза, мѣди, свинца, никкеля, графита, соли. Старые поселенцы были реформаты, новые принадлежали по большей части къ англиканской церкви; старые были консервативны, новые стремились къ реформамъ; старые были мало образованы, по большей части неграмотны (школьное дѣло поставлено было неудовлетворительно даже въ городахъ, тѣмъ болѣе въ деревняхъ), новые—почти всѣ грамотны. Однако, старые были уже рѣшительно враждебны не только рабству, но и всякому замаскированному закабаленію, тогда какъ новые, ища рабочихъ рукъ для своихъ предпріятій, а также для домашней прислуги, старались какъ нибудь прикрѣпить недостаточно устойчивыхъ негровъ и противились всякому законодательному ограниченію рабочаго времени. Новая конституція явилась результатомъ борьбы этихъ двухъ слоевъ населенія; преобладаніе въ началѣ было на сторонѣ буровъ. Граждане были раздѣлены на два класса. Бургерами перваго класса признавались всѣ бѣлые, поселившіеся въ республикѣ до 1876 г., а также всѣ принимавшіе участіе въ войнѣ съ Англіей 1880 — 1881 г., со всѣмъ потомствомъ тѣхъ и другихъ. Бургерами второго класса признаны натурализовавшіеся новые поселенцы (уйтлэндеры, uitlanders), при чемъ натурализація допущена не менѣе чѣмъ черезъ 2 года послѣ поселенія въ странѣ, при условіи принесенія присяги на вѣрность республикѣ и конституціи, и обставлена еще рядомъ другихъ стѣснительныхъ условій. Вся политическая власть присвоена бургерамъ перваго класса: только они избираютъ президента, генералъ-коменданта (главнокомандующаго, являющагося въ то же время вице-президентомъ) и статсъ-секретаря; они же избираютъ верхнюю палату фольксраада, отнынѣ состоящаго изъ двухъ палатъ; верхняя палата фольксраада назначаетъ двухъ другихъ членовъ исполнительнаго совѣта, состоящаго, вмѣстѣ съ тремя засѣдающими въ немъ ex officio президентомъ, вице-президентомъ и статсъ-секретаремъ, изъ 5 лицъ, и представляющаго такимъ образомъ исключительно бургеровъ перваго класса. Нижняя палата фольксраада, состоящая, какъ и верхняя, изъ 24 членовъ и избираемая тоже на 4-хъ-лѣтній срокъ, избирается бургерами I и II класса вмѣстѣ. Это была уступка, вырванная у буровъ ростомъ класса уйтлэндеровъ; но было сдѣлано все возможное, чтобы ослабить значеніе этой уступки, и вторая палата, совершенно лишенная вліянія на власть исполнительную, была сильно ограничена даже въ своихъ законодательныхъ правахъ. Въ 1893 г. уйтлэндеры добились второй важной уступки: они получили право черезъ 12 лѣтъ послѣ натурализаціи, т. е. черезъ 14 лѣтъ послѣ поселенія въ Трансваалѣ, переходить въ разрядъ бургеровъ перваго класса. Это могло бы съ теченіемъ времени сильно измѣнить составъ привилегированной касты бургеровъ, обновленіе которой не поспѣвало за измѣненіемъ состава населенія страны, вслѣдствіе прилива переселенцевъ, вызваннаго погоней сперва за золотомъ, потомъ за алмазами. Еще въ 1890 г. добыча золота была ничтожна; въ 1897 г. она достигла 3030674 унцій, въ 1899 г.—4233297 (унція стоитъ около $3^1/_2$ фунт. стерл.); вся вообще торговля съ 1885 г. по 1895 г. выросла въ 10 разъ; городъ Іоганнесбургъ къ 1899 г. имѣлъ 150000 жителей. Въ 1895 г. была открыта желѣзная дорога къ Лоренцо-Маркезу и къ Блумфонтейну (въ Оранжевую республику); Преторія и Іоганнесбургъ были соединены телеграфными проволоками со всей страной и со всѣмъ міромъ. Если старые поселенцы были состоятельны, то новые, съ ихъ новыми отраслями промышленности, внесли въ страну значительное богатство, благопріятно отразившееся на государственномъ бюджетѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, новое денежное богатство внесло въ патріархальный складъ жизни буровъ новый элементъ и отразилось неблагопріятно на составѣ и направленіи правительства; правительство Южно-Африканской республики отличалось въ послѣднее время своей продажностью. Англійское населеніе, не имѣя возможности преобразовать жизнь страны сообразно съ своими потребностями, стремилось къ соединенію Ю.-Африканской республики съ великобританскими владѣніями. Въ этомъ были солидарны всѣ три главныя группы, на которыя оно дѣлилось—капиталисты, мелкіе торговцы и ремесленники, рабочіе,—не смотря на противоположность ихъ интересовъ въ другихъ отношеніяхъ; къ тому же стремилось и правительство Капской колоніи. Въ концѣ 1895 г. премьеръ этой послѣдней, Сесиль Родсъ, тайно организовалъ вооруженную экспедицію на Ю.-Аф-

риканскую республику; во главѣ отряда въ 1200 человѣкъ, съ соотвѣтственнымъ количествомъ артиллеріи, сталъ докторъ Джемсонъ. 30 декабря 1895 г. Джемсонъ перешелъ западную границу республики и вторгся на ея территорію. Буры, заблаговременно освѣдомленные, встрѣтили Джемсона, 1 января 1896 года окружили его близъ дер. Крюгерсдорпъ и заставили сдаться на милость побѣдителей, безъ всякихъ условій. Вождей набѣга, въ томъ числѣ и Джемсона, правительство республики выдало Англіи, гдѣ они были судимы и приговорены къ различнымъ весьма мягкимъ наказаніямъ (до 18 мѣсяцевъ тюрьмы). Нѣкоторыхъ второстепенныхъ участниковъ набѣга Ю. правительство предало суду у себя; они были приговорены къ смертной казни, но помилованы президентомъ сперва къ пожизненному заключенію, а потомъ и вполнѣ. Печать всего почти міра, за исключеніемъ Англіи, отнеслась съ негодованіемъ къ нападенію Джемсона, какъ къ разбойничьему набѣгу; выразителемъ этого негодованія явился имп. германскій Вильгельмъ, пославшій президенту Крюгеру поздравительную депешу, которая на нѣсколько лѣтъ охладила отношенія между Великобританіей и Германіей. Въ Англіи консервативная часть общества, а также та, которая видитъ выразителя своихъ стремленій въ Чэмберленѣ, сожалѣла о неудачѣ экспедиціи Джемсона, тогда какъ либеральная часть общества высказалась противъ нея. Вопросъ, зналъ ли Чэмберленъ о приготовленіяхъ Джемсона и Родса и далъ ли онъ свое согласіе на набѣгъ, остался не вполнѣ выясненнымъ; во всякомъ случаѣ достаточныхъ доказательствъ приведено не было. Въ Ю.-Африканской республики фольксраадомъ была назначена коммиссія для изслѣдованія основательности жалобъ уйтлэндеровъ, но она пришла къ отрицательнымъ выводамъ. Между тѣмъ уйтлэндеры обращались съ массовыми петиціями къ англійскому правительству, въ которыхъ ходатайствовали о заступничествѣ. Уйтлэндеры и Англія требовали: уравненія въ правахъ бюргеровъ I и II класса или по крайней мѣрѣ допущенія въ составъ I класса черезъ 5 лѣтъ пребыванія въ странѣ; школъ съ преподаваніемъ на англ. яз.; болѣе выгодныхъ для уйтлэндеровъ условій пріобрѣтенія недвижимыхъ имуществъ. На всѣ представленія правительство республики отвѣчало, что оно не можетъ дозволить Англіи вмѣшиваться въ свои внутреннія дѣла. Въ 1897 г. англійское правительство пригласило президента Крюгера пріѣхать въ Англію для переговоровъ; Крюгеръ отказался, и Ю.-Африканская республика стала дѣятельно готовиться къ войнѣ. Такъ какъ Оранжевая республика находилась приблизительно въ тѣхъ же условіяхъ, то обѣ республики заключили между собою оборонительный и наступательный союзъ. Въ 1898 г. происходили выборы президента Ю.-Африканской республики; кандидатомъ консервативной партіи, отказывавшей англичанамъ въ какихъ бы то ни было уступкахъ, былъ Крюгеръ, бывшій президентомъ уже три пятилѣтія подъ рядъ (съ 1883 г.); кандидатомъ либеральной партіи, шедшей на нѣкоторыя уступки, а также стремившейся къ лучшей постановкѣ народнаго просвѣщенія, былъ ген. Жуберъ. Избраннымъ оказался первый; Жуберъ былъ избранъ генералъ-комендантомъ (вице - президентомъ). Фактически, однако, консервативная партія пошла на уступки; при свиданіи между Крюгеромъ и ген.-губернаторомъ Капской колоніи, Мильнеромъ, въ Блумфонтейнѣ, въ іюнѣ 1899 г., Крюгеръ соглашался 14-лѣтній срокъ осѣдлости для пріобрѣтенія полныхъ правъ понизить до 7, тогда какъ Мильнеръ требовалъ 5-лѣтняго срока. Соглашеніе не состоялось, и Англія стала готовиться къ войнѣ. Пониженіе срока осѣдлости до 7 лѣтъ все-таки состоялось, но это не удовлетворило уйтлэндеровъ. Англія предъявила новое требованіе: чтобы уйтлэндерамъ было разрѣшено въ фольксраадѣ говорить по-англійски. Чэмберленъ въ палатѣ общинъ произнесъ нѣсколько угрозъ по адресу обѣихъ республикъ; буры отвѣтили рядомъ манифестацій, съ цѣлью засвидѣтельствовать свою солидарность и рѣшительность. 9 окт. 1899 г. Ю.-Африканская республика обратилась къ Великобританіи съ ультиматумомъ, въ которомъ предлагала передать споръ на разсмотрѣніе третейскаго суда и требовала удаленія войскъ съ границы. Ультиматумъ остался безъ отвѣта, и потому 11 октября 1899 г. буры перевели свои войска черезъ границы, какъ западную (въ Бечуаналандъ), такъ и восточную (въ Наталь). Оранжевая республика присоединила свои войска къ войскамъ Ю.-Африканской республики и поставила ихъ подъ главное командованіе ген. Жубера. Первый періодъ войны, съ октября 1899 г. до февраля 1900 г., былъ чрезвычайно благопріятенъ для буровъ; не смотря на значительный перевѣсъ англійскихъ войскъ, буры одержали рядъ побѣдъ (перемежавшихся, однако, съ пораженіями) и осадили Лэдисмитъ въ Наталѣ, Мэфкингъ и Кимберлей на западѣ; въ послѣднемъ былъ запертъ и Сесиль Родсъ. Затѣмъ Жуберъ вторгся въ сѣверную часть Капландіи, гдѣ занялъ Наупортъ и Стормбергъ; тамъ подъ его знамена стеклось довольно значительное число капскихъ буровъ. 31 октября въ Капштадтъ прибылъ вновь назначенный главнокомандующій великобританскихъ войскъ ген. Буллеръ. Онъ поставилъ первыми своими задачами освобожденіе осажденныхъ Кимберлея и Лэдисмита; но 11 декабря посланный имъ для освобожденія Кимберлея ген. Метуенъ былъ на голову разбитъ при Магерсфонтейнѣ и потерялъ около 1000 чел. убитыми. Дивизія ген. Гатакра была разбита 10 дек. при Стормбергѣ, при чемъ потеряла 700 чел. плѣнными. 15 декабря разбитъ самъ Буллеръ при Колензо (въ Наталѣ), съ потерей 800 убитыми и 300 плѣнными. 20 декабря главнокомандующимъ англійскихъ войскъ вмѣсто Буллера назначенъ лордъ Робертсъ, а начальникомъ его штаба—лордъ Киченеръ. Ихъ прибытіе на театръ военныхъ дѣйствій не сразу измѣнило положеніе вещей. 24 января 1900 г. Буллеръ былъ вновь разбитъ у Спіонскопа и потерялъ 2300 человѣкъ. Въ январѣ 1900 г. численность англійскихъ войскъ дошла до

150000, позднѣе до 200000 чел.; находившіеся подъ ружьемъ буры были несравненно малочисленнѣе. Въ февралѣ 1900 г. Робертсъ вступилъ на территорію Оранжевой республики и при Паардебергѣ окружилъ армію буровъ, съ ген. Кронье во главѣ. Кронье, послѣ упорнаго сопротивленія, сдался въ плѣнъ и со всей арміей былъ поселенъ на о-вѣ св. Елены. Это было поворотнымъ моментомъ въ ходѣ войны. Вслѣдъ затѣмъ была снята осада съ Мэфкинга, Кимберлея и Лэдисмита, и война перенесена на территорію республикъ. 27 марта умеръ Жуберъ; главнокомандующимъ бурскихъ войскъ назначенъ генералъ Луи Бота, но его энергія не могла исправить положеніе дѣлъ. Самыя побѣды доставляли бурамъ, при новыхъ условіяхъ, мало выгоды. Наемныя англійскія войска дрались плохо и очень легко сдавались въ плѣнъ; у буровъ было болѣе нѣсколькихъ тысячъ плѣнныхъ. Англичане отказывались произвести размѣнъ плѣнныхъ, содержаніе же ихъ было очень затруднительно для буровъ. Въ маѣ 1900 г. Робертсъ занялъ всю Оранжевую республику, которая 28 мая оффиціально превращена въ англійскую колонію. Въ іюнѣ 1900 г. Робертсъ вступилъ въ Іоганнесбургъ и Преторію; плѣнные англичане были освобождены. Военныя дѣйствія этимъ, однако, не окончились. Буры, разбившись на мелкіе отряды, вели партизанскую войну еще 2 года, терпя сильныя пораженія, теряя отрядъ за отрядомъ, но безпрестанно нанося сильныя пораженія англичанамъ, истребляя и захватывая въ плѣнъ цѣлые ихъ отряды (плѣнныхъ приходилось обезоруживать и отпускать). 1 сентября 1900 г. Робертсъ объявилъ, что Южно-Африканская республика перестала существовать и мѣсто ея заняла англійская колонія Vaal-River (вскорѣ вновь переименованная въ Transvaal). Крюгеръ и Стейнъ (президентъ республики Оранжевой) отвѣчали прокламаціей, въ которой отказывались признать новый порядокъ вещей, настаивали на существованіи Оранжевой и Ю.-Африканской республикъ и выражали намѣреніе вести войну до послѣдней крайности. Вскорѣ, однако, Крюгеръ, получивъ у своего исполнительнаго совѣта шестимѣсячный отпускъ, уѣхалъ черезъ Лоренцо Маркезъ въ Европу, якобы для хлопотъ за буровъ; на самомъ дѣлѣ онъ уѣхалъ потому, что его энергія была сломлена. Изъ отпуска онъ не вернулся, хотя черезъ 6 мѣсяцевъ война еще продолжалась, и ничего въ Европѣ для дѣла буровъ не сдѣлалъ. Въ началѣ 1901 г. губернаторомъ колоніи Трансвааль назначенъ Мильнеръ. Въ маѣ 1902 г. три наиболѣе прославившіеся генерала буровъ, Бота, Деларей и Деветъ, согласились положить оружіе и подписали 31 мая, въ Преторіи, мирный договоръ, по которому признавали присоединеніе республикъ къ Великобританіи. Съ тѣхъ поръ существуетъ только англійская колонія Трансвааль. Война разорила населеніе бывшей Ю.-Африканской республики.

Литература. Jeppe, «Die Transvaalsche Republik» (Гота, 1868); Nixon, «The complete story of the Transvaal» (Л., 1885); P. Klöffel, «Die Verfassung und Verwaltung der Südafrikanischen Freistaaten» (Лпц., 1896); Abraham, «Die Südafrikanische Republik» (Б., 1896); Hofmeyer, «Die Buren und Jamesons Einfall in Transvaal» (Бременъ, 1897); Wirth, «Gesch. Südafrikas» (Боннъ, 1897); Fischer, «Transvaal and the Boers» (Л., 1899); Vallentin, «Gesch. d. Südafrik. Rep.» (Б., 1900); его же, «Die Ursachen des Krieges zwischen England und den Burenrepubliken» (Б., 1902); Krüger, «Lebenserinnerungen» (Мюнхенъ, 1902); Деветъ, «Борьба съ Англіей» (русск. перев., СПб., 1903; есть и другіе переводы этихъ интересныхъ мемуаровъ); Schmeisser, «Ueber Gewinnung der Mineralien in Transvaal» (2 изд., Б., 1895); Hamond, «The gold mines of the Rand» (Л., 1895); Launay, «Les mines d'or du Transvaal» (П., 1896); J. Bryce, «Impressions of South Africa» (3 изд., Лонд., 1900; безпристрастный и богатый матеріаломъ трудъ); Hobson, «The war in South Africa, its causes and effects» (Л., 1900; враждебно политикѣ Чэмберлена и Родса); Keane, «Boer state, land and people» (Л., 1900).

В. Водовозовъ.

Южное море—см. Полярныя страны.

Южное Обозрѣніе—ежедневная газета, издается въ Одессѣ съ 1896 г. Издатель Г. М. Бейленсонъ, редакторъ Никол. Петр. Цакни.

Южно-Китайское море—см. Китайскія моря (XV, 227).

Южно-полярныя страны—см. Полярныя страны Южнаго полушарія (XXIV, 489).

Южнорусская литература. I. *Вступленіе.* Это названіе употребляется здѣсь не въ смыслѣ географическомъ; оно примѣняется не къ литературѣ (вѣрнѣе—литературамъ) юга Россіи, а къ литературѣ одной изъ славянскихъ этническихъ особей, именуемой также малорусскою, русинскою или украинскою. Какъ этнически, такъ и въ смыслѣ историко-литературномъ эта особь представляетъ столь цѣльную и рѣзко опредѣленную физіономію, что, напр., самую новѣйшую эпоху ея литературы, наиболѣе полно отражающую національную жизнь во всѣхъ ея отправленіяхъ, нельзя разсматривать отдѣльно отъ предшествующихъ эпохъ, не рискуя разорвать связь явленій. Въ Ю. литературѣ, какъ и во всякой другой славянской, духовная жизнь націи съ незапамятныхъ временъ отражалась параллельно въ *словесности* (устной традиціи миѳологической и поэтической) и *письменности*; первая была достояніемъ болѣе или менѣе широкихъ массъ народа, вторая была преимущественно органомъ государства, церкви и школы, проникая, однако, постепенно въ болѣе или менѣе широкія народныя массы. Одна изъ самыхъ характерныхъ чертъ Ю. литературы—параллельность и близость этихъ двухъ теченій. Съ одной стороны въ устной словесности южно-русса, даже въ томъ ея составѣ, какой сохранила народная память еще въ XIX стол., мы можемъ прослѣдить отраженіе всѣхъ историческихъ судебъ и всей культурно-исторической эволюціи народа почти съ доисторическихъ, дохристіанскихъ временъ до нашихъ дней; съ другой стороны и письменные памятники Ю. лите-

риканскую республику; во главѣ отряда въ 1200 человѣкъ, съ соотвѣтственнымъ количествомъ артиллеріи, сталъ докторъ Джемсонъ. 30 декабря 1895 г. Джемсонъ перешелъ западную границу республики и вторгся на ея территорію. Буры, заблаговременно освѣдомленные, встрѣтили Джемсона, 1 января 1896 года окружили его близъ дер. Крюгерсдорпъ и заставили сдаться на милость побѣдителей, безъ всякихъ условій. Вождей набѣга, въ томъ числѣ и Джемсона, правительство республики выдало Англіи, гдѣ они были судимы и приговорены къ различнымъ весьма мягкимъ наказаніямъ (до 18 мѣсяцевъ тюрьмы). Нѣкоторыхъ второстепенныхъ участниковъ набѣга Ю. правительство предало суду у себя; они были приговорены къ смертной казни, но помилованы президентомъ сперва къ пожизненному заключенію, а потомъ и вполнѣ. Печать всего почти міра, за исключеніемъ Англіи, отнеслась съ негодованіемъ къ нападенію Джемсона, какъ къ разбойничьему набѣгу; выразителемъ этого негодованія явился имп. германскій Вильгельмъ, пославшій президенту Крюгеру поздравительную депешу, которая на нѣсколько лѣтъ охладила отношенія между Великобританіей и Германіей. Въ Англіи консервативная часть общества, а также та, которая видитъ выразителя своихъ стремленій въ Чэмберленѣ, сожалѣла о неудачѣ экспедиціи Джемсона, тогда какъ либеральная часть общества высказалась противъ нея. Вопросъ, зналъ ли Чэмберленъ о приготовленіяхъ Джемсона и Родса и далъ ли онъ свое согласіе на набѣгъ, остался не вполнѣ выясненнымъ; во всякомъ случаѣ достаточныхъ доказательствъ приведено не было. Въ Ю.-Африканской республики фольксраадомъ была назначена коммиссія для изслѣдованія основательности жалобъ уйтлэндеровъ, но она пришла къ отрицательнымъ выводамъ. Между тѣмъ уйтлэндеры обращались съ массовыми петиціями къ англійскому правительству, въ которыхъ ходатайствовали о заступничествѣ. Уйтлэндеры и Англія требовали: уравненія въ правахъ бургеровъ I и II класса или по крайней мѣрѣ допущенія въ составъ I класса черезъ 5 лѣтъ пребыванія въ странѣ; школъ съ преподаваніемъ на англ. яз.; болѣе выгодныхъ для уйтлэндеровъ условій пріобрѣтенія недвижимыхъ имуществъ. На всѣ представленія правительство республики отвѣчало, что оно не можетъ дозволить Англіи вмѣшиваться въ свои внутреннія дѣла. Въ 1897 г. англійское правительство пригласило президента Крюгера пріѣхать въ Англію для переговоровъ; Крюгеръ отказался, и Ю.-Африканская республика стала дѣятельно готовиться къ войнѣ. Такъ какъ Оранжевая республика находилась приблизительно въ тѣхъ же условіяхъ, то обѣ республики заключили между собою оборонительный и наступательный союзъ. Въ 1898 г. происходили выборы президента Ю.-Африканской республики; кандидатомъ консервативной партіи, отказывавшей англичанамъ въ какихъ бы то ни было уступкахъ, былъ Крюгеръ, бывшій президентомъ уже три пятилѣтія подъ рядъ (съ 1883 г.); кандидатомъ либеральной партіи, шедшей на нѣкоторыя уступки, а также стремившейся къ лучшей постановкѣ народнаго просвѣщенія, былъ ген. Жуберъ. Избраннымъ оказался первый; Жуберъ былъ избранъ генералъ-комендантомъ (вице - президентомъ). Фактически, однако, консервативная партія пошла на уступки; при свиданіи между Крюгеромъ и ген.-губернаторомъ Капской колоніи, Мильнеромъ, въ Блумфонтейнѣ, въ іюнѣ 1899 г., Крюгеръ соглашался 14-лѣтній срокъ осѣдлости для пріобрѣтенія полныхъ правъ понизить до 7, тогда какъ Мильнеръ требовалъ 5-лѣтняго срока. Соглашеніе не состоялось, и Англія стала готовиться къ войнѣ. Пониженіе срока осѣдлости до 7 лѣтъ все-таки состоялось, но это не удовлетворило уйтлэндеровъ. Англія предъявила новое требованіе: чтобы уйтлэндерамъ было разрѣшено въ фольксраадѣ говорить по-англійски. Чэмберленъ въ палатѣ общинъ произнесъ нѣсколько угрозъ по адресу обѣихъ республикъ; буры отвѣтили рядомъ манифестацій, съ цѣлью засвидѣтельствовать свою солидарность и рѣшительность. 9 окт. 1899 г. Ю.-Африканская республика обратилась къ Великобританіи съ ультиматумомъ, въ которомъ предлагала передать споръ на разсмотрѣніе третейскаго суда и требовала удаленія войскъ съ границы. Ультиматумъ остался безъ отвѣта, и потому 11 октября 1899 г. буры перевели свои войска черезъ границы, какъ западную (въ Бечуаналандъ), такъ и восточную (въ Наталь). Оранжевая республика присоединила свои войска къ войскамъ Ю.-Африканской республики и поставила ихъ подъ главное командованіе ген. Жубера. Первый періодъ войны, съ октября 1899 г. до февраля 1900 г., былъ чрезвычайно благопріятенъ для буровъ; не смотря на значительный перевѣсъ англійскихъ войскъ, буры одержали рядъ побѣдъ (перемежавшихся, однако, съ пораженіями) и осадили Лэдисмитъ въ Наталѣ, Мэфкингъ и Кимберлей на западѣ; въ послѣднемъ былъ запертъ и Сесиль Родсъ. Затѣмъ Жуберъ вторгся въ сѣверную часть Капландіи, гдѣ занялъ Наупортъ и Стормбергъ; тамъ подъ его знамена стеклось довольно значительное число капскихъ буровъ. 31 октября въ Капштадтъ прибылъ вновь назначенный главнокомандующій великобританскихъ войскъ ген. Буллеръ. Онъ поставилъ первыми своими задачами освобожденіе осажденныхъ Кимберлея и Лэдисмита; но 11 декабря посланный имъ для освобожденія Кимберлея ген. Метуенъ былъ на голову разбитъ при Магерсфонтейнѣ и потерялъ около 1000 чел. убитыми. Дивизія ген. Гатакра была разбита 10 дек. при Стормбергѣ, при чемъ потеряла 700 чел. плѣнными. 15 декабря разбитъ самъ Буллеръ при Колензо (въ Наталѣ), съ потерей 800 убитыми и 300 плѣнными. 20 декабря главнокомандующимъ англійскихъ войскъ вмѣсто Буллера назначенъ лордъ Робертсъ, а начальникомъ его штаба—лордъ Киченеръ. Ихъ прибытіе на театръ военныхъ дѣйствій не сразу измѣнило положеніе вещей. 24 января 1900 г. Буллеръ былъ вновь разбитъ у Спіонскопа и потерялъ 2300 человѣкъ. Въ январѣ 1900 г. численность англійскихъ войскъ дошла до

стной передачи, и даже нѣкоторыхъ религіозныхъ и догматическихъ воззрѣній, слѣды которыхъ встрѣчаются, напр., у Кирилла Туровскаго. Интенсивностью еврейскаго вліянія объясняется также существованіе въ Южной Руси оживленной анти-еврейской полемики, вѣнцомъ которой была книга «Палея Толковая», составленная въ значительной части изъ произведеній (апокрифовъ) еврейской литературы. Греческіе іерархи, приходившіе изъ Византіи, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ борьбы между церквями восточной и западной, перенесли къ намъ также полемику противъ латинянъ, идущую въ Южной Руси безпрерывно до самыхъ новѣйшихъ временъ. Нельзя сказать, чтобъ эта полемика уже въ тѣ древнія времена была у насъ чѣмъ-то экзотическимъ; при непрерывныхъ и довольно широкихъ купеческихъ и дипломатическихъ сношеніяхъ Кіевской, а потомъ Галицкой Руси съ католическимъ Западомъ, возможность латинской пропаганды была всегда довольно велика, хотя прямыхъ культурныхъ или литературныхъ вліяній Запада на Русь до самаго XIV стол. мы почти не замѣчаемъ. Самая сильная и широкая струя культурнаго и литературнаго вліянія шла къ намъ изъ Византіи. Мы получили оттуда не только священныя и литургическія книги, но массу поучительной и назидательной литературы, въ томъ числѣ такія капитальныя въ культурно-историческомъ отношеніи книги, какъ Четью-Минею и Прологъ, переведенныя съ греческаго по всей вѣроятности на Руси и расширившіяся здѣсь новыми вставками мѣстнаго происхожденія. Изъ Византіи пришли къ намъ образцы исторической литературы въ формѣ хроникъ Малалы, Амартола и патріарха Никифора, компиляцій въ родѣ хронографовъ, продолжавшихъ свое развитіе на русской почвѣ. Византія дала намъ въ разныхъ святоотеческихъ писаніяхъ, Шестодневахъ и апокрифическихъ сочиненіяхъ нѣкоторые скудные элементы естественныхъ познаній. Отъ нея же идутъ образцы изящной словесности не только въ отрывкахъ религіозной гимнологіи, вошедшихъ въ церковныя пѣснопѣнія, но и въ повѣстяхъ и пѣсняхъ мірского содержанія, какъ извѣстная «Александрія», вошедшая въ составъ хронографовъ, какъ Девгеніево дѣяніе—довольно самостоятельная передѣлка греческаго національнаго эпоса о Дигенисѣ Акритѣ, какъ переведенное съ греческаго, первоначально индійское собраніе сказокъ и басенъ «Стефанитъ и Ихнилатъ», какъ первоначально семитское, но тоже перешедшее къ намъ черезъ Византію сказаніе объ Акирѣ премудромъ, какъ произведенія духовной эпики въ родѣ романа «Варлаамъ и Іоасафъ» и масса древнихъ новеллъ и сказаній, включенныхъ со временемъ въ громадные сборники житій святыхъ (о Егоріи Храбромъ, Алексѣѣ человѣкѣ Божіемъ, Евстахіи Плакидѣ, Маріи Египетской и т. п.). Эти послѣднія сочиненія, переводившіяся въ самую раннюю эпоху нашей письменности, не только удовлетворяли потребность нашихъ предковъ въ чтеніи поэтическихъ созданій, но давали готовые образцы и мотивы для собственныхъ произведеній. Наконецъ, нельзя не упомянуть объ образцахъ церковнаго, каноническаго права, полученныхъ нами изъ Византіи въ видѣ разныхъ пандектовъ, номокановъ и законоправильниковъ, коихъ собраніе опять таки обогащалось на Руси собственными уставами и правилами, соотвѣтствовавшими потребностямъ русской церковной жизни. Въ разныхъ редакціяхъ греческаго индекса книгъ истинныхъ и ложныхъ, переводимыхъ у насъ, Русь получила первый, хотя довольно примитивный образчикъ религіозно-литературной критики, тоже не оставшійся безъ вліянія на движеніе русской мысли. Но для оцѣнки вліянія Византіи на Русь не менѣе важно знать и взвѣсить то, чего она намъ не дала, не потому, можетъ быть, что не хотѣла, какъ позже утверждали многіе полемисты, а потому, что была неспособна дать, или мы не были способны воспринять и культивировать получаемое. Она не дала намъ систематической, для образованія широкихъ массъ приспособленной школы, потому что не имѣла ея и для своихъ массъ: болѣе высокое просвѣщеніе въ ней было доступно только немногимъ избраннымъ. Она не дала намъ знакомства съ древне-классической литературой и наукой, потому, что и въ ней самой эти традиціи были въ то время въ загонѣ, да и Русь не была способна воспринять ихъ. Какъ среди различныхъ вліяній развивалась Ю. литература съ XI до половины XIII в.—это въ существенныхъ чертахъ указано въ статьѣ А. Н. Пыпина (см. XXVIII, стр. 581 и сл.). Характеристическою особенностью древней Ю. литературы является обиліе сборниковъ разнообразнаго содержанія, составленныхъ болѣе или менѣе систематически, съ болѣе или менѣе опредѣленной цѣлью дать читателю въ руки энциклопедію самонужнѣйшаго и замѣнить ему школу. Образцы такихъ сборниковъ Русь получила изъ Болгаріи (Сборники Святослава 1073 и 1076 гг.); впослѣдствіи мы видимъ цѣлый рядъ подобныхъ полуоригинальныхъ произведеній («Златая цѣпь», «Матица», «Измарагдъ», «Златоструй», «Златоустъ» и др.), составленныхъ обыкновенно изъ отрывковъ переводныхъ, но иногда и оригинальныхъ русскихъ произведеній. Особое мѣсто среди этихъ сборниковъ занимаетъ «Пчела», сборникъ апофтегмъ и мудрыхъ изреченій, переведенный съ греческаго. «Пчела», вмѣстѣ съ книгами Притчъ, Екклезіаста и Іисуса сына Сирахова, имѣла значительное вліяніе на составленіе древнерусскихъ памятниковъ подобнаго рода (напр. Моленія Даніила Заточника). Непосредственно къ греческимъ образцамъ примыкаетъ и даже кое-гдѣ пользуется греческими шаблонами древнерусская агіобіографія, создавшая, однако, нѣсколько цикловъ оригинальныхъ произведеній легендарнаго характера, изъ которыхъ самый важный—«Печерскій Патерикъ», имѣющій гораздо болѣе литературное, чѣмъ историческое значеніе. Кромѣ Патерика, важны легенды о равноапостольномъ Володимірѣ и крещеніи Руси, о убіеніи Бориса и Глѣба и о св. Николаѣ Мірликійскомъ, который съ началомъ XIII в. дѣлается какъ бы національнымъ русскимъ

святымъ и медленно устраняетъ болѣе давній культъ Климента Римскаго. Гораздо менѣе шаблоннаго и гораздо болѣе непосредственныхъ слѣдовъ живой дѣйствительности мы имѣемъ въ древнерусскомъ лѣтописаніи. Началось оно несомнѣнно еще въ началѣ XI стол., вѣроятно — въ центрѣ политической жизни древней Руси, въ Кіевѣ. При живомъ участіи значительнаго большинства свободныхъ людей въ политической жизни страны неудивительно, что интересъ къ удержанію на письмѣ воспоминаній объ этой жизни пробуждается скоро и въ другихъ центрахъ, оживляетъ людей разныхъ сословій и званій. Возникаютъ многочисленныя и разнообразныя по характеру и колориту записки и сказанія, которыя въ XII и XIII вѣкахъ входятъ въ составъ такъ назыв. «Повѣсти временныхъ лѣтъ» и тѣхъ большихъ компиляцій нашей древней исторической традиціи, которыя дошли до насъ въ многочисленныхъ изводахъ и редакціяхъ. Эти лѣтописныя компиляціи имѣютъ большой интересъ и для историка литературы, такъ какъ въ ихъ составъ вошли цѣликомъ или съ нѣкоторыми измѣненіями сочиненія неизвѣстныя изъ другихъ источниковъ (Поученіе Ярослава Мономаха), многія сказанія, взятыя изъ устъ современниковъ, пересказы древнихъ пѣсенъ и былинъ (борьба отрока съ печенѣгомъ и основаніе Переяславля, бѣлгородскій кисель) или живые разсказы очевидцевъ, полные драматизма, какъ разсказъ нѣкоего Василія объ ослѣпленіи Василька теребовельскаго и волынской войнѣ 1097—1099 гг., разсказъ о походѣ Игоря на половцевъ и т. п. Въ лѣтописяхъ мы находимъ не только многочисленныя указанія на пѣсни, пѣніе и пѣвцовъ въ древней Руси, но и нѣкоторые образцы древней поэзіи: поговорки и пословицы, мѣстныя и героическія преданія, отрывки пѣсенъ, изъ коихъ самый интересный—сказаніе о половецкомъ ханѣ Отрокѣ и Гудцѣ Орѣ (въ самомъ началѣ такъ назыв. Галицко-Волынской лѣтописи). Этотъ отрывокъ, вмѣстѣ съ присоединеннымъ къ нему отрывкомъ похвалы князю Роману составляетъ почти единственный цѣнный pendant къ уцѣлѣвшему до нашихъ дней болѣе обширному произведенію древней южнорусской дружинной поэзіи, извѣстному Слову о Полку Игоревѣ. Много остатковъ этой поэзіи сохранилось, въ болѣе или менѣе видоизмѣненномъ состояніи, въ устахъ южно-русскаго народа въ формѣ обрядныхъ пѣсенъ, главнымъ образомъ колядокъ, щедривокъ и свадебныхъ. Упоминанія о событіяхъ и лицахъ въ этихъ пѣсняхъ вывѣтрились совершенно, но образъ быта, сословной среды остался нетронутымъ: боярство и «дружба» (дружинникъ), князь и его дворъ, походы и оружіе (лукъ и стрѣлы), охота съ соколами, убиваніе туровъ и оленей, костюмы мужской и женскій—все указываетъ на бытъ свободныхъ, богатыхъ людей XII—XIII в. Кромѣ памятниковъ мірской поэзіи, существовала въ древней Руси аналогическая поэзія духовная—каноны, пѣсни и сказанія на мотивы церковные и апокрифическіе; интересенъ образчикъ внѣцерковной поэзіи, близко подходящій къ складу Слова о Полку Игоревѣ—такъ назыв. Слово о Лазаревѣ воскресеніи. Въ 1240 г. происходитъ разгромъ Кіева—главнаго центра древне-русской политической и духовной жизни. Ежели до тѣхъ поръ южно-русская жизнь и литература была до извѣстной степени обще-русской, то теперь общее теченіе видимо и все болѣе и болѣе развѣтвляется; одинъ потокъ отливаетъ на сѣверъ (Владиміръ, Суздаль, Москва), другой—на западъ (Волынь, Галичъ). Сначала мы видимъ еще слѣды общности: Серапіонъ Владимірскій—по происхожденію кіевлянинъ, Петръ—уроженецъ Галицкой Руси; составленныя въ Кіевѣ лѣтописныя записки входятъ въ составъ лѣтописи, редактированной въ концѣ XIII стол. въ Суздалѣ; кіевскіе митрополиты идутъ на сѣверъ и возвращаются оттуда. Но уже въ XIV стол. теченія расходятся; на сѣверѣ возникаетъ новая литература, хотя и на основаніи южнорусской письменной традиціи, но съ физіономіей другого этническаго облика; на юго-западѣ продолжается старая традиція и въ свою очередь осложняется новыми, западно-европейскими теченіями, вырабатывая новый типъ, отличный отъ сѣвернаго.

III. *Эпоха литовско-польскаго владычества.* Послѣ монгольскаго разгрома 1240 г. политическая жизнь, хотя и въ нѣкоторой зависимости отъ татаръ, продолжалась въ Галицкой Руси еще 100 лѣтъ. Оторванная отъ своего естественнаго центра, Кіева, она тянется къ западу, входитъ въ разнообразныя сношенія съ Венгріей, Австріей, Польшей, Германіей, Римомъ. Впервые подъ давленіемъ татарскаго ига возникаетъ мысль о болѣе тѣсной связи съ Западомъ посредствомъ уніи съ Римомъ, и эта мысль со временъ Данила Галицкаго не исчезаетъ; Южная Русь теперь, такъ сказать, поворачивается лицомъ къ Западу. Почти цѣлое столѣтіе кажется, что духовная жизнь и литература Южной Руси не измѣнилась, но только оскудѣла. Лѣтописныя повѣствованія продолжаются: къ Галицко-Волынской лѣтописи примыкаетъ Литовская, къ Кіевской, включенной въ Ипатьевскій сводъ—краткая Кіевская, повѣствующая главнымъ образомъ о южнорусскихъ событіяхъ конца XV и первой половины XVI стол. Церковно-учительная письменность состоитъ по прежнему изъ поученій митрополитовъ (Кипріанъ, Фотій, Цамвлакъ, Исидоръ). Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, чувствуется вѣяніе новаго времени. Русскіе митрополиты принуждены обращать свои взоры на Западъ: Цамвлакъ присутствуетъ на католическомъ соборѣ въ Констанцѣ (1414—1418), Исидоръ — въ Феррарѣ и Флоренціи (1438). Туда же обращаютъ свои взоры и свѣтскіе южноруссы: политическая унія Литвы съ Польшей втягиваетъ русскихъ бояръ и князей въ общеніе съ польской шляхтой и западнымъ просвѣщеніемъ. Конецъ XIV столѣтія—эпоха зарожденія гуманизма, основанія первыхъ университетовъ (1348 г. въ Прагѣ, 1400 г. въ Краковѣ); на территоріяхъ, опустошенныхъ татарами, начинаютъ возрождаться города—новые центры цивилизаціи; нѣкоторые, какъ Львовъ, населяются нѣмецкими и польскими колонистами, другіе имѣ-

ютъ преимущественно южнорусское населеніе, но получаютъ сперва отъ литовскихъ князей, а потомъ отъ польскихъ королей магдебургское право и значительныя льготы. Приливъ западныхъ колонистовъ вноситъ новый духъ въ южнорусское мѣщанство; въ борьбѣ за свои сословныя права оно постепенно доходитъ до мысли отстаивать также свои религіозные и національные интересы, составляетъ для этой цѣли церковныя братства, основываетъ школы и типографіи, пытается отвоевать себѣ право участія въ управленіи церковными дѣлами. Вліяніе новыхъ политическихъ обстоятельствъ отражается и на языкѣ новой Ю. литературы. Господство древне-церковнаго языка внѣ церкви падаетъ; занесенное изъ Болгаріи «добрословіе» почти не коснулось Южной Руси; письменный языкъ подпадаетъ сильному вліянію того государственнаго и канцелярскаго языка, который выработался въ Литвѣ на основаніи бѣлорусскаго нарѣчія, съ примѣсью польскихъ и латинскихъ терминовъ. По мѣрѣ своего распространенія въ Южной Руси этотъ языкъ въ концѣ XVI в. все болѣе и болѣе приближается къ мѣстному южнорусскому или украинскому языку, хотя и здѣсь не обошлось безъ реакціи. Однимъ изъ самыхъ могущественныхъ рычаговъ дальнѣйшаго развитія письменности и всей духовной жизни является книгопечатаніе, занесенное туда въ концѣ XV в. нѣмцемъ Швайпольтомъ Фіолемъ (1491), отпечатавшимъ въ Краковѣ пять церковно-славянскихъ литургическихъ книгъ. Въ XVI в. печатаетъ русскія книги Францискъ Скорина въ Прагѣ (1517 г.), потомъ въ Вильнѣ (1527). Вмѣстѣ съ другими югославянскими произведеніями, почерпнутыми иногда изъ латинскихъ источниковъ (Александріей сербской редакціи, Никодимовымъ евангеліемъ, переведеннымъ съ латынскаго), приходятъ и сербскія печатныя изданія Божидара Вуковича (1536—38), употреблявшіяся въ Ю. церквяхъ и монастыряхъ кое-гдѣ еще въ XVIII в. 40 лѣтъ спустя послѣ виленскихъ изданій Скорины начинается въ Южной Руси, съ легкой руки московскихъ выходцевъ Ивана Ѳедорова и Юрія Мстиславца, правильное книгопечатаніе, сперва въ Заблудовѣ, потомъ въ Вильнѣ, Львовѣ, Острогѣ и друг. менѣе значительныхъ городахъ и м-ряхъ, позже—въ Кіевѣ и Черниговѣ. Самое важное и замѣчательное изъ Ю. изданій конца XVI в. — знаменитая Острожская Библія 1580—81 гг. Это первое полное изданіе церковно-славянскаго перевода всей Библіи. Появляются и переводы евангелія на народный южнорусскій языкъ. Князь Курбскій, поселившись на Волыни, имѣлъ вліяніе на развитіе просвѣщенія въ Южной Руси. Горячій защитникъ православія, онъ видѣлъ его слабость въ недостаткѣ книгъ, самъ переводилъ творенія Іоанна Дамаскина, поощрялъ молодежь изучать греческій и латинскій языки, искать образованія въ западныхъ университетахъ. Послѣднія два десятилѣтія XVI в. ознаменовались значительнымъ подъемомъ общественнаго и умственнаго движенія въ Южной Руси. Изъ сближенія съ Западомъ выростаетъ цѣлый рядъ конфликтовъ между православными и латинянами, какъ борьба за реформу календаря и за церковную унію съ Римомъ (см. Унія, XXXIV, 821 сл.). Въ этой борьбѣ принимаютъ участіе не только духовные, но и мірскіе люди. Въ 1596 г. печатается первая грекославянская грамматика «Адельфотисъ». Возникаютъ многочисленныя школы, прежде всего въ городахъ, при братствахъ, которыя одною изъ своихъ главныхъ цѣлей ставятъ содержаніе «дascaла», т. е. учителя. Самый могущественный защитникъ православія, князь Константинъ Острожскій, основываетъ академію въ Острогѣ и всячески поощряетъ талантливыхъ и ученыхъ южноруссовъ къ защитѣ православія. Въ Острогѣ работаютъ Герасимъ Смотрицкій (см.), Василій Суражскій, авторъ ученой, но нѣсколько механически составленной «Книжицы о вѣрѣ единой» (1588), блестящій полемистъ Христофоръ Бронскій, авторъ «Апокризиса» (1598) или отвѣта православныхъ на второе изданіе книги Скарги «O jedności kościoła Bożego» и на уніатское изложеніе исторіи собора 1596 г. Во Львовѣ въ защитѣ православія выступаютъ мѣщане, главнымъ образомъ Красовскій и Рогатынецъ, послѣдній, вѣроятно, авторъ замѣчательнаго трактата: «Пересторога всѣмъ православнымъ зѣло потребная». Живостью изложенія, богатствомъ и образностью языка и искренностью чувства всѣхъ превосходитъ Иванъ Вишенскій, уроженецъ Галицкой Руси, аѳонскій монахъ, который въ своихъ посланіяхъ, кромѣ полемики съ латинянами, указываетъ православнымъ необходимость коренной реформы собственной жизни, необходимость демократизаціи общества и стойкости характера. Идеи Ивана Вишенскаго раздѣлялъ его другъ, тоже аѳонскій монахъ Іовъ Княгиницкій, основавшій иноческую обитель въ пустыни Марковой въ Карпатскихъ горахъ. Его наслѣдникъ въ игуменствѣ Ѳеодосій положилъ своимъ уставомъ общежитія и своимъ увѣщаніемъ къ инокамъ начало реформѣ православнаго иночества. Скитъ Манявскій сдѣлался исходной точкой возрожденія, и благодаря ему православіе держалось въ Галицкой Руси вплоть до конца XVII в. Скитъ былъ тоже очагомъ церковной проповѣди и поученій. Его основатель оставилъ намъ одну изъ первыхъ попытокъ литературной критики—разборъ сочиненія Кирилла Транквилліона-Ставровецкаго «Зерцало богословія». Инокъ Игнатій изъ Любарова написалъ интересное житіе Іова. Православіе защищали и другіе писатели, напр. братья Зизаніи-Тустановскіе, Стефанъ и Лаврентій (Лаврентій—авторъ церк.-слав. грамматики и букваря), Памва Беринда, авторъ перваго словаря церковнославянскаго языка (1627) и разныхъ панегирическихъ стихотвореній,—и наиболѣе плодовитый и начитанный, но наименѣе стойкій изъ нихъ Кириллъ Транквилліонъ Ставровецкій, авторъ «Учительнаго евангелія» (1619), «Зерцала Богословія» (1618), служившаго руководствомъ для священниковъ, и интереснаго собранія прозаическихъ и стихотворныхъ сочиненій, изданныхъ уже послѣ смерти автора, подъ загл.

«Перло многоцѣнное» (1646). Особенно стихотворныя части этой книги замѣчательны своимъ стихосложеніемъ, очень близкимъ къ той оригинальной формѣ, въ какой дошли до насъ изъ устъ кобзарей украинскія казацкія думы. Ставровецкій передъ смертью измѣнилъ православію и умеръ уніатомъ. Среди противниковъ православія главное мѣсто занималъ Ипатій Поцѣй, главный зачинщикъ уніи, епископъ владимірскій, впослѣдствіи уніатскій митрополитъ кіевскій, одинъ изъ лучшихъ мастеровъ тогдашняго языка (его образцомъ былъ Скарга), авторъ полемическихъ сочиненій: «Унія» (1595), «Антиррезисъ» (1599), «Гармонія» (1608) и отвѣта на письмо Мелетія Пигаса (1606), а также значительнаго числа проповѣдей, оставшихся не напечатанными и изданныхъ впослѣдствіи Львомъ Кишкой въ польскомъ переводѣ. Поцѣй—талантливый полемистъ, хорошо владѣетъ всѣми пріемами іезуитскаго краснорѣчія, умѣетъ мастерски поддѣлываться подъ личину сердечности и смиренномудрія, чтобы потомъ вдругъ перейти въ гордый и заносчивый тонъ человѣка власть имущаго. Въ этомъ отношеніи открытое письмо Мелетія и отвѣтъ на него Поцѣя составляютъ самый яркій и поучительный контрастъ. Возлѣ Поцѣя можно назвать развѣ Вельямина Рутскаго, реформатора Базиліанскаго ордена, который писалъ только по-польски и по-латыни и положилъ начало довольно богатой польской письменности Ю. базиліанъ въ XVII—XVIII в. Шатаніе между Русью и Польшей, между православіемъ и уніей или латинствомъ заѣдаетъ въ первой половинѣ XVII в. двухъ очень талантливыхъ, но слабохарактерныхъ южноруссовъ: Кассіана Саковича, сперва ректора братской школы въ Кіевѣ и автора стиховъ на похороны гетмана Петра Конашевича (1622), потомъ яраго «перекинчика», латинника и автора многихъ злобныхъ сочиненій противъ православія,—и Мелетія Смотрицкаго, сына Герасима, автора цѣнной полемической книги «Threnos, to jest lament wschodniej Cerkwie» (1610) и другихъ полемическихъ сочиненій въ защиту православія, которому онъ впослѣдствіи измѣнилъ (см. Мелетій Смотрицкій, XIX, 23). Около 1620 г. на первый планъ умственнаго и литературнаго движенія Южной Руси выступаетъ опять Кіевъ и удерживаетъ за собой это главенство почти до половины XVIII в. Здѣсь возникаютъ въ 1615 г. братская школа и типографія при Печерскомъ монастырѣ, который вмѣщаетъ въ своихъ стѣнахъ рядъ талантливыхъ и трудолюбивыхъ людей, какъ Елисей Плетенецкій, усидчивый переводчикъ съ греческаго разныхъ святоотеческихъ твореній, и Захарія Копыстенскій, ученый догматистъ («Книга о вѣрѣ»), переводчикъ и исправитель чужихъ переводовъ и, главное, авторъ «Палинодіи», монументальнаго полемическаго сочиненія противъ уніи, которое можно смѣло назвать суммой и вѣнцемъ всей южнорусской антиуніатской полемики. Въ свое время это сочиненіе не попало въ печать и не имѣло такого вліянія, какое могло бы имѣть. Оно свидѣтельствуетъ о громадной эрудиціи и строго логическомъ мышленіи автора, написано очень легко, живо и увлекательно, окрашено кое-гдѣ южнорусскимъ юморомъ и оживлено искреннимъ патріотизмомъ. Къ Печерскому монастырю и его кругу примыкаютъ Іовъ Борецкій, митрополитъ, одинъ изъ авторовъ полемическаго сочиненія противъ Смотрицкаго, Кальнофойскій, авторъ книги о чудесахъ Печерскаго монастыря («Teraturgema»), и Сильвестръ Коссовъ, впослѣдствіи митрополитъ, переводчикъ и первый издатель Печерскаго Патерика. Петръ Могила (см. XXIII, 484) вноситъ небывалое оживленіе въ церковную и умственную жизнь всего народа. Главное дѣло его жизни — основаніе Кіево-Могилянской коллегіи, которая должна была сдѣлаться забраломъ православія и южнорусской національности, пользуясь тѣмъ же оружіемъ, какимъ велись на нихъ нападенія со стороны враговъ — наукой и просвѣщеніемъ. Могила кладетъ начало реорганизаціи православной церкви, заботится о печатаніи литургическихъ книгъ, самъ подъ псевдонимомъ Евсевія Пимина сочиняетъ полемическую книгу «Лиѳосъ» (1642) противъ нападеній Саковича и издаетъ много другихъ книгъ, въ томъ числѣ замѣчательную энциклопедію нравственныхъ и житейскихъ поученій «Анѳологію» (1636 г.; первое русское изданіе богато иллюстрированное). Послѣдующія событія не дали надлежащаго роста сѣменамъ, брошеннымъ его рукой. Не прошло года послѣ его смерти, какъ въ Южной Руси вспыхнуло возстаніе Хмельницкаго, произведшее глубокія измѣненія во всемъ жизненномъ строѣ Украйны.—Въ XVI в. расцвѣтъ польской литературы захватилъ въ свое теченіе и многихъ южноруссовъ. Появляются переводимые съ польскаго сборники разсказовъ въ родѣ «Римскихъ дѣяній», «Семи мудрецовъ», «Трехъ королей» и «Большого Зерцала». Появляются рифмованные памфлеты на текущія событія, какъ утраченныя вирши Смотрицкаго отъ 1598 г. противъ реформы календаря («Вирши на отступниковъ»), какъ «Ляментъ» по поводу избіенія православныхъ въ Острогѣ въ 1622 г. или другой «Ляментъ людей побожныхъ» отъ 1638 г. Появляются назидательные и забавные діало[illegible] (души съ тѣломъ, православнаго съ уніато[illegible] Банкетъ духовный), начатки религіозной [illegible] мы, вертепа, интермедіи, какъ «Разгово[illegible] львовскаго учителя при ставропигійской [illegible] лѣ Леонтія Волковича (1630, 1631), [illegible] медіи поляка Гаваттовича (1619). [illegible] но съ этимъ движеніемъ и среди [illegible] никшаго общественнаго военнаго [illegible] зачества—зарождается новая [illegible] зія: дума. Наиболѣе давнія [illegible] существованіи въ Южной Руси [illegible] званныхъ думами, мы имѣемъ [illegible] стол., но тексты думъ отъ XV [illegible] до насъ не дошли. Самое [illegible] пѣсенъ—сербское (дума — [illegible] свидѣтельства о похожде[illegible] цовъ и музыкантовъ по [illegible] шѣ дѣлаютъ правдоподоб[illegible] то время думами [illegible] формой и содержаніемъ [illegible]

въ Южной Руси. Старый взглядъ, что національность—это государство, долженъ былъ рушиться; у поляковъ въ правобережной Украйнѣ онъ видоизмѣняется въ томъ смыслѣ, что національность—это шляхта, пока рядъ безплодныхъ возстаній и агитацій съ одной стороны и возникновеніе украинской, преимущественно крестьянской и хлопоманской литературы и упраздненіе крѣпостного права—съ другой, не наносятъ этому взгляду смертельнаго удара. Уже въ началѣ XIX в., подъ вліяніемъ Макферсонова «Оссіана», Гердеровыхъ «Идей», и первыхъ шаговъ славянскаго возрожденія, зарождается сознательное стремленіе возсозданія украинской національности посредствомъ изслѣдованія украинской исторіи и народной традиціи. Это стремленіе идетъ на встрѣчу не погасшимъ еще мечтаніямъ украинскаго дворянства объ автономіи страны. Почти одновременно дѣлается первая запись казацкихъ думъ (1808) и пишется талантливый политическій памфлетъ «Исторія Руссовъ», выдававшійся за сочиненіе Георгія Конисскаго, но написанный, какъ доказали новыя изслѣдованія, В. Г. Полетикой, бывшимъ украинскимъ депутатомъ въ Екатерининскую коммиссію. 1798-ый годъ считается началомъ новой украинской литературы: въ этомъ году вышла первая часть «Перелицованной Энеиды» И. П. Котляревскаго (XVI, 442). Теперь извѣстно, что Котляревскій для своей поэмы воспользовался готовой канвой и даже стихотворной формой великорусской «Энеиды на изнанку» Осипова; но онъ внесъ въ эту передѣлку столько сердечнаго тепла, тонкаго юмора и живыхъ красокъ своей родины, что его «Энеида», особенно ея первая половина, и до сихъ поръ не потеряла своей прелести. Въ «Энеидѣ» Котляревскій является до извѣстной степени продолжателемъ и художественнымъ усовершенствователемъ украинскихъ виршей XVIII в. (его «Ода до князя Куракина» примыкаетъ къ нимъ еще ближе); въ своихъ драматическихъ опытахъ — «Наталкѣ Полтавкѣ» особенно въ «Москалѣ чаривникѣ»,—онъ продолжаетъ, по крайней мѣрѣ въ юмористическихъ роляхъ (Вознаго, Выборнаго и др.) традицію украинскихъ интермедій. Но вмѣстѣ съ тѣмъ какъ въ Энеидѣ, такъ и въ драмахъ Котляревскій вноситъ и новое: безупречно чистый, народный и богатый языкъ, искреннюю любовь къ родинѣ и особенно къ ея рабочему, слишкомъ часто унижаемому и оскорбляемому населенію. Этотъ глубокій гуманизмъ, котораго первымъ глашатаемъ былъ Сковорода, дѣлается основаніемъ всѣхъ лучшихъ сочиненій украинской литературы XIX в. Почти полстолѣтія она разыгрываетъ разныя варіаціи преимущественно на двухъ струнахъ: юмористической и патетически-сентиментальной. Юмористическій тонъ заимствуетъ у Котляревскаго П. Гулакъ-Артемовскій, не съумѣвшій, однако, держаться на идейной высотѣ Котляревскаго; довольно неудачно пробуетъ этотъ тонъ въ своихъ «Наськихъ украицскихъ казкахъ» Іосифъ Бодянскій, впослѣдствіи нашедшій свое настоящее призваніе на совсѣмъ другомъ поприщѣ. Юмористическій тонъ, державшійся у Котляревскаго всегда въ границахъ художественнаго такта, доходящій иногда до шаржа у Гулака-Артемовскаго, превращается въ какое-то юродство у болѣе позднихъ подражателей, какъ Писаревскій, Билецкій-Носенко, Кореницкій и др., не обладавшихъ, притомъ, ни талантомъ, ни широкими взглядами Котляревскаго. Въ 30-хъ годахъ выдвигается на первый планъ симпатичная фигура Григорія Квитки-Основьяненка (XIV, 880), перваго украинскаго новеллиста-бытописателя. И у него, какъ у Котляревскаго, юморъ соединяется съ патетической чувствительностью, которая, однако, не доходитъ нигдѣ до приторности и всегда искренняя. Его «Украинскіе разсказы», иногда довольно наивные, до сихъ поръ не потеряли своего значенія благодаря не только прекрасному мелодическому языку, но и широкому знакомству автора съ бытомъ народа, множеству интересныхъ этнографическихъ наблюденій и, главное, теплому чувству любви и жизнерадостности, какимъ они навѣяны. Юмористическій разсказъ «Конотопська видьма», даетъ замѣчательную картину «гетьманскихъ» порядковъ изъ времени ихъ доживанія въ половинѣ XVIII в.; фигуры конотопскаго сотника и особенно его писаря Пистряка являются почти историческими документами. Менѣе счастливъ былъ онъ въ своихъ драматическихъ опытахъ, хотя и здѣсь «Сватанье на Гончаривци»—значительный шагъ впередъ сравнительно съ грубымъ комизмомъ и незатѣйливыми интригами прежнихъ интермедій. Съ 1818 года идетъ изданіе замѣчательныхъ произведеній украинской народной поэзіи (сборники кн. Цертелева, Лукашевича, Максимовича); дилетантскія, но руководимыя непритворнымъ энтузіазмомъ усилія поляка Зоріана Доленги Ходаковскаго обращаютъ вниманіе на богатую археологію Украйны; поэты польской «украинской школы» съ политическими цѣлями стараются оживить и среди польской шляхты, и среди народа казацкія традиціи; одинъ изъ нихъ, Падурра, не только старается писать по-украински, но предпринимаетъ въ 1828 г. путешествіе въ мѣста бывшей сѣчи Запорожской и на лѣвый берегъ Днѣпра съ цѣлью пропаганды казацкихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ полонофильскихъ идей. Въ то же время Украйна даетъ и русской литературѣ рядъ замѣчательныхъ дѣятелей, начиная съ Богдановича и Капниста, Нарѣжнаго и Погорѣльскаго, кончая Гнѣдичемъ и геніальнымъ Н. В. Гоголемъ, отецъ котораго, авторъ нѣсколькихъ утраченныхъ и одной уцѣлѣвшей украинской комедіи, принадлежитъ къ современникамъ и подражателямъ Котляревскаго. Всѣ эти украинцы оказываютъ значительное вліяніе на великорусскую литературу и въ свою очередь содѣйствуютъ развитію среди украинцевъ гуманныхъ, прогрессивныхъ идей. Нѣкоторые великорусскіе писатели пользуются украинскими сюжетами для выраженія такихъ же свободолюбивыхъ и гуманныхъ идей (Рылѣевъ—въ «Исповѣди Наливайки» и «Войнаровскомъ», Пушкинъ—въ «Полтавѣ»). Въ 1840-хъ годахъ

выступаетъ на сцену Шевченко (см. XXXIX, 355), уроженецъ правобережной Украйны и спеціально того ея уголка, гдѣ въ 1768 г. разыгралось «послѣднее историческое событіе старой Украйны»—уманская рѣзня. Онъ вынесъ на собѣ всѣ невзгоды неприглядного сиротства подъ крестьянской стрѣхой, узналъ польскій элементъ въ самыхъ его центрахъ — Вильнѣ и Варшавѣ, и вздохнулъ свободнѣе только среди русскаго общества и своихъ земляковъ въ Петербургѣ. Въ украинскую поэзію онъ сразу вносить то, чего въ ней до тѣхъ поръ не было—страсть, огонь, увлекательность, какую-то элементарную силу. Это уже не идиллическая беззаботность казаковъ Богдана Залѣскаго, не мелодраматическая демоничность гайдамаковъ Гощинскаго, даже не тихая меланхолія Кольцова — это живой человѣкъ съ богатымъ душевнымъ содержаніемъ, живая энергичная натура, для которой поэзія не игрушка, не рисовка, но естественное и простое выраженіе чувства, какъ пѣніе для птицы. Гамма его тоновъ широкая: онъ тоскуетъ, падаетъ духомъ и поднимается, способенъ къ гнѣву и угрозамъ и вмѣстѣ съ тѣмъ къ самымъ мягкимъ и нѣжнымъ чувствамъ; онъ мечтатель и вмѣстѣ съ тѣмъ очень чутокъ къ запросамъ дѣйствительности; онъ веселъ, но совсѣмъ безъ юмористической жилки, патетиченъ, но безъ тѣни театральности; онъ вездѣ простъ и искрененъ. Неудивительно, что его поэзія сразу поразила его земляковъ какъ какое-то откровеніе, тѣмъ болѣе, что и внѣшняя форма ея была вполнѣ національна, а языкъ, при всей своей неизысканности образный, мелодическій и колоритный, блестѣлъ всѣми красотами родной рѣчи. Его талантъ, особенно послѣ поѣздки въ Украйну въ 1843 г., крѣпнетъ и прокладываетъ себѣ новые пути; его мысль дѣлается сильной и смѣлой; въ прошломъ и настоящемъ Украйны она доискивается основныхъ соціальныхъ явленій и человѣческихъ отношеній. Съ неслыханной въ то время смѣлостью онъ указываетъ изнанку того, чѣмъ восхищались тогдашніе «патріоты» въ прошломъ и настоящемъ Украйны и Россіи. Въ то же время выступаютъ еще два замѣчательные и талантливые дѣятеля украинской литературы— П. А. Кулишъ (XVI, 959) и Н. И. Костомаровъ (XVI, 401). Многосторонняя и плодовитая дѣятельность ихъ принадлежитъ въ значительной мѣрѣ русской литературѣ и наукѣ, хотя родная Украйна, ея прошлое и нужды ея настоящаго являются главнымъ средоточіемъ ихъ интересовъ и работъ. Усидчивый и энергическій работникъ, собиратель самаго разнообразнаго матеріала, притомъ натура страстная и самоувѣренная, Кулишъ былъ какъ бы маховымъ колесомъ машины, которое само не создаетъ движенія, но разъ созданному даетъ равномѣрность и силу. Безъ творческою силы, какой обладали, напр., Пушкинъ, Гоголь или Шевченко, Кулишъ всю жизнь искалъ новыхъ дорогъ, сгаралъ страстью сказать какое-то великое слово. Въ данный моментъ твердо увѣренный въ правотѣ своего сужденія, онъ тѣмъ не менѣе вскорѣ отвергалъ его, чтобы опять съ такой же самоувѣренностью отстаивать какое-нибудь другое. Это колебанія составляли трагедію его жизни, но вносили ферментъ въ литературную жизнь Украйны; въ критическихъ произведеніяхъ Кулиша, при многихъ несправедливыхъ и одностороннихъ сужденіяхъ, затрогивались вѣрныя и глубокія мысли, не падавшія даромъ на украинскую почву. Совсѣмъ другого склада человѣкъ былъ Костомаровъ: натура спокойная и уравновѣшенная, съ солидной научной подготовкой, какой не было у Кулиша, онъ рано попалъ въ свою настоящую колею, сдѣлался историкомъ Украйны и послѣдовательно всю свою жизнь работалъ надъ выполненіемъ плана, намѣченнаго еще въ 40-ые годы—дать своимъ современникамъ полный курсъ исторіи Украйны въ цѣльномъ освѣщеніи, какъ исторіи народа, стремящагося къ федеративному, автономному устройству. Изъ менѣе вліятельныхъ, но все-таки талантливыхъ работниковъ, прежде всего слѣдуетъ упомянуть Евгенія Гребенку, инициатора освобожденія Шевченка отъ крѣпостного состоянія, автора посредственныхъ русскихъ разсказовъ, вылившаго всю свою поэтическую душу и любовь къ Украйнѣ въ нѣсколькихъ прекрасныхъ лирическихъ пьесахъ и въ двухъ десяткахъ басенъ, написанныхъ по-украински («Малороссійскія приказки», 1834, 1836, 1841). Гребенка шелъ путемъ, проложеннымъ въ русской литературѣ Крыловымъ, но шелъ довольно самостоятельно, не подражая Крылову, внося въ свои басни украинскій пейзажъ и міровоззрѣніе украинскаго мужика. Его сатира не широкая и не ѣдкая, хотя далеко не безъ-идейная, юморъ свободный и далекій отъ шаржа, языкъ прекрасный. Амвросій Метлинскій, авторъ удачныхъ стихотвореній («Думки и пѣсни», «Сиритка», «Глекъ») издалъ замѣчательный «Южный русскій Сборникъ» (1848), гдѣ спасены отъ забвенія сочиненія нѣсколькихъ украинскихъ поэтовъ того времени. Аѳанасьевъ Чужбинскій написалъ нѣсколько прекрасныхъ лирическихъ пьесъ («Скажи мени правду, мій любый козаче», посланіе къ Шевченку—«Гарно твоя кобза грае»). Михаилъ Макаровскій, авторъ поэмъ «Наталя» (подражаніе «Герману и Доротеѣ» Гете) и «Гарасько» (передѣлка «Кавказскаго плѣнника» Пушкина). Болѣе оригиналенъ, но не свободенъ отъ шаржа, Стефанъ Александровскій, авторъ поэмы «Вовкулака». Объ общемъ подъемѣ духа среди украинской молодежи того времени, о серьезной идейной работѣ среди ней всего лучше свидѣтельствуетъ основанный въ Кіевѣ въ 1846 г. кружокъ «Кирилло-Меѳодіевское братство», ставившій для литературной и научной работы украинцевъ широкія общественныя и политическія цѣли. Иниціаторомъ этого кружка былъ Костомаровъ; Шевченко сдѣлался самымъ горячимъ глашатаемъ его идей и облекъ славянскую программу кружка въ памятныя слова: «Щобъ усѝ Славяне стали добрыми братами и сынами сонця правды». Разгромъ Кирилло-Меѳодіевскаго братства и сопровождавшія его полицейскія мѣры противъ многихъ украинцевъ значительно ослабили едва зарождавшееся литературное движеніе. Начинается антрактъ въ исторіи украинской лите-

въ Южной Руси. Старый взглядъ, что національность—это государство, долженъ былъ рушиться; у поляковъ въ правобережной Украйнѣ онъ видоизмѣняется въ томъ смыслѣ, что національность—это шляхта, пока рядъ безплодныхъ возстаній и агитацій съ одной стороны и возникновеніе украинской, преимущественно крестьянской и хлопоманской литературы и упраздненіе крѣпостного права —съ другой, не наносятъ этому взгляду смертельнаго удара. Уже въ началѣ XIX в., подъ вліяніемъ Макферсонова «Оссіана», Гердеровыхъ «Идей», и первыхъ шаговъ славянскаго возрожденія, зарождается сознательное стремленіе возсозданія украинской національности посредствомъ изслѣдованія украинской исторіи и народной традиціи. Это стремленіе идетъ на встрѣчу не погасшимъ еще мечтаніямъ украинскаго дворянства объ автономіи страны. Почти одновременно дѣлается первая запись казацкихъ думъ (1808) и пишется талантливый политическій памфлетъ «Исторія Руссовъ», выдававшійся за сочиненіе Георгія Конисскаго, но написанный, какъ доказали новыя изслѣдованія, В. Г. Полетикой, бывшимъ украинскимъ депутатомъ въ Екатерининскую коммиссію. 1798-ый годъ считается началомъ новой украинской литературы: въ этомъ году вышла первая часть «Перелицованной Энеиды» И. П. Котляревскаго (XVI, 442). Теперь извѣстно, что Котляревскій для своей поэмы воспользовался готовой канвой и даже стихотворной формой великорусской «Энеиды на изнанку» Осипова; но онъ внесъ въ эту передѣлку столько сердечнаго тепла, тонкаго юмора и живыхъ красокъ своей родины, что его «Энеида», особенно ея первая половина, и до сихъ поръ не потеряла своей прелести. Въ «Энеидѣ» Котляревскій является до извѣстной степени продолжателемъ и художественнымъ усовершенствователемъ украинскихъ виршей XVIII в. (его «Ода до князя Куракина» примыкаетъ къ нимъ еще ближе); въ своихъ драматическихъ опытахъ — «Наталкѣ Полтавкѣ» особенно въ «Москалѣ чаривникѣ»,— онъ продолжаетъ, по крайней мѣрѣ въ юмористическихъ роляхъ (Вознаго, Выборнаго и др.) традицію украинскихъ интермедій. Но вмѣстѣ съ тѣмъ какъ въ Энеидѣ, такъ и въ драмахъ Котляревскій вноситъ и новое: безупречно чистый, народный и богатый языкъ, искреннюю любовь къ родинѣ и особенно къ ея рабочему, слишкомъ часто унижаемому и оскорбляемому населенію. Этотъ глубокій гуманизмъ, котораго первымъ глашатаемъ былъ Сковорода, дѣлается основаніемъ всѣхъ лучшихъ сочиненій украинской литературы XIX в. Почти полстолѣтія она разыгрываетъ разныя варіаціи преимущественно на двухъ струнахъ: юмористической и патетически-сентиментальной. Юмористическій тонъ заимствуетъ у Котляревскаго П. Гулакъ-Артемовскій, не съумѣвшій, однако, держаться на идейной высотѣ Котляревскаго; довольно неудачно пробуетъ этотъ тонъ въ своихъ «Наськихъ украинскихъ казкахъ» Іосифъ Бодянскій, впослѣдствіи нашедшій свое настоящее призваніе на совсѣмъ другомъ поприщѣ. Юмористическій тонъ, державшійся у Котляревскаго всегда въ границахъ художественнаго такта, доходящій иногда до шаржа у Гулака-Артемовскаго, превращается въ какое-то юродство у болѣе позднихъ подражателей, какъ Писаревскій, Билецкій-Носенко, Кореницкій и др., не обладавшихъ, притомъ, ни талантомъ, ни широкими взглядами Котляревскаго. Въ 30-хъ годахъ выдвигается на первый планъ симпатичная фигура Григорія Квитки-Основьяненка (XIV, 880), перваго украинскаго новеллиста-бытописателя. И у него, какъ у Котляревскаго, юморъ соединяется съ патетической чувствительностью, которая, однако, не доходитъ нигдѣ до приторности и всегда искренняя. Его «Украинскіе разсказы», иногда довольно наивные, до сихъ поръ не потеряли своего значенія благодаря не только прекрасному мелодическому языку, но и широкому знакомству автора съ бытомъ народа, множеству интересныхъ этнографическихъ наблюденій и, главное, теплому чувству любви и жизнерадостности, какимъ они навѣяны. Юмористическій разсказъ «Конотопська видьма», даетъ замѣчательную картину «гетьманскихъ» порядковъ изъ времени ихъ доживанія въ половинѣ XVIII в.; фигуры конотопскаго сотника и особенно его писаря Пистряка являются почти историческими документами. Менѣе счастливъ былъ онъ въ своихъ драматическихъ опытахъ, хотя и здѣсь «Сватанье на Гончаривци»— значительный шагъ впередъ сравнительно съ грубымъ комизмомъ и незатѣйливыми интригами прежнихъ интермедій. Съ 1818 года идетъ изданіе замѣчательныхъ произведеній украинской народной поэзіи (сборники кн. Цертелева, Лукашевича, Максимовича); дилетантскія, но руководимыя непритворнымъ энтузіазмомъ усилія поляка Зоріана Доленги Ходаковскаго обращаютъ вниманіе на богатую археологію Украйны; поэты польской «украинской школы» съ политическими цѣлями стараются оживить и среди польской шляхты, и среди народа казацкія традиціи; одинъ изъ нихъ, Падурра, не только старается писать по-украински, но предпринимаетъ въ 1828 г. путешествіе въ мѣста бывшей сѣчи Запорожской и на лѣвый берегъ Днѣпра съ цѣлью пропаганды казацкихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ полонофильскихъ идей. Въ то же время Украйна даетъ и русской литературѣ рядъ замѣчательныхъ дѣятелей, начиная съ Богдановича и Капниста, Нарѣжнаго и Погорѣльскаго, кончая Гнѣдичемъ и геніальнымъ Н. В. Гоголемъ, отецъ котораго, авторъ нѣсколькихъ утраченныхъ и одной уцѣлѣвшей украинской комедіи, принадлежитъ къ современникамъ и подражателямъ Котляревскаго. Всѣ эти украинцы оказываютъ значительное вліяніе на великорусскую литературу и въ свою очередь содѣйствуютъ развитію среди украинцевъ гуманныхъ, прогрессивныхъ идей. Нѣкоторые великорусскіе писатели пользуются украинскими сюжетами для выраженія такихъ же свободолюбивыхъ и гуманныхъ идей (Рылѣевъ—въ «Исповѣди Наливайки» и «Войнаровскомъ», Пушкинъ—въ «Полтавѣ»). Въ 1840-хъ годахъ

выступаетъ на сцену Шевченко (см. XXXIX, 355), уроженецъ правобережной Украйны и спеціально того ея уголка, гдѣ въ 1768 г. разыгралось «послѣднее историческое событіе старой Украйны»—уманская рѣзня. Онъ вынесъ на себѣ всѣ невзгоды непригляднаго сиротства подъ крестьянской стрѣхой, узналъ польскій элементъ въ самыхъ его центрахъ — Вильнѣ и Варшавѣ, и вздохнулъ свободнѣе только среди русскаго общества и своихъ земляковъ въ Петербургѣ. Въ украинскую поэзію онъ сразу вноситъ то, чего въ ней до тѣхъ поръ не было—страсть, огонь, увлекательность, какую-то элементарную силу. Это уже не идиллическая беззаботность казаковъ Богдана Залѣскаго, не мелодраматическая демоничность гайдамаковъ Гощинскаго, даже не тихая меланхолія Кольцова — это живой человѣкъ съ богатымъ душевнымъ содержаніемъ, живая энергичная натура, для которой поэзія не игрушка, не рисовка, но естественное и простое выраженіе чувства, какъ пѣніе для птицы. Гамма его тоновъ широкая: онъ тоскуетъ, падаетъ духомъ и поднимается, способенъ къ гнѣву и угрозамъ и вмѣстѣ съ тѣмъ къ самымъ мягкимъ и нѣжнымъ чувствамъ; онъ мечтатель и вмѣстѣ съ тѣмъ очень чутокъ къ запросамъ дѣйствительности; онъ веселъ, но совсѣмъ безъ юмористической жилки, патетиченъ, но безъ тѣни театральности; онъ вездѣ простъ и искрененъ. Неудивительно, что его поэзія сразу поразила его земляковъ какъ какое-то откровеніе, тѣмъ болѣе, что и внѣшняя форма ея была вполнѣ національна, а языкъ, при всей своей неизысканности образный, мелодическій и колоритный, блестѣлъ всѣми красотами родной рѣчи. Его талантъ, особенно послѣ поѣздки въ Украйну въ 1843 г., крѣпнетъ и прокладываетъ себѣ новые пути; его мысль дѣлается сильной и смѣлой; въ прошломъ и настоящемъ Украйны она доискивается основныхъ соціальныхъ явленій и человѣческихъ отношеній. Съ неслыханной въ то время смѣлостью онъ указываетъ изнанку того, чѣмъ восхищались тогдашніе «патріоты» въ прошломъ и настоящемъ Украйны и Россіи. Въ то же время выступаютъ еще два замѣчательные и талантливые дѣятеля украинской литературы—П. А. Кулишъ (XVI, 959) и Н. И. Костомаровъ (XVI, 401). Многостороняя и плодовитая дѣятельность ихъ принадлежитъ въ значительной мѣрѣ русской литературѣ и наукѣ, хотя родная Украйна, ея прошлое и нужды ея настоящаго являются главнымъ средоточіемъ ихъ интересовъ и работъ. Усидчивый и энергическій работникъ, собиратель самаго разнообразнаго матеріала, притомъ натура страстная и самоувѣренная, Кулишъ былъ какъ бы маховымъ колесомъ машины, которое само не создаетъ движенія, но разъ созданному даетъ равномѣрность и силу. Безъ творческой силы, какой обладали, напр., Пушкинъ, Гоголь или Шевченко, Кулишъ всю жизнь искалъ новыхъ дорогъ, сгаралъ страстью сказать какое-то великое слово. Въ данный моментъ твердо увѣренный въ правотѣ своего сужденія, онъ тѣмъ не менѣе вскорѣ отвергалъ его, чтобы опять съ такой же самоувѣренностью отстаивать какое-нибудь другое. Это колебанія составляли трагедію его жизни, но вносили ферментъ въ литературную жизнь Украйны; въ критическихъ произведеніяхъ Кулиша, при многихъ несправедливыхъ и одностороннихъ сужденіяхъ, затрогивались вѣрныя и глубокія мысли, не падавшія даромъ на украинскую почву. Совсѣмъ другого склада человѣкъ былъ Костомаровъ: натура спокойная и уравновѣшенная, съ солидной научной подготовкой, какой не было у Кулиша, онъ рано попалъ въ свою настоящую колею, сдѣлался историкомъ Украйны и послѣдовательно всю свою жизнь работалъ надъ выполненіемъ плана, намѣченнаго еще въ 40-ые годы—дать своимъ современникамъ полный курсъ исторіи Украйны въ цѣльномъ освѣщеніи, какъ исторіи народа, стремящагося къ федеративному, автономному устройству. Изъ менѣе вліятельныхъ, но все-таки талантливыхъ работниковъ, прежде всего слѣдуетъ упомянуть Евгенія Гребенку, иниціатора освобожденія Шевченка отъ крѣпостного состоянія, автора посредственныхъ русскихъ разсказовъ, вылившаго всю свою поэтическую душу и любовь къ Украйнѣ въ нѣсколькихъ прекрасныхъ лирическихъ пьесахъ и въ двухъ десяткахъ басенъ, написанныхъ по-украински («Малороссійскія приказки», 1834, 1836, 1841). Гребенка шелъ путемъ, проложеннымъ въ русской литературѣ Крыловымъ, но шелъ довольно самостоятельно, не подражая Крылову, внося въ свои басни украинскій пейзажъ и міровоззрѣніе украинскаго мужика. Его сатира не широкая и не ѣдкая, хотя далеко не безъ-идейная, юморъ свободный и далекій отъ шаржа, языкъ прекрасный. Амвросій Метлинскій, авторъ удачныхъ стихотвореній («Думки и пѣсни», «Сиритка», «Глекъ») издалъ замѣчательный «Южный русскій Сборникъ» (1848), гдѣ спасены отъ забвенія сочиненія нѣсколькихъ украинскихъ поэтовъ того времени. Аѳанасьевъ Чужбинскій написалъ нѣсколько прекрасныхъ лирическихъ пьесъ («Скажи мени правду, мій любый козаче», посланіе къ Шевченку—«Гарно твоя кобза грае»). Михаилъ Макаровскій, авторъ поэмъ «Наталя» (подражаніе «Герману и Доротеѣ» Гете) и «Гарасько» (передѣлка «Кавказскаго плѣнника» Пушкина). Болѣе оригиналенъ, но не свободенъ отъ шаржа, Стефанъ Александровскій, авторъ поэмы «Вовкулака». Объ общемъ подъемѣ духа среди украинской молодежи того времени, о серьезной идейной работѣ среди ней всего лучше свидѣтельствуетъ основанный въ Кіевѣ въ 1846 г. кружокъ «Кирилло-Меѳодіевское братство», ставившій для литературной и научной работы украинцевъ широкія общественныя и политическія цѣли. Иниціаторомъ этого кружка былъ Костомаровъ; Шевченко сдѣлался самымъ горячимъ глашатаемъ его идей и облекъ славянскую программу кружка въ памятныя слова: «Щобъ усн Славяне сталы добрыми братами и сынами сонця правды». Разгромъ Кирилло-Меѳодіевскаго братства и сопровождавшія его полицейскія мѣры противъ многихъ украинцевъ значительно ослабили едва зарождавшееся литературное движеніе. Начинается антрактъ въ исторіи украинской лите-

представило русскому міру язвы крѣпостного состоянія и вмѣстѣ съ тѣмъ дало возможность читателямъ глубже заглянуть въ душу крестьянъ. Здѣсь какъ будто говорилъ самъ народъ, и его рѣчь, полная тихой меланхоліи, поражала своей простотой, гуманностью и мелодичностью. Украинскіе разсказы Марка Вовчка произвели сенсацію даже въ русской литературѣ; въ украинской литературѣ они и до сихъ поръ считаются недостижимыми образцами языка, хотя манера разсказчицы и способъ воспроизведенія жизни нѣсколько устарѣли. Послѣднимъ изъ кирилло-меѳодіанцевъ возвратился изъ ссылки Шевченко. Громадное большинство его новыхъ стихотвореній было нецензурно и не могло предстать передъ болѣе широкой публикой. Погромъ 1847 г. заставилъ даже болѣе видныхъ кирилло-меѳодіанцевъ уйти въ себя или совсѣмъ отказаться отъ политическихъ мечтаній. Когда въ 1861 г. украинцы начали изданіе собственнаго журнала «Основа», онъ сталъ развивать не широкую и свободолюбивую программу Кирилло-Меѳодіевскаго братства, а довольно тѣсную и для прогрессивныхъ украинцевъ мало въ то время интересную программу національнаго обособленія Украйны, безъ сведенія счетовъ съ назрѣвавшими въ ту пору жгучими вопросами русской общественной жизни. Научный дилетантизмъ и политическое доктринерство Кулиша были, кажется, главной помѣхой успѣху журнала; Шевченко, авторитетъ котораго могъ служить противовѣсомъ Кулишу, умеръ въ самомъ началѣ предпріятія (въ февралѣ 1861 г.), Костомаровъ не могъ сладить съ Кулишемъ—и вотъ, журналъ, на который вся Южная Русь возлагала большія надежды и который далъ дѣйствительно много цѣннаго, послѣ двухлѣтняго существованія прекратился не отъ злоключеній, а отъ истощенія силъ, какъ разъ въ ту пору, когда противъ украинскаго литературнаго и общественнаго движенія собирались грозныя тучи. Въ Украйнѣ, подъ вліяніемъ общаго оживленія, вызваннаго эпохой реформъ, расло, между тѣмъ, національное сознаніе; сливаясь съ прогрессивными европейскими идеями, оно порождало среди молодежи стремленіе сблизиться съ простымъ народомъ и работать въ его пользу. У менѣе зрѣлыхъ умовъ это стремленіе иногда принимало нѣсколько карикатурный характеръ: свое сближеніе съ народомъ молодые люди проявляли прежде всего тѣмъ, что надѣвали крестьянскій костюмъ, подражали крестьянскимъ манерамъ. Въ правобережной Украйнѣ это было прямымъ продолженіемъ традиціи польскихъ такъ называемыхъ балагуловъ конца 30-хъ и 40-хъ годовъ, и здѣсь же для этого явленія возникло названіе «хлопоманія». Въ этомъ названіи было нѣчто худшее, чѣмъ презрѣніе польскаго шляхтича къ мужицкому языку, костюму и манерамъ. Когда молодежь отъ формальныхъ подражаній перешла къ дѣйствительному труду на пользу украинскаго народа, когда въ Полтавѣ, Кіевѣ и другихъ городахъ возникли воскресныя школы, гдѣ «хлопоманы», кромѣ чтенія и письма, начали преподавать народу основанія родной исторіи, когда, вслѣдствіе запроса со стороны этихъ школъ, начали появляться элементарные учебники на украинскомъ языкѣ («Букварь» Шевченка, «Граматка» Кулиша, «Щотныця» Конисскаго и т. п.), польскіе душевладѣльцы всполошились; имъ начали мерещиться «гайдамацкіе ножи», и они, сами приготовляясь уже къ возстанію, поспѣшили обратиться къ правительству съ доносомъ на «хлопомановъ», умышляющихъ якобы сепаратизмъ и соціальную революцію. Они добивались не только запрета невиннѣйшей «Граматки» Кулиша, но даже срытія могилы Шевченка, въ которой, будто бы, припрятаны ножи для близкой рѣзни. Особенно сердило этихъ «охранителей» то, что среди польской молодежи многіе увлеклись идеями прогресса и стояло противъ шляхты, а одна часть пошла еще дальше и требовала отъ украинскихъ поляковъ обращенія въ украинцевъ и служенія украинскому народу. Начало этому положили два талантливые и беззавѣтно преданные своей идеѣ юноши, В. Б. Антоновичъ и Ѳ. Рыльскій, которые въ «Основѣ» мотивировали свою «Исповѣдь» ко всеобщему ужасу украинскихъ поляковъ. Среди болѣе стараго поколѣнія украинскихъ дѣятелей не было человѣка, который бы умѣлъ поддержать эти новыя теченія. Правда, запросъ на элементарныя книги былъ сочувственно встрѣченъ и Кулишемъ, и Костомаровымъ; первый самъ составилъ нѣсколько учебниковъ (не безупречныхъ съ педагогической точки зрѣнія), второй обратился къ публикѣ съ воззваніемъ о собраніи фонда для печатанія такихъ книгъ. Разные доносы и послѣдовавшее затѣмъ польское возстаніе 1863 г. заставили правительство, изъ опасенія «сепаратизма», запретить употребленіе украинскаго языка въ народныхъ школахъ, прекратить печатаніе украинскихъ учебниковъ и даже прибѣгнуть къ арестамъ и ссылкамъ. Потерпѣли на этотъ разъ Конисскій, П. Чубинскій и еще нѣкоторые, сосланные въ Архангельскъ, Вологду и т. п. Это было началомъ второго антракта въ исторіи украинской литературы, длившагося почти до 1870 г. Что сравнительно не очень грозныя мѣропріятія правительства противъ украйнофиловъ могли вызвать такой застой, какой мы видимъ въ украинской литературѣ 1863—1870 гг.—это можно объяснить только слабохарактерностью вожаковъ движенія и недостаточной разработкой основныхъ его идей. Стороженко, талантливый, но довольно безъидейный разсказчикъ, послѣ 1862 г. почти совсѣмъ замолкъ и только въ посмертныхъ бумагахъ оставилъ попытку историческаго разсказа: «Марко Проклятый»—попытку и въ художественномъ, и въ историческомъ отношеніи совсѣмъ невысокаго качества. Къ писателямъ, начавшимъ въ «Основѣ» свою карьеру, принадлежитъ даровитый, но какъ-то зарывшій свой талантъ Стефанъ Руданскій, который при жизни успѣлъ напечатать только нѣсколько лирическихъ пьесъ, очень красивыхъ и задушевныхъ, но послѣ котораго осталась въ рукописяхъ масса сочиненій, въ томъ числѣ необыкновенно богатая коллекція украинскихъ народныхъ раз-

польскій языкъ и обращаться даже къ простому народу съ польскими проповѣдями. Даже сознательные русины слѣдуютъ этому общему теченію; одинъ изъ лекторовъ «русинскаго университета», Михаилъ Гарасевичъ, издаетъ (1777—78) польскій журналъ «Dziennik patryotycznych politików» и пишетъ свои «Annales ecclesiae ruthenae» по-латыни; русинскіе клирошане Левинскій и Бродовичъ пишутъ свои мемуары, свидѣтельствующіе о живомъ чувствѣ національной обособленности отъ поляковъ, по-польски; львовскій митрополитъ Ангеловичъ защищаетъ австрійское правительство противъ упрековъ въ вѣроломствѣ на польскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ, но съ пастырскими посланіями къ своей паствѣ обращается только по-польски; тотъ же языкъ употребляетъ и такой горячій русинскій патріотъ, какъ перемышльскій епископъ Іоаннъ Снѣгурскій. Причины этому: съ одной стороны зачаточное состояніе русинской письменности и просвѣщенія, при забвеніи старой литературы и при оторванности галицкихъ русиновъ отъ общенія съ прочимъ русскимъ міромъ; съ другой стороны—обаяніе польской революціонно-демократической легенды (Костюшко, легіоны) и новой польской литературы, пышно расцвѣтавшей именно послѣ паденія польскаго государства. Только съ началомъ 30-хъ годовъ чувствуется новое вѣяніе. Польское возстаніе 1830—31 г. встрѣчаетъ среди значительной части русинской интеллигенціи глухую оппозицію, нашедшую литературное отраженіе въ популярной тогда—польской!—пѣснѣ: «Kto Lach, ma strach». Изъ Украйны проникаютъ въ Галицію «Энеида» Котляревскаго, грамматика Павловскаго, собранія народныхъ пѣсенъ Цертелева и Максимовича; эти книги, равно какъ и польскія статьи Воронича, Бродзинскаго, Ходаковскаго, пробуждаютъ и среди галицкихъ русиновъ интересъ къ народной пѣснѣ, языку, къ древностямъ ихъ родины. Результатомъ этого интереса и дальнѣйшимъ его стимуломъ является изданная въ 1833 г. книга поляка Вацлава Залескаго: «Piesni polskie i ruskie ludu galicyjskiego». Хотя тексты пѣсенъ напечатаны здѣсь всѣ латинскимъ шрифтомъ, хотя пѣсни русинскія перемѣшаны съ польскими, тѣмъ не менѣе русины могли съ гордостью смотрѣть на это изданіе: оно не только открывало имъ красоту, образность и богатство родной рѣчи, но показывало ясно, что народное творчество русиновъ несравненно богаче, разнообразнѣе такого же польскаго, которое Залескій нашелъ умѣстнымъ подкрѣпить массой искусственныхъ романсовъ, взятыхъ изъ польской литературы XVIII—XIX в. Почти непосредственно послѣ изданія въ свѣтъ этой книги начинаются первые проблески литературнаго возрожденія галицкихъ русиновъ. Въ 1834 г. три воспитанника уніатской духовной семинаріи во Львовѣ—Маркіанъ Шашкевичъ, Яковъ Головацкій и Иванъ Вагилевичъ—составили небольшой альманахъ «Зоря», содержащій, кромѣ стиховъ и прозаическихъ статей ихъ самихъ и нѣсколькихъ ихъ товарищей, небольшое собраніе народныхъ пѣсенъ. Львовская цензура, въ которую была отдана рукопись, задержала ее и запретила изданіе. Только въ 1837 г. появился этотъ альманахъ, въ переработанномъ видѣ, въ Венгріи, подъ заглавіемъ «Русалка Днистровая». Изданіе по своему содержанію совершенно невинное: нѣсколько стиховъ, нѣсколько статеекъ литературнаго и историческаго содержанія и интересная коллекція народныхъ пѣсенъ. Въ Галиціи оно вызвало, однако, цѣлую бурю. Авторовъ привлекли къ отвѣтственности, книжку запретили и держали подъ спудомъ до 1848 г. — и все это единственно потому, что издатели употребили въ своихъ сочиненіяхъ чистый народный языкъ и для возможно точнаго его воспроизведенія составили новое, фонетическое правописаніе. Теперь трудно понять озлобленіе властей противъ авторовъ «Русалки Днистровой», длившееся многіе годы и доведшее до того, что Шашкевичъ вскорѣ умеръ отъ истощенія силъ, а Вагилевичъ, бывшій уніатскимъ священникомъ, перешелъ въ протестантство, сталъ искать скуднаго заработка у поляковъ и для русинской литературы погибъ безвозвратно. Самый талантливый изъ составителей «Русалки», Шашкевичъ, умѣлъ, какъ говоритъ одинъ изъ его сверстниковъ, «зажигать въ сердцахъ огонь, который угасаетъ развѣ только въ могилѣ». Это была натура мягкая и вмѣстѣ съ тѣмъ энергичная, цѣльная. Его далеко не первоклассное поэтическое дарованіе не успѣло развернуться, но для тогдашней галицко-русской среды онъ былъ дорогъ цѣльностью міровоззрѣнія и беззавѣтной преданностью интересамъ родного народа. Въ вопросахъ, сюда относившихся, онъ не зналъ колебаній: народный языкъ, языкъ крестьянъ долженъ служить основаніемъ литературы и просвѣтительной дѣятельности; литература и письменность должны прежде всего служить поднятію народа. Въ своихъ немногихъ поэтическихъ произведеніяхъ Шашкевичъ иногда (напр. въ отрывкѣ «Бандуристъ» и въ поэтическомъ посланіи Н. Устіановичу) достигаетъ значительной высоты вдохновенія; тоже нужно сказать и о его «Псальмахъ Руслановыхъ», написанныхъ поэтической прозой. Кромѣ современной ему украинской поэзіи, онъ вдохновлялся также польскими поэтами украинской школы и Колларовой «Дщерью Славы». Сдѣлавшись сельскимъ священникомъ, онъ предпринялъ рядъ работъ научно-просвѣтительнаго характера, какъ напр. переводъ евангелія на народный языкъ и составленіе «Читанки» (хрестоматіи) для начальныхъ школъ. Почти одновременно съ Шашкевичемъ начали свою дѣятельность еще два замѣчательныхъ работника: Іосифъ Лозинскій, издавшій въ 1835 г. цѣнную книжку «Ruskoje wesilje», содержащую сводъ описаній свадебныхъ обрядовъ и свадебныхъ пѣсенъ изъ разныхъ мѣстностей Галицкой Руси, и Іосифъ Левицкій, издавшій въ 1834 г. «Gramatik der ruthenischen oder kleinrussischen Sprache», съ прибавленіемъ небольшой хрестоматіи произведеній старой и новой Ю. литературы. Они оба были ученики Добровскаго и Копитара, но ихъ взгляды на южнорусскій яз. практически расходились. Лозинскій,

увлеченный идеей славянской взаимности, обнародовалъ въ 1835 г. проектъ замѣны употреблявшейся русинами въ Галиціи кириллицы и гражданки латинскимъ шрифтомъ. Противъ этого проекта выступилъ М. Шашкевичъ съ талантливо написанной брошюрой «Azbuka i Abecadło» (1836), и Лозинскій долженъ былъ отказаться отъ своей мысли, хотя и впослѣдствіи выступалъ съ проектомъ упрощенія правописанія (устраненія твердаго знака). Къ новому народническому движенію 60-хъ годовъ онъ не примкнулъ и послѣднія свои сочиненія писалъ обычнымъ для галицкихъ «староруссовъ» язычіемъ (смѣсью церковно-славянскаго, южно-русскаго и великорусскаго язык.). Іосифъ Левицкій хотя и доказывалъ самостоятельность южнорусскаго языка, но писалъ свои бездарныя стихотворенія ужаснымъ церковно-славянскимъ языкомъ, а въ 1843 г. опозорилъ свое имя одобреніемъ въ печати (Listy tyczace się pismiennictwa ruskiego) варварскихъ мѣропріятій администраціи противъ «Русалки Днистровой». Въ 40-хъ годахъ литературная дѣятельность Галицкой Руси была крайне скудна, цензурныя условія просто невозможны. Административно-судебный погромъ, обрушившійся въ годахъ 1838—41 на многочисленныя польскія революціонныя организаціи, рикошетомъ отразился и на русинахъ. Чиновники, мечтавшіе о водвореніи въ Галиціи германизма, на всякую попытку русиновъ издавать что-нибудь на своемъ родномъ языкѣ, имѣли только одинъ отвѣтъ: «у насъ столько хлопотъ съ польскимъ національнымъ движеніемъ, а эти безумцы хотятъ еще оживлять какую-то погребенную русинскую народность». Все, что сколько-нибудь выходило изъ рамокъ первоначальнаго школьнаго учебника, могло печататься только въ Вѣнѣ. Здѣсь другъ Шашкевича, Яковъ Головацкій, издаетъ въ 1841 г. интересное собраніе галицко-русскихъ народныхъ пословицъ, а въ 1846—47 г., съ помощью своего брата Ивана—альманахъ «Вѣнокъ Русинамъ на обжынкы», гдѣ между прочимъ было напечатано собраніе неизвѣстныхъ прежде сочиненій М. Шашкевича, а самъ Головацкій далъ замѣчательное собраніе народныхъ загадокъ, сказокъ и анекдотовъ и нѣсколько изслѣдованій изъ области археологіи и этнографіи. Жалкое состояніе общественной и литературной жизни, въ которомъ много виновата была и сама галицко-русская интеллигенція, въ особенности іерархія, побудило Головацкаго написать пламенную обличительную статью въ Іордановомъ журналѣ «Slavische Jahrbücher», подъ заглавіемъ «Zustände der Russinen» (1846). Это было самое смѣлое произведеніе галицкой публицистики до 1848 года; содержавшая эту статью книга журнала была въ Галиціи немедленно запрещена. Получивъ какъ-то одинъ печатный экземпляръ ея, воспитанники львовской духовной семинаріи въ одну ночь переписали полтораста экземпляровъ статьи: она разошлась всюду и открыла глаза тѣмъ, которые до тѣхъ поръ не сознавали ужаса своего положенія. Послѣ революціи 1848 г. парламентскіе выборы обнаружили глубокое недовѣріе русинскаго народа не только къ шляхтѣ, но и къ духовенству; депутатами въ учредительное собраніе явились большею частью неграмотные или полуграмотные крестьяне. Почти съ перваго же момента свободной жизни закипаетъ ожесточенная борьба между поляками, мнившими себя полными хозяевами страны и воображавшими, что вѣнская революція — первый шагъ къ возстановленію исторической Польши, и русинами, которые добивались равноправности для своей церкви и народности. Изъ антагонизма къ полякамъ они искали опоры въ правительствѣ, которое въ свою очередь старалось найти для своихъ плановъ поддержку среди крестьянъ, преимущественно русиновъ и ихъ духовенства. Въ 1848 г. положено начало галицко-русской періодической печати. Къ тому же году относится начало театральныхъ спектаклей въ Галицкой Руси, но первая труппа галицко-русская образовалась только въ 60-хъ годахъ. Самымъ знаменательнымъ фактомъ 1848 г. было созваніе перваго съѣзда галицко-русскихъ дѣятелей (юмористически прозваннаго съѣздомъ ста галицкихъ ученыхъ), имѣвшаго послѣдствіемъ основаніе научно-просвѣтительнаго общества «Галицко-русская Матица», по образцу подобныхъ «Матицъ» чешской и хорватской. Это общество не оправдало возложенныхъ на него надеждъ и не сыграло въ развитіи галицко-русскаго просвѣщенія почти никакой роли. За Ю. языкомъ было признано первенствующее значеніе во всѣхъ школахъ восточной Галиціи. Была основана каѳедра Ю. языка въ львовскомъ университетѣ; профессоромъ назначенъ Я. Головацкій. 1848-ой годъ ознаменованъ появленіемъ цѣлой плеяды дѣятелей, которые, вмѣстѣ съ друзьями и сверстниками Шашкевича, даютъ тонъ всей галицко-русской письменности 50-хъ, а отчасти и 60-хъ годовъ. На литературное поприще выступаетъ А. С. Петрушевичъ, талантливый и трудолюбивый автодидактъ- филологъ, историкъ и археологъ. Его первое сочиненіе: «Słów kilka w obronie narodowosci ruskiej» написано увлекательно и умно въ защиту самостоятельности Ю. народа; но по мѣрѣ того, какъ эта идея у него затемняется и живая связь съ роднымъ народомъ слабѣетъ, его сочиненія дѣлаются неудобочитаемыми изъ-за ихъ мертваго, чудовищнаго, будто бы «прарусскаго» языка. Талантливый публицистъ Б. А. Дидицкій издавалъ множество газетъ, составилъ популярную «Исторію Руси», не критическую, но имѣвшую немалое вліяніе на молодежь 70-хъ годовъ, и былъ одно время (1860—70) самымъ популярнымъ писателемъ Галицкой Руси; его цѣнили даже какъ поэта, хотя его стихи (поэмы «Буй Туръ Всеволодъ», «Конюшій» и множество мелкихъ стихотвореній) могутъ скорѣе умалить, чѣмъ увеличить его заслуги. Въ томъ же 1848 г. Иванъ Наумовичъ изъ рьянаго польскаго патріота сдѣлался русиномъ; впослѣдствіи онъ снискалъ славу «просвѣтителя Галицкой Руси». И дѣйствительно, онъ немало способствовалъ пробужденію крестьянскихъ массъ, хотя, вмѣстѣ съ тѣмъ, сильно вредилъ своему дѣлу безхарак-

терностью и безъидейностью. Иванъ Гушалевичъ снискалъ славу «галицко-русскаго соловья» бездарнымъ, но пѣвучимъ стихотвореніемъ «Миръ вамъ, братья, всѣмъ приносимъ»: оно долго было почти національнымъ гимномъ Галицкой Руси, не смотря на отсутствіе въ немъ какой-нибудь идеи и кое-гдѣ даже смысла. Изъ писателей, выступившихъ еще до 1848 г., но только послѣ этого года издавшихъ свои лучшія сочиненія, назовемъ Николая Устіановича, котораго разсказы: «Месть верховинца» и «Страстный четверъ» до 60-хъ годовъ считались лучшими образцами галицко-русской новеллистики; Антонія Могильницкаго, тяжеловатое стихотвореніе котораго «Скитъ Манявскій» должно было сдѣлаться народной эпопеей Галицкой Руси, но не сдѣлалось ею, не смотря на кой-какія интересныя подробности; Рудольфа Моха, давшаго въ своей «Справѣ въ селѣ Клекотынѣ» очень живую и пеструю, хотя и вульгарную картину жизни галицко-русской деревни во время барщины, съ ея непроглядной темнотой и деморализаціей. Ростки живой письменности, почерпавшей свои соки изъ мѣстной народной жизни вскорѣ, однако, начали глохнуть. Водворившаяся въ Австріи съ 1849 г. бюрократическая реакція связываетъ болѣе горячихъ дѣятелей по рукамъ и ногамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ Галиціи начинаетъ получать перевѣсъ польскій шляхетскій элементъ. Русины начинаютъ сомнѣваться въ своихъ силахъ. Бродившая уже кое-гдѣ и ранѣе идея о томъ, не лучше ли вмѣсто разработки мѣстнаго элемента въ письменности и наукѣ пользоваться готовыми письменностью, просвѣщеніемъ, наукой—великорусскими, въ 50-хъ годахъ захватываетъ значительную часть галицко-русской интеллигенціи и дѣлается надолго тормазомъ ея развитія, заставляя лучшіе умы напрасно терять свои силы въ стремленіи къ фантастической цѣли, между тѣмъ какъ насущные интересы народа настоятельно требовали энергическихъ, способныхъ и всей душой преданныхъ имъ работниковъ. Среди галицко-русскихъ писателей выдвигается на первый планъ Діонисій Зубрицкій, по своимъ воззрѣніямъ и традиціямъ шляхтичъ-крѣпостникъ, приверженецъ абсолютизма и бюрократическаго шаблона, впрочемъ человѣкъ начитанный, заслуженный историкъ, писавшій сначала по-польски («Rys dziejów narodu ruskiego», «Kronika miasta Lwowa», Badania o drukarniach), но потомъ, со времени своего знакомства съ Погодинымъ, сдѣлавшійся проповѣдникомъ общерусскаго единства. Вокругъ Зубрицкаго группируются въ 50-хъ годахъ всѣ молодыя силы галицкихъ русиновъ; его вліяніе сказывается въ постепенномъ отдаленіи этихъ силъ отъ мѣстныхъ интересовъ, отъ мѣстнаго нарѣчія, которое Зубрицкій презрительно называлъ «говоромъ пастуховъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ галицко-русскіе писатели теряютъ все то, что могло дать живую почву и свѣжее содержаніе ихъ литературной дѣятельности (общественная дѣятельность подъ ферулой реакціи была почти совсѣмъ невозможна). Галицкіе «общерусы» имѣли о Россіи, ея литературѣ и языкѣ самыя фантастическія представленія. Они воображали, что южнорусскій и великорусскій языки—одинъ языкъ, а различіе лежитъ только въ произношеніи нѣкоторыхъ буквъ; что довольно будетъ уснастить Ю. рѣчь церковно-славянскими формами и полонизмами, чтобъ совсѣмъ близко подойти къ языку Пушкина. Они преклонялись предъ Пушкинымъ, но все-таки апогей русской поэзіи видѣли въ Хомяковѣ и Аксаковѣ, не признавали Гоголя (кромѣ «Тараса Бульбы», переведеннаго въ 1852 г. на галицко-русское нарѣчіе), читали и перепечатывали совсѣмъ плохія сочиненія какихъ-то невѣдомыхъ великорусскихъ писателей и, стараясь слѣдовать такимъ образцамъ въ своихъ собственныхъ сочиненіяхъ, порождали нѣчто способное разсмѣшить самаго угрюмаго меланхолика. Характернымъ признакомъ упадка была такъ наз. «азбучная война» 1859 г. По иниціативѣ ренегата изъ русиновъ Евсевія Черкавскаго и чиновника изъ чеховъ Иречка, галиційскій губернаторъ Голуховскій подалъ центральному правительству проектъ устранить въ русинскихъ книгахъ кириллицу и гражданку и замѣнить ее латинкой. Была назначена для этого особая коммиссія, но среди русинскаго духовенства поднялась оживленная агитація противъ реформы и проектъ былъ оставленъ безъ послѣдствій. Азбучная война сильно взволновала умы русинской интеллигенціи, а между тѣмъ польскіе шляхтичи всякими правдами и неправдами обирали крестьянъ при упраздненіи сервитутовъ, и среди русиновъ никто не протестовалъ противъ этого дѣла, надолго подорвавшаго экономическій бытъ крестьянства. Нуженъ былъ внѣшній толчекъ, чтобы разбудить и освѣжить галицко-русскую жизнь. Такой толчекъ пришелъ изъ Россіи, вступившей именно тогда на путь реформъ. Императоръ Александръ II помиловалъ большинство участниковъ «Кирилло-Меѳодіевскаго братства». Костомаровъ получилъ мѣсто профессора въ спб. университетѣ; Кулишъ основалъ въ Петербургѣ типографію и началъ усиленно печатать старыя и новыя произведенія украинской литературы. Появляются «Записки о Южной Руси», цѣнныя не столько собраннымъ въ нихъ этнографическимъ матеріаломъ, сколько тѣмъ чувствомъ искренней любви автора къ Украйнѣ, ея народу и его языку, какимъ проникнута вся книга. Появляется «Чорная Рада» Кулиша, первый большой украинскій романъ, основанный на тщательномъ изученіи исторіи и написанный прекраснымъ языкомъ, но все-таки опоздавшій на 10 лѣтъ; въ 1846 г. онъ произвелъ бы гораздо большее впечатлѣніе, чѣмъ въ 1856 г., въ горячее, боевое время. Изъ типографіи Кулиша выходятъ сочиненія Котляревскаго, украинскіе разсказы Квитки, прекрасные украинскіе разсказы Марко Вовчка, удостоенные Тургеневымъ перевода на русскій языкъ. Въ этихъ разсказахъ, писанныхъ Маріей Маркович (русской по происхожденію, см.) при дѣятельномъ или даже, какъ полагаютъ нѣкоторые, главномъ участіи ея мужа, Аѳанасія Марковича, одного изъ участниковъ Кирилло-Меѳодіевскаго братства, украинское слово впервые въ легальной формѣ

русской пѣснѣ, что напечатана какъ образецъ южнорусскаго языка 1586 г. въ грамматикѣ словинца Богорича, и сходнымъ съ ней въ отношеніи формы пѣснямъ о казакѣ Байдѣ и о взятіи казаками Варны. Только въ первой половинѣ XVII в. казацкая эпика, подъ вліяніемъ южнорусскихъ книжныхъ виршей, выливается въ ту оригинальную форму, какую видимъ въ думахъ объ Алексѣѣ Поповичѣ, о бѣгствѣ трехъ братьевъ изъ Азова, о Самойлѣ Кишкѣ, о Марусѣ Богуславкѣ. Внутреннія и внѣшнія свидѣтельства заставляютъ насъ отнести составленіе этихъ замѣчательныхъ думъ къ первой половинѣ XVII в. Кромѣ думъ слагались тогда же въ казацкихъ таборахъ и другія пѣсни, болѣе лирическаго склада; въ этомъ убѣждаетъ насъ пѣсня о казакѣ, увезшемъ крестьянскую дѣвушку въ свои степи (напечатана въ 1625 г. въ одной польской брошюрѣ). Народное возстаніе противъ польскаго владычества, вспыхнувшее въ 1648 г., повлекло за собой рядъ упорныхъ и кровопролитныхъ войнъ, слѣдствіемъ которыхъ было разорваніе Украйны на лѣвобережную, примкнувшую къ Московскому государству, и правобережную, оставшуюся частью при Польшѣ, частью при Турціи. Эта политическая эволюція сопровождалась болѣе глубокой общественной и національной. Правобережная Украйна многократно подвергалась ужаснымъ опустошеніямъ; почти всѣ большіе города пришли въ упадокъ; населеніе гибло или бѣжало въ лѣвобережную Украйну, заселяя громадныя степныя пространства. Возникаетъ Слободская Украйна, въ которой продолжаются прежнія просвѣтительныя и книжныя традиціи; съ другой стороны въ правобережной Украйнѣ берутъ рѣшительный перевѣсъ унія и польскій элементъ; украинская шляхта окончательно ополячивается, образованные украинцы говорятъ и пишутъ по-польски или по-латыни. Только въ далекихъ западныхъ окраинахъ, въ Карпатскихъ горахъ и прилегающемъ къ нимъ подгорьѣ хранится традиція Зизаніевъ и Ставровецкихъ, живетъ письменность, ютящаяся въ рукописныхъ сборникахъ у деревенскихъ поповъ и «даскаловъ», близкая къ языку народа, запоздалая по своему содержанію, но все-таки сохраняющая традиціи національнаго единства съ Кіевской и Заднѣпровской Украйной. Кіевъ въ 1654 г. перешелъ къ Россіи и не палъ жертвой послѣдующей затѣмъ «руины». Насажденное здѣсь Могилой школьное обученіе не прерывалось; во второй половинѣ XVII стол. Кіевъ дѣлается центромъ просвѣщенія и письменности не только Украйны, но и всей Россіи. Кіевскіе ученые переносятъ просвѣщеніе въ Москву и даютъ начало новому ея умственному движенію, завершившемуся реформами Петра Великаго. Дѣятельность кіевскихъ ученыхъ Епифанія Славинецкаго, Симеона Полоцкаго, Стефана Яворскаго, Димитрія Ростовскаго, Ѳеофана Прокоповича принадлежитъ только меньшей частью Украйнѣ, хотя всѣ они—воспитанники кіевской школы, стремившейся довольно механически совмѣстить латинско-іезуитскіе пріемы обученія съ православнымъ содержаніемъ. Это типически отражается на самомъ большомъ и самомъ популярномъ среди южныхъ и сѣверныхъ руссовъ сочиненіи этой школы — на «Четьихъ Минеяхъ» Димитрія Ростовскаго, писанныхъ церковнымъ языкомъ на основаніи Макарьевскихъ Четьихъ Миней съ одной и іезуитскихъ «Acta Sanctorum» и даже Скаргиныхъ «Żywotów Świętych» съ другой стороны. Кіевская ученость второй половины XVII в. не сослужила той службы, какой могло ожидать отъ нея общество. Запоздалая и по методу, и по содержанію, она была слишкомъ шаблонная и оторванная отъ жизни, слишкомъ теологическая и схоластическая. Иннокентій Гизель, успастившій свой «Синопсисъ» (1674) разсказами о привилегіяхъ, данныхъ славянамъ Александромъ Македонскимъ, о сарматахъ, о Мосохѣ, о созданіи Кіева и т. п., не упоминаетъ ни однимъ словомъ о Хмельницкомъ и о событіяхъ 1648—54 годовъ. Самые талантливые и плодовитые Ю. писатели того времени, Лазарь Барановичъ и Іоанникій Голятовскій, пишутъ большую часть своихъ сочиненій по-польски и вращаются исключительно въ кругѣ проповѣдей, житій святыхъ или церковной полемики. Отливъ самыхъ талантливыхъ и энергическихъ людей изъ Южной Руси на сѣверъ вызвалъ опять, какъ и въ XIV стол., оскудѣніе силъ и измельчаніе идей и характеровъ. Только въ Червонной Руси еще мелькаетъ энергичная фигура епископа Іосафа Шумлянскаго, но онъ больше похожъ на итальянскаго кондотьера XV в., чѣмъ на православнаго іерарха. Его «Метрика» и его «дума» о походѣ подъ Вѣну въ 1683 г. не лишены, однако, литературнаго интереса. Школьная драма, заимствованная кіевской коллегіей съ Запада, одна только произвела въ Ю. литературѣ нѣкоторые жизнеспособные ростки. Первые извѣстные намъ ея опыты (объ Алексѣѣ человѣкѣ Божіемъ) очень невысокаго качества; немногимъ выше и болѣе поздній «Владиміръ», и цѣнная развѣ какъ проявленіе довольно туманнаго Ю. патріотизма драма «Милость Божія», воспѣвающая (почти 50 лѣтъ спустя послѣ событій) освобожденіе Южной Руси Богданомъ Хмельницкимъ. Кіевская школьная драма цѣнна для насъ своими интермедіями, безъ претензій, но живо изображающими сцены изъ тогдашняго быта. Особенно интересны интермедіи Митрофана Довгалевскаго и Варлаама Лащевскаго. Благодаря именно интермедіямъ школьная драма привилась не только въ Украйнѣ, но и въ Москвѣ, и въ Ростовѣ, и въ Иркутскѣ, и въ Новомъ Садѣ на югѣ Венгріи, гдѣ въ половинѣ XVIII в. одинъ изъ воспитанниковъ кіевской школы, Михаилъ Козачинскій, насаждаетъ «славяносербское» просвѣщеніе и пишетъ по образцу кіевскому первую драму изъ сербской исторіи. Почти совершенно независимо отъ кіевской школы стоитъ украинская исторіографія. Можно удивляться скудости украинскихъ историческихъ записокъ и мемуаровъ, оставленныхъ намъ богатымъ событіями XVII-мъ ст.; начало,

сдѣланное въ этомъ отношеніи Евлашевскимъ еще въ XVI стол., не нашло продолжателей. Первая половина XVII в., такъ много создавшая полемическихъ и аскетическихъ сочиненій, не произвела въ исторіографіи ничего кромѣ ряда краткихъ лѣтописей съ погодными записями происшествій (лѣтописи Львовская, Черниговская, Густынская, такъ назыв. Достовѣрная, такъ назыв. Боркулабовская, Добромильская и т. п.) Такія записи продолжались и позже (Солотвинская лѣтопись, записки разныхъ монастырей, напр. Мгарскаго, Плѣснискаго). Болѣе обширныя воспоминанія о событіяхъ до и послѣ 1648 г. писались даже южноруссами попольски (Ерличъ). Только въ концѣ XVII и первой половинѣ XVIII вв. возникаетъ на лѣвомъ берегу Днѣпра рядъ болѣе обширныхъ историческихъ сочиненій, начиная съ компиляціи Боболинскаго до объемистыхъ трудовъ Самойла Величка, болѣе самостоятельнаго и навѣяннаго горячей любовью къ Украйнѣ повѣствованія Самовидца и лѣтописи Грабянки. За этими лѣтописателями героическихъ временъ казачества идутъ мемуаристы Ханенко, Маркевичъ и др., изображающіе процессъ постепенной ассимиляціи украинской казацкой старшины съ великорусскимъ, послѣ-Петровскимъ дворянствомъ. Записки Винскаго (конецъ XVIII в.) показываютъ этотъ процессъ почти уже законченнымъ.—Къ вліянію школьной драмы нужно отнести ежели не возникновеніе, то по крайней мѣрѣ развитіе двухъ родовъ литературы, характерныхъ для Южной Руси конца XVII и XVIII в.—духовныхъ кантовъ и такъ назыв. виршей. Духовныя пѣсни (канты—ежели пѣлись въ унисонъ, концерты — ежели исполнялись полифонически) составляли интегральную часть духовной драмы, но распѣвались (сперва школьниками, позже мѣщанами, дьячками и т. п.) и независимо отъ драмы. Въ другихъ мѣстахъ, напр. на крайнемъ западѣ Червонной Руси, подъ вліяніемъ сосѣдства поляковъ и словаковъ, такіе канты возникали и вовсе независимо отъ драмы и распѣвались въ церквяхъ или во время хожденій на богомолье. Первые извѣстные намъ рукописные сборники кантовъ возникаютъ въ концѣ XVII и началѣ XVIII вв.; въ 1790 г. вышло первое печатное изданіе нѣкоторыхъ изъ нихъ, подъ загл. «Богогласникъ». Выборъ былъ сдѣланъ уніатами базиліанами съ извѣстной цѣлью: редакторы ввели въ книгу значительное число польскихъ и латинскихъ духовныхъ пѣсенъ, а редактируя русскіе ихъ тексты сокращали ихъ, передѣлывали и старались изгладить слѣды православнаго происхожденія многихъ пѣсенъ. «Богогласникъ», не смотря на это, сдѣлался очень популярнымъ и имѣлъ въ продолженіе XIX вѣка болѣе десятка полныхъ или частичныхъ изданій въ Россіи и Галиціи. Интермедіи, внося юмористическій элементъ въ строго-серьезное дѣйствіе драмы, содѣйствовали развитію веселыхъ разсказовъ и «орацій» на темы духовныя и мірскія, историческія и бытовыя. Нѣкоторыя изъ этихъ виршей были просто сокращеніемъ старинныхъ драмъ (напр. вирши о сошествіи Христа въ адъ); другія, въ формѣ діалоговъ, излагали новыя житейскія потребности и столкновенія («Разговоръ Малороссіи съ Великороссіей»); третьи разрабатывали бродячіе новеллистическіе сюжеты (вирша о попѣ Негребецкомъ) или апокрифическія темы (о путешествіи Марка въ адъ), или, наконецъ, рисовали картинки ежедневнаго быта (Вакула Чмыръ). Пользуясь значительной популярностью, онѣ имѣли вліяніе на тогдашнихъ Ю. стихотворцевъ въ родѣ Климентія Зиновьева или Некрашевича и, что важнѣе, подготовили литературныя формы, нашедшія болѣе высокое художественное развитіе въ новой украинской литературѣ. Совершенно новымъ явленіемъ въ Ю. литературѣ съ точки зрѣнія образованія, ширины воззрѣній и глубины мыслей является мистикъ и моралистъ Сковорода (см. XXX, 217), человѣкъ съ европейскимъ образованіемъ, аскетъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ жизнерадостный оптимистъ, требующій отъ жизни возможно малаго и дающій ей взамѣнъ все. Какъ писатель онъ—дитя своего времени и вращается въ его формахъ, пишетъ вирши и пѣсни довольно неуклюжимъ книжнымъ языкомъ, діалоги и трактаты, напоминающіе иногда тонъ Вишенскаго; какъ авторъ «Харьковскихъ басенъ», онъ является предтечей Крылова и Гребенки. Его проповѣдь жизнерадостной гуманности имѣла вліяніе на возродителей новой украинской литературы, Котляревскаго и Квитку. Въ народной словесности, въ массовомъ пѣсенномъ творчествѣ XVIII-ый вѣкъ также составляетъ важный моментъ. Украинскій народъ, послѣ ужасныхъ треволненій XVII вѣка, начинаетъ жить болѣе спокойной, упорядоченной, хотя далеко не розовой жизнью. Цѣна человѣческой жизни повышается, личность начинаетъ чувствовать себя и стремиться къ самовыраженію. Героическая эпоха отходитъ въ міръ традиціи; на смѣну національному эпосу—думѣ—выступаетъ народная лирика, достигающая особенно въ женскихъ пѣсняхъ, высокой степени красоты и задушевности. Политическое самосознаніе народа постепенно затемняется, но за то тѣмъ ярче вырабатывается классовое (пѣсни чумацкія, рекрутскія, бурлацкія) и индивидуальное чувство.

IV. *Новая украинская литература.* Конецъ XVIII стол. ознаменованъ рядомъ событій, измѣнившихъ весь жизненный строй Южной Руси. Исчезаетъ польское государство; правобережная Украйна соединяется съ лѣвобережной подъ однимъ русскимъ скипетромъ; самая западная часть Ю. земли отходитъ къ Австріи. На всей Ю. территоріи даетъ себя чувствовать просвѣтительное движеніе, могущественною волной хлынувшее съ Запада; возникаютъ школы, семинаріи, гимназіи, университеты, основанные уже не на старыхъ схоластическихъ, но на новыхъ научныхъ началахъ. Пробуждается стремленіе къ уравненію правъ и обязанностей гражданъ, къ упраздненію крѣпостного права. Рядомъ съ этимъ идетъ коренное измѣненіе экономическихъ отношеній, ростъ индустріализма и капитализма, учащеніе экономическихъ кризисовъ. Паденіе Польши вызвало сильное броженіе

въ Южной Руси. Старый взглядъ, что національность—это государство, долженъ былъ рушиться; у поляковъ въ правобережной Украйнѣ онъ видоизмѣняется въ томъ смыслѣ, что національность—это шляхта, пока рядъ безплодныхъ возстаній и агитацій съ одной стороны и возникновеніе украинской, преимущественно крестьянской и хлопоманской литературы и упраздненіе крѣпостного права —съ другой, не наносятъ этому взгляду смертельнаго удара. Уже въ началѣ XIX в., подъ вліяніемъ Макферсонова «Оссіана», Гердеровыхъ «Идей», и первыхъ шаговъ славянскаго возрожденія, зарождается сознательное стремленіе возсозданія украинской національности посредствомъ изслѣдованія украинской исторіи и народной традиціи. Это стремленіе идетъ на встрѣчу не погасшимъ еще мечтаніямъ украинскаго дворянства объ автономіи страны. Почти одновременно дѣлается первая запись казацкихъ думъ (1808) и пишется талантливый политическій памфлетъ «Исторія Руссовъ», выдававшійся за сочиненіе Георгія Конисскаго, но написанный, какъ доказали новыя изслѣдованія, В. Г. Полетикой, бывшимъ украинскимъ депутатомъ въ Екатерининскую коммиссію. 1798-ый годъ считается началомъ новой украинской литературы: въ этомъ году вышла первая часть «Перелицованной Энеиды» И. П. Котляревскаго (XVI, 442). Теперь извѣстно, что Котляревскій для своей поэмы воспользовался готовой канвой и даже стихотворной формой великорусской «Энеиды на изнанку» Осипова; но онъ внесъ въ эту передѣлку столько сердечнаго тепла, тонкаго юмора и живыхъ красокъ своей родины, что его «Энеида», особенно ея первая половина, и до сихъ поръ не потеряла своей прелести. Въ «Энеидѣ» Котляревскій является до извѣстной степени продолжателемъ и художественнымъ усовершенствователемъ украинскихъ виршей XVIII в. (его «Ода до князя Куракина» примыкаетъ къ нимъ еще ближе); въ своихъ драматическихъ опытахъ — «Наталкѣ Полтавкѣ» особенно въ «Москалѣ чаривникѣ»,— онъ продолжаетъ, по крайней мѣрѣ въ юмористическихъ роляхъ (Вознаго, Выборнаго и др.) традицію украинскихъ интермедій. Но вмѣстѣ съ тѣмъ какъ въ Энеидѣ, такъ и въ драмахъ Котляревскій вноситъ и новое: безупречно чистый, народный и богатый языкъ, искреннюю любовь къ родинѣ и особенно къ ея рабочему, слишкомъ часто унижаемому и оскорбляемому населенію. Этотъ глубокій гуманизмъ, котораго первымъ глашатаемъ былъ Сковорода, дѣлается основаніемъ всѣхъ лучшихъ сочиненій украинской литературы XIX в. Почти полстолѣтія она разыгрываетъ разныя варіаціи преимущественно на двухъ струнахъ: юмористической и патетически-сентиментальной. Юмористическій тонъ заимствуетъ у Котляревскаго П. Гулакъ-Артемовскій, не съумѣвшій, однако, держаться на идейной высотѣ Котляревскаго; довольно неудачно пробуетъ этотъ тонъ въ своихъ «Наськихъ украинскихъ казкахъ» Іосифъ Бодянскій, впослѣдствіи нашедшій свое настоящее призваніе на совсѣмъ другомъ поприщѣ. Юмористическій тонъ, державшійся у Котляревскаго всегда въ границахъ художественнаго такта, доходящій иногда до шаржа у Гулака-Артемовскаго, превращается въ какое-то юродство у болѣе позднихъ подражателей, какъ Писаревскій, Билецкій-Носенко, Кореницкій и др., не обладавшихъ, притомъ, ни талантомъ, ни широкими взглядами Котляревскаго. Въ 30-хъ годахъ выдвигается на первый планъ симпатичная фигура Григорія Квитки-Основьяненка (XIV, 880), перваго украинскаго новеллиста-бытописателя. И у него, какъ у Котляревскаго, юморъ соединяется съ патетической чувствительностью, которая, однако, не доходитъ нигдѣ до приторности и всегда искренняя. Его «Украинскіе разсказы», иногда довольно наивные, до сихъ поръ не потеряли своего значенія благодаря не только прекрасному мелодическому языку, но и широкому знакомству автора съ бытомъ народа, множеству интересныхъ этнографическихъ наблюденій и, главное, теплому чувству любви и жизнерадостности, какимъ они навѣяны. Юмористическій разсказъ «Конотопська видьма», даетъ замѣчательную картину «гетьманскихъ» порядковъ изъ времени ихъ доживанія въ половинѣ XVIII в.; фигуры конотопскаго сотника и особенно его писаря Пистряка являются почти историческими документами. Менѣе счастливъ былъ онъ въ своихъ драматическихъ опытахъ, хотя и здѣсь «Сватанье на Гончаривцѣ»— значительный шагъ впередъ сравнительно съ грубымъ комизмомъ и незатѣйливыми интригами прежнихъ интермедій. Съ 1818 года идетъ изданіе замѣчательныхъ произведеній украинской народной поэзіи (сборники кн. Цертелева, Лукашевича, Максимовича); дилетантскія, но руководимыя непритворнымъ энтузіазмомъ усилія поляка Зоріана Доленги Ходаковскаго обращаютъ вниманіе на богатую археологію Украйны; поэты польской «украинской школы» съ политическими цѣлями стараются оживить и среди польской шляхты, и среди народа казацкія традиціи; одинъ изъ нихъ, Падурра, не только старается писать по-украински, но предпринимаетъ въ 1828 г. путешествіе въ мѣста бывшей сѣчи Запорожской и на лѣвый берегъ Днѣпра съ цѣлью пропаганды казацкихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ полонофильскихъ идей. Въ то же время Украйна даетъ и русской литературѣ рядъ замѣчательныхъ дѣятелей, начиная съ Богдановича и Капниста, Нарѣжнаго и Погорѣльскаго, кончая Гнѣдичемъ и геніальнымъ Н. В. Гоголемъ, отецъ котораго, авторъ нѣсколькихъ утраченныхъ и одной уцѣлѣвшей украинской комедіи, принадлежитъ къ современникамъ и подражателямъ Котляревскаго. Всѣ эти украинцы оказываютъ значительное вліяніе на великорусскую литературу и въ свою очередь содѣйствуютъ развитію среди украинцевъ гуманныхъ, прогрессивныхъ идей. Нѣкоторые великорусскіе писатели пользуются украинскими сюжетами для выраженія такихъ же свободолюбивыхъ и гуманныхъ идей (Рылѣевъ—въ «Исповѣди Наливайки» и «Войнаровскомъ», Пушкинъ—въ «Полтавѣ»). Въ 1840-хъ годахъ

выступаетъ на сцену Шевченко (см. XXXIX, 355), уроженецъ правобережной Украйны и спеціально того ея уголка, гдѣ въ 1768 г. разыгралось «послѣднее историческое событіе старой Украйны»—уманская рѣзня. Онъ вынесъ на себѣ всѣ невзгоды непригляднаго сиротства подъ крестьянской стрѣхой, узналъ польскій элементъ въ самыхъ его центрахъ — Вильнѣ и Варшавѣ, и вздохнулъ свободнѣе только среди русскаго общества и своихъ земляковъ въ Петербургѣ. Въ украинскую поэзію онъ сразу вноситъ то, чего въ ней до тѣхъ поръ не было—страсть, огонь, увлекательность, какую-то элементарную силу. Это уже не идиллическая беззаботность казаковъ Богдана Залѣскаго, не мелодраматическая демоничность гайдамаковъ Гощинскаго, даже не тихая меланхолія Кольцова — это живой человѣкъ съ богатымъ душевнымъ содержаніемъ, живая энергичная натура, для которой поэзія не игрушка, не рисовка, но естественное и простое выраженіе чувства, какъ пѣніе для птицы. Гамма его тоновъ широкая: онъ тоскуетъ, падаетъ духомъ и поднимается, способенъ къ гнѣву и угрозамъ и вмѣстѣ съ тѣмъ къ самымъ мягкимъ и нѣжнымъ чувствамъ; онъ мечтатель и вмѣстѣ съ тѣмъ очень чутокъ къ запросамъ дѣйствительности; онъ веселъ, но совсѣмъ безъ юмористической жилки, патетиченъ, но безъ тѣни театральности; онъ вездѣ простъ и искрененъ. Неудивительно, что его поэзія сразу поразила его земляковъ какъ какое-то откровеніе, тѣмъ болѣе, что и внѣшняя форма ея была вполнѣ національна, а языкъ, при всей своей неизысканности образный, мелодическій и колоритный, блестѣлъ всѣми красотами родной рѣчи. Его талантъ, особенно послѣ поѣздки въ Украйну въ 1843 г., крѣпнетъ и прокладываетъ себѣ новые пути; его мысль дѣлается сильной и смѣлой; въ прошломъ и настоящемъ Украйны она доискивается основныхъ соціальныхъ явленій и человѣческихъ отношеній. Съ неслыханной въ то время смѣлостью онъ указываетъ изнанку того, чѣмъ восхищались тогдашніе «патріоты» въ прошломъ и настоящемъ Украйны и Россіи. Въ то же время выступаютъ еще два замѣчательные и талантливые дѣятеля украинской литературы—П. А. Кулишъ (XVI, 959) и Н. И. Костомаровъ (XVI, 401). Многостороняя и плодовитая дѣятельность ихъ принадлежитъ въ значительной мѣрѣ русской литературѣ и наукѣ, хотя родная Украйна, ея прошлое и нужды ея настоящаго являются главнымъ средоточіемъ ихъ интересовъ и работъ. Усидчивый и энергическій работникъ, собиратель самаго разнообразнаго матеріала, притомъ натура страстная и самоувѣренная, Кулишъ былъ какъ бы маховымъ колесомъ машины, которое само не создаетъ движенія, но разъ созданному даетъ равномѣрность и силу. Безъ творческою силы, какой обладали, напр., Пушкинъ, Гоголь или Шевченко, Кулишъ всю жизнь искалъ новыхъ дорогъ, сгаралъ страстью сказать какое-то великое слово. Въ данный моментъ твердо увѣренный въ правотѣ своего сужденія, онъ тѣмъ не менѣе вскорѣ отвер-

ренностью отстаивать какое-нибудь другое. Это колебанія составляли трагедію его жизни, но вносили ферментъ въ литературную жизнь Украйны; въ критическихъ произведеніяхъ Кулиша, при многихъ несправедливыхъ и одностороннихъ сужденіяхъ, затрогивались вѣрныя и глубокія мысли, не падавшія даромъ на украинскую почву. Совсѣмъ другого склада человѣкъ былъ Костомаровъ: натура спокойная и уравновѣшенная, съ солидной научной подготовкой, какой не было у Кулиша, онъ рано попалъ въ свою настоящую колею, сдѣлался историкомъ Украйны и послѣдовательно всю свою жизнь работалъ надъ выполненіемъ плана, намѣченнаго еще въ 40-ые годы—дать своимъ современникамъ полный курсъ исторіи Украйны въ цѣльномъ освѣщеніи, какъ исторіи народа, стремящагося къ федеративному, автономному устройству. Изъ менѣе вліятельныхъ, но все-таки талантливыхъ работниковъ, прежде всего слѣдуетъ упомянуть Евгенія Гребенку, инціатора освобожденія Шевченка отъ крѣпостного состоянія, автора посредственныхъ русскихъ разсказовъ, вылившаго всю свою поэтическую душу и любовь къ Украйнѣ въ нѣсколькихъ прекрасныхъ лирическихъ пьесахъ и въ двухъ десяткахъ басенъ, написанныхъ по-украински («Малороссійскія приказки», 1834, 1836, 1841). Гребенка шелъ путемъ, проложеннымъ въ русской литературѣ Крыловымъ, но шелъ довольно самостоятельно, не подражая Крылову, внося въ свои басни украинскій пейзажъ и міровоззрѣніе украинскаго мужика. Его сатира не широкая и не ѣдкая, хотя далеко не безъ-идейная, юморъ свободный и далекій отъ шаржа, языкъ прекрасный. Амвросій Метлинскій, авторъ удачныхъ стихотвореній («Думки и пѣсни», «Сиритка», «Глекъ») издалъ замѣчательный «Южный русскій Сборникъ» (1848), гдѣ спасены отъ забвенія сочиненія нѣсколькихъ украинскихъ поэтовъ того времени. Аѳанасьевъ Чужбинскій написалъ нѣсколько прекрасныхъ лирическихъ пьесъ («Скажи мени правду, мій любый козаче», посланіе къ Шевченку—«Гарно твоя кобза грае»). Михаилъ Макаровскій, авторъ поэмъ «Наталя» (подражаніе «Герману и Доротеѣ» Гете) и «Гарасько» (передѣлка «Кавказскаго плѣнника» Пушкина). Болѣе оригиналенъ, но не свободенъ отъ шаржа, Стефанъ Александровскій, авторъ поэмы «Вовкулака». Объ общемъ подъемѣ духа среди украинской молодежи того времени, о серьезной идейной работѣ среди ней всего лучше свидѣтельствуетъ основанный въ Кіевѣ въ 1846 г. кружокъ «Кирилло-Меѳодіевское братство», ставившій для литературной и научной работы украинцевъ широкія общественныя и политическія цѣли. Инціаторомъ этого кружка былъ Костомаровъ; Шевченко сдѣлался самымъ горячимъ глашатаемъ его идей и облекъ славянскую программу кружка въ памятныя слова: «Щобъ уси Славяне сталы добрыми братами и сынами сонця правды». Разгромъ Кирилло-Меѳодіевскаго братства и сопровождавшія его полицейскія мѣры противъ многихъ украинцевъ значительно ослабили едва зарождавшееся литературное движеніе. Начи-

въ Южной Руси. Старый взглядъ, что національность—это государство, долженъ былъ рушиться; у поляковъ въ правобережной Украйнѣ онъ видоизмѣняется въ томъ смыслѣ, что національность—это шляхта, пока рядъ безплодныхъ возстаній и агитацій съ одной стороны и возникновеніе украинской, преимущественно крестьянской и хлопоманской литературы и упраздненіе крѣпостного права —съ другой, не наносятъ этому взгляду смертельнаго удара. Уже въ началѣ XIX в., подъ вліяніемъ Макферсонова «Оссіана», Гердеровыхъ «Идей», и первыхъ шаговъ славянскаго возрожденія, зарождается сознательное стремленіе возсозданія украинской національности посредствомъ изслѣдованія украинской исторіи и народной традиціи. Это стремленіе идетъ на встрѣчу не погасшимъ еще мечтаніямъ украинскаго дворянства объ автономіи страны. Почти одновременно дѣлается первая запись казацкихъ думъ (1808) и пишется талантливый политическій памфлетъ «Исторія Руссовъ», выдававшійся за сочиненіе Георгія Конисскаго, но написанный, какъ доказали новыя изслѣдованія, В. Г. Полетикой, бывшимъ украинскимъ депутатомъ въ Екатерининскую коммиссію. 1798-ый годъ считается началомъ новой украинской литературы: въ этомъ году вышла первая часть «Перелицованной Энеиды» И. П. Котляревскаго (XVI, 442). Теперь извѣстно, что Котляревскій для своей поэмы воспользовался готовой канвой и даже стихотворной формой великорусской «Энеиды на изнанку» Осипова; но онъ внесъ въ эту передѣлку столько сердечнаго тепла, тонкаго юмора и живыхъ красокъ своей родины, что его «Энеида», особенно ея первая половина, и до сихъ поръ не потеряла своей прелести. Въ «Энеидѣ» Котляревскій является до извѣстной степени продолжателемъ и художественнымъ усовершенствователемъ украинскихъ виршей XVIII в. (его «Ода до князя Куракина» примыкаетъ къ нимъ еще ближе); въ своихъ драматическихъ опытахъ — «Наталкѣ Полтавкѣ» особенно въ «Москалѣ чаривникѣ»,— онъ продолжаетъ, по крайней мѣрѣ въ юмористическихъ роляхъ (Вознаго, Выборнаго и др.) традицію украинскихъ интермедій. Но вмѣстѣ съ тѣмъ какъ въ Энеидѣ, такъ и въ драмахъ Котляревскій вноситъ и новое: безупречно чистый, народный и богатый языкъ, искреннюю любовь къ родинѣ и особенно къ ея рабочему, слишкомъ часто унижаемому и оскорбляемому населенію. Этотъ глубокій гуманизмъ, котораго первымъ глашатаемъ былъ Сковорода, дѣлается основаніемъ всѣхъ лучшихъ сочиненій украинской литературы XIX в. Почти полстолѣтія она разыгрываетъ разныя варіаціи преимущественно на двухъ струнахъ: юмористической и патетически-сентиментальной. Юмористическій тонъ заимствуетъ у Котляревскаго П. Гулакъ-Артемовскій, не съумѣвшій, однако, держаться на идейной высотѣ Котляревскаго; довольно неудачно пробуетъ этотъ тонъ въ своихъ «Наськихъ украицскихъ казкахъ» Іосифъ Бодянскій, впослѣдствіи нашедшій свое настоящее призваніе на совсѣмъ другомъ поприщѣ. Юмористическій тонъ, державшійся у Котляревскаго всегда въ границахъ художественнаго такта, доходящій иногда до шаржа у Гулака-Артемовскаго, превращается въ какое-то юродство у болѣе позднихъ подражателей, какъ Писаревскій, Билецкій-Носенко, Кореницкій и др., не обладавшихъ, притомъ, ни талантомъ, ни широкими взглядами Котляревскаго. Въ 30-хъ годахъ выдвигается на первый планъ симпатичная фигура Григорія Квитки-Основьяненка (XIV, 880), перваго украинскаго новеллиста-бытописателя. И у него, какъ у Котляревскаго, юморъ соединяется съ патетической чувствительностью, которая, однако, не доходитъ нигдѣ до приторности и всегда искренняя. Его «Украинскіе разсказы», иногда довольно наивные, до сихъ поръ не потеряли своего значенія благодаря не только прекрасному мелодическому языку, но и широкому знакомству автора съ бытомъ народа, множеству интересныхъ этнографическихъ наблюденій и, главное, теплому чувству любви и жизнерадостности, какимъ они навѣяны. Юмористическій разсказъ «Конотопська видьма», даетъ замѣчательную картину «гетьманскихъ» порядковъ изъ времени ихъ доживанія въ половинѣ XVIII в.; фигуры конотопскаго сотника и особенно его писаря Пистряка являются почти историческими документами. Менѣе счастливъ былъ онъ въ своихъ драматическихъ опытахъ, хотя и здѣсь «Сватанье на Гончаривци»— значительный шагъ впередъ сравнительно съ грубымъ комизмомъ и незатѣйливыми интригами прежнихъ интермедій. Съ 1818 года идетъ изданіе замѣчательныхъ произведеній украинской народной поэзіи (сборники кн. Цертелева, Лукашевича, Максимовича); дилетантскія, но руководимыя непритворнымъ энтузіазмомъ усилія поляка Зоріана Доленги Ходаковскаго обращаютъ вниманіе на богатую археологію Украйны; поэты польской «украинской школы» съ политическими цѣлями стараются оживить и среди польской шляхты, и среди народа казацкія традиціи; одинъ изъ нихъ, Падурра, не только старается писать по-украински, но предпринимаетъ въ 1828 г. путешествіе въ мѣста бывшей сѣчи Запорожской и на лѣвый берегъ Днѣпра съ цѣлью пропаганды казацкихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ полонофильскихъ идей. Въ то же время Украйна даетъ и русской литературѣ рядъ замѣчательныхъ дѣятелей, начиная съ Богдановича и Капниста, Нарѣжнаго и Погорѣльскаго, кончая Гнѣдичемъ и геніальнымъ Н. В. Гоголемъ, отецъ котораго, авторъ нѣсколькихъ утраченныхъ и одной уцѣлѣвшей украинской комедіи, принадлежитъ къ современникамъ и подражателямъ Котляревскаго. Всѣ эти украинцы оказываютъ значительное вліяніе на великорусскую литературу и въ свою очередь содѣйствуютъ развитію среди украинцевъ гуманныхъ, прогрессивныхъ идей. Нѣкоторые великорусскіе писатели пользуются украинскими сюжетами для выраженія такихъ же свободолюбивыхъ и гуманныхъ идей (Рылѣевъ—въ «Исповѣди Наливайки» и «Войнаровскомъ», Пушкинъ—въ «Полтавѣ»). Въ 1840-хъ годахъ

польскій языкъ и обращаться даже къ простому народу съ польскими проповѣдями. Даже сознательные русины слѣдуютъ этому общему теченію; одинъ изъ лекторовъ «русинскаго университета», Михаилъ Гарасевичъ, издаетъ (1777—78) польскій журналъ «Dziennik patryotycznych politików» и пишетъ свои «Annales ecclesiae ruthenae» по-латыни; русинскіе клирошане Левинскій и Бродовичъ пишутъ свои мемуары, свидѣтельствующіе о живомъ чувствѣ національной обособленности отъ поляковъ, по-польски; львовскій митрополитъ Ангеловичъ защищаетъ австрійское правительство противъ упрековъ въ вѣроломствѣ на польскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ, но съ пастырскими посланіями къ своей паствѣ обращается только по-польски; тотъ же языкъ употребляетъ и такой горячій русинскій патріотъ, какъ перемышльскій епископъ Іоаннъ Снѣгурскій. Причины этому: съ одной стороны зачаточное состояніе русинской письменности и просвѣщенія, при забвеніи старой литературы и при оторванности галицкихъ русиновъ отъ общенія съ прочимъ русскимъ міромъ; съ другой стороны—обаяніе польской революціонно-демократической легенды (Костюшко, легіоны) и новой польской литературы, пышно расцвѣтавшей именно послѣ паденія польскаго государства. Только съ началомъ 30-хъ годовъ чувствуется новое вѣяніе. Польское возстаніе 1830—31 г. встрѣчаетъ среди значительной части русинской интеллигенціи глухую оппозицію, нашедшую литературное отраженіе въ популярной тогда—польской!—пѣснѣ: «Kto Lach, ma strach». Изъ Украйны проникаютъ въ Галицію «Энеида» Котляревскаго, грамматика Павловскаго, собранія народныхъ пѣсенъ Цертелева и Максимовича; эти книги, равно какъ и польскія статьи Вороніча, Бродзинскаго, Ходаковскаго, пробуждаютъ и среди галицкихъ русиновъ интересъ къ народной пѣснѣ, языку, къ древностямъ ихъ родины. Результатомъ этого интереса и дальнѣйшимъ его стимуломъ является изданная въ 1833 г. книга поляка Вацлава Залескаго: «Piesni polskie i ruskie ludu galicyjskiego». Хотя тексты пѣсенъ напечатаны здѣсь всѣ латинскимъ шрифтомъ, хотя пѣсни русинскія перемѣшаны съ польскими, тѣмъ не менѣе русины могли съ гордостью смотрѣть на это изданіе: оно не только открывало имъ красоту, образность и богатство родной рѣчи, но показывало ясно, что народное творчество русиновъ несравненно богаче, разнообразнѣе такого же польскаго, которое Залескій нашелъ умѣстнымъ подкрѣпить массой искусственныхъ романсовъ, взятыхъ изъ польской литературы XVIII—XIX в. Почти непосредственно послѣ изданія въ свѣтъ этой книги начинаются первые проблески литературнаго возрожденія галицкихъ русиновъ. Въ 1834 г. три воспитанника уніатской духовной семинаріи во Львовѣ—Маркіанъ Шашкевичъ, Яковъ Головацкій и Иванъ Вагилевичъ—составили небольшой альманахъ «Зоря», содержащій, кромѣ стиховъ и прозаическихъ статей ихъ самихъ и нѣсколькихъ ихъ товарищей, небольшое собраніе народныхъ пѣсенъ. Львовская цензура, въ которую была отдана рукопись, задержала ее и запретила изданіе. Только въ 1837 г. появился этотъ альманахъ, въ переработанномъ видѣ, въ Венгріи, подъ заглавіемъ «Русалка Днистровая». Изданіе по своему содержанію совершенно невинное: нѣсколько стиховъ, нѣсколько статеекъ литературнаго и историческаго содержанія и интересная коллекція народныхъ пѣсенъ. Въ Галиціи оно вызвало, однако, цѣлую бурю. Авторовъ привлекли къ отвѣтственности, книжку запретили и держали подъ спудомъ до 1848 г. — и все это единственно потому, что издатели употребили въ своихъ сочиненіяхъ чистый народный языкъ и для возможно точнаго его воспроизведенія составили новое, фонетическое правописаніе. Теперь трудно понять озлобленіе властей противъ авторовъ «Русалки Днистровой», длившееся многіе годы и доведшее до того, что Шашкевичъ вскорѣ умеръ отъ истощенія силъ, а Вагилевичъ, бывшій уніатскимъ священникомъ, перешелъ въ протестантство, сталъ искать скуднаго заработка у поляковъ и для русинской литературы погибъ безвозвратно. Самый талантливый изъ составителей «Русалки», Шашкевичъ, умѣлъ, какъ говоритъ одинъ изъ его сверстниковъ, «зажигать въ сердцахъ огонь, который угасаетъ развѣ только въ могилѣ». Это была натура мягкая и вмѣстѣ съ тѣмъ энергичная, цѣльная. Его далеко не первоклассное поэтическое дарованіе не успѣло развернуться, но для тогдашней галицко-русской среды онъ былъ дорогъ цѣльностью міровоззрѣнія и беззавѣтной преданностью интересамъ родного народа. Въ вопросахъ, сюда относившихся, онъ не зналъ колебаній: народный языкъ, языкъ крестьянъ долженъ служить основаніемъ литературы и просвѣтительной дѣятельности; литература и письменность должны прежде всего служить поднятію народа. Въ своихъ немногихъ поэтическихъ произведеніяхъ Шашкевичъ иногда (напр. въ отрывкѣ «Бандуристъ» и въ поэтическомъ посланіи Н. Устіяновичу) достигаетъ значительной высоты вдохновенія; тоже нужно сказать и о его «Псальмахъ Руслановыхъ», написанныхъ поэтической прозой. Кромѣ современной ему украинской поэзіи, онъ вдохновлялся также польскими поэтами украинской школы и Колларовой «Дщерью Славы». Сдѣлавшись сельскимъ священникомъ, онъ предпринялъ рядъ работъ научно-просвѣтительнаго характера, какъ напр. переводъ евангелія на народный языкъ и составленіе «Читанки» (хрестоматіи) для начальныхъ школъ. Почти одновременно съ Шашкевичемъ начали свою дѣятельность еще два замѣчательныхъ работника: Іосифъ Лозинскій, издавшій въ 1835 г. цѣнную книжку «Ruskoje wesilje», содержащую сводъ описаній свадебныхъ обрядовъ и свадебныхъ пѣсенъ изъ разныхъ мѣстностей Галицкой Руси, и Іосифъ Левицкій, издавшій въ 1834 г. «Gramatik der ruthenischen oder kleinrussischen Sprache», съ прибавленіемъ небольшой хрестоматіи произведеній старой и новой Ю. литературы. Они оба были ученики Добровскаго и Копитара, но ихъ взгляды на южнорусскій яз. практически расходились. Лозинскій,

ратуры. Только съ 1854 г. появляются признаки новаго оживленія, а съ возвращеніемъ изъ ссылки главныхъ членовъ «Кирилло-Меѳодіевскаго братства», Кулиша и Костомарова, открывается новый періодъ усиленнаго движенія. Прежде, чѣмъ говорить объ этомъ періодѣ, нужно бросить бѣглый взглядъ на общественное, національное и литературное развитіе тѣхъ частей Южной Руси, которыя при раздѣлѣ Польши отошли къ Австріи. Съ одною частью южнорусскаго племени—съ русинами или руснаками, жившими по ту сторону Карпатъ, въ Мараморошѣ и сѣв.-вост. Венгріи,—Австрія имѣла дѣло уже давно, съ тѣхъ поръ какъ Венгрія вошла въ составъ государства Габсбурговъ. Судьба этихъ угро-руссовъ была, въ общемъ, незавидна (см. Угорская Русь, XXXIV, 557). Только въ концѣ XVIII в. начинается между ними усиленная научная и просвѣтительная дѣятельность. Мукачевскій епископъ Андрей Бачинскій (1772—1809) собираетъ вокругъ себя значительное число ученыхъ, содѣйствуетъ распространенію грамотности и просвѣщенія среди простого народа, печатанію книгъ и учебниковъ. Изъ его сотрудниковъ наиболѣе извѣстенъ Іоанникій Базиловичъ, авторъ книги «Brevis notitia fundationis Theodori Koriatovics» (Cassoviae, 1779); народному просвѣщенію содѣйствовали также Іоаннъ Кутка, авторъ популярнаго и до сихъ поръ катихизиса (1803), инспекторъ Димитрій Поповичъ, составившій тщательную опись болѣе 300 посѣщенныхъ имъ народныхъ школъ, свящ. Іоаннъ Пастелій, авторъ многихъ историческихъ записокъ и очень популярной сатиры на попа. Самъ епископъ Бачинскій оставилъ въ рукописи интересныя записки, основалъ въ Мукачевѣ духовную семинарію и собралъ для ней библіотеку старопечатныхъ и рукописныхъ книгъ, состоявшую изъ 9000 томовъ. Въ это именно время къ Австріи была присоединена часть Польши, подъ названіемъ королевства Галиціи и Лодомеріи. Страна эта подъ польской безурядицей была экономически неразвита, безъ признаковъ умственной жизни. Для образованія духовенства имѣлось нѣсколько монастырскихъ школъ, для дворянства—четыре гимназіи, изъ коихъ три содержались іезуитами, а одна базиліанами. Всѣ эти школы были латино-польскаго типа. Для массы русинскаго населенія не было сдѣлано ничего; отъ братскихъ школъ уцѣлѣли только слабые остатки. Уніатское бѣлое духовенство было крайне невѣжественно и забито; ополяченные базиліане ревниво оберегали за своимъ орденомъ привилегію замѣщать всѣ посты церковной іерархіи и вмѣстѣ съ тѣмъ привилегію болѣе высокаго образованія. Австрія смотрѣла на Галицію прежде всего какъ на предметъ эксплуатаціи. Въ страну нахлынула масса нѣмецкихъ чиновниковъ, мечтавшая только о скорой наживѣ. Марія Терезія по собственной иниціативѣ основала въ Вѣнѣ, въ 1774 г., генеральную духовную семинарію для греческаго вѣроисповѣданія, гдѣ на казенныя средства должны были воспитываться молодые люди изъ венгерской и Галицкой Руси. Іосифъ II основалъ въ 1783 г. духовную семинарію во Львовѣ, которая въ 1785 г. была переустроена въ генеральную семинарію для всѣхъ уніатовъ Австріи (значитъ также для венгерскихъ русинъ, семиградскихъ румынъ и хорватовъ). Въ томъ же году былъ основанъ львовскій университетъ, нѣмецкій, но уже въ 1787 г. императоръ велѣлъ на богословскомъ факультетѣ читать для русинскихъ кандидатовъ всѣ лекціи по философіи и богословію на южнорусскомъ, «отечественномъ» ихъ языкѣ. Среди лекторовъ были два угро-русса: Петръ Лодій и Иванъ Земанчикъ. Съ 1797 г. «русскій институтъ» начинаетъ клониться къ паденію; въ 1808 г. преподаваніе на русскомъ языкѣ прекращается совершенно. Главной причиной неудачи была мертвенность и схоластичность преподаванія, зависѣвшая не отъ лекторовъ, а отъ правительства, которое предписывало, какой книгой долженъ былъ руководиться лекторъ всякаго предмета. Съ окончаніемъ Наполеоновскихъ войнъ начинается новое движеніе и въ Галиціи. Во Львовѣ университетъ, закрытый въ 1805 г., открывается вновь въ 1818 г.; правительство начинаетъ заботиться о начальномъ и среднемъ образованіи; возникаютъ гимназіи и такъ называемыя нормальныя (4-классныя) школы въ городахъ—конечно нѣмецкія. Управленіе народныхъ училищъ во всей Галиціи отдается въ руки духовенства. Съ 1816 г. русинское духовенство начинаетъ усиленную агитацію за основаніе народныхъ училищъ. Душой этой агитаціи былъ священникъ Іоаннъ Могильницкій. Еще въ 1816 г. онъ пытался, при содѣйствіи епископа Михаила Левицкаго, основать научно-просвѣтительное общество съ цѣлью образованія простого народа. Это общество, хотя одобренное правительствомъ, не вошло въ жизнь вслѣдствіе интригъ поляковъ и базиліанъ, оклеветавшихъ его иниціаторовъ въ Римѣ. Впослѣдствіи, когда правительство, уступая требованіямъ поляковъ, захотѣло въ народныхъ школахъ совсѣмъ упразднить русинскій языкъ и книги, печатанныя русскими буквами, на томъ основаніи, что «русинскій языкъ—нарѣчіе польскаго», Могильницкій въ пространномъ рефератѣ доказалъ несостоятельность того взгляда. Сущность реферата была имъ впослѣдствіи обработана какъ первая въ Галиціи грамматика русинскаго (южнорусскаго) языка; эта грамматика осталась ненапечатанною, и только краткое изложеніе ея появилось въ 1829 г. въ польскомъ переводѣ. Со времени перехода Галиціи подъ власть Австріи, не смотря на официальную германизацію, не смотря даже на нѣкоторую поддержку правительства русинскому элементу, полонизмъ сдѣлалъ громадные успѣхи среди русинской интеллигенціи. Зажиточное мѣщанство, много мелкихъ помѣщиковъ, которые около 1772 г. еще считали себя русинами и употребляли русинскій разговорный языкъ, теперь окончательно ополячились. Не только ополяченные издавна базиліане, не только епископы, назначавшіеся исключительно изъ польскихъ шляхетскихъ семействъ, но и свѣтское духовенство, городское и сельское, начало быстро ополячиваться, употреблять въ домашнемъ разговорѣ

польскій языкъ и обращаться даже къ простому народу съ польскими проповѣдями. Даже сознательные русины слѣдуютъ этому общему теченію; одинъ изъ лекторовъ «русинскаго университета», Михаилъ Гарасевичъ, издаетъ (1777—78) польскій журналъ «Dziennik patryotycznych politików» и пишетъ свои «Annales ecclesiae ruthenae» по-латыни; русинскіе клирошане Левинскій и Бродовичъ пишутъ свои мемуары, свидѣтельствующіе о живомъ чувствѣ національной обособленности отъ поляковъ, по-польски; львовскій митрополитъ Ангеловичъ защищаетъ австрійское правительство противъ упрековъ въ вѣроломствѣ на польскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ, но съ пастырскими посланіями къ своей паствѣ обращается только по-польски; тотъ же языкъ употребляетъ и такой горячій русинскій патріотъ, какъ перемышльскій епископъ Іоаннъ Снѣгурскій. Причины этому: съ одной стороны зачаточное состояніе русинской письменности и просвѣщенія, при забвеніи старой литературы и при оторванности галицкихъ русиновъ отъ общенія съ прочимъ русскимъ міромъ; съ другой стороны—обаяніе польской революціонно-демократической легенды (Костюшко, легіоны) и новой польской литературы, пышно расцвѣтавшей именно послѣ паденія польскаго государства. Только съ началомъ 30-хъ годовъ чувствуется новое вѣяніе. Польское возстаніе 1830—31 г. встрѣчаетъ среди значительной части русинской интеллигенціи глухую оппозицію, нашедшую литературное отраженіе въ популярной тогда—польской!—пѣснѣ: «Kto Lach, ma strach». Изъ Украйны проникаютъ въ Галицію «Энеида» Котляревскаго, грамматика Павловскаго, собранія народныхъ пѣсенъ Цертелева и Максимовича; эти книги, равно какъ и польскія статьи Воронича, Бродзинскаго, Ходаковскаго, пробуждаютъ и среди галицкихъ русиновъ интересъ къ народной пѣснѣ, языку, къ древностямъ ихъ родины. Результатомъ этого интереса и дальнѣйшимъ его стимуломъ является изданная въ 1833 г. книга поляка Вацлава Залескаго: «Piesni polskie i ruskie ludu galicyjskiego». Хотя тексты пѣсенъ напечатаны здѣсь всѣ латинскимъ шрифтомъ, хотя пѣсни русинскія перемѣшаны съ польскими, тѣмъ не менѣе русины могли съ гордостью смотрѣть на это изданіе: оно не только открывало имъ красоту, образность и богатство родной рѣчи, но показывало ясно, что народное творчество русиновъ несравненно богаче, разнообразнѣе такого же польскаго, которое Залескій нашелъ умѣстнымъ подкрѣпить массой искусственныхъ романсовъ, взятыхъ изъ польской литературы XVIII—XIX в. Почти непосредственно послѣ изданія въ свѣтъ этой книги начинаются первые проблески литературнаго возрожденія галицкихъ русиновъ. Въ 1834 г. три воспитанника уніатской духовной семинаріи во Львовѣ—Маркіанъ Шашкевичъ, Яковъ Головацкій и Иванъ Вагилевичъ—составили небольшой альманахъ «Зоря», содержащій, кромѣ стиховъ и прозаическихъ статей ихъ самихъ и нѣсколькихъ ихъ товарищей, небольшое собраніе народныхъ пѣсенъ. Львовская цензура, въ которую была отдана рукопись, задержала ее и запретила изданіе. Только въ 1837 г. появился этотъ альманахъ, въ переработанномъ видѣ, въ Венгріи, подъ заглавіемъ «Русалка Днистровая». Изданіе по своему содержанію совершенно невинное: нѣсколько стиховъ, нѣсколько статеекъ литературнаго и историческаго содержанія и интересная коллекція народныхъ пѣсенъ. Въ Галиціи оно вызвало, однако, цѣлую бурю. Авторовъ привлекли къ отвѣтственности, книжку запретили и держали подъ спудомъ до 1848 г. — и все это единственно потому, что издатели употребили въ своихъ сочиненіяхъ чистый народный языкъ и для возможно точнаго его воспроизведенія составили новое, фонетическое правописаніе. Теперь трудно понять озлобленіе властей противъ авторовъ «Русалки Днистровой», длившееся многіе годы и доведшее до того, что Шашкевичъ вскорѣ умеръ отъ истощенія силъ, а Вагилевичъ, бывшій уніатскимъ священникомъ, перешелъ въ протестантство, сталъ искать скуднаго заработка у поляковъ и для русинской литературы погибъ безвозвратно. Самый талантливый изъ составителей «Русалки», Шашкевичъ, умѣлъ, какъ говорить одинъ изъ его сверстниковъ, «зажигать въ сердцахъ огонь, который угасаетъ развѣ только въ могилѣ». Это была натура мягкая и вмѣстѣ съ тѣмъ энергичная, цѣльная. Его далеко не первоклассное поэтическое дарованіе не успѣло развернуться, но для тогдашней галицко-русской среды онъ былъ дорогъ цѣльностью міровоззрѣнія и беззавѣтной преданностью интересамъ родного народа. Въ вопросахъ, сюда относившихся, онъ не зналъ колебаній: народный языкъ, языкъ крестьянъ долженъ служить основаніемъ литературы и просвѣтительной дѣятельности; литература и письменность должны прежде всего служить поднятію народа. Въ своихъ немногихъ поэтическихъ произведеніяхъ Шашкевичъ иногда (напр. въ отрывкѣ «Бандуристъ» и въ поэтическомъ посланіи Н. Устіановичу) достигаетъ значительной высоты вдохновенія; тоже нужно сказать и о его «Псальмахъ Руслановыхъ», написанныхъ поэтической прозой. Кромѣ современной ему украинской поэзіи, онъ вдохновлялся также польскими поэтами украинской школы и Колларовой «Дщерью Славы». Сдѣлавшись сельскимъ священникомъ, онъ предпринялъ рядъ работъ научно-просвѣтительнаго характера, какъ напр. переводъ евангелія на народный языкъ и составленіе «Читанки» (хрестоматіи) для начальныхъ школъ. Почти одновременно съ Шашкевичемъ начали свою дѣятельность еще два замѣчательныхъ работника: Іосифъ Лозинскій, издавшій въ 1835 г. цѣнную книжку «Ruskoje wesilje», содержащую сводъ описаній свадебныхъ обрядовъ и свадебныхъ пѣсенъ изъ разныхъ мѣстностей Галицкой Руси, и Іосифъ Левицкій, издавшій въ 1834 г. «Gramatik der ruthenischen oder kleinrussischen Sprache», съ прибавленіемъ небольшой хрестоматіи произведеній старой и новой Ю. литературы. Они оба были ученики Добровскаго и Копитара, но ихъ взгляды на южнорусскій яз. практически расходились. Лозинскій,

увлеченный идеей славянской взаимности, обнародовалъ въ 1835 г. проектъ замѣны употреблявшейся русинами въ Галиціи кириллицы и гражданки латинскимъ шрифтомъ. Противъ этого проекта выступилъ М. Шашкевичъ съ талантливо написанной брошюрой «Azbuka i Abecadło» (1836), и Лозинскій долженъ былъ отказаться отъ своей мысли, хотя и впослѣдствіи выступалъ съ проектомъ упрощенія правописанія (устраненія твердаго знака). Къ новому народническому движенію 60-хъ годовъ онъ не примкнулъ и послѣднія свои сочиненія писалъ обычнымъ для галицкихъ «старорусcовъ» язычіемъ (смѣсью церковно-славянскаго, южно-русскаго и великорусскаго язык.). Іосифъ Левицкій хотя и доказывалъ самостоятельность южнорусскаго языка, но писалъ свои бездарныя стихотворенія ужаснымъ церковно-славянскимъ языкомъ, а въ 1843 г. опозорилъ свое имя одобреніемъ въ печати (Listy tyczace się pismiennictwa ruskiego) варварскихъ мѣропріятій администраціи противъ «Русалки Днистровой». Въ 40-хъ годахъ литературная дѣятельность Галицкой Руси была крайне скудна, цензурныя условія просто невозможны. Административно-судебный погромъ, обрушившійся въ годахъ 1838—41 на многочисленныя польскія революціонныя организаціи, рикошетомъ отразился и на русинахъ. Чиновники, мечтавшіе о водвореніи въ Галиціи германизма, на всякую попытку русиновъ издавать что-нибудь на своемъ родномъ языкѣ, имѣли только одинъ отвѣтъ: «у насъ столько хлопотъ съ польскимъ національнымъ движеніемъ, а эти безумцы хотятъ еще оживлять какую-то погребенную русинскую народность». Все, что сколько-нибудь выходило изъ рамокъ первоначальнаго школьнаго учебника, могло печататься только въ Вѣнѣ. Здѣсь другъ Шашкевича, Яковъ Головацкій, издаетъ въ 1841 г. интересное собраніе галицко-русскихъ народныхъ пословицъ, а въ 1846—47 г., съ помощью своего брата Ивана—альманахъ «Вѣнокъ Русинамъ на обжынкы», гдѣ между прочимъ было напечатано собраніе неизвѣстныхъ прежде сочиненій М. Шашкевича, а самъ Головацкій далъ замѣчательное собраніе народныхъ загадокъ, сказокъ и анекдотовъ и нѣсколько изслѣдованій изъ области археологіи и этнографіи. Жалкое состояніе общественной и литературной жизни, въ которомъ много виновата была и сама галицко-русская интеллигенція, въ особенности іерархія, побудило Головацкаго написать пламенную обличительную статью въ Іордановомъ журналѣ «Slavische Jahrbücher», подъ заглавіемъ «Zustände der Russinen» (1846). Это было самое смѣлое произведеніе галицкой публицистики до 1848 года; содержавшая эту статью книга журнала была въ Галиціи немедленно запрещена. Получивъ какъ-то одинъ печатный экземпляръ ея, воспитанники львовской духовной семинаріи въ одну ночь переписали полтораста экземпляровъ статьи: она разошлась всюду и открыла глаза тѣмъ, которые до тѣхъ поръ не сознавали ужаса своего положенія. Послѣ революціи 1848 г. парламентскіе выборы обнаружили глубокое недовѣріе русинскаго народа не только къ шляхтѣ, но и къ духовенству; депутатами въ учредительное собраніе явились большею частью неграмотные или полуграмотные крестьяне. Почти съ перваго же момента свободной жизни закипаетъ ожесточенная борьба между поляками, мнившими себя полными хозяевами страны и воображавшими, что вѣнская революція — первый шагъ къ возстановленію исторической Польши, и русинами, которые добивались равноправности для своей церкви и народности. Изъ антагонизма къ полякамъ они искали опоры въ правительствѣ, которое въ свою очередь старалось найти для своихъ плановъ поддержку среди крестьянъ, преимущественно русиновъ и ихъ духовенства. Въ 1848 г. положено начало галицко-русской періодической печати. Къ тому же году относится начало театральныхъ спектаклей въ Галицкой Руси, но первая труппа галицко-русская образовалась только въ 60-хъ годахъ. Самымъ знаменательнымъ фактомъ 1848 г. было созваніе перваго съѣзда галицко-русскихъ дѣятелей (юмористически прозваннаго съѣздомъ ста галицкихъ ученыхъ), имѣвшаго послѣдствіемъ основаніе научно-просвѣтительнаго общества «Галицко-русская Матица», по образцу подобныхъ «Матицъ» чешской и хорватской. Это общество не оправдало возложенныхъ на него надеждъ и не сыграло въ развитіи галицко-русскаго просвѣщенія почти никакой роли. За Ю. языкомъ было признано первенствующее значеніе во всѣхъ школахъ восточной Галиціи. Была основана каѳедра Ю. языка въ львовскомъ университетѣ; профессоромъ назначенъ Я. Головацкій. 1848-ой годъ ознаменованъ появленіемъ цѣлой плеяды дѣятелей, которые, вмѣстѣ съ друзьями и сверстниками Шашкевича, даютъ тонъ всей галицко-русской письменности 50-хъ, а отчасти и 60-хъ годовъ. На литературное поприще выступаетъ А. С. Петрушевичъ, талантливый и трудолюбивый автодидактъ- филологъ, историкъ и археологъ. Его первое сочиненіе: «Słow kilka w obronie narodowosci ruskiej» написано увлекательно и умно въ защиту самостоятельности Ю. народа; но по мѣрѣ того, какъ эта идея у него затемняется и живая связь съ роднымъ народомъ слабѣетъ, его сочиненія дѣлаются неудобочитаемыми изъ-за ихъ мертваго, чудовищнаго, будто бы «прарусскаго» языка. Талантливый публицистъ Б. А. Дидицкій издавалъ множество газетъ, составилъ популярную «Исторію Руси», не критическую, но имѣвшую немалое вліяніе на молодежь 70-хъ годовъ, и былъ одно время (1860—70) самымъ популярнымъ писателемъ Галицкой Руси; его цѣнили даже какъ поэта, хотя его стихи (поэмы «Буй Туръ Всеволодъ», «Конюшій» и множество мелкихъ стихотвореній) могутъ скорѣе умалить, чѣмъ увеличить его заслуги. Въ томъ же 1848 г. Иванъ Наумовичъ изъ рьянаго польскаго патріота сдѣлался русиномъ; впослѣдствіи онъ снискалъ славу «просвѣтителя Галицкой Руси». И дѣйствительно, онъ немало способствовалъ пробужденію крестьянскихъ массъ, хотя, вмѣстѣ съ тѣмъ, сильно вредилъ своему дѣлу безхарак-

сказовъ и легендъ, переданныхъ имъ легкими и граціозными стихами, далѣе полный переводъ чешской «Краледворской рукописи», «Слова о Полку Игоревѣ», «Войны лягушекъ съ мышами» и, наконецъ, «Иліады». Этотъ послѣдній переводъ хотя составленъ короткими стихами, складомъ украинской народной пѣсни, тѣмъ не менѣе представляется очень удачнымъ и производитъ цѣльное впечатлѣніе. Второй талантливый неудачникъ изъ кружка «Основы»—Анатолій Свидницкій, помѣстившій въ «Основѣ» нѣсколько интересныхъ этнографическихъ статей, но не успѣвшій напечатать самое крупное свое сочиненіе: романъ-хронику «Люборадски», прекрасно рисующее жизнь сельскаго духовенства Юго-Западнаго края и духовныхъ училищъ дореформенныхъ временъ. Изъ плеяды писателей, выступавшихъ въ «Основѣ», назовемъ еще Леонида Глибова, давшаго украинской литературѣ рядъ прелестныхъ лирическихъ пьесъ и книгу басенъ; Ганну Барвинокъ (Александру Кулишъ, жену П. А. Кулиша), которая сначала въ Кулишевомъ альманахѣ «Хата» (1859), потомъ въ «Основѣ» и впослѣдствіи въ разныхъ изданіяхъ помѣстила рядъ прочувствованныхъ разсказовъ, живописующихъ украинскую женщину, и снискала себѣ почетное имя какъ «поэтъ женскаго горя»; Даніила Мордовцева, выступившаго въ 1859 г. въ «Саратовскомъ Малорос. Сборникѣ» съ поэмой «Казаки и море», давшаго въ «Основѣ» и въ болѣе позднихъ изданіяхъ рядъ поэтичныхъ разсказовъ и очерковъ по-украински, но достигшаго бо̀льшей популярности историческими романами и очерками, написанными на русскомъ языкѣ. Самъ Кулишъ выступалъ въ «Основѣ» и какъ критикъ (слишкомъ строгія сужденія о Гоголѣ и Котляревскомъ), и какъ историкъ, а послѣ смерти Шевченка, возмечтавъ, что пришла его очередь сдѣлаться «кобзаремъ» Украйны, далъ цѣлый рядъ эпическихъ и лирическихъ стихотвореній, изданныхъ особо подъ назв. «Досвитки» и какъ будто нарочно составленныхъ для того, чтобы доказать, что Кулишъ — не Шевченко. Вскорѣ потомъ онъ еще болѣе повредилъ себѣ въ глазахъ всей передовой части русскаго общества, принявъ сотрудничество въ крайне шовинистичномъ журналѣ «Вѣстникъ Юго-Западной Россіи» и содѣйствуя системѣ казеннаго обрусенія даже тамъ, гдѣ оно явно шло въ разрѣзъ съ интересами кореннаго южно-русскаго населенія. Это было, однако, временемъ его наибольшей популярности и наибольшаго вліянія въ Галиціи. Въ Галиціи 60-ые годы начались паденіемъ абсолютизма и введеніемъ краеваго сейма. Въ сеймъ вошли въ подавляющемъ большинствѣ польскіе шляхтичи; русины, при косвенномъ содѣйствіи правительства, получили не болѣе 40 мандатовъ, при чемъ умственный цензъ у русинскихъ депутатовъ (крестьянъ и священниковъ) былъ несравненно ниже, чѣмъ у польскихъ. Жгучій вопросъ крестьянскихъ сервитутовъ какъ-то самъ собою срывался съ устъ ораторовъ. Поляки обвиняли русинское духовенство въ подстрекательствѣ, подкрѣпляя свои обвиненія фразами о коммунизмѣ; когда же депутаты-священники начали открещиваться отъ такихъ прегрѣшеній, поляки пытались заключить съ ними соглашеніе надъ головами депутатовъ-крестьянъ. Духовенство на это соглашеніе не пошло: въ отвѣтъ на его оппозицію съ польской стороны послышался въ сеймѣ голосъ графа Лешка Борковскаго: «Tu niema Rusi»! Этимъ былъ брошенъ вызовъ къ борьбѣ, продолжающейся до сихъ поръ. Она началась съ того, что русины стали повсемѣстно вытѣснять польскій разговорный языкъ изъ своихъ домовъ и обществъ, польскую книгу—изъ рукъ, польскіе и латинскіе налеты—изъ своего обряда. Такъ какъ борьбу вело главнымъ образомъ духовенство, то неудивительно, что вопросъ объ очищеніи греко-уніатскаго обряда заинтересовалъ его очень живо. Съ легкой руки Ив. Наумовича начались въ газетахъ длинныя и въ сущности безплодныя пренія объ обрядѣ: съ польской стороны очистителямъ брошенъ былъ укоръ въ схизмѣ; очистители начали оправдываться и вдаваться въ теологическія тонкости, упуская изъ виду самое существенное — попытки латинянъ оттянуть русинское духовенство разными приманками отъ служенія своему народу. Это съ поразительной ясностью показалъ безымянный авторъ польско-русинской драмы-сатиры «Budiatyńce», написанной въ 1861 г., до сихъ поръ остающейся въ рукописи, но распространенной въ многочисленныхъ копіяхъ. Возстаніе 1863 года еще болѣе усилило русино-польскую распрю. Поляки пытались перетягивать русинскую молодежь и русинское духовенство на свою сторону, чтобъ заручиться ихъ содѣйствіемъ. Но идейное обаяніе прежнихъ польскихъ возстаній было разрушено; русины, испробовавъ еще въ 1848 году національную нетерпимость поляковъ, ставили пассивный отпоръ ихъ требованіямъ, а нѣкоторые, какъ Остапъ Левицкій, шли еще далѣе и осмѣивали въ ѣдкой сатирѣ (Uciekiniery) новое возстаніе на восточно-галицкой почвѣ, представлявшееся далеко не идейнымъ и не серьезнымъ. Въ литературномъ отношеніи въ началѣ 60-хъ годовъ видно тоже какъ будто оживленіе. Въ 1860 г. Б. Дидыцкій, при содѣйствіи почти всѣхъ наличныхъ галицко-русскихъ писателей, издаетъ сборникъ «Зоря галицкая яко альбумъ» въ честь епископа Гр. Яхимовича; за исключеніемъ цѣнныхъ историческихъ матеріаловъ, это было, однако, какъ бы подведеніемъ итога всѣмъ ошибкамъ, какія сдѣлала Галицкая Русь въ 50-хъ годахъ. Самъ Дидыцкій понялъ, что въ этомъ направленіи идти далѣе некуда. Начавъ въ томъ же 1860 г. издавать политическую газету «Слово», онъ пригласилъ къ себѣ въ сотрудники украинцевъ и допустилъ въ ихъ статьяхъ употребляемое ими фонетическое правописаніе. Но это была только уступка зарождавшемуся уже въ Галиціи украйнофильскому движенію; съ 1864 г., когда это движеніе успѣло нѣсколько окрѣпнуть и отношенія между нимъ и старой партіей обострились, терпимость была признана неудобной и «Слово» пошло совсѣмъ другимъ путемъ. Толчкомъ къ новому украйнофильскому движенію среди галицко-рус-

представило русскому міру язвы крѣпостного состоянія и вмѣстѣ съ тѣмъ дало возможность читателямъ глубже заглянуть въ душу крестьянъ. Здѣсь какъ будто говорилъ самъ народъ, и его рѣчь, полная тихой меланхоліи, поражала своей простотой, гуманностью и мелодичностью. Украинскіе разсказы Марка Вовчка произвели сенсацію даже въ русской литературѣ; въ украинской литературѣ они и до сихъ поръ считаются недостижимыми образцами языка, хотя манера разсказчицы и способъ воспроизведенія жизни нѣсколько устарѣли. Послѣднимъ изъ кирилло-меѳодіанцевъ возвратился изъ ссылки Шевченко. Громадное большинство его новыхъ стихотвореній было нецензурно и не могло предстать передъ болѣе широкой публикой. Погромъ 1847 г. заставилъ даже болѣе видныхъ кирилло-меѳодіанцевъ уйти въ себя или совсѣмъ отказаться отъ политическихъ мечтаній. Когда въ 1861 г. украинцы начали изданіе собственнаго журнала «Основа», онъ сталъ развивать не широкую и свободолюбивую программу Кирилло-Меѳодіевскаго братства, а довольно тѣсную и для прогрессивныхъ украинцевъ мало въ то время интересную программу національнаго обособленія Украйны, безъ сведенія счетовъ съ назрѣвавшими въ ту пору жгучими вопросами русской общественной жизни. Научный дилетантизмъ и политическое доктринерство Кулиша были, кажется, главной помѣхой успѣху журнала; Шевченко, авторитетъ котораго могъ служить противовѣсомъ Кулишу, умеръ въ самомъ началѣ предпріятія (въ февралѣ 1861 г.), Костомаровъ не могъ сладить съ Кулишемъ—и вотъ, журналъ, на который вся Южная Русь возлагала большія надежды и который далъ дѣйствительно много цѣннаго, послѣ двухлѣтняго существованія прекратился не отъ злоключеній, а отъ истощенія силъ, какъ разъ въ ту пору, когда противъ украинскаго литературнаго и общественнаго движенія собирались грозныя тучи. Въ Украйнѣ, подъ вліяніемъ общаго оживленія, вызваннаго эпохой реформъ, расло, между тѣмъ, національное сознаніе; сливаясь съ прогрессивными европейскими идеями, оно порождало среди молодежи стремленіе сблизиться съ простымъ народомъ и работать въ его пользу. У менѣе зрѣлыхъ умовъ это стремленіе иногда принимало нѣсколько карикатурный характеръ: свое сближеніе съ народомъ молодые люди проявляли прежде всего тѣмъ, что надѣвали крестьянскій костюмъ, подражали крестьянскимъ манерамъ. Въ правобережной Украйнѣ это было прямымъ продолженіемъ традиціи польскихъ такъ называемыхъ балагуловъ конца 30-хъ и 40-хъ годовъ, и здѣсь же для этого явленія возникло названіе «хлопоманіи». Въ этомъ названіи было нѣчто худшее, чѣмъ презрѣніе польскаго шляхтича къ мужицкому языку, костюму и манерамъ. Когда молодежь отъ формальныхъ подражаній перешла къ дѣйствительному труду на пользу украинскаго народа, когда въ Полтавѣ, Кіевѣ и другихъ городахъ возникли воскресныя школы, гдѣ «хлопоманы», кромѣ чтенія и письма, начали преподавать народу основанія родной исторіи, когда, вслѣдствіе запроса со стороны этихъ школъ, начали появляться элементарные учебники на украинскомъ языкѣ («Букварь» Шевченка, «Ґраматка» Кулиша, «Щотныця» Конисскаго и т. п.), польскіе душевладѣльцы всполошились; имъ начали мерещиться «гайдамацкіе ножи», и они, сами приготовляясь уже къ возстанію, поспѣшили обратиться къ правительству съ доносомъ на «хлопомановъ», умышляющихъ якобы сепаратизмъ и соціальную революцію. Они добивались не только запрета невиннѣйшей «Ґраматки» Кулиша, но даже срытія могилы Шевченка, въ которой, будто бы, припрятаны ножи для близкой рѣзни. Особенно сердило этихъ «охранителей» то, что среди польской молодежи многіе увлеклись идеями прогресса и стояло противъ шляхты, а одна часть пошла еще дальше и требовала отъ украинскихъ поляковъ обращенія въ украинцевъ и служенія украинскому народу. Начало этому положили два талантливые и беззавѣтно преданные своей идеѣ юноши, В. Б. Антоновичъ и Ѳ. Рыльскій, которые въ «Основѣ» мотивировали свою «Исповѣдь» ко всеобщему ужасу украинскихъ поляковъ. Среди болѣе стараго поколѣнія украинскихъ дѣятелей не было человѣка, который бы умѣлъ поддержать эти новыя теченія. Правда, запросъ на элементарныя книги былъ сочувственно встрѣченъ и Кулишемъ, и Костомаровымъ; первый самъ составилъ нѣсколько учебниковъ (не безупречныхъ съ педагогической точки зрѣнія), второй обратился къ публикѣ съ воззваніемъ о собраніи фонда для печатанія такихъ книгъ. Разные доносы и послѣдовавшее затѣмъ польское возстаніе 1863 г. заставили правительство, изъ опасенія «сепаратизма», запретить употребленіе украинскаго языка въ народныхъ школахъ, прекратить печатаніе украинскихъ учебниковъ и даже прибѣгнуть къ арестамъ и ссылкамъ. Потерпѣли на этотъ разъ Конисскій, П. Чубинскій и еще нѣкоторые, сосланные въ Архангельскъ, Вологду и т. п. Это было началомъ второго антракта въ исторіи украинской литературы, длившагося почти до 1870 г. Что сравнительно не очень грозныя мѣропріятія правительства противъ украйнофиловъ могли вызвать такой застой, какой мы видимъ въ украинской литературѣ 1863—1870 гг.—это можно объяснить только слабохарактерностью вожаковъ движенія и недостаточной разработкой основныхъ его идей. Стороженко, талантливый, но довольно безъидейный разсказчикъ, послѣ 1862 г. почти совсѣмъ замолкъ и только въ посмертныхъ бумагахъ оставилъ попытку историческаго разсказа: «Марко Проклятый»—попытку и въ художественномъ, и въ историческомъ отношеніи совсѣмъ невысокаго качества. Къ писателямъ, начавшимъ въ «Основѣ» свою карьеру, принадлежитъ даровитый, но какъ-то зарывшій свой талантъ Стефанъ Руданскій, который при жизни успѣлъ напечатать только нѣсколько лирическихъ пьесъ, очень красивыхъ и задушевныхъ, но послѣ котораго осталась въ рукописяхъ масса сочиненій, въ томъ числѣ необыкновенно богатая коллекція украинскихъ народныхъ раз-

бочный путь; онъ началъ писать большія и совсѣмъ мертвыя драмы изъ невѣдомаго ему украинскаго прошлаго (Довбушъ, Богданъ Хмельницкій), пытаясь изъ отрывковъ народныхъ пѣсенъ воспроизвести древній миѳическій эпосъ. По мѣрѣ того, какъ онъ удалялся отъ жизни и ея жгучихъ интересовъ, его еще болѣе перестали понимать; пришли разочарованія, и Федьковичъ въ началѣ 70-хъ годовъ въ самомъ пессимистическомъ настроеніи ушелъ въ свои гуцульскія горы. — Въ 1866 г., подъ вліяніемъ пораженія австрійскихъ войскъ подъ Садовой, направленіе, называвшее себя до тѣхъ поръ старорусскимъ или «твердымъ», провозгласило въ «Словѣ» единство южнорусскаго народа съ великорусскимъ и необходимость стремленія къ объединенію этихъ частей недѣлимой Руси. Потребность въ изученіи русскаго литературнаго языка была болѣе устранена, чѣмъ удовлетворена брошюрой Дидыцкаго: «Въ одинъ часъ научиться малорусину по-великорусски», проводившей пресловутый принципъ: «одинъ языкъ, два выговора». Старые дѣятели прекращаютъ выходившія прежде изданія—«Науковый Сборникъ», «Литературный Сборникъ», «Галичанинъ»,—довольствуясь политическими органами, гдѣ то и дѣло фельетоны и даже статьи по текущимъ вопросамъ перепечатывались изъ русскихъ изданій, всегда на курьезно подправленномъ языкѣ. Вскорѣ лучшія силы той партіи (Головацкій Лявчакъ, Лѣсѣкевичъ, Цыбыкъ, Попель, Куземскій) уходятъ въ Россію; затѣмъ и Дидыцкій бросаетъ свой постъ редактора «Слова», оставляя на своемъ мѣстѣ неспособнаго В. М. Площанскаго. Но и украйнофильское движеніе не могло окрѣпнуть. Молодежь, организованная въ «громадахъ», требовала умственной пищи, книгъ, идей, но вожаки движенія не могли дать ей ничего кромѣ горячихъ фразъ и фантастическихъ плановъ Д. Танячкевича, писавшаго подъ псевдонимомъ «Будеволя». Примкнувшій было на время (1865 г.) къ этому движенію полякъ, эмигрантъ изъ Украйны Паулинъ Свенцицкій (Павло Свій), тоже не могъ дать галицкой молодежи ничего положительнаго и скоро ушелъ совсѣмъ въ польскую литературу, послѣ того какъ начатый имъ съ цѣлью примиренія русиновъ съ поляками польско-русинскій журналъ «Sioło» не привлекъ къ себѣ никого изъ русиновъ и не нашелъ читателей среди поляковъ. Въ это время знакомится съ галичанами Кулишъ. На него, какъ на друга и товарища Шевченка, галичане возлагаютъ большія надежды, отъ него ждутъ слова, разрѣшающаго ихъ недоумѣнія и указывающаго имъ путь практической дѣятельности. Кулишъ, совершенно незнакомый съ галицкими отношеніями, рекомендуетъ галичанамъ какое-то туманное славянофильство, болѣе похожее на Хомяковское, чѣмъ на Шевченковское, не менѣе туманное народничество, и въ концѣ концовъ непримиримую борьбу съ поляками. Разумѣется, кромѣ этого послѣдняго пункта, продиктованнаго галичанамъ ихъ мѣстными обстоятельствами, идеи Кулиша были для галичанъ совсѣмъ непонятны. Вотъ почему, не смотря на популярность его имени, газеты, бывшія его органами, имѣли мало читателей; основанная имъ въ 1868 г. «Правда» влачила жалкое существованіе, а напечатанный имъ въ приложеніи къ той же «Правдѣ» украинскій переводъ Священнаго Писанія также не оправдалъ надеждъ, которыя на него возлагалъ Кулишъ. Между тѣмъ нѣкоторые вожаки украйнофильскаго движенія, какъ упомянутые К. Горбаль и Вол. Шашкевичъ, поддались вліянію намѣстника Галиціи, заклятаго врага русинскаго движенія графа Голуховскаго и стали издавать полуоффиціальную газету «Русь», имѣвшую, впрочемъ, ничтожное число подписчиковъ и не прожившую даже года. Понятно, что къ концу 60-хъ годовъ старая или «москвофильская» партія, имѣвшая въ своихъ рукахъ богатыя учрежденія какъ «Народный Домъ», «ставропигійскій институтъ», обѣ епископскія консисторіи, всю сеймовую и вѣнскую депутацію, могла насмѣшливо относиться къ украйнофильствующей молодежи и даже съ нѣкоторымъ основаніемъ говорить, что украйнофильство — это «польская интрига». Но сама жизнь, за недостаткомъ ясной программы, наводила молодежь на путь практической работы. Молодые украйнофилы выносили изъ своихъ увлеченій Шевченкомъ и мечтаній объ Украйнѣ желаніе сближаться съ народомъ, изучать его рѣчь, записывать его пѣсни. Въ 60-хъ годахъ молодежью и нѣкоторыми изъ «старыхъ» была записана масса народныхъ пѣсенъ, часть которыхъ вошла въ извѣстное собраніе Головацкаго (напр. пѣсни Галиц. и Угорской Руси), изданное въ Москвѣ, но болѣе значительная часть до сихъ поръ не опубликована. Сближаясь съ народомъ хотя бы съ этнографической цѣлью, молодежь убѣждалась воочію въ необходимости его просвѣщенія, и для этой цѣли основала въ 1867 г. во Львовѣ «Просвіту»—общество для изданія популярныхъ книгъ, существующее и до сихъ поръ и издавшее 284 номера брошюръ, въ числѣ болѣе милліона экземпляровъ. Это были два самыя цѣнныя пріобрѣтенія галицкаго украйнофильства 60-хъ годовъ.

Въ началѣ 70-хъ годовъ въ Ю. литературѣ и наукѣ возникаетъ значительное оживленіе. Появляется цѣлая плеяда талантливыхъ писателей и ученыхъ, печатающихъ свои труды преимущественно на русск. языкѣ, но ставящихъ себѣ цѣлью разработку украинской исторіи, этнографіи, языка. Самые видные изъ нихъ давно заняли почетное мѣсто въ русской наукѣ, какъ лингвистъ и этнографъ А. Потебня, историкъ В. Б. Антоновичъ, лингвисты П. Житецкій, Михальчукъ, В. Науменко, этнографы П. П. Чубинскій и М. Драгомановъ. Всѣ эти ученые (кромѣ перваго) въ началѣ 70-хъ годовъ составили въ Кіевѣ «Югозападный отдѣлъ Русск. географическаго общества», сдѣлавшійся на нѣкоторое время центромъ украинской мысли и науки. Чубинскій былъ руководителемъ этнографической экспедиціи въ Юго-Западный край, снаряженной Имп. русскимъ географич. обществомъ, и собралъ громадный этнографическій матеріалъ (7 большихъ томовъ), легшій въ основаніе всѣхъ дальнѣйшихъ работъ по этнографіи и языку

Южной Руси. Антоновичъ опубликовалъ архивные матеріалы, освѣщающіе самые основные вопросы соціальнаго и политическаго строя Украйны въ его историческомъ развитіи (церковь, козачество, города, крестьянство, гайдамачество, колдовство) и совмѣстно съ Драгомановымъ началъ критическое изданіе «Историческихъ пѣсенъ южнорусскаго народа» (2 тома). Житецкій издалъ «Очеркъ звуковой исторіи южнорусскаго языка», Пересопницкое евангеліе и съ статьей о его языкѣ. Драгомановъ издалъ богатый сводъ малорусскихъ преданій и разсказовъ и занялся сравнительнымъ изученіемъ южнорусскаго фольклорнаго матеріала, въ связи съ славянскимъ, западноевропейскимъ и восточнымъ. Ив. Рудченко издалъ замѣчательный сборникъ чумацкихъ пѣсенъ, его братъ Аѳанасій—двухтомный сборникъ южнорусскихъ сказокъ, А. Ефименко—сборникъ малорусскихъ заклинаній и т. д. Въ «Запискахъ Югозападнаго отдѣла Русскаго географическаго общества» были напечатаны новыя изслѣдованія и матеріалы Волкова, Лоначевскаго (Буковинскія народныя пѣсни), Лисенка (репертуаръ кобзаря Вересая, съ музыкой и изслѣдованіемъ о ней). Все это значительно расширило кругозоръ и оживило украинское движеніе. Но украинское движеніе въ Кіевѣ на этотъ разъ не было заключено въ тѣсныя рамки партикулярныхъ усилій кабинетныхъ ученыхъ: оно развивалось въ болѣе или менѣе живой связи съ прогрессивными и либеральными элементами русскими и польскими. Явилась настоятельная потребность осмыслить украинскую дѣятельность, дать ей широкую программу. Особенно дорожа связью съ русскимъ прогрессивнымъ движеніемъ, тогдашніе кіевскіе украйнофилы отклоняли мысль о какомъ-нибудь государственномъ украинскомъ сепаратизмѣ и, добиваясь реформъ въ либеральномъ духѣ, надѣялись на этой почвѣ найти мѣсто для свободнаго культурнаго развитія Украйны. Вотъ почему, не предрѣшая будущаго, они принимали мысль Костомарова создавать на украинскомъ языкѣ литературу и науку «для домашняго обихода», т. е. для элементарнаго обученія и просвѣщенія народа, допуская и даже требуя для болѣе просвѣщенныхъ классовъ литературы и науки на русскомъ языкѣ. Еще въ концѣ 60-хъ и въ началѣ 70-хъ гг. появляется цѣлый рядъ талантливыхъ писателей, которые какъ будто даютъ себѣ слово отдать свой талантъ исключительно на службу украинскому слову и въ своихъ сочиненіяхъ обращаются преимущественно къ интеллигенціи, а не къ простому, въ подавляющемъ большинствѣ совсѣмъ даже неграмотному народу. Самый замѣчательный изъ этихъ писателей, Иванъ С. Левицкій (Нечуй), съ 1868 г. началъ печатать въ Галиціи свои очерки—«Дві московки» и «Горыславська нічъ»,—послѣ которыхъ далъ рядъ большихъ романовъ («Причепа», «Хмары», «Кайдашева семья», «Микола Джеря», «Бурлачка»), въ которыхъ набросалъ мастерскія картины быта правобережной Украйны, крестьянъ, заводскихъ рабочихъ, духовенства, шляхтичей-арендаторовъ и помѣщиковъ, студентовъ и профессоровъ, мѣщанъ и евреевъ. Левицкій—хорошій разсказчикъ, съ небольшой дозой юмора; нарисованные имъ типы пластичны и выхвачены изъ живой дѣйствительности; онъ стремится вездѣ къ полной ихъ этнографической обрисовкѣ, между тѣмъ какъ психологическій анализъ отступаетъ на задній планъ. Поэтичность описаній природы, прекрасный языкъ сдѣлали И. С. Левицкаго любимцемъ читающей публики въ Украйнѣ и въ Галиціи. Рядомъ съ нимъ выступаетъ Панасъ Мирный, сильный эпическій талантъ, представитель лѣвобережной Украйны съ ея степями, слободами и хуторами. Онъ началъ небольшими очерками изъ жизни городского населенія (Пьяница, Лихій попутавъ), а въ большомъ романѣ «Хиба ревуть волы якъ ясла повни» далъ широко задуманную исторію украинскаго села почти за цѣлое столѣтіе и на этомъ фонѣ представилъ рядъ интересныхъ типовъ (крестьянинъ бунтовщикъ) и потрясающихъ сценъ («Солдаты на прокормленіи», «Усмиреніе бунта»). Этимъ романомъ, не смотря на его злополучную судьбу (дозволенный цензурой въ 1873 г., онъ не былъ тогда напечатанъ, а напечатанный въ 1879 г. въ Женевѣ былъ запрещенъ не только въ Россіи, но и въ Австріи; въ Россіи онъ появился только въ 1903 г.). Мирный сразу выдвинулся въ первый рядъ украинскихъ писателей. Напечатанныя имъ позже двѣ части большого романа «Повія» еще болѣе подняли его репутацію; точное знакомство съ жизнью, пластичность изображенія, тонкое и глубокое психологическое наблюденіе, прекрасный, богатый языкъ встрѣтили единодушное признаніе критики. Гораздо ниже какъ по художественному достоинству, такъ и по вліянію на украинскую публику стоятъ многочисленныя стихотворенія, разсказы и романы А. Я. Конисскаго, печатавшаго большую часть своихъ произведеній въ Галиціи. Въ своихъ романахъ («Семенъ Жукъ и его родичи», «Юрій Горовенко», «Въ гостяхъ добре, дома найлучше») онъ пытался изображать жгучіе конфликты и явленія современной общественной жизни, но эти изображенія и въ идейномъ, и въ художественномъ отношеніи очень слабы. Гораздо удачнѣе его небольшіе очерки изъ крестьянской и вообще деревенской жизни, гдѣ мѣткость наблюденія соединяется съ живостью и драматичностью разсказа. Значительно выше, особенно какъ лирикъ, стоитъ М. П. Старицкій, давшій украинской литературѣ, кромѣ оригинальныхъ стихотвореній, длинный рядъ хорошихъ переводовъ изъ Крылова, Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Мицкевича, Байрона и сербской народной поэзіи; менѣе удаченъ его переводъ Шекспирова «Гамлета». Впослѣдствіи Старицкій явился однимъ изъ основателей и наиболѣе плодовитымъ драматургомъ украинскаго театра.—Оживленная дѣятельность кіевскаго кружка длилась едва нѣсколько лѣтъ. Время было тревожное; «хожденіе въ народъ» одной части русской молодежи и пропаганда соціалистическихъ идей встревожили правительство; въ Кіевѣ нашлись люди, которые имѣли личные счеты съ украйнофилами и, пользуясь изданіемъ нѣсколькихъ соціалистическихъ бро-

штюръ въ Вѣнѣ—изданіемъ, съ которымъ кіевскіе украйнофилы не имѣли ничего общаго, —съумѣли представить украйнофильство какъ очагъ антигосударственной и антиобщественной пропаганды и добиться такимъ образомъ указа 16 мая 1876 г. (прозваннаго «Lex Juséphovicia»), запрещающаго печатаніе всякихъ книгъ и даже текстовъ подъ нотами, особенно всякихъ научныхъ и популярныхъ сочиненій на украинскомъ языкѣ, кромѣ беллетристики, этнографическихъ матеріаловъ и историческихъ актовъ. Въ тоже время былъ закрытъ юго-западный отдѣлъ географическаго общества въ Кіевѣ, заарестованы собранные имъ этнографическіе и другіе научные матеріалы; М. Драгомановъ устраненъ отъ преподаванія въ кіевскомъ университетѣ и уѣхалъ за границу. Начался третій антрактъ въ исторіи развитія украинской литературы, антрактъ, можетъ быть, самый длинный и самый тяжелый, длившійся почти 20 лѣтъ и, не смотря на нѣкоторыя облегченія, созданныя указомъ 1881 г. и самой практикой жизни, не окончившійся вполнѣ и до сихъ поръ. Въ первое время послѣ указа украинцы были какъ будто парализованы. Совѣтъ перенести базисъ литературной дѣятельности въ Галицію не встрѣчалъ сочувствія. Малокультурность и отсталость галицкихъ вожаковъ, безъ различія партій, отталкивала украинцевъ отъ сношеній съ ними; единственный украйнофильскій органъ въ Галиціи въ 70-хъ г., «Правда» давалъ очень нелестное представленіе о галицкихъ редакторахъ и сотрудникахъ, кромѣ Владиміра Навроцкаго, давшаго нѣсколько дѣльныхъ статей по экономическимъ и общественнымъ вопросамъ Галиціи. Присылаемыя изъ Украйны статьи и даже беллетристическія произведенія не печатались цѣлые годы или пропадали; въ самыхъ основныхъ вопросахъ политическихъ и общественныхъ редакція высказывала мысли, вызывавшія горячіе протесты со стороны украинцевъ. Драгомановъ, живя еще въ Кіевѣ, нѣсколько разъ пытался навязать болѣе близкія и дружественныя сношенія съ галицкими украйнофилами, но напрасно. Основанное при его содѣйствіи на деньги, пожертвованныя изъ Украйны, «Общество имени Шевченка», долженствовавшее сдѣлаться центромъ общей украинцамъ и галичанамъ литературной и научной работы, въ рукахъ галичанъ сдѣлалось почти мертвымъ и не выходило изъ финансовыхъ затрудненій. Вотъ почему Драгомановъ рѣшился обратиться къ молодежи такъ назыв. москвофильскаго лагеря, издававшей тогда газетку «Другъ». Три письма, написанныя имъ въ редакцію этой газеты въ 1875 — 76 гг., произвели очень сильное впечатлѣніе. Онъ почти не затрагивалъ національныхъ и партійныхъ вопросовъ (даже письма свои писалъ по-русски), но корилъ молодежь за ея культурную и научную отсталость, за лѣность мышленія, за отсутствіе этическаго идеала, указывалъ неотложный нравственный долгъ служить своему народу и работать для него. Эти письма сдѣлались исходной точкой новаго, радикально демократическаго движенія среди русинской молодежи, и вмѣстѣ съ тѣмъ началомъ новаго развитія литературы. Драгомановъ рѣзко критиковалъ всю тогдашнюю галицкую и украинскую литературу, указывая ея невысокую художественную стоимость и малую идейность. Галицкая администрація возбудила противъ его приверженцевъ цѣлый рядъ процессовъ, изъ-за мнимосоціалистической пропаганды. Это сплотило небольшую группу людей (М. Павликъ, Остапъ Терлецкій, Иванъ Франко и др.) для рѣшительной борьбы съ галицкой заскорузлостью и безпринципностью. Изданія этой группы—«Громадскій Другъ», «Дзвінъ», «Молотъ»—систематически конфисковались полиціей; ихъ редакторъ М. Павликъ за свою новеллу «Тетьяна Ребенщукова» былъ приговоренъ къ шестимѣсячному тюремному заключенію и долженъ былъ уѣхать за границу. Къ концу 1879 г. кружокъ разбился, успѣвъ, однако, дать нѣсколько литературныхъ произведеній, рѣзко отличавшихся отъ всего, что до сихъ поръ производила галицко-русская беллетристика (новеллы Павлика «Юрко Кулыківъ» и «Тетьяна Ребенщукова», его большой разсказъ «Пропащій чоловикъ», Франка «Boa Constrictor» и «На дні»). Между тѣмъ Драгомановъ, послѣ непродолжительнаго пребыванія въ Вѣнѣ, уѣхалъ въ Женеву, гдѣ началъ изданіе научно-литературнаго сборника «Громада»—изданіе своеобразное, носившее печать сильной личности издателя, но вмѣстѣ съ тѣмъ обнаруживавшее почти съ самаго начала его изолированность среди украинскаго общества. Немногочисленные сотрудники стушевывались; «Громада» была какъ будто органомъ самого Драгоманова. Хотя въ ней печатались большею частью вещи, которыя могли преспокойно появиться въ Австріи и даже въ Россіи, но изъ-за имени издателя и изъ-за мѣста печатанія всѣ книжки систематически запрещались въ Австріи, не исключая даже романа Мирнаго и комментированныхъ текстовъ историческихъ пѣсенъ украинскаго народа. Въ Россію эти изданія тоже не шли и, такимъ образомъ, печатаніе ихъ вскорѣ должно было потерять всякій смыслъ. Драгомановъ работалъ усиленно, далъ въ «Громадѣ» рядъ цѣнныхъ статей («Народні школы на Украіні», «Украіна і центры», «Шевченко, украінофілы и соціализмъ» и т. п.), но въ началѣ 80-хъ годовъ долженъ былъ прекратить изданіе. Онъ помѣстилъ еще нѣсколько публицистическихъ и критическихъ статей въ женевскихъ русскихъ изданіяхъ «Вольномъ словѣ» и «Свободной Россіи» («Историческая Польша и великорусская демократія», «Изъ исторіи русскаго либерализма»), думалъ приняться за написаніе обширной исторіи украинской литературы, но въ концѣ 80-хъ годовъ уѣхалъ въ Болгарію, гдѣ преподавалъ исторію въ софійскомъ университетѣ и напечаталъ рядъ цѣнныхъ статей по сравнительному изученію славянскихъ и европейскихъ легендъ и религіозныхъ вѣрованій въ «Сборникѣ за народни умотворенія». Въ Украйнѣ, между тѣмъ, литературная производительность почти совсѣмъ изсякла. Изданные М. П. Старицкимъ въ 1883—84 гг. два тома сборника «Рада» свидѣтельствовали

поднятія крестьянскихъ массъ и ихъ политической и классовой организаціи. Вотъ какіе обходные пути были нужны, чтобы сошлись вмѣстѣ два поколѣнія галицко-русскихъ «народниковъ». Это случилось въ концѣ прошлаго столѣтія, когда изъ членовъ бывшей народной и бывшей радикальной партій образовалась національно-демократическая партія, которая въ своей программѣ выставила идеалъ самостоятельнаго развитія русинской національности на основаніи экономическаго подъема народной массы и цѣлаго ряда соціальныхъ реформъ, въ духѣ равенства и справедливости. Конечно, и послѣ установленія общей программы внутри національно-демократической партіи продолжаетъ идти борьба мнѣній и направленій, не исключена возможность новыхъ попытокъ парламентскихъ компромиссовъ; но въ виду значительно выросшей политической и культурной организаціи народныхъ массъ (тысячи читаленъ по деревнямъ и городамъ, сотни экономическихъ и политическихъ обществъ) и оживленной агитаціи посредствомъ прессы и собраній такія попытки имѣютъ очень мало шансовъ на успѣхъ. Въ «старой» или «москвофильсккой» партіи также произошла эволюція. Старое поколѣніе продолжаетъ идти торной дорогой 50-хъ и 60-хъ годовъ, но молодое пытается осуществить свои заявленія объ общерусскомъ единствѣ. Политическая пресса москвофиловъ играетъ въ мѣстныхъ вопросахъ роль консерваторовъ и изъ оппозиціи къ радикаламъ и националъ-демократамъ идетъ рука въ руку съ польской шляхтой, а то и прямо заискиваетъ въ ней. Вмѣстѣ съ тѣмъ она усиленно защищаетъ всѣ мѣры, предпринимаемыя въ Россіи по отношенію къ окраинамъ. Въ литературномъ отношеніи эта партія пробавляется перепечаткой русскихъ сочиненій, смѣшивая иногда Л. Толстого и Тургенева съ Марлинскимъ и Немировичемъ-Данченкомъ, возводимымъ въ классики русской литературы. Изъ собственныхъ беллетристовъ старой партіи имѣлъ нѣкоторую популярность о. Хилякъ (Іеронимъ Анонимъ), авторъ недурныхъ разсказовъ изъ галицкой народной жизни; но онъ впадалъ въ слащавый и неестественный тонъ всякій разъ, когда пытался выйти изъ крестьянской среды. Еще менѣе интереса представляетъ Василій Залозецкій, авторъ археологическихъ и историческихъ разсказовъ изъ прошлаго Галиціи, подражающій Марлинскому и Загоскину. Молодые «радикальные москвофилы» пытаются, не всегда удачно, писать русскимъ литературнымъ языкомъ: ихъ беллетристы (Н. Вергунъ, Ю. Яворскій, Ѳ. Глушкевичъ) не произвели до сихъ поръ ничего такого, что можно было бы назвать вкладомъ въ русскую литературу; для южнорусской ихъ упражненія также не имѣютъ никакого значенія.—Для Ю. литературы послѣдніе годы XIX и первые годы XX столѣтія были временемъ значительнаго оживленія и подъема. Появляется цѣлый рядъ молодыхъ работниковъ, расширяющихъ горизонтъ литературныхъ и научныхъ интересовъ; создаются спеціальныя организаціи для научной и литературной работы, смягчается постепенно цензура, главнымъ образомъ въ отношеніи къ популярнымъ изданіямъ. Къ лучшимъ популяризаторамъ принадлежатъ Е. Х. Чикаленко («Розмовы про сильске хозяйство»), Гамалій (очерки по географіи Россіи), Гринченко и Марья Загирня (біографіи видныхъ украинскихъ и чужихъ дѣятелей—Стефенсона, Вашингтона, Сократа, Линкольна и др.). Серіи популярныхъ изданій возникаютъ въ Черниговѣ, Харьковѣ (по инициативѣ талантливаго украинскаго беллетриста Игн. Хоткевича), Черкасахъ и Кіевѣ. Въ послѣднее время на первый планъ въ этомъ отношеніи выступаетъ С.-петербургское благотворительное общество для изданія популярныхъ книгъ, выпустившее въ свѣтъ, кромѣ упомянутыхъ уже «Розмовъ» Чикаленка (5 книжекъ), хорошо обработанное «Бжильництво» г. Немоловскаго, метеорологію г. Русова и значительное число другихъ популярныхъ книгъ. Эти изданія расходятся въ очень значительномъ количествѣ, не десятками, а сотнями тысячъ экземпляровъ; значитъ, масса народа начала чувствовать потребность въ книгѣ на родномъ языкѣ. Въ еще болѣе значительной степени это можно сказать объ украинской интеллигенціи. Въ началѣ 60-хъ годовъ «Основа» имѣла едва нѣсколько сотъ подписчиковъ и самая популярная украинская книга «Кобзарь» Шевченка печаталась въ 3000 экземпл. и этого изданія хватало на цѣлое десятилѣтіе; теперь изданіе «Кобзаря» въ 10000 экз. разошлось въ продолженіе трехъ лѣтъ. Сочиненія новыхъ беллетристовъ, печатавшіяся прежде въ 1000—1500 экз. и лежавшія цѣлые годы на полкахъ, теперь печатаются въ 3—5 тыс. экз. и расходятся въ продолженіе года, двухъ. Изданный въ 1900 г. сборникъ украинской поэзіи «Викъ» былъ по подпискѣ разобранъ еще до появленія въ свѣтъ въ 3000 экз.; новое изданіе, которое пришлось изготовлять немедленно, разошлось въ продолженіе трехъ лѣтъ въ 5000 экз., хотя состояло изъ трехъ толстыхъ томовъ и стоило 6 рублей. Этотъ спросъ на украинскую книгу отчасти вызванъ оживленіемъ національнаго чувства, отчасти значительнымъ подъемомъ идейнаго уровня литературы и разнообразіемъ ея содержанія. Украинская литература послѣдняго десятилѣтія обогатилась новыми талантами, ищущими новыхъ дорогъ и новыхъ горизонтовъ. Вошедшая было въ пословицу шаблонная украинская идиллія съ ея «дивчатами», «вишневыми садками», «соловейками» и «любощами» отошла въ область преданія. Серьезное изученіе народной жизни и ея новыхъ экономическихъ и соціальныхъ явленій, роли интеллигенціи въ украинскомъ селѣ и городѣ, тяжелыя драмы, порождаемыя ломкой старыхъ семейныхъ и идейныхъ устоевъ, борьба за самоопредѣленіе и самовыраженіе личности— все это находитъ болѣе или менѣе сильное художественное выраженіе въ произведеніяхъ современныхъ украинскихъ писателей. Кое-что уже указано выше въ бѣгломъ обзорѣ драматической литературы. Романъ въ украинской литературѣ до сихъ поръ какъ-то не можетъ развернуться; старые работники Свид

шюръ въ Вѣнѣ—изданіемъ, съ которымъ кіевскіе украйнофилы не имѣли ничего общаго, —сумѣли представить украйнофильство какъ очагъ антигосударственной и антиобщественной пропаганды и добиться такимъ образомъ указа 16 мая 1876 г. (прозваннаго «Lex Josephovicia»), запрещающаго печатаніе всякихъ книгъ и даже текстовъ подъ нотами, особенно всякихъ научныхъ и популярныхъ сочиненій на украинскомъ языкѣ, кромѣ беллетристики, этнографическихъ матеріаловъ и историческихъ актовъ. Въ тоже время былъ закрытъ юго-западный отдѣлъ географическаго общества въ Кіевѣ, заарестованы собранные имъ этнографическіе и другіе научные матеріалы; М. Драгомановъ устраненъ отъ преподаванія въ кіевскомъ университетѣ и уѣхалъ за границу. Начался третій антрактъ въ исторіи развитія украинской литературы, антрактъ, можетъ быть, самый длинный и самый тяжелый, длившійся почти 20 лѣтъ и, не смотря на нѣкоторыя облегченія, созданныя указомъ 1881 г. и самой практикой жизни, не окончившійся вполнѣ и до сихъ поръ. Въ первое время послѣ указа украинцы были какъ будто парализованы. Совѣтъ перенести базисъ литературной дѣятельности въ Галицію не встрѣчалъ сочувствія. Малокультурность и отсталость галицкихъ вожаковъ, безъ различія партій, отталкивала украинцевъ отъ сношеній съ ними; единственный украйнофильскій органъ въ Галиціи въ 70-хъ г., «Правда» давалъ очень нелестное представленіе о галицкихъ редакторахъ и сотрудникахъ, кромѣ Владиміра Навроцкаго, давшаго нѣсколько дѣльныхъ статей по экономическимъ и общественнымъ вопросамъ Галиціи. Присылаемыя изъ Украйны статьи и даже беллетристическія произведенія не печатались цѣлые годы или пропадали; въ самыхъ основныхъ вопросахъ политическихъ и общественныхъ редакція высказывала мысли, вызывавшія горячіе протесты со стороны украинцевъ. Драгомановъ, живя еще въ Кіевѣ, нѣсколько разъ пытался навязать болѣе близкія и дружественныя сношенія съ галицкими украйнофилами, но напрасно. Основанное при его содѣйствіи на деньги, пожертвованныя изъ Украйны, «Общество имени Шевченка», долженствовавшее сдѣлаться центромъ общей украинцамъ и галичанамъ литературной и научной работы, въ рукахъ галичанъ сдѣлалось почти мертвымъ и не выходило изъ финансовыхъ затрудненій. Вотъ почему Драгомановъ рѣшился обратиться къ молодежи такъ назыв. москвофильскаго лагеря, издававшей тогда газетку «Другъ». Три письма, написанныя имъ въ редакцію этой газеты въ 1875 — 76 гг., произвели очень сильное впечатлѣніе. Онъ почти не затрагивалъ національныхъ и партійныхъ вопросовъ (даже письма свои писалъ по-русски), но корилъ молодежь за ея культурную и научную отсталость, за лѣность мышленія, за отсутствіе этическаго идеала, указывалъ неотложный нравственный долгъ служить своему народу и работать для него. Эти письма сдѣлались исходной точкой новаго, радикально демократическаго движенія среди русинской молодежи, и вмѣстѣ съ тѣмъ началомъ новаго развитія литературы. Драгомановъ рѣзко критиковалъ всю тогдашнюю галицкую и украинскую литературу, указывая ея невысокую художественную стоимость и малую идейность. Галицкая администрація возбудила противъ его приверженцевъ цѣлый рядъ процессовъ, изъ-за мнимо-соціалистической пропаганды. Это сплотило небольшую группу людей (М. Павликъ, Остапъ Терлецкій, Иванъ Франко и др.) для рѣшительной борьбы съ галицкой заскорузлостью и безпринципностью. Изданія этой группы—«Громадскій Другъ», «Дзвінъ», «Молотъ»—систематически конфисковались полиціей; ихъ редакторъ М. Павликъ за свою новеллу «Тетьяна Ребенщукова» былъ приговоренъ къ шестимѣсячному тюремному заключенію и долженъ былъ уѣхать за границу. Къ концу 1879 г. кружокъ разбился, успѣвъ, однако, дать нѣсколько литературныхъ произведеній, рѣзко отличавшихся отъ всего, что до сихъ поръ производила галицко-русская беллетристика (новеллы Павлика «Юрко Кулыківъ» и «Тетьяна Ребенщукова», его большой разсказъ «Пропащій чоловикъ», Франка «Boa Constrictor» и «На дні»). Между тѣмъ Драгомановъ, послѣ непродолжительнаго пребыванія въ Вѣнѣ, уѣхалъ въ Женеву, гдѣ началъ изданіе научно-литературнаго сборника «Громада»—изданіе своеобразное, носившее печать сильной личности издателя, но вмѣстѣ съ тѣмъ обнаруживавшее почти съ самаго начала его изолированность среди украинскаго общества. Немногочисленные сотрудники стушевывались; «Громада» была какъ будто органомъ самого Драгоманова. Хотя въ ней печатались большею частью вещи, которыя могли преспокойно появиться въ Австріи и даже въ Россіи, но изъ-за имени издателя и изъ-за мѣста печатанія всѣ книжки систематически запрещались въ Австріи, не исключая даже романа Мирнаго и комментированныхъ текстовъ историческихъ пѣсенъ украинскаго народа. Въ Россію эти изданія тоже не шли и, такимъ образомъ, печатаніе ихъ вскорѣ должно было потерять всякій смыслъ. Драгомановъ работалъ усиленно, далъ въ «Громадѣ» рядъ цѣнныхъ статей («Народні школы на Украіні», «Украіна і центры», «Шевченко, украінофілы и соціализмъ» и т. п.), но въ началѣ 80-хъ годовъ долженъ былъ прекратить изданіе. Онъ помѣстилъ еще нѣсколько публицистическихъ и критическихъ статей въ женевскихъ русскихъ изданіяхъ «Вольномъ словѣ» и «Свободной Россіи» («Историческая Польша и великорусская демократія», «Изъ исторіи русскаго либерализма»), думалъ приняться за написаніе обширной исторіи украинской литературы, но въ концѣ 80-хъ годовъ уѣхалъ въ Болгарію, гдѣ преподавалъ исторію въ софійскомъ университетѣ и напечаталъ рядъ цѣнныхъ статей по сравнительному изученію славянскихъ и европейскихъ легендъ и религіозныхъ вѣрованій въ «Сборникѣ за народни умотворенія». Въ Украйнѣ, между тѣмъ, литературная производительность почти совсѣмъ изсякла. Изданные М. П. Старицкимъ въ 1883—84 гг. два тома сборника «Рада» свидѣтельствовали

учную работу, создалъ хорошую библіотеку, богатую особенно русскими научными изданіями, подготовилъ рядъ молодыхъ работниковъ по исторіи Украйны (С. Томашивскій, С. Рудницкій и др.), давшихъ уже цѣнные вклады для изученія украинской исторіи, сосредоточилъ при обществѣ значительное число работниковъ изъ старшихъ поколѣній. До сихъ поръ общество издало 58 тт. «Записокъ», 7 тт. «Источниковъ для исторіи Украйны» (документы съ вводными статьями), 4 т. систематическаго курса «Исторіи Украйны» (трудъ проф. Грушевскаго, стоящій на высотѣ современной науки и вызвавшій лестные отзывы въ заграничной научной критикѣ). Далѣе общество собрало громадный этнографическій матеріалъ и издало до сихъ поръ 15 тт. «Этнографичного Збірника» (главные работники—В. Гнатюкъ, І. Роздольскій, И. Колесса), 7 тт. «Матеріаловъ для этнологіи Украйны», частью археологическаго, частью описательно-этнографич. содержанія, подъ ред. Θ. Вовка, и замѣчательный трудъ В. Шухевича «Гуцульщина» (въ 4 тт.). Немало сдѣлано и для исторіи украинской литературы. Еще до своей реорганизаціи общество издало труды проф. Эм. Огоновскаго, занявшаго послѣ Я. Головацкаго каѳедру украинскаго языка и литературы въ львовскомъ университетѣ, а именно его комментированное изданіе «Слова о Полку Игоревѣ» и его обширную «Исторію (южно) русской литературы», содержащую въ 24 тт. богатый и тщательно собранный матеріалъ для біографій и характеристикъ всѣхъ сколько-нибудь выдающихся писателей и ученыхъ южно-русскихъ за XIX в. Послѣ своей реорганизаціи общество приступило къ печатанію систематическаго изданія собранныхъ И. Франко «Памятниковъ древней украинской письменности»; напечатанные до сихъ поръ 3 тома содержатъ въ себѣ старо- и ново-завѣтные апокрифы, собранные преимущественно изъ галицко- и угрорусскихъ рукописей, съ библіографическими указаніями и вводными статьями. Кромѣ того изданъ длинный рядъ работъ по исторіи старой и новой Ю. литературы, по сравнительному изученію легендъ и по изученію польско-украинскихъ литературныхъ взаимодѣйствій (важна особенно работа проф. Ал. Колессы: «Мицкевичъ и Шевченко»). Особыми книгами издало общество детальную біографію Т. Шевченка, написанную А. Я. Кониссkимъ (2 т.) и начало полнаго собранія фольклорныхъ работъ М. Драгоманова (2 т.). Немало сдѣлано и для изученія Ю. языка. Еще въ 1880 г. изданы обществомъ цѣнныя «Studien auf dem Gebiete der ruthenischen Sprache», Огоновскаго; послѣ реорганизаціи общества опубликованы труды лучшаго знатока украинской діалектологіи, Ив. Верхратскаго (объ угрорусскихъ говорахъ, о діалектѣ галицкихъ Лемковъ, Замишанцевъ, о низинномъ діалектѣ), интересная работа В. Охримовича о Ю. удареніи и рядъ работъ В. Гнатюка объ угрорусскихъ говорахъ. Лексикологическая работа идетъ медленно: еще въ 70-ые г. во Львовѣ вышелъ словарь Ом. Партыцкаго (нѣмецко-русскій), въ 1886—88 гг. Евг. Желеховскаго (укр.-нѣмецкій, 2 т.); общество имени Шевченка издало укр.-русскій словарь Уманца и Спілки (3 т.). Занятое учеными работами, общество имени Шевченка не упускало изъ виду и изящной письменности. До 1897 г. оно издавало иллюстрированный двухнедѣльникъ «Зоря», служившій единственнымъ періодическимъ литературнымъ органомъ для всей Украйны. Одно время «Зоря» была допускаема цензурой въ Россію и имѣла здѣсь нѣкоторый успѣхъ (болѣе 400 подписчиковъ); но когда ввозъ ея въ Россію былъ запрещенъ, изданіе должно было бороться съ значительнымъ дефицитомъ и по иниціативѣ проф. М. Грушевскаго и при его сотрудничествѣ, было съ 1898 г. замѣнено ежемѣсячнымъ журналомъ «Літературно-науковый Вістникъ», который издается и до сихъ поръ (ежегодно 4 т.). Этотъ журналъ сначала допускался въ Россію; послѣ двухъ лѣтъ его постигла участь «Зори», но онъ успѣлъ обезпечить себѣ въ Галиціи широкій кругъ читателей, и поэтому запрещеніе ввоза въ Россію не поколебало его существованія. Можно сказать, что Літ.-Наук. Віст., особенно въ первые годы его изданія, былъ самымъ полнымъ выраженіемъ украинской литературы; здѣсь работали писатели старыхъ и молодыхъ поколѣній, украинцы и галичане. Только въ послѣдніе годы, когда цензурныя условія въ Россіи сдѣлались нѣсколько благопріятнѣе для украинской беллетристики, многіе украинскіе писатели предпочитаютъ печатать свои сочиненія у себя дома, особенно въ издаваемыхъ ежегодно альманахахъ, служащихъ суррогатомъ правильныхъ періодическихъ изданій. Изъ австро-русскихъ писателей, выступившихъ въ послѣднее десятилѣтіе, самый талантливый и оригинальный — Василь Стефаныкъ, издавшій до сихъ поръ три сборника небольшихъ новеллъ и этюдовъ: «Синя книжочка», «Каменый хрестъ», «Дорога». Съ большимъ мастерствомъ онъ вникаетъ въ душу галицко-русскаго крестьянина и умѣетъ рисовать тяжелыя психическія драмы тамъ, гдѣ другіе видятъ только обыденный фактъ экономической или соціальной жизни. Другой новеллистъ, Л. Мартовичъ, отличается ироніей и ѣдкимъ юморомъ и рисуетъ преимущественно положеніе крестьянина среди чуждыхъ и непонятныхъ ему бюрократическихъ галицко-польскихъ порядковъ (сборники: «Не-читальникъ» и «Війтъ Панько»). Легкимъ и безобиднымъ юморомъ отличается Іосифъ Маковей, написавшій, кромѣ ряда новеллъ (лучшая—«Оферма», изъ рекрутской жизни) и очерковъ, романъ «Залисье» и значительное количество стихотвореній (поэмы «Новикъ» и «Подорожъ на Украйну»), а также монографіи о Кулишѣ, о Гундуличевомъ «Османѣ», о первыхъ галицкихъ грамматикахъ. Мягкостью колорита и нѣжностью чувства блестятъ новеллы и стихотворенія Богдана Лепкаго. Денисъ Лукьяновичъ далъ въ своемъ романѣ «За Кадыльву» интересный образъ безплодной борьбы крестьянина за общинную землю, отнятую у общины паномъ. Сильныя, но иногда утрированныя картины казармы и военнаго госпиталя нарисовалъ М. Яцківъ.

неудачно пытавшійся дать большой разсказъ изъ жизни русинской интеллигентной молодежи въ своемъ «Огни горять». Разсказы Тимофея Бордуляка изъ жизни деревенскаго люда (крестьянъ, евреевъ), подъ загл. «Блыжні», нѣсколько примитивны по исполненію, но внушены вѣрнымъ наблюденіемъ жизни и искренней любовью къ рабочему люду. Андрей Чайковскій, кромѣ интересныхъ воспоминаній изъ похода австрійцевъ въ Боснію и вообще изъ своей военной жизни, далъ рядъ романовъ изъ жизни мелкой шляхты («Олюнька», «Въ чужімъ гніздi»); Василь Загаевичъ — нѣсколько удачныхъ разсказовъ изъ жизни крестьянъ. Болѣе разнообразны очерки М. Деряиця (сельскія ребята, сельская, школа, городской пролетаріатъ, сельское духовенство). Изъ галицко-русскихъ прозаиковъ назовемъ еще Ярослава Окуневскаго, автора интересныхъ очерковъ изъ кругосвѣтнаго путешествія въ качествѣ военнаго врача на австрійскомъ флотѣ. Изъ галицко-русскихъ поэтовъ молодого поколѣнія, кромѣ упомянутыхъ уже Маковея и Лепкаго, слѣдуетъ назвать В. Щурата, давшаго, кромѣ ряда собственныхъ стихотвореній, много хорошихъ переводовъ («Пѣснь о Роландѣ» изъ старо-французскаго, кое-что изъ Гейне и многихъ современныхъ нѣмецкихъ, французскихъ, польскихъ и русскихъ поэтовъ) и В. Пачовскаго который, кромѣ сборника очень музыкальныхъ стиховъ эротическаго содержанія («Розсыпани перлы»), написалъ большую драму риѳмованными стихами: «Сонъ украинскоі ночи», въ которой довелъ почти до абсурда символизмъ моднаго польскаго поэта Выспянскаго. Значительную роль въ развитіи галицко-русской литературы послѣднихъ десятилѣтій играютъ женщины. Честь иниціативы принадлежитъ Натальѣ Кобрынской, представившей въ своихъ новеллахъ жизнь крестьянки и женщины изъ «средней полосы» интеллигенціи: учительницы, дочки и жены сельскаго священника («За для кусныка хлиба», «Ядзя и Катруся», «Пани Шуминска»). Кобрынская намѣревалась организовать эмансипаціонное движеніе среди галицко-русскихъ женщинъ, издала рядъ альманаховъ, составленныхъ изъ произведеній женщинъ («Першій вінокъ» въ 1888 г., «Наша доля»), созывала собранія женщинъ, подавала въ парламентъ петиціи, требующія для женщинъ средняго и высшаго образованія (въ Австріи до сихъ поръ нѣтъ правительственныхъ женскихъ гимназій), но безуспѣшно. Самый сильный и оригинальный женскій талантъ въ австрійской Руси — Ольга Кобылянская, уроженка Буковины. Воспитанная въ традиціяхъ нѣмецкой литературы, она начала писать по-нѣмецки во вкусѣ слащавой Марлиттъ, но вскорѣ, подъ вліяніемъ Ницше и датчанина Якобзена, нашла другой тонъ и другія идеи и выступила проповѣдницей индивидуализма и свободной жизни. Она начала выводить въ своихъ разсказахъ («Царівна», «Русалка», «Valse mélancolique») женскіе типы, стоящіе выше своей среды и прокладывающіе себѣ дорогу внѣ проторенной колеи. Въ своихъ мелкихъ эскизахъ она пробовала подражать манерѣ современныхъ французскихъ символистовъ и декадентовъ, рисовать туманныя сцены и ни съ чѣмъ живымъ не связанныя фигуры. Вскорѣ ея талантъ вступилъ на болѣе вѣрный путь, и она дала рядъ прелестныхъ картинъ изъ буковинской природы и жизни тамошняго народа («Битва», «Некультурна», «За готаръ»), а также большой романъ изъ крестьянской жизни «Земля», исполненный глубокой поэзіи и рисующій потрясающую драму братоубійства изъ-за обладанія землей. Противоположныя воззрѣнія проводитъ въ стихотворной формѣ Ульяна Кравченко, которая также зоветъ галицко-русскую женщину «на новый шляхъ», побуждаетъ ее учиться и работать, но съ тѣмъ, чтобы она успѣшнѣе могла служить своему народу. Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ о самомъ молодомъ отпрыскѣ Южной Руси—о ея американскихъ колоніяхъ. Галицкіе и венгерскіе русины имѣютъ въ Америкѣ три значительныя группы колоній, содержащія въ общей суммѣ около полумилліона жителей: въ Соединенныхъ Штатахъ, Канадѣ и Бразиліи. Самыя старыя колоніи — въ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ многіе русины успѣли обезпечить себѣ безбѣдное существованіе, создать нѣсколько десятковъ церквей и школъ, завести типографію, книжную торговлю и органы печати. Первымъ піонеромъ русинской печати былъ первый русинскій (уніатскій) священникъ въ Америкѣ, Волянскій, издававшій тамъ еще въ 80-хъ годахъ газетку «Америка». Теперь свящ. С. Макаръ издаетъ тамъ большую газету «Свобода» и кромѣ того неперіодически рядъ брошюръ и летучихъ листковъ просвѣтительнаго и беллетристическаго содержанія. Своего вклада въ Ю. литературу Америка еще не дала: ни стихотворенія Гр. Грушки, ни разсказы Дмитрова, не смотря на интересное въ культурномъ отношеніи содержаніе (жизнь русинскихъ колонистовъ въ Америкѣ), не удовлетворяютъ требованіямъ художественности. Въ Канадѣ и Бразиліи русинская пресса пока только въ зачаточномъ состояніи.

Литература. О древнемъ періодѣ Ю. литературы, кромѣ общеизвѣстныхъ русскихъ учебниковъ Галахова и Порфирьева, см. «Ист. русской лит.» Пыпина, работы проф. Владимирова и особенно сжатый очеркъ въ третьемъ томѣ «Історіи Украіны-Руси» М. Грушевскаго. О среднемъ періодѣ, кромѣ устарѣлаго перваго тома «Історіи рускоі литературы» Ом. Огоновскаго, нѣтъ полнаго компендіума, а многочисленныя монографіи не даютъ полной картины; изъ работъ, обнимающихъ болѣе широкія темы, выдаются работы П. Житецкаго («Энеида» Котляревскаго) и Петрова («Очеркъ исторіи южнорусской литературы XVIII столѣтія»), дающій, однако, менѣе чѣмъ обѣщаетъ заглавіе. Много работъ и матеріаловъ печаталось въ «Кіевской Старинѣ», «Трудахъ Кіевской Духовной Академіи» и «Чтеніяхъ въ Обществѣ Нестора лѣтописца», кое-что въ «Запискахъ наук. тов. ім. Шевченка» во Львовѣ, въ «Библіографическихъ пособіяхъ» Каратаева. См. еще библіографію Ундольскаго съ дополненіемъ къ ней Головацкаго, доведенную до XIX стол.;

преосв. Филарета (Гумилевскаго), «Обзоръ русской духовной литературы»; Пекарскаго, «Наука и литература при Петрѣ Великомъ» и т. п. Для изученія новой Ю. литературы самымъ богатымъ пособіемъ служитъ «Исторія руской литературы» Ом. Огоновскаго, не смотря на устарѣлый методъ и неуклюжесть изложенія; не потерялъ своей цѣнности «Очеркъ исторіи украинской литературы» Петрова и прекрасный разборъ этой книги, сдѣланный Н. Дашкевичемъ въ отчетѣ о присужденіи наградъ гр. Уварова. Много очерковъ и критическихъ статей объ отдѣльныхъ писателяхъ и цѣлыхъ періодахъ печаталось въ галицкихъ изданіяхъ «Правда», «Зоря», «Жите і Слово», «Народ», «Літературно-науковый Вістник», въ женевской «Громадѣ» и въ «Кіевской Старинѣ». Скудныя данныя о развитіи угро-русской письменности далъ Е. Сабовъ въ своей «Хрестоматіи» (Унгваръ, 1893); о литературной жизни Буковинской Руси есть кое-что въ книжкѣ проф. Смаль-Стоцкаго: «Буковинська Русь». Важнымъ пособіемъ для изученія новой Ю. письменности служитъ опытъ библіографіи этой письменности М. Комарова (Рада, 1883), составленная имъ же библіографія Т. Шевченка (1903); для галицко-русской письменности имѣется образцово составленная библіографія за 1801—1889 гг. Ив. Левицкаго и его же библіографія за 1772—1800 гг. («Записки наук. тов. ім. Шевченка», 1903). Рядъ характеристикъ современныхъ Ю. беллетристовъ дала въ послѣднихъ годахъ «Кіевская Старина», въ которой особенно интересны критическія статьи С. Ефремова.

Иванъ Франко.

Объ авторѣ этой статьи, играющемъ выдающуюся роль въ Ю. литературѣ, см. Галицко-русское литер. общ. движеніе (VII, 921) и Франко (XXXVI, 473 сл.)

Южно-русская медицинская газета—органъ и изданіе общества одесскихъ врачей въ гор. Одессѣ, съ 1892 по 1897 г., подъ ред. О. О. Мочутковскаго, А. В. Корша, Н. А. Строганова, А. М. Финкельштейна и М. Г. Погребинскаго.

Южно-русская сельско-хозяйственная газета—издается съ 1895 г., ежедневно, харьковскимъ обществомъ сельскаго хозяйства и сельско-хозяйственной промышленности, въ г. Харьковѣ. Редакторъ—предсѣдатель общества Арт. Авг. Бенике.

Южно-Русскій Горный Листокъ—издавался въ Харьковѣ съ 1880 по 1887 г., два раза въ мѣсяцъ. Издатель-редакторъ М. И. Яшевскій. Позже выходилъ подъ названіемъ «Горнозаводскій Листокъ» (см. IX, 258).

Южно-Славянскіе языки и нарѣчія—общее обозначеніе для языковъ Южныхъ славянъ: болгарскаго, сербскаго, хорватскаго и словинскаго, съ ихъ нарѣчіями, поднарѣчіями и говорами. Эти языки болѣе или менѣе рѣзкими и характерными признаками отличаются отъ другихъ славянскихъ языковъ и нарѣчій, и въ то же время нельзя найти рѣзкихъ отличій между отдѣльными языками и нарѣчіями данной группы. *Ир. П.*

Южные славяне—см. Юго-славяне.

Южный берегъ—узкая береговая полоса Крымскаго полуо-ва вдоль Чернаго моря, между мысомъ Ласпи и гор. Алуштой (дл. ок. 80 в.). Крымскія горы (Яйла) защищаютъ Ю. берегъ отъ холодныхъ, сухихъ, материковыхъ вѣтровъ, вслѣдствіе чего климатъ его мягкій, сравнительно равномѣрный, что дѣлаетъ мѣстность однимъ изъ лучшихъ климатическихъ курортовъ. Здѣсь расположены гг. Ялта и Алушта, мст. Алупка, Мисхоръ, Ливадія, Массандра, Гурзуфъ и многія другія; ежегодно громадный наплывъ туристовъ и больныхъ. Объ особенностяхъ климата и природныхъ условіяхъ Ю. берега см. Крымскій полуо-въ (XVI, 872—877), Таврическая губ. (XXXII, 461—466) и Ялта (гор. и уѣздъ).

Южный Бугъ—см. Бугъ Южный (IV, 834).

Южный вѣнецъ (Corona australis)—небольшое созвѣздіе, расположенное между $18^h 30^m$ и $19^h 0^m$ прямого восхожденія и 35° и 42° южнаго склоненія. Окружено созвѣздіями Стрѣльца, Скорпіона, Жертвенника. Принадлежитъ къ созвѣздіямъ (см.) Птолемея. Въ созвѣздіи одна звѣзда 4-й величины, двѣ — 5-й, восемь—6-й.

Южный Край—газета общественная, литературная и политическая, издается въ Харьковѣ съ 1880 г., ежедневно. Редакторъ-издатель А. А. Іозефовичъ. При Ю. Краѣ выходило приложеніе: «Спутникъ Южнаго края» (1894—1897 г.). Первоначально прогрессивный органъ, Ю. Край вскорѣ примкнулъ къ «Москов. Вѣдомостямъ». Въ 80-хъ гг. наиболѣе виднымъ выразителемъ направленія газеты, яростно-враждебной идеямъ 60-хъ гг., былъ Говоруха-Отрокъ (см. Николаевъ, XXI, 112). Въ концѣ 90-хъ гг. Ю. Край освобожденъ отъ предварительной цензуры.

Южный крестъ—небольшое созвѣздіе между 12^h и 13^h прямого восхожденія и 55° и 65° южнаго склоненія; приходится на Млечномъ пути. Въ древности созвѣздіе подымалось надъ горизонтомъ въ Средней Европѣ; но южный полюсъ приблизился теперь къ нему вслѣдствіе прецессіи (см) и созвѣздіе стало невидимымъ цѣликомъ даже на сѣверныхъ берегахъ Африки. Птолемей описываетъ Ю. Крестъ какъ часть созвѣздія Центавра. Названіе свое созвѣздіе получило отъ конфигураціи четырехъ звѣздъ: самая яркая (1.5 величины) къ югу, звѣзда 2-й къ сѣве[illegible] двѣ (2-й и 3-й величины) по бокамъ. [illegible] крестъ описанъ какъ отдѣльное созвѣздіе мо[illegible] плавателями XVI вѣка. Помѣщенъ на звѣ[illegible]ную карту Байеромъ (см. Созвѣздія). Созв[illegible]діе воспѣто много разъ въ стихахъ; было [illegible]вѣстно дикимъ народамъ южнаго полушар[illegible] Главная звѣзда (α Crucis) — тройная; звѣз[illegible] γ Crucis мѣняетъ свой блескъ отъ 1.8 до [illegible] величины. Возлѣ звѣзды ϰ Crucis (6-й вел[illegible]чины) находится знаменитое скопленіе «ра[illegible]ноцвѣтныхъ» звѣздъ, описанное подробно е[illegible] Джономъ Гертелемъ.—Недалеко отъ Ю. крес[illegible] расположена мѣстность (8° длины, 5° ширин[illegible] небеснаго свода, совершенно лишенная звѣзд[illegible] видимыхъ глазомъ, рѣзко выдѣляющаяся н[illegible] фонѣ Млечнаго пути и получившая еще в[illegible] XVI вѣкѣ названіе «угольнаго мѣшка».

Южный Курьеръ—литературная, политическая, общественная и коммерческая газета. Издается въ Керчи съ 1901 г., ежедневно. Въ 1902 г. была пріостановлена на 2 мѣсяца. Редакторъ Дм. Тим. Овсѣенко.

Южный Ледовитый океанъ — см. Полярныя страны Южнаго полушарія (XXIV, 489).

Южный Сборникъ — учено-литературный журналъ, издавался въ Одессѣ, въ 1859 г., ежемѣсячно. Издатель Н. Максимовичъ.

Южный Телеграфъ—ежедневная газета, издается въ Ростовѣ-на-Дону съ 1896 г. Съ № 200 1897 г. по № 209 носила названіе «Газета телеграммъ и объявленій»; съ № 210 опять «Ю. Телеграфъ». Издатель-редакторъ И. Я. Алексановъ.

Южный трехугольникъ—маленькое созвѣздіе между 15^h и 16^h прямого восхожденія и 65° и 70° южнаго склоненія. Частью расположено на Млечномъ пути. Окружено созвѣздіями Центавра, Алтаря, Райской птицы. Помѣщено на звѣздную карту Байеромъ (см. Созвѣздія). Самая яркая звѣзда (α Trianguli)—2.5 величины, двѣ другихъ—3-й величины.

Южныя Записки — еженедѣльный общественный и литературный журналъ, издается въ Одессѣ съ 1902 г. Изд.-редакторъ д-ръ медиц. Ив. Ѳед. Сабонѣевъ. Съ 1904 г. въ изданіи принимаютъ участіе многіе сотрудники «Міра Божьяго», «Образованія» и «Рус. Богатства».

Юзбаши, *юзъ-баши* (тат., отъ тюркскаго слова юзъ—сотня)—глава или начальникъ сотни, сотникъ. Въ средне-азіатскихъ государствахъ титулъ этотъ дается начальнику отряда. Въ Турціи и Персіи прежде такъ назывались военные начальники, считавшіеся помощниками минбашей, а также управляющіе родами кочевниковъ, составлявшихъ иррегулярное войско (см. Минбаши, XIX, 332). Въ настоящее время въ Закавказьѣ Ю. называются въ однихъ мѣстахъ сельскіе старшины, въ другихъ—помощники старшинъ.

Юзвинъ—мст. Подольской губ., Винницкаго у., въ 15 в. отъ ст. Гнивань Юго-Зап. жел. дор., при р. Самцѣ. 1910 жит., правосл. церковь, синагога, народное учил., лавки.

Юзгадъ, или *Іозгадъ*—гор. въ турецкомъ вилайетѣ Ангора, въ Малой Азіи, на высотѣ 1792 метр., недалеко отъ праваго берега р. Делидже-Ирмакъ. Свыше 20000 жит., преимущественно турокъ. Ю. былъ мѣстомъ пребыванія могущественнаго туркменскаго главаря Чапанъ—Оглу, умершаго въ 1805 г. Въ разстояніи около 37 км. къ СЗ отъ Ю. лежитъ селеніе Богасъ-кёй, извѣстное своими скульптурными изображеніями.

Юзесъ (Anna de Rochechouart-Mortemart, герцогиня d'Uzès)—французск. политическая дѣятельница. Род. въ 1848 г.; въ 1867 г. вышла замужъ за герцога д'Юзесъ, роялиста, бывшаго при Наполеонѣ членомъ законодательнаго корпуса, при республикѣ — національнаго собранія; овдовѣла въ 1878 г. Герцогиня д'Ю. осталась вѣрна политическимъ убѣжденіямъ своего мужа и поддерживала своимъ весьма крупнымъ состояніемъ партію легитимистовъ. Когда началась агитація, связанная съ именемъ Буланже (1888—90), герцогиня д'Ю., убѣжденная, что буланжизмъ приведетъ къ легитимизму, пожертвовала 3 милл. фр. въ кассу буланжистовъ, и старалась сплотить легитимистовъ вокругъ знамени Буланже. Герцогиня д'Ю. занимается скульптурой; ея произведенія не лишены признаковъ таланта. Ея сынъ Жакъ (де Крюссоль, герцогъ д'Ю. (1868—93) умеръ во время научнаго путешествія по Африкѣ, въ Кабиндѣ. Мать опубликовала его записки въ книгѣ: «Le voyage de mon fils au Congo» (П.,1894).

Юзефовичъ (Михаилъ Владиміровичъ, 1802—89)—предсѣдатель кіевской археографической коммиссіи, которою подъ непосредственнымъ его наблюденіемъ издано нѣсколько десятковъ томовъ «Архива Юго-Западной Россіи», а также многіе другіе памятники по исторіи Южной и Юго-Западной Россіи. Съ 1846 по 1858 г. Ю. былъ попечителемъ кіевскаго учебнаго округа. *В. Р—въ.*

Юзефовичъ (Янъ Томашъ Józefowicz, 1669—1729)—польскій писатель, профессоръ краковской академіи. Главные изъ его напечатанныхъ трудовъ: «Asylum periclitantis ecclesiae clypeus serenissimi Joannis III, regis Poloniarum etc...» (Краковъ, 1692); «Swięty Ignacy, fundator S. J.» (Львовъ, 1699) и др. Болѣе интереса представляютъ его историческія работы, оставшіяся ненапечатанными: «Lwów ntrapiony»—дневникъ осады этого города Карломъ XII въ 1704 г., «Leopolensis Archiepiscopatus Historia ab anno 1614» (до 1703 г.; перев. Мартиномъ Пивоцкимъ подъ заглав.: «Kronika miasta Lwowa od 1634—1690», Львовъ, 1854).

Юзефовъ—пос. Люблинской губ., Новоалександрійскаго у., при р. Вислѣ; жит. 2928. Почта и телеграфъ.

Юзефовъ—пос. Люблинской губ., Бѣлгорайскаго у., въ 20 в. на В отъ у. гор.; жит. 1675.

Юзефполь (*Людвиновка*)—мст. Подольской губ., Балтскаго у., въ 110 в. отъ уѣздн. гор., на границѣ съ Херсонской губ., при р. Синюхѣ и прудахъ. 899 жит., правосл. церковь, евр. молитв. домъ, 2 вод. мельницы.

Юзово (Юзовка)—пос. съ упрощ. город. упр., Бахмутскаго у. Екатеринославской губ., при рѣкѣ Кальміусѣ и балкѣ Скоморошкѣ, на землѣ Новороссійскаго металлургическаго общ. Основанъ въ 1869—70 гг., одновременно съ постройкой чугуноплавильн. завода, Джономъ Юзомъ, получившимъ казенную субсидію. Жит. св. 32 тыс. Прав. црк., евр. мол. домъ, церк.-приход. шк. и 2 начальн. учил. (русское и англійск.), 3 хедера; больн., врачъ, фельдшеръ; аптека; почт.-телеграфн. отд.; типогр., 5 фотогр., книж. торг.; отд. госуд. банка съ сберет. кассами и коммиссіонерство одного частнаго коммерч. банка; англійск. клубъ; нотаріусъ; потребительск. общ. служащихъ на зав. Кромѣ собственнаго владѣнія (814 дес.), Новоросс. общ. арендуетъ у сосѣднихъ владѣльцевъ до 17 тыс. дес. нѣдръ и 533 дес. поверхности, имѣя заводы: чугунно-плавильн., желѣзо-дѣлат., сталелит. и рельсопрокат., гончарн. (издѣлія изъ огнеупорной и простой глины), разныя мастерск. и собственную же-

лѣзнодорожную вѣтвь до ст. Юзовка (21 в.). До 100 торгово-промышл. завед., съ оборотомъ болѣе 1 милл. рубл., чугунно-литейн., кожевен. и 2 кирпичн. зав., паровая мельница. Около посада каменно-угольныя копи.

Юзовъ — псевдонимъ публициста Іосифа Ивановича Каблица (XIII, 790).

Юзъ (Давидъ-Эдвардъ Hughes)—извѣстный англійскій изобрѣтатель (1831—1900). Въ 1838 г. переселился въ Сѣв.-Амер. Соед. Штаты; здѣсь былъ сначала учителемъ музыки, потомъ занялся естественными науками и съ 1851 г. преподавалъ физику въ колледжѣ въ Бардстоунѣ (Кентукки). Съ 1853 г. Ю. работалъ надъ изобрѣтеніемъ печатающаго телеграфнаго аппарата (см. XXXII, 782). Въ усовершенствованіи аппарата ему помогалъ Джорджъ Фельпсъ. Въ 1856 г. аппаратъ Ю. впервые примѣненъ былъ между Ворчестеромъ и Спрингфильдомъ въ Массачузетсѣ. Въ 1860-хъ годахъ аппаратъ Ю. получилъ широкое распространеніе по всей Европѣ. Ю. принадлежитъ также изобрѣтеніе микрофона (1877 г.), индуктивныхъ вѣсовъ и сонометра.

Юзъ (Томасъ Hughes)—англійскій писатель (1823 — 96), адвокатъ. Литературную извѣстность составилъ себѣ романомъ «Tom Brown's school-days» (1856 и позже), дающимъ яркую картину школьныхъ порядковъ въ Англіи. Продолженіе этого романа: «Tom Brown at Oxford» (1861) имѣло меньшій успѣхъ. Съ 1865 по 1874 г. Ю. былъ членомъ номъ нижней палаты. Интересовался церковными дѣлами, которымъ посвятилъ соч.: «The old Church; what shall we do with it?» (1878) и «The manliness of Christ» (1879). Въ 1880 г. Ю. основалъ въ сѣв.-амер. штатѣ Тенесси колонію Ругби, съ цѣлью проведенія въ жизнь своихъ христіанско-соціальныхъ воззрѣній; но колонія чрезъ нѣсколько лѣтъ распалась. Ему принадлежитъ также трудъ: «Loyola and the educational system of the Jesuits» (1892) и др.

Юзъ-баши (тат.)—см. Юзбаши.

Юильскій Городокъ или *Казымское Городище* — урочище Тобольской губ., Березовскаго у., близъ впаденія р. Казыма въ р. Обь. Признаки городка сохранились до сихъ поръ, но мѣсто это теперь необитаемо. Городокъ принадлежалъ остяцкому князю Лугую, который добровольно покорился русскимъ въ 1585 г., уже послѣ смерти Ермака. Историкъ Сибири Миллеръ полагаетъ, что Ю. городокъ былъ на р. Сыгвѣ, но тамъ урочища вовсе не существуетъ.

Юинболль (Θеодоръ-Вильгельмъ-Іоганнъ Juynboll, 1802—1861)—голландскій оріенталистъ, проф. въ Лейденѣ. Главные его труды: «Letterkundige Bydragen» (Лейденъ, 1838—1840); «Orientalia» (1840); «Commentarii in historiam gentis samaritanae» (Лейденъ, 1846); «Chronicon samaritanum, cui titulus est: Liber Josue» (ib., 1848); «Lexion geographicum, cui titulus est: Merâcid el-Ittila» (ib., 1850); «Abû'l-Mahâzin Annales, quibus titulus est: Ennodjoum ez-Zâhira» (ib., 1852 — 1861); «Lexicon geographicum, cui titulus est: Kitâb el-Djibâl (ib., 1856); «Jakûbi Liber regionum» (ib., 1861).

Юисмансъ, франц. романистъ—см. Гюисманъ (IX, 960).

Юистъ (Juist) — морскія купанья на островѣ Ю., расположенномъ въ Нѣмецкомъ морѣ, между островами Боркумъ и Нордерней, въ 3 миляхъ отъ восточно-фризійскаго прибрежья, съ хорошей волною и твердою, ровною мелкопесчаною plage. Скромная, дешевая жизнь. Посѣтителей ежегодно до 4000. Жителей 320. Морская спасательная станція.

Юй—китайское названіе нефрита, очень цѣнимаго китайцами, которые считаютъ этотъ камень приносящимъ благополучіе, а потому и подѣлки изъ него подносятся въ разныхъ случаяхъ съ этою цѣлью.

Юй, прозванный *Великимъ* — одинъ изъ древнихъ государей въ Китаѣ. Свои дарованія и энергію онъ проявилъ при императорѣ Яо, когда ему удалось вернуть воды, затопившія землю, въ прежнія ихъ границы. Затѣмъ ему было поручено произвести дѣленіе Китайской имперіи на 9 провинцій, что онъ выполнилъ успѣшно въ 2278 г. до Р. Хр. За большія услуги, оказанныя Юемъ въ дѣлѣ устройства государства, императоръ Шунь сдѣлалъ его регентомъ, а затѣмъ назначилъ его своимъ наслѣдникомъ. На престолъ Юй вступилъ въ 2205 г. и положилъ начало династіи Ся, правившей въ Китаѣ до 1766 г. до Р. Хр.

Юкагиры — остатки исчезающаго, но въ старое время сильнаго и многочисленнаго Омокскаго народа. Эти, большею частью бродячіе инородцы кочуютъ въ предѣлахъ Верхоянскаго и Колымскаго округовъ Якутской обл. по рр. обѣимъ Анюямъ, Колымѣ и ея притокамъ Ясачной и Киркидону, а также по рр. Янѣ и Индигиркѣ, до береговъ Сѣв. Ледовитаго океана. Въ Вилюйскомъ окр. ихъ числится 5 родовъ, съ 484 душ. (256 мжч. и 228 жнщ.), въ Колымскомъ окр. также 5 родовъ, съ 248 д. (133 мжч. и 158 жнщ.), а всего въ обл. 732 д. По 10 ревизіи Ю. числилось въ обл. 1686 д. (900 мжч. и 786 жнщ.). Въ 1774 г. Ю. платили ясакъ съ 962 душъ м. п. но, по словамъ изслѣдователя ихъ Георги, неприписанныхъ лицъ было вчетверо больше. Повальныя болѣзни, въ особенности оспа въ XVIII и въ первой половинѣ XIX ст., способствовали истребленію племени. Ю. средняго роста, хорошо сложены, волосы и глаза темные или черные, лицо продолговатое, бѣлизною кожи рѣзко отличаются отъ прочихъ инородцевъ; они вообще трудолюбивы, живутъ довольно опрятно; смысла христіанской религіи не усвоили и только наружно исполняютъ обряды православной церкви. Занимаются оленеводствомъ, ловлей звѣрей, рыбы и птицъ, выдѣлкою оленьихъ шкуръ (равдуги). Жилища оленеводовъ напоминаютъ собою русскія избы, но печей они не имѣютъ; вмѣсто нихъ служитъ очагъ. Кочевые Ю. живутъ въ переносныхъ чумахъ. Мужчины и женщины одѣваются въ выдѣланныя изъ оленьихъ шкуръ, шерстью вверхъ, *парки*, сдѣланныя на манеръ рубахи, съ рукавами и разрѣзомъ у ворота. Женская парка дѣлается изъ оленьихъ выпоротковъ, вырѣзанныхъ изъ живота самки, съ откиднымъ мѣховымъ, иногда собольимъ ворот-

никомъ; мужская парка—изъ молодыхъ оленей, со стоячимъ воротникомъ какого-нибудь дешеваго мѣха, нерѣдко собачьяго. Пища Ю.—рыба, водяная птица и въ особенности оленина, высушенная на солнцѣ или мороженая. Лакомствомъ считается копченый оленій языкъ. Олень и собака служатъ какъ для передвиженія, такъ и для охоты. Оленій промыселъ производится Ю. дважды въ годъ, въ маѣ и сентябрѣ, при переходѣ оленей изъ лѣсовъ въ приморскія тундры и обратно, особенно осенью, когда олени становятся жирными. Звѣрей Ю. ловятъ преимущественно ловушками; трудолюбивые охотники ставятъ по 400 ловушекъ на человѣка. На медвѣдя охотятся съ ружьемъ. Рыба ловится для домашняго обихода, какъ и птица; только перо и пухъ идутъ на продажу. Мѣновая торговля производится одновременно со взносомъ ясака; оленина мѣняется на хлѣбъ, чай, сахаръ, табакъ, посуду, ситецъ и водку. Ю. любятъ музыку и пѣніе, а также сказки. Мужчины разсказываютъ про свою удаль и охотничьи подвиги и про старыхъ богатырей, а также легенды, въ особенности о подвигахъ предковъ; женщины, у которыхъ довольно мягкій, нѣжный голосъ, воспѣваютъ любовь и любовныя похожденія. Ю. довольно общительны, беззаботны и гостепріимны. Впервые русскіе познакомились съ Ю. въ 1638 г., когда партія енисейскихъ казаковъ, подъ начальствомъ Ивана Пастника, встрѣтила ихъ на рѣкѣ Индигиркѣ. Въ 1644 г., когда казаки открыли р. Колыму, они нашли тамъ также Ю. Въ ту пору народъ этотъ былъ многочисленъ, воинственъ и велъ постоянныя войны съ коряками и чукчами. Въ 1645 г. Ю. возстали противъ русскихъ, возбужденные къ тому княземъ Пелевою, и на такъ называемомъ Убіенномъ полѣ убили служилыхъ русскихъ людей. Въ 1697 г. Ю., въ числѣ 60 человѣкъ, ходили, съ Атласовымъ, для завоеванія Камчатки. Въ 1714 г., за жестокое съ ними обращеніе, они напали близъ Акланскаго острожка на отрядъ казаковъ, шедшій изъ Камчатки, и истребили его. Въ 1727 г. Ю. участвовали въ неудачной экспедиціи маіора Павлуцкаго противъ чукчей. Болѣе подробное изслѣдованіе Ю. произведено Іохельсономъ. *Н. Латкинъ.*

Юкатанскій языкъ—языкъ индѣйцевъ изъ племени «майя». Понынѣ еще очень распространенъ; принадлежитъ къ группѣ гезакстепійскихъ языковъ и распадается на 5 діалектовъ. Какъ и другіе американскіе языки, отличаются весьма богато расчлененнымъ глаголомъ.

Юкатанъ (Yucatan): 1) полуостровъ, выступающій въ видѣ продолговатаго прямоугольника на сѣверной сторонѣ Центральной Америки; ограниченъ заливами: съ запада—Кампешъ, съ сѣвера—Мексиканскимъ, съ востока—Гондурасъ; занимаетъ пространство въ 220000 кв. км. и заключаетъ въ себѣ британскій Гондурасъ или Белице на юго-востокѣ, часть принадлежащаго Гватемалѣ департамента Ферапацъ на югѣ, части мексиканскихъ штатовъ Чіапасъ и Табаско на юго-западѣ, и мексиканскіе штаты Кампешъ и Юкатанъ. 2) Штатъ Мексики. 91201 кв. км., 314087 жителей, по большей части индѣйцевъ изъ племени Майя. Главный городъ Мерида. Ю. образованъ исключительно отложеніями третичнаго періода. Поверхность въ общемъ плоская, только внутри страны встрѣчаются холмистыя мѣстности высотой до 100 м. Морскіе берега низкіе, окруженные мелями, на сѣверѣ мало изрѣзанные, на востокѣ они напротивъ образуютъ многочисленныя бухты. Изъ береговыхъ острововъ—самый большой Коцумель на востокѣ. Внутри страны ощущается недостатокъ въ водѣ. Какъ по географическому положенію, такъ и по незначительному поднятію надъ уровнемъ моря, а также по каменистой, состоящей по большей части изъ мѣла и коралловъ и бѣдной водою почвѣ, климатъ Юкатана—чрезвычайно жаркій, но вслѣдствіе сухости можетъ, въ общемъ, быть признанъ здоровымъ; только на морскомъ берегу бываютъ заболѣванія желтой лихорадкой, а въ періодъ дождей свирѣпствуетъ перемежающаяся лихорадка. Съ начала октября и до конца февраля идутъ проливные тропическіе дожди, но вода жадно впитывается песчаной и каменистой почвой. Изъ европейскихъ хлѣбныхъ растеній здѣсь произрастаетъ только маисъ, а во влажныхъ мѣстахъ—рисъ, изъ европейскихъ овощей—также немногіе, но зато растутъ всѣ тропическіе плоды: табакъ, кофе, сахарный тростникъ, хлопчатая бумага, индиго и генеквенъ—видъ агавоваго дерева, волокна котораго идутъ на изготовленіе веревочныхъ товаровъ, мѣшковъ и рогожъ и поступаютъ въ продажу подъ именемъ пита и зизаль. Наибольшее богатство страны—обширные лѣса. Они доставляютъ всѣ виды дерева для художественныхъ столярныхъ издѣлій, плотничныхъ работъ и кораблестроенія, почти всѣ красильныя деревья европейской торговли, въ частности — кампешевое дерево; кромѣ того, здѣсь растутъ деревья копаива или толу, которое доставляетъ извѣстные сорта бальзама, гваяколъ или амбра, тамаринды, сассафрасъ и др. Вслѣдствіе недостатка въ лугахъ и пастбищахъ, скотоводство мало развито; только свиньи водятся въ изобиліи. Пчелы, лишенныя жала, доставляютъ въ громадныхъ количествахъ отличный медъ и воскъ. Металловъ нѣтъ нигдѣ въ Ю. На морскомъ берегу добываютъ соль и собираютъ много сѣрой амбры. Рыболовство на морскомъ берегу очень прибыльно. Промышленность юкатанцевъ ограничивается тканьемъ хлопка, шерсти и пита, изготовленіемъ глиняной посуды, плетеніемъ вещей изъ пальмовыхъ листьевъ и агавовыхъ волоконъ и добываніемъ соли. Торговля, не смотря на выгодное положеніе страны и богатство ея продуктами, незначительна и ведется главнымъ образомъ черезъ Прогрессо—гавань Мериды—съ Гаванной, Соединенными Штатами и Европой. Весь торговый оборотъ въ годъ исчисляется въ 2 мил. долларовъ. Вывозятся мѣшки, веревки, подвѣсныя койки изъ волоконъ мѣстныхъ растеній зизаля и пита, пальмовыя шляпы, кампешевое дерево, экстрактъ изъ кампешеваго дерева, копаловая смола, маисъ, рисъ, бобы, воловьи и оленьи шкуры, суше-

преосв. Филарета (Гумилевскаго), «Обзоръ русской духовной литературы»; Пекарскаго, «Наука и литература при Петрѣ Великомъ» и т. п. Для изученія новой Ю. литературы самымъ богатымъ пособіемъ служитъ «Исторія рускої литературы» Ом. Огоновскаго, не смотря на устарѣлый методъ и неуклюжесть изложенія; не потерялъ своей цѣнности «Очеркъ исторіи украинской литературы» Петрова и прекрасный разборъ этой книги, сдѣланный Н. Дашкевичемъ въ отчетѣ о присужденіи наградъ гр. Уварова. Много очерковъ и критическихъ статей объ отдѣльныхъ писателяхъ и цѣлыхъ періодахъ печаталось въ галицкихъ изданіяхъ «Правда», «Зоря», «Жите і Слово», «Народ», «Літературно-науковый Вістник», въ женевской «Громадѣ» и въ «Кіевской Старинѣ». Скудныя данныя о развитіи угро-русской письменности далъ Е. Сабовъ въ своей «Хрестоматіи» (Унгваръ, 1893); о литературной жизни Буковинской Руси есть кое-что въ книжкѣ проф. Смаль-Стоцкаго: «Буковинська Русь». Важнымъ пособіемъ для изученія новой Ю. письменности служитъ опытъ библіографіи этой письменности М. Комарова (Рада, 1883), составленная имъ же библіографія Т. Шевченка (1903); для галицко-русской письменности имѣется образцово составленная библіографія за 1801—1889 гг. Ив. Левицкаго и его же библіографія за 1772—1800 гг. («Записки наук. тов. ім. Шевченка», 1903). Рядъ характеристикъ современныхъ Ю. беллетристовъ дала въ послѣднихъ годахъ «Кіевская Старина», въ которой особенно интересны критическія статьи С. Ефремова.

Иванъ Франко.

Объ авторѣ этой статьи, играющемъ выдающуюся роль въ Ю. литературѣ, см. Галицкорусское литер. общ. движеніе (VII, 921) и Франко (XXXVI, 473 сл.)

Южно-русская медицинская газета—органъ и изданіе общества одесскихъ врачей въ гор. Одессѣ, съ 1892 по 1897 г., подъ ред. О. О. Мочутковскаго, А. В. Корша, Н. А. Строганова, А. М. Финкельштейна и М. Г. Погребинскаго.

Южно-русская сельско-хозяйственная газета—издается съ 1895 г., ежедневно, харьковскимъ обществомъ сельскаго хозяйства и сельско-хозяйственной промышленности, въ г. Харьковѣ. Редакторъ—предсѣдатель общества Арт. Авг. Бенике.

Южно-Русскій Горный Листокъ—издавался въ Харьковѣ съ 1880 по 1887 г., два раза въ мѣсяцъ. Издатель-редакторъ М. И. Яшевскій. Позже выходилъ подъ названіемъ «Горнозаводскій Листокъ» (см. IX, 258).

Южно-Славянскіе языки и нарѣчія—общее обозначеніе для языковъ Южныхъ славянъ: болгарскаго, сербскаго, хорватскаго и словинскаго, съ ихъ нарѣчіями, поднарѣчіями и говорами. Эти языки болѣе или менѣе рѣзкими и характерными признаками отличаются отъ другихъ славянскихъ языковъ и нарѣчій, и въ то же время нельзя найти рѣзкихъ отличій между отдѣльными языками и нарѣчіями данной группы. *Ир. П.*

Южные славяне—см. Юго-славяне.

Южный берегъ—узкая береговая полоса Крымскаго полуо-ва вдоль Чернаго моря, между мысомъ Ласпи и гор. Алуштой (дл. ок. 80 в.). Крымскія горы (Яйла) защищаютъ Ю. берегъ отъ холодныхъ, сухихъ, материковыхъ вѣтровъ, вслѣдствіе чего климатъ его мягкій, сравнительно равномѣрный, что дѣлаетъ мѣстность однимъ изъ лучшихъ климатическихъ курортовъ. Здѣсь расположены гг. Ялта и Алушта, мст. Алупка, Мисхоръ, Ливадія, Массандра, Гурзуфъ и многія другія; ежегодно громадный наплывъ туристовъ и больныхъ. Объ особенностяхъ климата и природныхъ условіяхъ Ю. берега см. Крымскій полуо-въ (XVI, 872—877), Таврическая губ. (XXXII, 461—466) и Ялта (гор. и уѣздъ).

Южный Бугъ—см. Бугъ Южный (IV, 834).

Южный вѣнецъ (Corona australis)—небольшое созвѣздіе, расположенное между 18^h 30^m и 19^h 0^m прямого восхожденія и 35° и 42° южнаго склоненія. Окружено созвѣздіями Стрѣльца, Скорпіона, Жертвенника. Принадлежитъ къ созвѣздіямъ (см.) Птолемея. Въ созвѣздіи одна звѣзда 4-й величины, двѣ — 5-й, восемь—6-й.

Южный Край—газета общественная, литературная и политическая, издается въ Харьковѣ съ 1880 г., ежедневно. Редакторъ-издатель А. А. Іозефовичъ. При Ю. Краѣ выходило приложеніе: «Спутникъ Южнаго края» (1894—1897 г.). Первоначально прогрессивный органъ, Ю. Край вскорѣ примкнулъ къ «Москов. Вѣдомостямъ». Въ 80-хъ гг. наиболѣе виднымъ выразителемъ направленія газеты, яростно-враждебной идеямъ 60-хъ гг., былъ Говоруха-Отрокъ (см. Николаевъ, XXI, 112). Въ концѣ 90-хъ гг. Ю. Край освобожденъ отъ предварительной цензуры.

Южный крестъ—небольшое созвѣздіе между 12^h и 13^h прямого восхожденія и 55° и 65° южнаго склоненія; приходится на Млечномъ пути. Въ древности созвѣздіе подымалось надъ горизонтомъ въ Средней Европѣ; но южный полюсъ приблизился теперь къ нему вслѣдствіе прецессіи (см) и созвѣздіе стало невидимымъ цѣликомъ даже на сѣверныхъ берегахъ Африки. Птолемей описываетъ Ю. Крестъ какъ часть созвѣздія Центавра. Названіе свое созвѣздіе получило отъ конфигураціи четырехъ звѣздъ: самая яркая (1.5 величины) къ югу, звѣзда 2-й къ сѣверу, двѣ (2-й и 3-й величины) по бокамъ. Ю. крестъ описанъ какъ отдѣльное созвѣздіе мореплавателями XVI вѣка. Помѣщенъ на звѣздную карту Байеромъ (см. Созвѣздія). Созвѣздіе воспѣто много разъ въ стихахъ; было извѣстно дикимъ народамъ южнаго полушарія. Главная звѣзда (α Crucis) — тройная; звѣзда γ Crucis мѣняетъ свой блескъ отъ 1.8 до 2.4 величины. Возлѣ звѣзды $\varkappa$ Crucis (6-й величины) находится знаменитое скопленіе «разноцвѣтныхъ» звѣздъ, описанное подробно еще Джономъ Гертелемъ.—Недалеко отъ Ю. креста расположена мѣстность (8° длины, 5° ширины) небеснаго свода, совершенно лишенная звѣздъ, видимыхъ глазомъ, рѣзко выдѣляющаяся на фонѣ Млечнаго пути и получившая еще въ XVI вѣкѣ названіе «угольнаго мѣшка».

Юкола.—Подъ этимъ названіемъ извѣстна въ Восточной Сибири сушеная рыба, преимущественно изъ лососевыхъ породъ, приготовляемая туземцами (якуты, камчадалы, алеуты и др.) впрокъ для пропитанія зимою себя и своего главнаго домашняго скота—собакъ. Раздѣланная рыба прямо сушится въ тонкихъ кускахъ на воздухѣ, что и даетъ Ю. Главная рыба, изъ которой готовится Ю.,—такъ называемая красная рыба (Oncorhynchus nërka, Jard.). Ходъ ея бываетъ съ половины іюня и притомъ въ такомъ изобиліи, что во время хода вся рѣка представляетъ сплошную колышащуюся массу и вся поверхность ея покрыта рыбьими перьями, т. е. плавниками. Это явленіе извѣстно на Камчаткѣ подъ названіемъ «руно». Жители пользуются нѣсколькими днями наиболѣе густого хода, чтобы заготовить рыбы какъ можно больше: ловятъ ее прямо черпаками изъ рѣки въ лодку. Быстро наполнивъ лодку, промышленникъ везетъ добычу къ селенію, выбрасываетъ ее на берегъ подъ вѣшала, гдѣ женщины немедленно принимаются за чистку и пластованіе наловленной рыбы: онѣ вырѣзаютъ позвоночникъ съ головой, двѣ же половины рыбьяго туловища, соединенныхъ у хвоста, передаются старикамъ, которые при помощи длинныхъ шестовъ навѣшиваютъ ее рядами на вѣшала для просушки. Когда рыба просохнетъ, ее складываютъ въ пачкахъ по 50 шт. въ амбаръ, чѣмъ и кончается несложная процедура приготовленія этого хлѣба насущнаго для туземца и его собакъ. При отсутствіи въ краѣ достаточнаго количества дешевой соли не можетъ быть болѣе простого и дешеваго способа заготовленія рыбы, какъ сушеніе Ю., но само собою товаръ получается крайне низкаго достоинства, т. е. производится превращеніе прекрасной лососины въ этотъ продуктъ, на который можно было не жалѣть употреблять лишь треску и мелкую рыбу, а не благородную породу лосося. Изъ 8 фунтовой рыбы получается всего $1^1/_2$ фн. Ю., $^4/_5$ пропадаетъ. За послѣднее время изъ Ю. стали дѣлать порошекъ—«поршу». Другія лососевыя Восточнаго океана—кижучъ, горбуша и хайко—на Ю. не употребляются, за исключеніемъ лишь послѣдней, изъ которой иногда запоздавшіе почему либо приготовить Ю. изъ красной рыбы туземцы готовятъ Ю., но эта Ю. уже считается вторымъ сортомъ. Недоловъ рыбы на Ю. составляетъ настоящее бѣдствіе, равное неурожайному году, и забота о достаточномъ количествѣ заготовленной Ю. составляетъ одну изъ главнѣйшихъ заботъ мѣстной администраціи.

Н. Б—нъ.

Юконъ (Yukon)—главная рѣка въ Аляскѣ, рѣже называется Квихпакъ; беретъ начало въ прибрежныхъ горахъ Британской Колумбіи, впадаетъ въ Нортонъ, заливъ Берингова моря; длина теченія 3570 км. Хотя на всемъ своемъ протяженіи Ю. недоступенъ для судоходства, тѣмъ не менѣе онъ служитъ главнымъ источникомъ существованія для окрестнаго населенія, благодаря изобилію рыбы. Около устьевъ главныхъ его притоковъ расположены важнѣйшіе торговые центры страны. Въ районѣ верхняго теченія Ю. и по берегамъ его верхнихъ притоковъ находятся богатыя залежи золота, которыя начали разрабатываться только въ новѣйшее время. Бассейнъ Ю. занимаетъ 857000 кв. км.

Юла или *лѣсной жаворонокъ*—см. Жаворонки.

Юла—р. Архангельской губ., Пинежскаго уѣзда, беретъ начало на границѣ Вологодской губ. въ болотистыхъ лѣсахъ. Въ началѣ течетъ на СЗ, принявъ въ себя слѣва рч. Пузу, отворачиваетъ къ СВ, отъ рч. Черной на С, затѣмъ дѣлаетъ крутой поворотъ къ З до впаденія въ нее рч. Попки, откуда течетъ на С и СВ и вновь на ССЗ до устья р. Уры; далѣе направляется къ С, а отъ устья главнаго своего притока, р. Юраса, вновь на З; потомъ течетъ на С и СВ до устья р. Шукши, гдѣ дѣлаетъ изгибъ къ СЗ и въ послѣднемъ направленіи впадаетъ въ р. Пинегу съ лѣвой стороны. Главные притоки Ю. справа: Боровая, Черная, Ура и Верхняя и Нижняя Шукши; слѣва — Пуза, Попка, Сантома и Юрасъ. Длина рѣки до 160 вер. Теченіе тихое, извилистое; рѣка съ принятіемъ въ себя р. Юраса становится доступной для небольшихъ судовъ. Мѣстность по теченію рѣки въ большинствѣ лѣсистоболотистая и ненаселенная; ѣка эта почти неизслѣдована.

Н. Л.

Юла (Елва, Іола)—прав. притокъ Выма, системы Вычегды, Вологодской губ., Яренскаго у. Ю. беретъ начало въ лѣсахъ, течетъ извилисто къ ЮВ, образуя множество песчаныхъ мелей и острововъ. Длина около 200 вер., шир. до 10 и 15 саж., глуб. не болѣе 2 арш. Дно каменисто, много переборовъ. Съ Ю. идетъ волокъ на р. Ирву, прит. Мезени.

Юламейка—небольшая палатка у киргизовъ, крытая кожею. Ю. была примѣнена нашимъ военнымъ вѣдомствомъ для степныхъ походовъ въ Средней Азіи.

Юлдусъ—обширная котловина въ центральномъ Тянь-шанѣ, вытянутая на нѣсколько сотъ верстъ отъ В къ З; она состоитъ изъ двухъ частей: восточной, меньшей, но болѣе высоко расположенной (7000—8000 фт. надъ ур. моря), такъ назыв. Малаго Ю. (Бага-Ю.), и западной—Большого Ю. Оба Ю. раздѣляетъ хребетъ, относительно высокій (средн. высота 12500 фт.), скалистый, мало доступный. Такой же характеръ носятъ и горы, окаймляющія отовсюду описываемую котловину, которая въ недавнюю геологическую эпоху составляла дно альпійскаго озера. Это доказывается гривами изъ наносной глины (озерныя отложенія), присутствіемъ множества ключей, озерковъ (откуда происхожденіе слова Юлдусъ — «звѣзда»; смотря на котловину съ окрестныхъ высотъ, видишь огромную площадь, покрытую безчисленными блестящими поверхностями небольшихъ озерковъ точно звѣздами небосклонъ), болотистыхъ пространствъ и солонцовъ. Серединою Малаго Ю., имѣющаго въ длину 135 вер., протекаетъ значительная рѣчка — Бага-Юлдусъ-голъ, которая, обогнувъ раздѣляющій котловину хребетъ, впадаетъ на Большомъ Ю. въ р. Хайдуголъ (см.), текущую въ обратномъ направле-

нія, т. е. съ СЗ на ЮВ. и впадающую въ оз. Баграшъ-куль. Оба Ю. имѣютъ степной характеръ растительности; преобладаетъ кипецъ и нѣкоторыя солянковыя; въ окрестныхъ горахъ растительность, однако, измѣняетъ свой характеръ и здѣсь уже во множествѣ начинаютъ попадаться луговыя травы. Деревьевъ на Юлдусахъ нѣтъ; изъ кустарниковъ можно отмѣтить: Caragana, Salix и Potentilla. Обиліе солонцовъ и превосходные корма въ связи съ отсутствіемъ мошекъ и комаровъ и прохладнымъ климатомъ создали славу Юлдусовъ, какъ самыхъ лучшихъ пастбищныхъ мѣстъ въ Тянь-шаньскихъ горахъ. Нынѣ Юлдусами владѣютъ карашарскіе торгоуты, управляемые торгоутскимъ цинъ-ваномъ изъ Карашара. Изъ промысловыхъ животныхъ на Юлдусахъ встрѣчаются: медвѣди (Ursus leuconyx), аркары (Ovis polii), дикія козы (Carpa sibirica), маралы (Cervus maral), косули (Cervus pygargus), сурки (Arctomys dichrous) и кабаны; вѣроятно, также волки и лисицы. Климатъ холодный; ночные морозы даже въ іюлѣ мѣсяцѣ —обыденное явленіе; въ августѣ Малый Ю. заваливается уже снѣгомъ; весна наступаетъ лишь въ маѣ. *Г. Е. Грумъ-Гржимайло.*

Юлинецъ (Павелъ) — офицеръ русской службы. Напечаталъ: «Краткое введеніе въ исторію происхожденія славяно-сербскаго народа» (Вѣна, 1756).

Юлинъ (Johan Julin, 1752—1820)—шведскій натуралистъ. Большую часть своей жизни провелъ съ 1783 г. въ Улеаборгѣ въ качествѣ аптекаря, ведя дѣятельную борьбу съ суевѣріями мѣстныхъ врачевателей. Въ 1814 г. онъ поселился въ Або, гдѣ умеръ, состоя членомъ стокгольмской академіи наукъ съ 1791 г. Изъ его многочисленныхъ сочиненій и замѣтокъ наиболѣе важными считаются «Försök till upphysning om Uleaborgs klimat» и «Berättelse om den i Kemi solken»; «Osterbotten grasserande pestsjukdom».

Юлихеръ (Густавъ-Адольфъ Jülicher)—протестантскій богословъ (род. въ 1857 г.), профессоръ въ Марбургѣ. Напечаталъ: «Die Gleichnisreden Jesu» (Фрейбургъ, 1888 и 1889); «Zur Geschichte der Abendmahlsfeier in der ältesten Kirche» (ib., 1892, въ «Theol. Abhandlungen, K. von Weizsäcker gewidmet»); «Einleitung in das Neue Testament» (ib., 1894; 4-е изд., Тюбингенъ, 1901).

Юлихъ (Jülich) — городъ въ прусской Рейнской провинціи, Аатенскаго округа. 5397 жит. Бывшій герцогскій замокъ служитъ мѣстопребываніемъ унтеръ-офицерской школы; газовый заводъ, бойня, издѣлія бумажныя, целлулоидныя, кожевенныя, изготовленіе зонтиковъ. Въ серединѣ XVI стол. здѣсь была построена сильная крѣпость. Во время войны за Юлихское наслѣдство она два раза дѣлалась добычей враждующихъ армій, во время войны за Испанское наслѣдство успѣшно отразила натискъ французовъ; въ 1860 г. крѣпость уничтожена.

Исторія. Юлихское герцогство. Въ XI в. Юлихская область (Jülichgau) управлялась графами, бывшими сначала въ вассальныхъ отношеніяхъ къ герцогамъ Нижнелотарингскимъ, а затѣмъ получившими права имперскихъ графовъ. Графъ Вильгельмъ V былъ въ 1336 г. возведенъ императоромъ Людовикомъ IV въ маркграфы, а въ 1356 г. имп. Карломъ IV въ герцоги. Изъ его сыновей Гергардъ сдѣлался посредствомъ брака графомъ Бергскимъ, а Вильгельмъ II наслѣдовалъ Юлихское герцогство и посредствомъ брака пріобрѣлъ Гельдернъ. Въ 1511 г. герц. Вильгельмъ IV оставилъ всѣ свои владѣнія своей единственной дочери Маріи, вышедшей замужъ за Іоганна, герцога Клевскаго. Такимъ образомъ произошло соединеніе Ю., Берга и Клеве. Со смертью въ 1609 г. герц. Іоганна-Вильгельма, послѣдняго отпрыска Клевскаго дома, возгорѣлась война за Ю.-Клевское наслѣдство (см. ниже). Въ 1666 г. Ю. и Бергъ достался пфальцграфу Нейбургскому. Въ 1742 г., когда линія Нейбургская угасла, Ю. перешелъ къ Пфальцъ-Зульбахской линіи. Въ 1801 г. по Люневильскому миру герцогство Юлихское отошло къ Франціи, гдѣ было преобразовано въ Рурскій департаментъ. Въ 1814 г., по постановленію Вѣнскаго конгресса, Ю. герцогство отдано Пруссіи, за исключеніемъ небольшихъ участковъ, уступленныхъ Нидерландамъ.

Юлихъ-Клевское наслѣдство и борьба за него.—Смерть герцога Іоганна-Вильгельма, не оставившаго дѣтей, въ 1609 г. сдѣлала свободнымъ престолъ герцогствъ Юлихъ, Клеве и Бергъ, графствъ Маркъ и Равенштейнъ и помѣстья Равенсберга (принадлежитъ теперь Нидерландамъ) на Маасѣ. Всѣ эти владѣнія въ средніе вѣка сливались понемногу благодаря бракамъ, и съ 1511 г. составляли одно цѣлое. Въ 1609 г. герцогъ Іоганнъ-Вильгельмъ умеръ бездѣтнымъ, вслѣдствіе чего его сестры, ихъ мужья и дѣти заявили претензіи на его наслѣдство. Старшая изъ его сестеръ, Марія Элеонора († 1608), была замужемъ за прусскимъ герцогомъ Альбрехтомъ-Фридрихомъ и имѣла отъ него только дочерей, изъ которыхъ старшая была замужемъ за курфюрстомъ Іоганномъ-Сигизмундомъ Бранденбургскимъ. Вторая сестра Іоганна-Вильгельма, Анна, отъ пфальцграфа Филиппа-Людвига Нейбургскаго имѣла сына Вольфганга-Вильгельма. Эти два претендента, курфюрстъ и пфальцграфъ, требовали признанія своихъ правъ на наслѣдство по женской линіи, подтверждая его императорскими грамотами, при чемъ каждый заявлялъ притязанія на все наслѣдство. Курфюрстъ утверждалъ, что онъ имѣетъ наибольшее право на наслѣдство, такъ какъ его жена происходила отъ старшей сестры послѣдняго герцога; пфальцграфъ доказывалъ, что его жена, какъ сестра послѣдняго герцога, имѣетъ непосредственное право на наслѣдство; притомъ она еще жива и имѣетъ сына. Права младшихъ сестеръ Іоганна-Вильгельма, требовавшихъ раздѣленія наслѣдства на равныя части, были оставлены безъ вниманія, тѣмъ болѣе, что въ брачныхъ договорахъ онѣ признали преимущественное право старшихъ сестеръ. Безъ вниманія были оставлены заявленія и другихъ наслѣдниковъ, заявившихъ претензіи на отдѣльныя части наслѣдства. Въ Юлихѣ право на наслѣдство было неоспоримо на сторонѣ курфюрста Бран-

денбургскаго, но такъ какъ на отдѣльныя части наслѣдства было много притязаній, основывавшихся на трактатахъ, брачныхъ договорахъ и императорскихъ указахъ, противорѣчившихъ одинъ другому, то юридически этотъ вопросъ былъ трудно разрѣшимъ. Особенно осложнилось дѣло тѣмъ, что большая, богатая и важная по своему положенію страна по вѣроисповѣданію принадлежала къ тремъ главнѣйшимъ партіямъ (католики, лютеране, реформаты), отношенія между которыми были обострены до крайности во всей Западной Европѣ: ни одна партія не хотѣла дать въ руки другимъ такое важное приращеніе силы и доходовъ. Такимъ образомъ дѣло могло быть рѣшено только силой. Имп. Рудольфъ II, боясь растущей силы Бранденбурга, который, укрѣпившись на Рейнѣ, могъ стать опаснымъ главой протестантовъ, рѣшилъ противиться усиленію Бранденбурга всѣми возможными средствами. Едва умеръ Іоганнъ-Вильгельмъ, какъ курфюрстъ и пфальцграфъ постарались захватить спорныя земли, первый—съ помощью своего брата Эрнста, второй — при помощи сына Вольфганга-Вильгельма; но такъ какъ императоръ издалъ противъ такого самоуправства строгій указъ, то противники, по совѣту своихъ единовѣрцевъ. заключили въ Дортмундѣ соглашеніе (31 мая), по которому обязались совмѣстно управлять спорнымъ наслѣдствомъ и защищать другъ друга отъ общихъ враговъ. Между тѣмъ императоръ прислалъ въ качествѣ коммиссара эрцгерцога Леопольда, епископа страсбургскаго и пассаускаго, которому удалось, сговорившись съ католиками, овладѣть крѣпостью Юлихъ. Тогда только курфюрстъ приступилъ къ уніи протестантскихъ чиновъ (3 февр. 1610 г.) къ которой принадлежалъ пфальцграфъ; для поддержки протестантскихъ государей въ Ю.-Клевскомъ дѣлѣ унія заключила союзъ съ Генрихомъ IV французскимъ, желавшимъ ослабить Габсбурговъ и не допустить ихъ утвердиться на берегахъ Рейна. Убійство Генриха не помѣшало французскимъ, войскамъ появиться въ герцогствѣ и, вмѣстѣ съ нидерландскими, отнять у имперцевъ Юлихъ (1 сент. 1610 г.). Согласіе пфальцграфа и курфюрста, совмѣстно управлявшихъ Ю.-Клевскимъ наслѣдствомъ, продолжалось недолго: постоянно жалуясь на нарушеніе своихъ правъ и интересовъ, пфальцграфъ объявилъ, по случаю смерти маркграфа Эрнста (13 сент. 1613 г.) и назначенія курпринца Георга - Вильгельма штатгальтеромъ Бранденбурга, что не признаетъ его до тѣхъ поръ, пока не будутъ удовлетворены его претензіи. Въ декабрѣ 1613 г. Вольфгангъ-Вильгельмъ отправился въ Мюнхенъ, женился тамъ на дочери баварскаго герцога Максимиліана, перешелъ въ католичество и этимъ пріобрѣлъ помощь лиги и Испаніи. Оба противника взялись за оружіе и призвали союзниковъ; началась война, и прежде неоднократно опустошавшая спорныя земли. Противъ голландцевъ, занимавшихъ Юлихъ, двинулись испанцы (лѣтомъ 1614 г.), но. благодаря посредничеству Франціи и Англіи, удалось устроить между спорящими сторонами соглашеніе въ Ксантенѣ, по которому Ю.-Клевскія земли были раздѣлены на 2 части: одна заключала Клеве, Маркъ, Равенсбергъ и Равенштейнъ, другая—Юлихъ и Бергъ; жребій долженъ былъ рѣшить, кому что достанется; каждый долженъ былъ управлять въ доставшейся ему части именемъ обоихъ наслѣдниковъ. Союзники той и другой стороны не пожелали, однако, вывести свои войска изъ спорныхъ земель; договоръ остался неисполненнымъ, и борьба за Юлихъ продолжалась въ теченіе всей Тридцатилѣтней войны. Споръ окончился договоромъ въ Клеве (19 сентября 1666 г.) между великимъ курфюрстомъ и сыномъ Вольфганга-Вильгельма, пфальцграфомъ Филиппомъ - Вильгельмомъ Нейбургскимъ: Клеве, Маркъ и Равенсбергъ были отданы курфюрсту Бранденбургскому. Юлихъ и Бергъ — пфальцграфу Нейбургскому, Равенштейнъ только въ 1671 г. былъ окончательно отданъ пфальцграфу.

Юліамполь—мст. Подольской губ., Ямпольскаго у., въ 45 вер. отъ уѣздн. гор., при прудахъ. 411 жителей, народное училище.

Юліана - Марія—дочь герцога Фердинанда Альбрехта II Брауншвейгъ-Беверискаго. Родилась въ 1729 г.; въ 1752 г. вышла замужъ за овдовѣвшаго датскаго короля Фридриха V. Пользуясь слабостью своего мужа, Ю.-Марія старалась унизить своего пасынка Христіана, наслѣднаго принца, и выдвинуть своего сына Фридриха. Когда Христіанъ VII вступилъ на престолъ и женился на Каролинѣ-Матильдѣ, сестрѣ короля англійскаго Георга III, Ю. была этимъ очень недовольна; когда же у него родился сынъ, она начала думать о насильственномъ переворотѣ. 17 янв. 1772 г., въ союзѣ съ нѣкоторыми вельможами, она принудила короля отставить и заточить всемогущаго министра Струэнзе (см.); Струэнзе скоро былъ казненъ, у королевы Матильды вынудили признанія, облегчившія разводъ. Подъ руководствомъ Гульдберга, Ю.-Марія отмѣнила новые порядки, заведенные Струэнзе, и стала управлять за безсильнаго короля. Это продолжалось до совершеннолѣтія наслѣднаго принца (будущаго Фридриха VI); онъ удалилъ Ю.-Марію и положилъ конецъ ея власти (14 апр. 1784 г.). Она умерла въ 1796 г.

Юліанскій календарь, *Юліанское лѣтосчисленіе*—см. Календарь.

Юліанъ (Flavius Claudius Julianus)—римскій императоръ (правилъ съ 361 по 363 г. по Р. Хр.), одна изъ тѣхъ личностей, надъ истолкованіемъ которыхъ не устаетъ работать вниманіе историковъ. Дѣятельность его, посвященная возрожденію язычества, вызывала издавна глубокій интересъ. Христіанскіе писатели, современники и враги Ю., назвали его «отступникомъ» (ἀποστάτης), и эта кличка, поддержанная церковью, тѣсно слилась съ его именемъ въ историческомъ преданіи. Корифеи просвѣтительной литературы XVIII в., наоборотъ, оказывали ему почетъ, какъ «первому свободному мыслителю». Ученые новаго времени, отмѣчая его замѣчательныя дарованія и признавая его принципіальность и искренность, характеризовали его, тѣмъ не менѣе, какъ «романтика на тронѣ Цезарей», нахо-

дили въ немъ черты «Донъ-Кихота» дѣла, отжившаго свой вѣкъ. Анализомъ личности и изслѣдованіемъ дѣяній Ю. занимается обширная литература, съ каждымъ годомъ обогащающаяся новыми произведеніями ученаго или полемическаго характера.

1) *Юность и образованіе Ю.*—Ю. родился въ Константинополѣ 17 ноября 331 г. Онъ былъ сыномъ Юлія Констанція и второй жены его Базилины. Отецъ его происходилъ отъ второго брака Констанція Хлора съ Θеодорою; стало быть, Ю. приходился племянникомъ Константину Великому. Отецъ и старшій братъ его были умерщвлены по приказанію импер. Констанція (337 г.). Другому брату Ю., Галлу (род. 325 г.), оставлена была жизнь, какъ и Ю. (вѣроятно, ихъ спасло малолѣтство), и они росли вмѣстѣ. Дѣтство Ю. провелъ въ Константинополѣ, въ домѣ матери. Наблюденіе за его духовнымъ развіемъ поручено было епископу Евсевію. Послѣдній долженъ былъ воспитать ребенка въ духѣ умѣреннаго аріанства, которому сочувствовалъ Констанцій. Евсевій относился къ своему дѣлу холодно и небрежно; настоящимъ авторитетомъ являлся для мальчика приставленный къ нему евнухъ варварскаго происхожденія, но образованный, Мардоній, добрѣйшій старикъ, уже бывшій учителемъ его матери. Страстный поклонникъ эллинской культуры, Мардоній стремился насадить зерна ея въ душѣ питомца, крѣпко къ нему привязавшагося, окружая его міромъ образовъ и идей, взятыхъ изъ греческой литературы, и воздерживаясь отъ всякаго упоминанія о христіанствѣ. Рядомъ съ этимъ онъ пріучалъ Ю. къ строгому воздержанію и нравственному ригоризму. Такимъ образомъ въ сознаніи Ю. все благородное и высокое связывалось съ античностью, а съ понятіемъ христіанства невольно соединялось представленіе о мертвомъ формализмѣ, грубомъ принужденіи и нравственной испорченности, которая дѣйствительно царила тогда въ средѣ высшаго духовенства и придворной знати, наружно исповѣдывавшей новую вѣру. Пребываніе обоихъ братьевъ въ столицѣ казалось опаснымъ подозрительному императору: Галлъ съ Ю. въ 342 г. были отправлены въ Малую Азію и поселены въ уединенномъ казенномъ помѣстьѣ Macellum, съ укрѣпленнымъ дворцомъ; ихъ окружала роскошная обстановка, но каждый шагъ находился подъ бдительнымъ надзоромъ вѣрныхъ слугъ Констанція. Образованіе юношей должно было продолжаться въ христіанскомъ духѣ, при руководительствѣ аріанскихъ учителей. Христіанскіе писатели утверждаютъ, что Галлъ искренно принялъ ученіе, Ю. же прикидывался вѣрующимъ, питая къ религіи Христа скрытую ненависть. Самъ Ю. говоритъ, что учителя его аріане скорѣе похожи были на тюремщиковъ, чѣмъ на наставниковъ. Въ эти годы ссылки онъ основательно изучилъ книги Ветхаго и Новаго Завѣта, но вдумывался въ нихъ лишь какъ въ законъ вѣры враговъ, чтобы пріобрѣсти такимъ образомъ орудіе борьбы съ нею. Повидимому, Ю. быстро уразумѣлъ рѣзкій контрастъ, который наблюдался между истиннымъ ученіемъ Христа и жизнью современнаго ему христіанскаго общества. Искреннимъ христіаниномъ Ю. не былъ никогда: умственные вкусы и сердечныя чувства изначала влекли его къ эллинизму. Это настроеніе росло въ силу необходимости постоянно скрывать его и исполнять обряды оффиціальнаго культа. Въ Мацеллѣ оба брата пробыли пять лѣтъ, послѣ чего Галлъ неожиданно былъ возведенъ въ званіе Цезаря (вице-императора) для управленія Востокомъ, а Ю. возвращенъ въ Константинополь. Руководить дальнѣйшимъ его образованіемъ долженъ былъ софистъ Экцеболій, человѣкъ безъ убѣжденій, по приказанію власти готовый быть и православнымъ, и аріаниномъ, и язычникомъ. Уроки такого учителя могли только еще больше возстановить Ю. противъ христіанства. Блестящія способности, которыя Ю. обнаруживалъ, и симпатіи, которыя онъ легко пріобрѣталъ въ широкихъ кругахъ, заставили Констанція вновь встревожиться: онъ опять удалилъ Ю. изъ столицы (351 г.). Назначенная ему для жительства Никомедія избрана была очень неудачно, если имѣлось въ виду отвратить его отъ любимыхъ идей; этотъ городъ былъ тогда центромъ античнаго просвѣщенія, и въ немъ обиталъ глава эллинистической партіи, ученый риторъ *Либаній* (см.). Правда, Констанцій формально запретилъ Ю. входить съ нимъ въ общеніе; но тотъ зачитывался рѣчами и лекціями Либанія, и такимъ образомъ только усиливалось его увлеченіе запретнымъ плодомъ. Рядомъ съ вліяніемъ Либанія, преимущественно ученымъ и литературнымъ, на жаждущую познанія и вѣры тревожную душу Ю. оказало еще болѣе глубокое, религіозное воздѣйствіе сближеніе его съ кружкомъ пребывавшихъ въ Никомедіи или по сосѣдству философовъ-неоплатониковъ — Эдесія, Хрисантія, Евсевія и особенно Максима, почитавшагося какъ бы «святымъ паганизма», вдохновеннымъ учителямъ, проповѣдникомъ цѣльнаго религіозно-философскаго міровоззрѣнія. Какъ говорили, Ю. удалось свидѣться и съ маститымъ Ямвлихомъ (см.), доживавшимъ свои послѣдніе годы. Въ умѣ Ю. раціонализмъ Платона смѣшался съ позднѣйшимъ александрійскимъ мистицизмомъ, доходившимъ иногда до страннаго суевѣрія, выражавшимся въ формѣ фантастической теургіи. Безпокойно искавшій высшей правды духъ Ю., гораздо болѣе склонный къ религіозной экзальтаціи, чѣмъ способный къ систематическому научному мышленію, нашелъ въ такой атмосферѣ подходящую среду для своего развитія, хотя Ю. попрежнему вынужденъ былъ осторожно носить личину христіанина. Три года спокойно прожилъ Ю. въ Никомедіи. Въ 354 г. Констанцій приказалъ умертвить Галла, подозрѣвая въ немъ злые умыслы и страшась его бѣшенаго нрава. Ю. оставался послѣднимъ живымъ членомъ дома Константина, кромѣ самого императора. Опасаясь съ его стороны мщенія и измѣны, Констанцій вознамѣрился погубить и его. Ю. былъ вызванъ ко двору въ Миланъ для производства дознанія о его поведеніи. Онъ старался убѣдить противниковъ, что питаетъ отвращеніе къ государственной карьерѣ и готовъ отказаться отъ всякихъ правъ и почетныхъ званій навсегда,

лишь бы ему предоставили свободу заниматься философіей. Тѣмъ не менѣе ему пришлось бы сложить голову, если бы не вступилась за него супруга императора, просвѣщенная и кроткая красавица — Евсевія, проникшаяся къ интересному юношѣ романтическою дружбою. Констанцій разрѣшилъ Ю. жить въ Аѳинахъ, безъ права выѣзжать оттуда (355 г.). Ю. пробылъ тамъ лишь нѣсколько мѣсяцевъ и пріобрѣлъ, какъ кажется, мало новыхъ цѣнныхъ знаній, но въ процессѣ его душевнаго развитія этотъ моментъ сыгралъ немаловажную роль: онъ утвердился окончательно въ своемъ культѣ эллинизма, прикоснувшись къ почвѣ, на которой этотъ культъ родился. Его влеченія къ старой религіи санкціонированы были здѣсь пріобщеніемъ къ елевсинскимъ таинствамъ, которыя особенно удовлетворяли его склонности къ мистическому символизму. Передъ нимъ предстала задача, ставшая для него цѣлью жизни и вызвавшая въ немъ желаніе получить въ руки верховную власть.

2) *Управленіе Галліей. Захватъ императорскаго престола.* Постоянныя внутреннія смуты и набѣги варваровъ въ Галліи побудили Констанція поставить во главѣ управленія областью члена своего дома, для поднятія авторитета власти. Подъ давленіемъ императрицы онъ рѣшилъ возвести Ю. въ санъ Цезаря и поручить ему высшее управленіе далекимъ Западомъ имперіи. Отказаться было рисковано, и Ю. пришлось кореннымъ образомъ измѣнить складъ жизни. Въ подтвержденіе своей милости императоръ далъ Ю. въ жены свою сестру Елену, которая, впрочемъ, скоро умерла. Ю. быстро обнаружилъ богатство и разносторонность своихъ дарованій: «созерцатель» и кабинетный ученый съ необыкновенною легкостью и свободою превратился въ активнаго «дѣятеля», какъ бы безъ усилія развернувъ выдающіеся административные и военные таланты. Положеніе Галліи было смутное и трудное. Разстроенная только что подавленнымъ возстаніемъ Сильвана, страна была терзаема набѣгами германцевъ. Собравъ всѣ наличныя военныя силы, Ю. пошелъ противъ варваровъ, оттѣснилъ ихъ многочисленные отряды за предѣлы области, освободилъ отъ нихъ нын. Триръ и Кельнъ и, двигаясь дальше на югъ, соединился съ арміею Констанція, который дѣйствовалъ въ Реціи (356 г.). Успѣхъ похода укрѣпилъ авторитетъ Ю. и поднялъ духъ войска, сильно привязавшагося къ искусному, храброму и гуманному вождю. Зимою слѣдующаго года ему пришлось съ небольшими силами отражать аламанновъ, большою толпою обрушившихся на нын. Сансъ. Варвары были разгромлены, и Ю. заслужилъ благодарность императора, за что почувствовалъ себя обязаннымъ произнести панегирикъ Констанцію и Евсевіи. Аламанны подготовились къ новому массовому движенію въ Галлію. Ополченіе въ 35000 человѣкъ перешло Рейнъ подъ предводительствомъ конунга Хнодомара; Ю. съ гораздо менѣе значительною арміею нанесъ ему жестокое пораженіе подъ нын. Страсбургомъ, въ 357 г. Эта блестящая побѣда обезпечила на нѣкоторое время границу отъ набѣговъ аламанновъ, самое единство которыхъ было разбито плѣненіемъ Хнодомара. Затѣмъ Ю. спустился по Рейну, возстановляя разрушенные римскіе города и крѣпости. Онъ прогналъ франковъ-саліевъ въ Токсандрію, хамавовъ отбросилъ за Рейнъ (358 г.). — Ю. умѣлъ не только искусно и храбро воевать, но и обезпечивать войску продовольствіе, одежду, оружіе. Вообще оборона Галліи Юліаномъ является славнымъ эпизодомъ военной доблести и правительственной энергіи въ эпоху разложенія имперіи. Въ то же время Ю. работалъ надъ улучшеніемъ гражданскаго и финансоваго управленія ввѣренной ему области. Онъ заботился о водвореніи правосудія, противъ жестокаго фискализма боролся уменьшеніемъ налоговъ: земельную подать, доходившую въ Галліи до огромной цифры 25 золотыхъ солидовъ съ сохи (caput), онъ понизилъ до 7 солидовъ. Такою политикою Ю. пріобрѣлъ любовь населенія, какъ раньше — преданность арміи. По ночамъ Ю. запирался въ библіотекѣ, много читалъ и писалъ, особенно по зимамъ, которыя обычно проводилъ въ нын. Парижѣ («въ своей милой Лютеціи»), живя во дворцѣ, построенномъ Констанціемъ Хлоромъ, а Ю. расширенномъ и украшенномъ (великолѣпная развалина отъ него сохраняется въ самой срединѣ нын. Парижа—château de Cluny). Личное положеніе Ю., однако, не было прочно; чѣмъ рѣшительнѣе были его успѣхи, тѣмъ грознѣе поднималась опасность. Въ Галліи Ю. жилъ окруженный врагами. Онъ могъ довѣрять только рабу своему Евгемеру, другу и врачу Орибазію и помощнику своему Саллюстію. Весь остальной персоналъ, съ префектомъ преторія Флорентіемъ во главѣ, состоялъ изъ агентовъ Констанція, посылавшихъ императору лживые доносы. Напуганный клеветою противъ вполнѣ лояльнаго Ю. и желая лишить его защиты преданнаго войска, Констанцій потребовалъ, чтобъ тотъ отпустилъ на Востокъ, противъ персовъ, лучшіе, имъ самимъ собранные и обученные легіоны. Это грозило опасностью не только военачальнику, но и странѣ. Однако, Ю. не противился и объявилъ войскамъ предписаніе императора. Раздраженные и встревоженные, гальскіе легіоны возмутились, провозгласили Ю. «августомъ», поклялись ему въ вѣрности и требовали, чтобы онъ оставилъ ихъ около себя. Ю. колебался, но скоро увидѣлъ, что противиться поднявшемуся движенію, значило погубить себя. Онъ рѣшился принять предложенную легіонами власть, но попытался достигнуть мирнаго соглашенія съ Констанціемъ: онъ отправилъ ему докладъ о совершившемся, просилъ утвердить его соправителемъ и обѣщалъ вѣрность (360 г.). Констанцій, послѣ нѣкоторыхъ колебаній, потребовалъ полной покорности; тогда Ю., собравъ всѣ силы, какими могъ располагать, двинулся черезъ Рейнъ и пошелъ внизъ по Дунаю и черезъ Балканы къ Константинополю. Императоръ изъ Азіи, гдѣ онъ воевалъ съ персами, поторопился туда же, но въ пути заболѣлъ и неожиданно умеръ (7 ноября 361 г.) Это избавило Ю. отъ необходимости дальнѣйшаго междоусобія. Всѣ признали его единодержавнымъ государемъ.

и онъ почтилъ предшественника царскимъ погребеніемъ въ столичной церкви св. Апостоловъ.—Желая очистить дворъ отъ недостойныхъ людей, которыми онъ наполнился при Констанціи, Ю. не удержался отъ преслѣдованія тѣхъ, расправа съ которыми могла быть сочтена за актъ мести; этимъ онъ какъ бы далъ поводъ врагамъ запятнать заслуженную имъ, въ общемъ, репутацію гуманнаго человѣка и справедливаго государя. Передъ Ю. открывалось теперь широкое поприще. Его сопоставляли съ Маркомъ Авреліемъ, и самъ онъ, кажется, мечталъ сравняться съ этимъ «идеальнымъ правителемъ-философомъ». Но натуры у нихъ были разныя. Какъ мыслитель, Маркъ Аврелій обладалъ болѣе глубокимъ, сильнымъ умомъ и болѣе гармоническимъ міровоззрѣніемъ, чѣмъ Ю.; за то послѣдній одаренъ былъ, можетъ быть, болѣе крупными правительственными талантами и большею склонностью активно воздѣйствовать на міръ своею властью. Оба воодушевлялись высокими нравственными идеалами, но душа М. Аврелія не смущалась ни привязанностью къ трону и жизни, ни вообще эгоистическими побужденіями; бурный же идеализмъ Ю. затемнялся жаждою славы, сбивался съ дороги вспыльчивымъ самолюбіемъ, иногда прямо суетностью и тщеславіемъ. Онъ выступалъ съ вѣрою въ свой геній и во всемогущество идеи; онъ былъ убѣжденъ, что его идея способна переродить міръ, особенно когда одушевленный ею философъ, рѣшившійся стать «благодѣтелемъ человѣчества», держитъ въ рукахъ «всесильную» власть. — Весьма вѣроятно, что въ умѣ Ю. рождались широкіе планы переустройства имперіи и смягченія выработавшихся формъ отношенія государства къ обществу. Нѣкоторыя отдѣльныя мѣры въ смыслѣ улучшенія администраціи, расширенія самодѣятельности муниципальныхъ міровъ и упорядоченія тягостей населенія были имъ приняты, но серьезныхъ результатовъ императоръ достигнуть не могъ, такъ какъ весь былъ поглощенъ задачею, въ которой видѣлъ высшій смыслъ своего царствованія—реставраціею паганизма и реформированіемъ его для подавленія христіанства. Ему едва оставалось время для организаціи войны съ восточными врагами, персами, которыхъ онъ хотѣлъ обуздать, какъ и западныхъ—германцевъ. Первое дѣло привело его къ неудачѣ, можетъ быть, къ началу разочарованія; выполняя второе, онъ обрѣлъ преждевременную смерть.

3) *Религіозно-философскія воззрѣнія Ю.*—Ю. открыто исповѣдалъ свою вѣру въ старыхъ боговъ только на пути изъ Галліи въ Константинополь, когда ему можно было уже не бояться репрессіи. Убѣжденный въ первенствующемъ значеніи религіи въ развитіи культуры и благосостоянія, онъ поставилъ борьбу за религіозную истину высшимъ своимъ правительственнымъ долгомъ. Чтобы судить о дѣятельности Ю., необходимо знать его религіозно-философскіе взгляды. Доктриною, объединявшею тогда міросозерцаніе въ эллинистическихъ кругахъ, являлся *новоплатонизмъ* (см. XXI, 286). Первоначальный періодъ развитія этой доктрины (III-й вѣкъ по Р. Хр.) занятъ былъ теоретическою разработкою основныхъ философскихъ принциповъ, преимущественно трудами Плотина; затѣмъ (въ IV вѣкѣ) въ главныхъ адептахъ ученія происходитъ перенесеніе интереса на изслѣдованіе вопросовъ этики и особенно религіи; вожди ученія (Порфирій и Ямвлихъ) сосредоточиваются на рѣшеніи задачи о перерожденіи античнаго политеизма новымъ духомъ спиритуалистическаго единобожія и нравственности, близкимъ, по настроенію, съ христіанствомъ, но сохранявшимъ тѣсную связь съ древне-языческими таинственными культами (мистицизмъ и теургія).—Ю. страстно примкнулъ къ этому направленію. Онъ не былъ самостоятельнымъ мыслителемъ, но въ его умѣ своеобразно сочетались, тяготѣя къ высоко поднятой религіозной проблемѣ, не имъ открытыя идеи. Онъ посвятилъ свои силы возвращенію человѣчества къ вѣрѣ въ старыхъ боговъ, но понималъ при этомъ необходимость создать *новую* религію изъ обломковъ старыхъ вѣрованій, одухотворенныхъ философіею Платона и мистицизмомъ его позднихъ послѣдователей, формулировать для нея догматы, установить культъ, вдохнуть нравственное одушевленіе. —Сущность религіозныхъ воззрѣній Ю. лучше всего обнаруживается изъ длинной рѣчи его къ «царю-солнцу». Истинный богъ Ю.—это солнце. Оно—душа всей природы и принципъ всякой жизни; оно руководитъ превосходною гармоніею міра; небо заселено божественными существами, имъ порожденными. Это солнце нельзя, однако, отожествлять съ матеріальнымъ свѣтиломъ, восходъ и закатъ котораго мы наблюдаемъ ежедневно: послѣднее является лишь видимымъ отраженіемъ невидимаго источника свѣта, озаряющаго лики высшихъ духовныхъ божествъ. Рядъ міровъ наслаивается іерархически въ пространствѣ между земною сферою и тою, гдѣ обитаетъ абсолютное совершенство. Видимый міръ — копія съ невидимаго, высшаго; изслѣдуя его можно, путемъ отвлеченія и идеализаціи подняться, до познанія первообраза. Въ высшемъ мірѣ, какъ и въ нашемъ, низшемъ, царитъ особый централизующій принципъ, который мы можемъ назвать «идеею», «единымъ» или «благомъ». Какъ солнце окружено войскомъ свѣтилъ и хоромъ планетъ, такъ и высшее начало объединяетъ доступные познанію принципы, въ которые оно вдыхаетъ бытіе, красоту, законченность, цѣлостность, облекая ихъ сіяніемъ своего благодѣтельнаго могущества. «Ощущаемымъ» богамъ здѣшней вселенной соотвѣтствуютъ «познаваемые» боги потустороннягo міра. Послѣдній есть область абсолюта, сѣдалище первоначалъ и первопричинъ. Наша вселенная происходитъ отъ нихъ и воспроизводитъ соотношенія между ними. Но связь между міромъ чувствъ и міромъ идей—не непосредственная. Разстояніе между абсолютнымъ единствомъ и единствомъ раздѣленнымъ, между имматеріальностью и матеріею, между неподвижнымъ и постоянно измѣняющимся, самымъ высокимъ и самымъ низкимъ—слишкомъ громадно, чтобы одно могло быть прямымъ порожденіемъ другого: необходимо посредствующее звено для ихъ объединенія. Ю. въ

лишь бы ему предоставили свободу заниматься философіей. Тѣмъ не менѣе ему пришлось бы сложить голову, если бы не вступилась за него супруга императора, просвѣщенная и кроткая красавица — Евсевія, проникшаяся къ интересному юношѣ романтическою дружбою. Констанцій разрѣшилъ Ю. жить въ Аѳинахъ, безъ права выѣзжать оттуда (355 г.). Ю. пробылъ тамъ лишь нѣсколько мѣсяцевъ и пріобрѣлъ, какъ кажется, мало новыхъ цѣнныхъ знаній, но въ процессѣ его душевнаго развитія этотъ моментъ сыгралъ немаловажную роль: онъ утвердился окончательно въ своемъ культѣ эллинизма, прикоснувшись къ почвѣ, на которой этотъ культъ родился. Его влеченія къ старой религіи санкціонированы были здѣсь пріобщеніемъ къ елевсинскимъ таинствамъ, которыя особенно удовлетворяли его склонности къ мистическому символизму. Передъ нимъ предстала задача, ставшая для него цѣлью жизни и вызвавшая въ немъ желаніе получить въ руки верховную власть.

2) *Управленіе Галліей. Захватъ императорскаго престола.* Постоянныя внутреннія смуты и набѣги варваровъ въ Галліи побудили Констанція поставить во главѣ управленія областью члена своего дома, для поднятія авторитета власти. Подъ давленіемъ императрицы онъ рѣшилъ возвести Ю. въ санъ Цезаря и поручить ему высшее управленіе далекимъ Западомъ имперіи. Отказаться было рисковано, и Ю. пришлось кореннымъ образомъ измѣнить складъ жизни. Въ подтвержденіе своей милости императоръ далъ Ю. въ жены свою сестру Елену, которая, впрочемъ, скоро умерла. Ю. быстро обнаружилъ богатство и разносторонность своихъ дарованій: «созерцатель» и кабинетный ученый съ необыкновенною легкостью и свободою превратился въ активнаго «дѣятеля», какъ бы безъ усилія развернувъ выдающіеся административные и военные таланты. Положеніе Галліи было смутное и трудное. Разстроенная только что подавленнымъ возстаніемъ Сильвана, страна была терзаема набѣгами германцевъ. Собравъ всѣ наличныя военныя силы, Ю. пошелъ противъ варваровъ, оттѣснилъ ихъ многочисленные отряды за предѣлы области, освободилъ отъ нихъ нын. Триръ и Кельнъ и, двигаясь дальше на югъ, соединился съ арміею Констанція, который дѣйствовалъ въ Реціи (356 г.). Успѣхъ похода укрѣпилъ авторитетъ Ю. и поднялъ духъ войска, сильно привязавшагося къ искусному, храброму и гуманному вождю. Зимою слѣдующаго года ему пришлось съ небольшими силами отражать аламанновъ, большою толпою обрушившихся на нын. Сансъ. Варвары были разгромлены, и Ю. заслужилъ благодарность императора, за что почувствовалъ себя обязаннымъ произнести панегирикъ Констанцію и Евсевіи. Аламанны подготовились къ новому массовому движенію въ Галлію. Ополченіе въ 35000 человѣкъ перешло Рейнъ подъ предводительствомъ конунга Хнодомара; Ю. съ гораздо менѣе значительною арміею нанесъ ему жестокое пораженіе подъ нын. Страсбургомъ, въ 357 г. Эта блестящая побѣда обезпечила на нѣкоторое время границу отъ набѣговъ аламанновъ, самое единство которыхъ было разбито плѣненіемъ Хнодомара. Затѣмъ Ю. спустился по Рейну, возстановляя разрушенные римскіе города и крѣпости. Онъ прогналъ франковъ-саліевъ въ Токсандрію, хамавовъ отбросилъ за Рейнъ (358 г.). — Ю. умѣлъ не только искусно и храбро воевать, но и обезпечивать войску продовольствіе, одежду, оружіе. Вообще оборона Галліи Юліаномъ является славнымъ эпизодомъ военной доблести и правительственной энергіи въ эпоху разложенія имперіи. Въ то же время Ю. работалъ надъ улучшеніемъ гражданскаго и финансоваго управленія ввѣренной ему области. Онъ заботился о водвореніи правосудія, противъ жестокаго фискализма боролся уменьшеніемъ налоговъ: земельную подать, доходившую въ Галліи до огромной цифры 25 золотыхъ солидовъ съ сохи (caput), онъ понизилъ до 7 солидовъ. Такою политикою Ю. пріобрѣлъ любовь населенія, какъ раньше — преданность арміи. По ночамъ Ю. запирался въ библіотекѣ, много читалъ и писалъ, особенно по зимамъ, которыя обычно проводилъ въ нын. Парижѣ («въ своей милой Лютеціи»), живя во дворцѣ, построенномъ Констанціемъ Хлоромъ, а Ю. расширенномъ и украшенномъ (великолѣпная развалина отъ него сохраняется въ самой срединѣ нын. Парижа—château de Cluny). Личное положеніе Ю., однако, не было прочно; чѣмъ рѣшительнѣе были его успѣхи, тѣмъ грознѣе поднималась опасность. Въ Галліи Ю. жилъ окруженный врагами. Онъ могъ довѣрять только рабу своему Евгемеру, другу и врачу Орибазію и помощнику своему Саллюстію. Весь остальной персоналъ, съ префектомъ преторія Флорентіемъ во главѣ, состоялъ изъ агентовъ Констанція, посылавшихъ императору лживые доносы. Напуганный клеветою противъ вполнѣ лояльнаго Ю. и желая лишить его защиты преданнаго войска, Констанцій потребовалъ, чтобъ тотъ отпустилъ на Востокъ, противъ персовъ, лучшіе, имъ самимъ собранные и обученные легіоны. Это грозило опасностью не только военачальнику, но и странѣ. Однако, Ю. не противился и объявилъ войскамъ предписаніе императора. Раздраженные и встревоженные, гальскіе легіоны возмутились, провозгласили Ю. «августомъ», поклялись ему въ вѣрности и требовали, чтобы онъ оставилъ ихъ около себя. Ю. колебался, но скоро увидѣлъ, что противиться поднявшемуся движенію, значило погубить себя. Онъ рѣшился принять предложенную легіонами власть, но попытался достигнуть мирнаго соглашенія съ Констанціемъ: онъ отправилъ ему докладъ о совершившемся, просилъ утвердить его соправителемъ и обѣщалъ вѣрность (360 г.). Констанцій, послѣ нѣкоторыхъ колебаній, потребовалъ полной покорности; тогда Ю., собравъ всѣ силы, какими могъ располагать, двинулся черезъ Рейнъ и пошелъ внизъ по Дунаю и черезъ Балканы къ Константинополю. Императоръ изъ Азіи, гдѣ онъ воевалъ съ персами, поторопился туда же, но въ пути заболѣлъ и неожиданно умеръ (7 ноября 361 г.) Это избавило Ю. отъ необходимости дальнѣйшаго междоусобія. Всѣ признали его единодержавнымъ государемъ,

время облагороженной новымъ искусствомъ, возвышающимъ чувство до вполнѣ идеальнаго, чистаго настроенія. Новое ученіе должно было безконечно совершенствоваться «теологіею», предметомъ занятій заново организованнаго жречества-«духовенства», имѣющаго превратиться во «всеобщую церковь». Высшимъ руководителемъ, главою религіи ставилъ себя самъ императоръ, впервые осуществлявшій въ себѣ «великаго понтифика» не національной, а міровой религіи. Его письма о религіозныхъ вопросахъ близко походятъ на архипастырскія «энциклики». Наконецъ, всѣ отдѣльные элементы религіи—догматы, богословіе, культъ, церковная организація—находили въ концепціи Ю. могучій цементъ въ возвышенной морали, основанной на противоположеніи между матеріею и духомъ, на служеніи послѣднему, на строгомъ требованіи личнаго совершенствованія и любви къ ближнему. Въ общемъ выводѣ можно сказать, что въ религіозныхъ стремленіяхъ и духовномъ строѣ Ю. было много такого, что должно было сближать его съ христіанствомъ; на дѣлѣ же онъ сталъ его заклятымъ врагомъ.

4) *Борьба Ю. съ христіанствомъ.* — Ю. написалъ трактатъ «Противъ христіанъ», подражая болѣе раннимъ попыткамъ въ такомъ же родѣ Цельза и Порфирія. Всѣ три сочиненія не дошли до насъ; но можно отчасти воспроизвести аргументацію Цельза по возраженіямъ Оригена, Ю.—по отвѣту Кирилла Александрійскаго. Императоръ старается въ своей книгѣ выяснить раціональныя основанія неудовлетворительности христіанства. Прежде всего онъ отказываетъ «галилейству» (такъ всегда называетъ Ю. религію Христа) въ самостоятельности: это, по его мнѣнію, сколокъ съ еврейства, а между тѣмъ идея божества и понятіе о происхожденіи вселенной и о міроправленіи въ эллинизмѣ безконечно выше и разумнѣе, чѣмъ въ іудаизмѣ. Узко-националистическій Іегова не можетъ стать богомъ всего человѣчества; эволюція же эллинизма привела къ построенію міровой истины. Далѣе Ю. доказываетъ, что христіане не только отстали отъ высокихъ ученій, созданныхъ эллинизмомъ: они оказались неспособными понять все то возвышенное, что, какъ онъ признаетъ, заключается въ еврействѣ и восприняли отъ евреевъ одно ихъ чванство, какъ отъ грековъ—одно легкомысліе. Они уклонились и отъ тѣхъ истинъ, которыя проповѣдывались ихъ же учителями—Іисусомъ и Павломъ. Ю. указываетъ на жестокія внутреннія расприи между христіанами и утверждаетъ, что ереси — плодъ необъяснимыхъ противорѣчій, скрывающихся въ священныхъ книгахъ христіанства. Самое ученіе о Богѣ, догматъ о Троицѣ, есть смѣшеніе греческаго политеизма и іудейскаго монотеизма, лишенное всякой силы и истины. Христіанскій культъ (напр. поклоненіе могиламъ мучениковъ) полонъ безумія; громадность заблужденій познается въ безнравственности и жестокости, въ которыхъ живутъ галилеяне. Необходимо спасти человѣчество отъ великой бѣды, къ которой ведетъ его христіанство. Полемика Ю. характерна для опредѣленія силы и слабости его взглядовъ. Въ ней можно, правда, найти предчувствіе пріемовъ новѣйшей критики и раціоналистическаго анализа религіи; но съ другой стороны Ю. поражаетъ ребячествомъ своихъ разсужденій, проявляетъ на каждомъ шагу легковѣріе и суевѣріе, обнаруживая, насколько нестройно соединялись въ немъ философскія влеченія съ совершенно чуждою научной строгости мыслью, проникнутою пристрастіемъ, наивностью и скачками. Во всякомъ случаѣ для него самого выводъ былъ ясенъ: надо бороться съ христіанствомъ, чтобы разрушить его. Какую же систему борьбы онъ построилъ? Христіанскіе писатели—его современники и новѣйшіе ортодоксальные богословы — называютъ его гонителемъ, какъ и прежнихъ преслѣдователей вѣры Христа, отъ Нерона до Діоклетіана. Такая оцѣнка несправедлива. Въ основу своей религіозной политики Ю. положилъ «идею терпимости»; орудіемъ борьбы, которое онъ искренно предпочиталъ всѣмъ остальнымъ, была открытая, свободная пропаганда. Онъ высказалъ много прекрасныхъ мыслей о необходимости свободы совѣсти. «Надобно убѣждать и поучать людей», читаемъ мы въ одномъ изъ его послѣднихъ посланій, «обращаясь къ ихъ разуму, а не къ ударамъ, оскорбленіямъ и казнямъ. Я поэтому опять и всегда приглашаю тѣхъ, кто ревностно преданъ истинной вѣрѣ, не причинять никакого вреда сектѣ галилеянъ, не допускать по отношенію къ нимъ никакихъ насилій. Надо питать больше жалости, чѣмъ ненависти къ людямъ, достаточно уже несчастнымъ благодаря ихъ заблужденію». Онъ приказалъ не только открыть языческіе храмы и возстановить запрещенные культы, но и возвратить изъ изгнанія и возстановить на мѣстахъ низложенныхъ аріаниномъ Констанціемъ православныхъ епископовъ. Распространять религіозныя истины онъ хотѣлъ прежде всего черезъ посредство литературы: онъ и самъ много писалъ, и поощрялъ къ тому своихъ лучшихъ сотрудниковъ. Онъ устраивалъ диспуты о вопросахъ вѣры у себя во дворцѣ, и на этихъ собраніяхъ христіанскіе пастыри различныхъ толковъ обнаружили много слѣпого фанатизма и взаимной ненависти. На несогласія, разъѣдавшія христіанское общество, сильно расчитывалъ Ю. въ своихъ планахъ борьбы. Онъ, впрочемъ, понималъ, что одной идейной работы отдѣльныхъ мыслителей недостаточно для успѣха предпринятаго труднаго дѣла. Богословскіе трактаты вліяютъ на образованное общество, но не доходятъ до массъ; чтобы просвѣтить послѣднія, нужно систематическое воздѣйствіе иного рода. Въ качествѣ проводника своей реформы Ю. стремился опереться на создававшуюся имъ жреческую организацію, которая могла бы быть противопоставлена христіанской церкви. Еще Константинъ понималъ громадное значеніе церкви, какъ дисциплинирующей силы; Ю. пытался устроить на однородныхъ началахъ «духовенство» обновленнаго имъ паганизма. Ему, какъ верховному главѣ религіи, іерархически подчинялись главные руководители служенія богамъ—«архіе-

рен»: имъ вмѣнялось наблюдать за тѣмъ, какъ исполняли свои обязанности простые жрецы и сакральныя коллегіи провинцій. Весь служащій богамъ персоналъ призванъ былъ къ ревностному выполненію возстановленныхъ обрядовъ и вновь учрежденныхъ церемоній. Языческій культъ долженъ былъ украшаться благолѣпіемъ и роскошью, дѣйствовать на душу красотою празднествъ, обиліемъ жертвъ, пышностью процессій, захватывать мистическое чувство таинственностью дивинацій. Самъ Ю. добросовѣстно до мелочности выполнялъ всѣ обряды: носилъ дрова на алтари, собственноручно закалывалъ посвященныхъ животныхъ. Дѣйствія эти возбуждали негодованіе христіанъ, прозвавшихъ императора «быкосожигателемъ», но также и насмѣшки язычниковъ, говорившихъ, что придется скоро людамъ отказаться отъ мясной пищи, такъ какъ весь скотъ будетъ потребленъ богами. Жрецы не должны были ограничиваться совершеніемъ богослуженія: на нихъ возлагалась забота о назиданіи душъ путемъ проповѣди. Въ храмахъ ставились каѳедры, съ которыхъ они объясняли догматическое и этическое значеніе миѳовъ, толковали символическій смыслъ священнодѣйствій; народъ долженъ былъ познавать этимъ путемъ истинную вѣру, вводиться даже въ неоплатоническую мудрость. Жрецы приглашались служить паствѣ образцами нравственности и безупречнаго поведенія. Жизнь ихъ была подчинена строгому уставу: имъ запрещалось посѣщеніе тавернъ и соблазнительныхъ зрѣлищъ; они должны были воздерживаться отъ грубыхъ, низкихъ занятій; за распущенность на нихъ налагались епитеміи и отлученія. Для вѣрующихъ, желавшихъ спасать свою душу путемъ отшельничества и аскетическаго подвига, по приказанію Ю. учреждались монастыри, мужскіе и женскіе. Наконецъ, чувствуя, какое большое вліяніе оказываетъ на массу христіанское духовенство широкою организаціею благотворительности, Ю. пытался вырвать у церкви монополію помощи слабымъ и предписывалъ чинамъ государственнаго жречества устраивать больницы, страннопріимные дома, богадѣльни, раздавать хлѣбъ и милостыню бѣднякамъ, защищать несправедливо преслѣдуемыхъ. Итакъ, Ю. выдвигалъ противъ христіанства не оружіе и терроръ, а духовную силу возрождаемаго паганизма, который онъ—можетъ быть безсознательно—христіанизовалъ, тѣмъ самымъ невольно обнаруживая слабость язычества и силу противника. Во всякомъ случаѣ преслѣдованія и насилій противъ христіанъ Ю. не воздвигалъ, довольствуясь словесными нападеніями и ѣдкою ироніею. Было издано только два эдикта, стѣснявшіе права церкви. Первый требовалъ отъ христіанск. духовенства возвращенія языческимъ храмамъ отобранныхъ у нихъ и пожалованныхъ христіанскимъ церквамъ земель и отнималъ у клира предоставленныя ему исключительныя экономическія и политическія привилегіи. Второй запрещалъ христіанскимъ священникамъ преподавать въ свѣтскихъ (муниципальныхъ) школахъ. Первое постановленіе объяснялось намѣреніемъ Ю. возстановить нарушенную, по его мнѣнію, справедливость; второе представлялось ему естественнымъ—«нельзя допустить, чтобы люди, позорящіе боговъ, читали и объясняли юношеству Гомера, Гезіода, Демосѳена, Ѳукидида, Геродота, ихъ ревностныхъ почитателей. Христіане не должны учить свободнымъ наукамъ, ни какъ грамматики, ни какъ риторы, ни какъ софисты. Пусть въ своихъ галилейскихъ церквахъ толкуютъ они Матѳея и Луку». Такимъ образомъ христіанамъ не воспрещалась школьная пропаганда ихъ ученія, но они отстранялись отъ классическихъ школъ; Ю. надѣялся, отдѣливъ ихъ отъ науки, привести церковь къ варваризаціи и тѣмъ уменьшить ея силу. Все это нельзя назвать гоненіемъ. Казней, заточеній и изгнаній по отношенію къ христіанамъ при Ю. не практиковалось; императоръ лишилъ только ихъ вѣру государственнаго покровительства. Могутъ быть указаны отдѣльные случаи, когда Ю. проявлялъ къ христіанамъ враждебное пристрастіе (напрм. возбужденіе жителей Бостры противъ ихъ епископа) или когда онъ выше мѣры оказывался снисходительнымъ при подавленіи насилій язычниковъ противъ христіанскихъ пастырей (напр., амнистія жителей Александріи послѣ убійства епископа Григорія); но такіе случаи составляли рѣдкое исключеніе. Что за христіанствомъ сохранена была свобода культа, проповѣди и самозащиты—это видно, помимо всѣхъ другихъ данныхъ, изъ тѣхъ открытыхъ, рѣзкихъ нападокъ, съ которыми главари церкви обрушились на Ю. Пылкая ревность овладѣла ими передъ новою опасностью; они осыпали императора гнѣвными инвективами, называли его врагомъ человѣческаго рода, чудовищемъ, Навуходоносоромъ, Иродомъ, кровожаднымъ пугаломъ, преслѣдующимъ народъ Божій болѣе свирѣпо, чѣмъ Діоклетіанъ. Когда имъ приходилось признавать, въ минуты успокоенія, что это неправда, они объясняли мягкость Ю. лицемѣріемъ, бѣсовскою хитростью: развѣ могутъ гидра, химера, Церберъ, Сцилла быть человѣколюбивыми? Съ глубокимъ коварствомъ—говорили они—Ю. принимаетъ скромный видъ и подражаетъ вкрадчивымъ извивамъ діавольскаго змѣя райскаго, чтобы обмануть простыя души; но этотъ великоумный глупецъ, эта обезьяна, подражающая христіанскимъ учрежденіямъ, этотъ скоморохъ и архилжецъ не побѣдитъ народа Божія. Враги затрогивали клеветою чистый нравственный образъ Ю. и мягкость его души. Разсказывали, будто Ю. предается грязнымъ ночнымъ оргіямъ съ безпутными жрицами Кибелы, что блудницы являются главными участницами въ его празднествахъ, что онъ чуть ли не допускаетъ человѣческія жертвы. Всѣ эти слухи росли среди невѣжественной толпы, которая всему вѣритъ, но пускались они въ обращеніе крупными дѣятелями церкви. Когда Ю. прибылъ въ Антіохію, городъ почти вполнѣ христіанизировавшійся, но славившійся порочностью нравовъ, жители встрѣтили его проповѣдь очищенія сатирическими пѣснями. Лица христіанскаго исповѣданія, которыхъ судили за оскорбленіе величества или языческихъ святынь, чествовались какъ мученики. Въ

христіанскихъ церквахъ публично молились о гибели «апостата». Одинъ слѣпой старецъ-епископъ въ лицо сказалъ императору: «Благодарю Господа, что онъ закрылъ глаза мои мракомъ—я могу теперь не видѣть тебя, безбожника!» Ю. не отвѣчалъ на рѣзкія нападки и увѣщевалъ своихъ сторонниковъ вооружиться терпѣніемъ, въ ожиданіи близкаго торжества. Но признаковъ послѣдняго не появлялось. Сами язычники равнодушно встрѣчали его реформы и не отзывались на его рвеніе. Образованные люди втайнѣ посмѣивались надъ приверженностью Ю. къ обряду, даже суевѣрію, чуждались его пылкаго, но педантическаго благочестія. Масса вяло откликалась на его страстный призывъ, давно потерявъ вѣру въ старыхъ боговъ, не понимая новшествъ императора или все дальше входя въ рамки христіанства. Возстановленные храмы боговъ оставались пустыми. Одряхлѣвшее язычество не въ силахъ было отвѣтить на громкій призывъ молодого государя. Христіанство же, съ церковной властью во главѣ, пользовавшейся громаднымъ авторитетомъ, держалось крѣпко; церковь вѣрила въ свое будущее и какъ будто больше сплотилась передъ грозою. Знаменитый борецъ за православіе, Аѳанасій Александрійскій, котораго только одного Ю. отправилъ въ изгнаніе за оппозицію, рѣзкость которой преступала всѣ законы государства, утѣшалъ паству твердыми словами: «Не страшитесь, друзья! Это—маленькое облачко, оно скоро пройдетъ; посторонимся немного».

5) *Смерть Ю. Неудача его дѣла.* Трудно сказать, какъ разразилась бы дальнѣйшая борьба между обѣими религіями, если бы царствованіе Ю. оказалось продолжительнымъ. Настроеніе императора становилось тревожнѣе. Возмущеніе противъ неуступавшаго противника, раздраженіе по поводу слабой поддержки, какую онъ находилъ въ языческомъ обществѣ и народѣ, могли нарушить въ немъ равновѣсіе; онъ могъ выйти изъ себя, вынуть мечъ, пользуясь своею ничѣмъ неограниченною властью, и тогда загорѣлось бы опять страшное религіозное междоусобіе, которое оставило бы въ книгѣ человѣческой исторіи лишнюю трагическую страницу. Судьба избавила христіанство отъ этого новаго испытанія и сдѣлала трагедіею только жизнь Ю., который, впрочемъ, врядъ ли сознавалъ до конца безнадежность своего дѣла. Ю. ум. въ 363 г., послѣ двухлѣтняго царствованія, отъ раны, нанесенной ему вражеской стрѣлою на Тигрѣ, во время похода противъ ново-персидскаго государства. Ю. скончался черезъ нѣсколько дней послѣ этого несчастнаго случая, въ полномъ сознаніи, какъ философъ и вѣрующій человѣкъ, окруженный немногими вѣрными друзьями. Амміанъ Марцеллинъ приводитъ содержаніе его предсмертныхъ словъ: «настало время отдать природѣ, какъ подобаетъ добросовѣстному должнику, то, что она мнѣ дала. Я расплачиваюсь съ нею радостно. Счастье пребываетъ въ душѣ, а не въ тѣлѣ, и не надо огорчаться, когда лучшая часть нашего существа отдѣляется отъ худшей. Смерть—часто величайшая награда добрымъ людямъ отъ небесныхъ боговъ. Я принимаю ее какъ милость, которую они ниспосылаютъ, чтобы я не погибъ среди трудностей жизни. Я не сдѣлалъ ничего такого, въ чемъ долженъ былъ бы раскаяваться. Я смотрѣлъ на власть, какъ на истеченіе божественнаго могущества; я старался сохранить ее незапятнанною, управляя государствомъ съ умѣренностью, воюя лишь по необходимости. Твердо увѣренный, что цѣлью хорошаго управленія должно быть благо народовъ, я стремился къ справедливости. Я изгонялъ изъ своихъ дѣйствій произволъ, который портитъ нравы и царства. Всякій разъ какъ отечество—эта мать, которая должна руководить своими сынами,—повелѣвало мнѣ идти на опасность, я съ бодростью въ сердцѣ шелъ впередъ...» Когда стали раздаваться кругомъ него рыданія, онъ прибавилъ, собравъ послѣднія силы: «Замолчите, не надо жалѣть государя, который отходитъ на небо къ звѣздамъ». Смѣлое предпріятіе Ю. окончилось полною неудачею; его преемникъ возвратилъ христіанству свое покровительство: оно стало государственною религіею, язычество же было окончательно запрещено въ царствованіе Ѳеодосія Вел. Крушеніе дѣла Ю. нельзя объяснять одною его преждевременной гибелью: это была историческая необходимость. Религіозно-преобразовательная попытка Ю. была усиліемъ индивидуальнаго ума и характера, шедшимъ въ разрѣзъ съ сознаніемъ общества и потребностями массъ. Система Ю. въ ея цѣломъ была проникнута слишкомъ сильнымъ субъективизмомъ, чтобы она могла превратиться въ міровую религію. Философская сторона ея выражала идеи опредѣленной группы мыслителей и могла удовлетворить лишь ограниченное число адептовъ, находясь въ противорѣчіи съ другими концепціями міра и разбиваясь о невѣжество большинства. Своеобразный мистицизмъ Ю. могъ быть принятъ лишь кружкомъ одинаково настроенныхъ людей. Догматика его ученія слишкомъ дорожила всѣмъ прошлымъ, крупнымъ, но отжившимъ свой вѣкъ. Она стремилась подлаживаться къ временнымъ, національнымъ и мѣстнымъ вѣрованіямъ, чтобы привлечь къ себѣ всѣхъ, не затрагивая ничьей благочестивой щепетильности. Такое направленіе практической политики звало къ коалиціи противъ христіанства множество трудно согласимыхъ религій; но это именно поражало союзъ язвою уступчиваго эклектическаго синкретизма. Неразрѣшимой оказалась и задача примирить въ новомъ культѣ тонкое чувство просвѣщеннаго философа съ грубою эмоціею темной толпы. За Ю. могла пойти только малочисленная секта новоплатониковъ. Скептики и эпикурейцы цѣнили въ его попыткѣ уваженіе къ эллинистической образованности, которая красила ихъ жизнь, но на его религіозный энтузіазмъ они отвѣчали только улыбкою, а его моралистическая требовательность, проповѣдь святости вызывали въ нихъ скуку и раздраженіе. Въ болѣе глубокихъ и густыхъ толщахъ населенія всѣ усилія его встрѣчали одно любопытство или

недоумѣніе. Между тѣмъ противъ Ю. стоялъ врагъ съ огромными средствами. Христіанство создало вѣру, которая воодушевляла лучшихъ и успокаивала большинство. Оно давало образъ міpoвого бога, всесовершеннаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ доступнаго сознанію всѣхъ, не только просвѣщенныхъ главарей общества, но и простого человѣка изъ народа, бога высокаго и вмѣстѣ близкаго, правосуднаго и милосерднаго. Въ ученіи о Христѣ и его подвигѣ для человѣчества оно открывало ясный путь искупленія отъ грѣха и достиженія вѣчнаго блаженства. Оно привлекало не однихъ «смиренныхъ», но также и гордящихся образованностью, такъ какъ съумѣло взять въ руки античное просвѣщеніе и воспользоваться имъ въ цѣляхъ разработки своей догматики. Наконецъ, оно обладало могущественною церковною организаціею, способною объединить всѣ силы для борьбы съ какимъ угодно врагомъ. Христіанство овладѣвало со всѣхъ сторонъ душами во всѣхъ самыхъ живучихъ инстинктахъ и интимнѣйшихъ потребностяхъ. Юліану нельзя было справиться съ такою силою: христіанству принадлежало будущее. Ю. предпринялъ невозможное дѣло, которое должно было пасть одновременно съ нимъ.

Источники для изученія жизни, ученія и дѣятельности Ю. распадаются на три категоріи: 1) собственныя его сочиненія на греч. языкѣ (рѣчи, письма, трактаты), изд. Hertlein (2 т., Лейпцигъ), франц. перев. Talbot (Парижъ, 1863); 2) языческіе авторы: Либаній, Аммianъ Марцеллинъ, Эвнапій, Зосима и др.; 3) христіанскіе писатели: св. Григорій Назіанзинъ, Іоаннъ Златоустъ, Филосторгій, Сократъ, Созоменъ, Кириллъ Александрійскій и др. Къ этому можно прибавить памятники законодательства, эпиграфики, нумизматики и иконографіи, относящіеся къ его личности и его времени.

Литература о Ю. очень обширна (указывается главное, наиболѣе доступное и безпристрастное). E. Gibbon, «History of the decline and fall of the roman empire» (т. II, гл. 19, 22, 23; т. III, гл. 24; англ. изд. Bury; русск. пер.); Fr. Strauss, «Der Romantiker auf dem Throne der Caesaren» (Мангеймъ, 1847); Neander, «Der Kaiser Julian u. sein Zeitalter» (Лпц., 1813 и позже въ его «Kirchengeschichte»); H. Rendall, «The emperor Julian; Paganism and Christianity» (Кембриджъ, 1879, съ богатыми библ. указаніями); Adrien Naville, «Julien l'apostat et sa philosophie du polythéisme» (Пар., 1877); Rhode, «Gesch. der Reaction Kaiser Julians» (Іена, 1877); Ad. Harnack, статья въ «Realencyclop. der protest. Theol.» Herzog'a (съ литературою); G. Boissier, «La fin du paganisme» (т. I, 1894; есть русск. пер.); ст. A. Réville, «L'empereur Julien» (въ «Revue de l'hist. des religions», т. XIII, XIV, 1886); Mücke, «Flavius Claudius Julianus nach den Quellen» (Гота, 1896); Vollert, «Kaiser Julians religiöse und philosophische Ueberzeugung» (1899); Koch, «Kaiser Julian, seine Jugend und Kriegsthaten» (1900); P. Allard, «Julien l'apostat» (три тома, Пар., 1900—03, съ богатыми литературными указаніями); G. Negri, «L'imperatore Giuliano l'apostata» (Миланъ, 1902; прекрасный очеркъ Ю. и его времени).

Ив. Гревсъ.

Юліанъ (Люцій Октавій Корнелій Сальвій Эмиліанъ) — знаменитый римскій юристъ, родомъ изъ Гадрумета, былъ дѣдомъ матери императора Дидія Юліана. При императорѣ Адріанѣ онъ принадлежалъ къ числу членовъ совѣта императора, занималъ должности претора, консула и городского префекта. Будучи послѣдователемъ сабиніанской школы, всегда близкой ко двору, благодаря своимъ консервативнымъ и чисто сервилистическимъ тенденціямъ, рѣзко проявившимся уже въ основателѣ школы, Капитонѣ (см. XXVI, 786), Ю. при имп. Адріанѣ сыгралъ крупную политическую роль въ качествѣ редактора преторскаго эдикта (XXXIX, 169), нанеся этой редакціей послѣдній ударъ свободному развитію римскаго права. Какъ ученый юристъ, Ю. знаменитъ главнымъ образомъ своими «Дигестами» въ 95 книгахъ, написанными въ концѣ царствованія Адріана и при Антонинѣ, содержащими комментарій Адріанова эдикта, богатый казуистикой и литературными указаніями. Значительное количество извлеченій изъ этого и другихъ трудовъ Ю. (libri ad Urseium и ad Minicium, liber singularis de ambignitatibus) вошло въ Дигесты Юстиніана и извѣстно изъ ссылокъ позднѣйшихъ юристовъ, на которыхъ Ю. имѣлъ огромное вліяніе. Возстановить литературную и научную физіономію Юліана на основаніи этихъ отрывковъ новѣйшему изслѣдователю ихъ, Булю, не удалось. Большинство писателей сходится на томъ, что Юліанъ обладалъ огромными свѣдѣніями въ практической жизни, откуда и заимствовалъ свою богатую казуистику, остроуміемъ и находчивостью въ рѣшеніи спорныхъ вопросовъ права, умѣньемъ подняться отъ частнаго случая къ общимъ началамъ, необыкновенной ясностью языка и силой выраженія мыслей. См. H. Buhl, «Salvius Julianus» (1888); Krüger, «Gesch. der Quellen und Litteratur des R. R.» (§ 22).

В. Н.

Юліанъ (Маркъ Аврелій) — правитель Венеціи въ 284 г. по Р. Хр. При извѣстіи объ убійствѣ имп. Нумеріана рѣшилъ проложить себѣ путь къ престолу, отстранивъ всѣми ненавидимаго Карина. Склонилъ на свою сторону паннонскіе легіоны и одержалъ побѣду надъ войсками, стоявшими за императора, но затѣмъ въ битвѣ противъ Карина (у Вероны) палъ, мужественно сражаясь. Смерть Ю. относятъ къ 285 г. Beauvais («Hist. des Empereurs») полагаетъ, что этотъ Ю. то же самое лицо, что и Юлій Сабинъ, упоминаемый Авреліемъ Викторомъ, и пораженіе котораго нѣкоторые историки относятъ къ 292 г. Отъ Ю. сохранились золотыя, серебряныя и бронзовыя медали, но онѣ весьма рѣдки.

Юліанъ (Julian, Ilan) — вестготскій графъ и губернаторъ Сеуты. Всѣ свѣдѣнія о немъ носятъ легендарный характеръ. Сначала онъ храбро отражалъ нападенія арабовъ въ Африкѣ, но послѣ восшествія на престолъ

испанскій короля Родриго (709) сталъ на сторону лишенныхъ престола сыновей Витизы, на сестрѣ котораго былъ женатъ, и призвалъ арабовъ. Поводомъ къ этому послужило, будто бы, то, что Родриго обезчестилъ его дочь Флоринду. Ю. не только побудилъ Мусу вторгнуться въ Испанію, но даже далъ ему флотъ и открылъ ворота крѣпостей. Онъ послѣдовалъ за Тарикомъ въ Испанію и участвовалъ въ битвѣ при Хересъ де ла Фронтера (711). Послѣ побѣды онъ посовѣтовалъ арабамъ двинуться на Толедо и помогъ имъ овладѣть Кармоной. Конецъ его жизни неизвѣстенъ. По преданію, сообщаемому Маріаной, арабы побили камнями его жену, сбросили его сына съ башни въ Сеутѣ, а самъ онъ кончилъ жизнь въ тюрьмѣ. Ю. обязанъ своей извѣстностью преимущественно романсамъ и легендарнымъ хроникамъ, гдѣ онъ играетъ роль испанскаго Ганелона. Нѣкоторые ученые подвергали сомнѣнію самое его существованіе, но его теперь можно считать доказаннымъ на основаніи арабскихъ источниковъ. Дози, на основаніи словъ лѣтописца Pero Lopez de Ayala, старается доказать, что Юліанъ былъ намѣстникомъ не вестготскаго короля, а византійскаго императора.

Юліанъ Галикарнасскій (умеръ послѣ 518 г.)—церковный дѣятель и писатель. О жизни и личности его до насъ дошли лишь скудныя свѣдѣнія. Какъ епископъ Галикарнаса въ Каріи, онъ принималъ участіе въ интригахъ, приведшихъ въ 511 г. къ паденію константинопольскаго патріарха Македонія. При великомъ антимонофизитскомъ движеніи начала царствованія Юстина I Ю. въ 518 г. лишился епископскаго престола и бѣжалъ въ Александрію, гдѣ нашелъ пріютъ въ одномъ изъ монастырей. Здѣсь онъ встрѣтилъ патріарха Севера, изгнаннаго изъ Антіохіи. Съ послѣднимъ у него произошло разногласіе по вопросу о томъ, было ли тѣло Христа во время пребыванія на землѣ нетлѣнно или тлѣнно, что являлось дальнѣйшей стадіей въ развитіи монофизитства (см.). Северъ выступилъ за вторую альтернативу, Ю.—за первую, и пріобрѣлъ въ Александріи массу сторонниковъ своего взгляда. Здѣсь споръ этотъ привелъ къ расколу, выразившемуся въ избраніи двухъ александрійскихъ патріарховъ, Ѳеодосія и Гайана. Обѣ партіи — ѳеодосіане и гайанисты — горячо боролись другъ съ другомъ и просуществовали до VII в. Послѣ того какъ Іоаннъ Ефесскій сообщилъ защитникамъ Ю. ученіе послѣдняго, они избрали себѣ собственнаго епископа Прокопія и постарались распространить ученіе Ю. въ Арменіи и Аравіи. Позднѣйшая судьба Ю. неизвѣстна. Навѣрное только можно сказать, что онъ не вернулся болѣе въ Галикарнассъ. Ѳеофанъ называетъ его имя еще разъ въ связи съ Константинопольскимъ соборомъ 536 г., гдѣ противъ него была провозглашена анаѳема. Сочиненія Ю. до насъ не дошли. Отъ всей его литературной дѣятельности сохранилось лишь нѣсколько писемъ, частью въ сирійскомъ, частью въ латинскомъ переводѣ. Ср. H. Usener, «Julian v. Halikarnass» (Фрейб., 1897); его же, «Aus Julian v. Halikarnass» въ «Rhein. Mus.» (LV, 1900). *П. Гидуляновъ.*

Юліанъ Экланскій—одинъ изъ главныхъ борцовъ пелагіанства. Родиной Ю. была Апулія, къ знатному роду которой онъ принадлежалъ. Его свадьба съ Тиціей, дочерью Эмилія, епископа беневентскаго (около 403 г.), была воспѣта св. Павлиномъ, епископомъ польскимъ. Получивъ хорошее классическое образованіе, Ю. основательно изучилъ Аристотелеву діалектику, которою онъ часто пользовался въ своихъ сочиненіяхъ. Въ молодости онъ былъ посвященъ въ епископы Экланума, близъ Беневента, и пріобрѣлъ выдающееся значеніе, особенно благодаря своей широкой благотворительности. Какъ онъ перешелъ въ пелагіанство, мы не знаемъ. Съ 17 другими епископами Италіи въ 418 г. Ю. эдиктомъ императора Гонорія и epistola tractatoria римскаго папы Зосимы былъ смѣщенъ съ епископской должности и удаленъ изъ родины. Тогда онъ, ставъ во главѣ своихъ товарищей, началъ ожесточенную борьбу съ блаж. Августиномъ, ученію котораго противопоставилъ собственную доктрину о созданіи Богомъ человѣка, о бракѣ, законѣ, свободѣ воли и крещеніи. Когда его ранѣе написанное посланіе къ Валерію вызвало отвѣтъ Августина, въ сочиненіи: «De nuptiis et concupiscentia», Ю. въ 419 г. написалъ 4 книги своего сочиненія «Ad Turbantium», главною задачею котораго было доказать естественную доброту человѣческой природы, какъ слѣдствіе созданія человѣка Богомъ. Такъ какъ вышеназванное сочиненіе Августина направлено было вмѣстѣ съ тѣмъ противъ брака, то Ю. написалъ главное свое сочиненіе—8 книгъ къ Флору, въ которомъ изложилъ свои мысли по этому вопросу. Старанія Флора и его товарищей при дворѣ императора Ѳеодосія II о реабилитаціи Ю. остались безъ успѣха. Въ Ефесѣ въ 431 году Ю. былъ осужденъ. Геннадій относитъ его смерть ко времени Валентиніана III. Ср. Bruckner, «Julian v. Eklanum, sein Leben und seine Lehre» (Лпц., 1897).

П. Гидуляновъ.

Юліевы законы (Leges Juliae)—такъ называются всѣ римскіе законы, внесенные магистратами, принадлежавшими къ роду Юліевъ (см. Юліи, рим. родъ). Важнѣйшіе изъ этихъ законовъ вотированы по предложенію К. Юлія Цезаря (leges Juliae Caesaris) и императора Августа (leges Juliae Augusti). Есть и болѣе ранній — lex Julia, консула Л. Юлія Цезаря, 90 г. до Р. Хр., дающій право римскаго гражданства всѣмъ безъ исключенія латинамъ и тѣмъ изъ союзниковъ, которые или вовсе не брались за оружіе, или же скоро его сложили (во время союзнической войны.)

Юліи (Julii)—древнеримскій родъ, ведшій свое происхожденіе изъ Альбы Лонги, по разрушеніи которой представители его, по преданію, были переселены въ Римъ, гдѣ вошли въ составъ патриціевъ. Кромѣ Альбы Лонги, родовымъ мѣстопребываніемъ Ю. былъ

г. Бовиллы (въ Лаціи, близъ Рима), гдѣ императоръ Тиберій возстановилъ древнее святилище рода. Эпонимъ рода *Юлъ*, бывшій мѣстнымъ альбанскимъ героемъ, позднѣе, когда распространилось преданіе о происхожденіи римлянъ отъ троянцевъ, былъ отожествленъ съ сыномъ Энея Асканіемъ, и такимъ образомъ за родомъ Ю. укрѣпилась слава божественнаго происхожденія отъ Венеры (Афродиты). Въ республиканскій періодъ римской исторіи Ю. часто занимали высшія должности, особенно въ первомъ и послѣднихъ столѣтіяхъ исторіи города. Въ императорскую эпоху родъ Ю., если не считать фамиліи Цезарей, не имѣлъ прямыхъ представителей; почти всѣ Ю. этой эпохи были или вольноотпущенники, или провинціалы, принимавшіе при переходѣ въ римское гражданство имена знатныхъ римскихъ родовъ. Наиболѣе видными представителями рода были: 1) Гай Ю., консулъ 482 г. до Р. Хр., воевалъ съ эквами и вейентами; 2) Гай Ю. Юлъ, одинъ изъ децемвировъ 451 г. до Р. Хр.; 3) Гай Ю., консулъ 447 и 435 г. до Р. Хр., воевавшій съ этрусками; 4) Люцій Ю., консулъ 430 г. до Р. Хр.; провелъ законъ, по которому судебные штрафы должны были впередъ взиматься не въ головахъ скота, а въ денежныхъ знакахъ; 5) Гай Ю. Ментонъ, консулъ 431 г. до Р. Хр., освятившій храмъ въ честь Аполлона; 6) Гай Ю. Юлъ, военный трибунъ съ консульскою властью въ 408 и 405 гг. до Р. Хр.; принималъ участіе въ осадѣ Вей; 7) Люцій Ю. Юлъ, военный трибунъ съ консульской властью въ 388 г. до Р. Хр.; взялъ этрусскіе города Кортуозу и Контенебру; 8) Секстъ Ю. Цезарь, первый извѣстный въ исторіи Рима представитель фамиліи Цезарей, преторъ 208 г. до Р. Хр.; 9) Люцій Ю. Цезарь, консулъ 90 г. до Р. Хр.; участвовалъ въ войнѣ противъ самнитянъ, былъ разбитъ Маріемъ Эгнаціемъ. Въ 89 г., будучи цензоромъ, онъ распредѣлялъ по трибамъ новыхъ гражданъ, которыхъ дала Риму послѣдняя союзническая война. Имъ были приняты мѣры къ ограниченію роскоши. Въ 87 г., вмѣстѣ съ братомъ (см. слѣд.), онъ былъ убитъ маріанцемъ Фимбріей; 10) Гай Ю. Цезарь Страбонъ неправильно добивался консульства въ 88 г.; когда народные трибуны Публій Сульпицій и Публій Антистій не допустили выборовъ, дѣло дошло до вооруженнаго столкновенія на форумѣ. Въ 87 г. онъ, спасаясь отъ преслѣдованія Марія и Цинны, укрылся у своего знакомаго, этруска Секстилія, который его выдалъ, послѣ чего Ю., вмѣстѣ съ братомъ, былъ умерщвленъ маріанцами. Гай Ю. Цезарь Страбонъ отличался ораторскимъ талантомъ; его рѣчи блистали изяществомъ, остроуміемъ и юморомъ. Онъ писалъ также трагедіи; 11) Люцій Ю. Цезарь, сынъ Ю. № 9, консулъ 64 г., вотировавшій смертную казнь соучастнику заговора Катилины П. Лентулу, который былъ женатъ на его сестрѣ Ю. (матери тріумвира Антонія). Позднѣе онъ состоялъ легатомъ при диктаторѣ Цезарѣ въ Галліи; въ 47 г. занималъ должность городского префекта. Послѣ смерти диктатора онъ разошелся съ Антоніемъ, но не поддержалъ Цицерона въ его предложеніи объявить Антонію войну. По заключеніи второго тріумвирата онъ былъ внесенъ въ списки проскриптовъ, но, благодаря заступничеству сестры, помилованъ; 12) Люцій Ю. Цезарь, сынъ предыдущаго, помпеянецъ; былъ посланъ Помпеемъ въ 49 г. вмѣстѣ съ преторомъ Л. Росціемъ къ Цезарю въ Ариминъ съ мирными предложеніями. Въ 46 г. состоялъ въ Утикѣ проквесторомъ при Катонѣ, по смерти котораго убѣдилъ жителей города открыть ворота Цезарю и самъ вышелъ на встрѣчу побѣдителю, униженно моля о помилованіи. Цезарь простилъ его, но вскорѣ онъ былъ убитъ, повидимому солдатами Цезаря, безъ вѣдома послѣдняго; 13) Гай Ю. Цезарь, преторъ 85 г. до Р. Хр., отецъ диктатора Юлія Цезаря (см.) и двухъ дочерей; младшая изъ нихъ была замужемъ за Маркомъ Аттіемъ Бальбомъ, дочь котораго Аттія была матерью Октавіана Августа; 14) Секстъ Ю. Цезарь, намѣстникъ Сиріи въ 47 г.; былъ убитъ въ слѣдующемъ году помпеянцами; 15) Люцій Ю. Моцилла, сражался въ войскѣ Брута и Кассія; послѣ битвы при Филиппахъ (42 г. до Р. Хр.) нашелъ убѣжище на о-вѣ Самоѳракіи; 16) Ю. Флоръ и Ю. Сакровиръ, два галла, получившіе права римскаго гражданства, подняли въ 21 г. по Р. Хр. возстаніе въ галльскихъ областяхъ, страдавшихъ подъ гнетомъ значительныхъ долговъ. Флоръ, съ отрядомъ своихъ кліентовъ, двинулся изъ своей области (Треверовъ) въ Арденнскій лѣсъ, но былъ окруженъ римскими легіонами и кончилъ жизнь самоубійствомъ. Сакровиръ продолжалъ войну и собралъ въ области эдуевъ до 40000 войска, но былъ разбитъ легатомъ верхней Германіи Гаемъ Силіемъ и, подобно Флору, кончилъ жизнь самоубійствомъ; 17) Ю. Маринъ, одинъ изъ довѣренныхъ императора Тиберія, сопровождавшій его на Родосъ и жившій съ нимъ неразлучно на Капреѣ. Послѣ паденія Сеяна онъ, по приговору Тиберія, кончилъ жизнь самоубійствомъ; 18) Ю. Цельзъ, военный трибунъ; за дружбу съ Сеяномъ былъ обвиненъ въ заговорѣ и, находясь въ темницѣ, удавился цѣпью; 19) Ю. Грецинъ, изъ Галліи, отецъ Агриколы, былъ казненъ въ 38 г. по Р. Хр. при Калигулѣ; 20) Гай Ю. Виндексъ, пропреторъ Галліи — см. Виндексъ, VI, 411; 21) Ю. Сабинъ, лингонъ, въ союзѣ съ треверами Классикомъ и Туторомъ и батавомъ Цивилисомъ задумалъ свергнуть римское иго въ Галліи. Онъ двинулся на секвановъ, которые оставались вѣрными союзниками римлянъ, но былъ разбитъ, сжегъ домъ, въ которомъ нашелъ убѣжище, и девять лѣтъ скрывался съ женою Эпониною въ подземельѣ, пока, наконецъ, не открыли его мѣстопребыванія, послѣ чего онъ былъ доставленъ въ Римъ и казненъ, при Веспасіанѣ; 22) Ю. Бассъ, современникъ Плинія Младшаго. При Домиціанѣ онъ былъ отправленъ въ ссылку, но Нерва вернулъ его и далъ ему въ управленіе Виѳинію. По возвращеніи изъ провинціи онъ былъ привлеченъ къ суду по обвиненію въ вымогательствахъ и лишь благодаря краснорѣчію Плинія дѣло его перешло въ вѣдѣніе граждан-

скаго суда, при чемъ подсудимый не лишился сенаторскаго званія; 23) Ю. Сервіанъ, зять Адріана; 24) Ю. Назонъ, другъ Плинія и Тацита; 25) Ю. Северъ, легатъ при Адріанѣ, воевалъ въ Британніи, затѣмъ въ Палестинѣ; по окончаніи войны съ іудеями, былъ намѣстникомъ Виѳиніи; 26) Ю. Александръ изъ Эмесы (въ Сиріи); по приговору императора Коммода былъ осужденъ на смерть, но кончилъ жизнь самоубійствомъ; 27) Маркъ Ю. Филиппъ, римскій императоръ — см. Филиппъ, XXXV, 768. 28) Ю. Непотъ, императоръ въ 474—475 гг., оттѣсненный патриціемъ Орестомъ въ Далмацію. *Н. О.*

Юліи — римскія императрицы или родственницы императоровъ III в. (во времена Северовъ). Этимъ именемъ объединяются четыре выдающіяся женщины, связанныя между собою происхожденіемъ изъ одной и той же даровитой и предпріимчивой сирійской семьи и проводившія, въ общемъ, однородныя начала религіозной политики. Это были: *Ю. Домна*, жена имп. Септимія Севера, сестра ея *Ю. Мэза* и двѣ дочери послѣдней — *Ю. Соэміада* и *Ю. Мамея*, давшія римскому міру двухъ императоровъ въ лицѣ своихъ сыновей. Славныя талантомъ и энергіею, блиставшія красотою, онѣ въ теченіе 15—20 лѣтъ играли руководящую роль въ обществѣ. Идеаломъ женщины въ концѣ исторіи древняго міра уже перестали служить «семейныя добродѣтели». «Эмансипація» женщины достигла большихъ успѣховъ. Женщины могли свободно располагать имуществомъ и составлять корпораціи пользовались значительною соціальною независимостью, занимались искусствомъ, литературою, даже философіею, увлекались религіозными новшествами. Многія изъ нихъ вырождались подъ дѣйствіемъ распущенныхъ нравовъ; другія выдвигались тонкимъ умомъ, повышенными духовными интересами и недюжинною культурною инициативою. Въ частности названныя «сирійскія Ю.» представляютъ собою оригинальный женскій типъ, переходный отъ язычества къ христіанству, ярко воплощая въ себѣ духъ религіознаго «синкретизма» (см.), присущаго ихъ вѣку. Смѣлыя и твердыя, какъ старыя римлянки, образованныя и умныя, какъ греческія гетеры, граціозныя и обворожительныя, какъ истинныя сиріянки, преданныя мистицизму, какъ дочери Востока, способныя схватывать сущность реальной политики, какъ рожденныя Западомъ, жаждущія наслажденія, какъ куртизанки, но вмѣстѣ съ тѣмъ готовыя къ рѣшительнымъ поступкамъ, какъ государственные мужи, — эти баловницы судьбы оказались превосходными выразительницами многоразличныхъ влеченій и вкусовъ, которые захватывали и тревожили души ихъ современниковъ. — 1) *Ю. Домна* родилась въ Эмезѣ; отецъ ея Юлій Бассіанъ былъ жрецомъ при храмѣ Солнца. Ее взялъ въ жены Септимій Северъ (187 г.), увлеченный ея умомъ и красотою, а также прельстившись оракуломъ, который предсказывалъ ей бракъ съ государемъ. Гордая, стойкая и неудержимо честолюбивая, Ю., какъ говорили, убѣдила мужа стремиться къ престолу, и хотя не смогла вполнѣ подчинить себѣ этого твердаго человѣка, но оказывала на него значительное вліяніе, даже въ политикѣ, дѣйствуя религіозными мотивами на его суевѣрную душу. Ю. родила Септимію двухъ сыновей — Каракаллу (188 г.) и Гету (189 г.); сопровождала его на Востокъ (въ Азію и Египетъ) и на Западъ (въ Британію). По ея настоянію онъ вступилъ въ борьбу съ Нигеромъ и Альбиномъ. Главнымъ врагомъ ея былъ любимецъ Севера, Плаутіанъ, которому удалось охладить къ ней мужа обвиненіями ея въ прелюбодѣяніяхъ и заговорахъ. Трудно сказать, насколько эти наговоры были справедливы, но Плаутіана закололъ Каракалла въ присутствіи самого императора, а Ю. осталась невредимою. Жажда власти заставила ее стерпѣть уже послѣ смерти Септимія Севера злодѣяніе старшаго сына, умертвившаго своего брата, ея любимца Гету, почти въ ея объятіяхъ (212 г.). Она примирилась съ братоубійцею, надѣясь забрать его въ руки. Равнодушный ко всему, кромѣ грубыхъ удовольствій, Каракалла, ставъ императоромъ, предоставилъ ей завѣдывать государственною канцеляріею (cura epistolarum) и фактически руководить управленіемъ. Разсказы враговъ о томъ, что она полонила сына чарами своей еще сохранившейся тѣлесной красоты и вступивъ съ нимъ въ противоестественную кровосмѣсительную связь, врядъ ли заслуживаютъ довѣрія: она не могла не понять, что подобнаго рода порокъ долженъ былъ подорвать ея авторитетъ даже въ испорченномъ обществѣ, а политическая страсть побѣждала въ ней половое извращеніе. Никогда еще ни одна женщина не достигала такой высоты. Въ посланіяхъ къ сенату имя ея ставилось рядомъ съ императорскимъ; ее величали почетными именами Augusta, mater senatus, mater castrorum, patriae, отожествляли съ богинями Венерой и Вестой, Деметрой и Герой, строили храмы въ ея честь; восточное имя ея Домна сопоставляли съ латинскимъ терминомъ domina (госпожа). Безграничность притязаній Ю. обнаружилась особенно ярко въ ея послѣдніе дни. Когда въ Антіохіи до нея дошла вѣсть о гибели сына, она рѣшилась противопоставить узурпатору Макрину свою собственную власть, требовала отъ преданнаго Каракаллѣ войска провозглашенія ея «государемъ», вдохновляясь образами Семирамиды и Никотрисы. Убѣдясь, что дѣло ея потеряно, она уморила себя голодомъ. Обоготворенный ея образъ вступи[illegible] въ пантеонъ Цезарей, правившихъ міро[illegible] Великолѣпные бюсты и медали увѣковѣчи[illegible] прекрасныя черты ея лица. — Какъ ни вели[illegible] было политическое вліяніе Ю. Домны, но исти[illegible] нымъ царствомъ ея являлась сфера умствен[illegible] дѣятельности. Занятія наукою были для Ю. [illegible] однимъ развлеченіемъ: она нашла въ ни[illegible] пищу для своего пытливаго ума. Около нея р[illegible] цвѣлъ настоящій «салонъ», въ родѣ тѣ[illegible] которые создавали знаменитыя женщины эпо[illegible] Перикла, временъ Ренесанса и вѣка просв[illegible] щенія. Цивилизація была тогда высока [illegible] разнообразна; отличительною особенност[illegible] умственныхъ вкусовъ собиравшагося око[illegible] Ю. Домны просвѣщеннаго кружка являло[illegible]

г. Бовиллы (въ Лаціи, близъ Рима), гдѣ императоръ Тиберій возстановилъ древнее святилище рода. Эпонимъ рода *Юлъ*, бывшій мѣстнымъ альбанскимъ героемъ, позднѣе, когда распространилось преданіе о происхожденіи римлянъ отъ троянцевъ, былъ отожествленъ съ сыномъ Энея Асканіемъ, и такимъ образомъ за родомъ Ю. укрѣпилась слава божественнаго происхожденія отъ Венеры (Афродиты). Въ республиканскій періодъ римской исторіи Ю. часто занимали высшія должности, особенно въ первомъ и послѣднихъ столѣтіяхъ исторіи города. Въ императорскую эпоху родъ Ю., если не считать фамиліи Цезарей, не имѣлъ прямыхъ представителей; почти всѣ Ю. этой эпохи были или вольноотпущенники, или провинціалы, принимавшіе при переходѣ въ римское гражданство имена знатныхъ римскихъ родовъ. Наиболѣе видными представителями рода были: 1) Гай Ю., консулъ 482 г. до Р. Хр., воевалъ съ эквами и вейентами; 2) Гай Ю. Юлъ, одинъ изъ децемвировъ 451 г. до Р. Хр.; 3) Гай Ю., консулъ 447 и 435 г. до Р. Хр., воевавшій съ этрусками; 4) Люцій Ю., консулъ 430 г. до Р. Хр.; провелъ законъ, по которому судебные штрафы должны были впередъ взиматься не въ головахъ скота, а въ денежныхъ знакахъ; 5) Гай Ю. Ментонъ, консулъ 431 г. до Р. Хр., освятившій храмъ въ честь Аполлона; 6) Гай Ю. Юлъ, военный трибунъ съ консульскою властью въ 408 и 405 гг. до Р. Хр.; принималъ участіе въ осадѣ Вей; 7) Люцій Ю. Юлъ, военный трибунъ съ консульской властью въ 388 г. до Р. Хр.; взялъ этрусскіе города Кортуозу и Контенебру; 8) Секстъ Ю. Цезарь, первый извѣстный въ исторіи Рима представитель фамиліи Цезарей, преторъ 208 г. до Р. Хр.; 9) Люцій Ю. Цезарь, консулъ 90 г. до Р. Хр.; участвовалъ въ войнѣ противъ самнитянъ, былъ разбитъ Маріемъ Эгнаціемъ. Въ 89 г., будучи цензоромъ, онъ распредѣлялъ по трибамъ новыхъ гражданъ, которыхъ дала Риму послѣдняя союзническая война. Имъ были приняты мѣры къ ограниченію роскоши. Въ 87 г., вмѣстѣ съ братомъ (см. слѣд.), онъ былъ убитъ маріанцемъ Фимбріей; 10) Гай Ю. Цезарь Страбонъ неправильно добивался консульства въ 88 г.; когда народные трибуны Публій Сульпицій и Публій Антистій не допустили выборовъ, дѣло дошло до вооруженнаго столкновенія на форумѣ. Въ 87 г. онъ, спасаясь отъ преслѣдованія Марія и Цинны, укрылся у своего знакомаго, этруска Секстилія, который его выдалъ, послѣ чего Ю., вмѣстѣ съ братомъ, былъ умерщвленъ маріанцами. Гай Ю. Цезарь Страбонъ отличался ораторскимъ талантомъ; его рѣчи блистали изяществомъ, остроуміемъ и юморомъ. Онъ писалъ также трагедіи; 11) Люцій Ю. Цезарь, сынъ Ю. № 9, консулъ 64 г., вотировавшій смертную казнь соучастнику заговора Катилины П. Лентулу, который былъ женатъ на его сестрѣ Ю. (матеря тріумвира Антонія). Позднѣе онъ состоялъ легатомъ при диктаторѣ Цезарѣ въ Галліи; въ 47 г. занималъ должность городского префекта. Послѣ смерти диктатора онъ разошелся съ Антоніемъ, но не поддержалъ Цицерона въ его предложеніи объявить Антонію войну. По заключеніи второго тріумвирата онъ былъ внесенъ въ списки проскриптовъ, но, благодаря заступничеству сестры, помилованъ; 12) Люцій Ю. Цезарь, сынъ предыдущаго, помпеянецъ; былъ посланъ Помпеемъ въ 49 г. вмѣстѣ съ преторомъ Л. Росціемъ къ Цезарю въ Ариминъ съ мирными предложеніями. Въ 46 г. состоялъ въ Утикѣ проквесторомъ при Катонѣ, по смерти котораго убѣдилъ жителей города открыть ворота Цезарю и самъ вышелъ на встрѣчу побѣдителю, униженно моля о помилованіи. Цезарь простилъ его, но вскорѣ онъ былъ убитъ, повидимому солдатами Цезаря, безъ вѣдома послѣдняго; 13) Гай Ю. Цезарь, преторъ 85 г. до Р. Хр., отецъ диктатора Юлія Цезаря (см.) и двухъ дочерей; младшая изъ нихъ была замужемъ за Маркомъ Аттіемъ Вальбомъ, дочь котораго Аттія была матерью Октавіана Августа; 14) Секстъ Ю. Цезарь, намѣстникъ Сиріи въ 47 г.; былъ убитъ въ слѣдующемъ году помпеянцами; 15) Люцій Ю. Моцилла, сражался въ войскѣ Брута и Кассія; послѣ битвы при Филиппахъ (42 г. до Р. Хр.) нашелъ убѣжище на о-вѣ Самоѳракіи; 16) Ю. Флоръ и Ю. Сакровиръ, два галла, получившіе права римскаго гражданства, подняли въ 21 г. по Р. Хр. возстаніе въ галльскихъ областяхъ, страдавшихъ подъ гнетомъ значительныхъ долговъ. Флоръ, съ отрядомъ своихъ кліентовъ, двинулся изъ своей области (Треверовъ) въ Арденнскій лѣсъ, но былъ окруженъ римскими легіонами и кончилъ жизнь самоубійствомъ. Сакровиръ продолжалъ войну и собралъ въ области эдуевъ до 40000 войска, но былъ разбитъ легатомъ верхней Германіи Гаемъ Силіемъ и, подобно Флору, кончилъ жизнь самоубійствомъ; 17) Ю. Маринъ, одинъ изъ довѣренныхъ императора Тиберія, сопровождавшій его на Родосъ и жившій съ нимъ неразлучно на Капреѣ. Послѣ паденія Сеяна онъ, по приговору Тиберія, кончилъ жизнь самоубійствомъ; 18) Ю. Цельзъ, военный трибунъ; за дружбу съ Сеяномъ былъ обвиненъ въ заговорѣ и, находясь въ темницѣ, удавился цѣпью; 19) Ю. Грецинъ, изъ Галліи, отецъ Агриколы, былъ казненъ въ 38 г. по Р. Хр. при Калигулѣ; 20) Гай Ю. Виндексъ, пропреторъ Галліи — см. Виндексъ, VI, 411; 21) Ю. Сабинъ, лингонъ, въ союзѣ съ треверами Классикомъ и Туторомъ и батавомъ Цивилисомъ задумалъ свергнуть римское иго въ Галліи. Онъ двинулся на секвановъ, которые оставались вѣрными союзниками римлянъ, но былъ разбитъ, сжегъ домъ, въ которомъ нашелъ убѣжище, и девять лѣтъ скрывался съ женою Эпониною въ подземельѣ, пока, наконецъ, не открыли его мѣстопребыванія, послѣ чего онъ былъ доставленъ въ Римъ и казненъ, при Веспасіанѣ; 22) Ю. Бассъ, современникъ Плинія Младшаго. При Домиціанѣ онъ былъ отправленъ въ ссылку, но Нерва вернулъ его и далъ ему въ управленіе Виѳинію. По возвращеніи изъ провинціи онъ былъ привлеченъ къ суду по обвиненію въ вымогательствахъ и лишь благодаря краснорѣчію Плинія дѣло его перешло въ вѣдѣніе граждан-

Въ этомъ дѣлѣ мать была для него вѣрною пособницею. Какъ истые сирійцы, они выдвигали грубо-натуралистическую сторону фанатическаго культа, требовавшаго отъ поклонниковъ экстатическаго самозабвенія. Пылкая, столько же безпутная, сколько мать была властолюбива, Ю. Соэміада являла собою полное и безстыдное воплощеніе старо-хананаанскаго духа. Жаждавшая наслажденій гораздо больше, чѣмъ могущества, она представляла собою типъ экзальтированныхъ жрицъ, поклонницъ начала зарожденія, плодородія и размноженія, вѣчности жизни. Въ половомъ экстазѣ онѣ инстинктивно искали иллюзію удовлетворенія мистической потребности и въ эксцессахъ тѣла заглушали мучительные запросы духа. Геліогабалъ и Ю. Соэміада погрузили Римъ въ такую бездну противоестественнаго разврата, чуждаго природѣ западныхъ расъ, что кровавая развязка оргіастической драмы оказалась неизбѣжною: Ю. Соэміада погибла вмѣстѣ съ сыномъ жертвою вооруженнаго бунта (222 г.)—реакціи противъ бѣшеной тираніи и жестокаго культа. Не смотря на отталкивающую внѣшность религіозной попытки Геліогабала и Ю. Соэміады, нельзя не усмотрѣть въ ней болѣзненнаго симптома своеобразныхъ религіозныхъ исканій. Они также стремились къ «всемірной религіи», но не путемъ объединенія всѣхъ боговъ идеею высшаго божественнаго начала, а путемъ подчиненія ихъ верховной власти одного изъ нихъ, который долженъ былъ быть признанъ абсолютнымъ монархомъ на небѣ, какъ римскій императоръ—на землѣ. El-Gabal —это грубый предшественникъ позднѣйшаго насильственнаго оффиціально-государственнаго единобожія. Неспособность его поклонниковъ отрѣшиться отъ стараго натурализма лишила затѣянную реформу всякой силы, обрекла ее на неминуемое крушеніе, но это не избавило общество отъ нравственной отравы, всегда свойственной разливу оргіазма. — 4) *Ю. Мамея* (J. Avita Mamaea Augusta), младшая сестра предыдущей; отъ Марціана имѣла сына Бассіана Алексіана (род. въ 208 г.), который послѣ низложенія и умерщвленія Геліогабала усиліями бабки и матери былъ возведенъ на престолъ Цезарей и правилъ подъ именемъ Александра Севера. Мамея оказала не меньше вліянія на своего сына, чѣмъ Соэміада—на Геліогабала. Менѣе талантливая въ области науки и литературы, чѣмъ Ю. Домна, менѣе искусная въ политикѣ, чѣмъ Ю. Мэза, менѣе очаровательная внѣшностью, чѣмъ Ю. Соэміада, Ю. Мамея была достаточно умна и энергична, чтобы пріобрѣсти и удержать власть, и мягкая природа ея сына легко подчинялась ея воздѣйствію. Она въ особенно высокой степени обладала однимъ свойствомъ, которое первымъ тремъ Ю. было чуждо—моральною возвышенностью. Благочестіе ея сердца (mulier religiosissima) отражалось въ чистотѣ жизни и безукоризненности поведенія. Она съумѣла сберечь эту чистоту среди общества, извращеннаго даже въ религіозныхъ влеченіяхъ. Связанная съ сыномъ чувствомъ глубокой привязанности, она задалась цѣлью сдѣлать изъ него образцоваго правителя. Она дала ему блестящее образованіе, а потомъ окружила просвѣщенными совѣтниками: Павелъ, Ульпіанъ, Помпоній, Марціанъ, Каллистратъ, Гермогеніанъ, Модестинъ, вся школа Папиніана составили около него плеяду замѣчательныхъ государственныхъ людей, создавшихъ послѣдній расцвѣтъ правового творчества въ римской имперіи. Надъ всѣми дѣлами и при господствѣ Мамеи царила задача религіозной реформы. Направленіе послѣдней въ правленіе Александра Севера, т. е. въ годы вліянія Мамеи, можно назвать «идеалистическимъ синкретизмомъ», составлявшимъ противоположность сенсуализму Геліогабала и Соэміады. Полная терпимость, уваженіе ко всѣмъ культамъ, сближеніе съ христіанствомъ (сношенія Александра и Мамеи съ Оригеномъ), объединеніе всѣхъ боговъ духомъ всеобщей нравственной мягкости, братскаго чувства, поклоненіе «святости» — такова была общая тенденція этой послѣдней попытки III-го вѣка преобразовать язычество. Она окончилась крушеніемъ, вслѣдствіе своей эклектической безхарактерности, стремленія слить непримиримые элементы въ универсальной «теокразіи» (механическомъ громадномъ «столпленіи» боговъ). Участь Александра и Мамеи, подобная участи ихъ предшественниковъ (235 г.), свидѣтельствуетъ о неудачѣ задуманнаго ими дѣла, о безсиліи синкретизма возродить старую вѣру. Ни наука, ни мистическое изступленіе, ни нравств. кротость не спасли разлагавшагося язычества.

Литература. Dessau, «Prosopographia imperii romani» (часть I, B., 1897); G. Goyau, «Chronologie de l'empire romain» (П., 1891); H. Schiller, «Gesch. der römischen Kaiserzeit» (Гота, 1883); J. Réville, «La religion à Rome sous les Sévères» (П., 1886; есть русск. перев.).

Ив. Гр.

Юлій Цезарь (G. Julius Cæsar)—знаменитый римскій госуд. дѣятель и писатель. Родился, по словамъ древнихъ историковъ, въ 100 г. до Р. Хр. Моммзенъ находитъ это несовмѣстимымъ съ карьерой Цезаря и предлагаетъ, безъ достаточныхъ основаній (согласно leges annales), 102 г. до Р. Хр. Юліи были патриційскимъ родомъ (существовали, впрочемъ, и плебейскія вѣтви) и играли немалую роль въ исторіи Рима съ древнѣйшихъ временъ. Древность семьи Цезарей установить трудно (первый извѣстный относится къ концу III в. до Р. Хр.); важной роли эта вѣтвь въ политической жизни Рима не играла (гораздо заслуженнѣе была вѣтвь Іуловъ). Совсѣмъ незначительны были Цезари, отъ которыхъ происходилъ по прямой линіи будущій диктаторъ; отецъ его остановился въ своей карьерѣ на претурѣ. Съ материнской стороны Цезарь происходилъ изъ семьи Коттъ, не менѣе знатнаго рода Авреліевъ. Отца онъ потерялъ въ 16 лѣтъ; съ матерью сохранилъ тѣсныя дружескія отношенія до ея смерти въ 54 г. Знатная, богатая и культурная семья ставила Цезаря въ благопріятныя условія внутренняго развитія; тщательное физическое воспитаніе сослужило ему впослѣдствіи немалую службу; основательное образованіе, и научное, и литературное, и грамматическое, на греко-рим-

скихъ основахъ, подготовило его и къ логическому мышленію, и къ практической дѣятельности, и къ литературной работѣ. Правильный, ясный и чистый языкъ его рѣчей и литературныхъ произведеній вышелъ изъ школы одного изъ лучшихъ грамматиковъ того времени, М. Антонія Гнифона, автора трактата «О латинскомъ языкѣ», бывшаго долгое время домашнимъ учителемъ въ семьѣ Цезаря. Отъ него Цезарь унаслѣдовалъ интересъ къ научному занятію латинскимъ языкомъ. Въ родствѣ Цезарь былъ съ цѣлымъ рядомъ знатныхъ семей; ближе всего стоялъ онъ въ ранней юности къ Г. Марію, женатому на сестрѣ его отца; отъ Марія, очевидно, шла та демократическая традиція, которая такъ твердо проводилась Цезаремъ во все время его жизни. Марій успѣлъ добыть ему почетное званіе «возжигателя Юпитера» (flamen Dialis), потерянное имъ спустя 3 года; въ то время ему было только 13 лѣтъ. Связь съ главарями демократіи сохранена была Цезаремъ и послѣ смерти Марія. Въ 83 г., 17 лѣтъ отъ роду, онъ женился на дочери всемогущаго въ свое время Цинны. Это было какъ бы политической демонстраціей демократической партіи, приниженной и разбитой всевластнымъ въ то время Суллой. Неудивительно, поэтому, что Сулла почти немедленно послѣ свадьбы потребовалъ отъ Цезаря развода съ женою, какъ то сдѣлали по его требованію Помпей и другіе. Не смотря на неминуемую проскрипцію въ случаѣ отказа, Цезарь остался вѣренъ своей женѣ. Просьбы многочисленнаго и сильнаго аристократическаго родства спасли его: врядъ ли, притомъ, упрямый юноша могъ казаться Суллѣ особенно опаснымъ. Немилость диктатора заставила, однако, Ю. Цезаря уѣхать изъ Рима на Востокъ и отбывать воинскую повинность въ штабѣ М. Минуція Ѳерма, пропретора провинціи Азіи. Здѣсь ему пришлось исполнять дипломатическія порученія при дворѣ виѳинскаго царя Никомеда, благодаря чему онъ впервые въ одномъ изъ центровъ поздняго эллинизма акклиматизировался въ эллинистическомъ дворцовомъ обществѣ и проникъ въ основы эллинистической администраціи и хозяйства. Во время осады и штурма Митилены онъ заслужилъ воинское отличіе—corona civica. Участвовалъ и въ морскихъ операціяхъ—во флотѣ Сервилія Исаврика, во время борьбы его съ пиратами. Ничего важнаго и значительнаго въ то время на Востокѣ не происходило, блестящихъ лавровъ пріобрѣсти здѣсь было негдѣ. Три года пребыванія на Востокѣ не прошли, однако, безслѣдно для Ю.; при дальнѣйшихъ выводахъ о характерѣ его политики надо всегда имѣть въ виду первыя впечатлѣнія его юности, полученныя въ культурной, богатой, упорядоченной монархической Азіи. Въ 78 г., послѣ смерти Суллы, Цезарь возвращается въ Римъ и немедленно бросается въ водоворотъ политической жизни. Его захватила реакція противъ Суллова строя; къ крайнимъ онъ, однако, не примкнулъ, хотя и не скрывалъ своихъ демократическихъ убѣжденій. Блестящія обвинительныя рѣчи противъ сотрудниковъ Суллы—Гн. Долабеллы, за его дѣйствія въ Македоніи, и Г. Антонія, за грабежи въ Греціи—доказываютъ опредѣленность взглядовъ Цезаря; рисковать жизнью и карьерой съ Лепидомъ и его послѣдователями было бы ненужнымъ безуміемъ. Когда вновь стала грозить война съ Митридатомъ, Цезарь, котораго влекла на Востокъ и культурная среда, и живая умственная жизнь, ѣдетъ въ Родосъ—одинъ изъ міровыхъ городовъ того времени, соперничавшій съ Александріей и Антіохіей. По дорогѣ, близъ Милета, его захватываютъ въ плѣнъ пираты. Только крупный выкупъ спасаетъ его изъ ихъ рукъ. Вѣроятно какъ членъ cohors praetoria одного изъ намѣстниковъ Востока, Ю. Цезарь имѣетъ возможность наскоро организовать флотъ, захватить пиратовъ и доставить ихъ въ Пергамъ. То, что оттуда пираты должны были быть доставлены на усмотрѣніе виѳинскаго пропретора Г. Юнія Силана, доказываетъ, можетъ быть, что Ю. Цезарь приписанъ былъ къ его именно когортѣ. Впрочемъ, распоряженій Силана Ю. Цезарь не дождался, а расправился съ пиратами своей властью, боясь воздѣйствія ихъ на Силана деньгами. Пребываніе на Родосѣ проходитъ для Ю. Цезаря въ занятіяхъ краснорѣчіемъ. Смуты въ Азіи заставляютъ его попытать счастья во главѣ самостоятельнаго отряда, но остается онъ тамъ недолго; пойти въ субалтерны онъ очевидно не хотѣлъ. Въ 74 г. онъ возвращается въ Римъ и попадаетъ на мѣсто своего умершаго дяди въ коллегію понтификовъ. На выборахъ въ военные трибуны Ю. Цезарь побиваетъ кандидата аристократіи; при возстановленіи народнаго трибуната оказываетъ дѣятельную поддержку Помпею; добивается возвращенія Л. Цинны, сподвижника Лепида и Серторія. Къ этому времени относится начало его сближенія съ Помпеемъ и Крассомъ, на тѣсной связи съ которыми онъ строитъ свою дальнѣйшую карьеру. Въ 69 г. его выбираютъ квесторомъ. Однимъ изъ первыхъ его актовъ, какъ магистрата, была демонстрація все въ томъ же Маріанскомъ демократическомъ духѣ. Умираетъ его тетка—жена Марія, и надъ ея гробомъ Цезарь произноситъ laudatio, полную воспоминаній о Маріи; въ похоронной процессіи фигурируютъ маски Марія и другихъ вождей демократіи. Демонстрація повторяется при похоронахъ жены Цезаря, Корнеліи. Къ демократической ноткѣ присоединяется демонстративное указаніе на связь Цезаря съ царями стараго Рима, вплоть до Энея и Венеры. Обязанности квестора Цезарь исполняетъ въ Испаніи. На обратномъ пути изъ провинціи онъ завязываетъ отношенія съ транспаданцами, давая имъ надежду на возможность распространенія на нихъ правъ римскаго гражданства. Промежуточные годы между квестурой и эдилитетомъ заняты все болѣе тѣснымъ сближеніемъ Цезаря съ Помпеемъ и Крассомъ. Новая женитьба—на внучкѣ Суллы, дочери Кв. Помпея Руфа—скрѣпляетъ, по эллинистическому обычаю политическихъ браковъ, это сближеніе. Какъ приверженецъ Помпея, все болѣе и болѣе переходившаго на сторону демократіи, Цезарь стоитъ, не поступаясь, однако, ни въ чемъ своими демократическими принципами, за экстраординар-

ныя военныя полномочія Помпея. Въ то же время онъ завѣдуетъ Аппіевой дорогой.

Цезарь и Катилина. Эпоху въ жизни Цезаря составляютъ 66 и 65 годы, время первыхъ важныхъ политическихъ его шаговъ. Дѣятельность его въ это время стоитъ въ тѣсной связи съ исторіей такъ наз. заговора Катилины. Точка зрѣнія на заговоръ Катилины и на роль въ этомъ заговорѣ Цезаря зависитъ всецѣло отъ отношенія къ источникамъ, характеризующимъ этотъ эпизодъ. Два современника сообщаютъ намъ подробно о случившемся: Цицеронъ, одинъ изъ руководителей политической жизни этихъ годовъ, въ рядѣ рѣчей 63-го года (рѣчи противъ Катилины, рѣчи объ аграрномъ законѣ, за Мурену, за Г. Рабирія; см. мастерскіе переводы этихъ рѣчей съ содержательными введеніями и комментаріемъ Ѳ. Зѣлинскаго—«М. Туллій Цицеронъ», I, СПб., 1901, 587 сл.) и въ массѣ упоминаній и воспоминаній позднѣйшаго времени, и Саллюстій, въ то время совсѣмъ еще молодой человѣкъ, историческая монографія котораго о заговорѣ Катилины написана послѣ смерти Ю. Цезаря. Кромѣ этихъ основныхъ современныхъ источниковъ, имѣется содержательный пересказъ событій у Кассія Діона (всецѣло зависитъ отъ Ливія), Светонія, Плутарха и Аппіана; важенъ также комментарій Асконія къ нѣкоторымъ рѣчамъ Цицерона. Изъ перечисленныхъ источниковъ наименѣе надежна монографія Саллюстія, искажающаго факты въ угоду своей антиолигархической, цезаріанской тенденціи. Въ высшей степени цѣнны данныя Цицерона, коррективомъ которыхъ является изложеніе Ливія и Асконія (см. объ источникахъ E. Schwartz, «Hermes», 1897, 554 сл.) На основаніи перечисленныхъ источниковъ можно возсоздать слѣдующую общую схему событій, поскольку они касаются Цезаря (правильное освѣщеніе событіямъ, на основаніи правильной оцѣнки Саллюстія, дали впервые Wirz, «Catilinas Bewerbung um das Konsulat v. J. 63», 1864, и особ. John въ двухъ статьяхъ—въ Fleckeisens «Jahrbücher», Suppl., 8, 703 сл., и «Rhein. Mus.», 31, 401 сл.; на нихъ основываются всѣ позднѣйшіе, между прочимъ Stern, «Catilina und die Parteikämpfe in Rom der Jahre 66—63», Дерптъ, 1883). Крупные успѣхи Помпея на Востокѣ, пріобрѣтенная имъ слава, созданное имъ войско вызвали въ Римѣ убѣжденіе, что Помпей несомнѣнно въ ближайшемъ будущемъ сыграетъ въ Римѣ роль Суллы. Особенно ясно сознавалось это лицами, одинаково съ Помпеемъ добивавшимися первенствующаго положенія въ Римѣ—его недавними союзниками, руководителями демократовъ Крассомъ и Цезаремъ. Для противодѣйствія тенденціямъ Помпея демократамъ надо было сосредоточить въ своихъ рукахъ власть и имѣть опору въ войскѣ. Сенатъ и правительство были враждебны и помпеянцамъ, и антипомпеянцамъ; усиленіе и тѣхъ, и другихъ было для правительства одинаково гибельно. Никому неизвѣстно было, когда именно вернется Помпей, и поэтому сопротивленіе надо было организовать заранѣе. Орудіями своими Крассъ и Цезарь сдѣлали дезигнированныхъ консуловъ, избранныхъ на 65 годъ, но осужденныхъ по обвиненію въ подкупѣ и поэтому не допущенныхъ къ магистратурѣ: П. Автронія Пета и П. Корнелія Суллу. Рѣшено было, что консулы, избранные на мѣсто осужденныхъ, будутъ убиты; ихъ замѣнятъ Автроній и Сулла, а эти послѣдніе провозгласятъ Красса диктаторомъ, Цезаря — его ближайшимъ помощникомъ (magister equitum). Исполнителями убійства должны были быть Л. Сергій Катилина, бывшій правитель Африки, озлобленный на сенатъ за недопущеніе его кандидатуры на консульство 65-го года въ виду тяжелыхъ обвиненій провинціаловъ, и Л. Пизонъ, наравнѣ съ Катилиной, Автроніемъ и Суллой слуга Суллова режима, успѣвшій прожить большую часть награбленнаго при проскрипціяхъ. Катилинѣ обѣщано было консульство на будущій годъ, Л. Пизонъ долженъ былъ немедленно послѣ переворота подготовить вооруженную силу въ Испаніи. Къ заговору привлеченъ былъ и Геллій, командиръ флота у береговъ Италіи, Сардиніи и Галліи: онъ долженъ былъ обезпечить сообщенія между заговорщиками. Заговоръ не удался, убійство не было приведено въ исполненіе. Новые консулы, однако, не преслѣдовали ни главарей заговора, ни орудій его. Они боялись, очевидно, какъ вліянія Красса и Цезаря, такъ и въ особенности новаго соединенія ихъ съ Помпеемъ или подчиненія ихъ послѣднему. Консулъ Торкватъ не только отрицалъ существованіе заговора, но даже защищалъ Катилину въ его процессѣ, что готовъ былъ сдѣлать и Цицеронъ. Не мѣшало правительство и отправленію Пизона, въ качествѣ quaestor pro praetore, въ Испанію, гдѣ онъ вскорѣ погибъ отъ руки убійцы. Не смотря на эту первую неудачу, Цезарь, поддерживаемый Крассомъ, развиваетъ въ годъ своего эдилитета широкую агитаторскую дѣятельность, съ цѣлью подготовить ударъ на будущій 64-й или 63-й годъ. Демонстративное значеніе имѣло возстановленіе трофеевъ Марія, разрушенныхъ въ свое время Суллой; орудіями агитаціи служили невиданныя по роскоши игры, гдѣ гладіаторы сражались въ серебряномъ вооруженіи. На мѣсто Пизона въ Испанію отправленъ былъ Ситтій, котораго поддерживалъ деньгами и вліяніемъ упомянутый уже Сулла. Рядомъ съ этимъ затѣяно было создать, въ противовѣсъ Помпею, военное командованіе въ Египтѣ, который яко-бы завѣщанъ былъ Риму Птолемеемъ-Александромъ. Занять этотъ постъ долженъ былъ или Цезарь, или Крассъ. Въ Италіи поддержкой Цезаря и Красса должны были служить транспаданцы, усиленно добивавшіеся гражданства, обѣщаннаго имъ Цезаремъ и Крассомъ. Планы Цезаря терпятъ, однако, неудачу на всѣхъ пунктахъ: сенатъ ясно сознавалъ, что Цезарь стремится къ ниспроверженію олигархическаго строя и всѣми средствами боролся противъ ловкаго и смѣлаго противника. Въ 64 г. усилія Цезаря и его партіи направлены были прежде всего на проведеніе въ консулы ихъ агентовъ—Катилину и Г. Антонія. Подкупъ и избирательная агитація организованы были въ широчайшихъ размѣрахъ. Олигархія должна была быть подорвана рядомъ ударовъ въ

лицѣ видныхъ ея представителей. Предъявлено было обвиненіе бывшихъ агентовъ Суллы въ убійствахъ во время проскрипцій; разбиралось оно передъ судомъ (quaestio de sicariis) подъ предсѣдательствомъ Ю. Цезаря, какъ iudex quaestionis (онъ имѣлъ на это право какъ бывшій эдилъ). Но въ проскрипціяхъ Суллы запятнаны были и наиболѣе видные агенты Ю. Цезаря; ловкимъ отвѣтомъ со стороны сената было привлеченіе кандидата на консульство Катилины къ суду самого Цезаря, по обвиненію въ такихъ же квалифицированныхъ убійствахъ. Ходъ этотъ поставилъ Цезаря въ довольно неловкое положеніе: вина была ясна, а обвинить — значило погубить всѣ расчеты, основанные на Катилинѣ. Цезарь сталъ затягивать процессъ; тѣмъ не менѣе это обвиненіе, въ связи съ агитаціей сената и незапятнанностью и вліяніемъ сенатскаго кандидата Цицерона, повело къ тому, что Катилина не былъ выбранъ; не удался и планъ созданія особаго вигинтивирата—коммиссіи изъ 20 членовъ съ неограниченными полномочіями для надѣла всѣхъ неимущихъ землею, проводить который долженъ былъ трибунъ Сервилій Руллъ. Рѣшительнымъ ударомъ для аристократіи должно было послужить обвиненіе Г. Рабирія — одного изъ убійцъ трибуна Аппулея Сатурнина—въ незаконномъ, хотя и санкціонированномъ сенатомъ убійствѣ римскаго гражданина за чисто политическое дѣйствіе. Противъ права сената объявлять военное положеніе въ городѣ (s. c. ultimum) направили Ю. Цезарь и Крассъ свое оружіе, предвидя возможность примѣненія и къ нимъ подобной мѣры. Форма преслѣдованія выбрана была самая устрашающая: антиквированный процессъ perduellionis, влекшій за собой засѣченіе до смерти, возбужденъ былъ противъ Рабирія агентомъ Юлія Цезаря, Т. Лабіеномъ; судьями были самъ Ю. Цезарь и консулъ прошлаго года Л. Цезарь. И въ аграрномъ дѣлѣ, и въ процессѣ Рабирія сенатъ боролся съ Ю. Цезаремъ черезъ своего консула М. Туллія Цицерона. И тамъ, и здѣсь краснорѣчіе блестящаго оратора и вліяніе сената побѣдили. Обойденный Катилина не унялся. Безъ открытой, можетъ быть, поддержки, но не безъ сочувствія Ю. Цезаря, выступаетъ онъ вторично кандидатомъ на консульство 62-го года, выставляя широкую соціалистическую программу, которая должна была объединить около него всѣхъ обездоленныхъ. Борьба съ нимъ была нелегка и на этотъ разъ, но все же онъ выбранъ не былъ. Новая неудача была для Катилины приговоромъ; его политическая жизнь кончилась. Съ этимъ мириться онъ не хотѣлъ; возникъ анархическій заговоръ Катилины, фантастично задуманный и плохо подготовленный, въ которомъ Ю. Цезарь никакого участія не принималъ и принимать не могъ. Заговоръ Катилины былъ подавленъ, самъ онъ во главѣ войска погибъ, его сторонники захвачены были въ городѣ и дѣло о нихъ передано консуломъ на обсужденіе сената. Крассъ и Цезарь уже раньше неоднократно опредѣленно и открыто указывали на свою несолидарность съ Катилиной. Нелегко всетаки было положеніе Цезаря, судьи Рабирія, когда 5 дек. въ сенатѣ ему пришлось высказаться о судьбѣ заговорщиковъ, которымъ консулъ и значительная часть сената готовили смерть. Цезарь вышелъ съ честью изъ труднаго положенія. Онъ не сказалъ ни слова въ оправданіе заговорщиковъ, но указалъ на незаконность смертнаго приговора, предлагая смягченное, хотя также незаконное наказаніе — интернированіе въ муниципіяхъ. Мнѣніе Цезаря не прошло, его обезсилилъ Катонъ; результатомъ для Цезаря была враждебная противъ него демонстрація всадничества при выходѣ его изъ куріи—демонстрація, едва не превратившаяся въ убійство. Народъ, однако, былъ на сторонѣ Цезаря, въ значительной мѣрѣ благодаря деньгамъ Красса. Онъ доказалъ это, когда въ тотъ же годъ консульства Цицерона вотировалъ законъ о замѣнѣ кооптаціи при появленіи новаго великаго понтифика выборами и въ виду ожидавшейся смерти великаго понтифика выбралъ его преемникомъ Цезаря, противъ оптиматскихъ главарей Катула и Сервилія Исаврика.

Сближеніе между Ю. Цезаремъ и Помпеемъ. Въ 62 г. Ю. Цезарь отправлялъ претуру. Планы его относительно самостоятельныхъ дѣйствій, которыми былъ бы парализованъ Помпей, рушились. Не безъ труда удалось ему избѣжать обвиненія въ участіи въ заговорѣ Катилины. Возвращеніе Помпея близилось. Оставалось одно: пойти на вторыя роли при Помпеѣ и прежде всего загладить тѣ свои дѣйствія, которыя могли возбудить неудовольствіе Помпея. Цезарь открыто выступаетъ агентомъ Помпея. Онъ требуетъ, чтобы Помпею поручено было закончить постройку храма Юпитера Капитолійскаго — честь, которая предназначена была признанному главѣ оптиматовъ Катулу; онъ обвиняетъ даже Катула въ присвоеніи денегъ, ассигнованныхъ на постройку. Черезъ Лабіена онъ проводитъ разрѣшеніе Помпею присутствовать на играхъ въ одеждѣ тріумфатора. Наконецъ, онъ же и Метеллъ Непотъ требуютъ для Помпея военной власти въ Италіи, подъ предлогомъ необходимости окончательно справиться съ Катилиной и его войскомъ. Противъ послѣдняго сенатъ выступилъ чрезвычайно энергично; объявлено было даже военное положеніе и оба магистрата, предложившіе законъ, лишены были власти. Цезарю пришлось уступить и на время отказаться отъ исполненія своихъ обязанностей. Вернулся онъ къ нимъ по просьбѣ самого сената, сознававшаго, что зашелъ слишкомъ далеко. Помпей вернулся въ Римъ частнымъ человѣкомъ, безъ войска, и поселился внѣ города, въ ожиданіи тріумфа. На это время падаетъ скандальный процессъ Клодія, вызванный его появленіемъ въ женскомъ костюмѣ на исключительно женскомъ праздникѣ Доброй Богини (Bona Dea), справлявшемся женой Цезаря въ его домѣ. Цезарь въ этомъ процессѣ держался все время въ сторонѣ, ограничившись разводомъ съ женой: въ Клодіи онъ видѣлъ полезное для будущаго орудіе. 61-ый

годъ Цезарь проводитъ въ Испаніи, почти все время воюя съ непокоренными еще племенами, создавая себѣ этимъ военное имя и матеріальное обезпеченіе для будущаго. Въ данный моментъ Испанія была единственнымъ мѣстомъ, гдѣ стояло сильное войско и гдѣ безъ особыхъ усилій быстро можно было пріобрѣсти и лавры, и деньги. Въ 60 г. Цезарь вновь въ Римѣ, гдѣ его ждали тріумфъ и консульство. Первымъ онъ, однако, пожертвовалъ для второго — пожертвовалъ охотно, хотя и невольно, подъ давленіемъ придирки сената, требовавшаго отъ него личнаго заявленія о своей кандидатурѣ; его тріумфъ врядъ ли могъ произвести сильное впечатлѣніе послѣ только что отпразднованнаго тріумфа Помпея. Консульство Цезаря было необходимо какъ ему, такъ и Помпею. Распустивъ войско, Помпей, при всемъ своемъ величіи, былъ безпомощенъ; ни одна изъ мѣръ его не проходила въ виду упорнаго сопротивленія сената, а между тѣмъ аграрный законъ, обѣщанный имъ ветеранамъ, и утвержденіе распоряженій въ Азіи были для него дѣлами не терпѣвшими отлагательства. Провести все это агенты Помпея не могли: нужна была болѣе крупная сила и болѣе могущественное вліяніе: отсюда союзъ Помпея съ Цезаремъ и Крассомъ. Необходимостью былъ онъ, какъ мы видѣли, и для Цезаря. Убѣдить Красса, стараго врага Помпея, было нелегко, но въ концѣ концовъ удалось. Такъ возникъ первый тріумвиратъ—частное соглашеніе трехъ лицъ, никѣмъ и ничѣмъ кромѣ ихъ взаимнаго согласія не санкціонированное. Частный характеръ тріумвирата подчеркивается и скрѣпленіемъ его бракамн: Помпея—на дочери Ю. Цезаря, Юліи, Цезаря — на дочери Кальпурнія Пизона. Консульство Цезаря открылось борьбою съ сенатомъ изъ-за аграрнаго закона. Законъ этотъ былъ умѣренной копіей съ Сервиліева и былъ важенъ не столько по содержанію, сколько какъ пробный камень. Ожесточенная борьба, въ которой вождемъ сенатской партіи явился коллега Цезаря, М. Бибулъ, окончилась побѣдой Цезаря, заставившаго народъ вотировать законъ, сенатъ — принести присягу на исполненіе его, а Бибула—отказаться отъ дальнѣйшихъ дѣйствій и запереться у себя въ домѣ, подавая признаки жизни лишь постояннымъ вывѣшиваніемъ протестующихъ эдиктовъ. Проведеніе аграрнаго закона дало Цезарю возможность развить широчайшую законодательную дѣятельность главнымъ образомъ агитаціоннаго характера. Распоряженія Помпея на Востокѣ были утверждены, но на этомъ и прекратилась дѣятельность Цезаря въ интересахъ Помпея. Главной задачей является ослабленіе сената. Разрушается прежде всего союзъ сената и всадничества тѣмъ, что Цезарь соглашается, вопреки сенату, на уменьшеніе откупной суммы Азіи на $1/3$. Падаетъ завѣса, которая скрывала дебаты сената отъ гражданъ: acta сената отнынѣ публикуются во всеобщее свѣдѣніе, дѣятельность правительства вообще, въ связи съ новостями всякаго рода, оглашается въ особыхъ «городскихъ вѣдомостяхъ» (acta urbis). Инструкціи, которыя давались сенатомъ правителямъ провинцій, нашли, вѣроятно, коррективъ въ законѣ Цезаря, гдѣ собрано было все то, что должно было служить руководствомъ для провинціальныхъ магистратовъ. Дополненіемъ законовъ Цезаря были законы его ставленника, трибуна Клодія. Единственное стѣсненіе собраній по трибамъ — возможность препятствовать имъ заявленіемъ о неблагопріятныхъ знаменіяхъ—уничтожилось съ отмѣной Клодіемъ lex Aelia Fufia, регулировавшей это право магистратовъ и авгуровъ. Народъ былъ еще болѣе связанъ съ Ю. Цезаремъ проведеніемъ законовъ о даровой раздачѣ хлѣба, о правѣ объединяться въ организаціи съ политической цѣлью, наконецъ, осужденіемъ всѣхъ посягнувшихъ незаконно на жизнь римскаго гражданина. Правда, эти законы падаютъ уже на слѣдующій годъ, но ихъ связь съ законами Цезаря несомнѣнна. Наиболѣе крупное значеніе для дальнѣйшаго имѣлъ законъ Ватинія, по которому Цезарь долженъ былъ получить послѣ консулата не наблюденіе за лѣсами и дорогами въ Италіи, т. е. борьбу съ разбоемъ, какъ того хотѣлъ сенатъ, а управленіе Сѣверной Италіей и Иллиріей, на 5 лѣтъ, съ большимъ войскомъ (3 лег. — болѣе 10000 чел.). И здѣсь сенатъ долженъ былъ уступить и даже пойти дальше: добавить къ перечисленному выше управленіе Галліей заальпійской на тотъ же срокъ (тамъ стоялъ 1 легіонъ).

Галльская война. Галльскій проконсулатъ Цезаря былъ прямымъ продолженіемъ его политики за послѣднія 7 — 8 лѣтъ, и прежде клонившейся, въ противовѣсъ Помпею, къ полученію крупныхъ военныхъ силъ. Какъ центръ сосредоточенія сначала намѣчалась Испанія, но болѣе близкое знакомство съ этой страною и недостаточно удобное географическое положеніе ея по отношенію къ Риму заставили Цезаря отказаться отъ этой идеи, тѣмъ болѣе, что въ Испаніи и въ испанскомъ войскѣ сильны были традиціи Помпея. Галлія, въ томъ видѣ, въ какомъ получалъ ее Ю. Цезарь, давала большее и лучшее. Нѣтъ сомнѣнія, что на управленіе ею Цезаря Помпей согласился только подъ давленіемъ крайней необходимости. Галлія Цизальпинская отдавала Италію, лишенную войска, въ полное распоряженіе командира предъальпійскихъ легіоновъ; вмѣстѣ съ тѣмъ она обезпечивала постоянный наборъ свѣжаго, превосходнаго войска, такъ какъ здѣсь еще держалась мелкая собственность старо-римскаго образца; наконецъ, богатѣйшая страна эта обезпечивала войска провіантомъ на случай войны въ Альпахъ или въ Иллиріи. Галлія заальпійская давала эффектное поле для военной и политической дѣятельности Цезаря. Съ одной стороны онъ сталкивался здѣсь съ политическимъ вопросомъ первой важности, настоятельно требовавшимъ разрѣшенія. Движенія сѣверныхъ племенъ, главнымъ образомъ германцевъ, пріобрѣли за послѣднее время угрожающій характеръ. Кимвры и тевтоны были только прелюдіей; за ними стояло море новыхъ племенъ, а между тѣмъ усиліями Рима и внутренними распрями сильная прежде Арвернская держава, объединившая около себя на время всю

кельтскую нацiю, была разрушена, и разрозненныя кельтскiя племена не въ силахъ были противиться германскому напору. Человѣку, хранившему традицiи Марiя, побѣдителя кимвровъ, и Аппулея, автора идеи о необходимости сильной, заселенной италiйскими колонистами Галлiи, ходъ событiй на сѣверѣ и возможность германскаго наводненiя должны были быть ясны. Не лишено значенiя было и то, что первымъ актомъ Цезаря должно было быть отраженiе нашествiя гельветовъ, сходнаго съ нашествiемъ кимвровъ и тевтоновъ, что давало прямую преемственную связь между дѣйствiями Марiя и Цезаря. Важность политическаго вопроса сознавалась въ Римѣ, конечно, не однимъ Цезаремъ; разрѣшенiе его давало ему ореолъ не только въ глазахъ италiйскаго населенiя, съ IV в. до Р. Хр. жившаго подъ страхомъ кельтскихъ нашествiй. Съ другой стороны, сравнительно культурная Галлiя обѣщала богатѣйшую добычу, какъ результатъ войны, а легкость, съ которою справились недавно съ сильнымъ царствомъ арверновъ, давала возможность думать, что война не будетъ очень тяжелой и продолжительной, тѣмъ болѣе, что имѣлась и прекрасная операцiонная база въ Ронской провинцiи, и удобный способъ для внесенiя еще большей розни во внутреннюю жизнь Галлiи. въ видѣ старой дружбы съ эдуями. Наконецъ, борьба требовала сильнаго войска и давала право все увеличивать количество солдатъ. Центръ тяжести для Ю. Цезаря за все время войны лежалъ, однако, не въ Галлiи, а въ Италiи и Римѣ; главная квартира его все время была въ Сѣв. Италiи, откуда онъ слѣдилъ за событiями и направлялъ ихъ. Ходъ Галльской экспедицiи извѣстенъ намъ преимущественно въ изложенiи самого Ю. Цезаря, изъ его «Комментарiевъ о галльской войнѣ» («Commentarii de bello gallico»). Рядомъ съ нимъ мы имѣемъ связное изложенiе только у Дiона Кассiя и Светонiя, да отрывки у Аппiана, Плутарха и эпитоматоровъ Ливiя. Въ общемъ изложенiе Ю. Цезаря можно считать заслуживающимъ довѣрiя, хотя оно и не свободно отъ преувеличенiй и искаженiй, въ отдѣльныхъ случаяхъ, вызвавшихъ еще въ древности рѣзкую критику со стороны одного изъ друзей Ю. Цезаря, Азинiя Поллiона (вопросъ въ его совокупности и по частямъ разбирался не разъ; наиболѣе цѣнны слѣд. работы: Melber, «Die Berichte des Dio Cassius über die gallischen Kriege Cäsars», Progr., Мюнхенъ, 1893; Columba, «Cassio Dione e le guerre galliche di Cesare», Неаполь, 1902; Rauchenstein, «Der Feldzug Cäsars gegen die Helvetier», Цюрихъ, 1882; Rice Holmes, «Caesar's conquest of Gaul», Лондонъ, 1899, 173 слл.; Fröhlich, «Die Glaubwürdigkeit Cäsars in seinem Berichte ü. den Feldzug gegen die Helvetier», Аарау, 1903). Съ увѣренностью можно сказать также, что почти всѣ указанныя выше параллельныя изложенiя въ основахъ зависимы отъ комментарiевъ Цезаря, пользовавшихся широкою извѣстностью съ момента ихъ появленiя и вплоть до поздняго императорскаго времени. Неясность комментарiевъ Ю. Цезаря въ географическомъ отношенiи, спѣшный характеръ изложенiя, политическая тенденцiя, важность вопроса для политической исторiи Рима, высокiй интересъ генiальныхъ военныхъ операцiй Цезаря, описанныхъ имъ самимъ, для военной исторiи—все это вмѣстѣ взятое содѣйствовало тому, что новѣйшая научная литература о галльской войнѣ необозрима. На правильную точку зрѣнiя поставленъ былъ вопросъ изученiя экспедицiй Цезаря впервые Наполеономъ III и полковн. Стоффелемъ, давшими точныя изысканiя мѣстности при помощи ряда систематическихъ раскопокъ. На ихъ работахъ главнымъ образомъ основываются позднѣйшiя изслѣдованiя. Главнѣйшiя работы: Napoléon III, «Histoire de Jules César» (II, 1866); A. v. Göler, «Cäsars gallischer Krieg und Theile seines Bürgerkrieges» (2 изд., 1880); F. Fröhlich, «Das Kriegswesen Cäsars» (1889—1890); Stoffel, «Guerre de César et d'Arioviste» (1890); T. Rice Holmes, «Caesars Conquest of Gaul» (1899); Delbrück, «Geschichte der Kriegskunst» (I, 1900, 415 слл.); C. Jullian, «Vercingetorix» (3 изд., 1903); Bloch, «La Gaule indèpendante et la Gaule romaine» (1900, у E. Lavisse, «Histoire de France», I, 86 слл.). Положенiе дѣлъ въ Галлiи въ 58 г. было слѣдующее. Борьба за главенство въ Галлiи, утерянное арвернами, шла между двумя сильными племенами—секванами и эдуями. Первые—сосѣди германцевъ—призвали на помощь сильную германскую бродячую армiю подъ предводительствомъ Арiовиста. Въ союзѣ съ нимъ, скорѣе даже въ подчиненiи у него, секваны боролись съ эдулми, старыми друзьями Рима, нанося имъ одинъ ударъ за другимъ. Римъ помощи эдуямъ не оказалъ; напротивъ, Арiовистъ признанъ былъ въ 59 г., наканунѣ Цезарева проконсульства, такимъ же «другомъ римскаго народа», какъ и эдуи. Между тѣмъ германская сила въ Галлiи росла и грозила не однимъ эдуямъ. Орда Арiовиста усиливалась и по его слѣдамъ собирались двигаться другiя племена. Ближе всего изъ кельтовъ средней Галлiи стояли передъ неизбѣжнымъ нашествiемъ гельветы, сосѣди секвановъ, старые союзники кимвровъ. Безпокойные сосѣди, мечты о главенствѣ въ Галлiи, желанiе избавиться отъ Арiовиста и освободить эдуевъ отъ порабощенiя—все это вмѣстѣ взятое побудило гельветовъ, если можетъ быть и не всѣмъ народомъ, то огромной ордою двинуться въ Галлiю, искать, какъ они говорили, мѣстъ для жительства. Какъ конечная цѣль похода намѣчалась, можетъ быть только какъ предлогъ, страна сантоновъ. Рона отдѣляла гельветовъ отъ римской провинцiи, горы—отъ секвановъ и эдуевъ. Путь черезъ римскую территорiю былъ удобнѣе и казался безопаснѣе; вражды съ Римомъ гельветы не хотѣли и просили, поэтому, пропуска. Ю. Цезарь, появившiйся уже въ Галлiи, въ пропускѣ отказалъ и укрѣпилъ берега Роны. Гельветы не настаивали и двинулись черезъ горы. Съ Арiовистомъ столкновенiя не было. и они благополучно собирались перейти въ область эдуевъ, когда Цезарь, со-

средоточивъ, за время медленнаго движенія орды, свои силы, всталъ передъ ними, какъ защитникъ эдуевъ, можетъ быть непрошенный или приглашенный только частью племени. Рѣшительная битва произошла около столицы эдуевъ Бибракте; гельветы были разбиты и только часть ихъ водворена на мѣста прежняго жительства. Оттолкнуть германцевъ, по плану Цезаря, должны были не кельты, а онъ; главенствовать въ Галліи въ качествѣ спасителя отъ германцевъ должны были не гельветы, а римляне. Поводъ къ войнѣ съ Аріовистомъ былъ тотъ же, что и для борьбы съ гельветами—интересы эдуевъ. Недалеко отъ Рейна, (нын. Безансонъ), между нимъ и Vesontio германцы, съ Аріовистомъ, были разбиты на голову. Гегемонія въ Галліи естественно перешла въ руки сильнѣйшаго—владѣтеля римской провинціи, Цезаря. Онъ добился предсѣдательства въ собраніяхъ депутатовъ племенъ, требовалъ провіанта, фуража и конницы. Отказались подчиниться ему только сѣверныя племена, бельги. Кампанія 57 г. имѣла цѣлью сломить ихъ сопротивленіе. Коалиціонная армія бельговъ (дружественно римлянамъ было одно только племя ремовъ) разсѣялась до рѣшительнаго столкновенія съ Цезаремъ. Диверсія Цезаря въ область одного изъ союзныхъ племенъ (белловаковъ) и невозможность для варваровъ организовать и прокормить крупную армію привели къ тому что контингенты бельговъ разсѣялись по домамъ и Цезарь безъ труда подчинилъ ихъ по одиночкѣ. Въ 56 г. сопротивленіе приморскихъ западныхъ кельтовъ удалось сломить только комбинированнымъ нападеніемъ съ суши и съ моря. Въ томъ же году римскія войска появились въ Аквитаніи и приморскіе бельги увидали легіоны въ своихъ лѣсахъ и болотахъ.—Гегемонія, лишавшая кельтскія племена иниціативы въ борьбѣ съ сосѣдями, обязывала Цезаря обезпечить безопасность границъ. Изъ-за Рейна грозили германцы, съ сѣвера, изъ Британіи, въ каждый данный моментъ можно было ожидать появленія британскихъ кельтовъ. Годы 55—53 заняты были четырьмя военными диверсіями къ сосѣдямъ: двумя походами въ Германію (55 и 53) и двумя въ Британію (55 и 54 г.). Завоеваній эти походы не дали, но обезпечили границы на долгое время и внушили страхъ и въ Германіи, и въ Британіи. Въ 54 г. начинается, не смотря на кажущееся подчиненіе, сильное броженіе среди галльскихъ племенъ. Общая зависимость отъ Рима сгладила противоположность племенныхъ интересовъ; сознаніе національнаго единства всегда было сильно въ галлахъ; гнетъ римскихъ требованій претилъ свободолюбивымъ кельтамъ. Попытки сбросить съ себя тяжелую гегемонію начались, однако, не съ общаго возстанія, а съ мѣстныхъ вспышекъ. Первая вспышка произошла у наиболѣе дикихъ племенъ. Зимою 54 г. одно изъ сильнѣйшихъ племенъ бельговъ—эбуроны—воспользовалось тѣмъ, что Цезарь для удобства зимовки распредѣлилъ свое войско по отдѣльнымъ лагерямъ, и напало на одного изъ легатовъ Цезаря, Титурія Сабина, въ его лагерѣ. Хитростью удалось предводителю эбуроновъ Амбіоригу заставить Сабина покинуть свой лагерь; онъ былъ со всѣмъ своимъ войскомъ уничтоженъ бельгами. Сосѣдній легатъ Ю. Цезаря, Кв. Цицеронъ, не повторилъ ошибки Сабина; его войску удалось отстоять свой лагерь. Цезарю пришлось спѣшить на выручку, тѣмъ болѣе, что поднялось все сосѣдство: карнуты, сеноны и др. Зимой и лѣтомъ Ю. Цезарь во главѣ 10-ти легіоновъ подавлялъ смуту и жестоко расправлялся съ возставшими. Въ 53 г. все казалось спокойнымъ, и Цезарь счелъ возможнымъ вернуться на зиму въ свою обычную зимнюю резиденцію въ Сѣв. Италіи. Но возстаніе эбуроновъ было только прелюдіей. Національное самосознаніе было окончательно пробуждено экзекуціями; кельтская нація не замедлила сплотиться, выбравъ своимъ центромъ старыхъ своихъ гегемоновъ арверновъ и ихъ молодого руководителя, недавно провозглашеннаго царемъ, Верцингеторикса, иниціатора и душу затѣвавшейся отчаянной борьбы. Зимою 53 года соглашеніе подготовлялось; въ концѣ зимы начались враждебныя дѣйствія. Въ первые мѣсяцы возстала далеко не вся Галлія: центръ и западъ сплотились около Верцингеторикса, сѣверъ поднимался медленно, востокъ и въ центрѣ лингоны и ремы были на сторонѣ Цезаря. Планъ галльскаго вождя состоялъ въ томъ, чтобы отрѣзать войско Цезаря, стоявшее въ странѣ сеноновъ, отъ центра римскаго вліянія — долины Роны и отъ его вождя, бывшаго въ Италіи. Для этого одновременно карнуты перерѣзываютъ гарнизонъ нынѣшняго Орлеана и осаждаютъ войска въ нынѣшн. Sens, отрядъ галловъ спускается съ арвернскихъ высотъ въ римскую провинцію, самъ Верцингеториксъ стремится подчинить себѣ суэссіоновъ, эдуевъ, битуриговъ и тѣмъ преградить Цезарю доступъ къ легіонамъ. Планъ этотъ не удался. Цезарь, съ горстью наскоро собранныхъ солдатъ, организуетъ защиту провинціи и дѣлаетъ диверсію въ страну арверновъ. Верцингеториксъ, расчитывая уничтожить его въ знакомыхъ ему мѣстахъ, покидаетъ на время свой постъ и бросается навстрѣчу отряду Цезаря. Цезарь тѣмъ временемъ, бросивъ отрядъ, съ горстью всадниковъ усиленными маршами проходитъ черезъ провинцію и области эдуевъ и лингоновъ къ легіонамъ. Возвращеніе Верцингеторикса на прежній постъ не помѣшало Цезарю быстро справиться съ возставшими сенонами и карнутами и двинуться на югъ. Неудача подъ Новіодуномъ и быстрая тактика Цезаря, неувѣренность въ своемъ войскѣ и увѣренность въ неуспѣхѣ правильныхъ битвъ измѣнили планъ Верцингеторикса. Онъ рѣшилъ отнынѣ не принимать сраженій, опустошить все на пути Цезаря, постоянно безпокоить его конницей, не допуская къ провіанту и фуражу, защищать только важнѣйшіе и сильнѣйшіе пункты. Первымъ такимъ пунктомъ былъ Аварикъ. Только по настойчивому желанію галловъ рѣшился защищать это мѣсто Верцингеториксъ, безъ надежды на успѣхъ. Согласно его ожиданіямъ, слабая крѣпость на глазахъ у галльскаго войска была взята приступомъ. Послѣ этого успѣха Цезарь дѣлитъ

свою армію на сѣверную, подъ командой Лабіена, и южную. Преградами въ движеніи этихъ армій были твердыня Герговіи, столицы арверновъ—для южной арміи Цезаря, городъ Паризіевъ — для сѣверной. Отчаянная попытка Цезаря штурмовать неприступную твердыню арверновъ кончилась неудачей; онъ потерпѣлъ сильное пораженіе. Неудачна была и экспедиція Лабіена. Ему не удалось пробраться черезъ толпы враговъ къ своему главному центру Аварику. Пораженіе непобѣдимаго проконсула подняло всю Галлію; присоединились и эдуи, и секваны. Верцингеториксъ вновь избранъ былъ верховнымъ вождемъ. Въ его рукахъ очутилась сильная армія, съ 15000 превосходной галльской конницы. Къ счастью для Цезаря, медленная организація Верцингеториксомъ новыхъ отношеній и новой арміи дала ему возможность соединиться съ Лабіеномъ и вмѣстѣ двинуться къ югу. Агитація проникла въ римскую провинцію; Цезарь боялся за вѣрность аллоброговъ, нужны были подкрѣпленія. Надѣясь на силу галльской конницы, побуждаемый энтузіазмомъ всей Галліи, Верцингеториксъ рѣшился не пускать Ю. Цезаря въ провинцію. Около нын. Дижона конница Верцингеторикса завязала рѣшительный бой. Римское войско Цезаря спасено было удалью нанятой Цезаремъ германской конницы, нанесшей рѣшительное пораженіе галламъ. Пораженіе это заставило Верцингеторикса броситься въ сильную крѣпость эдуевъ, Алезію, и ждать здѣсь выручки со стороны объединенной Галліи. До конца лѣта 52 г. длилась осада Алезіи. Блокада начала уже истощать голодомъ гарнизонъ, когда появилась на выручку армія соединенныхъ племенъ Галліи. Комбинированный штурмъ Цезаревыхъ укрѣпленій со стороны Алезіи и извнѣ отраженъ былъ, однако, Цезаремъ, войско галловъ разбито, гарнизонъ Алезіи вынужденъ сдаться. Этимъ возстаніе было окончательно подавлено, національная сила Галліи сломлена. Въ 51 г. Цезарю оставалось только довершить дѣло рядомъ экспедицій въ страны наиболѣе упорныхъ галльскихъ племенъ.

Конфликтъ между Ю. Цезаремъ и Помпеемъ. Блестящіе результаты первыхъ экспедицій колоссально подняли престижъ Цезаря въ Римѣ; галльскія деньги поддерживали этотъ престижъ не менѣе успѣшно. Сенатская оппозиція противъ тріумвирата, однако, не дремала, и Помпей въ Римѣ переживалъ рядъ непріятныхъ моментовъ. Въ Римѣ ни онъ, ни Крассъ не чувствовали себя на мѣстѣ; обоимъ хотѣлось военной власти. Цезарю, для достиженія намѣченныхъ цѣлей, необходимо было продолженіе полномочій. На основѣ этихъ желаній зимою 56—55 гг. состоялось новое соглашеніе тріумвировъ, по которому Цезарь получалъ Галлію еще на 5 лѣтъ, Помпей и Крассъ консульство на 55-ый годъ, а затѣмъ проконсульства: Помпей — въ Испаніи, Крассъ—въ Сиріи. Сирійское проконсульство Красса окончилось его гибелью. Помпей остался въ Римѣ, гдѣ послѣ его консульства началась полная анархія, можетъ быть не безъ стараній Ю. Цезаря. Анархія достигла такихъ размѣровъ, что Помпей выбранъ былъ на 52 годъ консуломъ безъ коллеги. Новое возвышеніе Помпея, смерть жены Помпея, дочери Цезаря (въ 54 г.), рядъ интригъ его противъ возраставшаго престижа Цезаря неминуемо вели къ разрыву между союзниками; но возстаніе Верцингеторикса на время спасло положеніе. Серьезныя столкновенія начались только въ 51 г. Помпей фигурировалъ при этомъ въ роли, которой онъ давно уже добивался—въ роли главы римскаго государства, признаннаго сенатомъ и народомъ, соединявшаго военную власть съ гражданской, сидѣвшаго у воротъ Рима, куда къ нему собирался сенатъ, обладавшаго проконсульской властью и распоряжавшагося сильнымъ семилегіоннымъ войскомъ въ Испаніи. Если раньше Цезарь былъ необходимъ Помпею, то теперь онъ могъ быть для Помпея только помѣхой, которую нужно было устранить какъ можно скорѣе, въ виду того, что стремленія Цезаря были несовмѣстимы съ положеніемъ Помпея. Конфликтъ, лично назрѣвшій уже въ 56 г., теперь былъ зрѣлъ и политически; иниціатива его должна была исходить не отъ Ю. Цезаря, положеніе котораго было несравненно хуже политически и по отношенію къ законности, а отъ Помпея, у котораго были въ рукахъ всѣ козыри, кромѣ военныхъ, да и послѣднихъ было мало только въ первые моменты. Помпей поставилъ дѣло такъ, что конфликтъ между нимъ и Цезаремъ оказался не личнымъ ихъ столкновеніемъ, а столкновеніемъ между революціоннымъ проконсуломъ и сенатомъ, т. е. законнымъ правительствомъ. Переписка Цицерона служитъ документальнымъ пробнымъ камнемъ, показывающимъ достовѣрность изложенія событій самимъ Цезаремъ въ его политической брошюрѣ историческаго содержанія, озаглавленной: «De bello civili». Огромное значеніе имѣла бы 109-ая книга Ливія, если бы она до насъ дошла въ оригиналѣ, а не въ извлеченіяхъ Флора, Евтропія и Орозія. Основу Ливіева изложенія сохранилъ намъ, можетъ быть, Діонъ Кассій. Много данныхъ находимъ мы и въ краткомъ очеркѣ офицера временъ имп. Тиберія, Веллея Патеркула; многое даетъ Светоній, кое-что—авторъ исторической поэмы изъ времени гражданской войны, современникъ Нерона, Луканъ. Аппіанъ и Плутархъ восходятъ въ изложеніи гражданской войны, вѣроятно, къ историческому труду Азинія Полліона. Спеціальныя работы по данному вопросу: Mommsen, «Die Rechtsfrage zwischen Cæsar und dem Senat» (Бресл., 1858, «Abh. der hist.-phil. Gesellschaft in Breslau»); Guiraud, «Le différend entre César et le sénat» (П., 1878); Nissen, «Der Ausbruch des Bürgerkrieges 49 v. Chr.» («Hist. Zeitschrift» Зибеля, 44 и 46; превосходная статья); Schmidt, изслѣдованіе на основаніи детальнаго изученія писемъ Цицерона, въ «Rhein. Museum» (1892, 241 и слѣд.), «Fleckeisens Jahrbücher» (1891, 121—130) и въ его книгѣ «Der Briefwechsel des M. Tullius Cicero» (Лпц., 1893, 14 слл. и 94 слл.); наконецъ, O. Hirschfeld, въ «Beiträge zur alten Geschichte» (1904, 1). По соглашенію Цезаря и Помпея въ Луккѣ 56 г. и послѣдо-

вавшему за нимъ закону Помпея и Красса 55 г., полномочія Цезаря въ Галліи и Иллирикѣ должны были прекратиться въ послѣдній день февраля 49 г.; при этомъ опредѣленно указано было, что до 1 марта 50 г. рѣчи въ сенатѣ о преемникѣ Цезарю не будетъ. Въ 52 г. только галльскія смуты не дали состояться разрыву между Цезаремъ и Помпеемъ, вызванному передачей всей власти въ руки Помпея, какъ единаго консула и въ то же время проконсула, чѣмъ нарушалось равновѣсіе дуумвирата. Какъ компенсаціи, Цезарь требовалъ для себя возможности такого же положенія въ будущемъ, т. е. соединенія консулата и проконсулата или, вѣрнѣе, немедленной замѣны проконсулата консулатомъ. Для этого необходимо было добиться разрѣшенія быть выбраннымъ консуломъ на 48 г., не вступая въ теченіе 49 г. въ городъ, что было бы равносильно отказу отъ военной власти. Плебисцитъ 52 г., проведенный въ мартѣ мѣсяцѣ всей трибунской коллегіей, далъ Цезарю просимую привилегію, чему Помпей не противорѣчилъ. Въ этой привилегіи содержалось, согласно обычаямъ, и молчаливое продолженіе проконсульства до 1 января 48 г. Неудача Ю. Цезаря въ борьбѣ съ Верцингеториксомъ заставила правительство пожалѣть о сдѣланной уступкѣ—и въ томъ же году проведенъ былъ рядъ боевыхъ законовъ, направленныхъ противъ Цезаря. Помпею продолжена была его власть въ Испаніи до 45 г.; для устраненія возможности Цезарю послѣ консулата возобновить немедленно проконсулатъ, былъ проведенъ законъ, запрещавшій отправленіе въ провинцію ранѣе чѣмъ черезъ 5 лѣтъ послѣ сложенія магистратуры; наконецъ, прямо въ отмѣну только что данной привилегіи подтверждено было постановленіе, запрещавшее добиваться магистратуръ, не находясь въ Римѣ. Къ проведенному уже закону, вопреки всякой законности, Помпей присоединилъ, однако, клаузулу, подтверждавшую привилегію Цезаря. Въ 51 г. счастливое окончаніе галльскихъ войнъ дало Цезарю возможность вновь дѣятельно выступить въ Римѣ. Онъ просилъ у сената, добиваясь отъ него формальнаго признанія привилегіи, продолженія проконсулата хотя бы въ части провинціи до 1 января 48 г. Сенатъ отказалъ и этимъ поставленъ былъ на очередь вопросъ о назначеніи преемника Ю. Цезарю. Законнымъ, однако, было разбирательство этого дѣла только послѣ 1 марта 50 г.; до этого времени всякая интерцессія дружественныхъ Цезарю трибуновъ и формально была совершенно основательной. Цезарь добивался лично уладить свои отношенія съ Помпеемъ; крайніе въ сенатѣ не желали этого допустить; средніе искали выхода, находя его въ томъ, чтобы Помпей всталъ во главѣ войска, назначеннаго для пареянской войны, настоятельно необходимой въ виду пораженія и смерти Красса. Самъ Помпей тяжело болѣлъ и большую часть времени проводилъ вдали отъ Рима. Въ 50 г. дѣло должно было принять болѣе острый оборотъ, тѣмъ болѣе, что Цезарь нашелъ себѣ геніальнаго въ политической интригѣ агента—Куріона, избраннаго на этотъ годъ трибуномъ. Изъ консуловъ одинъ—Эмилій Павелъ—былъ на сторонѣ Цезаря, другой—Г. Марцеллъ—всецѣло противъ него, какъ руководитель сенатскихъ ультраконсерваторовъ. Цѣлью Куріона было поссорить сенатъ и Помпея и заставить послѣдняго вновь войти въ сношеніе съ Цезаремъ. Для этого онъ противился всякому постановленію сената о провинціяхъ и требовалъ, чтобы законность была возстановлена вполнѣ, т. е. чтобы и Помпей, и Цезарь отказались отъ полномочій. Весною Помпей сильно заболѣлъ; во время выздоровленія онъ письменно согласился на условія Куріона и, окончательно оправившись, двинулся къ Риму. Его сопровождалъ сплошной тріумфъ; встрѣчи, молебствія и т. д. давали ему увѣренность въ томъ, что вся Италія за него. Не смотря на это, и подъ Римомъ онъ не взялъ назадъ даннаго имъ согласія. Весьма возможно, что въ концѣ 50 г. происходила новая дипломатическая кампанія Цезаря, вызывавшая Помпея на соглашеніе; на Пареію, вѣроятно, указывалось какъ на средство примиренія. Помпей могъ быть тамъ въ своей сферѣ и обновить свои восточные лавры. Показателемъ мирнаго настроенія Цезаря и возможности соглашенія служитъ то, что Цезарь отдалъ, по требованію сената, два своихъ легіона (одинъ—ссуженный ему Помпеемъ) и отправилъ ихъ въ Италію по направленію къ Брундузію. Осенью 50 г. Цезарь появился, наконецъ, въ Сѣв. Италіи, гдѣ его встрѣтила копія торжествъ, оказанныхъ Помпею. Въ ноябрѣ онъ былъ вновь въ Галліи, гдѣ за политической демонстраціей, только что состоявшейся въ Италіи, послѣдовала военная въ видѣ смотра легіонамъ. Годъ близился къ концу, а положеніе все было крайне неопредѣленнымъ. Примиреніе между Цезаремъ и Помпеемъ окончательно не удалось; симптомомъ этого является то, что Цезаревы легіоны, отправленные было въ ноябрѣ въ Брундузій, были задержаны въ Капуѣ и затѣмъ ждали событій въ Луцеріи. Въ сенатѣ Г. Марцеллъ энергично добивался того, чтобы Ю. Цезаря объявили незаконно обладающимъ властью и врагомъ отечества, на что не было законныхъ основаній. Большинство сената, однако, настроено было мирно; сенатъ больше всего желалъ, чтобы Цезарь и Помпей оба сложили свои полномочія. Главнымъ противникомъ Марцелла былъ Куріонъ. 10 декабря онъ уже не могъ функціонировать какъ трибунъ: въ этотъ день вступали новые трибуны. Но и теперь Марцеллу не удалось увлечь за собою сенатъ; тогда онъ, не желая передать дѣло въ руки новыхъ консуловъ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ сенаторовъ, безъ всякихъ полномочій, 13 декабря появился въ Куманской виллѣ Помпея и передалъ ему мечъ для защиты свободнаго строя. Помпей, рѣшившійся на войну, пользуется случаемъ и отправляется къ легіонамъ въ Луцерію. Актъ 13 декабря Цезарь совершенно правильно считаетъ началомъ смуты—initium tumultus—со стороны Помпея. Дѣйствія Помпея были незаконны и были немедленно (21 декабря) провозглашены таковыми въ рѣчи Анто-

нія, одного изъ легатовъ Ю. Цезаря и трибуновъ этого года. Куріонъ лично извѣстилъ о случившемся Цезаря, находившагося въ то время въ Равеннѣ. Положеніе оставалось неопредѣленнымъ, но въ рукахъ Помпея было два превосходныхъ легіона, онъ заручился поддержкой одного изъ самыхъ близкихъ Цезарю людей—Т. Лабіена; Цезарь же имѣлъ въ Италіи только одинъ легіонъ ветерановъ и долженъ былъ, въ случаѣ наступленія, дѣйствовать во враждебно ему настроенной—такъ по крайней мѣрѣ казалось Помпею—странѣ. Впрочемъ, уже теперь вѣроятно Помпей имѣлъ въ виду окончательные счеты свести не въ Италіи, а въ провинціяхъ. Для Цезаря важнѣе всего было выиграть время; предлогъ для начала военныхъ дѣйствій былъ уже въ его рукахъ, но силъ для войны было мало. Во всякомъ случаѣ ему было выгодно, чтобы начало дѣйствій было для его враговъ неожиданностью. Куріонъ предъявилъ 1 января въ сенатѣ ультиматумъ Цезаря. Цезарь объявлялъ о своей готовности сложить власть, но вмѣстѣ съ Помпеемъ, и грозилъ иначе войной. Угрозы вызвали открытое противодѣйствіе сената: Помпей не долженъ слагать власти, Цезарь долженъ сложить ее до іюля 49 г.; и то и другое было, впрочемъ, вполнѣ законно. Противъ сенатусконсульта протестовали трибуны М. Антоній и Кассій. Послѣ этого, однако, продолжались разсужденія о томъ, какъ бы найти modus vivendi безъ войны. Того же желалъ и Цезарь. До 7 января въ Римѣ были получены его новыя, болѣе мягкія условія. Помпей долженъ былъ отправиться въ Испанію; для себя Цезарь просилъ продолженія власти до 1 янв. 48 г., хотя бы только въ Италіи, съ войскомъ всего въ 2 легіона. Цицеронъ, появившійся 5 января подъ стѣнами Рима по возвращеніи изъ своего киликійскаго проконсульства, добился дальнѣйшей уступки: только Иллирію и 1 легіонъ требовалъ Цезарь. Помпей, однако, и на эти условія не пошелъ. 7 января собрался сенатъ и употребилъ всѣ старанія, чтобы трибуны взяли назадъ интерцессію 1 января. Антоній и Кассій были непоколебимы. Консулъ потребовалъ тогда ихъ удаленія изъ сената. Послѣ горячаго протеста Антонія, Кассій, Цэлій Руфъ и Куріонъ покинули сенатъ и въ одеждѣ рабовъ, тайкомъ, въ наемной телѣгѣ, бѣжали къ Цезарю. Послѣ удаленія трибуновъ консуламъ даны были сенатомъ экстраординарныя полномочія, съ цѣлью предотвратить смуту. Въ дальнѣйшемъ собраніи внѣ стѣнъ города, въ присутствіи Помпея и Цицерона, вотированъ былъ decretum tumultus, т. е. Италія объявлена на военномъ положеніи; распредѣлены были провинціи, ассигнованы деньги. Главнокомандующимъ фактически былъ Помпей, по имени — четыре проконсула. Все дѣло было теперь въ томъ, какъ отнесется къ этому Цезарь, запугаютъ ли его грандіозныя приготовленія къ войнѣ съ нимъ.

Tumultus italicus и bellum civile. Источники тѣ же. Для второй части присоединяются псевдо-Цезаревы bellum Alexandrinum, Africanum, Hispaniense. Новѣйшія обработки: лучшая Stoffel, «Historie de Jules César, Guerre civile». (1887, 2 т.); Judeich, «Caesar im Orient» (Лпц., 1885); о войскѣ Ю. Цезаря: Domaszewski, въ «Neue Heidelberger Jahrbücher», 1894, 157 и сл.; о дипломатическихъ переговорахъ Holzapfel, въ «Beiträge zur alten Geschichte», III, 213 сл.; относительно исторической достовѣрности комментаріевъ о гражданской войнѣ Ю. Цезаря: Glöde, «Ueber die Quellen des pompeianischen Bürgerkirieges» (I, Киль, 1871); Strenge, «Der tendenziöse Character der Cäsarischen Memoiren vom Bürgerkriege» (Люнебургъ, 1873); Basiner, «De bello civili» (Дерптъ, 1881); Pfannschmidt, «Zur Geschichte d. pomp. Bürgerkrieges.» (Progr., Вейсенфельсъ, 1888). О псевдо-Цезаревыхъ комментаріяхъ см. ниже: «Ю. Цезарь, какъ писатель».—Извѣстіе о дѣйствіяхъ сената Цезарь получилъ отъ бѣглецовъ-трибуновъ 10 января. Въ его распоряженіи было около 5000 человѣкъ легіонныхъ солдатъ. Половина этихъ силъ стояла на южной границѣ провинціи, у р. Рубикона. Дѣйствовать надо было какъ можно скорѣе, чтобы захватить сенатъ врасплохъ, пока еще не пришло оффиціальное извѣстіе о проведенныхъ, наконецъ, законнымъ образомъ требованіяхъ сената отъ 1 января. День 10-го Цезарь тайно отъ всѣхъ посвящаетъ нужнымъ распоряженіямъ, ночью — опять-таки тайно—съ нѣсколькими близкими бросается къ войску, переходитъ границу своей провинціи —Рубиконъ—и захватываетъ Ариминъ, ключъ Италіи. Въ то же время Антоній съ другой частью войска идетъ на Арреціумъ, который также захватываетъ неожиданнымъ натискомъ. Въ Аримінѣ застаютъ Цезаря за наборомъ новыхъ войскъ послы сената. Цезарь отвѣчаетъ имъ, что хочетъ мира, и обѣщаетъ очистить провинцію къ 1 іюля, лишь бы за нимъ осталась Иллирія, а Помпей удалился бы въ Испанію. Вмѣстѣ съ тѣмъ Цезарь настойчиво требуетъ свиданія съ Помпеемъ. Между тѣмъ въ Римѣ распространяются ужасные слухи. Сенатъ, по возвращеніи пословъ, вынудивъ у Помпея согласіе, отправляетъ ихъ вновь къ Цезарю. Свиданія съ Помпеемъ не должно быть (соглашенія между ними сенатъ допустить не могъ); Цезарю обѣщаны тріумфъ и консульство, но прежде всего онъ долженъ очистить занятые города, уйти въ свою провинцію и распустить войско. Между тѣмъ Цезаремъ заняты были 14 и 15 января Анкона и Пизавръ. Надежды сената и Помпея на то, что Цезарь дастъ имъ время подготовиться, рухнули. Помпею, съ его новобранцами и двумя Цезаревыми легіонами, трудно было перейти въ наступленіе, трудно было и поставить все на карту, защищая Римъ. Въ виду этого, не дожидаясь возвращенія посольства, Помпей покидаетъ Римъ 17 января со всѣмъ почти сенатомъ, запечатавъ казну, въ страшной спѣшкѣ. Главной квартирой Помпея становится отнынѣ Капуя. Отсюда онъ думалъ, взявъ легіоны въ Луцеріи, захватить Пиценъ и организовать тамъ защиту. Но уже 27—28 января Пиценъ, съ его главнымъ пунктомъ Авксимомъ, очутился въ рукахъ Цезаря. Гарнизоны занятыхъ городовъ перехо-

вавшему за нимъ закону Помпея и Красса 55 г., полномочія Цезаря въ Галліи и Иллирикѣ должны были прекратиться въ послѣдній день февраля 49 г.; при этомъ опредѣленно указано было, что до 1 марта 50 г. рѣчи въ сенатѣ о преемникѣ Цезарю не будетъ. Въ 52 г. только галльскія смуты не дали состояться разрыву между Цезаремъ и Помпеемъ, вызванному передачей всей власти въ руки Помпея, какъ единаго консула и въ то же время проконсула, чѣмъ нарушалось равновѣсіе дуумвирата. Какъ компенсаціи, Цезарь требовалъ для себя возможности такого же положенія въ будущемъ, т. е. соединенія консулата и проконсулата или, вѣрнѣе, немедленной замѣны проконсулата консулатомъ. Для этого необходимо было добиться разрѣшенія быть выбраннымъ консуломъ на 48 г., не вступая въ теченіе 49 г. въ городъ, что было бы равносильно отказу отъ военной власти. Плебисцитъ 52 г., проведенный въ мартѣ мѣсяцѣ всей трибунской коллегіей, далъ Цезарю просимую привилегію, чему Помпей не противорѣчилъ. Въ этой привилегіи содержалось, согласно обычаямъ, и молчаливое продолженіе проконсульства до 1 января 48 г. Неудача Ю. Цезаря въ борьбѣ съ Верцингеториксомъ заставила правительство пожалѣть о сдѣланной уступкѣ—и въ томъ же году проведенъ былъ рядъ боевыхъ законовъ, направленныхъ противъ Цезаря. Помпею продолжена была его власть въ Испаніи до 45 г.; для устраненія возможности Цезарю послѣ консулата возобновить немедленно проконсулатъ, былъ проведенъ законъ, запрещавшій отправленіе въ провинцію ранѣе чѣмъ черезъ 5 лѣтъ послѣ сложенія магистратуры; наконецъ, прямо въ отмѣну только что данной привилегіи подтверждено было постановленіе, запрещавшее добиваться магистратуръ, не находясь въ Римѣ. Къ проведенному уже закону, вопреки всякой законности, Помпей присоединилъ, однако, клаузулу, подтверждавшую привилегію Цезаря. Въ 51 г. счастливое окончаніе галльскихъ войнъ дало Цезарю возможность вновь дѣятельно выступить въ Римѣ. Онъ просилъ у сената, добиваясь отъ него формальнаго признанія привилегіи, продолженія проконсулата хотя бы въ части провинцій до 1 января 48 г. Сенатъ отказалъ и этимъ поставленъ былъ на очередь вопросъ о назначеніи преемника Ю. Цезарю. Законнымъ, однако, было разбирательство этого дѣла только послѣ 1 марта 50 г.; до этого времени всякая интерцессія дружественныхъ Цезарю трибуновъ и формально была совершенно основательной. Цезарь добивался лично уладить свои отношенія съ Помпеемъ; крайніе въ сенатѣ не желали этого допустить; средніе искали выхода, находя его въ томъ, чтобы Помпей всталъ во главѣ войска, назначеннаго для пароянской войны, настоятельно необходимой въ виду пораженія и смерти Красса. Самъ Помпей тяжело болѣлъ и большую часть времени проводилъ вдали отъ Рима. Въ 50 г. дѣло должно было принять болѣе острый оборотъ, тѣмъ болѣе, что Цезарь нашелъ себѣ геніальнаго въ политической интригѣ агента—Куріона, избраннаго на этотъ годъ трибуномъ. Изъ консуловъ одинъ—Эмилій Павелъ—былъ на сторонѣ Цезаря, другой—Г. Марцеллъ—всецѣло противъ него, какъ руководитель сенатскихъ ультраконсерваторовъ. Цѣлью Куріона было поссорить сенатъ и Помпея и заставить послѣдняго вновь войти въ сношеніе съ Цезаремъ. Для этого онъ противился всякому постановленію сената о провинціяхъ и требовалъ, чтобы законность была возстановлена вполнѣ, т. е. чтобы и Помпей, и Цезарь отказались отъ полномочій. Весною Помпей сильно заболѣлъ; во время выздоровленія онъ письменно согласился на условія Куріона и, окончательно оправившись, двинулся къ Риму. Его сопровождалъ сплошной тріумфъ; встрѣчи, молебствія и т. д. давали ему увѣренность въ томъ, что вся Италія за него. Не смотря на это, и подъ Римомъ онъ не взялъ назадъ даннаго имъ согласія. Весьма возможно, что въ концѣ 50 г. происходила новая дипломатическая кампанія Цезаря, вызывавшая Помпея на соглашеніе; на Пареію, вѣроятно, указывалось какъ на средство примиренія. Помпей могъ быть тамъ въ своей сферѣ и обновить свои восточные лавры. Показателемъ мирнаго настроенія Цезаря и возможности соглашенія служитъ то, что Цезарь отдалъ, по требованію сената, два своихъ легіона (одинъ—ссуженный ему Помпеемъ) и отправилъ ихъ въ Италію по направленію къ Брундузію. Осенью 50 г. Цезарь появился, наконецъ, въ Сѣв. Италіи, гдѣ его встрѣтила копія торжествъ, оказанныхъ Помпею. Въ ноябрѣ онъ былъ вновь въ Галліи, гдѣ за политической демонстраціей, только что состоявшейся въ Италіи, послѣдовала военная въ видѣ смотра легіонамъ. Годъ близился къ концу, а положеніе все было крайне неопредѣленнымъ. Примиреніе между Цезаремъ и Помпеемъ окончательно не удалось; симптомомъ этого является то, что Цезаревы легіоны, отправленные было въ ноябрѣ въ Брундузій, были задержаны въ Капуѣ и затѣмъ ждали событій въ Луцеріи. Въ сенатѣ Г. Марцеллъ энергично добивался того, чтобы Ю. Цезаря объявили незаконно обладающимъ властью и врагомъ отечества, на что не было законныхъ основаній. Большинство сената, однако, настроено было мирно; сенатъ больше всего желалъ, чтобы Цезарь и Помпей оба сложили свои полномочія. Главнымъ противникомъ Марцелла былъ Куріонъ. 10 декабря онъ уже не могъ функціонировать какъ трибунъ: въ этотъ день вступали новые трибуны. Но и теперь Марцеллу не удалось увлечь за собою сенатъ; тогда онъ, не желая передать дѣло въ руки новыхъ консуловъ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ сенаторовъ, безъ всякихъ полномочій, 13 декабря появился въ Куманской виллѣ Помпея и передалъ ему мечъ для защиты свободнаго строя. Помпей, рѣшившійся на войну, пользуется случаемъ и отправляется къ легіонамъ въ Луцерію. Актъ 13 декабря Цезарь совершенно правильно считаетъ началомъ смуты—initium tumultus—со стороны Помпея. Дѣйствія Помпея были незаконны и были немедленно (21 декабря) провозглашены таковыми въ рѣчи Анто-

нія, одного изъ легатовъ Ю. Цезаря и трибуновъ этого года. Куріонъ лично извѣстилъ о случившемся Цезаря, находившагося въ то время въ Равеннѣ. Положеніе оставалось неопредѣленнымъ, но въ рукахъ Помпея было два превосходныхъ легіона, онъ заручился поддержкой одного изъ самыхъ близкихъ Цезарю людей—Т. Лабіена; Цезарь же имѣлъ въ Италіи только одинъ легіонъ ветерановъ и долженъ былъ, въ случаѣ наступленія, дѣйствовать во враждебно ему настроенной—такъ по крайней мѣрѣ казалось Помпею—странѣ. Впрочемъ, уже теперь вѣроятно Помпей имѣлъ въ виду окончательные счеты свести не въ Италіи, а въ провинціяхъ. Для Цезаря важнѣе всего было выиграть время; предлогъ для начала военныхъ дѣйствій былъ уже въ его рукахъ, но силъ для войны было мало. Во всякомъ случаѣ ему было выгодно, чтобы начало дѣйствій было для его враговъ неожиданностью. Куріонъ предъявилъ 1 января въ сенатѣ ультиматумъ Цезаря. Цезарь объявлялъ о своей готовности сложить власть, но вмѣстѣ съ Помпеемъ, и грозилъ иначе войной. Угрозы вызвали открытое противодѣйствіе сената: Помпей не долженъ слагать власти, Цезарь долженъ сложить ее до іюля 49 г.; и то и другое было, впрочемъ, вполнѣ законно. Противъ сенатусконсульта протестовали трибуны М. Антоній и Кассій. Послѣ этого, однако, продолжались разсужденія о томъ, какъ бы найти modus vivendi безъ войны. Того же желалъ и Цезарь. До 7 января въ Римѣ были получены его новыя, болѣе мягкія условія. Помпей долженъ былъ отправиться въ Испанію; для себя Цезарь просилъ продолженія власти до 1 янв. 48 г., хотя бы только въ Италіи, съ войскомъ всего въ 2 легіона. Цицеронъ, появившійся 5 января подъ стѣнами Рима по возвращеніи изъ своего киликійскаго проконсульства, добился дальнѣйшей уступки: только Иллирію и 1 легіонъ требовалъ Цезарь. Помпей, однако, и на эти условія не пошелъ. 7 января собрался сенатъ и употребилъ всѣ старанія, чтобы трибуны взяли назадъ интерцессію 1 января. Антоній и Кассій были непоколебимы. Консулъ потребовалъ тогда ихъ удаленія изъ сената. Послѣ горячаго протеста Антонія, Кассій, Цэлій Руфъ и Куріонъ покинули сенатъ и въ одеждѣ рабовъ, тайкомъ, въ наемной телѣгѣ, бѣжали къ Цезарю. Послѣ удаленія трибуновъ консуламъ даны были сенатомъ экстраординарныя полномочія, съ цѣлью предотвратить смуту. Въ дальнѣйшемъ собраніи внѣ стѣнъ города, въ присутствіи Помпея и Цицерона, вотированъ былъ decretum tumultus, т. е. Италія объявлена на военномъ положеніи; распредѣлены были провинціи, ассигнованы деньги. Главнокомандующимъ фактически былъ Помпей, по имени — четыре проконсула. Все дѣло было теперь въ томъ, какъ отнесется къ этому Цезарь, запугаютъ ли его грандіозныя приготовленія къ войнѣ съ нимъ.

Tumultus italicus и bellum civile. Источники тѣ же. Для второй части присоединяются псевдо-Цезаревы bellum Alexandrinum, Africanum, Hispaniense. Новѣйшія обработки: лучшая Stoffel, «Historie de Jules César, Guerre civile», (1887, 2 т.); Judeich, «Caesar im Orient» (Лпц., 1885); о войскѣ Ю. Цезаря: Domaszewski, въ «Neue Heidelberger Jahrbücher», 1894, 157 и сл.; о дипломатическихъ переговорахъ Holzapfel, въ «Beiträge zur alten Geschichte», III, 213 сл.; относительно исторической достовѣрности комментаріевъ о гражданской войнѣ Ю. Цезаря: Glöde, «Ueber die Quellen des pompeianischen Bürgerkirieges» (I, Киль, 1871); Strenge, «Der tendenziöse Character der Cäsarischen Memoiren vom Bürgerkriege» (Люнебургъ, 1873); Basiner, «De bello civili» (Дерптъ, 1881); Pfannschmidt, «Zur Geschichte d. pomp. Bürgerkrieges.» (Progr., Вейсенфельсъ, 1888). О псевдо-Цезаревыхъ комментаріяхъ см. ниже: «Ю. Цезарь, какъ писатель».—Извѣстіе о дѣйствіяхъ сената Цезарь получилъ отъ бѣглецовъ-трибуновъ 10 января. Въ его распоряженіи было около 5000 человѣкъ легіонныхъ солдатъ. Половина этихъ силъ стояла на южной границѣ провинціи, у р. Рубикона. Дѣйствовать надо было какъ можно скорѣе, чтобы захватить сенатъ врасплохъ, пока еще не пришло оффиціальное извѣстіе о проведенныхъ, наконецъ, законнымъ образомъ требованіяхъ сената отъ 1 января. День 10-го Цезарь тайно отъ всѣхъ посвящаетъ нужнымъ распоряженіямъ, ночью — опять-таки тайно—съ нѣсколькими близкими бросается къ войску, переходитъ границу своей провинціи —Рубиконъ—и захватываетъ Ариминъ, ключъ Италіи. Въ то же время Антоній съ другой частью войска идетъ на Арреціумъ, который также захватываетъ неожиданнымъ натискомъ. Въ Ариминѣ застаютъ Цезаря за наборомъ новыхъ войскъ послы сената. Цезарь отвѣчаетъ имъ, что хочетъ мира, и обѣщаетъ очистить провинцію къ 1 іюля, лишь бы за нимъ осталась Иллирія, а Помпей удалился бы въ Испанію. Вмѣстѣ съ тѣмъ Цезарь настойчиво требуетъ свиданія съ Помпеемъ. Между тѣмъ въ Римѣ распространяются ужасные слухи. Сенатъ, по возвращеніи пословъ, вынудивъ у Помпея согласіе, отправляетъ ихъ вновь къ Цезарю. Свиданія съ Помпеемъ не должно быть (соглашенія между ними сенатъ допустить не могъ); Цезарю обѣщаны тріумфъ и консульство, но прежде всего онъ долженъ очистить занятые города, уйти въ свою провинцію и распустить войско. Между тѣмъ Цезаремъ заняты были 14 и 15 января Анкона и Пизавръ. Надежды сената и Помпея на то, что Цезарь дастъ имъ время подготовиться, рухнули. Помпею, съ его новобранцами и двумя Цезаревыми легіонами, трудно было перейти въ наступленіе, трудно было и поставить все на карту, защищая Римъ. Въ виду этого, не дожидаясь возвращенія посольства, Помпей покидаетъ Римъ 17 января со всѣмъ почти сенатомъ, запечатавъ казну, въ страшной спѣшкѣ. Главной квартирой Помпея становится отнынѣ Капуя. Отсюда онъ думалъ, взявъ легіоны въ Луцеріи, захватить Пиценъ и организовать тамъ защиту. Но уже 27—28 января Пиценъ, съ его главнымъ пунктомъ Авксимомъ, очутился въ рукахъ Цезаря. Гарнизоны занятыхъ городовъ перехо-

туція не знала и относилась къ царской власти съ ужасомъ и отвращеніемъ — было соединить въ одномъ лицѣ полномочія обычнаго и экстраординарнаго характера около одного какого-либо центра. Такимъ центромъ ослабленное всей эволюціей Рима консульство быть не могло: нужна была магистратура, неподверженная интерцессіи и veto трибуновъ, объединявшая военныя и гражданскія функціи, не ограниченная коллегіальностью. Единственной магистратурой этого рода была диктатура. Неудобство ея по сравненію съ формой, придуманной Помпеемъ—соединенія единоличнаго консульства съ проконсульствомъ—состояло въ томъ, что она была слишкомъ неопредѣленна и, давая въ руки все вообще, не давала ничего въ частности. Экстраординарность и срочность ея можно было устранить, какъ это сдѣлалъ Сулла, указаніемъ на ея постоянство (dictator perpetuus), неопредѣленность же полномочій—съ которой Сулла не считался, такъ какъ видѣлъ въ диктатурѣ только временное средство для проведенія своихъ реформъ—устранялась только путемъ вышеуказаннаго соединенія. Диктатура, какъ основа, и рядомъ съ этимъ серія спеціальныхъ полномочій — вотъ, слѣдовательно, тѣ рамки, въ которыя Ю. Цезарь хотѣлъ поставить и поставилъ свою власть. Въ этихъ предѣлахъ власть его развивалась слѣдующимъ образомъ. Въ 49 г.—годъ начала гражданской войны—во время пребыванія его въ Испаніи народъ, по предложнію претора Лепида, выбираетъ его диктаторомъ. Вернувшись въ Римъ, Ю. Цезарь проводитъ нѣсколько законовъ, собираетъ комиціи, на которыхъ его выбираютъ во второй разъ консуломъ (на 48 г.), и отказывается отъ диктатуры. Въ слѣдующемъ 48 году (октябрь—ноябрь) онъ получилъ диктатору во 2-ой разъ, на 47 г. Въ этомъ же году, послѣ побѣды надъ Помпеемъ, во время своего отсутствія онъ получаетъ рядъ полномочій: кромѣ диктатуры—консульство на 5 лѣтъ (съ 47 г.) и трибунскую власть, т. е. право засѣдать вмѣстѣ съ трибунами и производить вмѣстѣ съ ними разслѣдованія, — сверхъ того, право называть народу своего кандидата на магистратуры, за исключеніемъ плебейскихъ, право раздавать безъ жребія провинціи бывшимъ преторамъ *) и право объявлять войну и заключать миръ. Представителемъ Цезаря въ этомъ году въ Римѣ является его magister equitum—помощникъ диктатора М. Антоній, въ рукахъ котораго, не смотря на существованіе консуловъ, сосредоточена вся власть. Въ 46 г. Цезарь былъ и диктаторомъ (съ конца апрѣля) въ третій разъ, и консуломъ; вторымъ консуломъ и magister equitum былъ Лепидъ. Въ этомъ году, послѣ африканской войны, полномочія его значительно расширяются. Онъ избранъ диктаторомъ на 10 лѣтъ и въ то же время руководителемъ нравами (praefectus morum), съ неограниченными полномочіями. Сверхъ того онъ получаетъ право первымъ голосоватъ въ сенатѣ и занимать въ немъ особое кресло, между креслами обоихъ консуловъ. Тогда же подтверждено было его право рекомендоватъ народу кандидатовъ въ магистраты, что равносильно было праву назначать ихъ. Въ 45 г. онъ былъ диктаторомъ въ 4-ый разъ и одновременно консуломъ; помощникомъ его былъ тотъ же Лепидъ. Послѣ испанской войны (январь 44 г.) его избираютъ диктаторомъ пожизненно и консуломъ на 10 лѣтъ. Отъ послѣдняго, какъ вѣроятно и отъ 5-лѣтняго консульства прошлаго года, онъ отказался *). Къ трибунской власти присоединяется неприкосновенность трибуновъ; право назначать магистратовъ и промагистратовъ расширяется правомъ назначать консуловъ, распредѣлять провинціи между проконсулами и назначать плебейскихъ магистратовъ. Въ этомъ же году Цезарю дано было исключительное полномочіе распоряжаться войскомъ и деньгами государства. Наконецъ, въ томъ же 44 г. ему дарована была пожизненная цензура и всѣ его распоряженія заранѣе одобрены сенатомъ и народомъ. Этимъ путемъ Цезарь сдѣлался полновластнымъ монархомъ, оставаясь въ предѣлахъ конституціонныхъ формъ **). Всѣ стороны жизни государства сосредоточились въ его рукахъ. Войскомъ и провинціями онъ распоряжался черезъ своихъ агентовъ — назначенныхъ имъ промагистратовъ, которые и магистратами дѣлались только по его рекомендаціи. Движимое и недвижимое имущество общины было въ его рукахъ, какъ пожизненнаго цензора и въ силу спеціальныхъ полномочій. Сенатъ отъ руководительства финансами былъ окончательно устраненъ. Дѣятельность трибуновъ была парализована его участіемъ въ засѣданіяхъ ихъ коллегіи и дарованной ему трибунской власти и трибунской sacrosanctitas. И тѣмъ не менѣе коллегой трибуновъ онъ не былъ; имѣя ихъ власть, онъ не имѣлъ ихъ имени. Такъ какъ и ихъ онъ рекомендовалъ народу, то и по отношенію къ нимъ онъ являлся высшей инстанціей. Сенатомъ онъ распоряжается по произволу и какъ предсѣдатель его (для чего ему главнымъ образомъ и нуженъ былъ консулатъ), и какъ первый дающій отвѣтъ на вопросъ предсѣдательствующаго: разъ было извѣстно мнѣніе всемогущаго диктатора, врядъ ли кто-либо изъ сенаторовъ рѣшился бы противорѣчить ему. Наконецъ и духовная жизнь Рима была въ его рукахъ, такъ какъ уже въ началѣ своей карьеры онъ былъ избранъ великимъ понтификомъ и къ этому присоединилась теперь власть цензора и руководство нравами. Спеціальныхъ полномочій, которыя бы давали ему судебную власть, Цезарь не имѣлъ, но судебныя функціи имѣлись и у консулата, и у цензуры, и у понтификата. Сверхъ того мы слышимъ еще о постоянныхъ судоговореніяхъ у Цезаря на дому, главнымъ образомъ по вопросамъ характера политическаго. Новосо-

*) Провинціи бывшимъ консуламъ распредѣляетъ попрежнему сенатъ.

*) Въ 45 г. его выбрали консуломъ по предложенію Лепида.

**) Для многаго и изъ экстраординарныхъ полномочій были прецеденты въ прошлой жизни Рима: диктаторомъ былъ уже Сулла, повторялъ консульство Марій, распоряжался въ провинціяхъ при посредствѣ своихъ агентовъ Помпей, и притомъ не разъ; Помпею же дано было народомъ неограниченное распоряженіе денежными средствами государства.

эданной власти Цезарь стремился дать и новое имя: это былъ тотъ почетный кликъ, которымъ войско привѣтствовало побѣдителя — imperator. Это имя Ю. Цезарь поставилъ во главу своего имени и титула, замѣнивъ имъ свое личное имя Гай. Этимъ онъ далъ выраженіе не только широтѣ своей власти, своего imperium, но и тому, что отнынѣ онъ выходитъ изъ ряда обыкновенныхъ людей, замѣняя свое имя обозначеніемъ своей власти и устраняя изъ него вмѣстѣ съ тѣмъ указаніе на принадлежность къ одному роду: глава государства не можетъ зваться какъ всякій другой римлянинъ C. Julius Caesar—онъ Imp(erator) Caesar p(ater) p(atriae) dict(ator) perp(etuus), какъ гласитъ его титулъ въ надписяхъ и на монетахъ. О власти Ю. Цезаря и спеціально о его диктатурахъ см. Zumpt, «Studia Romana», 199 сл.; Mommsen, «Corp. inscr. latinarum», I, 36 сл.; Gunter, «Zeitschrift für Numismatik», 1895, 192 сл.; Groebe въ новомъ изданіи Drumann, «Geschichte Roms» (I, 404 сл.); ср. Herzog, «Geschichte und System», (II, 1 сл.).

Внѣшняя политика. Руководящей идеей внѣшней политики Цезаря было созданіе сильнаго и цѣльнаго государства, съ естественными, по возможности, границами. Эту идею Цезарь проводилъ и на сѣверѣ, и на югѣ, и на востокѣ. Войны его въ Галліи, Германіи и Британіи были вызваны сознанной имъ необходимостью выдвинуть границу Рима до океана съ одной стороны, до Рейна, по крайней мѣрѣ—съ другой. Его планъ похода на гетовъ и даковъ доказываетъ, что и дунайская граница лежала въ предѣлахъ его плановъ. Внутри границы, объединявшей сухимъ путемъ Грецію съ Италіей, должна была царить греко-римская культура; страны между Дунаемъ и Италіей и Греціей должны были быть такимъ же буферомъ противъ народовъ сѣвера и востока, какъ галлы—противъ германцевъ. Тѣсно связана съ этимъ и политика Цезаря на Востокѣ. Смерть настигла его наканунѣ похода въ Парѳію. Его восточная политика, включая и фактическое присоединеніе къ римскому государству Египта, направлена была на округленіе римской имперіи на Востокѣ. Единственнымъ серьезнымъ противникомъ Рима были здѣсь парѳяне; ихъ дѣло съ Крассомъ показало, что они имѣютъ въ виду широкую экспансивную политику. Возрожденіе персидскаго царства шло въ разрѣзъ съ задачами Рима, преемника монархіи Александра, и грозило подорвать экономическое благосостояніе государства, всецѣло покоившееся на фабричномъ, денежномъ Востокѣ. Рѣшительная побѣда надъ парѳянами сдѣлала бы Цезаря въ глазахъ Востока прямымъ преемникомъ Александра Македонскаго, законнымъ монархомъ. Наконецъ, въ Африкѣ Ю. Цезарь продолжалъ чисто колоніальную политику. Политическаго значенія Африка не имѣла; экономическое ея значеніе, какъ страны, могущей производить огромное количество натуральныхъ продуктовъ, зависѣло въ значительной степени отъ регулярной администраціи, прекращенія набѣговъ кочевыхъ племенъ и возсозданія лучшей гавани сѣвера Африки, естественнаго центра провинціи и центральнаго пункта для обмѣна съ Италіей—Карѳагена. Дѣленіе страны на двѣ провинціи удовлетворяло первымъ двумъ запросамъ, окончательное возстановленіе Карѳагена—третьему.

Реформы Ю. Цезаря. Во всей реформаторской дѣятельности Цезаря ясно отмѣчаются двѣ основныя идеи. Одна—необходимость объединенія римскаго государства въ одно цѣлое, необходимость сгладить различіе между гражданиномъ-хозяиномъ и провинціаломъ-рабомъ, сгладить рознь національностей; другая, тѣсно связанная съ первой—упорядоченіе администраціи, тѣсное общеніе государства съ подданными, устраненіе посредниковъ, сильная центральная власть. Обѣ эти идеи сказываются во всѣхъ реформахъ Цезаря, несмотря на то, что проводилъ онъ ихъ быстро и торопливо, стараясь использовать короткіе промежутки своего пребыванія въ Римѣ. Въ виду этого послѣдовательность отдѣльныхъ мѣръ случайна; Цезарь каждый разъ брался за то, что казалось ему наиболѣе необходимымъ, и только сопоставленіе всего сдѣланнаго имъ, независимо отъ хронологіи, позволяетъ уловить сущность его реформъ и подмѣтить стройную систему въ ихъ проведеніи. Объединительныя тенденціи Цезаря сказались прежде всего въ его политикѣ по отношенію къ *партіямъ* въ средѣ руководящихъ классовъ. Его политика милости по отношенію къ противникамъ, за исключеніемъ непримиримыхъ, его стремленіе привлечь къ государственной жизни всѣхъ, безъ различія партіи и настроенія, допущеніе имъ въ среду своихъ приближенныхъ бывшихъ своихъ противниковъ несомнѣнно свидѣтельствуютъ о желаніи слить всѣ разномыслія около своей личности и своего режима. Этой объединительной политикой объясняется широкое довѣріе ко всѣмъ, которое и было причиной его гибели. Ясно сказывается объединительная тенденція и по отношенію къ *Италіи*. До насъ дошелъ одинъ изъ законовъ Цезаря, касающійся регулировки нѣкоторыхъ частей муниципальной жизни въ Италіи. Правда, теперь невозможно утверждать, что законъ этотъ былъ обще-муниципальный законъ Ю. Цезаря (lex Julia municipalis), но все же несомнѣнно, что онъ сразу дополнялъ для всѣхъ муниципіевъ уставы отдѣльныхъ италійскихъ общинъ, служилъ для нихъ для всѣхъ коррективомъ. Съ другой стороны соединеніе въ законѣ нормъ, регулирующихъ городскую жизнь Рима и нормъ муниципальныхъ и значительная вѣроятность того, что нормы городского благоустройства Рима были обязательны и для муниципіевъ, ясно указываетъ на тенденцію Римъ свести до муниципіевъ, муниципіи возвысить до Рима, который отнынѣ долженъ былъ быть только первымъ изъ италійскихъ городовъ, резиденціей центральной власти и образцомъ для всѣхъ ему подобныхъ центровъ жизни. Обще-муниципальный законъ для всей Италіи при мѣстныхъ различіяхъ былъ немыслимъ, но нѣкоторыя общія нормы были желательны и полезны и явно указывали на то, что въ концѣ концовъ Италія и ея города представляютъ одно объеди-

ненное съ Римомъ цѣлое. Законъ Ю. Цезаря изданъ въ CIL., I, 206; Dessau, «Inscr. selectae», II, 6085; за lex Julia municipalis его впервые счелъ Savigny, «Vermischte Schriften», III, 279 слл.; ср. Puchta, «Institutionen», I, § 90; Nissen, «Rhein. Museum», 1890, 100 слл.; Mommsen, «Röm. Gesch.», III, 519 сл. Неправильность мнѣнія Савиньи, отъ котораго подъ конецъ жизни отказался и Моммзенъ, доказана находкой фрагмента Тарентинскаго муниципальнаго устава (см. De Petra, «Monumenti dei Lincei», VI, 435 слѣд.; Hackel, «Wiener Studien», 1902; Mommsen, «Ephemeris epigraphica», IX, 5 сл.). Та же объединительная обще-италійская тенденція сказывается и въ томъ, что уже въ 49 г. по закону Ю. Цезаря всѣмъ жителямъ Транспаданской Галліи даровано было *гражданство* и слѣдовательно, распространенъ на эту часть римскаго міра обще-италійскій муниципальный строй. Это было первымъ случаемъ распространенія римскаго гражданства на цѣлую провинцію, и на этомъ Цезарь остановиться не собирался. Старѣйшая римская провинція Сицилія и одна изъ наиболѣе романизованныхъ, Нарбонская Галлія, пріобщаются при немъ къ италійскому строю путемъ дарованія ихъ городамъ латинскаго права. Другія провинціи, въ особенности западныя (Гельвеція, Галлія, Испанія, Африка), получаютъ колоніи римскихъ гражданъ — ячейки, изъ которыхъ долженъ былъ распространиться городской строй по всей провинціи, проводники правосознанія въ средѣ провинціаловъ и залогъ лучшаго для нихъ будущаго. Цезарь первый изъ великихъ вождей демократіи окончательно вынесъ въ провинціи римскую колонизацію и положилъ прочное основаніе романизаціи, т. е. объединенію Запада въ одной культурѣ. Въ его колоніяхъ нашли себѣ обезпеченіе болѣе 80000 римскихъ гражданъ, какъ служившихъ въ его войскѣ, такъ и не служившихъ. На Востокѣ его колонизаторская дѣятельность была гораздо слабѣе. Возстановленіе Коринѳа и высылка туда колоніи была не мѣрой романизаціи Греціи, что доказывается уже посылкой туда исключительно отпущенниковъ, а такимъ же актомъ справедливости и разумной экономической политики, какъ и возстановленіе Карѳагена. Основаніе Синопа доказываетъ уже отмѣченное стремленіе объединить въ одномъ государствѣ всѣ земли между Дунаемъ и Парѳіей (о колоніяхъ Ю. Цезаря см. Kromayer въ «Hermes», 31,1 слл.; Kornemann, въ Pauly-Wissowa, «Realencyclopoedie», IV, 563, гдѣ указанія на другія работы). Основаніе колоній сопровождалось широкой раздачей права римскаго гражданства провинціаламъ, при чемъ Цезарь не стѣснялся и признаніемъ за новыми гражданами ius honorum и зачисленіемъ ихъ въ составъ сената. Та же всесословная тенденція сказывается и въ томъ, что въ колоніяхъ, имъ основанныхъ, отпущенники могли быть декуріонами. Мѣрами объединительнаго характера были и двѣ крупныя реформы Ю. Цезаря—монетная и календарная. Уже давно напрашивалось въ Римѣ введеніе, рядомъ съ серебряной, *золотой валюты*: ею жилъ весь Востокъ; золото давно уже курсировало рядомъ съ серебромъ; не было только оффиціальнаго его признанія и спеціально римской золотой монетной единицы. Уступая потребностямъ міроваго государства, Цезарь вводитъ римскій aureus опредѣленнаго вѣса и устанавливаетъ разъ навсегда его отношеніе къ серебряному денарію. Мѣра эта для послѣдующаго времени имѣетъ почти такое же значеніе, какъ введеніе въ 269 г. серебряной монеты въ Римѣ; благодаря ей все римское государство получило одну общую монету, низвело старые царскіе и городскіе чеканы на степень товара. Не менѣе важенъ былъ и календарь. Римскій *календарь*, въ виду его запутанности и отсталости сравнительно съ научно-провѣренными календарями эллинистическаго Востока, не могъ съ ними конкуррировать и претендовать на обще-государственное значеніе. Въ 47 г. Ю. Цезарь, въ своемъ званіи главнаго понтифика, при помощи коммиссіи спеціалистовъ, реформируетъ календарь согласно наиболѣе точнымъ вычисленіямъ того времени. Новый календарь, въ силу его превосходства, можно было постепенно вводить во всѣ провинціи и добиваться не только оффиціальнаго, но и дѣйствительнаго единства во времясчисленіи. Не трудно представить себѣ, какъ облегчили обѣ названныя реформы чисто эллинскаго образца (вспомнимъ монетную реформу Александра Великаго) экономическую жизнь огромнаго государства и торговое общеніе однѣхъ частей его съ другими; это, въ свою очередь, должно было сгладить противорѣчія между Западомъ и Востокомъ и способствовать еще болѣе сильному притоку эллинства на почву романизовавшагося Запада. Важны были также *статистическія работы*, предпринятыя Цезаремъ. Прежде всего имъ была произведена на эллинистическій, египетскій ладъ перепись населенія города Рима. Этотъ фактъ показываетъ лишній разъ, что Цезарь видѣлъ въ Римѣ лишь свою резиденцію, а отнюдь не сливалъ городъ Римъ и римское государство въ одно нераздѣлимое цѣлое, какъ то было основнымъ принципомъ римской государственности до него. Одновременно урегулирована была статистическая работа во всей Италіи; цензъ произведенъ повсемѣстно во всѣхъ населенныхъ центрахъ и результаты его сводились въ Римѣ. Этимъ населеніе Италіи слито было съ Римомъ; до общаго голосованія по всѣмъ городамъ Италіи оставался только одинъ шагъ. Еще важнѣе былъ не приведенный въ исполненіе планъ общаго государственнаго земельнаго *кадастра*. Планъ этотъ возникъ явно подъ вліяніемъ Египта, гдѣ такой кадастръ давно уже существовалъ; онъ указываетъ на намѣреніе провести одно общее земельное обложеніе во всѣхъ провинціяхъ, начало чему уже было положено Цезаремъ въ провинціи Азіи, гдѣ несомнѣнно подобный кадастръ существовалъ и раньше. Такая обще-податная реформа, уничтожая въ корнѣ финансовую мощь всадничества, низводя его на степень служилыхъ людей новаго режима, помимо своего общаго значенія имѣла несо-

мѣнный нивеллирующій и объединяющій характеръ. Планъ одного общаго *гражданскаго уложенія*, также навѣянный Востокомъ съ его обще-эллинистическимъ правомъ, былъ только задуманъ въ самыхъ общихъ формахъ. По отношенію къ *войску* (объ этомъ см. Mommsen въ «Hermes», XIX, 1 слл.; Domaszewski, въ «Neue Heidelberger Jahrbücher», 1894, 157 слл.) мы не видимъ какой-либо коренной и основной реформы. При Цезарѣ продолжается начавшаяся уже задолго до него эволюція военнаго строя, превращавшая войско изъ гражданскаго въ наемное и изъ временнаго въ постоянное. Какъ и Сулла, Помпей и Ю. Цезарь держали войско въ своихъ рукахъ личнымъ обаяніемъ и матеріальной выгодой—подарками, надѣлами землей и т. п. Крупнымъ шагомъ на пути превращенія въ наемниковъ было удвоеніе жалованья солдатамъ, легшее тяжелымъ бременемъ на бюджетъ государства. Въ личныхъ отношеніяхъ къ войску Ю. Цезарь проводилъ ту же идею, что и во всей своей дѣятельности. Онъ выдвигалъ простыхъ солдатъ въ ущербъ знатнымъ офицерамъ и не стѣснялся вводить въ составъ легіоновъ жителей провинцій (напр. весь V-й легіонъ Alaudae—жаворонокъ—состоялъ изъ галловъ), которымъ только послѣ окончанія срока службы даровано было римское гражданство. И здѣсь, такимъ образомъ, проявляется тенденція, стремившаяся сгладить различія между сословіями и отдѣльными составными частями государства. Для своего постояннаго войска Цезарь намѣтилъ и рядъ мѣстъ постоянной стоянки, совпадавшихъ съ мѣстами Августовскаго времени, за исключеніемъ Сициліи и Сардиніи, Италіи и Понта. Наиболѣе сильные гарнизоны стояли въ Испаніи, Галліи, Иллирикѣ, Африкѣ, Египтѣ, Сиріи; армія, предназначенная для Парѳянскаго похода, находилась въ Македоніи. Общее число Цезаревыхъ легіоновъ превышало 40; но мы почти ничего не знаемъ о войскахъ вспомогательныхъ, которыя играли такую важную роль въ войскѣ Помпея и затѣмъ въ арміи Августа. Второю основною идеею Цезаря было, какъ сказано, созданіе прочной и регулярно функціонирующей *административной машины*, подъ руководствомъ сильной центральной власти. Для этого прежде всего увеличено было число провинцій, т. е. уменьшена компетенція каждаго отдѣльнаго промагистрата (см. Mommsen, «Hermes», XXVIII, 599 сл.). Число преторовъ увеличено съ 8 до 16 и соотвѣтственно этому число квесторовъ; этимъ одновременно сильно подрывалось значеніе этихъ магистратуръ, такъ какъ отнынѣ каждый преторъ имѣлъ въ Римѣ только очень узкую судебную компетенцію. Пребываніе проконсуловъ въ провинціи ограничено было двумя годами, пропреторовъ — однимъ годомъ. Если принять во вниманіе, что Ю. Цезарю предоставлено было право во-первыхъ рекомендовать магистратовъ, во-вторыхъ рѣшать безъ помощи сената, кто изъ бывшихъ магистратовъ въ какой провинціи долженъ функціонировать какъ промагистратъ, то приведенныя выше мѣры получатъ особый смыслъ. Откупщики-публиканы изъ большей части провинцій были изгнаны и взиманіе налоговъ отдано въ руки общинъ, при чемъ за взиманіемъ съ городовъ наблюдали личные агенты Цезаря—его рабы. Вся провинціальная администрація, введенная въ опредѣленныя, законныя нормы, была, такимъ образомъ, сконцентрирована въ рукахъ одного руководителя—Ю. Цезаря, имѣвшаго къ тому же въ лицѣ своихъ легатовъ и своихъ личныхъ агентовъ могучія средства контроля. Усилены были наказанія за преступленія по отношенію къ провинціямъ: лица осужденныя по этимъ дѣламъ удалялись изъ сенаторскаго сословія (реформа эта стоитъ въ связи съ общей *судебной* реформой Цезаря, мало намъ извѣстной и не имѣвшей принципіальнаго значенія). Наконецъ, существовалъ особый законъ Цезаря (еще 59 г.), усиливавшій строгость контроля суммъ провинціальнаго управленія и требовавшій оставленія отчета въ провинціи, помимо представленія его въ Римѣ. Въ системѣ прямого обложенія Азіи вновь выдвинутъ былъ эллинистическій принципъ самоуправляющагося и самооблагающагося города, только контролируемаго государствомъ, взамѣнъ принципа, игнорировавшаго городъ, какъ таковой, и видѣвшаго въ провинціи одно большое помѣстье римскаго народа, сдаваемое на откупъ. Тоже стремленіе сказывалось и въ постоянной поддержкѣ городского хозяйства, въ заботѣ о благоустройствѣ и красотѣ городовъ. Рядомъ съ этими основными реформами идетъ рядъ мѣръ *экономическаго* характера, вызванныхъ постоянными язвами экономической жизни Рима: страшною задолженностью и богатыхъ, и бѣдныхъ, ростомъ крупныхъ помѣстій въ ущербъ мелкой собственности, быстрымъ увеличеніемъ количества рабовъ, все болѣе и болѣе вытѣснявшихъ свободный трудъ. Коренного тутъ ничего предпринять было нельзя, но были моменты особаго обостренія отношеній, когда не вмѣшаться было невозможно. Таковъ былъ моментъ послѣ революціи Целія Руфа и Долабеллы, когда Ю. Цезарь принужденъ былъ зачесть проценты въ счетъ уплаты капитала и сложить часть квартирной платы съ наиболѣе бѣдныхъ квартиронанимателей. Борьба противъ латифундій шла такъ же, какъ и раньше, т. е. путемъ надѣла бѣдныхъ гражданъ землею. Аграрный законъ Ю. Цезаря 59 г. представляетъ собою одновременно борьбу съ убылью населенія въ Италіи, даруя особыя права тѣмъ, кто имѣлъ болѣе 3 дѣтей. Надѣлъ ветерановъ землею въ Италіи, наряду съ его политическимъ значеніемъ, также имѣлъ опредѣленный экономическій смыслъ. Для борьбы съ рабствомъ Ю. Цезарь опять-таки воспользовался старымъ трибунскимъ арсеналомъ, потребовавъ сокращенія числа рабовъ въ крупныхъ помѣстьяхъ, установивъ обязательный процентъ свободныхъ рабочихъ. Новѣе была мѣра, которою опредѣленнымъ категоріямъ лицъ запрещался выѣздъ изъ Италіи. Впрочемъ, въ этомъ запрещеніи надо видѣть скорѣе мѣру военнаго характера, облегчавшую наборъ (за время съ 49 по 44 г. было набрано въ Италіи болѣе 200000 рекрутъ), чѣмъ мѣру экономическую. Въ связи съ экономическими реформами Ю.

Цезаря стоятъ и его реформы какъ praefectus morum, а именно воздѣйствіе на роскошь путемъ такъ наз. leges sumptuariae, ограничивавшими, между прочимъ, роскошь стола. Въ связи съ этимъ находится и установленіе таможенныхъ пошлинъ на заморскій привозъ, главнымъ образомъ на предметы роскоши. Остается еще сказать нѣсколько словъ объ отношеніяхъ Цезаря къ *Риму, какъ городу*. Уже выше отмѣчено было, что Римъ для Ю. Цезаря—не синонимъ римскаго государства, а резиденція главы государства, населеніе Рима—не римское гражданство, а столичная чернь. Послѣднее ярче всего проявляется въ регулировкѣ Цезаремъ фрументацій — хлѣбныхъ раздачъ. Отнынѣ не всѣ граждане имѣютъ право на полученіе дарового хлѣба, а только 150000 избранныхъ, пополняемыхъ жеребьевкой изъ числа остальныхъ кандидатовъ. То, что было правомъ всѣхъ гражданъ, дѣлается милостью по отношенію къ населенію резиденціи. Оффиціально, однако, фрументаціями продолжаютъ завѣдывать республиканскіе магистраты; Цезаремъ специально для этой цѣли создаются особые плебейскіе эдилы, подъ именемъ Ceriales. Всю строительную жизнь Рима Ю. Цезарь стремится сосредоточить въ своихъ рукахъ; всякая крупная постройка должна напоминать населенію щедраго строителя; новое мѣсто для голосованія народа (saepta Julia), новая курія для собраній сената (curia Julia), новая трибуна для бесѣды магистрата съ народомъ (rostra Julia), наконецъ, даже новая площадь съ храмомъ родоначальницы Юліева рода—Venus Genetrix (forum Julium) знаменуютъ, что Римъ превращается въ резиденцію рода Юліевъ. Колоссальныя работы на пользу населенія Рима и Италіи — урегулированіе русла Тибра, осушеніе Понтинскихъ болотъ и Фуцинскаго озера — должны были поразить воображеніе современниковъ и сдѣлать изъ ихъ создателя нѣчто большее обыкновеннаго политическаго дѣятеля. Изъ всего сказаннаго ясно, что Ю. Цезарь сознательно стремился къ монархіи, и притомъ монархіи не на старо-римскій, давно отжившій ладъ, а къ монархіи эллинистическаго образца. Въ сущности весь онъ съ его воспитаніемъ, вкусами, индивидуализмомъ, ярко выраженнымъ фатализмомъ (см. Fowler, въ «Classical Review», 1903, 153 сл.) былъ типичнымъ эллинистическимъ монархомъ въ родѣ Димитрія Поліоркета, Пирра и другихъ: то же изящество обращенія, та же физическая сила, ловкость и неутомимость, то же мастерство въ политической интригѣ, тѣ же сильныя страсти, сдерживаемыя только честолюбіемъ, то же рыцарство по отношенію къ женщинамъ, та же забота о своей наружности и одеждѣ, та же высокая культурность, любовь къ интеллектуальнымъ занятіямъ, къ научной и литературной работѣ. Естественно, что Цезаря всегда тянуло къ Востоку; его прельщала идея стать монархомъ въ римскомъ государствѣ, какъ нѣкогда Александръ былъ монархомъ всего греческаго и варварскаго міра. Что такая идея у Цезаря дѣйствительно была, доказываетъ рядъ фактовъ, и прежде всего то отношеніе, въ которое Цезарь всталъ по вопросу объ его *обоготвореніи*. Не говоря уже о томъ, что въ провинціяхъ Востока онъ фигурируетъ совершенно такъ же, какъ Селевкиды, т. е. какъ θεὸς ἐπιφανής, сынъ Арея и Афродиты, онъ и въ Римѣ постоянно указываетъ на свое божественное происхожденіе отъ Венеры и принимаетъ рядъ если не божескихъ, то геройскихъ почестей. Не разъ указываетъ онъ на свою связь съ богомъ Ромуломъ, первымъ царемъ Рима, принимаетъ одежду римскихъ царей, ставитъ свою статую въ храмѣ Квирина, другую—въ числѣ статуй албанскихъ царей на Капитоліи. Въ всемъ этомъ проявляется не столько тенденція монархическая, сколько опредѣленная претензія на божественность происхожденія. Чисто эллинистическая манера праздновать религіозными обрядами дни своихъ побѣдъ, а также день своего рожденія, съ обязательствомъ такого празднованія для всѣхъ, принимать устройство въ свою честь агоновъ, допускать клятву своимъ именемъ, соглашаться на постройку себѣ храмовъ совмѣстно съ божествами, на устройство особыхъ жреческихъ коллегій, названныхъ его именемъ (luperci Julii)—все это явно говоритъ за то, что Цезарь добивался божественности на эллинистическій манеръ. Въ связи съ этимъ стоитъ и рядъ мѣръ политическаго характера: чеканка въ Римѣ монеты съ его изображеніемъ (что раньше терпимо было только въ провинціяхъ) и указаніемъ его титула (при чемъ чеканкой этой монеты завѣдывали личные рабы Цезаря), почетная стража изъ всадниковъ и сенаторовъ на манеръ такой же стражи при эллинистическихъ дворахъ, учрежденіе должности завѣдующаго печатью, какъ при дворѣ Птолемеевъ и Селевкидовъ (ср. статью ab epistulis въ «Realencyclopaedie», Pauly-Wissowa, т. V), порученіе своему отпущеннику командованія войскомъ въ Египтѣ, присяга на вѣрность сенаторовъ и всадниковъ, наконецъ, введеніе принципа наслѣдственности, сказывающееся въ принятіи для сына, который могъ у него родиться, званія понтифика, и въ усыновленіи своего племянника Октавіана. Клеопатру, пріѣхавшую въ Римъ, Цезарь принимаетъ какъ царь царя, въ своемъ домѣ. Когда сенатъ подносилъ ему высшія почести, онъ не всталъ со своего золоченаго кресла. Къ тому же порядку явленій относятся и вполнѣ достовѣрныя попытки Антонія вѣнчать его торжественно діадемой — специальнымъ знакомъ отличія эллинистическихъ царей. Въ Римѣ въ то время твердо были убѣждены, что окончательно наступила монархія и рядъ слуховъ клонился именно къ тому, что монархія эта будетъ восточнаго образца: говорили, что Цезарь собирается перенести резиденцію въ Иліонъ (см. Nissen, «Italische Landeskunde», II, 2; Mommsen, «Sitzungsberichte der Berl. Akad.», 1889), что такъ какъ пареянъ можетъ побѣдить только царь, то Цезарь на востокѣ приметъ этотъ титулъ, и т. д. Все вышесказанное, въ связи съ эллинистическимъ характеромъ реформъ Цезаря и его восточными симпатіями, говоритъ за

то, что слухи эти имѣли серьезное основаніе.

Смерть Ю. Цезаря. Наиболѣе убѣжденные и рѣшительные изъ носителей республиканскихъ и національныхъ традицій вошли въ соглашеніе другъ съ другомъ и рѣшили умертвить Ю. Цезаря. Воспитанное на греческій ладъ римское общество, проникнутое идеей, что хорошъ только тотъ государственный строй, гдѣ гармонично слиты элементы аристократіи, демократіи и монархіи, что власть одного есть нарушеніе этой гармоніи, что худшая изъ формъ государственности — тираннія, что убить тирана, нарушившаго основы общественнаго строя, почетно и обязательно для всякаго честнаго гражданина, — римское общество, вѣрившее въ свою анналистику и восхищавшееся подвигами миѳическаго Брута, устранившаго царей, и Сервилія Агалы, покончившаго съ тираномъ, привыкшее съ именемъ царя соединять представленіе о восточномъ рабствѣ, вполнѣ естественно выставило лучшихъ своихъ представителей для устраненія тирана. Душою заговора былъ энергичный и талантливый Кассій, но главою его, въ виду своего имени и своихъ предковъ, считался Ювій Брутъ, потомокъ какъ миѳическаго Брута, такъ и Сервилія Агалы, теоретикъ и философъ, несомнѣнно одушевленный не личнымъ честолюбіемъ, а привязанностью къ республиканскому идеалу. Около 80 человѣкъ объединилось около Брута и Кассія. Довѣрчивость Цезаря, вполнѣ расчитанная, бывшая однимъ изъ пунктовъ его политической программы, отдала его безоружнымъ и ничего не подозрѣвавшимъ на убой заговорщикамъ. 15 марта 44 г. въ помѣщеніи для засѣданій сената, около театра Помпея, Цезарь былъ убитъ. Версіи о подробностяхъ многочисленны и по существу безразличны; важно только то, что заговоръ никѣмъ изъ участниковъ не былъ выданъ и что все-таки онъ могъ быть предупрежденъ, если бы этому не помѣшалъ цѣлый рядъ случайностей и полный фатализмъ Ю. Цезаря (о настроеніи общества см., напримѣръ, Porzio въ «Rivista di storia antica», VI, 1901, 103 слл.; о событіяхъ 44 г. и о заговорѣ — Krüger, «De rebus inde a bello Hispaniensi usque ad Caesaris necem gestis», Боннъ, 1895; O. E. Schmidt, «Der Briefwechsel des M. Tullius Cicero», Лпц., 1893, особ. стр. 64 слл.; Bynum, «Das Leben des M. Junius Brutus», Галле, 1898).

Литература. Общія работы, посвященныя спеціально Ю. Цезарю: Drumann, «Geschichte Roms in seinem Uebergange von der republikanischen zur monarchischen Verfassung» (Кенигсб., 1837); Napoléon III, «Histoire de Jules César» (П., 1865—66); J. A. Froude, «Caesar» (Лонд., 1879); W. Warde Fowler, «Julius Caesar» (Лонд., 1895). Изъ общихъ работъ по римской исторіи подробно и самостоятельно трактуютъ эпоху Цезаря: Hoeckh, «Römische Geschichte vom Verfalle der Republik bis zur Vollendung der Monarchie unter Constantin» (т. I, 1 и частью 2, 1841, 1843); Long, «Decline of the roman republic» (т. IV и V, Лондонъ, 1874); Ch. Merivale, «History of the Romans under the empire» (т. I—II, Лондонъ, 1850 сл.); Ranke, «Weltgeschichte» (II, 2). Впервые общая концепція дѣятельности и личности Ю. Цезаря дана *Моммзеномъ*, въ его «Römische Geschichte» (III). Подробно говоритъ о Цезарѣ Ihne, «Römische Geschichte» (т. VI, 1886, VII 1890). Бойко написана, но ненаучна трактовка G. Ferrero, «La grandezza e decadenza di Roma» (Римъ, 1902—1903, съ попытками психологическаго анализа). О реформахъ Ю. Цезаря см. Herzog, «Geschichte und System der römischen Staatsverfassung» (II, 1887, 1 слл.) и Lange, «Römische Alterthümer» (III). «Leges Juliae» сопоставилъ въ послѣдній разъ E. Cuq, «Lex», у Daremberg et Saglio, «Dict. d. antiquités» (вып. 29, стр. 1146 — 1148). Для *хронологіи* важно соч. E. Fourer, «Ephemerides Caesarianae» (Боннъ, 1889). *Портреты* Ю. Цезаря сопоставлены у Fr. J. Scott, «The portraitures of Julius Caesar» (Л., 1903).

Гай Юлій Цезарь какъ писатель. Широкое образованіе грамматическое и литературное давало Цезарю возможность, какъ и большинству тогдашнихъ образованныхъ людей, быть дѣятельнымъ не только въ политикѣ, но и въ литературѣ. Литературная дѣятельность Цезаря, въ зрѣлые его годы, была, однако, для него не цѣлью, а средствомъ чисто политическаго характера. Два сохранившихся до нашего времени его литературныхъ произведенія, «Commentarii de bello civili» и «De bello gallico», вторые въ 7-ми, первые въ 3-хъ книгахъ, являются ничѣмъ инымъ, какъ политическими орудіями воздѣйствія на общественное мнѣніе. «Commentarii de bello gallico» написаны послѣ окончанія борьбы съ Верцингеториксомъ, но до разрыва съ Помпеемъ, вѣроятно въ 51 г. Они характеризуютъ весь ходъ галльской войны вплоть до рѣшительныхъ дѣйствій 52 г. включительно. Цѣлью ихъ было, очевидно, показать Риму, какъ много Цезарь сдѣлалъ за 8 лѣтъ своего проконсульства, какъ многаго добился и какъ неправы были тѣ, которые говорили, что онъ искалъ войны. Комментаріи опредѣленно проводятъ мысль, что всѣ галльскіе походы были результатомъ аггрессивныхъ дѣйствій самихъ галловъ и германцевъ. Герой разсказа прежде всего онъ самъ (о немъ говорится въ третьемъ лицѣ), но еще болѣе его войско, сильное, храброе, закаленное, преданное своему вождю до самозабвенія. Разсказъ Цезаря былъ въ этомъ отношеніи демонстраціей по адресу сената и памятникомъ войску, ветеранамъ Цезаря. Древніе критики ясно сознавали, что передъ ними только матеріалъ для историка, а не цѣльное историческое произведеніе; ясно указывалъ на это и самъ Цезарь, давъ своему произведенію названіе комментаріевъ (записки, протоколъ). Еще въ большей мѣрѣ проникнуты политическими тенденціями книги «De bello civlii», говорящія о событіяхъ съ 1 янв. 49 г. до Александрійской войны, которую онѣ обѣщаютъ разсказать. Неприведеніе этого обѣщанія въ исполненіе съ одной стороны, рядъ указаній на то, что комментаріи написаны по окончаніи гражданскихъ войнъ, даютъ право

заключить, что Цезарю не удалось закончить своего труда. Цезарь всячески старается показать, что онъ былъ вынужденъ, къ войнѣ не столько Помпеемъ, сколько сенатомъ. Вражды къ Помпею не чувствуется; по отношенію къ нему имѣется только рядъ тонкихъ критическихъ замѣчаній, не лишенныхъ язвительности, — но тѣмъ сильнѣе достается сенату и отдѣльнымъ представителямъ сенатской партіи. Наиболѣе ядовитыя стрѣлы направлены на второстепенныхъ дѣятелей. «Сципіонъ (тесть Помпея), потерпѣвъ (въ Сиріи) у горы Амана нѣсколько пораженій, провозгласилъ себя императоромъ» (надо знать, что титулъ императора давался за *побѣды* и *войскомъ*); Лентулъ при приближеніи Ю. Цезаря къ Риму успѣваетъ только открыть запасную казну, но бѣжитъ, не успѣвъ захватить оттуда деньги—и т. д. Нападки на помпеянцевъ служатъ только для болѣе яркаго освѣщенія законности и необходимости дѣйствій Ю. Цезаря. Черезъ все произведеніе проходитъ повторное указаніе во-первыхъ на постоянное стремленіе Цезаря кончить дѣло миромъ и на то, что всѣ его попытки гордо и неразумно отвергались Помпеемъ; во-вторыхъ на то, что во всѣхъ сраженіяхъ онъ щадилъ войска противниковъ и стремился, гдѣ возможно, кончить дѣло съ наименьшимъ кровопролитіемъ или вовсе безъ него; рядомъ съ этимъ онъ щадитъ и отдѣльныхъ лицъ, вождей помпеянской партіи, между тѣмъ какъ лагерь Помпея только и думаетъ, что о казняхъ, мести и проскрипціяхъ (послѣднее вполнѣ подтверждается и помпеянцемъ Цицерономъ, въ рядѣ его писемъ); наконецъ, только Цезарь опирается на истинное сочувствіе италійскихъ муниципіевъ и провинцій. Тщательно и подробно отмѣчаетъ Цезарь, какъ одинъ городъ за другимъ выгонялъ изъ своихъ стѣнъ помпеянцевъ и съ восторгомъ впускалъ войска Ю. Цезаря. Рядомъ съ доброй волей (voluntas) Италіи выдвигается на первый планъ геройство и самоотверженность войска, въ лицѣ, главнымъ образомъ, солдатъ и низшихъ офицеровъ; уже изъ «Bellum civile» ясно, что новый режимъ собирается опереться на Италію, провинціи и въ особенности войско. Объ исторической достовѣрности комментаріевъ была уже рѣчь. Превосходную литературную ихъ характеристику даетъ Цицеронъ («Brutus», 75, 262), правда, не безъ нѣкоторой лести: «они наги, прямы и красивы, съ нихъ сняты всякія украшенія рѣчи, какъ одежда. Желая приготовить другимъ, которые возьмутся писать исторію, матеріалъ для пользованія, Цезарь можетъ быть и оказалъ услугу болѣе глупымъ изъ нихъ, которые могутъ пожелать подвить (его изложеніе) горячими щипцами; разумныхъ людей онъ отпугнулъ отъ трактовки той же темы; нѣтъ ничего пріятнѣе для исторіи, какъ чистая и блестящая краткость». Дѣйствительно, основное литературное достоинство комментаріевъ—ясность и простота изложенія и стиля, не лишенная въ моменты подъема и нѣкотораго паѳоса, конкретность образовъ и тонкая характеристика не только отдѣльныхъ личностей, но и цѣлыхъ народностей, особенно галловъ. Изъ недошедшихъ до насъ произведеній Ю. Цезаря наиболѣе объемисты были, вѣроятно, сборники его рѣчей и писемъ. Чисто политическаго характера были два его памфлета, озаглавленные «Anticatones». Памфлеты эти были отвѣтами на литературу, порожденную смертью Катона Утическаго—литературу, въ которой первымъ выступилъ Цицеронъ. Цезарь стремился доказать, что панегирики Катону преувеличены. Написаны были эти памфлеты въ 45 г., въ лагерѣ при Мундѣ. Чисто литературными произведеніями были стихотворныя работы Цезаря: «Похвала Геркулесу», трагедія «Эдипъ», поэма «Iter», гдѣ описано его путешествіе изъ Рима въ Испанію въ 46 г. Имѣемъ мы свѣдѣнія и объ одномъ научномъ его произведеніи, въ 2 книгахъ—«De analogia», грамматическомъ трактатѣ, гдѣ разбирался знаменитый грамматическій споръ между аналогистами и аномалистами и разрѣшался въ пользу первыхъ, т. е. въ пользу принципа закономѣрности. Къ комментаріямъ Ю. Цезаря присоединены были послѣ его смерти нѣсколько добавленій, долго считавшихся за произведенія самого Цезаря. Это—8-ая книга комментаріевъ о галльской войнѣ, говорящая о событіяхъ 51 и 50 гг., написанная несомнѣнно Гиртіемъ; далѣе bellum Alexandrinum, гдѣ, кромѣ событій въ Александріи, разсматриваются событія въ Азіи, Иллирикѣ и Испаніи, bellum Africanum—событія африканской войны, и bellum Hispanicum—вторая испанская война. Кто авторы послѣднихъ трехъ дополненій — сказать трудно. Несомнѣнно, что войны испанская и африканская описаны ихъ участникомъ, можетъ быть лицомъ близко стоявшимъ къ 5-му легіону. Относительно bellum Alexandrinum возможно, что и здѣсь авторомъ является Гиртій. Дополненія къ комментаріямъ сохранились вмѣстѣ съ ними въ цѣломъ рядѣ рукописей одного корня (издатели обозначаютъ этотъ изводъ β); только комментаріи о галльской войнѣ сохранились и въ другой редакціи, какъ кажется—лучшей (α). Вопросъ о рукописяхъ разобранъ въ полныхъ критическихъ изданіяхъ Ю. Цезаря—Nipperdey'я (Лпц., 1847) и Kübler'а (Лпц., 1893—1897), также въ критическомъ изданіи «Bellum Gallicum» Meusel'я (Берл., 1894). Комментированныя изданія «Bellum Gallicum» далъ Doberenz-Dinter (Лпц., 9 изд., 1890), «Bellum Civile»—Kraner-Hofmann (Берл., 10 изд., 1890). Много другихъ изданій, по большей части школьныхъ. Порядочнаго научнаго комментарія нѣтъ. Хороши спеціальные словари къ произведеніямъ Ю. Цезаря: Menge и Preuss, «Lexicon Caesarianum» (Лпц., 1885), и Meusel (Берл., 1884). Merguet (Іена, 1884) и Preuss составили словари къ дополненіямъ Гиртія и др. (Эрл.,1884). О спорныхъ вопросахъ историко-литературнаго характера см. Schanz, «Gesch. der röm. Litteratur» (I, 2 изд., 202 слл.).

М. Ростовцевъ.

Юлій — имя трехъ римскихъ папъ.

Ю. I.—36-й папа по порядку, происходилъ изъ коренной римской семьи; избранъ былъ главою римской церкви въ 337 г., умеръ въ 352 г. Ему пришлось дѣйствовать въ эпоху, когда христіанство, только что освободившееся

отъ гоненій со стороны языческаго государства, само раздиралось жестокою борьбою между правовѣріемъ и аріанствомъ или близкими къ нему ученіями. Тотъ изъ сыновей Константина Вел., которому достался Востокъ —Констанцій, — открыто поддерживалъ осужденную никейскимъ соборомъ религіозную доктрину, хотя и въ смягченной ея формѣ. Сторонники никейскаго исповѣданія находили убѣжище на Западѣ. Въ римской церкви изначала установилась традиція держаться въ области догматики на сторонѣ средняго, наиболѣе распространеннаго мнѣнія, т. е. санкціонировать общепризнанное правовѣріе. Въ данномъ случаѣ такая тенденція укрѣплялась еще съ особенною силою стремленіемъ папъ провозгласить, какъ основной догматъ, божественность Іисуса Христа и его равенство съ Богомъ Отцомъ. Вѣрный направленію своихъ предшественниковъ, Ю. I благосклонно принялъ искавшаго пріюта въ Римѣ главнаго ревнителя правовѣрія, Аѳанасія Александрійскаго. Въ 340 г. соборъ западныхъ епископовъ, съѣхавшихся въ Римъ (папа напрасно приглашалъ восточныхъ іерарховъ, умѣренныхъ аріанъ, сторонниковъ Евсевія антіохійскаго), призналъ обвиненія, взведенныя противъ Аѳанасія, а также противъ Маркела анкирскаго, неосновательными. Ю. I обратился къ епископамъ восточной части имперіи съ посланіемъ, въ которомъ энергично отстаивалъ право собора, созваннаго въ Римѣ папою, судить о вѣроисповѣдныхъ вопросахъ. Приговоръ римскаго собора 340 г. былъ подтвержденъ въ 343-мъ г. на другомъ общемъ съѣздѣ высшаго духовенства, собранномъ съ согласія Констанція. Большинство и здѣсь, однако, составилось изъ западныхъ епископовъ: многіе восточные (аріане различныхъ оттѣнковъ), недовольные присутствіемъ низложеннаго по ихъ настоянію Аѳанасія, устранились отъ участія въ засѣданіяхъ. Гозій, епископъ кордубскій, извѣстный защитникъ никейскаго вѣроученія, предложилъ на соборѣ, чтобы въ знакъ особаго почитанія апостола Петра (котораго слагавшаяся традиція уже прямо называла основателемъ римской церкви) и въ уваженіе къ папѣ Ю. предоставлено было и на будущее время римскому престолу право принимать апелляціи на рѣшенія всѣхъ провинціальныхъ епископскихъ синодовъ, присуждавшихъ кого-либо къ лишенію епископскаго сана. Папа долженъ былъ обладать правомъ утверждать или отмѣнять подобные приговоры и въ послѣднемъ случаѣ созывать для новаго разсмотрѣнія процесса особый трибуналъ, изъ епископовъ сосѣдней провинціи, отчасти назначаемыхъ по выбору папы. Этотъ трибуналъ долженъ былъ судить въ присутствіи посланнаго папой легата-наблюдателя. Предложеніе Гозія было принято большинствомъ членовъ сардикскаго собора, но восточные епископы, удалившіеся въ Филиппополь, протестовали и даже объявили Ю. и Гозія низложенными. Когда, вслѣдствіе измѣнившагося настроенія Констанція, Аѳанасію было возвращено епископское достоинство, Ю. I отправилъ къ жителямъ Александріи посланіе, хваля ихъ за вѣрность истинному пастырю. Такимъ образомъ во время управленія Ю. I римскою церковью произошелъ первый конфликтъ между восточнымъ и западнымъ духовенствомъ. За строгую жизнь и твердость въ отстаиваніи первенства Рима, а также за украшеніе города новыми церквами, Ю. I впослѣдствіи былъ причисленъ къ лику святыхъ (память его празднуется 12 апрѣля). См. Friedrich, «Zur ältesten Geschichte des Primates in der Kirche» (1879).

Ю. II—римскій папа, 223-й по порядку, избранъ 1 ноября 1503 г., ум. 20 февр. 1513 г. Родился въ 1441 г. въ бѣдномъ лигурійскомъ мѣстечкѣ Альбицола (около Савоны), въ семьѣ рыбака Рафаэло Ровере, приходившагося братомъ папѣ Сиксту IV (см.). Предположеніе о родствѣ ихъ съ знатною римскою фамиліею делла-Ровере объясняется тѣмъ, что послѣ возвышенія Сикста IV и Ю. II члены этой фамиліи признали ихъ своими. До возвышенія на римскій престолъ Ю. II именовался *Giuliano della Rovere*. Первоначально онъ занимался торговлей, но дядя его, ставшій кардиналомъ, привлекъ его къ духовной карьерѣ. Сдѣлавшись папою, Сикстъ IV назначилъ племянника, вступившаго первоначально въ францисканскій орденъ, архіепископомъ авиньонскимъ, затѣмъ кардиналомъ-епископомъ Остіи. Съ 1480 по 1484 гг. онъ былъ папскимъ легатомъ во Франціи. Въ правленіе Сикста IV онъ пользовался большимъ вліяніемъ, которое не ослабѣло и при Иннокентіи VIII. Уже тогда онъ обнаруживалъ воинствующій духъ и выдающуюся энергію. Его притязанія на первенство въ кардинальской коллегіи вызвали соперничество кардинала Родриго Борджіа. Когда послѣдній былъ избранъ папою (Александръ VI), Джуліано делла Ровере удалился сначала въ свою остійскую метрополію, потомъ во Францію; подстрекалъ Карла VIII къ завоеванію Неаполя и сопровождалъ короля въ его итальянскомъ походѣ. Затѣмъ онъ усиленно хлопоталъ о созывѣ собора для низложенія Александра VI. По смерти послѣдняго онъ выдвинулъ кандидатуру кардинала Тодескини (который былъ избранъ и принялъ имя Пія III), надѣясь, что истощенный болѣзнями старикъ не проживетъ долго и что ему удастся подготовить свое собственное избраніе. Пій въ самомъ дѣлѣ умеръ черезъ мѣсяцъ (1503), и Дж. делла Ровере получилъ понтификатъ, благодаря поддержкѣ французскихъ и испанскихъ кардиналовъ и Чезаре Борджіа, котораго онъ съумѣлъ привлечь на свою сторону. Онъ принялъ имя «Юлія», какъ говорятъ, въ честь Ю. Цезаря, котораго избралъ образцомъ для своей дѣятельности духовнаго монарха. Девизъ «міровой политики» опять выдвигается новымъ главою римской церкви, при его предшественникахъ погрузившейся въ итальянскія дѣла и въ практику непотизма. Сближеніе собственной личности съ образомъ великаго основателя римской имперіи свидѣтельствуетъ о темпераментѣ новаго папы. Что-то непреклонное и царственное, по истинѣ древне-римское обнаруживалось въ его физически крѣпкой натурѣ (умѣвшей противостоять болѣзнямъ, слѣдствіямъ невоздержной жизни) и боль-

шой духовной мощи. Обладая сильнымъ умомъ и замѣчательнымъ государственнымъ талантомъ, онъ былъ человѣкомъ дѣйствія въ полномъ смыслѣ слова, не зналъ мѣры и въ желаніи, и въ отрицаніи. Что наполняло его душу, то должно было вылиться въ міръ во что бы то ни стало, хотя бы онъ самъ погибъ при побѣдоносномъ шествіи любимой идеи. Это былъ по духу не первосвященникъ съ жезломъ, а императоръ съ мечомъ, думавшій, когда нужно было дѣйствовать, не о томъ, что̀ велитъ небо для спасенія людей въ будущей жизни, а о томъ, чего требуетъ достиженіе и удержаніе владычества надъ землею. Въ тѣхъ, кто съ нимъ сталкивался, Ю. возбуждалъ преклоненіе или страхъ, не ненависть. Въ немъ не проявлялось мелкаго себялюбія. «Il pontifice terribile» — такое прозваніе заслужилъ онъ отъ современниковъ, примѣнявшихъ къ нему слова, какими онъ (или его преемникъ) характеризовалъ Микеланджело. Основною цѣлью жизни Ю. поставилъ «возстановленіе могущества римскаго престола». Первымъ къ тому средствомъ онъ считалъ укрѣпленіе и расширеніе территоріи папскаго государства въ Италіи. Самъ обязанный тіарою непотизму и симоніи, онъ много сдѣлалъ, однако, чтобъ покончить съ этими вредоносными системами, и открылъ дорогу воинствующей агрессивной политикѣ, чуждавшейся яда или кинжала подосланнаго убійцы. Положеніе Ю. II было трудное и печальное: безъ войска, безъ денегъ, онъ долженъ былъ образовать первое и найти вторыя, чтобы вновь собрать расхищенныя владѣнія св. Петра. Первымъ противникомъ, съ которымъ папѣ надобно было справиться, былъ тотъ самый Чезаре Борджіа, который поддержалъ его на конклавѣ. Ю. II потребовалъ отъ Чезаре возвращенія св. престолу отданныхъ ему отцомъ папскихъ городовъ и замковъ въ Романьѣ. Когда послѣдній сталъ противиться, папѣ удалось захватить его въ свои руки, и Чезаре былъ выпущенъ на свободу только когда подписалъ актъ о возвратѣ незаконно расхищенныхъ крѣпостей. Венеціанская республика выработала тогда, повидимому, обширный планъ подчиненія своей гегемоніи Апеннинскаго полуострова: путемъ завоеваній она намѣревалась покрыть Италію сѣтью твердыхъ оплотовъ своего могущества. Многое для этого было ужъ сдѣлано: Венеція занимала на Адріатическомъ морѣ рядъ важныхъ портовъ, въ Ломбардіи постепенно захватила Брешію, Бергамо и Кремону. Обладаніе Вероной и ея округомъ отдавало во власть ея нѣсколько альпійскихъ путей въ Италію; Фріуль составлялъ опору ея противъ габсбургской державы со стороны Истріи. Воюя съ Чезаре Борджіа, венеціанцы забрали отъ него нѣсколько важныхъ городовъ въ Романьѣ, составлявшихъ собственность римской церкви (Фаэнца, Чезенна, Римини); еще раньше они заняли Равенну и Червію, теперь грозили овладѣть Имолою и Форли и создать непрерывную цѣпь укрѣпленій отъ Болоньи до Адріатическаго моря. Требованіе возстановленія достоянія церкви являлось для папы правовымъ основаніемъ для борьбы съ Венеціей. Флоренція, для которой усиленіе Венеціи на сушѣ было серьезной опасностью, черезъ своего кардинала Содерини и знаменитаго дипломата Маккіавелли энергично подбивала курію къ немедленному разрыву съ венеціанской синьоріей. Папа началъ энергично хлопотать о заключеніи союза съ Фердинандомъ Испанскимъ, Людовикомъ XII Французскимъ и Максимиліаномъ I Германскимъ. Послѣдніе два согласились на коалицію противъ Венеціи и папѣ удалось возвратить подъ свою власть нѣсколько городовъ въ Романьѣ. Венеція, однако, удерживала еще за собою много папскихъ городовъ, распоряжалась церковными бенефиціями, облагала духовенство поборами, не пропустила Максимиліана короноваться въ Римъ и отняла у него Тріестъ и Фіумэ. Тогда произошло формальное сближеніе между имперіею, Франціею и Испаніею, которыя заключили между собою такъ назыв. «камбрейскую лигу» (10 дек. 1508 г.). Къ ней присоединился и папа, склонившій къ участію въ союзѣ еще Феррару, Мантую и Урбино, обезпечившій дружественный нейтралитетъ Флоренціи и поразившій Венецію интердиктомъ (апр. 1509). Венеціанцы были разбиты на голову при Аньядело (14 мая 1509) французскимъ войскомъ; пали Пескьера, Кремона, Бергамо, Брешія, Верона, Виченца и Падуя; къ французамъ присоединились германскіе солдаты. Республика, сдавленная со всѣхъ сторонъ въ своихъ лагунахъ, смирилась; для смягченія Ю. II она била ему челомъ Равенною, Червіею, Фаэнцою и Римини. Дожъ Лореданъ отправилъ папѣ посланіе съ отчаянною мольбою о милости. Папа оставилъ письмо безъ отвѣта, но вскорѣ понялъ, что существованіе Венеціи необходимо для папства, какъ защита противъ турокъ, Германіи и офранцуженнаго Милана. Въ 1510 г. онъ снялъ съ нея интердиктъ. Политика его вступаетъ въ новую фазу: укрѣпивъ церковное государство, онъ задается цѣлью постепенно освободить страну отъ чужеземцевъ и, объединивъ Италію около римскаго престола, властвовать вновь надъ Европою. Онъ порвалъ съ камбрейскою лигою, обезпечивъ себя со стороны Испаніи признаніемъ ея власти надъ Неаполемъ. Привѣтствуемый гуманистами, онъ взывалъ къ изгнанію изъ Италіи «варваровъ» (fuori i barbari!), прежде всего французовъ и нѣмцевъ. Максимиліана онъ считалъ безпомощнымъ, какъ «новорожденнаго младенца», противъ Франціи старался направить Англію, собиралъ силы итальянскихъ державъ, нанималъ отряды швейцарцевъ, прямо взялъ на себя роль военачальника. Людовикъ XII, раздраженный измѣною папы, собралъ въ Турѣ (сент. 1510) синодъ изъ франц. епископовъ, который осудилъ дѣйствія папы, разрѣшилъ отъ повиновенія его указамъ и благословилъ короля на заключеніе союза съ Максимиліаномъ и на требованіе вселенскаго собора для низложенія Ю. Изъ числа крдиналовъ многіе, недовольные воинственною политикою папы, уѣхали изъ Рима въ Миланъ, главную опору французовъ въ Италіи. Католической церкви вновь угрожалъ расколъ. Война открылась въ январѣ 1511 г. Ю. предпринялъ заво-

еваніе союзной съ Франціею Феррары. Обстоятельства слагались для него неудачно. Онъ потерялъ Болонью; въ Римини готовилась революція; враждебные ему кардиналы, при поддержкѣ Франціи, созвали въ Пизу соборъ чтобы произнести приговоръ надъ папой; къ этому дѣлу присоединился и Максимиліанъ I, мечтавшій, какъ кажется, самъ сѣсть на римскій престолъ, въ видѣ «цесаря-папы». Ю. II обнародовалъ, съ своей стороны, буллу о созывѣ въ Римѣ собора правовѣрныхъ прелатовъ церкви на апрѣль 1512 г. Истощенный пережитыми волненіями папа заболѣлъ и нѣсколько дней провелъ между жизнью и смертью. Ободренная его отчаяннымъ положеніемъ римская знать пыталась произвести переворотъ, съ цѣлью установить въ городѣ Римѣ аристократическое самоуправленіе; но Ю. II выздоровѣлъ и разогналъ мятежниковъ. Въ октябрѣ 1511 г. объявлена была «священная лига» противъ Франціи, составившаяся изъ папы, Англіи, Испанія и Венеціи. Папѣ были обѣщаны Болонья и Феррара, изгнаніе французовъ за Альпы и возвращеніе церкви къ единству. Новая война въ Романьѣ разрѣшилась кровопролитнымъ сраженіемъ подъ Равенною, даннымъ французскимъ полководцемъ Гастономъ де-Фуа войскамъ священной лиги. Гастонъ былъ убитъ, но папа и его союзники понесли жестокое пораженіе; Романья опять была потеряна для римскаго престола. Папа не согнулся подъ бременемъ несчастья. 3-го мая 1512 г. открытъ былъ въ Римѣ латеранскій соборъ. Генералъ августинскаго ордена заговорилъ было о бѣдствіяхъ церкви, происходящихъ отъ воинствующей политики папы; но слова эти были заглушены голосомъ Томаса де-Віо, главы доминиканцевъ, который провозгласилъ папу стоящимъ превыше всякаго собора, правымъ во всѣхъ его дѣйствіяхъ. Собравшіеся отцы отмѣнили всѣ постановленія схизматическаго собора въ Пизѣ. Папа вновь составилъ противъ Франціи лигу, къ которой примкнулъ императоръ. Венеціанцы и папскіе швейцарцы вытѣснили франц. войска изъ веронской области, а регулярная армія папы заняла Романью. Въ то же время возмутились противъ Франціи Миланъ и Генуя. 10 іюня 1512 г. сдалась Болонья, скоро покорился Альфонсо Феррарскій, и послѣдніе остатки французской арміи перебрались за Альпы. Въ то же лѣто взяты были Модена и Реджіо, позже Парма и Піаченца отобраны у Милана. Во Флорентійской республикѣ, одно время передавшейся на сторону враговъ Ю. II, возстановлена была власть Медичисовъ. Миланъ былъ возвращенъ сыну Людовико Моро, не смотря на притязанія императора Максимиліана. Внутри Италіи оставались еще «варвары»: швейцарскіе солдаты, германцы и испанцы. «Съ помощью Божьею я возьму обратно Неаполь», говорилъ Ю. II, комбинируя новые планы и лиги; но глубокая старость уже не могла устоять противъ смерти. «Грозный папа» скончался 20 февр. 1513 г., страшась за прочность своего дѣла, каясь въ своихъ грѣхахъ, но, повидимому, до конца убѣжденный въ правотѣ своей идеи. Очень различныя сужденія высказывались о немъ современниками и ближайшими потомками. Въ сатирическомъ памфлетѣ, написанномъ въ формѣ молитвы о спасеніи его души, Ю. II названъ діаволомъ, котораго только всемогущество Христа можетъ превратить въ ангела. Ульрихъ фонъ-Гуттенъ называетъ его «смертоносною язвою человѣчества», «бандитомъ, носящимъ въ себѣ всевозможные пороки». Лютеръ, посѣтившій Римъ въ правленіе Ю. II, изображаетъ его «ужасающей силы чудовищемъ». Съ другой стороны итальянцы восхваляли его какъ «укротителя льва св. Марка», какъ «избавителя страны отъ нашествія дикихъ иноплеменниковъ». Маккіавелли призналъ, что, не смотря на яростную вспыльчивость, Ю. II никогда не совершалъ жестокостей изъ личной мести, а всегда преслѣдовалъ только интересъ церкви. Безъ сомнѣнія, его нельзя причислить къ настоящимъ «идеалистамъ» и потому съ полнымъ правомъ назвать великимъ человѣкомъ. Онъ дѣйствовалъ уже въ то время, когда духовная «civitas dei» матеріализовалась въ «свѣтскую курію», и оружіе его создало лишь эфемерное могущество. Но среди тревогъ бурнаго понтификата онъ находилъ время думать о внутреннемъ благоустройствѣ церкви, объ исправленіи нравовъ духовенства, объ упорядоченіи администраціи. Особенно замѣчательна его иниціатива въ дѣлѣ поощренія искусства, великіе памятники котораго должны были, по идеѣ Ю. II, пѣть хвалу христіанской вселенской церкви и папству. Въ своихъ культурныхъ вкусахъ и влеченіяхъ онъ представляетъ собою развитіе теченія, начатаго Николаемъ V и Сикстомъ IV. Покровительствуя искусству, онъ стремился воплотить грандіозность своей міровой роли въ блистательныхъ произведеніяхъ архитектуры, скульптуры и живописи, какъ и въ крупныхъ политическихъ дѣяніяхъ. Съ міровозрѣніемъ его связывалось желаніе сдѣлать Римъ главнымъ центромъ и художественной дѣятельности, направляемой высшимъ авторитетомъ церкви. Его починъ превратилъ Вѣчный городъ въ роскошное средоточіе пышно созрѣвшаго поздняго ренессанса. Дальнѣйшій художественный расцвѣтъ Рима былъ послѣдствіемъ даннаго имъ толчка, такъ что, можетъ быть, справедливо было бы назвать «вѣкъ Льва X» «вѣкомъ Ю. II». Не удовлетворяясь работою такихъ даже крупныхъ талантовъ, какъ Джуліано да Санъ-Галло и Андреа Сансовино, Ю. призывалъ къ себѣ Браманте, Микеланджело и Рафаэля, многія изъ лучшихъ произведеній которыхъ связаны съ его именемъ. Онъ хотѣлъ еще при жизни воздвигнуть себѣ памятникъ и поручилъ исполненіе проекта Микеланджело, мечтавшему создать храмъ, съ роскошнымъ саркофагомъ и скульптурными группами, которыя бы символизировали основные элементы дѣла папы. Чуждый мелкаго эгоизма, Ю. скоро, однако, охладѣлъ къ этому предпріятію и сосредоточился на задачѣ перестроить совершенно заново въ громадныхъ размѣрахъ базилику св. Петра и тѣмъ воздвигнуть памятникъ уже не себѣ, а папству. Браманте отдалъ свой геній на выполненіе плана, изъ котораго вы-

росъ всемірно-знаменитый храмъ S.-Pietro in Vaticano. Рядомъ съ этимъ «соборомъ для всего христіанства» по планамъ того же Браманте расширенъ былъ ватиканскій дворецъ. Изящный бельведерскій дворъ и примыкающія къ нему залы предназначались для размѣщенія группы Лаокоона и другихъ превосходныхъ античныхъ статуй, которыя подарила папѣ, энергично искавшему древностей, богато насыщенная ими римская почва. По приказу Ю. Микеланджело принялся за расписку потолка Сикстинской капеллы. Рафаэль предпринялъ и осуществилъ въ томъ же ватиканскомъ дворцѣ, также по иниціативѣ Ю., циклъ лучшихъ своихъ произведеній: это — его знаменитыя «станцы». Желая видѣть весь Римъ перерожденнымъ въ новыхъ роскошныхъ формахъ, Ю. прорѣзалъ новыя величественныя улицы: via Giulia до сихъ поръ называется его именемъ. Онъ украшалъ церкви, строилъ мосты, проводилъ акведукты и клоаки, укрѣплялъ стѣны, въ римской знати вызывалъ соревнованіе въ дѣлѣ возведенія храмовъ, дворцовъ и памятниковъ. Римъ къ концу его царствованія, по свидѣтельству современниковъ, изъ грязнаго плебейскаго города преобразился въ великолѣпную столицу мірового владыки. Ученый каноникъ Франческо Альбертини составилъ при жизни папы книгу «о чудесахъ древняго и новаго Рима» («De mirabilibus novae et veteris urbis Romae», 1509), съ любопытнымъ описаніемъ города, какимъ онъ выросъ изъ царствованія Николая V, Сикста IV и Ю. II. Юлія II называютъ однимъ изъ крупнѣйшихъ государей въ итальянскомъ XVI вѣкѣ (Cinquecento), какъ Козимо Медичи—самою выдающеюся личностью XV-го (Quattrocento). На тріумфальной аркѣ, устроенной въ Римѣ для торжественнаго въѣзда новоизбраннаго папы Льва X, начертана была надпись: «При Александрѣ царствовала Венера, при Ю.—Марсъ; теперь наступаетъ владычество Паллады». На самомъ дѣлѣ Ю. II далъ основаніе для культурной работы его преемника; его просвѣтительное дѣло оказалось прочнѣе военно-политическихъ его предпріятій. Какъ *источники* для исторіи Ю. II, такъ и ученая *литература* о немъ подробно указаны подъ его именемъ въ словарѣ Herzog und Plitt, «Realencyclopädie für protestantische Theologie und Kirche» (2-ое изд., VII т.). См. еще L. Pastor, «Geschichte der Päpste seit dem Ausgang des Mittelalters» (III т., Фрейбургъ, 1895); M. Brosch, «Papst Julius II und die Gründung des Kirchenstaats» (Гота, 1880); J. Klaczko, «Jules II» (П., 1898); F. Gregorovius, «Gesch. der Stadt Rom im Mittelalter» (3 изд., VIII т.); E. Steinmann, «Rom in der Renaissance» (Лпц., 1899). Рафаэль оставилъ нѣсколько превосходныхъ портретовъ Ю. II, а въ знаменитомъ «Моисеѣ» Микеланджело можно видѣть яркое воплощеніе его духа.

Ю. III—въ мірѣ Gian Maria Giocchi del Monte, избранъ папой 8 февраля 1550 г., ум. 22 марта 1555 г. Родился въ 1487 г. въ семьѣ незнатнаго происхожденія; отецъ его пріобрѣлъ извѣстность, какъ ученый юристъ. Онъ избралъ духовную карьеру и быстро прошелъ ея первыя ступени, благодаря покровительству дяди, кардинала дель-Монте. Ю. II возвелъ его въ архіепископы; Климентъ VII поставилъ его во главѣ управленія городомъ Римомъ; при Павлѣ III онъ получилъ красную шапку. Павелъ III склоненъ былъ къ нѣкоторой реформѣ церкви, но признавалъ въ этомъ дѣлѣ исключительно папскую иниціативу и на такой почвѣ готовъ былъ поддерживать попытки Карла V придти къ соглашенію съ германскими протестантами. На тридентскомъ соборѣ дель-Монте выступалъ въ числѣ представителей папской политики. Когда, въ 1549 г., произошелъ разрывъ между папой и Карломъ V, послѣдній вознамѣрился противиться избранію на римскій престолъ кардинала дель-Монте, вѣрнаго проводника взглядовъ куріи. Тѣмъ не менѣе Ю. III получилъ тіару на конклавѣ 1550 г., благодаря коалиціи кардиналовъ фарнезинской и французской партій. Императора онъ успокоилъ обѣщаніемъ приказать отцамъ собора вновь съѣхаться въ Тридентѣ. Ю. III получилъ понтификатъ въ такой моментъ, когда отстаиванье мірового могущества папства требовало большого таланта, труда и послѣдовательности. Возобновленіе совѣщаній въ Тридентѣ произошло 1 мая 1551 г. Сближеніе съ императоромъ охладило отношенія куріи къ Франціи: Ю. дѣйствовалъ, въ союзѣ съ Карломъ и его итальянскими друзьями, противъ Генриха II и поддерживавшаго его въ Италіи Оттавіо Фарнезе, герцога пармскаго. Не смотря на желанія Карла, стремившагося къ умиротворенію Германіи, и на соборѣ, и въ куріи опять осилила партія непримиримыхъ, отстаивавшихъ неприкосновенность догматовъ вѣры и устройства церкви. Самъ папа хоть и не обладалъ активнымъ темпераментомъ борца, но предоставлялъ свободу дѣйствія фанатическимъ сторонникамъ его авторитета. Пользуясь пораженіями Карла V въ борьбѣ его съ Морицомъ Саксонскимъ, Ю. временно прекратилъ засѣданія собора, подъ предлогомъ угрожавшей ему опасности отъ протестантскихъ войскъ (28 апрѣля 1552 г.). Лично папу больше всего тревожили притязанія испанскихъ прелатовъ, требовавшихъ расширенія матеріальныхъ правъ своей національной церкви на счетъ суверенитета церкви римской. Ко времени правленія Ю. III относится попытка достигнуть возвращенія англійской церкви подъ авторитетъ папы. Лорды готовы были вновь признать папскую власть, если римская церковь откажется навсегда отъ возвращенія имуществъ, конфискованныхъ государствомъ и попавшихъ въ частныя руки. Ю. III послалъ въ Англію талантливаго кардинала Реджинальда Поля; переговоры, однако, не привели къ положительному результату. Въ итальянскихъ политическихъ смутахъ Ю. III въ послѣдніе годы своего понтификата держался пассивнаго образа дѣйствій, вслѣдствіе неудачъ, постигшихъ его въ борьбѣ съ Франціей и герцогами пармскими. Слабый характеромъ, равнодушный къ великимъ идеямъ и широкой политикѣ, склонный къ покойной и пріятной жизни свѣтскаго типа, папа Ю. III подчинялся людямъ убѣжденнымъ и

сильнымъ, во главѣ которыхъ начинали уже занимать крѣпкую позицію іезуиты. Онъ подтвердилъ ихъ существованіе и охотно содѣйствовалъ его успѣхамъ дарованіемъ различныхъ привилегій римской и германской коллегіямъ ордена. Послѣдніе два года понтификата Ю. III провелъ въ своей роскошной виллѣ подъ стѣнами Рима, предаваясь мірскимъ и не всегда чистымъ наслажденіямъ. Какой-то юный искатель приключеній, по имени Иннокентій, былъ возведенъ имъ въ санъ кардинала и сдѣлался всесильнымъ раздавателемъ милостей при папскомъ дворѣ. Многіе родственники папы, сами по себѣ люди недостойные, получали въ церкви важныя должности и мѣста. По традиціи, установленной рядомъ его предшественниковъ, Ю. выказывалъ извѣстный интересъ къ искусству. Онъ заказалъ Микеланджело «Страшный судъ» для Сикстинской капеллы. Изъ своей загородной резиденціи (villa di papa Giulio) онъ стремился сдѣлать блистательный художественный памятникъ. Она дѣйствительно является въ Римѣ послѣднимъ крупнымъ монументальнымъ образцомъ архитектуры временъ Возрожденія. Въ выработкѣ плановъ принимали участіе Вазари, отчасти Микеланджело и Виньола. Гармонія всего зданія была испорчена капризною фантазіею самого хозяина, предъявлявшаго строителямъ все новыя требованія. Въ нижнемъ этажѣ виллы можно видѣть плафонныя картины и стуковыя украшенія Цуккаро и Просперо Фантони. Теперь въ ней помѣщенъ національный музей палеоиталійскихъ древностей. См. Reumont, «Gesch. d. Stadt Rom» (3 т., 3-е изд., 1870); Herzog-Plitt, «Real-Encyclopädie der protest. Theologie» (VII т., 2 изд.) съ богатою литературою. *Ив. Гр.*

Юлій — герц. Брауншвейгъ-Вольфенбюттельскій. Род. въ 1528 г. Предназначенный отцомъ къ духовному званію, такъ какъ онъ казался неспособнымъ къ рыцарскимъ упражненіямъ вслѣдствіе поврежденія правой ноги, онъ учился въ Кельнѣ, Парижѣ и Лувенѣ. Когда оба старшіе брата его пали въ 1553 г. при Сиверсхаузенѣ, Ю. былъ вызванъ отцомъ въ отечество, какъ ближайшій законный наслѣдникъ; но грубое и жесткое обращеніе съ нимъ отца, ненавидѣвшаго протестантизмъ, къ которому онъ принадлежалъ, принудило его бѣжать къ родственнику, маркграфу Гансу Бранденбургъ - Кюстринскому (1558 г.). Отецъ его пытался устранить Ю. отъ наслѣдства, но не успѣлъ въ этомъ и примирился съ нимъ. Примиреніе стало полнымъ, когда жена Юлія, Гедвига, дочь курфюрста Іоахима II Бранденбургскаго, родила перваго сына, Генриха-Юлія, на котораго перешла вся любовь дѣда. Въ 1568 г., по смерти отца, Ю. вступилъ въ управленіе страной. Въ 1584 г. ему достались по наслѣдству княжества Гёттингенъ и Каленбергъ. Онъ желалъ жить со всѣми сосѣдями въ мирѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ стремился сдѣлать свою страну способной отразить всякое нападеніе. Онъ считалъ, что отечество должны защищать собственные сыны его, а потому отпустилъ наемныя войска, устроилъ большой арсеналъ, приказалъ опытнымъ ландскнехтамъ обучать военному дѣлу крестьянъ по воскресеньямъ и учредилъ праздники стрѣлковъ. Богатая казна и хорошо обученное постоянное войско создали Ю. особенное положеніе среди современныхъ государей: Вильгельмъ Оранскій и Генрихъ Наваррскій искали его поддержки. Подобное положеніе было возможно только благодаря его отличному управленію, разумной бережливости, умѣнью соразмѣрять цѣли своей политики со средствами страны, производительность и богатство которой онъ поднялъ до небывалой высоты. Самымъ доходнымъ занятіемъ въ Брауншвейгѣ было горное дѣло, на расширеніе и усовершенствованіе котораго обратилъ вниманіе еще отецъ Ю.; рудники Гарца прославились во всей Германіи. Ю. велѣлъ изслѣдовать герцогство въ геогностическомъ отношеніи, обратилъ вниманіе на эксплуатацію существующихъ соленыхъ ключей и положилъ начало болѣе дѣятельной разработкѣ каменноугольныхъ богатствъ страны, чтобы предотвратить истребленіе лѣсовъ. Мѣдь, свинецъ, селитра, мышьякъ, особенно желѣзо добывались въ очень большомъ количествѣ. Для болѣе дешевой перевозки всей этой массы добываемыхъ и частью обработываемыхъ минеральныхъ богатствъ Ю. позаботился о проведеніи новыхъ и улучшеніи старыхъ дорогъ и объ ихъ безопасности. Его планъ соединенія каналами Эльбы и Везера разбился о сопротивленіе нѣкоторыхъ сосѣднихъ князей, но ему удалось сдѣлать судоходными Нетту, Радау, Эккеръ и Оккеръ. Онъ привлекалъ къ себѣ ученыхъ богослововъ, для богословскаго образованія основалъ въ Гандерсгеймѣ педагогіумъ, заботился и о разработкѣ естественныхъ наукъ, устраивалъ аптеки, куда назначалъ врачей съ хорошимъ содержаніемъ. Въ 1576 г. онъ основалъ университетъ въ Гельмштедтѣ, быстро расцвѣтшій благодаря вниманію и щедрости герцога Ю. Когда ему достались Геттингенъ и Каленбергъ (1584 г.), ему удалось и въ этихъ одичавшихъ и обѣднѣвшихъ отъ безпорядка, войнъ и насилій странахъ ввести порядокъ въ управленіи, правду въ судѣ, облегченіе въ платежахъ и повинностяхъ. Умеръ въ 1589 г.; преемникомъ его былъ старшій сынъ его Генрихъ-Ю. См. Havemann, «Geschichte der Lande Braunschweig und Lüneburg».

Юлійскій горный проходъ (Julier)—находится въ Обергальбштейнерскихъ Альпахъ, въ швейцарскомъ кантонѣ Граубюнденъ; соединяетъ долины Верхній Гальбштейнъ и Верхній Энгадинъ. Почтовая дорога, устроенная въ 1825 г., идетъ отъ Тифенкастена на Ю, мимо деревень Швейнингенъ (романск. Savognino) и Мюленъ (романск. Molins), и доходитъ по скалистой мѣстности до Сталла (итал. Bivio, 1776 м.), гдѣ направо отвѣтвляется тропинка черезъ Септимеръ въ Бергелль; затѣмъ она поворачиваетъ на В., достигаетъ высоты горнаго прохода (2287 м.) между Пицомъ Юлійскимъ (3385 м.) и Пицомъ Пулашинъ (3017 м.). Ю. проходъ—одинъ изъ самыхъ безопасныхъ; уже во времена римлянъ здѣсь проходила одна изъ главныхъ дорогъ.

Юліусгалль (Juliushall, также *Гарцбургъ-Ю.*)—климатическая станція и курортъ

съ разсольными источниками въ Германiи, въ Брауншвейгскомъ герцогствѣ, въ гористой мѣстности, на высотѣ 260 м. надъ ур. моря. Изъ источниковъ важнѣйшiе два: Juliusbrunnen, содержащiй въ литрѣ 65,2 плотнаго остатка, въ томъ числѣ 61,0 хлористаго натрiя, 0,61 хлористаго магнiя, 0,95 сѣрнокислаго кали, 1,93 сѣрнокислой извести, 0,59 сѣрнокислой магнезiи, и Neuer Soolbrunnen съ 69,8 плотнаго остатка, въ томъ числѣ 66,55 хлористаго натрiя, 0,40 хлористаго калiя, 0,90 хлористаго магнiя, 1,10 сѣрнокислой магнезiи, 0,84 сѣрнокислой извести. Источники служатъ преимущественно для ваннъ, а иногда, вмѣстѣ съ зельтерской водою, и для питья. Купальное заведенiе отлично устроено и даетъ, кромѣ соляныхъ ваннъ, ванны грязевыя, пневматическiя, хвойныя, паровыя. Молочная сыворотка, водолѣчебница, рѣчныя купанья, гимнастика. Большой съѣздъ, до 12000 человѣкъ.

Юлiусъ (Николай-Генрихъ 1783—1862)—врачъ въ Гамбургѣ. Оказалъ важныя услуги по части устройства тюрьмъ. Изъ сочиненiй его замѣчательны: «Jahrbücher der Straf- und Besserungsanstalten» (Б., 1829—48) и «Nordamericas sittl. Zustände» (Лпц., 1839).

Юлiя (Julia)—имя представительницъ рода Юлiевъ (см.). Извѣстнѣйшiя изъ нихъ были: 1) Ю., младшая сестра диктатора Цезаря, бывшая замужемъ за Маркомъ Аттiемъ Бальбомъ, мать Аттiи, отъ которой родился Октавiанъ Августъ; 2) Ю., дочь диктатора Цезаря отъ Корнелiи, жена Помпея Великаго, умерла въ 54 г. до Р. Хр.; 3) Ю., дочь Октавiана Августа, и дочь ея Ю.—см. ниже. 4) Ю., первоначально носившая имя Ливiи, жена Августа, перешедшая по смерти послѣдняго, по его завѣщанiю, въ родъ Юлiевъ; 5) Ю., дочь Друза Цезаря и сестры Германика Ливiи, внучка Тиберiя (императора). Въ 20 г. по Р. Хр. она вышла замужъ за своего двоюроднаго брата, сына Германика, Нерона. Когда Неронъ удалился въ изгнанiе, Ю. была обручена съ Сеяномъ, а по смерти послѣдняго вышла замужъ за Рубеллiя Бланда. При Клавдiи она навлекла на себя нерасположенiе Мессалины и была убита; 6) Ю. Ливилла, младшая дочь Германика, жила въ преступной связи съ братомъ своимъ Калигулой, который, однако, въ 39 г., по подозрѣнiю въ участiи ея въ заговорѣ Лепида, сослалъ ее съ сестрою Агриппиною на о-въ Понцiю. Возвращенная по смерти Калигулы изъ ссылки, она вторично была отправлена въ изгнанiе Мессалиною, гдѣ была умерщвлена по приказанiю Клавдiя; 7) Ю. Процилла, жена Юлiя Грецина, мать Агриколы; 8) Ю., дочь императора Тита, предложенная отцомъ въ жены дядѣ своему Домицiану, который, не желая разставаться съ женою Домицiею, отвергъ предложенiе Тита. Но едва Ю. вышла замужъ за Флавiя Сабина (племянника Веспасiана), какъ Домицiанъ сошелся съ нею, еще при жизни ея отца; когда же Флавiй Сабинъ былъ казненъ, Домицiанъ жилъ съ нею открыто. Ю. умерла во время беременности, вслѣдствiе попытокъ произвести, по настоянiю Домицiана, искусственный выкидышъ. *Н. О.*

Юлiя—единственная дочь императора Августа, рожденная первою его женою, Скрибонiею, въ 39 г. до Р. Хр. Бракъ этотъ былъ расторгнутъ, когда Ю. не исполнилось еще года, и она получила простое и строгое воспитанiе подъ внимательнымъ наблюденiемъ отца. На четырнадцатомъ году отъ роду (25 до Р. Хр.) она была выдана за племянника Августа—М. Марцелла, усыновленнаго императоромъ и предназначавшагося имъ въ преемники. Союзъ оказался бездѣтнымъ; Ю. потеряла мужа въ 23 г. и два года спустя, по желанiю отца, вступила въ новый бракъ съ ближайшимъ его сотрудникомъ, М. Випсанiемъ Агриппою. Уже въ это время, какъ кажется, проявлялась въ ней распущенность нравовъ, которую Августъ надѣялся исправить влiянiемъ ея второго мужа. Плодомъ этого супружества было пятеро дѣтей — Гай и Луцiй Цезари, Юлiя, Агриппина (старшая, впослѣдствiи супруга Германика, и Агриппа Постумъ. Въ 12 г. до Р. Хр. Ю. овдовѣла во второй разъ; для третьяго брака представлялось много претендентовъ, но Августъ нашелъ необходимымъ сочетать ее съ пасынкомъ своимъ Тиберiемъ (11 г.), не смотря на сопротивленiе послѣдняго, которому для этого пришлось развестись съ любимою имъ женою Випсанiею. Отношенiя супруговъ сложились несчастно. Родившiйся у Ю. отъ Тиберiя сынъ скоро умеръ, и она стала уже безъ всякой сдержки предаваться разврату. Мужъ ея, не рѣшаясь требовать развода съ дочерью императора, самъ удалился на Востокъ, какъ бы въ добровольное изгнанiе (6 г. до Р. Хр.). Оргiи, устраивавшiяся Ю. на глазахъ у всѣхъ въ Римѣ, не могли остаться скрытыми отъ отца. Сообщаютъ также, что Августу было донесено объ участiи дочери въ заговорѣ противъ него. Подстрекаемый второю женою своею, Ливiею, стремившеюся расчистить сыну своему Тиберiю путь къ власти и постоянно злоумышлявшею противъ родственниковъ императора отъ перваго брака, онъ въ засѣданiи сената объявилъ о позорныхъ дѣлахъ дочери, приказалъ казнить или выслать самыхъ близкихъ къ ней людей и приговорилъ ее къ изгнанiю на островъ Пандатарiю, гдѣ она подвергалась суровому заключенiю. Мать Ю. поселилась съ нею въ мѣстѣ ссылки. Мало-по-малу положенiе ея было облегчено; пять лѣтъ спустя, ее перевели въ городъ Регiй, и было предписано относиться къ ней съ мягкостью. Завѣщанiемъ своимъ Августъ лишилъ ее участiя въ наслѣдствѣ и запретилъ помѣстить ея прахъ въ его мавзолей. Вступленiе на престолъ Тиберiя вновь ухудшило условiя жизни Ю., но она вскорѣ умерла (14 г. по Р. Хр.). Авторы представляютъ ее остроумною, живою и веселою женщиною, съ блестящею вызывающе-красивою внѣшностью (что подтверждается оставшимися бюстами, камеями и медалями съ изображенiями Ю). См. Dessau, «Prosopographia imperii romani».

Юлiя (младшая)—дочь предыдущей (род. между 17 и 12 гг. до Р. Хр.), была отдана замужъ за Л. Эмилiя Павла и оказалась истинною дочерью своей матери. Открытая связь

ея съ Силаномъ вызвала со стороны Августа, выставлявшаго себя возстановителемъ нравственности, репрессію противъ ея беззастѣнчиваго разврата. Ю. была сослана на пустынный островъ Адріатическаго моря (Тремеру, у береговъ Апуліи) въ 9 или 8 г. по Р. Хр. Въ то же время подвергся изгнанію поэтъ Овидій (см.); нѣкоторые ученые предположили, безъ опредѣленнаго основанія, что онъ принималъ такъ или иначе участіе въ ея распутствѣ. Ю. умерла въ мѣстѣ ссылки въ 28 г. по Р. Хр. У нея было двое дѣтей— сынъ М. Эмилій Лепидъ и дочь Эмилія Лепида, вышедшая замужъ за Ап. Юнія Силана, а потомъ за Друза, сына Германика.

Юлово — с. Пензенской губ., Городищенскаго у.; школа; торговый пунктъ. Жит. болѣе 3000.

Юлово Городище (Юлокъ-Городище)— бывшее село, а съ 1780 г. уѣздн. гор. *Городище* Пензенской губ. (IX, 309—310).

Юль (Sir Henry Youle, 1820—1889) — англійскій географъ. Служилъ въ Индіи, принималъ участіе въ посольствѣ въ Бирму. О своихъ путешествіяхъ Ю. написалъ «A narrative of the mission to the Court of Ava in 1855» (Лондонъ, 1858). Другіе главные его труды: «Cathay and the way thither, heing a collection of mediaeval notices of China» (Лондонъ, 1866); снабженный цѣнными комментаріями англійскій переводъ сочиненія Марко Поло: «The book of Ser Marco Polo» (ib., 1871; 2-е изд., 1875); словарь англо-индійскихъ выраженій, обработанный отчасти совмѣстно съ Бернеллемъ (Burnell)—«Hobson-Jobson: being a glossary of Anglo-Indian colloquial words and phrases» (ib., 1886).

Юль (Юстусъ) — датчанинъ, бывшій въ Россіи при Петрѣ Великомъ; оставилъ записки, важныя для исторіи Петровской эпохи. См. «Русскій Архивъ» (1893, № I и III).

Юльгъ (Бернгардъ Jülg, 1825—1886) — нѣм. филологъ; былъ профессоромъ во Львовѣ, Краковѣ и Инсбрукѣ. Изъ трудовъ Ю. важнѣйшіе: «Die Märchen des Siddhi-kür» (Лпц., 1866), «Mongol. Märchen» (Инсбрукъ, 1867), «Mongol. Märchensammlung, mongolisch und deutsch» (ib., 1868; особо нѣм. переводъ «Mongol. Märchen», ib., 1868), «Ueber Wesen und Aufgabe der Sprachwissenschaft» (ib., 1868), «Die griech. Heldensage im Widerschein bei den Mongolen» (Лейпцигъ, 1869), «On the present state of Mongolian researches» (Лондонъ, 1882).

Юльке (Karl-Ludwig Jühlke, 1856—1886)—нѣмецкій путешественникъ по Африкѣ. Въ 1884 г. поѣхалъ въ восточную Африку. Съ весны 1885 до конца 1886 г. находился въ Германской Восточной Африкѣ и пріобрѣлъ для вновь основанной колоніи Узамбару, страну Джагга на Килима-Нджаро и береговую полосу къ С отъ Виту вплоть до устьевъ Юба. При выполненіи послѣдняго предпріятія Ю. былъ убитъ въ Кисмайу. Онъ написалъ «Die Erwerbung des Kilima-Ndscharo-Gebietes» (Кёльнъ, 1886).

Юльке (Фердинандъ Jühlke, 1815—93)— нѣмецкій ученый садоводъ. Уроженецъ Помераніи, Ю. въ 1834 г. былъ садовникомъ при сельскохозяйственной академіи въ Эльденѣ; въ 1853 г. путешествовалъ по Зап. Европѣ и по возвращеніи въ Эльдену основалъ въ сообществѣ съ Родэ и Троммеромъ «Эльденскій сельскохозяйственный архивъ» («Eldenaer landwirtschaftliche Archiv»); въ 1854 г. назначенъ королевскимъ садовымъ инспекторомъ и получилъ въ завѣдываніе академическую опытную станцію. Въ 1866 г. назначенъ директоромъ королевскаго сада и училища садоводства и сельскохозяйственной школы въ Сансуси. Изъ многочисленныхъ сочиненій Ю. особенно выдаются: «Gärtnerische Reiseberichte über England, Schottland, Belgien, Holland, Frankreich und Süddeutschland» (1853); «Die Fortschritte des Gartenbaues während der letzten 10 Jahre» (Берлинъ, 1854); «Gartenbuch für Damen» (ib., 1856; 3 изд., 1874); «Ueber die Verbesserung des wirtschaftlichen Lebens» (1863); «Ueber die Stellung der Botanik zur Landwirtschaft und zum Gartenbau» (Эрфуртъ, 1865); «Ueber die Hilfsmittel zur Verbesserung der landwirtschaftlichen Kulturpflanzen» (1868); «Ueber die Rassenverbesserung der Kulturpflanzen» (1869); «Die königliche Gärtnerlehranstalt und Landesbaumschule» (Берл., 1872) и изданіе «Schmidlins Blumenzucht im Zimmer» (ib., 1876; 4-е изд., 1880).

Юльфтъ (Якобъ van der Ulft)—голландскій живописецъ, род. въ 1627 г. въ Горинхемѣ, учился, какъ можно заключить о томъ по его колориту, у Я. Бота, послѣ чего совершенствовался въ Италіи. Писалъ по большей части виды Рима и его античныхъ зданій, оживляя ихъ характерными и умѣло группированными фигурами, а иногда и голландскіе виды съ жанровымъ стаффажемъ. Занимался кромѣ того живописью на стеклѣ и украсилъ расписными окнами своей работы многія церкви въ Гельдернскомъ штатѣ. Былъ бургомистромъ въ Горинхемѣ, гдѣ, вѣроятно, и ум. позже 1688 г. Теплота и сила колорита, выдержанность его общаго тона и исправный рисунокъ составляютъ достоинства картинъ этого художника, встрѣчающихся во многихъ коллекціяхъ, между прочимъ въ Имп. Эрмитажѣ въ СПб. («Торжественный въѣздъ Сципіона Африканскаго въ Римъ») и въ музеяхъ амстердамскомъ (три итальянскихъ вида), роттердамскомъ («Древне-римскій городъ»), гагскомъ («Римское войско въ походѣ»), луврскомъ («Городскія ворота») и дрезденскомъ («Гензерихъ въ Римѣ»).

Юмала — въ финской миѳологіи первоначально божество грома (отъ jum гремѣть и la обиталище: «жилище грома»), соотвѣтствовавшее германскому Доннеру—Тору и славянолитовскому Перуну—Перкуну; затѣмъ слово Ю. стало обозначать бога тучъ, потомъ бога небеснаго свода. Постепенно расширяясь въ значеніи, это слово въ концѣ концовъ обозначало вообще сильнаго и могущественнаго бога, и даже перенесено было на божество христіанское. Ю. особенно почитался въ Біарміи, на южномъ берегу Бѣлаго Моря, гдѣ возвышалась колоссальная статуя его съ серебрянымъ кубкомъ, полнымъ денегъ, на колѣняхъ. Ему, какъ высшему божеству, приписывалось

созданіе міра; ему родъ людской обязанъ и счастливыми днями весны, и правильною смѣною дня и ночи; онъ же производитъ громъ и посылаетъ молнію. Люди—тоже созданія Ю.; въ тяжелой болѣзни его призываютъ на помощь. Его эпитетами являются Ylijumala — высшій богъ и Ukko—старецъ. Употребительны и теперь въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ съ населеніемъ финскаго племени выраженія: «Kost'Jumala» (Спасибо!) и «Jumala-gá» (съ Богомъ!).

Юматовы — русскій дворянскій родъ, восходящій къ концу XVI в. (родоначальникъ —жилецъ Степанъ Ѳеодосіевичъ Ю.) и записанный въ VI ч. род. кн. губ. Оренбургской и Пензенской. Есть еще нѣсколько дворянскихъ родовъ Ю. болѣе поздняго происхожденія. *В. Р—въ.*

Юмашевы—русскій дворянскій родъ, восходящій къ концу XVI в. и записанный въ VI ч. род. кн. Рязанской губ. Есть еще нѣсколько дворянскихъ родовъ Ю. болѣе поздняго происхожденія. *В. Р—въ.*

Юморъ.—Первоначально на латинскомъ языкѣ слово humor означало жидкость, сокъ. Другія значенія оно получило въ связи съ средне-вѣковой медициной, по которой здоровое состояніе человѣческаго организма зависитъ отъ надлежащихъ свойствъ и соединенія четырехъ жидкостей, заключающихся въ организмѣ. Понемногу названіе humor стало прилагаться къ этому надлежащему соединенію тѣлесныхъ жидкостей и обусловленному имъ здоровому состоянію тѣла и особенно духа. Такимъ образомъ довольно рано слово humor (нѣмец. Humór, франц. humeur) стало въ европейскихъ языкахъ означать *настроеніе*, то дурное (у французовъ), то преимущественно хорошее (у нѣмцевъ съ XVIII вѣка). Это послѣднее пониманіе сдѣлалось основой того своеобразнаго значенія слова Ю., которое оно пріобрѣло въ литературѣ германскихъ народовъ, особенно англичанъ, давшихъ высшіе образцы этого литературно-эстетическаго жанра. Едва ли, однако, возможно видѣть въ Ю. лишь литературную форму или эстетическую категорію. Какъ показалъ Лацарусъ, Ю. есть и то и другое, ибо онъ есть прежде всего особое *міровоззрѣніе*. Міровоззрѣніямъ, основаннымъ на господствѣ мысли, Лацарусъ противополагаетъ два міровоззрѣнія, связанныхъ съ дѣятельностью чувства: романтическое и юмористическое. Романтика коренится мыслью въ конечномъ и связывается посредствомъ чувства съ міромъ безконечнаго. Ю. противоположенъ ей: мысль связываетъ его съ міромъ отвлеченій; близкій къ субъективному идеализму, онъ видитъ въ мысли единственную реальность, въ духѣ—творца всего въ человѣкѣ и въ мірѣ; но ему—и въ этомъ его сущность и его отличіе отъ голаго умствованія — близко также все конечное; свѣжая непосредственность чувства связываетъ его съ міромъ конечнаго. Романтика, оторвавшись отъ этого міра, поднимается на крыльяхъ чувства и возбужденной фантазіи къ областямъ идеальнаго и вѣчнаго, никогда не достигая, никогда ясно не познавая ихъ; юморъ—также при посредствѣ чувства — спускается съ высотъ своего идеализма къ міру земному и конечному, чтобы пригрѣть его своимъ тепломъ. Субъективность чувства—область романтики, субъективность мысли—область Ю. Картина психическаго склада, обусловливающаго юмористическое изображеніе жизни, ясна. Въ ровной натурѣ мыслящаго и пассивнаго созерцателя несовершенства жизни не рождаютъ того горячаго отпора, къ какому они призываютъ человѣка боевого и дѣятельнаго темперамента. Далекій отъ порыва вмѣшаться въ борьбу, въ сознаніи своего безсилія рѣшить эту борьбу, онъ не остается, однако, индифферентнымъ. Онъ знаетъ цѣну обѣимъ сторонамъ, видитъ слабыя стороны своихъ симпатій и, оставаясь объективнымъ зрителемъ, никогда не перестаетъ различать своихъ и чужихъ. Въ его изображеніи нѣтъ ни озлобленія, ни желчи, ни сатиры; въ его освѣщеніи жизнь проникнута мягкимъ отблескомъ доброй усмѣшки надъ правыми и виноватыми, надъ большими и малыми, надъ мудрыми и наивными. Это глубокое настроеніе вдумчиваго художника, вызванное контрастомъ между міромъ идеала и міромъ дѣйствительности, находитъ себѣ выраженіе въ юмористическомъ представленіи жизни. Представляя, такимъ образомъ, особый складъ міропониманія, Ю. естественно находитъ выраженіе въ особой эстетической категоріи и въ особой литературной окраскѣ. Пользуясь старой классификаціей темпераментовъ, можно, съ извѣстными оговорками, сказать, что холерику свойственно патетическое изображеніе жизни, меланхолику—элегическое, сангвинику — комическое, флегматику—юмористическое. Въ эстетикѣ, поэтому, важно отграничить Ю. отъ комическаго и возвышеннаго, въ литературѣ—отъ сатиры.

Дѣйствіе Ю., поверхностно сходное съ дѣйствіемъ комическаго, по существу въ извѣстномъ смыслѣ противоположно ему: оно не такъ порывисто, неожиданностью контраста не вызываетъ взрыва хохота, но болѣе глубоко и болѣе продолжительно. Легко забывается острота—непреходящимъ остается въ душѣ настроеніе, пробужденное тихой, грустной усмѣшкой Ю. Бываютъ, конечно, и сочетанія комизма и Ю.: отдѣльныя злоключенія Донъ-Кихота могутъ быть только комичны, но въ своей цѣлокупности судьба благороднаго рыцаря печальнаго образа есть образецъ самаго возвышеннаго Ю. Въ то время какъ комизмъ выдвигаетъ лишь забавную, веселую сторону безсмысленнаго, уклоняющагося отъ нормы явленія, Ю. останавливается на его серьезной сторонѣ или, наоборотъ, останавливается на смѣшныхъ сторонахъ того, что всѣмъ представляется серьезнымъ. Поэтому не безъ основанія Ю. опредѣляютъ, какъ «возвышенное въ комическомъ». И возвышенное, и комическое основаны на дѣйствіи *контраста*. Возвышенное заключается въ изображеніи лицъ, характеровъ, дѣйствій или явленій и отношеній, далеко превосходящихъ по размѣрамъ и значенію обычную и общую мѣру вещей, соотвѣтствующую дѣйствительному міру. Въ ко-

мическомъ изображаемыя явленія оказываются настолько же ниже этой общепризнанной нормы. Итакъ, контрастъ между изображеніемъ и тѣмъ, чего ждетъ наша мысль, есть основаніе этихъ двухъ категорій. Но въ то время какъ возвышенное и комическое ограничиваются лишь изображеніемъ своего предмета, предполагая въ зрителѣ уже готовую мѣру вещей, контрастъ съ которою и сдѣлаетъ для него предметъ возвышеннымъ или комическимъ, Ю. изображаетъ этотъ самый контрастъ. Явленіе, смотря по точкѣ зрѣнія, можетъ быть великимъ или малымъ, разумнымъ или нелѣпымъ, идеальнымъ или матеріальнымъ: Ю. *соединяетъ эти точки зрѣнія*—и предметъ въ его изображеніи становится не возвышеннымъ *или* комическимъ, но тѣмъ и другимъ одновременно, т. е. юмористическимъ. Равновѣсіе обѣихъ сторонъ въ контрастѣ—такова характернѣйшая черта Ю. Казалось бы, нѣтъ и не можетъ быть никакого равновѣсія между дѣйствительнымъ явленіемъ и той идеальной нормой, которая служитъ единственнымъ и непогрѣшимымъ мѣриломъ оцѣнки дѣйствительности. Но если въ идеѣ воплощено все истинное, справедливое и разумное, то и самая несовершенная и неразумная дѣйствительность все же имѣетъ предъ нею преимущества: во-первыхъ, она существуетъ и *этимъ самымъ* пріобрѣтаетъ въ душѣ человѣческой самостоятельность, подчасъ отстаивающую себя вопреки требованіямъ идеи; во-вторыхъ, самая цѣнность идеи зависитъ до извѣстной степени отъ ея силы претвориться въ жизнь: идеи неосуществимыя суть мертвыя идеи. Связанный жизнью чувства съ міромъ реальнымъ, Ю. исходитъ изъ глубокаго сознанія значительности, цѣнности и истины идеала. Однако, онъ не клеймитъ реальное за его отступленіе отъ идеала: онъ сочувствуетъ ему, находя въ немъ неисчерпаемый источникъ для живой дѣятельности чувства. Но непосредственности въ этомъ чувствѣ мало: Ю. сентименталенъ и, быть можетъ, поэтому чувствуетъ такую склонность ко всему наивному, маленькому, обиженному, къ людямъ простымъ, къ дѣтямъ и старикамъ. Пассивное и всепрощающее сочувствіе къ изображаемому есть характерная черта Ю. Если сатирѣ свойственно негодованіе, элегіи—скорбь, то естественнымъ настроеніемъ Ю. является тихая грусть, легко переходящая въ усмѣшку. Паѳосъ сатиры обращается противъ отрицательныхъ явленій, которыя она сопоставляетъ съ своимъ идеаломъ. Элегическое настроеніе скорбитъ о потерянномъ или недостижимомъ блаженствѣ, идиллическое—искусственно возсоздаетъ его. Вездѣ мы сталкиваемся съ волевымъ элементомъ, вездѣ проявляется дѣятельное отношеніе чувства къ изображаемому міру. Наоборотъ, юморъ предоставляетъ міру его несовершенство: онъ отмѣчаетъ его—и усмѣхается. Область сатиры у́же: она касается только нравственно-общественныхъ явленій; предвѣчные законы, правящіе судьбой отдѣльнаго человѣка, проходятъ мимо нея. Оттого она непримирима: Ю. преклоняется предъ неизбѣжнымъ, сатира оставляетъ противорѣчіе между идеаломъ и дѣйствительностью непримиреннымъ. А между тѣмъ, съ точки зрѣнія сатирика это примиреніе было бы возможно, если бы не было виноватыхъ въ нарушеніи закона жизни. И оттого сатира, негодуя, ожесточаетъ насъ, а Ю. успокаиваетъ. Сатирикъ склоненъ къ пессимизму, юмористъ—къ оптимизму; сатирикъ—идеалистъ, юмористъ—реалистъ. Теоретики предлагаютъ еще иныя различныя попытки классифицировать многообразныя явленія Ю. Различаютъ три вида юмора—Ю. настроенія, Ю. изображенія, Ю. характера; выдѣляютъ также три его степени: 1) Ю. положительный (или оптимистическій, Ю. въ узкомъ смыслѣ), 2) Ю. отрицательный, *сатирическій* и, наконецъ, 3) Ю. примиренный, преодолѣвшій голое отрицаніе, *ироническій*. Юмористическое отношеніе къ себѣ или къ міру является на первыхъ порахъ оптимистическимъ: человѣкъ замѣчаетъ все ничтожное, неразумное и мало сознательно, смѣется надъ нимъ, сохраняя душевное спокойствіе; неразумное въ отдѣльныхъ явленіяхъ не колеблетъ его вѣры въ великое и разумное. Это отношеніе смѣняется негодующимъ: отрицательныя явленія представляются побѣдоносным противникомъ «идеи» въ ея чистомъ видѣ; «идея» сохраняетъ свое господство въ мысли наблюдателя, срываетъ маску съ ничтожнаго и предстаетъ во всей своей полнотѣ и нерушимости. Отрицательныя явленія кажутся на этой высотѣ ничтожными и вызываютъ одну *иронію*, которая—будучи сама соединеніемъ рѣзкихъ противоположностей—часто является выраженіемъ Ю. Указанныя при ступени различаются и въ объективномъ Ю. Великій даръ неподдѣльнаго Ю.—удѣлъ немногихъ писателей. Здѣсь мало одного таланта; надо быть широкимъ, не расплываясь въ безразличіи; надо быть снисходительнымъ и добрымъ, умѣя презирать и ненавидѣть; надо соединять съ естественностью остроумія чуткій тактъ и сознаніе мѣры; надо умѣть совмѣстить реализмъ и идеализмъ, лавируя между исключительнымъ натурализмомъ грубой правды и болѣзненной ирреальностью романтиковъ. Ю. нѣтъ у Жуковскаго, нѣти у Зола, нѣтъ въ литературѣ декаданса—нѣтъ и не могло быть. Говорятъ, Гегель не выносилъ и не понималъ произведеній Жанъ Поля; это вполнѣ понятно—увлеченія и отвлеченія мышленія, порвавшаго связь съ міромъ дѣйствительности, не могутъ ни на какой почвѣ сойтись съ Ю., полнымъ непреходящаго чувства реальнаго міра. Эта двусторонняя, равно прочная и сильная связь Ю. съ міромъ дѣйствительности и съ міромъ идей составляетъ его характерное отличіе. Его здравый смыслъ чуждъ идеологіи въ той же мѣрѣ, въ какой его идеализмъ чуждъ безъидейной пошлости практика. Величайшее произведеніе Ю., «Донъ Кихотъ», есть въ одно и то же время и насмѣшка здороваго ума надъ фантазіями безумца, и торжество глубокаго идеализма надъ грубымъ и пошлымъ здравымъ смысломъ, «умомъ глупца». Классической древности почти чуждъ настоящій Ю., равно какъ и среднимъ вѣкамъ, въ

искусствѣ которыхъ много самой рѣзкой сатиры, самаго грубаго комизма, но нѣтъ Ю., ибо средневѣковой Европѣ еще чужда та субъективная душевная самобытность, которая составляетъ условіе Ю. Лишь начало новой эпохи—вмѣстѣ съ произведеніями Шекспира и Сервантеса—даетъ образцы высочайшаго Ю. Примѣромъ и символомъ отношенія классическаго искусства служитъ для Лацаруса сопоставленіе античнаго *хора* и шекспировскаго *шута*. И тотъ, и другой являются въ драмѣ представителями разума, разсужденія, пассивнаго сочувствія той или иной сторонѣ, но у Шекспира разумъ находитъ олицетвореніе въ томъ, кто для всѣхъ является «дуракомъ»—и въ этомъ заключенъ символъ трагическаго безсилія разума; возвышенны мысли и мотивы шута, ничтожна и смѣшна его внѣшность: въ этомъ глубокій Ю. его образа. Въ XVIII вѣкѣ Англія создаетъ особую форму романа, проникнутаго Ю.—и эта форма удерживается въ англійской литературѣ до нашего времени, давъ такихъ представителей, какъ Стернъ и Диккенсъ. Они оказали вліяніе также на нѣмецкую литературу, но юмористическія произведенія Тюммеля, Гиппеля, Жанъ-Поля Рихтера не достигли такого всемірно-историческаго значенія, какое имѣли англійскіе юмористы, а юмористическій элементъ въ произведеніяхъ романтиковъ — Тика, Клеменса Брентано, Кернера—искусственъ и натянутъ. Среди нѣмецкихъ писателей XIX в. выдѣляются по своему неподдѣльному и живому Ю. Фрицъ Рейтеръ, Готфридъ Келлеръ, Густавъ Фрейтагъ; изъ болѣе новыхъ называютъ Генр. Зейделя, Ганса Гофмана, Э. фонъ Вольцогена, О. Э. Гартлебена. Замѣчательными представителями глубоко-философскаго Ю. гордятся также скандинавскія литературы. Наоборотъ, въ романскихъ литературахъ, въ средѣ болѣе склонной къ паѳосу, чѣмъ къ тихому сосредоточенію, Ю. далъ мало выдающихся образцовъ, и самый терминъ имѣетъ иной оттѣнокъ значенія. Въ высшей степени присущъ здоровый юморъ славянскимъ литературамъ; въ польской въ немъ замѣтнѣе оттѣнокъ сентиментальности, въ русской онъ рѣзче, подчасъ приближаясь къ сатирѣ. Ю. запечатлѣны чуть не всѣ первоклассныя дарованія, составляющія гордость русской литературы—и попытка усмотрѣть въ Ю. «ахиллесову пяту» Тургенева едва ли можетъ быть признана основательной. Не только въ общемъ отношеніи писателей къ изображаемому міру отразился этотъ Ю., но особенно въ цѣломъ рядѣ глубоко жизненныхъ фигуръ, отъ Савельича Пушкина до Максима Максимыча Лермонтова, отъ «Старосвѣтскихъ помѣщиковъ» Гоголя до «Бѣдныхъ людей» Достоевскаго. Тотъ «видимый міру смѣхъ и невидимыя слезы», которые считаются формулой Гоголевскаго Ю., даютъ антитезу болѣе рѣзкую, чѣмъ это наблюдается въ Ю., почти сатирическую; и дѣйствительно, въ томъ смѣхѣ, съ которымъ Гоголь изображалъ своихъ чудовищныхъ героевъ безконечной пошлости, совсѣмъ не чувствуется характернаго для Ю. примиренія и сочувствія. Взглянули на міръ сквозь призму Ю. также слѣдующія литературныя поколѣнія; превосходные образцы Ю. мы находимъ въ произведеніяхъ крупныхъ и второстепенныхъ писателей — Слѣпцова, обоихъ Успенскихъ, Кущевскаго, Горбунова, Лѣскова, Короленко, Чехова. Ср. Lazarus, «Das Leben der Seele» (3-е изд., 1883, т. I); Lipps, «Komik und Humor» (1898); J. P. Richter, «Vorschule der Aesthetik»; Vischer, «Aesthetik» (т. I); Bahnsen, «Das Tragische als Weltgesetz und der Humor als ästhetische Gestalt des Metaphysischen» (1877).

А. Горнфельдъ.

Юмрукчалъ—высочайшая вершина въ Балканахъ, достигаетъ 2374 м. высоты, лежитъ сѣвернѣе г. Пловдива (Филиппополя).

Юмурта (тат. яйцо)—въ Закавказскомъ краѣ такъ же, какъ и грузинское кверцхи и армянское дзу, употребляется въ значеніи мѣры вѣса при покупкѣ и продажѣ шелковичной грены и шелковыхъ нитокъ. Вѣсъ Ю.—около 12 золотниковъ.

Юшманъ или *юшманъ* (отъ персидск. джоушенъ—броня)—панцырь или кольчуга съ крупными досками, подобно калантарю (см. Доспѣхъ, XI, 69), но расположенными вертикально и часто украшенными насѣчкой.

Юмъ (Давидъ Hume)—знаменитый философъ и историкъ. Родился въ Эдинбургѣ 26 апрѣля 1711 г. Происходилъ изъ благородной шотландской фамиліи. Отца онъ потерялъ въ дѣтствѣ; мать, которую онъ вспоминаетъ съ любовью и благодарностью, посвятила себя воспитанію дѣтей. Учился въ эдинбургскомъ университетѣ. Очень рано онъ вполнѣ ясно сознавалъ, что его призваніемъ было занятіе гуманитарными науками. Со всѣмъ пыломъ юности онъ предавался размышленіямъ о вопросахъ нравственности и первое время думалъ, что одни такія размышленія непосредственно сами по себѣ перерождаютъ нравственную природу человѣка. Съ 20 лѣтъ онъ началъ записывать свои мысли о религіи, но впослѣдствіи сжегъ тетрадь, въ которой онѣ были записаны. Родственники желали, чтобы онъ занимался правомъ, но его влекло къ Цицерону и Виргилію. Впослѣдствіи онъ пробовалъ исполнять должность конторщика въ торговомъ домѣ (въ Бристолѣ), но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ почувствовалъ, что у него не было ни малѣйшей склонности къ такого рода занятіямъ. Въ 1734 г. онъ ѣдетъ съ научною цѣлью во Францію, гдѣ остается до 1737 г.; посѣщаетъ Парижъ, годъ проводитъ въ Реймсѣ, 2 года въ Лафлешѣ (мѣстѣ воспитанія Декарта). Чудеса, совершавшіяся въ это время на могилѣ аббата Пари, дали ему поводъ изучить происхожденіе вѣры въ чудеса («О чудесахъ»). Во время этого перваго пребыванія во Франціи онъ окончательно утвердился въ рѣшимости посвятить себя наукѣ и съ тѣхъ поръ одной изъ главныхъ заботъ его было устроить свою жизнь такъ, чтобы имѣть наиболѣе удобствъ для научныхъ занятій (между прочимъ онъ дѣлалъ попытки получить профессуру въ эдинбургскомъ и глазговскомъ университетахъ, но безуспѣшно, вслѣдствіе того, что воззрѣнія его казались слишкомъ свободными). Со времени пребыванія его во Франціи началась и его литературно-фило-

софская дѣятельность, которая продолжалась до 1757 г. Она рѣзко раздѣляется на два періода, какъ 6-ти лѣтнимъ перерывомъ, такъ и нѣкоторою перемѣною взглядовъ. Къ первому періоду относятся два сочиненія: «Treatise upon human nature», въ трехъ частяхъ—on the understanding, on the passions, of morals (1739—40) и «Essays moral and political» (1741—2). Въ этихъ сочиненіяхъ дана полная философская система—и гносеологія, и психологія, и нравственность, и политика, и отчасти религія («On superstition and enthusiasm», одинъ изъ опытовъ 1742 г.). Въ 1739—1745 гг. Ю. живетъ на родинѣ и здѣсь вступаетъ въ дружбу съ Гётчесономъ и Адамомъ Смитомъ. Въ 1746 г. онъ, въ качествѣ секретаря генерала Сенъ-Клерка, направляется въ экспедицію въ Канаду, но экспедиція ограничивается крейсированіемъ у береговъ Франціи. Въ 1747—9 г., состоя секретаремъ у того же Сенъ-Клерка во время его дипломатической миссіи къ Туринскому двору, Ю. посѣщаетъ Голландію, большую часть Германіи, Австрію и Сѣверную Италію (отъ этого времени сохранился его интересный дневникъ). Въ это время начинается второй періодъ его литературно-философской дѣятельности. Съ 1748 г. по 1757 годъ Ю. печатаетъ 5 новыхъ томовъ опытовъ: «An Inquiry (первонач.: Philosophical essays) concerning human understanding» (1748; этому сочиненію обязанъ Ю. своимъ вліяніемъ на развитіе философіи); «An inquiry concerning the principles of morals» (1751; дополненіе—«Dialogue»); «Political discourses» (1752); «The natural history of religion» (1755); «Four dissertations» (1757; «On the passions» и др.). Къ этому же періоду относятся также 3 сочиненія, изданныя послѣ его смерти, и одно недошедшее до насъ: «Dialogues concerning natural religion» (1779), «Essay on Suicide» и «Essay on immortality of soul», оба послѣдніе опыта были напечатаны въ 1755 г., но не были изданы «Letters of David Hume to Strahan» (см. Оксфордъ, 1888, п. LVI, стр. 230) и появились въ свѣтъ лишь въ 1783 г.; «Dissertation on metaphysical principles of geometry» была приготовлена къ печати въ 1755 г., но вслѣдствіе замѣчаній математика лорда Стенгопа (съ которымъ Ю. случайно встрѣтился, когда рукопись была уже отправлена къ издателю), не была издана и до насъ не дошла. Въ этотъ же періодъ начались и его занятія исторіей. Въ 1752 г. онъ получилъ мѣсто библіотекаря въ эдинбургскомъ университетѣ и съ того времени до 1762 г. работалъ надъ своей «Исторіей Великобританіи». Сначала появилась исторія Стюартовъ (1754), затѣмъ исторія дома Тюдоровъ (1759), наконецъ (въ 1762 г.)—древнѣйшая исторія, отъ высадки въ Великобританію Юлія Цезаря. Въ своей «Исторіи Англіи» Ю. является, по мнѣнію проф. Р. Адамсона, главнымъ образомъ апологетомъ политической системы виговъ. Главный ея недостатокъ—отсутствіе объективности. Маколей характеризуютъ Ю.-историка какъ образцоваго адвоката, искусно выдвигающаго впередъ благопріятныя для защиты своего тезиса обстоятельства и сглаживающаго неблагопріятные факты. Ю. располагалъ для своего труда немногими источниками, да и эти немногіе онъ недостаточно использовалъ. Особенно слаба въ этомъ отношеніи его древнѣйшая исторія Англіи. Тѣмъ не менѣе его трудъ занимаетъ видное мѣсто въ англійской исторической литературѣ. «Исторія Англіи» Ю. была первымъ опытомъ дать, рядомъ съ изображеніемъ политической исторіи, картину соціальной и литературной жизни страны и первой попыткой объединить обѣ стороны англійской жизни общей исторической концепціей. Написанная къ тому же живымъ и хорошимъ литературнымъ языкомъ, она пользовалась впослѣдствіи значительнымъ успѣхомъ, хотя Ю. и жаловался, что первые выпуски были встрѣчены довольно враждебно.

Въ 1763—65 гг. Ю. жилъ въ качествѣ секретаря посольства въ любимомъ имъ Парижѣ, гдѣ онъ былъ восторженно принятъ, какъ выдающійся философъ. Здѣсь подружился онъ съ энциклопедистами и съ Руссо, но впослѣдствіи съ Руссо у него произошла крупная ссора (см. Burton, «Life of David Hume»; нѣкоторыя добавленія въ «Letters of D. H. to W. Strahan»). Въ 1767—1769 гг. Ю. занимаетъ мѣсто помощника статсъ-секретаря въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Съ 1769 г. онъ живетъ въ Эдинбургѣ на покоѣ, пользуясь матеріальнымъ благосостояніемъ и почетомъ согражданъ. Здѣсь онъ и умеръ, 25 августа 1776 г. Самъ Ю. въ концѣ своей автобіографіи (написанной въ 1776 г.), обрисовываетъ свой характеръ и, повидимому, совершенно вѣрно: «*Я былъ кроткаго характера, уравновѣшеннаго темперамента, открытымъ, обходительнымъ и добросердечнымъ существомъ. Я способенъ къ привязанности, у меня нѣтъ никакихъ задатковъ къ враждѣ и я былъ всегда умѣренъ въ своихъ склонностяхъ. Даже господствующая моя страсть къ литературной славѣ никогда не омрачала моего разума, хотя я долженъ былъ испытать въ этомъ отношеніи много разочарованій*».

Полное изданіе философскихъ сочиненій Ю. предпринималось не разъ (въ Эдинб. и Лонд.). Особо издали Green и Grose собраніе наиболѣе важныхъ философскихъ сочиненій: «Essays and treatises on several subjects» (Л., 1875; впервые Ю., 1770); сюда входятъ: «Essays moral, political», «An Inquiry conc. hum. underst.», «A dissert. on the passions», «An inquiry conc. princ. of morals», «The natural history of religion». Ими же изданы особо «Treatise» вмѣстѣ съ Діалогами (Л., 1874) и «Inquiry conc. hum. underst.» (Л., 1889). Послѣднія два произведенія издалъ также Selby Bigge, для Clarendon Press съ полезными аналитическими индексами: въ («Treatise»—1888, оба «Inquiry»—1894). На рус. яз. переведены: «Inquiry conc. hum. und.» (перев. С. Церетели, П., 1902); «Наука къ познанію роскоши» (перев. съ франц. Левченкова, 1776); «Polit. Disc.» (въ книгѣ «Д. Ю., Опыты», «Библіот. экономистовъ», изд. Солдатенкова, 1896); «Автобіографія» (перев. съ франц. Ив. Маркова, 1781, неудовлетв.; въ другой разъ въ цитир. изд. Солдатенкова). Полный перечень сочиненій о Ю. до 1900 г. можно найти въ «Ист. фил.» Ибервега.

Лучшія изъ нихъ: J. H. Burton, «Life and correspondence of. D. H.» (Эдинбургъ, 1846 и 1850); Jodl, «Leben und Philosophie D. H.» (1872; русск. пер. А. Мейера, 1901, но безъ философіи религіи); Al. Meinong, «Hume-Studien» (1877—82); Giżizki, «Die Ethik David H.-s in ihrer geschichtlichen Stellung» (Бреславль, 1878); Huxley, «Hume» (Л., 1879); Compayré, «La philosophie de David H.». Можно добавить: Grimm, «D. Erkenntnissproblem von Baco zu H.» (1890). Послѣ 1900 г. появились: E. A. Albec, «History of English Utilitarianism» (Л., 1901); D. Reininger, «Kausalsproblem bei H. und Kant» (1902; «Kantstudien», т. VI, тетр. 4); S. Daiches, «Ueber das Verhältniss der Geschichtsschreibung D. H. zu seiner praktischen Philosophie» (Лпц., 1903); J. Zimels, «D. H. Lehre vom Glauben und ihre Entwickelung vom Treatise zur Inquiry» (Б., 1903); М. Каринскій, «Разногласіе въ школѣ новаго эмпиризма по вопросу объ истинахъ самоочевидныхъ» («Жур. Мин. Народн. Просв.», 1901, IV, IX); Н. Виноградовъ, «Скептицизмъ Юма» («Вопр. Фил. и Псих.», LXIV).

Понятіе о достовѣрномъ знаніи у Юма. По мнѣнію Декарта, достовѣрность можно приписать только тѣмъ сужденіямъ, въ которыхъ связь между подлежащимъ и сказуемымъ сполна опредѣляется самымъ содержаніемъ идей подлежащаго и сказуемаго. Въ понятіе о достовѣрномъ сужденіи входила у него и та мысль, что идеи подлежащаго и сказуемаго врождены намъ. Локкъ нашелъ, что между этими двумя мыслями нѣтъ необходимой связи; признавая вмѣстѣ съ Декартомъ, что достовѣрнымъ можетъ быть только то сужденіе, которое опредѣляется сполна содержаніемъ идей, онъ доказывалъ, что всѣ идеи происходятъ изъ опыта. Ю. принимаетъ мысль Локка, что всѣ наши идеи—опытнаго происхожденія, и развиваетъ ее съ замѣчательной наглядностью. Онъ дѣлитъ всѣ познавательныя явленія на впечатлѣнія (impressions), подъ которыми разумѣетъ факты внѣшняго и внутренняго воспріятія, и мысли (thoughts) или идеи (ideas), подъ которыми разумѣетъ всѣ продукты памяти, воображенія и мышленія, и старается доказать, что для каждаго элемента каждой идеи можно найти соотвѣтствующее впечатлѣніе. Ю. слѣдуетъ Локку и въ томъ, что сохраняетъ Декартовское понятіе о достовѣрномъ знаніи. Такимъ образомъ и у него это понятіе рѣзко отдѣляется отъ связаннаго съ нимъ у Декарта ученія о врожденности идей. *Признакомъ* достовѣрнаго знанія Декартъ считалъ ясность и отчетливость знанія, а Локкъ отождествилъ его съ очевидностью сужденія. Что послужитъ намъ, однако, ручательствомъ за то, что кажущаяся ясность и отчетливость или очевидность сужденій происходитъ отъ опредѣленія ихъ самымъ содержаніемъ идей субъекта и предиката, а не есть результатъ простой вѣры въ нихъ, слишкомъ глубоко вкоренившейся въ нашемъ сознаніи вслѣдствіе опыта? Желая тѣснѣе связать признакъ достовѣрнаго знанія съ самымъ понятіемъ объ немъ, Ю. толкуетъ его такъ: сужденіе будетъ достовѣрнымъ лишь въ томъ случаѣ, когда отрицаніе его ведетъ къ противорѣчію. При этомъ Ю. смѣшиваетъ противорѣчіе съ невозможностью представить себѣ идею субъекта безъ идеи предиката. Важнѣйшая сторона философіи Ю. состоитъ въ томъ, что онъ подвергаетъ критической оцѣнкѣ все знаніе съ точки зрѣнія этого критерія достовѣрности.

Взглядъ Юма на математическое знаніе. На основаніи указаннаго критерія Ю., согласно съ Декартомъ и Локкомъ, въ своемъ «Inquiry» признаетъ достовѣрность всѣхъ математическихъ наукъ, между тѣмъ какъ въ «Treatise», признавая достовѣрность ариѳметики и алгебры, онъ отрицалъ совершенную достовѣрность аксіомъ геометріи и говорилъ о зависимости ихъ отъ опыта. Однако, это различіе между сочиненіями Ю. не такъ значительно, какъ нѣкоторые предполагаютъ. Ю. не хотѣлъ сказать въ Трактатѣ, что геометрическія аксіомы совсѣмъ не опредѣляются содержаніемъ понятій (въ качествѣ примѣра для сужденій, опредѣляемыхъ содержаніемъ понятій, Ю. приводитъ и здѣсь геометрическую теорему). Онъ, повидимому, хотѣлъ сказать только слѣдующее. Наука не даетъ и не можетъ дать точнаго опредѣленія важнѣйшихъ геометрическихъ понятій, напр. не можетъ дать точнаго разъясненія того порядка теченія линіи отъ одной точки къ другой, который долженъ входить въ опредѣленіе прямой линіи и который производитъ въ нашемъ созерцательномъ представленіи (въ воспріятіи и воображеніи) впечатлѣніе прямизны. Поэтому мы для отличенія предметовъ, которые соотвѣтствуютъ данному понятію, отъ предметовъ, ему не соотвѣтствующихъ, руководимся вмѣсто несуществующаго точнаго опредѣленія понятія общимъ созерцательнымъ выраженіемъ его. Но вслѣдствіе недостаточной тонкости нашихъ чувствъ подобныя созерцательныя выраженія объектовъ или понятій оказываются неточными; напр., линія, имѣющая въ какой-нибудь точкѣ искривленіе, можетъ производить впечатлѣніе прямой. И хотя мы способны замѣчать и исправлять эти недостатки, пользуясь для этой цѣли вспомогательными пріемами и искусственными приспособленіями, и имѣемъ въ виду эти поправки, когда устанавливаемъ общія положенія для отличенія соотвѣтствующихъ понятію предметовъ отъ несоотвѣтствующихъ ему;—однако, точнаго опредѣленія понятія такимъ путемъ все же не получается; и самое утонченіе созерцательной оцѣнки, какъ зависящее отъ опытовъ, имѣетъ свои предѣлы, за которые перейти не можетъ. Это, конечно, нисколько не мѣшаетъ общимъ положеніямъ, касающимся понятій, быть безспорными въ примѣненіи къ явленіямъ, насколько послѣднія берутся въ конструкціи, доступной нашимъ чувствамъ, а не въ своихъ недоступныхъ созерцательной оцѣнкѣ микроскопическихъ деталяхъ. Но такія положенія не могутъ считаться безусловно точными и всеобщими законами, такъ какъ получить это значеніе они могли бы лишь тогда, когда были бы основаны на точныхъ опредѣленіяхъ понятій, а не на созерцательномъ ихъ выра-

, которому недоступны детали конструк-
неточность которыхъ можетъ испра-
я только опытомъ.
*лядъ Ю. на познаніе причинной связи фи-
ихъ и духовныхъ явленій.* Кромѣ матема-
даже Локкъ признавалъ достовѣрность, въ
тныхъ границахъ, естествознанія, мета-
и и морали. Проведенное въ указанной
довательности Декартовское понятіе о
ведетъ Юма къ иной оцѣнкѣ всего
знанія. Критическій анализъ познанія
нной связи составляетъ центральный
ь въ этой оцѣнкѣ. Отчасти она подгото-
ь уже предшествующимъ развитіемъ
офіи. Уже Декарту представлялось не-
ымъ естественное взаимодѣйствіе ду-
тѣла вслѣдствіе противоположности
рироды. Окказіоналисты усиленно раз-
и эту мысль. Это неизбѣжно вело къ
анію, что причинная связь между совер-
разнородными явленіями не можетъ
установлена изъ понятій объ этихъ яв-
ъ. Гланвилль дѣлаетъ попытку провести
мысль относительно причинной связи
ь бы то ни было явленій. Только тогда,
о мнѣнію, мы познаемъ съ достовѣр-
отношеніе между явленіями, когда мы
ъ, что противоположное отношеніе не-
кно; но объ этомъ примѣнительно къ
вознанію не можетъ быть и рѣчи. Не-
дственно намъ дана не причинная связь,
стая послѣдовательность однихъ явле-
другими. Заключеніе отъ постоянства
сопутствія къ присутствію причины
ъ вести къ ошибкамъ. Однако, такое
еніе Гланвилля казалось недостаточно
ваннымъ. Локкъ отстаиваетъ мысль, что
механики доступны дедуктивному по-
. «Если бы мы могли открыть фигуру,
оженіе, строеніе, движеніе мелкихъ
ныхъ частицъ двухъ тѣлъ (Локкъ ду-
что къ первичнымъ свойствамъ тѣлъ
тся только плотность и протяженіе),
безъ опыта (слѣдов., умозрительно, со
остовѣрностью) познавали бы ихъ взаимо-
іе, какъ мы это дѣлаемъ со свойствами
та или треугольника». Только Юмъ, при
и своего признака достовѣрнаго знанія,
етъ возможность разъяснить, что и въ
случаяхъ причинной связи явленій, гдѣ
раничивается простыми механическими
ссами, возникновеніе явленій для нашей
такъ же непонятно, какъ и взаимодѣй-
духа и тѣла или вообще причинная связь
разнородными явленіями. Юмъ ссы-
на то, что даже и въ этихъ случаяхъ
можно представить себѣ, что за дан-
ричинной послѣдуетъ другое дѣйствіе, а
которое слѣдовало всегда въ дѣйстви-
сти. Представляя билліардный шаръ,
щійся по прямой линіи къ другому,
труда могу вообразить, что оба шара
столкновенія останутся въ абсолютномъ
или что первый шаръ отскочитъ отъ
о по какой угодно линіи или въ какомъ
направленіи и т. п. Послѣдовательно
й точки зрѣнія Ю. могъ бы утверждать,
аже и при простомъ продолжающемся
ніи изъ предшествующаго момента дви-

женія тѣла никакъ не слѣдуетъ движеніе его въ слѣдующій моментъ и движеніе именно въ томъ же направленіи, такъ какъ мы всегда можемъ вообразить, что тѣло остановилось или пошло въ другомъ направленіи. Такимъ образомъ ни одинъ законъ причинной связи не можетъ быть установленъ изъ содержанія понятій и, слѣдовательно, причинная связь можетъ устанавливаться только путемъ наблюденія фактовъ. Съ другой стороны, Юмъ рельефнѣе и послѣдовательнѣе проводитъ предполагавшуюся уже у его предшественниковъ мысль, что убѣжденіе въ причинной связи явленій содержитъ въ себѣ болѣе, чѣмъ сколько даютъ факты: во-первыхъ, наблюденіе фактовъ свидѣтельствуетъ только о простой послѣдовательности, а не о необходимой связи; во-вторыхъ, факты свидѣтельствуютъ только о предшествующихъ соединеніяхъ явленій, а не о будущихъ. Если Локкъ, признававшій, подобно Гланвиллю, что порождающая сила въ явленіяхъ природы не воспринимается, все же училъ, что она воспринимается при человѣческихъ дѣйствіяхъ, когда мы самодѣятельно движемъ нашимъ тѣломъ, то Юмъ устраняетъ и эту мысль. Мы опытно познаемъ, что мы можемъ двинуть своей волей (напр. палецъ) и чего не можемъ (напр. печень). За силу души мы принимаемъ физическое напряженіе, которое мы ощущаемъ при поднятіи руки, при движеніи ногъ и т. д., т. е. какъ разъ то, возникновеніе чего намъ нужно объяснить. Мы не воспринимаемъ силы и тогда, когда повелѣніемъ воли вызываемъ въ себѣ мысли. Гланвилль и Локкъ знали, что убѣжденіе въ причинной связи обнимаетъ не одни предшествующіе, но и будущіе факты, и все же признавали возможнымъ выводить (хотя и не демонстративно, т. е. не умозрительнымъ путемъ) будущее изъ прошедшаго, только не считали такой выводъ достовѣрнымъ. Юмъ, наоборотъ, доказываетъ, что здѣсь совсѣмъ невозможенъ никакой выводъ. Выводъ отъ фактовъ прошедшихъ къ будущимъ предполагаетъ посылку, что порядокъ природы однообразенъ, что будущее будетъ похоже на прошедшее—а въ этой мысли нельзя убѣдиться ни разумомъ, потому что мы можемъ легко вообразить себѣ перемѣну въ порядкѣ природы, ни опытнымъ наблюденіемъ, потому что всякій выводъ изъ опыта уже предполагаетъ мысль объ единообразіи природы.

Отношеніе Юма къ метафизикѣ. а) Въ основаніи нашего убѣжденія въ *существованіи внѣшняго міра* лежитъ также понятіе о причинной связи. Въ воспріятіи намъ даны только образы, находящіеся въ нашей душѣ, а не дѣйствительные предметы. Наука предполагаетъ, что эти образы воспріятія вызваны дѣйствіемъ реальныхъ предметовъ на нашу душу и отсюда, повидимому, открывается возможность по образамъ воспріятія, какъ дѣйствіямъ реальныхъ предметовъ, судить объ ихъ причинахъ, т. е. о самыхъ реальныхъ предметахъ. Но уже изъ предшествующаго ясно, что этимъ путемъ ничего установить нельзя. Такъ какъ возникновеніе дѣйствія непонятно изъ причины, то нельзя установить никакой внутренной связи между образами, находящимися

въ нашей душѣ, и внѣшними предметами, чтобы судить по образамъ воспріятія о внѣшнихъ предметахъ. Здѣсь дѣло еще сложнѣе, чѣмъ въ законахъ естествознанія. Тамъ дано и предшествующее (предполагаемая причина), и послѣдующее (предполагаемое дѣйствіе); требуется только констатировать необходимую связь между ними. Когда же дѣло идетъ о внѣшнемъ мірѣ, какъ о причинѣ нашихъ воспріятій, то оказываются данными только дѣйствія (воспринимаемые нами образы), а о причинахъ (т. е. о реальныхъ предметахъ) нужно еще догадываться. Но и этимъ еще трудность не ограничивается: въ естествознаніи мы не знаемъ исключеній изъ законовъ причинности, но въ вопросѣ о существованіи внѣшнихъ условій для образовъ нашего воспріятія дѣло обстоитъ не совсѣмъ такъ. Еще Декартъ обращалъ вниманіе на тотъ фактъ, что при сновидѣніяхъ, въ продолженіе которыхъ мы бываемъ увѣрены, что видимъ предметы, на дѣлѣ никакихъ реальныхъ предметовъ, которые вызывали бы эти кажущіяся воспріятія, навѣрное не бываетъ. Юмъ предлагаетъ и другое доказательство безсилія разума въ вопросѣ о существованіи внѣшняго міра, которое онъ самъ даже считаетъ болѣе рѣшительнымъ; оно образовалось у него подъ вліяніемъ ученія Беркли. Сущность его въ томъ, что мы не можемъ себѣ представить, чѣмъ бы могъ быть внѣшній міръ, если бы онъ существовалъ. Даже признаваемыя Локкомъ первичныя его качества (плотность и протяженіе), какъ доказалъ Беркли, чисто субъективны. b) Въ «Treatise» Юмъ старается доказать, что разумъ безсиленъ постигнуть и *духовную субстанцію.* Впечатлѣнія внутренняго воспріятія суть только склонности и душевныя движенія, и какъ ни одно впечатлѣніе внѣшняго воспріятія философія не можетъ отождествить съ реальнымъ предметомъ внѣшняго міра, точно также и впечатлѣнія внутренняго воспріятія не могутъ занимать мѣста духовной субстанціи. c) *Истина бытія Божія. Физико-теологическое* доказательство основано на законѣ причинности: отъ порядка и устройства міра (дѣйствія) заключается къ Промыслителю міра (причинѣ этого дѣйствія); и притомъ здѣсь причина не дана намъ. Стало быть, здѣсь примѣнимы первыя два возраженія, относящіяся къ вопросу о существованіи внѣшняго міра. Кромѣ того, Ю. замѣчаетъ, что при этомъ доказательствѣ на міръ смотрятъ по аналогіи съ предметами, сдѣланными человѣкомъ; между тѣмъ вселенная управляется, вообще говоря, по принципамъ и правиламъ совершенно отличнымъ отъ принциповъ и правилъ, которые имѣютъ значеніе для человѣческихъ дѣйствій. Міръ—единичное дѣйствіе, не имѣющее ничего равнаго себѣ; Божество, точно также—совершенно безпримѣрная причина. Поэтому никакого вывода по аналогіи съ человѣкомъ дѣлать нельзя, подобно тому, какъ по слѣдамъ ногъ человѣка на пескѣ нельзя бы было составить сколько-нибудь правильнаго понятія о человѣкѣ тому существу, которое никогда не видало людей. Насколько разумъ безсиленъ въ этомъ вопросѣ, ясно уже изъ того, что существуетъ цѣлый рядъ гипотезъ о происхожденіи міра, которыя всѣ другъ другу противорѣчатъ и изъ которыхъ каждая все же имѣетъ свое основаніе. Противъ *космологическаго* доказательства въ «Діалогахъ о религіи» одинъ изъ собесѣдниковъ (теистъ Клеанѳъ) возражаетъ: реальность, необходимо существующая (къ которой восходитъ доказательство), совершенно непознаваема для насъ. Въ самомъ дѣлѣ, необходимое существо, т. е. то, въ понятіи чего заключается существованіе, нельзя вообразить себѣ несуществующимъ (это было бы логическимъ противорѣчіемъ); но всѣ реальности, о какихъ только мы имѣемъ представленіе, мы можемъ мыслить несуществующими,—слѣдовательно, необходимой между ними нѣтъ ни одной. И если бы существовало необходимое существо, то почему бы оно не могло быть матеріальной природы? Почему не могло бы быть неизвѣстныхъ намъ матеріальныхъ реальностей, отрицаніе которыхъ оказалось бы противорѣчивымъ сужденіемъ?

Отношеніе Ю. къ познанію нравственныхъ законовъ. Локкъ искалъ основанія этики въ раціональной теологіи; для Ю. такое обоснованіе этики невозможно послѣ его критики раціональной теологіи. Но разумъ не въ силахъ установить нравственныхъ законовъ и независимо отъ теологіи. Всѣ отношенія между понятіями, которыя способенъ устанавливать разумъ (сходства, противоположности, качественнаго различія, пропорціи въ величинѣ и числѣ), относятся ко всѣмъ предметамъ, слѣдовательно, также и къ матеріи, а къ ней неприложима нравственность; въ фактахъ же, изъ которыхъ могъ бы дѣлать заключеніе разумъ, не содержится ни добра, ни зла, а только рядъ мотивовъ, аффектовъ и мыслей.

Отрицая возможность достовѣрнаго познанія, Ю. не могъ игнорировать того факта, что въ душѣ человѣка живетъ неуничтожимая вѣра въ законы причинности, въ существованіе Бога, въ обязательность нравственности — и онъ беретъ на себя задачу объяснить и оправдать эту вѣру.

Объясненіе и оправданіе вѣры общаго сознанія въ законы причинности. Вѣра въ каждый частный законъ причинности есть вѣра въ необходимую связь между явленіями, или вѣра въ соединеніе съ опредѣленнымъ предшествующимъ явленіемъ силы, которая должна породить опредѣленное послѣдующее явленіе. Фактъ психической жизни, который имѣется въ виду, когда говорятъ объ этой вѣрѣ, состоитъ въ томъ, что идея опредѣленнаго дѣйствія, вызываемая въ насъ при воспріятіи причины, отличается особою яркостью или интенсивностью и сопровождается болѣе интенсивными чувствованіями и соотвѣтствующими актами воли, за которыми слѣдуютъ поступки. Этотъ фактъ объясняется, по мнѣнію Ю., *ассоціаціей представленій.* Ю. сводитъ всѣ случаи ассоціаціи къ тремъ группамъ: къ ассоціаціямъ по сходству, смежности и причинности. Возникновеніе идей по ассоціаціи причинности отличается отъ возникновенія идей по ассоціаціи смежности только тѣмъ, что идея дѣйствія, вызываемая воспріятіемъ причины,

отличается особою живостью и яркостью и сопровождается интенсивными настроеніями и даже поступками, которые въ другихъ случаяхъ возникаютъ не послѣ идеи, а уже послѣ явленія, соотвѣтствующаго ей. Для объясненія этой особенности при помощи той же ассоціаціи по смежности нужно предположить только, что послѣдовательность событій—какъ это и бываетъ дѣйствительно, когда связь по смежности переходитъ въ причинную связь—повторялась тамъ много разъ, что связь сдѣлалась для насъ привычной. Что ассоціація способна порождать вѣру въ причинную связь и порождаетъ ее—это видно на мірѣ животныхъ. Если бы разсужденіями и можно было установить причинную связь, то эти разсужденія были бы слишкомъ высоки для животныхъ: животныя познаютъ свойства огня, воды, земли, камней при помощи привычки.

Объясненіе вѣры въ причинныя связи явленій есть вмѣстѣ и ея оправданіе. Когда даны соотвѣтствующія условія, вѣра въ законы причинности такъ же неизбѣжна, какъ ощущеніе любви, когда намъ дѣлаютъ добро, или ненависти, когда намъ наносятъ оскорбленія. Всѣ эти процессы—родъ природныхъ инстинктовъ, которые не могутъ быть вызваны или предотвращены никакимъ процессомъ мысли и разумѣнія. Природа научила насъ управлять нашими членами, не ознакомивъ насъ съ мускулами и нервами, которые приводятъ ихъ въ движеніе. Подобно этому она вселила въ насъ инстинктъ, который ведетъ нашу мысль въ направленіи, соотвѣтствующемъ порядку, установленному ею среди внѣшнихъ объектовъ, не смотря на то, что мы не знакомы съ тѣми силами, отъ которыхъ въ концѣ концовъ зависитъ это правильное теченіе и чередованіе объектовъ. Существуетъ нѣчто вродѣ предустановленной гармоніи между порядкомъ природы и слѣдованіемъ нашихъ идей. Эта мысль была для Ю. не простой гипотезой, а самымъ твердымъ убѣжденіемъ: всѣ его разсужденія, слѣдующія за разсмотрѣніемъ вѣры въ причинную связь, предполагаютъ, что явленія природы дѣйствительно связаны причинною связью. На этомъ именно основаніи Ю. отрицаетъ чудеса, свободу воли и т. д.

Юмово объясненіе и оправданіе нравственнаго закона. Сравненіе качествъ, вызывающихъ одобреніе и уваженіе, съ качествами, вызывающими порицаніе и презрѣніе, показываетъ, что всѣ качества первой группы, въ отличіе отъ второй, имѣютъ одну общую черту—заложенное въ нихъ стремленіе къ общей пользѣ. Если бы всякій владѣлъ всѣмъ, въ чемъ онъ нуждается, или если бы никто не имѣлъ силы никому вредить, то для справедливости не было бы мѣста. Самое существованіе добродѣтелей (благотворительности, справедливости и т. п.) предполагаетъ существованіе общества. Лишь только появится семья, общество, союзъ нѣсколькихъ обществъ для торговли и т. д. тотчасъ же появляется потребность и въ справедливости. Отсюда слѣдуетъ, что сознаніе нравственнаго долга есть сознаніе обязательности руководиться въ своихъ поступкахъ общимъ благомъ. Къ нему ведутъ уже личные мотивы. Человѣкъ не можетъ жить безъ общества: все, что онъ дѣлаетъ для поддержанія существованія общества, онъ дѣлаетъ въ своихъ же собственныхъ интересахъ. Однако, изъ одного эгоистическаго стремленія нельзя объяснить существованіе нравственныхъ законовъ. Люди оцѣниваютъ съ нравственной точки зрѣнія событія прошлаго, которыя къ ихъ личному благополучію никакого отношенія не имѣютъ. Мы часто одобряемъ, какъ нравственное, то, что прямо противоположно нашей выгодѣ. Считая невозможнымъ раціональное обоснованіе нравственныхъ законовъ, Ю. обосновывалъ ихъ значеніе на особыхъ чувствованіяхъ. Уже Шафтсбери и за нимъ Гетчесонъ признавали особое нравственное чувство за основной мотивъ и высшее оправданіе нравственныхъ поступковъ. Ю. признаетъ главнымъ мотивомъ, опредѣляющимъ нашу нравственную дѣятельность, простыя и первоначальныя чувства симпатіи. «Видъ радости другого... совершенно какъ свѣтъ солнца, какъ видъ хорошо обработаннаго поля... причиняетъ намъ радость, тайное удовлетвореніе; наоборотъ, видъ несчастія, подобно мрачному облаку или безплодной пустынѣ, распространяетъ на наше воображеніе колоритъ печали». Симпатическія чувствованія, въ противоположность эгоистическимъ, находятъ особую поддержку съ различныхъ сторонъ, и прежде всего въ томъ, что чувствованіе человѣчности, въ противоположность другимъ чувствованіямъ (честолюбіе, скупость и т. д.), одинаково у всѣхъ и вызывается одними и тѣми же объектами. Поэтому оно представляется чѣмъ-то объективнымъ. Мы сами становимся на общую точку зрѣнія уже для того, чтобы избѣгнуть противорѣчій при постоянныхъ перемѣнахъ въ своихъ отношеніяхъ къ другимъ. Къ тому же, слѣдуя добродѣтели, мы пользуемся доброй славой и уваженіемъ и возбуждаемъ менѣе зависти при успѣшномъ достиженіи поставленныхъ себѣ цѣлей. Наконецъ, что особенно важно, добродѣтельная жизнь даетъ довольство самимъ собою и другими, оставляя пріятное сознаніе, что мы исполнили обязанность по отношенію къ человѣчеству и обществу. Пользу или вредъ тѣхъ или другихъ фактовъ или поступковъ для того или другого лица мы обыкновенно сознаемъ непосредственно и реакція чувства на эти факты бываетъ непосредственной; но пользу или вредъ какого-нибудь поступка для общества мы обыкновенно не сознаемъ непосредственно. Поэтому реакція нашего чувства можетъ явиться въ такихъ случаяхъ только послѣ того, какъ разсудокъ рѣшитъ, полезенъ ли данный поступокъ для общества. Однако, признанное общеполезнымъ получаетъ цѣнность для насъ лишь въ силу того, что оно способно возбуждать соотвѣтствующее чувство. Слѣдовательно, разумъ хотя и имѣетъ здѣсь значеніе, но лишь подъ условіемъ симпатическаго чувства.

Вопросъ о вѣрѣ въ Бога у Ю. Врожденнаго инстинкта, который бы объяснялъ вѣру въ Бога, Ю. не признаетъ на томъ основаніи, что эта вѣра фактически оказывается зависимой

отъ времени и національности и не имѣетъ твердо опредѣленнаго объекта; къ тому же чувства къ Богу, по его ученію, даже вообще невозможны, такъ какъ Бога нельзя ни воспринимать, ни воображать, ни отчетливо познавать разсудкомъ. Исторія религій (какъ это явствуетъ изъ его «Nat. hist. of relig.», гдѣ онъ впервые примѣняетъ психологическій методъ къ разъясненію религіи), по его мнѣнію, также не разъясняетъ мотивовъ вѣры въ Бога, способныхъ оправдать эту вѣру. Первоначальное возникновеніе религіи обусловливается чувствами страха и надежды, которыя вызывались явленіями природы, отражающимися на человѣческомъ благосостояніи (Ю. первый, въ противоположность библейскому разсказу, объявляетъ политеизмъ первоначальной религіей). Возникновеніе монотеизма обусловлено выросшимъ на почвѣ тѣхъ же чувствъ стремленіемъ задобрить національнаго или высшаго Бога присвоеніемъ ему предикатовъ другихъ боговъ; эти предикаты постепенно потомъ превращаются въ постоянные его предикаты. Исторія религіи, какъ ее излагаетъ Ю., говоритъ болѣе о возникновеніи суевѣрій, чѣмъ о возникновеніи вѣры въ Бога. И въ современныхъ ему религіозныхъ сектахъ Англіи Ю. видѣлъ только суевѣріе, фанатизмъ, отсутствіе благотворнаго вліянія на нравственность. О скептическомъ отношеніи Ю. къ чудесамъ мы уже упоминали. Объясненіе вѣры, соединенное съ нѣкоторымъ ея оправданіемъ, можно искать, по мнѣнію Ю., только въ опытномъ доказательствѣ бытія Божія изъ разсмотрѣнія мірового порядка. Разсмотрѣніе вселенной не даетъ полнаго и точнаго знанія о Богѣ, какъ о духѣ, чистомъ интеллектѣ и т. п.; но оно несомнѣнно должно внушать мысль о Высшемъ существѣ (скептикъ Филонъ въ «Діалогахъ о религіи»); теизмъ удовлетворяетъ также требованіямъ сердца (теистъ Клеанѳъ, которому никто на это не возражаетъ, въ заключеніи тѣхъ же «Діалоговъ»). Въ одномъ изъ писемъ Ю. выражено рѣшительное сочувствіе теизму, хотя и здѣсь Ю. признаетъ, что въ доказательствахъ его нѣтъ той принудительности, какая чувствуется при познаніи законовъ природы. Въ «Nat. hist. of relig.» Ю. идетъ еще дальше: основательное познаніе міра здѣсь съ несомнѣнностью доказываетъ теизмъ. Въ «Inquiry conc. hum. underst.» Ю. говоритъ, что лучшимъ и наиболѣе прочнымъ основаніемъ теологіи является вѣра въ Божественное Откровеніе. Эта несогласованность во взглядахъ Ю., объясняется, можетъ быть, его колебаніями по вопросу о бытіи Божіемъ (самъ Ю. упоминаетъ въ письмѣ къ Эллiоту о своихъ колебаніяхъ въ юношескій періодъ).

Вліяніе Ю. на послѣдующую философію. Гносеологія Ю. представляетъ изъ себя серьезный шагъ впередъ въ развитіи этой науки. Послѣ Ю. гносеологія раздѣлилась на два направленія—Кантовское и эмпиристическое, которыя живутъ и въ наше время. Они діаметрально противоположны другъ другу, но у нихъ есть одинъ общій исходный пунктъ—отрицательная мысль, что основоположенія наукъ не могутъ оправдываться изъ содержанія идей. Эту мысль, хотя и не во всемъ ея объемѣ, а въ примѣненіи только къ закону причинности, метафизикѣ и морали (Кантъ распространилъ ее на математику, Джонъ Стюартъ Милль и Гербертъ Спенсеръ — на логику), высказалъ впервые Ю. Такимъ образомъ она дала толчекъ къ развитію новѣйшей гносеологіи. Кантъ самъ говоритъ, что эта мысль Ю. пробудила его отъ догматическаго сна. То же самое слѣдуетъ сказать и по отношенію къ противоположному направленію. Если взять одно эмпиристическое направленіе, то Ю. окажется родоначальникомъ его вдвойнѣ, не только по исходному пункту, но и по самому рѣшенію гнесеологичаской проблемы. Ю. первый старался доказать, что общая вѣра въ высшія посылки представляетъ изъ себя простой результатъ опыта. Эта мысль была принята Д. С. Миллемъ и Г. Спенсеромъ. Ю. говорилъ собственно о значеніи ассоціаціи. Психологія послѣ Ю., постепенно расширяя значеніе ассоціаціи (Джемсъ Милль), въ результатѣ пришла къ ученію о возможности объяснить ассоціацией и невообразимость отрицанія сужденія, которая у Ю. оставалась признакомъ умозрительной истины. Ю. первый также сдѣлалъ попытку оправдать вѣру, основанную на ассоціаціи. Съ этимъ послѣднимъ взглядомъ Д. С. Милль не согласился и старался дать индуктивное оправданіе этой вѣрѣ. Спенсеръ оказался болѣе послѣдовательнымъ и развилъ это ученіе Ю. при помощи своей теоріи эволюціи. Гносеологія Ю. оказывала вліяніе не только на главныя направленія послѣдующей философіи, но и на побочныя. Такъ напримѣръ, несомнѣнно стоитъ въ зависимости отъ Ю. ученіе Якоби о вѣрѣ.

Владиміръ Каринскій.

Юмъ (Джозефъ Hume)—англійскій политическій дѣятель (1777—1855). Былъ глазнымъ врачомъ; въ 1799 г. отправился въ Бенгалію, гдѣ скоро настолько овладѣлъ индійскими нарѣчіями, что уже черезъ два года служилъ переводчикомъ въ англійскихъ войскахъ. Съ 1812 г. состоялъ, съ перерывами, членомъ палаты общинъ, примыкая къ наиболѣе радикальнымъ вигамъ; выступалъ всего охотнѣе по вопросамъ финансовымъ; ратовалъ за улучшеніе системы государственнаго счетоводства. *В. В—въ.*

Юнаковка (Юноковка)—с. Харьковской губ., Сумскаго у., при рч. Локнѣ, въ 35 в. отъ уѣзднаго города, на трактѣ въ Курскъ. Старинное поселеніе; по мнѣнію нѣкоторыхъ здѣсь былъ городъ Черниговскаго княжества. 3 церкви, лавки, базары, 4 ярмарки. Ткацкая фабрика. Жителей 7500. Почта и телеграфъ.

Юнакъ, *юнаки* (јунак, мн. ч. јунаци отъ юный, т. е. молодой)—сербское слово, вполнѣ соотвѣтствующее нашему «молодецъ» и по смыслу, и по употребленію. В. Караджичъ въ своемъ словарѣ приводитъ три значенія для этого слова: 1) Held, heros, герой, соотвѣтственно нашему *добрый* (или удалый) *молодецъ*, 2) мужъ и 3) Diener, servus, слуга, какъ у насъ, преимущественно въ купечествѣ и простонародьѣ, молодцемъ называется приказчикъ, трактирный слуга и т. д. (ср. «молодцовская» или «холостая» комната, гдѣ жи-

вутъ холостые рабочіе). Въ эпической поэзіи јунак всегда значитъ богатырь, молодецъ, удалецъ; оттуда јуначки—молодецкій, богатырскій, удалой, и јунаштво—удальство, героизмъ.

Юная Австрія (Junges Oesterreich)—группа нѣмецко-австрійскихъ либеральныхъ поэтовъ, выступившихъ, послѣ Анастасія Грюна, Ник. Ленау, К. Бека и др., на литературное поприще въ «предмартовскіе» (vormärzliche) годы и подготовившихъ преобразовательное движеніе 1848 г. Главными представителями этого литературнаго направленія были Морицъ Гартманъ («Kelch und Schwert», 1845), Альфредъ Мейснеръ («Ziska», 1846) и Германъ Роллетъ («Frühlingsboten aus Oesterreich», 1845; «Wanderbuch eines Wiener Poeten», 1846).

Юная Россія — иллюстрированный журналъ для юношества и дѣтей старшаго возраста; издавался въ СПб. съ 1884 по 1887 г., по два раза въ недѣлю Издатель-редакторъ В. В. Брей.

Юнга—ученикъ, мальчикъ на суднѣ, готовящійся въ матросы. Слово это перешло къ намъ отъ голландцевъ, безъ перемѣны значенія, вмѣстѣ съ другими иностранными терминами морского искусства во времена Петра Великаго. Основавъ въ 1703 г. Кронштадтъ, царь учредилъ въ немъ училище морскихъ Ю., т. е. малолѣтнихъ матросовъ, и самъ началъ службу на морѣ съ каютнаго Ю.—Нынѣ въ нашемъ воен. флотѣ нѣтъ Ю., въ иностранныхъ же они существуютъ.

Юнгбруннenъ (Jungbrunnen)—курортъ въ Вюртембергѣ, въ горной долинѣ, на высотѣ 692 м. надъ ур. моря; слабо минерализованные известковые источники, служащіе для ваннъ.

Юнгбунцлау или *Младо-Болеславъ* (чешск. Mlada-Boleslav, нѣмецк. Jung-Bunzlau)—гор. въ Чехіи, на лѣвомъ берегу р. Изеры, на скалистой возвышенности (230 м.); состоитъ изъ Стараго и Новаго городовъ и 2 предмѣстій. Жит. около 12000, преимущественно чехи-католики. Старый замокъ (X стол.), теперь казармы, домъ тампліеровъ, старая ратуша—теперь зданіе военнаго суда; газовый заводъ, шерстопрядильня, красильня, хлопчатобумажная фабрика, заводы крахмальный, мыловаренный и спиртовый, три механическія мельницы, пивоваренные заводы, акціонерный сахарный заводъ; оживленная торговля. Своимъ происхожденіемъ городъ обязанъ герцогу Болеславу II, основавшему его около 995 г. Въ XVI ст. городъ сдѣлался главнымъ средоточіемъ чешскихъ братьевъ, которые основали здѣсь одну изъ первыхъ своихъ типографій.

Юнггансъ (Софія Junghans, въ замужествѣ *Шульманъ*)—нѣм. писательница, род. въ 1845 г. Извѣстность ея основывается на первыхъ ея романахъ «Käthe, Geschichte eines modernen Mädchens» (Лпц., 1876) и «Haus Eckberg» (ib., 1878), гдѣ представлена замѣчательная картина нравовъ изъ временъ 30-ти лѣтней войны. За этими романами послѣдовали: «Orsanna und andere Erzählungen», «Die Erbin wider Willen», «Die Schwiegertochter», «Neue Novellen», «Die Gäste der Madame Santines», «Helldunkel», «Der Bergrat», «Ein Rätsel», «Eine Versuchung», «Gehen oder bleiben» и др.

Юнге (Эдуардъ Андреевичъ, 1833—1898) —извѣстный окулистъ, родился въ Курляндіи; первоначальное образованіе получилъ въ рижской гимназіи, а высшее на медицинскомъ факультетѣ московскаго университета. По окончаніи курса (1856) отправился за границу, гдѣ занимался изученіемъ глазныхъ болѣзней въ клиникѣ проф. Грефе. По возвращеніи въ 1860 г. въ Россію, онъ получилъ степень доктора медицины за диссертацію «Beiträge zur pathologischen Anatomie in der getigerten Nerzthaut» («Archiv f. Ophthalmologie», 1859) и получилъ каѳедру офтальмологіи въ спб. медико-хирургической акд., которая и обязана ему устройствомъ клиники глазныхъ болѣзней на новыхъ современныхъ началахъ. Въ 1861 г. былъ назначенъ на должность профессора-консультанта глазныхъ болѣзней въ СПб. Въ томъ же году былъ командированъ за границу, преимущественно въ Египетъ, для изученія на мѣстѣ воспаленія глазъ, а въ 1869 г., какъ профессоръ офтальмологіи, назначенъ былъ завѣдующимъ глазнымъ отдѣленіемъ госпиталя и съ этого времени Ю. началъ вести академическую и госпитальную клиники глазныхъ болѣзней, которыя такимъ образомъ соединились, но не надолго. Съ 1860 г. въ новой клиникѣ началась кипучая дѣятельность въ разныхъ отдѣлахъ офтальмологіи. Хотя самъ Ю. и мало писалъ въ этотъ періодъ времени, но за то много руководилъ другими при ихъ работахъ и такимъ образомъ создалъ на новыхъ началахъ школу русской офтальмалогіи, изъ которой вышло много дѣятелей, занявшихъ почетныя мѣста въ европейской медицинѣ. Ему же обязаны учрежденіемъ особой каѳедры глазныхъ болѣзней въ нашихъ университетахъ. Въ 1883 г. Ю. вышелъ въ отставку. Затѣмъ состоялъ директоромъ сельскохозяйственной Петровской акд. въ Москвѣ. Изъ трудовъ Ю., кромѣ диссертаціи, извѣстны: «Zur Histologie der Glashäute» («Medic. Centralbl.», 1857); «Was der ophthalmologie Noth thut?» («Vortrag in der Gesellschaft f. Aerzte und Naturforscher in Heidelberg», 1859); «Ueber die intraocularen Druckverhältnisse» («Vortrag. in Congress der Ophthal. in Heidelberg», сент., 1859); «Ophthalmologisch-microscopische Notizen» («Archiv f. Ophthalmologie», 1859); «Veränderungen der Netzhaut nach continuirlichen Druck eines Tumors auf den Nervus opticus»; «О механическомъ центрѣ глазного яблока»; «Дѣйствіе сѣрнокислаго атропина въ разныхъ концентраціяхъ» («Труды Общества Русскихъ Врачей въ С.-Петербургѣ», 1867); «Эпителіальная форма трахомы» (ibid., 1868); «Излѣченіе главкомы безъ операціи» (ibid., 1869); «Нѣсколько словъ о такъ называемой ophthalmia militaris» («Московская Медицинск. Газета», 1861). Ср. В. Н. Долгановъ, «Краткій историческій очеркъ дѣятельности академической окулистической клиники Имп. Военно-Медицинской Академіи съ 1873 по 1898 г.» (СПб., 1898).

Юнгерманніевыя (Jungermannieæ)—порядокъ печеночныхъ мховъ, обнимающій какъ мхи совершенно слоевцовые (напр. Metzgeria, Pellia, Aneura), слоевцовые съ листовыми образованіями (напр. Blasia), а также мхи, съ листоносными стеблями (напр. Radula, Jungermannia и др.). Спорогоніи, снабженные ножками, появляются по одиночкѣ на верхушкѣ вѣтвей; вскрываются онѣ четырьмя створками. Раздѣляется этотъ порядокъ на три семейства: 1 сем. Haplomitriaceæ, стебли прямые, цилиндрическіе, съ 3 рядами листьевъ, ризоидовъ нѣтъ (Haplomitrium Hookeri). У остальныхъ стебли лежачіе. 2 сем. Acrogynaceæ. Стебли цилиндрическіе, съ 3 рядами листьевъ: два ряда по сторонамъ стебля и одинъ рядъ по нижней сторонѣ (амфигастріи). Боковые листья обыкновенно двулопастные, при чемъ нижняя лопасть чисто загнутая, булавовидная или шлемовидная, служащая часто для скопленія воды. Архегоніи на верхушкѣ вѣтвей; они окружены верхушечными листьями. Къ этому семейству относится очень много мховъ, напр., Radula (на деревьяхъ, на камняхъ), Frullania (на деревьяхъ), Jungermannia, Geocalyx, Calypogeia и др. 3 сем. Anacrogynaceæ. Слоевцовые мхи, съ зачаточными листьями, или совершенно безъ нихъ. Архегоніи помѣщаются на верхней сторонѣ тѣла и бываютъ защищены особою обверткою (involucrum). Семейство это подраздѣляется на два подсемейства: 1) Aneletereæ: коробочка не вскрывается и безъ пружинокъ, но съ безплодными (такъ назыв. питающими) клѣточками; сюда относятся Sphærocarpus, Riella. 2) Elatereæ: коробочка вскрывается 4 створками, пружинки; сюда относятся напр.: Aneura, Metzgeria, Pellia, Blasia и др. *С. Ростовцевъ.*

Юнгерманнія (Jungermannia L.)—родовое названіе печеночныхъ мховъ, порядка Jungermannieæ. Это—растеньица, со стелющимся стебелькомъ, несущимъ два ряда листьевъ и иногда снабженнымъ снизу амфигастріями; архегоніи на верхушкѣ вѣтвей. Всѣхъ видовъ извѣстно болѣе 200. Растутъ на деревьяхъ, камняхъ, на землѣ.

Юнгерманъ (Готфридъ-Людвигъ Jungermann, 1572—1653) — нѣм. ботаникъ; былъ профессоромъ медицины въ Гиссенѣ, потомъ въ Альтдорфѣ. Напечаталъ: «Catalogus plantarum quae circa Altorfium noricum reperiuntur» (Нюрнбергъ, 1615); «Aulaeum academicum» (Гиссенъ, 1624). Линней назвалъ въ его честь родъ растеній Jungermannia.

Юнгеровъ (Павелъ Александровичъ, род. въ 1856 г.)—духовный писатель, воспитанникъ казанской духовной академіи, въ которой преподаетъ Свящ. Писаніе Ветхаго Завѣта. Главные его труды: «Ученіе Ветхаго Завѣта о безсмертіи души и загробной жизни» (Казань, 1882, магист. диссерт.); «Книга пророка Амоса. Введеніе, переводъ и объясненіе» (Казань, 1897, докторская диссерт.); «Библейскій характеръ видѣнія пророка Іезекіиля при его призваніи къ пророческому служенію» («Чтенія въ обществѣ люб. дух. просвѣщенія», 1885); «Подлинность книги пророка Исаіи» («Правосл. Собесѣдникъ», 1885—1887); «Книга пророка Аввакума. Историко-критическое и экзегетическое изслѣдованіе» (М., 1887); «Внѣбиблейскія свидѣтельства о событіяхъ, описываемыхъ въ книгѣ пророка Даніила» (Казань, 1889); «Книга пророка Михея» (ib., 1890); «Книга Есѳирь и внѣбиблейскіе памятники» (ib., 1891); «Псалтырь и ея значеніе въ связи съ заключающимся въ ней вѣроученіемъ» (ib., 1894); «Вѣроученіе Псалтири, его особенности и значеніе въ общей системѣ библейскаго вѣроученія» (ib., 1897); «Общее историко-критическое введеніе въ священныя ветхозавѣтныя книги» (ib., 1902).

Юнгерсенъ (Hector F. E. Jungersen)—датскій зоологъ, род. въ 1854 г. въ Ютландіи, изучалъ естественныя науки съ 1871 г. въ Копенгагенѣ, въ 1877 г. магистръ, въ 1889 г. — докторъ философіи; съ 1874—1886 г. состоялъ ассистентомъ при каѳедрѣ зоологіи въ Копенгагенѣ, гдѣ съ 1883—1886 г. читалъ лекціи зоологіи для медиковъ; съ 1886 г. назначенъ доцентомъ зоологіи при политехническомъ училищѣ, а въ 1899 г. занялъ каѳедру зоологіи и назначенъ директоромъ зоологическаго музея при университетѣ. Въ 1895—96 гг. Ю. участвовалъ въ датской экспедиціи для изслѣдованія глубоководной фауны и флоры сѣверныхъ морей, при чемъ изслѣдовалъ жизнь животныхъ арктическихъ и субарктическихъ морей на берегахъ Гренландіи и Исландіи. Богатый матеріалъ, собранный во время этой экспедиціи, съ 1898 г. обработывается въ особомъ трудѣ подъ заглавіемъ «The Danish Jugolf-Expedition». Ю. выяснилъ обособленіе двухъ различныхъ глубоководныхъ фаунъ Сѣвернаго океана, изъ которыхъ одна, чисто арктическая, свойственна полярной грунтовой водѣ, температура которой не подымается выше 0°, а другая—атлантическая фауна—водѣ, температура которой постоянно превышаетъ 0°; предѣлы температуры воды обусловливаются подводными барьерами, находящимися между Гренландіей, Исландіей, Фарёрскими и Шотландскими о-вами. Научные труды Ю. касаются преимущественно анатоміи и развитія коралловыхъ полиповъ и анатоміи рыбъ и земноводныхъ животныхъ. Ю. напечаталъ между прочимъ: «Ueber Bau und Entwicklung der Kolonie von Pennatula phosphorea» («Zeitschr. f. wiss. Zool.», 1888); «Beitrag zur Kenntnis der Entwicklungsgeschichte der Geschlechtsorgane bei den Knochenfischen» (перев. въ «Arb. a. d. zool. Inst. Würzburg», 1889); «On the structures of the band in Pipa and Xenopus» («Ann. Mag. Nat. Hist.», 1891); «Entwicklung des Müller'schen Gangs bei den Amphibien» (перев. въ «Zoolog. Anz.», 1892); «Ueber die Bauchflossenanhänge der männlichen Selachier» («Anat. Anz.», 1898); «On the Appendices genitales in the Greenland Shark and others Selachians» («The Danish Jugolf Exped.», т. II, 1899). *Н. Н. А.*

Юнгеръ (Іоганнъ-Фридрихъ Jünger)—нѣмецкій писатель (1759—1797), драматургъ вѣнскаго Бургъ-театра, авторъ легкихъ комедій, подражавшихъ французскимъ образцамъ, и комическихъ романовъ. Его «Theatralischer Nachlass» напечатанъ въ 1803—04 гг.

женіи, которому недоступны детали конструкціи и неточность которыхъ можетъ исправляться только опытомъ.

Взглядъ Ю. на познаніе причинной связи физическихъ и духовныхъ явленій. Кромѣ математики, даже Локкъ признавалъ достовѣрность, въ извѣстныхъ границахъ, естествознанія, метафизики и морали. Проведенное въ указанной послѣдовательности Декартовское понятіе о знаніи ведетъ Юма къ иной оцѣнкѣ всего этого знанія. Критическій анализъ познанія причинной связи составляетъ центральный пунктъ въ этой оцѣнкѣ. Отчасти она подготовлялась уже предшествующимъ развитіемъ философіи. Уже Декарту представлялось непонятнымъ естественное взаимодѣйствіе духа и тѣла вслѣдствіе противоположности ихъ природы. Окказіоналисты усиленно развивали эту мысль. Это неизбѣжно вело къ признанію, что причинная связь между совершенно разнородными явленіями не можетъ быть установлена изъ понятій объ этихъ явленіяхъ. Гланвилль дѣлаетъ попытку провести ту же мысль относительно причинной связи какихъ бы то ни было явленій. Только тогда, по его мнѣнію, мы познаемъ съ достовѣрностью отношеніе между явленіями, когда мы видимъ, что противоположное отношеніе невозможно; но объ этомъ примѣнительно къ естествознанію не можетъ быть и рѣчи. Непосредственно намъ дана не причинная связь, а простая послѣдовательность однихъ явленій за другими. Заключеніе отъ постоянства такого сопутствія къ присутствію причины можетъ вести къ ошибкамъ. Однако, такое обобщеніе Гланвилля казалось недостаточно обоснованнымъ. Локкъ отстаиваетъ мысль, что законы механики доступны дедуктивному познанію. «Если бы мы могли открыть фигуру, расположеніе, строеніе, движеніе мелкихъ составныхъ частицъ двухъ тѣлъ (Локкъ думалъ, что къ первичнымъ свойствамъ тѣлъ относятся только плотность и протяженіе), то мы безъ опыта (слѣдов., умозрительно, со всею достовѣрностью) познавали бы ихъ взаимодѣйствіе, какъ мы это дѣлаемъ со свойствами квадрата или треугольника». Только Юмъ, при помощи своего признака достовѣрнаго знанія, получаетъ возможность разъяснить, что и въ тѣхъ случаяхъ причинной связи явленій, гдѣ все ограничивается простыми механическими процессами, возникновеніе явленій для нашей мысли такъ же непонятно, какъ и взаимодѣйствіе духа и тѣла или вообще причинная связь между разнородными явленіями. Юмъ ссылается на то, что даже и въ этихъ случаяхъ всегда можно представить себѣ, что за данной причиной послѣдуетъ другое дѣйствіе, а не то, которое слѣдовало всегда въ дѣйствительности. Представляя билліардный шаръ, двигающійся по прямой линіи къ другому, я безъ труда могу вообразить, что оба шара послѣ столкновенія останутся въ абсолютномъ покоѣ, или что первый шаръ отскочитъ отъ второго по какой угодно линіи или въ какомъ угодно направленіи и т. п. Послѣдовательно съ этой точки зрѣнія Ю. могъ бы утверждать, что даже и при простомъ продолжающемся движеніи изъ предшествующаго момента движенія тѣла никакъ не слѣдуетъ движеніе его въ слѣдующій моментъ и движеніе именно въ томъ же направленіи, такъ какъ мы всегда можемъ вообразить, что тѣло остановилось или пошло въ другомъ направленіи. Такимъ образомъ ни одинъ законъ причинной связи не можетъ быть установленъ изъ содержанія понятій и, слѣдовательно, причинная связь можетъ устанавливаться только путемъ наблюденія фактовъ. Съ другой стороны, Юмъ рельефнѣе и послѣдовательнѣе проводитъ предполагавшуюся уже у его предшественниковъ мысль, что убѣжденіе въ причинной связи явленій содержитъ въ себѣ болѣе, чѣмъ сколько даютъ факты: во-первыхъ, наблюденіе фактовъ свидѣтельствуетъ только о простой послѣдовательности, а не о необходимой связи; во-вторыхъ, факты свидѣтельствуютъ только о предшествующихъ соединеніяхъ явленій, а не о будущихъ. Если Локкъ, признававшій, подобно Гланвиллю, что порождающая сила въ явленіяхъ природы не воспринимается, все же училъ, что она воспринимается при человѣческихъ дѣйствіяхъ, когда мы самодѣятельно движемъ нашимъ тѣломъ, то Юмъ устраняетъ и эту мысль. Мы опытно познаемъ, что̀ мы можемъ двинуть своей волей (напр. палецъ) и чего не можемъ (напр. печень). За силу души мы принимаемъ физическое напряженіе, которое мы ощущаемъ при поднятіи руки, при движеніи ногъ и т. д., т. е. какъ разъ то, возникновеніе чего намъ нужно объяснить. Мы не воспринимаемъ силы и тогда, когда повелѣніемъ воли вызываемъ въ себѣ мысли. Гланвилль и Локкъ знали, что убѣжденіе въ причинной связи обнимаетъ не одни предшествующіе, но и будущіе факты, и все же признавали возможнымъ выводить (хотя и не демонстративно, т. е. не умозрительнымъ путемъ) будущее изъ прошедшаго, только не считали такой выводъ достовѣрнымъ. Юмъ, наоборотъ, доказываетъ, что здѣсь совсѣмъ невозможенъ никакой выводъ. Выводъ отъ фактовъ прошедшихъ къ будущимъ предполагаетъ посылку, что порядокъ природы однообразенъ, что будущее будетъ похоже на прошедшее—а въ этой мысли нельзя убѣдиться ни разумомъ, потому что мы можемъ легко вообразить себѣ перемѣну въ порядкѣ природы, ни опытнымъ наблюденіемъ, потому что всякій выводъ изъ опыта уже предполагаетъ мысль объ единообразіи природы.

Отношеніе Юма къ метафизикѣ. а) Въ основаніи нашего убѣжденія въ *существованіи внѣшняго міра* лежитъ также понятіе о причинной связи. Въ воспріятіи намъ даны только образы, находящіеся въ нашей душѣ, а не дѣйствительные предметы. Наука предполагаетъ, что эти образы воспріятія вызваны дѣйствіемъ реальныхъ предметовъ на нашу душу и отсюда, повидимому, открывается возможность по образамъ воспріятія, какъ дѣйствіямъ реальныхъ предметовъ, судить объ ихъ причинахъ, т. е. о самыхъ реальныхъ предметахъ. Но уже изъ предшествующаго ясно, что этимъ путемъ ничего установить нельзя. Такъ какъ возникновеніе дѣйствія непонятно изъ причины, то нельзя установить никакой внутренней связи между образами, находящимися

нѣмецкаго. Въ своихъ статьяхъ Ю. обращалъ взоры ко всему славянству и его «великому монарху» Александру I, которому чехи предсказывали роль «спасителя всего славянскаго міра». Въ бесѣдахъ съ учениками и научными послѣдователями Ю. защищалъ права роднаго языка, указывалъ на недружелюбное отношеніе къ славянамъ нѣмцевъ (одинъ изъ которыхъ, учитель бераунской школы, говорилъ чехамъ, что ихъ любовь къ родинѣ, это — «любовь осла къ хлѣву»), совѣтовалъ заниматься разработкой исторіи, культуры, литературы и языка всѣхъ славянскихъ народовъ. Онъ писалъ: «учитесь другимъ славянскимъ языкамъ, особенно русскому и польскому, безъ знанія которыхъ нельзя сдѣлаться *настоящими* чехами». Вліяніе этого «тихаго генія», какъ называлъ Ю. Колларъ, было чрезвычайно велико. Главная заслуга Ю. заключается въ его *филологическихъ* трудахъ, гдѣ онъ являлся продолжателемъ Добровскаго. На первомъ мѣстѣ стоитъ его 5 томный «Slovník česko-německý» (Прага, 1834—39). Понимая всю трудность подобной работы для одного лица, Ю. обращался за содѣйствіемъ къ Коллару, Мареку, Шафарику, отчасти Пухмайеру, а отъ Добровскаго получилъ богатый подготовительный матеріалъ; кромѣ того, онъ привлекалъ къ сотрудничеству семинаристовъ. Въ 1833-мъ году словарь былъ готовъ, и изданіе его взяла на себя Матица. Масса параллелей изъ родственныхъ славянскихъ, а также общеиндоевропейскихъ языковъ, составляла важное достоинство словаря. Историческій и вмѣстѣ съ тѣмъ этимологическій словарь Ю. не утратилъ значенія и теперь, не смотря на рядъ крупныхъ недостатковъ (пользованіе данными изъ безусловно подложныхъ памятниковъ, нѣкоторое игнорированіе живого языка и особенно діалектологіи, нѣкоторая искусственность отдѣльныхъ этимологій и написаній). Въ 1851 г. Челаковскій издалъ цѣнныя «Dodavky» къ словарю Ю. Для *исторіи чешской литературы* имѣютъ значеніе два капитальные труда Ю.: его хрестоматія, «Slovesnost» (Прага, 1820; 2 изд. 1845), названная русскимъ терминомъ не безъ намѣренія, и «Historie literatury české aneb soustavný přehled spisů českých» (Прага, 1825, 2 изд. 1849), съ солиднымъ библіографическимъ аппаратомъ, цѣнными обзорами отдѣльныхъ эпохъ, краткими историко-культурными экскурсами, лингвистическими свѣдѣніями и т. д. Послѣдній трудъ Ю. нельзя назвать въ полномъ смыслѣ «Исторіей чешской литературы», что̀ сознавалъ и самъ авторъ; тѣмъ не менѣе, благодаря обширности и новизнѣ матеріала (свѣдѣнія о 1500 писателяхъ и прибл. 5500 произведеніяхъ, во 2 изд. увеличенныхъ до 7466), соч. Ю. имѣло безспорное преимущество предъ болѣе ранней книгой Добровскаго: «Geschichte der böhmischen Sprache und älteren Literatur» (Прага, 1818). Одна изъ рецензій на 2 изд. «Исторіи» написана Срезневскимъ («Извѣстія II Отд. Акад. Наукъ», I, 166, 237). Ганушъ выпустилъ «Dodavky a doplňky k Jungmannově Historii liter. české» (Прага, 1869 и 1871). Къ этому же отдѣлу относятся содержательное предисловіе Ю. къ сборнику открытыхъ и изданныхъ Ганкой «Storobyla scladani», статья «O klassičnosti v literatuře vůbec a zvlášť české», написанная по предложенію Добровскаго («Časop. Česk. Musea», 1831), и др. Въ своемъ классичесскомъ «Разговорѣ о чешскомъ языкѣ», появившемся въ «Чешскомъ Вѣстникѣ» Нейдлаго («Hlasatel česky», 1806), Ю. является скорѣе патріотомъ и публицистомъ, чѣмъ филологомъ въ узкомъ значеніи термина, еще менѣе—лингвистомъ. Онъ скорбитъ объ онѣмѣченіи чешской рѣчи, указываетъ на упадокъ ея сравнительно съ временемъ «золотого вѣка», не скрываетъ ея бѣдности и приходитъ къ выводу, что этотъ упадокъ — явленіе временное, что чехи обязаны тѣмъ больше любить и разрабатывать родной языкъ, чѣмъ больше его преслѣдуютъ; въ языкѣ онъ видитъ первый залогъ силы и самостоятельности чеховъ. «Разговоръ» произвелъ огромное впечатлѣніе на молодое поколѣніе ученыхъ; Шафарикъ и Палацкій многимъ обязаны этой именно статьѣ. Такого же характера другой «Разговоръ» Ю. между «Славомиломъ» и «Противой»; послѣдній возражаетъ на доводы «Славолюба» съ точки зрѣнія космополитизма и указываетъ на преимущество французовъ и нѣмцевъ предъ чехами въ культурномъ отношеніи. Въ тѣсной связи съ указанными статьями стоитъ переводъ Ю. тѣхъ главъ изъ Гердера, въ которыхъ послѣдній предсказываетъ великое будущее славянъ. Въ статьяхъ, помѣщенныхъ въ журналѣ «Hlasatel český», Ю. переводилъ статьи по славистикѣ извѣстныхъ ученыхъ, или же полемизировалъ по тѣмъ же вопросамъ. Изъ самостоятельныхъ работъ выдается «O rozdělení českého písemního jazyka» («Časop. Česk. Musea», 1832). Какъ *поэтъ*, Ю. извѣстенъ своими образцовыми переводами «Потеряннаго рая» Мильтона (оконченъ въ 1804 г., напеч. въ 1811 г.), «Аталы» Шатобріана» (1805), «Германа и Доротеи» Гете (начатъ въ 1812 г., напеч. въ 1841 г.). Въ этихъ трехъ произведеніяхъ Ю. какъ бы отдалъ дань той быстрой смѣнѣ направленій, которую пережила новая чешская литература (ложноклассическаго, сентиментальнаго и романтическаго). Въ своихъ «Запискахъ» Ю. говоритъ, что въ юности онъ находился подъ впечатлѣніемъ Вольтера и Виланда и никогда не понималъ Байроновскаго настроенія; его вкусы характеризуетъ выборъ авторовъ, которыхъ онъ переводилъ для журналовъ: Бюргеръ, Гердеръ, Грей, Гольдсмитъ, Клопштокъ, Попъ, Шиллеръ. Ему принадлежитъ также переводъ «Слова о Полку Игоревѣ», оставшійся въ рукописи. Подъ вліяніемъ Бюргера Ю. пишетъ поэму «Oldřich a Božena» (1806). Остальныя произведенія его болѣе или менѣе самостоятельные («Elegie na smrt Stanislava Vydry», «Spokojenost», риемованная историческая повѣсть «Zuzana» и др.). Достоинство языка и относительная новизна содержанія въ стихахъ Ю. тогда же поставили его въ рядъ лучшихъ чешскихъ поэтовъ. Ему принадлежитъ первое изданіе «Зеленогорской рукописи» («Krok», 1823, díl. I, částka III, 48—61), съ примѣчаніями. Когда черезъ годъ

Добровскій напечаталъ боевую статью: «Literarischer Betrug», съ обличеніемъ подлога памятниковъ, а затѣмъ въ томъ же направленіи писалъ Юрій Палковичъ («Tatranka», 1832, № 17), Ю. нашелъ необходимымъ отвѣтить «скептикамъ» («Časop. Česk. Musea», 1832, 239—248), защищая подлинность «Любушина Суда», и до конца жизни не перемѣнилъ мнѣнія, включивъ этотъ памятникъ въ свои изданія. Развитіе чешской общественности и литературы въ концѣ XVIII и началѣ XIX в. сопровождалось обычнымъ въ подобныхъ процессахъ переживаніемъ цѣлаго ряда направленій, смѣна которыхъ шла необыкновенно быстро. Появляющійся у чеховъ въ началѣ XIX в. напыщенный ложно-классицизмъ шелъ скачками, зарождался спорадически и сейчасъ же замѣнялся слащавымъ сентиментализмомъ, который въ свою очередь уступалъ мѣсто туманному романтизму въ нѣмецкомъ духѣ (Jireček, «O stavu literatury české v letech 1815—20», въ «Časop. Česc. Musea», 1878). Одновременно со смѣной общихъ направленій шли частные споры. Во-первыхъ, писатели-консерваторы заботились о пуризмѣ чешскаго языка, идеаломъ котораго имъ представлялся языкъ «золотого вѣка», времени Велеславина; прогрессисты находили, что словарный матеріалъ постепенно долженъ обогащаться наличностью запаса у другихъ славянъ и что славянскія слова должны вытѣснить болѣе раннія западно-европейскія заимствованія, чтобы «идти навстрѣчу общеславянскому литературному языку» (предисловіе Ю. къ «Потер. Раю»). Во-вторыхъ, оба лагеря вели такой же споръ о правописаніи: консерваторы довольствовались стариной, звуковой системой представителей общины чешскихъ братьевъ (XV—XVI вв.), а прогрессисты стояли за прибавки Добровскаго, слѣдовавшаго аналогичному способу (напр. въ различеніи *i* и *y* послѣ *s* и *z*), требованія котораго были формулированы въ совмѣстномъ трудѣ Ю. и Ганки: «O počátku a proměnách pravopisu českého» (Прага, 1828). Въ третьихъ, поэты старшаго поколѣнія писали только тоническимъ размѣромъ, въ то время, какъ поколѣніе младшее, находившееся подъ вліяніемъ интереса къ народной поэзіи и западныхъ теченій, увлекалось романтизмомъ и стояло за метрическую систему. На этой почвѣ и начался знаменитый просодическій споръ, въ которомъ Ю. игралъ видную роль. Вмѣстѣ съ Шафарикомъ и Палацкимъ онъ защищалъ метрику, болѣе свойственную чешскому языку, а противники ихъ («призвучники»), Добровскій, Гнѣвковскій, Неѣдлый, Палковичъ и отчасти Пухмайеръ, признавали только тоническую систему. Перипетіи этого долгаго спора, начатаго въ 1805 г., выяснили всю несостоятельность старой партіи и во многомъ напоминаютъ споръ Шишковистовъ и Карамзинистовъ. Впрочемъ, для чешской литературы эта борьба имѣла болѣе глубокій смыслъ, потому что чешскій языкъ обладаетъ долготой и краткостью гласныхъ (см. Чешскій языкъ, XXXVIII, 793—796). Въ концѣ концовъ, хотя побѣда и осталась за молодой партіей, стоявшей подъ знаменемъ метрики, тѣмъ не менѣе признаны были обѣ системы: метрическая предназначалась для переводовъ изъ классиковъ, а тоническая — для переводовъ европейскихъ поэтовъ и для оригинальныхъ стихотвореній. Не смотря на всю прямолинейность и убѣжденность Ю., онъ велъ себя сдержанно, напоминая въ этомъ отношеніи Карамзина, чѣмъ возбудилъ ненависть Неѣдлаго, который не задумался написать доносъ на своего противника, повлекшій за собою негласный надзоръ пражской полиціи за Ю. Объ этомъ говоритъ самъ Ю. въ своихъ «Запискахъ», появившихся въ 1871 г. Ю. умеръ въ Прагѣ 4 ноября 1847 г.

Литература. V. Štulc, «Josef Jungmann» (1847); V. Zelený, «Život Josefa J.» (Прага, 1873—74); F. Schulz, «Josef J.» («Matica lidu», 1873); «Zápisy Josefa J.» («Časop. Česk. Musea», 1871, 258—335 и отдѣльно; Прага, 1871); O. Jedlička, «Josef J.» (Прага, 1873); Н. Задерацкій, «Ю.» (Кіевъ, 1874); Н. Поповъ, «Іосифъ Ю.» («Журн. Мин. Народн. Просв.» 1873, іюль, 171 — 195); J. Král, «K činnosti Jungmannově v prosodickém sporu» («Filologické Listy», 1895); M. Murko, «Deutsche Einflüsse auf die Anfänge der böhm. Romantik» (Грацъ, 1897, 24 — 33); «Památník na oslavu L Panovnického jubilea Františka Josefa I» (Прага, 1898, изд. чешской академіи, съ портретомъ Ю.). Переписка Ю. съ разными лицами издана въ «Časopis» чешскаго музея за разные годы, а мелкія произведенія собраны въ книгѣ: «Sebrané drobné spisy veršem i prosou» (Прага, 1869 и 1873; три части «Народной Библіотеки» Кобра). О просодическомъ спорѣ см. у Шафарика и Палацкаго, «Počatkové českého básnictvi obzvlaště prosódie» (Пресбургъ, 1818) и въ возраженіи Гнѣвковскаго: «Zlomky o českém básnictví, zvlaště pak o prosódii, v šesti listech» (Прага, 1820), а также Шульца, «Česká balada a romance» («Osvěta», 1877), и Бѣлаго, «Literární spory o době probuzení našeho národu» («Komenský», 1884). *А. Н. Яцимирскій.*

Юнгманъ (Янъ Jungmann) — чешскій писатель, род. въ 1799 г., былъ учителемъ гимназіи въ Лейтмерицѣ и Прагѣ; извѣстенъ въ литературѣ стихами и новеллами на нѣмецкомъ и чешскомъ языкахъ, появлявшимися въ разныхъ журналахъ. Издалъ кромѣ того «Cours de mathematiques» (1830, 1840 г., 2 изд.) и «Terminologie géometrique tchèque». Принималъ участіе въ реорганизаціи чешскихъ школъ и въ 1848 г. былъ однимъ изъ основателей и первымъ президентомъ общества, издававшаго книги на чешскомъ языкѣ для начальныхъ школъ.

Юнгферзундъ: 1) *Большой*—проливъ (проходъ) въ шхерахъ Ботническаго залива, между островами Норрэ, Хиксора (съ З), Гран-хольмъ, Каенесъ (съ В), по направленію отъ Ю къ С. Длина его около 5 м.; наименьшая глубина 8 саж., наибольшая—17; самое узкое мѣсто у сѣв. оконечности острова Норрэ (до 145 саж.). Черезъ проходъ суда идутъ изъ Гангута въ Або.—2) *Малый Ю.* лежитъ около $^2/_3$ м. сѣвернѣе Большого, мало обслѣдованъ и служитъ для мелкихъ судовъ, направляющихся къ желѣзодѣлательному заводу

Дальсбрюкъ (на о-вѣ Кимито). Въ войну 1808—1809 гг. имъ воспользовались 2 отряда нашей гребной флотиліи для прикрытія Або. Затѣмъ шведы заняли проливъ 25 судами, чтобы не допустить нашего 3-го отряда, капитана 1-го ранга гр. Гейдена, къ соединенію съ первыми. Гейденъ прошелъ черезъ Кимито-Стремскій проходъ, заваленный еще при Петрѣ Вел. и расчищенный въ нѣсколько дней. 20 іюля 1808 г. шведы атаковали русскихъ у острова Сандо, въ устьѣ Релаксъ-фіорда, но вынуждены были отступить. Капитану 2-го ранга Новокщенову, командовавшему первыми 2 отрядами, приказано было завладѣть Ю. Выйдя изъ-за острововъ Рунсало и Гервисало, онъ открылъ пальбу по непріятельскимъ судамъ въ Ю. Шведы атаковали суда, оставленныя Новокщеновымъ въ резервѣ. Услыхавъ выстрѣлы позади себя, Новокщеновъ вернулся отъ Ю. 7 августа непріятель очистилъ проливъ и отступилъ въ Аландскія шхеры, уведя русскую яхту «Аглая». Затѣмъ вновь рѣшено было атаковать противника у Ю. Для этого 9 августа адм. Ханыковъ (9 кораблей, 7 фрегатовъ, 13 мелкихъ судовъ) пошелъ отъ Гангута на развѣдки и увидѣлъ шведовъ (7 кораблей, изъ которыхъ 2 англійскихъ, 6 фрегатовъ, 2 брига и 1 катеръ), шедшихъ въ море. Ханыковъ, построивъ эскадру въ боевой порядокъ, приказалъ нести всѣ возможные паруса, лавируя къ В, чтобы не быть отрѣзаннымъ отъ русскихъ портовъ. 14-го наша эскадра приблизилась къ Балтійскому порту; вслѣдъ за нею двигался непріятель, а впереди два англійскихъ корабля; послѣдніе атаковали упавшій подъ вѣтеръ нашъ 74 пушечн. корабль «Всеволодъ», который, не смотря на мужественную защиту, приткнулся къ мели и былъ сожженъ. Ср. Кротковъ, «Повседневн. запись замѣчат. событій въ русскомъ флотѣ» («Морской Сборникъ», 1850, № 12 и 1891, № 7); Сухтеленъ, «Картина военныхъ дѣйствій въ Финляндіи въ послѣднюю войну Россіи со Швеціей 1808—1809 гг.» (1832).

Юнгферингофъ—сѣрнистые источники, Лифляндской губ., въ 8 в. отъ г. Риги, на берегу р. Зап. Двины. Одинъ изъ источниковъ обдѣланъ въ видѣ колодца. Вода очень холодная, никогда не бываетъ болѣе 5—6°.

Юнгфрау (Jungfrau)—третья по высотѣ вершина Финстерааргорнской группы въ Бернскихъ Альпахъ, одна изъ самыхъ красивыхъ горъ въ Швейцаріи, возвышается къ ЮЮВ отъ Интерлакена и Лаутербруннена, ЮЗ отъ Гриндельвальда и къ З отъ Финстерааргорна на границѣ между Берномъ и Валлисомъ, на высотѣ 4167 метр. На З гора круто спускается къ долинѣ Лаутербруннена, а на С—къ дикой долинѣ Трюммлетена, въ которую отсюда обрушиваются безчисленныя лавины; восточный склонъ ея покрытъ фирномъ, который спускается къ большому глетчеру Алечъ, а подошву съ южн. стороны ограничиваютъ покрытая глетчеромъ долина Ротталь и Ворота Лавинъ (Lawinenthor. 3700 м.). Если смотрѣть съ С, то Ю. представляется широкою пирамидой, закованной въ ледяной панцырь, съ выдающимися впередъ Серебрянымъ (Silberhorn, 3705 м.) и Снѣжнымъ Рогами (Schneehorn, 3415 метр.), а съ Ю и ЮВ она кажется узкимъ и стройнымъ шпицемъ. Самая высокая часть вершины образуетъ узкое ребро, или край, длиною около 10 метр. Отвѣтвляющаяся на СВ грань вершины отдѣляетъ Юнгфрауфирнъ отъ сѣверныхъ глетчеровъ и оканчивается у Юнгфрауіоха (3470 м.) между Ю. и Монахомъ (Mönch). Въ то время, какъ Серебряный Рогъ по своему составу принадлежитъ къ юрской формаціи, главная масса горы состоитъ изъ гнейса. Первый подъемъ на вершину Ю. былъ совершенъ 3 августа (нов. ст.) 1811 г. Рудольфомъ и Гейнрихомъ Мейерами изъ Аарау, и съ тѣхъ поръ повторяется нерѣдко. На Серебряный Рогъ и Снѣжный Рогъ впервые поднялись Э. фонъ Фелленбергъ и К. Бедекеръ въ 1863 г.; первый переходъ черезъ Лавиненторъ отъ Роттала къ Юнгфрауфирну былъ произведенъ въ 1860 г., черезъ Юнгфрауіохъ — въ 1861 г. Въ концѣ 1894 г. начата постройка жел. дороги на Ю. по проекту Гюэ-Целлера изъ Цюриха, основавшаго для этой цѣли акціонерное общество. Жел. дорога начинается съ Малаго Шейдегга (2064 м.), гдѣ она примыкаетъ къ Венгернальпской ж. д.; отсюда рельсовый путь проложенъ до Эйгерглетчера (2321 м. выс.); далѣе прорытъ туннель 10,5 км. дл., выходящій къ вершинѣ, на которую ведетъ лифтъ (73 м. выс.). Длина жел. дор. 12,3 км., ширина колеи 1 м.; тяга электрическая при зубчатой системѣ. Въ 1898 г. открыта станція Эйгерглетчеръ (2343 м.). Предполагается вести рельсовый путь выше до 4093 м. высоты. Ср. Guyer-Zeller, «Das Projekt der Jungfraubahn» (Цюрихъ, 1897); Wüstkunz und Thormann, «Die Jungfraubahn» (1898).

Юнгхунъ (Францъ-Вильгельмъ Junghuhn)—естествоиспытатель (1812—64), изучалъ медицину въ Галле и въ Берлинѣ. Первая работа Ю. («Observationes mycologicæ») написана еще студентомъ; она появилась въ 1830 г. въ журналѣ «Linnaea». Вслѣдствіе дуэли, на которой Ю. смертельно ранилъ своего противника, онъ былъ приговоренъ къ заключенію въ крѣпость на 20 лѣтъ, и лишь симуляціею сумасшествія Ю. добился быть переведеннымъ въ лазаретъ, откуда онъ бѣжалъ во Францію. Благодаря содѣйствію Броньяра, Ю. получилъ мѣсто врача при иностранномъ легіонѣ въ Алжирѣ. Послѣ полученія помилованія онъ вернулся на короткое время въ Германію, а въ іюлѣ 1835 г. отправился на о-въ Яву, чтобы занять мѣсто врача при голландской арміи. Вскорѣ послѣ прибытія Ю., въ качествѣ адъютанта начальника по санитарному надзору доктора Фритуа, совершилъ двухлѣтнее путешествіе по Явѣ. Результатомъ этого путешествія, кромѣ статей, появившихся въ голландскомъ журналѣ, посвященномъ Нидерландской Индіи, была работа «Topographische und naturwissenschaftliche Reise durch Java», изданная Леопольд.-Карол. академіею въ Магдебургѣ въ 1845 г., съ 38 табл. Въ 1840—1842 г. Ю. путешествовалъ на о-въ Суматру и издалъ въ 1847 г. «Die Battaländer in Sumatra», 2 тома съ 19 табл. (по-голландски въ Лейденѣ, по-нѣмецки въ Берлинѣ). Съ 1842

по 1844 г. Ю. изслѣдовалъ западное нагорье о-ва Явы, въ 1845 г. среднюю часть острова, въ томъ же году Ю. былъ назначенъ членомъ коммиссіи по естествовѣдѣнію, съ 1846 до 1848 г. Ю. было поручено геологическое изслѣдованіе Явы. Съ 1849 по 1855 г. Ю. былъ въ Европѣ. По возвращеніи на Яву Ю. получилъ порученіе завѣдывать культурою хиннаго дерева. Кромѣ названныхъ трудовъ Ю. написалъ еще «Præmissa in Floram cryptogamicam Javae insulæ» (вып. I, Батавія, 1838, также въ «Annales des sciences nat. Bot.», II, 16) и др. и издалъ обширный трудъ о Явѣ, въ которомъ приняли участіе многіе ученые: Herklots обработалъ ископаемыхъ животныхъ, Gœppert—ископаемыя растенія, коллекціи растеній обработали Miquel, de Vriese, Hasskarl и др. Біографію Ю. см. «Flora», 1864, № 30. *В. Тр.*

Юнгъ (Arctitis binturong) — названіе бинтуронга (см.), или черной медвѣжьей кошки, въ Ассамѣ (см. табл. II къ ст. Медвѣдевыя).

Юнгъ (Александръ Jung) — нѣм. писатель (1799—1884). Значительное вліяніе на него оказалъ Шеллингъ. Произведенія Ю. относятся къ области исторіи литературы и публицистики; онъ писалъ также стихи, но его поэзія, проникнутая разсудочными элементами, незначительна. Главные его труды: «Briefe über die neueste Litteratur» (Гамб., 1837); «Vorlesungen über die moderne Litteratur der Deutschen» (Данцигъ, 1842); «Vorlesungen über sociales Leben und höhere Geselligkeit» (ib., 1844); «Königsberg und die Königsberger» (Лпц., 1846); «Frauen und Männer» (Кенигсбергъ, 1847); «Charaktere, Charakteristiken und vermischte Schriften» (ib., 1848); «Friedrich Hölderlin und seine Werke» (Штуттг., 1848); «Gœthes Wanderjahre und die wichtigsten Fragen des XIX Jahrh.» (Майнцъ, 1854); «Briefe über Gutzkows Ritter vom Geiste» (Лпц., 1856); «Das Geheimniss der Lebenskunst» (ib., 1858); «Panacee und Theodicee. Illustrationen, Karikaturen der Gegenwart» (ib., 1875). Изъ беллетристическихъ произведеній Ю. наиболѣе выдаются: «Der Bettler von James Park» (Лпц., 1850); «Rosmarin Roman» (ib., 1862); «Darwin, ein komisch-tragischer Roman in Briefen an einen Pessimisten» (Іена, 1873).

Юнгъ (Arthur Young) — извѣстный англійскій писатель (1741—1820). Отецъ хотѣлъ сдѣлать его коммерсантомъ, но послѣ его смерти Ю. добился у матери позволенія управлять фермой, принадлежавшей ей въ графствѣ Суффолькъ. Здѣсь онъ сталъ примѣнять на практикѣ всевозможныя улучшенія земледѣлія, которыя его давно занимали. Сначала они не имѣли успѣха, но онъ упорно продолжалъ опыты и опубликовывалъ ихъ результаты. Для лучшаго ознакомленія съ своимъ дѣломъ онъ объѣздилъ всю Англію и Ирландію, а затѣмъ совершилъ большое путешествіе по Франціи, Испаніи и Италіи. Въ 1793 г. Питтъ назначилъ его секретаремъ вновь учрежденнаго бюро земледѣлія. Въ это время онъ уже пользовался большой славой какъ въ Англіи, такъ и въ Европѣ; его сочиненія переводились на всѣ европейскіе языки. Писать онъ началъ въ ранней молодости и издалъ больше тридцати трудовъ. Важнѣйшіе изъ нихъ: «Letters to the landlords of the Great Britain» (Л., 1767); «Six weeks tour through the southern counties of England and Wales» (Л., 1768); «A course of experimental agriculture» (Dodsley, 1770); «Farmer's Calendar» (Л., 1770); «Guide in hiring and stocking farms» (Л., 1770); «A six months'tour through the north of England» (Л., 1770); «The farmer's tour through the east of England» (Л., 1770); «Rural economy» (Л., 1772); «A tour in Ireland with general observations on the state of that Kingdom» (Дублинъ, 1780); «The question of wool established» (Л., 1787); «Travels during the years 1787—8 and 9 undertaken more particularly with a view of ascertaining the cultivation wealth, resources and national prosperity of France» (Л., 1792); «An idea of the present state of France» (Л., 1795); «Essay on the manures» (Л., 1804); «On the husbandry of the three celebrated farmers» (Л., 1811); «Inquiry into the rise of prices in Europe» (Л., 1815). Онъ редактировалъ «Annals of agriculture» (Л., 1784—1804, 45 тт.). Сочиненія Ю., помимо ихъ значенія въ агрономіи, являются источникомъ первостепенной важности для исторіи конца XVIII в. При отсутствіи достаточно точныхъ статистическихъ данныхъ для XVIII в. историкъ экономической жизни Англіи и Франціи этой эпохи опирается прежде всего на наблюденія и данныя, собранныя Ю. Особенно важно значеніе «Путешествій по Франціи», такъ какъ Ю. былъ во Франціи въ 1787—1790 гг. и изобразилъ положеніе страны наканунѣ революціи и въ первое ея время. Впервые широко воспользовался трудомъ Ю. для исторіи французской революціи Токвиль. См. Lesage, «Notice sur Arthur Young», въ приложеніи къ французскому переводу «Путешествій по Франціи» (П., 1859).

Юнгъ (Брайямъ Ю., Brigham Young) — глава мормоновъ въ Соед. Штатахъ (1801 — 77), родомъ изъ шт. Вермонтъ. Былъ фермеромъ. Въ 1832 г., увлеченный проповѣдью Смита, присоединился къ сектѣ мормоновъ (XIX, 864) и въ 1834 г. былъ принятъ въ ней въ «коллегію 12 апостоловъ». Какъ апостолъ новой религіи, онъ объѣзжалъ Соед. Штаты и Англію, издалъ въ Лондонѣ «Книгу Мормона», составилъ сборникъ пѣсенъ мормоновъ и издавалъ нѣкоторое время газету «Тысячелѣтняя Звѣзда», перенося мѣсто изданія изъ города въ городъ. Послѣ ареста и смерти Смита (27 іюня 1844) Ю. сдѣлался главой секты. Послѣ разрушенія народною толпою мормонскаго города Нову въ Иллинойсѣ (1846; см. Мормоны, XIX, 864), Ю. организовалъ ихъ переселеніе на берега Солянаго Озера въ Утахъ. Въ 1850 г. правительство Соединенныхъ Штатовъ признало его губернаторомъ территоріи Утахъ, которая представила изъ себя крайне своеобразную теократію. Ю. опираясь на признаніе его власти какъ мормонами, такъ и правительствомъ Соед. Штатовъ, управлялъ территоріею крайне деспотически, но вмѣстѣ съ тѣмъ во многихъ отно-

шеніяхъ благоразумно. Утахъ при немъ изъ пустыни была обращена въ цвѣтущую страну съ искусно устроенной системой ирригаціи, съ богатыми фермами и значительными городами (см. Утахъ, XXXV, 66). Въ 1852 г. Ю. ввелъ у мормоновъ многоженство, что придало особый характеръ этой сектѣ и сдѣлало ее особенно ненавистной остальному населенію. Въ 1856 г. правительство Соед. Штатовъ смѣстило Ю. Опираясь на полное повиновеніе и даже благоговѣніе мормоновъ передъ его личностью, онъ отказался подчиниться и встрѣтилъ съ оружіемъ въ рукахъ войска союза. Въ 1858 г. онъ былъ разбитъ, взятъ въ плѣнъ и посаженъ въ тюрьму, но скоро освобожденъ и возстановленъ въ правахъ губернатора. Съ тѣхъ поръ до смерти (1877) онъ сохранялъ свою власть; стремился къ принятію Утахъ въ составъ союза на правахъ штата, но при жизни не успѣлъ добиться этого. Онъ оставилъ 17 женъ, 56 дѣтей и 2 милліона долларовъ состоянія. *В. В—овъ.*

Юнгъ (Джонъ Радфордъ Young)—англійскій математикъ, род. въ 1799 г. Происходя изъ низшихъ слоевъ общества, онъ съумѣлъ, благодаря упорному труду и энергіи, выработать изъ себя выдающагося ученаго. Въ 1833 г. онъ сдѣлался профессоромъ математики въ колледжѣ въ Бельфастѣ. Математика не была единственнымъ предметомъ его ученыхъ занятій. Не менѣе, чѣмъ она, интересовали его богословіе и философія, которымъ онъ и посвятилъ нѣкоторыя изъ своихъ сочиненій. Какъ на болѣе замѣтныя между ними можно указать на «Cosmogeny» (1863) и на «Modern scepticism» (1865). Первою появившеюся въ печати статьею Ю. по *математикѣ* была помѣщенная въ «Philosophical Magazine» «Developement of trigon. funct.» (V, 1834). Въ томъ же журналѣ появились затѣмъ еще слѣдующія статьи и мемуары Ю.: «Summat. of slowly converg. and diverg. infin. series» (VI и VII, 1835); «Determination of X_2 in the application of Sturm's theorem» (VII); «Theory of vanishing fract.» (VIII и IX, 1836); «Simple proof of t. law of gravit.» (IX); «Investig. of formulae for the summat. of cert. infin. series» (X и XI, 1837); «Analyt. investig. of Wallace's property of the parabola» (XI); «Criteria for the imag. roots of equat.» (XXII, XXIII и XXIX, 1843—46); «Fourier's rule» (XXIII); «Grave's theory of imag. logarithms» (XXV, 1844); «Imag. zeros and conjug. points» (XXVII, 1845); «Evaluat. of the sums of neutral series» (тамъ же); «Express. of the sum of an infin. geom. series» (XXVIII, 1846); «On differential. as applied to period. series» (тамъ же); «Combinat. of the theorems of Maclaurin and Taylor» (тамъ же); «Forms of quadratic moduli» (XXXIII, 1848); «Property derivable from t. developem. of a binomial etc.» (ib.); «Extension of the theorem of Leibnitz, to integrat.» (ib.); «Remainder of the series in the developement of $(1+x)^{-n}$ etc.» (XXXIV, 1849); Express. for the remain. roots of a complete cub. equat.» (тамъ же); «Decomposition of funct. into conjug. factors» (тамъ же); «Improv. in the analysis of equat.» (тамъ же); «Developement of an incommens. fract.» (XXXV, 1850); «Newton's rule for imagin. roots etc.» (XXX, XXXI и XXXII, 1865 и 1866); «Evaluat. of vanish. fract.» (XXXII). Въ другихъ періодическихъ изданіяхъ были помѣщены слѣдующія статьи Ю.: «Curvat. of surfaces» («Proceedings of the Royal Society of London», IV, 1838); «Analysis of numer. equat.» (тамъ же, V, 1839); «On diverg. infin. series, and on errozs etc.» («Proceedings of the Royal Irish Academy», III, 1847); «Sum of 8 squares» (тамъ же, IV, 1850); «On some general formulae for the solution for algebraical equations of the third degree» (тамъ же, II, 1875—77). Ю. принадлежатъ также рѣшенія многихъ задачъ и вопросовъ на особенные случаи уравненій 2-й, 3-й и 4-й степеней съ однимъ и многими неизвѣстными, на треугольники, четыреугольники и многоугольники, на коническія сѣченія въ элементарномъ изложеніи и на геометрическія мѣста. Эти рѣшенія помѣщались имъ въ 1879—82 гг. въ «Educational Times». Сочиненіями Ю., вышедшими въ видѣ отдѣльныхъ изданій, были: «Theory and solutions of algebraic equations of higher order» (2 изд., 1843); «Course of elem. mathematics» (2-е изд., 640 стр., Лондонъ, 1862); «Introduction treatise on mensuration» (2 изд., тамъ же, 1864); «Euclid's elements of geometry» (тамъ же, 1870).

В. В. Б—въ.

Юнгъ, въ латинизованной формѣ также *Юнгіусъ* (Joachim Jung, Jungius, 1578—1657) — нѣмецкій ученый. Уроженецъ г. Любека, былъ профессоромъ математики въ Гиссенѣ и Ростокѣ, а съ 1628 г.—ректоромъ Іоганнеума въ Гамбургѣ, гдѣ и умеръ. Ю. считается предшественникомъ Лейбница въ стремленіяхъ къ реформѣ въ области философіи. Ботаника обязана ему первою естественною группировкою растеній, которую уже послѣ его смерти, но по составленнымъ подъ его диктовку запискамъ (такъ какъ самъ онъ почти ничего не печаталъ) представилъ Joh. Vaget въ сочиненіи: «Joachim Jungii isagoge phytoscopia etc.» (Гамбургъ, 1678) и позднѣе усовершенствовалъ Линней. Большая часть трудовъ Ю. появилась въ печати уже послѣ его смерти. Главные изъ нихъ: «Logica Hamburgensis» (Гамб., 1638), «Disputationes de naturali Dei cognitione»; «De potentia activa»; «De aristocratia» (ib., 1641); «De principiis corporum naturalium» (ib., 1642); «De forma substantiali»; «De notionibus secundis»; «De relationibus»; «De definitionibus»; «Demonstrationes materiae primae et formae substantialis» (ib., 1638); «Isagoge physica doxoscopia, in qua praecipuae opiniones in physica passim receptae breviter et accuratissime examinantur» (изд. Forен, ib., 1662); «Phoronomica, seu doctrina de motu locali» (изд. Сиверсъ, 1688; Менцеръ, 1699); «Historia Vermium» (изд. Vagetius, Гамбургъ, 1691); «Schedar. fascicul. inscriptus: Mineralia» (ib., 1689); «Opuscula botanico-physica» (изд. Кобургъ, 1747); «The anatomy of vegetables etc.» (Лондонъ, 1673); «The comparative anatomy of trunks etc.» (ib., 1675); «The anatomy of plants etc.» (ib., 1682). Ср. Vogel, «Historia vitae et mortis J. Jungii» (Гамбургъ, 1657); Guhrauer, «De Jungio» (Бреславль,

1846); его же, «Joachim Jungius und sein Zeitalter» (Штутгартъ, 1851); Ave-Lallemant, «Des Dr. J. Jungius aus Lübeck Briefwechsel» (Любекъ, 1863); его же, «Das Leben des Dr. med. Joachim Jungius» (Бреславль, 1882); Wohlwill, «Joachim Jungius und die Erneuerung atomistischer Lehren im XVII Iahrh.» (1887); его же, «Joachim Jungius» (1888).

Юнгъ (Іоганнъ Непомукъ von Jung)—австрійскій юристъ, профессоръ венгерскаго права въ вѣнскомъ университетѣ (1779—1828). Напечаталъ: «Darstellung des ungarischen Privatrechtes» (Вѣна, 1818; 2 изд., ib., 1827); «Das Bergrecht in den sämmtlichen k. k. österreichischen Staaten» (ib., 1822); «Jus personarum privatum regni Hungariae secundum systema codicis civilis imperii austriaci» (ib., 1828).

Юнгъ (Карлъ-Эмиль Jung)—нѣмецкій географъ и этнографъ (1833—1902). Во второй половинѣ 50-хъ годовъ отправился въ Южную Австралію, гдѣ былъ сначала профессоромъ классическихъ языковъ въ Аделаидскомъ университетѣ, затѣмъ главнымъ инспекторомъ школъ въ колоніи. Возвратясь въ Германію, напечаталъ рядъ интересныхъ работъ объ Австраліи. Главнѣйшіе его труды: «The Training School System» (Лонд., 1861); «National Education» (Аделаида, 1867); «Australien und Neuseeland» (Лейпцигъ, 1879); «Lexikon der Handelsgeographie» (ib., 1882); «Der Weltteil Australien» (Лйц. и Прага, 1882—83); «Deutsche Kolonien» (Прага, 1884; 2-ое изд., Лейпцигъ 1885); «Der Census von Indien vom Jahre 1881» (Берл., 1892); «Die Zukunft der Indianer Nordamerikas» (Вѣна, 1893); «Das Deutschthum in Australien und Ozeanien» (1902).

Юнгъ (Рудольфъ Jung)—нѣм. историкъ (род. въ 1859 г.). Главнѣйшіе его труды: «Herzog Gottfried der Bärtige unter Heinrich IV» (Марбургъ, 1884); «Quellem zur Frankfurter Geschichte» (Франкфуртъ, 1888); «Inventare des Frankfurter Stadtarchivs» (ib., 1889—92); «Goethes Briefwechsel mit Antonie Brentano, 1814—1821» (Веймаръ, 1896); «Das historische Archiv der Stadt Frankfurt a M.» (Фр. на Майнѣ, 1896). Вмѣстѣ съ Карломъ Вольфомъ Ю. издалъ: «Die Baudenkmäler in Frankfurt a M.» (ib., 1896—98).

Юнгъ (Теодоръ Jung)—франц. генералъ и политич. дѣятель (1833—96). Участвовалъ въ кампаніяхъ 1859 и 1870 гг. Въ 1886 г. былъ начальникомъ кабинета военнаго министра Буланже; позже былъ начальникомъ Дюнкирхенскаго военнаго округа. Съ 1893 г. былъ членомъ палаты депутатовъ, республиканцемъ-прогрессистомъ (партія Мелина). Подъ псевдонимомъ Moustapha писалъ фельетоны въ «Vie Parisienne» и издалъ полубеллетристическія воспоминанія: «Voyage autour de ma tente, souvenirs militaires» (П., 1873). Другіе его труды: «La vérité sur le masque de fer» (1873); «La France et Rome» (1874); «L'Académie de guerre de Berlin. L'enseignement militaire supérieur en Europe» (1877); «Bonaparte et son temps d'après des documents inédits» (1880—81); «Lucien Bonaparte et ses mémoires» (1882—83); «L'armée et la révolution» (1884); «La guerre et la société» (1889); «Stratégie, tactique et politique» (1890); «La république et l'armée» (1893). — Его жена, урожд. Каулла, дала поводъ въ 1880 г. къ скандальнымъ разоблаченіямъ, сыгравшимъ политическую роль; она была въ любовной связи съ военнымъ мин. Сиссе и будто бы пользовалась этой связью для полученія свѣдѣній и продажи ихъ Германіи. Обвиненіе доказано не было, но Ю. разошелся съ нею.
В. В—въ.

Юнгъ (Thomas Young, 1773—1829)—англійскій ученый, по профессіи врачъ. Изъ его произведеній особенно выдаются: «A syllabus of a course of lectures on natural and experimental philosophy» (Лондонъ, 1792), гдѣ онъ впервые далъ объясненіе важнѣйшихъ явленій зрѣнія и установилъ законъ интерференціи свѣта; «A course of lectures on natural philosophy and the mechanical arts» (ib., 1807), наиболѣе полное въ то время англійское сочиненіе по физикѣ; «Elementary illustrations of the celestial mechanics of Laplace» (ib., 1821); «Remarks on Egyptian papyri and on the inscription of Rosetta» (1815); «Account of some recent discoveries in hieroglyphical literature» (ib., 1823) и «Egyptian dictionary» (ib., 1829). Собраніе его «Miscellaneous works» (Лондонъ, 1855), вмѣстѣ съ біографіею Ю., издали Peacock и Leitch. Ср. «Memoirs of the life of Thomas Young» (Лондонъ, 1831).

Юнгъ (Emile Jung) — швейцарскій зоологъ, ученикъ К. Фохта, род. въ 1854 г. въ Женевѣ; будучи преподавателемъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, слушалъ лекціи въ женевскомъ университетѣ; за диссертацію «De la structure intime et des fonctions du système nerveux central chez les Crustacés décapodes» былъ удостоенъ степени доктора естественныхъ наукъ. Впослѣдствіи Ю. изучалъ зоологію въ Страсбургѣ и Іенѣ и работалъ въ лабораторіяхъ въ Росковѣ, Баньюльсѣ и на неаполитанской зоологической станціи. Въ 1883 г. назначенъ экстраординарнымъ профессоромъ женевскаго университета, а по смерти К. Фохта занялъ каѳедру зоологіи и сравнительной анатоміи. Научныя работы Ю. касаются преимущественно физіологіи безпозвоночныхъ животныхъ, а именно: вліянія цвѣтного свѣта на развитіе яицъ у мягкотѣлыхъ, ракообразныхъ и т. п., дѣйствія ядовъ, физіологіи улитки Helix pomatia, пищеваренія у рыбъ и т. п. Въ особенности важно руководство сравнительной анатоміи, изданное Ю. вмѣстѣ съ К. Фохтомъ подъ заглавіемъ: «Traité d'Anatomie comparée pratique» (2 т., П., 1902). Кромѣ этого Ю. напечаталъ еще: «Le sommeil normal et le sommeil pathologique» (П., 1883); «Le peuplement de la terre et l'évolution du règne organique» (Женева, 1889); «Propos scientifiques» (П., 1890); «Hypnotisme et Spiritisme» (тамъ же, 1890); «Tableaux synoptiques de la classification des animaux» (Женева и Парижъ, 1893).
Н. Н. А.

Юнгъ (Эдуардъ Young, 1681 — 1765)—англ. поэтъ. Былъ священникомъ въ Гертфордширѣ. Первыя его стихотворенія: «The

last day» (1713—подражаніе Мильтону) и «The force of religion» прошли незамѣченными. Въ 1726 г. вышли первыя его сатиры—«The universal passion»,—бичевавшія, главнымъ образомъ, славолюбіе. Позднѣйшія сатиры Ю.—«The Centaur not fabulous» (1755) направлены противъ невѣрія и чувственности, которыя онъ считалъ тягчайшими пороками своего времени. Смерть жены дала Ю. поводъ написать наиболѣе знаменитое его произведеніе: «The complaint, or night-thoughts» (Лонд., 1742 и чаще). «Ночныя думы» Ю., написанныя бѣлыми стихами, являются однимъ изъ первыхъ опытовъ въ духѣ сентиментализма (XXIX, 536), хотя и проникнуты мрачною меланхоліею; переведенныя на русскій языкъ масономъ Кутузовымъ (XXIX, 538), онѣ содѣйствовали распространенію сентиментализма въ русской литературѣ. Въ 1759 г. Ю. выпустилъ замѣчательное письмо «О духѣ оригинальныхъ произведеній» («On original composition»), которое въ корнѣ подорвало вліяніе французскаго классицизма и впервые выдвинуло значеніе Шекспира, хотя Ю. и считалъ послѣдняго человѣкомъ «неученымъ». Руководящія мысли этого письма, отличающагося большимъ воодушевленіемъ, таковы: есть два рода подражаній; одно беретъ образцомъ природу, другое—писателей; первое называется оригиналомъ, второе—просто подражаніе. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, какой изъ этихъ двухъ родовъ глубже. Мы не должны слѣпо подражать даже и древнимъ, потому что получаемъ отъ нихъ природу только изъ вторыхъ рукъ. «Красота и превосходство, возникшія безъ правилъ и сами собой, этотъ пробный камень генія, стоятъ внѣ оградъ преданія и внѣ законовъ учености: геній—выше ихъ. Правила—это клюка, которая необходима для поддержки хромому, но мѣшаетъ здоровому». «Еще не рѣшено,—продолжаетъ Ю.,—не меньше ли сталъ бы думать Шекспиръ, если бы онъ больше читалъ? Если ему недоставало всякой другой учености, онъ владѣлъ, однако, двумя книгами, которыхъ не знаютъ многіе глубокіе ученые, книгами, которыя можетъ уничтожить только послѣдній пожаръ,—книгой природы и книгой человѣка. Онъ зналъ ихъ наизусть и въ своихъ произведеніяхъ списалъ превосходнѣйшія ихъ страницы». Полное собраніе соч. Ю. издано въ первый разъ въ Лондонѣ въ 1757 г.; съ біографіей—въ 1854 г.

Почти всѣ произведенія Ю. переведены на русскій языкъ, какъ то: «Плачъ, или нощныя мысли о жизни, смерти и безсмертіи» (СПб., 1799, 2 части; 2 изд., съ франц., М., 1785; 3 изд., М., 1799; тожъ изданіе, СПб., 1812); Алексѣй Олешевъ, «Вождь къ истинному благоразумію и къ совершенному счастію человѣческому, или отборныя о сихъ матеріяхъ мысли славнѣйшихъ въ свѣтѣ писателей» (СПб., 1780); Александръ Андреевъ, «Духъ, или нравственныя мысли славнаго Ю., извлеченныя изъ нощныхъ его размышленій и пр.» (съ фр., М., 1806); П. Р., «Нощныя мысли и другія нѣкоторыя сочиненія Ю.» (СПб., 1780); Вышеславцевъ, «Письма Фонтенеля и Юнга» (М., 1801); Михаилъ Пареваго, «Стихотворческія красоты» (М., 1806); свящ. І. Граціанскій, «Мысли Ю. объ оригинальномъ сочиненіи» (СПб., 1812); «Письмо къ Вольтеру» (съ фр., СПб., 1782); «Юнговы ночи въ стихахъ» (1 изд., М., 1803; 2 изд., ib., 1806; 3 изд., ib., 1820); И. Л., «Торжество вѣры надъ любовію» (съ фр., М., 1780); А. Татариновъ, «Юнговы сатиры, или любовь къ славѣ—всеобшая страсть» (съ фр., СПб., 1792); «Страшный судъ» (въ 3 пѣсняхъ, СПб., 1777; 2 изд., М., 1787); «Избѣкъ, или добродѣтельный богачъ» (съ фр., 1782) и др.

Юнгъ (Юлій Jung)—нѣм. историкъ, род. въ 1851 г.; профессоръ древней исторіи въ нѣмецкомъ университетѣ въ Прагѣ. Напечаталъ: «Römer und Romanen in den Donauländer» (Инсбрукъ 1877; 2 изд. 1887;) «Die roman. Landschaften des Römischen Reichs» (ib., 1881); «Leben und Sitten der Römer in der Kaiserzeit» (Прага и Лпц., 1883—84); «Fasten der Provinz Dacien mit Beiträgen zur röm. Verwaltungsgeschichte» (Инсбрукъ, 1894); «Geographie von Italien und den röm. Provinzen» (въ «Müllers Handbuch der klassischen Altertumswissenschaft», т. 3, 2-е изд., Мюнхенъ, 1896).

Юнгъ-Штиллингъ (Іоганнъ-Генрихъ Jung-Stilling)—нѣмецкій мистическій писатель (1740—1817), наряду съ Эккартсгаузеномъ (см.) главный авторитетъ русскихъ мистиковъ начала прошлаго вѣка. Сынъ бѣднаго вестфальскаго портнаго, онъ росъ какъ бы на распутьѣ между свободными мыслителями и піэтистами, склоняясь къ настроенію послѣднихъ. Въ 17 лѣтъ онъ самоучкой узналъ уже много и сталъ школьнымъ учителемъ, но безуспѣшно: пришлось возвратиться къ скромному ремеслу отца; былъ онъ и угольщикомъ—и все время, движимый глубокими душевными переживаніями, копилъ безпорядочно знанія. Тайное средство противъ глазныхъ болѣзней, рецептъ котораго былъ ему сообщенъ однимъ католическимъ священникомъ, давало ему средства къ жизни, и въ 1769 г. онъ явился съ Страсбургъ изучать медицину. Здѣсь онъ сблизился съ Гердеромъ и Гете, который принялъ въ немъ участіе и далъ въ «Wahrheit und Dichtung» превосходную его характеристику. Въ наивномъ мистицизмѣ Ю. не было еще того оттѣнка ханжества, который замѣчали въ немъ впослѣдствіи; его простодушные разсказы произвели впечатлѣніе на Гете, который побудилъ его составить автобіографію и издалъ ее. Окончивъ университетъ, Ю. занимался съ громаднымъ успѣхомъ врачебной практикой въ Эльберфельдѣ и здѣсь присоединилъ къ своей первой фамиліи прозвище Stilling, такъ какъ причислялъ себя къ піэтистскому толку «тихихъ» (Stille). Его широкая благотворительность держала его въ тискахъ бѣдности. Онъ принялъ мѣсто профессора въ камеральной академіи въ Кейзерслаутернѣ, на что ему давали право составленные имъ компилятивные курсы технологіи и сельскаго хозяйства; затѣмъ онъ былъ профессоромъ въ Гейдельбергѣ и—съ 1787 г.—проф. финансовыхъ и

камеральныхъ наукъ въ Марбургѣ. Литературная дѣятельность его въ области этихъ наукъ была очень обширна, но качественно весьма незначительна. Большую извѣстность доставили ему его мистическія сочиненія. Онъ началъ полемикой съ раціоналистами, гдѣ роль доводовъ играли не соображенія разума, а чудесныя событія изъ жизни автора; особенное выраженіе эти пріемы получили въ «Великой панацеѣ противъ болѣзней невѣрія» (1776). Его автобіографія («Heinrich Stillings Jugend», 1777, «H. S. Jünglingsjahre», 1778, «H. S. Wanderschaft», 1778, «H. S. häusliches Leben», 1789, «H. S. Lehrjahre», 1804), подкупающая и до сихъ поръ художественною простотою и изобразительностью разсказа, навлекла на него странное подозрѣніе въ свободомысліи, которому онъ противопоставилъ свои романы «Geschichte des Herrn von Morgentau» (1779), автобіографическій «Florentin von Fahlendorn» (1779), гдѣ прежняя наивность смѣняется тенденціозностью, и «Theobald oder die Schwärmer» (1784, русскій переводъ Ѳ. Лубяновскаго, М., 1819). Въ Марбургѣ Ю. познакомился съ философіей Канта, которая не внушила ему полнаго сочувствія, но оказала на него большое вліяніе тѣмъ, что освободила отъ лейбнице-вольфіанскаго детерминизма и укрѣпила въ сознаніи, что за предѣлами чувственнаго міра разумъ не знаетъ ничего. Событія во Франціи, которыя онъ могъ наблюдать вблизи, такъ какъ жилъ у самой франц. границы, довершили болѣзненно-фантастическое метаніе его мысли. Сопоставляя текущія событія съ библейскими пророчествами, онъ увидѣлъ въ нихъ апокалиптическое исполненіе послѣднихъ и счелъ себя призваннымъ къ борьбѣ съ этимъ духовнымъ переворотомъ. Его сочиненія въ этомъ направленіи, основательно названныя однимъ историкомъ нѣмецкой литературы «Verdummungsschriften», были однимъ изъ двигателей послѣдующей реакціи и окружили имя автора чрезвычайнымъ уваженіемъ однихъ и нерасположеніемъ другихъ. Къ послѣднимъ принадлежала свободомыслящая молодежь, отношеніе которой заставило Ю. отказаться отъ каѳедры, къ первымъ — герцогъ баденскій, отъ котораго онъ получилъ каѳедру въ Гейдельбергѣ, званіе тайнаго придворнаго совѣтника и приличное содержаніе, за которое возлагалась на него одна обязанность: «свободно писательствомъ своимъ служить дѣлу религіи и практическаго христіанства». Въ 1806 г. герцогъ взялъ Ю. съ собою въ Карлсруэ, гдѣ бывшій угольщикъ жилъ во дворцѣ, сдѣлался важной особой и съ удовольствіемъ отмѣчалъ въ своихъ запискахъ увеличеніе числа знакомыхъ въ знатныхъ кругахъ. Въ сочиненіяхъ своихъ онъ принялъ пророческій тонъ и умеръ въ глубокой увѣренности, что въ послѣдніе годы его земного бытія въ немъ воплотился Христосъ. Важнѣйшія изъ этихъ сочиненій: «Das Heimweh» (1794), «Der christliche Menschenfreund» (1803) и «Theorie der Geisterkunde». Первое, переведенное на всѣ европейскіе языки, было переведено на русскій языкъ въ 1807 г. Лубяновскимъ, но напечатанныя первыя двѣ части были задержаны; министръ съ докладомъ по поводу перевода не былъ принятъ, императоръ говорилъ, что мѣсто переводчику въ Якутскѣ, и все напечатанное было истреблено. Впослѣдствіи, когда настроеніе Александра I измѣнилось и онъ, встрѣтившись съ Ю. у герцога баденскаго, вынесъ изъ этого знакомства благопріятное впечатлѣніе, запретъ, тяготѣвшій надъ его произведеніями, былъ снятъ; пер. «Тоски по отчизнѣ» вышелъ цѣликомъ (1818, 5 ч.) Это произведеніе, запечатлѣнное вліяніемъ масоновъ, иллюминатовъ, розенкрейцеровъ и иныхъ мистическихъ обществъ того времени, въ изображеніи аналогичнаго братства таинственныхъ рыцарей имѣетъ цѣлью борьбу съ идеями просвѣтительной эпохи, но все въ разсказѣ окутано такими аллегоріями, что авторъ счелъ необходимымъ написать къ своей книгѣ объяснительный ключъ. Большой успѣхъ имѣли у насъ «Побѣдная повѣсть христіанской религіи» (1799), «Приключенія по смерти» (СПб., 1805; такъ назвалъ «Geisterkunde» переводчикъ Лабзинъ, чтобы избѣжать доносовъ), «Сцены изъ царства духовъ» (1797—1801) и особенно «Угрозъ Свѣтовостоковъ» (1806—1815), какъ переименовалъ Лабзинъ одного изъ героевъ «Тоски по отчизнѣ», прозвище котораго Ю. сдѣлалъ названіемъ своего періодическаго изданія «Der graue Mann» (1795—1815). Этотъ мрачный, «сѣрый» «Угрозъ»—аллегорическое изображеніе совѣсти, наводящей ужасъ, но ведущей странствующихъ въ ихъ обѣтованную отчизну. «Мы не знаемъ изъ словъ Штиллинга,—говоритъ его русскій біографъ, — какой успѣхъ имѣло это популярное изданіе въ народѣ, для котораго собственно оно писалось, но что оно понравилось различнымъ владѣтельнымъ особамъ Германіи и знатнымъ лицамъ, которыя желали держать народъ въ рукахъ посредствомъ мыслей, проповѣдуемымъ Штиллингомъ — это вѣрно». Заключеніе къ автобіографіи Ю. составляетъ «Heinrich Stillings Alter» (1817). изд. его внукомъ. «Sämmtliche Schriften» Ю. имѣли нѣсколько изданій (1835—1839, 14 т., 1841—1842, 12 т. и др.) Ср. Bodeman, «Züge aus dem Leben von J. H. Jung» (1868); Petersen, «J.-Stilling» (Копенгагенъ, 1890); М. Буличъ, «Очерки ист. рус. лит.» (СПб., 1902). *А. Г—дъ.*

Юндзилъ (Станиславъ-Бонифацій Jundziłł, 1761—1847) — польскій натуралистъ, монахъ-піаристъ, родомъ изъ Ясеницъ на Литвѣ. Учился въ виленскомъ университетѣ и пристрастился къ естественнымъ наукамъ. Онъ напечаталъ много сочиненій по своей спеціальности, изъ которыхъ назовемъ: «O electryczności sztucznei i naturalnei» (переводъ изъ I. Беккаріи, Вильна, 1786); «Opisanie roślin w prowincyi wielkiego Księstwa litewskiego naturalnie rosnących» (ib., 1791; 2 изд. 1811); «O żrodłach słonych i soli w Stokliszkach» (ib., 1792); «O glowniejszych w świecie kopalnach...» (его лекціи въ виленской акд., ib., 1798); «Botanika stosowana... według układu Linneusza» (ib., 1799); «Dyssertacyja o szarańczy» (ib., 1801); «Początki botaniki» (Варшава, 1804; потомъ въ Вильнѣ, 1818, 1829); «Zoologia krótko zebrana» (Вильна,

1807, 1825) и др. Ему обязанъ былъ виленскій университетъ своими естественно-историческими коллекціями.

Юндтъ (Auguste Jundt, 1848—1890)—французскій историкъ, уроженецъ г. Страсбурга; былъ профессоромъ парижскаго университета. Напечаталъ рядъ изслѣдованій о средневѣковомъ мистицизмѣ: «Essai sur le mysticisme spéculatif de maître Eckhardt» (Страсбургъ, 1870); «Histoire du panthéisme populaire au moyen âge et au XVI-e siècle» (П., 1875); «Les Amis de Dieu au XIV-e siècle» (ib., 1879); «L'Apocalypse mystique du moyen âge» (ib., 1886); «Rulman Merswin» (ib., 1890).

Юнигеда—древняя литовская крѣпость на лѣвомъ берегу Нѣмана; считалась неприступною; ее нѣсколько разъ осаждали ливонскіе рыцари въ XIII в.; наконецъ въ 1315 г. они произвели нечаянное нападеніе, овладѣли нижнимъ предмѣстьемъ, истребили много жителей и взяли въ плѣнъ 78 литовцевъ.

Юнимисты — политическая партія въ Румыніи, отдѣлившаяся въ серединѣ 1880-хъ годовъ отъ староконсервативной боярской партіи; назывались также младо-консерваторами. Они были умѣренно консервативны, склонны къ уступчивости, въ иностранной политикѣ—сторонники сближенія съ Германіей. Въ 1888 г., послѣ паденія кабинета Братіано, изъ нихъ было сформировано министерство подъ предсѣдательствомъ Россетти, съ Карпомъ въ должности министра иностранныхъ дѣлъ, Стирбеемъ — министра публичныхъ работъ. Въ апрѣлѣ 1889 г. кабинетъ вышелъ въ отставку, вслѣдствіе внутреннихъ несогласій, и былъ замѣненъ консервативнымъ кабинетомъ Катарджи. Названіе Ю. происходитъ отъ имени литературнаго общества Junimea. Въ началѣ 1890-хъ гг. Ю. опять слились съ консерваторами. *В. В—въ.*

Юніевы законы (leges Juniae) — такъ называются законы, проведенные представителями рода Юніевъ (см.), между прочимъ—законъ консуловъ 19 г. до Р. Хр. Марка Ю. Силана и Люція Норбана Бальба объ учрежденіи новаго класса гражданъ, Latini Juniani, къ которымъ принадлежали вольноотпущенники, получившіе свободу посредствомъ manumissio minus iusta, или отпущенные бонитарнымъ собственникомъ. Latini Juniani пользовались правомъ собственности, но безъ права завѣщать что-либо или получать по завѣщанію (vivant quasi ingenui et moriantur ut servi). Дѣти ихъ считались latini ingenui.

Юніевы Латиняне (Latini Juniani) —см. Юніевы законы.

Юніи (Junii)—древнеримскій плебейскій родъ, представителей котораго знаетъ уже преданіе царскаго періода. Къ числу доисторическихъ Ю. относятся: 1) Маркъ Ю., потомокъ одного троянца, прибывшаго съ Энеемъ въ Италію. Онъ былъ женатъ на Тарквиніи, дочери Тарквинія Древняго и сестрѣ Тарквинія Гордаго, и имѣлъ двухъ сыновей—Марка и Люція, изъ которыхъ первый былъ убитъ вмѣстѣ съ отцомъ по приказанію Тарквинія Гордаго. О Люціи Ю. *Брутѣ* см. Брутъ (IV, стр. 770).—Къ позднѣйшему времени относятся: 1) Люцій Ю. Брутъ, игравшій главную роль при удаленіи плебеевъ на священную гору въ 494 г. до Р. Хр. и бывшій однимъ изъ первыхъ четырехъ народныхъ трибуновъ въ годъ учрежденія этой магистратуры. Въ слѣдующіе годы онъ былъ, согласно преданію, народнымъ эдиломъ и поддерживалъ законъ о свободѣ слова народныхъ трибуновъ. 2) Децимъ Ю. Брутъ Сцева, первый изъ Ю., занимавшій консульскую должность (въ 325 г. до Р. Хр.). Въ 339 г. онъ былъ начальникомъ конницы при диктаторѣ Кв. Публиліи Филонѣ, въ годъ своего консульства велъ счастливую войну съ вестинами. 3) Гай Ю. Бубулькъ Брутъ, консулъ 317, 313 и 311 гг. до Р. Хр. Въ 311 г. онъ воевалъ съ самнитянами, у которыхъ взялъ города Клувію и Бовіанъ. Диктаторъ 309 г. Люцій Папирій сдѣлалъ его своимъ начальникомъ конницы. Въ 306 г. былъ цензоромъ. 4) Маркъ Ю. Брутъ, преторъ 191 г. до Р. Хр. Въ 189 г. въ числѣ 10 пословъ былъ командированъ въ Азію для организаціи завоеванной провинціи. 5) Децимъ Ю. Брутъ Галлекъ, другъ поэта Люція Аттія, хорошій ораторъ и одинъ изъ образованнѣйшихъ людей средины II-го вѣка до Р. Хр. Въ 138 г., будучи консуломъ, по обвиненію народныхъ трибуновъ былъ приговоренъ къ темницѣ за отказъ подчиниться ихъ требованію, чтобы изъ числа новобранцевъ было избавлено отъ военной службы по десяти человѣкъ, по выбору каждаго изъ трибуновъ. Въ томъ же году получилъ въ управленіе Дальнюю Испанію, гдѣ распредѣлилъ земельные надѣлы между сторонниками Виріата, сложившимъ оружіе. Въ 136 г. онъ усмирялъ разбойничьи племена въ Лузитаніи; въ 135 г. покорилъ галлековъ, за что получилъ тріумфъ и прозваніе Gallaecus. Дочь его Юнія была замужемъ за Гаемъ Гракхомъ. Сынъ его, 6) Децимъ Ю. Брутъ, въ 100-мъ году до Р. Хр., принималъ участіе въ дѣлѣ Сатурнина, какъ сторонникъ консервативной партіи; въ 77 г. былъ консуломъ. Жена его Семпронія была соучастницею заговора Катилины. По отзыву Саллюстія она отличалась чисто мужскою смѣлостью, была красива, знала греческую и римскую литературу, сочиняла стихи, играла на лирѣ и плясала искуснѣе, чѣмъ это приличествовало порядочной женщинѣ, умѣла вести, смотря по обстоятельствамъ, разговоръ остроумный, скромный, нѣжный и дерзкій, была до того несдержанна въ своихъ чувствахъ, что сама чаще искала мужчинъ, чѣмъ тѣ искали ея, измѣняла своему слову, отрекалась отъ долговъ, участвовала въ убійствахъ, и отъ неудовлетворенной страсти къ роскоши дошла до полнаго паденія. Въ домѣ ея, находившемся близъ форума, въ отсутствіе ея мужа собирались заговорщики. 7) Децимъ Ю. Брутъ Альбинъ (см. IV, 770). 8) Люцій Ю. Брутъ Дамасиппъ; будучи преторомъ (въ 82 г. до Р. Хр.), по требованію консула Марія, осажденнаго въ г. Пренесте сторонниками Суллы, приказалъ перебить знатнѣйшихъ изъ сенаторовъ въ самой куріи. При приближеніи Суллы онъ удалился въ Этрурію къ Карбону, который далъ ему порученіе съ двумя легіонами освободить отъ осады Пренесте, но это

Ю. не удалось. Вскорѣ Карбонъ бѣжалъ въ Африку, а Децимъ Брутъ съ италійцами двинулся къ Риму, близъ котораго и погибъ въ битвѣ. 9) Маркъ Юній Брутъ, отецъ убійцы Цезаря, маріанецъ. Въ 83 г. былъ народнымъ трибуномъ, при чемъ предложилъ законъ объ основаніи сильной колоніи въ Капуѣ; этотъ проектъ хотя и былъ одобренъ народомъ, но не осуществился. По смерти Суллы Брутъ стоялъ съ войскомъ въ Цизальпинской Галліи, но, осажденный въ Мутинѣ Помпеемъ, принужденъ былъ сдаться. Ему былъ обѣщанъ свободный выходъ изъ города и онъ подъ прикрытіемъ всадниковъ дошелъ до Регія, но здѣсь его убилъ приверженецъ Помпея Гемиalthougній (76 г. Р. Хр.). Жена его *Сервилія* была сестрою (единоутробною) Катона Утическаго. 10) Сынъ предыдущаго, Маркъ Ю. Брутъ—см. Брутъ (IV, 771). 11) Маркъ Ю. Силанъ, консулъ 109 г. до Р. Хр., потерпѣвшій неудачу въ борьбѣ съ кимврами въ Трансальпинской Галліи. 12) Децимъ Ю. Силанъ, консулъ 62 г. Въ годъ открытія заговора Катилины онъ подалъ голосъ за строжайшее наказаніе заговорщиковъ. 13) Маркъ Ю. Силанъ, сынъ предыдущаго, легатъ Цезаря въ Галліи. Послѣ убіенія Цезаря онъ послѣдовалъ за своимъ зятемъ Лепидомъ въ Галлію, но вскорѣ перешелъ на сторону Антонія. Позднѣе онъ порвалъ отношенія съ тріумвирами и бѣжалъ къ Сексту Помпею въ Сицилію, но послѣ Мизенскаго мира (39 г.) вернулся въ Римъ. Въ 25 г. былъ консуломъ вмѣстѣ съ Октавіаномъ. 14) Юнія, сестра предыдущаго, была замужемъ за Маркомъ Лепидомъ (тріумвиромъ). Около 30-го года до Р. Хр. она вмѣстѣ съ сыномъ Маркомъ Лепидомъ участвовала въ заговорѣ противъ Октавіана, при чемъ Лепидъ былъ казненъ, а Ю. помилована, благодаря заступничеству мужа. 15) Маркъ Ю. Силанъ, консулъ 19 г. по Р. Хр. Дочь его Клавдія въ 33 г. была обручена съ Гаемъ Цезаремъ (Калигулой), при которомъ Силанъ былъ намѣстникомъ Африки и по приказанію котораго онъ былъ позднѣе умерщвленъ. 16) Люцій Ю. Силанъ, обрученный съ дочерью императора Клавдія, Октавіей, противъ чего интриговала Агриппина. Кончилъ жизнь самоубійствомъ въ день свадьбы Клавдія и Агриппины. 17) Децимъ Ю. Торкватъ Силанъ кончилъ жизнь самоубійствомъ, по приказанію Нерона, за то, что хвалился родствомъ съ фамиліей Августа.— Изъ Ю., носившихъ другія фамиліи, наиболѣе извѣстны: *Маркъ Юній Пера*, диктаторъ 216 г. до Р. Хр. послѣ битвы при Каннахъ, объявившій новый наборъ войска, въ которое зачислялись рабы и преступники; *Люцій Ю. Пуллъ*, консулъ 149 г. Р. Хр., потерявшій флотъ во время бури и кончившій жизнь самоубійствомъ; *Маркъ Ю. Пеннъ*, народный трибунъ 126 г. до Р. Хр., изгнавшій изъ Рима иноземцевъ, которые поддерживали Гая Гракха; Юній *Блезъ*, дядя Сеяна, легатъ Панноніи, проконсулъ Африки (21 по Р. Хр.), послѣдній римлянинъ, получившій титулъ *императора*; въ 36 г. онъ съ братомъ кончилъ жизнь самоубійствомъ; сынъ его, бывшій въ 69 г. правителемъ Лугдунской Галліи, поддерживалъ Вителлія, который, однако, его ненавидѣлъ и впослѣдствіи отравилъ; *Юній Галліонъ*, братъ Сенеки; *Гай Юній* въ претуру Верреса (74 до Р. Хр.) былъ предсѣдателемъ коммиссіи въ процессѣ о покушеніи на отравленіе Клуенція его вотчимомъ Оппіаникомъ. Послѣдній былъ осужденъ, но защитникъ Оппіаника Квинкцій доказалъ, что часть судей съ вѣдома Ю. была подкуплена, слѣдствіемъ чего было осужденіе Ю. *Н. О.*

Юніи—представители древне-римской литературы: 1) Маркъ Ю. Гракханъ (M. Junius Gracchanus), другъ Гая Гракха, одинъ изъ первыхъ изслѣдователей римской старины. Ему принадлежало посвященное отцу Аттика произведеніе «De potestatibus» (ср. Mercklin, «De Junio Gracchano», Дерптъ, 1840). Современникъ его 2) Юній Конгъ также былъ однимъ изъ древне-римскихъ антикваріевъ и юристовъ. 3) Ю. Блезъ, юристъ первой половины I в. до Р. Хр. 4) Люцій Юній Модератъ Колумелла (см.). 5) Юній Кордъ, историкъ III в. по Р. Хр., описывавшій частную жизнь императоровъ. 6) Люцій Ю. Галліонъ, другъ Сенеки старшаго и Овидія, писалъ по реторикѣ (см. Schmidt, «De L. Junio Gallione rhetore», Марбургъ, 1866). 7) Ю. Отонъ, риторъ I в. по Р. Хр., современникъ предыдущаго, авторъ декламацій. *Н. О.*

Юніусъ — анонимный авторъ знаменитыхъ «Писемъ Ю.». Они появлялись въ лондонскомъ журн. «Public Advertiser» въ 1769—1771 гг., въ самый разгаръ борьбы—за законность управленія и свободу печати—съ правительствомъ Георга III. Боевымъ вопросомъ была правильность выборовъ въ нижнюю палату, особенно дѣло Вилькса (см. VI, 477). Этому дѣлу и посвящено первое изъ писемъ Ю., появившееся въ ноябрѣ 1768 г. Ранѣе, въ теченіе того же года, въ журналѣ появлялись письма политическаго содержанія съ различными римскими подписями—Atticus, Brutus, Lucius; новое письмо было подписано: Junius. Слѣдующее письмо—имъ начинается полное собраніе—появилось въ январѣ слѣдующаго года и заключало въ себѣ нападеніе на все министерство Графтона и особенно на главнокомандующаго Грэнби. Впечатлѣніе, произведенное силой нападенія, было необычайно; безъ намековъ, прямо, опредѣленно, съ личной грубостью и съ поразительнымъ блескомъ языка авторъ говорилъ то, что хотѣлъ сказать. Самого короля (см. VIII, 431), какъ орудіе въ рукахъ ненавистнаго народу министерства, авторъ пока не трогалъ: онъ обратилъ все свое негодованіе, не прикрытое, но сильно оттѣненное его литературной манерой, противъ министерства». Достоинства тѣхъ, которые считаются предками извѣстныхъ лицъ»—обращался авторъ къ лорду Графтону, который велъ свой родъ отъ побочнаго сына Карла II — «даютъ ихъ потомкамъ возможность дойти до крайнихъ степеней порока. Предки вашей милости, напр., не оставили никакихъ неудобныхъ примѣровъ добродѣтели даже въ ихъ законномъ потомствѣ, и вы имѣете пріятную возможность созерцать за собою блестящую генеалогію, на добродѣтели которой геральдическія лѣтописи не сохранили

ни одного намека. Вы обладаете, милордъ, болѣе убѣдительными доказательствами вашего происхожденія, чѣмъ какіе-либо брачные документы: есть наслѣдственныя свойства характера, столь же ясно отличающія извѣстный родъ, какъ и самыя выдающіяся черты лица. Карлъ I жилъ и умеръ лицемѣромъ. Карлъ II былъ лицемѣромъ иного рода—и стоилъ того же эшафота. Черезъ сто лѣтъ мы видимъ ихъ характеры воскрешенными и объединенными въ вашей милости. Хмурый и злобный безъ религіи, распутный безъ веселья, вы ведете жизнь Карла II, не будучи добрымъ товарищемъ, и, пожалуй, умрете смертью его отца, только безъ славы мученика». Сильнѣе личныхъ нападокъ была принципіальная сторона. «Чтобы судить о правительствѣ, должно изслѣдовать положеніе народа. Если мы наблюдаемъ, что народъ послушенъ законамъ, что промышленность его процвѣтаетъ, что внутри онъ спокоенъ, а извнѣ уважаемъ, то мы имѣемъ полное основаніе предположить, что дѣлами управляютъ люди опытные, талантливые и честные». Положеніе противоположное приводитъ къ убѣжденію, что правительство слабо, безразсудно и испорчено. «Во всѣхъ странахъ народныя массы до извѣстнаго пункта терпѣливы. Дурное обращеніе можетъ усилить неудовольствіе и довести до эксцессовъ, но все же первоначальная причина, породившая неудовольствіе, заключается въ правительствѣ». На защиту Грэнби и другихъ министровъ выступилъ Дрэперъ, но полемическіе удары, нанесенные ему въ отвѣтъ смѣлымъ противникомъ, были такъ убійственны, что заслуженный генералъ бѣжалъ съ этого поля сраженія. Общественное вниманіе было напряжено до крайности; каждаго новаго обличительнаго письма ждали съ нетерпѣніемъ и каждое было лучше предыдущаго. Авторъ принималъ новыя формы; раздвоившись, онъ подъ именемъ Фило-Юніуса явился своимъ поборникомъ и помощникомъ. Лордъ Графтонъ приходилъ послѣ каждаго новаго письма въ такое волненіе, что не могъ заниматься государственными дѣлами и кончилъ тѣмъ, что отказался отъ своего поста. Смѣлость обличителя скоро дошла до крайняго предѣла: письмо отъ 19 дек. 1769 г. было обращено къ самому королю. «Несчастье всей вашей жизни—говорилъ памфлетистъ—и главная причина всѣхъ упрековъ, коими осыпаютъ ваше правительство, равно какъ всѣхъ бѣдствій, его постигшихъ, заключается въ томъ, что вы никогда не слышали голоса правды, пока вамъ не довелось услышать его изъ устъ самого народа». Давъ королю нѣсколько благоразумныхъ совѣтовъ и разобравъ дѣло Вилькса, Юніусъ высказываетъ нѣсколько предостереженій: онъ обращаетъ вниманіе короля на то, что общее недовольство ростетъ, что Ирландія ежедневно заявляетъ свое недоброжелательство, что американскія колоніи также враждебно настроены противъ метрополіи. «Одно различіе именъ не можетъ долго вводить насъ въ заблужденіе»—заканчиваетъ свое письмо Юніусъ, намекая на паденіе старой династіи: «имя Стюартовъ возбуждаетъ въ насъ только презрѣніе, но принципы ихъ, вооруженные монаршей властью, становятся для насъ страшны. Государь, подражающій поступкамъ Стюартовъ, долженъ быть предупрежденъ ихъ примѣромъ и, гордясь основательностью своихъ правъ на корону, не долженъ забывать, что какъ одна революція доставила ему эту корону, такъ другая—можетъ ее отнять». «Его положеніе исключительное»—писалъ памфлетистъ о королѣ въ другомъ письмѣ: «существуютъ ошибки, которыя дѣлаютъ ему честь, и добродѣтели, которыя для него постыдны. Безцвѣтная индифферентность характера не можетъ быть названа ни добродѣтелью, ни порокомъ сама по себѣ, но она обезпечиваетъ подчиненіе короля лицамъ, которыхъ онъ уважаетъ по привычкѣ, и дѣлаетъ изъ него опасное орудіе честолюбивыхъ замысловъ этихъ лицъ. Отдѣленный отъ всего остальнаго міра съ самаго дѣтства, наставляемый извѣстнаго рода людьми въ извѣстнаго рода понятіяхъ, король не можетъ открыть свое сердце для новыхъ связей и свой умъ для лучшаго ученія. Такого рода характеръ представляетъ самую удобную почву для проведенія въ политику и религію упрямаго ханжества, которое начинается принесеніемъ въ жертву разума и кончается возведеніемъ короля-мученика на эшафотъ». Ю. могъ казаться революціонеромъ, но въ сущности онъ былъ лишь строгимъ конституціоналистомъ; онъ мечталъ только о томъ, чтобы аристократическія формы англійскаго строя были наполнены демократическимъ содержаніемъ, чтобы законы были не только высшимъ авторитетомъ въ государствѣ, но также высшимъ воплощеніемъ справедливости, дѣйствительной, а не номинальной. Чѣмъ живѣе было волненіе, вызванное обличеніями Ю., чѣмъ разнообразнѣе были догадки о его личности заинтересованныхъ лицъ, правительства и читателей, тѣмъ таинственнѣе становился неуловимый авторъ. Подозрѣвали Борка, Гамильтона, Горнъ Тука, Бойда, лорда Саквиля, Чатама, Литльтона, Гловера, Деннинга и др. За отсутствіемъ автора принялись за издателя Вудфоля, котораго обвинили въ опубликованіи письма къ королю; его привлекли къ суду вмѣстѣ съ другими издателями, перепечатавшими письма, и осудили въ 1770 г. Это только усилило успѣхъ писемъ и извѣстность ихъ автора. Письма продолжали появляться до начала 1772 г. Объектомъ нападеній былъ теперь лордъ Мансфильдъ, предсѣдатель суда, осудившаго Вудфоля; но сила нападеній была ужъ не та. Всего съ письмами Фило-Юніуса и Дрэпера насчитывается 69 писемъ. Ю. писалъ своему издателю: «если я тщеславенъ, то мое тщеславіе ограничено: я единственный хранитель моей тайны, и она умретъ вмѣстѣ со мною». Дѣйствительно, въ теченіе сорока лѣтъ одна гипотеза о личности Ю. смѣняла другую. Безъ всякаго основанія приписывали письма генералу Ли, Гловеру, женевцу Делольму, герцогу Портландскому, лорду Темплю и т. д. Всевозможныя спекулятивныя мистификаціи усиливали неувѣренность; такъ въ 1800 г. появились «Miscelaneous works of Hugh Boyd (author of the Letters of J.)» и «Sketch of the life of Hugh Boyd, supposed

камеральныхъ наукъ въ Марбургѣ. Литературная дѣятельность его въ области этихъ наукъ была очень обширна, но качественно весьма незначительна. Большую извѣстность доставили ему его мистическія сочиненія. Онъ началъ полемикой съ раціоналистами, гдѣ роль доводовъ играли не соображенія разума, а чудесныя событія изъ жизни автора; особенное выраженіе эти пріемы получили въ «Великой панацеѣ противъ болѣзней невѣрія» (1776). Его автобіографія («Heinrich Stillings Jugend», 1777, «H. S. Jünglingsjahre», 1778, «H. S. Wanderschaft», 1778, «H. S. häusliches Leben», 1789, «H. S. Lehrjahre», 1804), подкупающая и до сихъ поръ художественною простотою и изобразительностью разсказа, навлекла на него странное подозрѣніе въ свободомысліи, которому онъ противопоставилъ свои романы «Geschichte des Herrn von Morgentau» (1779), автобіографическій «Florentin von Fahlendorn» (1779), гдѣ прежняя наивность смѣняется тенденціозностью, и «Theobald oder die Schwärmer» (1784, русскій переводъ Θ. Лубяновскаго, М., 1819). Въ Марбургѣ Ю. познакомился съ философіей Канта, которая не внушила ему полнаго сочувствія, но оказала на него большое вліяніе тѣмъ, что освободила отъ лейбнице-вольфіанскаго детерминизма и укрѣпила въ сознаніи, что за предѣлами чувственнаго міра разумъ не знаетъ ничего. Событія во Франціи, которыя онъ могъ наблюдать вблизи, такъ какъ жилъ у самой франц. границы, довершили болѣзненно-фантастическое метаніе его мысли. Сопоставляя текущія событія съ библейскими пророчествами, онъ увидѣлъ въ нихъ апокалиптическое исполненіе послѣднихъ и счелъ себя призваннымъ къ борьбѣ съ этимъ духовнымъ переворотомъ. Его сочиненія въ этомъ направленіи, основательно названныя однимъ историкомъ нѣмецкой литературы «Verdummungsschriften», были однимъ изъ двигателей послѣдующей реакціи и окружили имя автора чрезвычайнымъ уваженіемъ однихъ и нерасположеніемъ другихъ. Къ послѣднимъ принадлежала свободомыслящая молодежь, отношеніе которой заставило Ю. отказаться отъ каѳедры, къ первымъ — герцогъ баденскій, отъ котораго онъ получилъ каѳедру въ Гейдельбергѣ, званіе тайнаго придворнаго совѣтника и приличное содержаніе, за которое возлагалась на него одна обязанность: «свободно писательствомъ своимъ служить дѣлу религіи и практическаго христіанства». Въ 1806 г. герцогъ взялъ Ю. съ собою въ Карлсруэ, гдѣ бывшій угольщикъ жилъ во дворцѣ, сдѣлался важной особой и съ удовольствіемъ отмѣчалъ въ своихъ запискахъ увеличеніе числа знакомыхъ въ знатныхъ кругахъ. Въ сочиненіяхъ своихъ онъ принялъ пророческій тонъ и умеръ въ глубокой увѣренности, что въ послѣдніе годы его земного бытія въ немъ воплотился Христосъ. Важнѣйшія изъ этихъ сочиненій: «Das Heimweh» (1794), «Der christliche Menschenfreund» (1803) и «Theorie der Geisterkunde». Первое, переведенное на всѣ европейскіе языки, было переведено на русскій языкъ въ 1807 г. Лубяновскимъ, но напечатанныя первыя двѣ части были задержаны; министръ съ докладомъ по поводу перевода не былъ принятъ, императоръ говорилъ, что мѣсто переводчику въ Якутскѣ, и все напечатанное было истреблено. Впослѣдствіи, когда настроеніе Александра I измѣнилось и онъ, встрѣтившись съ Ю. у герцога баденскаго, вынесъ изъ этого знакомства благопріятное впечатлѣніе, запретъ, тяготѣвшій надъ его произведеніями, былъ снятъ; пер. «Тоски по отчизнѣ» вышелъ цѣликомъ (1818, 5 ч.) Это произведеніе, запечатлѣнное вліяніемъ масоновъ, иллюминатовъ, розенкрейцеровъ и иныхъ мистическихъ обществъ того времени, въ изображеніи аналогичнаго братства таинственныхъ рыцарей имѣетъ цѣлью борьбу съ идеями просвѣтительной эпохи, но все въ разсказѣ окутано такими аллегоріями, что авторъ счелъ необходимымъ написать къ своей книгѣ объяснительный ключъ. Большой успѣхъ имѣли у насъ «Побѣдная повѣсть христіанской религіи» (1799), «Приключенія по смерти» (СПб., 1805; такъ назвалъ «Geisterkunde» переводчикъ Лабзинъ, чтобы избѣжать доносовъ), «Сцены изъ царства духовъ» (1797—1801) и особенно «Угрозъ Свѣтовостоковъ» (1806—1815), какъ переименовалъ Лабзинъ одного изъ героевъ «Тоски по отчизнѣ», прозвище котораго Ю. сдѣлалъ названіемъ своего періодическаго изданія «Der graue Mann» (1795—1815). Этотъ мрачный, «сѣрый» «Угрозъ»—аллегорическое изображеніе совѣсти, наводящей ужасъ, но ведущей странствующихъ въ ихъ обѣтованную отчизну. «Мы не знаемъ изъ словъ Штиллинга,—говоритъ его русскій біографъ, — какой успѣхъ имѣло это популярное изданіе въ народѣ, для котораго собственно оно писалось, но что оно понравилось различнымъ владѣтельнымъ особамъ Германіи и знатнымъ лицамъ, которыя желали держать народъ въ рукахъ посредствомъ мыслей, проповѣдуемымъ Штиллингомъ — это вѣрно». Заключеніе къ автобіографіи Ю. составляетъ «Heinrich Stillings Alter» (1817), изд. его внукомъ. «Sämmtliche Schriften» Ю. имѣли нѣсколько изданій (1835 — 1839, 14 т., 1841 — 1842, 12 т. и др.) Ср. Bodeman, «Züge aus dem Leben von J. H. Jung» (1868); Petersen, «J. - Stilling» (Копенгагенъ, 1890); М. Буличъ, «Очерки ист. рус. лит.» (СПб., 1902). *А. Г—дъ.*

Юндзилъ (Станиславъ-Бонифацій Jundziłł, 1761—1847) — польскій натуралистъ, монахъ-піаристъ, родомъ изъ Ясеницъ на Литвѣ. Учился въ виленскомъ университетѣ и пристрастился къ естественнымъ наукамъ. Онъ напечаталъ много сочиненій по своей спеціальности, изъ которыхъ назовемъ: «O electryczności sztucznei i naturalnei» (переводъ изъ I. Беккаріи, Вильна, 1786); «Opisanie roślin w prowincyi wielkiego Księstwa litewskiego naturalnie rosnących» (ib., 1791; 2 изд. 1811); «O źrodłach słonych i soli w Stokliszkach» (ib., 1792); «O glowniejszych w świecie kopalnach...» (его лекціи въ виленской акд., ib., 1798); «Botanika stosowana... według układu Linneusza» (ib., 1799); «Dyssertacyja o szarańczy» (ib., 1801); «Początki botaniki» (Варшава, 1804; потомъ въ Вильнѣ, 1818, 1829); «Zoologia krótko zebrana» (Вильна,

имѣвшіе аттестаты объ окончаніи средне-учебныхъ заведеній (7 и 8-классныхъ гимназій и реальныхъ училищъ) могли поступать прямо въ старшій классъ, но большинство поступало въ младшій классъ или съ повѣрочнымъ экзаменомъ по русскому языку (прошедшіе 6 классовъ средне-учебныхъ заведеній), или съ экзаменомъ по особымъ облегченнымъ программамъ (не имѣющіе этого ценза). Окончившіе курсъ выпускались въ свои полки подпрапорщиками, эстандартъ-юнкерами и подхорунжими и производились въ офицеры не иначе, какъ по удостоенію непосредственнаго начальства: отнесенные по успѣхамъ въ наукахъ къ I разряду производились въ офицеры въ самый годъ выпуска изъ училища, послѣ лагерныхъ сборовъ, при чемъ въ случаѣ неимѣнія вакансій въ своемъ полку могли быть переводимы въ другіе полки; отнесенные ко II разряду производились въ офицеры не ранѣе, какъ въ слѣдующемъ за выпускомъ году, также не иначе, какъ на вакансіи, при чемъ при производствѣ разрѣшалось переводить въ другія части только тѣхъ изъ нихъ, которые имѣли образованіе не ниже средняго. Въ общемъ числѣ оканчивающихъ Ю. училища выпускаемые по I разряду составляли весьма незначительный процентъ, а большинство выпускаемыхъ по II разряду не имѣли требуемаго образовательнаго ценза и долгіе годы ожидали въ званіи подпрапорщика производства въ офицеры на вакансіи въ своей части, достигая чина прапорщика (впослѣдствіи подпоручика) тогда, когда ихъ сверстники по выпуску изъ военныхъ училищъ успѣвали далеко уйти впередъ по пути служебной карьеры. Если своей служебной подготовкой и знаніемъ быта нижнихъ чиновъ выпускаемые изъ Ю. училищъ подпрапорщики большею частью и превосходили офицеровъ, окончившихъ курсъ военныхъ училищъ, то по своему умственному развитію, общему образованію и теоретической военной подготовкѣ они значительно имъ уступали, вслѣдствіе чего въ пѣхотныхъ и кавалерійскихъ войскахъ составъ офицеровъ распадался на двѣ группы — окончившихъ военныя и юнкерскія училища; послѣдніе назначались на отвѣтственныя должности командировъ отдѣльныхъ частей сравнительно рѣдко и обыкновенно заканчивали свою карьеру чиномъ подполковника. Въ послѣднее время для устраненія этой неоднородности въ составѣ корпуса офицеровъ и для улучшенія вообще подготовки офицеровъ учреждены новыя училища — московское и кіевское пѣхотныя (въ 1900 г.) и елисаветградское кавалерійское (въ 1902 г.), для молодыхъ людей съ высшимъ и среднимъ общимъ образованіемъ; расширены штаты военныхъ училищъ, назначенныхъ впредь исключительно для воспитанниковъ кадетскихъ корпусовъ (число корпусовъ значительно увеличено, а штаты ихъ расширены), наконецъ, въ 1901 г., преобразованы всѣ окружныя Ю. училища. По положенію 5 іюня 1901 г. образовано 7 пѣхотныхъ (петербургское, виленское, тифлисское, одесское, казанское, чугуевское и иркутское), 1 кавалерійское (тверское) и 3 казачьихъ (новочеркасское, ставропольское и оренбургское) Ю. училищъ, при чемъ они болѣе не называются окружными; въ каждомъ училищѣ положено по штату отъ 100 (въ иркутскомъ) до 400 (въ петербургскомъ, виленскомъ и тифлисскомъ) юнкеровъ, которые дѣлятся въ строевомъ отношеніи на роты, эскадроны и сотни. Учебный курсъ продолжается три года и дѣлится на 3 класса—1 общій и 2 спеціальныхъ. Къ пріему въ училища допускаются: 1) молодые люди всѣхъ сословій, достигшіе 16-лѣтняго возраста и имѣющіе право поступить на службу вольноопредѣляющимися, и 2) нижніе чины всѣхъ сословій, удостоенные начальствомъ. Въ общій классъ принимаются: не окончившіе курса 6 классовъ гимназій и реальныхъ училищъ, по выдержаніи пріемнаго экзамена по особымъ программамъ изъ курса 6 классовъ, а окончившіе 6 классовъ, но не имѣющіе права на поступленіе въ военныя училища (гдѣ требуется окончаніе полнаго курса)—съ повѣрочнымъ экзаменомъ по русскому языку; въ первый спеціальный классъ принимаются: безъ экзамена—лица, имѣющія права на поступленіе въ военныя училища, а съ повѣрочнымъ экзаменомъ по русскому языку, математикѣ и физикѣ — лица, окончившія 6 классовъ; экзамены производятся въ августѣ мѣсяцѣ и поступающіе принимаются по старшинству полученныхъ балловъ, при чемъ главный штабъ по числу имѣющихся вакансій заранѣе опредѣляетъ, какое число молодыхъ людей той или другой категоріи по образованію можетъ быть принято въ училища. Общій классъ служитъ для пополненія средняго образованія; въ немъ преподаются Законъ Божій, русскій языкъ, математика, физика и химія, географія, исторія, гигіена, черченіе и одинъ изъ иностранныхъ языковъ; нѣкоторые изъ этихъ предметовъ заканчиваются въ спеціальныхъ классахъ. Изъ спеціально-военныхъ предметовъ преподаются, по программамъ почти такимъ же, какъ въ военныхъ училищахъ, тактика, военная исторія, топографія, фортификація, артиллерія, военная администрація, законовѣдѣніе, военная географія и воинскіе уставы, а въ кавалерійскихъ и казачьихъ училищахъ, кромѣ того, конно-саперное дѣло и иппологія. Въ недѣлю положено 27 уроковъ (по 50 минутъ); кромѣ того установлены практическія занятія по тактикѣ, топографическому черченію, военной администраціи, законовѣдѣнію и конно-саперному дѣлу, а также обученіе оружейному дѣлу въ мастерскихъ. Лѣтомъ юнкера выводятся въ лагери, гдѣ, независимо отъ строевыхъ упражненій, занимаются въ полѣ военно-глазомѣрными съемками, рѣшеніемъ тактическихъ задачъ и саперными работами. Окончившіе полный курсъ Ю. училищъ по результатамъ выпускныхъ экзаменовъ, строевому образованію и поведенію дѣлятся на 3 разряда и производятся въ офицеры на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и юнкера военныхъ училищъ, но исключительно въ пѣхотныя и кавалерійскія части; первый разрядъ выпускается подпоручиками и корнетами съ однимъ годомъ старшинства, вто-

Ю. не удалось. Вскорѣ Карбонъ бѣжалъ въ Африку, а Децимъ Брутъ съ италійцами двинулся къ Риму, близъ котораго и погибъ въ битвѣ. 9) Маркъ Юній Брутъ, отецъ убійцы Цезаря, маріанецъ. Въ 83 г. былъ народнымъ трибуномъ, при чемъ предложилъ законъ объ основаніи сильной колоніи въ Капуѣ; этотъ проектъ хотя и былъ одобренъ народомъ, но не осуществился. По смерти Суллы Брутъ стоялъ съ войскомъ въ Цизальпинской Галліи, но, осажденный въ Мутинѣ Помпеемъ, принужденъ былъ сдаться. Ему былъ обѣщанъ свободный выходъ изъ города и онъ подъ прикрытіемъ всадниковъ дошелъ до Регія, но здѣсь его убилъ приверженецъ Помпея Геминій (76 г. Р. Хр.). Жена его *Сервилія* была сестрою (единоутробною) Катона Утическаго. 10) Сынъ предыдущаго, Маркъ Ю. Брутъ—см. Брутъ (IV, 771). 11) Маркъ Ю. Силанъ, консулъ 109 г. до Р. Хр., потерпѣвшій неудачу въ борьбѣ съ кимврами въ Трансальпинской Галліи. 12) Децимъ Ю. Силанъ, консулъ 62 г. Въ годъ открытія заговора Катилины онъ подалъ голосъ за строжайшее наказаніе заговорщиковъ. 13) Маркъ Ю. Силанъ, сынъ предыдущаго, легатъ Цезаря въ Галліи. Послѣ убіенія Цезаря онъ последовалъ за своимъ зятемъ Лепидомъ въ Галлію, но вскорѣ перешелъ на сторону Антонія. Позднѣе онъ порвалъ отношенія съ тріумвирами и бѣжалъ къ Сексту Помпею въ Сицилію, но послѣ Мизенскаго мира (39 г.) вернулся въ Римъ. Въ 25 г. былъ консуломъ вмѣстѣ съ Октавіаномъ. 14) Юнія, сестра предыдущаго, была замужемъ за Маркомъ Лепидомъ (тріумвиромъ). Около 30-го года до Р. Хр. она вмѣстѣ съ сыномъ Маркомъ Лепидомъ участвовала въ заговорѣ противъ Октавіана, при чемъ Лепидъ былъ казненъ, а Ю. помилована, благодаря заступничеству мужа. 15) Маркъ Ю. Силанъ, консулъ 19 г. по Р. Хр. Дочь его Клавдія въ 33 г. была обручена съ Гаемъ Цезаремъ (Калигулой), при которомъ Силанъ былъ намѣстникомъ Африки и по приказанію котораго онъ былъ позднѣе умерщвленъ. 16) Люцій Ю. Силанъ, обрученный съ дочерью императора Клавдія, Октавіей, противъ чего интриговала Агриппина. Кончилъ жизнь самоубійствомъ въ день свадьбы Клавдія и Агриппины. 17) Децимъ Ю. Торкватъ Силанъ кончилъ жизнь самоубійствомъ, по приказанію Нерона, за то, что хвалился родствомъ съ фамиліей Августа.— Изъ Ю., носившихъ другія фамиліи, наиболѣе извѣстны: *Маркъ Юній Пера*, диктаторъ 216 г. до Р. Хр. послѣ битвы при Каннахъ, объявившій новый наборъ войска, въ которое зачислялись рабы и преступники; *Люцій Ю. Пуллъ*, консулъ 149 г. Р. Хр., потерявшій флотъ во время бури и кончившій жизнь самоубійствомъ; *Маркъ Ю. Пеннъ*, народный трибунъ 126 г. до Р. Хр., изгнавшій изъ Рима иноземцевъ, которые поддерживали Гая Гракха; Юній *Блезъ*, дядя Сеяна, легатъ Панноніи, проконсулъ Африки (21 по Р. Хр.), послѣдній римлянинъ, получившій титулъ *императора*; въ 36 г. онъ съ братомъ кончилъ жизнь самоубійствомъ; сынъ его, бывшій въ 69 г. правителемъ Лугдунской Галліи, поддерживалъ Вителлія, который, однако, его ненавидѣлъ и впослѣдствіи отравилъ; *Юній Галліонъ*, братъ Сенеки; *Гай Юній* въ претуру Верреса (74 до Р. Хр.) былъ предсѣдателемъ коммиссіи въ процессѣ о покушеніи на отравленіе Клуенція его вотчимомъ Оппіаникомъ. Послѣдній былъ осужденъ, но защитникъ Оппіаника Квинкцій доказалъ, что часть судей съ вѣдома Ю. была подкуплена, слѣдствіемъ чего было осужденіе Ю. *Н. О.*

Юніи—представители древне-римской литературы: 1) Маркъ Ю. Гракханъ (M. Junius Gracchanus), другъ Гая Гракха, одинъ изъ первыхъ изслѣдователей римской старины. Ему принадлежало посвященное отцу Аттика произведеніе «De potestatibus» (ср. Mercklin, «De Junio Gracchano», Дерптъ, 1840). Современникъ его 2) Юній Конгъ также былъ однимъ изъ древне-римскихъ антикваріевъ и юристовъ. 3) Ю. Блезъ, юристъ первой половины I в. до Р. Хр. 4) Люцій Юній Модератъ Колумелла (см.). 5) Юній Кордъ, историкъ III в. по Р. Хр., описывавшій частную жизнь императоровъ. 6) Люцій Ю. Галліонъ, другъ Сенеки старшаго и Овидія, писалъ по реторикѣ (см. Schmidt, «De L. Junio Gallione rhetore», Марбургъ, 1866). 7) Ю. Отонъ, риторъ I в. по Р. Хр., современникъ предыдущаго, авторъ декламацій. *Н. О.*

Юніусъ — анонимный авторъ знаменитыхъ «Писемъ Ю.». Они появлялись въ лондонскомъ журн. «Public Advertiser» въ 1769—1771 гг., въ самый разгаръ борьбы—за законность управленія и свободу печати—съ правительствомъ Георга III. Боевымъ вопросомъ была правильность выборовъ въ нижнюю палату, особенно дѣло Вилькса (см. VI, 477). Этому дѣлу и посвящено первое изъ писемъ Ю., появившееся въ ноябрѣ 1768 г. Ранѣе, въ теченіе того же года, въ журналѣ появлялись письма политическаго содержанія съ различными римскими подписями—Atticus, Brutus, Lucius; новое письмо было подписано: Junius. Слѣдующее письмо—имъ начинается полное собраніе—появилось въ январѣ слѣдующаго года и заключало въ себѣ нападеніе на все министерство Графтона и особенно на главнокомандующаго Грэнби. Впечатлѣніе, произведенное силой нападенія, было необычайно; безъ намековъ, прямо, опредѣленно, съ личной грубостью и съ поразительнымъ блескомъ языка авторъ говорилъ то, что хотѣлъ сказать. Самого короля (см. VIII, 431), какъ орудіе въ рукахъ ненавистнаго народу министерства, авторъ пока не трогалъ: онъ обратилъ все свое негодованіе, не прикрытое, но сильно оттѣненное его литературной манерой, противъ министерства». Достоинства тѣхъ, которые считаются предками извѣстныхъ лицъ»—обращался авторъ къ лорду Графтону, который велъ свой родъ отъ побочнаго сына Карла II — «даютъ ихъ потомкамъ возможность дойти до крайнихъ степеней порока. Предки вашей милости, напр., не оставили никакихъ неудобныхъ примѣровъ добродѣтели даже въ ихъ законномъ потомствѣ, и вы имѣете пріятную возможность созерцать за собою блестящую генеалогію, на добродѣтели которой геральдическія лѣтописи не сохранили

Сталевскія теоріи въ медицинѣ и химіи: «Conspectus therapiae specialis tabulis CXXXVIII omnes primarios morbos methodo Stahliana tractandos exhibens» (Галле, 1707, 1724, 1750); «Conspectus medicinae theoretico-practicae tabulis CXVI omnes primarios morbos exhibens» (Галле, 1718, 1724, 1734, 1750); «Conspectus chirurgiae tam medicae methodo Stahliana conscriptae, quam instrumentalis recentissimorum auctorum ductu collectae, etc.» (Галле, 1721, 1731, на нѣмецк. 1722, 1744); «Conspectus chemiae theoreticae practicae in forma tabularum repraesentatus etc.» (Галле, 1730—1754) и др. Онъ въ юности еще написалъ «греч. грамматику», подъ названіемъ «Hallische Griechische Grammatik»; она издавалась 13 разъ (Галле, 1705, послѣдн.—1771).

Юнкеръ (Іоаннъ-Христіанъ-Вильгельмъ Junker, 1761—1800)—врачъ. Въ 1788 г. занялъ медиц. каѳедру въ Галле. Онъ издавалъ свой собственный журналъ: «Archiv für Aerzte und Seelsorger wider die Pockennoth» (Лпц., 1796); затѣмъ онъ написалъ: «Gemeinnützige Vorschläge und Nachrichten über das Verhalten der Menschen in Rücksicht der Pockenkrankheit u. s. w.» (Галле, 1792, 1795, 1796). Онъ въ числѣ первыхъ примѣнилъ открытіе Дженнера. Изъ его другихъ трудовъ назовемъ: «Grundsätze der Volksarzneikunde» (Галле, 1787); «Conspectus rerum quae in pathologia medicinali pertractantur etc.» (Галле 1789—90).

Юнкеръ (Карлъ Junker)—австрійскій библіографъ (род. въ 1867 г.). Напечаталъ: «Allgemeines bibliographisches Repertorium u. die erste bibliographische Conferenz in Brüssel» (Вѣна, 1896); «Ueber den Stand der Bibliographie in Oesterreich» (ib., 1897); «Die Berner Convention zum Schutze der Werke der Litteratur und Kunst in Oesterreich-Ungarn» (Вѣна, 1900); «Die Aufhebung des Zeitungsstempels und die oesterr. Presse» (ib., 1901).

Юнкеръ (Христіанъ Junker)—нѣм. филологъ и историкъ (1668—1714), исторіографъ Саксонскаго дома. Главные его труды: «Annales curieuses du règne de l'empereur Léopold» (Лпц., 1697); «Vita Lutheri» (Лпц., 1699); «Eléments d'histoire ecclésiastique jusqu'à l'an 1710» (Лпц., 1710); «Théâtre général du monde» (Франкфуртъ, 1713); «Instruction sur la géographie au moyen âge» (Iena, 1712), трудъ очень цѣнный; «Lineae primae eruditionis universae historiae philosophicae» (Альтенбургъ, 1714).

Юнона (Juno)—древне-италійская богиня, параллельное Юпитеру женское божество, связанное съ нимъ по имени (Juno, изъ Jovino; существуетъ также названіе богини—Jovia) и въ культѣ. Такъ, культомъ Юпитера завѣдывалъ flamen Dialis, культомъ Юноны—его жена flaminica; Юпитеру приносились въ жертву бѣлые быки, Ю.—бѣлыя коровы; Юпитеру были посвящены *иды*, Ю.—*календы*; Юпитеръ имѣлъ прозваніе между прочимъ Lucetius, Ю.—Lucetia или Lucina; Юпитеръ и Ю. посылали дождь, олицетворяли воинственную отвагу и побѣду, и оба божества носили царскій титулъ. Мало-по-малу первоначальное сліяніе ихъ въ культѣ ослабѣвало, и наконецъ Ю. обособилась какъ богиня-покровительница женщинъ и ихъ жизни, поскольку эта послѣдняя, по вѣрованію древнихъ италійцевъ, находилась подъ вліяніемъ луны. Наряду съ многочисленными празднествами, существовавшими въ честь Юпитера, въ римскомъ календарѣ не было ни одного общегосударственнаго праздника, прямо относящагося къ Ю.; посвященныя Ю. календы считались присутственными днями, тогда какъ иды (дни Юпитера) относились къ числу праздниковъ (feriae). Культъ Ю. былъ распространенъ по всей Италіи, включая Этрурію. Въ общемъ сводѣ римскихъ религіозныхъ представленій и обрядовъ нашли себѣ мѣсто всѣ особенности отдѣльныхъ мѣстныхъ культовъ Ю., отчасти какъ пережитокъ, сохраненный населеніемъ отъ древней до-исторической эпохи, отчасти какъ заимствованіе, явившееся слѣдствіемъ завоеванія городовъ-хранителей того или иного культа. Пережиткомъ древняго культа Ю. въ Римѣ является обрядъ объявленія народившейся новой луны и нонъ, совпадавшихъ съ первою ея четвертью. На вершинѣ Капитолія находился храмъ Ю. Монеты (*Совѣтницы*, по другому толкованію *Невѣсты*; впослѣдствіи при храмѣ былъ устроенъ монетный дворъ, при чемъ эпитетъ богини сталъ употребляться для обозначенія какъ самаго зданія, такъ и *монетъ*), освященный въ 344 г. до Р. Хр. и сооруженный, повидимому, на мѣстѣ стараго. День основанія этого храма приходился на 1-е іюня—мѣсяца, посвященнаго Ю. (Junius, изъ Junonius). Другой древній храмъ богини находился на Эсквилинѣ, гдѣ первоначально стояла роща Ю. *Люцины*. Здѣсь 1 марта происходилъ носившій семейный характеръ праздникъ женщинъ Matronalia: приносились жертвы и возносились молитвы за брачное счастье, мужья дѣлали подарки женамъ, женщины угощали рабовъ. Третьимъ мѣстомъ культа Ю. въ Римѣ былъ Капитолійскій храмъ, гдѣ Ю. *Царица* имѣла свою нишу рядомъ съ Юпитеромъ и Минервою. Въ честь Ю. Царицы въ 179 г. былъ сооруженъ самостоятельный храмъ при Фламиніевомъ циркѣ. Какъ богиня небеснаго и въ частности луннаго свѣта (Lucina), Ю. имѣла особое вліяніе на жизнь женщины, размѣренную по мѣсяцамъ, и въ періодъ беременности; ей же приписывали силу помогать родильницамъ; подъ покровительствомъ ея стоялъ обрядъ бракосочетанія, съ котораго начиналась жизнь женщины. Богиня приводила невѣсту въ домъ жениха (Iterduca, Domiduca); ее призывали при намазываніи мазью дверныхъ косяковъ въ домѣ новобрачныхъ (J. Unxia), при распоясываніи пояса невѣсты (J. Cinxia) и вообще при заключеніи брака (J. Juga); какъ Fluviona, она облегчала кровотеченіе во время менструацій; какъ Ossipago, помогала развитію зародыша; какъ Lucina, призывалась женщинами (подобно греческой Илиѳіи) при разрѣшеніи отъ бремени. Въ ея кассу при Эсквилинскомъ храмѣ вносили за новорожденныхъ дѣтей опредѣленную сумму денегъ (stips). Ю. посылала плодородіе: отсюда роль козлиной шкуры — символа страсти — въ культѣ Ю. (в

Фавна). Въ октябрьскія ноны (7 октября) на Марсовомъ полѣ приносили жертву Ю. Curitis, какъ богинѣ плодородія и воинственной отваги, представительницѣ и покровительницѣ семейнаго и родового быта, государственными органами котораго были *куріи*. Позднѣе, съ проникновеніемъ греческихъ религіозныхъ представленій и культовъ въ Римъ, греческая Гера ассимилировалась съ Ю. Со II-й Пунической войны Авентинская Ю. Царица участвуетъ наряду съ греческими божествами въ священнодѣйствіяхъ, которыя назначались въ отдѣльныхъ случаяхъ блюстителями греческой религіи и обрядности—децемвирами sacris faciundis. Подъ вліяніемъ греческихъ религіозныхъ представленій Марсъ сталъ именоваться сыномъ Ю. и Юпитера. Кромѣ индивидуальной богини римскаго Олимпа—Ю., въ римской религіи извѣстны еще *юноны*, опекавшія жизнь отдѣльныхъ женщинъ: у каждой женщины была своя *юнона*, точно такъ же, какъ у каждаго мужчины былъ свой личный покровитель—*геній*. Ср. Preller, «Römische Mythologie» (Берлинъ, 1881, 3 изд., стр. 271 и слѣд.); Roscher, «Studien zur vergleichenden Mythologie der Griechen und Römer. II. Juno und Hera» (Лпц., 1875); Aust, «Die Religion der Römer» (Мюнстеръ, 1899, стр. 125 и слѣд.); G. Wissowa, «Religion und Kultus der Römer» (Мюнхенъ, 1902, стр. 113 и слѣд.). *Н. О.*

Юноша (Klemens Junosza) — псевдонимъ талантливаго польскаго беллетриста Шанявскаго. Род. въ 1849 г.; рано лишился родителей, учился въ сѣдлецкой и люблинской гимназіяхъ, короткое время служилъ въ счетной палатѣ, затѣмъ переселился въ деревню, гдѣ изучалъ сельскій бытъ, писалъ корреспонденціи въ газетѣ «Kolce». Литературные интересы заставили его переселиться въ Варшаву (1877). Здѣсь онъ получилъ работу въ лучшихъ изданіяхъ и, обладая хорошей техникой, глубокимъ знаніемъ нуждъ польскаго крестьянства, писалъ одновременно въ нѣсколькихъ журналахъ и газетахъ. Ю. работалъ при тяжелыхъ матеріальныхъ условіяхъ, писалъ быстро, не отдѣлывая и даже не перечитывая, но все же давалъ яркіе типы, цѣльныя картины. 30-лѣтняя работа разстроила его здоровье; незадолго до смерти онъ мечталъ перебраться въ какой-нибудь фольваркъ, хозяйничать и лишь изрѣдка писать для народа, но въ 1898 г. умеръ въ санаторіи. Первый сборникъ произведеній Ю. вышелъ въ Варшавѣ въ 1884 г. подъ общимъ заглавіемъ «Z Mazurskiej ziemi»; сюда вошли четыре повѣсти—«Na zgliszczach», «Zaciarz», «Pułkownik» и «Spełnione marzenia». Остальныя появлялись въ разныхъ журналахъ, отдѣльными книгами, выдерживавшими по нѣскольку изданій, или сборниками; при жизни автора въ Варшавѣ начало выходить полное собраніе сочиненій его, въ 10 томахъ. Болѣе популярны изъ произведеній Ю.: «Pan sędzia», «Z antropologii wiejskiej»; «Czarne błoto»; «Pająki»; «Stracone szczęście»; «Pany bracia»; «Nasi żydzi w miasteczkach i na wsiach»; «Obrazki szare»; «Powtórne życie»; «Z zapadłych kątów»; «Syzyf»; «Po burzy»; «Na bruku»; «Wnuczek»; «Icek podwójny»; «Musykanci». Въ нихъ фигурируетъ обыкновенно польская деревня, съ простодушными хлопами и резонерствующими шляхтичами; тѣ и другіе влюблены въ землю и отрицательно относятся къ городской жизни. Нѣкоторыя повѣсти рисуютъ городскую жизнь, преимущественно евреевъ. Фабулы повѣстей и разсказовъ Ю. несложны; критики справедливо указываютъ на повторенія сюжетовъ и на родственность излюбленныхъ авторомъ типовъ. Одна изъ характерныхъ особенностей Ю. состоитъ въ томъ, что герои его никогда не теряютъ надежды на лучшее будущее, такъ какъ средство противъ неизбѣжнаго пессимизма у каждаго подъ рукой: это — трудъ. Вотъ почему, не смотря на общій мрачный колоритъ повѣстей Ю., герои которыхъ подавлены невзгодами и никогда не могутъ выбраться на болѣе счастливую дорогу,—отличительной чертой Ю., сравнительно съ другими реалистами - бытописателями Польши, служатъ яркій оптимизмъ и непосредственный юморъ: болѣе близкіе ему по духу герои смотрятъ на міръ «сквозь розовыя стекла». Въ связи съ этой чертой находится снисходительное отношеніе автора къ порокамъ выводимыхъ имъ лицъ: онъ хорошо понимаетъ тѣ историческія и соціальныя условія, которыя дѣлаютъ человѣка жестокимъ, жаднымъ, хитрымъ, а потому не вглядывается глубоко въ ихъ психологію. Отдавая дань современнымъ вопросамъ соціально-экономическаго характера, Ю. не разъ скорбитъ по поводу того, что крупный и мелкій шляхтичъ охотно оставляетъ свою «черезполосицу съ сервитутомъ» («Stracone szczęście») и бѣжитъ въ городъ, на чужбину, быстро теряя національныя черты. За то авторъ сочувствуетъ тѣмъ изъ нихъ, кто привязанъ къ своей деревнѣ, ни на что не промѣняетъ жалкую землю, едва доставляющую пропитаніе, кто готовъ переносить лишенія и трудиться до упаду, лишь бы не разставаться съ родными мѣстами. Если земельный надѣлъ совсѣмъ уменьшился, то горю все-таки можно помочь, «убыль пространства вознаградить трудомъ и умѣлымъ веденіемъ хозяйства» (Syzyf»); стоитъ только подняться цѣнамъ на хлѣбъ — и грустное настроеніе смѣнится радостью: расправятся морщины на лицѣ стараго шляхтича, онъ крутитъ усы, его рѣчи становятся снова бодрыми. Устами пана Онуфрія Ю. негодуетъ на сосѣда, который задумалъ устроить на своей землѣ-кормилицѣ фабрику: «настоящій» землевладѣлецъ не долженъ заботиться только о поднятіи доходности имѣнія; земля для него—родная стихія, воздухъ, безъ котораго погибаетъ все живое. Только въ такихъ эпизодахъ Ю. переходитъ въ элегическій тонъ, съ грустью предчувствуя бытовой крахъ стараго шляхетства. Въ этомъ смыслѣ его называютъ «беллетристомъ-ликвидаторомъ шляхетства и пѣвцомъ его могиканъ». Въ одной области Ю. не зналъ соперниковъ и единогласно признанъ артистомъ: это—изображеніе еврейскаго быта, тѣхъ специфическихъ польскихъ «жидовъ-пауковъ», которые живутъ своею моралью, имѣютъ свой

языкъ («Pająki»). Зналъ онъ ихъ въ совершенствѣ, даже изучилъ жаргонъ, читалъ произведенія извѣстнаго еврейскаго беллетриста Фельдмана и перевелъ на польскій языкъ лучшія повѣсти С. Абрамовича: «Еврейскій Донкихотъ» («Don Kiszot żydowski», 1885) и «Кляча» («Szkapa», 1886). Ошибочно было бы видѣть въ Ю. антисемита; его нельзя упрекнуть ни въ идеализаціи, какъ Ожешко и Балуцкаго, ни въ тенденціи, какъ Севера. Онъ не проливаетъ слезъ надъ судьбой еврея-горемыки и не возмущается евреемъ-паукомъ, не вызываетъ въ читателѣ отвращенія къ послѣднему. Его миссія здѣсь такая же примиряющая, какъ и въ изображеніи умирающаго шляхетства. При всѣхъ плутняхъ и мелочномъ своекорыстіи, каждый еврей фигурируетъ у Ю. какъ человѣкъ, какъ результатъ сложныхъ соціально - экономическихъ условій. Если авторъ и не прочь посмѣяться надъ евреемъ, то отнюдь не унижаетъ его и, въ концѣ концовъ, подъ смѣшнымъ лапсердакомъ показываетъ живую душу польскаго паріи. Въ этомъ отношеніи нѣкоторые разсказы Ю. напоминаютъ Акакія Акакьевича въ гоголевской «Шинели». Крупнымъ внѣшнимъ достоинствомъ повѣстей Ю. является языкъ его героевъ. П. Хмелёвскій считаетъ Ю. большимъ мастеромъ по части разговорной рѣчи евреевъ и хлоповъ, «не той условной, которая принята въ польскихъ повѣстяхъ, т. е. основанной на особенностяхъ мазурскаго говора или грубыхъ выраженіяхъ, а специфически-окрашенной на протяженіи всего разговора. Его Мартинъ Гайда, характеръ очень благородный, подъ другимъ перомъ могъ бы выйти образомъ книжнымъ, но у Ю. отличается правдивыми и натуральными чертами». Дѣйствительно, діалоги Ю. выполнены художественно, напоминая Левитова, Глѣба Успенскаго или Горбунова. Недостатки повѣстей Ю.—плохая отдѣлка, объясняемая спѣшностью работы; игнорированіе природы, которая выводится у него только въ роли служебной, какъ фонъ картины; однообразіе и нѣкоторая наивность фабулъ, построенныхъ иногда слишкомъ искусственно; плохо скрываемая дидактическая цѣль нѣкоторыхъ разсказовъ; наконецъ, утомительныя нравоученія, которыя не всегда идутъ къ дѣлу и въ то же время не могутъ быть причислены къ такъ называемымъ лирическимъ отступленіямъ. Ю. принадлежатъ также переводы изъ Тургенева.

Литература. P. Chmelowski, «Nasi powieścipisarze. Zarysy literarske. Serya II» (Варшава и Краковъ, 1900, особый очеркъ о Ю.); «Biblioteka dziel wyborowych» (№ 31, Варш., 1898, 5—10; предисловіе T. Jeske-Choińskego); W. Feldman, «Współczesna literatura polska, 1880—1901» (Варш., 1902, 176—177); его же, «Piśmennictwo polskie ostatnich lat dwudziestu» (Львовъ, 1902, т. I, 200—202, 208). Некрологи Ю., съ общей оцѣнкой его литературной дѣятельности, были помѣщены въ разныхъ журналахъ за 1898 годъ. На русскомъ языкѣ характеристика повѣстей Ю. у К. Храневича, «Очерки новѣйшей польской литературы» (СПб., 1904, 18—47); переводы помѣщались въ разныхъ журналахъ, а отдѣльно изданы: «Сизифъ. Картинки деревенской жизни» (Москва, 1892), «Жена съ ярмарки. Повѣсть изъ сельскаго быта» (М., 1898), «Еврейскій Донъ Кихотъ. Произведеніе еврейской жаргонной литературы» (Казань, 1899), «Пауки. Еврейскія сцены и картины городской жизни» (СПб., 1899), «На мостовой. Повѣсть изъ городской жизни» (М., 1899), «Въ глуши» (М., 1899), «Музыканты. Эскизъ съ натуры» (Харьковъ, 1902) и др. *А. И. Яцимирскій.*

Юноша-Шанявскіе — русскій дворянскій родъ польскаго происхожденія, записанный въ VI ч. род. кн. Могилевской губ. Гербъ внесенъ въ XII ч. Общ. Гербовника.

Юнта (правильнѣе хунта, junta, исп.)— испанскій терминъ, обозначающій союзъ, совѣщательное собраніе (въ особенности избранное), избранный исполнительный комитетъ. До XVI в. названіе Ю. примѣнялось, между прочимъ, къ собраніямъ кортесовъ. Въ новое время наиболѣе извѣстна Ю., созванная въ Байоннѣ Наполеономъ послѣ отреченія отъ престола Фердинанда VII (въ 1808 г.), изъ 50 духовныхъ и 100 свѣтскихъ нотаблей; она избрала на испанскій престолъ Іосифа Бонапарта. Это избраніе вызвало революцію, руководимую многочисленными провинціальными юнтами, т. е. въ данномъ случаѣ революціонными комитетами. Позднѣе многочисленныя испанскія революціи или пронунціаменто устраивались или руководились юнтами, при чемъ бывали юнты либеральныя, радикальныя, карлистскія и т. д. *В. В—въ.*

Юнтербукъ (Яковъ Junterbuck)—польскій писатель (1385—1465); былъ проф. богословія въ Эрфуртѣ. Главные его труды: «Sermones dominicales» (Ульмъ, 1474); «Tractatus de apparitionibus animarum post exitum» (Бургдорфъ, 1475), книга много разъ переизданная; «De erroribus et moribus christianorum» (Лпц., 1488); «De arte bene moriendi (Лпц., 1495); «De arte curandivitia».

Юнферы—см. Юферсы.

Юнъ («храбрецы»)—названіе иррегулярныхъ войскъ въ Китаѣ. Ихъ набираютъ и распускаютъ въ зависимости отъ обстоятельствъ и потому установить численность ихъ не представляется возможнымъ.

Юнъ-ло—третій императоръ Минской династіи въ Китаѣ, царствовалъ съ 1403 по 1425 г. Передъ нимъ императорскій престолъ занималъ племянникъ его, Цзянь-вэнь, сынъ основателя Минской династіи Хунъ-у. Дядя, раньше называвшійся Янь-ванъ, возсталъ противъ племянника и съ помощью монголовъ-переселенцевъ свергнулъ его съ престола. За эту услугу монголы военныхъ поселеній пользовались милостями императора. Во время голода 1407 г. въ сѣверо-вост. областяхъ имъ было даровано право обмѣнивать своихъ лошадей на хлѣбъ за двойную плату противъ обыкновенной, что впослѣдствіи повело къ серьезнымъ столкновеніямъ. Ю. отличался воинственностью и энергіей и самъ неоднократно предпринималъ походы въ степи противъ кочевниковъ. Такъ, онъ потребовалъ отъ монгольскаго хана Буньяшири подданства и когда получилъ отказъ, то отправилъ противъ него

въ 1409 г. войско, которое потерпѣло пораженіе на р. Кэрулэнѣ. Тогда самъ Ю. съ полумилліоннымъ, будто-бы, войскомъ, выступилъ противъ монголовъ и нанесъ имъ два пораженія. Удачны были его военныя дѣйствія и въ другихъ мѣстахъ. Онъ сдѣлалъ своею столицею Пекинъ, вмѣсто Нанкина, и выстроилъ тамъ новый дворецъ. *Н. В.*

Юнъ-чженъ (1722—36)—3-й имп. нынѣ царствующей въ Китаѣ Дайцинской династіи. По вступленіи на престолъ онъ началъ преслѣдовать европейскихъ миссіонеровъ за то, что они интриговали противъ него, когда онъ былъ наслѣдникомъ; ихъ поселили въ Кантонѣ, а потомъ перевели въ Макао. При немъ гр. С. В. Рагузинскій заключилъ Буринскій трактатъ 20 авг. 1727 г. касательно разграниченія съ Китаемъ; этотъ договоръ получилъ дальнѣйшее развитіе въ Кяхтинскомъ договорѣ 21 окт. 1727 г., въ которомъ были установлены взаимныя отношенія между Россіей и Китаемъ, существовавшія до 1851 г. Юнъ-чженъ издалъ со своими объясненіями поученія своего отца Канси, въ видѣ постановленій, въ которыхъ излагались главнѣйшія обязанности человѣка. Въ русскомъ переводѣ они напечатаны Леонтьевымъ въ СПб. въ 1778 г. *Н. В.*

Юный Читатель—иллюстрированный и научно-популярный журналъ для семьи и школы. Издается съ 1899 г., въ СПб. Редакторъ женщ.-врачъ А. Я. Острогорская-Малкина. Издательница женщ.-врачъ Е. П. Казакевичъ-Стефановская.

Юнь-нань—провинція Китая, граничащая на западѣ и югѣ съ Тибетомъ, Бирмой и Тонкиномъ. Площадь ея—6900 кв. географич. миль; общая численность населенія, состоящаго наполовину изъ инородцевъ (мяоцзы, ло-ло, шанскихъ племенъ), не превосходитъ 10 милл. Значительное удаленіе отъ столицы и разноплеменный составъ населенія, часть коего и понынѣ сохранила независимость, являются причинами слабой политической связи провинціи съ остальнымъ Китаемъ. До нѣкоторой степени это объясняется также и тѣмъ, что Ю. позднѣе другихъ частей имперіи, лишь въ 1254 году, при императорѣ Хубилаѣ, вошла въ составъ Срединнаго государства; до тѣхъ поръ она составляла сѣв. часть государства Нань-чжао или Да-ли, вассальныя отношенія коего къ Китаю имѣли лишь формальный характеръ. Центральн. часть провинціи представляетъ обширное нагорье, изрѣзанное глубокими долинами, абсолютная высота коихъ превосходитъ 6000 фт. Проходящіе по этому нагорью кряжи горъ относительно не особенно высоки; къ периферіи провинціи эта высота, однако, быстро увеличивается, и страна, въ особенности на западѣ, пріобрѣтаетъ дикій альпійскій характеръ. Контрасты между тропической растительностью и вѣчнымъ снѣгомъ здѣсь часты и нерѣдко находятся въ горизонтѣ наблюдателя. Въ общемъ климатъ Ю.-нани суровѣе, чѣмъ можно было бы ожидать въ виду широты мѣста (27°—22,5° сѣв. шир.), особенно на плоскогоріи, гдѣ онъ считается къ тому же весьма нездоровымъ, можетъ быть вслѣдствіе обилія озеръ, встрѣчаемыхъ въ этой части Ю.-нани. Наиболѣе значительныя рѣки, орошающія провинцію, слѣдующія: Янъ-цзы-цзянъ, протекающій на С подъ названіемъ Цзинь-ша-цзянъ, т. е. «Золотоносной рѣки», затѣмъ Лань-цанъ-цзянъ и Лу-цзянъ, берущія начало въ горахъ Тибета и пересѣкающія Ю.-нань на западѣ. Кромѣ того въ средней части нагорья берутъ начало двѣ большія рѣки, изъ которыхъ одна, извѣстная болѣе подъ названіемъ Сонъ-кой, или Красной рѣки, течетъ на ЮВ въ Тонкинскій заливъ, а другая, Си-цзянъ, направляется черезъ провинцію Гуанъ-си на В и изливается въ Южное Китайское море. Всѣ эти рѣки, протекая большею частью въ глубокихъ и скалистыхъ ущельяхъ, представляютъ во многихъ мѣстахъ значительныя трудности для судоходства. Сухопутныя дороги, вслѣдствіе гористаго характера страны, доступны только для верховаго и вьючнаго движенія; товары нерѣдко переносятся на большія разстоянія людьми на плечахъ. Наиболѣе важные торговые пути ведутъ изъ главнаго административнаго центра провинціи, Юнь-нань-фу, на З въ г. Бамо, на С въ г. Сюй-чжоу-фу, на Янъ-цзы-цзянѣ, на СВ въ провинцію Ху-нань и на В черезъ провинцію Гуанъ-си въ Кантонъ. По земледѣльческой производительности Ю.-нань стоитъ ниже восточной Сы-чуани, хотя долины достаточно плодородны, и провинція вообще довольствуется собственными земледѣльческими продуктами. Главное богатство Ю.-нани заключается въ полезныхъ ископаемыхъ, по разнообразію и обилію коихъ Ю.-нань занимаетъ первое мѣсто среди другихъ провинцій Китая. Желѣзо, каменный уголь и мѣдь встрѣчаются повсемѣстно, особенно мѣдь, которой вывозится изъ провинціи до 500 тыс. пд. ежегодно. Во многихъ пунктахъ разрабатываются мѣсторожденія соли, цинка, олова, свинца, ртути, серебра и золота. Извѣстны также мѣсторожденія драгоцѣнныхъ камней, но въ этомъ отношеніи она значительно бѣднѣе сосѣдней Бирмы. Главнѣйшія статьи ввоза въ Ю.-нань: хлопокъ (изъ Тонкина и провинціи Ху-бэй), хлопчатобумажная и шелковая (изъ пров. Сы-чуань) мануфактура, европейскіе товары, растительный воскъ, соль и сушеная рыба (Тонкинъ), слоновая кость, драгоцѣнные камни (послѣдніе два сорта товаровъ направляются изъ Бирмы въ Китай лишь транзитомъ черезъ Ю.-нань). Вывозъ: мѣдь, ртуть, киноварь, чай «пу-эрръ», различныя лѣкарственныя вещества (главнымъ образомъ желтый мышьякъ), москательный товаръ, фрукты, шелкъ-сырецъ, нѣкоторые сорта туземныхъ шелковыхъ тканей, цыновки и пр. Цѣнность торговаго оборота Ю.-нани съ Тонкиномъ—5 милл. франк.; цифръ, опредѣляющихъ торговые обороты съ Бирмой, Тибетомъ и внутренними частями имперіи не имѣется. Провинція дѣлится на 14 областей (фу), 3 округа (чжоу) и 4 приставства (тинъ). Административнымъ центромъ провинціи служитъ г. Ю.-нань-фу (см.); изъ другихъ городовъ замѣчательны: *Да-ли-фу*—древняя столица государства Нань-чжао; во времена Марко-Поло городъ этотъ, подъ названіемъ Караина, былъ столицей федераціи

семи княжествъ и однимъ изъ многолюднѣйшихъ городовъ вост. Азіи; расположенъ въ плодородной долинѣ на зап. берегу оз. Эръ-хай; окруженъ высокой и массивной каменной стѣной, длиной въ 7 вер. Сильно пострадалъ во время дунганскаго возстанія; по взятіи города правительственными войсками въ 1873 г., большая часть его жителей была умерщвлена; китайскій главнокомандующій выслалъ въ Ю.-нань-фу 24 корзины съ отрѣзанными человѣческими ушами. Въ окрестностяхъ ломки превосходнаго мрамора. *Линь-ань-фу*—значительный торговый центръ, въ прекрасно орошенной и покрытой тропической растительностью долинѣ; къ ЮВ отъ города торговое село *Манъ-хао*, со складами чая и хлопчатобумажныхъ и шелковыхъ тканей для всей южной части провинціи. Ниже этого селенія по р. Сонъ-кой находится другой важный торговый центръ—селеніе Лао-кой или Бао-танъ. *Пу-эрръ-фу*—центръ чайной торговли. *Юнъ-чанъ-фу*, называемый также «Малымъ Нанкиномъ», такъ какъ заселенъ главнымъ образомъ бѣглецами изъ гор. Нанкина; значительный торговый центръ. *Тэнъ-юэ-тинъ* (Момеинъ по-бирмански)—одинъ изъ населеннѣйшихъ городовъ Ю.-нани; мимо него пролегаетъ самый удобный путь изъ Китая въ Бирму, вслѣдствіе чего европейцы называютъ этотъ городъ «юго-западными воротами въ Серединное государство».

Г. Е. Грумъ-Гржимайло.

Юнь-нань-фу — административный центръ китайской провинціи Юнь-нань, на сѣв. берегу оз. Чжень-чи или Тянь, на абсолютной высотѣ 8450 фт. Городъ не великъ и обнесенъ высокой каменной стѣной, но предмѣстье его очень значительно и густо населено. Главная отрасль промышленности — горнозаводское производство; большія мастерскія металлическихъ издѣлій и монетный дворъ, основанный въ концѣ XVII ст. Производство ковровъ, шерстяныхъ одѣялъ, войлока, шерстяныхъ и другихъ матерій, изъ коихъ одна, ткущаяся изъ бумаги и шелка особой породы пауковъ (Гарнье), водящагося на югѣ провинціи, отличается особой прочностью. Въ окрестностяхъ, кромѣ злаковъ, культивируются лёнъ и табакъ. Вслѣдствіе значительной абсолютной высоты мѣста, зимы здѣсь довольно суровыя, снѣжныя. *Г. Е. Грумъ-Гржимайло.*

Юоіэрви (Juojärvi) — довольно значительное оз. (поверхность 257 кв. км.), относящееся къ системѣ оз. Саймы (а именно къ системѣ Хаукивеси) въ Финляндіи; очень богато желѣзной рудою.

Юпитеръ — планета, видимая невооруженнымъ глазомъ, какъ звѣзда ярче первой величины и извѣстная въ глубочайшей древности; наибольшая по величинѣ во всей солнечной системѣ. Среднее разстояніе Ю. до солнца (большая полуось эллипса его орбиты) въ 5,20 разъ больше разстоянія земли до солнца (775 милл. км.). Эксцентриситетъ орбиты Ю. равенъ 0,048. Наиболѣе выгодныя для наблюденій Ю. оппозиціи его наступаютъ въ октябрѣ, когда Ю. приходитъ къ перигелію. Наклонность орбиты къ эклиптикѣ 1°19′. Сидерическій оборотъ Ю. вокругъ солнца — 11 лѣтъ 315 дней; синодическій относительно земли—399 дней. Діаметръ Ю. въ 11,1 раза болѣе діаметра земли, объемъ въ 1279,4 раза болѣе. Плотность Ю. весьма значительно возрастаетъ отъ внѣшнихъ слоевъ къ центру. Средняя плотность равна 1,33 плотности воды. Масса Ю.— $\frac{1}{1047}$ массы солнца. Сила тяжести на его поверхности въ 2,3 раза больше чѣмъ на землѣ. Сжатіе планеты — $\frac{1}{15}$. Вслѣдствіе значительной массы Ю. онъ оказываетъ большія возмущенія на остальныя планеты; особенно важно опредѣленіе его вліянія въ теоріи малыхъ планетъ (см. Астероиды). Въ теоріи движенія самого Ю. знаменито «великое» неравенство Ю. и Сатурна, объясненное впервые Лапласомъ, какъ слѣдствіе близкой соизмѣримости среднихъ движеній этихъ двухъ планетъ; именно, два оборота Сатурна почти равны по длительности пяти оборотамъ Ю. По своему видимому нами блеску Ю. превосходитъ всѣ звѣзды, почти равняется Марсу при наиболѣе выгодныхъ положеніяхъ послѣдняго и уступаетъ лишь Венерѣ. Яркость Ю. въ фотометрической шкалѣ звѣздныхъ величинъ можетъ быть обозначена отрицательной величиной: — 2.5 (см. Астрофизика и Фотометрія неба). Діаметръ видимаго диска Ю. колеблется отъ 50″ до 32″ въ зависимости отъ положенія его и земли на ихъ орбитахъ. Фаза Ю. въ квадратурахъ достигаетъ 12°. Громадное albedo Ю. (0.68 примѣнительно къ закону Ламберта, по опредѣленію же albedo согласно закону Ломмель-Зеелигера оно достигаетъ даже 0.82; см. Астрофизика) дало поводъ думать, что кромѣ отраженнаго свѣта солнца Ю. посылаетъ еще свой собственный. По строенію своему Ю. совершенно не похожъ на Марса или Землю, скорѣе его нужно сравнивать съ солнцемъ. Мы видимъ лишь мощно развитую атмосферу планеты и наблюдаемъ громадные перевороты, непрестанно совершающіеся въ ней. Поверхности ядра планеты мы не видимъ и вѣроятнѣе всего, что на Ю. нѣтъ никакой «поверхности» планеты въ смыслѣ, аналогичномъ Землѣ или Марсу. Законъ вращенія Ю. вокругъ оси напоминаетъ законъ вращенія солнца. Экваторіальная полоса шириной въ 15° заканчиваетъ оборотъ въ $9^h\ 50^m$, а остальная часть поверхности только въ $9^h\ 55^m$, т. е. экваторіальная область перегоняетъ остальныя. Впрочемъ время оборота получается для различныхъ пятенъ на дискѣ различное въ предѣлахъ нѣсколькихъ десятковъ секундъ. Видимый дискъ планеты несетъ нѣсколько темныхъ полосъ параллельныхъ экватору. Свѣтлыя же полосы между ними обыкновенно дробятся на ряды отдѣльныхъ комковъ (рисунокъ Ю. см. ст. Планеты). Эти отдѣльные свѣтлые конгломераты матеріи «стекаютъ» въ темныя полосы. Спектральныя изслѣдованія указываютъ, что темныя полосы ниже средняго наблюдаемаго нами уровня атмосферныхъ образованій Ю., а свѣтлыя массы выше его. Кромѣ того, появляются часто отдѣльныя темныя или весьма блестящія пятна круглой, иногда вытянутой по направленію

вращенія, формы. Наиболѣе знаменито и весьма постоянно по фигурѣ и положенію — «большое красное» пятно въ южномъ полушаріи. Оно въ первый разъ замѣчено было въ 1878 году Нистеномъ и Притчетомъ. Съ тѣхъ поръ оно по временамъ становилось почти невидимымъ, теряло свой цвѣтъ (оставался лишь палевый «остовъ»), но несомнѣнно оно не переставало все время существовать, такъ какъ характерный выгибъ темной полосы (или впадина для краснаго пятна), слѣдующій какъ разъ за пятномъ, наблюдался все время. Дѣйствительная длина краснаго пятна около 45000 км., ширина около 10000 км., оно вытянуто по параллели. Различныя пятна мѣняютъ въ небольшихъ предѣлахъ свое мѣсто по широтѣ; вѣроятно, въ зависимости отъ этого измѣняется и скорость ихъ вращенія. Однако, даже пятна, образовавшіяся въ различное время подъ одной и той же широтой, имѣютъ часто нѣсколько отличающіяся между собой скорости, поэтому еще ничего нельзя сказать точнаго про вращеніе всей поверхности Ю. и необходимо ограничиться выше приведенными средними данными для экваторіальной полосы и для остальныхъ частей диска. Спектръ Ю. былъ изслѣдованъ Секки, Хёггинсомъ и особенно подробно Фогелемъ. Кромѣ довольно ясно выраженныхъ Фраунгоферовыхъ линій, принадлежащихъ отраженному свѣту солнца, въ спектрѣ Ю. замѣтны характерныя линіи поглощенія; изъ нихъ наиболѣе темна и широка полоса около лучей съ длиной волны 618 $\mu\mu$. Слѣды яркихъ линій, полученные Дрэперомъ на его спектрограммѣ (что вполнѣ доказывало бы излученіе Ю. собственнаго свѣта), не подтверждены вновь. Однако, самый размѣръ переворотовъ, совершающихся непрерывно на Ю., заставляетъ остановиться на гипотезѣ внутренняго жара, такъ какъ воздѣйствіе солнца на такомъ громадномъ разстояніи едва-ли достаточно.—Древнѣйшія наблюденія положенія Ю. относятся къ 240 г. до Р. Хр., когда отмѣчено его приближеніе къ звѣздѣ δ Cancri. Халдеи называли Ю. Te-ut или Dapinou (посвященъ былъ Мардуку). Ему соотвѣтствовалъ ярко красный цвѣтъ. Сохранились наблюденія оппозицій и гелическихъ восходовъ Ю., произведенныя въ Вавилонѣ. Греки называли Ю. Φαέθων, затѣмъ Ζεῦς. Въ астрологіи Ю. считался имѣющимъ наиболѣе благопріятное и счастливое вліяніе среди всѣхъ планетъ. Въ алхиміи Ю. соотвѣтствовалъ олову и янтарю. Планета обозначается знакомъ ♃, въ которомъ видятъ испорченную греческую букву Z.— У Ю. пять спутниковъ. Четыре открыты Галилеемъ въ январѣ 1610 года (почти одновременно открылъ ихъ Симонъ Маріусъ). Разстоянія ихъ отъ Ю. (въ радіусахъ планеты) равны: 5,9; 9,4; 15,1; 26,5. Время обращеній: $1^d18^h.5$; $3^d13^h.2$; $7^d3^h.7$; $16^d16^h.5$. Яркость ихъ (по опредѣленію Пикеринга) 5,9; 6.0; 5,5; 6,7 (въ звѣздныхъ величинахъ). Эти спутники названы Кеплеромъ «съ разрѣшенія богослововъ»: Jo, Europa, Ganymedes и Callisto. Спутники движутся почти въ плоскости экватора планеты; орбиты ихъ едва отличаются отъ круговъ. Теорія движенія четвертаго, самаго внѣшняго, во многомъ аналогична теоріи движенія нашей луны. Три внутреннихъ составляютъ отдѣльную систему. Изслѣдованія ихъ движенія представляютъ весьма интересный вопросъ Небесной Механики. По размѣрамъ всѣ четыре спутника почти одинаковы; видимый діаметръ ихъ—отъ 0″.6 до 0″.9. Яркость ихъ подвержена колебаніямъ; впрочемъ, закономѣрность удалось установить лишь для четвертаго спутника, яркость котораго измѣняется повидимому въ зависимости отъ положенія его на орбитѣ. Это указываетъ, что поверхность спутника имѣетъ темныя и свѣтлыя мѣста, а вращеніе его на оси происходитъ въ одно время съ обращеніемъ вокругъ планеты. Попадая въ конусъ тѣни, отбрасываемой Ю., спутники затмеваются. Наблюденія этихъ затменій прежде служили для опредѣленія долготы. Изъ сравненія моментовъ затменій при различныхъ положеніяхъ Ю. и земли Рёмеръ опредѣлилъ впервые (1672) скорость распространенія свѣта (см.). Интересъ представляютъ еще прохожденія спутниковъ передъ дискомъ Ю., а также прохожденія пятнышка тѣни спутника по диску планеты. Пятый спутникъ, наиболѣе близкій къ Юпитеру и гораздо меньшій по размѣрамъ, открытъ Барнардомъ 9 сентября 1892 года. По блеску онъ равенъ звѣздѣ 13-ой величины и доступенъ для наблюденій лишь въ нѣсколько самыхъ большихъ телескоповъ. Періодъ его оборота 11^h57^m. Разстояніе до Ю. 2,55 радіусовъ планеты. *В. С.*

Юпитеръ (Juppiter, Jupiter)—древне-италійскій богъ небеснаго свѣта или свѣтлаго неба, съ его атмосферными явленіями—дождемъ и грозою, податель плодородія, изобилія, побѣды, помощи, исцѣленія, высшій источникъ и охранитель правопорядка, вѣрности, чистоты и наконецъ верховный, *«всеблагой и всесильный»* царь боговъ и людей. Въ древнѣйшихъ ритуальныхъ формулахъ онъ призывался, подобно Марсу (Marspiter), какъ *отецъ*, — названіе, которое вошло, второю составною частью (—piter), въ слово Ю. Что касается первой части слова, то она раскрываетъ внутреннее содержаніе понятія божества: корень *iov* или *diov*, повторяющійся въ лат. словахъ divus, dius, deus, dies, interdiu, въ греч. Ζεύς (изъ Δγεύς), означаетъ *свѣтить, сіять*, при чемъ обѣ разновидности корня, iov и diov, встрѣчаются въ италійскихъ діалектахъ — древнелатинскомъ и оскскомъ. Кромѣ поздняго и обычнаго названія бога—Juppiter—встрѣчаются болѣе древнія и областныя, Diovis, Jovis, Diovispater, Juvepater, Jupater и сохранившееся въ культѣ феціаловъ Diespiter. Первоначальное значеніе слова Ю., какъ божества небеснаго свѣта и неба, подтверждается выраженіемъ sub Jove (= sub divo—подъ открытымъ небомъ). Какъ богъ свѣта (J. Lucetius), Ю. почитался на возвышенностяхъ и символизировалъ собою свѣтъ не только дневной, но и ночной: оттого ему были посвящены дни полнолунія (иды), когда небесный свѣтъ господствуетъ цѣлые сутки; къ этимъ же днямъ пріурочивались праздники освященія большинства

его храмовъ (13-го сент.—храма Всеблагого Всесильнаго Ю., 13-го апр.—храма Ю. Побѣдителя, 13-го іюня—храма Непобѣдимаго Ю.) и два *пиршества* (epula), устраивавшихся 13 сент. и 13 ноября. Въ каждыя иды, которыя назывались Jovis fiducia (*залогъ* небеснаго присутствія Ю.) и feriae Jovis (праздникъ Ю.) въ торжественной процессіи вели по священной улицѣ на Капитолій бѣлую овцу (ovis Idulis), которую фламинъ закалывалъ въ честь бога на сѣверной вершинѣ холма. Олицетворяя свѣтлое небо (J. Serenus), Ю. управлялъ и небесными явленіями — дождевыми и грозовыми тучами, при чемъ италійцы, создавъ такое представленіе, выразили его не въ живыхъ образахъ и миѳахъ, а лишь въ обрядахъ и связанныхъ съ ними молитвословіяхъ. Во время жары у Ю. выпрашивали дождь и призывали его какъ J. Elicius, или Imbricitor, или Pluvius, или Pluvialis, какъ щедраго бога (Almus, Frugifer), питающаго живительною влагою луга, нивы и виноградники. Во время засухи совершался обрядъ aquaelicium (собств. *выманиваніе* воды) при участіи lapis manalis (дождевой камень), который лежалъ передъ Капенскими воротами близъ авентинскаго алтаря Ю. Элиція. Этотъ камень, имѣвшій форму кружки, изъ которой по каплямъ выпускали воду, понтифики тащили въ процессіи по всему городу, при чемъ въ обрядѣ участвовали магистраты (безъ знаковъ ихъ служебнаго достоинства) и матроны съ распущенными волосами и босыми ногами. Просительная процессія оканчивалась на Капитоліи обычными жертвоприношеніями. Уповая на милость плодоносящаго бога, поселяне передъ посѣвомъ осенью и весною предлагали Ю. угощеніе (daps), призывая его какъ Juppiter Dapalis. Какъ Ruminus (кормящій грудью), Pecunia (покровитель скота), Liber или Libertas (ниспосылающій обиліе; храмъ J. Libertas находился на Авентинѣ), онъ посылалъ людямъ обиліе и плодородіе. Особымъ покровительствомъ его пользовались виноградари: такъ 19 августа происходило празднество Vinalia rustica, освящавшее начало сбора винограда, при чемъ самое открытіе винограднаго сезона происходило при участіи Юпитерова жреца (Flamen Dialis; *flamen* отъ flag-men=сожигатель, ср. рус. *жрецъ* жер-тва, отъ гор-ѣть, жар-ъ), который срѣзывалъ первую гроздь и закалывалъ въ честь бога теленка. На 11-е октября приходился праздникъ Meditrinalia, когда по окончаніи сбора винограда пробовали свѣжій сокъ вмѣстѣ со старымъ виномъ, произнося слова novum vetus vinum bibo, novo veteri vino morbo medeor (пью новое, пью старое вино, изгоняю болѣзнь новымъ, изгоняю старымъ виномъ). Наконецъ, 23-го апрѣля, въ праздникъ первыхъ Виналій (Vinalia priora), вскрывали вино послѣдняго сбора, совершая въ честь Ю. возліяніе (calpar).—Но плодоносное облако сгущается въ грозовую тучу—и Ю. предстаетъ передъ нами въ образѣ грознаго бога и молніи: какъ J. Fulgur или Fulgurator (богъ *яркой* молніи), J. Fulmen или Fulminator (богъ молніеносной *стрѣлы*), J. Tonans или Tonitrualis (богъ грома—со времени имп. Августа, который по случаю чудеснаго спасенія своего отъ грозы построилъ въ честь Ю. храмъ на Капитоліи, освященный въ 22 г. до Р. Хр.), J. Summanus (богъ ночной грозы) и Veiovis (богъ вредоносной грозы). Признавая грозу проявленіемъ божественной воли, римляне старались направить эту волю, въ свою пользу и, наученные этрусками, отвращали грозовыя явленія посредствомъ обрядовъ, которые были изложены въ особыхъ *грозовыхъ* книгахъ (libri fulgurales, l. tonitruales). Тѣ же книги давали указанія, какъ поступать съ предметами и мѣстами, пораженными молніею. Такъ, если молнія ударяла въ землю, то концы послѣдней тщательно собирались и зарывались (fulgur condere), самое же мѣсто закрывалось въ формѣ четырехугольнаго открытаго саркофага, имѣвшаго видъ колодца (puteal). Деревья, разбитыя молніею, убирались, и на мѣстѣ ихъ разводились новыя; человѣкъ, пораженный молніею, погребался на томъ же мѣстѣ, а оставшійся въ живыхъ пріобрѣталъ славу избраннаго любимца Ю., переходившую въ потомство. Символомъ Ю., какъ грозового божества, былъ кремень (silex), хранившійся въ древнѣйшемъ святилищѣ (на южной вершинѣ Капитолійскаго холма); этотъ кремень имѣлъ ближайшее отношеніе къ религіозно-правовой практикѣ коллегіи жрецовъ-феціаловъ (см.), при чемъ Ю., призывавшійся подъ видомъ этого кремня (Lapis), назывался J. Feretrius (Ю. *разитель*, отъ ferire=бить, разить). Въ связи съ культомъ Ю. Феретрія стоитъ представленіе объ этомъ богѣ, какъ источникѣ и блюстителѣ правового порядка, истины, вѣрности; самъ богъ (= камень), закалывая жертвенное животное (свинью), скрѣпляетъ договоръ и налагаетъ обязанность соблюденія его на договаривающіяся стороны. Въ частной жизни, равно какъ и въ общественной, клятва именемъ Ю. камня считалась самою священною. Въ близкомъ отношеніи къ Ю. Феретрію стоятъ Dius Fidius (Богъ вѣрности) и Fides (Вѣрность); кромѣ того та же идея святости правового начала и собственности заключается въ образѣ Ю. *Термина*, охранителя границъ. Такъ какъ Ю. Феретрій скрѣплялъ договоры, то онъ вмѣстѣ съ тѣмъ наказывалъ ихъ нарушителей; поэтому его призывали граждане, воевавшіе съ непріятелемъ, нарушителемъ договора. Если римскому полководцу удавалось убить въ единоборствѣ предводителя враговъ, онъ посвящалъ снятые съ него доспѣхи — *богатую добычу* (spolia opima) — въ храмъ Ю. Феретрія. Вообще Ю., подобно Марсу и Квирину, во время войны былъ покровителемъ правовѣрной стороны: онъ подавалъ побѣду (Victor, Invictus), помощь (Opitulus), повергалъ врага на спину (Supinalis), внушалъ воинственный пылъ (Impulsor), придавалъ устойчивость войску (Centumpeda, Stator), обращалъ враговъ въ бѣгство (Versor), посылалъ богатую добычу (Praedator). Особо выдающимися были культы Ю. Статора и Виктора. Ю. Статоръ имѣлъ въ Римѣ два храма, изъ которыхъ одинъ, находившійся на

въ 1409 г. войско, которое потерпѣло пораженіе на р. Кэрулэнѣ. Тогда самъ Ю. съ полумилліоннымъ, будто-бы, войскомъ, выступилъ противъ монголовъ и нанесъ имъ два пораженія. Удачны были его военныя дѣйствія и въ другихъ мѣстахъ. Онъ сдѣлалъ своею столицею Пекинъ, вмѣсто Нанкина, и выстроилъ тамъ новый дворецъ. *Н. В.*

Юнъ-чженъ (1722—36)—3-й имп. нынѣ царствующей въ Китаѣ Дайцинской династіи. По вступленіи на престолъ онъ началъ преслѣдовать европейскихъ миссіонеровъ за то, что они интриговали противъ него, когда онъ былъ наслѣдникомъ; ихъ поселили въ Кантонѣ, а потомъ перевели въ Макао. При немъ гр. С. В. Рагузинскій заключилъ Буринскій трактатъ 20 авг. 1727 г. касательно разграниченія съ Китаемъ; этотъ договоръ получилъ дальнѣйшее развитіе въ Кяхтинскомъ договорѣ 21 окт. 1727 г., въ которомъ были установлены взаимныя отношенія между Россіей и Китаемъ, существовавшія до 1851 г. Юнъ-чженъ издалъ со своими объясненіями поученія своего отца Канси, въ видѣ постановленій, въ которыхъ излагались главнѣйшія обязанности человѣка. Въ русскомъ переводѣ они напечатаны Леонтьевымъ въ СПб. въ 1778 г. *Н. В.*

Юный Читатель—иллюстрированный и научно-популярный журналъ для семьи и школы. Издается съ 1899 г., въ СПб. Редакторъ женщ.-врачъ А. Я. Острогорская-Малкина. Издательница женщ.-врачъ Е. П. Казакевичъ-Стефановская.

Юнь-нань—провинція Китая, граничащая на западѣ и югѣ съ Тибетомъ, Бирмой и Тонкиномъ. Площадь ея—6900 кв. географич. миль; общая численность населенія, состоящаго наполовину изъ инородцевъ (мяо-цзы, ло-ло, шанскихъ племенъ), не превосходитъ 10 милл. Значительное удаленіе отъ столицы и разноплеменный составъ населенія, часть коего и понынѣ сохранила независимость, являются причинами слабой политической связи провинціи съ остальнымъ Китаемъ. До нѣкоторой степени это объясняется также и тѣмъ, что Ю. позднѣе другихъ частей имперіи, лишь въ 1254 году, при императорѣ Хубилаѣ, вошла въ составъ Срединнаго государства; до тѣхъ поръ она составляла сѣв. часть государства Нань-чжао или Да-ли, вассальныя отношенія коего къ Китаю имѣли лишь формальный характеръ. Центральн. часть провинціи представляетъ обширное нагорье, изрѣзанное глубокими долинами, абсолютная высота коихъ превосходитъ 6000 фт. Проходящіе по этому нагорью кряжи горъ относительно не особенно высоки; къ периферіи провинціи эта высота, однако, быстро увеличивается, и страна, въ особенности на западѣ, пріобрѣтаетъ дикій альпійскій характеръ. Контрасты между тропической растительностью и вѣчнымъ снѣгомъ здѣсь часты и нерѣдко находятся въ горизонтѣ наблюдателя. Въ общемъ климатъ Ю.-нани суровѣе, чѣмъ можно было бы ожидать въ виду широты мѣста (27°—22,5° сѣв. шир.), особенно на плоскогоріи, гдѣ онъ считается къ тому же весьма нездоровымъ, можетъ быть вслѣдствіе обилія озеръ, встрѣчаемыхъ въ этой части Ю.-нани. Наиболѣе значительныя рѣки, орошающія провинцію, слѣдующія: Янъ-цзы-цзянъ, протекающій на С подъ названіемъ Цзинь-ша-цзянъ, т. е. «Золотоносной рѣки», затѣмъ Лань-цанъ-цзянъ и Лу-цзянъ, берущія начало въ горахъ Тибета и пересѣкающія Ю.-нань на западѣ. Кромѣ того въ средней части нагорья берутъ начало двѣ большія рѣки, изъ которыхъ одна, извѣстная болѣе подъ названіемъ Сонъ-кой, или Красной рѣки, течетъ на ЮВ въ Тонкинскій заливъ, а другая, Си-цзянъ, направляется черезъ провинцію Гуанъ-си на В и изливается въ Южное Китайское море. Всѣ эти рѣки, протекая большею частью въ глубокихъ и скалистыхъ ущельяхъ, представляютъ во многихъ мѣстахъ значительныя трудности для судоходства. Сухопутныя дороги, вслѣдствіе гористаго характера страны, доступны только для верхового и вьючнаго движенія; товары нерѣдко переносятся на большія разстоянія людьми на плечахъ. Наиболѣе важные торговые пути ведутъ изъ главнаго административнаго центра провинціи, Юнь-нань-фу, на З въ г. Бамо, на С въ г. Сюй-чжоу-фу, на Янъ-цзы-цзянѣ, на СВ въ провинцію Ху-нань и на В черезъ провинцію Гуанъ-си въ Кантонъ. По земледѣльческой производительности Ю.-нань стоитъ ниже восточной Сы-чуани, хотя долины достаточно плодородны, и провинція вообще довольствуется собственными земледѣльческими продуктами. Главное богатство Ю.-нани заключается въ полезныхъ ископаемыхъ, по разнообразію и обилію коихъ Ю.-нань занимаетъ первое мѣсто среди другихъ провинцій Китая. Желѣзо, каменный уголь и мѣдь встрѣчаются повсемѣстно, особенно мѣдь, которой вывозится изъ провинціи до 500 тыс. пд. ежегодно. Во многихъ пунктахъ разрабатываются мѣсторожденія соли, цинка, олова, свинца, ртути, серебра и золота. Извѣстны также мѣсторожденія драгоцѣнныхъ камней, но въ этомъ отношеніи она значительно бѣднѣе сосѣдней Бирмы. Главнѣйшія статьи ввоза въ Ю.-нань: хлопокъ (изъ Тонкина и провинціи Ху-бэй), хлопчатобумажная и шелковая (изъ пров. Сы-чуань) мануфактура, европейскіе товары, растительный воскъ, соль и сушеная рыба (Тонкинъ), слоновая кость, драгоцѣнные камни (послѣдніе два сорта товаровъ направляются изъ Бирмы въ Китай лишь транзитомъ черезъ Ю.-нань). Вывозъ: мѣдь, ртуть, киноварь, чай «пу-эрръ», различныя лѣкарственныя вещества (главнымъ образомъ желтый мышьякъ), москательный товаръ, фрукты, шелкъ-сырецъ, нѣкоторые сорта туземныхъ шелковыхъ тканей, цымовки и пр. Цѣнность торговаго оборота Ю.-нани съ Тонкиномъ—5 милл. франк.; цифръ, опредѣляющихъ торговые обороты съ Бирмой, Тибетомъ и внутренними частями имперіи не имѣется. Провинція дѣлится на 14 областей (фу), 3 округа (чжоу) и 4 приставства (тинъ). Административнымъ центромъ провинціи служитъ г. Ю.-нань-фу (см.); изъ другихъ городовъ замѣчательны: *Да-ли-фу*—древняя столица государства Нань-чжао; во времена Марко-Поло городъ этотъ, подъ названіемъ Караяна, былъ столицей федераціи

ратъ, обслуживавшій процессіи); Curia Calabra, передъ которою младшій понтифексъ объявлялъ о наступленіи нонъ; Casa Romuli; построенныя Домиціаномъ святилища Ю. Спасителя (Conservator) и Хранителя (Custos). Подъ площадью помѣщались подземныя камеры (favisae), въ которыхъ хранилась храмовая утварь. Изъ скульптуръ, украшавшихъ въ громадномъ количествѣ храмъ и площадь передъ нимъ, упоминаются статуи Ю., Геракла, Либера, Немезиды, Благого исхода, Благой Фортуны, статуи знаменитыхъ римлянъ, римскихъ царей (Брута, Квинта Марція Рекса, Квинта Фабія Максима, Люція Сципіона, Люція Цецилія Метелла, Цезаря, Августа и многихъ императоровъ). Въ императорскую эпоху политическое значеніе капитолійскаго культа сохранялось во всей силѣ и капитолійская тріада занимала въ ряду римскихъ божествъ первое мѣсто, имя Капитолія сдѣлалось символомъ римской государственной религіи и культъ капитолійской тріады сталъ распространяться въ провинціяхъ. Внѣ Рима существовали независимые культы Ю.: въ Пренесте почитался J. Arcanus, въ Тибурѣ J. Praestes, въ Тускулѣ J. Maius, въ Лавиніи J. Indiges (отожествленный съ Энеемъ), у вольсковъ J. Anxur (Anxurus). Наиболѣе виднымъ изъ италійскихъ культовъ былъ культъ J. Latiaris, котораго признавалъ и Римъ, какъ бывшій глава и членъ древняго латинскаго союза. Храмъ Ю. Лацiйскаго возвышался на Альбанской горѣ, гдѣ ежегодно происходилъ союзный праздникъ Latiar, устраивавшійся римскими консулами или замѣнявшимъ ихъ диктаторомъ (dictator feriarum Latinarum), при участіи представителей отъ союзныхъ городовъ (число ихъ при Тарквиніи Гордомъ, по преданію, было 47). Во время латинскаго праздника въ Лаціи устанавливался Божій міръ и возобновлялись договоры между отдѣльными государствами. Праздникъ былъ переносный (feriae conceptivae) и продолжался четыре дня; при этомъ нерѣдко, вслѣдствіе допущенной въ чинѣ отправленія праздника ошибки, празднество возобновлялось сначала (instauratio). Обыкновенно feriae Latinae назначались вскорѣ по вступленіи консуловъ въ должность. При Августѣ, на основаніи старыхъ записей, была составлена погодная таблица Feriae Latinae, начиная съ эпохи децемвировъ; она была вырѣзана на камнѣ и впослѣдствіи ежегодно пополнялась при императорахъ. Одновременно съ отправленіемъ Latiar'а на Альбанской горѣ совершалось жертвоприношеніе и устраивалось конное состязаніе на Капитоліи, при чемъ побѣдитель получалъ дозу абсинтія (горькаго напитка)—символъ здоровья и тѣлесной крѣпости. На Альбанской горѣ праздновался также тріумфъ побѣдителей, которые по какимъ-либо причинамъ не получали разрѣшеніе отпраздновать полный тріумфъ въ Римѣ: оппозиціонный тріумфъ на Альбанской горѣ устраивался на счетъ тріумфатора, при чемъ послѣдній, какъ при *оваціи*, былъ украшенъ не лавровымъ, а миртовымъ вѣнкомъ. Культъ Ю. въ Римѣ состоялъ въ вѣдѣніи особаго жреца — фламина (Flamen Dialis), жившаго у подошвы Палатина; кромѣ того истолкователями воли Ю. по небеснымъ знаменіямъ (interpres Jovis), были авгуры, имѣвшіе на сѣверной вершинѣ Капитолія наблюдательный шатеръ (auguraculum). Ю. скрѣплялъ бракъ, заключавшійся per confarreationem (J. Farreus), былъ покровителемъ подрастающаго юношества (J. Juventus, Adultus), которое состояло подъ охраною богини Ювенты (см.), имѣвшей свое святилище въ храмѣ Капитолійскаго Ю. Въ частной жизни Ю. почитался еще какъ deus penetralis (податель домашняго благополучія) и hospitalis (покровитель гостепріимства). Ср. Preller, «Römische Mythologie» (Б., 1881, ч. I, стр. 184 и слѣд.); Aust, «Religion der Römer» (Мюнстеръ, 1899); его же статья «Juppiter», у Roscher'а, въ «Ausführliches Lexicon der Griechischen und Römischen Mythologie» (II, стр. 619—762); Wissowa, «Religion und Kultus der Römer» (Мюнхенъ, 1902, стр. 100 и слѣд.=Iw. Müller, «Handbuch der klassischen Altertumswissenschaft», V т., IV отд.). *Н. О.*

Юра (Jura): 1) *Швейцарская Ю.*—складчатый горный кряжъ приблизительно въ 400 км. длиною и 30—50 км. шириною, преимущественно изъ мѣла и известняковъ юрской системы, облегающій швейцарское плато. Первыя линіи складокъ начинаются въ углу между Изерой и Роной и отъ Альпъ отдѣляются Изерой начиная съ С.-Назера до Форепнъ и далѣе болѣе глубокой полосой, по которой тянется дорога черезъ С.-Лоранъ дю Понъ и Лезъ-Эшель въ Шамбери и далѣе черезъ Э-ле-Бенъ, Альбанъ и Альви въ Аннеси. Ю. состоитъ изъ простирающихся, къ СВ постепенно понижающихся и дѣлающихся болѣе широкими параллельныхъ цѣпей, которыя почти точно соотвѣтствуютъ сводамъ складчатаго происхожденія и которыя на З и С прилегаютъ къ широкимъ плоскогоріямъ, расчлененнымъ глубоко врѣзавшимися рѣчными долинами. Самый высокій хребетъ—юго-восточный, который своими крутыми скалистыми сторонами поднимается изъ холмистой швейцарской страны; горный кряжъ постепенно понижается по направленію къ долинамъ Савоны, Ду (Doubs) и Рейна. Въ верхнихъ частяхъ пласты расположены горизонтально; въ цѣпной Ю. они образуютъ складки то замкнутыя, то открытыя, или разорванныя, между боками которыхъ по длинѣ тянутся долины разрыва. Между главными цѣпями тянутся продольныя долины, мульды, образованныя синклинальными слоями; болѣе рѣдки поперечныя долины или клюзы (Klusen), которыя образуютъ наиболѣе живописные участки и въ видѣ ущелій прорѣзаютъ цѣпи; если эти долины пересѣкаютъ цѣпь не по всей ширинѣ, то онѣ носятъ названіе полуклюзъ (по-французски ruz). Видъ горъ однообразенъ; цѣпи представляютъ длинные хребты съ едва поднимающимися надъ линіей послѣднихъ вершинами; рѣзко выраженныя отдѣльныя вершины очень рѣдки. Внутри горный кряжъ образуетъ пропасти, пустоты и воронкообразныя дыры, въ которыхъ то тамъ, то здѣсь исчезаетъ рѣка, чтобы послѣ подземнаго

прохожденія снова выступить наружу (напр. Орба). Почти со всѣхъ вершинъ открываются живописные виды на озера, швейцарскую холмистую страну и Альпы; съ сѣверныхъ вершинъ простымъ глазомъ видны Шварцвальдъ и Вогезы. Къ важнѣйшимъ точкамъ принадлежатъ: Гранъ Коломбье, 1534 м., около Кюло, Монъ-Кредо, 1624 м., около Фортъ де Леклюзъ, Монъ Рекуле, 1720 м., Кре де ля Нейжъ, 1723 м. и Монъ Коломби де Же, 1691 м. —это самыя высокія вершины Ю.; всѣ онѣ находятся на З отъ Женевы въ цѣпи между Вальзериной и Швейцарской горной возвышенностью; Доль, 1678 м.—самая западная швейцарская гора; Монъ Тандръ и Данъ де Буйонъ, 1488 м., между Орбой и плоскогоріемъ, Монъ Суше, 1595 м., Шассеронъ, 1611 м. и Крё дю Ванъ, 1465 м., съ огромнымъ амфитеатромъ скалъ около р. Ду, Арёзы, Невшательскаго озера и Орбы, Шомонъ, 1175 м. выше Невшателя, Шассераль или Гестлеръ, 1609 м., между С.-Иммерталемъ и Бильскимъ озеромъ, Газенматъ, 1447 м. съ Вейсенштейномъ у Золотурна. Расположенныя на З и С цѣпи—ниже, однако же, достигаютъ 1400 м. и болѣе. Самыя значительныя здѣсь вершины—Монъ Ризу, 1423 м., на В отъ Юхсталя, знаменитый своими сырами Монъ д'Оръ, 1463 м. около Жунь, Тетъ де Ранъ, 1423 м., между Шо де Фонъ и Валь де Рю; и въ Бернской Ю. Моронь, 1340 м. влѣво, Монъ Гретри, 1272 м. и Рёме, 1305 м., вправо отъ р. Биръ, Монъ Террибль, 1000 м., между Прунтрю и Дельсбергомъ, Блауенбергъ (878 м.) около Базеля. Крутой юговосточный уклонъ кряжа, параллелизмъ и равномѣрная высота его цѣпей, недостатокъ большихъ поперечныхъ долинъ дѣлаютъ Ю. довольно малодоступной; тѣмъ не менѣе она покрыта очень пространной сѣтью шоссейныхъ и желѣзныхъ дорогъ, которыя по большей части слѣдуютъ по продольнымъ долинамъ, пока не встрѣтится клюзъ или невысокій водораздѣлъ, дающіе выходъ. Къ наиболѣе важнымъ проходамъ принадлежатъ: Коль де ля Фосиль, 1323 м., между Же и долиной Вальзерины, проходъ отъ С.-Сергъ, 1263 м. у подошвы горы Доль, Коль де Маршерю, 1450 м., который ведетъ черезъ цѣпь Монтандръ, проходъ отъ Жунь между Орбой и Понтарлье, проходъ отъ Верьеръ (Валь Траверъ), проходъ отъ С.-Круа между Невшательскимъ озеромъ и Валь Траверъ, дорога черезъ Тетъ де Рангъ отъ Невшателя въ Шо де Фонъ, проходъ Пьеръ Пертюи между С.-Иммерталемъ и Бирсталемъ, дорога черезъ Монъ-Террибль, Пассвангъ верхній и нижній, Гауенштейнъ въ Золотурнской Юрѣ, Стаффелегъ и Бёцбергъ въ Ааргауской Юрѣ, Коль де Жунь, Монсанъ между Шо де Фонъ и С.-Иммерталемъ, нижній Гауенштейнъ и Бёцбергъ—черезъ всѣ эти проходы въ настоящее время проложены рельсы. Недоступность мѣстности вызываетъ необходимость въ частыхъ туннеляхъ: самыя длинныя изъ нихъ: туннель отъ Ле Ложъ по линіи Невшатель-Шо де Фонъ, 3263 м. длины, туннель де ла Круа, 2919 м. на линіи Дельсбергъ-Прунтрю, Бёцбергскій туннель на линіи Базель-Бруггъ (2517 м.) и Гауенштейнскій туннель на линіи Базель-Ольтенъ. *Воды.* Ю. принадлежитъ въ своей сѣверной части къ главному европейскому водораздѣлу и отдѣляетъ здѣсь воды бассейновъ Роны и Рейна; далѣе на ЮЗ имѣется лишь мѣстный водораздѣлъ, такъ какъ Ю. въ районѣ Женевы сама пересѣкается Роной. Къ бассейну Роны принадлежатъ Веножъ, Вальзерина, Энъ и Ду; къ бассейна Сѣвернаго Нѣм. моря относятся: Биръ, далѣе Циль и др., впадающія въ Аару. За исключеніемъ Невшательскаго и Бильскаго, озера на юго-восточной границѣ малы; по большей части это озера-мульды съ однообразными берегами, какъ напр., озеро St.-Point въ бассейнѣ Ду и оз. Жу въ бассейнѣ Орбы; напротивъ, живописное озеро, которое образуетъ Ду при Ле-Бренэ, озеро-клюзъ. Климатъ сравнительно суровѣе, нежели въ Альпахъ; зимы продолжительны и суровы, обильны снѣгомъ, но почти совсѣмъ безъ тумановъ. Флора примыкаетъ къ Западнымъ Альпамъ. На крутыхъ южныхъ сторонахъ известковыхъ массивовъ встрѣчаются высоко вверху растенія теплыхъ нижнихъ долинъ, а въ оголенныхъ ущельяхъ и на высокихъ (1400—1500 м.) круглыхъ, покрытыхъ травою вершинахъ растутъ въ обиліи альпійскіе цвѣты. Земледѣліе ограничено преимущественно долинами горныхъ подошвъ и предгорьями, на которыхъ даже зрѣютъ виноградъ и орѣхъ—напр. въ Невшательской, Золотурнской, Базельской и Ааргауской Ю. Горный кряжъ даетъ превосходный строительный камень (Золотурнскій мраморъ), литографскій сланецъ, гипсъ, каменную соль, асфальтъ (въ Валь Траверѣ), бурый желѣзнякъ, мергель и глину. Населеніе въ общемъ рѣдкое и болѣе густо населены лишь промышленныя возвышенности Ваадта, Невшателя и Берна и плодородныя плоскогорія на востокъ отъ Берна. Кромѣ земледѣлія, скотоводства и горнаго дѣла, главными источниками дохода являются производство желѣзныхъ и стальныхъ товаровъ въ французскомъ департаментѣ Ю. и Ду, также въ Ваадтскомъ районѣ и Золотурнѣ, производство часовъ въ Ваадтской, Невшательской и Бернской Юрѣ и во франц. департ. Ду, фабрикація игрушекъ около С.-Круа, цементное производство и обработка вермута въ Валь Траверѣ, наконецъ стеклянное дѣло и фабрикація бумаги въ долинѣ рѣки Биръ. 2) ***Нѣмецкая Юра***, общее обозначеніе для горнаго кряжа, который примыкаетъ своими краями въ кантонѣ Шафгаузенъ къ Швейцарской Юрѣ. Она состоитъ изъ тѣхъ же формаціонныхъ частей, какъ и послѣдняя, но имѣетъ иную тектонику (внутреннее строеніе горъ), которая обусловлена не складками, а исключительно лишь разрывами. Ея длина отъ Рейна до Майна приблизительно 400 км., нѣтъ ни цѣпей, ни продольныхъ долинъ, имѣются, напротивъ, частыя насквозь пересѣкающія ее поперечныя долины, высота ея также убываетъ къ сѣверу, но крутой ея обрывъ обращенъ къ СЗ, а его болѣе отлогій, часто террасообразный откосъ обращенъ къ ЮВ. Разрѣзомъ, образуемымъ рѣкою Альтмюль, она дѣлится на двѣ части: Швабскую Юру, между Рейномъ и Альтмюлемъ, и

Франконскую Юру, между Альтмюлемъ и Майномъ съ Франконской Швейцаріей въ сѣверной части.

Юра (Jura)—дпт. въ восточной Франціи, прежде часть области Франшконтэ, граничитъ на В съ Швейцаріей (кантонъ Ваадтъ). Пространство 4994 кв. км., жителей (1901) 259212 (съ 1896 г. населеніе уменьшилось на 1,98%). Департаментъ расположенъ на западныхъ склонахъ Юры, спускающихся здѣсь къ р. Сонѣ. За исключеніемъ р. Руссъ, впадающей чрезъ р. Орбу въ Ааръ, всѣ воды текутъ въ Рону, чрезъ ея притоки Ду и Энъ. $^{2}/_{3}$ поверхности—малоплодородная гористая страна, покрытая хвойными лѣсами и пастбищами. Лѣса занимаютъ 108854 гектара. Внизу на равнинѣ и въ долинахъ земля воздѣлана подъ пашни. Сѣютъ пшеницу, рожь, ячмень и овесъ. Виноградники даютъ ежегодно около 135 тыс. гектол. вина. Въ горахъ населеніе занимается лѣсными промыслами и альпійскимъ хозяйствомъ. Выдѣлывается хорошій сыръ. Добываются желѣзная руда, мраморъ, строительный камень и каменная соль. Желѣзодѣлательные и сталелитейные заводы, часовое производство, выдѣлка кожъ, писчебумажныя и шелкоткацкія фабрики, производство токарныхъ издѣлій. Часть населенія уходитъ на заработки въ другіе департаменты и возвращается ко времени жатвы. Около 400 км. желѣзныхъ, 357 — шоссейныхъ дорогъ. Округовъ 4: Лонъ-ле-Сонье, Сентъ-Клодъ, Доль и Полиньи. Главный городъ Лонъ-ле-Сонье.

Юра — прав. прит. Нѣмана, Ковенской губ. и Пруссіи; беретъ начало на границѣ уу. Тельшевскаго и Россіенскаго, течетъ въ южн. направленіи по Ковенской губ. около 125 вер., затѣмъ вступаетъ въ Пруссію, гдѣ и впадаетъ въ Нѣманъ нѣсколько восточнѣе гор. Тильзита. Дл. до 140 вер., шир. 10 саж., глуб. 7 фт. Сплавъ лѣса въ Пруссію.

Jura novit curia—т. е. суду извѣстны законы, положеніе римскаго права, усвоенное и всѣми новѣйшими законодательствами, по которому стороны не обязаны доказывать предъ судомъ существованіе и дѣйствіе данной правовой нормы; исключеніе составляютъ нормы обычнаго права и положенія иностраннаго права, поскольку послѣднія могутъ имѣть вліяніе на процессъ.

Юраки—небольшое бродячее, родственное самоѣдамъ, монгольскаго типа племя инородцевъ, обитающее на С Енисейской губ. и округа, въ Туруханскомъ краѣ, между правымъ берегомъ р. Енисея и р. Тазомъ, на Нижнемъ Тазѣ и по берегамъ Сѣв. Ледовитаго океана. Ю. составляютъ два рода—Тазовскіе и Береговые Ю.; первые бродятъ между Енисеемъ и Тазомъ, вторые — по обѣимъ сторонамъ Енисейской губы и въ низовьяхъ р. Таза; оба рода причислены къ Тазовской инородческой управѣ; мѣстомъ для взноса ясака служатъ Тазовскія церковь и часовня, куда они являются осенью и зимой; лѣтомъ для сбыта рыбы Ю. идутъ на пароходы къ Пясинскому станку на р. Енисеѣ или въ сел. Толстый Носъ. Ю. въ Тазовскомъ родѣ по 8-й ревизіи было 166 мжч., 99 жнщ., по 10-й ревизіи—156 мжч. и 135 жнщ.; въ Береговомъ—по 8-й рев. 73 мжч. и 34 жнщ., по 10-й рев. — 29 мжч. и 23 жнщ. Послѣдній родъ видимо вымираетъ. Болѣе позднихъ свѣдѣній о числѣ Ю. нѣтъ. Ю. именуютъ себя «ненечэ». Они низкаго роста, сложены хорошо, только кривоноги; глаза у нихъ большею частью черные съ длинными рѣсницами, волосы и брови черные, носъ прямой, окладъ лица круглый. Ю. носятъ особый костюмъ, состоящій главнымъ образомъ изъ мѣховъ, не лишенный украшеній. Ю. относительно довольно чистоплотны, не такъ хитры, какъ родственные имъ самоѣды; не смотря на свое скопидомство, помогаютъ другъ другу. Обычаи Ю. не лишены оригинальности; у нихъ уцѣлѣли свои сказки и пѣсни. Часть Ю. считается христіанами, хотя принадлежность ихъ къ православію чисто формальная; остальные —язычники. Главный богъ Ю. называется Нумъ—богъ неба, божество свѣтлое; въ противоположность ему есть и мрачное—Чиръ или Нонъ, живущее въ «мрачной» странѣ. Лѣтомъ во время грозы происходитъ между ними борьба и Нумъ всегда побѣждаетъ Чира и низвергаетъ его на землю. У Чира находятся въ услуженіи злые духи, изъ которыхъ главный—Иллико. Солнце и луна почитаются божествами, полярная звѣзда—божьимъ гвоздемъ, млечный путь — божьимъ неводомъ; утренняя и вечерняя зари — тоже божества, сѣверное сіяніе — отблескъ сильнаго морского волненія. Главныя занятія Ю.—оленеводство, рыболовство и охота на пушныхъ звѣрей и дикихъ оленей. У Ю. до 3700 оленей, которые имъ служатъ для пищи, одежды и передвиженія. Изъ оленьихъ шкуръ дѣлаютъ чумы, разное зимнее и лѣтнее платье, которое шьется оленьими жилами; изъ нихъ же приготовляются и тонкія веревки. На каждую ясачную душу приходятся на кругъ по 32 оленя. Кромѣ оленей, Ю. держатъ собакъ, служащихъ для охоты, передвиженія и охраны. Ю. прежде были многочисленнымъ и сильнымъ народомъ, занимавшимъ территорію между рр. Пуромъ и Енисеемъ и враждовавшимъ съ сосѣдними племенами и съ русскими. Береговые Ю. и теперь отличаются грубостью и дикостью; они сохранили обычаи и преданія своихъ предковъ и остались язычниками-шаманистами. Тазовскіе Ю большею частью крещены и менѣе грубы. Впервые русскіе встрѣтились съ Ю. въ 1600 г. близъ р. Пуръ, когда отрядъ изъ 100 казаковъ, подъ начальствомъ кн. Шаховского и Хрипунова, шелъ изъ Тобольска на р. Тазъ для основанія города Мангазеи. Эта экспедиція была для русскихъ неудачной: отрядъ былъ разбитъ и долженъ былъ бѣжать, бросивъ всѣ свои запасы. Въ слѣдующемъ году болѣе сильный отрядъ, подъ начальствомъ кн. Кольцова-Мосальскаго и Савлука-Пушкина, благополучно прибылъ на р. Тазъ, основалъ гор. Мангазею и обложилъ ясакомъ все притазовское юрацкое и самоѣдское населеніе.

Н. Латкинъ.

Юраничъ (Antun Juranić) — одинъ изъ послѣднихъ продолжателей глаголической письменности въ XVIII стол.; издалъ въ Венеціи въ 1765 г. молитвы передъ литургіей

и послѣ литургіи: «Molitvi prežđo i poslie misu, iz lat. na slavinski jezik privedene», а два года спустя въ Римѣ—миссалъ литургіи по умершихъ: «Mise za umršne».

Юраній (Lajos [Людвигъ] Jurányi)—ботаникъ, ум. 27 февраля 1897 г. въ Аббаціи, 60 лѣтъ. Былъ свыше 30 лѣтъ профессоромъ въ Будапештѣ, съ 1882 г. ординарнымъ академикомъ венгерской академіи наукъ. Труды: «Die Befruchtungsorgane der Vaucheria geminata und der Befruchtungsvorgang bei dieser Alge» («Труды венгерск. естественно-ист. общ.», V томъ, за 1865 г.); «Ueber den Bau und Entwickelung des Pollens bei Ceratozamia longifolia» («Pringsheim's Jahrbücher», VIII, 1870); «Ueber den Bau und die Entwickelung des Sporangiums von Psilotum triquetrum Sw.» («Botan. Zeitung», 1871); «Beitrag zur Kenntniss der Oedogonien» (тамъ же); «Ueber die Entwickelung der Sporangien und Sporen der Salvinia natans» (Берл., 1873) и др. *В. Тр.*

Юрасовскіе—русскій дворянскій родъ, восходящій къ половинѣ XVII в. и записанный въ VI ч. род. кн. Орловской губ.

Юрасовы — два русскихъ дворянскихъ рода: одинъ, ведущій начало отъ *Юраса* и его сына *Тихона*, записанъ въ VI ч. род. кн. Пензенской губ., а другой, происходящій отъ стольника Тимоѳея Ю. (полов. XVI в.), записанъ въ VI ч. род. кн. Орловской и Тульской губ. Гербъ этого послѣдняго рода внесенъ въ VI ч. Общаго Гербовника. Есть еще нѣсколько дворянскихъ родовъ Ю. болѣе поздняго происхожденія. *В. Р—въ.*

Юраты (Jurati — съ латинск. присяжные)—такъ назывались въ Венгріи до 1848 г. молодые юристы, окончившіе уже курсъ, но еще не получившіе должности, состоявшіе какъ бы кандидатами на должности и занимавшіеся адвокатскою практикою. Въ мадьярской литературѣ есть разсказъ «Juratus élet» («Жизнь Ю.»), принадлежащій писателю Vas Gereben (псевдонимъ) и изображающій жизнь Ю. въ смутное для Венгріи и мадьяръ время середины прошлаго столѣтія.

Юрашекъ (Францъ von Juraschek, род. въ 1849 г.)—австрійскій статистикъ, проф. въ Инсбрукѣ и Вѣнѣ. Его труды: «Personal- und Realunion» (Берл., 1878); «Hübner's geogr.-statist. Tabellen aller Länder der Erde» (съ 1884 г. ежегодно, Франкфуртъ на Майнѣ); «Uebersichten der Weltwirtschaft» (основ. Нейманомъ-Шпаллартомъ, Берл., съ 1889 г.).

Юрашъ (Антонъ Jurasz) — врачъ (род. въ 1847 г.), съ 1881 г. профессоръ гейдельбергскаго университета. Извѣстенъ своими работами о болѣзняхъ гортани и носовой полости. Главнѣйшіе его труды: «Untersuchungen über die Einwirkung der Galle und der Gallensäuren auf die Blutkörperchen» (Грейфсвальдъ 1871); «Das systolische Hirngeräusch der Kinder» (Гейдельбергъ, 1877); «Laryngoscopia i choroly krtani» (Краковъ, 1878); «Die Krankheiten der oberen Luftwege» (Гейдельбергъ 1890).

Юрбургъ (по-нѣм. — Georgenburg) — мѣст. Ковенской губ., Россіенскаго у., при р. Нѣманѣ, въ 10 вер. отъ Прусской границы. Пристань, пароходное сообщеніе съ Ковно, почта и телеграфъ, первоклассная таможня. Православная, католич. и лютеранская церк., 2 синагоги, 6 еврейск. молитвен. школъ, училище, пріютъ, богодѣльня, больница, пожарн. общ. Заводы пивоваренн., мыловаренн. и искусственн. минерал. водъ и сыроварня, огородничество и садоводство. Значительная торговля; базары и 4 ярмарки; особенно значительна торговля лошадьми, скупаемыми за границу. Жит. 6490, въ томъ числѣ евреевъ 4358, рим.-катол. 1501, лютеранъ 365, правосл. 266. Благодаря таможнѣ, движеніе грузовъ къ Нѣману значительное; въ 1901 г. на пристани Ю. разгружено 638 судовъ, съ 278 тысячъ пудовъ товаровъ, и отправлено 648 судовъ и 19 плотовъ, съ грузомъ въ 2004 тыс. пд.; кромѣ того въ предѣлахъ Пруссіи близъ Ю. разгружено 1246 судовъ и 5372 плота вѣсомъ 40791 тыс. пуд., цѣною въ 4708 тыс. р. Внѣшняя торговля чрезъ Ю. особенно была развита во время Крымской войны, когда почти вся русская внѣшняя торговля шла чрезъ Пруссію; въ 1855 г. чрезъ Ю. товаровъ было привезено на 5430 тыс. р., отпущено—на 4251 тыс. р. Въ настоящее время въ среднемъ вывозъ чрезъ Ю. превышаетъ 6 милл. пудовъ въ годъ (хлѣбъ, ленъ, пенька, тряпье, лѣсн. тов.); ввозъ незначителенъ (сельди, металлы въ дѣлѣ). Въ 1901 г. (слабый по торговлѣ) чрезъ таможню Ю. было вывезено 42789 тыс. пуд., на 5024 тыс. руб., ввезено—340 тыс. пуд., на 218 тыс. руб. *Исторія.* Ю. одно изъ древнѣйшихъ поселеній края; основаніе его приписываютъ Боркусу, миѳическому родоначальнику литовскихъ князей; въ историческихъ документахъ Ю. впервые упоминается въ XI ст. Во времена походовъ тевтонскихъ рыцарей въ Ю. былъ укрѣпленный замокъ, который неоднократно подвергался нападеніямъ и переходилъ изъ рукъ литовцевъ къ рыцарямъ и обратно. Болѣе прочно Ю. присоединенъ къ Литвѣ въ XV в. По присоединеніи Ю. къ Россіи онъ былъ пожалованъ кн. Зубову, въ 1841 г. отошелъ въ казну, а въ 1846 г. пожалованъ въ маіоратное владѣніе кн. Васильчиковымъ. До образованія Ковенской губ. Ю. былъ заштатнымъ городомъ Виленской губ. Таможня въ Ю. учреждена въ 1797 г. Ср. «Памятная книжка Ковенской губ. за 1900 г.» (Ковно, 1900). *Д. Р.*

Юрга (Ерга) *Верхняя* и *Нижняя*—рр. Вологодской губ., Великоустюжскаго у., лѣв. притоки Сухоны: 1) *Верхняя* Ю.—беретъ начало близъ границъ Вельскаго у., течетъ въ южн. направленіи по пустынной, лѣсистой мѣстности. Длина 160 верстъ, ширина до 30 саженъ, глубина 2 фута; много переборовъ. Сплавъ. 2) *Нижняя* Ю.—беретъ начало близъ истоковъ Верхней Ю., течетъ параллельно послѣдней и впадаетъ въ Сухону въ 6 верстахъ ниже Верхней Ю. Длина 150 верстъ, изъ нихъ 70 верстъ сплавна. По характеру рѣка сходна съ предыдущей, только берега ея лучше заселены; много мельницъ.

Юргевичъ (Владиславъ Норбертовичъ)—археологъ и филологъ (1818—1898). Получивъ высшее образованіе въ главномъ педагогическомъ институтѣ; защитилъ въ Харь-

ковѣ магистерскую диссертацію: «De mundiciis veterum Graecorum et Romanorum» (1847) и получилъ званіе адъюнктъ-профессора греческой и римской словесности Въ 1858 г. Ю. былъ назначенъ профессоромъ Ришельевскаго лицея и, переѣхавъ въ Одессу, принялъ участіе въ трудахъ мѣстнаго общества исторіи и древностей, въ которомъ былъ впослѣдствіи секретаремъ и вице-президентомъ (съ 1883 г.). Въ Одессѣ, кромѣ докторской диссертаціи «De Jovis Lycaei natura cognominisque huius ratione» (1866), Ю. работалъ надъ исторіей генуэзскихъ колоній на югѣ Россіи, греческой эпиграфикой и этнологическими вопросами, особенно о роли венгерцевъ въ этнографіи юга Россіи. Результатомъ этихъ занятій явился рядъ изслѣдованій Ю., напечатанныхъ въ «Запискахъ Одесскаго Общества Исторіи и Древностей», напр. о генуэзскихъ монетахъ, объ именахъ иностранныхъ въ надписяхъ Ольвіи, Боспора и другихъ городовъ сѣвернаго побережья Понта (гдѣ, между прочимъ, доказывается, что скиѳы и сарматы — разные народы, и что первые не принадлежатъ къ арійскому племени), о мнимыхъ норманскихъ именахъ въ русской исторіи, о печатяхъ, найденныхъ въ Херсонесѣ въ 1884 г. Въ двухъ послѣднихъ статьяхъ Ю. пытался доказать значительное вліяніе на югъ Россіи финно-угро-венгерскаго племени. См. «Памяти вице-президента Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей В. Н. Ю.» (Одесса, 1899). *А. М—нъ.*

Юргенсенъ (Theodor von Jürgensen, род. въ 1840)—нѣмецкій клиницистъ. Съ 1869 г. назначенъ профессоромъ и директоромъ медицинской поликлиники въ Килѣ, а съ 1873 г. проф. и директоромъ поликлиники въ Тюбингенѣ. Напечаталъ: «Klinische Studien über die Behandlung des Abdominaltyphus mittels des kalten Wassers» (Лпц., 1866); «Die Körperwärme des gesunden Menschen» (ib., 1873); «Kruppöse Pneumonie Katarrhalpneumonie u. s. w.» (въ «Handbuch der speciellen Pathologie und Therapie», Ziemssen'a, 5 т., ib., 1874; 3 изданіе, 1887); «Antiphlogistische Heilmethoden, Blutentziehungen Transfusion» («Handbuch der allgemeinen Therapie» Ziemssen'a», т. 1, ib., 1880), «Kruppöse Pneumonie, Beobachtungen aus der Tübingen Poliklinik» (Тюбингенъ, 1883); «Mitteilungen aus der Tübingen Poliklinik» (тетр. I. Штуттг., 1886; тетр. II, Лпц., 1892); «Lehrbuch der speciellen Pathologie und Therapie» (Лпц., 3 изд., 1893).

Юргенсонъ (Іосифъ Ивановичъ)—издатель и торговецъ нотными сочиненіями въ Петербургѣ, род. въ 1829 г. въ Ревелѣ. Прослуживъ 28 лѣтъ въ магазинѣ Бернарда, въ 1871 г. открылъ свою торговлю въ Петербургѣ. Считается знатокомъ своего дѣла. *Н. С.*

Юргенсонъ (Петръ Ивановичъ)—братъ предыдущаго, учредитель и владѣлецъ крупной издательской фирмы и нотопечатни въ Москвѣ (1836—1903). Служилъ въ магазинахъ Бернарда, Стелловскаго и Битнера; въ 1859 г. переѣхалъ въ Москву, гдѣ открылъ свою нотную торговлю. У него впервые появились полныя дешевыя изданія сочиненій Мендельсона, Шумана, Шопена. Ю. былъ первымъ, а затѣмъ единственнымъ издателемъ всѣхъ сочиненій Чайковскаго. Почти всѣ крупныя сочиненія А. Г. Рубинштейна, а также и другихъ русскихъ композиторовъ изданы у Ю., которому принадлежитъ право собственности на сочиненія Глинки, Даргомыжскаго, Сѣрова, Верстовскаго. Ю. издалъ полное собраніе сочиненій Бортнянскаго (12 томовъ) и около 2 тысячъ духовно-музыкальныхъ сочиненій другихъ авторовъ. Въ настоящее время издательскій каталогъ Ю. разросся до 29 тыс. нумеровъ. Ю. способствовалъ основанію московской консерваторіи Императорскаго русскаго музыкальнаго общества, въ которомъ онъ былъ однимъ изъ директоровъ. *Н. С.*

Юргенсъ (Karl-Heinrich Jürgens)—нѣмецкій писатель и политическій дѣятель (1801—1860). Былъ пасторомъ въ Брауншвейгѣ. Въ 1831 г. издалъ брошюру: «Was ist Rechtens, wenn die oberste Staatsgewalt dem Zwecke des Staatsverbandes entgegen handelt?», гдѣ отстаивалъ право подданныхъ на возстаніе противъ деспотическаго правительства. Этой брошюрой онъ пріобрѣлъ въ Германіи большую извѣстность и въ 1842 г. былъ избранъ депутатомъ въ брауншвейгскій ландтагъ, а въ 1848 г. — членомъ франкфуртскаго парламента. Здѣсь онъ примкнулъ къ консерваторамъ и поддерживалъ стремленія великогерманской партіи. При его дѣятельномъ участіи издавался листокъ «Flugblätter aus der deutschen Nationalversammlung», который сначала держался умѣреннаго тона, но потомъ не щадилъ брани и клеветъ по адресу вождей радикальной партіи. Послѣ 1849 г. Ю. оставилъ политическую дѣятельность. Въ 50-хъ гг. Ю. полемизировалъ съ Дройзеномъ и Гейсеромъ за ихъ пруссофильство. Важнѣйшія сочиненія Ю.: «Luther von seiner Geburt bis zum Ablassstreit» (Лейпцигъ, 1846 — 47); «Zur Geschichte des deutschen Verfassungswerks 1848—9» (Брауншвейгъ, 1850); «Studien zuz deutschen Geschichte u. Politik» (Бременъ, 1856); «Deutschland im französisch - sardinischen Kriege vom Pariser Congress bis zum Frieden von Villafranca» (Базель, 1860).

Юрезань—лѣв. прит. р. Уфы (сист. Камы), р. Оренбургской и Уфимской губ. Названіе Ю. выговаривается весьма различно: Юрезень, Юрюзанъ, Юрезянъ, Юргузенъ, Эрезень, по-русски означаетъ «быстрая рѣка». Истокъ Ю. въ предѣлахъ Верхнеуральскаго у. среди горъ Ямань-тау. Ю. течетъ въ сѣв. направленіи, орошая лѣсистыя и гористыя части уу. Златоустовскаго, Уфимскаго и Бирскаго. Длина Ю. 389 вер., начиная отъ Юрезанскаго зав. по р. производится сплавъ лѣса и груженыхъ судовъ на протяженіи 261 в. Теченіе очень быстрое вообще, мѣстами достигаетъ скорости 27 вер. въ часъ. Ю. извилиста, мелка, засорена карчами и подводными камнями, много о-вовъ, вслѣдствіе чего сплавъ по ней затруднителенъ. По Ю. и ея притокамъ Катавѣ (103 в. дл.), Илеку (21 в.) и Минкѣ расположены горные заводы. Кромѣ поименованныхъ притоковъ въ Ю. впадаетъ много рѣчекъ; изъ нихъ представляетъ интересъ рч. Курга-

занъ, которая мѣстами течетъ въ подземномъ ложѣ. Въ 1901 г. по Ю. сплавлено было 1 судно и 38 плотовъ, вѣсомъ въ 2010 тыс. пд., стоимостью въ 132 тыс. руб.

Юрейнъ (Іосифъ фонъ Jurein или Jurain) — австрійскій юристъ (1726—1818). Его работы касаются преимущественно естественнаго и международнаго права. Главнѣйшія изъ нихъ: «Oratio de immaculata conceptione» (Прага, 1759); «Lucubrationes ethico-politicae in jus naturae» (ib., 1759); «Dissertationes ethicae et jure naturae de duello, dominio maris commerciorumque origine» (ib. 1759); «Commentationes politicae de praesidiis reipublicae» (ib., 1760); «Commentarius in jus gentium» (ib., 1760).

Юреневы—русскій дворянскій родъ, ведущій свое происхожденіе отъ выѣхавшаго изъ Польши въ Россію Андреяши (Андрея) *Юреневскаго*. Внукъ его *Петръ Васильевичъ* и былъ собственно, по оффиціальной родословной, родоначальникомъ рода Юреневыхъ. Братъ его *Семенъ*, стрѣлецкій сотникъ, приходилъ въ 1590 и 1593 гг. съ сотнею стрѣльцовъ въ Соловецкій монастырь для отраженія шведовъ и финляндцевъ и составилъ въ 1591 г. опись Муезерскаго Троицкаго монастыря, приписаннаго въ томъ же году къ Соловецкой обители. Въ послѣдній разъ имя Семена Васильевича упоминается въ Литовской метрикѣ подъ 1610 г., при раздачѣ земель московскимъ людямъ польскимъ королемъ Сигизмундомъ III, по случаю избранія на московское царство сына его Владислава. Изъ потомковъ Петра Васильевича болѣе извѣстны: *Иванъ Игнатьевичъ Меньшой* (ум. 1748), участникъ цѣлаго ряда битвъ во время великой Сѣверной войны. *Семенъ Игнатьевичъ* (1645—1737), участникъ Крымскихъ походовъ 1687 и 1689 гг. и вел. Сѣв. войны; *Николай Алексѣевичъ* (1792—1850) участвовалъ въ войнахъ 1812—14 гг.; былъ вице-губернаторомъ костромскимъ и архангельскимъ; *Петръ Александровичъ* (р. 1837 г.), сенаторъ, членъ коммиссіи, составляющей гражданское уложеніе. Родъ Ю. записанъ въ VI ч. род. кн. Псковской губ.; гербъ этого рода внесенъ въ III ч. Общаго Гербовника. Другой тоже древній дворянскій родъ Ю. ведетъ начало отъ рейтара *Андрея Васильевича Ю.*, умершаго въ татарскомъ плѣну въ 1688 г., и записанъ въ VI ч. родосл. книги Тверской губ. Есть еще нѣсколько дворянскихъ родовъ Ю. болѣе поздняго происхожденія.—См. «Родъ Юреневыхъ. Генеалогическая роспись съ XIV по XX ст. Составили Г. Н. и Н. А. Юреневы» (СПб., 1903). *В. Р—въ.*

Юридическая Александровская военная академія — является единственнымъ, едва ли не во всемъ мірѣ, высшимъ учебнымъ заведеніемъ, спеціально назначеннымъ для подготовки военныхъ юристовъ. Въ XVIII и началѣ XIX столѣтія аудиторы, на которыхъ возлагалось веденіе дѣлопроизводства по военно-суднымъ дѣламъ, комплектовались въ Россіи изъ нижнихъ чиновъ, писарей и канцеляристовъ, получавшихъ практическую подготовку на службѣ. Въ 1832 г. въ составѣ спб. баталіона кантонистовъ была учреждена аудиторская школа и въ число первыхъ ея учениковъ были зачислены воспитанники военно-учительскаго института, отличившіеся во время вспыхнувшаго въ 1831 г. въ Новгородской губ. бунта военныхъ поселянъ мужественною защитою своихъ начальниковъ и учителей. Въ 1846 г. школа была преобразована въ аудиторское училище, которое въ 1867 г. было переименовано въ военно-юридическое. Какъ школа, такъ и оба училища были закрытыми учебными заведеніями, дававшими общее и спеціальное юридическое образованіе молодымъ людямъ, которые затѣмъ выпускались на службу въ аудиторіатское вѣдомство гражданскими чиновниками. При разработкѣ въ 1865 г. основныхъ положеній военно-судебной реформы было признано необходимымъ назначать постоянныхъ членовъ проектированныхъ военныхъ судовъ изъ числа офицеровъ, получившихъ юридическое образованіе. Вслѣдствіе этого въ 1866 г. профессорамъ спб. университета Чебышеву-Дмитріеву и Лохвицкому было поручено ознакомить съ основаніями уголовнаго права и судопроизводства генераловъ и штабъ-офицеровъ, намѣченныхъ въ предсѣдатели и судьи предположенныхъ къ открытію петербургскаго и московскаго военно-окружныхъ судовъ, а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ при аудиторскомъ училищѣ были открыты офицерскіе классы изъ 2 курсовъ и въ число слушателей принято 35 штабъ- и оберъ-офицеровъ арміи и 5 офицеровъ флота. 30 марта 1867 г. офицерскіе классы были переименованы въ военно-Ю. академію, также съ 2-хъ лѣтнимъ курсомъ. Преподаваніе въ офицерскихъ классахъ и Ю. академіи имѣло узко-спеціальный характеръ: читалось только то, что безусловно было необходимо военному юристу и только въ предѣлахъ практической необходимости; болѣе всего времени удѣлялось на уголовное право и судопроизводство (общее и военное), съ практическими занятіями. Одновременное существованіе въ военномъ вѣдомствѣ двухъ Ю. заведеній—училища (которому въ 1869 г. были предоставлены права высшаго учебнаго заведенія) и академіи—возбуждало вопросъ о томъ, которое изъ нихъ подлежитъ упраздненію. Разсмотрѣніемъ этого вопроса, начиная съ 1872 г., занимался цѣлый рядъ коммиссій и такъ какъ главное военно-судное управленіе высказывалось за упраздненіе академіи, то въ 1875 г. былъ временно прекращенъ пріемъ новыхъ слушателей. Однако, назначенному въ концѣ 1875 г. начальникомъ академіи П. О. Бобровскому, благодаря поддержкѣ военнаго министра графа Д. А. Милютина, удалось отстоять существованіе академіи, и въ 1878 г. военно-Ю. училище было упразднено, а военно-Ю. академія преобразована на новыхъ началахъ. По временному положенію 19 іюня 1878 г. въ академіи былъ установленъ 3-лѣтній курсъ, при чемъ первые два года посвящены предметамъ общеюридическимъ, а послѣдній—спеціальнымъ военно-юридическимъ. Комплектъ слушателей былъ опредѣленъ въ 45 офицеровъ (по 15 на каждомъ курсѣ) и 10 чиновниковъ, окончив-

шихъ курсъ юридическихъ наукъ въ университетахъ (на спеціальномъ курсѣ); въ 1882 г. эти вакансіи чиновниковъ были упразднены. Въ 1891 г. было утверждено Положеніе о военно-Ю. академіи (ст. 162—262 кн. XV С. В. П. 1869 г., изд. 2), а въ 1899 г. академія получила наименованіе Александровской въ память императора Александра II, ея Августѣйшаго основателя. По дѣйствующему нынѣ положенію, въ военно-Ю. академію принимаются офицеры въ чинахъ не выше штабсъ-капитана гвардіи или капитана прочихъ родовъ войскъ, прослужившіе не менѣе 4 лѣтъ въ офицерскомъ званіи въ строю и удостоенные начальствомъ; изъ нихъ окончившіе полный курсъ среднихъ учебныхъ заведеній (7 или 8 классовъ) принимаются въ младшій курсъ по конкурсному экзамену изъ русской литературы, исторіи, географіи, физики, механики, космографіи и химіи, военной администраціи, воинскихъ уставовъ и 2 языковъ (французскаго и нѣмецкаго) въ объемѣ курса кадетскихъ корпусовъ и военныхъ училищъ, при чемъ по русской литературѣ требуется полученіе не менѣе 10 балловъ; окончившіе курсъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ по юридическому разряду наукъ могутъ поступать прямо въ старшій классъ, по выдержаніи повѣрочнаго экзамена изъ главныхъ предметовъ младшаго и средняго класса (уголовное, гражданское и государственное право и уголовное судопроизводство), военной администраціи и воинскихъ уставовъ. Штатные слушатели (45 чел. сухопутнаго вѣдомства и не болѣе 5 чел. флотскихъ офицеровъ) получаютъ усиленный окладъ жалованья и ежегодное пособіе на книги. Конференціи предоставлено право, съ утвержденія военнаго министра, принимать сверхштатныхъ слушателей, которые добавочнаго содержанія не получаютъ, но пользуются всѣми правами и преимуществами наравнѣ съ штатными. Въ академіи преподаются: уголовное, гражданское, государственное и военно-уголовное право, уголовное и военное судопроизводство, военно-административные законы (эти 7 предметовъ считаются главными), энциклопедія права съ исторіей философіи права, исторія русскаго права, финансовое, полицейское, церковное и международное право, гражданское судопроизводство, политическая экономія, судебная медицина съ анатоміей и физіологіей, психологія и логика, исторія русскаго военнаго законодательства и военно-уголовные законы иностранныхъ державъ (эти 12 предметовъ считаются вспомогательными); въ первыхъ 2-хъ классахъ производятся упражненія въ языкахъ (русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ), а въ старшемъ классѣ—практическія занятія по военному судопроизводству. Каждый изъ офицеровъ къ концу курса долженъ представить письменную работу на заданную тему по одному изъ главныхъ предметовъ; работа эта оцѣнивается коммиссіей по выслушаніи доклада ея слушателемъ и замѣчаній разсматривавшихъ ее профессоровъ. Окончившіе успѣшно курсъ получаютъ право на ношеніе академическаго знака; удостоенные при выпускѣ правъ I разряда производятся въ слѣдующій чинъ (вмѣсто производства въ капитаны гвардіи и подполковники прочихъ войскъ выдается годовой окладъ жалованья) и причисляются къ главному военно-судному управленію, а черезъ годъ переводятся въ военно-судебное вѣдомство съ назначеніемъ на должность кандидатовъ; окончившіе курсъ по II разряду возвращаются въ свои части. Почетнымъ президентомъ военно-Ю. академіи состоитъ графъ Д. А. Милютинъ, почетными членами—П. О. Бобровскій, А. Н. Куропаткинъ и Н. Н. Масловъ. За время существованія академіи (1866—1904) въ ней окончило курсъ 794 офицера (въ томъ числѣ 48 офицеровъ флота и 19—сербской и болгарской армій) и 35 чиновниковъ. См. В. Д. Кузьминъ-Караваевъ, «Военно-Ю. академія» (СПб., 1891); «Пятидесятилѣтній юбилей военно-Ю. академіи» (СПб., 1882).

А. С. Лыкошинъ.

Юридическая Библіографія — приложеніе къ «Протоколамъ засѣданій совѣта Имп. университета»; издавалась съ 1884 по 1886 г. юридическимъ факультетомъ Имп. спб. университета.

Юридическая Библіографія — приложеніе къ «Временнику Демидовскаго юридическаго Лицея», въ г. Ярославлѣ, издаваемое Демидовскимъ юридическимъ лицеемъ съ 1886 г.

Юридическая газета московскаго юридическаго общества — издавалась въ Москвѣ съ 1 іюня 1866 г. по 15 іюня 1867 г., два раза въ мѣсяцъ. Редакторъ В. Н. Лешковъ. Газету замѣнилъ «Юридическій Вѣстникъ» (см.).

Юридическая Газета—выходитъ въ СПб. съ 1892 г. два раза въ недѣлю, безъ предварительной цензуры. Издатель-редакторъ Дав. Вис. Чичинадзе (до 1899 г.), затѣмъ Мар. Вас. Чичинадзе.

Юридическая конструкція — см. Конструкція юридическая (XVI, 88).

Юридическая Лѣтопись—ежемѣсячный юридическій журналъ, выходившій въ С.-Петербургѣ съ 1890 по 1892 г. Редакторомъ-издателемъ былъ проф. Н. Д. Сергѣевскій, постоянными сотрудниками Н. Ѳ. Дерюжинскій, А. А. Исаевъ, Н. М. Коркуновъ. Кромѣ нихъ въ журналѣ сотрудничали А. Ф. Кони, Н. В. Муравьевъ, Н. С. Таганцевъ, В. К. Случевскій. Журналъ занимался главнымъ образомъ догматической разработкой отечественнаго права; очень полно была поставлена хроника законодательная, судебная, научно-литературная, а также библіографія; въ журналѣ появлялись и статьи по политич. экономіи (преимущественно Исаева). Особенный цвѣтъ придали журналу статьи Н. М. Коркунова и Н. С. Таганцева о Финляндіи, отстаивавшія ея обрусеніе.

В. В—въ.

Юридическая хроника Новороссійскаго телеграфа — приложеніе въ 1882 г. къ газетѣ «Новороссійскій телеграфъ».

Юридическій Вѣстникъ: 1) ежемѣсячный журналъ, издававшійся Н. В. Калачовымъ въ С.-Петербургѣ (подъ его же ре-

дакціей) въ видѣ приложенія къ «Архиву Историческихъ и практическихъ свѣдѣній» въ теченіе 1861—64 гг. Главною цѣлью журнала была защита необходимости судебной реформы и разработка вопросовъ, связанныхъ съ этой реформой. Главные сотрудники: самъ Калачовъ, Побѣдоносцевъ, Чебышевъ-Дмитріевъ, Н. Ланге, Рѣпинскій, Н. Шелгуновъ (статьи о лѣсномъ уставѣ), и др. Большого успѣха журналъ не имѣлъ. 2) Ежемѣсячный журналъ безъ предварительной цензуры, издававшійся въ Москвѣ въ 1867 — 1892 г. московскимъ юридическимъ обществомъ. Онъ выходилъ съ іюля 1867 г. по іюнь 1868 г., послѣ шестимѣсячнаго перерыва—въ 1869 г., затѣмъ прекратился и возобновился лишь въ апрѣлѣ 1871 г., послѣ чего выходилъ регулярно до конца 1892 г. Первымъ его редакторомъ былъ Н. В. Калачовъ. Съ 1872 г. его редактировали В. Н. Лешковъ и А. М. Фальковскій, съ 1878 г.—В. Н. Лешковъ, М. М. Ковалевскій и С. А. Муромцевъ; съ 1880 г. и до конца главнымъ и постояннымъ редакторомъ былъ С. А. Муромцевъ, а въ качествѣ второго редактора являлись разныя лица, часто смѣнявшіяся (Лешковъ, М. Ковалевскій, Гольцевъ, Пржевальскій). Сначала журналъ былъ только юридическимъ въ узкомъ смыслѣ этого слова, разрабатывая, притомъ, по преимуществу вопросы догмы уголовнаго и гражданскаго права и процесса. Въ это время даже статьи по праву государственному и международному, по исторіи и философіи права встрѣчаются лишь какъ рѣдкое исключеніе. Въ 1873 г. въ качествѣ постоянныхъ завѣдующихъ отдѣлами были приглашены: по отдѣлу уголовнаго права И. М. Остроглазовъ, гражданскаго — Н. П. Ляпидевскій; юридическую хронику велъ (недолго) В. И. Кохновъ. Съ середины 70-хъ гг. программа журнала начинаетъ расширяться: съ Муромцевымъ и Ковалевскимъ входятъ въ нее исторія и философія права, съ Янжуломъ, Чупровымъ, Зиберомъ—политическая экономія и финансы, съ гр. Камаровскимъ—международное право и т. д. Къ 1879 г., когда редакторомъ журнала былъ уже С. А. Муромцевъ, новая его физіономія окончательно сложилась. Его программа вполнѣ совпала съ программой Ю. факультетовъ, т. е. обняла собою не только догму, но и исторію, и философію права, политическую экономію и финансы. Вмѣстѣ съ тѣмъ, не смотря на значительную долю терпимости къ различнымъ разногласіямъ въ области научныхъ вопросовъ, журналъ получилъ опредѣленное направленіе, какъ политическое, такъ до нѣкоторой степени и научное. Онъ безусловно отстаивалъ начала реформъ эпохи Александра II: земство, свободу слова, гласность судопроизводства, судъ присяжныхъ и т. д. Въ области гражданскаго права и философіи права журналъ популяризировалъ идеи Іеринга, главнымъ представителемъ которыхъ въ немъ былъ С. А. Муромцевъ. Въ области уголовнаго права съ 1879 г. постояннымъ и ближайшимъ сотрудникомъ «Ю. В.» дѣлается Д. А. Дриль, который сдѣлалъ изъ журнала органъ идей антропологической школы уголовнаго права; охотно помѣщались въ немъ переводы произведеній Ломброзо, Ферри и ихъ сторонниковъ. Противники этой школы (наприм. Вульфертъ), ранѣе работавшіе въ журналѣ постоянно, съ 1880-хъ гг. начинаютъ давать ему лишь некрологи и случайныя библіографическія замѣтки. Въ области политической экономіи въ «Ю. Вѣстникѣ» была замѣтна струя марксизма (Зиберъ), хотя она никогда не дѣлалась господствующей. Изъ постоянныхъ сотрудниковъ журнала отмѣтимъ еще Каблукова, Карышева, Скалона, Лудмера (нашумѣвшая статья: «Бабьи стоны»). Нѣсколько разъ «Ю. Вѣстникъ» пытался ввести отдѣлъ правильной хроники, но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ хроника исчезала. Вообще журналъ привлекалъ къ себѣ вниманіе публики, оставилъ несомнѣнный слѣдъ въ наукѣ и общественномъ сознаніи, но практиковъ-юристовъ не удовлетворялъ; этимъ, вѣроятно, объясняется, что число подписчиковъ никогда не превышало 1100, а нерѣдко спускалось до 800 и ниже. Въ концѣ 1892 г. журналъ былъ отданъ подъ предварительную цензуру, вслѣдствіе чего Ю. общество рѣшило его закрыть. *В. В—овъ.*

Юридическій журналъ—издавался П. А. Салмановымъ въ СПб., въ 1860—61 гг., ежемѣсячно.

Юридическія Записки — безсрочное повременное изданіе (сборникъ); издавалось въ СПб. П. Г. Рѣдкинымъ и К. К. Яневичемъ-Яневскимъ. Выходило въ 1841, 1842, 1859, 1860 и 1862 гг. 5-ый томъ былъ изданъ однимъ К. К. Яневичемъ-Яневскимъ.

Юридическія нормы — правила, опредѣляющія порядокъ поведенія людей, живущихъ въ обществѣ; во всей своей совокупности, имѣющей примѣненіе въ данномъ обществѣ, онѣ называются «объективнымъ правомъ» даннаго общества, въ отличіе отъ субъективнаго права. Различаютъ двѣ группы нормъ: техническія и соціальныя. Подъ техническими разумѣютъ правила, по которымъ человѣкъ можетъ достигнуть желаемаго воздѣйствія на окружающую его природу и отдѣльныхъ людей, какъ обособленныхъ единицъ. Въ основаніи этихъ нормъ лежитъ знакомство съ явленіями и законами природы. Соціальныя нормы—тѣ, при помощи которыхъ живущіе совмѣстно люди сообща достигаютъ поставленныхъ общежитіемъ цѣлей, опредѣляя порядокъ и характеръ взаимныхъ между собою отношеній, между прочимъ и въ случаяхъ примѣненія техническихъ нормъ къ борьбѣ съ себѣ подобными. Наличность соціальныхъ нормъ — необходимое условіе существованія общества. Общественная связь между людьми состоитъ въ томъ, что люди, въ сознаніи общихъ цѣлей, преслѣдуемыхъ даннымъ союзомъ, или вынужденные необходимостью, признаютъ себя обязанными слѣдовать опредѣленнымъ, болѣе или менѣе одинаковымъ для всѣхъ членовъ общества нормамъ поведенія. По наличности опредѣленнаго поведенія мы судимъ о наличности общественной связи. Когда люди обмѣниваются поклонами, это значитъ, что они связаны между собою опредѣленной связью, составляютъ опредѣленный кругъ зна-

комства. Когда люди опредѣленнымъ образомъ обмѣниваются между собою товарами и деньгами, они стоятъ въ торговыхъ отношеніяхъ. Цѣлая совокупность подобныхъ дѣйствій слагаетъ людей въ гражданское общество. Болѣе сложныя отношенія взаимной зависимости и подчиненія, выражающіяся въ опредѣленныхъ актахъ поведенія, согласованныхъ съ обязательными для всѣхъ нормами, слагаютъ людей въ государство и т. д. Всякая норма есть состояніе сознанія, говорящаго о томъ, что такъ или иначе поступать нужно; господство нормъ въ обществѣ указываетъ на единство психическихъ процессовъ у людей, составляющихъ общество. Въ этомъ смыслѣ всѣ нормы суть явленія психическія, и существо общественной связи есть единство или большая или меньшая одинаковость психическихъ состояній его членовъ. Но эти психическія состоянія не суть стимулы первоначальные; наличность опредѣленнаго поведенія среди людей не указываетъ еще на то, что всѣ члены даннаго общества одинаково раздѣляютъ мнѣніе о безусловной необходимости такихъ-то нормъ, дѣйствующихъ въ данномъ обществѣ, или такихъ-то согласныхъ съ этими нормами поступковъ. При основаніи того или иного общественнаго союза люди сговариваются о его цѣляхъ и вступаютъ въ него сознательно, поскольку союзъ сразу же не основывается на подчиненіи однихъ лицъ другому по началу силы. Въ дальнѣйшемъ развитіи, когда вновь вступающіе члены застаютъ уже сложившіеся порядки, они подчиняются имъ въ силу необходимости. И въ каждый данный моментъ лишь опредѣленные общественные классы или группы, держащіе въ своихъ рукахъ средства производства, защиты и принужденія, сознательно поддерживаютъ тотъ или иной порядокъ. Остальные слѣдуютъ установившимся нормамъ поведенія или безсознательно, въ силу необходимости, или и при ясномъ сознаніи его несправедливости. Въ этомъ смыслѣ нормы — явленіе соціальное, характеризующее данный общественный строй и независимое отъ состоянія индивидуальной психики. Соціальныя нормы раздѣляются на этическія и Ю.; иногда соціальныя нормы называютъ вообще этическими, различая между ними этическія (нравственныя) въ собственномъ смыслѣ и Ю. Но этическій характеръ Ю. нормъ не во всѣхъ отношеніяхъ можетъ быть прослѣженъ. Ю. нормы суть нормы, имѣющія по преимуществу внѣшнюю санкцію; бо̀льшая часть соціальныхъ нормъ, которымъ подчиняются въ силу необходимости, суть нормы Ю. Нравственныя нормы болѣе соотвѣтствуютъ индивидуальному сознанію, вызывая поступки, согласные съ убѣжденіями лица или традиціями, имѣющими безусловный внутренній авторитетъ (религія, абсолютныя велѣнія совѣсти, сложившіяся въ нормы, происхожденіе которыхъ совершенно забыто и которыя разсматриваются какъ элементарныя правила, сами собою понятныя). Отсюда другое существенное различіе между нормами нравственными и Ю. Нормы нравственныя претендуютъ на безусловную обязательность (безусловное долженствованіе), нормы Ю. относительны. Онѣ говорятъ не столько о томъ, что должно, сколько о томъ, что *можно* и чего *нельзя* дѣлать въ данномъ обществѣ. Всякое отклоненіе отъ правовой нормы лица обязаннаго можетъ быть устранено внѣшнимъ принужденіемъ или подвергнуто пенѣ, но далеко не всегда всѣ управомоченные члены общества обязываются дѣйствовать юридически (платить долгъ нужно, но взыскивать долги не обязательно). Нравственныя велѣнія требуютъ обязательнаго подчиненія въ силу внутренняго авторитета (кредиторы должны взыскивать долги, чтобы пріучить должниковъ къ исполненію обязательствъ, безъ которыхъ немыслимо общественное благосостояніе). Отсюда новое существенное различіе. Ю. нормы имѣютъ *принудительную санкцію* [«организованную защиту» (судъ и другія учрежденія) противъ ихъ нарушенія], нравственныя покоятся прежде всего на увѣренности въ подчиненіи имъ въ силу настоятельности велѣній совѣсти и потому прямо не вынуждаются; ихъ защита, «неорганизованная» — косвенныя вліянія на сознаніе и совѣсть. Этотъ признакъ—наиболѣе характерный для отличія нормъ Ю. отъ нравственныхъ, хотя въ литературѣ онъ далеко не общепризнанъ. Каждый членъ общества можетъ расчитывать на то, что при нарушеніи порядка, установленнаго Ю. нормами, онъ добьется принудительной охраны своихъ правъ. Права безъ санкціи, написанныя только въ сознаніи, имѣя нѣкоторое, впрочемъ очень малое, общественное значеніе въ смыслѣ психическаго вліянія на ходъ общественной жизни,—для общаго порядка отношеній почти равны несуществующимъ нормамъ. Общество, гдѣ написанныя въ источникахъ права нормы не дѣйствуютъ и соотвѣтствующее имъ поведеніе не можетъ быть вынуждено, есть общество, построенное на произволѣ, а не на правовыхъ началахъ. Борьба за право есть, поэтому, прежде всего борьба за такой общественный порядокъ, при которомъ каждое право нашло бы себѣ дѣйствительную поддержку въ органѣ власти, и послѣдняя была бы обязана возстановить право по требованію гражданина. Указанныя различія Ю. и нравственныхъ нормъ, однако, относительны. Если Ю. нормы далеко не всегда носятъ этическій характеръ, то, несомнѣнно, въ общественномъ сознаніи живетъ требованіе, чтобы границы между юридическими и нравственными нормами постепенно сливались, чтобы и тѣ, и другія все болѣе и болѣе основывались на убѣжденіи всей совокупности членовъ даннаго общества въ необходимости опредѣленнаго порядка, и чтобы этотъ порядокъ былъ устанавливаемъ вполнѣ согласно съ общими и высшими цѣлями общежитія съ одной стороны, и индивидуальными качествами и стремленіями людей къ равенству и счастію—съ другой. Ю. нормы, дѣйствующія въ данномъ обществѣ, находятъ свое выраженіе въ особыхъ формахъ, имѣющихъ внѣшній авторитетъ, и называемыхъ «источниками права» (см.). Въ зависимости отъ свойствъ этихъ «источниковъ» различается

область дѣйствія и примѣненія нормъ. См. также Законъ, Право, Право обычное.

Литература. Коркуновъ, «Лекціи по общей теоріи права» (СПб., 1904); Муромцевъ, «Опредѣленіе и основное раздѣленіе права» (М., 1883); Гриммъ, «Курсъ римскаго права» (СПб., 1904); Регельсбергеръ, «Общее ученіе о правѣ», русск. пер. подъ ред. Гамбарова (М., 1899); Меркель, «Юридическая энциклопедія», пер. подъ ред. Грибовскаго» (СПб., 1899); Stammler, «Wirtschaft und Recht» (1896); «Die Lehre v. richtigem Rechte» (1902). *В. Н.*

Юридическія сдѣлки — см. Сдѣлка юридическая (XXIX, 287).

Юридическое Обозрѣніе—еженедѣльный юридическій журналъ, издавался въ Тифлисѣ съ апрѣля 1881 по 1886 г., по четвергамъ. Издатель А. С. Френкель, редакторъ А. В. Степановъ. Далѣе Ю. Обозрѣніе выходило подъ названіемъ «Кавказское Обозрѣніе» (см. XIII, 863).

Юридическое отношеніе—см. Отношеніе юридическое (XXII, 432).

Юридическое и физическое лицо—различаютъ въ правѣ въ виду того, что далеко не всегда возможно въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ разграничить права и обязанности людей, истинныхъ субъектовъ права (см XXXI, 888) и носителей правоспособности (см.), такъ какъ часто права пріобрѣтаются, осуществляются и защищаются цѣлыми союзами людей или опредѣленнымъ образомъ организованными учрежденіями. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ говорятъ о юридическомъ лицѣ, какъ особомъ субъектѣ права, отличномъ отъ лица физическаго. Правоспособность *физическаго лица* начинается, по постановленіямъ современнаго права, съ момента рожденія («съ окончаніемъ родовъ», какъ опредѣляетъ ее точно германское гражданское уложеніе, а не «со дня рожденія», какъ выражается проектъ русскаго гражданскаго уложенія). До момента рожденія предоставляемыя имѣющему родиться ребенку права существуютъ лишь условно, на случай появленія его на свѣтъ живымъ, и въ этой надеждѣ охраняются, но неродившееся еще существо субъектомъ правъ не считается; поэтому въ случаѣ рожденія зачатаго ребенка мертвымъ или въ случаѣ выкидыша этотъ фактъ никакихъ измѣненій въ правовой сферѣ не производитъ, и мертворожденный считается никогда не существовавшимъ. *Жизнеспособности* родившагося для наступленія его правоспособности не требуется; достаточно минуты жизни послѣ отдѣленія отъ тѣла матери, чтобы ребенокъ получилъ связываемыя съ его появленіемъ на свѣтъ права и передалъ ихъ въ порядкѣ законнаго наслѣдованія своимъ наслѣдникамъ. Фактъ рожденія живымъ можетъ быть доказанъ передъ судомъ всѣми возможными способами; особыхъ признаковъ живорожденности (крикъ ребенка, открытіе глазъ и т. п. примѣтъ, имѣвшихъ мѣсто въ старомъ правѣ) законъ не устанавливаетъ. Современное право не знаетъ безправныхъ личностей (рабовъ); поэтому *всякій* человѣкъ, въ силу рожденія человѣкомъ, пріобрѣтаетъ качества лица или субъекта правъ, имѣетъ правоспособность. Послѣдней не лишены даже «лишенные всѣхъ правъ состоянія»; и въ этомъ послѣднемъ случаѣ люди могутъ имѣть цѣлую совокупность правъ, а дѣти ихъ пользуются общей полнотой правъ каждой человѣческой личности. Ограниченія правоспособности физическаго лица затрогиваютъ, поэтому, не ея существо, а лишь отдѣльныя ея проявленія. Отдѣльныя физическія лица могутъ быть лишены способности пріобрѣтать тѣ или другія права, но не могутъ быть лишены правоспособности вообще. Физическія свойства и качества человѣка точно также не оказываютъ вліянія на его правоспособность. Женщины, дѣти, больные, слѣпые и глухіе, сумасшедшіе и т. д. имѣютъ полную правоспособность и ограничены, за исключеніемъ женщинъ, лишь въ дѣеспособности (см.). Неравенство въ составѣ и количествѣ правъ мужчинъ и женщинъ зависитъ въ настоящее время гораздо болѣе отъ соціальнаго и экономическаго положенія женщинъ, чѣмъ отъ ихъ *пола*. Что касается соціальныхъ и политическихъ ограниченій правоспособности физическаго лица, то они сохранились лишь въ русскомъ правѣ. Во всѣхъ западныхъ законодательствахъ постановленіе ст. 2 общей части проекта русскаго гражд. уложенія: «Каждое лицо пользуется всѣми гражданскими правами безъ различія пола, вѣроисповѣданія, происхожденія и состоянія, *съ тѣми лишь изъятіями, кои положительно указаны въ законѣ*»—существуетъ безъ всякихъ изъятій, о которыхъ говорятъ подчеркнутыя слова. Своевременность устраненія этихъ изъятій и у насъ хорошо выяснена въ особомъ мнѣніи члена редакціоной коммиссіи, вырабатывавшей проектъ гражданскаго уложенія, К. И. Малышева, и коммиссіей отвергнута лишь по формальнымъ соображеніямъ. Ограниченіямъ правоспособности у насъ подчинены: иностранцы, евреи, лица польскаго происхожденія, язычники, магометане, раскольники и всѣ иновѣрцы въ области брачнаго права по отношенію къ православнымъ, крестьяне въ цѣлой совокупности отношеній. Начавшаяся съ рожденіемъ правоспособность физическаго лица продолжается до его смерти, моментъ которой устанавливается на основаніи физіологическихъ данныхъ и экспертизы. Трупъ перестаетъ быть лицомъ и теряетъ правоспособность. Къ смерти въ многихъ случаяхъ приравнивается *безвѣстное отсутствіе* (см.). Что касается *лицъ юридическихъ*, то тотъ фактъ, что союзъ лицъ или организованное учрежденіе разсматривается какъ нѣкоторое единство, самостоятельный субъектъ правъ, независимый отъ отдѣльныхъ лицъ, ихъ составляющихъ, породилъ огромную литературу, старающуюся выяснить вопросъ о томъ, какимъ образомъ союзы людей и учрежденія могутъ быть субъектами правъ, и допустимо ли вообще признаніе рядомъ съ физическимъ лицомъ, съ реальной человѣческой личностью, еще особою идеальнаго субъекта. Основываясь на нѣкоторыхъ выраженіяхъ источниковъ римскаго права, Савиньи признавалъ въ союзахъ и учрежденіяхъ налич-

ность особаго *фингированнаго* субъекта правъ, но благодаря именно этому фиктивному характеру Ю. лица Савиньи отказывалъ ему въ дѣеспособности, восполняемой, какъ и при несовершеннолѣтнихъ и другихъ недѣеспособныхъ субъектахъ права, представительствомъ и опекой—функціями, которыя въ Ю. лицѣ принадлежатъ его органамъ. Противъ этого ученія, долгое время господствующаго, было высказано (Бринцемъ), что признаніе наличности особаго фиктивнаго субъекта правъ, рядомъ съ реальнымъ лицомъ, не ведетъ ни къ какимъ практическимъ послѣдствіямъ и потому совершенно излишне. Гораздо проще сказать, что есть случаи, когда *права существуютъ безъ субъекта*,—когда имущество или опредѣленная цѣль сами группируютъ около себя юридическія отношенія, соединяемыя умственно съ какими угодно существами и предметами. Третье мнѣніе выходитъ изъ признанія *реальности* Ю. лицъ, какъ такихъ, доказывая, что союзы и корпораціи, какъ и учрежденія, не фикціи, а реальныя величины и силы, что общество, какъ такое, отлично отъ отдѣльныхъ людей, его составляющихъ, что оно имѣетъ свой особый разумъ, проявляетъ себя въ дѣятельности особой единой волей, отличной отъ суммы воль отдѣльныхъ лицъ или воли большинства и т. д. Съ точки зрѣнія этой теоріи (главный представитель ея—Гирке) рядомъ съ людьми есть особые реальные же субъекты правъ: общества и учрежденія. Но и эта теорія убѣдительна только для тѣхъ, кто разсматриваетъ общество какъ особый организмъ, а не какъ совокупность отдѣльныхъ единицъ, связанныхъ между собою лишь психической связью (см. Общество). Попытки разрѣшить при помощи изложенныхъ конструкцій Ю. лица различные частные вопросы, связанные съ его организаціей, вызвали рядъ новыхъ конструктивныхъ попытокъ, очень многочисленныхъ и очень разнообразныхъ (онѣ изложены въ русской литературѣ въ указ. ниже кн. проф. Суворова). Наиболѣе интересны изъ нихъ тѣ, которыя стремятся найти въ строѣ Ю. лицъ дѣйствительные, реальные субъекты, возникающихъ вмѣстѣ съ ними юридическихъ отношеній. По мнѣнію *Іеринга* истинные субъекты Ю. лицъ—тѣ реальныя лица, въ интересѣ которыхъ существуютъ связанныя съ ними правоотношенія. Въ союзѣ (корпораціи) такими субъектами являются члены союза, а въ учрежденіяхъ (богадѣльни и т. п.)—тѣ, ради которыхъ учрежденіе создано (дестинатеры, какъ говоритъ Іерингъ). Само Ю. лицо есть лишь искусственная организація, дающая возможность этимъ лицамъ выступать во внѣ въ качествѣ единства; каждое же отношеніе, взятое съ точки зрѣнія внутреннихъ отношеній союза или учрежденія, легко разлагается на отдѣльныхъ лицъ, составляющихъ союзъ, обнаруживая этимъ истинные субъекты. Съ различными видоизмѣненіями и дополненіями теорія Іеринга принимается и другими писателями (новѣйшій—Мейреръ). Чтобы разобраться въ этихъ и другихъ теоріяхъ, слѣдуетъ принять во вниманіе прежде всего то, что права въ смыслѣ юридическихъ отношеній имѣютъ свою основу въ моментѣ обязанности, въ связанности воли тѣхъ или другихъ членовъ общества по отношенію къ управомоченнымъ (см. Отношеніе юридическое и Право обязательственное). Вещное право состоитъ не въ правѣ на вещь, а въ томъ, что въ силу его всѣ лица обязываются воздерживаться отъ вторженія въ область обладанія управомоченнаго; обязательственное право—въ томъ, что должникъ обязывается совершить дѣйствія въ пользу управомоченнаго. Право, такимъ образомъ, существуетъ тогда, когда есть на лицо обязанныя лица. Съ этой точки зрѣнія возможны если не безсубъектныя права, то права съ неопредѣленными субъектами, если только существуютъ нѣкоторыя средства и органы, которые могутъ и управомочены требовать исполненія со стороны обязанныхъ къ тому лицъ возложенныхъ на нихъ дѣйствій. Можно установить права не только въ пользу имѣющаго родиться и уже зачатаго ребенка, но и еще не зачатаго,—не только въ пользу опредѣленныхъ бѣдныхъ А. и Б., но и въ пользу бѣдныхъ вообще. Пока на лицо будутъ какъ органы (опекуны или иныя учрежденія, государство, земство и т. д.), управомоченные къ требованію совершенія въ пользу несовершеннолѣтнихъ, бѣдныхъ и т. д. опредѣленныхъ дѣйствій, такъ и сами несовершеннолѣтніе, бѣдные и т. п.,—будутъ на лицо и права. Точно также можно установить права, т. е. обязать извѣстныхъ лицъ въ пользу опредѣленной цѣли, имѣющей быть тѣми или иными людьми достигнутой въ будущемъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ для наличности права важна не только наличность обязанныхъ лицъ, но и органовъ, которые могутъ требовать исполненія обязанностей. Капиталъ, оставленный просто «на добрыя дѣла» или на «служеніе Богу», безъ опредѣленной организаціи, будетъ капиталомъ ничьимъ, и правоотношеній, его касающихся, не будетъ. Обыкновенно люди, устанавливающіе права, сами ими пользуются и сами ими распоряжаются. Это нормальный порядокъ отношеній «лицъ физическихъ». Но бываетъ и такъ, что права устанавливаются въ пользу лицъ существующихъ или будущихъ, съ обязательствомъ ихъ употреблять эти права на осуществленіе указанныхъ цѣлей. Существо Ю. лицъ и заключается въ томъ, что права и обязанности устанавливаются въ пользу другихъ лицъ и въ виду цѣлей, имѣющихъ быть достигнутыми въ будущемъ, а за невозможностью самому установителю правъ и обязанностей слѣдить за осуществленіемъ этихъ цѣлей создается та или иная организація для осуществленія цѣлей и правъ, какъ и для ихъ защиты. Различаютъ два вида Ю. лицъ — союзы (корпораціи) и учрежденія (установленія, институты, Anstalt, Stiftung). Но не всякій союзъ—Ю. лицо. Товарищество — союзъ, но въ немъ права и обязанности установляются въ пользу самихъ же товарищей, ими осуществляются и защищаются, при чемъ каждый товарищъ активно участвуетъ въ установленіи, осуществленіи и защитѣ правъ, лично или черезъ довѣренныхъ лицъ. Въ акціонерной компаніи, наоборотъ, лица, вы-

область дѣйствія и примѣненія нормъ. См. также Законъ, Право, Право обычное.

Литература. Коркуновъ, «Лекціи по общей теоріи права» (СПб., 1904); Муромцевъ, «Опредѣленіе и основное раздѣленіе права« (М., 1883); Гриммъ, «Курсъ римскаго права» (СПб., 1904); Регельсбергеръ, «Общее ученіе о правѣ», русск. пер. подъ ред. Гамбарова (М., 1899); Меркель, «Юридическая энциклопедія», пер. подъ ред. Грибовскаго» (СПб., 1899): Stammler, «Wirtschaft und Recht» (1896); «Die Lehre v. richtigem Rechte» (1902). *В. Н.*

Юридическія сдѣлки — см. Сдѣлка юридическая (XXIX, 287).

Юридическое Обозрѣніе—еженедѣльный юридическій журналъ, издавался въ Тифлисѣ съ апрѣля 1881 по 1886 г., по четвергамъ. Издатель А. С. Френкель, редакторъ А. В. Степановъ. Далѣе Ю. Обозрѣніе выходило подъ названіемъ «Кавказское Обозрѣніе» (см. XIII, 863).

Юридическое отношеніе—см. Отношеніе юридическое (XXII, 432).

Юридическое и физическое лицо—различаютъ въ правѣ въ виду того, что далеко не всегда возможно въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ разграничить права и обязанности людей, истинныхъ субъектовъ права (см XXXI, 888) и носителей правоспособности (см.), такъ какъ часто права пріобрѣтаются, осуществляются и защищаются цѣлыми союзами людей или опредѣленнымъ образомъ организованными учрежденіями. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ говорятъ о юридическомъ лицѣ, какъ особомъ субъектѣ права, отличномъ отъ лица физическаго. Правоспособность *физическаго лица* начинается, по постановленіямъ современнаго права, съ момента рожденія («съ окончаніемъ родовъ», какъ опредѣляетъ ее точно германское гражданское уложеніе, а не «со дня рожденія», какъ выражается проектъ русскаго гражданскаго уложенія). До момента рожденія предоставляемыя имѣющему родиться ребенку права существуютъ лишь условно, на случай появленія его на свѣтъ живымъ, и въ этой надеждѣ охраняются, но неродившееся еще существо субъектомъ правъ не считается; поэтому въ случаѣ рожденія зачатаго ребенка мертвымъ или въ случаѣ выкидыша этотъ фактъ никакихъ измѣненій въ правовой сферѣ не производитъ, и мертворожденный считается никогда не существовавшимъ. *Жизнеспособности* родившагося для наступленія его правоспособности не требуется; достаточно минуты жизни послѣ отдѣленія отъ тѣла матери, чтобы ребенокъ получилъ связываемыя съ его появленіемъ на свѣтъ права и передалъ ихъ въ порядкѣ законнаго наслѣдованія своимъ наслѣдникамъ. Фактъ рожденія живымъ можетъ быть доказанъ передъ судомъ всѣми возможными способами; особыхъ признаковъ живорожденности (крикъ ребенка, открытіе глазъ и т. п. примѣтъ, имѣвшихъ мѣсто въ старомъ правѣ) законъ не устанавливаетъ. Современное право не знаетъ безправныхъ личностей (рабовъ); поэтому *всякій* человѣкъ, въ силу рожденія человѣкомъ, пріобрѣтаетъ качества лица или субъекта правъ, имѣетъ правоспособность. Послѣдней не лишены даже «лишенные всѣхъ правъ состоянія»; и въ этомъ послѣднемъ случаѣ люди могутъ имѣть цѣлую совокупность правъ, а дѣти ихъ пользуются общей полнотой правъ каждой человѣческой личности. Ограниченія правоспособности физическаго лица затрогиваютъ, поэтому, не ея существо, а лишь отдѣльныя ея проявленія. Отдѣльныя физическія лица могутъ быть лишены способности пріобрѣтать тѣ или другія права, но не могутъ быть лишены правоспособности вообще. Физическія свойства и качества человѣка точно также не оказываютъ вліянія на его правоспособность. Женщины, дѣти, больные, слѣпые и глухіе, сумасшедшіе и т. д. имѣютъ полную правоспособность и ограничены, за исключеніемъ женщинъ, лишь въ дѣеспособности (см.). Неравенство въ составѣ и количествѣ правъ мужчинъ и женщинъ зависитъ въ настоящее время гораздо болѣе отъ соціальнаго и экономическаго положенія женщинъ, чѣмъ отъ ихъ *пола.* Что касается соціальныхъ и политическихъ ограниченій правоспособности физическаго лица, то они сохранились лишь въ русскомъ правѣ. Во всѣхъ западныхъ законодательствахъ постановленіе ст. 2 общей части проекта русскаго гражд. уложенія: «Каждое лицо пользуется всѣми гражданскими правами безъ различія пола, вѣроисповѣданія, происхожденія и состоянія, *съ тѣми лишь изъятіями, кои положительно указаны въ законѣ*»—существуетъ безъ всякихъ изъятій, о которыхъ говорятъ подчеркнутыя слова. Своевременность устраненія этихъ изъятій и у насъ хорошо выяснена въ особомъ мнѣніи члена редакціоной коммиссіи, вырабатывавшей проектъ гражданскаго уложенія, К. И. Малышева, и коммиссіей отвергнута лишь по формальнымъ соображеніямъ. Ограниченіямъ правоспособности у насъ подчинены: иностранцы, евреи, лица польскаго происхожденія, язычники, магометане, раскольники и всѣ иновѣрцы въ области брачнаго права по отношенію къ православнымъ, крестьяне въ цѣлой совокупности отношеній. Начавшаяся съ рожденіемъ правоспособность физическаго лица продолжается до его смерти, моментъ которой устанавливается на основаніи физіологическихъ данныхъ и экспертизы. Трупъ перестаетъ быть лицомъ и теряетъ правоспособность. Къ смерти въ многихъ случаяхъ приравнивается *безвѣстное отсутствіе* (см.). Что касается *лицъ юридическихъ*, то тотъ фактъ, что союзъ лицъ или организованное учрежденіе разсматривается какъ нѣкоторое единство, самостоятельный субъектъ правъ, независимый отъ отдѣльныхъ лицъ, ихъ составляющихъ, породилъ огромную литературу, старающуюся выяснить вопросъ о томъ, какимъ образомъ союзы людей и учрежденія могутъ быть субъектами правъ, и допустимо ли вообще признаніе рядомъ съ физическимъ лицомъ, съ реальной человѣческой личностью, еще особою идеальнаго субъекта. Основываясь на нѣкоторыхъ выраженіяхъ источниковъ римскаго права, Савиньи признавалъ въ союзахъ и учрежденіяхъ налич-

ность особаго *фиксированнаго* субъекта правъ, но благодаря именно этому фиктивному характеру Ю. лица Савиньи отказывалъ ему въ дѣеспособности, восполняемой, какъ и при несовершеннолѣтнихъ и другихъ недѣеспособныхъ субъектахъ права, представительствомъ и опекой—функціями, которыя въ Ю. лицѣ принадлежатъ его органамъ. Противъ этого ученія, долгое время господствующаго, было высказано (Бринцемъ), что признаніе наличности особаго фиктивнаго субъекта правъ, рядомъ съ реальнымъ лицомъ, не ведетъ ни къ какимъ практическимъ послѣдствіямъ и потому совершенно излишне. Гораздо проще сказать, что есть случаи, когда *права существуютъ безъ субъекта*,—когда имущество или опредѣленная цѣль сами группируютъ около себя юридическія отношенія, соединяемыя умственно съ какими угодно существами и предметами. Третье мнѣніе выходитъ изъ признанія *реальности* Ю. лицъ, какъ такихъ, доказывая, что союзы и корпораціи, какъ и учрежденія, не фикціи, а реальныя величины и силы, что общество, какъ такое, отлично отъ отдѣльныхъ людей, его составляющихъ, что оно имѣетъ свой особый разумъ, проявляетъ себя въ дѣятельности особой единой волей, отличной отъ суммы воль отдѣльныхъ лицъ или воли большинства и т. д. Съ точки зрѣнія этой теоріи (главный представитель ея—Гирке) рядомъ съ людьми есть особые реальные же субъекты правъ: общества и учрежденія. Но и эта теорія убѣдительна только для тѣхъ, кто разсматриваетъ общество какъ особый организмъ, а не какъ совокупность отдѣльныхъ единицъ, связанныхъ между собою лишь психической связью (см. Общество). Попытки разрѣшить при помощи изложенныхъ конструкцій Ю. лица различные частные вопросы, связанные съ его организаціей, вызвали рядъ новыхъ конструктивныхъ попытокъ, очень многочисленныхъ и очень разнообразныхъ (онѣ изложены въ русской литературѣ въ указ. ниже кн. проф. Суворова). Наиболѣе интересны изъ нихъ тѣ, которыя стремятся найти въ строѣ Ю. лицъ дѣйствительные, реальные субъекты, возникающихъ вмѣстѣ съ ними юридическихъ отношеній. По мнѣнію *Іеринга* истинные субъекты Ю. лицъ—тѣ реальныя лица, въ интересѣ которыхъ существуютъ связанныя съ ними правоотношенія. Въ союзѣ (корпораціи) такими субъектами являются члены союза, а въ учрежденіяхъ (богадѣльни и т. п.)—тѣ, ради которыхъ учрежденіе создано (дестинатеры, какъ говоритъ Іерингъ). Само Ю. лицо есть лишь искусственная организація, дающая возможность этимъ лицамъ выступать во внѣ въ качествѣ единства; каждое же отношеніе, взятое съ точки зрѣнія внутреннихъ отношеній союза или учрежденія, легко разлагается на отдѣльныхъ лицъ, составляющихъ союзъ, обнаруживая этимъ истинные субъекты. Съ различными видоизмѣненіями и дополненіями теорія Іеринга принимается и другими писателями (новѣйшій—Мейреръ). Чтобы разобраться въ этихъ и другихъ теоріяхъ, слѣдуетъ принять во вниманіе прежде всего то, что права въ смыслѣ юридическихъ отношеній имѣютъ свою основу въ моментѣ обязанности, въ связанности воли тѣхъ или другихъ членовъ общества по отношенію къ управомоченнымъ (см. Отношеніе юридическое и Право обязательственное). Вещное право состоитъ не въ правѣ на вещь, а въ томъ, что въ силу его всѣ лица обязываются воздерживаться отъ вторженія въ область обладанія управомоченнаго; обязательственное право—въ томъ, что должникъ обязывается совершить дѣйствія въ пользу управомоченнаго. Право, такимъ образомъ, существуетъ тогда, когда есть на лицо обязанныя лица. Съ этой точки зрѣнія возможны если не безсубъектныя права, то права съ неопредѣленными субъектами, если только существуютъ нѣкоторыя средства и органы, которые могутъ и управомочены требовать исполненія со стороны обязанныхъ къ тому лицъ возложенныхъ на нихъ дѣйствій. Можно установить права не только въ пользу имѣющаго родиться и уже зачатаго ребенка, но и еще не зачатаго,—не только въ пользу опредѣленныхъ бѣдныхъ А. и Б., но и въ пользу бѣдныхъ вообще. Пока на лицо будутъ какъ органы (опекуны или иныя учрежденія, государство, земство и т. д.), управомоченные къ требованію совершенія въ пользу несовершеннолѣтнихъ, бѣдныхъ и т. д. опредѣленныхъ дѣйствій, такъ и сами несовершеннолѣтніе, бѣдные и т. п.,—будутъ на лицо и права. Точно также можно установить права, т. е. обязать извѣстныхъ лицъ въ пользу опредѣленной цѣли, имѣющей быть тѣми или иными людьми достигнутой въ будущемъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ для наличности права важна не только наличность обязанныхъ лицъ, но и органовъ, которые могутъ требовать исполненія обязанностей. Капиталъ, оставленный просто «на добрыя дѣла» или на «служеніе Богу», безъ опредѣленной организаціи, будетъ капиталомъ ничьимъ, и правоотношеній, его касающихся, не будетъ. Обыкновенно люди, устанавливающіе права, сами ими пользуются и сами ими распоряжаются. Это нормальный порядокъ отношеній «лицъ физическихъ». Но бываетъ и такъ, что права устанавливаются въ пользу лицъ существующихъ или будущихъ, съ обязательствомъ ихъ употреблять эти права на осуществленіе указанныхъ цѣлей. Существо Ю. лицъ и заключается въ томъ, что права и обязанности устанавливаются въ пользу другихъ лицъ и въ виду цѣлей, имѣющихъ быть достигнутыми въ будущемъ, а за невозможностью самому установителю правъ и обязанностей слѣдить за осуществленіемъ этихъ цѣлей создается та или иная организація для осуществленія цѣлей и правъ, какъ и для ихъ защиты. Различаютъ два вида Ю. лицъ — союзы (корпораціи) и учрежденія (установленія, институты, Anstalt, Stiftung). Но не всякій союзъ—Ю. лицо. Товарищество — союзъ, но въ немъ права и обязанности устанавливаются въ пользу самихъ же товарищей, ими осуществляются и защищаются, при чемъ каждый товарищъ активно участвуетъ въ установленіи, осуществленіи и защитѣ правъ, лично или черезъ довѣренныхъ лицъ. Въ акціонерной компаніи, наоборотъ, лица, вы-

дѣляющія часть своего имущества или труда для достиженія той или иной хозяйственной цѣли, передаютъ избраніе средствъ для достиженія этой цѣли и распоряженіе своими деньгами нѣкоторой организаціи, въ которой они являются участниками (общее собраніе, правленіе), но съ обязанностью подчиненія воли каждаго волѣ большинства. Въ учрежденіи достиженіе цѣлей, ради которыхъ оно учреждено, и заботы о людяхъ, для блага которыхъ оно создано, предоставляется, независимо отъ послѣднихъ, особому установленію. Различіе между союзомъ (корпораціей) и учрежденіемъ заключается въ томъ, что первое основывается на началѣ самоуправленія, а второе организовано на административномъ началѣ; но это не устраняетъ признаніе истинными субъектами права какъ въ корпораціи, такъ и въ учрежденіи лицъ, ради интересовъ которыхъ они существуютъ. Дестинатеры учрежденія въ этомъ отношеніи подобны несовершеннолѣтнимъ; они имѣютъ право на блага, доставляемыя учрежденіями, но управленіе и распоряженіе принадлежитъ органамъ управленія (опекѣ), а не имъ самимъ. Для функціонированія въ оборотѣ въ качествѣ особаго субъекта правъ Ю. лицо нуждается въ соблюденіи извѣстныхъ условій, которыми опредѣляется его *возникновеніе* въ качествѣ правоспособнаго лица. Для возникновенія Ю. лица требуются: а) наличность воли установителя правъ въ пользу Ю. лица, выраженной въ договорѣ участниковъ (для союза) или особомъ актѣ, напр. завѣщаніи (для учрежденій); б) установленіе опредѣленной организаціи управленія и защиты. Для корпорацій она опредѣленно устанавливается въ законѣ, для учрежденій—волей учредителя, но съ соблюденіемъ опредѣленныхъ указаній закона (ст. 86 герм. ул., ст. 23 русск. проекта, гдѣ приведены и пост. дѣйств. русскаго права); в) утвержденіе устава (договора) или учредительнаго акта государственной властью. Оно имѣетъ двоякую цѣль. Съ одной стороны это надзоръ государства за дѣятельностью частныхъ лицъ изъ опасенія нарушеній интересовъ государства и общаго блага, а также и полицейскихъ соображеній, играющихъ большую роль при разрѣшеніи общественныхъ союзовъ. Съ другой стороны—это необходимая гарантія для самихъ членовъ союза и дестинаторовъ учрежденій. Первыхъ оно охраняетъ отъ нарушенія ихъ основныхъ правъ, опредѣленныхъ въ уставѣ, волей большинства, а вторыхъ—отъ злоупотребленій со стороны администраціи учрежденія. Утвержденіе можетъ быть дано или въ видѣ прямого пожалованія юридической личности отдѣльному союзу или учрежденію (концессіонная система) или въ видѣ обязательства зарегистрировать возникшіе съ соблюденіемъ основныхъ положеній закона союзы въ подлежащемъ учрежденіи въ установленныя для того книги (явочная система). Та и другая системы имѣютъ свои достоинства и свои недостатки. По отношенію къ союзамъ, преслѣдующимъ идеальныя цѣли, концессіонная система стоитъ въ связи съ отношеніемъ государства къ вопросу о свободѣ ассоціацій. Степень опасеній, внушаемыхъ такими союзами опредѣляетъ размѣры дѣйствія концессіонной системы. По отношенію къ союзамъ экономическаго характера концессіонная система имѣетъ въ своемъ основаніи соображенія объ охранѣ интересовъ какъ участниковъ самаго союза, такъ и въ особенности третьихъ лицъ, входящихъ въ сношенія съ такимъ союзомъ. Предпріятія съ союзной организаціей въ современной общественной жизни очень часты и крайне разнообразны. Установить общія начала для ихъ возникновенія съ указанной точки зрѣнія крайне затруднительно. Составъ участниковъ, размѣры капитала и долей членовъ, обширность предпріятія, бóльшая или меньшая зависимость его отъ другихъ предпріятій—эти и другія подробности его строя прямо отражаются на положеніи его въ оборотѣ и слѣд. на интересахъ третьихъ лицъ. Концессіонная система и стремится вмѣсто выставленія общихъ началъ для всѣхъ предпріятій или ихъ группъ основать разрѣшеніе предпріятій на тщательномъ изученіи каждаго изъ нихъ путемъ изслѣдованія не только формальныхъ, но и матеріальныхъ основъ предпріятія. Эта система отвѣчала бы своей цѣли, если бы такого рода изслѣдованіе можно было въ дѣйствительности сдѣлать достаточно быстро, своевременно, на основаніи достовѣрныхъ данныхъ и надлежаще поставленными органами. Но при большомъ количествѣ предпріятій, часто рисковомъ ихъ характерѣ, лишь приблизительной достовѣрности данныхъ, на которыхъ покоится предпріятіе, невозможности сдѣлать повѣрку достаточно гласной и привлечь къ ней всѣхъ заинтересованныхъ лицъ и неизбѣжномъ при такихъ условіяхъ бюрократическомъ ея характерѣ выдача концессій затягивается, что сильно отражается на развитіи экономич. жизни; повѣрка, притомъ, носитъ случайный характеръ и часто сопровождается цѣлымъ рядомъ нежелательныхъ вліяній. Кромѣ того концессіонированныя предпріятія получаютъ нѣкоторую нравственную санкцію государства въ смыслѣ своей хозяйственной благонадежности, гарантировать которую при указанномъ, часто неустранимомъ рисковомъ характерѣ предпріятій государство совершенно не въ силахъ. Эта цѣль не можетъ и по существу составлять его задачи при свободѣ экономической дѣятельности. Поэтому, несомнѣнно, нормативная или явочная система заслуживаетъ во многихъ случаяхъ предпочтенія. Вопросъ о взаимномъ отношеніи и цѣнности этихъ системъ былъ предметомъ горячихъ дебатовъ во время составленія германскаго гражданскаго уложенія, которое въ концѣ концовъ приняло слѣдующій порядокъ разрѣшенія юридическихъ лицъ. Общества, не имѣющія хозяйственныхъ цѣлей, утверждаются порядкомъ явочнымъ, если притомъ они по своему характеру не относятся къ числу недозволенныхъ въ отдѣльныхъ государствахъ Германіи и не преслѣдуютъ политическихъ, соціально-политическихъ или религіозныхъ цѣлей. Общество, имѣющее цѣлью веденіе хозяйственнаго предпріятія, пріобрѣтаетъ правоспособность, если нѣтъ особыхъ имперскихъ постановленій, че-

Юрій Всеволодовичъ, вел. князь владимірскій—см. Георгій II Всеволодовичъ (VIII, 423).

Юрій Даниловичъ, князь московскій и вел. князь владимірскій—см. Георгій Даниловичъ (VIII, 423).

Юрій Димитріевичъ, князь звенигородско-галицкій—см. Георгій Димитріевичъ (VIII, 424).

Юрій Захарьевичъ—см. Кошкинъ-Захарьинъ (XVI, 475).

Юрій I Львовичъ, король галицкій—см. Георгій I Львовичъ (VIII, 425).

Юрій II, кн. галицкій—см. Георгій II.

Юрій Святославичъ, кн. смоленскій—см. Георгій Святославичъ (VIII, 426).

Юркевичъ (Памфилъ Даниловичъ) — философъ и педагогъ, сынъ священника, родился въ 1827 г., воспитаніе и образованіе получилъ въ полтавской семинаріи и кіевской духовной академіи; въ 1851 г. былъ назначенъ наставникомъ по классу философскихъ наукъ; въ 1852 г. возведенъ въ степень магистра; въ 1857 г. сверхъ философіи ему было поручено преподаваніе нѣмецкаго языка, въ 1861 г. возведенъ въ званіе ординарнаго профессора и въ томъ же году приглашенъ на философскую каѳедру въ московскій университетъ. Въ Москвѣ преподавалъ еще педагогику въ учительской семинаріи военнаго вѣдомства. Въ 1869—73 г. былъ деканомъ историко-филологическаго факультета. 4 октября 1874 г. скончался. Философскіе труды Ю. немногочисленны; помѣщались по преимуществу въ «Трудахъ Кіевской Духовной Академіи», въ «Ж. М. Н. Пр.» и другихъ ученыхъ изданіяхъ. Наиболѣе замѣчательны: «Идея» («Ж. М. Н. Пр.», 1859); «Матеріализмъ и задачи философіи» (тамъ же, 1860); «Сердце и его значеніе въ духовной жизни человѣка по ученію слова Божія» («Труды Кіев. Дух. Акд.», 1860); «Доказательства бытія Божія» (тамъ же, 1861); «Изъ науки о человѣческомъ духѣ» (тамъ же, 1860); «Языкъ физіологовъ и психологовъ» («Русскій Вѣстникъ», 1862); «Разумъ по ученію Платона и опытъ по ученію Канта» (рѣчь, произнесенная на актѣ московскаго унив. въ 1866 г.)—наиболѣе совершенное философское произведеніе Ю. Противоположеніе Канта и Платона, двухъ родственныхъ по направленію мыслителей, выполнено Ю. блистательно. Не менѣе замѣчательны труды Ю. по педагогикѣ. Имъ изданы: «Чтенія о воспитаніи» (1865) и «Курсъ общей педагогики съ приложеніями» (М., 1869). Это—наиболѣе замѣчательная книга по педагогикѣ на русскомъ языкѣ того времени. На Ю. имѣлъ вліяніе Куртманъ, но Ю. проявилъ большую вдумчивость и самостоятельность. Книга его распадается на 2 части: общее ученіе о воспитаніи и общая теорія обученія. Ю. имѣлъ какъ философъ мало вліянія; онъ подвергся весьма страстнымъ и рѣзкимъ нападкамъ со стороны Чернышевскаго, за разборъ «Антропологическаго принципа въ философіи», напечатанный въ «Трудахъ Кіев. Дух. Акд.» («Изъ науки о человѣческомъ духѣ»). Многіе находили и находятъ что въ полемикѣ Ю. съ Чернышевскимъ правда была на сторонѣ перваго. Заслуги Ю. выставилъ Влад. Соловьевъ, слушатель Ю. по москов. университету. Соловьевъ дважды писалъ о Ю.: некрологъ Ю. (въ «Ж. М. Н. Пр.», съ подробнымъ изложеніемъ нѣкоторыхъ статей Ю.) и характеристику Ю. (см. «Полное Собраніе Сочиненій» Соловьева, т. VIII). Соловьевъ очень тепло отзывается о Ю., который высоко цѣнилъ идеалистическую философію, но не нѣмецкій идеализмъ Канта и Гегеля; у послѣдняго Ю. находилъ неизлечимую форму маніи величія. Послѣдними настоящими философами Ю. считалъ Якова Бема, Лейбница и Сведенборга. Точка зрѣнія Ю. былъ «широкій, отъ всякихъ произвольныхъ или предвзятыхъ ограниченій свободный эмпиризмъ, включающій въ себя и все истинно раціональное, и все истинно сверхраціональное, такъ какъ и то, и другое прежде всего существуютъ эмпирически въ универсальномъ опытѣ человѣчества съ неменьшими правами на признаніе, чѣмъ все видимое и осязаемое». Ю. очень любилъ предостерегать своихъ слушателей отъ смѣшенія абсолютнаго знанія съ знаніемъ объ абсолютѣ. Первое невозможно; ко второму ведутъ три пути—сердечное религіозное чувство, добросовѣстное философское размышленіе и мистическое созерцаніе. Склонностью Ю. къ мистицизму, столь милому и Соловьеву, объясняется и отношеніе перваго къ спиритизму. Ю., какъ человѣкъ осторожный, не писалъ о спиритизмѣ, но очень имъ интересовался и многаго ждалъ отъ него; объ этомъ свидѣтельствуетъ А. Аксаковъ въ статьѣ подъ заглавіемъ «Медіумизмъ и философія. Воспоминаніе о профессорѣ московскаго университета Ю.» («Русскій Вѣстникъ», 1875). О Ю., какъ педагогѣ, была помѣщена статья въ журналѣ «Гимназія» за 1888 г., оставшаяся неоконченною. Списокъ трудовъ Ю., почти полный, можно найти въ «Матеріалахъ для исторіи философіи въ Россіи», изданныхъ Я. Н. Колубовскимъ въ «Вопросахъ философіи» (книга 4, пр. 1).

Э. Радловъ.

Юркевичъ (Петръ Ильичъ, † 1884)—драматургъ, предсѣдатель литературно-театральнаго комитета. Писалъ театральныя замѣтки въ «Сѣверной Пчелѣ» (съ 1834 г.) подъ псевдонимами: *П. Медвѣдскій*, *П. М—скій* и *П. М.* Повѣсти его: «Приключенія Корочкина» (напеч. въ «Библіотекѣ для Чтенія», 1850, кн. 12, подъ псевдон. П. Голубинъ); «Повѣсть безъ названія» (въ «Новогодникѣ», изд. Н. Кукольникомъ, СПб., 1839, подъ псевд. *Медвѣдскій*). Драматическія произведенія Ю. напечатаны подъ псевдонимомъ *П. Голубинъ*: «Воробей» (комедія въ 1 д., СПб., 1875); «Бѣдовой процессъ» (комедія въ 3 д., 1876); «Завѣтный кладъ» (драма въ 7 картинахъ, 1876); «Погоня за счастьемъ» (драма въ 4 д., 1876); «Утопленникъ» (драма въ 4 д., 1876); «Два браслета» (комедія въ 1 д., 1878); «Гомеопатъ и аллопатъ» (шутка-водевиль, 1879); «Три зонтика и двѣ свадьбы» (комедія въ 1 актѣ, 1880). Нѣкоторыя изъ переведенныхъ имъ пьесъ долго держались на репертуарѣ, напримѣръ «Двѣ сиротки», «Бездна» Диккенса и др. Его оригинальная драма «Гѣ-

римскому праву» (М., 1900); Дювернуа, «Чтенія по гражданскому праву» (I, СПб., 1902); Meurer, «Die juristischen Personen nach deutschem Reichsrecht» (Штутг., 1901); «Проектъ русск. гражд. улож., съ объясненіями, ч. I. Положенія общія» (СПб., 1903). *В. Н.*

Юрино—с. Нижегородской губ., Васильсурскаго у., при р. Волгѣ, на лѣв. берегу; пароходная пристань. Жит. болѣе 3000. Много кожевенныхъ заводовъ. Кромѣ работы на заводахъ жители (преимущественно женщины) занимаются изстари выдѣлкою кожаныхъ рукавицъ, которыя черезъ посредство Нижегородской ярмарки расходятся по всей Россіи въ громадномъ количествѣ.

Юрисдикція—см. Подсудность.

Юрисконсультскія части и **юрисконсульты**—учреждены при нѣкоторыхъ министерствахъ (финансовъ, путей сообщенія, земледѣлія и госуд. имуществъ) и нѣкоторыхъ центральныхъ отдѣлахъ министерствъ (напр. при главномъ управленіи неокладныхъ сборовъ и при управленіи по сооруженію жел. дор.) а также при канцеляріи Оберъ-Прокурора Св. Синода. На обязанности Ю., избираемыхъ изъ числа лицъ съ высшимъ юридическимъ образованіемъ, лежитъ разсмотрѣніе возникающихъ при дѣлопроизводствѣ юридическихъ вопросовъ (заключеніе Ю. для министра или начальника управленія не обязательно), а также веденіе въ судахъ тяжебныхъ дѣлъ, касающихся даннаго министерства, въ качествѣ повѣренныхъ казны. При министерствѣ юстиціи состоитъ особая консультація изъ директоровъ департаментовъ министерства и оберъ-прокуроровъ правительствующаго сената, на обязанности которой лежитъ составленіе согласительныхъ предложеній министра юстиціи по дѣламъ, вызвавшимъ разногласіе при разсмотрѣніи ихъ въ сенатѣ, а также предварительное обсужденіе нѣкоторыхъ дѣлъ по управленію личнымъ составомъ судебныхъ установленій. Старшій Ю. м-ства Юстиціи состоитъ при консультаціи, дѣлъ въ ней не докладываетъ, но въ случаѣ разногласія объясняетъ законы. Въ *военномъ вѣдомствѣ* Ю. имѣются въ центральномъ и мѣстныхъ управленіяхъ. При канцеляріи военнаго министерства для разсмотрѣнія дѣлъ по спорамъ и искамъ казны, поступающихъ къ военному министру или въ военный совѣтъ, состоитъ Ю. съ нѣсколькими помощниками, которые докладываютъ эти дѣла и наблюдаютъ за составленіемъ по нимъ журналовъ военнаго совѣта. При военно-окружныхъ совѣтахъ нѣкоторыхъ военныхъ округовъ состоятъ окружные Ю., на которыхъ возлагается: веденіе судебныхъ дѣлъ по искамъ, предъявляемымъ военнымъ вѣдомствомъ къ частнымъ лицамъ и частными лицами къ военному вѣдомству; разсмотрѣніе торговыхъ условій и юридическихъ вопросовъ, возникшихъ при производствѣ дѣлъ въ окружныхъ управленіяхъ; составленіе заключеній по дѣламъ военно-окружнаго совѣта по требованію предсѣдателя его; замѣщеніе въ засѣданіяхъ военно-окружнаго совѣта, члена отъ военнаго министерства въ случаѣ его болѣзни или отсутствія (ст. 478 — 481 кн. I С. В. П. 1869, приказы по военному вѣдомству 1903 г., № 122 и 309). Въ *морскомъ министерствѣ* Ю. является директоръ канцеляріи министерства, дающій адмиралтействъ-совѣту или управляющему министерствомъ заключенія по спорамъ между казною и частными лицами, по дѣламъ о морскихъ призахъ и вообще по юридическимъ вопросамъ. Помощники Ю. разсматриваютъ съ юридической стороны проекты контрактовъ и другихъ договорныхъ обязательствъ, заключаемыхъ учрежденіями морского министерства, даютъ заключенія по производящимся въ этихъ учрежденіяхъ спорнымъ между казной и частными лицами дѣламъ, а равно по возникающимъ юридическимъ вопросамъ, наконецъ ведутъ исковыя дѣла морского вѣдомства въ судебныхъ мѣстахъ. Въ портахъ эти обязанности возлагаются на Ю. порта (ст. 79—80 и 144 кн. I Св. Морск. П., 1886). *А. С. Л.*

Юристъ—общедоступный еженедѣльный журналъ съ ежемѣсячнымъ безплатнымъ приложеніемъ, издается въ СПб. съ 1902 г. Издатель прис. пов. Н. Б. Полыновъ. Редакторы прис. пов. Н. П. Карабчевскій и Л. Д. Ляховецкій.

Юричичъ (Juraj Juričić)—далматинецъ, одинъ изъ первыхъ дѣятелей на пользу распространенія реформаціи среди южно-славянскихъ народностей, главнымъ образомъ у словинцевъ. Онъ трудился надъ составленіемъ книгъ въ этомъ духѣ на хорватскомъ нарѣчіи и съ глаголическимъ письмомъ. Въ сотрудничествѣ съ другими писателями издалъ «Confessio Augsburgica» (Тюбингенъ, 1563) и «Red crkveni» (ib., 1564).

Юришъ (Конрадъ Jurisch) — нѣм. химикъ, профессоръ шарлоттенбургскаго политехническаго института (род. въ 1846 г.). Его труды: «Darstellung der Gesetze d. Elektrolyse» (1872); «Fabrikation von chlorsaurem Kali» (1888); «Grundlage der Philosophie der Kultur» (Берлинъ, 1890); «Die Verunreinigung der Gewässer» (ib., 1890); «Handbuch der Schwefelsäurefabrikation» (Штуттгартъ, 1893); «Die Fabrikation der Schwefelsaurer Thonerde» (Берлинъ 1894); «Ueber Gefahren für die Arbeiter in chemischen Fabriken, Unfallverhütungsmittel und Arbeitsbedingungen. Eine durch den englischen Parlamentsbericht von 1893 veranlasste kritische Besprechung englischer und deutscher Industrieverhältnisse» (Берл., 1895); «Grundzüge des Luftrechts» (ib., 1897).

Юрій—славянская передѣлка имени Георгій (старо-слав. Гюргій). О русскихъ князьяхъ Юріяхъ см. Георгіи, VIII, 420—427. Согласно фонетическимъ свойствамъ различныхъ славянскихъ языковъ и нарѣчій, это имя звучитъ у поляковъ Jerzy (Ержи), у чеховъ Jiři (Иржи), у словинцевъ Jûr, Dûr (Юръ, Дюръ), у сербовъ Јурај (Юрай), Ђорђе (Джорджье), у хорватовъ Juraj (Юрай), Djordje (Дьордьо) и т. д. Въ старомъ русскомъ яз. въ качествѣ уменьшительнаго или ласкательнаго употреблялось также *Дюрдя*.

Юрій Владиміровичъ Долгорукій—князь суздальскій и вел. князь кіевскій, см. Георгій Владиміровичъ Долгорукій (VIII, 422).

1090 г. Историческія судьбы и складъ жизни древнерусскаго общества много способствовали процвѣтанію на Руси юродства. Ни одна страна не можетъ представить такого обилія Ю. и примѣровъ такого необыкновеннаго уваженія къ нимъ, какъ древняя Русь. Въ продолженіе лишь 3 вѣковъ (XIV—XVI) на Руси насчитывается *не менѣе* 10 Ю. святыхъ, тогда какъ въ общемъ мѣсяцесловѣ православной церкви въ теченіе 5 вѣковъ (VI—X) не болѣе 4 Ю. святыхъ, принадлежащихъ различнымъ странамъ. Не говоримъ уже о Ю. неканонизованныхъ, которыхъ было очень много въ древней Россіи (весьма многіе изъ нихъ упоминаются въ «Святой Руси», арх. Леонида) и которые народомъ больш. частью также считались святыми. См. Васильевъ, «Исторія канонизаціи русскихъ святыхъ» (М., 1893); Яхонтовъ, «Житія св. сѣвернорусскихъ подвижниковъ» (Казань, 1882); В. О. Ключевскій, «Древнерусскія житія святыхъ, какъ историческій источникъ» (М., 1871, 4 приложеніе). Древнерусское общество много традало отъ неправды, корыстолюбія, эгоизма, личнаго произвола, отъ притѣсненія и угнетенія бѣдныхъ и слабыхъ богатыми и сильными. При такихъ обстоятельствахъ печальниками русскаго народа являлись иногда Христа ради Ю. Общеизвѣстно смѣлое обличеніе Іоанна Грознаго псковскимъ юродивымъ Николою Салосомъ. Василій Блаженный нерѣдко обличалъ Грознаго Іоанна; блаженный Іоаннъ Московскій безпощадно обвинялъ Бориса Годунова въ участіи въ убійствѣ царевича Димитрія. Художественный типъ юродиваго древне-русской жизни созданъ Пушкинымъ въ «Борисѣ Годуновѣ». Л. Н. Толстой, въ своемъ «Дѣтствѣ», симпатизируетъ, повидимому, юродивому и матери Иртеньева, считающей юродиваго «Божьимъ человѣкомъ».—Во второй половинѣ XVI в. въ Русской землѣ было уже много храмовъ, въ которыхъ почивали мощи прославленныхъ церковью Ю., или которые были построены во имя ихъ. Новгородъ славилъ Николая Кочанова, Михаила Клопскаго, Іакова Боровицкаго, Устюгъ—Прокопія и Іоанна, Ростовъ—Исидора, Москва—Максима и Василія Блаженнаго, Калуга—Лаврентія, Псковъ—Николу Салоса. Съ конца XVI в. число Ю. въ Русской землѣ замѣтно уменьшается; только немногіе изъ нихъ достигли прославленія. Нельзя сказать съ опредѣленностью, какъ рано на Востокѣ появились лжеюродивые; по всей вѣроятности, когда восточное иночество стало утрачивать духъ древне-христіанскаго подвижничества, вмѣстѣ съ истинно-юродивыми стали появляться и мнимо-юродивые. Какъ рано на Руси явились мнимо-юродивые—на это есть прямыя указанія лишь начиная съ XVI вѣка. Іоаннъ Грозный во второмъ посланіи къ собору жаловался, что «лживые пророки, мужики и женки, и дѣвки, и старыя бабы бѣгаютъ изъ села въ село, нагіе и босые, съ распущенными волосами, трясутся и бьются, и кричатъ: св. Анастасія и св. Пятница велятъ имъ». Въ слѣдующемъ затѣмъ столѣтіи о такихъ лжеюродивыхъ упоминаютъ патріархъ Іоасафъ 1-й (въ указѣ 1636 г.) и соборъ 1666—1667 г. Церковная власть временъ Петра I преслѣдовала лжеюродивыхъ (ханжей), которыхъ предписывалось помѣщать въ монастыри «съ употребленіемъ ихъ въ трудъ до конца жизни»; указомъ 1732 года воспрещалось «впускать юродивыхъ въ кощунныхъ одеждахъ въ церкви», гдѣ они кричали, пѣли и дѣлали разныя безчинства во время богослуженія, единственно изъ корыстнаго желанія обратить на себя вниманіе богомольцевъ. И въ настоящее время иногда являются лжеюродивые и находятъ немало почитателей. См. свящ. Іоаннъ Ковалевскій, «Юродство о Христѣ и Христа ради юродивые восточной и русской церкви» (М., 1895; здѣсь же и житія Ю.).

Юрокъ или *вьюрокъ* (Fringilla montifringilla)—см. Вьюрокъ.

Юрсенъ (Marie-Anne de la Trémoille, princesse des Ursins, 1642—1722)—франц. политическая дѣятельница. Происходя изъ знатнаго рода, она была сначала замужемъ за княземъ Таллейранъ-Шалэ, а послѣ его смерти вступила въ бракъ съ Флавіо Орсини, герцогомъ Браччіано, и поселилась въ Римѣ. Ея салонъ, охотно посѣщавшійся лучшимъ римскимъ обществомъ, сдѣлался центромъ французскаго вліянія въ Римѣ. Ю. обладала большой настойчивостью и способностями настоящаго дипломата. Людовикъ XIV благоволилъ къ ней и пользовался ея услугами для торжества французской политики въ Римѣ. Послѣ смерти мужа (1698 г.) она переселилась во Францію, принявъ титулъ принцессы des Ursins. Король назначилъ ей значительную пенсію. Когда Филиппъ Анжуйскій отправлялся въ Испанію занять престолъ, Ю. была назначена главной статсъ-дамой (camerera mayor) при юной королевѣ Маріи-Луизѣ. Благодаря молодости и слабохарактерности обѣихъ супруговъ Ю. имѣла на нихъ большое вліяніе и фактически была правительницей Испаніи во время войны за испанское наслѣдство. Она покорно исполняла предписанія Людовика XIV. Кардиналу д'Эстре удалось, однако, оклеветать ее предъ версальскимъ дворомъ, и она внезапно была вызвана во Францію. Она очаровала престарѣлаго короля и, повидимому, расчитывала занять мѣсто г-жи Ментенонъ, но, убѣдившись въ неисполнимости этого плана, вернулась въ Испанію, вполнѣ утвердивъ свое положеніе. Особенную услугу она оказала Филиппу V, когда Людовикъ XIV, послѣ ряда неудачъ, принужденъ былъ покинуть своего внука на произволъ судьбы: по ея совѣту Филиппъ сталъ во главѣ испанскаго національнаго движенія, и это помогло ему сохранить корону. Въ благодарность за это Филиппъ хотѣлъ выговорить для нея при заключеніи мира небольшое княжество въ Бельгіи, но это ему не удалось. Послѣ смерти молодой королевы, Ю. выбрала Филиппу въ жены Елизавету Фарнезе, принцессу Пармскую, расчитывая и при ней сохранить свое положеніе; но Елизавета рѣзко оттолкнула ее, велѣла ночью арестовать и выслать за предѣлы Испаніи (1714). Во Франціи Ю. встрѣтила тоже холодный пріемъ и

конецъ своей жизни провела въ Римѣ. Ея письма издалъ Geffroy (1859 г.). См. Combes, «La princesse des Ursins» (1858).

Юрская система и періодъ—средній изъ трехъ крупныхъ геологическихъ образованій, на которыя дѣлится мезозойская группа и эра (XVIII, 941). Названіе Ю. системы происходитъ отъ цѣпи Юрскихъ горъ, гдѣ она развита наиболѣе полно. Названіе *оолитовой* системы или *оолитъ*, даваемое прежде этой системѣ вслѣдствіе нахожденія среди ея отложеній оолитовыхъ известняковъ, въ настоящее время не употребляется. Подраздѣленіе Ю. системы первоначально было сдѣлано въ Англіи Вильямомъ Смитомъ. Вскорѣ затѣмъ Леопольдъ фонъ Бухъ въ Германіи раздѣлилъ эту систему на три отдѣла: нижній или *черная юра*, средній—*бурая юра*, и верхній—*бѣлая юра*, руководствуясь преобладающей окраской горныхъ породъ въ каждомъ изъ этихъ отдѣловъ. Но дальнѣйшія изслѣдованія какъ въ Германіи, такъ и въ другихъ странахъ показали, что окраска является признакомъ непостояннымъ, а потому въ Германіи предложено было обозначеніе этихъ трехъ отдѣловъ названіями: черная юра или *лейасъ* (lias), бурая юра или *доггеръ* и бѣлая юра или *мальмъ*. Это дѣленіе и принято въ настоящее время въ геологіи. Эти главные отдѣлы Ю. системы подверглись расчлененію на болѣе мелкія подраздѣленія. Сначала французскій палеонтологъ д'Орбинып раздѣлилъ всю систему на десять подотдѣловъ или ярусовъ, указанныхъ имъ среди отложеній различныхъ странъ. Другой изслѣдователь Квенштедтъ, изучившій отложенія Ю. системы Швабіи, раздѣлилъ каждый отдѣлъ на шесть ярусовъ, а нѣкоторые ярусы—на болѣе мелкія подраздѣленія. Принятое теперь подраздѣленіе Ю. системы слѣдующее:

Мальмъ.	9	ярусъ	Портландскій.
	8	»	Киммериджскій.
	7	»	Оксфордскій.
Доггеръ.	6	»	Келловейскій.
	5	»	Батскій.
	4	»	Баіоскій.
Лейасъ.	3	»	Тоарскій.
	2	»	Лейасскій.
	1	»	Синемюрскій.

Подраздѣленіе, принятое французскими геологами, отличается отъ даннаго только тѣмъ, что нижняя часть Синемюрскаго яруса выдѣляется въ особый *Геттангскій* ярусъ, и между отложеніями Оксфордскаго и Киммериджскаго ярусовъ различаютъ еще отложенія *Секванскаго* яруса. Ученикъ Квенштедта Оппель, на основаніи извѣстнаго опредѣленнаго распредѣленія аммонитовъ въ каждомъ изъ приведенныхъ въ таблицѣ ярусовъ, подраздѣлилъ ихъ на палеонтологическія зоны (XII, 670), обозначающіяся названіемъ наиболѣе характернаго аммонита, заключающагося въ нихъ. Такимъ образомъ лейасъ раздѣляется на 14 зонъ, доггеръ на 11 и мальмъ на 8. Кромѣ того было установлено, что характеръ зонъ измѣняется въ зависимости отъ внѣшнихъ условій и мѣстности. Установленіе такихъ мелкихъ подраздѣленій имѣетъ то значеніе для науки, что даетъ возможность выяснить законы распространенія и видоизмѣненія ископаемыхъ организмовъ и приблизиться къ рѣшенію вопроса о сущности происхожденія видовъ. Послѣдовательность установленныхъ для Средней Европы зонъ была константирована впослѣдствіи даже въ мѣстностяхъ весьма отдаленныхъ. Такъ, юрскія отложенія Куча близъ устья р. Инда, Экваторіальной Африки, Южной Америки и Австраліи оказались весьма сходными съ европейскими и расчленяющимися на тѣ же палеонтологическія зоны, которыя установлены въ Европѣ. Но это сходство замѣчается только между отложеніями, содержащими морскую фауну, выраженную главнымъ образомъ свободно плавающими животными открытаго моря—аммонитами. Если же отложенія не заключаютъ въ себѣ аммонитовую фауну (какъ напр. коралловые рифы), то такія отложенія не поддаются ни подраздѣленію на зоны, ни сравненію съ сосѣдними аммонитовыми отложеніями. Иногда случается, что ближайшія отложенія съ аммонитовою фауною не обнаруживаютъ одинаковаго раздѣленія на зоны; это обстоятельство можетъ быть объяснено принадлежностью этихъ отложеній двумъ различнымъ бассейнамъ, разобщеннымъ между собою сушею. Поэтому одинаковому зональному подраздѣленію поддаются только отложенія одного и того же морского бассейна; съ другой стороны сходство или несходство морской фауны двухъ областей даетъ возможность судить, были ли морскіе бассейны въ эпоху ихъ образованія соединены или разобщены и такимъ образомъ получается возможность опредѣлить границы морей и материковъ въ каждую эпоху. Съ другой стороны, зная, что, въ зависимости отъ географическаго положенія мѣстности отложенія одного и того же бассейна обнаруживаютъ несходство въ распредѣленіи нѣкоторыхъ родовъ животныхъ и пр., является возможность заключить, что и раньше составъ фауны зависѣлъ отъ климатическихъ условій. Въ результатѣ детальное изученіе послѣдовательнаго появленія и географическаго распредѣленія ископаемыхъ организмовъ позволяетъ возстановить картину физико-географическихъ условій Ю. періода. Такую детальную реставрировку этого періода впервые представилъ знаменитый австрійскій геологъ Неймайръ, изучившій обширныя коллекціи юрскихъ окаменѣлостей различныхъ мѣстностей. Хотя и раньше Неймайра Л. фонъ Бухъ еще въ 1846 году указывалъ на существованіе въ Ю. періодъ трехъ отдѣльныхъ провинцій въ Зап. Европѣ, но недостатокъ матеріала въ то время не далъ возможности ему дать болѣе подробную картину прошлаго. Неймайру же удалось не только реставрировать распредѣленіе материковъ и морей юрскаго періода, но и указать на вліяніе мѣстныхъ условій и климата. Первоначально Неймайръ установилъ для Европы три провинціи, отличающіяся какъ въ литологическомъ, такъ и въ палеонтологическомъ отношеніи: *среднеевропейской провинціей* онъ назвалъ площадь, занятую Ю. отложеніями

Англіи, Франціи и Германіи, *средиземноморскою провинціей*—область развитія альпійскихъ Ю. отложеній, а область, занятую Ю. отложеніями Россіи—*русскою* или *бореальною провинціей*. Но болѣе подробное изученіе Ю. отложеній различныхъ странъ дало возможность Неймайру впослѣдствіи представить еще болѣе подробную реставрировку распредѣленія материковъ и морей и установить четыре области, подраздѣляемыя на провинціи:

I. *Сѣверная* или *бореальная область*, состоящая изъ трехъ провинцій: 1) арктической, 2) русской и 3) гималайской.

II. *Сѣверно-умѣренная область:* 1) средне-европейской, 2) каспійской, 4) пенджабской и 4) калифорнской.

III. *Экваторіальная область:* 1) альпійской или средиземноморской, 2) крымско-кавказской, 3) южно-индійской, 4) эѳіопской, 5) колумбійской (5a караибской) и 6) перуанской.

IV. *Южно-умѣренная область:* 1) чилійской, 2) новозеландской, 3) австралійской и 4) капской.

Эти области, распредѣляясь на земной поверхности поясами, тянущимися съ запада на востокъ, то совпадая съ параллелями, то уклоняясь отъ нихъ, указываютъ на существованіе въ Ю. періодъ климатическихъ зонъ. Различіе указанныхъ провинцій, повидимому, обусловливалось не только климатическими условіями, но и другими физико-географическими причинами. Въ составъ отложеній Ю. системы входятъ различныя горныя породы. Такъ, среди образованій *черной юры* или *лейаса* преобладаютъ породы, окрашенныя въ темный цвѣтъ—сѣрый, бурый или черный: глины обыкновенныя и сланцеватыя (содержащія главнымъ образомъ окаменѣлости), глинистые и песчанистые сланцы, рухляки, песчаники и отчасти известняки. Общая толща горныхъ породъ лейаса достигаетъ 100 метровъ мощности. Отложенія *бурой юры* или *доггера*, мощностью около 400 метровъ, состоятъ изъ песчаниковъ, рухляковъ, глинъ, оолитовыхъ известняковъ, окрашенныхъ то въ свѣтлые, то въ бурые цвѣта. Наконецъ горныя породы, слагающія собою *бѣлую юру* или *мальмъ* состоятъ преимущественно изъ бѣлыхъ или свѣтло-желтыхъ известняковъ, доломитовъ и рухляковъ. Песчаники и глины здѣсь не играютъ уже главной роли. Общая толща отложеній мальма достигаетъ 300 метровъ. Изъ полезныхъ ископаемыхъ въ отложеніяхъ Ю. системы встрѣчается каменный уголь, оолитовыя желѣзныя руды, сферосидеритъ. Общая характеристика Ю. системы растительными и животными организмами выразится слѣдующимъ образомъ: наземная флора была представлена хвойными цикадовыми и тайнобрачными растеніями; фауна состояла изъ безпозвоночныхъ, среди которыхъ многочисленны строящіеся кораллы, моллюски, особенно головоногія—аммониты и белемниты, и позвоночныхъ: первыя костистыя рыбы, многочисленныя ящеры, первыя настоящія зубастыя птицы и сумчатыя животныя. О вулканической дѣятельности въ юрскій періодъ можно судить по выходамъ изверженныхъ породъ. Немногочисленность этихъ выходовъ свидѣтельствуетъ, что вулканическая дѣятельность въ этотъ періодъ проявлялась значительно слабѣе, чѣмъ въ предыдущіе періоды. Изверженія юрскаго періода указаны на островахъ Скай и Моль у западныхъ береговъ Шотландіи, гдѣ среди лейаса обнаружены базальты, сіениты и кварцевые порфиры. Въ Пиренеяхъ встрѣчается гранитъ въ видѣ жилъ среди лейасовыхъ сланцевъ, а потому изверженіе его произошло послѣ образованія лейасовыхъ породъ. Кромѣ того изверженныя породы юрскаго періода извѣстны въ Мореѣ. Въ Россіи изверженныя породы этого періода извѣстны только въ Крыму и на Кавказѣ (діабазы, мелафиры и порфириты) и въ Сибири на р. Вилюѣ, по берегамъ Енисея въ Иркутской губерніи и въ другихъ мѣстахъ. Флора и въ особенности фауна юрскаго періода весьма обильны.

Флора лейаса. Среди растеній лейаса впервые начинаютъ появляться, на ряду съ видами, свойственными влажнымъ мѣстамъ, представители, характеризующіе собою скорѣе сухія мѣстности. Эта флора состоитъ изъ хвойныхъ Araucarites, Baiera, Palissya, Schizolepis. Изобилуетъ она также цикадовыми, особенно родами, свойственными влажнымъ мѣстамъ, каковы Podozamites, Pterozamites, Pterophyllum, Nilssonia. Папоротники выражены главнымъ образомъ родами: Clathropteris, Thiunfeldia, Dictyophyllum, Taeniopteris, а также родомъ Glossopteris, вымершимъ уже въ Австраліи и удержавшимся еще въ Тонкинѣ въ началѣ лейасовой эпохи. Наиболѣе значительную роль среди папоротниковъ играли въ теченіе всего періода семейства Osmondeae и Schizeaceae, къ которымъ принадлежитъ большинство такъ называемыхъ Asplenites и Acrostichites. Къ фукоиднымъ относятъ отпечатки. извѣстные подъ названіями Chondrites, Shaerococcites и др., въ изобиліи встрѣчающіеся въ нѣкоторыхъ лейасовыхъ сланцахъ.

Фауна лейаса отличается большимъ разнообразіемъ. Корненожки, въ видѣ мелкихъ, преимущественно микроскопическихъ формъ распространены главнымъ образомъ въ рухлякахъ. Кораллы представлены бѣдно, особенно въ Зап. Европѣ, гдѣ извѣстенъ родъ Montlivaultia и Thecocyathus. Но въ альпійской области встрѣчаются во множествѣ строящіеся кораллы изъ рода Lithodendron. Креноидеи, особенно родъ Pentacrinus (табл. I фиг. 6), встрѣчаются какъ въ видѣ цѣльныхъ экземпляровъ, такъ и въ видѣ отдѣльныхъ чашечекъ и члениковъ. Среди морскихъ ежей уже не встрѣчаются палеозойскіе представители, которые замѣщены здѣсь представителями группы Regulares. Вообще морскіе ежи лейаса немногочислены и относятся преимущественно къ родамъ Diadema или Microdiadema и Diademopsis. Изъ плеченогихъ преобладаютъ роды Rhynchonella, Zeilleria и Terebratula (табл. I фиг. 9). Среди пластинчатожаберныхъ особенно были распространены устрицы (Ostreae), въ особенности съ загнутою макушкою изъ рода Gryphaea. Кромѣ устрицъ встрѣчаются въ изобиліи роды Avicula, Lima, Plagiostoma, Pecten, Plicatula

ЮРСКАЯ СИСТЕМА I.

Черная юра (*Лейасъ*): 1. Psiloceras psilonotum. 2. Amaltheus costatus. 3. Schlotheimia angulata. 4. Arietites Bucklandi (1/2 натур. велич.). 5. Belemnites digitalis. 6. Pentacrinus basaltiformis. 7. Lytoceras fimbriatum (1/3 нат. вел.). 8. Plicatula spinosa. 9. Terebratula numismalis.—*Бурая юра* (*Доггеръ*): 10. Rhynchonella varians. 11. Lioceras opalinum. 12. Trigonia costata. 13. Pecten (Ammussium) personatus. 14. Parkinsonia Parkinsoni.

ЮРСКАЯ СИСТЕМА. II.

Бурая юра (*Доггеръ*): 1. Cosmoceras ornatum. 2. Pleurotomaria conoidea. 3. Pholadomya Murchisoni. 4. Belemnites (Belemnopsis) absolutus.—*Бѣлая юра* (*Мальмъ*): 5. Oppelia tenuilobata. 6. Megerlea pectunculus. 7. Pteroceras (Harpagodes) Oceani. 8. Terebratula digona. 9. Aspidoceras bispinosum ($^1/_3$ нат. вел.). 10. Isastraea helianthoides. 11. Exogyra virgula. 12. Cnemidiastrum rimulosum. 13. Pygope diphya. 14. Glypticus hieroglyphicus. 15. Perisphinctes colubrinus. 16. Игла Cidaris florigemma. 17. Thecosmilia trichotoma ($^1/_3$ нат. вел.). 18. Phylloceras ptychoicum.

Брокгаузъ-Ефронъ, „Энцикл. Слов.“

табл. I фиг. 8), Cardinia, Posidonia и впервые появляется родъ Trigonia. Брюхоногіе моллюски представлены родами Turbo, Trochus, Pleurotomaria, Ampullaria, Eucyclus, Littorina и др. Изъ головоногихъ моллюсковъ *белемниты*, выраженные въ тріасѣ только двумя родами, фигурируютъ въ лейасѣ въ видѣ настоящихъ белемнитовъ, представленныхъ многочисленными типами. Они принадлежатъ къ семействамъ Acuarii, Clavati и Bipartiti, Belemnites acutus B. paxillosus, B. irregularis и B. clavatus. Аммониты въ лейасѣ претерпѣваютъ значительное измѣненіе. Кромѣ сем. Phylloceratidae и Lytoceratidae всѣ остальныя семейства, жившія въ тріасовый періодъ, оказываются въ лейасовую эпоху уже вымершими, и здѣсь появляются внезапно новыя формы. Сначала въ нижнихъ слояхъ лейаса появляются здѣсь представители изъ сем. Aegoceratidae: Psiloceras (табл. I фиг. 1), Arietites (табл. I фиг. 4), Schlotheimia (табл., фиг. 3); позднѣе встрѣчаются изъ того же семейства роды: Aegoceras, Deroceras и Hammatoceras, а изъ сем. Harpoceratidae—родъ Harpoceras и подроды—Ludwigia, Hildoceras, Grammoceras, Lioceras, къ нимъ присоединяются представители сем. Amaltheidae—Oxynoticeras, Amaltheus (табл. I фиг. 2); затѣмъ Phylloceras, Lytoceras (табл., фиг. 7) и наконецъ Coeloceras. Всѣ семейства лейасовыхъ аммонитовъ, за исключеніемъ сем. Aegoceratidae, существовали до конца Ю. періода, что послужило существеннымъ основаніемъ считать юрскія образованія принадлежащими къ одной только системѣ. Кромѣ того надо замѣтить, что только въ эпоху образованія верхняго яруса лейаса характерные для средиземноморской области роды Lytoceras, Hammatoceras и Lillia приспособляются къ климатическимъ условіямъ центральной Европы, благодаря, повидимому, теплому теченію съ юга, обусловившему вмѣстѣ съ тѣмъ быстрое исчезновеніе настоящихъ Amaltheidae, принадлежащихъ къ формамъ сѣверныхъ морей. Ракообразныя весьма рѣдки. Насѣкомыя, напротивъ, многочисленны; въ лейасовыхъ отложеніяхъ Англіи и Швейцаріи найдены многочисленные представители жесткокрылыхъ и сѣтчатокрылыхъ, рѣже встрѣчаются полужесткокрылыя, прямокрылыя и перепончатокрылыя. Рыбы выражены формами, происходящими прямо отъ формъ тріасовыхъ. Здѣсь встрѣчаются изъ акуловыхъ Hibodus, Acrodus, изъ костистыхъ ганоидъ—Lepidotus и Ptycholepis весьма многочисленны, продолжаютъ существовать и роды Belonorhynchus и Saurichtys. Единственный родъ Mesodon является предвозвѣстникомъ ганоидныхъ пикнодонтовыхъ, господствовавшихъ впослѣдствіи въ верхне-юрскую эпоху. Земноводныхъ не найдено ни въ лейасѣ, ни въ другихъ отдѣлахъ Ю. системы. Изъ пресмыкающихся встрѣчаются крокодилы съ маленькой головой, покрытой костистыми пластинками: Belodon, Mystriosaurus, Pelagosaurus и Macrospondylus. Изъ морскихъ пресмыкающихся особенно характеренъ для лейаса *ихтіозавръ* (см. XIII, 601), хотя первые представители этого рода появились уже въ тріасѣ; кромѣ того здѣсь впервые встрѣчается другой родъ гигантскаго плавающаго пресмыкающагося—*плезіозавръ* (см. XXIII, 866), а также родъ нотозавръ (Nothosaurus), уже извѣстный въ тріасѣ. Здѣсь же древнѣйшіе слѣды крылатыхъ ящеровъ или *птерозавровъ*—Dimorphodon, Dorygnathus. Изъ динозавровъ извѣстенъ въ лейасѣ Европы только родъ Scelidosauras. Млекопитающія представлены только маленькими сумчатыми: Microlestes antiques и Hypsiprymnopsis rhauticus.

Флора бурой юры или доггера въ Европѣ не богата. Папоротники принадлежатъ къ типамъ возвышенныхъ и сухихъ мѣстъ, какъ свидѣтельствуетъ тонкая и скудная листва Ctenopteris и Lomatopteris. Среди цикадовыхъ извѣстны какъ представители влажныхъ мѣстъ Pterozamites, такъ и мѣстностей сухихъ — Zamites, Otozamites, Pterophyllum, Beania и др. Хвойныя были крупныхъ размѣровъ; однѣ изъ нихъ были аналогичны араукаріямъ, другія ципреямъ, а нѣкоторыя секвоямъ, появившимся впервые въ эту эпоху. Кромѣ того изъ таксинов. здѣсь встрѣчается Baiera и Gingko. Въ сѣверныхъ областяхъ (Англія, Европейская Россія, Сибирь и др.) извѣстно болѣе сотни видовъ растеній: папоротниковъ — Thyrsopteris, Dicksonia, Asplenium; цикадовыхъ — Podozamites, Nilssonia, Anomozamites; хвойныхъ — Baiera, Gingko, Pinus. Отпечатки, извѣстные подъ именемъ Chondrites и Cancellophycus считаютъ за слѣды морскихъ водорослей. Вся флора этой эпохи была вообще бѣдна, однообразна и мало пригодна въ качествѣ пищи животныхъ.

Фауна доггера довольно разнообразна. Кораллы, преимущественно строящіеся, выражены родами: Calamophyllia, Isastraea, Thamnastraea и др. Изъ криноидъ роды Pentacrinus и Apocrinus весьма многочисленны. Морскіе ежи весьма разнообразны; изъ группы Regulares здѣсь развиваются Cidaris, Acrosalenia, изъ группы Irregulares, весьма немногочисленныхъ въ предыдущую эпоху, появляются здѣсь представители родовъ Clypeus, Hybolypeus, Echinobrissus и др. Чрезвычайно обильны изъ плеченогихъ роды Rhynchonella (табл. I фиг. 10), Aconthothyris, Waldheimia, Zeilleria, Terebratula, Eudesia и Dictyothyris. Среди пластинчатожаберныхъ преобладаютъ: Ostrea, Avicula, Pecten (таб. I ф. 13), Pholadomya (табл. II ф. 3), Homomya, Posidonia. Роды Lima, Limtula и Ctenostreon достигаютъ здѣсь своего апогея. Типичныя формы Trigonia (т. I ф. 12) вытѣсняютъ родъ Myophoria. Начинаютъ развиваться роды Inoceramus, Perna, Mytilus и Modiola. Брюхоногіе моллюски, особенно многочисленные въ прибрежныхъ и коралловыхъ образованіяхъ, принадлежатъ преимущественно къ родамъ: Pleurotomaria (табл. II фиг. 2), Purpuroidea, Patella, Straparollus, Natica и др. Здѣсь же впервые появляются прѣсноводныя формы Neritina, Planorbris, Paludina и Melania. Среди головоногихъ аммониты весьма многочисленны. Къ существовавшимъ въ началѣ родамъ Harpoceras (съ подродомъ Lioceras, табл. I фиг. 11), Ludwigia, Hammatoceras, Erycites и Dumortieria, присоединяются аммониты изъ группы Amaltheidae. Haplopleuroceras, Sonninia, Zurcheria, вернув-

шіеся вслѣдствіе внезапнаго наступанія моря въ Зап. Европѣ, благодаря существовавшему въ то время теченію съ сѣвера. Группа Stephanoceratidae достигаетъ сильнаго развитія: Coeloceras, Morphoceras, Sphaeroceras, затѣмъ Cosmoceras (табл. II ф. 1), Oppelia, Parkinsonia (табл. I фиг. 14), а въ южной области—Phylloceras и Lytoceras. Также встрѣчаются здѣсь и развернутыя формы аммонитовъ—Toxoceras. Среди многочисленныхъ белемнитовъ (табл., фиг. 4) извѣстны группы Canaliculati, Hastati, а также крупные Acnarii (Megateuthis). Рыбы выражены родами, встрѣчающимися въ лейасѣ и позднѣе въ мальмѣ. Остатки ихъ (Ceratodus) извѣстны только въ Каенѣ и Стонсфильдѣ. Изъ пресмыкающихся встрѣчаются: птерозавръ—Rhamphocephalus, крокодилы — Teleosaurus, крупные динозавры—Megolosaurus и Cetiosaurus, достигавшій 12 метровъ длины. Млекопитающія встрѣчены здѣсь въ видѣ маленькихъ сумчатыхъ: Amphitherium, Stereognathus, Phascoloterium и др.

Флора бѣлой юры или ***мальма*** близка къ флорѣ доггера. Папоротники (Cycadopteris) такъ же какъ и тамъ съ плохой листвой. Цикадовыя сухихъ мѣстностей (Zamites) многочисленны и достигаютъ здѣсь своего апогея. Хвойныя (Brachyphyllum) отличались голыми стеблями. Особенно важно появленіе здѣсь первыхъ представителей сосудосѣмянныхъ растеній, найденныхъ въ самыхъ верхнихъ отложеніяхъ юры Португаліи (Rhizocaulon).

Фауна бѣлой юры или ***мальма*** очень разнообразна. Корненожки не многочисленны. Мшанковые кораллы напротивъ весьма обильны и вмѣстѣ съ настоящими кораллами принимали участіе въ образованіи цѣлыхъ слоевъ. Изъ коралловъ особенно часты Isastraea (табл. II фиг. 10), Thamastraea, Thecosmilia (табл. II ф. 17), Calamophyllia, Cnemidiastrum (табл. II фиг. 12). Изъ губокъ преобладали кремневые, рѣже встрѣчаются известковистые. Иглокожія выражены многочисленными морскими ежами изъ группы Regulares, а именно Cidaris (табл., фиг. 16), Hemicidaris, Acrocidaris, Rhabdocidaris, Glypticus (табл. II фиг. 14), а изъ группы Irregulares: Echinobrissus, Dysaster, Collyrites и др., а также криноидами: Eugeniacrinus, Millericrinus Blicatocrinus. Изъ плеченогихъ многочисленны Terebratula (табл. II ф. 8) и Rhynchonella Megerlea (табл. II ф. 6), а въ южныхъ областяхъ встрѣчаются оригинальныя формы Pygope (табл. II фиг. 13). Пластинчатожаберныя представлены многочисленными устрицами—Ostrea, Gryphaea, Alectryonia и впервые появляющимся здѣсь родомъ Egogyra (табл. II фиг. 11). Родъ Trigonia продолжаетъ здѣсь развиваться такъ же какъ Perna, Pholadomya, Ceromya, Astarte и др. Кромѣ того впервые появляются Chamidae, представленные родомъ Diceras (фиг. въ текстѣ). Изъ брюхоногихъ чаще встрѣчаются: Phasianella, Chemnitzia, Pseudomelania, Itieria, Nerinea, Zittelia, а также оригинальный родъ Pterocera (табл. II фиг. 7). Среди головоногихъ белемниты очень разнообразны и принадлежатъ къ различнымъ группамъ. Изъ аммонитовъ преобладаютъ Perisphinctes (табл. II фиг. 15), Oppelia (табл. II фиг. 5), Neumayria, Haploceras, Macrocephalites, Stephanoceras, Holcostephanus, Aspidoceras (табл. II фиг. 9), Simoceras, Reineckia, Peltoceras, Phylloceras (табл. II фиг. 18), характерный для южной области и Cardioceras, характерный для сѣверной. Кромѣ того часто встрѣчаются аптихи (Aptychus). Среди рыбъ замѣчается уменьшеніе числа гетероцерковыхъ ганоидныхъ, изъ которыхъ извѣстенъ только одинъ родъ Coccolepis. Напротивъ, большая часть рыбъ принадлежитъ къ отрядамъ Lepidosteae, Amiadae и Pycnodontae—Gyrodus, Microdon, Mesodon, а также изъ группы Clupeidae—Leptolepis, Thrissops и др. Изъ пресмыкающихся встрѣчаются крокодилы Metriorhynchus и Geosaurus, а также короткорылые Alligatorellus и Atoposaurus. Черепахи обильны и большею частью принадлежатъ къ формамъ морскимъ Plesiochelys, а также предшественниковъ наземныхъ—Eurysterum, Thalassemys и др. Изъ птерозавровъ весьма интересны летающіе ящеры: Pterodactylus и Rhamphorynchus (см. XXV, 713—714, фиг. въ текстѣ). Изъ динозавровъ встрѣчаются: Omosaurus, Camptosaurus, Compsognathus и оригинальные Brontosaurus и Atlantosaurus, достигавшій 34 метровъ длины. Весьма интересно нахожденіе здѣсь первой зубастой птицы Archaeopterix (см. II, 252) въ Золенгофенскомъ литографическомъ сланцѣ. Млекопитающія здѣсь выражены все еще низшими типами, Spalacotherium, Plagiaulax, Galestes Triconodon. Большинство съ признаками насѣкомоядныхъ. Особенно много остатковъ найдено на островѣ Пурбекѣ и въ Скалистыхъ горахъ. Въ послѣдней мѣстности найдено множество родовъ Dryolestes, Stylacodon, Ctenacodon, Tinodon, Diplocynodon и др.; нѣкоторые изъ нихъ совмѣщаютъ въ себѣ признаки послѣдовыхъ и сумчатыхъ животныхъ. Въ Европѣ Ю. отложенія принадлежатъ къ тремъ типамъ или провинціямъ, занимающимъ значительныя площади. Отложенія средне-европейской провинціи развиты въ Англіи, Германіи, Австріи, во внѣальпійскихъ частяхъ Франціи, въ сѣверной Португаліи, въ сѣверозападной части Испаніи, в русской Польшѣ и въ южной Россіи. Къ альпійской или средиземноморской провинціи принадлежатъ Ю. отложенія Альпъ, Италіи, альпійской части Франціи, Карпатъ, Балканскихъ горъ, а также мѣстностей, лежащихъ къ югу. Наконецъ, третью провинцію составляютъ Ю. отложенія сѣверной и средней Россіи. Ю. образованія средне-европейскаго типа подраздѣляются слѣдующимъ образомъ: самый нижній лейасъ или *синемюрскій* ярусъ раздѣляется на семь зонъ, характеризующихся, начиная снизу: 1) Psiloceras planorbis, 2) Schlotheimia angulata, 3) Arietites Bucklandi, 4) Pentacrinus tuberculatus, 5) Arietites obtusus, 6) Oxynoticeras oxynotum, 7) Ophioceras rarieostatum. Французскіе геологи выдѣляютъ двѣ первыя (нижнія) зоны въ особый *геттангскій* ярусъ, а нѣкоторые причисляютъ сюда въ качествѣ самаго древняго яруса Ю. системы и *рэтскій* ярусъ, относимый другими къ самымъ верхнимъ осадкамъ тріаса. Изъ

другихъ ископаемыхъ формъ, характерныхъ вообще для синемюрскаго яруса, назовемъ: Lima gigantea, Cardinia concinua, Hippopodium ponderosum, Spirifer Walcotti и Pentacrinus scalaris. *Средній лейасъ* или *лейасскій ярусъ* раздѣляется на 5 зонъ: 8) Aegoceras Jamesoni, 9) Amaltheus ibex, 10) Aegoceras Davoei, 11) Amaltheus margaritatus и 12) Amaltheus spinatus. Кромѣ указанныхъ формъ, характерными для этого яруса являются: Aegoceras capricornum, Tropites costatus, Belemnites paxillosus, Gryphaea cymbium, Terebratula numismalis, Rhynchonella rimosa, Spirifer rostratus, Pentacrinus basaltiformis. *Тоарскій ярусъ* раздѣляется на четыре зоны: 13) Posidonomia Bronni, 14) Lytoceras jurense, 15) Harpoceras opalinum и 16) Harpoceras Murchisonae. Послѣдняя зона относится французскими геологами къ нижней части слѣдующаго байоскаго яруса бурой юры или доггера. Изъ другихъ ископаемыхъ тоарскаго яруса характерны: Phylloceras Leterophyllum, Harpoceras bifrons, H. serpentinum, H. lythense, Stephanoceras communis, Monotis striata. *Байоскій ярусъ* состоитъ изъ трехъ зонъ: 17) Harpoceras Sowerbyi, 18) Arietites Sauzei и 19) Stephanoceras Humphriesianum характерны кромѣ того для этого яруса: Nucula Hammeri и Trigonia navis. Также на три зоны раздѣляется *батскій* ярусъ: 20) Parkinsonia Parkinsoni (и зона Ostrea acuminata у французовъ), 21) Parkinsonia ferruginea и 22) Oppelia aspidoides и Perisphinctes procecus. *Келловейскій ярусъ* или *верхній доггеръ* (относимый французами къ верхнему отдѣлу юры) также дѣлится на три зоны: 23) Macrocephalites macrocephalus, 24) Reineckia anceps и 25) Peltoceras athleta. Двѣ послѣднія зоны соотвѣтствуютъ одной зонѣ съ Reineckia anceps и Stephanoceras coronatum франц. геологовъ, относящихъ эту зону къ нижнему келловею. Вообще, начиная съ келловейскаго яруса подраздѣленія на зоны бѣлой юры или мальма французскими геологами не совпадаютъ и не сходны съ подраздѣленіями нѣмецкихъ геологовъ. Кромѣ указанныхъ формъ, характерными вообще для келловейскаго яруса считаются: Belemnites subhastatus, Bel. canaliculatus, Trigonia costata, Terebratula digona. Въ Англіи въ известковомъ сланцѣ этого яруса найдены остатки пресмыкающихся, а также цикадовыхъ растеній (Pterophyllum Preslianum) и папоротниковъ. Нижняя часть бѣлой юры или мальма—*оксфордскій* ярусъ состоитъ изъ трехъ зонъ: 26) Aspidoceras perarmatum, 27) Peltoceras transversarium и 28) Peltoceras bimammatum. Этимъ зонамъ во Франціи соотвѣтствуютъ двѣ зоны, относимыя къ верхнему келловею: Cardioceras Lamberti и Oppelia Rengeri, а также двѣ зоны съ Cardioceras cordatum и Glypticus hieroglyphicus или Harpoceras canaliculatum—оксфордскаго яруса и зона Diceras arietinum или Harpoceras Marantianum рораkскаго подъяруса секванскаго яруса. Изъ другихъ характерныхъ ископаемыхъ формъ оксфордскаго яруса отмѣтимъ: Belemnites hastatus, Cidaris florigemma, Cidaris coronata, Trigonia clavellata, Terebratula impressa и Rhynchonella lacunosa. Киммериджскій ярусъ, состоящій изъ трехъ зонъ: 29) Oppelia tenuilobata, 30) Aspidoceras acanticum, 31) Oppelia lithographica. Этому же ярусу свойственны формы: Pteroceras oceani Waldeimia humeralis, Exogyra virgula и Aspidoceras orthoceras. Кромѣ того известняки этого яруса (въ Англіи и Германіи) изобилуютъ рифовыми кораллами изъ рода Cnemidiastrum, Hylaotragos и пр. Наконецъ, самый верхній *портландскій* ярусъ состоитъ изъ двухъ зонъ: 32) Olcostephanus portlandicus (портландскія отложенія) и 33) Corbula inflexa и серпулиты (пурбекскія отложенія). Послѣднія отложенія въ Англіи принадлежатъ своею верхнею частью къ образованіямъ солоноватыхъ и прѣсныхъ водъ, а нижнею—къ образованіямъ морскимъ и выдѣляются нѣкоторыми въ особый пурбекскій ярусъ; въ пурбекскихъ отложеніяхъ были найдены остатки ископаемыхъ пресмыкающихся и сумчатыхъ. Въ Швабіи, гдѣ имѣются всѣ три отдѣла Ю. отложеній, нижній отдѣлъ или лейасъ былъ подраздѣленъ еще Квенштедтомъ на три части, которыя въ свою очередь разбивались на болѣе мелкія подраздѣленія, обозначаемыя буквами греческаго алфавита; такимъ образомъ синемюрскій ярусъ заключаетъ слои α и β, лейасскій—γ и δ, тоарскій ϵ и ζ. Въ сѣверной Германіи Ю. отложенія тянутся полосою отъ границъ Голландіи къ востоку. Въ Верхней Силезіи ими занята обширная площадь. Кромѣ того Ю. отложенія извѣстны въ Вюртембергѣ, Моравіи, въ Саксонско-богемской Швейцаріи. Въ Золенгофенѣ интересны литографическіе сланцы, принадлежащіе частью къ киммериджскому и частью къ титонскому ярусамъ. Въ этихъ сланцахъ найдена первая птица (Archaeopterix); летающіе ящеры (Rhamphorynchus и Pterodactylus), динозавръ—Compsognatus, а также много хорошо сохранившихся остатковъ рыбъ, ракообразныхъ и насѣкомыхъ. Ю. отложенія Силезіи и окрестностей Кракова, относящіяся къ среднеевропейской провинціи, отличаются тѣмъ, что лейасовыя образованія и самыя нижнія зоны средней юры здѣсь отсутствуютъ. Въ Галиціи Ю. система начинается только известняками киммериджскаго яруса, лежащими непосредственно на палеозойскихъ образованіяхъ. Близкіе къ нимъ известняки встрѣчаются и далѣе къ востоку, напр. у Изюма, на Донцѣ и у горы Богдо въ Оренбургской губ. Всюду въ восточной части средне-европейской провинціи лейасовыя отложенія отсутствуютъ и Ю. система начинается съ какого-либо яруса средняго или верхняго отдѣла. То же наблюдается и въ другихъ провинціяхъ Ю. періода. За исключеніемъ Кавказа и Крыма, во всей Европейской и Азіатской Россіи, въ Индостанѣ, на Шпицбергенѣ, на Новой Землѣ и въ сѣв.-зап. части Сѣверной Америки лейасовыя отложенія отсутствуютъ и осадки средняго или верхняго отдѣла залегаютъ на болѣе древнихъ породахъ. Изъ этого явствуетъ, что всѣ эти области въ лейасовую эпоху и въ началѣ средне-Ю. эпохи представляли сушу; онѣ были покрыты моремъ только во вторую половину средне-Ю. эпохи, а мѣстами

даже въ концѣ юрскаго періода. Во Франціи юрскія отложенія этого типа извѣстны во многихъ мѣстахъ: въ Нормандіи, Бургони, Франшъ-Конте въ бассейнѣ Роны, въ Лангедокѣ, Провансѣ, Ванде, Арденнахъ и др. Извѣстны также юрскія образованія въ Эльзасъ-Лотарингіи, Богеміи, Ганноверѣ, въ окрестностяхъ Кракова, близъ Ченстохова и др., а также въ Испаніи и Португаліи. Отличительной чертой Ю. отложеній *альпійскаго типа* является присутствіе въ нихъ представителей аммонитовъ изъ рода Phylloceras, Lytoceras, Haploceras и Simoceras, отсутствующихъ въ осадкахъ средне-европ. провинціи, для которой характерными являются аммониты изъ рода Oppelia и Peltoceras. Отложенія альпійскаго типа, какъ и показываетъ названіе, развиты въ Альпахъ по обоимъ склонамъ. Лейасовыя отложенія здѣсь выражены четырьмя фаціями. Характерную фацію альпійской юры составляютъ такъ назыв. *гирлатскіе слои*, названные такъ по имени горы въ Зальцкаммергутѣ и отмѣчающіе собою верхнюю границу нижняго лейаса. Образованы они бѣлыми и свѣтлокрасными известняками, содержащими въ изобиліи своеобразныхъ плеченогихъ, множество мелкихъ аммонитовъ, а также раковины брюхоногихъ и пластинчатожаберныхъ моллюсковъ. Гирлатскіе известняки заполняютъ собою углубленія въ кровельномъ известнякѣ тріасовой системы. Къ тому же возрасту относятся прибрежныя образованія съ остатками растеній и двустворчатыхъ раковинъ, развитыя въ южномъ Тиролѣ, въ Венеціанской области и въ Хорватіи. Въ южной Венгріи (у Фюнфкирхета) и въ Банатѣ (у Берзаски или Оршовы) эти образованія содержатъ каменный уголь. Другую фацію представляютъ *аднетскіе слои* (по имени мѣстечка Аднета близъ Галлейна), состоящіе изъ красныхъ строительныхъ мраморовидныхъ известняковъ съ многочисленными аммонитами Phylloceras, Lytoceras, Arietites и Harpoceras; эти известняки встрѣчаются въ различныхъ горизонтахъ лейаса. Сходную аммонитовую фауну содержатъ и *альгеускіе слои*, образованные рухляками и сланцами и представляющіе собою весь лейасъ; они извѣстны въ баварскихъ Альпахъ, въ западномъ Тиролѣ и въ австрійскихъ переднихъ Альпахъ. Въ этихъ послѣднихъ на границѣ между Верхней и Нижней Австріей извѣстны, кромѣ того, *гритенскіе слои* — прибрежныя образованія, содержащія раковины береговыхъ моллюсковъ, остатки наземныхъ растеній и пласты каменнаго угля. Отложенія доггера и мальма въ альпійской области выражены бѣднѣе и встрѣчаются отдѣльными участками. Изъ отложеній доггера встрѣчаются только нижніе слои его, принадлежащіе къ зонамъ Harpoceras Murchisonæ и Harp. opalinum, а также *слои Клауса*, относящіеся къ верхнему отдѣленію доггера; остальные горизонты встрѣчаются рѣдко. Къ отложеніямъ мальма причисляютъ *аммергауские слои* (пятнистый рухлякъ) баварскихъ Альпъ и западнаго Тироля; а также *слои Вильса*, соотвѣтствующіе нижнему отдѣленію мальма. Вообще верхнеюрскія отложенія Альпъ выражены аммонитовыми и аптиховыми известняками. Кромѣ того, здѣсь на самые верхніе горизонты Ю. системы налегаютъ самые нижніе горизонты мѣловой системы, выраженные также отложеніями съ аммонитами, при чемъ значительное число видовъ первой переходитъ во вторую, что свидѣтельствуетъ о *непрерывности* образованія осадковъ. Самые верхніе горизонты мальма между киммериджскими и нижне-мѣловыми отложеніями въ Альпахъ и Карпатахъ были выдѣлены Оппелемъ въ особый *титонскій ярусъ* съ фауною, отличающеюся отъ фауны киммериджскаго яруса и заключающій нѣкоторыя формы мѣловыхъ отложеній. Въ титонскомъ ярусѣ различаютъ: нижній подъярусъ—известнякъ съ Terebratula diphya, образованный краснымъ мраморовиднымъ известнякомъ, изобилующимъ упомянутою формою плеченогаго. Этотъ известнякъ встрѣчается въ южно-тирольскихъ и венеціанскихъ, а также въ баварскихъ Альпахъ. Верхній подъярусъ образованъ свѣтлыми известняками или такъ назыв. *Штрамбергскими слоями*, богатыми аммонитами (Phylloceras ptychoicum) и извѣстными въ южныхъ Альпахъ, Карпатахъ и Зальцкаммергутѣ. Ю. отложенія альпійскаго типа извѣстны кромѣ Альпъ въ юго-зап. Португаліи и Испаніи, въ южной Франціи, въ Италіи, въ Карпатахъ (известняки Klippenkolk), откуда они тянутся до Добруджи. Затѣмъ встрѣчаются въ Крыму и на Кавказѣ. Далѣе отложенія сходнаго типа (вообще экваторіальной области) извѣстны въ Малой Азіи, въ Алжирѣ, въ Экватор. Африкѣ у Момбаса и Мозамбика, на Мадагаскарѣ, близъ Куча у устья Инда и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на восточномъ берегу Индостана. Въ Южной Америкѣ встрѣчаются въ Гватемалѣ и Перу. Но южнѣе 20° южной широты юрскія отложенія Южной Америки именно въ Андахъ, Чили и Южной Боливіи являются болѣе сходными со среднеевропейскими осадками. Также отличаются отъ альпійскихъ юрскія образованія Новой Зеландіи, сѣверо-западной Австраліи и въ окрестностяхъ Порта Елисаветы въ Капской землѣ; эти отложенія такъ называемой южно-умѣренной области не содержатъ характерныхъ для экваторіальной области аммонитовъ Phylloceras и Lytoceras. Такое отличіе было вызвано различіемъ климатическихъ условій, вліявшихъ на распредѣленіе морскихъ животныхъ. Интересно привести здѣсь картину распространенія суши и морей въ верхне-юрскую эпоху, изображаемую Неймайромъ. Въ эту эпоху, по его словамъ, отъ Центральной Америки чрезъ всю Среднюю и Южную Европу, Малую Азію, Персію, Авганистанъ и Белуджистанъ тянулось огромное море, называемое Центральнымъ Средиземнымъ моремъ или океаномъ «Тетисъ». У устья р. Инда отъ него отходилъ большой заливъ, продолжавшійся до Мадагаскара и Мозамбика и называемый Эѳіопскимъ Средиземнымъ моремъ. Съ юга океанъ Тетисъ ограничивался Бразильско-Эѳіопскимъ материкомъ и отходящимъ отъ него Индо-Мадагаскарскимъ полуостровомъ, а на сѣверѣ находился неарктическій материкъ, составлявшій восточную половину Сѣв. Америки вмѣстѣ съ Гренландіей и достигавшій

Шотландіи. Къ востоку отъ него находился огромный Скандинавскій островъ и два русскихъ острова, отдѣлявшихъ Московскій бассейнъ отъ среднеевропейскаго; еще восточнѣе находился Туранскій островъ, восточнѣе котораго юрскіе осадки или вовсе отсутствуютъ, или же выражены прѣсноводными образованіями съ остатками растеній и съ пластами угля. Такія образованія имѣются въ Тянь-Шанѣ, въ самой южной части Восточной Сибири, въ Пріамурской области, въ Китаѣ, въ Индо-Китаѣ, на Малайскихъ и Папуасскихъ островахъ и въ значительной части Австраліи. Въ юго-западной части Австраліи, а также въ юго-восточной ея части—въ Землѣ Королевы, въ Новой Зеландіи и въ Японіи угленосные слои переслаиваются съ морскими, что указываетъ на существованіе здѣсь берега суши, періодически затопляемаго моремъ. Неймайръ указываетъ на существованіе огромнаго Китайско-Австралійскаго материка, который тянулся отъ южной окраины Вост. Сибири чрезъ Китай, Японское и Китайское море и Индо-Китай, занималъ почти всю Австралію и, продолжаясь чрезъ Австралійскій архипелагъ и острова Фиджи, кончался у Новой Зеландіи. На западѣ этотъ материкъ омывался моремъ, слѣды котораго въ видѣ морскихъ юрскихъ отложеній занимаютъ въ Тибетѣ большую площадь. Кромѣ того небольшіе выходы этихъ отложеній извѣстны въ Тянь-шанѣ, Каракорумѣ и на Памирѣ. Среди аммонитовъ тибетскихъ отложеній встрѣчаются весьма рѣдко или даже вовсе отсутствуютъ формы умѣреннаго и экваторіальнаго поясовъ; напротивъ обиліе въ этихъ отложеніяхъ ауцеллъ (Aucella) указываетъ на соединеніе тибетскаго бассейна съ бореальнымъ. Съ другой стороны, въ виду нахожденія здѣсь нѣсколькихъ видовъ, распространенныхъ въ отложеніяхъ Куча, предполагается, что тибетскій бассейнъ открывался также и на югъ проливомъ Инда. Проливъ, соединившій полярный бассейнъ съ Центральнымъ Средиземнымъ моремъ, отдѣлялъ Туранскій островъ отъ Китайско-Австралійскаго материка, который не соединялся также ни съ Бразильско-Эѳіопскимъ, ни съ Индо-Мадагаскарскимъ полуостровомъ. Въ виду сходства юрскихъ осадковъ юго-западной Австраліи съ среднеевропейскими предполагаетъ, что море, омывавшее съ юга Китайско-Австралійскій материкъ, соединялось также со Средиземнымъ моремъ. Вся остальная часть Великаго океана представляла въ это время, по всей вѣроятности, обширное море, покрывавшее полярныя области и охватывавшее почти всю Сибирь, среднюю Россію и сѣверо-западную часть Америки. Южныя полярныя области также были въ значительной своей части покрыты моремъ. Схема распредѣленія суши и моря въ верхне-юрскую эпоху показана на прилагаемой карточкѣ, гдѣ материки обозначены заштрихованными косыми чертами.

Россія. Отложенія юрской системы въ Европейской Россіи извѣстны въ такъ называемомъ Московскомъ бассейнѣ, гдѣ онѣ обнажаются теперь въ видѣ отдѣльныхъ, болѣе или менѣе значительныхъ участковъ въ губерніяхъ Московской, Тверской, Ярославской, Владимірской, Нижегородской, Рязанской, Орловской, а также въ Тамбовской, Пензенской, Калужской и Смоленской. Отъ этой центральной области, представлявшей въ юрскій періодъ одинъ обширный бассейнъ, отходитъ сѣверное крыло, проходящее широкимъ клиномъ чрезъ Костромскую губернію на сѣверъ, гдѣ юрскіе осадки обнаружены въ Печорскомъ краѣ и на Тиманѣ. Слѣдами другого, восточнаго крыла являются юрскіе осадки, обнажающіеся по правому берегу Волги и по правымъ притокамъ ея въ губерніяхъ Симбирской и Саратовской. Далѣе юрскія образованія извѣстны за Волгой въ Самарской и Оренбургской губерніяхъ, въ Землѣ уральск. казаковъ, у Индерскаго озера, въ Астраханской степи близъ г. Богдо, а также на Мангышлакѣ и близъ восточнаго берега Карабугазскаго залива. На западѣ юрскія отложенія извѣстны по р. Виндавѣ у Попелянъ, на границѣ Курляндской и Ковенской губерній, въ Гродненской губ. и въ Польшѣ. На югѣ небольшіе выходы юрскихъ осадковъ извѣстны у Канева на правомъ берегу Днѣпра, въ Екатеринославской и Харьковской губерніяхъ и въ Землѣ Войска Донскаго. Кромѣ того, юрскіе осадки развиты въ Крыму и на Кавказѣ, въ Туркестанѣ, на Уралѣ и въ Сибири. Въ сѣверной, восточной и средней Россіи юрскіе осадки, выраженные темными глинами и песчаниками, начинаются лишь съ келловейскихъ слоевъ, при чемъ они обнаруживаютъ большое сходство своихъ нижнихъ горизонтовъ съ соотвѣтственными осадками средне-европейской области, тогда какъ верхніе горизонты (волжскіе слои) являются своеобразными и по своей фаунѣ отличаются отъ среднеевропейскихъ. Но въ южной Россіи, Польшѣ, на Мангышлакѣ и близъ Карабугаза въ составъ юрскихъ отложеній, все-же въ общемъ сходныхъ съ среднеевропейскими, входятъ известняки съ кораллами и губками и кромѣ того здѣсь встрѣчается средній или нижній отдѣлъ юры. Въ Крыму и на Кавказѣ отложенія Ю. системы образованы всѣми тремя отдѣлами ея и принадлежатъ къ южному альпійскому типу, заключая вмѣстѣ въ тѣмъ въ своей фаунѣ нѣсколько сѣверныхъ формъ. Нѣкоторая своеобразность русскихъ юрскихъ отложеній послужила поводомъ къ подраздѣленію ихъ на нѣсколько иные слои или зоны, чѣмъ въ Зап. Европѣ, какъ это видно на прилагаемой табличкѣ:

Келловейскій ярусъ.	Зона Macrocephalites macrocephalus, Cadoceras Elatmae, Perisphinctes Koenigi, Kepplerites Gowerianum (макроцефаловые слои).
	Зона Stephanoceras coronatum, Cosmoceras Jason, Perisph. mosquensis и др. (коронатовые слои).
	Зона Cosmoceras ornatum, Quenstedticeras Lamberti, Peltoceras athleta Belemnites Puzosi (орнатовые слои).
Оксфордскій ярусъ.	Зона Cardioceras cordatum, Aspidoceras perarmatum, Belemnites Panderi (кордатовые слои).
	Зона Cardioceras alternans, Perisphinctes mniownikensis, Bel. Panderi (альтерновые слои)

Киммериджскій ярусъ.
- Зона Hoplites eudoxus, Aspidoceras acanthicum, Exogyra virgula (гоплитовые слои).
- Зона Oppelia tenuilobata (тенуилобатовые слои).

Портландскій ярусъ.
- Зона Perisphinctes virgatus, Belemnites absolutus, Aucella Pallasi, A. mosquensis (виргатовые слои). Нижній волжскій ярусъ.
- **Верхній Волжскій ярусъ**
  - Зона Oxynoticeras fulgens, O. catenulatum, Belemnites russiensis, Aucella Fischeri, A. mosquensis, A. terebratuloides.
  - Зона Holcostephanus okensis, H. subditus, Oxynoticeras catenulatum, Bel. russiensis, Aucella Fischeri, A. terebratuloides
  - Зона Holcostephanus nodiger, H. Kaschpuricus, Bel. russiensis, Bel. lateralis, Aucella volgensis.

Выше идетъ зона Hoplites rjasanensis, Aucella volgensis и др., принадлежащая къ Рязанскому горизонту, представляющему собою переходный горизонтъ (эквивалентъ Берріасскаго яруса) между юрской и мѣловой системами. Приведенное подраздѣленіе верхнихъ горизонтовъ Ю. системы является схемой, примѣнимой къ центральной части Евр. Россіи и составлено на основаніи изученія разрѣзовъ юрскихъ осадковъ во многихъ мѣстахъ. Верхнеюрскія отложенія здѣсь состоятъ почти всюду изъ темныхъ глинъ и песчаниковъ съ фосфоритовыми, желѣзистыми или мергелистыми сростками, и заключенные въ нихъ аммониты сохранились въ большинствѣ случаевъ въ видѣ колчеданистыхъ ядеръ. Лучшіе разрѣзы юрскихъ отложеній извѣстны по рѣкѣ Москвѣ близъ деревни Шелепихи и у сел. Хорошова, гдѣ на черныхъ слоистыхъ глинахъ съ Perisphinctes virgatus залегаетъ зеленоватый рухляково-желѣзистый песчаникъ съ многочисленными ауцеллами. Такіе же разрѣзы наблюдаются на Воробьевыхъ горахъ и у с. Мячкова Московской губ. На р. Окѣ, близъ с. Окшева и г. Елатьмы изобилуютъ окаменѣлостями желѣзистые песчаники келловейскаго яруса съ Stephanoceras coronatum, лежащіе на черныхъ слоистыхъ глинахъ и покрытые рухляками. По правому берегу Волги близъ д. Городища въ такъ называемой городищенской глинѣ наблюдаются всѣ зоны верхней юры. Въ Рязанской губ., въ Чулковскихъ копяхъ оксфордскіе и келловейскіе слои выражены глинами съ прослоями песковъ, а глина заключаетъ бобовую руду. Вообще келловейскія отложенія нѣкоторыхъ мѣстъ Евр. Россіи содержатъ залежи желѣзныхъ рудъ; напр. въ Кромскомъ уѣздѣ Орловской въ келловейской глинѣ обнаруженъ сферосидеритъ. Сходныя отложенія верхней юры обнажаются и въ другихъ выше перечисленныхъ губерніяхъ центральной Россіи. Въ Польшѣ выходы Ю. системы извѣстны сѣвернѣе г. Кѣльцы и у г. Томашова Петроковской губ.; здѣсь нижнекелловейскіе слои образованы оолитами и песчаниками, на нихъ лежатъ глауконитовые рухляки, соотвѣтствующіе коронатовымъ и орнатовымъ слоямъ, а выше идутъ оксфордскія и киммериджскія образованія, выраженныя различными фаціями. Въ Харьковской и Екатеринославской губ. верхнеоксфордскіе и киммериджскіе слои выражены известняками, содержащими множество нериней, тригоній и коралловъ. Близъ Бахмута обнаружены слои верхняго лейаса и верхней части баіоскаго яруса. На рр. Донцѣ, Тимѣ и Каменкѣ различаютъ два яруса: ярусъ песчаниковъ съ лигнитомъ, сферосидеритомъ и бурымъ желѣзнякомъ и ярусъ известняковъ съ множествомъ окаменѣлостей, сходныхъ съ западно-европейскими. Въ Кіевской губ. у Канева извѣстны только макроцефаловые слои. Въ Оренбургской губ. близъ Илецкой Защиты развиты оксфордскій, келловейскій, а также батскій и баіоскій ярусы доггера; въ нижнихъ горизонтахъ послѣдняго здѣсь встрѣчается бурый уголь. Ю. осадки Общаго Сырта выражены тремя ярусами: нижній соотвѣтствуетъ виргатовымъ слоямъ центральной Россіи, а верхній—слоямъ съ Holc. Okensis, а средній содержитъ фауну тѣхъ и другихъ слоевъ. Ю. отложенія извѣстны въ губ. Вятской, Вологодской и Архангельской (бассейнъ Печоры), гдѣ онѣ образованы глинами, рухляками и отчасти песчаниками чернаго цвѣта. Въ Крыму Ю. отложенія слагаютъ собою Таврическія горы. Нижняя часть ихъ сложена сильно изогнутыми сланцами и песчаниками, а вершины или такъ называемыя Яйла образованы известняками; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ между известняками и сланцами залегаетъ конгломератъ. Часть сланцевъ южнаго берега принадлежитъ къ лейасу; въ другихъ мѣстахъ сланцы и песчаники относятся къ доггеру (у Фороса, Балаклавы и въ верховьяхъ Кача), а глинистые сланцы Судака принадлежатъ къ келловейскому и оксфордскому ярусамъ. Конгломераты и известняки относятъ къ верхней юрѣ, именно къ киммериджскому и отчасти портландскому (титонскому) ярусу. На Кавказѣ Ю. система извѣстна на обоихъ склонахъ главнаго хребта въ Дагестанѣ и Арменіи. Нижняя часть Ю. отложеній образована песчаниками и рухляками, а верхняя известняками. На сѣв. склонѣ песчаники съ рухляками относятся къ лейасу; на Кубани они заключаютъ бурый уголь. Выше лежатъ рухляки батскаго яруса, надъ которыми идутъ известняки и желѣзистый оолитъ—келловейскаго яруса. Къ мальму относятся верхніе известняки, состоящіе изъ нѣсколькихъ горизонтовъ: внизу известнякъ съ Phyllocera[illegible], выше—доломитовый известнякъ (титонскіе) съ Nerinea и Diceras и, наконецъ, известнякъ съ Pterocera. Среди Ю. осадковъ южнаго склона часто встрѣчаются вулканическіе туфы и брекчіи. Самые нижніе слои здѣсь образованы песчаниками съ залежами бураго угля (Ткваибульское мѣсторожденіе). Одни считаютъ ихъ осадками лейаса, другіе—доггера. Въ Дагестанѣ въ юрскихъ породахъ встрѣчаются сѣра, каменная соль и соляные ключи. Лейасъ здѣсь и въ Арменіи образованъ песчаниками съ Harpoceras radians, къ батскому ярусу доггера въ Дагестанѣ относятся песчаники съ Harp. Murchisonae, а къ келловейскому—слои съ Stephanoceras coro-

natum. Залегающіе выше коралловые и доломитизированные известняки относятся къ мальму. Въ Закаспійской области Ю. отложенія Мангышлака и Усть-Урта напоминаютъ кавказскія и выражены всѣми тремя отдѣлами. Келловейскій известнякъ Усть-Урта интересенъ потому, что содержитъ въ себѣ индѣйскія формы аммонитовъ совмѣстно съ русскими и западно-европейскими. Въ Азіатской Россіи Ю. отложенія принадлежатъ къ образованіямъ прѣсноводнымъ (континентальнымъ) и морскимъ. Первыя образованы песками и глинами съ остатками растеній и встрѣчены въ среднемъ Уралѣ у Троицка, Челябинска и Екатеринбурга, на сѣв. Уралѣ и у южнаго края Урала близъ Орска, а также въ Иркутской губ., въ Амурскомъ краѣ и въ низовьѣ Лены. Мѣстами эти отложенія содержатъ слои угля. Такія же прѣсноводныя отложенія съ бурымъ углемъ извѣстны и въ Туркестанскомъ краѣ. Морскіе осадки извѣстны только вдоль сѣвернаго побережья Сибири. Выходы ихъ, а также валуны встрѣчаются въ низовьяхъ Енисея и Лены, на Оленекѣ, Таймырѣ, Вилюзѣ и др. Ю. отложенія по Анабарѣ относятъ къ лейасу, а отложенія Оленека и Лены параллелизируютъ со всею свитою аucелловыхъ слоевъ центральной Россіи.

Н. Каракашъ.

Юрта—слово, часто употребляемое для обозначенія жилища большинства нашихъ инородцевъ; на самомъ же дѣлѣ его слѣдовало бы примѣнять лишь къ жилищамъ монгольскихъ кочевниковъ (монголовъ, бурятъ и калмыковъ), такъ какъ оно происходитъ отъ монгольскаго «урто», что значитъ стойбище. Являясь жилищемъ кочевниковъ, безпрестанно мѣняющихъ свое мѣстопребываніе, Ю. прежде всего должна быть пригодна для такихъ частыхъ передвиженій. Этому условію вполнѣ удовлетворяетъ войлочная Ю., которая въ полчаса или часъ можетъ быть совершенно разобрана и въ такой же короткій промежутокъ времени вновь составлена. Главными частями Ю. являются стѣнки, крыша и дверь. Стѣнки образуютъ рѣшетки изъ деревянныхъ планокъ, сколоченныхъ крестообразно. Составленныя вмѣстѣ, т. е. связанныя ремешками, нѣсколько такихъ рѣшетокъ образуютъ Ю., имѣющую довольно правильную цилиндрическую форму. Съ наружной стороны эта рѣшетка обшивается войлоками; кромѣ того у самой земли остовъ Ю. опоясывается еще другимъ узенькимъ войлокомъ, чтобы не продувало. На остовъ Ю. ставится крыша, представляющая собою усѣченный конусъ, основанія котораго соединены множествомъ лучеобразно расходящихся тонкихъ палокъ-стропилъ. Этотъ конусъ также покрывается тщательно скроенными войлоками. Верхнее отверстіе, служащее для выхода дыма, закрывается особымъ войлокомъ. Чтобы крыша держалась прочнѣе, внутри Ю. ставятся небольшіе столбы, подпирающіе верхній кругъ. Для входа въ Ю. въ рѣшетчатомъ остовѣ ея оставляется большое отверстіе, въ которое вдѣлывается деревянная дверь; послѣдняя же снаружи завѣшивается войлокомъ. Входъ въ Ю. обязательно долженъ быть обращенъ на югъ. Свѣтъ проникаетъ въ Ю. или черезъ дымовое отверстіе, или черезъ дверь, если войлокъ, закрывающій ее, приподнятъ. Оконъ Ю. не имѣетъ; печей въ нихъ тоже не бываетъ: вмѣсто печи въ Ю., въ самой ея серединѣ, имѣется на землѣ очагъ, въ которомъ по мѣрѣ надобности, для варки пищи или согрѣванія помѣщенія, поддерживается огонь. Обстановка Ю., различная у бѣдныхъ и богатыхъ, монголовъ ламаитовъ или бурятъ шаманистовъ, но у всѣхъ этихъ кочевниковъ правая половина женская, а лѣвая—болѣе почетная—мужская; кромѣ того у ламаитовъ бурханы обязательно стоятъ у сѣверной стѣны. Буряты и калмыки съ давнихъ поръ стали строить и деревянныя Ю., которыя представляютъ собою обыкновенную избу изъ сруба только безъ оконъ и печки; дверь и въ нихъ вездѣ обращена на югъ, а окномъ служитъ дымовое отверстіе. Баргузинскіе и сѣверо-байкальскіе буряты раньше строили 6-ти и даже 8-угольныя Ю., при чемъ деревянная крыша возводилась конусообразно и засыпалась землей. Понятно, что такія Ю. являются уже совершенно неподвижными жилищами. *М. К.*

Юртовскіе татары — такъ назыв. мѣстные татары г. Астрахани и слѣдующихъ 11 селъ, входящихъ въ составъ Царевской волости, Астраханскаго уѣзда: Зацаревскаго (2333 жит.), Башмаковскаго (1469), Карагалинскаго (699), Яксатовскаго (202), Кулаковскаго (250), Семиковскаго (168), Осыпно-Бугоринскаго (877), Трехпротокскаго (870), Мошаикскаго (559), Килинчинскаго (1252) и Бештюбинскаго (294); всего 8973 жит. Сами Ю. татары считаютъ себя ногаями, потомками золото-ордынскихъ татаръ; они занимаются скотоводствомъ, извозомъ, а главное бахчеводствомъ и огородничествомъ.

Юртъ—это слово имѣетъ двоякое значеніе: 1) подвижной домъ или шалашъ у народовъ сѣверной и средней Азіи, и 2) земельный участокъ, напр. отцовскій юртъ. У казаковъ Ю. называется земельный надѣлъ, принадлежащій станицѣ (см. Юрты).

Юртъ-Старый—поселеніе чеченцевъ Грозненскаго отд., Терской обл., основ. въ 1705 г.; въ 22 вер. отъ ст. жел. дор. 3531 жит. Школа, 9 мечетей. Промышл. и торг. зав. 22; базаръ.

Юртъ Троицкій (Троицкое) — с. Воронежской губ., Новохоперскаго у., при р. Савалѣ, въ 13 вер. отъ ст. жел. дор. Раевской. 3 церкви, 3 школы, лавка, 5 ярмарокъ. Жит. 10928.

Юрты (юртовыя земли) — въ тѣсномъ смыслѣ слова земли, пріуроченныя къ становищамъ (юртамъ) осѣдлыхъ инородцевъ; отъ нихъ это названіе перешло на надѣльныя земли казачьихъ станицъ, смѣнившихъ поселенія вытѣсненныхъ инородцевъ. Огромная территорія Ю. раскинута по преимуществу по южнымъ и юго-восточнымъ окраинамъ: въ Евр. Россіи — по низовьямъ рр. Дона и Волги, по теченію рр. Кубани и Урала, на побережьяхъ Чернаго и Азовскаго морей; въ Азіатской Россіи—по южнымъ ея

границамъ къ В до Приморской области. Изъ всей этой территоріи приведена только до нѣкоторой степени въ извѣстность и приблизительно вычислена площадь казачьихъ юртовыхъ земель, составляющая бóльшую часть войсковыхъ надѣловъ. Всѣ земли казачьихъ войскъ (ок. 2,8% всего пространства Россіи) равняются 58188000 дес. (558000 кв. в.); юртовыя земли станицъ занимаютъ 38968000 дес., или ок. 67% этой площади, такъ наз. войсковой запасъ—фондъ будущихъ казачьихъ надѣловъ — 16182000 (ок. 28%), офицерскіе участки (частная собственность)—3038000 дес. (ок. 5%). Всѣ юртовыя земли находятся въ общинномъ пользованіи населенія станицъ; только въ уральскомъ войскѣ земля не раздѣлена даже между станицами и находится въ пользованіи всего войскового населенія, раздѣленнаго на двѣ большія общины: Илецкую (4 ст.) и Уральскую (27 ст-цъ). Нѣтъ также частной земельной собственности и на территоріи уссурійскаго и забайкальскаго войскъ. По отдѣльнымъ войскамъ размѣры юртовъ и отношеніе ихъ къ остальнымъ видамъ владѣній:

Войска:	Дес.		Всѣхъ владѣній.
Донскаго	9305000	или	72,6%
Кубанскаго	5269000	»	74,5
Терскаго	1738000	»	86,6
Уральскаго	6465000	»	100,0
Оренбургскаго	4920000	»	57,7
Астраханскаго . . .	610000	»	78,9
Семирѣченскаго . . .	522000	»	93,1
Сибирскаго	2926000	»	59,4
Уссурійскаго	755000	»	100,0
Амурскаго	336000	»	5,9
Забайкальскаго	6122000	»	68,1

Нормальный надѣлъ земель опредѣленъ въ 38 дес. на 1 душу казачьяго населенія, отъ 17-лѣтняго возраста и выше, но въ дѣйствительности размѣръ надѣловъ колеблется очень сильно, какъ это видно изъ слѣдующей таблицы душевыхъ надѣловъ по отдѣльнымъ войскамъ:

Въ войскѣ:	Всего дес.	Въ томъ числѣ: удобной дес.	лѣсу дес.
Донскомъ	16,5	13,8	0,3
Кубанскомъ	12,5	7,7	1,3
Терскомъ	18,8	15,3	1,1
Уральскомъ	105,1	31,0	0,9
Оренбургскомъ . . .	24,6	21,2	1,6
Астраханскомъ . . .	41,6	15,6	1,9
Семирѣченскомъ. . .	34,7	20,9	—
Сибирскомъ	45,5	32,2	3,7
Уссурійскомъ . . .	98,3	13,6	—
Амурскомъ	29,1	15,5	6,6
Забайкальскомъ .	58,6	32,6	17,4

Остальную площадь надѣловъ составляютъ неудобныя земли. Въ общемъ средній размѣръ надѣловъ во всѣхъ юртахъ—24,8 дес., а удобной земли—15,9 дес. Всѣ свѣдѣнія о качествѣ юртовыхъ земель приблизительны. О распредѣленіи земель по угодьямъ свѣдѣній нѣтъ. Вообще, регистрація юртовыхъ земель находится въ зачаточномъ состояніи, и большинство юртовъ даже не размежевано.

Л. М.

Юрубей—р. Тобольской губ., Березовскаго уѣзда, на полуо-вѣ Ямалъ, беретъ начало 2 истоками изъ тундренныхъ озеръ, течетъ къ С и СЗ, а затѣмъ къ З и впадаетъ въ Байдарацкую губу Карскаго моря, образуя при устьѣ небольшую губу. Рѣка эта совершенно неизслѣдована; нѣкоторые принимаютъ ее за р. Мутную, извѣстную въ XVII стол. какъ водный путь, которымъ жители нынѣшней Архангельской губ. ходили въ городъ Мангазею на своихъ «котахъ». Длина рѣки до 200 вер., глуб. 12 фт., на устьѣ мелководна.

Юрфэ (Оноре́ d'Urfé, маркизъ de Valbromey графъ de Châteauneuf) — знаменитый французскій писатель, родомъ изъ Прованса (1568—1625). Получилъ образованіе въ Туринѣ. Примкнувъ къ лигѣ, онъ въ 1595 г. попалъ въ плѣнъ и началъ писать свои «Epistres morales» (Ліонъ, 1598), въ которыхъ пытался приложить философскія теоріи къ событіямъ жизни. Когда дѣло лиги окончательно было проиграно, Ю. удалился ко двору герцога Савойскаго. По расторженіи брака его брата Анна (Anne d'Urfé, тоже писатель, авторъ сонетовъ и др., 1555—1621), Ю. женился на его бывшей женѣ, прекрасной и богатой Діанѣ де Шатоморанъ, не столько изъ любви, сколько по расчету, желая поправить разстроенное состояніе семьи. Бракъ Ю. не былъ счастливъ и супруги черезъ нѣсколько времени разстались. Живя при дворѣ герцога Савойскаго, Ю. написалъ свой знаменитый пастушескій романъ «Астрею» («L'Astrée»), первая часть котораго вышла въ 1609 г., вторая въ 1610 г., третья въ 1617 г. Двѣ послѣднія части изданы были уже послѣ его смерти его секретаремъ Баро, быть можетъ даже съ редакціонными измѣненіями послѣдняго. Содержаніе этого огромнаго романа (въ первыхъ изданіяхъ не менѣе 6000 страницъ), сводится къ исторіи пастушки Астреи и пастуха Селадона. Этотъ несложный сюжетъ запутанъ въ романѣ до чрезвычайности введеніемъ множества вставочныхъ эпизодовъ и лицъ, разсказывающихъ свои исторіи и такимъ образомъ вставляющихъ въ романъ новые романы. «Астрея» представляетъ собою подражаніе поэмѣ испанскаго поэта Монтемайора «Діанѣ», являющейся въ свою очередь подражаніемъ «Аркадіи» Саннацаро и пастушескимъ драмамъ Тассо и Гуарини—«Il re Aminta» и «Il pastor fido». Съ «Діаною» «Астрею» сближаетъ не только общность содержанія и манеры, но и множество отдѣльныхъ характерныхъ чертъ: и тамъ, и здѣсь находимъ то же обиліе вставочныхъ эпизодовъ, ту же смѣсь миѳологическаго и христіанскаго элемента, ту же искусственность и слащавую сентиментальность и проч. Романъ д'Ю. имѣетъ весьма важное значеніе въ исторіи французской литературы, представляя поворотный пунктъ отъ царившаго до того романа рыцарскаго, сплошь искусственнаго и чуждаго дѣйствительности, къ роману пастушескому, гдѣ уже есть кое-какія черты реальныя и болѣе естественныя. Другой заслугой д'Ю. было то, что онъ далъ въ своемъ романѣ обстоятельный анализъ чувства любви въ его различныхъ проявле-

ніяхъ и фазисахъ. «Астрея», написанная въ благородномъ, идеалистическомъ тонѣ, насквозь проникнута мыслью объ облагораживающемъ вліяніи любви и о томъ, что истинная любовь свойственна лишь благороднымъ утонченнымъ душамъ. Романъ д'Ю. имѣлъ изъ ряда вонъ выходящій успѣхъ въ теченіе почти всего XVII стол. и выдержалъ множество изданій, сокращеній, передѣлокъ и подражаній. Драматическіе писатели черпали въ немъ сюжеты для своихъ произведеній. Слава «Астреи» распространилась не только во Франціи, но и во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ Европы. Въ 1624 г. д'Ю. получилъ посланіе отъ 50 владѣтельныхъ и знатныхъ особъ Германіи, въ которомъ они сообщали ему, что ими основана «Академія истинно влюбленныхъ», при чемъ всѣ члены ея присвоили себѣ имена различныхъ героевъ «Астреи», и приглашали д'Ю. присоединиться къ нимъ подъ именемъ Селадона. Имя «Селадонъ» сдѣлалось вскорѣ нарицательнымъ для обозначенія вѣрнаго любовника, нѣсколько сентиментальнаго воздыхателя. Вообще «Астрея» сдѣлалась школой истинной любви, истинной галантности и куртуазіи, и посѣтители отеля Rambouillet были ей обязаны весьма многимъ. Даже когда романы г-жи Скюдери вытѣснили «Астрею», ею продолжали зачитываться и увлекаться такіе люди, какъ г-жа Севиньé, Ларошфуко, Руссо. Успѣхъ романа объясняется, во 1-хъ, господствующимъ въ романѣ идиллическимъ настроеніемъ, казавшимся особенно привлекательнымъ обществу, утомленному страшными эпизодами религіозныхъ войнъ и борьбы лиги съ королемъ; во 2-хъ тѣмъ, что въ немъ, не смотря на искусственность фабулы и положеній, чувствовалось нѣкоторое пониманіе дѣйствительности и замѣчались намеки на современность. За вымышленными именами Селадона, Астреи, Гиласа и другихъ читатель предполагалъ живыхъ современниковъ, въ томъ числѣ и самого автора и его близкихъ, видя такимъ образомъ въ романѣ обширную аллегорію съ реальною подкладкой. Нѣкто Оливье Патрю, заинтересовавшись этой подкладкой, обратился къ самому автору съ просьбой дать вѣрныя разъясненія аллегорическаго значенія героевъ романа. Д'Ю. обѣщалъ дать эти разъясненія черезъ годъ, но не исполнилъ этого, такъ какъ въ томъ же году уморъ (1625). Тѣмъ не менѣе впослѣдствіи Патрю, на основаніи собственныхъ предположеній и догадокъ, обнародовалъ такъ называемый «Ключъ» къ «Астреѣ». По мнѣнію Патрю, подъ именемъ героини романа изображена жена автора, Діана Шатоморанъ, подъ именемъ Селадона—самъ авторъ (что совершенно невѣрно) и т. д. Въ XVIII вѣкѣ «Астрея» считалась первымъ «правильнымъ» романомъ. Правильность эта заключалась главнымъ образомъ въ построеніи романа согласно правиламъ, установленнымъ для драмы: въ дѣленіи романа на 5 частей соотвѣтственно дѣленію драмы на 5 дѣйствій, въ дѣленіи частей на главы соотвѣтственно дѣленію актовъ драмы на явленія и т. п. Среди всеобщаго хора похвалъ, раздававшагося по адресу «Астреи», слышались отдѣльные голоса и противъ романа. Такъ, уже въ началѣ XVII в. появилась пародія на «Астрею», написанная Шарлемъ Сорелемъ и озаглавленная имъ «Le Berger extravagant». Она по отношенію къ «Астреѣ» играетъ ту же роль, какую играетъ «Донъ Кихотъ» по отношенію къ рыцарскимъ романамъ, осмѣивая всеобщее увлеченіе пастушескимъ и сентиментальнымъ жанромъ и показывая наглядно, до какихъ крайностей можетъ довести это увлеченіе. Кромѣ «Астреи» д'Ю. написалъ еще поэмы «La sireine» (1611), «Sylvanire» (1625) и неизданную «La Savoysiade». См. Aug. Bernard, «Les d'Urfé, souvenirs historiques et litteraires de Forez» (П., 1839); N. Bonafous, «Etude sur l'Astrée et sur Honoré d'Urfé» (П., 1846); R. de Chantelauze, «Etude sur les d'Urfé» (П., 1860); Le Breton, «Le roman au XVIII siècle» (П., 1890); Charlotte Branti, «L'Amyntas du Tasse et l'Astrée d'Honoré d'Urfé» (Миланъ, 1895); Reure, «Episodes des guerres de la Ligue dans la Forez» (Монбризонъ, 1901); его же, «Généalogie de la maison d'Urfé» (Монбризонъ, 1898). Главнѣйшія изданія «Астреи»—1637, П., 1647, Руанъ. Сокращенное и обновленное въ смыслѣ стиля изданіе «Астреи» сдѣлано аббатомъ de la Souchaye (1733). Въ 1713 г. вышло въ свѣтъ подражаніе Астреѣ: «La nouvelle Astrée» (анонимное). *Н. Грушке.*

Юрфе (Аннъ)—старшій братъ Оноре Ю. (1555—1621), авторъ сонетовъ и др. стихотвореній.

Юрченково—с. Харьковской губ., Волчанскаго у., при рч. Среднемъ Бурлукѣ, въ 14 вер. отъ ст. жел. дор. Булацеловкѣ. Жит. 3500, шк., лавки.

Юрьева гора—урочище Кіевской губ., Черкасскаго у., на прав. берегу Днѣпра, бл. сел. Константиновки. Здѣсь на высокомъ холмѣ находится древнее городище Майданъ и 34 кургана (съ предметами каменнаго и бронзоваго вѣковъ). Залежи огнеупорныхъ бѣлыхъ глинъ (на гранитѣ) мощностью до 23 саж.

Юрьевецъ (Юрьевъ Повольскій)—уѣздн. гор. Костромской губ., на р. Волгѣ, на склонѣ крутой горы; Основанъ вел. кн. Юріемъ Всеволодовичемъ въ 1225 г. Въ 1405 г. Ю. приписанъ къ княжеству Городецкому; въ 1552 г. Іоаннъ IV отдалъ его въ удѣлъ астраханскому царевичу Кайбулѣ, въ 1556 г. отписалъ въ опричнину. Въ 1609 г. Ю. сожгли сами жители передъ вступленіемъ Лисовскаго; въ 1614 г. его разорили казаки Заруцкаго. Въ 1708 г. Ю. приписанъ къ Казанской губ., а въ 1778 г. назначенъ уѣздн. гор. Костромской губ. Сохранились остатки валовъ, но крѣпость разрушена. Жит. 4778; церквей 14; жен. прогимназія, город. и прих. учил.; больница, аптека, городской банкъ, домъ призрѣнія на 15 чел. Фабрикъ и зав. 12, съ производствомъ на 839049 р., при 944 рабоч. Первое мѣсто занимаетъ льнопрядильня (570 т. руб. при 800 рабоч.). Казенный винный складъ и винокуренный зав. (229551 р.). Городскіе доходы—170132 р. (1901 г.), расходы 169913 р. Много садовъ. Пароходное сообщеніе по Волгѣ. Въ 1901 г. въ Ю. (кромѣ пассажирскихъ пароходовъ) разгрузилось 503 судна (2339 тыс. пуд.), отправлено 1396 судовъ (3707 т. пуд.) и 453 плота (вѣсомъ 2000 тыс. пуд.).

Юрьевецкій уѣздъ—расположенъ въ южной окраинѣ губ. 3006,8 кв. вер. или 313308 дес. Поверхность уѣзда возвышенная. Возвышенность тянется параллельно прав. берегу р. Волги и постепенно понижается въ срединѣ уѣзда, гдѣ образуется котловина. Котловина эта на З ограничена возвышенной полосой, идущей по границѣ съ Нерехотскимъ и Кинешемскимъ уу. исклоняющейся къ истокамъ рр. Луха, Возополи и Парши; средина у. низменна, болотиста и лѣсиста. Уѣздъ орошается на С и В р. Волгою. Возвышенность на правомъ берегу Волги тянется на значительномъ разстояніи отъ русла рѣки, окаймляя низменность, покрытую заливными лугами. Въ у. одна часть рѣкъ вливается въ Волгу, направляясь съ ЮЗ и З на СВ и В, а именно: рр. Елнать, Орѣховка, Сеготь и Ячмень; другая часть рѣкъ течетъ къ Ю и ЮЗ, принадлежитъ бассейну Клязмы—р. Парша, впадающая въ Тезу, Лухъ съ притоками Возополью и Добрицею. *Почва* въ вост. половинѣ у. песчано-глинистая, въ остальной—суглинистая, песчано-глинистая, иловато-песчаная и иловато-глинистая. Лѣса расположены по преимуществу въ средней части у. Кромѣ хвойныхъ породъ здѣсь растутъ береза, осина, орѣшникъ, липа, дубъ, рябина и др. *Жителей* (1897 г.) 128837, изъ нихъ въ Ю.—4778, въ зашт. гор. Лухѣ—1937, въ уѣздѣ—122122 (56516 мжч. и 65606 жнщ., значительный перевѣсъ женскаго населенія объясняется сильнымъ отходомъ мужчинъ на сторону). Населенныхъ мѣстъ 1344; изъ нихъ 2 города, 1 посадъ (Пучежъ — 2135 жит), 2 слободы, 57 селъ, 2 погоста, 1264 деревни, 14 селецъ и 2 усадьбы. Поселенія большою частью мелкія; изъ нихъ 1046 имѣютъ не болѣе 100 жит. Въ у. воздѣлываютъ рожь, ячмень, овесъ, пшеницу, ленъ и др. Изъ огородныхъ растеній разводятъ лукъ и морковь въ сел. Тихонова-Пустынь, на о-вахъ р. Волги—капусту. Въ 1901 г. было посѣяно ржи—48615 четв., яровой пшеницы — 9863, овса — 51348, ячменя — 5914, гречихи — 53, картофеля — 21819. Собрано: ржи — 170845 чет., яров. пшеницы — 18819, овса—103022, ячменя—11222, гречихи — 180, картофеля—56910 четв. Усадебной земли — 5987 дес., пашни—130298; суходола — 19957, поемныхъ покосовъ—2338, лѣса—82008, выгоновъ—22808, смѣшанныхъ угодій—26481, всего — 289877 дес. Крестьянскимъ обществамъ принадлежало 179629 дес., частн. влад. — 60519, городу — 1833, казнѣ—696, удѣлу — 47200 дес. Отхожіе промыслы: плотничество, столярное производство, слесарныя и кузнечныя работы, портняжество, выдѣлка овчинъ, работы на фабрикахъ и др. Кустарные промыслы: тканье миткаля во всей зап. части уѣзда, изготовленіе крестьянскихъ суконъ и валянье обуви, шитье рукавицъ, лѣсные промыслы и др. *Скота* въ 1900 г. было: лошадей — 17703, крупнаго рогат. скота—29449 гол., овецъ—41280, свиней 149. 93% всего скота принадлежитъ крестьянамъ. Конскій заводъ. Въ уѣздѣ (безъ города) 98 фабр. и зав., съ производствомъ на 7794179 руб., при 7772 рабоч.; первое мѣсто занимаютъ три бумажно-миткалево-ткацкія фабрики (на 6149838 руб., при 5234 рабоч.) и льнопрядильня (1213502 руб., при 1474 рабоч.). 21 казенная винная лавка, 16 чайныхъ, 3 пивныхъ, 180 разныхъ лавокъ. Почт.-телегр. отд. въ г. Лухѣ, Пучежѣ и с. Родникахъ; почт. отдѣленіе въ с. Порзднихъ. По смѣтѣ уѣзднаго земства на народное образованіе назначено въ 1903 г. 37765 р. Земскихъ школъ 35, церк.-приход. 24. Земство даетъ пособія женск. прогимназіи, городск. учил., приходскимъ учил. въ Лухѣ и Пучежѣ и училищу глухонѣмыхъ въ с. Немдѣ. Народныя читальни въ г. Юрьевцѣ и многихъ селахъ; 2 сельскія библіотеки. На медицинскую часть ассигновано земствомъ 44062 р.; 4 земскія больницы, 3 врача, 5 чел. низшаго медиц. персонала. На содержаніе земскаго управленія назначено 15077 р. Всѣхъ расходовъ уѣздн. земства 199581 р. Доходовъ 201396 р., изъ нихъ 185143 руб. сборовъ съ недвижимыхъ имуществъ. Лит. см. Костромская губ. *А. Θ. С.*

Юрьевичъ (Иванъ Ивановичъ) — писатель. Родился въ 1788 г.; окончилъ курсъ армейской *) семинаріи; въ 1813 г. былъ опредѣленъ въ ту же семинарію учителемъ исторіи, географіи, ариѳметики и нотнаго пѣнія; уволясь изъ духовнаго званія, служилъ въ военномъ министерствѣ, на монетномъ дворѣ, въ департаментѣ горныхъ и соляныхъ дѣлъ и въ морскомъ министерствѣ; преподавалъ русскую словесность въ военно-учебныхъ заведеніяхъ. Годъ смерти его неизвѣстенъ. Написалъ «Краткое начертаніе метафизики» (СПб., 1824) и «Пневматологія или о существахъ чувствующихъ и мыслящихъ» (СПб., 1825). Въ книгахъ Ю. не встрѣчается ни одной ссылки на произведенія философовъ и, кромѣ Аристотеля, Декарта, Лейбница и Вольфа, никакихъ упоминаній о философахъ. Отсюда, однако, нельзя заключить, что сочиненіе Ю. представляется самостоятельнымъ; напротивъ, оно въ точности воспроизводитъ идеи Вольфа или какого-либо его ученика и, по всей вѣроятности, составлено по курсамъ философіи, слышаннымъ въ семинаріи. Во второй части — опытной психологіи—встрѣчаются, впрочемъ, и самостоятельныя, но весьма мало цѣнныя наблюденія. Въ метафизикѣ, которую Ю. опредѣляетъ какъ часть умозрительной философіи, разсуждающую «о главнѣйшихъ истинахъ, познаваемыхъ разсужденіемъ», мы имѣемъ дѣло съ «сущимъ или существомъ вообще», которое бываетъ тѣлеснымъ и безтѣлеснымъ, міромъ и Богомъ; въ этомъ не трудно узнать Вольфово дѣленіе на онтологію, пневматологію, космологію и теологію. Ю. далъ только очеркъ первыхъ двухъ частей метафизики. Въ онтологіи онъ разсматриваетъ «принадлежности» вещей вообще, принадлежности вещей относительно ихъ сущности (единство, подлинность, совершенство, опредѣленность), общія принадлежности бытія (пространство, время, произвольство), принадлежности вещей относительны

*) „Армейской семинаріей" называлось существовавшее въ С.-Петербургѣ въ первой половинѣ XIX ст. учебное заведеніе съ обычнымъ курсомъ духовныхъ семинарій, въ которомъ обучались сыновья лицъ военнаго духовенства.

(тожество и различіе, союзъ и зависимость, причина дѣйствующая, вещественная, конечная, образовательная). Книга заканчивается замѣчаніями о порядкѣ, о существѣ необходимомъ и случайномъ, простомъ и сложномъ, конечномъ и безконечномъ. Никакого реальнаго знанія въ этомъ сочиненіи, которое, по всей вѣроятности, служило руководствомъ въ артиллерійскомъ училищѣ, нѣтъ; знаніе и опредѣленія—чисто словесныя. На стр. 23 мы встрѣчаемся съ любопытной полемикой съ Кантомъ, который, впрочемъ, не названъ по имени. Ю. дѣлаетъ два возраженія противъ ученія о томъ, что пространство и время суть формы чувствованія: 1) «сіи формы чувствованія, будучи основаны единственно на его свойствѣ, одинаковымъ бы образомъ приличествовали безъ разбора всѣмъ ощущаемымъ предметамъ». 2) «Будучи приданы единожды къ какому-либо предмету, въ извѣстномъ разумѣ, не измѣнялись бы, и не перемѣняли бы своего къ нему отношенія. Но время настоящее безпрестанно дѣлается прошедшимъ, а отношеніе всѣхъ предметовъ къ намъ и между собою, яко внѣ насъ и внѣ себя находящихся, или пространство, безпрестанно также измѣняется. И потому оныя не столько суть формы нашего чувствованія, сколько формы бытія чувствуемыхъ вещей; и мы потолику и такимъ образомъ, относительно къ предметамъ, ихъ представляемъ, поколику, и какимъ образомъ, бытіе послѣднихъ для насъ ощутительно бываетъ». Оба возраженія не выдерживаютъ критики. Въ опытной психологіи подробно описаны страсти, которыя Ю. дѣлитъ на два класса: 1) чувствованія пріятности и непріятности и 2) сильнѣйшія желанія; къ первому классу Ю. относитъ радость и печаль, восторгъ и ужасъ, надежду и страхъ, величавость и стыдъ, самодовольность и раскаяніе; ко второму—любовь и ненависть, сожалѣніе и злорадованіе, признательность и гнѣвъ, благодарность и мщеніе, соревнованіе, зависть и ревнивость. Кромѣ страстей Ю. разсматриваетъ и наклонности, «постоянно въ нѣкоторыхъ людяхъ дѣйствующія», какъ-то: «сластолюбіе или склонность къ веселостямъ, корыстолюбіе, честолюбіе». Особенно подробно описано корыстолюбіе. *Э. Радловъ.*

Юрьевичъ (Семенъ Алексѣевичъ, 1798—1865)—ген.-адъютантъ, помощникъ воспитателя наслѣдника цесаревича Александра Николаевича (впослѣдствіи имп. Александра II), которому преподавалъ фортификацію и артиллерію и котораго сопровождалъ въ путешествіяхъ по Россіи и за границей. Составилъ проектъ 1-й эмеритальной кассы для арміи и флота («Русск. воен. общество взаимнаго вспоможенія сухопутнаго и морского вѣдомствъ») и образовалъ первую въ Россіи частную компанію Саратовской жел. дороги, безъ участія иностранныхъ капиталистовъ.

Юрьевка—мст. Павлоградскаго уѣзда Екатеринославской губ., при рч. Мал. Терновкѣ. Жит. 1500. Прав. церк., шк., лавки.

Юрьево—названіе двухъ селъ Тамбовской губ., Козловскаго у.: 1) *Ю. Новое*—при рч. Ситовкѣ и Гремучей; жит. св. 4000. 2) *Ю. Старое*—при р. Лѣсномъ Воронежѣ, ст. ж.-д.; жит. 6500; школа, больница, лавки, значительное кирпичное производство, еженедѣльные базары, 4 ярмарки, отправка по жел. дор. хлѣба (въ 1901 г.—593 тыс. пуд.).

Юрьевскіе—княжескій русскій родъ. Именнымъ Высочайшимъ указомъ отъ 5 дек. 1880 г. Высочайше повелѣно присвоить дочери князя Михаила Михайловича Долгорукова, княжнѣ Екатеринѣ Михайловнѣ Долгоруковой (род. въ 1846 г.), состоявшей съ 19 іюля 1880 г. въ морганатическомъ бракѣ съ импер. Александромъ II, титулъ свѣтлѣйшей княгини Юрьевской. Сынъ ея Георгій Александровичъ князь Юрьевскій состоитъ на службѣ въ л.-гв. гусарскомъ Е. В. полку. Гербъ рода князей Юрьевскихъ внесенъ въ XIV часть Общаго Гербовника (1890 г.).

Юрьевскій 98-й пѣх. **полкъ**—сформированъ въ 1863 г. изъ резервныхъ и безсрочно-отпускныхъ чиновъ Архангелогородскаго полка, и наименованъ Дерптскимъ пѣхотнымъ; нынѣшнее названіе получилъ въ 1893 г., по переименованіи г. Дерпта въ Юрьевъ.—Такъ какъ родоначальникомъ Архангелогородскаго былъ Тамбовскій пѣх. полкъ, то отъ нихъ обоихъ унаслѣдованы Ю. полкомъ и боевыя отличія: 1) георгіевское полковое знамя за подвиги въ 1814 г. и за оборону Севастополя въ 1854—55 гг.; 2) походъ за воен. отличія, за войну 1799 г. съ французами въ Италіи; 3) 2 серебряныя трубы за взятіе кр. Базарджекъ въ 1810 гг.; 4) знаки на шапкахъ, за отличія въ тур. войну 1828—29 гг.

Юрьевскій-Козелецкій или *Георгіевскій* мужской, 3 класса (съ 1786 г.) **монастырь** — см. Козелецкій-Георгіевскій м-рь (XV, 593).

Юрьевскій или *Георгіевскій* мужской заштатный (съ 1764 г.) **м-рь** — Калужской губ., Мещовскаго уѣзда, въ ½ вер. отъ гор. Мещовска. Основанъ въ 1681 г. Въ м-рѣ находится чудотворная икона Скорбящей Божіей Матери и помѣщается духовное училище.

Юрьевскій университетъ, бывшій дерптскій—учрежденъ въ 1802 г., но первоначальное его возникновеніе относится къ гораздо болѣе отдаленнымъ временамъ. Еще въ 1630 г., черезъ 5 лѣтъ послѣ занятія Лифляндіи шведами, въ Дерптѣ была основана гимназія, которая въ 1632 г. была расширена въ университетъ. Учрежденный подъ названіемъ Academia Gustaviana, университетъ получилъ всѣ права и преимущества упсальскаго и имѣлъ 19 профессоровъ, распредѣленныхъ по 4 факультетамъ. За 24 года его существованія въ немъ было имматрикулировано 1016 студентовъ (изъ нихъ болѣе половины шведовъ). Въ 1656 г., при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, Дерптъ былъ завоеванъ русскими; профессора и студенты разбѣжались. Нѣкоторые профессора сдѣлали попытку продолжать свои курсы въ Ревелѣ, гдѣ въ 1665 г. числилось 60 студентовъ. Черезъ 5 лѣтъ Дерптъ былъ вновь занятъ шведами, но университетъ началъ функціонировать лишь въ 1690 г., по иниціативѣ короля Карла XI, подъ именемъ «Academia Gustaviana Carolina», съ 10 профессорами. Когда опять возникла война между Швеціей и Россіей, универси-

тетъ въ 1699 г. былъ перенесенъ въ Перновъ. Но въ 1710 г. русскія войска подступили и къ Пернову. Чтобы спасти свою «академію», лифляндское дворянство въ «аккордныхъ пунктахъ» просило Петра I о сохраненіи университета. Петръ согласился, подъ условіемъ, что «университетъ при взятіи города не окажетъ сопротивленія». Дозволивъ «рыцарству вмѣстѣ съ верховнымъ консисторіумомъ назначать и предлагать искусныхъ профессоровъ», Петръ I предоставилъ себѣ право назначать въ университетъ особаго проф. славянскаго языка. Не смотря на все это, университетъ пересталъ функціонировать, такъ какъ профессора-шведы покинули Дерптъ и переселились въ Швецію. Затѣмъ въ теченіе почти столѣтія Остзейскій край былъ лишенъ высшаго учебнаго заведенія. После Петра I начинается рядъ ходатайствъ о возстановленіи университета въ Лифляндіи, въ 1725, 1730, 1754, 1764 и 1768 гг., но до кончины имп. Екатерины II ходатайства эти не дали никакихъ положительныхъ результатовъ. Новую эру въ вопросѣ объ университетѣ въ Остзейскомъ краѣ открыло воцареніе имп. Павла I. Въ 1798 г. изданъ былъ указъ, коимъ воспрещалось отправлять для занятій наукой молодыхъ людей за границу, а для того чтобы остзейское юношество не было лишено высшаго образованія, было предложено курляндскому, эстляндскому и лифляндскому рыцарству избрать приличное мѣсто для учрежденія университета и устроить оный». Планъ, выработанный дворянствомъ, получилъ Высочайшее утвержденіе въ слѣдующемъ году. Коммиссія кураторовъ вела приготовленія къ открытію университета очень энергично. Въ декабрѣ 1800 г. послѣдовалъ указъ объ учрежденіи унив. не въ Дерптѣ, а въ Митавѣ, но 12-го марта 1801 г. имп. Павелъ скончался, и 12-го апрѣля имп. Александръ I повелѣлъ основать университетъ, согласно прежнему плану, въ Дерптѣ, «по причинѣ положенія онаго въ средоточіи трехъ губерній: Рижской, Ревельской и Курляндской». Торжественное открытіе новаго дерптскаго унив. послѣдовало 21 и 22 апрѣля 1802 г., а лекціи начались 1 мая. Когда было учреждено министерство народнаго просвѣщенія и университетъ перешелъ подъ его высшее руководство, возникъ вопросъ о матеріальномъ обезпеченіи университета. 12 декабря 1802 г. имп. Александръ I подписалъ «Актъ постановленія для Императорскаго университета въ Дерптѣ»; день этотъ сдѣлался впослѣдствіи днемъ ежегоднаго университетскаго акта и торжества. Главнымъ дѣятелемъ на пользу университета явился при этомъ Г. Ф. Парротъ (1781 — 1852), впослѣдствіи его ректоръ. 8 сентября 1803 г. утвержденъ уставъ университета, коимъ ему предоставлялась полная автономія. Онъ получалъ привилегію «имѣть свою внутреннюю расправу и полное начальство надъ всѣми членами своими, подчиненными, равно надъ ихъ семьями»; онъ вѣдалъ всѣ дѣла, «до сихъ лицъ касающіяся», разбиралъ долговыя претензіи, производилъ первоначальное разслѣдованіе по уголовнымъ дѣламъ. Университету, такимъ образомъ, была дана широкая гражданская и уголовная юрисдикція. Апеллировать на приговоръ унив. суда можно было только къ правит. сенату. Унив. корпорацію составляли профессора, которые выбирали изъ своей среды всѣхъ должностныхъ лицъ, въ томъ числѣ и ректора; во главѣ корпораціи стоялъ «совѣтъ», непосредственно подчиненный только министру народнаго просвѣщенія. Такъ какъ дворянство пожертвовало на унив. 40000 руб., то ему предоставлено было право участвовать въ управленіи дѣлами унив.; выборные изъ дворянъ кураторы завѣдывали хозяйственной частью. Унив. «имѣлъ собственную цензуру для своихъ сочиненій» и безконтрольно выписывалъ изъ-за границы необходимыя книги. Какъ «ученое заведеніе», унив. раздѣлялся на 4 отдѣленія: философское, врачебное, юридическое и богословское; это дѣленіе просуществовало до 1850 г., когда философскій факультетъ распался на историко-философскій и физико-математическій. Въ университетъ, по выдержаніи «искуса», принимались люди всякаго званія и состоянія, русскіе подданные и иностранцы. Студенческая жизнь до мелочей регламентировалась уставомъ; такъ напримѣръ, опредѣлялась сумма, которую студентъ могъ тратить на тѣ или другія нужды. Въ 1804 г. повелѣно было воспретить городовому начальству «открытіе въ Дерптѣ театра съ тѣмъ, чтобы и впредь онаго не имѣть». Однако, студенческая жизнь съ самаго начала вышла изъ назначенныхъ ей рамокъ. Въ 1804—1805 гг. происходили безчинства, заставившія усилить надзоръ за студентами. Съ 1808 г. начинаютъ возникать корпораціи; первой была «Curonia», затѣмъ въ 1821—23 гг. учреждены «Estonia», «Livonia» и «Fraternitas Rigensis». Правительство не придавало значенія этимъ организаціямъ и допускало ихъ свободное развитіе. Въ 1820 г. уставъ 1803 г. замѣненъ новымъ, коимъ введены лишь нѣкоторыя ограниченія при производствѣ слѣдствія и суда надъ студентами за нарушеніе благочинія. Признаны были также «вредными и несовмѣстимыми съ обязанностями студентовъ» ихъ корпораціи, но вскорѣ затѣмъ онѣ были вновь разрѣшены. Въ 1819 г. издано было «Положеніе о производствѣ въ ученыя степени». Уставъ 1820 г. дѣйствовалъ до 1865 г. Въ 20-хъ гг. дерптскій унив. считался выдающимся по составу преподавателей и съ 1828 г. получилъ значеніе института для подготовки профессоровъ въ другіе русскіе университеты. Въ отчетѣ гр. Уварова въ 1833 г. дерптскому унив. отведено «значительное мѣсто въ ряду нашихъ высшихъ учебныхъ заведеній», но русскій языкъ признается «недовольно уваженнымъ предметомъ». Уставъ 1835 г. усилилъ контроль надъ университетами со стороны попечителей учебныхъ округовъ. Этотъ контроль распространенъ въ 1837 г. на дерптскій унив.; во главѣ его стоялъ тогда попечитель Крафтштремъ (1835 — 1854), управленіе котораго причисляется къ наиболѣе тяжелымъ временамъ дерптскаго унив., тѣмъ болѣе, что къ нему примѣнили ст. 80-ю общаго Устава, предоставлявшую министру по собственному своему усмотрѣнію назначать

профессоровъ. На практикѣ свобода выбора и приглашенія преподавателей сохранялась до 50-хъ годовъ. Въ 1836 г. рѣшено усилить значеніе русскаго языка, какъ предмета преподаванія; въ 1837 г. учреждена должность лектора русскаго языка въ унив. Въ 1838 г., благодаря гр. Уварову, разрѣшено кромѣ корпорацій устройство при унив. «студенческихъ обществъ, имѣющихъ ученую цѣль», а также занятія литературой и искусствомъ, организацію спектаклей и пр. Въ 1850 г. отмѣнено было избраніе ректора изъ среды профессоровъ; въ 1852 г. даны особыя секретныя инструкціи для наблюденія за поведеніемъ студентовъ и за духомъ преподаванія. Профессора не «смѣли дозволять себѣ никакого, хотя бы и безвреднаго отступленія» отъ программы; прекращено было преподаваніе государственнаго права европейскихъ державъ; философію преподавалъ проф. православнаго богословія. Для философскаго и юридическаго факультетовъ установленъ комплектъ въ 300 студентовъ. Университетскій уставъ 1863 г., возстановившій академическую автономію, но съ удержаніемъ власти попечителя, внесъ (1865 г.) соотвѣтственныя измѣненія и въ положеніе дерптскаго университета. Университетъ продолжалъ оставаться нѣмецкимъ по составу профессоровъ и студентовъ, но съ 1880-хъ годовъ начинаются попытки усиленной руссификаціи, и въ 1889 г. повелѣно распространить на него университетскій уставъ 1884 г. Многіе изъ профессоровъ-нѣмцевъ оставили унив.; каѳедры ихъ были замѣщены русскими преподавателями. Программы были измѣнены примѣнительно къ учебнымъ планамъ другихъ университетовъ, введены экзамены въ испытательныхъ коммиссіяхъ, усилена власть ректора и правленія унив. и т. д. 27 декабря 1893 г. дерптскій унив. переименованъ въ Ю. унив. По отношенію къ студентамъ вводятся новыя правила; съ 1896 года начинаетъ дѣйствовать студенческая инспекція. Составъ русскаго студенчества увеличился, благодаря допущенію въ унив. окончившихъ курсъ въ духовныхъ семинаріяхъ, которые стали стекаться сюда со всѣхъ концовъ Россіи. Студентовъ къ 1 янв. 1903 г. было болѣе 1800. Въ 1902 г. Ю. унив. праздновалъ столѣтіе своего существованія. Ср. Е. В. Пѣтуховъ, «Латино-шведскій унив. въ Дерптѣ и Перновѣ въ XVII и началѣ XVIII вѣка» («Журн. Мин. Нар. Просв.», 1901, № 5); его же, «Вопросъ объ университетѣ въ Лифляндіи въ XVIII в.» («Журн. М. Н. Пр», 1901, № 9); его же, «Возникновеніе и первоначальная организація дерптскаго университета въ началѣ XIX в.» («Журн. Мин. Нар. Пр.», 1901, №№ 10, 11, 12, 1902, № 1). См. также юбилейное изданіе Ю. унив.

Юрьевскій черноземъ — см. Юрьевскій уѣздъ (Владимірской губ.).

Юрьевъ (до 1893 г.—*Дерптъ*, по-нѣм.—Dorpat)—уѣздный городъ Лифляндской губ., въ холмистой мѣстности, по обоимъ берегамъ р. Эмбахъ и при желѣзной дорогѣ. Пароходство. Ю. очень красиво обстроенъ, чистъ и благоустроенъ; главная часть его расположена на правой, южной сторонѣ рѣки, лучшая—около холмовъ Домберга и Шлоссберга, на которыхъ въ средніе вѣка находились крѣпость, соборъ (Dom), епископскій замокъ, монастырь и дома знатныхъ горожанъ; отъ всего этого остались однѣ развалины на Домбергѣ. *Жителей* (1897 г.) 42421 (20333 мжч. и 22688 жнщ.); эстонцевъ 68%, нѣмцевъ 16, русскихъ 6, евреевъ 4, прочихъ національностей 6%; лютеранъ 80%, православныхъ 10, іудейскаго 4, остальныхъ исповѣданій 6%. Грамотныхъ среди мужчинъ — 94%, среди женщинъ—80, вообще—87%. Городъ сильно растетъ: въ 1860 г. въ немъ считалось 13868, въ 1881 г. — 21014 жит. Жилыхъ зданій 2802, изъ нихъ до 800 каменныхъ; недвижимости города оцѣнены въ 1904 г. въ 7811000 руб. Церквей православныхъ 2, лютеранск. 3, рим.-катол. 1. *Учебныхъ заведеній* 19, въ томъ числѣ университетъ (см. Юрьевскій унив.), ветеринарный институтъ, мужская и женская гимназіи, реальное училище и мужская учительская семинарія. Много ученыхъ обществъ, просвѣтительныхъ и благотворительныхъ учрежденій. Періодическихъ изданій 8, изъ нихъ 3 ежедневныя газеты; 4 изданія на эстонскомъ языкѣ, 2 — на нѣмецкомъ, 1—на русскомъ, 1 — на 3 языкахъ (русск., нѣм. и эстон.). Въ промышленномъ отношеніи Ю., послѣ Риги, занимаетъ второе мѣсто въ Лифляндской губ.; въ 1900 г. въ немъ было 38 *фабрикъ и заводовъ*, съ 494 рабоч. и производствомъ на 1003000 руб. *Торговля* значительная, особенно хлѣбная и льняная съ гор. Перновомъ. Много книжныхъ магазиновъ и типографій. Общественный банкъ, общество ипотечнаго кредита, отдѣленія одного частнаго банка и лифлянд. двор. земел. кред. общ. Телефонная сѣть, водопроводъ. *Движеніе грузовъ* (1901 г.) по р. Эмбаху: разгружено 1337 судовъ, съ грузомъ 3893 тыс. пд., и 240 плотовъ, вѣсомъ въ 260 тыс. пудовъ; отправлено (внизъ) 280 судовъ, съ грузомъ въ 229 тыс. пд. По жел. дор. прибыло товаровъ 2867 тыс. пд., отправлено 1450 тыс. пд. *Бюджетъ* Ю. (по смѣтѣ на 1904 г.): доходовъ ожидается 215340 руб. (въ 1860 г. доходы города составляли всего 19225 руб.), расходовъ предполагается произвести на ту же сумму. Главнѣйшія статьи дохода: сборъ съ недвижим. имуществъ—71197 р., съ городскихъ имуществъ—73670 р. Расходуетъ городъ на содержаніе общественнаго управленія—31977 р., городскую полицію—39724 руб., благоустройство города—42667 руб., воинскую квартирную повинность—19906 р., общественное призрѣніе—4429 р., школы—12317 руб., медицину—9639 руб.

Исторія. Русскій вел. кн. Ярославъ I въ 1030 г. утвердилъ свою власть на западномъ берегу Чудского оз., путемъ постройки города, который и былъ названъ, по христіанскому имени князя, Юрьевымъ. Въ 1060 г. Ю. былъ сожженъ финскимъ племенемъ—сосолами, возмутившимися противъ русскихъ, но скоро снова отстроенъ послѣдними. Въ 1138 г. чудь, возставъ противъ Новгорода, взяла Ю. и жителей его всѣхъ перебила. Послѣ того Ю. былъ сильно укрѣпленъ русскими и считался самымъ значительнымъ русскимъ поселеніемъ

въ Чудской землѣ. Въ 1224 г. Ю. взятъ нѣмецкими рыцарями, не смотря на отчаянное сопротивленіе засѣвшихъ въ немъ русскихъ подъ предводительствомъ кн. Вячеслава (или Вячко); все мужское населеніе было перебито, исключая одного человѣка, который былъ отправленъ въ Новгородъ съ извѣстіемъ о судьбѣ города. Въ 1234 г. кн. Ярославъ, въ союзѣ съ новгородцами, разбилъ подъ Ю. нѣмцевъ и взялъ съ города дань. Въ 1262 г. русскіе снова пытались взять Ю., но «былъ градъ Ю. твердъ — говоритъ лѣтописецъ, — въ три стѣны, и множество людей въ немъ всякихъ, и оборону себѣ пристроили въ городѣ крѣпкую». Посадъ былъ взятъ приступомъ и разграбленъ, но, узнавъ о приближеніи магистра Вернера фонъ-Брейтгаузена, русскіе сняли осаду и удалились. Съ половины XIII до половины XVI ст. въ Ю., получившемъ названіе Дерптъ, существовало независимое епископство; это время было самымъ цвѣтущимъ въ исторіи города; можно полагать, что число жителей тогда доходило до 50 тыс. Епископы дерптскіе обязаны были платить дань русскимъ князьямъ, но это не исполнялось, такъ какъ русскіе, занятые борьбою съ татарами, дорожили добрыми отношеніями съ Ливоніей и не считали возможнымъ настаивать на своихъ правахъ. Въ половинѣ XVI ст. Русь окрѣпла, а потому и сочла своевременнымъ напомнить ливонцамъ объ ихъ обязательствахъ относительно дани съ гор. Дерпта. Ливонцы, не отрицая правъ русскаго царя на полученіе дани, старались всячески оттянуть исполненіе этихъ обязательствъ, пока русскіе въ 1559 г., подъ предводительствомъ кн. Петра Шуйскаго, не овладѣли Дерптомъ, и послѣдній, поступилъ какъ бы подъ протекторатъ Россіи. Во время дальнѣйшей борьбы Россіи съ Польшею изъ-за Ливоніи большинство жителей Дерпта было выселено въ предѣлы Россіи и только по провозглашеніи Магнуса королемъ ливонскимъ имъ дозволено было снова возвратиться на родину (въ 1570 г.). Дерптъ, вслѣдствіе этихъ событій, пришелъ въ упадокъ. Въ 1582 г., согласно мирному договору съ королемъ Стефаномъ Баторіемъ, Дерптъ уступленъ Польшѣ; въ 1600 г. взятъ шведами, въ 1603 г. — поляками, въ 1625 г. — снова шведами, подъ предводительствомъ Густава Адольфа. Въ 1656 г. русскія войска во время похода въ Ливонію овладѣли городомъ, но въ 1661 г., согласно Кардисскому мирному договору, онъ былъ уступленъ Швеціи, во владѣніи которой и находился до 1704 г., когда былъ взятъ войсками Шереметева и съ тѣхъ поръ состоитъ во владѣніи Россіи. Въ 1783 г. Дерптъ назначенъ уѣзднымъ городомъ Рижскаго намѣстничества, преобразованнаго впослѣдствіи въ Лифляндскую губернію. Въ 1893 г. Дерптъ переименованъ снова въ Юрьевъ.

Юрьевскій (Дерптскій) *уѣздъ* занимаетъ сѣв.-вост. часть Лифляндской губ.; на В прилегаетъ къ Чудскому оз. (Пейпусу). *Пространство* уѣзда—5596,5 кв. вер. или 582931 дес.; р. Эмбахъ дѣлитъ уѣздъ на двѣ почти равныя части. Сѣверная часть низменна и только на СЗ нѣсколько всхолмлена (до 200—300 фт.), такъ какъ сюда заходятъ отроги возвышенности Эстляндской губ. Къ Ю отъ Эмбаха мѣстность довольно быстро поднимается (300—400 фт.) и становится холмистою, изрѣзанною глубокими долинами многочисленныхъ рѣчекъ. Почва холмистой части Ю. уѣзда большею частью песчаная съ примѣсью глины, при этомъ скаты холмовъ несравненно плодороднѣе ихъ вершинъ. Въ приходѣ Оденпе плоскогорье поднимается до 500 фт.; оно покрыто озерами, среди которыхъ Пюха-ярви (Святое) окружено высокими холмами (гора Мунамеги возвышается на 300 фт. надъ ур. озера или 800 фт. надъ ур. моря). *Воды.* На В—*Чудское оз.*, на З—*Вирцъ-ярви*; оба озера соединены судоходной рѣкой *Бол.* или *Нижн. Эмбахомъ* (88 вер.), называемою такъ въ отличіе отъ р. Мал. или Верхн. Эмбаха, орошающей западную часть уѣзда и отчасти служащей границею его съ сосѣдними уѣздами Верроскимъ, Валкскимъ и Феллинскимъ. Мал. Эмбахъ впадаетъ въ оз. Вирцъ-ярви (дл. 71 вер.). Другіе притоки оз. Чудского и р. Эмбаха многочисленны, но всѣ незначительны. Кромѣ двухъ упомянутыхъ въ Ю. уѣздѣ много небольшихъ озеръ, которыя, будучи соединены между собою протоками, составляютъ нѣсколько группъ; изъ послѣднихъ наиболѣе значительныя группы на С отъ города Ю. состоящая изъ 7 озеръ вокругъ оз. Садъ-Ярви (пл. 7 кв. в.) и на Ю уѣзда—изъ 20 озеръ, окружающихъ оз. Пюха-ярви или Святое (0,5 кв. в.). *Болотъ* много въ сѣв., низменной части уѣзда, особенно вдоль береговъ оз. Чудского и р. Бол. Эмбаха; въ общемъ болота занимаютъ до 600 кв. вер. или свыше 10% всего пространства уѣзда. *Лѣсная площадь* равна 132 тыс. дес. или около 23% поверхности у.; бо́льшая часть лѣсовъ расположена на С отъ р. Эмбаха. *Жителей* (1897 г.) 190747, что составляетъ 34 чел. на 1 кв. вер. По густотѣ населенія Ю. у., послѣ Рижскаго (73 жит.), занимаетъ второе мѣсто въ губерніи и нѣсколько выше средняго по всей Лифляндской губ. (32 жит.). За исключеніемъ г. Ю., собственно въ уѣздѣ было 148326 жит., изъ нихъ 71585 муж. и 76741 женщ. Большинство сельскаго населенія состоитъ изъ эстовъ и латышей (80%); русскіе (20%) живутъ по берегамъ Чудского оз. Эсты и латыши—лютеране (16 приходовъ), русскіе—большею частью православные (21 приходъ); раскольники-русскіе составляютъ не болѣе 15% всѣхъ русскихъ (3% всего населенія). Населеніе (исключая русскаго) живетъ разбросанно, отдѣльными дворами; населенныхъ пунктовъ въ уѣздѣ въ 1896 г. было 15622, изъ нихъ 161 крупн. усадьба (мызы). Начальныхъ народныхъ *школъ* 294, съ 6659 учащимися муж. и 5496 — женск. пола; изъ нихъ 131 учил. подвѣдомственны министерству народн. просвѣщ. (4673 учащихся; остальныя — частныя и содержимыя на средства селеній. *Землевладѣніе* (по даннымъ 1897—1899 г.). Изъ 569837 дес. земли было казенной — 92315, частновладѣльческой — 472285, школьной, церковной и пасторатской—5237 дес. Изъ казенныхъ земель выдѣлено въ надѣлъ причту правосл. церквей и

школъ—1655 дес., подъ 133 солдатскими участками — 224 дес., продано крестьянамъ (2507 участковъ) — 52646 дес., состоитъ у крестьянъ на оброчномъ пользованіи (205 участковъ)—660 дес.; остальныя 37130 десят. эксплуатируются казною и большею частью состоятъ изъ лѣсныхъ угодій (24383 дес.). Частновладѣльческія земли подраздѣляются на мызныя—245041 дес., квотныя (см. XIV, 882), находящіяся въ пользованіи крестьянъ — 26904 дес., крестьянскія податныя—200340 дес.; изъ послѣдней 148162 дес. выкуплены крестьянами. Изъ пасторатскихъ земель 579 дес. принадлежатъ лютеран. церквамъ и школамъ при нихъ, 3665 дес.—мызной собственно въ пасторатахъ, 233 дес.—квотной и 1339 дес.—въ пользованіи крестьянъ. Всего во владѣніи и пользованіи крестьянъ состояло (вмѣстѣ съ квотной) 282122 дес.; изъ нихъ вполнѣ или отчасти выкуплены 6251 участокъ, въ 200808 дес. *Земледѣліе.* Подъ пашнями свыше 137000 дес. (23%). Господствующая система полеводства—многополье, съ значительными посѣвами корнеплодовъ (картофеля) и кормовыхъ травъ; изъ хлѣбныхъ преобладаютъ посѣвы ржи, овса и ячменя. Въ среднемъ за пятилѣтіе (1896—1900) приходится на 1 десятину:

	Посѣва.	Урожая.
Озимой ржи . . .	10,8 пуд.	77,2 пуд.
Яровой ржи . . .	9,6 »	46,4 »
Озимый пшеницы .	10,4 »	86,3 »
Яровой пшеницы .	9,9 »	63,7 »
Овса.	11,4 »	60,0 »
Ячменя	9,9 »	73,0 »
Гречихи	6,2 »	36,7 »
Гороха.	10,1 »	72,4 »
Картофеля	147,8 »	744,4 »

Льноводство развито въ сѣверной половинѣ уѣзда. Огородничествомъ занимаются преимущественно русскіе въ окрестностяхъ гор. Ю. *Скота* въ 1900 г. считалось головъ:

	Лошадей.	Крупн. рогат.	Овецъ.	Свиней.
У владѣльцевъ .	7634	23776	14633	10144
У крестьянъ . .	23792	70188	89697	44911
Всего . .	31426	93964	104330	55055

11 конскихъ заводовъ въ частно-владѣльческихъ имѣніяхъ, разводятся лошади верховыя, выѣздныя и рабочія. *Фабрикъ и заводовъ* (въ 1900 г.) 183, съ 1253 рабоч. и производствомъ на 1210630 руб.; изъ нихъ болѣе значительные — винокуренные, 8 пивоваренныхъ, лѣсопильный и кирпичный. *Торговля* сосредоточена главнымъ образомъ въ городѣ Ю. *Желѣзная дорога* пересѣкаетъ у. на протяженіи 131 версты; въ предѣлахъ его 6 станцій, грузовое движеніе на которыхъ, исключая г. Ю. (см. выше), въ 1901 г. было по отпуску товаровъ—1283 тыс. пд., по прибытію—726 тыс. пд. На *пристаняхъ* Ю. у. (кромѣ городской) въ томъ же году:

На пристаняхъ:	Отправлено. Судовъ.	Плотовъ.	Груза тыс. пд.	Разгружено. Судовъ.	Груза тыс. пд.
Чудского оз.	381	120	1390	28	32
Р. Бол. Эмбаха.	21	240	308	2	3

Въ Ю. уѣздѣ 5 больницъ, изъ нихъ 1 приходская больница на 9 кроватей, 2 частныя (12 кроват.) и 2 лепрозорія на 95 кроватей. Почтовыхъ учрежденій 9, изъ нихъ 7 съ телеграфомъ.

Литература. Prof. Dr. B. Körber, «Die Stadt Dorpat (Jurjew) in stat. u. hygien. Beziehung» (Юрьевъ, 1902); R. Eckhardt, «Resultate der am 3 März 1867 in d. Städten Livlands ausgeführten Volkszählung» (Рига, 1871); В. Фогель, «Матер. для стат. Лифл. губ.» (вып. I—XII и дополнительный, Рига, 1899); «Памятная книжка и адресъ-календарь Лифл. губ. на 1904 г.» (Рига, 1903). *Д. Р.*

Юрьевъ (Ю. Польской) — уѣздн. гор. Владимірской губ., на обоихъ берегахъ р. Колокши (лѣв. прит. р. Клязьмы), при впаденіи рч. Гзы (Кзы); ст. жел. дор. Въ 1897 г. жит. было 5759 (2972 мжч., 2787 жнщ.); грамотныхъ 62% мжч. и 42% жнщ. Главная масса населенія состоитъ изъ мѣщанъ (2125) и крестьянъ (2889). 2 монастыря, 4 правосл. церкви, до 15 улицъ, изъ коихъ большинство замощены, 2 богадѣльни, 3-хъ классн. город. учил., 4 приход. учил., 2 црк.-прих. школы, зем. больница. Въ 1902 г. въ доходъ города поступило 25051 р., въ томъ числѣ оцѣночнаго сбора съ недвижимыхъ имуществъ 10430 р. и доходовъ отъ городскихъ имуществъ 3670 р. Израсходовано 22244 р., въ томъ числѣ на учебныя зав. 3282 р., на медицину 1604 р. Городъ имѣетъ неприкосновенныхъ капиталовъ 135187 р., пожертвованныхъ разными лицами на благотворительныя цѣли. По раскладкѣ государственнаго налога на 1903 г. недвижимость въ г. Ю. оцѣнена въ 672126 р. Въ послѣднія два десятилѣтія число фабрикъ въ Ю. сильно сократилось; осталось только нѣсколько мелкихъ промышленныхъ заведеній и 2 акціонерныя фабрики хлопчатобумажныхъ тканей, съ основн. капиталомъ въ 1050 тыс. руб. Ремесленная промышленность удовлетворяетъ лишь мѣстнымъ нуждамъ. Сравнительно развита торговля хлѣбомъ и льномъ, такъ какъ Ю. расположенъ среди довольно хлѣбородной мѣстности.

Исторія. Названіе «Польской» (въ большинствѣ случаевъ встрѣчается неправильное написаніе «Польскій») Ю. получилъ изстари по широкимъ полямъ и безлѣсью, окружающимъ городъ, и въ отличіе отъ Ю. Лифляндскаго (быв. Дерпта). Ю. основанъ вел. кн. Георгіемъ (Юріемъ) Владиміровичемъ Долгорукимъ, который, по словамъ Новгородскаго лѣтописца, въ 1152 г. «въ Суздальстей земли постави многи церкви... и градъ Ю. основа» въ память своего имени. До 1212 г. Ю. числился пригородомъ и зависѣлъ отъ г. Владиміра или отъ г. Суздаля. Въ 1212 г., при раздѣлѣ вел. княжества Суздальскаго, Ю. достался въ удѣлъ младшему сыну Всеволода III,

Святославу. Хотя съ этого времени Ю. и сдѣлался столицею удѣльнаго княжества, но самостоятельной роли не игралъ и Юрьевскіе удѣльные князья служили только подручниками великихъ князей. Ю. два раза попадалъ въ руки татаръ: въ 1238 г., при нашествіи Батыя, и въ 1382 г., при нашествіи Тохтамыша. Въ XV, XVI и началѣ XVII ст. Ю. неоднократно былъ отдаваемъ московскими князьями «въ кормленіе» разнымъ царственнымъ изгнанникамъ, искавшимъ убѣжища въ Московскомъ государствѣ. Такъ, въ 1408 г. велик. князь Василій Дмитріевичъ отдалъ Ю., вмѣстѣ съ Владиміромъ, Переславлемъ и др. городами въ удѣлъ литовскому кн. Свидригайлу Ольгердовичу (XXIX, 112), который владѣлъ этимъ удѣломъ только пять мѣсяцевъ. Въ 1507 г. Ю. былъ отданъ Василіемъ Ивановичемъ въ удѣлъ изгнанному казанскому хану Абдуллетифу; при Іоаннѣ Грозномъ нѣкоторое время владѣлъ Ю. астраханскій царевичъ Кайбула; въ 1609 г. Тушинскій самозванецъ отдалъ Ю. въ удѣлъ Магомету Мураду, сыну Касимовскаго царя Урана Магомета. Въ 1708 г. Ю. приписанъ къ Московской губ.; въ 1719 г. назначенъ провинціальнымъ городомъ, въ составъ провинціи котораго входили гг. Шуя и Лухъ; въ 1778 г. назначенъ уѣзднымъ гор. Владимірскаго намѣстничества, впослѣдствіи губерніи. По описи 1760 г. Ю. состоялъ изъ кремля и посада; кремль былъ обнесенъ валомъ, который сохранился мѣстами и до сихъ поръ, и рвомъ; послѣдній уже и тогда былъ заплывшимъ; на валу имѣлись слѣды трехъ воротъ. Внутри кремля находились лишь 2 церкви и Архангельскій монастырь съ 4 каменными церквами. Всѣ дома на посадѣ были деревянные, за исключеніемъ одного каменнаго. Нѣкоторые изъ купечества промышляли юфтью. Въ 1817 г. въ Ю. было 2660 жит., въ 1849 г.—3764. Въ прежнее время Ю. имѣлъ большое торговое значеніе, такъ какъ находился на большой Стромынской дорогѣ, соединявшей Суздальскій край съ Москвою (см. Стромынка, XXXI, 825). Въ XVII ст. въ Ю. находилась таможня, и оборотъ по торговлѣ достигалъ значительной для того времени суммы 100000 руб. Въ XVIII ст. въ Ю. были прядильная и шелковая фабрики; въ началѣ XIX ст. насчитывалось 11 полотняныхъ фабр. и 2 кожевенн. зав. Съ проведеніемъ Моск.-Нижегор. жел. дор. торговое значеніе Ю. сильно пало. Въ Георгіевскомъ соборѣ, построенномъ въ 1162 г. и перестроенномъ въ 1234 году, въ византійскомъ стилѣ, сохранилась въ неизмѣненномъ видѣ часть стѣнъ, изукрашенная снаружи рельефными изображеніями человѣческихъ фигуръ, звѣрей, птицъ и растеній; это замѣчательный памятникъ церковнаго зодчества XIII вѣка (ср. рефератъ академ. Н. П. Кондакова «О научныхъ задачахъ древне-русскаго искусства»). Въ соборѣ много историческихъ памятниковъ, между проч. гробница вел. кн. Святослава III Всеволодовича, сконч. въ 1252 г.

Юрьевскій уѣздъ расположенъ въ сѣв.-зап. части Владимірской губ.; граничитъ на С и СВ съ Ростовскимъ у. Ярославской губ. *Площадь у.*—2641 кв. в. или 275113 дес. Ю. уѣздъ, вмѣстѣ съ Александровскимъ и частію Переславскаго у., занимаетъ наиболѣе возвышенное положеніе въ Владимірской губ.; высота мѣстности колеблется преимущественно ок. 60—80 саж. надъ ур. моря; самые возвышенные пункты (100 — 110 саж.) находятся близъ запад. границы у., въ верховьяхъ рчч. Пекши и Шахи; по направленію къ ЮВ мѣстность въ общемъ нѣсколько понижается. Изъ рѣкъ болѣе значительна Малая или иначе Клязьминская Нерль съ приток. Селекшой, протекающая въ сѣв. части у. Къ Ю отъ Нерли расположенъ водораздѣлъ, откуда беретъ начало р. Колокша, текущая къ ЮВ. Въ юго-зап. части у. протекаетъ р. Пекша. Всѣ названныя рр., имѣющія многочисленные притоки, несудоходны и впадаютъ въ р. Клязьму въ предѣлахъ Владимірскаго (Нерль и Колокша) и Покровскаго (Пекша) уу. Часть Ю. уѣзда, расположенная къ С отъ р. Нерли, представляетъ почти сплошную равнину, покрытую небольшими всхолмленіями и въ общемъ нѣсколько наклоненную къ р. Нерли. Мѣстность къ Ю отъ р. Нерли представляетъ изъ себя довольно возвышенное плато, также богатое всхолмленіями, особенно между р. Нерлью и параллелью г. Ю. Въ этой части уѣзда особенно много овраговъ; часть послѣднихъ еще развивается, другіе же закончили свой ростъ и превратились въ болѣе или менѣе широкіе суходолы съ распаханными уже теперь склонами. Въ сѣв. части уѣзда встрѣчаются кое-гдѣ небольшія озера и много большею частью также небольшихъ болотъ и мочажинъ—остатковъ прежнихъ озеръ, заросшихъ торфяниками. Небольшія болотца встрѣчаются и во многихъ другихъ мѣстностяхъ. Несомнѣнно, въ давнопрошедшія времена въ Ю. уѣздѣ были мѣстами болѣе или менѣе обширные водоемы, постепенно потомъ исчезнувшіе. Изъ коренныхъ породъ преобладаютъ волжскія и мѣловыя. Первыя представлены песками и рыхлыми песчаниками, вторыя—бѣлой сланцеватой и черной песчанистой таблитчатой глиной и сѣрыми фосфоритоносными песками. Подъ мѣловыми и волжскими породами расположены, повидимому, по крайней мѣрѣ по р. Пекшѣ (заводъ Кольчугина), юрскія глины. Изъ ледниковыхъ наносовъ распространены нижневалунные пески (особенно по рр. Колокшѣ и Нерли), валунныя глины и верхневалунные пески; послѣдніе почти исключительно въ сѣв. части у., въ остальной же, бо̀льшей части у.—валунныя глины прикрыты лессовидными или похожими на нихъ безвалунными глинами. Полезныхъ ископаемыхъ мало; встрѣчаются глины, пригодныя для строительнаго кирпича, бѣлая кремнистая опока, могущая служить для приготовленія огнеупорнаго кирпича, залежи торфа (въ болотахъ Нерльской низины), мѣстами скопленія валуннаго камня и залежи фосфорита, встрѣчающіяся въ разныхъ мѣстностяхъ, преимущественно по рр. Колокшѣ и Пекшѣ, гдѣ мощность прослоя фосфоритовъ достигаетъ 5—6 дюйм. Означенныя ископаемыя, кромѣ кирпичной глины, не разрабатываются. Сѣв.-вост. уголъ у. покрытъ под-

золистыми суглинками, лѣвобережье и отчасти правобережье р. Нерли—песчаными почвами, вся южная треть у.—лѣсными сѣрыми суглинками, а вся центральная часть покрыта коричнево-темными суглинками, тянущимися съ З на В полосою въ 10—20 вер. ширины. Эта полоса, почти совершенно безлѣсная, вмѣстѣ съ западною также безлѣсною полосою Суздальскаго и частью Владимірскаго уу., составляетъ такъ называемое Ополье, т. е. мѣстность, покрытую полями и почти лишенную лѣсной растительности. Темныя и въ общемъ хлѣбородныя почвы Ополья даже получили въ спеціальной литературѣ названіе «Юрьевскаго чернозема» и вызвали между почвовѣдами оживленный споръ о степномъ происхожденіи этихъ почвъ (см. объ этомъ «Мат. для оц. земель Владим. г.», т. IX, Влад., 1903). Теперь выяснено, что Ополье въ доисторическія времена было густо покрыто лѣсами. Въ настоящее время сравнительно много лѣсовъ встрѣчается лишь въ сѣв. части у. (хвойные и частью смѣшанные); въ южн. встрѣчаются довольно часто лишь небольшіе островки преимущественно лиственныхъ лѣсовъ. *Населеніе.* Въ Ю. у. 390 селеній; въ среднемъ на каждое приходится по 246 жителей. Населеніе исключительно великорусское. По переписи 1897 г. въ уѣздѣ числилось, не считая г. Ю., 86868 жит. (38257 мжч., 48611 жнщ.). На 1 кв. вер. приходится жит. (со включеніемъ г. Ю.) 35,1 (по Влад. губ.—35,4 жит.). Дворянъ и чиновниковъ съ семьями—158, духовнаго сословія—1075, почетн. гражданъ и купеческаго званія — 157, мѣщанъ — 922, крестьянъ — 84519, проч. — 37. Ю. у. прорѣзывается посрединѣ, по направленію съ ЗЮЗ на ВСВ, жел. дор. Александровъ—Иван.-Вознесенскъ. Въ 1902 г. въ обязательномъ земскомъ страхованіи было застраховано въ 16616 дворахъ 42084 постройки, оцѣненныя въ 5474 тыс. руб., и въ добровольномъ земскомъ страхованіи въ селеніяхъ и усадьбахъ 1047 построекъ, оцѣненныхъ въ 525 тыс. руб. 3 земскихъ больницы и 2 особыхъ амбулаторныхъ пункта; 4 врача, 6 медицинскихъ фельдшеровъ. По переписи 1897 г. грамотныхъ оказалось 43% мужч. и 10% женщ.; процентъ грамотныхъ опредѣленъ для мужч.—45,3%, женщ.—8,4%. Въ 1901 г. 1 школа приходилась на 29,3 кв. вер., на 1071 жит. и на 97 дѣтей школьнаго возраста. Для осуществленія всеобщаго обученія, согласно принятой земствомъ нормальной школьной сѣти, къ существующимъ 90 школамъ надо прибавить еще 43, а изъ существующихъ расширить 75 школъ. Въ 1902 г. всѣхъ школъ въ Ю. у. было 116. Въ 1899 г. на крестьянское населеніе падало всякихъ повинностей 406 тыс. р. или на круговую дес. пашни (т. е. со включеніемъ земли подъ паромъ) по 4 р. 41 к., что при чистой доходности въ 7 р. 24 к. съ десятины составляетъ 61%. По раскладкѣ на 1903 г. назначено уѣзднаго земскаго сбора 88220 р. (въ томъ числѣ съ земель 61525 р., съ торговопромышл. завед. 24522 р., съ недвижимыхъ имуществъ въ г. Ю. 2173 руб.), на губернскія земскія повинности и на составленіе дорожнаго капитала 57049 руб. Уѣзднаго земскаго сбора падаетъ на 1 дес. земли надѣльной крестьянской по 32,04 к. и на 1 дес. земли прочихъ категорій по 14,41 к. По уѣздной смѣтѣ на 1903 г. назначено расходовъ 119101 р., въ томъ числѣ на народн. образов.—22778 р., на медицину—48016 р. *Землевладѣніе.* Всей земли 270951 дес., въ томъ числѣ надѣльной крестьянской—148592, частновладѣльческой—106202, удѣльн. вѣдом.—7956 дес. Крестьянская надѣльная земля находится въ общинномъ пользованіи; всѣхъ общинъ 526. Подъ усадьбами—2,2%, пашней—50,6%, перелогомъ—0,4%, покосомъ—13,1%, выгономъ—3,4%, лѣсомъ—28,4% и кустарникомъ—1,9%. 2,5% всѣхъ земель числятся неудобными. Изъ надѣльной крестьянской земли 69% подъ пашней и только 8,3%—подъ лѣсомъ, изъ частновладѣльческой земли подъ пашней только 26,4%, а подъ лѣсомъ 54,9%. Изъ частновладѣльческой земли 68,3% принадлежатъ дворянамъ, 15,3% — купцамъ, 10,5% — товариществамъ (преимущественно крестьянамъ), 3,8%—отдѣльнымъ крестьянамъ, 2,1%—лицамъ другихъ сословій. Всѣхъ частныхъ владѣній—606; изъ нихъ въ 148 не болѣе 10 дес. удобной земли въ каждомъ, въ 292—отъ 10 до 100 дес., въ 139—отъ 100 до 1000 дес., въ 27—отъ 1000 до 4000 дес. Въ 1901 г. среднія цѣны на землю были, по даннымъ крест. банка, 78 р. за дес. Къ 1 янв. 1903 г. состояло въ залогѣ въ крест. банкѣ 14 имѣній съ 2633 дес., купленныхъ за 198849 руб. и съ остаткомъ капитальнаго долга въ банкъ на 162972 р.; въ дворянскомъ—27 имѣній въ 19478 дес., оцѣненныхъ банкомъ въ 1143764 р. и съ остаткомъ капит. долга въ 653521 руб. *Земледѣліе.* Ю. у.—по преимуществу земледѣльческій; земледѣліемъ занимаются 88% крест. дворовъ, и въ составъ этихъ дворовъ входятъ 94% всего крестьянскаго населенія у. Вся крестьянская посѣвная площадь въ 1899 году составляла 80178 дес., въ томъ числѣ надѣльной земли 64868 (80,9%), купчей 3391 (4,2%) и арендованной 11919 (14,9%). Изъ крестьянской удобной надѣльной земли 3% занято усадьбами, 70%—пашней, 15%—сѣнокосомъ, 3%—выгономъ, 8%—лѣсомъ и 1%—кустарникомъ. Хозяйство у крестьянъ трехпольное; въ озимомъ полѣ сѣютъ почти исключительно рожь, въ яровомъ 50% площади занято овсомъ, 11% гречей, 14% льномъ, 11% чечевицей, 14% прочими хлѣбами. Средній урожай (за 18 лѣтъ) въ пуд. съ 1 дес.: ржи 63,8 и 52,8 (первая цифра означаетъ сборъ съ владѣльческихъ земель, вторая—съ крестьянскихъ), овса 59,9 и 51,3, гречи 31,9 и 29,3, льняного сѣмени 28 и 23, гороха 47,5 и 40,4, картофеля (въ поляхъ) 46,5 и 41,5 четвертей. Чистый ежегодный остатокъ (за вычетомъ сѣмянъ) продовольственныхъ хлѣбовъ (безъ овса, картофеля и масличныхъ) составлялъ въ среднемъ за 6 лѣтъ (1895 — 1900) 1762483 пд. или по 19,5 пд. на 1 душу сельскаго населенія. Изъ 100 надѣльныхъ крестьянскихъ дворовъ 6,1% сдаютъ свою землю въ аренду цѣликомъ, 10,8%—частью. Въ послѣднее время среди крестьянъ начинаютъ быстро распространяться плуги; послѣдними пашутъ уже 44% дворовъ. 7,5% дво-

ровъ имѣютъ молотилки, 16,9% — зерноочистительныя машины. Уѣздный земскій агрономъ; земскій складъ для продажи на льготныхъ условіяхъ усовершенствованныхъ земледѣльческихъ орудій, сѣмянъ и проч. Въ 1899 г. у крестьянскаго населенія лошадей было 14968, коровъ и быковъ 17450, овецъ 36196, проч. мелкаго скота 18335 гол. Въ числѣ надѣльныхъ дворовъ было безлошадныхъ 22,6%, безкоровныхъ 10,1%, однолошадныхъ 54,8%, дворовъ безъ всякаго скота 7,1%. Въ числѣ безнадѣльныхъ дворовъ 82,7% не имѣютъ никакого скота. 2 ветеринарныхъ врача и 4 ветеринарныхъ фельдшера. Губернскимъ земствомъ установлено добровольное страхованіе скота, но прививается оно очень туго. При среднемъ потребленіи въ 19 пд. на человѣка и 12,16 пд. на голову крупнаго скота и принимая во вниманіе, что часть населенія уходитъ на отхожіе промыслы и питается въ это время чужимъ хлѣбомъ, земскіе статистики опредѣляютъ остатокъ хлѣба мѣстнаго крестьянскаго производства въ 536 тыс. пд., который сбывается преимущественно въ сосѣдніе уѣзды на мѣстныхъ и сосѣднихъ базарахъ. Въ 1900 г. со ст. гор. Ю. Моск.-Яросл.-Арх. ж. дор. отправлено разнаго хлѣба 261645 пд. (въ томъ числѣ ржи 90 тыс. пд., овса 97 тыс. пд., муки ржаной 65 тыс. пд.), прибыло разнаго хлѣба 130636 пд. (въ томъ числѣ: муки пшеничной 64 тыс. пд., пшена 34 тыс. пд.); со ст. Келлерово отправлено хлѣба 1398 пд., прибыло 69554 пд. *Промыслы.* Хотя земледѣліе сильно развито въ Ю. у., тѣмъ не менѣе внѣземледѣльческими промыслами занимаются 88,5% всѣхъ крестьянскихъ наличныхъ дворовъ, 77,2% всего муж. населенія въ рабочемъ возрастѣ и 12,2% жнщ. въ томъ же возрастѣ. Изъ женскихъ промысловъ наиболѣе распространено домашнее ткачество, изъ мужскихъ мѣстныхъ—также ткачество, преимущественно же мужчины уходятъ на сторону, на ткацкія фабрики и отчасти на плотничныя работы. Изъ лицъ въ рабочемъ возрастѣ, занимающихся внѣземледѣльческими промыслами, 34,5% заняты мѣстными промыслами, 62,0% отхожими и 3,5%—частью мѣстными, частью отхожими; 45% лицъ въ рабочемъ возрастѣ отрываются отъ земледѣлія и 55% занимаются такими промыслами, которые отъ земледѣлія, не отрываютъ. Изъ числа дворовъ, гдѣ работники отрываются отъ земледѣлія, почти $^1/_3$ совсѣмъ бросили земледѣліе, $^1/_3$ дворовъ засѣваютъ въ среднемъ на дворъ менѣе 3 дес. земли., и только остальная треть засѣваетъ по 3 дес. и болѣе. *Фабричнозаводская промышленность* развита слабо. Кромѣ фабрикъ для выдѣлки хлопчатобумажныхъ тканей въ гор. Ю., имѣется лишь одинъ большой заводъ «Товарищ. латуннаго и мѣднопрокатнаго завода Кольчугина» при с. Васильевѣ, близъ ст. Келлерово, Моск.-Яросл.-Арх. жел. дор. Рабочихъ на заводѣ 1400 чел., годовое производство свыше 7 милл. руб. Основной капиталъ товарищества 2 милл. р., прибыль за 1901 г. 580 тыс. р. Къ 1 янв. 1902 г. въ отдѣленіяхъ государственной сберегательной кассы состояло вкладовъ на 922 тыс. руб.

Литература. «Памятная книжка Владимірской губ.» (Владиміръ, 1895); «Первая всеобщая перепись 1897 г.—Владимірская губ.» (тетрадь I, СПб., 1900), «Матеріалы для оцѣнки земель Владимірской губ.» (т. IX, Ю. уѣздъ, вып. I, ч. 1-я, Владиміръ, 1903); И. Л. Щегловъ, «Къ вопросу о фосфоритахъ Владимірской губ.» (Владиміръ, 1900); «Сборникъ статистическихъ и справочныхъ свѣдѣній по Владимірской губ.» (вып. 1 и 2, Влад., 1900); И. Л. Щегловъ, «Ледниковыя отложенія Владимірской губ.» (Влад., 1903, перепеч. изъ журнала «Почвовѣдѣніе»); «Труды Владимірской ученой архивной коммиссіи» (кн. I, Владиміръ, 1899). См. библіографическія указанія въ «Вѣстникѣ Владимірскаго губернскаго земства» (1902, № 2, ст. А. В. Смирнова: «Опытъ библіографическаго указателя литературы о кустарной промышленности Владимірской губ.»); во «Владимірскомъ земскомъ сборникѣ» (1884, № 7, ст. Н. С. Стромилова, «Володимірщина») и въ «Трудахъ Владимірской ученой архивной коммиссіи» (кн. I—V, Владиміръ, 1899—1903). *П. Н.*

Юрьевъ (Василій Михайловичъ)—бояринъ. Въ 1521 г. былъ посломъ въ Казани и, по взятіи этого города Саипъ-Гиреемъ и низложеніи съ престола Шигъ-Алея, взятъ подъ стражу; въ 1549 г. участвовалъ въ казанскомъ походѣ; въ 1553 г. ѣздилъ къ польскому королю Сигизмунду-Августу съ договорными грамотами о перемиріи и успѣлъ уговорить послѣдняго принять выгодныя для Московскаго государства условія. Ум. въ 1559 г.

Юрьевъ (Сергѣй Андреевичъ)—извѣстный литературный дѣятель. Род. въ 1821 г., въ Тверской губ., въ имѣніи своего отца. Ум. въ 1888 г. Образованіе получилъ въ московскомъ дворянскомъ институтѣ и московскомъ университетѣ, курсъ котораго окончилъ по математическому факультету въ 1845 г. Служилъ чиновникомъ особыхъ порученій при тверскомъ губернаторѣ. Въ 1853 г. получилъ мѣсто астронома-наблюдателя при обсерваторіи московскаго университета и написалъ два мемуара «О солнечной системѣ», напечатанные въ 60-хъ годахъ въ «Математическомъ сборникѣ». Болѣзнь глазъ заставила Ю. отказаться отъ прежнихъ занятій и отправиться въ заграничное путешествіе, во время котораго онъ посѣщалъ нѣмецкіе и французскіе университеты. Вернувшись, онъ съ увлеченіемъ отдался дѣлу просвѣщенія народа: основалъ въ своемъ имѣніи народное училище, устроилъ крестьянскій театръ, гдѣ ставились пьесы Островскаго и Писемскаго и народныя сказки, переложенныя имъ въ драматическую форму. Съ 60-хъ годовъ Ю. всецѣло отдается литературѣ. Первымъ его опытомъ былъ переводъ комедіи Кальдерона: «Самъ у себя подъ стражей». Впослѣдствіи онъ перевелъ еще нѣсколько пьесъ Кальдерона и Лопе-де-Веги, которыя собраны въ его книгѣ: «Испанскій театръ цвѣтущаго періода XVI и XVII вв.» (Москва, 1877). Кромѣ того, онъ перевелъ рядъ пьесъ Шекспира: «Антонія и Клеопатру», «Макбета», «Сонъ въ лѣтнюю ночь», «Короля Лира», «Бурю» и «Цимбелина». Въ 1871 г. Ю. сталъ издавать на средства А. И. Кошелева журналъ «Бе-

сѣда». Предполагалось, что она будетъ продолженіемъ славянофильской «Русской Бесѣды»; но Ю. настоялъ на такой широкой редакціонной программѣ, къ которой могли примкнуть представители самыхъ разнообразныхъ мнѣній, лишь бы это были мнѣнія, вытекшія изъ искренняго убѣжденія. Послѣ прекращенія журнала, въ 1872 г., Ю. читалъ публичныя лекціи по исторіи драмы въ домѣ Кошелевыхъ и лекціи о нѣмецкой литературѣ на женскихъ курсахъ проф. Герье. Въ 1880 г. основалъ журналъ «Русскую Мысль» (см.), и стоялъ во главѣ редакціи въ теченіе пяти лѣтъ. Журналъ сразу занялъ выдающееся положеніе (см. XXVII, 306). Ю. принадлежитъ къ числу тѣхъ литературныхъ дѣятелей, которые оказываютъ вліяніе на современниковъ не столько литературной дѣятельностью, сколько своей личностью. Писалъ онъ немного, но принималъ горячее участіе въ московской литературной и театральной жизни. Его избрали въ 1878 г. предсѣдателемъ общества любителей россійской словесности, послѣ смерти Островскаго—предсѣдателемъ общества русскихъ драматическихъ писателей; благодаря его стараніямъ, въ 1880 г. торжество открытія памятника Пушкину получило характеръ крупнаго общественнаго событія. Какъ горячій ораторъ, увлекательный собесѣдникъ, онъ пользовался популярностью среди всей московской интеллигенціи безъ различія направленій. Главнымъ образомъ его цѣнили какъ одного изъ послѣднихъ могиканъ 40-хъ годовъ, идеалиста чистой воды, который относился съ симпатіей ко всякому идейному увлеченію, хотя бы оно не соотвѣтствовало его собственнымъ взглядамъ. Ю. отличался полной терпимостью къ чужимъ мнѣніямъ; какъ показываетъ уже опытъ изданія «Бесѣды», онъ считалъ, что теоретическія разногласія не устраняютъ возможности и необходимости единенія разныхъ партій на почвѣ общихъ гуманныхъ идеаловъ. Собственное міросозерцаніе Ю. сложилось въ славянофильскихъ кружкахъ 40-хъ годовъ, главнымъ образомъ подъ вліяніемъ Хомякова. Признавая, вмѣстѣ со славянофилами, что русская исторія идетъ особымъ, своеобразнымъ путемъ, онъ не считалъ, однако, нужнымъ открещиваться отъ западно-европейскаго и никогда не доходилъ до обскурантизма. Будучи искренно вѣрующимъ человѣкомъ, онъ высказывался противъ позитивной философіи, но въ то же время относился съ полнымъ сочувствіемъ къ пріобрѣтеніямъ современной науки; идеала церковнаго строя онъ искалъ не въ византійскихъ традиціяхъ, а въ демократической общинѣ первыхъ вѣковъ христіанства. Въ общественной жизни Ю. былъ сторонникомъ «хорового начала», при которомъ слышенъ каждый отдѣльный голосъ и въ то же время всѣ голоса сливаются въ одно гармоническое цѣлое; онъ былъ также горячимъ поборникомъ самаго широкаго участія общества въ политической жизни страны. Болѣе выдающіяся его статьи: «Рѣчь при открытіи памятника Пушкину» (1880); «Соціальныя стремленія человѣчества и народная правда» (1882, «Рус. Мысль»); «Значеніе театра, его упадокъ и необходимость школы сценическаго искусства» («Рус. Мысль», 1883, кн. 8); «Опытъ объясненія трагедіи Гете «Фаустъ» («Рус.. Мысль», 1884, кн. 11—12), вышедшій также отдѣльной брошюрой (М., 1886); «Нѣсколько мыслей о сценическомъ искусствѣ» («Рус. Мысль», 1888, кн. 2, 3, 5, 10; издано особо ред. «Рус. Мысли», М., 1889). По смерти Ю. друзья почтили его память изданіемъ сборника «Въ память С. А. Юрьева» (М., 1891). Ср. также ст. А. В. въ «Вѣстн. Евр.», 1891, № 1.

Юрьевъ-Георгіевскій или *Егорьевскій*, мужской, 1-го класса (съ 1764 г.) **монастырь**—Новгородской губ. и уѣзда, въ 3 вер. къ югу отъ Новгорода, на лѣвомъ берегу р. Волхова, при устьѣ ручья Княжева. Основаніе его относится къ 1030 г. и приписывается вел. князю Ярославу Владиміровичу (во св. крещеніи Юрію [Георгію]). Монастырь неоднократно подвергался разореніямъ и опустошеніямъ то отъ непріятеля, то отъ пожаровъ. Въ началѣ XIX стол. м-рь пришелъ въ упадокъ, и нынѣшнимъ своимъ блестящимъ состояніемъ обязанъ щедрости графини Ан. Ал. Орловой-Чесменской и стараніямъ ея духовника архим. Фотія (1822—38 гг.). Въ 1786 г. сюда перенесли мощи св. Өеоктиста, архіеп. новгородскаго. Къ монастырю приписаны м-ри Перынскій и Пантелеймоновъ. М-рь содержитъ начальную школу.

Юрьевъ день (26 ноября) — опредѣленный закономъ срокъ, когда въ Московской Руси поселившійся на господской землѣ и заключившій съ владѣльцемъ «порядную» крестьянинъ имѣлъ право уйти отъ хозяина, выполнивъ предварительно всѣ свои обязательства по отношенію къ нему. Это было единственное время въ году, по окончаніи осеннихъ работъ (недѣля до и послѣ 26 ноября), когда зависимые крестьяне могли переходить отъ одного владѣльца къ другому. По традиціонному взгляду, высказанному еще Татищевымъ, право крестьянскаго выхода отмѣнено предполагаемымъ указомъ царя Өедора Іоан. отъ 1592 г. (который, будто бы, подразумѣвается въ указѣ 24 ноября 1597 г.), и такимъ образомъ Ю. день потерялъ силу. Взглядъ Татищева на отмѣну крестьянскаго перехода законодательнымъ путемъ принятъ былъ Костомаровымъ и Сергѣевичемъ; но теперь, послѣ работъ Погодина, Бѣляева и особенно В. О. Ключевскаго и новѣйшаго труда проф. Дьяконова, наиболѣе обоснованнымъ является мнѣніе, что Юрьевъ день не былъ отмѣненъ закономъ, а въ силу тяжелыхъ соціально-экономическихъ условій (крайней задолженности крестьянъ, зависимости отъ сильныхъ землевладѣльцевъ и т. д.) «крестьянское право выхода замираетъ *само собою* безъ всякой законодательной отмѣны его, прямой или косвенной, и крестьяне уже до предполагаемаго указа царя Өеодора Іоан. не пользовались (фактически) правомъ выхода» (Ключевскій). Въ тверской вотчинѣ кн. Симеона Бекбулатовича (по писцов. книг. 1580 г.) изъ 60 случаевъ, когда упоминается время перехода, на Ю. день приходится лишь *два* случая. Указъ 1597 г. самъ по себѣ не создавалъ общаго при-

крѣпленія: онъ говорилъ лишь о пятилѣтней давности для исковъ о бѣглыхъ и въ исторіи постепенно сложившагося крестьянскаго прикрѣпленія не игралъ никакой роли (см. Крестьяне). Въ концѣ XVI и нач. XVII вв. право перехода смѣнилось двумя явленіями: побѣгомъ крестьянъ на окраины и «свозомъ» ихъ на земли крупныхъ владѣльцевъ, и законодательство направлено было на устраненіе этихъ явленій (указы 1601 и 1602 гг., 1642 г., указъ о переписи 19 окт. 1645 г.).

Литература. Бѣляевъ, «Крестьяне на Руси» (М., 1860); Костомаровъ, «Должно ли считать Бориса Годунова основателемъ крѣпостного права» (въ «Монографіяхъ», т. I); Погодинъ, «Историко-критич. отрывки» (книга II, М., 1867 статья подъ тѣмъ же заглавіемъ и «Отвѣтъ Костомарову»); J. Engelmann, «Die Leibeigenschaft in Russland» (Лпц., 1884); В. О. Ключевскій, стат. въ «Рус. Мысли» (1885, VIII и X и 1886, V, VII, IX и X); В. Сергѣевичъ, «Русск. юридич. древности» (т. I, СПб.); М. А. Дьяконовъ, «Къ исторіи крестьян. прикрѣпленія» («Журн. Мин. Нар. Просв.», 1893, іюнь); С. Ѳ. Платоновъ, «Лекціи по рус. истор.» (вып. 2, СПб., 1900).

Юрьевы—русскіе дворянскіе роды: 1) восходящій къ половинѣ XVII вѣка и записанный въ VI ч. род. кн. губ. Полтавской, Пензенской и Тульской; 2) происходящій отъ *Ивана Ю.* (кон. XVI в.) и записанный въ VI ч. род. кн. Московской губерніи; гербъ его внесенъ въ X ч. Общаго Гербовника; 3) происходящій отъ *Дмитрія Александровича Ю.* (первая полов. XVII в.) и записанный въ VI ч. род. кн. Московской и Нижегородской губерній; 4) происходящій отъ *Алексѣя Ю.*, испомѣщеннаго за «военныя доблести» въ 1628 г., и записанный въ VI ч. род. кн. Вологодской губ.; гербъ его внесенъ въ I ч. Общаго Гербовника. Есть еще нѣсколько дворянскихъ русскихъ родовъ Ю. болѣе поздняго происхожденія. *В. Р—въ.*

Юрьевы-Романовы — старин. рус. дворянскій родъ: см. Романовы (XXVII, 49).

Юрьино—см. Юрино.

Юсенги — перевалъ въ Главн. Кавказскомъ хребтѣ; ведетъ изъ Нальчикскаго окр. Терской обл. въ Кутаисскую губ., въ Сванетію. Дорога къ перевалу идетъ по ущельямъ рр. Баксана и Юсенги и спускается въ ущелье Ингура. Перевалъ этотъ очень высокъ, проходимъ только въ лѣтніе мѣсяцы и опасенъ вслѣдствіе частыхъ лавинъ.

Юсленіусъ (Daniel Juslenius, 1676—1752)—шведскій писатель, финляндскій уроженецъ, проф. богословія въ Або, потомъ епископъ. Изъ его трудовъ по исторіи, географіи и лингвистикѣ финской выдаются «Aboa vetus et nova» (1700), «Vindiciae fennorum» (1703) и въ особенности «Finska Ordaboks försök Suomolaisen sananlugum coetus» (Стокгольмъ, 1745; большею частью финскія пословицы, переведенныя на латинскій и шведскій языки).

Jus primae noctis—см. Первая ночь.

Юстенъ (Павелъ) — епископъ гор. Або (въ Финляндіи). Въ 1569 г. былъ посланъ шведскимъ королемъ Іоанномъ III ко двору Іоанна Грознаго съ дипломатическимъ порученіемъ. Грозный, питавшій неудовольствіе противъ шведскаго короля, заключилъ пословъ въ тюрьму. Ю. три года провелъ въ тѣсной и нездоровой темницѣ, откуда ни съ кѣмъ не могъ сообщаться. Выпущенный на волю, возвратился въ Або въ 1575 г. и вскорѣ умеръ. Написалъ «Хронику финляндскихъ епископовъ», сохранившуюся въ «Шведской библіотекѣ» бар. Неттельблада; ее издалъ проф. Портанъ съ комментаріями. Онъ же опубликовалъ и весьма интересное донесеніе о своей миссіи въ Россіи.

Юсти (Іоганнъ-Гейнрихъ-Готлобъ Justi, † 1771)—нѣмецкій экономистъ и минералогъ; читалъ лекціи политической экономіи въ Геттингенѣ. Его труды: «Staatswirthschaft» (1759); «Entdeckte Ursachen von der verderbten Münzwesen» (1755); «Grudsätze der Polizeiwissenschaft» (1782); «Grundriss des gesammten Mineralreichs» (1756); «System des Finanzwesens» (1756); «Vollständige Abhandlung von den Manufact. Fabriken» (1758—61); «Tabeln und Erzählungen» (1759); «Scherzhafte Schriften» (1760—65). На русскій языкъ переведены: Авраамомъ Степ. Волковымъ—«Существенное изображеніе естества народныхъ обществъ и всякаго рода законовъ» (СПб., 1770 и М., 1802); Ив. Богаевскимъ—«Основаніе силы и благосостоянія царствъ, или подробное начертаніе всѣхъ знаній, касающихся до государственнаго благочинія» (СПб., 1772—78); Денисомъ Фонвизинымъ—«Торгующее дворянство» (СПб., 1766).

Юсти (Карлъ Justi)—нѣмецкій писатель, род. въ 1832 г. Былъ профессоромъ археологіи и исторіи искусства въ Марбургѣ, Килѣ, Боннѣ. Его сочиненія: «Die ästhetischen Elemente in der Platonischen Philosophie» (1860); «Winkelmann; sein Leben, seine Werke, seine Zeitgenossen» (1866—1872); «Dante und die Göttliche Komoedie» (1862); «Die Verklärung Christi, Gemälde Raffaels» (1870).

Юсти (Фердинандъ Justi)—оріенталистъ, род. въ 1837 г.; проф. сравнительной грамматики и германской филологіи въ Марбургѣ. Напечаталъ: «Handbuch der Zendsprache» (Лпц., 1864), къ которому присоединилъ изданіе «Bundehesch» съ глоссаріемъ (ib., 1868); «Dictionnaire kurde-français» (СПб., 1879); «Geschichte des alten Persiens» (Б., 1879) «Kurdische Grammatik» (ib., 1880); «Geschichte der orient. Völker in Altertum» (ib., 1884) «Iranisches Namenbuch» (Марб., 1895); «Hess Trachtenbuch» (ib., 1900).

Юстинградъ (*Загайполь, Соколовка*)—мст. Кіевской губ., Липовецкаго у., при р. Конелкѣ, въ 27 в. отъ ст. жел. дор. 2782 жит., правосл. церковь, синагога, школа грамоты.

Юстина (Флавія Августина) — римская императрица, бывшая сначала супругой узурпатора Магненція, затѣмъ—имп. Валентиніана I (368 г. по Р. Хр.); по смерти послѣдняго, провозгласила императоромъ малолѣтняго сына своего Валентиніана II, который раздѣлилъ власть съ старшимъ братомъ Граціаномъ. Отличаясь кротостью и терпимостью, Ю. поддерживала хорошія отношенія съ господствующей церковью, стремясь, однако,

водворить въ имперіи аріанство; но св. Амвросій помѣшалъ этому. Когда Италія перешла во власть узурпатора Максима, Ю. удалилась въ Θессалоники, гдѣ и умерла въ 388 г.

Юстиніана (Justiniana) — въ римской имперіи это имя носили нѣсколько городовъ: Ю. первая, вторая, третья (Justiniana prima, secunda, tertia). Самымъ значительнымъ изъ этихъ городовъ была Юстиніана первая (Justiniana, prima), на македонско-болгарской границѣ (теперь Кюстендилъ).

Юстиніановъ кодексъ—см. Corpus juris civilis (XVI, 334).

Юстиніанъ *Великій* (Flavius Petrus Sabbatius Justinianus)—знаменитый императоръ восточной римской (византійской) имперіи; правилъ съ 527 по 565 г. по Р. Хр. Жизнь его тѣснѣйшимъ образомъ связывается съ міровыми событіями его времени и съ многоразличными явленіями соціально-политической и духовной культуры интересной и важной эпохи, какъ бы соединяющей судьбы древняго и новаго міра; его дѣятельность способствовала сложенію началъ, оказавшихъ глубокое воздѣйствіе на основные процессы развитія европейской цивилизаціи.

1. *Юность и воцареніе Ю. Личность его и идеи. Его сотрудники.*—Ю. родился, вѣроятно, около 483 г. въ крестьянской семьѣ захолустнаго селенія въ горной Македоніи, близъ Скупи (нын. Ускюбъ, на границѣ Албаніи). Долго господствовавшее мнѣніе, что онъ былъ славянскаго происхожденія и носилъ первоначально имя Управды, теперь признается опровергнутымъ; оно возникло изъ позднѣйшихъ легендъ, распространенныхъ среди славянъ Балканскаго полуострова. Возвышеніемъ онъ обязанъ былъ дядѣ своему императору Юстину I (см.). Самъ оставшійся полуграмотнымъ, Юстинъ понималъ значеніе высокой культуры и позаботился доставить своему племяннику тщательное образованіе. Къ моменту воцаренія дяди Ю. могъ уже стать ему цѣннымъ помощникомъ. Онъ быстро прошелъ всѣ ступени высшей имперской службы, въ 527 г. былъ усыновленъ императоромъ и сдѣланъ соправителемъ. Въ томъ же году, послѣ смерти Юстина, онъ безъ споровъ наслѣдовалъ ему на престолѣ, съумѣвъ заранѣе искусно устранить всѣхъ видныхъ соперниковъ и пріобрѣсти расположеніе вліятельныхъ группъ общества; церкви (даже римскимъ папамъ) онъ нравился своимъ строгимъ православіемъ; сенаторскую аристократію онъ приманилъ обѣщаніемъ поддержки всѣхъ ея привилегій и увлекъ почтительною лаской обращенія; роскошью празднествъ и щедростью раздачъ онъ завоевалъ привязанность столичнаго пролетаріата. Мнѣнія современниковъ о Ю. были весьма различны. Даже въ оцѣнкѣ Прокопія, служащаго главнымъ источникомъ для исторіи Ю., встрѣчаются противорѣчія: въ однихъ сочиненіяхъ («Войны» и «Постройки») онъ восхваляетъ превосходные успѣхи широкихъ и смѣлыхъ завоевательныхъ предпріятій Ю. и преклоняется передъ его художественнымъ геніемъ, а въ другихъ («Тайная исторія») рѣзко чернитъ его память, называя императора «злымъ глупцомъ» (μωροκακοήθης). Все это сильно затрудняетъ достовѣрное возстановленіе духовнаго образа Ю. Несомнѣнно, въ личности Ю. негармонично переплетались умственные и нравственные контрасты. Онъ замышлялъ обширнѣйшіе планы увеличенія и усиленія государства, но не обладалъ достаточными творческими силами для того, чтобы ихъ цѣльно и полно построить; онъ претендовалъ на роль реформатора, а могъ только хорошо усваивать не имъ выработанныя идеи. Онъ былъ простъ, доступенъ и воздержанъ въ своихъ привычкахъ — и вмѣстѣ съ тѣмъ, вслѣдствіе самомнѣнія, выросшаго изъ успѣха, окружилъ себя напыщеннѣйшимъ этикетомъ и небывалою роскошью. Прямота и извѣстное добросердечіе исказились у него мало-по-малу коварствомъ и лживостью правителя, принужденнаго постоянно отстаивать удачно захваченную власть отъ всякаго рода опасностей и покушеній. Благожелательность къ людямъ, которую онъ проявлялъ нерѣдко, портилась частою местью врагамъ. Щедрость по отношенію къ бѣдствующимъ классамъ совмѣщалась въ немъ съ алчностью и неразборчивостью въ средствахъ добыванія денегъ, для обезпеченія представительства, соотвѣтствующаго его понятіямъ о собственномъ достоинствѣ. Стремленіе къ справедливости, о которой онъ постоянно говорилъ, подавлялось непомѣрною жаждою господства и выростающимъ на такой почвѣ высокомѣріемъ. Онъ заявлялъ притязанія на безграничный авторитетъ, а воля у него была въ опасныя минуты часто слабая и нерѣшительная; онъ подпадалъ подъ вліяніе не только сильной характеромъ жены своей Θеодоры, но иногда даже ничтожныхъ людей, обнаруживая даже трусость. Всѣ эти добродѣтели и пороки мало-по-малу объединялись около выступавшей на первый планъ, ярко выраженной склонности къ деспотизму. Подъ ея вліяніемъ его благочестіе превращалось въ религіозную нетерпимость и воплощалось въ жестокихъ преслѣдованіяхъ за уклоненіе отъ признанной имъ вѣры. Все это приводило къ результатамъ очень смѣшаннаго достоинства, и ими одними трудно объяснить, почему Ю. сопричисленъ къ разряду «великихъ», а царствованіе его пріобрѣло такое крупное значеніе. Дѣло въ томъ, что помимо указанныхъ свойствъ Ю. обладалъ замѣчательнымъ упорствомъ въ проведеніи принятыхъ началъ и положительно феноменальною трудоспособностью. Добросовѣстностью и выносливостью при несеніи своей государственной миссіи онъ походитъ на Людовика XIV. Ю. работалъ день и ночь; его прозывали «безсоннымъ государемъ» (βασιλεὺς ἀκοίμητος). Онъ хотѣлъ, чтобы каждое мельчайшее распоряженіе, касающееся политической и административной, религіозной и умственной жизни имперіи, исходило отъ него лично и всякій спорный вопросъ въ тѣхъ же областяхъ къ нему возвращался. Вѣрою въ свое всесиліе и вездѣсущіе онъ напоминаетъ другого деспота новаго времени, Филиппа II Испанскаго. Лучше всего истолковываетъ историческую фигуру Ю. тотъ фактъ, что этотъ выхо-

экспедиція противъ вандаловъ была рѣшена (533 г.). Армія восточной римской имперіи давно уже не пополнялась изъ среды жителей имперіи путемъ равномѣрнаго распредѣленія между ними рекрутской повинности, какъ обязательной службы. Только землевладѣльцы окраинъ продолжали служить для защиты границъ; основные кадры войска пополнялись волонтерами самаго пестраго происхожденія. Существовала особая императорская гвардія, предназначавшаяся главнымъ образомъ для охраны дворца и столицы. Всѣ крупные военачальники имѣли право держать около себя дружины (ὑπασπισταί), иногда довольно многочисленныя. Главная масса войска составлялась изъ группъ разныхъ варваровъ —«федератовъ», — обученныхъ по римскому образцу. Военное искусство этой арміи было хорошее, вооруженіе—превосходное. Стойкость въ бою тяжеловооруженной пѣхоты бывала несокрушимою; пѣшему войску помогала набиравшаяся преимущественно изъ гунновъ кавалерія, легкая, подвижная и смѣлая. Какъ пѣхота, такъ и конница были снабжены луками, являлись отличными стрѣлками и могли начинать сраженіе издали. Византійскіе солдаты отличались удивительною храбростью, но ихъ вдохновляла жажда добычи, а не сознаніе патріотическаго долга. Дружнымъ натискомъ они вырывали у врага побѣду, но затѣмъ разоряли страну, грабили жителей, роптали противъ продолжительнаго и труднаго похода, теряли дисциплину, готовы были на бунтъ и измѣна. При такомъ положеніи вещей огромное значеніе въ ходѣ и направленіи войны пріобрѣтала личность полководца, его умѣнье заслужить любовь войска и авторитетъ надъ нимъ. Высокія качества арміи Ю. обнаруживаются изъ того факта, что съ вандальскимъ королевствомъ справились 15000 человѣкъ, съ остготскимъ — отъ 25 до 35 тысячъ. Въ главныхъ своихъ военныхъ сотрудникахъ—Велисаріи и Нарсесѣ—Ю. нашелъ не только блестящихъ, но вполнѣ подходившихъ къ условіямъ войны военачальниковъ. Вандальское государство ослаблялось тяжелымъ положеніемъ большинства романизованнаго населенія, обращеннаго въ зависимость, и враждебностью католическаго духовенства, раздраженнаго господствомъ аріанъ. Крѣпость варваровъ расшатывалась мирною жизнью среди цивилизованной обстановки и непривычнымъ южнымъ климатомъ. Послѣдній вандальскій король Гелимеръ не оказался на высотѣ положенія, и скоро (534 г.), послѣ двухъ побѣдоносныхъ сраженій, Велисарій занялъ всю страну. Карѳагенъ радостно открылъ ему ворота, какъ избавителю отъ ига. Гелимеръ и его сокровища попались въ руки побѣдителя, Велисарій получилъ пышный тріумфъ, Ю. прозвалъ себя «африканскимъ и вандальскимъ»; завоеванная Африка образовала особую (третью) префектуру. Но дѣла тамъ было еще немало: заняты были лишь карѳагенская провинція, Триполитана, Нумидія и восточная Мавританія. Западная часть Африки осталась незавоеванною, и преемникамъ Велисарія — Соломону и Герману—пришлось напряженно отстаивать новую префектуру отъ набѣговъ берберскихъ шаекъ и остатковъ вандальскихъ вооруженныхъ отрядовъ. — Легкость побѣды, одержанной надъ вандалами, придала императору рѣшимость обратиться противъ *остготскаго* государства. Онъ вмѣшался и здѣсь въ споры о престолонаслѣдіи. Велисарію приказано было высадиться (съ небольшимъ войскомъ въ 7500 человѣкъ) въ южную Италію, подъ предлогомъ наказанія готовъ за гибель Амаласунты, дочери Теодориха Вел. Другой корпусъ долженъ былъ вторгнуться туда же черезъ Далмацію (535 г.). Здѣсь также имперія могла разсчитывать на непрочность связи между туземнымъ мирнымъ населеніемъ полуострова и вооруженными готами. Сначала война пошла быстро и успѣшно: Велисарій занялъ Сицилію и Неаполь. Неудачи привели неспособнаго короля остготскаго Теодагада къ паденію. Избранный на его мѣсто Витигесъ промедлилъ на сѣверѣ въ Равеннѣ, чтобы прежде всего справиться съ нападавшими на него франками. а въ это время Велисарій овладѣлъ Римомъ. Готы собрались съ силами, обложили Римъ огромною 150-тысячною арміею, и Велисарію пришлось перенести тяжелую осаду. Только черезъ годъ прибывшія съ Востока подкрѣпленія освободили его отъ серьезной опасности. Готы начали терпѣть пораженія, не смотря на несогласія между Велисаріемъ и присланнымъ къ нему на помощь Нарсесомъ. Послѣ удаленія послѣдняго Велисарій подступилъ къ Равеннѣ, которая была сдана ему партіею знати, задумавшею, чтобы избавиться отъ опасности, предложить полководцу Ю. королевскую власть въ Италіи. Велисарій, однако, остался вѣренъ императору, взялъ въ плѣнъ Витигеса и отправилъ его въ Константинополь (540 г.). Ю., подъ предлогомъ окончанія похода противъ готовъ, отозвалъ Велисарія изъ Италіи (императоръ всегда съ подозрительностью относился къ популярности своего знаменитаго слуги) и послалъ его на Востокъ противъ персовъ, съ которыми возобновилась война. Но силы готовъ не были окончательно сломлены. Они сплотились около энергичнаго и воодушевленнаго Тотилы (541) и привлекли на свою сторону многихъ италійцевъ, недовольныхъ начавшимися притѣсненіями «грековъ», т.-е. византійскихъ чиновниковъ. Борьба вновь возгорѣлась и въ продолженіе 10 слишкомъ лѣтъ готы мужественно отстаивали свою независимость. Тотила возвратилъ подъ свою власть весь полуостровъ, и на этотъ разъ даже вновь призванный Велисарій (544 г.) долго не могъ справиться съ врагами: передъ патріотическимъ героизмомъ варваровъ какъ бы поблекъ геній военачальника, въ распоряженіе котораго недовѣрчивый императоръ далъ, впрочемъ, ничтожныя силы. Слава его померкла, и онъ долженъ былъ уступить мѣсто (548) другимъ. Въ 550 г. главное начальство надъ войскомъ въ Италіи было поручено Герману, которому смерть помѣшала остановить успѣхи Тотилы. Тогда Ю., понявъ, что всему предпринятому дѣлу грозитъ катастрофа, сдѣлалъ рѣшительное усиліе: онъ снарядилъ значительное, хорошее войско и поставилъ во главѣ его Нар-

провинцій). Разношерстныя по составу жителей, проникнутыя различными степенями романизаціи или эллинизаціи, области были довольно равнодушны къ бытію великаго цѣлаго. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ (Египетъ, Сирія) проявлялись даже симптомы сепаратизма. Съ востока имперіи угрожало сильное новоперсидское царство Сассанидовъ; на Дунаѣ ее тревожили гунны и славяне; на сѣверозападѣ не вполнѣ твердо была установлена граница съ остготами. Такимъ образомъ работы оказалось бы много, если бы новый императоръ ограничился защитою границъ. Внутреннее состояніе имперіи также нельзя было назвать благопріятнымъ. Провинціальное населеніе было разорено худою администраціею, вымогательствомъ чиновниковъ, разбоями, грабительствомъ войска; оно погружалось въ апатію или роптало. Столица постоянно обуревалась волненіями. Лишенное политической свободы общество страстно увлекалось зрѣлищами гипподрома, содержавшагося казною для потѣхи жителей Константинополя. Многолюдные клубы содержали и отстаивали каждый своихъ знаменитыхъ наѣздниковъ на конскихъ ристаніяхъ. Правительство допустило возникновеніе могущественныхъ корпорацій, съ опредѣленнымъ составомъ (въ клубахъ участвовали представители аристократіи, къ нимъ примыкали простые люди, даже пролетаріи), богатою кассою, выборными старшинами (демархами). Подъ вліяніемъ запутанныхъ и жгучихъ интересовъ громаднаго города, цирковые (спортивные) клубы превращались въ политическія партіи, претендовавшія на роль выразителей общественнаго мнѣнія. Если одна изъ нихъ поддерживала царствующаго императора и пользовалась покровительствомъ, то въ другую собирались недовольные, преслѣдуемые за религіозное разногласіе, за сочувствіе къ павшей династіи или къ новому искателю власти. Партія, такимъ образомъ, могла сдѣлаться важнымъ органомъ оппозиціи. Происходило любопытное соединеніе самодержавія съ вольностями столичнаго населенія, которыя могли служить поводами опасныхъ бунтовъ. Одинъ подобный случай произошелъ въ первые годы правленія Юстиніана. Въ началѣ VI-го вѣка ревностные сторонники императора Анастасія, поддерживавшаго ересь монофизитовъ (см.), сгруппировались въ партію «зеленыхъ», а «синіе», защищавшіе исповѣданіе Халкидонскаго собора, пріобрѣли значеніе при Юстинѣ I. Приверженность къ богословскимъ распрямъ подливала масла въ огонь борьбы между партіями. Въ началѣ царствованія Ю. къ синимъ благоволила императрица Өеодора, такъ что оппозиціонные элементы сплачивались въ рядахъ зеленыхъ. Энергично абсолютистская политика Ю., при безграничномъ своеволіи чиновниковъ, обострила разнообразныя неудовольствія, постоянно волновавшія знать и народъ, и въ 532 г. на почвѣ цирковыхъ демонстрацій разгорѣлся жестокій мятежъ. Начавшись 13 января въ формѣ обычныхъ жалобъ зеленыхъ императору на притѣсненія полиціи, возстаніе въ слѣдующіе дни охватило всю столицу. Бунтовщики требовали смѣщенія главныхъ совѣтниковъ Ю., Трибоніана и Іоанна Каппадокійскаго, а послѣ неудачной примирительной попытки императора мятежъ направился уже прямо противъ него. «Долой Ю.!»—такой кличъ раздавался по городу. Голубые присоединились къ возстанію. Императоромъ былъ провозглашенъ Ипатій, глава династіи Анастасія. Бунтовщики приняли, какъ девизъ, слово νίκα («побѣждай!»), которымъ публика подбодряла возницъ во время бѣговъ. Поэтому самое движеніе получило названіе *ника*. Весь городъ находился въ рукахъ возставшихъ. Они предавали его пламени и уже тѣснили дворецъ; Ю. только энергіею Өеодоры былъ удержанъ отъ бѣгства. Опираясь на гипподромъ, какъ на крѣпкую базу, мятежники казались непобѣдимыми, и лишь соединенными усиліями Велисарія и Мунда удалось выбить ихъ изъ главныхъ позицій, при помощи оставшихся вѣрными отрядовъ войска. Бунтъ былъ подавленъ въ крови 30—40000 участниковъ его.—Радуясь побѣдѣ надъ внутренними врагами, опираясь на обнаруженную силу своего правительства и войска, Ю. рѣшился развернуть обширный планъ завоевательныхъ предпріятій. Онъ считалъ дѣломъ чести возстановить имперію въ ея прежнихъ предѣлахъ, вновь возсоединить Западъ съ Востокомъ. Варварскіе государи, владѣвшіе Италіей, Галліей, Испаніей и Африкой, разсматривались въ Византіи какъ ставленники императора, его подручники, управляющіе по его полномочію. Войны противъ германскихъ королей являлись, въ свѣтѣ такого воззрѣнія, лишь наказаніемъ ихъ за непокорность: онѣ возвращали подъ непосредственную власть императора власть надъ временно отчужденными варварамъ провинціями. Такое представленіе раздѣлялось и римскимъ большинствомъ населенія варварскихъ государствъ, даже ихъ королями. Во время Ю. къ такому пониманію дѣла присоединялось еще религіозное побужденіе: христіаннѣйшій государь обязанъ, если нужно, силою подчинять себѣ постепенно всѣ народы, чтобы распространить между ними истинную вѣру. Уже Евсевій неокесарійскій строилъ такую теорію. Въ VI вѣкѣ она получила дальнѣйшее развитіе въ политическихъ планахъ Ю. и его сотрудниковъ, являясь почти предвозвѣстницей средневѣковой теоріи «священной римской имперіи». Императора поддерживало общественное мнѣніе правящихъ классовъ. Даже Прокопій объявлялъ, что государь съ высокою душою долженъ желать расширить свою территорію и покрыть славою свое царствованіе. Планы императора направлялись прежде всего противъ *вандаловъ* Африки и *остготовъ* Италіи. Стремясь во что бы то ни стало прекратить войну съ персами на востокѣ, онъ заключилъ съ Хозроемъ Ануширваномъ невыгодный договоръ, назвавъ его «вѣчнымъ миромъ» (532 г.), и сталъ собирать силы для войны съ вандалами. Дѣло рисовалось опаснымъ и труднымъ, вслѣдствіе дальности разстоянія, отсутствія сухопутной твердой базы, обширности незнакомаго театра дѣйствій, кажущагося могущества враговъ. Но Ю. былъ непоколебимъ, и

покоится еще больше на громадномъ *законодательномъ дѣлѣ*, составившемъ основу правового существованія всѣхъ новыхъ культурныхъ народовъ. Выше было указано, что Ю. рѣшительнѣе всѣхъ предшественниковъ формулировалъ свою власть какъ абсолютную. По мѣрѣ замѣны въ оффиціальной рѣчи латинскаго языка греческимъ такая эволюція единовластія и самовластія обнаруживается въ новыхъ терминахъ, вошедшихъ въ употребленіе вмѣсто старыхъ. Магистратурное наименованіе — imperator (носитель народнаго верховенства)—переводится чисто-монархическимъ — αὐτοκράτωρ (самодержецъ); проникнутое республиканскими воспоминаніями званіе princeps (первый изъ гражданъ) подавляется греко-восточнымъ титуломъ βασιλεύς (царь). Если Ю. не хочетъ, подобно восточнымъ деспотамъ, открыто ставить себя превыше всякаго закона (legibus solutus), то онъ во всякомъ случаѣ безусловно беретъ въ свои руки законодательство, какъ монополію верховной власти; задача переработать правовое наслѣдіе старины въ духѣ согласованія его съ абсолютизмомъ, была, нужно думать, главнымъ побужденіемъ гигантскаго кодификаціоннаго предпріятія Ю. Другимъ мотивомъ являлась необходимость систематизировать юридическія начала, которыя должны были служить руководствомъ къ функціонированію громаднаго организма монархіи. Съ того времени, какъ замолкъ голосъ великихъ юрисконсультовъ эпохи Северовъ, ужасающій хаосъ царствовалъ въ памятникахъ права. Между массою императорскимъ указовъ (constitutiones) и эдиктами магистратовъ господствовали неразрѣшимыя на практикѣ противорѣчія. Дѣлавшіяся прежде попытки составленія сводовъ (Кодексы Gregorianus, Hermogenianus, Theodosianus) далеко не устраняли этого зла. Необходимо было полно и цѣльно кодифицировать имперское право. Сначала Ю. учредилъ (528 г.) коммиссію изъ десяти правовѣдовъ, съ Трибоніаномъ и Өеофиломъ (преподавателемъ константинопольской высшей школы) во главѣ, чтобы собрать и согласовать императорскіе указы, изданные отъ Адріана до Ю. Въ слѣдующемъ же году (529) задача была исполнена и опубликованъ въ XII книгахъ *кодексъ Ю.* (см. XV, 536), который былъ объявленъ обязательнымъ для всей имперіи и отмѣняющимъ предшествовавшіе своды. Въ 534 г. было выпущено исправленное и дополненное изданіе этого памятника (Codex Justinianus repetitæ prælectionis), текстъ котораго именно и дошелъ до насъ. Въ 530 г. Ю. поставилъ Трибоніана во главѣ новой коммиссіи изъ 16 знатоковъ права: ей поручалось собрать и изучить всю массу сочиненій римскихъ юрисконсультовъ, извлечь изъ нихъ тексты, разъясняющіе вопросы права, и систематизировать ихъ въ руководящемъ и справочномъ изданіи для оффиціальнаго пользованія. Это былъ классическій трудъ, который самому Ю. казался невыполнимымъ для человѣческихъ силъ. Приказаніе императора было исполнено. Эксцерпты изъ трудовъ знаменитыхъ законовѣдовъ были изданы, въ 50 книгахъ, уже въ 538 г., подъ названіемъ *Дигестъ* (см.) или *Пандектъ* (см.). Правда, работа оказалась произведенною спѣшно и поверхностно; многія идеи великихъ ученыхъ были искажены въ угоду интересамъ и вкусамъ деспотической власти; многое важное пропущено, но, тѣмъ не менѣе, возникъ капитальный памятникъ, получившій огромное значеніе въ исторіи и являющійся однимъ изъ важнѣйшихъ документовъ для изслѣдованія римскаго права. Рядомъ съ указанными крупными собраніями былъ составленъ (Трибоніаномъ, Өеофиломъ и Дороѳеемъ) краткій обзоръ дѣйствующаго имперскаго права въ 4 книгахъ, по плану знаменитаго сочиненія Гая, подъ именемъ *Институцій* (533); онъ долженъ былъ служить школьнымъ учебникомъ для начинающихъ юристовъ. Чувство глубокаго удовлетворенія охватило Ю. по окончаніи этой работы: оно ясно сказывается въ эдиктѣ, сопровождавшемъ обнародованіе законодательства. Онъ восхваляетъ свои законы, какъ воплощеніе совершеннаго права, и заклинаетъ всѣхъ возлюбить его, какъ сокровище. Теперь, говоритъ онъ, каждому доступна книга, въ которой заключается «сводъ высшей мудрости». Объявляя свое собраніе обязательнымъ закономъ для всѣхъ, Ю. запретилъ всякую научную критику и даже дальнѣйшую разработку частными людьми выработанныхъ принциповъ и предписаній права; можно было только переводить латинскій текстъ на греческій языкъ и составлять указатели и сокращенія. Комментированіе совершалось лишь почти контрабандой. Но конечно, императоръ не предполагалъ стѣснять свою собственную законодательную иниціативу. Съ 534 г. до смерти Юстиніана вышло 154, часто пространныхъ, указа по различнымъ вопросамъ гражданскаго, церковнаго и административнаго права, которые составили сборникъ такъ называемыхъ *Новеллъ* (см.). Послѣднія редактированы большею частью на греческомъ языкѣ, тогда какъ языкъ Кодекса, Дигестъ и Институцій—латинскій; это свидѣтельствуетъ внѣшнимъ образомъ о томъ, что римская традиція еще держалась противъ нарождавшагося византизма. Всѣ четыре части законодательнаго труда Ю. получили общее наименованіе Corpus iuris civilis (см.). Кодификація представлялась Ю. великою заслугою охраненія и обобщенія драгоцѣннаго достоянія, завѣщаннаго античностью, передъ которою преклонялся его умъ (inclipabilis antiquitas). На дѣлѣ это было теоретически послѣднее слово римскаго монархическаго права; практически Corpus долженъ былъ стать прочнымъ фундаментомъ для твердаго регулированія жизни общества и его управленія. *Административная реформа* возлагалась самою силою вещей на императора, желавшаго сдѣлать изъ своего государства «идеальную» организацію. Ю. самъ констатировалъ въ своихъ новеллахъ полное разстройство управленія, крайній упадокъ служебной нравственности должностныхъ лицъ и ихъ авторитета, жестокія бѣдствія населенія, страдавшаго отъ вымогательствъ своекорыстныхъ чиновниковъ и алчнаго войска и отъ насилій

сеса, не уступавшаго Велисарію въ военныхъ талантахъ. Послѣдній медленно, но превосходно подготовилъ кампанію и весною 552 г. началъ наступленіе съ трехъ сторонъ—изъ Далмаціи, Сициліи и Адріатики. Тотила сосредоточился въ римской области. Большое сраженіе произошло при Тагинахъ (лѣтомъ 552 г.): Тотила палъ, вся сѣверная и средняя Италія попала въ руки имперскихъ войскъ. Остатки готовъ собрались около послѣдняго избраннаго короля Тейяса на югѣ, но упорный бой близъ Везувія не спасъ ихъ отъ гибели. Далмація и Италія, послѣ почти двадцатилѣтней борьбы были возсоединены съ имперіею. Онѣ образовали четвертую префектуру, и Нарсесъ былъ назначенъ ея первымъ правителемъ, со званіемъ экзарха и съ мѣстопребываніемъ въ Равеннѣ. Все населеніе было разорено продолжительною войною, безпорядками и насиліями. Прагматическая санкція Ю. 554 г. должна была установить правильный порядокъ во вновь завоеванной странѣ, но новое правительство покровительствовало лишь земельнымъ магнатамъ и церкви; благосостояніе большинства не могло возродиться при обычно свойственномъ византійской администраціи фискализмѣ; земледѣліе, промышленность и торговля Италіи пали надолго. Надо было еще отразить франковъ на сѣверѣ Италіи, думавшихъ воспользоваться готской войной, чтобы расширить свои владѣнія къ югу отъ Альповъ; пришлось справляться съ набѣгомъ большой вооруженной толпы аламанновъ, проникшей до самыхъ южныхъ предѣловъ полуострова. Въ концѣ концовъ страна казалась вновь прочно приросшею къ «единой имперіи».—Перебросить свои завоеванія за Альпы Ю. не удалось; но уже вслѣдъ за войною съ вандалами заняты были Корсика, Сардинія и Балеары. Патрицій Либерій, вмѣшавшись во внутреннія распри вестготовъ, завладѣлъ юго-восточными берегами Испаніи, съ городами Кордубой, Картагеной и Малагой (начало 50-хъ годовъ). На Геркулесовыхъ столпахъ (Гибралтарскій проливъ) имперіи удалось утвердиться еще раньше. Средиземное море реально превратилось почти въ византійское озеро (всѣ земли по его берегамъ, кромѣ южной Галліи и западной Мавританіи, принадлежали Ю.).—Болѣе быстрому и энергичному завоеванію остготской Италіи препятствовало отвлеченіе вниманія правительства Ю. *дѣлами Востока.* «Вѣчный» миръ съ персами былъ скоро нарушенъ, и съ 540 по 555-й гг. происходили почти безпрерывныя нападенія со стороны Хозроя Ануширвана. Трудно сказать, думалъ ли онъ отнять у Юстиніана ближайшія къ его государству области или хотѣлъ только постоянно ослаблять его набѣгами на различные пункты по огромной пограничной линіи и обогащаться грабежами и контрибуціями. Ю., въ общемъ, держался по отношенію къ персамъ оборонительной тактики. Когда Хозроемъ завоевана была Грузія, Ю. поспѣшилъ захватить закавказскіе берега Чернаго моря, чтобы отрѣзать отъ него персовъ. Тогда же византійцами занятъ былъ южный берегъ Крыма. Чтобы склонить Хозроя къ признанію прибрежной территоріи за имперіею, Ю. сдѣлалъ ему рядъ уступокъ въ другихъ мѣстностяхъ. Такимъ образомъ на востокѣ границы и положеніе имперіи мало перемѣнились въ теченіе царствованія Юстиніана. Его государству приходилось страдать на сѣверо-восточныхъ окраинахъ отъ постоянныхъ вторженій разселившихся за Дунаемъ варваровъ—славянъ и гунновъ. Они громили весь Балканскій полуостровъ, проникали въ Малую Азію, грозили Константинополю, опустошая обширные районы, унося цѣнную добычу, уводя множество рабовъ. Въ борьбѣ съ варварами цивилизованному государству легко одерживать побѣды, но трудно достигнуть покоренія враговъ. Рыхлыя массы ихъ разступаются передъ натискомъ регулярной арміи, но въ пустынныхъ странахъ, которыя они занимаютъ, нельзя отыскать главныхъ центровъ, которые можно было бы захватить. Чтобы окончательно побѣдить, надобно колонизовать страну. Для такой задачи у Ю. не хватало средствъ, и онъ сознательно ограничивался и здѣсь защитою границъ, мало по малу ограждая дунайскую линію цѣпью крѣпостей, опиравшихся съ тыла на двойной рядъ укрѣпленныхъ позицій въ Балканахъ и Родопскихъ горахъ. Польза, которую приносили эти военныя сооруженія, привели Ю. къ рѣшенію одѣть всю громадную границу имперіи такою же трудно проницаемою бронею. Постепенно близъ Сахары, въ Альпахъ, въ Месопотаміи были устроены лагери и замки, укрѣплены города, развалины которыхъ до сихъ поръ поражаютъ наблюдателя. Дѣйствуя на сосѣдей не только оружіемъ, но и «дипломатіею», Юстиніанъ не безъ успѣха примѣнялъ старую римскую систему: «divide, ut imperas», стараясь поддерживать распри между врагами. Имъ введенъ былъ въ практику опасный пріемъ откупаться отъ нападеній подарками, почти превращавшимися въ періодическую дань. Это разжигало аппетиты варваровъ и доказывало персамъ уязвимость имперіи. Ю. стремился завязать дружескія сношенія съ Абессиніей, чтобы пробить черезъ нее путь на дальній востокъ по Красному морю. Этимъ онъ надѣялся помимо Персіи, оживить торговый обмѣнъ съ Индіею и Китаемъ. Большихъ успѣховъ тутъ достигнуто не было, но какими-то монахами-путешественниками вывезены были изъ восточной Азіи шелковичные черви, которые акклиматизовались въ предѣлахъ имперіи. Въ Константинополѣ возникло довольно широкое производство шелка, давшее возможность обходиться безъ ввоза шелковыхъ тканей изъ Китая черезъ Персію. Къ завоеванію восточныхъ рынковъ направлено было и занятіе Крыма. Какъ бы справедливо ни обвиняли внѣшнюю политику Ю. въ эгоистическомъ подчиненіи народныхъ средствъ личной славѣ монарха, нельзя не признать значительности ея результатовъ съ точки зрѣнія идей міровой политики.

3. *Законодательство и администрація. Соціальная и религіозная политика.*—Ю. завоевалъ себѣ прозвище «великаго» не одними подвигами полководцевъ, выполнявшихъ его военные планы. Всемірная его извѣстность

тельной степени оставался свободнымъ только высшій классъ (сенаторская аристократія), привилегіи которой Ю. принужденъ былъ оставить нетронутыми. Замѣчались старанія поддержать средніе классы покровительствомъ ихъ хозяйственной дѣятельности. Юстиніанъ желалъ возродить торговлю, которая отъ Галліи до Китая объединяла бы міръ въ широкомъ обмѣнѣ благъ. Для облегченія сношеній онъ пролагалъ и улучшалъ дороги, строилъ мосты, заводилъ на путяхъ гостинницы, преслѣдовалъ разбои и пиратство. Онъ стремился поднять промышленность въ главныхъ центрахъ, украшалъ города, основывалъ новые, устраивалъ водопроводы. Видя утѣсненное положеніе сельскихъ классовъ и необходимость оживить земледѣліе, онъ пытался регулировать отношенія господъ къ крестьянамъ, въ видахъ нѣкотораго обезпеченія положенія послѣднихъ: здѣсь какъ будто бы зарождалась демократическая политика, которая въ позднѣйшіе вѣка стала характерною для лучшихъ византійскихъ государей; но мѣропріятія Юстиніана въ этомъ направленіи были еще робки. Нельзя не признать извѣстнаго экономическаго прогресса имперіи въ царствованіе Ю., но въ общемъ широкіе планы осуществленія общаго благосостоянія окончились неудачею. Одинъ изъ преемниковъ Ю. правильно говоритъ: «Недостаточно издавать полезные законы; надо умѣть твердою рукою заставить ихъ исполнять». Ю., не смотря на большую самоувѣренность, въ послѣднемъ отношеніи оказывался безсильнымъ.—Характерною для взглядовъ Ю. является его *религіозная политика*. Человѣкъ вѣрующій и убѣжденный въ томъ, что правитъ благодатію Божьею, онъ придавалъ существенное значеніе духовно-нравственному руководительству своими подданными. Онъ хотѣлъ, чтобы въ единой имперіи, въ которой установленъ былъ имъ единый законъ, существовала единая вѣра и единая духовная власть, именно его вѣра и его воля. Онъ очень любилъ богословскія разсужденія, считалъ себя замѣчательнымъ теологомъ, вѣрилъ, что Богъ глаголетъ его устами—и объявилъ себя «учителемъ вѣры и главою церкви», готовымъ охранять церковь отъ ея собственныхъ заблужденій, какъ и отъ нападеній противниковъ. Всегда и неизмѣнно онъ предоставлялъ себѣ право диктовать церкви догматы, дисциплину, право, обязанности, словомъ превращалъ ее въ органъ своей высшей (святѣйшей) власти. Законодательные его акты полны постановленій о церковномъ устройствѣ, регламентирующихъ всѣ его мелочи. Вмѣстѣ съ тѣмъ Ю. стремится благодѣтельствовать церкви щедрыми пожалованіями, украшеніемъ и постройкою храмовъ. Верховная власть уже въ царствованіе Константина Вел. старалась пользоваться церковью для своихъ цѣлей. Ю. обобщилъ и систематизировалъ такую политику. Чины церковной іерархіи получили много правъ и преимуществъ. Епископамъ было поручено не только руководительство дѣлами благотворительности: они поставлены были исправителями злоупотребленій въ свѣтской администраціи и судѣ. Иногда они перерѣшали дѣло сами, иногда вступали въ соглашеніе съ должностнымъ лицомъ, на которое заявлялась претензія, иногда доводили дѣло до свѣдѣнія самого императора. Клирики были изъяты отъ подчиненія обыкновеннымъ судамъ; священниковъ судили епископы, епископовъ—соборы, въ важныхъ случаяхъ—самъ императоръ. Внутренняя жизнь церкви устраивалась помимо воздѣйствія другихъ высшихъ органовъ правительства. Послѣ возвращенія Италіи Ю. призналъ папу первымъ лицомъ въ церкви, константинопольскаго патріарха — вторымъ. Ю. бралъ подъ свой высшій контроль не только управленіе церковное и дѣйствія духовенства, но и религіозную жизнь подданныхъ. Его кодексъ начинается съ особой главы «о Св. Троицѣ и каѳолической вѣрѣ». Упоминаніе объ обязательности для всѣхъ Никейскаго символа вѣры встрѣчается въ немъ нѣсколько разъ, рядомъ съ анаѳемой противъ еретиковъ и съ хвалою Риму, «главѣ всѣхъ церквей», за неуклонное правовѣріе. Особенно сурово Ю. гналъ манихеевъ на востокѣ, и донатистовъ на западѣ. Евреи, послѣ самарійскаго возстанія (529 г.), также подвергались притѣсненіямъ. Въ дѣлѣ насажденія «абсолютной ортодоксіи» Юстиніанъ долго находился подъ вліяніемъ римскихъ папъ. Въ видахъ установленія безусловнаго единства вѣры въ своей единой имперіи онъ первоначально преслѣдовалъ монофизитовъ (см.), главную ересь эпохи, не смотря на большое количество ихъ приверженцевъ и открытую поддержку ихъ императрицею Ѳеодорою. Въ концѣ концовъ, однако, можетъ быть подчиняясь вліянію жены, можетъ быть убѣдившись въ большой силѣ монофизитовъ, Ю. старался достигнуть прекращенія несогласія съ ними чрезъ возвращеніе ихъ въ лоно церкви путемъ уступокъ. Одинъ папа (Сильверій), противившійся соглашенію, былъ смѣщенъ (фактъ этотъ характеренъ для опредѣленія отношеній Ю. къ Риму: онъ давалъ Риму первенство въ церковной іерархіи, но не допускалъ мысли о неподчиненіи папы императору); другой (Вигилій) за упорство подвергся репрессіи и покорился. Чтобы добиться желаемаго примиренія церкви съ монофизитами, Ю. созвалъ въ Константинополѣ пятый вселенскій соборъ (533 г.), который, послѣ долгой оппозиціи папы, наконецъ согласился на требовавшіяся монофизитами уступки. Многіе западные епископы протестовали, но Ю. готовъ былъ на еще болѣе рѣшительные шаги въ пользу еретиковъ, и только смерть помѣшала ему привести въ исполненіе актъ личнаго произвола въ пользу покровительствуемаго имъ ученія, въ угоду которому онъ отказывался даже отъ своего безусловнаго православія. Итакъ, религіозная политика Ю. не отличалась полною послѣдовательностью. Противъ остатковъ паганизма Ю. боролся рѣшительно. Язычество было уже запрещено эдиктами Ѳеодосія Вел., но фактически оно сохранялось еще во многихъ мѣстностяхъ — въ Египтѣ, Сиріи, Финикіи, Малой Азіи, особенно въ Греціи. Ему преданы были еще многочисленныя группы во всѣхъ классахъ. Храмы были

сеса, не уступавшаго Велисарію въ военныхъ талантахъ. Послѣдній медленно, но превосходно подготовилъ кампанію и весною 552 г. началъ наступленіе съ трехъ сторонъ—изъ Далмаціи, Сициліи и Адріатики. Тотила сосредоточился въ римской области. Большое сраженіе произошло при Тагинахъ (лѣтомъ 552 г.): Тотила палъ, вся сѣверная и средняя Италія попала въ руки имперскихъ войскъ. Остатки готовъ собрались около послѣдняго избраннаго короля Тейяса на югѣ, но упорный бой близъ Везувія не спасъ ихъ отъ гибели. Далмація и Италія, послѣ почти двадцатилѣтней борьбы были возсоединены съ имперіею. Онѣ образовали четвертую префектуру, и Нарсесъ былъ назначенъ ея первымъ правителемъ, со званіемъ экзарха и съ мѣстопребываніемъ въ Равеннѣ. Все населеніе было разорено продолжительною войною, безпорядками и насиліями. Прагматическая санкція Ю. 554 г. должна была установить правильный порядокъ во вновь завоеванной странѣ, но новое правительство покровительствовало лишь земельнымъ магнатамъ и церкви; благосостояніе большинства не могло возродиться при обычно свойственномъ византійской администраціи фискализмѣ; земледѣліе, промышленность и торговля Италіи пали надолго. Надо было еще отразить франковъ на сѣверѣ Италіи, думавшихъ воспользоваться готской войной, чтобы расширять свои владѣнія къ югу отъ Альповъ; пришлось справляться съ набѣгомъ большой вооруженной толпы аламанновъ, проникшей до самыхъ южныхъ предѣловъ полуострова. Въ концѣ концовъ страна казалась вновь прочно приросшею къ «единой имперіи».—Перебросить свои завоеванія за Альпы Ю. не удалось; но уже вслѣдъ за войною съ вандалами заняты были Корсика, Сардинія и Балеары. Патрицій Либерій, вмѣшавшись во внутреннія распри вестготовъ, завладѣлъ юго-восточными берегами Испаніи, съ городами Кордубой, Картагеной и Малагой (начало 50-хъ годовъ). На Геркулесовыхъ столпахъ (Гибралтарскій проливъ) имперіи удалось утвердиться еще раньше. Средиземное море реально превратилось почти въ византійское озеро (всѣ земли по его берегамъ, кромѣ южной Галліи и западной Мавританіи, принадлежали Ю.).—Болѣе быстрому и энергичному завоеванію остготской Италіи препятствовало отвлеченіе вниманія правительства Ю. *дѣлами Востока*. «Вѣчный» миръ съ персами былъ скоро нарушенъ, и съ 540 по 555-й гг. происходили почти безпрерывныя нападенія со стороны Хозроя Ануширвана. Трудно сказать, думалъ ли онъ отнять у Юстиніана ближайшія къ его государству области или хотѣлъ только постоянно ослаблять его набѣгами на различные пункты по огромной пограничной линіи и обогащаться грабежами и контрибуціями. Ю., въ общемъ, держался по отношенію къ персамъ оборонительной тактики. Когда Хозроемъ завоевана была Грузія, Ю. поспѣшилъ захватить закавказскіе берега Чернаго моря, чтобы отрѣзать отъ него персовъ. Тогда же византійцами занятъ былъ южный берегъ Крыма. Чтобы склонить Хозроя къ признанію прибрежной территоріи за имперіею, Ю. сдѣлалъ ему рядъ уступокъ въ другихъ мѣстностяхъ. Такимъ образомъ на востокѣ границы и положеніе имперіи мало перемѣнились въ теченіе царствованія Юстиніана. Его государству приходилось страдать на сѣверо-восточныхъ окраинахъ отъ постоянныхъ вторженій разселившихся за Дунаемъ варваровъ—славянъ и гунновъ. Они громили весь Балканскій полуостровъ, проникали въ Малую Азію, грозили Константинополю, опустошая обширные районы, унося цѣнную добычу, уводя множество рабовъ. Въ борьбѣ съ варварами цивилизованному государству легко одерживать побѣды, но трудно достигнуть покоренія враговъ. Рыхлыя массы ихъ разступаются передъ натискомъ регулярной арміи, но въ пустынныхъ странахъ, которыя они занимаютъ, нельзя отыскать главныхъ центровъ, которые можно было бы захватить. Чтобы окончательно побѣдить, надобно колонизовать страну. Для такой задачи у Ю. не хватало средствъ, и онъ сознательно ограничивался и здѣсь защитою границъ, мало по малу ограждая дунайскую линію цѣпью крѣпостей, опиравшихся съ тыла на двойной рядъ укрѣпленныхъ позицій въ Балканахъ и Родопскихъ горахъ. [Польза, которую приносили эти военныя сооруженія, привели Ю. къ рѣшенію одѣть всю громадную границу имперіи такою же трудно проницаемою бронею. Постепенно близъ Сахары, въ Альпахъ, въ Месопотаміи были устроены лагери и замки, укрѣплены города, развалины которыхъ до сихъ поръ поражаютъ наблюдателя. Дѣйствуя на сосѣдей не только оружіемъ, но и «дипломатіею», Юстиніанъ не безъ успѣха примѣнялъ старую римскую систему: «divide, ut imperas», стараясь поддерживать распри между врагами. Имъ введенъ былъ въ практику опасный пріемъ откупаться отъ нападеній подарками, почти превращавшимися въ періодическую дань. Это разжигало аппетиты варваровъ и доказывало персамъ уязвимость имперіи. Ю. стремился завязать дружескія сношенія съ Абессиніей, чтобы пробить черезъ нее путь на дальній востокъ по Красному морю. Этимъ онъ надѣялся помимо Персіи, оживить торговый обмѣнъ съ Индіею и Китаемъ. Большихъ успѣховъ тутъ достигнуто не было, но какими-то монахами-путешественниками вывезены были изъ восточной Азіи шелковичные черви, которые акклиматизовались въ предѣлахъ имперіи. Въ Константинополѣ возникло довольно широкое производство шелка, давшее возможность обходиться безъ ввоза шелковыхъ тканей изъ Китая черезъ Персію. Къ завоеванію восточныхъ рынковъ направлено было и занятіе Крыма. Какъ бы справедливо ни обвиняли внѣшнюю политику Ю. въ эгоистическомъ подчиненіи народныхъ средствъ личной славѣ монарха, нельзя не признать значительности ея результатовъ съ точки зрѣнія идей міровой политики.

3. *Законодательство и администрація. Соціальная и религіозная политика.*—Ю. завоевалъ себѣ прозвище «великаго» не одними подвигами полководцевъ, выполнявшихъ его военные планы. Всемірная его извѣстность

ходное средство создать славное воспоминаніе о его личности и царствованіи на вѣчныя времена. Украшать крупные города составляло для него предметъ горделиваго наслажденія. Главнымъ объектомъ заботъ императора являлась его столица. Константинополь былъ перестроенъ по смѣлому и грандіозному плану, имѣвшему въ виду благоустройство (удобство сообщенія, улицы, площади, водопроводы, рынки, бани, больницы) и красоту (художественныя постройки). Главными монументальными памятниками Константинополя явились великолѣпный *соборъ св. Софіи*, «чудо чудесъ», затѣмъ—обширный *императорскій дворецъ*, представляшій собою цѣлый городъ, укрѣпленный и изукрашенный, а также знаменитый *гипподромъ*. Такимъ образомъ Богу, государю и народу были посвящены въ новой всемірной столицѣ каждому особые храмы, а около нихъ группировались другія церкви, дворцы и общественныя зданія, образовавшія въ совокупности небывалый комплексъ богатствъ (см. превосходное описаніе Константинополя во времена Ю. въ ниже названныхъ сочиненіяхъ Диля и Надлера). Самое сближеніе этихъ трехъ памятниковъ искусства показываетъ пестроту культуры, потребностямъ которой они должны были удовлетворять. Изъ нихъ два — св. Софія и дворецъ — обязаны своимъ окончательнымъ видомъ самому Ю.; строительство (преимущественно церковное) являлось однимъ изъ любимѣйшихъ занятій императора. Подъ его покровительствомъ сложилась подготовленная художественнымъ развитіемъ IV и V вѣковъ первая фаза византійскаго искусства. Можно думать, что эта струя зарождалась (и уже пышно раскрылась) на Азіатскомъ востокѣ (въ Антіохіи и другихъ сирійскихъ центрахъ), причемъ христіанская творческая мысль воспринимала здѣсь и очень древнія (не только азіатскія, но и египетскія) воспоминанія; затѣмъ она переливалась въ Константинополь и тамъ перерабатывалась еще могучими греко-римскими традиціями. Оттуда уже происходило лучеиспусканіе на западъ: Равенна, административная столица завоеванной Италіи, сыграла роль средоточія новаго художественнаго стиля, распространявшагося и на другіе города полуострова, между прочимъ на Римъ. —Византійское искусство впервые оригинально распустилось во времена Ю. и тогда же достигло своего апогея. Прежде всего сложились всѣ новые пріемы строительства, всѣ новые типы построекъ. Полигональная форма храмовъ, уже давно указывавшаяся Евсевіемъ и Григоріемъ Назіанзиномъ, примѣнялась съ большимъ успѣхомъ и на востокѣ, и на западѣ. Не оставался безъ дальнѣйшаго культивированія и прежній планъ продолговатой базилики (св. Софія представляетъ собою квадратъ съ вписаннымъ греческимъ крестомъ). Въ св. Софіи въ Ѳессалоникахъ мы видимъ еще особый образецъ церкви съ центральнымъ куполомъ, который повторяется съ варіантами на Аѳонѣ и по всей Греціи. Словомъ, давно уже искусство не было такимъ свободнымъ, богатымъ и плодовитымъ. Это доказывается въ особенности св. Софіею. Великій храмъ по оригинальности плана, глубокому расчету при установкѣ равновѣсія, замѣчательной легкости структуры, почти феноменальной смѣлости огромнаго купола—до нашихъ дней остается однимъ изъ могущественнѣйшихъ, почти чудесныхъ произведеній зодчества. Торжествомъ техники представляются и колоссальные водоемы, устроенные по приказу Ю. въ подпочвѣ столицы. Съ своею воздушно-легкою двухъярусною галлереею тонкихъ колоннъ, поддерживающихъ массивные своды, сохранившаяся цистерна Бин-биръ-Дирекъ въ Константинополѣ (постр. въ 528 г.) равняется по дерзости замысла самымъ смѣлымъ сооруженіямъ. Водопроводы—также настоящія художеств. произведенія. Ихъ высокія, слегка заостренныя аркады, внушительные пилястры, поддержанные неразрушимыми контрфорсами, гармоническое изящество конструкціи, цѣлесообразность всѣхъ деталей заставляютъ назвать ихъ неизвѣстнаго строителя однимъ изъ искуснѣйшихъ инженеровъ всѣхъ временъ. Роскошь строительства довершали *орнаментальная скульптура и мозаиковая живопись*. Статуарное ваяніе падало подъ вліяніемъ господствовавшаго настроенія церкви, но отдѣлка камня, мрамора, металла и кости на капителяхъ колоннъ, каѳедрахъ, престолахъ, сѣдалищахъ, дверяхъ, паникадилахъ, ковчегахъ, переплетахъ сохраняла и развивала тонкость и виртуозность, объединяя восточные и греко-римскіе мотивы и пріемы свѣжею фантазіею перерождавшагося искусства. Техника упражнялась всего больше на геометрическихъ, растительныхъ и животныхъ сюжетахъ, обнаруживая большую наблюдательность при воспроизведеніи формъ природы и удачное пользованіе ими для цѣлей религіозной символики. Мраморная полихромія стѣнъ въ церквахъ, воздвигнутыхъ въ ту эпоху, относится уже къ области живописной орнаментаціи. Небывалые эффекты единственныхъ во всемірномъ искусствѣ мозаиковыхъ картинъ замѣнили повсюду скромную фресковую расписку стѣнъ въ болѣе древнихъ христіанскихъ базиликахъ. Ликованіе торжествующаго христіанства царитъ на этихъ образахъ, сложенныхъ какъ бы изъ самоцвѣтныхъ камней и золота, сіяніе которыхъ смягчается успокоительнымъ впечатлѣніемъ отъ бархатистаго фона. Время Ю. — золотой вѣкъ мозаики. Убранство такими картинами стѣнъ и сводовъ въ Софійскомъ храмѣ исчезло подъ рукою мусульманства, но сохранилось въ церквахъ Равенны, остроумно названной итало-византійскими Помпеями. Въ одной изъ этихъ церквей (Санъ-Витале), рядомъ съ превосходными фигурами святыхъ, первостепенными образцами слагавшейся христіанской иконописи съ уже замѣтными чертами іератическаго канона, можно видѣть почти обоготворенные лики самого Юстиніана и Ѳеодоры, окруженныхъ свитою, съ признаками портретной живописи, не смотря на нѣкоторую условность позъ и фигуръ. Расцвѣтъ мозаиковой живописи отразился и въ Римѣ, гдѣ гибли памятники языческой пластики, но перестраивались и украшались старыя христіанскія базилики — Св. Маріи Матери Божіей, св. Іоанна Лате-

земельной знати (potentes, δυνατοί, властели). Съ самаго начала 30-хъ годовъ Ю. настойчиво принялся за устраненіе этого зла. Съ присущею ему вѣрою въ всесиліе своей власти и въ магическое дѣйствіе высочайшихъ указовъ онъ сталъ очищать административный механизмъ своей имперіи. Создавать нѣчто новое ему не пришлось. Сосредоточеніе всѣхъ нитей управленія въ рукахъ верховной власти и ея ближайшихъ орудій, выполненіе его функцій стройно расчлененнымъ чиновничествомъ, со строгою субординаціею отдѣльныхъ органовъ другъ другу, съ правильными отношеніями между центральными и областными учрежденіями различныхъ вѣдомствъ, съ бумажнымъ дѣлопроизводствомъ—такая система, выработанная предшественниками Ю. (особенно съ Діоклетіана), вполнѣ соотвѣтствовала его взглядамъ и симпатіямъ. Оставалось только возстановлять, оживлять, укрѣплять и развивать вполнѣ подходящій къ абсолютной монархіи административный строй. Новеллы Ю. богаты свидѣтельствами о постоянной и дѣятельной работѣ императора въ данной области. Открыто признавая, что забота о пользѣ народа есть долгъ государя, императоръ боролся противъ казнокрадства чиновниковъ и ихъ лихоимства, злоупотребленій или нерадѣнія, не уставалъ призывать своихъ слугъ къ долгу и добросовѣстности, поощрялъ наградами, грозилъ наказаніями. Онъ стремился добиться улучшенія административной работы созданіемъ многочисленныхъ органовъ контроля, предоставленіемъ епископамъ наблюденія надъ гражданскимъ управленіемъ, устройствомъ нѣсколькихъ апелляціонныхъ судебныхъ инстанцій, дозволеніемъ обиженнымъ жаловаться на мѣстную администрацію центральной и на высочайшее имя. Вниманія, труда и энергіи на все это была потрачена масса, но результаты были ничтожны. Юстиніану не удалось устранить изъ жизни своего государства ни одного существеннаго зла. Подавленность народа и равнодушіе его къ судьбамъ государства, рѣзкая противоположность между высшими и низшими классами, эгоизмъ сильныхъ, испорченность правящихъ—все это не могло содѣйствовать прогрессу общественнаго организма, а деспотическая политика, не вызывая въ обществѣ самодѣятельности, не могла вдохнуть въ него новой жизненной силы. Наиболѣе удачны были мѣропріятія по переустройству провинціальнаго управленія. На западѣ (т. е. въ Италіи и Африкѣ) Ю. старался лишь возстановить формы, выработанныя римскимъ прошлымъ (опасаясь оппозиціи могущественныхъ элементовъ общества). Въ Египтѣ онъ заботился о правильномъ производствѣ хлѣбныхъ сборовъ въ пользу государства, которыми питались Константинополь и другіе большіе города и недостатокъ которыхъ грозилъ бы страшной катастрофой. На востокѣ возникло нѣчто новое. Ю. отказался отъ политическаго дробленія провинціальныхъ территорій и отдѣленія власти военной отъ гражданской. Онъ сплотилъ восточныя страны въ нѣсколько сильныхъ «генералъ-губернаторствъ», съ предоставленіемъ намѣстникамъ (duces, moderatores, proconsules, съ титуломъ «spectabiles») и военной, и гражданской, и судебной власти, но съ возложеніемъ на нихъ полной отвѣтственности и за справедливое управленіе, и за внутренній покой, и за внѣшнюю безопасность. Такое преобразованіе упрочило активность и крѣпость управленія въ восточныхъ областяхъ; изъ него выросла система «ѳемъ», которая сослужила позднѣйшей византійской имперіи серьезную службу. Огромныя матеріальныя нужды государства заставляли Ю. много думать о финансахъ. Система налоговъ и сборовъ была уже въ подробностяхъ установлена до него. Подати разоряли трудящуюся массу (высшіе классы обезпечили себя льготами и изъятіями); недоимки, которыхъ никакими силами нельзя было выколотить, сдѣлались хроническою, постепенно растущею язвою казны. Между тѣмъ, вслѣдствіе поголовнаго воровства въ администраціи, только часть того, что удавалось собрать, попадала въ руки государства. Страшно расширившіяся потребности правительства въ царствованіе Юстиніана, вслѣдствіе многочисленныхъ войнъ, увеличенія территоріи, осложненія задачъ управленія и необходимости поддерживать блескъ монархіи, ставили государя въ истинно трагическое положеніе передъ постоянно и быстро увеличивавшимся недостаткомъ средствъ. Поднимать налоги или умножать ихъ число было невозможно. Поставленная разумная задача «удовлетворять потребностямъ фиска съ облегченіемъ тягости плательщиковъ» оказывалась неисполнимой. Надо было прибѣгать ко всякаго рода изворотамъ. Кромѣ обычной земельной подати, на ослабѣвшихъ собственниковъ возлагалось обязательство вносить значительную надбавку (ἐπιβολή, superindictio) за опустѣлыя земли (agri steriles, inculti). Подушный налогъ старались увеличить болѣе выгоднымъ для государства его распредѣленіемъ. Безконечно умножались натуральные сборы и трудовыя повинности въ пользу государства; учреждались правительственныя монополіи. Подати сурово взыскивались съ населенія; жестоко преслѣдовалась недобросовѣстность сборщиковъ. Найти удовлетворительный выходъ изъ критическаго положенія Ю. не удалось, да это и было невозможно. Сбереженія, оставленныя въ казнѣ Анастасіемъ, были истрачены; дефицитъ грозилъ банкротствомъ. Матеріальная нужда народа оставалась ужасающею и приводила къ паденію труда, т. е. къ неразрѣшимому кризису. Между государемъ и населеніемъ еще крѣпче засѣло хищническое чиновничество. Грабили всѣ сверху донизу, отъ «первыхъ министровъ»—Трибоніана и Іоанна Каппадокійскаго—до намѣстниковъ захолустныхъ провинцій, послѣднихъ сборщиковъ и мелкихъ полицейскихъ. Хорошія намѣренія разбивались о непреодолимыя препятствія, заставлявшія Ю. отступать отъ своихъ принциповъ, напр. допускать продажу должностей. Въ отношеніяхъ между обществомъ и государствомъ не совершилось перемѣны. Система опеки такъ же тѣсно опутывала общество, какъ и раньше. Отъ нея въ значи-

полководецъ Леонтій. Въ 695 г. онъ бѣжалъ изъ тюрьмы, куда былъ заключенъ по приказанію подозрительнаго императора, возмутилъ жителей столицы, захватилъ Ю., велѣлъ отрѣзать у него носъ и языкъ и отправилъ въ ссылку въ Крымъ (въ Херсонесъ). Стефанъ и Ѳеодотъ были казнены. Нѣсколько времени спустя Леонтій также былъ свергнутъ и престолъ занялъ Тиверій III. Тогда Ю. II, бѣжавъ изъ ссылки сначала къ хозарамъ, затѣмъ къ болгарамъ, явился въ 705 г. передъ Константинополемъ съ войскомъ изъ славянъ и болгаръ, съ Тервеломъ во главѣ. Онъ овладѣлъ столицей и снова занялъ престолъ, жестоко отомстивъ своимъ противникамъ: Тиверій и Леонтій были обезглавлены, патріархъ Каллиникъ низложенъ и сосланъ. Война съ арабами опять пошла плохо: греки потеряли Мопсуэсту и Тіану; въ 709 г. арабы вторглись даже во Ѳракію. Ю. послалъ въ Крымъ войско, которое должно было наказать Херсонесъ за то, что онъ не оказалъ поддержки императору во время его несчастья, но оно возмутилось и провозгласило императоромъ Филиппика Вардана. Въ то время, какъ Ю. II собиралъ отряды въ Малой Азіи, Филиппикъ овладѣлъ Константинополемъ, убилъ Юстиніанова сына, а затѣмъ захватилъ и оставленнаго войскомъ императора и убилъ его, въ 711 г. по Р. Хр. *Д. К.*

Юстинъ I — императоръ восточно-римскій (518—527 послѣ Р. Хр.), по происхожденію простой крестьянинъ изъ Иллиріи; въ царствованіе Льва I прибылъ въ Константинополь, былъ при Анастасіи офицеромъ и принималъ участіе въ усмиреніи исавровъ; впослѣдствіи достигъ должности comes excubitorum, т. е. начальника императорскихъ тѣлохранителей. По смерти Анастасія евнухъ Аманцій, желая при помощи популярнаго въ войскахъ Ю. возвести на престолъ свою креатуру (нѣкоего Ѳеокрита) и управлять его именемъ, передалъ Ю. громадныя суммы для привлеченія на сторону Ѳеокрита гвардіи, но Ю. роздалъ деньги отъ себя, ничего не говоря о Ѳеокритѣ, и былъ съ согласія сената и народа провозглашенъ императоромъ, не смотря на то, что у Анастасія остались племянники, считавшіе себя претендентами на престолъ. Царствованіе Ю. было реакціей противъ предыдущаго. Анастасій былъ монофизитъ—Ю. твердо держался православія; онъ покончилъ схизму между римской и константинопольской церковью, вызванную генотикономъ Зенона; при немъ было установлено празднованіе въ память четвертаго вселенскаго собора. Ю. призналъ исповѣданіе папы Льва I. Аманцій и Ѳеокритъ были обвинены Ю. въ измѣнѣ и казнены. Виталіанъ, очень вліятельный во времена Анастасія полководецъ, сначала получилъ отъ Ю. должность magister militum, но вскорѣ былъ также убитъ, вызвавъ подозрѣнія Ю. и зависть со стороны Юстиніана. Очень старый (при вступленіи на престолъ ему было уже около 66 лѣтъ), Ю. мало занимался внутренними дѣлами, въ которыхъ ему помогалъ его племянникъ Юстиніанъ. Такъ какъ Ю. не имѣлъ дѣтей, то онъ усыновилъ Юстиніана и въ апрѣлѣ 527 г. сдѣлалъ его соправителемъ, съ титуломъ Августа. Въ томъ же году Ю. умеръ, оставивъ престолъ Юстиніану I.

Юстинъ II — императоръ восточно-римскій, племянникъ Юстиніана I, сынъ его сестры Вигилянціи и Дульциссима; былъ женатъ на Софіи, племянницѣ императрицы Ѳеодоры; вступилъ на престолъ послѣ смерти Юстиніана I, въ 565 г. послѣ Р. Хр. Положеніе государства при Ю. II было очень тяжелымъ и внутри, и извнѣ, а Ю. не былъ человѣкомъ, какой былъ нуженъ имперіи въ такое тяжелое время: всегда болѣзненный, онъ кончилъ сумасшествіемъ (съ 574 г.). Въ религіи Ю. твердо держался чистаго православія и написалъ въ этомъ смыслѣ манифестъ къ православнымъ; съ 572 г., подъ вліяніемъ патріарха Іоанна, онъ началъ даже преслѣдовать монофизитовъ. Аварамъ Ю. отказался платить деньги, которыя они привыкли получать отъ имперіи; они стали нападать на придунайскія провинціи. Въ Италію, по отозваніи оттуда экзарха Нарсеса, вторглись лангобарды, завоевали всю сѣверную и часть средней и южной Италіи; подъ властью имперіи остались лишь Романья, береговая полоса отъ Римини до Анконы, Римъ и нижняя Италія. При Ю. II возобновилась борьба съ персами. Ю. заключилъ союзъ съ турками противъ персовъ, но турки не были въ состояніи оказать ему существенную поддержку. Помощи имперіи просили подданные Хозроя армяне, побуждаемые къ тому религіозными преслѣдованіями. Хозрой I Нуширванъ взялъ Дару, опустошилъ Сирію. Болѣе счастливый для имперіи оборотъ война съ персами приняла, когда во главѣ императорскихъ войскъ сталъ Тиверій Константинъ, занимавшій должность comes excubitorum, а затѣмъ торжественно возведенный въ санъ Кесаря. Въ 575 г. было заключено пятилѣтнее перемиріе съ персами, но оно вскорѣ было нарушено. Въ 576 г. персамъ было нанесено сильное пораженіе при Мелитене, затѣмъ взята Сингара въ Месопотаміи. Во время войны Ю. II умеръ, въ 578 г.

Юстинъ (Маркъ Юстиніанъ) — римскій историкъ временъ Антонина (жилъ около 60 г. по Р. Хр.), авторъ извлеченія изъ недошедшаго до насъ обширнаго историческаго труда Трога Помпея, подъ заглавіемъ «Historiae Philippicae», въ 44 книгахъ. Извлеченіе Ю. содержитъ въ себѣ всемірную исторію, главнымъ образомъ македонскую, безъ тщательной хронологической послѣдовательности событій; ею немало пользовался историкъ V в. по Р. Хр. Орозій; она была цѣнима въ средніе вѣка. Ср. Rühl, «Die Verbreitung des Justinus im Mittelalter» (1871). Изложеніе Ю. отличается простотой и сжатостью, заключаетъ въ себѣ много интереснаго и до сихъ поръ имѣетъ нѣкоторое значеніе, хотя не всегда выдерживаетъ строгую критику. Стар. изданія: J. Bongarsius (1581), Is. Vossius (1640), Grävius (1688); изъ новыхъ Benecke (1830), Fittbogen (1835), съ примѣч. древнихъ комментаторовъ (просмотр. Фрочеромъ, 1827—1830, Лпц.), Jeep (1859 и 1872) и Rühl (1886).

всѣ закрыты или уничтожены, но обряды старой вѣры тайно исполнялись внутри домовъ, и правительство, во избѣжаніе большихъ хлопотъ, закрывало глаза на нарушеніе указовъ. Ю. не хотѣлъ терпѣть такихъ послабленій. Онъ объявилъ существованіе паганизма недопустимымъ («язычниковъ не должно быть на землѣ»!), предписалъ всѣмъ креститься, упорствующихъ лишалъ всѣхъ служебныхъ и гражданскихъ правъ и ставилъ ихъ внѣ закона, грозя не только лишеніемъ имущества, но и смертью. Для выполненія своего предписанія онъ примѣнялъ терроръ въ столицѣ и провинціяхъ, найдя въ лицѣ фанатика - монофизита, монаха, потомъ епископа, Іоанна Ефесскаго, подходящее и дѣятельное орудіе. Наступило обращеніе въ христіанство огнемъ и мечомъ. Большинство оставшихся адептовъ паганизма подчинилось изъ выгоды или страха. Полному запрещенію подверглось всякое распространеніе старыхъ доктринъ путемъ преподаванія. Здѣсь главнымъ образомъ пострадалъ послѣдній оплотъ «эллинизма» — аѳинскій университетъ. Давно уже ослабѣлъ просвѣтительный блескъ этого центра греческой мудрости, но по традиціи онъ пользовался прежнимъ почитаніемъ со стороны приверженцевъ древности. Эпигоны античнаго религіозно-философскаго міровоззрѣнія въ VI в. были слабы талантомъ: Проклъ (умеръ въ 485 г.) является послѣднимъ сколько нибудь замѣтнымъ учителемъ новоплатонизма въ Аѳинахъ; но около Дамаскія въ началѣ VI в. все-таки собирались вѣрные поклонники старыхъ боговъ. Ю. уже въ 529 г. предписалъ закрыть аѳинскую высшую школу, конфисковать ея богатое имущество, изгнать профессоровъ и безусловно воспретить преподаваніе философіи. Разсказы о томъ, что гонимая эллинская наука нашла пріютъ и новый расцвѣтъ въ персидскомъ царствѣ Хозроя, преувеличены; но само по себѣ уничтоженіе аѳинской школы является нагляднымъ предѣломъ между вѣками свободнаго развитія мысли въ рамкахъ греко-римской философіи и наступленіемъ эры византійскаго вѣроисповѣднаго просвѣщенія. Константинополь сдѣлался центромъ новой христіанской цивилизаціи. Погибшихъ «аѳинянъ» побѣдители проводили злыми эпиграммами; но торжествующая вѣра въ дальнѣйшей разработкѣ своего богословія не осталась, какъ и раньше, чужда великихъ идей эллинизма, и новая культура продолжала черпать вдохновеніе въ крупныхъ традиціяхъ древней.

4. *Образованность въ эпоху Ю.*—Изъ только что сказаннаго нельзя выводить, что Ю. гналъ просвѣщеніе вообще; наоборотъ, онъ считалъ себя продолжателемъ великаго культурнаго дѣла Рима и всегда желалъ стоять во главѣ государства цивилизованнаго. Это видно уже изъ его міровой политики, изъ настойчиваго стремленія возстановить единеніе между странами. Путемъ для этого казалось возрожденіе когда-то составлявшаго силу римской имперіи всемірнаго хозяйственнаго обмѣна. Ю. прилагалъ напряженныя усилія къ тому, чтобы создать изъ Константинополя громадный центръ промышленности и торговли, центростремительная и центробѣжная сила котораго охватывала бы своимъ спросомъ и предложеніемъ весь міръ, отъ старыхъ культурныхъ государствъ дальней Азіи до варваровъ европейскаго запада и африканскаго юга. Но искусственныя мѣропріятія не могли поднять экономическую энергію странъ вырождавшихся или отсталыхъ, а государственныя монополія, которыя при этомъ насаждались правительствомъ, не дававшимъ обществу свободы и въ хозяйственной сферѣ, искавшимъ въ казенной промышленности и торговлѣ новыхъ источниковъ дохода, не могли вызвать трудъ въ населеніи, подавленномъ опекою. Извнѣ конкурренція царства Хозроя, также проводившаго культурныя задачи, сильно стѣсняла осуществленіе широкихъ плановъ Ю. Извѣстный подъемъ торговаго движенія въ византійской имперіи при Ю. можетъ быть отмѣченъ лишь по сравненію съ непосредственно предшествующею эпохою апогея смутъ въ греко-римскомъ мірѣ. Въ области образованія Ю. относился враждебно только къ философіи, чувствуя въ ней силу эллинизма, который онъ сознательно ненавидѣлъ, какъ опору язычества. Онъ поддерживалъ науку тамъ, гдѣ христіанству удалось уже наложить на нее руку, напримѣръ въ высшихъ школахъ Константинополя и Александріи, гдѣ философскія академіи превращались въ органы разработки и пропаганды признаваемыхъ властью богословскихъ доктринъ. Оставалось только наблюдать за преподаваніемъ и матеріально поддерживать распространеніе правовѣрныхъ идей, не давая хода еретическимъ направленіямъ. Философія перерождалась въ теологію, классическая риторика—въ духовное краснорѣчіе; подъ сѣнью государства совершался переходъ античной науки въ средневѣковое просвѣщеніе. Большою симпатіею Ю. пользовалась та христіанская догматическая, полемическая и поучительная литература, которая расцвѣтала преимущественно въ Сиріи. Изъ умственнаго наслѣдія прошлаго Ю. особенно высоко цѣнилъ ту сферу знанія, которая разрабатывалась съ преимущественнымъ талантомъ, любовью и успѣхомъ не въ Греціи, а въ Римѣ, т. е. право. Онъ считалъ себя завершителемъ дѣла великаго народа — созданія закона, воплощающаго на землѣ высшій разумъ и совершенную справедливость. Онъ старался развивать юридическую подготовку правящихъ и служащихъ классовъ, установивъ систему государственнаго обученія праву. Многія юридическія школы были закрыты; сохранены только три — въ Константинополѣ, Римѣ и Беритѣ (Бейрутѣ); программа ихъ преобразована и строго регламентирована. Но главное, чѣмъ блистала образованность Юстиніанова времени и въ чемъ оно составляетъ эпоху въ исторіи цивилизаціи — это оригинальное и сильное развитіе пластическихъ искусствъ (см. Византійское искусство). Конечно, не Ю. былъ причиною художественнаго движенія: оно являлось результатомъ сложнаго сочетанія факторовъ, подготовившихъ его заранѣе и мало-по-малу; но въ художественномъ блескѣ главныхъ центровъ имперіи императоръ видѣлъ превос-

вою, Полтавою и Выборгомъ; при Екатеринѣ I былъ сенаторомъ, при Петрѣ II—первымъ членомъ государственной военной коллегіи. Сынъ его *Борисъ Григорьевичъ* (1696—1759) въ царствованіе Анны Іоанновны и при Іоаннѣ Антоновичѣ былъ московскимъ губернаторомъ, при Елизаветѣ Петровнѣ—сенаторомъ, президентомъ коммерцъ-коллегіи и главнымъ директоромъ кадетскаго корпуса. Сынъ его *Николай Борисовичъ* (1750—1831) съ 1783 по 1789 г., былъ посланникомъ въ Туринѣ потомъ сенаторомъ; императоръ Павелъ I сдѣлалъ его министромъ удѣловъ, а Александръ I —членомъ государственнаго совѣта. По смерти внука его, князя *Николая Борисовича Ю.* (1827—1890), Высочайше разрѣшено именоваться *княземъ Юсуповымъ, графомъ Сумароковымъ Эльстономъ* зятю его, гвардіи поручику графу *Феликсу Феликсовичу Сумарокову-Эльстонъ*, съ тѣмъ, чтобы княжескій титулъ и фамилія Ю. переходили только къ старшему въ родѣ изъ его потомковъ. Родъ князей Ю. былъ записанъ въ V ч. род. кн. губ. Орловской, Курской и С.-Петербургской. Гербъ внесенъ въ III ч. Общ. Гербовника. *В. Р—въ.*

Юсуфъ — имя марокскихъ императоровъ изъ арабскихъ династій Альморавидовъ и Альмогадовъ. 1) Юсуфъ I бенъ Ташфинъ, изъ династіи Альморавидовъ, избранъ марокскимъ императоромъ въ 1070 г. Въ 1072 г. основалъ гор. Марокко и сдѣлалъ его своею столицей, изгналъ зевритовъ изъ западн. Африки и расширилъ предѣлы своихъ владѣній до самаго Атлантическаго океана, завладѣвъ даже Цеутой. Призванный въ Испанію на помощь мусульманскими государями, которыхъ сильно тѣснилъ Альфонсъ VI Кастильскій, онъ нанесъ послѣднему жестокое пораженіе въ битвѣ при Залакѣ, у Бадахоса (1086 г.), но омрачилъ свою славу вѣроломствомъ по отношенію къ государямъ-союзникамъ, которыхъ владѣнія силою присоединялъ къ себѣ (Севилью, Гренаду и др.); значительная часть испанской территоріи перешла подъ власть Ю. Обладая большимъ могуществомъ и нося титулъ Emir-al-Moslemin (т. е. государь правовѣрныхъ), онъ признавалъ, однако, верховенство багдадскихъ халифовъ. Юсуфъ умеръ въ 1106 г.; потомки его вскорѣ были лишены власти Альмогадами. Ю. покровительствовалъ наукѣ и стоялъ на стражѣ религіи и правосудія. 2) Юсуфъ II (Абу-Якубъ), марокскій императоръ (халифъ) изъ династіи Альмогадовъ, наслѣдовалъ престолъ въ 1163 г. Раньше онъ правилъ Севильей; явившись оттуда въ Марокко, онъ нѣкоторое время велъ борьбу изъ-за престола съ братьями; побѣдивъ ихъ, великодушно простилъ. Онъ отличался мягкостью и, вступивъ на престолъ, отворилъ двери всѣхъ тюремъ. Ему нерѣдко приходилось усмирять сильныя волненія въ своихъ африканскихъ владѣніяхъ. Укрѣпивъ свою власть въ Африкѣ, Ю. въ 1169 г. совершилъ походъ въ Испанію, гдѣ завладѣлъ всей Андалузіей, разбилъ христіанъ и отнялъ владѣнія у мусульманскаго эмира Валенсіи (1172). Ю. построилъ въ Севильѣ пышную мечеть, водопроводъ, великолѣпные дворцы, набережныя и другія величественныя сооруженія. Послѣ 6-лѣтняго пребыванія въ Испаніи Ю. вернулся въ Африку, гдѣ возникли волненія. Усмиривъ ихъ, въ 1184 г. Ю. совершаетъ походъ въ Португалію, гдѣ и погибаетъ, застигнутый врасплохъ португальцами. Ю. отличался любовью къ наукамъ и искусствамъ. 3) Юсуфъ III, Аль-Мунтасаръ (Абу-Якубъ), халифъ марокскій изъ династіи Альмогадовъ, правнукъ Юсуфа II. Еще несовершеннолѣтнимъ наслѣдовалъ престолъ отца (1213). Его малолѣтство и неспособность подготовили паденіе династіи Альмогадовъ, могущество которой было уже подорвано въ неудачной битвѣ при Толозѣ (1212). Все свое царствованіе Ю. провелъ въ пустыхъ забавахъ, окруженный наложницами и евнухами; управленіе государствомъ перешло въ руки его родственниковъ и придворной олигархіи. Умеръ въ 1224 г., 21 года отъ роду. 4) Юсуфъ IV, Аль-Насеръ (Абу-Якубъ), марокскій императоръ (изъ династіи Меринидовъ, свергнувшей Альмогадовъ); вступилъ на престолъ въ 1286 г. Заключивъ миръ съ Мохамедомъ II гренадскимъ, онъ уступилъ ему всѣ владѣнія свои въ Испаніи, за исключеніемъ южн. городовъ (Тарифы, Кадикса и др.), помирился съ Кастиліей и занялся умиротвореніемъ африканскихъ владѣній. Въ 1291 г. вернулся въ Испанію и нѣсколько лѣтъ велъ упорную, но безрезультатную войну съ христіанами. Вернувшись около 1296 г. въ Африку, онъ вскорѣ былъ признанъ сюзереномъ Алжира, Туниса, Гренады и принималъ посольства изъ отдаленнаго Египта и Аравіи. Вскорѣ онъ сталъ терпѣть военныя неудачи, потерялъ въ битвахъ двухъ сыновей и заперся отъ горя во дворцѣ, гдѣ и былъ зарѣзанъ своимъ евнухомъ (въ 1307 г.).—См. Aschbach, «Geschichte Spaniens und Portugals zur Zeit der Herrschaft der Almoraviden und Almohaden» (Франкф., 1833—37); R. Dozy, «Histoire des Musulmans d'Espagne» (Лейд., 1861); Aug. Müller, «Der Islam im Morgen-und Abendland» (Берл., 1885 и слѣд.; есть и рус. перев., изд. Пантелѣева).

Юсуфъ (Youssouf, † 1866)—франц. генералъ, игравшій важную роль при завоеваніи Алжира. Захваченный гдѣ-то, еще въ дѣтствѣ, африканскими пиратами, онъ ничего не помнилъ о своемъ происхожденіи. Состоя при дворѣ тунисскаго бея, Ю. сначала пользовался его расположеніемъ, но потомъ чѣмъ-то его прогнѣвалъ, спасся бѣгствомъ и поступилъ на франц. службу. Впослѣдствіи, командуя спагами (см.), отличился во многихъ дѣлахъ и вообще, хорошо зная туземцевъ Алжира, оказывалъ важныя услуги франц. правительству. Особенно выдался онъ своею дѣятельностью въ экспедиціяхъ 1832 и 1836 гг. Въ 1845 г. онъ принялъ христіанство. Написалъ «La guerre d' Afrique» (1850).

Юсуфъ (Абу-Геджидъ)—король Гренады, изъ династіи Назеридовъ (1333—1354). Отличался любовью къ наукѣ, искусствамъ и литературѣ. Заключивъ выгодный миръ на 4 года

съ Кастиліей, Ю. занялся реформой законодательства въ своемъ государствѣ; заботился объ искорененіи злоупотребленій. Съ 1340 г., въ союзѣ съ марокскимъ халифомъ Абуль-Гасаномъ, велъ 4 года войну съ королями Кастиліи и Португаліи, но неудачно: мусульмане были разбиты на сушѣ и на морѣ. Альфонсъ Кастильскій и Ю. заключили на 10 лѣтъ миръ, но въ слѣдующемъ году онъ былъ нарушенъ Альфонсомъ, который, пользуясь безпорядками въ Мавританіи, хотѣлъ изгнать арабовъ изъ Испаніи и осадилъ Гибралтаръ, но умеръ отъ чумы во время осады (1350). Великодушный Ю. оплакивалъ смерть противника и не препятствовалъ кастильцамъ перевести торжественно его тѣло. Ю. былъ убитъ въ мечети въ праздникъ байрама (1354), всего 38 лѣтъ отъ роду. Извѣстенъ какъ законодатель, покровитель наукъ художествъ и литературы; былъ однимъ изъ лучшихъ королей Гренады, реформировалъ систему образованія, заботился объ улучшеніи нравовъ. Онъ отличался гуманностью: запретилъ войскамъ во время войны убивать женщинъ, дѣтей, старцевъ и духовныхъ, если они не съ оружіемъ въ рукахъ; тѣла казненныхъ велѣлъ обмывать и хоронить, какъ и остальныхъ мусульманъ. Украсилъ Гренаду многими красивыми зданіями; его примѣру слѣдовали вельможи, такъ что, по словамъ арабскаго писателя, во времена Ю. Гренада напоминала «серебряную чашу, наполненную гіацинтами и изумрудами».

Юсуфъ - бенъ - Абдельрахманъ (al Fehri)—арабскій намѣстникъ, изъ племени Корейшитовъ, изъ котораго происходилъ Магометъ. Управляя Испаніей съ 747 г. отъ имени Омейядовъ, онъ ввелъ порядокъ въ управленіе, раздѣлилъ арабскія владѣнія въ Испаніи на провинціи, поправилъ дороги и мосты, смѣстилъ несправедливыхъ и жестокихъ чиновниковъ. Своей снисходительностью къ роднымъ и друзьямъ создалъ партію недовольныхъ, но онъ быстро одолѣлъ враговъ. Въ это время династія Омейядовъ была свергнута и истреблена Аббассидами (755), и въ живыхъ остался одинъ принцъ Абдельрахманъ, вскорѣ признанный государемъ всей южной Испаніей. Ю. упорно противился его власти и погибъ въ борьбѣ (759).

Юсуфъ-Балкинъ (Абулъ-Фета) — основатель африканской династіи Зеиритовъ въ X в. Отомстилъ за смерть своего отца Зейри-бенъ-Мунада племени зенатовъ, побѣдивъ ихъ (971 г.) съ помощью халифа Музъ-лединъ-Аллаха, завоевалъ Баскару, Бафру, Мессису и др., расширилъ свои владѣнія до Барки и Сахары. Всѣмъ плѣнникамъ-зенатамъ Ю. даровалъ свободу и возвратилъ имущество, чѣмъ тронулъ халифа Музъ-ледина; послѣдній, отправляясь въ Египетъ, передалъ ему въ наслѣдственный ленъ всю сѣв.-западную Африку, за исключеніемъ Барки и Триполи. Доблести и таланты Ю. не спасли Африку отъ анархіи. Пользуясь этимъ, испанскіе Омейяды снова пытались подчинить сѣв. Африку, такъ что одно время во власти Ю. оставались лишь нын. Тунисъ и Алжиръ. Ю. не переставалъ бороться съ Омейядами до самой своей смерти (984).

Юсъ (Іюсъ), *Бѣлый* и *Черный* — двѣ составныя части р. Чулыма (Енисейской губ.), см. XXXIX, 37.

Юсъ - палангъ (Cynailurus jubatus) — азіатскій гепардъ, см. Гепардъ.

Юсы—буквы въ славянской, какъ кирилловской, такъ и глаголической азбукѣ, обозначающія носовые гласные звуки. Это такъ называемые юсъ большой Ѫ и юсъ малый Ѧ, юсъ большой іотованный Ѭ и юсъ малый іотованный Ѩ. Иногда такъ называются и самые звуки, обозначаемые этими буквами. Изъ памятниковъ русскаго письма или русской редакціи (извода) Ю. систематически правильно употребляются только въ Остромировомъ Евангеліи; въ памятникахъ болѣе новыхъ, какъ на новомъ церковно-славянскомъ, такъ и на древне-русскомъ, эти буквы, не имѣющія въ русскомъ языкѣ соотвѣтствующаго звука, ставятся вмѣсто простого *я* или ꙗ, при чемъ чаще употребляется юсъ большой, чѣмъ малый.

Ютландія (нѣмецк. Jütland, датск. Jylland)—материковая часть Даніи, занимающая сѣв. часть Кимврскаго полу-ова и ограниченная на З. Нѣмецкимъ моремъ (для Германіи оно Nordsee, для Даніи—Westsee), на С—Скагерракомъ, на В—Каттегатомъ и на Ю — Шлезвигъ - Голштиніей. Вмѣстѣ съ островами Гиртсгольмъ, Лаэйö, Ангольтъ, Гьельмъ, Тунö и Энделавэ въ Каттегатѣ, Фанö и Манö въ Нѣмецкомъ морѣ Ю. занимаетъ площадь въ 25265 кв. км., съ 1061904 жителями (1901). Въ серединѣ Ю. въ направленіи къ В пересѣкается цѣпью низкихъ возвышенностей, достигающей лишь 172 м. въ своей высочайшей вершинѣ Эйерсбавнехёй (Eiersbavnehöj). На восточной сторонѣ мѣстность—холмистая, а на западной—плоская равнина и вдоль берега обрамлена дюнами. Поверхность въ восточной части изрѣзана по берегамъ глубокими заливами (фьордами), чрезвычайно плодородна и украшена густыми зарослями чернолѣсья, тогда какъ въ центрѣ находится много пастбищъ, среди которыхъ встрѣчаются и хорошо обработанныя пространства, а въ равнинахъ западной части растетъ только верескъ да хвойное дерево. Самая сѣверная часть Ю., оканчивающаяся песчанымъ мысомъ Скагеномъ, превратилась въ островъ вслѣдствіе прорыва узкой полосы земли, которая на западной сторонѣ отдѣляла отъ Нѣмецкаго моря глубоко врѣзавшійся въ сушу заливъ Лимъфьордъ. Самая значительная рѣка въ Ю.—Гуденъ-Аа (Guden-Aa). Геологію, климатъ, міръ растительный и животный и т. д. см. Данія. Въ древнѣйшія времена въ Ю. обитали Кимвры. Въ первомъ тысячелѣтіи по Р. Хр. страна была занята ютами (см.).

Ютрехтъ (Адріанъ van Utrecht. 1599—1652)—фламандск. живописецъ, ученикъ Гармена Нейта въ Антверпенѣ, гдѣ въ 1625 г. былъ принятъ мастеромъ въ гильдію художниковъ. Подражая Фр. Снейдеру, изображалъ плоды, овощи, битую дичь и живыхъ живот-

ныхъ, въ особенности индѣйскихъ птицъ. Благодаря вѣрной передачѣ натуры и свѣжести красокъ въ своихъ картинахъ, пользовался извѣстностью и имѣлъ много заказовъ не только у себя на родинѣ, но и во Франціи, Германіи и Италіи во время поѣздокъ своихъ въ эти страны. Поэтому его произведенія встрѣчаются довольно часто. Они имѣются въ Имп. Эрмитажѣ («Фрукты»), въ Дрезденской, Антверпенской, Гентской, Кассельской, Брауншвейгской, Амстердамской и др. галлереяхъ.

Юттеваль (Іоахимъ Uttewael, Wttewael, 1566—1638)—голландскій историч. живописецъ, учился въ Утрехтѣ, сперва у своего отца, Антониса Ю., а потомъ у Іоса де-Бэра. Оставивъ мастерскую послѣдняго, отправился въ Италію, познакомился въ Падуѣ съ епископомъ С.-Мало, поѣхалъ вмѣстѣ съ нимъ во Францію, провелъ у него два года въ Бретани и, возвратившись въ Утрехтъ, работалъ тамъ до конца своей жизни. Подражалъ Г. Гольціусу и стилю Микеланджело. Наиболѣе извѣстныя его картины — «Христосъ благословляетъ дѣтей» (въ Имп. Эрмитажѣ), «Поклоненіе пастырей» и «Діана и Актеонъ» (въ вѣнск. музеѣ), «Парнасъ» (въ дрезденск. галл.), «Бракъ Пелея и Θетиды» (въ мюнхенск. пинакотекѣ), «Пиръ боговъ» (въ брауншвейгск. галл.), «Судъ Париса» (въ стокгольмск. муз.), «Проповѣдь Іоанна Крестителя въ пустынѣ» (въ копенгагенск. муз.), «Марсъ, Венера и Вулканъ» (въ гагск. галл.) и «Встрѣча Давида съ Авигеей» (въ амстердамскомъ музеѣ).

Ютунги—германская народность, относимая одними къ аллеманамъ, другими къ готамъ. Они обитали по берегамъ Дуная и принимали участіе въ войнахъ III и IV стол. При Авреліанѣ они вторглись въ Италію, но были отражены.

Ютурна (Juturna) — нимфа источника, почитавшаяся ремесленниками и имѣвшая въ Римѣ водоемъ (Iacus Juturnae), близъ храма Весты. Въ концѣ первой пунической войны Квинтъ Лютацій Катулъ построилъ въ честь Ю. на Марсовомъ полѣ храмъ. Въ поэтическомъ преданіи Ю. считалась сестрою царя рутуловъ Турна, женою Януса (по др. Юпитера), матерью Фонта, что указываетъ на латинское происхожденіе культа нимфы, имѣвшей свой источникъ близъ р. Нумиція. Первоначальное имя ея было Diuturna: производство имени Ю. отъ глагола iuvare (помогать) ошибочно, хотя Ю. призывалась какъ помощница въ болѣзняхъ и при пожарахъ. *Н. О.*

Ютъ — кормовая часть верхней палубы корабля позади бизань-мачты, а на 2-хъ мачтовыхъ судахъ—позади гротъ-мачты. Иногда часть Ю. покрыта настилкой (палубой) и въ этомъ случаѣ называется *полуютомъ*.

Юты—сѣверо-германское племя, населявшее сѣверную часть полуострова, который по ихъ имени и теперь называется Ютландіей. Съ V в. послѣ Р. Хр. часть ютовъ стала выселяться на Британскіе острова, вмѣстѣ съ англами и саксами. См. Данія.

Юферовъ (Сергѣй Владиміровичъ) — русскій композиторъ. Родился въ 1865 г. въ Одессѣ. Музыкальное образованіе получилъ подъ руководствомъ Кленовскаго. Ю.—авторъ оперъ: «Мирра», «Іоланда», «Антоній и Клеопатра», былины для соло, хора и оркестра «Илья Муромецъ», симфоническихъ, фортепіанныхъ и вокальныхъ сочиненій. Опера «Іоланда» была поставлена въ Петербургѣ въ Панаевскомъ театрѣ въ 1893 г. *Н. С.*

Юферсы (юнферсы) — круглые деревянные блоки безъ шкивовъ, но съ 3 сквозными дырами; ввязываются въ нижніе концы вантъ. Такіе же Ю. укрѣплены на наружной грани площадки, придѣланной на высотѣ верхней палубы къ наружнымъ бортамъ судна (руслени), противъ каждой мачты. Эти Ю. окованы желѣзомъ, концы котораго пропущены чрезъ руслени и прикрѣплены къ бортамъ судна сквозными болтами; ихъ называютъ вант-путенсы. Между обоими рядами Ю. пропущены веревки (талрепы); посредствомъ ихъ ванты вытягиваются на-туго. Если ванты проволочныя, то вмѣсто Ю. ввязываютъ желѣзныя скобы, стягиваемыя винтами.

Юфтовая краска — син. фуксина (см. Каменноугольныя краски). Этимъ именемъ называются обыкновенно сорта фуксина, содержащіе большую или меньшую примѣсь фосфина.

Юфть, *юхта*, *русская кожа*— выдѣлывается изъ яловаго или коровьяго сырья и шкуръ годовалыхъ быковъ за исключеніемъ сырья телячьяго. Послѣ промывки и мездренія сырье подвергается золкѣ, промывкѣ, топтанію и разминанію въ толчеяхъ и барабанахъ, раздѣлкѣ, стружкѣ, отжиманію лица, бученію въ киселяхъ, заличкѣ въ слабомъ дубильномъ сокѣ и затѣмъ дубленію соковому и пересыпочному. Ю. бываетъ бѣлая, красная и черная. Для бѣлой Ю. отбираются лучшія кожи. По окончаніи дубленія бѣлая Ю. смазывается по бахтормѣ смѣсью березоваго дегтя и тюленьяго жира. Ю. красная приготовляется такъ же какъ и бѣлая, но по просушкѣ смазывается растворомъ квасцовъ и красится по лицу краснымъ сандаломъ. Ю. черная, послѣ дубленія, окрашивается солями желѣза въ черный цвѣтъ, а послѣ окраски кожи смазывается по бахтормѣ смѣсью березоваго дегтя съ тюленьимъ жиромъ (ворванью). Смазка повторяется, если приготовляется такъ называемая дегтярная Ю. Всѣ сорта Ю. подвергаются окончательной отдѣлкѣ для приданія ей вида, требуемаго торговлею и мѣстными потребителями. Отдѣлка состоитъ изъ цѣлаго ряда операцій, неоднократно повторяющихся: высушенныя кожи отволаживаются (смачиваются), проминаются на тупомъ бѣлкѣ, прострагиваются стругомъ, размягчаются (пушатся) на остромъ бѣлкѣ, прокатываются мерейными досками, для сообщенія лицу извѣстнаго рисунка, мереи, крупно или мелко шагреневой, полосатой, клѣтчатой, или же лицо отглаживается стекломъ или камнемъ если желаютъ его получить гладкимъ и глянцовитымъ. По окончаніи отдѣлки кожу жируютъ слегка тюленьимъ жиромъ или салом. Черный дегтярный товаръ смазывается по лицу смѣсью дегтя и жира. Бѣлая Ю. гладкая или мелко мерейная идетъ преимущественно

на обувь арміи, а также употребляется на патронныя сумки, чемоданы и для многихъ приложеній. Красная Ю. мерейная продается въ Азію и въ значительномъ количествѣ вывозится въ Западную Европу, гдѣ подъ названіемъ русской кожи весьма цѣнится иностранцами и перерабатывается въ разнообразнѣйшія мелкія издѣлія: портмоне, портсигары и т. п., которыми въ особенности славится городъ Вѣна. Черная Ю. отдѣлывается гладко или съ мереей и идетъ для сбруи, чемодановъ, экипажей и особенно много для народной мужской и женской обуви. Въ старину наиболѣе извѣстнымъ русскимъ кожевеннымъ товаромъ была Ю., которая вывозилась за границу и продавалась кипами (по 1—$1^1/_2$ пуда въ кипѣ). Въ половинѣ XVII столѣтія отпускалось за границу около 75000 кипъ Ю. Сбытъ за границу производился черезъ Холмогоры въ Архангельскъ. О производствѣ и вывозѣ Ю. см. Кожевенное производство (XV, 571), а также «Фабрично-заводская промышленность и торговли Россіи», изданіе дпт. торговли и мануфактуръ (СПб. 1893).

Юфть—единицы для хлѣба и мѣховъ. А) Актомъ 1624 г. велѣно собрать за хлѣбъ деньгами за четь ржи, да за четь овса по двадцати по три алтына по 2 денги за Ю.; слѣдовательно, Ю. составлялась изъ четверти ржи и четверти овса. Она упомянута въ актахъ 1666, 1673, 1696 гг., но въ послѣднемъ показана равноцѣнною четверти. Въ послѣдній разъ Ю. упомянута въ актѣ 1740 г., гдѣ выведена справка о состоявшихъ въ 1698 г. въ приказахъ дьякахъ и подъячихъ. Б) Въ актѣ 1648 г. встрѣчается выраженіе: «четыре юфти бобровъ», но составъ этихъ юфтей угадать трудно. Ю.—не пара-ли?

Юхновскій резервный **баталіонъ**—сформированъ въ 1811 г., подъ названіемъ Смоленскій внутренній гарнизонный полубаталіонъ. Нынѣшнее названіе получилъ въ 1891 г.

Юхновъ—уѣздн. гор. Смоленской губ., въ 124 вер. къ В отъ губ. гор., на Моск.-Варш. шоссе, на обоихъ берегахъ р. Кунавы, при впаденіи ея въ р. Угру. Главная и лучшая часть города расположена на лѣв. берегу р. Кунавы, меньшая, носящая названіе Солдатской слободы—на правомъ. Въ полуверстѣ отъ занимаемаго нынѣ городомъ мѣста стоялъ въ концѣ XVI ст. мужской Казанскій монастырь, разоренный поляками; въ 1653 г. возобновлена была монастырская церковь. При учрежденіи въ 1776 г. Смоленскаго намѣстничества находившаяся у монастыря слобода была причислена къ Рупасовскому у., а въ слѣдующемъ году присутственныя мѣста перенесены были изъ Рупасова въ подмонастырскую слободу, переименованную въ гор. Ю. Въ 1796 г. Ю. сдѣланъ уѣзднымъ городомъ Смоленской губ. Съ проведеніемъ въ 1850-хъ гг. Моск.-Варшавск. шоссе, городъ сталъ обстраиваться и заселяться, хотя и по настоящее время остается однимъ изъ незначительныхъ уѣздныхъ городовъ губерніи. Въ 1902 г. въ Ю. имѣлось 85 камен. и 348 дерев. домовъ; жит. 3059 (1646 мжч., 1413 жнщ.); 1 камен. церковь, 2 дерев., 1 каменная часовня и Казанскій заштатный м-ръ.; магазиновъ и лавокъ 65, постоялыхъ домовъ 12, ренсковыхъ погребовъ 3, трактировъ 4, аптека 1, больницъ 2 на 34 кровати; женск. прогимназія, двухклассное город. муж. учил., школа грамоты, дѣтскій пріютъ; народная библіотека. Городскіе доходы 8691 руб., расходы 7745 руб.; запасный капиталъ города—10039 руб. Городъ владѣетъ 2 деревянными домами, 2 водяными мельницами, 12 лавками и 218 дес. земли. Торговаго и промышленнаго значенія Юхновъ не имѣетъ; мѣстные купцы скупаютъ преимущественно хлѣбъ, льняное сѣмя, пеньку, сырыя кожи, а также занимаются сплавомъ лѣса по р. Угрѣ въ р. Оку. Жители отчасти занимаются земледѣліемъ или на собственныхъ, или на арендуемыхъ земляхъ; въ послѣдніе годы начало развиваться садоводство. 5 незначительныхъ заводовъ, съ 13 рабоч. и съ производ. на 3100 р. 6 ярмарокъ, привозъ на которыя не превышаетъ 102000 р., а продажа—58000 р.; еженедѣльные базары.

Юхновскій уѣздъ — въ вост. части Смоленской губ.; сильно врѣзывается въ Калужскую губернію. Пространство 3593,8 кв. вер., или 374390 десятинъ. Поверхность представляетъ плоскую, мѣстами всхолмленную равнину, лежащую на высотѣ 800 фт. н. ур. м. Въ геологическомъ отношеніи Ю. уѣздъ принадлежитъ къ древнѣйшей формаціи горнаго известняка, залегающаго здѣсь неглубоко, обнаженія его часты какъ на возвышенностяхъ, такъ въ особенности по берегамъ г. Угры и прит. ея Ресы. Горный известнякъ имѣетъ мѣстами въ своихъ слояхъ щели, а мѣстами расколотъ вертикально, образуя глубокія ямы или воронкообразныя углубленія, въ которыя стекаетъ вода какъ дождевая, такъ и отъ таянія снѣговъ. Изъ этихъ воронкообразныхъ углубленій наиболѣе извѣстны находящіяся при дд. Ржавцѣ и Полянахъ, находящихся отъ уѣздн. гор. въ 42—45 вер. У д. Ржавцы имѣющаяся въ почвѣ воронка — 7 саж. въ поперечникѣ—книзу постепенно съуживаясь имѣетъ въ своемъ основаніи отверстіе не болѣе 1 фута, при засореніи ея—вода затопляетъ всю прилегающую долину на пространствѣ 30 кв. вер. Въ почвенномъ отношеніи Ю. уѣздъ дѣлится на два района: въ лежащемъ по лѣвую сторону р. Угры, до впаденія въ нее р. Вори, преобладаютъ — глина и суглинокъ; а въ мѣстахъ, лежащихъ по прав. берегу р. Угры и по лѣв. ея берегу къ Ю, за впаденіемъ въ нее р. Вори, преобладаютъ—песокъ и супесь; кромѣ того нѣкоторыя селенія имѣютъ илистую почву. Относительно характера почвы слѣдуетъ отмѣтить еще большое присутствіе валуновъ на поверхности полей, въ особенности въ вост. части уѣзда по теченію р. Угры. Въ Ю. уѣздѣ имѣются незначительныя залежи каменнаго угля у дд. Королевой и Ворошинки. Вся площадь уѣзда принадлежитъ къ Окской системѣ и главная р. Угра, входя изъ Ельнинскаго у., орошаетъ Ю. у. на протяженіи 125 вер. Угра, какъ рѣка сплавная, имѣетъ для населенія уѣзда большое значеніе. Изъ притоковъ ея наиболѣе значителенъ Воря, остальные какъ—Реса, Песочная, Волоста, Сигаса, Же-

жала и др. незначительны. Большихъ озеръ въ уѣздѣ нѣтъ, а небольшія встрѣчаются лишь въ долинѣ р. Угры. Болотъ мало, изъ нихъ наибольшія, на границѣ съ Вяземскимъ и Дорогобужскимъ уу., у большой дороги, занимаютъ 48 кв. вер., поросли сосновымъ лѣсомъ, а болота — тянущіяся отъ д. Трофимовой до границы Калужской губ. и лежащія по р. Пополтѣ и у д. Бородиной—поросли еловымъ лѣсомъ. Ю. уѣздъ принадлежитъ къ числу малолѣсныхъ; лѣсная площадь занимаетъ около 15% всего пространства у. и содержитъ 57638 дес., въ томъ числѣ крестьянскаго лѣса 4837 дес., казеннаго 204 дес., частныхъ лицъ 51870 дес., монастырскаго и городского 727 дес. Населенныхъ пунктовъ въ Ю. у. 728; крупныхъ селъ нѣтъ; селенія по лѣвую сторону р. Угры мельче лежащихъ по правую ея сторону; по плотности населенія въ 44,8 душъ на 1 кв. вер. уѣздъ принадлежитъ къ среднимъ въ губерніи. Въ 1902 г. въ Ю. уѣздѣ было 161111 жителей (71196 мжч. и 89915 жнщ.; на 100 мжч. приходится 126 жнщ.). 1 монастырь, 41 камен. и 14 дерев. церквей, 6 камен. и 25 дерев. часовенъ. Надѣльной земли числилось 188646 дес. (въ томъ числѣ удобной — 181312 дес.); у частныхъ владѣльцевъ 176501 дес., у церквей и монастыря 2723 дес., у казны 300 дес., земству принадлежало 328 дес., городу 500 дес. и частнымъ обществамъ 18 дес.; всего земли учтено 369016 дес. Крестьянскія владѣнія составляютъ 51,1% всей площади уѣзда. У крестьянъ было подъ пашнями 99297 дес., подъ усадьбами 8275 дес. и подъ прочими угодьями 71254 дес.; на душу въ среднемъ выводѣ приходится по 3,3 дес. 1680 дворовъ безземельныхъ. Земель, пріобрѣтенныхъ крестьянами путемъ покупки—32500 дес.; кромѣ того ими ежегодно арендуется до 65211 дес. Система полеводства у крестьянъ трехпольная, съ посѣвомъ въ озимомъ полѣ ржи, а въ яровомъ—овса, ячменя, картофеля, гречихи, льна и въ небольшомъ количествѣ гороха. Общій высѣвъ разнаго рода хлѣбовъ въ 1901 г. въ четвертяхъ:

	Ржи	Овса.	Ячменя.	Гречихи.	Остальныхъ яров. хлѣбовъ.	Картофеля
На земляхъ владѣльческихъ . .	4780	8825	680	495	625	3568
» » крестьянскихъ . .	52785	52638	6049	5601	8823	35320

По среднему 15-лѣтнему выводу урожай хлѣбовъ: ржи—самъ-3,1, овса—самъ-2,9, ячменя — самъ-3,4, гречихи — самъ-3,1, льна — самъ-3,8, конопли — самъ-3,3, картофеля — самъ-5,8. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ уѣзда крестьяне начинаютъ вводить въ сѣвооборотъ травосѣяніе (главнымъ образомъ клеверъ и тимофеевку) и въ большихъ размѣрахъ культуру картофеля. Въ 1902 г. имѣлось въ сельскихъ магазинахъ 34975 пд. озимаго и 62171 пд. ярового хлѣбовъ; кромѣ того, у сельскихъ обществъ было продовольственнаго капитала 1100 руб. Скотоводство мало развито; въ 1901 г. числилось рогатаго скота 39750 гол., овецъ — 72158, лошадей – 31846, свиней — 4162. Малая обезпеченность крестьянскаго населенія землedѣліемъ вызвала сильный отходъ на сторону; наибольшій отходъ — изъ юго-вост. и изъ центральной частей уѣзда; средній отходъ изъ всего уѣзда составляетъ 38% мужского населенія. Женскій отходъ меньше развитъ. Въ 1902 г. выдано было годовыхъ паспортовъ мжч. 6196, жнщ. 1208. Юхновцы идутъ далеко и на самыя тяжелыя работы; они извѣстны какъ отличные грабари, колодезники, мостовщики; ихъ можно встрѣтить на работахъ въ Архангельскѣ, на Кавказѣ и даже въ Сибири. Затѣмъ Ю. у. доставляетъ въ столицы дворниковъ и прислугу, извозчиковъ, фабричныхъ и заводскихъ рабочихъ, а въ Петербургѣ юхновцы, изъ Сосницкой вол., въ числѣ 200 чел., образовали 12 артелей перевозчиковъ и яличниковъ. Часть крестьянъ занимается зимою рубкой и возкой лѣса и сплавомъ его по р. Угрѣ, съ 15 пристаней которой въ 1902 г. сплавлено было 1440 плотовъ, при 2350 рабочихъ, на сумму въ 67400 р. Въ подспорье къ сельскому хозяйству крестьяне занимаются кустарными промыслами; кустарей насчитывается до 983 чел., занимаются преимущественно изготовленіемъ издѣлій изъ дерева—саней, телѣгъ, колесъ, дранокъ, боронъ, рамъ для маканія спичекъ, клещей, гребней, рѣшетъ; для сбыта послѣднихъ населеніе Воскресенской вол. отправляется за сотни верстъ. Кромѣ того существуютъ промыслы бондарный, столярный, дегтярный, кузнечный, слесарный, портняжій, овчинный, кожевенный, валяльный, шерсточесальный и красильный. Заводская промышленность ничтожна; въ уѣздѣ всего 50 заводовъ, носящихъ болѣе характеръ мелко-хозяйственнаго производства, съ 244 рабоч. и производствомъ на 71050 р.; наиболѣе дохода доставили 27 кирпичныхъ зав., при 64 рабоч., на сумму 14000 р., и 2 винокур. зав., съ 15 раб. и производствомъ на 10200 р.; кромѣ того въ уѣздѣ было 6 сыроваренъ, 5 круподерокъ, 2 маслобойни, 4 дегтярные, 1 оберточно-бумажный, 1 кордонный и 2 лѣсопильни. Ярмарокъ до 70; привозъ на нихъ товаровъ простирался до 148700 р., а продажа—до 68050 р.; большая часть ярмарокъ съ ничтожными оборотами. Сызрано-Вяземская желѣзная дорога пересѣкаетъ Ю. у. въ сѣв. его части, Моск.-Варш. шоссе—въ южн. части; остальныя дороги—почтовыя и проселочныя—содержатся въ исправности, но движеніе по нимъ ничтожно. Разнаго рода недоимокъ къ 1902 г. числилось за населеніемъ 110271 р. Въ 1901 г. на уѣздные земскіе расходы назначено 94425 р., въ томъ числѣ на народное образованіе — 22368 руб., на народное здравіе — 28586 р. 61 земское народное училищъ, въ которыхъ обучалось 4634 дѣтей, а въ остальныхъ училищахъ—4159 дѣтей. 4 больницы и 1 пріемный покой, земскихъ врачей 4, акушерокъ 4, фельдшерицъ 5, фельдшеровъ 10; уѣздъ раздѣленъ на 4 медицинскіе участка и 2 фельдшерскіе пункта. 9 богадѣленъ; изъ

нихъ 4 устроены на средства частныхъ лицъ, 4 церковно-приход. и 1 земская. Два сельско-хозяйственныя общества—Троицкое и Исаковское,—Климовское вольное пожарное общество и 2 сельскія пожарныя дружины.

Юховичи — мст. Витебской губ., Дриссенскаго у., при р. Сволнѣ; православн. церковь, евр. молитвенная школа.

Юхтрицъ (Фридрихъ von Uechtritz)—нѣмецкій писатель (1800—1875), юристъ по образованію и судья по профессіи, написалъ рядъ драмъ, изъ которыхъ наиболѣе выдается «Die Babylonier in Jerusalem» (1836). Другія его произведенія: «Trauerspiele» (1823); «Alexander u. Darius» (1827); «Das Ehrenschwert» (1827); «Rosamunde» (1833); «Ehrenspiegel des deutschen Volkes u. vermischte Gedichte» (1842); «Albrecht Holm» (1852—53); «Der Bruder der Braut» (1860); «Eleazar» (1867).

Юхть.—Въ актѣ 1690 г. сказано: «купить къ церковному каменному дѣлу... 5000 ступеннаго отборного доброго Мячковского каменю, въ длину аршина, въ ширину 8 и 9 вершковъ, толщина шти вершковъ, да 5000 юхтей доброго Мячковского аршинного и трехчетвертного каменя... а взять мнѣ... за ступенной камень за 100 по 3 рубля, а за юхотной за аршинной и трехчетвертной за Ю. по 2 рубли по 20 алтынъ».

Юхъ (Карлъ-Вильгельмъ Juch, 1774—1821)—врачъ; въ 1801 г. былъ профессоромъ медицины въ Альтдорфѣ, въ 1805 г. профессоръ діэтетики, химіи и естественной исторіи въ лицеѣ въ Мюнхенѣ, затѣмъ въ политехническомъ институтѣ въ Аугсбургѣ. Изъ его трудовъ назовемъ: «Europens vorzüglichere Bedürfnisse des Auslandes und deren Surrogate botanisch und chemisch betrachtet u. s. w.» (Нюрнбергъ, 1800); «Ideen zu einer Zoochemie, systematisch dargestellt» (Эрфуртъ, 1800); «Handbuch zu einer pharmaceutischen Botanik» (Нюрнбергъ, 1801—1804); «System d. Antiphlogistischen Chemie» (Нюрнбергъ, 1803) и др.

Юца — горная рч. Пятигорскаго отдѣла Терской области; вытекаетъ съ западной части хребта Джиналъ, недалеко отъ Кисловодска изъ родниковъ, находящихся въ глубокихъ, поросшихъ лѣсомъ балкахъ, далѣе течетъ по степной мѣстности и впадаетъ въ Подкумокъ, въ 3 вер. ниже Пятигорска.

Юцевичъ (Ludwik-Adam Jucewicz, 1810—1846)—польскій писатель, извѣстный также подъ псевдонимомъ Ludwik z Pokiewia (по мѣсту рожденія). Изучалъ богословіе и былъ съ 1837 г. капланомъ, но затѣмъ перешелъ въ православіе и съ 1844 г. былъ преподавателемъ исторіи и географіи. Своими сочиненіями и изданіями много содѣйствовалъ распространенію свѣдѣній о Литвѣ. Главныя изъ нихъ: «Pisma L. A. Jucewicza» (Вильна, 1834, выборъ изъ русской литературы); «Zdania i mysli» (выборъ изъ польской литературы съ литовскимъ переводомъ и съ обозрѣніемъ литовской литературы и языка, ib., 1837); «Przysłowia ludu litewskiego» (ib., 1840); «Rysy Żmudzi» (Варшава, 1840, сборникъ разсказовъ); Wspomnienia Żmudzi» (Вильна, 1840); «Piśnie litewskie, przekładania Ludwika z Pokiewia» (ib., 1844); «Litwa pod względem starożytnych zabytków, obyczajów i zwyczajów skreślona» (ib., 1846).

Юшковъ Рогъ (*Южковъ Рогъ*)—с. Кіевской губ., Таращанскаго у., въ 10 вер. къ ЮЗ отъ уѣздн. г., при верховьяхъ р. Нурца. Упоминается уже въ XVIII в. 3056 жителей; народн. училище. Вблизи 3 большихъ кургана (неизсл.); въ селѣ выкапывали предметы бронзоваго вѣка.

Юшковы—старинный русскій дворянскій родъ, ведущій свое начало отъ выѣхавшаго изъ Золотой Орды къ великому князю Дмитрію Ивановичу *Зеуша*, во св. крещеніи *Стефана*. Отъ старшаго его сына *Юрія* пошли *Юшковы*. Изъ нихъ болѣе извѣстны: *Иванъ Григорьевичъ Ю.*, воевода въ Бѣлевѣ и Перемышлѣ (1614—1621); *Гавріилъ Константиновичъ*, дворянинъ московскій, воевода курскій; *Пименъ Дементьевичъ*, дворянинъ московскій, воевода псковскій, сотенный голова въ Москвѣ и Можайскѣ, участникъ взятія Себежа (1632); *Михаилъ Назарьевичъ*, которому за московское осадное сидѣнье было пожаловано въ вотчину помѣстье Козельскаго уѣзда; онъ умеръ, принявъ схиму съ именемъ Моисея, въ 1647 г.; *Левъ Степановичъ*, стольникъ, дворянинъ московскій (1650—1677) и участникъ въ войнѣ съ Польшей; *Борисъ Гавриловичъ* (ум. въ 1717 г.), стольникъ, окольничій и бояринъ, дядька царевича Іоанна Алексѣевича, съ которымъ по женѣ Еленѣ Григорьевнѣ Козловской состоялъ въ родствѣ. *Ѳедоръ Дементьевичъ*, стольникъ патріарха Филарета Никитича, дворянинъ московскій, воевода въ г. Коломнѣ и строитель г. Алексѣевска (1676—1677). *Тимоѳей Борисовичъ*, стольникъ царицы Натальи Кирилловны, комнатный стольникъ царя Петра Алексѣевича (1676—1692), окольничій. Братья *Перфилій* и *Андрей Никифоровичи*, стольники и участники Азовскаго похода 1696 г. Братья *Никита* и *Степанъ Ѳедоровичи*, стольники, бывшіе «завоеводчиками» въ Крымскомъ походѣ 1687 г. *Алексѣй Васильевичъ*, стольникъ и ротмистръ 17-й роты стольниковъ въ Азовскомъ походѣ 1696 г. Сынъ его *Василій Алексѣевичъ* (1677—1726)), комнатный стольникъ царя Іоанна Алексѣевича и ближній стольникъ царицы Прасковіи Ѳедоровны. *Аѳанасій Никифоровичъ*, полковникъ, жена котораго Анна Ѳедоровна была любимицей императрицы Анны Іоанновны и имѣла большое вліяніе при дворѣ. *Иванъ Ивановичъ* (ум. въ 1781 г.), главный судья суднаго приказа (1753 г.), президентъ камеръ-коллегіи (1760), генералъ-полиціймейстеръ въ г. С.-Петербургѣ и московскій гражданскій губернаторъ. *Александръ Ивановичъ* (р. 1780 г.), генералъ-лейтенантъ. *Ѳедоръ Іосифовичъ* (ум. 1876), контръ-адмиралъ и адъютантъ вел. кн. Константина Николаевича. Родъ Ю. записанъ въ VI ч. род. кн. губ. Казанской, Калужской и Пензенской; гербъ внесенъ во вторую часть Общаго Гербовника.

Другой старинный дворянскій русскій родъ Ю. (вѣроятно вѣтвь предыдущаго) ведетъ свое начало, по оффиціальнымъ даннымъ, отъ *Михаила Назарьевича Ю.*, которому за

«московское осадное сидѣнье» было пожаловано царемъ Михаиломъ Θеодоровичемъ имѣніе Эсково въ Калужской губ.; записанъ въ VI ч. родосл. кн. Калужской губ. Есть еще нѣсколько дворянскихъ родовъ Ю. болѣе поздняго происхожденія. *В. Р—въ.*

Юшкюпъ—см. Ускюбъ.

Юшманъ—см. Юмшанъ.

Юэвелль (Юэлль, Вильямъ)—англ. ученый: см. Уэвель (XXXV, 136).

Юэль (Ніельсъ)—датскій адмиралъ (1629 1697). Подъ начальствомъ Тромпа и Рюйтера принималъ участіе въ битвахъ съ англичанами и съ пиратами въ Средиземномъ морѣ. Когда въ 1675 г. вспыхнула война со шведами, начальство надъ флотомъ было предоставлено Сивертсену, а послѣ его смерти — Юэлю, который завоевалъ въ 1676 г. о-въ Готландъ, затѣмъ вмѣстѣ съ голландцами и бранденбуржцами участвовалъ въ побѣдѣ при о-вѣ Эландѣ, подъ начальствомъ Тромпа (1 іюня), а въ слѣдующемъ году, руководя боемъ самостоятельно, одержалъ надъ шведами двѣ побѣды, при о-вѣ Мэнѣ и въ Кьогерской бухтѣ.

Ююба (Zizyphus Juss.)—родъ растеній изъ сем. крушинныхъ (Rhamnaceae). Кустарники, рѣже деревья, съ очередными, цѣльными, 3—5 нервными листьями, съ прилистниками, часто превращенными въ колючки. Цвѣтки въ пазушныхъ цимозныхъ зонтикахъ, мелкіе; чашелистиковъ, лепестковъ и тычинокъ по 5, рѣдко лепестки отсутствуютъ; дискъ плоскій. Завязь обыкновенно двугнѣздная. Плодъ—шаровидная или продолговатая костянка съ мясистымъ экзокарпомъ и 1—4 гнѣздной косточкой. Около 40 видовъ, распространенныхъ въ тропическихъ и субтропическихъ странахъ всего свѣта, особенно въ Азіи. Zizyphus vulgaris Lamk., грудныя ягоды, на Кавказѣ унаби, унабъ, урнаби, распространенъ на востокѣ Средиземноморской области до Китая, Японіи и Индіи, кромѣ того разводится въ южной Европѣ изъ-за плодовъ, изъ которыхъ приготовляется паста, употребляемая при катаррахъ груди. Z. Jujuba Lamk. (изъ Индіи и Китая) и Z. Lotus (L.) Willd. (на югѣ Средиземноморской области) также даютъ съѣдобные плоды. Послѣдній видъ считаютъ лотусовымъ деревомъ древнихъ, упоминаемымъ у Гомера. Изъ вѣтвей Z. Spina Christi (L.) Willd., растущаго въ Африкѣ, Аравіи, Персіи и до сѣверной Индіи, былъ сплетенъ, по преданію, терновый вѣнокъ Христа. *В. Тр.*

Я.

Я—тридцать третья буква русской азбуки, имѣющая двоякое звуковое значеніе. Въ началѣ, а также въ серединѣ и концѣ словъ послѣ гласныхъ звуковъ она обозначаетъ слогъ изъ согласнаго j и гласнаго *а* (подъ удареніемъ), или законныхъ его замѣнителей (въ неударенныхъ слогахъ): яма = *jáмă*, языкъ = *језык*, маякъ = *мăjáк*, заяцъ = *зájъц* (*ъ* здѣсь означаетъ очень краткій и неопредѣленный гласный звукъ), моя = *мăjá*, Зоя = *зójă* и т. д. Въ положеніи послѣ согласныхъ начертаніе *я*, кромѣ гласнаго *а* (подъ удареніемъ), или его законныхъ замѣнителей (въ неударенныхъ слогахъ), означаетъ еще и мягкость предшествующаго согласнаго: мясо = *м'áсă*, рябой = *р'ебój*, понялъ = *пóн'ъл* и т. д. Исключеніе составляютъ слоги *ча* и *ща* (литературное произношеніе: *ч'а*, *ш'ч'а*), въ которыхъ мягкость предшествующаго согласнаго не обозначается знакомъ гласнаго, такъ какъ въ литературномъ произношеніи *ч* всегда мягко и твердаго параллельнаго звука не имѣетъ. Особый знакъ гласнаго звука, который обозначалъ бы и мягкость предшествующаго согласнаго, въ данномъ случаѣ, такимъ образомъ, является излишнимъ, и потому сочетанія *ч'а* и *ш'ч'а* изображаются иначе, чѣмъ *м'а*, *л'а* и т. п. Гласный звукъ, изображаемый буквой *я*, соотвѣтствуетъ частью старославянскому носовому гласному ѧ, частью старослав. же ꙗ. Оба послѣднихъ звука имѣютъ различное происхожденіе. Первый (ѧ) можетъ восходить къ индоевроп. носовымъ «сонантамъ» m̥ и n̥ (*десять*, *память*), а второй—къ индоевроп. ē послѣ j (*земля*), индоевроп. ā (*моя*), ō (*яйцо*, ср. лат. ōvum). Какъ буква, *я* восходитъ къ старославянскому ѧ, начертаніе котораго, при установленіи въ началѣ XVIII в. такъ называемой гражданской азбуки, было въ извѣстномъ отношеніи приближено къ латинскому R (Я). Такимъ образомъ данная буква является однимъ изъ самыхъ юныхъ членовъ русскаго алфавита, чѣмъ и объясняется отсутствіе у ней цифрового значенія (славянское ѧ лишь иногда имѣло цифровое значеніе=900). *С. Б—чъ.*

Я (ego)—обозначаетъ сознаваемое каждымъ человѣкомъ единство собственнаго индивидуальнаго существованія. Такъ какъ въ этомъ единствѣ соединяется въ одно цѣлое все нами переживаемое, то обыкновенно слово «Я» служитъ для обозначенія неопредѣленной совокупности собственныхъ душевныхъ состояній, охватываемой памятью и воображеніемъ. Болѣе тонкій психологическій анализъ обнаруживаетъ въ сознаніи не только объединенную множественность состояній сознанія, но и *то, въ чемъ* эта множественность объединяется. Такимъ образомъ сущность сознанія «Я» состоитъ въ переживаніи душевныхъ состояній и дѣятельностей связанными съ нѣкоторымъ центральнымъ пунктомъ сознанія, который и обозначается словомъ «Я». Особенность «Я» по сравненію съ прочими элементами сознанія состоитъ, во-первыхъ, въ томъ, что именно съ нимъ человѣкъ вполнѣ отожествляетъ свою внутреннюю сущность, тогда какъ всѣ остальные элементы сознанія могутъ разсматриваться какъ нѣчто болѣе или менѣе внѣшнее и преходящее, и, во-2-хъ, въ нравственной отвѣтственности, которая относится именно къ «Я», а не къ какому-либо состоянію сознанія. «Я», какъ особый пунктъ сознанія, весьма трудно уловимо въ актѣ самонаблюденія, не смотря на несомнѣнную наличность въ сознаніи. Когда мы говоримъ: «я ощущаю», «я чувствую», «я думаю», «я дѣлаю усиліе», наше сознаніе бываетъ почти цѣликомъ заполнено содержаніемъ ощущенія, чувства, мысли или усилія, при чемъ «Я» остается въ тѣни, какъ простая скрытая въ глубинѣ сознанія точка. Не представляя никакого специфическаго качества, «Я» отчетливо сознается какъ источникъ дѣятельности. Такимъ образомъ *активность* можетъ быть признана единственнымъ внутренно сознаваемымъ содержаніемъ «Я». Однако, поскольку все содержаніе сознанія обусловливается отчасти активностью «Я», оно также не безъ основанія относится къ природѣ нашего «Я». «Я», въ связи со своими основными и характерными проявленіями, называется также *личностью*. Подъ *характеромъ* разумѣютъ обыкновенно сознательно самоопредѣлившуюся личность. Иногда термины личность и характеръ употребляются синонимически. Являясь несомнѣннымъ и почти никѣмъ не отрицаемымъ фактомъ душевной жизни, сознаніе «Я» представляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ важнѣйшую проблему психологіи и философіи. Сущность этой проблемы заключается въ правильномъ описаніи и истолкованіи факта сознанія «Я». «Я» можетъ быть понимаемо или какъ *реальное единство сознанія*, отличное отъ всѣхъ его элементовъ въ отдѣльности и совокупности, или только какъ *формальное единство*, состоящее въ извѣстной непрерывности и связности между психологическими или физіологическими элементами. Первый способъ разрѣшенія этой проблемы приводитъ къ онтологическому опредѣленію «Я», какъ особаго вида бытія, а также къ выясненію его причинной связи съ общей жизнью сознанія и внѣшнимъ міромъ. Второй способъ, отвергая онтологическое значеніе понятія «Я», сводитъ весь вопросъ къ изученію взаимоотношеній между состояніями сознанія и ихъ физіологической основой. Проблема «Я», какъ единства сознанія, возникла съ полною отчетливостью только въ новѣйшей философіи. Философы и психологи древности и даже новаго времени не отличали «Я» отъ души и совокупности ея состояній въ качествѣ особаго принципа. Это различеніе начинается только съ Канта. Впрочемъ, поскольку понятіе «Я» оказывается весьма близкимъ, а иногда даже совпадающимъ по содержанію съ понятіями субстанціи, монады, души, какъ единаго и простого начала,—проблему «Я» слѣдуетъ признать исторически весьма старой, трактовавшейся лишь въ иныхъ терминахъ. Чаще всего теоріи единства и субстанціальности души развивались для доказательства ея безсмертія или для опроверженія матеріалистическихъ взглядовъ. Въ древней философіи съ наибольшею силой и обстоятельностью отстаивалъ единство души Плотинъ, въ борьбѣ съ теоріями стоиковъ и атомистовъ. Аргументація Плотина и до сихъ поръ имѣетъ полное значеніе; всѣ доводы новѣйшаго спиритуализма представляютъ, въ сущности, ея развитіе и приспособленіе къ современнымъ научнымъ даннымъ. Воззрѣніе на душу, какъ на простую субстанцію, выразилось съ полною ясностью у блаженнаго Августина, а затѣмъ у раціоналистовъ Декарта и Лейбница и философовъ эпохи просвѣщенія (Вольфа, Мендельсона). Въ противовѣсъ этому воззрѣнію возникла феноменалистическая теорія Юма, признавшаго «Я» простою совокупностью переживаній. У Канта мыслящее «Я» опредѣляется какъ самое основное и первоначальное условіе всякаго опыта и познанія. Кантъ различаетъ объективное «Я» или *трансцендентальное единство апперцепціи*, представляющее дѣйствительное тожество и единство, отъ «Я» эмпирическаго или субъективнаго, даннаго намъ во внутреннемъ чувствѣ какъ нѣчто измѣнчивое во времени. Утверждая тожество «Я», какъ основного трансцендентальнаго принципа, Кантъ въ то же время рѣшительно отвергаетъ попытку раціональной психологіи вывести изъ тожества «Я» его простоту и субстанціальность. «Я» само никогда не можетъ стать объектомъ познанія въ силу того, что оно никогда не можетъ быть предметомъ созерцанія, къ которому только и приложимъ категоріальный синтезъ. Фихте ставитъ Я основнымъ понятіемъ какъ теоретической, такъ и практической философіи. Все бытіе распадается у Фихте на «Я» и «не-Я», при чемъ «не-Я», полагаемое дѣятельностью мыслящаго «Я», преодолѣвается практическимъ «Я,» стремящимся стать абсолютнымъ «Я». У русскаго философа Введенскаго утверждаемая Фихте коррелятивность «Я» и «не-Я» превращается въ особый законъ сознанія, по которому «Я безъ не-Я внутри сознанія пусто» («Опытъ построенія теоріи матеріи»). Гербартъ разъединяетъ понятія «Я» и субстанціальности души, признавая «Я» за простую точку пересѣченія находящихся въ сознаніи представленій. Въ новѣйшее время понятіе «Я», отожествляемое обыкновенно съ единствомъ

сознанія, становится краеугольнымъ камнемъ для построенія спиритуалистическаго міросозерцанія. Особенно много вниманія посвящаютъ этому понятію Лотце («Mikrokosmus», «Metaphisik») и Тейхмюллеръ («Neue Grundlegung der Psychologie und Logik», «Die Wirkliche und die scheinbare Welt»), а среди русскихъ—Лопатинъ («Вопросъ о реальномъ единствѣ сознанія» въ «Вопросахъ философіи и психологіи», кн. 49 и 50), Козловъ («Свое слово») и Аскольдовъ («Основныя проблемы теоріи познанія и онтологіи» и «Въ защиту чудеснаго», въ «Вопросахъ философіи и психологіи», кн. 70 и 71). Точно также и въ новѣйшей психологіи понятіе единства сознанія или «Я» начинаетъ пріобрѣтать все бо̀льшее значеніе. Вундтъ («Grundriss der Psychologie u. System der Philosophie») видитъ въ «Я» индивидуальное единство воли. Къ подобному же волюнтаристическому пониманію «Я», какъ единства стремленій, склоняется Лосскій («Основныя ученія психологіи»). Однако, въ большинствѣ случаевъ психологи ограничиваются эмпирической стороной вопроса и, устанавливая и описывая единство сознанія, какъ фактъ, оставляютъ неразрѣшенной онтологическую проблему единства сознанія (Брентано, Липпсъ, Геффдингъ, Циглеръ). Гартманъ не безъ основанія отмѣчаетъ, что «большинство психологовъ не можетъ разрѣшить этой проблемы изъ-за отсутствія онтологическаго монизма и отвращенія отъ всякаго соприкосновенія съ метафизикой». Между основаніями, приводящими къ признанію «Я» какъ реальнаго единства сознанія, первое мѣсто принадлежитъ непосредственно переживаемому каждымъ человѣкомъ единству всей душевной жизни, сознаваемому какъ «Я». Однако, это основаніе само по себѣ не даетъ еще права придавать понятію «Я» какое-либо реальное значеніе. Факту сознанія «Я» всегда можетъ быть противопоставлено предположеніе, что сознаваемое какъ простое единство въ дѣйствительности можетъ быть множественностью неразличимыхъ для сознанія элементовъ, подобно тому, какъ сознаніе простоты звукового тона не мѣшаетъ ему въ дѣйствительности заключать множество обертоновъ. Кромѣ того сознаніе «Я», какъ безкачественнаго пункта, весьма неясно и неуловимо и можетъ быть признано своего рода иллюзіей. Подобнаго рода сомнѣнія устраняются лишь если обратить вниманіе на сущность и взаимоотношеніе происходящихъ въ сознаніи процессовъ. Такіе процессы, какъ воспріятіе, воспоминаніе, сужденіе, волевое рѣшеніе, были бы совершенно невозможны безъ реальнаго единства сознанія. Каждый такой процессъ представляетъ не просто внѣшнее соединеніе или соприкосновеніе болѣе элементарныхъ процессовъ и состояній (ощущеній, представленій, понятій), но ихъ внутреннюю связь и единство. Только благодаря этому единству разнообразіе зрительныхъ, осязательныхъ и др. ощущеній можетъ восприниматься *какъ одинъ предметъ*. Всѣ элементы нашего опыта, хотя бы и смежные въ пространствѣ и времени, сами по себѣ абсолютно чужды другъ другу и ничего не говорятъ про свою смежность, сходство или взаимозависимость. Смежность или наличность многообразныхъ качествъ можетъ быть воспринята только тѣмъ, что, оставаясь единымъ, включаетъ въ себѣ все это многообразіе. Вообще всякое соотношеніе частей и элементовъ не можетъ быть усмотрѣно самими этими частями или элементами. Необходимость признанія единства съ особенною ясностью обнаруживается въ актахъ разумной и нравственной координаціи элементовъ душевной жизни, т. е. въ процессахъ мысли и нравственнаго самоопредѣленія. Въ этихъ случаяхъ вся связь элементовъ основана на логической и нравственной *оцѣнкѣ* и *сопоставленіи*. Очевидно, что эта функція не можетъ быть приписана отдѣльнымъ элементамъ, изъ которыхъ каждый имѣетъ въ себѣ только свое собственное содержаніе и не можетъ какъ-либо вникать въ содержаніе остальныхъ элементовъ. Такая координація и оцѣнка не можетъ быть приписана и ихъ общей совокупности, такъ какъ и взятые вмѣстѣ, всѣ элементы включаютъ каждый *порознь* только свое собственное содержаніе. Всѣ эти содержанія могутъ быть сопоставлены и охвачены чѣмъ-то однимъ, оцѣнивающимъ сущность каждаго и не теряющимъ при этомъ своего единства. Это *одно* и открывается нашему сознанію въ нашемъ «Я». Единство «Я» совершенно не допускаетъ физіологическаго или вообще матеріалистическаго истолкованія. Въ матеріалистическомъ объясненіи все сводится къ различнымъ связямъ и соотношеніямъ матеріальныхъ частей и элементовъ (нервныхъ клѣтокъ, молекулъ, атомовъ) или къ соотношенію различныхъ силъ и энергій. Но все это не даетъ никакой почвы для реальнаго объединенія многаго: всѣ эти клѣтки, атомы, силы и энергіи представляютъ сами по себѣ еще болѣе сепаратную множественность, чѣмъ элементы сознанія. Всѣ ихъ соотношенія и связи сводятся къ двумъ основнымъ: *«рядомъ»* и *«послѣ»*; но эти связи реально не объединяютъ того, что расположено одно послѣ другого. Песчинки, находящіяся въ одной кучѣ песку, не менѣе чужды другъ другу, какъ и разсыпанныя на огромномъ пространствѣ. То же можно сказать и про элементы человѣческаго тѣла, въ какихъ бы сложныхъ пространственно-временныхъ отношеніяхъ они ни находились. Вообще по отношенію къ матеріальной дѣйствительности понятіе реальнаго единства приложимо только къ простымъ элементамъ, разсматриваемымъ въ отдѣльности, все же сложное обладаетъ лишь внѣшнимъ формальнымъ единствомъ, подобнымъ единству кучи песку или собраннаго часового механизма. *Но въ это единство привносится человѣческимъ созерцаніемъ и мышленіемъ*, реальное же единство состоитъ въ фактическомъ нахожденіи множества въ единой проникающей это множество сущности. Именно такое единство и предполагается всѣми процессами человѣческаго сознанія. Разъ оно логически выводится изъ общей связи душевной жизни, то и фактъ сознанія «Я», какъ единства этой жизни, полу-

чаетъ всю силу непосредственно даннаго этимъ единствомъ. Самымъ распространеннымъ аргументомъ противъ единства «Я» является указаніе на такъ называемое «раздвоеніе личности», «одержимость» и т. п. психозы. Этотъ аргументъ имѣетъ, однако, лишь внѣшнюю видимость возраженія. Что сознаніе представляетъ измѣнчивый и подчасъ прерывистый потокъ—это непреложная истина, не нуждающаяся для своего подтвержденія въ патологическихъ случаяхъ, факты же «раздвоенія личности» представляютъ лишь наиболѣе рѣзкіе примѣры измѣнчивости содержанія сознанія. Слѣдуетъ ли думать, что то «Я», которое называетъ себя сегодня королемъ, а завтра святымъ, въ силу его новыхъ воображаемыхъ или дѣйствительныхъ функцій и измѣнившейся самооцѣнки какъ-либо раздвоилось или превратилось въ другое «Я»? Для такого заключенія нѣтъ достаточныхъ основаній. Всякія рѣзкія деформаціи душевной жизни вполнѣ объясняются вліяніемъ новыхъ интенсивныхъ факторовъ, относящихся къ внѣшнему міру или къ процессамъ физіологическаго характера. Единство сознанія можетъ быть вполнѣ подавлено и подчинено, но и въ этомъ подчиненіи разнороднымъ вліяніямъ сохранять свою единую природу, безъ которой самое вліяніе разнородныхъ силъ не могло бы обнаружиться въ сознаніи. Точно также не служитъ аргументомъ противъ признанія реальности «Я» его трудная уловимость въ самонаблюденіи. Необходимо различать сознаніе «Я» и самонаблюденіе «Я». Несомнѣнно сознаваемое «Я» не оддается самонаблюденію вслѣдствіе простоты своей природы, обнаруживающейся въ активности, а главное—вслѣдствіе того, что оно же само является и дѣйствующимъ субъектомъ акта самонаблюденія. По существу своему наблюденіе есть актъ, направленный во внѣ. Мы легко наблюдаемъ особенности другихъ людей, не отдавая себѣ яснаго отчета въ своихъ собственныхъ качествахъ; рѣдко кто, пересчитывая собравшихся людей, не забудетъ сосчитать и самого себя. Но если въ «Я» мы имѣемъ самый глубокій и центральный пунктъ нашего существа и нашей активности, то вполнѣ понятно, что именно этотъ пунктъ не безъ труда можетъ быть сдѣланъ объектомъ наблюденія, т. е. своего собственнаго акта. Единство сознанія является реальностью sui generis, не подходящею подъ типъ дѣйствительности, понимаемой *феноменалистически*. Повидимому, это обстоятельство и заставляетъ современныхъ представителей психологіи подходить къ этому понятію съ большою осторожностью, такъ какъ оно грозитъ крушеніемъ наиболѣе установившимся воззрѣніямъ современности, пытающимся подвести душевную жизнь подъ феноменалистическую схему. Наиболѣе обычное для спиритуализма опредѣленіе «Я», какъ духовной субстанціи, въ настоящее время теряетъ свое значеніе въ виду недоразумѣній и споровъ, связанныхъ съ понятіемъ субстанціи. Вообще едва ли правильно опредѣлять «Я» черезъ посредство какого-либо другого онтологическаго понятія. Представляя изъ себя непосредственно сознаваемую реальность, «Я» само можетъ послужить основной онтологической категоріей для опредѣленія другихъ видовъ бытія.

Литература. Asmus, «Das Ich und das Ding-an-sich, Geschichte ihrer begrifflichen Entwicklung in der neuesten Philosophie» (1873); Lotze, «Mikrokosmus»; Лопатинъ, «Вопросъ о реальномъ единствѣ сознанія» («Вопр. филос. и псих.», кн. 49); Аскольдовъ, «Основныя проблемы теоріи познанія и онтологіи»; Ф. Гартманнъ, «Современная психологія» (переводъ подъ ред. Филиппова). *С. Алексѣевъ.*

Я—личность (психологическая). Наша духовная индивидуальность, или единство нашего «Я»—говоритъ Рибо,—есть сліяніе въ данный моментъ различныхъ состояній сознанія и многихъ безсознательныхъ физіологическихъ элементовъ. Личность есть, стало быть, координація, сочетаніе сознательнаго и біологическаго факторовъ. Точнѣе будетъ опредѣленіе личности, какъ внутренней организаціи духовнаго міра. Кромѣ отдѣльныхъ психическихъ явленій (ощущенія, мысли и т. п.), кромѣ обособленныхъ душевныхъ способностей (умъ, чувство, воля, память), нельзя не признать существованіе въ душѣ человѣка извѣстнаго строя. Онъ выражается прежде всего въ существованіи выработанныхъ и унаслѣдованныхъ группъ сознательныхъ реакцій, связанныхъ съ опредѣленными жизненными функціями. Таковы такъ назыв. инстинкты питанія, половой, самообороны и т. п. Инстинктъ свойственъ и животнымъ; его нельзя пріурочить ни къ одному изъ трехъ главныхъ отдѣловъ душевной жизни—уму, чувству или волѣ,—такъ какъ въ инстинктѣ содержатся всѣ эти три элемента. Инстинктъ есть въ одно и то же время и кристаллизованное знаніе, и вѣками выработанная манера ощущать, чувствовать и реагировать, т. е. дѣйствовать. Такъ назыв. инстинктъ есть своего рода микрокосмъ души, т. е. цѣлый душевный аппаратъ въ миніатюрѣ, организованное сочетаніе всѣхъ основныхъ душевныхъ силъ, но лишь въ формѣ безсознательной. Инстинкты представляютъ собою истинный прототипъ души, ея зародышевую форму. Какъ только какая-нибудь сторона душевной жизни человѣка достигаетъ такой степени зрѣлости и устойчивости, что принимаетъ почти неподвижную форму и, при помощи соотвѣтствующаго приспособленія къ нервной организаціи, передается въ видѣ предрасположенія отъ родителей къ дѣтямъ, мы имѣемъ дѣло съ инстинктомъ. Совокупность всѣхъ инстинктовъ, ихъ степень развитія, характеръ, вліяніе на психику составляютъ то, что называютъ темпераментомъ. Въ то же время этимъ терминомъ обозначаютъ также общій характеръ нервной функціи—чувствительность, подвижность, работоспособность, форму главныхъ движеній, какъ-то походки, почерка, голоса и пр. Таковъ первый этажъ или самый глубокій и основной слой нашей душевной организаціи, подпочвенный слой «личности». За нимъ, ступенью выше, слѣдуетъ характеръ, т. е. выработанныя и унаслѣдованныя привычки въ сферѣ мозговой или сознательной функціи.

Умственная или, вѣрнѣе, душевная дѣятельность также имѣетъ свои инстинкты, но не столь устойчивые и неподвижные, какъ простѣйшіе инстинкты. Душевная дѣятельность можетъ, однако, принять то или другое преобладающее направленіе. Съ полнымъ правомъ можно говорить о томъ или другомъ способѣ реагировать, чувствовать, о большей или меньшей психической энергіи и устойчивости; такъ назыв. характеръ для нашей психической жизни есть, поэтому, то, что темпераментъ и инстинктъ—для низшей безсознательной и нервной дѣятельности. Наконецъ, третьей и высшей ступенью духовной организаціи является построеніе «личности» или нашего сознательнаго «Я». Въ тѣсномъ смыслѣ личность представляетъ собою организованный синтезъ всего духовнаго личнаго матеріала, пріобрѣтеннаго индивидомъ въ теченіе его жизни посредствомъ воспитанія, опыта и труда. Въ болѣе широкомъ смыслѣ этимъ словомъ обозначаютъ все духовное богатство, которымъ обладаетъ данный индивидъ, какъ лично имъ пріобрѣтенное, такъ и тѣ свойства и дарованія, которыя онъ унаслѣдовалъ. Сверхъ того, въ составъ понятія о личности включаютъ еще и всѣ свойства нервно-психической организаціи, т. е. темпераментъ и характеръ. По Мейнерту, въ основѣ «первичной личности» лежитъ тѣлесное самоощущеніе, т. е. сводка и равнодѣйствующее, сознательное и полусознательное, всѣхъ ощущеній, получаемыхъ мозгомъ отъ всѣхъ уголковъ нашего тѣла, включая сюда и нервную ткань. Это «первичное Я», какъ называетъ его Мейнертъ, уже присущее ребенку, впослѣдствіи мало-по-малу обрастаетъ новымъ слоемъ представленій, относящихся къ предметамъ, лицамъ и явленіямъ, входящимъ въ сферу нравственныхъ и матеріальныхъ интересовъ выростающаго человѣка; образуется слой «вторичнаго Я». «Личность» можетъ быть всего ближе опредѣлена какъ духовное тѣлосложеніе, что обозначаетъ не только содержаніе, но и извѣстное строеніе и, главное, извѣстный родъ реакціи на окружающій міръ. Личность, т. е. духовная величина нашей индивидуальности, можетъ быть не только бóльшей или меньшей, но болѣе или менѣе энергичной, устойчивой; она можетъ и должна имѣть свой типъ реагированія на Божій міръ, можетъ быть пассивной или активной, оборонительной или агрессивной, можетъ оказывать бóльшее или меньшее регулирующее вліяніе на низшіе по іерархіи элементы — характеръ и темпераментъ, можетъ или преимущественно опредѣляться въ своей работѣ внѣшними стимулами, по типу психо-рефлексовъ, или наоборотъ, обнаруживать большую наклонность къ самостоятельной, автономной дѣятельности. Она можетъ обладать значительнымъ внутреннимъ сцѣпленіемъ или цѣльностію; тогда весьма трудно оторвать какое-нибудь сросшееся съ личностью представленіе или стремленіе. Она можетъ легко или трудно воспринимать новые элементы, видоизмѣняться и развиваться въ теченіе жизни, или же, разъ сформировавшись, остаться на всю жизнь неподвижной, окаменѣлой и т. д. Она можетъ достигнуть такого развитія и пріобрѣсти такое преобладающее значеніе въ духовной жизни человѣка, что всѣ отдѣльные акты умственной волевой работы будутъ носить на себѣ печать ея вліянія. Въ этомъ выводѣ, подтверждаемомъ наблюденіями, заключается самый существенный пунктъ ученія о личности. Личность, по мѣрѣ своего развитія, становится не только новымъ факторомъ наряду съ другими въ области душевной жизни, но стремится постепенно подчинить себѣ всѣ стороны послѣдней, больше всего область дѣйствій. Всего меньше личность въ состояніи видоизмѣнить область простѣйшихъ чувствъ и низшихъ инстинктовъ. Вниманіе, ассоціація идей и воля становятся подчиненными личности, отъ которой они получаютъ направленіе. Высшія формы чувствованій—этическія, эстетическія и интеллектуальныя—неразрывно связаны съ личностью. Само собою разумѣется, что въ качествѣ позднѣйшаго психическаго построенія личность достигаетъ замѣтнаго развитія далеко не у всѣхъ людей; она, сверхъ того, весьма неустойчива — во всѣхъ душевныхъ болѣзняхъ она рѣзко искажается или совершенно отступаетъ на задній планъ, какъ бы растворяется. Вмѣсто цѣльной личности на сцену выступаютъ тѣ составныя части и функціи души, которыя раньше были сплочены въ одно цѣлое. Въ сферѣ нашихъ дѣйствій или воли также обнаруживается вліяніе личности; если мы прослѣдимъ нить дѣяній правильно развитого человѣка, то мы будемъ иногда поражены внутренней связью этихъ поступковъ и ихъ однородностью. Такая однородность, при крайней сложности и индивидуальности отдѣльныхъ актовъ воли, говоритъ въ пользу существованія какого-то невидимаго общаго регулятора для волевой дѣятельности—и этимъ регуляторомъ можетъ быть только то «объединяющее» психо-физіологическое построеніе, которое мы имѣемъ въ «личности», стоящей внѣ и выше отдѣльныхъ психическихъ факторовъ. Съ самаго начала нашего бытія до конца жизни—говоритъ Н. И. Пироговъ,—всѣ органы и ткани приносятъ къ намъ и удерживаютъ въ насъ цѣлую массу ощущеній, получая впечатлѣнія то извнѣ, то изъ собственнаго своего существа. Эта вереница ощущеній, извнѣ и изнутри извѣстнымъ образомъ регулированныхъ, этотъ сводъ (ensemble) ощущеній и есть наше «Я». Сознаніе нашего «Я» приходитъ къ намъ безсознательно; мы до этого сознанія вовсе не додумываемся. Сознаніе бытія собственной личности не есть достояніе одной человѣческой натуры—оно обще намъ со всѣми животными; какъ бы животное могло защищать себя, отыскивать пищу, вести борьбу за существованіе, если бы въ немъ не было сознанія своей личности? Каждый человѣкъ легко можетъ представить себѣ себя самого какъ нѣчто существующее во внѣшнемъ мірѣ. Мы сознаемъ отдѣльные органы нашего тѣла, мы даже можемъ представить самихъ себя какъ внѣшній предметъ, обладающій извѣстными физическими свойствами. Зато намъ

гораздо труднѣе забыть хотя бы на мгновеніе о своемъ тѣлѣ, представить себѣ, что мы существуемъ какъ извѣстная духовная величина. А между тѣмъ то, что мы называемъ, напр., честью вѣдь основано на предположеніи, что есть нѣчто, находящееся не внѣ насъ, а гдѣ-то внутри насъ. Вѣдь не кость, не кожа можетъ быть задѣта обидой. Есть, стало быть, что-то незримое, которое насъ всюду сопровождаетъ. Это и есть такъ назыв. личность. Различіе между представленіями о нашемъ физическомъ тѣлосложеніи и о духовномъ мірѣ, т. е. о личности, отнюдь не такъ велико, какъ это кажется съ перваго взгляда. Когда мы говоримъ о тѣлосложеніи и физической организаціи, мы опираемся на наши субъективныя ощущенія и тѣ впечатлѣнія, которыя доступны не однимъ намъ, но и окружающимъ. О нашемъ ростѣ, фигурѣ, цвѣтѣ нашей кожи и т. п. могутъ судить и другіе люди. Поэтому наше сужденіе о нашемъ физическомъ тѣлосложеніи имѣетъ не только субъективный, но и объективный характеръ. Эта объективность имѣетъ, впрочемъ, лишь добавочное, провѣрочное значеніе. Въ основѣ нашего представленія о своемъ физическомъ «Я» лежитъ группа ощущеній, безъ которыхъ не могло бы въ насъ зародиться представленіе о своомъ тѣлѣ. Только благодаря тому, что мы видимъ свое тѣло, ощущаемъ свое сердцебіеніе, свое дыханіе, чувствуемъ отправленіе своихъ внутреннихъ органовъ, испытываемъ бодрость и усталость, жаръ и холодъ, сытость, голодъ и жажду и т. п., мы доходимъ до общаго самоощущенія и сознанія своего тѣла. Представленіе о своемъ тѣлѣ оказывается обоснованнымъ на самоощущеніи. Обращаясь къ нашему психическому самоощущенію, или личности, мы находимъ, что и оно имѣетъ своей основой сумму тѣлесныхъ ощущеній, доставляемыхъ намъ органами нашего тѣла; но главную роль здѣсь играетъ матеріалъ, доставляемый отправленіями нашей центральной нервной системы и мозга въ частности. Каждое изъ нашихъ тѣлесныхъ ощущеній въ то же время содержитъ въ себѣ и частицу психическаго самоощущенія. Видѣть себя, значитъ не только сознавать, что есть что-то видимое, но также, что существуетъ нѣчто видящее. Представленіе о нашей духовной личности, такъ же какъ и представленіе о нашемъ тѣлѣ, имѣетъ объективное существованіе; люди, говоря о комъ-либо, опредѣляютъ его не только какъ тѣлесный предметъ, но не колеблясь говорятъ о его психической натурѣ. Мы говоримъ столь же увѣренно о характерѣ человѣка, о его психическихъ особенностяхъ, какъ и о его носѣ и другихъ физическихъ его чертахъ. Мы такъ же ясно различаемъ духовную индивидуальность нашихъ ближнихъ, какъ и ихъ физическое тѣлосложеніе. Мы разсуждаемъ о духовныхъ типахъ литературы, не смотря на то, что передъ нами лишь продукты творчества; мы не сомнѣваемся, что этимъ выдуманнымъ типамъ соотвѣтствуютъ существующіе гдѣ-то живые люди. Какъ постоянство физическаго тѣла и тѣлосложенія подтверждается и для насъ самихъ, и для другихъ неизмѣнной правильностью нашихъ физическихъ отправленій и постоянствомъ свойствъ органовъ нашего тѣла, такъ точно и существованіе духовнаго тѣлосложенія доказывается и дѣлается очевиднымъ, для насъ и для окружающихъ насъ, благодаря единообразію и типичности въ общемъ теченіи и въ проявленіяхъ нашей духовной жизни. Человѣкъ, обладающій тонкими органами чувствъ, хорошей памятью, краснорѣчіемъ, чувствительностью, душевной энергіей, обнаруживаетъ и сегодня, и завтра всѣ эти качества, и мы увѣрены, что въ любой моментъ встрѣтимъ ихъ у него, какъ не сомнѣваемся, что голубые глаза нашего знакомаго будутъ и завтра такими же, какими мы ихъ видѣли сегодня. Когда мы называемъ человѣка вспыльчивымъ, эгоистомъ, злопамятнымъ, мы не сомнѣваемся, что свойства эти ему всегда присущи. Все это даетъ право смотрѣть на духовное тѣлосложеніе какъ на такое же объективное явленіе, какъ и физическое строеніе тѣла. Духовная личность есть та дѣйствующая армія нашего сознанія, которая принимаетъ участіе въ рѣшеніи важныхъ вопросовъ или задачъ нашей жизни, которая, стало быть, участвуетъ въ ежедневной битвѣ жизни. Физіологической основой личности служитъ объединенная группа всѣхъ тѣлесныхъ ощущеній, доставляемыхъ намъ нашими внутренними органами. Это такъ назыв. самоощущеніе или самочувствіе, которое служитъ для сознанія зеркаломъ, отражающимъ состояніе и ходъ работы отдѣльныхъ органовъ нашего тѣла и общій балансъ послѣдняго—итоги нашей растительной и нервной жизни. Тѣлесное или физическое самоощущеніе есть, слѣдовательно, не простая сумма ощущеній, получаемыхъ нашимъ сознаніемъ отъ различныхъ частей нашего тѣла, а организованное зданіе, построенное изъ этихъ послѣднихъ. Психіатръ называетъ это зданіе нашимъ первичнымъ «Я». Съ помощью высшихъ органовъ чувствъ—слуха и зрѣнія—это зданіе постепенно растетъ и расширяется, какъ бы обростаетъ пристройками, которыя состоятъ уже не изъ внутреннихъ тѣлесныхъ ощущеній, а изъ ощущеній, доставляемыхъ намъ внѣшнимъ міромъ: изъ образовъ и предметовъ, составляющихъ какъ бы постоянныхъ спутниковъ нашего тѣла. Эти близкіе намъ образы и предметы, сростаясь съ нашимъ тѣлеснымъ самоощущеніемъ, составляютъ второй слой — болѣе сознательный, т. е. болѣе объективный, уже по тому одному, что его матеріаломъ или содержаніемъ служатъ внѣшнія ощущенія, корни которыхъ лежатъ не въ насъ, а внѣ насъ, въ окружающей природѣ и средѣ. Близкіе намъ люди, природа, на лонѣ которой протекли первые годы нашей жизни, предметы, связанные съ личными событіями нашей жизни и т. п., — вотъ что входитъ въ составъ этого вторичнаго самосознанія или вторичной личности. Само собою разумѣется, что по строенію и содержанію личность можетъ сильно варьировать. Такъ, у нѣкоторыхъ субъектовъ въ составъ ихъ самосознанія входитъ, какъ весьма дѣятельный факторъ, ощущеніе ихъ тѣлесныхъ

свойствъ. Есть люди, которые никогда не могутъ забыть, что они богаты. Вѣроятно у нихъ и образы принадлежащихъ имъ предметовъ и ощущеній, связанные съ властью надъ тѣми предметами, входятъ какъ весьма устойчивый и дѣятельный факторъ въ составъ ихъ самочувствія.

Изъ этихъ немногихъ примѣровъ можно видѣть, какъ сложно можетъ быть содержаніе духовной личности. Содержаніе есть лишь сырой матеріалъ, изъ котораго построена личность. Этотъ матеріалъ укладывается въ сознаніи такъ, что устанавливается концентрическое наслоеніе слоевъ, гдѣ одни элементы содержанія занимаютъ болѣе отдаленное мѣсто. Такая организація нашей личности есть продуктъ культурнаго развитія; вотъ почему духовная личность въ настоящее время есть несомнѣнно результатъ исторіи, настолько, насколько темпераментъ есть результатъ прямого и косвеннаго воздѣйствія природы на человѣка.—Въ духовной личности слѣдуетъ различать силу ея отъ того направленія, куда она стремится. Въ отношеніи силы мы знаемъ, какъ громадны различія между людьми. При оцѣнкѣ значенія выдающихся современниковъ или историческаго лица обыкновенно руководствуются размѣромъ внутренняго содержанія этихъ лицъ и тѣмъ, насколько въ нихъ проявилась энергія ихъ духовной личности, т. е. насколько въ нихъ было сильно развито стремленіе поглотить и переварить массу духовнаго матеріала и слить его въ одно цѣлое. Нужно представить себѣ свою личность состоящею изъ двухъ слоевъ: изъ того, что тѣсно срослось съ нами физіологически, и изъ того, что находится въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ центра нашего самосознанія. Это эгоистическій и альтруистическій слои. Несомнѣнно доказано, что альтруистическій слой есть позднѣйшее наслоеніе въ нашей душевной жизни; онъ на нашихъ глазахъ еще разростается, хотя и до сихъ поръ не достигъ особенно высокаго развитія. Въ сильныхъ личностяхъ характерно необыкновенное сцѣпленіе этихъ двухъ слоевъ, ихъ полное сліяніе, при чемъ у однихъ эгоистическій слой подчиненъ альтруистическому, у большинства же, наоборотъ, первымъ поглощается послѣдній. У первобытнаго человѣка содержаніе его личности почти цѣликомъ состоитъ изъ однихъ инстинктовъ, ограждающихъ его личное существованіе. По мѣрѣ того, какъ человѣчество развивается духовно и культурно, сфера личности раздвигается; туда вростаютъ интересы семьи, рода, общины. Къ представленіямъ о настоящемъ прибавляются заботы о будущемъ, воспоминанія о прошломъ. Особенно туго и медленно подвигается развитіе нравственнаго чувства, т. е. симпатіи къ другимъ. Каннибализмъ, еще и нынѣ не исчезнувшій у многихъ дикихъ народовъ, указываетъ на такое душевное состояніе людей, когда страданія ближняго не находятъ себѣ никакого отклика въ душѣ каннибала, когда человѣкъ для человѣка—мертвая вещь, а не живое и близкое существо. Мало по малу въ душѣ человѣка растетъ и расширяется чувство состраданія, которое есть не что иное, какъ расширеніе чувства личной боли, личнаго страданія за окружающихъ. У многихъ представителей современныхъ передовыхъ народовъ процессъ просачиванія альтруистическихъ симпатій въ личность и расширенія личнаго страданія достигъ уже такихъ размѣровъ, что охватилъ даже животное царство и выражается въ отвращеніи къ убоинѣ, въ заботахъ о животныхъ. Въ этомъ расширеніи альтруизма и въ развитіи такъ назыв. нравственнаго чувства играетъ видную роль постепенное возрастаніе психической болевой чувствительности, т. е. способности человѣка испытывать боль не отъ однихъ только реальныхъ, тѣлесныхъ впечатлѣній, а также отъ представляемыхъ и даже воображаемыхъ, ожидаемыхъ и возможныхъ впечатлѣній. Величина этой психической чувствительности можетъ служить истиннымъ мѣриломъ степени развитія альтруизма въ личности. Ростъ личности идетъ еще и въ другомъ направленіи. Шагъ за шагомъ къ центральному умственному ядру личности прирастаютъ новыя наслоенія: религіозная эмоція, эстетическая, умственная, т. е. стремленіе къ познаванію, сопряженное съ умственной работой удовольствіе и всѣ высшія чувства красоты, благоговѣнія и правды. Различные элементы, входящіе въ составъ личности, обладаютъ неодинаковой энергіей и устойчивостью; чѣмъ старше по времени зарожденіе въ нашей душѣ какого либо элемента—идеи или чувства, тѣмъ прочнѣе они сидятъ въ нашей личности, тѣмъ больше ихъ вліяніе на всю психическую жизнь, тѣмъ болѣе противодѣйствія они въ состояніи оказать въ борьбѣ съ другими психическими силами. Наиболѣе молодыя пріобрѣтенія нашей личности—идеи, чувства и стремленія, недавно нами усвоенныя, — оказываются наименѣе прочными, мало связанными съ ядромъ нашего духовнаго «Я» и весьма легко уступающими противодѣйствію другихъ психическихъ мотивовъ и вліяній. Такимъ образомъ понятіе о личности распадается на синтетическое представленіе своего «Я» и на понятіе о внутренней психической организаціи, о какомъ-то механизмѣ, объемлющемъ и регулирующемъ всю психическую жизнь. Эти двѣ стороны понятія «Я» такъ же неразрывны, какъ анатомическія и физіологическія свойства нашего тѣла, но вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ слѣдуетъ различать одну отъ другой.—Значеніе «Я», какъ организующаго начала въ психикѣ, до сихъ поръ мало обращало на себя вниманіе психологовъ и психіатровъ, которые почти исключительно разрабатывали содержаніе «Я», т. е. его свойства, какъ синтетической группы представленій. Изъ физіологическихъ элементовъ, входящихъ въ составъ этой группы, особенно важное значеніе имѣютъ слѣдующіе: 1) волевые импульсы или двигательные образы, т. е. представленія нашихъ волевыхъ движеній. Безъ нихъ сознаніе нашей тѣлесной личности имѣло бы чисто пассивный характеръ и наша личность сознавалась бы нами какъ особаго рода тѣло. Благодаря участію двигательныхъ образовъ, сознаніе своего «Я» рѣзче обособляется отъ тѣлес-

чаетъ всю силу непосредственно даннаго этимъ единствомъ. Самымъ распространеннымъ аргументомъ противъ единства «Я» является указаніе на такъ называемое «раздвоеніе личности», «одержимость» и т. п. психозы. Этотъ аргументъ имѣетъ, однако, лишь внѣшнюю видимость возраженія. Что сознаніе представляетъ измѣнчивый и подчасъ прерывистый потокъ—это непреложная истина, не нуждающаяся для своего подтвержденія въ патологическихъ случаяхъ, факты же «раздвоенія личности» представляютъ лишь наиболѣе рѣзкіе примѣры измѣнчивости содержанія сознанія. Слѣдуетъ ли думать, что то «Я», которое называетъ себя сегодня королемъ, а завтра святымъ, въ силу его новыхъ воображаемыхъ или дѣйствительныхъ функцій и измѣнившейся самооцѣнки какъ-либо раздвоилось или превратилось въ другое «Я»? Для такого заключенія нѣтъ достаточныхъ основаній. Всякія рѣзкія деформаціи душевной жизни вполнѣ объясняются вліяніемъ новыхъ интенсивныхъ факторовъ, относящихся къ внѣшнему міру или къ процессамъ физіологическаго характера. Единство сознанія можетъ быть вполнѣ подавлено и подчинено, но и въ этомъ подчиненіи разнороднымъ вліяніямъ сохранять свою единую природу, безъ которой самое вліяніе разнородныхъ силъ не могло бы обнаружиться въ сознаніи. Точно также не служитъ аргументомъ противъ признанія реальности «Я» его трудная уловимость въ самонаблюденіи. Необходимо различать сознаніе «Я» и самонаблюденіе «Я». Несомнѣннос ознаваемое «Я» не оддается самонаблюденію вслѣдствіе простоты своей природы, обнаруживающейся въ активности, а главное—вслѣдствіе того, что оно же само является и дѣйствующимъ субъектомъ акта самонаблюденія. По существу своему наблюденіе есть актъ, направленный во внѣ. Мы легко наблюдаемъ особенности другихъ людей, не отдавая себѣ яснаго отчета въ своихъ собственныхъ качествахъ; рѣдко кто, пересчитывая собравшихся людей, не забудетъ сосчитать и самого себя. Но если въ «Я» мы имѣемъ самый глубокій и центральный пунктъ нашего существа и нашей активности, то вполнѣ понятно, что именно этотъ пунктъ не безъ труда можетъ быть сдѣланъ объектомъ наблюденія, т. е. своего собственнаго акта. Единство сознанія является реальностью sui generis, не подходящею подъ типъ дѣйствительности, понимаемой *феноменалистически*. Повидимому, это обстоятельство и заставляетъ современныхъ представителей психологіи подходить къ этому понятію съ большою осторожностью, такъ какъ оно грозитъ крушеніемъ наиболѣе установившимся воззрѣніямъ современности, пытающимся подвести душевную жизнь подъ феноменалистическую схему. Наиболѣе обычное для спиритуализма опредѣленіе «Я», какъ духовной субстанціи, въ настоящее время теряетъ свое значеніе въ виду недоразумѣній и споровъ, связанныхъ съ понятіемъ субстанціи. Вообще едва ли правильно опредѣлять «Я» черезъ посредство какого-либо другого онтологическаго понятія. Представляя изъ себя непосредственно сознаваемую реальность, «Я» само можетъ послужить основной онтологической категоріей для опредѣленія другихъ видовъ бытія.

Литература. Asmus, «Das Ich und das Ding-an-sich, Geschichte ihrer begrifflichen Entwicklung in der neuesten Philosophie» (1873); Lotze, «Mikrokosmus»; Лопатинъ, «Вопросъ о реальномъ единствѣ сознанія» («Вопр. филос. и псих.», кн. 49); Аскольдовъ, «Основныя проблемы теоріи познанія и онтологіи»; Ф. Гартманнъ, «Современная психологія» (переводъ подъ ред. Филиппова). *С. Алексѣевъ.*

Я—личность (психологическая). Наша духовная индивидуальность, или единство нашего «Я»—говоритъ Рибо,—есть сліяніе въ данный моментъ различныхъ состояній сознанія и многихъ безсознательныхъ физіологическихъ элементовъ. Личность есть, стало быть, координація, сочетаніе сознательнаго и біологическаго факторовъ. Точнѣе будетъ опредѣленіе личности, какъ внутренней организаціи духовнаго міра. Кромѣ отдѣльныхъ психическихъ явленій (ощущенія, мысли и т. п.), кромѣ обособленныхъ душевныхъ способностей (умъ, чувство, воля, память), нельзя не признать существованіе въ душѣ человѣка извѣстнаго строя. Онъ выражается прежде всего въ существованіи выработанныхъ и унаслѣдованныхъ группъ сознательныхъ реакцій, связанныхъ съ опредѣленными жизненными функціями. Таковы такъ назыв. инстинкты питанія, половой, самообороны и т. п. Инстинктъ свойственъ и животнымъ; его нельзя пріурочить ни къ одному изъ трехъ главныхъ отдѣловъ душевной жизни—уму, чувству или волѣ,—такъ какъ въ инстинктѣ содержатся всѣ эти три элемента. Инстинктъ есть въ одно и то же время и кристаллизованное знаніе, и вѣками выработанная манера ощущать, чувствовать и реагировать, т. е. дѣйствовать. Такъ назыв. инстинктъ есть своего рода микрокосмъ души, т. е. цѣлый душевный аппаратъ въ миніатюрѣ, организованное сочетаніе всѣхъ основныхъ душевныхъ силъ, но лишь въ формѣ безсознательной. Инстинкты представляютъ собою истинный прототипъ души, ея зародышевую форму. Какъ только какая-нибудь сторона душевной жизни человѣка достигаетъ такой степени зрѣлости и устойчивости, что принимаетъ почти неподвижную форму и, при помощи соотвѣтствующаго приспособленія къ нервной организаціи, передается въ видѣ предрасположенія отъ родителей къ дѣтямъ, мы имѣемъ дѣло съ инстинктомъ. Совокупность всѣхъ инстинктовъ, ихъ степень развитія, характеръ, вліяніе на психику составляютъ то, что называютъ темпераментомъ. Въ то же время этимъ терминомъ обозначаютъ также общій характеръ нервной функціи—чувствительность, подвижность, работоспособность, форму главныхъ движеній, какъ-то походки, почерка, голоса и пр. Таковъ первый этажъ или самый глубокій и основной слой нашей душевной организаціи, подпочвенный слой «личности». За нимъ, ступенью выше, слѣдуетъ характеръ, т. е. выработанныя и унаслѣдованныя привычки въ сферѣ мозговой или сознательной функціи.

вающее изъ безсознательной области психической жизни.

Болѣзненныя разстройства личности. Въ различныхъ патологическихъ состояніяхъ, какъ при нервныхъ, такъ и особенно при душевныхъ болѣзняхъ, наблюдаются разнообразныя разстройства и аномаліи въ проявленіи личности. Особенно богаты такими разстройствами состоянія истерическаго сомнамбулизма и искусственно вызваннаго гипноза. Одна изъ самыхъ характерныхъ особенностей гипнотическаго состоянія заключается въ томъ, что психическая индивидуальность лица, находящагося въ этомъ состояніи, какъ бы отсутствуетъ или, по крайней мѣрѣ, не обнаруживается. Лица различнаго возраста, пола, разныхъ ступеней духовнаго развитія реагируютъ подчасъ совершенно одинаково. Внушенные этимъ лицамъ образы, чувства и поступки осуществляются стереотипно, какъ бы совершенно не встрѣчая обычнаго сопротивленія и контроля со стороны ихъ психическаго «Я». Эта нивеллировка психической индивидуальности обращаетъ загипнотизированный субъектъ въ автоматъ, вполнѣ машинообразно реагирующій на насильственно внушенные образы. Въ состояніяхъ самогипноза или сомнамбулизма также отсутствуетъ или стушевывается нормальная, свойственная данному лицу психическая индивидуальность, и взамѣнъ ея всплываетъ личность другого состава и строенія. Когда такое новое психическое «Я» всплываетъ правильно, періодически у лица, страдающаго сомнамбулизмомъ, тогда получается какъ-бы двойственное психическое существованіе (double vue) или раздвоеніе личности. Находящееся въ состояніи сомнамбулизма лицо иногда въ теченіе нѣсколькихъ дней живетъ совершенно иной жизнью, чѣмъ обыкновенно, мыслитъ, чувствуетъ и дѣйствуетъ совершенно не такъ, какъ въ нормальное время. Въ такомъ состояніи сомнамбулъ не помнитъ ничего изъ своей нормальной жизни; зато каждый новый періодъ сомнамбулизма есть непрерывное продолженіе предыдущаго періода, какъ будто между обоими періодами имѣется непрерывающаяся связь. Это чередованіе даетъ право говорить о двойной жизни и о двухъ отдѣльныхъ психическихъ личностяхъ, помѣщающихся въ одномъ тѣлесномъ индивидѣ. Иногда наблюдаются не два, а три различнаго рода періода психической личности въ одномъ субъектѣ. Таковъ замѣчательный случай самопроизвольнаго сомнамбулизма, описанный Флурнуа въ его книгѣ: «Des Indes et la planète Mars». Особа, описанная въ этой книгѣ, въ теченіе 7 лѣтъ имѣла припадки сомнамбулизма, во время которыхъ бывала попеременно то индійской принцессой, то жительницей планеты Марсъ. Въ каждомъ изъ этихъ состояній она не только представляла другую психическую личность, но говорила и писала на другомъ языкѣ. У душевно больныхъ наблюдаются разнаго рода трансформаціи личности; нѣкоторые больные воображаютъ себя превращенными въ звѣрей. Средніе вѣка были особенно богаты такими эпидеміями психическихъ заболѣваній, въ которыхъ, подъ вліяніемъ суевѣрій и религіознаго фанатизма, больные бредили превращеніемъ въ вѣдьмъ, демоновъ, звѣрей и т. п.

Литература. Ribot, «Les maladies de la personnalité», Dr. Hack Tuke, «A dictionary of psychological medecine» (статья «Double conscience»); Мейнертъ, «Психіатрія»; Flournoy, «Des Indes à la planète Mars»; Fouillé, «Temperament et caractère»; Молль, «Гипнотизмъ»; Loewenfeld, «Somnambulisme und Spiritismus» (въ «Grenzfragen», т. I, вып. I); Paul Flechsig, «Localisation der geistigen Vorgänge etc.»; проф. Оршанскій, «Судебная психопатологія»; его же, «Темпераментъ» (журн. «Жизнь», 1899 г.). *И. Ор.*

Ябиру или *миктерія* (Mycteria senegalensis) — наиболѣе извѣстный изъ четырехъ видовъ исполинскихъ аистовъ, живущихъ въ тропическихъ странахъ обоихъ полушарій. Родъ исполинскихъ аистовъ (изъ сем. Ciconiidae, см. Аисты) отличается большимъ изогнутымъ кверху клювомъ, съ вогнутыми внутрь краями, очень высокими ногами, вполнѣ оперенной головой и прямымъ хвостомъ. Изъ маховыхъ перьевъ второе и третье—самыя длинныя. Я. живетъ въ южной и средней Африкѣ по берегамъ рѣкъ, озеръ и болотъ; держится парами и своимъ образомъ жизни напоминаетъ обыкновенныхъ аистовъ. Перья головы, шеи, хвоста и отчасти крыльевъ—черныя съ металическимъ блескомъ; опереніе остальныхъ частей тѣла—бѣлое; клювъ—красный съ черной поперечной полосой у средины; ноги красновато-сѣрыя. Яйца Я. похожи на яйца аистовъ, но значительно крупнѣе. Длина Я. до 146 стм. *Ю. В.*

Яблоко (pomum) — особый видъ плода-костянки, образованной изъ многогнѣздной многосѣмянной завязи, при чемъ внутриплодникъ сталъ тонкимъ и твердымъ, какъ пергаментъ или бумага, а внѣплодникъ и цвѣтоложе сильно разрослись, ставъ мясистыми, сочными и составляя большую часть плода (его съѣдобную часть). *С. Р.*

Яблоко царскаго чина или *держава*—см. Регаліи (XXVI, 445).

Яблоковъ (Андрей Поликарповичъ, род. въ 1854 г.)—дух. писатель, протоіерей въ Казани, воспитанникъ казанской духовной академіи; былъ руководителемъ казанскаго частнаго миссіонерскаго пріюта, гдѣ читалъ лекціи по обличенію мухаммеданства студентамъ академіи и воспитанникамъ старшихъ классовъ мѣстной дух. семинаріи. Главн. труды Я.: «О происхожденіи чина присоединенія мухаммеданъ къ православной христіанской вѣрѣ» («Правосл. Собесѣдникъ», 1881, I); «О почитаніи святыхъ въ исламѣ» (ib., 1883, III); «О сущности и характерѣ мухаммеданскаго богослуженія сравнительно съ христіанскимъ богослуженіемъ» (ib., 1887, I).

Яблонево (Яблунево) — мст. Полтавской губ., Лубенскаго у. на р. Оржицѣ, въ 36 в. отъ уѣздн. г. Три ярмарки. Жит. 1230.

Яблоневыя (Pomaceae)—семейство или по другимъ авторамъ подсемейство розанныхъ (Rosaceae) растеній. Это—деревья или кустарники; листья у нихъ большею частью простые, поперемѣнные; прилистники опадающіе.

гораздо труднѣе забыть хотя бы на мгновеніе о своемъ тѣлѣ, представить себѣ, что мы существуемъ какъ извѣстная духовная величина. А между тѣмъ то, что мы называемъ, напр., честью вѣдь основано на предположеніи, что есть нѣчто, находящееся не внѣ насъ, а гдѣ-то внутри насъ. Вѣдь не кость, не кожа можетъ быть задѣта обидой. Есть, стало быть, что-то незримое, которое насъ всюду сопровождаетъ. Это и есть такъ называемая личность. Различіе между представленіями о нашемъ физическомъ тѣлосложеніи и о духовномъ мірѣ, т. е. о личности, отнюдь не такъ велико, какъ это кажется съ перваго взгляда. Когда мы говоримъ о тѣлосложеніи и физической организаціи, мы опираемся на наши субъективныя ощущенія и тѣ впечатлѣнія, которыя доступны не однимъ намъ, но и окружающимъ. О нашемъ ростѣ, фигурѣ, цвѣтѣ нашей кожи и т. п. могутъ судить и другіе люди. Поэтому наше сужденіе о нашемъ физическомъ тѣлосложеніи имѣетъ не только субъективный, но и объективный характеръ. Эта объективность имѣетъ, впрочемъ, лишь добавочное, провѣрочное значеніе. Въ основѣ нашего представленія о своемъ физическомъ «Я» лежитъ группа ощущеній, безъ которыхъ не могло бы въ насъ зародиться представленіе о своемъ тѣлѣ. Только благодаря тому, что мы видимъ свое тѣло, ощущаемъ свое сердцебіеніе, свое дыханіе, чувствуемъ отправленіе своихъ внутреннихъ органовъ, испытываемъ бодрость и усталость, жаръ и холодъ, сытость, голодъ и жажду и т. п., мы доходимъ до общаго самоощущенія и сознаніе своего тѣла. Представленіе о своемъ тѣлѣ оказывается обоснованнымъ на самоощущеніи. Обращаясь къ нашему психическому самоощущенію, или личности, мы находимъ, что и оно имѣетъ своей основой сумму тѣлесныхъ ощущеній, доставляемыхъ намъ органами нашего тѣла; но главную роль здѣсь играетъ матеріалъ, доставляемый отправленіями нашей центральной нервной системы и мозга въ частности. Каждое изъ нашихъ тѣлесныхъ ощущеній въ то же время содержитъ въ себѣ и частицу психическаго самоощущенія. Видѣть себя, значитъ не только сознавать, что есть что-то видимое, но также, что существуетъ нѣчто видящее. Представленіе о нашей духовной личности, такъ же какъ и представленіе о нашемъ тѣлѣ, имѣетъ объективное существованіе; люди, говоря о комъ-либо, опредѣляютъ его не только какъ тѣлесный предметъ, но не колеблясь говорятъ о его психической натурѣ. Мы говоримъ столь же увѣренно о характерѣ человѣка, о его психическихъ особенностяхъ, какъ и о его носѣ и другихъ физическихъ его чертахъ. Мы такъ же ясно различаемъ духовную индивидуальность нашихъ ближнихъ, какъ и ихъ физическое тѣлосложеніе. Мы разсуждаемъ о духовныхъ типахъ литературы, не смотря на то, что передъ нами лишь продукты творчества; мы не сомнѣваемся, что этимъ выдуманнымъ типамъ соотвѣтствуютъ существующіе гдѣ-то живые люди. Какъ постоянство физическаго тѣла и тѣлосложенія подтверждается и для насъ самихъ, и для другихъ неизмѣнной правильностью нашихъ физическихъ отправленій и постоянствомъ свойствъ органовъ нашего тѣла, такъ точно и существованіе духовнаго тѣлосложенія доказывается и дѣлается очевиднымъ, для насъ и для окружающихъ насъ, благодаря единообразію и типичности въ общемъ теченіи и въ проявленіяхъ нашей духовной жизни. Человѣкъ, обладающій тонкими органами чувствъ, хорошей памятью, краснорѣчіемъ, чувствительностью, душевной энергіей, обнаруживаетъ и сегодня, и завтра всѣ эти качества, и мы увѣрены, что въ любой моментъ встрѣтимъ ихъ у него, какъ не сомнѣваемся, что голубые глаза нашего знакомаго будутъ и завтра такими же, какими мы ихъ видѣли сегодня. Когда мы называемъ человѣка вспыльчивымъ, эгоистомъ, злопамятнымъ, мы не сомнѣваемся, что свойства эти ему всегда присущи. Все это даетъ право смотрѣть на духовное тѣлосложеніе какъ на такое же объективное явленіе, какъ и физическое строеніе тѣла. Духовная личность есть та дѣйствующая армія нашего сознанія, которая принимаетъ участіе въ рѣшеніи важныхъ вопросовъ или задачъ нашей жизни, которая, стало быть, участвуетъ въ ежедневной битвѣ жизни. Физіологической основой личности служитъ объединенная группа всѣхъ тѣлесныхъ ощущеній, доставляемыхъ намъ нашими внутренними органами. Это такъ назыв. самоощущеніе или самочувствіе, которое служитъ для сознанія зеркаломъ, отражающимъ состояніе и ходъ работы отдѣльныхъ органовъ нашего тѣла и общій балансъ послѣдняго—итоги нашей растительной и нервной жизни. Тѣлесное или физическое самоощущеніе есть, слѣдовательно, не простая сумма ощущеній, получаемыхъ нашимъ сознаніемъ отъ различныхъ частей нашего тѣла, а организованное зданіе, построенное изъ этихъ послѣднихъ. Психіатръ называетъ это зданіе нашимъ первичнымъ «Я». Съ помощью высшихъ органовъ чувствъ—слуха и зрѣнія—это зданіе постепенно растетъ и расширяется, какъ бы обростаетъ пристройками, которыя состоятъ уже не изъ внутреннихъ тѣлесныхъ ощущеній, а изъ ощущеній, доставляемыхъ намъ внѣшнимъ міромъ: изъ образовъ и предметовъ, составляющихъ какъ бы постоянныхъ спутниковъ нашего тѣла. Эти близкіе намъ образы и предметы, сростаясь съ нашимъ тѣлеснымъ самоощущеніемъ, составляютъ второй слой — болѣе сознательный, т. е. болѣе объективный, уже по тому одному, что его матеріаломъ или содержаніемъ служатъ внѣшнія ощущенія, корни которыхъ лежатъ не въ насъ, а внѣ насъ, въ окружающей природѣ и средѣ. Близкіе намъ люди, природа, на лонѣ которой протекли первые годы нашей жизни, предметы, связанные съ личными событіями нашей жизни и т. п., — вотъ что входитъ въ составъ этого вторичнаго самосознанія или вторичной личности. Само собою разумѣется, что по строенію и содержанію личность можетъ сильно варьировать. Такъ, у нѣкоторыхъ субъектовъ въ составъ ихъ самосознанія входитъ, какъ весьма дѣятельный факторъ, ощущеніе ихъ тѣлесныхъ

казѣ и др. мѣстностяхъ. Паразиты (наѣздники и мухи) въ нѣкоторые годы уничтожаютъ значительныя количества гусеницъ и куколокъ Я. моли. Мѣры борьбы: 1) собираніе весной побурѣвшихъ молодыхъ листочковъ (въ которыхъ находятся гусеницы); 2) опрыскиваніе деревьевъ инсектисидами: парижской зеленью, бордосской жидкостью или растворомъ мышьяка при помощи аппарата Верморея и друг.; опрыскиваніе производится до или послѣ, а не во время цвѣтенія; 3) собираніе коконовъ руками или шестами съ развилкомъ на концѣ. См. Шрейнеръ, «Я. моль и мѣры борьбы съ нею» (изд. департам. земледѣлія, СПб., 1899). *М. Р.-К.*

Яблонная плодожорка (Corpocapsa pomonana)—см. Плодожорка и фиг. 19 на табл. II и фиг. 5 на табл. III къ ст. Бабочки.

Яблонная тля (Aphis mali) — насѣкомое изъ семейства тлей (Aphidae, см. Травяныя вши). Изъ зимующихъ яичекъ, отложенныхъ на корѣ молодыхъ вѣтвей яблонь, грушъ, айвы, боярышника и другихъ плодовыхъ деревьевъ, ранней весной вылупляются личинки самокъ, основательницъ колоній; взрослыя самки зеленаго цвѣта съ красноватой головой; усики бѣловатые, спинныя тру-

Вѣтки яблони, поврежденныя яблонной тлей (Aphis mali).

бочки и хвостикъ черные; длина около 2 мм. Самки эти рождаютъ партеногенетически 20—40 дѣтенышей; въ теченіе мая и іюня развивается нѣсколько поколѣній такихъ безкрылыхъ самокъ, живущихъ на нижней сторонѣ листьевъ и на молодыхъ побѣгахъ. Затѣмъ появляется крылатое поколѣніе самокъ чернаго цвѣта съ зеленымъ брюшкомъ; отъ крайнихъ особей происходятъ безкрылыя самки и крылатые или безкрылые самцы. Послѣ оплодотворенія самки откладываютъ зимующія яйца. Въ наибольшемъ количествѣ Я. тля встрѣчается въ іюнѣ и сентябрѣ. Я. тля распространена въ большей части Европы. Отъ ея сосанья листья яблонь свертываются, молодые побѣги чернѣютъ и растенія значительно страдаютъ при сильномъ размноженіи тли (въ особенности въ питомникахъ). Противъ нея, какъ и противъ другихъ тлей, рекомендуется опрыскиваніе деревьевъ различными эмульсіями (смѣси керосина съ мыломъ и водой) и парижской зеленью. *М. Р.-К.*

Яблонный долгоносикъ (Anthonomus pomorum)—см. Цвѣточники.

Яблонный или *Становой* **хребетъ** (XXI, 424)—въ Вост. Сибири. Буряты называютъ эти горы Яблени-Даба, русскіе передѣлали его въ Я.

Яблонова Большая (Яблоновъ)—с. Курской губ., Корочанскаго у., въ 13 в. къ СВ. отъ уѣздн. г. 7200 жит., 2 церкви. Въ XVII в. здѣсь было построено укрѣпленіе *Яблоновскій острогъ*, при раздѣленіи Россіи на губерніи въ 1708 г. преобразованное въ уѣздный городъ сначала Кіевской, а съ 1745 г.—Бѣлгородской губ.

Яблоновецъ—с. Тамбовской губ., Липецкаго у., при р. Матырѣ, въ 18 в. отъ ст. жел. дор. Избердей; жит. 4100, занимаются хлѣбопашествомъ.

Яблоновка (Яблуновка)—с. Полтавской губ., Пирятинскаго у., при р. Рудѣ, притокѣ Удая, въ 32 в. отъ уѣздн. г. 3 ярмарки, земск. школа. Жит. 3850.

Яблоновка (Яблуновка) — с. Кіевской губ., Звенигородскаго у., на р. Бужанкѣ, въ 25 вер. отъ уѣздн. города. 3070 жит., церк.-приход. учил., много вѣтряныхъ. мельницъ.

Яблоновка (Яблуновка) — с. Кіевской губ., Черкасскаго у., на р. Тясьминѣ, въ 4 вер. отъ м. Смѣлы и въ 3 в. отъ ст. жел. дор. 3046 жит. Народн. учил., маслобойный зав., много вѣтрян. мельницъ. Вблизи 5 группъ кургановъ (до 120, изслѣдованы 23) и треугольное городище, 410 саж. въ окружности; на поляхъ находятъ бронзовыя и неолитическія издѣлія.

Яблоновскій (Александръ Валеріанъ)—польскій историкъ. Род. въ 1829 г.; учился въ университетахъ кіевскомъ и дерптскомъ. Много путешествовалъ: посѣтилъ южно-славянскія земли, Турцію, Грецію, Италію, Малую Азію, Сирію, Палестину и Египетъ. Поселившись въ Варшавѣ, онъ вмѣстѣ съ проф. Павинскимъ задумалъ и сталъ приводить въ исполненіе громадное историческое предпріятіе—изданіе матеріаловъ по исторіи Рѣчи Посполитой. Въ этихъ «историческихъ источникахъ» (Źródła dziejowe) Я. помѣстилъ свои важнѣйшіе труды: «Starostwa ukrainne w pierwszej połowie XVII w.» (т. V), «Ziemia wołyńska w połowie XVI w.», Wołyń i Podole» (т. XIX), «Ukraina» (т. XX, XXI), «Ukraina. Kijow—Bracław» (т. XXII), «Ziemie ruskie—Ruś Czerwona» (т. XVIII). Къ 500 лѣтнему юбилею краковскаго университета Я. написалъ исторію кіевской акад. подъ загл. «Akademja kijowo-mohilańska, zarys historyczny na tle rozwoju ogólnego cywilizacji

zachodniej na Rusi». Я.—прекрасный знатокъ исторіи и географіи Юго-Западной Руси, изслѣдованію жизни которой и посвящена большая часть его трудовъ. *В. Н.*

Яблоновскій (Іосифъ Александръ Jablonowsky)—польскій поэтъ и ученый (1712 — 1773). Былъ воеводой въ Польшѣ; въ 1743 г. получилъ титулъ германскаго имперскаго князя. Въ 1768 г., при началѣ внутреннихъ неурядицъ, покинулъ родину и поселился въ Лейпцигѣ. Извѣстенъ какъ поэтъ, библіографъ, геральдикъ, историкъ и ораторъ. Главнѣйшія его сочиненія: «Musaeum Polonum seu collectio in Regno Pol. et M. D. Lith. scriptorum editorum et edendorum» (11 т., Львовъ, 1752); «L'empire des Sarmates» (Галле, 1742); «Heraldica» (Львовъ, 1742); «Rollina dziejopis Egiptyanow» (Люблинъ, 1743); «Astronomi ortus et processus et de systemato Copernicano» (1762). Онъ издалъ первую карту Польши, составленную Заноцiемъ, на 25 листахъ (Лондонъ, 1772). Въ 1765 г. назначилъ три преміи за лучшія работы на предложенныя имъ темы по польской исторіи, политической экономіи, физикѣ и математикѣ. Въ числѣ удостоенныхъ награды оказался Шлецеръ, написавшій изслѣдованіе о прибытіи Леха въ Польшу, въ которомъ доказывается, что самое существованіе Леха слѣдуетъ отнести къ области легендарныхъ вымысловъ; Я. такая точка зрѣнія показалась непозволительной ересью, и онъ написалъ противъ Шлецера книгу «Vindiciae Lechi et Czechi» (Лпц., 1770; нов. изд. 1775). Въ 1768 г. основалъ въ Лейпцигѣ научное общество—Societas Jablonoviana, которое существуетъ до сихъ поръ. Этому обществу онъ пожертвовалъ капиталъ на выдачу премій. Общество выпустило «Acta societatis Jablonovianae» (6 т., Лпц., 1772 — 73), «Nova acta societatis Jablonovianae» (9 т., Лпц., 1802—45) и собраніе премированныхъ работъ (29 т., Лпц., 1847—91).

Яблоновскій (Станиславъ Янъ) — извѣстный польскій полководецъ (1634 — 1702). Въ молодости онъ прошелъ хорошую военную школу, принимая участіе въ войнѣ со шведами подъ начальствомъ знаменитаго польскаго вождя Стефана Чарнецкаго. Когда въ 1655 г. шведы осадили Краковъ, Я. удалось спасти регаліи польскихъ королей отъ захвата врагами и такимъ образомъ помѣшать шведскому королю возложить на свою голову польскую корону. Въ 1667 г. Я. совершилъ вмѣстѣ съ Чарнецкимъ походъ противъ венгерскаго предводителя Ракочи и въ Данію. Войны съ казаками, татарами и турками доставили Я. большую военную славу и въ 1682 г. онъ получилъ достоинство великаго короннаго гетмана. Въ знаменитой битвѣ, спасшей Вѣну отъ турокъ въ 1683 г., онъ былъ однимъ изъ вождей, командовавшихъ польскими войсками. И позже Я. оказывалъ большія услуги своей родинѣ, защищая ее отъ татаръ и турокъ. Политическое вліяніе его въ Польшѣ было сильно; послѣ смерти короля Яна Собѣскаго поднимался даже вопросъ о возведеніи Я. на польскій престолъ. См. Jonsac, «Histoire de St. Jablonowski» (1774, I—IV; тоже по-польски «Życie St. Jabłonowskiego», 1-ое изд., Варшава 1789—1790, 2-ое изд. Познань, 1868). *В. Н.*

Яблоновскій (Янъ Станиславъ)—польскій писатель (1669—1731), сынъ знаменитаго полководца. Былъ вліятельнымъ магнатомъ; достигъ достоинства короннаго канцлера. Во время войны Карла XII съ Августомъ II Я. держалъ сначала сторону послѣдняго, но затѣмъ сдѣлался приверженцемъ своего племянника Станислава Лещинскаго, котораго шведскій король возвелъ на польскій престолъ. Августъ II приказалъ арестовать Я. и заключить въ крѣпость Кенигштейнъ. Освобожденный изъ заключенія, Я. оставилъ политическую дѣятельность и занялся литературою. Онъ понималъ, хотя и не глубоко, недостатки современной ему польской жизни и призывалъ своихъ соотечественниковъ исправиться. Мысли о необходимости реформъ онъ изложилъ въ сочиненіи: «Skrupuł bez skrupułu w Polszcze albo oświecenie grzechów narodowi naszemu polskiemu zwyczajniejszych a za grzechy nie mianych etc.» (1730). Тутъ онъ осуждалъ, между прочимъ, liberum veto, говоря, что изъ него произойдетъ когда нибудь vae (горе). Замѣчательны его мемуары, часть которыхъ напечатана (годы 1694—95, 1698—1700). Остальныя произведенія Я. имѣютъ значеніе только для его біографіи. См. Aug. Bielowski, «Jan St. Jabłonowski, wojewoda ruski i jego pamiętnik» («Bibl. Ossolińskich», poczet nowy t. I и отдѣльно, Львовъ, 1862, съ біографіею Я.); Wład. Chomętowski, «Dziennik J-go, część I, lata 1694—95» (Варш., 1865); Bartoszewicz, «J. S. Jabłonowski i jego dziełko etc.» («Dzieła J. Bartoszewicza», т. X); K. Jarochowski, «J. St. Jabłonowski i zatarg jego z królem Augustem II» («Opowiadania i studja historyczne», Варш., 1877). *В. Н.*

Яблоновый Врагъ—с. Николаевскаго уѣзда Самарской губ. 3020 жителей, которые кромѣ земледѣлія занимаются садоводствомъ; 50 яблочныхъ садовъ. Зем. школа.

Яблонскіе — русскій дворянскій родъ, ведущій свое происхожденіе отъ польскаго шляхтича *Петра Матвѣевича Я.*, пріѣхавшаго въ Москву въ 1580 г.; въ 1593 г. онъ попалъ въ плѣнъ къ туркамъ; въ 1621 г. убитъ въ бою. Родъ Я. записанъ въ VI ч. род. кн. губ. Воронежской, Орловской и Харьковской; гербъ внесенъ въ X часть Общаго Гербовника. Есть еще нѣсколько дворянскихъ родовъ того же имени. *В. Р—въ.*

Яблонскій (Болеславъ) — псевдонимъ популярнаго чешскаго поэта-патріота Карла Евгенія Тупого (см. XXXIV, 82).

Яблонскій (Карлъ-Густавъ Jablonsky, 1756—1787)—нѣмецкій натуралистъ; былъ секретаремъ прусской королевы въ Берлинѣ; начатыя имъ: «Natursystem aller bekannten inländischen und ausländishen Insecten, als Fortsetzung der Büffonschen Naturgeschichte» (1 ч., B.), «Käfer» (ib., 1783) «Schmetterlinge» (ib., 1783—1784) окончены Гербстомъ.

Яблонскій (Paul-Ernst Jablonski, 1693—1757)—кальвинскій богословъ и оріенталистъ. Многочисленные его труды, написанные по-латыни, касались богословскихъ и лингвистическихъ темъ. «Exercitatio historico-theologica de

Nestorianismo» (1724) имѣла цѣлью защитить кальвинизмъ отъ обвиненія въ сродствѣ съ несторіанствомъ и возбудила обширную полемику. Въ «Institutiones historiae christianae antiquioris» (1745) Я. изслѣдуетъ вопросы церковнаго права. Особенно цѣнны его работы по египтологіи: «Pantheon Aegyptiorum sive de di iseorum commentariius» (1750—2) и «Opuscula quibus lingua et antiquitates Aegyptiorum illustrantur» (1804). Оба труда не потеряли значенія (какъ сводъ матеріала) даже послѣ открытія Шампольона. *Б. Т.*

Яблоня (Pirus Malus L.) — дерево до 10 м. высотою, принадлежащее къ сем. яблоневыхъ (Pomaceae). Листья яйцевидные, городчато-пильчатые, сверху почти голые, снизу голые, пушистые или войлочные; черешокъ вдвое короче пластинки. Цвѣтки собраны небольшими зонтиками. Чашечка о 5 небольшихъ цѣльнокрайнихъ листкахъ; вѣнчикъ о 5 бѣлыхъ или розоватыхъ, ноготковыхъ лепесткахъ. Тычинокъ много. Пестики болѣе или менѣе сростаются между собою и образуютъ двухъ-пятигнѣздную многосѣмянную завязь; столбиковъ 2 — 5, сросшихся у основанія. Плодъ—ягода. *С. Р.*

Яблочинскій-Онуфріевскій мужской 1 класса **монастырь** — Сѣдлецкой губ., Бѣльскаго уѣзда, въ 40 вер. отъ Бѣлы. Существовалъ въ XVI стол., какъ объ этомъ упоминается въ грамотѣ короля Сигизмунда I въ 1522 г. Находясь среди враждебнаго католицизма, вводившаго повсемѣстно унію, монастырь постоянно оставался вѣрнымъ, не смотря на гоненія, православію. При м-рѣ двухклассное училище.

Яблочкина (Серафима Васильевна, † 1898 г.)—артистка московскаго Малаго театра. Выступала съ конца 1880-хъ гг. въ отвѣтственныхъ роляхъ, обнаруживая большой сценическій талантъ.

Яблочкова (Елизавета Никитишна, 1771 — 1843) — писательница. Жена Павла Михайловича Я., рожденная Бѣгичева, сестра Д. Н. Бѣгичева (см.). Писала много и скоро, комедіи, стихи, романы. Ея большой романъ «Шигоны», вышедшій въ 1831 г., относится къ первому времени послѣ принятія русскими христіанства. Въ немъ болѣе разсужденій объ истинахъ христіанства, чѣмъ дѣйствія.

Яблочкова свѣча—см. Яблочковъ.

Яблочковъ (Михаилъ Тихоновичъ) — писатель. Род. въ 1848 г.; окончилъ курсъ въ московскомъ университетѣ на юридическомъ факультетѣ. Былъ директоромъ народныхъ училищъ Тульской губерніи; состоитъ предсѣдателемъ Ефремовской уѣздной земской управы. Составилъ «Семейные списки дворянъ Тульской губерніи», помѣщенные въ дворянскомъ адресъ-календарѣ Шапошникова на 1898 г., и «Исторію дворянскаго сословія Тульской губерніи». Во время службы директоромъ заботился объ устройствѣ училищныхъ садовъ. Въ 1899 г. учредилъ въ своемъ имѣніи. с. Липягахъ Ефремовскаго у., школу садоводства для обученія ученыхъ садовниковъ.

Яблочковъ (Павелъ Николаевичъ) — рус. электротехникъ (1847—94), обучался въ саратовской гимназіи, а затѣмъ въ Николаевскомъ инженерномъ училищѣ. По окончаніи послѣдняго Я. поступилъ подпоручикомъ въ кіевскую саперную бригаду, но вскорѣ оставилъ военную службу и принялъ мѣсто начальника телеграфа на Московско-Курской жел. дорогѣ. Около этого времени Я. сильно заинтересовался электротехникою, завязалъ сношенія съ обществомъ любителей естествознанія въ Москвѣ. Въ 1874 г. онъ взялся освѣщать электрическимъ свѣтомъ путь Императорскому поѣзду и на дѣлѣ ознакомился съ неудобствами существовавшихъ въ то время регуляторовъ для вольтовой дуги. Въ 1875 г. Я. уѣхалъ въ Парижъ, гдѣ были произведены главныя работы Я. и сдѣланы всѣ его открытія. Первый вопросъ, который остроумно и просто разрѣшилъ Я., былъ вопросъ объ электрическомъ освѣщеніи. Не надѣясь, повидимому, на возможность построенія правильно дѣйствующаго механическаго регулятора вольтовой дуги, Я. рѣшилъ обойтись безъ него. Вмѣсто того, чтобы помѣщать угли дуги другъ надъ другомъ, онъ помѣстилъ ихъ рядомъ и раздѣлилъ слоемъ изолирующаго вещества —каолина, испарявшагося по мѣрѣ сгоранія углей. Это приспособленіе, нашедшее себѣ обширное примѣненіе и по сейчасъ еще не совсѣмъ исчезнувшее, получило названіе «свѣчи Яблочкова». Очень много пришлось поработать Я. надъ выборомъ подходящаго изолирующаго вещества и надъ методами полученія подходящихъ углей. Однако, уже въ 1876 г. свѣчи Я. появились въ продажѣ и начали расходиться въ громадномъ количествѣ. Онѣ получили, главнымъ образомъ, примѣненіе для уличнаго освѣщенія. Каждая свѣча стоила около 20 к. и горѣла $1^1/_2$ часа; по истеченіи этого времени приходилось вставлять въ фонарь новую свѣчу. Впослѣдствіи были придуманы фонари съ автоматической замѣной свѣчей.— Я. первый пытался мѣнять окраску электрическаго свѣта, прибавляя въ испаряющуюся перегородку между углями различныя металлическія соли. Свѣча Я. не могла, конечно, долго удержаться ввиду ея значительныхъ неудобствъ: недолговѣчности и пониженія свѣтящейся точки по мѣрѣ горѣнія. Но все же она явилась первой, позволившей примѣнить въ болѣе широкихъ размѣрахъ электрическое освѣщеніе на улицахъ, площадяхъ, въ театрахъ, магазинахъ и т. п. Въ томъ же 1876 году во французскомъ физическомъ Обществѣ былъ прочитанъ докладъ объ изобрѣтенномъ Я. электромагнитѣ съ плоской обмоткой, послѣ котораго онъ былъ избранъ членомъ этого общества. Съ свѣчей Я. тѣсно связаны его работы надъ распредѣленіемъ элекрической энергіи. До Я. былъ извѣстенъ лишь одинъ способъ включенія источниковъ свѣта въ цѣпь — способъ послѣдовательнаго включенія. Но онъ почти никогда не примѣнялся вслѣдствіе значительныхъ связанныхъ съ ними неудобствъ, и обыкновенно каждый источникъ свѣта питался отъ отдѣльной динамомашины. При такомъ способѣ включенія освѣщеніе, конечно, стоило непомѣрно дорого. Я. придумалъ схему включенія, напоминающую современное параллельное включеніе лампъ: одинъ полюсъ динамомашины присоединялся къ

Цвѣтокъ правильный, обоеполый; чашелистиковъ и лепестковъ по 5, тычинокъ много; плодолистиковъ 1—5, вполнѣ или отчасти сросшихся между собою; цвѣтоложе полое, мясистое, завязь нижняя, многогнѣздная. Плодъ—костянка (когда внутриплодникъ твердъ какъ кость) или яблоко (когда внутриплодникъ жесткій какъ бумага или пергаментъ). Въ каждомъ гнѣздѣ яблока находится по 2 сѣмяпочки, расположенныхъ въ одинъ рядъ, а у Cydonia нѣсколько сѣмяпочекъ въ два ряда. Плодъ—костянка содержитъ обычно одно сѣмя. Яблоневыя распадаются на двѣ группы: 1) внутриплодникъ твердый, какъ пергаментъ или бумага (Cydonia—айва, Pirus malus—яблоня, Pirus communis—груша, Sorbus—рябина и др.); 2) внутриплодникъ твердый какъ кость (Crataegus—боярышникъ, Mespilus—шишковникъ, Cotoneaseir—кизильникъ и др.). *С. Р.*

Яблонка—пос. Ломжинской губ., Мазовецкаго у., въ 10 в. отъ уѣздн. г., при жел. дорогѣ. Жит. 911.

Яблонная моль (Hyponomeuta malinella)—мелкая бабочка изъ семейства молей (Tineidae), сильно вредящая яблонямъ. Тѣло Я. моли бѣлаго цвѣта, съ бархатистымъ блескомъ. Усики нитевидные, закинутые въ спокойномъ состояніи назадъ; нижнегубныя щупальца выдаются впередъ. Переднія крылья бѣлыя, съ 18—20 черными точками, расположенными тремя неправильными продольными рядами; у вершины крыла эти 3 ряда соединены очень мелкими черными крапинками; заднія крылья съ обѣихъ сторонъ, такъ же какъ и переднія съ нижней стороны—пепельно-сѣрыя; длина около 20 мм. Я. моль встрѣчается въ Средней и Южной Европѣ. Бабочки начинають появляться въ первой половинѣ іюня и первые дни держатся обыкновенно въ травѣ, а затѣмъ днемъ сидятъ неподвижно на нижней сторонѣ листьевъ, а вечеромъ и ночью оживленно летаютъ. Самки откладываютъ яички преимущественно на 2—4 лѣтніе сучья яблонь, выбирая для этой цѣли кору съ гладкой поверхностью. Яички прикрыты желтой слизью (выдѣленіе придаточныхъ половыхъ железъ), образующей надъ кучкой яичекъ рядъ щитка, принимающаго впослѣдствіи сѣровато-бурый цвѣтъ; кучки эти продолговатой формы, 4—5 мм. въ діаметрѣ и заключаютъ 15—65 удлиненно-овальныхъ желтоватыхъ яичекъ. Черезъ $3^1/_2$—4 недѣли послѣ кладки вылупляются желтоватыя гусеницы съ темно-бурой головой, которыя остаются зимовать подъ щиткомъ, съѣдая хоріонъ яичекъ и подгрызая немного подъ собой кору. Весной гусеницы поселяются въ паренхимѣ молодыхъ листочковъ яблони, переходя изъ однихъ листочковъ въ другіе; при этомъ кожица листьевъ какъ сверху, такъ и снизу остается нетронутой. Пораженные листочки бурѣютъ, засыхая и опадая съ деревьевъ. Черезъ нѣкоторое время гусеницы выходятъ наружу, покрывая верхнюю сторону листьевъ паутинной тканью, подъ которой и живутъ обществами. Во второй половинѣ мая гусеницы поселяются на вершинахъ вѣтвей, устраивая большія гнѣзда изъ паутины; гнѣздо постепенно расширяется и захватываетъ все новые и новые листья, такъ что число гусеницъ въ гнѣздѣ можетъ доходить до 1000; иногда гусеницы окутываютъ все дерево сплошь паутиной. Взрослыя гусеницы, извѣстныя въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ подъ названіемъ майскаго червя, достигаютъ 1,8 стм. длины, грязновато-желтаго цвѣта съ черной головой и черными грудными ногами; на спинной сторонѣ находятся 2 продольныхъ ряда черныхъ пятенъ, рядомъ съ которыми находится по 2 черныхъ точки; такія же точки находятся съ боковыхъ сторонъ гусеницы. Передъ окукленіемъ (въ концѣ мая или началѣ іюня) гусеницы окукляются въ бѣлыхъ продолговатыхъ коконахъ, располагающихся группами (до нѣсколькихъ сотъ и даже 1500 штукъ) въ пазухахъ развѣтвленій яблони; куколки желтовато-краснаго цвѣта. При сильномъ размноженіи Я. моль можетъ наносить весьма значительный вредъ яблонямъ; сильно пострадавшія деревья совершенно не приносятъ плодовъ въ теченіе двухъ лѣтъ. Вредъ отъ Я. моли замѣчался въ Россіи въ среднемъ и нижнемъ Поволжьѣ (въ особенности въ Саратовской губ. въ 60-хъ годахъ прошлаго столѣтія и въ 1894—97 гг.), въ Курской губ., въ Области Войска Донскаго, на сѣверномъ Кав-

Листья яблони, поврежденные (a) молодыми гусеницами яблонной моли, минирующими листья.

Яблонная моль (Hyponomeuta malinella): *1*—сидящая бабочка, *2*—паутинное гнѣздо на яблони.

никовъ, Baeyer, Вальденъ). Извѣстны многочисленныя соли и эфиры какъ самой l. Я. кислоты, такъ и ея многочисленныхъ эфирокислотъ. Правая Я. кислота можетъ быть получена только искусственно, а именно: 1) возстановленіемъ HJ обыкновенной винной (см.) кислоты: $HO_2C \,.\, CH(OH) \,.\, CH(OH) \,.\, CO_2H + 2HJ = HO_2C \,.\, CH(OH) \,.\, CH_2 \,.\, CO_2H + H_2O + J_2$ (Dessaignes, «L. A.», *117*; Bremer, разъяснившій эту реакцію, неправильно назвалъ d. кислоту анти-яблочной кислотой; «Berl. Ber.», 8); 2) дѣйствіемъ NO.OH на d. аспарагинъ (Piutti, «Berl. Ber.», *19*), и 3) методомъ Вальдена, см. XXXI, *615*). По физическимъ свойствамъ является буквальнымъ повтореніемъ l. кислоты; тождество химическихъ превращеній a priori почти несомнѣнно, но не установлено опытами. Рацемическая Я. кислота (d.+l. кисл.) можетъ быть получена: 1) охлажденіемъ ниже 72° Ц. нагрѣтой смѣси воднымъ растворомъ кислыхъ амміачныхъ солей d. и l. яблочныхъ кислотъ (соль описана Pasteur'омъ; ея превращенія изучены F. B. Kenrick, «Berl. Ber.», *30* и J. H. van't Hoff съ H. M. Dawson, «Berl. Ber.», *31*); 2) изъ фумаровой (см.) кислоты нагрѣваніемъ ея съ водою до 150° — 200° Ц. (Jungfleisch, «Bul.», *30*; Skraup, «Monatsh.», *12*); 3) нагрѣваніемъ съ ѣдкимъ натромъ фумаровой кислоты (Loydl, «L. A.», *192*; Bremer, «Recueil etc.», *4*) или малеиновой кислоты (van't Hoff, «Berl. Ber.», *18*); 4) изъ монобромоянтарной кислоты при нагрѣваніи съ окисью серебра (Kekulé, «L. A.», 130), или при нагрѣваніи ея K соли съ водою (NaOH, Танатаръ, «Ж. Х. Общ.» [1891]); 5) изъ недѣятельной аспарагиновой кислоты при дѣйствіи NO.OH (Pasteur, «An. ch. phys.» [3], 34); 6) при возстановленіи HJ виноградной (см.) кислоты (Bremer, «Bul.», *25*); 7) изъ щавелевоуксуснаго эфира (см.) при возстановленіи въ кисломъ растворѣ амальгамой натрія (W. Wislicenus, «Berl. Ber.», *24* и *25*); 8) при омыленіи KOH нитрила, образующагося при дѣйствіи KCN на $Br \,.\, CH : CH \,.\, Br$ (Сабанѣевъ, «L. A.», 216) и 9) при дѣйствіи KOH на γ-трихлор-β-оксимасляную кислоту:

$$Cl_3C.CH(OH).CH_2.CO_2H + 3KOH = HO_2C.CH(OH).CH_2.CO_2H + 3KCl + H_2O$$

(Garzarolli-Thurnlackh, «Monatsh.», 12) Кристаллическое тѣло, не дѣйствующее въ растворахъ на поляризованный свѣтъ, плавится при 130°—131° Ц. (Scraup); она труднѣе растворима въ водѣ, чѣмъ оптически дѣятельная кислота и легче кристаллизуется. Описаны многочисленныя производныя. По химическимъ свойствамъ тождественна съ предыдущими. О кислотѣ Aберson'а см. «Berl. Ber.», *31*, 1434. Извѣстна въ видѣ сиропа; при нагрѣваніи большею частью перегоняется въ видѣ ангидрида (малида) и только въ незначительной степени распадается съ образованіемъ фумаровой и малеиновой кислоты (ср. Вальденъ, «Матеріалы къ изученію оптической изомеріи»). *А. И. Горбовъ.*

Яблочное (Веригино)—с. Воронежской губ., Коротоякскаго у., въ 20 вер. отъ станціи желѣзной дороги Колодезной. Жит. 3400.

Ява или *Джава* (Java, Djava)—о-въ Малайскаго архипелага, самый малый, но самый населенный и богатый изъ 4 большихъ Зондскихъ о-вовъ. Длина съ З на В около 1000 км., наибольшая ширина 192 км. На С Яванское море, на В проливъ Бали, отдѣляющій Я. отъ о-ва Бали, на Ю Индійскій океанъ, на З Зондскій проливъ, отдѣляющій Я. отъ Суматры. Обыкновенно раздѣляютъ Я. на западную, отъ 102°55′ до 109° в. д., среднюю, до 110° в. д. и восточную. до 112°14′ в. д. Широта отъ 5°52′ до 8°46′ южн.

Орографія. На Ю о-ва имѣются горныя цѣпи разныхъ эпохъ, большею частью состоящія изъ известняковъ. Въ другихъ частяхъ Я. преобладаютъ вулканы и всѣ высокія вершины — дѣйствующіе или потухшіе вулканы. Западная Я. имѣетъ характеръ нагорья, затѣмъ въ резиденціи Преангоръ группа 14 вулкановъ на 55 км. длины и 25 км. ширины. Высшія горы западной Я. Геде 3030 м. и Тикорай 2808 м. Въ средней и восточной Я. вулканы расположены длиннымъ рядомъ. Высшіе въ средней Я. Сламатъ 3426 м., Сумбингъ 3361 м., Мербабу 3106 и сосѣдній Мерапи 2860 м., оба дѣйствующіе, Лаву 3330 м. Въ Восточной Я. Вализангъ 3367 м., Арджуно 3332 м. Тенггеръ 2557 м., замѣчательная глубиной (2000 м.) и размѣрами (8 км.) кратера, Семеру 3746 м. и на крайнемъ В Раунъ 3455 м. Большихъ равнинъ на Я. нѣтъ, вся средняя и восточная часть состоитъ изъ вулканическихъ группъ съ небольшими равнинами между ними. *Рѣки.* — Рѣчной воды на Я. много, вслѣдствіе обилія дождей, но рѣчные бассейны малы. Главныя рѣки впадаютъ въ Я. море: Соло, 260 км. длины, большею частью судоходна 9 мѣсяцевъ въ году; Брантасъ, впадающая около гор. Сурабайя, орошаетъ обширныя плантаціи сахарнаго тростника. Въ Индійскій океанъ впадаетъ Прого. *Озеръ* — не много, всѣ малыя.

Климатъ прибрежій и долинъ Я. чисто-тропическій, жаркій, влажный, съ очень равномѣрной температурой. Ни холодовъ, ни особенно сильныхъ жаровъ не бываетъ. Такъ напр., въ Батавіи, гдѣ имѣются продолжительныя наблюденія: Батавія, сѣв. берегъ Я. 6°11′ с. ш., 106°50′ в. д.

	Годъ.	Мѣсяцы*)							
Средняя температура . .	26,0	25,2	I	26,7	X	25,7	VII	26,4	V
Относит. влажность . %	8,3	78	VIII, IX			87	I II		
Облачность	6,0	4,6	IX	8,2	I	4,8	VII	7,4	II
Осадки . . . . мм.	1814	38	VIII	365	I	63	VII	321	II

Крайнія температуры за 35 лѣтъ: наим. 18,9 въ IX и 35,6 въ XI; разность 16,7 (гораздо бо́льшія разности нерѣдко бываютъ день за днемъ въ нашихъ юго-восточныхъ степяхъ).

*) Мѣсяцы обозначены римскими цифрами.

zachodniej na Rusi». Я.—прекрасный знатокъ исторіи и географіи Юго-Западной Руси, изслѣдованію жизни которой и посвящена большая часть его трудовъ. *В. Н.*

Яблоновскій (Іосифъ Александръ Jablonowsky)—польскій поэтъ и ученый (1712 — 1773). Былъ воеводой въ Польшѣ; въ 1743 г. получилъ титулъ германскаго имперскаго князя. Въ 1768 г., при началѣ внутреннихъ неурядицъ, покинулъ родину и поселился въ Лейпцигѣ. Извѣстенъ какъ поэтъ, библіографъ, геральдикъ, историкъ и ораторъ. Главнѣйшія его сочиненія: «Musaeum Polonum seu collectio in Regno Pol. et M. D. Lith. scriptorum editorum et edendorum» (11 т., Львовъ, 1752); «L'empire des Sarmates» (Галле, 1742); «Heraldica» (Львовъ, 1742); «Rollina dziejopis Egiptyanow» (Люблинъ, 1743); «Astronomi ortus et processus et de systemato Copernicano» (1762). Онъ издалъ первую карту Польши, составленную Зanoніемъ, на 25 листахъ (Лондонъ, 1772). Въ 1765 г. назначилъ три преміи за лучшія работы на предложенныя имъ темы по польской исторіи, политической экономіи, физикѣ и математикѣ. Въ числѣ удостоенныхъ награды оказался Шлецеръ, написавшій изслѣдованіе о прибытіи Леха въ Польшу, въ которомъ доказывается, что самое существованіе Леха слѣдуетъ отнести къ области легендарныхъ вымысловъ; Я. такая точка зрѣнія показалась непозволительной ересью, и онъ написалъ противъ Шлецера книгу «Vindiciae Lechi et Czechi» (Лпц., 1770; нов. изд. 1775). Въ 1768 г. основалъ въ Лейпцигѣ научное общество—Societas Jablonoviana, которое существуетъ до сихъ поръ. Этому обществу онъ пожертвовалъ капиталъ на выдачу премій. Общество выпустило «Acta societatis Jablonovianae» (6 т., Лпц., 1772 — 73), «Nova acta societatis Jablonovianae» (9 т., Лпц., 1802—45) и собраніе премированныхъ работъ (29 т., Лпц., 1847—91).

Яблоновскій (Станиславъ Янъ) — извѣстный польскій полководецъ (1634 — 1702). Въ молодости онъ прошелъ хорошую военную школу, принимая участіе въ войнѣ со шведами подъ начальствомъ знаменитаго польскаго вождя Стефана Чарнецкаго. Когда въ 1655 г. шведы осадили Краковъ, Я. удалось спасти регаліи польскихъ королей отъ захвата врагами и такимъ образомъ помѣшать шведскому королю возложить на свою голову польскую корону. Въ 1667 г. Я. совершилъ вмѣстѣ съ Чарнецкимъ походъ противъ венгерскаго предводителя Ракочи и въ Данію. Войны съ казаками, татарами и турками доставили Я. большую военную славу и въ 1682 г. онъ получилъ достоинство великаго короннаго гетмана. Въ знаменитой битвѣ, спасшей Вѣну отъ турокъ въ 1683 г., онъ былъ однимъ изъ вождей, командовавшихъ польскими войсками. И позже Я. оказывалъ большія услуги своей родинѣ, защищая ее отъ татаръ и турокъ. Политическое вліяніе его въ Польшѣ было сильно; послѣ смерти короля Яна Собѣскаго поднимался даже вопросъ о возведеніи Я. на польскій престолъ. См. Jonsac, «Histoire de St. Jablonowski» (1774, I—IV; тоже по-польски «Życie St. Jabłonowskiego», 1-ое изд., Варшава 1789—1790, 2-ое изд. Познань, 1868). *В. Н.*

Яблоновскій (Янъ Станиславъ)—польскій писатель (1669—1731), сынъ знаменитаго полководца. Былъ вліятельнымъ магнатомъ; достигъ достоинства короннаго канцлера. Во время войны Карла XII съ Августомъ II Я. держалъ сначала сторону послѣдняго, но затѣмъ сдѣлался приверженцемъ своего племянника Станислава Лещинскаго, котораго шведскій король возвелъ на польскій престолъ. Августъ II приказалъ арестовать Я. и заключить въ крѣпость Кенигштейнъ. Освобожденный изъ заключенія, Я. оставилъ политическую дѣятельность и занялся литературою. Онъ понималъ, хотя и не глубоко, недостатки современной ему польской жизни и призывалъ своихъ соотечественниковъ исправиться. Мысли о необходимости реформъ онъ изложилъ въ сочиненіи: «Skrupuł bez skrupułu w Polszcze albo oświecenie grzechów narodowi naszemu polskiemu zwyczajniejszych a za grzechy nie mianych etc.» (1730). Тутъ онъ осуждалъ, между прочимъ, liberum veto, говоря, что изъ него произойдетъ когда нибудь vae (горе). Замѣчательны его мемуары, часть которыхъ напечатана (годы 1694—95, 1698—1700). Остальныя произведенія Я. имѣютъ значеніе только для его біографіи. См. Aug. Bielowski, «Jan St. Jabłonowski, wojewoda ruski i jego pamiętnik» («Bibl. Ossolińskich», poczet nowy t. I и отдѣльно, Львовъ, 1862, съ біографіею Я.); Wład. Chomętowski, «Dziennik J-go, częić I, lata 1694—95» (Варш., 1865); Bartoszewicz, «J. S. Jabłonowski i jego dziełko etc.» («Dzieła J. Bartoszewicz», т. X); K. Jarochowski, «J. St. Jabłonowski i zatarg jego z królem Augustem II» («Opowiadania i studja historyczne», Варш., 1877). *В. Н.*

Яблоновый Врагъ—с. Николаевскаго уѣзда Самарской губ. 3020 жителей, которые кромѣ земледѣлія занимаются садоводствомъ; 50 яблочныхъ садовъ. Зем. школа.

Яблонскіе—русскій дворянскій родъ, ведущій свое происхожденіе отъ польскаго шляхтича *Петра Матвѣевича Я.*, пріѣхавшаго въ Москву въ 1580 г.; въ 1593 г. онъ попалъ въ плѣнъ къ туркамъ; въ 1621 г. убитъ въ бою. Родъ Я. записанъ въ VI ч. род. кн. губ. Воронежской, Орловской и Харьковской; гербъ внесенъ въ X часть Общаго Гербовника. Есть еще нѣсколько дворянскихъ родовъ того же имени. *В. Р—въ.*

Яблонскій (Болеславъ) — псевдонимъ популярнаго чешскаго поэта-патріота Карла Евгенія Тупого (см. XXXIV, 82).

Яблонскій (Карлъ-Густавъ Jablonsky, 1756—1787)—нѣмецкій натуралистъ; былъ секретаремъ прусской королевы въ Берлинѣ; начатыя имъ: «Natursystem aller bekannten inländischen und ausländishen Insecten, als Fortsetzung der Büffonschen Naturgeschichte» (1 ч., Б.), «Käfer» (ib., 1783) «Schmetterlinge» (ib., 1783—1784) окончены Гербстомъ.

Яблонскій (Paul-Ernst Jablonski, 1693—1757)—кальвинскій богословъ и оріенталистъ. Многочисленные его труды, написанные по-латыни, касались богословскихъ и лингвистическихъ темъ. «Exercitatio historico-theologica de

ласть. Растительность уже приближается къ характеру умѣреннаго пояса, есть каштаны, кленъ, дубы, лавры, огромное дерево Cedrela, рододендроны, азаліи; влажность воздуха очень велика, много мховъ. Туземцевъ здѣсь мало, есть кофейныя, чайныя, цинхоновыя плантаціи; 4) холодный поясъ, 2350 до 3700 м., почти необитаемый. Много тиковыхъ деревьевъ (Tectonia grandis), мирты, акаціи, барбарисъ, рододендроны. Въ верхней части растительность бѣдна, преобладаютъ вересковыя (Ericaceae) и гнафаліи (Gnaphaliae). Около селеній Я. разводится много плодовыхъ деревьевъ; ихъ темная зелень скрываетъ хижины. Нѣкоторое различіе замѣтно между флорой зап. и вост Явы: первая болѣе роскошная, сходна съ фл. Суматры и Борнео, вторая болѣе сходна съ фл. вост. Зондскихъ острововъ и Нов. Гвинеи, напр., характерные Нов. Гвинеѣ пандануры. Фауна Я. сходна съ фауной Малакки, Суматры, Борнео и Бали, такъ какъ всѣ эти острова отдѣлены отъ Азіи лишь мелкими морями. Глубокій проливъ между островами Бали и Ломбокъ отдѣляетъ эту фауну отъ фауны вост. острововъ, болѣе похожей на новогвинейскую и даже австралійскую.

Пространство и населеніе. Пространство (съ островомъ Мадурой и небольшими островами) 131508 кв. км.; жителей (1900 г.)—28747 тыс., т. е. на кв. км. 218. Населеніе растетъ очень быстро: въ 1881 г.—19129 тыс., въ 1890 г.—23915 тыс.; ежегодный прирость около 2%.

Распредѣленіе населенія по областямъ (резиденціямъ) по переписи 1894 г. *).

РЕЗИДЕНЦІИ **).		Квадр. килом.	Жителей въ тыс.	Жителей на квадр. км. **)
Зап. Ява	Бантамъ и Кравангъ	12675	1073	86
	Батавія	6726	1178	175
	Преангеръ	20428	2139	104
	Черибонъ	6787	1525	224
Средняя Ява	Тегалъ и Пекалонганъ	5552	1698	306
	Баньюмасъ	5562	1232	221
	Багеленъ	3418	1398	409
	Каду	2040	749	367
	Самарангъ и Япара	8151	2422	297
	Суракарта ***)	6217	1200	193
	Джокджокарта ***)	3110	809	260
Вост. Ява	Рембангъ и Мадіунъ	13325	2410	181
	Кедири	7007	1205	172
	Сурабайя	5752	2147	373
	Пасуруанъ	5280	1016	192
	Проболинго	3489	555	159
	Безуки	10103	720	71
О-въ Мадура		4470	1593	356
Небольшіе о-ва		1416	—	—
О-ва Ява, Мадура и небольшіе		131508	25068	192

Я. почти такъ же густо населена, какъ самыя населенныя государства Европы: Бельгія и кор. Саксонское, а рез. Багеленъ, Каду и Сурабайя — даже гуще, при чемъ на Я. въ городахъ живетъ только 753 тыс. жит., т. е. 3% населенія. Болѣе 50 тыс. имѣютъ только 5 городовъ: Батавія (столица, 116 тыс.), Сурабайя (146), Самарангъ (84), Суракарта (109) и Джокджокарта (60). Послѣдніе два города—столицы туземныхъ вассальныхъ государствъ.

Составъ населенія. Около 99% составляютъ *туземцы*, всѣ малайской расы, говорящіе на малайскихъ языкахъ, и мусульмане-сунниты ****). 3 племени и языка: *сунданскій* на зап., *мадурскій* на о-вѣ Мадура и въ сосѣднихъ резиденціяхъ вост. Явы и *яванскій* (болѣе ²/₃ населенія) въ остальной части Я. *Европейцевъ* на Я. очень мало, вмѣстѣ съ метисами около 35 тыс.; это — чиновники, хозяева и управляющіе плантаціями, оптовые торговцы. *Китайцевъ* больше чѣмъ европейцевъ, и было бы еще гораздо болѣе, если бы ихъ приливъ не стѣсняли законодательными и административными мѣрами. Большею частью они живутъ въ городахъ, занимаясь торговлей и ремеслами; иные внѣ городовъ арендуютъ земли, скупаютъ и обрабатываютъ табакъ, держатъ лавки, занимаются ростовщичествомъ. *Малайцевъ* и *арабовъ* меньше, чѣмъ китайцевъ. Они фанатическіе мусульмане; многіе изъ нихъ судовладѣльцы и матросы.

Администрація. Я.—часть Нидерландской Индіи (Nederl. Indie; иногда назыв. Островной Индіей, Insulindie), въ составъ которой входятъ весь Малайскій архипелагъ, кромѣ Сѣв. Борнео (владѣніе Великобританіи) и СВ Тимора (влад. Португаліи), и кромѣ того зап. треть Новой Гвинеи. Нид. Индія раздѣляется на двѣ части: 1) *Ява* съ *Мадурой* — гораздо меньшая по объему, но болѣе населенная и

*) По переписи конца 1900 г. нѣтъ подробныхъ данныхъ.

**) Въ нѣкоторыхъ случаяхъ даны цифры за 2 или 3 резиденціи, если густота населенія приблизительно одинакова.

***) Туземныя вассальныя государства.

****) Между ними только 20 тыс. христіанъ и 3 тыс. брахманистовъ; послѣдніе живутъ на склонахъ г. Тенгеръ.

землѣ, а отъ второго шелъ проводъ, къ которому въ разныхъ мѣстахъ присоединялись обкладки конденсаторовъ. Лампы помѣщались между вторыми обкладками и землей. Такимъ образомъ Я. удавалось включать въ одну цѣпь отъ 4 до 5 лампъ. Конечно, для выполненія такой схемы нельзя было пользоваться постояннымъ токомъ, и вотъ Я. попытался построить динамо перемѣннаго тока, пользуясь для этого коммутированіемъ постояннаго. Появившіеся скоро альтернаторы Грамма остановили работы Я., однако, еще въ 1881 г. онъ изобрѣлъ новый типъ альтернатора съ особенно устроеннымъ якоремъ. Я. былъ первый, примѣнившій для освѣщенія трансформаторы, которые въ вышеописанной схемѣ включались у него вмѣсто конденсаторовъ. Изъ другихъ изобрѣтеній Я. замѣчателенъ еще элементъ, въ которомъ главную роль игралъ атмосферный воздухъ и который не получилъ еще надлежащей оцѣнки до сихъ поръ.

Яблочковы — старинный русскій дворянскій родъ, ведущій начало отъ жившаго во второй половинѣ XVI в. *Моисея Я.* Сынъ его *Даніилъ* «за службу и воинскія доблести» былъ верстанъ въ 1622 г. помѣстнымъ и денежнымъ окладомъ. Сыновья, внуки и правнуки послѣдняго были стольниками, воеводами и окольничими. Родъ Я. записанъ въ VI ч. род. кн. губ. Калужской, Саратовской и Тульской. Гербъ внесенъ въ XV ч. Общаго Гербовника. *В. Р—въ.*

Яблочная кислота (хим.)—бутанолдикислота (XXV, 46 и XXXVII, 213) $C_4H_6O_4 = HO_2C.\mathit{C}H(OH).CH_2.CO_2H$ была впервые найдена въ неспѣломъ крыжовникѣ Шееле въ 1785 г.; ея составъ установленъ Либихомъ въ 1832 г. Содержа одинъ «асимметричный» атомъ углерода, напечатанный въ формулѣ курсивомъ, Я. кислота возможна и извѣстна въ трехъ видоизмѣненіяхъ: правомъ, лѣвомъ и рацемическомъ (XXXI, 611 и VI, 424); кромѣ того Аберсономъ («Berl. Ber.», *31*, 1434) описанъ четвертый изомеръ (?) Я. кислоты, существованіе котораго не можетъ считаться твердо установленнымъ. Обыкновенная Я. кислота, лѣвая кисл. *), открытая Шееле, находится въ сокахъ многихъ растеній въ свободномъ состояніи, какъ напр., въ сокѣ неспѣлыхъ яблокъ, винограда, крыжовника и др., въ неспѣлой рябинѣ (Sorbus aucuparia; въ спѣлой Я. кислота не имѣется), въ ягодахъ Berberis vulgaris и т. д.; въ видѣ кислой каліевой соли она найдена въ листьяхъ и побѣгахъ барбариса, въ видѣ кислой кальціевой соли въ листьяхъ табака (Scheele, Liebig, Ordonneau, Trommsdorff, Haitinger). Для добыванія удобно пользоваться сокомъ неспѣлой рябины, откуда Я. кислота можетъ быть выдѣлена въ видѣ кальціевой соли (Liebig, «A.», *38*, 259; см. еще Lenssen, «Berl. Ber.», 3, 966). Лѣвая Я. кислота можетъ быть получена: 1) изъ обыкновенной аспарагиновой (аминоянтарной) кислоты или аспарагина (см.) при дѣйствіи азотистой кислоты (Piria): $HO_2C.C.CH(NH_2).CH_2.CO_2H + NO.OH = N_2 + H_2O + HO_2C.CH(OH).CH_2.CO_2H$; 2) изъ рацемической Я. кислоты съ помощью кислой соли цинхонина (Bremer) и 3) изъ правой Я. кислоты, переходя черезъ l. хлороянтарную кислоту и дѣйствуя на послѣднюю окисью серебра, напр. (Вальденъ; см. подробнѣе XXXI, 615). Довольно трудно кристаллизующееся (обыкновенно въ иглахъ), легко расплывающееся, безцвѣтное тѣло; плавится при 100° Ц. (Gmelin); водный растворъ (слабый) вращаетъ влѣво плоскость прямолинейно поляризованнаго луча (Pasteur); съ измѣненіемъ концентраціи, температуры, въ присутствіи кислотъ—величина вращенія и даже его знакъ могутъ мѣняться (въ виду сложности наблюдаемыхъ явленій можно ограничиться краткой литературой: Pasteur, «Ann. chim. phys.» [3], *31*; Schneider, «L. A.», *207* и Guye, «Étude sur la dissymétrie moléculaire», p. 73; Th. Thomsen, «J. pr. Ch.» [2], *35*; Anschütz u. Reiter, «Z. ph. Ch.», *16* и Вальденъ ib. *17*). Изъ реакцій Я. кислоты важно отмѣтить тѣ превращенія, съ помощью которыхъ установлено ея строеніе и нѣкоторыя реакціи ея распаденія. Двуосносность Я. кислоты устанавливается существованіемъ двухъ родовъ солей: кислыхъ и среднихъ; нормальное строеніе — возстановленіемъ съ помощью іодистаго водорода въ янтарную кислоту (см.): $HO_2C.CH(OH).CH_2.CO_2H + 2HJ = HO_2C.[CH_2]_2.CO_2H + H_2O + J_2$. (Schmitt, «L. A.», *114*) и превращеніемъ при нагрѣваніи съ бромистымъ водородомъ въ бромоянтарную кислоту $HO_2C.C_2H_3(OH).CO_2H + HBr = HO_2C.C_2H_3Br.CO_2H + H_2O$. (Kekulé, «L. A.», *130*); присутствіе воднаго остатка кромѣ только что приведенной реакціи и кромѣ реакціи на Я. кисл. PCl_5 и PBr_5 (ср. XXXI, 615) существованіемъ ацетилъ-яблочной кисл.—$HO_2C.CH(OC_2H_3).CH_2.CO_2H$, получающейся при дѣйствіи воды на ацетило-яблочный ангидридъ, образующійся въ свою очередь при дѣйствіи хлористаго ацетила на Я. кислоту (Anschütz, «Berl. Ber.», 14; «L. A.», *254*). Какъ α-оксикислота Я. кислота распадается подъ вліяніемъ минеральныхъ кислотъ на муравьиную кислоту (ср. Молочная кислота) и алдегидокислоту:

$$HO_2C.CH(OH).CH_2.CO_2H = HO_2C.H + HOC.CH_2.CO_2H$$

(алдегидомалоновая кислота), въ высшей степени не стойкую и превращающуюся при этомъ въ кумалиновую кисл.: $2HO_2C.CH_2.COH = 2H_2O + C_6H_4O_4$ (кумалиновая кисл., Pechmann, «L. A.», *264*); этимъ же распаденіемъ объясняется и образованіе изъ Я. кислоты при кипяченіи со слабой сѣрной кислотой: окиси углерода, углекислаго газа и обыкновеннаго алдегида: $C_4H_6O_4 = CO + CO_2 + C_2H_4O + H_2O$ (Weith, «Berl. Ber.», *10*), такъ какъ CO и H_2O представляютъ продукты распада муравьиной кислоты (см.), а CO_2 теряется алдегидомалоновой кисл., дающей одновременно алдегидъ: $HOC.CH_2.COH = CO_2 + H_3C.COH$. Изъ другихъ реакцій распаденія Я. кислоты интересно отмѣтить реакцію потери ею при нагрѣваніи воды съ образованіемъ, смотря по условіямъ, фумаровой (см.) или малеиновой (см.) кислотъ:

$$HO_2C.CH(OH).CH_2.CO_2H = HO_2C.CH:CH.CO_2H + H_2O$$

(Kekulé, Марков-

*) Эту кисл. Ландольтъ („Berl. Ber.“, *13*, 2333) предлагаетъ называть правой; отсутствіе общепринятаго критерія для установленія названій оптически дѣятельныхъ веществъ создаетъ значительную путаницу.

названія его Javadvipa. Открытъ европейцами въ 1511 г., послѣ взятія Малакки. Альбукеркъ послалъ въ томъ же году три корабля отыскивать страну, которая производитъ мускатный орѣхъ и гвоздичный плодъ; флотилія эта проплыла мимо Я., ознакомившись съ сѣвернымъ берегомъ этого острова. Съ южнымъ берегомъ португальцы до конца XVI вѣка не были знакомы, по крайней мѣрѣ не имѣли карты этого берега. Я. дѣлилась въ то время на султанства Матарамъ, Бантамъ, Джакатра и Черибонъ. Испуганные взятіемъ Малакки, султаны этихъ государствъ послали къ Альбукерку посольства и предлагали ему свою дружбу, послѣ чего между яванскими султанами и португальцами начались торговыя сношенія. Въ 1596 г. на берегу султанства Бантамъ появились голландцы подъ начальствомъ Хутмана, ничего важнаго не достигли и уѣхали въ 1598 г. Эта поѣздка ознакомила ихъ съ богатствами страны и побудила къ новымъ посѣщеніямъ. Въ 1602 г. была основана голландско-остиндская компанія, которая мало-по-малу вытѣснила съ Я. португальцевъ, отнимая у нихъ рынокъ за рынкомъ, а противъ англійскихъ поселенцевъ на островахъ Банда пустила въ ходъ всевозможныя интриги. Въ 1603 г. она утвердилась въ Джакатрѣ (Djakatra, Jakatra), въ 1604 г.—въ Бантамѣ, построила факторіи и въ мартѣ 1619 г. завоевала Джакатру, уничтоживъ городъ; на этомъ мѣстѣ основанъ въ 1619 г. гор. Батавія, которая сдѣлалась столицей индійскихъ владѣній Голландіи. При помощи хитростей, коварства и разныхъ другихъ средствъ голландцы вытѣснили англичанъ съ Я. и разсорили мѣстныхъ государей между собой, чтобы тѣмъ легче овладѣть страной. Они овладѣли Черибономъ, понемногу ослабили Матарамъ и въ 1678 г. принудили его владыку признать свою зависимость отъ Голландіи. Въ 1683 г. голландцы принудили султана Бантама отдать имъ свою столицу; въ 1742 г. это государство сдѣлалось леномъ голландско-остиндской компаніи. Оставался Матарамъ, но онъ становился все слабѣе и меньше: въ 1749 г. отъ него отдѣлилось султанство Джокджокарта; когда нападеніе макассарцевъ и мадурцевъ грозило гибелью императору Матарама, онъ принужденъ былъ обратиться за помощью къ голландцамъ, которые прогнали его враговъ, но за это заставили его признать себя въ ленной зависимости отъ Голландіи, а затѣмъ въ половинѣ XVIII-го вѣка произвольно раздѣлили его царство на двѣ части, отдавъ одну законному наслѣднику престола, получившему титулъ «Susuhunan», а другую—дальнему родственнику его. Съ этихъ поръ государи эти жили въ строгомъ подчиненіи голландцамъ, которые приставили къ ихъ дворамъ резидентовъ, наложили на нихъ разныя ограниченія и при ихъ столицахъ построили форты. Въ 1811 г. англичане завладѣли островомъ, но по парижскому миру 1815 г. должны были уступить его голландцамъ, которые заняли его въ 1816 г. и послѣ долгой борьбы, съ рядомъ возстаній (самое кровавое изъ нихъ произошло въ 1820—30-хъ гг.), утвердились тамъ окончательно, ввели разумную систему управленія, провели дороги и довели о-въ до высокаго процвѣтанія. Лѣтомъ 1883 г. страшное землетрясеніе нанесло огромный вредъ острову и погубило до 100000 человѣкъ. См. Raffles, «The history of Java» (2-е изд., Л., 1830); Von Mökeren, «Ostindien, seine Geschichte, Kultur und Bewohner» (Лейпцигъ, 1857).

Явкино—с. Херсонской губ. и уѣзда, на прудахъ и балкѣ Веревчиной. Жит. 3000. Министерск. и црк.-прих. школы, сиротская вспомогат. касса; 15 торгово-промышл. заведеній.

Явленная куница съ граматою—пошлина, шедшая въ архіерейскую казну. Каждый разъ, какъ на каѳедрѣ являлся новый архіерей, духовенство должно было являться къ нему для засвидѣтельствованія своихъ ставленыхъ граматъ, и онъ подписывалъ ихъ своею рукою. Эта подпись граматъ существовала и при патріархахъ; поповскіе старосты должны были надзирать за своимъ духовенствомъ, всѣ ли граматы и всѣми ли святителями по преемству подписаны у него, и тѣхъ, у кого не подписаны, высылать къ святителю. За опущеніе этой обязанности съ духовенства брался штрафъ или, какъ выражались на языкѣ старой системы кормленія, промытъ — вдвое противъ окладного платежа за подпись. Пошлина за подпись называлась *Я. куницею съ граматою.* При патріархѣ Іоакимѣ бралось: съ граматы настольной протопопской 6 алтынъ 4 деньги, съ поповской ставленой 3 алтына 2 деньги, съ дьяконской—тоже. Промытъ опредѣленъ вдвое, если грамата не подписана однимъ патріархомъ,—втрое, если двоими. При каждой явкѣ грамата снова записывалась въ книги и за письмо брали 2 деньги. См. П. Знаменскій, «Приходское духовенство на Руси» («Православное Обозрѣніе», 1867, ч. I); Ив. Перовъ, «Епархіальныя учрежденія въ русской церкви въ XVI и XVII вѣкахъ» (Рязань, 1882).

Явнобрачныя (Phanerogamae)—названіе, предложенное Линнеемъ для такихъ растеній, которыя имѣютъ *цвѣтки*, а продуктомъ ихъ дѣятельности сѣмена, а потому это названіе равнозначуще другимъ: *«цвѣтковыя»* или *«сѣменныя»*; но въ настоящее время оно имѣетъ лишь историческое значеніе, а не то, которое придавалъ ему Линней. Линней хотѣлъ этимъ названіемъ отмѣтить характерную особенность этихъ растеній, а именно половой процессъ, въ отличіе отъ *тайнобрачныхъ*, у которыхъ во времена Линнея половой процессъ не былъ еще извѣстенъ. Въ настоящее же время этотъ процессъ извѣстенъ у очень многихъ растеній и изъ Линнеевскаго отдѣла тайнобрачныхъ, такъ что теперь дѣленіе растеній на тайнобрачныя и Я. оставлено. Дѣленіе растеній на цвѣтковыя и безцвѣтковыя также не выдерживаетъ строгой критики, такъ какъ цвѣтокъ появился не сразу, а постепенно вырабатывался и у многихъ теперь живущихъ растеній (у папоротниковъ, плауновъ, хвощей) можно еще наблюдать выработку цвѣтка, словомъ, рѣзкой границы между цвѣтковыми и безцвѣтковыми растеніями провести нельзя. Болѣе можетъ быть умѣстно дѣлить растенія на

сѣменныя и *безсѣменныя*, такъ какъ, у одной группы растеній развиваются сѣмена, а у другой ихъ нѣтъ. Чаще принято, однако, обозначать эти отдѣлы растеній какъ *сѣменныя* и *споровыя*, но такое обозначеніе не соотвѣтствуетъ современному состоянію нашихъ свѣдѣній. Вѣдь въ настоящее время доказано, что споры не свойственны исключительно одному какому-либо отдѣлу растеній, а развиваются рѣшительно у всѣхъ растеній, даже у такихъ, которыя размножаются сѣменами. Спору во всякомъ случаѣ нельзя противополагать сѣмени. Споры развиваются у всѣхъ растеній, съ тою главною разницею, что у однихъ онѣ обособляются отъ произведшаго ихъ растенія сейчасъ же по образованіи и дальнѣйшія видоизмѣненія (прорастаніе и пр.) претерпѣваютъ внѣ материнскаго растенія. У другихъ же растеній однѣ освобождаются по образованіи (это—микроспоры или пыльца), другія же (макроспоры или зародышевый мѣшокъ) остаются на материнскомъ растеніи, претерпѣваютъ цѣлый циклъ сложныхъ измѣненій, даютъ начало зародышу, и уже потомъ зародышъ, снабженный пищею и защищенный оболочками отъ неблагопріятныхъ условій, обособляется отъ материнскаго растенія въ видѣ сѣмени. Слѣдовательно, если желательно подобно Линнею дѣлить растенія на двѣ группы, то въ основу этого дѣленія слѣдуетъ положить именно отмѣченное различіе въ развитіи споръ, и тогда получимъ такое дѣленіе: *явноспоровыя* (Phanerosporeae)—споры обособляются отъ материнскаго растенія и дальнѣйшія видоизмѣненія до производства новаго поколѣнія претерпѣваютъ внѣ его, и *тайноспоровыя* (Cryptosporeae) — не всѣ споры обособляются отъ материнскаго растенія, а однѣ лишь мужскія споры (microsporae),—а женскія споры (macrosporae) остаются на материнскомъ растеніи и даютъ начало подъ конецъ сѣменамъ. *С. Р.*

Явнутій—младшій сынъ вел. кн. Гедимина, см. Евнутій (XI, 421).

Явонь — р. Новгородской губ., Демянскаго у., прав. притокъ р. Полы, системы оз. Ильменя. Я. вытекаетъ изъ оз. Велья, на границѣ Валдайскаго и Демянскаго уу., течетъ по послѣднему на З; подойдя къ границѣ Старорусскаго у., поворачиваетъ на СЗ и этого направленія держится до своего устья. Дл. 47 в., начиная отъ г. Демянска судоходна (12 в.); судоходство незначительно, въ 1901 г. внизъ по Я. отправлено было 1 судно съ грузомъ въ 17000 пд.—Я. во времена Новгородскія служила однимъ изъ путей на Волгу; грузы шли вверхъ по Я. въ оз. Велье, затѣмъ волокомъ къ берегу оз. Селигера и по р. Селижаровкѣ въ Волгу. *Д. Р.*

Яворская (по сценѣ; Лидія Борисовна княгиня Барятинская, рожденная фонъ-Гюббенетъ)—извѣстная артистка, род. въ Кіевѣ, въ 1872 г.; воспитывалась въ кіевской гимназіи. Съ дѣтства принимала участіе въ любительскихъ спектакляхъ. Въ 1889 г. поступила на драматическіе курсы въ СПб. (классъ В. Н. Давыдова). Въ 1893 г. была приглашена въ московскій театръ Корша, гдѣ оставалась два сезона. Особенное вниманіе обратила на себя исполненіемъ ролей Маргариты Готье («Дама съ Камеліями»), Алисы («Борьба за счастье» Софіи Ковалевской), Ольги Ранцевей («Чадъ жизни» Маркевича) и особенно «M-me Sans Gêne». Въ 1895 г. была приглашена въ спб. театръ литературно-художественнаго общества, гдѣ особенный успѣхъ имѣла въ роляхъ «Принцессы Грезы» и «Заза». Въ 1894 г. вышла замужъ за писателя кн. В. В. Барятинскаго. Въ 1900 г., разойдясь во взглядахъ съ дирекціей на репертуаръ (по поводу пьесы «Контрабандисты»), вышла изъ состава труппы и въ слѣдующемъ году основала въ СПб. свой собственный театръ, подъ названіемъ «Новый театръ». Изъ игранныхъ Я. ролей, кромѣ уже названныхъ, выдаются еще: «Орленокъ» Ростана, «Клеопатра» («Антоній и Клеопатра»), Аріэль («Буря» Шекспира), Раутенделейнъ («Потонувшій колоколъ» Гауптмана), «Нора» Ибсена, «Антигона» Софокла, Ирэнъ («Когда мы мертвые пробуждаемся,» Ибсена), «Сафо» А. Додэ, Бетси («Плоды просвѣщенія», Толстого), Нина («Чайка»), Маша («Три сестры», Чехова), Лидія («Бѣшенныя деньги», Островскаго), Ольга Кручинина («Перекаты»). Я. помѣщала статьи, по вопросамъ какъ общимъ, такъ и спеціальнымъ (театръ, живопись), въ «Кіевлянинѣ», «Сынѣ Отечества», «Сѣверномъ Курьерѣ», «Новостяхъ», «Всемірномъ Вѣстникѣ».

Яворскіе — русскій дворянскій родъ, происходящій отъ *Ѳедора Ивановича Я.*, котораго по указу Петра I въ 1702 г. «велѣно было написать по Московскому списку и дать ему въ помѣстный окладъ 500 четей и денегъ 20 руб. Изъ этого рода происходилъ знаменитый митрополитъ рязанскій и муромскій *Стефанъ Яворскій*. Гербъ этого рода внесенъ во II часть Общаго Гербовника. Есть еще нѣсколько дворянскихъ родовъ этого имени. *В. Р—въ.*

Яворскій (Аполлинарій, Ritter von Jaworski)—австрійскій политическій дѣятель, род. въ 1825 г.; по происхожденію галиційскій полякъ, крупный землевладѣлецъ. Въ 1870 г. избранъ въ галиційскій ландтагъ въ куріи крупнаго землевладѣнія; ландтагъ послалъ его въ рейхсратъ. Въ 1873 г., послѣ отмѣны избранія членовъ рейхсрата ландтагами, избранъ въ рейхсратѣ куріею крупнаго землевладѣнія въ Галиціи, и переизбранъ въ 1879, 1885, 1891 1897 и 1900 гг. Въ рейхсратѣ (какъ въ ландтагѣ) онъ примкнулъ къ польскому клубу, гдѣ сразу занялъ выдающееся положеніе. Сначала онъ былъ помощникомъ старшины клуба, мѣсто котораго занималъ Грохольскій, а по смерти этого послѣдняго въ 1888 г. избранъ старшиною. Съ тѣхъ поръ онъ руководитъ имъ съ большою энергіей. Въ рѣчи, въ которой онъ благодарилъ клубъ, онъ такъ опредѣлилъ свою программу: «все для страны; не будемъ забывать, что мы составляемъ польскій клубъ и должны заботиться объ интересахъ не одной только провинціи, а всего польскаго народа». Въ дѣйствительности, однако, онъ отстаивалъ по преимуществу интересы польскаго землевладѣнія и старался подавить

всѣ проявленія демократическихъ стремленій. Слѣдуя политикѣ, опредѣлившейся еще при Грохольскомъ, польскій клубъ и при Яворскомъ поддерживалъ правительство гр. Тааффе, сохраняя, однако, свою самостоятельность. Въ одной рѣчи въ рейхсратѣ въ 1890 г. Я. говорилъ даже объ эксплуататорскихъ по отношенію къ полякамъ цѣляхъ австрійскаго правительства; эта рѣчь вызвала противъ него сильное недовольство при дворѣ. Когда въ 1893 г. Тааффе внесъ проектъ избирательной реформы, Я. высказался рѣшительно противъ нея и согласился на образованіе коалиціи изъ польскаго клуба, клуба Гогенварта и нѣмецкихъ либераловъ, хотя ранѣе возставалъ противъ всякихъ союзовъ съ ними. Когда послѣ паденія Тааффе (1893) образовалось коалиціонное м-во Виндишгреца, Я. вступилъ въ него министромъ для Галиціи, вслѣдствіе чего оставилъ свою службу въ судѣ и свое званіе старшины клуба. Онъ сохранилъ тотъ же постъ и въ «дѣловомъ» м-ствѣ Кильмансегга (1895), но вышелъ въ отставку вмѣстѣ со всѣмъ кабинетомъ (1895). Его замѣститель въ польскомъ клубѣ, Залѣсскій, отказался отъ своего званія, и Я. былъ вновь избранъ старшиной клуба (1896).

В. В—овъ.

Яворскій (Василій) — духовный писатель, сынъ священника Тульской губ., воспитанникъ московской дух. академіи; состоитъ преподавателемъ физики и математики въ тульской духовной семинаріи. Въ 1904 г. защитилъ магистерскую диссертацію «Символическія дѣйствія пророка Осіи» (Свято-Троицкая Сергіева лавра, 1903). Кромѣ диссертаціи, Я. напечаталъ: «Каѳедра физико-математическихъ наукъ въ дух. семинаріяхъ» («Богосл. Вѣстникъ», 1902 іюль—августъ); «Ветхозавѣтный мудрецъ предъ жизненной проблемой» («Христ. Чтеніе», 1902, октябрь); «Отношеніе въ Ветхомъ Завѣтѣ институтовъ— пророческаго и священническаго» («Вѣра и Разумъ», 1903, №№ 22—23); «Старокатолики и православная Россія» («Вѣра и Церковь», 1903, № 9); «Древніе и современные Нероны и Діоклетіаны» («Душепол. Чтеніе», 1903, № 3); въ «Тульскихъ Епарх. Вѣдомостяхъ»—«Новый вопросъ и старая наука—къ предполагаемой реформѣ календаря», «Реформы календаря при Петрѣ Вел. и взглядъ его на раскольниковъ XVIII вѣка — по поводу юбилейныхъ торжествъ въ Петербургѣ» и др.; рѣчь предъ защитой диссертаціи: «Психологическая и историческая естественность и цѣлесообразность символическихъ дѣйствій пророка Осіи».

Яворъ (Acer Pseudoplatanus)—см. Ацеръ и Кленъ.

Явочные акты — одинъ изъ видовъ актовъ укрѣпленія правъ, наряду съ домашними и крѣпостными. Совершаются самими участниками даннаго юридическаго отношенія. Самая явка актовъ заключается въ предъявленіи актовъ сдѣлки нотаріусу для засвидѣтельствованія, при чемъ нотаріусъ производитъ засвидѣтельствованіе на самомъ актѣ, съ означеніемъ лицъ, предъявившихъ его, предварительно удостовѣрившись въ ихъ самоличности и законной правоспособности. Въ текстѣ X тома Зак. Гражд. имѣется лишь нѣсколько статей, касающихся Я. актовъ. Юридическое опредѣленіе Я. актовъ даетъ Полож. о нотар. части (ст. 78, 146, 147), дѣйствующее въ мѣстностяхъ, гдѣ введены во всемъ объсмѣ судебные уставы Имп. Александра II; для прочихъ мѣстностей руководящую роль играетъ особое приложеніе къ 708 ст. Я. актамъ закономъ обезпечены преимущества передъ домашними: предварительное исполненіе (ст. 737, 831 Уст. гражд. судопр.), обезпеченіе иска (стт. 125, 595), бо̀льшая доказательная сила (ст. 106, 457, 459, 476). Въ подлинности Я. актовъ не можетъ быть заявлено сомнѣніе (ст. 109, 543 Уст. гражд. судопр.), допускается лишь споръ о подлогѣ съ тяжелыми послѣдствіями въ случаѣ бездоказательности обвиненія.

Явское море — водное пространство между островомъ Явою на Ю, Суматрою на З, Борнео — на С и меридіаномъ вост. оконечности о-ва Явы. Оно лежитъ приблизительно между 106°—114°30′ в. д. отъ Гр. и 3°—7° ю. ш. и составляетъ часть Тихаго океана, граница между которымъ и Индійскимъ океаномъ проходитъ по внѣшнюю сторону большихъ Зондскихъ острововъ. Яв. море отличается очень незначительными глубинами, нигдѣ не превосходящими 100 м., какъ это выяснила послѣдняя глубоководная голландская экспедиція на «Сибога» 1899—1900 г., наибольшая глубина 82 м. лежитъ въ всот. части моря у самой его окраины. Постоянныхъ теченій нѣтъ, а есть мусонныя, идущія зимою Сѣв. полушар. на З, а лѣтомъ того же полушарія—на В., со скоростью отъ 15—20 морскихъ миль въ сутки.

Ю. Ш.

Ягайло или *Ягелло* — великій князь литовскій и польскій король. Сынъ православной княгини Юліяніи, онъ исповѣдывалъ уже въ юности, по утвержденію нѣкоторыхъ изслѣдователей, православіе; другіе историки доказываютъ, что онъ оставался язычникомъ до самаго момента принятія католической вѣры. Сдѣлавшись великимъ княземъ послѣ смерти своего отца, вел. князя Ольгерда (1377), онъ вступилъ въ борьбу со своимъ дядею Кейстутомъ, коварно заманилъ его на свиданіе и заключилъ въ кревскій замокъ, гдѣ Кейстутъ, по показанію однихъ источниковъ, въ припадкѣ отчаянія самъ на себя наложилъ руки, а согласно другимъ источникамъ былъ задушенъ по приказанію Я. Говорили, что Я. приказалъ утопить и жену Кейстута, Бируту. Двоюродный братъ Я. Витовтъ, заключенный вмѣстѣ со своимъ отцомъ Кейстутомъ въ кревскій замокъ, успѣлъ спастись бѣгствомъ къ великому магистру тевтонскаго ордена, началъ въ союзѣ съ нѣмецкими рыцарями борьбу противъ Я. и поставилъ его въ такое положеніе, что онъ долженъ былъ отказаться, по договору на р. Дубиссѣ, отъ Жмуди и обязался принять въ теченіе четырехъ лѣтъ католическую вѣру (1384). Опасность, угрожавшая Я. со стороны ордена, заставила его искать союза съ Польшею. Услышавъ о красотѣ польской королевы Ядвиги (см.), онъ рѣшилъ просить ея руки, согла-

шаясь обратить свой народъ въ католичество. 12 февраля 1386 г. онъ прибылъ въ Краковъ, 15 февраля былъ крещенъ подъ именемъ Владислава и 18 февраля обвѣнчанъ съ Ядвигою. Вопросъ о томъ, былъ ли онъ польскимъ королемъ, подвергнутъ теперь сомнѣнію: профессоръ Пекосинскій старается доказать, что Я. былъ только супругомъ польской королевы. Поселившись въ Польшѣ, онъ сталъ управлять Литвою посредствомъ намѣстниковъ, считая ее частью своего новаго государства. Такое отношеніе Литвы къ Польшѣ вытекало и изъ условій договора, который Я. заключилъ съ поляками, что вызвало большое неудовольствіе въ Литвѣ. Во главѣ оппозиціи сталъ Витовтъ, началъ борьбу съ Я. и добился того, что былъ признанъ великимъ княземъ литовскимъ, но подъ верховною властью Я., такъ что унія Литвы съ Польшею была сохранена. Я. процарствовалъ до 1434 г. Время его богато событіями громадной важности, но каково было вліяніе на событія самого Я.—историки относительно этого во мнѣніяхъ расходятся. Одни считаютъ его человѣкомъ небольшого ума и слабаго характера, который не могъ играть выдающейся роли въ современной ему жизни; другіе, напротивъ того, приписываютъ ему большія способности и сильное вліяніе на ходъ историческихъ событій. См. K. Szajnocha, «Jadwiga i Jagiełło»; J. Caro, «Geschichte Polens» (2-я часть, Гота, 1863); М. Смирновъ, «Ягелло-Яковъ-Владиславъ и первое соединеніе Литвы съ Польшею» (Одесса, 1868, «Записки Новороссійскаго Университета»); St. Smolka, «Kiejstut i Jagiełło» (Краковъ, 1888); F. Koneczny, «Jagiełło i Witold» («Przewodnik naukowy», 1892); A. Lewicki, «Powstanie Swidrygiełły» («Rozpr. Ак. Ит.», XXIX) и вообще сочиненія по исторіи Польши и Литвы въ концѣ XIV и началѣ XV в. *В. Новодворскій.*

Ягдташъ — для ношенія убитой дичи и разныхъ необходимыхъ на охотѣ припасовъ—состоитъ, обыкновенно, изъ кожаной или парусиновой сумки, съ однимъ или нѣсколькими отдѣленіями, и сѣтки. Кромѣ послѣдней, къ наружной сторонѣ сумки придѣлываются ремешки (иногда оканчивающіеся колечками) для вторачиванія дичи. Для кратковременныхъ охотъ наиболѣе удобны такъ называемые американскіе Я., состоящіе изъ одной продолговатой круглой сѣтки. Всѣ вообще Я. носятся на ремнѣ черезъ плечо. *С. Б.*

Ягели—см. Лишаи.

Ягеллончикъ — прозваніе польскаго короля Казиміра IV (см.).

Ягеллоны — польско-литовская династія, ведущая свое происхожденіе отъ литовскаго князя и польскаго короля Ягайла (см.). Унія Литвы съ Польшею, измѣняясь съ теченіемъ времени и иногда прерываясь, была, однако могущественнымъ факторомъ въ развитіи исторической жизни. Благодаря уніи образовалась въ Восточной Европѣ обширная политическая федерація, которая представляла для другихъ народовъ большую притягательную силу, и они приглашали Ягеллоновъ въ государи. Чехи, отложившіеся въ гуситскую эпоху отъ Сигизмунда Люксембургскаго, предлагали корону своей родины сначала Ягайлѣ, потомъ Витовту, но чешско-польская унія не осуществилась вслѣдствіе противодѣйствія, которое оказало католическое духовенство, опасавшееся распространенія въ Польшѣ гуситской ереси. Когда умеръ Сигизмундъ и чешскій престолъ занялъ Альбрехтъ, гуситы возобновили мысль о чешско-польской уніи: чешская корона была предложена второму сыну Ягайла, Казиміру, но планъ этотъ снова потерпѣлъ неудачу по тѣмъ же причинамъ. Вскорѣ послѣ того Ягеллоны пріобрѣли корону другой страны — Венгріи, когда на престолъ ея возсѣлъ (1440 г.) польскій король Владиславъ III, погибшій въ походѣ противъ турокъ подъ Варною (1444 г.). Преемникъ его въ Польшѣ и Литвѣ Казиміръ IV энергически преслѣдовалъ цѣли династической политики. Путемъ договора съ чешскимъ королемъ Георгіемъ Подѣбрадомъ онъ возвелъ на престолъ Чехіи (1471) своего сына Владислава, но попытка посадить на венгерскій престолъ второго сына Казиміра была неудачна и привела къ войнѣ съ венгерскимъ королемъ Матвѣемъ Корвиномъ. Послѣ смерти послѣдняго венгры признали своимъ государемъ чешскаго короля Владислава (1490). Такимъ образомъ въ концѣ XV и началѣ XVI в. Ягеллоны царствовали въ Литвѣ, Польшѣ, Пруссіи, которая въ 1454 г. добровольно подчинилась Казиміру IV, Чехіи и Венгріи. Могущество ихъ кажется нѣкоторымъ историкамъ громаднымъ, но въ дѣйствительности основы этого могущества были непрочны, такъ какъ Я. располагали незначительными финансовыми средствами. Въ 1526 г., послѣ гибели чешско-венгерскаго короля Людовика въ битвѣ съ турками при Могачѣ, Я. лишились Чехіи и Венгріи: эти страны, на основаніи договора, заключеннаго польскимъ королемъ Сигизмундомъ съ императоромъ Максимиліаномъ I (на вѣнскомъ конгрессѣ 1515 г.), перешли во владѣніе Габсбурговъ. Въ Польшѣ и Литвѣ Я. процарствовали до 1572 г., когда со смертью бездѣтнаго короля Сигизмунда II Августа прекратилась эта династія. Результаты династической политики Ягеллоновъ продолжали дѣйствовать и дальше въ жизни Польши и Литвы. Династія, не отличавшаяся воинственностію, пріобрѣтала государства путемъ договоровъ, которые должны были гарантировать соединяемымъ странамъ одинаковое въ правовомъ отношеніи положеніе. Такъ возникла и развилась такъ назыв. ягеллоновская идея, которая привела Литву и Польшу къ Люблинской уніи. Положеніе династіи въ той и другой странѣ было неодинаково: польскую корону она получала путемъ избранія, Литва считалась ея наслѣдственнымъ владѣніемъ. Въ 1564 г. Сигизмундъ-Августъ отказался отъ своихъ наслѣдственныхъ правъ въ Литвѣ и такимъ образомъ подготовилъ почву для соединенія обѣихъ странъ, на основаніи политическихъ началъ, нормировавшихъ польскую жизнь того времени. *В. Н.*

Ягельскій (Касьянъ Осиповичъ, 1736—1774)—врачъ; образованіе получилъ въ кіев-

ской духовной академіи, а медицинское—въ спб. генеральномъ госпиталѣ, гдѣ и получилъ званіе лекаря. Въ 1761 г. былъ командированъ за границу, въ 1765 г. въ Лейденѣ получилъ степень доктора медицины за диссертацію «De passione hysterica». По возвращеніи (въ 1766 г.) получилъ право практики въ Россіи и назначенъ младшимъ докторомъ спб. адмиралтейскаго госпиталя, гдѣ читалъ по-русски и по-латыни физіологію, патологію, матерію-медику и практику; тѣ же предметы въ 1768 г. преподавалъ въ московскомъ генеральномъ госпиталѣ. Во время московской чумы въ 1770 г. Я. первый (по Чистовичу) распозналъ ее. Кромѣ диссертаціи напечаталъ: «Наставленіе о предохранительныхъ средствахъ отъ моровой язвы» (М., 1771). Ср. Чистовичъ «Исторія первыхъ медицинскихъ школъ въ Россіи» (СПб., 1883); А. Никитинъ, «Краткій обзоръ состоянія медицины въ Россіи въ царствованіе Екатерины II» (СПб., 1855).

Ягеманнъ (Каролина Heigendorf-Jagemann) — придворная пѣвица въ Веймарѣ (1780—1847). Дебютировала въ 1795 г. въ Мангеймѣ. Въ 1797 г. выступила на сценѣ веймарскаго театра въ оперѣ «Оберонъ» Враницкаго, имѣла выдающійся успѣхъ и съ тѣхъ поръ не покидала веймарской сцены, уѣзжая только на короткій срокъ въ Берлинъ, гдѣ выступала также съ большимъ успѣхомъ.

Ягеманнъ (Людвигъ фонъ-Jagemann)—извѣстный баденскій юристъ (1805 — 1853). Былъ членомъ и прокуроромъ фрейбургскаго гофгерихта. Занимался изученіемъ тюремнаго дѣла; завѣдывалъ постройкой Брухзальской тюрьмы, устроенной по системѣ одиночнаго заключенія. Написалъ: «Deutsche Städte und deutsche Männer, nächst Betrachtungen über Kunst, Leben und Wissenschaft» (Лейпцигъ, 1842; нов. изд. 1846); «Handbuch der gerichtlichen Untersuchungskunde» (Франкфуртъ, 1838—41); началъ «Kriminallexikon», законченный Вильгельмомъ Брауэромъ (Эрлангенъ, 1854). Другія его соч.: «Die Militärstrafen im Lichte der Zeit» (Эрлангенъ, 1849); «Beiträge zur Erläuterung der neuen bad. Strafgesetzgebung», въ сотрудничествѣ съ Вильг. Брауэромъ (Фрейб., 1847).

Ягеманнъ (Христіанъ Jagemann)—историкъ литературы (1735—1804). Былъ монахомъ въ Констанцѣ, бѣжалъ оттуда и нѣсколько лѣтъ занимался учительствомъ; затѣмъ вернулся на родину и былъ отправленъ для покаянія въ Римъ. Во Флоренціи онъ основательно изучилъ итальянскую литературу. По возвращеніи въ Германію былъ нѣкоторое время директоромъ католической гимназіи въ Эрфуртѣ, а съ 1775 г. библіотекаремъ герцогини Анны-Амаліи въ Веймарѣ. Здѣсь онъ оставилъ монашество, перешелъ въ протестантство и женился. Въ своей «Geschichte der freien Künste und Wissenschaften in Italien» (Лпц., 1777—81; переработка «Storia della litteratura italiana» Тирабоски) онъ познакомилъ нѣмцевъ съ итальянской литературой. Съ тою же цѣлью онъ издавалъ «Magazin der ital. Litteratur und Künste» (Веймаръ и Галле, 1780—85). Ему же принадлежитъ переводъ Дантовскаго «Ада» на нѣмецкій языкъ.

Ягичъ (Игнатій Викентьевичъ, Vatroslav Jagić)—выдающійся представитель современной славянской филологіи. Род. въ 1838 г. въ хорватскомъ Вараждинѣ, учился въ вѣнскомъ унив., преподавалъ въ загребской гимназіи, состоялъ проф. въ Одессѣ (1871—74), Берлинѣ (1874—80), Петербургѣ (1880—1885), теперь проф. въ Вѣнѣ. Первая статья Я.: «Pabirci po cvieću našega narodnoga pjesničtva»—о сербской народной поэзіи, напечатана въ приложеніи къ годовому отчету загребской гимназіи въ 1861 г., а черезъ годъ тамъ же появилась первая лингвистическая работа: «Deklinacija imena samostavnoga usporedjena, kako se razvi u staroslovenskom - srbskom - hrvatskom jeziku». Къ 1864 г. относится большая и содержательная статья Я., сразу опредѣлившая дальнѣйшіе его интересы: это—очеркъ «Jihoslovane», помѣщенный въ энциклопедіи Ригра («Naučny Slovnik», Прага). Человѣкъ живой и общительный, Я. не могъ посвятить себя какой-нибудь одной области славянскихъ изученій; интересы его всегда отличались широтой, даже разбросанностью. Въ этомъ отношеніи Я. выдѣляется изъ среды остальныхъ славистовъ и отличается отъ своего непосредственнаго предшественника по вѣнской каѳедрѣ, лингвиста Миклошича. Въ разнообразіи его ученыхъ трудовъ заключается его главная заслуга. Основанный имъ въ Берлинѣ въ 1876 г. «Archiv für slavische Philologie», первый спеціальный славянскій журналъ, знакомитъ европейскихъ ученыхъ съ состояніемъ славянской филологической науки и объединяетъ не только славянскихъ ученыхъ между собой, но и нѣкоторыхъ западныхъ ученыхъ, этимъ какъ-бы сближая славянскій міръ съ германо-романскимъ западомъ. «Славянство» разсматривается здѣсь какъ «нѣчто единое и цѣльное». 28-лѣтнее существованіе журнала въ результатѣ дало массу цѣнныхъ статей, «реабилитирующихъ» славянство предъ Западомъ, который до того времени не желалъ признавать славянской филологіи, отводя мѣсто въ наукѣ лишь германской и романской филологіямъ. Такое же значеніе «откровенія» имѣла рѣчь Я. при вступленіи на вѣнскую каѳедру въ 1886 г. (А. Н. Веселовскій, «Вступительная лекція проф. Я.», «Вѣстникъ Европы», 1886, XI). Не меньшее значеніе имѣетъ организованный имъ при его каѳедрѣ славянскій семинарій. Среди трудовъ Я. на первомъ мѣстѣ стоятъ изданія древнихъ памятниковъ церк.-славянскаго языка. Вмѣстѣ съ Ф. Рачкимъ онъ издалъ «Ассеманово Евангеліе» («Assemanov ili Vatikanski Evangelistar», Загребъ, 1865), затѣмъ Зографское («Quattuor Evangeliorum, codex glagoliticus olim Zographensis nunc Petropolitanus», Б., 1879) и Маріинское («Памятникъ глаголической письменности. Маріинское Четвероевангеліе», СПб., 1883, изд. акад. наукъ). Помимо точнаго воспроизведенія текстовъ съ варіантами, эти изданія цѣнны предисловіями Я., гдѣ не только даны характеристики отдѣльныхъ рукописей и опредѣлено ихъ взаимное отношеніе, но сдѣланы и общія на-

блюденія надъ глаголическими памятниками. Мнѣніе Я. легло въ основу дальнѣйшихъ изслѣдованій въ этой области. Къ тому же отдѣлу относятся «Служебныя минеи за сентябрь, октябрь и ноябрь. въ церк.-слав. переводѣ, по русскимъ рукописямъ 1096—1097 гг.» (СПб., 1886, изд. акд. наукъ), съ 6 снимками, и участіе Я. въ изданіи Мирославова Евангелія XII в. (Бѣлградъ, 1897). Важнѣйшія изъ болѣе мелкихъ изданій Я.: «Opisi i izvodi iz nekoliko južnoslov. rukopisa» («Starine», V, VI, IX, X и отд., Загребъ, 1878), «Prilozi k historii književnosti naroda hrvatskoga i srbskoga» (Загребъ, 1868), «Život Aleksandra Velikoga» («Starine», V), «Missale glagoliticum Hervojæ ducis spalatensis» (В., 1891), «Kako se pisalo bugarski prije dviesti godina» («Starine», IX), «Slavische Beiträge zu d. biblischen Apokryphen» («Denksriften» вѣнской акд., 1893), «Katharinen-Legende im altkroat. Fassung» («Archiv f. sl. Ph.», IX), «Житіе сербскаго деспота Стефана Лазаревича» («Гласъ», XLII), «Винодольскій законъ» (изд. общества любит. древ. письм., LIX), «Статутъ о-ва Крка» (тамъ же, XLIV), «Статутъ Поличскій»(«Monumenta hist.-jurid.», изд. юго-слав. акд., Загребъ, IV), «Физіологъ» («Starine», IX), «Изреченія Менандра» («Sitzungsberichte» вѣнской акд. наукъ, т. CXXVI). Многіе тексты изданы въ приложеніи къ отзывамъ Я. о чужихъ работахъ и въ двухъ хрестоматіяхъ: «Primjeri starohrvatskoga jezika» (Загребъ, 1864—66) и «Образцы церк.-слав. яз. по древн. кирилл. и глагол. памятникамъ» (съ словаремъ, СПб., 1871). Какъ *лингвистъ*, Я. извѣстенъ своими содержательными предисловіями къ перечисленнымъ выше памятникамъ, изслѣдованіемъ о языкѣ Добромирова Евангелія» («Sitzungsberichte» вѣнской акд. наукъ, т. CXL), раннимъ трудомъ «Grammatika jezika hérvatskoga» (Загребъ, 1864, ч. I. фонетика), многочисленными рецензіями и статьями по исторіи серб., болг. и русск. яз., печатавшимися въ его «Архивѣ». Въ связи съ исторіей языка и изданіемъ памятниковъ находятся работы Я. по *палеографіи*. Въ статьѣ о Синайскомъ требникѣ («Archiv f. sl. Ph.», 1883) онъ отвергаетъ теорію о происхожденіи глаголицы изъ албанскаго письма и отстаиваетъ греческій минускулъ, какъ ея прототипъ; ту же мысль онъ развиваетъ въ «Четырехъ палеографическихъ статьяхъ» («Сборникъ II отд.», XXXIII). Вопроса о глаголицѣ Я. касался нѣсколько разъ, особенно въ капитальной работѣ: «Zur Entstehungsgeshichte der Kirchenslav. Sprache» (Вѣна, 1900). По исторіи слав. литературъ у Я. гораздо меньше трудовъ. Главные изъ нихъ: «Historija književnosti naroda hrvatskoga i srpskoga» (Загребъ, 1867, русскій переводъ въ Казани, 1871), «Вопросъ о Кириллѣ и Меѳодіи въ слав. филологіи» («Сборникъ II отд.», XXXVIII), «Вновь найденное свидѣтельство о дѣятельности Константина Философа» (тамъ же, LIV), «Размѣръ древнѣйшихъ стихотвореній поэтовъ славянскихъ въ Далмаціи» («Извѣстія II отд. акад. наукъ», т. I, кн. 1), «Критическія замѣтки къ слав. переводу двухъ апокрифическихъ сказаній» (тамъ же, т. III, кн. 2). Къ исторіи славянской филологіи относится большая работа Я., задуманная имъ еще въ 1887 г. — собраніе всего, что высказывалось, начиная съ X в., о церковно-слав. языкѣ, какъ органѣ духовной жизни славянъ: «Разсужденія южнослав. и русской старины о церк.-слав. яз.» («Изслѣдованія по русскому языку», СПб. 1895). Ему принадлежитъ еще «Bibliographische Uebersicht der Erscheinungen auf dem Gebiete der slav. Philologie und Alterthumskunde seit dem Jahre 1870» («Archiv f. sl. Ph.», I). Я. — ученый широкой инициативы. Еще въ 1876 г. онъ нашелъ необходимымъ прочно поставить славянскую библіографію; въ 1880 г. докладывалъ нашей академіи (членомъ которой онъ состоитъ съ 1880 г.) о задуманномъ имъ изданіи сравнительнаго словаря всѣхъ славянскихъ языковъ; въ 1882 г. предпринялъ полное изданіе всѣхъ выдающихся памятниковъ русской письменности XI—XII вв.; въ 1893 г. у него возникла мысль объ изданіи славянской энциклопедіи. Всѣ эти вопросы поставлены главными задачами предстоящаго съѣзда славистовъ; на предварительномъ съѣздѣ Я., какъ предсѣдатель, говорилъ о нихъ съ полнымъ знаніемъ дѣла. Какъ ученый исключительно кабинетный, Я. лично не собиралъ произведеній народнаго творчества, не изучалъ діалектологію на мѣстѣ и очень несчастливъ въ своихъ политическихъ теоріяхъ. Австрійскіе славяне не разъ имѣли случай упрекать авторитетнаго слависта въ угодливости вѣнскому правительству, а «созданный» имъ «боснійскій языкъ», какъ самостоятельный, сдѣлался нарицательнымъ словомъ довольно печальной памяти.

А. И. Яцимирскій.

Ягла (Capra jemlaica=Hemitragus jemlaicus)—см. Полукозлы.

Ягностевы—старинный русскій дворянскій родъ, восходящій къ концу XVI в. и записанный въ VI ч. род. кн. Костромской губ. Родоначальникъ его—Прокофій Сулешовичъ Я. Гербъ этого рода внесенъ въ XII часть Общаго Гербовника. *В. Р—въ.*

Ягны *Большія* и *Малыя*—двѣ горы хребта Аладжа (въ Карсской области); онѣ представляли лѣв. флангъ передовой позиціи тур. арміи Мухтара-паши на Аладжинскихъ высотахъ (см. Аладжа).

Ягнятинъ—с. Кіевской губ., Сквирскаго у., на р. Раставицѣ, въ 15 вер. отъ ст. жел. дор. 3247 жителей, црк.-приход. учил., вод. мельница. Упоминается въ лѣтописяхъ XV ст. Здѣсь былъ нѣкогда «Китай-городъ», разрушенный татарами. Въ селѣ два большихъ городища—лѣтописный гор. *Неятинъ* Берендичей. Близъ села огромный могильникъ, состоящій изъ болѣе чѣмъ 1000 кургановъ, по большей части обложенныхъ камнемъ и относящихся, по видимому, къ бронзовому вѣку (изслѣдовано 16 кургановъ). *П. Т.*

Ягнятники—см. Грифы, Ягнятниковыя.

Ягнятниковыя (Gypaëtidae)—семейство дневныхъ хищныхъ птицъ, къ которому относится только одинъ видъ, бородатый ягнятникъ (Gypaëtus barbatus). Отличается сильнымъ, очень крючковатымъ, длиннымъ, сжа-

всѣ проявленія демократическихъ стремленій. Слѣдуя политикѣ, опредѣлившейся еще при Грохольскомъ, польскій клубъ и при Яворскомъ поддерживалъ правительство гр. Тааффе, сохраняя, однако, свою самостоятельчость. Въ одной рѣчи въ рейхсратѣ въ 1890 г. Я. говорилъ даже объ эксплуататорскихъ по отношенію къ полякамъ цѣляхъ австрійскаго правительства; эта рѣчь вызвала противъ него сильное недовольство при дворѣ. Когда въ 1893 г. Тааффе внесъ проектъ избирательной реформы, Я. высказался рѣшительно противъ нея и согласился на образованіе коалиціи изъ польскаго клуба, клуба Гогенварта и нѣмецкихъ либераловъ, хотя ранѣе возставалъ противъ всякихъ союзовъ съ ними. Когда послѣ паденія Тааффе (1893) образовалось коалиціонное м-во Виндишгреца, Я. вступилъ въ него министромъ для Галиціи, вслѣдствіе чего оставилъ свою службу въ судѣ и свое званіе старшины клуба. Онъ сохранилъ тотъ же постъ и въ «дѣловомъ» м-ствѣ Кильмансегга (1895), но вышелъ въ отставку вмѣстѣ со всѣмъ кабинетомъ (1895). Его замѣститель въ польскомъ клубѣ, Залѣсскій, отказался отъ своего званія, и Я. былъ вновь избранъ старшиной клуба (1896).

В. В—овъ.

Яворскій (Василій) — духовный писатель, сынъ священника Тульской губ., воспитанникъ московской дух. академіи; состоитъ преподавателемъ физики и математики въ тульской духовной семинаріи. Въ 1904 г. защитилъ магистерскую диссертацію «Символическія дѣйствія пророка Осіи» (Свято-Троицкая Сергіева лавра, 1903). Кромѣ диссертаціи, Я. напечаталъ: «Каѳедра физико-математическихъ наукъ въ дух. семинаріяхъ» («Богосл. Вѣстникъ», 1902 іюль—августъ); «Ветхозавѣтный мудрецъ предъ жизненной проблемой» («Христ. Чтеніе», 1902, октябрь); «Отношеніе въ Ветхомъ Завѣтѣ институтовъ— пророческаго и священническаго» («Вѣра и Разумъ», 1903, №№ 22—23); «Старокатолики и православная Россія» («Вѣра и Церковь», 1903, № 9); «Древніе и современные Нероны и Діоклетіаны» («Душепол. Чтеніе», 1903, № 3); въ «Тульскихъ Епарх. Вѣдомостяхъ»—«Новый вопросъ и старая наука—къ предполагаемой реформѣ календаря», «Реформы календаря при Петрѣ Вел. и взглядъ его на раскольниковъ XVIII вѣка — по поводу юбилейныхъ торжествъ въ Петербургѣ» и др.; рѣчь предъ защитой диссертаціи: «Психологическая и историческая естественность и цѣлесообразность символическихъ дѣйствій пророка Осіи».

Яворъ (Acer Pseudoplatanus)—см. Ацеръ и Кленъ.

Явочные акты — одинъ изъ видовъ актовъ укрѣпленія правъ, наряду съ домашними и крѣпостными. Совершаются самими участниками даннаго юридическаго отношенія. Самая явка актовъ заключается въ предъявленіи актовъ сдѣлки нотаріусу для засвидѣтельствованія, при чемъ нотаріусъ производитъ засвидѣтельствованіе на самомъ актѣ, съ означеніемъ лицъ, предъявившихъ его, предварительно удостовѣрившись въ ихъ самоличности и законной правоспособности. Въ текстѣ X тома Зак. Гражд. имѣется лишь нѣсколько статей, касающихся Я. актовъ. Юридическое опредѣленіе Я. актовъ даетъ Полож. о нотар. части (ст. 78, 146, 147), дѣйствующее въ мѣстностяхъ, гдѣ введены во всемъ объемѣ судебные уставы Имп. Александра II; для прочихъ мѣстностей руководящую роль играетъ особое приложеніе къ 708 ст. Я. актамъ закономъ обезпечены преимущества передъ домашними: предварительное исполненіе (ст. 737, 831 Уст. гражд. судопр.), обезпеченіе иска (стт. 125, 595), бо̀льшая доказательная сила (ст. 106, 457, 459, 476). Въ подлинности Я. актовъ не можетъ быть заявлено сомнѣніе (ст. 109, 543 Уст. гражд. судопр.), допускается лишь споръ о подлогѣ съ тяжелыми послѣдствіями въ случаѣ бездоказательности обвиненія.

Явское море — водное пространство между островомъ Явою на Ю, Суматрою на З, Борнео — на С и меридіаномъ вост. оконечности о-ва Явы. Оно лежитъ приблизительно между 106°—114°30′ в. д. отъ Гр. и 3°—7° ю. ш. и составляетъ часть Тихаго океана, граница между которымъ и Индійскимъ океаномъ проходитъ по внѣшнюю сторону большихъ Зондскихъ острововъ. Яв. море отличается очень незначительными глубинами, нигдѣ не превосходящими 100 м., какъ это выяснила послѣдняя глубоководная голландская экспедиція на «Сибога» 1899—1900 г., наибольшая глубина 82 м. лежитъ въ вост. части моря у самой его окраины. Постоянныхъ теченій нѣтъ, а есть мусонныя, идущія зимою Сѣв. полушар. на З, а лѣтомъ того же полушарія—на В., со скоростью отъ 15—20 морскихъ миль въ сутки.

Ю. Ш.

Ягайло или *Ягелло* — великій князь литовскій и польскій король. Сынъ православной княгини Юліяніи, онъ исповѣдывалъ уже въ юности, по утвержденію нѣкоторыхъ изслѣдователей, православіе; другіе историки доказываютъ, что онъ оставался язычникомъ до самаго момента принятія католической вѣры. Сдѣлавшись великимъ княземъ послѣ смерти своего отца, вел. князя Ольгерда (1377), онъ вступилъ въ борьбу со своимъ дядею Кейстутомъ, коварно заманилъ его на свиданіе и заключилъ въ кревскій замокъ, гдѣ Кейстутъ, по показанію однихъ источниковъ, въ припадкѣ отчаянія самъ на себя наложилъ руки, а согласно другимъ источникамъ былъ задушенъ по приказанію Я. Говорили, что Я. приказалъ утопить и жену Кейстута, Бируту. Двоюродный братъ Я. Витовтъ, заключенный вмѣстѣ со своимъ отцомъ Кейстутомъ въ кревскій замокъ, успѣлъ спастись бѣгствомъ къ великому магистру тевтонскаго ордена, началъ въ союзѣ съ нѣмецкими рыцарями борьбу противъ Я. и поставилъ его въ такое положеніе, что онъ долженъ былъ отказаться, по договору на р. Дубиссѣ, отъ Жмуди и обязался принять въ теченіе четырехъ лѣтъ католическую вѣру (1384). Опасность, угрожавшая Я. со стороны ордена, заставила его искать союза съ Польшею. Услышавъ о красотѣ польской королевы Ядвиги (см.), онъ рѣшилъ просить ея руки, согла-

melaeaceae). Это прямо-стоячіе и лежачіе кустарники или небольшія деревья; листья у нихъ разсѣянные, рѣдко супротивные, кожистые и большею частью зимующіе, рѣдко мягко травянистые и однолѣтніе. Цвѣтки правильные, обоеполые, собранные въ верхушечныя или рѣдко въ боковыя соцвѣтія, пучкомъ, головкою, рѣдко кистью или метелкою; цвѣтки большею частью душистые, бѣлые, розовые, желтые или зеленоватые. Цвѣтоложіе (receptaculum) вытянуто въ цилиндрическую или у основанія немного расширенную трубочку; чашечка о 4 листкахъ; вѣнчика нѣтъ; тычинокъ 8, прикрѣпленныхъ къ трубочкѣ цвѣтоложа; пестикъ одинъ съ верхнею, одногнѣздною, односѣмянною завязью, съ короткимъ столбикомъ и головчатымъ рыльцемъ. Плодъ — костянка. Всѣхъ видовъ насчитывается до 40, дико растущихъ въ умѣренномъ климатѣ Европы и Азіи. Въ Россіи дико растутъ два вида D. Mezereum L., иначе волчье лыко, по лѣсамъ въ средней и сѣверной Россіи и D. Cneorum L., въ сосновыхъ лѣсахъ западной Россіи. Оба вида—низкіе кустарники; у перваго листья однолѣтніе, продолговато ланцетные, цвѣтки розовые, костянки красныя; у второго — листья зимующіе, линейноклиновидные цвѣтки въ головкѣ, костянки бурыя. Часто разводится D. altaica Pall, съ бѣлыми цвѣтками. Сѣмена D. Mezereum—ядовиты. *С. Ростовцевъ.*

Ягодковыя—то же, что сладкоягодковыя.

Ягодная болѣзнь крыжовника—выражается въ томъ, что на ягодахъ упомянутаго кустарника весной появляется бѣлый паутинистый налетъ, вскорѣ превращающійся въ бурый, густой войлокъ, обволакивающій всю ягоду, которая сморщивается и засыхаетъ, не созрѣвая и не достигая своей нормальной величины. Подобный же налетъ наблюдается на листьяхъ и на побѣгахъ. На пораженныхъ кустахъ обыкновенно всѣ ягоды безъ исключенія засыхаютъ. Эта опасная болѣзнь вызывается развитіемъ паразитнаго грибка Sphaerotheca mors uvae Berk. et Curtis изъ семейства мучнисторосяныхъ (Erysipheae). Названный грибокъ еще недавно былъ совершенно неизвѣстенъ въ Европѣ и пользовался весьма широкимъ распространеніемъ лишь въ Сѣверной Америкѣ. Въ 1900 году онъ появился въ Ирландіи и одновременно въ Россіи, гдѣ по наведеннымъ справкамъ онъ завезенъ изъ Америки вмѣстѣ съ выписанными оттуда новыми сортами крыжовника. Въ два—три года грибокъ успѣлъ захватить въ Россіи громадный районъ и встрѣчается теперь въ Сибири, въ Ломжинской губ., въ Лифляндіи, въ центральныхъ губерніяхъ и въ Ставропольской губерніи. Только въ Закавказьѣ и въ Туркестанѣ болѣзнь еще не обнаружена. Мѣры борьбы съ этимъ опаснымъ грибкомъ состоятъ въ опрыскиваніи крыжовника растворомъ трехъ лотъ сѣрнистаго калія на одно ведро воды, черезъ каждые десять дней, начиная съ момента распусканія листьевъ, и кончая лишь недѣли за двѣ до полнаго созрѣванія ягодъ. Помимо этого слѣдуетъ еще тщательно собирать и сжигать пораженныя ягоды и срѣзать больные побѣги. Болѣзнь встрѣчается также на черной и красной смородинѣ. На крыжовникѣ во всей Европѣ, а также и въ Россіи встрѣчается еще другой мучнисторосяной грибокъ Microsphaera Grossulariae Lev., который отличается отъ Sphaerotheca mors uvae уже потому, что онъ поражаетъ почти исключительно листья, на которыхъ развивается бѣлый, паутинистый налетъ, никогда не переходящій въ бурый войлокъ и большею частью быстро исчезающій. Грибокъ этотъ гораздо менѣе опасенъ, такъ какъ обусловливаетъ, да и то въ рѣдкихъ случаяхъ, только засыханіе листьевъ. Мѣры борьбы съ нимъ состоятъ въ обсыпкѣ кустовъ сѣрнымъ цвѣтомъ. *А. Ячевскій.*

Ягодная Поляна—нѣм. кол. Саратовской губ. и у. 8 тыс. жит., лютеранск. церк., 2 учил., земскій складъ земледѣльч. орудій и машинъ, синильни, мельницы, лавки, еженедѣльно 2 базара, 2 ярмарки. Почт. отд.

Ягодная слобода—пригородная часть г. Казани, на прав. берегу р. Казанки, противъ Адмиралтейской слоб., лежащей между Казанской (Устьинской) пристанью на р. Волгѣ и собственно г. Казанью. Я. слобода образовалась изъ присоединеннаго къ г. Казани въ 1825 г. подгороднаго с. Ягоднаго. Мѣстоположеніе низменное; часть улицъ въ половодье затопляется. Жителей около 10000; кожевенные заводы.

Ягодникъ (Pentatoma baccarum) — см. Клопъ ягодный.

Ягодное (Воскресенское) — с. Ставропольскаго у., Самарской губ., при оз. Большомъ, въ 15 вер. отъ волжской прист. Новодѣвичья. 3418 жит. Хлѣбная торговля. Земская школа.

Ягодный—о-въ въ Тазовской губѣ, въ устьѣ р. Мяцо, Енисейской губ. и у., въ Туруханскомъ краѣ. Длина о-ва до 50 вер., ширина отъ 1 до 20 вер. О-въ рѣчного образованія, состоитъ изъ песку и глины, поросъ отчасти скудной травой, мхами, ягелями и сланкой, мѣстами болотистъ, окруженъ отмелями и необитаемъ.

Ягорлыкъ—мст. Подольской губ., Балтскаго у., при впаденіи р. Ягорлыка въ Днѣстръ. Основано въ XVI стол., какъ укрѣпленіе противъ татаръ, турокъ и запорожскихъ казаковъ и называлось «Орликъ» или «Кайнарда». Долго служило мѣстомъ собранія турецкихъ и польскихъ комиссаровъ для разбора пограничныхъ споровъ. Въ 1583 г. разорено казаками. Въ настоящее время Я. — бѣдное мѣстечко съ 941 жит., еврейскимъ молитвеннымъ домомъ и нѣсколькими лавками. Въ окрестностяхъ мѣстечка уцѣлѣли кое-гдѣ каменные столбы, поставленные по Карловицкому договору 1699 г. на границѣ польскихъ и турецкихъ владѣній.

Ягоръ (Андрей-Θедоръ Jagor) — нѣмецкій путешественникъ и этнологъ (1816—1900) Въ 1859—61 гг. онъ изслѣдовалъ Филиппинскіе острова и Малаккскій полуостровъ, результатомъ чего явились два труда его объ этихъ областяхъ: «Singapore, Malakka, Java» (Б., 1866) и «Reisen in den Philippinen» (ib., 1873). Многочисленныя коллекціи, собранныя

имъ во времена этихъ путешествій, находятся въ берлинскомъ этнографическомъ музеѣ. Напечаталъ еще: «Ostindisches Handwerk und Gewerbe mit Rücksicht auf den europäischen Arbeitsmarkt» (B., 1878).

Яготынъ—мст. Полтавской губ., Пирятинскаго у., въ 58 вер. отъ уѣздн. гор., на р. Супоѣ. Базары, 4 ярмарки, школы. Жит. 3000.

Ягуарете—см. Ягуаръ.

Ягуаръ (Felis onca; рис. см. фиг. 3, табл. I къ ст. Кошки)—самая крупная изъ дикихъ кошекъ Новаго Свѣта. Длина тѣла взрослаго Я. до корня хвоста—145 стм., длина хвоста—68; есть указанія, что Я. можетъ достигать размѣровъ тигра. Высота въ плечахъ около 80 стм. По сравненію съ тигромъ и леопардомъ Я. имѣетъ болѣе массивное туловище и короткія конечности. Основной цвѣтъ мѣха съ верхней стороны и снаружи красновато-желтый, а на нижней сторонѣ тѣла, начиная отъ конца морды, и на внутренней сторонѣ конечностей—бѣлый. По этому фону разсѣяны сплошныя пятна или кольца черного цвѣта, разнообразной величины и формы. На бѣлой части мѣха пятна рѣже, но крупнѣе и болѣе неправильной формы. Особенно постоянны черное пятно у каждаго угла рта и черное пятно съ бѣлой точкой посрединѣ—на задней поверхности каждаго уха. Вдоль середины спины совокупность пятенъ образуетъ неправильную полосу, которая раздваивается у хвоста; нижняя треть хвоста почти черная; пятна образуютъ на ней три неполныхъ кольца. На бокахъ туловища пятна группируются въ болѣе или менѣе правильныя продольныя полосы. Самка окрашена нѣсколько блѣднѣе самца. Вообще цвѣтъ и рисунокъ мѣха чрезвычайно разнообразны; при очень темной окраскѣ пятна почти не выдаются; встрѣчаются и черные Я. Водится Я. въ Сѣверной и Южной Америкѣ отъ Техаса до Патагоніи; наиболѣе часто встрѣчается въ умѣренныхъ областяхъ Южной Америки. Держится на лѣсистыхъ берегахъ рѣкъ, на опушкахъ лѣсовъ близъ болотъ и въ болотистыхъ заросляхъ тростника; рѣдко заходитъ въ глубь лѣсовъ или въ совершенно открытыя мѣста. Отлично плаваетъ и ловко влѣзаетъ на деревья. Питается разнообразными позвоночными, какъ крупными, такъ и мелкими; ловитъ въ камышахъ болотныхъ птицъ, ловко вытаскиваетъ лапой рыбъ изъ воды, нападаетъ на каймановъ, а, по словамъ А. Гумбольдта, и на большихъ морскихъ черепахъ. На охоту выходитъ въ утренніе и вечерніе сумерки и лунныя ночи. Всегда довольствуется одной крупной жертвой, въ отличіе отъ другихъ крупныхъ кошекъ. Къ недоѣденной добычѣ не возвращается никогда и, повидимому, не трогаетъ падали. Опасенъ для человѣка, но не вездѣ одинаково; въ безлюдныхъ мѣстностяхъ случаи нападенія Я. на человѣка исключительно рѣдки; напротивъ, Я., живя въ сосѣдствѣ человѣка, становится смѣлѣе. Утверждаютъ, что Я., встрѣчая негровъ и бѣлыхъ, предпочтительно нападаетъ на первыхъ. Легко переноситъ неволю и плодится въ звѣринцахъ. Скрещивается съ леопардомъ и пантерой и производитъ ублюдковъ, способныхъ къ дальнѣйшему продолженію рода. *Д. П—о.*

Ягужинскіе—угасшій русскій графскій родъ, ведущій начало отъ литвина, бывшаго органиста лютеранской церкви въ Москвѣ, и съ 1713 г. маіора, *Ивана Я.* Второму сыну послѣдняго, *Павлу Ивановичу* Я. (см. ниже) и пожаловано было въ 1731 г. графское достоинство. Сынъ его *Сергѣй* (1731—1806), бывшій генералъ-поручикомъ, умеръ бездѣтнымъ. *В. Р—въ.*

Ягужинскій (Павелъ Ивановичъ, графъ, 1683—1736)—одинъ изъ сотрудниковъ Петра Великаго, незнатнаго происхожденія; неоднократно исполнялъ различныя дипломатическія порученія. Въ началѣ 1722 г., при учрежденіи должности генералъ-прокурора при сенатѣ, Я. былъ назначенъ на этотъ постъ, который сохранилъ и при Екатеринѣ I, не смотря на очень враждебное отношеніе къ нему Меншикова. Въ 1726 г., по поводу кандидатуры Морица Саксонскаго на курляндскій престолъ, Я. былъ отправленъ въ Польшу, на гродненскій сеймъ, съ порученіемъ не допускать осуществленія названной кандидатуры, а также проектированнаго полнаго присоединенія Курляндіи къ Польшѣ. По воцареніи Петра II, Меншиковъ рѣшилъ удалить Я., и ему велѣно было отправиться въ украинскую армію. Послѣ паденія Меншикова Я. былъ немедленно возвращенъ и пожалованъ въ ген.-отъ-кавалеріи и въ капитанъ-лейтенанты отъ кавалергардіи; при имп. Аннѣ ему было поручено временное исполненіе возстановленной должности генералъ-прокурора; въ 1731 г. онъ поссорился съ Остерманомъ, вслѣдствіе чего былъ удаленъ отъ двора и назначенъ посланникомъ въ Берлинъ (1732—1735); по возвращеніи въ отечество пожалованъ въ кабинетъ-министры. Въ 1725 г. возведенъ въ графское Россійской имперіи достоинство. См. «Русскій Архивъ» (1865, № 3).

Ягылъ-яхъ (Эюмъ-язъ)—р. Томской губ. и у., въ Нарымскомъ краѣ; вытекаетъ изъ болотъ на границѣ Тобольской губ., течетъ извилисто на СВ, впадаетъ съ лѣвой стороны въ р. Васьюганъ. Длина до 130 в., доступна небольшимъ лодкамъ, довольно рыбна, течетъ по лѣсистоболотистой, ненаселенной мѣстности.

Ядассонъ (Соломонъ Jadassohn)—піанистъ, композиторъ и теоретикъ (1831—1901), ученикъ Гесса по игрѣ на фортепіано. Въ 1849 г. Я. уѣхалъ въ Веймаръ, гдѣ Листъ руководилъ его занятіями. Вернувшись въ Лейпцигъ, Я. получилъ званіе профессора фортепіанной игры. Изъ его сочиненій извѣстны симфоніи, тріо, духовныя пѣсни, хоры, фортепіанныя сочиненія, изъ которыхъ въ особенности пользовалась популярностью соната для скрипки и фортепіано. Съ 1867 по 1869 г. былъ капельмейстеромъ въ музыкальномъ обществѣ «Эвтерпа» въ Лейпцигѣ. *Н. С.*

Ядвига—польская королева, дочь венгерскаго короля Людовика Великаго. Род. въ 1372, ум. въ 1399 г. Отецъ ея строилъ обширные династическіе планы. Имѣя трехъ до-

блюденія надъ глаголическими памятниками. Мнѣніе Я. легло въ основу дальнѣйшихъ изслѣдованій въ этой области. Къ тому же отдѣлу относятся «Служебныя минеи за сентябрь, октябрь и ноябрь. въ церк.-слав. переводѣ, по русскимъ рукописямъ 1096—1097 гг.» (СПб., 1886, изд. акд. наукъ), съ 6 снимками, и участіе Я. въ изданіи Мирославова Евангелія XII в. (Бѣлградъ, 1897). Важнѣйшія изъ болѣе мелкихъ изданій Я.: «Opisi i izvodi iz nekoliko južnoslov. rukopisa» («Starine», V, VI, IX, X и отд., Загребъ, 1878), «Prilozi k historii kniževnosti naroda hrvatskoga i srbskoga» (Загребъ, 1868), «Život Aleksandra Velikoga» («Starine», V), «Missale glagoliticum Hervojæ ducis spalatensis» (B., 1891), «Kako se pisalo bugarski prije dviesti godina» («Starine», IX), «Slavische Beiträge zu d. biblischen Apokryphen» («Denksriften» вѣнской акд., 1893), «Katharinen-Legende im altkroat. Fassung» («Archiv f. sl. Ph.», IX), «Житіе сербскаго деспота Стефана Лазаревича» («Гласъ», XLII), «Винодольскій законъ» (изд. общества любит. древ. письм., LIX), «Статутъ о-ва Крка» (тамъ же, XLIV), «Статутъ Поличскій»(«Monumenta hist.-jurid.», изд. юго-слав. акд., Загребъ, IV), «Физіологъ» («Starine», IX), «Изреченія Менандра» («Sitzungsberichte» вѣнской акд. наукъ, т. CXXVI). Многіе тексты изданы въ приложеніи къ отзывамъ Я. о чужихъ работахъ и въ двухъ хрестоматіяхъ: «Primjeri starohrvatskoga jezika» (Загребъ, 1864—66) и «Образцы церк.-слав. яз. по древн. кирилл. и глагол. памятникамъ» (съ словаремъ, СПб., 1871). Какъ *лингвистъ*, Я. извѣстенъ своими содержательными предисловіями къ перечисленнымъ выше памятникамъ, изслѣдованіемъ о языкѣ Добромирова Евангелія» («Sitzungsberichte» вѣнской акд. наукъ, т. CXL), раннимъ трудомъ «Grammatika jezika hérvatskoga» (Загребъ, 1864, ч. I, фонетика), многочисленными рецензіями и статьями по исторіи серб., болг. и русск. яз., печатавшимися въ его «Архивѣ». Въ связи съ исторіей языка и изданіемъ памятниковъ находятся работы Я. по *палеографіи*. Въ статьѣ о Синайскомъ требникѣ («Archiv f. sl. Ph.», 1883; онъ отвергаетъ теорію о происхожденіи глаголицы изъ албанскаго письма и отстаиваетъ греческій минускулъ, какъ ея прототипъ; ту же мысль онъ развиваетъ въ «Четырехъ палеографическихъ статьяхъ» («Сборникъ II отд.», XXXIII). Вопроса о глаголицѣ Я. касался нѣсколько разъ, особенно въ капитальной работѣ: «Zur Entstehungsgeshichte der Kirchenslav. Sprache» (Вѣна, 1900). По исторіи слав. литературъ у Я. гораздо меньше трудовъ. Главные изъ нихъ: «Historija kniževnosti naroda hrvatskoga i srpskoga» (Загребъ, 1867, русскій переводъ въ Казани, 1871), «Вопросъ о Кириллѣ и Меѳодіи въ слав. филологіи» («Сборникъ II отд.», XXXVIII), «Вновь найденное свидѣтельство о дѣятельности Константина Философа» (тамъ же, LIV), «Размѣръ древнѣйшихъ стихотвореній поэтовъ славянскихъ въ Далмаціи» («Извѣстія II отд. акад. наукъ», т. I, кн. 1), «Критическія замѣтки къ слав. переводу двухъ апокрифическихъ сказаній» (тамъ же, т. III, кн. 2). Къ исторіи славянской филологіи относится большая работа Я., задуманная имъ еще въ 1887 г. — собраніе всего, что высказывалось, начиная съ X в., о церковно-слав. языкѣ, какъ органѣ духовной жизни славянъ: «Разсужденія южнослав. и русской старины о церк.-слав. яз.» («Изслѣдованія по русскому языку», СПб. 1895). Ему принадлежитъ еще «Bibliographische Uebersicht der Erscheinungen auf dem Gebiete der slav. Philologie und Alterthumskunde seit dem Jahre 1870» («Archiv f. sl. Ph.», I). Я. — ученый широкой иниціативы. Еще въ 1876 г. онъ нашелъ необходимымъ прочно поставить славянскую библіографію; въ 1880 г. докладывалъ нашей академіи (членомъ которой онъ состоитъ съ 1880 г.) о задуманномъ имъ изданіи сравнительнаго словаря всѣхъ славянскихъ языковъ; въ 1882 г. предпринялъ полное изданіе всѣхъ выдающихся памятниковъ русской письменности XI—XII вв.; въ 1893 г. у него возникла мысль объ изданіи славянской энциклопедіи. Всѣ эти вопросы поставлены главными задачами предстоящаго съѣзда славистовъ; на предварительномъ съѣздѣ Я., какъ предсѣдатель, говорилъ о нихъ съ полнымъ знаніемъ дѣла. Какъ ученый исключительно кабинетный, Я. лично не собиралъ произведеній народнаго творчества, не изучалъ діалектологію на мѣстѣ и очень несчастливъ въ своихъ политическихъ теоріяхъ. Австрійскіе славяне не разъ имѣли случай упрекать авторитетнаго слависта въ угодливости вѣнскому правительству, а «созданный» имъ «боснійскій языкъ», какъ самостоятельный, сдѣлался нарицательнымъ словомъ довольно печальной памяти.

А. И. Яцимирскій.

Ягла (Capra jemlaica=Hemitragus jemlaicus)—см. Полукозлы.

Ягнетевы—старинный русскій дворянскій родъ, восходящій къ концу XVI в. и записанный въ VI ч. род. кн. Костромской губ. Родоначальникъ его—Прокофій Сулешовичъ Я. Гербъ этого рода внесенъ въ XII часть Общаго Гербовика. *В. Р—въ.*

Ягны *Большія* и *Малыя*—двѣ горы хребта Аладжа (въ Карсской области); онѣ представляли лѣв. флангъ передовой позиціи тур. арміи Мухтара-паши на Аладжинскихъ высотахъ (см. Аладжа).

Ягнятинъ—с. Кіевской губ., Сквирскаго у., на р. Раставицѣ, въ 15 вер. отъ ст. жел. дор. 3247 жителей, црк.-приход. учил., вод. мельница. Упоминается въ лѣтописяхъ XV ст. Здѣсь былъ нѣкогда «Китай-городъ», разрушенный татарами. Въ селѣ два большихъ городища—лѣтописный гор. *Нептинъ* Берендичей. Близъ села огромный могильникъ, состоящій изъ болѣе чѣмъ 1000 кургановъ, по большей части обложенныхъ камнемъ и относящихся, по видимому, къ бронзовому вѣку (изслѣдовано 16 кургановъ). *П. Т.*

Ягнятники—см. Грифы, Ягнятниковыя.

Ягнятниковыя (Gypaëtidae)—семейство дневныхъ хищныхъ птицъ, къ которому относится только одинъ видъ, бородатый ягнятникъ (Gypaëtus barbatus). Отличается сильнымъ, очень крючковатымъ, длиннымъ, сжа-

углеродными атомами (ср. Унитарная система, XXXIV, 817, прим., его замѣчаніе о необходимости стереометрическихъ формулъ для химическихъ тѣлъ), а ребра состоятъ изъ атомовъ водорода; эти ребра могутъ быть вынуты и замѣнены другими, имъ эквивалентными, безъ значительнаго измѣненія вида общей фигуры. На плоскостяхъ призмы могутъ быть насажены пирамиды, и тогда фигура измѣнится, но съ ихъ удаленіемъ можетъ быть возстановлена первоначальная призма и т. д. Теорія Лорана не обратила почти никакого вниманія, если не считать нападокъ Либиха («Ann. Ch. Ph.», XXV, 1) и замѣчаній Берцеліуса («Jahresbericht», *19*, 361): идеи, высказанныя имъ, далеко опередили свое время, и мы видимъ, что въ слѣдующемъ 1837 г. Либихъ и Дюма провозглашаютъ, что неизмѣняемые радикалы представляютъ тѣ «сложные элементы», изъ которыхъ построены органическія тѣла (XXVI, 77); только съ открытіемъ трихлороуксусной кислоты Дюма (см. Уксусная кислота—строеніе) вернется ко взглядамъ Лорана и выскажетъ нѣкоторыя изъ его представленій подъ видомъ теоріи химическихъ типовъ (XXXVII, 219). Въ настоящее время, если оставить въ сторонѣ картинное сравненіе Лорана Я. съ призмами, его теорію можно цѣликомъ найти въ любомъ учебникѣ органической химіи. Углеродные атомы, входящіе въ составъ молекулы органическаго соединенія и теперь считаются, въ большинствѣ случаевъ, образующими его скелетъ (см. Химическое строеніе, XXXVII, 243, и Химическая номенклатура, ib., 212); въ ароматическихъ соединеніяхъ (см. Углеводороды ароматическіе, XXXIV, 435) мы и теперь говоримъ объ ядрахъ: бензольныхъ, нафталинныхъ и т. д.; признаніе соединеній углерода и водорода за основныя ядра совпадаетъ съ современнымъ опредѣленіемъ органической химіи, какъ химіи углеводородовъ и ихъ производныхъ (Schorlemmer, «Rise a. Development of Org. Chemistry», Лондонъ, 1894, 88); вся разница только въ томъ, что съ выясненіемъ понятія о предѣльныхъ соединеніяхъ (XXV, 46) мы ввели и предѣльные углеводороды (см. Парафины, XX, 781) въ кругъ другихъ углеводородовъ и, принявъ ученіе о гомологіи (см.), не имѣемъ необходимости требовать простоты въ отношеніяхъ между атомами углерода и водорода (см. Химія, XXXVII, 258). На явленія замѣщенія мы смотримъ такъ же, какъ смотрѣлъ Лоранъ и такъ же отмѣчаемъ сходство продуктовъ замѣщенія съ исходными тѣлами, особенно, когда имѣемъ дѣло съ хлоропроизводными, изученіемъ которыхъ и занимался въ то время Лоранъ. Его представленіе о неизмѣнности порядка атомовъ («prédisposition dans l'arrangement des atomes», «Méthode de Ch.», стр. 322 и 392), образующихъ молекулу, признается нами теперь цѣликомъ, особенно со времени принятія большинствомъ стереохимическихъ представленій (см. Стереохимія, XXXI, 624). Наконецъ, его требованіе трехмѣрныхъ формулъ химическихъ соединеній удовлетворено по мѣрѣ возможности для органической химіи той же стереохиміей (см.), а для нѣкоторыхъ неорганическихъ соединеній —теоріей Вернера (см. Число координатное—химическихъ соединеній, XXXVIII, 864). Единственнымъ трудомъ, въ которомъ была послѣдовательно проведена теорія Я. Лорана, явился «Handbuch der Chemie» Гмелина (см. т. IV, стр. 16). *А. И. Горбовъ.*

Яджуджъ и Маджучъ—арабская передача библейскихъ Гогъ и Магогъ. Это, по представленію мусульманъ, дикіе народы, загнанные Александромъ Македонскимъ въ горы и окруженные тамъ стѣною; передъ кончиною міра стѣна рухнетъ, народы эти выйдутъ на свободу и произведутъ великое избіеніе прочаго населенія. *Н. В.*

Ядловка—с. Черниговской губ., Козелецкаго уѣзди., въ 6С в. отъ у. г., близъ р. Трубайла (Трубежа), по берегу котораго расположенъ рядъ старыхъ городищъ, насыпанныхъ вѣроятно кіевскими князьями. Зем. школа. Жит. 3100.

Ядовитоязычныя, иначе *стрѣлоязычныя* (Toxiglossa s. Toxoglossa)—группа переднежаберныхъ моллюсковъ (Prosobranchia). Радула ихъ лишена средняго и боковыхъ рядовъ зубцовъ, а сохраняетъ лишь по одному краевому ряду съ каждой стороны, состоящему изъ сильно развитыхъ полыхъ зубцовъ (формула радулы 1.0.0.0.1). Всѣ имѣютъ сифонъ (см.) и сильно развитой хоботъ (см.). Нервная система безъ перекреста (Orthoneura). У основанія радулы открывается ядоотдѣлительная железа, длинный протокъ которой проходитъ сквозь нервное кольцо, окружающее глотку. Радула съ немногочисленными зубцами и можетъ высовываться изо рта на подобіе стрѣлы, откуда второе ихъ названіе. Ядовиты не только для мелкихъ животныхъ, но и для человѣка. Сюда относится сем. Conidae (конусовыя) съ кеглеобразной раковиной съ узкимъ удлиненнымъ отверстіемъ; сифонъ короткій и толстый, а нога слабая, длинная съ маленькой крышечкой. Р. Conus коническая обратно завитая раковина, при чемъ спиральная часть весьма короткая; губы щелевиднаго отверстія почти параллельны и не зазубрены. Утверждаютъ, что съ возрастомъ животнаго раковина утончается вслѣдствіе растворенія самимъ животнымъ. C. mediterraneus въ Средиземномъ морѣ; marmoratus—у береговъ Остиндіи и др. до 400 видовъ. Въ Остиндіи изъ раковинъ C. marmoratus, шлифуя ихъ особымъ образомъ, приготовляютъ кольца, носимыя не только индійскими, но и голландскими женщинами. Мясо того же вида считается вкуснымъ, какъ и икра. Раковины Conus цѣнятся любителями (особенно Conus cedonulli). Въ XVIII столѣтіи собираніе этихъ и другихъ раковинъ было весьма распространено. Замѣчательной коллекціей обладалъ бургомистръ г. Дельфта (Голландія) д'Акве и его «Оранжевый адмиралъ» былъ извѣстенъ любителямъ всей Европы. Цѣна на раковины доходила до нѣсколькихъ сотъ рублей на наши деньги. Сем. Terebridae—раковина въ формѣ шахматной туры, отверстіе съ небольшой вырѣзкой и маленькой крышечкой; сифонъ длинный, нога толстая, маленькая. P. Terebra (T. dimidiata и др.). Сем. Pleuro-

meiaeaceae). Это прямо-стоячіе и лежачіе кустарники или небольшія деревья; листья у нихъ разсѣянные, рѣдко супротивные, кожистые и большею частью зимующіе, рѣдко мягко травянистые и однолѣтніе. Цвѣтки правильные, обоеполые, собранные въ верхушечныя или рѣдко въ боковыя соцвѣтія, пучкомъ, головкою, рѣдко кистью или метелкою; цвѣтки большею частью душистые, бѣлые, розовые, желтые или зеленоватые. Цвѣтоложіе (receptaculum) вытянуто въ цилиндрическую или у основанія немного расширенную трубочку; чашечка о 4 листкахъ; вѣнчика нѣтъ; тычинокъ 8, прикрѣпленныхъ къ трубочкѣ цвѣтоложа; пестикъ одинъ съ верхнею, одногнѣздною, односѣмянною завязью, съ короткимъ столбикомъ и головчатымъ рыльцемъ. Плодъ — костянка. Всѣхъ видовъ насчитывается до 40, дико растущихъ въ умѣренномъ климатѣ Европы и Азіи. Въ Россіи дико растутъ два вида D. Mezereum L., иначе волчье лыко, по лѣсамъ въ средней и сѣверной Россіи и D. Cneorum L., въ сосновыхъ лѣсахъ западной Россіи. Оба вида— низкіе кустарники; у перваго листья однолѣтніе, продолговато ланцетные, цвѣтки розовые, костянки красныя; у второго — листья зимующіе, линейноклиновидные цвѣтки въ головкѣ, костянки бурыя. Часто разводится D. altaica Pall, съ бѣлыми цвѣтками. Сѣмена D. Mezereum—ядовиты. *С. Ростовцевъ.*

Ягодковыя—тоже, что сладкоягодковыя.

Ягодная болѣзнь крыжовника —выражается въ томъ, что на ягодахъ упомянутаго кустарника весной появляется бѣлый паутинистый налетъ, вскорѣ превращающійся въ бурый, густой войлокъ, обволакивающій всю ягоду, которая сморщивается и засыхаетъ, не созрѣвая и не достигая своей нормальной величины. Подобный же налетъ наблюдается на листьяхъ и на побѣгахъ. На пораженныхъ кустахъ обыкновенно всѣ ягоды безъ исключенія засыхаютъ. Эта опасная болѣзнь вызывается развитіемъ паразитнаго грибка Sphaerotheca mors uvae Berk. et Curtis изъ семейства мучнисторосяныхъ (Erysipheae). Названный грибокъ еще недавно былъ совершенно неизвѣстенъ въ Европѣ и пользовался весьма широкимъ распространеніемъ лишь въ Сѣверной Америкѣ. Въ 1900 году онъ появился въ Ирландіи и одновременно въ Россіи, гдѣ по наведеннымъ справкамъ онъ завезенъ изъ Америки вмѣстѣ съ выписанными оттуда новыми сортами крыжовника. Въ два—три года грибокъ успѣлъ захватить въ Россіи громадный районъ и встрѣчается теперь въ Сибири, въ Ломжинской губ., въ Лифляндіи, въ центральныхъ губерніяхъ и въ Ставропольской губерніи. Только въ Закавказьѣ и въ Туркестанѣ болѣзнь еще не обнаружена. Мѣры борьбы съ этимъ опаснымъ грибкомъ состоятъ въ опрыскиваніи крыжовника растворомъ трехъ лотъ сѣрнистаго калія на одно ведро воды, черезъ каждые десять дней, начиная съ момента распусканія листьевъ, и кончая лишь недѣли за двѣ до полнаго созрѣванія ягодъ. Помимо этого слѣдуетъ еще тщательно собирать и сжигать пораженныя ягоды и срѣзать больные побѣги. Болѣзнь встрѣчается также на черной и красной смородинѣ. На крыжовникѣ во всей Европѣ, а также и въ Россіи встрѣчается еще другой мучнисторосяной грибокъ Microsphaera Grossulariae Lev., который отличается отъ Sphaerotheca mors uvae уже потому, что онъ поражаетъ почти исключительно листья, на которыхъ развивается бѣлый, паутинистый налетъ, никогда не переходящій въ бурый войлокъ и большею частью быстро исчезающій. Грибокъ этотъ гораздо менѣе опасенъ, такъ какъ обусловливаетъ, да и то въ рѣдкихъ случаяхъ, только засыханіе листьевъ. Мѣры борьбы съ нимъ состоятъ въ обсыпкѣ кустовъ сѣрнымъ цвѣтомъ. *А. Ячевскій.*

Ягодная Поляна—нѣм. кол. Саратовской губ. и у. 8 тыс. жит., лютеранск. церк., 2 учил., земскій складъ земледѣльч. орудій и машинъ, синильни, мельницы, лавки, еженедѣльно 2 базара, 2 ярмарки. Почт. отд.

Ягодная слобода—пригородная часть г. Казани, на прав. берегу р. Казанки, противъ Адмиралтейской слоб., лежащей между Казанской (Устьинской) пристанью на р. Волгѣ и собственно г. Казанью. Я. слобода образовалась изъ присоединеннаго къ г. Казани въ 1825 г. подгороднаго с. Ягоднаго. Мѣстоположеніе низменное; часть улицъ въ половодье затопляется. Жителей около 10000; кожевенные заводы.

Ягодникъ (Pentatoma baccarum) — см. Клопъ ягодный.

Ягодное (Воскресенское) — с. Ставропольскаго у., Самарской губ., при оз. Большомъ, въ 15 вер. отъ волжской прист. Новодѣвичья. 3418 жит. Хлѣбная торговля. Земская школа.

Ягодный—о-въ въ Тазовской губѣ, въ устьѣ р. Мяцо, Енисейской губ. и у., въ Туруханскомъ краѣ. Длина о-ва до 50 вер., ширина отъ 1 до 20 вер. О-въ рѣчного образованія, состоитъ изъ песку и глины, поросъ отчасти скудной травой, мхами, ягелями и сланкой, мѣстами болотистъ, окруженъ отмелями и необитаемъ.

Ягорлыкъ—мст. Подольской губ., Балтскаго у., при впаденіи р. Ягорлыка въ Днѣстръ. Основано въ XVI стол., какъ укрѣпленіе противъ татаръ, турокъ и запорожскихъ казаковъ и называлось «Орликъ» или «Кайнарда». Долго служило мѣстомъ собранія турецкихъ и польскихъ комиссаровъ для разбора пограничныхъ споровъ. Въ 1583 г. разорено казаками. Въ настоящее время Я. — бѣдное мѣстечко съ 941 жит., еврейскимъ молитвеннымъ домомъ и нѣсколькими лавками. Въ окрестностяхъ мѣстечка уцѣлѣли кое-гдѣ каменные столбы, поставленные по Карловицкому договору 1699 г. на границѣ польскихъ и турецкихъ владѣній.

Ягоръ (Андрей-Ѳедоръ Jagor) — нѣмецкій путешественникъ и этнологъ (1816—1900) Въ 1859—61 гг. онъ изслѣдовалъ Филиппинскіе острова и Малаккскій полуостровъ, результатомъ чего явились два труда его объ этихъ областяхъ: «Singapore, Malakka, Java» (B., 1866) и «Reisen in den Philippinen» (ib., 1873). Многочисленныя коллекціи, собранныя

явственными бактерицидными свойствами. Ядоносный аппаратъ между червями имѣютъ немертины въ видѣ хобота, содержащаго железы и (у Enopla), вооруженнаго твердымъ стилетомъ (см. Хоботъ). Немертина выбираетъ болѣе мягкое мѣсто на тѣлѣ своей добычи, напр. брюшную поверхность рачка, и запускаетъ туда свой хоботъ, а потомъ иногда залѣзаетъ и сама внутрь тѣла добычи. Обыкновенный земляной червь въ періодъ размноженія содержитъ въ половыхъ частяхъ ядъ, который можетъ убить мелкихъ млекопитающихъ и птицъ.

Переходя къ моллюскамъ, отмѣтимъ, что утвержденіе относительно ядовитости слизи аплизіи или морского зайца (Aplysia) не подтвердилось. По словамъ О. Шмидта, выдѣляемая этимъ моллюскомъ при раздраженіи на краяхъ мантіи фіолетовая жидкость вовсе не вызываетъ ожога и названіе «depilans», даваемое одному виду аплизіи за то, что будто бы отъ дѣйствія ея жидкости вылѣзаютъ волосы, совершенно незаслуженно. Однако, эта жидкость, какъ и слизь нѣкоторыхъ голожаберныхъ (Aeolis, Tritonia) ядовита для мелкихъ безпозвоночныхъ. Къ числу ядоносныхъ формъ между моллюсками принадлежатъ лишь ядовитоязычныя (см.) или Toxoglossa, а равно ядовито для мелкихъ безпозвоночныхъ выдѣленіе слюнныхъ железъ осьминоговъ (Octopus), но мясо нѣкоторыхъ, вообще говоря, съѣдобныхъ формъ, иногда бываетъ ядовито. Такъ замѣчалось отравленіе устрицами (Ostrea edulis) и особенно часто мидіями (Mytilus edulis), а также и нѣкоторыми другими моллюсками (Cardium edule, Litorina litorea, Donax anatinus). Причина ядовитости неизвѣстна: иногда, можетъ быть, это обусловливается началомъ гнилостныхъ процессовъ, но иногда какими-то другими причинами. У Mytilus ядовитость, говорятъ, проявляется, если ихъ держать въ замкнутомъ водоемѣ, и проходитъ, если перенести въ свѣжую или проточную воду. Ядовитыя мидіи имѣютъ особый сладковато-противный запахъ или запахъ испорченныхъ сардинокъ (консервовъ), а равно отличаются тонкой ломкой раковиной съ свѣтлой окраской. По Вольфу ядовита собственно печень. Сальковскому удалось изъ Я. мидій извлечь нѣсколько ядовитыхъ алкалоидовъ, изъ которыхъ наиболѣе дѣятельнымъ является одинъ (Mytiltoxin съ формулой $C_6H_{15}NO_2$), по эффекту напоминающій кураре. Извѣстны неоднократные случаи смертельнаго исхода. Извѣстенъ случай смерти болѣе 100 человѣкъ алеутовъ послѣ отравленія мидіями. Различаютъ нѣсколько формъ заболѣваній при отравленіи. То заболѣваніе имѣетъ характеръ крапивной лихорадки, то гастрическій холеровидный, то паралячный, сопровождающійся анестезіей и разслабленіемъ двигательныхъ центровъ, влекущимъ смертельный исходъ.

Холеровидное заболѣваніе при отравленіи креветками (Crangon vulgaris) обусловливается, повидимому, начальными процессами разложенія употреблявшихся въ пищу креветокъ. Между членистоногими наземными немало формъ, имѣющихъ ядоносные аппараты. Между многоножками ядоотдѣлительныя железы, открывающіяся на крючкахъ первой пары ногочелюстей, имѣютъ Chilopoda. Крючки прободены каналами, а железы лежатъ при основаніи ногочелюстей. Укушеніе смертельно для насѣкомыхъ, напр. мухъ, дождевыхъ червей и др. мелкихъ животныхъ. Къ числу извѣстныхъ своей ядовитостью формъ относятся Scolopendra morsitans, lucasii (обѣ въ Южн. Европѣ), gigantea (въ Остиндіи), Geophilus longicornis (Средн. Европѣ) и др. Про S. gigantea, достигающую будто бы 2-хъ футовъ, говорятъ, что она можетъ убить человѣка. Вообще же послѣдствія укушенія сходны съ таковыми при ужаленіи скорпіона и можетъ произойти рожистое воспаленіе кожи. Между паукообразными на первомъ мѣстѣ въ числѣ Я. животныхъ надо поставить скорпіоновъ (Scorpionida). Ядоносный аппаратъ помѣщается въ постабдоменѣ, а именно, послѣдній члeникъ снабженъ жаломъ, прободеннымъ двумя каналами, идущими отъ двухъ лежащихъ въ постабдоменѣ ядоотдѣлительныхъ железъ. Железы снабжены хорошо развитымъ мышечнымъ слоемъ, коего сокращеніемъ ядъ вгоняется въ ранку. Жалятъ скорпіоны, загибая постабдоменъ вверхъ и впередъ и нанося по нѣсколько ударовъ. Общеизвѣстенъ фактъ, что скорпіонъ, будучи окруженъ кольцомъ изъ горячихъ угольевъ, убиваетъ самъ себя, жаля въ головной ганглій. Этому факту неоднократно давались антропоморфическія объясненія (см. Бремъ, IX т.). Повидимому, его можно объяснить иначе: жаръ, или вѣрнѣе, свѣтъ углей вызываетъ, вѣроятно, у скорпіона, черезъ раздраженіе глазъ сильное болевое ощущеніе въ головномъ гангліи, съ которымъ глаза стоятъ въ тѣсной связи. Скорпіонъ отвѣчаетъ на болевое ощущеніе такимъ же рефлексомъ, какимъ онъ отвѣчаетъ на него всегда, т. е. старается нанести ударъ жаломъ виновнику боли. Но такъ какъ въ данномъ случаѣ болевое ощущеніе имѣетъ мѣсто внутри самого тѣла скорпіона, то онъ и поражаетъ испытывающій боль ганглій. Фактъ самоубиванія скорпіоновъ показываетъ, что эти животныя обладаютъ лишь неполной невоспріимчивостью къ собственному яду. Къ числу наиболѣе извѣстныхъ своей ядовитостью формъ принадлежатъ: Androctonus funestus (Сѣв. и Ср. Африка), Buthus afer (Африка и Остиндія), Buthus occitanicus (Юж. Европа и Сѣв. Африка), Euscorpius europaeus (Юж. Европа, преимущественно Италія) и др. Ужаленіе скорпіономъ вызываетъ опухоль, рожистое воспаленіе, сильныя боли и въ крайнемъ случаѣ даже гангрену. Оно сопровождается лихорадочнымъ состояніемъ, конвульсіями, тетанусомъ, коматознымъ состояніемъ и можетъ повлечь смерть. Крупные скорпіоны какъ Androctonus funestus (9 стм.) могутъ убить человѣка въ 24 часа, а мелкія животныя, напр., птицы, умираютъ моментально. Укушеніе Buthus afer (16 стм.) гораздо опаснѣе, чѣмъ укушеніе Buthus occitanicus (8,5 стм.). Еще менѣе опасенъ Euscorpius europaeus (3 — 3,5 стм.). Про одного мексиканскаго скорпіона разсказываютъ, что въ штатѣ Дуранго, гдѣ всего 15000 жителей

черей, онъ желалъ путемъ браковъ пріобрѣсти для каждой изъ нихъ корону могущественнаго государства. Съ этою цѣлью онъ обручилъ свою младшую дочь Ядвигу, когда ей было только шесть лѣтъ, съ австрійскимъ эрцгерцогомъ Вильгельмомъ, надѣясь соединить такимъ образомъ австрійскія владѣнія съ Венгріею. Смерть старшей дочери, Екатерины, заставила Людовика измѣнить свои планы. Договоромъ въ Кошицахъ (Кашау, 1373) польскіе вельможи обязались признать Екатерину своей королевою, но послѣ ея смерти согласились, на съѣздѣ въ Альтсолѣ (23 іюля 1382 г.), передать польскую корону ея сестрѣ Маріи и будущему супругу послѣдней Сигизмунду Люксембургскому, бранденбургскому маркграфу; тогда Польша и Бранденбургское маркграфство составили бы одно государство. Однако, и этотъ планъ не осуществился. Послѣ кончины Людовика (1382) польскіе вельможи и шляхта, на съѣздахъ въ въ Радомскѣ и Вислицѣ, постановили признать наслѣдницей польскаго престола ту венгерскую принцессу, которая будетъ жить постоянно въ Польшѣ, и составили для защиты этого постановленія конфедерацію. Это постановленіе направлено было противъ Маріи, такъ какъ она была провозглашена венгерской королевою. Въ Польшѣ началась борьба политическихъ партій, доходившая до открытаго междоусобія. Партія сторонниковъ Ядвиги взяла верхъ; она прибыла въ Краковъ, гдѣ была совершена ея коронація (15 ноября 1384 г.). За Ядвигой пріѣхалъ ея женихъ эрцгерцогъ Вильгельмъ, съ намѣреніемъ повѣнчаться съ нею; но въ это время политика магнатовъ, правившихъ Польшею, измѣнилась, такъ какъ представилась возможность заключить весьма выгодный союзъ съ Литвою. Они рѣшили выдать Ядвигу замужъ за литовскаго князя Ягайла (см.). Ядвига, горячо любившая своего жениха, сначала противилась этимъ планамъ, однажды даже, по преданію, хотѣла съ топоромъ въ рукахъ разбить ворота краковскаго замка, чтобы отправиться на свиданіе съ женихомъ. Всѣ усилія влюбленныхъ остались, однако, тщетными. Краковскій епископъ Петръ Вышъ убѣдилъ королеву въ величіи предстоящей ей миссіи: сдѣлавшись женою литовскаго князя, она обратитъ цѣлый языческій народъ въ христіанство. Она пожертвовала своими личными чувствами ради религіозно-политической цѣли. 15 февраля 1386 г. состоялся бракъ ея съ Ягайломъ. Съ этихъ поръ жизнь ея обратилась въ подвигъ благочестія и самопожертвованія. Родивъ въ 1399 г дочь, которая скоро умерла, Ядвига вслѣдъ затѣмъ и сама сошла въ могилу. См. K. Szajnocha, «Jadviga i Jagiełło» (есть русскій переводъ); Fr. Piekosinski, «Czy król Władysław Jagiełło był za życia królowej Jadwigi królem polskim czy tylko mężem królowej» («Rozpr wydz. hist. filozof. Akad. Um.» ser. II, t. X); Smolka, «R. 1386. W pięciowiekowę rocznicę» (Краковъ, 1386).

В. Новодворскій.

Ядеръ-теорія (хим.)—высказана впервые Лораномъ въ 1836 г. Въ 1832 г. появилась работа Либиха и Вёлера надъ горькоминдальнымъ масломъ (бензойнымъ алдегидомъ); въ ней не только были мастерски изучены и описаны свойства новаго радикала (см.)—бензоила, но и расширено само понятіе о радикалахъ, такъ какъ бензоилъ оказался содержащимъ кромѣ углерода и водорода—еще кислородъ (см. «Ann. Chem. Pharm.», III, 284—285 [1832] и Сл. XXVI, 77; Этериновая теорія, Этилъ); съ другой стороны въ 1834 г. Дюма работами надъ дѣйствіемъ хлора на скипидаръ и спиртъ обыкновенный («Ann. chim. phys.» [2] *56*, 113 и 140) ввелъ въ науку понятіе о «металепсіи» (см. Замѣщеніе), о замѣщаемости водорода (элемента электроположительнаго по Берцеліусу) другими элементами, напр. хлоромъ (элементомъ электроотрицательнымъ по Берцеліусу, ср. Дуализмъ). Обѣ идеи: идея предсуществованія въ молекулахъ органическихъ веществъ тѣсныхъ, обособленныхъ атомныхъ группъ (радикаловъ) и идея металепсіи объединены были Лораномъ въ теоріи Я. По Лорану во всѣхъ органическихъ веществахъ содержатся обособленныя группы элементовъ, называемыя имъ ядрами; послѣднія могутъ быть: 1) *основными* (noyeaux fondamentaux, radicaux f.) и тогда они состоятъ изъ атомовъ углерода и водорода, въ какомъ-нибудь возможно простомъ отношеніи, выражаемомъ отношеніемъ небольшихъ цѣлыхъ чиселъ (напр. въ отношеніи 1C къ 2H, 3H, 4H,—или 2C къ 3H и т. д.); данному отношенію атомовъ C и H могутъ удовлетворять нѣсколько основныхъ Я., находящихся между собою въ отношеніи полимеріи (см. Изомерія, XII, 870); всѣ основныя ядра подчинены закону четности паевъ (см. Унитарная система, XXXIV, 815); и 2) *производными* (noyeaux dérivés [carénides, «Méthode de Chimie», Пар., 1854, стр. 398]); послѣднія образуются изъ основныхъ замѣщеніемъ большей или меньшей части атомовъ водорода, атомами хлора. брома, іода, кислорода, азота и т. д., или, какъ допускалъ Лоранъ впослѣдствіи («Méthode de ch.», 406—418) и сложными атомными группами; всѣ такія замѣщенія подчинены закону эквивалентовъ (см. Замѣщеніе, XII, 218). Лоранъ допускалъ кромѣ того, что разнообразіе реакцій органическихъ соединеній не можетъ быть объяснено только разнообразіемъ содержащихся въ нихъ Я. (основныхъ и производныхъ) и думалъ, что къ Я. могутъ присоединяться различные атомы (въ неопредѣленномъ количествѣ), которые обратно могутъ быть отняты (а не замѣщены эквивалентъ за эквивалентъ) безъ нарушенія цѣлости Я. Послѣднее, т. е. нарушеніе цѣлости Я. имѣетъ мѣсто каждый разъ, когда углеродъ выдѣляется изъ органическаго соединенія въ видѣ углекислаго газа, окиси углерода и т. д.; тогда соединеніе или совершенно распадается, или образуется новое, самостоятельное Я. Производныя Я. по химическимъ и физическимъ свойствамъ очень близки къ основнымъ Я.; что же касается Я., образованныхъ присоединеніемъ, то ихъ свойства отличны отъ исходныхъ. Свои представленія Лоранъ пояснилъ кристаллографическимъ сравненіемъ. Я. онъ считалъ подобными призмамъ, углы которыхъ образованы

шпанская муха Lytta vesicatoria и цѣлый рядъ видовъ того же рода, Mylabris cichorii (Остиндія и Китай), M. sidæ (мысъ Капъ), Lydus trimaculatus (Южная Европа), различные виды майки—Meloë (M. proscarabaeus и др.). Всѣ эти формы содержатъ, какъ въ свѣжемъ, такъ и въ сухомъ состояніи сильно дѣйствующій ядъ — кантаридинъ, находящійся главнымъ образомъ въ половыхъ органахъ насѣкомаго. Кантаридинъ съ формулой $2(C_5H_6O_2)$ растворимъ въ спирту, эфирѣ, скипидарѣ и жирныхъ маслахъ, и представляетъ ангидридъ кантаридиновой кислоты. Шпанская муха (см.) содержитъ въ свѣжемъ состояніи около 0,2—0,3%, а въ сухомъ около 0,4—0,6% кантаридина. При употребленіи на кожу вызываетъ воспалительный процессъ и образованіе пузырей, а при употребленіи внутрь вызываетъ воспаленіе желудка и кишекъ и раздраженіе мочевыхъ и половыхъ органовъ, особенно почекъ и мочевого пузыря, могущее сопровождаться конвульсіями, тетанусомъ, коматознымъ состояніемъ, пріапизмомъ, нимфоманіей и цѣлымъ рядомъ другихъ симптомовъ. Въ количествѣ 2—7,5 гр. кантаридинъ смертеленъ. Затѣмъ между перепончатокрылыми насѣкомыми мы имѣемъ цѣлый рядъ жалоносныхъ формъ, или, если безъ жала, то все же съ железами, которыя выдѣляютъ преимущественно муравьиную кислоту. Къ числу ихъ принадлежатъ пчелы (Apis mellifica и др.), шмели (Bombus sylvarum и др.), шершни (Vespa crabro, media и др.), осы (Polistes gallica, Xylocopa violacea), муравьи (Formica rufa, Lasius fuliginosus и др.). Особенно опасно ужаленіе шершня (V. crabro) въ языкъ и въ шею и можетъ вызвать необходимость трахеотоміи, а иногда влечетъ за собой менингитъ и смерть, и бывали случаи, когда послѣдняя наступала черезъ 5 минутъ послѣ укушенія. Наконецъ, встрѣчаются между насѣкомыми такія, которыхъ слюна ядовита и при укушеніи вызываетъ зудъ, боли, опухоли. Къ числу ихъ принадлежатъ: комары и москиты (pp. Culex и Anopheles), при сильномъ размноженіи могущіе дѣлать цѣлыя мѣстности неудобообитаемыми; Ceratopogon pulicarius; мухи р. Simulia, при чемъ особенно сильны укусы и даже смертельны для скота Simulia columbaeschensis, водящійся по Дунаю, преимущественно въ Сербіи; мухи Hexatoma bimaculata, Stomoxys calcitrans, и знаменитая цеце (Glossina morsitans; Южн. Африка), которая, впрочемъ, не сама ядовита, а переноситъ какой-то ядъ съ одного животнаго на другое (см. Цеце); слѣпни (Haematopoda pluvialis, Chrysops caecutiens), а также блохи (Pulex irritans и др.) и клопы: Acanthia lactularia или постельный; нападающіе на другихъ насѣкомыхъ Reduvius personnatus и водяные клопы (Naucoris cimicoides, Nepa cinerea, Notonecta glauca и др.). Впрочемъ и эти клопы иногда кусаютъ купающихся (см. Ядовитыя насѣкомыя).

Оставляя въ сторонѣ вопросъ относительно ядовитости рыбьяго мяса вслѣдствіе развитія въ немъ рыбнаго яда (см.) или присутствія бактерій, мы можемъ между Я. рыбами отличить также формы, которыя снабжены ядоносными аппаратами, и формы, которыхъ органы содержатъ ядовитыя вещества въ живомъ состояніи. Къ числу послѣднихъ относятся весьма многія, хотя ядъ можетъ быть сосредоточенъ только въ опредѣленныхъ органахъ. Обыкновенная минога (Petromyzon fluviatilis и др.) въ своихъ кожныхъ железахъ содержитъ ядъ, который какъ въ сыромъ, такъ и въ вареномъ видѣ вызываетъ кровавый поносъ, а потому ее ранѣе приготовленія всегда солятъ въ живомъ видѣ и железы тогда опоражниваются. Наиболѣе извѣстны своей ядовитостью различные представители сем. скалозубовыхъ (Gymnodontidae), а именно различные виды Diodon или двузуба и Tetrodon или четырехзуба. Ядъ содержится главнымъ образомъ въ половыхъ органахъ, т. е. въ икрѣ и молокахъ, но ядовиты также и печень, и кишки, хотя не такъ сильно; еще менѣе ядовита кровь, а мясо, повидимому, не ядовито. У Diodon весьма ядовиты также печень и кишки. Къ числу ядовитыхъ видовъ Tetrodon, населяющаго, главнымъ образомъ, моря, омывающія берега Японіи и Китая, принадлежатъ: T. pardalis, vermicularis, poecilonotus, ocellatus, orbicularis, maculatus, inermis, chrysops; менѣе ядовиты: T. rubripes, porphyreus, stictonotus и rivulatus; T. cutaneus вовсе не ядовитъ. Между видами рода Diodon особенно ядовиты D. spinosissimus и orbicularis. Продажа нѣкоторыхъ видовъ воспрещена на рынкахъ Японіи и Китая. Ядъ при кипяченіи не разрушается. У теплокровныхъ животныхъ вызываетъ разслабленіе дыхательныхъ и сердечныхъ центровъ и нерѣдко смерть. Также ядовита икра усача (Barbus fluviatilis), весьма обыкновеннаго въ Средней Европѣ, и среднеазіатскаго Schizothorax planifrons и нерѣдко ядовита икра нашей щуки (Esoxlucius). Отравленіе икрой усача носитъ холеровидный характеръ и отъ пріемовъ опіума наступаетъ улучшеніе. У угрей (Anguilla vulgaris, Conger vulgaris, Conger myrus) и муренъ (Muraena helena) ядовита кровь. Ядъ ея близокъ по дѣйствію съ ядомъ гадюки. Сначала онъ вызываетъ раздраженіе, а потомъ и разслабленіе дыхательныхъ центровъ и между прочимъ препятствуетъ свертыванію крови. Противоядіе—опіумъ. Водящіеся въ Атлантическомъ океанѣ два вида рода Meletta (родственнаго сельдямъ и килькамъ), а именно M. thrissa и venenosa—оба бываютъ ядовиты. Повидимому, ядовитость эта зависитъ отъ способа питанія, а именно развивается, когда рыбы наѣдаются мяса коралловъ, медузъ, поѣдаютъ содержащіе трупный ядъ трупы, и т. п. Ядъ содержится въ печени, кишечникѣ и въ мясѣ, и вызываетъ воспаленіе слизистой оболочки кишечнаго пути, гастроэнтеритъ и иногда смерть. Одинъ разъ отъ мяса M. venenosa на одномъ французскомъ военномъ суднѣ заболѣло изъ 50-ти 30 человѣкъ и 5 умерло. Кромѣ того у M. thrissa ядовита икра и молоки, почему она и ядовита съ мая по октябрь, когда эти органы достигаютъ надлежащаго развитія. Въ Японіи въ 1884 г. зарегистрованы 23 смертныхъ случая

отъ отравленія икрой и молоками M. thrissa. Кромѣ того имѣются указанія на ядовитость многихъ другихъ формъ, но ядовитость эта непостоянна и во многихъ случаяхъ не провѣрена. Между ядоносными рыбами надо отличать такихъ, которыя обладаютъ аппаратами для укола и пораненія, но не обладаютъ ядоотдѣлительными железами, а зато слизь ихъ является ядовитой, но большинство ядоносныхъ рыбъ снабжены не только аппаратомъ для укола, но и ядоотдѣлительными железами. Къ числу первыхъ надо отнести скатовъ сем. Trigonidae или хвостоколовъ, у которыхъ на хвостѣ имѣется одна или нѣсколько зазубренныхъ иголъ, которыми скаты наносятъ иногда опасныя съ разорванными краями раны. Шомбуркъ думаетъ, что уколъ Trigon (T. pastinaca и др.) ядовитъ и приводитъ въ доказательство то, что послѣ укола человѣкъ испытываетъ страшную боль, сопровождающуюся судорогами, а равно боли въ пахахъ, подъ мышками и въ области сердца, и даже приводитъ случаи смерти отъ этого укола. Такъ какъ железы при основаніи иглы у хвостоколовъ нѣтъ, то остается предположить, что ихъ слизь имѣетъ ядовитыя свойства. Хвостоколы живутъ преимущественно въ тропическихъ моряхъ. Trigon pastinaca встрѣчается у береговъ Европы. Еще опаснѣе уколъ родственной хвостоколу орлянки—Myliobates aquila. Въ Италіи законъ обязываетъ убивать и сжигать каждый пойманный экземпляръ этого ската. Лишь очень немногія рыбы имѣютъ ядоотдѣлительныя железы во рту. Къ числу ихъ принадлежать средиземноморскія Muraena hellena и Stomias boa. У мурены во рту на небѣ сидитъ 3—4 подвижныхъ зуба, не имѣющихъ ни каналовъ, ни бороздокъ. На небѣ же открывается большая железа, подѣленная на вторичныя камеры, выстланныя железистыми клѣтками. Большинство же рыбъ имѣетъ ядоотдѣлительныя железы при основаніи иголъ плавниковъ или шиповъ жаберной крышки, вообще подъ наружнымъ покровомъ. Часто эти железы представляютъ собой замкнутые пузырьки съ соединительно-тканнымъ влагалищемъ и железистой эпителіальной выстилкой внутри. Пузырекъ лопается при надавливаніи, когда наприм. на рыбу наступятъ или ее схватятъ. А для стеканія яда на шипахъ и иглахъ имѣются бороздки или же внутренніе каналы. Въ иныхъ случаяхъ железки не найдены, но возможно, что онѣ все-таки существуютъ. Такъ, онѣ, надо думать, имѣются у Serranus scriba, Bagrus aurantiacus и нѣкоторыхъ другихъ. Лучше изслѣдована живущая въ Индійскомъ и Тихомъ океанѣ Synanceia brachio, у которой 13 переднихъ иголъ спинного плавника снабжены съ каждой стороны бороздкой съ мѣшетчатой железкой при основаніи. Рыба зарывается въ песокъ и при пораненіи вызываетъ сильную опухоль, лихорадочное состояніе, припуханіе лимфатическихъ железъ и болѣе серьезныя послѣдствія. Ранка пріобрѣтаетъ характерную синюю каемку, а иногда по всему тѣлу замѣчаются синія пятна. Выздоровленіе наступаетъ лишь черезъ нѣсколько дней, а иногда и мѣсяцевъ. У нѣкоторыхъ видовъ Trachinus (Tr. vipera, у береговъ Европы, Tr. draco тамъ же и у западныхъ береговъ Африки; Tr. radiatus въ Средиземномъ морѣ; Tr. araneus тамъ же) шипъ, сидящій на жаберной крышкѣ имѣетъ два желобка, которые прикрывающимъ ихъ покровомъ обращаются въ два канала. Такіе же желобки имѣются на 5 или 6 иглѣ спинного плавника. При основаніи этихъ иголъ и въ толщѣ оперкулярныхъ костей залегаютъ ядоотдѣлительныя железки, снабженныя протокомъ. Извѣстны многочисленные случаи отравленія. Мелкія теплокровныя животныя, которымъ былъ впрыснутъ ядъ Trachinus, умираютъ отъ разслабленія сердечныхъ мышцъ. У живущаго въ Индійскомъ и Тихомъ океанахъ Plotosus lineatus иглы при основаніи спинного и грудныхъ плавниковъ содержатъ внутри каналъ, въ который открывается ядоотдѣлительная железа, но каналъ этотъ не доходитъ до вершины иглы и дабы ядъ вытекъ, необходимо, чтобы верхушка иглы обломалась въ ранкѣ. У бычка колючаго (Cottus scorpio) имѣются на жаберной крышкѣ (а именно на praeoperculum) 3 шипа, прободенные каналами и имѣющіе при основаніи замкнутыя железки, но железки эти дѣятельны только въ періодъ нереста. У береговъ Европы эта рыба весьма обычна. Нѣкоторые виды Thalassophryne (T. reticulata около Панамскаго перешейка, T. maculosa въ Средиземномъ морѣ) имѣютъ прободенные каналами шипы—по одному на жаберной крышкѣ (на operculum) и 2 на спинѣ — съ ядоотдѣлительными железками при основаніи. Шипы спрятаны въ кожѣ и выдвигаются при пораненіи. Подобные же или сходные аппараты имѣютъ на спинныхъ плавникахъ живущій у береговъ Австраліи, Индіи и Вост. Африки Pterois volitans (хотя грудные плавники очень длинны, но не летаетъ), живущій въ Индійскомъ океанѣ Pelor filamentosus, Scorpaena porcus (Атлантическій океанъ и Средиземное море) и Amphacanthus lineatus (Новая Гвинея) имѣютъ подобные аппараты не только въ спинномъ, но и въ заднепроходномъ плавникѣ; уколъ антильскаго одного вида Scorpaena смертеленъ. Встрѣчающійся у европейскихъ береговъ Callionymus lyra имѣетъ ядоносный аппаратъ на praeoperculum, при чемъ онъ функціонируетъ лишь во время нереста. Uranoscopus scaber (Средиземное море) и U. duvalii (Индійскій и Тихій океанъ) имѣютъ по шипу на плечевомъ поясѣ. Шипъ окруженъ складкой кожи или влагалищемъ (то же наблюдается на шипахъ Cottus scorpio), которое можетъ оттягиваться и обнажать шипъ. Ядоносный мѣшокъ открывается между шипомъ и влагалищемъ. Есть указанія на ядовитость обыкновеннаго окуня (Perca fluviatilis) и нѣкоторые считаютъ углубленія кожи позади основаній спинныхъ шиповъ за ядоотдѣлительныя железки, а равно описываютъ железистое скопленіе позади шипа жаберной крышки. Выдѣленія кожныхъ железъ многихъ амфибій ядовиты. Железы эти являются многоклѣточными и снабжены хорошо развитымъ мышечнымъ слоемъ. Скопленія такихъ железъ могутъ лежать позади уха, на

шеѣ, на спинѣ и секретъ ихъ представляетъ клейкую, бѣловатую, чесночнаго запаха жидкость. Къ числу ядовитыхъ формъ надо отнести: жерлянку (Bombinator igneus), различные виды жабъ (Bufo vulgaris, variabilis, calamita), пятнистую саламандру (Salamandra maculosa) и гребенчатаго тритона (Molge cristatus). Встрѣчающійся въ Новой Гранадѣ Phyllobates melanorhinus обладаетъ настолько сильнымъ ядомъ, что послѣдній употребляется для отравленія стрѣлъ, при чемъ дѣйствіе его напоминаетъ дѣйствіе употребляемаго для той же цѣли кураре, а именно вызываетъ угнетеніе периферическихъ окончаній двигательныхъ нервовъ и убиваетъ человѣка. Ядовитое начало выдѣленій жабъ (фрининъ, иначе изоціановая кислота) дѣйствуетъ сходно съ дигиталиномъ. Выдѣленія железъ вызываютъ воспаленіе кожи, покраснѣніе и распуханіе слизистыхъ оболочекъ, а при принятіи внутрь—рвоту и поносъ. Ядъ саламандры (саламандринъ) сходенъ съ ядомъ жабъ, а при введеніи внутрь, подобно стрихнину, вызываетъ страшныя судороги. Мелкія животныя при введеніи яда амфибіи легко погибаютъ. Ядовитость амфибій имѣетъ, повидимому, чисто оборонительное или, лучше, охранительное значеніе.

Между рептиліями мы знаемъ лишь двухъ ядоносныхъ ящерицъ — мексиканскую Heloderma horridum и suspectum или ядозубовъ (см.) и много ядоносныхъ змѣй. Ядовитыя железы змѣй представляютъ собой обособившіяся части верхне-губныхъ железъ (gl. labiales superiores). Эти железы у нѣкоторыхъ ящерицъ и у змѣй разбиваются на два отдѣла: передній или предчелюстную железу (gl. praemaxillare) и задній, образующій у Я. змѣй ядоотдѣлительную железу (gl. venenata). Она представляетъ сложную трубчатую железу, облеченную фибрознымъ чехломъ и лежащую подъ мускулатурой, двигающей нижнюю челюсть. При сокращеніи этихъ мышцъ содержимое железы выжимается и по протоку поступаетъ въ полый или бороздчатый Я. зубъ. У Heloderma группа подъязычныхъ железъ каждой стороны отдаетъ свое содержимое черезъ 4 протока, прободающіе челюсть своей стороны и открывающіеся при основаніи бороздчатыхъ зубовъ. Ядовитые зубы змѣй или снабжены бороздкой, или вслѣдствіе замыканія краевъ бороздки она превратилась въ каналъ, который заканчивается на вершинѣ зуба отверстіемъ. Они сидятъ на верхней челюсти, при чемъ въ укороченной максиллярной кости могутъ сидѣть только они одни съ ихъ замѣстителями (у Solenoglypha) или въ максиллярной кости сидитъ много зубовъ, при чемъ то передніе (у Proteroglypha), то задніе (у Opistoglypha) изъ нихъ являются ядовитыми. Позади каждаго Я. зуба имѣется до 10 замѣстителей и образованіе новыхъ происходитъ въ теченіе всей жизни. Въ лѣтнее время Я. зубъ гадюки смѣняется каждыя 6 недѣль. Функціонирующій Я. зубъ плотно прирастаетъ къ кости, а его замѣстители сидятъ подвижно и прикрыты общей складкой слизистой оболочки. При закрываніи рта Я. зубы вслѣдствіе вращенія максиллярной кости подгибаются и ложатся въ углубленіе десны (см. Челюстно-небный аппаратъ). Наиболѣе заслуживаютъ вниманія слѣд. Я. змѣи: гремучія змѣи, а именно: Crotalus horridus въ Южной Америкѣ, Cr. durissus и adamanteus въ Сѣверной Америкѣ и Lachesis muta (s. rhombeata) въ Южной Америкѣ, какъ и первый видъ; нѣсколько видовъ тригоноцефала, какъ то: Trigonocephalus lanceolatus на о-вѣ Мартиникѣ и др.; Tr. atrox въ Южной Америкѣ; Tr. brasiliensis (s. jaraca) — самая обыкновенная змѣя Бразиліи; Tr. piscivorus въ Сѣверной Америкѣ, подобно Tr. atrox, питается рыбой; Tr. halys—отъ Волги до Енисея, и др. На Цейлонѣ и въ Остиндіи встрѣчается Hypnale nepa, ядъ которой служитъ сингалезамъ для приготовленія сильно дѣйствующей ядовитой смѣси, называемой Kabaratel. Въ Остиндіи и Китаѣ встрѣчается подражающій по окраскѣ древесной зелени Trimesurus viridis; въ Африкѣ изъ родственныхъ нашимъ гадюкамъ встрѣчаются: Cerastes aegyptiacus и lophophrys и Clotho arietans. Бушмены отрываютъ, наступая ногой, голову этой послѣдней змѣи, затѣмъ выдавливаютъ ядъ железъ, смѣшиваютъ съ какимъ-то растительнымъ, похожимъ по дѣйствію на кураре ядомъ и получаютъ такимъ образомъ убійственный ядъ для отравленія стрѣлъ. Daboia russeli и Echis carinata нерѣдко встрѣчаются въ человѣческихъ жилищахъ: первая—въ Индіи, вторая—въ Сѣверной и Средн. Африкѣ и Средн. Азіи; Echis arenicola встрѣчается въ Зап. Сибири. Гадюка — Vipera berus—распространена по всей Европѣ и въ Азіи, отъ Атлантическаго океана до Сахалина включительно, а на сѣверѣ заходитъ въ Шотландію, Скандинавію, Архангельскъ и Енисейскъ, тогда какъ на югѣ до Средиземнаго моря и въ Закавказье. Кромѣ того въ Россіи встрѣчаются: V. renardi или степная гадюка, которую прежде считали лишь разновидностью обыкновенной, встрѣчается въ степяхъ между Волгой и Ураломъ и Прикаспійскихъ степяхъ, а равно въ Туркестанѣ; V. lebetina (euphratica) заходитъ изъ Сѣв. Африки черезъ Малую Азію въ Закавказье; V. xanthina туда же заходитъ изъ Азіи; V. ammodytes—встрѣчается по всей Южн. Европѣ, Сѣв. Африкѣ и у насъ въ Закавказьѣ; болѣе обыкновенна въ Южн. Европѣ, а отчасти и въ Средней V. aspis (redii). Въ Испаніи распространена V. latastei. Всѣ эти формы относятся къ Solenoglypha. Къ Proteroglypha относятся тоже считаемыя ядовитыми, хотя дѣйствіе яда ихъ не изучено, виды рода Elaps: Elaps corallina (ехидна) въ Бразиліи и Мексикѣ. E. fulvus тамъ же и E. lemniscatus въ Остиндіи, а также едва ли не самые опасные представители рода Naja: N. tripudians или очковая змѣя, съ которой главнымъ образомъ манипулируютъ укротители змѣй, N. haye—асписъ или змѣя Клеопатры, живущая по всей Африкѣ; у насъ на восточномъ побережьѣ встрѣчается N. oxiana. Въ Остиндіи встрѣчается нѣсколько видовъ Bungarus: B. annularis, semifasciatus и coeruleus, при чемъ послѣдній весьма обыкновененъ и

отъ ужаленія умираетъ ежегодно 200 — 250 человѣкъ, но и скорпіоны тамъ настолько многочисленны, что въ теченіе 3 жаркихъ мѣсяцевъ ихъ налавливаютъ 80000 — 100000 штукъ. Ядъ скорпіона имѣетъ кислую реакцію, прозраченъ и растворимъ въ водѣ. Мѣстными жителями средствомъ отъ укушенія считается масляная вытяжка изъ самихъ скорпіоновъ, а у индусовъ—размоченный корень растенія Achyrantes aspera. Врачами употребляется промываніе раны амміакомъ, пріемъ внутрь алкоголя до-пьяна, Liquor. ammon. anisat., эфира и камфоры. Повидимому, возможно получить сыворотку для лѣченія отъ укушенія скорпіоновъ. По крайней мѣрѣ ядъ скорпіоновъ, будучи смѣшанъ съ сывороткой кролика, иммунизированнаго противъ укушенія очковой змѣей, теряетъ свою ядовитость. Бедуины продѣлываютъ съ скорпіонами фокусы и танцы и, вѣроятно, организмъ человѣческій можетъ быть пріученъ къ яду скорпіоновъ. Относительно ядовитости телифоновъ (Thelyphonus caudatus на Явѣ; Th. giganteus въ Мексикѣ и др.) до сихъ поръ вопросъ не рѣшенъ. На хелицерахъ вопреки прежнимъ предположеніямъ нѣтъ ядоотдѣлительной железы и вообще таковой у нихъ не найдено, но на заднемъ концѣ брюшка у нихъ открываются двѣ трубчатыхъ железы, выдѣляющія муравьиную кислоту. Возможно, что когда они выпрыскиваютъ кислоту, то она можетъ попасть и въ ранку, произведенную укушеніемъ, и вызвать болѣзненныя явленія. Тоже мѣстными жителями считаются ядовитыми сольпуги или бихорхи (Solifugae), какъ Galeodes araneoides и др. У нихъ имѣются железки на внутренней поверхности педипальпъ, но ядовиты ли ихъ выдѣленія — неизвѣстно. Геймонсъ (1902) утверждаетъ, что укушеніе сольпугой не сопровождается никакой опухолью и слѣд. слюна въ ранку не попадаетъ. Зато между пауками имѣются несомнѣнно ядоносныя формы. Железы ядоотдѣлительныя открываются у нихъ на крючкахъ хелицеръ, а лежатъ сами въ головогруди, при чемъ снабжены хорошо развитымъ мышечнымъ слоемъ. Къ числу болѣе ядовитыхъ формъ надо отнести: цементнаго (см.) паука—Nemesia s. Cteniza caementaria (Южн. Европа), птицеяда—Avicularia s. Mygale vestiaria (Бразилія, Кайена, Суринамъ); Theraphosa blondii (Южн. Америка и Вестиндія); Th. javanensis (Ява), Chiracanthium nutrix (Италія, Франція, Швейцарія и одиночные экземпляры въ Германіи); Segestria perfida (Средн. Европа); тарантула—Lycosa s. Tarantula apuliae (Италія, Испанія, Португалія); Lycosa singoriensis (Южн. Россія) и др. Но едва ли не самыми опасными являются нѣкоторые виды р. Latrodectes (Theridium). Всѣ виды этого рода, живущіе въ различныхъ частяхъ земного шара, отличаются значительной ядовитостью, но наибольшую степень ядовитости представляетъ мальминьята (L. tredecimguttatus), встрѣчающаяся во Франціи, Южн. Италіи, Корсикѣ, Сардиніи, Далмаціи, Греціи, Критѣ, Эльбѣ, и каракуртъ (L. malmignatus), встрѣчающійся у насъ въ Южн. Россіи, Крыму, Киргизскихъ степяхъ и Туркестанѣ. Ядъ большинства пауковъ губителенъ для мелкихъ животныхъ, напр. насѣкомыхъ, но имѣются формы опасныя и для болѣе крупныхъ и даже для человѣка. Ядъ вызываетъ мѣстную опухоль, сильную боль, нарываніе, приступы тетануса, невральгію, а у дѣтей и смерть. При другихъ обстоятельствахъ ядъ пауковъ вызываетъ ослабленіе пульса, лихорадочное состояніе, а иногда коллапсъ. Ядъ представляетъ прозрачную, маслянистую жидкость и имѣетъ кислую реакцію. Противоядіемъ считаются тѣ же средства, что и при ужаленіи скорпіономъ, а также опіумъ, а равно употребляются и паровыя ванны. Therophasa blondii и javanica убиваютъ птицъ, а Mygale avicularia и каракуртъ иногда причиняли смерть человѣку. Прежде думали, что укушеніе тарантула сопровождается конвульсіями. Поэтому, то укушенію этого паука приписывалось возникновеніе въ XIV в. «эпидеміи плясокъ»—какой-то заразительной формы психическаго заболѣванія, отсюда и происхожденіе наименованія тарантеллы, какъ слѣдствія укушенія тарантуломъ. Но оказалось, что укушеніе этого паука вызываетъ только мѣстное воспаленіе. Сильную боль причиняетъ укушеніе живущаго въ средней части Европы Chiracanthium nutrix, а сильное размноженіе каракурта вызываетъ иногда падежи скота. Каракуртъ ткетъ свою паутину надъ самой землей и питается прямокрылыми (кузнечиками, кобылками и др.), но ядъ его убиваетъ даже и крупныхъ животныхъ: верблюдовъ, лошадей и др. Собаки и коровы, повидимому, не чувствительны къ его яду. Въ концѣ тридцатыхъ годовъ у калмыковъ и киргизовъ отъ каракурта погибло до 70000 головъ скота. Въ 70-хъ годахъ отъ него пало 33% верблюдовъ, 16% лошадей и 12% коровъ (вопреки даннымъ опыта). Въ 1896 г. въ областяхъ Уральской, Тургайской и Сыръ-Дарьинской каракуртъ настолько размножился, что правительство снарядило особую экспедицію для борьбы съ нимъ. Вскорѣ послѣ укушенія хорошимъ средствомъ является введеніе подъ кожу гипохлоритовъ (хлорноватистой извести и др.), а равно введеніе кровяной сыворотки, предварительно смѣшанной съ ядомъ (Щербина). Весьма близкая къ каракурту западно-европейская мальминьята отличается слабой ядовитостью. Несомнѣнно, что слюна обыкновеннаго (собачьяго) клеща Ixodes ricinus, calcaratus и др. ядовита, ибо вызываетъ зудъ и опухоль, но большей степенью ядовитости отличаются представители р. Argas (A. persicus въ Персіи, Средней Азіи и Египтѣ; A. reflexus въ Средней Европѣ, A. [Amblyomma] americanus въ лѣсахъ Америки). A. persicus напоминаетъ по образу жизни клопа и разсказываютъ, что въ Средней Азіи помѣщенія, обитаемыя аргасомъ, исполняютъ ту же роль для арестованныхъ, какую у насъ играли знаменитые клоповники, но особенной ядовитостью онъ отличается лишь въ нѣкоторыхъ провинціяхъ Персіи. A. reflexus—сосетъ кровь голубей, но кусаетъ и человѣка, вызывая продолжительный зудъ. Между насѣкомыми встрѣчаются формы, содержащія ядъ въ тканяхъ, какъ наша

ви наблюдается также у видовъ рода Timarcha (сем. листоѣдовъ, Chrysomelidae). Прямые опыты съ ящерицами и другими животными показали, что кровь этихъ жуковъ служитъ защитительнымъ средствомъ, такъ какъ животныя выплевываютъ ихъ немедленно послѣ выдѣленія ими крови. Слѣдуетъ также упомянуть о личинкахъ нѣкоторыхъ пилильщиковъ (Tenthredinidae—Cimbex, Trichiosoma (изъ перепончатокрылыхъ), которыя обладаютъ способностью брызгать кровью изъ особыхъ мелкихъ отверстій, находящихся вблизи дыхалецъ. Наиболѣе извѣстны по ядовитымъ свойствамъ крови представители семействъ Meloidae (Meloë, Sitaris, Cerocoma) и Mylabridae (Lytta, Zonabris, Mylabris, Epicauta). Въ крови, а также въ придаточныхъ половыхъ железахъ и яйцахъ этихъ жуковъ содержится ядовитое вещество кантаридинъ ($C_{10}H_{12}O_4$), о медицинскомъ значеніи котораго см. Мухи шпанскія; о самихъ жукахъ см. Майки, Шпанскія мухи, Шпанка, Красноголовыя. Среди хоботныхъ многіе клопы заключаютъ въ слюнныхъ железахъ ядовитыя или во всякомъ случаѣ ѣдкія вещества, ближе не изслѣдованныя, а именно Reduvius personatus и друг. представители семейства Reduviidae (см. Хищнецы), водяные клопы изъ родовъ Nepa, Naucoris, Ranatra, Notonecta и друг. Нѣкоторые прямокрылые (тараканы, уховертки) имѣютъ железы на спинной сторонѣ брюшка, которыя выдѣляютъ вещества, пахнущія феноломъ и креозотомъ. Среди прямокрылыхъ выдѣленіе крови, обладающей ядовитыми свойствами, наблюдается у двухъ алжирскихъ кузнечиковъ (Locustodea): Platystolus, у котораго отверстіе находится на переднеспинкѣ и Eugaster съ отверстіями между ляшкой (coxa) и вертлугомъ (trochanter) ногъ; кровь выбрасывается съ силой вслѣдствіе сокращенія брюшка на разстояніи до 50 стм. Ср. O. v. Fürth, «Lehrbuch der vergleichender physiologischen Chemie der niederen Tiere» (1903) приведена главнѣйшая литература). *М. Р.-К.*

Ядовъ—пос. Варшавской губ., Радиминскаго уѣзда, отъ жел. дор. станціи Лохова въ 7 вер.; жит. 1629.

Ядозубовыя (Helodermatidae)—семейство ящерицъ, относимое теперь къ Lacertilia vera въ группу Diploglossa s. Anguimorpha (см. Ящерицы). Онѣ характеризуются нѣкоторыми особенностями черепа, первичнымъ плечевымъ поясомъ безъ окошекъ, полочкообразнымъ надгрудинникомъ и присутствіемъ ядовитыхъ железъ (см. Ядовитыя животныя), открывающихся съ каждой стороны нѣсколькими протоками при основанія нижнечелюстныхъ бороздчатыхъ зубовъ. Нѣкоторыя черты сближаютъ Я. съ мѣдяницами (Anguidae), другія—съ варанами (Varanidae). Я. представлены двумя видами ядозуба—Helodrema: H. horridum и H. suspectum. Оба живутъ въ Мексикѣ и юго-зап. части Соедин. Штатовъ. Тѣло плотное съ толстымъ цилиндрическимъ хвостомъ, 3-й и 4-й пальцы пятипалыхъ ногъ длиннѣе прочихъ. Тѣло покрыто бородавчатыми чешуйками, расположенными поперечными рядами. Зубы загнуты крючкообразно какъ у змѣй. Величина животнаго достигаетъ до 60 стм. Окраска похожа на окраску пятнистой саламандры: по темно-бурому фону желтоватыя и красноватыя пятна. Живетъ въ сухихъ мѣстахъ. Животное ночное, а днемъ ложится въ вырытыя подъ корнями растеній или подъ опавшими листьями норки. Ночью ловитъ насѣкомыхъ, многоножекъ, лягушекъ, выкапываетъ яйца игуанъ. Въ сухое и жаркое время года впадаетъ въ спячку. Во время гнѣва у Heloderma течетъ изо рта бѣловатая клейкая слюна. Укушенная Я. птица быстро умираетъ, кошка переноситъ отравленіе, хотя долго хвораетъ. У человѣка укушенія Я. вызываютъ опухоль и сильныя боли. *В. М. Ш.*

Ядозубъ (Heloderma horridum) или «толяхини» мексиканцевъ—крупная ящерица, живущая въ сухихъ мѣстностяхъ Мексики къ западу отъ Кордильеровъ. Интересна какъ единственная ядовитая ящерица, обладающая настоящими бороздчатыми зубами, похожими на зубы многихъ ядовитыхъ змѣй и соединенными съ ядовитыми железами. Укусъ Я. смертеленъ для мелкихъ животныхъ, которыми онъ питается; опасенъ также и для человѣка. Къ роду Я. относится только одинъ вышеупомянутый видъ, который вмѣстѣ съ 24 видами другого рода составляетъ особое исключительно американское семейство *ядозубовыя* (Helodermidae). Послѣднее отличается языкомъ, покрытымъ въ основаніи сосочками, а на вершинѣ раздѣляющимся на два короткихъ, гладкихъ кончика. Прикрѣпленіе зубовъ какъ у настоящихъ ящерицъ (Lacertidae). У рода Heloderma чешуйки спины имѣютъ видъ мелкихъ бородавокъ, ядовитые зубы съ глубокою переднею бороздкою. Я. можетъ достигать почти 80 стм. въ длину; при чемъ длина круглаго, массивнаго хвоста составляетъ почти половину длины всего тѣла. По окраскѣ напоминаетъ пятнистую саламандру; по темно-бурому фону разбросаны неправильныя, болѣе или менѣе яркія желтыя или оранжевыя пятна и желтоватыя точки; хвостъ съ пятью желтоватыми кольцами. Я. ведетъ ночной образъ жизни. Днемъ прячется въ норахъ подъ корнями деревьевъ и подъ опавшими листьями. Въ сухое время года, повидимому, впадаетъ въ спячку. *Ю. В.*

Ядозубы—см. Ядозубовыя.

Ядоносные или *ядовитые* **зубы**—см. Ядовитыя животныя.

Ядоносные пауки—см. Ядовитыя животныя.

Ядоносныя рыбы — см. Ядовитыя животныя.

Ядоотдѣлительныя или *ядовитыя* **железы**—см. Ядовитыя животныя.

Ядоръ—мысъ на оз. Байкалѣ Иркутской губ., Верхоленскаго уѣзда, составляетъ продолженіе Тонгужирскаго хребта, ограничивающаго лѣвую сторону устья Онгуренской долины. Я. скалистъ, выс. 120 фт. надъ ур. оз. Здѣсь находятся остатки стѣны, имѣющей форму дуги, 52 саж. длиной и 24 саж. въ радіусѣ; концы этой стѣны примыкаютъ къ мысу. Высота стѣны незначительна. Съ ея наружной стороны замѣтны явные слѣды рва; въ самой

отъ отравленія икрой и молоками M. thrissa. Кромѣ того имѣются указанія на ядовитость многихъ другихъ формъ, но ядовитость эта непостоянна и во многихъ случаяхъ не провѣрена. Между ядоносными рыбами надо отличать такихъ, которыя обладаютъ аппаратами для укола и пораненія, но не обладаютъ ядоотдѣлительными железами, а зато слизь ихъ является ядовитой, но большинство ядоносныхъ рыбъ снабжены не только аппаратомъ для укола, но и ядоотдѣлительными железами. Къ числу первыхъ надо отнести скатовъ сем. Trigonidae или хвостоколовъ, у которыхъ на хвостѣ имѣется одна или нѣсколько зазубренныхъ иголъ, которыми скаты наносятъ иногда опасныя съ разорванными краями раны. Шомбуркъ думаетъ, что уколъ Trigon (T. pastinaca и др.) ядовитъ и приводитъ въ доказательство то, что послѣ укола человѣкъ испытываетъ страшную боль, сопровождающуюся судорогами, а равно боли въ пахахъ, подъ мышками и въ области сердца, и даже приводитъ случаи смерти отъ этого укола. Такъ какъ железы при основаніи иглы у хвостоколовъ нѣтъ, то остается предположить, что ихъ слизь имѣетъ ядовитыя свойства. Хвостоколы живутъ преимущественно въ тропическихъ моряхъ. Trigon pastinaca встрѣчается у береговъ Европы. Еще опаснѣе уколъ родственной хвостоколу орлянки—Myliobates aquila. Въ Италіи законъ обязываетъ убивать и сжигать каждый пойманный экземпляръ этого ската. Лишь очень немногія рыбы имѣютъ ядоотдѣлительныя железы во рту. Къ числу ихъ принадлежатъ средиземноморскія Muraena hellena и Stomias boa. У мурены во рту на небѣ сидитъ 3—4 подвижныхъ зуба, не имѣющихъ ни каналовъ, ни бороздокъ. На небѣ же открывается большая железа, подѣленная на вторичныя камеры, выстланныя железистыми клѣтками. Большинство же рыбъ имѣетъ ядоотдѣлительныя железы при основаніи иголъ плавниковъ или шиповъ жаберной крышки, вообще подъ наружнымъ покровомъ. Часто эти железы представляютъ собой замкнутые пузырьки съ соединительно-тканнымъ влагалищемъ и железистой эпителіальной выстилкой внутри. Пузырекъ лопается при надавливаніи, когда наприм. на рыбу наступятъ или ее схватятъ. А для стеканія яда на шипахъ и иглахъ имѣются бороздки или же внутренніе каналы. Въ иныхъ случаяхъ железки не найдены, но возможно, что онѣ всетаки существуютъ. Такъ, онѣ, надо думать, имѣются у Serranus scriba, Bagrus aurantiacus и нѣкоторыхъ другихъ. Лучше изслѣдована живущая въ Индійскомъ и Тихомъ океанѣ Synanceia brachio, у которой 13 переднихъ иголъ спинного плавника снабжены съ каждой стороны бороздкой съ мѣшетчатой железкой при основаніи. Рыба зарывается въ песокъ и при пораненіи вызываетъ сильную опухоль, лихорадочное состояніе, припуханіе лимфатическихъ железъ и болѣе серьезныя послѣдствія. Ранка пріобрѣтаетъ характерную синюю каемку, а иногда по всему тѣлу замѣчаются синія пятна. Выздоровленіе наступаетъ лишь черезъ нѣсколько дней, а иногда и мѣсяцевъ. У нѣкоторыхъ видовъ Trachinus (Tr. vipera, у береговъ Европы, Tr. draco тамъ же и у западныхъ береговъ Африки; Tr. radiatus въ Средиземномъ морѣ; Tr. araneus тамъ же) шипъ, сидящій на жаберной крышкѣ имѣетъ два желобка, которые прикрывающимъ ихъ покровомъ обращаются въ два канала. Такіе же желобки имѣются на 5 или 6 иглѣ спинного плавника. При основаніи этихъ иголъ и въ толщѣ оперкулярныхъ костей залегаютъ ядоотдѣлительныя железки, снабженныя протокомъ. Извѣстны многочисленные случаи отравленія. Мелкія теплокровныя животныя, которымъ былъ впрыснутъ ядъ Trachinus, умираютъ отъ разслабленія сердечныхъ мышцъ. У живущаго въ Индійскомъ и Тихомъ океанахъ Plotosus lineatus иглы при основаніи спинного и грудныхъ плавниковъ содержатъ внутри каналъ, въ который открывается ядоотдѣлительная железа, но каналъ этотъ не доходитъ до вершины иглы и дабы ядъ вытекъ, необходимо, чтобы верхушка иглы обломалась въ ранкѣ. У бычка колючаго (Cottus scorpio) имѣются на жаберной крышкѣ (а именно на praeoperculum) 3 шипа, прободенные каналами и имѣющіе при основаніи замкнутыя железки, но железки эти дѣятельны только въ періодъ нереста. У береговъ Европы эта рыба весьма обычна. Нѣкоторые виды Thalassophryne (T. reticulata около Панамскаго перешейка, T. maculosa въ Средиземномъ морѣ) имѣютъ прободенные каналами шипы—по одному на жаберной крышкѣ (на operculum) и 2 на спинѣ — съ ядоотдѣлительными железками при основаніи. Шипы спрятаны въ кожѣ и выдвигаются при пораненіи. Подобные же или сходные аппараты имѣютъ на спинныхъ плавникахъ живущій у береговъ Австраліи, Индіи и Вост. Африки Pterois volitans (хотя грудные плавники очень длинны, но не летаетъ), живущій въ Индійскомъ океанѣ Pelor filamentosus, Scorpaena porcus (Атлантическій океанъ и Средиземное море) и Amphacanthus lineatus (Новая Гвинея) имѣютъ подобные аппараты не только въ спинномъ, но и въ заднепроходномъ плавникѣ; уколъ антильскаго одного вида Scorpaena смертеленъ. Встрѣчающійся у европейскихъ береговъ Callionymus lyra имѣетъ ядоносный аппаратъ на praeoperculum, при чемъ онъ функціонируетъ лишь во время нереста. Uranoscopus scaber (Средиземное море) и U. duvalii (Индійскій и Тихій океанъ) имѣютъ по шипу на плечевомъ поясѣ. Шипъ окруженъ складкой кожи или влагалищемъ (то же наблюдается на шипахъ Cottus scorpio), которое можетъ оттягиваться и обнажать шипъ. Ядоносный мѣшокъ открывается между шипомъ и влагалищемъ. Есть указанія на ядовитость обыкновеннаго окуня (Perca fluviatilis) и нѣкоторые считаютъ углубленія кожи позади основаній спинныхъ шиповъ за ядоотдѣлительныя железки, а равно описываютъ железистое скопленіе позади шипа жаберной крышки. Выдѣленія кожныхъ железъ многихъ амфибій ядовиты. Железы эти являются многоклѣточными и снабжены хорошо развитымъ мышечнымъ слоемъ. Скопленія такихъ железъ могутъ лежать позади уха, на

ромъ, Я. никогда не имѣлъ какого-либо экономическаго значенія. Въ настоящее время своимъ видомъ Я. напоминаетъ село. Церквей каменныхъ 4, домовъ каменныхъ 10, деревянныхъ 471, земская больница на 30 кроватей, земская вольная аптека, земскій ветеринарный врачъ, городская богадѣльня на 12 жнщ., уѣздное училище, 2 начальныхъ школы, 28 мелкихъ промышленн. завед. (кузницы и т. п.); фабр. и зав. нѣтъ. Городской удобной земли 2264 дес., изъ коихъ 112 дес. подъ городскимъ поселеніемъ, 988 дес. занято пашней, 304 дес. поемнымъ покосомъ, 307 дес. городскимъ выгономъ и 553 дес. лѣсомъ; неудобной земли 265 дес. Въ 1901 г. въ доходъ города поступило 10700 руб., болѣе всего съ принадлежащихъ городу недвижимыхъ имуществъ и оброчныхъ статей (6800 р); израсходовано 10200 р., изъ нихъ на содержаніе общественнаго управленія 2800 р. и на учебныя заведенія 1000 р. Бывающіе въ Я. еженедѣльные базары ничтожны по своимъ оборотамъ и уступаютъ многимъ сельскимъ базарамъ уѣзда.

Ядринскій уѣздъ расположенъ въ зап. части Казанской губ.; граничитъ на сѣв.-зап. съ Васильсурскимъ у. Нижегородской губ., на юго-вост.—съ Буинскимъ, на юго-зап.—съ Алатырскимъ, на западѣ — съ Курмышскимъ у. Симбирской губ. Очертаніями своихъ границъ и отношеніемъ ихъ къ странамъ свѣта Я. уѣздъ очень напоминаетъ фигуру Африки. Наибольшее протяженіе Я. уѣздъ имѣетъ въ ширину, отъ зап. къ вост. (въ сѣв. своей части) ок. 75 вер. и въ длину отъ ЗСЗ къ ВЮВ—ок. 90 вер. Общее пространство Я. уѣзда, со включеніемъ внутреннихъ водъ, 2872,3 кв. вер. или 300210 дес., т. е. 5,15% общей площади Казанской губ. Я. уѣздъ занимаетъ наиболѣе возвышенную мѣстность правобережной отъ р. Волги части Казанской губ. и имѣетъ поверхность нѣсколько наклоненную къ сѣв.-вост. Сѣв.-зап. уголъ уѣзда прорѣзывается на небольшомъ протяженіи (40 вер.) р. Сурою и впадающею въ нее съ прав. стор. рч. Вылою, юго-вост. часть уѣзда орошается р. Мал. Цивилемъ и средина уѣзда, по направленію отъ ЮЗ къ СВ, р. Бол. Цивилемъ и многочисленными притоками послѣдняго, впадающими съ лѣв. стороны и текущими преимущественно по направленію отъ СЗ къ ЮВ. Изъ этихъ притоковъ болѣе значительна р. Бол. Сорма. Всѣ эти рѣки, за исключеніемъ Суры, не судоходны. Кромѣ многочисленныхъ рр. и ррч. поверхность Я. уѣзда, особенно въ сѣв. части, сильно изрѣзана глубокими и извилистыми оврагами и рытвинами, при чемъ по дну овраговъ обыкновенно протекаютъ ручьи. Южн. часть уѣзда, гдѣ берутъ начало рр. Бол. и Мал. Цивиль, имѣетъ сравнительно ровную поверхность. Сѣв.-зап. уголъ уѣзда, расположенный на лѣв. бер. р. Суры, имѣетъ низинный характеръ. Наиболѣе значительныя возвышенности тянутся отъ ВСВ къ ЗЮЗ по водораздѣлу между системами р. Суры и р. Бол. Цивиля и достигаютъ здѣсь мѣстами 93 саж. надъ ур. моря (дер. Торнъ-Касы). Озеръ и болотъ мало и они не велики. Сѣв. половина Я. уѣзда сложена изъ верхняго яруса пермской системы, а южн.—изъ послѣтретичныхъ отложеній, при чемъ въ южн. половинѣ кое-гдѣ выступаетъ пятнами юрская система. Сѣв. половина уѣзда покрыта (по А. Гордягину и Р. Ризположенскому) суглинистыми почвами, при чемъ кое-гдѣ вкраплены пятна черноземныхъ почвъ; мѣстность между рр. Бол. и Мал. Цивилями занята большею частью черноземомъ, а въ самой южн. части уѣзда преобладаютъ тяжелыя глинистыя почвы, частью же (на прав. бер. р. Мал. Цивиля) черноземъ или сѣропесчанистыя почвы. Во многихъ мѣстахъ въ юрскихъ породахъ и ихъ делювіи найденъ сѣрный колчеданъ, преимущественно по рч. Хирлейкѣ, лѣв. прит. р. Бол. Цивиля, въ дачахъ дер. Туванъ, откуда колчеданъ добывается въ дов. значительномъ количествѣ, свозится оттуда къ с. Чигинаръ, близъ г. Я., и отправляется на химическіе заводы Ярославской губ. Подъ лѣсами числится 24% площади. Южн. часть уѣзда занята исключительно лѣсами казны и лишена селеній; затѣмъ довольно много лѣсовъ въ сѣв.-зап. углу уѣзда, близъ г. Я. Участки лѣса разбросаны и по всей остальной части уѣзда. Лѣсъ лиственный, преимущественно дубъ, частью липа; примѣсь березы, клена, илема, вяза незначительна. Небольшая примѣсь сосны или ели наблюдается въ немногихъ случаяхъ. Нерѣдко встрѣчается орѣшникъ или молодой липнякъ. Болѣе значительные сѣнокосы расположены по рр. Сурѣ, Вылѣ, Бол. и Мал. Цивилямъ. По переписи 1897 г. въ Я. у., не считая г. Я., 153583 жит.; по полицейскимъ свѣдѣніямъ 1901 г. 80847 мжч., 80380 жнщ., всего 161227, въ томъ числѣ дворянъ 20, духовнаго сословія 641, почетныхъ гражданъ и купеческаго сословія 41, мѣщанъ 257, крестьянъ 141422, военныхъ, безсрочно-отпускныхъ и ихъ семействъ 18846. Русскихъ 9958 (4894 мжч., 5064 жнщ.), чувашъ 151267 (75952 мжч., 75315 жнщ.), проч. 2 (1 мжщ., 1 жнщ.). Всѣ православные. Плотность сельскаго населенія составляетъ 53,3 жит. на кв. вер. Въ 1897 г. насчитано 603 сельскихъ поселка. Особенность чувашскаго населенія—стремленіе разселяться особыми такъ называемыми околодками (группами дворовъ). Разселеніе чувашскихъ селеній продолжается и число околодковъ возрастаетъ. Изъ всѣхъ 515 поселковъ (по даннымъ земской переписи 1889 г.) 509 (98,8%) населены быв. госуд. крестьянами, 6 (1,2%) — быв. владѣльческими. Чувашскихъ поселковъ 501 (97,2%), русскихъ 14 (2,8%). На 1 поселокъ приходилось:

	Дворовъ.	Жителей.
У чувашъ, быв. госуд. . .	51	253
У русскихъ, быв. госуд. . .	77	448
» » » влад. .	91	520

Теперь на 1 сельское поселеніе приходится сельскихъ жителей 255, дворовъ 45,1, кв. верстъ 4,8. По даннымъ 1889 г. числится земли, удобной 288974 дес., неудобной 12246 дес. Частновладѣльческой земли 2737 дес., надѣльной крестьянской 235713 дес., казенной 58521 (почти исключительно лѣсъ), гор.

Я. 2629 дес., церквей и монастырей 1621 дес. Удобная земля по угодьямъ распредѣляется такъ: усадебной 3,5%, пахатной 60,5, сѣнокосной 9,6, лѣсной площади 24,1, выгонной 2,2, нераспредѣленной по угодьямъ 0,1%. Крестьянская надѣльная земля находится исключительно въ общинномъ пользованіи, причемъ у чувашъ мѣстами земля иногда переверстывается не только между околодками, но даже и между отдѣльными цѣлыми селеніями. Всѣхъ земельныхъ общинъ въ Ядринскомъ уѣздѣ 111; изъ нихъ въ 23 числится по одному только селенію, во всѣхъ остальныхъ селеній насчитывается по два и болѣе въ каждой; одна община состоитъ даже изъ 41 поселка. Кромѣ того у нѣкоторыхъ такихъ сложныхъ общинъ имѣются совмѣстныя общія владѣнія въ особыхъ отхожихъ дачахъ. На почвѣ такой сложности и запутанности землевладѣнія между нѣкоторыми селеніями и цѣлыми общинами возникаютъ иногда судебныя тяжбы. У крестьянъ быв. государственныхъ на 1 наличную мужскую душу приходится земли по 3,4 дес., у крестьянъ быв. владѣльческихъ—по 1,6 дес.; у русскихъ приходится на 1 мужскую душу по 3,0 дес., у чувашъ — по 3,4 дес. Всѣ помѣщичьи имѣнія, которыхъ въ Ядринскомъ у. было немного, перешли, за исключеніемъ одного, въ руки другихъ сословій и эксплуатируются главнымъ образомъ по испольной системѣ, а нѣкоторая часть сдается въ денежную аренду сосѣднимъ крестьянамъ. Крестьянское населеніе занимается почти исключительно земледѣліемъ. Хозяйство трехпольное: въ озимомъ сѣютъ рожь, а въ яровомъ главнымъ образомъ овесъ, на навозныхъ же земляхъ ячмень; высѣваютъ также въ небольшомъ количествѣ полбу, горохъ, чечевицу, просо, коноплю или ленъ. Въ Засурской части уѣзда сѣютъ вмѣсто ячменя яровую пшеницу. Гречиха совсѣмъ почти не культивируется. Навоза получается мало и распредѣляется онъ по полю неравномѣрно; значительная часть полей въ большинствѣ селеній остается неунавоженною. Съ 1 дес. собирается хлѣба пудовъ (въ среднемъ за 18 лѣтъ): ржи 53,4 (на частновладѣльческихъ) и 47,9 (на крестьянскихъ надѣльныхъ), овса 43,4 и 41,9, яровой пшеницы 34,5 и 39,1, ячменя 39,6 и 45,5, гороха 40,4 и 40,8, проса 46,5, и 36,1, льняного сѣмени 25 и 25, картофеля 23 и 37 четвертей. Въ среднемъ за 6 лѣтъ (1895—1900 гг.) годовой чистый сборъ продовольственныхъ хлѣбовъ (безъ овса, картофеля и масличныхъ), за вычетомъ сѣмянъ, равнялся для всего уѣзда 3340 тыс. пд., что составляетъ по 21,7 пд. на 1 душу сельскаго населенія. Соотвѣтствующая цифра для всей Казанской губ.—21,2 пд. 16% сѣнокосовъ относятся къ разряду поемныхъ, остальные—главнымъ образомъ къ суходольнымъ или овражнымъ. Въ общемъ сѣнокосы не отличаются высокою урожайностью (на поемныхъ собираютъ 90—125 пд. съ дес., на прочихъ по 30—100 пд.). Садоводство и огородничество не развиты; лишь мѣстами въ чувашскихъ селеніяхъ разводятъ сравнительно много хмѣля, который идетъ почти исключительно для удовлетворенія мѣстныхъ нуждъ. Въ 1901 г. въ у., не считая гор. Я., числилось 42749 лошадей, 36565 гол. крупн. рогат. скота, 97649 овецъ, 25628 свиней и 2222 козы. Не смотря на чисто земледѣльческій характеръ уѣзда и ростъ населенія, замѣчается нѣкоторое сокращеніе численности скота и вмѣстѣ съ тѣмъ увеличеніе процента безлошадныхъ дворовъ. Количество крестьянскаго скота не превышаетъ, въ среднемъ, двухъ головъ на каждую дес. надѣльной земли, а въ нѣкоторыхъ обществахъ не достигаетъ и одной головы на дес. Сравнительно больше скота въ селеніяхъ по р. Сурѣ. Скотъ мелкій, выродившійся отъ безкормицы. Хлѣбъ и другіе продукты сельскаго хозяйства сбываются въ многочисленныхъ мѣстныхъ базарныхъ селахъ, число которыхъ доходитъ до 20 (чуваши вообще большіе любители посѣщать базары). Болѣе значительные базары бываютъ въ сс. Яндобѣ и Шумшевашахъ. Неземледѣльческіе промыслы, какъ мѣстные, такъ и отхожіе развиты слабо и удовлетворяютъ только несложнымъ потребностямъ крестьянъ. Сравнительно больше пильщиковъ, шерстобитовъ, колесниковъ и сапожниковъ. Въ 1901 г. выдано паспортовъ 3229 мжч. и 264 жнщ., въ томъ числѣ на два и болѣе года 21, годовыхъ 2790, полугодовыхъ 297, трехмѣсячныхъ 303 и одномѣсячныхъ 82. По даннымъ 1901 г. въ Я. уѣздѣ, не считая города Я., было заводовъ: 1 винокурен. (съ производ. на 137 тыс. р.), 1 маслобойный (68 тыс. р.) и 827 мелкихъ промышленныхъ завед. (въ томъ числѣ 784 мельницы, маслобойни и т. п. заведенія), съ производствомъ на 157 тыс. руб., при 870 рабоч. 4 врачебныхъ участка, въ каждомъ участкѣ больница; 4 врача, 11 фельдшеровъ, 4 акушерки, 1 ветеринарный врачъ и 3 ветерин. фельдшера. Въ 1902 г. было 35 земскихъ школъ, 4 мин. школы, 2 двукл. и 35 одноклассныхъ црк.-прих. школъ и 55 школъ грамоты. 1 школа приходится на 181 дѣтей школьнаго возраста. Къ 1902 г. учащихся въ земскихъ школахъ было 1712 мальч. и 277 дѣв. При 10 земскихъ школахъ имѣются склады для продажи дешевыхъ книгъ. 15 образцовыхъ библіотекъ, устроенныхъ губерн. земствомъ. При 1 мин. училищѣ организованы ремесленные классы. По смѣтѣ на 1903 г. предположено расходовъ на уѣздныя земскія потребности 101451 р., въ томъ числѣ на народное образованіе 29698 р., на медицину 29344 р. По раскладкѣ на 1903 г. цѣнность недвижимыхъ имуществъ опредѣлена въ 5222 тыс. р. Ср. «Матер. для сравнит. оцѣнки земельн. угодій въ уу. Казанской губ.» (вып. 9, у. Я., Каз., 1890); «Сравн. оцѣнка зем. угодій въ уѣздахъ Казанской губ.» (Каз., 1893); «Общій сводъ данныхъ хоз.-стат.ислѣдов. Казанской губ.», (ч. экономич. Казань, 1896); «Описаніе экономическаго состоянія Казанской губ. и нѣкот. уу. Вятской губ. въ связи съ вопросомъ о соединеніи этихъ губ. рельс. путемъ», проф. В. В. Ивановскаго (Каз., 1899); «Дѣйствія нижегород. губерн. ученой архивн. коммиссіи», (вып. 12—14 Н.-Новг., 1894) Ост. литер. см. Казанская губ. *П. Н.*

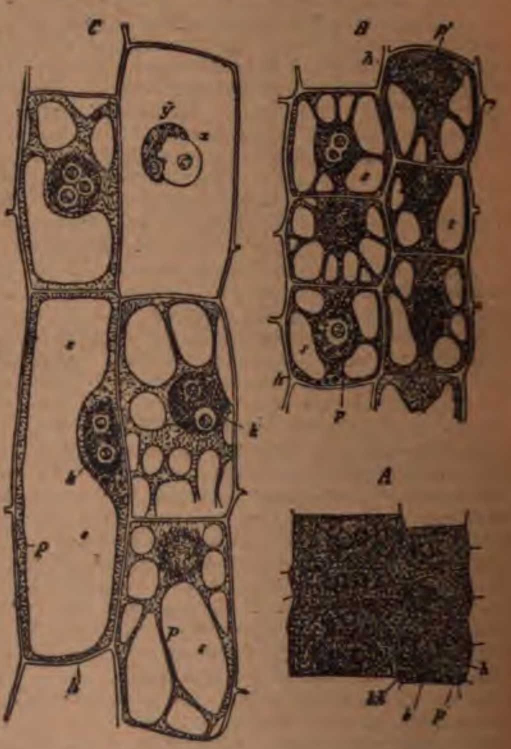
Ядро (nucleus) или *вершина* (apex) *раковины*—самая старая часть раковины моллюсковъ, съ которой она начинаетъ расти. У

одностворчатыхъ спирально завитыхъ раковинъ она помѣщается на самой вершинѣ раковины и, если личинка имѣла раковину иначе устроенную, чѣмъ взрослое животное, то естественно, что и Я., образованное этой личиночной раковиной, отличается по формѣ отъ прочей части раковины. У двустворчатыхъ раковинъ наиболѣе древней частью является наиболѣе выпуклая часть створки или пупокъ (Umbo). *В. М. Ш.*

Ядро древесины — занимаетъ центральное мѣсто въ древесинѣ. Оно ясно видно далеко не у всѣхъ деревьевъ. У нѣкоторыхъ деревьевъ слой древесины, отложившійся изъ камбія, не подвергается затѣмъ въ послѣдующіе годы почти никакимъ химическимъ измѣненіямъ. У такихъ растеній нельзя отличить стараго Я. отъ болѣе молодыхъ слоевъ древесины. Но у многихъ деревьевъ цвѣтъ древесины съ возрастомъ мѣняется. Въ этомъ случаѣ древесина распадается на болѣе свѣтлую наружную часть, называемую заболонью, и болѣе темное центральное Я. Цвѣтъ Я. древесины бываетъ очень различенъ. Напр., темнокоричневый у вишни, синій у кампешеваго дерева, черный у эбеноваго. Въ послѣднемъ случаѣ замѣчается особенно рѣзкая разница въ окраскѣ: заболонь свѣтложелтаго цвѣта рѣзко переходитъ въ черное Я. Химическіе процессы, совершающіеся при превращеніи заболони въ Я., еще мало изучены. Я. плотнѣе заболони.

В. Палладинъ.

Ядро въ растительной клѣткѣ—было открыто въ 1831 г. англійскимъ ботаникомъ Робертомъ Брауномъ. Онъ открылъ его въ клѣткахъ кожицы орхидныхъ. Для ознакомленія съ Я. берутся молодыя части корня или стебля. На 1-й фиг. изображены клѣтки различнаго возраста изъ коры корня Fritillaira imperialis. *A*—очень молодыя клѣтки, лежащія непосредственно подъ кончикомъ корешка. На этой стадіи развитія все пространство внутри каждой клѣтки наполнено мелкозернистой протоплазмой. Внутри протоплазмы лежитъ въ каждой клѣткѣ по одному *Я.* съ однимъ или двумя *ядерными тѣльцами*, или *ядрышками*. *B*—болѣе взрослыя клѣтки, взятыя изъ того же корня на разстояніи 2 мм. отъ кончика. Онѣ уже значительно выросли, количество же находящейся въ нихъ протоплазмы не только не увеличилось, но даже нѣсколько уменьшилось: часть ея была израсходована во время роста. Поэтому въ клѣткахъ появилить полости, называемыя вакуолями, наполненныя клѣточнымъ сокомъ. Ядра продолжаютъ еще занимать центральное положеніе. *C*—вполнѣ выросшія клѣтки на разстояніи 7—8 мм. отъ кончика корешка. Количество вакуолей постепенно увеличивается. Въ одной клѣткѣ всѣ вакуоли слились въ одну большую вакуолю, занявшую почти всю клѣтку. Протоплазма сохранилась только вдоль стѣнокъ клѣтки. Я. въ такихъ случаяхъ обыкновенно занимаетъ не центральное положеніе, а стѣнкоположное. Клѣтки живы, пока въ нихъ есть протоплазма и Я. Съ исчезновеніемъ протоплазмы и Я. прекращается и жизнь клѣтки. Извѣстный физіологъ Брюкке назвалъ клѣтку элементарнымъ организмомъ. Съ достовѣрностью мы не знаемъ ни одного организма, который былъ бы построенъ проще, чѣмъ клѣтка, т. е. состоялъ бы или изъ одной протоплазмы, или изъ одного Я. Протоплазма и ядро представляютъ одно цѣлое и независимо другъ отъ друга существовать продолжительное время не могутъ. При изученіи Я. нужно имѣть въ виду, что терминъ «Я.», такъ же какъ и терминъ «протоплазма»—термины морфологическіе, а не химическіе. Я. и протоплазма живы, пока сохраняютъ свойственное имъ строеніе. Ядра бываютъ очень разнообразной формы. Наиболѣе обыкновенная форма ядра—круглая. Но встрѣчаются ядра и иной формы, какъ это видно на 2-ой фигурѣ. I—заостренныя по концамъ ядра изъ кожицы листа гіацинта. II—полулунныя ядра въ устьичныхъ клѣткахъ Phajos grandifolius. III—полулунное и звѣздчатое ядра въ пыльцевыхъ клѣткахъ Tradescantia virginica. IV—

Фиг. 1. Клѣтки изъ корня Fritillaria imperialis, *p*—протоплазма, *k*—ядра, *kk*—ядерныя тѣльца, *s*—вакуоли.

вытянутое волнистое ядро въ пыльцевой трубкѣ Iris xiphinm. V—червеобразныя ядра въ старыхъ листовыхъ клѣткахъ водоросли Chara foetida. VI—веретенообразное ядро въ лубяномъ волокнѣ Urtica urens. Величина ядеръ довольно различна. Самыя крупныя ядра встрѣчаются у однодольныхъ и хвойныхъ. Клѣтки не многихъ водорослей и грибовъ имѣютъ

стѣнѣ имѣется 4 прохода. Сооруженіе вѣроятно монгольской эпохи.

Ядринцевъ (Николай Михайловичъ)—извѣстный сибирскій публицистъ, общественный дѣятель и путешественникъ-археологъ. Род. въ Омскѣ, въ 1842 г.; не окончивъ курса въ томской гимназіи, поступилъ вольнослушателемъ въ спб. университетъ и, сблизившись съ Г. Н. Потанинымъ (см.) и другими земляками, уже тогда принялъ рѣшеніе служить по мѣрѣ силъ и возможности развитію Сибири. Литературную дѣятельность началъ въ 1862 г. въ «Искрѣ». Въ 1863 г. вернулся въ Омскъ и до весны 1865 г. работалъ по устройству первыхъ публичныхъ лекцій, явившись горячимъ пропагандистомъ сибирскаго университета. Въ маѣ 1865 г. Я. вмѣстѣ съ Потанинымъ, С. С. Шашковымъ (XXXIX, 236) и др. былъ арестованъ по дѣлу о «сибирскомъ сепаратизмѣ», названному сибирской администраціей «дѣломъ объ отдѣленіи Сибири отъ Россіи и образованіи республики, подобно Соед. Штатамъ». Я. пришлось просидѣть 3 года въ омскомъ острогѣ и отправиться на жительство въ г. Шенкурскъ. Тамъ онъ занялся разработкой вопроса о сибирской тюрьмѣ и ссылкѣ, результатомъ которой была очень горячо написанная книга «Русская община въ тюрьмѣ и ссылкѣ» (СПб., 1872), составленная изъ ряда статей въ «Дѣлѣ», «Недѣлѣ» и «Отечественныхъ Запискахъ» за 1868 — 1871 гг. Основныя ея положенія: арестантъ требуетъ полной гуманности; одиночное заключеніе — вредный анахронизмъ; широкому общенію съ товарищами и общинному началу суждена видная роль въ будущемъ. Въ 1873 г. Я. усиленно сотрудничаетъ въ «Камско-Волжской Газетѣ» (XIV, 222), заявивъ себя правовѣрнымъ областникомъ, горячимъ противникомъ централистовъ всякаго рода. Въ декабрѣ 1873 г. былъ возстановленъ въ правахъ и, пріѣхавъ въ СПб., поступилъ домашнимъ секретаремъ къ гр. В. А. Соллогубу, предсѣдателю коммиссіи по устройству тюремъ (XXXIV, 360). Лѣтомъ 1874 г. Я. женился на А. Ѳ. Барковой, бывшей до смерти (1888 г.) вѣрнымъ другомъ и помощникомъ. Усиленно и съ увлеченіемъ сотрудничая по самымъ разнообразнымъ сибирскимъ вопросамъ въ «Голосѣ», «Недѣлѣ», «Дѣлѣ», «Сибири» и др. изданіяхъ, Я. въ 1876 г. былъ приглашенъ на службу въ управленіе западно-сибирскаго генералъ-губернатора Казнакова и очень энергично работалъ по крестьянскому, инородческому и другимъ мѣстнымъ вопросамъ. Въ 1876 г. Я. совершилъ экспедицію на Алтай для изученія колонизаціоннаго движенія и этнографическ. и экономич. изслѣдованій и констатировалъ высыханіе озера Чаны. Послѣ экспедиціи (1880 г.) къ инородцамъ Томской губ., Я. оставилъ навсегда государственную службу. Въ 1882 г., къ 300-лѣтію присоединенія Сибири, Я. выпустилъ капитальный трудъ «Сибирь, какъ колонія», самое заглавіе котораго показываетъ взглядъ автора на роль своей родины. Здѣсь нашли мѣсто прошлое и настоящее Сибири и всѣ ея насущные вопросы и нужды, разрѣшеніе и удовлетвореніе которыхъ было поставлено въ связь съ безусловной необходимостью замѣнить, наконецъ, исконную административную опеку широкой общественной самодѣятельностью. 1 апрѣля того же года въ С.-Петербургѣ вышелъ 1-й № основанной Я. газеты «Восточное Обозрѣніе» (см.), вполнѣ компетентнаго и сибирскаго органа. Съ 1886 г. Я. энергично работалъ въ только что открытомъ обществѣ содѣйствія учащимся въ С.-Петербургѣ сибирякамъ, являясь истиннымъ другомъ молодежи. Въ 1889 г. Я. поѣхалъ къ верховьямъ р. Орхона и окончательно установилъ мѣсто столицы древней монгольской имперіи — Каракорума (см.). Въ 1891 г. Я. выпустилъ книгу: «Сибирскіе инородцы, ихъ бытъ и современное положеніе», указавъ, какъ важна немедленная перемѣна политики въ этомъ остромъ сибирскомъ вопросѣ. Поселясь въ С.-Петербургѣ и не принимая дѣятельнаго участія въ «Вост. Обозрѣніи», Я. въ 1893—1894 гг. много работалъ въ «Русск. Жизни» и «Русск. Вѣдомостяхъ», обращая особенное вниманіе на переселенческій вопросъ, который рѣшалъ путемъ полной свободы переселеній и широкой помощи переселяющимся (XXIII, 271, 279, 280); очень энергично работалъ и въ обществѣ для вспомоществованія нуждающимся переселенцамъ. Въ 1894 г. Я. принялъ мѣсто завѣдующаго статистическимъ бюро при управленіи алтайскимъ горнымъ округомъ, но пріѣхавъ въ Барнаулъ, скоро умеръ. Сибирская интеллигенція справедливо называетъ Я. лучшимъ изъ своихъ сыновъ, всю свою жизнь самоотверженно отдавшимъ на службу обожаемой родинѣ. См. М. Лемке, «Н. М. Ядринцевъ» (СПб., 1904; изд. ред. «Восточнаго Обозрѣнія»; тамъ же и подробный перечень трудовъ Я.); Я., «Къ моей автобіографіи («Русская Мысль», 1904, VI); «Сибирскій Сборникъ» (1895, III, IV и 1896, II).

М. Лемке.

Ядринъ—уѣздн. гор. Казанской губ., на лѣв бер. р. Суры, въ сѣв.-зап. углу уѣзда. Время основанія Я. неизвѣстно; существуетъ преданіе, что на мѣстѣ его было селеніе, въ которомъ во время похода Іоанна Грознаго на Казань отливались ядра для войска, отчего онъ и получилъ свое названіе. Впервые Я. упоминается въ 1614 г., при извѣстіи о высылкѣ ядринскихъ стрѣльцовъ на государеву службу. Предполагаютъ, что Я. основанъ въ 1584 г., когда по распоряженію Бориса Годунова въ этой мѣстности былъ построенъ рядъ укрѣпленныхъ городовъ (напр. Курмышъ, Цивильскъ). Другіе относятъ основаніе Я. къ 1609 г. Въ 1708 г. Я. приписанъ къ Казанской губ., въ 1719 г. включенъ въ составъ Алатырской провинціи, въ 1781 г. сдѣланъ уѣздн. гор. Казанской губ. Жит. 2470 (по полицейск. свѣд. 1901 г.—2735: дворянъ 95, духовенства 30, купеческаго сословія 46, мѣщанъ 2194, крестьянъ 65, прочихъ сословій 305, всего 1334 мжч., 1401 жнщ.). Русскихъ 2695, чувашъ 35, прочихъ народностей 5. Населеніе православное. Являясь лишь незначительнымъ административнымъ цент-

ки на своей поверхности. Подобный опытъ представляетъ большой интересъ. Онъ даетъ возможность выяснить, при какихъ процессахъ, совершающихся въ клѣткѣ, участвуетъ ядро. На основаніи изложеннаго опыта оказывается, что образованіе оболочки идетъ при участіи ядра, для образованія же крахмала ядро не нужно. *В. Палладинъ.*

Ядро дробленія—см. Сегментаціонное ядро.

Ядро крѣпостное, или *центральная крѣпостная ограда* — необходимая составная часть всякой большой крѣпости (см. Крѣпость). Обыкновенно крѣпостное Я. состоитъ изъ обезпеченной отъ штурма, непрерывной и сомкнутой оборонительной ограды, вмѣщающей въ себѣ важные стратегическіе элементы, какъ-то: административный центръ, большой промышленный городъ, желѣзнодорожный узелъ, переправу и т. п.; здѣсь же бываютъ сосредоточены всѣ центральныя учрежденія крѣпости, пороховые погреба и запасы продовольствія. Въ современныхъ крѣпостяхъ главною оборонительною линіей является линія фортовъ; ограда же служитъ позиціею тыловою, на случай прорыва главной линіи. Необходимость укрѣпленнаго крѣпостного Я. нерѣдко оспаривалась. Противники центральной ограды указывали, что она стѣсняетъ естественный ростъ заключеннаго въ ней города и значительно увеличиваетъ стоимость постройки крѣпости. Однако, отсутствіе ограды сильно понижаетъ обороноспособность крѣпости. Дѣйствительно, если центръ крѣпости не укрѣпленъ, то, прорвавшись между фортами, атакующій можетъ сразу достигнуть цѣли, захватывая сосредоточенные въ центрѣ и ничѣмъ не обезпеченные стратегическіе элементы. Подобное предпріятіе, вполнѣ возможное безъ ограды, при наличности послѣдней становится уже немыслимымъ, такъ какъ въ этомъ послѣднемъ случаѣ успѣшно форсировавшія промежутокъ между фортами, но остановленныя оградой, войска атакующаго очутились бы въ огневомъ мѣшкѣ и, разстрѣливамыя со всѣхъ сторонъ сосредоточеннымъ огнемъ, не избѣгли-бы катастрофы. Даже двѣ линіи фортовъ, безъ ограды, хотя и затрудняютъ атаку крѣпости открытою силой и дѣлаютъ ее болѣе кровопролитной, но не дѣлаютъ ее невозможной. Не такъ давно былъ поднятъ вопросъ о срытіи ограды Парижа, обнесеннаго двумя линіями фортовъ, и коммиссія, въ которой этотъ вопросъ обсуждался, единогласно рѣшила его отрицательно. Размѣры крѣпостного Я. опредѣляются площадью, занятой городомъ и жизненными частями крѣпости въ связи съ тактическими требованіями хорошаго примѣненія оборонительныхъ сооруженій ограды къ мѣстности. При устройствѣ центральныхъ оградъ современныхъ крѣпостей является обыкновенно не малое затрудненіе въ томъ, что периметры ихъ по-прежнему значительны, а войсковыя и денежныя средства, назначаемыя на ограды, уменьшились, будучи отвлечены поясомъ фортовъ, являющимся отнынѣ главною крѣпостною позиціей. Выйти изъ этого затрудненія удалось путемъ устройства новѣйшихъ оградъ въ видѣ отдѣльныхъ сомкнутыхъ опорныхъ пунктовъ, соединенныхъ между собою длинными оборонительными линіями болѣе слабаго сопротивленія. *С. А. Ц.*

Ядро ствола.—Въ стволахъ древесныхъ породъ соки, всасываемые изъ почвы, идутъ только по самымъ наружнымъ слоямъ древесины. Болѣе внутренніе слои служатъ уже лишь въ качествѣ вмѣстилищъ воды и запасныхъ питательныхъ веществъ; наконецъ, самые внутренніе слои прекращаютъ всякое участіе въ активныхъ жизненныхъ отправленіяхъ растенія, продолжая служить ему лишь своею прочностью. Эти внутренніе слои древесины обыкновенно уже по внѣшнему виду рѣзко отличаются отъ наружныхъ слоевъ, благодаря своему болѣе темному цвѣту; въ этомъ случаѣ ихъ называютъ Я. ствола, въ отличіе отъ наружныхъ, функціонирующихъ слоевъ «заболони». Въ техникѣ отличаютъ еще подъ названіемъ «спѣлой древесины» внутренніе, обыкновенно болѣе сухіе слои заболони (быть можетъ различіе между заболонью въ узкомъ смыслѣ слова и спѣлой древесиной соотвѣтствуетъ различію между водопроводящими слоями и слоями, служащими только для накопленія запасовъ). Я. ствола обыкновенно рѣзко отдѣляется отъ заболони, что указываетъ на очень быстрое измѣненіе свойствъ древесины при ея превращеніи въ Я. Это превращеніе не зависитъ строго отъ возраста слоевъ; контуры ядра очень часто не совпадаютъ съ контурами годичныхъ слоевъ, такъ что съ одной стороны ствола оказываются уже превратившимися въ Я. гораздо болѣе молодые слои, чѣмъ съ другой его стороны. Превращеніе заболони въ Я., постепенно продвигающееся все далѣе и далѣе кнаружи, сопровождается исчезаніемъ изъ древесины одних веществъ и, наоборотъ, энергичнымъ отложеніемъ другихъ. Исчезаетъ изъ древесины при ея превращеніи въ Я. значительная часть цѣнныхъ для растенія соединеній фосфорной кислоты и калія, исчезаетъ также крахмалъ. Взамѣнъ этого въ Я. отлагается цѣлый рядъ другихъ неорганическихъ и органическихъ веществъ. Такъ, въ Я. вяза (Ulmus campestris), челковы (Celtis orientalis), бука (Fagus silvatica) отлагаются часто значительныя количества углекислаго кальція, главнымъ образомъ въ сосудахъ, при чемъ просвѣтъ ихъ часто совсѣмъ закупориваается. Въ золѣ Я. этихъ деревьевъ Молишъ находилъ цилиндрики углекислаго кальція, передающіе въ совершенствѣ внутреннюю скульптуру сосудовъ. У другихъ деревьевъ (Hirtella silicea, Petraea volubilis, Tectona grandis) вмѣсто углекальціевой соли отлагаются значительныя количества аморфнаго кремнезема. Изъ органическихъ веществъ чаще всего встрѣчаются смолы (у хвойныхъ), камеди, дубильныя и красящія вещества. Такъ изъ ядра кампешеваго дерева (Haematoxylon campechianum) добывается красящее вещество, гематоксилинъ; оранжево-красное ядро Caesalpinia Sappan даетъ бразилинъ; санталинъ добывается изъ темнокраснаго сантальваго дерева (Pterocarpus Santalinus); желтый моринъ—изъ Maclura aurantiaca. Эти измѣ-

ненія древесины при превращенія въ Я. не могутъ не отразиться на ея физическихъ свойствахъ: увеличивается плотность и прочность древесины, вообще ея техническія достоинства. Древесина ядра цѣнится поэтому въ техникѣ гораздо выше, чѣмъ древесина заболони. Окрашенная древесина многихъ древесныхъ породъ, напримѣръ черпаго эбеноваго дерева, цѣнится въ качествѣ матеріала для различныхъ токарныхъ и рѣзныхъ подѣлокъ. Что касается жизненнаго обихода самого растенія, то въ этомъ отношеніи превращеніе въ Я. не функціонирующихъ слоевъ древесины играетъ, повидимому, значительную роль. Отложенныя въ Я. вещества защищаютъ древесину отъ пораженія грибами, чѣмъ предупреждается разрушеніе древесины и образованіе дупла. По крайней мѣрѣ древесныя породы, не образующія Я., т. е. не отлагающія въ своей не функціонирующей древесинѣ никакихъ особыхъ веществъ, напримѣръ ивы, тополи, особенно склонны къ образованію дупла (Haberlandt). *В. Арц.*

Ядро сѣмяпочки—составляетъ главную часть сѣмяпочки. Оно имѣетъ видъ шаровиднаго или овальнаго тѣльца, прикрѣпленнаго при помощи «сѣмяножки» къ «сѣмяносцу» пестика. Мѣсто, гдѣ Я. сѣмяпочки переходитъ въ сѣмяножку, носитъ названіе «халазы». Отъ халазы отходятъ покровы сѣмяпочки, закладывающіеся въ видѣ кольцевыхъ валиковъ, которые въ концѣ концовъ обростаютъ Я. сѣмяпочки со всѣхъ сторонъ, оставляя лишь на верхушкѣ отверстіе, «пыльцевходъ». У большинства растеній сѣмяпочка снабжена двумя покровами, хотя существуютъ цѣлыя группы растеній, характеризующіяся однопокровными сѣмяпочками. Въ Я. сѣмяпочки обособляется одна, рѣже нѣсколько крупныхъ клѣточекъ, носящихъ названіе зародышевыхъ мѣшковъ, такъ какъ въ нихъ изъ особой яйцеклѣтки (см.) развивается послѣ оплодотворенія зародышъ. По мѣрѣ развитія зародыша, клѣтки Я. сѣмяпочки обыкновенно вытѣсняются имъ, расплываясь и потребляясь на питаніе зародыша. Гораздо рѣже клѣтки Я. сѣмяпочки переполняются питательными матеріалами, разростаясь и превращаясь въ складъ запасныхъ питательныхъ веществъ для дальнѣйшаго развитія зародыша уже внѣ материнскаго организма. Такое Я. сѣмяпочки составляетъ тогда важную часть сѣмени и носитъ названіе наружнаго бѣлка, перисперма (см. Бѣлокъ у растеній, Эндоспермъ).—Когда была установлена связь между цвѣтковыми и споровыми растеніями, выяснилось, что Я. сѣмяпочки представляетъ изъ себя спорангій съ женскими спорами (макроспорангій). Женскихъ споръ (зародышевыхъ мѣшковъ) развиваетъ такой спорангій одну, рѣдко нѣсколько (розоцвѣтныя, многія лютиковыя, казуариновыя). *В. Арц.*

Ядъ (юридич.). — Въ видахъ предупрежденія несчастныхъ случаевъ, для торговли ядовитыми и сильнодѣйствующими веществами установлены особыя ограничительныя правила. По этимъ правиламъ (Сводъ Законовъ, т. XIII, изд. 1892 г. по продолж. 1895 г., Уставъ Врачебный, ст. 530, 534, 537, 546, 548, 663 — 689) всѣ ядовитыя и сильнодѣйствующія вещества, смотря по степени ихъ опасности для здоровья, необходимости для техническаго или только фармацевтическаго употребленія и доступности ихъ для народа, дѣлятся на 4 разряда: 1) Я. особенно удобные для употребленія съ преступною цѣлью; 2) Я. и сильнодѣйствующія вещества, употребительныя въ техникѣ и неудобныя для злоумышленнаго употребленія; 3) привозные изъ-за границы Я. и сильнодѣйствующія вещества, употребляемыя только для врачеванія; 4) Я. и сильнодѣйствующія вещества происхожденія туземнаго, также употребляемыя только для врачеванія, но на мѣстахъ произрастанія доступныя всякому. Распредѣленіе Я. по этимъ разрядамъ дѣлается медицинскимъ совѣтомъ въ зависимости отъ успѣховъ химіи и требованій врачебной полиціи. Торговля веществами I-го разряда дозволяется только аптекарямъ и тѣмъ изъ купцовъ, которые будутъ избраны для сего купеческимъ обществомъ, обязаннымъ наблюдать за исполненіемъ ими установленныхъ правилъ. Продавать вещества I-го разряда можно только: а) врачамъ — безъ всякихъ ограниченій; б) аптекарямъ—по удостовѣреніи ихъ профессіи мѣстнымъ медицинскимъ начальствомъ; в) фабрикантамъ и ремесленникамъ — по свидѣтельствамъ ремесленныхъ управъ, цеховъ или полиціи, выдаваемымъ на годичный срокъ на право покупки веществъ I-го разряда; г) художникамъ и лицамъ, служащимъ при учебныхъ и другихъ казенныхъ заведеніяхъ—по такимъ же свидѣтельствамъ, выдаваемымъ отъ ихъ начальства; д) фабрикантамъ и купцамъ, выписывающимъ вещества I разряда изъ-за границы, а также покупающимъ у нихъ эти вещества для внутренней продажи—по обыкновеннымъ свидѣтельствамъ на право торговли. Отпускъ веществъ I разряда записывается въ шнуровыя книги, выдаваемыя торговцамъ губернскимъ медицинскимъ начальствомъ и представляемыя по истеченіи года для повѣрки; шнуровыя книги для записи продажи азотной кислоты выдаются полиціей; покупатель долженъ расписаться въ шнуровой книгѣ въ полученіи отпущеннаго ему Я. и дать обязательство въ томъ, что онъ будетъ хранить его за своимъ замкомъ и печатью, будетъ употреблять его только по тому назначенію, которое указано въ представленномъ имъ свидѣтельствѣ, и не будетъ продавать его другимъ; продавецъ отмѣчаетъ на свидѣтельствѣ количество отпущенныхъ веществъ и время отпуска. Торговля веществами II разряда дозволяется всѣмъ купцамъ; продавать ихъ можно всѣмъ, предъявившимъ безсрочныя свидѣтельства или документы, удостовѣряющіе въ ихъ благонадежности, а также тѣмъ, кто лично извѣстенъ продавцу; отпускъ веществъ II разряда записывается въ обыкновенныя купеческія книги, но съ указаніемъ фамиліи покупателя и количества проданнаго вещества. Вещества III разряда купцы имѣютъ право продавать только въ аптеки и по каталогамъ или требованіямъ врачей. Вещества IV раз-

ряда въ мѣстахъ ихъ добыванія могутъ быть продаваемы свободно, но тамъ, гдѣ есть аптеки или москотильныя лавки, продавать эти вещества можно только аптекарямъ и москотильщимъ. На ярмаркахъ торговля веществами II, III и IV разряда дозволяется безъ всякихъ ограниченій. Всѣ ядовитыя и сильно дѣйствующія вещества можно продавать только каждое отдѣльно, а не въ смѣшеніи; ихъ нельзя рѣзать, рубить или обращать въ порошокъ; въ лавкахъ эти вещества должны храниться въ особыхъ отдѣленіяхъ, съ особыми вѣсами, гирями, совками и принадлежностями для укладки. Наблюденіе за выполненіемъ этихъ правилъ возлагается на полицію и мѣстное медицинское начальство, для чего они должны дѣлать внезапные осмотры въ лавкахъ и магазинахъ, торгующихъ Я., удостовѣряясь при этомъ въ правильности продажи и веденія книгъ. Нарушенія правилъ, установленныхъ для продажи, храненія и употребленія Я. и сильнодѣйствующихъ веществъ, предусмотрѣны ст. 867 — 869^1 улож. о наказ. угол. и испр. и ст. 104—104^2 устава о наказ., налаг. миров. судьями, а въ уголовномъ уложеніи 1903 г.— ст. 195, 204, 205 и 464. Продажа и храненіе для продажи ядовитыхъ и сильнодѣйствующихъ веществъ лицами, не имѣющими на то права, наказывается: въ 1-й разъ денежнымъ штрафомъ до 300 руб., арестомъ до 3 мѣс. или тюрьмою отъ 2 до 4 мѣс., а во 2-й и слѣдующіе разы — тюрьмою отъ 4 до 8 мѣс., при чемъ незаконно продаваемыя вещества конфискуются (ст. 104^1) мир. уст.; нарушеніе при продажѣ Я. и сильнодѣйствующихъ веществъ установленныхъ правилъ наказывается въ первый разъ денежнымъ штрафомъ до 100 руб. и лишеніемъ права торговли этими веществами, а во 2-й разъ—штрафомъ до 300 руб. и тюрьмою отъ 2 до 4 мѣс. (ст. 867 улож. о нак.); по новому уголов. уложенію за оба эти проступка (ст. 204) опредѣлена денежная пеня до 300 руб. или арестъ до 3 мѣсяцевъ, къ которымъ судъ можетъ присоединить лишеніе права торговли Я. на срокъ отъ 1 до 5 лѣтъ. Неисполненіе установленныхъ правилъ о храненіи и употребленіи Я. и сильнодѣйствующихъ веществъ наказывается въ 1-й разъ штрафомъ до 30 руб., во 2-й разъ — штрафомъ до 100 руб. (ст. 104^2 мир. уст.) и въ 3-й разъ—штрафомъ до 100 руб. съ лишеніемъ права имѣть у себя эти вещества (ст. 868 улож. о нак.); по новому уголовному уложенію (ст. 205) за этотъ проступокъ назначена также денежная пеня до 100 р., но судъ можетъ присоединить къ ней лишеніе права имѣть у себя или употреблять Я. на срокъ отъ 1 до 5 лѣтъ, хотя бы проступокъ былъ совершенъ въ первый разъ. Наконецъ лица, не имѣющія права заниматься врачебною практикой, за употребленіе при врачеваніи Я. и сильнодѣйствующихъ веществъ, наказываются штрафомъ до 300 руб. или арестомъ до 3 мѣс.; но наказанія эти не примѣняются къ лицамъ, оказавшимъ врачебную помощь безмездно (ст. 104 мир. уст. и ст. 195 угол. улож.). Особенно строго наказывается несоблюденіе установленныхъ правилъ о приготовленіи азотной кислоты и о торговлѣ оной, учиненное съ какой-либо противной государственной безопасности или спокойствію цѣлью: виновные наказываются какъ за бунтъ противъ Верховной власти или государственную измѣну (ст. 869^1 и 987 улож. о нак., ст. 100 и 108 угол. улож. По новому уголовному уложенію изготовленіе, пріобрѣтеніе, храненіе и сбытъ азотной кислоты съ цѣлью учиненія всякаго тяжкаго преступленія наказывается исправительнымъ домомъ отъ $1^1/_2$ до 6 лѣтъ.

Въ аптекахъ Я. должны храниться отдѣльно отъ прочихъ матеріаловъ, за замкомъ и печатью аптекаря; для взвѣшиванія ихъ должны имѣться особые вѣсы. Я. и сильнодѣйствующія вещества отпускаются только по рецептамъ врачей или подписаннымъ ими сигнатурамъ, а также по письменнымъ требованіямъ химиковъ, художниковъ, фабрикантовъ и ремесленниковъ; при отпускѣ Я. по рецепту врача, не внесеннаго въ медицинскій списокъ, аптекарь можетъ потребовать отъ врача представленія диплома или копіи съ него, а при неясности или сомнѣніи въ качествѣ или количествѣ указанныхъ въ рецептѣ сильнодѣйствующихъ веществъ аптекарь можетъ отпустить лѣкарство не иначе, какъ по полученіи отъ врача письменнаго разъясненія. При отпускѣ Я. по требованіямъ не врачей должны быть соблюдаемы изложенныя выше правила, установленныя для торговцевъ. Нарушенія аптеками правилъ, установленныхъ для храненія и отпуска Я., предусмотрѣны ст. 885, 895 и 896 уложен. о наказ., а по новому уголовному уложенію ст. 200—202. За неисполненіе правилъ о храненіи, отпускѣ или употребленіи Я. или сильнодѣйствующихъ веществъ аптекари наказываются лишеніемъ навсегда содержать аптеки и управлять оными (ст. 885 улож. о нак.); за несоблюденіе правилъ объ изготовленіи или отпускѣ лѣкарствъ, содержащихъ Я. или сильнодѣйствующія вещества виновные въ томъ аптекари наказываются: въ 1-й разъ выговоромъ, во 2-й разъ штрафомъ до 25 р., въ 3-й разъ штрафомъ до 50 р. и въ 4-й разъ лишеніемъ права управлять аптекою на 1 годъ; если же виновнымъ оказывается только фармацевтъ, то онъ наказывается соотвѣтственно выговоромъ, штрафомъ до 5 или 10 руб. и лишеніемъ практики на 1 годъ, а управляющій аптекою за недосмотръ—замѣчаніемъ, строгимъ выговоромъ и штрафомъ до 5 или 10 р. (ст. 895 и 896 улож. о нак.). По новому уголовн. уложенію за оба эти проступка наказываются денежною пенею: управляющій аптекою или фабрикой, химикъ или фармацевтъ до 500 руб., а ученикъ до 200 р. (ст. 201); при повтореніи проступка или если онъ могъ повлечь за собою особо вредныя послѣдствія виновный наказывается арестомъ до 3 мѣс., а кромѣ того судъ можетъ лишить его права фармацевтической практики на срокъ отъ 6 мѣс. до 2 лѣтъ или же права содержать аптеку, фабрику или лабораторію и управлять оными на срокъ отъ 1 до 5 лѣтъ (ст. 202). — Отвѣтственность за нарушеніе правилъ о торговлѣ, храненіи и употребленіи

Я. и сильнодѣйствующихъ веществъ по уложенію о наказаніяхъ и мировому уставу не увеличивается, если послѣдствіемъ такого нарушенія будетъ причиненіе кому-либо смерти или разстройства здоровья для христіанъ въ случаѣ неосторожнаго причиненія смерти къ положеннымъ за эти нарушенія наказаніямъ присоединяется церковное покаяніе (ст. 869 и 899 уложен. о наказ.) Новое уголовное уложеніе устанавливаетъ особыя повышенныя наказанія за неосторожное причиненіе смерти или тяжкаго поврежденія, если оно было послѣдствіемъ несоблюденія виновнымъ правилъ, установленныхъ для его рода дѣятельности въ огражденіе личной безопасности, опредѣляя въ такихъ случаяхъ за причиненіе смерти — исправительный домъ отъ $1^1/_2$ до 3 лѣтъ, или крѣпость отъ 2 нед. до 3 лѣтъ; за причиненіе весьма тяжкаго или тяжкаго тѣлеснаго поврежденія — тюрьму отъ 2 недѣль до 6-ти мѣс.; за причиненіе легкаго поврежденія—арестъ отъ 1 дня до 6 мѣс.; кромѣ того судъ можетъ опубликовать приговоръ и воспретить виновному дѣятельность, правила которой онъ нарушилъ, на срокъ отъ 6 мѣс. до 3 лѣтъ въ случаѣ причиненія смерти и до 2 лѣтъ въ случаѣ причиненія тѣлеснаго поврежденія (ч. 2 и 3 ст. 464 и ч. 2 и 3 ст. 474). Злонамѣренное употребленіе Я. и другихъ вредныхъ веществъ для причиненія разстройства здоровья или смерти по уложенію о наказаніяхъ является обстоятельствомъ, отягчающимъ отвѣтственность: употребленіе Я. съ цѣлью причинить кому-либо разстройство здоровья наказывается какъ умышленное причиненіе увѣчья, но всегда въ высшей мѣрѣ, а если преступленіе учинено врачемъ, фармацевтомъ или повивальной бабкой, то наказаніе за увѣчье увеличивается на одну степень. Убійство посредствомъ отравленія, а равно бросаніе въ воду Я., сильнодѣйствующихъ и вредныхъ веществъ съ намѣреніемъ лишить кого-либо жизни наказывается одною степенью выше, чѣмъ простое убійство (ст. 1486, 1488, 1453 и 864 улож. о наказ.) Новое уголовное уложеніе придаетъ употребленію Я. квалифицирующее значеніе лишь при убійствѣ, опредѣляя за убійство посредствомъ отравленія каторгу безъ срока или не ниже 10 лѣтъ (п. 10 ст. 455), тогда какъ за простое убійство назначена срочная каторга не ниже 8 лѣтъ.—См. Неклюдовъ, «Руков. къ особен. части рус. угол. права» (т. I, стр. 200, —202, 483—500).

Ядъ змѣиный—см. Змѣи. Въ добавленіе къ сказанному тамъ слѣдуетъ упомянуть, что въ послѣднее время Кальметомъ открыта такъ наз. антизмѣиная сыворотка, добываемая по тому же принципу, какъ и всѣ остальныя лѣчебныя сыворотки, т. е. введеніемъ въ кровь животныхъ ослабленнаго Я., въ данномъ случаѣ змѣинаго. Организмъ оперированнаго такимъ образомъ животнаго вырабатываетъ антитоксинъ, т. е. противоядіе, переходящее въ кровь; и сыворотка этой послѣдней примѣняется нынѣ съ большимъ успѣхомъ въ борьбѣ съ укусами самыхъ ядовитыхъ змѣй. *И. Т.*

Ядъ колбасный—см. Колбасный ядъ (XV, 662).

Ядъ пчелъ—см. Ужаленіе.

Ядъ рыбный—см. Рыбный ядъ.

Ядъ трупный—см. Трупный ядъ.

Яды сердечные.—Какъ извѣстно, періодическая работа сердца зависитъ отъ дѣятельности, какъ самой сердечной мышцы, какъ отъ нервныхъ центровъ периферическихъ, заключенныхъ въ самомъ центрѣ, изъ коихъ одни являются эксцитомоторными, т. е. возбуждающими дѣятельность мышцъ, такъ и центрами замедляющими и задерживающими сердцебіеніе; сверхъ того, сердце обладаетъ еще и центробѣжной иннерваціей при помощи нервныхъ волоконъ, соединяющихъ его съ центральной нервной системой. По поводу этой послѣдней существуетъ даже взглядъ, по которому эти нервы могутъ быть подраздѣлены по своимъ функціямъ на двѣ категоріи: на нервы ритмическіе, т. е. измѣняющіе частоту сердцебіеній и на динамическіе, измѣняющіе независимо отъ частоты силу каждаго сердцебіенія. Такимъ образомъ во внѣшней центробѣжной инневраціи сердца слѣдуетъ различать: ускоряющія, замедляющія, усиливающія и ослабляющія сердцебіенія волокна. Говоря о сердечныхъ Я., слѣдовало бы разумѣть всѣ такія химическія начала, которыя при введеніи въ тѣло рѣзко нарушаютъ функціи одного или многихъ изъ звеньевъ этого сложнаго нервно-мышечнаго механизма сердца. Вопросъ о сердечныхъ Я. не разработанъ, къ сожалѣнію, достаточно по только что указанному плану; но, тѣмъ не менѣе, существуетъ немало отрывочныхъ но чрезвычайно цѣнныхъ данныхъ, которыя мы и приведемъ здѣсь. Вліяніе на сердечную мышцу. Несомнѣнно, что многіе протоплазматическіе Я., т. е. вещества, убійственно дѣйствующія на клѣточную протоплазму, къ числу которыхъ относятся анестезирующія вещества, какъ хлороформъ, эфиръ, какъ хининъ и др., въ извѣстныхъ дозахъ ослабляютъ и подъ конецъ прекращаютъ работу сердечной мышцы и чѣмъ эта послѣдняя представляется ненормальнѣе, чѣмъ она болѣе уже измѣнена патологическимъ процессомъ, тѣмъ скорѣе она подвергается убійственному дѣйствію этихъ протоплазматическихъ Я. и тѣмъ скорѣе сердце переходитъ въ параличъ. На этомъ, между прочимъ, основано то опасеніе, съ которымъ приступаютъ къ хлороформированію больныхъ, когда это нужно въ случаяхъ различныхъ перерожденій и пороковъ сердца. Анэстезирующія вещества по теоріи Бинца обладаютъ способностью вызывать извѣстныя степени свертыванія клѣточной протоплазмы, вслѣдствіе чего функціи ея сначала ослабѣваютъ, а затѣмъ и могутъ окончательно прекратиться. Сказанное относится въ различной степени къ клѣткамъ различныхъ органовъ, среди которыхъ клѣтки сердечной мышцы обладаютъ особенной воспріимчивостью къ анэстезирующимъ веществамъ. Если ослабить клѣтки сердечной мышцы дѣйствіемъ *большихъ* дозъ хинина, какъ протоплазматическаго яда, то послѣдующее парализующее дѣйствіе хлороформа сказывается гораздо

рѣзче и быстрѣе. Но анэстезирующія вещества дѣйствуютъ въ первой линіи на высшіе нервные центры головного мозга и различные периферическіе центры органовъ и въ частности на сердечные нервные центры; поэтому онѣ могутъ измѣнять и парализировать подъ конецъ работу сердца и дѣйствіемъ на сердечные центры. Согласно съ этимъ и было замѣчено даже на людскихъ сердцахъ перерожденіе сердечныхъ центровъ послѣ продолжительнаго хлороформированія. Всѣмъ этимъ вполнѣ оправдывается та осторожность, которую обнаруживаютъ медики при анэстезированіи людей. Что касается болѣе спеціальныхъ сердечныхъ Я., то къ нимъ относитъ: вератринъ, дигиталинъ, атропинъ, мускаринъ, никотинъ, кураре.

Вератринъ добывается изъ сѣмянъ Sabadilla officinalis, растущій въ Мексикѣ. При дѣйствіи его на организмъ со стороны сердца наблюдается продолжительное состояніе возбужденія и учащенія сердцебіеній. Затѣмъ систолическія сокращенія сердца дѣлаются все болѣе и болѣе продолжительными, число ударовъ пульса вслѣдствіе систолическихъ остановокъ сердца падаетъ на половину и, наконецъ, сердце при продолжающихся еще сокращеніяхъ его становится совершенно невозбудимымъ всякими посторонними раздражителями; впрыскиваніе атропина, парализующаго, какъ увидимъ, задерживающіе центры сердца, не измѣняетъ этой картины отравленія сердца, частота пульса все болѣе и болѣе падаетъ и смерть наступаетъ вслѣдствіе паралича сердца, не смотря на поддерживаемое искусственное дыханіе животныхъ. Вератринъ является поэтому ядомъ для сердечной мышцы, сперва возбуждающимъ, а затѣмъ парализующимъ ея дѣятельность. Согласно съ этимъ вератринъ уже не дается внутрь въ терапевтической практикѣ и употребляется только снаружи въ видѣ мазей или спиртнаго раствора при различныхъ невральгіяхъ, благодаря вызову имъ паралича чувствующихъ нервныхъ окончаній кожи.

Дигиталинъ добывается изъ листьевъ «digitalis purpurea». Онъ отличается специфическимъ дѣйствіемъ на сердце. Первымъ эффектомъ его дѣйствія является усиленіе систолическихъ сокращеній сердца съ одновременнымъ замедленіемъ сердцебіеній насчетъ увеличенія діастолическихъ фазъ желудочка. При дѣйствіи большихъ дозъ сердечныя сокращенія дѣлаются неправильными, т. е. сокращеніе и разслабленіе отдѣльныхъ частей сердца происходитъ уже неодновременно, какъ до тѣхъ поръ; желудочекъ теряетъ способность переходить въ діастолу, размѣръ его движеній все болѣе и болѣе уменьшается и спустя нѣкоторое время онъ устанавливается въ положеніе систолы, при чемъ никакими механическими раздраженіями его уже нельзя вызвать въ движеніе. Предсердіе переживаетъ въ этомъ отношеніи желудочки, они продолжаютъ еще пульсировать нѣкоторое время. Эффектъ дѣйствія дигиталина или отваровъ листьевъ наперстянки объясняется слѣдующимъ образомъ: усиливающее его дѣйствіе на сердцебіеніе возбужденіемъ сердечной мышцы, т. е. своего рода динамическихъ дѣйствій; замедленіе же сердцебіеній — раздраженіемъ блуждающихъ нервовъ, какъ въ центрѣ, такъ и на периферіи, т. е. дѣйствіемъ на ритмическіе центробѣжные нервы сердца. Послѣднее доказывается тѣмъ, что, если парализовать сердечно-задерживающій нервный механизмъ атропиномъ и затѣмъ только ввести дигиталинъ, то этого замедленія сердцебіеній отъ дигиталина вовсе не наблюдается. На этомъ дѣйствіи дигиталина на сердце основано его широкое примѣненіе въ медицинѣ, конечно, въ болѣзняхъ сердца, гдѣ приходится бороться съ чрезмѣрнымъ учащеніемъ сердцебіеній и съ ослабленными сокращеніями сердца. Благодаря такому дѣйствію дигиталина, выравнивается также работа сердца въ случаяхъ, гдѣ она нарушена въ видѣ различныхъ перебоевъ или такъ называемыхъ аретмій сердца. Поэтому дигиталинъ въ надлежащихъ дозахъ и случаяхъ служитъ прекраснымъ регуляторомъ кровообращенія. Съ этой цѣлью въ медицинѣ чаще всего употребляется не чистый дигиталинъ, а отвары листьевъ наперстянки или спиртныя настойки ихъ. Къ только что перечисленнымъ Я. сердца слѣдуетъ причислить еще слѣдующіе: во-1-хъ, «Strophanthus», добываемый изъ сѣмянъ «Strophanthi». Онъ по дѣйствію своему на сердце совершенно сходенъ съ наперстянкой (digitalis), но дѣйствуетъ быстрѣе, не раздражаетъ кишечника и не обладаетъ свойствомъ накопляться въ тѣлѣ, но дѣйствіе его бываетъ зато менѣе продолжительно, чѣмъ наперстянки. Дѣйствующее начало Strophanthis—строфантинъ, дѣйствующій подобно самому Strophanthus, но только энергичнѣе. Adonis vernalis, Convallaria majalis, Heleborus viridis по своему дѣйствію на сердце въ общемъ также напоминаютъ наперстянку и съ успѣхомъ употребляются въ медицинской практикѣ въ соотвѣтствующихъ случаяхъ. Но наилучшимъ изъ этихъ средствъ является Adonis, хорошо переносимый сердечными больными. Механизмъ дѣйствія этихъ веществъ на сердце тотъ же, что и дигиталиса, т. е. наперстянки.

Мускаринъ — это и есть дѣйствующее начало, т. е. алкалоидъ краснаго мухомора «Agaricus muscarius». Специфическое дѣйствіе его на сердце сказывается тѣмъ, что онъ быстро вызываетъ остановку сердца въ разслабленномъ состояніи, т. е. въ діастолѣ. На лягушкахъ эффектъ этотъ достигается впрыскиваніемъ даже полумиллиграмма солянокислаго мускарина. Наступленію остановки предшествуетъ періодъ замедленія сердцебіеній. При этихъ условіяхъ внѣшній видъ сердца, отравленнаго мускариномъ, какъ нельзя болѣе походитъ на тотъ, который принимаетъ оно послѣ сильнаго и продолжительнаго возбужденія блуждающаго нерва. Опытъ показываетъ, что мускаринъ вызываетъ діастолическую остановку сердца возбужденіемъ периферическихъ задерживающихъ нервныхъ центровъ, заложенныхъ въ самомъ сердцѣ, а именно въ его венозномъ синусѣ, и это доказывается прямо тѣмъ, что введеніе въ тѣло ничтожныхъ количествъ атропина, парализую-

щаго эти задерживающіе центры, вновь вызываетъ сердцебіеніе. Антагонизмъ между мускариномъ и атропиномъ настолько рѣзко выраженъ, что его можно обнаружить въ слѣдующей простѣйшей формѣ: если на вырѣзанное бьющееся сердце лягушки покапать растворомъ мускарина, то оно быстро останавливается въ діастолѣ; если вслѣдъ затѣмъ капать на него растворомъ атропина, то оно вскорѣ возобновляетъ свои біенія. Мускаринъ является такимъ образомъ специфическимъ ядомъ сердца, останавливающимъ его біенія чрезъ возбужденіе задерживающихъ периферическихъ центровъ сердца. Мускаринъ, благодаря высокой ядовитости его для сердца, не примѣняется въ медицинѣ при болѣзняхъ сердца.

Атропинъ добывается изъ красавки (Atropa belladonna) семейства «Solaneae». Изъ различныхъ симптомовъ ядовитаго дѣйствія атропина, мотивирующихъ его терапевтическое примѣненіе, особенно выдается его способность вызывать параличъ периферическихъ нервовъ. Отъ этого паралича и зависитъ значительное учащеніе пульса, расширеніе зрачковъ, сухость во рту и зѣвѣ, сухость кожи и замедленіе кишечной перистальтики. Дѣйствіе на сердце сказывается рѣзкимъ учащеніемъ его біеній. Эффектъ этотъ происходитъ отъ парализированія имъ перифирическаго задерживающаго аппарата сердца, вслѣдствіе чего самое сильное и продолжительное раздраженіе блуждающихъ нервовъ остается безъ всякаго результата. Благодаря именно такому дѣйствію атропина, онъ и является антагонистомъ мускарина, въ извѣстной степени антагонистомъ и дигиталина и вообще всѣхъ тѣхъ веществъ, которыя замедляютъ сердцебіеніе черезъ возбужденіе задерживающихъ механизмовъ сердца. Такъ какъ задерживающія функціи блуждающихъ нервовъ имѣютъ для дѣятельности сердца огромное значеніе, умѣряя сердцебіенія и не давая возможности уставать сердцу, то понятно, насколько можетъ быть невыгоднымъ выключеніе функцій этого задерживающаго аппарата путемъ атропина и тѣ разстройства въ кровообращеніи, которыя могутъ явиться послѣдствіемъ этого. Поэтому атропинъ примѣняется въ медицинѣ только въ такихъ минимальныхъ дозахъ, которыя едва отражаются на дѣятельности сердца, но въ то же время вызывающихъ другія желанныя измѣненія въ организмѣ.

Никотинъ добывается изъ различныхъ сортовъ табака («Nicotiana tabacum» или N. rustica), растеній изъ семейства «Solaneae». Никотинъ сначала замедляетъ сердцебіенія и можетъ доводить ихъ даже до полной остановки; но по прошествіи нѣкотораго времени сердечныя сокращенія снова начинаютъ представлять свой обычный ритмъ. Возбужденіе блуждающаго нерва при этихъ условіяхъ остается безъ всякаго замедляющаго эффекта; но мускаринъ при этомъ вызываетъ сразу остановку сердца. Факты эти объясняются тѣмъ, что никотинъ сначала возбуждаетъ окончанія блуждающихъ нервовъ въ сердцѣ, вслѣдствіе чего получается задержаніе сердечной дѣятельности, а затѣмъ это возбужденіе обусловливаетъ подъ конецъ истощеніе этихъ волоконъ блуждающаго нерва. Сфера дѣйствія никотина ограничивается такимъ образомъ лишь окончаніями волоконъ блуждающихъ нервовъ и нисколько не отражается на связанномъ съ ними периферическомъ задерживающемъ аппаратѣ сердца, заложенномъ въ венозномъ синусѣ сердца; вслѣдствіе этого возбужденіе ствола блуждающихъ нервовъ послѣ никотиннаго отравленія остается безъ вліянія на ритмъ сердцебіеній, тогда какъ небольшая доза мускарина, возбуждающаго прямо самый задерживающій аппаратъ, обусловливаетъ по-прежнему остановку сердца. На этомъ дѣйствіи никотина на сердечный нервный механизмъ и основываются тѣ болѣзненные сердечные припадки, которые нерѣдко наблюдаются у сильныхъ курильщиковъ табаку: неправильныя біенія сердца, то усиленныя, то ослабленныя, то замедленныя, то учащенныя, тѣ перебои сердца или аретмія, которыя нерѣдко тревожатъ курильщиковъ. Наконецъ, высшія степени отравленія никотиномъ у человѣка при куреніи сказываются сильно учащеннымъ и нитевиднымъ пульсомъ, сопровождающимся нерѣдко обморокомъ.

Кураре, южно-американскій стрѣльный ядъ, добывается изъ коры растеній «Strychnos toxifera». Дѣйствіе на сердце въ большихъ дозахъ сказывается учащеніемъ сердцебіеній вслѣдствіе паралича задерживающихъ волоконъ блуждающаго нерва и это прямо вытекаетъ изъ того, что раздраженіе стволовъ блуждающихъ нервовъ въ извѣстныхъ фазахъ курарнаго отравленія не вызываетъ болѣе ни замедленія, ни остановки сердцебіеній, тогда какъ мускаринъ, возбуждающій периферическій задерживающій аппаратъ сердца, вызываетъ быструю остановку сердца.

И. Тархановъ.

Яель (Альфредъ Jaell) — извѣстный піанистъ и скрипачъ, род. въ 1832 г. Въ 1843 г. Я. предпринялъ большое концертное путешествіе по Италіи, Франціи, Америкѣ; позже концертировалъ въ Германіи, Польшѣ, Россіи. Игра Я. отличалась блескомъ и чистотою. Я. написалъ болѣе 200 сочиненій: салонныхъ пьесъ, фантазій, транскрипцій и проч. Жена Я., Марія Траутманъ, извѣстна какъ хорошая піанистка. *Н. С.*

Яжборовскіе-Юрьевы—старинный дворянскій родъ польскаго происхожденія и записанный въ VI часть родословной книги Черниговской губ. Родоначальникъ его, *Сергѣй Яковлевичъ Я.*, въ 1699 г. прибылъ изъ Польши въ Запорожское войско и получилъ отъ Мазепы универсалъ на помѣстье въ Нѣжинскомъ полку. Внукъ его *Юрій Юрьевичъ* сталъ именоваться также и Юрьевымъ, отчего потомки его и прозываются Я.-Юрьевы. Гербъ этого рода внесенъ въ VI часть Общаго Гербовника. *В. Р—въ.*

Язва (Язьва)—р. Пермской губ., Чердынскаго у., лѣв. прит. Вишеры (системы Камы). Дл. 275 в., шир. до 30 с., глуб. 1—4 фт.; весною сплавъ. Много притоковъ. Устье Я. въ 40 в. выше впаденія въ Вишеру рѣки Колвы.

Язва круглая желудка—см. Круглая язва желудка (XVI, 833).

Язва сибирская—см. Сибирская язва (XXIX, 742).

Язвенникъ—растеніе, то же, что перелетъ, зольникъ, Anthyllis (см. Антиллисъ).

Язвинскій (Александръ Андреевичъ)—педагогъ, изобрѣтатель мнемонической методы изученія исторіи. Напечаталъ: «Всеобщая исторія: руководство къ хронографической картѣ для изученія исторіи главныхъ европейскихъ государствъ (1837); «Синхронистическія таблицы всеобщей исторіи, служащія къ хронографическому атласу, содержащему въ себѣ до 500 портретовъ государей» (1846); «Русская исторія, хронографическое обозрѣніе и портреты» (1845); «Методы преподаванія хронологической исторіи» (1837); «Хронологическое обозрѣніе всеобщей исторіи» (1841).

Язвица (Choeropus)—см. Херопъ.

Язвицкій (Николай Николаевичъ)—писатель начала XIX стол. Напечаталъ: «Всеобщая философія грамматики» (СПб., 1810); «Механизмъ, или стопосложеніе россійскаго стихотворства» (ib., 1810); «Введеніе въ науку стихотворства, или разсужденіе о началѣ поэзіи вообще, и краткое повѣствованіе восточнаго, еврейскаго, греческаго, римскаго, древняго и средняго россійскаго стихотворства» (ib., 1811); «Разсужденіе о словесности вообще» (ib., 1810); «Историческое похвальное слово Суворову, или лавры генералиссимуса князя Италійскаго и графа Рымникскаго» (ib., 1810); «Оды похвальныя» (ib., 1811).

Язвы (ulcus, helcoma). — Подъ этимъ названіемъ понимаютъ гноящійся дефектъ поверхности съ большимъ или меньшимъ стремленіемъ къ дальнѣйшему разрушенію ткани. Я. могутъ лежать на открытой поверхности кожи или на слизистыхъ оболочкахъ (рта, желудка, кишекъ, мочевыхъ или дыхательныхъ путей и т. д.). Форма Я. бываетъ самая разнообразная: круглая, эллиптическая, зубчатая, прямолинейная и т. п.; край можетъ быть плоскій, возвышенный, мягкій или твердый (мозолистый), отвѣсный или срѣзанный, подрытый, съ бухтами и т. д. Дно Я. либо представляетъ чистую поверхность съ мясистыми сосочками (грануляціи), либо покрыто желтоватыми или грязно-сѣрыми сальными массами, иногда пленками (крупозными или дифтеритическими). Грануляціи могутъ быть дряблыя, малокровныя (атоническія) или чрезмѣрно разросшіяся надъ поверхностью Я., легко кровоточивыя (дикое мясо, caro luxurians). Отдѣляемое (секретъ) Я. можетъ быть чисто гнойное или сукровичное, кровянистое, зловонное, съ обрывками ткани, обильное или скудное; въ послѣднемъ случаѣ оно легко засыхаетъ въ видѣ струпа. Распространеніе Я. можетъ быть медленное (торпидныя, атоническія Я.), или же разрушеніе ткани происходитъ быстро и на большомъ протяженіи (разъѣдающія, фагеденическія Я.); иногда язва заживаетъ на одномъ мѣстѣ, между тѣмъ какъ на другомъ мѣстѣ она производитъ новыя разрушенія (ползучія, серпигинозныя Я.), или язва сопровождается омертвѣніемъ обширныхъ частей ткани (гангренозныя Я.). Классификація язвъ очень обширная и разнообразная. Проще всего дѣлить Я. на двѣ большія группы: идіопатическія (мѣстныя, первичныя) Я., возникшія вслѣдствіе внѣшнихъ причинъ, и симптоматическія (вторичныя) Я., вызванныя общимъ заболѣваніемъ (золотушная, сифилитическая, подагрическая, раковая и др. Я.). Причины образованія язвъ весьма многочисленны. Иногда возникновенію Я. предшествуетъ пораненіе; раздраженіе раневой поверхности физическими или химическими факторами (треніе плохо наложенной повязки, острыя мази, орошеніе мочей, кровью, слюной и т. п.) ведетъ къ распаду ткани и къ изъязвленію. Изъ тканей клѣтчатка болѣе расположена къ изъязвленіямъ, нежели сухожилія и хрящевая ткань, мышцы и железы болѣе, нежели паренхиматозные органы. Въ бѣдныхъ сосудами тканяхъ, напр. въ сѣтчатомъ хрящѣ носа и ушей, въ рубцовой ткани, въ сильно напряженной и мало подвижной кожѣ, напр. на переднемъ краѣ голени, на пяткѣ Я. легче возникаютъ и медленнѣе заживаютъ, нежели въ хорошо васкуляризованныхъ тканяхъ. Далѣе, въ образованіи Я. играютъ роль разстройства кровообращенія (приливы, застои) вслѣдствіе общаго упадка дѣятельности сердца или вслѣдствіе мѣстныхъ измѣненій сосудовъ (склерозъ артерій, варикозныя расширенія венъ), разстройства питанія (малокровіе, голоданіе, цынга, сифилисъ, бугорчатка, золотуха), разстройства иннерваціи (невропаралитическая Я., mal perforant du pied). Значеніе Я. для организма опредѣляется ихъ мѣстоположеніемъ, характеромъ, размѣрами и теченіемъ. Опасны для жизни прободающія Я. внутреннихъ органовъ (круглая Я. желудка, двѣнадцатиперстной кишки), хотя бы и незначительныя по протяженію, ибо прободеніе ихъ ведетъ къ острому воспаленію брюшины. Разъѣдающія, ползучія, гангренозныя Я. могутъ въ короткое время уничтожить цѣлыя части тѣла или даже въ случаѣ заживленія повредить ихъ отправленію, такъ какъ вслѣдствіе обширнаго рубцеванія образуются сильныя сведенія. Старыя, запущенныя Я. голени, распространяющіяся въ видѣ полукруга или кольцеобразно на большое протяженіе, превращаютъ въ концѣ концовъ кожу съ мышцами и надкостницей въ толстую кору, большая и малая берцовыя кости спаиваются, стопа становится неподвижной вслѣдствіе утолщенія и окостенѣнія суставныхъ сумокъ, и вся конечность безформенно утолщается, какъ при слоновой болѣзни (см.). Далѣе, Я. могутъ служить входными воротами для разныхъ микробовъ (рожа, гное - и гнилокровіе). Обширныя Я., протекающія съ обильнымъ нагноеніемъ, могутъ повлечь за собою изнурительную лихорадку, перерожденіе (амилоидное) брюшныхъ органовъ и маразмъ. Въ старину врачи смотрѣли на многія открытыя язвы какъ на замѣстительныя болѣзни, какъ на родъ самоизлѣченія природы, которая такимъ образомъ выводитъ наружу вредные соки; поэтому заживленіе ихъ считалось вреднымъ, ибо могло вызвать воспаленіе внутрен-

никъ органовъ (такъ назыв. метастазы). Въ тѣхъ же видахъ умышленно производили въ нѣкоторыхъ случаяхъ искусственныя Я. (фонтанели), чтобы этимъ достигнуть излѣченія внутреннихъ болѣзней. Въ настоящее время придерживаются того правила, что надо стремиться къ возможно быстрому заживленію всякой язвы. Лѣченіе язвъ, помимо устраненія причинныхъ моментовъ, по преимуществу антисептическое (перевязка іодоформомъ и т. п.). Въ застарѣлыхъ случаяхъ можетъ понадобиться оперативное изсѣченіе язвы съ послѣдующимъ наложеніемъ шва или съ послѣдующей пересадкой кожи (по Thiersch'у), или съ пластическимъ закрытіемъ образованнаго дефекта. Какъ послѣднее средство примѣняютъ иногда ампутацію пораженной изъязвленнымъ процессомъ конечности. *В. О—ій.*

Язіонъ или *Язій*—сынъ Зевса и дочери Атланта Электры, братъ Дардана. Встрѣтившись съ Я. на бракосочетаніи сестры его Гармоніи съ Кадмомъ, Деметра воспылала къ нему страстью и, сочетавшись съ нимъ бракомъ, родила отъ него на трижды вспаханномъ полѣ на Критѣ Плутоса (богъ богатства). По Овидію, Я. до глубокой старости оставался супругомъ Деметры. На о-вѣ Самоѳракіи, куда Я. переселился съ Крита (по др. изъ Италіи или Аркадіи), Зевсъ посвятилъ его въ мистеріи Деметры, культъ которой впослѣдствіи Я. распространялъ по всей Элладѣ. *Н. О.*

Язó—дочь Асклепія (по др. Амфіарая, сестра богини здоровья Гигіеи. Ей приносили жертвы въ Оропскомъ храмѣ Амфіарая. Имя Я. стоитъ въ связи съ греческимъ глаголомъ ἰάομαι = лѣчить. *Н. О.*

Язонъ (Ἰάσων, Jason)—въ греческой миѳологіи мѣстный ѳессалійскій герой, стоявшій во главѣ экспедиціи аргонавтовъ, сынъ Эзона (Айзона), происходилъ изъ рода Эолидовъ; родиною его былъ ѳессалійскій городъ Іолкъ населенный минійцами. По смерти основателя и царя г. Іолка, Креѳея, власть перешла къ сыну его Пелію, который силою отнялъ престолъ у брата своего Эзона. Боясь за жизнь своего сына Я., Эзонъ отправилъ его тайно на гору Пелій къ кентавру Хирону (Хейрону), миѳическому воспитателю Ахилла, Асклепія и Геракла; здѣсь Я. получилъ воспитаніе и научился между прочимъ врачебному искусству, откуда, быть можетъ, происходитъ и самое имя Я. (=цѣлитель; ср. Язó). Согласно приводимому Аполлодоромъ сказанію, Я. пришелъ однажды по приглашенію Пелія въ Іолкъ, на Посейдоновъ праздникъ, но при переправѣ черезъ рѣку Анавръ потерялъ одинъ сандалій и въ такомъ видѣ предсталъ передъ царемъ. Между тѣмъ послѣдній, незадолго до того, получилъ отъ оракула предостереженіе—бояться человѣка, обутаго на одну ногу. Увидѣвъ Я. и вспомнивъ объ оракулѣ, Пелій сообщилъ ему о предсказаніи и спросилъ Я., что сдѣлалъ бы онъ, если бы получилъ подобное предостереженіе. Я. отвѣтилъ, что онъ отправилъ бы опаснаго ему человѣка въ Колхиду за золотымъ руномъ—и тѣмъ принялъ на себя казавшійся неисполнимымъ подвигъ. По другой версіи (Пиндаръ, Пиѳ., IV), Я., прибывъ въ Іолкъ обутымъ въ одинъ сандалій и узнавъ о данномъ Пелію предсказаніи, потребовалъ, основываясь на словахъ оракула, чтобы Пелій отдалъ ему царство. Послѣдній согласился, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы Я. предварительно привезъ въ Іолкъ золотое руно барана, на которомъ спаслись дѣти Аѳаманта, Фриксъ и Гелла, и чтобы онъ вернулъ на родину душу Фрикса и тѣмъ снялъ проклятіе, тяготѣвшее надъ родомъ Эолидовъ. Я. послалъ вѣстниковъ по всѣмъ городамъ, приглашая героевъ принять участіе въ предпріятіи, и когда составъ экспедиціи опредѣлился (по Пиндару въ походѣ на Колхиду участвовали Гераклъ, Діоскуры, Эвфемъ, Периклименъ, Орфей, Эхіонъ, Эвритъ, Зетъ и Каландъ; со временемъ этотъ списокъ значительно увеличился), Я. построилъ съ помощью Аѳины корабль *Арго* (=быстрый) и, благополучно достигнувъ страны Эи (Айи), послѣ многихъ приключеній и опасностей, при содѣйствіи волшебницы Медеи, дочери царя Эи—Эета (Айета) овладѣлъ желаннымъ руномъ (см. Аргонавты и Медея). По древнѣйшей версіи сказанія, Я., по совершеніи геройскаго подвига вернулся съ Медеею въ Іолкъ, гдѣ и воцарился, послѣ того какъ Пелій былъ убитъ собственными дочерьми, которымъ Медея вѣроломно посовѣтовала сдѣлать это, обѣщавъ вернуть ему, вмѣстѣ съ жизнью юность. По позднѣйшимъ версіямъ миѳа, Медея, послѣ умерщвленія Пелія, бѣжала вмѣстѣ съ Я. въ Коринѳъ, гдѣ Я. измѣнилъ Медеѣ, посватавшись къ дочери царя Креонта, Главкѣ, которой Медея отомстила, пославъ ей въ даръ отравленную ядомъ одежду. По одному изъ позднѣйшихъ сказаній, Я. съ сыномъ Медеи Медомъ, родившимся у нея отъ аѳинскаго царя Эгея, возвратился въ Колхиду, гдѣ, однако, продолжалъ царствовать Эетъ (Айетъ). По Діодору, Я. кончилъ жизнь самоубійствомъ; по другому сказанію онъ былъ убитъ обрушившимся на него обломкомъ корабля Арго. Дѣти Я. были: отъ Медеи—Мермеръ и Феръ (по Діодору—Ѳессалъ, Тисандръ и Алкименъ), отъ Гипсипилы—Эвней и Неброфонъ. Сказаніе объ аргонавтахъ было разработано въ особыхъ пѣсняхъ еще до возникновенія гомеровскаго эпоса, насколько можно судить объ этомъ по упоминанію о предпріятіи Я. и родословной героя въ Одиссеѣ и Иліадѣ. Позднѣе объ Я. и его подвигѣ повѣствовали Гезіодъ (Ѳеогонія, 992 и слѣд.), киклики, Пиндаръ (IV пиѳ. ода); трагики пользовались для своихъ драмъ романтическими эпизодами сказанія объ Я.; наконецъ, александрійскому періоду принадлежитъ большая дошедшая до насъ поэма Аполлонія Родосскаго «Ἀργοναυτικά», въ четырехъ пѣсняхъ, послужившая источникомъ и образцомъ для подражательныхъ поэмъ на ту же тему на латинскомъ языкѣ — Валерія Флакка и позднѣе—Псевдо-Орфея. *Н. О.*

Язонъ — сынъ Ликофрона, который въ послѣдніе годы Пелопоннесской войны былъ тираномъ въ ѳессалійскомъ городѣ Феры и при помощи лакедемонянъ едва не овладѣлъ всею Ѳессаліею. Въ 378 г. Я. былъ уже самъ ферскимъ тираномъ. Отличаясь ловкостью

и энергіею, онъ рѣшилъ привести въ исполненіе планы отца и благодаря шеститысячному войску, состоявшему изъ храбрыхъ наемниковъ, уже около 375 г. подчинилъ себѣ большую часть ѳессалійскихъ городовъ и заставилъ Мараковъ, Долоповъ и эпирскаго царя Алкету признать гегемонію Феръ. Желая подчинить себѣ также и Фарсалъ, Я. вошелъ въ переговоры съ архонтомъ города Полидамантомъ и открылъ ему свое намѣреніе объединить Ѳессалію, съ тѣмъ, чтобы получить гегемонію надъ Греціей и сокрушить могущество Персіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ объявилъ Полидаманту о своемъ союзѣ съ Ѳивами и о готовности поддерживать всякое государство, которое будетъ воевать со Спартою, и просилъ поддержки для борьбы съ Македоніею, чтобы, обзаведясь флотомъ, уничтожить морское превосходство аѳинянъ. Полидамантъ сообщилъ объ этомъ спартанцамъ, но такъ какъ послѣдніе отказали Фарсалу въ помощи, то Полидамантъ принужденъ былъ подчиниться Я., который вслѣдъ затѣмъ былъ провозглашенъ ѳессалійскимъ *тагомъ* (ταγός). Теперь Я. имѣлъ въ своемъ распоряженіи войско, состоявшее изъ 20 тыс. гоплитовъ, 8 тыс. конницы и большого количества легковооруженныхъ. Въ 371 г. онъ явился на помощь ѳиванцамъ противъ Спарты, но тогда, когда битва при Левктрахъ уже была выиграна Эпаминондомъ, онъ не согласился принять участіе въ нападеніи на остатокъ спартанской арміи, не желая давать явнаго перевѣса Ѳивамъ. Въ этихъ же видахъ при его посредничествѣ былъ заключенъ договоръ между ѳиванцами и лакедемонянами, обезпечившій послѣднимъ свободное отступленіе изъ Беотіи. Вообще онъ старался поддерживать равновѣсіе наиболѣе сильныхъ государствъ, подстрекать ихъ къ взаимному недовѣрію, пользоваться слабостью истомленныхъ борьбою сторонъ для утвержденія собственной силы. Имѣя въ виду сохранить за собою свободный доступъ въ Грецію, онъ еще до битвы при Левктрахъ воевалъ съ фокейцами, уничтожилъ укрѣпленія Гіампола, срылъ стѣны Гераклеи. Кромѣ того, онъ старался привлечь къ себѣ или обязать тѣмъ или инымъ способомъ наиболѣе выдающихся государственныхъ мужей Эллады: такъ, онъ предложилъ Эпаминонду въ подарокъ 2000 золотыхъ (которыхъ, тотъ не принялъ, и ходатайствовалъ о помилованіи аѳинскаго полководца Тимоѳея, который за растрату казенныхъ суммъ былъ осужденъ на смерть. Широкимъ замысламъ Я. не было суждено осуществиться: въ 370 г. онъ былъ убитъ семью юношами, которые составили заговоръ противъ него, повидимому, въ видѣ мести за подчиненіе аристократіи. Передъ смертью онъ успѣлъ заключить союзъ съ македонскимъ царемъ Аминтой и готовился къ дельфійскому празднику, при чемъ имъ было отдано распоряженіе собрать по ѳессалійскимъ городамъ значительное число жертвенныхъ животныхъ, а войску было приказано быть на готовѣ къ выступленію въ походъ, который, повидимому, какъ того боялись дельфійцы, былъ задуманъ противъ Дельфъ и ихъ сокровищницы. Двое изъ убійцъ были умерщвлены на мѣстѣ тѣлохранителями Я., остальные же спаслись бѣгствомъ и въ большинствѣ греческихъ государствъ были приняты съ почетомъ, какъ тираноубійцы. Послѣ Я. тагія перешла къ его братьямъ, Полидору и Полифрону. *Н. О.*

Языковъ (Александръ Ивановичъ, † 1886) — юристъ; воспитывался въ Имп. училищѣ правовѣдѣнія, гдѣ позднѣе состоялъ преподавателемъ угол. судопроизводства; затѣмъ состоялъ съ 1868 г. присяжнымъ повѣреннымъ спб. округа, отличаясь особенно по уголовнымъ дѣламъ, блестящимъ задушевнымъ краснорѣчіемъ. Нѣсколько разъ былъ избираемъ въ члены совѣта прис. повѣренныхъ. Я. помѣщалъ стихотворенія въ «Вѣстникѣ Европы» Отдѣльно издалъ: «Положеніе правосудія во Франціи, въ особенности о результатахъ примѣненія закона и о ссылкѣ въ Каенну» (публичныя лекціи Ф. Гольцендорфа, перев., СПб., 1865), Ср. «Журн. Гражд. и Угол. Права» (1886, кн. 10) и «Вѣстникъ Европы» (1886, кн. 11).

Языковъ (Дмитрій Дмитріевичъ)—историкъ литературы и библіографъ, род. въ Москвѣ въ 1850 г., сынъ протоіерея Д. И. Я.; воспитывался въ московскомъ унив. по историко-филологическому факультету; по окончаніи курса (1874 г.) былъ преподавателемъ русскаго языка въ московской VI гимназіи, а по выдержаніи испытанія на степень магистра русской словесности (1879)—старшимъ учителемъ въ московскихъ Александровскомъ и Екатерининскомъ институтахъ; состоитъ библіотекаремъ моск. университета и секретаремъ общ. любит. рос. слов.; помѣстилъ рядъ историко-литературныхъ и библіографическихъ статей въ журналахъ, преимущественно въ «Историческомъ Вѣстникѣ» и «Московскихъ Вѣдомостяхъ». Ему принадлежитъ весьма цѣнный «Обзоръ жизни и трудовъ русскихъ писателей» (8 выпусковъ, СПб., 1885—1900; 1-ый вып. вышелъ въ 1904 г. 2-мъ изд.). Издалъ отдѣльно «Вольтеръ въ русской литературѣ» (СПб., 1879) и М., 1902) и «Жизнь русскихъ дѣятелей» (М., 1894—1901, 6 книжекъ).

Языковъ (Димитрій Ивановичъ, 1773—1845)—писатель и переводчикъ; обучался въ московскомъ пансіонѣ Бартолія, потомъ служилъ въ л.-гв. Семеновскомъ полку. Въ 1802 г. Я. опредѣлился въ департаментъ народнаго просвѣщенія, гдѣ прослужилъ до 1833 г. и былъ директоромъ департамента. Былъ непремѣннымъ секретаремъ россійской академіи, позже ординарнымъ академикомъ. Я. извѣстенъ многочисленными переводами: «О преступленіяхъ» Беккарія (СПб., 1803); «Несторъ» Шлецера (СПб., 1808—1819); «О существѣ законовъ» Монтескье (СПб., 1800—1814); «Влюбленный Шекспиръ» (комедія, СПб., 1806); «Философско-юридическое изслѣдованіе о государственной измѣнѣ и преступленіи противъ величества» Фейербаха (СПб., 1812); «Лерберговы изслѣдованія, служащія къ объясненію древней русской исторіи» (СПб., 1819); «Кельбургерово краткое извѣстіе о русской торговлѣ въ 1674 г.» (СПб., 1820); «Спутникъ въ Царство Польское и въ республику Краковскую» (1822); «Собраніе путешествій къ татарамъ и другимъ восточнымъ

народамъ, въ XIII, XIV и XV стол. Плано Карпини и Асцелина» (1822—1825); «Книга большому чертежу, или древняя карта Россійскаго государства, пополненная въ разрядѣ и списанная въ книгу 1627 года» (СПб., 1838); началъ составлять «Церковный Словарь», неоконченный по причинѣ смерти; писалъ много въ «Энциклопедическ. Лексиконѣ» Плюшара и «Военномъ энциклопедическомъ Лексиконѣ»; издалъ «Записки Василія Александровича Нащокина» (1842), «Записки дюка Лирейскаго и Бервикскаго» (1845). Я. первый старался вытѣснить изъ русскаго языка буквы ъ, ѣ и ъ, печатая нѣкоторыя книги безъ этихъ буквъ. Ср. А. П. Милюковъ, «Воспоминанія о Д. И. Я.» («Истор. Вѣстн.», 1884, № 4).

Языковъ (Дмитрій Ивановичъ, род. въ 1824 г.)—духовный писатель, магистръ моск. дух. акад. (1848 г.), протоіерей законоучитель въ 3-й московской мужской гимназіи. Его труды: магистерская диссертація—«О составѣ церковныхъ каноновъ» (1848), «Исторія храма Св. Иліи на Воронцовомъ полѣ» (М., 1878 и 1879 гг., два изданія), «Св. пророкъ Илія» (М., 1893) и статьи въ духовныхъ журналахъ. См. о немъ въ «Историческомъ очеркѣ пятидесятилѣтія московской 3-й гимназіи», Виноградова, (М. 1889).

Языковъ (Михаилъ Александровичъ, † 1885)—директоръ имп. стекляннаго завода и основатель библіотеки въ Новгородѣ. Веселый, остроумный собесѣдникъ, Я. былъ близокъ къ кружку сотрудниковъ «Отечественныхъ Записокъ» и «Современника»; его очень любилъ Бѣлинскій. Я. вмѣстѣ съ Д. Толстымъ и Г. Есиповымъ издалъ «Сочиненія князя Антіоха Дмитріевича Кантемира» (СПб., 1836). Ср. «Недѣля» (1885, № 5); А. Пыпинъ, «Жизнь и переписка В. Г. Бѣлинскаго» (СПб., 1876, т. II, стр. 9, 21, 195 и 338); «Историческій Вѣстникъ» (1889, кн. 5, стр. 295—296).

Языковъ (Николай Михайловичъ)—извѣстный поэтъ. Род. 4 марта 1803 г. въ Симбирскѣ, въ помѣщичьей семьѣ, на 12-мъ году былъ отданъ въ институтъ горныхъ инженеровъ въ Петербургѣ, а по окончаніи въ немъ курса поступилъ въ инженерный корпусъ; но, не чувствуя призванія къ занятіямъ математикой и увлекаясь поэзіей, рѣшилъ, по совѣту профессора словесности въ дерптскомъ унив., извѣстнаго литератора А. Ѳ. Воейкова, перейти въ этотъ университетъ (1820). Въ Дерптѣ поэтическій талантъ Я., дѣйствительно, развился и окрѣпъ, главн. обр. благодаря условіямъ свободной и веселой жизни тогдашняго студенчества, пѣвцомъ которой по преимуществу сдѣлался молодой поэтъ. Его стихотворенія вскорѣ были замѣчены. Жуковскій его обласкалъ, Пушкинъ искалъ знакомства съ нимъ и приглашалъ его, черезъ его университетскаго товарища А. Н. Вульфа, къ себѣ въ Михайловское; Дельвигъ искалъ его стиховъ для своихъ «Сѣверныхъ Цвѣтовъ» и т. д. Въ Дерптѣ Я. провелъ около 8 лѣтъ, уѣзжая оттуда лишь на короткое время въ Петербургъ, Москву и Псковскую губ. (знаменитое «Тригорское», въ сосѣдствѣ съ Пушкинымъ). Увлеченіе беззаботнымъ разгуломъ буршей было главною причиною того, что Я. не успѣлъ за все это время окончить университетскаго курса. Въ 1829 г. онъ переселился въ Москву, а въ началѣ 1830-хъ гг. переѣхалъ въ свою симбирскую деревню, гдѣ и прожилъ нѣсколько лѣтъ, «наслаждаясь», какъ онъ самъ говорилъ,—«поэтическою лѣнью». Къ концу 1837 г. болѣзнь спинного мозга заставила его уѣхать за границу—сначала въ Маріенбадъ, потомъ въ Ганау, Крейцнахъ и Гаштейнъ. Въ Ганау Я. сблизился съ Гоголемъ, который въ 1842 г. повезъ Я. съ собой въ Венецію и Римъ. Въ 1843 г. Я. вернулся въ Москву въ состояніи уже совершенно безнадежномъ. Никуда не выходя изъ своей квартиры, онъ медленно угасалъ; единственнымъ развлеченіемъ были для него устроенныя имъ у себя еженедѣльныя собранія знакомыхъ литераторовъ. По своимъ родственнымъ связамъ и давнишнимъ симпатіямъ Я. былъ особенно близокъ съ кружкомъ славянофиловъ, увлекся воззрѣніями своихъ друзей и въ 1844 г. обрушился на западниковъ извѣстнымъ браннымъ посланіемъ «Къ не-нашимъ», въ которомъ всѣ члены западническаго кружка объявлены были врагами отечества. Я. умеръ 26 декабря 1846 г. Я. занимаетъ довольно видное мѣсто среди поэтовъ такъ назыв. пушкинской плеяды. Если его поэзія не блеститъ глубиною мысли или разнообразіемъ содержанія, то въ ней, всетаки, сказался несомнѣнно яркій и своеобразный талантъ. Правильному развитію поэтическаго дарованія Я. мѣшала его порывистая, увлекающаяся натура, легко поддававшаяся впечатлѣніямъ минуты и неспособная къ выдержанному труду; при болѣе благопріятныхъ условіяхъ, изъ Я. могъ бы, вѣроятно, выработаться настоящій художникъ, но онъ навсегда остался только диллетантомъ въ искусствѣ, впрочемъ, такимъ, у котораго бывали подчасъ просвѣты истинно высокаго художественнаго творчества. Главные мотивы поэзіи Я. — именно тѣ самые, которые онъ цѣнилъ выше другихъ, провозглашая себя «поэтомъ радости и хмеля»,—нашли себѣ выраженіе въ формѣ далеко не всегда художественной; его вакхическій лиризмъ часто является слишкомъ грубымъ; большая часть стихотвореній отличается невыдержанностью тона, иногда—неудачнымъ подборомъ выраженій, иногда — искусственностью образовъ и сравненій. Въ стихотвореніяхъ Я. можно указать, однако, цѣлый рядъ превосходныхъ поэтическихъ описаній природы («Камби», «Тригорское» и пр.); затѣмъ встрѣчаются лирическія произведенія, полныя высокаго одушевленія и отличающіяся большой художественной отдѣлкой («Поэту», «Землетрясеніе», «Пловцы», нѣкоторыя переложеніе псалмовъ и др.), которыя и заставляютъ отвести Я. почетное мѣсто въ ряду нашихъ лириковъ первой половины XIX в. Къ сожалѣнію, подобныхъ произведеній въ общемъ литературномъ наслѣдствѣ Я. очень немного. Собранія стихотвореній Я. изданы имъ самимъ въ 1833, 1844 и 1845 г.; позднѣйшее изд., подъ ред. Перевлѣсскаго, СПб. 1858, неудовлетворительно. Ср. біографія В. И. Шенрока въ «Вѣстн. Европы» 1897, № 11 и 12, и соч. Бѣлинскаго *П. М.*

Языковы—нѣсколько старинныхъ русскихъ дворянскихъ родовъ, изъ которыхъ большинство имѣло общаго родоначальника въ лицѣ *Енгулея-мурзы-Языка*, выѣхавшаго изъ Золотой Орды къ великому князю Дмитрію Іоанновичу въ 1360 г. и принявшаго православіе съ именемъ *Алексѣя*. Сынъ его *Сунгуль-мурза*, во св. крещеніи *Захарій Алексѣевичъ* сталъ прозываться *Языковымъ*. Правнукъ послѣдняго, *Василій Ивановичъ*, былъ владимірскимъ боярскимъ сыномъ, сотникомъ стрѣлецкимъ (1586) и дворяниномъ при посольствѣ на съѣздѣ съ шведскими послами (1595 г.). Правнуку его *Моисею Григорьевичу* за московское осадное сидѣніе было пожаловано въ вотчину помѣстье Мещерскаго уѣзда (1620). Изъ позднѣйшихъ Я. болѣе извѣстны: *Дмитрій Ивановичъ* (см. выше; по дѣламъ дпт. герольдіи онъ записанъ въ III ч. род. кн., какъ начавшій собою особый родъ, по личнымъ заслугамъ). *Дмитрій Семеновичъ* (род. въ 1792 г., умеръ около 1860 г.), начавшій службу ротмистромъ кавалергардскаго полка (1818) и бывшій директоромъ департамента внѣшней торговли и членомъ совѣта министра финансовъ. *Александръ Петровичъ* (род. въ 1802 г.)—генералъ-лейтенантъ, бывшій директоромъ училища правовѣдѣнія. *Петръ Александровичъ* (род. въ 1800 г.)—генералъ-лейтенантъ, инженеръ путей сообщенія, директоръ департамента желѣзныхъ дорогъ; родъ его записанъ въ VI ч. род. кн. губ. Тамбовской, Нижегородской и Владимірской. Записанные по послѣдней губерніи Я. ведутъ свое начало отъ *Никиты Григорьевича Я.* (начало XVII в.). Болѣе отдаленныя вѣтви рода Я.: *первая*, ведущая начало отъ *Ивана Я.*, жившаго во второй половинѣ XVI в. и имѣвшаго одного сына *Семена*, по прозванію *Лапоть*, отчего потомки послѣдняго и назывались иногда *Лаптевыми-Языковыми*. Четыре сына послѣдняго, *Максимъ*, *Василій*, *Иванъ* и *Алексѣй*, были воеводами въ первой половинѣ XVI в. Старшій сынъ Максима Семеновича, *Андрей Максимовичъ*, былъ стольникомъ, участвовалъ въ усмиреніи возмутившихся башкиръ (1662), а второй — *Иванъ Максимовичъ* — бояринъ, въ 1671 году былъ стольникомъ и засѣдалъ первымъ судьею въ дворцовомъ судномъ приказѣ; въ 1676 г. пожалованъ въ думные постельничіе, съ управленіемъ государевой мастерской палатой; впослѣдствіи былъ начальникомъ Оружейной, золотой и серебряной палатъ. Со смертью царя Θеодора Алексѣевича онъ былъ удаленъ отъ двора Нарышкиными и въ томъ же 1682 г. убитъ во время стрѣлецкаго бунта. Сынъ его *Семенъ Ивановичъ* — комнатный стольникъ и чашникъ царя Θеодора Алексѣевича, подписавшій постановленіе объ уничтоженіи мѣстничества (1682), думный дворянинъ (1688), участникъ Азовскаго похода (1696) членъ слѣдственной коммиссіи по дѣлу о стрѣлецкомъ бунтѣ (1699) и генералъ-провіантмейстеръ (1700). *Вторая* вѣтвь рода Я., записанная въ VI ч. род. кн. Тульской и Псковской губ., ведетъ начало отъ *Петра Я.*, жившаго въ концѣ XVI и началѣ XVII в. Всѣ четыре внука его—*Прокофій*, *Степанъ*, *Дмитрій* и *Василій Владиміровичи*—были жалованы вотчинами за «военныя доблести». *Третья* вѣтвь рода Я. происходитъ отъ *Василія Аристовича* Я., жившаго во второй половинѣ XVII в. Происходящій отъ него въ VI колѣнѣ *Николай Львовичъ* Я., главный командиръ Черноморскаго флота и портовъ и военный губернаторъ Севастополя и Николаева, Умеръ ок. 1817 г. Родъ записанъ въ VI часть род. кн. Новгородской и Херсонской губ. *Четвертая* вѣтвь, записанная въ VI ч. род. кн. Костромской губ., происходитъ отъ *Афиногена Я.*, жившаго въ половинѣ XVII в. и имѣвшаго единственнаго сына *Михаила Афиногеновича*, стольника (1680—92). *Пятая* имѣетъ родоначальникомъ *Александра Я.*, жившаго въ половинѣ XVII в.; отъ него въ VIII колѣнѣ происходилъ извѣстный поэтъ, сынъ отставного гвардіи прапорщика Михаила Петровича, *Николай Михайловичъ* (1803—46; см. о немъ выше). Родъ записанъ въ VI ч. род. кн. Симбирской губ. Кромѣ того есть еще цѣлый рядъ дворянскихъ родовъ Я. болѣе поздняго происхожденія.

В. Р—въ.

Языкоглоточный нервъ (n. glossopharyngeus), составляющій IX пару черепныхъ нервовъ (см.), берущій начало на боковой поверхности продолговатаго мозга, является нервомъ смѣшанной природы и снабженъ g. petrosum. У рыбъ и водныхъ амфибій этотъ нервъ имѣетъ особое отверстіе для выхожденія изъ черепа, а у большинства прочихъ выходитъ черезъ общее отверстіе вмѣстѣ съ блуждающимъ, съ вѣтвями котораго онъ можетъ соединяться перемычками, какъ и съ вѣтвями тройничнаго и лицевого, а у амфибій даже ганглія IX и X пары могутъ сливаться въ одинъ. У рыбъ Я. нервъ можетъ давать спинную вѣтвь къ органамъ боковой линіи, а его брюшная смѣшанная вѣтвь дѣлится на преджаберную (r. praetrematicus) и зажаберную (posttrematicus), представляющія тѣ же отношенія къ первой жаберной щели, какъ соотвѣтствующія вѣтви лицевого нерва къ брызгальцу. Преджаберная вѣтвь даетъ нервы къ передней стѣнкѣ жабернаго мѣшка и является чувствительной, тогда какъ зажаберная даетъ нервы къ мышцамъ первой жаберной дуги и является смѣшанной. Отъ первой беретъ начало чувствительная вѣтвь, развѣтвляющаяся въ слизистой оболочкѣ неба (r. palatinus). У высшихъ позвоночныхъ, съ исчезновеніемъ жаберныхъ щелей, Я. нервъ является вкусовымъ нервомъ и даетъ вѣтви къ языку, tonsillae и надгортаннику, но содержитъ и двигательныя волокна. Я. нервъ у человѣка оставляетъ черепъ черезъ отверстіе, общее съ блуждающимъ и Виллизіевымъ, а именно черезъ foramen jugulare, образованное выемками костей височной и затылочной, и тотчасъ по выходѣ образуетъ ганглій (g. petrosum), а потомъ направляется внизъ, давая вѣтвь къ глоткѣ; далѣе проходитъ между внутренней сонной артеріей и m. stylo-pharyngeus, еще ниже огибаетъ послѣдній, подходитъ къ наружной сонной артеріи, проходитъ между m. stylopharyngeus и m. stylo-glossus въ области миндалевидныхъ железъ и заканчивается въ

корнѣ языка. Онъ даетъ слѣд. вѣтви: 1) R. tympanicus или Якобсоновъ, отходящій отъ ганглія и образующій сплетеніе на внутренней стѣнкѣ барабанной полости; 2) rami communicantes. отходящіе въ области сонныхъ артерій и анастомозирующіе съ системами блуждающаго и лицевого нервовъ; 3) rami pharyngei, изъ коихъ первая отходитъ тотчасъ по выходѣ Я. нерва изъ черепа, а другія на дальнѣйшемъ протяженіи; эти вѣтви идутъ къ глоткѣ; 4) ramus stylo-pharyngeus главнымъ образомъ иннервируетъ мышцу того же наименованія; 5) rami tonsillares — главнымъ образомъ иннервируютъ миндалевидныя железы; 6) rami linguales — представляютъ собой конечныя вѣтви нерва и по функціи вкусовыя: они иннервируютъ слизистую оболочку языка и впереди идутъ до papillae vollatae (см. Языкъ), а сзади до надгортанника (epiglottis). *В. М. Ш.*

Языкознаніе, *языковѣдѣніе*, иначе *лингвистика* (отъ латинскаго lingua, языкъ), *глоттика* или *глоттологія* (отъ греческаго γλῶσσα, γλῶττα, языкъ), въ тѣсномъ смыслѣ этого слова есть систематическое, научное изслѣдованіе явленій языка въ ихъ причинной связи. Въ болѣе обширномъ смыслѣ подъ Я. слѣдуетъ понимать всякое изслѣдованіе языка, всякое мышленіе объ языковыхъ фактахъ, хотя бы даже не научное и не систематическое. Человѣка, занимающагося Я., зовутъ по-русски *языковѣдомъ*, *лингвистомъ*, *глоттологомъ*, даже *язычникомъ*. Я., какъ наука, обнимаетъ собою ознакомленіе съ языкомъ или рѣчью человѣческою во всемъ ея разнообразіи и ея научное изслѣдованіе.

Какъ и всѣ другіе ряды явленій, точно также и явленія языка представляютъ съ перваго взгляда хаосъ, безпорядокъ, путаницу. Человѣческому уму врождена способность освѣщать этотъ мнимый хаосъ и открывать въ немъ стройность, порядокъ, систематичность, причинную связь. *Проявленіе упорядочивающей, систематизирующей дѣятельности человѣческаго ума въ примѣненіи къ явленіямъ языка и составляетъ языковѣдѣніе.* Подготовительныя работы совершаются здѣсь безсознательно, а отчасти и сознательно, каждымъ человѣческимъ умомъ, даже вовсе научно неподготовленнымъ. Каждый человѣческій умъ систематизируетъ, обобщаетъ, ищетъ причинъ. Въ примѣненіи къ языку, каждый отличаетъ прежде всего самого себя отъ другихъ, свою собственную рѣчь отъ рѣчи другихъ людей; каждый отличаетъ собственный, отечественный языкъ отъ другихъ языковъ, если только имѣлъ возможность ихъ слышать; каждый отличаетъ предложенія и фразы со смысломъ отъ того, что не составляетъ предложенія и осмысленной фразы; каждый выдѣляетъ отдѣльныя слова съ свойственнымъ имъ значеніемъ, въ отличіе отъ того, чего нельзя считать словомъ; никому не чужда разница значенія такъ назыв. внутренняго содержанія и звуковыхъ сочетаній, служащихъ для передачи этого значенія. Быть можетъ, не каждый даетъ себѣ отчетъ въ этомъ своемъ пониманіи, не каждый въ состояніи высказать его и формулировать; но что каждому нормальному человѣку свойственно подобное пониманіе, хотя бы только въ видѣ безсознательнаго чаянія — въ этомъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія. Наука Я. не вводитъ сюда ничего абсолютно новаго; она только совершенствуетъ и очищаетъ мышленіе, освобождаетъ его отъ балласта случайностей и группу шаткихъ, колеблющихся представленій замѣняетъ цѣпью сознательныхъ, строго опредѣленныхъ понятій. Вообще умственная дѣятельность по отношенію къ человѣческому языку проявляется въ слѣдующихъ направленіяхъ: 1) просто *мышленіе о лингвистическихъ вопросахъ*, 2) *чтенія* и *бесѣды* по этой части и вообще *обученіе другихъ*, и 3) писательская, *литературная дѣятельность*. Эта послѣдняя можетъ, съ одной стороны, то распространяться на *цѣлое науки* или же на *цѣлые* ея *отдѣлы* во всей ихъ совокупности, то принимать видъ *монографическихъ* разсужденій и статей; съ другой стороны—или сосредочиваться на приготовленіи и упорядоченіи научнаго *матеріала*, или же создавать научныя *обобщенія*. Сюда же относятся энциклопедическаго характера *обозрѣнія* цѣлой науки или ея отдѣловъ. Всѣ эти развѣтвленія умственной дѣятельности по части лингвистическихъ вопросовъ объединяются общею имъ всѣмъ ассоціаціею съ представленіемъ языка или рѣчи человѣческой; всѣ они, вмѣстѣ взятыя, составляютъ совокупность какъ смутныхъ представленій человѣческаго ума объ явленіяхъ языка, такъ и ясныхъ, строго опредѣленныхъ научныхъ понятій. На европейской почвѣ Я. выросло изъ классической филологіи; отсюда его первоначальныя достоинства и недостатки. Къ достоинствамъ слѣдуетъ причислить точность въ мелочахъ, критическое отношеніе къ подробностямъ. умѣнье извлекать тонкіе выводы изъ указаній, доставляемыхъ памятниками языка и т. д. Чувствительными недостатками, перешедшимъ отъ филологіи и мѣшающими свободному развитію и всестороннему прогрессу Я., были и отчасти до сихъ поръ остаются балластъ эрудиціи, придавливающій мышленіе и обусловливающій извѣстную научную немощность и ограниченность, и отсутствіе дѣйствительно научныхъ отвлеченій (абстракцій), свойственныхъ естественнымъ наукамъ. Конечно, этотъ упрекъ относится не ко всѣмъ языковѣдамъ, а къ ихъ громадному большинству. Въ прежней филологіи таились нѣкогда зародыши всѣхъ психическихъ и соціальныхъ наукъ, только понимаемыхъ превратно, т. е. исключительно по книжному, въ отвлеченіи отъ жизни, да къ тому же съ отпечаткомъ односторонняго обожанія творческихъ умовъ древности. И теперь еще односторонній «классическій филологъ» относится къ фактамъ умственной жизни совершенно иначе, нежели изслѣдователи новѣйшей формаціи: гдѣ, напримѣръ, языковѣдъ или соціологъ сопоставляетъ факты для обобщеній и всестороннихъ выводовъ, тамъ истый филологъ въ старинномъ вкусѣ наслаждается и щеголяетъ эрудиціей. Происхожденіемъ Я. изъ филологіи объясняется и то, что особую прелесть для многихъ лингвистовъ имѣетъ изслѣдованіе древнихъ, мертвыхъ язы-

ковъ. Между тѣмъ такой методъ, при которомъ начинаютъ съ разсмотрѣнія предметовъ уже несуществующихъ и тѣмъ самымъ недоступныхъ непосредственному наблюденію, вмѣсто того, чтобы, по примѣру естественниковъ начинать съ того, что доступно изслѣдованію, и затѣмъ идти назадъ къ тому, что недоступно, —такой методъ слѣдуетъ считать мало плодотворнымъ. Археологическій характеръ Я. отразился въ стремленіяхъ даже серьезныхъ ученыхъ къ реконструкціи или возсоздаванію разныхъ «пра-языковъ», «первобытныхъ языковъ», въ особенности же индоевропейскаго пра-языка. Пытались даже составлять цѣльные тексты на этомъ возсоздаваемомъ языкѣ (сказка, сочиненная А. Шлейхеромъ и напечатанная въ одномъ изъ томовъ «Beiträge zur vergleichenden Sprachforschung»). Въ статьѣ Языкъ (см. ниже) показана неправильность взгляда на языкъ какъ на организмъ. Столь же неправильно мнѣніе, считающее Я. «наукою естественною» («Die Sprachwissenschaft ist eine Naturwissenschaft»—A. Schleicher, Max Müller и др.). Другіе, совершенно ошибочно и нелогично противопоставляя «естественности» «историчность», причислили языковѣдѣніе къ наукамъ «историческимъ». По своему существу Я. есть наука психологическая и соціологическая.—Въ наукахъ естественныхъ, отвлекаясь отъ временной послѣдовательности, мы имѣемъ всемірныя физическія, химическія и т. п. явленія, равно какъ и физіологическія явленія органическаго міра; примѣняя же понятіе или категорію послѣдовательности измѣненій во времени, получаемъ временной рядъ морфологическихъ преобразованій въ устройствѣ животныхъ и растеній, послѣдовательность геологическихъ наслоеній, *исторію* всего физическаго міра. Эти двѣ научныя точки зрѣнія примѣнимы и къ Я.: опредѣляя всеобщія, общечеловѣческія психическія и физіологическія условія существованія и воспроизведенія рѣчи человѣческой, мы обходимся безъ исторіи; разсматривая языковые факты и явленія во временной послѣдовательности, получаемъ *исторію языка*. Въ Я., въ обширномъ смыслѣ этого слова, мы можемъ—съ точки зрѣнія идейной цѣнности—различать три степени: 1) *описательное языкознаніе* и простое *знаніе* языковыхъ фактовъ, какъ изъ области «живого» и вообще устно воспроизводимаго языка, такъ и изъ области языка литературнаго, «писаннаго» (по-нѣмецки Sprachbeschreibung, Sprachkenntniss, по-французски linguistique descriptive, по-чешски jazykopis, по польски językoznawstwo opisowe). 2) Подготовительное *изслѣдованіе языковъ* (по-нѣмецки Sprachforschung, по-франц. recherches linguistiques préparatoires, по-чеш. jazykozpyt, по-польски przygotowawcze badanie języków), сопоставленіе языковыхъ фактовъ и извлеченіе изъ нихъ выводовъ, какъ въ области одного языка, такъ и при сравненіи разныхъ языковъ. 3) Высшее, обобщающее, философское *языковѣдѣніе*, *«философія» языка* (нѣм. Sprachwissenschaft, франц. linguistique philosophique, чешск. jazykověda, польск. wiedza językowa, językoznawstwo filozoficzne, filozofja mowy ludzkiej), обнимающее вершины лингвистическихъ обобщеній и дальше всего идущихъ выводовъ, въ связи съ общею системой научнаго міровоззрѣнія. Описательное Я. снабжаетъ матеріаломъ подготовительное изслѣдованіе языковъ, а это послѣднее даетъ необходимое фактическое основаніе обобщающему Я. Изъ предшествующаго явствуетъ, что *вспомогательными* науками Я. слѣдуетъ считать прежде всего *психологію* и *соціологію*. Въ виду великой важности периферическихъ, произносительныхъ и воспринимательныхъ явленій рѣчи человѣческой, неизбѣжно для лингвиста знаніе нѣкоторыхъ данныхъ изъ *анатоміи* и *физіологіи* человѣческаго и вообще животнаго тѣла, равно какъ и изъ *акустики*. Дѣйствіе органовъ произношенія должно происходить согласно законамъ *механики*. Поскольку въ языкознаніи примѣняются количественныя понятія, желательно тоже знаніе *математики*, не только низшей, но и высшей. Частью какъ изслѣдующія общую фактическую почву, частью какъ поставляющія болѣе или менѣе обильный лингвистическій матеріалъ, должны быть лингвистомъ принимаемы въ соображеніе *антропологія*, *біологія* (по крайней мѣрѣ біологія животныхъ), *этнографія*, *археологія*. Аналогіи или сходства отношеній изслѣдуемыхъ фактовъ въ ихъ психической основѣ съ отношеніями, встрѣчаемыми въ его собственной наукѣ, языковѣдъ находитъ во всѣхъ другихъ наукахъ психологически-соціологическихъ: въ *миѳологіи*, въ *этологіи* (наукѣ объ обычаяхъ), въ *эстетикѣ*, въ *политической экономіи* и т. д. Распредѣленіе лингвистическихъ вопросовъ на извѣстныя группы можно производить съ различныхъ точекъ зрѣнія: изслѣдованіе *индивидуальнаго языка* противопоставляется изслѣдованію *языка племенного*, изслѣдованіе индивидуальнаго развитія въ области языка — изслѣдованію исторіи племенного языка данной общественной группы. Другое дѣленіе Я. мы получаемъ, обративъ вниманіе на *начало языка* или его происхожденіе во всемъ человѣчествѣ, въ противоположность языку уже сложившемуся, готовому. Для индивида начало его языка равняется началу его языкового развитія; для всего человѣчества начало языка равнозначно съ началомъ его исторіи. Въ связи съ вопросомъ о началѣ языка находятся другіе общелингвистическіе вопросы, составляющіе принадлежность высшей ступени этой науки. Считая языкъ характеристическимъ признакомъ человѣчества, въ отличіе отъ животныхъ, языковѣдѣніе, называемое также «философіей языка», ставитъ себѣ вопросы: что такое языкъ? какіе законы управляютъ его развитіемъ и исторіей? каково его значеніе? какъ произошла и какъ все вновь происходитъ, какъ возрождается рѣчь человѣческая? какія представленія могутъ въ ней обнаруживаться? почему въ однихъ языкахъ существуютъ явные экспоненты извѣстныхъ идейныхъ отношеній, тогда какъ въ другихъ языкахъ тѣ же отношенія остаются въ сферѣ скрытыхъ или потенціальныхъ представленій? Задачи Я., нарождающіяся при изслѣдованіи уже готовыхъ, племенныхъ или національныхъ,

языковъ, составляютъ предметъ *грамматики* въ самомъ обширномъ смыслѣ этого слова. Съ объективно-психологической точки зрѣнія грамматика распадается на слѣдующіе отдѣлы: 1) звуковою стороной языка, какъ въ ея преходящихъ проявленіяхъ, такъ и въ ея постоянной психической основѣ, занимается *фонетика*, *фонологія*, звукоученіе, распадающееся на нѣсколько частей: *антропофонику* или наблюдательно-опытную фонетику въ области органовъ произношенія (фонаціи) и восприниманія (аудиціи съ перцепціей); *психофонетику*, наблюдающую, изслѣдующую и обобщающую фонетическіе факты идейнаго характера изъ области языковой церебраціи, въ примѣненіи къ звуковой сторонѣ языка; *фонетику историческую*, сопоставляющую фонетическія представленія разныхъ эпохъ языковой жизни и вообще сравнивающую фонетическіе факты какъ въ порядкѣ хронологическомъ, такъ и въ порядкѣ топографическомъ (*сравнительная фонетика*). Кромѣ фонетики, подъ понятіе грамматики подходятъ: 2) *семасіологія* (*семантика*), т. е. наука о значеніи или объ ассоціаціяхъ внѣязыковыхъ представленій (идей) съ представленіями строго языковыми. 3) *Морфологія* или наука о строѣ языка въ самомъ обширномъ смыслѣ этого слова, распадающаяся на: а) *морфологію* въ тѣсномъ смыслѣ, т. е. науку о построеніи отдѣльныхъ словъ и словоподобныхъ единицъ языка, и б) *синтаксисъ*, т. е. науку о построеніи предложеній и ихъ сочетаній, равно какъ о связи словъ въ предложеніи и объ ихъ взаимной зависимости. 4) *Лексіологія* или наука о словахъ и выраженіяхъ самаго разнообразнаго содержанія и самаго разнообразнаго объема. 5) *Этимологія* или наука о родствѣ и происхожденіи словъ и ихъ частей. Этимологія хотя бы только одного языка возможна лишь тогда, когда она основывается на такъ называемой *сравнительной грамматикѣ*. — Въ семасіологіи и этимологіи мы имѣемъ дѣло единственно съ ассоціаціями представленій по сходству, тогда какъ въ трехъ остальныхъ частяхъ грамматики играютъ роль оба рода ассоціацій, какъ по сходству, такъ и по смежности.—Въ морфологіи, въ самомъ обширномъ смыслѣ этого слова, мы имѣемъ дѣло съ описаніемъ строя предложеній, словъ и ихъ частей, съ опредѣленіемъ порядка, въ какомъ эти части слѣдуютъ другъ за другомъ, равно какъ и съ опредѣленіемъ ихъ взаимной зависимости. Въ синтаксисѣ самыми простыми, далѣе недѣлимыми единицами являются слова и постоянныя выраженія, равносильныя словамъ; въ морфологіи же въ тѣсномъ смыслѣ или въ наукѣ о строѣ словъ самымъ простымъ элементомъ является *морфема*, т. е. комплексъ звуковыхъ представленій, объединяемый въ одно цѣлое ассоціаціей съ извѣстною группою представленій изъ области или строя словъ (представленія морфологическія), или ихъ значенія (представленія лексическія и семасіологическія). Въ разныхъ языкахъ морфемамъ свойственъ различный видъ и различные способы сочетанія другъ съ другомъ въ бо́льшія языковыя цѣлыя: основы (темы), слова и т. д. Одна морфологія языковъ односложныхъ, точнѣе говоря—одноморфемныхъ, въ родѣ китайскаго; другая морфологія въ языкахъ «агглютинирующихъ»; опять другая въ языкахъ флексійныхъ на семитическій ладъ, другая въ аріоевропейскихъ языкахъ состоянія относительно первичнаго, еще другая въ тѣхъ же аріоевропейскихъ языкахъ на болѣе поздней ступени развитія, со стремленіемъ къ децентрализаціи словъ. То же замѣчаніе относится болѣе или менѣе и къ синтаксису. Между морфемами такихъ, напр., языковъ, какъ русскій, различаемъ, съ одной стороны, морфемы корневыя, *корни* словъ, съ другой стороны — морфемы прибавочныя, приставочныя, *аффиксы* (суффиксы), которые могутъ быть или «представками», *прэфиксами*, занимающими мѣсто передъ корневою морфемой, или же «послѣлогами», *постфиксами*, слѣдующими за корневою морфемой. Съ точки зрѣнія синтаксической приставки или аффиксы могутъ быть двоякаго рода: одни изъ нихъ образуютъ только основы или темы словъ, еще не готовыхъ синтаксически; другіе образуютъ готовыя слова, могущія быть живыми частями предложенія. Первые изъ нихъ носятъ названіе аффиксовъ или *приставокъ* въ тѣсномъ смыслѣ, другія — *окончаній* или флексійныхъ «представокъ» (такими приставочными флексійными показателями или экспонентами являются такъ назыв. «члены» или артикулы языковъ романскихъ, англійскаго, нѣмецкаго и др., равно какъ и предлоги во всѣхъ языкахъ).—Примѣняя къ отдѣльнымъ частямъ грамматики любого языка понятіе хронологической послѣдовательности, сравнивая разновременныя состоянія одного и того же движущагося во времени языкового матеріала, получаемъ *исторію языка*.—Грамматика, будь это грамматика одновременнаго языкового состоянія, или же историческая грамматика, разсматриваетъ отдѣльные племенные языки порознь. Идя дальше, мы можемъ взглянуть на отдѣльные языки какъ на недѣлимыя цѣлыя, какъ на недѣлимыя единицы, чтобы дать ихъ общую *характеристику* и *классификацію* языкового міра. Всѣ до сихъ поръ названные отдѣлы науки мы подводимъ подъ понятіе *чистаго языковѣдѣнія*, т. е. науки о языкѣ безъ связи съ другими группами явленій, составляющими предметъ изслѣдованія другихъ наукъ. Кромѣ того имѣется *прикладное языковѣдѣніе*, точнѣе — примѣненіе лингвистическихъ данныхъ съ одной стороны къ разсмотрѣнію вопросовъ изъ области другихъ наукъ, съ другой—къ дѣламъ общественной и умственной жизни вообще. Занятіе языковѣдѣніемъ, какъ и всѣми другими науками съ психологическою основой, является прямымъ примѣненіемъ сократовскаго γνῶθι σεαυτόν (познай самого себя).—Хотя изъ Я. извлекалось до сихъ поръ мало практической пользы, но тѣмъ не менѣе мы имѣемъ право предполагать, что въ недалекомъ будущемъ примѣненіе Я., какъ и его основной науки — психологіи, сыграетъ весьма важную роль какъ въ педагогикѣ, такъ и въ разныхъ сферахъ практической жизни. До сихъ поръ на разныя проявленія общественной жизни часто смот-

рѣли матеріалистически; теперь очередь за психологіей, и вмѣстѣ съ нею за наукою par excellence психологическою, какою является Я.

Примѣненіе данныхъ и выводовъ Я. къ вопросамъ изъ области другихъ наукъ уже и теперь довольно обширно. Какъ лингвистическій методъ, такъ и результаты лингвистическихъ изслѣдованій примѣнялись къ *сравнительной миѳологіи*, къ *сравнительной этнологіи* (исторіи обычаевъ и нравовъ), совмѣстно съ исторіей права, къ *пра-исторіи* человѣчества, особенно народовъ аріоевропейскихъ. Возсоздавалась даже съ помощью Я. картина «первобытной культуры» прааріоевропейскаго народа, хотя собственно относившіеся сюда выводы были весьма шатки и слишкомъ торопливы. Съ помощью изслѣдованія заимствованныхъ словъ мы можемъ съ большою точностью дѣлать выводы о взаимномъ *культурномъ вліяніи* одного народа на другой. Вообще можно пользоваться данными Я. при изслѣдованіи *исторіи культуры*; можно примѣнять лингвистическіе выводы при *антропологическихъ* изслѣдованіяхъ. Необыкновенную цѣну пріобрѣтаетъ примѣненіе Я. въ *психологіи*: языкъ даетъ намъ особое, своеобразное «языковое знаніе» (см. Языкъ). Все большее значеніе должны пріобрѣтать примѣненія Я. въ *дидактикѣ*, какъ при обученіи и изученіи *чужихъ языковъ* (методъ синтетическій, методъ аналитическій, методъ натуральный), такъ и при развитіи ума и особенно наблюдательности съ помощью *обученія собственному*, отечественному *языку*. Указанія Я. могутъ быть весьма цѣнны въ области самообученія, представляющаго, въ примѣненіи къ языковѣдѣнію, три ступени: 1) низшая ступень ограничивается сопоставленіемъ и сравненіемъ фактовъ въ предѣлахъ одного индивидуальнаго языка или же въ предѣлахъ такъ наз. племеннаго языка, являющагося приблизительнымъ среднимъ выводомъ и абстракціей изъ суммы цѣлаго множества языковъ индивидуальныхъ. 2) Вторая ступень состоитъ въ сопоставленіи и сравненіи соотвѣтствующихъ другъ другу явленій въ разныхъ языкахъ, родственныхъ и неродственныхъ. 3) На третьей, высшей ступени въ области лингвистическаго самообученія можно стремиться къ далеко идущимъ обобщеніямъ, основаннымъ на выводахъ изъ всего того, что составляло предметъ занятій на двухъ предшествующихъ ступеняхъ. Сознательное и умѣлое отношеніе къ правиламъ *орѳоэпіи* (правильной рѣчи) и *орѳографіи* (правильнаго письма, правописанія) возможно только при точномъ усвоеніи началъ Я., какъ науки. Въ связи съ этимъ состоитъ искусство очищенія даннаго языка отъ чужихъ или же неумѣстныхъ наносныхъ элементовъ—такъ назыв. *пурификація* языка (языковой *пуризмъ*). Дѣло языковѣдовъ—опредѣлять въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, насколько данное слово или оборотъ, появившійся подъ вліяніемъ чужихъ языковъ, подвергся уже надлежащей ассимиляціи и удовлетворяетъ извѣстной потребности языка, т. е. въ какой мѣрѣ можно оправдать его употребленіе. Матеріалъ какъ для грамматическихъ, такъ и для всякихъ другихъ лингвистическихъ изслѣдованій и выводовъ, почерпается изъ слѣдующихъ источниковъ: 1) изъ самихъ *живыхъ языковъ*, во всемъ ихъ разнообразіи, какъ изъ матеріала, даннаго непосредственно и доступнаго не только всестороннему наблюденію, но даже экспериментамъ; 2) изъ собственныхъ именъ мѣстъ (названія мѣстностей), людей (имена и фамиліи) и животныхъ; 3) изъ языка дѣтей и дисфатиковъ (людей, въ большей или меньшей степени обиженныхъ природою со стороны языка), изслѣдованіе которыхъ даетъ начало языковой эмбріологіи и патологіи; 4) изъ даннаго языка въ устахъ иноплеменниковъ; 5) изъ слѣдовъ вліянія даннаго языка на другіе языки, т. е. изъ словъ, оборотовъ и всѣхъ другихъ особенностей, усвоенныхъ изъ даннаго языка другими языками; 6) изъ памятниковъ языка, т. е. изъ проявленій всякаго рода графически-фонетическихъ и вообще графически-языковыхъ ассоціацій въ самомъ обширномъ смыслѣ этого слова. Сюда относится вся литература, вся письменность, все, что когда-либо было написано на данномъ языкѣ. Особенное значеніе имѣютъ тексты, записываемые для грамматическихъ, діалектологическихъ и вообще лингвистическихъ цѣлей, равно какъ и древніе памятники изъ эпохъ жизни даннаго языка, недоступныхъ непосредственному наблюденію. Не менѣе важными для ознакомленія съ особенностями языка являются письма и всякаго рода письменныя произведенія людей не вполнѣ грамотныхъ, т. е. не вполнѣ овладѣвшихъ орѳографическими правилами, и вообще людей, не въ достаточной степени освоившихся съ даннымъ литературнымъ языкомъ. Равнымъ образомъ сюда относятся всякія надписи, какъ прежнія, такъ и современныя, изслѣдованіемъ которыхъ и использованіемъ для лингвистическихъ выводовъ занимается дисциплина, называемая *эпиграфикой*; таковы надгробныя надписи, надписи въ память какихъ-либо событій, вывѣски, стѣнныя надписи въ самыхъ разнообразныхъ мѣстахъ, и т. д. Какъ рѣчь дисфатиковъ (людей неправильно говорящихъ) представляетъ много данныхъ для опредѣленія особенностей языка говоримаго и представляемаго говоримымъ, точно также изъ писаній людей не вполнѣ грамотныхъ можно извлечь много данныхъ для опредѣленія особенностей языка писаннаго или представляемаго писаннымъ. Какъ къ тѣмъ, такъ и къ другимъ можно примѣнять методъ не только наблюдательный, но и экспериментальный. Особую разновидность памятниковъ представляютъ слова даннаго языка, разсѣянныя въ памятникахъ иноязычныхъ, напр., слова изъ разныхъ языковъ Европы въ латинскихъ и греч. памятникахъ разныхъ временъ, разноплеменныя названія у арабскихъ писателей и т. п.—Совокупность всѣхъ особенностей и принадлежностей того или другого языка, весь его «строй и составъ» стараются совмѣстить и представить такъ назыв. *грамматики* и *словари*, взаимно другъ друга пополняющіе. Грамматики могутъ быть: а) практическія, описательныя, въ которыхъ такъ назыв. правила, независимо отъ своего большаго или меньшаго научнаго обоснова-

нія, служатъ прежде всего мнемотехническимъ средствомъ; б) теоретическія, систематическія, критическія. Возможно въ грамматикѣ соединеніе обоихъ этихъ элементовъ или стремленій. Точно также и словари могутъ быть: а) практическіе, б) теоретическіе, историческіе, этимологическіе и т. д. Здѣсь еще болѣе, чѣмъ въ грамматикѣ, возможно сочетаніе практичности съ теоретичностью. Историческій словарь дополняетъ историческую грамматику, словарь этимологическій — сравнительную грамматику. Какъ въ области грамматики, такъ и въ области лексикографіи (составленія словарей), рядомъ съ сочиненіями, старающимися обнять весь предметъ, существуютъ тоже монографическіе труды, съ одной стороны занимающіеся разборомъ разныхъ спеціальныхъ вопросовъ, съ другой — представляющіе упорядоченное собраніе словъ или изъ какого-либо памятника, или изъ извѣстной мѣстности, или какой-либо языковой территоріи (діалектическіе словари). Если Я. должно въ самомъ дѣлѣ стать точною наукой, оно должно научиться орудовать абстракціями, общими понятіями. на подобіе того, какъ это имѣетъ мѣсто въ настоящихъ точныхъ наукахъ. Изданія памятниковъ, текстовъ и т. п., составленіе словарей, грамматическія описи отдѣльнымъ языкамъ или же группамъ языковъ, вообще всякое другое упорядочиваніе языковыхъ данныхъ—все это только приготовленіе матеріала для истинной науки, подобно тому какъ самымъ старательнымъ образомъ систематизированныя собранія метеорологическихъ наблюденій не составляютъ еще науки метеорологіи. Много теряя въ сравненіи съ механикой, астрономіей, физикой, химіей, Я. значительно выигрываетъ при сопоставленіи съ совокупностью біологическихъ естественныхъ наукъ, методъ которыхъ оставляетъ желать многаго съ точки зрѣнія точности умозаключеній. Но какъ въ біологическихъ естественныхъ наукахъ, точно также и въ Я. возможны далеко идущія обобщенія и гипотезы, бросающія свѣтъ на цѣлые ряды подробностей въ ихъ взаимной связи. Самая природа фактовъ, составляющихъ предметъ лингвистическаго изслѣдованія, всегда, однако, будетъ требовать и мелочного занятія подробностями. Такъ напримѣръ, точное изслѣдованіе генезиса отдѣльныхъ словъ и группъ словъ никогда не потеряетъ своей прелести какъ въ глазахъ самихъ языковѣдовъ, такъ и въ области такъ называемаго прикладного языковѣдѣнія (психологія и соціологія, историческія науки). Племенныхъ и національныхъ языковъ имѣется, можетъ быть, нѣсколько тысячъ, человѣческой же жизни, даже при самыхъ блестящихъ способностяхъ и обиліи свободнаго времени, хватаетъ на ознакомленіе едва только съ маленькою частичкой этого множества. Отсюда ясно, что Я. и теперь, и въ будущемъ можетъ составлять одно законченное цѣлое единственно только въ недостижимомъ идеалѣ. Ни одна человѣческая голова не въ состояніи обнять все богатство и разнообразіе лингвистическихъ фактовъ. Каждый изслѣдователь совмѣщаетъ въ своей головѣ только обрывокъ, только небольшую дробь цѣлаго, которая, однако, позволяетъ ему составить себѣ общій взглядъ на цѣлое и рисовать въ воображеніи болѣе или менѣе полную картину жизни языка вообще. Какъ изъ кусочка кристалла, встрѣчаемаго въ дѣйствительности, умъ минералога возсоздаетъ картину цѣлаго, такъ изъ усвоенной нами частички знанія мы можемъ составить себѣ понятіе объ однородномъ цѣломъ, къ которому принадлежитъ эта частичка. Поэтому, хотя Я. и существуетъ только въ обрывкахъ, пополняющихъ взаимно другъ друга, или даже вовсе между собою не связанныхъ, тѣмъ не менѣе каждый умъ съ логическимъ мышленіемъ можетъ себѣ представить, чѣмъ оно должно бы быть въ идеалѣ. Методъ Я., не смотря на его несовершенство, дѣлаетъ возможнымъ предсказываніе будущаго, т. е. предсказываніе явленій, имѣющихъ воспослѣдовать когда-нибудь на линіи историческаго продолженія даннаго языка, конечно при предположеніи, что хронологически послѣдовательный рядъ носителей этого языка не будетъ прерванъ, т. е. не перестанетъ существовать народъ или племя, говорящее на этомъ языкѣ.

Исторія языкознанія. Я. въ строгомъ смыслѣ этого слова является наукою европейскою, точнѣе — европейско - американскою. Теперь, благодаря вліянію европейской науки, представляемой особенно нѣмцами и англичанами — профессорами японскихъ университетовъ, въ трудахъ надъ развитіемъ новѣйшаго научнаго Я. принимаютъ участіе и японцы. Изслѣдованіемъ рѣчи человѣческой занимались гораздо раньше, въ различныхъ странахъ и у различныхъ народовъ, независимо отъ связи съ другими народами и не принимая въ соображеніе родства языковъ: въ Китаѣ, въ Японіи, въ Египтѣ, у финикіянъ, въ Ассиріи, въ Индіи, въ Греціи, въ римскомъ государствѣ, у евреевъ, у арабовъ, въ разныхъ европейскихъ странахъ. Вездѣ первый толчокъ къ размышленію надъ особенностями языка исходилъ отъ потребности обозначать на письмѣ слова и звуки, равно какъ и отъ желанія понимать памятники собственнаго языка (комментаріи, сборники словъ съ поясненіями и т. п.). Отсюда произошло разложеніе текущей рѣчи на предложенія, на отдѣльныя слова, на слоги и наконецъ на дальше недѣлимые звуки. Сообразно съ тѣмъ, на чемъ именно останавливались мыслители, совершенствовался и становился все болѣе тонкимъ грамматическій анализъ; съ другой стороны развивалось и упрочивалось письмо. Размышленію надъ особенностями собственнаго языка содѣйствовала и потребность переводить съ чужихъ языковъ или на чужіе языки. Такъ напр., ассирійцы пытались переводить на свой языкъ найденные въ ихъ странѣ, въ видѣ клинообразныхъ надписей на скалахъ, акадійско-сумерійскіе памятники. Древнѣйшіе лексикографическіе или словарные труды китайцевъ восходятъ къ 1000 г. до Р. Хр. Тонкимъ и строгимъ, какъ фонетическимъ, такъ и морфологическимъ, анализомъ языка превзошли всѣхъ остальныхъ индійскіе грамматики, по-

буждаемые къ тому потребностью точнаго комментированія Ведъ. Ихъ древнѣйшіе извѣстные намъ труды восходятъ приблизительно къ VI стол. до Р. Хр., самый же знаменитый индійскій грамматикъ, Панини, жилъ въ IV стол. до Р. Хр. Если бы не громадное вліяніе индійскихъ грамматиковъ на умы европейскихъ изслѣдователей въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX стол., не былъ бы возможенъ блестящій расцвѣтъ «сравнительной грамматики» и вообще Я. на европейско-американской почвѣ. — Древніе греки, интересуясь языкомъ болѣе какъ «орудіемъ мышленія» и не различая надлежащимъ образомъ логики и грамматики, сдѣлали немного для развитія чисто лингвистическихъ понятій, но всетаки ихъ великія заслуги въ области анализа категорій словъ и частей предложенія не подлежатъ ни малѣйшему сомнѣнію. Римляне, какъ ихъ подражатели, собственными усиліями не особенно подвинули эту науку, хотя и имъ нельзя отказать въ поучительныхъ наблюденіяхъ. Какъ тѣ, такъ и другіе упрочили грамматическую терминологію и старательно изслѣдовали разныя подробности, не лишенныя цѣны даже для нынѣшняго Я. Въ средніе вѣка мы видимъ паденіе научнаго мышленія вообще и мышленія грамматическаго въ частности. Не смотря на то, именно на разсвѣтѣ среднихъ вѣковъ зарождается переворотъ во взглядахъ на языки земного шара, благодаря первобытному христіанству. Подъ лозунгомъ «всякъ языкъ да исповѣдуетъ Бога» стали переводить Библію на различные языки, а проповѣдники старались усваивать себѣ языки обращаемыхъ въ христіанство народовъ. Позже, подъ вліяніемъ централистическихъ стремленій, это движеніе ослабѣло. Исламъ съ самаго начала дѣйствовалъ въ смыслѣ арабской исключительности и не признавалъ вовсе равноправности другихъ языковъ; Коранъ долженъ былъ быть изучаемъ въ подлинникѣ. Арабскій языкъ распространялся, но вмѣстѣ съ тѣмъ портился. Поэтому оказались нужными правила настоящаго, образцоваго языка, и этой нуждѣ обязано своимъ возникновеніемъ арабское языковѣдѣніе, развившееся на основаніи грамматическихъ категорій Аристотеля. Грамматическія школы процвѣтали у арабовъ съ VII-го по XII-е столѣтіе.—Изслѣдованія арабскихъ грамматиковъ имѣли вліяніе на евреевъ, языкъ которыхъ, вслѣдствіе ихъ разсѣянія, распался на множество разновидностей, значительно между собою различавшихся; въ особенности получилось большое разнообразіе въ произношеніи гласныхъ, въ еврейскомъ письмѣ не обозначаемыхъ. Отсюда толчокъ къ филологическому изученію еврейскаго языка, съ цѣлью упрочить однообразное произношеніе; а такъ какъ это изученіе происходило подъ арабскимъ вліяніемъ, и такъ какъ, съ другой стороны, христіанскіе богословы также изучали еврейскій языкъ, то арабскіе грамматики посредственно воздѣйствовали на христіанскихъ богослововъ.—Въ западной Европѣ, съ XII-го стол., воцарилось исключительно схоластическое образованіе, основанное на латинскомъ языкѣ. Языкъ разсматривали въ то время a priori, т. е. подгоняя насильно языковые факты подъ извѣстныя предвзятыя формулы. Выработался извѣстный идеальный типъ предложенія и слова, и этимъ образцомъ измѣряли всѣ проявленія живого языка. Матеріаломъ служили языки «мертвые», исключительно книжные—прежде всего поздняя латынь. Ученость среднихъ вѣковъ сосредоточилъ въ себѣ въ XVI-омъ столѣтіи Санчезъ (Sanchez, Sanctius). Его «Minerva» (1587) можетъ быть признана высшимъ выраженіемъ дѣятельности схоластиковъ на лингвистическомъ поприщѣ.—Въ восточной Европѣ позднѣйшая греческая ученость также работала въ области изслѣдованій языка; ея взгляды, вмѣстѣ съ восточною церковью, перешли къ славянамъ, до русскихъ славянъ включительно. Съ другой стороны, благодаря сосѣдству съ Польшей, Русь подвергалась также вліянію западной, латинской Европы, т. е. Рима.—Въ новые вѣка, съ конца XV-го стол., лингвистическій матеріалъ обогатился и углубился въ трехъ направленіяхъ: 1) реформація вывела на историческое поприще народные языки (linguae vulgares) противъ церковной латыни. 2) Географическія открытія обратили вниманіе на новые народы и новые языки. 3) Такъ называемый «гуманизмъ» въ области литературы и искусствъ представилъ въ новомъ свѣтѣ народы греческій и римскій, вмѣстѣ съ ихъ языками и литературами. Не смотря на все это, направленіе языковыхъ изслѣдованій измѣнялось весьма медленно; стилистика все еще продолжала казаться болѣе важною, чѣмъ грамматика. Новая эпоха въ философскихъ взглядахъ на языкъ начинается съ Локка (изслѣдованіе о возникновеніи понятій, обозначаемыхъ именами и глаголами, и локалистическая теорія падежей). Во Франціи еще въ половинѣ XVII-го вѣка появилась «философская грамматика», иначе—«грамматика всеобщая или раціональная» (grammaire générale ou raisonnée), результаты которой помѣщены въ сочиненіи «Grammaire générale de Port-Royal», составленномъ учеными отшельниками изъ Поръ-Ройяля, въ особенности Арно и Ланселотомъ, и изданномъ въ 1660 г. Эта «Méthode de Port-Royal» имѣла во Франціи цѣлый рядъ подражателей, чуть ли не до нашего времени включительно. Въ Германіи также составлялись общія или «философскія» грамматики, основанныя на классификаціи языковыхъ явленій по предвзятымъ формуламъ и логическимъ категоріямъ, и вообще на смѣшеніи грамматики съ логикой. Самымъ выдающимся представителемъ этого узкаго взгляда на природу языка и на задачи грамматики былъ въ первой половинѣ XIX-го ст. К. Беккеръ, авторъ сочиненія «Organismus der Sprache», потерявшаго весь свой кредитъ вслѣдствіе обстоятельной критики Штейнталя.—Умственное движеніе, вызванное Локкомъ, охватило разныя европейскія страны. Христіанъ Вольфъ († 1754) привелъ въ порядокъ научную терминологію для логики и грамматики. Все, что было сдѣлано въ этомъ направленіи, сгруппировалъ Г. Германнъ, въ сочиненіи: «De emendanda ratione graecae gram-

maticae» (1801). Все еще продолжали относиться къ языку a priori, и вмѣсто объясненія и разбора дѣйствительныхъ формъ ставили на первомъ планѣ логику и философію. Тѣми же взглядами на языкъ руководствовались тогдашнія академіи наукъ. Берлинская академія объявила тему на соисканіе награды, которую получилъ Іенишъ за сочиненіе: «Das Ideal einer vollkommenen Sprache». Въ томъ же духѣ высказывались догадки о началѣ языка, при чемъ старались открыть, который изъ существующихъ языковъ слѣдуетъ считать праязыкомъ, и затѣмъ объяснить, почему онъ испортился. Только Гердеръ въ 1776 г. имѣлъ храбрость высказать, что происхожденіе рѣчи слѣдуетъ объяснять изъ самаго существа человѣка, но и онъ впослѣдствіи отказался отъ этого взгляда. — Другое направленіе возникло по почину Лейбница, котораго мы и должны считать настоящимъ прародителемъ новѣйшаго языковѣдѣнія. Онъ первый порвалъ съ предположеніемъ, что еврейскій языкъ былъ первоначальнымъ языкомъ всего человѣчества, и по отношенію къ изслѣдованію языковъ сталъ на дѣйствительно научную точку зрѣнія. Онъ высказалъ мнѣніе, что «изслѣдованіе языковъ должно основываться на началахъ точныхъ наукъ». Онъ считалъ превратнымъ начинать изслѣдованіе съ того, что неизвѣстно и недоступно, т. е. съ древнихъ языковъ, вмѣсто того чтобы приступить прежде всего къ новымъ языкамъ, доступнымъ непосредственному наблюденію. Этимъ своимъ требованіемъ Лейбницъ опередилъ не только всѣхъ современныхъ ему ученыхъ, но тоже многихъ изъ числа нынѣшнихъ. Онъ особенно напиралъ на сравненіи всѣхъ языковъ, хотѣлъ группировать европейскіе языки по ихъ родству, признавалъ родство языковъ мадьярскаго, финскаго, турецкаго и монгольскаго. Въ этихъ попыткахъ и стремленіяхъ Лейбница кроется зародышъ такъ назыв. «сравнительной грамматики», расцвѣтшей столь пышно въ XIX стол. Слѣдуя духу своего времени, онъ занимался и общими вопросами языковѣдѣнія (начало языка и т. п.), но требовалъ при этомъ метода сравнительнаго. Лейбницъ не только давалъ совѣты филологамъ, но обращался съ просьбами о сотрудничествѣ и содѣйствіи къ миссіонерамъ, путешественникамъ, монархамъ. Въ 1713 г. онъ писалъ Петру Вел., развивая свои мысли о лингвистическихъ вопросахъ. Онъ приготовлялъ программы изслѣдованій и сопоставлялъ слова, переводъ которыхъ на разные языки считалъ желательнымъ. Екатерина II, будучи еще великою княгиней, воодушевилась мыслью Лейбница, пожелала создать «всеобщій словарь» и убѣдила Дюмареска, капеллана англійской факторіи въ Петербургѣ, взяться за это дѣло. Слѣдствіемъ этого явился «Сравнительный словарь восточныхъ языковъ» («Vocabulaire comparatif des langues orientales»), а въ 1786 г. вышелъ I т. «Императорскаго словаря» («Dictionnaire impérial»), обнимающій собою 285 словъ въ переводѣ на 51 языкъ Европы и 149 языковъ Азіи. Въ томъ же направленіи еще раньше работали Реляндусъ (Relandus, «Dissertationes misc.», 1706 — 1708), доказавшій взаимное родство малайскихъ языковъ и установившій «законъ звуковыхъ измѣненій», и Людольфъ (Ludolf), указавшій на то, что надо основываться на сравненіи грамматическихъ формъ, а не на случайныхъ этимологіяхъ. Лоренцо Гервасъ (Hervas), знаменитый знатокъ американскихъ языковъ, въ «Catalogo de las lenguas» (1800—1802) указалъ на взаимное родство семитическихъ языковъ, равно какъ и на родство санскрита и греческаго языка, превосходно сгруппировалъ американскіе языки и вообще положилъ основанія для научной классификаціи языковъ. Нѣкоторые изслѣдователи этого направленія еще раньше указывали на родство санскрита съ европейскими языками. Первымъ обратилъ на это вниманіе Сассетта, еще въ XVI стол.; затѣмъ высказывали такое же предположеніе Керду (Coeurdoux, 1767) и Джонсъ (Jones, 1786). Предтечами рѣшительнаго поворота въ развитіи языковѣдѣнія по направленію къ «сравнительной грамматикѣ» можно считать двухъ ученыхъ, описывавшихъ и сопоставлявшихъ многіе языки еще въ началѣ XVII стол.: это были Этьенъ Гишаръ (Guichard, «Harmonie étymologique des langues», 1606) и Клодъ Дюре Бурбоннэ (Bourbonnais, «Trésor de l'histoire des langues de cest univers», 1619). Въ сочиненіи Герваса: «Catalogo de las lenguas» и въ капитальномъ трудѣ Аделунга и Фатера: «Mithridates» какъ бы сложены результаты изслѣдованій, вызванныхъ Лейбницемъ. Гервасъ же первый высказалъ мнѣніе, что опредѣленіе родства языковъ должно основываться на грамматическихъ фактахъ, а не на сходствѣ словъ. Требованіе Герваса было осуществлено Францомъ Боппомъ въ первую четверть XIX стол.—На расцвѣтъ новой эпохи въ исторіи языковѣдѣнія повліяло также основательное ознакомленіе европейскихъ филологовъ и лингвистовъ съ санскритскимъ языкомъ и индійскими грамматиками. Какъ для греческихъ ученыхъ въ Александріи и въ Пергамѣ Гомеръ, такъ для индійскихъ ученыхъ священныя книги Ведъ явились стимуломъ къ комментированію текстовъ и грамматическимъ разысканіямъ. Комментаріи индійскихъ грамматиковъ къ Ведамъ не имѣютъ ничего себѣ равнаго; появившіяся затѣмъ грамматическія сочиненія, посвященныя санскриту, остаются до сихъ поръ недостижимымъ идеаломъ и по основательности, и по всестороннему принятію въ соображеніе всѣхъ оттѣнковъ произношенія и формальной стороны языка. Исторія санскритской или восточно-индійской филологіи въ Европѣ начинается съ основанія англичанами въ 1784 г. Азіатскаго общества въ Калькутѣ. Инициаторами явились здѣсь знаменитые индологи В. Джонсъ, Кольбрукъ, Кэри, Вилькинсъ, Форстеръ. Двѣ первыя санскритскія грамматики были составлены Ганкследеномъ и Весдиномъ (1790). Первымъ, на материкѣ Европы обратившимъ вниманіе на важность санскрита, былъ Фридрихъ Шлегель, въ своемъ сочиненіи: «Ueber die Sprache und Weisheit der Inder» положившій основанія индійской филологіи по методу филологіи классической и прославившійся

буждаемые къ тому потребностью точнаго комментированія Ведъ. Ихъ древнѣйшіе извѣстные намъ труды восходятъ приблизительно къ VI стол. до Р. Хр., самый же знаменитый индійскій грамматикъ, Панини, жилъ въ IV стол. до Р. Хр. Если бы не громадное вліяніе индійскихъ грамматиковъ на умы европейскихъ изслѣдователей въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX стол., не былъ бы возможенъ блестящій расцвѣтъ «сравнительной грамматики» и вообще Я. на европейско-американской почвѣ. — Древніе греки, интересуясь языкомъ болѣе какъ «орудіемъ мышленія» и не различая надлежащимъ образомъ логики и грамматики, сдѣлали немного для развитія чисто лингвистическихъ понятій, но всетаки ихъ великія заслуги въ области анализа категорій словъ и частей предложенія не подлежатъ ни малѣйшему сомнѣнію. Римляне, какъ ихъ подражатели, собственными усиліями не особенно подвинули эту науку, хотя и имъ нельзя отказать въ поучительныхъ наблюденіяхъ. Какъ тѣ, такъ и другіе упрочили грамматическую терминологію и старательно изслѣдовали разныя подробности, не лишенныя цѣны даже для нынѣшняго Я. Въ средніе вѣка мы видимъ паденіе научнаго мышленія вообще и мышленія грамматическаго въ частности. Не смотря на то, именно на разсвѣтѣ среднихъ вѣковъ зарождается переворотъ во взглядахъ на языки земного шара, благодаря первобытному христіанству. Подъ лозунгомъ «всякъ языкъ да исповѣдуетъ Бога» стали переводить Библію на различные языки, а проповѣдники старались усваивать себѣ языки обращаемыхъ въ христіанство народовъ. Позже, подъ вліяніемъ централистическихъ стремленій, это движеніе ослабѣло. Исламъ съ самаго начала дѣйствовалъ въ смыслѣ арабской исключительности и не признавалъ вовсе равноправности другихъ языковъ; Коранъ долженъ былъ быть изучаемъ въ подлинникѣ. Арабскій языкъ распространялся, но вмѣстѣ съ тѣмъ портился. Поэтому оказались нужными правила настоящаго, образцоваго языка, и этой нуждѣ обязано своимъ возникновеніемъ арабское языковѣдѣніе, развившееся на основаніи грамматическихъ категорій Аристотеля. Грамматическія школы процвѣтали у арабовъ съ VII-го по XII-е столѣтіе.—Изслѣдованія арабскихъ грамматиковъ имѣли вліяніе на евреевъ, языкъ которыхъ, вслѣдствіе ихъ разсѣянія, распался на множество разновидностей, значительно между собою различавшихся; въ особенности получилось большое разнообразіе въ произношеніи гласныхъ, въ еврейскомъ письмѣ не обозначаемыхъ. Отсюда толчокъ къ филологическому изученію еврейскаго языка, съ цѣлью упрочить однообразное произношеніе; а такъ какъ это изученіе происходило подъ арабскимъ вліяніемъ, и такъ какъ, съ другой стороны, христіанскіе богословы также изучали еврейскій языкъ, то арабскіе грамматики посредственно воздѣйствовали на христіанскихъ богослововъ.—Въ западной Европѣ, съ XII-го стол., воцарилось исключительно схоластическое образованіе, основанное на латинскомъ языкѣ. Языкъ разсматривали въ то время a priori, т. е. подгоняя насильно языковые факты подъ извѣстныя предвзятыя формулы. Выработался извѣстный идеальный типъ предложенія и слова, и этимъ образцомъ измѣряли всѣ проявленія живого языка. Матеріаломъ служили языки «мертвые», исключительно книжные—прежде всего поздняя латынь. Ученость среднихъ вѣковъ сосредоточилъ въ себѣ въ XVI-омъ столѣтіи Санчезъ (Sanchez, Sanctius). Его «Minerva» (1587) можетъ быть признана высшимъ выраженіемъ дѣятельности схоластиковъ на лингвистическомъ поприщѣ.—Въ восточной Европѣ позднѣйшая греческая ученость также работала въ области изслѣдованій языка; ея взгляды, вмѣстѣ съ восточною церковью, перешли къ славянамъ, до русскихъ славянъ включительно. Съ другой стороны, благодаря сосѣдству съ Польшей, Русь подвергалась также вліянію западной, латинской Европы, т. е. Рима.—Въ новые вѣка, съ конца XV-го стол., лингвистическій матеріалъ обогатился и углубился въ трехъ направленіяхъ: 1) реформація вывела на историческое поприще народные языки (linguae vulgares) противъ церковной латыни. 2) Географическія открытія обратили вниманіе на новые народы и новые языки. 3) Такъ называемый «гуманизмъ» въ области литературы и искусствъ представилъ въ новомъ свѣтѣ народы греческій и римскій, вмѣстѣ съ ихъ языками и литературами. Не смотря на все это, направленіе языковыхъ изслѣдованій измѣнялось весьма медленно; стилистика все еще продолжала казаться болѣе важною, чѣмъ грамматика. Новая эпоха въ философскихъ взглядахъ на языкъ начинается съ Локка (изслѣдованіе о возникновеніи понятій, обозначаемыхъ именами и глаголами, и локалистическая теорія падежей). Во Франціи еще въ половинѣ XVII-го вѣка появилась «философская грамматика», иначе—«грамматика всеобщая или раціональная» (grammaire générale ou raisonnée), результаты которой помѣщены въ сочиненіи «Grammaire générale de Port-Royal», составленномъ учеными отшельниками изъ Поръ-Ройяля, въ особенности Арно и Ланселотомъ, и изданномъ въ 1660 г. Эта «Méthode de Port-Royal» имѣла во Франціи цѣлый рядъ подражателей, чуть ли не до нашего времени включительно. Въ Германіи также составлялись общія или «философскія» грамматики, основанныя на классификаціи языковыхъ явленій по предвзятымъ формуламъ и логическимъ категоріямъ, и вообще на смѣшеніи грамматики съ логикой. Самымъ выдающимся представителемъ этого узкаго взгляда на природу языка и на задачи грамматики былъ въ первой половинѣ XIX-го ст. К. Беккеръ, авторъ сочиненія «Organismus der Sprache», потерявшаго весь свой кредитъ вслѣдствіе обстоятельной критики Штейнталя.—Умственное движеніе, вызванное Локкомъ, охватило разныя европейскія страны. Христіанъ Вольфъ († 1754) привелъ въ порядокъ научную терминологію для логики и грамматики. Все, что было сдѣлано въ этомъ направленіи, сгруппировалъ Г. Германнъ, въ сочиненіи: «De emendanda ratione graecae gram-

вслѣдствіе смѣшенія разнородныхъ элементовъ, принадлежать съ равнымъ правомъ къ двумъ языковымъ отраслямъ или къ двумъ языковымъ семействамъ. Такъ напр., благодаря разнымъ словамъ и формамъ, перешедшимъ изъ латино-романскихъ языковъ (латинскаго, итальянскаго, французскаго и т. д.) въ языки другихъ семействъ, романское семейство этими своими отпрысками распространяется далеко за свои географическіе предѣлы въ строгомъ смыслѣ слова. Точно также вліяніе угро-финскихъ языковъ на языки славянскіе, литовско-латышскіе, германскіе и т. п. распространяетъ объемъ угро-финской языковой семьи за предѣлы строго территоріальной области угро-финскихъ племенъ. Съ другой стороны, почти равносильное скрещеніе и слитіе въ одно цѣлое двухъ языковыхъ элементовъ — аріоевропейскаго и какого-то другого—на почвѣ армянской языковой области, заставляютъ насъ причислять эту область въ одинаковой мѣрѣ къ двумъ семействамъ къ аріоевропейскому и къ какому-то другому. Англійскій языкъ принадлежитъ къ двумъ языковымъ семьямъ — германской и, въ нѣсколько меньшей степени, романской. Сюда слѣдуетъ отнести прежде всего такъ назыв. «искусственные» или «условные» (конвенціональные) языки, происшедшіе отъ смѣшенія строя и словарнаго матеріала (состава) двухъ языковъ, въ родѣ, напримѣръ, языка русско-китайскаго или китайско-русскаго (Кяхта, Маймачинъ и т. д.). Неоспоримо также вліяніе общихъ географическихъ условій на языки разныхъ семействъ или разныхъ отраслей, хотя впрочемъ эти общія географическія условія сводятся обыкновенно къ одинаковому этнологическому вліянію, т. е. къ одинаковому вліянію какого-то, обыкновенно исчезнувшаго, иноплеменнаго языка на существующіе языки. Въ видѣ примѣра можно указать на общія свойства языковъ Балканскаго полуо-ва, языковъ Кавказа и т. д., при полной независимости отъ наличности или отсутствія ихъ древняго генетическаго родства. Въ виду всего этого, рядомъ съ *родствомъ* языковъ мы должны принять тоже ихъ *свойство́* («породненіе»), какъ результатъ взаимнаго вліянія, равно какъ и общихъ условій существованія и хронологической послѣдовательности смѣняющихъ другъ друга поколѣній. Не надо также забывать, что наши нынѣшнія воззрѣнія на генетическое или историческое родство языковъ далеки еще отъ точности и окончательнаго упроченія. Причины этого: 1) недостаточное знаніе частныхъ фактовъ; 2) неточный методъ изслѣдованія; 3) самая природа изслѣдуемыхъ предметовъ, которые, бывъ нѣкогда почти одинаковыми или по крайней мѣрѣ близкими и сходными, со временемъ до такой степени измѣняются, что исчезаетъ всякій слѣдъ ихъ исторической общности. Такъ напримѣръ, если бы отъ всего аріоевропейскаго семейства существовали теперь только языковыя области новоиндійская (бенгали, гиндустани и т. д.), армянская, болгарская и англійская, трудно было бы догадаться объ ихъ общемъ историческомъ происхожденіи или принадлежности къ той же языковой отрасли или семьѣ. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что мнѣнія о родствѣ извѣстныхъ языковыхъ семействъ и ихъ развѣтвленій являются шаткими и неустановившимися или измѣняются съ теченіемъ времени. Такъ напримѣръ, одни къ общему урало-алтайскому семейству причисляютъ угро-финскіе языки, другіе изъ языковъ угро-финскихъ образуютъ особую семью, имѣющую общее съ урало-алтайскою строеніе словъ и предложеній, т. е. общность морфологическую, но исторически отъ нея независящую. Нѣкоторые считаютъ болѣе поздними видоизмѣненіями одного нѣкогда общаго языкового состоянія то семейства семитическое и аріоевропейское, то семейства аріоевропейское и угро-финское, хотя, по господствующему мнѣнію, основанному на принятіи въ соображеніе какъ морфологическаго строя, такъ и запаса корней, свойственныхъ этимъ языковымъ семействамъ, ихъ общее историческое начало едва ли допустимо. Луи Люсьенъ Бонапартъ («Langue basque et langues finnoises», Лондонъ, 1862) усматриваетъ историческое родство между языками басковъ и языками угро-финскими. Н. Марръ, профессоръ петербургскаго университета, открылъ историческое родство между грузинско-мингрельско-сванетскою группой кавказскихъ языковъ и языками семитическими. Съ понятіемъ генетической или исторической классификаціи соединяется понятіе такъ называемыхъ *пра-языковъ* (Ursprachen) и *первобытныхъ, основныхъ языковъ* (Grundsprachen) каждаго языкового семейства и каждой языковой вѣтви. Эти предполагаемые или гипотетическіе языки слѣдуетъ понимать не въ смыслѣ конкретныхъ историческихъ фактовъ, но только какъ научныя абстракціи, какъ сборники или комплексы языковыхъ частностей, можетъ быть и не синхронистическихъ (т. е. другъ другу не современныхъ), но такихъ, что раньше или позже онѣ должны были быть свойственны языкамъ лингвистическихъ предковъ всѣхъ племенъ съ генеалогически родственными языками. Такъ напримѣръ, говоря объ аріоевропейскомъ праязыкѣ, мы приписываемъ ему состояніе флексійное, централизованное, которое могло быть только продолженіемъ весьма длиннаго ряда эволюціонныхъ измѣненій въ историческомъ прошломъ того же языкового матеріала.—*Языковое*, лингвистическое *родство* и свойство́ племенъ и народовъ слѣдуетъ строго отличать отъ ихъ *родства* и свойства́ расового, антропологическаго (см. Языкъ). Въ научныхъ операціяхъ такъ называемой *морфологической* или *структурной классификаціи* языковъ отражается законъ перспективы пространственной, временной и психической. Мы классифицируемъ подробно языки намъ близкіе, а всѣ остальные сваливаемъ вмѣстѣ. Китайцы въ нашихъ глазахъ всѣ другъ на друга похожи, тогда какъ людей нашей расы мы различаемъ индивидуально; китайцы же, индивидуализируя самихъ себя, коллективизируютъ людей другихъ расъ, въ томъ числѣ и расы средиземноморской или «бѣлой».—Въ ходячихъ морфологическихъ классификаціяхъ постоянно повторяется

своею классификаціей языковъ. Онъ же первый употребилъ выраженіе «индогерманскіе языки» (indogermanische Sprachen). Сочиненіемъ Шлегеля были вызваны первые труды Боппа и такимъ образомъ дано начало «сравнительной грамматикѣ» «индогерманскихъ» (индоевропейскихъ, арійскихъ, аріоевропейскихъ) языковъ. — Начало новѣйшаго философскаго или общаго языковѣдѣнія съ широкимъ размахомъ восходитъ къ Вильгельму Гумбольдту. Первоначальный метафизическій характеръ этой отрасли языковѣдѣнія перерождался мало-по-малу въ чисто психологическое отношеніе къ языку (Штейнталь, Лацарусъ и др.), пріобрѣтающее теперь все болѣе и болѣе приверженцевъ. Вообще въ новѣйшемъ фазисѣ исторіи языкознанія можно отмѣтить возвратъ къ естественнымъ связямъ языковыхъ явленій. Я. удаляется отъ филологіи и книговѣдѣнія и приближается къ другимъ наукамъ, болѣе ему родственнымъ.

Сравнительная характеристика и классификація племенныхъ и національныхъ языковъ, какъ и всякихъ другихъ однородныхъ предметовъ, можетъ основываться только на точномъ опредѣленіи ихъ различій и сходствъ, и прежде всего сходствъ. Сходства между языками бываютъ двоякаго рода: 1) основанныя на генеалогическомъ или историческомъ родствѣ народовъ и племенъ по отношенію къ языку (*генеалогическая классификація*); 2) общія сходства состоянія и измѣненій, даже вполнѣ независимыя отъ историческихъ или генеалогическихъ связей (*морфологическая или структурная классификація*).

Генеалогическое или историческое *родство* языковъ и основанныя на немъ сходства могутъ существовать только между языками, представляющими разныя видоизмѣненія одного и того же прежняго языкового матеріала. Такъ напримѣръ, славянскіе языки родственны между собою и похожи другъ на друга, ибо всѣ они являются различными видоизмѣненіями или перерожденіями одного и того же нѣкогда первобытнаго славянскаго или праславянскаго языкового состоянія. На такой же точно основѣ покоится болѣе отдаленное родство и меньшее сходство всѣхъ славянскихъ языковъ, вмѣстѣ взятыхъ, съ другими языками аріоевропейскаго (индоевропейскаго, индогерманскаго) семейства, т. е. съ санскритомъ (вмѣстѣ со всею индійскою группой), съ языками иранскими (персидско-бактрійскими), армянскимъ, албанскимъ, греческими, латино-романскими, кельтскими, германскими, аистскими (балтійскими: литовскимъ и латышскимъ). Сопоставленіе и параллельное изслѣдованіе особенностей родственныхъ языковъ составляетъ предметъ такъ называемый *сравнительной грамматики*.—Другая классификація языковъ, *морфологическая* или *структурная*, основывается на сходствѣ языковыхъ состояній или направленій въ измѣненіяхъ различныхъ языковъ, вслѣдствіе условій, общихъ всѣмъ безъ исключенія людямъ, каково бы ни было ихъ происхожденіе. При *генеалогической* или *исторической классификаціи* мы имѣемъ дѣло прежде всего съ *языковымъ семействомъ*, какъ съ замкнутымъ цѣлымъ, т. е. съ совокупностью всѣхъ языковыхъ разновидностей, считаемыхъ исторически родственными. Таковыми являются наприм., языковыя семейства аріоевропейское, урало-алтайское, угро-финское, семитическое и т. д. Въ свою очередь языковое семейство обнимаетъ собою извѣстную языковую область, распадающуюся обыкновенно на значительно различающіяся между собою вѣтви или болѣе мелкія группы языковыхъ разновидностей; напримѣръ, аріоевропейское семейство дѣлится на названныя выше вѣтви. Въ каждой изъ вѣтвей могутъ быть еще болѣе мелкія развѣтвленія или еще болѣе мелкія группы разновидностей, напримѣръ въ вѣтви романской подраздѣленія италійское, галло-италійское, ладинское, провансальское, французское, испанское, португальское, румынское и т. д.; въ вѣтви славянской подраздѣленія русское, дакославянское или болгаро-македонское, иллирославянское или сербо-хорватское, крайно-словенское или словинское, чешско-словацкое, лужицкое, кашубско-польское и т. д. Наконецъ, языковая территорія или языковая область каждой подвѣтви дѣлится на большее или меньшее число говоровъ или діалектовъ, или группирующихся въ бо́льшія цѣлыя, или же стоящихъ каждый отдѣльно. Крайними, далѣе недѣлимыми единицами племенного языкового міра являются языки индивидуальные, какъ составныя части діалектическихъ языковъ. На совокупность всѣхъ племенъ человѣческихъ можно смотрѣть какъ на одну большую языковую территорію или область. Языковыя территоріи отраслей или семействъ, сплошныя или же прерываемыя вслѣдствіе скрещенія съ территоріями другихъ семействъ, бываютъ либо болѣе или менѣе постоянныя — при народахъ и племенахъ осѣдлыхъ, либо подвижныя и постоянно измѣняющіяся — при народахъ и племенахъ кочующихъ и странствующихъ. Области отдѣльныхъ семействъ, вѣтвей и всякихъ подраздѣленій на разныхъ ступеняхъ могутъ либо быть рѣзко, опредѣленно разграничены, либо представлять постепенные переходы отъ одного языкового состоянія къ другому. Такъ напр., нѣтъ никакихъ переходныхъ говоровъ между языковыми областями романскою и германскою, германскою и славянскою и т. п.; но въ отдѣльно взятомъ романскомъ мірѣ, или германскомъ, или же славянскомъ языковомъ между нѣкоторыми развѣтвленіями нельзя установить опредѣленныхъ, несомнѣнныхъ границъ, а надо принять переходныя территоріи или полосы. Еще очевиднѣе переходность во времени, переходность хронологическая. Такъ какъ не только при непосредственномъ соприкосновеніи, но и на извѣстномъ разстояніи (путемъ колонизаціи, письменности, торговли, культуры вообще, и т. п.), племена и народы дѣйствуютъ взаимно другъ на друга по отношенію къ языку, то: 1) невозможно съ полною точностью показать предѣлы, гдѣ кончаются языковыя проявленія и особенности, принадлежащія къ извѣстной языковой отрасли или же къ извѣстному языковому семейству; 2) извѣстная языковая группа можетъ

щихъ классовъ, Мюллеръ представляетъ языки въ связи съ расами народовъ, на нихъ говорящихъ, — что очевидно не всегда допустимо, — и приводитъ ихъ въ слѣдующемъ порядкѣ: А. *Языки расъ шерстисто-волосыхъ* (wollhaarige Rassen)—*готтентотской*, *папуасской*, *негритянской* и *кафрской*. Б. *Языки расъ гладковолосыхъ* (schlichthaarige Rassen) — *австралійской*, *гиперборейской* (остяки, юкагиры, чукчи, айны, алеуты, эскимосы), *американской*, *малайской*, *верхне-азіатской* или монгольской. В. *Языки расъ кудряво-волосыхъ* (lockenhaarige Rassen)—*нубійской*, *дравидійской*, *средиземноморской*. Въ одной только Европѣ имѣются слѣдующія языковыя области (отрасли и семьи): I. Болѣе всѣхъ остальныхъ распространена *аріоевропейская* семья, въ различныхъ морфологическихъ видоизмѣненіяхъ, начиная съ относительно древняго, централизованнаго строенія литовскаго языка и значительнаго большинства разнообразныхъ видоизмѣненій славянской области, и кончая новѣйшимъ децентрализованнымъ строеніемъ, свойственнымъ англійскому языку, равно какъ и различнымъ видоизмѣненіямъ области германской, романской и т. д. (къ этому новому морфологическому типу, по крайней мѣрѣ въ области склоненія, слѣдуетъ причислить на славянской почвѣ языкъ болгарскій). Къ аріоевропейскому семейству принадлежатъ въ Европѣ слѣдующія вѣтви: самыя многочисленныя и самыя развѣтвленныя — *романская*, *германская* и *славянская*; географически и статистически менѣе распространенныя *кельтская*, *аистская* или *балтійская* (*литовско-латышская*), *албанская*, *греческая*, *армянская*, принадлежащая вмѣстѣ съ тѣмъ къ какому-то другому семейству (см. выше), и наконецъ, *иранская*, представителями которой являются *курды* и *осетины* на Кавказѣ. Подвижной и повсемѣстно разсѣянный отпрыскъ аріоевропейскаго семейства составляютъ *цыганскіе* говоры, принадлежащіе къ *индійской* вѣтви въ юго-западной Азіи.—II. *Угро-финское* или *финно-угорское* семейство, представителями котораго являются въ средней Европѣ *мадьяры* или этнографическіе *венгерцы*, въ Европѣ же восточной и сѣверной, преимущественно въ предѣлахъ русскаго государства вмѣстѣ съ Финляндіей—*финны* или *суоми*, *эстонцы* и различныя другія племена (*зыряне*, *пермяки*, *черемисы*, *мордва* и др.).—III Семейство *урало-алтайское* въ строгомъ смыслѣ или *турецко-татарское*, къ которому принадлежатъ *турки-османы*, *татары* въ Турціи, Болгаріи, Румыніи и въ разныхъ частяхъ Русскаго государства (вмѣстѣ съ *ногайцами* на Кавказѣ), *чуваши*, *калмыки*, *киргизы*, *башкиры* и т. д.—IV. *Семитическое* семейство представлено весьма слабо *арабами* на о-вѣ Мальтѣ, скудными остатками нѣсколькихъ племенъ на Кавказѣ и, наконецъ, *евреями*, поскольку эти послѣдніе «искусственно» и литературно пользуются еврейскимъ языкомъ. Вообще евреи по языку принадлежатъ къ тѣмъ племенамъ, на языкахъ которыхъ говорятъ, по преимуществу къ племени германскому (значительное большинство) и романскому (немногочисленные потомки прежнихъ испанскихъ евреевъ, разсѣянные особенно въ Турціи и на побережьяхъ Средиземнаго моря).—V. Изъ кавказскихъ языковъ *грузино-мингрело-сванетское* семейство будетъ вѣроятно причислено къ одной общей, болѣе обширной семьѣ съ языками *семитическими* и *хамитическими*.—VI. Семейство *иберійское* или *баское* (см.), нынѣ уже весьма немногочисленное, но, можетъ быть, состоящее въ извѣстномъ отдаленномъ родствѣ съ языками угрофинскими.—VII. *Кавказскіе* языки, заисключеніемъ упомянутыхъ подъ V, принадлежатъ ко многимъ совершенно обособленнымъ семействамъ, являющимся пережитками прежняго, гораздо болѣе богатаго языкового разнообразія. Литературу—см. Языкъ и языки.

И. Б.-де-К.

Языкососы—синонимическое названіе вампировъ (см. Летучія мыши и Вампиры).

Языко-челюстной нервъ (truncus hyomandibaluris) — одна изъ двигательныхъ вѣтвей лицевого нерва (n. facialis, VII пара), свойственная рыбамъ и амфибіямъ. Она огибаетъ верхній край гіомандибулярнаго хряща (или кости), или даже прободаетъ его, или, наконецъ, идетъ впереди его. Этотъ нервъ снабжаетъ своими вѣтвями мускулатуру жаберной крышки, а также musculus hyomandibalaris, depressor mandibulae и constrictor superficialis. У высшихъ позвоночныхъ, можетъ быть, остаткомъ этого нерва является n. stylohyoideus.

В. М. Ш.

Языко-челюстной хрящъ, иначе *гіомандибулярный* (hyomandibulare)—см. Черепъ и Челюстной подвѣсокъ.

Языкъ (lingua) — у позвоночныхъ представляетъ собой непарный выступъ нижней поверхности ротовой полости. Въ первоначальной своей формѣ онъ является въ видѣ складки слизистой оболочки, подпираемой брюшными непарными частями висцеральнаго аппарата, образующими *osento glossum*. Я. рыбъ не имѣетъ своей мускулатуры и движенія его обусловливаются движеніемъ висцеральнаго аппарата, при чемъ Я. является скорѣе органомъ осязанія. У круглоротыхъ, у которыхъ Я. снабженъ роговыми зубами, онъ играетъ роль поршня при сосаніи, а у миксинъ служитъ и для пробуравливанія стѣнки тѣла хозяина, въ котораго они забираются. Настоящіе зубы на краяхъ Я. имѣютъ нѣкоторыя костистыя рыбы, какъ лососевыя и др. Такой же характеръ носитъ Я. низшихъ амфибій, но у высшихъ онъ, во-первыхъ, получаетъ собственную мускулатуру, а во-вторыхъ, его передняя часть изобилуетъ трубчатыми железами (gl. linguales). Эта передняя часть по сравненіи съ языкомъ рыбъ является новообразованіемъ и у зародыша возникаетъ въ видѣ самостоятельнаго зачатка, лежащаго впереди зачатка щитовидной железы, а задняя часть лежитъ позади этого зачатка. Мускулатура языка состоитъ съ одной стороны изъ мышцъ, развивающихся въ толщѣ языка, а съ другой—изъ спеціализировавшихся мышцъ висцеральнаго аппарата. Со дна ротовой полости идетъ къ Я. его мускулъ protractor (выдвигающій)—m. genioglossus, обособляющійся отъ m. geniohyoideus,

ошибка, состоящая въ томъ, что извѣстныя состоянія строя, свойственныя отдѣльнымъ, соединяемымъ въ одно группамъ языковъ, считаются чѣмъ-то постояннымъ и неизмѣняемымъ. Всѣ языки (понимаемые съ хронологической стороны въ самомъ обширномъ смыслѣ этого слова, т. е. какъ безпрерывный рядъ измѣненій на той же линіи исторической послѣдовательности) проходятъ черезъ различныя морфологическія состоянія: централизованное строеніе словъ постепенно уступаетъ мѣста строенію децентрализованному; децентрализованныя слова сростаются, слѣдуетъ новая централизація, вызывающая затѣмъ новую децентрализацію, и такъ далѣе безъ конца (см. Языкъ). Выводы, извлекаемые изъ всесторонняго изслѣдованія хотя бы только аріоевропейской семьи языковъ, даютъ намъ право утверждать, что въ предѣлахъ одной и той же генетической или исторической отрасли морфологическое строеніе словъ и предложеній можетъ совершенно измѣниться. Въ этомъ убѣждаетъ, напр., сравненіе древнеиндійскаго языка Ведъ или хотя бы даже болѣе поздняго санскрита, не только со строеніемъ англійскаго языка, но даже со строеніемъ языковъ восточно-индійскихъ новѣйшей формаціи. Между строеніемъ языка Ведъ и такимъ строеніемъ, какое встрѣчаемъ въ англійскомъ языкѣ, имѣется гораздо менѣе сходства, нежели между строеніемъ теперешнихъ славянскихъ языковъ (польскаго, чешскаго, сербскаго, русскаго и т. д.) и строеніемъ языковъ угро-финскихъ или урало-алтайскихъ. Строеніе армянскаго языка, причисляемаго обыкновенно къ аріоевропейской семьѣ, напоминаетъ во многихъ отношеніяхъ строеніе языка эстонскаго и другихъ языковъ угро-финскихъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что въ извѣстныхъ группахъ языковъ (прежде всего въ аріоевропейскомъ семействѣ) темпъ историческихъ эволюцій морфологическаго строя былъ гораздо быстрѣе, нежели темпъ историческихъ эволюцій морфологическаго строя другихъ группъ. Не слѣдуетъ ли, въ виду всего этого, признать, что морфологическія характеристики извѣстныхъ языковъ или извѣстныхъ языковыхъ группъ, принимающія въ соображеніе только ихъ одновременное состояніе, односторонни и неудовлетворительны? Обыкновенныя, ходячія морфологическія классификаціи приписываютъ извѣстнымъ языкамъ исключительно «односложность» (собственно одноморфемность), другимъ языкамъ исключительно «агглютинацію», третьимъ исключительно «флексію» или «инкорпорацію» («воплощеніе», вставленіе цѣлыхъ словъ или словечекъ въ средину другихъ раздвигаемыхъ словъ или выраженій). Между тѣмъ въ строеніи различныхъ языковъ мы видимъ одновременное примѣненіе двухъ или даже трехъ морфологическихъ принциповъ. Такъ напримѣръ, въ русскихъ *столъ*, *на-столъ*, *стол-а*, *от-стол-а*, *стол-у*, *к-стол-у*, *стол-омъ*, *под-стол-омъ*, *в-стол-ѣ*, *стол-ы*, *на-стол-ы*, *стол-овъ*, *со-стол-овъ*, *стол-амъ*, *к-стол-амъ*, *стол-ами*, *над-стол-ами*, *в-стол-ахъ*, и т. д., рядомъ съ флексіей, состоящей въ присоединеніи окончаній, равно какъ и въ псевдофонетической альтернаціи или чередованіи послѣдняго согласнаго основы, *л* (въ *столъ*) и *ль* (въ *стол-ѣ*, *столь-э*), мы имѣемъ также представочную или префиксальную агглютинацію (ясные и опредѣленные по своему значенію префиксы *отъ*, *надъ*, *на* и т. д.); если же къ этому прибавимъ такія выраженія, какъ *у-ломбернаго-стол-а*, *подъ-ломбернымъ-стол-омъ*, *въ-ломберномъ-стол-ѣ*, *въ-этомъ-моемъ-ломберномъ-стол-ѣ* и т. д., то мы должны будемъ признать тоже извѣстнаго рода «воплощеніе» или «инкорпорацію», т. е. вставленіе цѣлыхъ словъ и даже выраженій внутри недѣлимыхъ синтаксическихъ цѣлыхъ, каковыми являются всѣ простыя или сложныя формы склоненія, спряженія и т. д. Эти четыре понятія — «односложность», «агглютинація», «флексія», «инкорпорація»,—не исчерпываютъ всего богатства морфологическихъ принциповъ, могущихъ проявляться въ разныхъ языкахъ. Нельзя тоже удержать дѣленія всѣхъ языковъ земного шара, которое было принято Францемъ Мистели, на основаніи соображеній Штейнталя. По этому дѣленію установляются четыре класса языковъ: 1) языки полисинтетическіе, въ которыхъ предложеніе отожествляется-де со словомъ (напр. языки мексиканскій и гренландскій). 2) Языки безъ словъ, распадающіеся на три подраздѣленія: а) односложные, изолирующіе или обособляющіе корень (китайскій, индокитайскіе); б) языки, которымъ свойственны только основы или темы; в) языки, въ которыхъ къ основамъ прибавляются неплотно соединяющіеся аффиксы (lose Affixe). 3) Языки съ одними только мнимыми словами, т. е. агглютинирующіе (слѣпляющіе; языки урало-алтайскіе, дравидійскіе и т. д.). 4) Языки съ дѣйствительными готовыми словами, совмѣщающими въ себѣ одновременно и значеніе, и «функцію» (языки флексійные—семитическіе и аріоевропейскіе).—Повторяемое за Штейнталемъ дѣленіе языковъ, съ психологической точки зрѣнія, на два класса: языки съ формою (Formsprachen) и языки безъ формы (formlose Sprachen), т. е. языки, отмѣчающіе различіе между матеріей (Stoff) и формой (Form), въ противоположность языкамъ, этого различія не обозначающимъ, — можно провести только съ помощью большихъ натяжекъ. Всѣ племена и народы понимаютъ такъ или иначе различіе между такъ называемою «субстанціей», «матеріей», «содержаніемъ» и такъ называемою «формой», равнозначной со взаимными отношеніями, то пространственными, то временными, то, наконецъ, общественными; слѣдовательно, въ языкахъ всѣхъ народовъ и племенъ различія изъ этой области находятъ выраженіе, хотя бы только потенціально, въ потаенномъ состояніи (см. Языкъ). Свѣдѣнія о разныхъ языкахъ земного шара старался собрать въ одно цѣлое и охарактеризовать ихъ особенности съ точки зрѣнія санскритской и европейской грамматики, профессоръ вѣнскаго университета, покойный Фридрихъ Мюллеръ въ сочиненіи «Grundriss der Sprachwissenschaft» (Вѣна, 1876—1888). Не гоняясь за систематическою группировкой въ нѣсколько об-

прогрессируетъ, иногда же развивается въ болѣе позднемъ возрастѣ подъ вліяніемъ травмы, злоупотребленія ртутью (меркуріальный стоматитъ, см.), при скарлатинѣ, оспѣ. Часть Я., не находя болѣе мѣста во рту, выпадаетъ и вслѣдствіе травматическихъ раздраженій еще болѣе набухаетъ. Въ тяжелыхъ случаяхъ можетъ понадобиться ампутація выпавшей части. Раненія языка зависятъ большею частью отъ случайнаго самоукушенія; эти, какъ и другія болѣе серьезныя раны, напр. огнестрѣльныя, большею частью хорошо протекаютъ, такъ какъ Я. обладаетъ исключительной способностью къ заживленію. Однако, въ случаѣ загрязненія раны и особенно послѣ укусовъ ядовитыхъ насѣкомыхъ наблюдается быстрое и сильное набуханіе Я., которое можетъ угрожать задушеніемъ и потребовать глубокихъ насѣчекъ. Воспаленіе Я. (глосситъ) можетъ поражать только слизистую оболочку органа и представляетъ тогда частичное явленіе стоматита (см.) или всю толщу органа. Глубокій глосситъ есть тяжелое заболѣваніе, которое встрѣчается иногда эпидемически, чаще же въ теченіе другихъ тяжкихъ страданій, напр. сибирской язвы, гноекровія, брюшного тифа, сопровождается одышкой, высокой лихорадкой, выпаденіемъ языка и можетъ при бурномъ развитіи симптомовъ въ нѣсколько часовъ привести къ смертельному исходу вслѣдствіе задушенія. Описаны также нѣсколько десятковъ случаевъ, когда воспаленіе обнимало только одну половину Я., чаще лѣвую (гемиглосситъ); обыкновенно оно въ нѣсколько дней кончалось благопріятно; какъ исключеніе наблюдался исходъ въ нагноеніе или гангрену одной половины языка. Какъ причины приводятся дурные зубы, плохо изготовленныя искусственныя челюсти, злоупотребленіе спиртными напитками. Изъ язвъ на языкѣ встрѣчаются травматическія, развивающіяся отъ раздраженія зазубринами каріозныхъ зубовъ, венерическія, бугорчатыя, раковыя. Изъ новообразованій Я. доброкачественныя плотныя опухоли встрѣчаются крайне рѣдко; чаще наблюдаются, особенно въ болѣе молодомъ возрастѣ, маленькія кисты, величиною съ вишню на нижней поверхности Я. ближе къ краю, далѣе, папилломы, особенно сифилитическія, занимающія середину верхней поверхности. Въ болѣе пожиломъ возрастѣ часто развивается ракъ и почти исключительно у мужчинъ. Онъ возникаетъ либо въ формѣ твердаго узла въ глубинѣ ткани, преимущественно въ заднемъ отдѣлѣ Я., либо въ видѣ красной язвы съ неровнымъ дномъ и завороченными краями на краю языка. Лѣченіе состоитъ въ экстирпаціи опухоли; многіе хирурги удаляютъ весь языкъ во избѣжаніе рецидива; послѣ операціи способность жевать, глотать и воспринимать вкусовыя ощущенія не утрачена. Своеобразное заболѣваніе Я. представляетъ псоріазъ. Оно развивается у мужчинъ между 40—60 годами, особенно у курильщиковъ, и за нимъ часто появляется ракъ языка. Вначалѣ появляются на Я., а также на внутренней поверхности щекъ, губъ небольшія, величиною съ чечевицу, бородавчатыя, плотныя, сѣрыя возвышенія; въ прогрессировавшихъ случаяхъ весь языкъ покрывается мозолистыми, бѣловато-желтыми отложеніями, пронизанъ трещинами и ссадинами, трудно подвиженъ. На языкѣ встрѣчается также актиномикозъ, зависящій отъ зараженія лучистымъ грибкомъ; онъ обнаруживается въ видѣ плотнаго узла. Изъ нервныхъ пораженій Я. судорога встрѣчается при падучей, пляскѣ св. Витта, истеріи, параличъ при мозговомъ кровоизліяніи, рѣже при спинной сухоткѣ. Параличъ можетъ быть односторонній и двусторонній; при одностороннемъ параличѣ кончикъ Я. при высовываніи отклоняется въ парализованную сторону. При параличѣ Я., особенно двустороннемъ, обнаруживаются болѣе или менѣе сильныя разстройства какъ рѣчи, такъ и жеванія. *В. О—ій.*

Языкъ и языки (въ лингвистическомъ смыслѣ)—въ значеніи *рѣчи человѣческой*. Это названіе примѣняется въ русскомъ Я. переносно, метафорически, при чемъ главный, видимый органъ произношенія, Я., берется въ значеніи процесса, въ значеніи дѣятельности и всей совокупности рѣчи. Подобнымъ же образомъ рѣчь человѣческая названа и въ разныхъ другихъ языкахъ, т. е. у разныхъ другихъ племенъ и народовъ: по-гречески γλῶσσα, по-латыни lingua, по-французски langue или langage, по-итальянски lingua или linguaggio, по-англійски рядомъ съ language тоже tongue, по-нѣмецки рядомъ со Sprache тоже Zunge (напр. deutsche Zunge), по-польски język, по-чешски jazyk, по-сербохорватски и по славински jezik, по-литовски рядомъ съ kalba тоже liežuvis, по-латышски рядомъ съ waloda тоже mehle (mēle), по-эстонски keel, по-мадьярски nyelv и т. д. Очевидно эти и имъ подобныя названія могли явиться только въ эпоху полнаго, такъ сказать, «человѣчества» Я., когда языкъ сталъ для человѣка главнымъ орудіемъ произношенія. Въ первобытномъ состояніи человѣчества, когда произношеніе было локализовано глубже, преимущественно въ гортани, подобное распространеніе названія «Я.» на рѣчь человѣческую вообще врядъ ли могло произойти. Ассоціація названія языка, какъ главнаго орудія произношенія, съ названіемъ Я., какъ рѣчи человѣческой, сказывается до сихъ поръ въ такихъ, напримѣръ, выраженіяхъ, какъ русскія: «У него языкъ дологъ» (говоритъ лишнее), «Укороти языкъ!», «Языкъ безъ костей», «Языкъ безъ костей, мелетъ», «Языкъ—жорновъ: мелетъ что на него ни попало», «Мелетъ и жорновъ, и языкъ», «Языкъ у него ходуномъ ходитъ», «Вино развязываетъ языкъ», «Не давай воли языку во пиру, во бесѣдѣ, а сердцу въ гнѣвѣ», «Языкъ до Кіева доведетъ» (т. е. всего доспросишься), но «и до кія» (т. е. до побоевъ), «Никто за языкъ не тянетъ» (нечего говорить, когда не спрашиваютъ), «Языкъ остеръ» (насмѣшливъ), «Чтобъ тебѣ своимъ языкомъ подавиться!», «Закусить языкъ», «Прикусить бы тебѣ языкъ!», «Подрѣзать языкъ» (унять лишнюю болтливость), «Злой языкъ» (клеветникъ), «Отъ языка (т. е. отъ молвы) не уйдешь», «Языкомъ что хо-

а отъ os entoglossum къ основанію Я. идетъ его retractor (втягивающій) — m. hyoglossus, обособляющейся отъ m. sterno-hyoideus. Прикрѣпляется Я. амфибій ко дну ротовой полости или своимъ переднимъ концомъ, или нижней поверхностью, такъ что или его задній край является свободнымъ, или свободны края по всей его окружности. Такой Я. приспособленъ для хватательной функціи. У рр. Pipa и Doctyletra Я. недоразвитъ и ихъ соединяютъ въ группу Aglossa (безъязычныхъ) въ противоположность прочимъ безхвостымъ амфибіямъ — Phaneroglossa (явноязычныя). Вкусовые органы Я. получаютъ нервы отъ языкоглоточнаго нерва (см.), а его мускулатура отъ подъязычнаго (hypoglossus). Я. рептилій и птицъ возникаетъ также въ видѣ двухъ зачатковъ: передняго и задняго, но кромѣ того къ нимъ присоединяется еще пара боковыхъ складокъ, и мускулатура Я. Amniota получаетъ нервы не только отъ нерва подъязычнаго, но и отъ тройничнаго. Я. черепахъ и крокодиловъ мало подвиженъ, но у ящерицъ и змѣй онъ отличается подвижностью и разнообразіемъ формы, при чемъ при основаніи его появляется складка слизистой оболочки или влагалище языка. Форма языка у ящерицъ служитъ классификаціоннымъ признакомъ: Crassilinguia—имѣютъ языкъ короткій, невытяжной и съ едва замѣтной выемкой на концѣ; Brevilinguia — короткій, толстый, слабо вытяжной и съ выемкой на концѣ; Fissilinguia — длинный, раздвоенный, вытяжной, напоминающій двурасщепленный языкъ змѣй. У хамелеоновъ или Vermilinguia — языкъ длинный, червеобразный, съ расширеніемъ на концѣ, богатымъ трубчатыми железами, и быстро выдвигающійся. Онъ служитъ для захватыванія добычи. Gl. linguales развиты также у другихъ змѣй и ящерицъ. У птицъ, за исключеніемъ попугаевъ, языкъ мало подвиженъ, роговой слой на немъ сильно развитъ, а железы имѣются лишь на его боковыхъ частяхъ. Нѣкоторыя птицы имѣютъ двурасщепленный языкъ или съ кисточкой на концѣ, какъ колибри и медососы, что стоитъ въ связи съ ихъ питаніемъ цвѣточными соками. У пластинчатоклювыхъ языкъ несетъ на краяхъ многочисленныя роговыя пластинки, которыя вмѣстѣ съ пластинками на краяхъ клюва образуютъ цѣдилку, задерживающую пищевыя частицы и пропускающую воду. У тукановъ языкъ лентовидный съ боковыми выступами. У фламинго въ задней части по краямъ языка сидятъ роговыя иглы. У дятловъ языкъ усаженъ крючками и сильно выдвижной, что обусловливается строеніемъ подъязычнаго аппарата (см.). У Ratitae языкъ рудиментаренъ. Языкъ млекопитающихъ развивается въ общихъ чертахъ такъ же, какъ языкъ рептилій и птицъ. Мускулатура особенно сильно развита и языкъ богатъ железами. У хищниковъ сильно развитъ роговой покровъ. У утконоса языкъ состоитъ изъ двухъ отдѣловъ: верхняго — короткаго и несущаго двѣ роговыя иглы, и болѣе длиннаго нижняго. У нѣкоторыхъ сумчатыхъ полуобезьянъ и приматовъ подъ языкомъ имѣется выступъ — sublingua, который у Tarsius и Stenops (изъ полуобезьянъ) содержитъ внутри хрящъ. У другихъ млекопитающихъ нѣтъ sublingua, но внутри языка, въ его нижней части, залегаетъ соединительно-тканный тяжъ, называемый lyssa и иногда содержащій хрящикъ. Хрящикъ этотъ, вѣроятно, обособляется отъ подъязычнаго хряща (lasihyale) и иногда (у собаки и человѣка) является лишь провизорнымъ. Вѣроятно, lyssa является остаткомъ sublingua, которую Гегенбауръ считаетъ гомологомъ языка нижестоящихъ формъ, а собственно языкъ млекопитающихъ считаетъ новообразованіемъ. Однако, этотъ взглядъ нуждается въ эмбріологическомъ обоснованіи. Gl. linguales млекопитающихъ являются частью слизистыми (т. е. выдѣляютъ муцинъ), частью серозными (т. е. выдѣляютъ содержащую бѣлки жидкость). Такъ какъ та часть языка, которая развивается позади зачатка щитовидной железы, лежитъ въ энтодермической части кишечника, то она, а можетъ быть, также и передній его зачатокъ — являются производными энтодермическими. Начиная съ амфибій языкъ является вкусовымъ органомъ, ибо несетъ вкусовыя или концевыя почки. Концевыя почки распространены у рыбъ по всему тѣлу, хотя особенно многочисленны на губахъ, усикахъ, въ ротовой полости и въ глоткѣ, гдѣ онѣ являются уже органами вкуса. Начиная съ двудышащихъ рыбъ и амфибій концевыя почки сидятъ исключительно въ носовой и ротовой полости и заслуживаютъ названіе вкусовыхъ. Онѣ сидятъ какъ въ слизистой оболочкѣ различныхъ частей ротовой полости, такъ и на особыхъ сосочкахъ языка, называемыхъ грибовидными (papillae fungiformes). У рептилій и млекопитающихъ распространеніе вкусовыхъ почекъ еще болѣе ограничено. Главнымъ образомъ онѣ помѣщаются на сосочкахъ языка, но онѣ встрѣчаются и на небѣ, въ зѣвѣ и на надгортанникѣ. У птицъ онѣ замѣняются осязательными тѣльцами, въ изобиліи имѣющимися на языкѣ. Изъ сосочковъ языка млекопитающихъ несутъ вкусовыя почки papillae fungiformes, затѣмъ окруженныя концевыми валиками papillae vollatae и сидящая сбоку на задней части языка многихъ млекопитающихъ (грызуны, даманы, приматы) съ каждой стороны сложная складчатая papilla foliata. Papillae vollatae сидятъ на задней части языка въ видѣ дугообразной спереди вогнутой линіи и въ небольшомъ числѣ. Иногда ихъ бываетъ всего три, иногда двѣ, и даже одна, какъ напр., у кэнгуру. Главнымъ вкусовымъ нервомъ является языкоглоточный. Сидящіе на языкѣ нитевидные сосочки (papillae filiformes) не несутъ вкусовыхъ почекъ.

В. Ш.

Языкъ, *болѣзни его.*—Изъ пороковъ развитія Я. практическое значеніе имѣетъ ненормальная короткость уздечки, которая мѣшаетъ сосательнымъ движеніямъ ребенка и должна быть устранена. Большее разстройство причиняетъ чрезмѣрная величина Я. (макроглоссія), которая бываетъ врожденная, особенно у кретиновъ, въ другихъ случаяхъ при рожденіи слабо выражена, но затѣмъ быстро

близкомъ къ человѣческому Я.—объ «Я. животныхъ». Благодаря одухотворенію природы и ассоціаціямъ по сходству находимъ «языки» въ разныхъ неодушевленныхъ предметахъ, при чемъ значеніе «Я.», какъ подвижного и продолговатаго физіологическаго органа, переплетается и сочетается со значеніемъ «Я.», какъ слышимой рѣчи. Сюда относятся выраженія: «Я.» или «язычокъ замка», «Я.» или «язычокъ органа», «Я. кларнета, гобоя», «Я. въ колоколѣ» (то, что въ немъ дѣйствуетъ и производитъ звукъ) и т. п. (ср. поговорку: «Безъ Я. и колоколъ нѣмъ»). По правиламъ народной медицины нѣкоторыхъ мѣстностей, когда у кого-либо отымется Я., то обливаютъ водою колокольный Я. и этою водою поятъ больного; это называется «добыть языка на колокольнѣ» (ср. тоже выраженія: «Я. пушекъ», «пушки или батареи замолчали» и т. п.). «Я.» въ самомъ обширномъ смыслѣ этого слова обозначаетъ переносно или метафорически всякіе способы общенія людей между собою, стало быть всякую мимику и жесты (Я. пальцевъ и т. п.), письмо (Я. знаковъ и т. п.), звуки непроизвольные и рефлексивные, наконецъ звуки языковые въ строгомъ смыслѣ, т. е. звуки-символы, ассоціированные со значеніемъ.

Рядомъ съ обыкновеннымъ, ходячимъ пониманіемъ языка, свойственнымъ всѣмъ болѣе или менѣе образованнымъ людямъ, можно опредѣлять языкъ съ различныхъ научныхъ точекъ зрѣнія. Для физіолога говореніе и языкъ вообще является функціей человѣческаго организма, функціей сложной и разлагаемой на нѣсколько частныхъ функцій (функція мозга вмѣстѣ съ нервными развѣтвленіями, функція мускуловъ произношенія, функція чувства слуха). Для антрополога, какъ естественника, языкъ является однимъ изъ признаковъ, отличающихъ родъ человѣческій отъ цѣлаго ряда существъ, сходнымъ образомъ организованныхъ. Наконецъ, для психолога языкъ представляетъ систематизированный, упорядоченный сборникъ представленій, слѣдовательно явленіе по существу своему исключительно психическое, хотя съ другой стороны неоспоримъ тотъ фактъ, что только съ помощью физическихъ средствъ мы можемъ извѣщать другъ друга о существованіи въ насъ этихъ языковыхъ представленій, ассоціированныхъ съ представленіями внѣ-языковыми. Языкъ можетъ быть понимаемъ какъ способность говорить и какъ отличительная черта рода человѣческаго. Какъ способность, онъ сводится къ способности ассоціировать (сочетать) внѣязыковыя представленія (т. е., вообще представленія значенія) съ представленіями извѣстныхъ движеній собственнаго организма, дѣйствующихъ тѣмъ или инымъ способомъ на собственныя и чужія чувства. Къ этому присоединяются: 1) способность оживлять путемъ иннерваціи и мобилизировать (приводить въ движеніе) соотвѣтственные мускулы; 2) способность воспринимать впечатлѣнія и передавать ихъ нервному и психическому центру (т. е. мозгу и центральной психикѣ). При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что далеко не у всѣхъ людей это будутъ впечатлѣнія слуховыя и движенія, производящія звукъ; такъ это бываетъ только у громаднаго большинства людей, т. е. у людей, «нормальныхъ» съ этой точки зрѣнія. У глухонѣмыхъ мы встрѣчаемъ другія движенія и другія впечатлѣнія, ассоціируемыя какъ съ представленіями языковыми въ строгомъ смыслѣ, такъ и съ представленіями внѣязыковыми (т. е. съ представленіями значенія).— Изъ того, что съ одной стороны сущность языка состоитъ въ ассоціаціи представленій внѣязыковыхъ съ представленіями исключительно языковыми а съ другой стороны языкъ можетъ быть понимаемъ какъ способность говорить, явствуетъ, что только при одностороннемъ и поверхностномъ взглядѣ на вещи можно считать языкъ «громкимъ выраженіемъ мыслей» или же «выраженіемъ мыслей съ помощью звуковъ». Не менѣе поверхностно считать языкъ, въ особенности языкъ племенной и національный, *организмомъ* въ естественномъ смыслѣ. Прежде всего у языка нѣтъ пространственности и безпрерывности, этихъ неизбѣжныхъ признаковъ всякаго организма. Языкъ *существуетъ* только въ индивидуальныхъ мозгахъ, только въ душахъ, только въ психикѣ индивидовъ или особей, составляющихъ данное языковое общество. Языкъ племенной и національный является чистою отвлеченностью, обобщающей конструкціей, созданной изъ цѣлаго ряда реально существующихъ индивидуальныхъ языковъ. Такой племенной и національный языкъ состоитъ изъ суммы ассоціацій языковыхъ представленій съ представленіями внѣязыковыми— ассоціацій, свойственныхъ индивидамъ и, въ *отвлеченномъ*, абстрактномъ смыслѣ, въ видѣ *средняго вывода*, также народамъ и племенамъ. Въ области индивидуальныхъ языковъ мы отмѣчаемъ фактъ, что каждому человѣку свойственна рѣчь особая, рѣчь индивидуальная, какъ со стороны «внѣшней», звуковой, такъ и со стороны «внутренней», идейной. По одному голосу мы узнаемъ знакомыхъ, хотя ихъ еще не видимъ. Каждому человѣку свойственна особая звуковая окраска, свойственъ особый ритмъ произношенія, равно какъ и особый способъ выражаться, особый слогъ (стиль), какъ въ устной рѣчи, такъ и на письмѣ. Конечно, языковыя различія между двумя или даже нѣсколькими лицами могутъ быть такъ незначительны, что почти совсѣмъ исчезаютъ, и тогда весьма возможно обознаться и принять одно лицо за другое. Особенно часто подобное языковое сходство встрѣчается между членами одной и той же семьи, при тожествѣ пола, т. е. между сестрами или между братьями, между матерью и дочерьми, между отцомъ и сыновьями. Мы признаемъ справедливость утвержденія Вильгельма Гумбольдта, что «языкъ является творческимъ органомъ для мыслей» (die Sprache ist das bildende Organ der Gedanken), но только съ оговорками можемъ принять другія утвержденія того же мыслителя, какъ напр.: «нѣтъ мыслей безъ языка; человѣческое мышленіе становится возможнымъ только благодаря языку» (es gibt keine Gedanken ohne Sprache, und das menschliche Denken wird erst durch die Sprache), или языкъ состоитъ въ «постоянно повторяю-

чешь болтай, но рукамъ воли не давай», «Языкомъ не разскажешь, такъ пальцами не растычешь», «Языкъ поитъ и кормитъ, и спину поретъ», «Языкъ хлѣбомъ кормитъ, и дѣло портитъ», «Языкъ мой врагъ мой: прежде ума глаголетъ», «Языкъ до добра не доведетъ», «Язычокъ введетъ въ грѣшокъ», «Держи языкъ короче», «Держи языкъ на привязи» (или «на веревочкѣ»), «Богъ далъ два уха, а одинъ языкъ», «Языку каши дай», или «смочи язычокъ», или «накорми Я.» (замолчи), «Ѣшь пирогъ съ грибами, да держи Я. за зубами», «Малъ Я., да всѣмъ тѣломъ (или всѣмъ міромъ) владѣетъ», «Я. языку отвѣтъ даетъ, а голова смекаетъ», «Одѣтъ просто, а на Я. рѣчей со сто», «На Я. медъ, а подъ языкомъ ледъ» (параллельная этой санскритская пословица гласитъ: «медъ на концѣ Я., а въ сердцѣ ядъ»). Въ связи съ этимъ подлаго льстеца и угодника зовутъ «лизуномъ» или еще хуже. Названіе «язычника» присваивается въ этомъ смыслѣ или наушнику, переносчику, сплетнику, или же злому Я. и тайному клеветнику; *«язычничать»* во многихъ русскихъ говорахъ значитъ переносить, пересказывать, наушничать, сплетничать и обносить людей заглазно, ябедничать. «Я.» значитъ тоже извѣстіе, свѣдѣніе, донесеніе, увѣдомленіе, развѣдка, доноситель, провожатый и т. п. У военныхъ «языкомъ» называютъ плѣнника, отъ котораго распросами вывѣдываютъ что нужно о положеніи и состояніи непріятеля. Отсюда, «добыть, достать языка», «казаки въ разъѣздъ за языкомъ пошли»; въ старину употреблялись выраженія «языки сказывали», «языка ловить» и т. п. На канцелярскомъ Я. прежнихъ временъ называли «языкомъ» обвинителя, обличителя передъ судомъ, оговорщика на допросѣ, взятаго и допрашиваемаго для розыска дѣла. Отсюда предписаніе: «А на которыхъ людей языки говорятъ съ пытокъ, и тѣхъ людей, по язычнымъ толкамъ, имати». Съ другой стороны «Я.» можетъ имѣть значеніе адвоката, защитника, заступника. Отсюда, по религіозному міровоззрѣнію извѣстной ступени умственнаго развитія, чѣмъ больше языковъ у огня или же у какого-либо другого посредника между людьми и божествами, тѣмъ дѣйствительнѣе будутъ молитвы и жертвы. Еще отвлеченнѣе, еще абстрактнѣе понимается «Я.» въ выраженіяхъ: «въ свободномъ государствѣ необходимо, чтобы и Я. былъ свободенъ» (т. е. свободный голосъ, свобода слова); «въ наше время, при современныхъ международныхъ и междучеловѣческихъ отношеніяхъ, гоненіе какого бы то ни было Я. является вопіющею несправедливостью и безуміемъ» и. т. д. Какъ живая рѣчь, «Я.» отличаетъ съ одной стороны человѣка отъ человѣка (рѣчь индивидуальная), племя отъ племени, народъ отъ народа (Я. въ строгомъ смыслѣ), съ другой стороны — человѣчество или родъ человѣческій вообще (рѣчь человѣческая) отъ животныхъ. Ассоціація представленія языка или рѣчи съ представленіемъ человѣчества, въ противоположность животнымъ, сказывается, между прочимъ, въ слѣдующемъ анекдотѣ. Къ одному «барину» пришло нѣсколько «мужиковъ» и, не заставъ его дома, дожидались въ передней, гдѣ помѣщалась клѣтка съ попугаемъ. Мужики осматривали птицу съ любопытствомъ и дѣлали разныя замѣчанія. Вдругъ попугай закричалъ: «дураки!» Тогда мужики стали на вытяжку и промолвили: «извините, ваше благородіе, мы думали, что вы—птица».

«Я.» можетъ означать племя, народъ, націю, даже землю, населенную однороднымъ племенемъ, съ одинаковою вездѣ рѣчью. Въ этомъ смыслѣ говорится въ Священномъ Писаніи: «Я. самарійскій» (т. е. самаритяне), «рцыте во языцѣхъ (всѣмъ народамъ), яко Господь воцарися»; въ лѣтописяхъ: «поганые половци съвокупиша весь языкъ свой на русьскую землю»; уже въ XIX вѣкѣ пошло въ ходъ выраженіе: «нашествіе двунадесяти языковъ на Русь» (1812 годъ). Въ новозавѣтномъ выраженіи: «Πᾶσα ἡ γλῶσσα ὁμολογήσεται τῷ θεῷ» («Omnis lingua confitebitur Deo», «всякъ Я. Бога хвалитъ») сказывается первоначальная вѣротерпимость, уступившая затѣмъ римскимъ и византійскимъ національно-религіознымъ гоненіямъ. Отраженіемъ церковныхъ воззрѣній является примѣненіе термина «Я.» къ обозначенію чужого народа, иновѣрцевъ, иноплеменниковъ, какъ язычниковъ, идолопоклонниковъ. Отсюда слова «язычество», «языческій». Въ сохранившемся до сихъ поръ выраженіи «притча въ языцѣхъ» («онъ сдѣлался притчей во языцѣхъ» и т. п.) слово «во языцѣхъ» равнозначуще съ выраженіемъ «между людьми», такъ что «Я.» здѣсь почти то же, что человѣкъ. Нѣкоторые русскіе, подвергшіеся особенно сильному церковному вліянію, стараются отличать съ помощью различнаго ударенія косвенныхъ падежей «Я.» въ значеніи физіологическаго органа отъ «языка» въ значеніи рѣчи и связанныхъ съ нею идей племени, народа и т. д.: съ одной стороны *языка́, языки́* и т. п., съ другой же *я́зыка, я́зыки* и т. д. Въ смыслѣ языка племенного или національнаго синонимами *языка* или же словами близкаго значенія являются: *рѣчь, живое слово, нарѣчіе, говоръ, діалектъ, идіомъ, молва* и т. п.; къ индивидуальному же языку имѣютъ отношеніе *даръ слова, произношеніе, слогъ (стиль), способъ выражаться, разговоръ, бесѣда* и т. п. Сюда относятся поговорки въ родѣ: «языкъ одинъ, и въ будни и въ праздникъ» (постоянство индивидуальнаго языка), «всякая птица отъ своего язычка погибаетъ» (т. е. сама сказывается, сама себя выдаетъ) и т. п. Въ письменности различаютъ индивидуальный «языкъ» отдѣльныхъ выдающихся писателей: Я. Пушкина, Я. Гоголя, Я. Гете, Я. Шекспира, Я. Виктора Гюго, Я. Манцони, Я. Мицкевича и т. д. Точно такъ же «языку», понимаемому какъ индивидуальная или преходящая особенность, присваиваются разныя опредѣленія: «Я. рѣзкій», «дерзкій», «разнузданный», «неугомонный», «блѣдный», «пошлый», «банальный», «цвѣтистый», «высокопарный», «возвышенный», «вдохновенный», «Я. сердца», «разсудка», «разума», «Я. ангельскій», «Я. боговъ» и т. п. Въ переносномъ смыслѣ говорится объ «Я. цвѣтовъ», объ «Я. природы», въ значеніи же болѣе

роговоркѣ или же въ медленномъ произношеніи, въ пѣніи или же въ простой рѣчи и т. д.), ударяемыя мѣста произношенія не могутъ превосходить извѣстнаго максимума силы, напряженія и длительности, неударяемыя же мѣста не могутъ нисходить ниже извѣстнаго минимума силы, напряженія и длительности. Точнѣе говоря: отношеніе между двумя единицами произношенія можетъ измѣняться, но только въ извѣстныхъ, строго опредѣленныхъ предѣлахъ. Артикулованные звуки и производящія ихъ фонаціонныя работы являются какъ будто строго опредѣленными отрѣзками изъ линій, по своей идеѣ безконечно длинныхъ. Я. племенной, на которомъ кто-либо говоритъ съ дѣтства и сохраняетъ его впослѣдствіи какъ свой главный Я., носитъ названіе его родного, природнаго или отечественнаго Я., или же Я. материнскаго. Рядомъ съ одноязычностью, свойственною преобладающему большинству членовъ различныхъ племенно-языковыхъ обществъ, встрѣчаются довольно часто двуязычность и даже многоязычность, именно когда два или болѣе языковъ помѣщаются въ одной и той же головѣ. Это обыкновенно имѣетъ мѣсто: а) въ странахъ и мѣстностяхъ съ населеніемъ смѣшаннымъ по отношенію къ языку, или же на границѣ двухъ племенъ или языковыхъ національностей; б) подъ вліяніемъ школы въ самомъ обширномъ смыслѣ этого слова; в) черезъ постоянное общеніе съ иноплеменниками и черезъ обученіе чужимъ языкамъ въ болѣе позднемъ возрастѣ. Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что въ одной и той же головѣ можетъ происходить «мышленіе на нѣсколькихъ языкахъ», т. е. непосредственное сочетаніе (ассоціація) внѣязыковыхъ представленій съ языковыми представленіями разныхъ языковъ. Статистика народонаселенія, не принимающая во вниманіе этого обстоятельства, ошибочна и лишена научнаго значенія. Въ минимальныхъ размѣрахъ можно говорить о многоязычности даже при индивидахъ, владѣющихъ только однимъ племеннымъ языкомъ: вѣдь много лицъ одноязычныхъ можетъ, смотря по желанію и обстоятельствамъ, настраивать себя на Я. будничный или на Я. праздничный, торжественный, на Я. поэзіи или на Я. «прозы», на Я. чиновный (по прежнему «приказный»), оффиціальный, или на Я. частной жизни и т. д. Одинъ и тотъ же племенной или національный Я. можетъ играть роль Я. государственнаго, административнаго, церковнаго, школьнаго, книжнаго, ученаго и т. п. Различаются Я. простонародный отъ Я. «облагороженнаго», возвышеннаго, Я. народный отъ Я. «образованнаго класса», отъ Я. «интеллигенціи», Я. устный отъ Я. письменнаго, литературнаго и т. д. На почвѣ одного и того же племенного Я. выростаютъ Я. извѣстныхъ ремеслъ, званій (напр. Я. актеровъ) и общественныхъ классовъ, Я. мужчинъ и женщинъ, Я. различныхъ возрастовъ, Я. различныхъ переходныхъ положеній (напр. Я. солдатскій, Я. каторжниковъ и заключенныхъ и т. п.). Существуютъ, далѣе, Я тайные или полутайные, такъ назыв. «жаргоны»: Я. студентовъ, Я. гимназистовъ, Я. странствующихъ торговцевъ (напр., въ Россіи Я. офеней, Я. костромскихъ шерстобитовъ и т. п.), Я. уличныхъ мальчишекъ, Я. проститутокъ, Я. хулигановъ, Я. мошенниковъ, воровъ и всякаго рода преступниковъ и т. п. Этого рода Я. извѣстны въ Англіи подъ названіемъ cant и slang, во Франціи argot и langue verte, въ Германіи Gaunersprache, Kundensprache и т. д. (см. Воровской языкъ, VII, 201). Вообще слѣдуетъ различать Я. живой рѣчи, Я. только устный отъ Я. письменнаго, литературнаго, воспроизведеніе котораго осложняется вслѣдствіе свойственныхъ ему ассоціацій графически-фонетическихъ или же идеографическихъ (послѣднее, напр.—въ китайскомъ литературномъ Я.). Особый классъ въ языковомъ мірѣ составляютъ всевозможные Я., обусловленные *языковыми уклоненіями* (ненормальностями) или недостатками самаго разнообразнаго характера; ихъ изслѣдованіе составляетъ предметъ такъ назыв. *языковой патологіи*. Наиболѣе крайнимъ языковымъ уклоненіемъ является полная *афазія* (алялія, безъязычность, нѣмота), самая же незначительная степень уклоненій состоитъ въ извѣстныхъ мелкихъ погрѣшностяхъ произношенія, остающихся отъ періода дѣтскаго Я., напр. у русскихъ замѣна переднеязычнаго согласнаго *r* (*р*) заднеязычнымъ его произношеніемъ, замѣна согласнаго твердаго *l* (*л*) согласнымъ *u* (*у*) и т. п. Причины языковыхъ уклоненій могутъ быть самыя разнообразныя: 1) механическія препятствія — недостатки, неточности и несовершенства въ устройствѣ фонаціонныхъ органовъ (не только нервовъ, заправляющихъ движеніями, и движущихся мускуловъ, но тоже неподвижныхъ хрящей и костей). Отсутствіе мягкаго неба или же отверстія въ немъ вызываютъ окраску всего произношенія носовымъ резонансомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлаютъ невозможнымъ чистое произношеніе носовыхъ звуковъ. Подобное же слѣдствіе вызывается наростами и новообразованіями въ носовыхъ полостяхъ. Отсутствіе губъ связано съ невозможностью точно исполнять движенія, нужныя для образованія звуковъ губныхъ; отсутствіе языка дѣлаетъ невозможной почти всякую рѣчь человѣческую. Отсутствіемъ или параличемъ голосовыхъ связокъ гортани обусловливается отсутствіе голоса. 2) Недостаточная иннервація или недостаточная мобилизація (приведеніе въ движеніе) моторными нервами органовъ фонаціонныхъ, хотя бы даже съ внѣшней стороны совершенно неповрежденныхъ, ведетъ за собою ихъ бездѣйствіе и неподвижность. 3) Недостатки органа слуха связаны съ полною или частичною глухотой, стало быть съ невозможностью принимать страдательное участіе въ обыкновенномъ языковомъ общеніи. Высшею степенью этого языкового уклоненія является глухонѣмота. 4) Недостатки въ физіологическомъ центрѣ рѣчи, недостатки въ мозгу обусловливаютъ большую или меньшую степень неспособности къ рѣчи или ко владѣнію языкомъ: недостатки въ моторномъ центрѣ вызываютъ бездѣйствіе органовъ движенія, недостатки въ сенсорномъ центрѣ —

непониманіе того, что говорятъ другіе. Вообще языковыя уклоненія проявляются въ трехъ направленіяхъ, сообразно съ тремя областями самой языковой дѣятельности: 1) въ направленіи фонаціи, 2) въ направленіи аудиціи, 3) въ направленіи церебраціи. Къ отдѣльнымъ языковымъ уклоненіямъ (уклоненіямъ въ произношеніи и др.) относятся заиканіе, запинаніе, шепелявость, картавость, косноязычіе и т. п.

Строго говоря, терминъ *Я.*, въ значеніи чего-то однороднаго и нераздѣльнаго, можно примѣнять только къ Я. индивидуальному. Однородный племенной Я. представляетъ фикцію. Существуютъ только *языковыя территоріи*, *языковыя области*, *языковые міры*, сплошные или же прерываемые. Въ такой языковой области мы встрѣчаемъ различные говоры или діалекты, точнѣе—*области говоровъ* или діалектическія области, и, какъ реальныя существа — индивидуальные языки. Рядомъ съ этимъ во многихъ языковыхъ областяхъ выросли и развились Я. объединяющіе, Я. «искусственные», Я. литературные, письменные, освященные обычаемъ и «невольнымъ соглашеніемъ» всѣхъ членовъ даннаго языкового общества, Я., которымъ свойственны извѣстныя идеальныя нормы, извѣстныя объединяющія предписанія и правила. Невѣрно утвержденіе, что тотъ или другой «Я.» дѣлится на нарѣчія, говоры (діалекты) и т. д. Не Я., а группа говоровъ дѣлится на отдѣльные говоры; конечною, дальше уже недѣлимою единицей этого постепеннаго дѣленія являются индивидуальные языки, какъ дѣйствительныя реальныя существа. Однимъ изъ говоровъ, на которые распадается извѣстная языковая область или извѣстная группа говоровъ, и къ тому же говоромъ особенно привилегированнымъ и живущимъ въ исключительныхъ условіяхъ, является языкъ литературный и *обще-національный*. Между языковыми индивидами и языковыми группами имѣется безпрерывность и смежность (сосѣдство) въ двухъ направленіяхъ: 1) въ пространствѣ, какъ смежность пространственная, географическая, территоріальная, связанная съ языковымъ общеніемъ и взаимнымъ вліяніемъ; 2) во времени, какъ непрерывность и послѣдовательность поколѣній, связанная съ преданіемъ (съ традиціей) и съ вліяніемъ предковъ на потомковъ и даже, наоборотъ, потомковъ на существующихъ еще предковъ. Рядомъ съ языками «естественными» («натуральными») стали появляться языки «искусственные» въ строгомъ смыслѣ этого слова, языки научно обдуманные и созданные (конструированные), или «философскіе» (основанные на логической классификаціи человѣческихъ идей или понятій и на обозначеніи отдѣльныхъ классовъ и подраздѣленій этихъ идей соотвѣтственными символами), или же просто «международные» (составленные по образцу существующихъ языковъ, но со значительными упрощеніями и по принципу соотвѣтствія міра звуковыхъ символовъ міру ассоціированныхъ съ ними понятій и представленій). См. Всемірный языкъ (VII, 393).

Сочетающимся между собою и различнымъ образомъ ассоціированнымъ группамъ языковыхъ представленій свойственна прежде всего двоякая дѣлимость: 1) дѣлимость текущаго языка, дѣлимость словъ, предложеній и т. д., всегда непремѣнно представляемыхъ мыслью, но только иногда высказываемыхъ. Это дѣлимость по ассоціаціямъ по смежности, точнѣе—по непосредственной послѣдовательности во времени. Она можетъ быть дѣлимостью или съ точки зрѣнія фонетической, или же съ точки зрѣнія морфологической. Возьмемъ для примѣра русскую пословицу: *На то щука въ морѣ, чтобъ карась не дремалъ*, и посмотримъ на нее сначала, какъ на произносимую и представляемую произносимою. Съ этой, т. е. съ фонетической точки зрѣнія, она распадается на фонетическія фразы, изъ которыхъ каждая объединяется свойственнымъ ей синтаксическимъ акцентомъ: *«на то щука въ морѣ»* и *«чтобъ карась не дремалъ»*. Каждая изъ фонетическихъ фразъ дѣлится на фонетическія слова, состоящія изъ слоговъ, объединенныхъ въ одно цѣлое однимъ лексическимъ акцентомъ (однимъ удареніемъ) и объединяющимъ представленіемъ фонетической организаціи цѣльнаго слова, какъ состоящаго изъ слоговъ, т. е. представленіемъ зависимости слоговъ фонетически подчиненныхъ отъ слоговъ фонетически господствующихъ: *на тó, щýка, въ мóрѣ, чтобъ карáсь, не дремáлъ*. Каждое слово дѣлится, съ фонетической точки зрѣнія, на слоги, т. е. представленія группы фонаціонныхъ, произносительныхъ работъ и обусловливаемыхъ ими акустическихъ результатовъ, по одной экспираціи текущаго изъ легкихъ воздуха каждая: *на-тó, шчý-ка* и т. д. Въ каждомъ слогѣ выдѣляются въ произношеніи отдѣльные звуки, въ представленіи же—соотвѣтствующія этимъ звукамъ объединенныя фонетическія представленія или *фонемы*, какъ дальше недѣлимыя фонетическія единицы *н-а*, *т-ó*, и т. д. Наконецъ, представляемыми и исполняемыми частями фонетическихъ единицъ, такъ сказать фонетическими дробями, слѣдуетъ признать съ одной стороны отдѣльныя рабсты органовъ произношенія, производящія совмѣстно данный звукъ (въ мірѣ фонаціи, во время исполненія), съ другой стороны—представленія этихъ работъ (въ мірѣ психическомъ, церебраціонномъ). Такъ напр., въ составъ объединенной группы физіологическихъ работъ, составляющей въ общемъ фонему *н* (въ слогѣ *на*) входятъ частныя представленія слѣдующихъ работъ: дрожанія (вибраціи) голосовыхъ связокъ, раскрытія носа съ помощью опущенія мягкаго неба (небной занавѣски), удаленія средней части языка отъ неба («твердость»), прижатія конца языка къ верхнимъ деснамъ или же къ передней части твердаго неба и вообще закрытія полости рта краями языка, съ послѣдующимъ затѣмъ передне-язычнымъ взрывомъ. Составъ частныхъ, дробныхъ представленій, объединенныхъ въ общее представленіе фонемы *т* (въ слогѣ *то*), почти таковъ же, какъ и при фонемѣ *н*, съ тѣмъ только различіемъ, что вмѣсто представленія музыкальнаго дрожанія голосовыхъ связокъ гортани имѣется здѣсь представленіе немузыкальнаго раскры-

тія этихъ связокъ, а представленіе раскрытія носа замѣнено представленіемъ его закрытія съ помощью поднятія мягкаго неба и его прижатія къ задней внутренней стѣнкѣ зѣва. Слитное представленіе фонемы *а* (въ слогѣ *ка*) разлагается на частныя представленія: музыкальнаго дрожанія голосовыхъ связокъ, закрытія носа и извѣстной формы полости рта, какъ резонатора, въ связи съ представленіемъ извѣстной иннерваціи въ задней части языка и незначительнаго ея поднятія къ небу. Въ слитномъ представленіи фонемы *о* (въ слогѣ *то*) къ этому присоединяется представленіе особой иннерваціи губъ и ихъ округленности. Эти частныя фонетическія представленія распадаются на представленія мускульныхъ движеній, представленія иннерваціи и внутренняго (мускульнаго) чувства и представленія слуховыхъ впечатлѣній. Съ точки зрѣнія морфологической текущая рѣчь дѣлится на другія составныя части, до дальше недѣлимой единицы включительно. Это дѣленіе невозможно безъ вспомогательныхъ операцій ассоціаціи по сходству. Вышеприведенная фраза распадается съ этой точки зрѣнія, прежде всего, на двѣ сложныя синтаксическія единицы, т. е. на два предложенія: *на то щука въ морѣ* и *чтобъ карась не дремалъ*. Каждая изъ этихъ сложныхъ синтаксическихъ единицъ распадается на простыя синтаксическія единицы, т. е. на отдѣльныя уже не фонетическія, но семасіологически-морфологическія слова, выдѣляемыя изъ случайной связи благодаря тому, что они попадаются въ другихъ сочетаніяхъ. Таковы слова: *на то*, *щука*, *въ морѣ*, *чтобъ ... не дремалъ*, *карась*. Съ помощью такой же ассоціаціи по сходству разлагаемъ слова на ихъ морфологическія части или *морфемы* (см. Языкознаніе), повторяющіяся тоже въ другихъ сочетаніяхъ. Слово *на то* разлагается на морфемы *на-т-о*, слово *щука* на *щук-а*, *въ морѣ* на *в-морь-э*, *чтобъ-не дремалъ* на *ч-т-о-б-не-дрем-а-лъ*, слово же *карась* съ морфологической точки зрѣнія дальше не разложимо. Взаимная связь между морфемами бываетъ разныхъ степеней. Однѣ изъ нихъ такъ тѣсно связаны другъ съ другомъ, что почти незамѣтно ихъ психическое сочлененіе (*ч-т-о*); связь другихъ прозрачнѣе, но все-таки онѣ имѣютъ значеніе только въ соединеніи съ другими (*-о* въ *т-о*, *-а* въ *щук-а*, *э-* въ *морь-э*). Иныя господствуютъ надъ остальными своею выразительностью какъ знаменательные корни, оживленные семасіологическими ассоціаціями (*щук-*, *морь-*, *карась-*, *дрем-*). Изъ незнаменательныхъ нѣкоторыя все-таки ясно и самостоятельно ассоціированы съ представленіями извѣстныхъ опредѣленныхъ отношеній, при чемъ однѣ изъ нихъ занимаютъ всегда опредѣленное мѣсто, или передъ другими морфемами, или же послѣ нихъ (*на-*, *в-*, *не-*), другія же произвольно отдѣляемы и переносимы (*-б* или *-бы* въ *еслибъ я сдѣлалъ* или *если я сдѣлалъ бы*). Морфемы являются крайними, дальше недѣлимыми морфологическими единицами, хотя съ другой стороны ихъ отдѣльныя части, такъ сказать ихъ морфологическія дроби, могутъ проявлять особую психофонетическую ассоціацію. Такъ напр. въ морфологической единицѣ *щук-* такою самостоятельною психическою группою обладаетъ послѣдняя фонема, входящая въ ея составъ, т. е. согласная фонема *к*, являющаяся въ двухъ психофонетическихъ видоизмѣненіяхъ: съ представленіемъ не-среднеязычности или «твердости» этой фонемы ассоціируется представленіе сочетанія съ извѣстными окончаніями, свойственными одной группѣ такъ назыв. падежей (напр. *щука*), съ представленіемъ же среднеязычности или «мягкости» этой фонемы ассоціируется представленіе сочетанія съ другими окончаніями, свойственными другой группѣ падежей (напр. *щуки*). Другую категорію дѣлимости языковыхъ представленій составляетъ дѣлимость группъ представленій, сохраняемыхъ въ психическомъ или церебраціонномъ центрѣ, сообразно съ ассоціаціями или сочетаніями по сходствамъ и различіямъ. Это — группировка языковыхъ представленій въ одномъ только церебраціонномъ центрѣ, безъ ея осуществленія въ фонаціи и аудиціи, какъ въ периферическихъ и промежуточныхъ процессахъ языкового общенія. Сюда относятся объективно-психическое различеніе частей рѣчи, объективно-психическое различеніе содержанія и формы, т. е. различеніе корней и словъ, вербально-субстантивныхъ (глагольно-существительныхъ) и корней и словъ формальныхъ (корней и словъ отношенія) объективно-психическое различеніе въ Я. разныхъ проявленій качественнаго и количественнаго мышленія, объективно-психическое различеніе элементовъ морфологическаго и семасіологическаго, объективно - психическая группировка синтаксическихъ, морфологическихъ, семасіологическихъ и фонетическихъ единицъ Я. по ихъ характеристическимъ признакамъ, обусловливающимъ ихъ болѣе или менѣе тѣсное родство и сходство и т. д.

Въ Я. или рѣчи человѣческой отражаются различныя міровоззрѣнія и настроенія какъ отдѣльныхъ индивидовъ, такъ и цѣлыхъ группъ человѣческихъ. Поэтому мы въ правѣ считать Я. особымъ знаніемъ, т. е. мы въ правѣ принять третье знаніе, *знаніе языковое*, рядомъ съ двумя другими—со знаніемъ интуитивнымъ, созерцательнымъ, непосредственнымъ, и знаніемъ научнымъ, теоретическимъ. Въ каждомъ Я. мы можемъ выдѣлять и опредѣлять наслоенія и пережитки различныхъ міровоззрѣній, или слѣдовавшихъ другъ за другомъ въ порядкѣ хронологическомъ, или же отражающихъ собою различныя стороны явленій природы и общественной жизни (наслоенія религіозныя, метафизическія, общественныя, юридическія, естественно-историческія и т. д.). Въ тѣсной связи съ мышленіемъ, Я. можетъ воздѣйствовать на него или ускоряюще, или замедляюще — или усиливающимъ, или же подавляющимъ образомъ. Нѣкоторыя звуковыя образованія отражаютъ физическія отношенія всего міра или же соціальныя (общественныя) отношенія человѣчества. Сюда принадлежатъ, прежде всего, такъ назыв. падежи (casus) именъ, изъ которыхъ одни обозначаютъ отношенія пространствен-

ныя и, путемъ метафоры, тоже временныя, другіе—взаимныя отношенія между людьми и, путемъ метафоры, тоже между другими существами. Къ падежамъ пространственно-временнымъ или локально-хронологическимъ принадлежатъ: Locativus вообще, Ablativus (*отъ* лѣс-*а*, *съ* т-*ого* времен-*и*), Elativus (*изъ* лѣс-*у*, *изъ* год-*а* въ годъ), Allativus (*къ* лѣс-*у*, *къ* эт-*ому* времени), Inessivus (*въ* лѣс-*у*, *въ* год-*у* или *въ* год-*ѣ*), Superessivus (*на* стол-*ѣ*, *на* эт-*ой* эпох*ѣ*), Subessivus (*подъ* стол-*омъ*), Sublativus (*подъ* столъ), Superlativus (*на* столъ), Abessivus (*въ дали отъ* города). Instrumentalis (нож-*омъ*, рук-*ой*...) и т. д. Падежами общественнаго происхожденія являются: Genitivus (поле крестьянин-*а*, власть цар-*я*), въ связи съ мѣстоименіями притяжательными (*мой*, *твой*, *нашъ*, *чей*...), Dativus (отц-*у*, дочер-*и*), Accusativus (бить раб-*а*, гнать собак-*у*, купить хлѣбъ...). Мы отмѣчаемъ въ Я. также примѣненіе закона перспективы или эгоцентризма. Согласно этому «закону», по мѣрѣ удаленія отъ мѣста, на которомъ мы сами находимся или на которомъ себя чувствуемъ, различія между предметами становятся все меньшими и все болѣе исчезаютъ; болѣе отдаленное ассимилируется и поглощается болѣе близкимъ. Отсюда множество, состоящее изъ одного только 1-го лица (*я*) и изъ другихъ лицъ единственно только 2-ыхъ (*ты*) и 3-ихъ (*онъ*, *она*) воспринимается какъ *1-е лицо* множественнаго числа (*мы*); множество же, состоящее хотя-бы только изъ одного 2-го лица (*ты*), въ соединеніи со многими 3-ими лицами, воспринимается какъ *2-ое лицо* множественнаго числа (*вы*). Обозначивъ съ помощью *n* коэффиціентъ любой, произвольной многократности, мы можемъ выразить это въ слѣдующихъ формулахъ:

мы = я + *n*. ты + *n*. онъ + *n*. она;
вы = *n*. ты + *n*. онъ + *n*. она.

Въ вербальной (глагольной) области эгоцентризмъ проявляется между прочимъ въ томъ, что усиленное (потенціированное) настоящее время обнимаетъ собою не только настоящее, но вмѣстѣ съ тѣмъ прошлое и будущее, т. е. оно равносильно вѣчности и безпредѣльности; такъ напр., *птицы летаютъ* значитъ, что онѣ *летаютъ* не только теперь, но всегда *летали* и всегда *будутъ летать*. Эти и подобные случаи относятся къ области субъективнаго эгоцентризма. Эгоцентризмъ объективированный, эгоцентризмъ общественный, массовый (стадный), эгоцентризмъ учрежденій и господствующихъ воззрѣній на взаимныя отношенія, съ одной стороны между людьми и другими существами, съ другой—между разными группами и классами человѣческаго общества, отражается, напр., въ различной генеризаціи языковыхъ формъ, т. е. въ разнообразіи категорій такъ назыв. грамматическаго рода, конечно въ тѣхъ Я., которымъ свойственно различеніе грамматическихъ «родовъ» не только съ точки зрѣнія физіологической, съ точки зрѣнія различія двухъ половъ и отсутствія пола (родъ мужскій, женскій, «средній»), но тоже съ точки зрѣнія біологической, съ точки зрѣнія различія между живыми (оживленными, одушевленными, олицетворенными) и не живыми (неоживленными, неодушевленными, неолицетворенными) существами (родъ «животный» и «неживотный»), и, наконецъ, съ точки зрѣнія соціальной, общественной, съ точки зрѣнія различія между властителями и собственниками съ одной стороны, управляемыми и считаемыми собственностью—съ другой. Въ случаѣ слитія въ одно сложное представленіе—представленіе множественнаго числа,—роды женскій и средній ассимилируются и поглощаются родомъ мужскимъ, родъ «неживотный» ассимилируется и поглощается родомъ «животнымъ». Родомъ съ общественной точки зрѣнія, привилегированнымъ, т. е. пользующимся бо́льшими преимуществами (*лица* мужескаго пола, какъ властители, какъ центры общественныхъ организацій и учрежденій) поглощаются другіе роды, менѣе въ этомъ отношеніи привилегированные. У русскихъ это сказывается болѣе на письмѣ, нежели въ языкѣ. Сюда относится, напр., преобладаніе именит. множеств. прилагательныхъ на *ые* (*-іе*), когда одной части предметовъ, обнимаемыхъ этою общею формой, было бы свойственно въ отдѣльномъ употребленіи окончаніе *-ыя* (*-ія*) (напр., *добрые сыновья*, *добрыя дочери*, *добрыя дѣти*, но *добрые сыновья и дочери*). Нѣчто подобное замѣчается въ употребленіи формъ мѣстоименій и числительныхъ: *они* и *онъ*, *одни* и *одинъ*. Но вообще въ русскомъ языкѣ это мало замѣтно. Изъ другихъ славянскихъ языковъ указанный объективированный эгоцентризмъ послѣдовательно осуществляется въ Я. польскомъ: *dobrzy* (хорошіе, добрые), *wysocy* (высокіе), *ci* (тѣ), *chodzili* (ходили), *wołali* (звали), когда эти прилагательныя, мѣстоименія и глагольныя отъименныя формы относятся къ *лицамъ* муж. рода; когда же они относятся къ *предметамъ*, къ *существамъ* женск. и средн. рода, равно какъ и къ *животнымъ* муж. рода, тогда употребляются формы *dobre*, *wysokie*, *te*, *chodziły*, *wołały*... Если въ составъ представляемой поляками множественности, состоящей хоти бы ихъ многихъ милліоновъ предметовъ, животныхъ и лицъ второй категоріи, попадетъ лишь одинъ представитель первой категоріи, т. е. лишь одно лицо мужского пола, тогда все это представленіе получаетъ отпечатокъ принадлежности къ первой категоріи и являются возможными только формы: *dobrzy*, *wysocy*, *ci*, *chodzili*, *wołali*... Въ семитическихъ языкахъ родъ дѣйствительный, активный, передающій (*agens*, обозначающій самцовъ) пользуется преимуществомъ надъ родомъ страдательнымъ, воспринимательнымъ (*recipiens*), обнимающимъ не только предметы безродные, но и всѣ существа женскаго рода.

Если языкъ слѣдуетъ считать особаго рода *знаніемъ*, то онъ вмѣстѣ съ тѣмъ можетъ представляться съ одной стороны *дѣйствіемъ*, *дѣломъ*, съ другой—*вещью*, *предметомъ* внѣшняго міра. И то, и другое является результатомъ какъ длинной, безпрерывной цѣпи ассоціацій по извѣстному сходству въ представленіи и вызываемомъ черезъ него настроеніи, такъ и смѣшенія понятій, лежащаго въ основаніи нашего безкритичнаго, не аналитическаго, сбивчиваго, сонно-бодрствующаго

мышленія. Зародышъ отожествленія языка съ дѣйствіемъ, съ дѣломъ, замѣчается, между прочимъ, въ различіи впечатлѣнія, испытываемаго, съ одной стороны, отъ похвалы и одобренія, съ другой — отъ осужденія и порицанія. Оскорбленіе словомъ, обида, клевета считаются болѣе или менѣе равносильными оскорбленію дѣйствіемъ; за нихъ полагается отвѣтственность, дальнѣйшимъ послѣдствіемъ которой можетъ быть наказаніе. Воззрѣніе на Я., какъ на дѣйствіе, сказывается между прочимъ, въ слѣдующихъ русскихъ поговоркахъ: «Не ножа бойся, а языка», «отъ одного слова да на вѣкъ ссора», «бритва скребетъ, а слово рѣжетъ», «слово пуще стрѣлы разитъ», «за худыя слова слетитъ и голова», «слово слову рознь: словомъ Господь міръ создалъ, словомъ Іуда предалъ Господа» и т. п. Можно также вспомнить «Государево слово и дѣло» въ московскомъ государствѣ. Болѣе трезвый взглядъ на вещи и различеніе понятій сказываются въ поговоркахъ, относящихся скептически къ дѣйствительной силѣ слова и языка. Таковы, между прочимъ: «Языкомъ и лаптя не сплетешь», «не спѣши языкомъ, да не лѣнись дѣломъ», «не спѣши языкомъ, торопись дѣломъ», «языкомъ болтай, да рукамъ воли не давай». Сознаніе бо̀льшаго вѣса письма и его превосходства надъ языкомъ слышимымъ сказывается въ поговоркахъ: русской —«что написано перомъ, не вырубишь топоромъ» и латинской — «verba volant, scripta manent». Это было обусловлено громадною интенсивностью впечатлѣнія, произведеннаго на человѣчество въ эпоху изобрѣтенія письма. Наконецъ, *предметомъ*, вещью слово, какъ составная часть языка, является въ поговоркахъ: «слово воробей, вылетитъ, не поймаешь», «плевка не перехватишь, слова не воротишь», «онъ за словомъ въ карманъ не полѣзетъ», «онъ меня такъ и закидалъ словами» и т. п. При такомъ воззрѣніи на Я. не мудрено, что въ первую минуту, не спохватившись сразу, можно было повѣрить разсказу француза, увѣрявшаго, что въ 1812 г. въ Россіи, вслѣдствіе сильнаго мороза, слова не доходили до уха слушателя, но мерзли на полпути. Воззрѣніе на Я., какъ на предметъ внѣшняго міра со всѣми тремя измѣреніями, вызвало утвержденіе, что Я. есть «организмъ». Всѣ подобныя преувеличенныя оцѣнки языковой дѣятельности въ разныхъ областяхъ общественной жизни восходятъ къ тому моменту въ жизни человѣчества, когда находящійся во рту Я. началъ дѣйствовать не только какъ органъ разныхъ физіологическихъ функцій (питанія, очищенія, лизанія и т. п.), но тоже какъ органъ рѣчи, органъ, создающій звуки, производящіе впечатлѣніе, запоминаемые и ассоціируемые со значеніемъ. Когда рычанье полости гортани замѣнилось «артикулованными» звуками полости рта, причемъ *языку* пришлось играть первенствующую роль, громадная важность этого историческаго момента подѣйствовала на человѣчество столь внушительно, что вызвала цѣлый рядъ недоразумѣній и подчасъ чудовищнаго смѣшенія понятій. Я., какъ рѣчь человѣческая, отличилъ человѣка отъ животныхъ. Слова получили громадную силу, олицетворились, одухотворились и повели къ идолопоклонству, къ жертвоприношеніямъ, къ безумнымъ и безполезнымъ жестокостямъ, къ борьбѣ за «идеи», за «знамена», за «престижъ». Каждое субстантивированное слово было снабжено душою, могло стать «ангеломъ», «заступникомъ», даже «богомъ». Ассоціація представленія предмета съ представленіемъ его названія повела къ созданію психическаго, идейнаго эквивалента этого предмета, и этотъ эквивалентъ предмета былъ сочтенъ за его «душу». Вошли въ обиходъ, напр., «неумолимая, жестокая *смерть*, похищающая отца у семьи», «*духъ* общества», «*духъ* времени», «*духъ* Я.»—все результаты языкового мышленія, объективизаціи языковыхъ ассоціацій. Появились разные идолы, Молохи, въ жертву которымъ обезличенный и автоматически, по внушенію предковъ, все одно и то же повторяющій человѣкъ приноситъ иногда свое счастье, свою независимость, свою жизнь, самого себя. Родились «святыя слова», языковыя «табу», прикосновеніе къ которымъ считается святотатствомъ и кощунствомъ. Справедливо замѣтилъ Мультатули («Мысли», № 88), что «міромъ управляютъ слова» (слово «міръ» съужено здѣсь до значенія человѣческаго общежитія). Если Я., въ значеніи рѣчи человѣческой, состоитъ изъ живыхъ существъ, каковыми являются отдѣльныя слова, совмѣщающія въ себѣ идею и самаго предмета, и его названія, то отсюда, въ порядкѣ экономическаго мышленія, прямой выводъ, что слова и Я. вообще имѣютъ извѣстную цѣнность и даже составляютъ драгоцѣнность, со всѣми послѣдствіями обмѣна, спроса и предложенія на всемірномъ рынкѣ. Слѣдовательно, слова молитвы могутъ замѣнять жертву болѣе положительную, и чѣмъ больше этихъ словъ, чѣмъ чаще они повторяются, тѣмъ болѣе цѣнною становится эта жертва. Это повело къ молитвенному колесу или къ ротаціонной (вращающейся) машинѣ буддистовъ, съ написанною на ней молитвой: тутъ графически изображенное и уже окончательно объективированное слово столько разъ приносится въ жертву, сколько оборотовъ совершаетъ вертящееся колесо. Благодаря двойной ассоціаціи — ассоціаціи по смежности Я. во рту и Я.-рѣчи, ассоціаціи по сходству между человѣческимъ и вообще животнымъ Я. и между языками пылающаго огня — явилось представленіе языковъ бога «Огня», какъ посредниковъ между молящимися жертвоприносителями—людьми—и жертвопринимателями — богами. Огонь посредствомъ своихъ Я. уноситъ въ высшее пространство жертвы и мольбы и заявляетъ богамъ о желаніяхъ смертныхъ. Вообще названіе рѣчи человѣческой «Я.» и присвоеніе языку той особенной силы и значенія, на которыя только-что было указано, является слѣдствіемъ смѣшенія понятій, ассоціаціоннаго перенесенія понятія власти и руководства съ центра языкового процесса на главное его орудіе— правда, главное, но только орудіе. При этомъ забывается о мозговомъ центрѣ, какъ руководителѣ рѣчи человѣческой. — Признавая Я. третьимъ знаніемъ, знаніемъ языковымъ, мы

ныя и, путемъ метафоры, тоже временныя, другіе—взаимныя отношенія между людьми и, путемъ метафоры, тоже между другими существами. Къ падежамъ пространственно-временнымъ или локально-хронологическимъ принадлежатъ: Locativus вообще, Ablativus (*отъ* лѣс-*а*, *съ* т-*ого* времен-*и*), Elativus (*изъ* лѣс-*у*, *изъ* год-*а* въ годъ), Allativus (*къ* лѣс-*у*, *къ* эт-*ому* времени), Inessivus (*въ* лѣс-*у*, *въ* год-*у* или *въ* год-*ѣ*), Superessivus (*на* стол-*ѣ*, *на* эт-*ой* эпох*ѣ*), Subessivus (*подъ* стол-*омъ*), Sublativus (*подъ* столъ), Superlativus (*на* столъ), Abessivus (*въ дали отъ* города), Instrumentalis (нож-*омъ*, рук-*ой*...) и т. д. Падежами общественнаго происхожденія являются: Genitivus (поле крестьянин-*а*, власть цар-*я*), въ связи съ мѣстоименіями притяжательными (*мой*, *твой*, *нашъ*, *чей*...), Dativus (отц-*у*, дочер-*и*), Accusativus (бить раб-*а*, гнать собак-*у*, купить хлѣбъ...). Мы отмѣчаемъ въ Я. также примѣненіе закона перспективы или эгоцентризма. Согласно этому «закону», по мѣрѣ удаленія отъ мѣста, на которомъ мы сами находимся или на которомъ себя чувствуемъ, различія между предметами становятся все меньшими и все болѣе исчезаютъ; болѣе отдаленное ассимилируется и поглощается болѣе близкимъ. Отсюда множество, состоящее изъ одного только 1-го лица (*я*) и изъ другихъ лицъ единственно только 2-ыхъ (*ты*) и 3-ихъ (*онъ*, *она*) воспринимается какъ *1-е лицо* множественнаго числа (*мы*); множество же, состоящее хотя-бы только изъ одного 2-го лица (*ты*), въ соединеніи со многими 3-ими лицами, воспринимается какъ *2-ое лицо* множественнаго числа (*вы*). Обозначивъ съ помощью *n* коэффиціентъ любой, произвольной многократности, мы можемъ выразить это въ слѣдующихъ формулахъ:

мы = я + *n*. ты + *n*. онъ + *n*. она;
вы = *n*. ты + *n*. онъ + *n*. она.

Въ вербальной (глагольной) области эгоцентризмъ проявляется между прочимъ въ томъ, что усиленное (потенцiированное) настоящее время обнимаетъ собою не только настоящее, но вмѣстѣ съ тѣмъ прошлое и будущее, т. е. оно равносильно вѣчности и безпредѣльности; такъ напр., *птицы летаютъ* значитъ, что онѣ *летаютъ* не только теперь, но всегда *летали* и всегда *будутъ летать*. Эти и подобные случаи относятся къ области субъективнаго эгоцентризма. Эгоцентризмъ объективированный, эгоцентризмъ общественный, массовый (стадный), эгоцентризмъ учрежденій и господствующихъ воззрѣній на взаимныя отношенія, съ одной стороны между людьми и другими существами, съ другой—между разными группами и классами человѣческаго общества, отражается, напр., въ различной генеризаціи языковыхъ формъ, т. е. въ разнообразіи категорій такъ назыв. грамматическаго рода, конечно въ тѣхъ Я., которымъ свойственно различеніе грамматическихъ «родовъ» не только съ точки зрѣнія физіологической, съ точки зрѣнія различія двухъ половъ и отсутствія пола (родъ мужскій, женскій, «средній»), но тоже съ точки зрѣнія біологической, съ точки зрѣнія различія между живыми (оживленными, одушевленными, олицетворенными) и не живыми (неоживленными, неодушевленными, неолицетворенными) существами (родъ «животный» и «неживотный»), и, наконецъ, съ точки зрѣнія соціальной, общественной, съ точки зрѣнія различія между властителями и собственниками съ одной стороны, управляемыми и считаемыми собственностью—съ другой. Въ случаѣ слитія въ одно сложное представленіе—представленіе множественнаго числа,—роды женскій и средній ассимилируются и поглощаются родомъ мужскимъ, родъ «неживотный» ассимилируется и поглощается родомъ «животнымъ». Родомъ съ общественной точки зрѣнія, привилегированнымъ, т. е. пользующимся бо́льшими преимуществами (*лица* мужескаго пола, какъ властители, какъ центры общественныхъ организацій и учрежденій) поглощаются другіе роды, менѣе въ этомъ отношеніи привилегированные. У русскихъ это сказывается болѣе на письмѣ, нежели въ языкѣ. Сюда относится, напр., преобладаніе именит. множеств. прилагательныхъ на *ые* (*-іе*), когда одной части предметовъ, обнимаемыхъ этою общею формой, было бы свойственно въ отдѣльномъ употребленіи окончаніе *-ыя* (*-ія*) (напр., *добрые сыновья*, *добрыя дочери*, *добрыя дѣти*, но *добрые сыновья и дочери*). Нѣчто подобное замѣчается въ употребленіи формъ мѣстоименій и числительныхъ: *они* и *онѣ*, *одни* и *однѣ*. Но вообще въ русскомъ языкѣ это мало замѣтно. Изъ другихъ славянскихъ языковъ указанный объективированный эгоцентризмъ послѣдовательно осуществляется въ Я. польскомъ: *dobrzy* (хорошіе, добрые), *wysocy* (высокіе), *ci* (тѣ), *chodzili* (ходили), *wołali* (звали), когда эти прилагательныя, мѣстоименія и глагольныя отъименныя формы относятся къ *лицамъ* муж. рода; когда же они относятся къ *предметамъ*, къ *существамъ* женск. и средн. рода, равно какъ и къ *животнымъ* муж. рода, тогда употребляются формы *dobre*, *wysokie*, *te*, *chodziły*, *wołały*... Если въ составъ представляемой поляками множественности, состоящей хотя бы ихъ многихъ милліоновъ предметовъ, животныхъ и лицъ второй категоріи, попадетъ лишь одинъ представитель первой категоріи, т. е. лишь одно лицо мужского пола, тогда все это представленіе получаетъ отпечатокъ принадлежности къ первой категоріи и являются возможными только формы: *dobrzy*, *wysocy*, *ci*, *chodzili*, *wołali*... Въ семитическихъ языкахъ родъ дѣйствительный, активный, передающій (*agens*, обозначающій самцовъ) пользуется преимуществомъ надъ родомъ страдательнымъ, воспринимательнымъ (*recipiens*), обнимающимъ не только предметы безродные, но и всѣ существа женскаго рода.

Если языкъ слѣдуетъ считать особаго рода *знаніемъ*, то онъ вмѣстѣ съ тѣмъ можетъ представляться съ одной стороны *дѣйствіемъ*, *дѣломъ*, съ другой—*вещью*, *предметомъ* внѣшняго міра. И то, и другое является результатомъ какъ длинной, безпрерывной цѣпи ассоціацій по извѣстному сходству въ представленіи и вызываемомъ черезъ него настроеніи, такъ и смѣшенія понятій, лежащаго въ основаніи нашего безкритичнаго, не аналитическаго, сбивчиваго, сонно-бодрствующаго

мышленія. Зародышъ отожествленія языка съ дѣйствіемъ, съ дѣломъ, замѣчается, между прочимъ, въ различіи впечатлѣнія, испытываемаго, съ одной стороны, отъ похвалы и одобренія, съ другой — отъ осужденія и порицанія. Оскорбленіе словомъ, обида, клевета считаются болѣе или менѣе равносильными оскорбленію дѣйствіемъ; за нихъ полагается отвѣтственность, дальнѣйшимъ послѣдствіемъ которой можетъ быть наказаніе. Воззрѣніе на Я., какъ на дѣйствіе, сказывается между прочимъ, въ слѣдующихъ русскихъ поговоркахъ: «Не ножа бойся, а языка», «отъ одного слова да на вѣкъ ссора», «бритва скребетъ, а слово рѣжетъ», «слово пуще стрѣлы разитъ», «за худыя слова слетитъ и голова», «слово слову рознь: словомъ Господь міръ создалъ, словомъ Іуда предалъ Господа» и т. п. Можно также вспомнить «Государево слово и дѣло» въ московскомъ государствѣ. Болѣе трезвый взглядъ на вещи и различеніе понятій сказываются въ поговоркахъ, относящихся скептически къ дѣйствительной силѣ слова и языка. Таковы, между прочимъ: «Языкомъ и лаптя не сплетешь», «не спѣши языкомъ, да не лѣнись дѣломъ», «не спѣши языкомъ, торопись дѣломъ», «языкомъ болтай, да рукамъ воли не давай». Сознаніе бо̀льшаго вѣса письма и его превосходства надъ языкомъ слышимымъ сказывается въ поговоркахъ: русской —«что написано перомъ, не вырубишь топоромъ» и латинской — «verba volant, scripta manent». Это было обусловлено громадною интенсивностью впечатлѣнія, произведеннаго на человѣчество въ эпоху изобрѣтенія письма. Наконецъ, *предметомъ*, вещью слово, какъ составная часть языка, является въ поговоркахъ: «слово воробей, вылетитъ, не поймаешь», «плевка не перехватишь, слова не воротишь», «онъ за словомъ въ карманъ не полѣзетъ», «онъ меня такъ и закидалъ словами» и т. п. При такомъ воззрѣніи на Я. не мудрено, что въ первую минуту, не спохватившись сразу, можно было повѣрить разсказу француза, увѣрявшаго, что въ 1812 г. въ Россіи, вслѣдствіе сильнаго мороза, слова не доходили до уха слушателя, но мерзли на полпути. Воззрѣніе на Я., какъ на предметъ внѣшняго міра со всѣми тремя измѣреніями, вызвало утвержденіе, что Я. есть «организмъ». Всѣ подобныя преувеличенныя оцѣнки языковой дѣятельности въ разныхъ областяхъ общественной жизни восходятъ къ тому моменту въ жизни человѣчества, когда находящійся во рту Я. началъ дѣйствовать не только какъ органъ разныхъ физіологическихъ функцій (питанія, очищенія, лизанія и т. п.), но тоже какъ органъ рѣчи, органъ, создающій звуки, производящіе впечатлѣніе, запоминаемые и ассоціируемые со значеніемъ. Когда рычанье полости гортани замѣнилось «артикулованными» звуками полости рта, при чемъ *языку* пришлось играть первенствующую роль, громадная важность этого историческаго момента подѣйствовала на человѣчество столь внушительно, что вызвала цѣлый рядъ недоразумѣній и подчасъ чудовищнаго смѣшенія понятій. Я., какъ рѣчь человѣческая, отличилъ человѣка отъ животныхъ. Слова получили громадную силу, олицетворились, одухотворились и повели къ идолопоклонству, къ жертвоприношеніямъ, къ безумнымъ и безполезнымъ жестокостямъ, къ борьбѣ за «идеи», за «знамена», за «престижъ». Каждое субстантизированное слово было снабжено душою, могло стать «ангеломъ», «заступникомъ», даже «богомъ». Ассоціація представленія предмета съ представленіемъ его названія повела къ созданію психическаго, идейнаго эквивалента этого предмета, и этотъ эквивалентъ предмета былъ сочтенъ за его «душу». Вошли въ обиходъ, напр., «неумолимая, жестокая *смерть*, похищающая отца у семьи», «*духъ* общества», «*духъ* времени», «*духъ* Я.»—все результаты языкового мышленія, объективизаціи языковыхъ ассоціацій. Появились разные идолы, Молохи, въ жертву которымъ обезличенный и автоматически, по внушенію предковъ, все одно и то же повторяющій человѣкъ приноситъ иногда свое счастье, свою независимость, свою жизнь, самого себя. Родились «святыя слова», языковыя «табу», прикосновеніе къ которымъ считается святотатствомъ и кощунствомъ. Справедливо замѣтилъ Мультатули («Мысли», № 88), что «міромъ управляютъ слова» (слово «міръ» съужено здѣсь до значенія человѣческаго общежитія). Если Я., въ значеніи рѣчи человѣческой, состоитъ изъ живыхъ существъ, каковыми являются отдѣльныя слова, совмѣщающія въ себѣ идею и самаго предмета, и его названія, то отсюда, въ порядкѣ экономическаго мышленія, прямой выводъ, что слова и Я. вообще имѣютъ извѣстную цѣнность и даже составляютъ драгоцѣнность, со всѣми послѣдствіями обмѣна, спроса и предложенія на всемірномъ рынкѣ. Слѣдовательно, слова молитвы могутъ замѣнять жертву болѣе положительную, и чѣмъ больше этихъ словъ, чѣмъ чаще они повторяются, тѣмъ болѣе цѣнною становится эта жертва. Это повело къ молитвенному колесу или къ ротаціонной (вращающейся) машинѣ буддистовъ, съ написанною на ней молитвой: тутъ графически изображенное и уже окончательно объективированное слово столько разъ приносится въ жертву, сколько оборотовъ совершаетъ вертящееся колесо. Благодаря двойной ассоціаціи — ассоціаціи по смежности Я. во рту и Я.-рѣчи, ассоціаціи по сходству между человѣческимъ и вообще животнымъ Я. и между языками пылающаго огня — явилось представленіе языковъ бога «Огня», какъ посредниковъ между молящимися жертвоприносителями—людьми—и жертвопринимателями — богами. Огонь посредствомъ своихъ Я. уноситъ въ высшее пространство жертвы и мольбы и заявляетъ богамъ о желаніяхъ смертныхъ. Вообще названіе рѣчи человѣческой «Я.» и присвоеніе языку той особенной силы и значенія, на которыя только-что было указано, является слѣдствіемъ смѣшенія понятій, ассоціаціоннаго перенесенія понятія власти и руководства съ центра языкового процесса на главное его орудіе— правда, главное, но только орудіе. При этомъ забывается о мозговомъ центрѣ, какъ руководителѣ рѣчи человѣческой. — Признавая Я. третьимъ знаніемъ, знаніемъ языковымъ, мы

въ одно неразрывное цѣлое, какъ «слово» и его «значеніе». Три первыхъ рода или класса составныхъ частей или элементовъ первобытнаго (отчасти и болѣе поздняго) языка, какъ происходившіе путемъ рефлексовъ и вообще простой мобилизаціи нервовъ, имѣли характеръ большей или меньшей необходимости, подобно возгласамъ и звукамъ, служащимъ средствами взаимнаго общенія животныхъ; два послѣднихъ класса принадлежатъ къ категоріи «символовъ», сложившихся путемъ случайныхъ ассоціацій. Подобнымъ образомъ дѣло обстоитъ и съ различными обычными жестами и движеніями. Одни изъ нихъ являются чисто рефлективными, необходимыми, и ежечасно воспроизводятся сами собою; таковы, напримѣръ, сверканіе глазъ въ гнѣвѣ, защитительное движеніе рукою въ виду угрожающей опасности и т. п. Другіе произошли «случайно», вслѣдствіе извѣстныхъ условій общественной жизни, и затѣмъ передавались путемъ традиціи. Таково, напримѣръ, наклоненіе головы въ знакъ подтвержденія и поддакиванія, или же какъ проявленіе вѣжливости при встрѣчѣ со знакомыми; оно является пережиткомъ покорнаго подставленія головы для того, чтобы ее отрубили или наложили на нее ошейникъ раба. Въ первобытномъ, относительно Я., состояніи человѣчества, при взаимномъ общеніи между собою люди не только испускали звуки, но совершали движенія всѣмъ тѣломъ, дѣлали самыя разнообразныя гримасы и т. п. Такимъ образомъ избытокъ сильно возбужденной разсказочной или изъяснительной энергіи могъ свободно уходить наружу; вмѣстѣ съ тѣмъ это давало возможность дѣйствовать одновременно и на другое чувство, являющееся по преимуществу источникомъ обогащенія нашего знанія, т. е. на зрѣніе. Пережитки этого сочетанія жестовъ съ акустическою рѣчью мы можемъ наблюдать до сихъ поръ у людей, жестикулирующихъ во время рѣчи; искусные ораторы сознательно прибѣгаютъ къ помощи жестовъ. Кромѣ того существуетъ особый оптическій языкъ, языкъ жестовъ, въ особенности же движеній пальцевъ (у глухонѣмыхъ, у такъ называемыхъ американскихъ индѣйцевъ). Въ этомъ оптическомъ языкѣ, какъ и въ языкѣ акустическомъ, нѣкоторые жесты произошли непосредственно, путемъ рефлексовъ, другіе же ассоціировались случайно со значеніемъ. Почему, однако, у людей слышащихъ и у значительнаго большинства человѣческихъ племенъ первоначальный оптически-акустическій языкъ обратился со временемъ въ одинъ акустическій? Почему исчезли или, по крайней мѣрѣ, значительно уменьшились работы и впечатлѣнія моторно-оптическія, остались же, все болѣе усиливаясь, работы органовъ рѣчи и впечатлѣнія акустическія? Главною причиной этой эволюціи было стремленіе къ сбереженію труда организма, какъ со стороны дѣятельной, языко-производительной, такъ и со стороны страдательной, языко-воспринимательной. При дѣйствіи разными органами и при разсѣиваніи вниманія въ разныхъ направленіяхъ потреблялось, безъ нужды, слишкомъ много физіологическаго и психическаго труда. Но почему оптика уступила мѣсто акустикѣ? Оптическія явленія и работы нуждаются въ свѣтѣ, все равно, естественномъ или искусственномъ. Передача свѣта совершается по прямымъ линіямъ и не проходитъ сквозь преграды, въ родѣ хотя-бы самой обыкновенной доски. Явленія и работы акустическаго характера обходятся безъ свѣта, нуждаются только въ воздухѣ и въ упругихъ тѣлахъ, а ихъ волны расходятся во всѣ стороны. Поэтому при «естественномъ подборѣ» одержали верхъ акустическія средства рѣчи человѣческой. Изъ предшествующаго явствуетъ, что языкъ или рѣчь человѣческая въ самомъ тѣсномъ смыслѣ этого слова развилась постепенно изъ той сложной зародышной психически-физіологической дѣятельности, которая съ теченіемъ времени дифференцировалась: 1) на Я. говоримый, по своимъ физіологическимъ послѣдствіямъ принадлежащій къ акустикѣ, т. е. дѣйствующій на слухъ; 2) на пѣніе, равнымъ образомъ дѣйствующее на слухъ; 3) на эмоціональныя движенія, дѣйствующія по преимуществу на зрѣніе. Если же взять Я. въ самомъ обширномъ смыслѣ этого слова, какъ вообще средство общенія людей между собою, то тогда на ряду съ живою слышимою рѣчью и съ видимыми жестами получимъ третье видоизмѣненіе языка—«Я.» видимый на *письмѣ* (см. Письмена, XXIII, 704).

Съ вопросомъ о началѣ языка тѣсно связанъ вопросъ моногенезиса или же полигенезиса рода человѣческаго по отношенію къ языку, т. е. вопросъ: всѣ ли языки міра происходятъ отъ одного первобытнаго, или же было много первобытныхъ языковъ? Начало рѣчи человѣческой—*полигенетическое*. Первоначально образовалось множество самыхъ разнообразныхъ языковъ, и только впослѣдствіи это безконечное разнообразіе постепенно уменьшалось, путемъ ли истребленія однихъ людскихъ сборищъ другими, или же путемъ взаимнаго сближенія и уподобленія. Тоже самое относится къ индивидуальнымъ языкамъ. Въ одной и той же семьѣ, состоящей изъ нѣсколькихъ дѣтей, каждому ребенку въ зачаткахъ его языкового развитія можетъ быть свойственъ совсѣмъ особый Я., совсѣмъ особый говоръ. Но, благодаря одинаковой семейной средѣ и одинаковымъ условіямъ общественнаго языкового обмѣна, различія между этими индивидуальными говорами постепенно сглаживаются и исчезаютъ. Однимъ изъ научныхъ заблужденій является отожествленіе языка съ расою. Лингвистическіе предки извѣстнаго племени могли принадлежать къ совершенно другой расѣ. Лучшимъ доказательствомъ этому служатъ, во-первыхъ, негры, говорящіе теперь въ Америкѣ по-французски или же по-англійски, во вторыхъ — лица семитическаго происхожденія, говорящія на самыхъ разнообразныхъ европейскихъ языкахъ. Между расою и конкретнымъ языкомъ нѣтъ ни малѣйшей связи. Мы наслѣдуемъ отъ предковъ только языковыя способности, языковое предрасположеніе вообще, и, можетъ быть, минимальныя наклонности къ языковому развитію въ

томъ или другомъ направленіи. Китайскій или японскій ребенокъ въ русской средѣ становится русскимъ по языку, и наоборотъ; но въ извѣстныхъ мелкихъ особенностяхъ произношенія даже черезъ нѣсколько поколѣній можетъ сказываться происхожденіе извѣстнаго индивида, чуждаго данному племени. Еще до сихъ поръ, даже въ языкахъ очень далеко подвинувшихся, повторяются иногда попытки первобытнаго языкового творчества, т. е. примѣненіе «новыхъ», «выдуманныхъ» словъ для болѣе рельефной, болѣе выразительной передачи мысли. Даже при самомъ тщательномъ этимологическомъ разслѣдованіи нельзя найти «родства» для такихъ словъ ни въ своемъ собственномъ языкѣ, ни въ языкахъ ему «родственныхъ» или же находившихся къ нему въ отношеніи историческаго взаимодѣйствія, путемъ преданія, по прямой линіи исторической преемственности, или путемъ заимствованія. Относительно формы и строенія подобныя слова подчиняются господствующимъ морфологическимъ типамъ. Картинность, дикая поэзія, которую можно считать характеристическимъ признакомъ творческаго періода языка, повторяется нынѣ въ разныхъ тайныхъ и полутайныхъ языкахъ, о которыхъ было сказано выше. Первичныя «слова» языка были словами неопредѣленной формы (mots vagues), въ родѣ нынѣшнихъ неизмѣняемыхъ словечекъ бухъ, бултыхъ, цапъ, цапъ царапъ, щолкъ, хапъ, фыркъ, шасть, трахъ и т. д., или же въ родѣ болѣе уже морфологически расчлененныхъ безличныхъ глаголовъ: свѣтлѣетъ, гремитъ, мерещится, заволокло и т. п. Въ такихъ словахъ продолжается по настоящее время одинъ изъ древнѣйшихъ слоевъ языкового творчества. Только впослѣдствіи подобныя общія слова развивались въ различныхъ направленіяхъ, производя изъ себя имена рядомъ съ глаголами, существительныя рядомъ съ прилагательными и т. д., при чемъ эти различныя функціи могли быть или выражаемы съ помощью особыхъ морфологическихъ показателей (бѣл-*ый*, бѣл-*изна*, бѣл-*ѣть*, лет-*ѣть*, летъ, лет-*учій*; пылъ, пыл-*кій*, пыл-*ать* и т. п.), или же только добываемы изъ связи съ другими словами, какъ это имѣетъ мѣсто по преимуществу въ китайскомъ языкѣ и, въ значительной мѣрѣ, тоже въ англійскомъ. Строго говоря, только индивидуальному языку свойственно развитіе, языку же племенному — *исторія*, какъ развитіе прерываемое. Исторія племенного языка можетъ быть его исторіей внѣшней или же внутренней. Внѣшняя исторія совпадаетъ съ исторіей судебъ племени, говорящаго на данномъ языкѣ. Внутренняя исторія языка слагается изъ перемѣнъ, совершающихся въ самомъ языкѣ, изъ эволюціи языковыхъ представленій. Въ составъ внѣшней исторіи языка входитъ, съ одной стороны, распаденіе языка на нѣсколько разновидностей, съ другой—смѣшеніе языковъ, ихъ взаимное вліяніе и упраздненіе (исчезновеніе различій между ними). *Языковую отрасль* или же *языковую семью* составляютъ всѣ тѣ языки, которые предположительно можно свести къ одному, нѣкогда общему языку, точнѣе — къ одному общему языковому состоянію; иначе говоря, языковая семья представляетъ собраніе всѣхъ исторически родственныхъ языковъ и ихъ діалектическихъ разновидностей. Такъ напримѣръ, русское языковое семейство составляютъ всѣ русскіе говоры, не только нынѣшніе, но тоже прошедшіе и будущіе; славянская языковая семья или славянская языковая отрасль равняется, въ томъ же смыслѣ, суммѣ всѣхъ славянскихъ языковыхъ разновидностей, аріо-европейская (индоевропейская языковая семья)— всѣхъ аріоевропейскихъ языковыхъ разновидностей. Къ извѣстнымъ языковымъ отраслямъ или семействамъ могутъ принадлежать не только цѣлые, недѣлимые языки, но тоже нѣкоторыя ихъ части и составные элементы. Такъ напр., русскій языкъ, причисляемый, какъ цѣлое, къ славянской языковой семьѣ, своими словами, усвоенными изъ германскихъ языковъ, входитъ въ составъ германскаго языкового семейства. Нѣкоторые языки даже въ цѣломъ не могутъ считаться членами одной только языковой семьи, но должны быть причислены по крайней мѣрѣ къ двумъ. Англійскій языкъ, относящійся по преимуществу къ германской группѣ или семьѣ, значительною частью своихъ составныхъ элементовъ принадлежитъ къ романской языковой семьѣ. Армянскій языкъ причисляется къ аріоевропейской отрасли, но съ тѣмъ же правомъ онъ можетъ считаться принадлежащимъ къ другой какой-то языковой отрасли, въ родѣ тюрко-татарской. Аналогію съ этимъ представляютъ извѣстныя индивидуальныя языковыя состоянія. Человѣкъ, говорящій на нѣсколькихъ языкахъ, тѣмъ самымъ какъ бы принадлежитъ къ нѣсколькимъ языковымъ отраслямъ или семействамъ. Говоры или діалекты извѣстнаго языкового общества, считаемаго однороднымъ—иначе говоря, языковой области, составляющей, по отношенію къ языку, одно сплошное цѣлое,—дѣлятся и группируются въ двухъ направленіяхъ: 1) въ направленіи «горизонтальномъ», географически, топографически, какъ говоры разныхъ мѣстностей; 2) въ направленіи «вертикальномъ», въ видѣ «наслоеній», т. е. какъ разнообразныя видоизмѣненія того же мѣстнаго говора по классамъ общества, по занятіямъ и образу жизни, по сословіямъ и т. п. Вообще разнообразіе языковъ можетъ быть разсматриваемо съ трехъ точекъ зрѣнія: 1) въ отвлеченіи отъ географическихъ и хронологическихъ различій, съ точки зрѣнія общественныхъ наслоеній, какъ языки разныхъ возрастовъ (дѣти, взрослые, старики), половъ, сословій, классовъ общества; 2) въ отвлеченіи отъ соціологіи и хронологіи, съ точки зрѣнія географіи и топографіи, какъ разнообразіе мѣстныхъ говоровъ и племенныхъ языковъ; 3) въ отвлеченіи отъ соціологіи и географіи, съ точки зрѣнія хронологіи, какъ разнообразіе языковыхъ состояній, слѣдующихъ одно за другимъ во временной послѣдовательности. Между всѣми говорами, свойственными извѣстной языковой области или извѣстной языковой территоріи, особое мѣсто отводится прежде всего выросшему на той же почвѣ *письменному* или *литературному* языку. Живымъ источникомъ

такого языка является обыкновенно говоръ извѣстной части народа, извѣстнаго класса, первенствующаго въ какомъ-либо отношеніи и имѣющаго перевѣсъ надъ прочими въ церкви, въ управленіи, въ торговлѣ и т. п. Почти всегда такой литературный языкъ образуется искусственно, подъ вліяніемъ родственныхъ языковъ. Такъ наприм., итальянскій литературный языкъ, сложившійся съ легкой руки Данта, никогда не былъ «живымъ» говоромъ, никто на немъ не говорилъ; онъ произошелъ литературнымъ путемъ, подъ вліяніемъ латинскаго языка. Нѣмецкій литературный языкъ родился прежде всего въ саксонскихъ канцеляріяхъ, подъ преобладающимъ вліяніемъ того же латинскаго языка. Русскій литературный языкъ обязанъ своимъ происхожденіемъ церковно-славянскому языку. Въ древнѣйшемъ литературномъ польскомъ языкѣ не трудно замѣтить сильное вліяніе языковъ чешскаго, нѣмецкаго и латинскаго. Вслѣдствіе взаимнаго вліянія членовъ того же семейства или же другой небольшой группы людей, составляющихъ особое языковое общество, происходитъ смѣшеніе индивидуальныхъ языковъ; вслѣдствіе же взаимнаго вліянія племенъ и народовъ происходитъ смѣшеніе языковъ племенныхъ. Это смѣшеніе можетъ быть разныхъ степеней, начиная съ минимума, т. е. съ соприкосновенія къ другимъ племенамъ безъ всякаго видимаго слѣда въ собственномъ языкѣ, и кончая максимумомъ, т. е. языковою денаціонализаціей, принятіемъ чужого языка вмѣсто своего прежняго. Между этими двумя крайностями стоятъ ***смѣшанные языки***, съ перевѣсомъ на сторонѣ то того, то другого языка, или съ равнымъ, одинаковымъ участіемъ обоихъ источниковъ во вновь образовавшейся языковой смѣси. Вообще мы можемъ различать слѣдующіе главные виды языкового смѣшенія: 1) заимствованія изъ чужого языка подвергаются въ данномъ языкѣ полному уподобленію; 2) заимствованія не вполнѣ ассимилируются, сохраняя отпечатокъ чужого происхожденія; 3) два языковыхъ элемента взаимно почти уравновѣшиваются, складываясь при этомъ въ цѣльную однородную систему представленій; 4) смѣшанный Я. является сочетаніемъ обоихъ языковъ, входящихъ въ его составъ. Къ этой послѣдней категоріи принадлежатъ, напр., языки, происходящіе изъ смѣшенія китайскаго яз. съ языками европейскими: русско-китайскій (кяхтинскій, маймачинскій), португальско-китайскій, англійско-китайскій и т. д. Заимствованіе чужихъ языковыхъ элементовъ и смѣшеніе языковъ вообще совершается или путемъ устнаго, непосредственнаго общенія (напр. взаимное вліяніе языковъ польскаго и литовскаго, русскаго и литовскаго, русскаго и латышскаго, русскаго и нѣмецкаго, польскаго и нѣмецкаго, нѣмецкаго и французскаго, языковъ финно-угорскихъ и славянскихъ и т. д.), или путемъ вліянія современной письменности (напр. вліяніе французской письменности на нѣмецкую), или путемъ вліянія письменностей древнихъ, изучаемыхъ и болѣе или менѣе усердно культивируемыхъ (напр. вліяніе арабской письменности на языки мусульманскихъ народовъ, вліяніе письменностей греческой и римской на языки европейско-американскихъ народовъ и т. д.), или, наконецъ, путемъ вліянія космополитической общечеловѣческой культуры и образованности (*телефонъ*, *телеграфъ*, *фонографъ*, вообще техническая и научная терминологія). Несомнѣнно также вліяніе церкви, церковнаго Я., все равно, близко-ли родственнаго данному языку, или же нѣтъ (напр. вліяніе церковно-славянскаго языка на языки славянскихъ народовъ, принадлежащихъ къ восточной церкви, вліяніе того же церковно-славянскаго языка на языкъ румынскій, вліяніе церковной латыни на языки романскихъ народовъ, вліяніе той же латыни на языки народовъ не-романскихъ и т. п.). Подобное же вліяніе можетъ имѣть языкъ того же названія, т. е. какъ будто тотъ же языкъ, но только изъ прежней эпохи своего существованія — языкъ, окостенѣвшій въ молитвахъ и другихъ произведеніяхъ, носящихъ на себѣ религіозно-церковный отпечатокъ (напр. отраженіе древне-польскаго языка въ нынѣшнихъ польскихъ молитвахъ). Нѣкоторыя выраженія перешли изъ молитвъ въ обыкновенный, обиходный языкъ. Нельзя также отрицать вліянія иноязычной школы, чужого оффиціальнаго или приказнаго языка, военной службы въ арміяхъ, состоящихъ изъ чужеязычныхъ элементовъ и съ командою чужеязычной. Въ исторіи языковъ наблюдается постепенное уменьшеніе ихъ разнообразія языковъ, исчезновеніе нѣкоторыхъ языковъ въ борьбѣ за существованіе. Факторомъ, рѣшающимъ въ этой борьбѣ, бываетъ обыкновенно или большее число говорящихъ на извѣстномъ Я. и вслѣдствіе этого ассимилирующихъ себѣ племя не столь многочисленное, или же какія-либо особыя преимущества побѣждающаго языка. При относительной одинаковости статистическихъ и общественныхъ условій, въ процессѣ исчезновенія одного языка въ пользу другого имѣютъ болѣе шансовъ удержаться и все болѣе распространяться ***языки болѣе легкіе***, требующіе при ихъ усваиваніи меньшаго напряженія умственныхъ способностей и органовъ произношенія. Такъ напр., при столкновеніи румынскій языкъ беретъ перевѣсъ надъ языками славянскими. Этотъ перевѣсъ языковъ болѣе легкихъ проявляется не только при исчезновеніи языковъ, но и при ихъ смѣшеніи. При этомъ процессѣ пропадаютъ тонкости и мелкія различія языка болѣе труднаго, недоступныя для представителей другого племени. Морфологически подвижной акцентъ, свойственный языку одного изъ племенъ, смѣшивающихся въ языковомъ отношеніи, исчезаетъ и уступаетъ мѣсто однообразію акцента именно подъ вліяніемъ другого языка, которому раньше была чужда подобная подвижность. Подвергшись вліянію языковъ безъ морфологически подвижного ударенія, потеряли его въ большей или меньшей степени языки латинскій, англійскій, сѣверо-западные славянскіе языки (чешскій, словацкій, польскій), латышскій, армянскій и т. д. Подобнымъ образомъ исчезаетъ или, по крайней мѣрѣ, слабѣетъ чутье родовыхъ различій, если одному изъ смѣшивающихся языковъ грамматическіе ро-

ды были свойственны, другому—чужды. Такъ напримѣръ, армянскій Я., причисляемый къ аріоевропейскимъ, не имѣетъ вовсе родовъ, очевидно подъ вліяніемъ какого-то другого языка, вошедшаго въ его составъ какъ другой его главный составной элементъ. Неопредѣленнаго характера флексія, основанная на ассоціаціи различныхъ падежныхъ, личныхъ, временныхъ и т. п. представленій съ представленіями извѣстныхъ измѣненій въ окончаніяхъ и внутри слова, свойственная одному изъ смѣшивающихся лингвистически племенъ, можетъ быть совершенно непонятна другому племени, а это ускоряетъ разложеніе словъ, появленіе и развитіе языковой децентрализаціи (напримѣръ, замѣну латинской флексіи «агглютинитивнымъ» строемъ романскихъ языковъ). Вообще можно сказать, что при смѣшеніи языковъ Я. вновь образующійся является сложною равнодѣйствующею, своими составными частями наклоняющеюся въ сторону болѣе легкихъ особенностей обоихъ языковъ. Заимствованіе изъ одного языка въ другой можетъ быть заимствованіемъ: 1) знаменательныхъ словъ; 2) синтаксическихъ оборотовъ; 3) извѣстныхъ морфологическихъ компонентовъ или морфемъ (напр. живые русскіе суффиксы *-ист-* и *-енцiя*, заимствованные изъ латинскаго и присоединяемые ко всякаго рода основамъ, даже чисто «славянскаго» происхожденія: *строкулистъ*, *бабенція*); 4) извѣстныхъ частицъ, партикулъ (русскія *псевдо-*, *квази-*); 5) даже звуковъ или фонемъ. Это послѣднее можетъ состоять или въ введеніи въ Я. новыхъ, прежде ему чуждыхъ звуковъ и звуковыхъ сочетаній (напр. въ русскихъ говорахъ, имѣющихъ вообще сжатое и взрывное *г*, *g*, появленіе спирантнаго *г*, *h*, словъ *благо*, *Господь*, *Бога*, изъ юго-западнорусскаго церковнаго произношенія), или же въ чужомъ, иноплеменномъ способѣ произношенія звуковъ, раньше уже существовавшихъ (въ русской языковой области сюда, по всей вѣроятности, слѣдуетъ отнести извѣстныя видоизмѣненія въ произношеніи *ч*, *ш*, *ж*; въ польской языковой области замѣтно нѣмецкое вліяніе городовъ, первоначально нѣмецкихъ, затѣмъ ополяченныхъ). Я. существуетъ и измѣняется не произвольно, не благодаря какому-то капризу, но по постояннымъ законамъ—не по «звуковымъ законамъ» ибо таковыхъ въ языкѣ не существуетъ и не можетъ существовать, но по законамъ психическимъ и соціологическимъ, при чемъ соціологію мы отожествляемъ съ такъ называемою психологіей народовъ (Völkerpsychologie). Къ выводу о постоянныхъ «законахъ» Я. мы приходимъ съ одной стороны a priori, на основаніи общаго научнаго мышленія, не допускающаго произвола, съ другой — путемъ тщательныхъ наблюденій надъ жизнью языка у отдѣльныхъ индивидовъ и у разныхъ человѣческихъ обществъ. Популярный терминъ *«языковый обычай»* (Sprachgebrauch, usus), какъ привычка всѣхъ или многихъ, въ практической грамматикѣ равносиленъ съ предписаніемъ, съ правиломъ, въ грамматикѣ же строго научной—съ языковымъ «закономъ». Въ практикѣ языка, и притомъ во всѣхъ отдѣлахъ языковой жизни замѣчаются ассимиляціонныя и аккомодаціонныя вліянія въ различныхъ направленіяхъ: 1) вліяніе того, что мы только намѣреваемся сказать, или же того, что только что было сказано (ассоціаціи по смежности или по временной послѣдовательности); 2) вліяніе группъ представленій, побуждаемыхъ одновременно къ обнаруженію или ко «всплытію на поверхность сознанія» въ психически-языковомъ центрѣ (ассоціаціи по сходству); 3) вліяніе слышаннаго отъ другихъ лицъ или даже того, что, по нашимъ соображеніямъ, ожидается въ рѣчи этихъ другихъ лицъ. Какъ въ индивидуальномъ, такъ и въ племенномъ языкѣ существуютъ различныя хронологическія наслоенія, т. е. запоминаемыя или путемъ преданія передаваемыя послѣдствія сложнаго дѣйствія условій, свойственныя слѣдующимъ одна за другою эпохамъ жизни языка, но затѣмъ исчезающихъ и перестающихъ дѣйствовать. Строй языка постепенно измѣняется. «Агглютинація» переходитъ во «флексію», «флексія» перерождается въ «агглютинацію» другого рода, та опять въ другую «флексію», и такъ далѣе, безъ конца. При потерѣ чутья дѣлимости словъ извѣстныя слова, воспринимаемыя нѣкогда сложными (composita), сростаются въ одно недѣлимое цѣлое, а это благопріятствуетъ впослѣдствіи различнымъ фонетическимъ сокращеніямъ и перерожденіямъ (примѣры: французскія недѣлимыя droit, avou-é, aujourd'hui..., являющіяся историческимъ продолженіемъ латинскихъ дѣлимыхъ di-re-c-t-u-m, ad-voc-a-t-us, ad ill-u-m di-ur-n-u-m de h-o-di-e...; русскія теперь недѣлимыя *человѣкъ*, *медвѣдь*, *прости*, разлагавшіяся въ языковомъ мышленіи лингвистическихъ предковъ нынѣшнихъ русскихъ на *чел-о-вѣк-*, *медв-ѣд-* или *мед-о-ѣдь*, *про-ст-...*). Разсматривая языки на протяженіи многихъ тысячелѣтій, мы констатируемъ постоянныя, хотя и медленныя колебанія строя словъ (морфологическія осцилляціи). Въ жизни языка замѣчается постоянный трудъ надъ устраненіемъ хаоса, разлада, нестройности и нескладицы, надъ введеніемъ въ него порядка и однообразія. Это стремленіе сказывается въ различныхъ направленіяхъ: 1) въ индивидуально-языковой жизни—разнообразіе дѣтскаго языка (разные языки дѣтей, принадлежащихъ къ той же семьѣ) исчезаетъ, и Я. дѣтей уподобляется языку окружающихъ; 2) въ жизни племенно-языковой —разнообразіе языковъ все уменьшается, хотя съ другой стороны происходитъ тоже діалектическое распаденіе, т. е. дѣленіе нѣкогда одинаковаго языкового состоянія на нѣсколько новыхъ разновидностей; 3) въ самомъ языкѣ уменьшается богатство формъ обособленныхъ, другъ съ другомъ не связанныхъ, и его мѣсто занимаетъ подведеніе подъ извѣстные типы. Рядомъ съ этимъ мы имѣемъ, при извѣстныхъ условіяхъ, распаденіе прежнихъ однообразій на многообразія. Таково, напр., въ исторической фонетикѣ распаденіе прежняго однообразія согласнаго *k* на разнообразіе *k*| *č*| *c* (к| ч| ц); впослѣдствіи это новое многообразіе устраняется отчасти усиліемъ психиче-

скаго труда. Мы видимъ здѣсь борьбу разнообразія природы и жизни съ приводящимъ въ порядокъ человѣческимъ духомъ. *Языковое знаніе*, т. е. восприниманіе и познаваніе міра въ языковыхъ формахъ, стремится къ упорядоченію по извѣстнымъ психическимъ типамъ. Обыкновенно формы «правильныя», т. е. типичныя, считаются болѣе древними и болѣе первичными, нежели «исключенія» изъ правилъ; предполагается, что исключенія и неправильности развились позже, какъ «уклоненія отъ правилъ». Между тѣмъ, по новѣйшему и несомнѣнно единственному раціональному взгляду, развиваемому между прочимъ Вундтомъ, языковыя «исключенія» и «неправильности» представляютъ болѣе древнее явленіе, правильности же являются слѣдствіемъ болѣе поздняго уподобленія и выравненія, совершенно такъ же какъ неограниченное множество Я. уменьшалось постепенно подъ вліяніемъ взаимнаго общенія племенъ. Въ развитіи и исторіи Я. и языковъ, какъ рѣчи человѣческой во всемъ ея разнообразіи и всеобщности, замѣтно все большее удаленіе другъ отъ друга двухъ полюсовъ языкового общенія: 1) въ самихъ говорящихъ индивидахъ произношеніе все болѣе выходитъ наружу, а съ другой стороны все болѣе одухотворяется внутренняя, знаменательная сторона Я. 2) Во взаимномъ общеніи жителей земного шара, благодаря изобрѣтеніямъ въ родѣ телеграфа, телефона и т. д., пути обмѣна мыслей все болѣе удлиняются.

Литература предмета (къ статьямъ Языкъ и Языкознаніе). Какъ сочиненія и разсужденія *общаго энциклопедичесаго характера*, вообще вводящія въ предметъ и ознакомляющія со всѣмъ запасомъ лингвистическихъ вопросовъ, можно назвать: B. Delbrück, «Einleitung in das Sprachstudium» (3-е изд., Лпц., 1895). Раньше вышелъ русскій переводъ этого сочиненія, съ 1-го нѣмецкаго изданія, напечатанный въ «Филологическихъ Запискахъ» А. А. Хованскаго (Воронежъ, 1884, I, III; 1885, II; 1887, VI; 1888, I, V, подъ загл. «Введеніе въ изученіе языка. Къ теоріи и методамъ сравнительнаго языкознанія». Печатается русскій переводъ съ послѣдняго изданія подъ редакціей и съ примѣчаніями проф. С. К. Булича, дополнившаго это сочиненіе обширнымъ очеркомъ исторіи языкознанія въ Россіи); L. Adam, «Les classifications, l'objet, la méthode, les conclusions de la linguistique» (1882); K. W. L. Heise, «System der Sprachwissenschaft» (B., 1856); Abel Hovelacque, «La linguistique» (3 изд., 1882); Friedrich Müller, «Grundzüge der Sprachwissenschaft» (B., 1876 — 1888; въ I-й части I-го тома: «Einleitung in die Sprachwissenschaft»); F. Max Müller, «Lectures on the science of language» (Л.; есть русскій переводъ); F. Max Müller, «Die Wissenschaft der Sprache» (Лпц., 1892). Ср. W. D. Whitney, «Max Müller and the Science of Language: a Criticism» (Нью-Іоркъ, 1892); Hanns Oertel, «Lectures on the study of language» (Нью-Іоркъ, 1901); D. Pezzi, «Introduction à l'étude de la science du langage» (перев. съ итал., Пар., 1875); A. H. Sayce, «Introduction to the Science of Language» (Л., 1880); W. D. Whitney, «Language and the study of language» (Л., 1867); W. D. Whitney, «The Life and Growth of Language» (1875); И. Бодуэнъ-де-Куртенэ, «Нѣкоторыя общія замѣчанія о языковѣдѣніи и языкѣ» («Журн. Мин. Нар. Пр.», XLIII, 1871, февр.; тоже отд. отт.); С. К. Буличъ, «Что такое языкознаніе?» («Вѣстникъ и библіотека самообразованія», 1903, № 7, 313—324); А. Л. Погодинъ, «Руководство къ самообразованію. Основной курсъ общаго языкознанія» (СПб., 1897).—Сочиненія и разсужденія основныя, изслѣдующія *природу языка* въ связи съ *психическою жизнью*, во главѣ которыхъ слѣдуетъ поставить W. Wundt, «Völkerpsychologie. Erster Band. Die Sprache» (Лпц., 1900); ср. рефератъ Ѳ. Ф. Зѣлинскаго въ «Вопросахъ Философіи и Психологіи» (1902, кн. 61 и 62). Это сочиненіе дѣйствовало возбуждающе и вызвало цѣлый рядъ замѣтокъ и даже особыхъ книгъ и брошюръ. Сюда, между прочимъ, относятся: L. Delbrück, «Grundfragen der Sprachforschung, mit Rücksicht auf W. Wundts Sprachpsychologie erörtert» (Страсбургъ, 1901); W. Wundt, «Sprachgeschichte und Sprachpsychologie» (Лейпцигъ, 1901). См. еще Ottmar Dittrich, «Grundzüge des Sprachpsychologie» (Галле, 1904); G. von der Gabelentz, «Die Sprachwissenschaft, ihre Aufgaben, Methoden und bisherigen Ergebnisse» (Лейпцигъ, 1893); A. Giesswein, «Die Hauptprobleme der Sprachwissenschaft in ihren Beziehungen zur Theologie, Philosophie und Anthropologie» (Фрейбургъ въ Брейсгау, 1893); G. Glogau, «Steinthals psychologische Formeln zusammenhängend entwickelt» (Берлинъ, 1876); Henry, «Antinomies linguistiques» (Парижъ, 1896); H. Schuchardt, въ «Litteraturblatt für germanische und romanische Philologie» (1897, № 7); Wilhelm von Humboldt, «Ueber die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues und ihren Einfluss auf die geistige Entwickelung des Menschengeschlechts» (съ введ. и прим. Потта, 2-е изд., Б., 1880); Letourneau, «La psychologie éthnique» (Пар., 1903); Fr. Mauthner, «Beiträge zu einer Kritik der Sprache»; Kristoffer Nyrop, «Das Leben der Wörter» (Лпц., 1903); Osthoff u. Brugman, «Morphologische Untersuchungen auf dem Gebiete der Indogermanischen Sprachen» (Лпц., 1878); H. Paul, «Prinzipien der Sprachgescichte (3 изд., Галле, 1898); Saint-Paul, «Le langage intérieur et les paraphasies» (1904); A. H. Sayce, «The principles of Comparative Philology» (2-е изд., Л., 1875); H. Schuchardt, «Ueber die Lautgesetze. Gegen die Zunggrammatiker» (Б., 1885); H. Steinthal, «Abriss der Sprachwissenschaft. I. Theil. Die Sprache im Allgemeinen. Einleitung in die Psychologie u. Sprachwissenschaft» (2-е изд., Б., 1881); G. F. Stout, «Thought and Language» («Mind», XVI, 1891, 181—205); Strong, Logeman, Wheeler, «Introduction to the Study of the History of Language» (Л., 1891); H. Sweet, «The History of language» (Л., 1901); A. Thumb und K. Mahbe, «Experimentelle Untersuchungen über die

psychologischen Grundlagen der sprachlichen Analogiebildung» (Лпц., 1901); E. Wechsler, «Giebt es Lautgesetze?» (Галле, 1900); Ph. Wegener, «Grundfragen des Sprachlebens» (Галле, 1885); К. Аппель, «Нѣсколько словъ о новѣйшемъ психологическомъ направленіи языкознанія» («Рус. Филологич. Вѣстн.», Варшава, 1882, отд. отт.); K. Appel, «Psychologja mowy, rzecz z powodu «Psychologji oraz filozofji mowy Dr. Władysława Ołtuszewskiego» («Przegląd Filozoficzny», 1899); Н. Крушевскій, «Очеркъ науки о языкѣ» (Казань, 1883); А. Потебня, «Мысль и языкъ» (2-е изд., Харьк., 1892); его же, «Изъ записокъ по русск. грамматикѣ» (изд. 2-е, тамъ же, 1889); J. Baudouin de Courtenay, «O psychicznych podstawach zjawisk językowych» («Przegląd Filozoficzny», Варшава, VI, 1903; тоже отд. отт.); J. Baudouin de Courtenay, «Próba uzasadnienia samoistności zjawisk psychicznych na podstawie faktów językowych» («Rozprawy Wydziału filologicznego Akademii Umiejętności w Krakowie», XL, 1904; тоже отд. отт.); Бодуэнъ-де-Куртенэ, «Лингвистическія замѣтки. О связи грамматическаго рода съ міросозерцаніемъ и настроеніемъ людей, говорящихъ языками, различающими родъ» («Журн. Мин. Нар. Просв.», 1900, стр. 367—370).—Разсмотрѣнію разныхъ *общелингвистическихъ вопросовъ* посвящены, между прочимъ: J. Baudouin de Courtenay, «Szkice językoznawcze» (Варшава, 1904); В. А. Богородицкій, «Очерки по языковѣдѣнію и русскому языку»» (Казань, 1901); И. Бодуэнъ-де-Куртенэ, «Лингвистическія замѣтки и афоризмы. По поводу новѣйшихъ лингвистическихъ трудовъ В. А. Богородицкаго» («Журн. Мин. Нар. Просв.», 1903). Изслѣдованія *языка дѣтей* и вообще *языковой эмбріологіи*. Emile Allix, «Etude sur la physiologie de la première enfance» (П., 1867); W. Ament, «Die Entwicklung von Sprechen und Denken beim Kinde» (Лпц., 1902); J. Baudouin de Courtenay, «Einige Beobachtungen an Kindern» («Beiträge zur vergleich. Sprachforschung», VI, 1870, 215—220); Charles Darwin, «A bibliographical sketch of an infant» («Mind», 1877, іюль); J. Wł. Dawid, «Program spostrzeżeń psychologiczno-wychowawczych nad dzieckiem od urodzenia do lat dwudziestu życia, przewodnik ułatwiający poznanie dziecka» (Варшава, 1887); G. Deville, «Notes sur le développement du langage chez les enfants» («Revue de linguistique», XXIV, 1891); Agath Keber, «Zur Philosophie der Kindersprache. Gereimtes und Ungereimtes» (Галле, 1868); E. Neumann, «Die Sprache des Kindes» (1904); W. Ołtuszewski, «Rozwój mowy u dziecka, oraz stosunek tego rozwoju do jego inteligencji» (Варшава, 1896); Bernard Pérez, «La psychologie de l'enfant. L'enfant de trois à sept ans» (П., 1896, «Bibliothèque de philos. contemp.»); W. Preyer, «Die Seele des Kindes» (2-е доп. изд., Лпц., 1884); Fritz Schultze, «Die Sprache des Kindes» (Лпц., 1880, «Darwinistische Schriften», № 10); Berthold Sigismund, «Kind und Welt. I. Die fünf ersten Perioden des Kinderalters» (Брауншвейгъ, 1856); Dr. Sikorski, «L'évolution psychique de l'enfant» («Revue philosophique», 1885, № 3, 4); H. Taine, «Note sur l'acquisition du langage chez les enfants et dans l'espèce humaine» («Revue philos.», 1876, I, 5—23; тоже въ приложеніи къ книгѣ Тэна «De l'intelligence»); Henrik Wernic, «Biografia dziecka» («Ateneum», 1879, IV, 484—511); А. Александровъ, «Дѣтская рѣчь» («Рус. Филол. Вѣстникъ», Варшава, 1883); В. Благовѣщенскій, «Дѣтская рѣчь» (ib., 1886, XVI, № 3, 73—101); Б. Ленскій, «Дѣтская рѣчь» («Семья и школа», 1883, № 1, январь, 23—52); И. А. Сикорскій, «О развитіи рѣчи у дѣтей» («Еженедѣльная Клиническая Газета», 1881, 1-й годъ, № 37 и 38); Аделаида Симоновичъ, «О дѣтскомъ языкѣ» («Мысль», 1880, май.). О *языкѣ животныхъ*: R. L. Garner, «The Speech of Monkeys» (Л., 1892); C. Sterne, «Die wissenschaftliche Untersuchung der Tiersprachen» («Prometheus», III, № 27); J. Winteler, «Naturlaute und Sprache» (Аарау, 1892); В. Бёльше, «Языкъ обезьянъ» («Вѣстн. и библіотека самообразованія», 1903, № 34). О *началѣ языка* въ родѣ человѣческомъ: C. Abel, «Ueber den Ursprung der Sprache» (2 изд., Б., 1881); W. H. J. Bleek, «Ueber den Ursprung der Sprache» (Веймаръ, 1868); Donavan, «The Festal Origin of Human Speech» («Mind», XVI, 1891); L. Geiger, «Ursprung u. Entwickelung der menschlichen Sprache und Vernunft» (Штуттг., 1869—72); L. Geiger, «Zur Entwickelungsgeschichte der Menschheit» (1871); L. Geiger, «Ursprung der Sprache» (Штуттг., 1869); J. Grimm, «Ueber den Ursprung der Sprache» («Kleinere Schriften», B., 1864); L. Gumplowicz, «Der Rassenkampf. Sociologische Untersuchung» (Инсбрукъ, 1883); L. Gumplowicz, «System socyologii» (Варшава, 1887, 345—374); Herder, «Ueber den Ursprung der Sprache» (Б., 1789); W. von Humboldt, «Ueber das vergleichende Sprachstudium» (Б., 1822, «Gesammte Werke», III); O. Jespersen, «Sprogets Oprindelse» («Tilskeren», октябрь-ноябрь, 1892); Morgan Kavanagh, «Origin of language and myths» (Л., 1871); Hevitt Key, «Language, its Origin and Developpement» (Л., 1874); R. Lenz, «Ueber Ursprung und Entwickelung der Sprache» («Die neuren Sprachen», VIII); Noiré, «Der Ursprung der Sprache» (Майнцъ, 1877); E. Renan, «De l'origine du langage» (4-е изд., П., 1863); G.-J. Romanes, «L'évolution mentale chez l'homme, origine des facultés humaines» (П., 1891); H. Steinthal, «Der Ursprung der Sprache im Zusammenhang mit den letzten Fragen alles Wissens» (4-е изд., Б., 1888); W. Szokalski, «Początek i rozwój umysłowości w przyrodzie» (Варшава, 1885); Wackernagel, «Ueber den Ursprung und die Entwickelung der Sprache» (Базель, 1872); Wedgewood, «On the origin of language» (Л., 1866); Zaborowski, «L'origine du langage» (П., 1879, «Bibliothèque utile»). *Научныя грамматики отдѣльныхъ языковъ* или группъ языковъ: Kretschmer, «Einleitung in die Geschichte der griechischen Sprache» (1896); A. Meillet, «L'introduction à l'étude comparative des langues indoeuropéennes» (П., 1903); R. Meringer, «Indogermanische Sprachwissenschaft» (2-е изд., Лпц.); Carl Voretsch, «Einführung in das Studium der altfranzösischen Sprache»

(Галле, 1901). Объ *отношеніи языка къ расѣ, къ національности* и т. п.: M. Bréal, «Le langage et les nationalités» («Revue des deux Mondes», 1891); A. Lefèvre, «Les races et les langues» (П., 1893); Fr. Müller, «Ethnologie und Sprachwissenschaft» («Ausland», № 52, 1891); В. М. Добровскій, «Зачатки прикладного языкознанія, какъ науки о національзмѣ» («Филолог. Записки» А. А. Хованскаго, 1889, III—IV).

Обозрѣнія языковыхъ міровъ, характеристики семействъ языковъ и ихъ развѣтвленій и т. д.: J. Budenz, «Ueber die Verzweigung der ugrischen Sprachen» («Beiträge zur Kunde der Indogermanischen Sprachen», IV т., Геттингенъ, 1879); Friedrich Müller, «Grundriss der Sprachwissenschaft» (B., 1875—88, см. выше); Friedrich Müller, «Reise der österreichischen Fregatte Novara um die Erde. Linguistischer Theil» (B., 1867); A. Schleicher, «Die Sprachen Europas in systematischer Uebersicht» (Боннъ, 1850); Winkler, «Das Uralaltaische und seine Gruppen»; Winkler, «Uralaltaische Völker und Sprachen» (1884); И. Бодуэнъ-де-Куртенэ, «Нѣсколько словъ о сравнительной грамматикѣ индо-европейскихъ языковъ» («Журн. Мин. Нар. Просв.», CCXVIII, 1881, декабрь; тоже отд. отт.).

Принципы классификаціи языковъ: James Byrne, «General principles of the structure of language» (Лонд., 1-е изд., 1885; 2-е изд., 1892); F. N. Finck, «Die Klassifikation der Sprachen» (Марбургъ, 1901); G. v. d. Gabelentz въ «Die Sprachwissenschaft» (см. выше; здѣсь излагаются принципы психологической характеристики главныхъ языковыхъ типовъ); A. Giesswein, «La réductibilité des langues au point de vue morphologique» (П., 1891); R. de la Grasserie (Techmer's «Internationale Zeitschrift für allgem. Sprachwiss». IV—V; устанавливаются группы языковъ, генеалогически родственныхъ и исчисляются языки, стоящіе особнякомъ); W. v. Humboldt, «Ueber die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues» (см. выше); O. Jespersen, «Progress in language with special reference to english» (Л., 1894); E. Kuhn, «Ueber Herkunft und Sprache der transgangetischen Völker» (Мюнхенъ, 1883); Johannes Schmidt, «Die Verwandtschaftsverhältnisse der indogermanischen Sprachen» (Веймаръ, 1872); Hugo Schuchardt, «Ueber die Klassifikation d. romanischen Mundarten» (Грацъ, 1900); H. Steinthal, «Charakteristik der hauptsächlichsten Typen des Sprachbaues» (Б., 1860); F. Misteli, «Charakteristik der hauptsächlichsten Typen das Sprachbaues. Neubearbeitung des Werkes von Prof. H. Steinthal, 1861» (Б., 1893; «Abriss der Sprachwissenschaft von A. Steinthal und F. Misteli»); H. Weil, «De l'ordre des mots dans les langues anciennes comparées aux langues modernes» (1844, 2 изд., «Collection Philologique», III, П., 1879); J. Baudouin de Courtenay, «Uebersicht der slavischen Sprachenwelt im Zusammenhange mit den anderen arioeuropäischen Sprachen» (Лпц., 1884); Бодуэнъ де-Куртенэ, «Подробная программа лекцій въ 1876—1877 уч. году» (Казань, 1878); «Подробная программа лекцій въ 1877 — 78 уч. году» (Казань, 1881; въ обѣихъ этихъ программахъ подробная тогдашняя библіографія по сравнительной характеристикѣ и классификаціи языковъ). О *смѣшеніи языковъ* и о *смѣшанныхъ языкахъ*: M. Bréal et F. G. Möhl, «Le Mécanisme grammatical peut-il s'emprunter?» («Mémoires de la société de linguistique de Paris», 1890, VII); A. Dietrich, «Les parlers créoles des Mascareignes» («Romania», XX); B. P. Hasdeu, «Le type syntactique homo-ille illebonus et sa parentèle» («Archivio glottologico italiano», 1878); H. Schuchardt: «Basken und Romanen» («Sitzungsberichte der anthropol. Gesellschaft in Wien», 1901, B.), «Italo-Slawisches und Slawo-Italienisches» («Archiv für slavische Philol.», XIII), «Romano-magyarisches» («Zeitschrift für romanische Philologie», XV), «Slawodeutsches und slawo-italienisches» (Грацъ, 1885), «Kreolische Studien» (IX, B., 1891), «Neueste Literatur über die lateinischen und romanischen Bestandtheile der südosteuropäischen Sprachen» («Literaturblatt für germanische und romanische Philologie», 1893, № 4); И. Бодуэнъ-де-Куртенэ, «О смѣшанномъ характерѣ всѣхъ языковъ» («Журн. Мин. Нар. Просв.», 1900, № 9). О способѣ *собиранія лингвистическихъ матеріаловъ*: G. v. der Gabelentz, «Handbuch der Aufnahme fremder Sprachen» (Б., 1892); Kirchhof, «Führer für die Forschungsreisenden»; Neumayer, «Anleitung zu wissenschaftlichen Beobachtungen auf Reisen» (Б., 1875). По *прикладному языковѣдѣнію* (*орѳоэпія* или *правильность языка*): A. Noreen и. A. Johannson, «Ueber Sprachrichtigkeit» («Indogermanische Forschungen», I, 1 и 2); A. Johannson. «Zu Noreens Abhandlung über Sprachrichtigkeit» («Indog. Forsch.» I, 3 и 4). Въ польской письменности посвященъ спеціально подобнымъ задачамъ выходящій съ 1901 г. въ Краковѣ ежемѣсячникъ «Poradnik językowy».—*Обученіе языкамъ* на научныхъ основаніяхъ: O. Jespersen, «Sprogundervisning» (Копенг., 1902); H. Sweet, «The practical study of languages» (Л., 1902).

Возсоздаваніе прошлаго, исторія культуры, миѳологія и т. п.: A. Brückner, «Cywilizacja i język» (Варшава, 1901); W. Geiger, «Linguistische Paläontologie» («Ausland», 1883, № 49); J. Grimm, «Deutsche Mythologie» (3-е изд., Геттингенъ, 1854); V. Hehn, «Kulturpflanzen und Hausthiere in ihrem Uebergang aus Asien nach Griechenland und Italien sowie in das übrige Europa» (2-е изд., Б., 1874; есть рус. перев.); Hellwald, «Der vorgeschichtliche Mensch» (Лпц., 1874); Lenormant, «Les premières civilisations» (Парижъ, 1875); A. Pictet, «Les origines indoeuropéennes ou les Aryas primitifs» (П., 1859, 1863); O. Schrader, «Sprachvergleichung und Urgeschichte» (2-е изд., Іена, 1890); его же, «Reallexikon d. indogermanischen Altertumskunde» (Страсб., 1901); А. Будиловичъ, «Первобытные славяне въ ихъ языкѣ, бытѣ и понятіяхъ по даннымъ лексикальнымъ» (Кіевъ, 1878, 1879); И. Бодуэнъ-де-Куртенэ, «Нѣсколько словъ о культурѣ первобытныхъ и древнихъ славянъ» («Русск. Филологич. Вѣстн.», 1879, отд. отт.); Н. И. Ивановъ, «Первобытная исторія индо-

европейцевъ на основаніи данныхъ сравнительнаго языкознанія» (извлеченіе изъ сочиненія Шрадера, «Филолог. Записки» А. А. Хованскаго», 1890, I); Ѳ. Кеппенъ, «Матеріалы къ вопросу о первоначальной родинѣ и первобытномъ родствѣ индоевропейскаго и финно-угорскаго племени» (СПб., 1886); Вл. Плотниковъ, «Главныя черты арійской доисторической культуры по даннымъ сравнительнаго языкознанія» («Филолог. Записки», 1890, II).

По *исторіи языковѣдѣнія*: Th. Benfey, «Geschichte der Sprachwissenschaft und orientalischen Philologie in Deutschland seit dem Anfange des XIX Jahrhunderts mit einem Rückblicke auf die früheren Zeiten» (Мюнхенъ, 1869); K. Brugmann, «Zum heutigen Stand der Sprachwissenschaft» (Страсбургъ, 1885); D. Pezzi, «Glottologia aria recentissima» (1877); H. Steinthal, «Geschichte der Sprachwissenschaft bei den Griechen und Römern mit besonderer Rücksicht auf die Logik» (Б., 1863); С. К. Буличъ, «Русскій языкъ и сравнительное языкознаніе», въ статьѣ «Россія» въ настоящемъ «Энцикл. Словарѣ», т. XXVIII, стр. 823—833 (здѣсь названы другіе труды по исторіи языкознанія въ Россія). — Болѣе или менѣе обширные очерки по исторіи языковѣдѣнія, какъ вообще, такъ и по отношенію къ отдѣльнымъ языковымъ семьямъ и ихъ вѣтвямъ, или же въ той или другой странѣ, можно найти въ сочиненіяхъ, обнимающихъ все языковѣдѣніе, въ его совокупности и въ сочиненіяхъ энциклопедическаго характера («введенія въ языковѣдѣніе», или же въ ту или другую «филологію»), между прочимъ—въ поименованномъ выше трудѣ Дельбрюка. Энциклопедическія введенія: «Grundriss der indo-arischen Philologie und Altertumskunde, her. von G. Bühler» (Страсб., 1895, слѣд.); «Grundriss der iranischen Philologie, her. von W. Geiger und E. Kuhn» (Страсб., 1895, слѣд.); «Grundriss der romanischen Philologie, her. von G. Gröber» (Страсб., 1888, слѣд.); «Grundriss der germanischen Philologie, her. von H. Paul» (Страсб., 1891, 1893). По части *библіографіи* языковѣдѣнія можно найти болѣе или менѣе полныя и точныя справки, между прочимъ, въ слѣдующихъ статьяхъ: Pott въ Techmer's «Internationale Zeitschrift für allgemeine Sprachwissenschaft»; K. Appel i A. A. Kryński, «Przegląd biblijograficzny prac naukowych o języku polskim» (Варшава, 1886); J. Karłowicz, «Językoznawstwo ogólne» («Poradnik dla samouków Aleksandra Heflicha i Stanisława Michalskiego. Część II», Варш., 1899); И. Бодуэнъ-де-Куртенэ, въ обѣихъ его «Подробныхъ программахъ лекцій» (см. выше). Весьма важное значеніе имѣютъ систематически веденныя обозрѣнія, появляющіяся періодически въ различныхъ журналахъ и повременникахъ, какъ обще-лингвистическихъ, такъ и занимающихся изслѣдованіемъ отдѣльныхъ языковыхъ семействъ и группъ языковъ, въ особенности весьма тщательные перечни и извлеченія Техмера (Techmer) въ его «Internationale Zeitschrift» (1884—1890), систематическія обозрѣнія въ «Anzeiger'ахъ», пополняющихъ «Indogermanische Forschungen» и «Finnischugrische Forschungen». Слѣдующія библіографическія сочиненія, относящіяся къ славянской филологіи, содержатъ тоже заглавія обще-лингвистическихъ трудовъ: «Věstník slovanských starožitností. Indicateur des travaux relatifs à l'antiquité slave» (Прага, 1898—1900, 4 выпуска; переименованъ затѣмъ въ «Věstník slovanské filologie a starožitností», Прага, 1901—1902; весьма полезное изданіе, не ограничивающееся одними только заглавіями, но обыкновенно знакомящее, иногда довольно обстоятельно, съ содержаніемъ цитируемыхъ книгъ и разсужденій; вышло только два выпуска, изъ которыхъ второй обнимаетъ библіографію за 1901 г.); «Славяновѣдѣніе въ повременныхъ изданіяхъ. Систематическій указатель статей, рецензій и замѣтокъ за 1900 годъ» (СПб., 1901; изданіе 2-го отдѣленія Императорской академіи наукъ). Слѣдующій выпускъ озаглавленъ «Славяновѣдѣніе въ 1901 г. Систематическій указатель трудовъ по языковѣдѣнію, литературѣ, этнографіи и исторіи» (СПб., 1903; изданіе далеко не удовлетворительное; въ библіографіи славяновѣдѣнія не указаны труды ни по русскимъ «языкамъ», «нарѣчіямъ» и «говорамъ», ни по изученію русскихъ племенъ вообще). Въ заключеніе назовемъ нѣкоторые *повременники*, или общелингвистическіе, или же удѣляющіе мѣста тоже изслѣдованіямъ въ этой области знанія: «Archiv für slavische Philologie, her. von Jagić»; «Beiträge zur Kunde der indogermanischen Sprachen, her. von Bezzenberger»; «Beiträge zur vergleichenden Sprachforschung, herausg. von Kuhn und Schleicher» (позже—Leskien und Schmidt); «Bulletin de la Société de linguistique de Paris»; «Finnisch-ugrische Forschungen, her. von E. N. Setälä und Kaarle Krohn» (Гельсингфорсъ, Лпц., 1901, слѣд.); «Indogermanische Forschungen, her. von Brugmann und Streitberg»; «Krok, časopis věnovaný veškerým potřebám středního školsva» (редакторъ Fr. Xav. Prusík, Прага, 1886, слѣд.); «Letopis Matice slovenske»; «Listy filologické (a paedagogické)»; «Materyały i prace Komisyi językowej Akademii umiejętności w Krakowie» (1901, слѣд.); «Mémoires de la société de linguistique de Paris»; «Modern Language Notes»; «Morphologische Untersuchungen, von Osthoff und Brugmann»; «La Parole» Paris; «Slovenské Pohłady red. Škultéty»; «Poradnik językowy» (см. выше); «Prace filologiczne red. Baudouin de Courtenay, Karłowicz, Kryński, Malinowski»; «Rad jugoslavenske Akademije znanosti i umjetnosti»; «Revue de linguistique et de philologie comparée»; «Revue des patois Gallo-Romans»; «Rozprawy Akademii umiejętości w Krakowie. Wydział filologiczny» (изрѣдка тоже «Wydział historyczno-filozoficzny»); «Sprawozdania Komisyi językowej Akademii umiejętności w Krakowie»; «Věstnik české Akademie»; «Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung, her. von A. Kuhn» (позже—J. Schmidt и др.); «Zeitschrift für Völkerpsychologie u. Sprachwissenschaft, her. von Lazarus u. Steinthal»; «Ljubljanski Zvon»; «Русскій Филологическій Вѣстникъ»; «Гласник српског ученог дружтва»,

«Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія»; «Ученыя Записки (и Извѣстія)» отдѣльныхъ русскихъ унив.; «Филологическія Записки», основанныя А. А. Хованскимъ; «Извѣстія отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ»; «Сборникъ отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ»; «Сборникъ на народни умотворения, наука и книжнина»; «Периодическо списание на българско-то книжевно дружество».

И. Б.-де-К.

Языкъ, *язычекъ*, *морской языкъ* (Solea vulgaris)—рыба изъ семейства камбаловыхъ (Pleuronectidae, см.).

Язычекъ (ligula): 1) у злаковъ (см. Злаки), продолженіе влагалища надъ мѣстомъ отхожденія пластинки листа.—2) У разноспоровыхъ плауновыхъ, селагинелловыхъ и изоэтовыхъ (см. Полушница), выростъ верхней, обращенной къ стебю, стороны листа въ видѣ нѣжнаго, пленчатаго, плоскаго тѣла, прикрѣпленный своимъ основаніемъ въ углубленіи близъ основанія листа; у селагинелловыхъ онъ хорошо бываетъ замѣтенъ только на молодыхъ листьяхъ, послѣ часто засыхаетъ и отпадаетъ; у изоэтовыхъ онъ находится въ ямкѣ выше спорангія.—3) Я. называютъ также отгибъ язычковаго цвѣтка у сложноцвѣтныхъ (см.).

Язычекъ—названіе, примѣняемое или къ жевательнымъ лопастямъ, наружнымъ и внутреннимъ (lobi externi и interni) нижней губы (labium) насѣкомыхъ, имѣющихъ жующія ротовыя части (см. Насѣкомыя) или только къ внутреннимъ лопастямъ (lobi interni) нижней губы у насѣкомыхъ съ лакающими ротовыми частями (перепончатокрылыя). Въ первомъ случаѣ Я. называется ligula, во второмъ glossa. У перепончатокрылыхъ, снабженныхъ типическими лакающими ротовыми частями (пчелъ, осъ, шмелей) Я. представляется въ видѣ длинной трубки, образовавшейся вслѣдствіе сростанія внутреннихъ лопастей и служащей для высасыванія нектара цвѣтовъ и меда; Я. усажены, въ особенности на концѣ, многочисленными чувствительными волосками, колбочками и другими микроскопическими хитиновыми образованіями, играющими, по всей вѣроятности, роль органовъ вкуса. Наружныя лопасти нижней губы перепончатокрылыхъ, остающіяся свободными и являющіяся въ видѣ небольшихъ придатковъ у основанія glossa, носятъ названіе придаточныхъ язычковъ (paraglossae). *М. Р.-К.*

Я., болѣзни его.—Такъ какъ функціональное значеніе его не велико, то и болѣзненныя пораженія его не играютъ особенной роли. Изъ пороковъ развитія встрѣчаются изрѣдка отсутствіе язычка въ сочетаніи съ другими пороками развитія небной занавѣски, ненормально малая и непомѣрно большая величина расщелины. Часто наблюдается отекъ Я. при воспаленіяхъ глотки, а также иногда какъ симптомъ общей водянки. Припухшій Я., свѣшиваясь внизъ, можетъ возбуждать непрерывный кашель. Я. можетъ преградить доступъ воздуху, особенно при лежаніи на спинѣ, и вызвать приступы удушья. Кровоизліянія въ язычкѣ случаются послѣ ушибовъ, напр., вслѣдствіе проглатыванія слишкомъ большихъ твердыхъ предметовъ. Описаны кровотеченія изъ Я., наступавшія замѣняющимъ образомъ вмѣсто мѣсячныхъ очищеній. Увеличеніе (гиперплазія) Я. встрѣчается нерѣдко на почвѣ хроническаго катарра; при этомъ Я. увеличенъ какъ въ длину, такъ и въ ширину. Симптомы, вызываемые этимъ заболѣваніемъ, состоятъ въ щекотаніи и откашливаніи, ощущеніи удушья при горизонтальномъ положеніи и утренней рвотѣ. Гиперплазія Я. часто обусловливается сопутствующимъ катарромъ глотки и съ устраненіемъ послѣдняго улучшается; поэтому слѣдуетъ лечить катарръ глотки, раньше чѣмъ прибѣгать къ ампутаціи увеличеннаго Я., которая иногда сопровождается тягостными явленіями. Изъ опухлей наблюдаются на Я. часто папилломы. *В. О—ій.*

Язычекъ (uvula)—у позвоночныхъ представляетъ собой выступъ мягкаго нёба, свѣшивающійся внизъ по срединной линіи. Зачатокъ имѣется у жираффъ и верблюдовъ, но вполнѣ развитой Я. свойствененъ человѣку и нѣкоторымъ обезьянамъ. *В. М. Ш.*

Язычество *греко-римское.*—§ 1) *Анимизмъ въ тѣсномъ смыслѣ слова* (культъ душъ). Древнѣйшей ступенью греко-римской религіи мы должны признать ту, которая является для нея общей съ большею частью первобытныхъ религій не только европейскихъ, но и другихъ народностей; это—культъ душъ умершихъ. Представленіе о переживаніи (но не безсмертіи) души послѣ смерти тѣла должно было возникнуть подъ вліяніемъ слѣдующихъ элементовъ: 1) наблюденій надъ сопровождающими смерть симптомами; сюда относится главнымъ образомъ: а) прекращеніе жизни съ послѣднимъ дыханіемъ; отсюда представленіе о душѣ какъ о дуновеніи, «духѣ» (греч. ψυχή «душа»—ψῦχος «прохлада»; лат. anima, animus—ἄνεμος «вѣтеръ»); б) помутнѣніе зрачка, имѣющее послѣдствіемъ исчезновеніе видимой въ немъ человѣческой фигурки (поэтому «зрачекъ» по-греч. κόρη, по-лат. pupilla—«куколка»); отсюда представленіе о душѣ въ моментъ смерти, какъ о крошечной человѣческой фигуркѣ, лишь впослѣдствіи достигающей своей натуральной величины. 2) Симптомовъ сна и галлюцинацій: появленіе умершаго особенно во снѣ должно было породить убѣжденіе, что спящій имѣлъ непосредственное общеніе съ его душою (аналогичное появленіе живыхъ вполнѣ послѣдовательно подало поводъ къ теоріи «экстаза», о которомъ см. ниже). 3) Неожиданныхъ и необъяснимыхъ событій, особенно злоключеній съ живущими (загадочныхъ болѣзней людей и скота, которыя естественнѣе всего было приписать вмѣшательству огорченныхъ смертью и поэтому злобныхъ душъ.—Признаніе существованія переживающихъ тѣло душъ, въ связи съ естественно возникшими представленіями 1) объ ихъ безпомощности, какъ лишенныхъ орудій тѣла, и 2) объ ихъ таинственной и страшной вредоносной силѣ (представленіями въ сущности противорѣчивыми, но фактически совмѣща-

мыми: «законъ совмѣстимости» Липперта) повело къ *культу душъ*. Этотъ культъ заключался: 1) въ совершаемыхъ по законному обряду похоронахъ умершаго т. е. (первоначально) погребенiи его несожигаемыхъ останковъ. Отнынѣ могила становится жилищемъ его души, между тѣмъ какъ душа непогребеннаго бродитъ по ночамъ, страдая сама и вредя другимъ; 2) въ извѣстномъ уходѣ за этой душой; погребенному давали въ могилу любимые имъ при жизни предметы; его въ извѣстные дни кормили и поили (для чего могилы устраивались соотвѣтствующимъ образомъ); учреждались особые «праздники душъ» (анѳестерiи — «праздникъ цвѣтовъ»—у грековъ, фералiи у римлянъ, и тѣ, и другiе въ февралѣ), во время которыхъ онѣ предполагались безвредно витающими въ средѣ живыхъ, радуясь приношенiямъ и зрѣлищамъ, и по истеченiи которыхъ ихъ прогоняли обратно («ступайте вонъ души, анѳестерiи кончились!» — у аѳинянъ). Чувства, въ которыхъ этотъ культъ имѣлъ свое основанiе, были: естественная любовь къ умершему, если онъ былъ близкимъ человѣкомъ, и желанiе облегчить его участь; страхъ передъ его душой и желанiе сдѣлать ее безвредной; забота о самомъ себѣ и желанiе обезпечить себѣ сносную участь послѣ смерти. Послѣднiя два чувства повели ко вмѣшательству общины въ культъ душъ: община слѣдила за нимъ, отчасти принимая на себя заботы о душахъ учрежденiемъ государственныхъ праздниковъ въ ихъ честь (изъ общихъ тризнъ и поминокъ развились въ Грецiи великiя нацiональныя игры и театральныя и иныя зрѣлища, у римлянъ гладiаторскiя игры), отчасти контролируя исправное исполненiе гражданами своихъ обязанностей относительно умершихъ родственниковъ. Желанiе обезпечить за собою посмертную заботу было однимъ изъ главныхъ стимуловъ къ основанiю семьи и оставленiю потомства и повело къ институту усыновленiя. Душа, какъ мстительная и вредящая, называлась у грековъ «керой» (κήρ), у римлянъ—«лемуромъ»; ея сила была особенно велика въ тѣхъ случаяхъ, когда она принадлежала человѣку, погибшему во цвѣтѣ лѣтъ (ἄωρος, «безвременный») и притомъ насильственною смертью: тогда «кера» дѣлалась «эринiей» (у римлянъ furia), которая требовала отъ ближайшихъ родственниковъ «кровавой мести» за себя и жестоко наказывала ихъ въ случаѣ упущенiя ея. Вообще признанiе существованiя и силы «керъ» имѣло послѣдствiемъ возникновенiе *чародѣйства*, и притомъ въ двоякомъ направленiи: 1) въ смыслѣ охраненiя живущихъ отъ мести души; тутъ средствами могли быть либо умилостивленiя, либо заклинанiя, либо въ особо серьезныхъ случаяхъ насилiя надъ тѣломъ умершаго (μασχαλισμός—«отсѣченiе рукъ»), и 2) въ смыслѣ использованiя силъ души живущими для ихъ личныхъ цѣлей. Сюда относится особенно: а) вызыванiе души, чтобы узнать отъ нея тайны прошлаго или будущаго («некромантiя») и 2) «связыванiе» врага направленной противъ него душой безвременно умершаго (καταδεσμός, defixio). Все это волшебство, будучи по своему существу очень древняго происхожденiя, не вымирало въ теченiе всей жизни античнаго мiра и особенно усилилось въ эпоху его упадка, сгруппировавшись вокругъ культа Гекаты (см. ниже).

Литература. Tylor, «Primitive culture» (русскiй переводъ—«Первобытная культура», 2-ое изд., 1896); Rohde, «Psyche», 1894 (это—оба основныхъ сочиненiя); Fustel de Coulanges, «La cité antique» (1864); Lippert, «Der Seelencult» (1881); его же, «Religion der europäischen Culturvölker» (1881); Кулаковскiй, «О смерти и безсмертiи» (1895).

§ 2. ***Анимизмъ въ широкомъ смыслѣ слова*** (одушевленiе окружающей природы). Признанiе силы и дѣйствительности отдѣленной отъ тѣла души повело къ тому, что и дѣйствiя живого тѣла стали приписываться движущей имъ душѣ; а разъ душа была причиной дѣйствiя, то послѣдовательное размышленiе навело человѣка на мысль, что и дѣйствiя отдѣльныхъ элементовъ окружающей его природы имѣли своимъ предположенiемъ обитающiя въ нихъ души. Касалось это, прежде всего, окружающей живой природы, т. е. особей животнаго и растительнаго царствъ; но такъ какъ нѣтъ твердой грани между жизнью и существованiемъ, то мало-по-малу, соразмѣрно съ расширенiемъ интереса и вниманiя, и всѣ вообще окружающiе человѣка предметы стали представляться одушевленными. Отсюда: 1) животныя, 2) растительныя, 3) предметныя и 4) стихiйныя души. Признанiе первыхъ повело къ тому, что убiенiе животнаго стало разсматриваться какъ требующiй наказанiя проступокъ (рудиментъ этого представленiя—греческiя «буфонiи» и римское regifugium, при которыхъ заклавшiй жертвенное животное жрецъ долженъ былъ бѣжать на подобiе убiйцы, до искупленiя его дѣла), а затѣмъ и къ признанiю особо живущихъ душъ главныхъ животныхъ породъ (силеновъ-коней, кентавровъ-коней, пановъ-козловъ, артемидъ-ланей, артемидъ-медвѣдицъ, скиллъ-собакъ, афродитъ-голубей, афродитъ-лебедей и т. п.; частности тутъ сомнительны), представляемыхъ подъ видомъ соотвѣтственной породы. Признанiе растительныхъ душъ повело у грековъ къ оживленiю рощъ и лѣсовъ сонмомъ древесныхъ «нимфъ» (т. е. «дѣвъ»), такъ назыв. дрiадъ; позднѣе, когда охота и скотоводство уступили мѣсто хлѣбопашеству, то и нива получила свое божество въ видѣ «матки» (Dê-mêtêr; первая часть неразгадана), соломенное чучело которой чествовалось въ праздники дожинокъ. Признанiе предметныхъ душъ слышится въ очень древнихъ судебныхъ обрядахъ, когда, за неимѣнiемъ убiйцы, надъ орудiемъ убiйства свершались судъ и кара. Наиболѣе плодотворнымъ было признанiе стихiйныхъ душъ. Дрiадамъ деревьевъ и рощъ соотвѣтствовали наяды родниковъ и ореады горъ, нереиды морей и океаниды великой кругосвѣтной рѣки — океана. Все это были нимфы; равнымъ образомъ были обоготворены

и рѣки (мужскія божества), «кормильцы» страны. Единство трехъ міровыхъ стихій — земли, моря и неба—требовало соотвѣтственныхъ единыхъ душъ: душой неба сталъ Зевсъ (у римлянъ—Юпитеръ), душой моря—Посидонъ; земля какъ принципъ жизни представлялась въ видѣ богини Земли, какъ обитель мертвыхъ — въ видѣ бога Аида («незримаго»). Анимизмъ, былъ явленіемъ общимъ и для грековъ, и для италійцевъ; но въ его проявленіи замѣтна коренная разница между обоими народами. Италійцы, спеціально римляне, понимали одушевленіе природы лишь въ смыслѣ обоготворенія отдѣльныхъ ея актовъ, греки—въ смыслѣ обоготворенія ихъ причинъ; римская Церера—просто зрѣющая нива, греческая Деметра—богиня, заставляющая ниву зрѣть. Другими словами, анимизмъ римлянъ былъ *актуально-имманентнымъ*, анимизмъ грековъ — *субстанціально - трансцендентнымъ*. Вслѣдствіе этого коренного различія и развитіе римской религіи было существенно инымъ, чѣмъ развитіе религіи греческой. Въ Греціи трансцендентныя, т. е. представляемыя въ своемъ обособленномъ существованіи души окружающаго міра первоначально, надо полагать, имѣли образъ того существа или предмета, который они одушевляли; но чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе стремленіе къ «объясненію» себѣ дѣйствія вело къ тому, что человѣкъ сталъ представлять себѣ всѣ дѣйствующія въ природѣ души въ животномъ, т. е. сначала въ звѣриномъ образѣ (теріоморфизмъ), а потомъ и въ человѣческомъ (антропоморфизмъ). Со временемъ антропоморфизмъ вытѣснилъ теріоморфизмъ повсюду, при чемъ отъ послѣдняго сохранились лишь «пережитки» состоявшіе: 1) въ соединеніи звѣринаго образа съ человѣческимъ въ фигурахъ кентавровъ, пановъ, сатировъ, минотавра и т. п.; 2) въ миѳахъ о временномъ «превращеніи» божественнаго существа въ звѣря (Зевса—въ быка и т. п.); 3) въ сохраненіи звѣря какъ символа очеловѣченнаго божества и, въ связи съ этимъ, звѣринаго имени за его жрецами и жрицами («медвѣдицы»—жрицы Артемиды). Этотъ процессъ очеловѣченія совершался неравномѣрно въ различныхъ областяхъ анимизма; его послѣдніе успѣхи принадлежатъ уже времени историческихъ религій; параллельно съ этимъ представленіе о предметныхъ душахъ стало терять почву, и въ историческое время мы имѣемъ дѣло лишь съ его пережитками въ родѣ упомянутыхъ судебныхъ обрядовъ или сказокъ о самодвижущейся утвари и т. п. Представленіе о душахъ природы привело къ убѣжденію, что эти души, будучи аналогичны человѣческимъ душамъ, обладаютъ ихъ страстями и могутъ, такимъ образомъ, гнѣваться и миловать; послѣдствіемъ этого убѣжденія явился *культъ* природныхъ душъ, въ которомъ можно признать зародышъ богослуженія. Къ этому культу относятся молитвы, приношенія, главнымъ образомъ жертвоприношенія. Особенностью послѣднихъ было то, что приносимое въ жѣртву животное затѣмъ поѣдалось людьми: предполагалось, очевидно, что божество, какъ душа, питается лишь душою животнаго, которая возносилась къ нему въ видѣ дыма, такъ что ничто не мѣшало использовать тѣло для людей. Кромѣ того признаніе могущества и вѣчной силы природныхъ душъ повело: 1) къ волшебству, т. е. къ изысканію средствъ *заставить* божество исполнить волю человѣка (напр. Зевса—послать дождь) и 2) къ вѣдовству: путемъ непосредственнаго общенія съ природой человѣкъ старался добиться того, чтобы душа природы, т. е. нимфа, вселилась въ него и сдѣлала его сосудомъ своего знанія. Періодъ анимизма не былъ еще, повидимому, миѳотворнымъ; создавались лишь легенды о чудесной самозащитѣ оскорбленныхъ душъ природы (дріада наказываетъ нечестивца, срубившаго ея дерево; нимфа, влюбившись въ смертнаго, мститъ ему за измѣну и т. д.) и, вѣроятно, сказки. Равнымъ образомъ и стремленіе къ воспроизведенію божественнаго образа (т. е. религіозное искусство) врядъ ли можетъ быть приписано нашему періоду иначе какъ въ зародышевомъ видѣ: неумѣлая еще рука человѣка довольствовалась изображеніемъ символа, который дѣлался предметомъ поклоненія (къ этому сводится то, что нѣкоторые называютъ «античнымъ фетишизмомъ»). Направленіе будущему искусству и миѳотворной поэзіи дается, однако, уже теперь; греческая природа, прекрасная и мягкая, не подавляла человѣка, а ласково шла на встрѣчу его потребностямъ; сообразно съ этимъ и души природы представлялись преимущественно прекрасными. Этимъ было подготовлено то отношеніе человѣка къ божеству, которое сдѣлало греческую миѳологію въ поэзіи и искусствѣ настоящимъ царствомъ красоты.

Литература (кромѣ названныхъ въ § 1 сочиненій): Mannhardt, «Wald- und Feldculte» (1875—1877); Lang, «Myths, customs and religion» (есть франц. переводъ Marillier).

§ 3. *Религія Зевса.* Анимизмъ въ обѣихъ своихъ формахъ былъ религіей, поскольку онъ училъ человѣка признавать силы высшаго порядка и вступать съ ними въ общеніе; но онъ былъ религіей довольно низменной, такъ какъ не содержалъ въ себѣ ни философскихъ началъ (объясненіе человѣку смысла бытія), ни нравственныхъ (зависимость благосклонности высшихъ силъ отъ личныхъ добродѣтелей человѣка). Первой религіей грековъ въ высшемъ смыслѣ была религія Зевса; такъ какъ онъ въ своихъ главныхъ чертахъ совпадаетъ съ германской религіей Вотана, то мы въ правѣ признать въ ней древнѣйшую религію европейскаго человѣчества. Главные элементы этой религіи слѣдующіе: 1) *дуализмъ земли* (Геи) и *Зевса*. Все сущее происходитъ изъ земли, но происходитъ лишь потому, что съ неба, т. е. отъ Зевса, на нее льется и оплодотворяющій дождь, и зиждительный теплый свѣтъ. Отсюда представленіе о землѣ, какъ оплодотворяемомъ, и Зевсѣ, какъ оплодотворяющемъ началѣ, при чемъ Зевсу сопутствуютъ Аѳина-туча (со-

здаиная имъ, по наивной метеорологіи тѣхъ временъ, изъ себя, а не изъ земли) и Аполлонъ-солнце. Итакъ, Зевсъ и Земля—супруги (земля, какъ супруга Зевса, позднѣе дифференцировалась въ Геру). 2) *Земля предвѣчна и вѣчна; Зевсъ произошелъ во времени и со временемъ погибнетъ.* На это представленіе наводило наблюденіе ежедневной и ежегодной борьбы между Зевсомъ и исходящимъ отъ Земли мракомъ. Какъ ко дню относится годъ, такъ къ году относится «великій годъ»: въ его началѣ Зевсъ возникъ и, побѣдивъ сыновей Земли (титановъ), основалъ свое царство: въ его концѣ Зевсъ погибнетъ въ новой борьбѣ съ сынами Земли (гигантами) и начнется новое царство Земли и мрака. Но и оно не будетъ вѣчнымъ: тотъ же Солнце-богатырь (Аполлонъ), который приноситъ новое утро послѣ ночи и новую весну послѣ зимы, принесетъ и новое великое лѣто (мессіанскій элементъ въ религіи Зевса). Такъ былъ созданъ первый крупный миѳъ въ греческой религіи, сохраненный намъ лучше всего въ сагѣ о смерти Агамемнона (Агамемнонъ—Зевсъ; Клитемнестра—Земля; Орестъ—Аполлонъ). 3) *Земля—источникъ всякаго знанія; Зевсъ отъ нея зависитъ.* На первое представленіе должно было навести человѣка: а) признаніе предвѣчности Земли, б) безошибочность «инстинкта» въ животной жизни и в) приписываемая природнымъ душамъ вѣчная сила; на второе—признаніе временности Зевса. Знаніе Земли — это Мойра, картинно представляемая подъ видомъ предвѣчной пряхи; ея рѣшеніе тяготѣетъ надъ Зевсомъ. 4) *Усилія Зевса* (безуспѣшныя) *предотвратить свою гибель*; эта часть миѳа, необходимая для того, чтобы выразить неотвратимость гибели, служила въ то же время для того, чтобы выяснить смыслъ существованія человѣческаго рода. Пророчество Земли гласитъ: только человѣкъ изъ божественнаго сѣмени могъ бы сразить гигантовъ и спасти Зевса и боговъ. Для этого требуется: 1) чтобы человѣческій родъ былъ созданъ (миѳъ о Девкаліонѣ и Пиррѣ); 2) чтобы онъ былъ облагороженъ сообщеніемъ огня (Прометей); 3) чтобы Зевсъ снизошелъ къ смертной и сдѣлалъ ее матерью будущаго своего спасителя (миѳы о Гераклѣ, Ахиллѣ, Язонѣ, Мелеагрѣ, сообразно съ племеннымъ дѣленіемъ грековъ). Избавителю обѣщаны божественность и богиня въ супруги (Деянира, Елена, Медея, Аталанта) въ случаѣ успѣха; но въ рѣшающую минуту онъ забываетъ о своей небесной любви ради земной и падаетъ жертвой своей измѣны.—Такъ-то на почвѣ религіи Зевса выросли главные миѳы грековъ (первоначальныя редакціи миѳовъ о подвигахъ Геракла, о ѳиванской и троянской войнахъ, объ аргонавтахъ, о калидонской охотѣ и др.). Родиной этой религіи Зевса была сѣверная Грецiя; ея высшая гора, Олимпъ, стала горой боговъ. Дуализму Зевса и Земли соотвѣтствуетъ коренной дуализмъ олимпійскаго и хтоническаго началъ, ярко отразившійся на культахъ. Въ области хтоническаго начала главнымъ прогрессомъ было представленіе о царствѣ тѣней, смѣнившее прежній анимизмъ: очень вѣроятно, что это представленіе возникло подъ вліяніемъ обычая сожиганія труповъ. Царство тѣней представлялось на далекомъ западѣ, тамъ, гдѣ солнце заходитъ; изгнанныя туда души перестали внушать страхъ, что повело къ смягченію нѣкоторыхъ послѣдствій анимизма (такъ, кровавая месть перестала быть обязательной; ее смѣнила вира). Общее міросозерцаніе этой первой сознательной религіи было грустное; надъ царствомъ боговъ тяготѣла неотвратимая гибель, людей ждала смерть и одинаковое для всѣхъ царство тѣней. Есть награда за добрыя дѣла и кара за злыя, но только въ земной жизни, по волѣ Зевса; эта воля, однако, несвободна надъ ней тяготѣетъ мойра. Такимъ путемъ нравственный элементъ проникаетъ въ религію. Рождается вопросъ о происхожденіи зла: неминуемость гибели Зевса приводитъ къ мысли, что онъ и есть первопреступникъ: преступленіе усматривается въ томъ, что онъ основалъ свое царство, низвергнувъ силы Земли, изъ которой онъ произошелъ самъ. «Зевсъ связалъ своего отца»—это камень преткновенія для позднѣйшихъ мыслителей. Общеніе племенъ ведетъ къ тому, что возникшіе отдѣльно миѳы сплетаются; Зевсъ является обольстителемъ всѣхъ тѣхъ смертныхъ женъ, отъ которыхъ онъ хотѣлъ родить себѣ спасителя; космогоническій смыслъ этихъ браковъ, вслѣдствіе ихъ множества, стушевывается, они являются простыми любовными приключеніями—второй камень преткновенія. Подъ вліяніемъ религіи Зевса сложились древнѣйшія поэмы грековъ, особенно Иліада, но ихъ теперешняя редакція относится уже ко времени, когда возникли тѣ болѣе новыя религіи, которыя значительно измѣнили первоначальный смыслъ религіи Зевса. Эти религіи принадлежатъ однимъ только грекамъ и не находятъ себѣ параллели у другихъ народовъ.

Литература. Nägelsbach, «Die homerische Theologie» (1840, 3 изд., 1884); H. D. Müller, «Mythologie der griechischen Stämme» (1861; сод.—религія Зевса); Kern, «Ueber die Anfänge der hellenischen Religion» (1902).

§ 4. *Религія Деметры.* Новая религія возникла тогда, когда извѣстная намъ «матка» праздника дожинокъ была приведена въ связь съ хтоническимъ элементомъ религіи Зевса. Одна и та же земля принимаетъ и зерна хлѣба, и души умершихъ; это сближеніе, залогъ вѣчной жизни также и для человѣческой души, нашло себѣ миѳологическое выраженіе въ отожествленіи Коры, дочери Деметры, съ Персефоной, царицей тѣней. Аидъ похищаетъ Кору; Деметра безутѣшно ищетъ свою дочь; боги опредѣляютъ, чтобы Кора-Персефона жила попеременно то у супруга, то у матери. Важнымъ въ этомъ миѳѣ былъ фактъ «возвращенія Коры»; этимъ была разорвана вѣчная завѣса между царствами живыхъ и мертвыхъ. Отнынѣ Деметра и Кора знали о томъ, что происходитъ на томъ свѣтѣ; а зная это, они могли научить этому и людей. Ученіе о загробной жизни стало главнымъ содержаніемъ «таинствъ Деметры и Коры», центромъ которыхъ былъ аттическій городъ Елевсинъ («елевсинскія мистеріи»); таинствами они назывались потому, что сообща-

лись только посвященнымъ; въ противоположность религіи Зевса, религія Деметры обращалась не ко всѣмъ, а къ замкнутому кругу людей. Но одного знанія было мало: будучи царицей тѣней, Кора могла обезпечить «лучшую участь» тѣмъ, кто посвящался въ ея таинства. Такъ возникла мысль о загробномъ раѣ: изъ сонма обреченныхъ на призрачную, полусознательную жизнь въ «обители Аида» была выдѣлена сравнительно небольшая кучка «мистовъ», наслаждающихся вѣчнымъ блаженствомъ на лугахъ и въ рощахъ вокругъ дворца царя преисподней. Развитіе космографическихъ понятій шло на встрѣчу этой идеѣ. Загадка заката солнца въ западномъ морѣ и его восхожденія съ восточнаго получила свое третье рѣшеніе (первое—солнце гибнетъ на западѣ, а на востокѣ возникаетъ новое; второе—солнце ночью на челнокѣ переплываетъ съ запада на востокъ по кругосвѣтной рѣкѣ Океану): было установлено, что солнце вечеромъ заходитъ подъ землю и ночью подъ землей совершаетъ обратный путь къ востоку, освѣщая другую сторону земного диска. Тамъ-то и предполагалось жилище блаженныхъ, между тѣмъ какъ другія души живутъ въ пропастяхъ между обѣими поверхностями земли (представленіе, раздѣляемое еще Дантомъ, съ нѣкоторыми измѣненіями). Весь «адъ» (=Аидъ) былъ съ крайняго запада перенесенъ подъ земную кору; бездонныя пещеры, которыхъ въ Греціи немало, стали считаться входами въ преисподнюю. Впрочемъ, въ религію Деметры былъ внесенъ и нравственный мотивъ: «лучшая участь» была обѣщана посвященнымъ, но не всѣмъ, а лишь тѣмъ, которые на землѣ вели благочестивую жизнь въ своихъ отношеніяхъ къ согражданамъ и иноземцамъ. Подробности тайнаго культа намъ неизвѣстны; тайна была соблюдена хорошо. Знаемъ только, что степеней посвященія было не менѣе двухъ и что на ежегодныхъ празднествахъ въ Елевсинѣ посвященнымъ показывали рядъ мрачныхъ и свѣтлыхъ картинъ, которыя вселяли въ нихъ увѣренность въ истинности елевсинскихъ откровеній. Какъ важность этихъ откровеній, такъ и таинственность обрядности окружили елевсинскій культъ огромнымъ обаяніемъ; подъ его вліяніемъ находились лучшіе умы аѳинской интеллигенціи, начиная съ Эсхила, который самъ былъ родомъ елевсинецъ; но оно не прекращалось до самаго конца существованія древняго міра, и есть основаніе предполагать, что и нарождающееся христіанство испытало на себѣ его вліяніе.

Литература. Lobeck, «Aglaophamus» (1829); Rohde, «Psyche» (1894); Foucart, «Recherches sur l'origine et la nature des mystères d'Eleusis» (1895); Новосадскій, «Елевсинскія мистеріи» (1887); Anrich, «Das antike Mysterienwesen in seinem Einflusse auf das Christentum» (1894); Wobbermin, «Religionsgeschichtliche Studien zur Frage der Beeinflussung des Urchristentums durch das antike Mysterienwesen» (1896).

§ 5. *Религія Діониса и орфизмъ.* Въ религіи Деметры мы видимъ исконный продуктъ греческой, спеціально аттической почвы; она была прикрѣплена къ Елевсину и оттуда проникла, черезъ филіальныя учрежденія, въ другіе центры грекоримскаго міра. Религія Діониса, напротивъ, проникла въ Грецію съ сѣвера, изъ Ѳракіи, и не имѣла опредѣленнаго мѣста, будучи прикрѣплена къ личностямъ странствующихъ прорицателей и ихъ «ѳіасамъ»; особенно это относится къ той формѣ этой религіи, которая получилась послѣ проникновенія въ нее элементовъ религіи Аполлона (см. ниже) и которую мы называемъ орфизмомъ. Въ религіи Діониса мы должны различать культы оргіастическій и гражданскій культъ. Болѣе раннимъ слѣдуетъ признать первый, привившійся въ своей чистотѣ только въ грековарварскихъ странахъ — во Ѳракіи и Македоніи, и кромѣ того (со значительными уклоненіями) на Парнассѣ. Вопреки всеобщему мнѣнію, Діонисъ не былъ собственно «богомъ вина» (Гомеръ отлично знаетъ вино, но не Діониса, какъ его дарователя); вначалѣ это былъ просто «богъ», котораго чествовали на горахъ восторженными «вакхическими» обрядами. Въ этихъ обрядахъ все было направлено къ тому, чтобы привести празднующихъ въ состояніе религіознаго неистовства: ночное время, блескъ факеловъ, одуряющій дымъ сжигаемыхъ сѣмянъ, вино, шумная игра кларнетовъ и тимпановъ (тамбуриновъ) и особенно дикая пляска до изнеможенія; у благопріятно расположенныхъ къ этому людей такое неистовство доходило до ясновидѣнія и «экстаза», т. е. такого состоянія, когда душа переносится въ иной міръ съ цѣлью единенія съ божествомъ. Это состояніе, находящее себѣ аналогію въ обрядахъ многихъ народовъ, должно было убѣдить тѣхъ, кто ему подвергался, не только въ самобытности души, но и въ превосходствѣ ея внѣтѣлеснаго бытія надъ тѣмъ, при которомъ она заключена въ тѣлѣ: результатомъ этого убѣжденія должно было явиться другое, логически изъ него вытекающее—что душа послѣ смерти тѣла переносится въ другой, лучшій міръ, радости котораго вакханты предвкушаютъ во время «экстаза». Дѣйствительно, по свидѣтельствамъ древнихъ, ѳракійцы «признаютъ человѣка безсмертнымъ»; они оплакиваютъ рождающихся и ликуютъ на похоронахъ; они одержимы настоящимъ appetitus maximus mortis. Проникновеніе оргіастическаго культа Діониса въ Грецію состоялось, надобно полагать, совершенно на подобіе той эпидемической Tanzwut, которая охватила прирейнскія области въ XIV в. послѣ великой чумы; подобіе сказывается также и въ томъ, что главными поборниками культа были женщины (вакханки). Вакхическій оргіазмъ встрѣтилъ сопротивленіе, о которомъ свидѣтельствуютъ миѳы (между прочимъ о Пенѳеѣ: ср. трагедію Еврипида «Вакханки»), и то, что можно назвать греческой «церковью» тѣхъ временъ, т. е. Дельфы, нашли и для него примирительный исходъ. Случилось это, впрочемъ, позднѣе: культъ Діониса много раньше воцарился на вершинѣ Парнасса, чѣмъ туда проникъ культъ Аполлона. *Вліяніе религіи Аполлона на оргіастическую религію Діониса* сказалось въ трехъ

послѣдующихъ ступенахъ, связанныхъ съ именами Мелампа, Орфея и Пиѳагора (изъ коихъ, впрочемъ, первые два должны считаться миѳическими символами историческихъ движеній). Съ именемъ *Мелампа* связано представленіе объ учрежденіи гражданскаго культа Діониса въ различныхъ греческихъ государствахъ; повторяющіяся черезъ годъ празднества («тріетериды») были при этомъ замѣнены ежегодными, включенными въ циклъ государственныхъ праздниковъ и пріуроченными ко времени вскрытія сосудовъ молодого вина (только съ этихъ поръ Діонисъ сталъ богомъ вина); хороводы и прочія увеселенія должны были происходить не въ горахъ, а въ городѣ, и вообще имѣть болѣе чинный, хотя все-таки, съ нашей точки зрѣнія, довольно оживленный характеръ. На почвѣ этихъ гражданскихъ «Діонисій» возникла драма, при чемъ слѣды древняго экстаза сохранились въ томъ, что хористы и актеры чувствовали свои души какъ бы перенесенными въ тѣла другихъ лицъ. Только на Парнассѣ продолжали праздноваться оргіастическія тріетериды; отдѣльныя государства отправляли туда своихъ вакханокъ, избавляя себя этимъ отъ религіозной необходимости справлять тріетериды у себя дома.— Съ именемъ *Орфея* связано приведеніе въ систему того ученія, которое вытекало изъ опытовъ вакхическаго оргіазма и экстаза, и его примиреніе съ той греческой эсхатологіей, которая стала признаннымъ фактомъ со времени религіи Зевса. Опыты «изступленія» — перенесенія въ другія тѣла—должны были навести на мысль, что послѣ смерти душа «переселяется»; но если такъ, то къ чему-же обитель Аида? Для того, отвѣчалъ Орфей, чтобы душа передъ своимъ новымъ воплощеніемъ искупила грѣхи своей прежней жизни. Такимъ образомъ, благодаря орфизму, впервые въ сознаніи грековъ появилась идея, о загробномъ судѣ. Итакъ, за смертью—искупленіе, затѣмъ—новое воплощеніе, затѣмъ—новая смерть и т. д.; получается «круговоротъ рожденія» (κυκλος της γενέσεως). Въ силу представленія о превосходствѣ чистаго бытія души надъ ея воплощеніемъ, орфикъ долженъ былъ находить этотъ круговоротъ томительнымъ и невыносимымъ; молитва измученной души къ богамъ заключалась въ томъ, чтобы «прекратить круговоротъ и дать ей вздохнуть отъ бѣдствій». Средствомъ къ тому была орфическая жизнь. Впервые, благодаря орфизму, также и аскетизмъ появляется на греческой почвѣ. Кто трижды провелъ земную жизнь безъ грѣха, для того «круговоротъ рожденія» прекращается, и его душа вступаетъ въ обитель блаженныхъ; наоборотъ, кто осквернилъ свою душу «неисцѣлимыми», грѣхами, того ждутъ вѣчныя мученія на томъ свѣтѣ; прочіе, ихъ же большинство, искупляютъ тамъ свои грѣхи и затѣмъ воплощаются вновь. Прежняя безцвѣтная обитель призраковъ, преисподняя религіи Зевса, явственно распадается на три части: адъ, чистилище и рай. Такова была орфическая эсхатологія, самая замѣчательная часть системы (орфическую космогонію и т. д. мы оставляемъ въ сторонѣ). Для того, чтобы повѣдать другимъ о загробномъ мірѣ, Орфей долженъ былъ быть въ немъ самъ: былъ созданъ поэтическій миѳъ объ Орфеѣ и Евридикѣ, особенно цѣнный тѣмъ, что въ немъ любовь (а не личный эгоизмъ) является источникомъ убѣжденности въ безсмертіи души. Подобно елевсинскому, и орфическое ученіе было достояніемъ посвященныхъ: рядомъ съ елевсинскими, существуютъ и «орфическія таинства». Но они не были прикрѣплены къ опредѣленному мѣсту; орфическія секты проникали повсюду, «посвятители» (орфеотелесты) обращались и къ аристократамъ, и къ простонародью. Конечно, приспособленный къ требованіямъ послѣдняго, орфизмъ имѣлъ довольно лубочный видъ, чѣмъ и вызвалъ насмѣшки просвѣтителей древнихъ и новыхъ временъ. Но въ лучшихъ своихъ проявленіяхъ это было очень серьезное ученіе, и подъ его обаяніемъ находились не только Пиндаръ, но и Платонъ; его же вліяніе на христіанство было еще значительнѣе елевсинскаго. Наконецъ, съ именемъ *Пиѳагора* (Pythagoras, «пиѳійскій вѣщатель») связано, независимо отъ возведенія орфизма въ философію, превращеніе орфическихъ сектъ въ настоящій орденъ, многимъ напоминающій масонство. Случилось это въ Южной Италіи, гдѣ болѣе всего дѣйствовалъ Пиѳагоръ. Орденъ преслѣдовалъ, кромѣ религіозныхъ, и политическія тенденціи, въ духѣ аристократическихъ принциповъ дельфійской религіи; этимъ онъ вызвалъ въ демократическомъ V-мъ вѣкѣ озлобленіе народа, поведшее къ разрушенію правящей кротонской ложи. Послѣ кротонскаго погрома правящей ложей стала въ IV и III вѣкахъ тарентская; подъ ея вліяніемъ находился и Римъ, пока расправа надъ «вакханаліями» въ 183 г. не сломила силу ордена въ предѣлахъ римскаго государства. Но орфизмъ и пиѳагореизмъ продолжали существовать еще долго; послѣднія произведенія орфической литературы принадлежатъ IV—V в. по Р. Хр.

Литература. Lobeck, «Aglaophamus» (1829); Rohde, «Psyche» (1894, лучшее изложеніе); Maass, «Orpheus» (1895); Dieterich, «De hymnis Orphicis» (1891); Gruppe, «Die griechischen Culte und Mythen» (стр. 612 сл., 1887); лучшія изданія орфическихъ сочиненій—G. Hermann (1805) и Abel (1885). Вяч. Ивановъ, «Эллинская религія страдающаго бога» («Новый Путь», 1904, февр., слѣд.).

§ 6. *Религія Аполлона и Дельфы.* Аполлонъ былъ вмѣстѣ съ Аѳиной исконнымъ греческимъ божествомъ въ религіи Зевса (эти три имени издревле соединялись въ формулѣ олимпійской клятвы); но Аѳина навсегда осталась второстепеннымъ божествомъ и особой религіи не создала, а культъ Аполлона сталъ средоточіемъ новаго религіознаго движенія, начало котораго совпало приблизительно съ эпохой переселенія племенъ. Могло это случиться по слѣдующимъ причинамъ: 1) за разрушеніемъ царства Зевса должно было слѣдовать новое возрожденіе благодаря Солнце - богатырю, т. е. Аполлону; этимъ успѣхъ могущей зародиться религіи Аполлона былъ заранѣе обезпеченъ; 2) въ тропи-

ской области издревле чествовалось божество свѣта, которое греки отожествили со своимъ Аполлономъ; этотъ-то троянскій Аполлонъ по уготованному пути проникъ въ Грецію и произвелъ тамъ ту *реформу религіи Зевса*, которая наложила на нее свой характеръ въ теченіе всей исторической эпохи. Троянская религія Аполлона носитъ материковый характеръ: солнце восходитъ изъ-за горы (а не съ моря) и, заходя, скрывается за горой. Согласно этому и Аполлонъ періодически приходитъ къ людямъ и уходитъ отъ нихъ; время своего отсутствія онъ проводитъ у «загорнаго» народа («гиперборейцевъ»), въ «странѣ свѣта» («Ликія»; это представленіе о раѣ аполлоновой религіи проникло позднѣе въ пиѳагореизмъ и черезъ него въ средневѣковую легенду о Монсальватѣ и Граалѣ). Съ его культомъ соединенъ культъ женскаго божества, которое къ нему относится какъ луна къ солнцу; это божество, приходящееся ему, однако, не супругой, а сестрой, греки отожествили съ своей Артемидой. Свою волю онъ объявляетъ людямъ черезъ своихъ пророковъ и пророчицъ-сивиллъ; первой сивиллой миѳъ дѣлаетъ Пріамову дочь Кассандру. — Проникновеніе религіи Аполлона въ Грецію состоялось по тремъ естественнымъ мостамъ, которые соединяютъ съ ней Малую Азію: сѣверному (черезъ Ѳракійское побережье и Ѳессалію), среднему (черезъ Самосъ и Циклады) и южному (черезъ Критъ); среднее теченіе повело къ основанію древнѣйшаго центра въ Делосѣ, за которымъ осталась слава мѣста рожденія Аполлона и Артемиды; сѣверное и южное столкнулись у Парнасса, гдѣ были основаны Дельфы. Раньше здѣсь находилось прорицалище Земли; основаніе культа Аполлона на томъ же мѣстѣ, въ силу чего Аполлонъ сталъ преемникомъ Земли, подало поводъ къ миѳу о побѣдѣ Аполлона надъ змѣемъ Пиѳономъ, символомъ Земли, и этотъ миѳъ сталъ основнымъ миѳомъ дельфійской религіи. Вмѣстѣ съ культомъ Аполлона было перенесено и представленіе о раѣ (т. е. гиперборейцахъ), а также та особая форма вѣдовства, въ силу которой сивилла была вѣщательницей воли бога: дельфійской сивиллой стала «пиѳія». Тѣмъ религіознымъ чувствомъ грековъ, которое заставило ихъ благосклонно принять религію Аполлона, было ихъ желаніе освободиться отъ кошмара «свѣтопреставленія», который тяготѣлъ надъ Зевсомъ и его почитателями. Религія Зевса представляла своего бога безсильнымъ передъ рокомъ, котораго онъ не знаетъ и поэтому не можетъ предотвратить; не знаетъ же онъ его потому, что его знаніе скрыла въ себѣ Земля. Но вотъ Аполлонъ своей побѣдой исторгъ у нея это знаніе: отнынѣ кошмара не стало, онъ сохранился лишь въ видѣ пережитка въ глубинѣ народныхъ вѣрованій. Гигантомахія, отъ которой Зевсу грозила гибель, была перенесена изъ будущаго въ прошлое и ей былъ данъ благополучный исходъ; гиганты стали собирательнымъ понятіемъ (Тифономъ) и были отожествлены съ тѣмъ Пиѳономъ, котораго сразилъ Аполлонъ. Итакъ, Аполлонъ—спаситель царства Зевса; благодаря ему, рокъ сталъ подвластнымъ этому богу, но за то онъ и «великъ у престола Зевса» (Эсхилъ). Какъ видно отсюда, дельфійская религія не выставляла своего бога высшимъ богомъ: Аполлонъ сталъ лишь сыномъ Зевса, и вѣщалъ людямъ «волю своего отца». Точно также и въ другихъ отношеніяхъ распространители дельфійской религіи дѣйствовали въ примирительномъ духѣ; хтоническая сторона въ религіи Зевса находила себѣ могучую опору въ человѣческихъ сердцахъ, и дельфійская жреческая коллегія считалась съ этой ихъ потребностью. Лозунгомъ дельфійской религіи стало слово додонской пророчицы: «Былъ Зевсъ, есть онъ и будетъ; воистину молвлю, великъ Зевсъ! Зиждетъ плоды вамъ Земля; величайте же матерью Землю!»—гдѣ первый стихъ провозглашаетъ вѣчность царства Зевса, а второй—его миръ съ Землей. Вмѣстѣ съ культомъ Земли и культъ душъ получилъ новое значеніе; первоначальный *анимизмъ* возродился, и значеніе этого возрожденія было двойное: а) возникъ обычай «героизаціи», т. е. выдѣленія изъ числа умершихъ извѣстнаго числа людей, могилы которыхъ дѣлались предметомъ почитанія не только для ихъ семей и потомковъ, но и для цѣлыхъ корпорацій или общинъ. Дельфы присвоили себѣ право указывать этихъ «героевъ», и въ этомъ правѣ заключался одинъ изъ главныхъ залоговъ ихъ силы. Обыкновенно это дѣлалось такъ: въ случаѣ моровой язвы или другого несчастья обращались въ Дельфы съ вопросомъ къ оракулу, что бы могло быть его причиной; оракулъ отвѣчалъ, что такой-то «герой» гнѣвается за то, что ему отказываютъ въ культѣ—и такой культъ немедленно учреждался. По указаніямъ Дельфовъ вся Греція покрылась могилами «героевъ»; то были или извѣстныя изъ миѳологіи личности, или олицетворенія городовъ и т. д. (такъ наз. герои-эпонимы: герой Коринѳъ, герой Лакедемонъ), или наконецъ историческія личности (такъ Софоклъ послѣ смерти былъ «героизованъ» подъ именемъ Дексіона). Послѣдняя категорія особенно интересна: героизація умершихъ подготовила почву для ихъ апоѳеоза. Весь обычай героизаціи и культа героевъ не остался безъ вліянія на христіанство. Былъ упраздненъ институтъ виры, какъ суррогата кровавой мести. Этимъ самымъ послѣдняя была въ принципѣ возстановлена; но, чтобы не возобновлять ея ужасовъ, былъ введенъ обрядъ религіознаго очищенія и искупленія (такъ наз. «катартики»). Такъ какъ всякая скверна, по анимистическому представленію, происходитъ отъ соприкосновенія съ душой (керой или эриніей) умершаго или убитаго, то Аполлонъ, какъ посредникъ между Зевсомъ и Землей, присвоилъ себѣ право освобождать живого человѣка отъ этого контакта; средствомъ для того были обрядъ очищенія и наложенное искупительное наказаніе. Институтъ катартики тоже сдѣлался однимъ изъ главныхъ орудій возвышенія Дельфовъ: появились особые вдохновенные «катарты», которымъ Дельфы поручали иногда массовыя очищенія (однимъ изъ самыхъ знаме-

нитыхъ былъ Эпименидъ критскій; Пиѳагоръ, «пиѳійскій вѣщатель» также близокъ къ этому кругу).

Литература. O. Müller, «Die Dorier» со-содержитъ очень полную характеристику религіи Аполлона, ошибочно выдаваемаго за племенного дорическаго бога); Nägelsbach, «Die nachhomerische Theologie» (1857; различіе этого «послѣгомеровскаго богословія» отъ гомеровскаго сводится къ различію религіи Аполлона отъ религіи Зевса); Зѣлинскій, «Идея нравственнаго оправданія» («Изъ жизни идей», стр. 1 сл.).

§ 7. *Религіозное объединеніе греческихъ племенъ.* Въ развитіи греческаго язычества отъ древнѣйшихъ временъ до исторической эпохи наблюдается вліяніе двухъ силъ: центробѣжной, выражающейся въ племенномъ развитіи унаслѣдованныхъ отъ общихъ родоначальниковъ религіозныхъ зачатковъ, и центростремительной, выражающейся въ попыткѣ объединить результаты этого развитія въ одну общеэллинскую религію. Намъ извѣстно два такихъ собирательныхъ періода, изъ коихъ одинъ относится къ религіи Зевса, другой—къ религіи Аполлона. Анимизмъ въ смыслѣ культа душъ былъ общимъ всѣмъ эллинамъ явленіемъ; анимизмъ въ широкомъ смыслѣ—также, съ той лишь оговоркой, что олицетворенія природныхъ силъ вѣроятно носили у различныхъ племенъ различныя имена. Въ религіи Зевса основныя представленія были общія, но имена дѣйствующихъ лицъ и поэтическая оболочка были у различныхъ племенъ различныя: у дорійцевъ, кромѣ Зевса, дѣйствовали Аѳина, Гераклъ, Деянира, у ахейцевъ — Афродита, Ахиллъ, Елена, у минійцевъ—Аѳина, Язонъ, Медея, у этолійцевъ— Артемида, Мелеагръ, Аталанта и т. д. Также и очеловѣченная гигантомахія, подъ вліяніемъ историческихъ событій, принимала различный видъ: у иныхъ она дала калидонскую войну, у другихъ—ѳиванскую, у третьихъ—троянскую. Когда явилась эпическая поэзія, а съ нею и странствующіе пѣвцы (гомериды), то стала ощущаться потребность согласовать всѣ эти преданія между собою. За невозможностью критическаго отношенія къ дѣлу это согласованіе могло быть только внѣшнимъ: пѣвцы, принимая на вѣру рѣшительно всѣ преданія, пытались съ возможно меньшими противорѣчіями соединить ихъ въ одно цѣлое; всѣ племенныя божества были приняты въ общеэллинскій Олимпъ и поставлены въ тѣ или другія родственныя отношенія къ Зевсу; герои равнымъ образомъ всѣ одинаково были выставлены историческими личностями, при чемъ ихъ также старались привести въ родственную связь между собою. Расцвѣтомъ этой дѣятельности былъ «гомеровскій эпосъ», обнимавшій тогда, кромѣ Иліады и Одиссеи, множество такъ наз. киклическихъ поэмъ; ея завершеніемъ послужили «Ѳеогонія» и «Каталоги» Гесіода (ок. 800 г.), гдѣ всѣ боги, герои и событія сказочной исторіи приведены въ хронологическій и генеалогическій порядокъ. Съ этой точки зрѣнія правильно извѣстное изреченіе Геродота, что Гомеръ и Гесіодъ создали грекамъ ихъ боговъ. Главнымъ религіозно-нравственнымъ результатомъ этой работы было представленіе о Зевсѣ, какъ о междуплеменномъ и надплеменномъ богѣ; изъ него развился тотъ супранаціонализмъ Зевса въ Иліадѣ, въ силу котораго онъ съ одинаковой любовью взираетъ и на ахеянъ, и на троянъ, и съ одинаковой жалостью скорбитъ объ участи и Агамемнона, и Гектора. Этотъ супранаціонализмъ высшаго бога греческаго язычества—источникъ и символъ всей античной гуманности.—Изъ позднѣйшихъ религій двѣ первыя—Деметры и Діониса—не пытались обнять собой всѣ религіозныя представленія грековъ; онѣ должны были считаться съ общеэллинской религіей Зевса (Деметра была сдѣлана сестрой-супругой высшаго бога, родившей ему Кору-Персефону, Діонисъ—его сыномъ отъ Семелы), но, обращаясь къ тѣсному кругу, развивали только свои собственные «богословскіе» миѳы, не трогая остальныхъ. Другое дѣло—религія Аполлона. Въ противоположность обѣимъ только что названнымъ, она была религіей явной, а не тайной; какъ таковая, она обращалась ко всѣмъ эллинамъ. Программой дельфійской коллегіи было, поэтому, оффиціально признать религію Зевса, но внести въ нее аполлоновскій элементъ и въ этомъ видѣ распространить ее по всей Элладѣ. Средствами для этого были слѣдующія: 1) централизація культа Аполлона въ Дельфахъ. Эта централизація осуществлялась двумя путями: а) подчиненіемъ Дельфамъ другихъ храмовъ Аполлона въ Греціи. Не вездѣ это удавалось; такъ, второй вліятельный центръ культа Аполлона, Делосъ, сохранилъ свою іерархическую самостоятельность, но все же онъ сталъ второстепеннымъ центромъ, и въ гомерическомъ «гимнѣ Аполлону Делосскому» явственно слышится недовольство его настоятелей этимъ положеніемъ вещей. Большинство храмовъ признало главенство Дельфовъ, и въ самой Греціи, и—что было особенно драгоцѣнно для воздѣйствія на сосѣднія государства—на окраинахъ; б) основаніемъ, гдѣ только можно было, своего рода подворій дельфійскаго храма (такъ называемыхъ Pythia). Особенно охотно ихъ основывали въ могущественныхъ городахъ, чтобы съ ихъ помощью пребывать въ постоянномъ общеніи съ ихъ правительствами. 2) Основаніе національныхъ игръ въ Дельфахъ—такъ назыв. пиѳійскихъ игръ, которыя происходили каждые четыре года и привлекали въ Дельфы цвѣтъ греческой аристократіи, а именно черезъ аристократію дельфійскій Аполлонъ управлялъ Элладой (см. ниже). Элементомъ пиѳійскихъ игръ было также состязаніе въ музыкѣ, а это повело къ тому, что 3) Дельфы приняли подъ свое покровительство музыку и неразрывно съ нею связанную поэзію: Аполлонъ сталъ богомъ-киѳародомъ и предводителемъ музъ. Поэзія, нашедшая свое средоточіе въ Дельфахъ, была именно та, которая нуждалась въ содѣйствіи усовершенствованной музыки — поэзія лирическая; греческая лирика выросла подъ сѣнью религіи Аполлона, точно такъ же какъ греческая эпика — подъ сѣнью религіи Зевса. Имѣя въ своемъ распоряженіи лирическихъ поэтовъ, дельфійская коллегія могла предпринять сложное, но

очень важное для объединенія Греціи дѣло 4) переработки греческой миѳологіи въ духѣ своей религіи, морали и политики. Эпоха дельфійскаго преобладанія стала вторымъ миѳотворнымъ періодомъ въ Греціи; ея произведенія оттѣснили образы старой эпической поэзіи и вѣроятно со временемъ предали бы ихъ забвенію, если бы усилія Дельфовъ, начиная съ VI вѣка, не встрѣтили рѣшительнаго сопротивленія въ Аѳинахъ. Всего этого было, однако, мало: для полнаго торжества надлежало еще 5) вступить въ дружественныя сношенія съ культами другихъ боговъ. Здѣсь Дельфы обнаружили много такта и дальновидности, вездѣ щадя старинныя преданія и заботясь о поддержаніи родныхъ культовъ; много разъ дельфійскій оракулъ, будучи спрошенъ о мѣрахъ предотвращенія или прекращенія бѣдствія, приказывалъ учредить или возобновить культъ такого-то бога (о герояхъ см. выше), что доставило ему естественный протекторатъ надъ всѣми. Какъ мы видѣли выше, ему удалось даже ввести аполлоновскіе элементы въ тайную религію Діониса; единственнымъ культомъ, оставшимся, повидимому, свободнымъ отъ его вліянія, былъ елевсинскій культъ Деметры въ той же строптивой Аттикѣ. Но и въ Аттикѣ сильная партія признавала приматъ дельфійскаго бога; такимъ образомъ можно сказать, что къ VI в. религіозное объединеніе Эллады подъ главенствомъ Дельфовъ было свершившимся фактомъ.

§ 8. *Греческая государственная религія въ дельфійскую эпоху.* Дельфійской эпохой греческой религіи мы называемъ время отъ переселенія дорійцевъ въ Пелопоннесъ до персидскихъ войнъ, такъ назыв. «греческое средневѣковье». Раньше о государственной религіи, строго говоря, не могло быть и рѣчи: правленіе вездѣ было монархическое, боги царей были въ то же время и богами общины, подвластной этимъ царямъ; отдѣльные роды также имѣли свои наслѣдственные культы, при чемъ особыхъ жрецовъ не было: глава семейства умилостивлялъ боговъ за себя и своихъ, а царь—за всю общину. Въ дельфійскую эпоху положеніе дѣлъ измѣнилось. Повсюду аристократическій элементъ восторжествовалъ надъ царскимъ; чаще всего цари лишались своей политической власти, но сохраняли свои наслѣдственные культы, которые были искони культами общины и должны были оставаться таковыми и впредь: изъ царей они превратились въ жрецовъ. Но и забравшіе власть аристократическіе роды имѣли свои наслѣдственные культы, которые отнынѣ стали государственными; въ результатѣ вышла смута, которую необходимо было прекратить, выдѣливъ опредѣленный циклъ государственныхъ боговъ и культовъ и распредѣливъ ихъ праздники въ государственномъ году. За санкціей новаго порядка естественнѣе всего было обратиться къ тѣмъ же Дельфамъ; такимъ образомъ получилась государственная религія. Въ ней можно различать: 1) богословскую, 2) обрядовую и 3) нравственную стороны. 1) Что касается *богословской* стороны, т. е. ученія о божествахъ, то таковыя распадались прежде всего на божества общія и мѣстныя. Общими были тѣ, которыя почитались всѣми эллинами; были дѣлаемы попытки ограничить ихъ циклъ двѣнадцатью «старшими» божествами, но этотъ циклъ особаго значенія не получилъ, тѣмъ болѣе, что относительно его членовъ нельзя было установить согласія. Тотъ дельфійскій циклъ, который позднѣе, благодаря Риму, получилъ всемірное значеніе, обнималъ слѣдующихъ боговъ и богинь: Зевса, его брата Посидона, его сыновей Аполлона, Ареса, Гермеса и Гефеста, его супругу Геру, его сестеръ Гестію и Деметру, и его дочерей Аѳину, Артемиду и Афродиту. Кромѣ нихъ общегреческими богами были и другіе, какъ Діонисъ, Діоскуры (Касторъ и Полидевкъ), Эротъ, Хариты и т. д. Къ мѣстнымъ божествамъ должны быть отнесены главнымъ образомъ божества рѣкъ и нимфы. Послѣдствіемъ этого совмѣстнаго почитанія былъ ярко опредѣлившійся *политеизмъ*, въ силу котораго къ каждому богу обращались лишь при извѣстной обстановкѣ или въ извѣстныхъ обстоятельствахъ жизни. Такъ какъ этотъ политеизмъ сложился историческимъ, а не теоретическимъ путемъ, то особой стройности отъ него ожидать нельзя. Съ одной стороны, опредѣленные боги покровительствуютъ опредѣленнымъ городамъ: Аѳина—Аѳинамъ, Діоскуры—Спартѣ, Эротъ—Ѳеспіямъ, Асклепій—Эпидавру и т. д.; это—остатокъ стариннаго племенного генотеизма, предшествовавшаго политеизму религіозно объединенной Эллады. Съ другой стороны, опредѣленные классы людей поклоняются опредѣленнымъ божествамъ: правители—Зевсу, воины—Аресу, земледѣльцы—Деметрѣ, ремесленники—Аѳинѣ, торговцы—Гермесу и т. д. Отдѣльные моменты жизни также считались посвященными отдѣльнымъ богамъ: въ любовныхъ дѣлахъ призывали Афродиту, при свадьбахъ—Геру, на пиршествахъ—Діониса, въ путешествіяхъ—Гермеса, въ болѣзняхъ—Асклепія и т. д. Причины, лежащія въ основѣ этихъ различныхъ «вѣдомствъ» различныхъ боговъ, очень разнообразны; отчасти онѣ восходятъ къ старинному анимизму, отчасти же явились послѣдствіемъ историческихъ условій и въ своей совокупности еще далеко не разгаданы; но сами «вѣдомства» держались очень прочно въ народномъ сознаніи, въ особенности когда ихъ стало наглядно изображать искусство, совершенствованіе котораго относится именно къ нашему періоду; впослѣдствіи они были сильно расшатаны такъ назыв. синкретизмомъ, но тѣмъ не менѣе продержались въ теченіе всего времени существованія грекоримскаго язычества и успѣли оказать вліяніе на народную вѣру христіанскихъ народовъ. — Особенно ярко разграничены сферы олимпійскихъ и хтоническихъ боговъ; къ вѣдѣнію послѣднихъ относятся всѣ моменты вселенія и выселенія души, т. е. рожденіе, свадьба и смерть. Путемъ смерти человѣкъ окончательно изъ-подъ власти олимпійскихъ боговъ переходитъ во власть хтоническихъ. Это разграниченіе заставляетъ предполагать давнишній договоръ между бо-

гами; блюстительница этого договора, «Дика» («правда»), живетъ среди боговъ, человѣческіе законы суть отраженія божескихъ. Боги подняли человѣческій родъ тѣмъ, что пріобщили его къ правдѣ. Боги не были создателями ни земли, ни людей. Земля предвѣчна; изъ нея произошли какъ боги, такъ и люди; всѣ греческіе миѳы сходятся между собой въ томъ, что люди произошли отъ или изъ земли: либо изъ камней (Ѳессалія: созвучіе между lâos—людъ и lâas—камень), либо изъ зубовъ убитаго дракона, что сводится къ тому же, такъ какъ драконъ—символъ Земли (Ѳивы), либо изъ глины, подъ работой Прометея, либо просто изъ нѣдръ родной почвы (Аѳины). Отсюда догматъ: одного происхожденія боги и смертные люди (Гесіодъ). Но, не будучи творцами людей, боги тѣмъ не менѣе несравненно могущественнѣе и совершеннѣе ихъ; люди обязаны поддерживать общеніе съ ними, средствомъ для чего являются обрядности греческой религіи. — 2) *Обрядовая сторона.* Дельфійская религія разсѣяла наивныя гомеровскія представленія объ ограниченіи могущества боговъ предѣлами мѣста: богъ вездѣсущъ. Это не мѣшаетъ ему, однако, особенно любить извѣстныя мѣста; на этихъ мѣстахъ люди должны ему устроить какую-нибудь *святыню*, будь то каменный храмъ, или роща, или жертвенникъ, или обмотанные повязкой камень или дерево. Отсюда совмѣщаемыя представленія: а) богъ живетъ на Олимпѣ, б) богъ живетъ въ храмѣ или рощѣ, в) богъ есть душа поставленнаго ему кумира или посвященнаго ему дерева. Мѣсто для святыни указываетъ самъ богъ, либо непосредственно, путемъ появленія во снѣ или на яву, либо косвенно, черезъ своихъ пророковъ. Тотъ же богъ указываетъ такимъ же путемъ и *обряды*, посредствомъ которыхъ онъ желаетъ быть чествуемъ; эти обряды должны быть свято соблюдаемы и переходить безъ измѣненій отъ отца къ сыну, отъ матери къ дочери. Сюда относятся: а) молитвы, б) жертвоприношенія, в) процессіи, пиршества, игры, зрѣлища и т. п. Старательнымъ исполненіемъ этихъ обрядовъ человѣкъ обезпечиваетъ себѣ милость бога и получаетъ право въ свою очередь разсчитывать на его помощь; поэтому въ случаѣ несчастій предполагалось, что какой-нибудь богъ разгнѣванъ на человѣка за нерадивое исполненіе предписанныхъ обрядовъ; оставалось узнать, въ чемъ состоитъ упущеніе и какъ его исправить. А за этимъ естественнѣе всего обратиться къ самому богу, и предпочтительно къ тому, который «вѣщаетъ людямъ непреложную волю Зевса», т. е. къ Аполлону дельфійскому. Дѣло въ томъ, что богъ всевѣдущъ съ тѣхъ поръ, какъ рокъ пересталъ надъ нимъ тяготѣть: со времени аполлоновской реформы рокъ есть воля Зевса. Но богъ не только всевѣдущъ: онъ указалъ человѣку средства узнать отъ него то, что считалъ удобнымъ ему сообщить. Эти средства, вмѣстѣ взятыя, составляютъ античное *вѣдовство*; оно раздѣляется на естественное, по вдохновенію, и искусственное, по примѣтамъ. Естественное вѣдовство было особенно въ ходу въ религіи Діониса; есть основаніе полагать, что изъ нея оно перешло въ религію дельфійскаго Аполлона (Діонисъ на Парнассѣ древнѣе Аполлона). Дельфійская пиѳія—первая по значенію пророчица по вдохновенію; къ ней обращались въ особо важныхъ случаяхъ и частныя лица, и государства. Кромѣ того было множество другихъ прорицателей, изъ коихъ нѣкоторые такъ или иначе тоже примыкали къ Дельфамъ, другіе — къ мѣстнымъ божествамъ; прорицанія нѣкоторыхъ изъ нихъ (напр. Бакида) были собираемы и (вѣроятно, со многими апокрифическими) имѣлись у спеціалистовъ. Изъ гаданій по примѣтамъ были особенно въ ходу гаданія по полету птицъ и по внутренностямъ жертвенныхъ животныхъ. 3) *Нравственная* сторона греческой религіи вытекаетъ изъ положенія, что боги пекутся о людяхъ, награждаютъ добрыхъ и караютъ злыхъ. Первоначально подъ добрыми разумѣли благочестивыхъ; но уже рано къ первой заповѣди: «чтить боговъ» была прибавлена вторая — «чтить родителей», и третья — «уважать гостя» (это — три «заповѣди Хирона»). Въ дельфійскую эпоху кодексъ жизни согласно правдѣ былъ уже очень развитъ, но, согласно характеру эпохи, и онъ былъ строго аристократическимъ. Идеаломъ была добродѣтель-доблесть (ἀρετή), дѣлающая человѣка виднымъ среди всѣхъ; знатность, храбрость, умъ, красота, блескъ, слава, богатство (но не скрываемое, а обращаемое въ блескъ), обиліе расположенныхъ къ доблести дѣтей—вотъ къ чему слѣдовало стремиться. Всѣмъ этимъ «добрый» выдѣлялся изъ черни; но нужно было также позаботиться, чтобы онъ не стремился къ черезчуръ высокому, не пожелалъ изъ аристократа превратиться въ «тирана». Тирановъ дельфійская религія преслѣдовала; человѣкъ долженъ «познать себя», помнить, что «мѣра—лучше всего» и не требовать для себя божеской участи; отсюда догматъ о «зависти боговъ», которые караютъ тѣхъ, кто стремится къ недозволенному. Вопросъ только въ томъ, гдѣ они его караютъ и, соотвѣтственно, награждаютъ добрыхъ. Дельфійская религія была склонна допустить возмездіе здѣсь же, въ земной жизни; но такъ какъ дѣйствительность слишкомъ часто опровергаетъ эту иллюзію, то допускались слѣдующіе коррективы: а) возмездіе наступаетъ не вдругъ («медленно мелютъ мельницы боговъ, но тонко»); б) за преступныхъ родителей отвѣчаютъ дѣти, за добрыхъ награждаются дѣти (чудная притча о «сынѣ клятвы» у Геродота, VI, 86); в) въ исключительныхъ случаяхъ Аполлонъ переноситъ добрыхъ въ свой гиперборейскій рай (темнаго царства преисподней Аполлонъ не вѣдаетъ, предоставляя его тайны мистеріямъ). Въ связи съ этой нравственной стороной дельфійской религіи стоитъ ея *политическая* сторона: Дельфы пользовались всѣмъ своимъ вліяніемъ для того, чтобы упрочить вездѣ гдѣ только можно было аристократическій режимъ и поддержать его въ борьбѣ какъ съ демократіей, такъ и съ тираніей. Главной ихъ союзницей была аристократическая Спарта, которая съ ихъ помощью поборола своихъ западныхъ, сѣверныхъ и восточныхъ

сосѣдей и стала первымъ государствомъ въ Греціи. Монархическій режимъ Дельфы допускали только на окраинахъ греческаго міра, по политическимъ расчетамъ. Самой славной эпохой дельфійской гегемоніи былъ VI в.; казалось, что дельфійская религія даже перейдетъ предѣлы Греціи и станетъ религіей міровой. Дельфы завязываютъ сношенія на востокѣ съ Крезомъ лидійскимъ, на западѣ съ Тарквиніями въ Римѣ, который именно благодаря этой династіи сталъ главной италійской державой. Въ началѣ они имѣютъ успѣхъ; затѣмъ и здѣсь, и тамъ дѣла пошли неудачно: Крезъ былъ побѣжденъ Киромъ персидскимъ, Тарквиніи были изгнаны. Тогда Дельфы сближаются съ побѣдителями—римской республикой и персами. На западѣ ихъ успѣхъ былъ полнымъ: результатомъ дельфійскаго вліянія въ Римѣ была эллинизація римской религіи. На востокѣ дѣла осложнились вслѣдствіе бѣдственнаго для Дельфовъ греко-персидскаго конфликта; побѣда грековъ сильно уронила ихъ престижъ.

Литература (кромѣ общихъ руководствъ): Leop. Schmidt, «Die Ethik der alten Griechen» (1882).

§ 9. *Греческая государственная религія въ аттическую эпоху.* Подъ аттическою эпохой мы разумѣемъ эпоху политическаго и культурнаго преобладанія Аѳинъ, т. е. пятый и четвертый вѣка до Р. Хр. Аѳины славились своимъ благочестіемъ; онѣ гордились тѣмъ, что нигдѣ въ Элладѣ празднества въ честь боговъ не совершались такъ торжественно, какъ у нихъ. Онѣ признавали вѣщую силу дельфійскаго прорицалища и часто, подобно другимъ греческимъ государствамъ, къ нему обращались и въ государственныхъ, и въ частныхъ дѣлахъ; но въ силу историческихъ условій ихъ политика была противоположна дельфійской. Въ эпоху аристократическаго режима этотъ антагонизмъ не особенно проявлялся, но уже въ VI-мъ вѣкѣ, въ эпоху наибольшей силы Дельфовъ, тиранъ Писистратъ впервые направилъ Аѳины на тотъ путь, который долженъ былъ повести къ разрыву съ городомъ Аполлона. Чтобы укрѣпить въ Аѳинахъ антидельфійскій духъ, онъ поддерживалъ гомеровскую поэзію, которую Дельфы пытались было заслонить покровительствуемою ими лирикой; онъ же правильно оцѣнилъ значеніе зарождавшейся именно тогда самобытно аѳинской отрасли поэзіи, драмы (при немъ жилъ Ѳесписъ), которой суждено было со временемъ, примыкая къ Гомеру, произвести новую (числомъ третью) переоцѣнку греческой миѳологіи и, слѣдовательно, религіи. Группировалась драма вокругъ культа Діониса, который сталъ, рядомъ съ Аѳиной и Деметрой, національно-аѳинскимъ божествомъ, съ характеромъ религіозно-культурнаго противовѣса дельфійскому Аполлону. Писистратъ сталъ вдвойнѣ ненавистенъ Дельфамъ — и какъ тиранъ, и какъ націоналистъ; они дѣятельно агитировали противъ него и его сыновей, опираясь и на его аѳинскихъ недоброжелателей-аристократовъ, и на внѣшнія силы (Спарту) и, наконецъ, добились своего. Успѣхъ ихъ такъ удовлетворилъ, что они не отказали въ религіозной санкціи даже реформѣ Клисѳена, не смотря на ея демократическій характеръ. Все же разрывъ былъ неизбѣженъ; его ускорила антинаціональная политика Дельфовъ во время персидскихъ войнъ, доставившая Аѳинамъ всѣ преимущества въ борьбѣ. Положеніе Спарты стало затруднительнымъ: какъ предводительница греческихъ государствъ (стала же она таковой съ дельфійскаго благословенія), она должна была идти наперекоръ своимъ всегдашнимъ вдохновителямъ, Дельфамъ, которые теперь, потерявъ эту свѣтскую опору, вынуждены были опираться на Аргосъ, «ненавистный сосѣдямъ, но любезный безсмертнымъ богамъ», какъ они его называли въ одномъ оракулѣ; ему они сулили первенствующую роль въ Греціи на случай ожидаемой персидской побѣды, какъ мнимому городу-родоначальнику персовъ (послѣдніе будто бы происходили отъ аргосскаго царя *Персея*, одной изъ многочисленныхъ ипостасей Солнца-богатыря). Назрѣвала новая греко-персидская религія, предвареніе позднѣйшаго митраизма; но пораженіе персовъ разрушило эти мечты. Пришлось дельфійской религіи опять войти въ предѣлы греческаго міра; вскорѣ прежній союзъ со Спартой былъ возстановленъ. Тѣмъ сильнѣйшей опалѣ со стороны Дельфовъ подверглись Аѳины; въ пелопоннесскую войну дельфійскій Аполлонъ открыто объявилъ себя союзникомъ Спарты. Это обстоятельство имѣло роковое значеніе для религіознаго положенія Аѳинъ. Какъ ни какъ, а дельфійская религія была прогрессирующей; благодаря оракулу, она обладала возможностью дать религіозную санкцію тому символу или догмату, который ей казался своевременнымъ. О томъ, что она пользовалась этой возможностью, свидѣтельствуетъ роль такихъ религіозныхъ реформаторовъ, какъ Пиѳагоръ, такія проявленія религіозной жизни, какъ орфизмъ, да и произведенная лирическими поэтами переоцѣнка родной миѳологіи: нѣтъ сомнѣнія, что установленный этими поэтами съ замѣчательнымъ единодушіемъ характеръ греческой религіи былъ много возвышеннѣе, чѣмъ наивный политеизмъ Гомера. И вотъ, Аѳины были теперь оторваны отъ этого вдохновителя греческой религіи. Не имѣя возможности разсчитывать на дельфійскую санкцію для какихъ бы то ни было новшествъ, онѣ по неволѣ были вынуждены воздерживаться отъ нихъ; лозунгомъ государственной религіи Аѳинъ была «вѣрность завѣтамъ отцовъ». Санкція давности должна была замѣнить дельфійскую санкцію современности. Этимъ обстоятельствомъ объясняется явленіе, поражающее всякаго, кто изучаетъ культурную исторію Аѳинъ: замѣчательная косность государственной религіи въ городѣ, который во всемъ прочемъ далеко опередилъ другія греческія государства. Именно демократическая партія, которая была въ то же время антиспартанской и, стало быть, антидельфійской, ревнивѣе всего относилась къ отечественной религіи и никакихъ новшествъ и вольнодумствъ не допускала. Не въ ней одной заключалась, однако

религіозная жизнь той эпохи. Гораздо болѣе живую дѣятельность наблюдаемъ мы внѣ ея, среди мыслителей. Этихъ послѣднихъ мы можемъ раздѣлить на три группы. 1) Группа мыслителей-иноземцевъ, преимущественно іонійскаго происхожденія — такъ назыв. софисты. Относясь скептически ко всякой религіозной санкціи, они одинаково отвергали какъ дельфійскую, такъ и аѳинскую государственную религію; по своимъ политическимъ убѣжденіямъ они были, какъ чужеземцы, индифферентны, но естественно льнули къ своимъ покровителямъ — богатымъ и вліятельнымъ гражданамъ изъ партіи умѣренныхъ (Периклъ, Каллій и др.), которыхъ они сильно компрометтировали своимъ вольнодумствомъ въ глазахъ строгихъ демократовъ. 2) Группа аѳинскихъ мыслителей и поэтовъ аристократическихъ убѣжденій, сохранившихъ связь съ Дельфами и, поэтому, участвовавшихъ въ религіозной эволюціи нашей эпохи. Къ ней принадлежали самыя славныя имена Аѳинъ V и IV вѣковъ: Софоклъ, Сократъ, Платонъ. 3) Группа аѳинскихъ мыслителей и поэтовъ антидельфійскихъ убѣжденій, но въ то же время прогрессивнаго образа мыслей, рѣшившихся произвести переоцѣнку религіозныхъ понятій и представленій съ аѳинской точки зрѣнія; сюда относятся главнымъ образомъ Эсхилъ и Еврипидъ, изъ коихъ первый имѣлъ свою религіозную основу въ религіи Деметры, а второй—въ религіи Діониса (согласія между ними, впрочемъ не было: Эсхилъ былъ цѣльной религіозной натурой, Еврипидъ находился подъ вліяніемъ мыслителей первой группы). Ко всѣмъ тремъ группамъ демократическая партія относилась съ одинаковымъ недовѣріемъ, и ихъ представители подвергались одинаковымъ гоненіямъ съ ея стороны; самой знаменитой вспышкой въ этомъ родѣ былъ въ 399 г. процессъ Сократа, котораго Дельфы объявили мудрѣйшимъ изъ эллиновъ, за то, что онъ «не вѣруетъ въ тѣхъ боговъ, въ которыхъ вѣруетъ государство». Религіозно-нравственная эволюція эпохи заключается въ медленномъ перерожденіи нравственнаго идеала — превращенія aretê изъ «доблести» въ «добродѣтель». Необходимость этого перерожденія была дана въ самомъ характерѣ дельфійской религіи съ тѣхъ поръ, какъ она приняла въ себя зачатки діонисовой религіи, въ видѣ орфизма, съ его эсхатологіей, чуждой первоначальному, чисто жизненному характеру аполлоновскаго міросозерцанія. Правда, орфизмъ былъ тайнымъ ученіемъ, аполлоновскіе идеалы проповѣдывались явно; но тайное ученіе чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе проникало въ общество, послѣдствіемъ чего было то, что можно назвать «переоцѣнкой жизни и ея благъ съ точки зрѣнія смерти». А такъ какъ греческая нравственность была по существу эвдаймонистической, то прежде всего эсхатологическій эвдаймонизмъ (представляемый либо въ видѣ вѣчнаго блаженства, либо въ видѣ нирваны) становится рядомъ съ біологическимъ (ср. притчу о Крезѣ и Солонѣ: представитель біологическаго эвдаймонизма — Теллъ, представители эсхатологическаго — Клеобисъ и Битонъ; оба противоставляются наивному и грубому эвдаймонизму Креза). Лирическая поэзія, прославительница блеска и «доблести», отживаетъ свой вѣкъ; на смѣну ей является поэзія драматическая, черпающая свое вдохновеніе въ діонисическомъ экстазѣ. Софоклъ переноситъ новодельфійскій эвдаймонизмъ на сцену (Антигона жертвуетъ властью, богатствомъ, бракомъ, словомъ всѣми благами жизни для того, чтобы «угодить подземнымъ богамъ»; «ты избрала жизнь, а я — смерть», говоритъ она сестрѣ). Сократъ и Платонъ окончательно утвердили за aretê значеніе «добродѣтели». Параллельно съ этимъ этическимъ перерожденіемъ греческаго язычества происходитъ и его эстетическое перерожденіе. Аттическая эпоха была временемъ наибольшаго расцвѣта античнаго художества, подъ вліяніемъ школы Фидія и его послѣдователей. Угловатые и слегка безобразные типы VI в., смотрящіе прямо передъ себя то съ выраженіемъ строгости, то съ улыбкой безучастнаго блаженства — смѣняются новыми, въ которыхъ идеалъ красоты достигаетъ своего предѣла; легкій наклонъ прекрасной головы ставитъ божество въ непосредственныя сношенія съ человѣкомъ, служа нагляднымъ символомъ идеи любви бога къ человѣческому роду. Возникаютъ новые типы юныхъ божествъ: кромѣ Аполлона, который уже въ VI вѣкѣ такъ изображался — еще Діонисъ и Гермесъ, которыхъ раньше представляли бородатыми. Главное — божества индивидуализируются. Въ раннемъ искусствѣ они всѣ были другъ на друга похожи; различали ихъ по аттрибутамъ. Теперь изобразительныя художества, отчасти слѣдуя поэзіи, отчасти самостоятельно, стремятся къ индивидуальной характеристикѣ изображаемаго божества. Эти характеристики, проникая въ сознаніе общества, окончательно запечатлѣваютъ въ немъ божества греческаго политеизма, какъ ярко опредѣленные и разнородные типы. Отнынѣ интеграція этихъ типовъ въ одну всеобъемлющую идею божества была невозможна: монотеизмъ не могъ поглотить греческаго политеизма—онъ могъ только разбить его.

Литература—только въ общихъ руководствахъ; освѣщеніе, въ которомъ факты представлены выше, дано здѣсь авторомъ впервые.

§ 10. *Государственная греческая религія въ эллинистическую эпоху*, т. е. въ послѣднія три столѣтія до Р. Хр. Въ послѣднюю войну, которую Греція вела за свою самостоятельность — въ войну съ Македоніей — Дельфы опять были на сторонѣ врага. Извѣстный изъ Демосѳена «филиппизмъ» пиѳіи не возстановилъ значенія оракула, и онъ пересталъ быть вдохновителемъ греческой религіи (свою роль въ эллинизаціи римской религіи онъ сохранилъ до конца III в.; см. ниже). Основаніе эллинистическихъ монархій на Востокѣ — особенно въ Египтѣ, Сиріи и Малой Азіи—повело къ слiянію греческихъ культовъ и вѣрованій съ восточными и черезъ это къ новымъ религіознымъ формамъ. Въ этихъ новыхъ формахъ мы различаемъ два главныхъ типа: 1) типъ всеобъемлющаго божества и 2) типъ обого-

твореннаго человѣка. Кромѣ этихъ новыхъ типовъ продолжаютъ существовать и старые, при чемъ происходятъ всевозможные компромиссы. Слѣдуетъ помнить, притомъ, что религіозная жизнь питается не только этими старыми и новыми религіозными формами, но и философской мыслью, которая именно теперь выступаетъ въ роли постоянной религіозной проповѣди.

I. *Новые религіозные типы:* 1) типъ всеобъемлющаго божества. Религіи занятаго греческой культурой Востока издавна обладали склонностью если не къ монотеизму, то по крайней мѣрѣ къ «генотеизму», т. е. къ признанію одного всѣхъ превосходящаго бога, не исключающаго, однако, существованія другихъ второстепенныхъ или иноплеменныхъ божествъ. Благодаря этой своей склонности, Востокъ вліялъ на Грецію и въ болѣе или менѣе отдаленныя эпохи, посылая туда свои культы; при этомъ его божества сливались съ греческими и дѣлались членами греческаго Олимпа (самый разительный примѣръ— Аполлонъ; затѣмъ Астарта—Афродита, Мелькартъ—Гераклъ и др.). Теперь получается уже не то: восточное божество хотя и отождествляется съ греческимъ, но сохраняетъ свое восточное имя и свой характеръ всеобъемлющаго божества; а такъ какъ эти двѣ тенденціи, вслѣдствіе опредѣленности греческихъ божескихъ типовъ, другъ другу противорѣчили, то въ результатѣ получилась смута, извѣстная подъ именемъ «ѳеокрасіи» или «синкретизма» и ставшая одною изъ главныхъ причинъ разложенія греческаго политеизма. Греческіе властители эллинистическихъ монархій не только не противодѣйствовали новымъ формамъ, но поощряли ихъ, такъ какъ онѣ укрѣпляли ихъ популярность въ странѣ и вели къ примиренію между собой ихъ греческихъ и туземныхъ подданныхъ. Особенно интересны три главныхъ изъ этихъ новыхъ типовъ, возникшіе въ трехъ главныхъ восточныхъ монархіяхъ. а) Въ Египтѣ — Исида и Сераписъ. Основателемъ этого греко-египетскаго культа былъ Птолемей I; Исида была отождествлена съ Деметрой, Сераписъ — съ Аидомъ, такъ что новая религія могла быть поставлена въ связь съ древнеелевсинской религіей Деметры. Обрядность была, однако, египетская; греческій языкъ былъ только удобнымъ мостомъ, по которому культъ «многоименной Исиды», съ его очищеніями и прочимъ таинственнымъ и эффектнымъ церемоніаломъ, проникъ во внѣегипетскій греческій міръ. Его центромъ осталась египетская Александрія; ея храмъ Сераписа, такъ назыв. Серапей, былъ однимъ изъ послѣднихъ оплотовъ язычества противъ христіанства.—Кромѣ культа этихъ двухъ божествъ заслуживаетъ вниманія еще культъ египетскаго Анубиса или Тота, отождествленнаго съ греческимъ Гермесомъ; эти «герметическія» общины съ ихъ магіей стали впослѣдствіи гнѣздами гностическихъ ересей и, какъ таковыя, опасными соперницами христіанства. — б) Въ Сиріи — «сирійская богиня», культъ которой распространялся оскопленными жрецами. Изъ всѣхъ явленій ѳеокрасіи—это самое неутѣшительное. Для судебъ язычества сирійскій востокъ былъ гораздо важнѣе тѣмъ, что онъ охватывалъ также Іудею, съ ея культомъ Іеговы (котораго греки по чисто внѣшнимъ причинамъ отождествляли съ Діонисомъ). Эллинистическая эпоха была также эпохой усиленной эллинизаціи іудеевъ: греческій языкъ находилъ среди нихъ большое распространеніе. Селевкиды не разъ своими неразумно крутыми мѣрами тормозили это дѣло (ср. возстаніе Маккавеевъ), но зато ему способствовали властители сосѣдняго Египта, гдѣ и состоялся тогда переводъ Писанія на греческій языкъ (такъ назыв. LXX толковниковъ). Это въ свою очередь способствовало возникновенію такъ назыв. еврейскаго прозелитизма (см. Христіанство) и внесло новую струю въ религіозную спекуляцію грековъ. Особенно плодотворною оказалась она въ низшихъ слояхъ религіозной мысли, наравнѣ съ герметической и прочей магіей. в) Въ Малой Азіи, въ царствѣ Атталидовъ—Великая Матерь Боговъ, отождествленная съ Землей, издревле почитавшейся въ Троянской странѣ. Подобно «Сирійской богинѣ», и ея культъ правился оскопленными жрецами; онъ распространился по Греціи въ нашу эпоху, а въ концѣ III вѣка перешелъ и въ Римъ; это было послѣднимъ религіознымъ дѣйствіемъ дельфійскаго оракула.—2) Второй религіозной идей данной эпохи былъ такъ назыв. *апоѳеозъ*, т. е. идея, что человѣкъ можетъ быть сопричисленъ къ сонму небожителей. Доэллинистическая Греція знала только такъ назыв. героизацію (см. выше), отличающуюся отъ апоѳеоза тѣмъ, что а) она воздавалась только умершимъ и б) «герой» предполагался существомъ различнымъ отъ бога, имѣя болѣе ограниченную сферу власти и получая болѣе скромныя почести; только апоѳеозъ Лисандра послѣ его побѣды надъ Аѳинами въ 404 г. образуетъ трудно объяснимое исключеніе. Напротивъ, у народовъ Востока обоготвореніе царей при жизни было обычнымъ явленіемъ; поэтому и Александръ Великій, а за нимъ и его преемники провозгласили себя божествами. Первоначально они требовали себѣ божескихъ почестей лишь отъ своихъ подданныхъ-варваровъ, для которыхъ онѣ были привычнымъ дѣломъ; но при податливости большинства грековъ это различіе сглаживалось. На греческой религіи обычай апоѳеоза, въ силу котораго обоготворяемый получалъ и храмы, и жрецовъ, и праздники, отозвался самымъ гибельнымъ образомъ — тѣмъ болѣе, что Греція не знала того промежуточнаго религіознаго типа, который позднѣе въ Римѣ такъ облегчалъ пониманіе апоѳеоза—генія (см. ниже). На глазахъ у всѣхъ смертные люди были объявляемы богами, превращались въ боговъ; это не могло не навести на мысль, что и всѣми почитаемыя олимпійскія божества были первоначально людьми. Эта теорія, которой, по имени ея автора Евгемера мессанскаго, присвоено названіе *«евгемеризма»*, появилась какъ разъ въ началѣ III вѣка. Для тѣхъ, кто простодушно вѣрилъ въ божественность Александра Великаго и прочихъ, она ничего опаснаго не пред-

ставляла: предвѣчности боговъ греческая религія все равно не признавала, и Зевсъ, хотя бы онъ раньше и былъ человѣкомъ, могъ оставаться богомъ. Въ глазахъ болѣе или менѣе вдумчивыхъ людей евгемеризмъ сводился къ отрицанію боговъ; его авторъ считался атеистомъ, и въ эпоху столкновенія Я. съ христіанствомъ евгемеризмъ сдѣлался для христіанскихъ апологетовъ очень важнымъ оружіемъ.

II. *Старыя религіозныя формы и типы* безъ особенныхъ перемѣнъ продолжали свое существованіе и въ данную эпоху; замѣчается лишь нѣкоторое развитіе, обусловленное не столько почином какого-нибудь вдохновителя, сколько естественнымъ теченіемъ вещей, подготовленнымъ еще въ предыдущую эпоху. Уже тогда замѣчалось спорадическое стремленіе, на ряду съ тщательной характеристикой боговъ, обоготворять эти ихъ характеры: Аѳина-Побѣдительница получала храмы просто какъ Побѣда, миролюбивая Деметра, мать богатства, естественно могла выдѣлить изъ себя богиню мира, Ирину. Теперь это стремленіе усиливается, но вмѣстѣ съ тѣмъ, баснословныя побѣды Александра Великаго, гибель и возникновеніе царствъ, неожиданныя катастрофы, въ хорошемъ и дурномъ значеніяхъ, въ столькихъ частныхъ жизняхъ, способствовали развитію убѣжденія, что всѣмъ управляетъ Судьба—именно прихотливая Судьба (τυχή), а не старинный, строгій и непреклонный Рокъ (μοιρα) — и вотъ, этой Tychê (у римлянъ позднѣе Fortuna) были воздвигаемы алтари и храмы; ее сдѣлали богиней-покровительницей столицы одного изъ новыхъ царствъ, Антіохіи. Усилилась популярность и тѣхъ древнихъ божествъ, которыя такъ или иначе стояли близко къ прихоти—Афродиты и Эрота, Гермеса, Діониса съ его сатирами и др. Это отразилось на художествѣ, въ которомъ преобладаютъ и развиваются именно указанные типы, и еще болѣе на литературѣ, спеціально на ея двухъ характерныхъ чертахъ: эротизмѣ и страсти къ приключеніямъ. Эти два направленія сходятся въ томъ литературномъ типѣ, который былъ характернымъ созданіемъ эпохи и ярче всего проповѣдывалъ власть Афродиты и Судьбы—въ романѣ.

III. *Философская мысль* въ данную эпоху еще болѣе чѣмъ прежде стала носительницей того элемента Я., который въ дельфійскую эпоху былъ связанъ съ религіей и лишь въ аттическую отъ нея отдѣлился — морали. Теперь активная религія почти совсѣмъ перестала быть источникомъ и вдохновительницей нравственности; Дельфы занимались только политикой, притомъ довольно мелкой, какъ духовная столица этолійскаго союза; новые культы ничего этически цѣннаго не внесли, скорѣе наоборотъ (Сирійская богиня потворствовала половой разнузданности, герметизмъ и родственныя секты со своей магіей возбуждали любостяжаніе и мстительность); даже мистеріи, какъ можно судить по презрительному отзыву Діогена, уже въ IV в. погрязли въ обрядовомъ формализмѣ, въ ущербъ своей нравственной идеѣ. Въ образовавшійся пробѣлъ вступаетъ философія, при чемъ къ обоимъ активнымъ направленіямъ IV в. (киникамъ и академикамъ) присоединились въ III в. еще два—стоическое и эпикурейское. Изъ нихъ академическое существовало болѣе для избранныхъ умовъ: все же оно, въ лицѣ нѣкоторыхъ своихъ представителей (напр. Крантора), не брезгало обращаться и къ болѣе широкой публикѣ, чтобы разсѣять страхъ передъ смертью и утѣшить въ потерѣ дорогихъ людей; отголоски этихъ ученій мы находимъ даже въ полуграмотныхъ надгробныхъ надписяхъ, которыхъ изъ этой эпохи сохранено немало. Настоящими проповѣдниками добродѣтели среди простонародья были киники — «опростители» той эпохи, надѣвавшіе «суму Діогена» и ходившіе въ народъ учить его, что добродѣтель довлѣетъ себѣ и счастье не зависитъ отъ внѣшнихъ благъ, всего же менѣе—отъ богатства. Однимъ изъ наиболѣе замѣчательныхъ былъ утѣшитель страждущихъ, Кратетъ, «добрый геній», какъ его называли (agathos daimôn). Были между ними и низменныя личности; вообще киники и въ хорошихъ, и въ дурныхъ своихъ чертахъ напоминаютъ францисканцевъ; «сумѣ Діогена» соотвѣтствовала символическая corda di S. Francesco. Эпикуреизмъ удалилъ боговъ въ «междуміріи», сдѣлавъ ихъ объектомъ гораздо болѣе эстетическаго, чѣмъ этическаго поклоненія; его этика была совершенно иррелигіозна, но впрочемъ достаточно строга и даже аскетична. Болѣе положительно относился къ государственной религіи стоицизмъ; правда, онъ былъ склоненъ къ пантеизму, но помимо божества, оживляющаго весь міръ, и его частичныхъ преломленій, онъ признавалъ и всѣхъ государственныхъ боговъ, допуская ихъ тожество съ указанными преломленіями, или же ихъ происхожденіе, путемъ апоѳеоза, изъ добрыхъ людей. Важнѣе всего было то, что стоицизмъ допускалъ «божій промыселъ» (pronoia), сказывающійся, между прочимъ, и въ томъ, что онъ открылъ человѣку возможность, путемъ обращенія къ нему, раскрыть, насколько это для него полезно, завѣсу будущаго; этимъ была признана возможность и цѣлесообразность вѣдовства. Съ этой точки зрѣнія стоицизмъ былъ самымъ благонадежнымъ изъ философскихъ направленій. Но именно въ силу своего терпимаго и довѣрчиваго характера стоицизмъ сдѣлался покровителемъ новой науки, которая какъ разъ въ данную эпоху стала овладѣвать умами и распространяться по греческому (и греко-римскому) міру—*астрологіи*. Происхожденія она была восточнаго, вавилонскаго: сближеніе Греціи съ Востокомъ при Александрѣ Великомъ открыло для нея пути въ Грецію. Планетныя божества были отожествлены съ греческими, такъ что внѣшній поводъ къ соблазну былъ устраненъ; все же всякому адепту астрологической науки было ясно, что планетный Зевсъ, связанный въ своихъ движеніяхъ и ничуть не человѣкоподобный, имѣлъ мало общаго съ тѣмъ земледержцемъ, которому поклонялись въ Олимпіи и котораго изобразилъ Фидій. Вообще астрологія

содержала зародыши новой метафизики, которая плохо уживалась съ общегреческой и со временемъ причинила немало хлопотъ и христіанству. Прежде чѣмъ прослѣдить дальнѣйшія судьбы греческаго Я., слѣдуетъ бросить взглядъ на развитіе римскаго Я. вплоть до его слiянія съ греческимъ въ единое грекоримское.

Литература. Plew, «Die Griechen in ihrem Verhältnis zu den Göttern fremder Völker» (1876); Lafaye, «Histoire du culte des divinités d'Alexandrie hors de l'Egypte» («Biblioth. des écoles franç. d'Athènes et de Rome», вып. 33, 1884); Reitzenstein, «Poimandres» (о герметизмѣ, 1904); Bouché-Leclercq, «L'Astrologie grecque» (1899); Зѣлинскій, «Умершая наука» («Вѣстн. Евр.», 1901, окт.-нояб.).

§ 10. *Національная римская религія.* Греческія божества съ самаго начала, насколько мы это можемъ прослѣдить, были трансцендентны, т. е. предполагались живущими своей личной жизнью, независимо отъ того элемента природы, которымъ они непосредственно управляли; такъ напр. Деметра—богиня урожая, но она въ то же время богиня-мать, потерявшая свою дочь и ищущая ее и т. д. Напротивъ, національныя римскія божества *имманентны*, т. е. живутъ исключительно каждый въ своемъ элементѣ природы: Церера, напр.—божественная сила, проявляющаяся въ ростѣ хлѣба. Будучи имманентны, они въ то же время *актуальны*, а не субстанціальны. Церера—богиня не просто хлѣба, а именно ростущаго хлѣба; посѣянный, цвѣтущій, пожинаемый хлѣбъ вѣдаютъ другія божества. Въ силу своей актуальности эти божества расплывчаты (а не опредѣленны, подобно греческимъ) и допускаютъ постепенную дифференціацію и интеграцію: чѣмъ ближе кто стоитъ къ акту, тѣмъ склоннѣе будетъ онъ дифференцировать проявляющуюся въ немъ божественную силу (такъ, въ посѣвѣ хлѣба признавали дѣйствіе двѣнадцати различныхъ божествъ), и наоборотъ—чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе эти отдѣльныя проявленія божественной силы сливаются въ одно общее божество. Но сила божественна, т. е. допускаетъ поклоненіе себѣ, только въ томъ случаѣ, если она представляется какъ воля; римскія божества представлялись именно какъ разновидности или преломленія міровой воли. Міровая воля непосредственно понятна человѣку, потому что представляется ему аналогичной съ его собственной, личной волей. Изъ этой аналогіи вытекали два послѣдствія: 1) представленіе о склоняемости также и міровой воли, въ ея отдѣльныхъ преломленіяхъ, путемъ молитвъ, обѣтовъ, даяній и т. п.; на этой почвѣ возникло *римское богослуженіе*. Это богослуженіе было аналогично съ греческимъ въ эпоху религіи Зевса: жрецами были глава семьи — за семью, глава государства, т. е. царь—за общину (на этомъ различіи покоилось различіе между sacra privata и sacra publica, частнымъ и государственнымъ богослуженіемъ). Обряды богослуженія предполагались установленными отчасти путемъ откровенія, отчасти путемъ опыта; они были довольно сложны и требовали очень тщательнаго исполненія, такъ какъ при малѣйшемъ упущеніи божество, a priori отнюдь не склонное помогать человѣку («любящаго бога» Римъ позналъ лишь благодаря Греціи), признало бы его недѣйствительнымъ. За чистотой исполненія наблюдали такъ назыв. pontifices (слово неразгаданное), первоначально совѣтники царя въ религіозныхъ дѣлахъ, позднѣе, послѣ изгнанія царей, присвоившіе себѣ всю иниціативу въ ущербъ чисто пассивному rex sacrorum; имъ подвластны были *весталки*. Одною изъ величайшихъ милостей бога человѣку было то, что онъ путемъ разныхъ примѣтъ (главнымъ образомъ полета птицъ) давалъ человѣку залогъ успѣха или неуспѣха его предпріятій; но знаніе этихъ примѣтъ и условій ихъ дѣйствительности было довольно труднымъ и сложнымъ дѣломъ, и въ немъ царскими совѣтниками были *авгуры*. По римскимъ понятіямъ, для каждаго государственнаго дѣла царь (позднѣе—старшій магистратъ) долженъ былъ заручиться залогомъ расположенія боговъ, такъ наз. auspicia. 2) Вторымъ послѣдствіемъ аналогіи между міровой и индивидуальной волей было представленіе о божественности также и этой послѣдней: личная воля каждаго человѣка, какъ преломленіе міровой, божественна. Эту божественную личную волю римляне называли *геніемъ*—представленіе чисто римское, далеко не совпадающее съ греческой и общечеловѣческой душой (культъ душъ въ Римѣ тоже существовалъ, но такъ какъ онъ принципіально не отличался отъ греческаго, то о немъ здѣсь рѣчи не будетъ). Какъ при группировкѣ личностей личныя воли интегрируются въ коллективную волю, такъ и личные геніи допускаютъ соотвѣтственную интеграцію: есть геніи семей, родовъ, корпорацій, есть, стало быть, и геній общины. Геніемъ первоначальной римской общины на Палатинѣ былъ Марсъ; точно также и всякая другая община имѣла своего генія. На этомъ основано политическое значеніе геніевъ. Когда произошло сліяніе между общинами палатинской и сабинской на Квириналѣ, оно представилось какъ союзъ между геніями обѣихъ, Марсомъ и Квириномъ, состоявшійся подъ покровительствомъ бога молніи, карающаго клятвопреступниковъ—Юпитера; эта троица была поставлена во главѣ совокупной общины и всѣмъ ея членамъ были даны опредѣленные жрецы, flamines. Такимъ образомъ въ Римѣ, какъ въ Греціи, договорное начало повело къ установленію жречества. Точно также позднѣе, когда при Тарквиніяхъ состоялось пріобщеніе къ Риму этрусскихъ и латинскихъ городовъ, этотъ новый союзъ былъ представленъ какъ союзъ этрусской Минервы и латинской Юноны, подъ покровительствомъ того же Юпитера, и этой новой троицѣ былъ основанъ культъ на знаменитомъ отнынѣ Капитоліи. Всѣ эти и другія религіозныя формаціи были послѣдствіемъ обоготворенія міровой воли во всѣхъ ея преломленіяхъ и обѣихъ зиждительныхъ силъ въ національной римской религіи, дифференціаціи и интеграціи; въ силу ихъ римское божество по своей природѣ было «единымъ во многихъ и мно-

гимъ во единомъ» и содержало въ себѣ зародышъ монотеизма: путемъ послѣдовательныхъ интеграцій римскій народъ долженъ былъ дойти до познанія единаго бога. Это развитіе было задержано процессомъ, начавшимся уже при Тарквиніяхъ — *эллинизаціей римской религіи* (см. ниже). Относясь въ принципѣ доброжелательно къ пріобщенію неримскихъ божествъ, Римъ, тѣмъ не менѣе, питалъ наибольшее уваженіе къ своимъ исконнымъ богамъ. Это были его боги-старожилы (indigetes); имъ были посвящены древнѣйшіе праздники, признаваемые государственнымъ мѣсяцесловомъ (fasti). Старожиламъ противополагались «новосѣды» (novensides); таковыми были до Тарквиніевъ лишь италійскія божества, но вскорѣ по изгнаніи Тарквиніевъ къ нимъ присоединились, какъ мы увидимъ, и греческія.

Литература. Wissowa, «Religion und Kultus der Römer» (1902; основное изложеніе предмета, послѣ котораго всѣ болѣе раннія руководства оказались устарѣвшими); Зѣлинскій, «Римъ и его религія» («Вѣстн. Евр.», 1903, янв.-февр.).

§ 11. *Эллинизація римской религіи въ эпоху роста римскаго государства* т. е. въ періодъ времени отъ изгнанія Тарквиніевъ до конца 2 пун. войны (прибл. 500—200). Первымъ источникомъ эллинизаціи римской религіи была сѣверная сосѣдка Рима, Этрурія, давно уже эллинизованная въ религіозномъ отношеніи. Тарквиній Гордый не только построилъ храмъ своей капитолійской троицѣ, но и поставилъ въ немъ глиняные кумиры трехъ чествуемыхъ божествъ, внося этимъ элементъ трансцендентности въ римскую религію, которой онъ былъ принципіально чуждъ. Еще болѣе рѣшающее значеніе имѣло проникновеніе въ Римъ, при томъ же Тарквиніи, дельфійской религіи: черезъ свой филіальный храмъ въ италійскихъ Кумахъ дельфійскій Аполлонъ навязалъ Риму «сивиллины книги», которыя были приняты въ Римѣ какъ книги судебъ римскаго государства. Важность этихъ книгъ была троякая: 1) справляясь въ нихъ въ тревожныя для государства минуты, римляне находили въ нихъ нерѣдко отвѣтъ, что слѣдуетъ учредить культъ такому-то (обязательно греческому) богу; такимъ образомъ цѣлый рядъ греческихъ божествъ проникъ въ Римъ, гдѣ получилъ культъ по греческому образцу. Главными были: самъ Аполлонъ съ Артемидой и Лето, Деметра съ Корой. Послѣднимъ пріобщеннымъ такимъ образомъ культомъ былъ культъ малоазіатской Великой матери боговъ, въ послѣдніе годы второй пунической войны (см. ниже). При этихъ пріобщеніяхъ имена греческихъ божествъ были иногда удерживаемы (напр. Аполлонъ, Латона), иногда передѣлываемы на латинскій ладъ (Полидевкъ—Поллуксъ, Гераклъ—Геркулесъ, Персефона—Прозерпина), иногда же замѣняемы соотвѣтственными латинскими (т. е. пріобщаемое греческое божество было отождествляемо съ какимъ-нибудь римскимъ: Деметра съ Церерой, Афродита съ Венерой, Артемида съ Діаной и т. д.). Когда римляне ознакомились съ греческой литературой, причемъ посредникомъ былъ театръ—сначала комедія, а въ III в. и трагедія,—то вся греческая миѳологія была пріурочена къ римскимъ божествамъ, что окончательно способствовало пониманію послѣднихъ въ греческомъ, трансцендентномъ смыслѣ и въ то же время внесло смуту и соблазнъ въ римскія религіозныя представленія. Это вторженіе греческихъ божествъ имѣло, впрочемъ, также немаловажное политическое значеніе: такъ какъ оно состоялось одновременно съ борьбой сословій, то пріобщаемыя греческія божества стали естественнымъ оплотомъ плебеевъ, между тѣмъ какъ боги-старожилы были покровителями патриціевъ. Храмъ Цереры, Либера и Либеры былъ присутственнымъ мѣстомъ народныхъ трибуновъ и хранилищемъ ихъ архива.—2) Вторымъ послѣдствіемъ принятія сивиллиныхъ книгъ было то, что къ нимъ—такъ какъ онѣ были написаны по-гречески—были приставлены толкователи (duoviri, затѣмъ decemviri, наконецъ quindecimviri sacrorum). Эта «сакральная коллегія» стала, рядомъ съ коллегіей понтификовъ, вторымъ центральнымъ органомъ сакральнаго дѣла въ Римѣ; именно эта двойственность центровъ характерна для религіознаго развитія Рима, точно такъ же какъ для государственнаго (консульство и трибунатъ) и правового (jus Quiritium и jus gentium). Сакральная коллегія вѣдала культы греческихъ «новосѣдовъ», понтифики—культы римскихъ «старожиловъ», къ которымъ были присоединены и италійскіе новосѣды. Вслѣдствіе большей эффектности греческихъ культовъ значеніе сакральной коллегіи постепенно возрастало, въ ущербъ понтификамъ, и эллинизація римской религіи дѣлала быстрые успѣхи. Апогеемъ этого движенія была эпоха второй пунической войны.—3) Третьимъ послѣдствіемъ было соединеніе легенды о началахъ Рима съ родиной Аполлона, Троей: создалось представленіе, что Ромулъ, основатель Рима, былъ потомкомъ (первоначально—внукомъ) Энея, бѣжавшаго изъ Трои послѣ ея взятія греками. Этимъ участь Рима была мистически связана съ участью знаменитаго легендарнаго города: явилось представленіе, что и Риму суждено пасть (или переродиться) черезъ опредѣленный промежутокъ времени; «сумерки боговъ» изъ религіи Зевса были перенесены на почву римской исторіи. Это ожиданіе катастрофы, особенно сильное въ I в. до Р. Хр., немало способствовало государственному перевороту, положившему конецъ республикѣ.

Со всѣмъ тѣмъ римское представленіе имманентности божествъ, съ его стремленіемъ къ интеграціи, не дало себя заглушить: оно нашло для себя исходъ въ слѣдующихъ компромиссахъ. Съ одной стороны, боги, будучи человѣкоподобны, имѣютъ, подобно людямъ, своихъ «геніевъ», а эти послѣдніе, какъ и человѣческіе геніи, доступны интеграціи. Съ другой стороны, эти божества, будучи человѣкоподобны, дѣйствуютъ, а ихъ дѣйствія будучи божественны, могутъ быть обоготворяемы въ смыслѣ исконно-римской актуальности. Такъ изъ представленія о Юпитерѣ-по-

бѣдителѣ развивается представленіе о божественной Побѣдѣ, какъ таковой. Эти божественныя качества и акты тоже доступны послѣдовательной интеграціи и дифференціаціи. Такъ древнеримскія представленія о божествахъ продолжаютъ существовать рядомъ съ греческими; все же главнымъ результатомъ 300-лѣтняго развитія было то, что римляне свыклись съ трансцендентнымъ пониманіемъ божества.

Литература—см. § 10.

§ 12. ***Національная реакція противъ греческаго вліянія*** въ два послѣднія столѣтія республики. Введеніе культа Великой матери боговъ было послѣднимъ успѣхомъ сакральной коллегіи въ Римѣ. Мы знаемъ уже (см. выше, § 9), что это былъ не греческій, а эллинистическій культъ; его обрядность, столь различная не только отъ римской, но и отъ греческой, не могла не взволновать ревнителей старой религіи. Прямымъ вызовомъ была попытка перенести въ Римъ организацію орфическихъ братствъ, которыя опутали Южную Италію и уже много раньше вызвали противъ себя здѣсь репрессаліи со стороны народной партіи (см. выше). Реакція разразилась въ видѣ «процесса вакханалій» (въ 186 г.), потребовавшаго многихъ человѣческихъ жертвъ, но зато освободившаго Римъ отъ призрака вакхическаго «заговора». Душой націоналистической реакціи былъ Катонъ Старшій; подъ его предводительствомъ римская религія вступила въ тотъ фазисъ своего развитія, въ которомъ ея лозунгомъ стало «соблюденіе отцовскихъ обычаевъ». Преобладанію сакральной коллегіи надъ понтификами былъ положенъ предѣлъ; новыхъ культовъ въ Римъ болѣе извнѣ не вводилось. Такимъ образомъ религіозная жизнь Рима въ теченіе двухъ послѣднихъ вѣковъ республики имѣетъ извѣстное сходство съ «аттической» эпохой греческой религіи; сходство заключалось также въ томъ, что и въ Римѣ эти два столѣтія были временемъ проникновенія философіи въ общество. Не слѣдуетъ забывать, однако, что разсматриваемая нами эпоха по времени совпадаетъ не съ аттической, а съ эллинистической эпохой греческой религіи: философія, проникшая въ Римъ, была эллинистическая. Особенно популярной была стоическая философія: ее перенесъ въ Римъ во второй половинѣ II в. Панетій, и она свила себѣ прочное гнѣздо въ кружкѣ Сципіона Младшаго. Ея пантеистическій характеръ шелъ на встрѣчу интеграціонному стремленію національной римской религіи и легко уживался съ нею. Но римляне по природѣ были склонны къ эклектицизму: въ томъ же кружкѣ Сципіона нашелъ себѣ поклонника также и Евгемеръ, въ лицѣ Эннія, переведшаго на латинскій языкъ его смѣлую религіозную теорію и сильно ее этимъ популяризировавшаго. Живое умственное движеніе въ римскомъ обществѣ и здѣсь контрастируетъ со строгимъ и коснымъ консерватизмомъ въ религіозныхъ дѣлахъ правительства. Такъ какъ одни и тѣ же люди были членами того и другого, то въ результатѣ получилась странная для посторонняго, но обычная для римлянина двойственность: одинъ и тотъ же человѣкъ былъ вольнодумцемъ въ кругу знакомыхъ и консерваторомъ какъ понтификъ или цензоръ. Процессовъ «о нечестіи», подобныхъ процессу Сократа, въ Римѣ, поэтому, возникнуть не могло; наибольшими вспышками религіозной реакціи были, послѣ грандіознаго дѣла о вакханаліяхъ», повторявшіяся изрѣдка изгнанія изъ Рима греческихъ философовъ цензорскими эдиктами. Ко вторженію чужеземныхъ культовъ даже какъ частныхъ римское правительство относилось очень недоброжелательно; это наблюдается, впрочемъ, лишь съ I в. до Р. Хр. Нельзя сказать, чтобы религія римскаго народа много выиграла отъ этой реакціи. Національная религія была слишкомъ блѣдна въ эстетическомъ и слишкомъ бѣдна въ этическомъ отношеніи и не могла давать духу вѣрующихъ болѣе или менѣе возвышенныхъ идеаловъ; лишенный настоящаго религіознаго ученія, обыкновенный римлянинъ все болѣе и болѣе уходилъ въ чисто матеріальные интересы. Этотъ матеріалистическій характеръ римской религіи реакціонной эпохи сказывается въ преобладаніи божествъ матеріальной удачи—Меркурія, Геркулеса и особенно Фортуны. Послѣдняя положительно становится универсальнымъ божествомъ еще въ большей мѣрѣ, чѣмъ это было у грековъ въ эллинистическую эпоху. Въ то же время подъ вліяніемъ междоусобныхъ войнъ послѣдняго вѣка республики стали ждать предсказанной гибели или возрожденія Рима. Критическимъ показалось разрушеніе пожаромъ Капитолійскаго храма въ 83 г., одновременно съ пожаромъ дельфійскаго храма и черезъ 10 вѣковъ (вѣкъ считался въ 110 л.) послѣ разрушенія Трои. Съ этого года чаяніе катастрофы стало постояннымъ, и оно немало способствовало гибели республиканскаго режима и его замѣнѣ принципатомъ, который далъ новое рѣшеніе также и религіознымъ проблемамъ своего времени. Еще слѣдуетъ замѣтить, что данная эпоха, подобно эллинистической на Востокѣ, подготовила зарожденіе и успѣхи христіанства (см. Христіанство, § 4). Начиная со слѣдующаго періода, изложеніе котораго будетъ общимъ для греко-римскаго міра, мы имѣемъ уже не одну, а двѣ религіи—языческую и христіанскую, и остающіеся §§ настоящей статьи будутъ составлены параллельно и примѣнительно къ статьѣ Христіанство.

Литература—см. § 10.

§ 13. ***Государственная религія римской имперіи до смерти Александра Севера*** (30 г. до Р. Хр.—235 г. по Р. Хр.; ср. Христіанство, §§ 7 и 8). Результаты реакціонной эпохи были неутѣшительны для римской религіи: если правительству удалось до нѣкоторой степени оградить гражданъ отъ вліянія иноземныхъ культовъ, то этотъ успѣхъ былъ одержанъ не столько усиленіемъ обаянія родной религіи, сколько извѣстнымъ притупленіемъ религіознаго чувства. Теперь, къ исходу республиканскаго періода, интеллигенція была въ сущности настроена скептически по отношенію къ религіи отцовъ, а разрушеніе многихъ старинныхъ храмовъ—послѣдствіе междоусо-

бицъ—уронило ея значеніе также и среди простого народа. Принципату предстояло оживить языческую религію; онъ сдѣлалъ это въ трехъ направленіяхъ, при чемъ. однако, его иниціатива не во всѣхъ трехъ была одинакова. 1) Наиболѣе сознательна была инициатива принципата въ отношеніи *греческаго* культа. Въ противоположность къ нетерпимости реакціонной эпохи, Августъ пошелъ въ этомъ отношеніи на уступки: онъ самъ производилъ себя (по усыновленію) отъ Энея. Троянскій богъ былъ при немъ предметомъ особаго почитанія. Онъ основалъ Аполлону новый храмъ на Палатинѣ и туда же перенесъ изъ Капитолія Сивиллины книги, уничтожая этимъ послѣдній слѣдъ зависимости сакральной коллегіи отъ Капитолія и его древнихъ святынь; онъ же отпраздновалъ въ честь Аполлона «секулярныя игры», давая этимъ понять, что катастрофа прошла благополучно и повела не къ гибели, а къ возрожденію Рима. 2) Еще болѣе знаменательнымъ и важнымъ для потомства былъ второй религіозный актъ принципата, при которомъ, однако, его содѣйствіе было болѣе пассивнаго характера; это было прямое развитіе *національнаго* культа. Однимъ изъ наиболѣе способныхъ къ интеграціи элементомъ римской религіи былъ, какъ мы видѣли, геній: кромѣ геніевъ частныхъ лицъ, были геніи родовъ, артелей, общинъ, наконецъ, самый центральный — геній римскаго народа. Теперь, когда въ Римѣ восторжествовалъ принципатъ, естественно было признавать центральнымъ геніемъ геній императора; это и было сдѣлано, при чемъ дѣло произошло какъ-то само собой, безъ особаго нажима со стороны высшей власти. По римскимъ понятіямъ этотъ культъ генія императора не былъ апоѳеозомъ: и въ республиканскую эпоху домочадцы чтили генія домохозяина, что тоже не считалось апоѳеозомъ. Но во всей грековосточной половинѣ имперіи культъ генія могъ быть понятъ только какъ апоѳеозъ: здѣсь почва была отлично подготовлена апоѳеозами эллинистической эпохи, при чемъ римскій императоръ естественно занялъ мѣсто египетскаго, сирійскаго и т. д. царя; культъ генія императора превратился просто въ культъ императора. Впрочемъ, эта двойственность пониманія существовала только по отношенію къ живому императору; для умершаго было только одно толкованіе. Основываясь на догматѣ новѣйшаго анимизма, развившагося подъ вліяніемъ орфическихъ таинствъ (всѣ души безсмертны, души же добрыхъ—божественны), было рѣшено, что душа умершаго добраго императора божественна. Онъ назывался послѣ смерти divus. Внѣшнимъ символомъ этого перехода души умершаго императора въ сонмъ небожителей была консекрація, производимая сенатомъ. Этотъ культъ генія императора, вмѣстѣ съ культомъ divorum, былъ важнѣйшимъ новшествомъэ похи принципата въ области національнаго культа; особое значеніе пріобрѣлъ онъ для войска, вслѣдствіе своего естественнаго родства съ присягой, приносимой солдатами царствующему императору. 3) Наконецъ, въ третьемъ направленіи—*восточномъ*—принципатъ ограничился тѣмъ, что пересталъ слишкомъ стойко сопротивляться непреодолимому прибою. Какъ мы видѣли выше (§ 12), малоазіатская Великая Матерь боговъ была пріобщена къ римскому пантеону еще въ концѣ III в. до Р. Хр., при чемъ ея культъ былъ послѣднимъ заимствованнымъ извнѣ за все время римской республики. Исида съ Сераписомъ тщетно стремились добиться доступа въ Римъ: республика ихъ изгоняла при всякомъ подъемѣ національнаго чувства, и только въ періоды ослабѣванія послѣдняго имъ удавалось опять водворяться на правахъ частнаго культа. Теперь, при принципатѣ, имъ уже не ставили преградъ, и «многоименная Исида» стала однимъ изъ самыхъ вліятельныхъ божествъ императорскаго Рима. За ними послѣдовали другія: «сирійская» богиня, карѳагенская «небесная» богиня (отожествленная съ Юноной), каппадокійская Ма (Беллона) и особенно персидскій богъ солнца, Митра Непобѣдимый. Вообще настроеніе римскаго общества въ религіозныхъ вопросахъ сильно мѣняется къ эпохѣ принципата: равнодушіе и скептицизмъ республиканскаго Рима уступаютъ мѣсто серьезному, подчасъ аскетическому отношенію къ вѣрѣ и богамъ. Вѣрнымъ показателемъ происшедшей перемѣны служитъ литература эпохи Августа. Энеида Виргилія была настоящей апологіей національной религіи римскаго государства; она же, въ своей VI книгѣ, дала своимъ читателямъ, на основаніи орфическихъ представленій, философски продуманную и просвѣтленную поэзіей эсхатологію, имѣвшую огромную важность не только для языческой, но и для христіанской религіи. Эпикуреизмъ и скептицизмъ теряли почву, особенно на западѣ (на востокѣ они держатся среди интеллигенціи, но имѣютъ противъ себя народъ, который по странному представленію соединялъ «эпикурейцевъ и христіанъ» въ одно общее понятіе атеистовъ). Стоицизмъ держится преимущественно на западѣ; академическая философія перерождается въ новоплатонизмъ, подчеркивая и развивая свои мистическіе элементы; процвѣтаетъ и ново-пиѳагореизмъ (Аполлоній Тіанскій), съ его вѣрою въ чудеса; огромное распространеніе, подъ научной сѣнью стоицизма, получаетъ астрологія, мало-по-малу втягивая въ себя всѣ науки. Въ новый фазисъ языческая религія вступаетъ во второмъ вѣкѣ, въ эпоху спорадическихъ гоненій на христіанъ. Мистическое движеніе, усиливавшееся въ теченіе I в. по Р. Хр., достигаетъ своего апогея, такъ что даже восточные культы въ своемъ прежнемъ видѣ ему не удовлетворяютъ. Культъ Великой Матери боговъ въ эту эпоху реформируется включеніемъ въ него цѣлаго ряда новыхъ очистительныхъ обрядовъ. Его превосходитъ по таинственности и эффектности греко-персидскій митраизмъ, вербующій себѣ сторонниковъ особенно въ западной половинѣ имперіи. Съ другой стороны, усиленіе христіанской пропаганды и возбужденный ею у язычниковъ интересъ способствуетъ возникновенію ученій промежуточныхъ между язычествомъ и христіанствомъ—

такъ назыв. гностическихъ ересей; благодаря своему хотя и фантастическому глубокомыслію, они находятъ себѣ почву особенно среди интеллигенціи, которая ихъ предпочитаетъ чистому и простому христіанскому ученію, и причиняютъ немало хлопотъ ревнителямъ этого послѣдняго. Наконецъ, стеченіе въ римскомъ государствѣ всевозможныхъ религіозныхъ толковъ даетъ богатую пищу магіи, которая именно теперь достигаетъ своего наибольшаго вліянія на умы. Послѣднимъ этапомъ въ развитіи языческой религіи было введеніе въ Римъ культа Солнца подъ этимъ его именемъ (Sol), состоявшееся уже къ концу нашего періода. Этотъ культъ затмилъ всѣ другіе своимъ блескомъ и наложилъ свою сигнатуру на послѣднюю эпоху жизни Я. Таковы были въ своей совокупности религіозныя силы греко-римскаго Я., съ помощью которыхъ оно въ III в. по Р. Хр. объявило рѣшительную войну развившемуся и окрѣпшему христіанству.

Литература. Boissier, «La religion romaine d'Auguste aux Antonins» (1874); Réville, «La religion à Rome sous les Sévères» (1886); Friedländer, «Darstellungen aus der Sittengeschichte Roms» (6-е изд., 1888); Cumont, «Textes et monuments figurés relatifs aux mystères de Mithra» (1895 сл.); его же, «Les mystères de Mithra» (1902).

§ 14. *Греко-римское Я. въ борьбѣ съ христіанствомъ* отъ смерти Александра Севера до единодержавія Константина Великаго (235—325)—см. Христіанство, § 9.

§ 15. *Паденіе греко-римскаго Я. отъ Константина Великаго до Юстиніана* (325—529). При Константинѣ Вел. положеніе язычниковъ нельзя было считать угнетеннымъ. Христіанская религія была только терпима, рядомъ съ ней языческая пользовалась всѣми своими правами: жреческія коллегіи продолжали существовать, и при основаніи новаго Рима, Константинополя, былъ соблюденъ весь языческій ритуалъ, принятый при основаніи городовъ. Гоненія на язычниковъ начались лишь при сынѣ Константина, Констанціи (337—361), но и они (вопреки существовавшему раньше мнѣнію) имѣли только спорадическій характеръ и не касались главныхъ органовъ языческаго культа. Съ именемъ *Юліана Отступника* (361—363) связано представленіе о послѣдней реакціи Я., которому сильный умомъ, но слишкомъ полагавшійся на свои силы императоръ хотѣлъ доставить рѣшительный перевѣсъ надъ христіанствомъ; подъ язычествомъ Юліанъ разумѣлъ совокупность языческихъ культовъ, нашедшихъ себѣ пріютъ въ Римѣ (безотносительно къ ихъ національному, греческому или восточному происхожденію), одухотворенную ново-платонической философіей. Кратковременность его царствованія не позволила ему создать что-либо долговѣчное. Открытое имъ гоненіе на христіанъ было прекращено его преемникомъ *Іовіаномъ* (363—364), а при преемникахъ послѣдняго на Западѣ, *Валентиніанѣ I* (364—375) и *Граціанѣ* (367—383), Я. былъ нанесенъ первый серьезный ударъ въ городѣ Римѣ: изъ зданія сената былъ удаленъ алтарь Побѣды. Акты по этому дѣлу намъ сохранены: это—доклады императору Симмаха въ пользу оставленія алтаря и св. Амвросія Медіоланскаго въ пользу его удаленія. Вообще въ эту эпоху начинается новый и послѣдній расцвѣтъ языческой литературы, какъ римской, такъ и греческой; ея корифеями были изъ римлянъ — названный только что Симмахъ (рѣчи и письма), Аммiанъ Марцеллинъ (исторія), Макробій (эрудиція и интерпретація), Авсоній (стихотворенія смѣшаннаго характера), Рутилій Наматіанъ (дидактическій эпосъ) и Клавдіанъ (героическій и панегирическій эпосъ), изъ грековъ — особенно риторъ Ливаній, затѣмъ философы Ѳемистій, Порфирій и др., поэты Ноннъ, Мусей и друг.; къ тому же времени относится и послѣдній расцвѣтъ орфической литературы. Характеромъ этой языческой литературы была трогательная любовь къ древнеримскимъ (и греческимъ) традиціямъ и осторожное молчаніе по отношенію къ христіанству. Вообще самый городъ Римъ носилъ еще въ значительной степени языческій характеръ; изъ главныхъ городовъ Востока преимущественно христіанскимъ былъ Константинополь, затѣмъ Антіохія (особенно послѣ удара, нанесеннаго тамъ язычеству Іовіаномъ, разрушившимъ антіохійскую библіотеку). Въ Александріи язычество, сосредоточившееся въ храмѣ Сераписа съ его библіотекой, успѣшно выдерживало напоръ христіанства; въ Аѳинахъ, съ ихъ славной высшей школой, оно едва было поколеблено. Главнымъ средствомъ для борьбы съ христіанствомъ была теперь школа, какъ риторическая, такъ и философская; къ ней даже христіанскіе писатели относились съ уваженіемъ. Оставляя въ сторонѣ дѣло съ алтаремъ Побѣды, можно сказать, что правительство Валентиніана I (равно какъ и его брата Валента на Востокѣ) держалось по отношенію къ язычникамъ въ предѣлахъ религіозной терпимости, установленныхъ Константиномъ Великимъ. Рѣзкая перемѣна началась при преемникѣ Валента, *Ѳеодосіи Великомъ* (378—395). Ѳеодосій уже съ 382 г. сталъ выказывать свое нерасположеніе къ язычникамъ; префектъ преторіанцевъ Кинегій получилъ отъ него приказаніе всюду запрещать языческій культъ, преимущественно жертвоприношенія; въ 391 г. приказано было закрыть храмы во всей имперіи. Приказъ этотъ имѣлъ послѣдствіемъ разрушеніе многихъ святилищъ и произведеній античнаго искусства; тогда именно былъ разрушенъ храмъ Аполлона въ Дельфахъ и навсегда замолкъ голосъ его вѣщательницы. Едва ли не болѣе еще важнымъ было разрушеніе храма Сераписа въ Александріи, съ его богатой, вѣковой библіотекой. Эти мѣры касались только Востока; въ Римѣ Я. продолжало существовать по-прежнему. Жреческія коллегіи, хотя и лишенныя своихъ прежнихъ доходовъ, пополнялись охотниками изъ родовъ римской аристократіи, а при императорѣ *Евгеніи* (392—394), который былъ расположенъ къ язычникамъ, ихъ культъ на короткое время даже поднялъ голову. Но по-

слѣ побѣды Θеодосія надъ Евгеніемъ и для Запада настали тѣ же времена, какъ и для Востока. При Θеодосіи или при его сынѣ *Гоноріи* (395—423) жречества понтификовъ, весталокъ и пр. прекратили свое существованіе; тогда же (въ 400 г.) Стилихономъ были сожжены Сивиллины книги, которыя въ продолженіе слишкомъ 9 вѣковъ были книгой судебъ римскаго государства. Это было равносильно уничтоженію Я. въ городѣ Римѣ и въ городахъ Запада вообще; отнынѣ оно держалось только въ деревняхъ (чѣмъ многіе и объясняютъ латинороманское слово pagani, payens, отъ pagus—«деревня»). На Востокѣ сила Я. не была еще сломлена въ Александріи; новымъ ему ударомъ было растерзаніе нитрійскими монахами, по наущенію епископа Кирилла, «мученицы язычества», прекрасной и мудрой Ипатіи въ 415 г. Но и послѣ этого оно не исчезло, и только вторженіе ислама положило конецъ заодно и ему, и христіанству. Послѣ преслѣдованій Θеодосія центромъ язычества въ римской имперіи стали Аѳины; здѣсь въ продолженіе слишкомъ столѣтія языческая философія продолжала читаться съ каѳедръ. Положилъ этому предѣлъ лишь императоръ *Юстиніанъ*, въ 529 г. закрывшій аѳинскую высшую школу. Послѣдніе философы-язычники (Симпликій и др.) переселились изъ римской имперіи въ сосѣднее царство персовъ, къ Хосрою, и перенесли туда греческую философію, носителями которой они были, подготовляя этимъ позднѣйшій расцвѣтъ арабо-персидскаго просвѣщенія. По замѣчательному совпаденію къ тому же 529 г. относится уничтоженіе послѣдняго языческаго культа на Западѣ, о которомъ мы слышимъ: культа Аполлона на Кассинской горѣ, св. Бенедиктомъ, основавшимъ тамъ свой знаменитый монастырь. Этотъ годъ можетъ, такимъ образомъ, считаться предѣльнымъ въ исторіи паденія Я.

Литература. Boissier, «La fin du paganisme» (2 т., 1891); Seeck, «Geschichte des Untergangs der antiken Welt» (1897, сл.); Lasaulx, «Der Untergang des Hellenismus» (1854). Ср. также соотвѣтственные отдѣлы въ руководствахъ исторіи римской имперіи.

Общая литература о греко-римскомъ Я.: Welcker, «Griechische Götterlehre» (1857 сл.); Preller, «Griechische Mythologie» (2 т., 1860; т. 1-й, болѣе важный, въ 4-мъ изд. подъ редакціей Robert'a, 1894); Roscher, «Ausführliches Lexikon der griechischen und römischen Mythologie» (разсчит. на 3 т., 1884 сл.); Gruppe, «Griechische Culte und Mythen» (т. 1, единств., 1892); его же, «Griechische Mythologie» (1897, сл.); Rohde, «Die Religion der Griechen» (1895, въ его «Kleine Schriften», II, 314 сл.); Kern, «Ueber die Anfänge der hellenischen Religion» (1902); Stengel, «Die griechischen Kultusaltertümer» (1892). *Θ. Зѣлинскій.*

Язычковый вѣнчикъ—встрѣчается у растеній изъ сем. сложноцвѣтныхъ. Настоящіе Я. вѣнчики встрѣчаются у группы цикоріевыхъ (Cichorieae или Liguliflorae); здѣсь сростнолепестный вѣнчикъ, въ нижней части трубчатый, затѣмъ переходитъ въ пятизубчатый, плоскій отгибъ (язычекъ). У Astereae, Inuleae, Anthemideae, Senecioneae, Calenduleae, Arctotideae вѣнчики также снабжены язычкомъ, но это ложно-язычковые вѣнчики, такъ какъ здѣсь язычекъ на концѣ не пятизубчатый, а цѣльнокрайній или 2-3-, рѣже 4-зубчатый, т. е. произошелъ не изъ пяти долей вѣнчика, а изъ 2, 3 или 4, при болѣе или менѣе полномъ исчезновеніи остальныхъ. У нѣкоторыхъ сложноцвѣтныхъ наблюдаются вѣнчики, представляющіе переходъ отъ правильныхъ трубчатыхъ къ язычковымъ, т. е. двугубые.

Язычный нервъ (n. lingualis)—въ видѣ болѣе или менѣе обособленной вѣтви свойственъ только млекопитающимъ и представляетъ собой одну изъ двухъ вѣтвей чувствительной части III вѣтви (ramus mandibularis) тройничнаго нерва (n. trigeminus—V пара). Чувствительная часть этого нерва дѣлится на двѣ вѣтви: r. mandibularis (s. str.) и r. lingualis. Послѣдняя иннервируетъ слизистую оболочку языка и ротовой полости. У человѣка Я. нервъ беретъ начало отъ r. maxillaris inferior (= r. mandibularis), проходитъ между m. pterygoideus externus и internus и направляется ко дну ротовой полости. Сначала онъ идетъ вдоль n. dentalis а потомъ на нѣкоторомъ протяженіи сопровождаетъ барабанную струну (chorda tympani) и получаетъ отъ нея волокна. Онъ даетъ вѣтви къ деснамъ нижней челюсти, а потомъ разбивается на слѣдующія вѣтви: n. submaxillaris съ ganglion submaxillaris, иннервирующимъ подчелюстную железу; n. sublingualis, иннервирующій подъязычную железу; rami linguales, идущіе въ языкѣ. *В. М. Ш.*

Язь, *язикъ*, *подъязикъ* (Idus melanotus)—рыба изъ семейства карповыхъ (Cyprinidae). Признаки рода Я. (Idus): глоточныхъ зубовъ по 8 съ каждой стороны, расположенныхъ въ два ряда, изъ которыхъ внутренній состоитъ изъ 5 зубовъ; вѣнчикъ этихъ зубовъ сжатъ съ боковъ и крючкообразно согнутъ на вершинѣ; голова и тѣло толстыя; ротъ на концѣ головы; спинной и подхвостовой плавники короткіе и имѣютъ приблизительно одинаковую длину при основаніи. *Обыкновенный Я.* (I. melanotus) отличается отъ другихъ обыкновенныхъ карповыхъ рыбъ толстой головой, маленькимъ, косымъ ртомъ, относительно мелкой чешуею и указаннымъ числомъ глоточныхъ зубовъ. Длина обыкновенно до 8—12 вершк. (36—53 стм.), вѣсъ до 5—7 фн., но попадаются экземпляры до 15 и 20 фн. Цвѣтъ сверху сѣровато-черный съ синимъ отливомъ, бока бѣловатые, брюхо серебристое, спинной и хвостовой плавники темно-сѣрые, остальные красные, радужная оболочка зеленовато-желтая съ темнымъ пятномъ вверху. Цвѣтъ значительно варьируетъ по возрасту и времени года. Во время нереста почти все тѣло получаетъ металлическій блескъ, нижніе плавники становятся ярко-красными, спинной и хвостовой получаютъ иногда яркій оттѣнокъ; у самцовъ почти вся голова и отдѣльныя чешуйки покрываются зерновидными желтоватыми бородавочками. Водится во всей средней и сѣверной Европѣ до восточной Фран-

ціи на западѣ; въ Европейской Россіи достигаетъ Печоры на сѣверѣ и Кавказскаго хребта на югѣ. Водится также во всей Сибири до бассейна Амура включительно. Живетъ преимущественно въ проточныхъ водахъ, но также и въ озерахъ. Въ средней Россіи Я. нерестится въ апрѣлѣ, обыкновенно около половины апрѣля; подъемъ вверхъ по рѣкѣ начинается тотчасъ по вскрытіи. Питается насѣкомыми и ихъ личинками, червями, мелкой рыбой. *Н. Кн.*

Язь достигаетъ до 2 фт. длины (хотя это уже большая рѣдкость, обычный ростъ вершковъ 6—8) и до 10 фн. вѣсомъ. Охотно беретъ на удочку съ приманкой рыбки, хлѣбныя корки, кузнечика. Клевъ бойкій, и пойманная рыба доставляетъ немало хлопотъ любителю. Обыкновенная промысловая рыба.

Яикъ—такъ до 1775 г. называлась рѣка Уралъ (XXXIV, 863). Переименованіе произошло послѣ возмущенія яицкихъ казаковъ, при чемъ и ихъ главный городъ, Яицкій городокъ, былъ переименованъ въ Уральскъ (XXXIV, 887).

Яички, *болѣзни ихъ*.—Изъ врожденныхъ аномалій отмѣтимъ весьма рѣдко встрѣчающееся отсутствіе яичка, одностороннее и двустороннее, далѣе атрофію Я. Субъекты, страдающіе врожденной атрофіей Я., имѣютъ обыкновенно нѣжный, женственный видъ и обнаруживаютъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ, предрасположеніе къ чахоткѣ. Чаще наблюдаются аномаліи положенія Я. Если опущеніе яичка изъ его первоначальнаго положенія въ брюшной полости на дно мошонки своевременно не состоялось, то происходитъ задержка его либо въ брюшной полости, либо у внутренняго отверстія пахового канала, либо въ самомъ паховомъ каналѣ, либо у наружнаго отверстія пахового канала. Это состояніе называется крипторхизмомъ и бываетъ чаще одностороннимъ, рѣдко двустороннимъ; при первомъ половая функція можетъ остаться нормальной, при послѣднемъ она сильно понижена. Такъ какъ иногда опущеніе яичка еще происходитъ самопроизвольно впослѣдствіи, то лѣченіе въ общемъ проводятъ выжидательное, стараясь соотвѣтственнымъ бандажемъ предупредить возможныя осложненія, а именно образованіе грыжи, ущемленіе яичка. Пріобрѣтенныя болѣзни яичка часто берутъ начало отъ травмы. Замѣтимъ, что сильные ушибы Я. при незначительности мѣстныхъ измѣненій иногда сопровождаются очень бурными общими явленіями: сильными болями, переходящими на поясницу и бедра, тошнотой, рвотой, обморочнымъ состояніемъ, судорогами и даже быстрымъ смертельнымъ исходомъ. Воспалительные процессы яичка трудно бываетъ разграничить отъ воспаленія его придатка, такъ какъ процессъ обыкновенно переходитъ съ органа на его придатокъ и наоборотъ. Такъ какъ воспаленія придатка къ тому же значительно чаще встрѣчаются, то мы на нихъ прежде всего и остановимся.—Воспаленіе придатка яичка—*эпидидимитъ*—составляетъ самое частое осложненіе триппера мочевого канала у мужчинъ, по исчисленіямъ Тарновскаго, Фингера и др. въ 12—30% всѣхъ больничныхъ случаевъ перелоя. Въ большей части случаевъ эпидидимитъ наступаетъ по истеченіи 16—21 дня со времени появленія триппера и бываетъ одностороннимъ. Изъ другихъ причинъ воспаленія придатка назовемъ съуженія мочеиспускательнаго канала, воспаленіе предстательной железы, мочевого пузыря, мочевые камни, нѣкоторыя инфекціонныя болѣзни, какъ тифъ, оспа, малярія и въ особенности свинка, при чемъ при тифѣ первоначально поражается придатокъ, а затѣмъ уже яичко; при другихъ же изъ перечисленныхъ заразныхъ болѣзней наоборотъ. Изолированное воспаленіе яичка называется орхитъ, а комбинированное пораженіе яичка и придатка орхи-эпидидимитъ. При свинкѣ орхитъ или орхи-эпидидимитъ наступаетъ большею частью на 4—5-й день болѣзни; при этомъ бываетъ, что опухоль околоушной железы выражена настолько слабо, что больной ея не замѣчаетъ, а явленія со стороны яичка выступаютъ на передній планъ. Слѣдствіемъ этого воспаленія бываетъ атрофія яичка. Нѣкоторые наблюдатели отмѣчаютъ осложненіе орхитомъ въ 30% встрѣчавшихся имъ случаевъ свинки. Симптомы эпидидимита, какъ и орхита выражаются въ болѣзненной припухлости и ощущеніи тяжести въ пораженномъ яичкѣ. Часто появляется высокая лихорадка, боли распространяются по направленію къ наружному паховому кольцу, иногда внизъ до колѣна соотвѣтственной стороны, появляется тошнота, запоръ. Черезъ 3—4 дня послѣ начала болѣзни воспаленіе быстро переходитъ на окололежащія ткани, самое яичко увеличивается иногда до размѣровъ кулака, мошонка отекаетъ, становится напряженной, гладкой и красно-блестящей. Обыкновенно на 10—12 день происходитъ паденіе температуры и постепенное уменьшеніе опухоли. Если эпидидимитъ развивается во время обильнаго истеченія изъ мочеиспускательнаго канала, то послѣднее обыкновенно сразу уменьшается, чтобы по исчезаніи воспалительныхъ явленій опять возобновиться съ прежней силой. Воспаленіе придатка можетъ перейти на сѣменной канатикъ (фуникулитъ) и въ исключительныхъ случаяхъ черезъ него на брюшину. Исходъ эпидидимита въ нагноеніе встрѣчается очень рѣдко, одинъ разъ на 300—400 случаевъ. Послѣдствіемъ эпидидимита, особенно двусторонняго, бываетъ нерѣдко мужское безплодіе. Симптомы орхита въ общихъ чертахъ тѣ же, что вышеописанные при эпидидимитѣ, только образованіе гнойниковъ сравнительно чаще наблюдается. Лѣченіе противовоспалительное: покой, ледъ, примѣненіе суспензорія; нѣкоторые авторы предостерегаютъ противъ примѣненія льда изъ боязни атрофіи яичка и отдаютъ предпочтеніе согрѣвающимъ компрессамъ; въ случаѣ образованія гнойника—разрѣзъ; при разрушительномъ нагноеніи можетъ иногда понадобиться удаленіе яичка (холощеніе, оскопленіе, кастрація). Острый орхитъ можетъ перейти въ хроническій; иногда же послѣдній развивается съ самаго начала исподволь, безъ остраго начала, вслѣдствіе травмы, заболѣванія мочевыхъ органовъ; сначала опухаетъ яичко, но впослѣд-

ствіи заболѣваетъ и придатокъ, и обѣ части образуютъ овальную, эластическую опухоль, величиною иногда до размѣровъ дѣтской головки; болѣзнь нерѣдко оканчивается атрофіей яичка. Хроническій орхитъ можетъ при наличности въ организмѣ туберкулезнаго очага перейти въ бугорчатку яичка; впрочемъ, допускаютъ и первичное туберкулезное пораженіе яичка, которое начинается съ придатка. Въ яичкѣ появляются болѣзненные узлы; боль бываетъ совершенно нестерпима въ періодѣ размягченія узловъ и превращенія ихъ въ абсцессы; абсцессы вскрываются въ окружности задняго прохода, откуда свищи ведутъ въ полости, наполненныя творожистой массой. Иногда абсцессы съ теченіемъ времени опорожняются и заживаютъ, иногда же процессъ переходитъ въ общую бугорчатку. Резекція или полное вылущеніе яичка показуется при первичномъ туберкулезѣ, но также при вторичномъ, если общее состояніе больного удовлетворительное. Въ Я. нерѣдко встрѣчаются новообразованія: оденома, миксома, фиброма, сифилома (въ позднѣйшихъ стадіяхъ сифилиса), саркома, но чаще другихъ ракъ; послѣдній развивается въ возрастѣ 30—40 лѣтъ; средняя продолжительность болѣзни не превышаетъ двухъ лѣтъ; лѣченіе сводится къ своевременной кастраціи. Однимъ изъ частыхъ хроническихъ страданій Я. является расширеніе венъ сѣменного канатика и мошонки (варикоцеле). О частотѣ этого страданія можно судить по тому, что по нѣкоторымъ статистикамъ до 7,5% забракованныхъ новобранцевъ были признаны негодными по причинѣ варикоцеле. Больше всего заболѣваній наблюдается въ возрастѣ между 15 и 35 годами, притомъ почти исключительно на лѣвой сторонѣ. Причины расширенія венъ частью врожденныя (анатомическія), частью случайныя. Къ послѣднимъ относятся всѣ процессы, которые, съ одной стороны, повышаютъ притокъ крови, съ другой, препятствуютъ оттоку ея, таковы: половыя излишества, продолжительное стояніе, привычные запоры, неподходящіе грыжевые бандажи, всѣ заболѣванія брюшной и грудной полостей, затрудняющія оттокъ венозной крови. Варикоцеле развивается незамѣтно и только съ годами (6—10 лѣтъ) достигаетъ замѣтныхъ степеней. Первоначальное ощущеніе тяжести въ паховомъ каналѣ уступаетъ мѣсто тупой, а позднѣе зачастую очень острой боли, которая распространяется по бедру и въ мочеиспускательномъ каналѣ и вынуждаетъ нерѣдко больныхъ бросать свои обычныя занятія, тѣмъ болѣе, что это страданіе иногда сопровождается угнетеннымъ душевнымъ состояніемъ, меланхоліей. Соотвѣтствующая половина мошонки длиннѣе, объемистѣе и тяжелѣе; въ ней прощупывается продолговатая опухоль измѣнчивой величины, отъ куринаго яйца до дѣтской головки, которая кверху уменьшается въ объемѣ, переходя у пахового канала въ мягкій, тонкій канатикъ. Самопроизвольное излѣченіе возможно съ устраненіемъ благопріятствующихъ моментовъ, но наступаетъ очень медленно; въ старшемъ возрастѣ страданіе само собою ослабѣваетъ. Лѣченіе состоитъ въ прижатіи венъ соотвѣтственнымъ суспензоріемъ, во впрыскиваніи въ вены алкоголя, полуторохлористаго желѣза, въ электролизѣ, изсѣченіи расширенныхъ венъ и наконецъ въ оскопленіи, если яичко настолько атрофировано и болѣзненно, что нѣтъ никакой надежды на возстановленіе его функцій. Водянка яичка (гидроцеле) означаетъ скопленіе жидкости въ окружающемъ яичко мѣшкѣ (влагалищная оболочка). Она наблюдается въ жаркомъ климатѣ гораздо чаще, чѣмъ въ холодномъ. Причиной часто служитъ травма, далѣе ношеніе неподходящихъ бандажей, водянка другихъ частей тѣла, пороки сердца, заболѣванія мочеполовыхъ органовъ. Гидроцеле представляется въ видѣ флюктуирующей опухоли въ области яичка; если разсматривать опухоль черезъ трубку на свѣтъ, то она просвѣчиваетъ и на свѣтломъ фонѣ водяночной области выдѣляется болѣе темное яичко, лежащее сзади и внизу опухоли. Боли при гидроцеле бываютъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ быстрѣе произошло скопленіе жидкости; обыкновенно больные жалуются только на чувство тяжести въ мошонкѣ. Цвѣтъ жидкости колеблется отъ блѣдно-желтаго до темно-коричневаго въ случаѣ примѣси крови. Гидроцеле протекаетъ обыкновенно хронически. Лѣченіе состоитъ у дѣтей и въ свѣжихъ случаяхъ у взрослыхъ въ примѣненіи наружныхъ средствъ (смазываніе іодной настойкой, коллодіемъ и пр.), далѣе слѣдуетъ проколъ и впрыскиваніе лѣкарствъ въ полость гидроцеле, наконецъ, разрѣзъ съ послѣдующимъ выполненіемъ полости асептической марлей. Вслѣдствіе закупорки выводныхъ ходовъ сѣменныхъ канальцевъ происходитъ иногда скопленіе въ яичкѣ жидкости, наполняющей сѣмя и содержащей сѣменныя нити, въ большинствѣ случаевъ уже лишенныя подвижности (сперматоцеле, сѣменная киста). Это скопленіе образуетъ опухоль, имѣющую форму груши съ основаніемъ кверху; количество жидкости въ кистѣ доходитъ иногда до 2 фунтовъ. Изъ нервныхъ страданій яичка довольно часто встрѣчается невралгія, которая выражается либо повышенной чувствительностью яичка и придатка у раздражительныхъ субъектовъ, при половыхъ излишествахъ, либо типическими приступами стрѣляющихъ болей, наступающими черезъ извѣстные промежутки; боли могутъ быть настолько интенсивны, что сопровождаются рвотой, судорогами, холоднымъ потомъ. Наиболѣе частыми причинами невралгіи служатъ болѣзни почекъ, особенно почечные камни, далѣе варикоцеле. Лѣченіе симптоматическое. Въ упорныхъ случаяхъ, гдѣ въ основѣ лежитъ страданіе яичка, можетъ возникнуть вопросъ о кастраціи. *В. М. О—ій.*

Яичко—тоже, что сѣмяпочка.

Яичко (Ovula)—моллюскъ изъ семейства ужовковыхъ (Cypraeidae; см. Ужовка). Форма раковины такая же, какъ у ужовки, но на концахъ ея вырѣзанные края вытянуты въ два канала; наружная губа зазубрена. Въ Средиземномъ морѣ встрѣчается O. adriatica. Въ Кореѣ O. oviformis употребляется для военныхъ украшеній. Раковина этого вида

снаружи бѣлоснѣжнаго, а внутри фіолетоваго цвѣта.

Яичники — самая существенная часть женскихъ органовъ размноженія, служащая мѣстомъ формированія яицъ (см.). По отношенію къ кишечно-полостнымъ часто нельзя говорить объ Я., такъ какъ у нихъ часто яйца назрѣваютъ разсѣянно въ тканяхъ, составляющихъ тѣло животнаго. Если употребляется это выраженіе по отношенію напр. къ гидрѣ, гдѣ этимъ именемъ называется кучка назрѣвающихъ въ стѣнкѣ тѣла яицъ, то означенный Я. не представляетъ собой чего-либо постояннаго и въ слѣдующій періодъ полового размноженія этотъ Я. можетъ возникнуть въ другой части тѣла, хотя все же въ аборальной половинѣ тѣла, тогда какъ сѣменники возникаютъ ближе къ оральной части. Болѣе или менѣе опредѣленное положеніе занимаютъ Я. у медузъ (какъ гидроидныхъ, такъ и сцифомедузъ). Но все-таки у всѣхъ кишечно-полостныхъ Я. являются въ видѣ скопленій половыхъ клѣтокъ (оогоній) въ различныхъ стадіяхъ нагрѣванія, скопленій залегающихъ непосредственно въ тканяхъ животнаго и не рѣзко отъ нихъ обособленныхъ. Возникаютъ Я., а равно и сѣменники (слѣд. говоря вообще гонады) у губокъ въ мезенхимѣ, если только этотъ пластъ у нихъ имѣетъ таковое значеніе (см. Эмбріональные пласты), у гидроидовъ — въ эктодермѣ, а у сцифополиповъ, сцифомедузъ и ктенофоръ въ энтодермѣ. По отношенію къ прочимъ Metazoa мы уже можемъ говорить объ Я., какъ болѣе или менѣе обособленныхъ органахъ, хотя все же у вторичнополостныхъ червей иногда яйца могутъ назрѣвать въ различныхъ частяхъ вторичной полости тѣла и гонады, вообще носятъ разсѣянный характеръ. Въ такомъ случаѣ вся вторичная полость можетъ быть разсматриваема, какъ гонада (см. Целомъ). Вообще же говоря, Я. являются то въ видѣ полостныхъ органовъ, то въ видѣ плотныхъ мѣстныхъ набуханій перитонеальной выстилки полости тѣла. Въ первомъ случаѣ яйца назрѣваютъ на внутренней поверхности Я., при чемъ очень часто полость Я. совершенно заполнена назрѣвающими яйцами и является невыраженной. Я. одѣтъ снаружи собственной соединительно-тканной оболочкой, иногда и съ мышечными элементами. Во второмъ случаѣ тоже можно отличить соединительно-тканную опору или строму Я. и покрывающій ея зачатковый эпителій, представляющій видоизмѣненіе эпителія вторичной полости тѣла (целотелія) и служащій источникомъ для развитія яицъ. Яйца въ этомъ случаѣ падаютъ въ полость тѣла или подхватываются отверстыми въ полость тѣла яйцеводами (см.) въ моментъ выхожденія изъ яичника, какъ это имѣетъ мѣсто у высшихъ позвоночныхъ. Число Я. различно: можетъ быть очень много (немертины, кишечножаберныя, безчерепныя), чаще одна пара, а иногда всего одинъ, при чемъ во многихъ случаяхъ доказано, что этотъ одиночный Я. происходитъ черезъ сліяніе двухъ парныхъ или черезъ развитіе одного и редукцію другого той же пары. У плоскихъ червей женскіе гонады представляютъ дифференцировку на Я. s. str. (зачаточники) и желточники, вырабатывающіе клѣтки для питанія зародыша (см. Яйцо). У первично-полостныхъ червей Я. являются въ видѣ трубчатыхъ или мѣшетчатыхъ органовъ, лежащихъ въ первичной полости тѣла. У вторично-полостныхъ формъ Я. или представляютъ мѣстныя набуханія перитонеальнаго слоя (нѣкоторые черви, позвоночныя), или же имѣютъ свою обособленную полость (иглокожія, пьявки, членистоногія, моллюски, безчерепныя, костистыя рыбы, изъ позвоночныхъ), но, повидимому, во всѣхъ случаяхъ эта полость представляетъ собой лишь обособленный участокъ полости тѣла, какъ это наглядно видно у нѣкоторыхъ моллюсковъ (Amphineura), при развитіи Peripatus, Amphioxus и костистыхъ рыбъ. Надо думать, что Я. высшихъ метамерныхъ формъ были метамерными, каковой характеръ они и сохраняютъ у безчерепныхъ. У зародышей позвоночныхъ первичныя половыя клѣтки появляются въ цѣломъ рядѣ метамеръ, въ особыхъ неясно сегментированныхъ участкахъ полости тѣла или гонотомахъ, но такъ какъ самая полость тѣла позвоночнаго не сегментируется даже и въ эмбріональномъ состояніи, то и Я. въ окончательной формѣ не имѣютъ метамернаго характера. Въ окончательной формѣ Я. вторичнополостныхъ формъ могутъ имѣть весьма разнообразную форму: то они въ видѣ комплекса трубокъ (насѣкомыя), то въ видѣ мѣшетчатыхъ органовъ, то вслѣдствіе анастомазированія принимаютъ сѣтчатое расположеніе. Иногда развивающіяся яйца выпячиваются на поверхности яичника и придаютъ ему гроздевидную форму. Такое явленіе наблюдается, какъ въ Я. мѣшетчатаго типа, (напр. у паукообразныхъ), такъ и въ Я. типа плотныхъ набуханій (многія позвоночныя). Клѣтки Я. могутъ быть всѣ болѣе или менѣе однородны и разняться лишь величиной и степенью зрѣлости, хотя и при этомъ далеко не всѣ онѣ даютъ яйца, и иногда мелкія поѣдаются болѣе крупными. Иногда часть клѣтокъ яичника отличается по характеру отъ яйцевыхъ и не можетъ служить для выработки питательнаго матеріала для будущихъ яицъ. Наконецъ, часто въ яичникѣ различаютъ собственно яйцевыя клѣтки и окружающія ихъ фолликулярныя, которыя тоже могутъ играть роль при питаніи яйца (см.; см. Размноженія органы). У позвоночныхъ животныхъ Я. построены по типу плотныхъ перитонеальныхъ набуханій и подвѣшены на брызжейкахъ (mesovarium) къ стѣнкѣ полости тѣла. У круглоротыхъ Я. является непарнымъ и у Myxine задняя часть его у молодыхъ животныхъ вырабатываетъ живчики (протандрическій гермафродитизмъ). У селахій обыкновенно 2 яичника, хотя иногда развивается одинъ лѣвый. У большинства ганоидовъ и немногихъ костистыхъ (Muraenidae, Mormyridae и большинство Salmonidae)—Я. также въ видѣ 2 пластинчатыхъ или складчатыхъ тѣлъ, но у Lepidosteus между ганоидами и у прочихъ костистыхъ еще у зародыша свободный край Я. подгибается кнаружи и прирастаетъ къ боковой стѣнкѣ тѣла, отдѣляя такимъ образомъ участокъ полости тѣла. Яйца

назрѣваютъ при этомъ только на внутренней поверхности яичника, на которой могутъ возникать продольныя и поперечныя складки. Полости Я. при этомъ непосредственно продолжаются въ яйцеводы (см.). Иногда оба яичника могутъ сливаться, но полости ихъ еще остаются разгороженными перегородкой (Ammodytes, Anablebs), или же сліяніе является полнымъ (Perca, Zoarces, Ophidium). Изъ всѣхъ позвоночныхъ только у костистыхъ рыбъ и Lepidosteus имѣются мѣшетчатые Я. Парные, иногда весьма удлиненные (у Gymnophiona) Я. амфибій тоже содержитъ внутри полость, выстланную плоскимъ эпителіемъ и иногда (Anura) подѣленную на камеры, но полость эта не можетъ быть сравниваема съ полостью Я. рыбъ, а, надо думать, является лимфатической. Яйца падаютъ въ полость тѣла. У рептилій и птицъ Я. гроздевидной формы и у змѣй и ящерицъ правый развитъ слабѣе; у птицъ же правый Я. можетъ вовсе не развиваться. Между Monotremata у утконоса лѣвый Я. тоже болѣе развитъ, чѣмъ правый и, хотя въ послѣднемъ яйца тоже развиваются, но вообще у Monotremata оплодотворяются яйца только лѣваго Я. У прочихъ млекопитающихъ Я. равномѣрно развиты. Иногда они лежатъ въ углубленіи перитонеума, а иногда (Muridae) это углубленіе видоизмѣняется въ замкнутую полость, стоящую въ сообщеніи съ воронками яйцеводовъ (см.). Вообще же Я. млекопитающихъ прикрѣплены къ поперечной складкѣ брюшины — широкой связкѣ (lig. uteri latum) и хотя тоже подобно сѣменникамъ спускаются книзу изъ мѣста своего первоначальнаго возникновенія (descensus ovariorum), но изъ брюшной полости никогда не выходятъ, кромѣ нѣкоторыхъ аномальныхъ случаевъ у человѣка, когда они помѣщались въ большихъ срамныхъ губахъ, соотвѣтствующихъ мошонкѣ самцовъ.

В. М. Ш.

Яичники, *болѣзни ихъ.* — Изъ пороковъ развитія описано въ единичныхъ случаяхъ полное отсутствіе обоихъ Я. у субъектовъ физически плохо развитыхъ съ мало выраженнымъ женскимъ типомъ, отсутствіе одного яичника одновременно съ недоразвитіемъ соотвѣтственной половины полового аппарата (отсутствіе яйцепровода, смѣщеніе почки). Чаще наблюдается недоразвитіе (рудиментарное развитіе) Я., по Винкелю, на 500 вскрытій 28 разъ. Половая возбудимость и беременность исключены только при полномъ отсутствіи Я.; рудиментарные Я. могутъ получить толчокъ къ дальнѣйшему развитію. Неправильныя положенія Я. выражаются опущеніемъ, обыкновенно одного изъ нихъ, на тазовое дно, изрѣдка смѣщеніемъ въ грыжевой мѣшокъ. Опущеніе зачастую не причиняетъ никакихъ страданій, иногда же, особенно если яичникъ увеличенъ или воспаленъ, возникаютъ сильныя боли при половыхъ сношеніяхъ, испражненіи и т. д. Улучшеніе получается, если сдвинуть яичникъ вверхъ и ввести влагалищное кольцо (пессарій). Американскіе врачи неоднократно прибѣгали къ вылущенію Я. по этому поводу. Приливы крови (гиперэмія) и кровоизліяніе въ Я. встрѣчаются при разстройствахъ мѣсячныхъ, при чрезмѣрныхъ половыхъ раздраженіяхъ, при заболѣваніяхъ матки и новообразованіяхъ половыхъ органовъ, при острыхъ заразныхъ болѣзняхъ (холера, возвратная горячка, дифтеритъ, тифъ), при цынгѣ, ожогахъ отъ керосина, фосфорномъ отравленіи. Излившаяся кровь скопляется въ Граафовыхъ пузырькахъ, растягивая ихъ до величины орѣха, или въ самой ткани яичника. Кровяная масса можетъ со временемъ безслѣдно разсосаться, оставляя лишь пигментированный рубецъ; иногда же кровяной мѣшокъ лопается, и кровь изливается въ брюшную полость съ проистекающими отсюда опасными послѣдствіями. Воспаленіе Я. (оофоритъ) бываетъ острое и хроническое. Острый оофоритъ рѣдко бываетъ самостоятельнымъ заболѣваніемъ, обыкновенно онъ присоединяется къ пораженіямъ тазовой брюшины, при чемъ процессъ захватываетъ болѣе брюшинный покровъ Я. (періоофоритъ). Въ дальнѣйшемъ теченіи дѣло можетъ дойти до образованія абсцесса. Главный симптомъ, хотя и не характерный—боль въ соотвѣтственномъ паху. Процессъ, если онъ не септическій, протекаетъ обыкновенно благопріятно, но склоненъ къ возвратамъ. При разлитомъ двустороннемъ пораженіи железистаго аппарата Я. можно опасаться уничтоженія способности къ зачатію. Лѣченіе противовоспалительное: ледъ, покой, мѣстныя кровоизвлеченія; въ случаѣ образованія абсцесса можетъ понадобиться проколъ, а при угрожающихъ симптомахъ—даже чревосѣченіе. Хроническое воспаленіе Я. лишь рѣдко является результатомъ остраго, обыкновенно же оно развивается исподволь въ теченіе всякаго рода заболѣваній полового канала (трипперъ), при разстройствахъ регулъ, ненормальныхъ половыхъ раздраженіяхъ (онанизмъ) и т. п. Страданіе бываетъ одностороннее и двустороннее; иногда сначала заболѣваетъ одинъ яичникъ, а по выздоровленіи его—другой, при чемъ это перескакиваніе процесса можетъ съ годами повториться. Болѣзни этой одинаково подвержены какъ замужнія, такъ и незамужнія, въ періодѣ отъ половой зрѣлости до окончанія климактерическаго возраста. Симптомы хроническаго оофорита состоятъ въ тупой, ноющей боли, которая обостряется при напряженіяхъ, половыхъ сношеніяхъ, запорахъ, въ болѣзненныхъ мѣсячныхъ, при чемъ боль всего сильнѣе до появленія регулъ и становится значительно легче, когда кровоотдѣленіе въ ходу, особенно если оно обильно. Боль переходитъ въ крестецъ и бедра, мѣшаетъ ходить, лишаетъ сна и повергаетъ женщину въ нервное состояніе, которое при неподходящемъ режимѣ можетъ перейти въ форменную истерію съ судорожными припадками въ разныхъ областяхъ. Подобные неврозы, приводимые въ связь съ явленіями со стороны Я. (ovarie), уже неоднократно побуждали къ предпринятію кастраціи, не всегда, однако, со стойкимъ успѣхомъ. Хроническій оофоритъ можетъ окончиться излѣченіемъ и даже возможно наступленіе беременности послѣ него, но обыкновенно предсказаніе въ смыслѣ возстановленія функціи Я. неблагопріят-

ное. Лѣченіе при подострыхъ явленіяхъ такое же, какъ при остромъ оофоритѣ (см. выше); съ ослабленіемъ подострыхъ явленій примѣняются горячіе влагалищные души, грязевые компрессы и ванны, іодистые препараты; существеннымъ подспорьемъ является покой въ половымъ отношеніи. Иногда, когда истощены всѣ средства, приходится искать избавленія въ экстирпаціи яичниковъ, при чемъ иногда можно ограничиться частичной резекціей, такъ какъ процессъ не всегда захватываетъ весь органъ. Изъ хроническихъ процессовъ заслуживаетъ еще вниманія бугорчатка Я., которая встрѣчается въ 30% всѣхъ случаевъ туберкулеза половыхъ органовъ, обыкновенно въ сочетаніи съ туберкулезомъ трубъ и матки.—Новообразованія Я. бываютъ кистовидныя и плотныя, первыя преобладаютъ. По статистикѣ, собранной берлинскимъ профессоромъ Ольсгаузеномъ, изъ 966 страдавшихъ опухолями, Я., 32 были въ возрастѣ ниже 20 лѣтъ, 266—между 20 и 30, 298—между 30 и 40, 213—между 40 и 50, 157 старше 50 лѣтъ. Кисты (кистомы) Я. бываютъ въ большинствѣ случаевъ многополостныя и образуются вслѣдствіе перерожденія эпителія железистыхъ трубокъ. Однополостныя кисты обязаны своимъ происхожденіемъ водянкѣ Граафова пузырька, или исходятъ отъ придатка яичника (паровапіальныя кисты) или отъ сліянія полостей многокамерной кисты. Кистомы встрѣчаются во всякомъ возрастѣ: у дѣтей 15 мѣсяцевъ отъ роду и у женщинъ старше 80 лѣтъ. Преобладающее мнѣніе, что большинство ихъ врожденны и что зачатки опухоли остаются въ скрытомъ состояніи, пока не послѣдуетъ извѣстный толчокъ къ росту. Киста, выростая, выполняетъ сначала малый тазъ, а потомъ выходитъ изъ него въ свободную брюшную полость и тогда обнаруживаетъ большую подвижность въ виду того, что сидитъ на узкой ножкѣ. Кисты представляютъ большое разнообразіе по своему объему, часто достигая огромной величины, въ голову взрослаго человѣка и больше. Содержимое кисты, доходящее нерѣдко до многихъ литровъ, представляетъ водянистую, прозрачную жидкость зеленовато-желтаго цвѣта и низкаго удѣльнаго вѣса (1010—1025); такъ называемыя коллоидныя кисты имѣютъ густое железподобное содержимое. Приходя въ прикосновеніе съ органами брюшной полости, киста рано или поздно сростается съ передней брюшной стѣнкой, съ сальникомъ, съ петлями кишекъ, съ печенью и т. д. Стѣнка кисты можетъ лопнуть, будь-то вслѣдствіе травмы или быстраго наростанія содержимаго. Если киста однополостная и содержимое ея индифферентное, т. е. не раздражаетъ брюшины, то послѣдняя быстро всасываетъ жидкость, стѣнка сморщивается и можетъ наступить родъ самоизлеченія. Нерѣдко происходитъ кровотеченіе внутрь опухоли, что сопровождается явленіями остраго малокровія; при этомъ стѣнка кисты иногда лопается отъ напора, и кровь изливается въ брюшную полость. Подобныя кровотеченія иногда зависятъ отъ перекручиванія ножки опухоли. Перекручиваніе ножки можетъ, кромѣ того, вести къ омертвѣнію опухоли и къ общему воспаленію брюшины. Довольно большой процентъ яичниковыхъ кистомъ подвергается раковому перерожденію, которое быстро переходитъ на брюшину, кишки, брыжейку и ведетъ къ смерти. Развитіе кисты иногда сначала никакихъ страданій не причиняетъ, такъ что больная обращается къ врачу уже тогда, когда размѣры живота замѣтно увеличились; въ иныхъ случаяхъ, напротивъ, больныя уже рано начинаютъ жаловаться на ощущеніе напряженія, полноты, недомоганія, иногда на боли въ соотвѣтственной сторонѣ, на обильныя мѣсячныя, на частый позывъ къ мочеиспусканію вслѣдствіе давленія на пузырь, на запоръ, колики, вздутіе, рвоту (при сращеніяхъ съ кишками), сердцебіеніе, одышку. Киста яичника обыкновенно бываетъ односторонняя и потому допускаетъ наступленіе беременности, которая можетъ также достигнуть нормальнаго своего конца; роды могутъ пройти безпрепятственно, если опухоль не закладываетъ тазового входа, но они даютъ иногда поводъ къ перекручиванію ножки, къ кровотеченіямъ въ опухоль или къ разложенію содержимаго. Изъ другихъ опухолей Я. упомянемъ дермоидныя кисты (дермоиды, кожевики), которыя обыкновенно достигаютъ небольшихъ размѣровъ и содержатъ внутри кашицеобразную массу, въ которой находятъ волосы, зубы, иногда сѣрое вещество мозга, поперечнополосатыя мышечныя волокна, хрящъ. Объясняютъ происхожденіе этихъ опухолей, которыя обозначаютъ также именемъ тератомъ, заблудшими остатками одного плода въ другомъ (foetus in foetu). Изъ плотныхъ опухолей встрѣчается изрѣдка фиброма, саркома, чаще ракъ. Послѣдній, какъ мы уже упоминали, развивается иногда вторично изъ кистомы, иногда же онъ появляется первично въ видѣ двусторонней опухоли у молодыхъ особъ и быстро ведетъ къ раздраженію брюшины, брюшной водянкѣ. Единственно цѣлесообразное лѣченіе яичниковыхъ новообразованій состоитъ въ удаленіи ихъ, какъ только они распознаны. Операція эта—оваріотомія—была впервые произведена Ephraim Mc. Dowell'емъ въ Кентуки (1809). Много способствовалъ ея распространенію англичанинъ Spencer Wells. Въ Россіи первую оваріотомію произвелъ А. Я. Крассовскій. Процентъ смертности отъ этой операціи колеблется отъ 3—6—10%.

Яичники, лѣченіе ими. Лѣченіе различныхъ заболѣваній у женщинъ веществомъ сырыхъ Я. или яичниковой вытяжкой явилось подражаніемъ предложенному Броунъ-Секаромъ методу лѣченія нѣкоторыхъ заболѣваній у мужчинъ эмульсіей изъ яичекъ. Первая г-жа Броунъ начала лѣчить яичниковой вытяжкой всевозможныя страданія женской половой сферы. Въ настоящее время примѣняется препаратъ, приготовляемый изъ Я. и извѣстный подъ названіемъ «оваріинъ» при тѣхъ страданіяхъ, которыя зависятъ отъ выпаденія функціи Я., а именно въ теченіе климактерія, послѣ кастраціи, при отсутствіи регулъ (аменоррея) вслѣдствіе блѣдной не-

мочи и т. п. Успѣхъ перемѣнчивый и не стойкій. *В. М. О—ій.*

Яичное дерево (Solanum ovigerum Dun.)—растеніе, близкое къ баклажану (Solanum esculentum Dun.), съ которымъ смѣшивалось подъ названіемъ Solanum melongena. У перваго плоды яйцевидно-продолговатые, бѣлые, желтые, лиловые или красные, у второго продолговато-цилиндрическіе, лиловые, пурпурные или желтоватые. Плоды второго съѣдобны и имѣютъ голыя сѣмена, плоды перваго несъѣдобны, такъ какъ сѣмена окружены горькимъ, ядовитымъ мясомъ. Иногда разводится, особенно съ бѣлыми плодами, напоминающими яйца.

Яйва—лѣв. прит. Камы, Пермской губ., Соликамскаго уѣзда; беретъ начало бл. горы Павдинскаго камня, течетъ сначала на ЮЗ, а въ низовьяхъ къ СЗ. Длина 282 в., теченіе быстрое; дно хрящеватое, берега крутые, каменистые. Сплавъ плотовъ на 165 в., судовъ отъ Игумскаго зав. на 94 в. Въ 1901 г. по Я. сплавлено 7 судовъ съ грузомъ въ 262 т. пудовъ и 11 плотовъ, вѣсомъ 1202 т. пудовъ. Въ XVIII ст. по Я. и ея притокамъ разрабатывались мѣдные рудники. Притоковъ много, все незначительные.

Яйла—такъ мѣстные жители полуострова Крыма называютъ лѣтнее горное пастбище; именемъ Я. называютъ также Крымскія или Таврическія горы. См. Крымскій полуостровъ» (XVI, 872 и 873) и Таврическая губ. (XXXII, 461 и 462).

Яйтелесъ—Исаакъ Jeiteles)—нѣмецкій писатель (1814—1857), въ литературѣ извѣстный подъ именемъ *Юліусъ Зейдлицъ*, которое онъ принялъ послѣ крещенія. Сынъ бѣднаго пражскаго еврея, онъ бѣжалъ отъ преслѣдованій австрійской цензуры въ Саксонію; работалъ всю жизнь въ разныхъ газетахъ; основалъ въ Пештѣ «Der Hungar», въ Вѣнѣ «Der schwarze Domino» и очень популярные «Wiener Vorstadt-Zeitung» и «Feierstunden». Въ 1848 г. онъ редактировалъ «Handelspolitische Zentralblatt des Ministeriums», а затѣмъ «Die Presse». Я.—авторъ удачныхъ «Novellen» (1838), «Neue Novellen» (1845), ряда фельетонныхъ романовъ («Der Astrolog», 1839; «Böhmen vor 400 Jahren», 1837; «Die letzten Adepten», 1855, «Ein Mann aus der Vorstadt»), имѣвшей громадный успѣхъ народной пьесы «Doctorin Nacht» (1848) и цѣнной для своего времени монографіи «Die Poesie und die Poeten in Oesterreich» (1836—1837);.

Яйца пернатой дичи—собираются у насъ въ Россіи въ громадномъ количествѣ. На сѣверѣ, въ Сибири, на югѣ въ мѣстахъ нахожденія птичьихъ колоній, сборъ Я. составляетъ особый промыселъ, отчасти организованный. Вообще же онъ производится крайне хищнически и является одною изъ главныхъ причинъ уменьшенія у насъ дичи. Еще большій вредъ приноситъ случайный сборъ Я., повсемѣстно почти производимый весною нашимъ крестьянскимъ населеніемъ. Наибольшими, при этомъ, губителями являются пастухи со своими собаками, добыча которыхъ не ограничивается Я. водоплавающей дичи, а распространяется на осѣдлую дичь—тетеревей, куропатокъ и пр. Дѣйствующими законами разореніе гнѣздъ и выниманіе изъ нихъ Я. воспрещается подъ угрозою: ареста на время 1 до 3 дней въ губерніяхъ Привислинскихъ и Курляндской, и денежнаго взысканія отъ 5 до 25 р. въ остальныхъ европейскихъ губерніяхъ. См. А. Сплантьевъ, «Обзоръ промысловой охоты въ Россіи» (СПб., 1898); В, Я-въ, «Очерки промысловой охоты въ Тобольской губ.» («Прир. и Охота», 1889, III).

Яйцевая ось—можетъ быть проводима различнымъ образомъ, но главнымъ образомъ подъ этимъ терминомъ разумѣется ось, соединяющая верхній—анимальный полюсъ съ нижнимъ—вегетативнымъ. Она можетъ совпадать съ первой бороздой дробленія и съ плоскостью, по которой проходитъ живчикъ къ ядру. Вопросъ этотъ подробнѣе разсмотрѣнъ въ словѣ Экспериментальная эмбріологія». *В. М. Ш.*

Яйцевая полость—см. Сегментаціонная полость.

Яйцевидный листъ—такой листъ корицы, пластинки котораго не одинаковой ширины; одинъ конецъ (передній или задній) шире другого.

Яйцеводъ—органъ, служащій для выведенія яицъ изъ тѣла животнаго. Морфологическое значеніе Я. далеко не всегда одинаково. Когда яйца или зародыши выходятъ черезъ прорывъ тѣла матери наружу, или въ гастральную полость животнаго, какъ это имѣетъ мѣсто у кишечнополостныхъ, низшихъ червей и нѣкоторыхъ другихъ формъ, то о Я. не можетъ быть и рѣчи. Отмѣтимъ, что иногда у довольно высоко развитыхъ формъ, какъ напримѣръ у морскихъ лилій, у ланцетника (см. Безчерепныя) сохраняется этотъ способъ выхожденія яицъ. У морскихъ лилій яйца выходятъ черезъ прорывъ или можетъ быть образованіе временныхъ поръ въ стѣнкѣ придатковъ, въ которыхъ они назрѣваютъ (pinnulae), а у ланцетника черезъ прорывъ стѣнки перибранхіальной полости въ эту послѣднюю и черезъ жаберную пору наружу. Точно также не можетъ быть рѣчи объ Я., когда яичники лежатъ непосредственно подъ покровами и сообщающія ихъ съ наружной средой отверстія имѣютъ характеръ поръ, какъ это имѣетъ мѣсто у немертинъ, у которыхъ поры эти менѣе постоянны, и у кишечножаберныхъ, у которыхъ поры эти болѣе постоянны. Затѣмъ, когда сообщеніе яичниковъ или вообще полости, въ которой развиваются яйца, съ наружной средой носитъ характеръ канала, то этотъ послѣдній получаетъ названіе Я. (oviductus). У первичнополостныхъ и плоскихъ червей яйцеводы представляютъ собой непосредственное продолженіе яичниковъ, но у колючеголовыхъ червей (Acanthocephali) Я. (притомъ всего одинъ) стоитъ въ сообщеніи съ полостью тѣла, въ которой находится яйца. Этотъ типъ сообщенія Я. съ полостью тѣла болѣе или менѣе характеренъ для тѣхъ случаевъ, когда Я. являются видоизмѣненіемъ метанефридіевъ или сегментальныхъ органовъ (см.). Очень часто у вторичнополостныхъ червей всѣ или многія поры метане-

фридіевъ служатъ для вывода половыхъ продуктовъ, но иногда для этой цѣли специализируется опредѣленная пара метанефридіевъ, или даже всего одинъ метанефридій (Echiuridae). Чаще, однако, имѣется, соотвѣтственно числу яичниковъ, пара яйцеводовъ, хотя въ своей конечной части у большинства вторичнополостныхъ формъ Я. могутъ сливаться и открываться вмѣстѣ общимъ отверстіемъ. Яйцеводы членистоногихъ являются непосредственнымъ продолженіемъ яичниковъ, но судя по развитію этихъ органовъ у Peripatus (Кеннель), у паукообразныхъ (Ю. Вагнеръ, Шимкевичъ), у ракообразныхъ и др. Я. членистоногихъ также представляютъ собой видоизмѣненную пару сегментальныхъ органовъ. Поэтому они могутъ принадлежать даже у близкихъ группъ различнымъ сегментамъ тѣла: то заднимъ (насѣкомыя, многоножки Chilopoda), то среднимъ (ракообразныя, паукообразныя, многоножки Diplopoda). Морфологическое значеніе яйцеводовъ моллюсковъ не совсѣмъ ясно: у низшихъ представителей (Amphineura) гонады иногда открываются въ перикардій, т. е. въ целомъ (см.) и оттуда яйца удаляются протоками, которые можно счесть за метанефридіи, но у большинства половые протоки обособлены отъ метанефридіевъ, гонады отъ полости перикардія. Такимъ образомъ возможно, что Я. моллюсковъ, а также оболочниковъ представляютъ собой, какъ и яичники, обособившіеся участки целома, пришедшіе въ сообщеніе съ наружной средой. У позвоночныхъ можно различить три типа въ строеніи женскихъ выводящихъ протоковъ, открывающихся то въ заднюю кишку или клоаку (селахіи, двудышащія рыбы, амфибіи, рептиліи, птицы и однопроходныя изъ млекопитающихъ), то вмѣстѣ съ мочеточниками въ мочеполовой синусъ (sinus urogenitalis) и черезъ него наружу, круглоротыя, ганоиды, прочія млекопитающія) или наконецъ совершенно независимо отъ задней кишки и мочевого отверстія прямо наружу (костистыя рыбы). Въ послѣднемъ случаѣ всѣ эти отверстія лежатъ въ такомъ порядкѣ: впереди заднепроходное, за нимъ половое и, наконецъ, мочевое. У рыбъ мочеполовой синусъ открывается позади заднепроходнаго отверстія, а у млекопитающихъ впереди. У круглоротыхъ половые продукты попадаютъ изъ полости тѣла въ мочеполовой синусъ черезъ одну пору, несущую слѣды двойственнаго происхожденія и, можетъ быть, соотвѣтствующую брюшнымъ порамъ другихъ рыбъ. Впрочемъ, надо думать, что брюшныхъ поръ, сообщающихъ у рыбъ полость тѣла съ наружной средой и лежащихъ въ заднепроходной области, было нѣсколько паръ, такъ что возможно, что половая пора круглоротыхъ является не гомологичной, а только гомодинамной настоящимъ брюшнымъ порамъ. Съ другой стороны и эти послѣднія у акулы Laemargus borealis служатъ для вывода половыхъ продуктовъ. У нѣкоторыхъ костистыхъ рыбъ (Muraenidae, Mormyridae и большинство Salmonidae или лососевыхъ) — яйца выводятся тоже черезъ непарную, лежащую за заднимъ проходомъ пору. У нѣкоторыхъ лососевыхъ къ этой порѣ примыкаютъ два короткихъ воронкообразныхъ Я., считаемыхъ нѣкоторыми гомологами Мюллеровыхъ каналовъ, другими же за образованія самостоятельныя и отъ Мюллеровыхъ каналовъ независимыя. Второй типъ, тоже рѣдко встрѣчаемый у позвоночныхъ, представляютъ намъ Я. костистыхъ рыбъ и Lepidosteus изъ ганоидовъ, у которыхъ яйцеводы представляютъ непосредственное продолженіе полыхъ яичниковъ (см.). Представляютъ ли эти Я. гомологъ Мюллеровыхъ каналовъ или самостоятельныя образованія, тоже невыяснено. Большинство ганоидовъ имѣетъ короткіе воронкообразные Я., подобно нѣкоторымъ лососевымъ, но Я. эти открываются не самостоятельно, а въ мочеточники, обстоятельство, сближающее ихъ съ Мюллеровыми протоками. Наконецъ, третій типъ представленъ тѣми наиболѣе многочисленными у позвоночныхъ случаями, когда Я. являются модификаціей несомнѣнныхъ Мюллеровыхъ протоковъ (селахіи, двудышащія рыбы, амфибіи, рептиліи, птицы и млекопитающія). Протоки эти открываются воронкообразными отверстіями (Ostium abdominale tubae) въ полость тѣла, при чемъ для многихъ случаевъ доказано, что это отверстіе представляетъ собой одну изъ пронефридіальныхъ воронокъ. У селахій рѣдко эти обѣ воронки остаются раздѣленными (у р. Echinorhinus изъ акулъ, а равно у тѣхъ скатовъ, у которыхъ лѣвый Я. сильнѣе развитъ), и обыкновенно Я. сливаются концами въ одно непарное отверстіе. Задній отдѣлъ яйцеводовъ образуетъ у селахій расширеніе, въ которомъ развивается зародышъ у живородящихъ формъ и которое называется маткой. Впереди матки, въ стѣнкахъ Я. залегаетъ кольцевидная или двулопастная скорлуповая железа, выдѣляющая скорлупу яйца. У селахій и у громаднаго большинства позвоночныхъ стѣнки Я. выдѣляютъ бѣлокъ или вообще студенистое вещество, облекающее яйцо (см.). Я. амфибій, рептилій и птицъ, иногда весьма извилистые, иногда мало извилистые, открываются самостоятельными отверстіями въ клоаку. Однако, у нѣкоторыхъ амфибій оба Я. могутъ открываться на общемъ сосочкѣ (Hyla) или сливаться въ небольшой непарный отдѣлъ (Bufo, Alytes). У птицъ правый Я. рудиментаренъ или вовсе даже не развитъ. У нихъ Я. можно подраздѣлить на извилистую часть, выдѣляющую бѣлокъ или Я. собственно, на болѣе мускулистую часть, выдѣляющую скорлупу или матку и конечную, или влагалище. Яйцо у рептилій и птицъ лежитъ во временномъ расширеніи Я., которое у ящерицъ можетъ оставаться и послѣ удаленія яйца, хотя для формированія другого яйца все-таки не служитъ. У млекопитающихъ задніе отдѣлы Мюллеровыхъ каналовъ обнаруживаютъ тенденцію къ сліянію. Самая ближайшая къ отверстію часть называется влагалищемъ, хотя у сумчатыхъ влагалище является еще парнымъ; прилежащая къ нему непарная часть носитъ названіе матки, но у сумчатыхъ также и двѣ отдѣльныхъ матки (см.). Такимъ образомъ наименованіе Я. удерживается за глубоколежащими отдѣлами Мюллеровыхъ каналовъ. У одно-

проходныхъ два Я. и двѣ матки, при чемъ каждая своимъ отверстіемъ открывается въ клоаку. Воронка Я. у нихъ съ гладкими стѣнками. У всѣхъ прочихъ млекопитающихъ воронка образуетъ складки слизистой оболочки или фимбріи (fimbria, см.). Я. млекопитающихъ носятъ названіе, заимствованное изъ анатоміи человѣка, фаллопіевыхъ трубъ (tubae Fallopii). Въ видѣ аномаліи Я. могутъ оставаться и у самцовъ. Такая аномалія описана и для человѣка, но она не рѣдка у амфибій, а для нѣкоторыхъ рыбъ подобное явленіе даже составляетъ норму. *В. М. Ш.*

Яйцевой зубъ, см. Эмбріональные зубы.

Яйцевой коконъ—мѣшокъ, образующійся у нѣкоторыхъ насѣкомыхъ изъ выдѣленія придаточныхъ половыхъ железъ и заключающій яйца. Форма Я. коконовъ бываетъ обыкновенно весьма характерна для отдѣльныхъ родовъ и даже видовъ. Я. коконы наблюдаются у прямокрылыхъ (Orthoptera), а именно у таракановъ (Blattodea), у которыхъ они выдвигаются изъ полового отверстія самокъ по мѣрѣ накопленія въ нихъ яицъ, и у богомоловъ (Mantodea). У таракановъ Я. коконы бываютъ снаружи совершенно плотные и гладкіе и заключаютъ иногда значительное количество яицъ (напр., у пруссака до 50); самки таскаютъ ихъ съ собой довольно продолжительное время (см. фиг. къ ст. Тараканы, гдѣ Я. коконъ ошибочно названъ яйцомъ). Я. коконы богомоловъ состоятъ изъ пѣнистой затвердѣвшей массы, разгороженной внутри на отдѣленія, въ каждомъ изъ которыхъ помѣщается по яйцу; самки прикрѣпляютъ ихъ къ камнямъ или растеніямъ. Біологическое значеніе Я. коконовъ заключается въ защитѣ ихъ отъ различныхъ внѣшнихъ вліяній и паразитовъ. О коконѣ у червей и друг. животныхъ см. Яйцерожденіе. *М. Р.-К.*

Яйцевые мѣшки или правильнѣе *шнуры*—комплексы яицъ, склеенныхъ особымъ выдѣленіемъ и носимыя самками веслоногихъ раковъ (Сорерода). Обыкновенно два такихъ мѣшка сидятъ по бокамъ полового отверстія, но бываетъ иногда и по нѣскольку мѣшковъ. Яйца въ нихъ или расположены безъ особаго порядка, или правильными рядами, а иногда въ одинъ рядъ. Замѣчательно, что въ двухъ послѣднихъ случаяхъ развивающіеся на яйцахъ зародыши тоже расположены въ каждомъ ряду одинаково, т. е. всѣ обращены головой въ одну сторону. Яйца склеены въ мѣшкахъ выдѣленіемъ особыхъ железъ (Kittdrüsen). Полости мѣшки не содержатъ. Развитіе въ мѣшкахъ обыкновенно идетъ до стадіи наупліуса или немного далѣе. Подобные же Я. мѣшки свойственны и нѣкоторымъ другимъ ракообразнымъ: у Lepadidae въ видѣ пластинокъ, у Rhizocephala въ видѣ развѣтвленныхъ придатковъ.
В. М. Ш.

Яйцевыя клѣтки—клѣтки, изъ которыхъ могутъ развиться яйца и слѣдов. содержащіяся въ яичникахъ (см.) и гермафродитныхъ железахъ. Имъ противопоставляются фолликулярныя клѣтки (см.), тѣхъ же органовъ, образующія облекающія яйца фолликулы. Первично яйцевыми клѣтками (Ureier) часто называютъ крупныя половыя клѣтки, появляющіяся и въ мужскихъ железахъ. Такія клѣтки наблюдались въ сѣменникахъ низшихъ позвоночныхъ. Значеніе ихъ въ послѣднемъ случаѣ неизвѣстно. *В. М. Ш.*

Яйцевыя оболочки—см. Яйцо.

Яйцеистребитель (Teleas)—родъ мелкихъ насѣкомыхъ (длиной около 1 мм.) изъ отряда перепончатокрылыхъ (Hymenoptera), относящійся къ семейству Proctotrypidae изъ группы такъ назыв. наѣздниковъ. Получилъ свое названіе вслѣдствіе того, что откладываетъ свои яички, подобно многимъ другимъ родамъ въ сем. Proctotrypidae, въ яйца другихъ насѣкомыхъ и пауковъ. Родъ Teleas характеризуется тѣмъ, что на переднихъ крыльяхъ находится рудиментарная радіальная жилка, усики 12-члениковые, третій сегментъ брюшка самый длинный; заднія ноги съ утолщенными тазиками (trochanteres), что позволяетъ Я. дѣлать значительные прыжки. Среди многочисленныхъ представителей Я., распространенныхъ по всему свѣту, назовемъ T. laevinseulus, паразита яицъ сосноваго шелкопряда (Lasiocampa pini) и T. terebrans, паразитирующаго на счетъ яицъ кольчатаго шелкопряда (Bombyx neustria); въ виду вредности этихъ бабочекъ, названные Я., какъ и многіе другіе виды рода Teleas, являются полезными для человѣка. *М. Р.-К.*

Яйцекладка—процессъ откладыванія яицъ, а равно и вся совокупность яицъ, откладываемыхъ заразъ животнымъ. Относительно численнаго состава Я. различныхъ животныхъ имѣются лишь весьма неполныя данныя. У морскихъ ежей число яицъ, откладываемыхъ ежегодно, около 1 милліона; у аскариды человѣческой—нѣсколько милліоновъ; у лентеца широкаго болѣе 1 милліона; у піявки Clepsine—6—7 Я. по 20—40 яицъ каждая; у пчелы—6000—10000 яицъ; у майскаго жука 25—40; у шелковичнаго червя—около 300; у скорпіона родится 30—50 особей; у крестовика до 1600 яицъ; у краба (Carcinus moenas)—300000; у моллюска Arca noae—2 милліона, у устрицы 1 милліонъ и болѣе; у садовой улитки—30—80 яицъ; у осьминога—600—1000 яицъ; живородящая акула Acanthias vulgaris въ 2—3 кладки родитъ по 4—6 дѣтенышей; севрюга—откладываетъ до 3 милліоновъ яицъ; треска—до 4 милліоновъ; щука—130000; карпъ—330000; морская игла—150—120 яицъ; тритоны до 300; лягушки: Rana esculenta до 2500, а Rana fusca—отъ 1326 до 2565 яицъ; черепаха р. Testudo—8—12 яицъ (другія черепахи гораздо больше); гадюка—8—15; ящерицы р. Lacerta—8—12; крокодилъ—40—70; между птицами: хищники 2—5; попугаи 3—4; воробей дѣлаетъ 2—3 кладки по 4—6 яицъ въ каждой; курица ежегодно несетъ до 100 яицъ; куропатка сѣрая 15—20; голубь—6—8 кладокъ по 2 яйца каждая; вальдшнепъ—4—5 яицъ; пингвины—1—2 яйца; между млекопитающими: орангъ родитъ одного дѣтеныша; левъ—3—4; кошка 2 раза по 3—7; собака 2 раза по 3—7 и болѣе; слонъ—въ три года одного дѣтеныша; свинья 2 раза по 6—12; корова—1; кроликъ 5—8 разъ по 4—7;

мышь—4—6 разъ по 4—10; морская свинка 6 разъ—3—5. Что касается до человѣка, то нормально родится одинъ ребенокъ, но иногда 2, и рѣдко число это возрастаетъ до 4, 6 и даже 7. Барфуртъ описалъ найденный имъ въ Юрьевѣ памятникъ, подъ которымъ похоронена женщина съ 7 близнецами.

В. М. Ш.

Яйцекладъ (Ovipositor)—аппаратъ, служащій для откладыванія яицъ у самокъ насѣкомыхъ, находящійся на заднемъ концѣ ихъ брюшка. Морфологическое значеніе Я. у различныхъ отрядовъ насѣкомыхъ неодинаково: а именно, у однихъ насѣкомыхъ (двукрылыхъ, жуковъ, бабочекъ, пузыреногихъ) Я. представляетъ изъ себя видоизмѣненные задніе (8, 9, 10) сегменты брюшка, тогда какъ у Thyzanura, прямокрылыхъ, хоботныхъ и перепончатокрылыхъ Я. образованъ изъ придатковъ 8 и 9 сегментовъ брюшка. Въ первомъ случаѣ Я. является въ видѣ болѣе или менѣе длинной хитиновой трубочки, образованной изъ 2 или 3 заднихъ сегментовъ брюшка и могущей большей частью втягиваться въ остальные сегменты брюшка. Онъ бываетъ развитъ въ тѣхъ случаяхъ, когда насѣкомому приходится откладывать яички въ щели и трещины коры деревьевъ и т. п.; такъ, онъ хорошо развитъ среди жуковъ у многихъ представителей семейства дровосѣковъ (Cerambycidae), среди бабочекъ въ семействѣ Cossidae. Замѣчательно сильнаго развитія достигаетъ Я. у сем. бабочекъ мѣшконосовъ (Psychidae), а именно у тѣхъ видовъ, самки которыхъ остаются въ чехликѣ и выставляютъ изъ него свой длинный Я. для откладки яицъ. Среди Diptera Я. развитъ только у немногихъ представителей. У одной части отряда пузыреногихъ (Physopoda)—Terebrantia короткій яйцекладъ образованъ 10-мъ сегментомъ брюшка. Во второмъ случаѣ Я. состоитъ изъ болѣе или менѣе развитыхъ 3 паръ придатковъ: 8 сегмента (1 пара) и 9-го сегмента (двѣ поры); обыкновенно внутренняя пара придатковъ 9 сегмента окружена остальными, образующими родъ влагалища или кроющихъ пластинокъ, и образуетъ каналъ, по которому проходятъ во время откладки яйца. Всѣ эти придатки обыкновенно довольно плотно прилегаютъ другъ къ другу и образуютъ въ совокупности остріе, торчащее на заднемъ концѣ брюшка насѣкомаго. Длина, форма и твердость частей Я. бываетъ очень разнообразна. У Thyzanura Я. существуетъ въ сем. чешуйницевыхъ (Lepismatidae) и Machilidae. Среди прямокрылыхъ Я. развитъ у большей части кузнечиковыхъ (Locustodea), саранчевыхъ (Acridiodea) и сверчковыхъ (Gryllodea); особенно сильнаго развитія достигаетъ Я. у Locustodea, равняясь иногда по длинѣ брюшку насѣкомаго (напр. у Saga). У стрекозъ (Odonata) короткій Я. существуетъ только у тѣхъ видовъ, которые откладываютъ яйца въ паренхиму листьевъ водныхъ растеній (Calopteryx, Agrion). Среди перепончатокрылыхъ Я. развитъ въ подотрядѣ Terebrantia (см. Сверлоносныя), тогда какъ у другого подотряда (Aculeata) мы находимъ вполнѣ гомологичное образованіе—жало (см.). При помощи Я. перепончатокрылыя откладываютъ яйца въ ткани растеній (орѣхотворки, пилильщики) или въ другихъ насѣкомыхъ (наѣздники); у этихъ насѣкомыхъ Я. иногда бываетъ длиннѣе тѣла насѣкомаго, а именно въ тѣхъ случаяхъ, когда наѣзднику приходится отыскивать свою жертву (личинку) подъ корой деревьевъ. У мелкихъ наѣздниковъ (сем. Proctotrypidae, нѣкоторые Chalcididae), откладывающихъ яйца въ яйца другихъ насѣкомыхъ, Я. отличается значительной твердостью, такъ какъ имъ приходится прокалывать оболочку (хоріонъ) яйца.

М. Р.-К.

Яйцекладъ (Ovipositor) — кромѣ насѣкомыхъ, встрѣчается лишь у немногихъ формъ. Такъ, у крестовиковъ (сем. Epeiridae) впереди полового отверстія имѣется вальковатый придатокъ, называемый этимъ именемъ, но детально его функція не изучена. У сѣнокосцевъ (Phalangidae) имѣется Я. въ видѣ полой трубки, черезъ которую они откладываютъ яйца въ землю. У горчака (Rhadeus amarus) между рыбами бугорокъ, несущій мочеполовое отверстіе, въ періодъ кладки яицъ выростаетъ въ длинный Я., при помощи котораго рыбка отлагаетъ икру между створками нашихъ прѣсноводныхъ двустворчатыхъ моллюсковъ (беззубки и перловицы), гдѣ она и развивается (см. Яйцерожденіе). *В. М. Ш.*

Яйцеклѣтка, *яйцо* (см.)—у Characeae, мховъ, папоротниковъ и цвѣтковыхъ растеній носитъ обыкновенно названіе Я.

Яйценошеніе—см. Яйцерожденіе.

